

Ф И Л О С О Ф С К А Я
Э Н Ц И К Л О П Е Д И Я

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

ЭНЦИКЛОПЕДИИ СЛОВАРИ СПРАВОЧНИКИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

А. П. АЛЕКСАНДРОВ, А. А. АРЗУМАНЯН, А. В. АРЦИХОВСКИЙ,
Н. В. БАРАНОВ, А. А. БЛАГОНРАВОВ, Н. Н. БОГОЛЮБОВ,
Б. А. ВВЕДЕНСКИЙ (председатель Научного Совета), Б. М. ВУЛ,
Г. Н. ГОЛИКОВ, И. Л. КНУНЯНЦ, Ф. В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. В. КУКАРКИН, Ф. Н. ПЕТРОВ, В. М. ПОЛЕВОЙ, А. И. РЕВИН
(заместитель председателя Научного Совета), Н. М. СИСАКЯН,
А. А. СУРКОВ, Л. С. ШАУМЯН (заместитель председателя Научного
Совета)

МОСКВА 1962

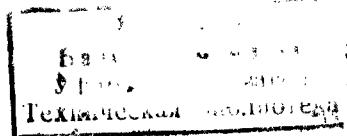
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ф. В. КОНСТАНТИНОВ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В. Ф. АСМУС, Б. Э. ВЫХОВСКИЙ, М. Т. ИОВЧУК, М. Д. КАММАРИ,
Б. М. КЕДРОВ, П. В. КОПНИН, И. В. КУЗНЕЦОВ, А. Д. МАКАРОВ,
Х. Н. МОМДЖЯН, А. Ф. ОКУЛОВ, Е. П. СИТКОВСКИЙ, А. Г. СПИРКИН
(заместитель главного редактора), В. П. ТУГАРИНОВ, П. Н. ФЕДОСЕЕВ,
Л. С. ШАУМЯН

2

ДИЗЬЮНКЦИЯ — КОМИЧЕСКОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

23712

Научные консультанты: канд. филос. наук Е. К. Войшвилло (логика), д-р филос. наук Г. Е. Глезерман (исторический материализм), акад. Н. И. Конрад (история философии), д-р филос. наук Г. А. Курсанов (диалектический материализм и современная зарубежная философия), действит. член АН РСФСР А. Н. Леонтьев (психология), чл.-корр. АН СССР А. А. Марков (математическая логика), действит. член АН РСФСР Б. М. Теплов (психология), канд. филос. наук И. Т. Фролов (филос. вопросы биологии), д-р физико-математич. наук С. А. Яновская (математическая логика).

Редакция философии: заведующий редакцией д-р филос. наук А. Г. Спиркин; научный редактор М. Б. Туровский (диалектический материализм, филос. вопросы естествознания, логика и психология); научный редактор Н. М. Ланда (исторический материализм, история зарубежной социологии); старший научный редактор канд. филос. наук Э. А. Каменский (история зарубежной философии); научный редактор А. И. Володин (история философии народов СССР, история философии стран народной демократии); научный редактор В. П. Шестаков (этика, эстетика, история атеизма и религии, история философии стран Востока); младший научный редактор М. Г. Романова.

В п е ш т а т н ы е н а у ч н ы е р е д а к т о р ы: канд. филос. наук Б. В. Бирюков (формальная и математическая логика, филос. вопросы математики и кибернетики), П. П. Гайдзенко (современная буржуазная философия), канд. филос. наук Ю. Н. Давыдов (диалектический материализм, современная буржуазная философия), канд. филос. наук Э. В. Ильенков (диалектический материализм).

Н а у ч н о - к о н т р о л ь н а я р е д а к ц и я: канд. филос. наук Л. Ф. Денисова, канд. историч. наук М. А. Окушева.

Р е д а к ц и я б и б л и о г р а ф и и: В. А. Гальмишас (зав. редакцией), И. Л. Григорьева, Р. Л. Кузнец, Г. И. Лачина.

Т р а н с к р и п ц и я и э т и м о л о г и я: М. Е. Айзевштадт, М. Д. Дришевич, Л. Ф. Риф.

Л и т е р а т у р н а я р е д а к ц и я: А. Г. Сучкова (зав. редакцией), Т. М. Орлова, Г. У. Холлчева.

К о р р е к т о р с к а я: М. В. Акимова, Л. Н. Соколова.

Д

ДИЗЪЮНКЦИЯ (от лат. disjunctio — разобщение, различие) — операция логики, отражающая употребление союза «или» в содержательных логич. выводах. Различают соединительный («или a , или b , или то и другое вместе») и исключаяющий («или a , или b , но не то и другое вместе») смысл союза «или». В традиц. логике это различие влечет выделение соединительно-разделит. и исключаяюще-разделит. суждений (см. *Разделительное суждение*), в математич. логике — различение с л а б о й Д. (исразделительной Д., или просто Д.) и с л я н о й (разделительной, или стр о г о й Д.). В классич. двузначной логике высказываний слабую Д. можно рассматривать как операцию образования из произвольных высказываний A и B такого сложного высказывания (обычно обозначается $A \vee B$, что читается « A или B »), которое истинно, если, и только если, истинно по крайней мере одно из составляющих высказываний, а сильную Д. — как операцию образования такого высказывания (обозначается, напр., формулой $A \vdash B$, к-рая читается «либо A , либо B »), к-рое истинно, если истинно одно, и только одно, из высказываний A и B , и ложно в остальных случаях. При содержательном построении исчисления высказываний обе Д. можно трактовать как функции, определенные на области, состоящей из двух объектов — «истина» и «ложь», и принимающие значения тоже из этой области (см. *Алгебра логики*). В дедуктивно построенных исчислениях обычно вводится только слабая Д.; она задается в них либо теми аксиомами, в к-рых фигурирует знак Д. (в аксиоматических исчислениях), либо относящимися к Д. правилами вывода (в *натуральных исчислениях*).

В отличие от разделит. суждений, обычно считающихся осмысленными лишь при наличии смысловой связи между выражениями, соединяемыми союзом «или», в операциях Д. отвлекаются от этой связи. Подобно *конъюнкции*, *импликаци* и др. операциям логики высказываний и предикатов, Д. лишь приближенно отражает употребление логич. союзов в реальном мышлении. Тем не менее логич. аппарат с такого рода операциями позволяет формализовать рассуждения в широких областях дедуктивных наук. О понимании Д. в неклассич. направлениях в логике см. *Интуитионизм*, *Конструктивная логика*.

Лит.: Новиков П. С., *Элементы математической логики*, М., 1959, гл. 1, 2; Таванец П. В., *Вопросы теории суждения*, М., 1955, гл. 3, § 1; Тарский А., *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*, пер. с англ., М., 1948, § 7; Гильберт Д. и Аккерман В., *Основы теоретической логики*, пер. с нем., М., 1947, гл. 1.
Б. Бирюков, Москва.

ДИКТОСТЬ — в периодизации первобытной истории, введенной Л. Морганом, первый период историч. развития человечества, сменяемый *варварством*. К. Маркс, конспектировавший книгу Моргана «Древнее общество...» (1877), и Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) высоко оценили исследование Моргана и при-

няли предложенную им периодизацию истории доклассового общества, развил ее и связав с общей историей общественно-экономич. формаций.

Д., по Моргану, критерием периодизации у к-рого являются успехи «в производстве средств к жизни» (указ. прозв. Ф. Энгельса, 1955, с. 20), — это период преимущественно присвоения готовых продуктов природы. Переход от высшей ступени, «д детства человеческого рода» (там же), к средней связан с применением огня и палеолитич. орудий, переход от средней к высшей — с изобретением лука и применением неолитич. орудий. Энгельс предвидел, что периодизация Моргана потребует уточнения. Новые данные науки, в целом не опровергнув периодизации Моргана — Энгельса, к-рая с отд. поправками сохраняет свое значение для детальной характеристики истории первобытного общества, позволили выработать новую периодизацию (см. *Первобытнообщинная формация*, Э. Вайлер, Москва, *Матриархат*).

ДИКТАТУРА (лат. dictatura — неограниченная власть). 1. Д. какого-либо класса есть система политического господства этого класса, основанная на силе, что составляет содержание и характер любой формы политич. власти в обществе с антагонистич. классами. 2. Система политич. господства рабочего класса в переходный от капитализма к социализму период (см. *Диктатура пролетариата*). Д. пролетариата по своему социальному содержанию коренным образом отличается от Д. эксплуататорских классов. 3. Д. — определенный способ осуществления г о с. в л а с т и; это г о с. власть, осуществляемая путем непосредств. применения вооруженной силы, связанная с условиями обостренной классовой борьбы.

Д. как система политич. господства определ. класса — закономерное явление классового общества, имеющее место независимо от формы правления (монархия или республика), независимо от способов осуществления власти (диктаторских, формально-демократических или демократических).

Социально-экономич. основой Д. является такой уровень развития общества, к-рый характеризуется существованием частной собственности, эксплуатации, противоположных обществ. классов. При переходе от капитализма к социализму, когда существуют противоположные классы, Д. необходима для уничтожения эксплуатации человека человеком, для построения социализма. Именно в этих конкретных историч. условиях, а вовсе не в природе человека коренятся причины существования Д. В обществе с классовыми антагонизмами историч. развитие осуществляется путем подчинения с помощью Д. деятельности всего населения интересам господствующего класса, являющегося носителем и защитником данного историч. типа произ-ва. Посколь-

ку каждый способ произ-ва находит своего руководителя в одном классе, постольку «...диктатура о д н о г о класса является необходимой... для всякого классового общества вообще...» (Л е н и н В. И., Соч., т. 25, с. 384—85), а последоват. осуществление Д. тех классов, к-рые на данном историч. этапе служат выразителями нового, представляет собой одно из важнейших и необходимейших условий обществ. прогресса. При определ. степени обстоятельств, напр. при революц. переходе от одной формации к другой, временно может существовать Д. нескольких выступающих в союзе классов.

Экономич. необходимость Д. определ. класса находит свое выражение и оформление в виде его политич. господства. Все формы политич. господства эксплуататорских классов основаны на подавлении большинства населения (трудящихся) эксплуататорским меньшинством и, следовательно, всякое гос-во в обществе с антагонистич. классами представляет собой орган Д. господствующих классов. Господств. класс с помощью гос-ва обеспечивает осуществление своих целей, отличных от целей других, враждебных ему классов. В обществе с антагонистич. противоречиями господств. класс вынужден в разной степени и форме прибегать к силе, использовать гос-во для подавления своих классовых противников. В таком обществе любая политич. власть, любая «диктатура есть господство части общества над всем обществом...» (там же, т. 23, с. 57).

Рассматривая Д. как политич. господство в обществе одной его части, следует исходить из того, что бывает Д. меньшинства над большинством и бывает Д. гигантского большинства народа над кучкой угнетателей. Д. меньшинства является Д. эксплуататорского класса или классов, напр. Д. рабовладельцев, Д. феодалов, бурж.-помещичья Д., Д. буржуазии, подавляющая массы трудящихся, обеспечивающая интересы эксплуататоров. Д. большинства является Д. пролетариата и других, идущих с пролетариатом классов, напр. Д. пролетариата и крестьянства, Д. ряда классов (пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и над. буржуазии) под руководством пролетариата, Д. пролетариата, предоставляющая наиболее широкие права и возможности народу. При этом важно подчеркнуть, что гл. стороной и содержанием Д. пролетариата является не насилие, а руководство трудящимися в деле созидания нового социалистич. общества. Всемирно-историч. завоевания стран социализма служат ярким подтверждением великой прогрессивной роли Д. пролетариата.

Д., рассматриваемую как содержание политич. власти, нельзя противопоставлять тем или иным формам гос-ва. Напр., в капиталистич. странах существуют различные формы гос-ва: конституционная монархия в Великобритании, президентская федеративная республика в США, президентская республика во Франции. Однако каждое из них по своей природе представляет основанную на силе систему политич. господства буржуазии, т. е. является выражением Д. буржуазии. Эта Д. в совр. условиях выступает как реакц. сила, препятствующая обществ. прогрессу. Разумеется, рабочему классу не безразлично, какова форма и какими средствами осуществляется господство буржуазии в стране: существуют ли демократич. институты, парламент, легальные революц. орг-ции или эксплуататоры осуществляют власть с помощью насилия, репрессий, преследования трудящихся, т. е. с помощью открытой Д., диктаторских фашистских режимов. Поэтому пролетариат, задачей к-рого является революц. завоевание политической власти, в зависимости от конкретных условий может выступать или в защиту бурж. демократии, против фашизма и авторитарных режимов, или за демократич. Д.

пролетариата и крестьянства, или прямо за пролетарскую власть.

Возможность существования Д. как особого способа осуществления гос. власти связана с периодами крайнего обострения классовой борьбы, а также с условиями вооруж. насилия при замене одной классовой Д. другой в ходе революции или контрреволюции.

«Всякое временное государственное устройство,— писал Маркс,— после революции требует диктатуры, и притом энергичной диктатуры» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 5, с. 431). «Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой» (Л е н и н В. И., Соч., т. 10, с. 191). Марксизм-ленинизм подчеркивает, что Д. как особый способ осуществления гос. власти связана не со всей историей существования той или иной общественно-экономич. формации, а только с определ. историч. периодами. Такая Д. бывает двух видов. Одним из них является Д., направленная на выполнение задач революции и осуществляемая представителями прогрессивных революц. классов (напр., якобинская Д. 1793—94 во Франции; пролет. Д. после Окт. революции 1917 в России). Обосновывая неизбежность при определ. условиях такого периода Д., Ленин писал: «История учит, что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог придти к господству, не переживая периода диктатуры, т. е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешеного, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое оказывали эксплуататоры» (Соч., т. 28, с. 435—36). Другим видом является реакц., контрреволюционная Д., направленная на подавление революц. сил и осуществляемая представителями реакц. классов (напр., диктатура Кавеньяка во Франции в 1848, фашистская Д. в Германии, Италии, Испании, Португалии, диктаторские режимы в нек-рых латиноамер. странах). В совр. условиях в результате обострения противоречий в капиталистич. странах проявляется усиливающаяся тенденция к авторитарным и фашистским методам управления. Империалистич. буржуазия все чаще прибегает к свертыванию и подавлению демократии и видит в открыто диктаторской форме осуществления своего господства одно из средств удержания масс от революции, надеется с помощью репрессий, террора и насилия оттянуть гибель капиталистич. системы. «Монополистический капитал, полностью захватив основные материальные средства, не делит ни с кем политическую власть. Он установил свою диктатуру — диктатуру меньшинства над большинством, диктатуру капиталистических монополий над обществом» (Программа КПСС, 1961, с. 33). Империалисты США и др. стран всячески поддерживают реакц. диктаторские режимы (Франко в Испании, Нго-динь-Зьема в Юж. Вьетнаме, Чан Кай-ши на Тайване и др.).

Д. как особая форма или способ осуществления классового господства отличается от демократии как иной формы господства. Однако содержанием как той, так и другой при наличии антагонистич. классов является Д. определ. класса. Поэтому в таких условиях нельзя противопоставлять, разрывать Д. (как содержание) и демократию (как ее форму). Это было бы отказом от диалектики в пользу метафизики, отказом от пролет. идеологии в пользу идеологии буржуазной, социал-реформистской и ревизионистской. При наличии в данном обществе, стране классовых антагонизмов всякая демократия, в т. ч. и более или менее широкая, есть форма гос-ва, т. е. классовая Д. в обществе определ. его части; всякая Д. (за исключением деспотической тирании узурпаторов) есть гос. власть определ. класса, т. е. определ. органи-

зация демократии внутри этого господств. класса, ибо Д. какого-либо класса, как правило, не уничтожает демократии внутри этого класса. В зависимости от условий классовой борьбы господств. класс может быть вынужден существенно ограничить свои демократич. свободы, права и гарантии. Но такое ограничение демократии внутри господств. класса не обязательно, в отличие от обязат. ограничения демократии для враждебных ему классов. «...Диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существование) ограничения, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура» (Ленин В. И., Соч., т. 28, с. 215).

Идеологи буржуазии, реформисты и ревизионисты, выступая против учения о Д. пролетариата, всячески извращают науч. смысл понятия Д., противопоставляют ее демократии. Скрывая тот факт, что пропагандируемая ими т. н. зап. демократия есть форма бурж. Д., т. е. господства меньшинства эксплуататоров, они фальсифицируют марксистское учение о Д. Осн. извращения бурж. идеологов идут по линии истолкования Д. только как единоличной власти, а Д. пролетариата изображается ими как диктатура партии. Оппортунисты (напр., Каутский), кроме того, пытаются свести понятие Д. только к «форме правления», лишив его главного — характеристики классового содержания любой политич. власти. С другой стороны, они не признают законности применения пролетариатом вооруж. насилия в условиях острой классовой борьбы и гражд. войны, т. е. отказываются и от признания Д. как способа осуществления гос. власти, необходимого в этих условиях.

Совр. ревизионисты истолковывают возможность перехода к социализму без вооруж. восстания и гражд. войны как переход без социалистич. революции, а возможность использования парламента, легальных средств при осуществлении социалистич. преобразований как отказ от Д. пролетариата. Теоретич. основой этого искажения является подмена содержания формой, отождествление социалистич. революции с вооруж. восстанием и гражд. войной как одной (не мирной) формой развития революц. борьбы, а связанного с этим одного из способов осуществления гос. власти с ее содержанием.

Как бы ни изменялись формы социалистич. революции, она остается исторически неизбежной для всех капиталистич. стран, точно так же исторически неизбежной при переходе от капитализма к социализму при всем разнообразии форм является Д. пролетариата. Сама Д. пролетариата является последней историч. формой классовой Д., осуществляющей переход от капитализма к социализму.

Лит.: Маркс К., Кризис и контрреволюция, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 5; Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955; Ленин В. И., Победа кадетов и задачи рабочей партии, Соч., 4 изд., т. 10; его же, Государство и революция, там же, т. 25; его же, Очередные задачи советской власти, там же, т. 27; его же, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же, т. 28; его же, Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта, там же, т. 28; его же, К истории вопроса о диктатуре, там же, т. 31; Программа КПСС, М., 1961; Бутенко А. А., Историческая необходимость диктатуры пролетариата в современном ревизионизме, «Коммунист», 1958, № 11; Чхиквадзе В. М. и Зивс С. Л., Против современного реформизма и ревизионизма в вопросе о государстве, М., 1959. См. также лит. при статьях *Государство, Демократия, Диктатура пролетариата*, А. Бутенко, Москва.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА — власть рабочего класса, устанавливаемая в результате социалистич. революции и имеющая целью построение социализма и переход общества к развернутому строитель-

ству коммунизма. Эта власть наз. пролетарской потому, что руководящее положение в обществе и гос-ве занимает рабочий класс во главе с революц. марксистской партией, выступающий в союзе с крестьянством и др. демократич. слоями общества. Эта власть наз. диктатурой потому, что она, осуществляя самую широкую демократию для трудящихся, в случае необходимости использует силу для подавления сопротивления эксплуататорских классов и пресечения деятельности враждебных социализму элементов.

Развитие учения о Д. п. Учение о Д. п. с неизбежностью вытекает из марксистской теории классов и классовой борьбы. Маркс и Энгельс выступили против мелкобурж. течений, отрицавших борьбу классов и стремившихся к примирению и затуханию классовых противоречий, а также против анархистов, призывавших к немедленному разрушению всякой государственности. В противоположность этому, Маркс и Энгельс обосновали необходимость завоевания политич. власти пролетариатом и ее использования для построения нового общества (см. «Немецкая идеология», 1845, Соч., 2 изд., т. 3, с. 32; «Ницета философия», 1847, там же, т. 4, гл. 2, § 5; «Морализующая критика и критицизирующая мораль», 1847, там же, с. 298).

Власть нужна пролетариату для того, чтобы «...вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» («Манифест Коммунистической партии», 1848, см. там же, т. 4, с. 446).

Особое значение для развития идеи Д. п. имело обобщение опыта революций 1848—49 и Парижской Коммуны, что позволило Марксу и Энгельсу сделать важный вывод о необходимости слома бурж. гос. машины, а также выявить осн. черты и особенности пролет. власти (см. К. Маркс, Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.; его же, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта; его же, Письмо И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г.; его же, Гражданская война во Франции). В работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс впервые употребляет термин «диктатура пролетариата» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 7, с. 31, 91).

Впоследствии, опираясь на опыт междунар. рабочего движения, Маркс сформулировал в «Критике Готтской программы» следующий вывод: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» (там же, т. 19, с. 27).

Дальнейшее развитие учение о Д. п. применительно к эпохе империализма и пролет. революций получило в трудах Ленина. Ленин подчеркнул, что Д. п. означает особую форму его союза с крестьянством и другими эксплуатируемыми массами, вскрыл глубоко демократич. характер Д. п. как власти трудящихся, т. е. большинства общества над эксплуататорами, составляющими незначит. меньшинство. Ленин открыл Советы как новую форму гос-ва рабочего класса, разработал вопрос о системе орг-ции Д. п. и руководящей роли коммунистич. партии в этой системе, о многообразии форм Д. п. в различных странах.

Марксистско-ленинское учение о Д. п. замечательно подтвердилось на примере первой страны социализма — Сов. Союза. Осуществление Окт. революции, завоевание Д. п., победа социализма и дальнейшее развитие на этой основе социалистич. гос-ва — весь этот огромный опыт обогатил теорию Д. п. новыми идеями

и выводами, рожденными практикой борьбы рабочего класса и всех трудящихся.

Новая полоса в развитии теории Д. п. наступила после 2-й мировой войны, когда рабочий класс в союзе с широкими демократич. силами одержал победу в ряде стран Европы и Азии. Этот опыт обобщен в решениях XX, XXI, XXII съездов КПСС, в Программе КПСС, в материалах коммунистич. и рабочих партий. Важное значение для обобщения этого опыта имели Декларация 1957 и Заявление 1960, принятые на Совещаниях представителей коммунистич. и рабочих партий. Следует отметить разработку проблем о единстве в основном и разнообразии форм перехода к социализму и Д. п., о возможности в совр. эпоху более широких классовых союзов пролетариата в социалистич. революции, а также об использовании в известных условиях парламента как формы народовластия при осуществлении социалистич. преобразований. Декларация 1957 относит Д. п. к числу важнейших всеобщих закономерностей социалистич. революции и строительства социализма.

Переход к коммунизму, осуществляемый в СССР, поставил на очередь для проблемы дальнейшего развития социалистич. гос-ва. На основе обобщения опыта коммунистич. строительства в условиях существования двух противоположных социально-политич. систем Коммунистич. партия Сов. Союза в своей Программе, принятой XXII съездом, разработала вопрос о перерастании гос-ва Д. п. во всенародное социалистич. гос-во, о его задачах, формах и функциях, о путях перехода к коммунистич. самоуправлению, о судьбах гос-ва при коммунизме. Это самый крупный вклад в марксистско-ленинскую теорию Д. п. после Ленина.

Марксистско-ленинское учение о Д. п. складывалось и развивалось в ожесточенной борьбе против левого и правого оппортунизма. В признании Д. п. Ленин видел «...самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма» (Соч., т. 25, с. 384). В борьбе против реформистов, к-рые отрицали необходимость Д. п. для перехода к социализму, Ленин подчеркивал, что вопрос о Д. п. является главным в марксизме. Вместе с тем марксизм-ленинизм ведет решит. борьбу против догматич., вульгаризаторского толкования Д. п., стремления увековечить ее, преувеличения роли насилия при переходе к социализму и коммунизму, недооценки необходимости развития социалистич. демократии.

Руководство обществом со стороны рабочего класса и подавление сопротивления реакц. буржуазии. Характер и черты Д. п. определяются задачами построения социализма. В области экономической необходимо заменить частную собственность на орудия и средства произ-ва общественной и ввести планомерную организацию обществ. произ-ва в интересах благосостояния и вестороннего развития трудящихся; в области социальных отношений — ликвидировать эксплуататорские классы, возможность эксплуатации человека человеком, превратить всех членов общества в труженников социалистич. общества и приобщить их к строительству и достижениям социалистич. культуры; в области политической — укрепить гос-во путем расширения его социальной базы, упрочения союза рабочих и крестьян, привлечения все более широких масс к участию в управлении обществ. делами, всестороннего развития пролет. демократии; в области военной — укреплять оборонную мощь и вооруж. силы.

Роль руководителя этой огромной созидат. работы, к-рая требует напряжения сил, выдержки, железной

дисциплины, организованности, самоотверженности, может выполнить только рабочий класс — самый передовой, революц. класс совр. общества. «Диктатура пролетариата,— писал Ленин,— если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатированных в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (Соч., т. 29, с. 387).

Д. п. опирается на силу масс для удержания своего господства. Коренное, принципиальное отличие гос-ва Д. п. от всех эксплуататорских гос-в состоит в том, что если прежние гос-ва служили орудием меньшинства (эксплуататоров) для подавления большинства (эксплуатируемых), то гос-во рабочего класса означает господство большинства — рабочего класса и всех трудящихся — над небольшой кучкой реакционеров.

Против необходимости диктатуры рабочего класса воюют не только буржуазия и ее идеологи; вслед за буржуазией против Д. п. борются многие из тех, кто на словах выступает за социализм. Особенно ожесточенным нападкам эта идея подвергается со стороны реформистов. По их утверждению, социализм может быть осуществлен в рамках бурж. демократии, без классовой борьбы.

Историч. опыт показал, однако, всю несбыточность надежд на осуществление социализма без установления Д. п. В нек-рых странах социал-демократы одерживали победу на выборах в парламенты и формировали пр-ва. В Англии лейбористы возглавляли пр-ва в 1924, 1929—31, 1945—50, 1950—51. Швед. с.-д. партия в течение мн. лет возглавляет пр-ва. Но ни в одной из этих стран социал-демократы не провели сколько-нибудь серьезных экономич. и политич. преобразований, капитализм остался там непоколебленным. И чем больше социал-демократы выступают против необходимости революц. завоевания власти рабочим классом, тем дальше они идут по пути полного отказа от социалистич. идеалов, тем глубже они увязают в апологетике капиталистич. строя.

К позиции социал-демократов близко подходят и ревизионисты. Нек-рые из них прямо отвергают необходимость Д. п. Другие считают ее только одной из возможных форм перехода к социализму, не признавая ее всеобщий закономерный характер. Ревизионисты отрицают активную роль социалистич. гос-ва в развитии экономики, что является выражением мелкобуржуазных, анархич. идей. На практике это способно лишь нанести ущерб социалистич. экономике.

После взятия власти для победы социализма рабочему классу предстоит выполнить задачи, решение к-рых связано с ущемлением интересов эксплуататорских классов или классовых групп. Одним из первых шагов Д. п. является экспроприация собственности крупной монополистич. буржуазии и помещичьей собственности там, где она сохранилась, и передача ее в руки всего общества. Опыт показал, что экспроприация, как правило, вызывает ожесточ. сопротивление эксплуататорских классов.

В СССР после Окт. революции буржуазия развязала гражд. войну, к-рая сомкнулась с интервенцией междунар. капитала. Об этом же говорит ожесточ. борьба компрадорской буржуазии в Китае против социалистич. революции, союз крупного капитала с фашизмом для борьбы против власти рабочего класса в европ. странах нар. демократии. Сопротивление свергнутой буржуазии тем опаснее, что она непосред-

ственно после социалистич. переворота располагает еще большой силой. После осуществления национализации крупного капитала долгое время сохраняется мелкая, а также в известных пределах и средняя собственность на средства произ-ва в пром-сти и мелкая собственность в с. х-ве. Эксплуаторские классы известного время сохраняют многие фактич. преимущества: более высокий образоват. уровень, навыки организации и управления, близость к технич. персоналу, работникам культуры и иск-ва, специалистам воен. дела. Гл. сила буржуазии состоит в ее междунар. связях. На всем протяжении существования стран социализма междунар. империализм не прекращал попыток реставрировать старые порядки. В борьбе против молодой Сов. республики участвовали войска 14 капиталистич. гос-в. На поддержку гоминьдановского режима в Китае, реакц. правителей Юж. Вьетнама, Юж. Кореи междунар. буржуазия, прежде всего монополисты США, затратили миллиарды долларов, не остановившись перед прямой воен. помощью отвергнутым народам режимам.

Укрепление мощи социалистич. системы, изменение соотношения сил социализма и капитализма на мировой арене в пользу социалистич. стран, несомненно, ставит — и чем дальше тем более мощные — преграды междунар. реакции на пути ее вмешательства в дела стран, совершающих революцию и устанавливающих Д. п. В совр. эпоху имеется возможность объединенными силами социалистич. стран и всех демократич. сил предотвращать экспорт контрреволюции. Тем не менее не приходится сбрасывать со счетов возможность попыток вмешательства мировой реакции с целью экспорта контрреволюции, силу связей междунар. капитала.

Нарализовать силу буржуазии и подавить ее сопротивление способна только сильная и решит. власть. Сила, к-рую рабочий класс вынужден использовать против реакционеров, носит глубоко демократич. характер как по своим целям, выражающим волю подавляющего большинства народа, так и по своим методам, применяемым самим народом.

Союз рабочего класса со всеми трудящимися и другими демократич. силами. Сущность и высший принцип пролет. власти состоит в союзе рабочего класса со всеми трудящимися и др. демократич. силами. «Диктатура пролетариата, — писал Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» (там же, с. 350—51).

Рабочий класс после завоевания власти проявляет постоянную заботу о всемерном укреплении своего союза с непролет. трудящимися массами по линии политической, экономической, культурной. Рабочий класс не в силах в одиночку, без союзников, решить грандиозные задачи социалистич. строительства. Он исторически призван не только повести всех трудящихся на свержение капиталистич. строя, но и возглавить их в мирном строительстве нового, социалистич. общества, сплотить и организовать массы на это великое всемирно-историч. дело. По словам Ленина, огромная созидат. работа, к-рая представляет собой осн. задачу в социалистич. революции, «...может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся» (Соч., т. 27, с. 213).

Широта союза рабочего класса и др. демократич. сил в ходе социалистич. строительства зависит от конкретно-историч. условий, а также от умелой и гибкой политики пролет. гос-ва. Ленин подчеркивал, что рабочий класс России не мог бы осуществить свое политич. господство, «...если бы не привлек к себе в союзники и друзья большинство трудящегося населения, в русских условиях — крестьянство» (Соч., т. 30, с. 156). В других условиях в странах пар. демократии этот союз охватывает рабочий класс, все крестьянство, гор. мелкую буржуазию и др. демократич. слои общества. В будущих социалистич. революциях это может быть и более широкий союз антиимпериалистич. сил, страдающих от гнета капиталистич. монополий.

Руководящая роль марксистской партии в системе Д. п. Власть рабочего класса и всех трудящихся на практике воплощается в демократич. системе политич. и обществ. орг-ций, к числу к-рых относятся: органы гос-ва, политич. партии трудящихся масс, профсоюзы, кооп. объединения, молодежные орг-ции и др. В отличие от социал-демократов, для к-рых понятие власти рабочего класса означает лишь смену лиц в бурж. пр-ве, коммунисты считают решающим условием борьбы за социализм создание гибкой и сильной системы орг-ций рабочего класса и его союзников, к-рая все глубже проникает в обществ. жизнь и все полнее руководит ее развитием. Важное место в системе Д. п. принадлежит гос. аппарату, к-рый отличается от др. орг-ций гл. обр. тем, что располагает принудит. силой и правом применения в необходимых случаях принуждения от имени всего общества и в интересах его подавляющего большинства.

Среди орг-ций рабочего класса большое значение имеют профсоюзы. Из органов борьбы труда против капитала, какими они являются в бурж. обществе, профсоюзы превращаются в школу хозяйствования и управления. Наряду с гос. органами профсоюзы играют огромную роль в вовлечении рабочих в управлен. произ-вом, в контроле за деятельностью хоз. руководителей. Они борются за повышение производительности труда рабочих и служащих и на этой основе добиваются улучшения условий их жизни. Они содействуют вовлечению масс в управление страной. Кроме того, профсоюзы проводят большую воспитат. и культурно-массовую работу.

Кооперация служит незыблемой формой социалистич. переустройства крестьянского хозяйства, осн. формой экономич. объединения крестьянства и кустарей. Эта форма позволяет крестьянству добиться наиболее высоких результатов в хоз. деятельности и поднять свой материальный уровень и культуру. Вместе с тем она служит средством демократич. управления х-вом для огромной массы сельского и отчасти гор. населения, а также воспитания у них коллективистского, социалистич. сознания. Существуют и др. формы орг-ции рабочего класса и всех трудящихся.

Руководящей силой в системе Д. п. является марксистская партия рабочего класса. Она играет особую роль в политич. системе стран социализма. Это не «обычная» роль партии правящего класса, такая, какую играют, напр., бурж. партии. Ибо «необычна» сама историч. миссия рабочего класса и его союзников. Рабочий класс и его партия ставят перед собой великую созидат. задачу, к-рую не ставил ни один класс в истории человечества: коренным образом перестроить обществ. отношения, ликвидировать деление общества на классы, перевоспитать всех людей в духе коммунизма и подготовить тем самым условия для уничтожения всякого господства, для отмирания гос-ва. Решая эти задачи, рабочему классу и его союзникам после взятия власти предстоит еще выдержать упорную борьбу против сил и традиций капиталистич.

строю, против отсталых взглядов и привычек миллионов людей. «Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (Л е н и н В. И., Соч., т. 31, с. 27).

Рабочему классу особенно необходимо единство воли в борьбе с буржуазией, глубокое понимание законов обществ. развития, умение их использовать в строительстве социализма и коммунизма; ему необходима четкая программа политич. и экономич. действий.

На основе теории марксизма-ленинизма и опыта масс партия вырабатывает правильную политич. линию во всех областях социалистич. и коммунистич. строительства — хозяйственной, административной, военной, воспитательной, внешнеполитической, и руководит всем процессом осуществления этой линии на практике.

Такое понимание роли партии в системе Д. п. подвергается критике со стороны ревизионистов. Ревизионисты настолько сужают руководящую роль партии, что это равноценно полному отказу от партийного руководства социалистич. строительством. Они утверждают, что партия должна быть лишь идеологич. фактором, фактором развития социалистич. сознания, но не политич. фактором, фактором власти. На практике эта концепция способна привести либо к усилению влияния в обществе и гос-ве др. политич. сил, либо к подмене партийного руководства гос-вом и обществом личным руководством отд. лидеров партии, а в конечном счете, к культу личности в той или иной форме.

Отвергая концепцию ревизионистов, марксисты-ленинцы вместе с тем дают отпор вульгаризаторам, к-рые утверждают будто диктатура рабочего класса тождественна диктатуре его партии. Это привело бы к свертыванию многообразных форм, через к-рые рабочий класс осуществляет свое руководство обществом, сузило бы базу его власти, а значит ослабило ее.

Партия руководит всеми гос. и обществ. орг-циями, но не подменяет их. Она добивается осуществления своей политики, действуя через членов партии, работающих в гос. аппарате и в обществ. орг-циях.

Для всех социалистич. стран характерно постоянное возрастание роли масс в общественно-политич., хоз. жизни. Этому способствуют принципы устройства всех орг-ций Д. п., к-рые строятся на основе демократического централизма. Это предполагает выборность, подотчетность и сменяемость должностных лиц и руководящих органов и подчинение этим органам и лицам всей массы людей, входящих в орг-ции; единство в основном, главном и широчайшую самостоятельность и инициативу в способах, приемах, методах достижения общей цели.

Демократия для трудящихся. Разнообразные формы Д. п. По своей природе диктатура рабочего класса — глубоко демократич. власть, т. к. по своему объективному экономич. и политич. положению рабочий класс не стремится и не может стремиться к установлению своего господства над другими слоями трудящихся масс. Она демократична прежде всего потому, что служит орудием перестройки обществ. отношений в интересах всех трудящихся и втягивает в историю, творчество широчайшие нар. массы. Д. п. воплощается в демократич. формах, к-рые дают невиданное прежде расширение демократии. Диктатура рабочего класса порождает исторически новый тип демократизма — социалистич. демократию, направляемую и руководимую рабочим классом. Социалистич. демократия служит классам и группам населения, строящим социализм, т. е. интересам подавляющего большинства общества.

В отличие от диктатуры буржуазии, к-рая все больше прибегает к антидемократич. формам для сохранения своего господства, формой диктатуры рабочего класса, как власти большинства, может быть только демократическая социалистич. типа республика, где власть осуществляется для трудящихся и самими трудящимися.

Реформисты и иные антикоммунисты утверждают, будто неизбежным следствием Д. п. является культ личности. Но враги коммунизма скрывают тот факт, что культа личности не было при Ленине во время ожесточеннейшей борьбы с классовым врагом.

Наиболее убедит. доказательством того, что культ личности не вытекает из природы Д. п. является то, что КПСС по своей инициативе подвергла резкой критике культ личности и осуществила ряд мер, к-рые гарантируют от возможности повторения чего-либо подобного в будущем.

Восстановлены ленинские нормы деятельности партии и гос-ва. Проведены крупные мероприятия в области гос.-правовой, направленные на полное искоренение последствий культа личности и укрепление социалистич. законности: усилен прокурорский надзор за органами безопасности, произведены необходимые изменения в области уголовного законодательства, усилен контроль представит. органов и обществ. организаций за деятельностью гос. аппарата и др. Партия подвергла решит. критике ошибочные положения по вопросу о классовой борьбе и Д. п., выдвинутые Сталиным для обоснования извращений в области гос. жизни, массовых репрессий и др. нарушений законности. Сталин грубо преувеличивал роль методов принуждения в борьбе за социализм и коммунизм, обосновывал необходимость сохранения Д. п. вплоть до коммунизма, ошибочно отождествляя Д. п. и социалистич. гос-во, по существу отрицал необходимость широкого развития социалистич. демократии при переходе к коммунизму.

Культ личности был чуждым наростом на теле сов. социалистич. общества, к-рый был успешно удален партией благодаря тому, что основа обществ. строя, социалистич. структура Сов. гос-ва, была и осталась здоровой. Это способствовало быстрому развитию всех творч. сил сов. общества, усилению его движения по пути к коммунизму.

Власть рабочего класса вырастает из конкретных условий освободит. борьбы каждого народа и органически связана с этими условиями. Поэтому в разных странах она не может не приобретать различной формы. «Все нации придут к социализму, — писал Ленин, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет свое своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» (Соч., т. 23, с. 58).

Разнообразие форм Д. п. объясняется тем, что на форму пролет. власти, наряду с определяющим влиянием ее классовой сущности, оказывают воздействие и др. факторы, к числу к-рых относятся: уровень экономич. и политич. развития страны, расстановка классовых сил в ней и соотношение сил социализма и капитализма на мировой арене, мирный или немирный путь развития социалистич. революции, уровень политич. сознания народа, нац. традиции.

Осн. формы Д. п. — Сов. власть и нар. демократия. Советы были первой формой Д. п., рожденной революц. опытом рабочего класса, нар. масс России. Несмотря на тяжелейшие условия, в к-рых существовала Д. п. в России, Советы явились высоким образцом демократии нового социалистич. типа. Советы и нар. демократия убедительно показали, что осн. черты власти рабочего класса одинаково-

вы для всех стран, осуществляющих переход к социализму: руководство обществом со стороны рабочего класса на основе союза со всеми трудящимися и др. демократич. силами, господство над реакц. буржуазией, демократия для трудящихся, руководящая роль марксистской партии в системе Д. п., демократич. централизм как принцип организации всех учреждений диктатуры рабочего класса. Эти черты, несомненно, в той или иной форме будут присущи и будущим гос-вам рабочего класса.

Вместе с тем Советы и нар. демократия дали много специфического. Ожесточ. сопротивление классовых врагов пролетариата в России вызвало необходимость наиболее решительных форм подавления. В этих условиях были неизбежны такие формы классовой борьбы и подавления эксплуататоров, как насильств. революция, гражд. война, резкая, крутая ломка в ходе революции старой гос. машины, полная замена парламентаризма новой, пролет. формой власти, лишение избират. прав эксплуататоров и др.

Нар. демократия как форма власти рабочего класса возникла при иной, более благоприятной расстановке классовых сил на междунар. арене и внутри каждой страны.

Опыт стран нар. демократии показал, что при благоприятной внутр. и внешней обстановке есть возможность перехода от демократич. этапа революции к социалистическому и установления власти рабочего класса без гражд. войны. Слом старой гос. машины в этих условиях может быть осуществлен постепенно посредством отсечения наиболее реакц. частей ее, преобразования и использования традиционных, демократич. форм, где они успели сложиться (напр., нац. собрания в Чехословакии, сейма в Польше).

Новая расстановка классовых сил предопределила особенности нар. демократии. Диктатура в этих странах была направлена в основном против крупной буржуазии, а демократия распространяется на пролетариев и полупролетариев, все крестьянство, гор. мелкую буржуазию, интеллигенцию и др. силы, поддерживающие дело социализма и демократии. В странах нар. демократии избират. права с самого начала предоставлялись всем гражданам, за исключением явных контрреволюционеров. Почти во всех этих странах сохранились нар., нац. фронты, включающие социалистич. и демократич. силы: Нац. фронт чехов и словаков в Чехословакии, Отечеств. фронт в Болгарии, Национально-демократич. фронт в Румынии и т. д. Народный фронт в Китае начал складываться в период антияпон. войны и представляет все слои общества, в т. ч. и часть нац. буржуазии.

Существ. отличие народно-демократич. формы гос-ва от Сов. власти состоит в сохранении многопартийной системы, при руководящей роли марксистско-ленинской партии.

Нет сомнений, что переход народов др. стран к социализму породит новые формы власти рабочего класса. В решениях XX съезда КПСС, в Программе КПСС, а также в программных документах марксистских партий ряда капиталистич. стран, в Декларации 1957, в Заявлении 1960 указывается на возможность использования парламента при переходе к социализму. Если рабочему классу в союзе со всеми демократич. и патриотич. силами удастся изолировать монополистич. буржуазию и мирным путем завоевать большинство в парламенте, вполне вероятно, что этот традиционный орган бурж. демократии может при благоприятных условиях превратиться в орудие действительно народной воли. Завоевание прочного парламентского большинства, опирающегося на массовое революц. движение рабочего класса и всех трудящихся, может создать условия, к-рые обеспечат проведение коренных социалистич. преобразований

общества. В этом случае формы и методы власти рабочего класса отличались бы существ. своеобразием, по меньшей мере в отношении способов экспроприации буржуазии (с использованием выкупа), роли парламентских учреждений, возможности участия в строительстве социализма непролет. партий при сохранении руководства со стороны марксистско-ленинской партии.

Революц. движение в странах Азии, Лат. Америки, Африки, отличающихся большими особенностями в общественно-политич. жизни и нац. традициях, породит и мн. др. формы политич. орг-ции. Однако каждый народ, встающий на путь социализма, неизбежно должен будет в той или иной форме осуществить социалистич. революцию и установить политич. власть рабочего класса и всех трудящихся.

Переход к коммунизму и роль социалистич. гос-ва. Построение социализма и переход к коммунизму вызывают изменение характера, задач, функций, форм и методов деятельности власти рабочего класса.

Д. п., рожденная социалистич. революцией, играет всемирно-историч. роль в построении социализма. В то же время в процессе строительства социализма сама она претерпевает изменения. В связи с ликвидацией эксплуататорских классов отмирает функция подавления их сопротивления. На этой основе начинается процесс перерастания гос-ва во всенародную орг-цию тружеников социалистич. общества. Обеспечив полную и окончат. победу социализма в СССР и переход общества к развернутому строительству коммунизма, Д. п. выполнила свою историч. миссию и с т. зр. задач внутр. развития перестала быть необходимой в Сов. Союзе. Гос-во Д. п. превратилось в общенародное социалистич. гос-во, пролет. демократия — во всенародную социалистич. демократию. «...Диктатура рабочего класса перестает быть необходимой раньше, чем государство отмирает» (Программа КПСС, 1961, с. 101).

Руководство рабочего класса сохраняется и в период перехода к коммунизму. Но оно также претерпевает изменения. Рабочий класс как руководящий класс не пользуется никакими особыми преимуществами. Когда исчезнут классы и будет построен коммунизм, рабочий класс завершит выполнение своей функции руководителя общества.

Гос-во как общенародная орг-ция сохранится вплоть до полной победы коммунизма (см. там же). Это объясняется тем, что не исчерпаны те задачи, к-рые может решить только гос-во. Оно призвано организовать создание материально-технич. базы коммунизма, преобразование социалистич. отношений в коммунистические, осуществлять контроль за мерой труда и мерой потребления, охранять права и свободы советских граждан и социалистич. правопорядок, надежно обеспечивать оборону и безопасность страны, развивать братское сотрудничество с социалистич. странами, отстаивать дело всеобщего мира и поддерживать нормальные отношения со всеми странами.

Гл. направлением в развитии социалистич. гос-ва в период строительства коммунизма является всестороннее развертывание и совершенствование социалистич. демократии. В процессе ее развития происходит постепенное превращение гос. власти в орган обществ. самоуправления. Особое значение приобретает развитие демократизма в устройстве и деятельности гос. аппарата. Все более полно осуществляется ленинский принцип выборности, отчетности и сменяемости должностных лиц. Этот принцип постепенно распространится на всех руководящих работников гос. орг-ций и учреждений культуры. Дело идет к тому, чтобы гос. платный аппарат все более сокращался, чтобы навыками управления овладевали все более ши-

рокие массы и работа в этом аппарате в перспективе перестала быть особой профессией.

В период строительства коммунизма подготавливаются и др. условия для перехода к коммунистич. самоуправлению. Это выражается в повышении роли коммунистич. партии — руководителя общества и гос-ва; повышении роли представит. органов — в Сов. Союзе Советов депутатов трудящихся, в постепенной передаче функций гос. органов обществ. орг-циям трудящихся, в увеличении непосредств. участия граждан в управлении.

«Развитие социалистической государственности постепенно приведет к преобразованию ее в общественное коммунистическое самоуправление, в котором объединятся Советы, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящихся... Общественные функции, аналогичные нынешним государственным функциям управления хозяйством и культурой, сохраняются и при коммунизме, видоизменяясь и совершенствуясь в соответствии с развитием общества. Но характер и способы их осуществления будут иными, чем при социализме. Органы планирования и учета, руководства хозяйством и развитием культуры, являющиеся сейчас государственными, утратят политический характер и станут органами общественного самоуправления... Историческое развитие неизбежно ведет к отмиранию государства. Для полного отмирания государства необходимо создание как внутренних условий — построение развитого коммунистического общества, так и внешних условий — победа и упрочение социализма на международной арене» (там же, с. 109—110).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, М., 1958; и там же, Избранные письма, I, I, I, 1953; Маркс К., Критика Готской программы, М., 1953; Ленин В. И., О задачах пролетариата в данной революции, Соч., 4 изд., т. 24; его же, Государство и революция, там же, т. 25; его же, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же, т. 28; О демократии и диктатуре, там же; его же, О государстве, там же, т. 29; его же, О диктатуре пролетариата, там же, т. 30; его же, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, там же; его же, Письмо к съезду. О придании законодательных функций Госплану. К вопросу о национальности или об «автономизации», там же, т. 36; его же, там же, т. 23, с. 57; т. 27, с. 234, 238, 459; т. 30, с. 335—36; т. 31, с. 24, 27, 325; т. 33, с. 32, 151, 199, 439; т. 32, с. 296, 406, 407; Ленинский сборник, II, М.—Л., 1924, с. 28, 80—81; Хрущев Н. С., Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, М., 1956; его же, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на высочайшем XXII съезде КПСС. 27 янв. 1959 г., М., 1959; его же, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии, М., 1961; его же, О Программе КПСС, М., 1961; его же, Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года, М., 1957, с. 5—6; Программа КПСС, М., 1961; Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве в ноябре 1957 года, в кн.: Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 года, там же; Обращение коммунистических партий капиталистических стран Европы ко всем трудящимся, но всем демократам, «Правда», 1959, 3 дек., № 337; Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии (Рим, 8—14 дек. 1956), М., 1957, с. 325—28; Проект тезисов к XV съезду Французской коммунистической партии, «Коммунист», 1959, № 6, с. 113; История КПСС, М., 1959; Основы марксизма-ленинизма, М., 1959; Основы марксистской философии, М., 1959; Каутский К., Die Diktatur des Proletariats, 14 Aufl., W., 1919; Das neue Programm der Sozialistischen Partei, «Arbeiter-Zeitung», W., 1958, 15 mai, № 112.

Ф. Вурлацкий. Москва.

ДИЛЕММА (греч. διλήμμα, от δι(ς) — дважды и λήμμα — предложение, предположение) — особый вид умозаключений с гипотетич. (условными) и разделит. (дизъюнктивными) посылками, описываемый в традиц. формальной логике. Понятие Д. восходит еще к стоикам, к-рые употребляли термин διλήμματα λόγους для обозначения гипотетич. умозаключения с двумя посылками. В схоластич. логике сложилось деление

Д. на конструктивную (утверждающая форма, modus ponens дилеммы) и деструктивную (отрицающая форма, modus tollens дилеммы), каждая из к-рых, в свою очередь, может быть простой и сложной. Д. состоит из трех посылок — двух условных суждений (к-рые часто рассматриваются конъюнктивно объединенными в одну сложную посылку), одного дизъюнктивного суждения и заключения, к-рое в случае сложных форм Д. является дизъюнктивным суждением (см. *Разделительное суждение*).

Конструктивная Д.: сложная — «Если А, то В; и если С, то D; А или С; следовательно, В или D» (здесь А, В, С, D — произвольные суждения); простая — «Если А, то В; и если С, то В; А или С; следовательно, В» (следствия условных суждений совпадают). Умозаключенные формы «Если А, то В; и если не-А, то С; А или не-А; следовательно, В или С» (не-А есть отрицание суждения А; в этом умозаключенном основании условных суждений отрицают друг друга; дизъюнктивное суждение «А или не-А» является не содержательной посылкой, а выражением *принципа исключенного третьего*) и формы «Если А, то В; и если не-А, то В; А или не-А; следовательно, В» (читается: «Если как из суждения А, так и из его отрицания не-А следует В, то В истинно») можно рассматривать как частные случаи этих форм. Деструктивная Д.: сложная — «Если А, то В; и если С, то D; не-В или не-D; следовательно, не-А или не-С»; простая — «Если А, то В; и если А, то С (эти посылки могут быть сведены в одну: «Если А, то В и С»); не-В или не-С; следовательно, не-А». Умозаключенный «Если А, то В; и если С, то не-В; и если не-В, следовательно, не-А или не-С» и «Если А, то В; и если А, то не-В; В или не-В; следовательно, не-А» можно рассматривать (имея в виду эквивалентность В его двойному отрицанию не-не-В) как частные случаи этих форм. В нек-рых соч. по истории логики и в руководствах по традиц. логике деструктивной Д. наз. умозаключенной формой: «Если А, то В; и если А, то D (смысл этих двух посылок обычно выражается в одной посылке вида «если А, то В или D»); не-В и не-D. следовательно, не-А» (см., напр., В. Минто, Дедуктивная и индуктивная логика, пер. с англ., 5 изд., М., 1905, с. 272—73; В. Асмус, Логика, 1947, с. 222—23; М. С. Строгович, Логика, 1949, с. 258; К. Вакрадзе, Логика, Тбилиси, 1951, с. 303). Традиц. логика, рассматривающая членские суждений на субъект и предикат (в смысле аристотелевой логики) в качестве составной части анализа умозаключений, распространяет обычно такой подход и на Д., представляя, напр., простую конструктивную Д. в следующем виде: «Если А есть В, то С есть D; и если E есть F, то C есть D; А есть В или E есть F; следовательно, C есть D» (здесь А, В, С, D, E, F — субъекты и предикаты суждений, возможно, вместе с квантифицирующими словами «все» и «нек-рые») такой анализ но м. случаем ближе к формам языка, в к-рых выражается Д., однако он не дает чл.-существенно нового для характеристики Д. как логич. формы. В традиц. логике смысл слова «или» в Д. обычно не уточняется. Если трактовать «или» в соединит. смысле (слабая дизъюнкция), то все формы Д. из истинных посылок будут всегда давать истинные заключения; если же трактовать «или» в исключающем смысле, то правильными будут только такие формы Д., в к-рых заключение не является разделит. суждением; для того чтобы в этом случае формы Д. с разделит. заключением стали правильными, надо рассматривать условные посылки в качестве условно-выделительных суждений («если и только если А, то В»).

В повседневных рассуждениях, пользуясь Д., люди часто имеют в виду исключающий смысл союза «или» и рассматривают члены дизъюнктивной посылки как исключающие друг друга суждения — как т. н. а л т е р н а т и в ы; смысл Д. тогда состоит в предписании выбора одной из альтернатив с вытекающими отсюда следствиями. Д. находят применение в спорах и дискуссиях, в частности простая деструктивная Д. служит цели *опровержения*. Д. не исчерпывают всех видов умозаключений с условными и дизъюнктивными посылками. Уже традиц. логика рассматривает Д. как частный случай лемматических умозаключений. Средства алгебры логики показывают неограниченность возможных правильных форм выводов из условных и дизъюнктивных посылок (среди к-рых лемматические умозаключения составляют только часть). Значение Д. в науч. рассуждениях связано с тем, что она является, по существу, видоизменением одной из форм доказательства *разбором случаев*. Термин «Д.» применяется и вне логики; тогда под Д. обычно понимают затруднит. положение,

в к-ром оказывается человек, когда ему падлежит сделать выбор между двумя равно неприятными для него возможностями.

Лит.: Чёрч А., Введение в математическую логику, Гл. 1, пер. с англ., [М.], 1960, с. 98, 394; Гетманова А. Д., Выражение дедуктивных умозаключений традиционной логики в символической логике, Мурманск, 1962; Grantl C., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 1, B., 1955, S. 478, 493, 510, 525, 598, 604—605; Encyclopaedia Britannica, 1956, v. 7, p. 384, v. 14, p. 314; Ziehen Th., Lehrbuch der Logik..., Bonn, 1920, S. 752—53.

Б. Бирюков. Москва.

ДИЛИ (Dealey), Джеймс Куэйл (13 авг. 1861—22 янв. 1937) — амер. бурж. социолог-позитивист. Проф. социальных и политич. наук в ун-те Брауна (1905—28). В 1929—37 — ред. газ. «News» в Далласе (штат Техас). В 1920 — президент Амер. социол. об-ва. Д. выступал за усиление прикладного характера социологии, к-рая, по его мнению, должна исследовать социальные условия и процессы развития социальных групп и институтов, разрабатывать эмпирич. меры по улучшению жизненных ситуаций (см. «Sociology: its development and application», 1921, p. 49). Д. — автор работ по вопросам гос-ва, пр-ва, конституции, семьи и брака («Семья в ее социологических аспектах» — «The family in its sociological aspects», 1912). В период мирового экономич. кризиса (1929—33) Д. предлагал реформистские меры по расcасыванию безработицы, ослаблению классовой борьбы и т. п.

Соч.: The development of the State..., N. Y., 1909; Ethical and religious significance of the State, Phil., 1909; Growth of American State constitutions from 1776 to the end of the year 1914, Boston, 1915; A text-book of sociology, L., 1920 (with L. F. Ward); The state and government, N. Y.—L., 1921; Foreign policies of the United States, their bases and development, Boston — N. Y., 1926.

В. Семелов. Москва.

ДИЛЬС (Diels), Герман Александр (18 мая 1848—4 июня 1922) — нем. филолог и историк философии. Учился у историка антич. философии Г. Узенера в Боннском ун-те, где защитил докторскую диссертацию «De Galeni historia philosophia»; проф. Берлинского ун-та с 1882. Мировую известность Д. приобрел своим собранием фрагментов философов-досократиков («Die Fragmente der Vorsokratiker», 1903, 9 Aufl., Bd 1—3, 1959—60, частичный перевод на рус. яз. А. Маковельского с рядом вводных статей, написанных переводчиком, вышел под назв. «Досократики», ч. 1—3, 1914—19). Издал комментарии Симпликия к «Физике» Аристотеля («Simplicii in Aristotelis Physicorum libros quattuor priores [-posteriores]», Bd 1—2, 1892—95) и соч. «О природе вещей» Лукреция («Lucretius Carus. De rerum natura», Bd 1—2, 1923—24, текст и перевод).

Соч.: Lukrezstudien, «Sitzungsber. d. Preuß. Akad. d. Wiss. in Berlin. Philos. histor. Klasse», 1918—1922; Doxographi Graeci, [3 Aufl.], B., 1958; в рус. пер. — Античная философия, М.—Л., 1934.

Лит.: Жебелев С. А., Герман Дильс. Некролог, «Изв. АН СССР», 1928; Wilamowitz-Moellendorf L. U., Diels, «Sitzungsber. d. Preuß. Akad. d. Wiss. in Berlin», 1922; Arnim H., Diels, «Almanach d. Wiener Akad. d. Wiss.», 1923, [№] 73; Kern O., H. Diels und Carl Robert. Ein Biograph., Versuch, Lpz., 1927 (имеется библиогр. трудов Д.).

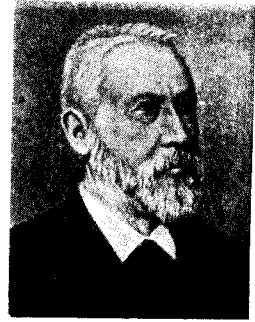
ДИЛЬТЕЙ (Dilthey), Вильгельм (19 нояб. 1833—3 окт. 1911) — нем. философ-идеалист, один из основоположников иррационалистич. т. п. философии жизни. С 1866 — проф. в Базеле, затем в Киле и Бреслау, с 1882 — в Берлине. Мировоззрение Д. складывалось вначале под влиянием раннего неокантианства (и в нек-рой степени, позитивизма), а в дальнейшем — филос. и социол. концепций Тренделенбурга, Шлейермахера, Ранке, Шопенгауэра, Э. Гартмана. Д. известен не только как философ (и историк философии), ему принадлежат также получившие широкую известность труды в области всеобщей истории, эстетики и педагогики. Подвергая критике философию Гегеля за сведение всего многообразия

действительности и человек. жизни к мышлению, Д. ставил на место мышления понятие «жизнь», к-рая рассматривалась им как основа, внутр. содержание и движущая сила всего существующего. При этом он установка вопроса в зародыше содержится в работах самого Гегеля, особенно в его ранних произведениях. По Д., все науки изучают различные проявления жизни, задачей же философии является решение загадки жизни. Несмотря на то, что отд. проявления жизни, по Д., вполне познаваемы, целостность, полнота жизни в конечном счете непостижимы, и философия лишь приближается к этому постижению с помощью *интуиции*. Дать науч. определение жизни, по Д., невозможно. Жизнь характеризуется Д. как полнота, целостность, многообразие переживаний. Внешний мир неотделим от жизни и является ее объективацией. Действительность, т. о., выступает как иррационалистич. субъект-объект: «Я и другое или внешнее суть не что иное, как то, что дано, что содержится в опыте жизни. Это и есть вся действительность» (Gesammelte Schriften, Bd 5, B.—Lpz., S. 136—37). Понятия субстанции, причинности и все категории философии и науки сводятся Д. к различным проявлениям воли и др. форм, состояний «жизни». Различные филос. учения также рассматриваются как формы духовной жизни индивидуума, т. е. безотносительно к объективной реальности, к-рая в них отражается, интерпретируется. Т. о., Д. наряду с Ницше является одним из родоначальников идеалистич. антропологизма.

Так же как и неокантианцы, Д. противопоставляет наукам о природе науки о духе. Естественнауч. картина мира дает, по мнению Д., лишь бледные тени «скрытой действительности», вполне обнаруживающейся лишь в духовной жизни человека. Не отрицая целиком познания значения естествознания, Д. подчеркивает, что оно имеет дело лишь с внешним опытом, в то время как науки о духе занимаются внутр. опытом, *самосознанием*. Естествознание наблюдает разрозненные факты, связывает их, истолковывает; науки о духе, напротив, исходят из интуитивного сознания «тотальности» (целостности) жизни; поэтому только в этих науках достигается понимание жизни. Понимание противопоставляется Д. объяснению: естествонауч. анализу, систематизации, логич. выведению и т. д. В силу этого оторванный от общенауч. приемов исследования процесс понимания рассматривается Д. как процесс переживания; естествознание имеет дело с тем, что можно видеть, слышать, осязать, в то время как науки о духе исследуют подлинную, скрытую от внешних органов чувств реальность, к-рая переживается.

Поскольку переживаемое неразложимо, оно может быть лишь описано на основе понимания или посредств. (интуитивного) самопостижения. Поэтому методом наук о духе, и прежде всего философии, является, по Д., описательная психология, к-рую он противопоставляет обычной психологии. Д. называет свою описательную психологию, ее предмет и метод герменевтикой.

Характерной особенностью философии Д. является также иррационалистически истолкованный *историзм*. Отвергая понятия закономерного историч. развития, прогресса и возможность историч. предвидения, Д. рассматривает историю как иррациональный по-

ток, к-рый формирует человека, определяет все присущие ему черты. С этой т. зр. нельзя говорить о природе, о сущности человека: все текуче, неопределенно, стихийно, хаотично. Эта концепция, развитая Д. под влиянием Ранке и романтиков, направлена на отрицание возможности разумного преобразования обществ. отношений.

Философия Д. оказала значит. влияние на последующее развитие иррационализма. Д. является ближайшим предшественником нем. неогеггелянизма (см. «Die Jugendgeschichte Hegels»), его продолжателями являются в нек-рых отношениях Зиммель и Риккерт. Идеи Д. оказали также известное влияние на философию Бергсона, прагматизм и экзистенциализм.

Соч.: Einleitung in die Geisteswissenschaften, Lpz.—В., 1883; Die Entstehung der Hermeneutik, в кн.: Philosophische Abhandlungen, Tübingen, 1900; Der Aufbau der geschichtlichen Welt, 2 Aufl., Stuttg., 1958; Leben Schleiermachers, 2 Aufl., В.—Lpz., 1922; Gesammelte Schriften, Bd 1—9, 11—12, Lpz.—В., 1921—36; в рус. пер.: Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах в сб.: Новые идеи в философии, № 1, СПб, 1912.

Лит.: Landgrebe I., Wilhelm Diltheys Theorie der Geisteswissenschaften, Halle, 1928; Misch G., Lebensphilosophie und Phänomenologie. Auseinandersetzung der Diltheyschen Richtung mit Heidegger und Husserl, 2 Aufl., Lpz., 1931; Heusinger P. G. T., Lebensbegriff und Lebenskategorie..., Aachen, 1934; Glock K. T., Wilhelm Diltheys Grundlegung einer wissenschaftlichen Lebensphilosophie, В., 1939; Giusso L., Wilhelm Dilthey e la filosofia come visione della vita, «Archivio della Cultura», 1939, № 1; Heidegger F., Der Begriff der Lebendigkeit in Diltheys Menschenbild, В., 1940. Т. Ойзерман. Москва.

ДИМИТРЕСКУ-ЯШИ (Dimitrescu-Iași), Константин (25 февр. 1849—16 апр. 1923) — рум. социолог и педагог. Окончил ун-т в Яссах (1869). Д-р философии (1877, Лейпциг). Проф. Ясского (с 1879) и Бухарестского (1885—1919) ун-тов. Основатель курса социологии (с 1896) в Бухарестском ун-те. Атеист и материалист-механицист в трактовке природы, Д.-Я. склонялся к натуралистич. пониманию общества. В работе «Маранья, или Необходимость в питании» («Maragna sau nevoia de hrană», 1891) он рассматривал общество как «большую мастерскую для создания средств к существованию» («Studii de psihologie socială», Biblioteca Revistei Idei, Buc., f. a., p. 12), считая гл. стимулом действий человека необходимость в питании. Вместе с тем Д.-Я. указывал, что общество всегда было организовано так, чтобы гарантировать эксплуатацию трудящегося большинством правящим меньшинством» (там же). С демократич. позиций Д.-Я. критиковал капиталистич. эксплуатацию, религию и бурж. мораль («Две морали» — «Două morale», 1906). В конце жизни поддерживал идею «социальной гармонии», выступал против Сов. России.

Соч.: Omul și opera. Volum omagial, Buc., [1934].

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 441; Firu I. S., Constantin Dimitrescu-Iași, «Cercedări filozofice», 1957, № 6, p. 115—31, резюме на рус. яз., 131—32; Roșianu M., Activitatea pedagogică a lui C. Dimitrescu-Iași, «Rev. de pedagogie», 1958, № 4. Ист-я философии Академии РНР.

ДИМИТРОВ, Георгий Михайлович (18 июня 1882—2 июля 1949) — деятель междунар. революц. рабочего и коммунистич. движения, руководитель Болг. коммунистич. партии (БКП), теоретик и пропагандист марксизма. Род. в семье бедного ремесленника в с. Ковачевцы Радомирской околии. С 12 лет Д. стал работать наборщиком в типографии. В 1897 вступил в революц. движение.

Решающую роль в формировании мировоззрения Д. сыграло изучение «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Капитала» Маркса, произведений Плеханова, Д. Благоева и др. марксистской литературы. Большое влияние на воспитание Д. как революционера-борца оказали также традиции болг. нац.-освободит. движения, сочинения Х. Ботева, а также прогрессивная рус. лит-ра, в особенности книга Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

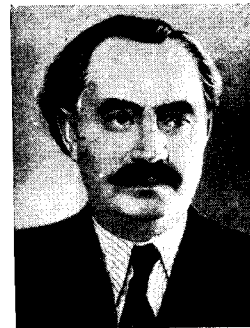
В 1902 Д. вступил в Болг. рабочую с.-д. партию; он активно участвовал в борьбе против болг. оппортунистов и при расколе партии в 1903 встал в ряды «теских социалистов», выступавших под руководством Благоева. В 1909 Д. был избран членом ЦК партии; в 1909—23 — секретарь Центр. совета революц. профсоюзов Болгарии. В 1913—23 Д. был депутатом Нар. собрания Болгарии, в к-ром отстаивал интересы трудящихся. В январе 1921 в качестве делегата III конгресса Коминтерна Д. выехал в Москву, где состоялась его первая встреча с Лениным. Один из ближайших соратников Благоева по руководству партией, преобразованной в 1919 в Болг. коммунистическую партию, Д. во многом способствовал ее большевизации. В 1921 Д. участвовал в основании Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна). В 1923 Д. вместе с Коларовым возглавил Сентябрьское антифашистское восстание; за это фашистский суд заочно вынес Д. смертный приговор. В 1926 Д. был вторично приговорен к смертной казни. Находясь (после 1923) в эмиграции, Д. активно работал в Исполкоме Коминтерна.

Бесстрашие пролетарского борца, талант нар. трибуна, широкую марксистско-ленинскую эрудицию Д. проявил во время Лейпцигского процесса (1933), организованного гитлеровцами в связи с провозака. поджогом рейхстага. Находясь в положении обвиняемого, Д. выступил с грозным разоблачением фашизма. Он показал, что «пожар рейхстага был предлогом, прелюдией к широко задуманному истребительному походу против рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии Германии» (Избр. произв., т. 1, М., 1957, с. 347), что методы поджога, диверсий, террора, в к-рых старается обвинить коммунистов империалистич. реакция, чужды самому существу коммунистич. движения, что под флагом антикоммунизма фашисты готовят новую мировую войну. Благодаря мощному протесту трудящихся всего мира и заступничеству Сов. Союза Д. был вырван из лап фашизма.

В 1935—43 Д. — ген. секретарь Исполкома Коминтерна, один из организаторов борьбы за создание единого фронта против фашизма и войны. На VII Конгрессе Коминтерна (1935) Д. сделал доклад, пропитанный духом творческого марксизма-ленинизма, духом непримиримой борьбы против оппортунизма и догматизма.

Д. проделал значит. работу в рядах междунар. коммунистич. движения по идейному воспитанию руководящих кадров коммунистич. и рабочих партий. При непосредств. помощи Д. БКП преодолела левое сектантство и твердо встала на ленинские позиции. Во время 2-й мировой войны Д. сыграл большую роль в мобилизации антифашистских сил на борьбу с гитлеризмом. По инициативе Д. в июле 1942 был создан Отечеств. фронт Болгарии. После освобождения Болгарии Д. вернулся на родину (1945). Будучи ген. секретарем БКП и председателем Совета Министров НРБ (с 1946), Д. организовывал борьбу болг. трудящихся за развитие страны по пути к социализму.

Талантливый мастер революции, Д. подчеркивал неразрывную связь марксистско-ленинской философии с революц. практикой и указывал, что, «не усвоив основных научных положений о развитии природы и общества и достижений философии, невозможно заниматься правильной и полноценной общественной

и политической деятельностью» («О роли и задачах журнала „Философска мисъл“, 1946, в кн.: Избр. произв., т. 2, М., 1957, с. 256). Указывая на творч. характер марксистско-ленинской науки, Д. говорил, что она является «руководством к действию, а не рецептом для всех стран, времен и условий» (там же, с. 174). Д. призывал коммунистов Болгарии решать любые вопросы, стоящие перед народом и страной, «...не по шаблону, а исходя из конкретной обстановки, из соотношения общественных сил, из настроений народа, из его стремлений и желаний... Мы должны мыслить, изучать обстановку и действовать правильно, с умом, действовать так, как диктуют это жизненные интересы нашего народа в каждый данный момент... Нам нужно научиться по-марксистски, по-большевистски, конкретно ставить задачи и вопросы и конкретно их решать» (там же, с. 158—59).

Большой революц. опыт и широкий теоретич. кругозор позволили Д. творчески разработать ряд положений марксистско-ленинской теории. Еще накануне Сентябрьского восстания 1923 Д. занялся анализом вопроса о классовой сущности и антинар. характере фашизма. В противовес попыткам бурж. идеологов представить фашизм как некое надклассовое явление или же как власть люмпенпролетариата, Д. охарактеризовал фашизм как открытую бурж. диктатуру, являющуюся «...полным отрицанием всякого демократизма и всех политических прав и свобод для народных масс» (там же, т. 1, с. 100). Это положение Д. развил в докладе на VII Конгрессе Коминтерна, явившемся развернутой программой создания широкого антифашистского фронта. Развивая ленинские идеи, Д. показал, что в условиях жестокой фашистской диктатуры необходимым орудием избавления трудящихся масс от империалистич. реакции выступает единство действий в рядах пролетариата в национальном и междунар. масштабе, широкий антифашистский нар. фронт, к-рый является выражением новой закономерности в развитии классовой борьбы. Д. раскрыл диалектич. связь между единым фронтом пролетариата и антифашистским нар. фронтом.

Д. проявил глубокое понимание соотношения субъективных и объективных условий обществ. развития. Критикуя *фатализм*, подчеркивая значение сознат. деятельности людей, он доказывал, что хотя империалистич. войны и являются продуктом капитализма, отсюда не вытекает невозможность избежать войны и сохранить мир; своими боевыми действиями единый фронт трудящихся может сорвать воен. планы империалистов. В беседе с активистами Союза рабочей молодежи в 1946 Д. говорил о возможности и условиях перехода к социализму «без вооруженного восстания» (см. там же, т. 2, с. 173).

Обобщая опыт строительства социализма в Болгарии и др. странах нар. демократии, Д. разрабатывал вопросы о своеобразии социалистич. строительства в различных странах, об особенностях социалистич. индустриализации и перестройки с. х-ва в Болгарии и др. странах лагеря социализма. В докладе на V съезде ВКП Д. охарактеризовал осн. особенности гос-ва нар. демократии как одной из форм диктатуры пролетариата, как особой формы союза рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса (см. там же, с. 628—32).

Говоря, что «...каждый народ будет идти к социализму не по одному и тому же шаблонному пути...» (там же, с. 158), Д. отмечал, однако, что это своеобразие «...не может отменить основных закономерностей переходного периода от капитализма к социализму, которые являются общими для всех стран» (там же, с. 671). Выступая против попыток ревизии марксистско-ленинской теории, Д. указывал, что переход к со-

циализму не может совершиться без диктатуры пролетариата.

Большое место в трудах Д. занимали проблемы пролетарского интернационализма, разоблачение бурж. национализма. Обращаясь к вопросам культуры, Д. указывал, что в этой области «...нет более или менее способных народов. Нет полноценных и неполноценных народов. Каждый народ, как бы мал он ни был, способен и может внести свой ценный вклад в общую сокровищницу культуры» (там же, с. 676).

«Выполняя заветы великого сына болгарского народа Георгия Димитрова, болгарские коммунисты успешно решают сложные вопросы социалистического строительства, неуклонно идут по пути пролетарского интернационализма, укрепления дружбы и единства народов социалистических стран» (Х р у щ е в Н. С., см. «Правда», 1962, 26 мая, с. 1).

С о ч.: Стычения, т. 1—14, С., 1951—55; в рус. пер.: Избр. произв., т. 1—2, М., 1957; Лейпцигский процесс. Речь, письма и документы, М., 1961 (Предисловие В.Н. Пономарева).
Лит.: Б л а г о е в а Ст. Д., Георгий Димитров, М., 1938 (на болг. яз., 6 изд., С., 1952); Константинов Ф. Т., Георгий Димитров — выдающийся деятель международного рабочего движения, М., 1950; его же, Творческая разработка некоторых вопросов марксистско-ленинской теории в трудах Г. М. Димитрова, «Ин-т Славяноведения АН СССР. Краткие сообщения», 1958, вып. 24; В а л е в Л. В., Выдающийся борец за дело коммунизма, «Вопр. истории КПСС», 1957, № 1; К у у с л и н О., Георгий Димитров — выдающийся деятель международного рабочего движения, «Правда», 1957, 18 июня, № 169; его же, Выдающийся деятель, героический борец международного коммунистического движения. Доклад..., там же, 1962, 19 июня, № 170; Д а м я н о в Р., Великий сын болгарского народа, пламенный борец за болгаро-советскую дружбу, там же, 1962, 18 июня, № 169; П о н о м а р е в В., Пламенный борец за дело коммунизма, «Коммунист», 1957, № 9; его же, Великий борец за мир и социализм, «Проблемы мира и социализма», 1962, № 7; Р а х м а н о в а И. П., Георгий Димитров на Лейпцигском процессе, «Новая и новейшая история», 1957, № 2; Ф и н е р Э., Сигнал. Борьба Димитрова против поджигателей войны, пер. с нем., М., 1960; П а в л о в Т. Д., Георгий Димитров — великий патриот и пролетарский интернационалист, «Философска мисъл», 1962, кн. 2; М а т к о в с к и й Н., Пламенный революционер-ленинец, «Коммунист», 1962, № 9; Георги Димитров — бележит деец на международно работническо движение, [Сб.], 2 изд., С., 1954; С а в о в а Е., Георги Димитров. Летопис на живота и революционата му дейност. 1882—1949, С., 1952; К ю л о н с к и И., Георги Димитров — знаменец на българо-советската дружба, Сб., С., 1955; К и р и л о в И., Приносът на Георги Димитров за развитието на марксизма-ленинизма и на нашето социалистическо строителство, «Философска мисъл», 1959, № 4; Ж и в к о в Ж., Знамето на Георги Димитров все по-високо се развива над НР България, С., 1960; W i l l a r d M., La défense accuse, nouv. éd., P., 1955.
В и б л.: История Болгарии от 9 сент. 1944. Указатель литературы 1945—58, М., 1962, с. 259—65.

Д. Димитров. НРБ. А. Киршевская. Москва.
ДИМИТРОВ, Михаил (Михаил Димитров Д а ф и н к и ч е в) [р. 30 сент. (12 окт.) 1881] — болг. историк, психолог и философ-марксист. Действит. член Болг. АН (с 1946), заслуженный деятель науки (с 1956). Член ВКП (с 1944). Проф. Софийского ун-та (1944—50), пред. Союза науч. работников Болгарии (с 1945), вице-президент Болг. АН (1947—57). Работает в области экспериментальной психологии, критики фрейдизма и реакц. бурж. идеологии, истории болг. Возрождения. Исследователь творчества *Ботева* и *Каравелова*.

С о ч.: Психопатологии на смеха, «Год. на Соф. унив.-т. Истор.-филосогич. фак-т», 1925, кн. 25, с. 1—264; Психологията на спонтанния ейдизмизм, там же, 1931, кн. 27; Ницше като идеолог, С., 1938; Личността на Ботева, 2 изд., С., 1945; Христо Ботев. Идеи, личност и творчество, 2 изд., С., 1946; Полява, развитие и идеологията на фашизма в Болгария, [Сб.], 1947; Христо Ботев. Биография, С., 1948; Политич. моменти из живота на Ботев, в кн.: Ботев Х., Стычения, т. 1, С., 1950; Любен Каравелов. Биография, С., 1959.
Лит.: Б е л е в а З л. и У н д ж и е в И., Михаил Димитров. Влобидбиография, С., 1958. *Ин-т философии АН НРБ.*

ДИНАМИЗМ (от греч. δύναμις — сила) — идеалистич. филос. учения, в к-рых последней сущностью вещей объявляются нематериальные «силы», а материя рассматривается как нечто производное от «сил», как проявление их действия.

Тенденции Д. имеются во мн. системах *натурфилософии* (у *Парацельса*, *Бэме* и др.). Как своеобразную форму Д. можно трактовать мировоззрение *Лейбница*. Важную роль играют идеи Д. в натурфилос. системе *Шеллинга*. Свообразным преломлением концепции Д. можно считать взгляды *Шопенгауэра* и даже *Ницше*. Позднее отдельные черты этой тенденции в Д. прослеживаются у *Бергсона* и *Фрейда*.

Одну из форм Д. в конце 19 — нач. 20 в. представляет *энергетизм*.

Лит.: *Dunger E. F. von*, *Dynamische Weltanschauung*, Jena, 1920; *Feigl F.*, *Die dynamische Struktur der Welt*, Lpz., 1933; *Guéroult M.*, *Dynamique et métaphysique leibnizienne...*, P., 1934; *Ushenko A. P.*, *Power and events; an essay on dynamics in philosophy*, Oxf., 1946.

И. Акчуриш. Москва.

ДИНАМИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ — закономерность, устанавливающая однозначную связь во времени между состояниями объекта, в отличие от статистич. закономерности. См. *Статистическая и динамическая закономерность*, *Причинность*.

ДИНАМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ — термин, предложенный амер. психологом Р. Вудвортом в качестве объединяющего понятия для ряда западных направлений в психологии 20 в., занимающихся преим. анализом с идеалистич. позиций движущих сил поведения животных и человека (потребностей, влечений, мотивов и т. д.); различные и даже враждующие между собой школы в психологии объединяются термином «Д. п.» на основе общей им всем динамич. концепции *личности*. Д. п. вырастает из понятия динамизма психики, противопоставляющего отдельным состояниям сознания последовательность смены этих состояний. Отчетливо выступая уже в трудах *Лейбница* и *Гербарта*, динамич. концепции в психологии получают особое развитие в конце 19 — нач. 20 вв. у *Пьера Жана* и особенно *Фрейда*. Собственно к Д. п. Вудворт причисляет различные психоаналитич. школы, напр. *индивидуальную психологию* А. Адлера, *функциональную психологию*, *гормоническую психологию* *Мак-Дугалла*, *гештальтпсихологию* в направлениях, представленных *Кёлером* и *Левинем*, *необихевиоризм* *Толмена*, *Холла*, *Халла* и нек-рые др.

Общим для всех этих школ и направлений является стремление объяснить личность, исходя из нее самой, найти источники ее деятельности в толкуемой по-разному, но в конечном счете идеалистически, динамике психич. процессов, абстрагируемых как от нейрофизиологич. механизмов, так и от обуславливающих влияний на психику человека обществ. среды. Мотивы, потребности, цели, влечения объявляются изначальными элементами психич. деятельности. Человек, личность биологизируется. Методологически Д. п. как в трактовке Вудворта, так и у представителей относимых к ней направлений исходит из субъективно-идеалистич. концепций *махизма*. Так, центральную для психологии психофизиологич. проблему Д. п. решает путем типичного для махизма сведения ее к субъективным данным наблюдения: отношение «душа — тело» «не есть параллелизм между физиологической и духовной деятельностью, но только параллелизм между двумя различными описаниями одной и той же деятельности» (*Woodworth R. S.*, *Dynamic psychology*, в кн.: *Psychologies of 1930*, ed. by C. Murchison, L., 1930, p. 335). Такой же субъективизм и биологизаторство отличают и отношение Д. п. к проблеме социальной детерминированности личности и психики человека. Согласно представлениям школ, относящихся к Д. п., не человек — исторически обусловленное существо, но социальная среда есть проекция внутр. психич. мира субъекта на отношения между людьми. Вследствие такой позиции теоретич. построения Д. п. по существу антиисторичны, и Д. п. на деле отказывается от причинного изучения психи-

ки, т. е. фактически противопоставляет себя научной, материалистич., марксистской психологии.

Лит.: Вудвортс Р., *Экспериментальная психология*, пер. с англ., М., 1950; его же, *Dynamic psychology*, N. Y., 1925; его же, *Dynamics of behavior*, N. Y., 1958; *McCord J. T.*, *Problems in dynamic psychology*, N. Y., 1923; *Moore V. V.*, *Dynamic psychology*, Phil., la. o.l 1926; *Talman E. C.*, *Purposive behavior in animals and men*, N. Y. — L., 1932; *Lewin K.*, *A dynamic theory of personality*, N. Y., 1935; *Köhler W.*, *Dynamic in psychology*, N. Y., 1940; *Landis C.*, *A modern dynamic psychology*, «J. compar. and Physiol. Psychol.», 1947, v. 40, № 3, p. 135—41; *Krech D.*, *Dynamic systems, psychological fields and hypothetical constructs*, «Psychol. rev.», 1950, v. 57, № 5, p. 283—90; *Le dynamisme psychique (psychodynamics)*, «Dialectica», Nchât., 1951, v. 5, № 3—4, p. 231—469; *Webster H.*, *Dynamic hypotheses in psychology*, «Psychol. rev.», 1952, v. 59, № 2; *Glover E.*, *The future of «dynamic» psychology*, «Brit. J. Med. Psychol.», 1957, v. 30, pt 4, p. 219—29; *O'Doherty E. F.*, *Toward a dynamic psychology*, Freud and St. Thomas, «Studies», 1960, v. 49, № 196. М. Роговин. Москва.

ДИНАМИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП — физиологич. термин, обозначающий устойчиво закрепившуюся систему условных первых связей, обеспечивающих определенную интенсивность и последовательность реакцией организма на воздействия внешней среды. Д. с. образуется при достаточной длительности воздействия системы одних и тех же раздражителей (внешнем стереотипе).

Процесс образования стереотипа состоит не только в упрочении входящих в него условных рефлексов, но и в объединении их в целостную систему. Процесс образования Д. с. представляет собой напряженный первый труд. Зато для сложившегося стереотипа характерны легкость, четкость и постоянство реакций, что в большой степени экономит затрату нервной энергии на выполнение соответствующей деятельности. В этом суть биологич. значения Д. с. как формы весьма совершенного приспособления организма к условиям внешней среды. Инертность стереотипа в известных пределах не является отрицат. качеством. Она избавляет организм от необходимости приспособляться к случайным и кратковременным изменениям внешних условий. Нецелесообразность Д. с. в меняющихся условиях исправляется его «динамичностью», т. е. способностью к перестройке. При изменении внешнего стереотипа система временных связей корригируется, преобразуется новыми воздействиями.

Д. с. есть проявление системности работы коры больших полушарий. В итоге вся кора становится «сложнейшей динамической системой».

У человека Д. с. представляет собой физиологич. механизм множества явлений психич. деятельности, напр. таких, как навыки, привычки, — вообще, формы психич. деятельности, характеризующиеся ритмизированным, автоматич. протеканием; он обеспечивает автоматизированность многих операций деятельности. Разгружая сознание от постоянного контроля за каждой операцией, сформировавшиеся навыки делают возможным сосредоточение внимания на более общем и целостном руководстве деятельностью, создают предпосылки для творчества. Поэтому закономерности формирования Д. с. должны использоваться для правильной организации производств, обучения. Знание особенностей функционирования Д. с. важно и в воспитат. работе. Создание четкого ритма чередования труда и отдыха, организация рационального режима, что физиологически соответствует выработке ряда Д. с., обеспечивает бодрое состояние организма и высокую продуктивность деятельности. Особенности нарушения стереотипа необходимо знать воспитателю для понимания и предупреждения психич. «кризисов» личности, к-рые могут появиться при изменении образа жизни или характера деятельности. Резкие нарушения стереотипа могут в нек-рых случаях иметь тяжелые последствия, привести к неврозу.

Лит.: Павлов И. П., *Лекции о работе больших полушарий головного мозга*, Полн. собр. соч., 2 изд., т. 4, М.—Л.,

1951, гл. 13; его же, Динамическая стереотипия высшего отдела головного мозга, там же, т. 3, кн. 2, М.—Л., 1951; его же, Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных, там же, т. 3, кн. 1, М., 1951; Вопросы формирования личности ребенка и подростка. [Сб. ст.]. Отв. ред. Ю. А. Самарин, М., 1954 (Изв. АПН РСФСР, вып. 52, Тр. Ленингр. ин-та педагогики).

ДИНГЛ (Dingle), Герберт (р. 2 авг. 1890) — англ. астрофизик, философ и историк науки. Окончил Имперский колледж науки и технологии, в котором до 1946 был проф. астрофизики и физики; в 1929—53 — почетный секретарь, вице-президент и президент Королевского Астрономич. об-ва; с 1946 — проф. истории и философии науки Университетского колледжа в Лондоне; в 1953—56 — вице-президент Международного союза истории науки; в 1955—57 — президент Брит. об-ва истории науки. Науч. работы Д. относятся к области спектрального анализа и спектроскопии звезд, астрофизики, истории астрономии. В работах по филос. вопросам естествознания Д. пропагандирует *неопозитивизм*. Объявляя чувств. опыт (ощущения) единств. фундаментальной реальностью, Д. отводит разуму (науке) и религии равноценные места в упорядочивающей, «каталогизирующей» деятельности субъекта. Понятие материи, объективного существования тел внешнего мира является, по Д., пережитком донаучного способа мышления. Теория относительности и квантовая механика, по его мнению, доказали, что логич. смысл имеют только измерительные процедуры и рационализирующая организация «опыта» человека. В ряде работ Д. популяризирует идеалистич. взгляды Леметра, Эддингтона и др.

Соч.: Science and human experience, L., 1931; Through science to philosophy, Oxf., 1937; Science and religion, L., 1945; Science and literary criticism, L., [1949]; The special theory of relativity, 3 ed., L.—N. Y., [1952]; The scientific adventure, L., [1952]; The sources of Eddington's philosophy, Camb., 1954. *И. Аксютин*. Москва.

ДИНГЛЕР (Dingler), Хуго (7 июля 1881—29 июня 1954) — нем. философ-идеалист. Проф. Мюнхенского ин-та (с 1920), Высшего технич. училища в Дармштадте (с 1932). Занимался в основном т. и. философией науки (в особенности философией математики и физики), такими ее проблемами, как: значение науки, ее границы и цели, методы физики, логич. основы эксперимента в математич. и физич. науках, значение евклидовой геометрии как особой формы интерпретации пространства, филос. смысл теории относительности, связь истории естеств. наук с историей философии и т. п. Д. отверг сенсуалистич. теории познания. Пользуясь старым идеалистич. софизмом, он утверждал, что познаваемые благодаря органам чувств вещи и явления «уже есть логические конструкции» и поэтому не могут быть исходным пунктом для теории науч. знания (см. «Physik und Hypothese. Versuch einer induktiven Wissenschaftslehre nebst einer kritischen Analyse der Fundamente der Relativitätstheorie», В.—Lpz., 1921, S. 122). Анализируя логич. структуру эксперимента, Д. приходит к идеалистич. выводу, что в нем действуют, определяя заранее его ход и характер, априорные идеи, к-рые являются будто бы чистыми созданиями мышления. Эта кантовская по сути дела интерпретация математич. и физич. понятий у Д. переходит в субъективный идеализм волюнтаристского толка, поскольку он заявляет, что первичным по отношению к мышлению и науке является активная воля исследователя, лежащая в основе как «материальных», так и «идеальных» моментов эксперимента: «естественные законы», по Д., это «данное», обусловленное нашей собственной «объясняющей волей» («Die Grundfrage der Physik. Synthetische Prinzipien der mathematischen Naturphilosophie», В.—Lpz., 1923, S. 293). Пытаясь, однако, избежать обвинения в субъективном идеализме и волюнтаризме, Д. утверждал, что его *волюнтаризм* является не «метафизическим», не «онтологическим», а лишь «методи-

ческим» (т. е. ограничивается лишь проблемами метода, к-рый не касается якобы вопроса о природе вещей самих по себе). С этих позиций Д. критиковал *махизм*, а также теорию относительности (за их «эмпиризм»). Свою философию в целом Д. называл «методической»; ее высшей задачей считал познание сущности бога, а гл. целью человека — истинное согласие с богом и ближними.

Соч.: Grenzen und Ziele der Wissenschaft, Lpz., 1910; Das Experiment. Sein Wesen und seine Geschichte, Münch., 1928; Die Grundlagen der angewandten Geometrie. Eine Untersuchung über den Zusammenhang zwischen Theorie und Erfahrung in den exakten Wissenschaften, Lpz., 1911; Das Prinzip der logischen Unabhängigkeit in der Mathematik, zugleich als Einführung in die Axiomatik, Münch., 1915; Relativitätstheorie und Okonomieprinzip, Lpz., 1922; Geschichte der Naturphilosophie, В., 1932; Die Methode der Physik, Münch., 1938. *Лит.*: В е н и н Г. [и др.]. Хуго Динглер. Гedenkbuch zum 75. Geburtstag, Münch., [1956]; К р а м р т В., Die Philosophie Hugo Dinglers, Münch., [1955]. *Н. Мотрошилова*. Москва.

ДИОГЕН АПОЛЛОНИЙСКИЙ (Διογένης Ἀπολλωνιάτης) (2-я пол. 5 в. до н. э.) — др.-греч. философ, один из последних др.-греч. натурфилософов-материалистов, примыкавший к учению Анаксимена, от которого заимствовал свое учение о воздухе как о первоэlemente, а также о сгущении и разрежении как о принципах изменения вещей. Д. А. учил также о воздухе как о всеобщем тождестве и различии, поскольку из воздуха все образуется и все в нем растворяется. В своем соч. «О природе» Д. А. писал, что «...все существующие вещи суть изменения одного и того же (стихийного начала) и суть одно и то же» (В2, Diels). Т. о., Д. А. свойственна идея развития и он является представителем досократовской диалектики. Мышление Д. А. рассматривал как звено в цепи, образуемой сгущением и разрежением воздуха: «люди и прочие животные, — писал он, — благодаря этому началу, т. е. воздуху, живут и обладают душой и мышлением» (там же, В3). Трактую бытие как воздух, Д. А. выступает как самый настоящий натурфилософ-материалист периода греч. классики. Однако он пошел вперед от классич. натурфилософии, поскольку, предваряя работу последующих греч. философов, уже подвергал анализу филос. категории (единства, тождества и различия).

Фрагменты, в вкл.: Diels H., Die Fragmente der Vorsokratiker, 9 Aufl., Bd 2, 1959, гл. 64; Макаловский И. А., Досократизм, ч. 3, Казань, 1919, с. 170—87.

Лит.: Н о в и ц к и й О. [М.], Постепенное развитие древних философских учений..., ч. 2, К., 1860, с. 279—83; Л о с е в А., Очерки античного символизма и мифологии, т. 1, М., 1930, с. 119—33; N a t o r p P., Diogenes von Apollonia «Rheinisches Museum für Philologie», 1886, Bd 41, S. 350—63; его же, Nochmals Diogenes und Leukippos, там же, 1887, Bd 42, S. 374—85; D i e l s H., Leukippos und Diogenes von Apollonia, там же, S. 1—14; К r a u s e E., Diogenes von Apollonia, «Janus», 1909, S. 228—41, 570—84; 1915, S. 314—28. *А. Лосев*. Москва.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ (Διογένης Λαέρτιος) (1-я пол. 3 в. н. э.) — антич. историк греч. философии, автор соч. «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» в 10 кн. (название в источниках передается по-разному). В 1-й кн. излагаются учения семи мудрецов, во 2-й — *ионийской школы*, Анаксагора, Сократа и его школы, 3-я кн. посвящена Платону, 4-я — истории Академии платоновской, 5-я — Аристотелю и его ученикам, 6-я — *киникам*, 7-я — стоикам (см. *Стоицизм*), 8-я — пифагорейцам (см. *Пифагорейзм*) и Эмпедоклу, 9-я кн. — Гераклиту, элеатам, атомистам, Протагору, скептикам (см. *Скептицизм*), 10-я кн. — Эпикуру. Труд Д. Л. является довольно беспорядочной компиляцией, выяснение источников к-рой доставило много труда филологам и в наст. время еще далеко не может считаться законченным. Пестрота текста усугубляется многочисл. вставками визант. интерполяторов и итал. гуманистов, изложением анекдотов из жизни философов. Филос. позиция самого Д. Л. довольно неопределенная, однако, судя по обилию доксографич. материала об эпикурейцах, можно говорить о

его сочувствии философии Эпикура. Несмотря на эти недостатки, труд Д. Л. является единств. историей философии, написанной в самой же античности, и содержит много полезных сведений, к-рые критически используются в совр. науч. собраниях фрагментов (как, напр., Г. Дильсом для досократиков, Г. Ариномом для стоиков, Г. Узенером для эпикурейцев и пр.).

Соч.: De clarorum philosophorum vitis, dogmatibus et arorhthematibus libri X, P., 1878; в рус. пер.: Жизнь, учение и перечени мужей, прославившихся в философии, пер. с греч., кн. 1—2, «Гимназия», 1898, вып. 1—6. с. 1—74; 1899, вып. 1—2, с. 75—98; X книга [жизни философов], в кн.: Столпнер Б. Г. и Юшкевич П. С., История материализма, т. 1, ч. 1, М., 1927, с. 69—115; Lives of eminent philosophers, transl. by R. D. Hicks, v. 1—2, L.—Camb. (Mass.), 1925—28; Leben und Meinungen berühmter Philosophen. Übers. von O. Appelt, Bd 1—2, B., 1955.

Лит.: Маковельский А., Досократовская философия, ч. 1 — Обзор источников, Казань, 1918, с. 125—42; История философии, т. 1, М., 1940 (см. Указатель имен); Соколовский С. М., Транскрипция наименования Διογένης; Аелтиос — Diogenes Laertius, «Вестн. древней истории», 1948, № 2; Gassen di P., Animadversiones in decimum librum Diogenis Laertii, qui est de vita, moribus, placitisque Epicuri, Lyon, 1649; Nietzsche Fr., De Laertii Diogenis fontibus, «Rheinisches Museum für Philologie», 1868, Bd 23, S. 632—53; 1869, Bd 24, S. 181—228 (Diss.); его же, Analecta Laertiana, там же, 1870, Bd 25, S. 217—31; его же, Beiträge zur Quellenkunde und Kritik des Laertius Diogenes, Basel, 1870; Норе R., The book of Diogenes Laertius, N. Y., 1930 (Обзор изучения источников Диогена Лаэртского); Берга К., Poznámky k textu sedmé knihy Diogenes Laertského «Vita clarorum philosophorum», «Listy filologické», Praha, 1958, roč. 6, č. 1; Коль А., Prameny «životá» Diogenes Laertského, там же, 1959, roč. 7, č. 1—2. А. Лосев. Москва.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ (Διογένης Σινωπέσις) (ок. 404—323 до н. э.) — др.-греч. философ, ученик основателя школы киников Антисфена, развивший его учение в направлении наивного материализма. Образ Д. С. дошел до нас в извращенном виде, гл. обр. под влиянием Диогена Лаэртского [из соч. к-рого (Diog. L., VI 2) по преимуществу черпаются сведения о биографии и учении Д. С.]. Диоген Лаэртский утверждал, что Д. С. не выдвинул сколько-нибудь развитого учения; однако он противоречил сам себе, поскольку сам же сообщал длинный список соч. Д. С., куда входили и его трагедии (там же, VI 2, 80, 81, сл. Диоген Лаэртский приводит также список произведений Д. С., составленный Сотионом). К этой версии примыкал и Гегель, утверждавший, что «о Диогене можно рассказать лишь анекдоты» (Соч., т. 10, М., 1932, с. 121). Вопреки этому можно утверждать, что Д. С. принадлежит довольно развитое философ. учение. Он решительно отвергал все блага цивилизации и требовал, чтобы человек вернулся в первобытное состояние или даже вел жизнь животного. Всю культуру он объявлял насилием над человек. существом, отвергал гос-во, объявляя себя гражданином мира, проповедовал общность жен и детей. Свое безразличие к моральной и обществ. жизни Д. С. доводил до цинич. бесстыдства и полного равнодушия к любым неудобствам жизни. Согласно историч. анекдоту, Д. С. жил в бочке (Diog. L., VI 23. 43. 105; Senec. epistul. 90, 14), подчёркивая этим непужность удобного жилища, а на вопрос Александра Македонского, чего бы хотел Д. С. от него, ответил: отойди, не загораживай мне солнца (Diog. L., VI 38; ср. вообще о встречах Д. С. с Александром Македонским — Cic. Tusc. V 32, 92; Senec. De benef., v. 4, 3—4; Plut. Alex. 14), подчёркивая этим свое пренебрежение к материальным благам. Д. С. не только критиковал учение об общих идеях Платона с т. зр. крайнего сенсуализма, признавая только единичное (Diog. L., VI 53), но и проповедовал вместе с софистами противоположность природной данности и человек. установлений. Он признавал необходимость философии, уподобляя ее деятельность рулевого или врача (там же, VI 24, 30), отвергал многобожие и религ. культы, как произвольные человек. установления и признавал только

основанную на подражании природе аскетич. добродетель, находя в ней единств. самоцель человека.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1940, с. 149—50 и др. по указат.; то же, т. 1, М., 1957, с. 411; И. К. Куреунский, Изречения древнейших греческих мыслителей, X., 1887, с. 199—225; Брюнов П. И., Греческий мудрец Диоген, 3 изд., М., 1910; Гамисерд Г., Жизнепонимание греческих философов... СПб., 1912, с. 108—23; его же, Греческие мыслители, т. 2, СПб., 1913, с. 103—28; Fritze K., Quellen-Untersuchungen zu Leben und Philosophie des Diogenes von Sinope, Lpz., 1926; Saugre F., Diogenes of Sinope, Balt., 1938. А. Лосев. Москва.

ДИОДОР КРОН (Διοδόρος Κρόνος) (ум. ок. 307 до н. э.) из Яга в Карии — др.-греч. философ мегарской школы. Жил при дворе Птолемея Сотера. О его жизни фактически ничего не известно. Д. К. выступал против Аристотеля, отрицая различие между возможным и действительным. Для него понятие возможности не имело самостоят. значения. Против этого направлен его софизм под названием κινεσέων (повелевающий), смысл к-рого заключается в том, что возможное есть то, что есть или будет, а то, что будет, всегда необходимо. Д. К. отрицал также движение. Для него, как и для элеатов, переход вещи из бытия в небытие был немислим. Его четыре доказательства несуществования движения напоминают доводы Зенона Элейского по тому же поводу (см. также Аполония). За свое чисто софистич. мастерство он получил др. прозвище — διαλεκτικός (искуснейший диалектик) или, как называл его Цицерон, dialecticus valens (большой диалектик).

Лит.: История философии, т. 1, М., 1940, с. 144, 146; Henne D., L'École de Mégare, P., 1843; Mallet M. C., Histoire de l'École de Mégare..., P., 1845; Zeller E., Über den Κινεσέων des Megarikers Diodoros, в его кн.: Kleine Schriften, Bd 1, B., 1910; Hartmann N., Der megarische und der Aristotelische Möglichkeitsbegriff. Beitrag zur Geschichte des ontologischen Modalitätsproblems, B., 1937. Э. Михайлова. Москва.

ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ (Διονύσιος Ἀρεοπαγίτης) (1 в. н. э.) — первый афинский епископ. Ему приписывалось (отвергнутое еще в период Возрождения) авторство ряда трактатов — т. н. *Ареопагитик*.

Лит. см. при ст. *Ареопагитики*.

ДИППЕЛЬ (Dippel), Иоганн Конрад (псевдоним — Кристьянус Демокритус; Christianus Demokritus) (10 авг. 1673—25 апр. 1734) — передовой нем. мыслитель, врач, алхимик, демократич. деятель нем. религ. движения. Жил в Германии, Голландии, Дании, Швеции, всюду подвергаясь преследованиям; 8 лет провел в тюрьме. Соч. Д. сжигались и запрещались. Д. нападал на церковь («Безошибочный метод объединения всех сект и церквей в одну единую церковь...») — «Ohnfehlbare Methode, alle Secten und Religionen zu einer einigen Kirche zu bringen...», 1705) и Лютера, считая его прислужником князей. Осн. ошибочным положением христ. религии, по Д., является догма о том, что страдания и смерть Христа гарантируют верующим прощение грехов («Высеченное папство протестующих» — «Das gestäupte Pabstthum an den blinden Verführern... in der protestierenden Kirchen», Jena, 1698, «Суммарное и искреннее вероизъявление» — «Summarische und aufrichtige Glaubens-Bekänntnüss», 1700). Критикуя христ. церковь, Д. утверждал, что истинными христианами являются лишь преследуемые церковью т. н. еретики и что князья используют ортодокс. религ. формулы лишь для того, чтобы сделать народ более покорным. Д. требовал полного отделения церкви от гос-ва и терпимости в отношении ко всем религиям («Начало, середина и конец орто и гетеродоксии» — «Anfang, Mittel und Ende der Orthodoxie und Heterodoxie», 1699). Д. выдвинул идею объединения христиан, евреев и мусульман на основе единой общечеловеч. морали. Каждый имеет право представлять бога по-своему, в будущем должна исчезнуть всякая религия. Ни один истинный христианин не может господствовать над др. людьми, собственность противоречит христианству. В книге «Град Хри-

ста на Земле...» («Christenstadt auf Erden...», 1700) Д. требовал устранения имущества и сословного неравенства. В мировоззрении Д. передовые филос. идеи противоречиво сочетались с реакционными; Д., в частности, выступал против принципа *детерминизма*.

После смерти Д., в 1736, вышли анонимный труд «Christiani Democratii redivivi mystisches Paradies» и др. книги, в к-рых пропагандировались его идеи. Д. оказал сильное влияние на формирование воззрений *Эдельмана*.

Соч.: *Eröffnung Weg zum Frieden mit Gott und allen Kreaturen*, Tl 1—3, Fr., 1747; *Hirt und eine Heerde*, в *Int. Bibliothek der Deutschen Aufklärer des achtzehnten Jahrhunderts*, Lpz., 1847, Н. 5.

Лит.: Гропп Р. О., Прогрессивное философское наследие Германии последней трети XVII—конца XVIII вв., «Философские науки», (Научн. док. высш. школы), 1961, № 1, с. 90—91; *Askernan J. C.*, Das Leben J. C. Dippels, Lpz., 1781; *Hoffmann H. W.*, Leben und Meinungen J. C. Dippels, Darmstadt, 1782; *Erb G.*, La vie et la doctrine de J. C. Dippel, Stras., 1857; *Buchner C.*, J. K. Dippel, Lpz., 1858; *Schmidt J.*, Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland, Bd 1, Lpz., 1862; *Hennig C.*, J. C. Dippels virstase i Sverige samt Dippelianismen i Stockholm 1727—1741, Upsala, 1881; *Ben der W.*, Johann Conrad Dippel, der Freigeist aus dem Pietismus, Bonn, 1882; *Mauthner F.*, Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, Bd 3, Stuttg. — B., 1922; *Seeborg E.*, Gottfried Arnold. Die Wissenschaft und die Mystik seiner Zeit, Meerane in Sachsen, 1923. *Г. Штальер*. ГДР. А. Гумма. Москва.

ДИРАК (Dirac), Поль Адриен Морис (р. 8 авг. 1902) — англ. физик-теоретик, инженер по образованию. В 1930 Д. избран членом Лондонского королевского об-ва, осенью 1932 получил Лукасовскую кафедру Кембриджского ун-та, к-рую некогда занимал Ньютон; лауреат Нобелевской премии (1933) за создание теории электронов и позитронов (вместе с *Шрёдингером*). В 1925—27 опубликована серия работ Д. по основам квантовой механики и ее релятивистскому обобщению. Одновременно с Э. Ферми Д. сформулировал т. н. статистику Ферми — Дирака, основанную на принципе «запрета» Паули. В 1928 Д. предложил свое релятивистски инвариантное волновое уравнение, описывающее движение частиц с полудельным спином, послужившее затем основой также и теории позитронов, экспериментально обнаруженных в 1932.

Филос. воззрения Д. близки по духу позитивизму т. н. копенгагенского направления в физике с известной дозой чисто «кембриджского» пифагоризма. Однако глубокие научно-теоретич. построения Д. стихийно отражают диалектику материального мира, к-рая получила блестящее подтверждение при теоретич. предсказании им существования античастиц (позитрона, антипротона и антинейтрона), построении теории вакуума и общей схемы квантовой механики и квантовой электродинамики. Большой друг сов. науки, иностр. чл.-корр. АН СССР, Д. неоднократно посещал СССР, выступая с лекциями и докладами на науч. конференциях, перед студентами и массовой аудиторией.

Соч.: *The cosmological constants*, «Nature», 1937, t. 139, № 3512, p. 323; *A new basis for cosmology*, «Proc. Royal Soc. of London» Ser. A, 1938, v. 165, p. 199; в рус. пер.: *Принципы квантовой механики*, М., 1960; *Электроны и вакуум*, М., 1957; *Теория электронов и позитронов*, в сб.: *Гейзенберг В.*, *Шрёдингер Э.*, *Дирак П. А. М.*, *Современная квантовая механика. Три нобелевских доклада*, М.—М., 1934; *Теория электронов и протонов*, «Усп. физических наук», 1930, т. 10, вып. 5—6. *И. Ажурин*. Москва.

ДИСКРЕТНОСТЬ (от лат. discretus — разделенный, прерывистый) — прерывность. См. *Атомное учение*, *Прерывность* и *непрерывность*.

ДИСКУРСИВНЫЙ (позднелат. discursivus, от discursus — довод, аргумент) — рассудочный, опосредствованный, логический, демонстративный (в отличие от чувственного, непосредственного, созерцательного, интуитивного).

Разделение истины на непосредственные («интуитивные») и опосредствованные (принимаемые на основе доказательства) было впервые отчетливо проведено в Древнегреч. математике и философии (*Платон*, *Аристотель*). Термин «Д.» встречается у *Фома Аквинского*, к-рый считал, что «дискурсивный интеллект — это такой, в котором одно познается через посредство другого» («Summa theol.» I, q 58, a3, ad 1), и противопоставлял его простой интуиции, а также «истинам» открывения. Развитие математики и естествознания начиная с 17 в. привело к возникновению множества теорий Д. и интуитивного знания. Рационалисты (*Декарт*, *Лейбниц*, *Спиноза*) считали, что всеобщность и необходимость челове. знания не может быть обоснована ни чувственным созерцанием (*интуицией*) и связанной с ним индукцией, ни Д. мышлением, опирающимся на логич. аппарат дефиниций, силлогистики и доказательства. Всеобщность и необходимость знания обеспечивает лишь интеллектуальная интуиция (intuitus mentis), к-рая лежит в основе доказательства и в к-рой разум одновременно и мыслит, и созерцает. Только она позволяет Д. мышлению проникать во всеобщие и необходимые связи вещей. Иной т. зр. придерживался *Гоббс*. Он считал, что всеобщий и необходимый характер суждений (напр., математики) основан на способности слов языка быть знаками общих понятий. *Локк*, понимая под истиной соответствие между идеями, считал, что некоторые истины могут постигаться непосредственно, интуитивно. В других же случаях душа «...старается обнаружить искомое соответствие или несоответствие через посредство других идей...» с помощью рассуждения, или демонстрации (Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, с. 520); Д. познание вполне достоверно, однако чем больше шагов у доказательства, тем менее ясным оказывается вывод. При этом каждый шаг демонстрации должен обладать интуитивной очевидностью. Ограниченность Д. познания состоит в том, что не всегда можно найти промежуточные идеи, к-рые можно было бы связать одну с другой с помощью интуиции во всех звеньях дедукции. *Хр. Вольф* и его последователи (*Николай М. Мендельсон* и др.), разрабатывая формальную логику с позиций рационализма, преувеличивали роль Д. познания. *Юм* считал, что не опосредствованное знание, не доказательство, а вера (Belief) дает убеждение в реальном существовании вещей, необходимое в практич. жизни. *Якоби* начисто отрицал роль Д. мышления. *Кант* отрицал возможность интеллектуальной интуиции и считал, что достоверное науч. знание достигается в синтезе чувств. интуиций с рассудочными формами. «...Познание всякого, по крайней мере человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное» («Критика чистого разума», II, 1915, с. 69). При этом в основании математики «должно лежать какое-нибудь чистое созерцание, в котором она может представлять все свои понятия конкретно и вместе с тем a priori, или ... конструировать их», «тогда как философия должна удовлетворяться дискурсивными суждениями из одних понятий...» («Пролегомены...», М., 1937, с. 40). По *Гегелю*, в спекулятивном (истинно философском) познании достигается единство непосредственного и опосредствованного. Гегель отличает дискурсивное (рассудочное, формальное) мышление от содержательного (чувственного и спекулятивного). Подчеркивая превосходство спекулятивного мышления над Д., Гегель рассматривал по-

следнее лишь как момент первого. Для бурж. философии 2-й пол. 19 в. и в особенности эпохи империализма характерны либо *алогизм* и *иррационализм*, либо истолкование Д. мышления как чисто формально-логич. процесса. В частности, *неопозитивизм* преувеличивает роль Д. мышления, подменяет философскую логич. и семантич. теориями. Марксистская философия, рассматривающая чувств. и рациональное познание как два момента единого процесса отражения действительности, признает важную роль в этом процессе формально-логической Д. стороны. Термин «Д.» в марксистской философии обычно не применяется. См. *Теория познания*.

Лит.: Аристотель, *Метафизика*, пер. [с греч.], М.—Л., 1934, 1025 в 1—16, с. 107 и др.; Декарт Р., *Правила для руководства ума*, пер. с латинск., М.—Л., 1936, с. 55—60, 79—85 и др.; Лейбниц Г. В., *Новые опыты о человеческом разуме*, пер. с нем., М.—Л., 1936, с. 110, 318—27, 350; Спиноза Б., *Избр. произв.*, т. 1, М., 1957, с. 329—58, 402, 407, 414, 423—30, 432—34, 589—607 и др.; Гоббс Т., *Избр. соч.*, пер. [с англ.], М.—Л., 1926, с. 229, 230 и др.; Локк Дж., *Избр. филос. произв.*, т. 1, М., 1960, с. 72, 75—92, 120—41, 384—94, 514—31, 547—51, 558—68; т. 2, М., 1960, с. 189—94, 196, 201—203, 205, 211, 219, 251, 252, 342—61, 370—85, 387—404; Кант И., *Критика чистого разума*, пер. с нем., 1907, с. 464, 312, 745—63 и др.; его же, *Прологомены*, М.—Л., 1934, с. 144—46, 165—66, 224 и др.; Гегель Г. В. Ф., *Соч.*, т. 1, М.—Л., 1929, с. 26—30, 92—94, 105, 131—43 и др.; т. 4, М., 1959, с. 30—36 и др.; Бергсон А., *Собр. соч.*, т. 2, СПб., [1914], с. 58—67 и др.; т. 5, с. 35 и др.; Джемс У., *Вселенная с интеллектуальной точки зрения*, пер. с англ., М., 1911, с. 48, 62, 80, 117—19, 170 и др.; Рассел Б. Ф., *Человеческое познание*, пер. с англ., М., 1957; Асмус В. Ф., *Учение о непосредственном знании в истории философии нового времени*, «Вопр. философии», 1955, № 5, 1957, № 6, 1959, № 11; Нарский И. С., *Очерки по истории позитивизма*, М., 1960; Łukasiewicz J., *Logistyka a filozofja*, «Przegląd filozoficzny», 1936, roc. z. 39, z. 2.

К. Морозов. Москва.

ДИСПАРАТНЫЙ (от лат. *disparato* — разделяю, обособляю) — несравнимый. Д. понятия (лат. *notiones disparatae*) — в традиционной логике понятия, к-рые не охватываются ближайшим родом, напр. «эллипс» и «квадрат», «книга» и «корабль»; иначе наз. *несравнимыми*. Д. понятия противопоставляются сравнимым понятиям. Несравнимость понятий не является абсолютной в том смысле, что Д. понятия обычно охватываются общим родовым понятием, хотя оно зачастую и может быть чрезвычайно широким (таким, напр., как «организм», «вещь», «материальный предмет» и т. п.).

Д. суждения — различительные суждения, т. е. такие, в к-рых раскрывается различие между предметами. Напр.: «водород отличается от кислорода тем, что сам горит, но горения не поддерживает». Д. ощущения — ощущения различных органов чувств, напр. зеленое и громкое, сладкое и теплое.

Термин «Д.» встречается уже у Цицерона, к-рый называет этим термином «...то, что отделяется от чего-либо путем противопоставления с помощью отрицания, напр., понятия — не понятия» («De inventione», I, 28, 42). Бозций говорит о Д. понятиях, к-рые он определяет как «такие понятия, которые отличны друг от друга, при полном отсутствии отношения контрапости между ними, напр., земля, одежда, огонь» («De syllogismo hypothetico», p. 608). По Лейбницу, различительные предложения «...это — предложения, утверждающие, что предмет какой-нибудь идеи не есть предмет иной идеи, например, что теплота не то же самое, что цвет; или же, что человек и животное не одно и то же, хотя всякий человек животное» («Новые опыты о человеческом разуме», М.—Л., 1936, с. 319). В работах по традиц. формальной логике в 19—20 вв. термин «Д.» прилагается обычно лишь к понятиям. Герbart («Lehrbuch zur Psychologie», 3 Aufl., S. 21 f.) говорил о Д. понятиях и ощущениях. В математич. логике Д. понятия не рассматриваются.

Лит.: Челпанов Г. И., *Учебник логики*, [М.], 1946, с. 23, 24; Асмус В. Ф., *Логика*, М., 1947, с. 38; Виной

градов С. Н. и Кузьмин А. Ф., *Логика*, 8 изд., М., 1954, с. 23, 24; Thomas Aquinas, *Summa theologiae*, pars 1, Roma, 1894, p. 96, 3 ob. 1, 2. Hamilton W., *Lectures on metaphysics and logic*, v. 1, 2 ed., Edin.—L., 1866, p. 207—24; Ueberweg F., *System der Logik*, 3 Aufl., Bonn, 1868, § 53; Prantl C., *Geschichte der Logik im Abendlande*, Bd 1, 4, B., 1957.

К. Морозов. Москва.

ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ ПРЕДИКАТ (от лат. *dispositio* — расположение) — предикат, выражающий предрасположение (диспозицию) предмета реагировать определ. образом в определ. ситуации, напр. «растворимый» (при опускании в воду растворяется), «упругий» (после деформации принимает первоначальную форму) и т. д. Существенно, что Д. п. выполняется для предмета, обладающего данной диспозицией, даже в том случае, когда соответствует ситуации фактически не имеет места. Так, кусок сахара является растворимым, даже если он не опущен в воду. В этом отношении Д. п. противопоставляются т. н. явным предикатам, выполняющим к-рых может быть проверена прямым наблюдением («опущен в воду», «растворена», «деформирован» и т. д.). В логике с Д. п. связана проблема нахождения способов их определения через явные предикаты, т. е. проблема введения Д. п. в формализованный язык, к-рый их первоначально не содержал. Исследование Д. п. представляет интерес при изучении логич. средств науки; в наст. время проблема Д. п. приобрела значение в связи с построением информативно-логич. языков для информац. машин, что составляет важную задачу *кибернетики*.

Представляется как будто очевидным, что элементарное диспозиционное предложение $D(x)$, означающее « x имеет диспозицию D », эквивалентно некоторому изъявительному условному предложению, содержащему лишь явные предикаты S и R , выражающие соответственно ситуацию и реакцию предмета в этой ситуации; это определение выражается с помощью материальной импликация: $[1] D(x) \equiv [S(x) \supset R(x)]$; напр., « x растворим» означает: «если x опущен в воду, то x растворяется». Однако это неверно. В самом деле, если взять кусок стекла a , не погруженный в воду, то $S(a)$ ложно, и значит $S(a) \supset R(a)$ истинно (в силу логичности антецедента), тогда согласно [1] истинно и $D(a)$, т. е. получается, что данный кусок стекла растворим. Содержательно ясно, что $D(x)$ соответствует составительному условному предложению вида «если бы имело место $S(x)$, то имело бы место $R(x)$ », напр., « x растворим» означает: «если бы предмет x был опущен в воду, то он бы растворился». Тем самым проблема Д. п. сводится к проблеме формального выражения составительных высказываний.

Карнап (1936) предложил вводить Д. п. посредством постулатов вида: $[2] S(x) \supset [D(x) \equiv R(x)]$, к-рые сводят вопрос к применимости Д. п. D к предметам, для к-рых выполняется S , к вопросу о применимости к ним R ; но постулат такого рода ничего не говорит о применимости D к предметам, для к-рых S не выполняется (напр., о растворимости предметов, не опущенных в воду). Поэтому была предложена другая схема определения Д. п.: $D(x) \equiv A(x) \& [A(x) \supset (S(x) \supset R(x))]$, где A обозначает те свойства атомной структуры предмета, к-рые причинно обуславливают данную его реакцию, напр. растворение при погружении в воду. Эта схема (принадлежавшая Юхосу) не имеет недостатков формул [1] и [2], но ее применение предполагает, что для каждого конкретного D определено A , к-рое вместе с S составляет необходимое и достаточное условие (причину) реакции R . Тем самым проблема Д. п. сводится к проблеме формального выражения причинных связей, к-рая, в свою очередь, есть частный случай проблемы высказываний, формулирующих законы (см. *Номологические высказывания*). Возможна и следующая схема определения Д. п.: $D(x) \equiv N[S(x) \supset R(x)]$, где N — модальный оператор «необходимо». При таком подходе проблема Д. п. является частной проблемой *модальной логики*.

Лит.: Carnap R., *Testability and meaning*, «Philos. Sci.», 1936, v. 3, № 4, 1937, v. 4, № 1; Goodman N., *Fact, fiction and forecast*, Camb., 1955; Pap A., *Analytische Erkenntnistheorie*, W., 1955; Juhos B. von, *Über die Definierbarkeit und empirische Anwendung von Dispositionsbegriffen*, «Kant-Studien», Köln, 1959—60, Bd 51, H. 3, S. 272.

Д. Лазути. Москва.

ДИССИМИЛЯЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ (от лат. *dissimilis* — несходный и *assimilis* — сходный) — взаимно противоположные процессы, обеспечивающие в единстве непрерывный процесс жизнедеятельности живых организмов; протекают в организме непрерывно, одновременно, в тесной взаимосвязи и составляют две стороны единого процесса *обмена веществ*. Д. и а.

образуют сложную систему, состоящую из цепи взаимосвязанных биохимич. реакций, каждая из к-рых в отдельности является только химической, но к-рые в единстве составляют целое, обладающее биол. природой. Противоречие Д. и а. определяет динамич. равновесие живого тела. Как открытая система (см. *Жизнь*), оно должно, постоянно приобретая, столь же непрерывно тратить приобретенную энергию, так, чтобы не увеличивалась *энтропия*.

Д и с с и м и л я ц и я — процесс расщепления в живом организме органич. веществ на более простые соединения — ведет к освобождению энергии, необходимой для всех процессов жизнедеятельности организма. **А с с и м и л я ц и я** — процесс усвоения органич. веществ, поступающих в организм, и угодления их органич. веществам, свойственным данному организму, идет с использованием энергии, высвобождающейся при процессах диссимилиации. При этом образуются (синтезируются) соединения, обладающие высокой энергией (макроэргические), к-рые становятся источником энергии, высвобождающейся при диссимилиации. Диссимилиация поступающих в организм питательных веществ, в основном белков, жиров и углеводов, начинается с ферментативного расщепления их на более простые соединения — промежуточные продукты обмена веществ (пептиды, аминокислоты, глицерин, жирные кислоты, моносахариды), из к-рых организм синтезирует (ассимилирует) органич. соединения, необходимые для его жизнедеятельности. Все процессы Д. и а. в организме протекают как единое целое. См. *Обмен веществ, Жизнь* и лит. при этих статьях.

ДИСТИНКЦИЯ (от лат. *distinctio* — различие) — термин, служащий для обозначения познават. акта, констатирующего объективное различие между предметами и явлениями действительности или между элементами сознания. В формальной логике термин «Д.» чаще всего употребляется для обозначения одного из приемов, заменяющих определение (см. *Различение*). Различением и различием занимался уже Аристотель, однако термин «*distinctio*» был введен в ср. века. Схоласты (Иоани Скот Эриугена, Дунс Скот и др.) термин «Д.» обозначали как объективное различие (Д. сущностная, причинная, реальная и др.), так и мысленное различие (Д. формальная, субъективная, Д. разума и др.). Термин «Д.» используется до настоящего времени. См. также *Различие*. К. Морозов. Москва.

ДИСТРИБУТИВНОСТИ ЗАКОН (от лат. *distributus* — распределенный), **распределительный закон**, — закон, выражающий дистрибутивность (распределительность) одной данной логич. или математич. операции относительно др. данной операции. Примером Д. з. может служить закон обычной арифметики: $a(b + c) = ab + ac$, выражающий распределительность умножения относительно сложения, т. е. то, что умножение любого числа a на сумму любых чисел b и c дает тот же результат, к-рый получается, если умножение на a «распределить» между слагаемыми и затем сложить произведения $a \cdot b$ и $a \cdot c$; но в обычной арифметике сложение не дистрибутивно относительно умножения. В отличие от обычной арифметики, в логике высказываний имеется пара операций, из к-рых каждая дистрибутивна относительно другой, — это *конъюнкция* и *дизъюнкция*. Д. з. для этих операций выражаются эквивалентностями: $A \& (B \vee C)$ экв. $(A \& B) \vee (A \& C)$ (дистрибутивность конъюнкции относительно дизъюнкции); A, B и C — любые высказывания, $\&$ и $\vee$ — знаки конъюнкции и дизъюнкции, а экв. есть сокращение для слова «эквивалентно» и $A \vee (B \& C)$ экв. $(A \vee B) \& (A \vee C)$ (дистрибутивность дизъюнкции относительно конъюнкции). В логике предикатов операция связывания переменной

квантором общности дистрибутивна относительно конъюнкции: $\forall x(\Phi(x) \& \Psi(x))$ экв. $\forall x\Phi(x) \& \forall x\Psi(x)$ (т. е. высказывания «для всякого x справедливо свойство Φ и свойство Ψ » и «для всякого x справедливо свойство Φ и для всякого x справедливо свойство Ψ » эквивалентны), но не дистрибутивна относительно дизъюнкции (т. к. из высказывания «для всякого x справедливо свойство Φ или свойство Ψ » не следует высказывание «для всякого x справедливо свойство Φ или для всякого x справедливо свойство Ψ », хотя обратное следование и имеет место). Операция же связывания переменной квантором существования дистрибутивна относительно дизъюнкции:

$$\exists x(\Phi(x) \vee \Psi(x)) \text{ экв. } \exists x\Phi(x) \vee \exists x\Psi(x)$$

(т. е. высказывания «существует такое x , для к-рого верно Φ или Ψ » и «существует такое x , для к-рого верно Φ , или существует такое x , для к-рого верно Ψ » эквивалентны), но не дистрибутивна относительно конъюнкции (т. к., хотя из высказывания «существует такое x , для к-рого верно Φ и Ψ » и следует высказывание «существует такое x , для к-рого верно Φ , и существует такое x , для к-рого верно Ψ », но обратное следование не имеет места). Д. з., позволяющие проводить т. н. «вынос за скобки» и (при использовании соответствующего закона ассоциативности, т. е. сочетательного закона) «раскрытие скобок», играют существенную роль в преобразованиях логич. и алгебраич. выражений. С выполнением Д. з. для тех или иных операций в логич. и алгебраич. системах связаны важные свойства этих систем (см. *Структура*).

В алгебре логики упомянутые Д. з. для конъюнкции и дизъюнкции обычно записывают не в виде эквивалентностей, а в виде равенств, т. е. более сходно с арифметическим Д. з.: $A(B \vee C) = A \vee B \vee AC$ и $A \vee B \vee C = (A \vee B)(A \vee C)$. Там же используются и др. Д. з.: напр., $A(B+C) = AB+AC$ (дистрибутивность конъюнкции относительно раздвигательной дизъюнкции), $A \vee (B \sim C) = (A \vee B) \sim (A \vee C)$ (дистрибутивность дизъюнкции относительно эквиваленции), $A \rightarrow (B \rightarrow C) = (A \rightarrow B) \rightarrow (A \rightarrow C)$ (дистрибутивность импликации относительно импликации). Последний закон называют также законом самодистрибутивности импликации [или, вернее, левой самодистрибутивности импликации, т. к. для последней соответствующий правой Д. з. $(A \rightarrow B) \rightarrow C = (A \rightarrow C) \rightarrow (B \rightarrow C)$ не верен и, тем более, не вытекает из вышеприведенного левой Д. з. из-за некоммутативности импликации, т. е. из-за отсутствия для нее переместительного закона. «Раскрывать скобки» этот закон не позволяет для нее неассоциативности импликации, т. е. из-за отсутствия для нее сочетательного закона]. Законом самодистрибутивности импликации наз. также формула $((A \rightarrow B) \rightarrow C) \rightarrow ((A \rightarrow C) \rightarrow B)$, играющая важную роль в исчислении высказываний и применяемая часто в качестве одной из аксиом последнего, что удобно, напр., для доказательства *теоремы о дедукции*; последние при этом являются следствием уже того, что в исчислении постулированы закон, выражаемый указ. формулой, и более простой закон, выражаемый формулой $(A \rightarrow B) \rightarrow A$, а также обычное правило *modus ponens*. Иногда рассматривают Д. з. и для таких операций, к-рые не обязательно думестны (т. е. могут быть функциями не двух переменных, а, напр., трех или четырех). Примеры таких Д. з.: $A \cdot (B \sim (C \sim D)) = A \cdot B \sim (A \cdot C \sim A \cdot D)$ (дистрибутивность конъюнкции относительно трехместной эквиваленции), $(A \sim (B \sim C)) \rightarrow D = (A \rightarrow D) \sim ((B \rightarrow D) \sim (C \rightarrow D))$, закон самодистрибутивности медианы и др. В общем случае такого рода Д. з. можно выразить формулой:

$$f(A_1, \dots, A_{i-1}, g(B_1, \dots, B_m), A_{i+1}, \dots, A_n) = g(f(A_1, \dots, A_{i-1}, B_1, A_{i+1}, \dots, A_n), \dots, f(A_1, \dots, A_{i-1}, B_m, A_{i+1}, \dots, A_n))$$

[дистрибутивность операции f по i -му аргументу (месту) относительно операции g]. Примером применения общего понятия дистрибутивности может служить след. теорема: для того чтобы функция алгебры логики была *и с ф е р о й* (т. е. чтобы через нее можно было бы представить любую другую функцию алгебры логики), необходимо и достаточно, чтобы не имела места дистрибутивность отрицания медианы относительно этой функции.

Лит.: Новиков П. С., *Элементы математической логики*, М., 1959; Вандерварден Б. Л., *Современная алгебра*, пер. с нем., ч. 1, М.—Л., 1947; Биркгоф Г., *Теория структур*, пер. с англ., М., 1952; Чёрч А., *Введение в математическую логику*, т. 1, пер. с англ., М., 1960.

Б. Бирсков. Москва. А. Кулешов. Москва.

ДИСЦИПЛИНА (от лат. *disciplina* — обучение; строгий порядок) — определ. порядок поведения, основанный на усвоении и подчинении людей исторически

сложившимся нормам права и морали, устанавливаемым в интересах всего общества или отдельных классов или обществ, групп. В широком смысле слова Д. есть способ, при помощи к-рого осуществляется данный обществ. порядок. Господствующей системой экономич. отношений определяется в конечном счете тот или иной тип обществ. Д. и средства ее поддержания (подчинение насилью, слепое повиновение, экономич. принуждение, сознательная Д., Д. привычки). Д. является средством, при помощи к-рого достигается единство действий внутри какой-либо общности людей.

Д. возникла в процессе совместной трудовой деятельности людей уже в первобытном человец. обществе; ее стихийно складывавшиеся требования выражали общие интересы коллектива. В первобытном обществе общая связь, Д. держались силой привычки, традиций, уважением к старейшине рода (см. В. И. Ленин, Соч., т. 29, с. 438). С разделением общества на антагонистич. классы Д. приобретает классовый характер и становится средством поддержания классового господства эксплуататорских классов. Социальная роль Д., устанавливаемой и поддерживаемой господствующими классами, состоит в том, чтобы держать в повиновении эксплуатируемые массы. Обычай, традиция, мораль становятся недостаточными для поддержания классовой Д. На ее охрану встают право, сопутствующее ему насилью, экономич. принуждение и идеологич. обработка масс.

В периоды революций в массах формируется новая, революц. Д., основанная на осознании революц. долга и направленная на свержение старых порядков. Так, в эпоху франц. бурж. революции конца 18 в. Робеспьер в ст. «О необходимости и природе воинской дисциплины», доказывая необходимость строгой революции Д., указывал на ее сознательный характер и противопоставлял ее деспотич. Д. слепого повиновения (см. «Революционная законность и правосудие», М., 1959). Утверждая, что вопрос о Д. есть вопрос жизни и смерти революции, Марат говорил: «...когда граждане разделены в своих частных интересах, их поработают по частям, и тогда наступает конец свободе» (Избр. произв., т. 1, М., 1956, с. 126).

В бурж. социологии проблема Д. впервые была поставлена в теориях естеств. права, имевших антифеод. направленность. Согласно учениям франц. просветителей 18 в., подчинение установленным в обществе порядкам и законам есть результат заключенного между людьми обществ. договора, в соответствии с к-рым каждый человек передает обществу часть своей естественной индивидуальной свободы. Наилучший обществ. порядок должен быть основан на требованиях разума. Подчинение частного интереса такому порядку, к-рый необходим всем членам общества, исключает слепое повиновение, характерное для феод. общества. Согласно Руссо, каждый индивид в своих личных интересах должен отказаться от части своей индивидуальной свободы в пользу «общей воли»; должна быть найдена «... такая форма ассоциации, ... в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе» («Об общественном договоре...», М., 1938, с. 12). Аналогичную мысль высказывает и Гольбах, утверждая, что «при объединении в общество каждый индивид отказался от некоторой доли своей естественной свободы, которая могла бы вредить свободе других индивидов» («Система природы», М., 1940, с. 86).

Для Канта нормы бурж. общества представлялись непререкаемыми велениями «практического разума». Проблема социальной Д. переносится Кантом в область доброй воли, что вполне соответствовало политич. бессилию нем. буржуазии; у него разумное существо «... не повинуетя никакому закону, разве

тому, который дает оно само себе» («Критика практического разума...», с. 74, СПб, 1879). По Канту, Д. чистого разума есть «п р и н у ж д е н и е, ограничивающее и, наконец, искореняющее постоянную склонность к отступлению от известных правил» («Критика чистого разума», П., 1915, с. 398). Д. разума создает «... как бы систему предосторожностей и самоиспытания, перед которою никакие ложные иллюзии не могут устоять и тотчас разоблачаются, несмотря на все прикрасы» (там же, с. 399).

Маркс и Энгельс раскрыли социальные основы Д. бурж. общества, не оставившего «... между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного, чистогана» (Соч., 2 изд., т. 4, с. 426), раскрыли роль насилия в установлении Д. наемного рабства (см. там же, т. 23, с. 725—52) и вместе с тем показали, как в недрах бурж. общества вместе со становлением пролетариата как класса зарождается и развивается Д. нового типа.

Маркс и Энгельс вскрыли классовую сущность бурж. авторитаризма и анархизма. Авторитаризм требует слепого подчинения масс диктатуре господствующих классов в той или иной ее форме. Борясь с анархизмом, Маркс и Энгельс показали, что он представляет собой не что иное, как «шарлатанское раздувание бурж. а з н о й свободы вплоть до абсолютной независимости и самостоятельности о т д е л ь н о г о и н д и в и д у м а...» (там же, т. 7, с. 441).

Заслуга глубокого раскрытия содержания понятия обществ. Д. принадлежит Ленину, к-рый рассматривал Д. в широком смысле, как форму осуществления того или иного обществ. порядка: «... от всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина» (Соч., т. 27, с. 475). Условиями осуществления Д. в антагонистич. обществе являются, как указывал Ленин, принуждение, покорность, страх перед наказанием, перед голодом; здесь царит Д. палки, Д. голода. Экономич. и внеэкономич. принуждение является решающим средством в руках буржуазии для поддержания нужного ей порядка в совр. эпоху, эпоху распада империализма, поскольку Д. совр. бурж. общества в своей основе противоречит интересам народных масс и правильно понятым требованиям обществ. долга. Для борьбы с прогрессивными движениями в империалистич. странах широко применяется реакц. законодательство.

В борьбе против капиталистич. строя рабочий класс выковывает свою революц. Д., требования к-рой выпадают с требованиями революц. долга. Эта Д. является необходимым условием победы социалистич. революции и построения социализма. Ленин писал: «... большевики не продержались бы у власти не то что 2½ года, но и 2½ месяца без стражайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса...» (там же, т. 31, с. 7).

В социалистич. и коммунистич. обществе объединение людей осуществляется на основе новых обществ. отношений в процессе сознат. деятельности членов общества.

Д. в социалистич. обществе не является просто подчинением установленному сверху порядку, а поддерживается самим коллективом, всеми его членами в их повседневной деятельности. Социалистич. Д.— это, по словам Ленина, «дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе» (там же, т. 27, с. 475). Объективным условием победы социалистич. Д. является становление новых обществ. отношений. Социалистич. Д. развивается с обобществлением средств производства, в процессе сознат. строительства новых обществ. отношений. Становление новой Д.

происходит в борьбе с пережитками капиталистич. Д., с устаревшими обществ. навыками и т. п.

Д. имеет различные формы. В зависимости от сферы применения различают Д. трудовую, партийную, воинскую, школьную и т. д., фиксированные в определенных уставах и законах. Общей чертой всех этих форм Д. в социалистич. обществе является ее сознательный характер. Д. социализма представляет собой «... дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига, никакой власти, кроме власти их собственного объединения...» (там же, т. 29, с. 390). В основе трудовой Д. социалистич. общества лежит новое отношение к труду как к делу чести, доблести и геройства. Вместе с тем требования трудовой Д. подкрепляются социалистич. правом. Эта Д. имеет коллективистский характер и поддерживается не только гос-вом, но и совместными усилиями труженников и их общественными организациями. Одним из способов укрепления сознательной трудовой Д. является социалистич. соревнование. Период развернутого строительства коммунизма порождает новые разнообразные формы соревнования (напр., движение бригад и ударников коммунистич. труда) и поднимает трудовую Д. нашего общества на более высокую ступень, повышая роль моральных стимулов труда. Высшей формой социалистич. Д. является партийная Д. в партиях марксистско-ленинского типа, основанная на общности политич. убеждений. Ленин определил ее словами: «Единство действий, свобода обсуждения и критики...» (Соч., т. 11, с. 286). В основе партийной Д. лежит глубокое понимание всеми коммунистами социально-историч. задач партии, единство интересов и целей партии и народа. Она требует строгого следования всех ее членов программе и уставу партии. Укрепление партийной Д. является условием жизнеспособности марксистской партии, ее способности выполнять руководящую роль в построении коммунистич. общества.

Пока существует опасность империалистич. агрессии, в социалистич. обществе сохраняет большое значение воинская Д. В противоположность воинской Д. в империалистич. гос-вах, опирающейся на классовое принуждение и муштру, сов. воинская Д. основывается на сознании каждым военнослужащим воинского долга и личной ответственности за защиту своей Родины. Сов. воинская Д. представляет собой единство правовых и моральных требований, поэтому она является основой и условием массового героизма, самоотверженности и боевого мастерства сов. воинов. Партия требует от каждого советского воина — «... быть дисциплинированным и исполнительным, строго соблюдать воинские порядки и правила, беспрекословно, точно и в срок выполнять приказ или распоряжение начальника» («КПСС о Вооруженных Силах Сов. Союза», 1958, с. 403).

Осп. средством воспитания новой Д. является убеждение, моральное влияние коллектива, воздействие силой примера. Вместе с тем социалистич. общество применяет по отношению к нарушителям Д. и меры принуждения.

Проблемы воспитания Д. как нравств. качества отд. личности получили отражение в сочинениях сов. педагога А. С. Макаренки. Макаренко рассматривал Д. не только как принуждение или внешнее соблюдение правил и обязанностей, а как внутр. нравств. качество, определяющее целостный моральный облик личности. Поэтому, по его словам, недисциплинированный человек в условиях социалистич. общества является человеком безнравственным, противостоящим коллективу. Воспитание Д. есть прежде всего воспитание уважения к обществ. установлениям и порядкам. Средством воспитания Д. он считал не только наказание, но и доверие и уважение к воспитуемому. «Дис-

циплина, — писал Макаренко, — является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов, и разрешения конфликтов в коллективе, в процессе дружбы, и доверия, и всего решительно воспитательного процесса...» (Соч., т. 5, 1958, с. 135). Сознат., ставшая внутр. потребностью Д., является, по Макаренко, важным условием свободы отд. личности. «... Дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищенное, свободное положение и создает полную уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности» (там же, с. 37).

Коммунистич. партия требует дальнейшего укрепления Д. во всех областях коммунистич. строительства. Нормы обществ. Д. в период развернутого строительства коммунизма получили яркое выражение в Программе КПСС, в моральном кодексе строителя коммунизма. Требования морального кодекса носят общепартийный характер; в коммунистич. обществе их выполнение будет опираться на обществ. самоуправление народа, они превратятся в привычку поведения. Выполнение этих норм в социалистич. обществе является нравств. долгом каждого советского человека.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, М., 1955, гл. 2, гл. 24; Энгельс Ф., Об авторитете, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 1, М., 1952; е го же, О лозунге отмены государства и немецких друзьях анархии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, там же, т. 8; Ленин В. И., Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина, Соч., 4 изд., т. 11; е го же, Государство и революция, там же, т. 25, гл. 5; е го же, Как организовать соревнование?, там же, т. 26; е го же, Очередные задачи Советской власти, там же, т. 27; е го же, Речь на I съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г., там же, т. 8; Великий почин, там же, т. 29; е го же, Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апр. 1920 г., там же, т. 30; е го же, От разрушения векового уклада и творчеству нового, там же, т. 31, с. 7—10; Резолюция X съезда РКП(б) О единстве партии, в кн.: КПСС в резолюциях и решениях, ч. 1, с. 527—530; Программа КПСС, М., 1961; Сен-симон, Избр. соч., т. 1, пер. с франц., М.—Л., 1948, с. 435—52; Лавров П. И., Исторические письма, в кн.: Избр. соч., т. 1, М., 1934 (письмо шестое и восьмое); Макаренко А. С., Соч., т. 5, М., 1958, с. 36—43, 130—44, 336; Шинкин А., Основы коммунистической морали, М., 1955, с. 179—94; 85, 97—102; Марат Ж. П., Избр. произв., т. 1, пер. с франц., М., 1956, с. 107, 126, 217—220. О Дробницкий, В. Морозов. Москва.

ДИТРИХ ФРЕЙБЕРГСКИЙ, или Теодорик Тевтоиский (Dietrich von Freiberg, Theodoricus Teutonicus) (р. ок. 1250 — ум. после 1310), — ср.-век. нем. философ. Магистр теологии. Несмотря на свою принадлежность к доминиканскому ордену, Д. Ф. разошелся в ряде пунктов с офиц. доктриной ордена — *томизмом*. В его философии (из 35 написанных им трактатов 12 посвящены общеплатоническим и 6 логич. проблемам) сильны элементы *неоплатонизма*, к-рые он воспринял как непосредственно от античных авторов (*Прохла*), так и через посредство христианских и араб. мыслителей. Неоплатонич. учение об эманации Д. Ф. попытался (довольно внешне) согласовать с учением о творении мира богом. Учение о познании роднит Д. Ф. как с августино-платоновским направлением, так и с араб. неоплатонизмом и аристотелизмом: совокупность вечных априорных истин, или «свет первой истины», характеризуется как достояние сверхиндивидуального «действующего разума» (*intellectus agens*), с к-рым человек приходит в соприкосновение в процессе индивидуального познания. Д. Ф. характеризовал также этот «действующий разум» по-августиновски, как «сокровенную часть ума» (*abditum mentis*).

Учение о познании Д. Ф. и, в частности, представление об *abditum mentis* оказало влияние на нем. мистику — *Экхарта* и *Таулера*.

Д. Ф. принадлежит ряд соч. естеств.-науч. характера. Наиболее важным из них является трактат «О радуге» («De iride»). В нем дано объяснение первой и второй радуги, развитое вновь в 17 в. М. А. де Доминсом и Декартом. В познании природы Д. Ф. придавал большое значение наблюдению и опыту, подобно своим старшим современникам Р. Бэкону и Вителло.

Соч. см. в серии: Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters, Bd 12, II. 5—6, Münster, 1914; Bd 20, II. 5, Münster, 1922.

Лит.: Krebs E., Meister Dietrich. Sein Leben, seine Werke, seine Wissenschaft, Münster, 1906 (Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters, Bd 5, II. 5—6); Crombie A. C., Robert Grosseteste and the origins of experimental science. 1100—1700, Oxf., 1953 (гл. 9, Experimental method and Theodic of Freiberg's explanation of the rainbow, p. 233—259); L e y H., Studie zur Geschichte des Materialismus im Mittelalter, B., 1957; W a l l a c e W. A., The scientific methodology of Theodic of Freiberg: a case study of the relationship between science and philosophy, Fribourg, Switzerland, 1959.

В. Зубов. Москва.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ (от лат. differentia — различие) — 1) Разделение, расчленение, расщепление целого на части, многообразные и различные формы и ступени (см. *Часть и целое*); 2) Возникновение новых органов, частей, наделенных специализированными функциями, имеющее следствием постепенное усложнение системы (в частности, организма) при развитии; 3) Последовательное вызревание качественных различий, определений (см. *Качество, Количество*).

Д. является одной из существ. закономерностей развития природы, общества и познания. Так, в обществ. жизни Д. выявляется в исторически обусловленном возникновении и развитии *классов*. В истории познания Д. проявляется, в частности, как непрестанно совершающийся процесс Д. наук и т. д.

ДИФФЕРЕНЦИРОВКА, дифференцирование — точное торможение (в практике физиологич. лабораторий также употребляется в значении дифференцировочного условного раздражителя), — один из видов внутр. торможения условных рефлексов. Развивается при действии внешнего агента, сходного с условным раздражителем, но не подкрепляемого безусловным рефлексом. Дифференцировочное торможение является одним из физиологич. механизмов процесса анализа раздражений в нервной системе. У разных животных пределы способности к Д. различны в различных анализаторах. У собаки в этом отношении на первом месте стоят слуховой и обонят. анализаторы, у обезьяны — кинестетич. анализатор. В этом различии отражен филогенетич. опыт, закрепленный *естественным отбором*. Но и в индивидуальном опыте специализация реакций, выражающаяся в Д., формируется условиями жизни и деятельности. Следствием этого является то, что дифференцировочное торможение, а с ним и аналитич. способности развиваются в процессе тренировки. У человека дифференцировочное торможение также есть один из физиологич. механизмов аналитич. способности. Для развития этой способности у человека также существенно накопление индивид. опыта. Отличие человека от животных состоит в том, что она вырабатывается несравненно быстрее и тоньше под влиянием речи. Тонкость анализа с возрастом ребенка повышается. Профессия человека оказывает большое влияние на развитие Д. и аналитич. способностей в том или ином анализаторе.

Лит.: Павлов И. П., Лекции о работе больших полушарий головного мозга, Полн. собр. тр., т. 4, М., 1947; В а л к о в А. В., К вопросу о дальнейшей судьбе процессов внутреннего торможения при дифференцировке, Ж., 1925 (им. библиогр.); В о р о н п и Л. Г., Анализ и синтез сложных раздражителей у высших животных, Ж., 1952; е го же, Лекции по сравнительной физиологии высшей нервной деятельности, М., 1957; К о г а н А. Б., Основы физиологии высшей нервной деятельности, М., 1959.

ДИХОТОМИЯ, дихотомическое деление (от греч. δίχα — па две части и τομή — сечение), —

деление объема понятия на два класса, исчерпывающих весь объем делимого понятия. По характеру отношения между членами деления Д. бывает двоякой: Д. с противоречащими членами (пример: деление философов на материалистов и нематериалистов) и Д. с внеположными членами (пример: деление философов на материалистов и идеалистов). Д. с противоречащими членами состоит в приписывании нек-рого признака нек-рой части объема делимого понятия и в отрицании этого признака у др. части; обычно ее цель — по возможности наиболее полное раскрытие объема делимого понятия путем перечисления его ближайших видов. Эту задачу решает, напр., след. деление: «гуманитарные науки: философия — не-философия: история — не-история; филология — не-филология и т. д.». При таком делении с каждой новой его ступенью мы не переходим от понятия большей общности к понятиям меньшей общности, а остаемся на одном и том же уровне обобщения. Д. с противоречащими членами исключает ошибки, возможные в политомии (делении по видоизменению основания); члены деления в ней исчерпывают объем делимого понятия и всегда исключают друг друга, как понятия противоречащие; невозможна здесь и подмена основания деления (поскольку происходит видоизменение родового признака, а лишь утверждение и отрицание видового), а также скачок в делении, т. к. члены деления остаются на одном уровне общности.

Д. с внеположными членами по своим логич. свойствам ничем не отличается от политомии. В этом случае Д. разворачивается не по горизонтали, а по вертикали: от более общих понятий совершается переход к менее общим. Ее целью является построение такой наиболее дробной и в то же время простой по структуре системы соподчиненных понятий, к-рая была бы удобна для классифицирования предметов. На практике оба рода Д. обычно переплетаются в одном и том же делении: члены деления могут быть как противоречащими, так и внеположными, и выделение подклассов может разворачиваться и в горизонтальном, и в вертикальном направлениях. Примером Д. с противоречащими членами, но с вертикальным делением положит. понятий (что является свойством Д. с внеположными членами) может служить «*Древо Порфирия*».

Д. применяется для предвзвеш. иерархич. упорядочения понятий определ. области в случае, когда объемы многих понятий еще не выяснены, а также как метод построения классификац. таблиц. Д. как способ упорядочения понятий удобна тем, что не требует полного знания объема делимых понятий; достаточно дихотомич. выделения одного видового понятия, чтобы продолжать вертикальное деление; отрицат. понятие фиксирует факт неизученности оставшегося объема рода и этим стимулирует его дальнейшее изучение. В силу бинарности членов деления дихотомически составленные таблицы удобны для поиска того класса, к к-рому принадлежит классифицируемый предмет. Этот поиск основан на законе противоречия и *принципе исключения третьего*: если понятия А и В — члены дихотомич. деления и известно, что нек-рый объект а не принадлежит объему понятия В, то он должен принадлежать объему понятия А. Дихотомич. классифицирование широко применяется в биологич. науках, в т. н. определителях растений и животных.

Операция установления принадлежности предмета (экземпляра) к той или иной категории (биологич. класс, отряд, семейство, род, вид) может протекать двояко, в зависимости от вида Д. При Д. с противоречащими членами определитель представляет собой иерархич. систему иерархич. категорий с их диагностич. признаками. Этот перечень построен так, что в нем каждая категория отличается от любой другой не только составом признаков, но и тем, что для каждого из них найдется в др. категориях противоположный признак. Предположим, что признаки предметов категории А все совпали с признаками нек-рого экземпляра, за исключением одного признака а. Тогда рассматривают ту категорию (В),

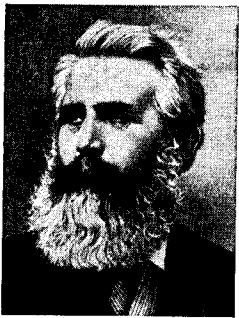
предметы *к*-рой, имел все признаки предметов категории *А*, в то же время не имеют признака *а*. Диагностич. признаки предметов категории *В*, в свою очередь, сопоставляются с признаками экземпляра, и в случае совпадения тех и других эта категория объявляется искомой. В случае же несовпадения переходят к категории *С*, противоположной категории *В* в признаке *в*, по *к*-рому категория *В* не совпала с экземпляром; и так продолжают до тех пор, пока не обнаружится полное совпадение признаков категории и экземпляра. Существует и др. род определителей, в *к*-рых применяется *Д*. с вышележащими членами; такие определители используются чаще всего для определения биологич. вида.

Принцип дихотомич. деления широко применяется в технике (телефонии, радиосвязи, электронике, в диспетчерской службе на железных дорогах). Если имеется система элементов с *т* входными элементами и *n* выходными, через которую проходят некоторые сигналы (импульсы), то возникает задача описать, как из *т*₁ входа можно попасть в *n*₁ выход кратчайшим путем. Если элементы системы однотипны и имеют одинаковые функции, то на каждом этапе прохождения энергетич. импульса происходит выбор одного из элементов в нек-ром ряде элементов; от каждого элемента этого ряда может ответвляться следующий ряд элементов, и т. д.; выбор элемента в каждом ряде происходит так: устанавливается, свободен ли первый элемент ряда или нет; в случае отрицат. ответа поиск обращается к след. элементу, и так далее до свободного. Тем самым раскрывается состояние ряда элементов посредством *Д*. первого рода. Свободный элемент, как и др. элементы ряда, «распадается» на след. ряд элементов, в *к*-ром происходит перебор, подобный вышеописанному, до тех пор пока не будет пройден путь от входа *т*₁ к выходу *n*₁. Переход от первого ряда к второму, от второго — к третьему и т. д. до выходного элемента системы идентичен *Д*. второго рода.

Дихотомич. деление вошло в логику начиная с Платона (см. использование *Д*. в диалогах «Софист», «Политик», «Горгий»).

Лит.: Платон, Политик, Соч., ч. 6, М., 1879, док. 261—67; Кант И., Логика, П., 1915, § 113; Асмус В. Ф., Логика, М., 1947, с. 65—67; Горский Д. П., Логика, М., 1958; Майр Э., Динсли Э., Юзингер Р., Методы и принципы зоологической систематики, пер. с англ., М., 1956, Б. Якушин, Москва.

ДИЦГЕН (Dietzgen), Иосиф (9 дек. 1828—15 апр. 1888) — немецкий рабочий, философ, самостоятельно пришедший к материалистич. и диалектич. выводам по важнейшим проблемам философии. «...немецкий рабочий Иосиф Дицген. — писал Энгельс, — вновь открыл её („материалистическую диалектику“. — *Ред.*) независимо от нас и даже независимо от Гегеля» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 302); «рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму» — писал Ленин о *Д*. (Соч., т. 19, с. 59).

Д. родился в небольшом городке Рейнской области Германии Бланкенберге. Из-за плохих материальных условий он только два года смог проучиться в гор. училище в Кёльне, а с 1845 по 1849, наряду с работой в кожевенной мастерской отца, упорно занимался самообразованием. Значительное влияние на *Д*. оказали материалистич. и особенно атеистич. взгляды *Фейербаха*. Преследуемый реакцией за революц. деятельность в 1848, *Д*. эмигрировал в Америку, а затем в Россию; в 1864—69 работал мастером на казенном кожевенном заводе в Петербурге. В 1867 он вступил в переписку с Марксом (а позже с Энгельсом) и с этого времени развитие его воззрений проходило под непосредств. влиянием Маркса и Энгельса. Из Петербурга *Д*. посылал Марксу на отзыв нек-рые свои работы — рецензию на первый том «Капитала» («Das Kapital» von Marx. Rezension, 1868), свою первую филос. работу «Сущность головной работы человека» (1869, посл. нем. изд. с предисл. Г. Менде, 1955, рус. пер. 1902), *к*-рые получили высокую оценку Маркса и Энгельса.

В 1869 *Д*. возвратился в Германию, в Зигбург, где, вступив в ряды с.-д. партии, был одним из организато-

ров крупнейшей секции Международного товарищества рабочих (1-го Интернационала). Здесь вскоре *Д*. встретился с Марксом. Следующие личные встречи *Д*. с Марксом происходили в Ганновере и в Гааге на 5-м конгрессе 1-го Интернационала. С 1870 по 1888 *Д*. был руководящим сотрудником с.-д. газет в Германии и США («Volksstaat», «Vorwärts», «Sozialdemokrat», «Neue Gesellschaft», «Neue Zeit», «Socialist» и др.). В это время *Д*. написал ряд филос., политэкономич. и др. работ: «Научный социализм» (1873), «Религия социал-демократии» (1870—86), «Мораль социал-демократии» (1875), «Философия социал-демократии» (1876), «Неостигжимое» (1877), «Границы познания» (1877), «Наша профессора на границах познания» (1878). Все эти статьи в рус. пер. вошли в сб. под названием «Мелкие философские статьи» (2 изд., 1913).

Последние годы жизни (1884—88) *Д*. провел в Америке и посвятил разработке гл. обр. теории познания. Он написал такие крупные работы, как «Экскурсии социалиста в область теории познания» (1887, рус. пер. 1907); «Аквизит философии» (1895, рус. пер. 1906); «Письма о логике» («Briefe über Logik», опублич. частично «Sozialdemokrat», 1883—84, полностью 1908). Решая материалистически основную вопрос философии, *Д*. противопоставлял свое монистическое учение об универсуме идеализму, дуализму и вульгарному материализму (см. Избранные философские сочинения, М., 1941, с. 60—63). Признавая мир материальным, он считал движение неотрывным свойством материи, полагая, что движение — это не только механич. перемещение, но и что оно имеет множество форм. Материалистически решал *Д*. и проблему причинности (см. там же, с. 50—53), критикуя в этой связи метафизич. материализм (см. там же, с. 204) и идеализм (см. там же, с. 49), проблему сущности и явления.

Особое значение придавал *Д*. исследованию теории познания, считая его задачей своей жизни. При анализе проблем гносеологии *Д*. выяснял роль мыслительного аппарата — мозга человека, его связи с др. органами, рассматривал ступени познания, подчеркивая роль практики в этом процессе, решал вопрос об истине, ее сущности.

Мышление, по *Д*., есть функция мозга и оно «...составляет уже предмет отдельной науки, которая может быть названа логикой, теорией познания или диалектикой» (там же, с. 321. Ср. также с. 184—87; 47). Ленин, читая это место в книге *Д*., отметил его, обосновав впоследствии идею о тождестве этих трех филос. наук. Познательная способность не является сверхестественной, а есть зеркалоподобный инструмент, отражающий мир. Познание мыслительного процесса *Д*. считал основой всякой науки. Эту мысль, высказанную *Д*. в письме Марксу 24 октября (5 ноября) 1867, Маркс особо выделил, пометив на полях письма «Браво» (см. в кн.: В. Волкова, Иосиф Дицген, 1961, с. 230).

Мир, находящийся вне нас, говорил *Д*., мы воспринимаем в двойной форме — в конкретной (чувств. восприятие) и абстрактной (мышление). «Для наших чувств, — писал он, — мир является чем-то многообразным» (Избр. филос. соч., с. 23); они сообщают человеку знание конкретного, отдельных свойств предметов и явлений. Чувственное познание осуществляется в форме ощущений, восприятий и представлений. Через эти формы в нашем сознании непосредственно отражаются предметы и явления объективного мира, но для раскрытия закономерностей и сущности явлений необходимо абстрактное мышление, т. е. теоретич. обобщение посредством понятий, суждений и умозаключений. Если чувства, по *Д*., сообщают человеку знание всего конкретного, то голова сводит все это многообразие к единству и является как бы «свод-

ным органом», воспринимает «...абстрактное, универсальное или всеобщее» [письмо к К. Марксу 12(24) сент. 1868, цит. по кн.: В. Волкова, Иосиф Дицген, 1964, с. 239].

Важное место в трудах Д. занимала критика агностицизма *Каанта* (см. Избр. филос. соч., с. 34, 37—38, 55, 136—37) и *неокантианства* (Ф. Ланге — там же, с. 146). Подчеркивая адекватность познания, Д. вместе с тем указывал на его относительность, на то, что процесс познания бесконечен (см. там же, с. 129; 92).

Материалистич. учение Д., его гносеология были пронизаны диалектикой. Он доказывал бесконечность универсума и взаимосвязь его составных элементов, бесконечность пространства и времени (см. там же, с. 29, 161, 168), критикуя с этих позиций метафизику, вырывающую частное из общей связи (см. там же, с. 202), защищая идею развития материи [см. «Завоевания (аквизит) философии», СПб, 1906, с. 118] и познания (эту последнюю идею Д. отметил Ленин, см. Соч., т. 19, с. 60). Д. подходил к идее противоречия как всеобщей характеристике действительности, хотя эти идеи и не были приведены в систему [см. «Завоевания (аквизит) философии», с. 128]. Он диалектически трактовал отношение причины и следствия (см. Избр. филос. соч., с. 51), необходимости и свободы, высоко ценил роль *Дарвина* и, особенно, *Гегеля*, как мыслителей, обосновавших идею развития (там же, с. 121—22).

В своих произведениях Д. выступал как воинствующий материалист, беспощадный критик идеализма, метафизики и поповского мракобесия, за что его особенно ценили Маркс, Энгельс и Ленин (см. Соч., т. 14, с. 106, 107—09, 122—23, 126, 325). Немало внимания Д. уделял разработке проблем происхождения религии и *атеизма*. Он понимал, что религия — орудие борьбы буржуазии против рабочего класса, и видел пути преодоления религии в социальной революции. Живой интерес он проявлял также и к вопросам пролетарской морали. Д. обосновывал мысль о происхождении моральных норм из обществ. бытия, подвергая критике неокантианство и по этим вопросам (см., напр., Избр. филос. соч., с. 75), подчеркивал изменимость моральных норм (см. там же, с. 278).

Д. разрабатывал и пропагандировал идеи научного социализма, показывая его отношение к утопическому социализму, вскрывая противоречия капитализма, неизбежность его крушения и осуществления пролетарской революции. Он намечал конкретные задачи народного правительства, образуемого в результате революции, говорил о планомерности социалистич. хозяйства, о сохранении принципа оплаты по труду при социализме и др. чертах социалистич. общества.

При разработке теоретич. вопросов Д. допустил ряд ошибок и неточностей. Наиболее существенными из них являются отождествление в ряде случаев сознания и материи, признание врожденности некоторых понятий, преувеличение относительности человеческих знаний, приводившее его к агностич. выводам. Некоторые ошибки Д. и неточности в его терминологии были подвергнуты критике Лениным. Так, говоря об ошибочности отождествления Д. сознания и материи, Ленин писал: «Что и мысль и материя „действительны“, т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (Соч., т. 14, с. 231; ср. с. 325).

Однако ошибки, к-рые допускал Д., никогда не привели его в противоположный марксизму лагерь. «Много грешил И. Дицген своими неловкими отступлениями от материализма, но никогда не пытался он принципиально отделиться от него, выкинуть „новое“

знамя, всегда в решительный момент заявлял он твердо и категорически: я материалист, наша философия есть материалистическая» (там же, с. 325). В этой связи Ленин сочувственно цитировал слова Дицгена: «Из всех партий... самая гнусная есть партия середины... Как в политике партии все более и более группируются в два только лагеря... так и наука делится на два основных класса (Generalklassen): там — метафизики, здесь — физики или материалисты; к этому месту Ленин сделал примечание: «И здесь неловкое, неточное выражение: вместо „метафизики“ надо было сказать „идеалисты“...» (там же).

Вокруг идейного наследства Д. развернулась длительная и острая борьба. Идеологи реакционных классов, указывал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», использовали малейшие неточности, нечетко выраженные мысли Д. для пропаганды и обоснования религии, для затемнения сознания трудящихся. Реакц. философы, оппортунисты из 2-го Интернационала, махисты противопоставляли сочиненный ими «дицгенизм» марксизму, против чего протестовали Ленин, *Плеханов*, *Меринг* и др. марксисты, отстаивая филос. наследство Д. от извращений. «„Дицгенизм“ в отличие от диалектического материализма, — писал Ленин, — есть п у т а н и ц а, есть ш а г к реакционной философии, есть попытка создать линию не из того, что есть великого в Иосифе Дицгене (в этом рабочем-философе, открывшем по-своему диалектический материализм, много великого!), а из того, что есть у него слабого!» (там же, с. 235).

Критикуя отдельные ошибки Д., Ленин писал: «чтобы стать сознательными, рабочие должны читать И. Дицгена, но не забывать ни на минуту, что он дает не всегда верное изложение учения Маркса и Энгельса, у которых только и можно учиться философии» (Соч., т. 19, с. 60). В целом Ленин считал Д. одним «... из выдающихся социал-демократических писателей-философов Германии» (там же, с. 59).

На совр. этапе, когда идет упорная борьба с бурж. идеологией и философией, с ревизионизмом, догматизмом и сектантством, труды Д. находятся в боевом арсенале коммунистич. и рабочих партий, служат делу прогресса человечества, борьбе за мир, демократию и социализм.

Соч.: Sämtliche Schriften, Bd 1—3, Stuttg., 1920; Ausgewählte Schriften, B., 1954; Vorwort von H. Saar; в рус. пер. — Будущее социал-демократии, СПб, 1906; Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др., М., 1907; Письма И. Дицгена К. Марксу и Ф. Энгельсу. Приложение к кн.: Волкова В. В., Иосиф Дицген, М., 1961, опубли. также в ж. «Вопр. философии», 1958, № 3.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 24, 25, 27, М.—Л., 1931—35 (см. Указатель имен); и х же, Соч., 2 изд., т. 1, 2, 3 (см. Указатель имен); Ленин В. И., Предисловие к рус. переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», Соч., 4 изд., т. 12; е го же, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. 14, гл. III, § 3; гл. IV, § 8; е го же, К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена, там же, т. 19; е го же, Переписка Маркса с Энгельсом, там же, т. 38; Плеханов Г. В., Соч., т. 11, 17, 18, М.—Л., 1928; Андреев Н., Диалектический материализм и философия Иосифа Дицгена, «Современный мир», 1907, № 11; Дауге П., Философия и тактика, в кн.: Дицген И., Мелкие философские статьи, пер. с нем., СПб, 1907; е го же, К истории одного издательства. (Из документов и воспоминаний), в кн.: Старый большевик, сб. 1(4), М., 1933; е го же, Ленин о Дицгене, там же, сб. 3(11), М., 1934; е го же, И. Дицген, М., 1934; е го же, Из моей дореволюционной переписки. Сто одиннадцать неопубликованных писем, ЦПА Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд 214; В аммель Г., Памяти Иосифа Дицгена. (К столетию со дня его рождения), «Под знаменем марксизма», 1928, № 12; Кры велев И., Дицген в борьбе против религии и ее философского обоснования, «Антирелигиозник», 1935, № 3, 5—6; е го же, К вопросу об оценке философии И. Дицгена, «Под знаменем марксизма», 1936, № 7; е го же, Вопросы теории познания в работах И. Дицгена, там же, 1938, № 7; Гагарин А., Иосиф Дицген. (К 50-летию со дня смерти), там же; П о д

марков В. Г., И. Дигген — выдающийся немецкий мыслитель и воинствующий материалист. (К 125-летию со дня рождения), «Вопр. философии», 1953, № 6; Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956; Волкова В. В., Борьба И. Диггена за материалистическую теорию познания, в сб.: Из истории философии, Вып. 11, М., 1957 (Уч. зап., вып. 28. Акад. общ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории философии); M e r i n g F., Josef Dietzgen. Erkenntnis und Wahrheit, («Neue Zeit», 1908, Jg 26, Bd 2, № 38, Feuilleton № 5—6; P e r n e r G., Josef Dietzgens philosophische Lehren, 2 Aufl., Stuttg.—B., 1922; A p e l M., Einführung in die Gedankenwelt Josef Dietzgens, B., 1931; M e n d e G., Arbeiter und Philosoph, «Aufbau», 1951, Jg. 7, H. 2; K i r c h n e r H.-G., Zur Neuherausgabe ausgewählter Schriften des Arbeiterphilosophen Josef Dietzgen, «Einheit», 1955, H. 5. В. Волкова. Москва.

ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ, Федор Иванович (12 февр. 1727—27 марта 1805) — рус. писатель-вольнодумец. Происходил из помещицкой среды. Занимался лит-рой, историей, астрономией; сторонник гелиоцентрич. учения Коперника. Автор антиклерик. памфлета «Дворянин-философ. Аллегория» (1769; отд. издание 1796; см. также сб. «Вопросы истории религии и атеизма», 1956, № 4), свидетельствующего о влиянии на Д.-М. философии Вольтера (в частности, его «Микромегаса»). В памфлете сатирически изображалось духовенство, высмеивались невежество, жадность и религ. нетерпимость церковников. В аллегорич. форме Д.-М. высказывал сочувствие угнетенному народу. Вольнодумство обнаруживало и сочинение Д.-М. «Хронология» (М., 1782), где ставилась под сомнение реальность многих библейских притч.

Лит.: Райков В. Е., Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, 2 изд., М.—Л., 1947, с. 334—42; Светлов Л. В., Русский антиклерикальный памфлет XVIII в. (Ф. И. Дмитриев-Мамонов, «Дворянин-философ»), в кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. ст., 4, М., 1956. Л. Светлов. Москва.

ДОББ (Dobb), Морис Герберт (р. 1900) — англ. ученый-марксист, член редколлегии журн. «Marxism to-day»; читает лекции по экономич. наукам в Кембридж. ун-те. Осн. работы Д. посвящены вопросам историч. и диалектич. материализма, политич. экономии, развитию социализма, анализу совр. капитализма. Д. подвергает критике бурж. и лейбористские экономич. и политич. теории (Кейнса, Кроленда, Стрейчи и др.) об «изменении природы капитализма, «смешанной экономики», «государства всеобщего благосостояния». На фактах истории англ. общества Д. доказывает истинность принципов материалистич. понимания истории, критикует субъективизм и идеализм бурж. философов в понимании историч. закономерностей. В ряде работ показывает успехи социализма в СССР.

Соч.: Capitalist enterprise and social progress, L., 1926; Russian economic development since the revolution, 2 ed., 1929; Russia to-day and to-morrow, L., 1930; On marxism to-day, L., 1932; Soviet economy and the war, L., [1941]; Soviet planning and labour in peace and war, N. Y., [1943]; Economics of capitalism, L., [1944]; USSR. Her life and her people, [L.], 1945; Political economy and capitalism, N. Y., [1945]; Marx as an economist, L., 1946; Studies in the development of capitalism, N. Y., 1947; Soviet economic development since 1917, 2 ed., L., 1951; On economic theory and socialism, Collected papers, L., 1955; Keynesian economics, Delhi, 1956; Capitalism yesterday and today, L., 1958; в рус. пер.: Возникновение и развитие капиталистического хозяйства, М.—Л., 1929. Е. Помогаева. Москва.

ДОБРО И ЗЛО — осн. категории этики, употребляемые при нравств. оценках отд. явлений, поступков, побудит. мотивов деятельности людей и т. д. Добро — этич. категория, обозначающая совокупность положительно оцениваемых классом, обществом или отд. людьми условий жизни, а также нравств. действий, принципов и норм поведения. Зло — категория, обозначающая отрицат. явления в обществ. и личной жизни человека, составляющие предмет нравственного осуждения и порицания.

Теоретич. учения о Д. и З. многочисленны и противоречивы. «Представления о добре и зле, — писал Энгельс, — так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому»

(«Анти-Дюринг», 1957, с. 88). В древности особенное значение проблемы Д. и З. получили в религ. учениях, особенно в т. н. дуалистич. религиях, рассматривающих Вселенную как извечную борьбу двух начал — доброго и злого. Согласно религ. представлениям зороастризма, злое начало воплотилось в божество Анхра-Майнью, сознательно борющемся против доброго начала — Ормузда. Дуализм Д. и З. характерен и для религ. представлений древних германцев, согласно к-рым Вселенная произошла в результате борьбы сил света и тьмы. Противопоставление Д. и З., признание материи как порождения злого начала, характерно для гностицизма. Согласно религии буддизма, зло коренится в самом существовании человека. Избежать его можно лишь путем отшельничества, устраниения от мирских дел, аскетич. образом жизни. Окончат. освобождение от зла достигается путем погружения в нирвану.

В Древнем мире возникают и этич. учения о Д. и З., исследующие природу и диалектику этих категорий. Первые филос. понятия о Д. и З. сложились в Др. Индии и Китае. Др.-инд. материалисты — чарваки, видели добро в отсутствии страдания, в достижении чувств. удовольствий. Они отвергали религ. воззрения о божеств. происхождении добра. В этом же направлении развивали учение о добре др.-кит. материалисты. Так, Ян Чжу понимал добро как осуществление человеком его природных склонностей. В др.-кит. философии диалектика Д. и З. была отмечена Лао-цзы, к-рый говорил: «Когда все люди узнают, что красивое является красивым, появляется и безобразное. Когда [все] узнают, что добро является добром, возникает и зло» («Дао-дэ-цзин», § II; цит. по кн.: Ян Хи-шун, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, М.—Л., 1950, с. 116). В др.-греч. философии диалектику Д. и З. развивали Гераклит, Демокрит и др. Гераклиту, напр., принадлежит высказывание: «Болезнь приятным делает здоровье, зло — добро, голод — насыщение, усталость — отдых» (фрг. 111; цит. по кн.: «Материалисты древней Греции», М., 1955, с. 51). Развивая это положение, Демокрит писал: «... от чего мы получаем добро, от того же самого мы можем получить и зло, а также средство избежать зла...» (фрг. 301, там же, с. 156).

Большое значение проблема Д. и З. занимает в философии Сократа. По мнению Сократа, зло является случайностью, к-рую человек совершает по незнанию, путая добро со злом. «... Поступающие зло и дурно, — говорил Сократ, — делают это не добровольно» (Prot. 345 Д). Средством против зла Сократ считал знание. Платон развивал идеалистич. концепцию Д. и З. По Платону, добро относится к миру идей, а зло — ко всему чувственному, видимому, изменчивому. Утверждая, что «невозможно исчезнуть злу» (Theaet. 176, a), он считал зло такой же реальностью, как и добро. Материалистич. этика Др. Греции рассматривала добро как удовлетворение естеств. потребностей человека. Эпикур, напр., видел высшее благо в разумном наслаждении. Проблемы Д. и З. занимают большое место также в этике и философии Аристотеля (см. Met., IX, 9 1051 a 12—21).

Христианство, с его пагидательно-спекулятивной этикой, не могло пройти мимо проблемы Д. и З. Согласно христианской этике, идея высшего добра, summum bonum, воплощена в боге. С др. стороны, проблема зла вызвала в христианстве множество трудностей и противоречий. Камнем преткновения для христианских теологов являлась невозможность совместить наличие зла в мире с легендой о том, что мир якобы создан и направляется всемогущим и всеблагим существом — богом. Это противоречие задолго до возникновения христианства было отмечено уже в древности. «Бог, — говорил Эпикур, — или хочет устра-

нить зло и не может, или может, но не хочет, или и не хочет, и не может, или же хочет и может. Если он хочет, и не может — он бессилён, а таковым бог быть не может. Если может, но не хочет — он завистлив, что тоже чуждо божеству. Если не хочет и не может — он бессилен и завистлив, а следовательно он не бог. Если же он и хочет, и может, что единственно пристало божеству, то откуда возникает зло? Или почему бог его не устранит?» («Erisurgea», ed. H. Üsener, Prz., 1887, p. 253). Отцы церкви, пытаясь скрыть это противоречие, вынуждены были утверждать, что зло происходит не от бога, а от человека, якобы злоупотребляющего своей свободой воли. Признавая существование и даже необходимость зла, христианство приписывало зло «врожденной греховности» людей. Зло не имеет никакого реального существования, являясь просто небытием, «лишением добра», подобно тому, как мрак является отсутствием света (см. Иоанн Дамаскин, Полн. собр. твор., т. 1, СПб, 1913, с. 331—32). Так же и для Фомы Аквинского зло реально не существует, являясь всего-навсего отблеском добра: «Ничто не может быть в своем существе злом. Доказано, что всякое существо, поскольку оно есть существо, является добром и что зло существует только как [составная] часть добра» («Summa theologiae», I, B 49, a3). В последующем попытки устранить противоречия, вытекающие из признания зла в мире и «всеблагости» бога, привели к созданию религ.-филос. теории теодицеи (оправдание бога) Мальбранша и Лейбница. Религ. учения о зле тесно связаны с представлениями о дьяволе. Дьявол в христианской этике имеет двойственное значение. С одной стороны, он враг бога, воплощение злых и темных сил, и с другой стороны — он его союзник, своего рода карательный орган при боге, наказывающий грешников. Двойств. природа дьявола стала предметом многочисл. народных преданий о Мефистофеле, Вельзевуле и т. д.

Рационалистич. философия нового времени выступила против ср.-век. понимания Д. и З. Гоббс, напр., утверждал, что вне человек. познания не существует никакого зла и никакого добра. «... Никакое общее правило насчет того, что есть добро и что зло не может быть взято из природы самих объектов, а устанавливается или каждым отдельным человеком в отношении своей личности (там, где нет государства) или (в государстве) лицом, представляющим государство...» («Левинафан», М., 1936, с. 66). Такую же позицию занимал и Спиноза: Д. и З., по его мнению, «... не показывают ничего положительного в вещах, если их рассматривать самих в себе, и составляют только модусы мышления, или понятия, образуемые нами путем сравнения вещей друг с другом» (Избр. произв., т. 2, М., 1957, с. 523). Франц. материалисты и просветители 18 в. (Вольтер, Гельвеций, Дидро и др.) провозгласили интересы человек. личности осн. критерием различения Д. и З. Они учили, что вещи сами по себе не являются ни добром, ни злом, такими они становятся лишь в отношении к человеку. Отождествляя добро с пользой, они считали, что каждый человек стремится к добру. Причина зла, по их мнению, — отсутствие правильного воспитания, невежество, неравенство; установление разумного законодательства приведет к устранению зла и торжеству добра. В 18 в. соотносительность категорий Д. и З., переход их одно в другое показал англ. философ Мандевиль. В своем соч. «Басне о пчелах» (1705) он указал на то, что зло в совр. ему бурж. обществе выступает в качестве двигателя историч. прогресса. «То, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, — писал Мандевиль, — является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без

исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем» (цит. по кн.: К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. 1, 1955, с. 372). Маркс высоко оценивал это высказывание Мандевилля, считая его самым «... бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества» (там же).

Большое место вопрос о добре и зле занимает в философии Канта. Согласно Канту, человек обладает двойственной природой: как разумное, познающее существо он принадлежит царству свободы, однако как чувствующее существо, включенное в сферу действия законов необходимости, человек подвержен слабостям, испорченности и т. д. Поэтому, согласно Канту, в мире феноменального существует «вечное зло», к-рое может быть преодолено только воспитанием, культурой, религией и моралью. Выполнение осн. нравств. принципа — категорического императива — означает победу нравств. воли над злом.

Диалектич. соотношения Д. и З. историч. роль морального зла вскрыл Гегель. «Если зло есть то же, что и добро, — писал Гегель в „Феноменологии духа“, — то именно зло не есть зло, а добро не есть добро, а то и другое, напротив, сияты... В какой мере следует сказать, что согласно этому своему понятию добро и зло, — т. е. поскольку они — не добро и не зло — суть одно и то же, — в такой же мере, стало быть, следует сказать, что они не одно и то же, а попросту р а з н о е; ... — Лишь оба эти положения завершают целое, и утверждению и заверению первого должно с непреодолимой непреклонностью противостоять отстаивание второго; ... Истинно обладает не то или другое, а именно их движение...» (Соч., т. 4, М., 1959, с. 415—16). Оценивая высказывания Гегеля о зле, Энгельс отметил, что «у Гегеля зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического развития» («Людвиг Фейербах...», 1953, с. 30). В этом, по мнению Энгельса, Гегель стоял несравненно выше, чем Фейербах (см. там же, с. 30—31).

Диалектич. концепция Д. и З. отражена и в творчестве Гёте. У Гёте зло рассматривается по отношению к познанию. В 1-й части Фауста, изображая зло в образе Мефистофеля, Гёте рассматривает его как отрицание, сомнение — необходимый момент дерзкого движения к познанию истины, как иронию над иллюзиями, слепыми идеалами, как злую силу, срывающую прекрасное покрывало с горькой истины. Во 2-й части Фауста проблема зла поставлена уже в отношении к историч. прогрессу. Гёте в основе прогресса увидел труд, практическую деятельность, а зло связал с силами препятствий и разрушения в поступательной деятельности людей, к-рая преодолевает их. Это была концепция, к-рая вобрала в себя достижения романтич. мысли, признавшей объективность зла и схватившей диалектику превращения добра в зло и наоборот.

Для бурж. философии конца 2-й пол. 19 в. характерны тенденции к отказу от объективного и диалектич. истолкования проблемы Д. и З., к реакц. и позитивистскому ее истолкованию. В это время появляются гл. обр. пессимистич. учения о Д. и З., отрицающие возможность добра в мире. Так, для Шопенгауэра действительность носит иллюзорный характер, страдание и зло заложено уже в основе бытия. Сама жизнь есть зло и страдание, от к-рого человек не может освободиться. Согласно Шопенгауэру, зло вообще и нераздельно с жизнью. Оно есть порождение чрезмерно сильного потока воли и вызываемого им страдания, к-рое неустранимо (см. «Мир как воля и пред-

ставление», СПб, б. г., с. 375—92). Для Ницше же представления о добре и зле характеризуют лишь «мораль рабов». Сверхчеловек не испытывает никакого зла и вообще стоит «по ту сторону добра и зла». Однако, пытаясь встать по ту сторону морали, обосновать имморализм, Ницше сам выступил в качестве пророка «новой» аристократич. морали «сверхчеловека».

В философии прагматизма добро отождествляется с личной пользой, с успехом. Неотомизм возрождает ср.-век. представления о боге как воплощении добра. Для совр. бурж. этики, и в особенности экзистенциализма, характерно отрицание добра в мире, признавая абсолютным значение зла. Зло необходимо сопутствует человек. существованию. Постигание же зла невозможно, т. к. оно является предметом не знания, а веры. Представления о Д. и З., выдвигаемые идеологами реакц. буржуазии, служат оправданием аморальности бурж. строя, подрывают волю масс к борьбе за устранение действит. причин социального зла.

В. Шестаков. Москва.

Науч. представление о Д. и З., о их социальной обусловленности впервые обосновано в марксистской этике. Только на основе раскрытия обществ. закономерностей возможна объективная моральная оценка обществ. явлений и поступков человека. Критерием этой оценки являются интересы народных масс, прогрессивных классов, поступат. развитие истории, а в совр. условиях — борьба против империализма, за социализм и коммунизм, отношение к этой борьбе. В антагонистич. обществе господствующими являются понятия о Д. и З. эксплуататорских классов, к-рые пытаются выдать их за вечные, естественные и неизменные. Напротив, марксистская этика учит, что понятия Д. и З. относительны и соотносительны. Она не признает вечных и абстрактных принципов морали, абстрактного Д. и З., безотносительно к условиям, месту, времени и т. д. В обществе, основанном на эксплуатации одного класса другим, противоречия Д. и З. представляют собой выражение в области морали социальных противоречий. «Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением другого. Наиболее ярким примером этого является введение машин...» (Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1953, с. 184). Капитализм обращает во зло людям величайшие достижения человек. разума, открытия в области науки и техники. Благо в антагонистич. обществе создается, как правило, путем причинения зла миллионам людей. При этом развивались самые низменные побуждения и дурные, злые страсти: алчное стремление к богатству, жадность, грубая страсть к наслаждениям, эгоизм, властолюбие; все это, развившись в ущерб др. задачам людей, выступало в качестве моральных рычагов историч. преобразований.

В классовом антагонистич. обществе движущие силы историч. развития, поскольку они противоречат устоявшимся господствующим нравств. нормам, выступают с т. зр. консервативных и реакц. классов в форме зла. «... Каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, отживающего, но освященного привычкой порядка» (Энгельс Ф., Людвиг Фейербах..., 1953, с. 30). С упразднением господства частной собственности и имуществ. различий отпадает необходимость в применении средств, могущих нанести людям зло. Маркс говорил, что с переходом к коммунизму «... человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому

идолу, который не желая пить нектар иначе, как из черепов убитых» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 9, с. 230).

С установлением обществ. собственности подрывается основа для существования низменных страстей и злых побуждений людей: в обществе расцветают истинно человек. качества, имеющие в своей основе товарищеские отношения содружества между людьми. Коллективизм способствует пробуждению и развитию в человеке возвышенных, добрых начал, к-рые, в свою очередь, становятся могучим моральным стимулом совершенствования, развития человека нового, коммунистич. общества. Свое воплощение добро находит в нравственности трудящихся масс, отличающихся любовью к Родине, ненавистью к поработителям, трудолюбием, правдивостью, честностью. Принципы добра получили теоретич. выражение в моральном кодексе сов. человека, сформулированном в Программе КПСС. В социалистич. обществе, где нет антагонистич. классов, складываются единые общенародные понятия о Д. и З. Основу блага личности составляет благо общества. Добром признается то, что способствует прогрессивному развитию общества, освобождению народных масс от эксплуатации, то, что способствует строительству коммунистич. общества. В соответствии с этим критерием носителями добра являются не эксплуататоры, а трудящиеся, борющиеся против угнетения. Марксистская этика требует непримиримо относиться к злу, разоблачать его, выставить на позор. «Надо уметь признать зло безбоязненно, — говорил Ленин, — чтобы тверже повести борьбу с ним...» (Соч., т. 32, с. 331). При социализме в качестве зла расцениваются антиобществ. явления (тунеядство, оковитирательство, злоупотребление властью и т. д.) — все то, что препятствует построению строя высшей справедливости — коммунизма, где исчезнет всякая объективная возможность для социального зла. Классовая обусловленность морали определяет общность критериев в оценке Д. и З., независимую от нац. и др. специфич. условий жизни. Нравств. оценки самого передового класса, пролетариата, критерии коммунистич. морали имеют общечеловек. содержание, выражают интересы и чаяния подавляющего большинства человечества (отношение к войне и миру, колониализму, нац.-освободит. борьбе народов и т. д.). Эксплуатация человека человеком, капиталистич. гнет, нац. и расовое угнетение и колониализм, агрессивные войны — вот осн. формы социального зла, против к-рого борется прогрессивное человечество.

Е. Панфилов. Москва.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; его же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955; его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953; Ленин В. И., Задачи союзов молодежи, Соч., 4 изд., т. 31; его же, О продольственном налоге, там же, т. 32, с. 329—31; Чернышевский Н. Г., Антропологический принцип в философии, Полн. собр. соч., т. 7, М., 1950, с. 285—92; Лафарг П., Происхождение идеи добра, в сб.: «Марксизм и этика», 2 изд., [К] 1, 1925; Цицерон, Опровержение эпикуреизма. Первая и вторая книги произв... «О высшем благе и крайнем зле», пер. П. Гвоздева, Казань, 1889; Буткевич Т., Зло, его сущность и происхождение, Х., 1897; Шинкин А., Основы коммунистической морали, М., 1955, с. 112—15, 208—10, 257, 267 и др.; Руссе J., Studies of good and evil, N. Y., 1898; Arndt A., Über das Böse, Halle, 1904; Fuchs E., Gut und Böse, Tübingen, 1906; Rashdall H., The theory of good and evil, v. 1—2, Oxf., 1907; Serlillanges A. G., Le problème du mal, v. 1—2, P., 1948—51; Naber T., Essai sur le mal, P., 1955; Pieper J., Die Wirklichkeit und das Gute, 16 Aufl., Münch., [1956].

ДОБРОВСКИЙ (Dobrovský), Йосеф (17 авг. 1753—6 янв. 1829) — чеш. ученый-просветитель, славист. Выступал против насильств. германизации славян Австро-Венгрии. Боролся за нормализацию чеш. лит. языка. Действ. филос. взглядам, Д. верил в «провидение», писал о великом порядке в природе, называл себя сторонником «просвещения, разума,

философии и христианства». Вместе с тем Д. восставал против слепой веры, папства и монашества («Чешская литература к 1779 г.» — «Böhmische Litteratur auf das Jahr 1779», см. в кн.: «Výbor z díla», 1953; «Лекции о практической стороне христианской религии» — «Přednášky o praktické stráně v křesťanském náboženství», см. в кн.: «Spisy a projevy», sv. 16, 1948; письма А. Гельфферту см. там же, sv. 22, 1941). Д. симпатизировал деятельности рус. просветителей (Н. Новикова и др.).

Соч.: Spisy a projevy, sv. 5, 7—9, 12—13, 16, 18, 19, 21—23, Praha, 1936—54; в рус. пер.: Кирилл и Мефодий, словенские первоучители, М., 1825; Письма Добровского и Колитара, в кн.: Сб. отделения русского языка и словесности АН, т. 39, СПб, 1885.

Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 487; Палацкий Ф., Биография Иосифа Добровского, пер. с нем., М., 1838; Снегирев И. А., Иосиф Добровский, его жизнь, учено-литературные труды..., Казань, 1884; Hořák J., Josef Dobrovský. 1753—1829. Sborník statí..., Praha, 1929; Tvrdý J., Vztahy Dobrovského k filosofii, в сб.: Bratislava. Casopis učení společnosti safaríkové, roč. 4, 1930; Ма с h o v e c M., Filosofický význam díla Josefa Dobrovského, в сб.: Josef Dobrovský. 1753—1829, Praha, 1953; Vlček J., Dějiny české literatury, sv. 3, Praha, 1960. И. Черныш. СССР.

ДОБРОДЕТЕЛЬ (греч. *ἀρετή*, лат. *virtus*) — категория этики, обозначающая положительные нравств. качества личности; противоположит понятию порочности. Понимание Д. исторически менялось. В Др. Греции различали четыре важнейших Д.: мудрость, мужество, справедливость и умеренность. Сократ, а за ним стоики выводили все Д. из мудрости. Платон считал, что каждая Д. опирается на определенное свойство души: на разуме основана Д. мудрости, на воле — Д. мужества, на преодолении чувственности — Д. умеренности. Гармонич. сочетанием этих трех Д. является Д. справедливости. Полагая, что каждое из сословий должно иметь свою Д., он утверждал, что Д. философов-правителей является мудрость; Д. воинов — мужество; Д. земледельцев и ремесленников — умеренность (см. Р.Р., IV, 417 Е—434 Д; рус. пер., СПб, 1863). Аристотель в «Никомаховой этике» (кн. 2) определил Д. как «навык», сохраняющий середину между двумя крайностями. Напр., мужество является серединой между трусостью и отвагой, правдивость — серединой между хвастовством и притворством («иронией») и т. д. Аристотель делил все Д. на две группы: н р а в с т в е н н ы е Д., к к-рым он относил мужество, щедрость, великодушие, правдивость, вежливость, справедливость, дружбу, и у м е р е н н ы е Д. — наука, искусство, разум, мудрость и благоразумие. Согласно Аристотелю, Д. — это не врожденные качества, а приобретаемые.

Христ. этика провозгласила в качестве Д. аскетизм, отречение от чувственных наслаждений, слепое следование догме. Она противопоставила интеллектуальным Д. др.-греч. этики три богословские Д., основанные на свободе воли: веру, надежду и любовь. В эпоху Возрождения итал. слово *virtu* — Д. — означало телесную и духовную энергию. В качестве осн. Д. этика Возрождения выдвинула понятие *достоинства* человека.

В 17 в. понятие Д. получает особенное развитие в этике Спинозы, для к-рого Д. заключается в интеллектуальной любви к богу, под к-рым он понимал природу. Согласно Спинозе, Д. тождественна пользе. «Действовать абсолютно по добродетели есть для нас нечто иное, как действовать, жить, сохранять свое существование (эти три выражения обозначают одно и то же) по руководству разума на основании стремления к собственной пользе» («Этика...», в кн.: Избр. произв., т. 1, М., 1957, с. 541—42). Идею об интеллектуальной природе Д. развивали и франц. просветители, к-рые указали на тесную связь Д. с истиной. «Добродетели, — говорит Гельвеций, — покидают те места, откуда изгнана истина» («О человеке...», М., 1938, с. 366, прим.). Согласно

Гельвецию, под истинной Д. необходимо понимать «... только стремление к всеобщему счастью...», предмет добродетели есть общественное благо и что приписываемые ею поступки суть средства для достижения этой цели» («Об уме», М., 1938, с. 79). Большую роль этика франц. просветителей придавала воспитанию Д., основанному на справедливом обществ. устройстве. В революц. этике якобинцев большое распространение получило понятие «гражданской Д.», к-рая заключалась в отказе от личного счастья во имя исполнения высокого обществ. долга. У Гегеля Д. — снятие индивидуального для всеобщего; она является не отд. нравств. поступком индивида, а постоянной чертой его поведения. Истинная Д., по Гегелю, проявляется себя через посредство нравств. коллизий, через борьбу чувства и долга. Постоянное же соответствие поведения индивида его повседневному обязанностям есть всего лишь добропорядочность (см. Соч., т. 7, М.—Л., 1934, с. 185—86). От истинной Д. следует отличать Д. ложную, к-рая кичится мнимыми достоинствами, скрывая свои пороки и недостатки за узкословными или имуществ. представлениями о нравств. ценностях. Примером ханжеской, лицемерной Д. является мольеровский Тартюф.

Марксистско-ленинская этика придает большое значение таким высоким моральным качествам, как мужество, правдивость, справедливость, честность и т. д., к-рые в истории этики признавались нравств. Д. Эти качества личности, а также верность и преданность интересам рабочего класса, трудящегося народа, делу коммунизма, принципам пролетарского гуманизма, любовь к родине, непримиримость ко всякому социальному, нац. и расовому угнетению и эксплуатации определяют содержание нравств. идеала человека коммунистич. общества. Они нашли отражение в моральном кодексе строителя коммунизма, зафиксированном в программе КПСС.

Лит.: Шишкин А. Ф., Из истории этических учений, М., 1959 (см. Предм. указатель); Бронзов А. А., Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности, СПб, 1884; Zöckler O., Die Tugendlehre des Christentums, Gütersloh, 1904; Braun E., Aristoteles über Bürger- und Menschentugend. Zu Politica III 4 und 5, W., 1961.

ДОБРОЛЮБОВ, Николай Александрович [24 янв. (5 февр.) 1836—17(29) ноября 1861] — рус. лит. критик и публицист, философ-материалист, революц. демократ, сподвижник Чернышевского. Родился в семье нижегородского священника. В 1853 окончил в Нижнем Новгороде духовную семинарию. Под влиянием передовой рус. литературы созревает глубокое отвращение Д. к религии и освящаемым ею порядкам. Во время обучения в Петербургском гл. педагогич. ин-те (1853—57) оформились антикрепостнич., материалистич. и атеистич. убеждения Д. В ин-те вокруг Д. сложился кружок прогрессивно настроенной молодежи, издававший рукописный журн. «Слухи». Решающую роль в дальнейшей судьбе Д. сыграло его знакомство с Чернышевским, к-рый привлек талантливого студента к работе в «Современнике». С 1857 Д. стал вести лит.-критич. отдел журнала, а затем и сатирич. приложение «Свисток».

При принципиальном совпадении политич. и теоретич. убеждений между Чернышевским и Д. существовало своеобразное разделение труда. Чернышевский писал гл. обр. по крест. вопросу, на экономич., политич. и филос. темы. На долю Д. выпал лит.-критич. обзор художеств. лит-ры, а также работ по

естествознанию, истории, педагогике, философии. Д. обладал редким публицистич. дарованием и обширными науч. познаниями. Его уничтожающий сарказм, смелость в постановке вопросов, блестящее владение «эзоповским» стилем производили неизгладимое впечатление на современников. За неск. лет творч. деятельности Д. написал громадное количество статей. Важнейшие из них — «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» (1858), «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (1858), «Литературные мелочи прошлого года» (1859), «Роберт Овен и его попытки общественных реформ» (1859), «От Москвы до Лейпцига» (1859), «Что такое обломовщина?» (1859), «Темное царство» (1859), «Когда же придет настоящий день?» (1860), «Луч света в темном царстве» (1860), статьи итальянского цикла.

Революционный демократизм и утопический социализм Добролюбова. Д. сознательно посвятил себя делу освобождения народа. Он писал: «Говорят, что мой путь смелой правды приведет меня когда-нибудь к погибели. Это очень может быть; но я сумею погибнуть не даром. Следовательно, и в самой последней крайности будет со мной мое всегдешнее, неотъемлемое утешение — что я трудился и жил не без пользы...» (Избр. филос. произв., т. 1, 1948, с. 55).

В условиях кризиса крепостного строя и назревания в России революц. ситуации, накануне крест. реформы 1861 и вскоре после нее Д., как и Чернышевский, проводил в своих работах линию «мужичкого» демократизма, показывая негодность самодержавно-крепостнического строя, подводя читателя к выводу о необходимости крест. революции как единств. выхода из «темного царства». Россию Д. считал страной, где «неправосудие» и «рабство» достигли последней черты, за к-рой стоит революц. переворот. В ст. «Когда же придет настоящий день?» (1860) Д. писал, что «везде и во всем заметно самосознание, везде понятна несостоятельность старого порядка вещей, везде ждут [реформ] и исправлений, и никто уже не убаюкивает своих детей песнейю о том, какое непостижимое совершенство представляет современный порядок дел в каждом уголке России» (там же, т. 2, 1948, с. 296). Считая революцию в России близкой, Д. уверенно восклицал: «Придет же он, паконец, этот день! И, во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!...» (там же). Однако Д. хорошо понимал, что революции сами собой не приходят. Их необходимым условием является революц. просвещение, поднимающее общество до сознания разумных требований, к-рые вытекают из нар. потребностей. В письме к С. Т. Славутинскому Д. так определил характер деятельности революц. демократии и направление своих соств. статей. Мы должны, писал Д., «... группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый наконец за живое, вскопчил с азартом и вымолвил: „да что же, дескать, это наконец за каторга! Лучше уж пропадай моя душонок, а жить в этом омуте не хочу больше“» (там же, с. 561).

В своих многочисл. статьях Д. обнажал все стороны «темного царства», с огромной разоблачит. силой показывал угнетенное и бесправное положение народа. Гл. причину нар. бедствий он видел не в произволе отд. помещиков, не в судебных злоупотреблениях, не во взяточках чиновников, на что напирала вся либеральная «обличительная» лит-ра, а в существе самой самодержавно-крепостнич. системы.

Обращаясь к истории общества, Д. искал в ней подтверждения своей убежденности в том, что классовая борьба, борьба дармоедов и труженников составляет пружину всех социальных изменений. «Призовите на помощь историю, — писал Д., — [где и когда существенные улучшения народного быта делались просто вследствие убеждения умных людей, не вынужденные практическими требованиями народа?]» (там же, с. 186).

Д. отдал много сил борьбе с рус. либерализмом, к-рую подчас ввиду цензурного гнета вынужден был облекать в форму критики Кавура, Монталамбера и др. идеологов западноевропейского «просвещенного капитала». Из русских либералов под огонь критики Д. попали *Бабст*, *Кавелин*. Д. критиковал также либеральные иллюзии И. Тургенева. Д. писал о либерализме как об идеологии боящейся народа буржуазии. Несмотря на видимый разлад, между буржуазией и феодалами установился «...тайный невыговоренный союз, вследствие которого они и делают друг другу разные деликатные и трогательные уступки, и щадят друг друга, и прощают мелкие оскорбления, имея в виду одно: общими силами противостоят рабочим классам, чтобы те не вздумали потребовать своих прав...» (там же, с. 192). Поэтому у буржуазии существует своеобразное отношение к прогрессу. Бурж. либералы пасаждают в народе веру в паллиативные меры, в реформы, сеют боязнь перед решительными действиями. Теории либералов подчинены корыстным интересам буржуазии.

Рус. либералам, к-рые стремились лишь к тому, чтобы замазать трещины, обнаруживающиеся в самодержавно-крепостнич. режиме, Д. противопоставил требование социалистич. переустройства России. Социализм представлялся ему как общество, в к-ром исчезнет частная собственность и связанная с ней эксплуатация людей. Материальными благами будут пользоваться только те, кто их создает. «... Нужно, чтобы значение человека в обществе определялось его личными достоинствами и чтобы материальные блага приобретались каждым в строгой соразмерности с количеством и достоинством его труда: тогда всякий будет учиться уже и затем, чтобы делать как можно лучше свое дело, и невозможны будут тунеядцы...» (Полн. собр. соч., т. 2, 1935, с. 187).

Как и Чернышевский, Д. рассчитывал, что крест. революция в России будет носить социалистич. характер; так же, как и Чернышевский, он полагал, что должна быть сохранена сельская община как форма, к-рая, по их мнению, способна дать начало социалистич. развитию. В ст. «Литературные мелочи прошлого года» (1859) Д. выражал свое согласие с позицией Чернышевского по поводу некапиталистич. пути России к социализму. Однако он более определенно, чем Чернышевский, высказался и о др. возможности. Он допускал, что Россия может пойти тем же путем, что и зап.-европ. страны, т. е. через стадию капитализма, но в этом случае, опираясь на опыт др. народов, се «... гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе» (Избр. филос. произв., т. 2, с. 197).

Философские взгляды. В нек-рых выступлениях Д. специально обращался к собственно филос. вопросам, по к-рым в эпоху 60-х гг. шла острая полемика. Приняв активное участие в этой полемике, Д. в ряде статей — против идеалиста-мистика проф. В. Ф. Берви («Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни»), против архимандрита Гавриила (*Жизнь*) («Основания опытной психологии»), против агностика Кусакова («Об истинности понятий или достоверности человеческих знаний»), против вульгаризатора науки Волкова («Френология»)

и др.—критиковал идеалистич., агностич., дуалистич. и вульгарно-материалистич. учения, представляющие, по его мнению, большую обществ. опасность, являющиеся питательной средой для самых нелепых предрассудков.

Отстаивая материалистич. и диалектич. позиции революционной демократии, Д., как и Чернышевский, большое внимание уделял вопросу о материальном единстве мира и человека. При доказательстве этого единства Д. опирался на достижения современного ему естествознания. Домыслам идеалистов о наличии в мире отдельных от материи сил и субъективно-идеалистич. пониманию законов бытия Д. противопоставил положения передовой науки, утверждающие вечный и объективный характер природы. Все в природе — лишь различные формы материи. Их многообразие объясняется постоянной изменчивостью мира, к-рый подчинен закону развития. «В природе всё идёт постепенно от простого к более сложному, от несовершенного к более совершенному; но везде одна и та же материя, только на разных степенях развития» (там же, с. 495). В ходе развития природы возникли как простейшие, так и самые совершенные формы материи. Мозг — это наиболее высокая форма развития материи, обладающая самыми развитыми функциями. Совершенство функций прямо пропорционально степени совершенства материи. По словам Д., материя живет и развивается на основе своих законов, к-рые независимы от человека и не могут изменяться согласно его желаниям. Эти законы и должны отыскиваться наукой, к-рая исследует изменения и действия материи. Поиски Берви и Гавриилом (Кикодзе) чего-то сверхъестественного, надприродного, духа, архея, эфира, жизненной силы Д. называл «балаганным фиглярством». Все силы, действующие в природе, материальны в том смысле, что представляют собой проявления материи и без материи не существуют. «...Все усилия наши представить себе отвлеченного духа без всяких материальных свойств, или положительно определить, что он такое в своей сущности, всегда были и всегда останутся совершенно бесплодными» (там же, с. 236). Идеалисты недовольны современным состоянием науки, к-рая характеризуется «положительным методом», опирающимся на факты, на опытные знания, а не на мечтат. теории. Такое направление науки для идеалиста типа Берви «пуше ножа вострого». «Как не сердиться ему на наше время, — писал Д., — когда успехи естественных наук совершенно уничтожают его средневековые теории и делают его смешным не только в глазах специалиста, следящего за успехами положительных знаний, но даже и в глазах всякого образованного человека, родившегося немножко позже Лавуазье и Фихте» (там же, с. 195).

Не меньшее место в филос. взглядах Д. занимают вопросы, относящиеся к раскрытию сущности человека и его сознания. Как и у Чернышевского, в статьях Д., посвященных философии, проблема человека является, по существу, центральной. Проводя при рассмотрении этой проблемы материалистич. взгляд, он имел дело с противниками двойного рода: слева — грубый вульгарный материализм, справа — идеализм в виде теории *психофизического параллелизма*, дуализма и учения о сверхчувственности, априорности челоуеч. знаний.

«Нам кажутся смешны и жалки, — писал Д., — невежественные претензии грубого материализма, который упижает высокое значение духовной стороны человека, стараясь доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи. Неленость подобных умствований так давно и так неопровержимо доказана, они так прямо противоречат результатам самих естественных наук, что в настоящее время только разве человек самый отсталый и невежественный может ещё

не презирать подобных материалистических умствований» (там же, с. 230—31). Образчиком подобного огрубления материалистич. т. зр. Д. считал «теорию» френолога Волкова, к-рый сложные психич. процессы объяснял формой и объемом мозга, а также пронумерованными мозговыми буграми. Д. резко осуждал реакц. смысл френологии, с помощью к-рой «доказывалось», что все пролетарии оттого бедны и несчастны, что у них сильно развиты бугры «противоборности», «разрушительности», «приобретательности» и «питательности», но совершенно не развиты части мозга, от к-рых зависят «работность», «благоволительность», «почтительность», «совестливость».

Др. крайность Д. видел в идеалистич. раздвоении человека на две сущности: душу и тело, к-рые будут бы не только не зависят друг от друга, но находятся в состоянии антагонизма. Проблема единства физиологич. и психич. процессов в человеке особенно занимала Д. (см. ст. «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью», 1858). Д. указывал, что дуалистич. взгляд не может удовлетворительно объяснить возникновение сознания и вынужден прибегать к допущению сверхчувственности знания. Кроме того, согласно этому взгляду, человек вырывается из общего строя природы и объявляется исключит. существом, к-рое могло быть создано только богом. Но человека нельзя противопоставлять природе вообще и животному миру, в частности, так как наукой доказана их генетич. общность.

Обращаясь к выяснению причин появления идеалистически-дуалистич. учений, Д. показывал, что учение об антагонизме духовной и телесной природы человека уходит своими корнями в глубокую древность. Оно появляется еще в ранних религ. верованиях, в мифах о Вишне и Шиве, об Ормузде и Аримане, о Белобоге и Чернобоге. Понятие о теле, как темнице души, существовало, по Д., еще у «дохристианских народов» (см. там же, с. 234). Позднее такой взгляд облекся в филос. форму и сохранился в идеалистич. системах поныне. Идеализм всеми силами стремится разорвать материальное и духовное, тогда как действит. задача состоит в познании природы, материи и человека в единстве всех их составных частей и проявлений.

«В наше время, — писал Д., — успехи естественных наук, избавившие нас уже от многих предрассудков, дали нам возможность составить более здравый и простой взгляд и на отношение между духовной и телесной деятельностью человека» (там же, с. 235). Д. при этом имел в виду прежде всего антропологию как такую область знания, к-рая вобрала в себя естественно-науч. и филос. представления о человеке. Творцом этой теории он считал Фейербаха, называя его одним из наиболее смелых и практич. учеников Гегеля. Антропологич. подход, по мнению Д., исключает существование отвлеченного духа, отрешенного от материи, и устанавливает, что сознание не содержит в себе ничего сверхчувственного, а является продуктом телесной организации человека. Науч. взгляд, писал Д., утверждает ту истину, что «... душа не внешней связью соединяется с телом, не случайно в него положена, не уголок какой-нибудь занимает в нём, — а сливается с ним необходимо, прочно и неразрывно, проникает его всё и повсюду так, что без неё, без этой силы одушевляющей, невозможно вообразить себе живой человеческий организм (и наоборот)» (там же, с. 237). Органом мышления является мозг. Степень его развития определяет совершенство сознания.

Материалом сознания является внешний мир, к-рый отображается в голове человека благодаря деятельности органов чувств. Д. доказывал, что мысли чистой, беспредметной, в к-рой бы не отразилось содержание внешнего мира, не существует. Признать

возможность такой мысли — значит допустить, что она возникает сама из себя, подобно тому, как допустить, что нечто возникает из ничего. В действительности человек всегда мыслит о том, с чем он имеет дело в своем опыте, «...человек не из себя развивает понятия, а получает их из внешнего мира, это несомненно доказывается множеством наблюдений над людьми, находившимися в каких-нибудь особенных положениях» (там же, с. 251). Так, напр., слепорожденный не имеет понятия о свете и цвете, глухие от рождения — о музыке.

Обращаясь к вопросам научного метода, Д. критиковал понимание диалектики как абстрактного умствования, как искусной логистики, оторванной от жизни. Правильный научный метод состоит, по Д., в следовании за самой жизнью, в раскрытии ее противоречивых тенденций (см. там же, с. 394). Д. критиковал метафизич. рассмотрение фактов изолированно друг от друга и в отрыве от окружающей действительности: «Вырвать факт из живой действительности и поставить его на полочку рядом с пыльными фолиантами, или классифицировать несколько отрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений — это значит уличтожать ту жизненность, которая заключается в самом факте, поставленном в связи с окружающей его деятельностью» (Полн. собр. соч., т. 1, 1934, с. 432). Критикуя метафизиков, Д. подчеркивал, что прежде всего необходимо понять характер явления, его место в ряду других, его смысл и значение в общем ходе жизни и что этот путь вернее ведет «... к правильному суждению о деле», чем простое оперирование «... всевозможными силлогизмами» (там же, т. 2, 1935, с. 320—21). «Не факты нужно приравнивать к заранее придуманному закону, а самый закон выводить из фактов, не насилуя их произвольно...» (Избр. филос. произв., т. 1, с. 491).

Социологические взгляды. Развивая идеи революционной демократии, Д. стремился опереться на социологич. науку, в к-рую он внес немало оригинальных идей. Д. близко подошел к правильному пониманию важнейших проблем историч. науки: обществ. закономерности, классов, классовой борьбы и революции, роли нар. масс и личностей в истории. Перед историч. наукой Д. выдвигал требование изучать человек. общество как совокупный, внутренне связанный процесс, подчиненный объективной закономерности. Сущность историч. прогресса он видел в движении общества к полному освобождению от социального гнета, к созданию такого строя, в к-ром не будет ни рабов, ни господ, ни царей, ни брамшвов, ни капиталистов, ни пролетариев, а будет лишь трудящийся народ.

Д. нередко связывал политич. и идейную борьбу социальных групп с их материальными интересами. Он писал, что «...материальная сторона во всех житейских отношениях господствует над отвлеченною, и ... люди, лишённые материального обеспечения, мало ценят отвлечённые права и даже теряют ясное сознание о них» (там же, т. 2, с. 471). Эту сторону жизни Д. рассматривал в качестве одного из важных факторов, к-рый необходимо учитывать при объяснении любого историч. события.

История общества, по Д., — это история жизни народа и его борьбы за освобождение. В общем ходе истории самое большое участие приходится на долю народа и только весьма малая доля остается для отд. личностей. В ст. «Жизнь Магомета» Д. критиковал тех историков, к-рые не учитывают развитие народа, «живую связь событий». Пытаясь все объяснить влиянием личностей, они вместо подлинной истории создают какую-то плохо составленную «всеобщую биографию великих людей». Д. соглашался, что отдельная, выделяющаяся по своим способностям личность

оказывает влияние на ход событий, но это происходит только потому, что замыслы личности соответствуют потребности тех, кто ее поддерживает. Историк «не хочет понять, что ведь историческая личность, даже и великая, составляет не более как искру, которая может взорвать порох, но не воспламенит камней, и сама тотчас потухнет, если не встретит материала скоро загорающегося. Не хотят понять, что этот материал всегда подготавливается обстоятельствами исторического развития народа, и что, вследствие исторических-то обстоятельств, и являются личности, выражающие в себе потребности общества и времени» (там же, т. 1, с. 186).

Однако Д. все же оставался идеалистом в трактовке обществ. развития, так как на первый план выдвигал в конечном счете идейные мотивы деятельности людей, считая умств. прогресс и накопление знаний гл. источником развития общества. При этом стремление к знаниям нередко выводилось им из антропологически истолкованных потребностей человек. организма.

А. Галактионов, П. Никандров. Ленинград.

Этические воззрения. В связи с пробудившимся под влиянием обострившихся социальных противоречий в рус. обществе интересом к проблемам воспитания молодого поколения Д. неоднократно обращался в своих статьях к разработке вопросов нравственности. Этич. взгляды Д. были неразрывно связаны с его революц. демократизмом.

Подобно всем домарксистским демократам, Д. ссылаясь в своей этич. теории на «естественное право» и «природу человека». Но если для Фейербаха, напр., меркой «природы человека» был абстрактный индивидуум с его абстрактной «всеобщей любовью», то в системе взглядов Д. «естественным» являлось право трудящихся путем нар. революции освободиться от всякого угнетения. Борьба Д. за человек. достоинство, его гуманизм носили революц. характер. Этика Д. пронизана ненавистью к тем «фальшивым» нормам жизни, к-рые навязываются «нестественными» условиями эксплуататорского общества, к тунеядству, барству, произволу, к пресмыкательству перед господами «темного царства».

Д. понимал, что в основе нравственности лежит труд, что от отношения различных групп общества к труду зависят их нравств. черты. Исходя из этого, Д. формулировал требования к облику «новых людей» — представителей молодого поколения, к-рому предстоит осуществить революц.-демократич. идеалы. Новые люди, по Д., в своих убеждениях исходят из требований жизни, «на первом плане всегда стоит у них человек и его существенное благо; эта точка зрения отражается во всех поступках и суждениях» (там же, с. 397). Нравств. принципы «новых людей», в частности — их революц. оптимизм, всегда действительности на благо народа, целиком вытекают из реалистич. понимания обществ. развития: «Признавая неизменные законы исторического развития, люди нынешнего поколения, — писал Д., — не возлагают на себя несбыточных надежд, не думают, что они могут по произволу переделать историю, не считают себя избавленными от влияния обстоятельств... Но в то же время они вовсе не впадают в апатию и бесчувственность, потому что сознают и своё значение. Они смотрят на себя, как на одно из колёс машины, как на одно из обстоятельств, управляющих ходом мировых событий» (там же, с. 398—99).

Подлинно высокая нравственность, по Д., есть результат формирования цельной человек. личности: «... только та доброта и благородство чувствований совершенно надёжны и могут быть истинно полезны, которые основаны на твёрдом убеждении, на хорошо выработанной мысли» (там же, с. 257). Высшее счастье, для к-рого создан человек, — труд на общее бла-

го. В этом — осн. смысл разработавшейся Д. вместе с Чернышевским т. н. теории «разумного эгоизма»: «... низшие предметы природы живут только в себе, наслаждаются собою, — человек может жить в других, наслаждаться чужой радостью, чужим счастьем. Если кто не чувствует в себе этой способности, значит, он ещё мало развил в себе истинно-человеческие элементы, значит, животные потребности слишком сильно преобладают в нём» (там же, с. 218—19).

Эстетические и литературно-критические взгляды. Вслед за Белинским и Чернышевским Д. считал, что подлинное искусство есть воспроизведение, отражение жизни в конкретн-чувств. форме художеств. образа. Лит-ра, по Д., должна чутко прислушиваться к запросам жизни и верно их выражать; прямым следствием этого тезис имел последоват. отстаивание *реализма* как необходимого и важнейшего условия художеств. полноценности произведений лит-ры и искусства: «... главное достоинство писателя-художника состоит в правде его изображений» (там же, т. 2, с. 48). Д. признавал реализм внутр. законом лит-ры и иск-ва, вытекающим из самого их существа. Это особенно четко было выражено им в оценке поэзии А. С. Пушкина: «До Пушкина отвращение от всякого естественного чувства и верного изображения обыкновенных предметов простиралось до того, что самую природу старались исказить, согласно извращённому вкусу образованной публики. Пушкин долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, как он есть. Но сила его таланта, умение чутко, ловить и воссоздавать естественную красоту предметов — победили дикое упорство фантазёров, и в этом-то приближении к реализму в природе состоит величайшая литературная заслуга Пушкина» (там же, с. 316). Д. призывал смелее переходить к правдивому художеств. отражению обществ. жизни, к-рое должно помочь пробуждению самосознания народа и развитию в нем революционн. инициативы. Начало такого отражения Д. усматривал в произведениях гоголевской школы. Правда, Д. в известной мере абсолютизировал требования, предъявлявшиеся им к реализму своей эпохи («гоголевского периода»), и исторически неправомерно переносил их на предшествовавшие периоды рус. лит-ры. Но главное в этом вопросе заключалось в подчеркивании Д. ущербности иск-ва нерелистического, искаженного в угоду интересам господствующих в обществе слоев.

Художеств. ценность произведений, по Д., можно установить лишь сверяя их с жизнью. Вместе с тем, отвергая плоское копирование действительности, Д. характеризовал художеств. процесс как глубоко творческий: «Художник дополняет отрывочность схваченного момента своим творческим чувством, обобщает в душе своей частные явления, создает одно стройное целое из разрозненных черт, находит живую связь и последовательность в бессвязных, по-видимому, явлениях, сливает и перерабатывает в общности своего миросозерцания разнообразные и противоречивые стороны живой действительности» (Полн. собр. соч., т. 2, с. 373).

Ставя на первый план в обосновании реализма познават. роль иск-ва, признавая, что великие писатели «как бы по инстинкту» приближаются «... к естественным понятиям и стремлениям, которых ещё только искали современные им философы с помощью строгой науки» (Избр. филос. произв., т. 2, с. 458), Д. был, однако, далек от вульгарного отождествления познават. роли иск-ва и науки. Он не только различал иск-во и науку по их форме, но и выделял первостепенную воспитат. задачу иск-ва: «... в ряду других его обязанностей общественной жизни: образы, созданные художником, собирая в себе,

как в фокусе, факты действительной жизни, весьма много способствуют составлению и распространению между людьми правильных понятий о вещах» (там же, с. 23). «Предупредить жизни литература не может, но предупредить формальное, официальное проявление интересов, выработавшихся в жизни, она должна» (там же, т. 1, с. 182).

Д. отчетливо выразил мысль о противоречиях между реакц. обществ. взглядами нек-рых крупных художников и их реалистич. художеств. методом, берущим истоки в самой природе иск-ва. В таких случаях, говорил Д., побеждает обычно реализм, верность жизни, потому что «... у сильных талантов самый акт творчества так проникается всею глубиной жизненной правды, что иногда из простой постановки фактов и отношений, сделанной художником, решение их вытекает само собой» (Полн. собр. соч., т. 2, с. 380).

Глубокое жизненное содержание иск-ва и лит-ры Д. отстаивал в полемике как против реакц. эстетики «чистого искусства», так и против либерального «обличительства», подменявшего постановку важнейших обществ. проблем сенсац. воплями по поводу отдельных, случайных фактов. Д. показал, что произведения, созданные по рецептам «искусства для искусства», дают лишь подделку под прекрасное; равным образом «обличительные» произведения только имитируют жизненность. Подлинно прекрасное содержание художник должен брать из жизни народа. Истинный поэт должен быть по-настоящему народен, а для этого «... надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки словесий, книжного учения и пр., прочувствовать всё тем простым чувством, каким обладает народ...» (Избр. филос. произв., т. 1, с. 169). На первый план Д. выдвигал наряду с критикой существующего строя борьбу за «партию народа» в лит-ре. Рисую в своей критике идеал нар. писателя и поэта, Д. прослеживал восходящую линию развития народности в совр. ему рус. лит-ре от Пушкина и Гоголя к Кольцову, Шевченко и Некрасову. Оценки, данные Д. творчеству Тургенева, Гончарова, Островского, сохраняют свое значение и поныне.

В полемике с эстетствующими дворянскими критиками «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» Д. четко сформулировал задачи «реальной», т. е. материалистической, лит. критики. Критика, по Д., не имеет права «задавать автору программу», требовать от него, чтобы он творил по заданной схеме. Она должна стремиться к объективной оценке произведения с т. зр. верности его правде жизни, соответствия законам иск-ва. Такая критика должна исходить из верного понимания законов действительности. Это дает ей основание для разъяснения читателям смысла произведения, позволяет пропагандировать «правильные общие понятия». Реальная критика, образцом к-рой Д. считал статьи Белинского, «... относится к произведению художника точно так же, как к явлениям действительной жизни: она изучает их, стараясь определить их собственную форму, собрать их существенные, характерные черты...» (там же, т. 2, с. 20). При этом судить писателя надо на основе того, что реально вышло из его творения, а не того, что он субъективно намеревался сказать.

Д. сознавал, что значение лит-ры, иск-ва, а также и критики ограничивалось в царской России условиями историч. отсталости страны, деспотизмом правящей реакц. клики, «малостью круга», в к-ром лит-ра действует (см. там же, т. 1, с. 129). В будущем социалистическом обществе, мечтал Д., лит-ра и иск-во обретут свое настоящее великое значение; прекрасная жизнь отразится в достойных ее художеств. творениях. Лит-ра и иск-во станут подлинно

народными, а поэтич. чувства, присущие в той или иной степени всем людям, получают свободное развитие. Это предвидение Д. находит свое подтверждение в развитии лит-ры социалистич. реализма.

В. Марков, Москва.

Борьба вокруг идейного наследия Д. Литература о Д.

После смерти Д. началось осмысление его роли в развитии русской общественной мысли и культуры. В некрологе о Д., выступая против попыток противников революц. демократии исказить образ выдающегося рус. критика, Чернышевский писал о своем соратнике как о человеке, стоявшем в последние 4 года жизни «... во главе русской литературы [— нет, не только русской литературы, — во главе всего развития русской мысли] (Поли. собр. соч., т. 7, 1950, с. 852). С целью пропаганды наследия Д. было предпринято первое издание сочинений критика под ред. Чернышевского (т. 1—4, 1862), опубликованы воспоминания Чернышевского о Д. и подготовленные Чернышевским «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах» (т. 1, 1890). Линия Чернышевского в оценке Д. была поддержана выступлениями М. Михайлова (его стих. «Памяти Добролюбова» было напечатано в «Колоколе» Герцена), Н. Некрасова, А. Пятковского, П. Библикова («О литературной деятельности Н. А. Добролюбова», 1862), несколько позже — М. Антоновича и Н. Шелгунова. Их прозаич. подчерчивали революционный и материалистич. характер идейного творчества Д., выступали против фальсификации мировоззрения Д. в статьях литераторов либерального направления.

После смерти Д. царское правительство запрещало печатание статей о нем, его произведения назывались из обращения в библиотеках. Однако идеи Д. находили доступ к умам передовой молодежи. Революц. народники видели в Д. одного из своих идейных вождей. С его именем были связаны студенч. демонстрации 1871 и 1886 в Петербурге, выпуск неск. прокламаций. Идеи Д. обуждались революционерами и на страницах легальной печати (см., напр., ст. «Неразрешенные вопросы» в народовольч. журн. «Дело», 1881, № 1). При всех своих достоинствах демократич. и революц.-народнич. выступления не содержали всесторонней науч. оценки теоретич. наследия Д. К тому же в лагере демократич. критики не было полного единства в оценке наследия Д. [см. статьи В. Зайцева («Белинский и Добролюбов», «Рус. слово», 1864, № 1) и Д. Писарева («Мотивы русской драмы», там же, № 3)].

Лишь марксистская методология дала подлинно науч. критерий для определения действит. значения идей Д. Основу этому положили высказывания о Д. основоположников теории науч. социализма. К. Маркс ставил Д. как писателя «наравне с Лессингом и Дидро» («Пренеска К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями», 1951, с. 77). Ф. Энгельс писал о России как о стране, выдвинувшей «двух социалистических Лессингов» — Добролюбова и Чернышевского (см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 522). Он отмечал, что в России была «... и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 380).

Произведения Д. изучались в революционных кружках, из к-рых сложилась рус. социал-демократия. Первые рус. марксисты видели в Д. настоящего демократа, воспитателя революц. поколений [см., напр., летучий листок «К народу», «Красный архив», 1936, № 2(75); Н. Е. Федосеев, Статьи и письма, 1958, с. 120, 166—67].

В. И. Ленин писал в 1901, что Д. дорог «всей образованной и мыслящей России» как «писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно являвший народного востания против „внутренних турок“ — против самодержавного правительства» (Соч., т. 5, с. 296). Впоследствии Ленин неоднократно обращался к оценке роли Д. (см. Соч., т. 16, с. 107; т. 18, с. 4, 12; т. 19, с. 55; т. 23, с. 176; т. 27, с. 244), указывая на его последоват. «муниций» демократизм, протесту против извращения его идей либералами.

Напечатанный в ленинской «Искре» (1901, № 13) статья В. Засулич, посвященная памяти Д., противопоставляла либеральному юбилейному празднословью и реакц. поношению добролюбовского «утилитаризма» революционные, недоступные легальной прессе мысли Добролюбова («Статьи о русской литературе», 1960, с. 261); вместе с тем Засулич отмечала идеализацию Д. рус. крестьянства (см. там же, с. 266). А. Коллонтай в ст. «Основы воспитания по взглядам Добролюбова» («Образование», СПб, 1898, № 9—11) охарактеризовала этические и педагогические принципы Д., «его последовательные, сознательные взгляды на идеал человека» (там же, № 9, с. 1).

В конце 19—нач. 20 вв. литераторы марксистского направления вели борьбу против характерного для бурж. и либеральной интеллигенции литературоведения истолкования идей Д. в духе «постеленинщины». Примером такого истолкования являлись работы А. Скабичевского («Н. А. Добролюбов», 1894), В. Богучарского [«Столбовение двух течений общественной мысли. (Памяти Н. А. Добролюбова)», «Мир Божий», 1901, № 11], Н. Котляревского («Из истории общественного настроения шестидесятых годов. Н. А. Добро-

любов. Его программа», «Вестн. Европа», 1911, дек.), Д. Овсянко-Куликовского («К психологии Добролюбова», там же, 1912, № 1). Либеральное затуманивание демократизма Д. дополнилось в бурж. лит-ре декадентским отрицанием его (работы А. Вольнского и др.).

Марксисты выступали против клеветы идеологов «веховской» контрреволюции на рус. демократич. наследие, в частности, против их попыток включить в свою родословную Д. (см. В. Воронский, «Митущиеся» и «мечущиеся», 1906, в кн.: «Литературно-критические статьи», 1956, с. 140; см. также воспоминания в кн.: В. Полянский, «Н. А. Добролюбов», 1935, с. 33). В ст. «Добролюбов и Островский» (1911) Г. В. Плеханов дал анализ филос. взглядов Д., правильно определив его как материалиста, не сумевшего однако, последовательно приложить материализм к обществен. жизни (см. Избр. филос. прозв., т. 5, 1958, с. 681). Указывая на идеализм Д. в понимании общества, Плеханов просматривал за антропологизмом Д. его социализм, борьбу с либеральным реформизмом. Направленная против «веховщины» содержит статья Ю. Стеклова «Социально-политические взгляды Добролюбова» («Современник», 1911, ноябрь) излишне сблизкала политич. позицию Д. с пролетарской. Защите Д. от веховской клеветы на него посвятил одну из своих статей В. Воронский («Н. А. Добролюбов», «Прогрессивец», 1912, № 2, псевд. Орловский П.). Исходя из ленинской концепции рус. историч. процесса, он проанализировал мировоззрение и творчество Д., определил его место в освободит. движении, показал близость Д. марксизму «по духу своего учения, по методу мышления, по глубине анализа» (см. «Литературно-критические статьи», 1956, с. 35). В духе ленинской борьбы против ревизионизма идейного наследия Д. была написана и ст. «Зачем понадобился туман?» («Прогрессивец», 1912, № 3—4; подпись — Кий), автором к-рой, вероятно, также был В. Воронский (см. «Вопросы литературы», 1960, № 5, с. 97—107).

В Сов. России уже в 20-х гг. была предпринята попытка спец. исследования филос. и социологич. идей Д. (П. Панкеев, «Историко-социологические взгляды Н. А. Добролюбова», «Под знаменем марксизма», 1928, № 12; его же «Философское мировоззрение Н. А. Добролюбова», 1929). Однако настояющему дифференциров. науч. исследованию мировоззрения, творчества и деятельности Д., исходящее из марксистско-ленинской методологии, разрешилось лишь в 30-х гг., в особенности в связи со 100-летним юбилеем со дня рождения критика. Был создан ряд трудов о Д.: значительные, хотя и не свободные от нек-рых ошибок, исследования Ю. Стеклова «Жизнь и деятельность Н. А. Добролюбова (1836—1861)» (1930) и В. Полянского (П. И. Лебедева) «Н. А. Добролюбов. Мировоззрение и литературно-критическая деятельность» (1933, 2 изд., 1935), многочисл. статьи — Б. Горена «Н. А. Добролюбов» («Историк-марксист», 1936, № 1), А. Деборина «Н. А. Добролюбов» («Под знаменем марксизма», 1936, № 2—3), В. Десницкого «Н. А. Добролюбов и его значение» («Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1936, № 1—2), В. Кириотина «Маркс, Энгельс и Ленин о Добролюбове» (там же), Л. Когана «Материализм Добролюбова» (там же, 1938, № 2), «Атеизм Добролюбова» (там же, 1939, № 1), «К вопросу о формировании мировоззрения Добролюбова» («Лит. критика», 1938, № 9—10), «Этические взгляды Добролюбова» («Фронт науки и техники», 1938, № 3) и др. Началось падение Поли. собр. соч. Д. под ред. П. И. Лебедева-Полянского (т. 1—6, 1934—41), исправление недостатков предыдущих изданий (под ред. М. Лемзе, Е. Амичева). Был выпущен спец. том «Лит. наследства» (т. 1 25—26, 1936), кн. «Избр. педагогич. высказывания» Д. (1939).

В послевоенный период были выпущены Собр. соч. Д. в трех томах (1950—52), Избр. филос. соч. Д. (ред. и предисл. М. Т. Иовчука, т. 1—2, 1945—46), Избр. педагогич. прозв. Д. (1952), сб. произведений Д. «О религии и церкви» (1960). С 1961 издается новое Собр. соч. Д. в 9 томах (т. 1—2, 1961—62). Создано несколько книг, специально посвященных мировоззрению и лит.-критич. творчеству Д.: В. Кружков «Мировоззрение Н. А. Добролюбова» (1952), В. Жданов «Николай Александрович Добролюбов» (1951, 3 изд., 1961); его же, «Н. А. Добролюбов. Критико-биографический очерк» (1961), и др. Различные стороны деятельности и творчества Д. рассматриваются также в книгах: Б. Бурсов «Вопросы реализма в эстетике революционных демократов» (1953), З. В. Смирнова «Вопросы художественного творчества в эстетике русских революционных демократов» (1958), С. А. Рейсер «Добролюбов в Нижнем Новгороде. 1836—1853» (1961), «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (Сб. статей I, 1960), Ф. М. Бурлацкий «Политические взгляды Н. А. Добролюбова» (1954), А. Караганов «Чернышевский и Добролюбов о реализме» (1955), В. З. Смирнов «Н. А. Добролюбов о воспитании» (1951), И. К. Пантин «Материалистическое мировоззрение и теория познания русских революционных демократов» (1961). Изданы «Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова» (сост. С. А. Рейсер, 1953), книга «Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников» (1961).

Сов. исследователи продолжают всестороннюю разработку различных сторон идейного наследия Д. (см. А. Азнауров, Этические воззрения Н. А. Добролюбова, «Уч. зап. Азерб. гос. ун-та им. С. М. Кирова», 1956, № 7; Ю. Алек-

сеев, Проблема народности в эстетике Н. А. Добролюбова, в кн.: Меньшукowski сб. науч. работ, вып. 1, 1960; М. Т. Иовчук, Философские и общественно-политические воззрения Н. А. Добролюбова, в кн.: Из истории русской философии. Сб. статей, 1951; его же, Н. А. Добролюбов и его философские взгляды, в кн.: История философии, т. 2, 1957, с. 367—77; К столетию со дня смерти Н. А. Добролюбова [Статьи М. Зельдовича и др.], «Вопр. литературы», 1961, № 11; Г. Г. Караваев, Социологические воззрения Н. А. Добролюбова, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филос. наук», 1956, вып. 7, № 196; Э. Макогон, Этические взгляды Н. А. Добролюбова, «Науч. зап. Кировоградского пед. ин-та», 1958, т. 4; А. Г. Назаров, Социалистические взгляды Н. А. Добролюбова, «Вестн. истории мировой культуры», 1961, № 4; В. Петровец, К вопросу о борьбе Н. А. Добролюбова с либерализмом, «Уч. зап. историч. фак-та Кирг. Гос. ун-та», 1958, вып. 6; С. Ф. Полоцкий, Н. А. Добролюбов о роли народных масс и личности в истории, «Изв. Воронежского гос. пед. ин-та», 1955, т. 18. Кафедра философии; Б. А. Разуметов, Проблема долга в этике Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, «Тр. Воронежского ун-та. Обществ. науки», 1957, т. 60, вып. 1; В. З. Смирнов, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов о всестороннем развитии личности, «Сов. педагогика», 1955, № 4; Г. А. Соловьёв, Эстетические взгляды Н. А. Добролюбова, «Вопр. философии», 1961, № 11; И. Я. Щипанов, Философские и общественно-политич. взгляды Н. А. Добролюбова, в кн.: Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956) и др. Ряд работ о Д. вышел в странах нар. демократии (L. Bazyłow, Mikolaj Dobrolubow, Łódź, 1955; A. Mokrejš, Estetická východiska Dobrolubovovy literární kritické činnosti, «Filos. časopis», 1956, № 4, и др.).

(Подробнее на тему: «Борьба вокруг наследия Д. С. Сов. наука о Д.» см. в кн.: М. Зельдович и М. Черников, Н. А. Добролюбов. Семинарий, [1961], с. 7—193).

Библиография: [Щипанов П. Т., сост.], Н. А. Добролюбов. 1836—1861. Рекомендат. указатель литературы, Л., 1954; Николай Александрович Добролюбов, 1836—1861. Указатель литературы. 1917—1960 гг., М., 1961. А. Володин. Москва.

ДОВГИРД, Апёл Станиславович (2 дек. 1776—26 апр. 1835) — философ-идеалист, проф. философии и логики (1818—32) Виленского (Вильнюсского) ун-та. Род. в семье обедневшего помещика Могилевской губ. Член католич. ордена пиаров. Признавая ощущения источником знаний и критикуя с этих позиций теорию *врожденных идей*, Д. утверждал в то же время, что только разум на основании т. н. естественного, врожденного закона познает мир. Этот закон и является, по Д., критерием истинности знаний. Нек-рую ценность представляют рассуждения Д. в области логики. Выступая против трансцендентализма *Канта*, Д. утверждал, что логика только тогда станет наукой, когда «будет исследовать одновременно не только форму, но и материю (т. е. содержание. — *И. Л.*) мышления» («Лекции о естественных законах мышления или теоретическая и практическая логика» — «Wykład przyrodzonych myślenia prawideł czyli logika teoryczna i praktyczna», cz. 1, Polock, 1828, s. XV).

Соч.: Rozbiór dzieła «O Filozofii» przez F. Jarońskiego, «Dziennik Wileński», Kr., 1817, rocz. 6; O logice, metafizyce i filozofii moralnej, Wilno, 1821.

Лит.: F i j a ł k o w s k i A., Ks. Anioł Dowgird, «Wizerunki i rozważania naukowe», 1835, cz. 2, S. 101—21; S t r u v e H., Wykład systematyczny logiki..., t. 1, Warsz., 1871; S t r a z z e w s k i M., Dzieje filozoficznej myśli polskiej w okresie porobiorowym, t. 1, Kr., 1912; H a r a s s e k S., Kant w Polsce..., Kr.—Warsz., 1916; K o l b u s z e w s k i K., Do biografii ks. Anioła Dowgirda, Warsz., 1929; M o ś c i e k i H., Z filareckiego świata, Warsz., 1924. *И. Луцицкий*. Минск.

ДОГМА (от греч. δόγμα — мнение, решение, учение) — положение, принимаемое слепо на веру, без доказательства. В антич. лит-ре термин «Д.» обозначал любое общезвестное положение, обладающее свойством неоспоримой истины; так именовались нек-рые гос. указы и постановления. В др.-греч. философии догматиками называли философов, к-рые, в противоположность скептикам, утверждали нечто положительное. Христ. богословие придало термину «Д.» смысл вероучения, признаваемого непреложной истиной, обладающего силой непререкаемого авторитета и не подлежащего критике. Так, напр., в православии осн. Д. является учение о триединстве бога. Церковь придала понятию «Д.» смысл религ.-культу-

вой формулы, в к-рой обязательно не только ее содержание, но и словесные выражения (см. *Догматы* религиозные).

В области науки Д. означает неизменную формулу, применяемую без учета конкретных историч. условий. Догматич. мышление, не признающее конкретной истины, враждебно науч. знанию (см. *Догматизм*).

ДОГМАТИЗМ — антиисторический, абстрактный способ рассмотрения теоретич. и политич. проблем, когда при их изучении и решении игнорируются обстоятельства места и времени. Д. есть разновидность метафизич. метода и потому он противоположен диалектич. методу. Принципом диалектики является сочетание абстрактного и конкретного, логического и исторического, науч. формул и вечно изменяющейся действительности, теории и практики. Диалектика высоко ставит теорию и ее положения. Но теория сама по себе сера, зато зелено вечно юное дерево жизни. Практика имеет первенство по отношению к теории, теория должна корректироваться и проверяться практикой. Задача науки состоит не только в том, чтобы с помощью теоретич. формул объяснять факты, но и в том, чтобы на основе новых фактов развить, углубить, обогатить имеющиеся теоретич. формулы, а в необходимых случаях и заменить устаревшие формулы, переставшие соответствовать изменившейся действительности, новыми формулами, соответствующими этой действительности. Нарушение этих диалектич. принципов приводит к Д. Догматич. мышление рассматривает мир и человек. познание в статич. состоянии — соответственно и теоретич. формулы являются для него неизменными догмами, истины превращаются в мертвые мумии истины. Догматик оперирует абстрактными формулами, оторванными от конкретной действительности, теориями без проверки их практикой. Вся премудрость догматика состоит в том, чтобы заучить ряд формул и применять их в качестве универсальной отмычки во всех случаях жизни, подгоняя жизнь под заранее принятые схемы, вместо того, чтобы теоретич. положения выводить из изучения действительности. Ленин говорил: «Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины становится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития» (Соч., т. 1, с. 280).

Диалектич. метод сочетает дедуктивное выведение из общих теоретич. положений более конкретных положений с тщательным индуктивным выведением из фактов живой действительности дополняющих теорию положений. В противоположность этому догматич. мышление отличается тем, что оно всегда придерживается односторонней дедукции. Догматик всегда выводит из одних формул другие формулы, а факты жизни находятся вне поля его зрения. В этом смысле догматич. мышление всегда схоластично.

Д. в науке и в практически-политич. деятельности имеет различные формы — в зависимости от поводов, с к-рым связано его возникновение. Догматич. мышление может исходить из заведомо ошибочных положений, и тогда Д. бывает результатом неправильных исходных позиций. Примером такого Д. может служить обычный религ. Д. — теологич. догматика. Догматические мыслящие люди могут оперировать в общем правильными исходными положениями, но оказываются не в состоянии связать эти положения с жизнью и потому остаются догматиками, уродуют правильные исходные положения и приносят вред в практич. работе. В предисловии ко 2-му изданию работы «Развитие капитализма в России» Ленин писал, напр., что положение о бурж. характере предшествовавшей тогда в России революции было истиной: «Это положение марксизма совершенно непререкаемо. Его никогда нельзя забывать... Но его, — добавлял Ленин, — надо

уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла..., т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть оплошление марксизма и сплошная пашемешка над диалектическим материализмом» (Соч., т. 3, с. 10). Догматич. мышление возникает и тогда, когда вычитанные из книг и серьезно не продуманные положения навязываются фактам, хотя сами факты не изучены и не подходят под эти положения. Так возникают талмудизм, доктринерство, педантизм, схоластицизм, начетничество, буквоедство — разные проявления Д.

Однако сведение Д. к метафизич. методу недостаточно для определения Д.: всякий Д. есть метафизика, но не всякая метафизика есть Д. Метафизич. метод имел оправдание на определенной ступени развития науки, но, как односторонний и ограниченный метод, он был превзойден и преодолен диалектич. методом. Д. есть упорствующая в своей односторонности метафизика. Там, где метафизика противопоставляет раскрытию другой, новой, возникающей и развивающейся, противоположной стороны явления, она выступает как Д. Догматизм есть воинствующая антидиалектика, односторонняя, омертвленная абстракция, воюющая против живой, многосторонней, конкретной жизни. Там, где имеет место Д., там налицо застой, косность, рутинна, отсталость мышления. Вот почему он обычно бывает присущ общественным классам либо же отд. науч. или политич. деятелям, к-рые отстали от хода историч. событий и противодействуют новому. Д. — слуга консерватизма и противник прогресса, в том числе и тогда, когда в политич. области он выступает под прикрытием «левых» фраз. Выступления против Д. в защиту диалектики, если они последовательны, носят поэтому революц. характер. Ломают старые догмы, они открывают путь новым идеям и способствуют прогрессу.

Д. с его односторонние дедуктивным способом выведения «истины» представляет собой одну метафизич. крайность, по отношению к к-рой другой, противоположной крайностью является столь же метафизически односторонний индуктивизм, или, как его еще называют, ползучий эмпиризм. Последствиями такого эмпиризма являются крайний метафизич. *релятивизм* и *скептицизм*. «Прямой противоположностью догматизма является ближайшим образом скептицизм» (Гегель, Соч., т. 1, М. — Л., 1929, с. 69).

В марксистской литературе широко распространено сопоставление двух антимарксистских крайностей — Д. и ревизионизма. Следовать той или иной букве у Маркса или Энгельса в ущерб сути марксизма — в этом, по Ленину, состоит характерная черта Д. Изменять суть марксизма под видом критики его формы — в этом Ленин видел суть ревизионизма в «...установившемся смысле слова» (Соч., т. 14, с. 238). Нетрудно заметить, что ревизионизм с его пренебрежением к осн. исходным положениям марксизма (напр., к вопросу о пролетарской революции и диктатуре пролетариата или к исходному положению филос. материализма о первичности материи и вторичности сознания) философически есть не что иное, как вышеупомянутый релятивизм и скептицизм. Нетрудно также установить родство Д. и ревизионизма — Д. в конце концов приводит к ревизионизму (напр., упорное следование рус. меньшевиков тезису о том, что в рус. буржуазной революции роль руководителя должна принадлежать либеральной буржуазии,

также вело к отказу от пролетарской революции и диктатуры пролетариата, как и открыто ревизионистский отказ от них). Д. и ревизионизм по видимости противоположны, по сути дела они — две родственные формы враждебной марксизму методологии.

Д. в истории философии. Д. как филос. понятие имеет большую историю. Др.-греч. скептики называли догматической вообще всякую философию, поскольку она выставляет определенные положения; их критика Д. была направлена против материалистич. философии эпикуреизма, равно как и против идеалистич. философии платоников. Эта критика ослабляла позиции филос. идеализма, отчасти способствовала развитию диалектич. мышления; в отношении материализма она была неправильной по существу. Древний скептицизм олицетворял другую, противоположную Д., крайность метафизич. мышления. В период средневековья Д. выступал в католич. догматике и связанной с ней схоластич. философии как официальная форма мировоззрения. Поэтому новая философия, в лице ее первых представителей — философов итал. Возрождения, а также Бэкона, Декарта, философов-материалистов 17—18 вв. — неизменно выступает против Д. теологии и схоластики. Юм выдвинул требование: «не распространять догматически употребление разума за область всякого возможного опыта». Затем в качестве одного из важнейших понятий Д. вошел в философию Канта. Кант признавал, что указанное требование Юма впервые прервало его «догматическую дремоту» (см. «Пролегомены», 1934, с. 112); Кант считал своей гл. задачей избавить науку от «... устарелого источенного червями догматизма, вызывающего к себе презрение...» («Критика чистого разума», П., 1915, с. 4); он писал, что метафизика с ее догматич. методом со времен Аристотеля не доказала ни одного положения из логики, психологии, космологии (см. «Пролегомены», с. 278). Кант подверг критике в качестве догматического учение своего предшественника Х. Вольфа о душе (как простой, нематериальной, неразрушимой субстанции), а также учение метафизиков о природе и о боге; Кант правильно указывал на то, что Д., будучи противоположностью скептицизму, благодаря своей односторонности ведет к скептицизму (см. «Критика чистого разума», с. 35), что скептицизм столь же мало плодотворен, как и Д. Догматизм «нас ничему не научает», а скептицизм «совсем ничего нам не обещает» («Пролегомены», с. 133); и догматическому, и скептическому методам Кант противопоставил свой «критический» метод, к-рый «...вовсе не стремится высказать что-либо о природе предмета» («Критика чистого разума», с. 245). В этом заключалось слабое место кантовской критики Д., и против этого ее пункта были направлены доводы Гегеля.

Понятие Д. широко используется Гегелем при критике предшествующей ему философии. Через все его работы красной нитью проходит критика «рассудочной метафизики» за ее одностороннее «или-или», за ее антидиалектичность. Д., по Гегелю, «...в более узком смысле состоит в том, что удерживаются односторонние рассудочные определения и исключаются противоположные определения» (Соч., т. 1, с. 70). Гегель, так же как и Кант, подвергает критике за Д. метафизич. философию Х. Вольфа; критикуя эмпирич. философию, к к-рой он относил и материализм, Гегель подчеркивал, что и в этой философии метод столь же догматичен, что и эта философия исходит «...из предпосылок, как из чего-то устойчивого, неизменяемого» (там же, с. 82), а это как раз характерно для Д.: ведь он представляет такое последоват. применение «...некоторого определенного принципа к особенному, при котором истина всякого особенного определяется и вместе с тем познается согласно этому

абстрактному принципу» (Соч., т. 10, М., 1932, с. 323). Но более всего в гегелевской философии критикуется кантовский Д.; критич. философию Канта Гегель приравнивал к методу прежней метафизики, рассудочно-одностороннему недиалектич. мышлению; верхом Д. кантовской философии Гегель считал утверждение Канта о непознаваемости «вещи в себе». Гегелевская критика филос. Д., осуществляемая им с позиций диалектич. метода, не потеряла своего значения. Однако же и Гегель вопреки своему диалектич. методу и, стало быть, своему «антидогматизму» как идеалист был догматиком. Он объявлял итогом развития всего человек. познания и абсолютной истиной свое учение об абсолютной идее. «Но это значило, — говорит Энгельс, — провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем самым стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 277). Поскольку всякий филос. идеализм в своих исходных позициях является антинауч. метафизикой, постольку он догматичен, а критика с его стороны догматич. метода не может быть последовательной.

Единственной последовательно антидогматич. философией является диалектич. материализм. В нем сочетается принцип неразрывной связи теории с материальной действительностью и признание изменчивого характера этой действительности, с чем постоянно должна соотнобразоваться теория. Марксистская философия ставит перед собой задачу не только объяснить мир, но и служить делу изменения мира. Философия сама должна стать действительной — а действительность должна стать философской, т. е. разумной, говорил Маркс. Это революц. понимание задач философии, исходящее из единства теории и практики, в принципе исключает Д. Классики марксизма-ленинизма вели упорную борьбу против попыток догматич. искажения их учения, подчеркивая, что их учение есть не догма, а руководство к действию, что оно «... прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства» (Письмо Ф. Энгельса К. Шмидту от 5 авг. 1890 г., см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1953, с. 421). Это революц., творческое, враждебное Д. понимание учения Маркса было полностью усвоено Лениным, к-рый постоянно подчеркивал, что коммунисты стоят всецело на почве теории Маркса, однако они не смотрят на теорию Маркса «...как на нечто законченное и неприкосновенное». Теория Маркса, — говорил Ленин, — «...положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» (Соч., т. 4, с. 191). Марксистско-ленинская философия сочетает в себе твердый антискептицизм, враждебность одностороннему релятивизму и враждебность к ревизионизму с последовательным «антидогматизмом»; в ней нет и тени той догматич. окостенелости мышления, к-рая отличает совр. бурж. философию.

Догматич. метод характерен для всей послегегелевской бурж. философии уже потому, что она вся выступает против революционной диалектич. трактовки жизни, что она возводит в догму отрыв филос. принципов от практич. деятельности человека, что она только то и делает, что воскрешает трупы давно опровергнутых филос. систем Фомы Аквинского, Беркли, Канта, Гегеля и т. п., педантически придерживаясь самых слабых, не выдержавших испытания временем, сторон этих систем. Первую половину 20 в. характеризует распространение в бурж. философии позитивистских, релятивистских теорий, к-рые афишируют свою враждебность метафизике и метафизич. Д. Эти позитивистские учения доходят в своем «антидогматизме» до отрицания филос. науки как таковой. Но

суть дела состоит в том, что само отрицание философии у позитивистов есть философия, их «антидогматизм» на поверку всегда оказывается шаблонным догматич. преклонением перед старыми филос. концепциями тех же Беркли, Юма, Канта; их «позитивизм» в своей основе почти всегда есть догматич. субъективный идеализм. Совр. бурж. философская мысль обречена быть догматической, она не может быть творческой, революционной, открывающей новые пути для прогресса, потому что она является идеологич. враждебного общественному прогрессу класса буржуазии.

Тем более нелепыми выглядят часто повторяющиеся обвинения в Д. по адресу марксистской философии со стороны бурж. и реформистских теоретиков (И. Бохенский и др.). Сов. философии принципиально чужд Д., она ведет борьбу против всяких догматич. ошибок, к-рые могут возникнуть на почве сов. действительности как отклонения от марксизма.

Борьба против Д. в науке. В естествознании и обществ. науках Д. выступает в форме заведомо неправильных или устаревших, или односторонних теорий, противодействующих дальнейшему прогрессу науки. Борьба Д. и новых, передовых идей в конкретных науках иногда принимала трагич. характер: борьба гелиоцентрич. теории солнечной системы против поддерживавшейся авторитетом церкви геоцентрич. системы стояла жизни Джордано Бруно и судебных преследований и мучений Галилею. Борьба за эволюц. теорию Дарвина против реакц. антиэволюц. теорий в биологии заняла 2-ю пол. 19 в.; даже в 30-х гг. 20 в. в США был организован реакционерами «обезьяний процесс», направленный против *дарвинизма*. Догматич. следование принципам классич. механики и противодействие ряда физиков передовому диалектич. взгляду на материю явилось одной из причин кризиса физики в начале 20 в., проявившегося, в частности, в том, что физики стали заменять устаревшие понятия классич. механики ненауч. понятиями, позаимствованными из идеалистич. философии. Совр. бурж. обществ. наука целиком и полностью пребывает в плену самых отсталых, реакц. догм, утверждающих индивидуальный характер историч. событий, якобы не допускающий «генерализации», т. е. обобщения и открытия историч. закономерностей; что решающая роль в историч. процессах принадлежит идеальным факторам; что строй частной собственности вечен и т. д. Все это не только идеализм и антидиалектика. В условиях, когда всему миру известна теория историч. материализма Маркса, упорное цепляние за приведенные выше теории есть реакционный Д.

Догматич. взгляды встречаются и в нашей науке, напр. взгляды, связанные с травопольной системой Вильямса, заученные в качестве догм. Такого рода взгляды преодолеваются усилиями самих ученых, стоящих на позициях творч. марксизма. Огромную роль в разоблачении догматич. идей и принципов играет Коммунистич. партия, творчески развивающая теорию марксизма-ленинизма. Сов. строй по самому своему существу враждебен косности, рутине, застою и Д. в науке.

Борьба против Д. в рабочем движении и. Понятие Д. приобрело с конца 19 в. большое значение в рядах междунар. рабочего движения. Выступившие тогда ревизионисты (Берштейн и др.) показали пример сочетания ревизионизма, т. е. открытого отказа от ряда осн. положений марксизма, с одновременным догматич. искажением ряда др. положений — толкованием теории историч. материализма как «экономического материализма»; признанием решающей роли одной экономики. борьбы рабочего класса и отрицанием роли политич. борьбы; догматич. ут-

вержением, что рабочий класс не может взять власть в свои руки, пока не созреют экономич. предпосылки; что рабочий класс сначала должен овладеть культурой и лишь потом брать власть в свои руки и т. д. Все это были догмы, противоречившие жизни, они были опровергнуты в трудах Ленина, а затем сведены на нет опытом Великой Октябрьской социалистич. революции.

Совр. реформистских теоретиков нельзя упрекнуть в догматич. истолковании марксистской теории, потому что они начисто отказались от марксизма. И, наоборот, с их стороны часто слышатся обвинения по адресу коммунистов в «коммунистическом догматизме», каковой они усматривают в том, что коммунисты продолжают следовать учению Маркса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, что они осуществляют экспроприацию средств производства, принадлежащих буржуазии, что они следуют марксистской философии диалектич. материализма и т. д. Однако все эти обвинения чужды: смешно обвинять в Д. людей, к-рые осуществили идеи марксизма-ленинизма на практике, в жизни, накопили огромный практич. опыт и на его основе, верные осн. принципам марксизма-ленинизма, двинули развитие марксистско-ленинской теории далеко вперед. Конечно, борьба за победу дела рабочего класса и за развитие на этой основе марксистско-ленинской теории есть живой, многосторонний процесс, в к-ром принимают участие многочисленные массы людей, прошедших разную школу, отличающихся различным уровнем усвоения марксистско-ленинской теории, иногда поддающихся бурж. и мелкобурж. влияниям и совершающих различные, в том числе и догматич. ошибки; эти ошибки и дают поводы для антикоммунистов писать о «коммунистическом догматизме».

Коммунистич. и рабоче-партийн. ведут настойчивую борьбу как против ревизионистских, так и против догматич. искажений в теории и в практич. деятельности. Историч. опыт свидетельствует, что Д., если против него не вести последоват. борьбы, может стать главной опасностью на том или ином этапе развития отд. коммунистич. и рабочих партий. Догматич. штатания в рабочем движении могут принимать в политич. плоскости характер как «правых» ошибок, так и левых заскоков. Суть левых заскоков в политике состоит в злоупотреблении весьма радикальными, далеко идущими понятиями без учета конкретной обстановки, а «...без учета конкретного опыта подобные понятия слишком легко превращаются в пустые фразы» (Ленин и В. И., Детская болезнь «левизны» в коммунизме, см. Соч., т. 31, с. 41). Пустые, догматич., ультра-левые фразы в политике очень опасны, ибо они могут дезориентировать и привести к поражению массы в их практической политич. борьбе.

В докладе М. А. Суслова на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами обществ. наук высших уч. заведений (1962) говорилось, что «догматизм — наиболее опасная форма отрыва теории от практики. Под личиной мнимой верности марксизму-ленинизму догматизм, левый оппортунизм наносят большой вред революционной теории и практике, социализму. Попытки укрыться от жизни под ворохом цитат означают неумение или нежелание оценить новую историческую обстановку, творчески применять и развивать в новых, изменяющихся условиях великие принципы марксизма-ленинизма... Упорство в защите догматически-сектантских позиций мешает правильно оценивать складывающуюся обстановку, использовать новые возникающие возможности в интересах рабочего класса и дела коммунизма».

К тому же догматические, левые извращения марксизма питают ревизионизм, создают для него благоприятную питательную среду. Нельзя успешно

бороться против ревизионизма, выкорчевать его из коммунистической среды, не преодолев, не изжив догматического извращения марксизма» («Коммунист», 1962, № 3, с. 42).

И Д., и ревизионизм, маскируясь марксистско-ленинской терминологией, имеют своей целью идейное разрушение революц. рабочего движения. Ленин указывал: «каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных штатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата».

Мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и „социал“-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционизм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два „потока“ этих штатаний» (Соч., т. 33, с. 1).

Куль личности Сталина способствовал распространению Д. на разных участках теоретич. и практич. деятельности. Сталин насаждал догматич. преклонение перед своей личностью; укоренял такие ошибочные теории, как теория об обострении классовой борьбы в стране по мере развития успехов социализма, о неизбежности отставания производства от спроса в условиях социализма и т. д. Верхом Д. было объявление филос. и других теоретич. работ Сталина предельной теоретич. исследований в соответствующих областях науки. Получалось, что Сталин разрешил все вопросы теории с предельной ясностью и исчерпывающей глубиной и другим людям не остается делать ничего иного, как догматически повторять установки Сталина, в том числе и те, к-рые вообще были неправильными. Догматич. стиль работ Сталина в последние годы его деятельности был чужд и духу марксистско-ленинского учения, и духу социалистич. строя и вызывал протесты со стороны теоретич. и политич. работников. Последствием культа личности Сталина было распространение догматич. установок в философии, экономич. науке, историч. науке, в сов. праве, в литературоведении. Огромной заслугой ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущевым было то, что он сломал этот стиль сталинского Д. XX съезд КПСС открыл широкий простор для творч. развития марксистско-ленинской теории.

XX съезд КПСС развил новые идеи по вопросу о войне, о возможности в совр. условиях использовать парламент для перехода власти в руки рабочего класса, а также по ряду важнейших вопросов строительства социализма внутри СССР. Эти идеи были одобрены на междунар. совещаниях коммунистич. и рабочих партий в 1957 и 1960. В Заявлении Совещания представителей коммунистич. и рабочих партий (ноябрь 1960) говорится, что Д. и связанное с ним сектантство «лишают революционные партии способности развивать марксизм-ленинизм на основе научного анализа и творчески применять его в соответствии с конкретными условиями, изолируют коммунистов от широких слоев трудящихся, обрекают их на пассивное выжидание или левачьи авантюрные действия в революционной борьбе, не позволяют своевременно и правильно оценивать меняющуюся обстановку и новый опыт, использовать все возможности в интересах победы рабочего класса и всех демократических сил в борьбе против империализма, реакции и военной опасности».

Курс на ликвидацию последствий культа личности Сталина вызвал сопротивление со стороны антипарт. группы Молотова, Маленкова, Кагановича и др.

XXII съезд КПСС (1961) осудил группу косных догматиков во главе с Молотовым и вновь подтвердил, что творч. развитие марксизма-ленинизма, борьба

против ревизионизма, а также и против Д. является генеральной линией КПСС в теории и в практич. деятельности. XXII съезд КПСС принял новую Программу КПСС, к-рая обобщила ход событий новейшей истории, определила перспективы строительства коммунизма в СССР, дала могучий импульс для дальнейшего развития революц. теории, для смелой постановки новых теоретич. вопросов, последоват. борьбы против ревизионистских патнений и догматич. косности мышления. В Программе КПСС сказано, что необходимо и впредь решительно выступать «...против ревизионизма и догматизма, отстаивая чистоту марксизма-ленинизма» (1961, с. 128). «Коммунистическая партия Советского Союза исходит из того, что непримиримая борьба с ревизионизмом, догматизмом и сектантством, со всякими отступлениями от ленинизма — необходимое условие дальнейшего укрепления единства международного коммунистического движения, упрочения социалистического лагеря» (там же, с. 43).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3, с. 226, 422; Маркс К., *Ницше философия*, там же, т. 4, гл. 2, § 1; Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, там же, т. 20 (Введение; Общие замечания; отд. 1, гл. 6, гл. 12); е го же, *Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*, там же, т. 21 (гл. 4); е го же, т. 27, [Л.], 1935, с. 610; т. 28, с. 219—20, [Л.], 1940; т. 29, с. 324, [Л.], 1946; Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, т. 14, с. 35, 120, 123, 248; е го же, т. 15, с. 193; т. 17, с. 23; т. 20, с. 404; е го же, *Письма о тактике*, там же, т. 24, с. 24—26; е го же, *Детская болезнь «левизны» в коммунизме*, там же, т. 31, с. 44, 69—70, 73—74, 82—83; е го же, *Задачи Союзов молодежи*, там же, с. 259—65; е го же, т. 32, с. 440; О преодолении культа личности и его последствий, в кн.: *КПСС в резолюциях*, ч. 4, М., 1960; О задачах партийной пропаганды в современных условиях, там же, с. 592—95, 598, 599; Х р у щ е в Н. С., *Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии*, [М.], 1956; е го же, *Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии*, М., 1961; е го же, О Программе КПСС, М., 1961; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г., М., 1961; Программа КПСС, М., 1961; Кант И., *Пролегомены*, М.—Л., 1934, с. 112, 133, 230, 265, 274, 295; е го же, *Критика чистого разума*, 2 изд., П., 1915, с. 4, 35, 245; Г е г е л ь Г. В. Ф., Соч., т. 1, [М.—Л.], 1929, с. 69—70; т. 10, М.—Л., 1932, с. 323—26.

ДОГМАТЫ р е л и г и о з н ы е — официально признанные осн. положения религ. вероучения, исповедание к-рых считается непрременным условием постижения божества и «спасения». Термин «Д.» произошел от слова *догма* и означает положение религ. вероучения, принимаемое слепо, на *веру*. Система Д. имеется во всякой оформившейся религии: *христианстве, иудаизме, исламе, индуизме* и др.

В х р и с т и а н с т в е первая офиц. формулировка Д. была дана в 325 на Никейском соборе и составила т. н. никейский символ веры. В 381 на Константинопольском соборе никейский символ был дополнен рядом новых Д. и составил вместе с этими дополнениями т. н. никеодареградский символ, включающий 12 осн. Д. К ним относятся Д. единства и троичности божества, грехопадения и искупления, воскресения Христова, Страшного суда и т. д. Константинопольский Вселенский собор принял специальное постановление о том, что сформулированные им Д. должны «во веки» оставаться неприкосновенными и неизменными. Тем не менее ход внутр.церк. идеол. и политич. борьбы вынуждал господств. в церкви группировки формулировать новые Д. В связи с борьбой против монофизитов был принят на 4-м Вселенском соборе Д. о двух естествах Христа — человеческого и божественном, — причем собор обратился к имп. Маркиану с разъяснением о том, что этот новый Д. не дополняет, а только «раскрывает» символ веры. Борьба против монофизитов привела к формулировке 6-м Вселенским собором (681) Д. о двух волях Христа. В борьбе против *иконоборчества* 7-й Вселенский собор (781) принял имеющее силу Д. вероопределение об иконопочитании.

Православная церковь формально остановилась на Д., принятых Вселенскими соборами, включая седьмой. Католич. церковь (см. *Католицизм*) неоднократно пополняла число Д., причем основанием для установления нового Д. служило не только решение церк. собора, но и единоличное определение рим. папы, поскольку последний считается непогрешимым главой церкви. Сама эта непогрешимость папы тоже является Д. католицизма. Помимо этого Д., католицизм признает не принимаемые др. христ. вероисповеданиями Д. о чистилище, о непорочном зачатии Богородицы, об исхождении святого духа не только от бога-отца, но и от бога-сына и нек-рые др. В протестантизме нет твердо установленной системы Д., как нет и центр. церк. учреждения, одной из функций к-рого было бы утверждение этих Д. Первоначально догматика протестантизма отличалась тем, что она базировалась только на Библии и не принимала во внимание «священное предание». Однако, поскольку Библия поддается различным и часто противоречивым толкованиям, протестантизм создал огромную богословскую лит-ру, задачей к-рой явилось введение некоего единообразия в истолкование «истин веры». Ортодоксальный протестантизм обнаруживает тенденцию рассматривать как Д. осн. положения катехизиса *Лутера*.

Вся христ. церковь считает Д. «богооткровенными» (см. *Богословие*) истинами, полностью содержащимися в Библии и не подлежащими никаким изменениям. Признание того или иного Д. или отказ от такого признания считается монополией церкви, а непогрешимость последней, в частности, по вопросам установления и толкования Д., в свою очередь, является Д.

В иудаизме *Маймонидом* было установлено 13 Д. веры, напр. о вечности и всеведущности бога, о том, что придет мессия, и т. д. В дальнейшем число Д. в иудаизме сократилось до трех.

И. Крыжелев. Москва.

В и с л а м е религ. догматика оформилась в схоластич. богословии — *калама*. Осн. Д. ислама — единство бога-аллаха, к-рый, по Корану, «не родил и не рожден, и нет никого равного ему» (сура 112). Второй Д. — пророч. миссия Мухаммеда, к-рый якобы по внушению свыше сообщил роду человеческого божеств. откровение, записанное в Коране. Помимо того, религ. вероучению ислама свойствен Д. о предопределении, согласно к-рому все дела, слова и мысли любого человека еще до сотворения мира были предопределены аллахом. Человек, по мнению мусульм. богословов, не обладает свободной волей, но имеет способность «приобретать» праведные и греховные действия.

В и н д у и з м е осн. Д. являются: признание святости *Вед*, неравенства людей, переселения душ и др.

Е. Веляев. Москва.

Богословие в содружестве с наиболее реакц. школами идеалистич. философии ставит своей целью создать нечто вроде «рационального» обоснования Д. Это является, в частности, специальной задачей т. н. догматич. богословия. Решение такой задачи принципиально невозможно, ибо Д. любой религии при попытке их анализа в свете разума обнаруживают свою полную антинаучность, иррациональность, несостоятельность и реакционность. Религ.-догматич. мышление, пытавшееся подчинить себе сознание масс, полностью разрушается развитием научных и атеистических знаний, опровергающих высказанные Д.

И. Крыжелев. Москва.

Лит.: Гарнак А., *История догматов*, в кн.: *Общая история европейской культуры*, т. 6, СПб., [1911]; Францев Ю. П., *У истоков религии и свободомыслия*, М.—Л., 1959; Seeberg R., *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, Lpz., 1908; Dogner A., *Grundriss der Dogmengeschichte*, B., 1899; Lüdemann H., *Christliche Dogmatik*, Bd 1, Bern, 1924.

ДОГЭН (1200—53) — япон. философ и поэт, основатель секты Сотосю — ветви буддийской секты Дзэн, насчитывающей неск. миллионов членов. С 1223 изучал буддийскую догматику и конфуцианскую философию в Китае. По возвращении в 1232 в Японию начал проповедовать учение Дзэн об ипитуции как «единственном источнике достижения истины Будды». Его филос. учение изложено в соч. «Основное богатство истинной веры» («Сёбо гэндзо»). Пропагандируя неоконфуцианский идеализм, Д. выступил с резкой критикой *даосизма*. В рассуждениях Д. о добре и зле, о «сущем» содержатся диалектич. элементы. Однако, исходя из религ. принципа о несуществовании, Д. считал, что противоречия не имеют никакого отношения к реальной действительности. Критика Д. даосизма объективно содействовала развитию философии в Японии.

Лит.: Радудль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 178—79; Elliot C. H., Japanese buddhism, L., 1935, p. 169, 284, 323, 331, 397, 399, 412; Тамамуро Тайдзё, Нихон буккё си гайсёцу (История буддизма в Японии в общем изложении), Токио, 1940; Идзу Кимиси, «Юбуцурон кэнкю», 1947, № 2, с. 141—60 (Идеи и логика Догэна, «Изучение материализма», 1947, № 2); Масутаи Фумио, Синран. Догэн. Нитирэн, Токио, 1956, с. 117—60.

Я. Радудль-Затуловский. Ленинград.

ДОДАШВИЛИ, Соломон Иванович [был известен в России как Додеев-Магарский; 17 мая 1805—20 авг. (1 сент.) 1836] — груз. философ. Род. в с. Магаро в семье священника. Окончил филос.-юридич. фак-т Петерб. ун-та (1827). В 1827 Д. вернулся в Грузию, в 1832 организовал издание первого груз. журнала революц.-просветит. характера «Литературные части Тифлиских ведомостей». В дек. 1832 Д. был арестован за участие в заговоре против рус. самодержавия, затем сослан в Вятку.

В философии Д. шел к материализму, хотя и не мог полностью освободиться от влияния Канта. Считая гл. задачей философии обоснование разумной деятельности человека, Д. положительно оценивал логику Аристотеля, в к-рой категории даны «в ближайшем отношении с самими предметами» (Додеев-Магарский С., Курс философии, ч. 1, Логика, СПб, 1827, с. 14), критиковал ср.-век. схоластику (см. там же, с. 16), высоко отзывался о философии Бэкона (см. там же, с. 17). Д. рассматривал процесс познания как соотношение познающего субъекта с познаваемым объектом. Логич. категории анализировались им в движении и изменении, однако вслед за Кантом Д. допускал априорность законов логики (см. там же, с. 21), к-рую называл нормативной наукой. Аксиомы и постулаты, так же как и классификацию суждений по форме, он считал установленными человеч. ума.

В «Логической методологии» (впервые опубл. в «Тр. Ин-та философии АН ГССР», т. 6, 1955, на рус. яз.) Д. критиковал агностицизм и скептицизм, считая, однако, ограниченной сферу предметов познания. Логич. методологию Д. определял как науку об усовершенствовании метода познания. «Риторика» Д. (впервые опубл. в журн. «Мнатоби», 1955, № 1) посвящена рассмотрению вопросов эстетики и теории лит-ры. Целью искусства Д. считал служение обществу.

Соч. на груз. яз.: Сокращенная грузинская грамматика, Тб., 1832; Письма. 1825—1832, в кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 2, Тб., 1945; Курс по философии, ч. 1 — Логика, Тб., 1949.

Лит.: Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 690—95; Калаидаришвили Г. М., Очерки по истории логики в Грузии, Тб., 1955; Кукава Т. Г., Выдающийся грузинский мыслитель, «Вопр. философии», 1956, № 2; Идубидзе Ш., История грузинской философии, Тб., 1960, гл. 35; на груз. яз.: Кумеишвили Д. И., Кукава Т. Г., «Риторика» Соломона Додашвили, «Мнатоби», 1955, № 1; Кукава Т. Г., Соломон Додашвили и его мировоззрение, Тб., 1955; Ронадзе М., Соломон Додашвили. (Жизнь и деятельность), Тб., 1955.

Т. Кукава. Тбилиси.

ДОДД (Dodd), Стюарт Картер (р. 1900) — амер. бурж. социолог. Проф. социологии в Гарвардском, Вашингтонском и др. ун-тах. Представитель социол. гич. позитивизма. Д. исходит из субъективно-идеалистич. глосеологии *операционализма*, отвергает объективное значение закона, причинности. Сторонник перенесения в социологию методов физико-математич. наук. В работе «Измерения общества» («Dimensions of society», 1942) Д. пытался создать всеобъемлющую систему классификации социальных явлений на основе их символизации. Существом системы символизации Д. является обозначение того или иного социального явления (напр., классы, войны и т. д.) произвольным сочетанием символов, к-рыми он обозначил «главные социальные факторы»: население (P), время (T), черты людей и их окружения (J), пространство (α). В качестве одного из критериев классификации Д. использует показатели степеней, в к-рые он произвольно «возводит» эти главные факторы, создавая символ к.-л. явления. Пустота, формализм, бессодержательность его классификации признается рядом бурж. социологов (см., напр., Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении, М., 1961, с. 236; E. Shanas, A critique of Dodd's «Dimensions of society», «Amer. J. Soc.», 1942, v. 48, № 2, sept., p. 214—230; P. A. Sorokin, Fads and foibles in modern sociology and related sciences, Chi., 1956 и др.).

Соч.: Social relations in the Near East, 2 ed., Beirut, 1940; Systematic social science, Beirut, 1947. Н. Ноишков. Москва.

ДОДУЭЛЛ (Dodwell) — Генри Старший (1641—1711) — англ. историк и теолог. Проф. Оксфордского ун-та, из к-рого был удален в 1688 вследствие отказа присягнуть Вильгельму Оранскому. Д. — активный участник развернувшегося в Англии в нач. 18 в. «спора о бессмертии души», в к-ром Д. при поддержке *Коллинза* выступил в защиту материалистич. тезиса о естеств. смертности души, допуская возможность бессмертия лишь в силу божеств. благодати («Эпистолярное рассуждение доказывающее, ... что душа — начало смертное по природе своей» — «An epistolary discourse proving..., that the soul is a principle naturally mortal...», 1706). Против Д. с обвинением в ереси и безбожии выступили *Кларк* и др. теологи. В своих соч. («Предварительная защита...» — «A preliminary defense...», 1707; «Естественная смертность человеческой души...» — «The natural mortality of humane souls...», 1708) Д. возражал своим противникам, доказывая, что книги Евангелия редактировались во времена Траяна (1—2 вв. н. э.).

Генри Младший (р. ок. 1700 — ум. 1784) — сын предыдущего, адвокат. Был деистом; написал антирелиг. памфлет «Христианство не обоснованное доказательствами» («Christianity not founded on argument...», 1741).

Уильям (1709—85) — священник и теолог, выступил против своего брата Генри Д. Младшего в защиту христ. ортодоксии. Б. Выховский. Москва.

ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ — необходимое свойство рассуждений, приводящих к расширению знания. Состоит в том, что в процессе всякого логически правильного рассуждения присоединение нового суждения в качестве истинного к составу имеющегося знания происходит лишь тогда, когда это суждение либо непосредственно основано на показаниях органов чувств, либо выведено (доказано), исходя из ранее включенных в состав знания истинных суждений по законам и правилам логики, — вообще, так или иначе обосновано. Рассуждение, не обладающее свойством Д., не убедительно, оно не может быть средством познания и руководством в практич. деятельности людей. См. *Достаточного основания принцип*, *Доказательство*, *Истина*. Б. Бирюков. Москва.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО — процесс установления объективной истины посредством практических и теоретических действий (и средств). Целостного понимания (понятия) Д. нельзя выработать ни в рамках оптологии, ни в рамках гносеологии, ни в рамках логики, понимаемых в их традиционном смысле. Каждая из этих «дисциплин» старой теоретической философии способна дать и дает лишь одностороннее представление о нек-рых внешних аспектах, чертах, сторонах Д., к-рые отрываются от других и абсолютизируются. Решение проблемы здесь отсутствует. Диалектика как теория познания и логика, отбрасывая искусственную обособленность логических, гносеологических и оптологических подходов, не выносит (как это может показаться при поверхностном взгляде) вопрос о Д. за круг рассматриваемых ею проблем. Диалектическая логика, как наука об истине, не может не интересоваться, каким способом доказываются истины, открываемые в ходе диалектического исследования. Она считает, что эти истины не могут доказываться какими-то другими способами, помимо диалектики, ибо Д. не есть нечто внешнее по отношению к знанию. Все, что не является чем-то понятным само собой, «...нуждается в выведении и доказательстве» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 88). Однако диалектический материализм отвергает ненауч. представление о Д. как о процедуре «выведения» одних высказываний (или предложений) из других, принятых за «истинные» до и независимо от какого бы то ни было «доказательства». Ибо такое толкование Д. в конце концов приводит к тому, что основание Д. усматривается в доводах субъективистски трактуемой интуиции. Такое понимание Д. по существу сводит Д. к простой процедуре преобразования языковых операций, в к-рых выражено знание, без какого бы то ни было изменения (приращения) этого знания по содержанию, по существу, т. е. к процедуре формального преобразования информации. Марксистская философия рассматривает Д. не как тавтологическое выведение, а как синтетическое выведение, к-рое не остается в сфере уже достигнутого знания, но с каждым шагом обогащает его. Так понимаемое Д., включая в себя разрешение диалектических противоречий, рационально осуществляет процесс выработки новых понятий в ходе восхождения от абстрактного к конкретному. «...Это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все бога ч е и к р е т н е е. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнее обогатило его некоторою новой определенностью... На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя...» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 223—24). Здесь Д. состоит не в оправдании уже полученных ранее результатов *post factum*, а само имманентно процессу их получения, в к-ром они и обладают подлинной истинностью (см. *Истина*, раздел Истина и принцип совпадения диалектики, логики и теории познания). Само исследование доказательно, поскольку оно движется по логике предмета и лишь воспроизводит ее. В марксистской философии, к-рая подходит к процессу установления объективной истины с точки зрения диалектически противоречивого отношения между содержащим и формой мышления, между субъективным и объективным, теоретическим и практическим, категория Д. предполагает прежде всего содержательный подход. Диалектический подход к Д. избавляет познание от ошибок, к-рые не могут быть обнаружены средствами

одной лишь формальной логики. Стремление доказывать тезисы путем одного лишь выведения их из общих истин по правилам формальной логики, без учета конкретного содержания рассматриваемой области, Ленин не случайно охарактеризовал как опонение диалектич. материализма. Ограниченность понимания Д. как выведения из доказанного видна, в частности, из того, что в этом случае остается открытым вопрос об истинности исходных положений. Недостаточность такого подхода видна также из неразрешимости в пределах формальной логики логич. антиномий, к-рые начиная с Зенона Элейского доставляли немало трудностей философам и логикам. Напр., Кант в своем учении об антиномиях признал их неразрешимыми для логики рассудка (к-рая для него есть только формальная логика), а их разрешение отнес к области диалектики.

Диалектическая логика в качестве теории мышления есть вместе с тем учение о Д. объективной истины, к-рая как содержание и результат познавательного процесса есть единство противоположностей (объективного и субъективного, абстрактного и конкретного, абсолютного и относительного, одностороннего и всестороннего и т. д.). С точки зрения диалектической логики Д. не следует противопоставлять исследованию, т. е. исследованию является диалектическим лишь тогда, когда каждый его новый шаг является в то же время новым шагом в Д. истинности как конечных выводов теории, так и положений, принятых в качестве ее исходных оснований. Начиная с установления единства противоположностей, диалектич. исследование идет через раздвоение единого на противоположные части, через движение в рамках этих противоположностей, через изучение их развития во всей его сложности, — при обязательной проверке фактами, практикой правильности каждого шага анализа (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 316); исследование всех основных противоречивых тенденций, движущих познаваемую вещь, и их отношений на данной ступени развития приводит к Д. необходимости существования данной вещи и к установлению истинности высказанных положений и выводов о ней. Такое Д. через выявление единства противоположностей выступает как процесс, как результат данного процесса (т. е. конечный пункт и цель данного цикла диалектич. анализа) и как исходный пункт следующего. Поэтому материалистич. диалектич. логика выступает не только как метод исследования истины, но и как метод ее Д. Единство этих сторон нашло свое воплощение в логике «Капитала» (см. «Капитал», раздел Логика «Капитала», к-рый подавил «громкой доказательностью изложения» (Ленин В. И., Соч., т. 1, с. 146). Народники обвиняли автора «Капитала» в том, что он якобы все доказывает триадами, тогда как «...Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы „доказывать“ что бы то ни было гегелевскими триадами» (там же, с. 146). Маркс «...только изучал и исследовал действительный процесс». «...Единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью» (там же); «...о б ъ е к т и в н ы м анализом капиталистического строя доказывал он н е о б х о д и м о с т ь его превращения в социалистический» (там же, с. 141), показывая при этом мистицизм Гегеля и младогегельянцев, для к-рых «...результат действительного развития есть не что иное, как доказанная, т. е. доведенная до сознания, истина» и для к-рых история существует «... для того, чтобы существовало доказательство истины» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 86). Ленин соглашается с Гегелем, что мышлению нужны не «достаточные» основания (в смысле традиционной формальной логики), а основания, доказывающие истинность знания о той или

иной вещи необходимостью ее возникновения и развития, доводами, к-рые являются выражением ее сущности.

С т. зр. диалектич. логики несостоятельно также противопоставлять Д. истины ее открытию. Если рассматривать открытие как установление места того или иного факта или закономерности в общей системе положений данной теории, то открытие совпадает с диалектически понимаемым Д. истинности этого положения. Суть диалектич. Д., применяемого Марксом в «Капитале», Энгельс видит в том, что «...самые замысловатые экономические проблемы выясняются просто и почти наглядно благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и правильную связь» (Маркс К. и Энгельс Ф., Письма о «Капитале», 1948, с. 121). С т. зр. Энгельса сделать открытие — значит правильно установить надлежащее место нового факта в системе теории в целом, а не просто обнаружить его (см. «Диалектика природы», 1955, с. 27, 186). Науч. теория доказательна тогда, когда она берется в целом, имея в виду соотношение всех частей целого, их специфич. функций в общей системе теории. Ленин исходя из такого понимания Д. в своей теоретич. борьбе с идеологич. противниками марксизма. Народники, напр., пытались следующим образом доказать неприменимость марксистской теории к русской действительности. Они приняли марксистский тезис о том, что существование и развитие внутр. рынка необходимы для развития капитализма, но затем выставили ошибочный аргумент: в России из-за обнищания населения и снижения его покупательной способности, к-рые обусловлены самим развитием капитализма, не может образоваться внутр. рынок; отсюда они сделали вывод: в России капитализм не развивается. Для того чтобы опровергнуть это рассуждение и доказать, что капитализм в России развивается, Ленин в труде «Развитие капитализма в России» доказывает, что внутр. рынок в России складывается уже давно, и показывает, как происходит этот процесс. При этом он не ограничился косвенным Д. — «...разбором ошибок и неправильностей во взглядах противников»; он также считал «...недостаточным для ответа на поставленный вопрос привести факты, говорящие об образовании и росте внутреннего рынка, ибо могло бы являться возражение, что такие факты выбраны произвольно и опущены факты, говорящие против». Для опровержения взглядов народников и Д. истинности марксистского тезиса Ленин считал «...необходимым рассмотреть и понята́ться изобразить весь процесс развития капитализма в России в его целом» (Соч., т. 3, с. 3).

С т. зр. материалистич. диалектич. логики одного теоретич. Д. недостаточно, так же, как недостаточно одного практич. Д., взятого совершенно независимо от теории; Д. истины достигается только в единстве логич. и практич. Д. в совокупном ходе науч. исследования, конкретного (индуктивного и дедуктивного) анализа действительности, ибо науч. Д. необходимо должно включать способ «...проверки всего фактами, событиями, уроками всемирной истории» (там же, т. 27, с. 75—76). Основными принципами Д. с точки зрения Ленина являются: а) последовательно проведенный материализм, т. е. установление объективной истинности результатов исследования, а также аргументов — фактов или законов, доказывающих тезис; б) последовательно проведенная диалектика, дающая ответ на вопросы: как собрать факты, как установить их связь и взаимозависимость, как из них вывести аргументацию, как доказать объективную истинность тезиса. «Истинная диалектика... изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности» (там же, т. 7, с. 380). На вопрос: когда

факты имеют безусловно доказательную силу, Ленин отвечает, что «факты, если взять в их целом, и в их с в я з и, не только „упряма“, но и безусловно доказательная вещь», ибо они тогда представляют выражение определенной объективных законов. Следовательно, в Д. истины «необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная“ стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще чем кажется» (Соч., т. 23, с. 266—67).

Д. истинности знания нельзя искать только в рамках мышления и его законов. В Д. должны принимать участие и теория, и практика, ибо каждая из них, в сущности, содержит в себе свою противоположность: практика выступает вместе с тем как опредмеченная теория, а теория — как «одухотворяющая» практика, поскольку в каждой научной теории накоплен практич. опыт поколений людей. Д. истинности теории имеет две важные стороны. Первая сторона состоит в том, что всякая новая теория в своих выводах опирается на уже доказанные науч. положения, на ранее установленные законы и принципы. Поскольку, однако, и для преднеств. науч. теорий их Д. практикой являлось решающим в установлении их истинности, постольку такое, казалось бы, чисто теоретич. Д. истинности данной теории уже содержит в себе практику как существенный элемент Д. Кроме того, следует иметь в виду, что логич. принципы, к-рые используются при выведении положений новой теории, также связаны с практикой. Др. стороной Д. является то, что всякое Д. той или иной теории, даже носящее практич. характер, не может осуществляться совершенно обособленно от теории; всякое практическое (напр., экспериментальное) Д. покоится на неких предвременно построенных и практически примененных теоретич. законах и принципах, так что ни одно идеальное практич. Д. не начинается на голом месте, а исходит из некой, более или менее верной теории. Однако единство практич. и теоретич. Д. нельзя представлять упрощенно — как просто соединение практич. проверки с выполнением формально-логич. принципов. На деле соединение практич. и теоретич. мышления выступает как сложный диалектически противоречивый процесс, к-рый нельзя сводить к требованию формально-логич. непротиворечивости. Необходимо четко отличать диалектич. противоречия от противоречий неправильного рассуждения (формально-логич. противоречий). Смешение последних с диалектич. противоречиями приводит к необоснованному требованию запрета диалектич. противоречий в мышлении на том основании, что формальная логика устанавливает невозможность одновременной истинности суждения и его отрицания. Опираясь на такое смешение, критиканы отвергали «Капитал» Маркса, особенно его теорию прибавочной стоимости, существенно использующую то, что различные моменты одной и той же действительности могут стоять друг к другу в противоречивых отношениях и что выражением этого в мышлении являются диалектические противоречия в теоретических определениях, в совмещении тезиса и антитезиса на одной основе и т. и.

Научное Д. предполагает внутреннее единство теоретического и практического. В конечном счете «в практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, несосторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики,

есть чисто схоластический вопрос» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 1—2).
И. Элес. Москва.

В формальной логике Д. представляет собой обоснование истинности какого-либо суждения или системы суждений, теории или какого-либо ее фрагмента.

Следует различать Д. в широком и узком смыслах. Д. в широком смысле — это любая процедура установления истинности к.-л. суждения (суждений) как с помощью логич. рассуждений, так и посредством одного лишь восприятия и узнавания объектов, действующих на органы чувств людей, и ссылки на такое восприятие. Д. в узком смысле — это такое оправдание истинности суждения (или системы суждений), к-рое включает какие-либо рассуждения; оно состоит прежде всего в установлении отношения логического следования доказываемого суждения (суждений) из некоторых исходных суждений, истинность которых уже была установлена в предшествующем познании; исходные суждения данного Д. называются его посылками, или основаниями, или аргументами, или доводами, а то суждение (или система суждений), обоснование истинности которого является его целью, — тезисом Д., или его заключением; именно в этом узком смысле понимается термин «Д.» в формальной логике.

Всякое Д. состоит из системы логически правильных (т. е. всегда из истины порождающих истину) умозаключений (в частном случае, из одного акта умозаключения) и может быть обычно представлено в виде последовательности суждений (высказываний, предложений), из к-рых одни связаны с другими шагами (правильных) умозаключений или, иначе, шагами применения правил логич. вывода; в числе суждений в такого рода последовательности имеются аргументы Д., а завершается она доказываемым тезисом. Необходимым признаком всякого (верного) Д., в отличие от вывода, является истинность его посылки; Д. есть вывод из доказанных — и вообще тем или иным способом оправданных в качестве истинных — суждений. Д. — важнейший элемент всякой науки, стремящейся к доказанности своих суждений, теорий, учений. Для одного и того же тезиса могут быть даны различные Д.; чтобы убедиться в истинности тезиса, достаточно располагать хотя бы одним его Д.

Способы построения Д. развивались вместе с развитием человек. мышления и особенно науч. познания. При этом сложились большие различия между доказательствами в тех или иных областях научного мышления, а также мышления, связанного с деятельностью людей в различных сферах обществ. жизни и производства. Эти различия находят выражение в разном характере (не только по содержанию, но и по логич. форме) оснований и тезисов Д.; в различии тех видов умозаключений, к-рыми пользуются в Д.; в разном характере тех абстракций, на к-рых основываются Д.; в различной роли в Д. данных чувственного опыта.

С т. зр. участия опыта в Д. из всей области науч. познания, естественно, выделяются науки, в к-рых опытные данные используются непосредственно — в виде суждений, оправданных посредством чувств. восприятия, и науки, в к-рые опытные данные входят не в виде эмпирически оправданных посылок, а в обобщенной, отвлеченной и идеализированной форме, вместе с теми абстрактными понятиями, к-рые фигурируют в Д. этих наук. К числу наук последнего рода можно отнести математику, современную формальную (т. е. символическую) логику, нек-рые области кибернетики (напр., теорию абстрактных автоматов) и теоретической физики. В число наук первого рода входят естественные науки: основанные на экспериментах разделы физики, химические науки, биология, гео-

логия, астрономия и др., а также науки об обществе, такие, как археология, всеобщая история и пр. Среди посылок Д. в этих науках, помимо суждений, выражающих уже познанные законы данной области действительности, обязательно имеются (и играют важнейшую роль) суждения непосредственного восприятия (выражающие, напр., показания тех или иных научных приборов). Д., опирающиеся на опыт не только косвенно (через посредство основных понятий данной области знания), но требующие, кроме того, прямого использования в Д. суждений непосредственного восприятия, наз. эмпирическими, или опытными. Прямое включение опытных данных в Д. происходит обычно в ходе систематически организованных науч. наблюдений и экспериментов; наблюдения играют ведущую роль в Д. таких наук, как астрономия или языкознание, эксперименты — в эмпирических Д. физич. и химич. наук; опытные Д., основанные на эксперименте, наз. эмпирическими.

Эмпирические Д. могут служить обоснованию как обобщающих заключений, так и суждений о единичных явлениях. Опытные Д. обобщающих заключений обычно входят в класс индуктивных Д., т. е. таких Д., в к-рых обобщение связано с использованием индукции (см. *Логика индуктивная*). Однако индуктивное Д. (именно доказательство, а не просто рассуждение, претендующее на правдоподобность), как правило, в той или иной форме включает и дедуктивные умозаключения (см. *Дедукция*); фактически всякое более или менее сложное эмпирическое Д. строится на основе тесного переплетения индуктивных и дедуктивных умозаключений, что бывает зачастую связано с использованием гипотез в ходе Д. В науках, непосредственно опирающихся на данные опыта, используются также и Д., к-рые исключительно (или почти исключительно) состоят из дедуктивных умозаключений (дедуктивные Д.). Часто тезис, для к-рого найдено основание на наблюдении и эксперименте индуктивное Д., затем доказывают дедуктивно, посредством выведения его из ранее установленных законов, тем самым включая его в общую систему истин данной науки. Кроме того, следует иметь в виду, что разделение Д. на индуктивные и дедуктивные является неполным, потому что существуют такие Д., к-рые затруднительно отнести к одной из этих групп.

Д. различаются также по тому, что с логич. т. зр. представляет собой тезис: (а) является ли он суждением (системой суждений) о единичном объекте (факте, событии) или (б) содержит утверждения всеобщего характера и утверждения о существовании и объектов, обладающих нек-рыми свойствами или находящихся в нек-рых отношениях к др. объектам; в случае (б) в доказываемом суждении (суждениях) имеются обычно т. п. кванторные слова и выражения, служащие для передачи всеобщности и существования (см. *Кванторы*). В науках, использующих в качестве оснований Д. суждения непосредственного восприятия, тезисом Д. часто служат суждения о единичных фактах (единичные тезисы). Д. единичных тезисов имеет важное значение в таких науках, как география, геология, науки об истории природы и общества (палеонтология, всеобщая история и др.). Д. тезисов, содержащих утверждения всеобщности, имеет важнейшее значение в любой отрасли знания, — в том числе и там, где видное место занимают Д. единичных тезисов, — определяемое тем, что всякий закон выражается суждениями, содержащими всеобщие высказывания. Необходимыми в познании являются и Д. тезисов, содержащих высказывания о существовании (Д. существования). В науках, основанных на прямом использовании данных опыта, Д. существования род-

твенны Д. единичных тезисов и состоят обычно в предъявлении объектов (явлений, событий), обладающих соответствующими свойствами и отношениями; такое предъявление всегда, фактически, включает логич. рассуждения (напр., удостоверяющие, что найденный конкретный предмет имеет все те свойства и отношения, к-рые должен иметь объект, существование к-рого доказывается), почему и должно считаться логич. Д. Особый вид Д. составляют Д., в к-рых истинность суждения устанавливается путем удостоверения надежности того источника (летопись, офиц. документы, свидетельства современников и пр.), из к-рого оно первоначально было почерпнуто, и обоснования того, что в процессе (быть может длительной и сложной) передачи нам этого, возникшего как неточное, суждения в него не вкрались искажения, существенно меняющие его первоначальный смысл; такие Д. — необходимое средство исследоват. работы, напр. в историч. науке.

От Д. наук, непосредственно опирающихся на данные опыта, отличны Д. в математике, математич. логике, теоретич. физике и др. дисциплинах, наз. д е д у к т и в н ы м и н а у к а м и. Это различие связано с тем, что в этих науках непосредственным предметом рассмотрения являются не чувственно воспринимаемые вещи, а т. н. а б с т р а к т н ы е о б ъ е к т ы, т. е. абстрактные понятия, ставшие самостоятельным предметом исследования; примером абстрактных объектов могут быть, напр., математич. абстракция точки (не имеющей физич. размеров), абстракции идеально точных геометрич. фигур, абстракции чисел различных числовых областей, абстракции бесконечных множеств разных «порядков» и т. п.; системы таких абстрактных понятий являются результатом специфических для дедуктивных наук способов абстрагирования. В недедуктивных науках абстрагирование носит преимущественно одноступенчатый (однократный) характер; результатом абстрагирования являются понятия, обычно непосредственно отвлеченные от чувственно воспринимаемых вещей и используемые для изучения этих вещей; наиболее распространенным способом абстрагирования в этих науках является установление отношений различия и тождества (одинаковости) среди конкретных вещей и последующее отождествление одинаковых предметов. Такой способ абстрагирования, наз. *абстракцией отождествления*, широко используется и в дедуктивных науках. Абстракция отождествления есть, по существу, предпосылка любого Д., т. к., во-первых, она всегда так или иначе участвует в образовании понятий, фигурирующих в данном Д., а, во-вторых, используется непосредственно в самом Д., поскольку в нем приходится различать и отождествлять входящие в него понятия и суждения (по их языковым выражениям). Однако в дедуктивных науках эта абстракция часто применяется повторно: к результату предшествующего этапа абстрагирования снова применяется абстракция отождествления (абстракция от абстракций) и т. д. Кроме того, в отличие от недедуктивных наук, в математике, теоретич. физике и др. науках широко используется *идеализация*, порождающая такие понятия, как «идеально черное тело», «материальная точка» и т. п., прообразы к-рых среди реальных вещей могут быть указаны лишь с тем или иным приближением. Наконец, существуют специфические для математики и логики способы абстрагирования, такие, как *абстракция потенциальной осуществимости* и *абстракция актуальной бесконечности*, позволяющие говорить о конечных конструкциях произвольной сложности и о таких своеобразных объектах, как бесконечные множества. Особенности абстрагирования в дедуктивных науках приводят к тому, что рассматриваемые в них объекты не обладают чувственной наглядностью

(такая наглядность привлекается лишь для иллюстрации рассматриваемых в этих науках отношений, а также как средство догадаться о таких отношениях); объекты, о к-рых идет речь в таких дедуктивных науках, как математика и логика, часто называют в этой связи *п е с и е ц и ф и ц и р о в а н н ы м и* объектами (в отличие от *с п е ц и ф и ц и р о в а н н ы х* объектов, изучаемых в естественных и др. науках). Описанный характер объектов в дедуктивных науках препятствует использованию в Д. этих наук суждений непосредственного восприятия. Уже по этой причине в дедуктивных науках, по крайней мере в настоящее время, не могут применяться опытные индуктивные Д. Из обществ. наук преимущественно дедуктивную форму носят Д. в политич. экономии.

Д. в дедуктивных науках обычно могут быть организованы в аксиоматич. систему (см. *Метод аксиоматический*). Такая организация системы Д. в этих науках связана с тем, что среди посылок здесь отсутствуют суждения об опытных данных; поэтому для того чтобы процесс доказывания предложений (теорем) этих наук не уходил «в бесконечность» (ведь посылка каждого данного Д., — если не считать используемые в нем *определения* понятий, к-рые также можно рассматривать в качестве оснований Д. и как таковые считать доказанными, — должна быть в свою очередь доказана, и т. д.), приходится принимать некоторые предложения в качестве *аксиом*. Всякое Д. в дедуктивных науках может быть представлено как вывод следствия из аксиом. Это выведение происходит с помощью дедуктивных умозаключений, а также с помощью различных видов математич. индукции. Математич. индукция является индуктивным умозаключением в том смысле, что приводит к обобщающим заключениям; но т. к. это обобщение связано с «пересмотром» бесконечного множества абстрактных объектов, оно вынуждено опираться на некий общий принцип; поскольку принцип математич. индукции формализуется в виде аксиомы, применение математич. индукции не выводит за пределы дедуктивной теории.

При всем различии между эмпирич. Д. и Д. в дедуктивных науках типа Д. в познании вступают во взаимосвязь друг с другом. Эта взаимосвязь проявляется, в частности, в том, что во многих науках, основанных на непосредственном использовании данных наблюдения и эксперимента, имеются разделы, строящиеся дедуктивно. Как правило, в этих разделах применяются математич. средства. Значение дедуктивных фрагментов, а значит и способов Д., типичных для дедуктивных наук, в недедуктивных науках особенно возросло за последние десятилетия. В таких науках, как экономика, лингвистика, генетика, конкретные социологич. исследования, высечение способов Д., характерных для дедуктивных наук, происходит часто путем построения математич. или логико-математич. моделей тех явлений, к-рые изучаются в данной области знания. С др. стороны, в чисто дедуктивных науках (математика, логика) в связи с развитием вычислит. математики и созданием информационно-логич. и управляющих машин открываются неизвестные здесь ранее возможности получения новых результатов посредством экспериментирования с машинами (математич. эксперимент).

Связь Д. с *практикой* состоит в том, что человек. опыт — источник суждений непосредственного восприятия, играющих такую важную роль в эмпирических Д., — приобретает людьми в процессе активного взаимодействия с природными явлениями и др. людьми, а также в том, что доказанные наукой результаты становятся средством предвидения, руководством в самых различных сферах общественно-производств., технич. и др. деятельности людей, получая, т. о., прямую проверку на практике. Связь Д.

с практикой, особенно наглядная в экспериментальных науках, имеется и в случае наук дедуктивных. Она осуществляется через употребляемые и изучаемые в дедуктивной науке абстрактные понятия; абстрактные объекты, с к-рыми здесь оперируют, сводятся (обычно через ряд переходных ступеней абстрагирования) к абстракциям, уже непосредственно связанным с чувственно-практич. деятельностью людей; часто такой исходной абстракцией является абстракция отождествления, в конечном счете возникающая из оперирования с реальными вещами. С этим связано то, что оперирование с математич. объектами может в ряде случаев носить непосредственно очевидный и своеобразно-наглядный характер или, как часто говорят в математике, быть и н т и в н о у б е д и т е л ь н ы м (интуицию в этом смысле не следует смешивать с интуицией в смысле *Берсона*, см. *Интуитивизм*). Связь дедуктивных наук с практикой происходит далее через *интерпретацию* теории в терминах реальных процессов, совершающихся при приложении ее к решению тех или иных практич. задач. Такая интерпретация состоит, по сути дела, в и с к л ю ч е н и и а б с т р а к т н ы х о б ь е к т о в, фигурирующих в доказанных предложениях (теоремах) данной теории, посредством нахождения (иногда приближенного) таких реальных вещей или явлений — представителей этих абстрактных объектов, к-рые удовлетворяют установленным в теоремах соотношениям. Эффективность практич. приложений теории является подтверждением верности как теории в целом, так и тех Д., из к-рых она состоит. В случае, когда теория соединяет эмпирич. материал с его дедуктивной обработкой, часто применяется т. н. ф е н о м е н о л о г и ч е с к и й м е т о д, состоящий в выведении следствий из системы допущений (постулатов) теории и прямого сопоставления их с наблюдаемыми фактами; если практика наблюдений и экспериментов подтверждает следствия, теория считается доказанной.

Целью Д. является установление несомненной, непреложной истинности тезиса — его д о с т о в е р н о с т и. Однако достоверность суждения, обоснованного посредством Д., не носит безусловного характера. В большинстве случаев доказанное суждение представляет собой лишь о т н о с и т е л ь н у ю истину. Относительность истинности доказанных суждений вытекает уже из того, что основания Д., — это особенно ясно видно в науках, непосредственно опирающихся на данные опыта, — лишь приблизительно верно отражают действительность, т. е. в свою очередь являются относит. истинами. Относительность истинности суждений, фигурирующих в Д., — как оснований, так и тезиса Д., — с л о г и ч. т. зр. имеет своим источником приближенный характер отражения действительности в той системе понятий, в рамках к-рой строится данное Д. Истинность тезисов, доказанных с использованием нек-рой системы понятий, ограничена сферой применимости последних, определяемой характером абстрагирования и идеализации, примененных при их образовании, и вообще применяемыми способами их введения в науку. Это особенно важно иметь в виду при рассмотрении Д. в математике и логике, претендующих на максимальную достоверность, — такую, при к-рой возможность сомнения в истинности доказываемого суждения обычно практически исключена, но крайней мере для совр. человека. Имея в виду эту черту Д. в математике и логике, их иногда наз. «абсолютными». Но и в математич. и в логич. Д. входит момент относительности: его вносят прежде всего абстракции отождествления, потенциальной осуществимости и актуальной бесконечности, а также использование идеализации при образовании математич. понятий. Существующие в основаниях математики и логики дискуссии о допустимости абстракции акту-

альной бесконечности (см. *Интуитивизм, Конструктивная логика*), а также возникновение критики идеи потенциальной осуществимости связаны с различной оценкой многими учеными нек-рых видов Д. в дедуктивных науках (так, интуитивисты и сторонники конструктивного направления отказываются от так называемых чистых Д. существования, в то время как сторонники классической математики и логики считают эти Д. допустимыми) и даже целых разделов математики (отрицание интуитивизмом и конструктивным направлением теории множеств *Кантора*). Относительность истин, извлекаемых посредством Д., выражает относительность критерия практики.

Достоверность заключения Д. предполагает, что оно с л о г и ч. необходимостью следует из достоверных оснований. Известно, однако, что в науке большое место занимают рассуждения, в к-рых заключение следует из оснований (даже достоверных) лишь с той или иной степенью п р а в д о с т о в е р н о с т и. Такой характер, в частности, носят многие рассуждения, в к-рых используется *неполная индукция* и *аналогия*. В случае, когда правдоподобность рассуждений достаточно велика, становится затруднительно провести четкую границу между ними и рассуждениями, дающими достоверное заключение. Это затруднение объясняется, с одной стороны, трудностью точного определения понятия Д., предполагающего полное и строгое описание логич. средств, могущих быть использованными в ходе рассуждения, а с др. стороны — сложностью проблемы определения степени правдоподобия суждения (см. *Вероятностная логика*). Однако практика науки свидетельствует о том, что в областях знания, основанных на непосредственном использовании опытных данных, часто встречаются рассуждения, дающие заключения, правдоподобие к-рых практически приближается к достоверности и даже сливается с ней. Такие рассуждения естественно отнести к Д. (что и предполагалось выше в настоящем изложении). Достоверный (или практически приближающийся к достоверному) характер придают тезисам также Д., как обоснование посредством «шерекретного опыта»; многие опытные индуктивные рассуждения, включающие в себя дедуктивные выводы из доказанных ранее законов; феноменологич. Д. естественнауч. теорий; Д., основанные на изучении источников происхождения суждения или состоящие в констатации наблюдаемых событий и т. д.

Д., как обоснование истинности тезиса, следует отличать от о т к р ы т и я истины, включающего возникновение гипотезы, более или менее оправданной догадки об истинности тезиса, общей идеи о способе его Д. и т. п. Д. может быть весьма тесно связано с процессом открытия, но оно может быть и ограничено от него. В опытных науках Д. часто непосредственно связано с открытием. Напр., эксперимент, приводящий к раскрытию нек-рой закономерности (производимой обычно на основании к.-л. теории), как правило, выступает и как Д. истинности суждения, выражающего эту закономерность. Д. и открытие, в общем, совпадают и тогда, когда сопоставление и анализ имеющихся научных данных (напр., уравнений нек-рого математического обработанного раздела естествознания) приводит к выведению таких следствий из них, к-рые выражают ранее не известные зависимости между изучаемыми явлениями. В случае, когда процесс открытия вместе с тем является и процессом построения Д., рассуждение обычно идет от установленных наукой суждений как оснований через ряд следствий к доказываемому тезису. Д., характеризующееся ходом рассуждения от оснований к тезису, наз. п р о г р е с с и в н ы м.

В случае, когда Д. и открытие в общем не совпадают, тезис будущего Д. появляется сначала в виде

вероятного предположения, вслед за чем возникает проблема отыскания его Д. Так часто бывает, напр., в математике, где в процессе открытия видную роль играют неполная индукция и аналогия, т. е. те логич. средства, к-рые не допускаются в математич. Д. Одним из способов отыскания Д., особенно в дедуктивных науках, является рассмотрение доказываемого тезиса с целью нахождения таких истинных суждений, из к-рых он логически следует. Такой способ рассуждения еще со времени др.-греч. математики получил название а н а л и з а Д., в к-ром рассуждение идет от рассмотрения тезиса к отысканию его оснований, называется также регрессивным. После того как осуществлено регрессивное (аналитическое) построение Д., всегда может быть построено соответствующее прогрессивное, или синтетическое, Д. (см. *Синтез*).

Поскольку в построении наук придерживаются достаточного основания принципа, постольку можно сказать, что понятия и с т и п ы и Д. связаны в них следующим образом: истина есть результат потенциально осуществимого Д.

Важнейшим свойством (правильного) Д. является его у б е д и т е л ь н о с т ь. Именно на Д. (в самом широком смысле этого слова) должна быть основана у людей любая уверенность в истинности соответствующих суждений. Этим, в частности, объясняется значит. место Д. вне науки: в педагогич. процессе, в судебной практике, в политич. борьбе, дипломатии и т. п. Так, напр., доказательность, убедительность — важные требования, к-рым должно удовлетворять решение или приговор суда. Приемом, к-рый часто заменяет Д., является ссылка на авторитет. Чтобы служить действительным эквивалентом Д., такая ссылка должна предполагать, что те, к кому она обращена, имеют возможность (быть может, при выполнении некоторых условий, например, после овладения необходимыми знаниями) проверить соответствующее суждение посредством рассмотрения (или построения) его Д. Доказательное значение ссылки на авторитет не может превосходить доказательной силы того рассуждения, которым этот авторитет пользуется для обоснования рассматриваемого суждения.

Термин «Д.» употребляется часто в смысле, отличном от его логич. значения. Часто, напр., рассуждения, по сути дела бездоказательные, но направленные на то, чтобы вызвать у др. людей убеждение в ч.-л., тоже наз. Д. В др. случаях Д. наз. такие обстоятельства или факты или же свидетельства об обстоятельствах или фактах, из к-рых выводится то или иное заключение. Так, в юриспруденции Д. («судебными Д.») наз. свидетельские показания, заключения экспертов, т. е. вещественные Д. (напр., предметы, могущие быть уликами совершенного преступления) и пр.; что же касается Д. в логич. смысле, т. е. рассуждения, имеющего целью обоснования истины по данному судебному делу (проводимое сторонами, участвующими в судебном процессе), то оно называется д о к а з ы в а н и е м. Подобная терминология применяется и вне юридической науки: Д. называются аргументы (доводы), а доказываемое — опирающийся на них процесс обоснования истины; иногда же «доводом» или «аргументом» называются все Д. в целом.

В науке и повседневной практике логич. средства, применяемые в Д., обычно не уточняются; при построении Д. просто используются те логич. формы, операции, правила и законы, к-рые исторически сложились в практич. и познават. деятельности людей. Поскольку, однако, в ходе рассуждений, претендующих на обоснование истины, могут быть допущены логич. ошибки, возникает задача отделения рассуж-

дений, не приводящих к обоснованию истины и лишь внешне похожих на Д. («неправильных Д.»), от рассуждений, действительно являющихся Д. Эта задача требует уточнения логич. формы (ф о р м а л и з а ц и и) Д.

Проблема уточнения логической формы Д. возникла вместе с самой формальной логикой. Первая теория дедуктивных Д. была создана Аристотелем, основывавшим ее на своем учении о *силлогизме*. Аристотель впервые выделил виды оснований Д. (аксиомы, определения) и логических ошибок, возможных в Д. Для развития учения о Д. большое значение имело становление в античной науке аксиоматического метода (Эвклид). В новое время (16—19 вв.) изучению подверглись индуктивные умозаключения и логическая сторона наблюдения и эксперимента (Ф. Бэкон, Дж. С. Милль); тем самым было положено начало изучению опытных Д. В 18—19 вв. окончательно сложилось учение о Д. в традиционной логике.

В традиц. логике во всяком Д. выделяются три части: тезис, основания и демонстрация (или аргументация), т. е. та форма рассуждения (состав умозаключений и их связь друг с другом), посредством к-рой тезис выводится из оснований. Основания подразделяются на аксиомы, определения, ранее доказанные суждения и суждения непосредственного восприятия. От Д. отличаются *опровержения* как обоснования ложности некоего суждения. Д. делятся на п р я м ы е и к о с в е н н ы е (см. *Косвенное доказательство*). Для отличения правильных Д. от неправильных устанавливают т. н. п р а в и л а Д. и выявляются те ошибки, к-рые связаны с их нарушением. Обычно указываются след. правила Д.: тезис должен быть ясен и вполне определен; он должен быть одним и тем же на протяжении всего Д. (нарушение этого правила наз. п о д м е н о й т е з и с а); в числе оснований не должно быть ложных или недоказанных суждений; для тех оснований данного Д., к-рые, в свою очередь, нуждаются в Д., должны иметься такие Д., в к-рых не используется в качестве оснований тезис данного Д., т. е. не должно быть *круга в доказательстве*; тезис должен логически следовать из аргументов, что означает, что демонстрация должна состоять только из правильных умозаключений; от Д. необходимо отличать приемы, с помощью к-рых люди стремятся убеждать др. людей, воздействуя не на их разум, а на чувства, желания или волю (т. н. «аргумент к человеку», «к публике» и др.).

Проверка того, не нарушены ли в Д. к.-л. из указ. выше правил, требует прежде всего явной формулировки всех суждений, к-рые в нем скрыто фигурируют (поскольку во многих Д. часто не высказываются некие их части), и приведения каждого шага Д. к формам умозаключений, описываемым в логике. История науки, однако, показала, что средств традиц. логики недостаточно для формализации науч. Д.; прежде всего это обнаружилось в применении к математическому Д.: средства традиционной логики ничего не давали, напр., для исследования логических оснований математического анализа и арифметики и т. п. Потребности исследования исходных понятий и принципов математики заставили математиков создать в последней трети 19 — начале 20 вв. особую теорию математического Д., использующую средства не традиционной, а математической логики (Фреге, Дж. Пеано, Рассел, Д. Гильберт и др.).

В математической логике различают понятия ф о р м а л ь н о г о и с о д е р ж а т е л ь н о г о Д. Под формальным Д. обычно понимают представление Д. в виде определенной материальной конструкции — в виде *конструктивного объекта* того или иного рода. Способы такого представления бывают различными; в настоящее время наиболее обычны: представление доказательств в виде д е р е в ь е в формул,

выражающих на некоем формализованном языке суждения рассматриваемой теории, а также логическое представление — в виде строчек формул формализованного языка. Дерево Д. имеет следующий вид: некоторые формулы в дереве стоят над другими, и в этом случае, если (и только если) над к.-л. формулой стоит одна или несколько формул, то эта формула получается из стоящих непосредственно над ней формул путем применения одного из (заранее описанных) правил логического вывода; самые верхние формулы фигуры являются аксиомами рассматриваемой теории (причем к числу аксиом причисляются и аксиомы логики), а самой нижней формулой — тезис Д. В случае линейного представления Д. последнее представляет собой строчку формул, в к-рой каждая формула есть либо аксиома, либо получается из предшествующих формул Д. по правилам вывода, причем последняя формула строчки есть заключение Д. Чтение или проверка формальных Д. не требует понимания формул как осмысленных суждений, а предполагает лишь установление того, что формула, выступающая в качестве заключения при применении данного правила вывода, действительно следует из формул-посылок по этому правилу. Такая трактовка Д. придает дедуктивной теории характер формальной теории, или исчисления. Д., трактуемые не как формальные Д., а как рассуждения, требующие понимания содержания (смысла) входящих в них суждений и понятий, называются содержательными.

Теория (формальных) Д., основной идеей к-рой является изучение Д. как конечных материальных объектов, могущих быть написанными, напр., на бумаге и обладающих вполне определенным строением, восходит к Гильберту. Значение этой теории состоит в том, что значительное большинство теорий, рассматриваемых в математике, математической логике и др. дедуктивных науках, допускает представление в виде исчислений, т. е. может быть формализовано. При этом существенно, что каждое Д. получаемого т. о. исчисления имеет аналог в исходной содержательной теории. Практически, однако, прибегая к формализации не всегда целесообразно; во многих случаях важна просто ее возможность; последняя имеет принципиальное значение, когда изучению подвергаются логические свойства теории, напр. ее непротиворечивость. Изучение доказательств для каждой формальной теории может проводиться с помощью содержательных Д., и теория, в к-рой рассматриваются такие Д., наз. метатеорией исходной (т. н. предметной) теории. Если метатеория является дедуктивной теорией, она может быть в свою очередь формализована в виде метаметатеории; при этом, однако, на некоем уровне в рассмотрении обязательно войдет теория, трактуемая содержательно (т. е. не формально). См. *Метатеория*.

Присмы формализации Д., разработанные в математич. логике, могут применяться во всякой науке, в к-рой имеются дедуктивные умозаключения и Д.; наибольшее значение они в настоящее время имеют в математике, кибернетике и логике как таковой. В экспериментальных науках, в к-рых важное значение имеют логические методы, выходящие за рамки современной математической логики в узком смысле этого слова (как дедуктивной логики), для изучения Д. применяются др. методы, в частности средства современной логики *индуктивной*. Каждой отдельной науке (или группе наук) может соответствовать раздел логики, посвященный изучению Д. в этой науке (этот раздел может одновременно составлять часть этой науки, что и имеет место в математике и отчасти в юриспруденции). Развитие исследований в области оснований математики и математической логики привело к расщеплению логики на классическую, конструктивную и др., в соответствии с чем различают классические, конструктивные и др. Д.

Лит.: Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, М., 1957, с. 33—34, 317; Генн В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., изд., т. 14, гл. 2, 3; е го же, *Философские тетради*, там же, т. 38, с. 181—82; Милль Дж. С., *Система логики силлогистической и индуктивной*, пер. с англ., М., 1914, кн. 2 и 3; Кэджорн Ф., *История элементарной математики*, пер. с англ., 2 изд., Одесса, 1917, с. 67—68, с. 338—40, Введенский А. И., *Логика как часть теории познания*, 4 изд., П., 1922, гл. 5—13; Вейль Г., *О философии математики*, Сб. работ, М.—Л., 1934; Бэкон Ф., *Новый Органон*, 2 изд., М.—Л., 1935; Челпанов Г. И., *Учебник логики*, [М.], 1946, гл. 25; Асмус В. Ф., *Логика*, М., 1954, гл. 14; е го же, *Учение логики о доказательстве и опровержении*, [М.], 1954; Гильберт Д., *Основания геометрии*, пер. с нем., М.—Л., 1948 (см. также добавл. 7—10); Тарский А., *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*, пер. с англ., М., 1948; *Начала Эвклида*, кн. I—VI, VII—X, XI—XV, пер. с греч. и комментарии Д. Д. Мордухай-Болтовского, т. 1—3, М.—Л., 1948—50; Аристотель, *Аналитики первая и вторая*, пер. с греч., М., 1952; Марков А. А., *Теория алгоритмов*, М.—Л., 1954, гл. 1; Раасел Б., *Человеческое познание, его сфера и границы*, пер. с англ., М., 1957; Пойа Д., *Математика и правдоподобные рассуждения*, пер. с англ., т. 1, М., 1957; Клини С. К., *Введение в метаматерику*, пер. с англ., М., 1957, ч. 1, 2; Старченко А. А., *Логика в судебном исследовании*, М., 1958; Лукасевич Я., *Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики*, пер. с англ., М., 1959, гл. 1—5; Франк Ф., *Философия науки*, пер. с англ., М., 1960, гл. 13—15; Горский И. Д., П.

Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961; Frege G., *Grundgesetze der Arithmetik*, Bd 1—2, Jena, 1893—1903; Whitehead A. N., Russell B., *Principia mathematica*, v. 1—3, 2 ed., Camb., 1927—35; Hilbert D. and Bernays P., *Grundlagen der Mathematik*, Bd 1—2, B., 1934—39; Heyting A., *Intuitionism*, Amst., 1956.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТІВНОГО — обоснование суждения путем опровержения методом «приведения к нелепости» (reductio ad absurdum) некоего другого суждения, — именно того, к-рое является отрицанием обосновываемого (Д. от п. 1-го вида) или того, отрицанием к-рого является обосновываемое (Д. от п. 2-го вида); «приведение к нелепости» состоит в том, что из опровергаемого суждения выводится к.-л. явно ложное заключение (напр., формальнологическое противоречие), что и свидетельствует о ложности этого суждения. Необходимо различения двух видов Д. от п. вытекает из того, что в одном из них (именно, в Д. от п. 1-го вида) имеет место логический переход от двойного отрицания суждения к утверждению этого суждения (т. е. применяется т. н. правило снятия двойного отрицания, разрешающее

переход от $\bar{\bar{A}}$ к A , см. *Двойного отрицания законы*), в то время как в другом такого перехода нет. Ход рассуждения в Д. от п. 1-го вида: требуется доказать суждение A ; в целях доказательства предполагаем, что суждение A неверно, т. е. что верно его отрицание: $\bar{A}$ (не- A), и, опираясь на это предположение, логически выводим к.-л. ложное суждение, напр. противоречие, — осуществляем «приведение к нелепости» суждения $\bar{A}$; это свидетельствует о ложности нашего предположения, т. е. доказывает истинность двойного отрицания: $\bar{\bar{A}}$; применение к $\bar{\bar{A}}$ правила снятия двойного отрицания завершает доказательство суждения A . Ход рассуждения в Д. от п. 2-го вида: требуется доказать суждение A ; в целях доказательства предполагаем верным суждение A и приводим это предположение к нелепости; на этом основании заключаем, что A ложно, т. е. что верно $\bar{A}$.

Различение двух видов Д. от п. важно потому, что в так называемой интуиционистской (конструктивной) логике закон снятия двойного отрицания не имеет места, в силу чего не допускаются и Д. от п., существенно связанные с применением этого логического закона. См. также *Косвенное доказательство*.

Лит.: Тарский А., *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*, пер. с англ., М., 1948; Асмус В. Ф., *Учение логики о доказательстве и опровержении*, [М.], 1954; Клини С. К., *Введение в метаматерику*, пер. с англ., М., 1957; Чёрч А., *Введение в математику, логику*, пер. с англ., [Т.] 1, М., 1960.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РАЗБОРОМ СЛУЧАЕВ, рассуждение по случаям (англ. proof by cases), — распространенный (особенно в содержательном мышлении) способ логич. вывода, при к-ром справедливость заключения устанавливается посредством рассмотрения ряда условий (случаев), анализ к-рых показывает, что из каждого, если оно было бы выполнено, логически следовала бы справедливость заключения, но относительно к-рых может быть не известно, к-рое из них имеет место, а известно только, что по крайней мере одно из них выполняется. Простейший вид Д. р. с. имеет место тогда, когда случаев, подлежащих рассмотрению, всего два. Этой простейшей форме Д. р. с. в логике *высказываний* и *предикатов исчисления* соответствует правило (см. *Вывод* в математической логике):

$$\frac{A \vee B; A \vdash C; B \vdash C}{C}, \quad (1)$$

к-рое читается следующим образом: «Пусть доказана формула $A \vee B$ [A или B]. знак $\vee$ обозначает сла-

бую (т. е. неразделительную) *дизъюнкцию*. Тогда, если из предположения *A* (первый случай) средствами исчисления будет выведено *C*, а из предположения *B* (второй случай) также будет выведено *C*, то, следовательно, *C* доказуемо.

Это правило может быть основным (постулированным) или производным (т. е. выводимым из осн. правил) в зависимости от принятого способа построения исчисления. Правило (1) соответствует тождественно-истинные формулы таблично построенного исчисления высказываний (*алгебра логики*): $((A \rightarrow C) \& (B \rightarrow C) \& (A \vee B)) \rightarrow C$; $(*) (A \rightarrow C) \rightarrow ((B \rightarrow C) \rightarrow ((A \vee B) \rightarrow C))$ и др. При аксиоматич. построении исчисления высказываний и исчисления предикатов, при к-ром формула (*) часто входит в множество аксиом исчисления (см., напр., Клини С. К., Введение в метаматематику, с. 77), выводимость (1) в качестве производного правила существованию опирается на теорему о дедукции, и поэтому на применение его в исчислении предикатов накладываются нек-рые ограничения, связанные с формулировкой этой теоремы. Правило (1) может быть обобщено на случай дизъюнкции любого конечного числа членов:

$$\frac{A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n, A_1 \vdash C; A_2 \vdash C; \dots; A_n \vdash C}{C}$$

Дальнейшее обобщение правила Д. р. с. может быть связано с отказом от предположения доказанности дизъюнкции $(A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n)$ и с допущением использования при выводе формулы *C* также нек-рого множества допущит. посылок *G* (последнее в частном случае может быть пустым). Правило при этом принимает следующий вид:

$$\frac{G, A_1 \vdash C; G, A_2 \vdash C; \dots; G, A_n \vdash C}{G, A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n \vdash C}$$

(читается оно так: «Пусть из посылок *G* и *A*₁ выводится *C*, из посылок *G* и *A*₂ тоже выводится *C* и т. д., наконец, из *G* и *A*_{*n*} тоже выводится *C*. Тогда *C* может быть выведено и из *G* и *A*₁ ∨ *A*₂ ∨ ... ∨ *A*_{*n*}»).

Известную в традиц. логике форму простейшей конструктивной дилеммы можно рассматривать как Д. р. е. в его простейшей форме. К Д. р. с. сводятся и др. формы дилеммы; в частности, оба вида деструктивной дилеммы приводятся к Д. р. с. посредством контрапозиции (см. *Контрапозиция закон*) условных посылок. Вообще, все лемматич. умозаключения можно рассматривать как Д. р. с.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 4 и 5; Гудстейн Р. Л., Математическая логика, пер. с англ., М., 1961; Proof by cases, в кн.: Dictionary of philosophy, ed. by D. D. Runes, 1955, p. 255. Б. Вирюков, А. Кузнецов. Москва.

ДОКЕТИЗМ (от греч. *δοκίω* — каюсь) — раннехристианская ересь 2—3 вв., одна из разновидностей *гностицизма*. Приверженцы Д. утверждали, что основатель христианства *Иисус Христос* был не столько богочеловеком, сколько божеством. Согласно этому учению, человек, природа Христа была лишь призрачной, кажущейся, а следовательно, мучения господина на кресте были такими же призрачными, как весь его человек. облик. Д. был резко осужден церковью, т. к. «благая весть» об искуплении грехов рода человеческого муками и смертью сына божьего представляла собой важнейшее орудие христ. проповеди среди «язычников». Д. пользовался популярностью в середине и конце 2 в.; его наиболее известными сторонниками были гностики *Василид*, *Валентин* и *Вардесан*. Сведения о Д. сохранились гл. обр. у христ. писателя Ипполита (*Philosoph*, VIII, 1—4; X, 12). Различные элементы учения Д., несмотря на его осуждение церковью, возрождались во мн. ересьях средневековья, напр. у *катаров*.

Лит.: Нагасак А., Dogmengeschichte, 5 Aufl., Tübingen, 1914. Я. Лейцман. Москва.

ДОКСОГРАФЫ (от греч. *δόξα* — мнение и *γράφω* — пишу; букв. — записыватели мнений) — антич. писатели, к-рые в своих соч. излагали и сопоставляли мнения древних философов. Начало доксографич. лит-ры положил в 3 в. до н. э. ученик Аристотеля *Теофраст* своим соч. «О мнениях физиков» (в 18 кн.), где были изложены взгляды древних философов до Аристотеля по отд. темам (за исключением этики и логики). В 1-й кн., посвященной учениям об осн. началах бытия, Теофраст в своем изложении придерживался хронологич. последовательности филос. школ; в остальных книгах взгляды философов оценивались, сопоставлялись с т. зр. даваемых ими решений соответствующих вопросов. От этого соч. до нас дошли только глава

об ощущениях и неск. отрывков. Последующие Д., сохраняя принятый Теофрастом систематич. порядок изложения и списывая у него данные о философах до Аристотеля, продолжали далее обзор мнений, доводя его до своего времени, но ограничиваясь простым изложением без всякой оценки. Гл. произведениями доксографии после Теофраста были: «Древние изречения» (соч. неизвестного философа-стоика 1 в. до н. э.), «Изречения» Аэция (нач. 2 в. н. э.), «Изречения философов» в 5 книгах Псевдо-Плутарха (2 в. н. э.), 1-я кн. «Эклог» Иоанна Стобея (по-видимому, 5 в. н. э.) и др. До нашего времени дошел богатый доксографич. материал, вошедший в соч. *Диогена Лаэртского* (3 в. н. э.) «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (10 кн.), *Секст-Эмпирик* (сер. 2 в. н. э.) — приводит сведения по истории древней философии в своих соч.: «Пирроновы положения» (3 кн.), «Против догматиков» (5 кн.), «Против математиков» (11 кн.).

Лит.: Таннери П., Первые шаги древнегреческой науки, пер. с франц., т. 1, СПб, 1902; Маковельский А., Досократовская философия, ч. 1 — Обзор источников, Казань, 1918; D i e l s H., Doxographi graeci, В., 1879. А. Маковельский. Баку.

ДОЛГ — этическая категория, обозначающая нравств. обязанность человека перед обществом, классом, партией или социальной группой, выполняемую под влиянием обществ. мнения и внутр. нравств. побуждений. В требованиях Д. находят выражение интересы той или иной социальной общности людей. Осознание и переживание индивидом этих общих интересов в их связи с личными интересами приводит к возникновению сознания и чувства Д.; социальное требование к человеку становится его внутр. побуждением, социально обусловленной нормой поведения и в качестве таковой закрепляется в обществ. сознании данной социальной группы или общества в целом. Сознание и чувство Д. — это субъективные идеологич. выражение многосторонней зависимости человека от своего класса или общества. Понятие Д. наряду с другими осн. категориями морали выступает как форма нравств. оценки, содержанием к-рой является обществ. или классовый интерес. Социальная функция Д. состоит в обеспечении общих интересов общества или класса.

Понятие Д. имеет длительную историю развития. Этич. теории прошлого рассматривали Д. как проявление либо божеств. воли, либо вечных и неизменных свойств человек. природы. В этике стоиков, напр., Д. покорности судьбе, воле бога и стoич. идеал мудрости, подчиняющегося выше материальных интересов и страстей, выводился из воли божества.

В кит. философии значение Д. имела категория «и», к-рая означала выполнение строго установленных в рабовладельческом и феод. обществе Древнего Китая норм и правил поведения («и»). В инд. этике понятие Д., обозначаемое термином *дхарма*, было тесно связано с комплексом религ. идей *буддизма*, *джайнизма*, *индуизма*. Ср.-век. религ. мораль требовала полного подчинения человека божеств. воле, к-рая рассматривалась как источник и критерий Д. Осознание Д. будто бы происходит или через «божественное откровение», или через посредство религ. авторитетов.

Материалисты прошлого стремились свести содержание и критерий Д. к земной основе. Многие из них связывали нравств. обязанности человека с его личными интересами и потребностями. Франц. материалисты 18 в. подвергли резкой критике религ. понятие Д. и теорию врожденных нравств. идей с позиций индивидуализма, к-рый был в то время средством духовного освобождения личности от гнета религии. По мнению *Гольбаха*, «...истинные основы морального долга лежат в сфере «...собственного интереса, собственного счастья и безопасности...» каждого человека, а сознание долга определяется опытом и разумом; «...нравственная обязанность

н о с т ь — это необходимость прибегать к средствам, способным сделать счастливыми существа, с которыми мы живем, чтобы побудить их сделать счастливыми нас самих» («Система природы», М., 1940, с. 82, 211). Будучи представителями метафизич. взгляда на мир, франц. материалисты не смогли раскрыть диалектику личных и обществ. интересов и классовый характер нравств. Д.

В этике *Канта* требования Д. выступают в форме категорического императива, веления морального закона, присущего человек. разуму. Природа морального закона непознаваема. Кант отрицает обществ. происхождение нравств. Д., подчеркивает его формальный характер и независимость от интересов людей и их желаний. По его мнению, «высокое достоинство долга не имеет ничего общего с наслаждением жизнью» («Критика практического разума», СПб, 1897, с. 107). В системе *Гегеля* в качестве Д. для субъекта выступает «добро в себе и для себя», «абсолютная цель мира», достигаемая в процессе развития абс. духа. Субъект, по Гегелю, «должен иметь по н и м а н и е д о б р а, сделать его своим н а м е р е н и е м и осуществлять в своей деятельности». В этом и заключается выполнение долга. Гегель пытался согласовать Д. со склонностями и чувствами человека. Основанием Д. он считает законы государства. Однако требования Д. являющиеся для него не только внешними законами и предписаниями авторитета, но получают одобрение и признание в сердце, образе мыслей и совести человека (см. Соч., т. 3, М., 1956, с. 301—03).

По мере завоевания буржуазией господства проблема нравств. обязанностей все больше решается бурж. этикой с позиций удовлетворения эгоистич. интересов личности. Разрабатываются этич. теории бурж. утилитаризма (*И. Бентам*, *Дж. С. Милль*), в к-рых моральные отношения людей, в том числе их нравств. обязанности, сводятся к торгашески понятым отношениям взаимной полезности. Наряду с этим возникают и развиваются вульгарно-эволюционистские теории морали (*Г. Спенсер*), рассматривающие нравств. обязанности людей как результат действия некоего закона сохранения и увеличения количества жизни, как количеств. развитие инстинктов, из к-рых вырастает Д. Появляются теории, в к-рых делается попытка теоретически обосновать ненужность понятия Д. («мораль без обязательства и без санкций» — *Гюйо*). То, что называют Д., есть не что иное, по мнению Гюйо, как сознание внутр. мощи индивида, проявление его идей и чувств, сливающихся в возвышенные удовольствия. Амориализм бурж. общества ярко проявляется в империалистич. теориях элиты, культе «сверхчеловека», к-рый не знает и не должен знать никаких нравств. обязанностей перед обществом (*Ницше*).

Для большинства школ совр. бурж. этики, особенно для прагматизма, экзистенциализма, гедонизма характерен полный этич. релятивизм, доходящий до отрицания Д. «Чувство долга, — пишет Т. В. Смит, — это последний молчаливый свидетель прошлого, и чем скорее мы преодолеем и забудем его, тем лучше» («Encyclopaedia of the Social Sciences», v. 5—6, N. Y., 1950, p. 294). Различные школы позитивистской этики сводят проблему Д. к логич. анализу, к выяснению соотношения суждений факта и долженствования; им совершенно безразлично фактич. содержание человек. поведения. Так, представители школы этич. интуитивизма доказывают, что Д. самоочевиден, не выводим, не основывается на социальных потребностях и внеисторичен. Другая школа в совр. бурж. этике — эмотивизм — утверждает, что чувство Д. — лишь выражение нашей склонности, психологич. «настройки»; оно не отражает никакого объективного содержания. Суждения, в к-рых формулируется Д.,

бесосновательны, произвольны и даже бессмысленны. Вместе с тем бурж. мораль сохраняет и использует в целях укрепления бурж. порядков религ. мораль с ее понятием Д. перед богом. Так, совр. протестантская этика доказывает, что Д. абсолютен, т. к. диктуется сверхразумным авторитетом — богом и вместе с тем относителен, т. к. истинен только для данного человека и только в данный момент и не может быть всеобщей нормой для всех людей. Эклектически соединяя элементы абсолютизма, свойственного интуитивизму, и элементы релятивизма, характерного для эмотивизма, протестанты-теологи обосновывают «сверхразумность» норм бурж. нравственности и оправдывают моральную беспринципность буржуазии.

Существенный вклад в разработку категории Д. внесли рус. революц. демократы. Выводя Д. из назревших потребностей революц. борьбы за интересы нар. масс против крепостничества и самодержавия, они в то же время видели в Д. выражение внутр. потребностей и стремлений человека. «... Не того можно назвать человеком истинно-нравственным, — писал Н. А. Добролюбов, — кто только терпит над собой веления долга, как какое-то тяжёлое иго, как „нравственные вериги“, а именно того, кто заботится слить требования долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития так, чтобы они не только сделались инстинктивно — необходимы, но и доставляли внутреннее наслаждение» (Избр. филос. произв., т. 1, 1948, с. 213).

Марксистская этика исходит из того, что требования Д. в классовом обществе носят классовый характер. Каждый класс вырабатывает свое понятие о Д., соответствующее его интересам. Нравств. Д. прогрессивного класса выражает объективно назревшие потребности развития общества. С наибольшей определенностью эта закономерность проявляется в Д. революц. пролетариата, в к-ром находят выражение коренные интересы всех трудящихся и к-рый, будучи классовым, является в то же время в полном смысле слова обществ. Д. В нем находят выражение лучшие нравств. традиции нар. масс. Революц. Д. рабочего класса состоит в сплочении всех трудящихся для совместной солидарной борьбы за уничтожение эксплуатации человека человеком, за мир, демократию и социализм. Борьба, священным Д. рабочего класса является борьба против капитализма, за построение коммунистич. общества. Д. всех народов состоит в борьбе против империалистич. войн, против милитаризма.

Осн. содержанием Д. в социалистич. обществе является преданность делу коммунизма, добросовестный труд на благо общества, коллективизм и товарищеская взаимопомощь, выполнение законов и правил социалистич. общежития, защита Родины от империалистич. агрессоров, борьба против остатков старого строя в сознании и быту людей и т. д. Выполнение Д. перед обществом является одним из осн. нравств. принципов морального кодекса строителя коммунизма, вошедшего в Программу КПСС. Этот принцип гласит: «высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов». В различных областях жизни социалистич. общества Д. выступает в форме гражданского, патриотич., трудового, интернационального, партийного, воинского, семейного Д. Морально-политич. единство социалистич. общества обеспечивает единую направленность всех этих форм Д. и отсутствие антагонистич. противоречий между ними.

Социалистич. обществ. отношения создают наиболее благоприятную возможность для того, чтобы сознание и чувство обществ. Д. стало неотъемлемой чертой духовного облика каждого члена общества. Эта

возможность реализуется в процессе коммунистического воспитания сов. людей. Сознание и чувство Д. членов социалистич. общества формируется в семье, в школе, в трудовых коллективах и обществ. организациях. Решающее значение в восприятии сов. людей в духе выполнения Д. перед обществом имеет воздействие и контроль общественности и прежде всего трудовых коллективов, к-рые ведут действенную борьбу против нарушений коммунистич. морали и социалистич. законности, против отд. проявлений тунеядства и паразитизма.

Благодаря единству личных и обществ. интересов людей при социализме, честное выполнение обществ. Д. становится условием нравств. удовлетворения личности и личного счастья. Требования Д. в этих условиях не приходят в антагонистич. противоречие с желаниями и стремлениями большинства людей. В сознании Д. сов. людей находит выражение расцвет личности при социализме и высокая политич. сознательность народа.

Воспитываемое Коммунистической партией сознание и чувство Д. перед обществом является одной из важнейших моральных сил, побуждающих сов. людей добросовестно трудиться на благо народа. Сознание Д. сов. людей проявляется в движении за коммунистич. труд, в борьбе за технич. прогресс нар. х-ва, за дальнейший расцвет культуры и благосостояния народа. По мере успешного продвижения к коммунизму и перерастания социалистич. государственности в обществ. коммунистич. самоуправление сознание и чувство Д. будет играть в поведении членов общества все более важную роль. В коммунистич. обществе люди будут выполнять свои нравств. обязанности сознательно и по привычке.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3, с. 235—36; Ленин В. И., *Государство и революция*, Соч., 4 изд., т. 25, гл. 5; его же, *Задачи союза молодежи*, там же, т. 31; Программа КПСС, М., 1961; Калинин М. И., *О коммунистическом воспитании и воинском долге*, М., 1958; Глушченко М. Г., *Общественный долг советского человека*, Киев, 1953 (Автореф. канд. дисс.); Кон И. С., *Марксистская этика и проблема долга*, «Вопр. философии», 1954, № 3; Шинкин А., *Основы коммунистической морали*, М., 1955, с. 144—99; его же, *Из истории этических учений*, М., 1959 (см. Предм. указатель); Пидережин И. М., *Мотивы долга и моральной ответственности в оценке поступков школьниками*, «Уч. зап. Сев.-Осетинского Гос. пед. ин-та», Орджоникидзе, 1956, вып. 20; Морозов В. И., *Проблема воинского долга в марксистской этике*, М., 1956 (Автореф. канд. дисс.); Разумов В. А., *Проблема долга в этике М. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова*, «Тр. Воронежского ун-та», 1957, т. 60, вып. 1; Дробницкий И. О. Г., *К вопросу о категории долга в марксистской этике*, «Философские науки», 1960, № 3; Кант И., *Критика практического разума*, пер. с нем. I, СПб, 1897, с. 7—8; Смайльс С., *Долг*, СПб, 1904; Гюйо Ж. М., *Правственность без обязательства и без санкции*, пер. с франц., М., 1923; Гольбах П. А., *Система природы*, пер. с франц., М., 1940; Wendt H., *Die sittliche Pflicht*, Gött., 1916; Ross W. D., *The right and the good*, Oxf., 1930; Auer A. J., *Philosophical essays*, L.—N. Y., 1954.

О. Дробницкий, В. Морозов. Москва, И. Кон. Ленинград.

ДОЛЬЧИНО (Dolcino) (г. рожд. неизв. — ум. 1307) — вождь крестьянского восстания в Сев. Италии нач. 14 в. О личности Д. известно очень мало; по нек-рым данным, он был сыном священника. Судя по его посланиям к единомышленникам, сохранившимся в фрагментарном виде в допросных листках инквизиции, Д. был образованным по тому времени человеком. Он называл себя учеником и последователем Сегарелли, основателя секты *апостольских братьев*. Как и его учитель, Д. был типичным представителем плебейско-крестьянской ереси средневековья, к-рая, по выражению Энгельса, «... требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из равенства „сынов божиих“ она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имущество» (Маркс К. и Энгельс Ф.,

Соч., 2 изд., т. 7, с. 362). Но как последователь Сегарелли Д. прибавил к этому специфически итал. черты: францисканское учение о «святой нищете», толкование Евангелия и Апокалипсиса в духе спиритуалов и последователей *Иоахима Флорского* о наступлении нового («четвертого») периода истории. В нем оп, однако, в противовес Иоахиму Флорскому, видел наступление не периода «созерцания» и всеобщего монашества, а справедливого порядка, в к-ром не будет ни светских, ни духовных властей, от к-рых происходит всяческое зло. Свой жизненный подвиг Д. видел в деятельности свободного от повиновения церк. властям проповедника, соблюдающего монашескую аскезу, к-рая для его последователя была своеобразной формой плебейской революц. дисциплины (см. там же, с. 377—78). В начале 1304 явился в район г. Верчелли (сев.-зап. Ломбардия) и возглавлял там восстание местных крестьян. Д. предполагал вначале захватить долину р. Сессии у подножия альпийских гор и здесь создать вольную крест. общину на основе, по-видимому, периодич. уравнительных переделов земли. В марте 1307 восстание было подавлено, Д. был захвачен в плен и казнен. Его идеи еще долго жили и распространялись не только в Италии, но и в смежных с ней странах. Об этом свидетельствуют многочисл. судебные процессы (протоколы к-рых опубликованы в 2-м издании 9-го т. Muratori, *Rerum italicarum scriptores pars V.*).

Лит.: Маркс К., *Хронологические выписки*, [Тетрадь] 2, в кн.: *Архив Маркса и Энгельса*, т. 6, М., 1939; Тиханова М. А., *Восстание Дольчино*, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8; Сквозин С. Д., *Восстание Дольчино*, в сб.: *Книга для чтения по истории средних веков*, ч. 2, М., 1951, с. 148—58; его же, *Первое послание Дольчино*, в сб.: *Из истории социально-политических идей*, М., 1955, с. 122—29; его же, *Исторические условия восстания Дольчино*, в кн.: *Десятый Международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955 г. Докл. сов. делегации*, М., 1956; Stefano A. de, *Riformatori ed eretici del medioevo*, Palermo, 1938. С. Скажин. Москва.

ДОНАТИЗМ — «еретич.» движение в рим. провинциях Сев. Африки 4—5 вв., направленное против ортодоксальной христ. церкви. Свое название получил от имени епископа Доната, возглавившего в 4 в. движение за создание независимой от Рима африканской церкви. Донатисты отрицали право гос-ва на вмешательство в церк. дела, поддерживали антирим. сепаратистские восстания, выступали против подчинения афр. христ. общин рим. церкви, утверждая, что истинная церковь находится только в Африке. Д. воспринял нек-рые черты раннего демократич. христианства, провозглашая свою церковь «церковью бедных». В то же время донатистская церковь была враждебна социальной борьбе масс. Так, донатистские епископы, используя для борьбы с офиц. церковью наиболее революц. представителей Д. — *агонистиков*, предавали их в руки рим. властей, когда агонистики выступали против владельцев имений и ростовщиков. Впоследствии к Д. примкнули антиримски настроенные слои афр. земельной знати. Д. был разгромлен в нач. 5 в. императорскими властями.

Лит.: Машкин Н. А., *Движение агонистиков*, «Историко-марксист», 1935, № 1; Дилигенский Г. Г., *Северная Африка в IV—V вв. н. э.*, М., 1961; Friend W. H. C., *The Donatist Church, a movement of protest in Roman North Africa*, Oxf., 1952; Brisson J. P., *Autonomisme et christianisme dans l'Afrique romaine de Septime Sévère à l'invasion vandale*, P., 1958. Г. Дилигенский. Москва.

ДОНИШ, Ахмад или Ахмад Кала (псевд. Ахмада Махдума; 1827—97) — среднеазиатский философ, ученый и поэт; по национальности таджик. Жил в Бухаре. На развитие мировоззрения Д. большое влияние оказало его троекатое пребывание в Петербурге (1856, дважды в 60—70-х гг.), где он познакомился с рус. и зап.-европ. наукой и культурой. Д. полагал, что отсталость феод. Бухары можно ликвидировать путем превращения эмира в конституц.

монархию. Эмир и др. феодалы отвергли предложенный Д. проект реформы, что повело к отказу Д. от иллюзий о возможности значительных преобразований «сверху». Критикуя жестокость и несправедливость эмира и его чиновников, Д. подошел к идее «всеобщего передела» имущества. Переход к справедливому обществу строю, считал Д., вряд ли произойдет без борьбы, ибо сильные мира сего не откажутся добровольно от богатства. Не видя условий для осуществления своих идей и в то же время боясь революц. потрясений, Д. склонялся к пессимизму.

Осн. филос. произведение Д. — «Редчайшие происшествия» («Наводир-ул-вақоъ», 70—80-е гг.). В нем Д., воюя с офиц. учению ислама, писал о познаваемости мира, критиковал фаталистич. идею предопределения, хотя в целом оставался идеалистом. Ряд черт роднит филос. идеи Д. с пантеистическим учением *Бедилля*.

С о ч.: Порчахо аз «Наводир-ул-вақоъ», [Душанбе], 1957; Асарҳои мунтахаб, [Душанбе], 1959; Риссола ё мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития, [Душанбе], 1960; в рус. пер.: [Стихи], в кн.: Антология таджикской поэзии, М., 1957, с. 527—29; Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное, [Душанбе], 1960.

Лит.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 805—809; История философии, т. 2, М., 1957, с. 422—23; Брагинский И. С., Очерки из истории таджикской литературы, [Душанбе], 1956; Мунинов И., Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и нач. XX вв., Ташкент, 1957, с. 86—105; Раджабов З., Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв., [Душанбе], 1957, гл. 2; его же, Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дошиш, [Душанбе], 1961; Айни С., Воспоминания, М.—Л., 1960, ч. 3, с. 403—15, ч. 4, с. 771—98; его же, Намунаи адабиёти тоҷик, М., 1926; Улуғзода С., Аҳмади Дошиш, [Душанбе], 1946; Ходизода Р., Аҳмади Дошиш, [Душанбе], 1960.

ДОНОСО КОРТЕС (Donoso Cortés), Хуан (6 мая 1809 — 3 мая 1853) — реакц. исп. философ и дипломат. Первоначально находился под нек-рым влиянием *Прудона*, в конце 40-х гг. начал пропагандировать идеи франц. реакционеров-католиков — де *Местра* и *Бональда*. Д. К. призывал к установлению воен. диктатуры в Испании и укреплению католич. церкви. Политич. взгляды Д. К. подверг критике А. И. Герцен (см. Полн. собр. соч., т. 6, 1955, с. 133—42).

С о ч.: Obras, ordenadas y precedidas de una noticia biográfica por D. Cabino Tejado, v. 1—5, Madrid, 1854—55. Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 558—60; Schragm E., Donoso Cortés. Leben und Werk eines spanischen Antiliberalen, Hamb., 1935; Westmeyer P. D., Donoso Cortés..., Münster, [1940]; Schmitt C., Donoso Cortés in gesamt-europäischer Interpretation, Köln, 1950; Armas Medina G. de, Donoso Cortés, su sentido trascendente de la vida, [Madrid], 1953; Chaix-Ru y J., Donoso Cortés, théologien de l'histoire et prophète, P., 1956.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ ПРИНЦИП — методологич. принцип, выдвинутый дат. физиком Н. Бором в связи с интерпретацией квантовой механики. Он формулируется так: в процессе познания для воспроизведения целостности объекта необходимо применять взаимоисключающие, «дополнительные» классы понятий, каждый из к-рых применим в своих особых условиях. Д. п. часто отождествлялся с соотношением неопределенности Гейзенберга. Такое рассмотрение имело, напр., основание в том, что при определенности координаты микрочастицы имеет место неопределенность импульса, и наоборот. Тем самым открывалась возможность использовать эти две характеристики микрообъекта как взаимоисключающие. Однако содержание Д. п. значительно шире, и к этому принципу Бор подошел независимо от соотношения неопределенностей еще на ранних этапах развития квантовой физики. Для объяснения устойчивости атомов и особенностей их излучения Бор ввел свои известные постулаты. Благодаря им удалось непоследовательно соединить в одной модели классич. и квантовые предст

вления о движении электрона. Но применение классич. представлений к области малых квантовых чисел (типично квантовым явлениям) не давало адекватных результатов. Необходимо было философски осмыслить данную ситуацию. Бор выдвигает идею новой формы связи классических и квантовых понятий. Новая идея, получившая в дальнейшем название «дополнительности», устанавливала эту связь, механически переносила старые понятия на новую область, в результате чего классические понятия «дополнялись» квантовыми. В последующем развитии квантовой теории возникли, казалось, непреодолимые философские трудности (о физической природе микрочастиц, о возможности соединения в одной картине их взаимоисключающих сторон). Одной из попыток разрешения этих трудностей и явилась детальная разработка Бором Д. п. Своим названием «Complementarity» эта идея получила в период формулировки основных принципов квантовой механики. Осенью 1927 на международном конгрессе физиков в Копенгагене (Швейцария) Бор говорил, что «при описании атомных явлений квантовый постулат выдвигает перед нами задачу развития некоторой теории „дополнительности“» («Atomic theory and the description of nature», Camb., 1934, p. 55). Ее осн. требование — необходимость применения взаимоисключающих неадекватных (классич.) понятий в виде «дополнительных пар» для анализа противоречивых свойств квантовых объектов. Бор указывал в докладе «Свет и жизнь» (1932): «Пространственная непрерывность нашей картины распространения света и атомизм световых эффектов являются дополнительными аспектами в том смысле, что они одинаково объясняют важные черты световых явлений, которые никогда не могут быть приведены в непосредственное противоречие друг с другом, так как их глубокий анализ в терминах механики требует взаимоисключающих экспериментальных устройств» («Atomic physics and human knowledge», N. Y., [1958], p. 5). Правильно вскрывая противоречивую природу света, противоположность волновых и корпускулярных свойств, Бор, однако, не видел возможности их внутреннего единства и выдвинул мысль о двух эквивалентных аспектах описания: либо корпускула, либо волна с последующим внешним соположением обоих аспектов (физич. картины микроявлений), что и составляет методологич. суть Д. п. В этом наглядно сказывается непоследовательность филос. позиции Бора. В 30—40-х гг. Бор дал позитивистскую интерпретацию Д. п., выдвинув представление, что Д. п. служит для того, «чтобы символизировать фундаментальное ограничение объективного существования явления независимо от средств наблюдения» (там же, р. 7), и выступил с требованием «радикального пересмотра взглядов на проблему физической реальности» («Квантово-механическое описание физической реальности», в журн.: «Успехи физ. наук», т. 16, вып. 4, 1936, с. 448). Гейзенберг усматривает прямую связь Д. п. с соотношением неопределенностей. Это приводит его к противопоставлению категорий пространства и времени категории причинности: «Пространственно-временное описание процессов, с одной стороны, и классический закон причинности — с другой, представляют дополнительные, исключают друг друга черты физических процессов» («Физические принципы квантовой теории», М.—Л., 1932, с. 51). В последующем Бор придает Д. п. всеобъемлющий характер, выходящий далеко за пределы физич. явлений. «Цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур, представляют черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного способа описания» («Квантовая физика и философия», в журн.: «Успехи физ. наук», т. 67, вып. 1, 1959, с. 42).

В работах ряда ученых, разделявших крайне позитивистские взгляды (П. Йордан, Ф. Франк, Г. Рейхенбах и др.), Д. п. использовался для пропаганды «краха причинности», «свободы воли» электрона и пр. Ошибочно абсолютизируют роль измерит. прибора, трактуя ее как «неконтролируемое взаимодействие», «приготовление субъектом физической реальности», они не смогли научно объяснить специфику познания микромира. Невозможность одноврем. определения координаты и импульса обусловлена, по их мнению, не противоречивой, корпускулярно-волновой природой микроробъектов, а использованием двух взаимоисключающих классов приборов: одного — для определения пространственно-временных характеристик, другого — импульсно-энергетических. Т. о., специфика процесса познания микроявлений объясняется ими не особенностями познаваемого объекта, а, наоборот, его природа рассматривается как следствие специфики познания. Среди понятий или ситуаций, требующих «дополнительного способа описания», указываются, напр., такие, как разум и инстинкт, свобода воли и детерминизм в психологии; понятие и звуковой фон в лингвистике; механицизм и витализм в биологии; личная свобода и социальное равенство в социологии; правосудие и милосердие в юриспруденции и др. При конкретном анализе этих противоречий с позиций Д. п. иногда обнаруживается внешнее сходство с диалектикой. На этом основании в зап. лит-ре, в частности в швейцарском журнале «Dialektika», стало модным отождествление диалектич. противоположностей с «дополнительностями» (взаимоисключающими сторонами познаваемого объекта) и, соответственно, диалектики с методом «дополнительности». Это отождествление необоснованно. Д. п. предполагает механистический разрыв противоположностей, а затем их внешнее рядоположение, в то время как для диалектики характерны не только взаимоисключение, но и объективная взаимосвязь, взаимопроникновение противоположностей. Концепция «дополнительности» была подвергнута критическому анализу со стороны ряда советских и зарубежных ученых: П. Ланжевена, С. И. Вавилова, В. А. Фока, Луи де Бройля, Д. И. Блохинцева, М. Э. Омельяновского, И. В. Кузнецова, С. Г. Суворова, Л. Яноши и др. Этот критический анализ способствовал расчистке пути для дальнейшего развития физической теории. Тем не менее нек-рые рациональные выводы из методологической концепции Бора, в к-рой стихийно отразились элементы диалектики, могут в силу этого оказаться полезными при разрешении некоторых трудностей в развитии современной физики, напр. в построении теории «элементарных» частиц.

Таким образом, методологическая роль Д. п. изменяется с развитием квантовой физики, его значение уменьшается в ходе развития физической теории. Концепция, выдвинутая Бором, сыграла положительную вспомогательную роль на ранних этапах построения и интерпретации квантовой теории. Однако последующая абсолютизация «дополнительного способа описания» и неправомерное возведение его в ранг метода исследования не соответствовали требованиям адекватного, все более углубляющегося познания. Рациональный смысл идеи «дополнительности» и ее первоначальное значение оказались утраченными, когда с ней стали связывать агностицизм, различные субъективистские взгляды на физическую реальность, на проблему причинности и т. п. Но объективное содержание исследований Бора и выводы, логически следующие из них, в известной мере способствовали обогащению научных представлений о диалектическом характере процессов природы. Они показывают необходимость сознательного применения

адекватного метода познания — аналога диалектических процессов действительности.

Лит.: Б л о х и н ц е в Д. И., Основы квантовой механики, 2 изд., М.—Л., 1949; его же, Критика философских воззрений так называемой «концентрационной школы» в физике, в сб.: Философские вопросы современной физики, М., 1952; А л е к с а н д р о в А. Д., Против идеализма и путаницы в понимании квантовой механики, «Вестн. ЛГУ», 1949, № 4; К у з н е ц о в И. В., Вернер Гейзенберг и его философские позиции в физике, в кн.: Г е й з е н б е р г В., Философские проблемы атомной физики, пер. Н. Ф. Овчинникова, М., 1953; О м е л ь я н о в с к и й М. Э., Философские вопросы квантовой механики, М., 1956; Ф о к В. А., Критика взглядов Бора на квантовую механику, в сб.: Философские вопросы современной физики. Под ред. И. Кузнецова и М. Омельяновского, М., 1958; С а ч к о в Ю. В., О материалистическом столкновении квантовой механики, М., 1959; Философские вопросы современной физики. Сб. [Под ред. И. В. Кузнецова и М. Э. Омельяновского], М., 1959; Проблема причинности в современной физике. Под ред. И. В. Кузнецова и др., М., 1960. А. Познер. Москва

ДОСОКРАТИКИ — термин, к-рым в истории философии обозначают ранних греч. философов 6—4 вв. до н. э. К Д. относят милетскую школу, Гераклита, элейскую школу, пифагореизм, Эмпедокла, Анаксагора, школу атомистов, основоположниками к-рой были Левкипп и Демокрит, и софистов. Термин «Д.» употребляется для обозначения школ, возникших до Сократа.

Выделение Д. основано также и на внутр. особенностях развития филос. мысли Древней Греции. У Д. предметом философии являлось в основном познание природы, у философов же последующего, т. н. аттич., периода (Сократ, сократич. школы, Платон и Аристотель) центр тяжести изучения переносился на познание человека и человек. общества. В бурж. науке подобное деление истории аттич. философов часто используется для умаления значения предшествовавшего Сократу материализма милетской школы, Демокрита и др. философов.

Лит.: М а к о в е л ь с к и й А. О., Досократики, ч. 1—3, Казань, 1914—19; D i e l s Н., Die Fragmente der Vorsokratiker, 9 Aufl., Bd 1—3, В., 1959—60.

А. Маковельский Баку.

ДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИП, достаточного основания закон (лат. principium sive lex rationis sufficientis), — принцип логики, выражающий обоснованный (доказанный) характер суждений, входящих в состав человек. знания. Обычно формулируется в рамках традиц. формальной логики и гласит: всякое суждение, исключая суждения непосредственного восприятия, аксиомы и определения, для того чтобы стать достоверным, должно быть обосновано (доказано) в том смысле, что должно быть приведено достаточное основание истинности этого суждения. Под достаточным основанием истинности нек-рого суждения (называемого следствием из данного достаточного основания или доказываемым тезисом) понимается совокупность истинных суждений (к-рые называются основаниями или аргументами) — таких, что обосновываемое суждение следует из них по законам и правилам логики. В составе достаточного основания могут быть аксиомы, определения, удостоверенные суждения непосредств. восприятия и выводные суждения, уже обоснованные с помощью доказательств. Под «приведением достаточного основания» понимается формулирование аргументов и указание на логич. следование из них обосновываемого суждения. При этом учитывается, что в практике науч. и повседневного мышления нек-рые из оснований, напр. аксиомы, суждения, выражающие установленные в данной области законы природы, и вообще общеизвестные положения, могут не формулироваться явно; это не нарушает Д. о. п., коль скоро эти основания подразумеваются или, во всяком случае, могут быть выявлены при уточнении логич. формы доказательства. Равным образом учитывается, что ход рассуждения, ведущий от оснований к обосновываемому суждению, может быть

не выявлен полностью (напр., обычно явно не ссылаются на логич. законы и правила вывода, нек-рые суждения, возникающие в ходе рассуждения, не формулируются в явной форме и т. п.); это также не нарушает Д. о. п., коль скоро логич. форма рассуждения в случае необходимости может быть полностью выявлена (т. е. все опущенные логич. аксиомы и выведенные в ходе доказательства промежуточные суждения могут быть сформулированы в явной форме, с указанием тех правил вывода, по к-рым совершается переход от одних суждений к другим в ходе доказательства). Д. о. п. ничего не говорит о форме связи достаточного основания с доказываемым тезисом, к-рая может быть различной в зависимости от формы доказательства и вида входящих в него умозаключений. Д. о. п. требует лишь необходимого следования истинности тезиса из истинных оснований. Д. о. п. нарушается, если доказываемое суждение логически не следует из аргументов или если в составе последних есть ложные суждения. Т. к. «недостаточное основание», т. е. основание, из к-рого не может быть логически выведено обосновываемое суждение, вообще нет смысла называть основанием, то Д. о. п. часто называют просто принципом (или законом) основания.

Понятие о Д. о. п. в явной форме в логику и философию было введено Лейбницем. Однако и до него идеи, выраженные в Д. о. п., лежали в основе различных логических теорий древности, средневековья и нового времени (см. *Древнегреческая логика, Индийская логика*), причем трактовались они не только в логическом, но часто и в онтологическом смысле — как выражение закона причинности. Согласно *Левкиппу и Демокриту*, «ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» (цит. по кн.: *Маковельский О. А., Древнегреческие атомисты*, Баку, 1946, с. 229). Глубокое раскрытие логич. аспекта Д. о. п. содержалось в теории доказательства *Аристотеля*; его требование искать «первые начала и причины» (Met. I, 1 982 а 3; рус. пер. 1934), а также учение о соответствии среднего термина силлогизма (первой фигуры) причине того, что высказывается о подлежащем заключения, сообщает аристотелевому подходу к доказательству также и онтологич. аспект. Но как особый закон Д. о. п. Аристотель не формулирует. Как закон бытия и познания Д. о. п. был сформулирован Лейбницем. Напр., в соч. «Монадология» он выразил его так: «...ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым, — без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе...» (Избр. филос. соч., М., 1908, с. 347). При этом Лейбниц не проводил ясного различия между логич. основанием и причиной чего-либо, между логич. следованием и причинной связью, между логич. Д. о. п. и законом причинности. Д. о. п. служил Лейбницу в качестве критерия истин факта, отличаемых им от истины разума, критерием к-рых он считал прежде всего принцип противоречия. Следуя Лейбницу, Хр. Вольф также формулировал Д. о. п. как логико-онтологич. принцип, определяя основание как то, из чего можно понять, почему нечто есть. Против смешения Д. о. п. как принципа познания с законом причинности выступил Кант. Однако он идеалистически истолковывал этот принцип, считая его априорным. Гегель трактовал Д. о. п. в духе объективного идеализма, рассматривая основание как момент в развитии абс. идеи. Шпеннгауэр в дисс. «О четвероюм корне закона достаточного основания» (1813) различал 4 формы Д. о. п.: закон основания становления (закон причинности, касающийся вещей), закон основания познания (основания истины), закон основания бытия (ка-

сающийся пространства и времени), закон основания действия (касающийся мотивации поступков). В последующем развитии логики Д. о. п. понимался то как чисто логич., то как логико-онтологич. принцип. В 18—19 вв. в формальной логике сложилась традиция включать Д. о. п. в число четырех т. н. основных мышления законов наряду с тождества законом, противоречия законом, принципом исключенного третьего. Вместе с тем против понимания Д. о. п. как особого логич. закона (подобного остальным трем законам) издавна выдвигались возражения (многие англ. логики 19 и 20 вв., напр. Митто, вообще не считали нужным формулировать Д. о. п.). Эти возражения приобрели убедительность в связи с развитием математич. логики. Стало ясно, что Д. о. п. имеет исключительно содержательный характер и не может быть формализован: в отличие от законов тождества, противоречия и исключенного третьего, его нельзя представить в виде формулы к.-л. логич. исчисления. Это онтологич. принцип, по существу совпадающий с исходными идеями логич. теории доказательства вообще (особенно дедуктивного). В этом смысле те уточнения понятия доказательства, к-рые разработаны в математич. логике (см. *Вывод* в математической логике), можно рассматривать как уточнение Д. о. п.

Д. о. п. неявно основан на ряде абстракций, предполагающих отвлечение от нек-рых реальных черт содержат. рассуждений. В числе этих абстракций имеется, в частности, абстракция понятия с фиксированным объемом (закрывающаяся в отвлечении от изменчивого характера объемов понятий, используемых обычно в процессе человек. познания). Д. о. п. в традиционном понимании предполагает также абстракцию суждения как высказывания, к-рое обязательно либо истинно, либо ложно, и притом только одно из двух (закрывающаяся в отвлечении от того факта, что суждения часто формулируются так, что непосредственно не допускают постановки вопроса об их истинности или ложности, предполагающей ответ вида: «да», «нет»). Кроме того, Д. о. п. в его традиц. формулировке не распространяется фактически на выводы, приводящие не к достоверным, а лишь к вероятным заключениям. Рассуждения, практически применяемые людьми в процессе познания, отличаются большой сложностью и редко непосредственно и полностью удовлетворяют требованиям традиционного Д. о. п. Энгельс, характеризуя условия, при к-рых рассуждение дает результат, соответствующий действительности (истинность, посылки и правильность хода рассуждения), подчеркнул: «Но, к сожалению, этого почти никогда не бывает, либо же имеет место лишь в совершенно простых действиях» («Анти-Дюринг», 1957, с. 317). Д. о. п. в каждом отд. рассуждении реализуется обычно с той или иной степенью приближения. Вопрос об обосновании объективной истинности суждений, входящих в состав человек. знания, имеет гораздо более широкий смысл, чем тот, к-рый обычно связывается с Д. о. п. Проблема обоснования суждений во всей ее полноте включается в качестве важнейшей составной части в проблематику теории познания диалектич. материализма. Рассматривая пути обоснования суждений, материалистич. диалектика дает ответ на вопросы, к-рые традиц. логика с ее Д. о. п. не могла даже и поставить. Таковы вопросы о связи логич. обоснования суждений с практикой, с историей науки и техники, с историч. развитием логич. средств вывода, применяемых в науч. рассуждениях; вопрос о средствах получения достоверных заключений в науках, основанных на наблюдении и эксперименте и широко пользующихся вероятностными и индуктивными выводами; вопрос о путях оправдания верности аксиом в логике и математике (диалектико-материалистич. подход

к-рому приводит к выводу, что широко распространенный в этих науках метод построения интерпретаций аксиоматич. теорий, рассматриваемый в широком смысле, является, по существу, специфич. формой критерия практики). При ограниченности (в указанном выше смысле) традиционного Д. о. п. он тем не менее имеет рациональное содержание. Наука является системой истинных суждений и вероятных предположений, связанных друг с другом логич. и содержат. отношениями; эта система отражает закономерности материального мира, в т. ч. и те, к-рые предшествующая формальная логика имела в виду, когда формулировала онтологич. Д. о. п. В формулировке требования обосновывать истинность суждений (к-рое, в зависимости от области и задач исследования, может пониматься с разной степенью строгости и глубины), в запрещении произвола в науч. выводах, в требовании не допускать суждений, принимаемых на веру и не имеющих достаточного основания в составе имеющегося знания, и состоит положит. содержание логич. Д. о. п. См. также *Основание, Доказательство*.

Лит.: Аристотель, Аналитики первая и вторая, пер. с греч., М., 1952; Щербатской Ф. И., Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. 1, СПб., 1903; Зигварт Х., Логика, т. 1, пер. с нем., СПб., 1908, § 39; Введенский А. И., Логика, как часть теории познания, М.—П., 1917, гл. 7 и 15; Кант И., Логика, пер. с нем., П., 1915; Гегель Г., Наука логики, Соч., т. 5, М., 1937, с. 525—70; Челпанов Г. И., Учебник логики, [М.], 1946, гл. 11; Асмус В. Ф., Логика, Тб., 1951, гл. 10; Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 6; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 4, 5; Фогараши Б., Логика, пер. с нем., М., 1959, гл. 2; Клаус Г., Введение в формальную логику, пер. с нем., М., 1960, гл. 3, § 9; Wolff Chr., Philosophia prima sive ontologia, Fr., 1729; Leibnitz G. W., Die philosophischen Schriften, Bd 7, hrsg. von C. J. Gerhardt, B., 1890, S. 199, 296, 419.

Б. Бирюков. Москва.

ДОСТОВЕРНОСТЬ — один из способов существования истины «для нас», при к-ром совпадение соответствия между познанием и объектом и знания этого соответствия на определенном этапе историч. развития выступает для обществ. субъекта как полностью установленное. В зависимости от формы познания различают непосредственную Д. и опосредствованную, полученную посредством сообщения или путем теоретич. доказательства. Марксизм учит, что в конечном счете источником всякой Д. является общественно-историч. практика. Этим он преодолевает как ограниченность эмпиризма, к-рый видит источник Д. в чувствах, так и рационализма, находящего этот источник в разуме.

В истории философии нового времени столкновение этих точек зрения вывело отчетливо начиная с 17 в. Декарт полагал, что Д. свойственна не чувствам, а лишь мышлению, отличающемуся ясностью и отчетливостью. Спиноза понимал под Д. способ, каким мы воспринимаем действительное бытие. Он так же считал Д. свойством разума, к-рый «...заключает в себе достоверность, т. е. знает, что вещи формально таковы, как они в нем самом объективно содержатся» (Избр. произв., т. 1, М., 1957, с. 356). Однако для того, «...чтобы я знал, что знаю, я по необходимости должен сначала знать. Отсюда ясно, что достоверность есть не что иное, как сама объективная сущность, т. е. способ, каким мы воспринимаем формальную сущность, есть сама достоверность. Отсюда в свою очередь ясно, что для достоверности истинности нет надобности ни в каком другом признаке, кроме того, чтобы иметь истинную идею; ...ибо, для того чтобы знать, нет надобности знать, что я знаю. Из этого опять ясно, что никто не может знать, что такое высшая достоверность, кроме того, кто обладает адекватной идеей или объективной сущностью некоторой вещи; ибо одно и то же есть достоверность и объективная сущность» (там же, с. 330). Локк считал, что «достоверность бывает двойная: достоверность истины и достоверность познания

(«Опыт о человец. разуме», М., 1898, с. 582). «Достоверность истины» имеем тогда, когда в предложении соответствие между представлениями и обозначающими их словами, выражается так точно, как оно существует в действительности. Это нечеткое различие истины и Д. критиковал Лейбниц, указывая что Д. познания есть не что иное, как совершенное знание истины, между тем как Д. истины и есть сама истина (см. «Новые опыты о человец. разуме», М., 1936, с. 351). По мнению Лейбница, Д. была бы ничтожной или, вернее, ее не было бы совсем, если бы для простых идей не существовало другой основы, кроме той, к-рую дают чувства. К тому же по отношению к всеобщим и вечным истинам, т. н. рациональным истинам (напр., А не может быть А и не-А, сумма углов треугольника равна сумме двух прямых углов и т. д.), основа Д. заключена в самих идеях, независимо от чувств, ибо здесь мышление нигде не выходит вне себя, поскольку эти суждения выражают только отношения между представлениями, самим мышлением созданные. Иными словами, эти суждения в действительности покоятся на законах, являющихся основой при конструировании самих понятий. Между идеальными объектами не существует никакого реального отношения причинности, как между предметами природной действительности, а только — логич. отношение основания и следствия. В геометрии, напр., не спрашивают о существовании реальных треугольников, а только говорят: из определения треугольника вытекают такие-то и такие-то следствия. Математич. и логич. суждения, т. о., являются рациональными истинами, к-рые а priori даны в человец. духе, и поэтому им свойственна высшая ступень Д. — аподиктичность.

Согласно Канту, «что-либо достоверно, поскольку познается невозможность того, чтобы некоторое познание было ложным» (Соч., т. 2, М., 1940, с. 292). Д. является эмпирической или рациональной в зависимости от того, основывается ли она на опыте собственном или чужом, сообщенном, или на разуме. Последняя бывает или философской, или математической. Философская Д. дискурсивна, математическая — интуитивна и наз. также очевидностью, поскольку интуитивное знание считается более ясным, чем дискурсивное. «Метафизика, как и математика, одинаково способна к достоверности, необходимой для создания убеждения в истине, с той только разницей, что математическая достоверность легче и способна к большей наглядности (Anschauung)» (там же, с. 297). Эмпирич. Д. является первоначальной, когда эмпирич. субъект удостоверяется в чем-либо из собственного опыта; она является производной, или исторической, если получена посредством чужого опыта. От эмпирической рациональная Д. отличается тем, что она связана с сознанием необходимости, т. е. является аподиктической, представляя собой чистый продукт разума, тогда как первая — лишь ассерторической. Рациональная Д. усматривается а priori, так что и тогда, когда наши знания касаются предмета опыта, их Д. может быть вместе и эмпирической и рациональной, ибо мы эмпирически достоверное положение познаем из принципов а priori. В нашем знании многое достоверно лишь опосредствованно, т. е. лишь благодаря доказательству, существенными частями к-рого являются его материя и форма, или основание доказательства и вывод. Однако имеется много и такого, что недоказуемо или непосредственно достоверно, и это следует учитывать, поскольку наше знание должно исходить из непосредственно достоверных положений. Т. о., Кант в трактовке Д. исходит из трансцендентального эмпирического, т. е. в конечном счете субъективистского понимания истины. С Рейнгольда и Фихте начинается попытка преодолеть эмпирич. и рационалистич. понимание Д. путем идеалистич. диалектики.

Во главе филос. системы они ставят некое изначально истинное положение, от которого все остальные заимствуют Д. В качестве основоположения оно должно быть достоверным до связи с остальными положениями системы, а потому необходимо является первым. Истина основоположения, от которого зависит все остальное, есть внутр. содержание науки; необходимое следование остальных положений есть связь, система или форма науки. Поэтому чувство Д. основоположения есть непосредственное соответствие нашего сознания с нашим первоначальным я. Критерий всякой теоретич. истины не только теоретический; чувство Д. возникает из совпадения акта способности суждения с нравственными побуждениями, моментом которых является вера как составной элемент всякой Д. Идеалистич. диалектика Фихте не справилась с проблемой субъекта и объекта, с проблемой истины. Поэтому Фихте в трактовке Д., чтобы избежать голого субъективизма, обращается к вере.

Наиболее глубокое решение проблемы Д. в рамках идеалистич. диалектики дал Гегель. Подвергая критике априоризм, Гегель вместе с тем преодолевает односторонность рационализма и эмпиризма. Для гегелевской философии характерно, что она не признает полного существования истины в чувственности и чувственной Д., как это со времен Локка считали англ. эмпирики, для которых чем понятие выше поднимается над чувственной Д., тем оно больше является фикцией или преальным. Продолжая линию англ. эмпириков, позитивизм абсолютизирует чувственную Д., усматривая, т. о., окончательную инстанцию познания в том, с чего диалектика лишь начинается. То, что позитивизм понимает под фактами, является не чувств. данными, а их абстрактными схемами, которые изображаются как реальные. По Гегелю, непосредств. данность как таковая не является истинной, а дает лишь повод для поисков истины. Она как первая инстанция познания необходима для исследования прежде всего потому, что дает повод для сомнения. Непосредств. знание, не будучи опосредствовано мышлением, имеет чувств. характер, и т. к. является непосредств. знание обладает характером Д., то и начало и первая ступень сознания есть чувственная Д. Она кажется самой предметной, самой богатой и истинной, тогда как на деле она оставляет свои предметы такими, как они существуют, она ничего из них не исключает, как это делает мышление путем абстракции. Для чувств. Д. и воспринимающего сознания общим является чувств. объект, но для первой этот объект разлагается исключительно на единичности, а воспринимающее сознание сочетает их в единство. Т. о., согласно Гегелю, воспринимающее сознание диалектически отменяет точку зрения чувств. Д., т. е. низшая ступень отрицается в высшей, сохраняется и возвышается. «Таким образом, само чувственное еще имеется налицо, но не так, как оно должно было бы быть в непосредственной достоверности, [т. е.] в качестве подразумываемого единичного, а в качестве всеобщего...» (Соч., т. 4, М., 1959, с. 61). На всех ступенях предметного сознания предмет и сознание различны. Поэтому здесь истина и Д. не могут совпадать. На ступени самосознания предмет и сознание вполне совпадают, а следовательно, вполне совпадают также истина и Д. Истина становится Д. самой себя. В этой идеалистич. интерпретации у Гегеля содержится правильная мысль о диалектике связи понятий Д. и истины.

Марксизм считает Д. одним из способов (форм) существования истины «для нас», для обществ. субъекта наряду с такими категориями, как необходимость, возможность, вероятность. Все эти категории необходимо рассматривать в диалектич. связи с основной в гносеологич. отношении категорией истины. Метафизич. отрыв этих категорий от категории истины и

превращение их в абсолютно самостоятельные может привести к неправильному выводу о том, что возможна логика, которая не была бы логикой истины. Возможность, вероятность, Д. и необходимость как определения значимости познания не могут быть ничем иным, как определенностями истины. Это вытекает из того, что не может быть действительного познания без его существенного свойства — истинности. Следует, однако, определить отличие и место Д. среди этих категорий. «Возможно истинное» и «вероятно истинное» не могут быть «достоверно истинными», хотя, напр., оценка «вероятно истинного» как такового может быть «достоверно истинной» и хотя вероятность всегда заключает в себе определ. степень Д. Однако было бы неправильно, как это делает Рейхенбах, считать истину и Д. спец. случаем вероятностей (см. «The theory of probability», Berk.—Los Ang., 1949, ch. 9, § 73; а также В. Рассел, Человеческое познание, М., 1957, с. 449). Согласно такому пониманию отношения между категорией истины и вероятности классическая логика истины есть только специальный, идеализированный случай действительной логики вероятности. Эта т. зр. есть результат замены истины как реальной гносеологич. категории вообще категорией вероятности. В этом отчасти повинно абстрактное и формально-логич. понимание истины как чего-то абсолютного. Между тем действительное соотношение гносеологич. категорий вероятности и истины устанавливается диалектич. логикой, марксистским учением об абсолютной и относительной истине. С т. зр. последнего не логика истины есть частный случай логики вероятности, а, наоборот, логика вероятности есть частный случай логики истины. Под истиной понимается объект, взятый идеально в его конкретно-историч. форме, или, иначе, соответствие знания действительности. Д. содержит в себе соответствие знания об объекте с самим объектом и сознание этого соответствия в той мере, в какой истина «в себе» становится истиной «для нас» в смысле практики, которая является действительностью истинного мышления. «...Практика человека, — писал Ленин, — миллиарды раз повторяется, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» (Соч., т. 38, с. 209). Наряду с понятием аксиоматичности Д. выражает наивысшую степень уверенности в истинности, степень воспринимания истины обществ. субъектом. Но, поскольку истина есть процесс, а в Д. она выступает как нечто законченное, то следует иметь в виду, что истина обогащается в развитии, а Д. остается связанной с продолженным этапом развития истины, с неполной истиной. Так, для совр. атомистич. воззрений Д., напр., дальтоновского атомизма не утратила силы, хотя истина атомной теории ушла далеко вперед. То, что достоверно для одной эпохи, может оказаться недостоверным для другой. Поэтому людей интересует не только Д. истины, но и степень истинности этой Д. Проблема Д. — это составная часть проблемы отношения обществ. субъекта к истине, проблемы превращения истины «в себе» в истину «для нас», а следовательно, проблемы разрешения постоянно возникающего противоречия между истиной «в себе» и истиной для обществ. субъекта.

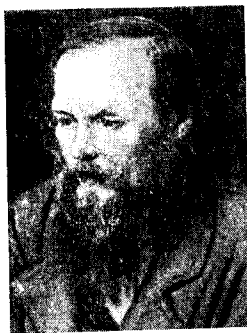
И. Элез. Москва.
Достоверность в логике — свойство, приобретаемое человек. знанием в случае, когда его истинность твердо установлена. Знание, обладающее свойством Д., наз. достоверным. Основанием всякого достоверного знания и верховным критерием его Д. является обществ.-историч. практика. Д. того или иного знания (суждения или системы суждений, сведений и пр.) достигается посредством наблюдения в нормальных условиях восприятия или экспериментального ис-

следования объектов познания и логически правильной обработки полученных таким путем опытных данных, а также посредством логич. выводов из имеющегося знания, Д. к-рого уже была установлена ранее. Достоверные суждения, т. е. суждения, истинность к-рых обоснована к.-л. способом, напр. посредством логич. доказательств, служат в познании в качестве исходного пункта (являются посылками) новых логич. выводов, приводящих к дальнейшему расширению достоверного знания и тем самым к обогащению практики. Социальное значение достоверного знания состоит в том, что оно служит основанием для науч. предвидения и руководством в практич. деятельности людей (см. *Истина*).

Достоверное знание (напр., достоверное суждение) следует отличать от вероятного знания (напр., вероятного суждения, суждения возможности), соответствие к-рого действительности утверждается лишь как возможное или (в случае введения критериев количеств. оценки уверенности в истинности суждения) как в той или иной степени вероятное (см. *Вероятностная логика*, *Возможности суждения*). Термины «Д.», «достоверный» применяются также к массовым событиям и отд. фактам. При рассмотрении массовых событий событие наз. достоверным, если известно, что оно не может не произойти. В теории вероятностей под Д. события понимают обычно тот крайний случай понятия вероятности, когда вероятность наступления нек-рого массового события равна единице (см. *Вероятность*). Достоверным фактом наз. факт, наличие к-рого (в прошлом или настоящем) установлено с очевидностью, исключаяющей всякое сомнение.

В. Вирюков. Москва.

ДОСТОЕВСКИЙ, Федор Михайлович [30.X(11.XI). 1821 — 21.I(9.II). 1881] — рус. писатель. Творчество Д., развивавшееся с 40-х гг. по 70-е гг. 19 в., отразило

противоречия действительности и обществ. мысли в эпоху острой ломки социальных отношений и в России, и в Зап. Европе. В России смена старых феод. крепостнич. устоев новыми бурж. отношениями, сопровождаемая революц. потрясениями, привела к ощущению неустойчивости и ломке обществ. сознания, нравств. жизни, психологии и быта людей.

Личная судьба Д. обострила его интерес к социально-политич. учениям, придавала трагич. характер его восприятию страданий народа и подавления человек. личности. Мировоззрение Д. в 40-е гг. формировалось под влиянием идей революц. демократа и социалиста В. Г. Белинского и франц. утопич. социалистов, особенно Ш. Фурье. Известное влияние на Д. оказал Герцен. Осужденный в 1849 за участие в кружке социалиста-утописта М. В. Петрашевского, Д. был приговорен к смертной казни, отмененной лишь в последнюю минуту перед расстрелом, затем испытал 4 года каторги в Сибири и ок. 5 лет ссыльной солдатской муштры. Годы физич. и моральных страданий стали также годами душевного перелома и краха утопически-социалистич. иллюзий Д. Возвратившись в Петербург в 1859, Д. стал выступать не только как художник, но и как активный публицист (в 60-е гг. — в журн. «Время» и «Эпоха», в 70-е гг. — в «Дневнике писателя»), развивая теорию т. н. «почвенничества», в нек-рых чертах сближающуюся со славянофильством. Д. утверждал особый путь историч. развития России, ее «мессианскую роль» в установлении счастья человечества. В это время Д. стал проповедовать единение

народа с царем и православной церковью, выступать против рус. и мирового революц. социалистич. движения, утверждать философию религ. смирения и индивидуального нравств. совершенствования.

Являясь художником-мыслителем, Д. создавал реалистич. художеств. образы, насыщенные филос., политич. и этич. содержанием. Д. явился создателем жанра идеологич. романа. Он рисовал реалистич. человек. характеры, для к-рых, как он писал в романе «Подросток», «логическая идея превращается в страстное чувство». Его герои, начиная с «Записок из подполья» (1864) и затем романов «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871—72), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879—80), — это высокоинтеллектуальные натуры. Поэтому взаимоотношения персонажей и развитие сюжетов в его произведениях определяются в значит. мере идеол. конфликтами, острой борьбой идей — философских, политических, нравственных.

Эстетика Д., понимание им сущности и целей иск-ва, приводила его к созданию особых форм реалистич. иск-ва. Сам Д. так характеризовал свой художеств. метод: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве) и то что большинство вызывает почти фантастическим и исключительным, то для... меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них по моему не есть еще реализм, а даже напротив» (Д о с т о е в с к и й Ф. М., Письма, т. 2, 1930, с. 169). В соответствии с этим в произведениях Д. натуралистич. сцены физич. страданий сочетаются с филос. символической («Легенда о великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых»), публицистич. газетные факты — с фантастикой, логич. абстрактные категории — с психологич. элементами. Эти черты эстетики и художеств. метода Д. определили глубину художеств. обобщений, огромную силу критич. реализма, высокий интеллектуализм, пронизывающий все его художеств. творчество. В то же время мировоззрение Д. как художника и мыслителя было глубоко противоречивым.

Д. писал о себе еще в 1854: «... я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» (там же, т. 1, 1928 с. 142). Эта автохарактеристика применима ко всем социально-филос. проблемам, к-рые поставлены в творчестве Д. Реалистич. основа творчества Д. — это мир человек. страданий, в изображении к-рых Д. не знает себе равных. Страдания личности, ущемленной в своем человек. достоинстве, достигают порой символич. звучания — в исповеди старика Мармеладова в «Преступлении и наказании», в сценах кули Настасьи Филипповны в «Идиоте», в рассказе Ивана Карамазова о затравленном собаками ребенке. Все формы изображения человек. страданий, обусловленные делением общества на богатых и бедных, вызванные извращающей властью денег, проникнуты антибурж. пафосом и подлинным гуманизмом. Вместе с тем гиперболизация страданий приводит Д. к культу страданий и даже поэтизации их влияния на душу человека. Д. видит две формы реакции на унижение человека; слабых она превращает в кротких, сильных — в ожесточенных. Кротость приводит к теории смирения, к христ. тезису о необходимости пострадать за весь мир. Ожесточение приводит к теории анархо-индивидуалистич. бунта, к культу сильной личности, имеющей право даже на преступление во имя самоутверждения. Психология кротких приводит в области политики к реакц. охране существующих социальных отношений, неприятию насильств. мер протеста; в области теологии — к признанию бога, как высшего

критерия истины. Психология ожесточенных приводит в области социальных отношений к бунтарскому протесту против законов эксплуататорского общества, к лозунгу «Все позволено». Иван Карамазов повторляет тезис Вольтера: «Я не бога не принимаю», а «...мира, им созданного, мира-то божьего... не могу согласиться принять» (Собр. соч., т. 9, 1958, с. 295). Это принципиальное для Д. расчленение двух тенденций в человеке ведет к противоречивым определениям сущности человек. природы и вопроса о том, что в ней преобладает, доброе или злое начало. В 1877 в «Дневнике писателя» Д. писал: «...зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла...» (Полн. собр. худож. произв., т. 12, 1929, с. 210), но в том же году в «Дневнике» он восклицал: «...люди могут быть прекрасны и счастливы не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» (там же, т. 12, 1929, с. 122). На основе этих противоречивых взглядов о человек. природе строится и противоречивая система этич., политич. и филос. взглядов писателя.

Т. о., в мировоззрении Д. причудливо переплетаются гуманистич. и антигуманистич. черты; он оказывается в заколдованном круге бурж. сознания, к-рое не в силах разрешить противоречия бурж. отношений в условиях этого общества. Усматривая в революц. движениях своей эпохи лишь бунт ожесточенных одиночек, попирающих законы морали, он видел в этом выражение материализма, социализма и атеизма, против к-рых постоянно выступал. Нек-рые извращенные формы рус. революц. движения 70-х гг., в к-ром были анархистские черты (бакунизм и нечаевщина), он абсолютизировал как идеи революции вообще. В области философии истории Д. стоял на идеалистич. позициях, полагая, что невозможно построение общества на основах науки и разума, утверждая, что лишь идея бога дает социальную и нравств. опору человечеству. В то же время Д. понимал, что охранительные идеи, религиозность и идеалистич. философия не могут устранить мира человек. страданий и сделать людей счастливыми. Создавая «Братьев Карамазовых», Д. писал, что он тревожится как бы богохульство и атеизм не оказались убедительнее религ. опровержений. До конца творч. пути Д. не смог разрешить этих противоречий. Для Д. характерны культ страданий и неприятие их, страх перед революцией и пристальный интерес к идеям социализма, мысль о неизбежности зла и мечта о гармоническом счастливом обществе.

Творчество Д. благодаря своей филос. насыщенности, гениальному проникновению в психологию личности и интеллектуальные искания человечества вызвало обостренный интерес среди представителей филос., эстетич. и художеств. мысли — русской и зарубежной. Противоречивость реалистич. метода определила разнородность влияния Д. на мировую лит-ру и эстетич. мысль. Символисты, декаденты, экспрессионисты, односторонне выделяя иррациональные и патологич. элементы в его произведениях, считали Д. своим художеств. учителем: Л. Андреев — в России, О. Уайльд — в Англии, С. Цвейг — в Германии, А. Жид, М. Пруст — во Франции.

В то же время гуманистич. антибурж. характер реализма Д. оказал плодотворное влияние на прогрессивных художников мира: Т. и Г. Маннов, Б. Келлермана, А. Зегерс — в Германии, Р. Роллана, Ш. Л. Филиппа — во Франции, Т. Драйзера — в США и др.

Достоевский в современной буржуазной философии. Внутр. противоречивость мировоззрения и эстетики Д. породила крайне разнородные, прямо противоположные интерпретации его деятельности как художника и мыслителя. Одна группа бурж. философов считала его христ. версучителем, проповедова-

вшим религ. мистич. тезис о необходимости пострадать за мировую вину человечества, теорию смирения и нравств. усовершенствования. С этими воззрениями выступали В. Розанов, Д. Мережковский, Н. Бердяев — в России, А. Масейна и др. — за рубежом. Др. группа бурж. философов превращала Д. в предшественника ницшеанских идей, певца сильной личности, апологета анархо-бурж. индивидуализма. Таким рисовали его Э. Лужка, Д. Арбан, И. Богатек, К. Герман и др.

Особенно большое внимание уделяют творчеству Д. представители экзистенциализма. Они пытаются представить Д., наряду с Кьеркегором и Ницше, как своего идейного предшественника. Предпринимаются попытки изобразить Д. как выразителя подлинно славянского духа, славянского мышления, к-рое якобы по своей сущности является экзистенциальным и заключается в том, что оно не отрывается от нравств. и этич. корней, от человек. личности, функций к-рой оно является.

Религ. экзистенциалисты и т. н. экзистенциалисты-атеисты толкуют творчество Д. по-разному. Представители религ. экзистенциализма Л. Шестов утверждает, что пафос Д., как и Кьеркегора, направлен против удручающей человека власти безличного разума, необходимости. Тезис совр. экзистенциализма — наука и разум враги личности и ее свободы — Шестов приписывает Д. и заявляет, что Д. видит спасение личности в вере (см. Л. Шестов, Кирхегардт и Достоевский, «Путь», 1935, № 48). К такому пониманию творчества Д. близок также Ясперс, к-рый утверждает, что Д. оказал влияние на молодого Ницше, а последнего Ясперс считает непосредственным предтечей экзистенциализма (см. К. Jaspers, Einführung in die Philosophie, 1957). Осн. проблему, к-рая, по Ясперсу, мучила Д., позднее сформулировал Ницше в словах «бог умер», имея в виду то состояние совр. мира, при к-ром все духовные и нравств. ценности вместе с падением христианства утратили свое значение, а новых ценностей, к-рые могли бы заменить прежние, — нет. В творчестве Д., по Ясперсу, показана трагедия совр. человека, к-рый не может справиться с возникшей новой ситуацией — «обезбожением» мира. Убийца Раскольников, отец-убийца Иван Карамазов — вот люди, сделавшие логич. и практич. вывод из атеизма. Сам Д. якобы считает единств. выходом для человека тот путь, к-рый выбирает Алеша Карамазов, — веру в бога, в любовь, в бессмертие.

Представители т. н. атеистич. экзистенциализма дают несколько иную трактовку произведений Д., хотя тоже признают, что осн. вопрос, к-рый ставит писатель, — это вопрос — как жить человеку без бога? Бог умер не только для Раскольникова или Карамазова — он умер и для самого Д., утверждал Гайденко. Жизнь для Д. не имеет смысла. Утверждение себя перед лицом абсурда и абсурдным путем — путем самоубийства — вот, по Камю, смысл философии Д. Последний, т. о., выступает как религ. мистич. экзистенциалистского интерпретатора. Т. о., совр. бурж. философы, используя противоречивый характер творчества Д., пытаются представить его как своего единомышленника. П. Гайденко. Москва, 1926—30; Собр. соч., т. 1—10, М., 1956—58, Письма, т. 1—4, М.—Л., 1928—59.

Лит.: Добролюбов Н. А., Забытые люди, Полн. собр. соч., т. 2, [Л.], 1935; Горький М., О «карамазовщине». Еще о «карамазовщине», Собр. соч., т. 24, М., 1953; Луначарский А. В., Достоевский как мыслитель и художник, в кн.: Русская литература, М., 1947; его же, О «многоголосье» Достоевского, в его кн.: Классики русской литературы, М., 1937; Ф. М. Достоевский в русской критике. Сб. статей, М., 1956; Ермилов В., Достоевский, М., 1956; Шкловский В. За и против. Заметки о Достоевском, М., 1957; Творчество Ф. М. Достоевского. [Сб. статей], М., 1959; Кирпичин В. Я., Достоевский и Белинский, М., 1960; Михайлова И. М., Мировоззрение Ф. М. Достоевского и его извлечение в современной буржуазной философии, в кн.: Против современных фальсификаторов истории русской философии, М., 1960; Розанов В. В., Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевском, 2 изд., СПб, 1902; Шестов Л., Достоевский и Ницше. (Философия трагедии), 2 изд., СПб, 1909; Мережковский Д. С., Л. Толстой и Достоевский, СПб, 1902; его же, Пророк русской революции, [СПБ], 1906; Бердяев Н., Мирозерцание Достоевского, Прага, 1923; Kaup P., F. Dostojewski und sein Schicksal, В., 1923; Natorp P., F. Dostojewski's Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise, Jena, 1923; Gide A., Dostojewsky, P., 1923; Simons E. J., Dostojewski, L., 1940; Lubac H. de, Le drame de l'humanisme athée, P., 1945; Bohatec J., Der Imperialismusgedanke und die Lebensphilosophie Dostojewskis, Graz-Köln, 1951; Laith R., Die Philosophie Dostojewskis in systematischer Darstellung, Münch., [1950]; Jacobsen S., Dostojewskij og nihilismen, [Bergen, 1956].

ДОСТОИНСТВО — личностн — осознание личностью своего обществ. значения, права на обществ. уважение, основанное на признании обществом социальной ценности человека. Содержание господствующего в том или ином обществе взглядов на человек. Д. определяется в конечном счете характером обществ. отношений, от к-рого зависит положение личности в обществе.

Чувство собств. Д. зарождается у человека уже в родовом обществе, хотя здесь индивид, по словам Маркса, еще не оторвался «...от пуговицы естественнородовых связей с другими людьми...» («Капитал», т. 1, 1955, с. 85). Основой зарождающегося в родовом обществе Д. было участие в общем труде и уважение со стороны соплеменников к людям, проявившим силу и храбрость в добывании средств к жизни и в столкновениях с враждебными племенами. С возникновением частной собственности человек Д. рассматривается преимущественно как привилегия личности, принадлежащей к господств. классам; рабы, считавшиеся только «говорящими орудиями», не могли на него претендовать. Однако в многочисл. восстаниях (напр., восстание Спартака) рабы, борясь против угнетения рабовладельцев, добивались восстановления попранного человек Д. Личность человека в рабовладельч. обществе продолжала оставаться скованной религ. предрассудками, от к-рых в известной мере смогли освободиться лишь передовые люди того времени, верившие в силы и возможности человека. «Глупо просить у богов то, что человек способен сам себе доставить», — говорил Эпикур (см. «Материалисты Древней Греции», М., 1955, с. 223).

В эпоху феодализма развивается феод. понятие Д. (т. н. рыцарская честь), носившее ярко выраженный сословный характер и исключавшее право на человек Д. «черни», «простолудинов». В процессе многочисл. крест. восстаний и войн нар. массы вырабатывали новые представления и понятия о человек Д.

В борьбе против феод. идеологии с ее отрицанием человек Д. (человек есть «раб божий») развиваются взгляды представителей гуманизма, требующих признания высокого назначения и Д. за каждым человеком. В эпоху Возрождения проблема Д. становится одной из основных проблем философских, этических и эстетических трактатов. Джиакоццо Манетти в трактате «О достоинстве и превосходстве человека», Пико della Мирандола в соч. «О достоинстве человека» провозглашают принцип высокого призвания человека. Человек сам творец своей собственной формы. От его воли и желания зависит, будет ли он высшим существом, превосходящим все другие существа, либо же он вырождается в низменное существо. Человек опирается не на бога, не на свое происхождение, а исключительно на самого себя, на свое Д. Гуманисты высмеивали феодальное понятие Д. и чести, основанное на знатности происхождения. Эразм Роттердамский в сатире «Похвала Глупости» писал о феодалах: «Как ни тороплюсь я, не могу, однако, обойти молчанием тех, которые хоть и не отличаются ничем от простого поденщика, однако кичатся благородством своего происхождения... Но еще находятся дураки, готовые приравнять этих родовитых скотов к богам!» (указ. соч., М., 1960, с. 55). Деятели эпохи Возрождения, материалисты и просветители 17 и 18 вв. стремились подойти к оценке значения человек личности с т. зр. разума и требований человек природы. Гоббс ставил Д. человека в зависимость от его личных способностей и добродетелей, образующих могущество человека. «Публичная ценность человека, т. е. та цена, которую придает ему государство, есть то, что люди обычно называют достоинством. И эта цена, положенная ему государством, выражается в пожаловании должностей военных, судейских, по государственному управлению или в пожаловании имен и титулов, введенных для выявления такой цены» («Левинафа», М., 1936, с. 90). Представитель демократич. крыла франц. просвещения Руссо связывал чувство Д. с проблемой свободы: «Отказаться от своей свободы — это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от его обязанностей... Такой отказ несовместим с человеческой

природой» («Об общественном договоре», М., 1938, с. 8). Представители франц. материализма 18 в. (Гольбах, Гельвеций) видели Д. человека в свободном удовлетворении его личных интересов, к-рое возможно, однако, только при разумном удовлетворении общего интереса, общего блага всех людей.

В нем. классич. философии принцип Д. личности наиболее отчетливо был провозглашен Кантом. Формулируя положения категорического императива, Кант утверждал самоценность человек личности. «Действуй так, — писал он, — чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели» («Основоположения к метафизике нравов», М., 1912, с. 55). Нем. философы рассматривали понятие Д. в связи с проблемой свободы, к-рая понималась как свобода духа. Такое понимание Д. нашло выражение во взглядах Шиллера, Фихте и др. «Господство моральной силы над инстинктами, — писал Шиллер в ст. «О грации и достоинстве», — есть свобода духа, и выражение ее называется в явлении достоинством» (Собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 156). Рассматривая проблему Д. в связи с проблемой целостности человеческой личности, Шиллер считал необходимым достижение единства моральной силы и эстетич. совершенства, Д. и грации. «...Они не исключают друг друга в одной личности и даже в одном ее состоянии, напротив, только от грации получает достоинство подтверждение, и только от достоинства получает ценность грации» (там же, с. 162).

В буржуазном обществе главным мерилом Д. человека является его богатство. В условиях капиталистич. эксплуатации миллионы трудящихся утрачивают права на уважение и человек Д. «В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен» (Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, см. Соч., 2 изд., т. 4, с. 439). Отношения эксплуатации закономерно порождают, с одной стороны, самомнение, чванство, честолюбие и тщеславие, а с др. стороны — подхалимство, угодничество, лицемерие и продажность. В эпоху империализма, когда монополистич. буржуазия окончательно отказалась от демократич. принципов, вновь широко проповедуется культ грубой силы, теории элиты и «сильной личности», призванной осуществлять господство буржуазии, попирая человек Д. масс.

В революц. борьбе за свое освобождение рабочий класс вырабатывает свое понятие о Д., в основе к-рого лежит борьба за освобождение трудящихся масс от эксплуатации, сознание всемирно-историч. миссии пролетариата. В условиях эксплуататорского общества поработанный трудящийся человек поднимается до осознания своего Д., включаясь в освобождит. борьбу масс. «Раб, осознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не осознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и возторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам» (Ленин В. И., Соч., т. 13, с. 33). Д. пролетария связано с сознанием силы и Д. своего класса, с чувством классовой солидарности. «...Пролетарская самостоятельность, — писал Плеханов, — обуславливает собою сознание пролетарием своей зависимости от капиталиста и стремление от нее избавиться... А для этого нет другого пути, кроме сличения пролетариев... кроме их объединения, для совместной борьбы за существование... Его тяготение к массе прямо пропорционально его стремлению к

независимости, его сознанию собственного достоинства, словом — развитию его индивидуальности» (Избр. филос. произв., т. 5, 1958, с. 511).

С развитием обществ. жизни расширяются и обогащаются представления и понятия о Д. Высшим образом борьбы за человек. Д. в эксплуататорском обществе является борьба за уничтожение капиталистич. строя, за мир, нац. освобождение народов, демократию и социализм. В совр. условиях, в условиях нац. освобождит. революций и войн особенное значение получает Д. народов, сбросивших цепи колониализма. Д. человека социалистич. общества — это осознание им своего обществ. значения как творца новых, коммунистич. отношений между людьми. Основу Д. личности при социализме составляет выполнение обществ. долга, активное и сознат. участие в строительстве коммунизма, единство личных и обществ. интересов.

Задача воспитания чувства собственного Д. сов. человека неразрывно связана с задачей воспитания чувства долга перед родиной и народом. «Мы желаем воспитать культурного советского рабочего... Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря, — он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом» (Макаренко А. С., Соч., т. 2, 1957, с. 397). В процессе коммунистич. строительства в сов. людях развивается чувство коллективизма, сознание ответственности за общее дело. Весь строй социализма, весь социалистич. правопорядок обеспечивают высокое Д. сов. человека. Оно неразрывно связано с непримиримой борьбой против всего того, что унижает человека труда: против несправедливости и угнетения, низкопоклонства и холопства, самодовольства и чванства.

Д. сов. человека поднимается на новую, более высокую ступень в период развернутого строительства коммунизма, когда само общество охраняет личное Д. каждого гражданина. «Личное достоинство каждого гражданина — говорится в Программе КПСС, — охраняется обществом» (1961, с. 121). Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советского гражданина. Д. сов. человека сочетает в себе преданность и любовь к своему народу, гордость его революц. традициями с уважением к трудящимся массам др. наций, к народам др. стран, гордость своим самым прогрессивным и гуманным мировоззрением — марксизмом-ленинизмом.

Лит.: Ленин В. И., Памяти графа Гейдена, Соч., 4 изд., т. 13; Делеханов Г. В., К вопросу о роли личности в истории, [М.], 1948; его же, Избр. филос. произв., т. 5, М., 1958, с. 511; Герцен А. И., Несколько замечаний об историческом развитии чести. Собр. соч. в тридцати томах, т. 2, М., 1954; Макаренко А. С., Из истории коммунизма имени Ф. Э. Дзержинского, Соч., т. 2, М., 1957; Фихте И. Г., О достоинстве человека, Избр. филос. соч., т. 1, [М.], 1916; Пикоделла Мирандола Дж., О достоинстве человека, в кн.: Дживелегов А. К., Возрождение. Собрание текстов..., М.—Л., 1925; Гоббс Т., Левинафан..., [М.], 1936, ч. 1, гл. 10; Шиллер Ф., О грации и достоинстве, Собр. соч., т. 6, М., 1957.

В. Морозов. Москва.

ДРАГОВИЧ (Драговић), Радован (10 дек. 1878 — 7 янв. 1906) — первый пропагандист марксизма в Сербии, один из основателей (1903) серб. с.-д. партии. Еще в гимназич. годы примкнул к рабочему движению. Познакомившись с идеями науч. социализма, стал зачинателем марксистского течения в серб. рабочем движении. Инициатор создания рабочих профсоюзов.

Осн. задачами своей деятельности Д. считал пробуждение классового сознания рабочих, соединение марксизма с серб. рабочим движением, создание революц. пролетарской партии. Критикуя экономизм группы «Новое время», возглавляемой М. Поповичем,

Д. указывал на необходимость дополнения экономич. борьбы организованных в профсоюзы рабочих борьбой политической. Отстаивая необходимость централиз. партии рабочего класса, вооруженной революц. теорией, Д. утверждал, что «рабочее движение должно быть строго классовым и не связанным с буржуазными партиями, хотя бы они и были демократическими» (Избор чланака, Београд, 1954, с. 55). «Без политической организации и политической борьбы не может быть освобождения рабочего класса» (там же, с. 256). Для того чтобы добиться коренного преобразования общества, революц. партия пролетариата «...должна стремиться к завоеванию политической власти» (там же, с. 273). Однако Д. не понял, что рабочий класс не может просто овладеть готовой бурж. гос. машиной и пустить ее в ход для своих целей. Он ошибочно допускал, что пролетариат может «...оказать нажим на буржуазное государство, чтобы оно вмешалось в отношения угнетенных рабочих и зверских работодателей и таким образом добиться ликвидации строя, движущегося в анархическом беспорядке» (там же, с. 279). Все же гл. путем перехода общества к социализму Д. считал взятие пролетариатом гос. власти, ибо революция «...уверенно ведет к освобождению человечества от политической и экономической тирании» (там же, с. 248).

Интернационалист и патриот, Д. выступал против бурж. шовинизма, за союз пролетариата Сербии и России.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 433.

И. Элев. Москва.

ДРЕВНЕВАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ. Система верований, получившая общее название «вавилонская религия», создавалась на протяжении тысячелетий различными народами Двуречья (Месопотамии): шумерийцами, аккадийцами (авилонянами), ассирийцами и др. Древнейшие верования этих народов, соответствующие периоду первобытно-общинного строя (*фетишизм, тотемизм*, культ предков), сохранились на поздних этапах в виде пережитков, напр. почитание фантастич. быка с человечес. лицом, бога воды Эа с рыбьим хвостом и др.

Особое распространение в Д. р. и м. получил культ космич. и астральных божеств, возникший из первобытного преклонения перед различными силами природы. Шумерийские жрецы перерабатывали нар. верования и уже к 3 тыс. до н. э. создали фантастич. систему космогонии. Первичным элементом признавался вечный и беспредельный океан, олицетворенный в виде богини-прародительницы Намму (или Тнамат). В ее недрах появилась гигантская гора, представлявшая собой небо (бог Ану) и землю (богиня Ки), соединенные в одно целое. Бог воздуха Энлиль отделил их друг от друга и породил первое светило — луну (бог Наннар, или Син), а луна породила остальные планеты, включая солнце (бог Уту, или Шамаш) и звезды.

В древневавилонской религии и мифологии признавались 4 осн. элемента: первичный океан, обтекающий Вселенную; небо в виде двойного металлич. свода; атмосфера, заполненная светящимися воздушными телами; земля, представляемая в виде плоского диска. Наряду с этими стихиями обоготворялись также ветры, буря, огонь, поля и т. д. Существовало также представление о борьбе злых и добрых духов.

Сдвиги в экономике и в социальных отношениях Вавилона оказывали влияние и на развитие религ. представлений. Развитие с. х-ва выдвинуло на первый план земледельч. и скотоводч. культы (бог воды Энки, или Эа, — создатель ирригации и с.-х. орудий, богиня плодородия Иштар и ее супруг страждущий бог Таммуз и др.). Усиление классовых противоречий

и создание рабовладельч. деспотии изменило культ и представления о функциях богов. Иштар стали представлять в виде грозной богини-воительницы, помогающей царю в борьбе с врагами. Местного бога г. Вавилона (Мардука) провозгласили творцом Вселенной, верховным богом Вавилонии, к-рому др. божества обязаны повиноваться. Возникают учения о божественности царя и царской власти. В Нововавилонском царстве (7—6 вв. до н. э.) делались попытки установления монотеизма и централизации культа. Количество жрецов увеличивалось, система иерархии и культ укреплялись и усложнялись. В догматике большую роль получает учение о творении посредством слова (вместо первоначальной теории порождения одних стихий другими). Представления о загробном мире носили пессимистич. характер. Души умерших считались обреченными на жизнь в вечном мраке и питание прахом.

Нек-рые вавилонские мыслители делали попытки преодолеть религ. традиции и провозглашали бессмысленность религ. культа (напр., в «Разговоре господина со своим рабом»). Однако выработать последовательное атеистич. мировоззрение они не могли.

Лит.: Струве В. В., Диалог господина и раба «О смысле жизни», в сб.: Религия и общество, Л., 1926, с. 41—59; его же, История Древнего Востока, 12 изд., М., 1941, гл. 10; Тюменев А. И., О предназначении людей по мифам древнего Двуречья, «Вестн. древней истории», 1948, № 4, с. 14—23; Авдеев В. И., История Древнего Востока, 2 изд., [М.], 1953, гл. 4; J a s t r o w M., Die Religion Babylonien und Assyriens, Bd 1—2, Giessen, 1905—12; C o n t e n a u G., Le déluge babylonien suivi de Ishtar aux enfers. La tour de Babel, P., 1941; M o o r t g a t A., Tammuz. Der Unsterblichkeitsglaube in der alt-orientalischen Bildkunst, B., 1949; K r a m e r S. N., Sumerian mythology, Phil., 1944 («Memoirs of the Amer. philos. soc.», v. 21); его же, From the tablets of Sum-mer, Indian Hills (Colorado), [1956], ch. 12.

ДРЕВНЕГЕРМАНСКАЯ РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ. Религия и мифология древних германцев изучена недостаточно полно вследствие скудости источников, т. к. в ходе христианизации германцев были бесприщадно искоренены языч. верования, нар. предания и песни. Наиболее сохранившимися источником для изучения религии древних германцев служат скандинавские саги, однако в них имеются и позднейшие напластования. Кроме того, источниками могут служить труды антич. авторов — Юлия Цезаря, Тацита и др., — а также рунич. надписи, нар. сказания и поверья, нек-рые ср.-век. хроники и документы.

Древние германцы жили на территории, расположенной между Сев. морем, Дунаем и Лабой (Эльбой), а также на юге Скандинавского п-ова. Их религия и мифология в фаустатич. форме отобразили в основном период родового строя и его разложения. Д. р. и м. сложилась из множества культов и религ. представлений различных племен. Так, одно из сказаний скандинавской мифологии о битве богов асов и ванаов и последующем их примирении (см. Эдда, песнь 1 Водлусна) является свидетельством слияния культов двух разных племен. Как и у др. первобытных народов, страх и бессилие перед непонятными и грозными силами природы привели древних германцев к обожевлению природы. По свидетельству Юлия Цезаря (сер. 1 в. до н. э.), древние германцы почитали как богов солнце, луну, огонь. При этом Цезарь отмечал простоту культа и отсутствие жрецов. Большое место в религии древних германцев занимало представление о душе, к-рая якобы не только продолжает самостоят. существование после смерти человека, но и при его жизни может вступать в общение с др. душами, оказывать влияние на жизнь людей. Эти души, получившие название эльфов, олицетворяли собой различные явления природы — воду, воздух и др. Разрушит. силы природы получили воплощение в образах различных демонов. Впоследствии демоны и эльфы уступают место более сложным по своим функциям

богам, воплощавшим уже не только самую природу, но и какое-то духовное начало, добро или зло.

Изменение обществ. условий жизни древних германцев, переход от доклассовых отношений к классовым сопровождался осложнением религ. представлений и изменением культа. Так, по свидетельству Тацита (конец 1 в. н. э.), германцы имели жрецов, «священные рощи» для поклонения богам, образы к-рых приобрели к этому времени антропоморфный характер. Большое значение получают жертвоприношения; в жертву приносились люди, животные, напитки, злаки. Однако еще долгое время сохранялись пережитки более древних культов, напр. магич. гадания прорицательниц (женские уборы жрецов при исполнении культа были несомненным пережитком матриархата). Для религии древних германцев характерно сочетание древнейших культов богини Матери-Земли с более поздними культами мужских божеств, что соответствовало смене материнского рода более поздним — отцовским. Усложнение религии изменяет и функции, приписываемые богам. Так, один из древнейших богов Тiu был вначале богом неба и воздуха. Впоследствии, в связи с переселением народов, борьбой против Римской империи и столкновениями между племенами, бог Тiu превращается в бога войны и изображается с мечом и даже в виде меча. Несколько позднее выдвигается другое божество — Водан (у скандинавов — Один). Водан также вначале был богом воздуха, ветра, впоследствии с развитием земледелия становится богом плодородия, а в дальнейшем — покровителем и богом войны и, следовательно, богом войнов.

Религия и мифология древних германцев политеистична; среди сонма богов одним из наиболее популярных был громовик Донар, или Тор, культ к-рого отмечен еще Тацитом. Донар, являясь сыном земли, был также богом плодородия и защитником людей от разрушительных злых сил природы. Женские божества ведут свое происхождение от первобытного представления о божеств. Матери-Земле. Это божество почиталось под разными именами; Тацит писал о культе богини Матери-Земли Нерте, сходным с более поздними культами богини Фрей (Фригги). Боги Д. р. и м. антропоморфны, они наделялись чертами, присущими людям, жили в жилищах, подобных хижинам древних германцев и, подобно людям, занимались обычными для людей занятиями и даже брались и сквернословили. Сказания Эдды живописуют быт богов, их споры, их борьбу, отражающие традиции, быт и постоянные войны древних германцев. Религия древних германцев в основе своей дуалистична. Весь сверхъестеств. мир нар. фантазии как бы распадается на две части: с одной стороны — злые, разрушит. силы природы, враждебные человеку, а с другой — благодетельные людям силы. Согласно Д. р. и м., Вселенная произошла в результате борьбы сил света и мрака. Светлые боги во главе с Одином победили порождение тьмы исполина Имира, и из его тела создали мир. Эльфы, населяющие природу, разделяются на добрых и злых, воплощая, т. о., силы добра и зла. Локи, бог огня, светел по своей природе, но его разрушит. сила приводит к тому, что он становится гл. виновником гибели светлого бога рождающейся природы Бальдра и с ним всех богов и всего мира.

В связи с крушением Римской империи и образованием варварских германских гос-в, в к-рых происходит процесс феодализации, древняя языческая религия германцев вытесняется, причем христианизация, проводившаяся католич. церковью, часто наталкивалась на упорное сопротивление народных масс, особенно у племени саксов (9 в.). Старые верования долго сохранялись в памяти народов, как пережитки — в нар. праздниках и поверьях.

Лит.: Эдла. Скандинавский эпос, пер. С. Свириденко, (т. 1), М., 1917; О ль г е й р с с о н Э., Из прошлого исландского народа, пер. с исландск., М., 1957, с. 50—58, 179—208; М е у е r E. H., Mythologie der Germanen, Stras., 1903; M o g k E. u., Germanische Religionsgeschichte und Mythologie, В.—Лpz., 1927; D u m é z i l G., Mythes et dieux des Germains, P., 1939; H a l b a n L., Religia starogermańska i jej aktualne znaczenie w Niemczech, Lublin, 1949; V r i e s J. de, Altgermanische Religionsgeschichte, Bd 1—2, В., 1956—57.

Д. Затуловская. Алма-Ата.
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЛОГИКА. Сознательное применение логич. приемов рассуждения, а также формулировка отд. логич. принципов и проблем имеется уже у элсагов (напр., апории *Зенона Элейского*) и *Гераклита*, в искусстве спора, преподававшегося *софистами*, в диалогах *Сократа* и *Платона*. Однако собственно теория логики разрабатывалась в трех филос. школах: аристотелевской, стоической и эпикурейской.

Основное достижение Аристотеля в логике — это создание теории силлогистич. умозаключения и основанной на ней концепции доказательства. В учении о силлогизме («Первая Аналитика») Аристотель выясняет общие условия того, когда из двух высказываний — посылок, содержащих утверждение о присутствии или неприсутствии предиката субъекту, с необходимостью следует определенное заключение, а когда не следует. Силлогистика Аристотеля есть, по существу, теория четырех логич. констант: «быть присуще всем», «не быть присуще ни одному», «быть присуще нек-рым», «не быть присуще нек-рым», связывающих различные общие термины (напр., «человек», «живое существо», «смертное»). Для обозначения терминов силлогизма Аристотель пользуется буквенными символами *A, B, V, Г...*, сразу же формулируя и исследуя силлогич. задачи в их общем виде (осуществляя тем самым первый шаг в направлении формального построения логики). Силлогизм у Аристотеля формулируется, напр., так: «Если *A* не присуще ни одному *B* и *B* присуще нек-рым *V*, то *A* не присуще нек-рым *V*». Полагая различие не только в том, с помощью какой из четырех логич. констант попарно связываются каждые два из трех составляющих силлогизм терминов, но и в том, каково положение общего для обоих посылок среднего термина *B* по отношению к крайним терминам *A* и *V*, Аристотель делит по этому последнему признаку все силлогизмы на три фигуры. Поставив так задачу, Аристотель выясняет, в случае каких связей терминов будет иметь место силлогизм, т. е. необходимое следование заключения из посылок, а в каких случаях силлогизма не будет. Затем Аристотель показывает, что силлогизмы второй и третьей фигур могут быть обоснованы посредством силлогизмов первой фигуры.

При этом он применяет три способа: 1) Прямое доказательство через *обращение* или *перестановку* посылок. Напр., силлогизм второй фигуры: «Если *B* не присуще ни одному *A* и *B* присуще нек-рым *V*, то *A* не присуще нек-рым *V*» через обращение посылок «*B* не присуще ни одному *A*» сводится к силлогизму первой фигуры. 2) Косвенное доказательство через приведение к невозможному (*ductio ad impossibile*). Так доказывался, напр., силлогизм третьей фигуры «Если *Г* не присуще нек-рым *Д* и *Е* присуще всем *Д*, то *Г* не присуще нек-рым *Е*». Если бы *Г* было присуще всем *Е* (предположение, противоречащее заключению нашего силлогизма), то в сочетании с сильной «*Е* присуще всем *Д*» оно дало бы по первой фигуре вывод: «*Г* присуще всем *Д*». Но это противоречит уже принятойсылке «*Г* не присуще нек-рым *Д*». 3) Доказательство через выделение. Напр., в силлогизме второй фигуры «Если *М* присуще всем *К* и *М* не присуще нек-рым *Н*, то *К* не присуще нек-рым *Н*» — в термине *Н* выделится такая часть *О* (нек-рые *Н* = всем *О*), чтобы получился силлогизм: «Если *М* присуще всем *К* и *М* не присуще ни одному *О*, то *К* не присуще ни одному *О*». Этот силлогизм второй фигуры через перестановку посылок и обращение посылок «*М* не присуще ни одному *О*» сводится к силлогизму первой фигуры. Обращение полученного по первой фигуре заключения и замена *О* равнозначным «нек-рые *Н*» дает требуемый вывод «*К* не присуще нек-рым *Н*». Обоснование всех силлогизмов посредством силлогизмов первой фигуры, непосредственно соответствующих аксиоме *силлогизма*, обнаруживает тенденцию Аристотеля к аксиоматич. построению теории силлогизма.

В трактате «Об истолковании», где Аристотель излагает теорию суждения, он рассматривает также определения и соотношения модальностей: «необходимого» и «необходимого», «возможного» и «невозможного», «случайного» и «неслучайного». А в «Первой аналитике», помимо вышеописанных ассерторич. силлогизмов, исследуются виды модальных силлогизмов, посылками к-рых являются высказывания о действительности, необходимо, возможно и случайно присущем или неприсущем. Модальная логика Аристотеля до сих пор еще недостаточно исследована. Однако и здесь Аристотель сформулировал ряд важных определений и принципов, существенно входящих в совр. логич. построения.

Во «Второй аналитике» излагается аристотелева концепция доказательства. Силлогизм, по Аристотелю, может, вообще говоря, строиться исходя не только из необходимо истинных, но и из проблематичных или же из случайно истинных посылок. Научное же (анодиктическое, или доказательное) знание трактуется о необходимо истинным. Поэтому под доказательством Аристотель разумеет силлогизм, исходные положения к-рого необходимо истинны. В связи с этим им исследуется вопрос о характере и способе получения тех первичных исходных положений или начал, к-рые могут быть в конечном счете положены в основу доказывающей силлогистич. дедукции и вообще всякого доказательного рассуждения. Эти начала должны быть достаточно общими, необходимо истинными и вытекать из самой сущности изучаемых предметов. В качестве таковых Аристотелем рассматриваются аксиомы, постулаты и (особенно тщательно) определения.

Анодиктич. знание Аристотель противопоставляет диалектическому и эристическому. В «Топике» исследуются диалектич. умозаключения. Так, Аристотель называет умозаключения, состоящие из проблематичных посылок, т. е. таких, к-рые, не противореча положением науки, могут лишь представляться нек-рым людям в качестве истинных и к-рые, вообще говоря, еще подлежат исследованию. В соч. «Опровержение софистических аргументов» Аристотель разбирает виды эристических, т. е. создаваемых лишь в целях спора, а в действительности логически несостоятельных умозаключений. Он применяет аппарат своей логики для опровержения различных распространенных в то время софизмов.

Непосредств. преемниками аристотелевского учения явились перипатетики. к-рые подробно комментировали логику Аристотеля, дополнили и развили отд. ее положения. Ученик Аристотеля *Теофраст* явно добавил к первой фигуре силлогизма еще пять разновидностей (модусов), впоследствии выделенных в особую четвертую фигуру. Вместе с *Эвдемом* он пытался уточнить нек-рые понятия аристотелевской модальной логики, а также исследовал условные и разделит. умозаключения. Из греч. комментаторов «Органона» наиболее значительным был перипатетик *Алексиандр Афродизийский*.

Другим замечательным достижением Д. л. является разработка логики высказываний (суждений, предложений) в раннем *стоицизме* (Афины, 3 в. до н. э.), в особенности *Хрисиппом*. Поскольку логич. проблематика восходила здесь к сократич. *мегарской школе* (*Евбулид*, *Диодор Крон*, *Филон*), иногда говорят о логике стоико-мегарской школы.

Стоицизм введен сам термин «логика» (для обозначения этой науки Аристотель употреблял термин «аналитика»). У стоиков обнаруживается характерный для совр. логики высказываний подход к высказываниям как выражениям, к-рые либо истинны, либо ложны (принцип двузначности высказываний). Все высказывания стоики делят на простые и сложные,

т. е. составленные из простых посредством различного рода логич. союзов. Простые высказывания состоят из субъекта и предиката и истинны, когда содержащиеся в них субъектно-предикатные отношения соответствуют действит. отношениям вещей. Истинность сложного высказывания определяется истинностью или ложностью входящих в него простых высказываний и характером их логич. связи. Своим определением логич. союзов «и», «или», «если... то» стоики предвосхитили нек-рые исходные понятия совр. математич. логики (*конъюнкцию*, *дизъюнкцию* и др.). Особенно интересна трактовка различными представителями стоико-мегарской школы условной связи «если... то», в к-рой намечены фактически осн. совр. виды *импликации*. Стоики выявили ряд равнозначностей (эквивалентностей) логики высказываний: равнозначность высказывания его двойному отрицанию, равнозначное выражение импликации через конъюнкцию и отрицание, разделительные дизъюнкцию через конъюнкцию, импликацию и отрицание и др.

Центр. часть логич. системы стоиков составляет учение об аргументе (выводе или умозаключении) и законных схемах вывода. Аргумент — это совокупность высказываний, состоящая из посылок и заключения (напр., «Если день, то светло. День. Следовательно, светло»). Аргумент является правильным, если ложность его заключения несовместима с истинностью его посылок (иными словами, если выражающее его условное высказывание, antecedентом к-рого служат посылки, а консеквентом — заключение, истинно). Аргумент истинен, если только он правилен и его посылки истинны. Истинный аргумент выступает в качестве доказательства, если он выводит не очевидное само по себе заключение из очевидных посылок.

Стоики разработали теорию вывода в логике высказываний, выделив следующие пять схем, т. н. простых недоказываемых аргументов, правильность к-рых принималась как непосредственно очевидная:

1. Если первое, то второе Первое Следовательно, второе	3. Неверно, что и первое, и второе Первое Следовательно, не второе
2. Если первое, то второе Не второе Следовательно, не первое	4. Или первое, или второе Первое Следовательно, не второе
5. Или первое, или второе Не второе Следовательно, первое	

(здесь союз «если... то» фактически выражал материальную импликацию, «или... или» — разделит. дизъюнкцию). К этим аргументам сводились (т. е. доказывались на их основе) все прочие правильные (но не простые) аргументы; сведение осуществлялось с помощью четырех общих правил, из к-рых до нас дошло лишь два: «Если из двух посылок выводится заключение, то любая из двух вместе с отрицанием заключения дает отрицание другой посылки» и «Если из двух посылок выводится нек-рое заключение и имеются высказывания, из к-рых может быть выведена одна из посылок, то другая посылка совместно с этими высказываниями дает это заключение».

Третьим направлением в Д. л. было индуктивное, восходящее к *Демокриту*, трактат которого «О логике», или «Канон», был, по-видимому, первым в Древней Греции логич. сочинением. Трактат до нас не дошел, и о его содержании (теория познания, учение о критериях истины и правилах мышления) можно судить лишь по немногим отрывкам и свидетельствам др. авторов. Логика Демокрита была индуктивной и в ней значительное внимание уделялось *аналогии*. Демокрит выступал как против крайнего эмпиризма и скептицизма софистов, так и

против чистой дедукции, оторванной от чувственного опыта. По его учению лишь на основе тщательного исследования фактов можно отыскать объективную причину, сущность явлений, переходить от «мнения» к «истине».

Дальнейшее развитие учение об индукции и аналогии получает у эпикурейцев. Наиболее полным оригинальным источником, в котором излагаются логич. взгляды эпикурейцев, являются сочинения *Филодема*. Эпикурейцы формулировали принципы индуктивной логики в полемике против логич. рационализма стоиков. По их мнению, дедукция может только классифицировать и систематизировать уже имеющиеся знания. Достоверные же сведения о природе и человеке приобретаются путем наблюдения фактов и формулировки законов с помощью индуктивного метода. Основой всякого индуктивного умозаключения является умозаключение по аналогии (сходству). В пределах данного опыта устанавливается, что нек-рые предметы и события постоянно сопутствуют друг другу, выступают в естеств. связи (напр., человек и смертность); отсюда делается индуктивное заключение и о находящихся вне пределов опыта всех аналогичных предметах (напр., всех людях). Так формулируются законы природы («смертность это существенный атрибут натуры человека»); при этом предполагается, что сходство существует в каждом случае и не может быть найден факт, противоречащий имевшемуся до сих пор опыту. Поэтому всякое индуктивное обобщение должно базироваться на тщательном исследовании событий и фактов. В эпикурейской логике фактически содержался ряд правил, к-рым необходимо следовать в индуктивном умозаключении.

Др.-греч. логика имела огромное значение для всего последующего развития логич. мысли. Аристотелевский «Органон» определил направление логич. интересов и исследований римских (Клавдий Гален, Порфирий, Аммоний Саккас, Симпликий, Филопон, Марциан *Капелла*, *Бозций*), византийских (Михаил Псеид, Иоанн Итал) и арабских (Ибн Сина, Ибн Рошд) мыслителей. «Органон» переводили, комментировали, составляли на его основе руководства по логике. Идеи «Органона», давая им то или иное истолкование и развитие, в значит. мере жила ср.-век. схоластич. логика. В новое время в связи с запросами опытного естествознания в европ. философии развивается критика методов силлогистич. дедукции (Ф. Бэкон, Гассенди). Возрождая на новой, более развитой основе эпикурейскую традицию, Ф. Бэкон в «Новом Органоне» закладывает основы индуктивной логики. Идеи стоич. логики высказываний долгое время имели гораздо меньшее распространение, чем силлогистика, и многими вообще не были поняты. Лишь с возникновением математич. логики стало возможно в полной мере оценить достижения стоиков, в 3 в. до н. э. наметивших контур теории, к-рая лежит в основе всей совр. формальной логики.

Лит.: Аристотель, Об истолковании, пер. с греч., СПб, 1891; его же, Категории, М., 1939; его же, Аналитики первая и вторая, пер. с греч., М., 1952; В л а д и с л а в л е в М. И., Логика, СПб, 1872; П о п о в П. С., Логика Аристотеля и логика формальная, «Изв. АН СССР. Сер. истории и филос.», 1945, т. 2, № 5; М а к о в е л ь с к и й А. О., Древнегреческие атомисты, Вак, 1946; Л е с н я к К., Трактат Филодема об индукции, в кн.: *Studia logica*, t. 2, Warsz., 1955; Я н о в с к а я С. А., Из истории аксиоматики, в сб.: Историко-математические исследования, вып. 11, М., 1958; А х м а н о в А. С., Логическое учение Аристотеля, [М., 1960]; Л у к а с е в и ч Я., Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики, пер. с англ., М., 1959; L u k a s i e w i c z J., O logice stoikow, «Przegląd Filozoficzny», rocz. 30, cz. 4, 1927, s. 278—79; его же, Zur Geschichte der Aussagenlogik, «Erkenntnis», 1935—36, Bd 5 [13]; D i o g e n e s L a e r t i u s, Lives of eminent philosophers. With an English transl. by R. D. Hicks, v. 1—2, L.—N. Y., 1925; S e x t u s E m p i r i c u s, [Works], v. 1—4, L., 1933—1949; M a t e s B., Stoic logic and the text of Sextus Empiricus,

«Amer. J. Philology», 1949, v. 70, № 279; е го же, Stoic logic, Berkeley-Los Ang., 1953; В о с ч е н с к и й Г. М., Ancient formal logic, Amst., 1951; е го же, La logique de Théophraste, Fribourg, 1947; S c h o l z H., Geschichte der Logik, Bd 1, B., 1957; В е с к е r O., Zwei Untersuchungen zur antiken Logik, Wiesbaden, 1957.

А. С у б б о т и н. Москва.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ

Мифология Древней Греции представляет собой совокупность сказаний о стихийных силах природы, демонах, богах и героях, возникших в результате перенесения общинно-родовых отношений на весь окружающий мир и фантастически обобщенного отражения этого мира в сознании первобытного человека. Греч. мифология, по словам Маркса, это — «...природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 737). Греч. мифология имеет длительную историю развития, проходя вначале стадии *фетишизма*, *тотемизма* и *анимизма*. На ранних стадиях своего развития она характеризуется стихийными, чудовищными и часто даже уродливыми формами, т. е. имеет черты ярко выраженного хтонизма (от греч. χθών — земля, к-рая, по мифологич. воззрениям, порождала все эти чудовища). В эпоху первобытнообщинного строя в религ. и мифологич. представлениях древних греков большое значение приобретают фетишистские представления о неотделимости духовной сущности предметов от них самих. Бог Зевс представлялся орлом, лебедем, молнией, громом и т. д.; Афина — совой или змеей. В последующем эти представления сохранились в виде отд. рудиментов, когда животные или неодушевленные предметы выступали уже как атрибуты или временные вместилища бога (напр., принятие Зевсом вида орла или быка, эпитет Афины — «совокая»). В древнейшую эпоху (соответствующую стадии матриархата) еще не было определенной иерархии богов. Задолго до появления т. н. олимпийской мифологии существовало множество местных богов, к-рые почитались в отд. общинах и не имели всеобщего значения. По мере оформления олимпийской мифологии имена этих богов или места их почитания становились лишь новыми эпитетами того или иного бога (напр., Зевс Трофоний, Артемид Эфесская, Аполлон Дельфийский). Наивысший расцвет антич. мифологии относится ко 2-му тысячелетию до н. э., т. е. к крито-микенской культуре, когда окончательно оформляется олимпийский пантеон богов, живущих на «снежной» и «многоущельной» горе Олимп и подчиненных власти одного бога «отца людей и богов» — Зевса. Каждое олимпийское божество обладает своей строго определенной функцией: Афина — богиня войны, высших родов иск-ва, ремесла, охранительница городов и стран, Гермес — бог торговли, Аполлон — бог разнообразных губительных и целительных функций, покровитель иск-в, Артемид — богиня охоты, Афродита — богиня любви и красоты, и т. д. Олимпийская мифология характеризуется ярко выраженным *антропоморфизмом*. Боги и демоны в религ. и мифологич. представлениях древних греков обладают физич. телом, они в определен. месте живут и имеют самые обыкновенные человеч. качества и даже пороки и недостатки. Вместо прежних сказаний о чудовищах появляются мифы о героях (Геракле, Тесее), к-рые борются с этими чудовищами и уничтожают их.

Однако этот антропоморфизм, свидетельствующий о растущей власти человека над природой, характеризует только определенную, исторически переходящую ступень в развитии древнегреческой мифологии. «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного

господства над этими силами природы» (там же). С разложением общинно-родовых отношений, с зарождением науч. знания наивный мифологич. антропоморфизм разлагается, а антропоморфные образы богов становятся предметом острой критики. Уже у др.-греч. поэтов Гесиода и Пиндара Зевс лишается антропоморфных качеств и превращается в образ, олицетворяющий принцип мировой справедливости; в «Прикованном Прометее» Эсхила он изображается в виде мирового деспота, человеконенавистника, представителя слепых и неразумных сил. Теряют антропоморфные качества и становятся абстрактными также и др. образы старой мифологии. С появлением рабовладельч. формации др.-греч. мифология теряет свой наивный характер и становится идейно-художеств. методом в идеологии внутриполисной жизни.

Параллельно с развитием греч. мифологии развивается и формируется др.-греч. религия, т. е. вера в сверхъестественную силу богов, закрепленная системой культов и обрядов. Так же, как и мифология, греч. религия древнейшего времени носит следы фетишизма, тотемизма и анимизма. Культурная практика древних греков сводилась в основном к жертвоприношениям и молитвам, к-рые производились, как правило, в храмах, посвященных тем или иным божествам. Наряду с официальной гос. религией в Древней Греции были распространены и богослужения, открытые только для посвященных (мистерии). В догомеровской Греции особенное распространение имели мистерии, посвященные хтоническим (подземным) божествам: (Триптолему и др.). Известны также и элевсинские мистерии в честь Деметры, орфич. мистерии в честь Диониса, культ кабиров (подземных богов).

Др.-греч. мифология оказала влияние и на греч. философию. Древнейшие филос. воззрения, относящиеся к первобытнообщинному строю, развивались внутри мифологич. формы. Греч. философия оказалась такой же вещественной и материальной, как и др.-греч. представления о богах. Тем не менее философия с первых же своих шагов стала на путь активной борьбы с мифологией и религией. Поэтому история, рассмотрение греч. мифологии и религии немисливо без учета острой их критики со стороны передовой др.-греч. философии. Первый период греч. философии, т. е. 6—5 вв. до н. э., — это *натурфилософия*, учение о том, что бытие состоит из материальных стихий (земли, воды, воздуха, огня, эфира) и из круговорота этих стихий. Признание этих материальных стихий свойственно не только философам-материалистам (*Гераклит*, *Демокрит*), но и идеалистам. Элеаты, напр., хотя и учили, что истинное бытие лишено множественности и движения, тем не менее даже и свое «единое», или «бытие», тоже понимали, в конце концов, как особого рода тонкую материю. Элеаты начиная с *Ксенофана* восстают против антропоморфизма, полагая, что все живые существа создают богов по своему образу и подобию. Таким же материальным является и пус (ум) *Анаксагора*. Атомы Демокрита имеют определен. величину и фигуру и представляются своего рода миниатюрными статуэтками. Открытой борьбой с мифологией, а в значительной мере и со всякой религией прославились софисты, устами *Протагора* провозглашавшие знаменитый тезис, что человек есть мера всех вещей. Новое отношение к греч. богам было сформулировано в стоицизме, эпикуреизме и скептицизме. Для стойков боги и демоны суть только чистейшая аллегория (Гефест — огонь, Гера — воздух, Дионис — виноград и вино, Афина Паллада — мудрость и т. д.). Для эпикурейцев боги суть только отвлеч. идеалы, хотя и представляемые в виде живых существ, но совершенно бессильных и никак не влияющих на жизнь природы и общества. По словам Маркса, боги Эпикура, «...будучи похожи на людей, живут в межмировых

пространства действительного мира, имеют не тело, а нечто вроде тела, не кровь, а нечто вроде нее; пребывающая в блаженном покое, они не внемлют ничьей мольбе, не заботятся ни о нас, ни о мире...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, 1956, с. 44). Скелитики отрицали вообще возможность познания как бытия вообще, так, в частности, богов и демонов.

В период 3—1 вв. до н. э., вследствие сближения Греции с Востоком, Д. р. и м. подвергается разного рода влияниям восточной мистики, опять возрождаются древние культы Великой Матери, возрастает влияние дельфийского Аполлона, появляется астрология и возрождаются мистич. культы. Этот процесс отражается и в философии, к-рая начинает сближаться с религией и мифологией. В *неоплатонизме*, представляющем в определенной мере реставрацию древней мифологии, старинные образы богов, демонов и героев, стихийные и часто даже грубые, представляются в изощренно логич. интерпретации. Антропоморфная греч. мифология окончательно разлагается, становясь объектом всякого рода логич. спекуляций.

Др.-греч. мифология оказала большое влияние на развитие мировой культуры. Ее человеческие, проникнутые чувством гармонии и меры образы стали почвой для развития высокохудожеств. антич. иск-ва. Она оказала воздействие на формирование др.-рим. религии и мифологии. В ср. века с распространением христианства антич. мифология была отвергнута, антич. богов стали считать за бесов, а их изображение — за идолов. Греч. мифология, как и вся греч. культура, была широко использована идеологами Возрождения. Антич. мифология играла значит. роль и в последующие эпохи, получая различную интерпретацию в науке и иск-ве. Образы греч. мифологии, воплотившиеся в иск-ве, отражают исторически переходящую эпоху «детства человеческого общества» и до сих пор продолжают «... в известном отношении служить нормой и недосыгаемым образцом» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 737).

Лит.: Маркс К., К критике политической экономии, М., 1953; его же, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940; Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953; Новицкий О., Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований, ч. 1—4, Киев, 1860—61; Новосадский Н. П., Египетские мистерии, СПб., 1887; Клиггер В., Животное в античном и современном суевии, Киев, 1911; Каганов Е., Культ фетишей растений и животных в Древней Греции, СПб., 1913; Богаревский Б. Л., Земледельческая религия Африк, П., 1916; Зелинский Ф. Ф., Древнегреческая религия, П., 1918; его же, Религия эллинов, П., 1922; Альтман М. С., Греческая мифология, Изд. 1, 1937; Радлигс И., Античная мифология, М., 1939; Лосев А. Ф., Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии, «Уч. зап. МГИИ им. Ленина», 1953, т. 72, вып. 3; его же, Гесиод и мифология, там же, 1954, т. 83, вып. 4; его же, Введение в античную мифологию, «Уч. зап. гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко (Душанбе). Филологич. сер.», 1954, вып. 5; его же, Античная мифология в ее историческом развитии, М., 1957; Голосовкер Я., Сказание о титанах, М., 1956; Кун Н. А., Легенды и мифы Древней Греции, 4 изд., М., 1957; Кайдан А. П., Религия и атеизм в древнем мире, М., 1957; Тренчент-Вальдаи-Фельд И., Мифология, пер. с венг., М., 1959; Wilhelmowitz-Moellendorf U. von, Der Glaube der Hellenen, Bd 1—2, В., 1931—32; Kern O., Die Religion der Griechen, Bd 1—3, В., 1926—38; Nestle W., Die griechische Religiosität..., [Bd] 1—3, В., 1930—34; его же, Vom Mythos zu Logos, Stuttg., 1940; Nilsson M. P., Geschichte der griechischen Religion, Bd 1, Münch., 1955. А. Лосев, Москва.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Д. ф. наз. совокупность отмеченных нек-рой общностью филос. учений, развивавшихся в др.-греч. рабовладельч. обществе конца 7 в. до н. э.—нач. 6 в. н. э. Несмотря на длительность этого периода, охватывающего свыше тысячи лет интенсивного развития, существуют основания рассматривать Д. ф. как единое и своеобразное, хотя и не изолированное явление в развитии филос. сознания человечества. На основе развития в Древ-

ней Греции (в частности, в Афинах) в наиболее классич. форме «на развалинах родового строя» государства (см. Ф. Энгельс, «Происхождение семьи...» 1953, с. 175), полисной системы, рабовладельч. демократии, ремесла, торговли и др. социально-экономич. и политич. условий зародились и развились многочисл. и разнообразие филос. системы. Важными предпосылками успешного развития Д. ф. были передовой экономич. и политич. уклад полисов античной Греции, сравнительно широкие торговые и культурные связи с тогдашним культурным миром, возможность путешествий, расширявших географию, этнографию и науч. кругозор. В античном обществе рабство было нестерпимым гнетом для самих рабов, но для рабовладельцев оно создавало условия досуга и открывало возможность занятий философией, искусством, наукой. В комплексе этих занятий философия не была изолированной областью, и ряд греч. и рим. мыслителей был художниками слова (*Эмпедокл*, *Демокрит*, *Платон*), а ряд поэтов — поэтами-мыслителями (*Эсхил*, *Еврипид*, *Эний*, *Лукреций*). Разработка истории философии и истории науки обществ Древнего Востока, особенно исследования последних десятилетий, доказали связь по происхождению Д. ф. с философией народов Африки и Передней Азии, к-рые раньше, чем греки, развили письменность, мифологию, элементы наук о природе и философии. Особенно значительно было влияние Вавилона, Египта, Лидии и Персии. Помимо непосредств. генетич. связи, историки культуры отметили ряд фактов соответствия между нек-рыми явлениями в развитии Д. ф. и аналогичными явлениями в развитии философии Древнего Китая и Древней Индии. Существует, напр., нек-рое соответствие между развитием *софистики* и логики в Д. ф. 5—4 вв. до н. э. и приблизительно одновременным развитием логич. школы *моистов* в др.-кит. философии. Особенно тесной была зависимость Д. ф. от науки и философии Вавилона и Египта. Рано завязавшиеся экономич., торг. и политич. связи ионийских поселений греков на зап. побережье М. Азии с вост. народами с более древней цивилизацией, а также исключит. восприимчивость и многосторонняя одаренность греков привели к тому, что в ионийские города, прежде всего в Милет, были перенесены и здесь своеобразно переработаны зачатки физич., математич., астрономич. и др. знаний, появились первые науч. инструменты, календарь и т. д. Одновременно шла и своеобразная переработка древней мифологии — в иск-ве, в поэзии; философия разрушала мифологич. представления о мире и человеке. Процесс этого разрушения шел в Древней Греции с такой быстротой, что уже в 6—5 вв. до н. э. в филос. системах миф играл роль не столько осн. воззрения, сколько средства образного выражения мысли (*Анаксимандр*, *Эмпедокл* и особенно *Анаксгор*, первые атомисты *Левкипп* и *Демокрит* и т. д.); на смену мифологич. объяснению мира приходило его истолкование на основе естественных, а не сверхприродных сил.

Не менее своеобразным, чем отношение к мифу, было у древних греков отношение к усвоенным на Востоке зачаткам положит. знаний о природе. И в Вавилоне, и в Египте знания эти, возникшие из практич. нужд техники, торговли, путей сообщения, передавались обычно в том виде, в каком были почерпнуты в процессе практич. освоения, без сколько-нибудь детального теоретич. и логич. обоснования. Напротив, древние греки уже в космологич. и физич. построениях 5 в. до н. э. обнаруживают поразит. склонность к обоснованию выдвигаемых или используемых положений. Напр., греки обнаруживают тенденцию превратить элементарные истины алгебры и геометрии, сформулированные вавилонянами и египтянами как тезисы, в доказываемые теоремы.

В 6 и даже в 5 вв. до н. э. философия еще не существовала отдельно от познания природы, а знание о природе — отдельно от философии, что характерно также и для раннего периода развития др.-вавилонской и др.-египетской филос. мысли. Внутри нерасчлененного единства первоначальных филос. понятий и понятий научных воззрения, относящиеся к природе, играют роль, во многих отношениях решающую: первые греч. философы были не только первыми математиками, физиками, астрономами, физиологами, но вместе с тем их науч. представления о мире определяли постановку и решение ими вопросов философских. И для науки древних греков, и для Д. ф. характерно обилие почти одновременно зарождавшихся науч. гипотез и типов филос. учений. Объясняется это тем, что при рано возникшей острой науч. пылкости древние греки могли удовлетворить ее только в условиях и границах, какие предоставляли им слабое развитие техники и почти полное отсутствие эксперимента. Для антич. рабовладельч. общества характерно пренебрежит. отношение рабовладельцев к физич. труду. Отношение это, вытекавшее из природы рабовладельч. способа производства, и сравнительная дешевизна рабской рабочей силы слабо стимулировали развитие техники и развитие обусловленного техникой науч. эксперимента. Вследствие этого осн. способами науч. исследования могли быть только наблюдение и опирающаяся на наблюдение, но не допускавшая экспериментальной проверки, гипотеза. Т. к. при разработке гипотезы мысль идет от действия к его причине и т. к. одно и то же действие может вызываться различными причинами, то в условиях невозможности экспериментальной проверки в умах различных мыслителей возникали различные гипотезы об осн. и тех же явлениях природы. Для философии это многообразие гипотез означало многообразие типов филос. объяснения мира. Так, уже в 5 в. до н. э. после того, как *элейская школа* обосновала мысль о вечности истинно-сущего бытия, к-рое не может ни возникнуть, ни исчезать, появились космогонич. и физич. гипотезы Эмпедокла, Анаксагора и атомистов Левкиппа и Демокрита, в к-рых по-разному объяснялось происхождение миров и в к-рых выдвигались различные догадки о природе и свойствах материальных частиц, образующих своими сочетаниями все вещи.

Разнообразие возникших в Древней Греции типов филос. учений сделало Д. ф. школой филос. мышления для всех последующих времен. На это значение Д. ф. указали Энгельс и Ленин. «... в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, — писал Энгельс, — почти все позднейшие типы мировоззрений» («Диалектика природы», 1955, с. 25). Ленин, отмечая запросы и искания Аристотеля, величайшего философа Древней Греции, писал, что «именно приемы постановки вопросов, как бы п р о б н ы е системы были у греков...» (Соч., т. 38, с. 366).

Необходимым и чрезвычайно важным условием последующего развития и последующих успехов Д. ф. оказалось то, что исходной точкой этого развития был филос. материализм. Философы, действовавшие в 6 в. до н. э. в Милете, — *Фалес*, Анаксимандр, *Анаксимен*, эфесянин *Гераклит*, уроженец Колофона *Ксенофан* — при всех различиях между ними полагали, что все вещи, возникающие различным способом и различным способом погибающие, должны были произойти из какого-то одного и притом вещественного начала. Такова «вода» Фалеса, «воздух» Анаксимена, «огонь» Гераклита, «земля» Ксенофана и т. д. Характеризуя начальную стадию Д. ф., Энгельс указывал, что «...здесь перед нами уже полностью вырисовывается первоначальный стихийный материализм, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает

само собою разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном...» («Диалектика природы», с. 147). Т. о., Д. ф. возникла как философия, хотя и наивная, но наивно-материалистическая. Особенно характерен материализм для милетских мыслителей и ученых, живших в передовом центре пром-сти, торговли и культуры, связанном с культурными центрами Ближнего Востока.

Однако внутри этой системы материалистич. взглядов, определившей многое в дальнейшем развитии Д. ф., уже рано наметились отдельные воззрения, к-рые впоследствии могли привести и в ряде случаев действительно привели к возникновению идеализма. Зародыши этого раскола на материалистич. и идеалистич. направления Энгельс отметил уже у самых ранних греч. мыслителей: «При всем наивно-материалистическом характере мировоззрения в целом, уже у древнейших греков имеется зерно позднейшего раскола. Уже у Фалеса душа есть нечто особое, отличное от тела (он и магниту приписывает душу), у Анаксимена она — воздух (как в „Книге бытия“), у пифагорейцев она уже бессмертна и переселяется, а тело является для нее чем-то чисто случайным» (там же, с. 148). Впрочем, и у пифагорейцев душа не всецело идеальна, но есть, по *Диогену Лаэртскому*, «отщепенная частица эфира... причем холодный эфир есть воздух, а плотный образует море и влажность» (там же).

То, что в Д. ф. 6 в. до н. э. было лишь возможностью, стало действительностью во 2-й пол. 5 и в 1-й пол. 4 вв. до н. э., но уже не в ионийских городах М. Азии, к-рые, утратив в нач. 5 в. политич. самостоятельность, деградировали и в филос. отношении, а в Афинах — центре союза греч. демократич. полисов, возникшем в ходе борьбы Эллады с Персией.

В лице *Сократа* и особенно Платона здесь складывалось учение филос. идеализма, к-рый сознательно и непримиримо противопоставлял себя предшествующему и совр. ему материализму и в первую очередь материализму атомистов. Начиная с этого времени в истории Д. ф. обнаруживаются две изначально борющиеся между собой линии развития — материализм и идеализм, или, говоря словами Ленина, «линия Демокрита» и «линия Платона».

История Д. ф. являет классич. образец не только по ясности, с какой в ней выступает противоположность двух осн. филос. направлений, но и по определенности, с какой в Д. ф. выступает противоположность двух методов мышления — диалектического (см. *Диалектика*) и метафизического (см. *Метафизика*). Уже ранние материалистич. гипотезы милетских мыслителей, искавших вещественное первоначало, имели предпосылкой представление о всеобщей изменчивости всех вещей и способности одного становиться другим, переходить в другое. У Гераклита из Эфеса эта предпосылка разворачивается в цельное мировоззрение, в к-ром материалистич. по содержанию космология, физика и психология пронизаны диалектич. представлением о характере изменений, происходящих в мире. Подчеркивается всеобщность изменчивости, раздвоенное единого на противоположности, переход каждого свойства и явления в свое противоположное, единство и борьба противоположностей, относительность изменяющихся свойств и т. п. Самый яркий и глубокий представитель ранней диалектики в Д. ф. — Гераклит не является исключением. По существу все первые греч. философы были диалектиками и, как показал Энгельс, во-первых, тем, что они рассматривали природу как целое, и, во-вторых, тем, что само ее рассмотрение было ограничено непосредств. созерцанием. «У греков, — пояснил Энгельс, — именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы, — при-

рода еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания» (там же, с. 24).

За тысячу с лишним лет развития Д. ф. материализм и идеализм, диалектика и метафизика, сложившиеся на почве Древней Греции, не оставались в неизменном виде, но претерпели длительную и сложную эволюцию, отражавшую, в конечном счете, диалектику историч. развития антич. рабовладельч. общества. Обусловленность развития Д. ф. борьбой передовых и реакц. обществ. сил всего отчетливее выступает в этике, учении об обществе и гос-ве, учении о воспитании, эстетике. Не исключена возможность, что даже у таких ранних др.-греч. философов, как, напр., Гераклита, по крайней мере нек-рые характеристики диалектик. процесса представляют перенесение на природу черт изменения и движения, а также противоположностей, впервые открытых в явлениях не природной, а обществ. жизни (борьба как «отец» всех вещей, относительность человеческих оценок, раздвоение единого на противоположности и т. д.). В нек-рых течениях Д. ф. (*софисты*) происхождение общих филос. понятий из попыток осмыслить явления обществ.-политич. жизни выступает совершенно прозрачно (антиномия природы и культуры в мировоззрении *Антифонта*, противоположность существующего «по природе» и «по установлению» и т. д.).

Богатое содержанием, неравномерное, избыточное противоречиями развитие учений о бытии и развитии диалектики протекали в Д. ф. не как плавный процесс эволюции однажды возникших точек зрения, а как процесс борьбы, в конечном счете сводившийся к борьбе осн. воззрений материализма и идеализма. Эта борьба в области философии была идейным отражением социальных, политич. битв, происходивших в антич. обществе, в частности внутри самого др.-греч. рабовладельч. общества. Греки любили борьбу, состязание, «агон» не только в публично проводившихся играх (олимпийских, истмийских), в соперничестве драматургов, выдвигавших свои трилогии на празднествах Великих Дионисий. Они со страстью предавались борьбе и в области философии. Отголоски споров, разгоравшихся между философами, доходили до более широких кругов. Сицилийский поэт Эпихарм (5 в. до н. э.) написал комич. сценки, в к-рых осмеивал крайности и доведения до абсурда нек-рых положений диалектики и учения о всеобщей изменчивости. Сама возможность их написания говорит об обществ. интересе, какой представляли в глазах публички споры философов. Аристофан вывел в комедии «Облака» философа Сократа как софиста и автора нелепых выдумок и домыслов о природе. Если поэзия изображала столкновение слишком отвлеченных положений философии с жизнью, то внутри самой философии происходила ожесточенная борьба ее принципиальных направлений. Уже в отрывках, дошедших от самых ранних писателей Д. ф., отражается идейная борьба между различными мыслителями и школами. Гераклит осуждает многознание Ксенофана как неспособное научить уму. *Парменид* бранит последователей Гераклита, отрицающих неизменность вещей, признающих единство противоположностей, раздвоение единого на противоположности. Сократ отрицает проблематику ранних космологич. учений, подчеркивает неспособность челоуеч. ума к знанию по этим вопросам и призывает сосредоточить исследование на челоуеч. делах и на вопросах о челоуеч. душе. Демокрит, не вступая в обстоит. полемику, создает учение атомистич. материализма, по сути своей противостоящее релятивизму, нигилизму и скептицизму софистов. Развивая и защищая учение строго материалистич. детерминизма, причиной обусловленности

всех явлений и событий природы, он сознательно направляет свой взгляд против учений философов, к-рые «измыслили идол случая». Платон в диалоге «Софист» прямо утверждает, что по вопросу о сущности в философии «действительно происходит род борьбы великанов» (*Soph.*, 246 A), а именно один (материалисты) «признают тела и сущность за одно и то же» (там же), другие, «вступающие с ними в спор», решительно настаивают на том, что «истинная сущность — это какие-то умопостигаемые и бестелесные идеи» (там же). Обобщая эти свои наблюдения, Платон сообщает, что «между обеими сторонами всегда... относительно этого происходит какая-то грозная борьба» (там же). Величайший греч. философ *Аристотель*, колебавшийся между основным для него объективным идеализмом и материализмом в учении о природе, также излагает свои учения в постоянной полемике с предшествующими ему и современными ему учениями. В связи с этим многочисленные в гл. произведениях Аристотеля («Метафизика», «Физика», «О душе», «Политика») замечания, относящиеся к мнениям предшественников и современников Аристотеля, не столько историко-филос. справки или введения, сколько соображения, имеющие целью принципиальное опровержение или возражение. Но и в эпоху т. н. эллинизма борьба школ Д. ф. не только не затухает, но продолжается, порой с упрямством и непримиримостью, особенно между эпикурейской школой и *стоицизмом*.

Не все части Древней Греции оказались одновременно вовлеченными в филос. развитие. Философия для своего появления и тем более для успешного развития предполагает достаточно высокий уровень культуры, в частности познаний о природе, об обществе и человеке. В свою очередь, такой уровень возможен лишь на достаточно высокой ступени экономич. и политич. состояния общества. В соответствии с этим Д. ф. родилась на рубеже 7—6 вв. до н. э. не в тех греч. общинах, к-рые населяли юж. часть Балканского п-ова и в к-рых господствовало земледелие, а в богатом пром. и торг. центре ионийских городов М. Азии — в Милете. Соприкосновение с культурой, образованностью и филос. мыслью Востока создало здесь необходимые идейные предпосылки, а сопутствовавшие возникновению рабовладельч. отношений острота и напряженность социальной жизни обусловили чрезвычайную интенсивность и быстроту развития философии, представленной милетской школой философов-материалистов, уроженцем Эфеса материалистом и диалектиком Гераклитом, выходящем из Колофона *Ксенофаном*, *Пифагором*, деятельность к-рого началась на о-ве Самосе и впоследствии протекала в Юж. Италии.

С падением политич. самостоятельности Ионии центр развития Д. ф. перемещается с крайнего вост. предела греч. мира на его зап. окраину — в греч. города-гос-ва Италии и о. Сицилии. В Кротоне организовал союз своих учеников и единомышленников эмигрировавший из Самоса Пифагор; в небольшой Элее у зап. берегов Юж. Италии сложилась и развилась школа, названная по месту деятельности ее корифеев — Парменида и Зенона — элейской; в Агригенте на о-ве Сицилия действовал Эмпедокл, а впоследствии в Леонтинах — софист *Горгий*. Д. ф. развивалась в Италии в 6—5 вв. до н. э. и впоследствии (2 в. до н. э.) проникла и в Рим, где в 1 в. до н. э., кроме великого поэта-материалиста *Лукреция*, была представлена школой *Филодема*, последователя Эпикура. Только с превращением Аттики из отсталой земледельч. страны в страну, во главе к-рой стал новый могуществ. экономич., политич. и культурный центр — Афины, выдвинувший после греко-персидских войн, были созданы условия для быстрого и блестящего развития здесь философии. Первый крупный философ-материалист, дей-

ствовавший в Афинах при Перикле (5 в. до н. э.), — Анаксагор — был еще пришельцем с Востока (из Клазомен), но уже Сократ (5 в. до н. э.), собравший вокруг себя многочисленную, хотя и разнородную школу последователей, был коренной афинянином. Также афинянином был ученик Сократа и создатель первого идеалистич. учения в Д. ф. — Платон. Параллельно с развитием философии в Афинах, на С. — в Абдере, лежавшей на важном торговом пути из Греции в Персию, возникает школа материалистич. атомизма — школа Левкиппа и Демокрита. Из Абдеры происходил и крупнейший мыслитель старшего поколения софистов *Протагор*.

Господствовавшей в Афинах социальной силой была рабовладельч. демократия. Ее руководители проявляли мало интереса к космологич., физич. и физиологич. исследованиям, стоявшим в центре внимания ионийских материалистов и их последователей в греч. городах Италии. Когда политич. противники Перикла повели против него борьбу, одним из предметов их нападок стало покровительство, какое Перикл оказывал Анаксагору, автору материалистич. гниотез о природе небесных светил. Осуждение Анаксагора было мотивировано религ. соображениями. Гораздо большее внимание афинян привлекала деятельность новых для них, обычно приезжавших из греч. городов Италии или из Абдеры (как Протагор) учителей политич. знаний. Развитие демократич. учреждений — нар. собрания и судов, выборность должностных лиц, обусловили в 5 в. необходимость подготовки контингента лиц, обученных технике политич. и судебного красноречия, сведущих не только в вопросах политич. жизни, но и вообще всесторонне образованных. Первые учителя таких знаний вышли из сицилийской школы красноречия, основанной философом Эмпедоклом. Эти сицилийские и др. иностранные (для Афин) преподаватели получили прозвище «софистов», к-рым первоначально означались просто люди в чем-либо особо искусные или сведущие. Знаменитые мастера софистического обучения часто наезжали в Афины, где привлекали многочисл. учеников и просто слушателей, для к-рых они читали публичные лекции. Таковы были Протагор, Горгий, *Гиппий*, *Продик* и др. Среди софистов были как материалисты, так и идеалисты. Наблюдая и сравнивая различных людей в различных условиях обществ. жизни, многие софисты приходили к мысли об относительности всех понятий человека к природе, о мире и о жизни. Техника софистич. обучения требовала упражнения и виртуозного развития способностей доказательства и опровержения любых положений и положений им противоречащих. Такое обучение было благоприятно для усвоения крайнего релятивизма и для превращения диалектики в то, что в настоящее время называется «софистикой». К сер. 4 в. до н. э. софистич. движение получает широкое распространение. Наряду с усвоением навыков аргументации интеллигенция Афин и др.-греч. городов принимала также софистич. учения, ставившие любой тезис науки и философии в зависимость от человек. субъективности («мера всех вещей — человек», по Протагору).

При всем успехе софистич. просвещения оно возбуждало и резкую неприязнь, во-первых, в среде мыслителей, преданных науч. исследованию природы и обществ. жизни, во-вторых, в среде аристократии, ненавидевшей демократич. учреждения и новое просвещение, порожденное их успехами. Возникла борьба против софистов, к-рая велась различными философами с различных, часто противоположных, точек зрения и к-рая отражала как прогрессивные, так и реакц. тенденции филос. мысли. Софистич. учениям противостоял, во-первых, атомистический материализм Демокрита, во-вторых, — объективный идеализм

Платона и его ученика Аристотеля. Атомистический материализм не пустил корней в Афинах вплоть до возникновения здесь школы Эпикура, и оппозиция против софистики развивалась на почве Афин в школе Платона — в Академии (см. *Академия платоновская*) и в школе Аристотеля — в *Лицее*. Но уже с конца 4 в. до н. э. (307) атомистич. материализм в обновленной форме учения Эпикура прочно обосновывается в Афинах, распространяя отсюда свое влияние на др.-греч. культурные центры, а впоследствии и на Рим. В учении атомистич. материализма соединение философии с наукой, в особенности с науками естественными, дало поразительный результат. Демокрит охватил в материалистич. синтезе все отрасли совр. ему знания, научного и философского. С помощью гипотезы о неделимых частицах вещества (атомах), движущихся в пустом пространстве, он пытался разрешить огромный круг вопросов космогонии, физики, математики, психологии, учения о бытии, теории познания. Через исследования Демокрита проходит мысль о неуклонном причинном порядке всех явлений и событий и о возможности достигнуть достоверного знания, строго отличающегося от субъективных и относительных мнений, основанных на данных чувств, дополненных деятельностью разума. Произведения Левкиппа и Демокрита погибли (Демокрита — в 3—4 вв.), и учение их восстанавливается на основании уцелевших цитат и сведений, сообщаемых антич. писателями и порой извращенных идеалистич. тенденцией. Напротив, легко увязываемые с религией и мистикой произведения Платона, основоположника и классика объективного идеализма, сохранились в полном составе. На основании всех этих сочинений восстанавливается мировоззрение Платона, охватывающее весьма широкий круг филос. и науч. проблем, но решающее их с помощью гипотез или скорее догмы о происхождении всех чувственно воспринимаемых вещей из бестелесных сущностей («видов» или «идей»), множащихся благодаря существованию «небытия» или пространства, разделяющего и обособляющего вещи одного и того же вида. Согласно учению об «идеях», мир чувств. вещей — мир непрерывного становления, рождения и гибели, а само становление — «среднее» между бытием («идеями») и небытием («материей», «пространством»). Особенность учения Платона в том, что объективный идеализм соединяется в нем с методом идеалистич. диалектики. Особенно подробно была разработана Платоном диалектика единого и многого («Парменид»), а также диалектика тождественного и иного, движения и покоя («Софист»). Для философии природы Платона характерна связь с математикой, усиливавшаяся в поздний период деятельности Платона, когда он сблизился с пифагорейскими математиками и когда понятие об «идеях» стало срастаться у него с понятием о «числах», в к-рых пифагорейцы видели сущность вещей. На этих основах Платон построил свое учение о бытии, о мире и о мировой душе, о человеке, о человеческом обществе и о познании. В сочинении «Государство» Платон разработал утопич. проект основывающегося на рабском труде гос-ва с иерархией классов (правители — воины — ремесленники), идеализирующей застывшее классовое деление общества. Это гос-во есть по сути политич., воен. и идеологич. диктатура рабовладельцев.

Упадок афинской демократии сделал для Платона возможным учреждение в Афинах своей школы и пропаганду в ней учений, проникнутых ненавистью к демократии и ее политич., филос. и художеств. культуре.

Процесс упадка облегчил Александру Македонскому задачу покорения Афин, в к-рых возникла сильная промакедонская партия. По-видимому, тесно связанным с ней оказался ученик Платона Аристотель, сын придворного македонского врача и воспитатель Алек-

сандра. Получив образование в Афинах в школе Платона, Аристотель, достигнув зрелости, противопоставил философии Платона собств. учение, а школе Платона — основанную им в Афинах собств. школу. Одна из основ расхождения между ними — критика Аристотелем учения Платона о потусторонности и об отделенности «идей» от чувств. вещей, обусловленных бытием «идей». Критика эта была, как отметил Ленин, наиболее обобщенной критикой идеализма и подрывом его основ. «Критика Аристотелем „идей“ Платона есть критика и идеализма, как идеализма вообще... подрыв... основ идеализма» (Соч., т. 38, с. 278).

Учение Аристотеля было особой формой объективного идеализма. «Идей» Платона становятся у Аристотеля «формами» вещей и по-платоновски мыслятся как невозникающие и вечные. Однако вразрез с Платоном эти вечные «формы» не выносятся Аристотелем за пределы чувств. мира и не мыслятся отделенными от вещей. Только бог есть, по Аристотелю, бестелесная «форма», пребывающая вне мира, его неподвижный перводвигатель. Каждая же из вещей чувств. мира, ее «материя» (т. е. возможность стать формой) соединяется с ее действительной «формой». Т. о., природа есть естеств. градация единичных вещей или «субстанций», за пределами к-рой пребывает как ее верхняя граница бог, а нижняя — неопредел. вещество, способное к соединению с любой «формой». Категории «формы» и «материи» становятся у Аристотеля текучими: одно и то же (кирпич, например) есть и «форма» (по отношению к глине) и «материя» (по отношению к стене дома). Учение это сделало возможным для Аристотеля, отмеченное Лениным, приближение — в понимании природы — к материализму. И хотя бог рассматривается у Аристотеля как высшая цель, к к-рой направлено все в мироздании, однако в конкретных вопросах о целесообразности в явлениях жизни Аристотель подчеркивал внутреннюю, а не извне данную или предписанную целесообразность, характеризующую строение и поведение живых существ. По-видимому, эта мысль была подсказана ему наблюдениями над фактами целесообразной хозяйств., технич., художеств. деятельности человека. Это учение о бытии Аристотель положил в основу величеств. синтеза, охватывающего огромный круг знаний об обществе и природе. Предварение и предпосылку этого синтеза составило учение о познании и о формах науч. мышления, изложенное в трактате о душе и ряде логич. работ, обосновывающих теорию вывода и доказательств. Логич. работы Аристотеля, сведенные впоследствии в собрание, получившее название «Органон» («Орудие»), стали базисом логич. исследований и логич. обучения в течение двух последующих тысячелетий как в странах Европы, так и в странах Ближнего и Ср. Востока. В то время как в Академии платоновской культивировались занятия математикой и были в этой области получены ценные результаты, в Ликее Аристотеля процветали занятия спец. естеств. и гуманитарными науками. Продолжая традицию Демокрита, Аристотель и его ученики разрабатывали проблемы космологии, физики, создали новые отрасли естествонауч. исследования: зоологию и сравнит. анатомию животных (Аристотель), ботанику (*Теофраст*). В области гуманитарных наук в Ликее изучались вопросы гос. строя, были описаны конституции большого числа греч. полисов, в т. ч. конституции Афин, исследовались вопросы педагогики, основы риторики, эстетики и поэтики. Универсальный и всеобъемлющий характер деятельности Аристотеля дал основателям марксизма повод называть Аристотеля Гегелем древнего мира.

В нек-рых своих частях учение Аристотеля о мире не учитывало достижений пифагорейской науки,

создавшей первую гелиоцентрич. систему. В разрез с ней Аристотель создал стройную, хотя ошибочную в своей основе геоцентрич. космологию, связав ее самым тесным образом со своим учением о боге, о физич. элементах, о видах их соединения, а также о видах движения, существующих как в области небесных светил, так и в «подлунном», ближайшем к Земле мире. Во 2 в. н. э. учение это было разработано в математич. форме александрийским астрономом *Птолемеем* и, т. о., возникла астрономич. система, считавшаяся незыблемо истинной до 15 в.

В 4 в. до н. э. происходит дальнейшее развитие кризиса греч. городов, коренившегося в обществ. отношениях рабовладельч. мира. Кризис этот, развиваясь, вызвал в конце 4 и в 3 вв. до н. э. глубокие изменения в умств. жизни др.-греч. общества. В отличие от своих предшественников, вменявших в долг гражданину полуса активное участие в политич. жизни (Демокрит), философы господств. класса этого периода приходят к мысли, что противоречия и трудности обществ. жизни не могут быть преодолены практикой политич. деятельности и борьбы. Отдельная личность не может противостоять общей необходимости мирового порядка, включающей в себя необходимость также и всех человек. действий. Задача философии — не подготовка к политич. деятельности, чем занимались софисты, и не построение проектов идеального гос-ва вроде платоновского, а определение таких принципов личного поведения, к-рые в рамках существующего гос-ва, безмерно превосходящего своей мощью мощь отдельных лиц, могли бы доставить мыслителю, познавшему место человека в природе, наивысшее доступное ему благо. В связи с этим на первое место среди вопросов философии выдвигаются вопросы этики, опирающейся, однако, на учение о природе и на учение о знании и мышлении. Кризис Д. ф. этого периода проявлялся и в трактовке гносеологич. проблем; все большее распространение получает филос. скепсис, недоверие к познанию. способностям человека. Формой участия в обществ. жизни, единственно достойной философа, провозглашается (большинством философов, кроме стоиков) уход и воздержание от активной политич. жизни. Филос. школы, к-рые ранее были явлениями не только идейной, но и политической борьбы, превращаются в замкнутые содружества людей, объединенных равнодушием ко внешним событиям и повышенным интересом к вопросам этики и воспитания личности. Одновременно происходит изменение в соотношении между философией и частными науками. Успехи воен. техники, техники орошения, навигации, строительства стимулировали развитие спец. наук и обуславливались их прогрессом. Происходит децентрализация культуры. В Пергаме, Родосе, Александрии и в др. городах возникают новые культурные центры, развиваются библиотеки, возникают собрания рукописей, концентрируются науч. силы. В этих новых центрах культуры, греческой по языку и корням, но гораздо более широкой по историч. и географич. орбите своего влияния, появляется новый тип деятеля и новый тип ученой лит-ры — специальной — математической, астрономической, медицинской, филологической, — доступной только подготовленным людям. Филос. материализм эпохи эллинизма примыкает к традиции древних материалистич. школ, на учения к-рых он частично опирается и характеризуется дальнейшим развитием и обогащением этих учений в соответствии с новыми успехами науки и новым пониманием задач самой философии.

Из возникших на грани 4—3 вв. до н. э. филос. школ преобладающее влияние получили эпикуровская, основанная Эпикуром, стоицизм — школа, основанная Зеноном из Китиона, и *скептицизм*, ролон-

чальником к-рого был *Пиррон*. Эпикур развил свое учение, опираясь на материализм Демокрита, Зенон и его последователи (Хрисипп) — опираясь на Гераклита и частично на Аристотеля. В учении Эпикура о природе материализм проводится более последовательно, чем в учении стоиков, выведивших мир по-гераклитовски, из огня как из первоначала, по учивших в то же время о божественности мироуправляющего *логоса*, или разума, о божественности «пневмы» — дыхания, пронизывающего тела, и о целесообразности мирового строя в целом. Атомистич. материализм Эпикура оказался новым фазисом в развитии материализма Демокрита. Эпикур внес гипотезу о самопроизвольном отклонении атомов, падающих в пустом пространстве, от прямой траектории и использовал эту гипотезу не только в своей космогонии и физике, но также и в своей этике, рассматривая это отклонение как минимум свободы в рамках причинной связи явлений природы, без к-рого не может быть объяснена свобода действий, возможная для человека. Исключив всякие объяснения явлений природы, основанные на допущении в природе целесообразности действующих и сверхъестеств. сил, Эпикур одновременно признал равноценность любых объяснений одного и того же явления, лишь бы эти объяснения были естественными и причинными. На основе материалистич. атомизма Эпикур построил свое учение о человеке, материалистич. учение о душе, о чувств. основах и критерии познания, а также этику, высшим идеалом к-рой оказывается полная невозмутимость мудреца, следующего только необходимым и естеств. потребностям и отвергающего все остальное. Величайшей помехой в достижении этой безмятежности Эпикур признал страх перед богами, страх перед смертью и перед загробным миром. Порождаемый верой в бессмертие души страх этот должен быть изжит посредством усвоения философии Эпикура. Философия эта разъясняет, что боги неспособны никак влиять на судьбу и на жизнь человека, смерть не должна быть страшна, т. к. с ее приходом душа перестает существовать, а страшный загробный мир — сказка поэтов.

В соперничестве со школой Эпикура и в постоянной полемике с ее учениями развивалась школа стоиков. Несмотря на то, что и логика и физика стоиков были посвящены как своей гл. цели обоснованию этики, стоики внесли в логику ряд новых учений, не связанных специфически с этими задачами. В результате возникло учение стоиков о логич. связях, к-рое смогло получить надлежащую оценку только в наше время в связи с успехами, каких учение о выводе достигло в совр. логике. Значит, влияние оказало также учение стоиков о безусловном детерминизме (причинной обусловленности) всех явлений природы и всех событий человек. жизни. Определив свободу как добровольное следование познанный необходимости, указывая на непреложное значение самой необходимости, стоики с тем большей силой подчеркивали, что выполнение достигнутой необходимости есть долг, к-рому строго должно повиноваться все поведение мудреца и к-рый требует воздержания и самообладания в отношении к самому себе, а также уважения в отношении ко всем другим как ближним. Т. к., в отличие от эпикурейцев, стоики видели в человеке не только отдельное существо, но также и существо общественное и вместе с тем часть мира, то в этике стоиков движущее поведением человека естеств. стремление к самосохранению распространяется на заботу «о благе гос-ва» и даже возвышается до понимания обязанностей по отношению к мировому целому. Поэтому мудрец выше личного блага ставит благо гос-ва и при необходимости не колеблется принести ему в жертву свою жизнь: он знает, что в данном случае именно этого

требует стремление к самосохранению. Однако, расширяя эту т. зр. за пределы родного гос-ва, стоики приходили к космополитич. взглядам, характерным для эпохи образования мировой империи, поглотившей маленькую Грецию. В дальнейшем своем развитии стоицизм перешел на почву рим. философии (см. *Римская философия*).

Что касается др.-греч. скептицизма, к школе к-рого после Пиррона принадлежали нек-рые философы Средней и Новой академии — *Аркесилай*, *Карнеад*, а в более поздний период *Энесидем* и *Секст Эмпирик*, то для нее характерны: 1) признание достоверности ощущений; 2) утверждение одинаковой доказуемости всех противоположных суждений о предметах и как вывод отсюда 3) требование «воздержания» (*εποχή*) от каких бы то ни было суждений. Результат скептич. «воздержания» — «безмятежность», в к-рой скептики видели высшее, доступное человеку счастье.

Направленнее развития и характер Д. ф. в последние столетия ее существования могут быть поняты только при учете влияния, какое на Д. ф. в это время оказывал обществ. строй, сложившийся в рабовладельч. Риме. Образование огромной Рим. империи, сильной своей военной мощью и административной организацией, сопровождалось глубокими изменениями в сознании угнетенных масс и в сознании образованной части общества. Это была эпоха крушения поглоченных Римом древних гос-в, утративших политич. самостоятельность, время обеднения и обнищания масс и образования в Риме огромного количества паразитич. элементов. В быстро следовавших возвышениях и падениях отдельных лиц, опал и казней судьба личности становилась все более непрочной. Растут социальные противоречия рабовладельч. строя, сумма зла в обществ. жизни. В соответствии с этим усиливается тяга к религии, к-рая, согласно гениальной характеристике Маркса, есть и «о п и у м народа» и вместе с тем «вадох угнетенной твари», «дух бездушных порядков» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 415). К исходу эры, предшествующей началу нашего летоисчисления, стремление к религ. самозабвению и утешению усиливается в «бездушном мире» Рима и в его провинциях. Усилению этому способствует взаимодействие вост. частей империи с Римом. С Востока на Запад проникает и распространяется волна религ. учений, культов, мистерий. Учения эти всюду в империи находят благоприятную почву для укоренения и развития и всюду перемешиваются. Отвечая на запросы общества, сама философия становится религиозной, а в нек-рых учениях даже мистической. Религ. окраску и вместе с ней новую жизнь, соответствующую новым обществ. условиям, приобретают учения платонизма и пифагорейзма. Учения, известные под этими названиями, накануне нашей эры и в ее начале характеризуются эклектизмом. Ни одно из них не было прямым непосредств. продолжением древнего платонизма и пифагорейзма 4 в. до н. э. Как науч. школы старый платонизм и старый пифагорейзм утратили прежнее значение и влияние уже вскоре после того, как Аристотель подверг их критике и после того, как возник вновь материализм — в форме эпикуреизма и отчасти в форме материалистич. физики стоиков.

В теоретич. воззрениях философов неопифагорейзма религиозность принимает форму крайнего дуализма бога и материи. Бог мыслится как единая основа мира, как чисто духовное существо, стоящее выше всех возможных противоположностей и выше всех положит. свойств, к-рые могут быть мыслимы и выражены в речи. В то же время предполагалось, что этот внемировой бог есть причина всех существующих в мире вещей со всеми их свойствами. Чтобы объяснить противоречивую природу бога, к-рый одновременно

мыслился и как стоящий выше всякого свойства и определения и как причина всякого свойства и определения, была выдвинута идея о существовании между богом и миром посредника или даже целой серии (градации) посредствующих начал или звеньев. Из попыток решить таким образом вставшую перед философией (богословием) трудность возникли, с одной стороны, философия *Филона* и, с др. стороны, философия т. н. неоплатонизма, развившегося в целую школу в 3—5 вв. н. э. Крупнейшими представителями неоплатонизма были *Плотин*, *Порфирий*, сириец *Ямвлих* и глава афинской школы неоплатонизма *Прокл*. Враждебный идеологии совр. ему раннего христианства, неоплатонизм возник на общей с христианством основе духовного, в частности идейного, кризиса антич. рабовладельч. общества. Поэтому философия неоплатонизма не только имеет ряд черт, общих с идеологией христианства, но и сама оказала влияние на развитие филос. учений христианства. Исходное учение неоплатонизма — т. н. отрицат. богословие — учение, согласно к-рому бог — первоединое, о природе к-рого невозможно никакое положение, знание. Отношение бога к миру объяснялось по аналогии с отношением света и окружающей свет тьме — со всей градацией переходов от ослепит. источника света до полного мрака, в к-рый этот свет проливается. Система Плотина — диалектика движения вниз от первоединого неизреченного божества бытия через низшие опосредствующие звенья ума, мировой души, душ отдельных людей до небытия, или материи, и обратного движения человек, души, поднимающейся к богу и достигающей соединения с ним в экстазе после долгих предшествующих умиренных и аскезы. Очищение, необходимое для достижения высшего совершенства, есть, согласно учению неоплатонизма, освобождение от порабощения телесным, от земных интересов. Плотин был самым даровитым философом неоплатонизма, Порфирий — его логиком, Прокл — систематизатором, к-рый придал учению его диалектич. форму. В 529 г. Юстиниан издал декрет о закрытии филос. школ в Афинах. В соответствии с этим декретом прекратила свое существование, рассеялась и школа неоплатонизма. Впрочем, еще до этого декрета осн. круг идей антич. философии завершил свое развитие. По отношению к ее последним великим учениям — эпикуреизму и греч. стоицизму, материалистическому в своей физике, неоплатонизм был явлением упадка.

Т. о., к нач. 6 в. Д. ф. прекратила свое самостоятел. развитие. Однако отмеченный основателями и классиками марксизма высокотипич. характер созданных древними греками филос. построений и гипотез обеспечил идеям Д. ф. жизнь и влияние далеко за пределами того мира, внутри к-рого эти идеи были впервые высказаны. Материалистич. и идеалистич. традиция Д. ф., «линия Демокрита» и «линия Платона» с силой, различной для каждой из них в различных историч. условиях, оказывали влияние на развитие филос. мысли феод. общества и общества капиталистического и в начальной и в зрелой фазах его существования.

В первые века формирования феодализма, когда в странах Европы связь с Д. ф. поддерживалась гл. обр. в форме связи с традицией неоплатонизма, действовавшей через *Августина*, *Лже-Дионисия Ареопагита* (см. *Дионисий Ареопагит* и *Ареопагитика*), а позже, в 9 в., через *Иоанна Скота Эриксена*, значительные результаты Д. ф. сохранились в странах Переднего Востока, в странах Кавказа и Закавказья. Лит. наследие Аристотеля было переведено и стало предметом изучения в Сирии, в то время как в Зап. Европе к этому времени оказалась утраченной большая часть осн. метафизич., физич. и даже логич. соч. Аристотеля. Все же и в странах Запада ранний схоластика училась логике по Аристотелю, Порфирию и их интерпретаторам. В 11 в. в Париже среди схоластиков началась борьба по вопросу о реальности общего и отношении общего к единичному. Ее участники находили теоретич. опору в тех точках зрения по этому вопросу, к-рые были развиты в Д. ф. *мишканами* (*Антистифен*), Платоном и Ари-

стотелем. До конца 12 в. преобладающее влияние оказывали Платон и неоплатоники. С конца 12 — нач. 13 вв. усиливается влияние Аристотеля. В странах арабской и арабоязычной культуры в эпоху расцвета халифатов Аристотель был признан мудрейшим и авторитетнейшим учителем философии и науки, его сочинения были переведены на араб. язык, а араб. ученые писали к ним ряд комментариев. С сер. 12 в. начинают выдвигаться переводы на лат. яз. — язык зап.-европ. науки того времени — не известные до того в Европе соч. Аристотеля. Переводили их с араб. переводов, а не с греч. оригиналов. А так как араб. переводы обычно были интерпретирующими переводами в духе неоплатонизма, то при их переводах на лат. яз. и в комментариях к ним часто возникали значит. неточности и даже грубые ошибки. В результате усилилось влияние неоплатонизма на схоластику. Центрами переводч. деятельности были в Испании — Толедо, в Англии — кружок Роберта Большой Головы, в Италии — дворы королей Неаполя и Сицилии Фридриха II (13 в.) и его сына Манфреда, а при папе Урбане IV — также и папский двор. Таким путем произошло важное по своим результатам для Запада ознакомление с естественнонауч. соч. Аристотеля, с его трактатами по вопросам зоологии, астрономии, физики, его «Метафизикой», с соч. «О душе», этических соч. Кроме того, переводились соч. греч. неоплатоников. Аристотель был признан вскоре учителем философии и науки также и в зап.-европ. ун-тах — на ф-тах «свободных иск-в», и его влияние значительно возобладало над влиянием Платона. Однако приобрести это значение Аристотель смог только после того, как схоластика выдвинула на первый план те положения его учения, к-рые возможно было согласовать с догматами христ. католич. богословия. Это были, в первую очередь, учение о едином боге, неподвижном вневременном первоначальном Вселенной и геосцентрич. космологии, подчиненная принципу целесообразности. На основе обработанного схоластикой Аристот. и построили свои системы *Альберт фон Большестом* и *Фома Аквинский*. Однако наряду с теми формами аристотелизма, к-рые допускали согласование с доктринами христ. религии, в учении Аристотеля содержались важнейшие идеи, к-рые в рамках самой схоластики считали освобождит. тенденцией мысли. Араб. аристотелич. *Ибн Рошд* (Аверроэс) развил, опираясь на Аристотеля, учение о едином общем для всех людей разуме и выдвинул тезис о независимом от религ. авторитета исследовании вопросов философии. Проводником этих учений в Парижском ун-те стал в 13 в. преподаватель фак-та «свободных искусств» *Сигер Брабантский*.

Большое значение имела Д. ф. для развития философии народов СССР, ознакомившихся с ней уже в средние века. Это относится и к *русской философии*, и к философии народов Ср. Азии (см. *Таджикская философия*, *Узбекская общественная мысль*), и к философии народов Кавказа (см. *Азербайджанская философская и общественная мысль*, *Армянская философия*, *Грузинская философия*).

Крушение Византии, павшей в сер. 15 в. под ударами турок, имело следствием переселение многих визант. ученых в Италию и в города др. стран Запада, куда они принесли с собой не только рукописи др.-греч. философов на греч. яз., но и блестящую филологич. ученость, позволившую им приступить к переводам этих рукописей на лат. яз. и к их комментированию (см. *Византийская философия*, *Виссарион Никейский*, *Плифон*, *Фичино*). Начавшееся в это время развитие капиталистич. способа произ-ва в Италии благоприятствовало усилению интереса к изучению природы, а успехи астрономии и физики посеяли глубокие сомнения в истинности астрономич. и физич. идей Аристотеля. Накопившемуся авторитету Аристотеля могли в то время противопоставить только авторитет Платона, а «Тимее» к-рого излагалась целая система космологии, космогонии, физики и антропологии. С влиянием Платона изо рта об руку влияние неоплатонизма, к-рое истолковывалось в духе натуралистич. *наплевания*, обосновывавшего природу. Философия *Возрождения* развивалась под влиянием неоплатонизма и платонизма. Ошибочно понимаемый в духе натурализма платонизм был противопоставлен аристотелизму, в к-ром столь же ошибочно начали видеть знамя косности и рутинности, филос. и науч. застоя мысли. Было бы, однако, неверно думать, будто во все это время влияние Д. ф. на развитие европ. мысли ограничивалось только воздействием учений Аристотеля, Платона и неоплатоников. Параллельно имело место, правда, приглушенное и не столь сильное, также и влияние материалистич. школ Д. ф. Новейшие исследования показали, что даже в глухие столетия господства схоластики воздействие идей атомистич. материализма Д. ф. никогда не прекращалось полностью и иногда даже временно усиливалось. Так, *Гильом* из Конья ознакомился при помощи переводов Константина Африканца с филологич. теориями антич. врачей *Галена* и *Глинократа* и внес их учения в психологию. В физике он возобновил атомистич. гипотезу и ввел четыре элемента антич. физики в сочетании однородных и неоднородных неделимых частиц. Развивая антич. гипотезу атомизма, Гильом отверг учение аристотелистов, по к-рому душа составляет «форму» тела. Новое усиление влияния материалистич. атомизма Д. ф. произошло в школе парижских окамистов 14 в. Так, *Николай* из Отрекура, вразрез с Аристотелем, учил, что рождение и разрушение тел происходят не вследствие смены субстанциональных форм, а в результате того, что атомы, сменяясь, образуют тела и, рассеиваясь в пространстве, производят их разложение. Вводя материализм также и в

учение о душе, Николай из Отрекура возвратился к проповедовавшемуся в школе демокритовского материализма тезису о вечном возвращении материального мира к одним и тем же конфигурациям атомов в телах.

Еще более благоприятные условия для возрождения материализма Д. ф. оказались в Италии в период раннего развития капитализма. На юге страны в новых центрах просвещения возникают материалистич. учения, опирающиеся на построения раннего материализма Д. ф. Так, *Телезио* развил учение о прицде, восприняв материалистич. элементы физики Парменида. Велико было в это время также влияние Эмпедокла и поэмы Лукреция «О природе вещей». Но особенно широко и полно усвоил традицию др.-греч. материализма Бруно. Наряду с заимствованиями из Платона он использовал учения Парменида и Эмпедокла, а также Демокрита и Лукреция для построения собств. атомистики. Галилей уже в своих ранних работах по механике стремился отвергнуть аристотелевские взгляды на природу, опираясь при этом не только на методы Архимеда и Гиппарха, но также на учение Демокрита и др. материалистов 5 в. до н. э. В то же время Галилей свободен от склонности, распространенной среди гуманистов, противопоставлять Аристотелю Платона.

Чрезвычайно знаменательно, что родоначальник материализма нового времени Ф. Бэкон выступил с работой, написанной в защиту ранних учений др.-греч. материализма, в частности в защиту атомистики Демокрита, и противопоставил этих материалистов отрицат. влиянию, оказанному, по его мнению, на развитие философии Платоном и Аристотелем. Для возникновения материалистич. традиции во Франции немалое значение имела пропаганда атомистики учения Эпикура, осуществленная Гассенди. Также и Декарт, бывший в своей физике материалистом, развил учение о первичных и вторичных качествах, к-рое у него, как и у Галилея, восходит к школе др.-греч. атомизма. Антич. источник этого различия может быть прослежен и в учении Локка о первичных и вторичных качествах, хотя у Локка прямое влияние Демокрита опосредствовано воздействием аналогичных поздних и совр. ему учений Декарта, Галилея и Ньютон. Даже в идеалистич. учении Лейбница, хорошо знакомого с Д. ф. и прилежно изучающего как ее идеалистич., так и материалистич. системы, учение о монадах представляет своеобразный идеалистич. и динамич. аналог др.-греч. атомистики.

Если философия и наука возникающего капиталистич. общества сознательно использовали ряд материалистич. учений и, в частности, атомистику Д. ф., то для эмпирич. естествознания 2-й пол. 19 в., принадлежнго к атомистике в результате развития эксперимента и физич. теории, характерны в большинстве случаев забвение этого учения Д. ф. и непонимание его роли для филос. мировоззрения. Напротив, идеалистич. системы нем. философии конца 18 — нач. 19 вв. сознательно использовали для обоснования своих теорий идеалистич. учения Д. ф. Ни развитие идеализма как мировоззрения, ни развитие метода идеалистич. диалектики в этих системах не было бы возможно без глубокого влияния, какое на нем идеалисты оказали учения Д. ф. Без злейшего и платоновского различия истинно-сущего и являющегося, платоновского учения об умопостижаемом мире идей, без апорий Зенона, без учения Аристотеля о суждениях и категориях, без стоич. этики долга и т. д. не сложилось бы учение Канта. Без Платона и неоплатоников Шеллинг не был бы тем, каким он нам ныне известен. И, наконец, без глубокого изучения Гегелем Д. ф., хотя и одностороннего, связанного с симпатиями к идеалистам и несправедливого к материалистам, особенно атомистич. школы, не сложились бы в известном нам виде система гегелевского идеализма и гегелевская диалектика.

Стремление опираться на идеи и учения Д. ф. наблюдается и в бурж. философии после 1848, когда возможности прогрессивного развития оказались для нее исчерпанными и тогда буржуазия перестала играть прогрессивную роль. Если в пору восходящего развития буржуазии ее идеологи стремились найти опору в др.-греч. материализме — в учениях Гераклита, Демокрита, Эпикура, Лукреция и др., в материалистич. тенденциях философии Аристотеля, то в эпоху своего упадка бурж. философия чаще всего обнаруживает тяготение к Платону и неоплатоникам, к др.-греч. мистике или к Аристотелю, искаженному схоластикой и томистской теологией. Примеры этого тяготения бесчисленны. На учении Платона об идеях построил свою эстетику и отчасти теорию познания Шопенгауэр. К неоплатонизму восходит интуитивная теория познания Бергсона. Свообразное восстановление платоновского учения об «идеях» мы находим в учении о предмете познания и об абстракции Гуссерля и т. д. и т. п.

Классики марксизма-ленинизма признавали огромную историч. и теоретич. плодотворность идей и учений, созданных Д. ф., особенно др.-греч. материализма и диалектики.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3; Маркс К., *Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов)*, там же, т. 12; его же, *Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брошюры Луи Бонапарта»*, там же, т. 16; его же, [Письмо] Энгельсу от 1 февраля 1858 г., Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, [Л.], 1953; его же, *Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии*, Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., М.,

1956; его же, *Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура*, там же; Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1955; его же, Бруно Бауэр и раннее христианство, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 15, М., 1933; его же, *К истории раннего христианства*, там же, т. 16, ч. 2, [М.], 1936; его же, *Анти-Дюринг*, М., 1957 (см. Введение); его же, *Диалектика природы*, М., 1955; Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. 14, гл. 2; его же, *О государстве*, там же, т. 29; его же, *Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»*, там же, т. 38; его же, *Конспект книги Лассалля «Философия Гераклита Темного из Эфеса»*, там же.

Редкин П. Г., *Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще*, т. 1—6, СПб., 1889—91 (все тома посвящ. Д. Ф.); Таннери П., *Первые шаги древне-греческой науки*, СПб., 1902; Чичерин И. В., *История политических учений*, ч. 1, 2 изд., М., 1903; Арним Г., *История античной философии*, пер. с нем., СПб., 1910; Виндельбаннд В., *История древней философии*, пер. М. М. Рубинштейна, М., 1911; Гомперц Т., *Греческие мыслители*, пер. с нем., т. 1—2, СПб., 1911—13; Целлер Э., *Очерк истории греческой философии*, М., 1913; Трубецкой С. Н., *Курс истории древней философии*, ч. 1—2, 3 изд., М., 1915; Яценко А. С., *Русская библиография по истории древней философии*, Юрьев, 1915.

Герцен А. И., *Письма об изучении природы. 1842—1846*, Собр. соч. в 30 томах, т. 3, М., 1954; Макавельский А., *Доксографская философия*, ч. 1. Казань, 1918; его же, *Древнегреческие атомисты*, Баку, 1946; Боричевский И., *Древняя и современная философия науки в ее предельных понятиях*, ч. 1, М.—Л., 1925; Сережников В., *Очерки по истории философии*, [т.], М.—Л., 1929; Дынина М. А., *Очерк истории философии классической Греции*, М., 1936; *История философии*, т. 1, М., 1940; т. 1, М., 1957; Юрьев С. Я., *Очерки по истории английской науки Греции эпохи расцвета*, М.—Л., 1947; Рапович А. В., *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950.

Гегель Г. В. Ф., *Лекции по истории философии*, Соч., пер. с нем., т. 9—11, М.—Л., 1932—35; Гейбергер И. Л., *Естествознание и математика в классической древности*, М.—Л., 1936; Рассел Б., *История западной философии*, пер. с англ., М., 1959; Томсон Д. Д., *Исследования по истории древнегреческого общества*, пер. с англ., т. 2, М., 1959.

Heinze M., *Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie*, Oldenburg, 1872; его же, *Der Eudämonismus in der griechischen Philosophie*, Lpz., 1883; Benn A. W., *The Greek philosophers*, pt 1—14, 2 ed., L., 1882; Cesca G., *La teoria della conoscenza nella filosofia greca*, Padova, 1887; Chaignet A. E., *Histoire de la psychologie des Grecs*, t. 1—4, P., 1887—92; Baumert C., *Das Problem der Materie in der griechischen Philosophie*, Münster, 1890; Zeller E., *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*, Bd 1—6, Lpz., 1903—22; Caird E., *The evolution of theology in the Greek philosophers*, v. 1—2, Glasgow, 1904; Freytag W., *Die Entwicklung der griechischen Erkenntnistheorie bis Aristoteles*, Halle, 1905; Rivaud A., *Le problème du devenir et la notion de la matière dans la philosophie grecque*, P., 1905; его же, *Les grands courants de la pensée antique*, P., 1929; Kinkel W., *Geschichte der Philosophie als Einleitung in das System der Philosophie*, Bd 1—2, Giessen — B.—Lpz., 1906—22; Wundt M., *Geschichte der griechischen Ethik*, Bd 1—2, Lpz., 1908—11; Bauch B., *Das Substanzproblem in der griechischen Philosophie*, Hdb., 1910; Dzieduszycki W., *Historia filozofii*, t. 1, Brody, 1914; Burnett J., *Greek philosophy*, pt 1, I., 1920; Ruggiero G., *Storia della filosofia*, v. 1—3, Bari, 1920—33; Jørgen K., *Geschichte der antiken Philosophie*, Bd 1, 6 Aufl., Lpz., 1921; Losacco M., *Storia della dialettica*, pt 1, Firenze, 1922; Ueberweg F., *Grundriss der Geschichte der Philosophie*, Tl 1, 12 Aufl., B., 1926 (mit Bibl.); Baudry J., *Le problème de l'origine et de l'éternité du monde dans la philosophie grecque de Platon à l'ère chrétienne*, P., 1931; Steinel J., *Metaphysik des Altertums*, Tl 1—2, Münch.—B., 1929—31; Calogero G., *Compendio di storia della filosofia*, Firenze, 1934; Mondolfo R., *L'infinito nel pensiero dei Greci*, Firenze, 1934; его же, *Il pensiero antico*, Firenze, 1950; Schuhl P. M., *Essai sur la formation de la pensée grecque*, P., 1934; Dambaska I., *Zarys historii filozofii greckiej*, [s. l.], 1935; Bocheński I. M., *Elementa logicae Graecae*, Roma, 1937; Werner Ch., *La philosophie grecque*, 2 éd., P., 1945; Robin L., *La pensée grecque et les origines de l'esprit scientifique*, P., 1948; Reidemeister K., *Das exakte Denken der Griechen*, Hamb., 1949; Kranz W., *Die griechische Philosophie*, 2 Aufl., Wiesbaden, 1950; Dal Pra M., *La storiografia filosofica antica*, Mil., 1950; Hoffmann E., *Die griechische Philosophie bis Platon*, Hdb., 1951; Farrington B., *Greek science, its meaning for our Melb.—Balt.*, 1953; Gronski T., *Wykłady z historii filozofii starożytnej*, Grecja i Rzym, Warsz., 1955; Baury I., *A history of ancient philosophy*, Milwaukee, Bruce, 1959; Gigon O., *Grundprobleme der antiken Philosophie*, B.—Münch., [1959]. В. Асмус. Москва.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ. Религия и мифология Египта отличаются устойчивостью и консервативностью, к-рые, однако, не исключают историч. развития др.-египетских мифов и культов. Из родоплеменного культа предков развилось в Д. р. и м. почитание умерших предков, духи к-рых якобы охраняют своих близких. Характерный для Египта культ животных и птиц объясняется связью Д. р. и м. с пережитками идеологии первобытнообщинного строя (напр., с тотемизмом), долго сохранившимся в условиях сельской общины. Животные определ. масти объявлялись воплощением божества, жили в храмах и были объектами культа. В процессе образования рабовладельч. гос-ва божества местных общин объединились в «семьи» и различные пантеоны. Наибольшее значение получали культы крупнейших центров и особенно столиц. Во 2-м тысячелетии до н. э. «царем богов» стал почитаться Амон-Ра — бог города Фив, визирем богов — Тот, бог города Шмуну.

Религия использовалась верхушкой знати для укрепления своей власти. Фараон считался сыном бога. В культе царя сохранилось мн. пережитков культа племенного вождя: царь считался магией, средоточием сил природы и их распорядителем. Большое значение получило жречество. Храмы стали могучей экономич. и политич. силой. Обладая огромными богатствами — землями, рабами, скотом и пр., они играли важную роль и в идеологич. жизни общества как центры развития религ.-филос. учений, науки, образования. Из религ.-филос. учений следует отметить учение *Аменхотепа IV* (Эхнатона) и особенно учение города Мемфиса, согласно к-рому мир был создан богом Итахом «словом и мыслью», что имело впоследствии большое значение для формирования учения древних греков о *логосе*. Мощным орудием в руках рабовладельч. верхушки явилось учение о посмертной участи душ. Согласно др.-егип. мифологии, души являются на суд бога Осириса, где они должны доказать свою невиновность в совершении 42 грехов, в том числе восстания против царя. На суде якобы взвешивалось сердце умершего, причем на другой чаше весов ставили изображение Истины. Согласно древним верованиям, при осуждении души поглощались чудовищем, при оправдывании — шли в поля блаженства, где работали на владыку загробного мира — бога Осириса. Представления о загробном суде и получении посмертного блаженства за «безгрешную» жизнь внушали необходимость безропотного подчинения власти имущим. Культ Осириса как бога умирающих и воскресающих сил природы и царя загробного мира получил в Египте широкое распространение. Однако идеи о загробном возмездии и вознаграждении не получили такого развития, не возвысились «до степени этического принципа», как это было в мировых религиях (см. Ф. Энгельс, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс о религии, 1955, с. 257).

Несмотря на огромную роль, к-рую религия играла в идеологии Египта, ряд лит. произведений свидетельствует о наличии элементов свободомыслия. Уже в «Песне арфиста» (22 в. до н. э.) высказывается сомнение в существовании потустороннего мира: «Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании...» (цит. по кн.: Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, 1959, с. 514). В греко-римский период культы егип. богов (особенно Иисиды — жены Осириса) распространились далеко за пределы Египта. Д. р. и м. сыграла большую роль в сложении христ. мифологии, обрядности, иконографии (напр., в пасхальных обрядах, иконографии Богоматери, Страшного суда, ряда «святынь» и пр.). Культ бога Осириса оказал влияние на формирование мифологич. образа христ. бога Иисуса Христа.

Лит.: Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959, с. 233—548; Матье М. Э., Древнеегипетские мифы, М.—Л., 1956; Sethe K., Urgeschichte und ältere Religion der Ägypter, Lpz., 1930; Ermann A., Die Religion der Ägypter, B.—Lpz., 1934; Kees H., Die Götterglaube im alten Ägypten, Lpz., 1941; Frankefort H., Ancient Egyptian religion, N. Y., 1948; Vandier J., La religion égyptienne, P., 1949; Junker H., Pyramidenzeit. Das Wesen der altägyptischen Religion, Einsiedeln, [1949]; Bonnet H., Reallexikon der Ägyptischen Religionsgeschichte, B., 1952.

ДРЕВНЕРИМСКАЯ РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ.

Д. р. и м. наряду с религ. и мифологич. представлениями, заимствованными из *древнегреческой религии и мифологии*, характеризуются рядом оригинальных образов и культов. К ним относятся божества и демоны человек. быта, включая божества отд. индивидуумов, семей, родов и племен — Лары, Пенаты, Веста, Паны; боги и демоны земледелия и скотоводства — Сильван, Фавн, Вергун и Помона, Сатурн (первоначально бог посевов, отождествленный в дальнейшем с греч. Кроносом), Марс (первоначально растит. демон, в дальнейшем божество племени латинян, а затем — бог войны), Юпитер (бог неба, клятв и договоров), ставший гл. божеством в Риме вместе с Марсом и Квирином (гением сабинского племени). В связи с социальным положением плебеев в их среде особенно почитались божества, связанные с земледелием, — Церера, Либер и Либера. В дальнейшем выдвигается на первый план почитание Юпитера, Юноны и Минервы, с к-рыми начинало проникать в Рим греч. влияние, достигшее наиболее яркого выражения в культе Аполлона и Артемиды-Дианы; Юпитер, Аполлон и Диана становятся верховными божествами рабовладельч. гос-ва. Проникновение римского владычества на Восток привело к появлению вост. божеств и прежде всего матери богов — Кибелы, статуя к-рой торжественно была ввезена в Рим в конце 3 в. до н. э. В дальнейшем появились культы Митры, Иисиды, каппадокийской богини Ма, известной под именем Беллоны, и др. Эти культы возникли на основе разложения рабовладельч. империи и вносили мистич. оргиаст в строго дисциплиниров. др.-рим. религию. Многочисл. вост. культы, сливаясь в одну универсальную религию, привели к возникновению нек-рого рода язич. монотеизма, против к-рого боролось раннее *христианство*. Постепенно христианство упразднило язич. культы. Официальный конец Д. р. и м. — Миланский эдикт имп. Константина в 313 н. э., узаконивший христианство как гос. религию Римской империи. Окончат. упразднение всех язич. культов произошло при имп. Феодосии II (5 в. н. э.).

Одной из особенностей Д. р. и м. является преобладание практически жизненных и утилитарных интересов, проявившихся не только в обожествлении отд. моментов человек. быта, но и в религ. обосновании грандиозной Рим. империи со всем ее военным и юридич. аппаратом. Римляне обожествляли все практическое и житейски необходимое. Существовало более десятка богинь, функцией к-рых было заведование процессом воспитания ребенка. Если ребенок лежал в постели, то о нем заботилась Куба — богиня лежания ребенка в постели. Если ребенок ел, то этому помогала богиня еды Эдука, а питьем заведовала уже другая богиня — Потина. Если ребенок выходил из дома, то его вверяли заботам богини Абеоны, а когда он возвращался домой, то за ним следовала богиня Домидука. Первый крик новорожденного ребенка тогда имел своего демона-покровителя Ватикана, но когда ребенок произносил впервые членораздельное слово, то выступал уже новый демон — Фабулин. Двенадцать богов заведовали полевыми работами, начиная от вспашки полей и кончая уборкой урожая. Этому соответствовало представление также и о внутр. жизни человека, имевшей своим покровителем т. п. гения. Этот гений был смертен, имел отно-

шение ко всем мелочам человеческой жизни. Таковы же были гении семьи, рода, племени и государства. Моралистич. и утилитарный характер Д. р. и м. сказывался в склонности римлян к обожествлению и персонализации отвлеченных понятий, под к-рыми нередко скрывалось простое обобщение отд. моментов практич. жизни и поведения человека. В Риме строились храмы Надежде, Согласию, Целомудрию, Благочестию и т. д.

Другой особенностью Д. р. и м. был необычайный формализм соблюдения обрядов, доходивший до юридич. договорного толкования взаимоотношений человека и божества. Римлянин в юридич. порядке требовал содействия ему божества в том или другом жизненном деле. Едва ли какая-нибудь другая религия выдвигала на первый план юриспруденцию в таких размерах, в каких это происходило в Д. р. и м. С практическим характером Д. р. и м., несомненно, связан и характер рим. философии. Не случайно, что именно в Риме развиваются эпикурейство и стоицизм, появляется философия первого представителя неоплатонизма — *Платина*.

Лит.: К а ж д а н А. П., Религия и атеизм в древнем мире, М., 1957; Ш т а е р м а н Е. М., Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961; З е м а н и н О., Мифология греков и римлян, пер. с нем., М., 1893; Р е в и л ь Ж., Религия в Риме при Северах, пер. с франц., М., 1898; З е л и н с к и й Ф. Ф., Рим и его религия, в сб.: Из жизни идей, т. 3, 2 изд., СПб., 1910; Б у а с с е Г., Римская религия от времени Августа до Антонинов, пер. с франц., М., 1914; К у н Н. А., Предшественники христианства (Восточные культы в Римской империи), М., 1922; W i s s o w a G., Religion und Kultus der Römer, 2 Aufl., Münch., 1912 (имеется библиогр.).

ДРЕВНЕРИМСКАЯ ФИЛОСОФИЯ — см. *Римская философия*.

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ. На ранних ступенях обществ. развития у древних славян не было единой религии; родоплеменные культы объединялись в процессе формирования слав. народностей. В своем развитии религия и мифология древних славян проходили ступени *тотемизма*, *анимизма* и т. д. Для религ. верований славян характерно представление о природе как мире живых существ — духов, к-рых почитали; славяне верили и поклонялись лесовикам (лешим, полесунам, полудницам), водяным и бережным (позднее — русалкам), полевику, упырям (вампирам) и др. демонам. Они одухотворяли горы и камни, роцци и деревья (гл. обр. дубы, у чехов — липы), животных (гл. обр. медведя, вепря, тура, коня), верили в свое сверхъестеств. родство с тотемами, что порождало веру в принятие тотемом человек. образа (личины) и превращение людей в зверей (оборотни, вурдалаки, у поляков — *wilkolaki*). Обожествление земных сил сочеталось с обожествлением сил небесных. Славяне верили, что космич. и атмосферными явлениями, от к-рых зависела их судьба как земледельцев, управляют божества. В славянской мифологии божеством небесного света являлся Сварог, сыном к-рого считался Сварожич — огонь; местными варшавитами бога Солнца были Триглав — творец неба, земли и воды у поморян, четирёхликий Святовит (Свантевит) у лютичей, семиликий и восьмирукый Яровит (Геровит) у гаволян. С солярным культом (т. е. культом Солнца) был связан характернейший для славян обычай труносожжения. Славяне верили в богиню земного плодородия (у русов — Мать-земля, у чехов и поляков — Жива), в бога ветров и бурь Стрибога (у поляков — Самовила). Сезонно-календарная обрядность славян-земледельцев была связана с солярным культом. В условиях расцвета родового строя развились верования в бессмертие душ умерших предков, к-рые именовались «навье». Древние славяне верили, что умершие предки (Род, Шур, Рожаницы, у чехов — судички) в загробной жизни продолжают заботиться о своем роде. Вера в загробную жизнь души и временное возвращение ее в среду живых породили соответствующие похоронные

обряды и поминальные «навьи дни» (позднее — «родительские»). Души умерших девушек почитались под именем русалок (мавок, павок). Культ предков исчезал постепенно вместе с родовым строем и место покровителей рода занимали духи моногамной семьи — домовые (у зап. славян — господарики, шетки, пенаты, *skritky*); из общего числа духов стали выделять небожителей — богов. В 6 в. славяне верили, что «один только бог — творец молний является владыкой над всеми» (Прокопий, III, 14); общеславянский бог позднее именовался у русов — Перун, у болгар — Пырин, у поморян — Перуновец. Но в раннефеод. слав. обществе *политеизм* не исчез. Зарождение имуществ. и социального неравенства породило представление об иерархии и дифференциации в мире духов. Гл. богами слав. знати стали Перун (Радгост, Святовит), наделенный теперь функциями бога войны, и Велес (у русов — Волос) — бог скота и богатства. С возникновением др.-слав. раннефеод. монархий совершился переход к монотеизму путем принятия христ. религии. В конце 1-го тысячелетия христ. церковь объявила др.-слав. религ. верования «язычеством», а др.-слав. богов «бесами» — слугами антихриста. После крещения славян среди них распространялось «двоеверие»: сочетание внешней христ. обрядности с верой в древних богов (см., напр., *Богомилство*).

Лит.: К о т л я р е в с к и й А., О погребальных обычаях языческих славян, М., 1868; З а б е л и н И. Е., История русской жизни с древнейших времен, ч. 1—2, М., 1876—79; А н и ч к о в Е. В., Язычество и древняя Русь, СПб., 1914; Г а л ь к о в с к и й Н. М., Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, X., 1916; З е л е н и н Д. К., Очерки русской мифологии, вып. 1, П., 1916; П о г о д и н А. И., Опыт языческой реставрации при Владимире, «Тр. рус. ученых за границей», т. 2, Берлин, [1922]; Т о к а р е в С. А., Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX вв., М.—Л., 1957; S a f a r j k P. J., Slovanské starožitnosti, Praha, 1837; L e g e r L., La mythologie slave, P., 1901; B r ü c k n e r A., Mitologia słowiańska, Kr., 1918; J a g i ć V., Zur slavischen Mythologie, «Arch. slav. Philologie», B., 1920, Bd 37; M a n s i k k a V. J., Die Religion der Ostslaven, Hels., 1922; N i e d e r l e L., Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovanů, dl. 1, sv. 1—2, Praha, 1911—13; dl. 2, sv. 1, 2 vyd., Praha, 1924; в рус. пер.—Славянские древности, М., 1956; ег о ж е, Manuel de l'antiquité slave, t. 1—2, [P.], 1923—26; S a t u r n i k Th., Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovanů, dl. 2, sv. 2 — O právu soukromém..., Praha, 1934.

«ДРЕВО ПОРФИРИЯ» — пример, иллюстрирующий отношения между родовыми и видовыми понятиями при дихотомич. делении (см. *Дихотомия*). Исторически восходит к комментатору «Категорий» Аристотеля *Порфирию*, к-рый приводит следующее разветвленное деление одной из категорий — «субстанция».

«Субстанция» является наивысшим родом и делится признаками «телесное» и «бестелесное» на виды: «тело» и «бестелесная субстанция». В свою очередь, понятие «тело» как род признаками «одушевленное» и «неодушевленное» делится на виды: «организм» и «неодушевленное тело». «Организм» же признаками «чувствующий» и «нечувствующий» делится на виды: «животное» и «растение». Наконец, «животное» признаками «разумное» и «неразумное» делится на виды: «разумное существо» и «неразумное существо». «Человек» представляет собой самый последний вид, охватывающий уже не виды, а индивиды. Пример Порфирия впоследствии часто приводился в учебниках по логике для иллюстрации родо-видовой субординации понятий.

Лит.: А р и с т о т е л ь, Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля, М., 1939, с. 51—76; Ч е л п а н о в Г. И., Учебник логики, [М.], 1946.

ДРЕВС (Drews), Артур (1 ноября 1865—19 июля 1935) — нем. философ-идеалист, один из представителей мифологич. школы происхождения религии. Проф. философии в Политехнич. ин-те в Карлсруэ (с 1898). Значит. часть работ Д. посвящена истории идеалистич. учений конца 18 и 19 вв. («Основы философской системы Э. Гартмана» — E. von Hartmanns

philosophisches System im Grundriss», 1902, «Философия Ницше» — «Nietzsches Philosophie», 1904, и др.). В нач. 20 в. Д. перешел к изучению поздней антич. философии («Плотин...» — «Plotin...», 1907, «История монизма в древности» — «Geschichte des Monismus im Altertum», 1913). Для теоретич. позиций Д. характерна ориентация на волюнтаристскую и пессимистич. концепцию его учителя Э. Гартмана. В частности, Д. упорно защищал выдвинутую Гартманом фидеистич. теорию т. н. «конкретного монизма», осп. на положении о том, что в религии осуществляется единство человек, духа и бога («Религия как самосознание бога» — «Die Religion als Selbstbewusstsein Gottes», 1906).

Занятия поздней антич. философией привлекли Д. к проблеме происхождения христ. догмы об Иисусе (см. *Иисус Христос*). В соч. «Миф о Христе» («Die Christumythe», 1909, рус. пер., т. 1—2, 1923—24) и «Легенда о Петре» («Die Petruslegende», 1910) Д. пришел к выводу, что весь евангельский рассказ об Иисусе Христе является вымыслом. Эти работы стали предметом длительной полемики между протестантскими богословами и сторонниками мифологич. школы. Последующие труды Д. посвящены исследованию библейских мифов и анализу гностицизма, к-рый рассматривался им как осп. источник христианства («Происхождение христианства из гностицизма» — «Die Entstehung des Christentums aus dem Gnostizismus», 1924, рус. пер. 1930). В этих работах Д., популяризируя идеи представителей мифологич. школы, доказал, что весь евангельский рассказ является плодом значительно более позднего мифотворчества раннехрист. проповедников. Ценность работ Д. по истории раннего христианства заключается в наглядной критике традиц. церк. концепций о Христе. Как бурж. историк Д. исходил из идеалистич. взглядов на историю христианства, не рассматривал социально-экономич. корни раннего христианства, преувеличивал роль гностицизма как якобы гл. источника раннехристианской идеологии. Критикуя церк. традицию, Д. стремился не разоблачать христианство, а лишь очистить его от чересчур явных целей. Опровергая старые религ. предассудки, Д., по характеристике Ленина, «... высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную...» (Соч., т. 33, с. 205). Одновременно Ленин подчеркивал необходимость «... союза» с Древами и использование трудов Д. «... в борьбе с господствующими религиозными мракобесами» (там же).

Соч.: *Psychologie des Unbewussten*, В., 1924; *Die deutsche Spekulation seit Kant...*, Bd 1—2, 3 Aufl., [В.], 1925; *Lehrbuch der Logik*, В., 1928; *Der Ideengehalt von R. Wagners dramatischen Dichtungen im Zusammenhange mit seinem Leben und seiner Weltanschauung*, Lpz., [1930]; в рус. пер. — *Жил ли Христос?*, М., 1924; *Жил ли апостол Петр?*, М., 1924; *Миф о деве Марии*, [М.], 1926; *Историзация бога Иисуса*, в кн.: *Из истории христианского культа*, М., 1928; *Отрицание истинности Иисуса в прошлом и настоящем*, [М.], 1930. *И. Ленин*. Москва.

ДРЕЙК (Drake), Дьюрант (18 дек. 1878—25 нояб. 1933) — амер. бурж. философ-идеалист, примыкал к т. н. *критическому реализму*. Выступая против теории отражения, Д. считал, что в познании внешний мир предстает перед человеком в виде комплекса непосредственно данных сознанию идеальных феноменов («сущностей», «духовных состояний»), к-рые, хотя и служат для символизации внешних явлений, но обладают самостоятельным бытием [Сб. статей Д. и др. авторов «Очерки о критическом реализме» («Essays in critical realism», 1921)]. Пытаясь в дальнейшем преодолеть *дуализм* и *агностицизм*, заключавшийся в теории познания критич. реализма, Д. приходит к выводу, что и физич. и духовные явления представляют собой различные по сложности проявления единой субстанции, к-рую он толкует в духе панпсихизма [«Сознание и его место в природе» («Mind and its place in nature»,

1925)]. Этнич. учение Д., т. н. «Философия улучшения», «Философия меллиоризма» («The philosophy of a meliorist», in: *Contemporary American philosophy*, ed. by G. P. Adams and W. P. Montague, L.—N. Y., 1930) проповедует моральную необходимость бога и религии для совершенствования человека и установления социальной гармонии; см. «Проблемы религии» («Problems of religion», 1916); «Новая мораль» («The new morality», 1928). *И. Ю. Лина*. Москва.

Соч.: *The problem of things in themselves*, Boston, 1911. **ДРЕЙПЕР** (Draper), Джон Уильям (15 мая 1811—4 января 1882) — ученый, философ, автор многочисл. трудов по физиологии, химии, физике, а также по истории и философии, в к-рых развивал позитивистские идеи. Родился и учился в Англии, но большую часть жизни провел в США. Известность Д. принесли его «История умственного развития Европы» («History of the intellectual development of Europe», 1862, рус. пер., т. 1—2, 1866) и «История отношений между католицизмом и наукой» («History of the conflict between religion and science», 1874, рус. пер. 1876). В объяснении нек-рых явлений природы, в признании роли (у Д. преувеличенной) географич. фактора Д. испытал влияние естеств.-науч. материализма. Рассматривая историю общества как закономерный процесс, Д., подобно *Спенсеру*, объяснял развитие общества биологич. закономерностями, отождествлял его с развитием индивидуума. Он считал, что общество проходит путь, свойственный пути человек. разума (век легковерия, исследования, веры, разума, упадка). Согласно Д., гл. движущей силой обществ. развития является просвещение, человек. разум. Пессимизм Д., сказавшийся в утверждении неизбежности гибели общества, объясняется его враждебностью к распространявшейся социалистич. идеологии. Д. был деистом, он видел в гармонии, господствующей в природе (односторонне им понятой), проявление божеств. силы. Продолжая рационалистич. традиции просветителей 18 в., Д. отвергал божеств. откровение, боговдохновенность священных книг, церк. авторитеты, резко критиковал инквизицию и религ. обскурантизм.

Соч.: *A text-book on natural philosophy*, N. Y., 1847; *A text-book on physiology*, N. Y., 1866; в рус. пер. — *Гражданское развитие Америки*, СПб., 1866; *Физиология человека, статическая и динамическая...*, ч. 1—3, СПб., 1867—68. *Линн*: Fleming D., John William Draper and the religion of science, Phil., 1950. *И. Гольдберг*. Ленинград.

ДРОБИШ (Drobish), Мориз Вильгельм (16 авг. 1802—30 сент. 1896) — нем. математик, психолог, логик и философ-идеалист. Проф. математики, затем философии в Лейпциге (с 1826). Ученик и популяризатор идеалистич. философии *Гербарта* (см. «Вклад в понимание системы философии Гербарта» — «Beiträge zur Orientierung über Herbart's System der Philosophie», Lpz., 1834; «О дальнейшем развитии философии Гербартом» — *Über die Fortbildung der Philosophie durch Herbart*, Lpz., 1876) Д. работал гл. обр. в области психологии, к-рую он расценивал как «эмпирическую» и «математическую» («Начальные основания математической психологии» — «Erste Grundlehren der mathematischen Psychologie», 1850; «Эмпирическая психология...» — «Empirische Psychologie...», 1842, 2 Aufl., 1898). Логика Д. отделял от психологии в качестве формальной науки об общих законах мышления («Новое изложение логики...» — «Neue Darstellung der Logik...», 1836, 5 Aufl., 1887). Реакц. идеями проникнута в особенности его кн. «Основы философии религии» («Grundlehren der Religionsphilosophie», 1840), в к-рой Д. сблизил этику и религию, считая их общей основой — врожденное стремление человека к божественному; в соответствии с этим доказательство существования бога Д. возлагал и на этику.

Соч.: *Über die Stellung Schillers zur Kantischen Ethik*, Lpz., 1859 (Ber. d. k.-sächsischen Ges. d. Wiss. zu Leipzig. Philos.-histor. Cl., Bd 9); *Die moralische Statistik und die menschliche Willensfreiheit*, Lpz., 1867; *Kant's Dinge an sich und*

sein Erfahrungsbegriff, Hamb., 1885; Encyclopädie der Philosophie, Lpz., 1908.

Лит.: Врасч М., Leipziger Philosophen, Lpz., 1894; Heinze M., M. W. Drobisch, Lpz., 1897; Neuberger Drobisch W., M. W. Drobisch, Lpz., 1902. Г. Верле. ГДР.

ДРУЖБА — форма общения людей, основанная на общности интересов, взаимном уважении, взаимопонимании и взаимопомощи; предполагает личную симпатию, привязанность и затрагивает наиболее питательные, задушенные стороны человек. жизни; одно из лучших нравств. чувств человека. Д. выработана в процессе многовекового социального общения людей.

В Древней Греции символом неразлучной Д. была дружба Диоскуров—Кастора и Полидевка (Поллукса). Согласно мифу, Полидевк, сын Зевса, не в силах перенести смерть своего брата и друга Кастора, погибшего в бою, просил отца послать ему смерть. Зевс позволил ему уделить брату половину своего бессмертия, и с тех пор Диоскуры проводили день в подземном царстве, а день — на Олимпе. Миф этот получил широкое распространение в Древней Греции, а в Древнем Риме даже чтити культ Диоскуров. В Древнем мире были указаны осн. признаки истинной Д.—единомыслие, взаимная помощь в беде, искренность. Конфуций, напр., учил: «Полезных друзей 3 и вредных друзей 3. Полезные друзья — это друг прямой, друг искренний и друг много слышавший. Вредные друзья — это друг лицемерный, друг льстивый и друг болтливый...» (цит. по кн.: П о п о в П. С., Изречения Конфуция..., СПб, 1910, с. 102).

В Древней Греции понятие Д. становится предметом специальных филос. и этич. трактатов. Демокрит, Эпикур, Аристотель подчеркивали ее земной, чувств. характер, способствующий достижению основной, по их мнению, цели жизни — разумного удовольствия. «Дружба,— говорил Эпикур,— обходит с пляской Вселенную, объявляя нам всем, чтобы мы пробуждались к прославлению счастливой жизни» (ЛП, см. «Материалисты древней Греции», М., 1955, с. 122). Утверждая о бескорыстном характере Д., Эпикур вместе с тем связывал ее с пользой. «Всякая дружба желанна ради себя самой, а начало она берет из пользы» (XXIII, там же, с. 220). Со времени Эпикура эта идея становится традиционной для древнегреческой этики. В одном из своих ранних диалогов «Лизис» Платон указывал, что Д. возможна только между людьми добрыми и подобными друг другу. Добрые, по словам Платона, «... подобны и друзья между собою; злые же, ...никогда не бывают подобны самим себе, будто отуманенные и неустойчивые. А что неподобно самому себе и отличается от себя, то едва ли уже может уподобляться другому, или быть его другом» (Lys. 214 DE). Для Платона, к-рый различал любовь к телу и любовь к душе, Д.— это вид душевной любви, наиболее благородный и бескорыстный вид связи людей. Развернутое учение о Д. дает и Аристотель в «Никомаховой Этике». Аристотель различал три вида дружбы: Д., основанную на взаимной пользе; Д., преследующую удовольствие, и Д., основанную на добродетели. Первые два вида Д. являются низшими; здесь люди любят не друг друга, а только ту пользу или то удовольствие, к-рое достигается в их общении. Такая Д. не может быть продолжительной, т. к. с исчезновением пользы или удовольствия исчезает и сама Д. Истинная Д.—это Д., основанная на добродетели. Здесь Д. имеет цель сама в себе и сохраняется до тех пор, пока люди, разделяющие ее, остаются хорошими, добродетельными. Вместе с тем Д., основанная на добродетели, включает в себя и взаимную пользу и удовольствие. Предполагая равенство участвующих в ней лиц, Д. тесно связана со справедливостью и теми условиями гос. жизни, в к-рой проявляется эта справедливость. «Дружба во всех формах государственного устройства проявляет-

ся настолько же, насколько справедливость» («Никомахова Этика» VIII, 13; рус. пер., СПб, 1908). В соответствии с этим Аристотель утверждал, что при тиранич. правлении Д. либо вовсе отсутствует, либо же занимает весьма незначит. место. «...Там не может быть дружбы, где нет ничего общего между правителем и управляемыми; нет места и справедливости...» (там же). Напротив, больше всего Д. проявляется в демократиях, т. к. здесь граждане, «... будучи равными, имеют много общих интересов» (там же). Совершенство обществ. жизни состоит, по Аристотелю, в справедливости, соединенной с Д.

Эллинистич. философия и этика постепенно отходят от традиц. антич. понимания полезной роли Д. в отношениях между людьми. Цицерон в трактате «Лелий — о дружбе», определяя Д. как «согласие во всех духовных и мирских делах», назидательно трактует Д.: она приносит утешение, наслаждение в счастье и т. д. Однако Д. у Цицерона превращается в самодовлеющую ценность, не имеющую ничего общего с пользой, с реальными интересами людей. В основе ее, по мнению Цицерона, лежит чувство взаимного благоговения. В. Шестаков. Москва.

Ср.-век. религ. этика лишает чувство Д. обществ. содержания, рассматривая его как один из видов сверхчувств. любви к богу. Напротив, бурж. этич. учения видели основания Д. в естеств. наклонностях человека. Напр., англ. философ 18 в. А. Смит рассматривал Д. как «результат... естественной симпатии» (см. «Теория нравственных чувств», СПб, 1868, с. 293). Франц. просветители 18 в., защищавшие принцип разумного эгоизма, связывали Д. со всеобщим, естественным желанием людей «содействовать своему взаимному счастью», поскольку в Д. согласуются индивидуальные интересы (см. П. Гольбах, Система природы, М., 1940, с. 186). Социалисты-утописты 19 в., обосновывая принципы будущего идеального общества, указывали на Д. как на одно из самых «возвышенных и облагораживающих человеческий характер» чувств. Они видели в Д. совершенную любовь к людям, основанную на равенстве, свободном общении, солидарности и взаимном доверии всех членов общества. Фурье, отделив Д. от чувств «материального» и «распределительного» характера, относил ее к страстям привязанности, к духовному началу. Согласно Фурье, Д., преодолевая помехи корыстолюбия, семейных и сословных интересов, является силой, объединяющей всех людей в общество социальной гармонии (см. Избр. соч., т. 4, М., 1954, с. 46; т. 3, М., 1954, с. 210, 547 и др.). Подвергая резкой критике капиталистич. общество, утописты указывали, что господствующие в нем религия, недоверие, эгоизм и т. п. не благоприятствуют развитию свободного общения между людьми. Воспитание Д., как и др. человек. чувств, они связывали с устранением ложных представлений, порочных законов, с утверждением нового общества. строя (см. Р. Оуэн, Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1950, с. 5—14; его же, «Образование характера», СПб, 1909, с. 12—21).

В совр. бурж. учениях проявляется тенденция к надвременному и абстрактному пониманию Д. Напр., персоналист Флюэллинг заявляет, что высшим проявлением Д., охватывающим все ее виды, является «великая дружба» — любовь к богу и общение с ним («The person or the significance of man», Los Ang., 1952, p. 243). Нек-рые представители совр. бурж. микросоциологии рассматривают Д. в качестве одного из первичных факторов, якобы определяющих «внутреннюю структуру общества». Дж. Морено в своей теории социометрии (socius — товарищ, metrum — измерение) трактует Д. как определ. «социометрическую матрицу», лежащую в основе исследования форм коллективности (см. «Социометрия», М., 1958, с. 181—82).

Марксистская этика раскрывает зависимость Д. от социальных условий жизни людей, их потребностей и интересов. Только единство больших обществ, целей и высоких интересов ведет к глубокой и прочной Д. В эксплуататорском обществе образцы такой Д. складываются в среде угнетенных масс, среди людей, борющихся за передовые обществ. идеалы. Именно это объединило личной Д. таких выдающихся людей, как Герцен и Огарев, Белинский и Некрасов, Чернышевский и Добролюбов. Величайшая Д. связывала Маркса и Энгельса, отношения к-рых, по словам Ленина, превосходили «... самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» (Соч., т. 2, с. 12). Герцен, вспоминая о своей Д. с Огаревым, указывал на большое значение этого чувства в воспитании. «Мы воспитали друг друга,— говорил он.— Это первое чувство мое — Дружба. Оно мне дало его глубокую душу, из которой я мог черпать мысль как из океана...» (Полю. собр. соч. и писем, II, 1919, т. 4, с. 326). Д. предполагает честность, принципиальность в отношениях между людьми. «Только на принципиальной основе может быть принципиальная дружба между людьми», — говорил Хрущев («Пленум ЦК КПСС 24—29 июня 1959. Стенографич. отчет», 1959, с. 484).

В социалистич. обществе раздвигаются рамки отношения товарищества и Д. Сами социалистич. производств. отношения характеризуются отношениями Д. и взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. В основе отношений между людьми в социалистич. обществе лежат *коллективизм, интернационализм, гуманизм*. Благородный принцип: «человек человеку — друг, товарищ и брат» пронизывает все стороны человеческих взаимоотношений в социалистическом обществе. На этой основе возникает и развивается Д. производств. коллективов, Д. народов многонац. государств, Д. народов стран социалистич. лагеря. Преданность делу коммунизма, народу, Родине является идейной и нравств. основой личной Д. в социалистич. об-ве, делает ее глубокой и содержательной, способной выдержать самые тяжелые испытания. Как определ. форма общения Д. зарождается в практич. участии в общих делах коллектива, т. к. в практич. деятельности налаживается непосредств. общение людей, раскрываются их характеры, подлинные чувства и стремления. Для развития личной Д. особенно благоприятно влияние хорошо сплоченных и организованных коллективов, сближающих людей на основе единых целей, общих дел и увлечений (труд, учеба, спорт, самодеятельность, искусство и т. и.). В соответствии с этим возникают понятия школьной Д., студенческой Д., солдатской Д., к-рые отличаются общностью интересов данного коллектива.

Прекрасные образцы личной Д. возникают в борьбе рабочих и колхозников, борющихся за почетное звание бригад коммунистич. труда. Стремление работать и жить по-коммунистически порождает в среде трудящихся взаимную помощь, тесное общение друг с другом как на производстве, так и в быту. Чувства Д. и товарищества отражены в моральном кодексе строителей коммунизма, вошедшем в Программу КПСС.

Лит.: Маркс К., [Письмо] Л. Кугельману от 25 октября 1866, Соч., т. 25, [М.], 1934, с. 481; Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953; Ленин В. И., Фридрих Энгельс, Соч., 4 изд., т. 2; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1—2, М., 1956—57; Цицерон Марк Туллий, Лелий, или диалог о дружбе, Киев, 1904; Аристотель, Этика, [пер. с греч.], кн. 8—9, СПб., 1908; Утченко С. Л., Идеологическая борьба в Риме накануне падения Республики, М., 1952, с. 184—211; Блатин А. Я., О дружбе и товариществе, М., 1955; Шипкин А. Ф., Основы марксистской этики, М., 1962, с. 340—48; его же, Из истории этических учений, М., 1959, с. 73—75, 86, 160—61; Штарман Е. М., Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961, с. 87—92; Dugas I., L'amitié antique

d'après les moeurs populaires et les théories des philosophes, P., 1894; Gleichen-Russwurm A., Freundschaft, Stuttg., 1912; Oddone A., L'amicizia, Milano, 1936; Philippe P., Le rôle de l'amitié dans la vie chrétienne selon St. Thomas d'Aquin, Rome, 1938.

Л. Архангельский. Свердловск

ДРУЖБА НАРОДОВ — экономич., политич. и культурное сотрудничество и взаимопомощь народов на равноправных и добровольных началах. Отношения между народами и нациями определяются характером обществ. строя, социально-экономич. и политич. отношений, господствующих в обществе. Последоват. и всесторонняя Д. н. складывается и утверждается лишь на базе социализма: внутри многонац. социалистич. гос-в, а также между народами, входящими в мировую систему социализма. Существованием социалистич. гос-в обусловлена также Д. н. стран с различным социальным строем.

Марксизм, раскрыв объективные закономерности развития общества, доказал, что в условиях классового антагонистич. строя, господства частной собственности и эксплуатации человека человеком невозможно установить подлинную Д. н. Капиталистич. строй, основанный на противоположности классовых интересов, неизбежно связан с нац. неравенством, с нац. и колониальным гнетом. Маркс и Энгельс показали, что лишь с падением антагонизма классов возникают условия для новых, дружеств. отношений между нациями. «При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет и е л ь з я, — писал Ленин. — Для этого необходимо уничтожить классы, т. е. ввести социализм» (Соч., т. 22, с. 311). В разработанной Коммунистич. партией программе борьбы за диктатуру пролетариата и социализм неотъемлемой составной частью являлись требования ликвидации нац. неравенства и гнета и установление полной свободы, равноправия наций и дружбы между ними.

Вел. Окт. социалистич. революция и построение социализма в СССР знаменовали торжество новых принципов в отношениях между народами. Раскрепощенные революцией народы России получили свободу и нац. независимость и стали на путь тесного сотрудничества и объединения всех сил. Д. н. складывалась и укреплялась в СССР в процессе преодоления серьезных трудностей, связанных с существованием в переходный период от капитализма к социализму остатков фактич. неравенства между народами, наличием не ликвидированных еще эксплуататорских классов и групп и националистич. уклонов (великодержавного шовинизма и местного бурж. национализма).

Военно-политич. сотрудничество народов, установившееся в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, выросло затем в прочный союз между ними, основанный на общности их целей и интересов и получивший свое выражение в добровольном и свободном объединении независимых сов. республик. Величайшее завоевание социализма — разрешение нац. вопроса. В социалистич. обществе не только обеспечено политич. равноправие наций, но и ликвидировано унаследованное от старого строя их экономич. и культурное неравенство. Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа, все сов. нац. республики создали у себя совр. пром-сть, нац. кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру. Многие ранее отсталые нации пришли к социализму, минуя капиталистич. стадию развития. «Объединение и сплочение равноправных народов на добровольных началах в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик, их тесное сотрудничество в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, братская

дружба, расцвет их экономики и культуры — важнейший итог ленинской национальной политики» (Программа КПСС, 1961, с. 17). СССР представляет собой великое братское содружество свободных и равноправных народов. В ходе строительства социализма в СССР образовались новые социалистич. нации. Одной из важнейших особенностей социалистич. наций является сочетание интересов каждой из них с общими интересами всех трудящихся многонац. Сов. гос-ва. Д. н., одно из величайших завоеваний социализма, стала движущей силой развития сов. социалистич. общества.

В период господства *культы личности* Сталина имели место отдельные ошибки и извращения в осуществлении ленинской нац. политики, отступления от ленинского принципа демократич. централизма в строительстве сов. многонац. гос-ва. Критика *культы личности*, меры, принятые партией по ликвидации его вредных последствий и восстановлению ленинских норм и принципов в партийном и гос. строительстве, привели к укреплению Д. н. Осуществлены крупные меры по расширению прав союзных и автономных республик в руководстве нар. хозяйством и культурным строительством, а также в законодательстве и судопроизводстве. Воспитывая всех трудящихся в духе интернационализма, Д. н., коммунистич. партия ведет неуклонную борьбу за полную ликвидацию пережитков национализма и шовинизма, тенденций к нац. ограниченности и исключительности.

Вступление СССР в период развернутого коммунистич. строительства ознаменовало новый этап в развитии нац. отношений в сов. стране, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства. Строительство материально-технич. базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению сов. народов. Стирание граней между классами и развитие коммунистич. обществ. отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистич. черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними. «Коммунистическая партия видит свою священную обязанность в том, чтобы неустанно крепить дружбу народов — основу могущества и непобедимой силы Советского Союза» (Х р у щ е в Н. С., О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг., 1959, с. 47).

Победа социалистич. революции в ряде стран Европы и Азии привела к установлению Д. н. и в этих странах. На основе марксистско-ленинских принципов в многонац. социалистич. странах успешно решается нац. вопрос. С помощью более развитых наций ликвидируется отсталость малых и угнетавшихся в прошлом национальностей, осуществляется фактич. равноправие всех наций. Коммунистич. и рабочие партии социалистич. гос-в последовательно проводят политику пролетарского интернационализма, Д. н. и непримиримой борьбы против буржуазного национализма во всех его проявлениях. На основе пролетарского интернационализма строятся и развиваются отношения между всеми странами мировой социалистич. системы. Сотрудничество народов социалистич. стран выражается прежде всего в политич. консолидации для совместной борьбы за всеобщий мир, за полное торжество коммунизма. В области экономики, культуры совершенствуется междунар. разделение труда, координация планов хоз., культурного, научно-технич. развития. Закономерностью нац. взаимоотношений в системе социализма является полное равенство всех наций, социалистич. взаимопомощь и дружба между народами социалистич. стран.

Опыт СССР и всей мировой социалистич. системы подтвердил на практике марксистско-ленинское по-

ложение о том, что вместе с падением антагонизма классов падает антагонизм наций. В противоположность капитализму, к-рому присущи антагонистич. противоречия между классами, нациями и государствами, в системе социализма нет объективных причин для конфликтов между входящими в нее народами и государствами. «Социализм органически сочетает развитие национальной экономики, культуры, государственности с интересами укрепления и развития всей мировой социалистической системы, со все большим сплочением наций. Интересы всей социалистической системы в целом и национальные интересы гармонически сочетаются. На этой основе возникло и укрепляется морально-политическое единство всех народов великого социалистического содружества. На смену политической изолированности и национальному эгоизму, свойственным капитализму, пришли братская дружба и взаимная помощь народов, порожденные социалистическим строем» («Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», 1961, с. 52).

Д. н. и социалистич. интернационализм являются источником силы мирового социалистич. лагеря. Все социалистич. гос-ва вносят свой вклад в развитие и упрочение мировой социалистич. системы. На опыте всех социалистич. стран подтверждено, что братское сотрудничество и Д. н. этих стран отвечает высшим нац. интересам каждой из них. «...Только в прочном единстве всех социалистических государств — залог успехов наших стран, залог общих побед» (Н о в о т н ы й А., Выступление на XXII съезде КПСС, см. «Правда», 1961, 21 окт., с. 6).

Во взаимоотношениях между странами социалистич. системы в процессе становления и укрепления их братского содружества на том или ином этапе могут возникать отд. трудности, связанные со сложностью создания принципиально новой системы отношений между народами, унаследовавшими от прошлого неодинаковый экономич. и культурный уровень. В этом процессе под влиянием *культы личности* Сталина возникли отрицат. явления, к-рые были чреваты серьезными последствиями для дальнейшего развития социалистич. системы. В период *культы личности* осуществлялись нек-рые действия, задевавшие нац. чувства нек-рых народов братских социалистич. стран. Историч. решение XX съезда КПСС, восстановление ленинских норм в жизни партии устранили извращения в отношениях между СССР и отд. странами народной демократии, создали условия для последоват. и полного волюнтаризма принципов братства и единства. Трудности развития при правильной интернационалистич. политике преодолеваются в процессе дружественного и равноправного сотрудничества и взаимопомощи социалистич. гос-в благодаря общности их социально-экономич. и политич. строя, их целей и интересов. Одним из важнейших условий является верность марксистско-ленинской идеологии, учению марксизма-ленинизма. «Благодаря сотрудничеству, установившемуся в социалистическом лагере, и в первую очередь интернациональной, братской поддержке Советского Союза, товарищеской взаимопомощи и неуклонному укреплению единства социалистического лагеря, социалистические страны достигнут великой цели — вступят в коммунизм в течение одной исторической эпохи» (Г е о р г и у Д е ж Г., Выступление на XXII съезде КПСС, см. «Правда», 1961, 21 окт., с. 7).

Осн. политич. и идеологич. оружием, неиспользуемым междунар. реакцией и остатками внутр. реакц. сил против единства и Д. н. социалистич. стран, является национализм. Националистич. предрассудки и пережитки нац. ограниченности, обладающие большой силой консерватизма, сохраняются известное время и

в условиях социалистич. строя. «Националистические предрассудки и остатки былой национальной розни — это та область, где сопротивление социальному прогрессу может быть наиболее длительным и упорным, ожесточенным и изворотливым... Национализм наносит ущерб общим интересам социалистического сотрудничества и прежде всего вредит народу страны, в которой он проявляется, поскольку обособление от социалистического лагеря тормозит ее развитие, лишает возможности пользоваться преимуществами мировой социалистической системы, поощряет попытки империалистических держав использовать националистические тенденции в своих целях» (Программа КПСС, 1961, с. 24). Националистич. извращения неизбежно переплетаются с проявлениями ревизионизма и догматизма.

Коммунистич. и рабочие партии, осуществляя марксистско-ленинскую интернационалистич. политику, ведут решит. борьбу против всех проявлений национализма, ревизионизма и догматизма, укрепляют Д. н. и единство социалистич. лагеря.

Социалистич. гос-ва стремятся к торжеству новых принципов в отношениях между всеми народами с различным социальным строем на основе *мирного сосуществования*, к-рое предполагает отказ от войны как средства решения спорных вопросов между гос-вами; равноправие, взаимопонимание и доверие между гос-вами, учет интересов друг друга, невмешательство в их внутр. дела; признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономич. и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды. СССР и др. гос-ва мировой социалистич. системы отстаивают в своей внешней политике принципы мирного сосуществования гос-в с различным социальным строем, осуществляют принципы равноправия и Д. н. Социалистич. страны решительно выступают в защиту суверенитета народов, за полную ликвидацию *колониализма* во всех его формах. Братский союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное ярмо, — один из краеугольных камней междунар. политики социалистич. государств. «Этот союз основан на общности жизненных интересов мирового социализма и мирового национально-освободительного движения» (там же, с. 50).

Решение национального вопроса в социалистич. странах, братские отношения между народами социалистич. стран служат прообразом новых отношений между народами всего мира (см. также ст. *Интернационализм*).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; Ленин В. И., Речь на первом Всероссийском съезде военного флота, Соч., 4 изд., т. 26, с. 306—11; е г о ж е, Проект программы РКП(б). Пункт программы в области национальных отношений, там же, т. 29, с. 107; е г о ж е, Проект директивы ЦК о военном единстве, там же, т. 29, с. 373—74; е г о ж е, Товарищам коммунистам Туркестана, там же, т. 30, с. 117; е г о ж е, Проект резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине, там же, т. 30, с. 142—44; е г о ж е, Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Ленинистами, там же, т. 30, с. 267—73; е г о ж е, VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 22 декабря, там же, т. 31, с. 456—86; е г о ж е, К вопросу о национальностях или об «автономизации», там же, т. 36, с. 553—59; Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Резолюция X съезда, в кн.: КПСС в резолюциях..., ч. 1, [7 изд., М., 1954]; Резолюция XII съезда партии по национальному вопросу, там же; Программа КПСС, М., 1961; Хрущев Н. С., Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, М., 1956; е г о ж е, Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г., М., 1957; е г о ж е, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Доклад и заключит. слово на Внеочередном XXI съезде КПСС, М., 1959; е г о ж е, [Выступления на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сент.—13 окт. 1960 года], в его кн.: За мир, за разору-

жение, за свободу народов, М., 1960; е г о ж е, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии, М., 1961; е г о ж е, О Программе КПСС, М., 1961; е г о ж е, За новые победы мирового коммунистического движения, М., 1961; Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г., М., 1957; Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года, М., 1960. И. Цамарли. Москва.

ДРУЖИНИН, Александр Васильевич (8 окт. 1824—14 янв. 1864) — рус. писатель, критик и литературовед. С 1848 принимал участие в издании журн. «Современник», к-рый оставил в 1856, будучи противником политич. и филос. взглядов Чернышевского. В 1856—60 редактировал журнал «Библиотека для чтения».

Эстетич. взгляды Д. носили идеалистич. характер; он стремился отыскать «вечные и неизменные законы изящного». Историю эстетич. мысли Д. рассматривал как борьбу двух противоположных тенденций: «артистической», к-рая служит обоснованием «искусства для искусства», и «дидактической», «стремящейся действовать на нравы, быт и понятия человека» (статья «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», 1856). Стремясь обосновать свою «артистическую» теорию иск-ва, Д. защищал принципы *искусства для искусства*, целью к-рого, по его мнению, является служение идеям вечной красоты, добра и правды». С этих позиций Д. выступал против осн. положений реалистич. эстетики Белинского и гоголевского направления в рус. лит-ре, порицал творчество Жюль Санд, Гюго, Гейне. Вместе с тем в эстетич. взглядах Д. содержались и позитивные элементы, связанные гл. обр. с поисками специфики иск-ва. Отстаивая независимое и свободное творчество, Д. в то же время признавал, что его теория не исключает служения политическим, нравственным и науч. интересам. Эстетич. взгляды Д. отражают противоречия и борьбу в русской художественной критике и литературе 40—60-х гг. 19 в.

Соч.: Собр. соч., т. 1—8, СПб, 1865—67.

Лит.: История русской критики, т. 1, М.—Л., 1958, с. 444—70; Венгеров С. А., Критико-биографический словарь, т. 5, СПб, 1897; Чужковский К., Люди и книги, М., 1958 (ст. «Дружинин и Лев Толстой»); Письма к А. В. Дружинину (1850—1863), ред. и комментарии П. С. Попова, М., 1948. Ю. Манн. Москва.

ДРЮКЕР (Drucker), Петер Фердинанд (р. 19 нояб. 1909) — амер. бурж. социолог и экономист, сторонник «теории управляющих» (мэнеджеризма). С 1950 — проф. Нью-Йорк. ун-та. В своих работах Д. излагает теорию, согласно к-рой совр. капиталистич. общество, называемое им обществом «массового производства» или «индустриальным обществом», «обществом служащих», возглавляется «управляющими» (руководителями трестов, акционерных компаний и т. д.). Они якобы заменили «вышедших из моды» капиталистов и отличаются от последних тем, что владеют не частной собственностью, а «интеллектуальным капиталом». Осн. чертой, обуславливающей становление «нового общества», он считает рост акционерных компаний, к-рые во главе с управляющими заменяют капиталистов. Д. обходит тот решающий факт, что сама акционерная компания является капиталистич. предприятием.

Соч.: The end of economic man, L., 1939; The future of industrial man, L.—Toronto, [1943]; Big business, L.—Toronto, 1947; The new society, [2 ed.], L., 1951; The practice of management, L., 1955; America's next twenty years, N. Y., [1957].

Лит.: Гвишиани Д. М., «Мэнеджеризм» — американская социология бизнеса, «Вопр. философии», 1961, № 5. Г. Осипов. Москва.

ДРЭЙПЕР — см. Дрейпер.

ДУАЛИЗМ (от лат. dualis — двойственный) — воззрение, объясняющее бытие из двух противополож-

ных и не сводимых друг к другу начал: духовного и материального. В большинстве случаев противопоставление этих начал по сути сводится к *идеализму*, т. к. сама антитеза духа материи обычно развивается с т. зр. духа как борьба духа с материей, в к-рой духовное начало должно победить. Таков Д. древнейших религиозно-космологич. учений. Но и в дуалистич. учениях позднейших формаций, даже в тех случаях, когда дух и материя противопоставляются на равных началах как равно независимые друг от друга *субстанции*, противопоставление этих субстанций не есть последняя инстанция объяснения, и в последнем счете Д. духа и тела возводится к высшему (духовному) существу — богу. Наконец, в послекантовском развитии Д. коренная антитеза двух начал развертывается целиком внутри самого духа.

В истории идеологии Д. возникает весьма рано — в древнейших филос.-религ. построениях Востока. Первым крупным проявлением Д. в истории мысли является древнеперсидское религ.-моральное учение, выраженное в Зенд-Авесте и сводящее мировой процесс к борьбе двух одинаково вечных и божеств. начал: Ахурамазды (Ормузда) и Аримана, воплощающих противоположность добра, истины, мощи, света, с одной стороны, и зла, отрицания, страдания и мрака — с другой.

В Древней Греции Д. впервые был выдвинут в религ.-моральном учении *орфики*, смотревших на тело, как на темницу или гробницу духа, а на дух, как на божеств. и бессмертное начало, к-рое должно быть освобождено из своих смертных оков. На учении орфики обосновал свой дуализм *Платон*. Но Платону, тело зримо и осязаемо, душа незрима и неосязаема; тело, рассматриваемое само по себе, неподвижно; душа заключает в себе начало движения, тело погибает от внешних причин, душа — нет. Отсюда Платон заключал, что душа во всем противоположна телу и есть существо неразложимое, неразрушимое, бессмертное и божественное.

Д. широко распространился в 1-х вв. н. э. в религ. сектах и общинах гностиков (см. *Гностицизм*) и манихейцев. Их построения отличались от антич. форм Д. более мрачным, соответствующим эпохе упадка, характером космологии и более пессимистич. оценкой чувственного мира. Для этого мира ввиду его несовершенства предполагался низший мироздатель, или *демиург*, противостоящий верховному и благому богу.

В философии эпохи развития капитализма крупнейшим представителем Д. был *Декарт*, к-рый утверждал существование субстанций двух родов: телесных и духовных. Осн. свойство, или *атрибут* духовной субстанции — мышление, осн. свойство, или атрибут телесной — протяжение. Различные изменения, или «модусы» протяжения суть физич. тела, различные изменения, или «модусы» мышления — состояния сознания. По Декарту, эти атрибуты во всем противоположны; нельзя вывести ни протяжения из мышления ни, наоборот, мышления из протяжения. Т. к. в человеке имеется налицо фактич. связь душевных состояний с физич. процессами, то для ее объяснения Декарт вынужден был прибегнуть к гипотезе взаимодействия, органом к-рого он считал т. н. шишковидную железу большого мозга. Однако, по Декарту, и дух и материя — только конечные субстанции и в последнем счете оба восходят к бесконечной субстанции, или богу, под к-рым Декарт разумел высшее самодовлеющее существо. Этот переход от Д. к идеализму еще ярче, чем у Декарта, сказывается у его продолжателя — *Мальбранша*, к-рый, утверждая вместе с Декартом, что между телом и духом нет ничего общего, учит в то же время, что и тело (протяжение), и душа (мышление) — только вечно существующие в боге идеи и что психич. состояния, возникающие в

нас по случаю физич. процессов или движений тела, имеют единств. деятельной причиной вечное действие самого бога. Элемент Д. сохраняет и *Локк*, к-рый наряду с признанием существования внешнего мира, действующего на наши органы чувств и вызывающего в нас ощущения, признает также и субстанциональность душ. Однако у Локка этот элемент перекрывается осн. для Локка материалистич. воззрением, приводящим к постановке вопроса о способности материи мыслить.

Новый этап в развитии Д. знаменует философия *Канта*, противопоставляющего в идеальной проекции чувств. мир данного в опыте сверхчувств. надопытному миру должного. В философии Канта это воззрение выступает одновременно как: о н т о л о г и ч. Д. непознаваемых «вещей в себе» и единственно доступных познанию «явлений», э т и ч. Д. укорененного в сверхчувств. мире безусловно должного и противостоящей ему чувств. склонности в мире эмпирическом; г н о с е о л о г и ч. Д. материи или содержания познания и его априорной формы, заложенной якобы в самой организации сознания в виде априорных устоев чувственного созерцания пространства и времени, априорных связей и форм рассудка, а также априорных идей разума, направляющих знание к высшему и безусловно единству.

В философии Канта теоретич. Д., будучи выражением общественно-практич. слабости нем. буржуазии, пытается сохранить еще в абстрактной идее безусловно долга представление о том, что, вопреки препятствиям, воздвигаемым эмпирич. действительностью, полагаемое практич. разумом должно быть осуществляемо хотя бы без надежды на полную его реализацию в чувств. мире. В дальнейшей эволюции бурж. философии Д. лишается и этой призрачной связи с великими практич. задачами социально-историч. развития и окончательно складывается в форму антинауч. мировоззрения, выдвигающего веру против знания, пассивное созерцание против материальной практики познания, слепую и неразумную волю против представлений и понятий интеллекта и т. д. В соответствии с этим прежний Д. души и тела превращается в совершенно идеалистич. воззрение: противопоставляются уже не тело и дух как самостоятельные субстанции, — онтологич. антитезы развертываются исключительно внутри сферы духовного, идеального начала, в к-ром лишь различаются отдельные его элементы. Так, в отличие от дуализма Канта, у к-рого противоположность чувственности и рассудка не исчерпывает всего содержания действительности, поскольку источником ощущений признаются вещи, существующие сами по себе, в более поздних системах идеалистич. философии *Шопенгауэра* и *Э. Гартмана* противопоставление «воли» («представлению») обнимает без остатка все содержание бытия (см., напр., Э. Гартман, *Сущность мирового процесса или философия бессознательного*, вып. 1—2, М., 1873—75). Понятый в расширенном смысле — не как Д. двух начал материи и духа, а как усмотрение двойственности, или раздвоения в единстве, — Д. может выступать и выступает в самых различных формах. Одним из ярких его обнаружений может считаться характерный для фрейбургской школы (см. *Баденская школа*) неокантианства Д. индивидуальных элементов (фактов) бытия и ценностей.

В тесной связи с филос. Д. возникла характерная для всей, в том числе и для совр. бурж., идеалистич. психологии концепция *психофизического параллелизма*, утверждающая независимость физических и психич. состояний человека, образующих как бы два параллельных ряда явлений. Отрывая психику от ее материальной основы, концепция психофизич. параллелизма, как и всякая идеалистич. концепция, ведет к признанию отличной от тела души и оказывает

ся той или иной разновидностью идеализма (напр., у Фехнера, Паульсена, Вундта). Несостоятельность этой концепции в естественнонаучном плане вскрыта И. М. Сеченовым и И. П. Павловым, доказавшими, что органом психич. деятельности является мозг.

В совр. идеалистич. зарубежной философии и психологии преобладают эклектич., расплывчатые формы Д. Так, в т. н. психосоматике — теоретич. концепции, довольно широко распространенной в совр. зарубежной психиатрии, душа и тело рассматриваются как два дополняющих друг друга способа проявления органич. жизни. Прагматизм противопоставляет монизму (как материалистическому, так и идеалистическому), а также старому Д. плюрализм, т. е. учение о множестве «сторон», или «слоев», бытия. На этой т. зр. стоял Джемс, ее придерживаются Б. Рассел и совр. томисты. Однако по существу Д. родствен плюрализму. Дуализму противопост. в философии монистич. мировоззрение (см. *Монизм*), принимающее в качестве исходного пункта какое-либо одно начало — либо материю, либо дух и последовательно до конца проводящее эту т. зр. во всех частях и сторонах мировоззрения. Диалектич. материализм в качестве материалистич. монизма нацело отвергает как ненаучные все формы Д.: равно онтологические, психологические и гносеологические, картезианские, кантианские и т. д. О гносеологич. корнях Д. как разновидности идеализма см. в ст. *Идеализм*.

Лит. см. при ст. *Идеализм*.

В. Асмус. Москва.

ДУБРОВИНСКИЙ, Иосиф Федорович (парт. псевдонимы — Инокентий, Инок, Леонид) (1877—1913) — профессиональный революционер-большевик, пропагандист марксизма. Один из организаторов вооруж. восстания в Москве в 1905. Неоднократно подвергался репрессиям. Погиб в Турханской ссылке. В. И. Ленин высоко ценил Д. как одного из крупнейших организаторов партии.

По поручению В. И. Ленина, работавшего в Лондоне под псевд. Дорова) выступил в Женеве 15(28) мая 1908 на обсуждении реферата Богданова «Приключении одной философской школы». Протестуя против попытки Богданова, Луначарского и др. махистов заменить марксистский филос. материализм *махизмом*, Д. заявил от имени Ленина и своего, что большевизм не имеет ничего общего с *эмпириомонизмом*, что проповедь *богостроительства* несовместима с диалектич. материализмом. Основой для выступления Д. были следующие ленинские тезисы «Десять вопросов референту»: «1. Признает ли референт, что философия марксизма есть диалектический материализм?»

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?

Если да, то зачем называют махисты свой „пересмотр“ диалектического материализма „философией марксизма“?»

2. Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на материализм и идеализм, причем средними между тем и другим, колеблющимися между ними считает Энгельс линию Юма в новой философии, называя эту линию „агностицизмом“ и объявляя кантианство разновидностью агностицизма?»

3. Признает ли референт, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове?»

4. Признает ли референт правильным рассуждение Энгельса о превращении „вещей по себе“ в „вещи для нас“?»

5. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что „действительное единство мира заклю-

чается в его материальности“? (*Anti-Dühring*, 2 изд., 1886 г., стр. 28, I отдел. § IV о мировой схематике).

6. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что „материя без движения так же немыслима, как движение без материи“ (*Anti-Dühring*, 1886, 2 изд., стр. 45, в § 6 о натурфилософии, космогонии, физике и химии).

7. Признает ли референт, что идея причинности, необходимости, закономерности и т. д. является отражением в человеческой голове законов природы, действительного мира? Или Энгельс был неправ, утверждая это (*Anti-Dühring*, S. 20—21, в § III об априоризме, и S. 103—104, в § XI — о свободе и необходимости).

8. Известно ли референту, что Мах выражал свое согласие с главой имманентной школы, Шунпе, и даже посвятил ему свой последний и главный философский труд? Как объясняет референт это присоединение Маха к явно идеалистической философии Шунпе, защитника л и о в ц и н ы и вообще явного реакционера в философии?»

9. Почему референт умолчал о „приключении“ с его вчерашним товарищем (по „Очеркам“), меньшевиком Юшкевичем, который сегодня объявил Богданова (вслед за Рахметовым) идеалистом? Известно ли референту, что Петцольдт в своей последней книге целый ряд учеников Маха отнес к идеалистам?»

10. Подтверждает ли референт тот факт, что махизм не имеет ничего общего с большевизмом? что против махизма неоднократно протестовал Ленин? что меньшевики Юшкевич и Валентинов „чистые“ эмпириокритики? (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 3—4; см. также Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1957, с. 42, 57, 33—34, 107).

Готовясь к выступлению, Д. внес изменения во второй, третий и десятый вопросы, а седьмой вопрос зачеркнул (см. В. И. Ленин, 3 изд., т. 13, с. 334, прим.).

Лит.: Крупская Н. К., Воспоминания о Ленине, М., 1957, с. 152; Андреев В. М., Товарищ Иннокентий (И. Ф. Дубровинский), Л., 1934; Криер А., Товарищ Иннокентий, Орел, 1960.

ДУ ГО-СЯН (псевдонимы — Линь Бо-сюй, Линь Бо, У Нянь-цзы, Ду Шо-усу) (апрель 1889—12 января 1961) — кит. философ, историк, лит. критик и обществ. деятель. Член КПК (с 1928). В 1907—19 учился в Японии. После возвращения на родину был преподавателем в ряде ун-тов, выступал с пропагандой марксизма. За участие в революц. деятельности был заключен в тюрьму (1934—37). В период антияпонской войны опубликовал ряд статей, посвященных критике взглядов бурж. кит. философа Фын Ю-лая. После образования КНР — председатель Гуанчжоуского филиала АН КНР, директор Ин-та обществ. наук.

Д. Г.-с. — автор ряда трудов по истории кит. философии («Исследования о до-цинских мыслителях» — «Сянь Цинь чжуцзыди жогап яньцзю», 1955; «Очерки о до-цинских мыслителях» — «Сянь Цинь чжуцзы сысян гайяо», 1955); он участвовал в написании 5-томной истории кит. идеологии. Наибольший интерес представляют работы Д. Г.-с. о др.-кит. философах Мо-цзы, Гунсунь Луне, Сюнь-цзы и др. В этих работах Д. Г.-с. выступил против идеализации идеализма, показал борьбу двух лагерей в истории кит. философии, дал высокую оценку теории познания и логике позднейших *моистов*.

Лит.: Хоу Вай-лу, Даоянь Ду Го-сян тунчжи (Памяти товарища Ду Го-сяна), «Лиши яньцзю», 1961, № 1.

В. Буров. Москва.

ДУДЕЛЬ, Савва Павлович [р. 21 дек. 1909 (3 янв. 1910)] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1959), профессор (с 1960). Член КПСС с 1939. Окончил Моск. консерваторию (1931) и Моск. ин-т истории, философии и литературы (МИФЛИ, 1938). Преподает филосо-

фию в вузах с 1938. Зав. кафедрой диалектич. и историч. материализма Всесоюз. заочного политехнич. ин-та (с 1956). Работает преим. по проблемам материалистич. диалектики, диалектики развития сов. общества.

Соч.: Марксистский философский материализм, М., 1950; К вопросу о единстве и борьбе противоположностей как внутреннем содержании процесса развития, в сб.: Вопросы диалектич. материализма, М., 1951; О внутренних антагонистических и неантагонистических противоречиях, «Вопр. философии», 1953, № 2; Развитие как борьба противоположностей. Познание мира, в кн.: Диалектический материализм, М., 1953; Законы материалистической диалектики, М., 1958; О диалектике положительных и отрицательных сторон явления, «Научн. докл. высшей школы. Филос. науки», 1958, № 1; В. И. Ленин о соотношении единства и борьбы противоположностей, в кн.: Сб. ст. Всесоюзного заочного политехнич. ин-та, в. 25, М., 1960; Диалектика перерастания социализма в коммунизм, М., 1960; Специфика борьбы нового и старого в условиях строительства коммунизма, «Вопр. философии», 1962, № 3.

ДУНАЕВА, Екатерина Андреевна [р. 22 ноября (5 дек.) 1905] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1961). Член КПСС с 1927. Окончила Академию коммунистич. воспитания имени Н. К. Крупской в Москве (1931). Преподает философию в вузах Москвы с 1939. В 1947—61 — зав. кафедрой марксизма-ленинизма Моск. станкоинструментального ин-та. С 1961 — проф. Моск. финансового ин-та. Науч. работу ведет преим. по нар. вопросу.

Соч.: Сотрудничество наций в СССР, [М.], 1948; Разрешение проблемы сотрудничества наций в СССР, в кн.: О советском социалистическом обществе. Сб. ст., М., 1949; Роль «Пекрия» в борьбе с буржуазным национализмом, в сб.: Ленинская «Изра», М., 1950; Дружба народов — источник силы и могущества Советского государства, М., 1954; Экономич. развитие социалистич. наций в условиях завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму, в кн.: Социалистич. нации СССР, М., 1955; Сотрудничество социалистич. наций в строительстве коммунизма, М., 1960.

ДУНС СКОТ (23 дек. 1265 или 17 марта 1266—8 нояб. 1308) — философ-схоластик и теолог. См. *Иоанн Дунс Скот*.

ДУН ЧАНУН-ШУ (187—120 до н. э.) — кит. философ-идеалист, метафизик, последователь *Конфуция*. Сыграл видную роль в процессе превращения *конфуцианства* в офиц. религ. идеологию. Получил прозвище «Конфуция эпохи Хань». Д. Ч.-ш. утверждал, что небо, обладающее человеч. свойствами и волей, есть верховное начало, к-рое распоряжается всей Вселенной. Природа и обществ. порядок являются продуктами его целенаправл. деятельности. Воля неба, по Д. Ч.-ш., есть моральный закон, к-рый должен уважать и блюсти мудрый человек. Т. о., в учении Д. Ч.-ш. феод. этика становилась внутр. сущностью мира.

Согласно Д. Ч.-ш., цель познания состоит не в открытии сущности вещей, не в приведении понятий в соответствие с объективным миром, а, напротив, в подчинении вещей своим «именам». Тот, кто идет наперекор «именам», тот «идет против неба». Для историч. взглядов Д. Ч.-ш. характерна идея круговращения: «Закон неба кончается и вновь начинается». Согласно Д. Ч.-ш., существуют три типа обществ. строя, к-рые циклически повторяются в истории. Признавая смену типов обществ. порядка, Д. Ч.-ш. стремился доказать неизменность осн. принципа феод. строя. Положение Д. Ч.-ш.: «Небо неизменно, неизменно и дао» — является классическим положением др.-кит. метафизики (см. Мао Цзэ-дун, Избр. произв., т. 2, М., 1953, с. 412).

В учении о природе человека Д. Ч.-ш. синтезировал положения *Сюнь-цзы* и *Мэн-цзы*. Он утверждал, что классовое и сословное деление общества соответствует вечным «законам неба и земли» и в связи с этим различал 3 категории человеч. природы: высшую, среднюю и низшую. Согласно его учению, понятием «добра» характеризуется лишь человек, природа «больших людей», а природа «малых людей» — понятием зла. Приписывая императорской власти божеств.

характер, выступал с защитой феод. строя Древнего Китая. Соч. Д. Ч.-ш. собраны в кн. «Чуньцзо фань лу».

Лит.: Х о у В а и - л у Ю др. J. Чжунго сясян тунци (История китайских идеологий), т. 2, Пекин, 1957, с. 84—125; Franke O., Studien zur Geschichte des Konfuzianischen Dogmas und der chinesischen Staatsreligion: Das Problem des Tsch'un-t's' in und Tung Tsch'ung-schu's Tsch'un-t's' in fan lu, Hamb., 1920; Fung J u - l a n, A history of chinese philosophy, v. 1—2, Princeton, 1952—53. *Шу Цзюнь*. КНР.

ДУРДИК (Durdík), Йосеф (15 окт. 1837—30 июня 1902) — чеш. философ, эстетик и писатель. Рассматривал философию как синтетич. науку, опирающуюся на результаты естественных и гуманитарных наук. Д. исследовал общие вопросы философии, решая их вначале в духе динамич. атомизма *Лейбница* («Leibnitz und Newton», 1869), а потом — исходя из взглядов *Гербарта*. В работах по эстетике «Всеобщая эстетика» («Všeobecná aesthetika», 1875), «Поэтика...» («Poetika...», 1881) и др. Д. выступил с защитой принципов т. и. формальной эстетики Гербарта и *Циммермана*, полагая, что эстетич. качества относятся только к форме предмета, к-рая понималась им как способ соединения, связи составных элементов предмета, его структура. Эстетич. взгляды Д. оказали известное влияние на дальнейшее развитие чеш. эстетич. мысли. Д. — автор ряда работ по истории философии: «История новейшей философии» («Dějiny filosofie nejnovější», 1887), «Дарвин и Кант» («Darwin und Kant», 1906) и др.

Соч.: Dějepisný nástin filosofie novověké, dl 1, Praha, 1870; O pokroku přírodních věd, (Praha), 1874; Rozpravy filosofické, Praha, 1876; Über das Gesamtkunstwerk als Kunstideal, Praha, 1880; O Kantově Kriticе čistého rozumu, Praha, 1882; Leibnitzova Monadologie, Praha, 1884.

Лит.: К р е ж е ї F., O Durdíkově metafysice, в кн.: Sborník Durdíkův, dl 1, Praha, 1906. И. Зумр. ЧССР.

ДУХ — совокупность и средоточие всех функций сознания, возникающих как отражение действительности, но сконцентрированных в одной индивидуальности, как орудие сознательной ориентации в действительности для воздействия на нее и в конце концов для ее переделывания. Т. о., Д. не есть только простая совокупность функций сознания, что делало бы его пассивным орудием, но он — активно действующая сила человека. Д. возникает только как явление вторичное в сравнении с действительностью, воздействуя, однако, на нее и через общество, практику переделывая ее, без чего невозможна и сама история. «Сознание человека, — говорит Ленин, — не только отражает объективный мир, но и творит его» (Соч., т. 38, с. 204). Различные значения термина «Д.» свидетельствуют, что Д. меньше всего является понятием психологическим, субъективным, указывающим только на состояния или процессы индивидуального сознания. Языки мира, в частности русский язык, употребляют слово «Д.» в смысле физиологическом («испустить Д.»), физическом («вольный Д.» в печи), моральном и социальном («боевой Д.»), «высокий Д.» героя или войска, народа), эстетическом («духий», «душистый»), историческом («Д. времени»), политическом («вольный Д.» гражданин или общества, деятелей), мифологическом («бесплотные Д.»), в смысле характера или существа к.-н. предмета («Д. законов», «в Д. чего-нибудь»).

Поскольку разнообразных филос. теорий Д. существует несоборное количество, целесообразно представить историч. обозрение осн. типов учения о Д. в связи с осн. периодами историч. развития.

Первый период истории человечества характеризуется как первобытнообщинная формация. В этот период мировоззрение людей определяется существующим общинным способом произ-ва, а также кровнородств. связями. Вследствие неразвитости произ-ва этого периода люди были во власти стихийных сил природы. Стараясь понять явления природы и общества, человек в это время использовал то, что для него

было наиболее понятно, а именно — родовые отношения. Первые представления о Д. явились результатом их обобщения и переноса на природу и общество. Предметы и явления природы воспринимались человеком как живые и одушевленные силы. На этой стадии нет еще расчленения представлений о Д. (и душе) и теле. На ранних ступенях сознание человека окружало себя этим Д. (или *душами*), к-рые то ли прямо тождественны с вещами (фетишизм), то ли отделяются от них в той или иной мере (*анимизм*). Были Д. каждой вещи и явления — деревьев, источников, рек, леса, гор, рождения человека, его здоровья или болезней, его смерти, дающей общины, рода или племени, Солнца, Луны, звезд и т. д. Но в пределах этой формации не существовало представления о к.-н. эфемерном, нематериальном Д. Эти Д. являются друг в отношении друга отцами или детьми, мужьями или женами, производителями продуктов на манер родовой общины или их потребителями. В этом виде индоевропейские языки закрепили понятие Д. при помощи термина «демон» (или у римлян «гений»). Демонов этих мыслилось огромное количество, соответственно вещам. Им была свойственна самая разнообразная степень абстракции, начиная от того демона, к-рый рождается и погибает вместе с появлением и исчезновением вещи, и кончая такими демонами, к-рые охватывают собой огромные области действительности и остаются существовать несмотря на постоянное возникновение и гибель относящихся к данной области вещей.

С зарождением рабовладельческой формации погибает универсальное могущество мифологич. мышления, поскольку человек, освободившийся теперь от родовых авторитетов, пытается действовать на собствен страх и риск и начинает отказываться от столь наивного переноса обществ. отношений на весь мир. Появляются попытки устанавливать те или иные закономерности природы и общества уже в более или менее отвлеченной форме. Наивная мифология родового периода постепенно вытесняется возникающими философией и наукой. Уже у Гомера термин «демон» означает не только к.-н. большое или малое божество, но и гораздо более абстрактное понятие участи, смерти или судьбы (в общежизненном смысле слова; см. «Илиада» VIII 166). Подобное значение термина встречается во многих произведениях греч. лит-ры (Гесиод, Феогнид, Аляман, Сафо, Пиндар, трагики, Аристофан). У Эмпедокла (В 59, Diels⁹) две основные космич. силы — любовь и ненависть, отнюдь уже не антропоморфного, но натурфилос. характера, называются демонами. У Феогнида (637—38) этим же термином обозначаются надежда и опасность, у Вакхилида (XVI 23, Snell) — ревность. У Гераклита (В 119) «характер человека есть его демон». Приблизительно то же — у Эпихарма (В 17) и Демокрита (В 171). Т. о., термин «демон» приобретает, наряду со старым, также и переносное значение, обозначая то прямо высшую духовную силу (Plat. Conv. 202 E, сл., Phaed. 99 C), то значение совести в широком смысле (каким является, напр., «демонион» Сократа — Xenoph., Memor. I 4, 15; IV 3, 13; Plat. Apol. 31 D; Phaedr. 242 B).

Однако для обозначения понятия Д. грекам пришлось воспользоваться др. терминами, потому что старинные демоны окончательно не преодолевались, а в последние века античности приобрели даже большую силу. Главным из этих терминов является *нус*, к-рый буквально значит «ум». Здесь сказались характерная особенность греч. науки и философии: гл. предметом для греч. мыслителей всегда оставался материальный, объективно существующий космос и присутствие ему всегда наглядно данные закономерности. Нус у Анаксатора уже противопоставит всему материальному, к-рое он преобразует из вихревого хаоса в актив-

но подвижной, упорядоченный космос (Анахаг. В 12—14). Сложнее дело обстоит у Платона (Tim. 29 E—47 D) и Аристотеля (Met. XII, 6—9), поскольку в их время весьма углубилась диалектика идеального и материального и философия уже перестала быть столь непосредственно связанной с чувств. восприятием. Но у обоих философов при всех их различиях для понятия Д. нет более важного термина, чем нус. Этот нус тоже является перво двигателем космоса, адекватно мыслит сам себя, изливаясь своими энергиями в теплую и бесформенную материю, сам будучи «формой форм» и «мысленцем мышления» (т. е. самосознающим мышлением). В этой концепции своеобразное отражение получило отношение противоположности господина и раба, в свете к-рого создавались даже такие предельные обобщения, как мировой нус в его отношениях к бесформенной материи. Др. термином для выражения понятий Д. был у греков *логос*, т. е. слово-смысл и слово-разум, хотя наибольшую популярность этот термин получил не в классической, а в эллинистич. философии, а именно у стоиков, к-рые отождествляли его (как и Гераклит) с огнем, трактовали его (как и Аристотель) энергично, истекающим из космич. нуса. Наконец, может быть наименее интеллектуалистич. термином для обозначения понятия Д. был у греков термин «пневма» (у римлян *spiritus*), к-рый, как и в рус. языке, связан с функциями дыхания живого существа. В ранних натурфилософских школах эта пневма пока еще обозначает либо «воздух» (Ферекид А 8, Анаксимен В 2, Анаксимандр А 23, Демокрит А 98), либо «ветер» (Фалес А 19, Эмпедокл В 84, 4, Ксенофан А 46), либо «дуновение» (Фалес 7 А 5, Эмпедокл В 136, 5, Демокрит В 18), или «дыхание» (Эмпедокл А 93, Филолай А 27, Демокрит А 136). У стоиков такая огненная пневма разливается по всему космосу, организуя его своим энергичным логосом или даже логосами, вплоть до телного дыхания организмов и полного ослабления ее в физич. вещах. Окончат. систематич. обработку это антич. понятие Д. получило у неоплатоников, к-рые соединили платоно-аристотелевский нус с аристотелевскими энергиями и стоич. пневмой, дающей возможность дышать всему существующему (систематич. обзор этой концепции — см. Plotin III 8; V 2). То, чем является нус — логос — пневма для всего космоса, свойственно у древних и каждой отд. душе, т. е. Д. везде является здесь тоже умом, активно созерцающим самого себя, но в то же самое время и активно действующим во вне, «чистым» и «беспримесным» мышлением, «самодвилющим» и «божественным». Конечно, раз возникнув, философия приобретает относит. самостоятельность в своем развитии. Пек-рую относит. самостоятельность приобрело и развитие тех или иных понятий, в т. ч. понятия Д. Но все же филос. системы всегда и везде определяются развитием обществ. жизни, борьбой классов. Поэтому указанные выше антич. понятия Д. могли формироваться только как предельные обобщения разного рода классовых отношений, в частности отношений господина и раба.

Полной противоположностью этой античной, в основном космологической, интеллектуалистической и вневещной концепции Д. является ср.-век. учение о Д., к-рый у ср.-век. философов так же объективен, чист от всего материального, полон творч. энергии и божествен, но к-рый, кроме того, и в этом его специфика, является и личностью, личным абсолютном со своим предел. именем и со своей определенной, неповторимой судьбой в космосе, со своей т. п. священной историей. Если антич. Д. космичен и является лишь обобщением действительного мира, то ср.-век. Д. — надмировое начало, к-рое не существует прежде и раньше Земли, природы, космоса и творит их из ниче-

го по собств. соизволению. Если там Д. есть действующее начало самого космоса, определяющее собой закономерность, то здесь абсолютный личностный Д. творит мир только однажды в вечности, и судьба этого мира неповторима, и хотя нус (или по-латыни mens) и здесь является постоянной характеристикой абсолюта, тем не менее Д. («Д. святой») является здесь необходимым моментом самого абсолюта, а именно его животворящей функцией, в отличие от его многих других таких же личностных функций. Ср.-век. концепция Д. есть монотеизм. В монотеизме явственно отразились особенности феод. формации, к-рая на почве иерархич. феод. отношений общественно-экономич. и политич. жизни довела до предела иерархич. понимание бытия, увенчавши его светом уже не космич., но абсолютно личностного Д., что получило свое выражение, напр., в воззрениях таких мыслителей, как Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст (все — 4 в. н. э.), Максим Исповедник (7 в.), Иоанн Дамаскин (9 в.) — на Востоке и Тертуллиан (3 в.), Августин (4 в.), Ансельм Кентерберийский (11 в.), Фома Аквинский (13 в.) — на Западе.

С возникновением и развитием капиталистич. формации все эти феод. концепции постепенно теряли свой абс. авторитет, т. к. новая формация с небывалой энергией выдвинула на первый план частного собственника и частного предпринимателя, тем самым открывши путь для возвеличивания человек. индивидуума и его сознания, вплоть до превращения его в какое-то абс. начало. Новое время, начиная с эпохи Возрождения, богато разнообразными теориями Д. как абсолютизации человеческого индивидуума, отразившими тенденции складывающегося бурж. индивидуализма. На первом плане были здесь не антич. космич. Д., но и не ср.-век. надмировая личность, а углубление в человек. «Я», когда либо сам человек, субъект, либо та или другая его способность начинала мыслиться как подлинно духовное начало. Индивидуализм, субъективизм и психологизм пускаются теперь в ход для конструкции самого понятия Д. Декартовское «мыслью — следовательно, существую» ярко свидетельствует о том, что человек. мышление стало теперь рассматриваться как факт более достоверный и убедительный, чем объективное бытие. Учение Лейбница о монадах, хотя и может показаться (особенно в «Теодицее») подобным мифологии. учению о духах, на самом деле вполне рационалистично и связано с возникшей в то время математич. теорией бесконечно малых величин (дифференциальным исчислением), одним из творцов к-рой был Лейбниц (ср. «Монадология», § 10—14, 33, 34, 36, 39, 47, 65 и др., в кн.: Избр. филос. соч., М., 1908). Другое направление учений о Д. в бурж. философии нового времени — материалистическое. Однако и у материалистов этого периода трактовка Д. — интеллектуалистическая. Так, Спиноза пользовался для понятия Д. лат. термином mens, что означает и Д., и душу, и ум. Для Спинозы Д. равнозначен мышлению, к-рое он рассматривал как один из атрибутов субстанции (природы) наряду с протяжением. Поэтому Д. есть качество, присущее человеку от природы: «...не более в нашей власти иметь здоровый дух, чем здоровое тело» (Избр. произв., т. 2, М., 1957, с. 292). Т. к. возможности всякой вещи определены ее природой и проявляются как природная «мощь» этой вещи, то и Д. проявляет себя в познании истины. Интеллектуализм в понимании Д. отчетливо проявляется также и у франц. материалистов 18 в., особенно у Гельвеция, соч. к-рого «De l'Esprit» уже самим названием обнаруживает интеллектуалистское понимание проблемы (esprit — по-французски и «ум», и «дух»). «Ум рассматривается или как результат способности мыслить (и в этом смысле ум есть лишь

совокупность мыслей человека) или он понимается как самая способность мыслить» («Об уме», М., 1938, с. 3). Считая ум природным свойством человека, Гельвеций рассматривает общество как природную среду, на к-рой развивается это свойство; поэтому идеи, образующие ум, необходимо вытекают из того общества, в к-ром люди живут, а ум формируется воспитанием; т. к. движущей силой общества являются интересы, в конечном счете личные, то и ум определяется в зависимости от интересов. В этой концепции обнаруживается гл. противоречие теории общества у франц. материалистов: человек (и ум как его свойство) формируется обществом, но его природные качества (в т. ч. и ум) предворяют общество, образуют основу, на к-рой оно зиждется. Это противоречие сказывается, напр., в том, что, определяя ум как «...совокупность новых идей и комбинаций» (там же, с. 283), Гельвеций в то же время признавал, что «...наши идеи столь необходимо вытекают из того, в каком обществе мы живем, какими предметами мы окружены, что верховный разум мог бы отгадать наши мысли, зная, чем мы были окружены, и зная наши мысли, догадаться, какого рода и сколько предметов доставил нам случай» (там же, с. 69). Это противоречие ярко обнаруживает бурж. ограниченность социальной теории франц. материалистов, их неспособность преодолеть узкие рамки бурж. индивидуализма. Однако в материализме 17—18 вв. этот индивидуализм выступает только в неявной форме, в конечном счете. Явно он выступил в бурж. философии в виде субъективистских концепций Д. Кант уже открыто говорит, что Д. есть только наша субъективная идея, могущая быть предметом веры, но никак не науч. философии. Человеку хочется иметь цельное знание и потому он пользуется Д. как регулятивной идеей, для к-рой, однако, нет никаких оснований в непосредств. опыте. Д. нужен Канту и в этике, и в эстетике. «Д у х о м в эстетическом значении называют оживляющий принцип в душе... Этот принцип есть не что иное, как способность изображения эстетических идей» («Критика способности суждения», СПб, 1898, с. 186). Но он везде есть для Канта только непознаваемая вещь в себе, действующая в человеке только в виде априорного принципа. «Оживляющая» деятельность Д. признается у Канта тоже в меру ее априорной обоснованности. Все секреты обожествления человек. субъекта, лежавшие в основе новоевропейских бурж. идеалистич. учений о Д., раскрывает Фихте, для к-рого не существует даже и непознаваемых вещей в себе, а все вещи и все их проявления есть только порождение абсолютного «Я». Романтик Новалис прямо учил о «магическом идеализме», для к-рого все существующее является только продуктом магич. деятельности человек. идей. Оставалось только в эту философию абс. Д. ввести природу и историю и получалась уже окончат. философия абсолютизированного человек. Д., к-рая вполне сознательно и систематически конструирует все прошедшее, настоящее и будущее исключительно лишь средствами точно сформулированных логич. категорий. Всю природу как момент в развитии абс. Д. трактовал Шеллинг, а всю историю, начиная с первых проблесков человек. сознания и кончая высшими творениями цивилизации и культуры, трактовал Гегель, у к-рого особенно отчетливо проведена философия мирового Д., действующего, однако, исключительно только логически сформулированными категориями. Философия Д. у Гегеля диалектически проходит стадии субъективного Д. (антропология, феноменология и психология Д.), объективного Д. (право, моральность, нравственность) и завершается абс. Д. с его тремя категориями — иск-во, религия и философия — с дальнейшим переходом уже на ступень всемирной истории, где каждый период и все периоды вместе выступают

как система диалектически развивающихся логич. категорий. «Несмотря на бесчисленные произвольные построения и фантастические выдумки, которые здесь выступают перед нами; несмотря на идеалистическую, на голову поставленную форму ее результата — единства мышления и бытия, — нельзя отрицать того, что эта философия доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами природы и истории — и обратно — и господство одинаковых законов для всех этих процессов» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 213). Рациональным моментом теории Д. у Гегеля является истолкование сознания человека в его развитии, через опосредствование индивидуального сознания (Д.) всем содержанием истории духовной культуры человечества, в виде истории цивилизации, включая материальное произ-во, политику, нравственность, иск-во, науку. Гегелевская философия была кощом классич. философии нового времени, выросшей на почве характерной для буржуазно-капиталистич. отношений абсолютизации человек. субъекта и сконцентрированной в виде имманентно и окончательно данных человек. мышлению логич. категорий. Грандиозная попытка Гегеля истолковать историю через идеалистич. категорию Д. при всем своем диалектич. богатстве закономерно оказалась искусственной идеалистич. конструкцией. О гегелевской философии истории Ленин замечает: «Здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован» (Соч., т. 38, с. 310).

Бурж. философия Д. после Гегеля в сравнении с философией самого Гегеля была уже эпигонством, лишением гегелевского универсализма и всегда пытавшимся обосноваться на той или иной субъективной способности, возводя ее в осн. принцип Д., с отстранением или удалением других способностей субъекта. Вульгарный материализм (Фохт, Молешотт, Бюхлер) гипостазировал чувств. ощущения, так что ничего не оставалось, кроме физич. материи, из к-рой Д. появлялся на манер какого-то физического же испарения или испарения. Спиритуализм гипостазировал либо человек. представления (Герbart), либо волю или аффекты (Вундт), либо инстинкты (Фрейд), область человек. психики (Бергсон), либо бессознательное (Э. Гартман) или подсознательное, либо личность как некую субстанцию (Лютце, Тейхмюллер, Л. М. Лопатин). В совр. бурж. философии еще до сих пор не умирают ни материальные Д. древности (теософия и спиритизм), ни личностный абсолют средневековья (у богословов христианской и др. религий, в неомизме), ни кантовский трансцендентализм (Г. Копп, Натоп, Кассирер). Из всего этого ясно, что специфичный для совр. бурж. философии индивидуализм и субъективизм, как бы он ни дифференцировал способности человек. субъекта, уже близок к своему исчерпанию. Возможные здесь бесконечные оттенки в наст. время уже теряют свой смысл, как бы их ни детализировать и ни умножать, потому что границы самого их порождающего начала, а именно субъективно-человеч. индивида капиталистич. общества, уже достаточно ясно обозначились. Гуссерль и неопозитивизм вообще аннулировали проблему Д. как филос. проблему и заменили ее той или иной совокупностью условных категорий, лишенных единой субстанции и реального существования, что является уже самоотрицанием вообще всего бурж. учения о Д. От иррационалистич. самоуглубления (экзистенциализм) до равнодушного самоотрицания (неопозитивизм) — вот каков диапазон совр. бурж. учений о Д., почти всегда пытающихся конструировать понятие Д. в отрыве от действительности.

Вместе с возникновением новой, коммунистической формации меняется отношение личности и общества и надает столь характерное для бурж. идеологии обожествление изолированного субъекта. Марксистско-

ленинская концепция Д., обществ. сознания, используя рациональные моменты учений о Д., связанные с социально-историч. формациями прошлого, базируется на иных, диалектико-материалистич. основах. Поскольку проблема активности сознания в марксистско-ленинской философии требует дальнейшей разработки, необходимо учитывать эти исходные принципы как условие для ее правильного решения. Среди этих принципов надо назвать следующие.

Для того чтобы существовал Д., необходимо существование материальной действительности, поскольку материя первична, а Д., сознание, вторично. Но эту вторичность нельзя понимать на манер *вульгарного материализма*. Д. есть свойственная человеку функция отражения материальной действительности, т. е. характерная особенность той ступени развития последней, на к-рой она приходит к самосознанию. Это сознание есть активная сила общественно-исторически развивающегося человека и человечества, к-рая, будучи сконцентрирована вокруг определ. идей, является орудием воздействия на ту же действительность, из к-рой сознание появилось. Т. о., Д. как сконцентрированное сознание есть не что иное, как необходимое орудие человека — закономерного этапа развития материальной действительности, в его воздействии на эту действительность, т. е. в конечном счете — средство, с помощью к-рого она передельвает самое же себя.

Но дело этим не исчерпывается. Поскольку субъектом отражения и передельвания действительности оказывается общественно-исторически возникший и развивающийся человек, постольку марксистско-ленинское понимание Д. (обществ. и личного сознания) должно исходить из теории историч. материализма, социально-экономич. формаций, историч. процесса освобождения человека от эксплуатации, чтобы содержание марксистского понятия Д. стало вполне ясным и определенным.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, М., 1955, с. 85—86, 627; его же, Экономическо-философские рукописи 1844 года, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956, с. 624—42; Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3, с. 18—49; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957, с. 299—300; Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 271, 307—308; Основы марксистской философии, 12 изд., М., 1959; Гегель Ф., Философия духа, Соч., т. 3, М., 1956; его же, Феноменология духа, там же, т. 4, М., 1959; Крамер Р. М., Die doctrina Spinozae de mente humana, Halle, [1865] (Diss.); Siebeck H., Die Entwicklung der Lehre vom Geist (Pneuma), Z. Völkpsychol. und Sprachwiss., 1880, Bd 12, H. 4, S. 361—407; Ricardou A., De humanae mentis alternitate apud Spinozam, thesim..., [P.], 1890; Nöesgen K. F., Das Wesen und Wirken des Heiligen Geistes, Bd 1—2, B., 1905—07; Dreyer H., Der Begriff Geist in der deutschen Philosophie von Kant bis Hegel, B., 1908; Leisegang H., Der heilige Geist. Das Wesen und Werden der mystisch-intuitiven Erkenntnis in der Philosophie und Religion der Griechen, Bd 1, Tl 1, Lpz. — B., 1919; его же, Pneuma Hagion, Lpz., 1922; Jaspers K., Psychologie der Weltanschauungen, B., 1922 (о структуре духовных типов); Stenzel J., Zur Entwicklung des Geistbegriffes in der griechischen Philosophie, в кн.: Die Antike Zeitschrift für Kunst und Kultur des klassischen Altertums, B. — Lpz., 1925, S. 244—72; Hoffmeister J., Zur Geistbegriff des deutschen Idealismus bei Hölderlin und Hegel, «Dtsch. Vierteljahrsschrift für Literaturwiss.», 1932, № 10; Snell B., Die Entdeckung des Geistes, Hamb., 1946; François G., Le polythéisme et l'emploi au singulier des mots: theos et daimon, P., 1958.

Лит. о логосе и нусе см. при статьях Логос, Нус.

А. Лосев. Москва.

ДУХОВОРЫ — рус. христианская секта, возникшая в сер. 18 в. Идеологией предвосхищала движения Д. явилось пантеистич. учение о разности в мире «божественной премудрости, благости и любви». Бог, по учению Д., присутствует в каждом человеке, в его душе и сердце. Отсюда делался вывод о том, что церковь и религ. обрядность являются совершенно излишними. Духоборч. проповедники учили о поклонении «живой иконе — образу божьему в человеке», утверждали, что «возлюбивши самого себя, человек

делает сам себя богом и есть сам себе бог». В представлениях Д., люди считались наделенными божеств. даром «самовластия», т. е. свободы, и от рождения равными друг другу. Из теоретич. предпосылок этого своеобразного гуманистич. учения равные Д. делали смелые социально-политич. выводы: понятие о природном равенстве людей было завершено провозглашением «общности имущества», а понятие о «самовластии» — отрицанием института царской власти; «не нужны для чад божиих ни цари, ни власти, ни какие бы то ни было человеческие законы». Вместе с тем Д. отказывались от активного социального протеста в форме революц. борьбы.

Учение Д. было сформулировано проповедниками С. Колесниковым и П. Поборохиным и имеет много общего с учением их современника *Сковороды*. Оно отражало интересы крестьян в период кризиса феод. строя и, в первую очередь, т. н. гос. крестьян. Попытка поставить «малый мир» — человека — в центре всего мира соответствовала бурж. индивидуализму. Требование общности имущества и отрицание института церк. и политич. власти свидетельствуют о крестьянском демократизме духоборч. движения 2-й пол. 18 в.

Принцип «общности имущества» и отказа от института власти Д. пытались осуществить на практике. Была введена совместная обработка земли и равный дележ урожая, созданы обществ. стада и магазины. Однако, вопреки социальным утопиям Д., их собств. история развивалась под знаком углубления классовых противоречий, что привело, в конце концов, к разрушению коммуны. В них возникла теократич. форма правления в виде «совета стариков», возглавлявшегося религ. руководителями Д. (С. Канустин, Л. Калмыков, П. Калмыков и др.). Л. Калмыков распространял версию о вселении в него и наследственном переходе к его потомкам духа самого Христа, чтобы придать своей власти династич. характер. Классовая борьба в духоборч. коммунах привела к тому, что Д. раскололись на «большую партию» — сторонников П. Веригина, и «малую партию» — захватчиков обществ. имущества. Царизм и правящая церковь подвергли Д. жесточайшим преследованиям: по указу Александра I в период 1800—16 Д. были эвакуированы в Таврич. губернию, на т. н. «Молочные воды». Во 2-й четверти 19 в. Николай I указами от 1826, 1830 и 1839 усилил репрессии против Д. В период 1841—44 Д. были водворены на положении ссыльных в Закавказье. Царизм поддерживал «малую партию». Веригин был арестован и многие годы провел в тюрьме, откуда продолжал руководить своими последователями. Так, в 1895 он организовал антиимпериалистскую демонстрацию, выразившуюся в отказе от воинской повинности и сожжении оружия. На это царизм ответил полнейшим разорением духоборч. сел, отдачи Д. в дисциплинарные батальоны и ссылки в Сибирь. Расправа царизма вызвала возмущение рус. обществ. личности и движение помощи Д., возглавленное Л. Толстым. В 1898 царское правительство вынуждено было дать согласие на отъезд Д. за границу. В 1899 ок. 8 тыс. Д. переселилось в Канаду.

Социальные идеалы Д. неизменно терпели крах, т. к. исходили не из учета реальной действительности, а из мечтаний в духе христианского социализма. Демократич. слои Д., выражавшие протест против социального гнета, всякий раз становились жертвами эксплуатации своих же единовладельцев-собственников.

Лит.: Бонч-Бруевич В., Животная книга духоборцев, СПб., 1909; е го же, Духоборцы в канадских прериях, «Образование», 1903, № 4—8; е го же, Духоборцы в западных прериях, ч. 1, П., 1918; Рындинский П. Г., Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х годах XVIII века, в кн.: Вопросы истории, религии и атеизма, [т.] 2, М., 1954; К л и б а н о в А. И., Происхождение религиозного сектантства в России, в кн.: Наука и религия, М., 1957.

А. Клибанов. Москва.

ДУША (греч. ψυχή, лат. anima) — понятие, выражавшее исторически изменявшиеся воззрения на психику человека и животных; в религии и идеалистич. философии и психологии — будто бы особое нематериальное (независимое от тела) оживотворяющее и познающее начало.

Возникновение понятия Д. связано с анимистич. взглядами первобытных народов (см. *Анимизм*). В представлениях первобытного человека Д. четко не отделяется от тела. Эти представления сложились в результате донауч., примитивно-материалистич. истолкования явлений жизнедеятельности и сознания, в т. ч. таких, как сон, смерть, обморок и т. п. Не располагая средствами причинного объяснения подобных явлений, первобытный человек принимал их непосредственно воспринимаемую видимость за действительную сущность. Так, сновидения представлялись впечатлениями Д., покидающей во сне тело и странствующей по земле. Т. к. отсутствовало понимание смерти как конечного этапа жизненного процесса, то она воспринималась в качестве разовидности сна, когда Д. по к.-л. причинам не возвращается в тело. Первобытный человек осмыслил эти явления путем переноса на них свойств и особенностей живого индивида и коллектива. Д. — двойник человека; ее потребности и привычки, условия существования те же, что и у живых людей. Д. умерших составляют такие же коллективы, как и живые люди, с теми же заботами и социальным укладом. Коллективы живых людей и Д. мертвых взаимно зависимы, их связь — материальная, хозяйственная. Представления об этой «зависимости» от Д. как индивида, так и общества, обусловленные бесстыдством дикаря перед природой, породили культовое отношение к Д. — первонач. форму религии.

В дальнейшем в связи с развитием общества, с дифференциацией планирования и исполнения, физич. труда и «духовных сил производства», с появлением классового общества и развитием абстрагирующей способности человека возникли идеи о нематериальной природе Д. Вместе с тем прежнее анимистич. мифологич. представления начинают уступать место попыткам истолкования Д. с т. зр. натурфилос. картины мира. У античных натурфилософов *Фалеса*, *Анаксимена* и у *Гераклита* Д. трактуется как оживотворяющая людей и животных форма элемента, образующего первоначало мира (воды, воздуха, огня). Последоват. проведение этой идеи приводит их к заключению о всеобщей одушевленности материи (гилезонизм) — своеобразной форме материализма. Следствием развития этих материалистич. идей у атомистов *Демокрита*, *Эпикура* и *Лукреция* является толкование Д. как материального оживотворяющего тела органа, руководимого также материальным началом — духом, или, иначе, разумом, несущим функцию руководства всем процессом жизни (см. *Лукреций*, О природе вещей, III 95—170; рус. пер., М., 1958). Поскольку дух и Д. представляют собой орган тела, они сами телесны и образуются, согласно атомистам, из шаровидных, мелких и потому наиболее подвижных атомов. При всей наивности этого взгляда прогрессивным в нем было утверждение о том, что свойства живого — от низших функций тела и до психики, разума — являются свойствами самой материи.

Этой материалистич. концепции Д. в античности противопоставляла идеалистич. ее интерпретация — теория божеств. происхождения Д. (*Эпихарм*, пифагорейцы, *Платон*). Пифагорейцы представляли себе Д. как начало, воплощающее гармонию частей тела. Соответственно своей теории чисел они рассматривали эту гармонию как особую бессмертную сущность, вносимую в тело. В то же время у пифагорейцев имеются и наивно-материалистич. представления о Д. как о пылинках Солнца и фантастич. взгляды о повторении макро-

косма в микрокосме. В плане рационалистич. мифа решал проблему Д. и Платон (см. диалоги «Федон» и «Тимей»). Он строил целую конструкцию творения богом Д. как носителя ума. Бог «...вывел заключение, что нечто неразумное никогда, как творение, не будет прекраснее того, что имеет ум... а ума не может быть ни в чем без души. Следуя такой мысли, ум вселыл он в душу, а душу — в тело...» («Тимей», 30 В; рус. пер., М., 1879). Платон рассматривал Вселенную как одушевленное тело (см. там же, 30 В—D), человека — как микрокосм, повторяющий макрокосм (см. там же, 69 С). Считая тело несовершенным, множественным, переходящим началом, загрязняющим единую, бессмертную Д., Платон разделял учения о переселении Д. Он подробно разбирает строение тела человека, разделяя части его по степени совершенства и влияния на Д. Разумную Д. он помещал в голову, чувственную — в грудь, чревию — низший вид — ниже грудобрюшной преграды.

Для греч. философов характерно пластич. представление о Д. Как у пифагорейцев и Платона, так и у атомистов Д. ассоциируется с наиболее совершенным геометрич. телом — шаром (на этом основании, напр., Платон соотносывал Вселенную как местопребывание мировой Д. с головой — местопребыванием разумной Д.). Этот наглядно-образный взгляд на Д. делает резкой принципиальную противоположность трактовок Д. у материалистов-атомистов и у идеалистов. Если у атомистов она выводится из самих действительных процессов жизнедеятельности, то идеалисты вынуждены для ее истолкования обращаться к мифологич. типу мышления. Концепцию Д., оказавшую большое влияние на последующее решение проблемы, дал Аристотель. Он считал Д. неотделимой от тела (материц). Такая позиция обуславливала резко отрицат. отношение Аристотеля к мифологич. концепциям переселения Д., предсуществования Д. в мире идей. Характерным для «первобытного идеализма» Платона. Аристотель трактовал Д. как материальное начало, имеющее определен. место нахождения в теле, а именно — в сердце, к-рое сообщает теплоту крови, питающую «жизненный дух» (решма) организму. Однако сохранить материалистич. тенденцию Аристотель не смог: этому помешало идеалистич. понимание источника движения. В соответствии со своим пониманием материи как потенции и формы, как активного начала он трактует Д. как «...причину и начало живого тела...» («О душе», II 4, 415b7; рус. пер., М., 1937). Аристотель прямо связывает свою концепцию Д. с проблемой жизни: «Таким образом, необходимо душу признать сущностью, своего рода формой естественного тела, потенциально одаренного жизнью. Сущность же есть осуществление (интелехия), таким образом [душа есть] завершение такого тела» (там же, II 4, 412a19—21). Этим учением Аристотель заложил основу одной из самых живучих идеалистич. традиций в биологии — витализма. Показательно, что в своей классификации Д. — растительной, животной и человек. — Аристотель рассматривал последнюю как вполне нематериальную силу — *ителлект*, разум. В этом пункте его взгляды ближе всего к Платону с его различением Д. чревной, чувственной и разумной.

В эпоху эллинизма в философии, в решении проблемы Д. в частности, усиливаются идеалистич. тенденции в прямой связи с разработкой системы христианского монотеизма. Идеалистич. характер религ. концепций Д. связан с идеей единого бога-творца. Оставаясь индивидуальным оживотворяющим началом, Д. проецируется на бога в понятия божеств. мировой животворной силы — *духа*, и толкуется как производное последнего. Именно в такой трактовке понятие Д. выступает в идеалистич. философии *неоплатонизма*, а также у ср.-век. философов. Показательно, что в этих

филос. системах мировой ум стоит выше не только индивидуальных, но и мировой Д. Окончательно складывается идеалистич. теория, согласно к-рой всякое действие, активность связаны исключительно с силой разума, идеальной по природе.

Если в античности Д., как и тело, есть реальная частица мира (космоса), то уже в неоплатонизме и *гностицизме* развивается крайняя мистич. теория истечения (*эманации*), согласно к-рой мир представляет собой истекающие из единого неизреченного бога ступени: мировой ум — мировая Д. — индивидуальная Д. — материя. Единств. реальность — мистическая духовная первооснова. Напр., согласно Плотину, Д. познает бога только путем «слияния» с ним, в состоянии мистич. экстаза. Уже в гностицизме (Василид) выражена идея, получившая в средние века значение догмата, что «очищение» Д. происходит через знание «слова божия» — Евангелия. Так обосновывается характернейшее учение ср.-век. церк. идеологии о том, что единственно подлинная наука — богословие. В философии ср. веков происходит персонализация бога (*Августин, Ансельм, Фома Аквинский*), закрепившаяся в центр. догме христ. церкви — догмате о триединстве. Соответственно этому, индивидуальная Д. толкуется как образ бога в человеке. С позиции догмата о тринстве церковь выступает против крайней мистич. неоплатоновской концепции эманации (напр., против учения *Иоанна Скота Эриугены*). Однако влияние последней проходит все же через всю ср.-век. философию (алж-*Фараби*, Ибн Гебироль, Бернард Шартрский, *Бонавентура* и др.). В соответствии с определен. классовой направленностью христианства, ср.-век. концепция Д. используется для обоснования аскетич. морали. Идея о бессмертии Д. включается в религ. учение о загробном «возмездии» (концепции рая и ада). Это учение подробно развивается церковью соответственно с догматами о «воскресении» и «страшном суде». При этом богословы патактиваются на противоречие, связанное с проблемой единства Д. и тела. Так, Фома Аквинский оказывается в недоумении перед таким вопросом: «Мы не можем называть воскресением такое положение, когда душа не возвращается в то же самое тело, поскольку воскресение есть второе возникновение... И, следовательно, если душа приобретает не то же самое тело, то это будет уже не воскресение, а скорее приобретение нового тела» (*Summa Theologica*, pt. 3, Q 79, Art. 1). Т. о., религ. учение о воскресении фактически оказывается своего рода реминисценцией первобытного представления о бессмертии Д. и тела, в к-рое вкладывается содержание определен. понятий классовой морали, причем даже самая форма изложения, как и открытое нежелание замечать полную абсурдность этих представлений, свидетельствует о том, что их назначением является скорее эмоциональное воздействие на верующих для «уловления» их душ. Откровенно и даже наивно это выражено в совр. Католической энциклопедии: «Пам задают вопрос: как может материальное пламя мучить демонов или человеческие души до воскресения тела? Но если наша душа так соединена с телом, что она остро чувствует боль, причиняемую огнем, почему же тогда всемогущий бог не может привязать даже чистые души к какой-нибудь материальной субстанции так, чтобы они испытывали мучение более или менее подобное боли, причиняемой огнем, которую душа может чувствовать на земле?» (*Catholic Encyclopedia*, v. 7, p. 211).

Для философии эпохи Возрождения вопрос о Д. являлся важной составной частью проблемы личности. Резкий протест против ср.-век. аскетизма и уничижения человека перед лицом бога проявился в обращении философов Возрождения к античному наследству. Оно шло по двум линиям. Нек-рые обращались к идеализму Платона и неоплатоников, сталкивая их

учения в духе панпсихизма, идеи о единстве природы и человека. При этом Д. человека как его духовная сущность сталкивалась как источник могущества личности, близости человека к природе и его господства над ней (*Пико делла Мирандола, Валла, Фичино, ранний Бруно*). Философы Возрождения утверждали могущество разума, а добродетель характеризовали как живую, разумную и активную силу, утверждающую творч. энергию личности (понятие «вирту»). Др. линия освоения антич. наследства характеризовалась натуралистич. тенденцией. Философы этого направления (*Помпонаци, Телезио, Вивес, Парацельс* и др.) продолжали линию антич. натурфилософии, толковали Д. как активный материальный элемент. Они, как правило, обращались к антич. теориям (Алкмеон и др.) о мозге как местопребывании Д. и о нервах как путях ее движения. В теории Д. философов эпохи Возрождения формировалась философия бурж. индивидуализма. Вместе с тем открывалась возможность свободного исследования явлений психики и жизнедеятельности человека, без стесняющих оков ср.-век. теологич. догматики.

Рубежом в развитии понятия Д. в новое время явилась теория Декарта. В ней получило законченное выражение разделение понятий жизни и Д. и последнее отчетливо сводилось к понятию мышления. «...Смерть никогда не наступает по вине души, но исключительно потому, что разрушается какая-нибудь из главных частей тела» (см. «Страсти души», в кн.: Избр. произв., 1950, с. 596, 597). Декарт строго разграничивал тело, управляемое физич. законами, и разумную Д. Т. о., психологич. проблема Д., родившаяся в контексте дуализма Декарта, была сформулирована как проблема соотношения психического и физического (психофизическая проблема). Эта постановка вопроса надолго определила направление развития понятия Д. в новое время. Однако сам Декарт не нашел решения этого вопроса. Именно неразрешимость проблемы психофизич. взаимодействия явилась для Декарта основанием для дуалистич. вывода о двух независимых субстанциях. Тем самым картезианский дуализм стал исходным пунктом двух расходящихся линий развития взглядов на природу и сущность Д. — спиритуалистич. и эмпирич. концепции. Вместе с тем сам Декарт в трактовке психики как одной из функций живого организма стоял на позициях механистич. материализма, а идеалистич. объяснение распространял на мышление и волю человека, принципиально отделяя их от психич. процессов, происходящих в теле. Материалистич. позиция Декарта в вопросах психологии выявляется в его обращении к физиологич. эксперименту, результатом чего явилась гипотеза рефлекса. Последовательно проведенная, эта т. зр. воплотилась в декартовской трактовке живого тела как машины, пассивного аппарата, преобразующего надающие на него раздражения в двигательные реакции. Здесь гносеологич. проблема взаимодействия субъекта и объекта фактически устранялась, а соответств. психологич. проблема взаимодействия Д. и тела именно поэтому оставалась открытой. Беспомощная попытка Декарта решить ее предположением о воздействии Д. на тело через шишковидную железу осталась историко-филос. курьезом. Эту трудность в рамках рационалистич. мышления разрешил Спиноза. Он понял, что совпадении идеального образа и материального объекта, т. е. познание, возможно только, если признать единство субстанции. Применительно к индивиду это означало признание единства Д. и тела. Однако Спиноза не располагал материалом для решения последнего вопроса в конкретном плане. Он категорически отрицал попытки отождествить протяженность и мышление (как это делал, напр., Гоббс), но в доказательстве единства Д. и тела ему пришлось

идти опосредствованным путем: через признание мышления и протяженности атрибутами субстанции (природы). Рассматривая затем тело как модус протяженности, а Д. как модус мышления, Спиноза пришел к выводу о том, что «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей». Отсюда «... модус протяжения и идея этого модуса составляют одну и ту же вещь, только выраженную двумя способами» (Избр. произв., М., 1957, т. 1, с. 407). Понимая Д. как «мыслящую вещь», Спиноза принимал для ее обозначения лат. термин *mens*, к-рый означает и Д., и дух, и ум. Для Спинозы эти понятия совпадают. Эта умозрительная т. зр. привела Спинозу к видимости психофизич. параллелизма: состояния Д. и тела образуют как бы два параллельных ряда. На самом деле здесь нет психофизич. параллелизма, поскольку и мышление, и протяжение, соответственно и их модусы — Д. и тело, совпадают в субстанции. Однако эта видимость параллелизма порождена действит. ограниченностью материализма Спинозы — его созерцательностью и рационалистич. характером.

Перевод проблемы Д. в план эмпирич. психологич. исследования был осуществлен Локком («Опыт о человеческом разуме»). Локк выступил против схоластич. метода рассмотрения Д. как некоей субстанции, а душевных явлений — как «субстанциальных качеств». Он резко возражал против теории «врожденных идей» как первоначального содержания Д. Это содержание, по Локку, целиком происходит из воздействий на Д. внешнего мира (ощущения, чувств, опыт) и внутр. действий Д. (рефлексия, внутр. опыт). «На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит» (Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, с. 128). На этом основании Локк трактует Д. как *tabula rasa*. В отношении вопроса о материальной или нематериальной природе Д. он считает, что «... нет настоятельной необходимости решить вопрос в ту или другую сторону... На мой взгляд, этот вопрос находится за пределами нашего познания...» (там же, с. 529).

Т. о., утверждение эмпирич. подхода к проблеме Д. в локковском сенсуализме не только не сняло проблемы ее природы и происхождения, но поставило ее более конкретно и резко. В философии Беркли и Юма сенсуалистич. эмпиризм достигает крайнего субъективно-идеалистич. выражения, причем Беркли, чтобы избежать *солипсизма*, вынужден был трактовать индивидуальных субъектов как множество «духов», т. е. откровенно спиритуалистически. По-новому ставится проблема Д. и в материалистич. философии 18 в. Она переводится в естественно-науч. план рассмотрения Д. как функции мозга. Однако вследствие неразработанности физиологии нервная деятельность вообще и мышление в частности трактуются с т. зр. механики (*Толанд, Ковард, Гартли*). Эта материалистич. механистич. концепция получила наиболее полное выражение в воззрениях франц. материалистов 18 в. В понимании материального субстрата психики среди них существовали разные точки зрения. *Дидро* и *Робинс* считали возможным отнести ее к конечным элементам материи вообще. К ним примыкали Гольбах, Ламетри и Гельвеций, к-рые признавали психику функциональной способностью определен. образам организованной материи. А. Н. *Радищев*, обозревая органич. природу, находил несколько ступеней «одушевленности», начиная от простой раздражительности, свойственной растениям, кончая мышлением, присущим человеку, и ставил развитие психики в зависимость от уровня и организации вещественности». То, что обыкновенно наз. «душой», есть совокупность жизненных и психических свойств «вещественности». «Душа» «свойственна» мозгу, «...все твои усилия, чтоб отделить душу твою от тела, напрасны суть и бессильны» (Избр. филос. и обществ.-политич. произв., 1952,

с. 355). Материалистич. воззрения на природу Д. развивают также нем. материалисты 18 в. Штош, П. Вольф и др. Предположит. характер суждений материалистов 18 в. о природе и происхождении Д. проистекает не из умозрительного агностицизма, а из трудности вопроса и недостаточности положит. науч. знаний.

Материализм 18 в. является рубежом, знаменующим конец господства метафизики как содержат. филос. науки, включающей в себя и естественнонауч. проблемы, и начало освобождения и отделения естествознания как системы положит. наук (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 2, с. 141). Соответственно и проблема Д. у них впервые сознательно ставится как проблема естественнонаучная. С этого времени различие материалистич. и идеалистич. трактовок Д. приобрело качественно новое содержание. Первая стала объективно синоптиком науч. подхода, а вторая — метафизического. К этому различию относится известная характеристика отношения науч. и идеалистич. психологии у Ленина: «... пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori общие теории, всегда оставшиеся бесплодными... Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелепо тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы» (Соч., т. 1, с. 126—27). Создание «научной почвы» осуществилось далеко не сразу, тем не менее основы этого пути были заложены материалистами 18 в. В школьной философии этого периода (Хр. Вольф), а также у Канта, Мендельсона, Тетенса появляется подразделение психологии на эмпирич. и рациональную. Кант дал убедит. критику декартовской рациональной психологии, выведившей субстанциональность Д. из положения «я мыслю, следовательно я существую». Он показал, что это заключение есть паралогизм, поскольку в нем «... единство сознания есть только единство в мышлении, посредством которого однако вовсе не дан объект» («Критика чистого разума», СПб, 1915, с. 246). Однако сам Кант определил Д. с позиций субъективного идеализма, как восприятие внутр. состояний субъекта. Кантовское отрицание принципиальной возможности изучения психики объективными методами оказало значит. влияние на развитие психологии и было одной из важных причин того, что эмпирич. психология длит. время оставалась основывавшимся на самонаблюдении описанием душевных явлений.

Трудность решения проблемы Д. и тела обнаруживается в той беспомощности, с к-рой ее пытался решить Гегель. В этом вопросе его не выручила развитая им диалектика; идеализм не дал ей проявиться как диалектике самого предмета и обрек на роль чисто словесной спекуляции. Д. есть, по Гегелю, первая форма проявления духа: «Поскольку... все материальное снимается действующим в природе в-себе-сущим духом, и это снятие завершается в субстанции души, постольку душа выступает как идеальность в сего материального, как всякая вообще имматериальность...» (Соч., т. 3, М., 1956, с. 60—61). Критика гегелевского идеализма в трактовке этой важной проблемы была важной задачей для Фейербаха, к-рой он посвятил специальный раздел в работе «О спиритуализме и материализме...» (см. Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 538—63). Фейербах отметил верные замечания Гегеля о том, что мнение, по к-рому человеку вовсе не следовало бы иметь тела, отвлекающего его от духовной жизни, является пустым, т. к. между телом и Д. существует интимная связь: «... если я буду вести себя соответственно с законами моего телес-

ного организма, то душа моя будет в своем теле свободной» (Гегель, Соч., т. 3, с. 192). Однако сразу вслед за этим Гегель фактически отменил это утверждение на том основании, что единство Д. и тела есть непосредственное, а «форма непосредственности упомянутой выше гармонии противоречит понятию души, ее назначению быть к себе самой относящейся идеальностью» (там же, с. 193). Фейербах противопоставил гегелевской трактовке единства Д. и тела свою, материалистическую. Он указал, что Гегель понимает «непосредственное» как «момент» логич. развития понятия, в то время как единство Д. и тела непосредственно в самой жизни. «Это единство неразложимо для всех диалектических фокусов опосредствования и является непосредственным не только в логическом смысле, но и в физическом, в телесном смысле» (Избр. филос. произв., т. 1, с. 545). В др. сочинении Фейербах развил свои взгляды о материальном содержании понятия Д. («Против дуализма тела и души, плоти и духа», см. там же, с. 211—238). Д. есть функция человек. организма. «Мыслит и ощущает не душа, — потому что душа есть только олицетворенная и гипостазированная, превращенная в особое существо, функция или явление, мышления, ощущения и воли, — и не мозг, потому, что мозг есть физиологическая абстракция, орган, вырванный из целостности, из черепа, из лица, из тела вообще, фиксированный как нечто самостоятельное. Но органом мысли мозг служит лишь в связи с человеческой головой и телом» (там же, с. 224). Т. о., в концепции души Фейербах, в противовес вульгарному, «физиологич.» материализму, развил глубокую идею человека как целого. Более того, единство субъекта и объекта, а следовательно, Д. и тела Фейербах усматривал в живом творчестве, разделении же их — только в акте рассудочной рефлексии. Эти замечат. мысли остались у Фейербаха, однако, умозрит. утверждениями без достаточного доказательства и развития и в рамках его созерцат. антропологии. Вот почему они не оказали большого влияния на последующее развитие проблемы единства Д. и тела.

Проблема отношения Д. и тела вновь стала в центре внимания философов и естествоиспытателей в 19 в., в связи с успехами естеств. наук (физиологич. исследованием нервной системы, возникновение психофизиологии органов чувств). Однако непреодоленный картезианский дуализм вновь заводил психофизич. проблему в тупик. Такой дуалистич. характер имела концепция психофизич. параллелизма, к-рая была сформулирована еще во 2-й пол. 17 в. учениками Декарта — окказионалистами (Мальбранш, Гейлинкс) и получила широкое распространение и развитие во 2-й пол. 19 — нач. 20 вв. (Фехнер, Вундт, Паульсен, Эббингауз). Как считали параллелисты, ряду физич. процессов соответствует ряд процессов душевных. Эти ряды протекают строго параллельно и поэтому возникает иллюзия их причинной связи. Однако психическое не порождается физическим, а лишь сопровождает его. Не выводя психологию из тупика, психофизич. параллелизм являлся удобной ширмой, за к-рой скрывались те, кто избегал принципиальной постановки проблемы, занимая мнимо нейтральное положение в отношении материализма и идеализма, в действительности же протаскивая идеализм в экспериментальную психологию (эмпирич. параллелизм Челпанова). Вместе с тем в психологич. исследованиях П. Мюллера, Гельмгольца, Фехнера, Вебера и др. продолжалась на новом уровне развития физиологич. знаний и механистич. традиция Декарта. Позитивистское но направление, это течение исключало историч. подход к проблеме психики. Поэтому задача сводилась к выяснению новыми естеств.-науч. методами «локализации» Д. в

первых структурах и процессах. Поскольку в этих исследованиях игнорировалась проблема происхождения сознания и его обществ. природа, природа психики оставалась для представителей этого направления не выясненной. Дюбуа-Реймон объявил Д. относящейся к числу непознаваемых для науки проблем.

В связи с развитием естествознания иначе была поставлена и проблема активности сознания. Предпринимались попытки распространить на явления душевной жизни закон сохранения энергии путем допущения особого вида «психической» энергии (Леман, Штумпф).

В то же время бурж. эмпирич. психология стремится ограничиваться анализом «душевных явлений», «фактов сознания», не ставя вопроса о сущности Д. Такая половинчатая позиция давала возможность «избегать» столкновения с идеалистич. идеологией и тем сохранять в отношении к ней лояльность, а также создавать видимость «чистоты» и «объективности» науч. исследования. В конечном счете, это вело к тому, что в результате отказа от борьбы с реакционной идеологией в эмпирич. психологии господство проникали спиритуалистич. взгляды на Д.

Спиритуалистич. концепция Д., восходящая к Декарту и Лейбницу, имела в своей основе две предпосылки. Первая — наличие особой духовной субстанции, к-рая ничего общего с материей не имеет и законам причинности не подлежит. Взаимодействие между Д. и телом принципиально невозможно (пространственное не может действовать на непространственное, и наоборот). Для решения этого неустраивимого противоречия Декарт апеллировал к божеств. вмешательству: взаимодействие Д. и материи осуществляется непонятным образом в шишковидной железе. На тех же путях ищут решение спиритуальности 19 и 20 вв. (Лотце, Дриш, Бергсон, С. Трубицкой и др.). Для Бергсона, напр., мозг — лишь передаточная станция для существующего вне и независимо от тела духа. Лопатин, допуская, что душевная жизнь есть функция мозга, делал спиритуалистич. оговорку, что это такая функция, к-рая предполагает «нечто кроме мозга». Вторая предпосылка спиритуалистич. психологии, преим. нового времени, — предпосылка независимого существования Д. от душевных явлений (Линне, Фолсегрив, Л. М. Лопатин, Вл. Соловьев, С. Франк, А. Введенский и др.). Душевные явления изменчивы, текучи, непостоянны, сложны. Д. проста, едина, сверхвременна. Это та неподвижная ось, вокруг к-рой вращается содержание нашей душевной жизни. Уже Вундт и Фехнер противопоставили «визшм» психич. явлениям, изучаемым психофизиологией органов чувств, «вышше» — мышление, сознание, к-рые они трактовали спиритуалистичеки. Психич. явлениям, материалистич. интерпретацию к-рых уже невозможно было оспаривать, противопоставлялась Д. как некая субстанция. «...душа есть закономерная связь психического бытия, происходящего в каком-нибудь индивидууме» (Линне Т., Руководство к психологии, СПб, 1907, с. 139). Лопатин, помимо акта восприятия, говорит о наличии воспринимающего «Я», к-рое непосредственно воспринимает эти восприятия. Свообразный вариант спиритуалистич. трактовки Д. с позиций неокантианства предлагал А. Введенский, утверждая трансцендентность понятия Д. нашему сознанию и находя, что Д. предмет не науки, а веры.

Спиритуалистич. концепция Д. «обосновывается» интроспективным методом психологии. исследования и в свою очередь «обосновывает» последний. Представляя Д. замкнутым миром, доступным лишь самонаблюдению, спиритуалисты в корне отрицают возможность объективного исследования в психологии. Утверждая, что все познается «через призму нашего духа», Лопатин, напр., делает вывод: именно поэтому то, что совер-

шается в самой Д., познается без всякой «посредствующей призмы», т. е. интроспективно. Спиритуалистичекая по предмету, интроспективная по методу, творчески бесплодная, идеологически реакционная, обуржуазивающая глубокое родство с религ. мировоззрением, идеалистич. психология пожинает плоды дуалистич. противопоставления тела и Д. Т. о., понятие Д. в совр. психологии и философии стало знаменем наиболее реакц. школ идеализма (неотомизм и др.).

Науч. понимание явлений психики развивалось под знаком материалистич. философии в острой борьбе с идеализмом. В домарксистском материализме наиболее развитая и обоснованная материалистич. концепция Д. принадлежит Чернышевскому. В произв. «Антропологический принцип в философии» он исходит из положения о материальном единстве мира как основы науч. решения узловых проблем естествознания. Филос. же точка зрения состоит только в том случае, если согласуется с последним. «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениям физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека» (Избр. филос. соч., т. 3, 1951, с. 185). Соответственно Чернышевский утверждает строгую детерминированность всех явлений психики. Эти материалистич. воззрения стали методологич. основой рефлекторной теории психики, разработанной И. М. Сеченовым. Ее преимущком явилась теория высшей нервной деятельности И. П. Павлова, ставшая науч. решением старой филос. проблемы Д. и тела. В рефлекторной теории Сеченова — Павлова материалистич. концепция психики как функции мозга была наполнена конкретным науч. содержанием и стала, т. о., методологией, основой совр. нейрофизиологии. Произошло взаимообогащение и науки, и философии. Материалистич. отвержение П. П. Павловым всякого противопоставления психики («Д») и мозга как «дуализма», подкрепленное результатами развитой науч. теории, получило значение неопровержимого доказательства правильности материалистич. решения проблемы «Д» и тела. Марксистская философия понимает душевную жизнь человека в соответствии с науч. знаниями о ней. Поэтому в диалектич. материализме слово «Д.» употребляется только как синоним слова «психика». Проблема Д., связанная в истории философии с понятием Д., решается наукой (прежде всего совр. науч. материалистич. физиологией и психологией; см. *Высшая нервная деятельность*) и теорией отражения.

Марксизм-ленинизм рассматривает психич. деятельность человека как социально обусловленное явление, как продукт историч. развития. См. *Психика, Сознание, Психология*.

Термин «Д.» распространен в повседневном словоупотреблении (ср. «душа-человек», «душевный покой» и т. п.), но содержанию обычно соответствует понятиям «психика», «внутренний мир», «переживания».

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3, с. 25—30; Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1955, с. 349—50; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, гл. 1; его же, *Философские тетради*, там же, т. 38, с. 247, 281—85, 292; Чернышевский И. П., *Антропологический принцип в философии*, Избр. филос. соч., т. 3, [М.], 1951; Сеченов И. М., Избр. филос. и психол. произв., М., 1947; Вольф Х., *Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды*, СПб, 1765; Лопатин Л. М., *Курс психологии*, М., 1903; *Новые идеи в философии*, Сб. 8, СПб, 1913; Франк С. Я., *Душа человека*, М., 1917; *Ueber die Seele*, Geschichte des Seelenbegriffes und der Seelenlokalisierung, Stuttgart, 1917; Rohde E., *Psyche*, 9 und 10 Aufl., Bd 1—2, Tübingen, 1925; Jung K. G., *Seelenprobleme der Gegenwart*, Lw., 1932; Klags L., *Der Geist als Widersacher der Seele*, 3 Aufl., [Bd] 1—2, Münch.—Bonn, 1954.

А. Петровский, М. Туровский. Москва.

ДХАММАПАДА [на яз. пали; перевод названия Д. допускает ряд толкований: «Стеза добродетели (закон)», «Стопы закона», «Основы религии», «Изречения о законе (способе) жизни» и др.]. — памятник раннего буддизма, содержащий изречения религ.-этич. характера. Входит в качестве самостоятельной части в буддийский канон — «Трипитаку» и помещается обычно в пятой части «Суттапитаки». Вероятная дата создания Д. — 3—4 вв. до н. э. Д. состоит из 423 стихотворных сутр, разделенных на 26 глав (о глупцах, о мудрецах, о зле, о себе, о мире, о счастье, о любви, о гневе, о законе, о желании, о пути, о видях, о брахманах и т. п.).

Д. является одним из осн. источников для изучения морально-этич. учений раннего буддизма. Особое место занимают разделы, в к-рых говорится о страданиях и о его причинах. Гл. причины страданий заключаются в преходящности всего сущего, в тщетности человек. желаний и страстей. «Даже ливень из золотых монет не принесет удовлетворения страстям. Мудр тот, кто знает: страсти болезненны и мало от них радости» (XIV, 186; рус. пер., «Дхаммапада», М., 1960). Эти рассуждения окрашены глубоким пессимизмом, к-рый, однако, преодолевается настойт. требованиями искать выхода из тьмы к свету. «Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?» (XI, 146). В качестве средства уничтожения страданий Д. проповедует подавление человек. желаний, достижение *нирваны*. «Кто в этом мире побеждает это несчастное, трудно победимое желание, у того исчезают печали, как капли воды с листа лотоса» (XXIV, 336). Достижение такого состояния рассматривается как великая победа человека, к-рую даже боги не могут превратить в поражение (см. VIII, 104 и 105). В Д. неоднократно подчеркивается тщетность, метафизич. суемудрия в сравнении с перво-степенной задачей практич. избавления от страданий. «...Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она» (I, 5). Все это определяет практич. направленность нек-рых положений Д. Однако в целом идеи памятника носят пассивный, созерцат. характер.

Среди многочисл. изданий и переводов Д., начавшихся с труда В. Фаусболя (V. Fausbøll, *Dhammapadam*, 1855), следует отметить: S. Radhakrishnan, *The Dhammapadam*, 1954, Narada Maha Thega, *The Dhammapadam*, 1952.

Лит.: The Prakrit Dhammapadam, Calcutta, 1921; The Commentary on the Dhammapadam, new ed., ed. by H. Smith, L., 1925; Law B. Ch., A history of Pali literature, v. 1, L., 1933; Dhammapadam. Pali text in Sanskrit with English translation by C. Kunhan Raja, Madras, 1956; Dhamma—Worte. Hrsg. R. O. Franke, Düsseldorf—Köln, 1957; Raghavan V., The Dhammapadam, «Argan Path», 1957, v. 28, № 2. В. Топоров. Москва.

ДХАРМА (санскр.) — одно из распространенных понятий инд. философии и религии, гл. обр. буддизма. В Ведах слово «дхарма» имело несколько значений: поддержка, твердая опора; закон, твердо установленный порядок или обычай; закон или порядок богов — Митры и Варуны; действие, получаемое от жертвоприношения какому-либо богу, и т. д. В инд. философии понятие «Д.» употреблялось в самом широком смысле, означая и порядок, и закон, и религию, и справедливость, и нравственность, и слово и т. д. Термин «Д.» имеет и социальный смысл: каждый человек обладает своей Д., принадлежат к той или иной касте (варне). В религ. системах основное значение термина «Д.» — бог, абсолют.

Особый смысл приобретает Д. в буддийской философии. Буддисты отрицали существование вечной неизменной субстанции. Поэтому, объясняя изменчивость мира, они представляли все материальные и духовные явления состоящими из отд. мгновенных элементов — Д. Каждая Д. несет только один определ. признак. Д., воспринимаемая глазом, не может вос-

приниматься ухом или др. органами чувств. «Дхарма, — писал философ Васубандху (5 в. н. э.), — означает то, что носит (dharana) свой собственный признак (svalakṣaṇa)» («L'Abhidharmaśāstra», trad. par L. de la Vallée Poussin, P., 1923, Chap. 1, p. 4). Все Д. не субстанциональны, не имеют протяжения ни во времени, ни в пространстве.

Д. делились буддистами на «чистые», не ведущие к «порочу», и на «нечистые», или «ведущие к порочу», на обусловленные и не обусловленные, на составные и не составные (к числу последних относилась *нирвана*). Высшее знание, по учению буддистов, состоит в проникновении в Д., а цель знания — в подавлении беспокойства Д. и в достижении *нирваны*.

Ряд буддийских школ (тхеравадины и сарвастивадины) считали Д. реально существующими, *мадьямики* же и *йогачары* доказывали их нереальность, илюзорность. Европейские исследователи буддизма (Э. Бюрнуф, Г. Ольденберг, М. Мюллер) переводили слово Д. как «порядок», «закон». Ф. П. Щербатской и О. О. Розенберг предложили филос. объяснение термина «Д.» — элемент бытия, элемент сознания (см. О. О. Розенберг, Проблемы буддийской философии, П., 1918, с. 87). Ряд совр. зарубежных буддологов в зависимости от источника и контекста переводят понятие Д. как «объект мысли» или «психо-физические элементы существования» (Lamotte E., *Histoire du bouddhisme indien*, Louvain, 1958, p.33—34; «Buddhist wisdom books», ed Conze E., L., 1958, p. 44).

Лит.: Розенберг О. О., Введение в изучение буддизма, ч. 2, П., 1918, гл. 4; Щербатская Ф. П., The central conception of Buddhism and the meaning of the word «Dharma», L., 1923; Dhammassangani, trad. par A. Bareau, P., 1953. И. Кутасова. Москва.

ДХВАНИ (санскр., букв. — звук, гул) — одна из осн. доктрин древнеинд. эстетики. Впервые систематически изложена в метрич. трактате «Дхваникарике», автор к-рого точно неизвестен. Возможно, им был кашмирский поэт и философ 2-й пол. 9 в. Анандавардхана, написавший к этому трактату обширный комментарий «Дхваньялока». Учение о Д. связано с учениями инд. грамматиков о буквальном, или пазывательном (абхидха), и переносном, или побразительном (лакшана), значении слов. К этим двум значениям Анандавардхана добавил третье, символическое (вьянджана), реализующее скрытый смысл слова или предложения. Так, фраза: «Стоянка пастухов на Ганге», взятая в буквальном значении, — бессмысленна; благодаря переносному значению она понимается как «стоянка пастухов на берегу Ганга»; но, помимо этого, в ней содержится еще скрытый смысл, зависящий от упоминания Ганга и придающий описанной ситуации оттенок святости. Такого рода скрытый смысл, к-рый входит в намерения говорящего, но непосредственно не выражен и представляет собой как бы намек, отзвук, был назван в инд. поэтиках Д. В Д. авторы поэтик видели душу (*атман*) поэзии и в связи с этим всю поэзию делили на высшую, в к-рой Д. играет доминирующую роль, среднюю, где Д. есть, но подчинено тому, что высказано прямо, и низшую, или описательную, в к-рой Д. отсутствует и осн. упор сделан на поэтич. фигуры. При этом нек-рые теоретики (напр., Вишванатха, автор трактата «Сахитьядарпана», 14 в.) не признавали за описат. поэзией даже права называться поэзией. Анандавардхана различал три рода Д.: Д., связанное с поэтич. фигурами (атанкара), с содержанием (васту) и с эмоц. состоянием (*раса*). Последний вид Д. (дхванираса) он считал осн., а Абхи-навагунта, автор комментария к «Дхваньялоке» — Дхваньялокалочана (10—11 вв.) полагал даже, что к нему, в конечном итоге, сводятся и остальные виды Д. Странники доктрины Д. связали ее с теорией расы, полагая, что Д. является безусловным и единств. средством возбуждения эстетич. наслаждения. Развивая

свои взгляды, Анандавардхана указывал, что Д. упраздняет прямой смысл сказанного или, сопутствуя ему, отодвигает его на второй план. При этом Д. воспринимается мгновенно и непосредственно тогда, когда речь идет о Д. как эмоц. состоянии и, наоборот, постигается постепенно и путем умозаключения, если подразумевается содержание или поэтич. фигура. Теория Д. встретила оппозицию со стороны Махимахатты (11 в.) в трактате «Вьяктививека» и Кунтаки (11 в.) в соч. «Вакроктивживита», но в целом была принята позднейшими теоретиками и наряду с теорией расы стала господствующей в инд. поэтике. Осн. концепции ранней школы поэтики были приведены в соответствие с ними, и ценность таких категорий, как поэтич. украшения (аланкара), достоинства (гуна), стили (вритти) и т. д., стала определяться тем, насколько они способствуют проявлению в поэзии главного — расы и Д.

Лит.: Щербатской Ф. И., Теория поэзии в Индии, «Ж. мин-ва народного просвещения», 1902, июнь, с. 308—20; Парин Б., Учение о символе в индийской поэтике, в сб.: Поэтика, вып. 2, Л., 1927, с. 29—43; De S. K., History of Sanskrit poetics, v. 1—2, Calcutta, 1960; Sankara A., Some aspects of literary criticism in Sanskrit or the theories of Rasa and Dhvani, Madras, 1929; Reñou L., Le dhvani dans la poésie sanskrite, «Adhyar Library Bull.», v. XVIII, p. 1—20; Edgerton F., Indirect suggestion in poetry: a Hindu theory of literary aesthetics, «Proc. Amer. Philos. Soc.», 1936, v. 76, № 5, p. 637—706.

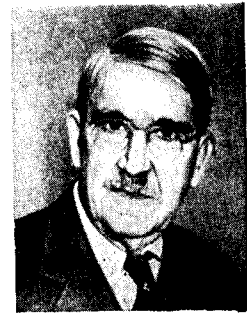
ДЫННИК, Михаил Александрович [р. 18 февр. (2 марта) 1896] — сов. философ, профессор (с 1934), д-р филос. наук (с 1949), член-корр. АН СССР (с 1958). В 1919 окончил историко-филологич. фак-т Киевского ун-та. С этого времени ведет науч. и преподават. работу в вузах. С 1943 — старший науч. сотрудник Ин-та философии АН СССР. Пред. комиссии по координации науч. исследований в области эстетики при АН СССР (с 1959). Работает в области истории философии, диалектич. и историч. материализма, эстетики, критики совр. зарубежной реакц. философии. Д. принадлежит переводы фрагментов Гераклита, сочинений Парменида «О природе» (сб. «Античные философы», М., 1935), Бруно «О причине, начале и едином» (М., 1934), Гельвеция «Счастье» (М., 1936). Д. — один из авторов и редакторов шеститомной «Истории философии» (т. 1—5, 1957—61); один из авторов кн. «Основы марксистской философии» (М., 1958). Гос. премия СССР (1943, за участие в кн. «История философии», т. 1—2, 1940—1941).

Соч.: От примирения с действительностью к апологии разрушения. (К вопросу о развитии гегельянства Михаила Бакунина), «Летописи марксизма», 1927, № 4; Диалектика Гераклита Эфесского, М., 1929; Очерк истории философии классической Греции, М., 1936; Философия рабовладельческого сусп-ва, [К.], 1941; Ленин об истории философии, «Изв. АН СССР. Сер. истории и философии», 1945, т. 2, № 2; Философские взгляды Вольтера, в кн.: Вольтер. Статьи и материалы, под ред. В. П. Волгина, М.—Л., 1948; О философских и эстетических идеях Леонардо да Винчи, «Вопр. философии», 1952, № 4; Материалисты древней Греции. Собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура, под ред. Д., М., 1955; Философия Гегеля и ее место в истории философской мысли, «Уч. зап. АОН при ЦК КПСС», 1957, [вып.] 28; Ванини и надзвученный аристотелизм, в кн.: Докл. и выступл. представителя сов. филос. науки на XII Междунар. филос. конгрессе, М., 1958; Борьба материализма и идеализма в истории философии домарксистской эпохи, в кн.: Основы марксистской философии, М., 1958; Основные проблемы научной эстетики (Доклад на IV Междунар. конгрессе по эстетике, Афины, 1960), в кн.: Изютиков С. Н., IV Международный конгресс по эстетике, М., 1960, с. 20—24; Ludwig Feuerbach und seine Rolle in der Geschichte der Philosophie, в кн.: Actes du deuxième congrès international de l'union internationale de philosophie des sciences, Z., 1954; Das Problem der Notwendigkeit und Freiheit in der Geschichte der Philosophie der vor-marxistischen Epoche, в сб.: Das Problem der Freiheit im Lichte des wissenschaftlichen Sozialismus, B., 1956.

ДЬЮИ (Dewey), Джон (20. X. 1859—2. IV. 1952) — амер. философ, психолог, педагог, гл. представитель философии *прагматизма*. Образование получил в Вермонтском ун-те и колледже Хопкинса; заведовал кафедрой в Мичиганском ун-те, впоследствии в Миннесотском, Чикагском и Колумбийском (Нью-Йорк)

ун-тах. Президент Амер. психологич. и филос. ассоциаций, первый президент Амер. ассоциации университетских профессоров. Д. выступал с лекциями во мн. зарубежных ун-тах (Китай, Япония, Англия), оставил после себя более 30 книг и 900 статей, оказал значит. влияние на развитие амер. философии, педагогики и психологии. Он выдвинул и защищал особую разновидность прагматизма — *инструментализм*, опираясь на идеи Пирса и Джемса. Осн. филос. вопрос Д. решал идеалистически. Центр. пункт его учения — понятие «опыта», к-рое у него равнозначно понятию «жизнь» и включает в себя все явления окружающего мира, а также всевозможные состояния индивида: сновидения, болезнь, любовь, смерть, а также труд, войну, магию и т. д. (см. «Experience and nature», N. Y., 1958, p. 10). Исходя из модели некоего абстрактного индивида, Д. конструировал и анализировал «опыт» как единственно существующую реальность. Внешний мир существует лишь постольку, поскольку он составляет содержание опыта. «Познаваемые вещи, — писал Д., — всегда и везде неотделимы от познающих субъектов». Гл. характеристика «опыта» — «принцип непрерывности» (the principle of continuity), согласно к-рому реально лишь взаимодействие, процесс непрерывной интеграции взаимодействующих компонентов (напр., среды и организма), к-рые лишь условно можно фиксировать как самостоят. сущности (учение о т. н. трансакции) («Knowing and the know»). Дух и материя, душа и тело, Я и не-Я, среда и организм, идеальное и материальное — это лишь символы, к-рыми обозначаются различные части опыта, исходя из соображений практич. удобства. Д., правда, указывает на некие «грубые существования», предшествующие познанию, но их реальность признается в конечном счете лишь внутри опыта. Отождествляя содержание наших знаний с реальностью, Д. отвергал существование предмета исследования до акта познания, а факт роста знаний о предмете в процессе познания выдавал за «конструирование науч. объекта» в смысле «создания» реальности. Стремясь избежать обвинений в субъективизме, Д. пытался познать процесс познания как обесличенные «экзистенциальные преобразования» ситуации, напр. рассматривал «сомнение» не только как состояние ума, но как «онтологич.» характеристику ситуации. Эти идеи Д. перекликаются с идеями *неореализма*. Т. о., старую субъективно-идеалистич. формулу: «существовать — значит быть воспринимаемым» Д. повторяет, меняя способ аргументации: «существовать — значит быть предметом исследования», или, в конце концов, иметь практич. значимость.

Мышление и способность познания Д. считал чисто биологич. способностью, возникающей как средство практич. борьбы за выживание. При этом под «практикой» подразумеваются нужды, стремления и интересы индивида, из практики исключается ее материально-обществ. содержание. Познание Д. в сущности сводил к сложному поведению, логическое — к биологическому, а науку — к набору адаптивных реакций. Особый упор Д. делал на прагматическое понимание истины, согласно к-рому науч. понятия, законы, логич. формы, классификации, гипотезы, категории и т. д. — это инструменты, созданные с целью решить данную ситуацию. Д. отвергал как «отжившую метафизику» представление о том, что задачей науки является раскрытие объективных законов, что они

отражаются в науч. теориях. По Д., главное, чему должны удовлетворять все «инструменты», — «соответствовать» цели, разрешать ситуацию, иметь «функциональную силу», иначе говоря, быть полезными. Критика Д. созерцательности предшествующего идеализма — «абстрактных германских форм», подчеркивание тесной связи науки и практики оказывается формой защиты *релятивизма* и отрицания объективной истины.

В работах «Очерки экспериментальной логики» («Essays in experimental logic», 1918), «Логика. Теория исследования» («Logic. The theory of inquiry», 1938) и др. Д. выступил с претензией создать «логику открытий», разработать универсальную теорию исследования, к-рая должна обобщить методы исследования частных наук. Он резко выступал против логики Аристотеля за то, что в ней логич. формы и законы рассматриваются как отражение «законов бытия». «Онтологической» основой логич. форм и законов Д. объявляет «способ действий», рассматривая все «исследования» как осознанный способ поведения. Поскольку каждая ситуация, возникающая перед исследователем, по Д., уникальна, то единственно возможным оказывается эмпирич. метод «проб и ошибок», ведущий к отрицанию теоретич. обобщений и научных законов. Инструментализм по сути дела ликвидирует науч. теорию.

Д. наследует характерную для всех прагматистов защиту религии. В работе «Общая вера» («A common faith», 1934) и др. он отвергает традиц. религ. течения и теологич. концепции, выдвигая «натураллистич.» понимание религии как неотъемлемой стороны «опыта». «Опыт», по мнению Д., имеет различные, связанные между собой стороны — эстетическую, моральную, политическую, научную, религиозную и т. д. «Религиозное» — это особое качество опыта, истоки его коренятся в чувстве страха, к-рое овладевает человеком в этом ненадежном мире, где действуют силы, ему непонятые. По Д., религия — это выражение стремления к полноте, полезное и ценное «приведение личности в гармонию со Вселенной», изгоняющее из человек. жизни чувство изолированности и отчаяния».

Менин в начале 20 в. характеризовал прагматизм как «...последнюю моду» само новейшей американской философии... Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику... и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта... Различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом» (Соч., т. 14, с. 327, прим.).

Свой «инструментальный» метод Д. применяет и к проблемам этики, к объяснению «морального» качества опыта. Он выступает против представления о нормах и категориях этики как об абстрактных, неизменных, вневременных сущностях. Моральные проблемы возникают в конкретных ситуациях, и нормы и категории этики служат тому, чтобы эти проблемы разрешать лучшим способом. Т. о., Д. защищает полный релятивизм и произвольность в толковании норм нравственности.

Работы Д. в области педагогики (в рус. пер. «Школа и общество», 1907; «Школа и ребенок», [1922], и др.) оказали громадное влияние на педагогич. мысль США и принципы организации амер. школы. Воспитание Д. рассматривает как «процесс развития врожденных основных интеллектуальных и эмоциональных склонностей», как реализацию «естественных» и врожденных сил и способностей человека. Он полностью игнорирует социальную обусловленность способностей

и влияние общества на их создание, сводя по существу социальное к биологическому, осознанное — к инстинктивному. Исходя из своего «инструментального» понимания сути и роли знания, Д. выдвинул принцип: «обучение посредством делания», призывая осн. внимание уделять не изучению теории, воспитанию общего кругозора, а формированию «ширшисобляемости» в жизни, умению, узкому практицизму. Авторитет Д. в известной мере повлиял на то, что в амер. школе гл. внимание уделяется прикладным наукам, крайне низок уровень теоретич. подготовки учащихся, нет строгих программ. С педагогич. теорией Д. тесно связана т. н. педология.

«Инструментальное» понимание опыта лежит в основе эстетич. взглядов Д. В работе «Искусство и опыт» («Art and experience», 1935) он полагает, будто каждый опыт имеет эстетич. качество, истоки к-рого он усматривает в «опыте» животных. Эстетическое, по Д., это «чувство гармонии», отражающее процесс биологич. равновесия природы и организма. «Искусство — это жизнь», провозглашает Д., рассматривая его как одну из сторон человек. опыта и сводя эстетическое, в конце концов, к чувственности. Выступая против «отрыва» искусства от жизни, Д. по существу выступает против профессионального, развитого искусства, сводя его к полунинстинктивной, эмоционально напряженной деятельности.

В области социологии Д. был последовательным апологетом «американского образа жизни», бурж. общества и бурж. демократии. Он специально выступал против марксистского материалистич. понимания истории, противопоставляя ему эклектич. «теорию плюрализма», ставящую на один уровень разнообразные факторы обществ. жизни. Д. отвергал объективные законы обществ. развития. В своих социологич. взглядах он близок к т. н. социал-психологич. направлениям. Тенденции развития и социальные институты он рассматривал как проявление моральных идеалов и принципов, руководящих поведением людей, к-рое, в конце концов, зависит от бессознательных инстинктов. Д. признает, что в совр. обществе имеются противоречия, но он либо объясняет их отставанием моральных норм от развития техники, либо объявляет результатом противоречий «природы» человека. Он защищает гармонию классов как условие «социальной устойчивости», предлагая взамен классовой борьбы реформы в рамках бурж. гос-ва. Д. развивает целую концепцию «обоснования» и принципиального оправдания реформизма. Отвергая объективные законы истории, он отрицает и обоснованные этими законами цели, преследуемые людьми в ходе обществ. развития. На их место Д. выдвигает в качестве неизменной цели человечества само развитие, понимаемое как количеств. изменение. Развитие он рассматривает с моральной т. зр., как «улучшение». Эта концепция «мелиоризма» (от лат. melior — лучше) есть последоват. отрицание революционных, качествен. преобразований в обществе. «Мелиоризм есть вера в то, что специфические условия, существующие в некоторый момент, будь они сравнительно плохими или хорошими, в любом случае могут быть улучшены» («Reconstruction in philosophy», Boston, [1957], p. 142).

Д. выступал как воинствующий враг коммунизма и социалистич. гос-в. В последние годы своей жизни Д. подчеркивал важность «социального контроля» над людьми, восхваляя бурж. государство как орган «народного благоденствия». Все это и создало ему репутацию «почти официального философа США», защитника амер. империализма.

Соч.: Studies in logical theory, Chi., 1903; Democracy and education, N. Y., 1922; The quest for certainty: a study of the relation of knowledge and action, N. Y., 1929; Impressions of Soviet Russia..., N. Y., 1929; The sources of a science of education, N. Y., 1929; Art and education, Rahway, [1929]

(совм. с др.); *Human nature and conduct*, N. Y., 1930; *How we think*, [new ed.], Boston [a.o.], 1933; *Liberalism and social action*, N. Y., [1935]; *Experience and education*, N. Y., 1938; *Education today*, N. Y., [1940]; *Problems of men*, N. Y., 1946; *Knowing and the known*, Boston, 1949 (совм. с А. F. Bentley); *The influence of Darwin on philosophy...*, N. Y., 1951; *The public and its problem*, Denver, [1954]; *Reconstruction in philosophy*, 3 ed., Boston, [1957]; *Experience and nature*, N. Y., [1958]; в рус. пер. — *Психология и педагогика мышления*, 2 изд., М., [1919]; *Школы будущего*, 2 изд., М., 1922 (совм. с Э. Дьюи).

Литт.: Корнфорд М., В защиту философии, пер. с англ., М., 1951; Лингарт И., Американский прагматизм, М., 1954; Уэллс Г., Прагматизм. Философия империализма, пер. с англ., М., 1955; Мельвиль Ю. К., Американский прагматизм, М., 1957; Кроссер П., Игнелизм Джона Дьюи, пер. с англ., М., 1958; Leander E., *The philosophy of John Dewey...*, Göteborg, 1939; Hook S., *John Dewey: An intellectual portrait*, N. Y., 1939; *The philosopher of the common man...*, N. Y., [1940]; White M. G., *The origin of Dewey's instrumentalism*, N. Y., 1943; Nathans J., *John Dewey. The reconstruction of the democratic life*, N. Y., 1951; *The philosophy of John Dewey*, Ed. by P. A. Schilpp, N. Y., [1951]; Thayer H., *The logic of pragmatism. An examination of John Dewey's logic*, N. Y., 1952; Edman J., *John Dewey. His contribution to the American tradition*, N. Y., [1955]; Geiger G. R., *John Dewey in perspective*, N. Y., 1958; Moore E. C., *American pragmatism: Peirce, James and Dewey*, N. Y., 1961. *Л. Мухомов. Массив.*

ДЮБУА (Dubois), Пьер (р. ок. 1250 — ум. после 1321) — франц. публицист, политич. мыслитель, ранний выразитель передовой идеологии ср.-век. буржуазии. В своих трактатах, особенно в анонимно изданном в 1300 соч. «О прекращении войн и споров в Королевстве Франции» (*Summaria, brevis et compendiosa doctrina felicitis expeditionis et abbreviationis guerrarum et litium regni Francorum*), опублик. в кн.: Ch. V. Langlois, *Collection de textes, pour servir à l'enseignement de l'histoire*, P., 1891, fasc. 9, здесь же большая библиография), обосновывал необходимость централизации гос-ва и подчинения церкви светской власти. Вместе с тем Д. смело критиковал чрезмерность королевских поборов и практику порчи монеты. В этом сочинении, так же как и в трактате «О завоевании Святой земли» (*De recuperatione Terrae sanctae*, [1306]), Д. требовал прекращения войн между христианскими гос-вами, как разорительных для народа, предлагал решить спорные вопросы путем созыва междунар. конгресса. Д. требовал преобразования католич. церкви: секуляризации церковных имуществ, превращения монастырей в школы, фактич. ликвидации духовно-рыцарских орденов и т. д. Д. требовал также кодификации и реформы франц. права, упрощения и удешевления судопроизводства, широкого развития образования путем организации как для мальчиков, так и для девочек школ с изучением языков, математики, естеств. наук и медицины, пересмотра содержания школьного обучения и создания учебников. В философии Д. был продолжателем аверроистских традиций, ревностным последователем *Сигера Брабантского* и *Р. Бэкона*. Проблему познания он трактовал рационалистически, отстаивал преимущества опытного метода и выступал против схоластического иерархизма *Фома Аквинского*.

Соч.: *La supplication du peuple de France contre le pape Boniface le VIII*, в кн.: *Acta inter Bonifacium VIII, Benedictum XI, Clementem P. P. et Philippum Pulcher*, fs. 1.], 1614; *Histoire de la condamnation... des Templiers*, t. 1—2, Brux., 1713 (авторство Д. спорно).

Литт.: *Histoire du différent d'entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel, Roy de France...* P., 1655; *Wailly N. de e.*, *Mémoire sur un opuscule anonyme intitulé...*, в кн.: *Bibliothèque de l'École des Chartes*, sér. 2, t. 3, P., 1846; *Renan E.*, *Pierre du Bois, légiste*, в кн.: *Histoire littéraire de la France*, t. 26, P., 1873, p. 471—536; *Zesck E.*, *Der Publizist Pierre Dubois*, B., 1911; *Kampf H.*, *Pierre Dubois und die geistigen Grundlagen des französischen Nationalbewusstseins um 1300*, I.pz.—B., 1935. *С. Стан. Саратов.*

ДЮБУА (Dubois), Уильям Эдуард Бёркхардт (р. 23 февр. 1868) — амер. обществ. деятель и ученый-социолог и историк, публицист, писатель и поэт, один из руководителей борьбы негров США за свои права, борец за мир.

Преодолевая трудности, созданные расовой дискриминацией в США, получил университетское образование (первый негр — д-р философии Гарвардского ун-та, 1895). В 1897—1910 — проф. экономики и истории, в 1933—44 — декан фак-та социологии ун-та г. Атланты. В 1905 организовал т. н. «панагарское движение», возродившее боевой дух освободит. борьбы негров в США. В 1910—48 входил в руководство Нац. ассоциации содействия прогрессу цветного населения, в 1910—34 был редактором ее органа — ежемесячника «Crisis». Д. — один из руководителей амер. сторонников мира. В 1949 принял участие в Парижском конгрессе сторонников мира, с 1950 — член Всемирного Совета Мира. В 1951 арестован по обвинению в «антиамериканской» деятельности, но возмущение, охватившее весь мир, заставило суд оправдать 83-летнего ученого. Д. — неутомимый поборник нац. освобождения народов Африки. В 1919—45 под его руководством было создано пять Панафриканских конгрессов, к-рые содействовали развитию нац.-освободит. движения в Африке. В 1959 удостоен Междунар. Ленинской премии «За укрепление мира между народами». В 1961, в условиях новой волны преследований коммунистов в США, Д. вступил в ряды Коммунистич. партии США.

На протяжении шести десятилетий Д. решительно выступает против расовой дискриминации, колониализма и империализма. Труды Д., посвященные истории и культуре негров США и народов Африки («Души черного народа...» — «The souls of black folk...», 1903; «Черная реконструкция» — «Black reconstruction», [1935]; «Черный народ: прежде и теперь...» — «Black folk, then and now...», [1939]; «Мир и Африка» — «The world and Africa», 1947; «Африка», 1959, рус. пер. 1961, и др.), — крупный вклад в опровержение реакц. человекоунижающ. расистской теории во всех ее разновидностях. Д. показывает роль негританских народов в создании мировой культуры и вскрывает тяжкие последствия расовой дискриминации и империалистич. гнета. Д. долгое время был далек от науч. социализма, находился под влиянием бурж.-демократич. иллюзий, недооценивал связь нац.-освободит. движения с классовой борьбой рабочего класса. По признанию Д., он был плохо знаком с учением Маркса, «мало знал о классовой борьбе и эксплуатации» и полагал, что «все страдания мира выпали только на долю черных людей», что «все белое — это угнетатели...» («Джон Браун», 1906, рус. пер., М., 1960, с. 15, 16). В своих последних работах («В борьбе за мир» — «In battle for peace», 1952, в предисловии к рус. изд. «Джона Брауна», 1960, и др.) Д. подверг критике эти свои взгляды. К концу 40-х гг. совершил шаг перелом во всем его мировоззрении. Вдохновленный успехами социализма, Д. пришел «...к вере в окончательное торжество коммунизма не только в России, но и во всем мире» (см. «Правда», 1961, 24 ноября, с. 6). Д. пересматривает нек-рые свои взгляды по вопросам освободит. борьбы негров. Он подчеркивает необходимость преодоления «классовых барьеров» как условие обеспечения полного равноправия «цветных» народов. «Американским неграм нужен социализм», — пишет Д. и высказывает убеждение, что руководящей силой негританского народа является пролетариат. В обращении к Конференции народов Африки в Аккре (1958) Д. писал, что «...Африке не предстоит выбирать между частным капитализмом и социализмом, потому что «капитализм обречен на гибель», движение к социализму «неизбежно, неумолимо» («Африка», с. 330, см. также с. 344).

Соч.: *The Philadelphia Negro*, Phil., 1899; *The negro*, N. Y., [1915]; *The gift of black folk*, Boston, 1924; *Dusk of dawn*, N. Y., [1940]; *The black flame. A trilogy*, Book 1 — *The ordeal of Mansart*, N. Y., 1957; Book 2 — *Mansart builds a school*, N. Y., 1959; Book 3 — *Worlds of color*, N. Y., 1961; в рус. пер. — *Испытания Мансарта*, М., 1960; *За серебряным руком*, Л., 1925; *Воспоминания*, М., 1962.

Лит.: Золотаревская П. А., Вильям Дюбуа, «Советская этнография», 1952, № 1; Фостер У. З., Петригский народ в истории Америки, пер. с англ., М., 1955; Потехин П., Доктор Дюбуа в борьбе за освобождение Африки от колониализма. Гвеепу, ст. I, в кн.: Дюбуа У. Э. Б., Африка, М., 1961; Пинтман Дж., Логика одной жизни, «Иностранная литература», 1962, № 3; Broderick F. L., W. E. B. Du Bois. Negro leader in a time of crisis, Stanford (Calif.), 1959. А. Зинаев. Москва.

ДЮВЕРЖЕ (Duverger), Морис (р. 5 июня 1917) — франц. бурж. юрист, профессор права Парижского ун-та (с 1954), специализируется в области конституц. права и политич. науки. Выступает за новую «социологическую ориентацию» этой науки, подчеркивая важность конкретнo-социологич. методов исследования, описанию к-рых посвящена работа Д. «Методы политической науки» («Méthodes de la science politique», 1959). В практич. применении этих методологич. установок он остается на почве идеалистич. истолкования важнейших политич. институтов. В переработанном издании этой работы — «Методы общественных наук» («Méthodes des sciences sociales», 1961) Д. почти полностью игнорирует марксизм, базирываясь в основном на психо-социологич. концепциях амер. бурж. социологов. Взгляды Д. на сущность политич. власти, гос-ва, права, демократии не выходят за рамки бурж. горизонта, отличаются эклектизмом и непоследовательностью. Так, напр., Д. признает, что политич. власть тесно связана с экономич. господством, однако решающим фактором политич. власти считает духовные представления людей. Применительно к эпохе пром. капитализма Д. признает правильность марксистскую характеристику бурж. гос-ва как орудия власти капитала. Однако совр. бурж. гос-во, по Д., представляет собой «плюралистич. демократию», где за власть соперничают различного рода организации, в т. ч. профсоюзы и рабоче партии («Droit constitutionnel et institutions politiques», v. 4, P., 1959, p. 25—26). Спец. труд Д. посвящен исследованию роли партий в политич. жизни общества — «Политические партии» («Les partis politiques», 1951). Признав несостоятельность классификации партий по идейным доктринам, он указывает на необходимость изучения их классовой базы. Однако марксистское понятие класса осталось для Д. чуждым: он склоняется к различным вариантам бурж. теории «распыления» рабочего класса и буржуазии на мелкие группы по признакам профессии, образования, жизненного уровня и т. п. По Д., партии представляют собой каналы для проникновения представителей различных слоев, в т. ч. трудящихся, в правящую верхушку — элиту, к-рая в условиях недемократич. системы остается замкнутой и формируется наследств. путем. Решающее значение Д. придает внутр. организац. структуре партий, к-рая, по его мнению, имеет в развитых капиталистич. странах тенденцию к укреплению, консолидации: «В настоящее время партии определяются не столько их программами или классовой принадлежностью их членов, сколько типом внутренней организации...» (указ. соч., P., 1951, p. IX—X). В свою очередь, гл. фактором, предопределяющим раздробленность или укрупнение партий, Д. считает избират. системы.

Д. принадлежит к левому крылу бурж. интеллигенции: он неоднократно выступал против реиндустриализации ФРГ, колониальных войн и связанной с ними неофашистской угрозы. Вместе с тем Д. свойственна непоследовательность. Он резко осуждал процессы военно-фашистских элементов и антидемократич. характер конституции 1958, однако усматривал осн. источник фашистской угрозы не в монополиях, а в разоряющихся массах мелкой буржуазии. Фактически Д. пришел к оправданию нек-рых авторитарных концепций, считая режим «сильной власти» возможным орудием прогрессивной перестройки экономич. структуры страны, борьбы против засилия «групп давле-

ния», в т. ч. монополий, решения колониальных проблем и предотвращения опасности неофашизма. Эти путаные выступления Д. были подвергнуты критике Франц. коммунистич. партией.

Соч.: Les régimes politiques, 14 éd., P., 1958; Demain la République, P., 1958; The french political system, [Chi., 1958]; Les constitutions de la France, 16 éd., P., 1959; La cinquième République, P., 1959; Les finances publiques, nouv. éd., P., 1960; Institutions financières, 3 éd., P., 1960; De la dictature, P., 1961.

Лит.: Rozmagnun S., Nowa próba «orientacji socjologicznej» we francuskiej nauce prawa konstytucyjnego, «Państwo i prawo», 1957, № 4—5.

Ю. Юрьев. Москва.

ДЮГЕМ (Duhem), Пьер (10 июня 1861 — 14 сент. 1916) — франц. физик-теоретик, философ и историк естествознания. Проф. физики в ун-тах Лилля (1887—1893), Ренна (1893—95) и Бордо (с 1895). Чл. Франц. академии наук (с 1913). Его многочисл. работы касаются почти всех областей физики. Д. отрицал атомистич. теорию. Наиболее известные физич. работы Д. относятся к термодинамике и теории электричества, в них он выдвинул учение о термодинамич. потенциалах как основу для построения объединяющей теории всех физич. процессов. Однако исходные гносеологич. позиции Д. — стремление к «чистой», формальной энергетике, принципиальный отказ от всяких попыток проникнуть в сущность материи, выходящую за пределы эмпирически установленных соотношений между термодинамич. величинами, — обрекли это учение на неудачу.

Д. не знал материалистич. диалектики и поэтому, справедливо критикуя недостатки и ограниченности механич. материализма, в условиях кризиса естествознания в конце 19 — нач. 20 вв., в ряде вопросов неизбежно скатывался к субъективизму в духе Маха, А. Пуанкаре, к релятивизму, а подчас и к агностицизму.

Согласно Д., физич. теория не постигает реальности вещей (по его мнению, это дело «метафизики», от к-рой физика должна быть самым решительным образом отделена), а ограничивается только описанием доступных восприятию явлений при помощи знаков или символов (см. «Физическая теория. Ее цель и строение», СПб, 1910, с. 9—10). Физич. теория не есть объяснение, а лишь связанная система математич. положений, выведенных из небольшого количества исходных гипотез. Эти гипотезы не претендуют на отражение или установление реальных связей между реальными свойствами объектов, а могут быть сформулированы произвольно и требуют только соблюдения законов логики. Науч. познание в сущности не может иметь своей целью ничего, кроме классификации изучаемых явлений. Положительным во взглядах Д. нужно считать реакцию против механистич. тенденций в естествознании, абсолютизирующих количеств. сторону явлений, и попытку развить качеств. направление в физике. Ленин обращал внимание на ряд высказываний Д., к-рые свидетельствовали, что «в целом ряде мест он (т. е. Д. — Ред.) вплотную подходит к диалектическому материализму» (Соч., т. 14, с. 298). Ленин определял в общем взгляды Д. как колебание «... в сущности, между идеализмом (имеется в виду субъективный идеализм. — Ред.) и диалектическим материализмом» (там же, с. 296).

Д. является крупным историком естествознания. Его труд «Le système du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic» (задуман в 12 томах, до сих пор вышло, включая посмертные публикации, 10 томов, P., 1913—59) считается классическим. В работах по истории естествознания Д. высказывал много материалистич. или близких к ним положений (обусловленность развития науки практич. потребностями общества, роль практики в развитии науч. теорий, объективный характер законов природы, познаваемых в науках, и т. д.), однако он несколь-

ко преувеличивал роль науки в ср. века и, как верующий католик, смягчал реакционную роль церкви и теологии в развитии средневековой науки.

Соч.: *L'évolution de la mécanique*, P., 1903; *Les origines de la statique*, t. 1—2, P., 1905—06; *Recherches sur l'élasticité*, P., 1906; *Études sur Léonard de Vinci*, sér. 1—3, P., 1906—13; *Un fragment inédit de l'opus tertium de Roger Bacon...*, Ad Claras Aquas [Quaracchi], 1909; *Le mouvement absolu et le mouvement relatif*, Montligeon (Orne), 1909; *Traité d'énergetique ou de thermodynamique générale*, t. 1—2, P., 1911; *La science allemande*, P., 1915.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961; *L'oeuvre scientifique de P. Duhem*, Bordeaux, 1928; Humbert P., P. Duhem, P., 1932; L. Owing A., *The methodology of P. Duhem*, N. Y., 1941. И. Добротравов. Москва.

ДЮГИ (Duguit), Леон (4 февр. 1859—18 дек. 1928)—франц. бурж. социолог и теоретик права. Проф. права в ун-те Бордо (с 1886). Последователь позитивизма Конта и Дюркгейма, один из создателей социологии права. В основе учения Д.—идея «солидаризма», согласно к-рой осн. принципом жизни общества является солидарность всех его членов. Выдавая обществ. солидарность за «...реальный факт, доступный непосредственно установлению» («Общие преобразования гражданского права», М., 1919, с. 21), Д. объявлял ее основой «классового мира» в капиталистич. обществе и выступал против марксистского учения о классовой борьбе. Д. рассматривал гос-во и право как институты, функционирование к-рых удовлетворяет якобы потребности всего общества. Гос-во,— утверждал он,— орган, выявляющий и развивающий социальную солидарность. Гос-во, индивида, различные социальные группы Д. рассматривал не как носителей определ. прав, а как исполнителей определ. социальных функций (см. там же, с. 18). Учение о социальных функциях должно, по Д., прийти на смену воззрению на гос-во и право как орудия классового господства. Д. выдвинул теорию т. н. синдикалистского гос-ва. Синдикаты, т. е. особые организации, объединяющие представителей всех классов, должны, по мысли Д., обеспечить реальное участие различных социальных групп в управлении гос-вом и мирным путем привести к обществу, где нет классового господства и царит полная солидарность. Эти взгляды Д. были явно направлены против марксистского учения о социалистич. революции и диктатуре пролетариата и были использованы фашистскими идеологами для обоснования корпоративного гос-ва.

Д. утверждал, что в бурж. обществе идет трансформация частной собственности, к-рая перестает быть средством эксплуатации и становится на службу всему обществу. Собирая капиталы и вкладывая их в произ-во, капиталист якобы выполняет полезную социальную функцию и поэтому его существование необходимо для общества.

Воззрения Д. оказали широкое воздействие на бурж. и реформистские социально-политич. теории. Идеи солидаризма подхвачены различными направлениями совр. бурж. социологии, политич. науки, теории права. В связи со значит. развитием гос. монополистич. капитализма во Франции после 2-й мировой войны практически используется учение Д. об определении юридич. лица и границах ответственности гос. предприятий.

Соч.: *L'état, le droit objectif et la loi positive*, P., 1901; *Les transformations du droit public*, P., 1925; *Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789*, 7 éd., P., 1952 (совм. с Н. Monnier, R. Bonnard); в рус. пер.— Конституционное право. Общая теория государства, М., 1908; Социальное право, индивидуальное право и образование государства, М., 1909; Общество, личность и государство, СПб., 1914.

Лит.: П а н у в а н с Е. Б., Общая теория права и марксизм, 3 изд., [М.], 1929, с. 57—58; «Вести. Ком. академии», 1931, № 4, с. 79; Т у м а н о в В. А., Критика современной бурж. теории права, М., 1957, с. 85—87; С а й д е р Г. Л., Юридич. доктрины империализма, пер. с польск., М., 1959, с. 25—46; Л е в и н И. Д., Современная бурж. наука гос. права, М., 1960, с. 58—64; История политич. учений, М., 1960. В. Кузнецов. Москва.

ДЮМАРСÉ (du Marsais), Сезар Шено (17 июня 1676—11 июня 1756)—франц. лингвист, философ-материалист и атеист, принадлежавший к старшему поколению франц. просветителей, участник кружка Булленвилле. В последние годы жизни Д. сотрудничал в «Энциклопедии...», был близок к Дидро и Д'Аламберу, к-рый высоко ценил Д. и посвятил ему некролог (D'Alembert, *Éloge de du Marsais*, 1797), опубликованный в 7-м т. «Энциклопедии...» (см. Oeuvres, t. 1). В отношении нек-рых, приписываемых Д. произведений, в частности в отношении книг «Опыт о предрассудках» (*Essai sur les préjugés*), опублик. Гольбахом в 1770 году под его именем) и «Анализ христианской религии» (*Analyse de la religion chrétienne*), авторство его еще нельзя считать вполне установленным. Но не подлежит сомнению, что ему принадлежит проникнутая духом материализма и атеизма «Диссертация о философе» (или коротко «Философ» — *Philosophe*, 1743 или 1750, рус. пер. в сб. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 5, М., 1958, публикация и вступит. статья Ю. Я. Когана; перепечатано в сб. «Французские просветители XVIII в. о религии», М., 1960, вступит. очерк к разделу «Дюмарсе» А. И. Казарина) и «Логика, или Рассуждение об основных действиях ума» (*Logique et principes...*, 1769, nouv. éd., «Logique ou Réflexions sur les principales opérations de l'esprit», 1835). Д. примыкал к взглядам Ламетри на природу умств. деятельности человека и ее истинную сущность. Поклонник философии Эпикура и Гассенди, он отвергал идею бессмертия души и представления о потустороннем мире с адом и раем. Человек, по его мнению, должен стремиться устроить свое счастье в этом мире. Смерть есть уничтожение человека, после нее ничего нет. Отвергая откровение и чистое умозрение как формы познания, Д. был сенсуалистом: «...Все знания,— заявлял он,— идут от чувств... мы могли создать себе правила только на основе единообразия чувственных впечатлений...» («Вопросы истории религии и атеизма», с. 427). Как атеист, Д. считал, «что религия есть всего лишь человеческая страсть, порождаемая, подобно любви, восхищением, страхом и надеждой» (там же, с. 426).

Соч.: Oeuvres, v. 1—7, P., 1797.

Лит.: В о р о н и ц ы н И. П., История атеизма, 3 изд., [Рязань, 1930]; N a i g e o n, Philosophie de du Marsais, в кн.: Encyclopédie méthodique. Philosophie ancienne et moderne, [éd.] par Naigon, t. 3, P., 1793—94; T a m i s i e r F., Dumarsais, sa vie et ses écrits, Marseille, 1862. [А. Казарин.]

ДЮПРА (Duprat), Гийом Леонсе (24 окт. 1872—22 дек. 1956)—франц. социолог, психолог, философ, педагог и врач, долгое время живший в Швейцарии. С 1900 преподавал философию и социологию в лицеях Франции, с 1922 — проф. Женевского ун-та; в 1926—1940—пред. Женевского социол. об-ва; в 1932—1940—ген. секретарь Междунар. ин-та по социологии, руководитель изд. «Archives de sociologie».

Филос., социол. и психол. взгляды Д. очень эклектичны.

Вначале Д. примыкал к школе Дюркгейма, затем приблизился к взглядам Г. Рипара, *Вормса* и *Тарда*. Филос. и психол. взгляды Д.—сочетание субъективного идеализма позитивистского толка с рядом установок, сходных с неокантианством. Социология, по Д., изучает две взаимосвязанные стороны социальной действительности: субъективную и объективную. Под субъективным он понимал совокупность общих представлений, традиций, нравов общества, «коллективный психизм». Изучение субъективной стороны составляет, по Д., осн. задачу *социальной психологии*. Мн. обществ. явления (отношения между членами общества, происхождение войн и т. д.) он пытался объяснить с позиций «подсознания» и «психопатологии». Д. считал, что экономич. вопрос является не только социальным, моральным, но и психопатологическим (см.

«Les causes sociales de la folie», P., 1900, p. 195). В социологич. работах 30-х гг. он использовал методы психоанализа («Фрейдистский психоанализ и социология» — «Psychoanalyse freudienne et sociologie», 1924).

Д. требовал и «объективного» социологич. анализа в духе позитивизма с целью открытия «законов, определяющих появление абстрактных социальных типов», под к-рыми Д. понимал нацию, город, религию, социальную группу и т. д. («Science sociale et démocratie», P., 1900, p. 109). Утверждая, что «социальных классов» в действительности не существует... («Soziale Typen oder soziale Klassen?», в кн.: «Jahrbuch für Soziologie», Bd 1, Karlsruhe, 1925, S. 384), он придерживался теории «солидаризма», в к-рой пытался затупевать классовые противоречия, отрицал марксистское учение о классах, провозглашал надклассовость гос-ва и воспевал принципы бурж. демократии.

Соч.: Etude relative aux rapports entre la psychologie et la sociologie, P., 1898; L'instabilité mentale, P., 1899; La morale, P., 1901; La solidarité sociale, P., 1907; Le mensonge, 2 ed., P., 1909; Rapport des doctrines politiques anciennes avec la sociologie et la politique contemporaine, 2 ed., P., 1912; La psychologie sociale; sa nature et ses principales lois, P., 1920; Physiologie du socialisme, P., 1929; Prévision sociologique et structures (thiques, P., 1933; Esquisse d'un traité de sociologie, P., 1935; Много ст. в журн.: «Rev. philos. de la France et étrangers», «Rev. internat. de sociologie».

И. Добролюбов. Москва.

ДЮПРЕЭЛЬ (Dupréel), Эжен (р. 8 февр. 1879) — бельг. бурж. социолог и философ. Заслуженный проф. Брюссельского ун-та. Филос. воззрения Д. эклектичны. Следуя релятивистскому учению франц. философа Р. Бертело, он утверждал, что объекты характеризуются не своей природой, а отношениями друг с другом; социальные явления он определял как всевозможные отношения, вытекающие из сосуществования индивидов. Значительно влияние на Д. платонизма и неогегелянства. Д. исходит из признания дуализма порядка (постоянства, статичности) и действия (вероятности, динамичности), утверждая, что разум не может схватить динамики бытия, а лишь делит процесс движения на бесконечное число статичных «порядков» и охватывает лишь результат действия. Д. подвергает критике принцип необходимости, противопоставляя ему вероятность, основанную на актах сознат. действия. Гл. филос. дисциплиной, опирающейся на изучение этих актов, Д. считает *аксиологию*. Философия, по Д., есть «размышление о ценностях всякого рода, проведенное с точки зрения... ценности истины» («Sociologie generale», P., 1948, p. 390). Критикуя попытки установить иерархию ценностей, он тем не менее делит многообразие ценностей на относительные (субъективные) и абсолютные идеальные сущности (добро — основа морали, прекрасное — основа эстетики и высшая ценность — истина), независимые от их познания и осуществления («Esquisse d'une philosophie des valeurs», P., 1939). Стержнем социологии Д. является учение о социальных отношениях, к-рые делятся им на позитивные (ведущие к сотрудничеству индивидов), негативные (ведущие к борьбе и антагонизму) и дополнители (влияющие на отношения двух индивидов с третьими лицами). Через социальное отношение Д. определяет социальную группу, к-рую он противопоставляет марксистскому понятию класса. В согласии с *Тардом*, основу социальных явлений он видит, в конечном счете, в психологии (воле) индивидов.

Эволюция цивилизации, по Д., совершается под влиянием роста народонаселения и развития техники. Мысль о непрерывном прогрессе он считает иллюзией и утверждает о существовании «потолка цивилизации», связанного с развитием техники, рост к-рой, по его мнению, стал угрожающим. В последнее время Д. выдвинул идею создания некоей всеобъемлющей науки — прагматологии, исследующей развитие жизни от низших форм до человек. общества («La pragmatologie», 1955).

Соч.: Essai sur les catégories, Brux., 1906; Le rapport social, P., 1912; La légende socratique et les sources de Platon, Brux., 1922; Deux essais sur le progrès, Brux., 1928; Traité de morale, t. 1—2, Brux., 1932; Le pluralisme sociologique, Brux., 1946; Les sophistes: Protagoras, Gorgias, Prodicos, Hippas, Nchat., 1948; Essais pluralistes, в сб.: Travaux de la Faculté de philosophie et lettres de l'Univ. libre de Brux., t. 14 23, Brux., 1949—50].

Лит.: G. Goriely G., Sur la «Sociologie générale» de Eugène Dupréel, «Rev. internat. philos.», 1949, № 8, p. 227—31; Barzina M., L'oeuvre d'Eugène Dupréel, «Rev. de l'Université de Brux.», 1950, № 5, p. 379—90. В. Кузнецов. Москва.

ДЮПУИ (Dupuis), Шарль Франсуа (26 окт. 1742—29 сент. 1809) — франц. ученый, политич. деятель, философ-материалист и атеист. Род. в Три-Шато. Окончив колледж д'Аркур, получил степень лиценциата теологии и пед. лет преподавал риторику в лицее в Лизье. В 1770 сбросил сутану. Изучив курс права, Д. стал адвокатом; впоследствии занялся астрономией, посвятив ей дальнейшую жизнь. Профессор Коллежде Франс (1787). В 1792 Д. был избран членом Конвента, где примыкал к жирондистам; член Совета пятисот в период Директории и Консульства, как политич. деятель Д. занимался вопросами нар. образования. Продолжая традицию воинствующего атеизма франц. материалистов, Д. подверг критике *деизм*, отрицая полезность религии как политич. института и как опоры морали (см. «Abrégé de l'Origine de tous les cultes», P., 1821, p. 407). Мораль, по мнению Д., запечатлена природой в сердце человека и независима от религии. Д. принимал практич. участие в борьбе против религии и церкви в период франц. бурж. революции.

В центре внимания Д. — проблема происхождения религии. Он стремился объяснить религ. древность «приципами древней физики и астрономии, искать богов в главных агентах природы и смотреть на их ...приключения как на аллегорическое описание естественных феноменов, воспетых поэтами...» («Origine de tous les cultes ou religion universelle», t. 2, P., 1835, p. 301).

Д. являлся одним из создателей астральной теории происхождения религ. мифов. Он считал, что в них аллегорически описано движение небесных светил. Исходя из этого, Д. отрицал историч. существование Иисуса Христа, видя в нем мифологич. образ Солнца (см. «Abrégé de l'Origine...», p. 263).

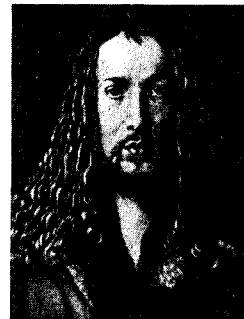
Положения астральной теории происхождения религ. мифов развивали современник Д. — К. Вольней, а позднее А. Дресс, Дж. Робертсон, А. Немоевский и др.

Соч.: Mémoire sur l'origine des constellations et sur l'explication de la fable par le moyen de l'astronomie, P., 1781; Dissertation sur le zodiaque de Dendra, P., 1822; Mémoire explicatif du zodiaque chronologique et mythologique, P., 1806.

Лит.: Вороницын И. П., История атеизма, 3 изд., М.-Л., 1930, с. 333—34; Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959, с. 47, 57, 345; Notice sur la vie littéraire et politique de M. Dupuis, par sa veuve, P., 1813. В. Кузнецов. Москва.

ДЮРЕР (Dürer), Альбрехт (21 мая 1471 — 6 апр. 1528) — нем. художник эпохи Возрождения, теоретик

и один из основоположников реалистич. теории иск-ва в Зап. Европе. Д. жил и творил в Германии в период обществ. подъема и социальных движений, завершившихся Крестьянской войной и Реформацией. Величайший художник, Д. создал в живописи и графике яркие реалистич. образы. Эстетич. воззрения Д. изложены в трактатах «Руководство к измерению» («Unterweisung der Messung», 1525) и «Четыре книги о пропорциях...» («Vier Bücher von menschlicher Proportion...», 1528). Помимо опубликованных трудов, сохранились материалы к незавершенной «Книге о живописи» и др. наброски.

Первоначально Д., подобно большинству современников, исходил из возможности создания непогрешимого канона прекрасного путем выбора прекраснейших частей из реальности и из произведений иск-ва классицизма, древности, подчинения их математич. закономерности, принципам соразмерности и гармонии. Критерием прекрасного Д. считал соответствие этим принципам суждению большинства. В это время Д. допускал также (под влиянием распространенных тогда идей неоплатонизма) возможность творчества по воображению, на основании живущих в душе художника извечных идей. Однако позднее он пришел к убеждению об относительности понятия прекрасного и недостижимости идеала. С этого времени в его теории на первый план выступает стремление к верности природе. Это стремление определило характер трактата «Четыре книги о пропорциях...», в к-ром Д. пытался опереться на математику для выявления закономерности, лежащей в основе многообразия реальных форм. Верность природе является для Д. гл. принципом художеств. творчества: «Чем точнее произведение соответствует жизни, тем оно лучше и более истинно» («Дневники, письма, трактаты», вступит. ст. и комментарий Нессельштраус, т. 2, М.—Л., 1957, с. 232). В поздних трудах он отвергал возможность творчества без природы. «...Я считаю природу учителем, а человеческую фантазию заблуждением», — писал Д. в 1528 (там же, с. 224).

В своих эстетич. взглядах Д. во многом опирался на эстетич. трактаты итальянских художников и ученых, еще в 15 в. заложивших основы теории иск-ва Возрождения и заимствовавших ряд положений антич. эстетики. Как и для Леонардо да Винчи, живопись для него — род познания, и он отстаивал ее право занимать место в ряду «свободных искусств». Однако, в отличие от итал. теоретиков, полагавших, что произведение иск-ва может считаться прекрасным лишь когда все изображенное в нем возвышенно и совершенно, Д. пришел к признанию права художника на отображение обыденных явлений в иск-ве. В ряде вопросов Д. предвосхитил нек-рые принципы реализмич. иск-ва 17 в.

Лит.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1, М., 1957, с. 348—49; Сидоров А., Дюрер, (М.—Л.), 1937; Нессельштраус Л., А. Дюрер, Л.—М., 1961; Müller F. L., Die Ästhetik Albrecht Dürers, Stras., 1910; Pappofsky E., Dürers Kunsttheorie, vornehmlich in ihrem Verhältnis zur Kunsttheorie der Italiener, B., 1915; егo же, Albrecht Dürer, v. 1—2, [3 ed.], Princeton, 1948.

Д. Нессельштраус. Ленинград.

ДЮРИНГ (Dühring), Евгений (1833—1924) — нем. философ, экономист, правовед, колеблющийся между метафизич. материализмом и позитивизмом в духе О. Канта. Нек-рое время (1863—77) был приват-доцентом Берлинского ун-та. Его выступление в защиту приоритета Р. Майера в открытии закона превращения энергии против Гельмгольца, оспаривавшего этот приоритет, выступления в защиту прав женщин, а также атеизм явились причиной увольнения из ун-та. В 70-х гг. 19 в. Д. объявил себя социальным реформатором, выступил против науч. социализма Маркса и Энгельса, пытаясь противопоставить ему идеалистич. понимание истории. В своих представлениях о будущем обществе Д. склонялся к анархизму. Д. не понимал социально-экономич. корней религии. Он считал, что в будущем обществе религия должна быть запрещена. Д. оказал нек-рое влияние на неустойчивых, недостаточно теоретически подготовленных членов герм. с.-д. партии, в связи с чем Энгельс выступил с детальной, всесторонней критикой его филос., политич. и социологич. воззрений в своей знаменитой книге «Анти-Дюринг». В ранней работе «Естественная диалектика» («Natürliche Dialektik», 1865) Д. пытался сочетать материалистич. понимание природы с кантианст. м. Так, он утверждал, что понятие бесконечности возникает из внутренне (имманентно) присущей мышлению способности, в действительности же все

существующее подчиняется закону определ. количества. Вместе с тем в этой же работе Д. отстаивает материалистич. положение о связи мышления с бытием, утверждая, что законы логики выражают объективные отношения между вещами. В своих последующих филос. работах — «Курс философии» («Cursus der Philosophie...», 1875), «Логика и теория познания» («Logik und Wissenschaftstheorie», 1878, 2 изд., 1905) Д. подвергает критике кантианство и пытается сочетать материализм с позитивизмом. Однако он не преодолевает кантианства, что сказывается в его понимании задачи философии — выведение наиболее общих принципов бытия и познания из чистого мышления. Сводя предмет философии к разработке априористической «мировой схематики», Д. возрождает исторически изжившее себя противопоставление философии положит. наукам. Претендуя на обоснование материалистич. положения о единстве мира, Д. выводит его из априористич. тезиса о всеохватывающем характере бытия, утверждал, что единство всего многообразия явлений природы заключается в их существовании. Бесконечность Вселенной Д. истолковывает чисто этимологически, т. е. как нечто, не имеющее конца, но имеющее начало. Однако признание начала мира во времени означает фактич. отказ от материализма, что проявляется далее в допущении первоначального, самому себе равного состояния мира, переход к-рого в состояние движения не может быть научно объяснен с этих метафизически-механистич. позиций, предполагающих наличие внешнего толчка, т. е. бога. Правда, Д. отказывается от признания божеств. первотолчка, допуская первоначальное «единство материи и механической силы», но и это механистич. представление не спасает его философию от идеалистич. выводов. Допущение самому себе равного первоначального вневременного состояния мира приводит Д. к идеалистич. выводу о возникновении времени благодаря движению. Время отрывается от пространства и от материи. В теории познания Д. абсолютно противопоставляет истину и заблуждение, утверждая, что «подлинные истины вообще неизменны...» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1957, с. 80). Отрица объективность диалектич. противоречий, Д. допускает лишь взаимодействие противоположно направленных сил. Законы диалектики Д. изображает в виде надуманных логич. конструкций, извне налагаемых на явления. На деле же, как показал Энгельс, не законы диалектики, а принципы, выдвигаемые Д., носят спекулятивный, идеалистич. характер.

В социологии Д. исходит из «робинзонады» — ненауч. представления об отд. изолированно взятых индивидах, к-рые вступают друг с другом в различные отношения, объясняемые с помощью т. н. «теории насилия». В этике Д. проповедует вечные, неизменные, вневременные принципы нравственности в духе Канта. Теория права Д. также носит идеалистич., спекулятивный характер; она исходит из абстрактного представления о произволе индивидов и из столь же абстрактной концепции насилия, игнорирующей его реальные экономич. и политич. предпосылки.

Наиболее значит. произведением Д. является «Критическая история всеобщих принципов механики» («Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik», 1873, 2 изд., 1877). Однако и в ней обнаруживается характерное для Д. колебание между материализмом и идеализмом. Эта работа Д. оказала нек-рое влияние на развитие позитивистского релятивизма и «физического» идеализма.

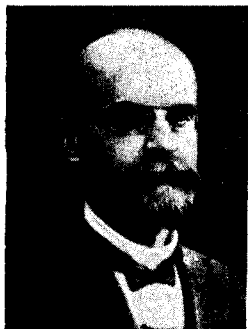
В 1924 в Германии был создан «Дюринговский союз», пропагандировавший его труды и идеи.

Соч.: Kritische Geschichte der Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart, 3 Aufl., Lpz., 1878; в рус. пер.: Ценность жизни, СПб, 1894.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; Денин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Робертман Д., Евгений Дюринг как литературный критик..., СПб, 1899; V a i l i n g e r H., Hartmann, Dühring und Lange, Iserlohn, 1876; D ö l l E., Eugen Dühring, I. rz., 1893

Т. Ойзерман. Москва.

ДЮРКГЕЙМ (Durkheim), Эмиль (15 апр. 1858—13 ноября 1917) — франц. социолог-позитивист, глава франц. социологич. школы, основатель журнала «L'Année sociologique» (1896). Проф. социологии и педагогики в Бордо (с 1896) и Сорбонне (с 1902). Разделяя

т. зр. позитивизма, Д. расходился с Контом и Спенсером в понимании соотношения философии и конкретных наук, выступал против попытки Спенсера биологизировать социологию и против идеи Конта о растворении предмета психологии в биологии и социологии. Предмет философии, по Д., — «трансцендентная», недоступная опыту природа фактов реальной жизни. Поэтому философия

стоит «по ту сторону» науч. исследования и должна быть полностью отделена от положит. науки, к-рая занята установлением причинных зависимостей между фактами. При этом как факты, так и их зависимости специфичны для каждой науки. Предметом исследования социологии являются «социальные факты», выступающие в виде обществ. учреждений, законов, установленных и т. д. Согласно Д., «социальные факты» надо трактовать объективно, как вещи. Однако природу социальных установлений Д. видел в «коллективных представлениях», к-рым в духе объективного идеализма он приписывал самостоят. существование. Социология должна, по Д., игнорировать всякие филос. теории и не должна быть «ни индивидуалистической, ни коммунистической, ни социалистической», т. к. все эти теории «стремятся не выражать, а прямо преобразовывать факты» («Метод социологии», К.—Х., 1899, с. 149—50). Методология Д.— образец бурж. объективизма.

Д. отказался от специфич. для бурж. обществоведения метода «робинзонады» и заменил его принципом соотношения индивида и общества как части и целого. Составляющие предмет социологии социальные факты несводимы, по Д., к свойствам личности: «Группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были бы разьединены» (там же, с. 91). В идее самостоятельности целого по отношению к частям Д. усматривал общий принцип взаимосвязи высших явлений с составляющими их элементами. Среди признаков, определяющих жизнедеятельность людей, Д. выделил группу явлений, к-рые действуют как принудит. внешние нормы, организующие поведение индивида. Таковы моральные и юридич. нормы, типы обществ. связей (семейные, племенные, государственные и т. п.). По Д., эти конституирующие общество связи есть результат интеграции способностей индивидов, их верований, чувств, сознания. «В силу этого принципа общество представляет не простую сумму индивидов, но систему, образовавшуюся от ассоциации их и представляющую реальность в собственном смысле, наделенную особыми свойствами» (там же, с. 90). Т. о., социология Д. идеалистическая, т. к. понятие обществ. бытия для нее равнозначно понятию обществ., коллективного сознания.

Сознание индивида характеризуется, по Д., фактами двойного рода: эмпирич. опытом (ощущения, представления, являющиеся видимостями, иллюзиями) и категориями (логич. понятия, выражающие наи-

более общие отношения между вещами и не подверженные субъективной изменчивости). Эмпирич. знания, по Д., возникают в уме под действием объекта и объясняются психич. природой индивида как субъекта. Индивидуальная практика не нуждается в категориях: «Чтобы отличать вещи, к которым нам полезно стремиться, от тех, которых нам следует избегать, нет надобности связывать причины и следствия логическими узлами» («Социология и теория познания», в сб. «Новые идеи в социологии», № 2, СПб, 1914, с. 61). Логич. категории — надиндивидуальны и являются продуктом общества, коллективными представлениями. В этом тезисе — ядро идеалистич. социологии Д.

В развитии обществ. сознания Д. усматривает гл. содержание историч. процесса: «Коллективные представления — продукт обширной, почти необъятной кооперации, которая развивается не только в пространстве, но и во времени... В них как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умственная жизнь индивида» (там же, с. 38—39). Коллективные представления в качестве обществ. продукта обладают, по Д., принудит. силой для индивида. В этом Д. ошибочно усматривал источник их истинности: «Понятие, которое вначале считалось за истинное, потому что оно было коллективным, постепенно делалось коллективным лишь под условием признания его истинным» (там же, с. 53). Соответствие понятию объекту и их общезначимость производны по отношению к этим признакам. Согласно Д., весь процесс познания изначально социологизирован, причем только через коллективные представления сознанию дано и объективное содержание категорий, включая категории пространства, времени, причинности и т. д. «Так как вселенная существует лишь постольку, поскольку она мыслится, и так как в своей целостности она мыслится только обществом, то она и становится элементом его внутренней жизни, а само общество становится родовым понятием, вне которого не существует ничего» (там же, с. 59). С этой идеалистич. т. зр. любое общество основывается на системе общезначимых коллективных представлений. Поэтому, по Д., мораль, религия и наука происходят из одного источника — из стремления к общезначимости своих положений. Исходя из этого, Д. и его последователи (Леви-Брюль, Юбер, Мосс и др.) видели в первобытной религии систему представлений, обусловленную характером обществ. солидарности данного коллектива.

Степень обществ. солидарности рассматривалась Д. как осн. критерий историч. прогресса. Д. различал 2 типа солидарности общества: высший и низший. Низший тип солидарности это — механич. солидарность. Высший тип — органич. солидарность, к-рая «...возможна только, если всякий имеет собственную сферу действия, т. е. личность» («О разделении общественного труда...», О., 1900, с. 103). В таком обществе «...индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей» (там же, с. 104). Совр. общество развивается, согласно Д., по второму типу путем совершенствования системы разделения труда. Антагонизм труда и капитала, классовая борьба являются, по Д., следствием того, что индивид не находится в гармонии со своей функцией, к-рая ему навязана силой. Классовая борьба обусловлена не разделением труда, а способом его регламентации. Она оказывается, по Д., нарушением согласия между способностями индивидов и предназначенными им родами действия, следствием принуждения. Исходя из такого идеалистич. понимания классовой борьбы, Д. считает ее не объективным законом, но свидетельством негодной моральной организации общества, ненормальностью, устранимой упорядочением социальных отношений. Изживание противоречий капитализма, по

Д., должно происходить путем установления разделения труда «...в силу чисто внутренней самопроизвольности, когда ничто не стесняет индивидуальной инициативы... Единственная определяющая тогда способ разделения труда причина — это различные способности... Таким образом сама собой осуществляется гармония между способностями каждого индивида и его положением» (там же, с. 301—02). Так социология Д. выливается в апологию капиталистич. конкуренции и бурж. индивидуалистич. концепции «свободы личности». Вместе с тем Д. дает своеобразную критику бурж. общества. Рассматривая проблему соотношения личности и общества, Д. утверждает, что человек — двойственное существо; «...Это значит, что к человеку физическому присоединяется человек социальный, а последний неизбежно предполагает существование общества, выражением которого он является и которому он предназначен служить» («Самоубийство», СПб, 1912, с. 272). Поведение личности целиком определяется степенью сплоченности общества. Поэтому, если общество находится в состоянии кризиса, то для личности утрачивается значимость социальных регламентаций. Отсюда — безудержность желаний и страстей. Такое состояние общества Д. называет аномией; в нем, по Д., находится совр. ему капиталистич. общество. «В промышленном мире кризис и состояние аномии суть явления не только постоянные, но, можно даже сказать, нормальные» (там же, с. 341). Поскольку Д. как идеалист усматривает источник противоречий бурж. общества в дезорганизации его моральных устоев, постольку его критика бурж. строя лишена науч. основы. Школа Д. до сих пор пользуется влиянием и занимает ведущее место во франц. бурж. социологии. Социологич. воззрения Д. содержат в себе нек-рые рациональные моменты, касающиеся прежде всего признания невозможности понять природу человека и его сознания без учета того, что они являются производными по отношению к социальному целому, хотя последнее трактовалось им неверно, идеалистически. Социологич. воззрения Д. оказали сильное влияние на психологию, в первую очередь на представителей социологич. направления во франц. психологии (П. Жане, Хальбвакс, Пиаже). В России близкие идеям Д. взгляды высказывал Де-Роберти.

Соч.: Les règles de la méthode sociologique, P., 1895; Le suicide, P., 1897; De quelques formes primitives de classification (совм. с М. Маусс), «L'Année sociologique», 1903, p. 1—72; Sociologie et philosophie, P., 1924; L'éducation morale, P., 1925; Le socialisme, P., 1928; в рус. пер.: Самоубийство, СПб, 1912. Лит.: Телешников Ф. Е., Дюркгейм о предмете и методе в социологии, «Вестн. Коммунистич. Акад.», 1929, № 30 (6); Гальбвакс М., Возникновение религиозного чувства по Дюркгейму, в кн.: Происхождение религии в понимании буржуазных ученых, М., 1932; Рубинштейн С. Л., Проблема индивидуального и общественного в сознании человека. (Психологическая концепция французской социологической школы), в его кн.: Принципы и пути развития психологии, М., 1959, с. 308—31; Леонтьев А. Н., Об историческом подходе в изучении психики человека, в кн.: Психологическая наука в СССР, т. 1, М., 1959, с. 11—13; Бенкер Г. и Босков А., Современная социологическая теория..., пер. с англ., М., 1961 (см. Именной указатель); Parsons T., The structure of social action, N. Y.—L., 1937, ch. 8, 10; Alpert H., Emile Durkheim and his sociology, N. Y., 1939; Viala to u x J., De Durkheim à Bergson, P., 1939; Barnes H. E. and Becker H., Social thought from lore to science, v. 2, Wash., 1952; Handbuch der Soziologie, hrsg. v. W. Ziegenfuss, Stuttgart, 1956, S. 44—47; I n d a n F., Pozytywizm etyczny Emila Durkheima, Toruń, 1960. М. Туровский. Москва.

ДЮРОФ (Duroff), Адольф (1866—1943) — нем. католич. философ; проф. в Бонне (с 1905). Взгляды Д. формировались под влиянием *критического реализма Кюльпе*; работал в области истории философии, психологии и этики. Пытался объединить схоластическую философию с немецким классическим идеализмом.

Соч.: Die Ethik der alten Stoa, Lpz., 1897; Religion und Moral, B., 1925; Betrachtungen über Geschichte, Köln, 1926; Einführung in die Psychologie, 6 Aufl., Lpz., 1932; Ästhetik des tätigen Geistes, Bonn, 1948; Einleitung in die Philosophie, Bonn, 1948. М. Силон. ГДР.

ДЯДЬКОВСКИЙ, Иустин Евдокимович [1(12) июня 1784 — 22 июля (3 авг.) 1841] — рус. медик, представитель естественнонауч. материализма. Д-р медицины (с 1816). Окончил моск. Медико-хирургич. академию (1812), работал в этой академии (с 1814, с 1824 — профессор) и Моск. ун-те (проф. в 1831—35).

В трактате «Рассуждение об образе действия лекаря на человеческое тело...» («Dissertatio inauguralis medica de modo, quo agunt medicamenta in corpus humanum...», 1816; см. в кн.: «Избр. произв. рус. естествоиспытателей первой половины XIX века», 1959, с. 248—76) Д. выступил против идеалистич. *натурфилософии* и *витализма*. Считая, что в основе явления природы лежит движение материи — «безусловной причины» явлений (там же, с. 262), Д. стремился освободить учение о материи как от пьютоцианских механистич. представлений, так и от спекуляций «динамистов» шеллингианского толка. «Нет также никакой нужды, — писал он, — в согласии с Дарвином (Эразмом. — *Ред.*) одушевлять материю каким-то жизненным духом, или, следуя трансцендентным философам, оживотворять ее идеей всеобщей жизни, или разделять ее на субъективную и объективную части. Сама материя как материя, по нашему мнению, жива; сама материя содержит в себе начало или основание всех своих действий...» (там же, с. 262—63). Согласно Д., органич. мир произошел из неорганического путем эстеств. превращения при определенных условиях. Задолго до признания в науке учения о развитии органич. мира Д. придерживался идеи о превращаемости видов под влиянием пищи, климата и образа жизни. Определяя *жизнь* как непрерывный физико-химич. процесс взаимодействия органич. и неорганич. материи, Д. выступал против виталистич. отрицания приложимости законов физики и химии к физиологич. явлениям. Доказывая, что «опыт есть единственный источник наших познаний...» (Соч., 1954, с. 131), Д. боролся за превращение физиологии в экспериментальную науку, основывающуюся на физич., химич. и иных доступных в то время методах исследования. Вместе с тем Д. подчеркивал качеств. различия между живыми и неорганич. телами. Он высказывал идею о ведущей роли нервной системы в жизнедеятельности организма. Уже в 30-е гг. нек-рые его ученики предприняли попытки эксперимент. изучения физиологии нервной деятельности. Идеи школы Д. повлияли на формирование взглядов *Сеченова* и С. П. Боткина.

Вслед за Дидро Д. отстаивал взгляд, что в основе восприятия лежит свойство материи отвечать в той или иной форме на воздействие внешнего мира; это свойство — коренное качество материи; на основе его возникла способность ощущения, а затем и мышления.

Идеи Д. нашли широкий отклик среди передовой рус. интеллигенции (Белинский, Герцен, Огарев, Станкевич, Чаадаев, Максимович).

При жизни Д. только часть его трудов увидела свет. В 1846—47 были изданы в 2 тт. его лекции по частной терапии. Св. 10 соч. Д. остались в рукописи (хранятся в Отделе рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина).

Соч.: Сочинения, М., 1954.

Лит.: Миклулинский С. Р., И. Е. Дядьковский (1784—1841). Мировоззрение и общепсихологические взгляды, М., 1951 (имеется библиогр.); Шилин Ю. А., Врач-философ И. Е. Дядьковский, Л., 1951; Лушников А. Г., И. Е. Дядьковский и клиника внутренних болезней первой половины XIX века, М., 1953; Соболев С. Л., И. Е. Дядьковский — русский материалист-биолог начала XIX века, в кн.: Тр. Ин-та истории естествозн. АН СССР, т. 5, М., 1953; Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1953, с. 345—48; История естествознания в России, т. 1, ч. 2, М., 1957. С. Миклулинский. Москва.

Е

ЕВАНГЕЛИСТЫ — 1) Мифич. авторы *евангелий*: Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Первый и последний из них, по церк. традиции, были апостолами, Марк — учеником апостола Петра, Лука — учеником и спутником апостола Павла. 2) Е. (или евангельские христиане) — название одной из христианских протестантских сект. Основана во 2-й пол. 19 в. в Англии лордом Редстоком, им же была создана (в 1874) первая община Е. х. в Петербурге. Вероучение и культ Е. х. близки к баптистским (см. *Баптизм*). В России и СССР секта долго существовала отдельно от баптистской — в значит. мере из-за конкуренции руководящих группировок. В 1944 Е. х. влились в секту баптистов, но небольшая часть их осталась вне организации.

ЕВАНГЕЛИЯ (от греч. εβανγγέλιον — благая весть) — название первых четырех книг т. н. Нового Завета, входящих в состав *Библии*. Церк. учением их авторство приписывается апостолам и ученикам апостолов Матфею, Марку, Луке и Иоанну, якобы написавшим Е. в нач. 2-й пол. 1 в. н. э. На самом деле, ни одно из Е. не появилось раньше 2-й четверти 2 в. Одного этого было бы достаточно, чтобы признать их псевдонимными; но, помимо того, итоги повозветной библейской критики с полной очевидностью свидетельствуют о мифич. характере тех персонажей, по именам к-рых названы Е. Содержанием Е. являются сказания о земной жизни *Иисуса Христа*, о его смерти на кресте, воскресении на третий день после смерти, сорокадневной земной жизни после воскресения и вознесении на небо, где он теперь, по христ. учению, пребывает «одесную бога-отца» вплоть до того, как наступит срок его второго пришествия на землю для окончат. исполнения божьего плана мироустройства. Первые три Е. по своему характеру отличаются от Е. от Иоанна и в общих чертах сходны, почему именуются синоптическими. В последнем содержится значительно меньше мифологич. материала, относящегося к вымышленной биографии Иисуса, но больше туманных богословских проповедей, носящих на себе явные следы влияния философии *гностицизма*. Как в освещении фактов мифич. биографии Христа, так и в изложении сущности христ. учения между Е. существует большое количество противоречий. Совершенно не совпадают родовые слова Христа, сообщаемые Матфеем и Лукой, не сходятся сведения о его детстве, о возрасте к моменту казни, о поведении разных лиц, окружавших Христа в разное время, мн. подробности отд. эпизодов. В изложении поучений, приписываемых Христу, также имеется много противоречий даже внутри отд. Е., а также и между ними. Напр., в греч. подлиннике Е. от Луки сказано — «блаженны нищие», а в соответствующем месте Е. от Матфея — «блаженны нищие духом» (в рус. пер. Е. от Луки вставлено — «духом»).

Изложенное в Е. христ. учение обязывает верующего в ожидании второго пришествия Христа не заботиться об устройстве земной жизни людей («птицы

небесные не сеют, не жнут»), не бороться с социальным злом и классовым гнетом, не противиться злу насильем, «возлюбить ближнего», в т. ч. и врага, не оказывать врагу никакого сопротивления. В период возникновения христианства эта евангельская мораль выражала настроения социальных низов, отчаявшихся в возможности победы над господствующим классом рабовладельцев; она еще больше обезоруживала угнетенные массы. В ходе дальнейшей истории человечества вплоть до нашего времени она играла реакц. роль.

Все Е. были первоначально написаны по-гречески. Их авторами были не палестинские евреи, как учит церковь, а, по всей вероятности, евреи диаспоры, что видно хотя бы из того, что они обнаруживают плохое знание географии Палестины, а также обычаев и особенностей быта палестинских евреев. Первым из Е. следует считать Е. от Марка, самым поздним — Е. от Иоанна. К сер. 2 в. уже существовали все 4 Е. Помимо них, однако, в это время уже были и продолжали появляться мн. другие Е., к-рые были впоследствии признаны апокрифическими (см. *Апокрифы библейские*). По мере централизации церкви возникла необходимость унификации Е. В ходе борьбы между различными христ. общинами, каждая из к-рых отстаивала свое Е., были приняты те, к-рые принадлежали наиболее мощным и влиятельным общинам. Окончат. канонизация четырех Е. была произведена на Лаодикийском церк. соборе в 374.

Лит.: Энгельс Ф., Бруно Бауэр и раннее христианство, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 15, М., 1933; его же, К истории раннего христианства, там же, т. 16, ч. 2, М., 1936; Франц в Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959, разд. 3; Рано-вич А. Б., О раннем христианстве, М., 1959; Пеп-ман Я. А., Происхождение христианства, М., 1960.

И. Кривелев. Москва.

ЕВБУЛИД из Милета (Ε. βουλήδης) (4 в. до н. э.) — др.-греч. философ-идеалист, представитель *мегарской школы*. В соответствии с общим направлением этой школы Е. стремился доказать, что чувств. восприятия реальных вещей и явлений неистинны и что вообще познание невозможно ввиду своей противоречивости. Т. о., «доказывалось», что материальное, единичное не есть истинно-сущее, достоинством к-рого обладает лишь общее, идеальное. Для обоснования этих общих идей мегарской школы Е. в традиции *Зенона Элейского* (см. также *апория*), вульгаризируя ее, выдвигал ряд софизмов [дошли до нас в изложении *Диогена Лаэртского* (кн. II) и др. антич. авторов] — «Лжец», «Покрытый», «Сорит (куча)», «Плешивый», «Рогатый» и др. Нек-рые из них представляют собой простую игру слов (напр., софизм «Рогатый»: то, чего ты не потерял, у тебя есть; ты не потерял рогов, следовательно, ты рогат), другие же фиксируют диалектику количества и качества (на что обратил внимание Гегель, см. Соч., т. 10, М., 1932, с. 101—02; ср. 95—100), как, напр., «Плешивый», «Куча» (одно зерно — не куча, два — не куча и т. д. до тех пор, пока мы не признаем, что образовалась куча).

Соч.: (фрагм.), в кн.: De u s k s F., De Megaricorum doctrina..., Bonn, 1827).

Лит.: История философии, т. 1, М., 1940, с. 144—45; Mallet Ch. A., Histoire de l'école de Mégare..., P., 1845; Grantl K., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 1, Lpz., 1855, S. 40 и др.; Gillespie C. M., On the Megarians, «Arch. Geschichte Philos.», 1911, S. 218—41.

ЕВДОКС КНИДСКИЙ (Εὐδοξος ὁ Κνίδιος) (ок. 408—ок. 355 до н. э.) — др.-греч. астроном, врач, философ и математик, значит. число геометрич. доказательств к-рому вошло в «Начала» Эвклида. В философии, следуя в основном Платону, Е. К. пытался модифицировать его учение: сблизить мир идей с миром чувств. бытия; этику Платона — с учением Анаксагора о *гомемериях* и уме (см. *Нус*). Так, Е. К. усматривал в свойствах чувств, предметов результат большего или меньшего «примешивания» идеальных качеств, «...таким же образом, как белое, если его подмешать, является причиной для белого предмета» (Аристотель, Метафизика, I 9, 991a). Этич. принципом в учении Е. К. являлось тождество удовольствия и платоновской идеи блага. Соч. Е. К. до нас не дошли, и их содержание восстанавливается на основании свидетельств др. писателей.

Лит.: Башмакова И. Г., Лекции по истории математики в Древней Греции, в сб.: Историко-математические исследования, вып. 11, М., 1958, с. 306—17 и 333—40; Вандер Варлен В. Л., Пробуждающаяся наука, пер. с голл., М., 1959, с. 243—61; Fritz K., Die Ideenlehre des Eudoxos von Knidos und ihr Verhältnis zur platonischen Ideenlehre, «Philologus», 1927, Bd 82; его же, Platon, Theaetetus und die antike Mathematik, там же, 1932, Bd 87; Karp H., Untersuchungen zur Philosophie des Eudoxos von Knidos, Würzburg—Aumühle, 1933; Becker O., Eudoxos-Studien, I—V, в сб.: Quellen und Forschungen zur Geschichte der Mathematik, Astronomie und Physik, Abt. B, Bd 2—3, В., 1933—36; Santillana G. de, Eudoxus and Plato. A study in chronology, «Isis», 1949, v. 32, № 86; Michel P.-H., De Pythagore à Euc. de, P., 1950. В. Зубов. Москва.

ЕВФИМИЙ ВИСЛЕНЬ (г. рожд. неизв. — ум. 1392) — рус. церковный деятель, представитель рус. свободомыслия 14 в. В 1374 назначен тверским епископом. В 1375 Е. В. возглавлял на переговорах с Московской тверскую делегацию, признавшую политич. «старейшинство» Москвы. Поддерживаемый сторонниками среди населения Твери, Е. В., подобно современному ему *стригольникам* в Пскове и Новгороде, выступил против авторитета «соборной апостольской церкви». В 1390 он был предан суду церк. собора по обвинению в «мятеже и раздоре церковном». На соборе он открыто обличал своих обвинителей: «... яко стрелу поострил язык свой против всего собора, якоже древний Арий и Ориин и Севир и прочие еретиды». Е. В. был отрешен от сана и сослан в московский Чудов монастырь.

Лит.: Клябанов А. И., Свободомыслие в Твери в XIV—XV вв., в кн.: Вопросы истории религии и атеизма, Сб. ст., [т.] 6, М., 1958, с. 231—60. А. Клябанов. Москва.

ЕГИШЕ (5 в.) — арм. мыслитель, участник Аварайрской битвы (451) армян с иранской сасанидской армией; автор кн. «О Вардане и армянской войне» (1764, рус. пер. 1853, 2 изд., 1958), содержавшей многочисл. филос. афоризмы. Центральными в филос. воззрениях Е. были проблемы *свободы* и *дога*. Природа, по Е., сотворена богом, но существует реально и состоит из четырех элементов — огня, воды, земли и воздуха. Мир делится на разумные и неразумные существа. Божеств. предопределение распространяется только на неразумные существа; человек, как существо разумное, обладает свободой воли и сам может творить свою судьбу, совершать либо добро, либо зло; зло не есть мировое начало. Это положение Е. было направлено против фаталистич. трактовки вопроса о добре и зле в системах *зороастризма* и *маздеизма*.

Е. призывал к единству арм. народа в борьбе с чужеземными поработителями. В основу действия человека он ставил «бескорыстную любовь к общественной пользе»; эта любовь должна быть выражена прежде всего в самоотверженной преданности родине. Ге-

рой, в понимании Е., — это человек, идущий на смерть во имя родины. Такая смерть является бесмертием. Лучшими качествами человека Е. считал свободолобие и ненависть к тиранам.

Соч. в рус. пер.: История. Борьба христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении, Тифлис, 1853, переведено также на англ., франц., нем. и итал. языки. Лит.: Абебян М., История древнеармянской литературы, т. 1, Ер., 1948, с. 241—62; Чалоян В. К., История армянской философии, Ер., 1959, с. 84—87; Чалоян В. С., Егеше, Ер., 1962. В. Чалоян. Ереван.

ЕГОРОВ, Анатолий Григорьевич (р. 25 окт. 1920) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1959), член-корр. АН СССР (с 1962). Член КПСС с 1944. Окончил Моск. гос. пед. ин-т им. К. Либкнехта (1941) и аспирантуру Ин-та философии АН СССР (1951). Преподает философию с 1946. С 1956 по 1961 — гл. редактор журн. «Политическое самообразование», зам. заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам (с 1961). XXII съездом КПСС избран членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. Осн. проблематика науч. работ — эстетика, формы обществ. сознания, базис и надстройка, вопросы культуры.

Соч.: Марксизм-ленинизм о решающей роли народных масс в истории, «Молодой коммунист», 1953, № 9; Особенности искусства и его место в общественной жизни, «Коммунист», 1953, № 6; Против субъективизма в теории искусства, там же, 1954, № 12; Против субъективистского истолкования проблемы прекрасного, там же, 1957, № 9; Коммунизм и искусство, там же, 1960, № 4; Об интернациональном и национальном в искусстве, там же, 1961, № 17; К вопросу о содержании и форме в искусстве, «Вопр. философии», 1954, № 4; О ликвидации старой надстройки, там же, 1955, № 5; Народность сов. искусства, там же, 1955, № 6; Против ревизионизма в эстетике, там же, 1958, № 9; Ленинская теория отражения и современный ревизионизм в эстетике, там же, 1959, № 5; Джон Дьюи и его эстетическое «кредо», там же, 1961, № 1; О национальных особенностях искусства, в сб.: За коммунистическую идейность литературы и искусства, М., 1957; Базис и надстройка социалистического общества, «В помощь политич. самообразованию», 1957, № 10; О марксистско-ленинской теории базиса и надстройки, там же, 1957, № 1; Что такое культура?, там же, 1958, № 2; Дальнейшее развитие колхозного строя и некоторые вопросы марксистской философии, там же, № 6 (совм. с А. Вишняковым); Коммунистическое воспитание масс в период развернутого строительства коммунизма, там же, 1959, № 9; Враги разума, «Вопр. литературы», 1959, № 8; Искусство и общественная жизнь, М., 1959; Содержание и форма в искусстве, в кн.: Основы марксистско-ленинской эстетики, М., 1960; О реакционной сущности современной буржуазной эстетики, М., 1961; Коммунизм и перспективы развития национальных художественных культур, «Политич. самообразование», 1961, № 9.

ЕДИНИЧНОЕ (отдельное, индивидуальное) — определенное, ограниченное в пространстве и времени тело, вещь, система вещей данного качества, рассматриваемые в их отношении как к самим себе, так и к миру в целом по их качеств. определенности; предел количеств. деления данного качества. Е. есть определенность качества внутри него самого, т. е. его однородность с вещами того же качества, служащая объективным основанием для его количеств. математич. выражения. С этим связана проблема единицы как основания счета. Е. есть диалектик. противоположность общего. В своей изолированности Е. — такая же пустая абстракция, как и общее без Е. «... Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему... Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другим рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» (Ленин и В. И., Соч., т. 38, с. 359).

В антич. философии Е. рассматривалось как более или менее устойчивое соединение, сочетание одних и тех же, общих любому телу частиц (атомов, гомеомерий) или же как результат количеств. изменений, возникающих в одних и тех же всеобщих стихиях (вода, воздух, анейрон, огонь), как результат их сгущения или разрежения. Идеалистич. тенденция выражалась в принятии особого нематериального начала (нус, догос, идея), вносящего в неразличечную, лишенную индивидуальности пассивную мате-

рию порядок, форму, качество, пространственно-временные границы (Платон, Аристотель) и тем самым создающего Е. В качестве исходной точки понимания действительности Е. принималось только представителями софистики с ее тенденцией к крайнему эмпиризму, а также стоиками. Для антич. философии в целом было характерно понимание Е. как модификации, продукта саморазличения всеобщего, к-рое толковалось как материалистически (*милетская школа*, Гераклит, Левкипп — Демокрит), так и идеалистически (Платон, Аристотель). Вульгаризированные взгляды антич. идеализма были восприняты ср.-век. схоластикой, к-рая, как правило, рассматривала Е. как нечто несущественное, ущербное, презренное, и с этич.-религ. и с теоретич. т. зр. Единственной формой оппозиции этому взгляду был ср.-век. *номинализм*, учивший, что Е. есть единственная реальность, к-рой *всеобщее* противостоит только в виде слова, названия. Естественные и философия 16—18 вв. с их направленности на эмпирич. исследование мира чаще примаются в понимании Е. к номиналистич. традиции. «Всеобщность не принадлежит самим вещам, которые по своему бытию все единичны, не исключая тех слов и идей, которые общи по своему значению» (Локк Д., Опыт о человеческом разуме, М., 1898, с. 408). С этим связано стремление истолковывать всеобщее и универсальное как нечто единичное. Материалистич. вариант этой позиции разработан в учениях Гассенди, Ньютона, далее — Гельвеция, Гольбаха в виде представления о том, что мироздание построено из отдельных, неизменных частиц. Идеалистич. версия этого понимания Е. имела место в учении Лейбница о «монадах», а также в философии Беркли и Юма. Глубоко диалектич. идеи относительно Е. были развиты Спинозой, согласно к-рому любое единичное тело или событие есть продукт и форма существования бесконечной природы и потому может быть понято только исследованием способа его рождения из всеобщей субстанциальной первоосновы, к-рая существует не отдельно от единичных тел, а только в них и через них.

Серьезный шаг к диалектич. пониманию Е. был сделан нем. классич. философией. Е. понимается у Гегеля как необходимая форма действительности в ее «внешнем существовании», т. е. в пространстве и времени, как момент «различия», противостоящий абстрактному тождеству понятия, как момент определенности, к-рого абстрактному тождеству недостает. «...Соотносящаяся с самой собой определенность есть е д и н и ч н о с т ь» (Гегель, Соч., т. 6, М., 1939, с. 45). В этом смысле Е. выступает как необходимый момент понятия, конкретно-всеобщего. Е. как таковое, как «это», «здесь» и «теперь», представляет собой нечто совершенно неуловимое и неинтересное для мысли и на поверку оказывается чистой абстракцией. Для мысли Е. важно как внутр. различие внутри всеобщего, как особенное. Однако поскольку для Гегеля всеобщее есть мысль и только мысль, постольку Е. в итоге толкуется в его «Логике» как форма и способ предметной реализации мысли, понятия, идеи, как ступень ее опредмечивания в пространстве и времени. «...Единичность есть не только возвращение понятия в себя само, а непосредственно и его утрата. Через единичность, подобно тому, как понятие есть в ней в и у т р и с е б я, оно становится в н е с е б я и вступает в действительность» (там же, с. 55). Е. (тело, явление, событие и т. д.) определяется поэтому в итоге только как «положенная абстракция» (см. там же, с. 57), не имеющая действительности вне и независимо от мышления. Этот аспект гегелевского понимания Е. подверг острой критике *Фейербах*, отстаивавший самостоятельное, независимое от мысли, значение Е., как чувственно-данной реальности, как

пробора понятия, идеи, абстракции, но не справившийся с диалектикой Е., особенно и всеобщего как в действительности, так и в мышлении.

Материалистич. диалектика, понимая всеобщее прежде всего не как мысль, а как объективную, внутренне присущую материальной субстанции закономерность развития, как универсальную бесконечную зависимость всех единичных тел, явлений, событий друг от друга, определяет Е. как объективную качественно-определенную реальность, как форму бытия материи в пространстве и времени, как важнейший момент действительности. Однако Е. не придается того самодовлеющего значения, к-рое ему приписывает *эмпиризм*. Для науч. понимания действительности важно не просто Е. как таковое, как нечто абсолютно неповторимое, однократное, то, что Гегель называл «дурной единичностью» (скажем, цена отдельного товара на рынке для политич. экономики или цвет волос гос. деятеля для политики), а только такое Е., в к-ром выражаются строение и развитие определенной конкретной действительности. Для понимания действительности важно такое Е., к-рое выражает свой собственный общий тип. Так, всеобщие определения стоимостной формы в «Капитале» добываются путем анализа отношения «20 аршин холста = 1 сюртуку», т. е. на первый взгляд единичного факта. Разумеется, что важны здесь не сюртук и холст со стороны их «дурной единичности»; могут быть взяты два любых других товара. Е. здесь раскрывается со стороны его конкретной всеобщности, в диалектич. единстве с ней, как необходимая форма существования всеобщности в действительности. Иными словами, Е. выступает как количественно определенный момент саморазвития, саморазличения качественно определенной действительности. Без раскрытия Е. всеобщность остается пустой абстракцией. Поэтому в непосредств. практике, напр. в политике, педагогике, медицине и т. д., а также в искусстве важен учет неповторимой индивидуальности факта, человека, материала и т. д.

В противоположность плоскому эмпиризму, материалистич. диалектика устанавливает, что Е. всегда есть продукт процессов, протекающих по всеобщим закономерностям. Появление, изменение и исчезновение Е. всегда имеют место внутри определенных всеобщих условий, внутри сложнейшего взаимодействия массы других Е., т. е. внутри действительности, управляемой конкретно-всеобщими законами. В развивающейся действительности постоянно осуществляется переход, превращение Е. во всеобщее и особенное, и обратно. Действие всеобщей закономерности выражается в Е. и через Е., а всякая новая всеобщая форма (закономерность) всегда вначале выступает в действительности в виде единичного исключения из всеобщего правила (будь то рождение нового биологич. вида, новой формы обществ. отношений и т. д.). Никакая реальная система явлений не может развиваться, не выделяя из своего состава новых и новых единичных формообразований, вносящих в нее новые различия, изменяющих ее общий облик. Е., т. о., реализует многообразие в единстве и является необходимой формой развития действительности. При этом сохраняются и воспроизводятся развитием, получая всеобщее значение, лишь такие единичные «исключения», к-рые соответствуют общей тенденции развития, требованиям, заложенным во всей совокупности условий, и реализуют эти требования своей особенностью, своим отличием от других Е. Через единичные, случайные отклонения, прокладывает себе дорогу общая необходимость, закономерность.

С др. стороны, только через строжайший анализ и учет Е., эмпирически данного и фактически *удостоверенного* через практич. деятельность людей, через

наблюдения, эксперименты и исследования совершаются дальнейшее углубление (конкретизация) всеобщетеоретич. положений, законов науки. Всеобщее раскрывается в понятии только через отражение Е. и его определенности. Благодаря этому подлинно науч. понятие и «... воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» (Л е н и н В. И., Соч., т. 38, с. 87), а не абстрагирует, не отворачивается от него, удерживая в своих определениях лишь «общее» отдельно от Е., от отдельного, от индивидуального.

Для совр. бурж. философии, гл. обр. для *неопозитивизма* и *экзистенциализма*, характерно одностороннее выпячивание Е. в гносеологии, логике, социологии и этике. Являясь в социологии филос. опорой бурж. индивидуализма, в логике и гносеологии это понимание Е. неизбежно приводит к противопоставлению об-щ. и всеобщ. как о чисто субъективных фикциях, как лишь о «терминах» и искусств. правилах для упорядочивания и словесного выражения единичных, неповторимых фактов восприятия, принадлежащих единичному же субъекту. Э. Ильенков. Москва.

ЕДИНСТВЕННОГО РАЗЛИЧИЯ МЕТОД — один из методов установления причин явлений природы, в явной форме сформулированный англ. логиком Миллем в его учении об индукции. См. *Методы исследования причинных связей*.

ЕДИНСТВЕННОГО СХОДСТВА МЕТОД — один из методов установления причин явлений природы, в явной форме сформулированный англ. логиком Миллем в его учении об индукции. См. *Методы исследования причинных связей*.

ЕДИНСТВО (греч. *μονάς*, лат. *unitas*) — такая взаимосвязь определ. предметов, процессов, к-рая образует целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую в изменениях и в то же время включающуюся в более широкую систему, в конечном счете, — в составе бесконечного во времени и пространстве мира. Материализм усматривает Е. мира, Е. всех многообразных явлений в их материальности, принимает его как факт, доказываемый всей историей познания и деятельности людей. Идеализм же истолковывает Е. явлений лишь как идеальное Е., т. е. как продукт целесообразной деятельности субъекта (отд. человека или абс. духа, бога).

Ранняя антич. философия принимает Е. мира и знания как самоочевидный и не требующий доказательств факт, как исходную предпосылку всех построений. Всеобщее Е. явлений усматривается здесь в том, что все наблюдаемые человеком вещи и сам человек происходят из одного и того же материального первоначала, представляют собой различные видоизменения одних и тех же стихий или сочетания одних и тех же частиц. Всеобщее первоначало как основание и сущность Е. явлений мира усматривается, как правило, в чем-то определенно телесном, чувственно воспринимаемом (вода, воздух, огонь и т. д.). Согласно *Демокриту*, Е. мира, воспринимаемое чувствами, имеет свою основу в Е., в одинаковости состава любой вещи — в атомах; мышление толковалось как род движения атомов огня. Пифагорейская школа заложила основы количественно-математич. интерпретации Е., односторонне-нумерич. толкованию Е. Элейская школа (Парменид, Зенон), а вслед за ней *Платон* делают акцент на чисто логич. стороне вопроса. Платон видел гл. трудность не в том, чтобы понять и принять как Е., так и множество, а в том, чтобы понять, как Е. существует во многом, а многое — в едином. При этом единое отождествлялось, в конце концов, с бестелесной идеей, а многое — с чувственно данным многообразием. *Аристотель*, пытаясь сочетать традиции антич. материализма с моментами идеалистич. диалектики Платона, насчитывает неск. значений понятия Е.

Единство, причем Е. «по существу», свойственно вещи, если она «непрерывна», или если у частей — одна материя, или вещи принадлежат к одному роду, или если у вещей определения их сущности неотличимы друг от друга. Стараясь найти всеобщее определение понятию Е., Аристотель склоняется к пифагорейско-платоновской традиции, определяя «... сущность единого — в том, что оно известным образом представляет собой начало числа» (Met., V 6, 1016в 17—23; рус. пер., М.—Л., 1934), однако добавляя, что «по числу одно <образуют> те (вещи. — *Ред.*), у которых материя одна» (там же). При этом все, что едино «по числу», необходимо едино и «по виду», т. е. обязательно предполагается качеств. тождество вещей, а обратной зависимости нет: «... то, что едино по виду, не все едино по числу» (там же, 1016в 23—1017а 3).

Наиболее остро проблема Е. встает в философии нового времени как проблема Е. мышления и действительности. В ходе многовековой борьбы материализма и идеализма постановка этого вопроса принимала самые разнообразные формы (напр., единство бога и человека в богочеловеке, и т. д.). Подлинное ядро проблемы обнаружилось в споре о том, где находится основание Е. теоретич. знания: в Е., т. е. во всеобщей связи материальных явлений, или же в имманентной природе познават. способностей субъекта. Материалисты (*Спиноза*, *Дидро*, *Гольбах*, *Фейербах*) усматривают Е. мира в его материальности, а Е. знания (системы представлений и понятий) толкуют как проявление этого универсального Е. в сознании, как его отражение.

Кант, отказываясь решать вопрос о Е. явлений вне сознания, сводит проблему Е. к проблеме Е. субъекта, усматривая в «единстве апперцепции» «трансцендентальную» основу Е. знания, т. е. толкует категорию Е. прежде всего субъективно-психологически. *Гегель*, подвергая критике «психологизм» Канта, пытается истолковать Е. как универсально-логич. категорию, приложимую также и к вещам вне сознания. Однако Е. вещей вне сознания принимается в расчет лишь постольку, поскольку оно толкуется как продукт деятельности абс. мышления, и потому только как идеальное Е. «Мышление производит единство и таким образом оно производит само себя, ибо оно есть единое» (Гегель, Соч., т. 11, М.—Л., 1935, с. 427). Гегель отказывается от понимания Е. как простого абстрактного тождества (или одинаковости) вещества или строения (форм) вещей и толкует Е. как конкретное тождество явлений, т. е. как Е. различного и противоположного. Такое Е. осуществляется, согласно Гегелю, лишь путем их превращения друг в друга, как переход, и притом как переход противоположностей, постоянно совершающийся в процессе развития. В этом понимании Е. осуществляется как раз через свою собственную противоположность — через различие и противоположность. Гегель предостерегает против понимания Е. как продукта «внешней рефлексии», объединяющей разные явления на том основании, что и в том, и в другом можно заметить нечто «одинаковое», «одно и то же». Ибо при этом Е. оказывается чем-то совершенно внешним по отношению к различиям (ко многому) и, во-вторых, само по себе случайно, формально, субъективно и распадается на совершенно неопределенное множество разных Е., оказываясь тем же самым, что и неопределенное множество.

Гегель требует понимать Е. как определенное множество, т. е. как конкретное. Это понимание он демонстрирует на понятиях «бытия и ничто», «качества и количества» и т. д. Е. выступает как «притяжение» «отталкивающих» друг друга моментов, каждый из к-рых, взятый сам по себе, «не имеет силы» и есть сам по себе «лишь переход в свое другое». Е. тем самым

оказывается конкретным Е., новой определенностью, включающей в себя оба момента. Так, Е. бытия и ничто есть становление, Е. качества и количества — *мера*, Е. дискретности и непрерывности — *количество* и т. д. Иными словами, Е. есть всегда нечто более содержательное и богатое, чем каждый из двух его абстрактных моментов, а не тощая абстракция, выражающая лишь то, что в них «одипаково» и отбрасывающая все остальное в них.

Однако вся эта диалектика, рождающая конкретное, определенное Е., совершается, согласно Гегелю, лишь в мышлении. Всеобщее конкретное Е., объединяющее природу с духом, осуществляется поэтому лишь в чистом логич. процессе, в переходе категорий друг в друга. Вещи и явления вне мышления конкретного Е. не достигают, оставаясь навсегда внешними друг другу. Лишь мысль, переходя от одного определения к другому, связует их в Е., в «одно».

Диалектич. материализм впервые соединил общий тезис материализма, согласно к-рому Е. мира заключается в его материальности, с диалектич. пониманием проблемы Е. Единство так же реально вне сознания, как и многообразно, и всегда представляет собой конкретное, определенное Е. Конкретное Е. в противоположность абстрактно-формальному Е., к-рое может быть и мнимым, произвольным, искусственным, есть объективно-определенная связь и взаимообусловленность мн. явлений в составе некоего конкретного целого, есть многообразие, определенное как качественно, так и количественно. Чисто качеств. Е. явлений, выражаемое понятием, как и чисто количеств. («нумерическое») Е., выражаемое числом и мерой, суть только абстрактно-теоретич. формы выражения действительного Е., друг без друга это Е. выразить неспособные.

Каждая наука имеет своим предметом определенное, конкретное Е. многообразных явлений, относительно самостоят. сферу *действительности*, развивающуюся по своим специфич. закономерностям. Определяя конкретное как единство многообразного, Маркс в качестве типичного примера такого Е. рассматривает товарно-капиталистич. формацию как живое, развивающееся целое, как «тотальность». Выделение определенной сферы действительности как Е. вовсе не субъективно, как это изображают субъективно-идеалистич. системы, абсолютизирующие абстрактно-математич. форму Е., «нумерическое Е.», в к-рой происходит отвлечение от качеств. основы абстракции и синтеза.

Е. мышления и действительности марксизм усматривает не в мышлении (как у Гегеля) и не в созерцании (как у Фейербаха), а в процессе обществ. производственной жизни, в практически-предметном преобразовании мира обществ. человеком. На этой основе марксизм-ленинизм разрешил вопрос о Е. мышления и бытия, знания и предмета, как гносеологич. противоположностей. В диалектич. материализме было впервые достигнуто понимание Е. теоретич. осмысления действительности (т. е. процесса «превращения» действительности в мысль) и практики (включающей в себя акт превращения идеального замысла, плана в действительность), к-рое в философии Гегеля было представлено превратно, на основе тезиса о примате мышления над практикой и над природой. Вопрос о Е. мышления и действительности был впервые решен марксизмом конкретно на основе материализма, на основе тезиса о примате материи (природы) и предметной деятельности человека над его мышлением и продуктами мышления.

Конкретное раскрытие Е. всегда сводится к отысканию всей совокупности опосредующих звеньев (в т. ч. причинно-следственных отношений), замыкающих противоположные полюсы предмета, к прослеживанию процесса превращения противоположностей

друг в друга во всей его сложности и внутр. противоречивости, а вовсе не в абстрактно-формальном приравнивании противоположностей в лоне непротиворечивой абстракции. Легко понять, что деньги — тоже товар, указывал Маркс. Гораздо труднее (но в том-то и состоит задача науки) показать, как и почему товар становится деньгами. А эта задача, в свою очередь, ведет к пониманию товара как Е. противоположных экономич. форм, как противоречивого Е., развивающегося в форму внешней противоположности, где это Е. уже не выступает как простое одно и то же. Здесь мы имеем дело с диалектически противоречивым, с конкретным Е. «Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 120). Диалектич. Е. выступает как Е. противоположностей, а вовсе не как абстрактно-общий «признак», к-рый мог бы быть обнаружен путем сравнения одного с другим и в к-ром не выражено никакого внутр. противоречия. Такое Е. определяется и качественно, и количественно, т. е. «числом и мерой». Точно так же Е. прерывности и непрерывности обнаруживается вовсе не как то общее, что можно выделить путем сравнения этих двух взаимоисключающих моментов. Такого общего между ними найти нельзя. Их Е. обнаруживается и в действительности, и в мышлении совсем иным путем, в анализе процесса их превращения друг в друга, их «исчезновения» одного в другом в составе конкретно-определенного процесса и его продукта. Такое превращение совершается, вопреки Гегелю, вовсе не только в мышлении, но прежде всего в материальной, вне и независимо от мышления существующей действительности, а мышлением только отражается, воспроизводится. Такое понимание категории Е. сыграло важную роль в ленинском решении вопроса о Е. диалектики, логики и теории познания. Е. этих трех наук вовсе не есть просто внешнее согласование трех дисциплин, по-прежнему разрозненных, т. е. разных «по предмету». Е. их заключается в том, что предмет их один и тот же, хотя и выступавший для сознания как три не только разных, но и прямо исключающих друг друга предмета. Понять Е. в данном случае — значит раскрыть конкретную картину этого одного предмета, выявить заключающиеся в нем противоположности, к-рые старая философия фиксировала отдельно, как разные предметы, как предметы разных наук, т. е. разрушая действительное Е. логики и диалектики, объективного содержания знания и субъективной формы его выражения, и т. д., не умея понять связи, перехода одного в другое, и т. д.

Для совр. бурж. философии характерно отчетливо антидиалектич. понимание проблемы Е. Мн. авторы вообще отрицают за категорией Е. какой бы то ни было рациональный смысл. Неопозитивисты считают Е. то искусственной формой, принципом построения «языка науки», то мистической категорией (напр., Л. Витгенштейн). Экзистенциалисты, как, напр., Ясперс, объявляют категорию Е. политически-идеологич. фикцией, к-рая якобы противопоставлена совр. науке, обязанной, по Ясперсу, заниматься лишь частностями, быть «в противовес единой марксистской науке, партикулярной». Разных единств, по Ясперсу, столько же, сколько индивидуальных «Я», «экзистенций», каждая из них абсолютно бесконечна, неисчерпаема и непознаваема. Иными словами, категорию единства Ясперс старается заменить абстрактно-метафизически

понимаемой (т. е. совершенно неопределенной) категорией множества. Др. учения толкуют Е. явлений, данных человеку в созерцании, в откровенно геологич. духе (неотомизм), в религиозно-этич. плане и т. д. Все эти учения согласны, однако, в том, что Е. есть всегда лишь продукт деятельности субъекта, интерпретируется ли последний как отдельное (индивидуальное) сознание или же как сверхъестественный безличный разум, бог, идея.

Марксистское понимание Е. применительно к обществу жизни предполагает конкретно-историч. анализ составляющих его противоречий, от характера к-рых зависят жизнеспособность и перспективы развития определ. обществ. явления. Неустойчивость и нежизнеспособность капиталистич. общества определяется тем, что его Е. основывается на антагонистич. противоречиях, крайнее обострение к-рых в совр. эпоху делает неизбежным революц. разрушение этого Е. В противоположность этому жизнеспособное и развивающееся Е. социалистич. общества зиждется на неантагонистич. характере его противоречий, представляющих собой противоречия роста, восходящего пути развития во всех областях обществ. жизни: экономической, социальной и духовной. Понятие Е. не случайно широко используется также и в совр. международной политич. жизни. В этой области оно отражает тот факт, что с переходом общества от капитализма к социализму стихийное объединение мирового хозяйства силами рынка заменяется сознательно планируемым Е. всех звеньев обществ. жизни. Е. международного рабочего движения и социалистич. системы обеспечивается сознат. Е. теоретич. взглядов и практич. действий, Е. цели, заключающейся в построении коммунизма. В противоположность этому Е. капиталистич. мира выступает как стихийный результат рыночных отношений, устанавливаемых через конкуренцию, кризисы, войны, захваты и др. антагонистич. формы этого Е. Поэтому процессы, связывающие в единый организм страны капиталистич. лагеря, ведут к разрушению этого Е., к отпадению от него новых и новых звеньев. Напротив, Е. стран социалистич. лагеря, составляя новую, исторически высшую форму Е. обществ. отношений, необходимо упрочивается. См. *Тожество, Конкретное, Взаимосвязь, Взаимодействие, Всеобщее*.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3; Маркс К., *Тезисы о Фейербахе*, там же; его же, *Введение* (Из экономических рукописей 1857—1858 годов), там же, т. 12; его же, *Капитал*, т. 1—3, М., 1955; Энгельс Ф., *Диалектика природы*, М., 1955; его же, *Анти-Дюринг*, М., 1957; Ленин В. И., *Философские тетради*, Соч., 4 изд., т. 38; его же, *Материализм и эмпириокритицизм*, там же, т. 14; *Античные философы* (Свидетельства, фрагменты и тексты), [Киев], 1955; Аристотель, *Метафизика*, пер. [с греч.], М.—Л., 1934, кн. 5, гл. 6; Бруно Д., *О причине, начале и едином*, [М.], 1934; Спиноза Б., *Этика*, в его кн.: *Избр. произв.*, т. 1, М., 1957; Гольбах П. А., *Система природы...*, пер. [с франц.], М., 1940; Кант И., *Критика чистого разума*, пер. с нем., 2 изд., П., 1915; Гергель Г. В. Ф., *Наука логики*, в его кн.: Соч., пер. [с нем.], т. 5, М., 1937; его же, *Лекции по истории философии*, кн. 1—3, там же, т. 9—11, М.—Л., 1932—35; Фейербах Л., *Основные положения философии будущего*, в его кн.: *Избр. филос. произв.*, М., 1955; Джемс У., *Введение с плюралистической точки зрения*, пер. с англ., М., 1911; Витгенштейн Л., *Логико-философский трактат*, пер. с нем., М., 1958; Сагнар Р., *Der logische Aufbau der Welt*, В., 1928; Ясперс К., *Vernunft und Widerrufung in unserer Zeit*, Munch., [1950].

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ — один из основных законов материалистич. диалектики. Суть этого закона состоит в том, что развитие объективного мира и познания осуществляется путем раздвоения единого на взаимоисключающие, противоположные моменты, стороны и тенденции, взаимоотношение к-рых, с одной стороны, характеризует ту или иную систему как нечто целое и качественно определенное, а с другой — составляет внутр. импульс ее изменения, развития, превращения в но-

вое качество. Взаимоотношение противоположностей в составе единого целого выступает как диалектич. *противоречие*, к-рое и составляет суть данного закона. Т. о., диалектич. принцип противоречия отражает двойственное отношение внутри целого: *единство* противоположностей и их *противоречивость*. Противоречия нельзя отделить от единства противоположностей: каждая из диалектич. противоположностей невозможна объективно и немислима без другой, без внутр. отношения к ней, «...как невозможно иметь в руке целое яблоко после того, как съедена его половина» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 70).

Диалектич. противоречие — это взаимоотношение между такими моментами, сторонами, тенденциями в составе целого, к-рые не даны извечно в готовом и неизменном виде, а возникают и развиваются — из несущественного различия превращаются в различия существенные, т. е. в противоположности. Говоря, напр., о существовании товара как потребительной стоимости и как стоимости Маркс отмечал, что это двойное существование «...должно развиваться в различие, различие — в противоположность и в противоречие» («Архив Маркса и Энгельса», т. 4, 1935, с. 67). Противоречие, столкновение, борьба противоположностей являются наиболее общей и самой глубокой движущей силой развития. «...Движущее начало всякого развития — разделение на противоположности, их борьба и разрешение...» (Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, 1957, с. 328). Всякое развитие есть возникновение различий, противоположностей, их разрешение и в то же время возникновение новых противоположностей и противоречий. В этой универсальной диалектич. форме осуществляется бесконечный процесс развития объективного мира и процесс его познания.

Ленин подчеркивает, что противоречие является сутью, ядром *диалектики*. «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов...» (см. Соч., т. 38, с. 249). «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» (там же, с. 357). «Тожество противоположностей („единство“ их, может быть, вернее сказать? Хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимосключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)» (там же, с. 358). Раскрывая суть данного закона и применяя его для анализа действительности и познания, классики *марксизма-ленинизма* терминологически не пользовались выражением «единство и борьба противоположностей». Такая формулировка этого закона получила широкое распространение в сов. филос. лит-ре. В трудах же классиков марксизма-ленинизма при характеристике этого закона содержатся выражения: «диалектическое противоречие», «взаимодействие противоположностей», «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности», «разделение на противоположности, их борьба и разрешение», «единство противоположностей», «единство противоречий», «борьба противоположностей» и т. п.

История вопроса. Догадки о том, что взаимодействие противоположных начал составляет всеобщий закон движения мира, высказывались еще в древности. Уже в наивно-диалектич. воззрениях многих ранних представителей др.-восточной и антич. *натурфилософии* действительность рассматривалась как становящаяся, вечно подвижная, совмещающая в себе противоположности. Так, в др.-кит. письм. памятнике

«Дао-цзы», известном также под назв. «Дао дэ цзин», говорится, что «одни существа идут, другие следуют за ними; одни расцветают, другие высыхают; одни укрепляются, другие слабеют; одни создаются, другие разрушаются» («Дао дэ цзин», § XXI X; цит. по кн.: Ян Хин-шун, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, М.—Л., 1950, с. 131). В нем проводится мысль о том, что каждая вещь, достигнув определенной степени развития, превращается в свою противоположность: «Неполное становится полным, кривое становится прямым, пустое становится наполненным, ветхое сменяется новым и наоборот» (там же, § XXI I; с. 127) (см. *Китайская философия*).

Диалектич. характер носили воззрения и ранних греч. философов. Анаксимандр, напр., учил о выделении противоположностей из *анейрона*. Пифагорейцы, подвергая анализу диалектику чисел, утверждали, что единица есть источник противоположностей, двойка — принцип противоположностей, тройка — их единство. Они учили о диалектике чета и нечета, предела и беспредельного. Эмпедокл усматривал движущее начало мира в действии противоположных сил: «вражды» и «дружбы» («любови»).

Наиболее ярким выражением диалектики в *древнегреческой философии* является учение Гераклита Эфесского, к-рого Ленин назвал «... одним из основоположников диалектики...» (Соч., т. 38, с. 343). Диалектика у Гераклита есть концепция непрерывного изменения, к-рое в основном является круговоротом материальных стихий. Все существующее постоянно переходит из одного состояния в другое, все течет и изменяется, нет ничего неподвижного: «Холодное теплеет, теплое холодеет, влажное высыхает, сухое увлажняется» («Материалисты Древней Греции», М., 1955, с. 52). При этом становление возможно только как единство противоположностей, понимаемых в виде непрерывного перехода из одной противоположности в другую: смертью друг друга они живут, жизнью друг друга умирают; день противоположен ночи, прямая линия — кривой, добро — злу, путь вверх — пути вниз, бытие — небытию, всеобщее — отдельному. Противоположности, по Гераклиту, пребывают в вечной борьбе: «...Все происходит через борьбу» (там же, с. 42). Борьбу противоположностей Гераклит называл вечным «всеобщим логосом», т. е. единым, общим для всего сущего законом.

Диалектич. идеи о взаимодействии противоположностей первоначально были ориентированы только на объективный мир. Диалектич. мышление, являвшееся средством познания действительности в ее противоположностях, становилось вместе с тем и предметом познания. Происходил процесс осознания не только объективной, но и субъективной диалектики. Переход к последней наметился в вост. философии, как отметил Энгельс, в *буддизме*, а в античной — у пифагорейцев и Гераклита. Он получил в антич. философии более явственное выражение у элеатов (см. *Элейская школа*), особенно у Зенона в его знаменитых апориях (см. *Зенон Элейский*, раздел Апории Зенона и современная логика), а также у Сократа в его «ироническом» раскрытии противоречий в утверждениях собеседника и гл. обр. у Платона. Свое отрицат. выражение субъективная диалектика получила в *софистике* и *релятивизме* (Протагор, Горгий, Критил).

Платон на объективно-идеалистич. основе подошел к диалектике как движению понятий. Сущность диалектич. метода Платона заключается в требовании: при решении любого вопроса необходимо исходить из двух противоречащих, взаимно друг друга исключаящих положений, напр. единого и многого. Но и кроме этого, писал Платон, следует еще рассмотреть, что последует для единого и многого, для каждого из них, взятого само по себе, и для них же, взятых в от-

ношении друг друга, если многое будет отсутствовать. Такое же рассмотрение следует предпринять касательно тождества и нетождества, покоя и движения, возникновения и уничтожения, и такое же рассмотрение должно быть предпринято также и относительно самого *бытия* и *небытия*, относительно каждого из этих определений следует спросить себя: что такое каждое из них, взятое само по себе, и каково их отношение, если предположим присутствие или отсутствия в этом, ты познаешь существенную истину (Ратн. 128 E—129 E).

Аристотель исследовал «...существеннейшие формы диалектического мышления» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1957, с. 20). Согласно Аристотелю, вся реальность представляет собой последовательность переходов от «материи» к «форме» и от «формы» к «материи». Категории, как отметил Энгельс, становились у Аристотеля «текучими» (см. «Диалектика природы», 1955, с. 159). Диалектика, по Аристотелю, движется в области несовместимых противоположностей и устанавливает положения, либо подводя многое под единство, либо расчлняя единство на множество. Однако борьба против релятивизма и подчеркивание невозможности противоречивых определений в науке привели к тому, что «...Аристотель в своей „Метафизике“ постоянно бьется около этого и борется с Гераклитом resp. (соответственно.— *Ред.*) с гераклитовскими идеями» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 357). В философии эпохи Возрождения идеи о взаимодействии противоположностей получили свое дальнейшее развитие у Николая Кузанского, к-рый, хотя и сохранил связь с мистикой неоплатоновской диалектики, но развил диалектику в значительной степени на натурфилософской почве. Он считал, что все вещи состоят из противоположностей в различных степенях. В этой связи Николай Кузанский развивал свое учение о *сопадении* и *противоположностей*, иллюстрируя эту идею примерами прежде всего из области математики: окружность с бесконечным радиусом превращается в прямую — исчезает противоположность прямого и кривого; бесконечно большой треугольник превращается в одну линию; такие противоположности, как движение и покой, примиряются в бесконечности — тело, движущееся по кругу с бесконечной скоростью, кажется неподвижным. Б. Телезио развил идею о том, что все в природе вытекает не из «согласия», а из борьбы противоположных сил, неразрывно связанных с материей. Она — «поле битвы» тепла и холода, к-рые «дерутся за материю», как «два жениха за женщину». Философия Джордано Бруно, развивающая учение о совпадении противоположностей и базирующаяся на принципах единства и всеобщей связи природы, динамизма и самодвижения, содержит глубокие диалектич. идеи: «...Одна противоположность является началом другой... уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение есть не что иное, как уничтожение; любовь есть ненависть; ненависть есть любовь... Что служит для врача более удобным противоядием, чем яд? ...Шарообразное имеет предел в равном, вогнутое успокаивается и пребывает в выпуклом... Подведём итоги.— Кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей» («О причине, начале и едином», в кн.: «Диалоги», М., 1949, с. 290—91).

Хотя в 17—18 вв. в науке и философии господствовала *метафизика*, идеи диалектики о взаимодействии противоположностей все настойчивее пробивались и филос. воззрениях Спинозы, Я. Бёме, Лейбница, Руссо, Дидро и др. В философии Декарта был заострен вопрос о том, как могут быть связаны друг с другом

мышление и протяженность, рассматриваемые им как абсолютно исключают друг друга противоположности. Опосредствующее единство между ними возможно, согласно Декарту, только благодаря богу. Преодолевая декартовский дуализм телесной и мыслящей субстанции, Спиноза признает ед и н у ю субстанцию, непосредственными противоположными атрибутами к-рой являются протяжение и мышление.

Наиболее глубокую трактовку идеи о взаимодействии противоположностей получили в нем. классич. идеалистич. философии. Благодаря космологич. работам Канта, пробившим брешь в метафизике и опирающимся на идею взаимодействия сил притяжения и отталкивания, принцип противоположностей и противоречия все более и более внедряется в филос. культуру. Если в докритич. период Кант развивал эту идею на почве натурфилософии, то в критич. период она рассматривается гл. обр. как диалектика *антиномий* чистого разума (к чему, впрочем, не сводятся диалектич. тенденции философии Канта критич. периода), т. е. рассматривается на гносеологич. почве. С этого времени начинается период систематич. разработки этой закономерности развития как всеобщей закономерности бытия и познания. Эта идея у Фихте становится основой для построения системы субъективно-идеалистич. дедукции категорий, базирующейся на диалектике субъективного и объективного — «Я» и «не-Я», как борющихся и синтезирующихся противоположностей. Шеллинг стремился объективировать эту диалектику. Наблюдения Шеллинга над электрическими и магнитными явлениями убедили его в том, что первый принцип филос. учения о природе — это сводить всю природу к деятельности возникающих из стремления к раздвоению полярных сил, первыми из к-рых являются силы притяжения и отталкивания. Как объективный идеалист, Шеллинг трактовал это организующее начало как разум в природе.

Наконец, у Гегеля идея о взаимодействии противоположностей, о противоречии на объективно-идеалистич. почве достигает обобщенности универсального закона бытия и мышления. Гегель показал, что процесс раздвоения единого на противоположности есть фундаментальная характеристика с у щ и о с т и развития, к-рая обнаруживается, когда мы от качественных переходов обращаемся к сущностному отношению (по терминологии Гегеля — к *рефлексии*). Внутри развивающегося целого это существ. отношение есть отношение отрицания, благодаря к-рому существенные различия выступают как противоположности в единстве целого. Отношение этих противоположностей в рамках целого и составляет противоречие. В учении Гегеля противоречие рассматривалось как движущий принцип всякого развития и как центральный пункт всей его философии. Заслуга Гегеля заключается в том, что, подвергнув критике точку зрения, согласно к-рой противоречия свойственны только мышлению, он показал и их объективный характер. «Нет предмета, в котором нельзя было бы найти противоречия, т. е. противоположных определений, так как непротиворечащий себе предмет есть чистое отвлечение рассудка, насильственно удерживающего одну из двух определенностей и старающегося затемнить и устранив сознание другой определенности, содержащейся в первой» (Гегель, Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 157; см. также т. 5, М.—Л., 1937, с. 1, 2, 42, 154).

Гегель подчеркнул, что «... тождество есть лишь определение простого непосредственного, определение мертвого бытия; противоречие же есть корень всякого движения и жизни: лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» (Соч., т. 5, с. 519—20). Он отметил, что противоположности, отрицая друг друга, составляют единство. «Почка исче-

зает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком ... Эти формы не только различаются между собой, но вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противостоят друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого» (Соч., т. 4, М., 1959, с. 2).

Учение Гегеля о противоречии является наиболее глубоким и плодотворным во всей его философии. Однако его «ошибка заключалась в том, что законы эти он не выводит из природы и истории, а навязывает последним свыше, как законы мышления» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 384). Ложность исходных посылок Гегеля сказалась и в том, что он считал возможным примирение, нейтрализацию противоречия, что выражало собой его каштуляцию перед немецкой действительностью (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1, с. 321, 324, а также К. Маркс, Капитал, т. 1, 1955, с. 19).

Идеи о роли противоположностей в развитии явлений природы на материалистич. основе развивали рус. революц. демократы — Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов. В их трудах содержатся высказывания о сочетании противоположных начал в природе. «Природа на каждом шагу учит нас понимать противоположное в сочетании» (Герцен А. И., Избр. филос. произв., т. 1, 1946, с. 103).

Подлинно научная и последовательно материалистич. разработка и обоснование принципа единства противоположностей принадлежат Марксу и Энгельсу, а его дальнейшее творч. развитие — Ленину, его ученикам и последователям. На основе критич. переработки всей истории философии, прежде всего идеалистич. диалектики Гегеля, и глубокого конкретного исследования закономерностей развития общества, прежде всего буржуазного, обобщения практики революц. движения рабочего класса Маркс и Энгельс создали материалистич. диалектику, ядром к-рой является закон диалектич. противоречия, взаимоотношения противоположностей. Эта проблема занимает центральное место во всех теоретич. исследованиях Маркса, в том числе в главном труде Маркса «Капитал». И закон стоимости, и закон прибавочной стоимости, и закон каштуалистич. накопления, и все движение каштуалистич. способа произ-ва в целом характеризуются посредством вскрытия заложенных в нем диалектич. противоречий. Маркс и Энгельс доказали, что взаимодействие противоположностей коренится в общественном бытии людей, к-рое составляет основание всей структуры общества и обнаруживается во всех сферах его жизни, образуя осн. источник его развития. «С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Такой закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 96). Противоречие между общественным произ-вом и каштуалистич. присвоением проявляется в форме антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Оно выступает также как противоречие между организацией произ-ва на отд. предприятии, комплексе предприятий данного владельца и анархией произ-ва во всем каштуалистич. обществе в целом. Маркс и Энгельс показали далее, что возникновение и развитие противоречий между развитием производит. сил и системой производств. отношений, в к-рых эти силы развивают-

ся, и разрешение этих противоречий составляет движущую силу истории.

На основании объединения результатов изучения истории общества с обобщением достижений науки Маркс и Энгельс создали строго монистич. учение о противоречиях как универсальном законе всякого развития.

Ленин, развивая дальше марксистскую диалектику на основе анализа и оценки обществ. развития эпохи империализма и пролетарских революций, а также обобщения достижений науки, прежде всего обратил внимание на самую важную особенность диалектики, а именно — на диалектич. противоречия как осн. закон объективного мира и человеческого познания. В связи с рассмотрением закона диалектич. противоречия Ленин подчеркивает мысль о том, что этот закон, ставший методом науч. познания, позволяет понять развитие вещей как их саморазвитие. Характеризуя метафизич. и диалектич. концепции развития, Ленин писал: «Развитие есть „борьба“ противоположностей. Две основные... концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени сама движущая сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится в о в н е — бог, субъект etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „само“ движения... Только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового» (Соч., т. 38, с. 358).

Действие закона единства и борьбы противоположностей в природе и обществе. Движение — как само движение, так и опосредованное движение — присуще всем конкретным системам действительности. Как в области неживой, так и в области живой природы, в т. ч. в обществе и мышлении, действуют внутренние побудит. силы. Противоречия, возникающие внутри вещей, вызывают их самодвижение и саморазвитие. На противоречивые внутр. условия воздействуют внешние. Способ и результат такого воздействия определяются соответствующим взаимным соотношением внутр. противоречий в самом предмете. Конкретные формы взаимодействия противоположностей бесконечно многообразны. Не существует таких противоположностей, к-рые в одинаковой форме и степени обуславливали бы развитие и в неорганич. природе, и в растительном, и в животном царствах, и в обществе на различных фазах его развития, и в сознании. С самого начала возникновения к.-л. объекта и до его превращения в другой объект в нем действуют специфич. противоречия: притяжение и отталкивание в форме приближения и удаления масс, положит. и отрицат. электр. заряды, химич. соединение и разложение, ассимиляция и диссимиляция в организмах, возбуждение и торможение нервного процесса, обществ. сотрудничество и социальная борьба. Для каждой из этих систем движения материи существуют свои законы, свои противоречия, к-рые в конце концов ведут к появлению нового качества: или путем разрушения — к более низкой форме бытия, или путем развития — к более высокой форме бытия. Общим же для них является сама диалектич. форма: раздвоение единого на противоположности и взаимодействие между ними.

Проникновение во внутренне противоречивую природу объекта является важным показателем глубины теоретич. понимания данного объекта исследования,

если он рассматривается в движении и развитии. Это относится ко всем областям знания и ко всем сферам действительности, начиная от элементарных частиц материи и кончая человеком и отношениями людей в обществе. Элементарные частицы материи могут быть поняты только как единство вещества и поля, во взаимосвязи и в их взаимодействии. Они закономерно превращаются друг в друга. Противоречивая игра сил притяжения и отталкивания в ядрах атомов при определенных условиях связывает их, а в других — заставляет распадаться.

Обладая конечными размерами, конкретная система создает поля, а последние имеют тенденцию к безграничному распространению в мироздании. В результате этого процесс развития в конечных системах оказывается связанным с изменениями во всем космосе, представляющим собой взаимодействующую и развивающуюся совокупность всех небесных тел. Благодаря взаимодействию вещества и поля как противоположностей в конечном счете оказывается возможным формирование различных материальных систем из элементарных частиц. Все массы тяготеют одна к другой. Сила притяжения растет с величиной масс. В нашей Галактике между небесными телами действуют мощные гравитац. силы, к-рые стремятся объединить все тела в возможно более плотное образование. Именно благодаря этим силам частицы не могут рассеяться в мировом пространстве, а большие газовые массы приобретают шарообразную форму. Шарообразная — устойчивая или неустойчивая — форма звезд по существу обусловлена внутр. противоречием, с одной стороны, между гравитацией, а с другой — давлением газа и световым давлением. Наконец, всем гравитац. силам противостоят силы отталкивания, обусловленные вращением тел в Галактике. Единство и взаимодействие всех этих противоположных сил обуславливает относительно устойчивую спиральную структуру нашей Галактики и вместе с тем определяет эволюцию ее как звездной системы. Формирование звезд происходит вследствие появления в волокнах туманностей неустойчивых неоднородностей, благодаря к-рым волокна распадаются на ряд сгущений. Если такое «вихревое» сгущение сохраняется в течение определенного времени, то оно превращается в звезду; гигантский газовый шар путем уплотнения превращается в тело с колоссальной температурой внутри. Однако дальнейшему его уплотнению противодействует внутр. давление. Внутр. слои, разогревшись сначала благодаря сжатию, а затем благодаря ядерным превращениям до гигантских температур, стремятся расширяться.

Биологич. формы движения характеризуются своими особыми диалектич. противоречиями. Наиболее общим из них является противоречие между организмом и условиями его существования, разрешение к-рого ведет к преобразованию внутр. формы и типа *обмена веществ* организма; последний полон своих внутр. противоречий. Обмен веществ складывается из двух процессов, образующих противоречивое единство: ассимиляции, к-рая состоит в построении свойственных данному живому телу веществ из поступающей из внешней среды пищи, и диссимиляции, к-рая состоит в химич. расщеплении веществ живого тела с освобождением нужной для жизни энергии.

Во внутривидовых и межвидовых отношениях противоречия выступают в форме конкурентной борьбы между особями одного вида, если они ограничены в жизненных условиях, и особенно в форме межвидовой борьбы (см. *Борьба за существование*). Результатом действия противоречий между организмом и средой является *естественный отбор*. Теория естественного отбора построена на признании ведущей роли противоречия случайной индивидуальной изменчивости и

общебиологич. видового приспособления. Эти противоречия разрешаются победой и распространением новых форм и вытеснением старых. Путем естественного отбора и выживания наиболее приспособленных — этого миллионкратного и бессознательного эксперимента природы — живут виды, осуществляется эволюция царства живого (см. *Жизнь, Изменчивость, Наследственность*).

В общественных явлениях возникают совершенно новые типы противоречий: между обществом и природой, производством и потребностями людей, производством и производством, отношениями, базисом и надстройкой, между антагонистич. классами, между старым и новым во всех их проявлениях. Обществ. противоречия могут иметь либо антагонистич., либо неантагонистич. характер. Антагонистич. противоречия являются наиболее острой формой борьбы противоположностей (см. *Антагонизм, Антагонистические противоречия*). Так, напр., осн. классами капиталистич. общества являются буржуазия и пролетариат. Отношение между этими классами выражает диалектич. противоречие (см. *Классовая борьба*). Буржуазия не есть нечто самодовлеющее: она — лишь момент, сторона единого целого и связана с этим целым. От буржуазии исходит действие, направленное на сохранение противоречия, а от пролетариата — действие, направленное на его уничтожение. Буржуазия, сохраняя свое собственное существование, тем самым сохраняет и существование своей противоположности — пролетариата. «Это положительная сторона антагонизма... Напротив, пролетариат... вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обуславливающую его противоположность — частную собственность, — делающую его пролетариатом. Это — отрицательная сторона антагонизма, его бытие внутри него самого...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 38—39).

В борьбе противоположности качественно обособляются и раскрываются, что, в конечном счете, приводит к разрыву взаимосвязей противоположностей, к разрушению данного единства, к социальной революции. Та или иная социальная сила приобретает значение одного из двигателей обществ. прогресса только в том случае, если она направлена на разрешение существ. противоречий, являясь вместе с тем одной из сторон этого противоречия и противостояит другой его стороне. Претерпевая качеств. изменение, прежние противоположности уступают место новому единству противоположностей, их взаимодействию и борьбе на более высоком уровне. Экономич. основой борьбы классов в бурж. обществе являются противоречия между обществом, производством и капиталистич. присвоением, отношениями эксплуатации пролетариата буржуазией. Антагонизм, свойственный капиталистич. способу произ-ва, по словам Маркса, заключается в том, что капиталистич. произ-ву присуща тенденция к развитию производит. сил, по так как оно капиталистическое, то оно постоянно наталкивается на узкие барьеры: произ-во прибавочной стоимости. Основой борьбы является сам факт эксплуатации, т. е. тот факт, что произ-во есть произ-во прибавочной стоимости, есть экономич. порабощение человека человеком. Развиваясь в этих пределах, капиталистич. произ-во рождает трагич. коллизии: одновременное существование избыточного капитала и избыточного населения; машины из средства сокращения рабочего дня превращаются в средство его удлинения; на фоне перепроизводства продуктов питания многие голодают и т. п. Антагонистич. характер развития капиталистич. произ-ва на его империалистич. стадии не только не ослаб, но еще больше усилился и углубился. Монополистич. капитал все более углубляет пропасть между рабочим классом и буржуазией. Эти противоречия — важней-

шая черта общего кризиса мировой системы империализма на совр. этапе: «...Мировая империалистическая система раздирается глубокими и острыми противоречиями. Антагонизм труда и капитала, противоречия между народом и монополиями, растущий милитаризм, распад колониальной системы, противоречия между молодыми национальными государствами и старыми колонизаторскими державами, и самое главное — стремительный рост мирового социализма подмывают и разрушают империализм, ведут к его ослаблению и гибели» (Программа КПСС, 1961, с. 34—35).

Внутр. противоречие капитализма в том-то и состоит, что следствия, вытекающие из его же собственных оснований и служащие средством его поддержания, вместе с тем разрушают сами эти основания. «Усиливающийся конфликт между производительными силами и производственными отношениями властно ставит перед человечеством задачу — разорвать прогнившую капиталистическую оболочку, раскрепостить мощные производительные силы, созданные человеком, и использовать их на благо всего общества» (там же, с. 7). Внутр. противоречия, раздирающие совр. бурж. общество, усиливаются внешними противоречиями между метрополиями, колониальными державами и колониями, что находит свое яркое выражение во все нарастающем шквале национально-освободит. движений, сбрасывающих цепи *колониализма*.

На основе обществ. собственности и ликвидации эксплуататорских классов и эксплуатации человека человеком в социалистич. обществе прочно утвердилось единство трудящихся классов, социальных групп и наций, их сплочение вокруг Коммунистич. партии, монолитное единство самой Коммунистич. партии как руководящей силы общества, господство единой марксистско-ленинской идеологии. Все это превратило социальное, идейно-политич. единство общества в могучую творч. силу, к-рая создает новое и является социальным средством разрешения возникающих неантагонистич. противоречий. В условиях социализма изменились конкретные формы проявления закона диалектич. противоречия, хотя его суть осталась: она носит универсальный характер и проявляется всюду, где есть движение, развитие. Прежде всего внутренние противоречия в условиях социализма перестали быть антагонистическими. Они обладают совершенно новой природой: взаимодействие осуществляется между совсем иными социальными силами; разрешаются противоречия иными средствами, принципиально отличными от методов классовой борьбы и социальных революций; партия владеет закономерностями развития общества, в т. ч. и законом диалектич. противоречия, поэтому разрешение противоречий осуществляется, как правило, своевременно и сознательно, планомерно.

Противоречия при социализме — это противоречия и трудности роста, противоречия между колоссальными возможностями, заложенными в социалистич. системе, и реализацией этих возможностей, противоречия между новым и старым, между передовым и отсталым.

Уничтожение частной и установление общественной собственности знаменует собой великий переворот в развитии человечества. Целью произ-ва становится всемерное удовлетворение потребностей всех членов общества. В массовом, изо дня в день растущем потреблении трудящихся производит. силы получают могучий, превосходящий все известное в прошлом, стимул роста и совершенствования. Впервые в истории они получают способность к безграничному, невиданно быстрому подъему. Следствием этого стремит. роста является возрастание потребностей народа, к-рое, в свою очередь, становится условием дальнейшего

подъема производит. сил. Необходимость все более полного удовлетворения умножающихся и усложняющихся запросов населения требует постоянного, всемерного наращивания обществ. богатства, социалистич. собственности, к-рое возможно лишь за счет непрерывного увеличения народного (национального) дохода. Но для этого, в свою очередь, необходимо как можно быстрее расширить производство, а следовательно, осуществлять максимальное накопление. Перед социалистич. экономикой стоит двойная задача: чтобы удовлетворять неуклонно повышающийся спрос населения, нужно все время наращивать производит. силы, но для этого, в свою очередь, необходимо поддерживать высокий и все возрастающий уровень потребления.

Характерным примером диалектич. взаимодействия, взаимопроникновения противоположностей в составе целого применительно к социалистич. обществу может служить принцип *демократического централизма*. Момент демократич. самоуправления выступает здесь как своего рода противовес односторонне централистским тенденциям в управлении обществ. делами, и наоборот. Преобладание одной из противоположностей может привести к нарушению самого принципа.

Одним из проявлений культа личности Сталина явилось нарушение принципа демократич. централизма в партийном и гос. строительстве. Сталин в определенный период своей деятельности стремился превратить централизм в руководство и управление в силу, к-рая скрывала инициативу снизу.

ЦК КПСС, проявив диалектич. гибкость политич. мышления, подверг резкой критике все эти извращения периода культа личности Сталина и восстановил принципы демократич. централизма. С целью разрешения противоречия в управлении была осуществлена целая система мер, в частности вместо министерств и ведомств руководство этими отраслями нар. х-ва стало осуществляться в экономич. административных районах совнархозах.

В развитии социалистич. общества имеется противоречие между передовым марксистско-ленинским мировоззрением, господствующим в стране, и пережитками капитализма в сознании людей. Они выражаются в наличии элементов тушеводства, воровства, взяточничества, хулиганства, бюрократизма, в религ. идеологии, в проявлениях бурж. национализма и вообще бурж. идеологии среди отсталых элементов населения. Все эти и другие пережитки капитализма являются тормозом в развитии социалистич. общества. Поэтому Коммунистич. партия и народ ведут против них непримиримую борьбу.

Изучение перерастания социализма в коммунизм под углом зрения действия закона диалектич. противоречия имеет не только теоретическое, но и большое практич. значение. Этот закон является теоретич. обоснованием необходимой постоянной борьбы, мобилизации всех сил и резервов, дисциплины, инициативности и т. д., недопустимости какого-либо расхолаживания и безответственности в деле коммунистич. строительства. Всестороннее выявление противоречий и предвидение их появления — необходимое условие их своевременного и эффективного разрешения.

Важным методом выявления противоречий социалистич. общества является критика и самокритика. Однако, выявив противоречия, критика и самокритика сама по себе не может разрешить их. Разрешение противоречий в конечном счете осуществляется трудовыми усилиями народа, путем развития материально-технич. базы, экономики, совершенствования гос. форм, повышения социалистич. сознательности трудящихся, умелой организаторской и воспитат. работой партии и гос-ва.

Диалектическое противоречие как закон познания.

Этот универсальный закон развития рассматривается в марксистской философии как важнейший методологич. принцип, как логич. форма развития познания. Подобно противоречиям в явлениях реальной действительности, возникающие и разрешающиеся противоречия в развивающемся мышлении, отражающем объективную реальность, способствуют развитию процесса познания. Объективная диалектика находит свое отражение в диалектике субъективной. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга либо в более высокие формы» (Энгельс Ф., Диалектика природы, с. 166). Подчеркивая объективный источник субъективной диалектики, Ленин пишет, что «диалектика в е-щ-е и создает диалектику и д-е-и, а не наоборот» (Соч., т. 33, с. 183).

Поскольку взаимодействие противоположностей составляет внутр. содержание и стимул развития любой конкретной системы, постольку познание этого содержания и источника самодвижения системы предполагает прежде всего выявление в ней противоположных моментов, сторон, тенденций. Учение о диалектич. противоречии включает раскрытие единства противоположностей и их борьбы и определение направления развития на основе противоположностей. Методический метод мышления, выражающийся только в аналитич. подходе по принципу: «с одной стороны — с другой стороны», ограничиваясь характеристикой противоположностей и их констатацией, оказывается научно несостоятельным. Усматривая в противоположностях только простой факт различия, он оставляет в тени главное — взаимоотношение, взаимодействие противоположностей. «Пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, мы, разумеется, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них. Мы находим здесь определенные свойства, которые частью общи, частью различны или даже противоречат друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами, так что не содержат внутри себя никакого противоречия. Поскольку наше наблюдение остается в этих пределах, мы обходимся также обычным, метафизическим способом мышления. Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, с. 113).

Тот, кто рассматривает противоположные моменты, стороны, тенденции противоречивого процесса изолированно друг от друга, кто не поднимается до понимания их противоречивого единства, тот не может познать действит. процесс развития и его побудит. силы. Углубленное познание диалектич. противоречия предполагает, следовательно, синтетич. подход, схватывающий возникновение и взаимодействие противоположностей, их единство и взаимопереходы. «Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 358).

Правильно понимаемая формальная логика с ее недопустимостью формально-логич. противоречивости в рассуждениях отнюдь не исключает выявления единства противоположностей. Правда, объективная противоречивость действительности, а также слож-

ность объекта исследования может быть причиной появления и формально-логич. противоречий.

Реальный процесс развития науч. мышления постоянно «продирается» через густую чащу противоречий, парадоксов и антиномий. Поднимаясь до глубоких обобщений процесса развития явлений, теоретич. мышление попадает в область, где, по выражению Энгельса, уже нельзя мыслить по формуле «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». В этой области приобретает силу диалектич. формула: «и да и нет».

С подобным единством противоположностей имеет дело диалектич. мышление, к-рое оперирует полярными категориями (*необходимость и случайность, возможность и действительность, внешнее и внутреннее* и т. п.), а также суждениями, совмещающими в себе противоположные предикаты («Материя и прерывна и непрерывна», «Материя конечна и бесконечна», «Свет есть и корпускула и волна» и т. п.).

Вся история развития духовной культуры человечества, история развития науч. знания осуществлялась и осуществляется через борьбу между новыми знаниями, гипотезами и устаревшими положениями, через борьбу различных и противоположных мнений. И было бы нелепым думать, что история умственного развития человечества, полная противоречий, борьбы противоположных идей, напр. материализма и идеализма, диалектики и метафизики, прогресса и реакции — это продукт алогичного мышления той или иной стороны или всех вместе. Борьба идей есть одна из важных гарантий против превращения их в окаменевшую догму (см. *Догматизм*). В жизни идет непрерывная борьба — процесс развития, в к-ром победитель достигает, как правило, прогресса в развитии знания наряду с другими причинами также и потому, что он вынужден бороться, подстегиваемый усилиями противной стороны, что заостряет работу мысли и интеллектуальные силы борющихся сторон. Это способствует общему умственному прогрессу. Диалектика развития познания заключается и в «...противоречии между внутренне неограниченной человеческой способностью познания и ее действительным осуществлением только в отдельных, внешне ограниченных и ограниченно познающих людях...» (Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, с. 114). Это противоречие разрешается в бесконечном ряде последоват. поколений людей, углубляющих процесс познания действительности.

Будучи правильно отраженным и зафиксированным в системе теоретич. знания, закон диалектич. противоречия составляет осн. ядро диалектич. метода исследования и преобразования бытия и сознания. Каждое понятие и каждая категория возникают и развиваются через противоречие и представляют единство противоположностей. Говоря о понятиях, Ленин писал, что они «... должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» (Соч., т. 38, с. 136). В процессе анализа сложных явлений, при попытке проникнуть в их сущность, понять их возникновение, движущие силы и общие формы развития, теоретич. мышление неизбежно сталкивается с противоречиями. Уже сам по себе факт их констатации в науке представляет собой выявление и постановку проблемы, что имеет огромное значение для развития познания. Так, напр., еще в древности люди столкнулись с противоположностью души и тела, *сознания и материи, единичного* и общего, и т. п. На протяжении многих веков различные мыслители никак не могли правильно решить проблему соотношения сознания и материи. Они или резко обособляли одно от другого, вырывая между ними непроходимую пропасть, рассматривая их как особые и самостоят. субстанции, или отождествляли сознание с мыслящей материей (см. *Вульгарный материализм*), или

растворяли материю в индивидуальном сознании (см. *Идеализм*).

Диалектич. взаимодействие этих противоположностей — сознания и материи — в гносеологич. плане впервые было научно раскрыто лишь марксизмом на основе обществ. практики, в процессе формирования и развития к-рой формируется и развивается сознание, в к-рой материальное превращается в идеальное, а идеальное — в материальное. Именно обществ. практика людей служит опосредствующим звеном между сознанием и бытием, основой единства этих противоположностей. Возьмем другой пример. В истории развития политической экономии процесс разложения классич. школы Рикардо выявил прямое противоречие между законом стоимости и средней нормой прибыли. Бурж. политич. экономия так и не нашла разрешения этого противоречия. В итоге она вообще отказалась от своего достижения — трудовой теории стоимости. «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотя разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного к абстрактному... Милль прибегает к этому методу только в тех случаях, когда он абсолютно не находит другого выхода. Но основной его метод иной. Где экономическое отношение, — а значит и категории, выражающие его, — заключает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоречий, он подчеркивает момент единства противоположностей и отрицает прот и в о п о л о ж н о с т и. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей» (Маркс К., *Теория прибавочной стоимости*, ч. 3, 1961, с. 76—77). Пользуясь диалектич. методом, констатируя противоречие между одинаковой нормой прибыли, получаемой капиталами различного органич. состава и законом стоимостей, Маркс показал, как на почве этого закона реально развиваются противоречащие ему формы экономич. отношений бурж. общества.

Приведенные примеры показывают, что единственный способ преодолеть противоречия, возникающие перед теоретич. мышлением, — это выйти за их пределы, найти им более глубокую основу, выявить переход одной противоположности в другую и раскрыть опосредствующие звенья этого диалектич. перехода. Это и есть, видимо, самый главный узел, в развязывании к-рого заключается важнейшая задача теоретического мышления, долженствующего проникнуть в сущность вещей. Эффективное применение этого закона не может носить формальный, автоматич. характер. Оно требует всегда большой гибкости теоретич. мышления, глубокого и всестороннего учета конкретных условий рассматриваемой системы предметов, учета места и времени. Догматич. ссылка на этот закон, как и на любой другой закон диалектики, без учета конкретных условий, в нарушение принципа конкретности истины может привести к ошибкам. Примером этого может служить ошибочный тезис Сталина об обострении классовой борьбы после победы социалистич. строя, когда эксплуататорские классы были ликвидированы. Закономерность, присущую переходному периоду от капитализма к социализму, Сталин неправильно перенес в условия социалистического общества, что послужило основанием грубейших нарушений ленинских норм партийной и гос. жизни, социалистич. демократии и законности. На этом примере видно, какое большое не только теоретическое, но и практико-политич. значение имеет гибко-диалектич. понимание закона взаимодействия противоположностей.

Открытие и дальнейшая разработка диалектич. противоречия имеет огромное значение не только для развития науч. метода мышления, но и для обоснова-

ния последовательно материалистич. мировоззрения: принцип диалектич. противоречия дает возможность вскрывать стимулы развития той или иной системы в присущих ей внутр. противоречиях и тем самым рассматривать ее движение и развитие как самодвижение и саморазвитие. Диалектич. взгляд на источник развития показывает несостоятельность поисков движущих сил развития мира за его пределами — в божественном толчке, в абс. идее, в жизненной силе виталистов и т. п.

Знание и умение применять закон диалектич. противоречия, позволяя научно объяснять действительность, составляют необходимое условие ее революц. преобразования. Ярким примером применения требования диалектики — учитывать борьбу противоположностей и на этой основе выявлять направление развития объекта — является характеристика совр. эпохи, данная в Программе КПСС: «Современная эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе» (1961, с. 5).

Закон диалектич. противоречия, составляющий сердцевину марксистско-ленинской диалектики, встречая крайне враждебное отношение со стороны идеологов буржуазии, к-рые пытаются затупевать социальные противоречия, обосновать возможность примирения, гармонии противоположностей.

«В своём рациональном виде диалектика внушает буржуазии и её доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, т. к. в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (Маркс К., Капитал, т. 1, с. 20). Извращая истинную природу объективной диалектики как источника прогрессивного развития, бурж. идеологи считают, что диалектич. противоречия представляют собой не создательный, а лишь разрушительный фактор. Будучи не в состоянии опровергнуть диалектику, бурж. идеологи пытаются лишить ее революционного содержания, прибегая к признанию «мирной» диалектики, диалектики противоположностей без борьбы, стремятся доказать, что противоречия между буржуазией и пролетариатом сглаживаются, что борьба между материализмом и идеализмом устарела, и т. п. Совр. «критики» марксистской диалектики, напр. Веттер, Бохенский, Сидни Хук и др., считают «неопровержимым» доводом против нее, гл. обр. против закона диалектич. противоречия, свое утверждение, будто бы классики марксизма не доказали объективности диалектики вообще, реальность противоречий в особенности, а в лучшем случае дали лишь иллюстрации к диалектич. идеям Гегеля.

Одним из наиболее популярных «аргументов» критиков марксистской диалектики является утверждение о том, что будто бы сфера действия и приложения диалектики — только человек, человек. общество и познание. Исходя из этого ложного принципа, приписанного марксизму, бурж. идеологи делают вывод, будто бы не имеет смысла говорить об «объективной диалектике» развития природы, как она существует независимо от человека. Так, напр., Мерло-Понти заявляет, что Гегель неправомерно расширил сферу приложения диалектич. законов, сформулированных им в результате анализа человек. духа, объявив их

всеобщими законами бытия. Но Гегель при этом, согласно Мерло-Понти, был последователен, ибо, будучи идеалистом, он объявил сущностью бытия духовное начало, а потому и закономерность развития последнего считал универсальной. Что же касается марксистов, то они, по Мерло-Понти, являются непоследовательными, когда, будучи материалистами, «некритически» заимствуют гегелевский тезис об универсальности характера диалектики вообще, диалектич. противоречий в частности.

Такая критика марксистской диалектики свидетельствует лишь о сознат. игнорировании или о неосведомленности в проблемах совр. естествознания, к-рое полно фактами диалектич. противоречий в природе, являющейся, по словам Энгельса, «пробным камнем диалектики».

Диалектико-материалистич. учение о противоречии, как всеобщей форме и движущей силе развития, основанное на опыте всей истории, результатах развития науки об обществе и природе, представляет собой великое оружие науч. исследования и практически-политич. деятельности, успешной борьбы за коммунизм.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; Маркс К., Ницше философия, там же; его же, Капитал, т. 1—3, М., 1955; Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; его же, Карл Маркс, там же, т. 21; его же, Империализм, как высшая стадия капитализма, там же, т. 23; его же, Государство и революция, там же, т. 25; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956; его же, Основные вопросы марксизма, там же, т. 3, М., 1957; Программа КПСС, М., 1961; Хрущев Н. С., О Программе КПСС, М., 1961.

Гераклит Эфесский, Фрагменты. — Парменид о природе. Позма, пер. [с греч.] А. Дынина, М., [1937]; Аристотель, Метафизика, пер. [с греч.] М.—Л., 1934; Кузнецкий Н., Избр. филос. соч., М., 1937; Бруно Дж., О причине, начале и едином, М., 1934; Дидро Д., Собр. соч., т. 1—2, М., 1935; Гегель, Энциклопедия философских наук, Соч., т. 1, М.—Л., 1929, ч. 1 — Логика; Велюцкий В. Г., Избр. филос. соч., т. 1—2, [М.—Л.], 1948; Чернышевский Н. Г., Избр. филос. соч., т. 1—3, Л., 1950—51; Деборин А. М., Гегель и диалектический материализм, в кн.: Гегель, Соч., т. 1, [М.—Л.], 1929; Асмус В. Ф., Очерки истории диалектики в новой философии, 2 изд., М.—Л., 1930; его же, Диалектика Канта, 2 изд., М., 1930; его же, Маркс и буржуазный материализм, М.—Л., 1933; Дудель С. П., Законы материалистической диалектики, М., 1958; Проблемы развития в природе и обществе. [Об. статей], М.—Л., 1958; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; Мелюхин С., О диалектике развития неорганической природы, М., 1960. А. Спиркин. Москва.

ЕЗЕРСКИЙ (Jeziarski), Францишек Салезы (ок. 1740—14 февр. 1791) — польский радикальный публицист, д-р богословия и философии (с 1783). Примыкал к создававшемуся вокруг Г. Коллонтая кружку под назв. «Коллонтаевская кузница». Произведения Е. утверждали необходимость социальных и политич. реформ в Польше. Осн. сочинение Е. — «Некоторые слова в алфавитном порядке» — один из ярких документов эпохи Просвещения в Польше. В памфлете «Выписка из Хроники Витыкинда...» («Wypis z kroniki Witykinda...») и в стих. «Краковский палач» («Krajski kowalski») Е. резко выступал против магнатов, к-рые «выжимали пот из трудовой бедноты» (рукопись № 14 в архиве Ягеллонской б-ки в Кракове).

Вскрывая социальные противоречия в Польше, Е. критиковал существующий строй за эксплуатацию крестьянина, за то, что помещик, горожанин, не считается полноценным человеком, а рассматривается как «...существо промежуточное между человеком-шляхтичем и нечеловеком-крестьянином» (Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей, т. 1, М., 1956, с. 464). Именно простой люд, заявлял Е., составляет «первое сословие нации или, говоря правильнее, всю нацию. Простой народ создаёт богатства и силу госу-

дарства и он же определяет характер наций ... создает лицо нации, сохраняет чистоту родного языка, соблюдает традиции и придерживается национального образа жизни» (там же, с. 491).

Соч.: Gowbrek herbu Rawicz, wojewoda sandomierski, Warsz., 1789; Rzepicha, matka królów..., Warsz., 1790; Wybór pism, Kr., 1932; в рус. пер.: см. в кн.: Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей, т. 1, М., 1936, с. 463—92.

Лит.: Осипова Е. В., Философия польского просвещения, М., 1961; К о л л а т а л Н., Zyciorys Fr. S. Jezierskiego. Przedmowa do wydania «Niektóre wyrazy...», Warsz., 1791; Skwarczynski Z., Franciszek Salezy Jezierski jako ideolog antyfeudalny, «Przegląd nauk historycznych i społecznych», Łódź, 1952, т. 2, с. 81—106; Smoleński W., Wybór pism, [Warsz.], 1954; Wojnar-Sujecka J., Franciszek Salezy Jezierski. Zarys poglądów, [Warsz.], 1956.

И. Войнар-Сучекая. ПНР.

ЕЗНИК КОХБАЦИ (1-я пол. 5 в.) — арм. философ, церк. деятель, один из основоположников др.-арм. лит. языка. Ученик *Месропа Маштоца*. Учился в Эдессе, бывал в Византии. Сочинение Е. К. «Опровержение сект» — древнейший из дошедших до нас памятников арм. филос. мысли. В этом соч. Е. К. защищал христианство в Армении; оно отразило длительную борьбу, к-рая велась в Армении против *зороастризма* и *манихейства*, против *гностицизма* и догматики зап.-европ. *христианства*.

Представляя бога причиной всего существующего и движущегося (Соч. Езника, кн. 1, гл. 1), Е. К. не отрицал и реальности природы: «Все, что через наши чувства воздействует на нас, наблюдается или ощущается нами, есть материальное...» (там же, кн. 1, гл. 23). Ставя вопрос: «откуда происходит зло в мире?» (там же, кн. 1, гл. 4), Е. К. находил, что признание зла мировым началом (в системе зороастризма) приводит к *фатализму*, тогда как «...ничего злого от природы не существует» (там же, кн. 1, гл. 15). Лишь человек, одаренный разумом, может творить злое, как способен он творить и доброе. Человек может вредное сделать полезным, несчастье — счастьем, может совершить к.-л. действие или воздержаться от него. Е. К. расходился, т. о., с принципом божеств. предопределения, проповедуемым вселенской церковью. «... Собирая войска и изгоняя врага из страны, — писал Е. К., — мы доказываем, что не по определению судьбы совершилось разорение, а вследствие насилия разбойника, который с жадностью разоряет страну и грабит имущество и достояние» (там же, кн. 2, гл. 15).

Соч. на арм. яз.: Книга возражений, Измир, 1762; в рус. пер.: Опровержение учения персидских магов [текст], в кн.: Эзов Г. [А.], Об учении персидских магов, сочинение Езника, армянского писателя V века (Исследование), СПб., 1858; нем. пер., W., 1900; франц. пер., 2 изд., P., 1959.

Лит.: Ч а л о я н В. К., К вопросу об учении Езника Кохбаци, армянского философа пятого века, Ер., 1940; е го же, История армянской философии, Ер., 1959, с. 63—84; на арм. яз.: А д о н ц Н., Критические заметки о Езнике, «Безмачен», 1925, № 7, 10, 12, 1926, № 4—5; А б е г я н М., История др.-арм. литературы, т. 1, Ер., 1944 (рус. пер. 1948).

В. Чалоян. Ереван.

ЕЛИСЬЕВ, Григорий Захарович [25 янв. (6 февр.) 1821—18(30) янв. 1891] — рус. публицист. Род. в семье священника. Окончил Моск. духовную академию (1844); проф. (с 1845) Казанской духовной академии; с 1854 — чиновник в Тобольске. С 1857 — в Петербурге. Сотрудник журн. «Искра» и «Современник»; один из ближайших соратников Чернышевского и Добролюбова. В нач. 60-х гг. — член революц. орг-ции «Земля и воля». В 1868 Е. вместе с Н. А. Некрасовым преобразовал журн. «Отечественные записки» в новый демократич. печатный орган. С 1881 в связи с болезнью отошел от журналистики.

Е. считал, что крест. реформа 1861 не разрешила задач обществ. развития и обманула ожидания народа. Сочувствуя революционерам, усматривая в народе осн. силу историч. развития, Е. полагал, что крест. община является залогом социалистич. преобразований России. Анализируя статью Е. «Плутократия и ее основы» («Отеч. записки», 1872, № 2), В. И. Ленин

указал на отрицат. отношение Е. к бурж. либерализму (см. Соч., т. 1, с. 264—66).

Е. участвовал в филос. полемике «Современника» с *Юркевичем*. Популяризируя материалистич. представление о происхождении Вселенной, Земли и органич. жизни, Е. утверждал, что «путем непрестанного, долговременного, настойчивого изучения, исследованый, анализа человек дойдет до возможно-полного, доступного ему ведения природы» («Современник», 1861, № 4, с. 465). Однако, критикуя идеализм, Е. допускал иногда нечеткие и неправильные формулировки; он заявлял, напр., что как материалистич., так и идеалистич. теории есть лишь «философские гипотезы для объяснения всего сущего, и обе равно недостаточны» (там же, 1863, № 3, с. 48).

Вскрывая реакц. смысл теории «чистого» иск-ва, Е. писал, что «литература должна служить высшим общественным интересам» (там же, 1865, № 11—12, с. 150). Высшим этапом в развитии лит-ры, обусловленным ростом обществ. самосознания, Е. считал реализм.

Соч.: Сочинения, т. 1, М., 1894 (со вступит. ст. Н. Михайловского); Воспоминания, в кн.: Шестидесятые годы, [М.—Л.], 1933; Письма... к М. Е. Салтыкову-Щедрину, М., 1935.

Лит.: Чернышевский Н. Г., Полн. собр. соч., т. 15, М., 1950, с. 783; Кривенко С., Литературные воспоминания и характеристики, Г. З. Елисева, «Русская мысль», 1901, кн. 7; Е в г е н ь е в В., Н. А. Некрасов и Г. З. Елисеев в деле воссоздания «Отечественных записок» Краевского, «Голос минувшего», 1916, февр., № 2; Е в г е н ь е в-М а к с и м о в В. и Тизенгаузен Г., Последние годы «Современника», 1863—1866, Л., 1939; Клейнборг Л. М., Григорий Захарович Елисеев, П., 1923; Шелгунов Н. В., Воспоминания, М.—П., 1923; Антонович М. А., Воспоминания, в кн.: Шестидесятые годы, [М.—Л.], 1933; Е в г е н ь е в-М а к с и м о в В., «Современник» при Чернышевском и Добролюбова, Л., 1936; К о г а н Л. И., М е л е н т ь е в Ю. С., О месте Г. З. Елисева в истории русской общественной мысли, «Вопр. философии», 1958, № 2; К о з ь м и н В. П., Из истории революционной мысли в России, М., 1961.

М. Петрова. Москва.

ЕЛЛИНЕК (Jellinek), Георг (16 июня 1851—12 янв. 1911) — нем. бурж. государствовед, проф. Венского, Базельского и Гейдельбергского ун-тов. Осн. работа Е. — «Общее учение о государстве» («Allgemeine Staatslehre», 1900, 3 изд., 1929, рус. пер. 1903). По Е., гос-во следует изучать как особое обществ. образование и как правовой институт. Соответственно, его учение делится на «социальное» и «правовое», каждому из к-рых присущ особый метод. Выступая против марксизма, Е. в «социальном учении» придерживался телеологич. подхода к гос-ву, трактуя его как единый союз связанных общей целью оседло проживающих людей, обходя, т. о., вопрос о классовой природе гос-ва. Е. пытался избежать крайностей господствовавшего формально-догматич. метода, однако в его системе этот метод выступает как единственно возможный метод «правового учения» о гос-ве, призванного дать чисто юридическую (игнорирующую социально-экономич. сущность) трактовку гос-ва. Методологич. разграничение «социального» и «правового» подхода к гос-ву получило широкое распространение в бурж. науке. Е. выдвинул идею самоограничения гос-ва издаваемыми им самим правовыми нормами. Приукрашивая бурж. гос-во, Е. вместе с тем отмечал необходимость правового начала в деятельности политич. учреждений. Бурж.-либеральные идеи Е. совмещал с откровенно реакц. положениями, противопоставляя, напр., «права меньшинства» воле «необузданного большинства». Е. оказал известное влияние на русскую юридическую науку нач. 20 в. (Гессен, Кистяковский).

Соч.: Die Weltanschauungen Leibnitz und Schopenhauer's, W., 1872; Die rechtliche Natur der Staatenverträge, W., 1880; Die Lehre von den Staatenverbindungen, W., 1882; Gesetz und Verordnung, Freiburg in Breisgau, 1887; Das Recht der Minoritäten, W., 1898; Ausgewählte Schriften und Reden, Bd 1—2, B., 1911; Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte, 4 Aufl., Münch., 1927; в рус. пер.: Декларация прав

человека и гражданина, М., 1905; Социально-этическое значение права, неправды и наказания, М., 1910; Система субъективных публичных прав, вып. 1, СПб.—М., 1913.

В. Туманов. Москва.

ЕНЕВИЧ, Федор Федорович [р. 13(26) апр. 1905] — сов. философ. Д-р филос. наук (с 1952), профессор (с 1952). Член КПСС с 1928. Окончил историч. фак-т Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина (1931), филос. отдел Укр. (Киевского) ин-та красной профессуры (1937). Преподает философию с 1931. Проф. кафедры философии Ин-та повышения квалификации преподавателей обществ. наук при Киевском ун-те им. Т. Г. Шевченко (с 1958). Ведет науч. работу в области диалектик. и историч. материализма, а также по истории укр. филос. и обществ.-политич. мысли.

Соч.: Комуністичне виховання трудящих і подолання пережитків капіталізму в свідомості людей, К., 1940; Суспільно-філософські погляди Г. С. Сковороди, «Пропагандист і агітатор», 1946, № 4; Американський фальсифікатор ідейної спадщини Т. Г. Шевченко, «Більшовик України», 1949, № 8; Деякі теоретичні проблеми категорії матеріалістичної діалектики, «Кітв. держ. ун-т. Наукові зап.», 1957, т. 16, вып. 4. 36. Філософ. фак-т, № 3; Матеріалістична діалектика та конкретні методи природничих і гуманітарних наук, там же, т. 16, вып. 8; Стан і розвиток філософської науки в СРСР за 40 років, «Вісник Київського університету. Сер. історія та філософія», 1958, вып. 1; Діяльність комуністичних і робітничих партій — живе втілення ленінських ідей, в сб.: Теоретична зоря комунізму, К., 1959; Творчий вклад у марксистсько-ленінську теорію, в сб.: Питання комуністичного будівництва в рішеннях ХХІ з'їзду КПРС, К., 1960; Т. Г. Шевченко і сучасність, в сб.: Тарас Шевченко, К., 1962; Закономірності становлення комуністичної формиції, в сб.: Розвиток КПРС наукового комунізму (1953—62), К., 1962.

ЕРЕСИ (греч. ед. ч. $\alpha\lambda\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$, от $\alpha\lambda\theta\epsilon\omega$ — хватаю, постигаю, избираю, убеждаю). У антич. писателей термин «Е.» означал «свобода выбора», «учение», «школа». В ранней патристике (Тертуллиан, Климент Александрийский) слово «Е.» применялось по отношению к людям, следующим свободному разуму в определении и толковании христ. понятий. В период Вселенских соборов церковь придала слову «Е.» значение термина, обозначающего учения, отступившие от догматики, выработанные соборами, и подлежащие в качестве таковых осуждению и проклятию.

Исходя из своих ненаучных, внеисторич., идеалистич. представлений, христ. богословы во всех вновь появлявшихся Е. видели лишь возобновление и трансформацию еретич. учений периода Вселенских соборов и, т. о., подводили новые явления религ.-обществ. протеста под старые формулы анафематствования и под традиц. «нормы» расправ.

Характеристика социального содержания и особенностей религ. формы еретич. движений и учений может быть только конкретно-исторической: Е. в период складывания христианства существенно отличались от Е. в условиях господства христианства в Поздней Римской и Раннехристианской империях, а эти последние, в свою очередь, существенно отличались от ересей в Зап. и Вост. Европе в течение средних веков. Но и в пределах одной и той же историч. и географич. локализации различные Е. служили формами выражения различных классовых и идейных интересов. Т. о., общим для Е. в христианских церквях Запада и Востока, появившихся на разных этапах историч. развития, является то, что их существование и неустойчивость выражали в религ. форме (и непосредственно в религ.-церк. жизни) факт классовой структуры общества и непримиримой борьбы обществ. классов. Именно поэтому наличие Е. и, с др. стороны, преследование их составляют своего рода внутр. закон исторического развития церкви, начиная с первых веков ее существования. Особенно большой размах Е. приобретают в эпоху Реформации в качестве формы революц. оппозиции против феодализма. Для классовой борьбы в капиталистическом обществе религиозная форма в целом нехарактерна.

От Е. следует отличать течения в той или иной религии, к-рые, расходясь между собой по второстепен-

ным богословско-догматическим, церк.-организационным или же «тактическим» вопросам, остаются в осн. русле ортодоксально-церк. мировоззрения. Обычно эти течения выражают интересы тех или иных кругов внутри господств. класса, те или иные их разногласия. В конечном счете, все течения господств. церкви объединялись для совместной борьбы против еретич. движений.

А. Глибанов. Москва.

Ереси в период складывания христианства. Е. 1—2 вв. н. э. коренным образом отличаются от более поздних Е. тем, что в эту пору еще не существовало сложившейся христ. церкви и, следовательно, не могло быть групп и идейных движений, направленных против официально господств. вероучения. Е. 1—2 вв. — это группировки, возникшие в процессе формирования христианства и позднее осужденные как «отклонившиеся». Уже древнейший памятник христ. лит-ры — «Откровение Иоанна» — упоминает ряд сект внутри христианства 1 в.: николаиты, последователи Иезавели, и др. Последователи Е. 2 в. — по преимуществу представители нар. масс, их учение — протест против усиления в христианстве тенденций к образованию «богатой церкви», таковы эбиониты (от др.-евр. «эбион» — бедняк) и особенно монتانиты, проповедовавшие скорое наступление царства небесного на земле и выступавшие против монархич. епископата. В Е. 2 в. отразились аристократич. тенденции, проявившиеся (как, напр., в *гностицизме*) в резком противопоставлении «духовных» людей «плотским», обреченным на гибель. Идейными корнями ранних Е. являются *иудаизм* и особенно иудейское сектанство (напр., эсены, повлиявшие на эбионитов), *неоплатонизм* (учение Филона Александрийского), сочетавшийся у гностиков с отвержением Ветхого завета, идеология раннехрист. откровенной, отвергнутая в «посланиях Павла» и евангелиях. В конце 2 в. в связи с формированием церк. организации епископ Лионский Иринеи написал книгу «Против ересей».

В 3 в., в период сплочения церк. организации и гонений на христианство, богословско-филос. разногласия отходят на задний план и центр. место занимают организац. споры, прежде всего по вопросу об отношении церкви к отпавшим во время гонений лицам. Демократич. элементы христианства (Е. повстанцев, родственная монтанитам) настаивали на полном отвержении от церкви «отпавших», тогда как имущие круги были склонны терпимо относиться к тем, кто временно отрекался от Христа, опасаясь лишиться богатства или положения в обществе. Одновременно в 3 в. зарождаются Е. (монархиапе, савеллиане и др.), предвещавшие христологич. и триштарные споры последующих веков.

Ереси в Поздней Римской и Раннехристианской империях (4—7 вв.). В начале 4 в. христианство было признано официальной религией Римской империи, и с этого момента можно говорить о появлении Е. в собственном смысле слова. В союзе с государств. властью церковь получает материальную силу для преследования еретиков (ссылка, лишение государств. должностей, конфискация имущества, казни). В 527 был издан указ против еретиков, к к-рым причислялись также иудеи и язычники, предписывающий им в трехмесячный срок принять официальное вероучение.

Е. 4—7 вв. иногда тесно смыкались с нар. движениями (*донатизм*, близкий к движению составивших в Африке циркумцелионов); чаще в них насильственный социальный протест переплетается с этнич. рознью и стремлением к политич. независимости окраин империи (особенно монофизитство). Наиболее значит. Е. этого времени — *арианство*, несторианство, монофизитство (см. *Монофизиты*), монофелитство (см.

Монофелиты) — возникли на почве христологич. и тринитарных споров. Еретика выступали против офиц. догмата христ. церкв. о троицности божества и о богочеловечности Христа. Согласно официальному христ. учению, залогом грядущего спасения человека были смерть и воскресение Христа, якобы соединяющего в себе божеств. и человек. природу. Еретика же, представляя Христа как подчиненное божество (как это было у ариан), видя в нем только человеческую (несториане) или только божественную (монофизиты) природу, по сути дела ставили под сомнение этот осн. догмат христ. богословия. Идейные предпосылки этих Е. коренились в антич. рационализме, не мирившемся с мистич. концепциями относительно единства троицы или единства божеств. и человек. природы в одном лице. С 4 в. в Рим. империи распространяются Е., основанные на дуалистич. мировоззрении (преим. манихейство), к-рые приобретают особое значение в последующие века.

Ереси в Византии. С развитием феодальных отношений Е. принимают преимущественно форму дуалистич. учений, резко противопоставляющих «испорченный» земной мир, созданный не богом, а злым началом, духовному слиянию с божеством. Социальные корни этой идеологии — протест народных масс (прежде всего, крестьянства) против эксплуатации.

Осн. дуалистич. Е. в Византии — *павликианство*, а также *богомильство*, распространенное преим. в зап. областях империи, — своими идейными истоками восходили к манихейству. Первоначально они были связаны с активным социальным протестом, но с 11—12 вв. в них все более заметными становятся черты пассивного созерцательства, мистицизма. Богомильство 14 в. подчас сближается с Е. *исихастов*. С 11 в. в Византии появляются Е., выросшие на городской почве и опиравшиеся на рационалистич. мировоззрение (учение *Иоанна Итала*, *Сотириза* и др.).

А. Каждан. Москва.

Ереси в Зап. Европе в средние века. Большое распространение Е. в Зап. Европе получили в период формирования феодализма, когда папство и возглавляемая им церковь, окончательно отделившаяся с 11 в. от византийской церкви, сделавшись важнейшим орудием утверждения феод. строя. Е., выражавшие в религ. форме антифеод. оппозицию, были направлены прежде всего против офиц. церкви, против папства. Эту прямую связь Е. с антифеод. оппозицией подчеркивал Энгельс. «... Все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 361). Идейными источниками этих Е. были нек-рые раннехрист. тексты, в к-рых получили отражение демократич. настроения периода возникновения христианства, а также еретич. течения первых веков христианства, гл. обр. *гностицизм*, *манихейство*, арианство и др. Др. идеологич. источником ср.-век. Е. были филос. учения ряда мыслителей, проникнутые духом свободомыслия и служившие вызовом слепому авторитету церкви. Такими ср.-век. мыслителями-вольнодумцами, оказавшими влияние на развитие еретич. движений, были *Иоанн Скот Эриугена*, *Беренгар Турский*, *Росцелин*, *Абеляр*, *Жильбер Порретанский*, *Амори Шартрский*, *Сигер Брабантский*, западные аверронисты, *Мейстер Экхарт*, *Иоганн Таулер*, *Джон Болл*, *Джон Уиклиф*, *Ян Гус* и др.

По своему богословскому содержанию наиболее значит. ср.-век. Е. были направлены против осн. христ. догматики, в частности против христологич. и тринитарного учения церкви, против христ. идеи о всеобщей греховности и церк. учения о предопределении. Почти все Е. разоблачали вместе с тем разврат и алчность духовенства и отражали возмущение масс обогащением церкви и беззастенчивой эксплуатацией народа феодалами.

В 9 в. офиц. церковь во франкском гос-ве ополчилась против Пасхазия Радберта за отрицание им учения церкви о «евхаристии» (таинстве причащения); другое еретич. течение было представлено монахом Готспальком, выступившим в это же время с учением об абс. предопределении душ человеческих к «спасению» в рай или к адской погибели. Первое течение отражало рационалистич. тенденции, проникавшие в богословие, второе было скрытым отрицанием «единоспасающей» роли церкви.

Социальными корнями ср.-век. Е. явилось развитие в Зап. Европе антифеод. элементов, особенно усилившихся с ростом городов, торговли, с обострением социальных противоречий, с ростом борьбы крест. масс. Однако в этой борьбе часть крестьянства идеализировала дофеод. прошлое и искала его освящения в религ. воззрениях, противостоящих или расходящихся с офиц. учением церкви. Поэтому в нек-рых Е. ср.-век. Европы, поскольку они выступали в защиту пережитков патриархально-родовых отношений, получили отражение попытки «отгородиться от исторического развития...» (там же), хотя и в этом случае проповедь бедности и резкая критика церк. пышности и богатства духовенства способствовали росту сознания масс. К этой группе Е. принадлежит прежде всего Е. швейцарских *вальденсов*.

Осн. группу составляли «бюргерские» Е., идеология к-рых являлась отражением социального протеста новых обществ. сил, выражавших «оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов» (там же). Такими были Е. *альбгойцев*, *катаров* и патаренов, получивших в 11—13 вв. широкое распространение в городах Юж. Франции и Сев. Италии.

Несмотря на различные социальные условия, в к-рых развивались эти Е., и неодинаковую социальную среду, в к-рой они распространялись, общей для них была их антицерк. направленность. Антицерк. требования сплетались с прямым отрицанием феод. порядков (требование отмены десятины), религ. идеи о равенстве всех перед богом — с открытыми выступлениями против духовных и светских феодалов. Еретика отрицали не только церк. культ, требуя фактически ликвидации католич. церкви, отказа от храмов, икон, мощей, обрядов, молитв, но отвергали и важнейшие догматы католицизма и осн. «таинства» (крещение, евхаристию, покаяние и т. п.). Нек-рые еретика (напр., катары) не ограничивались религ. проповедью. Последователи этих Е. заявляли, что весь материальный мир есть порождение дьявола — «мир зла», к-рому они противопоставляли духовный мир как «мир добра». Из этих дуалистич. воззрений, воспринятых под влиянием проникшего на Запад *богомильства*, они делали выводы об отказе от признания государств. установлений — воен. службы, присяги и т. п.

Одновременно с «бюргерской» Е. в ряде стран распространялись и Е., выражавшие в мистико-религ. форме революц. традиции нар. масс, что особенно характерно для таких периодов, когда открытое движение оппозиц. сил было невозможно. Таковы были мистич. течения 12—13 вв. (*амальриканы*, *ноахимиты*, братья свободного духа, ортлибарии и др.), гл. идей к-рых была вера в скорое пришествие «святого духа» — третьего лица троицы, что должно было, по их учению, положить начало новой мировой эпохе полной

духовной свободы. Эти идеи являлись религ. выражением стремления нар. масс к освобождению от эксплуатации. Несмотря на обычную религ. форму, нек-рые из этих Е. обнаруживают значит. долю свободомыслия. Так, у отд. групп катаров и орглибариев встречается идея о вечности и несотворенности материального мира. Амальриканы исповедовали крайние формы пантеизма и утверждали, что человек, как и весь мир вообще, тождествен по своей природе с богом; поэтому они отрицали загробный мир, называя адом жизнь вне их секты, а раем — просветленное состояние члена секты. Эти мистич. идеи о непосредств. приближении верующего к богу вели к отрицанию значения церкви, ее «единоспасающей» силы, ее роли посредника между землей и небом. Как правило, религ. проповедь дополнялась и антиклерик. обличениями, что еще сильнее подрывало авторитет господств. церкви. Поэтому уже с 12 в., когда за еретич. движениями пошла масса, Е. стали рассматриваться как политич. выступления против господств. класса и их подавляли с беспощадной жестокостью (преследования арнольдистов и иоакимитов, сожжение амальрикан и т. д.). Для борьбы с Е. церковь объединилась со светской властью, создала *инквизицию*; в нач. 13 в., с целью отвлечения масс от классовой борьбы, папство организовало т. н. «нищенствующие» монашеские ордена францисканцев и доминиканцев.

Высоко поднялась волна еретич. движений в 14—15 вв., когда усилилось развитие товарно-денежных отношений, началось разложение феодализма и формирование централизов. государств, что вызвало значит. обострение социальных противоречий. На этой почве широко распространяются крестьянско-плебейские Е. в Сев. Италии в начале 14 в. — апостольские братья, в Англии во 2-й пол. 14 в. — долларды, в Чехии в нач. 15 в. — табориты и др. Эти Е. почти всегда сочетались с открытым революц. выступлением масс и были наиболее развитой формой их антифеод. протеста. Религ. лозунги, примененные к реальной жизни, приобретали действительный социально-политич. характер, и призывы к религ. реформам переплетались с требованиями революц. преобразований. Последователи этих Е. провозглашали равенство всех людей и отмену сословных привилегий (долларды, табориты), требовали отмены частной собственности (*апостольские братья*, дольчинисты), отмены суда, войн, гос-ва (долларды и др.). Особенно резко ср.-век. Е. выступали против папства, церк. богатств и пышности культуры. Еретики требовали «дешевой церкви» и отказывались признавать особую благодать, якобы отличающую духовенство от всех мирян. Эти идеи Е. были восприняты религ. реформаторами — Уиклифом, *Гусом* и *Лютером*, к-рые создали на их основе новые филос.-религ. концепции, получившие свое выражение в идеологии Реформации. Наиболее же радикальные Е. (доллардов, таборитов и др.) развились в течение, слившиеся с борьбой революц. масс в 15—16 вв. (см. *Анабаптисты*, *Мюнцер*), и по существу утратили свой религ. характер.

Б. Рамм. Ленинград.

Ереси в России. Возникновение еретич. движений в России относится к концу 13—нач. 14 вв., когда сказались первые результаты восстановления производит. сил после монг. завоевания; развитие с. х-ва, городов, ремесла, торговли. С сер. 13 в. по стране прокатываются волны нац.-освободит. нар. восстаний. Наиболее ярким памятником антицерк. протеста этого времени является «Слово о лживых учителях», написанное в период между 1274 и 1312. В этом анонимном сочинении под «лживыми учителями» понимается духовенство, к-рое избличается в корыстолюбии, прислужничестве, власти имущим, тунеядстве и укрывательстве «слова божия» от народа. В противовес церк. иерархии, автор «Слова о лживых

учителях» выдвигает требование права на учение веры для мирян и для рядового клира — тщецов и певчих.

Первой открытой Е. в России были *стригольники*, выражавшие интересы демократич. кругов посада. Очагом Е. стригольников были Псков и Новгород, где они появились около середины 14 в. Стригольники протестовали против корыстолюбия и невежества духовенства, отрицали ряд церк. таинств, требовали права религ. проповеди для мирян. Нек-рые из них отрицали церковное учение о воскресении мертвых. В 1375 феод.-церк. и светские власти Новгорода казнили руководителей стригольнич. движения. Однако движение продолжало существовать еще в 1-й трети 15 в., а последние упоминания о деятельности стригольников относятся к 1490.

Одновременно со стригольниками в Твери выступил епископ Федор Добрый с учением о том, что земной рай погиб и что рай следует понимать духовно. В конце 14 в. другой тверской епископ Евфимий Вислень предстал перед церк. собором за непризнание «святой апостольской церкви». В 80-х гг. 14 в. в Ростове Великом с проповедью антиринитаризма и иконоборчества выступал еретик Маркиан, изгнанный властями из города после публичного диспута с ростовским епископом Иаковом. Выступления вольнодумцев 14 в. кладут начало истории рус. рационалистич. мысли, с позиций к-рой были подвергнуты критике церковь и религ. доктрина православия. Рост городов, дальнейшее развитие ремесла и торговли, постепенное складывание предпосылок бурж. экономич. связей, образование централизов. гос-ва — такова основа все более широкого развития еретич. движений в России и теоретич. углубления начал рационалистич. критики ср.-век. норм мысли и морали. Вслед за требованиями «дешевой церкви» и демократизации церк. устройства, вслед за критикой церк. учения о таинствах наибольшее значение в еретич. движениях приобретают нападки на осн. доктрину христианства — триединого бога. Начатые Маркианом в Ростове Великом, эти нападки в сер. 15 в. вызвали т. н. псковские споры об аллилуйя. Во 2-й пол. антиринитарные выступления охватили Тверь, Псков, Новгород, Москву.

Рус. еретиков-антиринитариев и иконоборцев возмущавшие церковники 15 в. прозвали «*жидовствующими*». Для движения жидовствующих характерна не только рационалистич. критика тринитарного и христологич. учения церкви, но и выработка начал гуманистич. мысли — утверждения человека, идеи приятия земной жизни, равенства народов и вер.

После нек-рого спада волны еретич. движения в нач. 16 в., она вновь высоко поднялась в сер. 16 в., выразившись в ересях Матвея *Башкина* и *Феодосия Косого*. Феодосий Косой провозгласил лозунг социального и нац. равенства, утверждал возможность для человека стать своим собственным «спасителем» и «искупителем». В его проповеди есть намеки на требование общности имущества. Феодосию Косому принадлежит материалистич. догадка об извечности мира в духе философии др.-греч. материалистов. В противовес развивавшимся элементам рационалистич., материалистич. и гуманистич. мысли в учениях рус. вольнодумцев 14—16 вв., феод.-церк. лагерь пытался обосновать свои религ. доктрины. Усилия в этом направлении делались уже в 14 в. Епифаном Премудрым, а в 15 в. *Иосифом Волоцким*. В сер. 16 в. *Зиновий Отенский* излагал космологич. и онтологич. доказательства бытия бога, а *Ермолай-Еразм* выступил в духе философии ср.-век. реализма, пытаясь представить схему Вселенной в виде иерархич. бесконечности троичных комплексов, увенчиваемой троицей как универсальной высшего порядка. Е. в России долгое время являлись важной формой антифеод. борьбы.

А. Клибанов. Москва.

Лит.: Общая литература — Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, М., 1952; Ленин В. И., Письмо к Горькому, Соч., 4 изд., т. 35.

Раннехристианские Е.: Иванцов-Платонов А. М., Ереси и расколы первых трех веков христианства, ч. 1, М., 1877; Ранович А. В., О раннем христианстве, М., 1959; Лейдман И. А., Происхождение христианства, М., 1960; Нагласк А., Lehrbuch der Dogmengeschichte, Bd 1—3, Tübingen, 1909—10; Век Н. Г., Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, Münch., 1959; Ангелов Д., Богомилы, С., 1961.

Западно-европейские Е. эпохи средневековья: Сидорова Н. А., Народные еретические движения во Франции в XI—XII вв., в сб.: Средние века, вып. 4, М., 1953 (и в кн. того же автора: Очерки по истории ранней городской культуры во Франции, М., 1953); Бортик Н. А., Еретические движения в Италии в первой половине XIII в., там же, вып. 10, М., 1957; Гаусрат А., Средневековые реформаторы, пер. с нем., т. 1—2, СПб., 1900; Токко Ф., Религиозные ордена и ересь, в кн.: Флорентийские чтения, [т. 1], М., 1914; Hahn C. U., Geschichte der Ketzerei im Mittelalter, Bd 1—3, Stuttg., 1845—50; Döllinger J. V., Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, Tl 1—2, Münch., 1890; Grun d m a n n H., Religiöse Bewegungen im Mittelalter, B., 1935; Manselli R., Studi sulle eresie del secolo XII, Roma, 1953; Borst A., Die Katharer, Stuttg., 1953; Betts R. [и др.], Movimenti religiosi popolari ed eresie del Medioevo, в кн.: Storia del Medioevo, v. 3, Firenze, [1955] (Relazioni del X Congresso Internat. di sci. stor.); Aegerter E., Les hérésies du moyen âge, P., 1939; Büttner T. H. und Werner E., Circumcellionen und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Häeresie, B., 1959; Erb st ü s s e r M. und Werner E., Ideologische Probleme des mittelalterlichen Plebejertums. Die freigeistige Häeresie und ihre sozialen Wurzeln, B., 1960.

Е. в России: Казакова Н. А., Лурье Я. С., Антифеодалные еретические движения на Руси в XIV—нач. XVI в., М.—Л., 1955; Зимин А. А., И. С. Пересветов и его современники, М., 1958; Лурье Я. С., Идеологическая борьба в русской публицистике конца 15 — нач. 16 в., М.—Л., 1960; Клибанов А. И., Реформационные движения в России в XIV — первой пол. XVI вв., М., 1960.

ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ (или Ермолай-Прегрешный, в монашестве — Еразм) (гг. рожд. и смерти неизв.) — рус. писатель и политич. мыслитель сер. 16 в. Протопоп дворцовой церкви, Е.-Е. принадлежал к кружку образованных книжников, группировавшихся вокруг митрополита Макария. Автор религ.-филос. концепции мира. Наиболее универсальный принцип всякого бытия, пронизывающим весь мир, является, по Е.-Е., гармония. Совершеннейшее выражение гармонии — божеств. триединство. Мир, по Е.-Е., основывается на иерархич. бесконечности троичных комплексов, отражающих божеств. универсалию отца, сына и духа. Природа состоит из триединства света, сумрака, тьмы или из триединства ветра, грозы, молнии и т. п. Человек тоже представляет триединство, внутренне — ума, слова, души, внешне — головы, туловища, конечностей и т. д. Из религ. философии Е.-Е. вытекала и утопич. концепция такого обществ. устройства, в к-ром торжествовала бы гармония. Е.-Е. предложил утопич. план общества, в к-ром между сословиями были бы «справедливо» разделены общественно-полезные функции.

Вместе с тем Е.-Е. выступал с критикой совр. ему свободомыслящих, к-рых он «обличал» как еретиков и вероотступников.

В трактате «Благохотящим царем правительница и землемерие» (руководство как править гос-вом и как измерять землю), написанном для молодого Ивана IV в конце 40-х гг. 16 в., Е.-Е. выдвинул утопич. программу обществ. переустройства, заключающуюся гл. обр. в ряде зем. реформ. Е.-Е. считал, что труд крестьян является основой обществ. жизни; он обличал обществ. язвы — тяжесть повинностей, злоупотребления феод. собственников. Признавая необходимым феод. землевладение, он считал, что феодалы должны жить в городе и превратиться в государств. чиновников. Предложения Е.-Е. отражали кризис, к-рый переживало тогда крест. х-во в связи с развитием и усилением крепостнич. гнета.

Лит.: Р ж и г а В. Ф., Литературная деятельность Ермолай-Еразма, в кн.: Летопись занятий Археогр. комиссии за 1923—25 годы, вып. 33, Л., 1926; Будовиц И. У.,

Русская публицистика XVI века, М.—Л., 1947; Клибанов А. И., «Самобытная ересь», в сб. ст.: Вопр. истории религии и атеизма, т. 4, М., 1956; е го ж е. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли, «Историч. зап.», 1959, т. 65; е го ж е. Сборник сочинений Ермолай-Еразма, в кн.: Тр. Отд. древнерусской лит. Ин-та русской лит. АН СССР, т. 16, 1959; Зимин А. А., И. С. Пересветов и его современники, М., 1958. А. Клибанов. Москва.

ЕРМУРАТСКИЙ, Василий Никитич [р. 3 (16) апр. 1905] — сов. философ. Зав. отделом философии АН Молд. ССР (с 1955), кандидат филос. наук (с 1954). Член КПСС с 1927. Окончил филос. отделение ИКИ (Северокавказский филиал, Ростов-на-Дону, 1936). Преподават. работу ведет с 1935. Работает над проблемами истории филос. и обществ.-политич. мысли Молдавии, а также над вопросом о росте культурного уровня колх. крестьянства.

Соч.: Общественно-политические взгляды Д. Кантемира, Гишнев, 1956; Освещение некоторых вопросов Октябрьской революции на страницах румынского журнала «Вяца ромыняскэ», «Коммунист Молдавии», 1957, № 11 (совм. с А. Бабием); О некоторых философских категориях в трудах Д. Кантемира, «Иzv. Молдавск. филиала АН СССР», 1958, № 3; История философии, т. 4, М., 1959 (Молдавия, с. 285—93, в соавт. с А. Бабием), т. 5, М., 1961 (Молдавия, с. 399—402, в соавт. с А. Бабием); По страницам прогрессивной печати Молдавии (1905—1914 гг.), «Днестр», 1960, № 1; Материализм — гл. обр. диалектика спонтанно возникшего фольклора молдавн. «Нистру», 1961, № 1 (совм. с Д. Драгневичем и П. Советовым); В. Л. Лашков (1861—1932). Из истории обществ.-политич. и филос. мысли в Молдавии, «Иzv. АН Молд. ССР», 1962, № 1.

ЕРТОВ, Иван Данилович (по др. данным — Давидович) (1777—1828) — рус. самоучка, космогонист и философ действ. направления. Проникнул из купеч. семьи. В работе «Начертание естественных законов происхождения вселенной» (кн. 1—6, 1798—1800; часть издана под назв. «Картина просвещения россиян перед началом девятнадцатого века», 1799) Е. утверждал, что природа возникла хотя и «по изречению Всесильной Премудрости», но из «материи» (указ. соч., кн. 2, ч. 1, СПб., 1799, с. 6—7). Согласно гипотезе Е., миры произошли из «первобытных элементов», рассеянных в «тончайшем эфире» и обладающих «Протяжением, Непроницаемостью...», почти ничтожной Малостью и «силой», которая противодействует притягательной (см. там же, с. 16—22). Эфир и «первобытные элементы» (земля, вода, огонь и воздух) неуничтожимы, их происхождение не объяснимо (там же, см. кн. 1, ч. 4, СПб., 1798, с. 222). Возможна всеобщая распространенность живых существ, обитающих даже на звездах (там же, см. кн. 1, ч. 1, с. 63; ч. 2, с. 98—100). В кн. «Мысли о происхождении и образовании миров» (1805) Е. уже не вводил божеств. промысел в свою концепцию. В дальнейшем (2-е и 3-е изд. «Мыслей...», 1811 и 1820) он вновь возвратился к *деизму*.

В «Мыслях о развитии ума в человеческом роде» (1811) Е. развил идеалистич. взгляд на человека. В его «Всеобщей истории древних просвещенных народов...» (ч. 1—5, 1824—28) проводилось провинциалистское воззрение на историю. В ст. «О необходимости предположений в умозрительных науках, и о способе правильно мыслить» (см. «Сын отечества», 1826, № 10) Е. доказывал правомерность согласованных с опытом предположений, основанных не на невежестве, а «...на соображении с общими законами природы» (указ. соч., с. 152); с этих позиций Е. критиковал эмпиризм (см. там же, с. 154).

Сов. ученые не едины в оценке филос. идей Е. Нек-рые авторы полагают, что Е. был материалистом, произведя к-рого «...не оставили места для религии и бога, подрывали основы религии и способствовали развитию атеизма» (Кравец И. Н., И. Д. Ертвов — передовой русский мыслитель начала XIX века, см. «Вопр. философии», 1957, № 3, с. 119), а наличие «религиозных привесков» в произведениях Е. объясняется гл. обр. цензурными соображениями (см. там же, с. 120; см. также М. И. Шахнович, Первый

русский космогонист И. Д. Ертов, в журн. «Природа», 1951, № 4).

Соч.: Мелкие сочинения, ответы на критики и сокращение Мыслей о происхождении и образовании миров, СПб, 1829.

Лит.: Обзорные книги: Мысли о происхождении и образовании миров. Соч. И. Ертова, и нечто о самом сочинителе — природном русском астрономе (анонимно), «Отечественные записки», 1821, № 11, март; Щеглов П., Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии, СПб, 1824, т. 1, № 5; Русский Кандид или простодушный (беллетризованная биография Е.), СПб, 1833 (анонимно); Писель Ю. Г., Ертов в оценке современников, «Астрономич. ж.», 1954, т. 31, № 1; Зубов В. П., Историкография естественных наук в России (XVIII в. — первая половина XIX в.), М., 1956, с. 172—75. З. Каменский. Москва.

ЕСЕНИУС, Есениски (Jesenius, Jesenský), Ян (27 дек. 1566—21 июня 1621) — врач и философ. Учился ун-тах в Виттенберге, Лейпциге и Падуе. Проф. хирургии Виттенбергского ун-та (с 1594). В 1600 сделал в Праге первое публичное вскрытие. Ректор Карлова ун-та (с 1618). За участие в восстании чешских сословий (1618—20) Е. был казнен.

Под влиянием идей *Патрицы* Е. написал соч. «Зороастр, новая, краткая и достоверная философия вселенной» (*Zoroaster, nova, brevis veritate de universo philosophia*, 1593), в к-ром содержатся космологич. взгляды, опирающиеся на платонизм эпохи Возрождения, с примесью пифагорейской числовой мистики и учения зороастризма. Е. отрицал конечность Вселенной, высказывал идеи о вращении Земли. Однако Е. не принял учение *Коперника*. Высказывал предположение о существовании жизни на др. планетах. Космич. материю Е. трактовал гилозоистически. В своих позднейших, менее значит. филос. работах Е. отчасти возвращается к традиц. богословской философии.

Соч.: De vita et morte illustris et generosi viri, Domini Tychonis Brahe..., Pragae, 1601.

Лит.: Král J., Jesenius filosof, «Česka mysl», Praha, 1923; Pick F., Joh. Jesenius de Magna Jessen, «Studien zur Geschichte der Medizin», 1926, H. 15; Horšký Z., Kosmologické názory Jana Jesenia, «Sborník pro dějiny přírodních věd a techniky», 1955, № 2.

ЕСТЕСТВЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ — классификация, в к-рой упорядочение понятий в классификационной схеме совершается на основе сходства или различия предметов в существенных признаках. Посредством Е. к. изучаемые объекты упорядочиваются с целью выявления и фиксации их закономерных связей и дальнейшего систематич. изучения. К Е. к. относятся, напр., периодич. система химич. элементов *Менделеева*, биологич. систематики растений и животных, базирующиеся на эволюц. теории, и др. См. *Классификация*.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО (лат. jus naturale, франц. droit naturel, нем. Naturrecht) — понятие, содержащееся в добурж. и бурж. философских и политич. учениях об идеальном правовом кодексе, к-рый якобы предписан самой природой и запечатлен в чело-веч. разуме. Для теорий, основанных на этом понятии, характерно противопоставление существующему правопорядку «гражданского закона» идеальному «естественного строя». Этот «естественный строй» мыслился либо априорно в виде логич. предпосылки, либо как «естественное состояние», некогда исторически предшествовавшее обществ. и гос. порядку, создаваемому людьми произвольно путем *общественного договора*. По словам Энгельса, «... мерилом, которым определяется что относится к естественному праву и что к нему не относится, служит абстрактнейшее выражение самого права — с п р а в е д л и в о с т ь ». На самом деле эта справедливость «... всегда представляет собою лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономич. отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны» (Маркс К. и Эн-

гельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 273). Поэтому идея Е. п. играла у различных идеологов либо прогрессивную, либо реакц. роль.

Идея Е. п. возникла еще в древности. Ранние доктрины Е. п. были идеологич. отражением процесса разложения родовых и общинных связей, развития рабовладельч. способа произ-ва, роста товарно-денежных отношений, закрепления частной собственности и процесса выделения личности как индивидуального товаровладельца. Понятие «естественности» в смысле определенных законов природы, норм, противоположных людским установлениям, встречается уже в др.-кит. философии. Так, в учении *даосизма*, объясняющего мир как результат действия естеств. законов, содержалось требование невмешательства «правителей» в «естественный» ход вещей и соблюдение естеств. закона дао. В учении *Мэн-цзы* было выражено требование нар. суверенитета, воплещего в последствии в арсенал доктрины Е. п. Идея Е. п. развивали мн. представители др.-греч. философии. Софисты подчеркивали произвольность и условность гос. законов. Под «естественным порядком» они понимали агрегат единиц, в к-ром каждый отстаивает свои эгоистич. интересы (*Протагор*); противопоставляли справедливое «по природе» справедливому «по закону». Они находили, что закон — тирани для людей, противоречаящий человеческой природе (*Горгий*). Нек-рые софисты (*Антифонт*) приходили к радикальным выводам о равенстве всех людей. С др. стороны, младшие софисты, отражавшие интересы рабовладельч. знати, под Е. п. понимали право сильного и выступали против демократии, как не соответствующей «природе». Софист Каллик с позиций Е. п. выступал с идеей «сильной личности», попирающей все установленные законы. Сократ под Е. п. понимал неписаные божеств. законы, составляющие нравств. основу права, действующего в гос-ве. В противоположность софистам, Аристотель считал гос-во не произвольным установлением, а «естественным» целым, к-рое как целое предшествует своим частям — людям — животным, — общественным по своей природе. Однако, по Аристотелю, природа людей может быть различной: одни люди от природы — рабы, другие — свободные (см. «Политика», I, 1; рус. пер., СПб, 1914). «Естественное право — то, которое везде имеет одинаковое значение и не зависит от признания или непризнания его» («Никомахова этика», V, 10; рус. пер., СПб, 1908). Это не мешает Аристотелю различать два вида справедливости: одну, учитывающую социальное положение каждого, а другую, основанную на всеобщем равенстве. У антич. философов встречается уже и деление истории человечества на естеств. и гражд. (обществ.) состояние (напр., у *Лукреция*, «О природе вещей», V, 958—1020; рус. пер., М., 1958). У Лукреция встречается, правда еще в неразвитом виде, идея договорного происхождения гос-ва, в чем он следует *Эпикуру* (там же, V, 1143—1160). Стоики выдвинули представление о вечных, неизменных нормах природы, к-рым должны в своем поведении следовать люди. В основе этих норм лежит разум природы; разумная природа человека сама вызывает его на содружество с др. людьми. Наиболее полно доктрина Е. п. как обоснование частной собственности и личной свободы ее владельцем была развита в древности *Цицероном* и рим. юристами Марцианом, Ульпианом и др. Они пытались вывести все положит. законодательство из природы, считали Е. п. идеальным правом, содержащимся в естеств. разуме, вечным и, в силу единства чело-веч. природы, одинаковым у всех народов, абсолютно справедливым. Цицерон считал верховным естеств. законом закон бога, к-рый тот «вдыхает» в чело-веч. разум. Требования верховного закона и составляют область Е. п. Согласование поступков с мироправи-

щим естеств. законом образует человек. добродетель — справедливость. Гл. требование Е. п. — «каждому свое», т. е. утверждение частной собственности. Если в период расцвета рим. республики гражд. право совпадало в представлениях рим. юристов с Е. п. и как таковое считалось общим для всех народов, если законы обществ. жизни рассматривались как естеств. законы, а частная собственность как прирожденное право индивида, то в дальнейшем нек-рые радикальные юристы (Трифоний и др.) говорят о рабстве, о найме, купле, господской власти как о противоречащих Е. п. и прирожденной человек. свободе установлениях.

В период феодализма идеологи католич. церкви используют нек-рые представления и терминологию естеств.-правовой доктрины для целей идеологич. оправдания крепостного строя и политич. притязаний церкви. Под Е. п. они понимали прежде всего соответствующие идеи Священного писания. Так, канонич. юрист Грациан определяет Е. п. как закон Моисея и Евангелия. *Фома Аквинский* видел основу Е. п. в божеств. законе, к-рый получает у него значение вечного и универсального закона Вселенной. С этой т. зр. он объявлял вечными и неизблемыми феод. иерархию, неравенство, подчинение «низших» «высшим». Он подчеркивал значение Е. п. как нормы, определяющей достоинство существующих установлений. Человек. законодательство имеет силу лишь постольку, поскольку оно согласуется с Е. п. Но если человек. закон не согласен с божеств. установлениями, то он не должен исполняться, т. к. богу следует повиноваться более, чем человеку. В гос. власти Фома Аквинский различал ее божеств. сущность и человек. средства осуществления. Эта доктрина, служившая основанием для притязаний папства на главенство над светской властью и для борьбы церкви против складывающихся нац. гос-в в Зап. Европе в период зарождения бурж. отношений, явилась реакционной интерпретацией естеств.-правовых представлений, т. к. апеллировала к сверхъестеств. началу и являлась теоретич. обоснованием изживавших себя феод. порядков. В 16 в. на эту доктрину ссылались иезуиты-монархомахи (тираноборцы), требовавшие свержения и даже убийства светского государя в случаях, когда его действия и декреты оказывались несогласными с требованиями рим. курии (*Суарес*, Беллармино и др.). В то же время тираноборцы. идеи с их ссылкой на Е. п. развиваются и противниками католич. церкви — представителями новой «буржуазной религии» — кальвинистами, обосновывающими протест против деспотизма королевской власти и в известной мере предвосхищающими позднейшую бурж. естеств.-правовую теорию (*Готман*, *Беза*, *Воззий* и др.). Предшественником бурж. теорий явился и английский юрист 15 в. *Фортеस्कью*, на к-рого ссылался К. Маркс (см. «Капитал», т. 1, 1955, с. 722). В трактате «О природе естественного права» (*Y. Fortescue, De Nature Legis Naturae*) он выступал в защиту сильной королевской власти против феодальной анархии, обосновывал концепцию договорного происхождения гос-ва и по существу наделял признаками Е. п. сложившееся за это время в Англии т. н. общее право.

Теория Е. п. получила новое социальное содержание и широкое распространение в 17 — нач. 19 вв., когда она выразила прогрессивные устремления буржуазии. Идеологи буржуазии считали, что истина, на к-рых должна основываться гос. и обществ. жизнь, следует искать не в божеств. откровении и не в действующем праве феод.-абсолютистских гос-в, а в разуме и опыте (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1, с. 111), в природе вещей и природе самого человека. Эту природу они понимали абстрактно как независимую от социальной структуры общества и от

устройства данного гос-ва. Требования буржуазии преподносились в качестве непреложных выводов из «вечных» естеств.-правовых принципов. Обращение к природе было связано с возросшим интересом к естествознанию. Механич. взгляд на мир был перенесен на человека и общество, к-рое рассматривалось как часть общего механизма Вселенной. За основание Е. п. брался отдельный индивид, рассматриваемый изолированно от др. людей. По словам Маркса, пророкам 18 в. индивидуум «...продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, потому что, согласно их воззрению на человеческую природу, соответствующий природе индивидуум представляется им не исторически возникшим, а данным самой природой» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 709—10). Понятие «человеческой природы» в доктрине Е. п. становится исходной точкой для политич. критики феод. строя. Люди объявлялись по природе равными и свободными, а неравенство, привилегии и все старые учреждения и порядки — противными природе и на этом основании подлежащими уничтожению. Выдвигая идею о естеств. правах человека, буржуазия поднимала знамя бурж.-демократич. свобод, к-рое помогло ей стать во главе обществ. сил, борющихся против феодализма, обосновывала право сопротивления угнетателю и идею нар. суверенитета. С др. стороны, осн. принципы Е. п., как они сформулированы у гл. представителей этой доктрины, выражали требования бурж. правопорядка: право собственности, право на безопасность (защита собственности), равенство перед законом (формально-юридич. равенство товаровладельцев). Эти принципы легли впоследствии в основу конституций бурж. гос-в, таких, как Декларация независимости США (1776) и Декларация прав человека и гражданина во Франции (1789). В последней (ст. 2) было провозглашено, что «целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека: свободы, собственности, безопасности и сопротивление угнетению» («Конституция и законодательные акты Французской Республики», М., 1958, с. 42). Собственность объявлялась особо неприкосновенным и священным правом (ст. 17) (см. там же, с. 44). В бурж. теории Е. п. от антич. теорий перешло представление о естеств. состоянии как дообщественном и догосударственном. Оно рисовалось либо как состояние всеобщего мира, равенства и благоденствия, либо как состояние войны всех против всех. Люди выходят из этого состояния под влиянием инстинкта самосохранения или благодаря способности к совершенствованию, развитию труда, возникновению семьи и собственности. Обществ. договор, заключаемый при этом, рисуется теоретиками Е. п. как общенар. соглашение равных, свободных и независимых людей относительно правовых норм и организации власти (гос-ва), к-рая призвана следить за исполнением этих норм. Если ранние бурж. теории Е. п. сочетались с признанием монархии как наилучшей формы правления, то последующие наиболее революц. теоретики Е. п. приходили к выводам демократич. и респ. характера.

Первой попыткой систематич. изложения теории Е. п. соответственно интересам буржуазии явилось учение голл. юриста *Гуго Гроция* («О праве войны и мира», 1625, рус. пер., 1957). Источником права он считал природу человека, диктующую стремление к мирному общению, организованному согласно требованиям разума. Из этого стремления вытекает ряд естеств. норм. Идеи Гроция в Голландии были развиты *Спинозой*, к-рый под Е. п. понимал «...законы

или правила, согласно с которыми все совершается...» («Политический трактат», в кн.: Избр. произв., т. 2, М., 1957, с. 291).

В Англии в 17 в. важнейшими представителями естеств.-правовой доктрины были *Гоббс* и *Локк*, к-рый сделал теорию Е. п. средством защиты конституц. монархии. Представители левого крыла теории Е. п. в Англии в 17 в. — *Мильтон*, *Сидней*, *Лилберн*, и наиболее радикальный из них *Уинстэнли* — делали выводы в пользу демократич. принципов, оправдывали низложение нарушившего прирожденные права народа монарха.

Учения о Е. п. в Германии в 17 в. имели ряд особенностей. У нем. теоретиков Е. п. (*Шуфендорф*, *Томазий*, *Лейбниц*, *Х. Вольф*), в силу экономич. и политич. отсталости страны, не встречается резко и смелого протеста против феод. порядков, а у нек-рых из них имеются даже попытки оправдать с помощью Е. п. княжеский абсолютизм и полицейский режим (*Вольф*).

В России идеи Е. п. появляются в нач. 18 в. в качестве идеол. обоснования реформ Петра I. Так, *Ф. Прокопович* сочетал богословские доводы в пользу абсолютизма с положениями школы Е. п. и признавал основой теоретич. построений о гос-ве и праве здравый, естеств. разум.

Радикальное крыло школы Е. п. образовали представители революц. франц. буржуазии 18 в., считавшие, что с воцарением бурж. общества «...впервые взошло солнце [наступило царство разума], и с этих пор суверен, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека» (Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, 1957, с. 17). Демократич. трактовку теории Е. п. давали Руссо, утопич. коммунисты 18 в. — *Мелле*, *Мабли*, *Морелли*, сделавшие из этой теории социалистич. выводы, а также практич. деятели франц. революции конца 18 в. — *Марат*, *Робеспьер* и др. Положения доктрины Е. п. встречаются и в социол. воззрениях франц. материалистов 18 в. — *Дидро*, *Гольбах* и *Гельвеция*, а также у амер. просветителей — *Франклина*, *Джефферсона*, *Пейна*.

Широкое распространение идеи Е. п. нашли в передовой мысли России конца 18 — нач. 19 вв.: у *Десницкого*, *Радищева*, *Кулишина*, *декабристов* и др. В своем учении о Е. п. Радищев развивал революц. идеи, идею нар. суверенитета, его неделимости и неотчуждаемости. Осуществление прирожденных прав человека он ожидал от крест. революции (ода «Вольность», «Путешествие из Петербурга в Москву»).

В нач. 19 в. с утверждением бурж. порядков в Зап. Европе теория Е. п. постепенно утрачивает свое науч. и политич. значение. Это можно заметить уже в нем. классич. философии. Так, хотя *Кант* и воспринял ряд прогрессивных идей учения о Е. п. (тезисы о прирожденной свободе человека, неотчуждаемом суверенитете народа и др.), он идеалистически находил объективные устои Е. п. в требованиях практич. разума, а обществ. договор понимал как некую неизменную идею, определяющую собой идеальный гос. строй, заменив при этом понятие «всеобщей воли» понятием воли априорной. *Гегель* со своей идеалистической, но диалектич. позиции подверг критике теорию Е. п. за антиисторизм и за то, что она исходным пунктом понимания общества брала индивид, тогда как целое (гос-во), по Гегелю, существует раньше частей (индивидуальных интересов), как высший нравств. идеал (см. «Философия права») и «Лекции по философии истории»). На место понятия Е. п. Гегель ставил абс. нравственность как объективное бытие целого. В идеалистически извращенной форме Гегель высказал правильную мысль о том, что определяющим началом является общество, а не отдельный человек.

С приходом к власти буржуазии уже не нуждалась в учении о Е. п. Оно было отвергнуто нем. историч. школой права (*Савиньи*, *Гуго*), а также подверглось решит. критике со стороны утилитаристов (*Бентам*) и позитивистов (*Коит*, *Спенсер*).

В эпоху империализма реакц. буржуазия в поисках идеол. оружия против пролетариата иногда вновь обращается к идее Е. п. Неокантианцы (*Штаммлер*, *Коген*), рассматривая Е. п. как масштаб для мелких, постепенных и частичных реформ в системе действующего права, идеологически оправдывали реформизм и оппортунизм. В защиту идеи Е. п. в 19 — нач. 20 вв. в России выступили идеологи реакц. либерализма, идеалисты П. Новгородцев («Историческая школа юристов», 1896), Е. Трубецкой, В. Гессен («Возрождение естественного права», 1902).

Близкое к неокантианству учение о Е. п. развивает итал. теоретик Дель Веккьо («Лекции по философии права» — G. Vecchio, *Lezioni di filosofia del diritto*, 1953), считающий Е. п. абс. критерием справедливости, покоящимся на «природе вещей». Его рассуждения, как и рассуждения др. совр. бурж. теоретиков-либералов, лишены историч. подхода к правовым институтам. Он выдвигал реформистскую программу постепенных изменений существующего бурж. права без его коренной ломки, с сохранением его основы — частной капиталистич. собственности. С защитой «подвижного права естественного права» выступает зап.-герм. юрист Хельмут Коинг («Основные принципы философии права» — H. Coing, *Grundzüge der Rechtsphilosophie*, 1950). Он делает понятия Е. п. весьма произвольным критерием оценки действующего права, пригодным для оправдания произвола и беззакония.

Наиболее реакционной, возрождающей ср.-век. представления, является теория Е. п. в совр. социальной доктрине католицизма (*Ж. Дабен*, *Ле Бафф* и *Хейс*, *Ж. Маритен* и др.), согласно к-рой существующий обществ. и политич. строй покоится на «естественном законе», задуманном и осуществленном богом и соответствующем одновременно и воле создателя, и «человеческой природе». Среди осн. черт католич. теории Е. п. гл. место отводится частной собственности и классовому неравенству, а социалистич. теория общественной собственности объявляется противоречащей «естественному праву индивидуума...», как это делается, напр., в энциклике папы Льва XIII (см. *Ж. Канапа*, Социальная доктрина католической церкви на службе у капитализма, в журн.: «Проблемы мира и социализма», 1960, № 3, с. 40). Прибегая к социальной демагогии, церковь критикует с позиций Е. п. «злоупотребления» капитализма, сокрушаясь, напр., по поводу безработицы, но тут же требует, чтобы «рабочие трудом своим и в поте лица своего смогли добиваться жизненного минимума» и заявляет, что «тот, кто смеет отрицать необходимость в положении общественных классов, восстает против порядков самой природы» (там же, с. 42, 43). Католицизм использует доктрину Е. п. для борьбы против движения народов к демократии и социализму, для призыва к капитуляции пролетариата перед буржуазией. Отчетливо выраженные реакц. черты Е. п. приобрело после второй мировой войны не только в своем католическом, но и в светском варианте в качестве идеол. оружия против движения нар. масс за свободу. Так, автор книги «Философия в век масс» Дж. Грант (*G. Grant, Philosophy in the mass age*, 1960) пытается на основе доктрины Е. п. разработать «категорический моральный закон», к-рый бы преодолел совр. кризис капиталистич. общества. Доктрина Е. п. здесь — оружие борьбы с марксизмом. Грант считает, что народы не должны рассматривать себя как «творцов истории», «творцов собственной жизни». «В природе существует порядок, который может открыть человеческий

разум и в соответствии с которым должна действовать человеческая воля... Мы не творим этого порядка, но сами сотворены, чтобы жить в соответствии с ним» (там же, с. 41). В то же время использование идей Е. п. встречается в трудах прогрессивных деятелей, борющихся против антидемократич. законов и мер империалистич. гос-в (напр., у Дж. *Соммервилла* в статье «Некоторые вопросы понятия революции в развитии американской философии» и «Закон, логика и революция. Судебные решения по закону Смита», в кн.: Избранное, М., 1960, с. 108—09, 129 и др.).

Марксизм-ленинизм рассматривает теорию Е. п. в ее историч. и классовом значении. Он подвергает критике метафизич. и идеалистич. характер этого учения. В то же время он признает прогрессивное значение принципов Е. п. в период, когда буржуазия шла к власти и боролась с феодализмом и его идеологией, и исторически прогрессивный характер тех принципов, которые легли в основу бурж. демократии. Вместе с тем марксизм исходит из того, что подлинные права человека как трудящегося, как производителя и творца материальных благ, подлинное равенство и братство, могут быть осуществлены и гарантированы только в обществе, в к-ром существует обществ. собственность на орудия и средства производства, т. е. в условиях коммунистич. формации. Практически они уже имеют место благодаря наличию мировой социалистич. системы. Об основах марксистско-ленинской теории права см. ст. *Право*.

Лит.: Маркс К., Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung», Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; е го же, К критике политической экономии, там же, т. 13; Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, там же, т. 2; их же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Энгельс Ф., К жилищному вопросу, Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 1, М., 1952; е го же, Юридический социализм, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 16, ч. 1, М., 1937; Ч и е р и н В., История политических учений, ч. 1—4, М., 1869—77; е го же, Политические мыслители древнего и нового мира, вып. 1—2, М., 1897; Я р о ш К. Н., История идеи естественного права, СПб., 1881; Т у м а н о в В. А., Критика современной буржуазной теории права, М., 1957; Д е б о р и н А. М., Социально-политические учения нового времени, М., 1958; К е ч е к ъ я н С. Ф., К вопросу о сущности современных буржуазных учений о естественном праве, «Вестн. МГУ. Сер. экономика, философия, права», 1958, № 4; История политических учений, под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. П. Фелькина, 2 изд., М., 1960; S t a h l F. J., Die Philosophie des Rechts, Bd 1 — Geschichte der Rechtsphilosophie, 3 Aufl., Hdb., 1856; A h r e n s H., Naturrecht oder Philosophie des Rechts und des Staats, Bd 1—2, W., 1870—71; B e r g b o h n K., Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, Bd 1, Lpz., 1892; B r y c e J., Studies in history and jurisprudence, v. 2, Oxf., 1901; J h e r i n g R., Der Zweck im Recht, Bd 1—2, Lpz., 1923; в рус. пер. — Цель в праве, т. 1, СПб., 1881; S t a m m l e r R., Rechts- und Staatstheorien der Neuzeit, B., 1925; C h a r m o n t J., La renaissance du droit naturel, 2 éd., P., 1927; H e i n e s C. H. G., Revival of natural law concepts, Camb., 1930; S a u t e r J., Die philosophischen Grundlagen des Naturrechts, W., 1932; D a b i n J., Théorie générale du droit, Brux., 1944; L e B u f f e F. P. and H a y e s J. V., American philosophy of law, N. Y., 1947; M e s s n e r J., Das Naturrecht, Innsbruck, [1950]; S t r a u s s L., Natural right and history, Chi., 1952; M a r i t a i n J., L'homme et l'état, P., 1953; F l i s k i g e r F., Geschichte des Naturrechtes, Bd 1, Z., 1954; B o r u c k a - A r c t o w a M., Prawo natury jako ideologia antyfeudalna, Warsz., 1957.

Е. Вейцман. Москва.

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — «... стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием» (Л е н и н В. И., Соч., т. 14, с. 331). Е.-и. м. является «стихийно-материалистической теорией познания», лежащей в основе практич. науч. деятельности естествоиспытателей (см. там же, с. 18, 33, 39, 63, 243, 301, 304, 337 и др.). Общими принципами Е.-и. м., специфично проявляющимися в каждой науке, являются: убежденность естествоиспытателя в объективности природы и законов ее развития, признание соответствия природы и законов ее развития и

реальными свойствами объекта исследования. В рамках специального науч. исследования этими стихийно-материалистич. принципами руководствуются даже ученые-идеалисты, и только благодаря этому и вопреки идеализму они способны быть участниками прогресса человек. знания. Закономерный прогресс естествознания как процесс развития науч. знаний о природе обуславливает «... неискоренимость естественно-исторического материализма...» (там же, с. 335). Е.-и. м. неразрывно связан с филос. материализмом.

На основе Е.-и. м. совершается процесс проникновения стихийной диалектики в естествознание. Об этом свидетельствует, напр., разработка естествоиспытателями 19 в. сравнительно-историч. метода исследования, применение к-рого в значит. мере обусловило крупнейшие науч. открытия. Вместе с тем совр. наука все яснее обнаруживает ограниченность Е.-и. м., его недостаточность для бескризисного развития естествознания, для борьбы с идеализмом. Несмотря на неразрывную связь с филос. материализмом, Е.-и. м. остается тем не менее философски не оформленным, «... недодуманным до конца материализмом» (там же, с. 277). Стихийность Е.-и. м., т. е. отсутствие филос. обобщенности и последовательности, заключается в том, что убеждение ученого в объективности природы не доводится до ясно выраженного и последоват. материалистич. решения осн. вопроса философии, до понимания непримиримости материализма всем и всяческим формам идеализма. Выраженный в характерных для данной области исследования представлениях и понятиях, Е.-и. м. обеспечивает сохранение естествоиспытателями материалистич. позиции в пределах материальной теории. Однако эта же непосредств. связь Е.-и. м. с естеств.-науч. материалом оказывается причиной его слабости как методологии, основы при переходе к более широкому обобщению при выходе за пределы специальной теории. Филос. неоформленность материалистич. мировоззрения создает нечеткую, а подчас и просто не критич. оценку естествоиспытателями различных филос. концепций, без привлечения к-рых они не могут обойтись в теоретич. мышлении. В работе «Диалектика природы» (особенно в статье «Естествознание в мире духов») Энгельс убедительно показал, что отказ естествоиспытателей от сознат. изучения и использования науч. материалистич. философии неминуемо ведет их к тому, что они становятся «... рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» (указ. соч., 1955, с. 165). Совр. идеалистич. толкования достижений квантовой механики, идеалистич. направления неodarвинизма, фиализма и ортогенеза в биологии, антинауч. представления о конечности Вселенной в астрономии и т.д. — все это подтверждает правоту ленинских слов о том, что «... без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествовик должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» (Л е н и н В. И., Соч., т. 33, с. 207).

Переход от Е.-и. м. к диалектич. материализму тормозится социальной атмосферой бурж. общества, воспытающей естествоиспытателей в духе прямой вражды к марксистской философии. Подавляющее большинство естествоиспытателей капиталистич. стран не имеет понятия об историч. материализме, без к-рого не может быть цельного материализма. Отягощенные балластом идеалистич. понимания обществ.

процессов, естеств.-историч. материалисты неизбежно непоследовательны, неустойчивы в своем материалистич. мировоззрении. Тем не менее объективная необходимость перерастания Е.-и. м. в диалектич. материализм пробивает себе дорогу. На позиции сознат. филос. материализма переходят мн. видные ученые. Преобразование Е.-и. м. в диалектич. материализм имеет огромное значение для развития естествознания, и об этом свидетельствуют науч. достижения ученых СССР и др. стран социализма, основанные на прочном фундаменте методологии диалектич. материализма (см. *Материализм, Наука*).

Лит.: Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Мечников И. И., Сорок лет искания рационального мировоззрения, М., 1925; Тимирязев К. А., Насущные задачи совр. естествознания, Соч., т. 5, М., 1938; е го же, Наука. Очерк развития естествознания за 3 века (1620—1920), там же, т. 8, М., 1939; е го же, Наука и демократия, там же, т. 9, М., 1939; Карпинская Р. С., Ленин о естественно-историч. материализме, в сб.: В. И. Ленин и некоторые вопросы познания, Горький, 1959; Геккель Э., Мировые загадки, пер. с нем., М., 1937; Ланжевен П., Избр. произв. Статьи и речи по общим вопросам науки, пер. с франц., М., 1949; Бернал Д., Наука в истории общества, пер. с англ., М., 1956. Р. Гартманская. Москва.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР — главный фактор историч. развития органич. мира; состоит в том, что из нарождающихся особей выживают и, самое главное, производят потомство лишь те, к-рые обладают хотя бы малозаметным, но все же существенным преимуществом перед другими особями — более совершенной приспособленностью к условиям жизни. Открытие Е. о. как гл. закономерности биологич. развития является важнейшей заслугой *Дарвина* и составляет ядро *дарвинизма*. Важнейшими предпосылками Е. о. являются *изменчивость* и *борьба за существование* между особями как внутри данного вида, так и между особями, принадлежащими к разным видам. В результате действия этих факторов до взрослого состояния доживают и, следовательно, дают потомство не все особи. Победителями в борьбе за существование оказываются особи, лучше других приспособленные к данным условиям и поэтому с большим успехом противостоящие врагам и конкурентам и неблагоприятным условиям природы. Они интенсивнее размножаются, оставляют больше потомства, нежели менее приспособленные. Наконец, необходимым условием успеха Е. о. является наследование новых полезных признаков организации живых существ (см. *Наследственность*). Постепенное накопление и усиление этих признаков у последующих поколений и исчезновение промежуточных форм (поскольку борьба за существование тем острее, чем ближе организмы меж собой, т. к. у них сходные потребности в средствах существования) ведут ко все большему возрастанию различий между организмами, к расхождению признаков — т. н. дивергенции. В результате возникают новые формы организмов: сначала экотипы, разновидности, подвиды, а затем и виды. Т. о., *виды и видообразование* происходят в силу Е. о. наиболее приспособленных и Е. о. в целом ведет к совершенствованию форм, к усилению их жизнеспособности. Появление же новых форм, лучше приспособленных к данным условиям существования и особенно более совершенных организованных, таит в себе зародыш гибели форм, живущих в тех же условиях, но уступающих новым формам в отношении приспособленности к данным условиям среды или по высоте организации. Е. о., как осн. закон эволюции видов, характеризуется, т. о., качеств. своеобразной зависимостью индивид. изменчивости и общего эволюц. развития. Индивид. различия, сами по себе причиной обусловленные процессами жизнедеятельности отдельных организмов, в отношении эволюц. процесса выступают как случайные. Е. о. обнаруживает их необходимость тем, что проверяет их приспособит. значение. Тем

самым Е. о. есть закономерность, в к-рой диалектика необходимости и случайности проявляется как специфич. содержание биологич. эволюции. Энгельс специально подчеркивает эту диалектич. основу дарвиновской теории Е. о.: «Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из самой широкой, покоящейся на случайности, фактической основы. Именно бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов... заставляют его подвергнуть сомнению... понятие вида в его прежней метафизической окостенелости и неизменности... Случайность опрокидывает существовавшее до сих пор понимание «необходимости» («Диалектика природы», 1955, с. 174—75). Е. о. усредняет многообразие случайных вариаций, создавая в конечном счете формы, наиболее приспособленные к данным условиям. Немеханич. характер биологич. причинности наглядно виден из таких случаев приспособления, в к-рых выработанные в ходе Е. о. признаки являются полезными для вида, хотя они и вредны для индивид. Напр., жало пчелы устроено так, что при его использовании насекомое погибает. Однако способность жалить полезна для сохранения вида. Специфич. характер биологич. причинности определяет объективное содержание понятия биологич. *целесообразности*, к-рая является естественным результатом Е. о. Тем самым теория Е. о. начисто опровергает *телеологию*. Эта теория по существу построена на признании роли противоречия случайной индивидуальной изменчивости и общебиологич. видового приспособления как движущего начала видообразования. Эти противоречия разрешаются победой и б. или м. быстрым распространением новых форм и вытеснением старых. Этот процесс протекает иногда настолько быстро и бурно, что можно говорить о переворотах в истории данной группы. Разрешение противоречий приводит к созданию новых, более совершенных приспособлений, и, т. о., в результате действия Е. о. организация живых существ приобретает черты относит. целесообразности, оказывается слаженной в строении и отправлениях, приспособленной к изменяющимся условиям жизни. Возникновение путем Е. о. приспособлений, целесообразных не только в том биотопе, к-рый занимают популяции вида в наст. время, но и за его пределами, т. е. приспособлений широкого значения, открывающих возможность захвата потомками данного вида новой экологич. зоны, ведет к эволюц. прогрессу. Приобретение же таких приспособлений, к-рые ценны и полезны гл. обр. в рамках определенных конкретных условий существования, не открывает перспектив выхода за пределы данной экологич. области. Такие приспособления, особенно если они связаны со строго определенными условиями существования, ведут к специализации живых существ. Однако не следует резко противопоставлять специализацию прогрессу. Факты из истории органич. мира свидетельствуют о наличии известного рода «взаимопроникновения» прогресса и специализации. Эти факты показывают также, что прогресс в смысле общего повышения организации не есть гармонич. развитие всех систем функций и органов. Он связан с утратой нек-рых признаков, нужных и полезных в определенных условиях существования, а следовательно, и с нек-рым регрессом. Т. о., теория Е. о. диалектически рассматривает регресс как момент, форму биологич. прогресса. Творческая, создающая новые формы, роль Е. о. особенно четко видна из наблюдений, напр., над растением погремком. На естеств. угодьях у погремка самораскрывающаяся коробочка и разносимые ветром крылатые семена. В посевах ржи растет форма погремка с нераскрывающейся коробочкой и бескрылыми семенами, что мешает устраниению погремка из посевов (коробочка обмолачивается

вместе с рожью, семена же не уносятся ветром при провеивании). Оказалось, что в коробочках погремка у семян степень развития крыльев весьма различна (от нормальных крыльев до полной бескрылости). Е. о. действовал в направлении устранения крылатых форм (они уносились ветром при провеивании), что, в конце концов, привело к образованию бескрылой формы погремка в культурных посевах. Значение Е. о. как творч. силы видообразования решительно опровергает толкование его как фактора, действие которого ограничивается лишь элиминацией форм, недостаточно приспособленных к данным экологич. условиям.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; Дарвин Ч., Происхождение видов путем естественного отбора, Соч., т. 3, М.—Л., 1939; ег о же, Изменения домашних животных и культурных растений, там же, т. 4, М.—Л., 1951; Лысенко Т. Д., Естественный отбор и внутривидовая конкуренция, Минск, 1951; Тимирязев К. А., Избр. соч., т. 2, М., 1957; Габуния И. К., К вопросу о прогрессивном развитии в филогенезе млекопитающих, в сб.: Тр. сектора палеобиологии АН Груз. ССР, т. 12, Тб., 1954; Голневич П. Н., Перенаселение и борьба за существование, «Вопр. философии», 1956, № 4; Давиташвили Л. Ш., Очерки по истории учения об эволюц. прогрессе, М., 1956; Гилиров М. С., Проблемы соврем. экологии и теории естеств. отбора, «Усп. совр. биол.», 1959, т. 48, вып. 3(6) (им. библиогр.); Уоллэс А. Р., Естественный отбор, СПб., 1878; Шмидт Г. А., Естеств. отбор как общий и неспецифич. фактор эволюционного прогресса, «Изв. АН СССР. Сер. биол.», 1959, № 6 (им. библиогр.); Фролов И. Т., О причинности и целесообразности в живой природе, М., 1961; Plate L., Selectionsprinzip und Probleme der Artbildung. Ein Handbuch des Darwinismus, 3 Aufl., Lpz., 1908; L'Héritier Ph., Génétique et évolution, P., 1934; D'Ancona U., The struggle for existence, Leiden, 1954; Fisher R. A., The genetical theory of natural selection, N. Y., [1958]. Л. Табутия. Тбилиси.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — совокупность наук о природе. См. *Наука, Природа*.

«ЕЩЕ ОДНО УНИЧТОЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА» — статья В. И. Ленина, посвященная критике книги П. Струве «Хозяйство и цена» (М., 1913), в к-рой известный веходец делал попытку опрокинуть экономич. теорию марксизма. Впервые напечатана в 1914 в журн. «Современный мир» (№ 3). Особое внимание в статье уделялось рассмотрению приемов бурж. фальсификации теории науч. социализма.

В первом десятилетии 20 в. Россия окончательно превратилась в капиталистич. страну, что изменило отношение либерально-народнич. «профессорской» науки к марксизму: из «сочувственного» по видимости оно стало открыто враждебным. Бурж. ученые решили «всерьез уничтожить Маркса». На примере книги Струве Ленин раскрыл нек-рые типичные черты бурж. «критики» марксизма.

Струве, отмечал Ленин, вынужден признать «цельное материалистическое миросозерцание Маркса», но вместе с тем он отказывается от сколько-нибудь серьезного его рассмотрения, пытается найти в нем несуществующие противоречия. Уверения вместо доказательств, «груда надерганных несвязных цитат», фельетонный язык — таков обычный арсенал «критиков» марксистской теории. Почет, к-рым капиталистич. общество окружает «... героев подобного шутовства, — писал Ленин, — ... показывает в сотый и тысячный раз „закон“ буржуазной эпохи: тем больше чести, чем наглее и бесстыднее издательство над наукой ради уничтожения Маркса» (Соч., т. 20, с. 175).

Ленин разоблачил такой характерный прием бурж. «критиков», как сравнение и сближение марксизма с явно ненауч. теориями прошлого (Струве, напр., сравнивал «логическую структуру» марксистской трактовки закона стоимости с «учением» Фомы Аквинского о первородном грехе). Не отрицая познават. значения аналогий, отмечая, напр., что «... в борьбе средневековых номиналистов и реалистов есть аналогии с борьбой материалистов и идеалистов...» (там же, с. 173), Ленин возражал против подмены аналогиями исторически-конкретного анализа преемственности в развитии науки.

В связи с критикой книги Струве Ленин останавливается на вопросе об объективном характере законов обществ. развития, выступает против попыток Струве подменить их основанными на абстрактном «долженствовании» законами кантовской-этики. На примере категорий цены и стоимости Ленин показывает, как тысячелетняя практика толкала человечество к необходимости понять и точнее выразить «законосообразность в явлении обмена», осознать различие «между единичным... и постоянным, между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени», подняться в процессе развития знания «... от случайного и единичного к устойчивому и массовому...» (там же, с. 182). При этом Ленин указывает на плодотворное влияние естествознания на науки об обществе; он пишет: «Могущественный ток к обществуведению от естествознания шел, как известно, не только в эпоху Пегги, но и в эпоху Маркса. Этот ток не менее, если не более могущественный остался и для XX века» (там же, с. 176).

Ленин отметил реакц. характер бурж. философии 20 в.; обвиняя как последоват. идеализм, так и последоват. материализм в метафизике, эта философия провозглашает своим лозунгом эмпиризм и скептицизм. Подчеркивая, что скептицизм свойствен «всем приходящим в упадок классам», Ленин дает характеристику истоков буржуазного скептицизма: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких „законов“ исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве» (там же, с. 179). Раскрывая реакц. сущность бурж. обществоведения, Ленин подчеркивает, что «изгнание законов из науки есть на деле лишь протаскивание законов религии» (там же, с. 182).

В статье «Еще одно уничтожение социализма» Ленин характеризует также отд. моменты истории обществ. наук вообще, истории философии — в частности. Он пишет, напр., о понимании в средние века всякого науч. закона «... в религиозном и этическом значении» (там же, с. 172); о прогрессе в понимании классовой структуры общества; о развитии диалектики, историзма в учениях бурж. философов и историков начала 19 века и т. п. В статье неоднократно указываются идейные предшественники марксизма, представляющего собой «... высшее развитие всей исторической и экономической и философской науки Европы» (там же, с. 184). Н. Колюков. Москва.

«ЕЩЕ РАЗ О ПРОФСОЮЗАХ, О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ОБ ОШИБКАХ ТРОЦКОГО И БУХАРИНА» — произведение В. И. Ленина, написанное в связи с дискуссией о профсоюзах накануне X съезда РКП; посвящено разоблачению фракц. политич. линии Троцкого, направленной на подрыв *диктатуры пролетариата* в период построения бесклассового общества, а также критике попыток Бухарина «примирить» троцкизм с марксизмом. В брошюре получили конкретизацию и развитие осн. принципы марксистской материалистич. диалектики. Работа над брошюрой закончена 25 янв. 1921.

Выступая против извращения марксистского решения вопроса о взаимоотношении экономики и политики, Ленин не только указывал на политич. ошибочность отстаиваемых фракционером положений, но и вскрывал методологические, теоретические основы их позиции. «... Нельзя вполне яснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, — указывал Ленин, — если не допастся теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»

(Соч., т. 32, с. 69). Анализ Лениным методологии подхода к сложным обществ. явлениям, определение им сущности диалектик. логики делает работу «Еще раз о профсоюзах...» чрезвычайно ценной и важной в филос. отношении.

Критикуя концепцию Троцкого (к-рый придавал самодовлеющее значение росту производства, отрицая тем самым необходимость правильной политич. линии в экономич. строительстве), Ленин писал, что пролетариат «без правильного политического подхода к делу... не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи» (там же, с. 62—63). «Политика есть конкретизированное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма» (там же, с. 62). Необходимо, прежде всего, правильная политич. линия: развитие произ-ва должно укреплять Сов. власть, диктатуру пролетариата. Для привлечения же масс к делу строительства социализма необходимы не абстрактные и путаные построения (вроде троцкистской идеи «огосударствления» профсоюзов), а разработка конкретных мероприятий (натурпремии и т. д.), развивающих активность масс. Ленин подчеркивал, что суть разногласий с Троцким заключается именно в расхождении по вопросу об отношении к массам. Осуществление авантюристич. идей Троцкого привело бы к разрыву партии с массами.

Ленин также отбросил как эклектическую проповедь Бухарина о «соединении» и политического, и хозяйственного подходов, показав, что такая постановка вопроса есть попытка затушевать действительное соотношение политики и экономики. «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны» — вот теоретическая позиция Бухарина, — писал Ленин. — Это и есть эклектицизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого» (там же, с. 69). Осн. теоретич. ошибка Бухарина, повторяет Ленин, — «...подмен диалектики марксизма эклектицизмом (особенно распространенным у авторов разных „модных“ и реакционных философских систем)» (там же, с. 71, см. также с. 78).

Логике формальной, схоластической, являвшейся методологич. основой эклектики Бухарина, Ленин противопоставил логику диалектическую, марксистскую. На популярном примере с определением стакана Ленин показал различие этих двух логик.

Каждый предмет выступает всегда в двух аспектах: как бесконечное число различных «... свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и „опосредствований“ со всем остальным миром...» (там же, с. 71) и как предмет, выступающий для нужд практики то одной, то другой своей стороной; в последнем случае стороны, качества предмета, не нужные для практики в данный момент, отходят на задний план, не бросаются в глаза. «Логика формальная... берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим» (там же, с. 72). Ленин, т. о., не отрицает значения формальной логики в познании: она, по его мнению, фиксирует то, что лежит на поверхности явлений, те стороны, к-рые наиболее непосредственно выступают для человека. Ленин говорит о необходимости преподавания формальной логики — с поправками — в низших классах школы.

Однако такая логика не дает знания предмета самого по себе, закона его существования и развития,

богатства его связей. Даже если при формально-логич. подходе «...берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно..., то мы получим эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только» (там же). В качестве примера такого эклектич. определения может служить следующее: стакан — и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья.

Логика диалектическая идет дальше формальной логики. Она, во-первых, требует всестороннего изучения предмета. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предохраняет нас от ошибок и омертвления... Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижении“ (как говорит иногда Гегель), изменении» (там же). Употребление здесь Лениным гегелевского термина проливает свет на понимание им развития, движения, а именно: выяснение законов внутр. развития предмета, а не простое установление, сравнение и описание разных стадий процесса. «По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром. В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что „абстрактной истины нет, истина всегда конкретна“, как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов» (там же, с. 72—73). Перечислив эти 4 момента, Ленин отмечает, что он «...не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого» (там же, с. 73).

Эти положения, раскрывающие сущность диалектик. логики, — «...квинтэссенция того, к чему пришел Ленин в результате долгих лет работы над вопросами философии...» (Крупская Н. К., О Ленине, 1960, с. 318). Они являются отправным пунктом при разработке проблем методологии науч. познания совр. философами-марксистами.

В работе «Еще раз о профсоюзах...» содержатся и др. важнейшие указания Ленина: о методах политич. руководства и борьбе с бюрократизмом (см. Соч., т. 32, с. 58—59); о связи политич. надстройки с производств. отношениями (см. там же, с. 60); о взаимоотношении формального демократизма и революц. целесообразности (см. там же, с. 65); о форме постановки вопроса при изучении развивающегося явления (см. там же, с. 68); о значении филос. работ Плеханова (см. там же, с. 73) и др.

Всесторонне рассматривая вопрос о месте профсоюзов в системе диктатуры пролетариата и их роли в социалистич. строительстве, Ленин охарактеризовал профессиональные союзы как «школу коммунизма, школу хозяйничанья». Ленин подчеркивал, что в основе деятельности профсоюзов, являющихся одним из «приводных ремней» от партии к массам, должен лежать метод убеждения. Осн. задача профсоюзов — привлечение широких масс трудящихся к сознат. историч. творчеству, что является необходимым условием построения социализма и коммунизма (см. там же, с. 70—76). Эти указания Ленина стали программой работы сов. профсоюзов.

Лит.: Владимир Ильич Ленин. Биография, М., 1960, с. 487—90; Алексеев Г. П., Иванов Е. А., Теоретические основы ленинского учения о советских профсоюзах, «Вопр. философии», 1961, № 4. А. Володин. Москва.

Ж

ЖАН ПОЛЬ (Jean Paul) (1763—1825) — псевдоним И. П. Ф. *Рихтера*, нем. писателя, представителя философии и эстетики нем. романтизма.

ЖАНЕ (Janet), Поль (30 апр. 1823—4 окт. 1899) — франц. философ-эклектик, идеолог реакц. буржуазии, враг материализма и социализма. Проф. в Страсбурге и Сорбонне. Ученик *Кюжена*, Ж. испытал также сильное влияние *Мен де Бирана*. Ж. рассматривал эклектизм как науч. метод, позволяющий выдти из различных филос. учений истинные положения, причем критерием истинности, по Ж., является принятие этих положений всеми филос. школами. Эклектизм его имел резко выраженный идеалистич. характер. Ж. утверждал существование бога, бессмертия души, свободу воли, защищал учение о конечных причинах, утверждая, что природа стремится к максимальной реализации абсолюта, достигаемой через моральность. «Мораль,— писал Ж.,—это одновременно завершение и последнее доказательство закона финальности» («Les causes finales», P., 1876, p. 747). Ж. активно боролся против материализма. В полемике с нем. *вульгарным материализмом* 2-й пол. 19 в. он отвергал как несостоятельное понятие материи (см. «Современный материализм», М., 1867, с. 75). Автор школьного учебника по философии («Traité élémentaire de philosophie», 1880), Ж. пытался дать свою классификацию наук. Предметом философии, согласно Ж., являются человек, дух и бог; философия духа делится на психологию, логику, мораль и эстетику. Философия для Ж. — это «наука наук». Он выступал также против франц. *позитивизма*.

Защитил неизбежность частной собственности, Ж. подверг критике социалистич. теории, прежде всего утопич. социализм (см. «Les origines du socialisme contemporain», P., 1883, p. V), и возлагал большие надежды на успехи бурж. прогресса.

С о ч.: Essai sur la dialectique dans Platon et dans Hégel, P., 1866; La crise philosophique, P., 1865; Les problèmes du XIX siècle, 2 éd., P., 1873; Philosophie de la révolution française, P., 1875; Saint-Simon et le saint-simonisme, P., 1878; La philosophie française contemporaine, P., 1879; Les maîtres de la pensée moderne, P., 1883; La morale, 2 éd., P., 1887; Eléments de philosophie scientifique et de philosophie morale, P., 1890; Principes de métaphysique et de psychologie, v. 1—2, P., 1897; Histoire de la philosophie, 3 éd., P., 1899 (совм. с G. Seailles); в рус. пер.— Мозг и мысль, СПб., 1868; История государственной науки в связи с нравственной философией, кн. 1—2 изд., СПб., 1878.

Лит.: Bergson H., Principes de métaphysique et de psychologie, «Rev. philos. de la France et de l'étranger», 1897, t. 44, prt. 21, p. 525—51; Picot G., Notice historique de Paul Janet, «Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques», 1903, nouv. sér., t. 59; Vennubi I., Les sources et les courants de la philosophie contemporaine en France, t. 1—2, P., 1933. В. Гуденцов, Москва.

ЖАНЕ (Janet), Пьер (30 мая 1859—24 февр. 1947) — франц. психолог и психиатр, руководитель психологич. лаборатории психиатрич. больницы Сальпетриер (Париж), с 1902 — руководитель кафедры психологии Коллеж де Франс. Совместно с Г. Дюма основал «Journal de psychologie normale et pathologique» (1904). По своим методологич. позициям Ж. —

позитивист. Согласно Ж., психика есть единство психич. функций личности, к-рые образуют иерархич. ряд, усложняясь от элементарных форм ощущений, через восприятие, эмоции, память, дискурсивное мышление до синтетич. «схватывания реальности во всех ее формах» («Неврозы», М., 1911, с. 289). Каждая функция, как и единство их, есть продукт филогенетич. и индивид. эволюции и заключает в себе преемственные уровни развития. Действие психич. функций связано с «психич. напряжением», сила к-рого пропорциональна высоте функции. В основе их лежит психич. энергия, природу к-рой Ж. не исследует, но к-рую, по его мнению, можно изучать и измерять по ее проявлениям. Осн. вклад Ж. в психиатрию — разработка психогенной теории неврозов — истерии и психастении; последнюю он впервые выделил в качестве самостоят. клинич. формы. Хотя трактовка Ж. проблемы неврозов представляется с совр. т. зр. несколько расширительной, его заслугой являются классически точные характеристики ряда клинич. симптомов истерии и психастении. Именно тщательность наблюдения фактов и гуманизм Ж. высоко оценивал И. П. Павлов, к-рый в то же время справедливо отверг идеалистич. понимание Ж. природы психики. Ж. ограничивал задачу психологии установлением взаимосвязи психич. феноменов. Психологич. концепция Ж. пользуется значит. влиянием в западной, особенно французской, психологии.

С о ч.: État mental des hystériques, [v.] 1—2, P., 1893—1894; Les obsessions et la psychasthénie, v. 1—2, P., 1903 (совм. с F. Raymond); Philosophie, questions complémentaires, P., 1925; L'évolution de la mémoire et de la notion du temps, [v.] 1—3, P., [1928]; L'évolution psychologique et la personnalité, P., 1929; La force et la faiblesse psychologiques, P., 1932; Les débuts de l'intelligence, P., 1935; L'intelligence avant le langage, [P., 1936]; в рус. пер.: Неврозы и фиксированные идеи, [ч.] 1, СПб., 1903; Психический автоматизм, М., 1913.

Лит.: Павловские среды, т. 1—3, М.—Л., 1949, т. 1, с. 287, 328; т. 2, с. 216, 275; т. 3, с. 95—98; Павлов И. П., Чувства овладения... (Открытое письмо проф. Пьеру Жане), Полн. собр. соч., 2 изд., т. 3, кн. 2, М.—Л., 1951, с. 245—250; Павловские клинические среды, т. 1, М.—Л., 1954, с. 65—66, 83—84; Роговин М., Пьер Жане, «Вестн. истории мировой культуры», 1960, № 6; Пирковский С. П. и Роговин М. С., Пьер Жане (к 100-летию со дня рождения), «Ж. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1961, т. 61, вып. 3; Мауо Е., Some notes on the psychology of Pierre Janet, Camb., 1948. М. Роговин, Москва.

ЖЕГАЛКИН, Иван Иванович [22 июля (3 авг.) 1869—28 марта 1947] — сов. логик и математик. Д-р физ.-математич. наук, профессор, засл. деят. науки РСФСР (с 1945). Приват-доцент Моск. ун-та (с 1902); в 1911 покинул ун-т в знак протеста против реакц. политики министра просвещения Кассо; вернувшись в ун-т в 1917, работал в нем до конца жизни; руководил совместно с П. С. Новиковым и С. А. Яновской науч. семинаром по математич. логике в МГУ. Осн. результаты Ж. относятся к логике и теории множеств. В 1927 (в более детальном виде — в 1928) Ж. построил арифметизированную логику предложений в виде теории кольца вычетов по модулю 2, т. е.

как такой аналог обычной арифметики и алгебры, в к-ром операции производятся лишь над числами 1 и 0, играющими роль символов истинных значений «истина» и «ложь», или над выражениями, принимающими лишь эти значения; вместо обычной суммы чисел при этом берется т. н. сумма по модулю 2 (т. е. остаток от деления суммы на 2), соответствующая строгой *дизъюнкции* (см. язык УСЕ в ст. *Алгебра логики*). Это позволило получить такой вариант алгебры логики, в к-ром законы преобразований логич. выражений мало чем отличаются от законов обычной школьной алгебры, из-за чего техника вычислений значений предложений при решении тех или иных логич. задач становится проще и понятнее.

Развивая это построение и распространяя его на логику одностепенных предикатов, Ж. получил решение проблемы разрешения для этой области логики. Последние две опубликованные работы Ж. (1939, 1946) посвящены рассмотрению некоторых частных случаев формул узкого *предикатов исчисления* (не обязательно одностепенных), для к-рых Ж. нашел решение т. н. проблемы разрешения на конечных классах. Неразрешимость этой поставленной Ж. проблемы для общего случая была в 1950 доказана Б. А. Трахтенбротом. Ж. — автор первой русской монографии по *множеству теории* («Трансфинитные числа», М., 1907). Последние месяцы жизни Ж. работал над созданием оригинально задуманного учебника логики.

См. о технике вычислений в символической логике, в кн.: Математический сб., т. 34, вып. 1, М., 1927, с. 9—28; Теория предикатов и функций одного аргумента, там же, т. 35, вып. 3—4, М., 1928, с. 311—78; Арифметизация символической логики, там же, т. 36, вып. 3—4, М., 1929, с. 205—338; К проблеме разрешимости, там же, 1939, т. 6 (48), № 2, с. 185—98; О проблеме разрешимости в Вроцлавской логике предложений, «Тр. 2-го Всесоюзного математического съезда 1934 года», 1936, т. 2, с. 437; Введение в анализ, М., 1935 (совм. со Слудской М. И.); Проблема разрешимости на конечных классах, «Уч. зап. МГУ», 1946, вып. 100, с. 155—211 (Математика, т. 1).

Лит.: Математика в СССР за тридцать лет. 1917—1947. Сб. статей, М.—Л., 1948, с. 34—36; Математика в СССР за сорок лет. 1917—1957. [Сб.], т. 1, М., 1959, с. 92, 103—106; Последействие редакции, в кн.: Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, с. 314—15; Кузнецов Н. Н., Теория функций действительного переменного, 2 изд., М., 1948, с. 5; Кузнецов А. В., О бесспорных контактных схемах и бесспорных суперпозициях функций алгебры логики, «Тр. Маг. ин-та АН СССР им. В. А. Стеклова», 1958, т. 51, с. 203; Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., [т.] 1, М., 1960, с. 97, 393; Горский Д. П., Вопросы абстракции и образования понятий, М., 1961, с. 160—61. А. Гутцеков. Москва.

ЖЕЛАННЕ — мотив деятельности человека, к-рый характеризуется осознанностью возникшей потребности. Ж. выступает в качестве важнейшего компонента развития волевого действия. Ж. следует отличать от влечения — мотива деятельности, представляющего собой еще не дифференцированную, недостаточно осознанную потребность. Пробуждение Ж. означает возникновение или постановку цели, т. е. отражение в голове человека объекта конкретной *потребности*, что определенным образом организует деятельность, придает ей целенаправленность, эмоционально окрашивает, открывает широкий простор воображению и т. д. При этом могут осознаваться не только объекты потребности, но и возможные пути ее удовлетворения. Ж. может тогда переходить в решение, к-рое в дальнейшем непосредственно претворяется в жизнь (исполнение Ж.). Однако наряду с подобными активными Ж. отмечаются случаи, когда возникшее Ж., соотвествуемое образами фантазии (грезами), удовлетворяется лишь в иллюзорной форме, выступая не как предпосылка деятельности, а как ее подмена (см. *Воображение*). Вопрос об активизации Ж. и их воспитании рассматривается в свете общих принципов формирования *воли*.

Лит. см. при статьях *Воля*, *Исхика*.

ЖЕЛИВСКИЙ (Želivský), Ян (г. рожд. неизв. — казен. 9 марта 1422) — один из вождей и идеологов *гуситов*. Бывший монах, Ж. ок. 1417 стал нар. проповедником, инициатором революц. всплески в Праге

в 1419. С этого момента Ж. стал во главе пражского радикального крыла мелких горожан и плебса.

В то время как представители пражской гор. оппозиции отказались от социального содержания учения *Гуса*, Ж. в своих проповедях и посланиях (1418—19) выступал как верный его последователь. В основе учения Ж. лежал принцип «закона божьего» как требования справедливого отношения к слабым и угнетенным. Но Ж. шел дальше, утверждая, что «только трудовой народ вправе есть свой хлеб». Однако, подобно Гусу, он не доходил до полного отрицания феод. обществ. строя. На Ж. оказал влияние нем. сторонник учения Гуса — Николай (Микулаш) из Дрездена, к-рый во время своего пребывания в Праге ок. 1414—17 способствовал первонач. оформлению гуситского радикализма и был, по-видимому, учителем Ж. В воззрениях Ж. есть мистич. элементы: апокалипсич. образ конца света, хилиастич. видения наступления царства Христова на земле; однако с конца 1419 следы положит. отношения Ж. к хилизму исчезают.

Начиная с 1419 Ж. преодолевает специфич. элементы мистицизма, содержащиеся в его ранних проповедях. В энергичной революц. политич. деятельности Ж. этого периода сказывается связь с практикой радикальной оппозиции горожан. Теоретич. выступления Ж. этого периода не сохранились.

См. о ч.: Dočovaná kázání z roku 1419, díl 1, Praha, 1953; Výzva Jana Želivského. Výbor z kázání, Praha, 1954.

Лит.: История Чехословакии, т. 1, М., 1956, с. 149, 159, 164—65, 207; Рубцов Б. Т., Гуситские войны. (Великая крестьянская война XV века в Чехии), М., 1955, с. 128—29, 186—90; Мацек Й., Табор в гуситском революционном движении, пер. с чеш., т. 1—2, М., 1956—59; Bartoš F. M., Pád Želivského, «Jihočeský sborník historický», Tabor, 1952, № 3; Kratochvíl M. V., Jan Želivský, Praha, 1953; Vašíček Z., Čtení o Janu Želivském, Praha, 1953; Kalivoda R., Husitská ideologie, Praha, 1961.

Р. Каливода. СССР.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ — существенный элемент религ. культа, заключающийся в приношении даров вымышленным сверхъестественным существам: духам умерших предков, богам, обожествл. предметам и т. д. Возникнув вместе с религией как элемент религ. культа, Ж. отразили слабость и зависимость человека от стихийных сил природы и общества. Формы и размеры Ж. исторически менялись; они разнообразны, начиная от простейших (напр., брызганье или возлияние вина) вплоть до массовых кровавых Ж. животных и людей. Формы Ж. тесно связаны с различными формами *культа*, к-рые складывались в конкретных историч. условиях на определ. ступенях обществ. развития. К числу древнейших форм Ж. относятся: «жертва-общение» — тотемич. трапеза, ритуальное поедание тотема, напр. при церемонии «интичиума» (Центр. Австралия); «жертва-дар», первоначально в виде «кормления» умерших как часть погребального культа, надмогильные дары умершим (оружие, утварь и пр.) и т. д. Одна из ранних форм Ж. — приношение в жертву первинок (первые плоды, первый молодой скот и пр.) — была по существу обрядом снятия *табу*, как часть системы регулирования обществ. потребления. Благодарственное Ж. вначале было просто охотничьим празднеством после удачного промысла. По мере разложения родового строя и расслоения общины, с выделением профессионалов-шаманов и жрецов, формы Ж. становятся все более тяжелыми и обременительными для людей; шаманский культ требует постоянных кровавых Ж. якобы для того, чтобы откупиться от злых и ядадных духов. Патриархально-родовой культ предков и особенно племенной культ вождей (Африка, Полинезия и др.) породили жестокие формы Ж.: умершим вождям и царькам приносили обильные человеч. жертвы (Африка); в Центр. Америке массовые человек. Ж. совершались в честь вождств. богов. В смягченной форме та же идея жестокости духов и богов сказалась

в обычаях самоистязания (напр., у индейцев Сев. Америки), самоуродования, самооскопления и др. видах религ.-изуверского аскетизма. Вместе с тем у мн. народов выработался более практич. взгляд на Ж. как на своего рода материальную сделку с божеством: в обмен за жертву молящийся требует от бога тех или иных благ (религии Др. Индии, Рима).

В развитии и усложнении Ж. большую роль играло своекорыстное вымогательство жрецов; за счет пожертвованных богатыми и росли храмы и святилища. С развитием экономики и культуры Ж. сокращались и упрощались. Местами они становились чисто символическими (напр., в Китае принесение в жертву предметов, животных, денег заменялось вырезанными бумажками с надписями). Особую форму Ж. у скотоводч. народов (напр., в Сибири) составляло посвящение в жертву духам живых животных: их отпущали на волю или переставали ими пользоваться. С этим же связан древний обычай посвящать богу живых людей («назорей» у древних евреев), отсюда монашество в христианстве, исламе. В христианской религии формально отменены все Ж. (т. к. Христос якобы принес себя добровольно в искупительную жертву за всех людей) и заменены «бескровной жертвой»: христианское «таинство причащения» — отголосок древнего богоядения. Но фактически Ж. остаются, особенно в католицизме и православии, где за счет обильных пожертвований верующих создавались колоссальные богатства монастырей и церквей. Одна из своеобразных форм христианского Ж. — жертвы «ex voto» (по обету): votивные изображения частей тела, к-рые верующие вешают к иконам в благодарность за «чудесное» исцеление.

Лит.: Спенсер Г., Основания социологии. Соч., т. 1, СПб, 1898; Фрэзер Дж., Золотая ветвь, вып. 1—4, М., 1928; Тэйлор Э., Первобытная культура, пер. с англ., М., 1939; Smith W. R., Lectures on the religion of the Semites, L., 1907. С. Токарев, Москва.

ЖИВКОВ, Тодор (р. 7 сент. 1911) — деятель болг. и междунар. коммунистич. движения, первый секретарь ЦК Болг. коммунистич. партии (с 1954). Род. в бедной крест. семье. В 1929 стал работать в типографии, в 1930 вступил в Рабочий молодежный союз. С 1932 — член Болг. коммунистич. партии (БКП); с 1934 — на руководящей парт. работе. Во время 2-й мировой войны — один из руководителей партизанского движения в Болгарии. С 1948 — член ЦК партии, с 1950 — секретарь, с 1951 — член Политбюро ЦК БКП.

Ж. встал во главе ЦК БКП в тот период развития социалистич. революции в Болгарии, когда партия преодолела ошибку, связанную с культом личности Сталина и Червенкова, вела борьбу с догматич. истолкованием марксистского учения. Центр. место в выступлениях Ж. занимают вопросы борьбы за победу социализма в Болгарии.

В работе «Союз рабочих и крестьян — незыблемая основа народной власти» Ж., разбирая вопрос о союзе пролетариата и крестьянства, указал, что после победоносного нар. восстания 9 сент. 1944, после завоевания политич. власти перед рабочим классом страны и его авангардом — Коммунистич. партией встала задача создания социалистич. производств. отношений. В промышленности эта задача была решена путем национализации и последовавшей за этим индустриализации, что дало возможность ликвидировать отсталость нар. хозяйства, его зависимость от иностр. монополистич.

капитала и успешно решить задачу социалистич. перестройки мелкого товарного с. х-ва. Для создания социалистич. производств. отношений в деревне необходимо, указывает Ж., «...осуществлять прочную экономическую смычку между городом и деревней, оторвать село от капиталистического развития, преодолеть частнособственнические тенденции крестьянина, переведя его с пути единоличного хозяйства на путь крупного, коллективного хозяйства» («Союз рабочих и крестьян — незыблемая основа народной власти», М., 1960, с. 7). Коллективизация с. х-ва как общая закономерность в строительстве социализма решается в Болгарии в особых формах — посредством организации трудовых кооперативных земледельч. хозяйств (ТКЗХ). Ж. указывает: «Создание ТКЗХ в Болгарии является творческим применением ленинского кооперативного плана к условиям нашей страны... Трудовые кооперативные земледельческие хозяйства, как своеобразная форма построения социализма в нашем селе, не существуют в застывшем, данном раз и навсегда виде. Форма ТКЗХ постепенно перерастает в артельную форму сельского хозяйства путем ликвидации ренты, в результате чего фактически обобществляется и земля» (там же, с. 8).

Указывая, что построение социалистич. общества заключается не только в создании и развитии социалистич. экономики, Ж. характеризует важнейшие задачи идеологич. работы, имеющей целью завершение социалистич. культурной революции: «...всеми средствами содействовать коммунистическому воспитанию народных масс и развитию у них социалистического сознания, вести неослабевающую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей, с буржуазной идеологией и моралью, вооружать трудящихся марксистско-ленинским мировоззрением, служить построению социалистического общества, помогать успешному осуществлению практических задач хозяйственного, государственного и культурного строительства, творчески развивая нашу революционную теорию» («Отчетный доклад ЦК Болгарской Коммунистической партии VII съезду партии», см. в кн.: «VII съезд Болгарской Коммунистической партии», М., 1958, с. 84).

В выступлениях Ж. подчеркивается следующий важнейший момент социалистич. строительства в совр. условиях: взаимопомощь и братское сотрудничество всех социалистич. стран. «Курс на изолированное строительство социализма полностью отвергнут и до конца разоблачен самой жизнью», — заявил Ж. на XXII съезде КПСС («Правда», 1961, 22 окт., с. 9).

Анализируя закономерности развития Народной Республики Болгарии, Ж. критикует теорию двухэтапного развития болг. революции, указывая, что в Болгарии «...не было никакого „превращения“ или „перерастания“ власти, установленной после революции Девятого сентября. В процессе своего развития она завоевывала новые позиции, очищаясь от колеблющихся, неискренних представителей различных партий, все более крепла и связывалась с массами, по своему классовому характеру она всегда была властью социалистической в народно-демократической форме» («VII съезд Болгарской Коммунистической партии», с. 123—24). Народно-демократич. форма диктатуры пролетариата, отсутствие гражд. войны, многопартийность как особая форма и одно из проявлений союза с непролетарскими группами трудящихся, прежде всего с крестьянством, — таковы особенности развития НРБ в период перехода к социализму.

Указывая на необходимость преодоления и недопущения впредь чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, порождавшего «неправильные методы работы, догматизм и сектантство» (там же, с. 103), Ж. подчеркивает также и важность борьбы с ревизионизмом, всегда являвшимся одним из главных вра-

гов марксизма (см. там же, с. 118). В работе «Мир — узловая проблема современности» (1960), охарактеризовав новые черты совр. обществ. развития и рассмотрев проблему взаимозависимости борьбы за мир и борьбы за классовые интересы широких масс трудящихся, Ж. указал: «...Анализ соотношения борьбы за мир с революционными движениями современности показывает, что всякое их противопоставление есть по существу отрицание самостоятельного значения демократических задач в достижении рабочим классом своих коренных целей. Такое противопоставление ведет к сектантству, к изоляции рабочего класса и в конечном счете нанесит ущерб делу социализма» («Проблемы мира и социализма», 1960, № 8, с. 15). «Мирное сосуществование, — подчеркнул Ж., — это не временная, продиктованная конъюнктурными соображениями политика, а генеральная линия развития международных отношений, путь к социализму во всемирном масштабе» (там же, с. 13).

Ж. активно проповедует идеи мира, выступает от имени своего народа за создание зоны мира на Балканах. Он разоблачает в своих выступлениях проишки врагов мира и поборников сохранения колониальной системы — тех, кто ведет «...курс на гонку вооружений, усиление „холодной войны“ и обострение международной напряженности, на подрыв дела международного взаимопонимания под флагом антикоммунизма», кто преследует цель «...задушить или затормозить национально-освободительную борьбу поработенных народов, увековечить их рабство» («Правда», 1960, 2 окт., с. 3).

Ж. — участник Советских представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (1957 и 1960).

В выступлениях на XXII съезде КПСС Ж. подчеркнул, что этот съезд «...имеет историческое значение и для развернутого строительства коммунизма в Советском Союзе, и для дальнейшего всестороннего подъема мировой социалистической системы, и для развития международного коммунистического и рабочего движения, и для борьбы колониальных и зависимых народов, и для дальнейшего развития человечества по пути мира, социализма и коммунизма» («Правда», 1961, 22 окт., с. 8; см. также статью Ж. «Неугасимый факел, освещающий путь к коммунизму» в журн. «Коммунист», 1961, № 16, с. 131—133).

Соч.: Победа социализма в нашей стране, «Правда», 1958, 9 сент.; Болгария гордится твоим подвигом, комсомолец, «Комсомольская правда», 1958, 3 дек.; К новым победам кооперативного строя в деревне..., М., 1958; Об ускорении развития народного хозяйства, повышении материального и культурного уровня народа и перестройке государственного и хозяйственного руководства, С., 1959; Шестует по земле весна, «Правда», 1960, 21 апр.; За торжество политики мира и мирного сосуществования, за ликвидацию колониального рабства, С., 1960; Главное завоевание ленинской внешней политики, «Правда», 1962, 1 апр.

ЖИВКОВИЧ (Живковић), Любомир (р. 28 авг. 1900) — югосл. философ и врач, сотрудник Ин-та обществ. наук в Белграде. Науч. деятельность Ж. в области философии и социологии началась в 30-х гг.: он выступил тогда против *расизма* как идеол. орудия фашизма («Человеческое общество и расовая теория» — «Ljudsko društvo i rasna teorija», 1937).

Осн. темы произведений Ж. 50-х гг. — происхождение и развитие человека и человек. сознания, взаимоотношение базиса и надстройки, формы обществ. сознания, вопросы теории отражения, критика религии. В отличие от нек-рых югосл. социологов, Ж. считает, что социалистич. уклад не возникает стихийно в недрах капитализма, и выступает против теории мирного востания капитализма в социализм (см. «Nauka o društvu», Sarajevo, 1958, s. 458). Он критикует Р. Лукча, И. Горичара и О. Мандича за их ревизию ленинского

определения класса, показывая, что их взгляды будут в конечном счете «...к провозглашению социалистического общества новым видом классового и эксплуататорского общества» (там же, с. 386).

Ж. перевел (1924) на сербско-хорватский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса.

Соч.: Freud i građansko društvo, Zagreb, 1939; O postanku i pojmu ljudske svesti, «Savremena škola», 1954, [№] 7—8; Nauka o postanku čoveka, 3 izd., Beograd, 1956; Uvod u istoriju ljudske svesti, diel 1, Beograd, 1957; Društvena nadgradnja, Zagreb, 1960; Teorija socijalnog odrazavanja, Zagreb, 1962.

Лит.: Элеэ И., Живкович Л. Наука об обществе, в кн.: Новые книги за рубежом по общественным наукам, 1958, [№] 5, май. И. Элеэ. Москва.

ЖИД (Gide), Шарль (1847—1932) — франц. бурж. экономист и социолог. Примыкал к историч. школе в политич. экономии, а также к австр. школе. Ж. отрицательно относился к марксизму, выступал против классовой борьбы, социалистич. революции, диктатуры пролетариата. Гл. источником эксплуатации в капиталистич. обществе Ж. считал прибыль, получаемую торговцами. Он выдвинул программу развития потребит. кооперации, к-рая должна постепенно вытеснить капиталистов из торговли, а затем и из сферы произ-ва, что приведет якобы к установлению «кооперативного строя»; собственность на средства произ-ва не обобществляется, а должна быть передана в руки производителей («Кооперация», М., 1918, с. 30). Кооперация мыслилась Ж. как неклассовая организация. Критика утопич. и реакц. характера мелкобурж. программы «кооперативного социализма» дана Лениным (см. Соч., т. 9, с. 341). Идеи Ж. оказали влияние на кооперативное движение в др. странах и идеологию правых социалистов; видным последователем Ж. является Б. Лавернь.

Соч.: Principes d'économie politique, 24 éd., P., 1923; в рус. пер.: Социально-экономические итоги XIX столетия, СПб., [1906]; Потребительные общества, [ч. 1]—2, М., 1916—1917; Основы политической экономии, 3 изд., [кн. 1]—2, М., 1918; История экономических учений, 2 изд., М., 1918; Москва или Родина, М., 1925 (совм. с Н. П. Мещеряковым). Лит.: Панитнов К. А., Шарль Жид, [П.], 1918; L'apôtre de la coopération entre les hommes, un précurseur de l'Europe unie et de l'ONU. Préface de B. Laverne. Postface de Ch. Teissier du Gros, Uzès (Gard), [1953]. В. Кузнецов. Москва.

«ЖИДОВСТВУЮЩИЕ» — религ.-реформац. движение в России 2-й пол. 15 — нач. 16 вв. Ересь «Ж.» была общерусским реформац. движением, представлявшим широкие социальные круги: торгово-ремесленные круги Новгород, Пскова, Москвы, Твери, мелкопоместные элементы, слои низшего и рядового духовенства. Выступления против монашества, поддержка «Ж.» объединит. политики моск. великого князя сделали возможным сотрудничество Ивана III с лидерами движения — Алексеем, Денисом и др. Это сотрудничество носило условный характер и ослабевало по мере выявления антифеод. сущности реформац. движения. По приговору собора 1504 руководители движения «Ж.» были казнены, многие его участники заточены в тюрьмы и монастыри.

В центре идеол. борьбы «Ж.» находились обличенные в религ. форму вопросы обществ. устройства. Аргументы в пользу своих интересов реформаторы черпали из Ветхого завета. Согласно «Ж.», социальное законодательство для людей Ветхого завета было религ. законом. Они заключали «договор» с богом как полноправная сторона, а их пророки бичевали социальную несправедливость. Обращение реформаторов к Ветхому завету послужило поводом для обвинения их в «жидовстве». Оппозиционные феод. православию идеи «Ж.» выразились в антиринитаризме (см. *Антиринитарии*), *иконоборчестве*, отрицании института монашества, в непочитании святых, несоблюдении постов, в критике учения о воскресении мертвых. Руководители движения обращались к философии, исто-

рии, грамматике, астрономии. Они утверждали за человеком широко понимаемое право нравств. свободы («самовластие души»), придерживались идеи равенства народов и вер, отвергали ср.-век. аскетизм и признавали естественным удовлетворение духовных и телесных потребностей человека. Ересь «Ж.» явилась рус. антифеод. реформац.-гуманистич. движением, складывавшимся на почве развития городской жизни, успехов торговли, ремесла, роста материальной и духовной культуры. В 15 в. критика православия была углублена и развита в учении идеолога социальных низов *Феодосия Косого*.

Лит.: Казакова Н. А. и Лурье Я. С., Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века, М.—Л., 1955; Клибанов А. И., Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв., М., 1960; Лурье Я. С., Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века, М.—Л., 1960. А. Клибанов. Москва.

ЖИЗНЬ — одна из высших форм движения, закономерно возникающая в процессе развития материи.

Исторический очерк развития понятий о жизни. Представление о качеств. отличии живого от неживого, о наличии общих свойств у всего живого выработывалось постепенно в процессе познания природы. Еще в нач. 18 в. в область химии переносилась чисто биол. понятию. Многие утверждали тогда, что кислоты — это мужское начало, а щелочи — женское. Нек-рые считали, что минералы растут, подобно растениям, из семян. К тому же в науке долгое время отсутствовало ясное представление о том, что растения являются в такой же мере живыми, как и животные. Развивавшееся естествознание шаг за шагом вводило науч. критерии познания жизненных функций. Так, в процессе развития биологии последовательно расширялось понятие дыхания. Первоначально оно мыслилось только как работа легких и дыхание растения отрицалось; лишь позднее дыхание стало рассматриваться как процесс поглощения кислорода и выделения углекислого газа одноклеточными и многоклеточными животными и растениями. Еще позднее, исходя из познания самой сущности дыхания, при к-ром освобождается необходимая для жизнедеятельности энергия, стали понимать под дыханием любой способ добытия энергии организмом. Процесс расширения и углубления биол. понятий с особой интенсивностью продолжается в наст. время. Так, напр., совсем недавно возникла проблема возможности расширить понятие Ж. на мир вирусов.

В связи с развитием науч. познания Ж. развивалось и филос. понимание ее. Филос. концепция Ж. всегда имела большое мировоззренч. значение и являлась существенным вопросом борьбы материализма и идеализма, науки и религии. Филос. воззрения оказывают несомненное влияние на естеств.-науч. трактовку Ж. В свою очередь, углубление науч. знания о Ж. играет важную роль в развитии материализма и его борьбе против идеализма и религии. Трудность науч. решения проблемы Ж. является причиной того, что идеализм и религия здесь особенно упорно ищут убежища. Религ. мифу о божеств. творении живых существ соответствуют идеалистич. концепции *креационизма, телеологии и витализма*. В основе этих учений при всем их многообразии лежит одна идея: Ж. по своей природе нематериальна, она есть результат одушевления материи «жизненной силой». Наибольшим успехом в истории виталистических воззрений на Ж. пользуется учение Аристотеля об одушевляющем начале, заложенном в самих живых существах и движущем их развитие в силу того, что оно является их внутр. целью. Это начало Аристотель назвал *энтелехией*. Научообразная форма при идеалистич. содержания привлекла к этому учению сочувственное внимание церкви. В духе церк. догматики оно было истолковано Фомой Аквинским и в этой форме до сих пор служит

теологич. трактовкой библейского мифа о творении живых существ, напр. в *неотомизме*. Как и в общепилос. плане, идеалистич. интерпретации Ж. в антич. философии противостоял материализм Демокрита. Витализму он противопоставил учение о Ж. как результате взаимодействия механич. сил самой природы (движения атомов особой формы), телеологизму — материалистич. детерминизм. Механистич. трактовка Ж. свойственна и материализму 17—18 вв. В философии Декарта и у франц. материалистов 18 в.—Ламетри, Кабаниса, Гольбаха — развивалась механистич. концепция животного-машины, а у Дидро и Робинсона — теория всеобщей одушевленности материи. Материализм этого периода боролся как против религ. домыслов о Ж., так и против идеалистич. натурфилос. концепций Лейбница, Канта, Шеллинга и др. Однако Энгельс отмечает, что в старой натурфилософии при всех ее фантастич. домыслах и нелепостях «много осмысленного и разумного» («Анти-Дюринг», 1957, с. 11, прим.) Начиная с 19 в. успехи химии, физики и биологии способствуют тому, что материализм в проблеме Ж. все более вытесняет идеалистич. и религ. воззрения. Длит. время витализм использовал пространство с древности представление о т. н. самопроизвольном зарождении живых существ. В сер. 19 в. Л. Пастер точными опытами окончательно опроверг эту теорию. Рубежом в науке о Ж. явились великие открытия в естествознании 19 в. и прежде всего *дарвинизм*, заложивший науч. основу совр. биологии.

С конца 19 в. в центре науч. исследований проблемы Ж. оказываются наиболее сложные вопросы целостности организмов, эмбриогенеза и регенерации, механизмов наследственности, биохимии и биофизики Ж. Совр. витализм и телеологизм возникли на почве трудностей, связанных именно с этими вопросами. Неовитализм Г. Дриша и его последователей (А. Венцль, П. Рейнке и др.) как раз является идеалистич. толкованием проблем целостности организма на материале эмбриогенеза, материалистич. разрешение к-рых немислимо без диалектич. подхода. Труднейшие проблемы диалектич. взаимосвязи формы и функции, факторов эволюции породили такие идеалистич. извращения, как телефинализм (Леконт де Нюи), организмизм (см. *Креационизм*), а также идеалистич. интерпретации Ж. в духе А. Бергсона («жизненный порыв»), У. Мак-Дуэлла («горме»), С. Александера (эмержентная эволюция) и др. В связи с успехами совр. биохимии и биофизики возникли механистич. попытки истолковать Ж., исходя только из физико-химич. закономерностей («механика развития» В. Ру и теория тропизмов Ж. Лёва на рубеже 19—20 вв., ряд теоретич. построений, связанных с исследованиями роли нуклеиновых к-т, и т. д.). Единственно правильной филос. основой учения о Ж. является диалектич. материализм, к-рый впервые в истории развития биологии преодолел не только идеалистич., но и метафизич. механистич. воззрения. С позиций диалектич. материализма и опираясь на достижения биологии и химии, Энгельс охарактеризовал Ж. как качеств. скачок в развитии материи «при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью» (там же, с. 63).

Сущность жизни. Диалектико-материалистич. подход к проблеме о сущности Ж. включает два осн. требования: 1) рассматривать Ж. как естественный, материальный процесс, как закономерный этап в развитии материи и 2) вскрыть качеств. закономерности Ж., характеризующие ее как особую ступень развития в преемственности форм движения материи. В этой постановке вопроса диалектич. материализм выступает как против идеализма, усматривающего сущность Ж. в некоей нематериальной «жизненной силе», так и против метафизич. материализма, отрицающего качеств.

различие между живой и неживой материей. Ж. на Земле представлена громадным разнообразием форм, неизмеримо превосходящим многообразие форм неживой материи. В живой материи имеется возрастающая сложность строения и функций. Единство процесса Ж. характеризуется двумя признаками, свойственными всем живым организмам: целостностью (структурный признак) и самовоспроизведением (динамич. признак). В проблеме сущности Ж. рассматривается именно единство Ж. как динамич. структуры в отвлечении от эволюц. многообразия ее форм. Дарвинизм выяснил, что это многообразие ее форм, результат изменчивости организмов и естественного отбора, которые обуславливают приспособляемость живых тел как закономерность биолонгич. эволюции. Т. о., сущность развития живых организмов только проявляется в их эволюции. Лежащий в основе эволюции естеств. отбор создает видимость телеологич. характера процесса Ж. В этой видимости отражается сущность, характеристика Ж.: саморазвитие, самовоссоздание живого тела из внешних компонентов. В отличие от неживой природы, для Ж. характерны категории внешнего и внутреннего с их диалектикой. Живой организм есть устойчивый замкнутый мир по отношению к среде и в то же время всецело элемент среды, от нее зависящий в самом своем существовании. «Механизм» саморазвития живой материи от непосредств. взаимодействия со средой сдвигнут внутрь организма, это — «механизм» ассимиляции — диссимиляции. Этим и обуславливается отношение автономию живого организма по отношению к среде. Такие сущность, признаки Ж., как раздражимость, рост, размножение, являются производными от механизма обмена веществ, определяющего сущность Ж. Но обмен веществ есть процесс деятельности определенного материального субстрата, каковым являются конкретные виды материи, на Земле — белки и нуклеиновые к-ты. Следовательно, сущность Ж. конкретно представлена как функция определенной материальной организации. Поэтому в свое время Энгельс определил Ж. так: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел» («Анти-Дюринг», 1957, с. 77).

Живое и неживое. Взаимосвязь живой и неживой природы в первом приближении обнаруживается уже в количествах, составе химич. веществ, образующих живые тела. На естеств. происхождение Ж. из неживой природы указывает в этом отношении то, что в химич. составе живых тел содержится те же элементы, которые имеются и в минералах. Различие здесь только в количеств. соотношениях. В то же время в живых телах имеются многочисл. соединения, к-рые нигде в неживой природе в естеств. условиях не встречаются иначе, как в виде результатов жизнедеятельности живых тел. Особо важное значение в живых телах имеют белки и нуклеиновые к-ты, вступающие между собой в соединения, образуя белковые тела, называемые нуклеопротеидами. Белковые вещества построены примерно из 20 различных аминокислотных остатков, причем свойства белка зависят от входящих в него аминокислот, а также от того, в какой последовательности аминокислотные остатки расположены в полипептидных цепочках, образующих белок. Число возможных комбинаций из 20 аминокислот так велико, что не только каждый вид животных и растений может иметь свои особые белки, но даже каждая ткань организма может обладать особыми белками. Нуклеиновых к-т имеется 2 типа: дезоксирибозная нуклеиновая к-та (ДНК), к-рая находится в ядрах клетки, и рибозная нуклеиновая к-та (РНК), находящаяся как в ядрах клеток, так и в цитоплазме. Выяснено, что хотя каждая нуклеиновая к-та построена только из 4 разных нукле-

отидов, однако чередование последних в макромолекуле нуклеиновой к-ты весьма разнообразно и состав нуклеиновых к-т обоих типов специфичен для каждого вида. Качеств. отличие живого от неживого заключается, т. о., не в составе, к-рый обнаруживает их единство, а в строении, функциональных особенностях и характере организации химич. взаимодействий в живом теле. Все активно функционирующие структуры протоплазмы и клеточного ядра имеют белковую природу. Нуклеиновые к-ты и белки являются полимерными, высокомолекулярными веществами. Их частицы, называемые макромолекулами, имеют молекулярный вес, достигающий неск. миллионов единиц, и большую величину. Макромолекулы состоят из множества химически связанных между собой звеньев. Такими звеньями макромолекулярных цепочек белка и являются аминокислоты. У нуклеиновых к-т такими звеньями являются нуклеотиды. Эти количеств. характеристики обуславливают сущность, качества, особенности высокомолекулярных соединений. Огромное количество атомов, образующих макромолекулы (десятки и сотни тысяч), множество качественно различных аминокислот в составе одного и того же белка, большая длина макромолекул обуславливают богатейшую физич. и особенно химич. полифункциональность белков. Макромолекулы белка участвуют в различных физич. и химич. процессах и как единое целое, и как совокупности огромного числа относительно самостоят. частиц. Напр., отд. функциональные группы полипептидной цепочки могут реагировать то как к-ты, то как щелочи, относительно независимо участвовать в тепловом движении. В результате и макромолекула в целом, оставаясь самой собой, ведет себя функционально различным образом. Функциональное богатство макромолекулы белков и нуклеиновых к-т умножается их способностью принимать различные пространств. формы: скручиваться, складываться и т. д., благодаря чему открытыми для реагирования оказываются их различные части. Качеств. многообразие состава белков (бесконечно богатые возможности сочетаний из составляющих их 20 аминокислот) в совокупности с отмеченными функциональными возможностями обуславливает многообразие функций, с к-рыми белки выступают в организме. Они действуют и как ферменты-катализаторы, и как участники процессов переноса энергии, и выполняют функции опорных органов и органов, производящих механич. работу, и т. д. Особо важной для процесса Ж. является каталитич. функция белков. В неживой природе не встречается столь специализированных и так сильно ускоряющих химич. процессы катализаторов. Важной качеств. особенностью веществ живого организма является их оптич. активность. В состав белков живого тела входят исключительно левые изомеры аминокислот. Образно выражаясь, можно сказать, что организм живет в оптически активном пространстве. Живые тела гетерогенны по строению. В них встречаются настоящие растворы, коллоидные растворы и суспензии. Коллоидное состояние очень существенно для жизненных процессов. Благодаря наличию коллоидных частиц, размер к-рых колеблется от 6 до 140 м μ , образуется огромная поверхность, разделяющая твердую фазу от жидкой фазы в живом теле. Поскольку этими частицами являются белковые макромолекулы, обладающие огромной реакционной активностью, на этой поверхности разыгрываются многочисл. реакции. Характерной чертой течения реакций в живом организме является уподобление поступающих в виде веществ белкам, из к-рых состоит организм. При этом структурные белки и нуклеиновые к-ты играют роль веществ, обеспечивающих циклич. повторяемость процесса воспроизводства организма. Этот играющий важную роль в жизнедеятельности порядок повторяе-

мости лежит в основе роста и размножения, а также дифференцировки, т. е. определенные первоначально повторяющиеся структуры в процессе дифференцировки приобретают разные формы и функции. На высших уровнях эта повторяемость выражается в дроблении яйца, приводящем в конечном счете к развитию многоклеточного организма. В наст. время наука непосредственно подошла к раскрытию биохимич. механизмов этой повторяемости (исследования роли нуклеиновых к-т в синтезе белка). В то же время закономерная последовательность этапов развития живого тела в онтогенезе есть процесс, выработавшийся в ходе биол. эволюции путем приспособления (см. *Биогенетический закон*). Отдельные части живых тел, а также в известных условиях живые тела в целом под поляризационным микроскопом обнаруживают двойное лучепреломление. Это явление наблюдается при известных видах упорядоченности в расположении молекул, свойственной анизотропным кристаллам и жидким кристаллам. Структурами, имеющими нек-рые свойства кристаллов, в организме являются макромолекулы. В этом сходстве отражается устойчивость и организованность динамич. структур, составляющих живой организм. Структура живых тел и их функции связаны между собой неразрывно и взаимно друг друга обуславливают, в то же время они являются определяющими условиями упорядоченности жизненных процессов в пространстве и во времени. Живые структуры формируются функциональным содержанием жизненных процессов. Строение живых тел характеризуется тем, что их структуры находятся в непрерывном изменении, неразрывно связанном с функцией этих структур. Различные структуры в живых телах скрепляются между собой теми же силами, к-рые действуют в неживой природе. Это прежде всего ковалентные связи, лежащие в основе химич. сродства; далее, это электростатич. силы, зависящие от притяжения противоположно заряженных частиц (ионов); далее, это т. н. водородные мостики, образующиеся между водородом и такими электроотрицательными элементами, как кислород. Водородные связи между двумя спирально закрученными нитями ДНК придают этой структуре существенную прочность. Т. о., физико-химич. особенности строения и функционирования живой материи не содержат никаких «надприродных» факторов. Тем самым опровергаются виталистич. домыслы о «жизненной силе» и доказываются принципиальная возможность искусственного создания живого белка. Совр. биология располагает обширными сведениями о химич. и физич. свойствах живых тел. В бесклеточных экстрактах удается наблюдать синтез белков, а также синтез нуклеиновых к-т. Т. о., анализ явлений Ж. при помощи химич. и физич. методов продвинулся очень глубоко. Однако отсюда следует только то, что в процессе жизнедеятельности нет ничего «надматериального», ничего не подчиняющегося законам развития материи. Но сложность связей и качество явлений Ж. таковы, что они выходят за пределы собственно физики и химии (см. *Биология*).

Обмен веществ. С химич. т. зр. обмен веществ есть совокупность множества сравнительно простых реакций, каждая из к-рых может быть воспроизведена и вне организма, т. е. не содержит ничего специфически жизненного. Качественно отличает Ж. то, что в живых телах эти многочисл. реакции, являющиеся элементами обмена веществ, строго согласованы между собой во времени и пространстве так, что весь этот порядок закономерно направлен к постоянному самовоспроизведению и развитию живой системы как целого. И этот порядок вырабатывается в процессе приспособления организма к условиям внешней среды (см. А. И. Опарин, *Жизнь, ее природа, происхождение и развитие*, 1960 с. 13). Обмен веществ складывается из двух тесно

связанных между собой процессов: ассимиляции, к-рая состоит в построении свойственных данному живому телу веществ из поступающей из внешней среды пищи, и диссимиляции, к-рая состоит в химич. расщеплении веществ живого тела с освобождением нужной для Ж. энергии. Процессы ассимиляции и диссимиляции находятся между собой в постоянном сложном противоречии, к-рое составляет источник обмена веществ как процесса саморазвития живого организма. Примерно половина белков человек. тела в процессе обмена веществ заменяется в 80 дней. В некоторых тканях этот обмен происходит быстрее. В плазме крови он совершается за 10 дней, в других тканях медленней (см. А. Policard et C. A. Baud, *Les structures inframicroscopiques normales et pathologiques des cellules et des tissus*, P., 1958, p. 22). Несмотря на замену одних атомов другими, структурные элементы живого тела сохраняют постоянство своего строения, свою упорядоченность. Живое тело обладает развитым механизмом избират. усвоения агентов внешней среды. Живые тела пропускают внутрь далеко не все вещества окружающей среды, и процесс поступления веществ из среды в живое тело связан с активной деятельностью живого тела, в соответствии с чем на поверхности клеток находятся ферменты, способствующие проникновению разных веществ в клетку. Нек-рые вещества избирательно задерживаются в живом теле или в отдельных его органах. Так, щитовидная железа накапливает большое количество йода, в змеином яде концентрируется цинк, а высшие растения обычно не отдадут поступившего в них азота до самой смерти. Т. о., выработанный в ходе приспособления обмен веществ обеспечивает даже самому элементарному организму как бы нек-рый внутр. мир, т. е. способность поддерживать в известных пределах постоянство своего состава и строения. Одним из наиболее важных вопросов Ж. является проблема самовозобновления энергетич. ресурсов живого тела. Уже в конце 19 и нач. 20 вв. точными опытами было показано, что процессы обмена веществ в живых телах подчиняются закону сохранения энергии, т. е. первому закону термодинамики. Тем самым было с несомненностью установлено, что процессы жизнедеятельности принципиально однотипны с основными энергетич. процессами природы вообще. Дальнейшее развитие науч. знания показало, однако, качеств. отличие биоэнергетики от физико-химии неживой природы. Это обнаружилось в исследовании приложимости к живым телам второго закона термодинамики. Согласно этому закону, в замкнутых системах могут происходить только процессы, к-рые сопровождаются возрастанием энтропии или при к-рых она остается постоянной. Максимум энтропии — это такое состояние хаотич. теплового движения молекул, при к-ром теплота не может быть использована на к.-л. механич. работу. Живые тела, однако, являются открытыми системами, к-рые непрерывно получают энергию извне в форме химич. энергии пищевых продуктов, а также, если они способны к фотосинтезу, в форме световой энергии, и самопроизвольно освобождаются от продуктов распада. Живые тела временно могут задерживать, замедлять процессы, приводящие к возрастанию энтропии. Это достигается путем накопления энергии в различного рода химич. соединениях, важнейшим из к-рых является аденозинтрифосфорная к-та. Это вещество обладает макроэнергетич. связями, т. е. химич. связями, при разрушении к-рых освобождается большое количество энергии. Зеленые растения используют световую энергию для синтеза аденозинтрифосфорной к-ты, и это соединение наряду с нек-рыми др. макроэнергетич. веществами стоит в центре энергетич. обмена всех известных живых тел. Живые тела имеют системы, позволяющие им регулировать освобождение накопленной ими энергии. Т. о.,

живые организмы, как открытые системы, обладают качеством самовозобновления энергетич. потенциала, будучи в то же время в высокой степени нестационарными, так что самовозобновление и использование ими энергетич. ресурсов является постоянным самообновлением как строения, так и функций. Это значит, что живое тело находится в постоянном процессе развития: «Жизнь ... состоит, следовательно, прежде всего в том, что белковое тело в каждый данный момент является самим собой и в то же время — иным и что это происходит не вследствие какого-либо процесса, которому оно подвергается извне, как это бывает и с мертвыми телами» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1957, с. 77). Обмен веществ в сущности и является механизмом этого процесса саморазвития, источником к-рого служит противоречие основных составляющих процессов обмена веществ — ассимиляции и диссимиляции. Сложная структура живого тела как открытой подвижной (нестационарной) системы огромной цепи реакций вырабатывается в процессе биологич. приспособления.

В. Рыжков. Москва.

Проблема жизни и второй закон термодинамики. Многочисл. попытки перечислить отличия живого от неживого приводят к указанию свойств, наблюдаемых в живой природе, но не к выделению существ. различия, проявляющегося как противоположность (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 132). Такое существ. различие должно составлять нек-рый общий закон явлений, характерный для неживой природы, и другой, противоположный, не менее общий закон, характерный для живой природы. Утверждение, что законы живой и неживой природы — это законы физики и химии, приводит к механицизму. Если же законы биологии противопоставить как «надприродные» неживой природе, то из правильной предпосылки качеств. своеобразия живого мы переходим на позиции витализма. Выход из положения состоит в том, чтобы указать закономерность, обуславливающую происхождение Ж. из неживой природы и определяющую ее своеобразие.

Общность явлений живой и неживой природы состоит, во-первых, в том, что все живые и неживые тела состоят из одних и тех же атомов химич. элементов, во-вторых, в том, что и в живой и в неживой природе действует закон сохранения энергии. Следовательно, можно утверждать, что неживая природа каким-то путем передает энергию живой природе.

Однако существует еще один весьма общий закон природы — это второй закон термодинамики, попытка использования к-рого для объяснения явлений Ж. привела к ряду трудностей. «Сложнее обстоит дело со вторым законом, выражающим статистическую тенденцию природы к беспорядку, тенденцию к выравниванию и таким образом к обесцениванию энергии в изолированных системах, что обычно выражается как возрастание энтропии.

...В противоположность этому в организмах не только не происходит нарастания энтропии, но даже возможно ее уменьшение. Таким образом, как будто бы получается, что основным законом физики является тенденция к беспорядку, увеличение энтропии, а основным законом биологии, напротив, рост организованности — уменьшение энтропии» (Опарин А. И., Жизнь, ее природа, происхождение и развитие, 1960, с. 17).

По отношению ко второму закону термодинамики явления Ж. противоположны протеканию явлений в неживой природе. Этот вывод следует и из анализа второго закона термодинамики, сделанного Энгельсом: «... излученная в мировое пространство теплота должна иметь возможность каким-то путем ... снова сосредоточиться и начать активно функционировать» («Диалектика природы», 1955, с. 20). Эта особенность

живого привлекала внимание ученых еще с конца 19 в. Так, в 1886 Л. Больцман говорил: «Всеобщая борьба за существование, охватывающая весь органический мир, не есть борьба за вещество: химические элементы органического вещества находятся в избытке в воздухе, воде и земле; это также не борьба за энергию, — она, к сожалению, в непревратимой форме, в форме теплоты, щедро рассеяна во всех телах; это борьба за энтропию, становящуюся доступной при переходе энергии от пылающего солнца к холодной земле» (цит. по кн.: Тимирязев К. А., Избр. соч., т. 1, 1948, с. 364). С этим выводом солидаризировался и конкретизировал его К. А. Тимирязев, к-рый увидел в хлорофилле посредника между рассеивающейся в мировом пространстве лучистой энергией и энергией органич. веществ, возникающих в растениях под действием света (см. там же).

Возникновение живой природы из неживой происходит исторически на нек-ром этапе развития природы, поэтому естественно, что проблема принципиального их отличия вообще и конкретно применительно ко второму началу термодинамики привлекала внимание геохимии. Геохимия рассматривает Ж. как специфич. образование на поверхности Земли, к-рое носит название биосферы, и исследует наиболее общие и наиболее существ. стороны Ж. с т. зр. ее распространения на Земле и взаимодействия с др. формами движения материи в том виде, как они конкретно существуют на нашей планете. В этом смысле геохимич. т. зр. оказывается ближе к широкому охвату всех проявлений Ж. от деятельности бактерий до геохимич. изменений, вызываемых пром. деятельностью человека. При таком анализе явлений Ж., т. е. при сравнении энергетич. живой и неживой природы, как раз и обнаруживается особый характер энергетич. биосферы, обеспечивающий качеств. отличие живого от неживого.

Наиболее полное представление о Ж. как процессе накопления действительной энергии и о воздействии накопленной энергии на неживую природу было развито создателем биогеохимии В. И. Вернадским. «В своей совокупности животные и растения, вся живая природа представляет природное явление, противоречащее в своем эффекте в биосфере принципу Карно в его обычной формулировке. Обыкновенно в земной коре в результате жизни и всех ее проявлений происходит увеличение действительной энергии... Энтропия Клаузиуса не имеет реального существования; это не факт бытия, это математическое выражение, полезное и нужное, когда оно дает возможность выражать природные явления на математическом языке. Оно верно только в пределах посылок. Отклонение такого основного явления, каким является живое вещество в его воздействии на биосферу..., от принципа Карно указывает, что жизнь не укладывается в посылки, в которых энтропия установлена» (Избр. соч., т. 1, 1954, с. 219—20).

Можно продолжить список ученых, обнаруживших противоположность протекания природных явлений в живой и неживой природе с т. зр. второго закона термодинамики, т. е. принимающих за осн. закон биологии «антиэнтропийный» характер биологич. явлений. Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что характер отношения ко второму закону термодинамики энергетич. процессов в неживой природе и в живых организмах (в к-рых они осуществляются как обмен веществ) образует существ. противоположность протекания процессов в живой и неживой природе. Открытым вопросом остается проблема того, как осуществляется в природе переход от процессов возрастания энтропии к процессам убывания энтропии. Положение еще более осложнено тем, что еще нет точного определения, что такое эн-

тропия. (Этот вопрос не следует путать с вопросом о способе вычисления энтропии). Не понимая, «что» возрастает в неживой природе, нельзя понять и «что» убывает в явлениях Ж. Однако можно указать действит. посредника между двумя законами; этим посредником является лучистая энергия. Выделение лучистой энергии в мировое пространство является следствием второго закона термодинамики. Воздействие лучистой энергии на атомно-молекулярные структуры вещества вызывает его перестройку с возникновением органич. веществ живой природы. Это воздействие лучистой энергии, к-рое осуществляется извне и проявляется в явлениях Ж. как воздействие среды, является, видимо, причиной «анти-энтропийных» процессов.

И. Кузнецов. Москва.

Раздражимость. Способность живых тел реагировать на воздействие среды спонтанной реакцией, не соответствующей физико-химич. природе раздражителя, известно как свойство *раздражимости*. В процессе эволюции простейшие формы раздражимости, свойственные низшим видам живых организмов, начиная с одноклеточных, растений, животных с низкоорганизованным нервным аппаратом (тропизмы, таксисы), сменяются высокоорганизованными формами поведения. Последние связаны с развитием нервной системы и развиваются от видового поведения, единицей к-рого являются безусловные рефлексы, к индивидуальному поведению — высшей нервной деятельности, основной элементарной единицей к-рой является условный рефлекс, а аппаратом — кора головного мозга (см. *Инстинкт, Психика, Сознание*). Хотя свойство раздражимости живых существ родственно общему всей материи свойству отражения, оно заключает в себе и качеств. отличия. Главное из них состоит в том, что живые организмы — саморегулирующиеся системы, и «механизм» отражения у них устроен на принципе обратной связи, так, что эффект реакции соотносится с потребностями организма; т. о., раздражимость оказывается средством управления, регулирования поведения.

Развитие, старость и смерть. Каждое живое тело проходит цикл индивидуального развития (онтогенез). При развитии наблюдается смена форм, изменение в химич. и физич. состоянии, а также изменение функций. Можно различать восходящую кривую развития, при к-рой наблюдается возрастание сложности и интенсивности функции, и кривую нисходящую, связанную с процессами старения (см. Н. П. Кренке, Теория циклического старения и омоложения растений... М., 1940). В самом процессе онтогенеза заложены уже признаки старения, что выражено коротко в известной формуле Энгельса: «Жить значит умирать» («Диалектика природы», 1955, с. 238). Были попытки объяснить смерть как результат необратимого распада какого-то одного сложного и очень лабильного вещества. Лэб, напр., ошибочно думал, что живое тело имеет какой-то изначальный запас этого вещества и к смерти приводит израсходование его. В действительности же причины старения и смерти заложены в самой основе процесса Ж. как постоянного самообновления. При зародышевом развитии чередуются периоды интенсивного роста и интенсивной дифференцировки. Высокодифференцированные клетки нервной системы, как правило, утрачивают способность размножаться, и число их в мозгу поворожденных не меньше, чем в мозгу взрослого человека. Отсутствие размножения, т. е. обновления, приводит к накоплению продуктов обмена в клетках, к неблагоприятным соотношениям между массой клетки и ее поверхностью и т. д. В соответствии с этим ухудшаются условия питания высокодифференцированных клеток. Непрерывная жизнедеятельность этих клеток связана с образованием продуктов обмена, часть к-рых трудно растворима или

нерастворима и откладывается в клетках как балласт (напр., «пигмент старости» в нервных клетках). Утрата способности к делению закрывает для таких важнейших для организма в целом клеток, как нервные, путь к обновлению. Дифференцировка клеток и утрата ими способности к делению могут рассматриваться как важнейшие причины старения. Вследствие этих процессов ослабляется интенсивность обмена веществ, а следовательно, и самообновление организма. «Как только в белковом теле прекращается это непрерывное превращение составных частей, эта постоянная смена питания и выделения, — с этого момента само белковое тело прекращает свое существование, оно разлагается, т. е. у м и р а е т» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1957, с. 77).

Организм и среда. В качестве открытой системы живой организм может существовать только при условии постоянной органич. связи, взаимозависимости со средой. В то же время организм как индивид характеризуется устойчивостью относительно среды, он противопоставлен ей как целостность. Последняя есть результат приспособления в ходе естеств. отбора и ею как раз обусловлено, что жизненные процессы идут только при определенных внешних условиях. Организм является сложной гетерогенной системой, и позволительно говорить о его внутр. среде в отношении его компонентов. Далее, следует различать внешнюю для организма биологич. среду, к-рая создается другими индивидами того же вида, а также различными др. видами. Между видами устанавливаются различные взаимоотношения, иногда очень тесные и нередко довольно неожиданные. Затем существуют взаимоотношения живых организмов с неживой природой.

Ж. сосредоточена на поверхности земного шара. Эта зона Ж. наз. биосферой. Происхождение Ж. из неживой природы определило органичность их взаимосвязей. Живые тела пользуются неживой природой как источником энергии. Но в качестве биологич. систем они ассимилируют природный материал избирательно, в соответствии с механизмом своего обмена веществ, т. е. с типом отношения ассимиляции и диссимилиации. Последний является результатом длит. биологич. эволюции. Поэтому в отношении живых организмов условия среды всегда находятся в положении большей или меньшей специализации. Для нек-рых бактерий сахар — яд, для других же он совершенно необходим. Одни организмы развиваются в довольно крепких растворах серной к-ты, другие вообще не выносят самой слабой кислой реакции. Вообще, условия внешней среды, начиная от продуктов питания и кончая общими, видоспецифичны. В то же время живым организмам свойственна относит. устойчивость к изменениям внешней среды. Мн. организмы выработали способность поддерживать целый ряд внутр. условий на постоянном уровне. Уже многие одноклеточные имеют приспособления, позволяющие им сохранять уровень осмотич. давления внутри клетки при меняющемся осмотич. давлении во внешней среде. Т. н. теплокровные животные поддерживают температуру тела на постоянном уровне. Само собой разумеется, что все эти приспособления носят относит. характер и действуют в известных пределах. В этом обнаруживается далеко идущая зависимость организмов от внешней среды, к к-рой они приспособляются и к-рая кладет печать на свойства этих организмов. Соответственно учению И. В. Мичурина, условия Ж. являются ведущими в развитии органич. мира. Чем выше живой организм по уровню развития, тем шире его возможности использования условий внешней среды. Наконец, человек освобождается от биологич. приспособления к ней и своим трудом приспособляет ее к биологич. требованиям своего тела.

Однако есть и др. сторона отношений между организмами и средой. Организмы сами активно изменяют окружающую их среду. Геологич. роль организмов получила особенно подробное освещение в работах Вернадского. «На земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом» (Избр. соч., т. 5, 1960, с. 21). Большая часть веществ атмосферы является результатом жизнедеятельности организмов. Вернадский считает, что весь кислород атмосферы — такого же органич. происхождения. Почва преобразуется деятельностью обитающих в ней организмов и прежде всего бактерий. Т. н. осадочные геологические породы — органич. происхождения. Т. о., организмы активно вмешиваются в окружающую их среду и преобразуют ее. Эта активность Ж. по отношению к среде явилась той предпосылкой и возможностью, из к-рой в ходе эволюции выросли биологич. условия появления человека — властелина природы.

Виды и их эволюция. Ж. известна только в форме отдельных живых тел — индивидов. Каждый живой организм как индивид представляет собой целостную систему, единство к-рой является динамич. структурой, сохраняющейся в процессе постоянного изменения. Живым организмам свойственна *изменчивость* в процессе развития и они отличны друг от друга как индивиды. Не существует двух тождественных друг другу организмов. В то же время устойчивость их структуры определяет не только единство индивида, но и родство индивидов по происхождению. Генетич. преемственность индивидов осуществляется путем размножения через механизм *наследственности*. Т. о., в биологич. эволюции единство строения обнаруживается не в индивидах, а в систематических группах индивидов, связанных единством происхождения. Совокупность сходных индивидов, объединенных единством происхождения и способных при скрещивании давать плодотворное потомство, носит название вида (см. *Вид и видообразование*). Одной из осн. особенностей живых тел является способность их целесообразно реагировать на изменение среды, иными словами, приспособляться к этим изменениям. *Целесообразность* организма долгое время служила источником телеологич. и теологич. построений для идеалистов. Сокрушит. удар по *телеологии* нанесло учение Дарвина, к-рый дал естеств.-науч. объяснение целесообразности в живой природе своей теорией естественного отбора.

Происхождение жизни. Вокруг проблемы происхождения Ж. всегда шла и идет острая идейная борьба. Так, согласно религ. представлениям, все животные и растения возникли на Земле такими же, как они существуют и сейчас, в результате творческого акта божества, вселившего в брешню плоть жизненное начало. Виталисты считают, что Ж. существует вечно, т. е., по их мнению, живое от неживого отличается присутствием в живом особого нематериального принципа. Материалисты не отрицают возможности вечности Ж. в том смысле, что в бесконечной и вечной Вселенной Ж. постоянно где-либо возникает и где-то угасает. Однако они настаивают на естественном возникновении Ж. Ж. возникла из неорганического мира в процессе закономерного поступательного развития материи. Данные совр. науки блестяще подтвердили правильность осн. положений диалектич. материализма о Ж. и полностью опровергли домыслы религии и идеализма. Можно различать два направления работ, к-рые должны доставить фактич. материал для построения гипотезы о происхождении Ж. Одно состоит в том, что воспроизводятся нек-рые условия, имевшие место или вероятные в процессе эволюции Земли, и в эксперименте показывается, что в этих условиях могли возникать отдельные органич. вещества, встречающие-

ся в живых телах. Так, было показано, что при разрядах электричества могут возникать аминокислоты. Др. направление работ связано с поисками в пыле существующих живых тел или ископаемых к.-л. следов, указывающих на их происхождение. Это последнее направление является более надежным. Дело в том, что если экспериментально получают отдельные соединения, входящие в состав живых тел, то этим только доказываются, что они таким способом могли возникнуть, но не доказываются, что они именно так возникли. Биохимия живых тел показывает, что ми. процессы синтеза в живых телах идут совсем иными путями, чем те, к-рые избират. химик, осуществляющий органич. синтезы. Поэтому реконструкция путей возникновения Ж. связана со значит. трудностями. При рассмотрении химич. состава пыле населяющих Землю живых тел наряду с разнообразием этого состава наука сталкивается с далеко идущим его единством. Без белков и нуклеиновых к-т живые тела неизвестны. Многие физиологич. процессы, к-рые с внешней стороны и в различных деталях весьма разнообразны, при более глубоком анализе поражают своим единством. Так, за счет отщепления фосфорной к-ты от адепозинтрифосфорной и освобождающейся при этом энергии идет как синтез белков и др. соединений в животных и растениях, так и сокращение мышц и движение жгутиков у одноклеточного организма, и внедрение бактериофага в бактерию. Приведенные факты говорят в пользу единства законов происхождения Ж., в пользу того, что все живые существа возникли в результате одинаковых или очень сходных этапов в развитии материи, а может быть, и в пользу того, что все они возникли от одних и тех же простейших форм Ж. По теории Опарина, Ж. произошла путем выделения коацерватных капель из жидкостей, в к-рых в растворенном состоянии находились разнообразные белки. Эта теория дает возможность понять, как возникли первые обособленные от среды и гетерогенные по своему составу коллоидные системы, обладавшие нек-рыми признаками Ж. В коацерватах нередко возникает кристаллич. упорядоченность. Процессы жизнедеятельности характеризуются наряду с др. особенностями быстро протекающими и определенным образом направленными химич. реакциями. Течение многих этих реакций облегчено в живых телах по сравнению с тем, как они протекают в неживой природе, наличием ферментов. Живые тела должны соединять крайнюю подвижность и скорость химич. реакций с известной устойчивостью и постоянством, позволяющими им оставаться в каждый данный момент самими собой и сохранять свои свойства в потомстве. Подвижность и устойчивость — эти два свойства — живые тела должны были сочетать в своей организации, что и достигается в высокомолекулярных соединениях (макромолекулах) белков и нуклеиновых к-т.

Каково происхождение оптич. асимметрии живых тел? Механисты думают, что случайно возникла только одна молекула белка. Если бы их возникло две, то была бы большая вероятность, что одна из них будет правой, а другая левой, и тогда организмы, возникшие из них, были бы оптически симметричны, однако возникла только одна левая оптически активная молекула и она породила всю Ж. на Земле. Поскольку диалектич. материализм исходит из положения о закономерном, а не случайном возникновении Ж. в процессе развития материи, в его свете гипотеза о происхождении Ж. от одной белковой молекулы представляется неудовлетворительной. Несомненно, что в природе существуют условия, при к-рых осуществляется избират. асимметричный синтез веществ. Было показано, что такой синтез может идти в поляризованном свете. В зависимости от состояния атмосферы, в природе может наблюдаться поляризация падающего на землю солнечного света. В последнее время было показано, что различные ве-

щества, откладываясь на поверхности кристаллов, могут принимать свойственный этим кристаллам молекулярный строй, и вместе с тем было показано, что если адсорбция идет на асимметричной поверхности, то избирательно на ней будет откладываться только один оптич. изомер из находящихся в растворе над этой поверхностью. Можно предположить, что ложе, на к-ром возникла Ж., было кристаллическим и первичная упорядоченность в структуре живых тел складывалась не без влияния направляющих сил этого ложа. Наряду с асимметрией, возникающей вследствие расположения атомов в молекуле, существует и др. тип асимметрии, возникающей вследствие расположения молекул в пространстве, напр. спиральное закручивание. В последнее время в центре внимания исследователей находится спиральное строение ДНК. Было показано, что и в бактериофаге, и в спермиях животных, и, вероятно, во всей живой природе спираль ДНК закручена направо. Вопрос о значении спиральных структур для оптич. изомерии живых тел нуждается еще в дальнейших исследованиях.

В связи с проблемой происхождения Ж. возникает вопрос о минимуме качеств. разнообразия химич. состава, необходимого для того, чтобы возникла Ж. Обычно предполагали, что Ж. возникает вместе с возникновением белка. Однако, с одной стороны, не всякий белок способен обнаруживать признаки жизнедеятельности. Белок, выделенный в лаборатории, — обычно уже не живой белок, да и в самих живых телах мн. белки не могут рассматриваться как живые. К числу последних принадлежат, напр., запасные белки, к-рые живы не больше, чем крахмальные зерна.

Обнаружившееся за последние годы значение для Ж. нуклеиновых к-т заставляет предполагать, что до возникновения Ж. возник не только белок, но и нуклеиновые к-ты. Видимо, даже самое простое живое тело возникло сразу. Это был скачок от неживого к живому.

Поскольку Ж. является закономерным результатом развития материи, органич. соединения должны были возникнуть раньше, чем простейшие биологич. формы, предполагающие уже существование органич. соединений. Можно думать, что первые живые существа содержали какие-то промежуточные вещества, объединявшие свойства белков и нуклеиновых к-т. В пользу этого говорит также то, что, по-видимому, и в наст. время в живых телах как синтез белка, так и синтез нуклеиновых к-т идет через образование промежуточных продуктов, могущих давать и тот и другой полимер. Вообще, не следовало бы судить о путях происхождения Ж. только на основе того, на какие соединения живое тело может быть разложено. Вероятно, первые живые тела состояли из веществ, объединявших многие признаки тех сложных органич. соединений, к-рые позднее дифференцировались в живых телах в процессе их эволюции. Следует обратить внимание и на роль минеральных веществ в составе первичных форм Ж. Надо думать, что на самых первых этапах существования Ж. такие металлы, как железо, медь, цинк, кобальт, присоединяясь к полимерам живого тела, были несовершенными ферментами, но все же обеспечивающими возможность Ж. И теперь в состав мн. ферментов входят указанные металлы. Минеральные соединения, вероятно, уже на самых первых этапах Ж. играли роль в поддержании структуры живых тел. Ионы двухвалентных металлов, как, напр., кальция, могли служить мостиками, скрепляющими между собой отрицательно заряженные полимеры, подобно тому как они сейчас служат для скрепления в единое целое структур хромосом.

Ж. — это подлинное дитя неживой природы. Она должна была возникнуть в результате закономерного

развития этой природы и на первых этапах образовать с ней неразрывное целое. В дальнейшем Ж. все больше и больше дифференцировалась от окружающего мира неживой природы, сохраняя с ним единство. Ж. занимала все новые и новые пространства, приспосабливаясь все к новым и новым условиям. Она спустилась в глубь океанов, она поднялась на вершины гор, она образовала на Земле особую биосферу. Порожденная неживой природой и зависящая во всем от нее, Ж. в то же время превратилась в преобразователя этой природы. Ж. на Земле известна в форме белковых тел — нуклеопротеидов. Это не исключает возможности, что где-либо во Вселенной, в условиях, сильно отличающихся от условий развития Ж. на Земле, она возникла и существует в к.-л. ином химич. составе [см. А. И. Опарин, «Возникновение жизни на Земле» (3 изд., 1957)].

Можно думать, что Ж., являющаяся результатом закономерного развития материи, возникает во Вселенной в известных условиях, образующихся при достижении планетами определ. этапа развития, и что поэтому химич. свойства живого во всей Вселенной сходны. Однако нет ничего логически противоречивого и в предположении о возможности Ж. при химич. составе ее носителей, глубоко отличном от состава известных нам живых тел. Даже в условиях Земли нек-рые живые тела обладают резко уклоняющимися особенностями продуктов обмена веществ. Большая часть живых тел откладывает запасные вещества в виде крахмала, белков, жиров и др. органич. соединений. Однако, напр., серобактерии накапливают как запасное вещество минеральную серу, к-рую они окисляют до серной кислоты и таким образом добывают энергию. Нек-рые африканские растения образуют жирные кислоты, в состав к-рых входит фтор и к-рые чрезвычайно ядовиты для др. организмов. Селен химически очень близок к сере, однако он встречается в организмах обычно в очень небольших количествах, и увеличение его содержания действует на них крайне губительно. Но существуют растения (астрагалы), растущие на почвах, богатых селеном, у к-рых в аминокислотах, нормально содержащих серу (метионин, цистеин), она частично заменяется селеном. В опытах в пробирке при нек-рых ферментативных реакциях, требующих фосфорной к-ты, ее можно заменить химически близкой к ней мышьяковой к-той.

Если попытаться предположить, при каком химич. составе, резко отличающемся от состава земных живых тел, возможна Ж., то естественно прежде всего обратиться к элементам или соединениям, близким по свойствам к входящим в состав носителя Ж. на Земле. Именно по этому пути идут гипотезы, имеющие по данному вопросу в совр. науке. Наиболее часто мысль авторов гипотез обращается к кремнию — элементу, по химич. свойствам особенно близкому к углероду. Однако кремний обладает рядом особенностей, существенно отличающих его от углерода. Если аналог метана (CH_4), содержащий вместо углерода кремний (SiH_4), также газообразен, то кремниевый аналог углекислого газа (CO_2) является твердым веществом (SiO_2). Это зависит от резко выраженной способности кремниевое ангидрида к полимеризации. Т. о., живое вещество, окисляя кремний, выделяло бы твердый нерастворимый продукт. Соединения кремния легко образуют полимеры, отличающиеся исключит. устойчивостью к высоким температурам. Если представить себе Ж. в формах, приспособленных к высоким температурам, то все процессы в живых телах должны были бы идти иначе, чем на Земле; в таких условиях живые тела могли бы использовать кремний так же широко, как на Земле они используют углерод.

Вопрос об ином, чем на Земле, носителе Ж. относится к области, о которой мы не можем пока составить достаточно конкретных представлений. Однако необходимо исходить при обсуждении относящихся к этому вопросу гипотез из следующего принципиального соображения. Наличие белков, нуклеиновых кислот, их характерное строение является в условиях Земли верным критерием того, что мы имеем дело с живым телом или с продуктом его жизнедеятельности. Если Ж. возможна при ином химич. составе, то этот критерий утрачивает свое значение и возникает вопрос, как определить живое тело, хотя бы в нем не было ни белка, ни нуклеиновых кислот, ни клеточного строения. Очевидно, что критерий Ж. при таком предположении следует расширить. Мы будем считать тело живым, независимо от его химич. состава и строения, если оно будет способно к саморегуляции, к самовоспроизведению в широком смысле слова, включающем и восстановление организма путем обмена веществ, и размножение, а также к эволюции.

Успехи сов. науки и техники в исследовании космоса открывают широкие перспективы изучения Ж. на других планетах. Одна из ближайших задач в этом направлении — установить, сохранились ли остатки живых тел на таких «мертвых» небесных телах, как Луна. Если там будут найдены следы живых организмов, имеющих сходное строение с живыми телами Земли, это говорило бы в пользу единства законов развития Ж. во Вселенной.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; его же, Диалектика природы, М., 1955; Маркс, Энгельс, Ленин о биологии, М., 1933; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Пастер Л., Винная кислота и ее значение для учения о строении материи. (Об асимметрии органических соединений), СПб., 1894; Дриш Г., Витализм. Его история и система, М., 1915; Финкельштейн Е. А., Жизнь как диалектический процесс, [X.], 1928; Рижков В. Л., Курс заглавной биологии, X.-O., 1931; его же, Критерии жизни и современной биологии, «Вопр. филос.», 1959, № 5; его же, Дифференцировка цитоплазмы при видообразовании, «Ж. общ. биол.», 1959, т. 20, № 1, с. 16; Шмидт П. Ю., Анабиоз, 4 изд., [Л.], 1935; Аристотель, О частях животных, [М.], 1937; Рубинштейн Д. Л., Общая физиология, М., 1947; Гурвич А. Г., Понятие «целого» в свете теории клеточного поля, в кн.: Сб. работ по митогенезу и теории биологического поля, М., 1947; Тимирязев К. А., Краткий очерк теории Дарвина, 4 изд., М., 1948; Макаров П. В., Физико-химические свойства клетки и методы их изучения, Л., 1948; его же, Электронная микроскопия клеточного ядра и хромосом, «Усп. совр. биол.», 1960, т. 50, вып. 1, с. 44; Пасынский А. Г., Теория открытых систем и ее значение для биохимии, там же, 1957, т. 43, вып. 3; Ефимов В. В., Биохимика для врачей, М., 1952; Гвай И. И., О малоизвестной гипотезе Циолковского, [Калуга], 1959; Кузнецов П. Г., в кн.: Философские проблемы современного естествознания, М., 1959, с. 608—609; его же, Противоречие между первым и вторым законами термодинамики, «Изв. АН Эст. ССР. Сер. технич. и физ.-мат. наук», 1959, № 3; Философские проблемы современного естествознания. Тр. Всесоюз. совещания по философ. вопросам естествознания, М., 1959; Физика и химия жизни, М., 1960; Леман О., Жидкие кристаллы и теории жизни, пер. с нем., [О.], 1908]; Леб Ж., Вынужденные движения, тропизмы и поведение животных, М., [1924]; его же, Организм как целое с физико-химической точки зрения, пер. с англ., М.—Л., 1925; Шредингер Э., Что такое жизнь с точки зрения физики?, пер. с англ., М., 1947; Чайлд Ч. М., Роль организаторов в процессах развития, пер. с англ., М., 1948; Фрей-Висслинг А., Субмикроскопическое строение протоплазмы и ее производных, пер. с англ., М., 1950; Bertalanffy L. von, Kritische Theorie der Formbildung, В., 1928; Neebhaum J., Order and life, Camb.—New Haven, 1936; его же, Biochemistry and morphogenesis, Camb., 1942; Hartman M., Allgemeine Biologie, 4 Aufl., Stuttgart, 1953; Frey-Wyssling A., Macromolecules in cell structure, Camb. (Mass.), 1957; Policard A., Baudouin C. A., Les structures inframicroscopiques normales et pathologiques des cellules et des tissus, P., 1958; Heilbrunn L. V., Grundzüge der allgemeinen Physiologie, В., 1958; Netter H., Theoretische Biochemie, В., 1959. В. Рижков, Москва.

ЖИЛЬБЕР ПОРРЕТАНСКИЙ (Gislebertus Porretanus) (ок. 1080—1154) — франц. философ, представитель рационалистич. тенденций в истории зап.-европ. ср.-век. философии. С 1124 — магистр в Шартре, а за-

тем и в Париже, с 1142 — епископ Пуатье. Принимал активное участие в споре об *универсалиях*, выступая как умеренный реалист; развивал своеобразную филос. концепцию о «сущности» и «существовании», определяющих всякое бытие. Под первым («subsistentia») он понимал ответ на вопрос: «чем данное бытие определяется как таковое (quo est); под вторым («substantia») — «что такое данное бытие» (quod est). Попыткой применить эти рассуждения к понятию бога, различением понятий «deus» (бог) и «divinitas» (божественность) Ж. П. вызвал против себя обвинения со стороны *Бернара Клервоского* и его сторонников; был привлечен к суду на Реймском церк. соборе 1148; избежал осуждения, обязавшись исправить некоторые свои высказывания в «Комментариях» на трактаты Боэция («Commentaria in Boethium»), «Шестиднев» («De hebdomadibus») и «О святой троице» («De trinitate»).

В воззрениях Ж. П. наиболее прогрессивное значение имела идея о полном соответствии вещей их отражению в мышлении и языке, откуда они приходил и к выводу о том, что логика познания вещей есть логика самих вещей, т. е. что существует соответствие вещей их познанию. Ж. П., по-видимому, развивал и характерную для *шартрской школы* идею о вечности и неустойчивости мира. Ж. П. оказал большое влияние на многих современников и более поздних мыслителей вплоть до *Иоахима Флорского* и *Экхарта*. Приписывавшееся Ж. П. авторство трактата «О шести началах» («Liber de sex principiis»), рассматривавшегося как дополнение и комментарий к учению Аристотеля о категориях и пользовавшегося огромной популярностью до 16 в., в последнее время подверглось сомнению.

Соч.: Commentaria in Boethium, в кн.: Patrologiae cursus completus, ser. latina, accur. J. P. Migne, t. 64, P., 1861, col. 1255, 1313, 1353; Lettres à Bernard de Chartres, в кн.: Yves de Chartres, Lettres de Yves de Chartres et d'autres personages de son temps, 1087—1130, P., 1885 (Mémoires de la Société archéologique d'Eure-et-Loir, t. 8); The commentary... on Boethius «De hebdomadibus Traditio», 1953, [№] 9, p. 177—211; Liber de sex principiis, 2 ed., Monasterii, 1953; The commentary... Contra Eutychem et Nestorium, «Arch. d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge», 1954, an. 29, p. 241—357; The commentaries... on the two Boethia «Opuscula sacra» on the Holy Trinity, в кн.: Nine mediaeval thinkers. A collection of hitherto unedited texts. Ed. by J. R. O'Donnell, Toronto, 1955 (Studies and texts, 1), p. 23—98.

Лит.: Berthaud A., Gilbert de la Porrée et sa philosophie, Poitiers, 1892; Duham P., Le système du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic, t. 5, P., 1954; Hayen A., Le concile de Reims et l'erreur théologique de Gilbert de la Porrée, в кн.: Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge, années 1935 et 1936, P., 1936; Vicair E. M. H., Les porréains et l'avicennisme avant 1215, «Rev. sci. philos. et théolog.», 1937, an. 26, № 3; L'eu H., Studie sur Geschichte des Materialismus im Mittelalter, В., 1957. Б. Рамм, Ленинград.

ЖИЛЬСОН (Gilson), Этьенн (р. 13 июня 1884) — франц. бурж. философ, представитель *неотомизма*. Историк ср.-век. философии, академик (1946), проф. Коллеж де Франс и ун-тов Лилля, Страсбура, Парижа, Гарварда (США); директор Ин-та средних веков в Торонто (Канада). Осн. задачей философии считает возрождение схоластич. системы Фомы Аквинского как «философии будущего». Возрождение томизма Ж. видит гл. обр. в восстановлении утраченных ныне прав теологии. Вся тайна томизма, по Ж., заключается в достижении гармонии философии и религии, причем гармония эта «выступает как необходимое следствие требований самого разума» («Le Thomisme. Introduction à la philosophie de saint Thomas d'Aquin», P., 1942, p. 39). Ж. утверждает, что христ. откровение с его трансцендентными и непознаваемыми разумом истинами, с новым понятием «христианского» бога якобы вызвало революцию в метафизике и онтологии. Он рассматривает философию начиная с эпохи Возрождения как непрерывную цепь ошибок и заблуждений. В историко-филос. работах Ж. при

помощи определ. интерпретации истории человеческой мысли стремится доказать, что единственным выходом из тупика, в к-рый зашла философия, является возвращение к позициям средневековья. В противоположность *Маритену*, Ж. отрицает как противоречие в самой своей основе определение томизма как «критического реализма» (см. «*Réalisme thomiste et critique de la connaissance*», P., 1947, p. 162—63, 181, 182), противопоставляя ему свою концепцию непосредств. очевидности реальности (идеалистически истолкованной) как предшествующей любому акту теоретич. познания. Ж. признает роль чувственного и рационального моментов в познании, но считает, что и тот и другой постигают лишь внешнюю поверхностную сторону исследуемых предметов, ибо сущность мироздания раскрывается лишь в «откровении», к-рое содержится в религии; философия достигает лишь отпосит. истины, абсолютную же истину дает религия.

Соч.: *La philosophie de Saint Bonaventure*, P., 1924; *Saint Thomas d'Aquin*, P., 1925; *Théologie et histoire de la spiritualité*, P., [1943]; *La philosophie au moyen-âge*, 2 éd., P., 1944; *L'esprit de la philosophie médiévale*, P., 1948; *Existentialisme chrétien*, P., [1948]; *Christianisme et philosophie*, P., 1949; *Jean Duns Scot. Introduction à ses positions fondamentales*, P., 1952; *Les métamorphoses de la Cité de Dieu*, [P.], 1953; *Church speaks to the modern world*, N. Y., 1954; *Les idées et les lettres*, P., 1955; *The unity of philosophical experience*, Phil., 1955; *History of christian philosophy in the Middle Ages*, N. Y., 1955; *Peinture et réalité...*, P., 1958; *Introduction à la philosophie chrétienne*, P., 1960; *Le philosophe et la théologie*, P., 1960.

Лит.: Быховский В. Э., Неотомизм — современная философия католицизма, в сб.: *Наука и религия*, М., 1957; е го же, Неотомистская критерология, в сб.: *Практика — критерий истины в науке*, М., 1960; Ойзерман Т. И., Неотомизм — философия современной реакционной буржуазии, М., 1959; *Maritain J.* [и др.], E. Gilson, philosophe de la chrétienté, [P.], 1949; *Rom e y e r B.*, Oú va l'être et l'essence de M. Gilson? Quelques constantes de la pensée philosophique, P., 1952 (*Archives de philosophie*, v. 18, cahier, 2); *S e r o u y A.*, Le néo-thomisme, в е го кн.: *Initiation à la philosophie contemporaine*, P., 1956; *Mélanges offerts à Etienne Gilson de l'Académie française*, P., 1959; *V a n R i e t G.*, Problèmes d'epistémologie, Louvain — P., 1961; *S é r a n t P.*, Les idées. L'existentialisme de Jean-Paul Sartre et le thomisme d'Etienne Gilson, «*La revue des deux mondes*», 1960, № 20, p. 728—35; *D a m b r u y a n t M.*, A propos d'une série de livres catholiques de Gilson, «*Cahiers du communisme*», 1961, [№ 1], p. 229—45.

Т. Сахарова. Москва.

ЖИТЛОВСКИЙ, Хант Носифович (1865—1943) — один из теоретиков партии эсеров и еврейского националистич. движения, выступавший в конце 19 — нач. 20 вв. с критикой марксистской диалектики. С 1908 жил в США, сотрудничал в прогрессивных журналах; в последние годы жизни относился с симпатией к СССР.

Работы Ж. «Очерки по истории и критике марксизма» («*Beiträge zur Geschichte und Kritik des Marxismus*», «*Deutsche Worte*», 1895—96, Jg. 15—16), «Материализм и диалектическая логика» («*Рус. богатство*», 1898, № 6, 7; псевд. — Н. Г.; отд. изд. 1907), «Так называемый кризис внутри марксизма» («*Die sogenannte Krise innerhalb des Marxismus*», «*Socialistische Monatshefte*», 1900, Jg. 4) и др. были звеном в серии народнич. атак против марксистского филос. метода (ср. статьи *Михайловского*, И. Б[русиллов]ского — «Нечто о диалектическом методе», «*Русское богатство*», 1895, № 4, Ю. Делевского — «Диалектика и математика», там же, 1902, № 6, и др.). Признавая значение диалектики как учения о развитии, Ж. утверждал, что она несостоятельна как логика и теория познания. Он отрицал какое бы то ни было познават., методологич. значение диалектики, допустимость противоречия в понятии (рассматриваемое им исключительно как формально-логич. абстракция), возможность внутр. противоречий как источника движения.

На статью Ж. «Материализм и диалектическая логика» обратил внимание В. И. Ленин, считавший, что рассуждения Ж. «интересны — с отрицательной

стороны» (см. Соч., т. 34, с. 5). Г. В. Плеханов в предисловии ко 2-му изд. работы Энгельса «*Людвиг Фейербах...*» (1905) показал, что доводы Ж. против диалектики ведут к отрицанию движения, к-рое только и может быть диалектическим, а также к отрицанию науч. теории познания, к-рая без диалектики невозможна (см. «*Избр. филос. произв.*», т. 3, 1957, с. 79, 81, 83—84, 697). Выступления Ж. критиковались также Я. *Тышкой*, В. Бонч-Бруевичем и др. марксистами.

Лит.: *История философии*, т. 5, М., 1961, с. 42—43; Н. Х. [Херсонский], Опровергнута ли диалектика?, «*Науч. обозрение*», 1898, № 12; Егоршин В., Диалектика у Ленина и народники, «*Под знаменем марксизма*», 1928, № 1, с. 45; Лупол И. К., Ленин и философия, 3 изд., М.—Л., 1930, с. 31 и след.; Бонч-Бруевич В. Д., *Избр. соч.*, т. 2, М., 1961, с. 206—208.

ЖОЖА (Joja), Атанасие (р. 3 июня 1904) — рум. политический деятель и философ-марксист. Президент Академии РНР (с 1959). Профессор (с 1948), руководитель кафедры логики Бухарестского ун-та (с 1951). Редактор журнала «*Acta logica*» (с 1958). Член ЦК РПР (с 1955), член Гос. совета РНР (с 1961).

Еще в период, когда Коммунистич. партия Румынии находилась в подполье, Ж. выступал с антифашистскими работами по социально-политич. и культурным вопросам. После освобождения страны (23 авг. 1944) Ж. опубликовал значительные исследования по вопросам диалектич. материализма, логики, истории логики и критики совр. идеалистич. течений в области логики и теории познания. В последнее время науч. деятельность Ж. сосредоточивается гл. обр. на проблемах диалектической логики; в этой области он опубликовал свои основные работы.

Соч.: *Studii de logica*, [Бuc.], 1960; в рус. пер.: *Марксистско-ленинская диалектика — методологическая основа наук*, «*Биолетень научной информации*», Бухарест, 1958, № 1; О некоторых сторонах диалектической логики, в кн.: *Проблемы философии. Сб. работ современных румынских философов*, М., 1960; В. И. Ленин о разработке диалектической логики в связи с общим развитием логики, «*Философские науки*» (Научные доклады высшей школы), 1962, № 1—2.

Лит.: Завадская Н. В., Современные румынские философы, «*Вопр. философии*», 1960, № 1.

Ин-т философии Академии РНР.

ЖОЛИО-КЮРИ (Joliot-Curie), Фредерик (19 марта 1900 — 14 авг. 1958) — франц. физик, один из самых выдающихся ученых 20 в., сторонник диалектич. материализма, замечательный обществ. деятель и бор-

рец за мир, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Сын участника Парижской Коммуны. В 1923 окончил Парижскую школу физики и химии, где изучал физику под руководством *Ланжевена*. С 1925 работал в лаборатории М. Кюри-Склодовской в Ин-те радия. В 1930 защитил докторскую диссертацию об электрохимии полония. В 1928 совместно с Ирен Кюри, ставшей его женой, начал исследования ядерных реакций посредством облучения легких элементов альфа-лучами. Эти исследования привели к ряду открытий и гипотез. Среди них — экспериментальное доказательство в январе 1932 существования нейтрона, открытого месяц спустя англ. физиком

Дж. Чедвиком; изучение процессов т. п. рождения (1933) и аннигиляции (1934) электроно-позитронной пары; открытие в 1934 явления искусств. радиоактивности как следствия ядерных превращений, указавшее путь к высвобождению и использованию энергии атомных ядер. В 1935 за открытие искусств. радиоактивности супруги Ж.-К. были удостоены Нобелевской премии по химии.

С 1937 Ж.-К. — проф. Коллеж де Франс. В 1939 совместно с учениками исследовал процесс получения вторичных нейтронов, показав принципиальную возможность осуществления цепной ядерной реакции. В 1948 Ж.-К. и его сотрудники осуществили в парижском форте Шатильон пуск первого франц. атомного реактора «30Э» («Жизнь»).

Этот краткий перечень науч. работ Ж.-К. показывает, как велики его заслуги в развитии совр. физики. С именем Ж.-К. связаны важнейшие экспериментальные и теоретич. исследования новой области физич. явлений — физики микромира. Они способствовали разработке науч. методов познания специфич. закономерностей микрообъектов. Открытие супругами Ж.-К. искусств. радиоактивности явилось одной из крупнейших вех в развитии совр. физики.

Труды Ж.-К., раскрывавшие специфику взаимодействия различных видов материи — света и вещества, диалектику материальных превращений в микромире, явились блестящей конкретизацией и подтверждением принципов диалектич. материализма.

В науч. деятельности Ж.-К. смелая фантазия сочеталась с тщательно поставленными экспериментами. Являясь неутомимым экспериментатором, он подчеркивал, что «... всегда следует осуществлять эксперимент, если он возможен, даже и в том случае, если средства, которыми можно располагать, несовершенны» (Избр. труды, М., 1957, с. 523).

Ж.-К. являлся также выдающимся обществ. деятелем. В годы оккупации Франции он участвовал в борьбе против фашизма и в 1942 вступил в ряды Коммунистич. партии. С 1949 Ж.-К. был бессменным руководителем движения сторонников мира, являясь председателем его Постоянного комитета, а затем — Всемирного Совета Мира. В своих докладах и выступлениях на конгрессах он подчеркивал необходимость прекращения испытаний и запрещения атомного и водородного оружия, необходимость использования внутриатомной энергии исключительно в мирных целях. «Именно потому, что я знаю, что может дать миру наука, — говорил он, — я буду продолжать свои усилия, чтобы заставить ее служить счастью людей...» («Пять лет борьбы за мир», М., 1955, с. 118).

Ж.-К. был большим другом Советского Союза, иностранным членом АН СССР. С 1933 он неоднократно приезжал в СССР, участвовал в работе науч. конференций, выступал с докладами.

Ж.-К., так же как и его учитель П. Лавжевен, принадлежал к числу крупнейших физиков, сумевших оценить науч. значение диалектич. метода для физич. исследований. Подчеркивая прогрессивную роль ученых, вооруженных диалектико-материалистич. методологией, он говорил: «Объединенные в великом коллективе всех трудящихся, они борются за построение лучшего мира, справедливого и не угрожающего никому, — мира, где наука будет доминирующим фактором материального и духовного освобождения человечества» (Избр. труды, М., 1957, с. 513). В науч. исследованиях Ж.-К., в его филос. взглядах и социальной позиции воплотилось все лучшее, характерное для подлинных ученых-революционеров, преобразователей в науке и обществ. жизни. Как физик, обогативший науку бессмертными открытиями, и как человек, преданный коммунистич. идеа-

лам, Ж.-К. находился в первых рядах естествоиспытателей, служащих интересам трудящихся.

Замечательная жизнь и деятельность Ж.-К. показывает, как важно для ученого овладение передовой филос. методологией, к-рая способствует и его науч. достижениям, и выполнению обществ. долга — борьбе за мир и социальный прогресс. В послании ЦК КПСС Центральному Комитету коммунистич. партии Франции говорилось: «... жизнь Фредерика Жолио-Кюри, полная кипучей и разносторонней деятельности, представляет собой блестящий образец мужества и неутомимой энергии коммуниста — борца за дело трудящихся Франции, выдающегося ученого, отдавшего свои огромные знания и талант на службу человечеству, на дело мира и дружбы между народами» («Правда», 1958, 16 авг., с. 3).

Соч.: Radioactivité artificielle, P., 1935 (совм. с I. Joliot-Curie); в рус. пер.: Пять лет борьбы за мир, М., 1955; Избр. труды — Фредерик и Ирен Жолио-Кюри. Совм. труды, М., 1957.

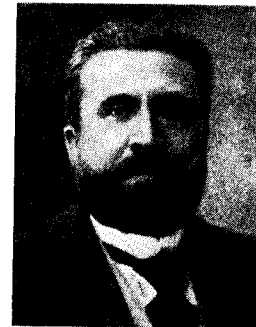
Лит.: Фредерик Жолио-Кюри — выдающийся ученый, пламенный борец за мир. (К пятидесятилетию со дня рождения), «Успехи физ. наук», 1950, т. 41, вып. 3; Шахматовская М. П., Фредерик Жолио-Кюри, там же, 1959, т. 67, вып. 1; Кедров Ф., Фредерик Жолио-Кюри, М., 1960; Rouzé M., Frédéric Joliot-Curie, P., [1950].

А. Помер. Москва.

ЖОРЕС (Jaurès), Жан (3 сент. 1859—31 июля 1914) — деятель франц. и междунар. рабочего движения, борец против милитаризма и войны, историк, философ и социолог. Проф. философии Тулузского ун-та (1883—85; 1889—93). Будучи избран в парламент, Ж. примыкал к бурж. радикалам (1885—89). В 1893 Ж. возвратился в парламент уже с социалистич. убеждениями, возглавляя группу радикал-социалистов; в 1902 Ж. и его сторонники создали франц. социалистич. партию, к-рая в 1905 слилась с руководимой Гедом Социалистич. партией Франции; руководство в объединенной франц. социалистич. партии захватили жорестисты. Ж. — основатель и редактор (1904—14) центр. органа партии — газ. «Humanité», ставшей впоследствии органом ЦК Франц. коммунистич. партии.

В философии Ж., к-рую он сам называл пантеизмом, наблюдается эклектич. сочетание идеалистич. идей с нек-рыми материалистич. положениями. Убежденный борец против клерикальной реакции, Ж. решительно отвергал существование стоящего над миром личного бога традиционных религий (см. «Cours de philosophie», в журн.: «Europe», oct.-nov., P., 1958, p. 137—39). Он доказывал, что материя существует вечно и что чувственный мир реален. Однако эта реальность чувственного мира, согласно Ж., есть результат его причастности к некоему безличному богу, называемому «абсолютным сознанием»; это сознание объемлет все, является высшей реальностью, «я всех я, единством всех единств, истиной всех истин» («De la réalité du monde sensible», P., 1902, p. 427). Эклектизм Ж. связан с гилозонтисч. убеждением в том, что «сознание неотделимо от того, что называется материей», что «мир повсюду полон жизни, чувства и мысли» («Cours de philosophie», в журн.: «Europe», oct.-nov., 1958, p. 135).

Идеализм проявился и в понимании Ж. обществ. жизни. Отрывая развитие человечества от развития общества, Ж. считал, что историч. эволюция человека предшествовала его психологич. эволюции, в ходе к-рой образовались осн. черты человек. характера (эстетич. чувство, потребность в единении и т. д.); эти

черты оказывают затем постоянное влияние на историч. эволюцию, модифицируя ее (см. «Idealisme et matérialisme dans la conception de l'histoire», Lille, 1901; рус. пер. «Идеалистическое и материалистическое понимание истории. Доклад Ж. Жореса и ответ П. Лафарга», СПб, 1906, с. 12—13). Пропагандируя ряд положений учения Маркса (напр., теорию прибавочной стоимости), Ж. не принимал марксизма в целом, упрекал его в односторонности. Стремясь все примирить, Ж. пытался доказать, что материалистич. и идеалистич. понимание истории не исключают, а дополняют друг друга, поэтому необходим их синтез (см. там же, с. 17—18). Несостоятельность этих взглядов Ж. была убедительно показана *Лафаргом* (см. там же, с. 19—38).

Социализм для Ж. вытекал не из объективных закономерностей обществ. развития, а из требований совести, был постулатом практич. разума («О первых проявлениях немецкого социализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля» — «De primis socialismi germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel», 1891). В прямой связи с таким пониманием социализма находится этич. социализм совр. франц. социалистич. к-ры часто ссылаются на Ж. как на своего предшественника. Истолковывая социализм в бурж.-демократич. духе, Ж. рассматривал его как прямое продолжение дела франц. бурж. революции конца 18 в., как последоват. проведение республиканства.

Будучи реформистом в политике, Ж. отрицательно относился к революции и диктатуре пролетариата, надеясь на мирное преобразование капиталистич. общества в социалистическое путем национализации гос-вом (к-рое Ж. считал надклассовой силой) капиталистич. предприятий и привлечения рабочих к их управлению, а также путем развития кооперативов (см. критику В. И. Ленина, Соч., т. 16, с. 249—57). Ж. приветствовал вхождение в бурж. пр-во франц. социалиста Мильерана. Он преувеличивал значение парламентских методов борьбы за социализм, возлагая все надежды на победу рабочего класса на выборах. Партию Ж. рассматривал только как избират. аппарат.

Несмотря на серьезные теоретич., политич. и тактич. ошибки, своей страстной борьбой против всех форм социальной несправедливости (напр., дело Дрейфуса), разоблачением эксплуататорской сущности капиталистич. строя, выступлениями против колониальной экспансии, милитаризма и войн Ж. завоевал широкую популярность во франц. народе. «Война, — говорил Ж., — как и прямая эксплуатация труда рабочего, является одним из проявлений капитализма, и пролетариат может вести систематическую и эффективную борьбу против войны, подобно тому как он предпринял систематическую и эффективную борьбу против эксплуатации рабочей силы» («Textes choisis», t. 1, P., 1959, p. 129).

В 1896 Ж. писал, что социалисты отвергают колониальную политику, «потому что она ведет к расточительству богатств и сил, которые отныне должны быть направлены на улучшение участи народа. Мы отвергаем ее потому, что она есть самое плачевное следствие капиталистического режима, который, не вознаграждая всего труда и суживая потребление у себя в стране, должен путем завоеваний и насилия создавать вдали новые рынки. Мы ее отвергаем, наконец, потому, что во всех колониальных экспедициях несправедливость капитализма увеличивается, сочетаясь с крайней коррупцией» (там же, p. 97). Решит. антивоен. выступления Ж. вызвали озлобление шовинистов. Накануне 1-й мировой войны Ж. был убит. Лучшие традиции деятельности Ж. продолжают и развивают ФКП, мировое коммунистическое движение.

Соч. : Oeuvres, v. 1—9, P., 1931—39; Études socialistes, 2 éd., P., 1902; Histoire socialiste de la révolution française, t. 1—3, 1922—27; Textes choisis, [t. 1]—Contre la guerre et politique coloniale, P., [1959]; [Ред. на кн.], «La Pensée», 1959, № 88, p. 107—10; в рус. пер.: Идея мира и солидарность пролетариата, [Одесса], 1905; Аграрный социализм, [Одесса], 1905; Интернационализм и патриотизм, К., 1906; Республика и социализм, Одесса, 1906; Социальные этюды, СПб, 1906; Тактика социал-демократии, СПб, [1907]; Политические и социальные идеи Европы и великая революция, СПб, 1907; Избр. речи и статьи, СПб, 1907; Социалистическая история (1789—1900), т. 1, 9—12, СПб, 1908; Новая армия, П., 1919; История Великой Французской революции, т. 1—3, [М.], 1920—24; Против войны и колониальной политики, М., 1961.

Лит.: Ленин В. И., Шаг вперед, два шага назад, Соч., 4 изд., т. 7, с. 369—72; е го же, Падение Порт-Артура, там же, т. 8, с. 36—37; е го же, Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, там же; е го же, Международный социалистический конгресс в Штутгарте, там же, т. 13, с. 59—65; е го же, Воинствующий милитаризм и антимилитаристическая тактика социал-демократии, там же, т. 15; е го же, Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию, там же; е го же, О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве, там же, т. 17, с. 127—128; Плеханов Г. В., Патриотизм и социализм, в кн.: Избр. филос. соч., т. 3, М., 1957; Павлович М. П., Смерть Жореса, П., [1916]; Рапoport Ш., Жан Жорес. Человек-мыслитель-социалист, пер. с франц., Гомель, 1921; Клеман Ж., Жорес реформист, пер. с франц., М.—Л., 1931; Богомоловный Я. И., Жорес и жоресизм, Л., 1934; Брюа Ж., Жан Жорес и колониальная проблема, в сб.: Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции, 1958, М., 1959, с. 408—27; Гароли Р., Гневный обличитель сил реакции и войны, «Правда», 1959, 3 сент., № 246; Манфред А. З., Жан Жорес — боец против реакции и войны, «Новая и новейшая история», 1959, № 5, с. 81—91; Торез М., Сын народа, пер. с франц., М., 1960, с. 32, 55—56, 113, 253; Ruhe A., Jean Jaurès, Malmö, 1907; Rolland R., Jaurès, P., 1915; Volkart O., Jean Jaurès, Bern, 1917; Beer M., Jean Jaurès. Sozialist und Staatsmann, 4 Aufl., B., 1918; Pease M., Jean Jaurès, socialist and humanitarian, 2 ed., L., 1920; Gouttenoire de Toury F., Jaurès et la parti de la guerre, P., 1922; Soulié L., La vie de Jaurès, 2 ed., P., 1923; Lévy-Bruhl L., Jean Jaurès, 6 ed., P., 1924; Pignatelli F., Jaurès par ses contemporains, P., 1925; Luxemburg R., Gesammelte Werke, Bd. 4, B., 1928; Banning W., Jaurès als Denker, Arnheim, 1931; Blum L., Jean Jaurès, [3 éd.], P., 1937; Desanges P., Vie de Jaurès, P., 1938; Garuda y R., Jean Jaurès, «Cahiers du communisme», 1946, № 7, p. 599—608; Chaillye F., Jaurès, nouv. éd., P., [1948]; Zévaès A., Jean Jaurès, P., [1951]; Toussaint F., Jaurès intime, [P., 1952]; Aclair M., La vie de Jean Jaurès..., P., [1954]; Figueres L., Sur la position de Jaurès et du jauréisme..., там же, 1956, № 1—2, 4, p. 76—93, 413—435; Cogniot G., Jaurès défenseur de la paix, там же, 1959, № 10, p. 927—45; Duclos J., Jean Jaurès et nous, там же, 1959, № 9, p. 719—33; Fourniau Ch., Jean Jaurès, critique de Bernstein, там же, 1959, № 9, p. 734—49; Poulain G., Jaurès universitaire, «Les lettres Françaises», 1959, 3—9 sept., № 788, p. 1, 5; Tétard G., Essai sur Jean Jaurès, [Columbes], 1959 (им. библиография). В. Гумицов. Москва.

ЖУЕВИЧ (Жујовић), Живоин (1838—25 апр. 1870) — серб. экономист и философ-материалист, утопич. социалист и демократ. Изучал богословские науки в Киеве и Петербурге, учился на юридич. фак-те Петерб. ун-та (1863—66). Сотрудничал в «Современнике» (статьи «Славянский юг», 1863, № 6; «Сербское село», 1865, № 5, и др.) и «Отечественных записках». Нек-рое время изучал философию и право в Мюнхене и Цюрихе, в августе 1867 вернулся на родину. Осн. работы написаны в конце 60-х гг. в Белграде.

Ж. первым в Сербии высказал мысль о том, что развитие обществ.-политич. и экономич. отношений является закономерным процессом. Отстаивая идею о труде как основе социальной жизни, Ж. подверг критике систему наемного капиталистич. рабства и ее защитников — бурж. экономистов. Ж. стремился к преобразованию общества в интересах трудового народа, мечтая о том времени, когда исчезнет эксплуатация, не будет ни хозяев, ни слуг; он ратовал за распространение знаний среди нар. масс. Св. *Маркови* назвал Ж. «первым социалистом среди сербов» (Избр. соч., М., 1956, с. 853).

Все явления природы и общества Ж. рассматривал как следствие общих, неизменных, независимых от человека причин, к-рые вечны так же, как и весь мир.

«Законы... существуют помимо нашей воли и только наше знание того, что они существуют, создает науку» («Целокупна дела», св. 1, Београд, 1892, с. 136). Ж. пытался дать науч. объяснение происхождению человека, пропагандировал труды Дарвина и Сеченова, выступал против концепции «свободы воли». Подверг резкой критике реакц. теорию Мальтуса.

Соч.: Целокупна дела, св. 1, Београд, 1892.
Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 460—62; Petrović R., Bibliografija radova Zivojina Zujovića, Beograd, 1950 (отгиск); Янковић М. В., Педагошки погледи првих српских социјалиста.—Ж. Жујовића, Св. Марковића и В. Педагића, Београд, 1952.

ЖУКОВСКИЙ, Юлий Галактионович (1822—1907)—рус. бурж. экономист и историк обществ. мысли. Сотрудничал (1860—66) в «Современнике», редактировал совм. с Антоновичем журн. «Космос» (1869). Автор произв. «Политические и общественные теории XVI века» (1866), «Прудон и Луи Блан» (1866) и др. В кн. «История политической литературы XIX столетия» (т. 1, 1871), изображая филос. идеи как основу политич., экономич. и др. теорий, Ж. делил все общепилос. системы на фаталистические, отрицающие, по его мнению, возможность произвольного устройства человек. жизни, и социалистические, признающие эту возможность. Ж. отвергал оба эти направления как крайности. Венцом развития обществ. мысли Ж. считал работы А. Смита, Мальтуса, Рикардо, Сея. Они, по Ж., от априористич. и умозрит. философствования обратились к сближению отвлеченных нравств. принципов с материальными жизненными потребностями. В гос-ве Ж. видел слияние двух осн. филос. начал: подчиненности человек. общества естеств.-экономич. законам и проявления его сознат. регулирующей деятельности. Ж. отрицал антагонистич. природу капиталистич. отношений.

Одним из первых в России Ж. выступил против экономич. и филос. идей Маркса. Не различая гегелевской и марксистской диалектики, Ж. утверждал, что диалектика Маркса — лишь искусств. форма, в к-рую облечено экономич. учение (см. «К. Маркс и его книга о капитале», в журн.: «Вестник Европы», 1877, № 9, с. 64—105). С позиций вульгарной бурж. политич. экономии Ж. критиковал также экономич. учение Маркса, сближая его с теорией Сисмонди.

Соч.: Общественные отношения России с точки зрения исторической науки права, в кн.: Весна. Литературный сборник на 1859 г., СПб, 1859; Из человеческой правды и нравственности, «Современник», 1860, № 5, отд. 1; Что такое право? Наша ученая простота и немец Блунчли, там же, № 11; О народности в политике, там же, 1863, № 1; Крестьянское дело и общественная инициатива, ст. 1—2, там же, № 3, 5; Методы юридической науки, I—II, там же, № 6, 10; Смитовское направление и позитивизм в экономической науке, ст. 1—3, там же, 1864, № 9, 10—12; Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции, там же, № 4, 6; Прудон и его экономическая система противоречий, ст. 1—3, там же, 1865, № 2, 3, 7; Вопрос молодого поколения, ст. 1—2, там же, 1866, № 2—3; XIX век и его нравственная культура, СПб, 1909.

Лит.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 2 изд., [Л.], 1951 (см. Указатель имен); Ленин В. И., Полн. собр. соч., 5 изд., т. 1, с. 131, 170—71; т. 4, с. 201; Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956, с. 694—98; Михайловский Н. К., О литературной деятельности Ю. Г. Жуковского, в его кн.: Полн. собр. соч., т. 4, 4 изд., СПб, 1909; его же, Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, там же; Зибер Н., Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», в его кн.: Избр. экономич. произв., т. 1, М., 1959; Реуэль А., Полемика вокруг «Капитала» Карла Маркса в России 1870-х годов, «Летопись марксизма», 1930, № 1 (11); Козьмин Б. П., Из истории революционной мысли в России, М., 1961.

ЖУРАВКОВ, Михаил Гаврилович [р. 9 (22) ноября 1906] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1956). Член КПСС с 1926. Окончил Институт красной профессуры (1936). Преподает философию с 1933. Зав. сектором этики Ин-та философии АН СССР (с 1960). Работает преимущественно над вопросами марксистско-ленинской этики, коммунистич. воспитания

трудящихся, сов. воен. науки. Под редакцией Ж. изданы работы: «Критика и самокритика в советском обществе» (1955), «Вопросы нравственности» (1962).

Соч.: Моральный облик советского воина, М., 1954; Морально-политический фактор в современной войне, М., 1958 (руководитель авторского коллектива); О коммунистическом воспитании трудящихся, М., 1959; В. И. Ленин об источниках и значении морально-политического фактора в современной войне, М., 1960; Военно-теоретическое наследие В. И. Ленина, М., 1960 (член авторского коллектива и редактор); XXII съезд КПСС и некоторые вопросы этики, «Вопр. философии», 1962, № 2.

ЖУРНАЛЫ ЛОГИЧЕСКИЕ — см. *Логика*.

ЖУРНАЛЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ — см. *Психология*.

ЖУРНАЛЫ ФИЛОСОФСКИЕ — см. *Философия*.

ЖУФРУА (Jouffroy), Теодор Симон (7 июля 1796—1 марта 1842) — франц. философ-эклектик. Проф. Сорбонны и Коллеж де Франс; наиболее известный ученик Кузена; на его взгляды оказали влияние также Кант, Мен де Биран, Шотландская школа. Вслед за шотл. философами Ж. воспевал обыденное сознание («здравый смысл»), якобы способное охватить всю истину в целом, в то время как философия объясняет лишь нек-рую часть этой истины. Претендуя на то, чтобы подняться над борьбой материализма и идеализма («спиритуализма»), Ж. в ряде вопросов занимал дуалистич. позицию, хотя осн. чертой его философии является идеализм. Ж. признавал объективное существование вещей вне человека и вместе с тем идеальность души. Мир, по Ж., состоит из инертной материи и активной силы; жизнь каждого существа — это борьба материи и силы (см. «Mélanges philosophiques», P., 1833, p. 410—11).

Предмет психологии Ж. определял идеалистически — как наблюдение фактов сознания вне их связи с внешним миром; важнейшая роль отводилась им самонаблюдению. С этих позиций он боролся против сенсуализма Кондильяка.

В области философии истории Ж. поддерживал теорию поступат. развития человечества, но дал ей теологич. истолкование в духе *Воспоэ*. Хотя, по Ж., ход истории предопределен, воля человека свободна. Назначение человека в мире («человеческая судьба») — созидание, сохранение и развитие человек. личности — осуществляется в земной жизни лишь частично. Вера в загробное существование — это надежда на полное осуществление судьбы человека. Ж. был сторонником *естественного права* в его теологич. интерпретации.

Соч.: Introduction, в кн.: Reid Th., Oeuvres complètes, t. 1, P., 1829; [Préface], в кн.: Stewart D., Esquisses morales, trad. par Th. J., 3 éd., P., 1841; Cours de droit naturel, t. 1—2, P., 1858—66; Cours d'esthétique, 4 éd., P., 1883.

Лит.: Тэн И., Французская философия первой половины XIX века, пер. с франц., СПб, 1896; Adam Ch., La philosophie en France, P., 1894; Ollé-Laprune L., Th. Jouffroy, P., 1899; Salomon M., Th. Jouffroy, P., 1907; Lambert L., Der Begriff des Schönen in der Ästhetik Jouffroy's, Mainz, 1908; Pommer J., Deux études sur Jouffroy et son temps, P., 1930.
В. Кузнецов. Москва.

ЖЭНЬ (кит. — гуманность, гуманизм, человеколюбие) — 1) Одна из осн. эthic. категорий *конфуцианства*. У Конфуция и Мэн-цзы Ж. выступает как проявление в человек. отношениях принципа *ли*, к-рый отражает совокупность обществ. отношений, политич. и экономич. порядок в обществе. «На то, что противоречит *ли* — не смотри, того, что противоречит ему — не слушай, того, что противоречит ему — не говори, того, что противоречит ему — не делай» («Луньюй», XII, 1). Без Ж. ли недействительно: «Если человек не обладает жэнь, то что толку в ли? Если человек не обладает жэнь, то что толку в музыке?» («Луньюй», III, 3).

В идее Ж. получила отражение классовая сущность рабовладельч. и феод. общества Китая с его иерархией, отношениями господства и подчинения. Подлинная гуманность предполагает самоотречение во имя социальной

дения ли, во имя обществ. интересов. Гуманность правителя, по Конфуцию, состоит в том, чтобы осуществлять разумную и мудрую политику, направленную на соблюдение ли.

Как общий этич. принцип Ж. конкретизируется в более частных принципах: долге, справедливости, рассматриваемых как основа управления государством и умиротворения подданных. Согласно конфуцианству, для каждого человека отведено справедливое место в обществе, и он должен добросовестно исполнять свои обязанности. Принцип Ж. регулирует не только отношения внутри гос-ва, но и внутри семьи, к-рая рассматривается конфуцианством как основа, «корень» гос-ва.

Гуманный человек, согласно конфуцианству, должен обладать многими положительными качествами: мудростью («Не будучи мудрым, как можно быть гуманным», «Луньюй», V, 18), храбростью, верностью, честностью и прямолинейностью. В отношениях между собой благородные должны проявлять взаимодоверие, взаимопомощь.

С эволюцией конфуцианства изменялось также и содержание категории Ж. Так, в 19 в. Тань Сы-тун в соч. «Учение о гуманности» («Жэнь сюэ», 1898, последнее изд. 1958) вкладывает в понятие Ж. буржуазно-демократич. содержание. В то же время Ж. выступает у него и как космологич. принцип.

Являясь одной из осн. этич. категорий конфуцианства, Ж. получило в различные периоды кит. общества различное истолкование. Гуманистич. идея, содержащаяся в Ж., позволила многим мыслителям трактовать категорию Ж. именно с этой стороны, что дает основание рассматривать ее как осн. понятие кит. гуманизма. Э. Баталов, Москва.

2) Ж. — основное понятие кит. гуманизма. По своему прямому лексическому значению оно соответствует лат. *humanitas* (человеческое начало, человечность), но осмысливалось оно в разное историческое время по-разному. Гл. вехами в истории его осмысления были те эпохи китайской истории, когда тема гуманизма вставала перед китайским обществом с повелительной силой.

Первой такой эпохой, еще в условиях рабовладельч. строя, было время 5—3 вв. до н. э. В эти века в жизни кит. общества, разделенного тогда на ряд отд. гос-в, стала все с возрастающей силой проявляться исторически прогрессивная тенденция к объединению страны в одном большом государстве. Эта тенденция, естественно, была сопряжена с критикой системы управления, практиковавшейся тогда в кит. гос-вах, с критикой стремления их правителей к захвату власти над страной путем войн: это время так и вошло в историю как «чжаньго» — период «воюющих царств». Именно в такой обстановке, в противовес политике насилий и захватов, и была выставлена концепция Ж. Ее глашатаями были Конфуций и Мэн-цзы, ставшие позднее двумя основателями того направления обществ. мысли, к-рое в Европе назвали «конфуцианством».

Понятие Ж. существовало в кит. обществе и до Конфуция. Оно понималось тогда как то свойство природы человека, которое обуславливает само существование человеческого общества как упорядоченного коллектива. Порядок этот мыслился тогда в категориях т. н. «пяти отношений» — между родителями и детьми, мужем и женой, старшими братьями и младшими, «друзьями», т. е. членами разных семей, правителем и управляемыми; иначе говоря, — в категориях, характерных для патриархального строя времен родоплеменных союзов. Обязанности, вытекающие из этих отношений, воспринимались как ли — нормы человеческого общежития, нормы обычного права. Ж. (человеческое) в этом осмыслении

понималось как присущее самой человеческой природе стремление следовать таким нормам.

Конфуций (551—479) не отверг эту концепцию Ж., но внес в нее совершенно новое: он выставил положение, что существо Ж. (человеческого начала) — в «искреннем сочувствии» другим, т. е. в признании другого таким же человеком, и в активном сопереживании с этим другим всего того, что с ним происходит. Это был первый призыв к тому, чтобы во всяком человеке видеть человека. К этому Конфуций прежде всего призывал правителей.

Мэн-цзы (372—289) пошел дальше. Ему принадлежит формула: «жэнь (человеческое начало) это — человек; соединяя их вместе, скажем: Путь»; т. е. человеческое в человеке — начало не инертное, но действенное, оно — «путь человека». Мэн-цзы при этом добавил к Ж. еще «и» — принцип «должного», так же, по его мысли, свойственного человеческой природе. Соединенную концепцию «человеческого» и «должного», представленную главным образом в весьма конкретных категориях «человеколюбия» и «справедливости», Мэн-цзы выставил как путь к созданию процветающего гос-ва, могущего силой своего примера привлечь на свою сторону все население страны и тем самым мирным путем, без войны, объединить всю страну. Такую концепцию он противопоставил принципу «выгоды» — ведущему принципу правителей того времени, видящих путь к созданию своего государства только в войне. Такова была первая концепция китайского гуманизма.

Второй знаменательный этап в истории гуманистических идей в Китае начался в 8 в. н. э., в момент серьезного перелома в общественной жизни и мысли феодального тогда Китая. Перелом этот был связан с огромным развитием городов, как центров производства и торговли, просвещения и культуры; связан с ростом городских сословий, с появлением влиятельного слоя интеллигенции. В этой среде и зародился новый гуманизм как протест против скрывающегося живую творческую мысль идеологического догматизма средневекового конфуцианства, приспособившегося к политике правящего класса; против догматизма и его неизбежной и обязательной спутницы — схоластики. Глашатаем нового гуманизма был Хань Юй (768—824).

Концепция Хань Юя выражена в словах: «Человеческое (жэнь) это — любовь ко всем; осуществлять человеческое и притом так, как нужно, это — чувство должного в человеке (и); следовать такой стезе это — путь человеческий (дао)». Из этой формулы видно, что Хань Юй принял концепцию «человеческого и должного», провозглашенную в древности Мэн-цзы, но предложил понимать «человеческое» как «любовь ко всем», имея в виду действительную природу («путь человеческий») этого начала. Эту концепцию Хань Юй противопоставил не только догматизму и схолистике конфуцианства своего времени, но и буддийской идее «нирваны», как отрицания мира, и даосской идее «недеяния», как отказа от всякого вмешательства человеческой воли в жизнь. Такое возвышение самодовлеющей ценности человек. личности, призыв к деятельности, творческому вторжению в жизнь соединились с огромным обществ. подъемом. Перемен в существе политического строя под влиянием этих идей не произошло, но активность народных масс в такой обстановке возросла и под воздействием давления со стороны народа, ряда восстаний, главное, что препятствовало развитию страны, — абсолютистский строй, сосредоточивший контроль над всей экономич. жизнью страны, над всем обществом в руках центральной власти, рухнул. В этой обстановке и расцвела замечательная литература и иск-во, публицистика и философия.

Последующие мыслители этой великой эпохи перестройки жизни и общественного сознания в Китае высоко вознесли идею «человеческого». Чэн Мин-дао (1032—1085) провозгласил, что «жэнь» это — «путь жизни» (шэнь дао) вообще. Чжу Си (1130—1200) придал «человеческому началу» значение всеобщей творческой силы (ци), действующей и в природе, и в обществе: в мире природы она порождает «все вещи» (вань-у), т. е. направляет жизнь всех предметов и явлений; в мире человека она порождает закон (ли) общественной жизни, в ближайшем осмыслении — нравственный закон, управляющий жизнью общества.

Т. о., концепция Ж. прошла три этапа. Сначала она имела в виду главным образом «путь управления», призывая правителей видеть в каждом человеке именно человека прежде всего и жить общей с ним жизнью. Затем эта концепция была возведена в закон «любви ко всем» при признании самодовлеющей природы человеческой личности. Эта концепция привела в конечном счете к провозглашению «человеческого начала» как высшей творческой силы всей жизни вообще — и общества, и природы. В этой последней концепции проявилось представление о природе как сфере, органически связанной с человеком и его деятельностью.

Последующие учения феодального Китая не пошли дальше этой концепции, выбирая из нее те элементы, которые в силу обществ. требований своего момента оказывались наиболее применимыми. Поразному звучала и сама тема гуманизма. Были времена, когда она и совсем отходила на задний план. Известное оживление этой темы отмечается в 17—18 вв. — в эпоху, по своему историческому содержанию близкую той, к-рая носит на Западе назв. эпохи Просвещения.

Новый этап истории гуманистич. мысли в Китае наступил в наше время — после вступления кит. народа на путь социализма. Концепция гуманизма в этом случае соединила в себе наиболее эффективные идеи прежних концепций с идеями подлинно народной демократии, осуществляемой в условиях социалистического общественного строя. Появилось и новое слово: «жэньдаочжун», заменившее старое «жэнь». Это новое слово и по смыслу и даже формально-лексически соответствует общеевропейскому «гуманизм» и составлено по образцу последнего («жэньдао» — humanitas, «чжун» — суффикс, соответствующий европейскому «изм»).

Следует добавить, что идеи кит. гуманизма разрабатывались также конфуцианской мыслью в Корее и особенно в Японии. Из корейских мыслителей должен быть особо отмечен И (Ли) Тхве-ге (16 в.),

из японских — Ито Дзинсай (17 в.). Последнему принадлежит наиболее разработанная концепция жэнь, отвечающая требованиям эпохи Просвещения, в которой проходила его жизнь. *И. Коппад*, Москва.

Лит.: «Мэнь-цзы». Китайский философ Мэнь-цзы, пер. [с кит.] П. С. Попова, СПб., 1904; «Лунь юй». Изречения Конфуция, учеников его и других лиц, пер. [с кит.] П. С. Попова, СПб., 1910; Радуль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947; Коппад И. И., Начало китайского гуманизма, «Сов. востоковедение», 1957, № 3; Александров Г. Ф., История социологических учений. Древний Восток, М., 1959; Го Мо-жо, Бронзовый век, М., 1959; Ху У-вай-лу П. д. р. I, Чжунго сысян тунши (История китайских идеологий), т. 1—5. Пекин, 1957—60; Фын Ю-лань, Относительно идей Конфуция о «жэнь», «Чжэсюэ яньцзю», 1961, № 5; Зенкер Е. В., Soziale Moral in China und Japan, Münch.—Lpz., 1914; Dawson M. M., The ethics of Confucius. The sayings of the master and his disciples upon the conduct of the superior man, N. Y.—L., 1915; Wing-tat Chan, The evolution of the concept of Yen, «Philos. East and West», 1955, [v.] 4, № 4, January.

ЖЭНЬ ЦЗИ-ЮЙ (р. 1918) — кит. философ-марксист; член КПК. Проф. Пекинского ун-та, специалист по истории кит. философии. Ему принадлежат спец. исследования, посвященные *Лао-цзы* и *Мо-цзы*. Ж. Ц.-ю. — автор одного из первых переводов трактата «Дао дэ цзин» на совр. кит. язык. Ж. Ц.-ю. написал ряд работ по истории кит. буддизма. Участвовал в создании книги «Краткий курс лекций по истории китайских идеологий в новое время» («Чжунго цзиньдай сысянши цзян шоу жиган»). В своих работах Ж. Ц.-ю. анализирует материалистич. традицию кит. философии.

Соч.: Лао-цзы, Пекин, 1956; Мо-цзы, Пекин, 1957; в рус. пер. — О некоторых проблемах истории китайской философии, «Вопр. философии», 1957, № 4.

ЖЮГЖДА, Юозас Ионович [р. 17 февр. (1 марта) 1893] — сов. историк и философ, профессор (с 1945), академик АН Литов. ССР (с 1946). Член КПСС с 1947. Учился в Моск. ун-те (1916—17), окончил Каунасский ун-т (1929). Преподавательскую работу в вузах начал вести в 1940. Вице-президент АН Литов. ССР (с 1946), директор респ. Ин-та истории (с 1948), профессор кафедры истории СССР Вильнюсского ун-та (с 1945). Науч. исследования Ж. посвящены проблемам истории Литвы, а также вопросам истории филос. и социологич. мысли в Литве. Ж. принадлежит работы об обществ.-политич. взглядах *Биллюнаса* («Jono Biliūno visuomeninės-politinės pažiūros», «Literatūra ir menas», 1954, kovo 13) и В. Кудирки, о борьбе материалистов против религии в Литве в конце 19 в.; он является автором разделов о развитии философии в Литве в кн.: «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (т. 2, 1956), «История философии» (т. 2, 1957, т. 4, 1959), «История Литовской ССР» (т. 2, 1961).

ЗАБЛУЖДЕНИЕ — несоответствие знания его предмету, расхождение субъективного образа действительности с его объективным прообразом; З. есть абсолютизированный момент процесса познания, к-рый возникает и существует как односторонность познания, закрепляемая в сознании ограниченным практич. интересом отд. человека или класса. Особенную прочность в истории имеют З., закрепляемые социальными (классовыми) интересами консервативных и реакционных слоев и сил общества. З. — не есть абстрактно-метафизич. полюс истины, а есть ее диалектич. противоположность, в известных условиях в нее переходящая и из нее возникающая. «Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной» (Э н г е л ь с Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 92). З. отличается от ошибки как результата неправильного теоретич. или практич. действия, вызванного личными, случайными причинами, а также от лжи как преднамеренного распространения заведомо неправильных представлений.

Проблема З., его природы, источников и условий возникновения была поставлена вместе с проблемой истины уже в древнегреч. философии. З., как правило, понималось здесь как несовпадение человек. ума и воли с законами универсума, как бы последние ни толковались, — материалистически (Гераклит, Демокрит, Эпикур) или идеалистически (Платон, Аристотель, стоики). Источник З. усматривался либо в природном несовершенстве познават. способностей, в ограниченности чувств. знания, либо в недостатке образованности индивида, либо в совместном действии этих факторов. Религ. идеология средневековья истолковывала З. как искажение готовой, раз навсегда заданной человеку истины, производимое злой волей, персонафицированной в виде дьявола, т. е. как «дьявольское наваждение».

Проблема З. и его отношения к истине особенно остро встала в философии нового времени в связи с борьбой возникшего науч. мировоззрения против религ.-теологич. представлений феод. средневековья. Исходя из неисторич. представлений об истине и познании, философия этой эпохи также, как правило, рассматривала З. как следствие искажающего влияния воли на разум и ставила вопрос о З. в план исследования взаимоотношений интеллекта и воли человека. Согласно Бэкону, все виды З., классифицированные им под именем «идолов», коренятся, с одной стороны, в обществ. условиях жизни человека, а с другой — в самой природе разума, к-рый уподобляется зеркалу

с неровной поверхностью, примешивающему к образу вещи свою собственную природу. Обобщая исследования Бэкона и Декарта, Спиноза сформулировал существо позиции этих мыслителей в тезисе, согласно к-рому «...человеческая воля свободна, и притом шире разума...», а потому и рождает З.; «разум не холодный свет, его питает воля» (Избр. произв., т. 2, М., 1957, с. 389). Принципиально отвергая теологич. тезис о свободе воли (в смысле беспричинного произвола), Спиноза устанавливал, что воля индивида причинным образом определяется субстанцией, т. е. бесконечным во времени и пространстве миром природных явлений. Т. о., все идеи (как истинные, так и ложные) оказываются внутр. состояниями мыслящего тела, объективно обусловленными со стороны внешнего мира, со стороны вещей. «Идеи неадекватные, смутные вытекают с такой же необходимостью, как и идеи адекватные, т. е. ясные и отчетливые» (там же, т. 1, М., 1957, с. 434). «Идеи называются ложными не вследствие чего-либо положительного, в них находящегося» (там же, с. 432). Ложность идеи заключается «в недостатке знания», заключенного в идее (см. там же, с. 433). Теологи обвинили эту концепцию в том, что она делает невозможным вообще различие между истиной и З., между добром и злом (грехом), а тем самым снимает с индивида вину и ответственность за З. и грех. На деле же материалистич. монизм Спинозы, требовавший признания причинной обусловленности действий воли, а тем самым — и З., только и позволял поставить вопрос о рамках активности и ответственности индивида. Чем более широкой сфере природного целого индивид активно предоставляет определять свой интеллект, тем больше мера адекватности его идей. Поэтому индивида можно винить в том, что он рабски подчиняется силе ближайших окружающих обстоятельств, других людей, церкви, частных интересов, властей и т. д., что он не стремится расширить ту сферу природы, к-рая детерминировала бы его волю и интеллект, не стремится к познанию универсальной детерминации и к согласованию своей единичной воли с нею, — т. е. в недостаточной «любви к богу» («amor dei»). З. и грех есть, т. о., прямой коррелят обывательской пассивности человека по отношению к ближайшим обстоятельствам. «...Душа подвержена тем большему числу пассивных состояний, чем более имеет она идей неадекватных, и, наоборот, тем более активна, чем более имеет идей адекватных» (там же, т. 1, с. 457).

Рационалистически настроенные просветители (Гельвеций, Дидро, Ламетри и др.) видели источник З., с одной стороны, в инстинктивной подчиненности человека своим личным и частным (групповым) интересам (т. н. «теория интереса» или «заинтересованного мышления»), а с другой — в политич. интересе господства слоев, к-рые ради сохранения своего господства навязывали всему обществу различные ошибочные идеи (т. н. «теория обмана»). Вместе с тем в отношении человек. разума они были крайними оптимистами и ви-

дела в человец. разуме автономную силу, способную собств. действием раскрыть истину, разоблачать обманы и самообманы. Они считали, что достаточно открыть при помощи разума источник З., чтобы тем самым избежать videre опасости в него впасть, а затем построить разумное общество, свободное от З. и генетически связанных с ним пороков.

У Гоббса, Локка, Юма З. изображается результатом ошибки в суждении, т. е. в рассудочном связывании идей, восприятий. «Подобно тому, как люди обязаны всем своим истинным познанием правильному пониманию словесных выражений, так и основание всех их заблуждений кроется в неправильном понимании последних» (Гоббс Т., Избр. соч., М.—Л., 1926, с. 27). Кантовский априоризм превратил концепцию англ. эмпиристов, а также лейбнице-вольфовской школы в законченную систему логически сконструированного субъективизма, в к-рой историч. ограниченность бурж. индивидуализма была истолкована как система ограниченности человец. познания вообще. Кант полагал, что З. есть следствие смешения субъективных и объективных основ наших суждений. По Канту, источник З. коренится в принципиально неправомерном выходе индивидуального сознания за пределы чувств. опыта, в объективный мир сам по себе. Однако для истины и З. в отношении познания объективного мира по содержанию в философии Канта, естественно, не существует критерия. Поэтому возможность З. в этой области познания может иметь значение только принципиальной ошибки выхода «за пределы» возможного субъективного опыта. Что же касается З. внутри опытного знания, то оно может быть следствием только нарушения логич. правил рассудка, т. е. имеет чисто формальный критерий (см. *Критерий истины*). Принципиальная невозможность для кантовской гносеологии критерия объективной истины в пределах теоретич. рассудка привела Канта к переносу проблемы истины относительно «мира вещей в себе» в область «практического разума», для к-рого она превращается в проблему должностного. Поэтому в сфере практич. жизни, к-рую Кант противопоставляет сфере теоретической, З. толкуется им как нравственное несовершенство, свойственное природе человека, как «коренное зло» и рассматривается в пределах учения о правдивости. Фихте окончательно переводит вопрос о З. в субъективный план рассматривания. Если истина, по Фихте, есть система знания, произведенная «Я», к-рое действует исключительно по внутр. необходимости, т. е. свободно, то З., наоборот, есть знание, произведенное несвободно, под давлением внешних обстоятельств — власти вещей или авторитета. Согласие или несогласие деятельности индивида с имманентными законами деятельности всеобщего трансцендентального «Я» достигается лишь в интимном чувстве такого согласия или несогласия. Отсюда путь лежал прямо к эстетически окрашенной интуиции Шеллинга и последующих форм иррационализма, но одновременно здесь же закладывались и предпосылки гегелевского решения, поскольку свободная деятельность рассматривалась как деятельность, согласная с универсальной необходимостью развития духовного мира, и в этом виде противопоставлялась производству.

Гегель решительно порывает с субъективизмом Канта и Фихте, и именно в этом состоит его шаг вперед в понимании З. Гегель отвергает метафизич. противопоставление истины и З. Источником З. является то обстоятельство, что «...в с о з н а н и и есть два момента: момент знания и момент негативной по отношению к знанию предметности... Существующее в сознании неравенство между „я“ и субстанцией, которая есть его предмет...» (Соч., т. 4, М., 1959, с. 19). «Ложное знание о чем-нибудь означает неравенство знания

с его субстанцией» (там же, с. 20). Однако самое это неравенство, выступая как эпизод в развитии истины, не может рассматриваться как просто «отсутствие» истины, не может быть противопоставлено истине как внешнее и чуждое ей. Для Гегеля З. не может быть истинным вообще, потому что оно само есть факт знания, т. е. такой момент в развитии истины, когда последняя выступает «в форме неистинного». Здесь Гегель проводит последовательно, хотя и идеалистически, т. зр. историзма. Важно, по Гегелю, не констатировать З., а выяснить, каким образом оно рождается, и тогда оказывается, что самое З. родилось необходимо, как порождение данного этапа развития истины. «Феноменология духа» представляет собой такую естеств. «историю» человеческого знания, как бы палеонтология сознания, в к-рой З. предстают как свидетельства движения сознания к истине, в исторически обусловленных формах «несчастливого сознания», «разорванного сознания», «суеверия», «здравомыслия» и т. д. Гегель пошмал ложное как отрицаемый развитием момент истины. З. есть особая форма ложного, особенность к-рой определяется как характерное для не постигнутого диалектики истины сознания отношение к противоречию истинного и ложного: «...постигающее сознание сплосн и рядом не умеет освободить его (это противоречие. — *Ред.*) от его односторонности или сохранить его свободным от последней и признать взаимно необходимые моменты в том, что кажется борющимся и противоречащим себе» (там же, с. 2). Тем не менее, по Гегелю, и эта односторонность, как свойство З., есть исторически закономерная особенность развивающегося сознания. «З а б л у ж д е н и е есть нечто положительное, как мнение касательно того, что не есть само по себе сущее мнение, знающее и отстаивающее себя» (Соч., т. 5, М., 1937, с. 517). Другими словами, в истории знания З. играет роль утверждения того, что истина должна подвергнуть диалектическому отрицанию. Поскольку другого пути развития истины нет, З. входит в нее как ее органическая форма.

Марксистско-ленинское решение проблемы З. исходит из диалектико-материалистич. понимания истины как процесса развития познания. Рассматривая З. как исторически обусловленное, а потому и исторически преодолеваемое несоответствие субъективного образа объективной действительности, Маркс и Энгельс объяснили это несоответствие как выраженные ограниченности реальной власти людей над природой и над своими собственными взаимными отношениями. Типичными формами З. являются религия и филос. идеализм. Принципиально ту же природу имеют и те формы З., к-рые возникают в науч. сознании, напр. физич. идеализм. Любое З. имеет «земную основу», т. е. те реальные факты, односторонним отражением к-рых оно является. Нет и не может быть абсолютного З., т. е. такого представления, к-рое ничего не отражает в реальности. «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектич. материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, über-schwengliches (Dietsgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, граней познания в абсолют, от р в а н и й от материи, от природы, обожествленный» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 360). Иными словами, правильное отражение одного из моментов конкретной действительности становится З., если оно не дополняется отражением места и роли этого момента (стороны, черточки, тенденции) в составе конкретной действительности, напр. орган нельзя понять иначе как часть организма, в отрыве от организма. Поскольку же полное, исчерпывающее познание действительности возможно лишь в бесконечной перспек-

тиве всемирной истории познания и деятельности, постольку $\bar{Z}$ является неизбежной противоположностью истины, находящейся в последней в диалектически противоречивой связи. При определ. условиях истина становится $\bar{Z}$, а $\bar{Z}$ — истиной. Абсолютизированная истина и есть $\bar{Z}$, а $\bar{Z}$ — поставленное на надлежащее место, т. е. понятие как относительно верное, ограниченно верное отражение одного из моментов конкретной действительности, не имеющего смысла и действит. существования вне связи с другими моментами и предпосылками, перестает быть $\bar{Z}$ в строгом смысле и становится фрагментом, «кусочком» истины. Так, гегелевская логика есть точнейшее описание диалектики процесса мышления. Однако превращенное в абсолют именно тем, что идеалист не раскрывает обусловленности этого процесса предметной деятельностью обществ. человека, это описание становится $\bar{Z}$. И наоборот, Маркс, устранив эту идеалистическую односторонность, усвоил и показал истинное содержание гегелевской диалектики. Абсолютизация относительной истины и есть поэтому основной путь возникновения $\bar{Z}$, а постоянно прогрессирующее познание и практическое преобразование все новых сторон действительности, — а тем самым и действительного места старых (уже известных) ее сторон, — есть единств. путь преодоления $\bar{Z}$.

Абсолютизация ограничено верных представлений, превращающая их в $\bar{Z}$, вовсе не есть имманентно присущее природе человека свойство, а только исторически переходящая тенденция сознания, возникающая на почве строго определенных историч. условий. Сознание, возникающее на основе низкого уровня развития производит. сил и соответствующих им производств. отношений, оказывается опутанным сетью «практических иллюзий». Иллюзии как представления, соответствующие узкой практике (низкому уровню развития культуры, как материальной, так и духовной), естественно, подтверждаются этой практикой, а истинное осознание действительности в ее революц. развитии делается для индивида, действующего в качестве агента узко прагматич. деятельности, не только излишним, но и прямо вредным. Так, преуспевающий капиталист, естественно, воспринимает, напр., теорию стоимости как схоластическое, оторванное от жизни мудрствование. Зато представления вульгарной экономии, в к-рых систематизируются его собств. ограниченные представления, он считает само собой разумеющейся истиной. Соответственно и наука, ориентирующаяся на огранич. практику, в данном случае на практику капиталиста-предпринимателя, т. е. вульгарная экономия, теоретически увлечивает $\bar{Z}$, совершенно точно отражающие поверхность явлений и представления человека, живущего в мире этих явлений. «Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринёрски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них и в которых они... принимают целепый характер и полны противоречий, — а если бы формы проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как дома и что эти отношения представляются ей тем самоочевиднее, чем более скрыта в них внутренняя связь, и чем, однако, более привычными они кажутся для обывденного представления» («Капитал», т. 3, 1955, с. 830).

Поляризуя умств. и физич. труд, превращая каждого человека в частичного носителя частичных функций («профессиональный кретинизм», по выражению

Маркса), товарно-капиталистич. общество тем самым формирует и сознание, естественно принимающее частичную истину за истину в целом, т. е. превращающее истину в $\bar{Z}$, а подлинную истину считающее чем-то несуществующим, мнимым, иллюзорным, плодом игры схоластики. ума. В данных условиях, как показал Маркс, чисто теоретич. разоблачение $\bar{Z}$ (напр., товарного фетишизма) не в силах изгнать $\bar{Z}$ из обществ. сознания. $\bar{Z}$ рассеивается лишь тогда, когда предметно-практически преобразуется сама действительность, рождающая и фиксирующая $\bar{Z}$ в качестве прагматически полезного представления о вещах и человек. отношениях. Поэтому только революционная и революционизирующая мир практика человека, каждый раз прорывающая узкие рамки существующей практики, оказывается единств. способом преодоления $\bar{Z}$ и одновременно единств. ориентиром для науч. критики существующей действительности и ее схоластически-теоретич. отражения. Эта работа революц. критики была осуществлена впервые Марксом и Энгельсом. Одновременно это преодоление $\bar{Z}$ было процессом выявления «рациональных зерен», т. е. абсолютизированных в виде этих $\bar{Z}$ относительно верных отражений действительности (Рикардо, Гегель, Сен-Симон и др.).

Разоблачив товарный фетишизм как «естественную» форму осознания действительности в условиях отчуждения, Маркс в ходе ее анализа показал ее одновременно как частный случай отчужденного сознания вообще, другой формой к-рого является религия. «Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения повседневной практической жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и природой» (там же, т. 1, с. 86). Пока не преодолено все тяжелое наследие классового, стихийного развития человечества, в т. ч. профессиональная узость личного развития человека, сопровождаемая принципиальным невежеством относительно всего того, что лежит за рамками профессии, для $\bar{Z}$ остается реальная почва.

Диалектич. материализм рассматривает в качестве критерия различия истины от $\bar{Z}$ общественно-историч. практику, к-рая выступает, естественно, в исторически огранич. формах. Поскольку люди, живущие в условиях этих огранич. форм практики, не осознают их ограниченности и принимают их за вечные и неизменные, они неизбежно оказываются в плену $\bar{Z}$, и столь же неизбежно воспринимают как $\bar{Z}$ действительное движение практики и познания вперед. Но нельзя забывать, что и практика не может сразу же отделить истину от $\bar{Z}$ в составе конкретного знания с такой же точностью, как лакмусовая бумажка различает кислоту от щелочи. Практика не является таким всемогущим критерием, особенно если она понимается не как всемирно-историч. практика человечества, а узко прагматически. В. И. Ленин специально подчеркивал в связи с этим, что критерий практики тоже не абсолютен: «...Критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть п о л н о с т ь ю какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько „неопределенен“, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в „абсолют“, и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями агностицизма и идеализма» (Соч., т. 14, с. 130).

Только диалектико-материалистич. философия, связанная с всемирно-историч. процессом преобразования обществ. отношений людей друг к другу и к природе, смогла поэтому теоретически разрешить про-

блему З. и указать пути его действительного преодоления и «снятия». Марксистско-ленинская теория познания показала, что проблема З. — это не только, и даже не столько чисто теоретическая, сколько широко социальная проблема, полное решение которой совпадает с коммунистич. преобразованием всех обществ, условий труда, в т. ч. и условий труда ученого, т. е. с преодолением товарно-капиталистич. формы разделения труда также и внутри науки. Лишь на почве диалектико-материалистич. теории отражения могут быть правильно расценены также место и роль тех З., к-рые действительно возникают в результате чисто формальных неточностей в рассуждении. Но З. такого рода и происхождения в истории науки играют, конечно, ничтожнейшую роль и к тому же часто имеют более глубокие причины, нежели простой недостаток формально-логич. культуры (см. *Логические ошибки*).

Совр. бурж. философия, не видящая выхода за пределы товарно-капиталистич. способа разделения труда между индивидами, не в состоянии разрешить и проблему З. Усматривая корни З. не в историч. условиях, порождающих З., а в органически присущих человек. познават. способностям («несовершенствах»), совр. бурж. философия исходит из индивида, искаленного разделением труда, и принимает его особенности за «естественные» свойства чувственности и мышления вообще. Так, неопозитивизм (Айер, Карнап, Рассел и т. п.), принимая «профессиональный кретинизм» бурж. специалиста за вечную и естеств. форму человек. мышления, стремится найти способы преодоления З. на почве и в рамках условий, с неизбежностью порождающих и фиксирующих эти З. Отсюда и рождается крайне наивная иллюзия, будто все З. имеют свою причину в несовершенствах естеств. языков, а потому только и могут быть преодолены с помощью языка искусственного, где строго регламентированы все значения терминов и способы соединения терминов в языковые конструкции (в теории). Прагматизм вообще смазывает разницу между истиной и З., объявляя истиной все «полезные» представления. Последовательное проведение этого взгляда приводит к учению об истине, как о «полезной фикции»; З. философски санкционируется в качестве истины, поскольку оно приводит к прагматически оправдываемому эффекту, успеху. Реальные корни и условия возникновения З. здесь остаются вне поля зрения и тем самым принимаются за естеств. и неизменные предпосылки его мышления, познания.

Откровенно и предельно проблема З. субъективизируется и поэтому с неизбежностью переводится в иррационалистич. план у совр. экзистенциалистов и их духовного предшественника Кьеркегора. Проблема З. переносится Кьеркегором в сферу практического, но последняя предельно сужается им и выступает как этика. Если человек в своих поступках исходит из требований своего «Я», к-рое выступает в сфере этики как «совесть», если он выбирает себя, то он выбирает истину. Если же он предпочитает действовать соответственно тому, что ему навязывают извне, соответственно требованиям, о происхождении и правомерности к-рых он вопроса не ставит, т. е. если он выбирает не самого себя, а нечто объективное, он заблуждается. Субъективное, личное оказывается критерием истины. Кьеркегор и вслед за ним совр. экзистенциалисты называют все то, что берет свое начало в субъективном, необъективируемом, — «подлинным», то, что исходит из безличного, внешнего человеку, — «неподлинным». Один из вождей совр. экзистенциализма Хейдеггер определяет З. как «сокрытость», а истину — как «нескрытость». Он выступает против традиц. понимания истины как соответствия суждения предмету. Такое понимание, по Хейдеггеру, делает «местом» истины суж-

дение и основано на «метафизическом» толковании познания как отношения субъекта к объекту. Истина есть характеристика самого бытия. Но это бытие есть бытие человеческое, есть «открытость» человек. бытия, а З. — «сокрытость». Одним из наиболее типичных примеров З. является, по Хейдеггеру, следование традиции. Понять, скажем, филос. теорию — значит увидеть в ней решение тех вопросов, над к-рыми бьешься сам. Поэтому, говорит Хейдеггер, подлинный мыслитель не может заниматься классификацией школ или направлений, ибо в лице всех этих направлений для него существует только одно — свое собственное. Эта т. зр. Хейдеггера приводит его к крайне субъективистским выводам: предпосылкой в решении проблемы З. и истины является субъективистское понимание личности и творч. процесса, к-рый совершенно отрывается от объективного, выступает ли это объективное в форме природной или социальной закономерности, в форме определенной человек. деятельности — т. е. культуры.

Диалектико-материалистич. анализ знания, имеющий целью отличить истину от З., всегда должен быть доведен до понимания материальных условий, определяющих человек. жизнедеятельность, до понимания конкретно-историч. рамок и границ этой жизнедеятельности, характера отношений людей друг к другу и к природе, с необходимостью порождающих это знание и определяющих меру его истины, за пределами к-рой эта частичная истина становится З. В теории З. опрокидывается лишь тогда, когда ему противопоставляется полная и конкретная картина той действительности, абстрактно-односторонним и абсолютизированным отражением к-рой является критикуемое З. Критич. отношение к собств. практич. и теоретич. предпосылкам (самокритичность) — это субъективное условие, без к-рого мыслящий человек не в состоянии самостоятельно отличить истину от З., не в состоянии вырваться из сети практич. иллюзий, со стихийной силой навязываемых ему ограниченными условиями его жизни. И эта самокритичность мышления, в свою очередь, может быть обеспечена только конкретным пониманием всеобщих условий деятельности и познания, т. е. филос. теорией, раскрывающей связи мышления с предметно-практич. деятельностью обществ. человека, а через нее — с объективной реальностью. Единственной филос. теорией, в полной мере охватывающей этот круг вопросов, является ныне марксистско-ленинская диалектика, как логика и теория познания, — острейшее оружие борьбы с З.

Э. Ильенков, Я. Слез, Н. Мотрошилова, П. Гайденко, М. Туровский. Москва.

«ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ» — историч. выступление В. И. Ленина на 3-м Всероссийском съезде Российского Коммунистического союза молодежи. Впервые напечатано в газете «Правда» (№№ 221, 222, 223; 5, 6, 7 окт. 1920). Вошло в 31 т. 4 изд. Соч. Ленина. В речи Ленина, адресованной сов. молодежи, творчески решен ряд принципиальных вопросов мировоззрения марксизма: коммунизм и мировая культура, проблема единства теории и практики, труд и коммунистическое воспитание, сущность и принципы коммунистич. морали.

Определяя задачи комсомола, Ленин учил, что Союз молодежи должен быть ударной группой, к-рая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Обращаясь к молодым строителям коммунизма, Ленин с величайшим оптимизмом развернул перед молодежью картину нового обществ. устройства. Он обосновал положение о том, что для установления коммунизма необходимо обеспечить рост идейно-политич. сознательности, повышение культурного уровня сов. людей, всестороннее развитие молодежи.

В воспитании и образовании молодежи Ленин видел непреходящее условие построения коммунистич. общества. Поэтому актуальной задачей коммунистич. строительства он считал преобразование системы воспитания, учения и образования. «Мы можем строить коммунизм, — писал Ленин, — только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества» (Соч., т. 31, с. 259). Первейшей обязанностью молодежи является, по мысли Ленина, обязанностью «учиться коммунизму». «Учиться коммунизму» — это значит взять из культурного наследия прошлого все полезное и необходимое для нового общества. В этой связи Ленин развил принципиальные положения марксизма, определяющие отношение коммунизма к мировой культуре. Пролетарская культура, учил Ленин, является закономерным развитием тех запасов знания, к-рое человечество выработало под гнетом капиталистич. общества. Ленин указал на то, что марксизм возник в результате критич. освоения достижений передовой обществ. мысли человечества. Но если коммунизм — результат предшествующего развития, то, следовательно, «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (там же, с. 262).

Однако коммунистич. мировоззрение, говорил Ленин, нельзя выработать лишь посредством чтения книг и брошюр. Ленин указывал на то, что без работы, без борьбы книжное знание равно ничему не стоит. Он бичевал «начетчиков и хвастунов», прикрывающих свое неумение или нежелание действовать во имя коммунизма лозунгами, призывами, цитатами. Красной нитью через все выступление Ленина проходит мысль о том, что коммунисты выковываются в труде, в борьбе за общее дело. В своем выступлении Ленин раскрыл воспитат. возможности, заложенные в труде на благо общества.

Ленин связывал успехи в борьбе за коммунистич. переустройство общества с таким высоким уровнем сознательности, при к-ром строители коммунизма будут соблюдать нормы человек. общежития не по принуждению, а добровольно, в силу своего коммунистич. убеждения, когда коммунизм превратится во внутр. убеждение и станет не только экономич., но и нравств. идеалом. Ленин делает вывод о том, что все дело воспитания, образования и учения совр. молодежи должно быть воспитанием коммунистич. морали.

Ленин раскрыл сущность коммунистич. морали, показав, что в основе последней лежит борьба за коммунизм. Подвергнув анализу характер экономич. и идеологич. отношений при капитализме, Ленин показал, что коммунисты не отрицают мораль, нравственность, а отрицают лишь нравственность буржуазную, нравственность, проповедуемую буржуазией, выводимую из велений бога, из идеалистич. фраз. Для коммунистов не существует абстрактная нравственность, взятая вне человек. общества и обществ. отношений. В классовом обществе мораль всегда имеет классовый характер. А поскольку старое общество было основано на принципе: либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, то и люди, воспитанные в этом обществе, восприняли психологию стяжательства, эгоизма, грабежа — отвратительные черты, с к-рыми должна бороться советская молодежь.

Речь Ленина явилась программой, определившей гл. содержание, осн. методы и средства подготовки моло-

дых строителей коммунистич. мира. Претворяя в жизнь заветы Ленина, комсомол на протяжении всей своей истории всегда принимал самое активное участие в великой борьбе сов. народа за победу коммунизма.

Лит.: Б о в и н А., Учиться коммунизму, «Коммунист», 1960, № 14; П а в л о в С., Программа всей нашей работы, «Молодой коммунист», 1960, № 10; Источник вдохновения. [Высказывания видных деятелей Коммунистич. партии и Сов. гос-ва о речи В. И. Ленина на III съезде комсомола...], там же; К о к о н и к а Я., С Лениным в сердце, там же; Ж у р а в л е в а М. И., Торжество ленинских принципов воспитания и образования, «Вестн. высш. школы», 1960, № 10; Г л е к Т. П., Ленинский завет молодежи, там же. А. Сабун. Москва.

ЗАЗЪО (Zazzo), Рене (р. 10 окт. 1917) — совр. прогрессивный франц. психолог, коммунист, участник Сопротивления, ученик Анри Валлона. Работает в области педагогич. и детской психологии и психопатологии. Преподает в Ин-те психологии Сорбонны. Руководит лабораторией биопсихологии при Школе Высших курсов и лабораторией больницы Анри-Русель. З. известен трудами в области психологии личности и мышления. В частности, методом изучения близнецов он развил диалектич. понимание генезиса и развития личности. Как враг механицизма и антиисторизма в психологии, он материалистически решает также вопросы формирования психич. процессов (мышления и речи) и проблему взаимоотношений наследственности и среды в развитии психики человека в норме и у близнецов [см. «Близнецы, пара и личность» («Les jumeaux, le couple et la personne»), v. 1—2, v. 1— Соматическая индивидуализация (L'individuation somatique), v. 2— Психологическая индивидуализация (L'individuation psychologique), 1960)].

С о ч.: Psychologues et psychologies d'Amérique, P., 1942; Le devenir de l'intelligence, P., 1946; Intelligence et quotient d'ages, P., 1946; Manuel pour l'examen psychologique de l'enfant, P., 1960. О. Трутинджян. Ереван.

ЗАИЧНЕВСКИЙ, Петр Григорьевич (18 сент. 1842—19 марта 1896)— рус. революционер, представитель разночинного периода рус. освободит. движения. Автор «Молодой России» (1862) — радикал-манифеста, к-рый, «...провозглашая коммунизм, делал вывод о необходимости социальной революции» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 433). Выходец из дворян. В 1859—62 вместе с П. Э. Аргиропуло возглавлял революц. кружок студентов Моск. ун-та. В 1862 был приговорен к каторге за пропаганду среди крестьян и распространение запрещенной лит-ры. В 1869 вернулся в Европ. Россию. В 1870—90 руководил революц. кружками. В 1891—95 отбывал ссылку в Вост. Сибири.

Преобладающее влияние на мировоззрение З. оказал Чернышевский. В духе его учения З. требовал в «Молодой России» передачи общинам земли, пром. и торг. предприятий, обеспечения нетрудоспособных. Будущая «социальная и демократич. республика Русская» представлялась З. в виде федерации самоуправляющихся областей на основе всеобщего политич. равенства, выборности органов управления и суда. Выступая против религии и церкви, З. выдвигал утопич. лозунг уничтожения семьи и брака как средства раскрепощения женщин и ликвидации права наследства. З. обличал рус. либералов, критиковал идейно-политич. колебания Герцена. Программа «Молодой России», ее призыв к крест. революции, совершаемой при участии армии под руководством, революц. партии, а также идея революц. диктатуры призванной обеспечить демократич. выборы в Нац. собрание, нашли одобрение в революц. кругах. Критику с их стороны встретили ошибки «Молодой России»: несвоевременность выступления с максимальной программой и курс на разрыв с Герценом. В ряде исследований (Б. Козьмин, П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», 1932, и др.) «Молодая Россия» рассматривается как документ рус. бланкизма.

Несмотря на знакомство с учением Маркса в 70—90-х гг., З. не нашел пути к правильной революц. теории. Он стал родоначальником особого течения в *народничестве* — «русского яacobинства». Ошибка «рус. яacobинцев» состояла в переоценке роли интеллигенции и партии в революции. В практику борьбы З. и его последователи внесли элемент заговорщичества. Положит. значение деятельности З. состояло в широкой пропаганде революц. идей. Из кружков З. вышел ряд известных деятелей народничества — В. Н. Фигнер, М. Н. Ошанина (Оловенишкова), Н. С. Русанов и др.; часть бывших учеников З. перешла в лагерь социал-демократии: В. П. Арцыбушев, М. П. Голубева и др.

Соч.: «Молодая Россия». (Предисловие и примечания В. И. Романенко), в кн.: Очерки по истории философии в России, М., 1960.

Лит.: История СССР, 3 изд., т. 2. Под ред. М. В. Нечкиной, М., 1954, с. 431—32; Демке М., Политические процессы в России 1860-х гг., 2 изд., М.—П., 1923; Ухалов Е. С., Издательская деятельность студентов Московского университета в период революционной ситуации 60 гг. XIX в., в кн.: Из истории русской журналистики. Статьи и материалы. [Под ред. А. В. Завадова. М.], 1959; Куликов Ю., Пётр Заичневский, в кн.: Сводники Чернышевского, [М.], 1961. Ю. Куликов. Москва.

ЗАЙЦЕВ, Варфоломей Александрович [30 авг. (11 сент.) 1842—6(18), по др. данным 8(20) янв. 1882]—рус. критик и публицист, сторонник *вульгарного материализма*. Род. в Костроме в семье чиновника. Учился в Петерб. и Моск. ун-тах (1858—62). В 1863—1865 — сотрудник журн. «Русское слово». С марта 1869 — в эмиграции. Член рус. секции 1-го Интернационала. Противник самодержавия, ратовавший за уничтожение эксплуатации, З., вместе с тем не понимал роли классовой борьбы и народа в историческом процессе. Он видел путь преобразования общества в просвещении, развивая мысль о естеств.-науч. обосновании социализма.

В ст. «Учение о пище, общепоятно изложенное Я. Молешотом» («Русское слово», 1863, № 8), «Последний философ-идеалист» (там же, 1864, № 9) и др. З. защищал материалистич. взгляд на природу, сенсуалистич. теорию познания, по процесс мышления трактовал вульгарно-материалистически, считая, что характер пищи влияет на психич. деятельность людей.

Считая себя сторонником эстетич. теории Чернышевского, З., однако, неверно ее истолковывал. Из тезиса «прекрасное есть жизнь» он делал вывод, что иск-во излишне, поскольку жизнь удовлетворяет эстетич. чувство; иск-во отвлекает полезные силы общества и поэтому «заслуживает полного и беспощадного отрицания» (Избр. соч., т. 1, 1934, с. 331). Однако иск-во, выражающее «верную и честную мысль» (там же, с. 337), играет положит. роль. В этой связи З. высоко оценивал демократич. поэзию Н. А. Некрасова. З. перевел сочинения Лассалля, Дж. С. Милля.

Лит.: История русской критики, т. 2, М.—Л., 1958, с. 245—50; Алисов П., Варфоломей Александрович Зайцев, Лондон, 1900; В. А. Зайцев за границей, «Минувшие годы», 1908, № 11; Шелгунов Н. В., Воспоминания, М.—П., 1923, с. 191; Совсун В., В. Зайцев как литературный критик, в сб.: Литература и марксизм, кн. 1, М., 1928; Кирпоти В., В. А. Зайцев, в кн.: Очерки по истории русской критики, т. 2, М.—Л., 1931; Антонович М. А., Промехи, в его кн.: Избр. статьи, Л., 1938; Козьмин Б. П., Русская секция Первого Интернационала, М., 1957.

М. Петрова. Москва.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — суждение, логически вытекающее из посылок умозаключения; суждение, являющееся заключит. результатом вывода, состоящего из нескольких умозаключений, и логически вытекающее из посылок вывода; формула логич. исчисления, следующая из посылок — формул этого исчисления — по принятым в нем правилам вывода; иначе наз. логич. следствием. При рассматривании *доказательства* заключением иногда наз. тезис с доказательством. З. также наз. ту часть *теоремы*, к-рая, если теорему выразить в виде

условного предложения «если *A*, то *B*», стоит после слова «то» (*B*) и следованием к-рой из условия (*A*) теоремы является предметом доказывания. Иногда термин «З.» употребляется в смысле *умозаключения* или же в смысле *вывода*. В др. случаях З. наз. совокупность положений, к.-л. образом вытекающих (или представляющихся вытекающими) из предшествующего изложения в книге, докладе, лекции и пр.

ЗАКОН (греч. νόμος, лат. lex) — необходимая, внутренне присущая природе явлений реального мира тенденция изменения, движения, развития, определяющая общие этапы и формы процесса становления и самоорганизации конкретных развивающихся систем явлений природы, общества и духовной культуры человечества. Тенденция саморазвития системы выявляется как действ. имманентных этой системе противоречий. «Закон есть отношение... Отношение сущностей или между сущностями» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 142). Как сущест. отношение З. осуществляется через сложнейшее диалектич. переплетение связей взаимодействия, причинных, функциональных и пр. связей. Поэтому следует различать З. как конкретно-всеобщее и его абстрактно-односторонний момент, частную форму проявления, т. е. отд. закономерную связь. Установление закономерности явлений необходимо свидетельствует о наличии З. в их происхождении и развитии, но сама закономерность таким З. еще не является. Так, статистич. закономерности в физике, в обществ. науках устанавливают факт существования определ. З. Открытие последнего есть дело дальнейшего развития науки путем проникновения в сущность явлений, охватываемых данной закономерностью. Обычно термин «З.» употребляется в двух смыслах: З. как необходимая связь явлений («З. природы», «З. мышления» и т. п.) и З. как обязательное для людей обществ. установление («государств. З.», «уголовный З.» и т. п.), что отражает специфику этого понятия, состоящую в организующей и направляющей функции З.

Идея о том, что миром управляют универсальные З., родилась в глубокой древности у кит. и греч. мыслителей. В учении древнекит. философа Лао-цзы о *дао* этот термин понимается как всеобщий З., вносящий порядок в хаос вещей, и, соответственно, как путь, к-рому должен следовать каждый разумный человек. У древнегреч. философов идея о всеобщем мировом З. первоначально связывается с идеей мирового порядка. У Гераклита логос (λόγος) выступает и как мировой З., судьба (νόμος, δίκη), к-рому подчиняется развитие всех вещей и людей. У Анаксагора мировой разум (νοῦς) упорядочивает хаос гомеомерий, лежащих в основании всего существующего. Согласно Демокриту, все в мире возникает и совершенствуется в силу необходимости, выступающей у него в качестве иск-рой органически присущей природе силы. Для Демокрита понятия З., необходимости и причины совпадают. Соответственно он и познание необходимости трактует как познание причин, или «законное» познание. Этому материалистич. истолкованию З. как природного порядка вещей, приведенному Демокриту к отождествлению З. с причинностью, Платон противопоставил идеалистич. концепцию З. как идеального организующего начала в отношении текучего, переходящего мира вещей. Идеи Платона являются З. по отношению к вещам в смысле образцов, творящих вещи по своему образу и подобию. В качестве причин происхождения вещей идеи выступают у Платона как цели. Т. о., отвергая имманентно-природное, демокритовское понимание З., к-рое было действительно узким и неполным, т. к. игнорировало организующее свойство З., Платон, толкуя последнее идеалистически, естественно приходит к телеологии. Однако Платон столкнулся здесь с действительно неразре-

шимой для идеализма проблемой взаимоотношений отд. вещей и общих идей. Аристотель в своей критике теории идей по существу показал, что идея не может быть З. вещей, потому что она неподвижна, а вещи находятся в движении. В понятиях материи и формы, возможности (*δύναμις*) и действительности (*ἐντελέχεια*) Аристотель выразил ту мысль, что З. выступает как тенденция в процессе становления. Однако закономерность этой тенденции, ее направленность из этих понятий не вытекают. Особенно ясно это видно из следующего. По Аристотелю, материя как природная необходимость (материальная причина) вовлекается в движение (в процесс становления) формой, к-рая как причина движения действует целеполагающе. Но связав материю и форму нерасторжимой связью (иначе форма превратилась бы в платоновскую идею), Аристотель вынужден в качестве источника движения ввести, кроме формальной, еще одну причину — конечную, или целевую (*ἐντελέχεια*). Она-то, по существу, и оказывается у него соответствующей понятию З. Таким образом, не справившись с диалектикой развития, Аристотель также толкует З. телеологически. Дальнейшее обсуждение проблемы З. в антич. философии происходило в рамках этих противостоящих концепций: демокритовской, рассматривавшей З. как слепую внутр. необходимость природы, и платоновско-аристотелевской, телеологической. Попытки преодолеть действит. противоречия понятия З., отраженного в обеих концепциях, полнее всего представлены в филос. системах Эпикура и стоиков. Как показал Маркс в своей докторской диссертации, Эпикур преодолевает фатализм, свойственный демокритовскому пониманию слепой необходимости З., путем введения случайности как совершенно объективной и равноправной с необходимостью характеристики З. движения атомов, лежащего в основе мира. Случайное отклонение атомов от прямолинейного движения и соответствующее учение об индивид. свободе в этике Эпикура истолковываются в духе последоват. детерминизма, исключающего всякую телеологию, и направлены против нее. В стоицизме была предпринята электическая попытка совместить теорию детерминизма с учением об активности. Активное начало стоики включили под названием бога в саму субстанцию — материю — и истолковали его как материальное тело — огонь. При этом они рассматривали оба эти начала — и материю и бога — подчиненными единому З. необходимости — року, к-рый есть последовательность, цепь причин. Эта концепция З. у стоиков легла в основу их фатализма как в учении о природе, так и в этике. В то же время, толкуя бога как «логос», распадающийся на «сперматические логосы», образующие понятийную основу каждой вещи, стоики допустили, в противоречие с детерминизмом их понимания З., телеологич. концепцию и в философии природы («логосы» как целевые причины), и в этике (мнение о том, что все рождающееся на земле создано для употребления человека). Антич. философия выявила гл. направления и трудности в разработке проблемы З. Эти проблемы были поставлены в наивной форме, что, однако, способствовало отчетливости обнаружения противоречий в самом содержании вопроса.

Ср.-век. христианская философия рассматривала З. не как необходимую связь между явлениями материального мира, а как проявление божеств. воли. Напр., согласно Фоме Аквинскому, «*naturales leges*» являются тенденциями стремиться к определ. цели, заложенной богом в вещи.

В естествознании нового времени понятие З. получило большое эвристич. значение и оказалось связанным с распространением количеств. методов изучения природы. 17—18 вв. в естеств. науках проходят под знаком механистич. мировоззрения, к-рое кладет своей

отпечаток и на толкование понятия З. Для выражения понятия З. природы все чаще пользуются терминологией, заимствованной из математики и естеств. наук (гл. обр. из механики). Коперник и Кеплер говорят о «гипотезах» вместо З.; Галилей называет осн. З. природы «аксиомами», а производные от них — «гео-ремами». В материалистич. философии Ф. Бэкон развивает учение о «формах», под к-рыми он понимает «...не что иное, как те законы и определения чистого действия, которые создают какую-либо простую природу, как, например, теплоту, свет, вес...» («Новый Органон», М., 1938, с. 131). Декарт впервые в философии Нового времени пользуется понятием З. природы, понимая этот З. в смысле правила: «...мы можем вывести некоторые правила, которые я называю законами природы и которые суть частные или вторичные причины различных движений...» (Избр. произв., М., 1950, с. 486). Ньютон, наконец, в своих «Математических началах натуральной философии» ограничивает правила, имеющие методологич. значение (напр., четыре *regulae philosophandi*), от З. (аксиом), объективно действующих в природе (напр., три З. движения). Франц. материалисты 18 в. подчеркивали, что З. природы проявляются через взаимоотношения предметов и явлений, выражая необходимые, существ. связи между явлениями. Метафизич. ограниченность франц. материализма в понимании З. состоит в тенденции сводить все З. природы к З. механики. Кроме того, франц. материалисты не дошли до понимания З. обществ. развития. Фейербах в качестве существ. признаков З. выделял объективность, необходимость, всеобщность, познаваемость. Учитывая, что «все, что случается, случается необходимо, но только... при данных внутренних и внешних условиях» (Избр. филос. произв., т. 1, 1955, с. 484), он в нек-рой степени преодолевает односторонне-механистич. понимание З., свойственное франц. материализму, но понятие З. в составе его взглядов осталось неразработанным.

Согласно субъективному идеализму, о З. природы самих по себе вообще говорить нельзя. Юм считал, что при рассмотрении окружающих нас внешних вещей мы «никогда не бываем в состоянии открыть... необходимую связь... Мы находим только, что одно явление действительно, фактически, следует за другим» («Исследование человеческого разума», СПб, 1902, с. 69), а представление о закономерной связи между явлениями природы возникает у людей лишь вследствие привычки считать повторно следующие друг за другом явления необходимо связанными. По Канту, то, что называют З. природы, существует лишь по отношению к познающему субъекту. «...Рассудок не почерпает свои законы (*a priori*) из природы, а предписывает их ей» («Пролегомены», М., 1937, с. 94). От субъективного идеализма в понимании З. отправляется большинство представителей совр. бурж. философии, причем «...суть этой точки зрения не обязательно в повторении формулировок Канта, а в признании основной идеи, о б щ е й и Юму и Канту: отрицании объективной закономерности природы и выведении тех или иных „условий опыта“, тех или иных принципов, постулатов, посылок из с у б ъ е к т а, из человеческого сознания, а не из природы» (Л е н и н В. И., Соч., т. 14, с. 153). Так, для Шопенгауэра З. суть необходимые связи представлений, устанавливаемые действием воли. По Маху, «...законы природы порождаются нашей п с и х о л о г и ч е с к о й потребностью найтись среди явлений природы, не стоять перед ними чуждо и смущенно» («Познание и заблуждение», М., 1909, с. 452) и имеют только субъективное значение. Вслед за Кантом Пирсон считает человека творцом З. природы. Согласно Ницше, понятие закона природы есть выражение суеверия людей (см. *Nietzsches Werke*, Bd 3, erste Abt., Lpz., 1900, S. 18). Люди сами вносят свои законы в при-

роду (см. там же, Bd 12, Lpz., 1901, S. 42). Файхингер рассматривает З. как «суммарную фикцию» (см. «Die Philosophie des Als-Ob», В., 1911, S. 420). З. ничего не дает для объяснения явлений (см. там же, S. 421). В неокантианской философии З. рассматривается как понятие (Г. Риккерт) или как комплекс явлений (В. Баух). Неопозитивизм отличается феноменологич. пониманием З., к-рые, с т. зр. его представителей, лишь описывают связь между переживаниями субъекта; они представляют собой лишь «...априорные умозрительные возможных форм предложений науки» (Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, М., 1958, с. 91), «предписания, правила поведения для исследователя, с помощью которых он разбирается в действительности» (Schlick М., Die Kausalität in der gegenwärtigen Physik, в журн.: «Die Naturwissenschaften», В., 1931, Н. 7, S. 156), причем действительность тут понимается как «опыт» в субъективистском смысле.

В отличие от субъективного идеализма, объективный идеализм связывает З. с индивидуальным идеальным принципом. Свое последовательное развитие это понимание получило у Гегеля. Поскольку природа и общество понимаются Гегелем как ступени саморазвития абсолютной идеи, постольку и З., действующие в природе и обществе, являются для него лишь З. этой саморазвивающейся идеи. Однако диалектич. понимание З., их роли в познании позволило Гегелю преодолеть существ. недостатки субъективно-идеалистич., а также механико-материалистич. трактовки понятия З. Гегель сумел выделить важнейшие моменты филос. (логической) категории З., отмеченные Лениным в «Философских тетрадях»: З. есть прочное, остающееся, идентичное в явлении, спокойное отражение явлений; З. не есть нечто потустороннее по отношению к явлению, а непосредственно наличествует в нем, проявляется в нем; З. есть существ. отношение, отражает существенное в движении универсума; понятие З. есть одна из ступеней познания человеческого единства и взаимосвязи явлений; З. мышления суть основы практич. целесообразной деятельности человека (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 139—42, 178—79).

Согласно марксистско-ленинской философии, З. действует независимо от того, знаем мы его или нет; люди не могут произвольно ни создать, ни уничтожить З. и потому могут успешно осуществлять лишь ту деятельность, к-рая протекает в согласии с З. природы и общества. З. — это «внутренняя и необходимая связь» между явлениями (Маркс К., Капитал, т. 3, 1955, с. 233). Ленин отмечает, что «...закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений мира...» (Соч., т. 38, с. 141). Однопорядковость понятий З. и сущности определяется тем, что то и другое имеют своим содержанием такие отношения внутри предел. целого, к-рые характеризуют его как всеобщее, т. е. как систему, необходимую возникающую в процессе развития материального мира и устойчивую в силу своей необходимости. Но если понятие сущности характеризует взаимодействие внутри данной системы (напр., сущность социалистич. системы составляет обществ. собственность на орудия и средства производства при таком уровне развития производства, к-рый предполагает действие принципа «от каждого по способностям, каждому по труду»), то понятие З. отражает историю возникновения и развития данной системы взаимодействия и поэтому включает в себя тенденцию, направление ее развития, границы ее устойчивости, а значит — и принципы ее организации. Напр., З. тенденции нормы прибыли к понижению «...есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, в выражении, свойственное

капиталистическому способу производства. Это не значит, что норма прибыли не может временно понижаться и по другим причинам, но таким образом, исходя из сущности капиталистического способа производства, доказано в качестве само собой разумеющейся необходимости, что с его развитием общая средняя норма прибавочной стоимости необходимо должна получать выражение в понижающейся общей норме прибыли» (Маркс К., Капитал, т. 3, с. 224). Как необходимая тенденция З. действует в зависимости от предел. условий. З. характеризует самодвижение системы в его «чистом» виде, в этом смысле он «...узок, неполон, приближителен» (Ленин В. И., т. 38, с. 140) и, отраженный абстрактно, не охватывает сам по себе всех возможных форм своего проявления. Энгельс замечает: «Изучение химических процессов находит перед собою... органический мир, т. е. такой мир, в котором химические процессы происходят согласно тем же самым законам, но при иных условиях» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 571). В зависимости от степени полноты условий действие З. выступает либо как возможная тенденция, либо как организующий принцип, преобразующий действительность. Именно во взаимосвязи условий и З. состоит возможность использования людьми действия объективных З. природы и общества в своих целях.

Объективно правильное отражение З. в процессе познания обусловлено тем, что З. внешнего мира и мышления образуют «...два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей» (там же, т. 21, с. 302). Как «одна из ступеней познания» З. науки обладает противоречивым характером. «Абстракция... закона природы... отражает природу глубже, вернее, полнее» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 161). Но выражая лишь определенную, а именно существ., связь между явлениями конкретной сферы действительности, З. не охватывает др. связи между ними, т. е. «явление бога же закона» (там же, с. 141). Развитие познания вскрывает правильную перспективу действия З., к-рая может быть познана и предусмотрена относительно предел. формы и вида движения, будь то в природе, обществе или мышлении: «сама эта теория превращается... в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 553—54). Деятельность людей является одним из необходимых условий для действия обществ. З. развития и функционирования. В какой мере и с какой силой эти З. пробивают себе дорогу в обществ. развитии, зависит поэтому в большой степени от того, знают ли люди эти З. и условиях действия и в какой мере они осознают свою собственную деятельность как необходимое условие действия обществ. З. (см. Закономерность общественной). Н. Кузьмин. Москва. К. Крббер. ГДР.

Количественные законы и их роль в познании природы. Познание объективных закономерностей начинается обычно с изучения опытных фактов и формулирования т. н. качеств. зависимостей между изучаемыми явлениями. Эти качеств. зависимости представляют лишь первый шаг на пути познания З. действительности; в них фиксируется самый факт однородности предел. группы явлений, но остается не выясненной конкретная структура взаимоотношения связей, образующая сущность этих явлений и действующая

как $\exists$. их развития. Поэтому знание качеств, зависимостей не позволяет точно предсказывать течение явлений. Высказанные на базе качеств, $\exists$. гипотезы о сущности наблюдаемых явлений оказываются, как правило, непроверяемыми в эксперименте, т. к. не ведут к строгим однозначным количественно определенным следствиям, сопоставимым с экспериментом.

Появление естествознания в совр. смысле слова (16 в.) связано именно с переходом от констатации лишь качеств, зависимостей к формулировке также и строгих количеств, соотношений. Такая формулировка предполагает вычлечение отд. сторон эксперимента, допускающих точное измерение, а для этого необходима выработка абстракций, делающих возможным и это вычлечение, и количеств. оценку. Так, с тепловыми явлениями люди знакомятся еще в донауч. опыте, и уже здесь фиксируются нек-рые качеств. зависимости. Однако первые шаги науки о теплоте связаны с выработкой понятий температуры и количества тепла, сделавших возможным количеств. анализ опытных данных. Этот переход от качественного к количеств. аспекту познания $\exists$. с соответств. использованием математики неизбежен для развития всех науч. дисциплин как естественных, так и общественных. Создание науч. абстракций, допускающих количеств. анализ изучаемых явлений, открывает возможность применения математич. методов и выражения $\exists$. в виде математич. функциональных соотношений. Символич. выражение $\exists$. преобразуется в абстрактно-математич. модель изучаемой предметной области (см. *Моделирование*). Исследование этой модели позволяет выявить новые соотношения между символами, а последующая интерпретация этих соотношений — раскрыть новые явления и $\exists$. природы. Так, решение Максвеллом системы его уравнений привело к выводу о существовании качеств. объекта — самостоятельно существующего электромагнитного поля в виде совокупности электромагнитных волн. Математич. исследование уравнения Дирака привело к предсказанию существования позитрона и т. д.

Математич. форма $\exists$. природы не только дает возможность предсказания новых явлений, она часто подготавливает условия для качественно новых обобщений. Разумеется, эти обобщения не могут быть выводимы из одной лишь математич. формы, основой для них всегда является эксперимент, раскрывающий новые стороны изучаемой действительности, однако соответствующая математич. форма существенно облегчает такие обобщения и раскрытие качественно новых закономерностей. Ярким примером служит возникновение квантовой механики, формулировка основных закономерностей к-рой была существенно облегчена тем, что в рамках классич. механики были получены математич. выражения для ее основных $\exists$. — уравнение Ньютона, уравнения Лагранжа, уравнение Гамильтона, уравнение Гамильтона — Якоби.

Об огромной эвристич. роли математич. выражения $\exists$. свидетельствует и развитие теории относительности. Принцип относительности находит свое математич. выражение в требовании т. н. лоренц-ковариантности осн. уравнений движения. Это позволяет чисто математически установить осн. $\exists$. релятивистской механики. Для этого берется соответств. уравнение ньютоновской механики и изменяется т. о., чтобы при преобразованиях Лоренца математич. запись этого $\exists$. оставалась неизменной (ковариантной). Именно таким путем были получены релятивистские выражения для импульса, энергии и ряд др. важных соотношений, выражающих $\exists$. природы.

Среди количеств. $\exists$. надо различать два осн. типа: эмпирич. количеств. $\exists$. (напр., законы Бойля, Дюроля — Ленца и др.) и $\exists$., к-рые могут быть названы теоретическими (напр., осн. уравнения молекулярно-

кинетич. теории, уравнение Шрёдингера и др.). Первые представляют собой более или менее непосредств. обобщение опытных данных и являются сравнительно частными $\exists$. Вторые возникают в результате значительно более глубокого проникновения в сущность объективных процессов; они образуют важнейший элемент к.-л. цельной теории и открывают возможность теоретич. вывода (дедуктивного объяснения) многочисл. эмпирич. закономерностей. Познание в общем и целом идет от первоначального формулирования эмпирич. $\exists$. (качественных и количественных), через выдвижение соответствующих гипотез к раскрытию фундаментальных $\exists$. и построению цельной теории изучаемой предметной области. Строгая проверка выдвигаемых гипотез, содержащих пока лишь предполагаемые фундаментальные $\exists$., становится возможной лишь тогда, когда эти $\exists$. приобретают количеств. характер и получают адекватное математич. выражение. Первоначальная квантовая теория Бора включала в себя т. н. квантовые постулаты и лишь благодаря тому, что эти постулаты имели точную математич. формулировку, из них удалось вывести теоретич. выражения для ряда эмпирич. закономерностей и значений эмпирически установленных констант, что и явилось блестящим подтверждением самой теории. Вообще на совр. уровне развития естествознания гипотеза утверждается в науке лишь в том случае, если ее осн. положения получают количеств. математич. выражение и открывают тем самым возможность выведения следствий, допускающих количеств. сопоставление с экспериментом. Напр., атомистич. гипотеза была высказана еще в глубокой древности, но ее окончат. признание пришло лишь тогда, когда она оказалась развитой до такой степени, что на ее основе стало возможным получать строго количественно определен. следствия. Закон Авогадро, составляющий одно из положений совр. атомной теории и утверждающий, что в грамм-моле любого вещества содержится одинаковое число молекул, мог быть доказан лишь тогда на основе различных количеств. $\exists$. было определено это число. В наст. время существует до 20 независимых способов определения числа Авогадро (по барометрич. формуле, на основе $\exists$. броуновского движения, из закономерностей радиоактивных процессов и т. д.). Тот факт, что столь различные и независимые методы дают одно и то же численное значение, служит доказательством закона Авогадро и в свое время явился одним из веских аргументов в пользу атомной теории в целом.

Итак, установление количеств. $\exists$., получающих адекватное математич. выражение, необходимо как для точного прогнозирования явлений, так и для построения цельных теоретич. концепций и их последующего доказательства. Однако это не должно вести к одностороннему преувеличению одного лишь количеств. аспекта, как это имеет место, напр., в операционализме. На самом деле, именно благодаря количеств. $\exists$. и становится возможным подлинное раскрытие качеств. специфики той или иной предметной области, и в этом смысле количеств. аспект отражения $\exists$. выступает как одна из форм выражения глубокого внутр. единства качества и количества. Л. Баженов, Москва.

Лит.: М а р к с К., Капитал, т. 3, М., 1955; Э н г е л ь с Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; е г о ж е, Диалектика природы, М., 1955; е г о ж е, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955; Л е н и н В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; е г о ж е, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. 14; е г о ж е, Философские тетради, там же, т. 38; Т у г а р и н о в В. П., Диалектический материализм о законе и закономерности, «Вестн. ЛГУ», 1952, № 3; е г о ж е, О законах объективного мира и законах науки, «Вопр. философии», 1952, № 4; е г о ж е, Законы объективного мира, их познание и использование, Л., 1955; е г о ж е, Законы природы и общества, М., 1957; Ш т р а к с Г. М., Категория закона в марксистско-ленинской философии, М., 1955; Б е л о к о б ь л ь

ский С. П., Взаимодействие общих и специфических законов общественного развития, «Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. ун-та. Общеуниверситетский сб.», 1957, т. 54, вып. 4; Ковалев В. М., Диалектический материализм о законах природы, Минск, 1958; Любошиц Л. И., Общие и специфические экономические законы, М., 1959; Туленов Ж., Закон как философская категория, Алма-Ата, 1959; Соколов В. С., Закон как категория марксистской диалектики, в сб.: Вопр. диалектического материализма, М., 1960; Асатрян М. В., Об условиях действия объективных законов, в кн.: Сб. науч. работ кафедры истории КПСС и философии Томского мед. ин-та, Томск, 1960; его же, О сфере действия объективных законов, там же; Глезерман Г., О законах общественного развития, М., 1960; Шаф А., Объективный характер законов истории, пер. с польск., М., 1959; Wundt W., Wer ist der Gesetzgeber der Naturgesetze?, «Philos. Studien», 1886, Bd 3; его же, Über den Begriff des Gesetzes..., там же; Eulenburg F., Naturgesetze und soziale Gesetze, «Arch. Sozialwiss. und Sozialpolitik», 1910, Bd 31; Sattel G., Begriff und Ursprung der Naturgesetze, Paderborn, 1914; Bauch B., Über den Begriff des Naturgesetzes, «Kant-Studien», 1914, Bd 19; его же, Das Naturgesetz, Lpz.—B., 1924; Schlick M., Die Kausalität in der gegenwärtigen Physik, «Die Naturwissenschaften», 1931, H. 7; Kafka G., Naturgesetz, Freiheit und Wunder, Paderborn, 1940; Wiener N., Law, в кн.: The Encyclopedia Americana, v. 17, N. Y., 1940, p. 93; Аер А. J., What is a law of nature?, «Rev. internat. philos.», 1956, № 36; Boshenskij J. M., Wege zum philosophischen Denken, Freiburg — W., 1959.

ЗАКОННИКИ (кит. — фацзя, франц. — легисты) — школа кит. философии, разрабатывавшая проблемы права и гос. законодательства. Возникновение школы З. относится к 4—3 вв. до н. э. З. выступили против господствовавшей в то время идеологии *конфуцианства*; З. отрицали принципы «гуманности» (*жень*), долга, церемоний, музыки, на основе к-рых, согласно конфуцианцам, строится гос. управление. В качестве основы обществ. порядка З. признавали закон, а гуманность и долг они считали губительными для гос-ва.

Одним из основоположников школы З. был Ли Куй. Будучи министром царства Вэй (Вэнь-хоу), он разработал наставление о «Полном использовании силы земли», учредил систему регулирования цен и добился своими постановлениями усиления управляемого им гос-ва. Ли Куй собрал кодексы различных царств в состав «Книгу законов» («Фа цзин») в 6 разделах: о воровстве, о разбое, о тюремном заключении, об аресте, разные законы и об орудиях наказания.

Другим представителем школы З. был У Ци, к-рый, будучи министром царства Чу, издал строгие законы и постановления, ограничившие права сановной аристократии, запретившие частное покровительство, унифицировавшие нормы поведения и обычаи по всему царству, централизовавшие власть. Все это повело к быстрому росту могущества царства Чу. Однако аристократия захватила власть и У Ци был убит. Соч. его утрачены, а сохранившаяся до нашего времени книга «У-цзы» написана в позднейшие времена.

Наиболее значит. представителем З. был Шан Ян (Вэй Ян), к-рый выступал против консервативных идей, предписывающих «держаться древних норм». В области законодательства Шан Ян продолжал традиции Ли Куя. Он выступал за проведение реформ, критиковал правление, основанное на традициях древности, требовал применения тяжких наказаний за легкие преступления, полагая, что «если давать тяжкое наказание вместо легкого, то и до легкого не дойдет, и тяжкое не придет, и, таким образом, посредством наказания будет устранено наказание». Эта теория служила господствующему классу теоретич. обоснованием угнетения народных масс. Из сочинений Шан Яна до нашего времени сохранилась книга («Книга Шан Яна») («Шан цзюнь шу»).

Представителем школы З. был Шэнь Дао, деятельность к-рого приходится на середину периода междоусобных войн («Чжаньго»). Он придерживался даосской концепции о неизбежном и фаталистич. действии законов. Шэнь Дао придавал особо важное значение авторитету, полагая, что «мудрости недостаточно для

покорения толпы, а авторитет есть достаточное средство для изгнания мудрости». Это положение подверг критике кит. философ-материалист Сюнь-цзы, говоря, что Шэнь Дао «превозносит законы... Следовать закону — таков и весь путь у него».

Выдающимся представителем школы З. был Хань Фэй, к-рый собрал воззрения З. в единую систему. Хань Фэй создал свод воззрений Шан Яна и Шэнь Дао, касающихся «законов», «искусства правителей» и «авторитета», и выработал теорию гос. управления, к-рая отразила стремления к гос. централизации и объединению всего Китая под единой властью. Однако в теоретич. отношении воззрения Хань Фэй тоже были подвержены влиянию даосов. «Законы» человеческие он рассматривал как естественные законы, или как естественный «путь». Выдвинутой им система единства трех категорий — «законы», «искусство правителей» и «авторитет» — находится в определ. связи с системой Лао-цзы. Хань Фэй требовал «отбросить пример древних правителей», управляющих гос-вом на основе «ритуала» (ли), и установить правление на основе законов. Такое правление, согласно Хань Фэю, имеет преимущество в том, что «законы не льстят знатым...». Установление законов, говорил Хань Фэй, должно исходить из того, чтобы законы приносили пользу народу, что является благом для всех. Школа З. оказала значит. влияние на развитие кит. обществ. мысли.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 68—69; Петров А. А., Очерк философии Китая, в сб.: Китай, М.—Л., 1940; Александров Г. Ф., История социологических учений. Древний Восток, М., 1959, с. 307—32; Дувендак J. (transl.), The book of Lord Shang. A classic of the Chinese school of law, L., 1928; Лио Wen Kuei (transl.), Han Fei Tzu, v. 1, L., 1939; Hughes E. R., Chinese philosophy in classical times, L., 1954, p. 254—68; Хань Фэй цзы, в кн.: Чу цзы цзи чэн (Собр. соч. Древних мыслителей), т. 5, Пекин, 1957.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ — объективно существующая, необходимая, существенная, повторяющаяся связь явлений обществ. жизни, выражающая поступательное развитие истории. З. о. впервые была открыта Марксом и Энгельсом, создавшими *исторический материализм*.

История вопроса. В домарксистской философии и социологии отд. мыслители подошли к идее закономерного характера историч. процесса. Уже в антич. философии, напр. в работах *Аристотеля*, содержалась идея о связи различных форм государства с определенными этапами развития общества, которые в свою очередь, связывались с изменениями в условиях жизни того или иного народа (см. Polit., IV 3, 15; V 3—9; рус. пер., СПб, 1911). В средние века господствовал *провиденциализм*, насаждавшийся христ. теологами. В 16 в. Ж. Боден выступил с обоснованием принципа связи между обществом и географич. средой, что было своеобразной попыткой решить проблему *детерминизма* в истории. В 1-й пол. 18 в. Вико создал теорию истории, круговорота, согласно к-рой каждый народ, воспроизводя ступени жизни отд. человека (детство, юность и зрелость), закономерно переживает 3 эпохи: божественную, героическую и человеческую, после чего начинается процесс деградации, возвращение к первобытному состоянию, и цикл развития возобновляется («Основания новой науки...», 1725). Теория Вико представляла собой попытку рассмотреть историю общества как единый закономерный процесс. В то же время бурж. общество по существу признавалось Вико высшей точкой развития человечества и т. о. отрицался поступат. характер развития.

Развитие общества как закономерный процесс совершенствования разума, культуры рассматривали представители франц. просвещения *Монтескьё* и *Контдорсе*. Монтескьё в своем осн. произведении «О духе

законов» проводил мысль о том, что «законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» (Избр. произв., М., 1955, с. 163), и пытался решить вопрос о З. о. с позиций географич. детерминизма. Взгляды Монтескье были направлены против господствовавшей теологич. концепции обществ. развития. В работах Кондорсе хотя и не ставился специально вопрос о З. о., но обосновывалась идея прогрессивного развития общества. Кондорсе связывал историч. прогресс с прогрессом разума, познания (см. «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», М., 1936, с. 100—01). Считая частную собственность вечной, Кондорсе рассматривал прогресс по существу как прогресс бурж. общества. Идея развития и закономерности в истории была гл. идеей философии истории представителя нем. Просвещения *Гердера*. Он считал, что история не есть результат действий разрозненных индивидов, но связный процесс деятельности народов, в к-ром можно проследить строго детерминированную цепь причин и следствий. Гердер стремился показать единство принципа историзма и закономерностей природы и общества и не сумел увидеть качеств. специфики З. о.

Франц. материалисты 18 в. в целом стояли на идеалистич. и метафизич. позициях в объяснении обществ. явлений. Вместе с тем в трудах *Гельвеция* была в своеобразной форме высказана идея З. о. Так, он предполагал, что общество проходит через определ. стадии: переход от бедности к богатству, далее к неравномерному распределению богатства и деспотизму, к-рый гибнет под ударами народа, и движение общества возобновляется (см. «О человеке...», М., 1938, с. 253—54). Гельвеций и др. франц. материалисты пытались установить связь и зависимость между человеком и средой, но не вышли при этом за пределы точки зрения взаимодействия. В развитии идеи З. о. важную роль сыграли взгляды Ж. Ж. Руссо, к-рый утверждал, что существует связь между возникновением частной собственности и неравенством, а также подчеркивал значение орудий труда для возникновения цивилизации. Франц. историки эпохи реставрации — *Тьерри*, *Мишье*, *Гизо*, сумели увидеть значение классовой борьбы в развитии общества и рассматривали ее как определ. обществ. закономерность. Огромное значение для развития идеи З. о. имели взгляды *Гегеля*; «он первый пытался показать развитие, внутреннюю связь истории...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 496). Гегель утверждал, что в истории господствуют закономерность и порядок, вся она есть единый закономерный процесс, в к-ром каждая эпоха, будучи неповторимо своеобразной, есть в то же время лишь необходимое звено в поступат. развитии человечества. Утверждая существование историч. необходимости, он пытался сочетать ее с признанием свободной человек. деятельности. Историю он рассматривал как процесс познания идеи свободы, к-рая реализуется через деятельность людей, стремящихся к удовлетворению своих интересов. Необходимость выступает не непосредственно, а прокладывает дорогу через множество случайностей. Но исходным для Гегеля является саморазвертывание «мирового духа», как основа развития всех явлений истории. Содержание истории — последоват. торжество духа какого-либо определ. народа, к-рый на данном этапе и есть истинный носитель «всемирного духа» (см. Соч., т. 8, М.—Л., 1935, с. 68—69).

К пониманию закономерного характера истории пытались подойти и представители утопич. социализма. *Сен-Симон* рассматривал историю не как хаос фактов, а как определ. связь событий; он считал, что каждую обществ. форму надо изучать не изолированно, а в связи с предшествующей и последующей формами

(см. Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1948, с. 31). Родоначальник *позитивизма Конт* пытался открыть «всеобщие естественные законы в истории» и утверждал, что развитие общества соответствовало развитию форм мышления — т. н. закон трех состояний, согласно к-рому человечество проходит три этапа: теологический, метафизический и позитивный. В значит. степени Конт заимствовал этот закон у Сен-Симона (см. «Курс позитивной философии», СПб, 1912, с. 2). Т. о., законы у Конта выступали в виде определ. идеалистич. схемы, приносимой в историю.

Марксизм о закономерности общественной. Науч. решение вопроса о З. о. было дано впервые с позиций материалистич. понимания истории. Пока история и социология ограничивались изучением лишь идеологич. обществ. отношений, они не могли обнаружить закономерности в истории человек. общества. Выделение производств. отношений, как отношений первичных и материальных, как экономич. основы обществ. жизни, позволило впервые применить критерий повторяемости к явлениям истории. Это и явилось условием открытия З. о. Большинство бурж. социологов отрицает З. о., прежде всего основываясь на утверждении, что в истории нет и не может быть повторяемости явлений. Представители фрейбургской школы *неокантианства (Виндельбанд и Риккерт)* противопоставляли науки о природе наукам о культуре. Науки о природе, по мнению неокантианцев, обобщают, генерализируют, потому что всякое естеств.-науч. понятие выражает общес. Науки о культуре (т. е. общественные) лишь индивидуализируют изучаемые ими объекты, потому что сами историч. понятия есть понятия индивидуальные (см. Г. Риккерт, Границы естественно-научного образования понятий, СПб, 1904, с. 444—45, 260—61; В. Виндельбанд, Прелюдии, СПб, 1904, с. 320). Поэтому в истории возможно только описание отд. фактов в их индивидуальности. В то время как естеств. науки есть науки о законах, обществ. науки есть науки о событиях. По мнению Риккерта, «понятие „исторического закона“ есть *contradictio in adjecto* (противоречие в определении.— *Ред.*)» (указ. соч., с. 225). Такое представление об историч. процессе связано с идеалистич. и метафизич. противопоставлением общего и единичного. В действительности, события, имеющие место в истории, не являются только индивидуальными. Франц. бурж. революция 1789 или 1-я мировая война — неповторимы в своем конкретном своеобразии. Но в сущности этих событий можно обнаружить черты, к-рые повторяются при известных условиях и в др. событиях. Существ. черты франц. бурж. революции в известной мере повторялись во всякой бурж. революции, нек-рые наиболее существ. черты 1-й мировой войны — во всяком вооруж. столкновении империалистич. гос-в. В действит. ходе историч. процесса имеется диалектич. единство индивидуального и общего, повторяемого и неповторимого.

Как установил марксизм, в обществе жизни действие законов проявляется не всегда в «чистом» виде и непосредственно, а большей частью в виде тенденции вследствие противоречивого действия разных сил. Законы вообще «...не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 483; см. также В. И. Ленин, Соч., т. 4, с. 95). Проявление З. о. как тенденции и означает как раз то, что законы определяют осн. линию развития общества, не охватывая и не предопределяя множества случайностей и отклонений; именно через эти случайности и отклонения необходимость пробивает себе дорогу как закон. При познании того или иного явления общественной жизни очень важно установить не только его индивидуальные черты, но и то общее, что лежит

в основе ряда явлений такого рода. Критерием для выделения этого общего в общественном развитии является прежде всего понятие *общественно-экономической формации*, к-рое фиксирует общее, повторяющееся в различных странах, находящихся на одинаковой ступени историч. развития. Так, развитие капитализма в Англии, несмотря на свои специфич. особенности, имеет много общих черт с развитием капитализма во Франции или в Германии. «Каково бы ни было своеобразие возникновения и развития капитализма в той или иной стране, всюду этот строй имеет общие черты и закономерности» (Программа КПСС, 1961, с. 7). Строительство социализма в СССР и в странах нар. демократии также, несмотря на ряд специфич. особенностей, имеет целый ряд общих черт, выражающих закономерность возникновения данного обществ. строя как определ. общественно-экономич. формации.

Повторяемость в истории выступает, т. о., или как воспроизведение сходных, общих черт в явлениях, относящихся к различным этапам истории (напр., при коммунизме «повторяется» уже имевшаяся при первобытнообщинном строе обществ. форма собственности), или как наличие общих, обязат. черт в жизни разных народов и стран, находящихся на одной и той же стадии историч. развития (напр., общие закономерности перехода от капитализма к социализму в разных странах).

Ни в первом, ни во втором случае марксизм не абсолютизирует повторяемости. В историч. развитии всякое «повторение» происходит каждый раз на новом, более высоком уровне, приобретает с точки зрения и содержания, и формы качественно новые черты, что связано с включением повторяющегося явления в новую систему отношений. «...События, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке,— писал Маркс,— приводят к совершенно разным результатам» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951, с. 223). Признание повторяемости поэтому не противоречит, а, напротив, предполагает необратимость историч. процесса. Этим марксистское понимание отличается от всех теорий «цикличности», «круговорота» и т. д., где повторяемость в ходе развития всемирной истории понимается именно как абсолютное повторение на новом этапе того, что уже было дано в прошлом.

Поэтому понимание З. о. не сводится только к признанию повторяемости обществ. явлений. Закономерный характер истории означает также поступат. характер ее развития. Признание З. о. тесно связано с пониманием историч. прогресса.

Соотношение законов природы и общества. Открытие З. о. позволило представить развитие общества как естеств.-историч. процесс. Существует известное различие между законами обществ. развития и законами природы. Законы общества менее долговечны, они отличаются также от законов природы и по их сложности, как законы самой высокой формы движения материи. Несостоятельны попытки нек-рых бурж. философов и социологов перенести законы природы на обществ. явления. Наиболее характерной в этом отношении является органич. теория Конта и Спенсера, к-рая предлагала рассматривать общество как биол. организм, где отд. социальные институты уподобляются органам животного. Другую попытку такого рода представляет *социальный дарвинизм*, переносящий на общество ряд положений теории Дарвина, рассматривающий, в частности, такое явление как конкуренцию, с т. зр. «борьбы за существование». Наконец, такого же рода попытку представляет и теория «энергетического баланса» *Богданова*, к-рая рассматривает взаимоотноше-

ние общества и природы с т. зр. «теории равновесия», как нек-рый баланс энергии природы и общества. Все эти теории имеют общий методол. порок, к-рый состоит в непонимании специфики обществ. жизни. Важнейшее отличие законов развития общества состоит в том, что они проявляются не как действия слепых стихийных сил, а только и исключительно через деятельность людей. Они есть законы этой деятельности. Поэтому применительно к законам обществ. развития встает весьма специфич. вопрос о соотношении объективного характера законов и сознат. деятельности людей.

Законы общества и сознательная деятельность людей. Объективный характер законов обществ. развития состоит в том, что законы не создаются и не могут быть отменены людьми, что они действуют независимо от того, желательны они людям или нет, познали их люди или нет. Это объективные связи самой системы обществ. отношений, объективная логика обществ. развития. В истории действуют люди, одаренные волей и сознанием, к-рые сами творят свою историю. Каждый человек действует сознательно, ставя перед собой определ. цель. Но обществ. результат, к-рый получается при сложении всех индивидуальных действий, целей и т. д., не совпадает с намерением каждого. Это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, каждое поколение, рождаясь, уже застает готовыми сложившиеся формы обществ. отношений и поэтому, по крайней мере на первых порах, люди должны действовать в этих уже сложившихся формах. Во-вторых, люди, совершая осознанные поступки, могут видеть в лучшем случае лишь ближайшие последствия, к к-рым они приведут, но не могут предвидеть отдаленных обществ. последствий своих действий. Это является сущест. особенностью общества, где развитие осуществляется путем столкновения интересов антагонистич. классов. З. о. в таком обществе складывается как нек-рая равнодействующая совокупности действий всех членов общества (см. Письмо Энгельса И. Блоху 21—22 сент. 1890, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1953, с. 422—24).

В домарксистской философии не было правильного решения вопроса о соотношении объективных законов истории и сознат. деятельности людей. В целом ряде теол. концепций обществ. развития, напр. в трудах *Августина*, была сформулирована точка зрения историч. *фатализма*, согласно к-рому историч. развитие предопределяется роком, судьбой, и деятельность человека ничего не может изменить в истории. Другое направление в социологии связано с *волюнтаристич. концепцией* (см. *Волюнтаризм*) обществ. развития (напр., *Шопенгауэр*, *Ницше*) и состоит в отрицании объективного характера законов и в признании решающего значения человек. или божеств. воли в истории. Нек-рые бурж. ученые (Штаммлер) утверждали, что в марксизме содержится противоречие, ибо одновременно признается как роль объективных законов, так и роль сознат. деятельности людей. Совр. бурж. критики марксизма идут по этой же линии: одни из них (К. Хаун) обвиняют марксизм в том, что он, признавая историч. необходимость, обрекает человека на роль пассивного созерцателя событий. Другие (С. Хук) утверждают, что коммунисты своей практич. деятельностью опровергают детерминизм. Нападая на ленинизм, они стремятся изобразить его как волюнтаристич. концепцию. Но в действительности марксизм-ленинизм дает подлинно диалектич. решение вопроса. Энгельс указывал, что люди творят историю при определ. обстоятельствах, поэтому успех их сознат. деятельности может быть обеспечен только в том случае, если эта деятельность совершается в соответствии с объективными законами. В этом случае

деятельность людей приобретает огромную революц. силу. Опираясь на объективно существующую З. о., люди в самой действительности находят источники и силы для ее преобразования.

Общие и специфические законы развития обществ. Историч. материализм различает разную степень общности законов, действующих в истории. С этой т. зр. можно выделить 3 группы законов. 1) Законы, действующие на протяжении всей человек. истории, во всех обществ.-экономич. формациях. Это — т. н. «общесоциологические законы», к к-рым относятся, напр., закон соответствия производств. отношений характеру производит. сил, закон определяющей роли обществ. бытия по отношению к обществ. сознанию и др. 2) Законы, действующие на протяжении большого отрезка истории — на всем этапе существования классовых обществ.-экономич. формаций. Это, напр., закон *классовой борьбы* как движущей силы обществ. развития, закон социальной революции как формы перехода от одной классово-антагонистич. формации к другой и т. д. 3) Законы, действующие на протяжении какой-либо одной обществ.-экономич. формации, называемые специфич. законами. Напр., специфич. законом капитализма является закон анархии производства и конкуренции, специфич. законом социализма является закон планомерного, пропорционального развития произ-ва. К специфич. законам наряду с законами отд. формаций относятся также и законы перехода от одной общественно-экономич. формации к другой (напр., законы перехода от капитализма к социализму, законы становления коммунистич. формации). Исследование этих законов имеет огромное практич. значение. Становление коммунистич. формации отличается от становления любой другой формации именно тем, что здесь невиданно возрастает роль сознат. деятельности масс, а для успеха этой деятельности необходимо знание специфич. законов, лежащих в основе этого процесса. Следует также различать среди специфич. законов такие, к-рые действуют на протяжении всей формации, и такие, к-рые действуют на отд. этапах развития этой формации. Так, закон распределения по труду действует лишь на первой фазе развития коммунистич. формации — при социализме и в период перехода от социализма к коммунизму. Специфич. законы развития формаций являются вместе с тем общими законами для разных стран, проходящих одну и ту же ступень историч. развития. Именно в этом смысле говорится об общих законах строительства социализма, об общих законах становления коммунистич. формации и т. д.

В этой связи вопрос о соотношении общих и специфич. законов имеет принципиальное значение в идеол. борьбе междунар. коммунистич. движения с ревизионизмом и догматизмом. Методологич. пороком концепции догматизма является переоценка общих законов обществ. развития; для ревизионистов характерно отрицание общих законов строительства социализма в различных странах. В Декларации (1957) и Заявлении (1960) Советских представителей коммунистич. и рабочих партий, в Программе КПСС (1961) разоблачены взгляды ревизионистов, раскрыты общие закономерности строительства социализма и показано их значение.

Познание и использование законов общества. Так же, как законы природы, законы обществ. развития могут быть познаны, но в их познании есть ряд особенностей. Маркс указывал, что вообще во всякой науке любой процесс легче всего исследовать в точке его высшего развития. В обществ. науках познание законов обществ. развития зависит от степени зрелости обществ. отношений. Недоразвитость обществ. отношений порождает незрелость теорий обществ.

развития (напр., утопич. социализм Сен-Симона, Фурье и Оуэна). Открытие сущности классовых отношений и законов классовой борьбы стало возможным лишь при капитализме, когда классовые отношения достаточно развились. Особенностью законов обществ. развития обуславливается специфика метода их исследования. Исследователь обществ. явлений лишен возможности воспроизвести явление, к-рое он изучает, или поставить эксперимент. «...При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 4). Наконец, при познании обществ. законов с особой силой проявляется классовая позиция исследователя, к-рая определяет направление работы, подбор материала и решение проблем. Говоря о политич. экономии, Маркс указывал, что именно здесь в связи со своеобразным характером материала науч. исследование встречается с такими врагами, как фурии частного интереса.

Познание законов обществ. развития открывает возможность их использования в практич. деятельности людей по преобразованию общества. Люди не могут создавать или отменять объективные законы истории, но они не являются бессильными в отношении действия этих законов. Изменяя условия, в к-рых действует тот или иной закон, люди могут видоизменять формы и результаты его действия, поставить его себе на службу. В условиях антагонистич. обществ. различные классы по-разному относятся к одному и тому же закону. Так, угнетенные классы антагонистич. формаций всегда заинтересованы в развитии классовой борьбы (объективного закона обществ. развития), в то же время эксплуататорские классы заинтересованы в ее развитии только до определ. этапа. Буржуазия возглавляла классовую борьбу против феодалов, но она «свертывала» и стремилась не допустить наиболее острых форм ее проявления, лишь только классовая борьба оказывалась направленной против нее самой. Всякая попытка игнорировать законы обществ. развития приводит к своего рода «возмездию» (так же, как нежелание считаться с объективными законами природы обрекает на неуспех практич. устремления человека).

В социалистич. обществе впервые в истории возникают благоприятные возможности для сознат. использования объективных законов. При социализме изменяется соотношение стихийности и сознательности в обществ. развитии, возрастает значение сознат. деятельности людей, возможность (для общества в целом) предвидеть отдаленные обществ. последствия действий людей. Частная собственность на средства произ-ва обуславливает стихийное в своей основе развитие общества; обществ. собственность на средства произ-ва, напротив, — объективную необходимость и возможность планомерного развития общества. Объективный закон планомерного, пропорционального развития требует, чтобы в соответствии с ним люди сознательно планировали развитие произ-ва. В планах развития народного х-ва выражается цель социалистич. произ-ва. При социализме впервые в истории экономич. законы не выступают как действия стихийных сил. Однако это не означает, что при социализме ликвидированы все препятствия для сознат. использования З. о. В условиях социализма нет реакц. социальных классов, но есть еще отд. отсталые элементы, к-рые препятствуют успешному использованию объективных законов. Руководящая роль Коммунистич. партии проявляется в том, что партия своевременно и решительно, широко развертывая *критику и самокритику*, устраняет эти препятствия и, опираясь в своей политике на познанные объективные законы истории, направляет развитие

общества. В период развернутого строительства коммунизма исследование осн. закономерностей экономич., политич. и культурного развития социализма и перерастания его в коммунизм становится важнейшей задачей обществ. наук.

Законы развития общества и совр. бурж. философия и социология. Вопрос о законах обществ. развития является одним из наиболее острых вопросов совр. борьбы двух мировоззрений: марксистского и буржуазного. Характерной чертой совр. бурж. философии и социологии является отказ от признания З. о., от возможности познания и использования объективных законов. Это связано с изменением социальной роли класса буржуазии в совр. эпоху. В то время, когда она играла прогрессивную историч. роль, в теориях ее идеологов содержалось признание идеи З. о. С сер. 19 в., начиная с неокантианцев, бурж. философы и социологи поворачивают вспять в этом вопросе. Совр. последователи неокантианства при анализе социол. явлений продолжают утверждать, что естественные и историч. пользуются различными типами понятий и что все общие понятия истории — лишь «идеальные типы» (М. Вебер), к-рые не являются отражением объективно существующего общего, а есть лишь наиболее удобные для социолога инструменты систематизации фактов. Это — своеобразная форма отрицания З. о. В неопозитивизме также отрицается З. о. Провозглашая необходимость «позитивной» науки, опирающейся только на эмпирич. факты, О. Нейрат, напр., приходит к выводу, что историч. знание невозможно, ибо оно не допускает опытной проверки. К. Поппер ссылается на то, что поскольку в истории существуют не законы, но тенденции, постольку мы не можем получить точных выводов, ибо тенденции не дают для них оснований и, следовательно, теоретич. обобщения невозможны в истории. Социологи-неопозитивисты (Ландберг, Додд, Лазарфельд) сводят по существу социологию к описанию форм челоуеч. поведения, ибо общие понятия, выражающие существ. социальные связи, кажутся им бессмысленными, т. к. их нельзя верифицировать.

Отрицание З. о. имеет место и среди представителей др. филос. направлений. Исходя из филос. предпосылок *экзистенциализма*, Р. Арон приходит к выводу, что будто бы объективное исследование и причинное объяснение истории невозможно на том основании, что «исторической науки, истина которой была бы обязательна для всех, не существует» («La philosophie de l'histoire», в сб.: «L'activite philosophique contemporaine en France et aux Etats-Unis», т. 2, Р., 1950, р. 324). Понятия необходимости и закономерности он заменяет понятиями возможности и вероятности. Нек-рые представители бурж. историч. мысли в связи с разработкой общих проблем методологии истории пытаются поставить вопрос о З. о. метафизически и идеалистически. Так, напр., англ. историк *Тойнби*, признавая наличие З. о., трактует ее в духе старых теорий круговорота («теория параллельных цивилизаций» — см. «A study of history», v. 9, 1955).

В работах большинства буржуазных социологов, как правило, не ставятся общие методол. проблемы. В буржуазной социологии господствует эмпиризм, важнейшим признаком к-рого является отказ от признания в существе обществ. явлений, от стремления раскрыть объективные законы их развития. Бурж. социология предстает как совокупность большого количества эмпирич. исследований отд. частных явлений обществ. жизни. И хотя иногда в этих исследованиях содержится ценный фактич. материал, они являются по существу простым описанием фактов. Ограниченность бурж. эмпирич. социологии очевидна и для нек-рых бурж. социологов, предпринимающих попытки выдвинуть какое-то теоре-

тич. обоснование эмпирич. исследований (Лазарфельд, Кеннг). Сторонники *микросоциологии* (Гурвич) пытаются создать даже «новые философские основы» социол. теории (т. п. «диалектический гиперэмпиризм»). Но никакой синтез результатов эмпирич. исследований с посылками идеалистич. философии не открывает дороги науч. исследованию З. о. «Законы», признаваемые такой теорией, мало чем отличаются от априорных конструкций старой философии истории и традиционной социологии — они не есть объективные законы развития истории.

Идея отрицания З. о. имеет глубокие классовые корни. Признание объективно существующей З. о. означало бы для бурж. идеологов признание историч. необходимости краха капитализма и замены его социализмом. Вместе с тем ход истории опровергает теорию бурж. социологии: объективно существующая З. о. опрокидывает теорию, отрицающую ее.

Историч. развитие свидетельствует об истинности марксистской теории обществ. развития. «Марксизм-ленинизм, открыв объективные законы общественного развития, показал присущие капитализму противоречия, неизбежность их революционного взрыва и перехода общества к коммунизму» (Программа КПСС, 1961, с. 7). Возникновение и рост социалистич. лагеря, крушение колониальной системы империализма, приближающийся неизбежный крах империализма — яркое подтверждение действия познанных марксизмом законов истории.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, М., 1955, с. 8—20; т. 3, М., 1955, гл. 9; е го же, Святое семейство, Соч., 2 изд., т. 2, гл. 6; е го же, К критике политической экономии, [М.], 1952, с. 212—22 (Метод политич. экономии); е го же, [Письмо] П. В. Анненкову — 28. XII. 1846 г., в кн.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями, 2 изд., [М.], 1951, с. 10; Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955, раздел 4; е го же, Анти-Дюринг, М., 1957 (Введение. I. Общие замечания. Отдел третий. Социализм — II. Очерк теории); е го же, [Письма]. Ф. А. Ланге — 29. III. 1865, И. Блюху — 21—22. IX. 1890, К. Шмидту — 12. III. 1895, К. Шмидту — 5. VIII. 1890, Г. Штаркенбургу — 25. I. 1894, в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Избр. письма, [М.], 1953; е го же, Карл Маркс. «К критике политической экономии»; Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1, с. 115—30; е го же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве, там же, т. 1, с. 389—91; е го же, Капитализм в сельском хозяйстве, там же, т. 4, с. 95; е го же, Против бойкота, там же, т. 13, с. 21—22; е го же, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. 14, гл. 6, с. 306—41; е го же, Еще одно уничтожение социализма, там же, т. 20, с. 179; е го же, Карл Маркс, там же, т. 21, с. 38—41 (Материалистическое понимание истории); е го же, Пророческое слово, там же, т. 27, с. 456; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956; Лафарг П., Экономический детерминизм К. Маркса, 2 изд., М.—Л., [1928]; Хрущев Н. С., Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, М., 1956, с. 36—45; е го же, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—65 гг. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС, М., 1959; е го же, Отчет ЦК КПСС XXI съезду партии, М., 1961; е го же, О Программе КПСС, М., 1961; Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., М., 1957; Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 г., М., 1960; Программа КПСС, М., 1961; Основы марксистской философии, М., 1959, ч. 2, гл. 9, § 3; Асмус В. Ф., Маркс и буржуазный историзм, М.—Л., 1933; Туганов В. П., О взаимоотношении объективных законов общественного развития, «Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук», 1954, № 9, вып. 3; Асатрян М. В., К вопросу о познании и использовании законов общественного развития, «Вестн. МГУ. Сер. экономики, философии, права», 1956, № 1; Биккенин Н. Б., К проблеме соотношения общих и специфических законов развития, там же, 1957, № 3; Момджян Х. Н., Об идеологии социального пессимизма, «Вестн. истории мировой культуры», 1957, № 2; Кон И. С., Философский идеализм и кризис буржуазной историч. мысли, М., 1959; Любошицкий И. И., Общие и специфические экономические законы, М., 1959; Глезерман Г. Е., О законах общественного развития, М., 1960; Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. Сб. ст., М., 1960; Шаффа А., Объективный характер законов истории, пер. с польск., М., 1959; Sprengel O., Der Untergang

des Abendlandes, Bd 1, 33—47 Aufl., Münch., 1923 (рус. пер., т. 1, 1923); Neurath O., Empirische Soziologie, W., 1931; Bober M. M., Karl Marx's interpretation of history, Camb.—[L.], 1948; Weber M., Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, 2 Aufl., Tübingen, 1951; Popper K. R., The open society and its enemies, v. 1—2, [5 ed.], L., 1952; Гомеж, Misère de l'historicisme, P., [1956]; Ginsberg M., The idea of progress, a revaluation, L., [1953]; Russell B., History as an art, Aldington (Kent), 1954; Aron R., L'opium des intellectuels, P., [1955]; Hook S., Historical determinism and political fiat in Soviet communism, «Proc. Amer. Philos. Soc.», 1955, v. 99; Hunt R. N. C., The theory and practice of communism, 5 ed., L., 1957; Acton H. B., The illusion of the epoch., Boston, [1957].

Г. Андреева. Москва.

ЗАКОНЫ ДЕ МОРГАНА — законы логики высказываний, связывающие отрицание с операциями конъюнкции и дизъюнкции, соответствующими логич. союзам «и» и неразделительному «или» естеств. языка. З. де М. в словесной формулировке были известны еще схоластич. логикам. В математич. логику введены англ. логиком де Морганом, однако не как законы логики высказываний, а как соответствующие законы логики классов. Имеют вид:

- (1) $\neg (A \& B)$ экв. $(\neg A) \vee (\neg B)$; (2) $\neg (A \vee B)$ экв. $(\neg A) \& (\neg B)$.

Здесь знак « $\neg$ » означает операцию отрицания, знак « $\vee$ » — дизъюнкцию (неразделительное «или»), а знак « $\&$ » — конъюнкцию высказываний (союз «и»). Закон (1) читается: отрицание конъюнкции высказываний A и B эквивалентно (равносильно) дизъюнкции отрицаний этих высказываний; закон (2) читается: отрицание дизъюнкции высказываний A и B эквивалентно конъюнкции их отрицаний.

Лит.: Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, с. 88; Чёрч А., Введение в математическую логику, [т.] 1, пер. с англ., М., 1960, с. 98, 394; Де Морган А., Formal logic... L., 1926; Boehner P., Bemerkungen zur Geschichte der Morganschen Gesetze in der Scholastik, «Arch. Philos.», 1951, № 4, S. 113—46. Б. Бирюков. Москва.

ЗАКОНЫ МАНУ [вольный перевод санскр. mānava-dharmaśāstra — сборник наставлений Ману (в соблюдении дхармы)] — один из важнейших памятников обществ.-политич. и правовой мысли рабовладельч. общества в Индии. В З. М. отражены догматика и идеология брахманизма. Брахманской традицией памятник приписывается мифич. прародителю людей — Ману. На самом деле З. М. составлены в период первых веков н. э. на основании более древних «священных» текстов, традиций и норм обычного права. З. М. написаны на санскрите стихами и состоят из 12 глав и 2 685 статей весьма разнообразных по содержанию. В I главе содержится рассказ о сотворении мира, в II—VI главах — правила обыденной жизни, вопросы культа и ритуала, в VII — наставления по гос. управлению, в последующих — правила судопроизводства, имущественные, семейные и пр. отношения, правила ритуального очищения, учение о грехе и о посмертном воздаянии. З. М. утверждают божеств. происхождение царской власти: «...когда люди, не имеющие царя, рассеялись во все стороны от страха, владыка создал царя для охраны всего этого [мира]» (VII, 3, цит. по кн. «Законы Ману», М., 1960). З. М. утверждали кастовое деление, предусматривая наказание для тех, кто нарушает кастовые нормы. «Тот член, каким человек низший (по касте. — *Ред.*) ударит высшего, — именно он — у него должен быть отрезан, таково предписание Ману. Подняв руку или палку, он заслуживает отрезания руки; лягнувший в гневе ногой заслуживает отрезания ноги» (VIII, 279, 280). В З. М. всячески подчеркивается, что существующий строй неравенства и угнетения установлен самими богами, что он вечен и неизменен.

З. М. содержат и ряд космогонич. идей, совпадающих в основном с космогонией теистич. философии

санхьи. В ней подвергается критике материалистич. учения (напр., *настика*).

Издания: The Laws of Manu, transl. by G. Bühler, Oxf., 1886; Законы Ману, [пер. с санскрит. С. Д. Эльмановича], М., 1960.

Лит.: Александров Г. Ф., История социологических учений. Древний Восток, М., 1959, с. 436—49; Joly I. (ed.), Mānava Dharma-śāstra; the code of Manu, L., 1887; Motwani K., Manu Dharma śāstra. A sociological and historical study, Madras, 1958.

Г. Илтин. Москва.

ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ — см. Мышления законы. **ЗАКУЕВ**, Ахмед-Керади (Курди) Магомед оглы [р. в мае (июне) 1888] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1947), проф. кафедры психологии Азерб. пед. ин-та им. В. И. Ленина (с 1947), ст. науч. сотрудник сектора философии АН Азерб. ССР (с 1944). Науч. интересы З. сосредоточены гл. обр. на вопросах истории филос. мысли средневековья.

Соч.: Махаббат, рухийят ва иджитиманият ноктэи назэриндэ, Баку, 1922; Эраб философларының эгла бахышлары, в кн.: Изв. Восточн. ф-та [Азерб. гос. ун-та], т. 4, Баку, 1929; Бəһманьярын фəлсəфи кəрүшлəри, Баку, 1958; Психологические воззрения Насирэддина Туси, в кн.: Тр. Ин-та ист. и философии АН Азерб. ССР], т. 6, Баку, 1955; Философские воззрения Физули, там же, т. 8, Баку, 1955; Психология Ибн-Сины, Баку, 1958; Арабоязычная психология на Ближ. и Ср. Востоке в ср. века, «Вопр. психологии», 1959, № 4; Философия ан-Навама, Баку, 1961; Философия «Братьев чистоты», Баку, 1961.

ЗАМÉНЫ РАВНОГО РАВНЫМ ПРАВИЛО — правило логики, позволяющее заменять равные (равнозначные, эквивалентные) выражения друг другом без нарушения истинности тех высказываний, в к-рые они входят. См. *Правило замены равного равным*.

ЗАМЕЩЕНИЕ — см. *Принцип замещения*.

ЗАМЕЩЕНИЯ ПРИНЦИП — правило логического вывода, основанное на отношении тождества (равенства). Положено англ. логиком Ст. Джевонсом в основу своей теории логики. З. п. нашел развитие в работах Карнута. См. *Принцип замещения*.

ЗАМКНУТАЯ ФОРМУЛА — такая формула логич. исчисления, к-рая выражает нек-рое высказывание; формула, не содержащая свободных переменных вовсе или имеющая только такие их вхождения, к-рые нельзя связывать кванторами, не выходя за рамки данного исчисления. Напр., З. ф. узкого *предикатов исчисления* — это формулы, в к-рых связаны кванторами все вхождения предметных переменных, но, вообще говоря, могут иметься свободные вхождения предикатных или пропозициональных переменных. Формулу, не являющуюся З. ф., можно обычно сделать З. ф. (замкнуть), связав переменные кванторами общности. Понятие замкнутости можно перенести и на выражения естеств. языка, если в последнем (или в нек-рой его части) провести четкое выявление слов (или иных языковых средств), с помощью к-рых выражаются переменные, а также средств, дающих возможность связывать такие слова (подобно тому, как кванторы связывают переменные), что позволяет отличить слова, являющиеся связанными, от свободных. См. *Квантор, Переменная*. А. Кузнецов. Москва.

«ЗАПАДНИКИ» — см. *Западники*.

«ЗАПАДНИЧЕСТВО» — одно из направлений рус. обществ. мысли 40-х гг. 19 в., представители к-рого («западники»), выступая за ликвидацию феодальнокрепостной отсталости России, отстаивали возможность и необходимость развития страны по пути западноевропейских гос-в. В сер. 40-х гг. в моск. кружок «западников» входили Герцен, Грановский, Огарев, Боткин, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, Редкин, Д. Крюков, Кавелин, М. С. Щепкин и др. Тесную связь с кружком имел Белинский. К «западникам» относились также И. Тургенев, Н. Галахов, П. Анненков, И. Панаев и др. При неоправданно широком толковании термина «З.» «западниками» иногда называют также и петрашевцев.

Термины «З.», «западники» (иногда — «европейцы»), так же как и «славянофильство», «славянофилы»,

родились в идейной полемике 40-х годов; впоследствии они закрепились в историч. науке. Рус. бурж. историография считала термины «З.» и «славянофильство» адекватным выражением сущности враждовавших идейных направлений 40-х гг., а проблему «Россия и Запад» («Россия и Европа») — центр. проблемой обществ. мысли тех лет. На деле споры о том, идти ли России вслед за Зап. Европой или искать «самобытный» путь, полемика о тех или иных особенностях рус. нац. характера, разногласия в оценке реформ Петра I и т. д. были лишь формой постановки более существенного вопроса — о будущих социальных преобразованиях России, являлись способом обсуждения проблемы крепостничества. В условиях николаевской реакции, наступившей после поражения движения декабристов, обществ. мнение вынуждено было, по свидетельству современников, «...притворяться... невинным спором» — в сущности дело шло «...о создании политической программы для будущего развития государства» (Анненков П. В., Литературные воспоминания, 1960, с. 215). Полемицируя со «славянофилами», «западники» метили в офиц. идеологию рус. самодержавия. Объективно почва для подобной окраски споров была подготовлена тем, что страны Зап. Европы шли вперед России по своему социальному развитию, «западный» путь в тех условиях был синонимом буржуазного пути. Признание моментов определенности единства в идеологии «западников» (осуждение самодержавно-крепостнич. строя, борьба против «теории» «официальной народности», стремление к европеизации России и т. д.) и объективно бурж. содержания их взглядов не отменяет, однако, того факта, что обращались они к разному Западу, защищали различные пути будущего преобразования России, выражали — в тенденции своего развития — интересы разных классов: Белинский, Герцен, Огарев защищали интересы крест. бурж. демократии, Кавелин, Боткин, Корш — интересы бурж. либерализма. По мере углубления кризиса самодержавно-крепостнич. системы на протяжении 40-х и 50-х гг. идет процесс выявления этих различий. Первоначально полемика в среде «западников» скрыта в письмах, споры не выходят за рамки кружков, «интимные» расхождения заслоняются фактами совм. выступлений на кафедрах и в печати. Но уже во 2-й пол. 40-х гг. расхождения затрагивают область эстетики (споры Белинского с Боткиным), выражаются в разном отношении к атеизму и материализму (разрыв по этим вопросам Герцена с Грановским и Коршем, отстаивавшими догмат о бессмертии души, полемика Белинского с Боткиным) и особенно резко — в трактовке социально-политич. проблем. Белинский и Герцен хотя и строили на развалинах самодержавия социализм, либеральные «западники» мечтают о бурж. царстве «правового порядка». При обсуждении герценовских «Писем с Avenue Marigni» (1847) выявляются принципиальные разногласия в оценке зап. буржуазии рус. революц. демократами и утопич. социалистами, с одной стороны, и либералами — с другой. За всякого рода наслоениями и колебаниями в рус. антифеод. мысли все отчетливее пробиваются две линии: революц. крест. демократизм (Белинский, Герцен, Огарев) и буржуазно-помещичий либерализм (Кавелин, Боткин, Корш, Анненков).

Если вплоть до революции 1848—49 определяющим был несомненно момент единства всех антифеод. сил в борьбе с официальной и консервативно-либеральной идеологией, то после революции на первый план все отчетливее выступают существенные классовые различия внутри рус. антифеод. лагеря. Наметившиеся в сфере идейной борьбы тенденции к размежеванию демократизма и либера-

лизма окончательно оформляются и закрепляются к концу 50-х — нач. 60-х гг. в борьбе политич. направлений, когда вопрос — каким путем идти России? — принял конкретные формы — как и кому освободить крестьян. Революц. демократы становятся на сторону крестьянства, либералы (как «западники», так и «славянофилы») оказываются в одном стане с представителями самодержавной России, приступившими к освобождению «сверху». Н. Г. Чернышевский подчеркивал в 1857, что «... гг. Боткины с братисю... были хороши, пока их держал в ежовых рукавицах Белинский, — умны, пока он набивал им головы своими мыслями. Теперь они выдохлись...» (Полн. собр. соч., т. 14, 1949, с. 345).

Т. о., хотя термины «З.» и «славянофильство» отражают нек-рые реальные моменты истории идейной борьбы 40-х гг. (специфическую окраску направлений внутри антифеод. лагеря и др.), однако они не являются строго научными, содержат категорию. Оставаясь на поверхности явлений, они не выражают сути идейной борьбы 40-х—50-х гг., когда «... весь русский вопрос... заключался в вопросе о крепостном праве» (Герцен А. И., Собр. соч., т. 12, 1957, с. 35). Одну из характерных черт рус. антифеод. идеологии 19 в. — горячее стремление к европеизации России — они превращали в ее единств. и самодовлеющую черту.

Условность и неточность терминов «западники» и «славянофилы» подчеркивались как современниками, так и рядом исследователей. Герцен, напр., писал в 1844 о негодности односторонних определений «западники» и «славянофилы» (см. там же, т. 2, 1954, с. 354). Впоследствии он иногда прямо оговаривал: «Европейцы, как называли их славянофилы...» (Там же, т. 7, 1956, с. 234). «... Так называемые западники...», — пишет и Чернышевский (Полн. собр. соч., т. 4, 1948, с. 727). Подобным образом и Анненков утверждал: «Не очень точны были прозвища, взаимно даваемые обеими партиями друг другу в виде эпитетов московской и петербургской или славянофильской и западной... неточности такого рода неизбежны везде, где спор стоит не на настоящей своей почве и ведется не тем способом, не теми словами и аргументами, каких требует» («Лит. воспоминания», 1960, с. 215).

В совр. бурж. историографии термины «З.» и «славянофильство» используются как средство сознат. извращения историч. процессов. Опираясь этими терминами, объявляя борьбу «западников» и «славянофилов» основой понимания России не только 19 в., но и «середины 20 в.», совр. фальсификаторы истории рус. мысли (Г. Кон, С. Р. Томкинс, А. Шельтинг, Р. Хэер, Ф. Баргури и др.) пытаются отделить от самодержавно-крепостнич. лагеря смыкавшиеся с ним в переломные моменты классовой борьбы течения бурж.-помещичьего либерализма, и наоборот — оторвать рус. марксистов от прогрессивных традиций рус. демократии. В результате искажения ими рус. истории в едином лагере «З.» оказываются Белинский, Герцен, кадеты, меньшевики, а среди «славянофилов», «врагов Запада» фигурируют Погодин, Победоносцев и... большевики. Такое смешение противоположных социальных направлений является одним из характерных приемов совр. бурж. историографии.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 1, с. 383—84; е го же, там же, т. 2, с. 472—73; е го же, там же, т. 17, с. 449—450; Плеханов Г. В., Соч., т. 23; Чернышевский Н. Г., Очерки гоголевского периода рус. литературы, в кн.: Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 5—309; Герцен А. И., О развитии революционных идей в России, Собр. соч., т. 7, М., 1956; е го же, Былое и думы (часть 4), там же, т. 9, М., 1956; Мякотин В. А., Из истории рус. общества, СПб, 1902; Пыпин А. Н., Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х гг., 4 изд., СПб, 1909; Западники 40-х гг. Сб., сост. Ф. Ф. Нелидов, М., 1910; Демье-

т в е в А. Г., Очерки по истории рус. журналистики 40—50-х гг., М.—Л., 1951; Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1, М., 1955; Рус. прогрессивная философская мысль XIX в. (30—60-е гг.), [Сб. ст.], М., 1959; П о л я н о в М., Виссарион Великий. Личность — идеи — эпоха, М., 1960; Краткий очерк истории философии. Под ред. М. Т. Иовчука [и др.], М., 1960; Г а л а т и о н о в А. А., Н и к а н д р о в П. Ф., История рус. философии, М., 1961; S c h e l l i n g A. von, Russland und Europa im russischen Geschichtsdenken, Bern., 1948; К о н н Н., ed. J., The mind of modern Russia, New Brunswick (N. Y.), 1955 (Критич. разбор см. в кн.: К а р я к и н Ю., П л и м а к Е., Мистер Копп исследует рус. дух, М., 1961).

Ю. Карякин, Е. Плимак. Москва.

ЗАПОРОЖЕЦ, Александр Владимирович [р. 30 авг. (12 сент.) 1905] — сов. психолог, д-р пед. наук (1959), профессор (1960), чл.-корр. АПН РСФСР (1959). Окончил пед. ф-т 2-го МГУ (1930). Директор Ин-та дошкольного воспитания АПН РСФСР (с 1960). Осн. работы посвящены вопросам развития произвольных движений и связи практич. деятельности с развитием познават. процессов у детей, а также восстановления двигат. функций. З. исследует гл. обр. роль ориентировочной деятельности в онтогенезе и сознат. регуляции челоуеч. действий; развитие сенсорных процессов и психологич. основы сенсорного воспитания в раннем и дошкольном детстве.

С о ч.: Роль элементов практики и мови в развитку мислення у дитини, «Наукові зап. Харківського державного пед. ін-ту», 1939, т. 1; Особливості і розвиток процесу сприймання, там же, 1941, т. 6; Восстановление движения, М., 1945 (совм. с А. Н. Леонтьевым); Развитие раздражения в дошкольном возрасте, «Дошкольное воспитание», 1947, № 8; Психология, 2 изд., М., 1955; Развитие произвольных движений, М., 1960.

ЗАПОТОЦКИЙ (Zápotocký), Ладислав (12 янв. 1852—16 дек. 1916) — деятель чеш. рабочего движения, пропагандист марксистских идей. Рабочий-портной. В 1873 руководил забастовочным движением, тогда же вошел в редакцию одного из первых чешских с.-д. журналов («Dělnické listy»). Когда в этом журнале взяло верх националистич. течение, вышел из редакции и совместно с Й. Б. Пецкой и др. основал журн. «Vidoucnost».

В 1874 З. опубликовал свой перевод части работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», а в 1876—раздел (гл. 2, § 5) труда Маркса «Нищета философии», изданный также отд. брошюрой под назв. «Стачки и рабочий союз» («Stávký a dělnické koalice»). Это — первые переводы произведений основоположников марксизма на чеш. язык. В своих статьях З. призывал к основанию независимой чеш. рабочей партии; он был инициатором съезда Чехославянской с.-д. партии (1878). После ареста, суда (1881) и двухлетнего тюремного заключения был выслан из Праги (1884). Лишь в 90-х гг. вернулся к публицистич. деятельности в рабочей прессе г. Кладно.

В работах З. рассматривались вопросы об отношении рабочих к культуре, о враждебности буржуазии науке и искусству, о роли философии в марксистском мировоззрении, о задачах атеистич. пропаганды, о нар. массах как гл. силе обществ. развития, о пролетарском интернационализме.

С о ч.: Ze starých vzpomínek, Praha, 1949; K srdci lidí, Praha, 1954; Vzpomínky z prvních dob dělnického hnutí v Čechách, в кн.: Průkopníci socialismu u nás, Praha, 1954.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 331—32; Zápotocký A., Vstanou noví bojovníci, Praha, 1949 (рус. пер. в кн.: Запотоцкий А., Избр. произв., т. 1, М., 1959); Kříbeš K., J. V. Pecka a L. Zápotocký, Brno, 1950. И. Дубски. СССР.

ЗАРАТУШТРА (греч. передача имени З.—Зороастр) — пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название *зороастризма*. По мнению мн. совр. ученых, З.—реальное историч. лицо, к-рому принадлежит составление Гат, древнейшей части *Авесты* — священной книги зороастризма. Время жизни З. относят к 10—7 вв. до н. э. Проповедь З. направлена против власти родоплеменных вождей

и старого жречества, против культа старых богов — дэвов. З. призывал к установлению сильной власти и мирной жизни на земле. Начав проповедовать новое учение, З. не имел успеха и был вынужден бежать, найдя, наконец, покровительство при дворе царя Виштаспы. Для «младшей» *Авесты* З.—уже мифич. лицо, полубог. Где и когда действовал З., определенно не установлено. Согласно данным, содержащимся в «младшей» *Авесте*, обычно предполагают, что деятельность З. протекала в В.ст. Иране и Ср. Азии.

Лит.: Абаев В. И., Скифский быт и реформа Зороастра, «Arch. Orientalni», 1956, [т.] 24, № 1, с. 23—56; Дьяконов И. М., История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э., М.—Л., 1956; Duchesne-Guillemin J., Zoroaster..., P., 1948; Henning W. B., Zoroaster, L., 1952. А. Грабтовский. Москва.

ЗАРДАБИ, Гасан-бек Меликов (М е л и к - з а д е) (12 нояб. 1842—28 ноября 1907) — азерб. просветитель-демократ, пропагандист материалистич. идей, создатель и редактор первой газеты на азерб. языке «Экинчи» (1875—77); один из организаторов азерб. нац. театра (1873). Род. в бековской (дворянской) семье. Окончил гимназию в Тифлисе, затем — Моск. ун-т (1865). Испытал влияние прогрессивной рус. культуры, в частности материалистич. естественнонауч. мысли, был близок с представителями демократически настроенной интеллигенции (поэтом А. Н. Плещеевым и др.). Критикуя шарлатанство духовенства, З. отвергал сотворение мира и загробную жизнь. Будучи сторонником *дарвинизма*, он признавал эволюцию органич. природы, вечное движение в изменении во Вселенной; пропагандировал взгляды И. И. Мечникова и др. передовых ученых («Земля, вода и воздух» — «Топраг, су ва hava», 1912; «Гигиена» — «Bədəni sağlamlət saxlamağ dусту-рүлэмәлидир», 1914, и др.). Показывая патриарх.-феод. отсталость тогдашнего Азербайджана, З. ратовал за развитие промышленности и ремесел на основе достижений науки и техники, за дружбу народов. Он выступал против самоуправления царских чиновников и местных феодалов, в защиту интересов крестьянства. В событиях революции 1905—07 З. видел осуществление своих идеалов (см. газ. «Хаят», 1906, № 6, 8 янв.). Ограниченность взглядов З. сказалась в идеализации им общинного землепользования.

С о ч.: Сечилмиш ээриэри, Баку, 1960.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 248—51; Гусейнов Г. Н., Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в., Баку, 2 изд., 1958; Набиев А. Г., Социально-экономические взгляды Гасан-бека Меликова (Зардаби), М., 1954 (Автореф. дис.); Касумов М. М., Очерки по истории передовой философской и общественно-политической мысли азербайджанского народа в XIX в., Баку, 1959; Мамедов Ш. Ф., Мирозрение Гасан-бека Меликова Зардаби, М., 1960; Гелюшев З. В., К вопросу о характере мирозрения Г. М. Зардаби, «Философские науки» (Научн. докл. высш. школы), 1961, № 1.

А. Шакир-Заде. Баку.

ЗАСУЛИЧ, Вера Ивановна (лит. псевдоним — К а р е л и н) (27 июля 1849—8 мая 1919) — рус. революционерка; до 1882 — деятельница революц. *народничества*; в 1883 — одна из организаторов марксистской группы «Освобождение труда»; с 1903 — меньшевичка.

Род. в дер. Михайловке Смоленской губ. в дворянской семье. С юности — в революц. среде. Подвергалась аресту и ссылке (1869—73). В 1873 совершила покушение на петерб. градоначальника Трепова; под давлением общественности была оправдана судом присяжных; уехала в Швейцарию. Вернувшись в Россию, З. вместе с *Плехановым*, последовательницей к-рого она оставалась на протяжении всей жизни, участвовала в 1879 в народнич. организации «Черный передел». В начале 1880 вновь вынуждена была эмигрировать.

В 1881 З. обратилась с письмом к Марксу по вопросу о роли рус. общины (см. в кн. «Перешка

К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951, с. 299—300). Письмо отражает перелом в воззрениях З., содержит критику исходных положений народничества. Будучи членом группы «Освобождение труда», З. активно пропагандировала марксистские произведения в России. В 1884

в переводе и с предисловием З. под назв. «Развитие научного социализма» вышла брошюра Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» с приложением главы из «Анти-Дюринга» («Теория насилия»). В 1886 была издана в переводе З. «Попытка философии» Маркса. В 1894 под назв. «Фридрих Энгельс о России» была опубликована переведенная З. работа Энгельса «Социальные отношения в России». З. работала также над переводом «Святого

семейства...» К. Маркса и Ф. Энгельса и работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

В 90-х гг. в книгах о *Вольтере* («Вольтер. Его жизнь и литературная деятельность», 1893, 2 изд., 1909) и *Руссо* («Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», 1898) З. раскрыла роль этих двух мыслителей в идеол. и политич. борьбе 18 в. Выступая против извращения идейного наследия Руссо в работах бурж. и народнич. писателей (в частности, Н. Кареева и С. Южакова), З. охарактеризовала оригинальность взглядов «плебейского» философа на развитие человечества.

В статье «Революционеры из буржуазной среды» («Социал-демократ», 1890, кн. 1; отд. изд., 1921) З. критиковала народнич. программы, мешавшие рус. революц. интеллигенции теснее сблизиться с рабочим движением. В «Заметках читателя по поводу „унирраждения“ Туганом-Барановским и Струве учения Маркса о прибыли» («Научное обозрение», 1900, № 10—11) она выступила против ревизии марксистской экономич. теории, а в ст. «Элементы идеализма в социализме» («Заря», 1901, № 2—3, 1902, № 4), направленной против Бердяева, вскрыла идеалистич. основы ревизионизма рус. легальных марксистов.

З. опубликовала ряд лит.-критич. статей, в к-рых полемизировала с бурж.-либеральными и народнич. публицистами, в частности с *Михайловским*, защищая от искажений революц.-демократич. наследие (см. «Статьи о русской литературе», 1960, вступит. ст. Р. А. Ковнутор). В 1901—03 З. сотрудничала в ленинской «Искре». Ленин высоко ценил отдельные произведения З., в частности ее статью о *Писареве* (см. В. И. Ленин, Соч., т. 37, с. 247).

С переходом З. на меньшевистские позиции ее роль как политич. деятеля резко уменьшилась. В годы 1-й мировой войны З. стояла на позициях социал-шовинизма.

Архив З. хранится в «Доме Г. В. Плеханова» (Ленинград).

С о ч.: Очерк истории Международного общества рабочих. Женевы, 1889; Сборник статей, т. 1—2, СПб., 1907; Группа «Освобождение труда» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча), сб. 1—6, М.—Л., 1924—28; Воспоминания, М., 1934.

Лит.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 2 изд., [М.], 1951; Ленин и В. И., Соч., 4 изд., т. 4, с. 319; т. 5, с. 40, 444; его же, Ленинский сборник, IV, М.—Л., 1925, с. 24; XXIV, М., 1933, с. 170; Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1—8, М., 1934—40; Коваленский М., Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 2 — Дело Веры Засулич, М., 1923; Федорченко Л. С., Вера Ивановна Засулич, [М.], 1926; Стеценко-Кравчинский С. М., Подпольная Россия, Л., 1929; Калеклива О., Издание марксистской литературы в России конца XIX в., М., 1957;

Полевой Ю. З., Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг., М., 1959; его же, Из истории рабочей печати, М., 1962.

ЗАХИДОВ, Вахид Юлдашевич (р. 1914) — сов. философ, д-р филос. наук (1946), профессор (1957), член-корр. АН Узб. ССР (1947). Окончил обществ.-лит. ф-т Азерб. высшего пед. ин-та им. В. И. Ленина (1933) и аспирантуру Моск. историко-филос.-лит. ин-та (1938). Преподает философию с 1933. Ведет научно-исследовательскую работу в области истории общественно-политич. и филос. мысли и лит.-ры народов Средней Азии. Академик-секретарь Отделения обществ. наук АН Узб. ССР (1962).

С о ч.: Душ адабистининг нуруний сиймоси, Таш., 1948; Бируни как мыслитель, в кн.: Бируни, М.—Л., 1950; Буюк рус революцион шoirи ва мутафаккири А. Н. Радишев, Таш., 1950; Навоийнинг янги тоштан асари, «Шарқ юлдузи», 1957, № 6; Бобирнинг фаолияти ва адабий, илмий мероси хақида, там же, 1958, №11; Ўзбек адабиёти тарихидаи, Таш., 1961; Янгиин ақи, нуволеин зулмат, Таш., 1961; Мир иди и образов Алишера Навои, Таш., 1961; Инсон ва замон садоси, Таш., 1961.

ЗАХИРЬИ (араб. захирийя, от захир — явный, наружный) — приверженцы ныне уже не существующего мазаха (мусульманский религ.-правовой толк), но учению к-рого содержание *Корана* и сунны (хадисов) должно восприниматься в их прямом, буквальном смысле. В противоположность батинитам (см. *Батинизм*), З. не допускали пояснений, толкования этих священных книг. Основоволожником учения З. считается багдад. богослов Дауд ибн Халаф аль-Исфахани (ум. 883). В ср. века идеи З. получили широкое распространение в Сев. Африке. *Е. Белая*, Москва.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ (1960) — программный документ совр. мирового коммунистич. и рабочего движения. Единогласно принято на совещании делегаций 81 коммунистич. и рабочей партии в ноябре 1960 в Москве. В Заявлении дан науч. марксистско-ленинский анализ актуальных проблем совр. междунар. развития и коммунистич. движения, дальнейшей борьбы за мир, демократию, нац. независимость и социализм. В нем выражены единство и сплоченность мирового коммунистич. движения, демонстрируется твердая решимость коммунистов добиться осуществления великих освобоодит. идеалов человечества. В Заявлении отмечается, что ход обществ. развития подтвердил правильность науч. оценки междунар. обстановки, перспектив мирового развития, принципиальных позиций междунар. коммунистич. движения по важнейшим вопросам современности, изложенных в *Декларации совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран* (1957) и *«Манифесте мира»*.

Важнейшим положением Заявления является развивающая выводы XX съезда КПСС и Декларации 1957 науч. характеристика совр. эпохи: «Наша эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе». Эта характеристика служит основой для определения стратегии и тактики всего мирового коммунистич. движения и каждой коммунистич. партии. Она показывает, что в центре совр. эпохи стоит междунар. рабочий класс и его детище — мировая система социализма; определяет содержание, направление обществ. развития; показывает силы, примыкающие к рабочему классу, движения, входящие в общий поток, направ-

ленный против империализма. В Заявлении отмечается, что «главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества»; «главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества».

В Заявлении освещен процесс упадка и разложения, к-рым охвачена мировая капиталистич. система, процесс ускоренного перерастания монополистич. капитализма в гос.-монополистич. капитализм. Капиталистич. действительность, говорится в Заявлении, опровергает утверждения бурж. идеологов и ревизионистов о том, что совр. капитализм превратился якобы в «народный капитализм», создал т. н. «государство всеобщего благоденствия». Загнивание капитализма с наибольшей силой проявляется в гл. стране совр. империализма — США. Амер. империализм стал самым крупным междунар. эксплуататором, гл. оплотом мировой реакции и междунар. жандармом. Характерной чертой совр. империализма является то, что во мн. странах правящая империалистич. буржуазия больше не в состоянии самостоятельно противостать растущим и сплачивающимся силам демократии и прогресса. Империалисты объединяются в военно-политич. союзы во главе с США, чтобы бороться против социалистич. лагеря, нац.-освободит. движения, рабочего и социалистич. движения.

В Заявлении содержится вывод о том, что в развитии общего кризиса капитализма наступил новый этап. Свидетельством этого является: торжество социализма в большой группе стран Европы и Азии, рост сил, борющихся за социализм во всем мире, и неуклонное ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом; огромный подъем национально-освободительной борьбы и ускоряющийся распад колониальной системы; возрастание неустойчивости всей капиталистич. системы мирового хозяйства; обострение противоречий капитализма в результате развития гос.-монополистич. капитализма и роста милитаризма; углубление противоречий между монополиями и интересами всей нации; свертывание бурж. демократии, тенденция к авторитарич. и фашистским методам управления; глубокий кризис бурж. политики и идеологии. Свообразие нового этапа общего кризиса капитализма состоит в том, что «он возник не в связи с мировой войной, а в обстановке мирного соревнования и борьбы двух систем и все большего изменения сил в пользу социализма».

В Заявлении дана всесторонняя и глубокая характеристика социалистич. системы, намечены пути и принципы ее дальнейшего развития к коммунизму. Отмечается, в частности, что сплочение социалистич. гос-в в единый лагерь, крепнущее единство и непрерывно растущая мощь этого лагеря обеспечивают в рамках всей системы в целом полную победу социализма. В результате постепенного преодоления на этой основе исторически сложившихся различий в уровнях экономич. развития и создания материальной базы возникают условия для более или менее одновременного перехода всех народов социалистич. системы к коммунизму.

«Социалистический лагерь, — говорится в Заявлении, — это социальное, экономическое и политическое содружество свободных, суверенных народов, объединенных тесными узами международной социалистической солидарности, единством общих интересов и целей... Нерушимым законом взаимоотноше-

ний между социалистическими странами является строгое соблюдение принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма». Одно из величайших достижений социалистич. системы состоит в практич. подтверждении марксистско-ленинского положения о том, что вместе с падением антагонизма классов падает антагонизм наций. Социализм органически сочетает развитие нац. экономики, культуры, государственности с интересами укрепления и развития всей мировой социалистич. системы, со все большим сплочением наций.

Заявление подтвердило содержащееся в Декларации 1957 положение о том, что в социалистич. революции и социалистич. строительстве ущерб делу социализма наносит как преувеличение роли нац. особенностей, отход от всеобщей истины марксизма-ленинизма, так и механич. копирование политики и тактики коммунистич. партий др. стран.

В Заявлении дан глубокий науч. анализ проблемы войны и мира. Развивая положения, принятые XX и XXI съездами КПСС, Декларации 1957, Заявление отмечает, что опасность новой мировой войны еще не миновала, т. к. пока сохраняется империализм, остается и почва для агрессивных войн. Однако в мире сложились реальные силы, способные сорвать планы империализма. «Наступило время, когда можно пресечь попытки империалистических агрессоров развязать мировую войну», когда возможно предотвращение локальных войн, ликвидация очагов таких войн.

Угроза войны создает новые возможности для широкого объединения и организации всех миролюбивых сил, причем решающим фактором мира служит существование СССР и всего социалистич. лагеря, поставившего на службу делу мира свою огромную материальную и политич. мощь. В борьбе за мир важную роль играют миролюбивые гос-ва Азии, Африки, Лат. Америки; междунар. рабочий класс и его орг-ции, прежде всего коммунистич. партии, выступающие в авангарде движения за мир; нац.-освободит. движение народов колоний и зависимых стран; всемирное движение борцов за мир; нейтральные страны, выступающие за мирное сосуществование.

Заявление содержит вывод о том, что в условиях роста сил социализма, подъема рабочего и нац.-освободит. движения, полного распада колониальной системы будет достигнуто абсолютное превосходство сил социализма и мира. В результате этого «еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества. Победа социализма во всем мире окончательно устранит социальные и национальные причины возникновения всяких войн». В условиях разделения мира на две системы единственно правильным и разумным принципом междунар. отношений является принцип *мирного сосуществования* гос-в с различным социальным устройством. «Мирное сосуществование между государствами с разным строем или разрушительная война — только так стоит вопрос ныне».

Мирное сосуществование, говорится в Заявлении, не означает, как утверждают ревизионисты, отказ от классовой борьбы. Сосуществование государств с различным обществ. строем есть форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом. Оно не означает также примирение социалистич. и бурж. идеологий, а, напротив, предполагает усиление борьбы рабочего класса за торжество социалистич. идей. Мирное сосуществование создает благоприятные возможности для развертывания классовой борьбы в капиталистич. странах, нац.-освободит. движения, успеха к-рых в свою очередь содействуют упрочению мира.

В Заявлении содержатся важные положения по основным вопросам развития нац.-освободит. движения. «Крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения — второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма». Успехи нац.-освободит. движения в огромной степени обусловлены победами социализма и, в свою очередь, усиливают позиции социализма. Коммунисты считают исторически прогрессивными и революционными нац. освободит. войны.

Колониальные державы и главный оплот современного колониализма — США, всемерно стремятся сохранить новыми методами и в новых формах колониальную эксплуатацию народов бывших колоний. В этих условиях задачи нац. возрождения в освободившихся странах могут быть успешно решены лишь при условии решит. борьбы с империализмом и остатками феодализма, путем объединения в единый нац.-демократич. фронт всех патриотич. сил нации. В связи с этим дан анализ позиций различных классов в решении актуальных проблем, возникающих после завоевания нац. освобождения, показана двойств. роль нац. буржуазии, к-рая по мере обострения социальных противоречий проявляет склонность к соглашательству с внутр. реакцией и империализмом. Народные же массы убеждаются, что наилучший путь ликвидации вековой отсталости и улучшения их жизни — путь некапиталистич. развития, возможность к-рого становится реальной благодаря существованию и помощи социалистич. стран, междунар. рабочего движения.

В Заявлении выдвинуто положение о государстве нац. демократии, создание к-рого становится возможным в современной историч. обстановке во мн. странах. В Заявлении определены позиции коммунистич. партий, борющихся за последоват. доведение до конца антиимпериалистич., антифеод., демократич. революции, за создание гос-ва нац. демократии. Цели коммунистов отвечают высшим интересам нации. Стремление реакц. кругов под флагом «антикоммунизма» взорвать нац. фронт, изолировать коммунистов — самую передовую часть освободит. движения — ослабляет силы нац. движения, противоречит интересам народов, создает угрозу утраты достигнутых нац. завоеваний.

В Заявлении указывается, что полная и окончат. ликвидация колониального режима во всех его формах и проявлениях диктуется всем ходом мировой истории, и провозглашается, что все социалистич. страны, междунар. рабочее и коммунистич. движение считают своим долгом оказывать всемерную поддержку народам, борющимся за свое освобождение.

Заявление определило задачи рабочего и коммунистич. движения в развитых капиталистич. странах. В результате растущего гнета крупных монополий вместе с обострением осн. классового противоречия бурж. общества — между трудом и капиталом — на совр. этапе углубляется противоречие между горсткой монополистов и всеми слоями народа. Создаются благоприятные условия для сплочения рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, мелкой и средней буржуазии города, к-рые заинтересованы в ликвидации господства монополий. Коммунисты считают, что объединение этих сил осуществимо на основе борьбы за мир, нац. независимость, защиту и развитие демократии, национализацию важнейших отраслей экономики и демократизацию управления ими, использование экономики в мирных целях, за проведение радикальных аграрных реформ, улучшающие жизненные условия трудящихся. Все эти меры носят демократич. характер. Борьбу за демократию коммунисты рассматривают как составную часть борьбы за социализм. Гл. препятствием на пути к достижению рабочим классом

своих целей продолжает оставаться раскол его рядов, в сохранении к-рого в нац. и междунар. масштабах заинтересованы господствующие классы, правые вожди социал-демократии и реакц. лидеры профсоюзов. Коммунисты решительно выступают за преодоление этого раскола. Имеющиеся между ними и социал-демократами идейные разногласия не должны препятствовать обмену мнениями по назревшим проблемам рабочего движения и совместной борьбе, в особенности против воен. опасности.

Коммунистич. партии опровергают клевету империалистов о том, что коммунистам нужна война для установления социализма. Марксисты-ленинцы никогда не считали, что путь к социальной революции проходит через войны между гос-вами. Социалистич. революция есть результат внутр. развития каждой страны, крайнего обострения социальных противоречий в ней. Коммунистич. партии, руководствуясь марксистско-ленинским учением, всегда были против экспорта революции. В то же время они решительно борются против империалистич. экспорта контрреволюции.

В Заявлении подтверждены положения Декларации 1957 по вопросу о формах перехода различных стран от капитализма к социализму — мирных или немирных, выбор к-рых в каждой отд. стране определяется конкретными историч. условиями. Формы и пути развития социалистич. революции будут зависеть от конкретного соотношения классовых сил в той или иной стране, организованности и зрелости рабочего класса и его авангарда, от степени сопротивления господствующих классов. Независимо от того, в каких формах будет установлена *диктатура пролетариата*, она всегда будет означать расширение демократии, переход от формальной, бурж. демократии к подлинной демократии.

В Заявлении подчеркивается необходимость решит. разоблачения антикоммунизма, к-рый извращает марксистское учение, клеветает на социалистич. обществ. строй, фальсифицирует политику и цели коммунистов.

Особое внимание уделено дальнейшему развитию и укреплению мирового коммунистич. движения, к-рое превратилось в самую влият. политич. силу нашего времени, стало важнейшим фактором обществ. прогресса. Коммунистич. партии действуют в 87 странах мира и объединяют в своих рядах св. 36 млн. чел. (1960).

Интересы дальнейшего развития коммунистич. и рабочего движения требуют и впредь продолжат решит. борьбу на два фронта — против *ревизионизма*, к-рый остается гл. опасностью, и против *догматизма* и сектантства. Все марксистско-ленинские партии независимы, равноправны, вырабатывают политику, исходя из конкретных условий своих стран, руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, и оказывают друг другу взаимную поддержку. Интересы коммунистич. движения требуют солидарного соблюдения каждой коммунистич. партией совместно разработанных братскими партиями на своих совещаниях оценок и выводов. Забота о постоянном укреплении единства междунар. коммунистич. движения — высший интернац. долг каждой марксистско-ленинской партии. В Заявлении говорится, что общепризнанным авангардом мирового коммунистич. движения была и остается Коммунистич. партия Сов. Союза как наиболее опытный и закаленный отряд междунар. коммунистич. движения, и отмечается, что решения XX съезда КПСС имеют не только великое значение для КПСС и коммунистич. строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в междунар. коммунистич. движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма.

Коммунисты видят свою задачу в том, чтобы вернуть решит. наступление на идеологич. фронте, добиваются высвобождения нар. масс из духовной кабалы всех видов и форм бурж. идеологии, распространения в массах свободолобивых демократич. идей, теории науч. социализма. Историч. опыт показывает, что пережитки капитализма в сознании людей сохраняются в течение длит. времени и после установления социалистич. строя. Это делает необходимым развертывание всесторонней работы партии по коммунистич. воспитанию масс, повышению марксистско-ленинской подготовки и закалке кадров партии и гос-ва. Марксизм-ленинизм — это единое великое революц. учение, путеводная звезда для рабочего класса и трудящихся всего мира.

Заявление было обсуждено на многочисл. съездах, конференциях и пленумах коммунистич. и рабочих партий и получило единодушное одобрение. Историч. развитие со времени принятия Заявления подтвердило правильность содержащихся в нем выводов и оценок. Важнейшие положения Заявления послужили теоретич. основой при разработке *Программы КПСС*, принятой XII съездом (1961), в к-рой они получили дальнейшее развитие.

Лит.: Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года, М., 1960; Об итогах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 18 янв. 1961, «Правда», 1961, 20 янв., № 20; Хрущев Н. С., За новые победы мирового коммунистического движения, М., 1961; Сулов М. А., Об итогах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 18 янв. 1961, «Правда», 1961, 23 янв., № 23; Великая хартия коммунистических и рабочих партий, М., 1961. Н. Лауда, Москва.

«ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА ФИЛОСОФИЯ» — идеалистич. школа в шотл. философии 18 — начала 19 вв. (см. *Шотландская школа*).

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ (здравый рассудок) — стихийно складывающийся под воздействием повседневной практики, житейского опыта взгляды множества людей на окружающую их действительность и закономерности природы. В общепринятом толковании З. с. означает сознание, не искаженное к.-л. предвзятыми мнениями, пережитками, унаследованными от прошлого, ходячими, но ошибочными представлениями, религиозными догмами, устаревшими или оторванными от действительности филос. и др. воззрениями. З. с. отделяет рассудок от предрассудка, рациональный взгляд на мир от суеверия, трезвое понимание вещей от влияния случайных обстоятельств, колебаний моды и т. п. З. с. характеризует повседневные побуждения, мотивы, к-рыми руководствуются люди в их каждодневной будничной практике. З. с. дает себя знать и в области искусства и лит-ры, в известной мере определяя художеств. вкусы людей, воплощаясь в фольклоре, в оценках людьми художеств. произведений, а нередко и в эстетике.

Наряду с положит. ролью в жизни людей З. с., в зависимости от историч. условий, сферы его применения и направленности, может играть и отрицат. роль, что обусловлено его историч. и познават. ограниченностью, эмпиризмом, узостью, по сравнению с деятельностью *разума* как высшей формы научно-диалектич. осмысления действительности.

В обыденной жизни З. с. представляется часто врожденной способностью, будто бы независимой от историч. развития и уровня науч., филос. и эстетич. мысли. Между тем З. с. является результатом предшествующего опыта человечества, подвержен изменениям, обусловленным развитием обществ. действительности, и носит на себе отпечаток определ. классовых интересов. В З. с. могут занимать немалое место и классовые предрассудки, косные, обы-

вательские мнения, случайные влияния, элементы различных филос. воззрений, к-рые незаметно проникают в умы людей, лишены строгого критич. отношения к самим себе; благодаря этому З. с. становится иногда опорой *догматизма*, нетерпимости по отношению к новаторской мысли, порывающей с догматизмом и привычными традиц. схемами.

Здравый смысл в процессе познания мира. Уже на исходе античного мира стоики считали З. с. чем-то врожденным, полагая, что сама природа внушает нам здравые инстинкты самосохранения. К одной из добродетелей стоики относили рассудительность. В Древнем Риме З. с. получил свое выражение в понятии «золотой середины» (*aurea mediocritas*), ставшей нарицательным понятием, и ей поэт Гораций посвятил целую оду. Очевидец гражданских распри, войн и преступлений, Гораций дает совет оставаться осмотрительным, благоразумным даже в моменты удач, когда «во-всю дует ветер попутный». Странники опытного знания, начиная с эпохи Возрождения, придавали З. с. большое значение, противопоставляя его религ. фанатизму, аскетич. идеалам и схоластике средневековья. Монтень в обстановке феод. смут и релг. войн противопоставил ясный человек. разум изуверству инквизиторов, мракобесию обскурантов, своеволию дворянских клнк и тирании монархов. Кодекс монтеневского З. с. — уважение к общим верованиям и законам, любезное обращение с людьми, участие в обществ. деятельности, если она плодотворна, готовность оказывать помощь другим, не забывая при этом собств. интересов, умение пользоваться свободой в возможных границах, удовлетворение лишь простых, естеств. влечений, внушаемых природой (см. «Опыты», кн. 1, М. — Л., 1954, гл. 30, «Об умеренности», с. 254—60). Декарт признавал превосходство З. с. над невежеством и суевериями. Однако он считал, что З. с. возникает стихийно из ходячих мнений, и подвергал сомнению рациональное содержание З. с. за привязанность к непосредств. опыту, к-рый «... часто вводит нас в заблуждение, тогда как дедукция, или чистое умозаключение... никогда не может быть плохо построено» (Избр. произв., М., 1950, с. 83). В философии *Черберга* мышление человека конституируется «врожденными способностями», истина же обеспечивается всеобщим согласием. После теории естеств. рассудка Черберга, положившей начало деизму, возникла т. н. «школа З. с.» (*Рид*, Дж. Битти, Дж. Освальд, У. Гамильтон и др.). Рид извлекал осн. общепринятые суждения из «внутреннего опыта». Против этой плоской философии, утверждавшей врожденность З. с. и пытавшейся с его помощью обосновать религ. веру, выступил *Пристли*, не сумевший, однако, верно решить проблему происхождения и значения З. с. (см. Избр. соч., М., 1934, с. 143—81). Откровеннее всех англ. просветителей обнажил бурж. природу З. с., как понимали его в 18 в., А. Смит в своем соч. «Теория нравственных чувств...» (1749), где он писал: «Заботы о собственном здоровье, о собственном благосостоянии и значении, о добром имени, обо всем, что касается нашей безопасности и нашего счастья и составляет собственно предмет добродетели, называемой *благоразумием*» (указ. соч., СПб., 1868, с. 277). Смитовский З. с. — представитель средних классов Англии, довольных результатами компромиссной революции 1688 и занятых исключительно меркантильными делами. Этот З. с. — родной отец *утилитаризма Бентама*, отождествлявшего буржуа с «нормальным человеком» и ко всему применявшего принцип «пользы».

Во Франции уже П. Бейль «... разрушил метафизику с помощью скептицизма, подготовив тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч.,

2 изд., т. 2, с. 141). Гольбах дал типичную для эпохи Просвещения формулировку З. с., определив его как «... тот прием суждения, который достаточен для того, чтобы познать наиболее простые истины, отвергнуть наиболее вопиющие нелепости, быть шокированным наиболее выпуклыми противоречиями» («Здравый смысл...», М., 1941, с. 3). Как и все просветители, Гольбах стремился с помощью З. с. развеять призраки теологии, нанести удар невежеству, разрушить религ. догмы и вымыслы, противоречащие очевидности, научить людей критически мыслить, осудить религиозный фанатизм, добровольное рабство духа. В Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера статья «З. с.» («Bon Sens») начинается с дефиниции: «Это — критерий рассудка, способность к суждению, посредством которого всякий человек может к собственной выгоде использовать любую житейскую ситуацию. Лишите человека здравого смысла и вы низведете его до уровня автомата или ребенка... Заключение о том, является ли данный человек здравомыслящим, мы делаем чаще всего из его способности к обобщению опыта» («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers», P., 1751—80, t. 2, p. 328). В то же время статья Энциклопедии противопоставляет «человеку З. с.» человека умного, просвещенного, к-рого отличают большая глубина познания и точность суждений. По мнению Гельвеция, З. с. не впадает в заблуждения лишь потому, что лишен страстей и просветлений гения. «... Ум начинается там, где кончается здравый смысл» («Об уме», М., 1938, с. 328). В сложных вещах З. с. лишен процидентальности, а в политич. сфере — мужества. Но пароду не всегда полезна осмотрительность; неогрешимость и мудрость умеренности происходят от бездеятельности, апатии (см. там же, с. 327—30).

В 18 в. прогрессивный амер. публицист *Мейн* с позиций З. с., к-рый он считал общечеловеческим и объективным, доказывал, выражая стихийные стремления амер. демократии, право народа на независимость и его ненависть к войне: «Правительство, которое не может обеспечить мир, не является вообще правительством, и в этом случае мы платим за ничто» («Common sense» — «Здравый смысл», 1775; в кн.: «Common sense and the political writings», N. Y., 1953, p. 29—30).

В нем. философии Кант часто апеллировал к преимуществам З. с., напр., когда разоблачал эстетическое путешествие мечтателей по миру духов — мистика *Сведенборга*. Но характеризуя «... обычный человеческий рассудок, который считают чем-то очень важным, когда его называют здравым (еще не культивированным) смыслом...», Кант находит его проявления в общественном чувстве» логич. или эстетич. характера. При этом общедоступное суждение понимается Кантом как «оценка, которая в своей рефлексии мысленно обращает внимание на способ представления каждого другого...», чтобы свое суждение к а к бы поставить на общем человеческом разуме...» («Критика способности суждения», СПб, 1898, с. 159). Оговорка «как бы» подчеркивает недоказуемость искомой всеобщности логич. и эстетич. суждения. Это дало основание Гегелю утверждать, что если З. с. философствующего субъекта не располагает ничем, кроме догадок о способах представления других людей, то он низводит «знание» до уровня «мнения». В критике, к-рой Гегель позднее подверг З. с., имеются две стороны. Гегель прав там, где отвергает апологию З. с., с к-рой выступало нем. вульгарное просветительство 18 в., особенно школа *Х. Вольфа*. Гегель нелепосто отказывается о грубом мере «пользы» и о познават. возможностях З. с. как «...разделяющего рассудка, который упорствует в своих разделениях» (Соч., т. 5, М., 1937, с. 22). Но Гегель неправ, когда порочит З. с. по той причине, что тот «стремится вывести истину

из чувственной реальности», что он преклоняется перед «природной необходимостью» и сводит единичные вещи к материи, лишенной «вибрации духа», стремится воссоединить идеи с действительностью, «пересадить небо на землю».

Рус. революц. демократы неоднократно апеллировали к З. с., доказывая абсурдность религ., идеалистич. и агностич. воззрений, вынося самую суть этих воззрений на суд непредубежденного рассудка. Белинский, говоря о нац. характере рус. народа, писал: «... Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем» («Письмо к Н. В. Гоголю», 15 июля 1847, см. Полн. собр. соч., т. 10, 1956, с. 215). Чернышевский в своей критике идеализма исходит из реального опыта, очевидного для всех людей, смотрящих «... на жизнь человеческую глазами рассудка, а не фантазии...» (Полн. собр. соч., т. 2, 1949, с. 179). В то же время философия истории и эстетики рус. революционных демократов своей глубиной и сложностью неизмеримо возвышается над эмпиризмом З. с. и во мн. пунктах близка к диалектич. материализму.

В 20 в. характерное для капиталистич. Америки филос. течение — прагматизм релятивизирует З. с. и связывает его с той степенью пользы, к-рую можно из него извлечь в той или иной практич. ситуации. Напр., в понимании Джемса, человек З. с. «далек от всяких эксцентричностей», однако если бы люди были «омарами или пчелами», то категории мышления для формирования опыта были бы иными; др. словами, З. с. — нечто абсолютно условное и лишен всякого объективного содержания (см. «Прагматизм», СПб, 1910, с. 106—07). Совр. бурж. философия пытается использовать З. с. для подтверждения субъективного идеализма. Так, школа «неореализма», возникшая из т. п. «реализма З. с.», исходит из посылки, что истинным познанием является идеалистически истолкованное непосредств. чувственное восприятие. В этом случае, как и в махизме, З. с. выполняет реакц. функцию.

Здравый смысл в этике и эстетике. В бурж. философии и публицистике 19—20 вв. понятие З. с. находит часто моральное преломление, а не только гносеологическое. Так, Эмерсон, имея в виду т. п. деловых людей, признавал за «торгово-промышленным миром янки» лишь «низменную форму благоразумия», ибо в этом мире невозможно «... поставить свой кусок хлеба в свое собственное распоряжение, чтобы не стать в горькие и фальшивые отношения к другим людям...» (Соч., [т. 1], СПб, 1901, гл. 7, «Благоразумие», с. 152). *Прагматизм* же использует понятие З. с. для целей вульгарной апологетики бурж. наживы. Именно среди амер. бизнесменов сложился тот вульгарный З. с., к-рый рассматривается ими как антитеза непрактичности, наивности в жизненных делах и к-рый насмешливо относится к умств. деятельности и всякому интеллектуализму вообще. В то же время бурж. философы порицают революционеров за якобы отсутствие у них З. с., повторяя доводы бурж. филлистеров и обывателей.

В области искусства З. с. часто враждебен творческой фантазии художника и поэта. Еще Гельвеций писал, что в области эстетики имеет хождение т. п. «вкус привычки» и что как этот вкус ни кажется безошибочным и точным, но постигнуть оригинальные художеств. творения он не в состоянии. «Вкусу привычки» соответствует З. с. Действительно, круг житейских тем и приемов, к-рые допускает З. с. для художника, часто бывает узок. Из пределов искусства исключаются им любая условность, символика, любое

преображение действительности с помощью фантазии. Между тем «... фантастическое отнюдь не то же самое, что нелепое...» — писал Белинский (Полн. собр. соч., т. 4, 1954, с. 317—18). З. с. беспомощно останавливается перед мифологич. персонажем, перед гиперболич. образом, подобным Королю Лиру и Дон Кихоту, Фаусту и Медному всаднику, Вотрену и Чичикову, перед «Сикстинской мадонной» Рафаэля и «Блудным сыном» Рембрандта, перед «Лунной сонатой» Бетховена и «Патетической симфонией» Чайковского.

Гёте осмелел претензии З. с. на роль верховного судьи искусства: «все хвалят и хотят иметь такие произведения, которые идут вровень с ними самими».

Однако Гёте говорил и в пользу З. с.: «...Точка зрения здорового смысла и рассудка является также и моей точкой зрения...» (Э к к е р м а н И. П., Разговоры с Гёте, М., 1934, с. 414). Очевидно, Гёте считал, что невозможно достигнуть вершин истины в искусстве только на крыльях фантазии, минуя все стадии тщательного изучения предмета. Гегель в своей «Феноменологии духа», с одной стороны, иронически папанирует о том, что в поэзии 18 в. одно время «свирепствовала гениальность», противопоставленная «спокойному руслу здравого человеческого смысла». С др. стороны, Гегель подчеркивает, что «удобным», «обыденным» путем З. с. невозможно объяснить «возвышенное чувство вечного, священного, бесконечного», «гениальность глубоких оригинальных идей», проникнуть в к-рые способен лишь «разум, обладающий самосознанием» (см. Соч., т. 4, М., 1959, с. 37—38). Признавая лишь правдоподобие, З. с. часто сводит объективность к общезначимости, видимости правды. Тем не менее, правдоподобие входит в одну из граней того сложного комплекса, к-рый мы называем «художественной истиной», — иногда совершенно незаметно — в фантастич. и условных сюжетах, иногда более наглядно — в реалистич. картинах. Живопись и роман, поэма и соната лишь тогда воспринимаются как «чудо», как изумительное «откровение», когда одухотворенность образа возникает из иллюзии воспринимаемой реальности или полной естественности выраженной экспрессии чувства. Воспроизведение действительности, если оно не голое, внешнее, необходимо для силы воздействия искусства. Неверно, будто З. с. всегда недруг поэзии. Положит. роль З. с. может быть незначительной, когда художник теряет масштаб эстетич. ценности и лишен вдохновения. Но З. с. может быть и надежным помощником в трезвом наблюдении над действительностью и в творческом труде над образом. З. с. и верный вкус ограждают, напр., писателя от «нагромождения искусственных деталей и украшений», ослабляющих внимание к «правдивости деталей, правдивости воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах», о чем писал Энгельс в письме к М. Гаркнесс (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Избр. письма, 1953, с. 404, 405). Во всяком случае, когда З. с. выступает против субъективизма впечатлений, поисков красоты не в простом и ясном, а в эксцентрике или в зауми форм и слов, то правота на его стороне. Повторское искусство, если оно имеет почву в самой жизни, расширяет рамки З. с. и привычного вкуса, оказывает на него воздействие. Если в известные моменты то или иное произведение кажется чуждым З. с., то по мере роста эстетич. культуры меняются оценки, критерии, и это произведение становится для З. с. приемлемым и близким. Особенно важно учесть роль З. с. в народных эстетич. вкусах, в фольклоре. Когда художеств. творчество сохраняет органич. связи с исторически сложившимся нар. эстетич. сознанием, то оно служит богатейшей питательной почвой для самых высоких форм искусства. В мировой лит-ре бурж. З. с. воплощался чаще всего в лицах, полных самодовольства и менторского резонерства. В нар.

же эстетике З. с. принимает форму прозорливой мудрости, нравств. здоровья, оптимизма и героики. Из этой почвы и возникли у великих художников слова такие образы, как брат Жан и Папург Рабле, как Санчо Панчо из романа Сервантеса, как некрасовская крестьянка Матрена Корчагина в поэме «Кому на Руси жить хорошо», толстовские мужики из пьесы «Плоды просвещения», Кола Брюньон из одноименного произведения Романа Роллана, Василий Теркин из поэмы Твардовского и мн. др. В этих замечательных образах З. с. выступает в разных оттенках и звучаниях — от горького сарказма до веселого юмора.

Здравый смысл в оценке марксистской философии. Учение марксизма-ленинизма подходит к З. с. исторически и конкретно. З. с. не общечеловеч. свойство мышления, а проявление сознания определ. обществ. классов. Функция З. с. тоже различна. Так, З. с. упорно и смело ниспровергал нелепые условности, лицемерие и ханжество, отстаивал человечность и значение опытного знания в борьбе со ср.-век. феод. пережитками и религ. суевериями. В периоды обострения классовой борьбы в капиталистич. обществе З. с. нередко маскировал рутину и в форме мещански-трусливой «золотой середины» оправдывал самые жалкие компромиссы. Теория «меньшего зла» нем. социал-демократов в 1933 сыграла на руку гитлеровцам, захватившим в Германии власть и залившим кровью всю Европу, а эта теория претендовала на З. с.

Марксизм высоко оценивает проявления З. с. у нар. масс. Пролетарский З. с. способен сочетать мудрую трезвость с последоват. революционностью, осмотрительность и расчет — с романтикой борьбы. И всегда критерием пролетарского З. с. является живое дело, практика самой обществ. жизни с ее политической и экономической. В наши дни с трибуны ООН Сов. пр-во отстаивает идею мирного сосуществования, апеллирует к З. с. народов, провозглашая программу разоружения и запрета атомного оружия. Политика Сов. пр-ва завоевала умы и сердца миллионов людей на всей нашей планете. З. с. нашел себе во всех бурж. странах страстных и смелых агитаторов, терпеливо и настойчиво разъясняющих трудящимся и т. н. деловым людям безрассудность политики войны и разумность планов разоружения, выдвигаемых Сов. Союзом. При этом политика Сов. пр-ва строится, конечно, не только на З. с., а на науч. предвидении перспектив историч. развития человечества.

В марксистской философии З. с. рассматривается с диалектико-материалистич. т. зр. Энгельс писал: «Для метафизика вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого... Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ т. н. здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования» («Анти-Дюринг», 1957, с. 21). Перед диалектикой природы и обществ. истории З. с. уступает место более сложной логике — логике разума, отражающего противоречия и вечное становление. Но если З. с. осознает круг своих возможностей, то он не противостоит филос. материализму и диалектике, предохраняя науку от «химерических домыслов», на к-рые так падок спекулятивный ум идеалиста. Между «обыкновенным рассудком» и «диалектич. разумом» имеется существенное, глубокое различие, но ни в коем случае не пропасть.

Марксистско-ленинская философия убедительно доказывает, что З. с. большинства людей признает су-

ществование внешнего мира независимо от нашего сознания, и многие бурж. естествоиспытатели стихийно исходят из материалистич. принципа познания. «Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, — писал Ленин, — состоит в том, что вещи, среда, мир существуют независимо от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще» (Соч., т. 14, с. 57). Критикуя махизм, Ленин отмечает, что люди «привыкают» стоять на т. зр. материализма, считать ощущения результатом действия тел, вещей, природы на наши органы чувств. Реализм «здорового человека» в данном случае однозначен со З. с. Эта «привычка», воспринимаемая З. с. неосознанно, образует основу материализма: «„Наивное“ убеждение человечества сознательно или кладется материализмом в основу его теории познания» (там же, с. 57—58).

Ограниченность З. с. обнаруживается особенно резко, когда наука далеко выходит за рамки узкого житейского опыта и охватывает области, далекие от каждодневной практики. Это проявилось, напр., в том, что люди, стоящие на т. зр. З. с., с недоверием и трудом освоили далеко «не очевидную истину» о шарообразности Земли и существовании антиподов, ходящих «вниз головой». Теперь эта истина прочно вошла в содержание З. с., что свидетельствует об обратном воздействии науч. теоретич. мышления на обыкновенный З. с. Аналогично этому теория Коперника о движении Земли казалась в свое время противоречащей З. с., что было, кстати сказать, использовано религией и церковью; в настоящее же время эта теория привычна для большинства людей; в эпоху космич. полетов никто не пазвал бы здравомыслящим человека, убежденного в неподвижности Земли. Еще большее удаление от «привычных» представлений З. с. совершается в наше время, когда естествознание проникло в область космич. пространств, движений со скоростью, сравнимой со скоростью света, в микромир, где действуют законы, качественно отличные от «обычных», «земных» законов, и к которым невозможно создать «наглядные», чувственно воспринимаемые модели, доступные З. с. Все это не только не подрывает материалистич. мировоззрения, но дает еще более весомые доказательства его правильности. Ленин писал: «Как ли диковинно с точки зрения „здорового смысла“ превращение несомемого эфира в весомую материю и обратно, как ни „странно“ отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., все это только лишнее и подтверждение диалектического материализма» (там же, с. 248). В будущем, по мере все большего внедрения данных совр. естествознания в сознание людей, выводы, кажущиеся З. с. парадоксальными и просто бессмысленными, станут несомненным элементом З. с. Коммунистич. формы обществ. жизни, наполненные постоянным творчеством и дерзанием мысли, преодолевают узкие горизонты, обычные в условиях бурж. общества, и тем самым кладут конец фетишизации З. с., не упуская, однако, из виду его рационального содержания.

ЗЕА (Zea) — см. *Сев.*

ЗЕЙМЕ (Seume), Иоганн Готфрид (29 янв. 1768—13 июня 1810) — нем. писатель-демократ. В своих афоризмах («Апокрифы», 1811, рус. пер. в сб.: «Немецкие демократы XVIII в. Шубарт, Форстер, Зейме», пер. с нем. Ред., вступит. статья и примеч. В. М. Жирмунского, М., 1956) З. критиковал религию: «Небо ввезло нам землю», — писал он (там же, с. 578). Не будучи сам атеистом, З. защищал атеистов от

обвинений в аморальности; для того чтобы быть добродетельным, не нужно верить в бога; «разумный эгоизм» заставляет человека не совершать по отношению к другим того, чего он сам не хотел бы испытать. Все творчество З. проникнуто демократич., антифеод., антимонархич. идеями. «Разум всегда за республику», — писал З. (там же, с. 573). З. отнесился с большой симпатией к франц. революции, но слабость демократич. сил в тогдашней Германии обусловила его колебания между революц. идеями и надеждами на мирные преобразования. В годы наполеоновского господства З. выступал с патриотич. призывами к борьбе за нац. свободу и единство. З. служил в рус. армии (1793—96) и путешествовал по России (1805). Крепостное рабство он считал осн. злом, ослабляющим рус. народ.

Соч.: *Prosaische und poetische Werke*, Bd 1—10, В., 1868—1876; J. G. Seume. *Ein Lesebuch für unsere Zeit*, Weimar, 1954; *Treibt die Furcht aus! Auszüge aus «Apokryphen» und anderen Werken*, Moskau, 1956.

Лит.: Слободкин Г., Жизнь и творчество немецкого писателя-демократа И. Г. Зейме, М., 1954 (Автореф. дисс.); Planer O. und Reissmann C., J. Seume. *Geschichte seines Lebens und seiner Schriften*, Lpz., 1898; Нунгер J., I. G. Seume. *Leben und Wirken eines aufrechten Demokraten und großen Patrioten*, В., 1953. *Источ.* Москва.

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ, Федор Александрович (1839—1909) — рус. философ-электик. Окончил историко-филологич. ф-т Казанского ун-та (1868). Проф. философии Харьковского ун-та (с 1878). Безуспешно пытался преодолеть «крайности» материализма и идеализма на базе динамизма *Лейбница* и диалектики *Платона*.

Рациональным в творчестве З. являлась идея взаимосвязи опытного и теоретич. исследования природы, защита детерминизма в трактовке психич. явлений («Очерк развития психологии с Декарта до настоящего времени», 1885), доказательство эмпиричности исходных начал логики и психологии. Симпатизируя индуктивной логике, З. стремился дополнить ее методами математики и идеалистич. диалектики («О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательств», 1877). З. являлся автором ряда статей по истории философии на Украине («Философия Григория Саввича Сковороды, украинского философа XVIII столетия», в журн. «Вопр. философии и психологии», 1894, кн. 23—24; «Ив. Г. Шад», там же, 1895, кн. 27), а также по истории древней философии (см. «Вера и разум», 1890—91).

Соч.: *Учение Аристотеля «О душе» в связи с учением о ней Сократа и Платона*, СПб., 1871; *Общая характеристика движения философии в последние три века в ее главнейших направлениях*, в кн.: *Зап. имп. Харьковского ун-та*, 1893, кн. 2; *Автобиография*, в кн.: *Историко-филологич. ф-т Харьковского ун-та...* (1895—1905), X., 1908. *С. Иртышский*. Киев.

ЗЕЛЕТИН (Zeletin), Моташ Стефан (19 июля 1882—18 июля 1934) — рум. бурж. философ и социолог-идеалист, теоретик либерализма. В произв. «Румынская буржуазия. Происхождение и ее историческая роль» («Burghezia română, origina și rolul ei istoric», 1925) отстаивал ложный тезис о постоянно прогрессивной роли капитализма. Проповедовал бурж. теорию «социальной гармонии», отказ от классовой борьбы. Стремясь «дематериализовать» марксизм, З. в основу своих построений положил ложную идею о подчиненности социальных явлений т. н. психологич. детерминизму (см. *Психологическая школа* в социологии).

Соч.: *Neoliberalismul. Studii asupra istoriei și politicei burgheziei române*, Buc., 1927.

Лит.: G ă l l E r n ă, *Sociologia burgheză din România*, Buc., 1958.

Лит.: *Инт-т философии Академии РНР*. **ЗЕЛЛЕ** (Selle), Христиан Готлиб (7 окт. 1748—9 нояб. 1800) — нем. медик и философ-материалист. В своем соч. «Философские беседы» («Philosophische Gespräche», Bd 1—2, 1780) З. с позиций материалистич. сенсуализма выступал против субъективного идеализма, особенно против априоризма (см. *Априори*) Канта. Основой всех явлений З. считал «субстанцию». Вещи

познаются благодаря тому, что вызывают соответствующее изменение в нашей способности познания. Поэтому З. считал, что представления и понятия априори не существуют.

Соч.: *Urbegriffe von der Beschaffenheit, dem Ursprunge und Endzwecke der Natur*, В., 1776; *Studium physico-medicum, oder Einleitung in die Natur- und Arzneiwissenschaft*, 2 Aufl., Hamb., 1787; *Grundzüge der reinen Philosophie*, В., 1788. О. Фишер, ГДР.

ЗЕМЛЕР (Semler), Иоганн Заломо (18 дек. 1725—14 марта 1791) — нем. историк и теолог, основоположник историч. направления библейской критики в Германии. Проф. теологии в Галле (с 1753). З. опровергал «учение» о *богочеловечности* Библии, доказывая ее историч. происхождение. В соч. «Насобие к свободному толкованию нового завета...» («*Apparatus ad liberalem Novi Testamenti interpretationem...*», 1767) заявлял, что Ветхий и Новый завет следует интерпретировать, исходя из обстоятельств времени и места. Согласно З., в учении Иисуса и апостолов содержится большое количество воззрений, имеющих лишь ограниченное историч. значение («*De daemoniacis, quorum in Evangeliiis fit mentio*», 1760). Восставая против ортодоксальной теологии, З. защищал право свободной интерпретации канонич. и резко разграничивал религию и теологию. Никакая догма или теологич. система не идентична христианскому учению, а история догм является историей человек. ошибок, слабостей и односторонности («*Historische Einleitung in die dogmatische Gotteslehre*», в кн.: «*S. J. Baumgartens Evangelische Glaubenslehre...*», Hrsg. J. S. Semler, Bd 1—3, 1759—60). Однако, выступая с резкой критикой церк. догматов, З. хотел сохранить религию для низших слоев населения. Критика Библии З. способствовала внесению в философию духа историзма.

Соч.: *Lebensbeschreibung von ihm selbst abgefasst*, Tl 1—2, Halle, 1781—82.

Лит.: Schmidt H., *Die Theologie Semlers*, Nördlingen, 1858; Hoffmann H., *Die Theologie Semlers*, Lpz., 1905; Zscharnack L., *Lessing und Semler*, Giessen, 1905; Gadow P., J. S. Semler in seiner Bedeutung für die Theologie, Giessen, 1905; Kstlin H., *Das religiöse Erleben bei H. S. Reimarus und J. S. Semler*, Borna-Lpz., 1919 (Diss.); Auer K., *Die Theologie der Lessingzeit*, Halle, 1929. О. Фишер, ГДР.

ЗЕН-БУДДИЗМ (от санскр. дхяна — сосредоточение; кит. чань, япон. дзэн) — одна из школ махаянского буддизма, проповедующая «мгновенное просветление». Согласно буддийской традиции, З.-б. основан Бодхидхармой, инд. монахом, прибывшим в Китай в 520 н. э. В последний период династии Тан (9—10 вв. н. э.) Зен стал господств. формой буддизма в Китае и достиг расцвета в 12 в. В этот период Зен проникает в Японию и с 16—17 вв. оказывает большое влияние на философию, религию, иск-во и язык япон. народа.

В основе «пути Зен» лежит представление о единой реальности, в к-рой «растворяются» и субъект и объект, и по сравнению с к-рой понятия субъекта и объекта, времени и движения, добра и зла условны и относительны. Эта единая реальность, в конце концов, оказывается тождественной индивидуальному сознанию. На протяжении всей истории З.-б. соперничал с буддийскими школами, третируя *конфуцианство* как учение, погрязшее в искусств. понятиях, противостоял материалистич. традиции в кит. философии (Ван Чун, Фань Чжэнь) и науч. познанию мира.

З.-б., так же как даосизм, буддизм, йога, ставит своей целью достижение «просветления», «состояния свободы». Характерной чертой всех этих учений являются *интуитивизм* и *иррационализм*. Отказ от понятийного мышления роднит З.-б. с *мадьямакой*, осн. пунктом к-рой было учение об относительности, условности понятий, и с йогой, поскольку одной из задач йогич. тренировки является подавление дискурсивного, словесного знания.

Отличие З.-б. от других школ буддизма и йоги заключается, прежде всего, в методе достижения «просветления». Согласно З.-б., состояние «свободы» достигается не путем длительной тренировки и «накопления заслуг», не путем «подавления» всех ощущений, восприятий и мыслей, а «непосредственно», путем «мгновенного просветления» (сатори). При этом З.-б. исходит из учения Бодхидхармы о том, что природа Будды и каждого человека — одна, и что поэтому состояние Будды, т. е. «просветление», надо открыть в себе, а не искать в канонич. книгах. Причем «просветление» представляется как нечто совершенно естественное, как «истинная природа» человека, открытие к-рой может произойти каждый момент.

Вместе с тем с 12 в. в З.-б. развивается новое направление, применяющее особую систему тренировки (школа ринзай) в противоположность прежнему направлению (школе сото). Один из крупнейших представителей Зен в начале 18 в. разработал сложную систему тренировки, состоящую из шести ступеней и длящуюся 30 лет.

З.-б., так же как и даосизм, проповедует «естественную жизнь». «Как рыба плавает в воде, не думая о воде, как птица летает в воздухе, не зная ничего о воздухе», так и зен-буддист живет, «не поднимая волн, когда летит ветер», и не думая ни о чем, кроме и сверх самой жизни. В одной из поэм Зен говорится: «Ничего нет равного тому, чтобы носить одежду и есть пищу. Вне этого нет ни Будд, ни Патриархов». В то же время в качестве подготовки к «просветлению» зен-буддисты предлагают неподвижное сидение в течение нескольких часов, при этом не менее, чем йоги, уделяют внимание правильной позе и правильному дыханию. З.-б. отрицает реальность Будды, реальность самой религии, необходимость религ. обрядов. В то же время весьма важное место в нем занимают различные церемонии и ритуалы. Церемонии зен-буддистов посвящены реализации догмы о том, что «каждый человек есть Будда». Каждое действие человека (хождение, сидение, лежание, стояние) выполняется в храме как реализация существа Будды.

Учение З.-б. с его интуитивизмом и иррационализмом становится предметом особого внимания совр. бурж. философии, особенно таких ее направлений, как *экзистенциализм*, *семантика* и *фрейдизм*. Начиная с 40-х гг. 20 в. модернизированный З.-б. получает широкое распространение в Европе и особенно в США. В наст. время центр З.-б. находится в Японии.

Лит.: Humphreys Ch., *Zen Buddhism*, L., 1957; Suzuki D. T., *An introduction to Zen Buddhism*, L., 1957; его же, *Essays in Zen Buddhism*, [v. 1—3], L., 1958; его же, *Manual of Zen Buddhism*, N. Y., 1960; Suzuki D. T. and Fromm E., *Zen Buddhism and psychoanalysis*, L., 1960; Blofeld J., *The Zen teaching of Huang Po on the transmission of mind*, L., 1958; Fung Yu-lan, *A history of Chinese philosophy*, N. Y., 1958; Fujisawa Chikao, *Zen and Shinto*, N. Y., 1959; Linssen R., *Essais sur le bouddhisme en général et sur le Zen en particulier*, P., 1960.

ЗЕНОН из Китиона на острове Кипре (Ζήνων Китιεύς) (ок. 336—264 до н. э.) — др.-греч. философ, основатель школы *стоицизма*. Название школы получила от греч. слова *Στοῖς* («колоннада»), означавшего картинную галерею, где собирались ученики З. В течение двух десятилетий обучался у киника Кратеса, мегарика (см. *Мегарская школа*) Стильпона, а также у философов *Академии Платоновской* и Полемона. В 308 до н. э. основал собств. школу в Афинах. Последователи З. назывались сначала зеноновцами, впоследствии — стоками. По различным вопросам философии написал ряд тщательно разработанных сочинений, к-рые дошли только в отрывках. Гл. источник для знакомства с жизнью и учением З.— 7-я книга жизнеописаний философов, принадлежащих *Диогену Лаэртскому* (*Diogenes Laertius, De vitis philosophorum libri 7*, 1833, нем. пер., Bd 1—2, 1955).

Учение З.— одно из характерных явлений духовной жизни эллинистич. общества. В нем отразился переход от рабовладельч. города-гос-ва к крупным рабовладельч. монархиям, возникшим после распада империи Александра Македонского. Изменение положения личности в новом гос-ве, подавляющем ее всем своим строем, обострило интерес к вопросам этики и направило мысль ряда философов на поиски учения, способного указать личности в новых обществах и историч. условиях путь к счастью и к безмятежному блаженству. З. строит этику на основе физики, т. е. учения о природе. По сути учение это — материализм, опирающийся на физику *Гераклита*. Основой всего сущего З. провозглашает огонь, из которого все произошло и в который, по прошествии множества веков, все вновь возвратится. Однако огонь этот З. наделяет, отступая здесь от материализма, божеств. силой, а также разумностью, отождествляя его с божеств. «логосом». Над миром господствует необходимость, или фатум (*εἰσαρέμνη*), однако сам мир — живое целое, пронизанное божеств. дыханием (*πνεύματι*). В учении о поведении человека З. исследует, в качестве первичного факта этого поведения, влечение (*ἄρετή*), к-рое принадлежит как к области физики и физиологии, так и к области этики. Учение о влечении предшествует учению о добродетели, благах и страстях. Возникая в результате действия воспринимаемого предмета на душу, влечение есть движение души, определяющее причины отдельных человеч. действий. В области мышления и познания влечением соответствуют акты согласия ума на суждения о предметах (*συνατάξις*). Влечения бывают как в существах разумных, так и неразумных. Разумное влечение заключается в себе, помимо согласия на суждения, силу, приводящую влечение к действованию. Важное понятие учения З.— понятие цели. Для разумного влечения целью — добродетельная жизнь, к-рую З., в согласии с киниками, определял, как жизнь, соответствующую с природой. Таковой З. считал жизнь разумную. Добродетель есть устойчивое, самостоятельное состояние господствующей части души, под к-рой З. понимал не шаткое мнение (*δόξα*), а познающий разум (*ἐπιστήμη*) — гармоничный и не подверженный потрясениям. В согласии с *Платоном* З. указывал четыре осн. добродетели: разумность, храбрость, сдержанность (*σωφροσύνη*) и справедливость. При этом разумность ставится выше всех др. добродетелей. Вместе с *Сократом* З. отождествлял добродетели со знаниями, внося в этику сильную струю рационализма. Так, в пороках З. видит лишь недостаток знания о вещах, составляющего добродетель. Основанные на знании четыре гл. добродетели рассматриваются одновременно и как блага. Им соответствуют четыре вида порока. То, что не есть ни доблесть, ни порок, относится к т. н. «средним» вещам, обладание к-рыми для мудреца безразлично. В учении З. о доблестных и дурных поступках выступает важное для школы стоиков понятие о долге (*καθήκον*) — неписанном законе, с к-рым отдельное лицо соотносит свои действия и в к-ром сказывается зависимость всего отдельного от объективного хода процессов природы. Напротив, страсть — движение души, или чрезмерное влечение, совершающееся наперекор природе и противоразумное. Мудрец знает божеств. и человеч. вещи и добровольно стремится исполнять всевластную необходимость. Он

добродетелен и, в силу разумности, бесстрастен; им не движет беспокойное стремление, относящееся к области страстей. Добродетельным человеком делает прирожденная склонность. Хотя приближение к добродетельной жизни возможно, однако тому, кто лишь приближается к ней, недоступна основная добродетель разумения. В учении об обществе и в политич. учении З. развивал космополитич. воззрение, в к-ром отразился процесс возникновения мирового гос-ва. З. распространяет на гос-во закон, общий для всех народов и охватывающий весь мир. Политич. закон совпадает для него с нравственным. Люди, ради к-рых все создано, предназначены к общительности и к подлинному общему. Поэтому закон ставит благо всех выше блага отдельного лица.

В педагогич. идеях З. намечены предпосылки учения последующей педагогики о характере. Вера З. в определяемость нравств. поступка мышлением связывала З. с традицией школы Сократа и оказала длит. влияние на развитие психологии и этики — вплоть до Спинозы.

Идеи З. были усвоены и разрабатывались в древней школе стоицизма. К осн. частям учения З. *Хрисипп* добавил основанное на них учение о знании (логику), и, т. о., уже в древнейшей Стое возникло характерное для стоицизма расчленение философии на логику, физику и этику.

Фрагменты: *Agrius I. Stoicorum veterum fragmenta*, v. 1, Lipsiae, 1921; *Nestle W., Die Nachsokratiker*, Jena, 1923; *Pearson A. C., The fragments of Zeno and Cleanthes*, [Camb.], 1894; *Wachsmuth C., Commentatio I et II de Zenone Citiensi et Cleanthe Assio*, Gött., 1875.

Lam.: История философии, т. 1, М., 1940 (см. Указатель имен); *История философии*, т. 1, М., 1957, с. 136—37; *Плеханов Р., История античного коммунизма и социализма*, СПб., 1910 (Общая история европейской культуры, т. 2), с. 280—83; *Weygoldt G. P., Zeno von Citium und seine Lehre*, Jena, 1872 (Diss.); *Wellmann E., Die Philosophie des Stoikers Zeno*, Lpz., 1873 (Diss.); егo же, *Zur Philosophie des Stoikers Zeno*, «Neue Jahrbücher für Philol. und Paedag.», 1877, Bd 115, S. 800—808; *Diehl G. J., Zur Ethik des Stoikers Zeno*, Mainz, 1877; *Troost K., Zenonis Citiensis de rebus physicis doctrinae...*, B., 1891; *Poppelreuter H., Erkenntnistheorie der Stoiker Zeno und Cleanthes*, Koblenz, 1891; *Dyrotff A., Die Ethik der alten Stoa*, B., 1897; *Gomperz T., Zur Chronologie des Stoikers Zeno*, W., 1903; *Zeller E., Die Philosophie der Griechen*, Tl 3, Abtl. 1, 5 Aufl., Lpz., 1923, S. 28; *Pohlenz M., Zeno und Chrysipp*, Gött., 1938 (Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse, Fachgr. 1, Bd 2, 9); егo же, *Die Stoa. Geschichte einer geistigen Bewegung*, 2 Aufl., Gött., 1959.

В. Асмус. Москва.

ЗЕНО́Н ЭЛЕЙСКИЙ (Ζήνων ὁ Ἐλεάζτης) (ок. 490—430 до н. э.) — др.-греч. философ. Род. в Элее (Юж. Италия), ученик *Парменида*, развивавший его учение об едином, исключаящем для чувств. восприятия всякую множественность вещей и всякое их движение. Поскольку элейцы были натурфилософами, а греч. натурфилософия была основана на стихийно-материалистич. понимании природы, философия З. Э. (как и др. элейцев) является материалистической. Поскольку, однако, чувств. космос З. Э. считал предметом смутных ощущений, объявляя подлинным предметом мышления только непрерывное единое бытие, этот материализм содержал в себе вполне определенные признаки дуалистич. метафизики, правда в форме весьма непосредственной и нестойкой. Отрицав в чувств. бытии всякую непрерывность, З. Э. доказывал немислимость его вообще, в т. ч. немислимость его множественности и подвижности. А из немислимости непрерывного чувств. бытия З. Э. вы-

водил непрерывность как предмет чистой мысли. Аристотель считал его основателем диалектики (А 1.10), т. к. З. Э. много занимался установлением противоречий в области текущей множественности и, по-видимому, полагал, что истина выявляется посредством спора или истолкования противоположных мнений (есть указания на то, что З. Э. излагал свое учение в диалогич. форме). З. Э. известен своими знаменитыми *парадоксами* (*апориями*), к-рые доставили много труда не только др.-греч., но и совр. философам. Осн. аргументом против мыслимости множественности вещей у З. Э. является необходимость (в случае этой множественности) одновременного признания, с его точки зрения, вещей бесконечно малыми (т. к. их можно было бы делить до бесконечности) и бесконечно большими (т. к. не было бы конца для накопления все новых и новых частей). В численном отношении таких множеств вещей было бы тоже и ограниченное количество (т. к. их было бы столько, сколько их есть) и неограниченное (т. к. ко всякой вещи можно прибавить еще что-нибудь) (А 21, В 1—3). З. Э. здесь переносил логику конечных величин на бесконечность, к-рая возможна лишь как единство противоположностей.

З. Э. выдвинул также аргументы — апории — против мыслимости движения: «Ахиллес», «Стрела», «Дихотомия», «Стадий». Первый аргумент (А 26) гласит, что быстроногий Ахилл никогда не может догнать самого медленного животного — черепаху, ибо при условии одновременного начала их движения в момент появления Ахилла на месте черепахи, она уже пройдет известное расстояние; и так будет во всех отдельных точках пути движения Ахилла и черепахи. Вторым аргументом (А 27, В 4) гласит, что если летящая стрела находится в покое каждое отдельное мгновение, то она находится в покое и вообще, т. е. она не движется. Уже Аристотель, рассматривая этот аргумент (А 27), хорошо понимал, что движение вовсе не есть только сумма его отдельных моментов или промежутков. В аргументе «Дихотомия» (разделение на два) З. Э. доказывал, что для того, чтобы пройти определенный путь, надо пройти его половину, а чтобы пройти половину, надо пройти четверть этого пути; а чтобы пройти четверть, надо пройти $\frac{1}{8}$ и т. д. до бесконечности; следовательно, для прохождения данного пути необходимо пройти бесконечное количество его отрезков, что потребовало бы бесконечного времени, т. е. движение вообще не может начаться (А 25). З. Э. здесь тоже не различал мысли о бытии и самого бытия (а именно деления в мысли и деления фактического), подобно тому как в аргументе против множественности вещей он не расчленил логику конечного и логику бесконечного. Это обстоятельство также заметил уже Аристотель (А 25). Наконец, З. Э. утверждал в аргументе «Стадий» (А 28): если два тела движутся друг к другу с одинаковой скоростью, то они встретятся на половине пути через определенный промежуток времени; если же одно из них будет двигаться с той же скоростью, а другое покоиться, то они встретятся через промежуток времени, вдвое больший; следовательно, движение, т. е. приближение одного тела к другому, будет, как думает З. Э., разным в зависимости от точки зрения на него, т. е. само по себе оно вовсе не есть движение.

Аргументы З. Э. привели к кризису др.-греч. математики, преодоление к-рого было достигнуто только атомистич. теорией Демокрита. Осн. мысль аporий З. Э. (та же, что осн. мысль Парменида) состоит в том, что прерывность, множественность, движение характеризуют картину мира, как она воспринимается чувствами. Но эта картина — недостоверна. Истинная картина мира постигается посредством мышления. Попытка мыслить множество приводит математику к

противоречию. Следовательно, множественность немыслима. То же с мыслимостью движения. Для демонстрации этих противоречий использовался постулат (ошибочный) современной З. Э. математики, согласно к-рому бесконечно большая сумма весьма малых слагаемых будет бесконечно велика. Т. о., диалектика З. Э. основывалась на постулате недопустимости противоречий в достоверном мышлении: появление противоречий, возникающих при предпосылке мыслимости множественности, прерывности и движения, рассматривается как свидетельство ложности самой предпосылки и в то же время свидетельствует об истинности противоречащих ей положений о единстве, непрерывности и неподвижности мыслимого (а не чувственно воспринимаемого) бытия.

Критику аргументов З. Э. с позиций идеалистич. диалектики дал Гегель (см. «Лекции по истории философии», т. 9, М., 1932, с. 235—45). С позиций материалистич. диалектики эта критика дана Лениным: «Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность (*Kontinuität*) и „пунктуальность“ ($\neq$ отрицание непрерывности, прерывность). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» (Соч., т. 38, с. 253).

Апории З. Э. явились важнейшим этапом на пути развития антич. диалектики, поскольку по существу вскрывали диалектичность и во внешнем мире, и в мышлении (хотя сам З. Э. использовал обнаружение противоречивости того и другого в целях доказательства метафизич. идей элеатов о едином и неподвижном). Они оказали существенное влияние и на развитие философии в новое время (напр., теория *антиномий* Канта) и продолжают играть большую роль в проникновении диалектики в совр. математич. логику.

Фрагменты: Diels H., *Die Fragmente der Vorsokratiker*, 9 Aufl., Bd 1, В., 1959; Zeno of Elea. A text with transl. and notes by H. D. P. Lee, Camb., 1936; Досократики, ч. 2, пер. А. Маковельского, Каз., 1915.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1940, с. 72—77; История философии, т. 1, М., 1957, с. 88—91; Сватковский В. П., Парадокс Зенона о летящей стреле, «Ж. М-ва народного просвещения», 1888, № 4, отд. 5, с. 209—39; Херсонский Н. X., У истоков теории познания. (По поводу аргументов Зенона против движения), там же, 1911, № 8; Мандес М. И., Элеаты. Филологические разыскания в области греческой философии, «Зап. истор.-филологич. ф-та Новороссийского ун-та», 1911, вып. 4; Варьяш А., Логика и диалектика, М.—Л., 1928; Богомолов С. А., Актуальная бесконечность. (Зенон Элейский, Ис. Ньютон, Г. Кантор), Л.—М., 1934; Дынин М. А., Очерк истории философии классической Греции, М., 1936; Гокцелл Л. П., О природе логического, Тб., 1958, с. 32—58; Попов С. И., К вопросу о роли закона единства и борьбы противоположностей в диалектической логике, М., 1959, с. 96—102; Wel1man E., *Zenos Beweise gegen die Bewegung und ihre Widerlegungen*, Frankfurt, 1870; Tаnner P., *Le concept scientifique du continu*, *Zénon d'Elée et G. Kantor*, «Rev. Philos. de la France et de l'étranger», P., 1885, t. 20, p. 385—410; Frontera G., *Etude sur les arguments de Zénon d'Elée contre le mouvement*, P., 1891; Саггo11 L., *What a tortoise said to Achilles*, «Mind», new ser., 1895, v. 4, № 14, p. 278—80; Sа11inger R., *Kants Antinomien und Zenons Beweise gegen die Bewegung*, «Arch. Geschichte Philos.», 1906, Bd 19, S. 99—122; Fränkel H., *Wege und Formen frühgriechischen Denkens*, Münch., 1955; Fräenkel A. A., *Abstract set theory*, Amst., 1953, p. 11 (им. библиогр.). А. Лосев, Москва.

Апории З. Э. и современная наука. Апории З. Э. не утратили значения и в наши дни, т. к. они относятся к осн. законам диалектики и к сложным проблемам из области основанной математики, связанным с абстракцией *актуальной бесконечности*. Вместе с тем при рассмотрении аporий с совр. т. зр. возникает ряд трудностей, обусловленных тем, что они дошли до нас только через комментаторов и критиков,— прежде всего, через Аристотеля, критикующего их в своей «Физике» (через 100 лет после их появления), и через комментарий Симпликия к «Физике» Аристотеля (написанный почти через тысячу лет после

З. Э.)— и притом в виде кратких отрывков. Поэтому трудно судить о том, какие из предложенных реконструкций аргументов З. Э. (и в какой мере) исторически оправданы. Неясность имеется даже в вопросе о том, что именно хотел доказать или опровергнуть З. Э. Большинство историков философии полагает, что апории должны были доказать невозможность движения и существования многого с целью отстоять философию Парменида. В диалоге Платона «Парменид» (128 А—В) эту точку зрения высказывает молодой Сократ, к-рый упрекает З. Э. в том, что тот обманывает слушателей, делая вид, что говорит нечто новое, между тем как в действительности, если один утверждает бытие единого, а другой небытие многого, то оба говорят одно и то же. З. Э., однако, возражает против такой трактовки цели его апорий (см. там же, С—Д). Он говорит, что его задачей было показать, что во взглядах противников Парменида во всяком случае не меньше противоречий, чем во взглядах Парменида.

Не получил однозначного решения и вопрос о том, против кого именно выступал З. Э. Франц. историк математики П. Таннери считает, что З. Э. имел в виду пифагорейцев; др. ученые называют Анаксагора или Гераклита. То обстоятельство, что еще в древности элейцев называли «афизиками», т. е. врагами точной науки — физики (см. С. Я. Лурье, Теория бесконечно малых у древних атомистов, М.—Л., 1935, с. 45), заставляет думать, что З. Э. направлял свою критику против всех существовавших в его время науч. теорий движения и многого. В ту пору пифагорейцами уже была обнаружена несоизмеримость диагонали квадрата с его стороной, т. е. доказана несовместимость предположения о существовании точного квадрата (или, что то же самое, о существовании идеальных циркуля и линейки) с представлением всякого отрезка в виде суммы конечного числа неделимых одной и той же (отличной от нуля) величины; Анаксагор же настаивал на том, что ипкак неделимых (в т. ч. и нулевой величины) не существует (Дильс, Досократики, фрагм. В 3). Из дошедших до нас апорий З. Э. ясно также, что в его времена существовали уже и теории, согласно к-рым конечные величины должны были состоять из бесконечного множества лишешных величины «неделимых» (точек, моментов). З. Э., таким образом, мог иметь дело с основами всех теорий, относящихся к соотношению непрерывного и дискретного и к пониманию движения, к-рые занимали др.-греч. ученых на протяжении всей истории античных математики и философии.

Начиная с Аристотеля, Плутарха и Сенеки, вплоть до наших дней аргументы З. Э. порождали все новые и новые попытки их опровержения (из работ самого последнего времени отметим статьи К. Айдукевича, А. Грюнбаума, Садео Спрайсн, см. Лит.). Вместе с тем у ряда мыслителей аргументы З. Э. встречали высокую оценку и сыграли значительную роль в истории философии. В духе этих аргументов составлены, напр., знаменитые *антиномии* Канта. Руководствуясь желанием преодолеть аргументы З. Э., Бергсон в своей философии *интуитивизма* говорит, что время не состоит из моментов, а промежутки времени не имеет четких границ. В настоящее время все более и более частыми и убедительными становятся замечания философов и специалистов по основаниям математики, свидетельствующие о том, что трудности, нашедшие отражение в апориях З. Э., и в наши дни нельзя считать преодоленными (см., напр., А. Fraenkel and Y. Bar-Hillel, Foundations of set theory, Amst., 1958, p. 260).

Поскольку задача адекватной реконструкции апорий не представляется еще однозначно разрешимой, трудно спорить даже с такими истолкованиями их, при к-рых они превращаются в очевидные нелепости.

Подобное «опровержение» апорий З. Э. не решает, однако, действительных трудностей, связанных с той проблематикой, к к-рой они и история порожденных ими дискуссий относятся. Эти трудности связаны с апориями обеих групп, на к-рые, естественно, подразделяются дошедшие до нас аргументы З. Э.,— и с теми, в к-рых «опровергается» существование многого [при этом многое понимается как актуально существующее: заданное всем набором своих элементов, т. е. как некая полная, завершенная совокупность, а не как «одноместный предикат» (свойство), удовлетворяющий определ. требованиям (как это делается во многих совр. логико-математич. теориях)], и с теми, в к-рых вскрываются противоречия, относящиеся к отображению движения в логике понятий.

К апориям первой группы относятся прежде всего аргументы, опровергающие существование многого на том основании, что «Если их [существующих вещей] много, то их должно быть столь много, сколько их есть,— не больше и не меньше. А если их столь много, сколько их есть, то их [число] ограничено. [Но] если существующих [вещей] много, то их [число] неограничено: ибо всегда существуют другие вещи между существующими [вещами], и снова другие между ними. И так [число] существующих [вещей] неограничено». (Симпликий, Физика, 140, 27) (Любая часть промежутка между вещами здесь, очевидно, также считается вещью; см. слова З. Э., к-рые приводит Симпликий: Дильс, Досократики, фрагм. В). В основе полученного в этой апории противоречия (что если в мире есть много вещей, то число их должно быть одновременно и конечным и бесконечным) лежит утверждение, что количество вещей в актуально завершеном множестве их должно быть «ограниченным» (конечным). Эта апория в эпоху расцвета «наивной» теории множеств (конец 19—нач. 20 вв.) казалась полностью разрешенной на основе понятия о бесконечных кардинальных (т. е. количественных) числах, или мощностях, введенного в математику в 70-х годах Кантором (см. также *Множества теории*). Однако неконструктивный характер кооперовских актуально-бесконечных множеств (и соответствующих им чисел) сделал их неприемлемыми для представителей совр. конструктивных направлений в математике.

Аристотель приводит еще одну апорию З. Э. этого же рода: «...именно, если все существующее помещается в известном месте, то ясно, что будет и место места, и так идет в бесконечность». С этой апорией Аристотель справляется, замечая, что место вещи само есть уже не вещь, к-рая пуждается в некоем «месте», а нечто аналогичное тому или иному состоянию вещи, например, того, как одна и та же вещь может быть и теплой и холодной; он не возражает, однако, против понятия о «месте места», но трактует последнее не как «место», т. е. не как состояние, а как нечто аналогичное свойству данного состояния,— как, напр., теплое (состояние) обладает свойством «быть полезным для здоровья», — почему вопрос о «месте места» уже не возникает с необходимостью. «Таким образом нет необходимости идти в бесконечность» (Phys., IV, 1, 209 а; рус. пер. 1937). По рассуждению, аналогичные использованному здесь З. Э., встречаются и в современных основаниях математики, когда ищущий в бесконечность натуральный ряд чисел порождается из «ничего» (из пустого множества) посредством того, что сначала рассматривается пустое множество: $\emptyset$; затем множество $\{\emptyset\}$, единственным элементом к-рого является пустое множество; далее множество $\{\emptyset, \{\emptyset\}\}$, элементами к-рого являются $\emptyset$ и $\{\emptyset\}$, и т. д. А возражения, к-рые выдвигаются против этой процедуры в наши дни, — напр., совр. номинали-

стами (*Куайн*, Гудмен) родственны возражениям Аристотеля (состоящим в том, что «место места» само не есть «место»), поскольку они основаны на том, что нельзя и мысленно объединять в множество вещи, к-рые не существуют раздельно друг от друга (так, нельзя рассматривать как особый объект пару, состоящую из человека и его руки, пока эта рука не отделена от человека).

Особенно интересна апория, относящаяся к представлению протяженного тела (соответственно интервала времени) в виде множества (совокупности) непротяженных неделимых, — точек (соответственно моментов времени). Поскольку лишняя всяких измерений точка (соответственно, момент времени) является идеализированной математич. абстракцией, на практике неуловимой (никто не имел дела в опыте с лишней всяких измерений «точкой»), «построение» (хотя бы теоретическое) реально существующего тела из абстрактных «точек», естественно, вызывало возражения как раз у нек-рых материалистически мыслящих математиков и философов. Так, *Лобачевский* считал необходимым положить в основу геометрии не точку, а тело и определял точку как пару тел, определенным образом соприкасающихся друг с другом. Соответствующая апория З. Э. и представляет собой вопрос о том, как из ничего можно сложить (построить) что-нибудь: ведь сколько раз ни повторять ничто, ничего и не получится? «В самом деле, — пишет Аристотель, — если что-нибудь, поскольку оно прибавляется <к какой-нибудь вещи> или отнято <от нее>, не делает <эту вещь> <в первом случае> больше, или <во втором> меньше, тогда, по словам Зенона, оно не принадлежит к числу существующего, причем существующее, очевидно, понимается как величина и постольку — как величина телесная: ведь именно такая величина обладает бытием в полной мере; ... точка же и единица (нуль) <не создадут его> (увеличение. — *Ред.*) ни при каких обстоятельствах» (*Met.*, III, 4, 1001a 29 — в 25; рус. пер., 1934). Хотя Аристотель и называет эти рассуждения З. Э. «грубыми», он замечает тут же, что «все-таки [остается вопрос], как из одного подобного неделимого или нескольких таких получается величина?».

В совр. литературе встречаются попытки (А. Грюнбаум) справиться с этими трудностями, ссылаясь на теоретико-множественную теорию меры, согласно к-рой несчетное множество множеств меры нуль может иметь уже и ненулевую меру, почему существование протяженных тел, очевидно, следует даже рассматривать, по Грюнбауму, как доказательство существования вешетных актуально-бесконечных множеств. Ясно, однако, что т. о. отнюдь не решаются гносеологич. трудности, связанные с неконструктивностью «построения» протяженных объектов в виде актуально-бесконечных (к тому же еще и несчетных) множеств непротяженных элементов. В лучшем случае эти трудности принимаются за решенные для к.-л. исходных объектов — напр., для отрезков вида $[0, \alpha]$, где $\alpha \leq 1$, с помощью допущения, что ко всякой точке отрезка $[0, 1]$ мы умеем отнести действительное число, отличающее ее от всех др. точек этого отрезка, хотя их и несчетное множество.

Из четырех апорий З. Э., относящихся к движению, две («Дихотомия» и «Ахиллес») относятся к трудностям, связанным с предположением неограниченной делимости отрезков пути и времени, а другие две («Стрела» и «Стадий») — к трудностям, возникающим, наоборот, в предположении существования неделимых отрезков пути и атомов времени («теперь»). В «Дихотомии», по Аристотелю, доказывается «... несуществование движения на том основании, что перемежающееся тело должно прежде дойти до половины чем до конца...» (*Phys.*, VI 9, 239в), почему движение не

может закончиться, т. к. прежде чем дойти до конца, нужно будет еще пройти половину остатка, и т. д. (в «Лекциях по истории философии», см. Соч., т. 9, Л., 1932, Гегель излагает эту апорию, как опровергающую для движения возможность начаться, поскольку раньше чем дойти до половины пути, нужно дойти до половины этой половины, и т. д.; к невозможности закончиться в таком случае будет относиться уже только апория «Ахиллес»). Эта апория чаще всего трактуется просто как свидетельствующая о том, что З. Э. не располагал еще математич. понятием «предела» (не умел суммировать, напр., геометрич. прогрессию $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \dots$) и думал, что «сумма бесконечно большого (неограниченного) числа любых, хотя бы и чрезвычайно малых, протяженных величин обязательно должна быть бесконечно большой» (Симпликий, Комментарий к «Физике» Аристотеля, см. Diels, 3), почему и приходил к заключению, что движение «никогда» не закончится, а быстроногий Ахиллес не догонит черепахи. В действительности аргумент З. Э. можно истолковать так: представим себе, что нам нужно измерить длину нек-рого отрезка AB и у нас есть две «единицы» измерения, первоначально неотличимые друг от друга, но такие, что если **первую** (равно как и сам отрезок AB) считать абсолютно жесткой (не меняющейся в процессе измерения), то вторая оказывается такой, к-рая после каждого ее откладывания на измеряемом отрезке сокращается вдвое. Пусть в результате измерения первой «единицей» отрезок AB оказался имеющим длину 2. Тогда ясно, что в результате измерения второй «единицей» он окажется бесконечно большим; какою бы (конечное) число раз мы ни отложили нашу сокращающуюся «единицу» измерения, нам придется откладывать ее еще раз, и процесс измерения никогда не закончится: точка B в этом процессе будет недостижимой — «бесконечно удаленной» точкой. (Само собой разумеется, что аналогичное рассуждение применимо не только к отрезку, но и к интервалу времени). Именно такого рода процесс «измерения» отрезка фактически и рассматривает З. Э. Разница состоит в том, что З. Э. подчеркивает, что во всяком непрерывном движении точки по отрезку действительно осуществляется такой процесс, поскольку прежде чем пройти весь отрезок AB , нужно пройти его половину, прежде чем пройти оставшуюся половину, нужно пройти ее половину, и т. д. Чтобы достигнуть точки B , нужно, следовательно, закончить бесконечный, т. е. не имеющий конца, процесс, в чем и состоит диалектич. трудность: апория. Известный математик Г. Вейль писал в этой связи: «Если бы, в соответствии с парадоксом Зенона, отрезок длины 1 можно было составить из бесконечного количества отрезков длины $\frac{1}{2}, \frac{1}{4}, \frac{1}{8}, \dots$, взятых каждый как отдельное целое, то непонятно, почему какая-нибудь машина, способная пройти эти бесконечно многие отрезки в конечное время, не могла бы совершить в конечное время бесконечное множество актов решения, давая, скажем, первый результат через $\frac{1}{2}$ минуты, второй — через $\frac{1}{4}$ минуты после этого, третий — через $\frac{1}{8}$ минуты после второго и т. д. Таким образом оказалось бы возможным, в противоречие с самой сущностью бесконечного, чисто механическим путем рассмотреть весь ряд натуральных чисел и полностью разрешить все соответствующие проблемы существования (вроде Большой теоремы Ферма и др. трудных задач теории чисел. — *Ред.*)» («О философии математики», сб. работ, М.—Л., 1934, с. 25).

Смысл апорий «Стрела» состоит в том, что если время складывается из неделимых «теперь» и всякое тело всегда либо покоится, либо движется, то, т. к. в течение неделимого «теперь» тело не может двигаться (иначе «теперь» подразделилось бы на части, соответствующую

щие различным положениям тела), то в каждом «теперь» оно должно покоиться; поскольку же ничего, кроме «теперь», во всем промежутке времени нет, то тело вообще не может двигаться. Начиная с Аристотеля, решения этой апории всегда состояли в том, что различным образом уточнялись понятия движения и покоя. В частности, еще Аристотель говорил о том, что в применении к моменту времени нельзя говорить ни о движении, ни о покое. Эти понятия имеют смысл лишь в применении к промежутку времени, в течение к-рого тело может менять свое место, — и тогда оно движется, либо же не меняя его, — и тогда оно покоится. Хороший и ясный обзор различных уточнений понятий движения и покоя, предложенных в целях решения трудностей, вскрытых З. Э., дает К. Айдукевич (см. *Lum.*). Характерной чертой всех этих решений является, однако, то обстоятельство, что в целях обоснования непротиворечивости движения, в осуществимости к-рого никто на самом деле не сомневался, авторы их пользуются допущениями об осуществимости вещей, заведомо неосуществимых: о том, что можно (с абсолютной точностью) уловить непротяженный (идеальный) момент времени; о том, что можно сопоставить каждому такому идеальному моменту времени не менее идеальную, лишнюю всяких измерений, и поэтому нематериальную точку пути; о том, что всякую такую точку можно полностью индивидуализировать, «задав» ее действительным числом, т. е. не смущаясь тем, что при этом должно предположаться известным все бесконечное множество десятичных цифр каждого (из нек-рого бесчетного множества их) действительного числа, и др. В действительности такие допущения не препятствуют научности теории только потому, что последняя содержит в себе способы ее конечного приближенного истолкования, отнюдь не при всех условиях без противоречий применимого. А как раз эти способы в решениях диалектич. трудностей, связанных с отображением движения, обычно не обсуждаются. Ленин именно в связи с апориями З. Э. замечает, что задача отобразить движение в понятиях содержит в себе диалектич. противоречие, т. е. нельзя отобразить движение, к-л. образом не остановив (не «омертвив») его, т. е. не обращаясь к его противоположности — к покою. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упрости, угрубив, не разделив, не омертвив живого, — пишет Ленин. — Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью и ощущением, и не только движением, но и в всякого понятия».

И в этом с у т ь диалектики. Э т у - т о с у т ь и выражает формула: единство, тождество противоположностей» (Соч., т. 38, с. 255).

Самый обычный прием отображения движения, к-рым широко пользуется т. н. классич. механика, состоит в указании способа, позволяющего отнести к любому моменту времени (из нек-рого промежутка времени: интервала) координаты, определяющие место движущейся точки. Этот прием не ведет, однако, к формально-логич. противоречию только благодаря тому, что мы, так сказать, перемещаем одну сторону противоречия за пределы нашей теории, — оставляем в ней только нужным образом идеализированные («огрубленные») допущения и полностью отвлекаемся от несоответствия их действительному положению вещей. Так, с одной стороны, мы утверждаем, что нет таких (сколько угодно малых) интервалов времени, к-рые нельзя было бы подразделить на еще более малые (но тем не менее также протяженные) интервалы времени, в течение к-рых тело, о движении к-рого идет речь, не меняло бы места; с другой стороны, мы разрешаем себе считать «достаточно малые» протяжен-

ные интервалы времени непротяженными «моментами», т. е. позволяем себе отвлечься от происходящего в течение этих интервалов времени изменения места тела (от его движения). Правда, обычно добавляют, что действуя так, мы допускаем ошибку, почему и получаем только приближенные значения интересующих нас (измеряемых) величин (длины пути, времени движения, его скорости или ускорения и т. д.). Однако самые эти величины (в отличие от их «приближенных» значений) обычно рассматривают при этом как реально существующие идеально точные объекты, не смущаясь тем, что такое «существование» основано на допущениях, к-рые мы заведомо не считаем осуществимыми: никто ведь не сомневается в том, что нельзя уловить непротяженный «момент» времени или построить лишнюю каких бы то ни было размеров точку! В действительности суть дела состоит в том, что «идеально точные» величины являются лишь огрубленным, упрощенным приближением к тому, что нам нужно с их помощью отобразить, — хорошим приближением, поскольку мы т. о. отвлекаемся от распычатости границ исследуемых объектов или явлений и выделяем жесткое существо дела: его центральное, огрубленное и остановленное («омертвленное») ядро. За счет этого «омертвления» получаются уже однозначные ответы на интересующие нас вопросы: формально-логич. противоречия не возникают, — во всяком случае, непосредственно. К последнему мы приходим, однако, как только выясняется, что огрубление, на к-ром была основана наша идеализация, не в состоянии дать нам полной картины исследуемого явления: как только существенными оказываются именно те его стороны, от к-рых мы отвлеклись, огрубив его. Но и это противоречие снова разрешается посредством нек-рой идеализации, строящейся уже, однако, не на пустом месте, а на основе всего знания, добытого ранее (в т. ч. и с помощью тех идеализаций, неправомерность к-рых — в применении к новым условиям — была обнаружена). В разрешении этих вновь и вновь возникающих противоречий, связанных с отображением движения (а следовательно, и с самой его сущностью), и состоит развитие науки, к-рое само есть процесс и носит, следовательно, тот же диалектич. характер.

Что касается возражения противников диалектики, к-рые утверждают, будто движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в др. момент — в др. месте, то оно обходит самое существо дела: в т. ч. вопрос о правомерности тех допущений о «точках» и «моментах», на к-рых оно основано. Между тем явная оценка правомерности идеализирующих предположений, позволяющих, с одной стороны, отрицать реальное существование непротяженных «точек» и «моментов», а с другой — отождествлять те или иные реальные, происходящие во времени, события с «моментами», те или иные материальные тела (вроде планет и солнца в космографии) с «точками», выяснение границ этой правомерности (границ различных в разных условиях) приобретает особое значение в связи с развитием современных (особенно ядерных) физики и техники. Приходится, т. о., на неизмеримо более высоком уровне развития науки возвращаться снова к проблематике, связанной с апориями З. Э.

Фрагменты: Маковельский А. О., Древнегреческие атомисты, Баку, 1946, ч. 2, гл. 2, 4 — Математика.

Lum.: Башмакова И. Р., Лекции по истории математики в Древней Греции, в кн.: Историко-математические исследования, вып. 11, М., 1958, с. 324—33; Russell B., Our knowledge of the external world as a field for scientific method in philosophy..., ch. 6, Chl., 1914; Cajori F., The purpose of Zeno's arguments on motion, «Isis», 1920, № 7 (t. 3); Waerden B. L. van der, Zenon und die Grundlagen der griechischen Mathematik, «Math. Ann.», 1940, Bd 117, H. 2; Grünbaum A., A consistent conception of the extended linear continuum as an aggregate of unextended elements, «Philos. Sci.», 1952, v. 19, p. 288—306; е г о ж е, Modern science

and refutation of the paradoxes of Zeno, «Sci. Monthly», 1955, v. 81, № 5, p. 234—39; В е с к е r O., Grundlagen der Mathematik in geschichtlicher Entwicklung, Freiburg/Münch., [1954]; S a d e o S h i r a i s h i, The structure of the continuity of psychological experiences and the physical world, «Sci. of Thought», Tokyo, 1954, № 1, p. 12—24 (реферат в журн.: «J. Symb. Logic», 1955, v. 20, № 2, p. 169—70); A J d u k i e w i c z K., Über Fragen der Logik, «Dtsch. Z. Philos.», 1956, Jg. 4, [II.] 3, S. 318—38. С. Яновская. Москва.

ЗЕНЬКОВСКИЙ, Василий Васильевич (р. 1881) — реакц. философ и теолог, белоэмигрант (с 1919). Доцент, затем проф. (с 1915) Киевского ун-та. С 1925 — проф. Православной богословской академии в Париже; в 1942 принял сан священника.

Критикуя «справа» психофизический параллелизм («Проблема психической причинности», К., 1914), З. отстаивает «теорию» психофизич. взаимодействия, осн. началом к-рого является, по З., психическое, направляющее эволюцию «органического» тела. Основу взглядов З. составляет мистицизм, близкий по своей филос. окраске персонализму. В гносеологии З. — эмпирич. интуитивист; признание «идеирующей абстракции» сближает его с Гуссерлем. Кризис капитализма для З. — это «мировой кризис» («Православие и культура», Берлин, 1923, с. 15, 3, 4, 5). Спасение З. видит в православии, к-рое якобы способно обновить жизнь людей. Тушк, в к-рый, по мнению З., зашла наука при разрешении проблем личности, объясняется З. именно антирелигиозностью науки («Арологетика», Р., 1958).

Свою историко-филос. концепцию З. строит на основе превращения философии в придаток теологии (проблема секуляризма). Он полагает, что философия рождается из недр религ. мировоззрения. Метод изложения З. состоит в том, чтобы описать темы, определявшие творчество к.-л. мыслителя и те «интуиции...», которые направляли это творчество» («История русской философии», в 2 тт., т. 2, Париж, 1950, с. 463). Особенностью рус. философии З. считает то, что она будто бы никогда не порывала с религией и ее построения озарены светом православия. З. извращает материалистич. учения рус. философии и науки, особенно революц.-демократич. идеологию («О мнимом материализме русской науки и философии», Мюнхен, 1956); он злобно клеветает на марксизм-ленинизм, на социалистич. строй.

Соч.: Современное состояние психофизической проблемы, К., 1905; Социальное воспитание, его задачи и пути, М., 1918; Психология детства, Лейпциг, 1924; Об иерархическом строе души, в кн.: Научн. тр. Рус. нар. ун-та в Праге, т. 2, Прага, [1929]; Проблемы воспитания в свете христианской антропологии, Париж, 1934; Знание и вера, в сб.: Православие в жизни, Нью-Йорк, 1954; Русские мыслители и Европа, 2 изд., Париж, [1955]; Aus der Geschichte der ästhetischen Ideen in Russland im 19 und 20 Jahrhundert, s'Gravenhage, [1958].

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959 (См. Именной указатель); Против современных фальсификаторов истории русской философии, М., 1960. А. Поляков. Москва.

ЗЕРВАНИЗМ (з р в а н и з м, з у р в а н и з м) — древнеиран. религ.-филос. учение, рассматривающее в качестве первонач. субстанции Зрван — время. Как определенная религ. система З. может быть отнесен ко времени Ахеменидов (6—4 вв. до н. э.), но культ Зрвана существовал, вероятно, еще раньше. Нек-рые представления З. вошли и в *Авесту*. Позднее З. был одним из осн. течений внутри *зороастризма*, объединив в монистич. системе дуалистич. представления, свойственные *маздеизму*. З. оказал большое влияние на развитие *иудаизма*, раннего христианства и *гностицизма*; Зрван стал верховным богом *махиштейства*. По З., первоначально, когда существовало лишь бесконечное время, мир находился в потенциальном состоянии. От Зрвана якобы произошли доброе, светлое начало — Ормузд, и злое, темное — Ариман. Ход борьбы этих начал и все, что происходит в мире, заранее предопределено временем. Фаталистич. тенденция З. и характерная для зороастризма идея сво-

бодного выбора были позднее унифицированы в концепции, по к-рой участь человека в этом мире определена судьбой (временем), но от его действий зависит его положение в будущем мире. В противоположность маздеизму, для З. характерна пессимистич. тенденция рассматривать этот мир как владение злого начала.

В З. представления о всеобъемлющей активной субстанции, бесконечном времени тесно связаны с представлениями о вечном пространстве. Благодаря времени, осн. сущностью к-рого является продолжительность, материя имеет возможность прийти в действие. Уже поздняя *Авеста* различает между бесконечным временем и временем, обладающим длительной продолжительностью, но конечным. Позднее теологи трактовали бесконечное время как вечность сущего, а длительное время рассматривали как продолжительность мира, к-рый был создан и будет иметь конец. Наряду с т. н. этич. З., в З. имелось и др. материалистич. течение (существовало уже в 3 в. н. э.). Зрваниты-материалисты отрицали творение мира и существование бога-создателя, воздаяний, рая и ада, верили в вечность мира, развивающегося в бесконечном времени и благодаря ему. Это учение продолжено позднее в дахризме (от араб. «дахр» — время, судьба).

Лит.: Nyberg H. S., Questions de cosmogonie et de cosmologie mazdéennes, «J. asiatique», 1929, t. 214, p. 193—310; 1931, t. 219, p. 1—134; Schaedter H. H., Der iranische Zeitrott und sein Mythos, «Z. Dtsch. morgenländ. Ges.», 1941, Bd 95, S. 268—99; Duchesne-Guillemin J., Ormazd et Ahriman, P., 1953; Zaehner R. C., Zurvān, a Zoroastrian dilemma, Oxf., 1955; ег о ж е, Postscript to Zurvān, «Bull. of the School of oriental studies [of London University]», 1955, v. 17, pt 2, p. 232—49; В о у с е M., Some reflections on Zurvanism, там же, 1957, v. 19, pt 2, p. 304—16. Э. Грантовский. Москва.

«ЗЕРЦАЛО БЕЗБОЖИЯ ИЛИ НЕВЕЖЕСТВА» («З е р ц а л о б е з б о ж и я») — произведение рус. атеистич. лит-ры конца 18 в. Автор не установлен. Входило в рукописный сборник, датируемый не раньше 1797. Сборник (288 стр.; обнаружен в 1941 в г. Костроме) содержит след. произведения: 1) «Письмо Руссо к Вольтеру»; 2) «Оратория» Михаила Ломоносова; 3) «Рассуждение о размножении душ» Феофана Прокоповича; 4) «Письмо Фридриха II короля Прусского к фельдмаршалу Кейту»; 5) «Исповедание веры г. наместника Савоярда». Сочинение Ж. Ж. Руссо; 6) «Письмо одного мусульманина к своему другу»; 7) «Зерцало безбожия или невежества»; 8) «Рассуждение о душе». В сборнике представлены произведения как умеренно деистические (с доказательствами бытия бога и бессмертия души) и антиклерикальные, так и атеистические.

Названия глав «Зерцала...» (напечатано в кн. «Избр. произв. рус. мыслителей второй пол. XVIII в.», т. 2, 1952) выражают атеистич. характер взглядов автора: 1) Несовершен бог: имеет пределы своих деяний; 2) Бог имеет пределы разума; 3) Бог имеет пределы воли; 4) Бог не есть творец и промыслитель мира; 5) Мир не зависит от бога; 6) Несовершенный не есть бог; 7) Бог не есть присущ существованию. В результате критики теологич. «обоснования» «бытия бога» автор приходит к выводу: «...Бога нет». Содержание «Зерцала...» свидетельствует о знакомстве его автора с «Системой природы» Гольбаха.

Лит.: Шахнович М., Новый памятник рус. свободо-мыслия XVIII в., в сб.: Звенья, кн. 8, М., 1950; Ц и п а н о в И. Я., Общественно-политич. и философские воззрения рус. мыслителей второй пол. XVIII века [вступит. статья], в кн.: Избр. произв. рус. мыслителей второй пол. XVIII в., т. 1, М., 1952, с. 62—63. А. Голодко. Москва.

ЗИБЕР, Николай Иванович [10(22) марта 1844—28 апр. (10 мая) 1888] — рус. экономист и социолог, один из первых распространителей марксистских идей в России. Окончил юридич. ф-т Киевского ун-та (1866), магистр (1871). В 1873—75 преподавал политич. экономии в Киевском ун-те, затем уехал за границу. В Лондоне в 1880—81 встречался с Марксом и Энгель-

сом. В 1884 вернулся в Россию. Гл. труды — «Очерки первобытной экономической культуры» (1883), «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885).

З. пытался применить экономич. учение Маркса к исследованию развития производств. отношений, к анализу обществ. вопросов, связанных с процессами классовой борьбы в России. Сторонник демократич. преобразований, З. считал, что социализм (трактуемый З. как «кооперативный строй») является неизбежным результатом развития капитализма. Однако З. не понимал историч. миссии пролетариата. Фаталистически определяя значение производит. сил в обществ. развитии, З. находился, по существу, на позициях *экономического материализма*, к-рый был теоретич. основой его утопизма в вопросе о переходе общества к социализму. Рассматривая учение Маркса в значит. мере как «усовершенствование» теории Рикардо, З. не видел внутр. неразрывной связи между экономич. теорией Маркса и обоснованием им необходимости пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

В филос. взглядах З. — материалистических по существу — были элементы диалектики, хотя он ошибочно отождествлял материалистич. диалектику с теорией эволюции. З. популяризировал филос. труды Ф. Энгельса, в особенности кн. «*Анти-Дюринг*». Подчеркивая взаимосвязь социализма и материализма, З. указывал на противоположность мировоззрения и метода Маркса гегелевскому идеализму («Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина»). В полемике с Ю. Жуковским, З. писал, что Маркс исследует не словесные противоречия, а противоречия действительности («Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Жуковского „Карл Маркс и его книга о капитале“»); он разделял марксистский взгляд на капитал как производств. отношение, критиковал «закон» народонаселения *Мальтуса* («Давид Рикардо и Карл Маркс...», 1885, гл. 13); писал о необходимости развития капитализма в России, о его преходящем характере, критиковал *волюнтаризм* пародников («Капитализм в России» и др.).

Маркс высоко ценил З. как исследователя его теории стоимости, денег и капитала (см. «Капитал», т. 1, Последствие ко 2 изд., в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 23, с. 19). Неоднократно ссылался на З. и В. И. Ленин (см. Соч., т. 1, с. 201; т. 2, с. 166—68).

Соч.: Собр. соч., т. 1—2, СПб., 1900; Избр. экономические прозв., т. 1—2, М., 1959 (т. 1, вступит. ст. Н. А. Цаголова).

Лит.: Перениска К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 2 изд., [Л.], 1951, с. 87, 98, 112, 229; История русской экономической мысли, т. 2, ч. 2, под ред. А. И. Пашкова и Н. А. Цаголова, М., 1960, гл. 17; Р е з у л ь д. Г. И. Зигер (Библиография), «Каторга и ссылка. Историко-революционный вестн.», 1934, № 7, 8—9; Ц а г о л о в Н. А., К характеристике экономических взглядов Н. И. Зибера, «Вопр. экономики», 1953, № 9; Р е з у л ь д. А. Г. Р е с к а я, «Экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм», М., 1956, гл. 6; Ж у ч е н к о В., Критика Н. И. Зибера русской вульгарной политической экономии, «Экономические науки» (Науч. доклады высшей школы), 1959, № 3. И. Бак. Москва.

ЗИБЕРН (Sibbern) — см. *Сибберн*.

ЗИГВАРТ (Sigwart), Христоф (1830—1904) — нем. логик, по своим филос. воззрениям близкий к *баденской школе* неокантианства. Проф. философии в Тюбингене (1865—1903). З. испытал (особенно в первый период своей деятельности) влияние ряда нем. философов — Ф. Баура, Ф. Шлейермахера, Э. Целлера. Первые работы З. посвящены истории философии (Бэкону, Спинозе) и истории естеств. наук. Осн. произведение З. «Логика» («*Logik*», Bd 1—2, 1873—78, рус. пер., т. 1—2, 1908—1909) представляет собой не только изложение логич. учения, но и попытку нового обоснования *метафизики*. Исследование логики, по мнению З., должно вскрыть общие принципы познания, вывести критерии истинного мышления и разработать

нормы суждения, в результате чего станет возможным решение метафизич. проблем. Согласно З., логика является нормативной дисциплиной, устанавливающей правила, к-рые руководят мышлением в поисках истины. Не удовлетворяясь традиц. пониманием логики и отвергая гегелевскую логич. концепцию, З. стремился обосновать логику на фактах реального мышления. Он примыкает к идущему от Дж. С. Милля направлению *психологизма* в логике. Специфич. особенностью психологизма З. является телеологизм. В логич. системе З. понятие цели принадлежит решающая роль (с его помощью определяются все осн. понятия логики, в т. ч. и понятие истины). Все категории логики (суждение, понятие, законы тождества и противоречия и т. д.) З. рассматривает, с одной стороны, как реальные процессы мышления или их закономерности, с др. стороны, — как не выводимые из эмпирич. материала логич. отношения и законы. Смешение логич. и психологич. моментов обусловило эклектичность логич. системы З., ее неспособность дать адекватное объяснение логическому. Предпринятая З. попытка психологич. обоснования логики была подвергнута критике со стороны *Фреге*, *Гуссерля* и др. З. не смог решить и др. задачу, к-рую он ставил перед своей «Логикой», — построить методологию науч. знания. Изложенное им логич. учение фактически не выходит за рамки аристотелевской логики и в силу этого не только не решает, но даже, по существу, и не затрагивает специфич. проблем методологии науч. исследования.

Соч.: Spinoza's neuentdecker Tractat von Gott, dem Menschen und dessen Glückseligkeit, Gotha, 1886; Die Impersonaliten..., Freiburg in Breisgau, 1888; Kleine Schriften, Bd 1—2, 2 Aufl., Freiburg in Breisgau — Tübingen., 1889; Vorfragen der Ethik, 2 Aufl., Tübingen, 1907; в рус. пер.: О моральных основах науки, «Вестн. воспитания», 1904, № 9; Борьба против телеологии, СПб., 1907.

Лит.: Гуссерль Э., Логические исследования, пер. с нем., ч. 1, СПб., 1909; В о к а ч Н., Зигарт и проблема логики, «Вопр. философии и психологии», 1911, кн. 109, с. 449—71, кн. 110, с. 681—724; П о п о в П. С., История логики нового времени, М., 1960, с. 241—44; Philosophische Abhandlungen. Christoph Sigwart zu seinem 70. Geburtstag, Tübingen, 1900. В. Садовский. Москва.

ЗИГФРИД (Siegfried), Андре (25 апр. 1875—29 марта 1959) — франц. социолог, географ и публицист; проф. экономической географии в Коллеж де Франс, проф. социологии в Ин-те политич. наук и Нац. школе администратии, сотрудник правой газ. «*Figaro*», один из наиболее влият. идеологов умеренных правых партий франц. буржуазии. В своих многочисл. книгах и путевых заметках З. не выдвигал к.-л. единой и оригинальной социологич. доктрины: он пытался дать сжатый очерк господствующих в различных странах идейных течений и сопоставить их между собой. Книги и статьи З. проникнуты сознанием глубокого внутр. кризиса бурж. индивидуализма и либерализма 19 в. в условиях совр. эпохи, выдвигающей, по З., на первый план организованные массы людей, к-рые испытывают огромное воздействие со стороны гос-ва. Основой данного кризиса, по мнению З., является вытеснение мелкого крест. и ремесл. произ-ва поточным, индивидуальное мастерства — стандартизацией и т. д. Сознвая неизбежный характер этого процесса, З. с тревогой констатирует его моральные последствия при капитализме: подрыв независимости, свободы и достоинства лич. личности, ее духовное обеднение, особенно ярко сказывающееся в странах, лишенных устойчивых традиций, и прежде всего в США. Поэтому З. рассматривает данный кризис в немалой степени как столкновение амер. и европ. цивилизаций.

Моральный кризис бурж. общества перерастает, по словам З., в социальный и политический, ибо выдвинутые франц. революцией 1789 либеральные идеалы политич. свободы сталкиваются с идеями социальной справедливости социализма. З. считал, что если в

19 в. сущность правой бурж.-консервативной идеологии состояла в защите сильного авторитарного гос-ва, то теперь, напротив, ее задача состоит в борьбе против покушений гос-ва на права личности. Подобная концепция, по З., призвана гл. обр. оправдать сопротивление реакц. сил прогрессивным мероприятиям в области социального законодательства, навязанным бурж. гос-вам борьбой рабочего класса. Она также выражает недовольство нек-рых кругов буржуазии политикой гос.-монополистич. капитала. З. призывал к чередованию у власти во Франции умеренных консерваторов и реформистов по образцу англо-амер. двухпартийной системы, систематически нападал на конституцию 1946, призывая к увеличению прав исполнит. власти в ущерб законодательной, реакц. реформе избират. системы с отказом от пропорционального представительства и т. д.

З. посвятил неск. работ Франции, в к-рой видел оплот индивидуализма старой Европы. Его кн. «Политическая картина Западной Франции в эпоху III республики» («Tableau politique de la France de l'ouest sous la troisième république», 1913) до сих пор рассматривается в бурж. социологии как основополагающая для политич. географии.

Занимался также изучением проблем влияния религии на сознание, культуру и обществ. жизнь народов. Соч.: La démocratie en Nouvelle-Zélande, P., 1904; Le Canada, les deux races, problèmes politiques contemporains, P., 1906; Les États-Unis d'aujourd'hui, P., 1927; Tableau des partis en France, P., [1930]; L'occident et la direction spirituelle du monde, Neuilly (Seine), [1932]; Cours de géographie économique et politique, «Rev. des cours et conférences», 1933, № 12; Amérique latine, 2 éd., P., 1934; La crise de l'Europe, P., 1935; Le Canada, puissance internationale, P., 1937; Mes souvenirs de la IIIe République, P., 1946; Afrique du Sud, P., 1949; Géographie humoristique de Paris, P., 1951; Géographie poétique des cinq continents, [P., 1952]; De la IIIe à la IVe République, P., [1956]; De la IVe à la Ve République, P., [1958]; Itinéraires de contagions, P., [1960]; в рус. пер.: Англия наших дней, М., 1926; Кризис Британии XX века, М.—Л., 1931.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 39, с. 510—13.

Ю. Рубинский, Москва.

ЗИЗАНЬИЙ, Лаврентий (г. рожд. неизв.— ум. ок. 1634) — белорус. гуманист-просветитель. В 1626 по заданию моск. патриарха Филарета написал обширный «Катихизис» (Гродно, 1783), в к-ром дал свое толкование церк. догматов, близкое к протестантизму. Вместе с тем в этой книге он изложил сведения естеств.-науч. характера — «...о крузах небесных, и о планитах, и о зодиях, и о затмении солнца, и о громе, и о молнии, и о тресновении, и о шибении, и о перуне, о комитах и о прочих звездах» (цит. по кн.: «Заседание в книжной палате 18-го февраля 1627 года по поводу исправлений Катихизиса Лаврентия Зизанья», СПб, 1878, с. 33). В противоположность официальной религ. идеологии, З. пытался по-своему объяснить явления природы естеств. путем, исходя из данных опыта и наблюдений. Признавал шарообразность Земли и движения небесных светил. Моск. богословы, к-рым был отдан на просмотр «Катихизиса» З., признали его взгляды еретическими.

Соч.: Славянская азбука, Вильно, 1596; Грамматика словенская, Вильно, 1596.

Лит.: Ильинский И. Ф., Большой Катихизис Лаврентия Зизанья, К., 1899. Н. Алексеевич, Минск.

ЗИЗАНЬИЙ, Стефан — белорус. полемист конца 16 в. В своих проповедях и сочинениях («Катихизис», «Казанье св. Кирилла об антихристе», Вильно, 1596) осуждал насилие, политику колонизации и окатоличения белорус. населения, изобличал роскошь, богатство и своеволие духовных и светских феодалов. Развивая тезис о господстве на земле антихриста в лице папы, З. подверг критике иезуитов и папство. Деятельность З. вызвала к нему фанатич. ненависть со стороны духовенства и властей. Он был отлучен от церкви и объявлен гос. преступником. В 1599, скры-

ваясь от преследований церковников и гос. властей, З. вынужден был оставить пределы Белоруссии.

Лит.: Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 4, 1588—1632, СПб, 1851, с. 196—98; Русская историческая библиотека, т. 7, кн. 2, СПб, 1882, с. 169—222; За в и н е в и ч В. З., Падляноцкі Захарыя Копыстэнскага і ёе месце ў гісторыі заападно-рускай палемікі XVI і XVII вв., Варшава, 1883; Laszcz M., [Жебровскій И.], Kokol, który rozszewa Stepahnek Zizania w cerkwiach Ruskich w Wilnie, Wilno, 1595; Plewy Stepahanka Zyzaniacy, Heretyka, z cerkwi Ruskiej wyklytego, Wilno, 1596. Н. Алексеевич, Минск.

ЗИММЕЛЬ (Simmel), Георг (1 марта 1858 — 26 сент. 1918) — нем. философ-идеалист и социолог, представитель т. п. философии жизни. С 1914 — проф. в Страсбурге. Все области бытия, по З., охватываются иррац. понятием жизни, к-рая объявляется основой бытия и сознания, единств. реальностью, данной в «непосредственном переживании». Внешний мир существует лишь постольку, поскольку он «переживается» субъектом. Поэтому естеств. науки, по З., исследуют лишь явления, они не могут охватить все многообразие жизненных форм, а также постигнуть жизнь в целом. Познание же истории, по мысли З., следует искать не во внешних фактах, а в психологии, к-рая является априорной предпосылкой историч. науки; задача состоит в том, чтобы на основании документов и преданий заключать о психич. явлениях, лежащих в основе историч. событий. При этом лишь философ, обладающий даром *интуиции*, может охватить целостность истории, не достигая, однако, объективной истины. Позиция З. ведет к субъективистской интерпретации событий и к ликвидации историч. науки.

Социологич. взгляды З. носят бурж.-аналогич. характер. Социологию он определяет как науку о социальных формах. Гос-во, церковь, обществ. строй и др. «объективные образования» З. рассматривал как результат бесчисл. взаимоотношений индивидуальных. Столкнув эти взаимоотношения идеалистически, он называл социологию «психологической микроскопией взаимоотношений между атомами общества». Он заменяет понятие общества понятием «социальности», осн. регулятором к-рой является «социальное расслоение» («Über soziale Differenzierung», 1890; рус. пер. «Социальная дифференциация», 1909). Дифференциация, по З., создает путем естеств. отбора высшие и низшие социальные группы. В жизни, утверждал З., господствует борьба за существование, цель к-рой — возвышение жизни ради самой жизни, и потому морально то, что способствует достижению этой цели. Эти рассуждения В. И. Ленин назвал «абстрактными» и «совершенно ненаучными» (см. Соч., т. 1, с. 392).

Реакц. взгляды З. оказали влияние на неокантианцев *Риккерт*а, Струве, на мн. представителей бурж. философии истории эпохи империализма. На него ссылались также идеологи герм. фашизма.

Соч.: Vom Wesen des historischen Verstehens, B., 1918; Schopenhauer und Nietzsche, 2 Aufl., Münch.—Lpz., 1920; Grundfragen der Soziologie, 2 Aufl., B.—Lpz., 1920; Philosophie des Geldes, 4 Aufl., Lpz.—Münch., 1922; Die Probleme der Geschichtsphilosophie, 5 Aufl., Münch.—Lpz., 1923; Kant, Münch.—Lpz., 1924; Der Konflikt der modernen Kultur, 3 Aufl., Münch.—Lpz., 1926; Hauptprobleme der Philosophie, 7 Aufl., B., 1950; Soziologie, 4 Aufl., B., 1958; в рус. пер.: Проблемы философии истории, М., 1898; Проблемы социологии, «Научное обозрение», 1899, № 3; К методологии социальной науки, там же, 1900, № 2; Конфликт современной культуры, П., 1923.

Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 362—64; Ковалевский М., Современные социологи, СПб, 1905, с. 98—162; Adler M., G. Simmels Bedeutung für die Geistesgeschichte, W.—B., 1919; Spykman N. J., Die social theory of G. Simmel, Chi., 1925; Fabian W., Kritik der Lebensphilosophie Simmels, Breslau, 1926; Buch des Dankes an G. Simmel. Briefe, Erinnerungen, Bibliographie, B., 1958. А. Мысливченко, Москва.

ЗИНОВИЙ ОТЕНСКИЙ (г. рожд. неизв.— ум. 1568 или 1570) — рус. церк. писатель-схоласт. Противник крестьянско-плебейской ереси *Феодосия Косого*. После осуждения *Максима Грека*, учеником к-рого

он являлся, был сослан в 1531 в повгородский Отенский монастырь. Здесь в 50—60-х гг. 16 в. им были написаны полемич. соч.— «Послание многословное черноризца к вопросившим о известии благочестия па замудрие Косого и иже с ним» (1880), «Истинны показание к вопросившим о новом учении» (1863) и др. В этих соч. З. О. особое внимание уделял космологич. и онтологич. доказательствам существования бога, полемике с материалистич. представлениями древних греков, защите догматов и обрядов православной церкви. Оставаясь целиком на крепостнич. позициях, выступая как апологет рабства и защитник монастырского земледелия, З. О. вместе с тем осуждал отд. злоупотребления господ и феод. гос-ва. Произведения З. О. при всей их тенденциозности являются осн. источником для изучения воззрений Феодосия Косого, к-рому он приписывал учение о «самобытном естестве».

Соч.: Слово инока Зиновия на открытие мощей архиепископа Ионы Новгородского, в кн.: Калугин Ф., Зиновий иннок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения, СПб., 1894.

Лит.: Будовиц И. У., Русская публицистика XVI века, М.—Л., 1947; Клибанов А. И., Реформационные движения XIV—первой половины XVI вв., М., 1960; Клибанов А. И. и Коренкии В. И., Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шипкину, «Тр. Отдела древнерус. лит-ры АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский дом)», 1961, т. 17.

В. Горюхиц, Москва.

ЗИХ (Zich), Отакар (р. 26 мая 1908) — чеш. логик, др-р филос. наук (с 1960), профессор (с 1958) филос. ф-та Карлова ун-та. Науч. труды З. посвящены методологии естеств. и точных наук («Логические и методологические аспекты эксперимента», 1957, рус. пер. см. в кн. «Мировоззренческие и методологические проблемы науч. абстракции», 1960; «Введение в философию математики» — «Úvod do filosofie matematiky», 1947). В области логики З. построил теорию целых чисел [«О понятии целого числа» — «Sur la notion du nombre entier», в сб.: Česká akademie věd a umění. Bull. inter. Resumés des travaux présentés. Classe des sciences mathématiques, 49-e année (1948), Praha, 1950]. Анализируя логич. структуру нар. пословиц, З. показывает, каким образом в мышлении нар. масс стихийно возникали сложные логич. формы («Народные пословицы с точки зрения логики» — «Lidová přísloví s logického hlediska», 1956). Занимается также вопросами преподавания логики («Значение логики для преподавания в вузах» — «Význam logiky pro práci vysokoškolského učitele», 1959).

Соч.: Moderní logika, Praha, 1958 [совм. с др.]; K metodologii experimentálních věd, Praha, 1959 (совм. с Málek I. и Tondl L.).

Лит.: Кольман Э., Книга о логике народных пословиц, «Вопр. философии», 1958, № 4, с. 152—54; Жаако К., Hintikka J., Identity, variables, and impredicative definitions, «J. Symb. Logic», 1956, v. 21, p. 225—45; Fiert V., O české hudeb, Praha, 1957. К. Берга, ЧССР.

ЗЛАТАРОВ, Асен Христов (4 февр. 1885 — 22 дек. 1936) — болг. ученый-химик, философ и обществ. деятель. Окончил Женевский ун-т (1907). С 1910 — ассистент по химии. Член Болг. с.-д. партии (группа широких социалистов) (с 1905). По филос. взглядам был близок к *махизму*, делал попытки «дополнить» философию Маркса воззрениями *Маха* и *Авенариуса*, к-рых защищал от критики со стороны Ленина и др. рус. марксистов-материалистов. В конце жизни З. активно участвовал в борьбе против фашизма и войны, симпатизировал коммунизму. После воссоединения СССР в 1936 написал восторженные статьи в кн. «В стране советов» («Вь страната на съветите»), 1936) об успехах социализма и науки в Советском Союзе.

Соч.: Очерки по философии на биологията, С., 1911; Проблема за истината [предговор], в кн.: Мах Б., Познание и заблуждение, С., 1924 (Натурфилософско четиво, № 5); Маркс-Енгелсовият материализъм и емпириокритицизмът

[предговор], в кн.: Каудки К., Медицина и исторически материализъм, С., 1930 (Натурфилософско четиво, № 50); Сборник, С., 1956.

Лит.: Бербатов Н., Философските възгледи на Асен Златаров, в сб.: Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет, т. 52, кн. 1, С., 1959.

Н. Бербатов, НРБ.

ЗЛО — см. *Добро и зло*.

ЗНАК (англ. sign, фр. signe, нем. Zeichen, итал. signe) — материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя искомого предмета или предметов, свойства или отношения предметов и используемый для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний) или компонентов сообщений к.-л. рода.

Рассмотрим познават. роли З. занимались еще антич. философы (Аристотель, стоики); большое внимание анализу З. уделяли мыслители 17—18 вв. (Локк, Лейбниц, Кондильяк и др.). С конца 19 в. изучение вопросов теории З. приобрело актуальность в связи с развитием лингвистики и математич. логики. С 30-х гг. 20 в. начала складываться особая наука о З. — семиотика. Термином «семиотика» пользовался еще Локк, затем Ч. Моррис, работы к-рого по теории З. явились существ. вкладом в семиотику. В наст. время установлены плодотворные связи между наукой о З. и кибернетикой; в семиотику все больше проникают точные методы исследования.

Гносеологич. природа З. выявляется в тех ситуациях, в к-рых происходит использование З. (такие ситуации наз. *знаковыми*). В мире животных аналогом знаковых ситуаций являются ситуации, в к-рых поведение животного обусловлено действием условных раздражителей (см. *Рефлекс*). В этих ситуациях одно явление (напр., звонок) можно рассматривать как источник осведомления животного о появлении или наличии другого явления (напр., пищи). Применяя понятие З. в более широком смысле, условные раздражители, побуждающие организм к той или иной форме поведения на основе сложившихся в его нервной системе врем. условных связей, иногда также называют З. и говорят, что условные раздражители обозначают для организма соответств. безусловный раздражитель. В этом расширенном смысле в отечеств. лит-ре более употребительным является термин «сигнал». У людей З. с самого начала выступают как результат обществ. развития: З. развиваются прежде всего как материальная форма, в к-рой осуществляется передача сообщений в человек. коллективах, объединенных в первую очередь задачами материального производства. Осн. значение в этом отношении имеют З. естеств. звуковых языков. Появление членораздельной речи, т. е. общения людей друг с другом с помощью звуковых языковых З., обусловленное развитием труда, означало, с психофизиологич. т. зр., оформление второй сигнальной системы и было непосредственно связано с развитием мышления. С развитием способности извлекать и перерабатывать информацию о предметах, оперируя непосредственно не с самими предметами, а лишь со З., их представляющими, связана одна из величайших революций в интеллектуальной и культурной истории человечества.

Виды знаков. З. подразделяются на языковые и неязыковые. Среди последних можно выделить З.-копии (iconic signs), З.-признаки, или З.-показатели (З.-индексы), З.-сигналы и др. З.-копии — это воспроизведения, репродукции, более или менее сходные с обозначаемым (таковы фотографии, отпечатки пальцев, отпечатки древних животных, в известной мере З. т. н. пиктографич. письма). З.-признаки — это З., связанные с обозначаемыми предметами, как действия со своими причинами.

К числу таких З. принадлежит то, что обычно наз. симптомами, приметам, показателями и т. п. Напр., дым — признак огня; жар или озноб у человека — симптом болезни; изменение высоты ртутного столба — показатель изменения атмосферного давления, и т. д. Естеств. причинная связь признака с обозначаемым объектом обуславливает ограниченность функционирования признаков как З.: признаки в о с п р и и м а ю т с я как З. вызвавшей их причины, но обычно они не воспроизводятся в качестве З. этих причин. З.-сигналы — это З. спец. назначения, предупреждающие о наступлении вслед за ними определ. действия (или отказа от него) или извещающие о наличии определ. обстоятельности в целях соответств. ориентировки. Примерами З.-сигналов могут служить: фабричный гудок как З. того, что пора выходить на работу; звонок как З. начала или окончания чего-либо; аплодисменты как З. одобрения и т. п. Свообразным видом З. являются З.-с и м в о л ы. Так наз. З., к-рые в силу заключенного в них наглядного образа используются для выражения нек-рого, часто весьма значительного и отвлеченного, содержания (напр., изображение серпа и молота — символ единства рабочих и крестьян). З.-символы играют существ. роль в культурном, в т. ч. художественном, развитии человечества. Понятие символа в указ. смысле следует отличать от употребления термина «символ» в применении к символич. языкам науки, где этот термин обычно равнозначен термину «З.».

З., входящие в состав языков как средств общения между людьми, наз. З.-о б щ е н и я. Характерная черта языковых З. состоит в том, что они не существуют изолированно друг от друга, а образуют систему взаимосвязанных З., соединяемых по определ. правилам (составляющим грамматику языка), а также в том, что предметное значение (см. ниже) языкового З. более или менее одно и то же для всех людей, владеющих данным языком и правильно использующих данный З. Знаки общения делятся на З. естеств. языков и З. искусств. знаковых систем — искусственных языков. Естеств. языки выполняют осн. роль в общении людей друг с другом; З. естеств. языков (прежде всего, слова, грамматически правильно построенные выражения, предложения и т. д.) состоят как из звуковых З., так и из соответствующих этим З. рукописных, типографских и иных З. Неязыковые З. играют в этом процессе ведомую роль и обычно употребляются наряду с языковыми З. Языковые З. могут существовать и на основе иных материальных явлений, чем З. обычных разговорных или письменных языков. Примером может быть язык глухонемых (в к-ром отд. З. строятся в виде комбинаций и последовательностей комбинаций положений пальцев), письменный язык слепых (знаки к-рого образуются посредством наколок на бумаге) и др. В качестве языковых З. могут также использоваться удары барабана, сигналы, подаваемые флагами, последовательности точек и тире или кратких и долгих звуков (телеграфный код) и т. д. Развитие науки привело к введению в естеств. языки специальных графич. З., используемых для сокращенного выражения научных понятий и суждений и способов оперирования с рассматриваемыми в науке объектами (таковы, напр., З. математические и химические и др. символы). Из З. такого рода часто строятся искусств. языки. Среди З. искусств. знаковых систем можно выделить: З. кодовых систем, предназначенных для кодирования обычной речи или для перекодирования уже закодированных сообщений (напр., азбука Морзе; коды, используемые при составлении программ для вычислитель. устройств); З. формул, используемые в науках (в том числе З. формальных логич. систем; знаки информационно-логич. языков, используемых при составлении про-

грамм для информационно-логич. машин); З. для моделирования непрерывных процессов (напр., кривые, отображающие непрерывные изменения, происходящие в к.-л. объектах); З. сигнализации (поскольку они входят в нек-рую систему З.-сигналов, напр. в систему сигнализации уличного движения).

А. Ветров, Д. Горский. Москва. Л. Реликов. Ленинград.

Предметное, смысловое и экспрессивное значение знака. З. представляет собой явление, к-рое находится в определ. отношениях: (1) к к.-л. конкретному или абстрактному объекту, (2) к образу этого объекта в сознании человека и (3) к чувствам и желаниям лица, использующего (прежде всего, воспринимающего или воспроизводящего) З. О З. говорят, что он о б о з н а ч а е т данный объект (объект, обозначаемый З., наз. п р е д м е т н ы м з н а ч е н и е м З.) и выражает свое смысловое и экспрессивное значение.

Отношение между З. и его предметным значением (наз. отношением обозначения, или отношением именования) отличается тем, что хотя различные З. могут иметь одинаковое предметное значение, каждый З. должен иметь одно и только одно такое значение. Это последнее условие соблюдается иногда лишь в след. смысле: один и тот же З., рассматриваемый в отвлечении от ситуаций, в к-рых он применяется, имеет более чем одно предметное значение, но употребляется он обычно лишь в таких знаковых ситуациях, в к-рых непосредственно ясно, какое из различных возможных его предметных значений имеется в виду в данном случае. То, каково предметное значение З., определяется прежде всего его смысловым значением (и, в меньшей мере, — знаковой ситуацией). Однако это не значит, что всякий З. обозначает нек-рый предмет; существуют З., имеющие вполне определ. смысловое значение, но не обозначающие никакого предмета, во всяком случае никакого реального предмета; примером такого З. может быть языковое выражение «русалка». В науке очень важное значение имеют З., обозначающие идеализированные абстрактные объекты (см. *Идеализация*).

Смысловое значение З. — это его свойство представлять, фиксировать определ. стороны, черты, характеристики обозначаемого объекта, определяющее область приложения З.; это то, что понимает под З. человек, производящий или воспринимающий З. В самом широком смысле, смысловым значением З. можно считать чувственно-наглядный или мысленный образ предмета. В простейших случаях в качестве смыслового значения З. выступает связанное с ним единичное или общее представление. В более сложных случаях (особенно в науке) смысловое значение З. принимает форму понятия. Понятия образуют тот вид смыслового значения, к-рый возникает лишь на достаточно высокой степени развития мышления и непосредственно связан с употреблением языковых З. (хотя, конечно, не каждый языковый З. обязательно имеет нек-рое понятие в качестве своего смыслового значения). З. общения может употребляться в одном и том же предметном значении, но в различных смыслах, что бывает тогда, когда с данным З. связывают различные понятия или существенно различные представления (напр., слово «вода» имеет одно и то же предметное значение, когда со звуковым комплексом «вода» связывается и отличит. свойство «иметь удельный вес, равный единице», и отличит. свойство «быть веществом, молекула к-рого состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода», но различный смысл).

В логике (где З. рассматриваются в отвлечении от их отношения к лицам, их использующим, и от конкретной ситуации, в к-рой это использование происходит) под смысловым значением (*смыслом*) З. часто понимают тот способ, каким данный З. связан с обозначаемым им объектом, т. е. способ, каким за

З. закреплено его предметное значение; в случае т. н. сложных З. (т. е. З., образовавшихся из частей, в свою очередь являющихся З. со своим собств. смысловым значением) при этом подходе смысловое значение видят в том способе, каким данный сложный З. составлен из более простых З.

Под экспрессивным значением З. понимаются выражаемые с помощью данного З. (при его использовании в данном контексте др. З. и в данной ситуации) чувства и желания человека, употребляющего З. Напр., тон, каким произносится данное выражение, способ его произнесения — громко или шепотом — все это может указывать на радость, удивление и др. эмоции говорящего. З. естеств. языков различны с т. зр. роли в них экспрессивного значения. Если устный язык весьма экспрессивен, то в письменном научном языке подавляющее большинство З. вообще лишено экспрессивного значения. С др. стороны, существуют языковые З., строго говоря не имеющие никакого др. значения, кроме экспрессивного, напр. междометия (впрочем, их можно рассматривать как З., предметное и экспрессивное значение к-рых совпадает).

Если материальный объект употребляется в качестве З., он всегда обозначает для этого лица некий предмет, к-рым может быть вещь или процесс реального мира, отношение между предметами или их свойства, абстрактный объект, образ воображения или переживание человека. Однако для человека, воспринимающего З., последний может и не иметь предметного значения (хотя, конечно, обязательно имеет некое смысловое значение, иначе он вообще не воспринимался бы как З.). Понимание смысла З. связано с владением тем языком, в состав к-рого входит этот З. Для человека, знающего соответств. язык, языковые З. обладают смысловым значением независимо от того, имеют ли они в той или иной конкретной ситуации предметное значение или нет.

Отношение между З. и обозначаемым им предметом, отношение между З. и его смыслом, а также отношение между З. и выражаемым им экспрессивным значением не являются, строго говоря, двучленными отношениями. Так, отношение обозначения предполагает след. члены отношения: данный З.; его предметное значение; лицо (или лица), принимающее участие в соответств. знаковой ситуации; совокупность условий, в к-рых применяется З. (включая контекст др. З., в к-ром был употреблен данный З.), а для языковых З. — также и тот (естеств. или искусств.) язык, в состав З. к-рого входит рассматриваемый З. Зависимость от контекста, языка и лиц, употребляющих З., существует и для отношений между З. и его смысловым значением, между З. и его экспрессивным значением.

В. Бирюков, Д. Горский, А. Ветров. Москва.

Роль знаков в познании. Использование З. в процессе познания и общения людей существенно связано с некоторыми их характерными свойствами. Важнейшим из них является обобщенный характер З., состоящий в том, что З. может употребляться в различных ситуациях, различными людьми, обозначает фактически различные (хотя обязательно однородные, в том или ином отношении) предметы или один и тот же предмет, но рассматриваемый в различное время. В наиболее развитой форме обобщение присуще языковым З. Др. важным свойством З. является их относит. неизменность, жесткость, позволяющая производить в отношении них акты различения и отождествления и рассматривать данные материальные образования в качестве одного и того же З. Материальное явление, отличающееся текучим, подвижным характером в такой мере, что это препятствует его опознаванию людьми, не может быть использовано в качестве З. Рассмотрение определ. З., — к-рые всегда, по существу,

различны, хотя бы уже потому, что, напр., употребляются в различных знаковых ситуациях, в разное время, разными людьми, встречаются в разных местах текста и т. п. — в качестве одинаковых З. порождает понятие об абстрактных З. Абстрактный З. — это З., рассматриваемый с точностью до одинаковости. На конкретные З., т. е. З., применяемые в конкретных знаковых ситуациях, следует при этом смотреть как на представителей тех или иных абстрактных З. Напр., из четырех конкретных З.: &, &, v, v, первые два конкретных З. в логике обычно считаются представителями одного и того же абстрактного З., наз. З. конъюнкции, а два др. конкретных З. — представителями др. абстрактного З. — знака дизъюнкции. Два абстрактных З. тождественны тогда и только тогда, когда их конкретные представители одинаковы. Конкретные и абстрактные З. различал уже Аристотель.

А. А. Марков в связи с разработкой теории алгоритмов также вводит понятие абстрактного З. и его конкретных представителей (в применении к буквам и словам, понимаемым в том обобщенном смысле, какой принят в логике и теории алгоритмов). Понятия тождества (одинаковости) и различия конкретных З. (и соответствующие им понятия тождества и различия абстрактных З.) относительно в том смысле, что зависят от (явно или неявно) принятых правил отождествления З. Так, напр., на основе часто применяемых в логике соглашений конкретный З. « $\rightarrow$ » (точка) считается одинаковым с двумя приведенными выше конкретными З. — представителями абстрактного З. конъюнкции.

Человеч. рассуждения, во всяком случае в более или менее развитых формах, неотделимы от использования З. того или иного рода. Совокупности З. (из к.-л. систем З.) составляют ту материальную форму, в к-рой осуществляется (иногда весьма длительное) хранение различного рода информации, приобретенной людьми; так, зафиксированные с помощью письменности сообщения передаются от поколения к поколению, служат средством накопления знаний всего общества. Применение З. и систем З., в частности, использование, наряду со З. естеств. языков, знаков спец. характера и искусственных знаковых систем, напр., формализованных и машинных языков, позволяет людям производить весьма сложные преобразования информации, — осуществлять логич. выводы, строить доказательства, выдвигать и проверять гипотезы, и т. п.; фиксация сообщений с помощью З. обуславливает возможность передачи сообщений по различным технич. каналам связи, а также возможность обработки и преобразования этих сообщений с помощью автоматич. устройств (информационно-логич. и вычислительных машин, управляющих систем и т. п.).

Развитие и совершенствование знаковых систем определяется потребностями развития науки и обществ. практики. Употребление спец. символики и особенно создание искусств. систем формул создает большие преимущества для наук. Употребление З., используемых в формулах, дает возможность в сокращенной форме фиксировать соотношения между изучаемыми предметами; добиваться однозначности используемых терминов; фиксировать такие понятия, для к-рых в обычном языке вообще не существует словесных выражений. В формулах зачастую выражается и готовый результат и одновременно тот путь, следуя к-рому можно получить этот результат. Употребление формул носит международный характер, что облегчает обмен научной информацией. Искусств. знаковые системы часто играют в познании и общении людей сугубо вспомогательную роль. Однако в др. случаях они приобретают большое и самостоятельное научное и практич. значение. Примером

могут служить активно разрабатываемые в настоящее время искусств. языки-посредники, используемые при автоматич. переводе с одного языка на другой, математич. и логич. исчисления и пр. Искусственные знаковые системы являются дальнейшим развитием и совершенствованием естеств. языков и существуют лишь на их основе.

Изучение З. (и более широко, сигналов вообще), при к-ром принимается во внимание организм или организмы, участвующие в знаковой ситуации, а также сама эта ситуация, входит в область прагматики как одной из частей семиотики. Исследование З. в отвлечении от знаковых ситуаций и лиц, принимающих в них участие, составляет задачу логич. *семиотики*; наконец, исследование З. только с т. зр. их отношения др. к другу, т. е. в отвлечении также и от их предметного значения и заключенного в них смысла, составляет задачу синтаксич. исследования З.

С рассмотрением З. связаны различные философские, логич. и социальнo-психологич. вопросы, приобретающие особую актуальность в связи с развитием кибернетики, математич. лингвистики, внедрением математич. методов в такие науки как экономика, социология, психология и др.

К их числу относятся проблемы, связанные с различением и отождествлением З., с понятиями осмысленности и значения языковых выражений, с отношением синонимии З., со способами образования сложных знаков из более простых.

Другой круг проблем связан с совершенствованием и унификацией научной терминологии и номенклатуры; с созданием международных искусств. языков, облегчающих обмен информацией в области науки; с выяснением принципов наиболее эффективного использования З. в распространении знаний, пропаганде, в рекламе и т. п. Важное значение имеет выяснение роли З. в организации человек. поведения (напр., в процессе воспитания и обучения). К числу проблем, связанных с теорией З., относятся также выяснение роли символич. образов в литературе и изобразит. искусстве (см. *Символ*). См. также *Значение, Имя, Исчисление, Количество*. О специфике языковых З. см. *Язык*. О понятиях букв, к-ва, слова, алфавита в символич. логике см. *Слово*. В. Вирюков, Д. Горский. Москва.

Знак и образ. Понятие З. следует отличать от гносеологич. понятия *образа*. Отношение отдельно взятого З. к обозначаемому предмету (исключая З. нек-рых видов, напр. З.-признаки и З.-копии) носит условный характер: нек-рое сочетание звуков (или букв, фигур, цветовых пятен, движений и т. п.) поставлено в соответствие обозначаемым предметам; сходства З. с предметом при этом не предполагается. В отличие от этого, образ предполагает сходство с объектом. Поэтому диалектич. материализм решительно выступает против *иероглифов теории*, истолковывающей чувственные восприятия как З. внешних явлений, не имеющих с последними никакого сходства. Решительно отвергает марксизм и субъективистский тезис *эмпириокритицизма, неопозитивизма и прагматизма* о том, что понятия — это, будто бы, лишь З. для вещей как комплексов ощущений. В понятии образа диалектико-материалистич. теории отражения выражается то, что ощущения, представления, понятия, суждения людей суть отображения действительности. Многие совр. идеалистич. направления рассматривают значения З. как произвольные (в смысле: не детерминированные объективной действительностью) конструкции, посредством к-рых человек, сознание в рамках нек-рой знаковой системы конструирует картину мира. К такого рода извращению познават. роли З. в полной мере относятся слова Ленина, к-рый писал, что против символов «...вообще ничего иметь нельзя. Но, против всякой сим-

волики» надо сказать, что она иногда является „удобным средством обойтись без того, чтобы охватить, указать, оправдать определения понятия“... А именно в этом дело философии» Соч., т. 38, с. 107).

В противоположность идеалистич. истолкованию З. диалектич. материализм утверждает, что З. являются средством отвлеченной и обобщающей отражательной деятельности, осуществляемой в условиях материального производства и общения людей. Условный характер связи З. с тем, что им обозначается, отсутствие сходства З. с предметом создает беспредельные возможности для обобщения предметов, для мысленного выделения, абстрагирования у них общих и существенных свойств и отношений. При этом условность, произвольность связи З. и обозначаемого ограничена рядом обстоятельств, из к-рых, помимо причин технологического (особенности материала, используемого для построения З.), психофизиологического (особенности восприятия и воспронизведения З.) и экономического (затраты труда, связанные с созданием и использованием З.) характера, следует особо выделить зависимость значения вновь вводимых З. от характера той знаковой системы, в к-рую они включаются; дело в том, что вновь устанавливаемая связь З. и предмета обуславливается предшествующими состояниями языка: наличием сложившихся значений слов (и вообще З.), имеющимися правилами построения осмысленных выражений, и т. п. Наиболее общим принципом, определяющим допустимые в знаковых системах способы введения новых З., является требование, чтобы с помощью правильно построенных выражений данной системы З. было возможно изоморфное, в том или ином смысле, отображение свойств и отношений обозначаемых объектов. Именно в силу изоморфного (или гомоморфного, см. *Изоморфизм*) характера представления объектов с помощью знаковых систем, З. оказываются материальной формой выражения мысленных и чувств. образов, в к-рых осуществляется отражение материального мира в сознании человека. Т. о., объективные особенности опред. области предметов действительности определяют, в конечном счете, существенные черты тех материальных образований, к-рые могут быть использованы в качестве знаковых систем для выражения информации об этой области.

Л. Резников. Ленинград.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология* Соч., 2 изд., т. 3; *Архив Маркса и Энгельса*, т. 4, М., 1935; Энгельс Ф., *Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека*, М., 1953; *Его же, Анти-Дюринг*, отд. 1, М., 1957; Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., 4 изд., т. 14, гл. 4, § 6; *Его же, Конспект* Н. Гегеля «Наука логики», там же, т. 38; *Рассел Б.*, *Новейшие работы о началах математики*, пер. с англ., «Новые идеи в математике», сб. 1, СПб., 1913; *Его же, Человеческое познание*, пер. с англ., М., 1957, ч. 3; Кутюра Л., *В защиту логики*, пер. с франц., «Новые идеи в математике», сб. 10, П., 1915; *Марр Н. Я.*, *Избр. работы*, т. 3—4, М.—Л., 1934; *Лейбниц Г.*, *Новые опыты о человеческом разуме*, М., 1936; *Бэкон Ф.*, *Новый Органон*, Л.—М., 1938, с. 35—41; Юшкевич А. П., *Лейбниц и основание исчисления бесконечно малых*, «Успехи матем. наук», т. 3, вып. 1, 1948; *Погодин С. А.*, *Знаки химические*, БСЭ, 2 изд., т. 17; *Вьютский Л. С.*, *Избр. психол. исследования*, М., 1956, гл. 4—5; *Клини С. К.*, *Введение в метаматематику*, пер. с англ., М., 1957, ч. 1—2; *Зевгинцев В. А.*, *История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях*, ч. 1—2, М., 1960; *Чёрч А.*, *Введение в математическую логику*, пер. с англ., [т. 1], М., 1960, Введение; *Резников Л. О.* *О роли знаков в процессе познания*, «Вопр. философии», 1961, № 8; *Его же, Неопозитивистская гносеология и знаковая теория языка*, там же, 1962, № 2; *Coddilla E. B. de*, *Essai sur l'origine des connaissances humaines...*, Amst., 1746; *Его же, La langue des calculs*, P., 1798; *Schröder E.*, *Vorlesungen über die Algebra der Logik*, Bd 1, Lpz., 1890; *Fregе G.*, *Funktion und Begriff*, Jena, 1891; *Его же, Über Sinn und Bedeutung*, «Z. Philos. und philosophische Kritik», Bd 100, 1892; *Russel B.*, *Introduction to mathematical philosophy*, L., 1919; *Sapir E.*, *Language*, N. Y., 1921; *Cassirer E.*, *Philosophie der symbolischen Formen*, Bd 1, B., 1923; *Cajori F.*, *A history of mathematical notations*, v. 1—2, Chi., 1928—29; *Cranston J. A.*, *Symbols and formulae in chemistry*, L., 1928 (совм. с R. M. Caven); *Вло-*

field L., Language, N. Y., [1933]; Bühler K., Sprachtheorie, Jena, 1934; Carnap R., Logische Syntax der Sprache, W., 1934; его же, Introduction to semantics, Camb., 1948; Humboldt W. von, Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues, B., 1935; Morris Ch., Foundation of the theory of signs, в кн.: International enc. of unified science, Chi., 1938, v. 1, № 2; его же, Signs, language and behaviour, N. Y., 1946; B r e n d a l V., Essais de linguistique générale, Copenhague, 1943; Piaget J., La genèse de symbole chez l'enfant, P., 1946; Boole G., An investigation of the laws of thought, N. Y., 1951; Henle P., Kallen H. M., Langer S. K. (eds), Structure, method and meaning, N. Y., 1951; Arens H., Sprachwissenschaft, Freiburg—Münch., [1955]; Bochenski J. M., Formale logik, Freiburg—Münch., 1956; Cherry C., On human communication, N. Y.—L., 1957; Greenwood D., Truth and meaning, N. Y., 1957; Kotarbińska J., The concept of sign, «Studia Logica», 1957, № 6; Osgood Ch. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H., The measurement of meaning, Urbana, 1957; Martin R., Truth and denotation, L., 1958; Brower R. A. (ed.), On translation, Camb., 1959; Schaff A., Wstęp do semantyki, Warsz., 1960; Whittick A., Symbols, signs and their meaning, L., 1960; Albrecht E., Die erkenntnistheoretische Problematik des sprachlichen Zeichens..., «Dtsch. Z. Philos.», 1961, [№] 3; Zeichen und System der Sprache, Bd 1, B., 1961.

ЗНАНЕЦКИЙ (Znanięcki), Флориан Витольд (15 февр. 1882—23 марта 1958) — бурж. социолог, один из основоположников позитивистского эмпиризма в совр. бурж. социологии. Род. в Польше, учился в Варшаве, Женеве, Цюрихе, Париже. До 1-й мировой войны преподавал в Варшаве. В 1917—19 — преподаватель Чикагского ун-та, в 1920—39 — проф. социологии Познаньского ун-та, в 1941 принял гражданство США, с этого же года — проф. Иллинойского ун-та. В 1954 — президент Амер. социологич. об-ва.

Специфич. чертой воззрений З. является попытка объединить в социологии принципы позитивизма с неокантианством и «философией жизни». Его труд «Польский крестьянин в Европе и Америке» («The polish peasant in Europe and America», v. 1—5, 1918—20), написанный вместе с амер. бурж. социологом У. Томасом, характеризуется отказом от выяснения объективных социально-экономич. причин и источников социальных процессов в пользу статистич. описания их внешних проявлений в чертах психологии и поведения людей. Применяв «метод изучения личной документации»: писем, заметок, автобиографий людей и т. д., З. (вместе с Томасом) положил тем самым начало разработке методов сбора и обработки эмпирич. данных. Впоследствии бурж. социологи-позитивисты сводили к этому методологию социологич. исследования.

З. — один из создателей бурж. концепции социологии как «науки о социальном поведении». Он обосновывает взгляд на социологию, как дисциплину, изучающую специфич. сторону обществ. явлений — «социальное» в отличие от «экономического», «политического» и т. д. «Социальное», по З., — это взаимоотношение людей как таковое, акты их сознат. осмысленного поведения. Эта ненаучная т. зр. сыграла большую роль в обосновании господствующей тенденции в совр. бурж. социологии — подмены социологии социальной психологией. В рамках этой тенденции З. пытался преодолеть пороки «социологического позитивизма» (Ландберг, Додд) и, выступая против свойственного этой школе бихевиористского отождествления сознания и поведения, ставил перед социологией задачу изучения форм сознания людей (мотивы, цели, нормы и т. д.) как самостоят. объектов. Однако выдвигая им в качестве основы для изучения сознания людей программа соединения социологии и «наук о культуре» («Науки о культуре» — «Cultural sciences», 1952) сводится к попыткам объединить принципы позитивистского психологизма и аксиологии. Согласно З., гл. задача социологии заключается в выяснении механизма соответствия индивидуальных ценностей и взглядов людей коллективным нормам, руководствуясь к-рыми люди участвуют в тех или иных процессах

обществ. жизни. Эта позиция сближает взгляды З. с бурж. «теорией социального действия», одним из создателей к-рой он был («Социальные действия» — «Social actions», 1936).

Выступая против претензий школы «социологического позитивизма» на создание «естественной науки об обществе» путем переноса в социологию методов точных наук: физики, математики, механики, З. выдвинул идею разработки специфически-социологич. метода. Пытаясь разработать этот метод, З. выступил с эклектич. программой соединения позитивистской «точной методологии» с неокантианским принципом различения «знания факта» и «знания ценности» и «качественным» методом исследования «ценностей», к-рый он рассматривал в духе «вживания», пропагандируемого «философией жизни». Источник социального развития З. видит в изменениях взглядов, «коллективных ценностей», людей. В учении о «социальной организации и дезорганизации» З. антинаучно объяснял природу социальных конфликтов и войн в обществе, сводя причины этих явлений к «распаду единой системы ценностей». Идеалистич. взгляды З. оказали влияние на формирование совр. реакц. «интуитивистской социологии» (П. Сорокин). В последние годы жизни З. положительно отнесся к успехам науки и культуры в народной Польше.

Соч.: Zagadnienie wartości w filozofii, Warsz., 1910; Humanizm i poznanie, Warsz., 1912; Cultural reality, Coli., [1919]; Upadek cywilizacji zachodniej, Poznań, 1921; Wstęp do socjologii, Poznań, 1922; Przedmiot i zagadnienia nauki o wiedzy, в кн.: Nauka polska, t. 5, Warsz., 1925, s. 1—78; The laws of social psychology, Chi., [1925]; Sociologia wychowania, t. 1—2, Warsz., 1928—30; Miasto w świadomości jego obywateli, Poznań, 1931; Ludzie terażniejsi a cywilizacja przyszłości, Lw.—Warsz., [1934]; The method of sociology, N. Y., 1934; The social role of the man of knowledge, N. Y., 1940; Modern nationalities, Urbana, 1952.

Лит.: Беккер Г. и Босков А., Современная социологическая теория..., пер. с англ., М., 1961 (см. Указатель).
Н. Новиков, Москва.

ЗНАЧЕНИЕ — понятие философии, логики, общей теории знаков и науки о языке. Ф и л о с о ф и я рассматривает гносеологич. содержание понятия З. выражений естественных и искусств. языков, исключая из рассмотрения виды З. выражений, не существенные для теории познания (напр., З. выражения как проявление намерений, интересов и т. п.); трактовка З. выражения (и знака вообще) тесно связана с пониманием познават. роли знака.

В истории философии, особенно со 2-й пол. 19 в., сложились различные истолкования понятия З. знака. Согласно одному из них, З. выражения есть предмет, обозначенный этим выражением (Фреге, Куайн, Моррис, Чёрч и др.); этому пониманию З. родственно то, к-рое развивал Пирс, искавший основу З. в области практич. последствий употребления знаков; Бриджмен отождествил З. терминам науки с операциями по исследованию объектов, соответствующих этим терминам, с мыслит. операциями определения научных понятий и с операциями применения терминов; эта трактовка сходна с пониманием З. знака как употребления знака в языке (Витгенштейн) и — в применении к предложениям — как метода проверки истинности последних (Шлик). По иному пути пошли Б. Больцано, Ф. Brentano и Гуссерль, трактовавшие З. как идеальный предмет или как особое (идеальное) свойство мысли о предмете и подчеркивавшие относит. устойчивость З. и их независимость от конкретных актов мышления. Начиная с 30-х гг. 20 в. распространение получает подход к пониманию З., сочетавший трактовку З. как особого рода отношения между знаками, как отношения между знаком и предметом и как отношения между знаком и мыслью о предмете, что было связано с возникшими в это время понятиями о логич. синтаксисе и логич. семантике.

Проблема истолкования понятия З. выражений приобрела ведущую роль в т. н. философии анализа. В рамках этого направления под анализом некоего выражения понимается выявление его З.; при этом анализ мыслится или как эквивалентная замена дефиниции данного понятия др. дефинициями (Шап), или как редукция (сведение) теоретич. предложений к предложениям о «фактах» (Карнап) или в др. формах. Цель выявления З. выражений также понимается по-разному; Мур, напр., считал таковой выявление структуры познания через структуру языка, а Рассел — установление структуры области «фактов»; совр. представители аналитич. философии такой целью обычно считают уточнение (экспликацию) выражений языков и «разъяснение» вообще. Различному пониманию термина «анализ» соответствуют и разные аспекты толкования понятия З.

Аспекты З. языковых выражений, представленные в указанных выше концепциях, на самом деле имеют место, и их изучение — на основе принципов диалектико-материалистич. гносеологии — составляет важную задачу науки. Однако каждый из этих аспектов выступает на видный план лишь в специфич. условиях и сам по себе не является самостоятельным. Идеалистич. интерпретация понятия З. в бурж. философии как раз и связана с метафизич. абсолютизацией отд. аспектов З. Так, отождествление З. языковых выражений с поведенческими (бихевиоризм, прагматизм), физиологическими (физикализм) и лингвистическими (операционализм) реакциями субъекта на воспринимаемый знак, сведение проблемы З. к проблеме т. н. верифицируемости предложений (неопозитивизм) в контексте идеалистич. филос. взглядов (в рамках к-рых такие понятия как «факт», «предмет», «операция» толкуются субъективно-идеалистически) означает субъективизм в понимании З. выражений естеств. и искусств. языков. Это и неудивительно, ибо одностороннее понимание З., напр., чисто операционная его трактовка, не в состоянии показать З. теоретич. и филос. суждений, раскрыть З. художеств. образов и т. п., что открывает дорогу идеалистич. спекуляциям в соответств. областях. Абсолютизация З. как идеального предмета также приводит к субъективно-идеалистич. истолкованиям З. (томизм, феноменология) или же к взгляду, будто понятие З. вообще недоступно анализу, т. к. является некоей мистич. сущностью (Хейдеггер). Непримиимо враждебной материализму является развиваемая неопозитивизмом т. зр., будто проблема З. не имеет отношения к тому или иному решению осн. вопроса философии; на этой же т. зр. стоят, по существу, и представители «философии анализа», видящие задачу анализа З. выражений в устранении филос. проблематики (Остин).

С т. зр. диалектич. материализма, З. выражений естеств. и искусств. языков суть средства отражения объективной реальности в сознании людей; содержание З. выражений языка определено внешним миром. В самом широком смысле З. языкового выражения — это информация о вещах и их свойствах и отношениях, о явлениях и процессах внешнего мира, устанавливаемая и проверяемая в конечном счете практикой. С этим основным содержанием понятия З. связаны др. его аспекты — психологич., формально-логич., операционный и др. З. выражений — это инварианты содержания отражения (в чувств. образах, мыслях, науч. теориях) предметов и явлений действительности у людей, употребляющие языковые и др. знаки. См. также *Знак, Верифицируемость принципов*; об отношении З. слова и понятия см. *Слово, Понятие*.

И. Нарский. Москва.

В логич. семантике под З. понимается объект, сопоставляемый при интерпретации некоего естеств.

или искусств. языка любому его выражению, выступающему в качестве имени. Этим объектом может быть вещь, или предмет, с одной стороны, и понятие или суждение, с другой стороны. В соответствии с этим в логич. семантике принято различать два осн. вида З.: экстенциональное (предмет или класс предметов, обозначаемых данным выражением) и интенциональное (мысленное содержание, или смысл, выражения). Первое относится, по терминологии Куайна, к теории референции (теория, в к-рой рассматриваются вопросы, связанные с понятием истинности выражений и понятием обозначения, см. *Отношение обозначения*), второе — к теории смысла. Пара понятий «обозначаемое» — «смысл» в общем соответствует парам понятий: «означенное» (denotation) и «соозначенное» (connotation) у Дж. С. Милля, «предмет» (Gegenstand), или «значение» (Bedeutung), и «смысл» (Sinn) у Фреге, «экстенционал» (extension) и «интенционал» (intension) у Карнапа, «объем» и «содержание» в традиц. логике. Различие между этими двумя видами З. проявляется прежде всего в том, что замена одного выражения другим, имеющим то же самое экстенциональное З., возможна не во всех контекстах, в к-рых возможна замена одного выражения другим, имеющим то же самое интенциональное З. (см. *Взаимозаменимости отношения*).

В семантике, построенной Карнапом, и формализованной семантике, построенной Гемелом, высказывание о тождестве двух выражений оказывается синтетически истинным, если эти выражения имеют одинаковое экстенциональное З. и аналитически истинным, если они имеют одинаковое интенциональное З. При таком определении оказывается, что все аналитич. предложения имеют один и тот же интенционал, т. е. одинаковый смысл. Но не все выражения, имеющие одинаковый интенционал, взаимозаменимы в косвенных контекстах типа предложений, выражающих мнения (ср. контекст V в ст. *Взаимозаменимости отношения*). Поэтому Карнап вводит еще одно, более узкое, отношение для уточнения понятия «тождества по смыслу» для сложных выражений: отношение интенционального изоморфизма. Интенционально изоморфными являются выражения, одинаковым образом построенные из элементарных выражений, имеющих один и тот же интенционал.

В теории К. И. Льюиса различается четыре вида З.: одно экстенциональное и три интенциональных. Extension (или denotation) термина есть класс всех действительно существующих вещей, к которым применим этот термин; comprehension термина есть класс всех возможных (мыслимых) вещей, к которым применим этот термин; signification термина есть свойство, наличие (отсутствие) которого у предмета определяет применимость (неприменимость) термина к этому предмету; intension термина есть конъюнкция всех терминов, каждый из к-рых применим к любому предмету, к к-рому применим данный термин. Аналогичное различение проводится для предложений и пропозициональных функций. О различных теориях значения см. *Семантика*.

При анализе языков естеств.-науч. теорий возникает вопрос о критерии значимости предложений этих языков, т. е. вопрос о том, при каких условиях предложения в этих языках имеют З. Согласно концепции, наиболее распространенной в совр. логике, предложения естеств.-науч. языка делятся на аналитические и синтетические. Аналитич. предложения и их отрицания — противоречивые предложения — обладают логич. З., т. е. З., выявляемым посредством логич. анализа их строения. Синтетич. предложения обладают эмпирич. З.; предложение считается эмпирически значимым, если указан способ его проверки, т. е. сопоставления его с фактами, подтверждающими или опровергающими теорию.

З. в языке знания — смысловое содержание (смысл) слова данного (естественного) языка. См. *Слово*.

Д. Лахути, В. Фиги. Москва.

Лит.: Гоббс Т., Учение о теле, Избр. соч., М., 1926; Вегинде В. А., Проблема знаковости языка, М., 1956; Гегель Г. В. Ф., Эстетика, М., 1957; Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, М., 1958; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. [с англ.], М., 1959; Локк Дж., Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960; Нарский И. С., Лекции польского философа-марксиста по теории значения, «Вестн. МГУ», 1960, № 1; Гегель Г. В. Ф., Современный позитивизм, М., 1961; Чэрич А., Введение в математическую логику, пер. с англ., [т. 1], М., 1960 (Введение); Бирюков В. В., Теория смысла Готлоба Фреге, в кн.: Применение логики в науке и технике, [М., 1960], с. 502—55; Новое в лингвистике. Сб., вып. 1, М., 1960; то же, вып. 2, М., 1962; Frege G., Über Sinn und Bedeutung, «Z. Philos. und philosophische Kritik», 1892, Bd 100; Weiß H. V., What is meaning?, L., 1903; Russell B., On denoting, «Mind», new ser., 1905, № 58, p. 479—93; Гегель Г.

An inquiry into meaning and truth, L., 1951; Husserl E., Logische Untersuchungen, Bd 1—2, Halle, 1913—21; Schil-ler F. C. S., Russell B., Joachim H. H., Meaning of meaning. (Symposium), «Minds», 1920, № 116, p. 385—414; Brentano F., Über das Sein im uneigentlichen Sinne, abstrakte Namen und Verstandesdinge, в его кн.: Psychologie vom empirischen Standpunkt, Bd 2, Lpz., 1925; Ramsey F. P. and Moore G. E., Facts and propositions, в сб.: Proc. of the Aristot. Soc., Supplementary volumes, v. 7, Oxf., 1927; Heidegger M., Was ist Metaphysik?, Bonn, 1929; Ajdukiewicz K., O znaczeniu wyrazów, Lw., 1931; его же, то же, в сб.: Język i poznanie. Wybór pism, t. 1, Warsz., 1960; Eaton R. M., General logic, N. Y. [a. o.], 1931, ch. 6; Carnap R., Testability and meaning, «Philos. Sci.», 1936, v. 3, № 4, 1937, v. 4, № 1; его же, A reply to Leonard Linsky. (Remarks on paradox of analysis), там же, 1949, № 4; его же, Meaning postulates, «Philos. Studies», 1952, № 5; его же, Meaning and synonymy in natural languages, там же, 1955, № 3; Schlick M., Meaning and verification, в его кн.: Gesammelte Aufsätze, 1926—36, W., 1938; Lewis C. I., The modes of meaning, в сб.: Philos. and Phenomenological Research, 1944, № 4; его же, Analysis of knowledge and valuation, La Salle [Ill.], 1947; Schaff A., Pojęcie i słowo, Łódź, 1946; его же, Wstęp do semantyki, Warsz., 1960; Black M., Language and philosophy, N. Y., 1949; Bridgman P., The logic of modern physics, N. Y., 1949; Hуаквава S. I., Language in thought and action, N. Y., 1949; Partridge, Elements of analytic philosophy, N. Y., 1949; Gardiner A., The theory of speech and language, Oxf., 1951; Hempel C. G., Concept of cognitive significance: a reconsideration, «Amer. Acad. of Arts and Sci. Proceedings», 1951, v. 80, № 1, p. 61—77; его же, Problems and changes in the empiricist criterion of meaning, в сб.: Semantics and the Philos. of Language, Urbana, 1952; Ogden C. K., Richards I. A., The meaning of meaning, L., 1953; Quine W. V., Notes on the theory of reference, в его кн.: From a logical point of view, Camb., 1953; Rapoport A., Operational philosophy, N. Y., 1953; Kemeny J. G., A new approach to semantics, «J. Symb. Logic», 1956, v. 21, № 1—2; Strause, Vom Sinn der Sinne, B., 1956; Urmsou J., Philosophical analysis. Its development between the two world wars, Oxf., 1956; Kotarbinska J., Pojęcie znaku, «Studia Logica», 1957, t. 6; Ryle G., The theory of meaning, в сб.: British Philos. in the Mid-Century, ed. by C. A. Mace, L., 1957; Peirce C. H., How to make our ideas clear, в кн.: Values in a universe of change, Stanford (California), 1958; Ayer A. Y., Meaning and intentionality, в кн.: Atti del Congresso internazionale di filosofia, v. 1, Firenze, 1958; Kokozyńska M., Z marksistowskiej semantyki, «Studia filozoficzne», 1961, № 4 (25); Austin I. L., Sens and sensibilia, Oxf., 1962. См. также лит. при статьях Знак, Имя.

ЗОЛЬГЕР (Solger), Карл Вильгельм Фридрих (28 ноября 1780—25 октября 1819)— нем. философ-идеалист и эстетик-романтик, проф. Франкфуртского (с 1809) и Берлинского (с 1811) ун-тов. От субъективного идеализма в духе Фихте, под влиянием Спинозы, а также Шеллинга, к-рого слушал в Йене, З. эволюционировал к объективному идеализму («Философские беседы» — «Philosophische Gespräche», 1817). Наиболее важны эстетич. сочинения З. — «Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и искусстве» («Erwin; vier Gespräche über das Schöne und die Kunst», Bd 1—2, 1815) и посмертно изданные «Лекции по эстетике» («Vorlesungen über Aesthetik», 1829). З. истолковал в них выдвинутое нем. романтиками понятие романтич. *процесса* в духе объективного идеализма, отождествив его с диалектич. моментом отрицания отрицания. Благодаря этому З. явился одним из предшественников Гегеля, высоко его ценившего и отделившего от субъективно-идеалистич. направления Фихте и Ф. Шлегеля (см. Гегель, Соч., т. 12, с. 72—73). Соч. З. «Эрвин» изучал в студенческие годы К. Маркс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, 1956, с. 12).

Соч.: Nachgelassene Schriften und Briefwechsel, hrsg. von L. Tieck und Fr. V. Raumer, Bd 1—2, Lpz., 1926; The complete correspondence, N. Y., 1933 (сопм. с Tieck).

Лит.: Мемнон (Давыдов И. И.), Разбор сочинения Зольгера..., «Вестн. Европы», 1822, № 13—14; Hegel G. W. F., Über Solgers nachgelassene Schriften und Briefwechsel, в его кн.: Werke, Bd 16, B., 1834; Schmidt R., Solgers Philosophie, B., 1841; Heller J. E., Solgers Philosophie der ironischen Dialektik, Kirchhain, 1928 (Diss.); Boucher M., K. W. F. Solger..., P., 1934. Г. Фриденбер. Ленинград.

ЗОМБАРТ (Sombart), Вернер (19 янв. 1863—18 мая 1941) — нем. бурж. экономист и социолог, ученик Г. Шмоллера. С 1890 — проф. в Вроцлаве (Бреславле). С 1906 — проф. Высшей торговой школы в Берлине, в 1917—31 — Берлинского ун-та. В ранних

работах З. выступал как представитель «... подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма...» (Жени и В. И., Соч., т. 18, с. 51). В дальнейшем он открыто выступил против историч. материализма и экономич. учения Маркса, вел борьбу против социализма. Будучи экономистом эмпирич. школы, З. под влиянием Маркса, но с целью опровержения марксизма, пытался соединить эмпирич. изучение экономики и теоретич. объяснение обществ. жизни. Он разработал концепцию «экономич. системы», считая это понятие основным в своей системе взглядов (см. «Der Bourgeois», Münch.—Lpz., 1913, S. 1—85; «Die drei Nationalökonomien», Münch.—Lpz., 1930, S. 185).

«Экономическая система» — выражение духа общества. Она, согласно З., вызывает к жизни многочисл. экономич. институты, присущие только данной «системе». Период, в к-ром разветвляется и реализуется данная система, З. называл «экономич. эпохой». Считая капитализм «величайшим чудом истории человечества» и отрицая первонач. капиталистич. накопление, З. объяснял развитие капитализма изначальным существованием некоего «капиталистич. духа» в человеке; как только человек преодолевает свое первобытное состояние, он наполняется инстинктивным стремлением к золоту, деньгам, лаживе и непрерывно ищет способы применения своих способностей в активной деятельности. Раскрытие этого духа и породило, по З., капиталистич. общество (см. «Der Bourgeois», S. 1—85). Длительное существование рабовладельч. обществ и образование мировой социалистич. системы в корне опровергают концепцию З.

Развитие общества З. понимал как эволюц. процесс изменения отношений между духовными элементами, образующими обществ. структуру. Революции он рассматривал как случайные и несущ. моменты в развитии общества. Он отрицал существование классов и утверждал, что ни буржуазия, ни пролетариат не составляют якобы единых классов, т. к. внутри этих классов существуют огромные различия в экономич. положении.

В разработанной им социологич. концепции З. рассматривает социологию в широком смысле, как познание жизни людей в обществе, включая и человек. культуру (см. «Neo-Soziologie», B., 1956, S. 2). З. различает филос. социологию, к-рая тождественна философии истории и выходит за рамки опыта, и научную, или социологию в собств. смысле слова, являющуюся «систематической наукой о конкретных формах жизни человеческого общества» (там же). В соответствии с этим З. различал психологическую социологию, рассматривающую психо-биологич. факты — чувства, инстинкты, влечения, как основу человек. культуры, и «социологическую социологию» (от греч. *noos* — разум), рассматривающую духовные факторы культуры — религию, этику, право и т. п. Однако социологич. социология не устанавливает единства культуры, оставляя эту задачу философии (там же, S. 4—8). Произвольно деля, под влиянием Фрейда, основы культуры на биологич. и духовные, З. не видел в материальном произ-ве основу социальной жизни и не сумел объяснить истоки материальной и духовной культуры и действит. роли в ней психологически-биологич. факторов. В работах З. содержится большой фактич. материал. Начиная с 1920-х гг. концепции З. неоднократно использовались реакц. политич. кругами Германии.

Соч.: Technik und Wirtschaft. Dresden, 1901; Das Lebenwerk von Karl Marx. Jena, 1909; Die Juden und das Wirtschaftsleben, Lpz., 1914; Krieg und Kapitalismus, Münch.—Lpz., 1913; Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jena, 1896; 10 изд. под назв.: Der proletarische Sozialismus («Marxismus»), Bd 1—2, Jena, 1924; Die Zukunft des Kapitalismus, B., 1932; Deutscher Sozialismus, B., 1934; Soziologie: was ist und was sein sollte, в сб.: Sitzungsber. d. Preuss. Akad. der Wiss., Phil.—Hist. Klasse. [Bd] 5, B., 1936; Weltanschauung, Wissenschaft

und Wirtschaft, В., 1938; Vom Menschen, В., 1938; в рус. пер.: Социализм и социальное движение в 19 в., СПб, 1902; Художественная промышленность и культура, СПб, [б. г.]; История экономического развития Германии в 19 в., ч. 1—2, СПб, [б. г.]; Почему теперь интересуются вопросами народного хозяйства и социальной политики?, в кн.: Социологические этюды, СПб, 1904; Идеалы социальной политики, СПб, 1906; Современный капитализм, т. 1—2, М., 1903—1905, т. 3, М.—Л., 1930 (т. 1, 2 изд., М.—Л., 1931); Буржуа, М., [1924].

Лит.: Энгельс Ф., Неизвестное письмо Ф. Энгельса В. Зомбарту 11 марта 1895 г., «Вопр. истории КПСС», 1962, № 2; Луначарский А. В., Зомбарт о душе буржуа, в его кн.: Мещанство и индивидуализм, сб. статей, М.—П., 1923, с. 202—23; F e s c h n e r E., Der Begriff der kapitalistischen Geistes bei W. Sombart und M. Weber, Köln, 1929; E n g e l W., Max Webers und Werner Sombarts Lehre von den Wirtschaftsgesetzen, В., 1933; Z i e g e n f u s s W., W. Sombart. Geist, Gesellschaft und Wirtschaft, в сб.: Schmollers Jahrbuch, für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 69 Jahrg, H. 3, В., 1949; Weiprecht G., Werner Sombarts Gestaltidee des Wirtschaftsystems, Göttingen, 1953; Leich H., Die anthropologisch soziologische Methodik bei Karl Marx, Werner Sombart und Max Weber, [Köln], 1957.

П. Араханьян, Б. Григорьян. Москва.

ЗООПСИХОЛОГИЯ — наука, изучающая психич. явления (инстинкты, навыки, эмоции, ощущения, восприятия, представления, память, мышление) у животных. Методол. основой сов. З. является диалект. материализм. Сов. З. изучает психику животных в тесной связи с анализом физиол. механизмов нервной деятельности, разрабатываемым школой И. П. Павлова. Основоположником рус. сравнит. психологии был выдающийся биолог-дарвинист В. А. Вагнер. Сов. З. представляет полную противоположность осужденной В. А. Вагнером и И. П. Павловым зоопсихологии Брема, Ромпса и др. антропоморфистов, к-рые пользовались субъективным методом аналогии и приписывали животным чело. мысли и чувства. Она отвергает и механистич. бихевиористич. направление (Доб, Уотсон и др.) в изучении поведения животных, выключющее анализ психич. процессов и сводящее действия животных к вынужденным автоматич. реакциям организмов на внешние стимулы. В наст. время З. пользуется объективными экспериментально-психол. методами исследования, применяя «естественный эксперимент» и спец. установки и аппараты при изучении поведения животных. Делаются кино- и фотосъемки особенно характерных моментов поведения животных. На кинолентах, фотоснимках, кривых, диаграммах документируются результаты наблюдений над животными и опытов с ними, в протоколах стенографически точно регистрируются реакции животных и производятся качеств. и количеств. анализ полученных фактич. данных. Гл. методики экспериментально-психол. исследования: использование «ящика различия» (Йеркса), «лабиринта», «проблемных клеток», аппаратов для «отсрочки реакций», «выбора на образец», «обходных путей», «употребления орудия» и др. З. привлекает также и различные павловские методики исследования условных рефлексов. В результате изучения поведения представителей животных разных систематич. групп установлено несколько осн. различных по своей психол. природе типов поведения. У простейших, одноклеточных, организмов поведение представляет собой таксисы, т. е. реакции, обусловленные интенсивностью воздействующего стимула и физиологическим состоянием организма; качество стимула простейшие не различают. В поведении многоклеточных беспозвоночных животных, имеющих нервную систему и органы чувств, проявляются инстинктивные формы поведения, т. е. прирожденные, видовые целесообразные реакции организмов. В основе инстинктивной деятельности лежат сложные цепные безусловные рефлексы (см. *Рефлексы*). У более высокоорганизованных беспозвоночных животных (у насекомых) инстинкты пластичны и при постепенном изменении внешних условий способны перестраиваться.

В поведении позвоночных животных имеется сложный переплет инстинктивного, видового опыта особи и индивидуально приобретенного в течение жизни онтогенетич. опыта. В этом поведении безусловно и условнорефлекторные механизмы трудно различимы. У птиц и млекопитающих использование индивидуального опыта значительно более многообразно, чем у рыб, амфибий и рептилий. Млекопитающие способны вырабатывать сложные навыки, научаются (в результате образования условных рефлексов) приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. Выработка у млекопитающих животных полезных для человека навыков путем направленного воздействия на перестройку их поведения в желаемом направлении приобретает огромное значение в практике животноводства: при разведении пушных зверей в питомниках и при дрессировке домашних животных (напр., собак). У высших животных можно обнаружить элементарное мышление (интеллект), выражающееся в приспособит. установлении новых связей и отношений между предметами в новой для животного обстановке. Интеллект высших животных изучался многими сов. учеными. И. П. Павлов и его последователи (М. П. Штодин, Э. Г. Вацуру и др.) исследовали его физиол. механизмы в связи с психол. особенностями. *Ладыгина-Котс*, Н. Ю. Войтонис, Г. З. Рогинский, Н. А. Тих, В. П. Протопопов, А. Е. Хильченко и др. исследовали психол. характеристики интеллекта животных и пришли к заключению, что интеллект животных качественно отличается от мышления человека. Этот вопрос был предметом изучения ряда зарубежных ученых (Л. Хобхауз, Кёлер, Х. Клувер, Йеркс, И. Биренс де Гаан, П. Гиом и И. Мейерсон и др.). Некоторые из них (Кёлер, Йеркс) неправильно отождествляли интеллект животных с мышлением человека. Изучение поведения животных в сравнительно-психол. плане позволяет установить прогрессивное развитие психики животных в филогенезе организмов. Эти исследования непосредственно связаны с важнейшей теоретич. и мировоззренч. задачей З.— выяснением генетич. корней происхождения чело. сознания. Науч., материалистич. З. в решении этой проблемы исходит из эволюц. теории Дарвина, в к-рой, по характеристике Энгельса. «...дана основа для предистории человеческого духа, для прослеживания различных ступеней его развития, начиная от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов и кончая мыслящим мозгом человека. А без этой предистории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом» (*Диалектика природы*, 1955, с. 156). При этом сов. З. понимает возникновение чело. сознания как качеств. скачок по отношению к мышлению высших животных, связанный с возникновением труда и общества. См. *Инстинкт, Мышление, Навык, Психика, Радражимость*.

Лит.: Вагнер В. А., Биологические основания сравнительной психологии, т. 1—2, СПб—М., [1910—13]; его же, Этюды по сравнительной психологии. Возникновение и развитие психологических способностей, вып. 1—10, Л., 1924—29; Северцов А. Н., Эволюция и психика, М., 1922; Брам А., Человеческие обезьяны. [Предисловие и дополнительные статьи Н. Н. Ладыгиной-Котс и К. Неймана], М.—Л., 1924; Пинглер Г., Душевный мир животных, пер. с нем., М., 1925; Лютц К., Психология животных. (Зоопсихология), пер. с нем., [Л.—М.], 1925; Капгаров Д. Н., Современные успехи зоопсихологии, М.—Л., 1928; Шмидт П. Ю., Душевная жизнь животных и ее исследование, М.—Л., 1929; Кёлер В., Исследование интеллекта человекоподобных обезьян, пер. с нем., М., 1930; Ладыгина-Котс Н. Н., Дитя шимпанзе и дитя человека..., М., 1935; ее же, Особенности элементарного мышления животных, «Вопр. философии», 1955, № 3; ее же, Развитие форм отражения в процессе эволюции организмов, там же, 1956, № 4; ее же, Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958; ее же, Работы сов. ученых в области сравнительной психологии, в кн.: Психологическая наука в СССР, т. 2, М., 1960; Боровский В. М., Психическая деятельность животных,

М.—Л., 1936; В а ц у р о Э. Г., Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе), [М.], 1948; е го же, Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, М., 1955; В о й т о н и с Н. Ю., Предистория интеллента, М.—Л., 1949; П а в л о в И. П., Избр. произв., М., 1949; П р о т о п о п о в В. П., Исследование высшей нервной деятельности животных в естественном эксперименте, К., 1950; Ф р о л о в Ю. П., Высшая нервная деятельность (поведение) животных, М., 1953; В о р о н и н Л. Г., Лекции по сравнительной физиологии высшей нервной деятельности, М., 1957; Д е м о в с к и й Я., Психология животных, пер. с польск., М., 1959; Л е о н т ъ е в А. Н., Проблемы развития психики, М., 1959; М а л ы ш е в С. И., Перепончатокрылые, их происхождение и эволюция, М., 1959; С п и р к и н А. Г., Происхождение сознания, М., 1960; К р у ш и н с к и й Л. В., Формирование поведения животных в норме и патологии, М., 1960.

Н. Ладыгина-Котс. Москва.

ЗОРАЯН, Николаос (1821—30 нояб. 1859) — арм. экономист, педагог и публицист. Род. в Константинополе. Во время революц. событий 1848 находился в Париже.

Признавая объективность мира и возможность его познания, З. отстаивал мысль о том, что «все, что имеется в природе, развивается только через противоречия» («Любовь к чтению», Константинополь, 1852, с. 9). Он был противником устаревших феод. порядков и вслед за *Смитом* и Рикардо утверждал, что единств. источником богатства является труд; с освобождением труда «наступит счастливый день, братские узы, как солнечные лучи, рассеют мрак человеконенавистничества, просвещенная заинтересованность станет заменять собой гнусную индивидуалистическую корысть» (там же, с. 163—64). Труд не может быть освобожден до тех пор, пока материальное богатство рассматривается не как средство, а как цель («Сведения о политэкономии», Константинополь, 1849, с. 338). «Из всего того, что существует, — писал З., — самым главным, самым почетным и самым полезным является человек» (там же, с. 178).

Бурж. ограниченность З. проявилась в том, что под трудом он понимал и капиталистич. предпринимательство, а также в защите им частной собственности и бурж. семьи.

Соч. на арм. яз.: О характере национального воспитания, Константинополь, 1848.

Лит.: Г а с п а р я н Г., Николаос Зораян, газ. «Коммунист», Ер., 1959, 12 окт., № 292. Г. Гаспарян. Ереван.

ЗОРГЕ (Sorge), Фридрих Альберт (9 нояб. 1828—26 окт. 1906) — нем. марксист, пропагандист науч. социализма в Америке, деятель междунар. рабочего движения, ученик и соратник Маркса и Энгельса. После поражения Баденского восстания (1849), за участие в к-ром З. был приговорен к смерти, эмигрировал сначала в Швейцарию, затем в Бельгию и, наконец, через Англию в Америку (1852), где стал руководителем ряда прогрессивных орг-ций. В 1852 З. вместе с *Вейдемейером* основал в США «Пролетарскую лигу». Принимал участие в созданном в 1857 в Нью-Йорке «Коммунистическом клубе». В 1866—67 был одним из основателей нью-йоркского «Всеобщего немецкого рабочего союза» — орг-ции с коммунистич. программой, где с позиций науч. социализма успешно боролся с лассальянцами. З. был организатором амер. секции 1-го Интернационала, где выступал против бакунистов. Особенно велики его заслуги как секретаря Генерального совета 1-го Интернационала (избран на Гаагском конгрессе 1872). Ленин называл З. «активным членом американского социалистического движения» (Соч., т. 21, с. 390).

З. был одним из основателей Социалистич. рабочей партии США (1876), боролся с догматизмом и сектантством ее руководителей (Ф. Ван-Паттена, А. Шписа). Опубликованные им в 1891—96 в журн. «Neue Zeit» статьи по вопросам амер. рабочего движения (в рус. пер. собранные в кн.: «Рабочее движение в Соединенных Штатах», СИБ, 1907) пропагандировали марксистские положения о необходимости организации рабочего класса для освобождения от ига капитала, о том,

что социализм имеет свои корни в рабочем движении и не должен отрываться от него.

Обосновывая и пропагандируя материалистич. понимание истории, З. писал, что «... форма мышления и поведение, чувства и желания людей коренятся в их экономическом положении, определяются материальными условиями и от них зависят...» (указ. соч., с. 84—85). З. считал Маркса «человеком, чей проницательный взгляд проникал в наиболее запутанные отношения общественных классов, ...человеком, впервые изобразившем экономическую структуру всего современного общества...» (там же, с. 67), лучшим знатком экономич. и политич. явлений (см. там же, с. 36). Большое значение З. придавал профсоюзам. Подготовленная им к печати переписка с Марксом, Энгельсом и др. (1906, рус. пер. 1907) сыграла большую роль в пропаганде марксизма. Этот труд З. высоко оценил Ленин, как «необходимое дополнение к нашей переводной марксистской литературе» (Соч., т. 12, с. 321).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Письма [1869—1895], Соч., т. 26—29; Меринг Ф., Переписка Зорге, [СИБ, 1907]; е го же, К. Маркс. История его жизни, М., 1957 (см. Указ. имен); Хилквит М., История социализма в Соединенных Штатах, 2 изд., П., 1919; Райский Л. Новейшая история Северо-американских Соединенных штатов, Л., 1930; Фостер У. З., Очерк политической истории Америки, М., 1955 (см. Указ. имен); Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, М., 1955 (см. Указ. имен); М е н г и н г Ф., F. A. Sorge, «Neue Zeit», 1906—1907, Bd 1, № 5. А. Панфилова. Москва.

ЗОРОАСТРИЗМ — древняя религия иранских народов, названная по имени пророка Зороастра (иран. *Заратуштра*). По имени верховного божества Ахурамазды З. называется также *маздеизмом*. Возникнув в первые века 1-го тысячелетия до н. э., З. был распространен на территории Ср. Азии, Ирана, Азербайджана, Афганистана и др. стран. В наст. время исповедуется в Индии парсами, а в Иране (в Кермане и Йезде) — немногочисл. общинами. З. и связанные с ним религ.-филос. системы оказали значит. влияние на развитие *иудаизма*, раннего *христианства*, а также на нек-рые положения др.-греч. философии, *гностицизма*; ряд религ. движений 1-го тысячелетия н. э. — *манейство*, *маздакизм* и др. — имел исходным пунктом идеи, развиваемые в З. Гл. письм. памятник З. — *Авеста*. Для религ. филос. системы З. наиболее характерен *дуализм*, выражающийся в противопоставлении двух вечных абстрактных начал — добра (света) и зла (тьмы).

З., или маздеизм, вырос из древнеиранских мифологич. и религ. представлений, подвергнув их коренному изменению. В индо-иранский период различались два типа богов: дайва — древние антропоморфные натуралистич. боги, и асура (букв. «господин», «владыка», иран. ахура) — боги, обладавшие особой властью морального порядка. В древнеиндийской традиции (уже в поздних гимнах Ригведы) асуры рассматриваются как враждебные человеку; позднее этот термин применяется лишь к злым духам, а собственно богами остаются лишь дайва, дэвы. В маздеизме дэвы становятся враждебными человеку богами, демонами; в их числе Авеста называет таких, к-рые являются гл. богами древних индийцев (Индра и др.). Верховным божеством З. является Ахурамазда («Мудрый владыка»). Все осн. функции божеств. власти связаны, по существу, лишь с ним; он создает небо, землю, человека, дарует власть царю и т. д. Тот, кто следует по праведному пути, получает помощь со стороны Ахурамазды, счастливую жизнь и приобщение к арте по смерти. Дуализм др.-перс. религии выражен в ряде представлений и понятий. Ахурамазда ассоциируется с одним из осн. индо-иранских религ. понятий — «арта», т. е. правдивость, праведность, справедливый порядок, воплощение правды. В др.-перс. надписях, как и в Авесте, в противовес «арта», в соответствии

с системой др.-иран. этнич. дуализма употребляется термин «друдж» — «ложь», воплощение несправедливости, всего несправедливого, морально нечистого. Др.-перс. религия, в которой ярко выражено юридич. начало, тесно связана с укреплением царской и гос. власти. Ранний маздеизм сопутствовал процессу перехода от родоплеменных объединений к созданию крупных гос. образований. Сторонники маздеизма вели упорную борьбу со старой племенной религией давов.

В период существования больших иранских государств маздеизм постепенно отождествляется с З. Религиозная система З. характеризуется сочетанием культа высшего, благого начала с признанием дуализма. В то время как во главе сил добра стоят Ахурамазда (позднее Ормузд) и его дух Спанта-Майнью, силы зла возглавляет враждебное божество, дух-разрушитель Анхра-Майнью (позднее Ариман). Оба духа обладают творческой способностью. Мировой процесс состоит в борьбе двух начал — добра и зла, к-рая проявляется не только в умств. и духовной деятельности, но также в материальных вещах этого мира. Веществ. мир, являющийся ареной борьбы сил добра и зла, был первоначально создан в своей благой части добрым началом с целью победы над злом. На это злой дух ответил контртворением, создав смерть, болезнь, зиму, иссушающий зной и т. д. Человек в З. обладает свободой выбора: он может встать на любую сторону в борьбе добра и зла. Согласно оптимистич. учению З., совместное усилие приверженцев истинной веры приведет к конечной победе сил добра. Обязанностью человека по отношению к добру началу, а также средством достижения индивидуального спасения являются не столько обряды, молитвы и жертвоприношения, сколько справедливый образ жизни, предписанный истинной верой. Осн. орудиями человека в борьбе со злом являются «добрая мысль», «доброе слово», «доброе деяние». В практич. деятельности человека особое значение придается умножению благого материального бытия, созданного благим началом для человека. В гатах это — разведение скота и содействие произрастанию лугов, в «младшей» Авесте — гл. обр. земледелие, ирригация, работы, у совр. парсов — различные виды деятельности (вплоть до капиталистич. предпринимательства), ведущие к увеличению собственности и изобилия. Согласно одному из текстов Авесты (Вендидад III, 30-32), возделывание хлеба наносит ущерб злему началу и продвигает вперед дело добра в такой же мере, как прочтение 10 000 молитв Ясны. З. всегда был чужд аскетизму. «Ни один из тех, кто не ест, не способен к усердному занятию делами праведности, сельским хозяйством, произведением сыновей. Ведь благодаря нище живет весь телесный мир, от голодания он теряет жизнь» (там же, III, 33). З. отвергал кровавые жертвоприношения, признавая лишь почитание огня, рассматривавшегося как выражение божеств. справедливости, арты. З. предвещал скорый приход нового мира, знаменующего собой триумф сил добра.

Учение о ходе мирового процесса и эсхатология получили новое развитие в позднейшем З. Его развитие характеризуется приближением к народным верованиям и обрядам, большей конкретностью понятий и образов. Он включает в себя культ ряда старых богов, мифологич. персонажи и древние обряды, напр. возлияние опьяняющего напитка хаомы (индийское — сома). В среднеперс. лит-ре отражено дальнейшее развитие идей З., причем нек-рые из них определенно восходят к древним иран. представлениям. В их числе — концепция о предсуществовании вещей: в стадии небесного творения уже существовали прообразы всего, что было создано позднее на Земле (быка, человека, светил

и т. д.). Это состояние носит название «менок», «невидимый», букв. «духовный». Развитие мирового процесса разделено на 4 периода по 3 000 лет в каждом. В конце последнего периода появится спаситель, к-рый осуществит окончат. победу добра над злом. При Сасанидах (3—7 вв. н. э.) З., окончательно оформившись в качестве гос. религии, становится воинств. догматич. учением, активно способствовавшим закабалению иран. крестьянства и эксплуатации покоренных народов. После завоевания Ирана арабами З. утратил свое положение гос. религии, но еще в течение двух-трех веков продолжал играть значит. роль. В период проникновения в Иран христианства, а затем ислама в З. отмечается стремление принизить роль злого духа и утвердить монотеистич. начало, но в основном старая концепция была сохранена. Парсы признают, по существу, лишь благого бога Ормузда, Ариман же мыслится лишь как символ, обозначающий дурные тенденции в человеке.

Источники: Авеста—Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen, Übers. von F. Wolff, B., 1924; Древнеперсидские надписи — Kent R. G., Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon, New Haven, 1950; Среднеперсидская зороастрийская литература — см. Pahlavi texts, transl. by E. W. West, [v. 1—5], в серии: «Sacred books of the East», v. V, XVIII, XXIV, XXXVII, XLVII, Oxf., 1880—1897; Собрание сведений античных авторов о др. иранской религии — см. Fontes historiae religionum. Ed. C. Clermont, Fasc. 1 — Fontes historiae religionum Persicae, Bonn, 1920; Fox W. S. and Pembleton R. E. K., Passages in Greek and Latin literature relating to Zoroaster and Zoroastrianism, Bombay, 1928; Veneniste E., The Persian religion according to the chief Greek texts, P., 1929.

Лит.: Струве В. В., Родина Зороастризма, «Сов. востоковедение», 1948, т. 5, с. 5—34; Абаев В. И., Скифский быт и реформа Зороастра, «Arch. Orientalni», 1956, год. 24, с. 1, с. 23—56; Дьяконов И. М., История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э., М.—Л., 1956; Брагинский И., Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956, с. 174—207; Нуберг Н. С., Die Religionen des alten Iran, Lpz., 1938; Bailey H. W., Zoroastrian problems in the ninth-century books. Ratanba Katrak lectures, Oxf., 1943; Dumézil G., Naissance d'archanges. Essai sur la formation de la théologie zoroastrienne, 4 éd., [P., 1945]; Duchesne-Guillemin J., Ormazd et Ahriman, P., 1953; Zaehner R. C., The teachings of the magi, L., [1956]. См. также лит. при ст. Заратустра и Авеста. Э. Грантовский. Москва.

ЗОСИМА Брадаатый — рус. гос. и церк. деятель 15 в. В 1490—94 — митрополит, ставленник великого князя Ивана III. Враг воинствующих церковников. По свидетельству Иосифа Волоцкого, З. принадлежит знаменитая фраза: «А что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых, ничего того несть: умер кто ни то умер, по та места и был». В обстановке подъема реформационно-антифеод. движения Иван III пожертвовал Зосимой. В 1495 З. был лишен сана и сослан в Троице-Сергиевский монастырь. Ему принадлежит «Извещение о пасхалии» (1492), в к-ром впервые сформулирована идея истории «преемства» Москвой всемирного значения Византии, т. е. идея, предвосхищавшая теорию «Москва — третий Рим».

Лит.: Лурье Я. С., Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — нач. XVI в., М.—Л., 1960; Клибанов А. И., Реформационные движения в России в XIV — первой пол. XVI вв., М., 1960 (см. Указ. имен).

ЗУБКУ-КОДРЯНУ, Николае (Николэ Петрович; 1850—31 дек. 1878) — мыслитель и революционер Румынии и Молдавии. Род. в с. Ниспорены (Бессарабия). Будучи (с 1870) студентом Медико-хирургич. академии в Петербурге, участвовал в деятельности народнич. кружков. Преследуемый царской охранкой, уехал в 1874 в Румынию, где занялся организацией революц. кружков.

Мировоззрение З.-К. сформировалось под влиянием идей рус. революц. демократов, нек-рую роль сыграло знакомство З.-К. с трудами Маркса и Энгельса. Революционер и крест. социалист-народник, З.-К. отстаивал идею революции, беспощадно критиковал сторонников социальных реформ. «Капиталистическое общество со своими учреждениями, — писал З.-К., —

подобно червю, которого, чтобы уничтожить, нельзя оставить ни одного кусочка, чтобы он не возродился вновь... Эту истину забывают наши современники, которые хотят временно облегчающими средствами вылечить все болезни общества» (см. «Документы из истории Румынии» — «Documente privind istoria României», v. 1, pt. 1, Buc., p. 510). Исходя из формулы *Ирудона* «собственность — это кража», З.-К. требовал ликвидации частной и установления обществ. собственности («О государстве, собственности и семье», 1880). Он был страстным поборником свободы и дружбы народов.

Материализм в воззрениях З.-К. проявлялся гл. обр. в критике им религии, в разоблачении ее классовых корней и реакц. роли. Социально-экономич. отсталость Молдавии и Румынии 70-х гг., а также влияние философии *Спенсера* помешали З.-К. познать сущность марксистского учения.

С о ч.: Румыния, «Община», Женева, 1878, № 3—4, с. 46—48 (исевд. Н. Драгом); Письма в кн.: *Istoria C. O pagină din socialismul român*, [Buc., 1880]; в рус. пер. в кн.: *Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв.*, М., 1961.

Лит.: Р а д л и - А р б о р е З. К., Николай Петрович Зубку-Кодряну, Женева, 1879 (на молд. яз. см. в кн.: *А р б у р е З.*, *Opere alese*, Кишинэу, 1957); Р о м а н е н к о Н., Николай Зубку-Кодряну, в кн.: *Борьба революционного подполья Молдавии*, Кишинэу, 1958; Р о л л е р М., Nicolai Zubcu Petrovici, Buc., 1946.

Отдел философии АН Молд. ССР.
Ин-т философии Академии РНР.

ЗУЛЬЦЕР (Sulzer), Иоганн Георг (16 окт. 1720—27 февр. 1779) — нем. эстетик и педагог. Род. в Швейцарии, в 1743 переехал в Германию; с 1775 руководил филос. классом Берлинской АН. Во «Всеобщей теории изящных искусств» («Allgemeine Theorie der schönen Künste», Bd 1—2, 1771—74), изложенной в виде ряда статей, помещенных в алфавитном порядке, З. подчеркивал значение *вкуса* и чувства в воздействии иск-ва на человека. По его мнению, иск-во призвано пробуждать чувства истины и добра. З. ратовал за то, чтобы поставить иск-во на службу нравств. воспитания бюргерства; однако он часто переходил к плоскому морализированию, что способствовало неприятию его произведений *Лессингом*, *Гердером* и *Гёте*. Соч. З. оказали влияние на развитие рус. эстетики конца 18—нач. 19 вв.

С о ч.: *Vermischte philosophische Schriften*, Bd 1—2, 2 Aufl., Lpz., 1782—1800; *Lebensbeschreibung*, В.—Stettin, 1809; *Pädagogische Schriften*, Langensalze, 1922; в рус. пер.: *Разговоры о красоте искусства*, СПб, 1777; *О полезном с юношеством чтении древних классических писателей* мнение, М., 1787; *Упражнения к возбуждению внимания и размышления*, СПб, 1801; *Новая теория удовольствий*, пер. с франц., СПб, 1813.

Лит.: М е р н и г Ф., Легенда о Лессинге, в его кн.: *Литературно-критические статьи*, т. 1, М.—Л., 1934; Н е у м Л., *Darstellung und Kritik der ästhetischen Ansichten J. G. Sulzers*, Lpz., 1894 (Diss.); Г р о в К. Я., *Sulzers allgemeine Theorie der schönen Künste*, В., 1905; Л е о J., *J. G. Sulzer und die Entstehung seiner «Allgemeinen Theorie der schönen Künste»*, В., 1907; Т у м а р к и н А., *Der Ästhetiker Johann Georg Sulzer*, Frauenfeld, 1933. *Г.Штумлер*. ГДР.

И

ИБАРРУРИ (Ibaruri), Долорес (р. 9 дек. 1895) — деятель исп. и междунар. рабочего и коммунистического движения. Пред. Коммунистической партии Испании (с 1960).

Род. в семье горняка. В 1917 вступила в Исп. социалистич. рабочую партию (ИСРП) и начала выступать в рабочей прессе под псевдонимом «Пасионария» («Пламенная»). Была одним из организаторов исп. сторонников 3-го Интернационала, а затем — Коммунистич. партии Испании (осн. в апр. 1920). С 1930 — член ЦК, с 1932 — член Политбюро КПИ. В февр. 1936 была избрана депутатом кортесов. С парламентской трибуны И. страстно выступала против угрозы фашизма. С особой силой талант И. как нар. трибуна и партийного руко-

водителя раскрылся в исп. народа против фашистских мятежников и итало-герм. интервентов (1936—39). Избранная ген. секретарем КПИ (1942), И. возглавила борьбу исп. коммунистов против фашистской диктатуры в Испании. Подчеркивая необходимость борьбы за единство рабочего класса, И. подвергла острой критике теоретич. и политич. установки раскольников рабочего класса — правых лидеров ИСРП и анархо-синдикалистского движения. Теоретич. основы анархизма, — писала И., — прямо связаны с бурж. социологич. и филос. теориями («К трудящимся анархистам» — «A los trabajadores anarquistas», 1953).

В отчетном докладе ЦК КПИ, сделанном И. на V съезде партии (1954), дан анализ экономич. и политич. положения Испании и намечена линия борьбы КПИ против фашистской диктатуры, за демократизацию страны, за коренное улучшение условий жизни трудящихся. В докладах И. на пленумах ЦК КПИ в 1956, 1957, 1958 и на VI съезде КПИ (1960) изложены осн. положения политики нац. согласия, выработанной КПИ в 1956 по инициативе И., а также различные вопросы идеологич. работы КПИ. Определяя режим Франко как «фашистскую террористическую диктатуру финансово-помещичьей олигархии» («Пленум ЦК КПИ», М., 1957, с. 7), показывая обострение осн. противоречия совр. Испании — противоречия между франкистской диктатурой и монополиями, с одной стороны, и всеми трудящимися и широкими слоями мелкой и немонополистич. буржуазии, с другой, — И. обосновала возможность «установления единства между пролетариатом и его передовым отрядом — коммунистической партией, и крестьянством, мелкой буржуазией города и даже немонополистической буржуазией для борьбы за свержение диктатуры, за

мирные демократические преобразования в Испании» («Октябрьская социалистическая революция и испанский рабочий класс», М., 1960, с. 102). Это единство в совр. условиях осуществляется в форме политики нац. согласия, направленной к объединению всех испанцев в единую антифранкистскую коалицию. Нац. согласие, говорит И., в том виде, как это было предложено КПИ, не означало бы классового примирения, оно только восстановило бы нарушенные гражд. войной нормальные отношения между гражданами одного гос-ва (см. «Neues Deutschland», 1961, 10.IV).

Большое внимание И. уделяет идеологич. работе КПИ. В кн. «История Коммунистической партии Испании (Краткий курс)» [«Historia del Partido Comunista de España. (Versión abreviada)», 1960, рус. пер. 1961], написанной комиссией ЦК КПИ, возглавляемой И., дан марксистский анализ деятельности КПИ, делаются выводы и обобщения, имеющие актуальное значение для деятельности коммунистов и всех прогрессивных сил Испании. На VI съезде КПИ (январь 1960) И. выступила с докладом «40 лет Коммунистической партии Испании, ее корни, идеологическая основа и деятельность» (рус. пер. 1960), а также с речью «Обращение к молодежи» (рус. пер. 1960). В ней И. изложила осн. положения историч. материализма, конкретизируя их фактами из истории исп. обществ. мысли и совр. положения в Испании, теоретически обосновывая неизбежность свержения франкистской диктатуры и установления демократич. строя. В своих работах И. развивает также вопросы о гегемонии пролетариата в демократич. революции, роли рабочего класса в борьбе с фашизмом, о союзе пролетариата с крестьянством и др. непролет. слоями, о формах перехода к социализму. И. разрабатывает вопросы историч. материализма: о влиянии экономич. структуры общества на политич. надстройку, о соотношении развития экономики и идеологии и др.

И. рассматривает вопросы революц. движения в Испании с позиций пролет. интернационализма, показывает значение Окт. социалистич. революции, успехов СССР и др. социалистич. стран для борьбы трудящихся Испании и всего мира за социализм. Труды и выступления И. играют важную роль в деле идеологич. и политич. воспитания коммунистов и широких масс трудящихся Испании. И. возглавляла делегации КПИ на Совещаниях коммунистич. и рабочих партий в Москве в 1957 и 1960, на XX, XXI и XXII съездах КПСС.

С о ч.: Guerra implacable al fascismo, Moscú, 1941; Articles et discours. 1936—1938, Moscú, 1938; Por la paz, la independencia nacional y la democracia. Informe pronunciado el 25 de oct. de 1951 ante un grupo de dirigentes, [P.], 1951; Aclarando posiciones, Mex., 1952; Informe del Comité Central del Partido Comunista de España al V Congreso, Praga, 1954; Por la reconciliación de los españoles, hacia la democratización de España, в кн.: Informes y resoluciones del Pleno del Comité Central del Partido Comunista de España (Agosto de 1956), Praga, 1956; Informe del Buro Político del Comité Central, в кн.: III Pleno del Comité Central del Partido Comunista de España (Septiembre de 1957), Praga, 1957; Sobre la situación política nacional e internacional. Informe del

Buro Político presentado por Dolores Ibarruri (13—14 Septiembre, 1958), Praga, 1958; в рус. пер. — За единую партию пролетариата Испании. Сокращ. докл. на июньском пленуме ЦК КП Испании 1937 года, [М.], 1937; Речи и статьи. 1936—1938, М., 1938; Испанские пособники гитлеровского разбоя, М., 1944; Испанский народ, режим Франко и международная реакция. Стенограмма..., М., 1946; Рабочее движение Испании и Коммунистический Интернационал, «Новая и новейшая история», 1959, № 2; Коммунистический Интернационал и Народный фронт, «Международная жизнь», 1959, № 2; Единственный путь (Автобиография), М., 1962.

Лит.: Б л а г о с в а С. Д., Долорес Ибаррури. Биографический очерк, [М.], 1938. Г. Коломиец. Москва.

ИБЕРВЕГ (Ueberweg), Фридрих (22 янв. 1826 — 9 июня 1871) — нем. бурж. философ и историк философии. С 1852 преподавал философию в Бонне, с 1862 — проф. в Кёнигсберге. Примыкая к взглядам *Бенке* и *Тренделенбурга*, И. в работе «Система логики и истории логических учений» («System der Logik und Geschichte der logischen Lehren», 1857, 5 Aufl., 1882) занял компромиссную позицию между формальной логикой Канта и диалектич. логикой Гегеля. Придерживался агностич. теории пероголифов (см. *Пероголифов теория*). В последние годы жизни под влиянием *дарвинизма* И. приближался к естеств.-науч. материализму, однако продолжал признавать религию, к-рую считал доказуемой разумом.

И. известен как автор «Очерка истории философии...» («Grundriss der Geschichte der Philosophie...», Т1 1—3, 1862—66; рус. пер. третьей части под назв. «История новой философии...», вып. 1—2, 1890, 2 изд. 1898—99), неоднократно переиздававшегося при его жизни (до третьего издания, 1867—68, Берлин) и после смерти (переработанные и дополненные сначала Хейнце, позднее Гейером и Эстеррейхом, 11—12-е изд., 1923—28, перепечатано в 1951—53). Хотя автор и заявлял, что дает объективное изложение, к-рое должно стать «нейтральной» пищей для филос. размышлений читателя (см. «Grundriss der Geschichte der Philosophie...», Т1 1, В., 1863, S. V), он в действительности проводил в своей книге бурж.-идеалистич. концепцию истории философии. Игнорируя социально-экономич. основы филос. развития, борьбу материализма и идеализма, И. проследивал в истории философии в основном идеалистич. учения, а материализм либо преподносил в идеалистич. обработке (напр., философия *Спинозы*), либо просто игнорировал. Книга изобилует фактами, датами, названиями сочинений, именами. Трудная для чтения, она содержит большой справочный материал. Ленин писал: «Книга носит несколько странный характер: коротенькие §§ с парой слов о содержании учений и длинейшие мелким шрифтом набранные пояснения, на $\frac{3}{4}$ полные имен и названий книг... Нечто unleserliches (неудобочитаемое)!» (Соч., т. 38, с. 37).

Соч.: Die Entwicklung des Bewusstseins durch den Lehrer und Erzieher, В., 1853; Über Idealismus, Realismus und Idealrealismus, «Z. Philos. und philos. Kritik», 1859, Bd 34; Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge Platonischer Schriften..., W., 1861; Schiller als Historiker und Philosoph, Lpz., 1884.

Лит.: Ланге Ф. А., История материализма и критика его значения в настоящем, т. 2, К.—Х., 1900; Ланге Ф. А., Friedrich Ueberweg, В., 1871; Грасх М., Die Welt- und Lebensanschauung Friedrich Ueberweg's in seinen gesammelten philosophisch-kritischen Abhandlungen, Lpz., 1889; Вегер Н., Wege zum Realismus und die Philosophie der Gegenwart, Bonn, 1959. Ц. Араваньян, А. Мысличенко. Москва.

ИБН АЛЬ-АРАБИ, или Ибн Араби Абу Бекр Мухаммед ибн Али Мухиддин (28 июля 1165 — окт. 1240), — арабский мыслитель и поэт, один из наиболее влиятельных представителей ср.-век. *суфизма*. Род. и получил образование в Андалусии (Испания), предпринял путешествие в страны мусульм. Востока, побывал в Каире, Дамаске, Багдаде, Копье, где познакомился с известными учеными и мыслителями. И. а.-А. поселился в Дамаске, где и умер. Филос. мировоззрение И. а.-А. носило пантеистич. характер. Он учил о единой сущности всех вещей, к-рые, по его мнению, являются выражением божеств. субстанции,

отрицал тақлид, т. е. поклонение общепризнанным авторитетам, считал различные религии равноценными. В то же время как суфий, И. а.-А. признавал, что возможно постижение божества в виде высшей, абс. истины и что такое постижение осуществляется с помощью внутр. озарения. Его гл. труд в неск. томах «Аль-Футухат аль-маккийя» содержит систему мистич. познания. Вопросы этики посвящено рассуждение «Китаб аль-мусамарат ва-ль-мухадарат».

Соч.: Фусус аль-хикм (Драгоценные камни мудрости), Каир, 1912; Kleinere Schriften... hrsg. und mit Einl. und Komm. versehen... von H. S. Nyberg, Leiden, 1919.

Лит.: Asín Palacios M., La psicología según Mohidin Abenarabi, в кн.: Actes du XIV Congrès international des orientalistes Alger 1905, pt. 3, P., 1907, p. 79—191; его же, El místico muricano Abenarabi, v. 1—4, Md, 1925—28; Nicholson R. A., Studies in Islamic Mysticism, Camb., 1921; Rıza Tevfik Bölükbaşı, Felsefe dersleri, İstanbul, 1333 г. х.; Arberrry A. J., Sufism. An account of the mystics of Islam, L., [1956]; Landau R., The philosophy of Ibn Arabi, N. Y., [1959]. А. Закуев. Баку.

ИБН АЛЬ-МУКАФФА АБДАЛЛАХ (724—760) — арабоязычный ученый, философ-вольнодумец. По происхождению перс. Переводил на араб. яз. произведения др.-греч. философов (в т. ч. «Категории» и «Аналитики» Аристотеля), а также др.-иран. и др.-инд. авторов: «Калила и Димна», «Книга царей» («Ходай-наме»), «Уставная книга» («Айин-наме») и «Маздак». Написал ряд произведений, в т. ч. «Наставление для великих дел» («Аль-адаб аль-кабир») и «Наставление для малых дел» («Аль-адаб ас-сагир»).

И. а.-М. А., приняв ислам, не отказался от зороастрийских представлений, иногда проявлял пренебрежит. отношение к исламу и, в частности, к Корану. За это (а возможно и за оппозиц. отношение к араб. властям) был казнен (четвертован) по приказу халифа аль-Мансура.

Лит.: Аль-Фохури, Ханна, История араб. литературы, [пер. с араб.], М., 1959, с. 334—63. А. Закуев. Баку.

ИБН АР-РАВАНДИ, Абу-ль-Хусейн Ахмед ибн Яхья (ок. 827—864) — философ-вольнодумец, родом из Равада (близ Исфахана, Иран). И. а.-Р. получил образование в Багдаде. Знал др.-греч. и свр. философию. Сначала примыкал к *мутазилитам*, затем обнаружил склонность к шиизму и, наконец, приблизился к атеизму. В своих соч. И. а.-Р. доказывал вечность мира («Китаб-ат-тадж» — «Корона»), проявлял колебания в вопросе о существовании бога («Аз-Зумрудат» — «Изумруд»; «Ад-Дамп» — «Выливающиеся слезы»), выступал против *ислама* («Албасират» — «Проницательность»), не признавал боговдохновенности *Корана*, к-рый рассматривал как произведение, противоречащее доводам разума и не вполне совершенное в лит. отношении. Отрицал возможность пророчеств и пророч. миссию *Мухаммеда*. А. Закуев. Баку.

ИБН БАДЖА [наст. имя — Абу Бекр Мухаммед ибн Яхья; латинизированное — А в е м п а с, или А в е н п а д е (Avenpace, Avenpase)] (р. в конце 11 в. — ум. 1138) — араб. врач, поэт, математик и философ, положивший начало араб.-исп. рационализму. Род. в Сарагосе (Испания), жил в Севилье, затем занимал важные правительств. посты в Гранаде и Сарагосе. Переехал в берберийское гос-во Альморавидов (Марокко), где подвергался гонениям за свои филос. взгляды.

И. Б. комментировал соч. Аристотеля по физике и метеорологии. Осн. филос. соч. И. Б. — «Руководство одинокого» или «Образ жизни отшельника» («Тадбир аль-мутаваххид»). В этом соч. И. Б. выступал против религ.-мистич. философии *Газали*, в защиту науки и философии, утверждая, что высшее познание осуществляется разумом. И. Б. указывал, что совершенствование общества осуществляется через духовное самосовершенствование человека. В обществе, состоящем из совершенных людей, не будет ни раздоров, ни необходимости в правосудии, потому что его граждане

будут мудрыми и будут руководствоваться разумной любовью друг к другу.

И. Б. был обвинен мусульм. духовенством в ереси и отравлен, а его произведения сожжены. Сохранилось лишь неск. трактатов (в т. ч. опубл. А. Палаціо-сом на араб. и исп. яз. в «Al-Andalus», 1942; «Книга о душе», опубл. М. С. Х. аль-Масуми в Дамаске в 1960, частичный пер. к-рой на рус. яз. см. в кн.: Избр. произв. мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв., М., 1961) и небольшой отрывок из произведения «Руководство одинокого» в др.-евр. переводе. Его соч. оказали воздействие на арабо-исп. и евр. философов (*Ибн Туфейля, Ибн Рошда, Моисей Нарбонского*) и на зап.-европ. ср.-век. мыслителей (*Альберта фон Большетта, Фому Аквинского*).

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 439, 445, 454; История философии, т. 1, М., 1957, с. 229—30; Трахтеберг О. В., Очерки по истории западно-европейской средневековой философии, М., 1957, с. 56, 62, 63; Григорян С. И., Великие мыслители Арабского Востока, М., 1960; Stöckl A., Geschichte der Philosophie des Mittelalters, Bd 2, Mainz, 1865; Asín Palacios M., El filósofo zaragozano Avempace, «Rev. de Aragón», 1900—1901, v. 1—2; Ueberweg F., Grundriss der Geschichte der Philosophie, 13rd ed., 11 Aufl., B., 1928, S. 312, 722; Farrukh O. A., Ibn Bajja and the philosophy in the Moslem West, Beirut, 1945; Dunlop D. M., Ibn Bajjah's Tadbir al-Mutawahhid (Rule of the solitary), [ed. and transl.], J. Roy. Asiatic Soc., 1945, pt 1—2; Munk S., Mélanges de philosophie juive et arabe, nouv. éd., P., 1955; Мирас-е-ислам (Наследие ислама), Тегеран, 1947.

С. Григорян. Москва.

ИБН ГЕБИРОЛЬ, Соломон [латинизированное — Авичеброн, Avicembrol] (р. 1021 или 1022 — ум. 1050 или 1070) — евр. философ. Род. в Малаге, жил в Сарагосе (Испания). Оригинал его гл. соч. «Источник жизни» на араб. яз. не сохранился (лат. пер. «Fons vitae», ed. C. Bäumker, Fasc. 1—3, 1892—95). Утверждая бытие бога, И. Г. сводил происхождение мира к божеств. воле, являющейся творящим началом всего сущего. Принцип божеств. воли И. Г. пытался соединить с неоплатоновской идеей об эманации. Наряду с этим И. Г. разработал оригинальную теорию материи, согласно к-рой универсальная материя, являющаяся основой как телесных, так и духовных вещей, соответственно выступает в форме телесности или в форме духовности. В зависимости от того, в какой степени материя участвует в форме духовности, духовные субстанции занимают высшее или низшее положение, подобно тому, как воздух, чем он тоньше, тем яснее. Теория материи И. Г. привлекла внимание схоластиков: Дунс Скот разделял ее (см. F. Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie, Bd 2, B., 1928, S. 505; A. Frank, Dictionnaire des sciences philosophiques, P., 1875, p. 131), Фома Аквинский опровергал («Об отвлеченных субстанциях» — «De substantiis separatis», гл. V—VIII). Дж. Вруно истолковывал теорию И. Г. в том смысле, что для И. Г. материя является «божественной природой» (см. «Диалоги», М., 1949, с. 226).

Лит.: Трахтеберг О. В., Очерки по истории западно-европейской средневековой философии, М., 1957, с. 84—85; Штёкль А., История средневековой философии, пер. [с нем.], М., 1912, с. 60—64; Kaufmann D., Studien über Salomon Ibn Gabriel, Bdpt — [Fr. M.], 1899; Wittmann M., Zur Stellung Avicembrol's (Ibn Gebriol's) im Entwicklungsgang der arabischen Philosophie, Münster, 1905; Ueberweg F., Grundriss der Geschichte der Philosophie, Tl 2, B., 1928, S. 335—38; Guttman J., Die Philosophie des Judentums, Münch., 1933; Munk S., Mélanges de philosophie juive et arabe, nouv. éd., P., 1955.

А. Рубин. Москва.

ИБН ДАУД, Авраам (р. ок. 1100 — ум. ок. 1180) — евр. философ и историк. Род. в Толедо, умер в Кордове (Испания). В своем гл. произв. «Возвышенная вера» («Аль-акидах аль-рафиях») И. Д., выражая прогрессивные тенденции своего времени, ополчился против неоплатонизма *Ибн Гебиrolя*, защищая аристотелизм, усвоенный им в изложении *Ибн Сины*. Философские взгляды И. Д. противоречивы: материалистич. положения в них сочетаются с при-

знанием религ. догматов. Он отвергал идею антропоморфного бога, но отстаивал библейский миф о сотворении мира из ничего. Стремясь примирить т. н. «Моисеев закон» с перипатетич. философией, И. Д. искал смысл в заповедях торы и отрицал те предписания *иудаизма*, в к-рых не находил разумной основы. Отдав предпочтение аристотелизму в истолковании природы, он, однако, утверждал, что в вопросах этики решающее значение имеют принципы иудаизма. И. Д. отрицал фатализм и разработал учение о свободе человек. воли, согласно к-рому реально существующее множество возможностей определяет собой многообразие волевых актов. Оказал большое влияние на последующих прогрессивных мыслителей средневековья, в частности на *Маймонида*.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 454; Guttman J., Die Religionsphilosophie des Abraham Ibn Daud aus Toledo, Gött., 1879. М. Бельский. Москва.

ИБН РОШД, Абу-ль-Валид Мухаммед ибн Ахмед ибн Мухаммед [латинизированное — Аверроэс (Averroës)] (1126—98) — араб. мыслитель, развивавший материалистич. стороны учения Аристотеля и положивший начало *аверроизму*. Род. в Кордове (Испания), служил кадием (судьей) в Севилье и Кордове, был придворным врачом эмиров Юсуфа и аль-Мансура. За свободомыслие подвергался преследованиям, находился в изгнании, умер в Марокко. Большинство филос. произведений И. Р. представляет собой комментарий к трудам Аристотеля (свободный комментарий, где авторский и комментаторский тексты не разделялись; средний, в к-ром цитировался и комментировался каждый параграф текста; большой комментарий, сохраняющий структуру авторского текста, четко отделенного от комментария. Этот последний тип комментария стал впоследствии традиционным). Важное значение в истории философии имело написанное на араб. яз. соч. И. Р. «Опровержение опровержения» («Тахафут аль-тахафут»; в рус. пер. фрагменты в кн.: Избр. произв. мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв., М., 1961; нем. пер. в кн.: Horten M., Die Hauptlehren des Averroes nach seiner Schrift. Die Widerlegung des Gazali, 1913; англ. пер. — The incoherence of the incoherence, transl. by S. van den Bergh, v. 1—2, L., 1954), направленное против сочинения мистика и реакционера аль-Газали «Опровержение философов». В противоположность религ. учению о сотворении мира богом, И. Р. твердо стоял на той т. зр., что первоматерия (materia prima) несотворима и не может исчезнуть. Признавая бытие бога, И. Р. считал, что оно не предшествует бытию материи, а «совечно» ему и что функция божества — превратить потенциальные, внутренне присущие первоматерии формы в действительные. В этом смысле И. Р. и утверждал, что «творения» нет. Движение столь же вечно и неуничтожимо, как первоматерия. Материальный мир бесконечен во времени, но ограничен в пространстве. Время существует и доступно измерению только благодаря движению. Движение — возникновение, изменение и разрушение — содержится как необходимость в материи. В природе царит строгая необходимость, и утверждения *мутакаллимов* о постоянном вмешательстве бога в дела мира несостоятельны. В таком истолковании бог превращался у И. Р. как бы в «первый двигатель», в сердце космич. организма; бог сам действует по необходимости, а не предписывает ее. Эта концепция представляет собой материалистич. обработку учения Аристотеля, хотя она и сочеталась у И. Р. (как и у нек-рых др. араб. философов) с элементами *неоплатонизма* и вост. религ. традицией: между богом и реальными вещами мира находится ряд промежуточных инстанций (одушевленные небесные тела и т. п.).

В учении о «едином интеллекте» И. Р. выступал как объективный идеалист, но индивидуальную душу он

интерпретировал материалистически. Индивидуальная душа тесно связана с телом; бессмертные души — химера, загробная жизнь — фикция. Бессмертен не отдельный человек, а человек, род в целом. Бессмертен всеобщий разум как воплощение преемств. связи духовной жизни всех человек, поколений, как сверхиндивидуальный интеллект, посредством к-рого человечество в любой момент созерцает абс. истину, по безусловно смертен индивидуальный человек, разум. Для этого последнего совершенно необходима чувственная ступень познания, из данных к-рой интеллект извлекает знание общего. Вступив в явное противоречие с ортодоксальной мусульм. догматикой, И. Р. выдвинул теорию, оправдывающую расхождение филос. и религ. выводов и высвобождающую науку из-под религ.-церк. гнета. В дальнейшем из этой концепции развилась т. н. теория *двойственной истины*. Однако у самого И. Р., в отличие от его последователей — зап.-европ. аверроистов, учение о двойств. истине еще не получило законченного вида, и в его концепции упор сделан не на противоречие между истинами религии и философии, а на различие рациональной религии, до к-рой доходят путем естествознания избранные люди, образованная верхушка общества, и аллегорически-образной религии, к-рую следует внушать народу. И. Р. утверждал, что к совершенству ведет не аскетизм и не мистич. экстаз, а науч.-филос. познание. Опережая свою эпоху, он ратовал за построение справедливого общества, восставал против превращения женщины в рабыню, требовал равноправия женщин и их участия в гос. делах.

Соч. И. Р. дали много материала для развития в Зап. Европе антицерк., атеистич. и материалистич. мысли, выражавшей интересы антифеод. слоев общества. Зап.-европ. аверроизм был открыто опозиционен по отношению к идеологии и догматике католич. церкви — оплоту феод. строя. Помимо филос. работ, И. Р. оставил соч. по вопросам медицины. Зап. Европа познакомилась с И. Р. благодаря Михаилу Скоту в 1-й пол. 13 в.

Соч.: Opera, Venetia, 1550—52; Die Metaphysik des Averroës, nach dem Arabischen übers. und erläutert. v. M. Horten, Halle/S., 1912.

Лит.: Ренан Э., Аверроэс и аверроизм, пер. с франц., К., 1903; История философии, т. 4, [М.], 1940 (по Указат. имен); История философии, т. 4, М., 1957 (по Имен. указат.); Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. средневековой философии, М., 1957 (по Имен. указат.); Вогел Т. J. de, Die Widersprüche der Philosophie nach al-Gazzali und ihr Ausgleich durch Ibn Rosd, Stras., 1894; Gauthier L., La théorie d'Ibn Rochd..., P., 1909; е р о ж е, Ibn Rochd, P., 1948; В о у г е с Р. М., Notes sur les philosophes arabes connus des latin au moyen âge. V — Inventaire des textes arabes d'Averroës, Beyrouth, 1922 (Mélanges de l'Université Saint-Joseph, t. 8, fasc. 1); A l l a r d M., Le rationalisme d'Averroës d'après une étude sur la création, «Bull. d'études orientales», v. 14, 1952—54, Damas, [1955]; А л ь - А к к а д., А б а с М а х м у д, Ибн Рошд, Каир, 1957. Подробную библиографию соч. И. Р. см. в ст. Averroës в «Enciclopedia filosofica», v. 1, Venezia — Roma, 1957.

А. Богоутдинов. Душанбе. [О. Трахтенберг.] Москва.

ИБН СИНА, Абу Али [латинизированное — А в и ц е н а (Avicenna)] (р. около 980 — ум. 18 июня 1037) — философ, врач, естествоиспытатель и поэт народов Ср. Азии. Род. в с. Афшана близ г. Бухары. В Бухаре прошла юность и началась науч. и врачебная деятельность И. С. После падения гос-ва Саманидов И. С. переехал (в 1002) в столицу Хорезма Гургандж (Ургенч), где жил при дворе хорезмшаха. С 1012 И. С. — в Иране, жил в Исфахане и Хамадане, был придворным врачом и визиром (министром) у правителя Хамадана. Похоронен в Хамадане. Предположения нек-рых авторов о том, что И. С. жил в Испании, лишены историч. основания.

Выражая прогрессивные тенденции науки своего времени, И. С. стремился возродить интерес к изучению природы, оживить исследоват. мысль, находившуюся в тисках богословия. Способствуя возрождению

античной филос. мысли, опираясь на философию Аристотеля, используя также элементы неоплатонизма, И. С. критически переработал достижения предшествующей науки и привел совр. ему знания в систему. Важнейшие соч. И. С. («Медицинский канон», ч. 1—5, «Книга исцеления», ч. 1—18 и др.) получили широкую известность на Востоке и в Европе. На родном языке дари (на котором говорили предки совр. тадж. народа) И. С. написал краткую филос. энциклопедию «Книга знания» («Даниш-намэ», 1936—37, рус. пер. 1957). Труды И. С. оказали влияние на последующее развитие как арабоязычной, так и европ. филос. и науч. мысли эпохи феодализма.

Филос. взгляды И. С. противоречивы: материалистич. тенденции сочетались в них с теолог.-идеалистич. положениями. Мир, полагал И. С., возникает путем эманации («истечения») из божества, но не по воле бога, а в силу непреложной необходимости. Бог безличен; мир материален и так же вечен, как и сам бог. «Бытие, — писал И. С. в „Даниш-намэ“, — не имеет границ, оно изначально разделяется на субстанцию и акциденцию». Источник существования субстанции надо искать в ней самой, ибо она есть сущность природы. И. С. утверждал, что «нет абстрактной телесной формы без материи»; «телесная форма содержится в самой материи, и тело образуется из этой материи, оно означает видоизмененные тела и его нельзя объяснить «толчком». «Движение, — писал И. С. в соч. „Наджат“, — это то, что понимается под состоянием тела, когда оно видоизменяется, начиная со склонности, пребывающей в нем; это переход от потенции к действию, который совершается непрерывно, не одним только толчком». Природные явления причинно взаимосвязаны; в мире царит естеств. закономерность. Вопрос о значении органов чувств И. С. решал напивно-материалистически, однако разум он идеалистически отрывал от материального субстрата, а «разумную душу» считал бессмертной.

И. С. создал оригинальную классификацию наук. Все науки он разделил на практические, трактующие проблемы поведения человека, и теоретические, где исследование ведется ради знания. Практич. науки делятся на науку об управлении городами, науку о поведении человека в отношении своего дома, жены, детей и имущества (наука об управлении хозяйством) и науку о самом человеке. В состав теоретич. наук входят «первая» («высшая») наука (учение об абс. бытии), «средняя» наука (математика, астрономия, музыка) и «физика», в к-рую И. С. включил весь круг естеств.-науч. знаний своего времени. Каждую из теоретич. наук И. С. подразделял еще на чистые (или первичные) и прикладные (или вторичные) науки. Напр., к чистой физике он отнес учение о материи, форме, движении, о минералах, растениях, животных и т. д., а к прикладной физике — медицину, астрономию, физиономику, объяснение снов, алхимию и «науку» о волшебстве. Идеалистически переоценная значение «первой» науки, изучающей абс. бытие, И. С. противопоставлял ее др. наукам, изучающим конкретные явления материального мира. Он признавал существование мира идей отдельно от мира вещей.

Развивая и популяризируя логич. учение Аристотеля, И. С. стремился вывести логич. формы из бытия, настаивал на логич. строгости построений и точ-

ных методах доказательства. Он разрабатывал вопросы о единичном и общем, о логич. ошибках, о суждениях (к-рые он разделял на категорические, условно-соединительные и условно-разделительные), о силлогизме и др.

Признавая бога и религию, но расходясь с нек-рыми догмами ислама, И. С. заслужил репутацию вольнодумца; он подвергался преследованиям со стороны реакц. мусульм. духовенства. И. С. выдвигал положение о возможности самостоят., раздельного существования религии и философии, о независимости философии как науки, основанной на достижениях человек. разума. Критикуя рутину и косность, высмеивая духовенство, И. С. требовал установления справедливости, к-рую почитал лучшим украшением человек. поступков.

Крупнейшее из медицинских сочинений И. С. — «Медицинский канон» — в течение 5 веков считалось важнейшим руководством для врачей. В старинных рус. медицинских рукописях имя И. С. встречается наряду с именами Гипократа и Галена. Изучая причины различных заболеваний, И. С. придавал большое значение действию внешних факторов на организм. Развивая медицину, И. С. подверг критике распространенное в ср. века мистич. учение астрологов о влиянии созвездий на судьбу человека, на течение и исход болезни.

И. С. писал на языке дари стихи в форме нар. четверостиший (рубои).
А. Богоутдинов. Душанбе.

Соч.: *Traité mystiques. Texte arabe, publ. par M. A. F. Mehren, fasc. 1—4, Leyden, 1889—99; Die Metaphysik, übers. und erläutert v. M. Horten, Halle/S.,—N. Y., 1907; A treatise of the canon of medicine..., transl. into English by O. C. Gruner, L., 1930; Kitab al-šifā, в кн.: Erlanger R. d., La musique arabe, t. 2, P., 1935; A n a w a t l i G. C., Essai de bibliographie Avicennienne, Le Caire, 1950 (на араб. яз.); Livre des directives et remarques (Kitāb al-šarāṭ wa l-tanbīnāt), P., 1951; в рус. пер. — Канон врачебной науки, кн. 1—5, Таш., 1954—60; Избр. произв. мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв., М., 1961, с. 217—86.*

Лит.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 85—87; История философии, т. 1, М., 1941, с. 441—45; История философии, т. 1, М., 1957, с. 243—45; Якубовский А. Ю., Время Авиценны, «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1938, № 3; Борисов А. Я., Авиценна как врач и философ, там же, № 1—2; Бертельс Е. Э., Авиценна и персидская литература, там же; Факторович П. М., Великий бухарский ученый Ибн-Сина (Авиценна), Самарканд, 1941; Богоутдинов А. М., Выдающийся намятник философской мысли таджикского периода, «Вопр. философии», 1948, № 3; Быховский Б. Э., Философское наследие Ибн-Сины, там же, 1955, № 5; Асмус В., Абу Али Ибн-Сина. [К 1000-летию со дня рождения Авиценны], «Новый мир», 1952, № 6; Семенов А. А., Абу-Али Ибн-Сина (Авиценна), 2 изд., Душанбе, 1953; Ибн-Сина. Материалы научн. сессии АН УзССР, посвящ. 1000-летию юбилею Ибн-Сины, Таш., 1953; Невский В. А., Великий таджикский врач Абу-али Ибн-Сина (Авиценна). Библиография, [Душанбе, 1957]; Григорян С. Н., Великие мыслители Средней Азии, М., 1958; Закуев А. К., Психология Ибн-Сины, Баку, 1958; Смирнова-Ракина В. А., Авиценна (Абу-Али Ибн Сина), М., 1958; Carra de Vaux V., Les grands philosophes. Avicenne, P., 1900; Goichon A.-M., La distinction de l'essence et de l'existence d'après Ibn Sina (Avicenne), P., 1938; e e ж е, La philosophie d'Avicenne. Et son influence en Europe médiévale, P., 1944; Amid M., Essai sur la psychologie d'Avicenne, Gen., 1940; Millenaire d'Avicenne (Abou Ali Ibn Sina), Le Caire, 1951; Winter H. J. J., The life and thought of Avicenna..., Bangalore, 1952; Gardet L., La connaissance mystique chez Ibn Sina et ses pré-supposés philosophiques, La Haye, 1952; Avicenna-scientist and philosopher. A millenary symposium. Ed. by G. M. Wickens, L., 1952; Czerniński A., Avicenna, [2 wyd.], Warsz., 1953; Leu H., Avicenna, V., 1953; Nafisi S., Bibliographie des principaux travaux européens sur Avicenne, Teheran, 1953; Corbin H., Avicenne et le récit visionnaire, t. 1, 2 éd., P., 1954; Avicenna commemoration volume, Calcutta, 1956; Avicenna nella storia della cultura medioevale, Roma, 1957; Avicenne. Le Livre de Science, t. 2, P., 1958; Afnan S. M., Avicenna. His life and works, L., 1958; Coichon A. M., Le récit de Hay ibn Yaqzūn, P., 1959; Bertola E., Studi e problemi di filosofia avicenniana, «Sophia», 1959, v. 27, № 3—4, p. 327—43; Avicenna's de Anima (Arabic text). Being the psychological part of Kitāb al-šifā. Ed. by F. Rahman L., 1959; Duchateau F., Liste des sociétés savantes et littéraires de Belgique, Brux., 1960. Т. Гиммельман. Москва.

ИБН ТУФЕЙЛЬ, Абу Бекр Мухаммед ибн Абд-аль-Малик [латинизированное — Абу Басер (Abubacer)] (р. ок. 1110—ум. 1185)—араб. философ, врач, политич. деятель. Род. в Вади-Аш (в Испании, близ Гранады); находился в дружеских отношениях с *Ибн Рошдом*. В своих трактатах И. Т. явился продолжателем рационалистич. линии арабо-исп. философии, у истоков к-рой стоял *Ибн Баджа* и к-рая представляла собой неоплатонич. обработку аристотелизма. И. Т. соединял аристотелевскую натурфилософию с неоплатонич. концепцией бога, придавая, однако, этому эклектич. учению мусульм. форму.

Наибольший интерес представлял филос. идеи его соч. «Роман о Хайе, сыне Якзана» [рус. пер. 1920; роман был переведен на перс., евр., лат. с араб. текстом (1671), англ. (1686, 1929), голл. (1701), нем. (1726), исп. (1900, 1948), чеш. (1956) языки. Критич. араб. изд. с франц. текстом в пер. Л. Готье (1900 и 1936)], представляющий собой разработку темы «робинзонады» (встречающуюся уже у *Ибн Сины*). В романе показано, как живущий на необитаемом острове человек путем естеств. познания природы и самого себя приходит к тем же истинам, каким учит Коран. Отсюда следовал вывод о том, что к божеству истине независимо друг от друга ведут и религия и философия (см. *Двойственная истина*). Впрочем, сам И. Т. утверждал, что путь разума доступен лишь избранным и что народ следует строго воспитывать в ортодоксальном религ. духе (в романе показано, что попытки Хайя обучить своей «естественной» религии жителей острова не увенчались успехом). Т. о., свободомыслие И. Т. имело аристократич. характер. Сов. историки философии отмечают материалистич. тенденцию в филос. идеях романа И. Т. (гипотеза о происхождении живого из неживого, вечность времени и пространства).

Лит.: Петров Д. К., Одна из испано-арабских проблем, «Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», 1926, т. 2, вып. 1; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 439, 445—46; История философии, т. 1, М., 1957, с. 230—31; Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. средневековой философии, М., 1957, с. 56, 63—64; Gauthier L., Ibn Thofail. A sa vie, ses œuvres, P., 1909; Garcia Gómez E., Un cuento árabe. Fuente común de Abentofail y de Gracián, Md, 1926; e g o ж е, Una casida política inédita de Ibn Tufayl, «Rev. Inst. Egipcio de estudios islámicos», 1953, v. 1; Мирас-е-злам (Наследие ислама), Терапан, 1947.

ИБН ХАЛЬДУН, Абдурахман Абу Зейд (1332—1406) — арабский историк и социолог. Род. в Тунисе, получил разностороннее образование; учился у мусульм. ученых как консервативного, так и прогрессивного, шедшего от *Ибн Рошда*, направлений. Служил в качестве секретаря-каллиграфа (в 1353 или 1354) у султана в Фесе. С 1362 занимал высокие служебные посты у феод. государей в Сев. Африке и в Гранадском гос-ве. В 1382 переехал в Каир, где был преподавателем в школе при аль-Азхаре и др. мечетях; был назначен кади (судьей) маликитского мазхаба и занимал эту должность (с перерывами) до своей смерти. Свой важнейший труд — «Книга примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле» («Китаб аль-ибар ва диван аль-мубтада ва-ль-Хабар фи айям аль-араб ва-ль-аджам ва-ль-барбар») он написал в 1370-х гг. в Тунисе. 1-й т. этого труда занимает «Введение» (по-арабски «Мукаддима»; в рус. пер. фрагменты в кн.: Избр. произв. мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв., М., 1961), в к-ром И. Х. выдвигал требование создания спец. науки о «цивилизации и человеческом обществе», а также о «предметах, которые могут служить к объяснению фактов, связанных с сущностью общества...» (цит. по кн.: Х. Ранпорт, Философия истории..., СПб., 1898, с. 75). Считая, что такая наука принесет громадную пользу, И. Х. полагал, что с ее помощью

люди будут «... в состоянии предвидеть события, могущие случиться в будущем» (там же). В своей историко-социологич. теории И. Х. прослеживал зависимость нравов и обществ. учреждений от образа жизни людей (напр., городского или кочевого), а также подчеркивал значение произ-ва и общения людей для их жизни. «Рука, подчиненная разуму, всегда готова производить предметы искусства. Искусства же вызывают новые орудия, которые заменяют ему те члены, которыми другие животные обладают для своей защиты... Изолированный человек не был-бы в состоянии противостоять силе хотя-бы одного животного... Он был-бы в таком случае абсолютно неспособен защищать себя» (там же, с. 76—77). Большое значение в своем соч. И. Х. придавал влиянию природы на историю человек. общества. Гл. фактор, обуславливающий это влияние, по теории И. Х., — климат: только в странах с умеренным климатом люди способны заниматься культурной деятельностью, а жители юга (т. е. стран, прилегающих к экватору) не имеют побудит. причин для развития культуры, т. к. они не нуждаются ни в прочных жилищах, ни в одежде, а пищу получают от самой природы в готовом виде; жители холодных сев. стран, наоборот, затрачивают всю свою энергию на добывание пищи, изготовление одежды и постройку жилищ; следовательно, они не имеют времени для занятия науками, лит-рой и искусствами. И. Х. излагал также свою теорию историч. циклов, согласно к-рой в странах с умеренным климатом наиболее активной силой истории являются кочевники, обладающие якобы физич. и моральными преимуществами перед оседлым населением, особенно перед горожанами. Поэтому, по И. Х., кочевники периодически завоевывают страны с оседлым населением и образуют обширные империи со своими династиями. Но через 3—4 поколения потомки кочевников-завоевателей в условиях гор. цивилизации утрачивают свои положит. качества; тогда из степей и пустынь появляются новые волны кочевников-завоевателей, и история повторяется.

Несмотря на то что И. Х. стоял на позициях религии и идеализма, считая, что человек есть произведение бога (см. там же, с. 76), огромную историч. значимость имело его стремление установить зависимость жизни людей от географич. и др. материальных (естественных) факторов. Эти стороны его учения оказали большое влияние не только на арабскую, но и на зап.-европ. мысль.

Соч.: Отрывок из «Книги...», посвященный Палестине, в кн.: Медник-ов Н. А., Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов, по арабским источникам, [т. 2, ч. 1], СПб., 1897, с. 628—41 (Православный палестинский сб., т. 17, вып. 2); Autobiographie, в кн.: Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque impériale, t. 19, pt. 1, P., 1863; Histoire des berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale, trad. de l'arabe par de Slane, v. 1—4, nouv. éd., P., 1925—56; Les prolégomènes, trad. par de Slane, t. 1—3, nouv. éd., P., 1934—38; The Muqaddimah. An introd. to history, transl. from the Arabic by F. Rosenthal, v. 1—3, N. Y., [1958].

Лит.: Левин И., Ибн-Халдун — араб. социолог 14 в., «Новый Восток», 1926, № 12; Беляев Е., Историко-социологич. теория Ибн-Халдуна, «Историк-марксист», 1940, № 4—5; Бациева С. М., Историко-философское учение Ибн-Халдуна, «Сов. востоковедение», 1958, № 1; K r e m e r A., Ibn Chaldun und seine Culturgeschichte..., W., 1879; H u s s e i n T a n a, Etude analytique et critique de la philosophie sociale d'Ibn-Khaldoun, [P.], 1917; A y a d M. K., Die Geschichts- und Gesellschaftslehre Ibn Halduns, Stuttgart.—B., 1930; S c h m i d t N., Ibn Khaldun. Historian, sociologist and philosopher, N. Y., 1930; B o u t h o u l G., Ibn Khaldoun. Sa philosophie sociale, P., [1931]; E p a n M. A., Ibn Khaldun. His life and work, Lahore, [1944]; Ibn Khaldun and Tamerlane. Their historic meeting in Damascus A. D. 1401 (803 A. H.)..., with a transl. into Engl. and a comment. by W. J. Fischel, Berkeley—Los Angeles, 1952.

ИБН ЭЗРА, Авраам бен Меир (1092—1167) — евр. философ, ученый и поэт, родом из Толедо (Испания). Долгие годы странствовал по городам Азии, Африки и Европы. Оставил после себя св. 400 произведе-

ний. В гл. соч. «Основа благоговения» («Jéssod mo'a») примвыкал к Ибн Гебирию, защищая идеи неоплатонизма. Один из первых рационалистич. критиков Ветхого завета, И. Э. указал на земное происхождение т. н. Священного писания и на то, что Пятикнижие не могло быть написано Моисеем. Сипоза дал высокую оценку деятельности И. Э., характеризуя его как человека «свободного ума и незаурядной эрудиции» (Избр. произв., т. 2, М., 1957, с. 127; см. также по именному указателю Абен-Эзра). И. Э. известен также как поэт-вольнодумец, творчество к-рого оказало влияние на последующее развитие светской антиклерикальной евр. поэзии.

Лит.: B a c h e r W., Abraham Ibn Esra's Einleitung zu seinem Pentateuch-Commentar..., W., 1876.

ИБРАГИМОВ, Галимджан (13 марта 1887—21 янв. 1938) — татарский писатель-демократ, после 1917 — пропагандист марксизма, активный строитель социалистич. культуры. Организатор перевода сочинений В. И. Ленина на тат. язык, автор трудов по истории революц. движения, атеизму, теории лит-ры и иск-ва. В дооктябрьских сочинениях И., усматривая задачу иск-ва в служении социальному прогрессу и нар. свободе, выступал против религ. мракобесия, за развитие науки, за освоение рус. культуры, осуждал национализм, пантюркизм и панисламизм. В послеоктябрьских трудах И. пропагандировал осн. положения диалектич. и историч. материализма, боролся за ликвидацию религ. суеверий. Отличит. особенностью социалистич. культуры И. считал «динамич. борьбу, классовость, коллективизм, труд и интернационализм», составляющие «краугольные камни политики, движения, философии, всей идеологии пролетариата» (Эдэбит мэсьлэлэрэ, Каз., 1960, с. 177). И. отстаивал гармонич. сочетание интернационального и национального в тат. культуре, призывал деятелей иск-ва «очиститься от буржуазного и мелкобуржуазного хлама... прошикнуться пролетарской идеологией, броситься в среду рабоче-крестьянских масс, черная драгоценные литературные жемчужины из этого моря» (там же, с. 149).

Соч.: Саплагма эсэрлэр, т. 1—3, Каз., 1956—57; Бөек Октябрь революциясе һәм пролетариат диктатурасы, [Каз., 1922]; Эдэбит мэсьлэлэрэ, Каз., 1960; в рус. пер. — Избранное, Каз., 1957.

Лит.: Х а л и л Г., Эдэбит тэнкәйтөбөзнен, югалмас сәхифәләре, «Совет әдәбияты», 1959, № 4; Ф а с с е в К., Олы тәнкәйтөбөзнен ылымгага хезмәтләре, там же, 1960, № 2; Татар совет әдәбияты тарихы, Каз., 1960, с. 287—344.

ИБРЭИЛЯНУ (Ibrăileanu), Гарабет (23 мая 1871—11 марта 1936) — рум. эстетик и лит. критик. Род. в г. Тыргу-Фрумос. После окончания Ясского ун-та (1896) — преподаватель гимназии в г. Баку, затем (с 1908) — в Ясском ун-те (с 1912 — профессор). В первый период деятельности И. поддерживал связь с социалистич. движением в Румынии, написал нек-р. работ («Социальный дарвинизм» — «Darwinismul social», «Critica socială», 1892, №№ 6—8, и др.), в к-рых излагал марксистскую теорию классовой борьбы, прибавочной стоимости, выступал против повинизма, критиковал социальный дарвинизм и мальтузианство. В дальнейшем И. перешел на позиции попоранизма, что отразилось и на его взглядах в области иск-ва. Позднее И. стал антифашистом, другом Сов. Союза.

В эстетике И. во многом следовал Геря-Доброджану; он исходил из того, что произведение иск-ва является отражением действительности, однако художник, по И., не просто копирует действительность, а выбирает из нее, типизирует; этот отбор определяется филос. взглядами художника; поэтому художеств. произведение имеет ярко выраженные этико-социальные тенденции. Критикуя теорию «искусство для искусства», И. писал, что произведения

иск-ва не делятся на две категории: одни с тенденциями, другие — нет; любое произведение иск-ва имеет свою тенденцию («Снова тенденционизм в искусстве» — «Iar tendenționismul în artă!», «Viața Românească», 1915, № 7—9).

И. утверждал, что каждый народ имеет свои характерные черты, к-рые должны найти отражение в лит-ре. Критика иск-ва, рассматриваемая И. как подлинная наука, должна быть многосторонней, исследующей художеств. явления с эстетической, социальной, психологической и других т. зр. Труд И. «Румынские и зарубежные писатели» («Scriitori romîni și străini», 1926), содержащий ряд интересных идей, вместе с тем не был свободен от ошибок, проявившихся вследствие нек-рого влияния Джемса, Тэна, Брюнетьера и др. идеалистов на эстетич. концепцию И. Уступки идеализму проявились в отд. рассуждениях И. о темпераменте как определяющем факторе творчества, в его некритич. отношении к энергетизму и персонализму. В основном же эстетич. идеи И., его борьба за реализм в лит-ре относятся к прогрессивным явлениям в рум. культуре.

С о ч.: Scriitori și curente. Iași, 1909; Note și impresii, Iași, 1920; Spiritul critic în cultura românească, 2 ed., Iași, 1922; Cultura și literatura, Buc., 1936; Studii literare, [Buc.], 1957; Pagini alese, Іv. 1—2], Buc., 1957.

Лит.: В г а т у С., Moștenirea lui G. Ibrăileanu, Buc., [1955]; е г о ж е, Ibrăileanu omul, [Buc.], 1959; D i m a A. I., Concepția despre art. și literatură a lui G. Ibrăileanu, [Buc.], 1955; R a l e a M., Criticul științific G. Ibrăileanu, в его кн.: Pagini alese, Іt. 1, Buc., 1957; P i g u A., Opera lui Ibrăileanu, [Buc.], 1959. И н - т ф и л о с о ф и и А к а д е м и и Р Н Р.

ИВАН ЧЁРНЫЙ — рус. обществ. деятель, представитель реформац. движения 15 в. Служил писцом при дворе великого князя Ивана III. В 80-х гг. 15 в. И. Ч. — участник моск. кружка реформаторов, возглавлявшегося Ф. В. Курицыным. Преследуемый воинствующими церковниками, И. Ч. в 1487 бежал за границу, где вскоре умер. Архиепископ Геннадий добивался от церк. собора 1490 посмертного его осуждения и проклятия. И. Ч. был переписчиком ряда памятников древнерус. письменности, в т. ч. Еллинского летописца второго вида — рус. историко-лит. свода. Из его трудов до нас дошли также библейско-историч. сборник, содержащий исправный текст ряда книг Ветхого Завета, историч. статьи, богословские сочинения, проникнутые религ. индивидуализмом, сочинение против монашества и «Лествица» Иоанна Лествичника, посвященная психологии нравств. самосовершенствования. Еллинский летописец и библейско-историч. сборник содержат приписки, а также многочисл. глоссы И. Ч. Тексты, отмеченные глоссами, служили критике ортодокс. вероучения и церк. ин-тов, обличению социальной неправды, утверждению реформац. идей. В послесловии к Еллинскому летописцу И. Ч. высказал свое понимание христианства как учения, призывающего к любви и братству людей.

Лит.: Л и х а ч е в Д. С., Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века, «Тр. Отд. др.-рус. лит-ры», 1948, т. 6, с. 100—10; К л и б а н о в А. И., Приписка Ивана Черного к «Еллинскому летописцу». Пермские глоссы. Соч. против монашества, в кн.: К а з а к о в а Н. А. и Л у р ь е Я. С., Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века, М.—Л., 1955, с. 277—305; е г о ж е, Книги Ивана Черного, «Исторические зап.», 1958, т. 62, с. 198—244. А. К л и б а н о в. Москва.

ИВАНОВ, Вячеслав Иванович [16(28) марта 1866—16 июля 1949] — рус. поэт-символист, литературовед и теоретик культуры. Учился на филологич. фак-те Московского ун-та (1884—86), затем в Берлине у историка античности Моммзена (1886—91). С 1899—д-р истории; читал лекции в Парижской высшей школе обществ. наук. В 1905 вернулся в Россию. С 1921 — д-р классич. филологии (за книгу «Дионис и прадионисийство», 1923), проф., а затем ректор Бакинского ун-та; одно время был зам. наркома просвещения Азербайджана. В 1924 эмигрировал в Италию, где

принял католичество. Преподавал рус. язык и лит-ру в ун-те г. Павия. Умер в Риме.

Наибольшее влияние на взгляды И. оказали Ницше и Вл. Соловьев своим мистико-религ. учением о «всеединстве сущего». Филос. взгляды И. носят идеалистич. характер. Истинное бытие, по И., — область абсолютного и непреходящего, а мир видимый, мир явлений только символизирует существование этого абс. бытия. Истинной формой познания И. считал «иррациональное», мистич. интуицию, к-рая, по его мнению, позволяет иррационально познать целое и всеобщее. Гносеология И. в значит. степени агностическая, поскольку конечным результатом познания он считал символ, к-рый, по его мнению, «... всегда темен в последней глубине» («По звездам», СПб, 1909, с. 39).

На основе этой концепции познания И. строил свою теорию культуры. Всякая культура в своем развитии проходит, по И., эпоху «критическую» и «органическую». Первой (ее апогей — 19 в.) присуще расчленение, обособление, внутреннее углубление и обогащение отд. сфер жизни. Ее характернейший признак — индивидуализм, отъединение личности и групп от обществ. целого. Этой эпохе свойственно иск-во интимное, где личный момент неограничен. Иск-во «келейное», где индивидуальное начало полностью ограничено и произвол поэта-гения превращается в «пророческое подчинение», возмещает переход к «органической» эпохе. Последняя характеризуется синтетическим, целостным мирозерцанием и всенародным реализм. иск-вом, в к-ром «... Я творца как бы погружено в Nirvanу Я народного» (там же, с. 49). Центр. место в этом иск-ве занимает театр мистерий, к-рый полностью соответствует принципам «вселенской общности». Путь этому монументальному, всенародному иск-ву прокладывает, по мнению И., реалистич. символизм. Всенародное иск-во, по мнению И., возможно только как мифотворчество. Прообразом такого иск-ва И. считал иск-во Древнего Египта и религ. иск-во средневековья. Символ и миф — достояние народной души, и поэтом художник в своем творчестве выступает и как пророк, и как учитель: народ в его творениях узнает и познает себя. С этих позиций И. критиковал теорию иск-ва для иск-ва.

Т. о., концепция иск-ва и культуры И. носит религ.-мистич. характер. В своем поэтич. творчестве И. пытался демонстрировать практич. значимость этой концепции. Однако произведения И., обладая формальными достоинствами, в силу сложной символики и обильного использования мифологич. материала, оказались доступны весьма узкому кругу читателей. Этим и была доказана несостоятельность его эстетич. теории.

С о ч.: Еллинская религия страдающего бога, «Новый путь», 1904, № 1—4; По звездам, СПб, 1909; De Societatis vestigium publicorum populi romani, Petropoli, 1910; Борозды и мезги. Опыты эстетические и критические, М., 1916; Родное и вселенское. [Статьи], М., 1918; Переписка из двух углов, П., 1921 (совм. с Гершензоном); Dostoewsky, Tübingen, 1932; Freedom and the tragic life, a study in Dostoewsky, N. Y., 1957.

Лит.: Б р ю с о в В., Далекое и близкое, М., 1912; Ш е с т о в Л., Вячеслав Великолелный, «Русская мысль», 1916, № 10; Автобиографическое письмо С. А. Венгерову, в кн.: Русская литература XX века, кн. 8, М., 1917; Б е р д я е в Н. С., «Ивановские среды», там же; З е л и н с к и й Ф., Вячеслав Иванов, там же; К о г а н П., Мечтатели, «Печать и революция», 1922, № 2(5); Б е л ь и й А., Сирия ученого варварства, Берлин, 1922; Б л о к А., Творчество В. Иванова, в его кн.: О литературе, М., 1931; А с е м у с В., Философия и эстетика русского символизма, «Литературное наследство», 1937, т. 28—29; D e s c h a r t e s O., V. Ivanov, «Oxf. Slavonic Papers», 1954, v. 5. А. П о л я к о в. Москва.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК (псевд. Разумника Васильевича И в а н о в а; 1878—1945) — рус. литературовед и историк рус. обществ. мысли либерально-народнич. направления. Род. в Тыфлисе в дворянской семье. Учился в Петерб. ун-те. Сотрудник журн. «Русская мысль», «Русское богатство», «Заветы»

и др. Примыкал к эсерам. Проповедовал т. п. «имманентный субъективизм» — разновидность субъективно-идеалистич. философии. Основа «имманентного субъективизма» И.-Р., по его собств. признанию, — «теория познания имманентной философии» («О смысле жизни», 2 изд., СПб, 1910, с. 283). И.-Р. искажал творчество Беллинского («Великие искания», 1911) и Герцена («Герцен, 1870—1920», 1920), представлял историю рус. обществ. мысли как историю борьбы «внесловной» и «внеклассовой» интеллигенции с мещанством, во имя этич. индивидуализма («История русской общественной мысли», т. 1—2, 1907, 6 изд., Берлин, 1923).

Соч.: Что такое «махаевщина»? К вопросу об интеллигенции, СПб, 1908; Литература и общественность, СПб, 1911; Лев Толстой, СПб, 1913; Русская литература XX века (1890—1915), П., 1920.

Лит.: Луначарский А. В., Мещанство и индивидуализм. Сб. статей, М.—П., 1923; Плеханов Г. В., Идеология мещанина нашего времени, в его кн.: Избр. филос. произв., т. 5, М., 1958; Ольминский М., Статьи о Салтыкове-Щедрине, М., 1959.

ИВАНОВСКИЙ, Владимир Николаевич [13 (25) июля 1867—4 янв. 1931] — рус. философ, историк философии и психологии, близкий по своим взглядам англ. *позитивизму*. Приват-доцент Московского (с 1899), затем Казанского (с 1904) ун-тов. Активный участник просветит. «Об-ва распространения технич. знаний». Проф. Самарского (1919), затем Белорусского ун-та (1921—27).

Занимался историей ассоциационизма («Ассоциационизм психологический и гносеологический», ч. 1, 1909; «Учение об ассоциации идей», «Уч. зап. Казанского ун-та», 1917, т. 84, кн. 7—9, 10—12, часть работы осталась в рукописи). В кн. «К вопросу об апперцепции» критиковал понятие активности духа и апперцепции Лейбница, Гербарта и гл. обр. Вундта с позиций *ассоциативной психологии*.

В ст. «Герцен как социалист» («Образование», 1907, № 1, 2) И. рассматривал обществ. взгляды Герцена как форму народнич. социализма и критиковал Булгакова, пытавшегося представить Герцена религ. искателем. Статья И. «Что такое „позитивизм“ и „идеализм“» (журн. «Правда», 1904, № 1, 3) возводила происхождение позитивизма к Ф. Бэкону через Гоббса и Юма. При этом И. неправомерно относил к позитивистам не только неокантианцев (А. Риль), имманентистов (Шуппе, Шуберт-Зольдери), психологистов (Брентано, Штумпф, Липпе), но также и Л. Фейербаха и даже «диалектических материалистов». При таком расшир. толковании термина «позитивизм» смазывалась идеалистич. сущность позитивизма, якобы возвышающегося над борьбой и «крайностями» материализма и идеализма.

После 1917 И. с большим сочувствием отнесся к культурной революции, осуществлявшейся в молодом Сов. гос-ве. Занимаясь филос. проблемами науки, он стремился в ряде вопросов сблизиться с марксизмом («Методологическое введение в науку и философию», 1923). Однако, принимая до известной степени материализм в сфере социологической, И. не видел логич. связи между «материализмом общественным и собственно философским» и отвергал последний в области методологической и гносеологической. И. активно участвовал в развитии педагогич. психологии как до революции, так и после нее. Он был переводчиком трудов Дж. С. Милля, Минто и др. Участвовал во франц. филос. словаре А. Лаланда.

Соч.: Движение к распространению университетского образования в России, М., 1900; Введение в философию, ч. 1, 2 изд., Казань, 1909; К вопросу о генезисе ассоциационизма, Казань, 1910.

Лит.: Гуляев А. Д., Отзыв о соч. В. Н. Ивановского, «Ассоциационизм психологический и гносеологический», Казань, 1914; Красновский А. А., Памяти проф. Владимира Николаевича Ивановского, «Советская педагогика», 1939, № 3, с. 158—59. А. Петровский. Москва.

ИВЕР, Петр (412—488) — ср.-век. теолог и философ. Сын груз. царя. Юношеские годы провел в Константинополе, занимаясь изучением греч. языка, философии и др. наук. Под руководством И. была создана груз. филос. школа в Сирии. По словам Захария Ритора, автора «Церковной истории», И. был «удивительно прославленный во всем мире человек» (кн. III, гл. 4). Тесную связь И. имел с Иоанном Лозом. Сов. ученый Ш. Нуцубидзе и бельг. ученый Э. Хонигман считают И. автором теологич. и филос. сочинений, приписываемых Дионисию Ареопагиту (см. *Ареопагитика*), в к-рых была предпринята первая значит. переработка антич. филос. наследия с целью обоснования христианства.

Соч. на груз. яз.: Труды, Тб., 1961.

Лит.: Жизнь Петра Ивера..., в кн.: Православный Палестинский сб., т. 16, вып. 2, СПб, 1896; Нуцубидзе Ш. И., Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита, Тб., 1942; его же, История грузинской философии, Тб., 1960 (см. Индекс имен); Хонигман Э., Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, пер. с франц., Тб., 1955; Raabe R., Petrus der Iberer, Lpz., 1895; Honigmann E., Pierre l'Ibérien et les écrits du pseudo-Denys l'Aréopagite, «Byzantinische Zeitschrift», 1953, Bd 46, S. 445—46. Ш. Хидашели. Москва.

ИДЕАЛ (от греч. *ιδέα*) — образец, норма, идеальный образ, определяющий способ и характер поведения человека или обществ. класса. Творчество по И., формирование вещества природы на основе И. представляют собой специфически человек. форму жизнедеятельности, отличающую ее от деятельности животных. В качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности И. выступает во всех областях обществ. жизни — социальной, политической, нравственной, эстетической и т. д. Категория И. обладает глубоким социальным значением. На протяжении веков прогрессивные классы в борьбе против отживших форм обществ. отношений черпали свой энтузиазм в высоких И. свободы, равенства, братства. В наше время И. трудящихся всего мира является коммунизм, построение коммунистич. общества, осуществляемое в СССР. «Каждый новый шаг к сияющим вершинам коммунизма, — говорится в Программе КПСС, — воодушевляет трудящиеся массы всех стран, служит огромной моральной поддержкой в борьбе за освобождение всех народов от социального и национального гнета, ускоряет торжество идей марксизма-ленинизма во всемирном масштабе» (1961, с. 141).

Наиболее остро проблема И. была поставлена в нем. классич. философии. Кант, связав проблему И. с проблемой внутр. цели, рассмотрел ее в анализе эстетич. способности суждения. Согласно Канту, явления, не имеющие цели, к-рая могла бы быть представлена образно, не имеют и И., напр. естественно-природные ландшафты. Также не могут иметь И. и предметы, имеющие свою цель «вне себя», как, напр., орудия труда, инструменты и пр. Единственным из известных нам явлений, — говорил Кант, — действующих по внутр. целесообразности, является человек как представитель рода, составляющего его цель. В животном внутр. целесообразность осуществляется, как и в растении, без сознания и воли, лишь инстинктивно.

Для человека характерно свободное, т. е. сознательно совершаемое действие в согласии с универсальной, всеобщей целью рода человеческого. И. и есть это представление об итоговом совершенстве человека. Оно включает в себя, т. о., осознание того, что человек есть самцель собственной деятельности, и ни в коем случае не средство для кого-то или для чего-то, будь то бог или вещь в себе.

Согласно Канту, И. как состояние достигнутого совершенства человек. рода, представляемое нами уже сегодня, характеризуется полным преодолением всех противоречий между индивидом и обществом, т. е. между индивидами, составляющими общество (род).

Внутри индивида, внутри его сознания, это состояние выразилось бы как полное преодоление противоречий между *всеобщим* и *единичным*, между целым и частью, между умопостижимым и чувственно-эмпирич. миром, между *долгом* и влечением и т. д. Каждый шаг по пути прогресса есть поэтому шаг на пути реализации этого И., к-рый люди всегда смутно чувствовали, но не умели теоретически сформулировать его состав. Кант считал свою миссию в истории состоявшей в том, что он в своих сочинениях впервые осознал этот И. и теоретически.

Однако при таком толковании этот И. оказывается как раз чем-то абсолютно недостижимым или достижимым лишь в бесконечности. И., как горизонт, все время отодвигается в будущее по мере приближения к нему. Между каждой наличной, данной ступенью «совершенствования» человек. рода и И. всегда лежит бесконечность — бесконечность эмпирич. многообразия явлений в пространстве и времени. Как только человек начинает мнить, что он достиг конца пути (в науке, в политич. строе, в морали и т. д.), так мнимость эта сейчас же обнаруживается для него в виде *антиномий*, в виде противоречий, раздирающих его сознание. В науке это положение выражается в том, что по поводу каждого предмета всегда возможны по крайней мере две взаимоисключающие теории, равно оправданные и с т. зр. «чистой логики», и с т. зр. опыта. Эти антиномии — индикаторы вечной незавершенности познания и нравственной сферы («практики») — Кант анализирует в «Критике чистого разума» и в «Критике практического разума».

Согласно Канту, ни теоретич., ни практич. И. невозможно задать в виде *образа* — в виде чувственно созерцаемой картины «совершенного» и «завершенного» состояния, ибо в науке это было бы претензией на изображение «вещи в себе», а в «практическом разуме» — на изображение бога. Но ни «вещь в себе», ни бога чувственно представить себе нельзя. Их можно только мыслить как условия возможности и науки, и нравственности, как гарантии «теоретического» и «практического» разума, всегда остающиеся «по ту сторону» рассудка и опыта, как необходимые априорные допущения, делающие возможными и опыт, и рассудок. Иными словами, в теоретич. разуме (в науке) И. может выступать только в виде постулата «запрета противоречия», а в «практическом разуме» — в виде *категорического императива*. Эти постулаты никогда не могут быть реализованы в реальной деятельности человека (в науке и практике). Они действуют здесь лишь как априорно принимаемые «регулятивные принципы» деятельности.

Единственно, где И. как непосредственно созерцаемый образ «совершенства» и «завершенности» может быть дан, это — в искусстве, в художеств. творении гения. Здесь достигается «примирение» всеобщего (нормативного) и индивидуального (характеристического), целого и частей, морального и легального, должного и сущего и пр. Поэтому И. выступает как *прекрасное*. Если «характеристичное» (индивидуальное) преувеличено за счет «нормального» (абстрактно-всеобщей нормы), то красота исчезает и возникает карикатура. Если же, наоборот, на первый план выпячивается «нормальное» (средне-общее), то возникает безжизненная абстрактная фигура, чертёж, не прекрасный, а лишь правильный, не художественно-эстетич., а лишь школьно-академич. образ.

Из этого понимания И. развились эстетич. и филос.-теоретич. концепции *Фихте*, *Шеллинга* и *Шиллера*. Фихте, расшифровывая учение Канта об И. на непосредственно-политич. проблематике, ясно показал, что под категорическим императивом на самом деле скрывалось требование абс. равенства всех индивидов перед лицом закона, а под «эмпирическими» усло-

виями его осуществления — реальное сословное неравенство, расцененное как «безнравственное» состояние общества и индивида.

И Кант, и Фихте полагали, что И. этот есть высшая, конечная цель на пути постепенного «нравственного самоусовершенствования», на пути постепенного осознания «достоинства человека» (индивида) как высшего и единственного принципа «идеального» законодательства. Они исходили из того, что абсолютное формально-правовое равенство любого индивида любому др. индивиду само по себе обеспечит полное раскрытие всех «естественных» задатков и способностей каждого индивида. Т. о., в виде И., в виде постулата и императива ими был сформулирован принцип бурж. права, идеального бурж. общества. Фихте изобразил этот И. в виде всемирного сотрудничества абсолютно равноправных «Я», добровольно установленного ими самими. Но при таком толковании И. кантовско-фихтевской философии начинал казаться чем-то очень трудно достижимым, чем-то очень далеким. Обращаясь к «притесителям» нравств. человека (т. е. к сторонникам сословного неравенства и феод. раздробленности страны), Фихте восклицал: «Степняйте, расстраивайте его планы! Вы можете задержать их, но что значит тысяча и паки тысяча лет в летописи человечества?» (Избр. соч., т. 1, [М.], 1916, с. 403). Толкуя этот И. как абсолютное равенство всех индивидов «...во Едином великом Единстве чистого духа...» (там же, с. 405), он констатировал: «Единство чистого духа есть для меня не досягаемый идеал, последняя цель, которая никогда не будет осуществлена в действительности» (там же, прим.). Это — неизбежный вывод из представления, согласно к-рому полное раскрытие личности, гармония, развитие индивида, может быть лишь результатом постепенного нравств. самоусовершенствования всех людей, всех «эмпирических» (т. е. нравственно-испорченных сословным строем) индивидов, в т. ч. князей, попов, чиновников всей Земли.

Впоследствии эта идея «нравственного самоусовершенствования» как единственного пути человечества к идеальному состоянию вошла в арсенал всех антиреволюц. концепций (напр., религиозно-этич. учения Л. Толстого, Ф. Достоевского, Ганди и далее — вплоть до учений совр. нравых социалистов). Этот И. направлен одним острием против всякой формы «неравенства» человека человеку, другим — против революц. пути упряднения этого неравенства. Революция, как акт насилия, с т. зр. этого И. выглядит так же, как «безнравственно-кровавый» акт; с т. зр. нравств. императива он ничуть не лучше того состояния, против к-рого он направлен.

Гегель, глубоко понявший бессилие этого «прекраснодушного» И., сравнил последователей идеи нравств. самоусовершенствования с благороднейшим человеком, к-рый боится обнажить меч в борьбе против порока, опасаясь, что он может быть «испачкан» кровью врага. В итоге меч остается, правда, чистым, но только потому, что он никому не грозит... Абсолютное бессилие абстрактного нравств. императива перед лицом эмпирич. условий его осуществления (непосредственно перед лицом сословно-феод. неравенства и всей его культуры — теоретич., эстетич., моральной, бытовой и т. д.) заставило Гегеля искать др. путь решения проблемы И. Прежде всего Гегель позаботился о том, чтобы разрушить логику, фундамент этой концепции — теорию «чистого разума».

Для Канта И. теоретич. разума, т. е. всеобщая форма и условие истины, состоит в полной и абсолютной непротиворечивости знания, т. е. в полном тождестве науч. представлений всех людей об одной и той же вещи в одно и то же время и в одном и том же отношении. Этот И. науки и выступает у Канта в виде

категорич. императива рассудка, т. е. в виде запрета логич. противоречия. Неосуществимость этого постулата в науке, развивающейся именно через выявление и разрешение противоречий, является, согласно Канту, показателем того, что истина не достигнута и никогда в течение «конечного времени» достигнута не будет. Поэтому появление противоречия в науке Кант расценивает как индикатор незавершенности знания, указывающий теоретич. разуму, что его претензия «объять необъятное» (т. е. вещь в себе) обречена на вечную неудачу.

И., однако (как и в нравств. сфере), — полный теоретич. синтез всех эмпирич. сведений, их «единство в духе» (т. е. в мышлении) — составляет неустранимую потребность этого разума, его «регулятивный принцип» и И., к к-рому он стремится и никогда не достигает. Тем самым непротиворечивое единство знания выступает у Канта как «необходимая иллюзия разума». Т. о., запрет противоречия выступает как высший априорный закон рассудка, а наличие противоречия — как вечное «эмпирическое» состояние разума, гонящегося за полным синтезом, за своим И. Запрет противоречия — должное, а наличие необходимо возникающего противоречия — сущее, действительное и необходимое состояние разума, его форма и закон. Так почему же, — спрашивает Гегель, — неосуществимое должное мы обязаны считать и почитать за высший и непререкаемый закон мышления, а реальную форму и закон развития человек. научной культуры — за «иллюзию», хотя бы и необходимую, за «фикцию» разума, гонящегося за силой птицы «полного синтеза знания, за познанием «вещи в себе?».

Не разумнее ли рассудить как раз наоборот?

Гегель разрушает оба постулата кантовской философии (запрет противоречия и категорич. императив) с позиций историзма. Против них он заставляет свидетельствовать историю науки и нравственности. При этом нравственность понимается Гегелем широко, включая, по словам Энгельса, «... 1) абстрактное право, 2) мораль, 3) нравственность, к которой, в свою очередь, относятся: семья, гражданское общество, государство» («Людвиг Фейербах...», см. Соч., 2 изд., т. 24, с. 295).

История показывает, что вовсе не запрет противоречия и не категорический императив были тем И., к к-рому изначально стремилась история человечества. Напротив, движущей силой развития духа в теории всегда было противоречие. Стало быть, не запрет, а наличие противоречия является формой и законом реального развивающегося духа (мышления). Дialeктич. противоречие, т. е. столкновение двух взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих тезисов есть поэтому не «фикция», не «иллюзия», не показатель заблуждения разума, не индикатор тщетности его попыток понять «вещь в себе», а его «естественная», имманентная ему форма и закономерность развития, а потому и форма постижения «вещи в себе».

Действительный И. науки — это понимание вещи в себе как единства противоположностей, как живого развивающегося процесса, снимающего силой противоречия все «конечные», зафиксированные свои состояния.

И. знания и нравственности, к-рый выдвигает Гегель против Канта, — это незастывшая мертвая «вещь», а «суть дела» — категория, диалектически противоречивая природа духа.

Вечное, никогда не завершаемое обновление духовной культуры человечества, происходящее через выявление противоречия в составе наличной стадии знания и нравственности и через разрешение этого противоречия — в рождении новой стадии, в свою очередь чреватой противоречием и потому также подлежа-

щей «снятию», — таков идеал Гегеля. Это и было гл. заслугой Гегеля в истории мысли. Однако это огромное завоевание было нейтрализовано идеализмом гегелевской философии. Гегель исходил из того, что именно мышление, саморазвивающееся через противоречие тезиса и антитезиса, есть причина развития и науки, и нравственности (т. е. истории). Поэтому И. в его чистом виде вырисовывается перед человеком не в образах иск-ва и не в образе «идеального строя» жизни и нравственности, а только в «Науке логики», в виде системы диалектически развивающихся категорий. Все же остальное — и иск-во, и политич. история человечества, и промышленность, — короче говоря, все предметное тело цивилизации, — есть только «побочный продукт», издержки производства «чистой логики», сами по себе не имеющие значения. Т. о., все др. (кроме логики) формы сознания и самосознания человечества — конкретные науки, право, иск-во и т. д. — суть только «несовершенные воплощения» творч. силы диалектич. мышления, земные воплощения И., представленного в «Науке логики».

В результате гегелевское учение об И. оказалось в общем и целом крайне консервативным. Мышление, идеальный образ к-рого задан в «Науке логики», диалектично. Но когда это идеальное мышление обрабатывает естественно-природный материал, оно вынуждено с ним считаться. В итоге продукт всегда выглядит как И., преломленный через упрямую антидиалектичность земного, вещественно-человеч. материала.

Поэтому Гегель под видом единственно-возможного в земных условиях «воплощения» И. и увековечивает (обожествляет) всю ту наличную эмпирию, к-рая ему исторически была дана. В том числе экономич. (хозяйственную) структуру «гражданского» — бурж. общества, а далее, ее надстройку — конституц. монархию по образцу Англии или империи Наполеона. Прусская же монархия была им истолкована как весьма близкая к этому И. форма государства или как система, воплощающая этот И. единственно-возможным в нац.-нем. условиях способом.

Этот образ мысли вовсе не был личной изменой Гегеля принципам диалектики. Это было абсолютно-необходимым последствием и выводом из идеалистич. диалектики. Соответственно И. человека для Гегеля — это уже не всесторонне и гармонически развитая личность, а только личность, умеющая мыслить диалектически. При этом совершенно безразлично, кем эта личность является во всем остальном — чиновником или монархом, предпринимателем или даже лакеем. Т. о., в качестве эмпирич. предпосылки идеального (т. е. диалектически-мыслящего) человека эта теория И. увековечивает наличную форму разделения труда в обществе, в частности товарно-капиталистическую. Разумеется, что ближе всего к И. с этой т. зр. стоит представитель диалектич. логики. Т. о., эта т. зр. идеализирует профессиональный критеризм, возводит уродство в добродетель.

Условия же, обеспечивающие всесторонне-гармонич. развитие личности в совр. (а тем более в грядущем) мире, согласно этому пониманию, абсолютно невозможны. Они были возможны лишь в младенческом состоянии мира, в рамках маленького антич. полиса с его демократией. Большие размеры «современных» гос-в и сложность системы разделения труда делают невозможной и демократич. организацию общества, и всестороннее развитие способностей личности. Здесь, по Гегелю, естественной, т. е. соответствующей И. формой, является только иерархически-бюрократич. система управления обществ. делами. Против этой стороны гегелевской философии гос. права прежде всего и была направлена критика Гегеля «слева», левогегельянская версия диалектики и учения об И. С этого же начал и Маркс. Именно в силу идеализма геге-

левского учения об И. гегелевский И. органически враждебен коммунистич. И., принципиально несовместим с ним. В силу этого выход из тупика, в к-рый неумолимо попадала идеалистич. концепция И., был найден только тогда, когда диалектика связала свою судьбу с революц. борьбой пролетариата и порвала с формально-юридич. представлением о «равенстве» и об условиях развития личности.

Рассмотрев бурж. ограниченность как кантовско-фихтеанского, так и гегелевского понимания И. и подвергнув их критике с позиций пролетариата, Маркс и Энгельс материалистически переработали и использовали классич. идеалистич. учения об И. Человек отличается от животного не «мышлением» и не «моральностью», а трудом. Он деятельно преобразует природу и самого себя. В этом и заключается его «подлинная природа». Этим исторически определяется и высшая цель, т. е. И. человек. деятельности. Человек является самоцелью только как субъект предметно-практич. преобразования природы и обществ. отношений, а не как мыслящая или моральная личность. В понимании этого факта и был найден ключ к проблеме И.

Формально-правовое равенство человека человеку есть классовый И. буржуазии. Его реальным субстратом оказывается конкретно-историч. форма экономич. неравенства — капиталиста и наемного рабочего. Свобода в сфере мысли и морали здесь рассматривается в отчуждении от экономич. отношений и предполагает абс. рабство человека в сфере реальной жизни, и прежде всего в экономике, и ведет к превращению человека в частичную деталь частичной машины, в раба вещей. Для пролетариата и вообще для большинства рода человеческого этот И. вовсе не так заманчив, как для философа — идеолога буржуазии.

Первой формой преодоления бурж. И. в истории оказались учения социалистов-утопистов — *Фурье, Сен-Симона, Оуэна* (см. *Утопический социализм*). В противоположность реальному положению человека внутри бурж. общества утописты провозгласили социалистич. И. обществ. устройства, основанного на принципах обществ. собственности на средства производства и обеспечивающего всесторонне-гармоническое развитие каждого человека. Однако, будучи оторванными от реальной борьбы пролетариата, они апеллировали при обосновании своего И. к абстрактным принципам разума и справедливости, хотя по существу их И. был отражением интересов пролетариата в бурж. обществе.

Пролетариат силой реально-бесчеловечных условий своего существования внутри бурж. мира оказывается естеств. врагом этого общества и его И. Но только теоретики пролетариата приходят к выводу, что подлинная свобода человека может быть достигнута лишь на основе коммунистич. обобществления материальных средств и условий жизни и прежде всего — средств производства. Иными словами, социалистический И. может быть осуществлен только через коммунистич. революцию. Этот акт в силах совершить только класс, и никогда — не индивидуум, каким бы он ни был нравственно или интеллектуально совершенным. А класс поднимается на борьбу не силой И., как бы заманчив тот ни был, а только силой реальной жизни, т. е. когда И. совпадает с назревшей в обществ. организме массовой потребностью, с массовым материальным интересом класса. Только при условии такого совпадения И. и вызывает в массах отклик и вдохновляет их на действие. В этом смысле Маркс и Энгельс категорически возражали против толкования коммунизма как идеала: «Коммунизм для нас не с о с т о я н и е, которое должно быть установлено, не и д е а л, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом д е й с т в и-

т е л ь н о е движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (Соч., 2 изд., т. 3, с. 34).

В этой форме выражения мысли отчетливо видна полемич. направленность против кантовско-фихтеанского и левогегельянского понимания И. и его отношения к «теперешнему состоянию», к совокупности налично-эмпирич. условий борьбы.

Реальное движение вызывается давлением реальных же, и прежде всего экономич. противоречий, и направляется на их разрешение путем действия, путем установления нового состояния, в к-ром прежние противоречия «снимаются». Это новое состояние, единственно способное разрешить существующие противоречия, и есть тот образ, к-рый называется И. В мышлении он рождается раньше, чем противоречия будут разрешены реально, т. е. раньше его собственного предметного осуществления. Это оригинальное положение, когда образ предмета рождается раньше того предмета, к-рый он отражает, и создает всю трудность проблемы И., неразрешимую для метафизич. материализма с его вариантом теории отражения. Предмета как непосредственно-созерцаемой вещи еще нет, а его образ уже есть. Этот образ — коммунизм как единственно-возможная форма разрешения противоречий бурж. капиталистич. системы производства.

Именно поэтому контуры И. как образа необходимо наступающего будущего есть не что иное, как вывод из анализа существующих противоречий, разрушающих наличное состояние. В этом — вся суть диалектико-материалистич. понимания И.

Это ни в коем случае не нравственный или интеллектуальный образ желаемого, но не реального состояния, — не императив, к-рый противостоит эмпирич. действительности и условиями места и времени, как что-то вне их и против них стоящее. Это — сама действительность в полном теоретич. синтезе ее имманентных противоречий, т. е. с т. зр. тех перспектив, к-рые ей же самой имманентны. Из этого ясно видно, как глубоко было усвоено Марксом и Энгельсом радиональное зерно гегелевской критики кантовско-фихтеанского понимания И. как должного, как априорного императива и постулата. Вместе с тем ясно видно и принципиальное отличие материалистич. толкования диалектики И. и действительности — от идеалистически-гегелевского толкования этой диалектики. Отличие подлинной революционности от консерватизма под маской ультрареволюционности левой гегелевской школы.

Конкретный состав И. дается, т. о., только науч. анализом действительности, эмпиричности данной картины развития, с т. зр. тех противоречий, к-рые нагнетаются и властно требуют своего разрешения. В чем и как может быть найдено это разрешение? Ответ на этот вопрос и совпадает с выработкой правильного, жизненного, конкретного И.

И., к-рый был выведен Марксом и Энгельсом из анализа противоречий бурж. общества и хода классовой борьбы, был четко обрисован в ряде произведений и, в частности, в «Критике Готской программы» в виде контурного изображения (образа) коммунистич. строя. Этот теоретически выверенный И. совпадает с художеств.-эстетич. И., вызревшим внутри иск-ва. И. в данном случае выступает как теоретич. и художественно-эстетич. выражение реального, происходящего у нас на глазах движения, с необходимостью ведущего к установлению строя, обеспечивающего всесторонне-гармоническое развитие каждого человека. Такой И. не имеет ровно ничего общего с априорно постулированным императивом, нравств. постулатом, как это пытаются изобразить правые социаллисты, базирующие свою социологию и политику на неокантианских схемах, идеалах. Теоретики и лидеры

правого социализма (напр., К. Реннер, Б. Каутский, А. Стрейчи и др.), прикладывая к реальным событиям свой абстрактный масштаб императива, с необходимостью приходят к выводу, что революция и революционная борьба противоречат высшим И. человечности, поскольку связаны с насилием и т. д. Но тот же самый императив приводит их к лакейской позиции по отношению к империалистическому, т. н. «свободному миру». Этот мир под их И. подходит. И не случайно, ибо сам императив уже у Канта был скроен по мерке «совершенного» буржуазного строя с его иллюзиями «свободы личности», «свободы мысли» и т. д. и т. п.

В противоположность кантовско-фихтеанскому представлению об И., марксистско-ленинское понимание И. и его отношения к действит. развитию общества предполагает осуществимость И. — при условии, разумеется, его адекватности действительному развитию. В противоположность Гегелю, марксистско-ленинское учение об И. отнюдь не связывается с фетишизацией одной, и именно наличной, ступени общественно-человеч. развития. По мере приближения к этапу развития, обрисованному в И., этот И. вовсе не отодвигается, подобно горизонту, снова и снова вдаль, в грядущее. Напротив, сам состав И. вырабатывается по ходу развития обществ. деятельности, т. е. является исторически творимым, т. е. творимым историей.

Этот процесс конкретизации И. (коммунистич. строя) очень ясно прослеживается на эволюции теоретич. и практич. представлений об образе коммунистич. строя — от Готской программы до Программы КПСС, принятой на XXII съезде. Чем ближе к коммунизму, тем более рельефными и зримыми, более конкретными, становятся черты его образа, складывающегося уже сегодня в труде миллионов. И. коммунизма, сформулированный в Программе, включает в себя представление не только о конечной цели, но и о средствах, о путях ее достижения. Именно в этом — конкретность и жизненная сила этого И.

И. теоретич. познания (науки) излагается в диалектико-материалистич. теории познания, в *диалектике*, как логике и теории познания марксизма-ленинизма. Эстетически-художеств. И. разрабатывается мировым искусством и задается индивиду через его эстетич. развитие, через потребление сокровищ мирового искусства. Можно говорить о политич. И., о нравственном И. и т. д. Деятельность индивида, а потому и форма его продукта, всегда «отклоняется» от абстрактно-всеобщего теоретического норматива. Но это отклонение и есть единственно возможная форма и способ реализации всеобщего И., это и есть сам И., скорректированный условиями места и времени, характером материала, в к-ром он осуществляется, особенностями личности индивидуума и т. д. То же самое относится и к реализации И. в специфически-национальных условиях развития целых стран, народов и т. д. В этом в полной мере сказывается диалектика *всеобщего*, *особенного* и *индивидуального*.

Такое отклонение ни в коем случае нельзя толковать как отказ от И., как признание его неосуществимости. Наоборот, только полный учет конкретных условий места и времени и позволяет осуществить через деятельность теоретически или эстетически выверенный И. Иначе этот И. так и остается неосуществимым «благим намерением», разбивающимся о неодолимое упрямство «грубой» реальности. В марксистско-ленинском понимании И. выступает как активная форма общественного сознания, организующая массу индивидуальных сознаний и воли вокруг решения одной, исторически назревшей задачи, проблемы. Таков в наши дни И. коммунизма. Э. Ильенков. Москва.

Идеал эстетический — конкретно-чувственное представление о высшей норме эстетич. совершенства и пути его достижения. Практич. осуществление и выражение эстетич. И. предполагает в качестве своей необходимой предпосылки *свободу* во всей сфере жизнедеятельности обществ. человека. Будучи тесно связан с эмоциональным, конкретно чувственным отношением людей к окружающему их миру, эстетич. И. находит свое воплощение в чувств. формах. В этом состоит его отличие от нравств., политич. и др. обществ. И., к-рые могут существовать как более или менее отвлеченные понятия о имеющемся или желаемом обществе, совершенстве.

Обладая специфич. содержанием, эстетич. И. в то же время находится в единстве с обществ. и этич. И. Так же, как и последние, эстетич. И. имеет исторически определ. содержание, обусловленное в конечном счете обществ. практикой, развитием материальной жизни и классовой борьбы, а также процессом развития иск-ва. В ходе общественной практики и человек. познания изменяются и развиваются эстетич. И. людей, отражающие объективные тенденции развития реального мира. Передовой эстетич. И. в каждую эпоху не противоречит развитию действительности, а опирается на объективно заложенные в ней возможности, ее объективные свойства и закономерности, являясь конкретно-чувств. выражением ее развития.

Трудности и противоречия, на к-рые наталкивалось эстетич. сознание в своем развитии, невозможность в те или иные историч. эпохи найти эстетич. И. в самой действительности приводили к тому, что проблема эстетич. И. становилась специальным предметом филос. исследования. В антич. эстетике проблема эстетич. И. была впервые выдвинута *Платоном*, к-рый выступил с критикой тенденций к индивидуализму и изнеженности, обнаружившихся в иск-ве его времени. Эти тенденции рассматривались у Платона как отступление от монументальной гражданственности греч. иск-ва классич. периода. В противоположность им Платон выдвигал такие критерии эстетич. оценки, к-рые стояли бы выше чувственного и индивидуального, связывая их с вечными и неизменными «идеями» красоты, добра и т. д. Другая точка зрения на эстетич. И. выростала из материалистич. трактовки теории подражания. *Аристотель* решал эту проблему в связи с необходимостью для иск-ва его времени сохранять высокое идеальное содержание. Согласно Аристотелю, художник должен создавать свой И., заимствуя у разных типов людей наиболее прекрасные и совершенные черты. «... Должно подражать хорошим портретистам: они именно, давая изображение какого-нибудь лица и делая портреты похожими, в то же время изображают людей более красивыми» («Поэтика», 14, 1454в; рус. пер., М., 1957). Указывая на существование разных типов идеализации, он писал: «Полигнот, например, изображал лучших людей, Павсон — худших, а Дионисий — обыкновенных» (там же, 2, 1448а).

С понятием эстетич. И. в Древней Греции было тесно связано учение о *калокагатии* — идеальном и совершенном типе человека (*kalos* — «прекрасный», а *agathos* — «хороший», «благий»). Учение о калокагатии основывалось на представлении о *гармонии* души и тела, внутреннего и внешнего. В Греции классич. периода в учении об иск-ве нет осознанного противопоставления природы и произведений иск-в. Природа и обществ. устройство были тем источником, откуда они черпали свои представления о мере и принципах гармонии, к-рые вошли составной частью в учение о калокагатии.

Дальнейшее развитие античности, приближение упадка греч. общества нашли отражение в росте религиоз. и дуалистич. воззрений на мир. Изменяется и

понятие платоновской «идеи», к-рая все в большей степени связывается с божеств. духом. Дуалистич. противопоставление двух миров в эстетич. плане выдвигает проблему И. как «внутреннего зрения», позволяющего отличать прекрасное от безобразного. Так, Плотин, филос. учение к-рого основывается на теории о двойственности бытия — идеального и материального, исходил из положения, что «душа становится безобразной в силу смешения и соединения с телом и материей и склонности к ним» («Энеида», I, VI, 5; рус. пер. «Античные мыслители об искусстве», М., 1937). Противопоставление идеального и реального приводит Плотина к идеалистич. трактовке очищения (*катарсиса*), с помощью к-рого и возникает прекрасное высшей степени: «... Душа очищенная становится идеею и умом, вполне бестелесною, разумною... всецело принадлежит божеству, в котором источник прекрасного и всего подобного, что сродни ему» (там же, I, VI, 6). Превращением души в идею, а идеи — в высшее выражение прекрасного и хорошего закапчивается цикл эстетич. познания мира. Категория И. у Плотина служила критерием разграничения «истинного», идеального бытия от низменного.

В эстетике средних веков И. окончательно теряет всякую связь с объективной реальностью, превращаясь в категорию божеств. порядка. Согласно ср.-век. мыслителям, критерий оценки находится в первоформе, в уме, в интеллекте бога. Даже внешняя «телесная красота» объяснялась творчеством бога. Согласно Фоме Аквинскому, «все является хорошим, так как все исходит от бога». Художник не творец, он лишь воплощает идеи бога.

В эстетике средневековья происходит окончат. вычленение термина «И.», что было связано с необходимостью в противоположность древним грекам, «подражавшим» природе, узаконить «идеальное», «божественное», «духовное» как осн. критерий оценки художеств. деятельности.

Дальнейшее развитие категория И. получает в эпоху Возрождения в связи с новым пониманием человека. В трактатах Пико делла Мирандола, Лоренцо Валла, Фиренцуоли идеальной нормой красоты провозглашается сам человек, гармония его чувств. и познават. способностей. Человек сам творец своей собственной формы. Реализм иск-ва Возрождения получил обоснование в соч. таких мыслителей, как Леонардо да Винчи, Вазари. В то же время подражание природе не означало ее копирования. Так, Вазари, высказываясь за подражание природе, в основу своей классификации истории иск-ва кладет принцип «разнообразия идеального типа художников». Понимая красоту как пропорцию и строгое соответствие частей, мыслители эпохи Возрождения основу ее видели в гармонии, к-рая трактовалась как некое идеальное целое, обнимающее собой все части. Альберти, рассматривая красоту как единство трех элементов — числа, ограничения и размещения, писал: «по есть и нечто большее, слагающееся из сочетания и связи всех этих трех вещей, нечто, чем чудесно озаряется весь лик красоты. Это мы назовем гармонией (*concinuitas*), которая, без сомнения, есть источник всей прелести и красы» («Десять книг о зодчестве», т. 1, М., 1935, с. 318).

Новую грань в понимании И. открывает эстетика классицизма, к-рая выдвинула идею «улучшения» природы посредством иск-ва. Согласно Беллори, напр., через отбор естеств. красот составляется идея природы, к-рая является действительностью в чистом виде. Взятая из природы, пройдя через чувств. опыт художника, идея иск-ва становится И., к-рый вновь возвращается в природу в художеств. произведении. Эстетика классицизма развивает также идею об «улучшении» действительности средствами иск-ва. Согласно Буало, напр., красота природы в иск-ве подвергается рациона-

очищению, освобождается от грубого и случайного. Эстетика классицизма, сближая прекрасное с истиной, привнесла в понимание прекрасного момент рационализма.

Эстетика Просвещения расширила понятие «подражания природе», включила в него всю действительность, в т. ч. и обществ. среду. Согласно Дидро, слепое подражание натуре не приводит еще к художеств. правде, к-рая возникает только там, где есть «соответствие действий, речи, лица, голоса, движений, жестов идеальному образу, созданному воображением поэта...» («Парадокс об актере», см. Собр. соч., т. 5, М.—Л., 1936, с. 580). В своих взглядах Дидро колебался между призывом точно подражать природе, в к-рой «нет ничего неправильного» («Опыт о живописи», там же, т. 6, М., 1946, с. 212), и требованием следовать идеальному образу, к-рого нет в природе и к-рый привносится в нее художником. Связав И. с художественной правдой, Дидро более глубоко поставил кардинальную для всей эпохи проблему соотношения искусства и действительности. Нем. Просвещение в лице Винкельмана и Лессинга поставило проблему соотношения И. и действительности, И. и правды. Винкельман выдвинул новую художеств. доктрину — подражание грекам, к-рые создали на основе греч. демократии особый И. красоты. Обращение к греч. представлениям о красоте у Винкельмана связано с идеализацией греч. иск-ва, в к-ром он видел идеал «благородной простоты» и «спокойного величия» (см. Избр. прозв. и письма, М.—Л., 1935, с. 107). Эстетич. И. у Винкельмана выступает как цель художеств. творчества: утверждение высшей красоты есть кульминация иск-ва, без чего художник обречен на простое подражание. В то же время эстетич. И. рассматривался им как художеств. мера, следование к-рой способствует очищению красоты от посторонних моментов. Мера — идеал стоит выше правды, к-рая отступает на второй план перед эстетич. проблемами. Господство эстетич. принципа связывает теорию Винкельмана с идеалистич. концепциями идеала Канта и Гегеля.

Другой представитель нем. Просвещения Лессинг развивал учение об эстетич. И. в русле проблемы реализма. Полемизируя в трактовке греч. иск-ва с Винкельманом, Лессинг выдвинул эстетич. И. человеч. личности, гармонически сочетающей личное и общественное, героическое и человеческое. Эстетич. И., по Лессингу, это не отвлеченная, рационалистическая красота. Типичность и общезначимость образов искусства не страдают от изображения второстепенных черт, противоречий, «низменных» с т. зр. классицизма человек. чувств. Связав И. с типизацией и отражением жизненной правды, Лессинг утвердил тем самым реалистич. концепцию красоты.

Философия классич. нем. идеализма связала трактовку эстетич. проблем с осн. гносеологич. и социальными проблемами: свободы, разделения труда, характером познания и т. д. Эстетика становится здесь не просто частью философии, а той областью, где происходит разрешение всех противоречий, где интеллектуальное и художеств. творчество в своем синтезе дает завершение филос. системе. В связи с этим особое значение приобретает категория И. Кант вводит понятие И. в эстетику в связи с делением прекрасного на «свободную» и «сопутствующую красоту». В отличие от идеи, к-рая, по Канту, обозначает только понятие разума, И. есть «представление отдельного существа, как адекватного этой идее» («Критика способности суждения», СПб., 1898, с. 81). Эстетич. И. у Канта является своеобразной попыткой синтеза двух взаимоисключающих положений: незаинтересованности эстетич. суждения, с одной стороны, и учения о гении, через к-рого «природа дает искусству правила» (там же, с. 178). Сфера И. — «сопутствующая»,

«условная» красота, где предполагается первоначальный идеальный образ, соответственно к-рому художник «ленит» образ иск-ва. Так, красота человека, относящаяся, по Канту, к условной красоте, всегда подразумевает определенный И., составленный с учетом нравств. совершенства личности. И. связывается Кантом с проявлением эстетич. способностей, к-рые реализуются в творчестве гения, создающего свои произведения вне всяких правил.

Ф. Шиллер, развивая концепцию эстетич. И., связывал ее с осн. противоречием, к-рое формулировалось как антагонизм между природой и культурой. Критич. отношение Шиллера к парящемуся капиталистич. укладу и связанному с ним обществ. разделению труда приводит его к отрицанию И. в действительности. Выступая против идеи подражания действительности, Шиллер указывал на необходимость возвышения и поэтизации природы до степени «истинной природы», то есть до И. Осн. средство решения обществ. конфликтов Шиллер видел в *эстетическом воспитании*, к-рое создает И. прекрасной, гармонически развитой целостной личности. В работе «О наивной и сентиментальной поэзии» Шиллер кладет И. в основу различия двух методов иск-ва: в «наивной», реалистич. поэзии И. не находится в противоречии с действительностью, для поэзии «сентиментальной», наоборот, характерен разрыв между И. и жизнью. Грань, лежащая между И. и действительностью, не преодолевается в эстетике Шиллера. И. для человека есть «бесконечность, не достигаемая никогда...» (Собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 410).

В эстетике Гегеля И. является центр. эстетич. категорией. Само иск-во Гегель рассматривал как проявление И., к-рый определялся им как идея, в которой выражена действительность, соответствующая понятию (см. Соч., т. 12, М., 1938, с. 78). Гегель связал понятие И. с развитием и изменением эстетич. сознания, истолкованным им как исторически необходимый процесс. Т. о., в эстетике Гегеля И. впервые осмысливается не как нечто привносимое иск-вом в действительность и присущее лишь художеств. произведениям, а как реальное жизненное отношение, осознаваемое и выражаемое через искусство. Понятие «идеализм» Гегель связывал со свободой. Субъект как индивидуальность должен быть самостоятельным во всей сфере своих поступков, мыслей и чувств, но при этом осуществлять не произвол над действительностью, а субстанциальное содержание самой действительности, органически сливаясь со всем строем личности человека. А это требует от общего состояния мира, чтобы оно выступало в форме самостоятельности, дабы оно было в состоянии принять в себя образ идеала. Соответствующее идеалу состояние мира Гегель видел в античной Греции, иск-во к-рой характеризуется им как классич. иск-во И. Наоборот, в новое время субстанциальное обществ. содержание перерастает рамки личности. В связи с этим иск-во перестает быть формой духа, способной адекватно выразить новое содержание. Духовное содержание господствует над чувственным, художеств. мысль приобретает абстрактный антиэстетич. характер, что ведет к господству рассудочных, внеэстетич. интересов над эстетическими, а следовательно, к разрушению И. Конструируя «жизнь» идеала, Гегель выдвигает на первый план связь между духовным содержанием, мыслью и их художеств. выражением. История иск-ва как история развития И. ставит по-новому проблему философии истории иск-ва, в том числе и проблему художеств. *стиля*. Взгляды Гегеля послужили исходным пунктом для дальнейшего развития теории И. Критика Гегеля по этой линии приводит к двум концепциям: отрицанию «абсолюта» в содержании И., как, напр., у П. Тэна, и к теории *стиля*, напр. у А. Ригля.

Согласно Тэну, творчество художника имеет чисто индивидуальный характер. Один и тот же тип, изображенный разными художниками, будет трактован каждым из них в своей собств. манере, соответственно его индивидуальному И. и индивидуальному способу воплощения этого И. Представитель формалистич. эстетики Ригль считал, что в основе художеств. творчества лежит не стремление к воплощению И., а «воля к искусству», к-рая помогает понять сущность *стиля* произведений иск-ва любой эпохи. Внутр. полемика против И. приводит Ригля к релятивизму, к утверждению как гл. принципа понятия индивидуального, независимого от содержания *стиля* художника. «Воля к искусству» диктует бесконечное разнообразие индивидуальных эстетич. идеалов, воплощаемых в произведениях различных *стилей*.

Идеалистич. концепция эстетич. И. как недостижимой нормы, противоположной реальности, противостоит теории рус. революц. демократов. Белинский, определяя понятие И., писал, что идеалы — «не произвольная игра фантазии, не выдумки, не мечты; и в то же время идеалы — не список действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазией возможность того или другого явления» (Полн. собр., т. 8, 1955, с. 89). Действительность как источник И. обуславливает широкие возможности для выводов, к-рые можно сделать при восприятии художеств. произведения, т. к. в нем обобщенная мысль принимает индивидуальный облик. В художеств. образе в форме конкретного заложена возможность к бесчисл. множеству подобных характеров, ситуаций, образов. Связывая эстетич. И. с типизацией, Белинский выступал против классицистского принципа типизации, когда И. понимался как «собрание воедино рассеянных по всей природе черт одной идеи...» (там же, т. 2, 1953, с. 290). Он подчеркивал мысль о том, что И. нельзя привносить извне, а нужно выводить из самой действительности. «Тут все дело в типах, а идеал тут понимается не как украшение (следовательно, ложь), а как отношения, в которые автор ставит друг к другу созданные им типы, соотнобит с мыслью, которую он хочет развить своим произведением» (там же, т. 10, 1956, с. 294—95). Свой эстетич. идеал Белинский видел, в частности, в поэзии Пушкина, в анализе к-рой он дает черты этого И. (содержательность, художеств. форма как следствие глубоко истинного содержания, материалистич. восприятие прекрасного, связь поэтического с нравственным и т. д.). Материализм филос. и эстетич. воззрений Герцена отчетливо проявился в решении проблемы эстетич. И. Развивая мысль об историч. развитии обществ. и художеств. взглядов, Герцен писал, что «идеал для всякой эпохи — она сама, очищенная от случайности, преображенное созерцание настоящего. Разумеется, чем всеобъемлемее и полнее настоящее, тем всемирнее и истиннее его идеал» (Собр. соч., т. 3, 1954, с. 87). В концепции эстетич. И. у Герцена сформулировано положение о соотношении жизненной и художеств. правды, действительной истории и иллюзорных представлений о ее развитии. Для Чернышевского И. есть отражение в сознании различных полно и ярко развивающихся сторон жизни. Прекрасна сама жизнь; поэтому в «...искусстве исполнение всегда неизмеримо ниже того идеала, который существует в воображении художника» (Избр. филос. произв., т. 1, 1950, с. 118). У Чернышевского проблема И. смыкается с проблемой идеального героя. При этом он считал, что «...единственная необходимая идеализация должна состоять в исключении из поэтического произведения не нужных для полноты картины подробностей...» (там же, с. 320). Реализм Чернышевского и его революц. демократизм особенно проявились в положении о том, что И. не обязательно должен «...представляться примиренным с действительностью» (Полн.

собр. соч., т. 4, 1948, с. 697). Противоречие между И. и действительностью, между жизнью «как она есть» и какой она должна быть «соответственно нашим понятиям» решается художником не подчинением И. действительности, а критич. ее изображением с позиции революц.-демократич. И.

Классики марксизма ставили проблему И. как проблему идеального и реального в условиях антагонистич. классовых обществ. отношений. Эстетич. И. всегда несут на себе печать «господствующей духовной силы» данного общества, к-рой является класс, представляющий собой «господствующую материальную силу» этого общества (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 45). Маркс и Энгельс показали, что упадок эстетич. сознания в новое время обусловлен бурж. обществ. отношениями, капиталистич. способом производства, к-рый враждебен иск-ву и поэзии. «В буржуазной экономике — и в ту эпоху производства, которой она соответствует... полное обнаружение внутренней сущности человека проявляется как полнейшее опустошение... Поэтому младенческий древний мир представляется, с одной стороны, чем-то более возвышенным, нежели современный. С другой же стороны, древний мир, действительно возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, форму и заранее установленное ограничение. Он дает удовлетворение, которое человек получает, находясь на ограниченной точке зрения, тогда как современное не дает удовлетворения; там же, где оно выступает самоудовлетворенным, оно — и ошло» (Маркс К., *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, 1940, с. 20). Полное осуществление эстетического И. основоположники марксизма видели не в прошлом, а в будущем, в социалистич. революции, к-рая признана разрешить противоречия бурж. общества.

Высший идеал Маркс и Энгельс видели в коммунистич. преобразовании обществ. отношений, при к-ром только и возможно действительно свободное и гармонич. развитие человек. личности. В борьбе за коммунистич. преобразование общества происходит слияние обществ. и эстетич. И. Идеальные цели и стремления людей впервые в философии марксизма были поставлены в связь с задачей практич. преобразования мира. Особой критике подвергли Маркс и Энгельс всякого рода иллюзии и утопич. И.; они показали, как в разные эпохи осуществляются «задачи своего времени», какие «идеалы, художественные формы и средства самообмана» возникают в процессе развития общества и как все это связано с экономикой, классовой борьбой и развитием художеств. культуры. В философии и эстетике марксизма впервые в истории идеологич. художеств. деятельность получила свое научное материалистич. истолкование. Мир идей, идеальные цели, художеств. И. нашли свое объяснение не как творчество божеств. сил, а как результат преобразования в сознании людей окружающей их действительности. Ленин, развивая в новых историч. условиях марксистскую эстетику, утверждал мысль о том, что подлинно коммунистич. политика и подлинное иск-во совпадают в своих И. Он неустанно призывал показывать «...во всем его величии и во всей его прелесть наш демократический и социалистический идеал...» (Соч., т. 9, с. 93). Непременное условие всякого искусства есть отражение действительности, поэтому идеальная цель, идея «... есть познание и стремление (хотение) [человека]...» (Соч., т. 38, с. 186). С ленинской теорией отражения связано и другое важнейшее положение его эстетики — мысль о роли вымысла, *фантазии* в художеств. творчестве. В борьбе с махистами Ленин сочувственно процитировал мысль Фейербаха о том, что «...произведения фантазии тоже — произведения природы, ибо и сила фантазии, подобно всем

остальным силам человека, есть... по своему происхождению сила природы...» (Соч., т. 14, с. 106). Фантазия, мечта, художеств. вымысел имеют право на жизнь лишь в том случае, если они не противоречат действит. развитию жизни. Идеальная цель, основанная на предвидении реального хода истории, не уходит от действительности, а помогает лучше познать ее закономерности. В этом смысле, — говорил Ленин, — «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (там же, т. 38, с. 204). Ленин выдвинул И. иск-ва, поставленного на службу интересам широких народных масс, связанного с народом, уходящего своими корнями в народную жизнь.

В иск-ве социалистич. реализма эстетич. И. приобрел огромное значение в связи с утверждением положения, начала, образа героя, воплощающего И. эпохи. Иск-ву социалистич. реализма чужды И., оторванные от революц. практики борьбы за построение социализма. Сила социалистич. иск-ва — в тесной связи с жизнью народа, в истинности его эстетич. И. Коммунистич. эстетич. И. дает художнику полную возможность для слияния в его творчестве личных и художеств. устремлений и обществ. потребностей.

В. Муриан. Москва.

Идеал нравственный — представление о всеобщей норме, образце человек. поведения и отношений между людьми, выражающее исторически определенное понимание цели жизни. По словам Ленина, нравственный И. представляет собой «морально высшее» (см. Соч., т. 38, с. 57). Нравств. И. тесно связан с обществом, политич. и эстетич. идеалами, отражает исторически определ. интересы того или иного класса или общества. Объективную основу содержания нравств. И. в классовом обществе составляют классовые интересы. Передовой нравств. И. служит целям борьбы за достижение более высокого обществ. устройства, за воспитание нового человека.

Термин «нравственный И.» возник в этике лишь в 18 в. Однако во всех предшествовавших теориях представление о нравств. И. содержалось в учениях о высшем благе (*summum bonum*), о добре, о смысле жизни и т. д. Понятие о нравств. И. развивалось в русле общей борьбы материалистич. и идеалистич. учений о нравственности. В идеалистич. концепциях нравств. И. рассматривался либо как абсолютный, вечный закон поведения, определяемый богом, либо как произвольная, индивидуальная норма поведения личности. В др.-инд. философии, напр. в *брахманизме*, высшая цель жизни состояла в соединении души с богом, тогда как земные цели признавались суетными, недостойными. Для Сократа и Платона высшее благо заключается в божеств. мудрости; человек может лишь приблизиться к идее добра, ибо достичь блага, значит «уподобиться божеству». Напротив, материалисты выводили И. из конкретных потребностей и интересов жизни людей, искали пути осуществления идеала в действительности. Так, в Древней Индии чарваки видели высшую цель в наслаждении земными благами. Аристотель, выступая против идеализма Платона, писал: «...Люди образуют понятия блага и блаженствасообразно с жизнью, которую они ведут» («Никомахова этика», 1, 3; рус. пер., СПб, 1908). Истинное же благо состоит в созерцат., теоретич. деятельности, к-рая проводится ради нее самой. Эпикур, считавший целью человек. жизни стремление к духовному наслаждению и дружбе, видел высшее благо в отсутствии страданий. «Благополучием и счастьем обладает не обилие денег, не высота положения, не должности какие-либо или силы, но свобода от печали, умеренность чувств и расположение души, полагающее (всему) пределы, назначенные природой» («Античная философия», К., 1955, с. 275). Ограниченность концепции Эпикура проявилась в идеализации состояния *атараксии*.

Стоицизм подготавливает, а христианство осуществляет полный отрыв нравств. И. от действительности. Нравств. И. средневековья, теоретически обоснованный в сочинениях *Августина* и *Фома Аквинского*, выражает призыв к осуществлению начертанных богом заповедей смирения, терпения, отречения от земных радостей, вселенской любви к ближнему. Образец нравств. поведения воплощен в идеальной личности святого, аскета.

Развитие обществ. жизни в новое время, появление нового класса буржуазии сопровождалось энергичной борьбой с феодализмом, со ср.-век. моралью, с христ. нравств. И. Франц. материалисты 18 в. (*Гельвеций*, *Гольбах*) обосновывают оптимистич. нравств. И., основанный на жизненных потребностях людей, проникнутый духом борьбы за освобождение от насилия. Нормой поведения признается правильно понятый личный интерес, направленный к достижению обществ. блага. Идеальной франц. материалисты признавали жизнь, сообразную природе, достижение земного счастья. В дальнейшем понятие обществ. блага как И. наполняется бурж. меркантильным содержанием и сводится у утилитаристов (см. *Утилитаризм*) к пользе, а у совр. прагматистов (см. *Прагматизм*) к личной выгоде, к-рую можно извлечь, приняв тот или иной И. поведения.

Выступая против этики франц. материалистов, Кант объявил источником нравств. И. абстрактный разум, диктующий нравств. закон. «...Еще более, чем идея, удалено от объективной реальности то, что я называю идеалом» («Критика чистого разума», СПб, 1915, с. 333). Идеал, по Канту, — недостижимый первообраз, но стремление к нему заставляет человека повиноваться силе долга (см. *Категорический императив*). Гегель, рассматривая И. идеалистически, т. е. как идею, воплощенную в действительность, сумел тем не менее вскрыть диалектику субъективного и объективного в И.

Против идеалистич. отрыва И. от действительности выступил *Фейербах*, к-рый связал проблему И. с проблемой целостного развития человека. «Наш идеал не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо; наш идеал это — цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек» (Избр. филос. произв., т. 2, М., 1955, с. 778). Однако Фейербах пытался создать вечный, абстрактный И., игнорируя социальную природу человека. Путь к достижению нравств. И., по Фейербаху, — всеобщее примирение и любовь людей друг к другу.

Преодолеть ограниченность франц. материалистов и Фейербаха стремились русские революц. демократы. Идеальной личностью они провозгласили революционера-борца, твердого, выдержанного, самоотверженного, закалившего в борьбе с трудностями и лишениями волю и характер, подчинившего свою личную жизнь интересам борьбы за счастье народа. Идеал «новых людей» выступает как образец нравств. поведения передовых людей России, профессиональных революционеров. Чернышевский писал, что на той высоте, на к-рой стоят «новые люди», должны стоять все.

В бурж. этике 20 в. в решении проблемы И. усиливается тенденция к субъективному идеализму, уходу от действительности и ее проблем. *Позитивизм* (Р. Карнан, А. Айер, Б. Рассел) рассматривает нравств. И. с позиций крайнего субъективизма, скептицизма и доходит до оправдания морального волюнтаризма. Айер, являясь представителем *эмотивизма*, считает моральные суждения полностью субъективными, чистыми выражениями чувства, к-рые не могут быть ни истинными, ни ложными. Все моральные проблемы он сводит к проблемам языка, а понятие И. и вовсе изгоняет из этики. Каждый волен следовать любому И., ибо «ни один образ действия не лучше и не

хуже другого» (Ayer A., *The claims of philosophy*. в кн.: «Reflection on our age», L., 1949, p. 62). Прагматизм (У. Джемс, Дж. Дьюи, Дж. Мид), отвергая логич. позитивизм, рассматривает И. как выход за пределы непосредств. опыта для подготовки к действию: поэтому истинность И. определяется степенью содействия в достижении целей. И. в прагматистской этике — инструмент для осуществления в непосредств. настоящем активного замысла личности. Поэтому, — рассуждает Дьюи, — «реальность важнее для определения поведения, чем многие идеалы, которые столь отвлечены, что становятся невидимыми и недоступными» («Dictionary of education», N. Y., 1959, p. 58).

Представители бурж. теории интереса (Р. Перри, Д. Паркер, Ф. Теннант), развивая субъективистско-идеалистич. концепцию И., рассматривают его как таковой тип человек. отношений, к к-рым личность проявляет интерес. Перри выдвигает принцип уравнительности, к-рый состоит в том, что все интересы представляют одинаковую ценность для личности. Более высокий интерес — это просто более полный. Поэтому максимум добра достигается согласованностью всех интересов.

Еще более откровенным *индивидуализмом*, доходящим до прямой защиты *эгоизма*, отличаются т. н. теории самореализации (М. Коулкинс, Р. Кейбот, Ф. Адлер), в к-рых понятие И. рассматривается как реализация индивидуальных возможностей, заложенных в «человеческой природе». Кейбот, напр., выдвигает моральное правило — «руководствуйся тем, чем ты являешься, следуй чертам своей природы» («The meaning of right and wrong», N. Y., 1933, p. 73). Широко используется в этике понятие бурж. теории ценностей — *аксиологии*. Согласно Н. Гартману, ценности связаны с существованием через посредство «тенденции к реальности», называемой «идеалом, который должен быть» («Ethics», L., 1932, p. 240). Такой И. является формальным условием ценности и остается одним и тем же, хотя сами ценности могут меняться. Высшими моральными ценностями Гартман считает добро, благородство, богатство переживаний и незапятнанность злом.

Экзистенциализм (*Сартр*, *Ясперс*), подчеркивая одиночество и тревогу человек. бытия, сводит нравств. И. к проблеме свободы и выбора. Существование человека предшествует его сущности. Поэтому в процессе своей жизни человек сам создает себя и по мере этого становится человеком. Посредством выбора человек определяет себя. Поэтому, выбрав определ. сущность, образ или тип поведения, он один ответствен за него. Но такой выбор всегда сопровождается тревогой, поэтому человека, определяющего свой путь, терзают муки неуверенности и страха. Согласно экзистенциалистам, нет виновных в бедств. положении человека — он один себя создал таким.

Лживость, лицемерие и цинизм бурж. морали, утра-та обществом высоких нравств. И. выразились в моральной кризисе капитализма. В США выразителями стихийного протеста против существующей бурж. морали явились т. н. «хипстеры» и «битники». Идеалом битников является бесцельность существования. Пренебрежение к моральным и нац. традициям, правилам, к жизненным удобствам — вот характерные черты их мировоззрения. В конечном счете это идеал крайнего индивидуализма. Эти настроения отразились, напр., в позиции мп. амер. деятелей, участвовавших в 1960 в дискуссии по поводу нац. целей Америки. Так, журналист У. Липман заявил, что у сегодняшней Америки отсутствует всеобщая и вдохновляющая нац. цель. «Мы ждем, — пишет он, — что нам будет показан путь в будущее».

«Вечный» разлад между И. и действительностью, к-рый провозглашается бурж. этикой, ликвидируется

в социалистич. и коммунистич. обществе, где создается объективная основа для реализации прогрессивных И. Науч. обоснование нравств. И., его сущности и роли в обществ. жизни дает теория марксизма-ленинизма. Нравств. совершенствование людей является не абстрактной самоцелью, а выступает как одно из средств для достижения обществ. И. Критерием нравств. И. является соответствие нравств. поступков прогрессивным требованиям общества.

Специфика прогрессивных нравств. И. заключается в том, что в них отражаются те стороны или свойства нравств. отношений людей, к-рые еще не утвердились в жизни окончательно, но к-рым принадлежит будущее. И. открывает перед людьми тенденцию нравств. развития человечества, указывает путь нравств. совершенствования людей. Специфика нравств. И. и заключается в нек-ром опережении действительности, в призыве людей к «моральному высшему». В социалистич. обществе создаются объективные условия для возникновения единого нравств. И., к-рый включает в себя представления всех трудящихся об образце жизни и поведении, является воплощением давней мечты людей об истинно человек. отношениях. Нравств. И. коммунизма близок трудящимся всего мира, носит общечеловеч. характер. Идеал коммунистич. нравственности воплощается в образе всеобщего развитой личности. Осн. его черты — широкая образованность, идейность, моральная чистота и физическое совершенство — выражены в моральном кодексе советского человека, зафиксированном в Программе КПСС. Новые социальные отношения коммунистич. общества, которые создаются в самоотверженном труде сов. людей, служат раскрытию всех духовных и физич. возможностей человека. Индивидуализм, конкуренция, враждебность людей друг к другу, порождаемые прежними социальными отношениями, исчезают и на смену им приходят новые обществ. отношения — коллективизм, взаимопомощь, сотрудничество, солидарность. Эти социальные отношения являются основой действительно человек. чувств — идеалов целеустремленности, пользы обществу, дружбы, любви и т. д.

В социалистич. обществе есть объективная возможность для претворения идеалов в жизнь, в реальную действительность. Они формируются в процессе трудовой деятельности людей по переделке мира, являются результатом коммунистического воспитания.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Ленинград. Соч., 2 изд., т. 3; Маркс К., *Критика Готской программы*, там же, т. 19; Ленин В. И., *Что такое «друзья народа»...*, Соч., 4 изд., т. 1; его же, *Что делать?*, там же, т. 5; Плеханов Г. В., *К вопросу о развитии монистического взгляда на историю*, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956; Программа КПСС, М., 1961; Материалы XII съезда КПСС, М., 1961; Кампанелла Т., *Город Солнца*, М., 1947; Мор Т., *Утопия*, М., 1953; Фурье Ф. Ш., Избр. соч., т. 1—4, М.—Л., 1951—54; Оуэн Р., Избр. соч., т. 1—2, М.—Л., 1950; Селсмон А., Избр. соч., т. 1—2, М.—Л., 1948; Кант И., *Критика способности суждения*, пер. [с нем.], СПб., 1898; Фихте И. Г., *О достоинстве человека*, в кн.: Избр. соч., пер. [с нем.], т. 1, [М.], 1916; Шиллер Ф., *Письма об эстетическом воспитании человека*, Собр. соч., т. 6, М., 1957; Шеллинг Ф., *Система трансцендентального идеализма*, пер. с нем., М., 1936; Гегель Г. В. Ф., *Наука логики*, ч. 1—2, 2 изд., М., 1929; его же, *Лекции по эстетике*, Соч., т. 12, М.—Л., 1938; Каутский К., *Предшественники новейшего социализма*, т. 1—2, М.—Л., [1924]—25; Волгин В. П., *Гуманизм и социализм*, М., 1955; Илфшиц М., *Странный социализм*, «Новое время», 1958, № 9, 10, 13.

Идеал эстетический: Стурдза А., *Идеал и подражание в изящных искусствах*, «Москвитин», 1842, № 9; Иванцов Н., *Несколько слов об идеалах в искусствах*, «Вопр. философии и психологии», 1899, кн. 47, с. 250—96; Дебольский Н. Г., *Об эстетическом идеале*, там же, 1900, кн. 55, с. 759—816; Новиков И., *Об идеале в изящных искусствах...*, «Тр. об-ва любителей российск. словесности», 1924, т. 4—5; Илфшиц М., И. И. Виндельман и три эпохи буржуазного мировоззрения, в сб.: *Вопр. искусства и философии*, М., 1935, с. 5—79; Мейлах Б., *О типичности и эстетическом идеале в литературе*, «Звезда», 1953, № 1; Маца И. Л., *Об эстетическом идеале эпохи социализма*, в кн.: *Материалы*

по теории и истории искусства, М., 1956; Рюриков Б., *Эстетический идеал и вопрос о положительном герое*, в его кн.: *О богатстве искусства*. Сб. статей, М., 1956; Шегидя Н. И., *О социальной природе эстетического идеала*, «Тр. Воронежского гос. ун-та», 1957, т. 60, вып. 1, с. 35—42; Гей Н., *Проблема идеала в литературе*, в кн.: *Проблемы теории литературы*, М., 1958, с. 58—99; Шестаков В., *О характере античного эстетического идеала*, «Вестн. истории мировой культуры», 1959, № 2 (14); Лосев А., *Классическая калогатия и ее типы*, в сб.: *Вопр. эстетики*, [вып.] 3, М., 1960; Пажитнов Л., *Всестороннее развитие личности и искусство*, там же, вып. 4, М., 1960; Шрагин Б. И., *К вопросу об идеале и правде*, в сб.: *Против ревизионизма в эстетике*, М., 1960; Landsberg G., *Untersuchungen über die Theorie der Ideale*, Breslau, 1890; Svoboda A., *Ideale Lebensziele. Kritisches, Geschichtliches und Philosophisches*, Tl 1—2, Lpz., 1901; Horneffer E. und Horneffer A., *Das klassische Ideal. Reden und Aufsätze*, [2 und 3 Aufl.], Lpz., 1906; Schlesinger A., *Der Begriff des Ideals*, Lpz., 1908; Bertin G. M., *L'ideale estetico*, Varese—Mil., 1949; Träger C., *Schiller als Theoretiker des Übergangs vom Ideal zur Wirklichkeit*, «Sinn und Form», 1959, Jg 11, H. 4, S. 546—76.

Идеал нравственный: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 34, 420—21, 433; Ленин В. И., *Задачи союзов молодежи*, Соч., 4 изд., т. 31; Гегель, Соч., т. 3, М., 1956, с. 89, 92—96; Фейербах Л., Избр. филос. соч., т. 2, с. 776—79, 799, 801—03; Каутский К., *Этика и материалистическое понимание истории*, пер. с нем., [М.], 1922; Шпшкин А., *Основы коммунистической морали*, М., 1955, с. 44; Громов Е. С., *Проблема идеала в философии*, «Вопр. философии», 1960, № 12; Лекция по марксистско-ленинской этике, М., 1960, с. 90; Тугаринов В. П., *О ценностях жизни и культуры*, Л., 1960, с. 8; Энгельс Я., *Некоторые проблемы научной этики*, пер. с чешск., М., 1960; Гуляев К. И., *За обогащение тематики марксистской этики*, в кн.: *Проблемы философии*. Сб. работ современных румынских философов, пер. с рум., М., 1960, с. 351—83; Архангельский Л. М., *О коммунистическом нравственном идеале*, «Вопр. философии», 1961, № 11; Berkson I. B., *Ideal and the community: a philosophy of education*, N. Y., 1958; *Encyclopedia of morals*. Ed. by V. Fern. N. Y., [1956]; Gaultier P., *L'ideal moderne*, 2 éd., P., 1908; Rand B., [собр.], *The classical moralists*, L., 1910, p. 740, 760; Tsanoff R. A., *Moral ideals of our civilization*, N. Y., 1942.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ (процесс идеализации) — мысленное конструирование объектов, не существующих и не осуществимых в действительности, но таких, что для них имеются прообразы в реальном мире; процесс образования понятий, реальные прототипы к-рых (т. е. предметы действительности, отраженные в данных понятиях) могут быть указаны лишь с той или иной степенью приближения. Примером понятия, являющегося результатом И., может быть «точка». В отличие от таких понятий, как, напр., «стол», «дерево», «животное» и т. п., реальные представители к-рых (т. е. предметы, обладающие теми свойствами и отношениями, к-рые составляют содержание этих понятий) могут быть найдены в самой действительности (мы, не колеблясь, говорим, напр., про данную конкретную березу, что «это — дерево»), невозможно найти в реальном мире представителя понятия «точка», т. е. объект, к-рый не имел бы ни длины, ни высоты, ни ширины. Аналогичный характер имеют понятия «пряма линия», «окружность» (математика), «точечный электрич. заряд», «абсолютно черное тело», «инерция» (физика) и др. Процесс И. характеризуется отвлечением от таких свойств и отношений, к-рые необходимо присутствию предметам реальной действительности, и введением в содержание образуемых понятий таких признаков, к-рые в принципе не могут принадлежать их реальным прообразам. О понятиях, являющихся результатом И. (их часто наз. просто идеалами или идеями), говорят, что в них мыслятся идеализированные (или идеальные) объекты. Идеализированные объекты — это всегда лишь объекты рассмотрения, принципиально не могущие иметь бытия, подобного бытию конкретных вещей объективного мира; в этом смысле И. представляет собой отвлечение от невозможности возникновения (в каких бы то ни было условиях) или построения (с помощью каких бы то ни было средств) таких объектов в действительности. Идеализированные объекты следуют отличать от понятий, с помощью к-рых происходит их рассмотрение и использование в позна-

нии; в формализованных языках идеализиров. объектам обычно соответствуют *термы*, а понятиям — *предикаты*.

Познавательное значение понятий об идеализированных объектах основано на том, что в реальном мире существуют прообразы этих объектов. Именно наличием реальных прообразов идеализиров. объектов объясняется то, что, образовав с помощью И. понятие о данном объекте, можно в дальнейшем не обращать внимания на отличие последнего от его прообразов и оперировать с ним в рассуждениях как с реально существующей вещью. Однако различие между понятиями об идеализиров. объектах и понятиями о реально существующих вещах относительно, т. к. процесс образования понятия о любых объектах обязательно в той или др. форме предполагает отвлечение, в известных границах, от такого неотъемлемого свойства последних, как подвижность, изменчивость, текучесть, т. е. предполагает огрубление, конструктивизацию, формализацию предметов действительности; этот процесс, лежащий в основе характерного для формальной логики представления о «жестких» объектах, т. е. объектах, предполагаемых остающимися теми же самыми при повторных упоминаниях о них в данных рассуждениях, также можно рассматривать как И., — как такую И., к-рая спускается в ходе развития живого человек. познания и практики. Однако, когда говорят об И. как об особом типе образования понятий, противопоставляемом процессу непосредств. обобщения чувственно воспринимаемых вещей, имеют в виду не этот, общий для всего познания в целом, процесс И., а такой процесс И., к-рый существенно связан со специфическим содержанием образуемых понятий. И. в этом смысле может происходить в различных формах, одной из к-рых является многоступенчатое абстрагирование и обобщение, в частности многократное применение абстракции отожествления. И. такого вида имеет ведущее значение в образовании математич. понятий. Др. формой И. является мысленный переход к предельному случаю. Такая И. бывает обычно связана с реальными экспериментами, однако сам переход к предельному случаю предполагает уже умственный эксперимент. Суть И. этого вида состоит в следующем: изучая нек-рый объект, мы мысленно выделяем одно из необходимых условий его существования (оставляя вне рассмотрения др. условия); изменяя выделенное условие, мы постепенно сводим его действие к минимуму; если при этом оказывается, что нек-рое свойство (или свойства) все время изменяются в определ. направлении, то открывается возможность осуществить еще один шаг и ввести в рассмотрение объект, обладающий таким развитием данного свойства (свойств), как если бы выделенное условие было полностью исключено. Так получают понятия о таких объектах, как «абсолютно жесткое тело», «несжимаемая жидкость» и т. п. Смысл термина «И.» иногда суживают именно до этого способа образования понятий (в таком случае объекты рассмотрения, вводимые с помощью многоступенчатого абстрагирования и обобщения, часто называются абстрактными объектами, а термин «идеализированный объект» применяют только к объектам, введенным в рассмотрение с помощью перехода к предельному случаю). И. посредством мысленного перехода к предельному случаю играет важную роль в тех разделах естествознания, к-рые подвергаются математич. обработке (напр., физика). Идеализиров. объекты могут вводиться и системой постулатов; однако такое введение (естественное в случае дедуктивного построения науки) становится, как правило, возможным потому, что соответствующие понятия были предварительно сформулированы с помощью И. др.

вида, напр. с помощью какого-либо из двух описанных выше способов.

И. и возникающие на ее основе понятия играют важную роль в познании. Для установления законов той или иной области явлений во мн. случаях необходимо исключить из рассмотрения ряд таких свойств и отношений изучаемых объектов (без к-рых эти объекты реально не могут существовать), учет к-рых заслонил бы существо изучаемого процесса. Так, в механике и электродинамике во мн. случаях целесообразно отвлечься не просто от конкретных размеров объектов, но вообще от наличия у них каких бы то ни было размеров и рассматривать соответствующие законы как говорящие о «материальных точках» или «точечных зарядах», причем в одних случаях «точками» оказываются атомы, а в других — планеты солнечной системы. Эту сторону процесса И. раскрыл Энгельс на примере такого абстрактного объекта, как идеальная паровая машина. В «Диалектике природы» он писал о С. Карно: «Он изучил паровую машину, проанализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает в чистом виде, а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти безразличные для главного процесса побочные обстоятельства и сконструировал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую, правда, так же нельзя осуществить, как нельзя, например, осуществить геометрическую линию или геометрическую плоскость, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неискаженном виде» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 543—44). Введение идеализиров. объектов позволяет осуществлять переход от эмпирически найденных законов к их строгой формулировке, выражать законы на языке математики, производить дедуктивное построение соответствующей области знания. И. необходима при построении абстрактных схем реальных процессов, нужных для более глубокого проникновения в закономерности их протекания; в этом смысле метод *моделирования*, имеющий такое важное значение в *кибернетике*, неотделим от И.

Признаком науч. И., отличающим ее от бесплодной фантазии, является то, что порожденные в ней идеализиров. объекты в определ. условиях и скл. являются, т. е. находят столкновение в терминах идеализиров. объектов. Понятия об идеализиров. объектах, входящие в науч. теории, на той или иной стадии развития науки — через ряд промежуточных интерпретаций или непосредственно — обязательно получают реальное истолкование в к.-л. областях действительности. Существенно, что это имеет место при всяком применении содержащей их теории к решению к.-л. задач, возникающих в естествознании, технике, нар. х-ве и др. областях практич. деятельности. Именно практика (включая практику систематич. науч. наблюдений и экспериментов) подтверждает правомерность тех отвлечений, к-рые порождают понятия об идеализиров. абстрактных объектах, служит критерием плодотворности И. в познании.

Лит.: Горский Д. П., Вопросы абстракции и образования понятий, М., 1961; Эйштейн А. и Инфельд Л., Эволюция физики, пер. с англ., М., 1956; Пойа Д., Математика и правдоподобные рассуждения, пер. с англ., М., 1957. Б. Бирюков. Москва.

ИДЕАЛИЗМ — направление в философии, исходящее из ложного решения *основного вопроса философии* в пользу первичности духа, идеи, сознания, субъективного и вторичности материи, природы, бытия, объективной действительности как в онтологическом, так и в гносеологич. плане. Каждое филос. учение, приводящее к такому решению осн. вопроса философии и отстаивающее это решение в любой отрасли

философии (социологии, этике, эстетике и др.), является идеалистическим. «Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира... составляли идеалистический лагерь» (Энгельс Ф., «Людвиг Фейербах...», 1955, с. 16—17). Любая разновидность И. несовместима с материализмом и противостоит ему как враждебное филос. направление, находящееся в противоречии с наукой.

В силу того что размежевание филос. лагерей происходит по осн. вопросу философии, оно определяет две осн. линии в философии, две партии в философии, объемлющие все последоват. течения. Непоследовательные, половинчатые течения либо колеблются между обоими лагерями, либо стремятся осуществить неосуществимое — сочетать, примирить оба взаимоисключающих воззрения.

Борьба И. против материализма проявляется уже при самом определении И. При этом обнаруживаются две тенденции: во-первых, к неправомерному сужению и ограничению понятия И., позволяющему выдавать за идеалистич. филос. воззрения, на деле принадлежащие к И., и, во-вторых, к искажению критерия размежевания обоих направлений, к перенесению водораздела между ними с осн. вопроса философии на др. вопросы, имеющие частное, второстепенное значение.

Лишенной всякого основания является претензия идеалистов на обоснование т. н. практического И. или даже на отождествление И. с последним. При этом под «практич. И.» разумеется «вера в значение и силу идей и идеалов в личной и общественной жизни, формирование и развитие человеческих отношений, а также стремление исходить из идеальных побуждений, воля к образу жизни и к образу действий соответствующим идеям, к предельному приближению к идеалам» (Eisler R., Wörterbuch der philosophischen Begriffe, Bd 1, В., 1927, S. 680).

На самом деле, отрицание идеалистич. решения осн. вопроса философии отнюдь не связано с отрицанием действительной роли идей и идеальных побуждений в чело-веч. деятельности и обществ. жизни и тем более не влечет за собой приятия или ограничения стремлений и идеалов. Идеалистич. утверждение первичности идей и вторичности объективной действительности лишь закрывает путь к науч. пониманию реальных основ, происхождения, развития идей и к установлению объективных возможностей их осуществления, превращения идеалов в действительность.

Широко распространено в бурж. философии ограничение понятия И. сферой гносеологии и противопоставление И. не материализма, а реализма как теоретико-познават. концепции. Такое понимание дезориентирует в борьбе филос. направлений, неправомерно сужая понятие И. и выдавая за не-И. (реализм) филос. учения, допускающие идеалистич. интерпретацию бытия. При этом понятием реализм объединяются несовместимые филос. учения, признающие самостоятельность объекта познания по отношению к его субъекту, независимо от того, как понимаются объект и субъект — материалистически или идеалистически. Эта дезориентация усугубляется тем, что подобное неправильное употребление, ограничение понятия И. позволяют выдавать разногласия в идеалистическом лагере между многочисленными разновидностями филос. И. за критику И. вообще. Так, напр., параграф 2-го изд. кантовской «Критики чистого разума», озаглавленный «Опровержение идеализма», на деле представляет собой критику одной формы И. (феноменализма) другой его формой (трансцендентальным идеализмом). Равным образом «Опровержение идеализма» Мура порождает отнюдь не с И., а лишь с определенной (феноменалистической) его

разновидностью. Идеалистич. сущность т. н. реализма и, в частности, неореализма (к которому принадлежит и Мур) явствует из деклараций самих представителей этого направления, не оставляющих сомнения в том, что они идеалистически решают осн. вопрос философии. Так, напр., по словам *Александера*, можно «приписать „духовность“ всем вещам вообще в различной степени» («The basis of realism», см. «Proceedings of British Academy», v. 6, L., 1914, p. 32).

Нельзя согласиться с выводом, к-рый делается на основании многозначности термина «И.» в употреблении различных философов: «Следует как можно меньше пользоваться этим термином, значение которого столь неопределенно» (Lalande A., Dictionnaire philosophique, v. 1, P., 1926, p. 325). Строго придерживаясь определенного, четкого и недвусмысленного значения понятия И. как противоположного материализму, следует, наоборот, постоянно руководствоваться этим определением в классификации филос. течений и для уяснения расстановки сил в борьбе филос. идей.

Отказ от противопоставления И. материализму широко практикуется совр. философами-идеалистами. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина дана глубокая критика махистской претензии обосновать филос. учение, якобы преодолевающее указанную антитезу, и сформулировать воззрения, к-рые, не будучи материалистическими, не были бы вместе с тем идеалистическими. Ленинская критика, явственно вскрывшая идеалистич. характер этих построений, в равной мере относится и к «нейтральным элементам» *Маха* и к «нейтральному монизму» *Рассела*, как и ко всем аналогичным концепциям. «Трудно было бы в наши дни, — читаем мы в статье «Идеализм» в «Краткой философской энциклопедии» Эрмсона, — найти британских философов, которые называли бы себя идеалистами. Многие, конечно, отвергают взгляд, что физическое объекты следует рассматривать как предметы, существующие независимо от опыта, ... но в наши дни не принято называть этих мыслителей идеалистами» («The concise encyclopedia of Western philosophy...», ed. J. O. Urmsion, N. Y., [1960], p. 193). Тот факт, что гл. школы совр. И. (логический позитивизм, экзистенциализм, неотомизм, прагматизм) отрицают идеальность природы своей философии, представляет собой чистой мистификацию. Все они — неоспоримо идеалистич. учения, направленные против материализма. Доминиканский патер Бохенский заявляет, напр., что «идеалистическая мысль является делом прошлого» (Bocheński G. M., Contemporary European philosophy, Berkeley, 1956, p. 72). Факт уклонения от открытого признания своей принадлежности к идеалистич. лагерю свидетельствует лишь о том, что идеалистич. линия в философии настолько скомпрометирована и непопулярна, что мн. философы-идеалисты предпочитают скрывать свою принадлежность к ней. Вместе с тем отказ нек-рых идеалистов именовать себя идеалистами является тактич. маневром, назначение к-рого — объявить беспредметной борьбу двух лагерей в философии и подменить это генеральное размежевание частными разногласиями многочисленных вариаций И. между собой.

Искусство камуфляжа идеалистич. воззрений достигло в 20 в. большого совершенства. Тем не менее «принципиальная координация» *Авенариуса*, расчленение ранее недифференцированного «ощущения» на «акт» и «содержание» («sense-data») неопозитивистами, феноменологич. интенциональность сознания, принявшая у экзистенциалистов форму «бытия в мире» («être-dans-le monde»), так же как и фиктеанское «не-„Я“», полагающее «Я», не выходят за пределы идеалистич. решения осн. вопроса философии. Во всех этих учениях объективная реальность непременно обусловлена сознанием, предполагает его.

Особенно широко практикуется этот тактич. маневр в филос. ревизионизме, поскольку он позволяет обойти решающую проблему партийности в философии. На этой почве, как правило, возводятся все ревизионистские конценции в философии. Последний образец — ревизионизм *Лефевра*, теоретич. фундаментом к-рого является утверждение, будто сама проблема, лежащая в основе противопоставления материализма идеализму, изжила себя, превратилась в историко-филос. пережиток, лишенный теоретич. интереса и практич. значения. В лучшем случае, Лефевр допускает идеалистич. и материалистич. понимание лишь как равно недоказуемые и неопровержимые постулаты, но отнюдь не как основоположения, определяющие все направление филос. мысли. Даже беглого взгляда на совр. философию достаточно, чтобы убедиться в полной беспочвенности и иллюзорности утверждения о превращении борьбы вокруг осн. вопроса философии в анахронизм. Опровержениями этого утверждения полна филос. действительность. Совр. идеалисты, как и идеалисты прошлого, выступают против «наивного уверения авторов учебников, будто первый принцип науки — это признание внешнего мира». Это — слова амер. философствующего физика-идеалиста Маргенау, к-рый продолжает: «Это, конечно, лишенное оснований утверждение, если не полная бессмыслица, и даже самый поверхностный анализ этого тезиса вскрывает его ошибочность: наука не обнаруживает мира по ту сторону опыта, она не познает в своих понятиях никаких свойств, которые могли бы ему принадлежать и не нуждается в них для своего понимания» («Thomas and the physics of 1958», Milwaukee, 1958, p. 35). В том же духе пишет и аргент. философ Ферратер Мора: «...Большинство идеалистов двадцатого века выбросили этот мир (существующий независимо от сознания. — *Ред.*) за борт» («Philosophy today», N. Y., 1960, p. 10—11).

Не менее фальшивым является софизм *Сартра*, согласно к-рому диалектико-материалистич. миропонимание является не чем иным, как формой абс. идеализма на том основании, что материя якобы играет в этой философии ту же роль, какую абс. идея играет в философии Гегеля. Софизм Сартра основан на отождествлении материалистич. объективности с идеалистич. объективацией абс. субъекта. «Идеализмом» при этом оказывается всякая несубъективистская рационалистич. философия, исходящая из бытия, сущности, субстанции, независимо от того, как понимаются эти категории — материалистически или идеалистически.

Термин «И.» вошел в филос. обиход в 17 в. Лейбниц писал о «гипотезах Эпикура и Платона, крупнейших материалистов и крупнейших идеалистов» [«Réplique aux réflexions de Bayle», см. «Opera philosophica» (ed. I. E. Erdmann), B., 1840, p. 186a], правильно рассматривая Платона как крупнейшего представителя антич. И. (как известно, Ленин определял антич. И. как «линию Платона» и противопоставлял ему антич. материализм как «линию Демокрита» — см. Соч., т. 14, с. 117). Т. о., первоначальное употребление этого понятия соответствует тому значению, к-рому оно сохраняет в марксистско-ленинской терминологии. При этом следует отметить, что рассмотрение философии Платона как олицетворения И. хорошо выражает единство онтологич. и гносеологич. постановки осн. вопроса философии, поскольку учение Платона предельно ясно обнаруживает взаимозависимость идеалистич. понимания бытия и познания: «идеи» как сущности и анамнезис (воспоминание души об идеях, к-рые она созерцала до ее соединения с телом) как принцип познания. В таком значении термин «И.» сохранился вплоть до его ограничения и извращения идеалистами в 19 в. и особенно в совр. бурж. философии.

По если термин «И.» позднего происхождения и насчитывает всего около трех веков, то обозначаемым филос. направлением имеет долгую историю, исчисляемую тысячелетиями, что видно уже из принадлежности к нему Платона. Из этого следует, что И. имеет глубокие корни в обществ. бытии и сознании. Надо различать при этом его гносеологич. и социальные корни.

Гносеологически И. коренится в существ. особенностях самого процесса познания, к-рый, совершаясь стихийно, создает возможность идеалистич. искажений. Отвлечение, абстрагирование как важнейшая и необходимая черта познават. деятельности таит в себе возможность идеалистич. искажения познаваемого. «Раздвоенное познание человека и возможность идеализма... даны уже в первой, элементарной абстракции „дом“ вообще и отдельные дома» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 370). Способность мыслить свойство, действие или отношение в отрыве от материальных предметов, обладающих рассматриваемыми свойствами, совершающих данные действия или вступающих в нек-рое отношение, уже создает почву для идеалистич. истолкования понятий, отражающих движение материальных вещей. Она позволяет мыслить общее (понятие, идею) как отдельное существо (см. там же) и рассматривать мыслимые свойства, действия, отношения самостоятельно, поскольку мышление в состоянии оперировать ими в отвлечении от материального носителя. Возможность отлета мышления к И. возрастает по мере того, как оно поднимается на более высокие ступени абстракции. При этом уже не те или иные конкретные свойства, действия, отношения служат основой идеалистич. гипостазирования (превращения в самостоятел. существо), но свойство, действие, отношение вообще рассматривается как особое существо, имеющее самостоятельное, независимое от материи бытие. На самых высоких ступенях филос. и математич. абстракции материальное содержание понятий, отражающих, в конечном счете, различные стороны, грани, связи и отношения материальной действительности, полностью исчезает. Т. о., гносеологич. корни И., обнаруживаемые уже на низших ступенях науч. познания, при оперировании простейшими абстракциями, на высших ступенях абстракции (математизация, формализация, аксиоматизация естеств.-науч. теорий) еще более способствуют перерастанию в филос. И.

Гносеологич. корнем И. является также тот простой факт, что всякое познание — деятельность познающего субъекта, т. е., что всякое познание есть субъективное отражение объективного мира, акт сознания, что бытие выступает в нем как объект восприятия и мышления, отражаемый во внутр. мире познающего субъекта. Поскольку для субъекта бытие познаваемых объектов существует лишь в той мере, в какой оно познается, воспринимается, ощущается, переживается им, создается гносеологическая возможность отождествления сущего с познаваемым (см. *Сознание*). Идеалистическое решение основного вопроса философии в этом случае коренится в софизме: все, что мы познаем, может быть только лишь содержанием нашего познания. Софизм этот рассеивается при преодолении абстракции созерцающего человека как только познающего, а не действующего существа. Практика общественного человека, живущего в материальном мире, рассеивает идеалистич. иллюзию познават. отношения субъекта и объекта как единств. отношения: воздействуя на мир и подвергаясь его воздействию, человек соотносится с ним как материальный объект с материальным объектом. Вот почему в обыденном мировоззрении, основанном на «здравом смысле», не искусственном идеали-

стич. софизмами, этот гносеологич. корень И. не уходит питат. среды. Он лишь искусственно насаждается и культивируется философами-идеалистами. В целом «прямолинейность и односторонность, деревянность и ослепленность, субъективизм и субъективная слепота...» — таковы, по словам Ленина, гносеологические корни И. (там же, с. 361).

Сами по себе гносеологич. корни создают лишь возможность идеалистич. отлета мышления от объективной реальности и деформации ее отражения в сознании. Эта возможность при определенных историч. условиях превращается в действительность, и И. существует как прочная многовековая филос. традиция в развитии обществ. мысли вследствие того, что имеются обществ. силы, заинтересованные в этом превращении, культивирующие, отстаивающие и развивающие идеалистич. направление. Речь идет о классовых корнях идеализма.

Социальную почву, благоприятствующую развитию И., создало первоначально отделение умств. труда от физического, при котором «...сознание в состоянии эманицироваться от мира...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., 3, с. 30) и мыслит. деятельность рассматривается как первичная, определяющая, созидательная по отношению к действиям, совершаемым в процессе физич. труда, и вещам, создаваемым в этом процессе. Поскольку умств. труд был первоначально привилегией господств. класса, И. возник и развивался как идеология господств. классов.

Идеалистич. партия в философии не есть партия одного определ. класса — классовые основы И. менялись в ходе истории философии. Идеологи разных эксплуататорских классов попеременно брали на себя миссию обоснования и защиты И., причем те же самые классы на предшествующих этапах своего историч. бытия отвергали И. и содействовали развитию материализма. Как правило, И. был и остается филос. выражением идеологии тех обществ. классов и на той ступени их историч. развития, когда они тормозят социальный прогресс. Как правило, социальной характеристикой классов, теоретики которых культивировали И., является их консервативность и реакционность. Именно интересы этих классов (прямо или косвенно, осознанно или неосознанно) стимулируют превращение гносеологич. корней И. в развитие идеалистич. системы, поощряют и закрепляют И. Связь между классовым интересом господств. классов и идеалистич. строем мысли основывается на том, что И. воссоздает бытие в мышлении не таким, каково оно есть на самом деле, способствует искажению и сокрытию объективной истины. Он уводит сознание от реального бытия, направляет устремления людей с преобразования объективной действительности на изменение субъективного отношения к этой действительности и тем самым способствует сохранению того, что есть, таким, как оно есть. Вот почему, по мере того как тот или иной обществ. класс приходит к господству, устанавливает новую форму эксплуатации и теряет свои бывшие революц. устремления, его идеологи совершают переход от материализма к И. — филос. опоре мировоззрения, благоприятствующего охране существующего строя в антагонистич. обществ. формациях. Такова классовая основа динамики борьбы партий в философии, выражающей борьбу обществ. классов.

Эта общая закономерность в ряде случаев нарушалась в истории философии в силу конкретно-историч. условий развития и относит. самостоятельности идеологии. В отд. странах при определенном стечении историч. обстоятельств борьба прогрессивных классов против противников велась в сфере философии в форме противопоставления одних идеалистич. течений другим. Обычно такая расстановка филос. сил характеризует ранние, незрелые, неразвитые стадии классов-

вой борьбы. Так было с выступлением с позиций платонизма против аристотелизма в эпоху раннего Возрождения (впоследствии, на более позднем этапе развития философии *Возрождения* платонизм уступил место материалистич. тенденциям). Такую же роль играл платонизм на исходе средних веков у народов Кавказа и отчасти в арабоязычной философии в борьбе против клерикального догматизма. В известной мере это относится и к классич. нем. И. как нереволуционной, но вместе с тем антифеод. идеологии бюргерства накануне бурж.-демократич. революций.

Специфич. форму религ.-идеалистич. воззрений принимает идеология угнетенных классов, враждебных существ. строю, но не имеющих реальных предпосылок для победы или отчаявшихся в возможности социального преобразования и притом, вследствие культурной отсталости, неспособных преодолеть форму господств. идеологии. Так было в рабовладельч. обществе при возникновении раннего христианства. Так было в период крест. войн европ. средневековья и демократич. движений в тот же период во мн. странах Востока.

В развитии философии И. в целом играл отрицат. роль, задерживая прогресс философской мысли, воплощенный в развитии материализма. Однако никогда не будучи истинным, И. вырастает на живом дереве живого, плодотворного человек. познания (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 360—61). И. не является беспочвенным. Он стремится приобрести опору в самом развитии познания. И. улавливает и использует те или иные грани, черты истины, придавая им одностороннее, преувеличенное значение, раздувая их и превращая «в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный» (там же). Вот почему в борьбе против И. необходимо учитывать гносеологич. корни опровергаемых теорий и, высвободив их от И., придать правильное направление их развитию.

В домарксистский период истории философии в борьбе против материализма И. использовал то обстоятельство, что материализм, сосредоточившись на первичном, материальном, объективном, на реальном содержании исследуемых фактов, оставлял в тени, в пренебрежении вторичные, субъективные, формальные стороны этих фактов, упрощая, схематизируя действительность. И. широко использовал и др. слабости и ограниченности старого материализма (созерцательного, не понимавшего роли практики, чуждого идее развития и диалектич. противоречивости бытия), раздувая эти именно черты и принципы, превращая их в самостоятельные, независимые по отношению к материи, к объективному содержанию осмысливаемых процессов. По мере того как высшая диалектич. форма материализма преодолевала узость, ограниченность, односторонность старого материализма, идеалистич. философия теряла и это основание своего существования, лишалась своего «рационального зерна».

На всех ступенях развития И. состоит в кровном родстве с религией и, по сути дела, в своих последоват. формах есть не что иное, как философски выраженное религ. миропонимание. Религия, как известно, гораздо древнее идеалистич. философии. Уже анимизм придает религии идеалистич. характер. Но как самостоят. философия, как отделенная от религ. веры, догматики и культа форма обществ. сознания, И. сформировался значительно позже как реакция на появление стихийно-материалистич. философии. Стихийный материализм возник как стремление создать независимое от религии миропонимание, основанное всецело на эмпирич. и рачион. данных, в противовес религ. мифологии. Идеалистич. философия первоначально появилась как реакция на антич. материализм, как стремление отстоять сущность религ. миропонимания на новом, филос. попроще новыми логич. сред-

ствами. Главное в религ. мировоззрении — признания сверхъестеств. мира, притом как первичного, основополагающего и высшего — нашло свое филос. выражение в филос. учениях о примате духовного, идеального первоначала. В свою очередь, идеалистич. философия способствовала денатурализации религ. представлений. Эту свою роль опоры религии в освоивших рациональное мышление умах И. сохранил на протяжении всего последующего своего развития. Совр. иррационалистич. формы И. не составляют исключения; ведь филос. иррационализм — это не что иное, как «рационально» обосновываемый *иррационализм*. Сказанное относится также к агностицизму и феноменалистич. вариациям И. Изымая *онтологию* из сферы филос. компетенции, они отдают ее во власть веры (от «животной веры» *Салтааны* до мистич. «скачка» у Маргенау). У «логических аналитиков» реабилитация религии приняла форму признания «религиозного языка» как одной из закономерных форм языкового многообразия наряду с науч. языком, т. е. как равноправной с наукой и несоизмеримой с ней формой сознания. «...Идеализм философский есть... дорога к поповщине через о́дн из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека» (там же, с. 361).

Роль филос. И. по отношению к развитию науч. мысли явствует из сказанного выше. И. приспособляется к развитию науч. знаний, с одной стороны, используя их неполноту, историч. ограниченность, с другой стороны, пытается истолковывать науч. выводы в идеалистич. духе, вопреки тому, что каждый новый шаг в развитии науки всецело подтверждает материализм и опровергает И. Идеалистич. интерпретация науч. выводов либо ограничение значения знаний и допущение вненаучных филос. идей и теорий — таковы осн. функции филос. И. по отношению к достижениям науч. мысли. И. постоянно противодействует адекватному, материалистич. освоению философией новых знаний и выработке универсального, строго и последовательно науч. мировоззрения. На этой почве происходит непрерывная борьба двух лагерей в философии во всех областях знания («физич. И.», «физиологич. И.», семантич. И. и т. д.).

Из марксистского понимания социальных и гносеологич. корней И. вытекает предвидение историч. перспективы отмирания идеалистич. философии. Поскольку с утверждением коммунистич. обществ. строя исчезает социальная почва идеалистич. фальсификации миропонимания, проблема преодоления (вернее, предотвращения) рецидивов И. сводится к обучению критич. мышлению, умению оперировать абстракциями, гносеологич. выучке. Идеалистич. заблуждения будут рассеиваться по мере преодоления гносеологич. корней И., не перерастая в идеалистич. системы философии.

Поскольку филос. И. имеет долгую и многообразную историю, представляет значит. интерес классификация осн. форм идеализма, появившихся и взаимодействовавших между собой на разных ступенях истории философии. Одна из первых и самых значит. попыток классификации форм И. изложена в кантовской «Критике чистого разума». В 1-м изд. этого произведения И. определяется как учение об «идеальности внешних явлений» (М., 1914, с. 367). При этом Кант различал догматич. и скептич. идеалистов, под первыми разумя тех, «кто отрицает существование материи», а под вторыми тех, «кто сомневается в существовании материи, т. к. считает его недоказуемым» (там же, с. 377). Во 2-м издании «Критики...», определяя И. как теорию, признающую «существование предметов вне нас в пространстве или только сомнительным и недоказуемым или ложным и невозможным» (там же, с. 274), Кант, сохраняя разделение И.

на два вида, называл первый из них, как и раньше, «догматическим идеализмом» (при этом он ссылался на *Беркли*), а обозначение «скептический идеализм» заменял «проблематическим идеализмом» (ссылаясь при этом на *Декарта*). Однако и в том и в др. случае у Канта речь идет лишь о том, что он называет «материальным идеализмом», соответствующим тому, что в первом издании называлось им «эмпирическим идеализмом» (там же, с. 236). От «материального идеализма» в его двух формах Кант отличал «трансцендентальный (или «формальный») идеализм», к-рый определяется им как учение, утверждающее, что все явления суть только представления, а не вещи в себе, и что соответственно этому пространство и время суть только чувств. формы нашего наглядного представления, а не данные сами по себе определения или условия объектов, как «вещей в себе» (там же, с. 369). Такого рода И., впоследствии названным Кантом «критическим», является, как известно, учение самого Канта. «Опровержение идеализма» направлено, т. о., лишь против «материального идеализма», а не против И. вообще. Нетрудно заметить осн. недостаток кантовской классификации: она охватывает лишь осн. формы субъективного идеализма (так что платонизм, напр., не объемлется его понятием И.).

Марксистская классификация форм И. строится, исходя из того, как понимает И. духовное первоначало и познающий субъект. Важнейшее подразделение состоит в различении субъективного и объективного И. в зависимости от того, берется ли за отправное сознание в его субъективности, в его психич. определениях, как ощущающее, познающее, чувствующее, волящее, либо же дух, сознание объективируется и рассматривается субстанциально, вне и независимо от человека. В первом случае устоем И. служит «Я», субъект, личность (или личности); во втором — идея, дух как трансцендентное (потустороннее) по отношению к сознанию. В совр. бурж. философии решительно преобладает субъективный И. в различных вариантах. И. может быть индивидуалистическим (тяготеющим к *солипсизму*), плюралистическим (множество личностей в «персонализме») и «коллективистским» («социально-организованный опыт» *Богданова*). В зависимости от того, какая форма познания доминирует, И. может быть сенсуалистическим, рационалистическим либо иррационалистическим (последняя форма преобладает в совр. бурж. философии). И. может строиться на понятии родового сознания или национального духа, либо на безличных субстанциальных определениях («идеи» Платона, «мировой разум» *Гегеля*). Когда объективированная идея рассматривается как субъект (Гегель), формируется т. н. *абсолютный идеализм*. В зависимости от того, понимается ли духовное первоначало как единство или как множество, И. принимает либо монистическую (*Шеллинг*, Гегель), либо плюралистическую форму (*монадология*, персонализм). Он может выступать как *панлогизм* (у Гегеля) либо как *волюнтаризм* («мировая воля» *Шопенгауэра*). Наконец, по применяемому методу различаются метафизич. и диалектич. И. (об отд. формах, школах и представителях И. см. соответств. статьи). Эти различные характеристики пересекаются и образуют всевозможные сочетания, обуславливающие многообразные вариации И. Однако за расхождением многочисл. школ И., за их борьбой скрывается единый фронт И., на протяжении всего своего историч. существования противостоящий материалистич. лагерю в философии (см. также *Спиритуализм*). *Б. Выховский*. Москва.

И. рабовладельческого общества. И. как филос. концепция появилась в первых классовых (рабовладельческих) обществах. Он отразил мировоззрение господств. классов, заинтересованных в сохранении традиц. форм социально-экономич. и духовной жизни в

условиях начавшегося разложения господств. религ.-мифологич. представлений, подвергавшихся все более острой критике со стороны первых материалистич. филос. учений. Так возник И. в древних Индии, Китае, Греции. Исходя из трудностей в развитии науч. знания, находящегося еще в зачаточном состоянии, и используя нек-рые из его понятий, идеалисты стремились подкрепить и развить ряд осн. положений религ.-мифологич. идеологии. К числу их принадлежали, прежде всего, анимистич. представления о существовании душ, отделенных от тел (особенно душ человеческих), о мировых нематериальных силах, господствующих над всем существующим. В др.-инд. мысли, в *Ведах* и особенно в *Упанишадах*, это были представления о некоей неопределенной духовной мировой основе — *брахмане*.

В др.-кит. книгах «Шу-цзин» («Книга истории») и «Шя-цзин» («Книга песен») аналогичную роль играли представления о небе как духовной и моральной силе, господствующей над миром и над человеком. В др.-греч. мысли, в «Илиаде» и «Одиссее», а также в др.-греч. трагедии, подобными же были представления о мойре, или судьбе — безличной и нематериальной силе, предписывающей поведение не только людям, но и богам. Если материалисты, к-рые тоже должны были считать с этими представлениями, стремились истолковать их натуралистически, то идеалисты всемерно подчеркивали сверхприродную, сверхъестеств. сущность этих и др. религ.-мифологич. представлений.

В истории древней и ср.-век. инд. философии существовал уже ряд идеалистич. филос. учений, отпочковавшихся от религии. Наиболее характерные из них — *веданта*, основывавшая свое учение на отмеченном выше представлении Вед и Упанишад, *миманса* и *йога*. В др.-кит. философии идеалистич. представления о небе как верховной космической и моральной силе получили развитие в воззрениях *Конфуция* и его последователей. В др.-греч. философии существовал уже ряд идеалистич. учений и школ, как с у б ъ е к т и в н о г о, так и о б ъ е к т и в н о г о И., тесно связанных между собой.

Элементы субъективного И. присущи, в частности, одному из основоположников др.-греч. софистики *Протагору*, выдвинушему принцип, согласно к-рому человек есть мера всех вещей, свойства к-рых ставились в зависимости от его сознания. Этич. учение *Сократа*, повторявшего изречение древнего оракула: «Познай самого себя», также исходило из противопоставления человек. сознания, в к-ром якобы только и коренится всякая истина, и внешнего мира, природы, познание к-рой будто бы недоступно для человека. Однако субъективный И. не был проведен систематически ни в одной из идеалистич. филос. систем древности. Тот же Сократ, доказывая в противоположность софистам возможность общеобязат. знания в области этики, вплотную подошел к объективному И., к-рый и являлся наиболее характерным для древности и средневековья.

Объективно-идеалистич. идеи мы находим и еще ранее в философии *элейской школы* и *пифагорейства*. Классич. система объективного И. была разработана Платоном. Гносеологич. источник платоновского И. — вполне выявившаяся к этому времени в науч.-филос. мышлении громадное значение общих понятий, знания общего в познании (в первую очередь в математике и этике). Объективно-идеалистич. искажение этого процесса Платон и дал в своей теории идей как бесплотных сущностей, единственно действительного, неизменного бытия, противопоставленного им миру конкретных, чувственно-постигаемых, движущихся и изменяющихся вещей, трактуемых как бытие преходящее и неистинное.

Существ. причиной преобладания в древности объективного И. являлась тесная связь, какая еще существовала тогда между философией и мифологией — наиболее всеобъемлющей и наиболее распространенной формой идеологич. жизни древних народов. Платон сознательно сближал свое понимание бытия, природы и человека с мифами об их происхождении и сущности, вводя мифологич. образы и отношения в самую ткань своей философии. Объективный идеализм *Аристотеля* (сочетавшийся у него с материалистич. тенденцией) носил более умеренный характер по сравнению с идеализмом Платона, поскольку вместо платоновских идей как трансцендентных, удаленных от вещей сущностей, Аристотель выдвигал активные формы, имманентные вещам.

С первых веков н. э. происходило усиление влияния различных объективно-идеалистич. учений, все более тесно смыкающихся с религией. Социальную основу этого процесса составлял углубляющийся кризис рабовладельч. способа произ-ва. Для И. первых веков н. э. характерно, с одной стороны, возрастание субъективистских тенденций, выражавшихся в преувеличении роли человек. сознания, противопоставляемого внешнему миру, и приведших к усилению тенденций скептицизма и мистицизма. Вместе с тем этому времени свойственно также распространение объективного И., одна из крайних разновидностей к-рого — *неоплатонизм*. В неоплатонизме мы наблюдаем прямое включение политеистич. религ.-мифологич. представлений языческого греко-рим. пантеона в философские построения. Процесс слияния объективного И. с религией еще более интенсивно протекал в эту эпоху благодаря деятельности гностиков (см. *Гностицизм*), апологетов и особенно т. н. отцов церкви (представителей *патристики*), стремившихся сочетать объективный И. с христианско-монотеистич. вероучением, основывающимся на креационистских представлениях о едином боге, создавшем мир «из ничего». Наиболее типичным и ярким представителем этой религ.-филос. т. зр. был *Августин*, воззрения к-рого знаменовали переход от И. рабовладельч. общества к И. эпохи феодализма. Объявляя человек. душу единственно ценным, в противоположность внешнему миру, объектом познания, а человек. сознание — единственно достоверной реальностью, Августин вместе с тем придерживался объективно-идеалистич. т. зр., поскольку высшей реальностью, постигаемой человек. душой, объявил единого всемогущего бога. Платоновские идеи как идеальные роды, существующие до вещей, этот христ. философ приписывал божеств. уму.

И. феодального общества. Господствующее положение религии как наивысшего обобщения и санкции феодального общества, в к-ром церковь представляла собой важнейшую экономическую и идейную силу, а также зависимость от религии положение И. характерно для последующей эпохи средневековья как на Западе, так и на Востоке. В ранней схоластике на Западе (до конца 12 — нач. 13 вв.) и в современной ей *арабской философии* господствовал объективный И. в его платоновской и неоплатоновской форме, выражавшейся в эту эпоху преим. в виде крайнего *реализма*, согласно к-рому чем более общим является понятие, тем реальнее его существование в качестве самостоятельной, объективной сущности. Исходя из этого принципа, крупнейший представитель ранней *схоластики* *Ансельм Кентерберийский* развил свое т. н. онтологич. доказательство бытия бога (см. *Бог*) как наивысшей реальности. Прогресс феод. общества, появление в нем гор. классов, оппозиционных по отношению к господств. феод. классу, и идеологически обслуживавшей его мусульм. церкви обусловили развитие более умеренной формы объективного И., основывающейся на аристотелизме и выступившей в виде

т. н. умеренного реализма. Наиболее глубокими и влият. мыслителями мусульм. Востока, у к-рых аристотелизм, сочетаясь с рядом глубоких натуралистич. и материалистич. положений, оттеснил на задний план неоплатонизм, были *Ибн Сина* и *Ибн Рошд*. Аналогичные социальные процессы в Зап. Европе привели к перестройке объективного И., также приобретающего форму более умеренного реализма, основывающегося на аристотелизме. *Фома Аквинский* в борьбе против натуралистич. и материалистич. тенденций *аверроизма*, стремясь также подчинить развивающееся знание религ. вере, произвел последовательно идеалистич. обработку философии Аристотеля, подчиняя ее системе христианско-католич. вероучения.

Осн. объективно-идеалистич. понятием схоластич. философии после Фомы Аквинского стало аристотелевское понятие нематериальной формы, истолковывавшейся как движущее начало всех природных процессов и возводившейся к богу. Находившийся в антагонизме к схоластич. реализму *номинализм*, выражавший одну из материалистич. тенденций в ср.-век. философии, вместе с тем в лице своего крупнейшего представителя *Оккама*, отрицавшего онтологич. реальность общих понятий и истолковывавшего их общность как результат деятельности одного лишь сознания, встал на путь субъективно-идеалистич. интерпретации знания, прокладывая путь этому направлению в новое время.

Среди идеалистич. учений античности и средневековья можно различать монистическую, дуалистическую и плюралистическую формы И. Объективно-идеалистич. система Платона не свободна от дуализма, поскольку материя рассматривается в ней как начало, хоть и неизмеримо более низкое, чем мир идей, но все же существующее независимо от него. Однако в платоновском И., подчеркнувшем решающую роль идеи блага как высшей из идей, подчиняющей себе все другие идеи, доминирует монистич. форма И. Дуализм более характерен для Аристотеля. Его колебания между материализмом и И. выразились не только в том, что Аристотель объявил т. н. первую или нечувств. материю совершенно независимой от деятельности высшей, нематериальной формы, но и в том, что он объявил материальную причину столь же органически необходимым компонентом любой вещи, как и причину формальную (подчинив при этом, однако, первую второй). Монистич. тенденция И. полностью восторжествовала в неоплатонизме, к-рый рассматривал всю природу в качестве эманации внеприродного, сверхчувственного и сверхразумного божеств. единства, а материю истолковывал как конечный результат его деградации, как продукт полного угасания света божеств. первоединства. Монистич. характер И. схоластиков-реалистов обусловлен тем, что они всю действительность подчиняли богу и, таким образом, создавались теософские системы. В И. веданты, а также у *Иоанна Скота Эриугены*, пантеистически рассматривавшего окружающий мир как проявление божеств. всеединства, идеалистич. монизм приобретал более последоват. характер. С другой стороны, *Ибн Сина* и *Ибн Рошд*, воскрешая дуалистич. идеи Аристотеля, приходили к выводу о «совечности» бога и природы и тем самым к отрицанию господств. религ. представлений.

С гносеологической точки зрения, т. е. в зависимости от того, какая форма познания признавалась доминирующей, идеалистич. учения уже в эту эпоху различались как *сенсуалистические*, *рационалистические* и *иррационалистические*. Сенсуалистическими были воззрения Протагора, а также нек-рые гносеологич. положения номинализма, в особенности Оккама. Значительно шире была представлена в эту эпоху

рационалистич. форма И. Зародыш ее в др.-греч. философии следует усматривать в воззрениях мыслителей элейской школы, в частности *Парменида*, впервые энергично противопоставившего разум как источник достоверного знания чувствам человека как источнику знания недостоверного, обманчивого. Это противопоставление разума чувствам было усилено Платоном, у к-рого оно сомкнулось с его идеалистич. пониманием бытия. Всемерно подчеркивая независимость деятельности разума от показаний органов чувств, Платон придал своему рационалистич. И. умозрит.-спекулятивную форму и пытался обосновать его мифологич. представлениями о бессмертии человек. душ. Философия Аристотеля, ценившего, в отличие от Платона, эмпирич. знание, включала значит. элементы сенсуализма. По мере того как древний И. все больше смыкался с религией, рационалистич. элементы уступали в нем место иррационалистич.-мистическим. Так, мистицизм неоплатонизма означал прежде всего попытку выдвигания сверхразумной интуиции, отождествляемой с экстазом, как высшим, подлинным над всеми рациональными источниками средством «познания» бога. Эта гносеология неоплатонизма вполне гармонизировала с его крайне идеалистич. онтологией, прямо включавшей в свою систему религ.-мифологич. представления языка пантеона. У *Августина* мистич. иррационализм был выражен еще более последовательно, чем в неоплатонизме. Он проявился в форме иллюминизма — учения о том, что постижение человеком истины есть результат не столько его собств. усилий, сколько следствие сверхъестеств. божеств. озарения его ума. Мистич. иррационализм принял у *Августина* также форму волюнтаризма, поскольку сущностью человек. сознания он провозгласил не разум, а волю, понимаемую как свободную, ничем не детерминированную. В дальнейшем развитии схоластич. философии, особенно после того как она приспособила к христ. теологии аристотелевскую философию и логику, можно говорить о схоластич. псевдорационализме, до большой остроты отточившем технич. приемы дедуктивной логики, но вместе с тем превратившем эти приемы в сугубо формальное, притом софистическое, иск-во. Против этого «рационализма» выступала христ. мистика (один из виднейших ее представителей — *Бернар Клервоский*), отрицавшая за человек. разумом какие бы то ни было права на богопознание и на познание истины вообще. С др. стороны, оппозиционная по отношению к господствовавшему христ. католич. вероучению неоплатоновско-пантеистич. мистика, виднейшими представителями к-рой в ср. века были *Иоанн Скот Эриугена* и *Мейстер Экхарт*, также видевшая в непосредств. интуитивном постижении бога гл. путь богопознания, вместе с тем сочетала это свое убеждение с высокой оценкой человек. разума.

С точки зрения метода истолкования бытия мы встречаем И. метафизический и диалектический. В древности и средневековье преобладал метафизич. И., к-рый, однако, у нек-рых своих представителей сочетался с более или менее значит. элементами диалектики. Хотя платоновский И. был метафизическим и идеи в нем рассматривались как вечные, неизменные, не переходящие друг в друга сущности, а их совокупность образовывала застывшую иерархию, все же в диалогах «Парменид» и «Софист» Платон гл. виды идеального бытия — единство и множество, само бытие, движение, покой, тождество и изменение — рассматривал одновременно и как неизменные, и как находящиеся в постоянном изменении, выступаая как против тех, кто абсолютизирует неподвижность Вселенной, так и против тех, кто абсолютизирует ее изменчивость. В сократич. диалогах Платон разрабатывал диалектику в ее античном смысле как

иск-во добиваться истины путем раскрытия противоречий в суждениях противника. В дальнейшем, благодаря сочетанию объективного И. с христ. креационизмом, прежде всего у Августина, был усилен метафизич. элемент платоновского учения об идеях, последние стали пониматься как неизменные идеальные прототипы вещей, в соответствии с к-рыми бог актом своей воли творит вещи. Однако в неоплатоновско-пантеистич. И., сливавшем бога с природой и склонявшемся к динамич. интерпретации природы, нередко выступали элементы диалектики.

И. в понимании общества и гос-ва уже и в эти эпохи сводился гл. обр. к воззрению, согласно к-рому подлинную основу общества и гос-ва составляют идеи, нравств. обязанности, а не материальные условия жизни. Платон в своей теории «идеального гос-ва» обосновывал принцип, согласно к-рому экономич. и политич. отношения должны быть подчинены отношениям моральным, будто бы составляющим фундамент общества и гос-ва. В дальнейшей истории И., по мере все большего подчинения его религии, респавались в прямой зависимости от божеств. провидения и от событий «священной истории». Такая философия истории Августина («О граде божием»). В дальнейшей истории ср.-век. И. видным теоретиком общества и гос-ва выступил Фома Аквинский, в историч. концепции к-рого материальные интересы и запросы людей объяснялись их религ.-этич. взглядами и обязанностями. И. являлся безраздельно в течение всего этого периода филос. основой теории общества.

И. капиталистического общества (до сер. 19 в.). В эпоху Возрождения в борьбе против схоластич.-перипатетич. И. флорентийскими платониками, Николаем Кузанским и др. мыслителями был возрожден платоновский И., к-рый, однако, в отличие от И. первых веков н. э., сочетался с сильными пантеистич.-натуралистич. тенденциями. Но в 17 в. у кембриджских платоников, ведших ожесточенную борьбу против Гоббса и др. материалистов, натуралистич. тенденции не играли большой роли. Начиная с Декарта в бурж. И. все более настойчиво начинала проявляться тенденция к субъективному И., что, с одной стороны, было одним из отражений развивавшегося бурж. индивидуализма, а с другой — явилось одним из результатов перемещения филос. интересов в область гносеологии: доказательства истинности знания, обоснования его достоверности и т. п. Новые формы были более способны приспосабливаться к развитию науч. знания. Субъективный И. проявлялся у Декарта, а затем и у др. идеалистов, в области гносеологии, в своих же онтологич. концепциях он, в противоречие с собственным материализмом в области физики, приходил к объективному И., утверждая объективное существование духовной субстанции, диаметрально противоположной телесной, а также существование бога как высшей субстанции, объединяющей и согласующей деятельность духовной и материальной субстанций. Эта объективно-идеалистич. линия была продолжена окказионалистами, в особенности Гейлинксом и Мальбраншем. Объективный И., утверждавший существование множества духовных субстанций, или монад, как простейших единиц бытия, объединенных деятельностью верховной монады, или бога, была развита Лейбницем, к-рый абсолютизировал психич. свойство представления, наделив им монады, являющиеся также центрами силы, понимаемой как нематериальное организующее материю начало. Субъективно-идеалистич. тенденция возобладала у Беркли. Однако, стремясь избежать солипсизма, а также желая укрепить идею бога, Беркли переходил на позиции И. объективного, пытаясь доказать реальность индивидуаль-

ных духовных субстанций, человек. душ, а также бога как верховной духовной субстанции. Другой системой субъективного И. была философия Юма, к-рый, в отличие от Беркли, считал недоказуемым существование как материальной, так и духовной субстанций. Одна из теоретич. основ субъективного И. и скептицизма Юма — теоретич. неприятие им объективности причинных связей, трактуемых лишь как результат психологич. ассоциаций, продукт субъективной привычки. Тем самым берклианскую критику материальной субстанции Юм дополнил критикой причинно-детерминистич. взгляда на мир, оказав благодаря этому огромное влияние на субъективный И. новейшего времени.

Как субъективный, так и объективный И. отчетливо представлены в нем. классич. И., отразившем противоречивость историч. и социально-экономич. жизни Германии этой эпохи, в частности противоречивые тенденции в политич. и политич. позициях нем. буржуазии. В основном как субъективно-идеалистическая должна быть охарактеризована филос. позиция Канта, хотя признание им «вещи в себе» означало наличие в его философии и материалистич. тенденции. Начатое уже Декартом гносеологич. обоснование И. получило у Канта детальную разработку. Подчеркивание Кантом сверхиндивидуальности («трансцендентальности») априорных форм человек. сознания открывало возможность и для развития объективного И. Обе эти тенденции были реализованы в дальнейшем развитии нем. И. По линии развития субъективного И. пошел Фихте. Он растворил объект, природу («не-Я») в субъекте («Я»). Последний понимался не только как конкретный человек. индивид («эмпирическое Я»), но и как сверхиндивидуальное, космич. начало («абсолютное Я»), из к-рого должно быть выведено все богатство конкретной действительности. Поскольку осн. филос. позиция Фихте оставалась субъективно-идеалистической, а последняя была слишком узкой базой для развития диалектич. идей, характерных для нем. И., после Фихте в русле этого И. возникают новые объективно-идеалистич. системы. Первую из них создал Шеллинг, разработавший «философию тождества», согласно к-рой первоисточник всего существующего составляет абс. совпадение субъекта и объекта, материи и духа. Идеи Шеллинга оказали значит. влияние на ряд натурфилософов как в Германии (Окен и др.), так и за ее пределами (в России — Велланский и др.). Значительно более строгую и всеобъемлющую систему объективного И. создал Гегель. Утверждая полное тождество мышления и бытия, он провозгласил основой всего сущего «абсолютную идею».

Дуалистический И. представлен прежде всего Декартом, поскольку в его системе, наряду с идеалистической тенденцией, содержалось утверждение о самостоятельности материальной субстанции. Декарт развил в этой связи в своей физике материалистич. воззрения, несмотря на то, что в метафизике Декарт подчинял телесную субстанцию богу. Др. примером дуалистич. И. является философия Канта (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 184), хотя идеалистич. тенденция в его философии — определяющая.

В рассматриваемый период параллельно происходит развитие рационалистич. и сенсуалистич. форм И. Рационалистич. И. был связан прежде всего с осмыслением проблемы достоверности знания, пытался истолковать процесс познания на основе понятий, рассматриваемых как врожденные человек. уму (Декарт, Лейбниц) или на основе присущих ему и якобы априорных форм восприятия и интерпретации фактов опыта (Кант). Рационалистич. И., исходящий из идеи тождества мышления и бытия, из воз-

возможности исчерпывающего построения мира со всем его конкретным многообразием, из понятий и категорий человек. разума, принял у Гегеля форму панлогизма.

С е н с у а л и с т и ч. И. нового времени был присущ прежде всего Беркли и Юму. Первый из них, извращая идеи материалистического в своей основе сенсуализма Локка и используя нечеткость его теории абстракции, рассматривал содержание сознания человека, распадающееся на сумму ощущений (идей), в полном отрыве от внешнего мира, как совокупность имманентных переживаний субъекта. Второй же еще более последовательно и четко проводил эту т. зр., разделяя содержание человек. сознания на восприятия и идеи, являющиеся копиями и сочетаниями копий первых, и лишая как первые, так и вторые какого бы то ни было субстанциального основания.

Наиболее значит. учения иррационалистич. И. были развиты во 2-й пол. 18 — нач. 19 вв., гл. обр. в Германии.

Реакция против рационализма философов Просвещения уже у Руссо привела к выдвиганию чувства как более характерного для человека способа познания мира. Нем. идеалисты Гаман и в особенности Якоби, выступая против рационализма Канта, подчеркивали первостепенное значение чувства и веры в познании и выдвигали на первый план «непосредственное знание», т. е. алогически понятую интуицию. Противопоставление логике — чувства, вдохновения, фантазии, веры и откровения как осн. компонентов иррационалистич. И. становится определяющей филос. позицией нек-рых художников, эстетиков и философов нем. романтизма, а также Шеллинга второго периода его филос. развития.

И. нового времени заключал в себе значительно больше э л е м е н т о в д и а л е к т и к и, чем И. древний и тем более средневековый. Уже Николай Кузанский рассматривал мир как бесконечный, состоящий из противоположностей, совпадающих как в бесконечно большом, так и в бесконечно малом. И. 17—18 вв. был м е т а ф и з и ч е с к и м, поскольку он рассматривал идеи как некое неизменное содержание человек. или божеств. ума. Напр., ни Декарт, ни Лейбниц вследствие антиисторич., метафизич. понимания действительности и самого человек. сознания не были в состоянии решить ни проблемы происхождения принципов человек. знания, ни его способности к обобщению. Аналогичным образом Кант, метафизически противопоставлявший аппарат человек. познания всей действительности как миру «вещей в себе», неисторически трактовал формы познания как неизменные и априорные. Однако в воззрениях этих идеалистов заметны диалектич. тенденции. В своей космогонии Декарт высказал глубокие диалектич. идеи, к-рые, однако, не были связаны с его И. Элементы диалектики имеются также в монадологии Лейбница, подводившей, хотя и на извращенной идеалистич. основе, к мысли о взаимосвязи всех явлений и процессов природы. В истории идеалистич. диалектики большую роль сыграло кантовское учение об антиномиях. Диалектич. характер фиктеанского И. более определен: он выражался в попытке автора «Наукоучения» систематически выводить категории и формы познания, лишь перечисленные Кантом, из единого источника, показать в связи с этим развитие познающего субъекта, а также в антидетич. методе дедукции категорий. Идеалистич. диалектика была методологич. натурфилос. воззрений Шеллинга. Шеллинг возобновил и развил на идеалистич. основе тот принцип совпадения противоположностей, к-рый впервые был выставлен Николаем Кузанским. Всесторонне диалектическим был идеализм Гегеля, изображавшего

развитие всей действительности в результате борьбы противоположностей, в соответствии с законами «отрицания отрицания» и перехода постепенных количеств. изменений в изменения коренные, качественные. Нарисованная в этой связи Гегелем картина взаимосвязи и развития категорий явилась наиболее глубокой разработкой диалектич. метода за всю предшествующую историю философии.

В отличие от И. древнего, а тем более средневекового, И. нового времени не всегда имел тесные и непосредств. связи с конкретными формами религии. Проявлением зависимости И. этого времени от религии и его служебная роль по отношению к ней стал фидеизм, принимавший разнообразие формы. Одна из наиболее характерных для И. нового времени форм фидеизма состоит в развитии скептицизма и агностицизма, принижавших возможности человек. разума и открывавших путь вере. Скептицизм Паскаля, парадоксально сочетавшийся у него с высокой оценкой рационального познания в сфере науки, был связан с религ.-этич. интерпретацией человек. жизни и направлен в сторону мистики. Скептицизм Юма приводил к тому, что в его теории обесценивались теоретич. способности разума и открывалась дорога вере. Более определенно приводил к этим же выводам агностицизм Канта, утверждавшего, что прогресс познания означает не все более глубокое понимание объективных закономерностей мира, а все большее уяснение человек. содержанием своего собственного сознания, «диктующего» познаваемому свои законы. Фидеизм Канта подчеркнут самим философом, утверждавшим первенство «практического разума», отождествляемого с моралью и утверждавшего существование свободы воли, бессмертия человек. души и бога. Иная форма оправдания религии, не связанная с агностицизмом, присуща гегелевскому И., мистифицирующему объективные закономерности, в особенности закономерности обществ. развития, и рассматривавшему свою систему абс. И., как выраженное в логич. понятиях миропонимание, однородное религиозному.

Телеология как одна из форм борьбы И. против материализма широко использовалась идеалистами нового времени. Длит. время, вплоть до возникновения учения Дарвина, цитаделью телеологии оставалась область живой природы. Попытку в общесфис. масштабе подчинить детерминистич. истолкование действительности телеологическому сделал Лейбниц, рассматривавший монады в качестве духовных сил, целесообразно формирующих свои объекты. Др. форма телеологизма присуща Гегелю, согласно к-рому абс. идея — обожествленное человек. мышление — в процессе своего развития стремится к самопознанию, осуществляющемуся в философии самого Гегеля и представляющему собой ту конечную цель, к-рая определяла все развитие с самого начала.

И. в понимании общества в новое время, как и в эпоху средневековья, выступал у нек-рых мыслителей в теологич. форме. Так, согласно *Боссюэ*, в ходе человек. истории проявляется непосредств. руководство божеств. провидения. Более филос. форму эта теологич. идея провиденциализма приняла в философии истории Гегеля, усматривавшего в развитии человечества «хитрость мирового разума» и рассматривавшего историю любого народа как внешнее проявление присущего ему «национального духа».

В борьбе против теологич. концепций обществ. историч. развития большой вклад внесли прогрессивные бурж. мыслители 16—18 вв., к-рые вслед за *Макиавелли* и *Кампанеллой* «...стали рассматривать государство человеческими глазами...» (Маркс К., см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1, с. 111). Однако ни один из этих мыслителей (не только

идеалистов, как Гроций, Руссо, но и материалистов, как Гоббс и Спиноза) не вышел в своих взглядах на общество из рамок И., поскольку все они движущую силу обществ. развития, в частности возникновения гос-ва (договорная теория), видели в человек. разуме, а не в материальных условиях обществ. жизни. Вся бурж. мысль в понимании социальных процессов стояла на позициях И., независимо от принадлежности мыслителя к одному из двух лагерей в философии.

В. Соколов. Москва.

И. 2-й пол. 19 в. и эпохи империализма. Эволюция И. во 2-й пол. 19 в. (после распада гегелевской школы) определялась потерей зап.-европ. буржуазией прогрессивной обществ. роли и фактом возникновения и развития диалектич. материализма. Появление марксистского мировоззрения как идеологии революц. пролетариата вызвало, в конечном счете, глубокую перестройку в бурж. мировоззрении: идеалистич. философия вступила в полосу упадка, после Гегеля в ней возобладала эпигонство, стремление к реставрации и эклектич. соединению наиболее реакционных концепций прошлых эпох.

Произошло изменение самого понятия И. в среде бурж. философов. Все чаще под И. стали понимать только откровенно выраженную объективно-идеалистическую его разновидность, приобретающую характер спиритуализма. Это было вызвано тем, что многие субъективно-идеалистич. учения, а также нек-рые системы, представляющие собой более или менее эклектич. соединение объективного и субъективного И., стали тяготеть к *позитивизму* и *неореализму*, стремясь скрыть свою идеалистич. позицию в борьбе двух осн. направлений в философии. Появилось множество «промежуточных» концепций И., разными способами затушевывающих противоположность И. и материализма. Др. тенденция, связанная с первой, состояла в появлении и распространении иррационалистич. учений, проповедующих бессмысленность всей действительности или человек. существования, тщетность познания и неспособность человек. разума достичь его или же подчиненность его инстинктам, биологич. импульсам и т. д.

Претензия подняться «выше» борьбы материализма и И. и иррационализация последнего связаны в большинстве случаев в И. 20 в. с усилением субъективного И. в несколько завуалированной форме феноменалистич. эмпиризма, согласно к-рому объектом филос. исследования могут быть лишь явления человек. сознания как таковые. Распространение многочисл. позитивистских и вообще феноменалистич. форм И. происходило под флагом «преодоления» спекулятивности и доктринерства, отягощавших И. прошлого времени, и демонстрации мнимого «богатства» и «плодотворности» идеалистич. мысли новейшего времени. В действительности же, весь И. 2-й пол. 19—1-й пол. 20 вв. проникнут агностицизмом и эклектизмом. Это наглядно продемонстрировало уже распространение *неокантианства* (Коген, Риккерт, Натан, Кассирер и др.) в последней трети 19 — начале 20 вв. Вместе с тем бурж. идеалисты предприняли попытки скрыть антинауч. сущность И. и задержать его полное разоблачение в условиях быстрого прогресса науч. познания, доказывающего правоту материализма. Отсюда вытекают, с одной стороны, стремления неомомистов (см. *Неомомизм*) модернизировать свою космологию за счет включения в нее данных совр. естествознания, а с другой — попытки Н. Гартмана, Уайтхеда, Рассела, Шлика и др. путем соответств. обработки науч. данных выдать свой И. за новую «философию науки». В целом на всех системах И. этого времени — печать упадка и деградации. В наибольшей степени это свойственно мифологизирующим концепциям И., получившим развитие в гитлеровской

Германии, и официальной филос. доктрине католицизма, поставленным на службу антикоммунизму. От столь недавно характерного для И. замалчивания успехов материалистич. мировоззрения совр. И. (Веттер, Бохенский, Хук, Ф. Франк и др.) перешел к фальсификации марксистского мировоззрения как средству борьбы против совр. материализма.

В истории И. 2-й пол. 19 — 1-й пол. 20 вв. можно выделить периоды: распада классич. форм И. (40—60-е гг. 19 в.), становления империалистич. идеологии в филос. форме (70—90-е гг. 19 в.) и зрелой бурж. философии эпохи империализма (20 в.), причём в последнем периоде Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало общему кризису капитализма, знаменует и начало более быстрого процесса упадка бурж. мысли и одновременно попыток ее приспособления к новой идеологич. обстановке. Однако нек-рые течения И., возникшие в предшествующий период, существуют и поныне, хотя они и претерпели изменения.

Специфич. приемы борьбы И. против материализма в 20 в. являются: попытки 1) софистически «примирить» материализм с нек-рыми разновидностями откровенного И.; 2) истолковать диалектич. материализм в духе старого, метафизического, а иногда даже вульгарного материализма; 3) изобразить различные разновидности И., в особенности позитивистские, как материализм. Так возникли концепции «методологического материализма», т. е. понимания материалистич. тезисов как правил упорядочения языка наук, лишенных объективного значения (физикализм Карнапа) и «формального материализма», т. е. рассмотрения всех элементов знания как эмпирич. объектов в поле сознания субъекта (физикализм Нейпата).

И. 2-й пол. 19 — 1-й пол. 20 вв., как правило, свойственны враждебность диалектике и крайние метафизичность и механицизм (особенно в неопозитивизме). Неогегельянцы либо пренебрегли диалектикой, либо превратили ее в орудие агностицизма (Брадди), иррационализма (Кронер, Кожев) и социального пессимизма (Либерт и его «трагическая диалектика»). Сторонники т. н. *эмерджентной эволюции* заменили диалектику учением о спонтанных и, по сути дела, необъяснимых скачках в развитии действительности, а экзистенциалисты превратили ее в средство описания якобы неистребимых и неразрешимых противоречий человек. сознания.

Для И. 2-й пол. 19 в. и тем более 20 в. характерно все большее переплетение филос. течений, развивавшихся до этого в отд. странах, чему отчасти способствовало и появление новых форм распространения И. — филос. журналов, периодич. съездов бурж. философов и т. д. Такие течения совр. И., как экзистенциализм, неопозитивизм и неомомизм, характерны для мн. капиталистич. стран, хотя имеет место преимущественное их распространение в нек-рых из них. Напр., во время и после второй мировой войны в Германии и во Франции широкое распространение получил экзистенциализм. В странах англ. языка неопозитивизм опирается на более живые здесь традиции юмовского агностицизма, а неомомизм находит для себя почву преим. в католич. странах (особенно во Франции, в Бельгии, в Италии). В то же время появляются и новые разновидности И., лишь несущественно отличающиеся от осн. течений И. и имеющие небольшое количество приверженцев. Обилие этих разновидностей И. создает иллюзию теоретич. «многосторонности» и укрепляет миф о «самостоятельности» всех этих школок И. как по отношению друг к другу, так и по отношению к политич. силам империализма. Гл. социальную причину «многообразия» форм совр. И. следует видеть в прогрессирующем процессе распада бурж. сознания в эпоху общего кризиса капитализма

и торжества социализма. Вместе с тем эти формы имеют и свои гносеологич. корни, заключающиеся в ряде трудностей и даже кризисных ситуаций, возникающих в процессе развития науч. познания. Т. н. «*философский идеализм*» и «*физиологический идеализм*», возникшие еще в 19 в., продолжают свое существование и теперь. К ним прибавились «математический», «логический» и «семантический» И. Трудности анализа знаковых функций языка и истолкования логико-математич. антиномий и противоречия в развитии осн. понятий субатомной физики послужили почвой для развития неопозитивизма и т. н. «общей семантики». Мистификация социальных причин, вызвавших психологию упадочничества, и абсолютизация чувств тревоги, страха и отчаяния в среде средней и мелкой буржуазии сыграли роль предпосылки экзистенциализма, а также фрейдизма. Неверие в возможность объективного познания — главное в отношении совр. И. к науке.

Процесс разложения совр. И. получил частичное выражение в распространении плюралистич. тенденций (Н. Гартман, Сантаяна, Витгенштейн, персонализм).

Объективный И. в послегегелевский период чаще всего выступал в форме спиритуализма, в виде учения о том, что основа действительности носит личностно-духовный характер. Во мн. случаях спиритуалистич. И. был соединен в той или иной мере с иррационализмом. Во Франции спиритуализм был связан еще с именами *Мен де Бирана* и *Кузена*, а позднее — *Ренюве*, *Лашелье*, *Бутру* и, наконец, *Брюнсвика*, наиболее влиятельного (после *Берсона*) франц. идеалиста 1-й пол. 20 в. В Германии произошло оживление спекулятивного И. в форме учений *Фехнера*, *Краузе*, *Лотце*. Со 2-й пол. 19 в. в Шотландии и Англии (*Стирлинг*, братья *Керд*, *Т. Грин*, *Мак-Таггарт*, *Брэдли*, *Бозанкет*, а позднее *Р. Коллингвуд*), а затем в самой Германии (*Лассон*, *Глокнер*, *Кронер*, *Либерт*, *Марк* и др.) и позднее — в Италии (*Кроче*, *Джентиле*) началось движение *неогегельянства*. Движение это способствовало развитию спиритуализма также и на амер. почве (*Ройс*, *Болдуин*). Тесно связанное с задачами апологии милитаристского империалистич. гос-ва и его экспансионистских стремлений неогегельянство, в отличие от философии самого Гегеля, имело сильную волюнтаристско-иррационалистич. окраску; оно включило в себя элементы субъективного идеализма. Спиритуалистич. формы объективного И. возникли также в результате деятельности амер. персоналистов (*Боун*, *Брайтмен*, *Флюэллинг* и др.), использовавших идеалистич. учение Лейбница и Гегеля для построения мистико-спиритуалистич. концепций мира как комплекса личностей духов. Спиритуалистич. И. характерен для реакц. философии в России кануна Октябрьской революции (*Соловьев*, *Бердяев* и др.). Этой формы И. в разных ее модификациях придерживаются и различные ветви протестантской теологии и т. п. католический модернизм. Названные течения И. имеют немало приверженцев среди лиц, принадлежащих к наиболее реакционным обществ. группировкам в США, но все же в отношении своей влиятельности значительно уступают неотомизму — самому влият. объективно-идеалистич. направлению в совр. бурж. философии, теоретически «обосновывающему» религ. догматику католицизма.

Неотомизм представляет собой теоретич. основу неосхоластики и офнц. философию католицизма (с 1879). Виднейшие совр. представители неотомизма — *Маритен*, *Жильсон*. В своей методологии неотомизм использует старые схоластич. приемы, но в последние годы стал модернизировать их при помощи не только средств совр. символич. логики (аксиоматич. и семиотич. методов), но и элементов неопозитивистской,

гуссерлианской и неореалистич. теорий познания. Образовав спиритуалистич. полюс совр. И., неотомизм, строго следуя догмам католич. теологии, тем не менее, тоже претендует на «преодоление» противоположности материализма и И., поскольку при рассмотрении явлений он допускает позитивистский и даже «материалистический» (т. к. признает существование материи независимо от человек. душ) подход. Наиболее общая теоретич. предпосылка историч. эволюции неотомизма — стремление спасти и укрепить позиции религии от опасного для него развития науч. знаний. С этим связана пропаганда неотомистами мифа о возможности органич. сожительства совр. религии И. и науки. По существу для неотомизма, как и для всего совр. И. в целом, характерно стремление не столько «приспособить» филос. И. к науке, сколько подчинить науку, исказив и принизив ее результаты.

В И. империалистич. периода широко популярна идея примирения философии и богословия. Наиболее гипертрофированную форму она приобрела в откровенно религ. И., напр. у виднейшего представителя религиозно-мистич. философии в России конца 19 в. — *В. Соловьева*. Обвиняя идеалистич. рационализм и эмпиризм в «односторонности», он ратовал за «цельное знание», в основе к-рого было бы мистич. постижение бога. Он пытался «реформировать» философию на базе прямого религ. откровения. Соловьев выступал за «вселенскую церковь» и возникшее на ее началах теократич. мировое общество. Линия религ. И. в России, а затем в белогвардейской эмиграции была представлена Бердяевым и др. Религ. И. развивается в наст. время еврейскими мистиками — «хасидами» в США и нек-рыми мистич. группами в ФРГ и Израиле (*Бурбер* и др.), а также в протестантском иррационализме (*Отто*, *Нибур* и др.). Специфика религ. И. состоит в том, что в этой форме И. стирается различие между теологией и философией; последняя превращается в составную часть самой теологии.

Иррационалистич. И. — наиболее распространенное направление в И. послегегелевского периода. За последние сто лет эволюция иррационализма в нем произошло усиление субъективно-идеалистич. мотивов. Если Шопенгауэр искал внутр. сущность действительности в возвышающейся над отд. индивидуумами слепой воле, а *Э. Гартман*, пытавшийся сделать прививку шопенгауэровского учения к системе Гегеля, — в бессознательном вселенском волевом начале, то у *Ницше* в понимании воли как филос. принципа субъективно-идеалистич. момент уже преобладает: хотя Ницше и заявлял, что его учение выше «традиционной» противоположности материализма и И., его волюнтаристская концепция истины как «удобной лжи» и трактовка им картины мира как «всезменяющейся лжи» свидетельствовали о субъективном И. его учения.

У Ницше противопоставление «удобства» и «выгоды» знанию соединялось с предвосхищавшей идеологию фашизма проповедью аморализма и агрессивной «воли к власти» социальной «элиты». От Ницше через *Зиммеля* линия развития иррационалистич. И. привела, во-первых, к т. н. *философии жизни* в Германии и Франции и, во-вторых, к прагматизму в США, Италии, отчасти в Англии.

Представители философии жизни, примыкая к традициям Гамапа и нек-рых «романтиков» (сам термин «философия жизни» был выдвинут *Ф. Шлегелем* еще в 1827) противопоставили «переживание жизни» теории и вообще дискурсивному мышлению и рассудку. Однако несравненно более реакционный характер приобрела философия жизни в 20 в., в эпоху империализма, и в особенности после Великой Октябрьской социалистич. революции.

Если наступление эпохи империализма привело к усилению антидемократич. и антигуманистич. содержания идеалистич. концепций, к распространению пессимистич. идей, то филос. реакция в лагере И. на пролетарскую революцию в России и последовавшие затем социалистич. обществ. преобразования выразилась прежде всего в усилении антикоммунистич. направленности И., воинствующего антиматериализма и антирационализма. Наибольшим влиянием философия жизни пользовалась в первые три десятилетия 20 в. (она связана с именами *Дильтея*, *Шпенглера*, *Кейзерлинга*, *Клягеса* и Юнгера в Германии, Бергсона во Франции). Шпенглер поставил философию жизни на службу империалистич. политике, превратив мнимый историзм Дильтея в антиисторич. противопоставление различных культур. Клягес пришел к открытому отрицанию разума и культуры, требуя защищать человек. душу от «злодейской» силы разума. Непосредственно в интересах фашизма использовали философию жизни Юнгер и *Боймлер*. Бергсон поставил свое иррационалистич. учение о «жизненном порыве» на службу объективному И. Провозглашенный философией жизни приоритет инстинкта и биологич. «критерий» познания вели не только к субъективному И., но в вопросах теоретич. обоснования социологии и к смыканию с расистской социологией *Гобино*, *Чемберлена*, а затем — с расистской «философией» гитлеровцев. Последняя использовала человеконенавистнич. идеи Ницше и приобрела наиболее уродливую форму в «философии мифов» Розенберга, объявившего расовый принцип как совокупность иррац. черт т. н. «расовой души» конечной основой действительности и критерием познания. С др. стороны, отстаиваемое Дильтеем, а затем Шпенглером положение о разобщенности культур было впоследствии подхвачено *Тойнби*, утверждавшим взаимообособленность различных форм человек. духа в их историч. воплощении.

От философии жизни, а также экзистенциальной теологии дат. иррационалиста *Кьеркегора*, утверждавшего бессмысленность и безнадежную противоречивость мира, ведет свою родословную нем. и франц. экзистенциализм — наиболее характерная форма иррационалистич. И. в сер. 20 в. Возникнув после поражения империалистич. Германии в первой мировой войне, экзистенциализм пытался облеечь крайне пессимистич. мироощущение в форму очередного «преодоления» осн. вопроса философии. Так, с т. зр. *Хейдеггера*, гл. проблема онтологии — проблема «смысла бытия», разрешение к-рой якобы ведет к выводу, что подлинное бытие «переживает себя», оно есть «существование», т. е. человек. самосознание в потоке времени. Религ. экзистенциализм *Ясперса* и *Марселя* пытался найти связь человек. существования, к-рое само по себе лишено сущности, и божественной «трансценденции». Во Франции Сартр, *Камю* и др. пытались придать экзистенциализму форму мнимого атеизма и крайне субъективистской психологии личности, гонимой страхом перед смертью в бездну «ничто».

Для экзистенциализма характерны попытки доказать, будто ему удалось осуществить принципиальный сдвиг филос. проблематики в сторону анализа собственно человек. бытия, что якобы кладет начало философии, наконец-то ставящей реального человека в «центральный пункт философствования». Несомненно связь экзистенциализма со взглядами *Мен де Бирана* и Ницше, а также с филос. антропологией *Шелера*, использовавшего феноменологич. метод *Гуссерля* для обоснования утверждения, будто эмоц. опыт — гл. ключ к познанию бытия.

Экзистенциализм родствен также течению т. н. «диалектической теологии», или «теологии кризиса»

(*К. Барт*, Р. Бультман, Ф. Гогартен и др.); основатели последней мистически рассматривают человек. мышление как диалог отчаявшегося человека с богом. Течение «диалектической теологии», возникшее в Германии в 20-х гг. 20 в., перекинулось затем в США и в наст. время является одной из распространенных в капиталистич. мире форм филос. иррационализма, носящего притом откровенно религ. характер.

К волюнтаризму Ницше восходят также и осн. идеи прагматизма. Родоначальником прагматизма был Ч. Пирс, в дальнейшем он был развит *Джемсом*, *Дьюи*, *Мэдом* и *Хуком* в США, Ф. Шиллером в Англии и Дж. Папини в Италии. Это течение во многом перекликается с идеями Зиммеля, Бергсона и др. «философов жизни», с к-рыми его роднит растворение истинности в биологич. полезности и «эффективности» действия. С др. стороны, Джемс испытал на себе влияние «критицизма» *Ренувье* с его феноменалистским взглядом на науку (сам Ренувье назвал его «феноменистским», чтобы отграничить от агностицизма, от к-рого открепивался).

Отождествляя науч. утверждения с предсказаниями и приписывая последним не объективное, а всего-навсего «эвристическое» значение описания «удобных» операций, позволяющих вызвать желательные ощущения, прагматизм смыкается с операционализмом *Бриджмена*. В последние годы произошло значит. сближение прагматизма и неопозитивизма благодаря тому, что оба учения применяют понятия проверки (верификации), согласно к-рому истинность тождественна ее проверяемости, а отсюда отрицается объективность истины. Поэтому прагматизм, особенно в той его форме, к-рую он приобрел у Дьюи, иногда рассматривают как форму позитивистского эмпиризма. Субъективно-идеалистич. понимание опыта в прагматизме приближается также к пониманию опыта в махизме. Прагматисты находят общий язык и с религиозно мыслящими философами, поскольку уже Джемс заявил, что «выгода» на стороне верующего человека, рискующего лишь тем, что напрасно молился, но не на стороне атеиста, рискующего попасть в немилость бога, если бог существует.

Прагматизм близок к неопозитивизму и в понимании происхождения формального знания, хотя и здесь делает упор на его биологич. применимость. Вслед за *Пуанкаре*, Э. Леруа и *Динглером* неопозитивисты дают ответ в духе конвенционализма на вопрос об источнике общеобязат. знания. В сер. 20 в. возникла целая неопрагматистская группа в США («логические прагматисты» — *К. Льюис*, *Куайн*, *Гудмен*), прагматистски истолковывающая неопозитивизм. Однако вместе с тем неопозитивизм имеет и др. теоретич. источники. Важнейшим из них был прежде всего позитивизм 19 в. — одно из наиболее характерных феноменалистич.-эмпирич. течений в развитии послегегелевского И., пришедший (особенно в Англии) к агностицизму Юма.

Позитивизм, связанный прежде всего с именами *Конта*, Дж. С. Милля и Спенсера, а затем модернизированный Махом, Авенариусом и их школой (см. *Махизм*), представил собой наиболее типичную форму феноменалистского эмпиризма в бурж. И. предимпериалистического (то есть 70—90-х гг. 19 в.) и империалистич. периодов. Всем позитивистам свойственно отрицание науч. значения борьбы двух осн. лагерей в философии. Одни из них утверждали невозможность решения осн. вопроса философии, другие провозглашали «нейтральность» «материала» мира или «материала» познания, третьи «доказывали» отсутствие науч. смысла в осн. вопросе философии. Эти осн. тезисы позитивизма характерны для трех исторически следовавших друг за другом его вариантов — для первого (Конт, Дж. С. Милль, Спенсер), второго (махист-

ского) и третьего (неопозитивистского). Усматривая сущность науки в описании и упорядочении чувственно воспринимаемых явлений, а философии — в упорядочении (классификации) наук, а также в выявлении инварианта описат. закономерностей различных областей явлений или, наконец, в логич. анализе языковой (символической) формы выражения этих закономерностей, позитивизм отводил, как казалось его сторонникам, направленные в их адрес обвинения в спекулятивности и доктринерстве. Позитивизм рекламировал себя как «антифилософскую» философию, и его эволюция представляет собой цепь безуспешных попыток все более полного «очищения» опыта от онтологич. предпосылок (т. н. «онтизм», т. е. антионтологизм позитивистов).

Начиная с 20-х гг. 20 в. позитивизм принял форму неопозитивизма, к-рый первоначально сложился в Венском кружке Шлика, Карнапа, Нейрата и др., в Берлинском кружке *Рейхенбаха*, *Мизеса* и др., в ранних работах Витгенштейна и статьях наиболее близкого к Венскому кружку *Айдукевича* — представителя *львовско-варшавской школы*, а отчасти в сочинениях Рассела. Неопозитивизм — наиболее типичная форма скептицизма и агностицизма в И. 20 в., соответствующая стремлениям буржуазии использовать в своих интересах точное знание (роль к-рого в условиях технич. прогресса все более возрастает), «обезвреженное» от материализма.

В процессе своего формирования неопозитивизм воспринял нек-рые идеи неокантианцев *марбургской школы* (понятие объекта как логич. конструкции), махизма (принцип «нейтральности» ощущений и сведения существующего к чувственно наблюдаемому), *фикционализма* (истолкование научных абстракций как фикций), а также гуссерлианства, неореализма Мура и раннего Рассела и, наконец, близких к неосхоластик неореалистов Ф. *Брентано* и *Мейнонга*, выдвинувших тезис об онтологич. автономии логич. понятий и категорий по отношению к др. видам опыта и начавших широкое применение метода формально-логич. анализа. Неопозитивисты попытались скрыть субъективно-идеалистич. характер пресловутых «нейтральных элементов» махистов посредством новых словесных одеяний: на смену «чувственным данным» пришли «события» Рассела, «констатации» Шлика, «протокольные предложения» Карнапа, «факты» Витгенштейна и Айера.

С сер. 50-х гг. 20 в. неопозитивистский И. выступает в двух формах — «аналитич. философии» гл. обр. в США и «лингвистич. анализа» в Англии. «Аналитическая философия» представлена А. Напном, Н. Гудменом и *Куайном* в США, *Поппером* — в Англии, В. Штегмюллером — в Австрии, Э. Кайла, Й. Йергенсеном и А. Несом — в скандинавских странах и др. Понятие анализа, истолковывавшееся в Венском кружке как совокупность операций редукции (сведения) теоретич. утверждений к предложениям о чувств. данных «перевод» одних предложений на другие, приобрело теперь более широкий и менее определен. смысл уточнения через определения, объяснения и «прояснения» вообще. Согласно «аналитич. философии», задачи филос. исследования должны состоять только в логич. анализе «языка» спец. наук, любых современных и прошлых филос. учений, повседневной речи и, наконец, самой формальной логики. Такое несколько смягченное «исключением» традиционной филос. проблематики, а тем самым и «преодоление» И. и материализма мнимы; в действительности перед нами лишь новая разновидность субъективного И. В философии «логического анализа» сохраняются три гл. теоретич. устоя неопозитивизма — запрещении теоретически решать вопрос о внешнем источнике чувственных «данных» (как якобы лишенный науч. смысла), сведение

предмета философии к анализу языка и конвенционализм в решении логич. и собственно филос. проблем. Первый из этих тезисов неизбежно возвращает к берклеанской абсолютизации ощущений как источника познания, второй — к идеалистич. ограничению познания содержанием человек. мышления, а третий — к *индетерминизму*, поскольку понятие конвенции как произвольного соглашения есть понятие индетерминированного, с т. зр. объективных мотивов, акта.

Эпигонская разновидность неопозитивистского И. сложилась в Англии на основе идей Мура и позднего Витгенштейна: ее предметом является лингвистический анализ повседневного языка на предмет выявления вариантов словоупотребления и устранения «иллюзий», якобы вызываемых всяким философским (в т. ч. позитивистским) языком. Все осн. пороки позитивистской формы И. сохранились и углубились в этой концепции «лингвистич. анализа» (*Раил*, Остин, Эрмсон, Уисдом, Нил и др.). Неудовлетворенность позитивистскими результатами «лингвистич. анализа» выражают ныне Айер, Страуссон, Хэмпшир, а также Рассел и Карнап.

Одной из влиятельных школ И. 20 в. является неореализм, различные разновидности к-рого были выдвинуты Александром и Т. Х. Морганом, развившими концепцию «эмерджентной» эволюции в Англии, американцами *Холтом*, *Монтего*, *Перри*, *Уайтхедом*, *Вудбриджем*, Г. Фуллертоном, а также Н. Гартманом — автором «новой онтологии» в Зап. Германии. Исходный пункт неореализма — утверждение о том, что материя и дух будто бы лишь различные виды («слои») бытия, к-рое якобы односторонне квалифицировалось с т. зр. и материализма, и И., и позитивизма. Однако анализ «бытия», предпринятый самими неореалистами, обнаружил идеалистич. сущность их учения о слоях бытия, т. к. предпосылкой неореалистического анализа «бытия» в любых его разновидностях оказываются поиски бытия внутри сферы сознания («имманентность» сознанию). Под названием *критический реализм* выступили различные и даже противоположные учения (от объективного идеализма *Сантьяны* до близкого к материализму «натурализма» *Селлерса*). Аналогичные расхождения возникли в школе феноменологии: если Гуссерль колебался между субъективным и объективным И., а его польский последователь *Ингарден* перешел к объективному И., то *Фарбер* вступил на «натуралистические» позиции.

Несмотря на появление в последние годы новых течений в совр. И., ему присуща и противоположная тенденция к сближению осн. его направлений. Эта тенденция реализуется в любых его разновидностях в разграничении сфер действия разных видов И., как якобы дополняющих друг друга. Неопозитивисты, напр., считают атеизм и материализм учениями, лишенными науч. смысла, неотомизм же рассматривают как не подлежащее науч. критике объяснение действительности. Со своей стороны, теоретики неотомизма допускают неопозитивизм как учение об определенном способе описания явлений; 2) в сближении значений нек-рых осн. понятий, употребляемых разными течениями И., различие между к-рыми и ранее было «десятистепенным». Это происходит, напр., с понятием верификация, операция и значение, используемыми в неопозитивизме, прагматизме и операциялизме, что облегчается конвенциональным их истолкованием; 3) в возникновении прямых «гибридов» различных видов И. Напр., концепции теопрагматизма и «общей семантики» пропозитили от соединения прагматических, операциялистических и неопозитивистских идей.

Враждебность совр. И. диалектич. материализму способствует закреплению гносеологич. корней осн.

его течений и благоприятствует дальнейшему развитию субъективизма, агностицизма и иррационализма. Вынужденные под напором фактов и логики вещей делать в ряде случаев частичные уступки материализму, идеалисты делают их, как правило, таким образом, чтобы избежать открытой квалификации принимаемых ими новых идей как материалистических; они стремятся затушевать их происхождение и впадают в эклектицизм, разоблаченный В. И. Лениным на примере махистской разновидности И. и свойственный ныне, напр., «натурализму» Э. Хагеля, «реалистич.» исканиям Айера, пытающихся изгнать субъективизм из принципа верификации, и т. д. Вместе с тем в наши дни под влиянием диалектич. материализма и материалистич. содержания совр. естествознания имеет место переход от идеалистов на позиции материализма, о чем свидетельствует отход нек-рых крупных физиков-теоретиков от субъективистских позиций, а также эволюция взглядов К. Ламонта, К. Янагида, М. Фарбера и др. мыслителей. И. в целом остается филос. направлением, принципиально противоположным материализму и безуспешно ищущим «лекарства» от неуклонно происходящей дальнейшей его деградации в избранных «новых» своих разновидностей. В отд. случаях представители совр. И. (Рассел, Сартр и др.) остро ставят новые вопросы, связанные с развитием естеств. и социальных наук и обществ. жизни, но в силу И. и метафизичности своих взглядов не в состоянии правильно разрешить их, что свидетельствует о бесплодности И. как филос. течения.

И. в бурж. этике и эстетике развивался в различных формах — в виде отрицания историч. возникновения моральных и эстетич. взглядов, резкого противопоставления теоретической и якобы априорной (вечной и внеэмпирической) этики и эстетики историч. процессу развития моральных и художеств. воззрений людей и т. д., не говоря уже об откровенном И. в объяснении сущности этич. и эстетич. категорий, посящем в конечном счете аристократич. характер и восходящем к Платону, или же о позитивистском конвенционализме (Ч. Стивенсон и В. Илтон), вообще отрицающем всякую объективную значимость теоретич. и нормативной этики и эстетики.

И. является филос. основой всей бурж. философии истории и социологии империалистич. периода. В бурж. философии истории (а также философии культуры, философии хозяйства, социальной философии) И. проявляется либо в форме непосредств. филос. обоснования соответствующих концепций (Ясперс, философия истории неотомистов), либо в виде субъективистской методологии (Шпенглер, Поппер, Тойнби и др.). В бурж. социологии И. проявляется либо в форме позитивистского или же откровенно идеалистич. обоснования той спец. методологии, к-рая свойственна данному социологич. учению (главнейшие виды методологии здесь — описательно-эмпирическая, бихевиористская, психоаналитическая, либо в общей атмосфере агностицизма, субъективизма и психологич. подхода к явлениям обществ. жизни, характерной для бурж. социологии. И. в совр. натуралистич. концепциях связан с лежащим в основе «натурализма» сведением социальных явлений к психологич. мотивам человек. поступков, а в мифологизирующих концепциях — с тем, что фантазия так или иначе объявляется гл. действующей силой историч. процесса.

Предпосылки продолжающегося существования И. коренятся в социальных условиях капиталистич. общества. В условиях социализма и коммунизма отпадает почва для возникновения филос. систем И., но не исчезают гносеологич. корни возможных отд. идеалистич. ошибок ученых и философов. В целом перспективы его преодоления тесно связаны с судьбами религии.

В условиях совр. этапа классовой борьбы И. состоит на вооружении антикоммунизма, поставляя аргументацию против материализма, атеизма и освободит. движений. Для идеалистов характерны утверждения о непроверяемости диалектич. и историч. материализма (неопозитивисты обвиняют марксистскую философию прежде всего в т. н. принципиальной негативной непроверяемости и в использовании бессодержат. абстракций высшего уровня), а также в несовместимости материализма с моралью и «свободой личности» (неотомисты изображают марксизм в качестве «дьявольского учения»). Идеалисты обвиняют марксизм в приверженности к устарелому будто бы учению о двух осн. направлениях в философии, утверждают несовместимость социалистич. и коммунистич. обществ. строя со свойствами «человеч. природы» (что особенно свойственно экзистенциализму), с заветами религии и т. д. Экзистенциалистская форма И. (Ясперс) в особенности используется для внедрения в умы представления о неизбежности 3-й мировой войны, к-рая закончится катастрофой для человечества. «Пусть лучше погибнет весь мир, чем капитализм», — таков новый вариант прежнего религ. девиза: «лучше погубить тело, но спасти душу». Ряд неотомистов пытались изобразить диалектич. и историч. материализм, как и марксизм в целом, в виде новой «религиозной доктрины», используемой... дьяволом для бунта против бога.

Ревизионисты черпают в совр. И. аргументы против диалектич. и историч. материализма в пользу лицемерной концепции «третьего пути» в мировоззрении и политике. Ревизионизм всегда тяготеет к различным видам философского И.; его представители стремились подменить диалектич. и историч. материализм сначала кантианством и позитивизмом, затем махизмом. В середине 20 в. наиболее типичные формы философского ревизионизма: антропологически-экзистенциалистская, неопозитивистская (в соединении с пропагандой так наз. «эмпирической социологии»), неогегельянская и религиозная.

Наряду с сохранением позитивистских и субъективно-идеалистич. форм И. в настоящее время в бурж. философии наблюдается усиление объективно-идеалистич. течений, особенно религ. толка, что связано с тем, что «все возрастающее значение в политическом и идеологическом арсенале империализма приобретает клерикализм» (Программа КПСС, 1961, с. 53).

Диалектич. материализм непримирим к И., современные формы которого используются буржуазией для обоснования «главного идейно-политического оружия империализма — антикоммунизма», основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма» (там же, с. 51—52). Основы теоретич. критики всего соврем. И. заложены В. И. Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм» и др. его работах. См. также статьи о философии различных стран.

И. Нарский. Москва.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, Соч., 2 изд., т. 2; и х же, Немецкая идеология, там же, т. 3; Маркс К., Ницше философия, там же, т. 4; е го же, Капитал, т. 1, там же, т. 23, гл. 1, § 4; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; е го же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; е го же, Философские тетради, там же, т. 38; е го же, Социализм и религия, там же, т. 10; е го же, Об отношении рабочей партии к религии, там же, т. 15; История философии, т. 1—3, М., 1940—43; т. 1—5, М., 1957—61; Основы марксистской философии, М., 1959, гл. 2; Дильтей В., Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах, в сб.: Новые идеи в философии, № 1, СПб., 1912; Франкский П. А., Смысл идеализма, Сергиев Посад, 1914; Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959; Спиркин А. Г., Происхождение сознания, М., 1960,

гл. 9, 10; Черкашин П. П., Гносеологические корни идеализма, М., 1961; Критика современной буржуазной философии и социологии. [Сб. статей], М., 1961; Мшвенцерадзе В. В., Основные течения современной буржуазной философии (Критический очерк), К., 1961; Асеев Ю. А. и Кон И. С., Основные направления буржуазной философии и социологии XX века, [Л.], 1961; Ковалгин В. М., Марксистская философия против идеализма и метафизики, Минск, 1961; Джемс У., Введение к плюралистической точке зрения, М., 1911; Кориפורт М., Наука против идеализма, пер. с англ., М., 1957; Willmann O., Geschichte des Idealismus, Bd 1—3, Braunschweig, 1894—97; Hartmann E. von, Geschichte der Metaphysik, Tl 1—2, Lpz., 1899—1900; Kronenberg M., Geschichte des deutschen Idealismus, Bd 1—2, Münch., 1909—12; Royce J., Lectures on modern idealism, New Haven, 1919; Ranzoni C., L'idealismo e la filosofia, Torino, 1920; Cassirer E., Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit, 13 Aufl., Bd 1—3, B., 1922—23; Hartmann N., Die Philosophie des deutschen Idealismus, Tl 1—2, 1923—29; его же, Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis, 4 Aufl., B., 1949; Hirsch E., Die idealistische Philosophie und das Christentum, Gütersloh, 1926; Groos H., Der deutsche Idealismus und das Christentum, Münch., 1927; Abbagnano N., Il nuovo idealismo inglese ed americano, Napoli, 1927; Dewey J., The quest for certainty, L., 1930; Spirito U., L'idealismo italiano e i suoi critici, Firenze, 1930; Spranger E., Der Kampf gegen den Idealismus, B., 1931; Contemporary idealism in America, N. Y., 1932; Gardell H. D., Les étapes de la philosophie idéaliste, P., 1935; Liebert A., Die Krise des Idealismus, Z.—Lpz., 1936; Jolivet R., Les sources de l'idealisme, P., 1936; Guzzo A., Idealismo e cristianesimo, v. 1—2, Napoli, 1936; Carabellese P., L'idealismo italiano, Roma, 1946; Ottaviano C., Critica dell'idealismo, 2 ed., Padova, 1947; Löwith K., Von Hegel zu Nietzsche, 3 Aufl., Stuttgart, [1953]; Pucelle J., L'idealismo en Angleterre, de Coleridge à Bradley, P., 1955; Ewing A. C., Idealist tradition from Berkeley to Blanshard, Chi., 1957.

ИДЕАЛЬНОЕ — субъективный образ объективной реальности, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. И. есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологич. факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного произ-ва. И. осуществляется в многообразных формах обществ. сознания и воли человека как субъекта обществ. произ-ва материальной и духовной жизни. По характеристике Маркса, «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 19). Последовательно материалистическое решение проблемы И. впервые было разработано Марксом и Энгельсом на основе критического преодоления объективно-идеалистич. концепции (непосредственно Гегеля), с одной стороны, и созерцательно-материалистич. теории отражения (Фейербах) — с другой, с т. зр. чувственно-предметной деятельности обществ. человека. Основные принципы решения были впервые сформулированы Марксом в «*Лекциях о Фейербахе*» (1845).

Все многообразные формы решения проблемы И. в истории философии тяготеют к двум полюсам — к материалистическому и идеалистическому ее пониманию. Домарксистский материализм, справедливо отвергая спиритуалистич. и дуалистич. представления об И. как об особой субстанции, противостоящей материальному миру, рассматривал И. как образ, как отражение одного материального тела в другом материальном теле, т. е. как атрибут, функцию особым образом организованной материи. Это общематериалистич. понимание природы И., составляющее существо линии Демокрита — Спинозы — Дидро — Фейербаха, независимое от вариантов его конкретизации у отд. материалистов, послужило отправной точкой и для марксистско-ленинского решения проблемы. Слабые стороны домарксистского материализма, выступавшие у франц. материалистов (особенно у Кабаниса, Ламетри) и позже у Фейербаха в виде тенденций и принявшие в сер. 19 в. самостоят. образ т. н. вульгарного материализма (Бюхнер, Фогт, Молешотт и др.), были связаны с неисторич. антропологическо-натуралистич. пониманием природы человека и вели к сближению и в конечном счете — к прямому отождествлению И. с матери-

альными перво-физиологич. структурами мозга и их отправлениями. Старый материализм исходил из понимания человека как части природы, но, не доводя материализм до истории, не мог понять человека со всеми его особенностями как продукт труда, преобразующего как внешний мир, так и самого человека. И. в силу этого и не могло быть понято как результат и деятельная функция трудовой, чувственно предметной деятельности обществ. человека, — как образ внешнего мира, возникающий в мыслящем теле не в виде результата пассивного созерцания, а как продукт и форма активного преобразования природы (как внешней, так и природы самого человека) трудом поколений, сменяющих друг друга в ходе историч. развития. Поэтому гл. преобразование, к-рое Маркс и Энгельс внесли в материалистич. понимание природы И., касалось прежде всего активной стороны отношения мыслящего человека к природе, т. е. того аспекта, к-рый до этого развивался преимущественно, по выражению Ленина, «умным» идеализмом, — линией Платона — Фихте — Гегеля, абстрактно-односторонне, идеалистически выпятивших эту сторону дела.

Основной факт, на почве к-рого выросли классич. системы объективного идеализма, — это действит. факт независимости совокупной культуры человечества и форм ее организации от отдельного человека, и более широко — вообще превращение всеобщих продуктов человек. деятельности (как материальной, так и духовной) в независимую от воли и сознания людей силу. Это «отчуждение» продукта деятельности и самых форм человек. деятельности приводит к тому, что формы деятельности человека действительно противостоят отдельному лицу и навязываются ему силой внешней необходимости и потому могут представляться как силы и способности некоего сверхиндивидуального субъекта (бога, абс. духа, трансцендентального «Я», мирового разума и т. д.). Такое отчуждение лежит, как показал Маркс, в основе и религии, и идеализма. В обеих этих формах обществ. сознания человек осознает свои собств. силы и способности, но осознает их под видом сил и способностей некоего другого, нежели он сам, мистич. существа. Это религ.-филос. отчуждение человек. способностей вовсе не есть плод невежества или недомыслия, как думали франц. материалисты и Фейербах, а есть своеобразное отражение реального факта — реального самоотчуждения человека в условиях стихийного развития обществ. отношений, реального отношения индивида к общественно-человеч. способностям и формам деятельности в этих условиях. В форме религии и идеализма отражается факт независимости совокупной общественной культуры и форм ее организации от отдельного человека, и более широко — вообще превращение всеобщих продуктов общественного производства (как материального, так и духовного) в особую, противостоящую индивидам социальную силу, господствующую над их волей и сознанием. Именно по той причине, что «сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно», эта социальная сила и противостоит, а потому и «...представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение» (Маркс К. и Энгельс в Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 33). Непосредственно эта власть общественного целого над индивидом обнаруживается и выступает в виде государства, политического строя общества, в виде системы моральных, нравств. и

правовых ограничений, норм общественного поведения и, далее, эстетич., логич. и прочих нормативов и критериев. С требованиями и ограничениями, в них выраженными и общественно санкционируемыми, индивид с детства вынужден считаться гораздо более осмотрительно, чем с непосредственно воспринимаемым внешним обликом единичных вещей и ситуаций или с органич. желаниями, влечениями и потребностями своего тела.

Таина рождения спиритуалистич. взгляда на И. ясно просвечивает в учении Платона. Человек. жизнедеятельность, констатирует Платон, управляется непосредственно не законами природы, а законами гос-ва. В этом заключается отличие человека от животного. Под гос-вом Платон понимал отнюдь не только правовую или политич. структуру, но всю систему общих форм культуры, непосредственно определяющих поведение отд. лица, его волю и сознание, включая грамматиц. нормы языка, правила ремесла и иск-ва, религ. ритуалы и т. д. Как таковое гос-во, по Платону, противостоит индивиду в качестве особой сверхприродной действительности, к к-рой он с детства вынужден приобщаться путем подражания. Но в свете этого факта совсем по-иному встала проблема знания. До Платона знание понималось как внутр. состояние отд. человека. Поэтому вопрос о знании старались решить на основе исследования отношений отд. человека ко всему окружающему миру, или индивидуальной, телесно понимаемой души к миру вне ее. Платон же стал понимать под человеком не единичное тело, а личность, сформированную гос-вом, т. е. человека, усвоившего общие нормы культуры и повинующегося им. Индивид стал рассматриваться прежде всего как единичное воплощение гос-ва, или же как гос-во, воплощенное в индивиде как в своем полномочном представителе. Это крайне характерный идеалистический оборот мысли: в качестве субъекта выступает безликое государство, а индивид — лишь как его орудие. Поэтому вопрос об отношении знания к действительности встал как вопрос об отношении непосредственно-обществ. норм и форм человек. культуры, индивидуализированных в отд. человеке, к миру единичных чувственно воспринимаемых тел, к к-рому принадлежит и единичное тело самого человека. Гегель не случайно хвалил Платона именно за то, что в его учении «...реальность духа поскольку он противоположен природе, предстала в ее высшей правде, предстала именно организацией некоторого государства...» (Соч., т. 10, М., 1932, с. 200), а не организацией отд. души. Иными словами, вопрос об отношении духа к природе у Платона встал как вопрос об отношении очеловеченной природы, т. е. всех чувственно воспринимаемых форм вещей, к-рые созданы человеком, к природе девственной. При такой постановке вопроса на первый план выдвигается активность человека по отношению к природе. Но реальная предметно-практич. активность человека понимается идеализмом как следствие, как внешнее выражение активности тех общих норм и категорий, единичным представителем к-рых выступает отд. человек. Всеобщие нормы культуры, к-рые Платон называет идеями, организующие сознательную волю отд. лица, а через нее — и порядок вещей внутри человек. мира, — выступают как «прообразы», как «активные образцы», оформляющие вещество природы, в т. ч. и телесное существо самого человека. Поэтому природная материя для объективного идеализма и выступает только как чистая возможность, как пассивная бесформенная глина, формируемая творческой мощью идеальных прообразов. Основой для такой мистификации является тот факт, что все без исключения общие образы, зафиксированные в речи и в формах пространств. воображения, возникают в действительности вовсе не в акте пассив-

ности созерцания отд. человеком нетронутой трудом природы, а в процессе практически-предметного преобразования природы обществ. человеком, обществом. Они возникают и функционируют как формы общественно-человеч. детерминации целенаправленной воли отд. лица, т. е. как формы активной деятельности. При этом все общие образы откристаллизовываются в составе духовной культуры совершено непреднамеренно и независимо от воли и сознания отд. людей, хотя и посредством их деятельности. В созерцании же они выступают именно как формы вещей, созданных человек. деятельностью, или как «печати», наложенные на естественно-природный материал активной деятельностью человека, как отчужденные во внешнем веществе формы целенаправленной воли. С природой как таковой люди вообще имеют дело лишь в той мере, в какой она так или иначе вовлечена в процесс общественного труда, превращена в материал, в средство, в условие активной человеческой деятельности. Даже звездное небо, в к-ром человек. труд реально пока ничего не меняет, становится предметом внимания и созерцания человека лишь там, где оно превращено обществом в средство ориентации во времени и пространстве — в «орудие» жизнедеятельности общественно-человеч. организма, в «орган» его тела, в его естеств. часы, компас и календарь. Всеобщие формы, закономерности природного материала действительно проступают, а потому и осознаются именно в той мере, в какой этот материал уже реально превращен в строительный материал «неорганич. тела человека», «предметного тела» цивилизации, и потому всеобщие формы «вещей в себе» выступают для человека непосредственно как «активные формы» функционирования этого «неорганич. тела человека» (см. К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, 1956, с. 517—642). Поэтому идеалисту платоновско-гегелевского типа нетрудно мистифицировать всеобщие формы и закономерности природы самой по себе, раскрываемые и проверяемые практикой человека, как формы целесообразно действующей, разумной воли, как печати, наложенные ею на вещество природы, как продукты «отчуждения» форм этой воли во вне, в природный материал. В этом перевернутом виде идеализм как раз и изобразил реальный факт активности человека по отношению к природе, к-рого не смог учесть в своей теории домарковский материализм. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феи-ербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 1).

Не зная материальной практики как таковой, идеализм знал и учитывал эту практику лишь как внешнее выражение деятельности духовной, как внешнее воплощение в веществе природы тех планов, к-рые вывели якобы в тайниках творческого мышления и воображения, а потом были отчуждены с помощью рук человека во вне, в природный материал. В этом — секрет идеализма, корни всех его пороков, его первоудный грех.

И. непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности и обществ. человека, т. е. вполне предметного, материального существа, направленной на внешний мир. Поэтому,

если говорить о материальной системе, функцией и способом существования к-рой выступает И., то этой системой является только обществ. человек в единстве с тем предметным миром, посредством к-рого он осуществляет свою специфически человек. жизнедеятельность. И. ни в коем случае не сводимо на состояние той материц, к-рая находится под черепиной крышкой индивида, т. е. мозга. Мыслит, т. е. действует в идеальном плане, не мозг как таковой, а человек, обладающий мозгом, притом человек в единстве с внешним миром. И. есть особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности, совершающейся в формах, созданных предшествующим развитием. Обнажая земную основу идеалистич. иллюзий относительно И., Маркс и Энгельс искали: «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде „субстанции“ и в виде „сущности человека“, что они обожествляли и с чем боролись...» (там же, с. 37).

Анализируя проблему отношения производства к потреблению, т. е. политико-экономич., а отнюдь не психологич. проблему, Маркс сформулировал ее так: «И если ясно, что производство предоставляет потреблению предмет в его внешней форме, то точно так же ясно, что потребление п о л а г а е т предмет производства и д е а л ь н о, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель» (там же, т. 12, с. 717—18). Но потребление, как показывает Маркс, есть лишь внутр. момент произ-ва, или само произ-во, поскольку оно создает не только внешний предмет, но и субъекта, способного производить и воспроизводить этот предмет, а затем потреблять его соответств. образом; иными словами, производство создает самую форму активной деятельности человека, или способность создавать предмет определенной формы и использовать его по его назначению, т. е. по его роли и функции в обществ. организме. В виде активной, деятельной способности человека как агента обществ. произ-ва, предмет как продукт произ-ва, существует идеально, т. е. как внутр. образ, как потребность, как побуждение и цель человек. деятельности. И. есть поэтому не что иное, как форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной деятельности. Это общественно-определенная форма активности человек. существа. В природе самой по себе, в т. ч. в природе человека, как биологич. существа, И. нет. По отношению к естественно-природной организации человеческого тела эта форма имеет такой же «внешний» характер, как и по отношению к тому материалу, в к-ром она реализуется, опредмечивается в виде формы внешней, чувственно воспринимаемой вещи. Так, форма кувшина, возникающего под руками гончара, не заключалась заранее ни в куске глины, ни в прирожденной анатомо-физиологич. организации тела индивидуума, действующего в качестве гончара. Лишь поскольку человек тренирует органы своего тела на предметах, создаваемых человеком для человека, он только и становится носителем «активных форм» общественно-человек. деятельности, эти предметы создающей. Ясно, что И., т. е. активная общественно-человек. форма деятельности, непосредственно воплощено, или, как теперь любят говорить, «закодировано» в виде нервно-мозговых структур коры мозга, т. е. вполне материально. Но это материальное бытие И. не есть само И., а только форма его выражения в органич. теле индивида. И. само по себе — это общественно-определенная форма жизнедеятельности человека, соответствующая форме ее предмета и продукта. Ясно, что пытаться объяснять И. из анатомо-физиологич. свойств тела мозга — это такая же целенаправленная

как и попытка объяснять денежную форму продукта труда из физико-химич. особенностей золота. Материализм в данном случае заключается вовсе не в том, чтобы отождествить И. с теми материальными процессами, к-рые происходят в голове. Материализм здесь выражается именно в том, чтобы понять, что И. как общественно-опред. форма деятельности человека, создающей предмет опред. формы, рождается и существует не «в голове», а с помощью головы в реальной предметной деятельности человека как действит. агента обществ. производства. Поэтому и науч. определения И. получаются на пути материалистич. анализа «анатомии и физиологии» обществ. производства материальной и духовной жизни общества, и ни в коем случае не анатомии и физиологии мозга как органа тела индивида. Именно мир продуктов человек. труда в постоянно возобновляющемся акте его воспроизводства есть, как говорил Маркс, «чувственно представшая перед нами человеческая психология»; та психологич. теория, для к-рой эта «раскрытая книга» человек. психологии неизвестна, не может быть настоящей наукой. Когда Маркс определяет И. как «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней», он отнюдь не понимает эту «голову» натуралистич. естественнаучно. Здесь имеется в виду общественно-развитая голова человека, все формы деятельности к-рой суть продукты и формы общественно-человек. развития, непосредственно обществ. и общезначимые формы, начиная с форм языка, его словарного запаса и синтаксич. строя и кончая логич. категориями. Только, будучи выражено в этих формах, внешне материальное превращается в обществ. факт, в достояние обществ. человека, т. е. в И. Непосредственно «преобразование» материального в И. состоит в том, что внешний факт выражается в языке — этой «непосредственной действительности мысли», т. е. И. Но язык сам по себе есть столь же мало И., как и нервно-физиологич. структура мозга. Это опять-таки не И., а лишь форма его выражения, его вещественно-предметное бытие. Поэтому неопозитивизм (*Витгенштейн, Карнап* и им подобные), отождествляющий мышление (т. е. И.) с языком, с системой «терминов» и «высказываний», совершает ту же самую натуралистич. ошибку, что и учения, отождествляющие И. со структурами и функциями мозговой ткани. Здесь также за И. принимается лишь форма его веществ. выражения. Материальное действительно «пересаживается» в человек. голову, а не просто в мозг, как орган тела индивида, во-первых, лишь в том случае, если оно выражено в непосредственно-общезначимых формах языка (язык здесь — в широком смысле слова, включая язык чертежей, схем, моделей и пр.), и, во-вторых, если оно преобразовано в активную форму деятельности человека с реальным предметом (а не просто в «термин» или «высказывание», как веществ. тело языка). Иначе говоря, предмет оказывается идеализованным лишь там, где создана способность активно воссоздать этот предмет, опираясь на язык слов и чертежей, где создана способность превращать «слово в дело», а через дело в вещь.

Это прекрасно понимал *Спиноза*. Установив, что мышление есть деятельность мыслящего тела, имеющего дело с реальными телами в реальном пространстве, а вовсе не со «знаками», не с «концептами», он связывал «адекватные идеи», выражаемые словами языка, как раз с умением, со способностью воспроизводить в реальном пространстве заданную этими словами форму — геометрич. контур — объекта этой идеи. Именно на этом понимании он основывал свое различие между дефиницией, выражающей существо дела, т. е. идеальный образ объекта, и номинально-формальной дефиницией, выражающей более или

менее случайно выхваченное свойство этого объекта, его внешний признак. Он разъяснял это различие на примере круга, окружности. Круг можно определить как «...фигуру, у которой линии, проведенные от центра к окружности, равны...» (С и н н о з а Б., Избр. прозв., т. 1, М., 1957, с. 352). Однако такая дефиниция «...совсем не выражает сущности круга, а только некоторое его свойство» (там же), к тому же свойство производное, вторичное. Другое дело, когда дефиниция будет заключать в себе «ближайшую причину вещи». Тогда круг должен быть определен следующим образом: «...фигура, описываемая какой-либо линией, один конец которой закреплён, а другой подвижен» (там же). Последняя дефиниция задает способ построения вещи в реальном пространстве. Здесь номинальное определение возникает вместе с реальным действием мыслящего тела на реальное пространство, контуру объекта идеи. В этом случае человек и владеет адекватной идеей, т. е. идеальным образом вещи, а не только знаками, признаками, выраженными в словах. Это — глубокое, притом материалистич. понимание природы И. Идеальное существует там, где налично способность воссоздать объект в пространстве, опираясь на слово, на язык, — в сочетании с потребностью в этом объекте, плюс материальное обеспечение этого акта.

Определение И., т. о., сугубо диалектично. Это то, чего нет и вместе с тем — есть. Это то, что не существует в виде внешней, чувственно воспринимаемой вещи, и вместе с тем существует как деятельная способность человека. Это бытие, к-рое, однако, равно бытию, или наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде его внутр. образа, потребности, побуждения и цели. Именно в этом смысле И. бытие вещи и отличается от его реального бытия. Но столь же принципиально оно отличается от тех телесно-веществ. структур мозга и языка, посредством к-рых эта вещь существует внутри субъекта. От структур мозга и языка идеальный образ предмета принципиально отличается тем, что это — форма внешнего предмета, а не форма мозга или языка. От внешнего же предмета идеальный образ отличается тем, что он определен непосредственно не во внешнем веществе природы, а в органич. теле человека и в теле языка, как субъективный образ. Непосредственно И. есть, т. о., субъективное бытие предмета, или «инобытие» предмета, — бытие одного предмета в другом и через другое, как выражал эту ситуацию Гегель. (Попутно заметим, что в переводах соч. Гегеля термин «идеальное» — *ideelle* — передается как «идеализованное», чтобы отделить это значение от *ideale*, как относящегося к проблеме идеала, к-рое у Гегеля выступает как проблема эстетики. При чтении переводов это нужно иметь в виду). И. как форма деятельности обществ. человека существует там, где происходит, по выражению Гегеля, процесс «снятия внешности», т. е. процесс превращения тела природы в предмет деятельности человека, в предмет труда, а затем — в продукт этой деятельности; это можно выразить и так: форма внешней вещи, вовлеченной в процесс труда, «снимается» в субъективной форме предметной деятельности; последняя же предметно фиксируется в субъекте в виде механизмов высшей нервной деятельности. А затем обратная очередь тех же метаморфоз — словесно выраженное представление превращается в дело, а через дело — в форму внешней, чувственно созерцаемой вещи, в вещь. Эти два встречных ряда метаморфоз реально замкнуты на цикл: вещь — дело — слово — дело — вещь. В этом постоянно возобновляющемся циклич. движении только и существует И., идеальный образ вещи.

С т. зр. Маркса, вещь, вне и независимо от сознания и воли человека существующая и чувственно

воспринимаемая им, составляет начало и конец этого циклич. постоянно возвращающегося «к себе» движения. Но именно потому, что это движение носит циклич. характер, начало его, а потому и конец, можно усмотреть не в вещи и деятельности с нею, а в слове и в деятельности со словом. Тогда схема получится как раз обратной по сравнению с марксовской: слово — дело — вещь, а затем обратно. Эта схема и составляет тайну всей гегелевской конструкции, изложенной в «Феноменологии духа», а шире — вообще всего объективного идеализма, в т. ч. теологии. Библия также начинается с тезиса «вначале было слово». В данном аспекте Гегель отличается от авторов Библии лишь тем, что у него вначале было не просто слово, а деятельность со словом. По Гегелю, именно в слове и через слово дух, И. впервые становится «для себя предметом», обретает форму, в к-рой он (дух) может противопоставить самого себя самому себе и действовать «внутри себя», активно изменяя свой собств. «отчужденный образ». Второй же, производной метаморфозой у Гегеля оказывается изменение внешней вещи согласно плану и образцу, изготовленному деятельностью со словами, в плане языка, в плане представления. Форма внешней вещи, созданной реальным трудом человека, в этом случае также начинает казаться лишь «отчужденным образом духа» («внешним бытием», «инобытием идеального»). Поэтому заключит. акт «снятия внешности» и состоит в том, чтобы узнать и признать в окружающем мире «зеркало духа», внешнюю копию внутреннего, идеального мира. Именно поэтому словесно зафиксированные универсальные категории логики (универсальные формы развития духа человечества, т. е. совокупной духовной культуры) и оказываются целевой причиной истории, а тем самым и «абсолютным началом» всех циклов человек. деятельности. В этом-то и состоит та самая мистификация, к-рой подвергается у Гегеля подлинное существо человека, активной деятельности. Подлинное отношение между непосредственно-предметной деятельностью с вещами и деятельностью со словами поставлено «с ног на голову». Слово оказывается первым (и логически и исторически) «телом» идеального образа, а форма внешнего продукта труда — вторым и производным телесным воплощением этого идеального образа. Третья фаза состоит в том, чтобы опять «снять» эту внешность, узнать в форме внешней вещи «отчужденную» в ней форму деятельности, образ И. и вновь выразить это И. в слове — в сочинении по логике.

Идеализм, т. е. изображение природы как некоего идеального в самом себе бытия, достигается путем более или менее сознат. подстановки: на место определ. природных явлений подставляется их идеальное отображение в науке, т. е. предварительно идеализованная природа. Это ясно обнаруживается в след. рассуждениях Гегеля относительно сталкивающихся тел, материальных масс: «...так как массы взаимно толкают и давят друг на друга и между ними нет пустого пространства, то лишь в этом с о п р и к о с н о в е н и и начинается вообще идеальность материи, и интересно видеть, как выступает наружу этот внутренний характер материи, ведь вообще всегда интересно видеть осуществление понятия» (Соч., т. 2, М.—Л., 1934, с. 67). Это «осуществление понятия» состоит, по Гегелю, в том, что в акте соприкосновения (при толчке) «...существуют две материальные точки или атомы в одной точке или в тождестве...» (там же), а это означает, что «...их для-себя-бытие не есть для-себя-бытие» (там же). Но «быть другим», оставаясь в то же время «самим собой», — это значит обладать, кроме реального, еще и идеальным бытием. В этом секрет гегелевской «идеализации» природы (материи): на самом

деле Гегель с самого начала ведет речь не о природе самой по себе, а о природе, как она выглядит в ньютоновской механике, т. е. о природе, уже заранее идеализированной и выраженной через специфич. понятия ньютоновской физики. В этом же таится и секрет живучести такого идеалистич. оборота мысли: ведь говоря о природе, мы всегда вынуждены пользоваться образами и понятиями современной нам науки. Но идеализм, выдавая эти образы за нечто непосредственно тождественное природе самой по себе, тем самым фетишизирует достигнутую ступень знаний о природе, превращая ее в абсолют, увековечивая ее.

Поставив эту схему «с головы на ноги», Маркс только и смог усвоить все формальные достижения Гегеля в понимании И. Непосредственно И. осуществляется в символе и через символ, т. е. через внешнее, чувственно воспринимаемое, видимое или слышимое тело слова. Но данное тело, оставаясь самим собой, в то же время оказывается бытием др. тела и это — идеальное его бытие, как значение есть нечто совершенно отличное от его непосредственно воспринимаемой ушами или глазами телесной формы. Слово как знак, как название не имеет ничего общего с тем, знаком чего оно является. Это общее обнаруживается только в акте превращения слова в дело, а через дело — в вещь, и затем — через обратный процесс, через практику и усвоение ее результатов.

Человек существует как человек, как субъект деятельности, направленной на окружающий мир и на самого себя, с тех пор и до тех пор, пока он активно производит и воспроизводит свою реальную жизнь в формах, созданных им самим, его собств. трудом. И этот труд, это реальное преобразование окружающего мира и самого себя, совершающееся в общественно-развитых и общественно-узаконенных формах, как раз и есть тот процесс, — совершенно независимо от мышления начинающийся и продолжающийся, — внутри к-рого в качестве его метаморфозы рождается и функционирует И., совершается идеализация действительности, природы и обществ. отношений, рождается язык символов, как внешнее тело идеального образа внешнего мира. Здесь вся тайна И. и здесь же ее загадка. Чтобы сделать понятнее как суть этой тайны, так и способ, к-рым ее разрешил Маркс, проанализируем типичнейший случай идеализации действительности, или акт рождения И. — политико-экономич. феномен цены. «Цена, или денежная форма товаров, как и всякая форма их стоимости, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 102). Прежде всего обратим внимание, что цена, как категория политэкономии, есть объективная категория, а не психо-физиологич. феномен. И однако цена — «форма лишь идеальная». Именно в этом заключается материализм марковского понимания цены. Идеализм же, напротив, состоит в утверждении, что цена, поскольку она форма «лишь идеальная», существует только как субъективно-психич. феномен. Последнее толкование цены дал не кто иной, как Беркли, выступавший не только как философ, но и как экономист. Подвергая критике идеалистич. понимание денег, Маркс показал, что цена есть стоимость продукта труда человека, выраженная в деньгах, напр. в известном количестве золота. Но золото само по себе, от природы, не есть деньги. Деньгами оно оказывается лишь поскольку оно исполняет своеобразную обществ. функцию — меры стоимости всех товаров. Так что форма денег — это не форма золота как такового, а форма другого предмета, наложенная, как печать, извне на золото. И этот другой предмет, формой к-рого на самом деле оказывается тут золото, есть система обществ. отношений между людьми в

процессе произ-ва и обмена продуктов. Отсюда и идеальность формы цены. Золото в процессе обращения, оставаясь самим собой, тем не менее непосредственно оказывается формой существования и движения некоего «другого», представляет и замещает в процессе товарно-денежного кругооборота это «другое», оказываясь его метаморфозой. «...В цене товар, с одной стороны, вступает в отношение к деньгам как к чему-то вне его существу и, во-вторых, он сам и д е а л ь н о положен как деньги, так как деньги имеют отличную от него реальность... Наряду с реальными деньгами, товар существует теперь как идеально положенные деньги» («Архив Маркса и Энгельса», т. 4, 1935, с. 157). «После того, как деньги реально полагаются как товар, товар идеально полагается как деньги» (там же, с. 159). Это идеальное полагание, или полагание реального продукта как идеального образа другого продукта, совершается в процессе обращения товарных масс. Это полагание возникает как средство разрешения противоречий, возникших в ходе этого процесса, внутри его (а не внутри головы, хотя и не без помощи головы), как средство удовлетворения потребности, назревшей в товарном кругообороте. Потребность здесь не имеет биологич. смысла. Это — потребность обществ. организма. Эта потребность, выступающая в виде неразрешенного противоречия товарной формы, удовлетворяется, разрешается тем, что один товар «исторгается» из равноправной семьи товаров и превращается в непосредственно-обществ. узаконенный сначала обычаем, а затем и законодательно эталон общественно необходимых затрат обществ. труда. Задача, как говорит Маркс, возникает тут вместе со средствами ее решения. В реальном обмене уже до появления денег (до превращения золота в деньги) складывается такая ситуация: «оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг к другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товарладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента...» («Капитал», т. 1, с. 95). На этой почве и возникает возможность и необходимость выражать взаимно-меновое отношение двух товаров через меновую стоимость третьего, причем этот третий товар непосредственно в реальный обмен уже не вступает, а служит только общей мерой стоимости реально обмениваемых товаров. И поскольку этот третий товар, хотя он телесно в обмен не вступает, все же в акте обмена участвует, постольку это и значит, что он присутствует здесь только и д е а л ь н о, т. е. в представлении, в уме товарладельцев, в речи, на бумаге и т. д. Но тем самым он превращается здесь в символ, и именно в символ общественных отношений между людьми. С этим обстоятельством и связаны все нелепые теории денег и стоимости, сводящие стоимость и ее формы к чистой символической, к «названию отношений», к конвенционально или законодательно учреждаемому «знаку». Эти теории по логике своего рождения и построения органически родственны (и схожи с ними, как близнецы) тем философско-логич. учениям, к-рые, не умея понять акта рождения И. из процесса предметно-практич. деятельности обществ. человека, в итоге объявляют формы выражения этого И. в речи, в терминах и высказываниях конвенциональными феноменами, за к-рыми, однако, стоит нечто мистическое и неуловимое — то ли «переживание» неопозитивистов, то ли «экзистенция» экзистенциалистов, то ли интуитивно ухватываемая бестелесно-мистич. «эйдетическая

сущность» Гуссерля и ему подобных. Логика возникновения подобных теорий И. и его сведения к символу, к знаку беспредметных отношений (или связей как таковых, связей без веществ. субстрата) Маркс препарировал в «Капитале», показав ее крайнюю бессодержательность и пустоту. «То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только идеально, а золото поэтому только идеально превращается в деньги, послужило причиной появления теории идеальной денежной единицы измерения. Так как при определении цены золота и серебро функционируют только как мысленно представляемое золото и серебро, только как счетные деньги, то стали утверждать, что названия фунт стерлингов, шиллинг, пенс, талер, франк и т. д. обозначают не весовые части золота или серебра, или каким-либо иным образом овеществленный труд, а обозначают, наоборот, идеальные атомы стоимости» (Маркс К., К критике политической экономии, см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 13, с. 60—61). А далее уже легко было перейти к представлению, согласно к-рому цены товаров суть просто «названия отношений» или «пропорций», чистые знаки. Т. о., объективные экономич. явления превращаются в простые символы, за к-рыми скрывается воля как их субстанция, представление, как «внутреннее переживание» индивидуального «Я», толкуемого в духе Юма и Беркли. Точно по той же схеме совр. идеалисты в логике превращают термины и высказывания (словесную оболочку идеального образа предмета) в «простые названия отношений», в к-рые ставит «переживания» единичного человека символизирующая деятельность языка. Логич. отношения превращаются просто в «названия связей» (чего с чем — неизвестно). Надо специально подчеркнуть, что идеальное превращение товара в золото, а тем самым золота — в символ обществ. отношений, происходит и по времени и по существу раньше, чем реальное превращение товара в деньги, т. е. в звонкую монету. Мерой стоимости всех вещей как товаров золото становится раньше, чем средством обращения, функционирует в качестве денег сначала «чисто идеально» (см. «Капитал», т. 1, 1955, с. 136), «Деньги приводят в обращение лишь товары, которые идеально не только в голове индивида, но и в представлении общества (непосредственно — участников процесса покупки и продажи) уже превращены в деньги» («Архив Маркса и Энгельса», т. 4, 1935, с. 151). Это принципиально важный пункт марксистского понимания не только феномена цены, но и проблемы И., проблемы идеализации действительности вообще. Этот акт обмена всегда предполагает уже сложившуюся систему отношений между людьми, опосредованных вещами, и выражается всегда в том, что одна из чувственно воспринимаемых вещей, тел (это может быть тело отд. человека) «исторгается» из этой системы и, не переставая функционировать в ней в качестве отд. чувственно воспринимаемого тела, превращается в представителя любого др. тела этой системы, в чувственно воспринимаемое тело идеального образа. Эта вещь, оставаясь самой собою, в то же время оказывается внешним воплощением др. вещи, но не ее непосредственно телесного, чувственно воспринимаемого облика, а ее сути, т. е. закона ее существования внутри той системы, к-рая вообще создает эту оригинальную ситуацию. Данная вещь тем самым превращается в символ, значение к-рого все время остается вне его непосредственно воспринимаемого облика, в других чувственно воспринимаемых вещах и обнаруживается лишь через всю систему отношений др. вещей к данной вещи, или, наоборот, данной вещи — ко всем другим. Будучи реально изъято из этой системы, данная чувственно воспринимаемая

вещь утрачивает и свою роль, значение символа, превращается вновь в обыкновенную чувственно воспринимаемую вещь наряду с др. такими же вещами. Это и показывает, что ее существование и функционирование в качестве символа принадлежали не ей как таковой, а лишь той системе, внутри к-рой она таким образом оказывалась. Собственно ей от природы принадлежащие свойства, телесный чувственно воспринимаемый облик, к ее бытию в качестве символа не имеет поэтому никакого отношения. Телесная, чувственно воспринимаемая оболочка, «тело» символа (тело той вещи, к-рая превращена в символ) для ее бытия в качестве символа является чем-то совершенно несущественным, мимолетным, временным, «функциональное существование» такой вещи полностью поглощает, как выражается Маркс, ее «материальное существование» (см. «Капитал», т. 1, с. 136). А если это произошло, то далее материальное тело этой вещи приводится в согласие с ее функцией. В результате символ превращается в знак, т. е. в предмет, к-рый с а м и о с е б е не значит уже ничего, а только представляет, выражает другой предмет, с к-рым он непосредственно не имеет ничего общего, как, напр., название вещи с самой вещью. Диалектика превращения вещи в символ, а символа в знак и прослежена в «Капитале» на проблеме возникновения и эволюции ден. формы стоимости. Функциональное же существование символа заключается именно в том, что он представляет не себя, не свое чувственно воспринимаемое тело, а другое, — и при этом является средством, орудием выявления сути других чувственно воспринимаемых вещей, т. е. их всеобщего, а непосредственно — общественно-человеч. значения, т. е. их роли и функции внутри обществ. организма — закона производства и воспроизводства вещи человек. деятельностью. Иными словами, функция символа состоит как раз в том, чтобы быть посредством телом идеального образа внешней вещи, точнее — закона ее существования, всеобщего. Символ, изъятый из реального процесса обмена веществ между обществ. человеком и природой, перестает вообще быть и символом. Иными словами, эта телесная, чувственно воспринимаемая вещь перестает быть телесной оболочкой идеального образа — из его тела улечивается его «душа», ибо его «душой», существовавшей в ней (вещи) и посредством нее, была именно предметная деятельность обществ. человека, осуществлявшая обмен веществ между очеловеченной и «девственной» природой. Без идеального образа человек вообще не может осуществлять обмен веществ между самим собой и природой, а индивид не может выступать действительным посредником между вещами природы, поскольку эти вещи вовлечены в процесс обществ. произ-ва и функционируют в нем в качестве материала, средств или орудий этого произ-ва, а идеальный образ как раз и требует для своего осуществления «вещественного материала», в т. ч. языка с его языковой символикой. Поэтому обществ. труд рождает потребность в языке, а затем и сам язык, речь, а не наоборот, как то получается у неопозитивистов. Когда человек действует с символом или со знаком, а не с предметом, опираясь на символ и знак, — он и не действует в идеальном плане. Он действует лишь в словесном плане. Очень часто случается, что вместо того, чтобы с помощью термина видеть действит. суть вещи, индивид видит только сам термин с его традиц. значением, видит только символ, его чувственно воспринимаемое тело. В этом случае языковая символика из могучего орудия реального действия с реальными вещами превращается в фетиш, загораживающий своим телом ту реальность, к-рую она представляет. В результате вместо того, чтобы действительно видеть и сознательно изменять внеш-

ний мир сообразно его собств. всеобщим законам, выраженный в виде идеального образа, этот человек начинает видеть и изменять лишь словесно-терминологич. выражение этого мира и думает при этом, что он изменяет сам мир. А мир и практически человек, бытие от этого не изменяется ни на йоту и даже не замечает этого. В этой фетишизации словесного бытия идеального Маркс и Энгельс уличили левогегельянскую философию эпохи ее разложения. Такая фетишизация словесного бытия И., а опосредованно и той действит. системы обществ. отношений, к-рую оно представляет, оказывается абсолютно неизбежным финалом всякой философии, не понимающей, что И. как таковое рождается и воспроизводится только процессом предметно-практич. деятельности обществ. человека, изменяющего природу, и что оно вообще только и существует в ходе этого процесса, и до тех пор, пока этот процесс длится, продолжается, воспроизводится в расширенных масштабах. Если же, отмечал Маркс, этот процесс прекращается хотя бы на неделю, исчезает не только И., но и сам человек, как субъект идеальной деятельности. И когда мышление, т. е. деятельность в идеальном плане, деятельность с идеальными образами, толкуют иначе, не как деятельность с реальными вещами, опирающуюся на символику и опосредованную ею, а как деятельность с самой символикой, то и получают в наказание ту или иную форму фетишизации и внешнего мира, и символики. Данное, налицо сложившееся состояние обществ. отношений, их наличные формы, с одной стороны, и наличное выражение этих форм реальности в языке, в наличной терминологии и синтаксич. структурах, — с другой, начинают казаться такими же «святыми», как идолы для дикаря, как крест для христианина, т. е. единственно возможными «земными» воплощениями И., его подлинным, хотя и несколько искаженным земными условиями обликом. Самое комическое в том, что любая такая разновидность фетишизации И. в форме его словесно-символич. существования не схватывает самого И. как такового. Она схватывает результаты человек. деятельности, т. е. движения, создающего эти результаты, но не самую деятельность человека, эти результаты создающего и воспроизводящего. Поэтому она не схватывает, собственно, самого И., а только его отчужденные во внешних предметах или в языке, застывшие продукты. Это и не удивительно, ибо И., как форма человек. деятельности, и существует только в деятельности, а не в ее результатах, ибо деятельность и есть это постоянное, длящееся «отрицание» наличных, чувственно воспринимаемых форм вещей, их изменение, их «снятие» в новых формах, протекающее по всеобщим закономерностям, выраженным в идеальных формах. Когда предмет создан, потребность общества в нем удовлетворена, а деятельность утасла в ее продукте, — умерло и самое И. Идеальный образ, скажем, хлеба возникает в представлении голодного человека или пекаря, изготавливающего этот хлеб. В голове сытого человека, занятого строительством дома, не возникает идеальный хлеб. Но если взять общество в целом, в нем всегда наличествует и идеальный хлеб, и идеальный дом, и любой идеальный предмет, с к-рым реально имеет дело реальный человек в процессе произ-ва и производства своей реальной, материальной жизни, в т. ч. и идеальное небо, как объект астрономии, как «естественный календарь», «часы» и «компас» человечества. Вследствие этого в человеке идеализована вся природа, с к-рой он имеет дело, а не только та ее часть, к-рую он непосредственно производит и воспроизводит или непосредственно же утилитарно потребляет. Без постоянно возобновляющейся идеализации реальных предметов общественно-человек. жизнедеятельности, без превращения

их в И., а тем самым и без символизации человек вообще не может вступать в качестве действит. агента, деятельного субъекта обществ. произ-ва материальной и духовной жизни общества, в качестве деятельного посредника между телами природы и «меры всех вещей», вовлеченных и вовлекаемых в процесс обществ. произ-ва. Из диалектич. трудностей и противоречий, возникающих в процессе общественно-человек. деятельности, и вырастают все разнообразие фетишистские представления об И., начиная с примитивной символизации обществ. отношений произ-ва в символах-фетишах дикарей и кончая просвещенным фетишизмом неопозитивистов, превращающих языковые знаки — символы в самостоят. силу, вне и независимо от человека существующую и выступающую то как бог, то как дьявол, как первоисточник всех благ и всех зол в истории.

И. всегда выступает как продукт и форма человек. труда, процесса целенаправл. преобразования природного материала и общественных отношений, совершаемого обществ. человеком. И. есть только там, где есть индивид, совершающий свою деятельность в формах, заданных ему предшеств. развитием человека. Наличием идеального плана деятельности человек и отличается от животного. «...самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально» (М а р к с К., Капитал, т. 1, с. 185). Надо еще раз отметить, что если понимать «голову» натуралистически, т. е. как материальный орган тела отд. индивида, то никакой принципиальной разницы между архитектором и пчелой уже не окажется. Ячейка из воска, к-рую лепит пчела, тоже имеется «заранее», в виде формы деятельности насекомого, «запрограммированной» в ее нервных узлах. В этом смысле продукт деятельности пчелы тоже задан «идеально» до его реального осуществления. Однако формы деятельности животного, свойственные тому виду, к-рому оно принадлежит, прирождены ему, услажены вместе со структурно-анатомич. организацией тела, т. е. непосредственно материальным образом. Форма деятельности, к-рую мы можем обозначить как идеальное бытие продукта, никогда не отделяется от тела животного иначе, как в виде ее непосредств. реального продукта. Принципиальное отличие деятельности человека от деятельности животного состоит именно в том, что ни одна форма этой деятельности, ни одна способность не наследуется вместе с анатомич. материальной организацией его тела. Эти формы деятельности (деятельные способности) передаются здесь только опосредованно — через формы предметов, созданных человеком для человека. Поэтому индивидуальное усвоение человекски-определ. формы деятельности, т. е. идеального образа ее предмета и продукта, превращается в особый процесс, не совпадающий с процессом непосредств. предметного формирования природы. Поэтому сама форма деятельности человека превращается для человека в особый предмет, в предмет особой деятельности. «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть э т а ж и з н е д е я т е л ь н о с т ь. Человек же делает своё свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания... Это не есть такая определённая, с которой он непосредственно сливается воедино» (М а р к с К., см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, 1956, с. 565). Поэтому, если выше И. определялось как форма деятельности человека или как форма вещи в виде формы деятельности, то это определение было, строго

говоря, неполным. Оно характеризовало И. лишь по его реальному предметно обусловленному содержанию. Но И. как таковое есть лишь там, где сама форма деятельности, соответствующая форме внешнего предмета, превращается для человека в особый предмет, с к-рым он может действовать особо, не трогая и не изменяя при этом до поры до времени реального предмета, той внешней вещи, образом к-рой является эта форма деятельности. Человек и только человек перестает непосредственно «сливаться» с формой своей жизнедеятельности, отделяя ее от себя и ставя перед собой, т. е. превращая ее в представление. Т. к. внешняя вещь вообще дана человеку лишь поскольку она вовлечена в процесс его деятельности, выступает в формах этой деятельности, постольку в итоговом продукте — в представлении — образ внешней вещи всегда сливается с образом той деятельности, внутри к-рой функционирует внешняя вещь. Здесь и лежит гносеологич. основа отождествления вещи с представлением, реального — с И., т. е. гносеологич. корень идеализма любого вида и оттенка. Но ясно, что само по себе такое овеществление формы деятельности, в результате к-рого создается возможность принять ее за «форму вещи», и, наоборот, форму вещи самой по себе — за продукт и форму субъективной деятельности, за И., еще не есть идеализм. Это — только тот реальный факт, к-рый превращается в ту или иную разновидность идеализма или фетишизма лишь на почве определенных социальных условий, и непосредственно — на почве стихийного разделения труда, где форма деятельности навязывается индивиду насильно, независимо от него и непонятными для него социальными процессами. Овеществление социальных форм человек. деятельности, характерное для товарного производства (товарный фетишизм), аналогично в этом плане религиозному отчуждению деятельных человек. способностей в представлении о богах. Этот факт осознается достаточно ясно уже в пределах объективно-идеалистич. взгляда на природу И. Молодой Маркс, еще будучи левогегельянцем, отмечал, что все древние боги обладали таким же «действительным существованием», как и деньги. «Разве не властвовал древний Молох? Разве Аполлон Дельфийский не был действительной силой в жизни греков? Здесь даже критика Канта ничего поделать не может. Если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, если это представление не есть для него произвольное субъективное представление, если он верит в него, — то для него эти сто воображаемых талеров имеют такое же значение, как сто действительных... Действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо, кроме представления, правда, общего или, скорее, общественного представления людей?» (там же, с. 98). Эта аналогия, подлинная природа к-рой была раскрыта Марксом позже, на основе материалистич. понимания природы и денег, и религиозных образов, коренится в действительной связи обществ. представления людей с их реальной деятельностью, с формами практики, в активной роли идеального образа (представления). Человек способен изменять форму своей деятельности (или идеальный образ внешней вещи), не трогая до поры до времени самой этой внешней вещи. Но это возможно для него только потому, что он может отделить от себя этот идеальный образ, овеществить его и действовать с ним, как с вне себя существующим предметом, вместо реальной внешней вещи, образом к-рой он является. Пример с архитектором, к-рый Маркс приводит для пояснения различия между человек. деятельностью и деятельностью пчелы, говорит именно об этом. Архитектор строит дом не просто в голове,

а с помощью головы, в плане представления, непосредственно на ватмане, на плоскости чертежной доски. Он тем самым изменяет свое «внутреннее состояние», вынося его «во вне» и действуя с ним, как с отличным от себя предметом. Изменяя этот овеществленный субъективный (внутренний) образ, он потенциально изменяет и образ реального дома, т. е. изменяет его идеально, в возможности. Это значит, что он непосредственно изменяет один чувственно воспринимаемый предмет вместо другого. Представление, с к-рым человек действует вместо реальной вещи, овеществляется в виде чувственно воспринимаемого (слышимого или видимого) слова, зрительно воспринимаемого чертежа, модели и т. п. Иными словами, деятельность в плане представления, изменяющая идеальный образ предмета, есть также чувственно-предметная деятельность, изменяющая чувственно воспринимаемый облик той вещи, на к-рую она направлена. Но вещь, в изменении к-рой эта деятельность выражается, есть только овеществленное представление, или форма деятельности человека, зафиксированная как вещь. Это обстоятельство и создает возможность смазывать принципиальное философско-гносеологич. различие между материальной деятельностью и деятельностью теоретика и идеолога, непосредственно изменяющего лишь словесно-знаковое овеществление идеального образа. Человек не может передать другому человеку И. как таковое, как чистую форму деятельности. Можно хоть сто лет наблюдать за действиями живописца или инженера, стараясь перенять способ их действий, форму их деятельности, но таким путем можно скопировать только внешние приемы их работы и ни в коем случае не сам идеальный образ, не самую деятельную способность. И. как форма субъективной деятельности усваивается лишь посредством активной же деятельности с предметом и продуктом этой деятельности, т. е. через форму ее продукта, через объективную форму вещи, через ее деятельное «распредмечивание». Идеальный образ предметной действительности поэтому и существует только как форма (способ, образ) живой деятельности, согласующаяся с формой ее предмета, и ни в коем случае не как вещь, не как вещь внешне-фиксированное «состояние» или «структура». Когда И. пытаются толковать как неподвижный, фиксированный «идеальный предмет» или абстрактный объект, как жестко фиксированную форму, то получается неразрешимая проблема — формой чего она является? Ибо такой оборот мысли превращает И. в самостоят. субстанцию, существующую независимо от живой человек. деятельности в качестве ее сверхчувств. бестелесного прообраза. Между тем это — форма активной деятельности человека, обусловленная формой внешнего мира. Стоит только зафиксировать ее отдельно от деятельности, как она превращается в «чувственно-сверхчувственную вещь» с таинственно-мистич. свойствами. Примером этого могут служить трудности, связанные с пониманием «числа», «точки» и др. «абстрактных математических предметов», т. е. субъективных образов количеств. определенности внешнего мира, толкуемых как самостоят. предметы. И. и есть не что иное, как совокупность осознанных индивидом всеобщих форм человек. деятельности, определяющих, как цель и закон, его волю и способ индивидуальной деятельности. Само собой понятно, что процесс индивидуальной реализации идеального образа, т. е. абстрактно-всеобщей формы общественно-человек. деятельности, всегда связан с тем или иным «отклонением», или, точнее, с конкретизацией этого образа, с его корректировкой в соответствии с конкретными условиями, с новыми обществ. потребностями, с особенностями материала и т. п. Это и предполагает способность сознательно сопоставлять идеальный образ действительности

с самой реальной действительностью, вне и независимо от этого образа существующей, еще не идеализованной, еще не превращенной в нечто И. В данном случае И. и выступает для индивида как особый предмет, к-рый он может целенаправленно изменять в согласии с требованиями (потребностями) действительности. Напротив, если идеальный образ усвоен индивидом лишь формально, лишь как жесткая схема и порядок операций, без понимания его происхождения и связи с реальной (не идеализованной) действительностью, индивид оказывается неспособным относиться к идеальному образу критически, т. е. как к особому, отличному от себя, предмету. В таком случае он как бы сливается с ним, не может поставить перед собой как предмет, сопоставимый с реальной действительностью, и изменить его в согласии с действительностью. В данном случае, собственно говоря, индивид и не действует с идеальным образом и на основе этого образа; скорее этот догматизированный образ действует в нем и посредством его. Здесь же идеальный образ оказывается деятельной функцией индивида, а, наоборот, индивид — функцией образа, господствующего над его сознанием и волей как извне заданная формальная схема, как «отчужденный» образ, как фетиш, как система непрерываемых «правил», неизвестно откуда взятых. Такому сознанию как раз и соответствует идеалистич. понимание природы И., в частности — неопозитивистское.

И наоборот, материалистич. понимание природы И. оказывается естественным для человека коммунистич. общества, где культура не противостоит индивиду как нечто извне заданное ему, самостоятельное и чужое, а является формой его собств. активной деятельности. В коммунистич. обществе, — как показал Маркс, — становится непосредственно очевидным тот факт, к-рый в условиях бурж. общества выявляется лишь путем теоретич. анализа, рассеивающего необходимые иллюзии этого общества, — тот факт, что все формы культуры суть только формы деятельности самого человека.

«Все, что имеет прочную форму, — как, например, продукт и т. д., — выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент... условия процесса и способы его предметного воплощения сами, равным образом, бывают лишь его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимных связях, которые они как воспроизводят, так и производят наово. Выступает их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют тот мир богатства, который они создают» («Из неопубликованных рукописей К. Маркса», см. журн. «Большевик», № 11—12, 1939, с. 65).

Здесь и исчезает всякая основа для представления об И. как о самостоятельной субстанции, независимой от деятельности индивидов и извне детерминирующей их деятельность.

И. есть только там, где есть человек, личность, индивидуальность. Поэтому дальнейшая разработка проблемы И. впадает, в частности, в психологию, в исследование процесса становления личности и процесса личностного действия в идеальном плане действительности. Философский же план проблемы И. исчерпывается решением вопроса об общей, общественно-историч. природе И., о роли и функции идеального образа в процессе реального, материально-практического преобразования природы обществ. человеком и об условиях И., внутри к-рых вообще возможно и существует И., как активная форма деятельности общественно-определ. индивида.

Эта проблема была решена впервые только на почве материализма, обогащенного достижениями филос. диалектики, т. е. только на основе диалектич. материализма.

Ни на какой др. основе эта проблема не могла и не может быть решена по самой своей природе.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Маркс К., Экономическо-философские рукописи 1844 года, Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., М., 1956; его же, К критике политической экономии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13; его же, Капитал, т. 1—3, М., 1955, и подготовл. работы к нему; Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и концы классической немецкой философии, М., 1955; его же, Диалектика природы, М., 1955; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Аристотель, Метафизика, пер. с греч., Л., 1934; Беркли Д., Трактат о началах человеческого знания, СПб, 1905; Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, пер. с нем., М., 1958; Гегель, Феноменология духа, Соч., т. 4, М., 1959; его же, Наука логики, там же, т. 5—6, М., 1937—39; его же, Лекции по истории философии, там же, т. 9, [М.], 1932; Гельвеций К. А., Об уме, [пер. с франц.], М., 1938; его же, О человеке, [пер. с франц.], М., 1938; Гоббс Т., Основы философии, Избр. соч., М.—Л., 1926; Гольбах П., Система природы, пер. с франц., М., 1940; Гуссерль Э., Логические исследования, т. 1, СПб, 1909; Дидро Д., Письмо о слепых в назидание зрячим, Собр. соч., т. 1, М.—Л., 1935; его же, Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек», там же, т. 2, М.—Л., 1935; Кант И., Критика способности суждения, пер. с нем.], СПб, 1898; его же, Критика чистого разума, пер. с нем., 2 изд., П., 1915; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. с англ., М., 1959; его же, Der logische Aufbau der Welt, В.—Lpz., 1928; Кондильяк Э. Б. де, Трактат о системах..., М., 1938; Лебниц Г. В., Новые опыты о человеческом разуме, М.—Л., 1936; Локк Д., Опыт о человеческом разуме, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960; Мальбранш Н., Рассуждение истины, пер. с франц., т. 1—2, СПб, 1903—1906; Мах Э., Анализ ощущений и отношение физического к психическому, 2 изд., [М., 1908]; Платон, Тетарт, Соч., ч. 5, СПб, 1869; его же, Политика, или Государство, там же, ч. 3, СПб, 1863; его же, Федон, там же, ч. 2, СПб, 1863 и др. диалоги; Плеханов Г. В., От идеализма к материализму, Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957; его же, Статьи против Бернштейна, Соч., т. 11, 3 изд., М.—Л., 1928; его же, Статьи против К. Шмидта, там же; Рубинштейн И. С. Л., Бытие и сознание, М., 1957; Спиноза В., Этика, Избр. произв., т. 1, М., 1957; его же, Трактат об усовершенствовании разума, там же; Фейербах Л., Сущность христианства, Избр. филос. произв., т. 2, М., 1955; Фихте И. Г., Факты сознания. — Научное введение, изложенное в общих чертах, СПб, 1914; Шеллинг Ф., Система трансцендентального идеализма, пер. с нем., М., 1936. Э. Ильенков, Москва.

ИДЕЙНОСТЬ — сознательная приверженность определенной идее; отстаивание в обществ. практике, науке, иск-ве и философии передовых, прогрессивных принципов, идеалов и положений в противоположность защите реакц. идей, беспринципности, личному корыстолюбию, игнорированию социальных интересов. И. тесно связана с личной убежденностью людей в правоте своего дела, с искренностью, честностью. Однако объективным критерием И. является социальная значимость развиваемых взглядов, теорий или обществ. действий. Критикуя народников, Ленин писал, что «...самым высоким идеалам цена — медный грош...», если эти идеалы не связаны с интересами борющихся масс (см. Соч., т. 1, с. 371).

В антагонистич. обществе, поскольку оно состоит из враждебных классов, между к-рыми происходит ожесточенная борьба, всякий человек сознательно или бессознательно принимает в ней участие, высказывает к ней отношение. Равнодушие к борьбе классов, писал Ленин, не означает нейтралитета, воздержания от классовой борьбы, «...ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных...» (там же, т. 1, с. 61). Отказ от И. в области обществ. деятельности, науке, философии, морали означает обоснование беспринципности, эклектизма, беспартийности, отказа от борьбы с отжившими, реакц. обществ. отношениями и взглядами и ведет к аморализму. В области иск-ва отказ от И. означает приверженность к идеям «искусства для искусства».

В классовом обществе И., в конечном счете, выражает идеологию прогрессивных классов и обществ. групп. В историю мировой культуры вошли имена борцов за передовую науку и философию — Коперника, Галилея, Бруно, Сервета, Везалия, Ванини,

Спинозы, Радищева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и мн. др., смело отстаивавших свои прогрессивные взгляды, не взирая на преследования реакции. Чем сознательнее относится тот или иной деятель к своей социальной роли, чем яснее понимает он стоящие перед ним теоретич. или практич. задачи, чем глубже, органичнее связь между личной убежденностью человека и насущными проблемами его времени, тем на более высоком уровне И. он находится. Поэтому высшая форма И. связана с движением пролетариата — самого последовательно революц. класса в истории человечества, с отстаиванием его революц. теории, с высокой научностью. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (там же, т. 1, с. 308).

Маркс, Энгельс, Ленин, их ученики и продолжатели дают замечат. образцы И. в самом высоком значении этого слова.

В истории философии имеется ряд попыток связать понятие И. с конкретными обществ. условиями, с объективной значимостью тех или иных теорий или убеждений, с поступками людей, а не их субъективными намерениями. «...Лишь по поступкам людей общество может судить об их добродетели» (Гельсерт и К. А., Об уме, М., 1938, с. 32). Белинский в «Письме к Гоголю» — самого последовательно революц. класса в истории человечества, с отстаиванием его революц. теории, с высокой научностью. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (там же, т. 1, с. 308).

Марксизм-ленинизм принципиально обосновывает высшую И. пролетариата и его представителей. Пролетариат борется за самые благородные цели, к-рые когда-либо выдвигались, — за победу коммунизма, за светлое будущее всего человечества. Он — принципиальный противник всех видов и форм угнетения человека человеком. Тот, кто участвует в пролетарском движении, кто отстаивает идеи пролетариата, тем самым выступает как подлинно гуманный, идейный человек, думающий не о личном обогащении, не о возвышении своей персоны в ущерб массе, а о торжестве правого и свободного и благоденствия народа. Образцом подлинной И. является деятельность коммунистич. и рабочих партий. «Партия существует для народа и служит народу» — гласит Устав КПСС. Коммунисты — глубоко идейные люди. Одно из требований Устава КПСС — «ставить общественные интересы выше личных». В условиях социализма и коммунизма И. становится характерной чертой всего общества, его экономич., политич. и культурных учреждений, основой поведения граждан. К этому приводит ликвидация эксплуататорских классов, деятельность к-рых определяется такими стимулами, как стремление к наживе, обогащение за счет других людей. При социализме и коммунизме уничтожаются антагонистич. противоречия между личными и обществ. интересами, коллективизм одерживает победу над индивидуализмом, люди рассматривают служение обществу, как свое кровное дело. При коммунизме этот пережиток полностью исчезает. Примером И. в трудовой деятельности может служить развернувшееся в СССР широкое движение за коммунистич. труд, охватившее десятки миллионов людей. Величайший подвиг совершили движимые идейными интересами сов. космонавты Гагарин и Титов, впервые в истории человечества осуществившие полет в космич. пространство. И. сов. науки вытекает из ее безоговорочного служения народу, делу мира и социальной справедливости. Принципы коммунистич. И. сов. иск-ва и лит-ры сформулированы в Программе КПСС:

Говоря о бурж. экономистах, Маркс отмечал, что они начали с беспристрастных исследований, а закончили (после завоевания бурж. политич. власти) предвзятой и угодливой апологетикой. Идейные люди уступили место «наемным писакам» (см. там же, т. 23, с. 17). В работе «От какого наследства мы отказываемся?» (см. Соч., т. 2, с. 471—74) Ленин критикует антиисторич. попытку видеть во всех бурж. идеологах своеобразных защитников интересов меньшинства. Зап.-европ. бурж. просветители 18 в., так же как и рус. просветители 40—60-х гг., выступали в период, когда все обществ. вопросы сводились к ликвидации феод.-крепостнич. режима и его пережитков. Противоречия между трудом и капиталом были еще в зародышевом состоянии. «Никакого своеобразия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось» (указ. соч., с. 473). Напротив, и на Западе, и в России они искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его. При развитии капитализма от И. бурж. идеологов не осталось и следа. В работах, посвященных империализму, Ленин показывал, что идеологи империалистич. буржуазии не могут быть идейными людьми, так как они открыто или скрыто защищают самые отвратительные формы реакции и эксплуататорского гнета. С особой силой враждебность бурж. идеологов принципу И. проявляется в эпоху дальнейшего обострения кризиса мирового капитализма, когда империализм вступает в период заката и гибели, а гл. направление историч. развития человечества определяется мировой социалистич. системой. Тогда империалистич. реакция ставит своей задачей опорочить коммунизм и его благородные идеи и возвеличить капитализм.

Марксизм-ленинизм принципиально обосновывает высшую И. пролетариата и его представителей. Пролетариат борется за самые благородные цели, к-рые когда-либо выдвигались, — за победу коммунизма, за светлое будущее всего человечества. Он — принципиальный противник всех видов и форм угнетения человека человеком. Тот, кто участвует в пролетарском движении, кто отстаивает идеи пролетариата, тем самым выступает как подлинно гуманный, идейный человек, думающий не о личном обогащении, не о возвышении своей персоны в ущерб массе, а о торжестве правого и свободного и благоденствия народа. Образцом подлинной И. является деятельность коммунистич. и рабочих партий. «Партия существует для народа и служит народу» — гласит Устав КПСС. Коммунисты — глубоко идейные люди. Одно из требований Устава КПСС — «ставить общественные интересы выше личных». В условиях социализма и коммунизма И. становится характерной чертой всего общества, его экономич., политич. и культурных учреждений, основой поведения граждан. К этому приводит ликвидация эксплуататорских классов, деятельность к-рых определяется такими стимулами, как стремление к наживе, обогащение за счет других людей. При социализме и коммунизме уничтожаются антагонистич. противоречия между личными и обществ. интересами, коллективизм одерживает победу над индивидуализмом, люди рассматривают служение обществу, как свое кровное дело. При коммунизме этот пережиток полностью исчезает. Примером И. в трудовой деятельности может служить развернувшееся в СССР широкое движение за коммунистич. труд, охватившее десятки миллионов людей. Величайший подвиг совершили движимые идейными интересами сов. космонавты Гагарин и Титов, впервые в истории человечества осуществившие полет в космич. пространство. И. сов. науки вытекает из ее безоговорочного служения народу, делу мира и социальной справедливости. Принципы коммунистич. И. сов. иск-ва и лит-ры сформулированы в Программе КПСС:

«Советская литература и искусство, проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играют большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания» (1961, с. 131). Опубликованный в Программе КПСС моральный кодекс строителя коммунизма дает принципиальное обоснование высокой И. сов. человека, его неизмеримых моральных преимуществ по сравнению с людьми, воспитанными в условиях эксплуататорского строя.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3, М., 1955; и х же, *Манифест Коммунистической партии*, там же, т. 4; и х же, *Великие мужи эмиграции*, там же, т. 8; Маркс К., *Восемнадцатое с/юмера Луи Бонапарта*, там же; е го же, *Размышления юноши при выборе профессии*, Маркс К. и Энгельс Ф., *Из ранних произв.*, М., 1956; Энгельс Ф., *Вильгельм Вольф*, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19; е го же, *Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*, там же, т. 21; е го же, *Письмо М. Каутского 26 ноября 1885 г.*, Маркс К. и Энгельс Ф., *Избр. письма*, М., 1953; е го же, *Письмо М. Гаркнесс [нач. апр. 1888]*, там же; Ленин В. И., *Партийная организация и партийная литература*, Соч., 4 изд., т. 10; е го же, *Лев Толстой, как зеркало русской революции*, там же, т. 15; е го же, *Еще о партийности и беспартийности*, там же, т. 16; Х р у щ е в Н. С., *За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа*, М., 1958; е го же, *Служение народу — высокое призвание советских писателей. Речь на III съезде писателей 22 мая 1959 года*, М., 1959; *Программа КПСС*, М., 1961; Е г о р о в А. Г., *Искусство и общественная жизнь*, М., 1959; *Батракова С. П.*, *О природе идейности искусства*, М., 1960; *Б р я з у М.*, *Научная и е я и идея художественная*, в кн.: *Проблемы философии*, Сб. работ совр. румынских философов, пер. с рум., М., 1960, с. 384—407. М. Баслин. Москва.

ИДЕМПОТЕНТНОСТЬ (от лат. idem — тот же самый и potens — сильный, мощный; букв. — равносильность) — свойство нек-рых объектов, рассматриваемое в логике (и алгебре) и выражаемое в общем случае формулой $a * a = a$. В частных случаях в формуле, выражающей И., может вместо буквы a стоять та или другая конкретная константа (число, истинностное значение и т. п.) или же (буквенная) переменная, а вместо знака $*$ — знак к-л. конкретной операции. Напр., равенство $0 + 0 = 0$ выражает И. числа 0 относительно сложения, а равенства $0 \cdot 0 = 0$ и $1 \cdot 1 = 1$ — И. чисел 0 и 1 относительно умножения. Словами об этих примерах И. говорят часто так: нуль идемпотентен (или является идемпотентом) относительно операций сложения и умножения, а единица идемпотентна относительно умножения. Ложность равенства $1 + 1 = 1$ показывает, что относительно (обычного) сложения число 1 неидемпотентно. Отсюда видно, что И. следует в общем случае рассматривать как свойство пары объектов (a и $*$) или как отношение между ними. Вторым из этих объектов является двуместная операция (т. е. операция, применяемая каждый раз к двум предметам, или, иначе говоря, функция двух переменных), относительно к-рой первый из этих объектов идемпотентен. Однако часто рассматривается тот случай, когда всякий из тех объектов, к к-рым допускается применение данной операции, идемпотентен относительно нее. В таком случае говорят об И. как свойстве самой этой операции, т. е. говорят, что эта операция идемпотентна. Примерами идемпотентных в этом смысле операций являются операции (булева) сложения и умножения в любой булевой алгебре (см. *Алгебра логики*) и вообще в любой структуре (решетке), в т. ч. операции объединения и пересечения в логике классов и множества теории, а также операции дизъюнкции и конъюнкции, описываемые в алгебре логики и логике высказываний. И. последних двух операций выражается т. н. законами идемпотентности: $A \vee A = A$ и $A \wedge A = A$ в алгебре логики или $A \vee A \sim A$ и $A \& A \sim A$ в исчислении высказываний (здесь A — т. н. переменное высказывание, $\vee$ — знак дизъюнкции, $\&$ и $\sim$ — знаки конъюнкции, а $\sim$ — знак эквивалентности). Законы И. дизъюнкции и конъюнкции соответствуют свойствам связок (т. е. логич. союзов) «или» (неразделительного) и «и» при обычном истолковании их смысла и употреблении в естеств. языке. Напр., сказать «снег бел или снег бел» или сказать «снег бел и снег бел» — значит высказать, в сущности, просто то, что снег бел. Это, конечно, верно при определ. условиях: предложения (высказывания) рассматриваются только с т. зр. их значений (напр., только с т. зр. их истинности или ложности, а не с т. зр. того, какие слова в них имеются и сколько слов), повторение предложений не означает, напр., подчеркивания протяженности в пространстве или длительности во времени того, о чем в них говорится. В рамках абстракций, лежащих в основе обычной алгебры логики, эти условия выполняются. Но уже при применении алгебры логики к теории электрич. схем следует учитывать возможные нарушения закона И., вызываемые, напр., тем, что проводимость последоват. соединения двух одинаковых схем практически меньше, чем проводимость каждой из них (в силу сложения их сопротивлений).

Следствиями И. дизъюнкции являются равенства $A = A \vee A = A \vee A \vee A = A \vee A \vee A \vee A = \dots$ (или соответствующие им эквивалентности). Следствия И. конъюнкции — равенства $A = A \wedge A = A \wedge A \wedge A = \dots$. Последние означают, по существу, что в алгебре логики можно обходиться без степеней, т. к. все «степени» высказывания A равны самому A (отсюда буквальный смысл слова И.).

Из частных случаев И. встречается часто (особенно в т. н. теории колец или в т. н. теории полугрупп) и такой, когда двуместная операция, относительно И. к-рой идет речь, фиксирована и рассматривается как умножение или как нек-рый его аналог. В таких случаях говорят просто об И. тех или иных объектов, не оговаривая, относительно какой операции идет речь, т. к. она подразумевается (напр., булево кольцо иногда определяют как такое кольцо, все элементы к-рого идемпотентны). Среди этих случаев имеется и тот, когда в роли этих объектов выступают тоже операции, но не двуместные, а одноместные, а в роли аналога умножения — операция *стерилизации* (подстановки, итерирования) одноместных операций. Именно, одноместная операция (функция) с наз. идемпотентной, если $\sigma(\sigma(x)) = \sigma(x)$ при всех значениях x аргумента x . Примеры таких операций: операции необходимости и возможности в *модальной логике* (если считать, что возможность есть просто возможность); операция двойного отрицания $(\neg\neg A \sim A)$, что доказуемо не только в классич. исчислении высказываний, но также и в интуиционистском и в ми интуиционистском исчислении; здесь $\neg$ — знак отрицания, а в роли $\sigma(A)$ выступает $\neg A$, а не просто A ; умноженные числа на нуль $1(x) = x \cdot 0$, где И. выражается равенством $(x \cdot 0) \cdot 0 = x \cdot 0$; абс. величина числа $(x) = |x|$.

Лит.: Джексо́н Н., *Теория колец*, пер. с англ., М., 1947; Биркго́ф Г., *Теория структур*, пер. с англ., М., 1952; Кли́н С. К., *Введение в метаматематику*, пер. с англ., М., 1957; Ля́пин Е. С., *Полугруппы*, М., 1960; Чёрч А., *Введение в математическую логику*, т. 1, М., 1960. А. Кузнецов. Москва.

ИДЕОЛОГИЯ (от греч. *idéa* — идея, образ, понятие; и *lógos* — учение) — совокупность идей и взглядов, отражающих в теоретической более или менее систематизированной форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу и служащих закреплению или изменению, развитию обществ. отношений. Основной идеол. отражения действительности являются определ. обществ. интересы. В классовом обществе И. всегда носит классовый характер, отражая положение данного класса в обществе, отношения между классами, классовые интересы. И. выступает в формах политич., правовых, религ., этнич., эстетич. и филос. взглядов. И. следует отличать от *социальной психологии*. Термин «И.» имел в различные историч. периоды неодинаковое содержание. Его значение в марксистской и бурж. лит-ре в корне различно. Впервые И. назвали свое учение *Дестот де Траси* в «Элементах идеологии» (1801), *Кабанис* в «Отношениях между физической и нравственной природой человека», *Вольней* в «Физических принципах морали» и др. представители поздней ветви франц. сенсуализма 18 в. Они утверж-

дали, что создали науку И., раскрывающую всеобщие и неизменные законы возникновения идей.

Маркс и Энгельс на основе материалистич. понимания истории раскрыли сущность И., как классового явления, научно объяснили возникновение, развитие и смену различных И. и идеологич. форм; они показали, что причиной иллюзорного, «идеологического» отражения действительности в сознании идеологов эксплуататорских классов являются объективные противоречия материальной жизни общества. У Маркса и Энгельса И. часто именуется, во-первых, исторически определен. тип мыслит. процесса, основанного на идеалистич. теоретич. посылах. Этот процесс ведет к выработке превратных, «идеологич. взглядов», к «идеологизму», как извращенным, иллюзорным суждениям и выводам; во-вторых, И. — это совокупность взглядов, основанных на общих мировоззренч. предпосылках и систематизированных в видах И. (политич. взгляды, право, мораль, философия и пр.), отражающих объективные, материальные отношения с позиций интересов определен. классов. Это отражение может быть правильным, научным или превратным, извращенным. Имея в виду идеологов старого типа, Энгельс писал: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, 1955, с. 477). Энгельс писал, что образование «чистой И.» происходит путем выведения понятий, представлений о действительности не из самой действительности, а из представления о ней, выведения свойств предмета «...не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета» («Анти-Дюринг», 1957, с. 90). Но в этой извращенной И. находят отражение «консервативные или революционные течения» определен. периода (см. там же, с. 90—91). Энгельс отмечал, что «...тот, кто строит системы, должен заполнять бесчисленное множество пробелов собственными измышлениями, т. е. иррационально фантазировать, быть идеологом» (там же, с. 318). Такая И. оторвана от реальной почвы и в перевернутом виде, словно в «камере-обскуре», изображает людей и их отношения. Жизнь, практика, «...историческая реальность, выброшенная им (идеологом. — *Ред.*) за дверь, влетает обратно в окно» (там же, с. 91). Эти идеологич. извращенные формы сознания, как указывали Маркс и Энгельс, «...вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположностей классов» (Соч., 2 изд., т. 4, с. 446), т. е. только тогда будут преодолены классовые причины, источники извращенного идеалистич. понимания обществ. жизни. Определяя отношение марксизма к предшествующим теориям, Энгельс писал, что «...как всякая новая теория, социализм должен был исходить из накопленного до него идеиног материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, 1955, с. 107). В то же время марксизм коренным образом отличается от всех предшествующих теорий, т. е. «теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманых или открытых тем или другим обновителем мира. Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершаю-

щегося на наших глазах исторического движения» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 438). Т. о., Маркс и Энгельс применяли термин «И.» для характеристики предшествующих науч. социализму идеалистич. теорий. Марксизм, будучи наукой, т. е. точным, адекватным отражением действительности, в то же время является научной, истинной И. рабочего класса, целостной, стройной системой идей, взглядов, отражающих положение и историч. цели рабочего класса как творца коммунизма. Лидеры 2-го Интернационала полностью извратили учение Маркса и Энгельса об идеологии. Бернштейн, напр., «обвинял» марксизм в «идеологизме», «метафизике» за то, что он базируется на единой филос. основе. Полностью игнорировалось то, что Маркс и Энгельс считали признаками И. прошлого ложность исходных, мировоззренч. посылок мыслит. процесса идеологов, превратный, ложный характер их систем.

Ленин в борьбе с оппортунизмом показал, что марксизм — это монолитное стройное учение, все составные части которого сцемментированы единым научным мировосприятием. Определяя как «...пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм» (Соч., т. 5, с. 315), Ленин отмечал, что «социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм вносит идеологию» (там же, т. 6, с. 143), т. е. вождями, теоретиками рабочего класса. Т. о., термин «И.» перестает у Ленина обозначать лишь идеалистич. и метафизич. подход к действительности. Ленин отстаивает и развивает дальше взгляды Маркса и Энгельса на классово-служебную роль И. Идеологии, отмечает Ленин, различаются не только по признаку их филос., теоретич. основ и характеру отражения действительности (научные и ненаучные), но и по их классовой принадлежности (бурж. И., пролет. И., и т. д.). «...В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии» (там же, т. 5, с. 356). Попытка идеологов, теоретиков буржуазии представить свои взгляды как внеклассовые является обманом. Ленин охарактеризовал осн. черты и коренную противоположность двух И. совр. эпохи — социалистической и буржуазной, обосновал закономерность борьбы марксистских партий против бурж. И. (см. там же, с. 355—56).

В своих нападках на марксизм нек-рая часть совр. бурж. идеологов, реформистов и ревизионистов утверждает, что марксизм, как И. пролетариата, — это классовое, и поэтому, мол, одностороннее, субъективное, извращенное сознание, противоположное науке, как безразличному к классам, объективному знанию. И. — это, будто бы миф, превращенный в концепцию обществ. благополучия (см. Н. Vonner, Social psychology, N. Y., 1953, p. 226). Значит, влияние на бурж. и реформистскую трактовку понятия И. оказала т. н. «социология знания» К. Мангейма. Заимствуя у Маркса положение о социальной обусловленности идей и фальсифицируя его, Мангейм пытался показать, что И. не имеет познават. ценности, а является лишь социально значимой системой идей, поддерживаемых определен. обществ. группой, классом. Подобные ненауч. взгляды широко пропагандируются в бурж. антикоммунистич. лит-ре (см., напр., Н. Falk, Die ideologischen Grundlagen des Kommunismus, Münch., 1961).

М. Игнатьев. Москва.

На самом же деле И. может иметь познават. ценность, если она является правильным отражением

действительности, и в этом плане не противостоит науке. Так обстоит дело с марксистской И. Конкретные науки, поскольку они развиваются в определенных социальных условиях и не могут обойтись без мировоззрения, также связаны с И. и становятся ареной идеологич. борьбы. Яркой иллюстрацией этого является борьба вокруг учения Коперника, теории Дарвина, теории относительности Эйнштейна, атомной физики в нач. 20 в., квантовой механики и т. д.

И. отличается от социальной психологии. Последняя является отражением эмпирич. условий жизни, включает в себя не только мысли, но и чувства, настроения, привычки людей и не носит систематизированного, теоретич. характера. И. и обществ. психология имеют общие корни в социальных отношениях данной эпохи, но И. возникает как теоретич. мышление, вырабатывается и развивается теоретиками, учеными и идеологами, мыслящими представителями класса (см. В. И. Ленин, Соч., т. 31, с. 50). Напр., из условий жизни пролетариев у них, естественно, возникает враждебное чувство к угнетающему их капиталисту, сознание необходимости борьбы за улучшение своего положения и т. д. Однако до науч. сознания коренной противоположности интересов пролетариата интересам класса капиталистов обывденное сознание пролетариев подняться не может. Стихийное рабочее движение может породить лишь тредюнионистское сознание. И. науч. социализма, выражающая положение и коренные интересы пролетариата, вырастает на основе борьбы рабочего класса, но не из стихийного роста рабочего движения, а как результат развития науки, и вносится в рабочее движение партией пролетариата. И., т. о., представляет собой не какую-то надстройку над психикой, не «густок психологии», а продукт теоретич. анализа обществ. отношений. Конечно, она связана непосредственно и с психологией данного класса, напр. стремлением рабочего класса к социализму.

И. обладает относит. самостоятельностью. Отражение действительности в И. не является простым автоматич. рефлексом обществ. бытия, как утверждает вульгарный экономич. материализм. Экономика лишь в конечном счете определяет И. Относит. самостоятельность И. выражается в том, что каждая новая идеологич. система, являясь по сути отражением обществ. бытия, по форме выступает как продолжение предшествующего развития мысли, зависит от накопленного ранее запаса понятий и представлений. И. способна воздействовать на другие стороны обществ. жизни, в т. ч. и на породившую ее материальную основу. Как относительно самостоят. явление И. характеризуется специфич. законами своего возникновения, развития и взаимодействия с другими обществ. явлениями. Существуют т. н. И. первого порядка (политич. идеи, правосознание), ближе стоящие к экономике, и И. более высокого порядка, сравнительно удаленные от материальной экономич. основы (напр., философия, религия).

В каждой общественно-экономич. формации господствующей И. является И. экономически и политически господствующего класса. Политич., правовые, филос., религ., этич. и эстетич. взгляды класса представляют собой определ. единство, складывающееся на основе его экономич. интересов и устремлений. Определ. воздействие на формирование различных идеологич. форм оказывает, как правило, политич. И., являющаяся концентрированным выражением и завершением экономич. интересов классов. В антагонистич. обществ. формациях законы обществ. развития и обществ. потребности реализуются через борьбу классов, каждый из к-рых руководствуется своим интересом, отражающим его место в системе обществ. отношений. Осознание классовых интересов, оценка всей

обществ. действительности с т. зр. этих интересов становятся необходимыми для решения назревающих задач обществ. развития. И. служит субъективным условием реализации назревших потребностей обществ. развития. Выражая интересы прогрессивных и революционных в данную эпоху классов, отражая конфликт между производит. силами и производств. отношениями, прогрессивная И. обосновывает необходимость ликвидации отживших производств. отношений, служит сплочению обществ. сил, борющихся против старого, способствует революц. преобразованию общества. И. господствующего эксплуататорского класса стремится теоретически оправдать существующие порядки, обосновать необходимость сохранения данного обществ. строя.

Отражение экономич. отношений в И. является необходимым условием формирования идеологич. отношений, а также различных учреждений надстройки. Овладевая массами, И. воздействует на жизнь и развитие общества (см. *Базис и надстройка*).

При анализе и оценке И. следует различать в ней объективно истинные, научные, а также ложные, извращенные (сознательно или бессознательно) положения. Необходимым социальным условием объективного отражения действительности в И. класса является совпадение интересов этого класса с потребностями прогрессивного обществ. развития. Поскольку в предшествующей истории такое совпадение имело место, постольку в И. различных классов содержались элементы объективных знаний об окружающей обществ. действительности. Однако до возникновения пролетариата даже интересы прогрессивных на определ. этапе классов никогда полностью не совпадали с объективными потребностями обществ. развития. Поэтому И. этих классов не могла быть последовательно научным осознанием потребностей общественного развития.

Положение существенно менялось, когда эксплуататорский класс становился господствующим. Идеологи этого класса, стремясь навязать особые интересы своего класса всему обществу, затушить имеющийся между ним и немущим большинством противоречия, обосновать «право» господствующего класса на эксплуатацию трудящихся, вступали на путь извращенного отражения действительности в угоду интересам этих классов.

Не могла быть подлинно научной и И. трудящихся масс до пролетариата. Стремление трудящихся масс к освобождению от эксплуатации наталкивалось в прошлом на неразвитость материальных условий этого освобождения, в результате чего их И. неизбежно принимала утонич. характер (см. *Утопический социализм*).

Специфич. возможности для извращенного отражения действительности в И. создаются в антагонистич. обществе в силу присущего ему разрыва материального и духовного труда. Для людей, занятых умств. деятельностью, мыслит. процесс предстает как результат самостоят. деятельности мышления, имеющего дело только с материалом мыслительным, исходящего из мышления своего собственного или предшественников. Понимание связи сознания с материальной действительностью утрачивается. Относит. самостоятельность И. предстает как абсолютная. Это иллюзия на определ. этапе закрепляется классовыми интересами эксплуататоров, к-рым выгодно, чтобы интересы развития рассматривалось с т. зр. не его объективных законов, а с т. зр. соответствующих интересам этих классов т. н. вечных принципов, норм, идей. В противоположность предшествующей, марксистская И. является подлинно науч. И. Объективной основой возникновения науч. И. пролетариата является полное совпадение классовых интересов и целей пролетариата

с объективными обществ. потребностями, с объективным ходом и направлением историч. развития (процесс концентрации и обобществления произ-ва, обострение противоречий капитализма, неизбежность смены капитализма социализмом и коммунизмом).

И. носит историч. характер и развивается по законам надстроечных явлений. В антагонистич. обществ. формациях различные классы создают свою обществ. И. С изменением их положения и задач происходят изменения и в их И. Когда с историч. арены сходит тот или иной класс, постепенно теряет влияние и его И. Вместе с тем в сфере И. имеет место преемственность. Отражая изменяющиеся историч. условия, существующие обществ. противоречия, она формулирует свои положения в понятиях и категориях, созданных в основном ранее, но вкладывает в них новое содержание, включает их в новые системы воззрений. Основной преемственности является то обстоятельство, что в развитии антагонистич. формаций изменяется конкретный характер различных обществ. явлений, но сами эти явления остаются (напр., классы, гос-во, отношения эксплуатации и т. п.). Поэтому сохраняются и понятия, отражающие эти явления, но содержание их меняется. Использование в новых историч. условиях предшествующего мыслит. материала позволяет опираться на результаты абстрагирующей работы мышления прошлых поколений, а не создавать заново необходимого запаса понятий и представлений. В развитии И. сохраняются не только выработанные ранее понятия и категории, но и различные взгляды и принципы. Отбор из имеющегося налицо запаса идей зависит от классовых позиций идеологов. Передовые классы в своей И. опираются на прогрессивные идеи прошлого, развивают их, используют в идеол. борьбе. Марксизм является преемником всего лучшего, что создано в предшествующем развитии человеч. мысли. Создавая И. пролетариата, Маркс и Энгельс подвергли критич. переработке и переосмыслению предшествующее развитие мысли и использовали из него все объективно истинное.

Идеологи отмирающих классов, как правило, берут из предшествующей И. реакц. идеи, приспособляя их к своим интересам, как это ярко видно на примере совр. бурж. И. Глубокий анализ и критика совр. бурж. И. даны в принятой XXII съездом КПСС Программе партии (1961). Характерными особенностями империалистич. И. являются ее реакц., антинауч. характер. Субъективизм, произвол в оценке действительности, искажение фактов и историч. перспектив, отрицание прогресса общества составляют существо этой И., как порождения империализма — строя, у которого нет будущего, но к-рый она всеми силами пытается оправдать, приукрасить фальшивыми вывесками свободы и демократии. Глубокий кризис совр. бурж. И. выражается в том, что она совершенно неспособна выдвинуть идеалы, к-рые бы могли увлечь массы, дать ответы на вопросы, выдвигаемые жизнью. Бурж. И. враждебна прогрессу человечества, интересам народных масс. Прикрывая свою духовную нищету, бурж. идеологи пытаются представить в извращенном виде великое дело коммунизма. «Главное идейно-политическое оружие империализма — а н т и к о м м у н и з м, основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма» (Программа КПСС, с. 51—52). Проникнутые несправедливостью к коммунизму идеологи и политики империализма выдвигают цель задушить коммунистич. движение и даже доходят до призывов к «превентивной войне» против СССР и стран социалистич. лагеря. Бурж. идеологи стремятся уверить, что коммунизм и мир на земле недостижимы, в силу природы самого человека. «Марксистская концепция человеческой природы», —

пишет один из бурж. социологов, — связана с верой «в возможность бесконечного прогресса. Наши сегодняшние, менее оптимистические взгляды подкрепляются выводами современной психологии, согласно которым агрессивность человека разве лишь в самой ничтожной степени обуславливается его экономическим положением и в несравненно большей степени — факторами психологического порядка» (см. Contemporary political ideologies, N. Y., 1961). С помощью подобных псевдонауч. утверждений бурж. И. пытаются обезоружить массы, породить в массах пессимизм, неверие в возможность достижения прочного мира, лучшего будущего. Составными частями бурж. И. является И. милитаризма, грубой силы, шовинизма и расизма, крайним, наиболее чужденавистическим ее проявлением выступает фашизм.

Для раскола трудящихся масс, затемнения их сознания империалисты широко используют также религ. И. В бурж. философии, политич. экономии, социологии, этике и эстетике и т. д. существует множество школ, к-рые, однако, демонстрируют собой не богатство обществ. мысли, а показывают ее ненауч. характер. Отказ от широких теоретич. обобщений, иррационализм присущи совр. бурж. И., ее различным течениям. «Виды и формы буржуазной идеологии, методы и средства обмана трудящихся многообразны. Но суть их одна — защита отживающего капиталистического строя. Идеиное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорочение общественной собственности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды и ненависти между народами — таковы идеи, которыми проникнуты политические и экономические теории, философия и социология, этика и эстетика современной буржуазии» (Программа КПСС, с. 53—54). Для распространения этой И. используется громадная пропагандистская машина империалистич. гос-в и капиталистич. монополий; с помощью этого аппарата реакц. идеи пытаются навязать массам.

Социалистич. И. коренным образом отличается от И. всех предшествовавших эпох как по своему содержанию, так и по своей роли в обществ. жизни, что обусловлено самим характером коммунистич. обществ. формации. Возникновение и развитие социалистич. общества не может происходить стихийно. Создавая науч. И. пролетариата, Маркс и Энгельс подчеркивали, что пролетариат в силу своего бытия и историч. задач нуждается не в иллюзиях, а в строго науч. осмыслении действительности. Ленин развил дальше положения Маркса и Энгельса о значении революц. науч. И. для успеха освободит. борьбы пролетариата. Выражая коренные интересы пролетариата, она дает науч. знание объективных законов обществ. развития, необходимое рабочему классу и всем трудящимся для успешного решения всемирно-историч. задачи ликвидации капитализма и построения коммунистич. общества. Открыто провозгласив свою неразрывную связь с борьбой рабочего класса и всех трудящихся за освобождение общества от частной собственности, эксплуатации, социального, нац., духовного гнета, поставив себя на службу делу революц. преобразования мира, марксистско-ленинская И. соединила в себе высшую и строгую научность с классовостью, партийностью, революционностью. Марксистско-ленинская И. по природе своей является руководством к практич. обществ. деятельности трудящихся масс, решающей силы истории; она чужда всякому догматизму, застою, органически соединяет теорию с практикой борьбы за коммунизм.

Коммунистич. И. является интернационалистской и проникнута духом подлинного гуманизма, ибо она сплачивает трудящихся всех рас и наций на борьбу

за создание истинно человеческих условий жизни на земле, против реакц. сил, пытающихся задержать движение человечества к светлому будущему. «Коммунистическая идеология — самая гуманная идеология» (Программа КПСС, с. 122). Марксистско-ленинская И. выдвигает научно обоснованную цель, объединяющую всех людей и направляющую их деятельность во всех сферах обществ. жизни на решение задач коммунистич. строительства. Она служит просвещению, воспитанию и организации масс не только на разрушение старого, но и на создание нового обществ. строя. Законом развития социалистич. общества является постоянное возрастание роли И. Марксистско-ленинская И. является не только необходимым духовным орудием преобразования объективных условий обществ. жизни, но и средством формирования человека, формирования всесторонне развитой личности коммунистич. общества. Овладев социалистич. И., каждый человек может активно и целенаправленно участвовать в общей борьбе за коммунизм. Поэтому важнейшей задачей идеологич. работы Программа КПСС считает овладение всеми членами социалистич. общества науч. мировоззрением. Марксистско-ленинская И. является теоретич. основой политики коммунистич. партии. В политике партии принципы теории превращаются в конкретную программу действий масс в данных историч. условиях. Коммунистич. партии являются носителями социалистич. И., руководствуются ею в своей деятельности и вносят ее в массы. КПСС, исходя из ленинских положений о том, что всякая И. партийна, что всякое умаление социалистич. И. есть усиление И. буржуазной, что без революц. теории не может быть революц. движения, всегда уделяла огромное внимание вопросам идеологич. работы. Содержание идеологич. работы определяется необходимостью постоянного творч. развития социалистич. И., к-рая должна отражать изменение историч. условий и формулировать конкретные задачи, стоящие перед рабочим классом и его партией в данное время и в данной стране в борьбе за достижение конечных целей пролетариата; необходимостью внесения социалистич. сознания в массы, воспитания масс в процессе практич. борьбы на их собств. опыте в духе социалистич. сознания, мобилизации масс на решение поставленных задач; необходимостью борьбы с враждебной бурж. И., с ревизией марксизма-ленинизма и попытками догматизации его положений. Ревизионизм и догматизм приносят громадный вред поступат. развитию социалистич. общества, развитию революц. движения пролетариата в капиталистич. странах, что требует постоянной борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории.

В совр. мире идет ожесточ. борьба двух И. — коммунистической и буржуазной, отражающая в духовной жизни человечества историч. процесс перехода от капитализма к коммунистич. обществ. формации. КПСС постоянно подчеркивает, что политика мирного сосуществования не означает примирения бурж. и социалистич. И., а, напротив, предполагает и требует активной наступат. борьбы против бурж. И., разоблачения ее реакц. сущности, освобождения масс из-под ее тлетворного влияния, идейного вооружения масс в борьбе за коммунизм.

Конкретные задачи идеологич. работы партии в совр. условиях определены решениями XXII съезда КПСС, новой Программой партии, в которой научно разработан план коммунистич. строительства, охватывающий все стороны обществ. жизни. В Программе КПСС подчеркивается, что «в борьбе за победу коммунизма идеологическая работа становится все более мощным фактором» (1961, с. 116), и указывается, что главным в идеологич. работе на совр. этапе является «...воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического

отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры» (там же, с. 117). Программа подчеркивает, что важной задачей идеологич. работы является также укрепление единства и сплоченности социалистич. стран и междунар. коммунистич. движения, отстаивание мира и мирного сосуществования. С победой социализма марксистская И. становится И. всего общества. Построение полного коммунизма приведет к исчезновению классов, к единству интересов всего общества и тогда нек-рые идеологич. формы будут преодолены (религия), другие естеств. образом отомрут (политич. И., правосознание), третьи же претерпят качеств. изменения, связанные с полным преодолением классовых различий. В будущем обществе восторжествует общечеловеч. бесклассовая И., к-рая будет необходима для формирования обществ. отношений, воспитания науч. мировоззрения, нравств. и эстетич. качеств человека, решения тех новых социальных задач, к-рые будут возникать перед обществом будущего.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немейная идеология, Соч., 2 изд., т. 3; и х же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Маркс К., Капитал, т. 1, Предисловие к первому изданию, там же, т. 23; е го же, [Письмо] Л. Кульману 11 июля 1868 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; Ленин В. И., Что делать?, Соч., 4 изд., т. 5; е го же, Письмо «Северному союзу», там же, т. 6; е го же, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. 14; е го же, Три источника и три составных части марксизма, там же, т. 19; е го же, Карл Маркс, там же, т. 21; е го же, О пролетарской культуре, там же, т. 31; е го же, О значении воинствующего материализма, там же, т. 33; Плеханов Г. В., Основные вопросы марксизма, Избр. филос. проза, т. 3, М., 1957; О задачах партийной пропаганды в современных условиях. Постановление ЦК КПСС, М., 1960; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Программа КПСС, М., 1961; Хрущев Н. С., Отчетный доклад ЦК КПСС XXII съезду партии, М., 1961; е го же, О Программе КПСС, М., 1961; Богданов А., Наука об общественном сознании, 3 изд., П.—М., [1923]; Павлов Т., Теория отражения, М., 1949; Константинов Ф. В., Роль социалистической идеологии в развитии социалистического общества, «Коммунист», 1953, № 13; е го же, Роль передовых идей в развитии общества, М., 1953; Шаффа А., «Социология знания» Маннгейма и проблема объективной истины, «Вопр. философии», 1956, № 4; Корнфорт М., Диалектический материализм, пер. с англ., М., 1957; Каммари М. Д., Ревизионистский миф об «свобождении» науки от идеологии, «Вопр. философии», 1958, № 7; Келле В. Ж., Ковальзон М. И., Формы общественного сознания, М., 1959; Румл В., Идеология и наука, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 7; Ган Г. М., Учение об общественном сознании в свете теории познания, М., 1960; Формы общественного сознания, [отв. ред. Г. М. Так, М.], 1960; Игитханян М. Х., Социалистическая идеология и ее роль в создании и развитии коммунистической формации, в кн.: О закономерностях возникновения и развития социалистического общества, М., 1960, гл. 7, разд. 1, 2; Идов В. А., Идеология как форма духовной деятельности общества, Л., 1961; Журавлев В. В., Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания, М., 1961; Степанянц Э. Х., Об относительной самостоятельности идеологии, М., 1961; Barth H., Wahrheit und Ideologie, Z., 1945; Weber M., Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, 2 Aufl., Tübingen, 1951; Mannheim K., Ideologie und Utopie, 3 Aufl., Fr./M., 1952; е го же, Essays on the sociology of knowledge, L., [1952]; Lukács G., Die Zerstörung der Vernunft, B., 1955; Naess A., Democracy, ideology and objectivity, Oslo—Oxf., 1956; Merton R. K., Social theory and social structure..., Glencoe (Ill.), 1957.

В. Келле, М. Ковальзон. Москва.

ИДЕОМОТОРНЫЙ АКТ (от *идея* и лат. *motor* — приводящий в движение) — движение или двигат. импульс, возникающие непроизвольно под влиянием яркого представления о движении или напряженного его ожидания. Пример И. а.: невольный наклон головы и туловища в сторону цели, к к-рой направляется движущийся предмет (напр., катящийся к лузе бильярдный шар), фиксируемый взглядом. Точное описание подобного невольного движения содержится в письме Э. Шеврёля к Амперу и в спец. статье того же автора (Chevreul M. E., De la baguette divinatoire..., 1854). Термин И. а. предложен У. Карпентером —

англ. физиологом и психологом 19 в., посвятившим спец. главу своей книги «Основания физиологии ума...» анализу И. а. Карпентер привел убедительные для своего времени доказательства для рациональной, антиспиритуалистич. трактовки явлений, наблюдавшихся при распространении и сер. 19 в. игре с подвешенным на нитке к пальцу кольцом, совершавшим, помимо воли человека, якобы целевые движения, и особенно при сеансах столоверчения, породивших не только в невежественной среде, но и среди образованных людей веру в потусторонних духов и в возможность общения с ними. Карпентер писал: «Продолжительное сосредоточение внимания на известной идее придает ей силу, господствующую не только над умом, но и над телом; мускулы же становятся непроизвольными орудиями, посредством которых идея переходит в действие» (указ. соч., рус. пер., т. 1, СПб, 1877, с. 251). Такая т. зр. на И. а. утвердилась в эмпирич. и экспериментальной психологии 19—20 вв., не подвергшись сколько-нибудь значит. изменениям и не сделавшись предметом спец. исследований. Лишь у Джемса дана более глубокая трактовка И. а. (см. «Психология», П., 1922, с. 329). Джемс связывал И. а. с действием «противоположных нервных сил»: силы возбуждения и силы задержки, распространяя это действие на все движения, включая мимику, жесты и т. п. Такое широкое толкование И. а. вытекает из концепции Дарвина о происхождении *выражительных движений*. Дарвин подвергает анализу извлеченное из сочинений Шеврёля описание характерного для игрока в бильярд И. а. и приходит к выводу, что объяснение происхождения подобных И. а., так же как и большого числа мимич. движений, следует искать в принципе ассоциированных привычек, или, в переводе на совр. терминологию, условных рефлексов (см. «Выражение эмоций у человека и животных», в кн.: Соч., т. 5, М., 1953, с. 695). Если вопрос о генезисе И. а. приобрел ясность после Дарвина, то раскрытием физиологич. механизма И. а. наука обязана И. П. Павлову. «Давно было замечено и научно доказано, что, раз вы думаете об определенном движении (т. е. имеете кинестезическое представление), вы его невольно, этого не замечая, производите», — писал Павлов (Полн. собр. соч., т. 3, кн. 2, 1951, с. 316), подчеркивая общепризнанность самого факта существования И. а. Объяснение этого факта Павлов обосновал с помощью экспериментов, показавших, что «кинестезическая клетка, раздражаемая определенным пассивным движением, производит это же движение, когда раздражается не с периферии, а центрально» (там же). Таким образом, И. а. в своем материалистич. истолковании является частным случаем единства физиологического и психического в жизнедеятельности организма. Совр. электрофизиология еще больше углубила понимание природы И. а., накопив новые факты, наглядно демонстрирующие влияние двигат. образа или представления на возникновение импульсов на периферии. Родственные генетич. корни объединяют И. а. с идеомоторными рефлексами Пильца, впервые подметившего расширение зрачка при одном только представлении темных полос.

Лит.: Карпентер У., Основания физиологии ума с их применениями к воспитанию и образованию ума и изучению его болезненных состояний, пер. с англ., т. 1, СПб, 1877, с. 238—70; Боровский В. М., Мускульные напряжения и мыслительный процесс, в сб.: Рефлексы, инстинкты и навыки, т. 2, М., 1936. С. Геллерштейн. Москва.

ИДЕЯ (от греч. *ιδέα* — вид, наружность, род, образ, способ) — форма отражения внешнего мира, включающая в себя сознание цели и перспективы его дальнейшего познания и практич. преобразования. Поскольку диалектич. материализм понимает истину как бесконечно разветвляющийся процесс, разрывающийся возникающие и нем противоречия, постольку

И. неразрывно связана с диалектич. противоречием. В силу этого И. есть необходимая фаза процесса совпадения знания с его предметом и субъективный движущий принцип этого процесса. «Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине через „практику“ (и технику)» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 192). Как форму познания И. не следует метафизически противопоставлять др. его формам: представлению, понятию, теории и т. д. По содержанию И. в зависимости от степени ее зрелости может выражаться и как представление, и как понятие, и как теория; отличие И. от этих форм ее выражения в том, что в ней осознается общая черпыва, цель, направление дальнейшего исследования и практич. преобразования внешнего мира.

В формировании и развитии категории «И.» и истории философии можно выделить несколько узловых пунктов. И. — как умопостижимое истинно сущее. Впервые такое понимание И. встречается в философии Анаксагора и Демокрита. Демокрит называет атомы идеями (*ἰδέαι* — неделимые формы) (см. А. О. Маковельский, Древнегреческие атомисты, Баку, 1946, с. 228—29). И. — не мысль об атомах, а сам атом, являющийся первоосновой, сущностью всех вещей. Для Платона, как и для Демокрита, И. — подлинно сущее, постижимое не чувствами, а разумом. Но Платон под И. разумел не материальную, а идеальную сущность. В его философии И. лишены телесности и являются подлинно объективным, реальным, существующим независимо от конкретных вещей. Идеи эти пребывают в природе, как бы в виде образцов, прочие же вещи сходствуют с ними и являются их подобиями, и самая причастность их идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении последним» (Полн. собр. творений, т. 3, Л., 1929, с. 23). У Аристотеля начинается отход от чисто онтологического понимания И. к ее истолкованию как формы мысли о сущем. Место И. в онтологии Аристотеля заняла форма, как активное начало в вещах, а в гносеологии — понятия и категории, посредством к-рых мышление постигает всеобщее и необходимое в вещах.

Ср.-век. философы истолковывали И. как периодическую вещь, принадлежащую божеств. духу. Бог творит вещи согласно своим И., формам, прообразам (*archetypum*). И. — мысли бога. Подобно тому, учил Ансельм Кентерберийский, как художник творит произведения, имея в уме его И., так и вещи сначала существовали в уме бога как идеи. И. в божестве — разговор бога с самим собой.

Николай Кузанский связывает понятие И. с интеллектуальным познанием, к-рое отличается от рассудочной деятельности. Функция рассудка состоит в способности к различению (*discretivum discretum*), разум с помощью ума судит о понятиях, создавая И. Бог содержит И. вещей, а ум их извлекает у бога: «Божественный ум своим концептированием создает, а наш ум своим концептированием уподобляется, создавая понятия или интеллектуальные образы (*visiones*)» («Об уме», в кн.: Избр. филос. соч., М., 1937, с. 185).

В философии нового времени прогрессивные мыслители разрабатывали учение об И. как способе чело-веч. познания, ставя вопрос о происхождении И., их познават. ценности и отношении к объективному миру. Эмпирич. понимание И. выражено в наиболее яркой форме Локком, для к-рого И. — это любое представление, все, чем занята душа человека во время мышления. Своим источником И. имеют либо опущения от внешних материальных вещей, либо рефлексию. В связи с этим он подвергает критике теорию врожденных И. Обосновав опытное происхождение И., Локк положил начало узко эмпирич. взгляду на природу И. Слабости эмпиризма Локка были использо-

ваны Беркли и Юмом. Беркли понимал под И. ощущения и представления, лишённые материальной субстанциональной основы. Юм называл И. менее сильные и живые представления: «... все наши идеи, или более слабые представления, суть копии с наших впечатлений, или более живых представлений» («Исследование человеческого разума», СПб, 1902, с. 18). Франц. материалисты и Фейербах развивали дальше на материалистич. основе положение Локка об опытном происхождении И. Так, Гельвеций называл И. все, из чего складывается ум человека. Линия последовательного материалистич. сенсуализма в исследовании И. проведена Фейербахом: «... реальность идеи есть чувственность, но реальность есть истинность идеи, следовательно, только чувственность есть ее истинность» (Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 181—82).

Рационализм связывал И. со спонтанной деятельностью мышления. Терминологически Декарт понимал под И. то же самое, что и Локк: «... в этом месте и во всех следующих под словом идея следует вообще понимать всякую мыслимую вещь, поскольку она представлена каким-либо объектом в уме» (Декарт Р., Избр. произв., М., 1950, с. 706, прим.). Однако он связывал это понимание с учением о врожденности И. Спиноза определял И. как «... понятие, образуемое душой и силой того, что она есть вещь мыслящая (res cogitans)» (Избр. произв., М., 1957, т. 1, с. 402). Толкуя И. материалистически («Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей», — там же, с. 407), Спиноза вместе с тем справедливо рассматривал И. как «действие души», т. е. проявление активности человека. Лейбниц считал И. не формой мышления, а внутр. посредством его объектом, выражающим природу или качество вещей: «Если бы идея была формой мышления, то она возникла бы вместе с соответствующими ей актуальными мыслями; но, будучи объектом мышления, она может и предшествовать мысли и следовать за ней («Новые опыты...», 1936, с. 99). И. находится в нас и до того, как мы их сознаем с известной отчетливостью. Против смешения И. с понятиями и представлениями, не говоря уже об ощущениях и восприятиях, выступил Кант, определивший И. как понятие разума. Рассудок со своими категориями направлен на созерцание, на наглядные представления, подводя их под правило; разум со своими И. (или принципами) направлен на суждения и понятия, являющиеся результатом рассудочной деятельности. Посредством И. осуществляется высший синтез, носящий надэмпирич. характер и претендующий на абсолютную завершенность и законченность. И. разума по отношению ко всем явлениям трансцендентальны, даны природой самого разума, выходя за пределы всякого опыта: «Под идеей я разумею необходимое понятие разума, которому нет соответствующего предмета в нашей чувственности» («Критика чистого разума», СПб, 1867, с. 285). И. сохраняют только регулятивное, методологич. содержание как принципы умозаключения разума. Фихте трактует И. законченно субъективно-идеалистически, как имманентную цель, как творящего мир субъекта, «И». «Мир, как мир вообще, как субстрат с известными определенными механическими и органическими законами, содержится в этой идее; а эти законы вполне пригодны к тому, чтобы выражать конечную цель разума» (Избр. соч., т. 1, 1916, с. 503). Для Шеллинга И. есть понятие, как бесконечное полагание бытия, а вещи являются видимыми моментами И.: «... всякая отдельная вещь предопределена целым или идеей природы вообще» (Werke, Münch., 1927, Bd 2, S. 279). Линия объективного идеализма в понимании И. была продолжена Гегелем, к-рый подверг критике Канта за утверждение, что И. имеет лишь чисто регулятивное значение, и защищал

положение об объективности И.: «Идея есть адекватное понятие, объективная истина, или истина как таковая. Если что-либо истинно, оно истинно через свою идею или, иначе говоря, нечто истинно лишь постольку, поскольку оно есть идея» (Соч., т. 6, М., 1939, с. 214). В системе логики Гегеля категория И. занимает особое место, венчая, завершая весь процесс развития. В своем развитии И., как процесс, проходит три ступени: жизнь, познание (теоретич. и практич. И.), абсолютная И. и представляет собой тождество субъективного и объективного, практического и теоретического, жизни и познания. Абсолютная И. — это полная истина, включающая в себя всю предшествующую систему движения мысли. Ленин, материалистически истолковывая абсолютную идею Гегеля, понимал ее как полную истину, конкретное и всестороннее знание о мире, целостную систему абстракций, выражающую суть явлений объективного мира, глубокие закономерности их развития: «Отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины пужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными... Лишь в их совокупности (zusammen) и в их отношении (Beziehung) реализуется истина» (Соч., т. 38, с. 187). По Гегелю, И. становится истиной не в результате только чисто теоретич. деятельности, а в практике. И. должна реализоваться, стать действительностью. Эту реализацию идеи Гегель понимал идеалистически, как переход чистой мысли в природу и историю.

В совр. бурж. философии существует несколько направлений в толковании понятия И., но, несмотря на их различия, все они носят идеалистич. характер. Неотомизм интерпретирует И. в духе ср.-век. схоластики, рассматривает ее как идеальную форму, образ реальных вещей. Гуссерль и его последователи идеями считали истины, к-рые не связаны ни с мыслящим субъектом, ни с объектом, отраженным в них; И. — это идеальная форма теоретич. знания, претендующего на действит. «истинность» и «предметность». Линию юмизма и берклианства в понимании И. продолжают прагматисты и неопозитивисты. Прагматизм считает И. орудиями, инструментами действия, приводящего к успеху. И. истинна, если она помогает нам оперировать теоретически или практически с к.-л. реальностью и содействует нам в приспособлении к ней. Неопозитивисты отрицают объективные содержания И., толкуя ее как состояние биопсихич. субъективной потребности: «Я определил бы „идею“, — пишет Рассел, — как состояние организма, соответствующее (в некотором смысле) чему-то чувственно отсутствующему» («Человеческое познание», М., 1957, с. 129).

Классики марксизма-ленинизма последовательно развили тезис материалистич. философии, согласно к-рому все И., в конечном счете, имеют опытное происхождение и являются отражением вещей, явлений, процессов и закономерностей объективного мира. «Все идеи извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или же искаженные» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1957, с. 317). В развитии учения об И. классики марксизма-ленинизма подчеркивали, с одной стороны, определяющую роль обществ. бытия по отношению к И. в обществе, с другой — активное воздействие И. на ход развития истории, на все стороны жизни людей. «Взгляд, согласно которому будто бы идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали; а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противополож-

ными тому, чего желали» (там же, с. 326). И. являются отражением объективных процессов и порождаются потребностями общественного развития, но, возникнув и овладев массами, они становятся материальной силой, а затем претворяются в действительность.

Марксистская диалектич. логика вскрывает сущность И. как формы мышления и ее функцию в познании. По своей логич. структуре и по языковому выражению И. — вид понятия. Свообразие И. состоит не в особенностях ее формально-логич. структуры, а в ее содержании и месте в развитии познания. «Begriff еще не высшее понятие: еще выше и д е я = единство Begriff'a с реальностью» (Л е н и н В. И., Соч., т. 38, с. 160).

В И. выражен действительно творч. характер мышления. И. — мысль, переходящая в действие или, как писал Ленин: «идея есть п о з н а н и е и стремление (хотение) [человека]... Процесс (происходящего, конечного, ограниченного) познания и д е й с т в и я превращает абстрактные понятия в з а к о н ч е н н у ю о б ъ е к т и в н о с т ь» (там же, с. 186—87). В связи с этим в содержании И. можно выделить две стороны, момента. Во-первых, как всякое знание, И. отражает объективную реальность, закономерность; во-вторых, И. не просто знание (созерцание действительности), но и определение путей ее изменения, поэтому всякая И. включает в свое содержание постановку цели перед человеком и определение практич., материальной деятельности. Эта особенность И. определяет и ее место в движении познания.

Ленин выделяет следующие моменты в И.:

«Идея... есть совпадение (согласие) понятия и объективности („общее“). Это — во-1-х.

Во-2-х, идея есть отношение для себя сущей (= якобы самостоятельной) субъективности (=человека) к о т л и ч н о й (от этой идеи) объективности...

Идея, познание есть п р о ц е с с погружения (ума) в неорганическую природу ради подчинения ее власти субъекта и обобщения (познания общего в ее явлениях)...» (там же, с. 185).

И. выступает гносеологическим «идеалом», к к-рому стремится в своем движении познание, в ней совпадение субъективного с объективным предстает как незавершенный процесс в его общей перспективе. И. как высший достигнутый уже уровень объективности и конкретности познания стремится к практич. реализации и материальному воплощению посредством практики. Но И. — исторически преходящий идеал в познании, она развивается на базе противоречий. Достигая определ. результатов, познание идет дальше, субъект стремится к знанию, в к-ром достигается еще большая объективность и конкретность. Соответственно развитию практики и познания изменяются цели человека. Следовательно, старые И. отрицаются только путем их реализации, и это их отрицание есть одно из непременимых условий возникновения новых И. «Идея, — пишет Ленин, — имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его...» (там же, с. 186). Если И. остановится в своем развитии, окостенеет, «возомнит» себя абсолютным идеалом, она гибнет как научная идея. Она сохраняется лишь непрерывно развиваясь, конкретизируясь. Отношение И. к объекту является сложным и противоречивым. И. является отражением объекта, но не просто в том виде, в каком он налично существует, а в его возможностях и тенденциях, в развитии. И. — не «описание» объекта, а постижение общих закономерностей его движения. Будучи отражена в виде И., эта закономерность начинает играть активную

роль. В практике И., как нечто четко сформулированное, выступает даже нек-рым исходным пунктом деятельности. «Понятие (= человек), — пишет Ленин, — как субъективное, снова предполагает само-в себе сущее инобытие (=независимую от человека природу). Это понятие (=человек) есть с т р е м л е н и е реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя.

В теоретической идее (в области теории) субъективное понятие (познание?), как общее и само по себе лишнее определенности, противостоит объективному миру, из коего оно почерпает определенное содержание и наполнение. В практической идее (в области практики) это понятие, как действительное (действующее?), противостоит действительному» (там же, с. 204). Воплощая И., человек создает то, что ранее в готовом виде не существовало (напр., машины, новые материалы и т. д.). В этом смысле и следует понимать замечание Ленина: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (там же). Человек изменяет мир практич. действием, но на основе теоретич. отражения мира в И. В И. предмет отражается в аспекте идеала, т. е. не только таким, как он «есть», но и каким он «должен быть». Если знание не достигло такого уровня, что на его основе можно поставить практич. цель, то это значит, что оно не стало И. В практич. деятельности не И. превращается в предмет, а последний становится другим, и И. есть лишь посредствующее звено этого становления. И. направляет практич. деятельность, образуя идеальную форму будущей вещи или процесса. Причем отделить И. (идеальную форму) от материальной практич. деятельности можно только в абстракции. И. выступает нек-рым опосредствующим звеном в движении от одного объекта к другому. Когда И. реализуется, становится не только по содержанию, но и по форме своего существования объективной, она перестает быть И., становится объективной реальностью.

Переход от абстрактного к конкретному невозможен без образования И., объединяющей многочисл. абстракций в нек-рую целостность, образующую науч. теорию, потому что в И. осуществляется синтез теоретич. предположений и практич. опыта, обнаруживающего их истинность. Пока не созреет, не выкристаллизуется И., нельзя приступить и к созданию науч. теории и образующих ее понятий. Функция И. в познании состоит в достижении синтеза знания. Напр., И. рефлекса лежит в основе теории И. П. Павлова, И. развития — в основе диалектики как науч. теории.

И. выражает такую закономерность, к-рая характеризует существенное во всем процессе, отражающемся в данной теории, и на всем протяжении его протекания и потому осознается в общем виде раньше, чем подробности и детали. Все остальные понятия, входящие в данную теорию, связаны с И., выражают ее отд. стороны и моменты. Напр., все законы и категории материалистич. диалектики объединены в одно целое, в одну теорию. Началом, их объединяющим, является И. развития, законы диалектики являются законами развития, они выражают отд. стороны, процессы и формы его. Понятие, отражающее закономерность, становится И., когда оно в построении в образовании науч. теории выполняет определ. функцию, а именно: объединяет др. понятия в определ. систему, намечая целостный, контурный образ изучаемого предмета, объединяет многочисл. абстракций в синтетич. образ, дающий конкретное, многостороннее знание предмета. Новая И. созревает, в свою очередь, на базе предшествующего развития знания, т. е. после того как наука накопила большой фактич. материал, открыла ряд частных закономерностей, выраженных в абстракциях, но оказалась не в состоянии

разобраться в их сложном многообразии, систематически их синтезировать. Поскольку все понятия в науч. теории связаны с И., подчинены ей и выражают ее различные стороны, моменты, содержание И. не раскрывается одной дефиницией, нужна целая совокупность определений, к-рые бы характеризовали ее с различных сторон. И. раскрывается в принципах, законах, категориях и т. д., т. е. превращается в теорию.

Синтезирующую роль выполняет И. и в художеств. произведениях, объединяя представления и мысли в целостный образ.

И. развивается и в своем развитии может достигать различной степени зрелости. Одни И. являются достоверными, а другие находятся на ступени предположения достаточной степени вероятности, чтобы стать основой для построения гипотезы. Превращение гипотезы в достоверную теорию связано с доказательностью И., лежащей в ее основе. Когда наука и практика устанавливают объективную истинность И., лежащей в основе гипотезы, последняя, путем ее конкретного развития, становится достоверной теорией. Существуют И., к-рые фантастически, искаженно отражают действительность. Такие идеи лежат в основе идеалистич. филос. систем и религ. учений.

И. в науке выполняют роль активных эвристич. принципов объяснения явлений, в дальнейшем движении познания, в анализе накопленных фактов и открытых законов. И. тогда открывает широкие горизонты в дальнейшем прогрессе знания, когда она точно и полно отражает наиболее общие фундаментальные закономерности. Такими являются филос., политич., правовые, эстетич., моральные И. марксистско-ленинского мировоззрения, оказывающие благотворные влияния на все стороны обществ. жизни. На основе этих И. происходит преобразование действительности.

В зависимости от своего содержания И. различно влияют на ход развития общества. И., правильно отражающая процессы и выражающая интересы передовых обществ. классов, ускоряет обществ. развитие. Эта И. организует и мобилизует массы на борьбу за свержение отжившего свой век и установления нового общества. строя. Реакц. И., искажающие действительность и служащие уходящим с историч. арены классам, выступают тормозом обществ. прогресса. Реакционный характер носят И. совр. бурж. философии и социологии, ревизионизма и религии. Примером передовых И. являются идеи марксизма-ленинизма, указывающие пролетариату выход из социального рабства и пути построения нового общества.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3, с. 16—49; Маркс К., Экономическо-философские рукописи 1844 года, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, с. 113—14; его же, Философские тетради, там же, т. 38, с. 183—231; Кант И., Критика чистого разума, СПб., 1897; Гегель Г. В. Ф., Логика, Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 320—44; его же, Наука логики, там же, т. 5—6, М., 1937—39; Аристотель, Метафизика, пер. и прим. А. В. Куйбышева, М.—Л., 1934, кн. 13, гл. 4—5; Локк Дж., Опыт о человеческом разуме, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960; Маковельс И. и А. О., Древнегреческие атомисты, Баку, 1946, с. 228—35.
И. Коплин. Киев.

ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД (от греч. ἴδιος — собственный, частный, особенный и γραφω — пишу) — идеалистич. принцип, сводящий задачу историч. знания к описанию специфич., индивидуальных явлений. Развернутое теоретич. обоснование И. м. получено в работах основоположников *баденской школы* нем. неокантианства *Виндельбанда* и *Риккерта*. Исходя из субъективно-идеалистич. т. зр., согласно к-рой акт познания есть вместе с тем акт создания объекта, Виндельбауд и Риккерт пытались классифицировать

науки не по их предмету, а по методу исследования. При этом они подразделили науки на две противостоящие друг другу группы. Одни науки (естеств.-математические) отыскивают общее, повторяющееся, закономерное и пользуются обобщающим, номотетическим (от греч. νόμος — закон и θέσις — установленный) методом. Другие (историч. науки) изучают единичное и особенное, пользуясь идиографич. индивидуализирующим методом.

Отрицая в духе кантовского формализма объективность законов обществ. развития и мистифицируя реальные основы различия между историч. и логич. методами исследования, баденская школа рассматривает И. м. как особый вид формального «упорядочения» индивидуальных явлений. Не видя объективного содержания социологич. категорий, извращая реальную связь и соотношение общего, особенного и единичного, ошибочно считая все процессы и явления обществ. жизни абсолютно индивидуальными и неповторимыми, И. м. подменяет их науч. анализ и описание описанием. Утверждая, что действительность, как она есть, не входит ни в одно понятие, И. м. вносит в философию и социологию сильную струю иррационализма и агностицизма. Хотя И. м. выдвигается как чисто гносеологич., методологич. прием, в основе его лежит идеалистич. и метафизич. взгляд на историч. процесс как на взаимодействие отд. личностей, лишенное объективной внутр. закономерности. И. м. Риккерта, заостренный против марксистского понимания истории как естеств.-историч. процесса, был прежде всего попыткой философски обосновать практику традиционной бурж. историографии, особенно школы Ранке.

И. м., дополненный теорией «идеальных типов» М. Вебера, оказал сильное влияние на последующее развитие бурж. философии истории, историографии и эмпирич. социологии. Ссылки на «индивидуальность», «неповторимость» историч. событий и якобы вытекающую отсюда невозможность формулирования историч. законов являются одним из гл. аргументов совр. бурж. философов в их борьбе против марксизма. Нек-рые представители т. н. социологического и исторического индивидуализма (Ф. Хайек) распространяют И. м. не только на историю, но и на все обществ. науки. Тяготение к нему обнаруживают и нек-рые неопозитивисты (К. Поппер). Марксизм доказал несостоятельность И. м. и разработал диалектико-материалистич. метод исследования обществ. явлений как объективно-закономерных процессов в диалектич. единстве общего, особенного и единичного — *исторический материализм*.

Лит.: Плеханов Г. В., О книге Г. Риккерта, Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957, с. 508—15; Асмус В. Ф., Маркс и буржуазный историзм, М., 1933, с. 181—213; Грушин Б. А., Очерки логики исторического исследования, М., 1961; Иванов Г. М., К вопросу об образовании социально-экономических понятий, Уч. зап. Томского Гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, 1959, № 31, с. 156—77; Кон И. С., Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, М., 1959, гл. 1, 4, 8; Шаффа А., Объективный характер законов истории, пер. с польск., М., 1959; Риккерт Г., Границы естественно-научного образования понятий, пер. с нем., СПб., 1903; Rothacker E., Logik und Systematik der Geisteswissenschaften, 2 Aufl., Bonn, 1948; Назук Р. А., The counter-revolution of science, Glencoe (Ill.), 1952; The social sciences in historical study. A report .... («Social Sci. Res. Council», 1954, Bulletin 64, July); Gray W., Laws and explanation in history, L., 1957; Popper K. R., The open society and its enemies, v. 1—2, 3 ed., L., 1957; Gardiner P. [ed.], Theories of history, Glencoe—Chi., 1959.
И. Кон. Ленинград.

ИДЭ ТАКАСИ (р. 1892) — япон. философ-материалист. Окончил филос. отделение Токийского ун-та (1917). Д-р лит.-ры. С 1947 — член Коммунистич. партии Японии. В центре внимания Филос. соч. И. Т. — проблемы др.-греч. философии («Философское прошлое» — «Тэцугаку-но идзэн», 1921, «Греческая

философия и политика» — «Гирися-но тэцугаку то сэйдзи», 1943). Ему принадлежат в соавторстве с Ивасаки Танэцугу перевод и комментарии к «Эпикуру» («Эпикуру», 1959) и перевод «„Метафизика“ Аристотеля» (1961). В конце 40-х гг. И. Т. переходит на позиции марксизма. С этих позиций он пишет работы «Философия переворота» («Хэнкаку-но тэцугаку», 1949), «Философия и политика» («Тэцугаку то сэйдзи», 1949), «Учебник философии» («Тэцугаку кэтэй», 1950), к-рые получили известность как учебники, знакомящие с материалистич. философией. И. Т. — председатель киотского «Общества по изучению материализма».

И. Радуль-Затуловский. Ленинград.

ИЕГОВИСТЫ, или «Общество свидетелей Иеговы», — реакц. сектантская орг-ция, возникшая в 80-х гг. 19 в. в США в шт. Пенсильвания. Ответвления общества, центр к-рого находится в г. Бруклине (шт. Нью-Йорк), существуют более чем в 100 странах мира; наиболее крупные — в США (св. 200 тыс. чел.) и Зап. Германии (62 тыс.). В последние годы И. усиленно проникают на Африканский континент и в лат.-амер. страны.

И. ведут свое происхождение от секты «Адвентистов седьмого дня», произошедшей эсхатологич. вероучение о скорой кончине мира и втором пришествии Христа (см. *Адвентисты*). Вероучение секты провозглашает конечной целью создание теократич. гос-ва на земле под главенством Христа. Заявляя, что до них Библия изучалась доктринерски, как сборник мертвых догматич. истин, иеговистские богословы рассматривают Библию как «динамику божественного откровения», основанную на противоречиях и конфликтах. В отличие от распространенного в христианстве взгляда, что главное в Библии — спасение души человека, они поучают, что ведущая идея Библии — в оправдании бога, как всевышнего творца, потому что низвергнутый с небес сатана, бросив вызов богу Иегове, поставил под сомнение его всемогущество. Иеговистские богословы официально объявили весь земной мир и все достижения науки царством сатаны, к-рому противостоит «единственно праведное» иеговистское общество. Согласно вероучению И., все участники этого общества получают «вечное спасение», а инакомыслящие будут уничтожены в т. н. армагеддоне — битве между богом и сатаной. В соответствии с концепцией об армагеддоне, секта И., в отличие от большинства христ. учений, не признает существование рая, ада и бессмертия души человека. Не отвергая мифа о воскресении Христа, И. лишили его традиционного антропоморфного облика. Поэтому второе пришествие Христа на землю произойдет якобы незримо и будет предсказано по «признакам», исходящим от самого Иеговы. И. отвергают также триединство бога, признавая лишь единств. бога в лице Иеговы.

«Общество свидетелей Иеговы» настойчиво внедряет в сознание верующих мысль о безнадежности всех попыток людей собств. силами навести порядок на земле. Человеконенавистнич. содержание мифа об армагеддоне становится специальным библейским видом пропаганды войны. Пропагандируя идею теократич. гос-ва, И. открыто выступают против коммунизма. В связи с тем, что вожаки секты в Сов. Союзе занимаются антисов. деятельностью, настраивая верующих против всех обществ. и гос. мероприятий, деятельность И. в Сов. Союзе запрещена. Однако общины секты существуют нелегально в нек-рых районах. Иеговистское подполье в СССР построено по системе замкнутых цепочек-звеньев, возглавляемых «Краевым комитетом». В последние годы в результате большой воспитат. работы число И. сильно сократилось, влияние вожаков секты на рядовых верующих основательно подорвано.

Лит.: Причина Е. А., «Свидетели Иеговы» на службе империализма, М., 1959; Герасимец А. С. и Решетников И. А., Правда об организации иеговистов, [Иркутск], 1960; Маят Е. В. и Узков И. Н., «Братья» и «сестры» во Христе, М., 1960; Бартошевич Э. М. и Борисоглебский Е. И., Именем бога Иеговы, М., 1960; Войчук М., Кто такі єговисти, К., 1957.

Э. Бартошевич. Москва

ИЕГУДА ГАЛЕВИ (р. ок. 1080 — ум. ок. 1145) — евр. философ-мистик и поэт. Родом из Толедо (Испания). Молодые годы провел в араб. Испании, где изучал греко-араб. философию и медицину. Автор мн. религ. гимнов, вошедших в евр. богослужение. И. Г. оказал большое влияние на последующее развитие евр. поэзии. В филос. трактате, написанном на араб. яз. и переведенном на др.-еврейский под заглавием «Сефер га-Кузари» («Книга Хазара»), И. Г. отстаивал *иудаизм* и решительно осуждал идею Аристотеля о вечности мира, находившуюся в противоречии с мифом о сотворении мира. Принимая учение Платона, И. Г. верил в существование потустороннего мира и в божеств. миропорядок. Он утверждал, что высшим принципом познания является божеств. откровение, философия же, поскольку она порождается человек. разумом, к-рому свойственно ошибаться, должна быть подчинена теологии.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 453; Гарканд А., Иегуда Галеви, «Восход», 1881, год 1; Бернфельд С., Даатэолог. Толдог га философия га датит сеисроаль (История религиозной философии), т. 1—2, Варшава, 1897—99, с. 182—206; Мор А., Иегуда Галеви хонн ве мешорер (Иегуда Галеви, человек и поэт), Тель-Авив, 1956; Berger E., Das Problem der Erkenntnis in der Religionsphilosophie Jehuda Hallewis, B., 1916; König M., Die Philosophie des Jehuda Halevi und des Abraham Ibn Daud, B., 1929 (Diss.).

М. Бельский. Москва.

ИЕЗУИТЫ — члены реакц. организации католич. церкви — монашеского «нищенствующего» ордена, основанного *Лойолой* под назв. «Общество Иисуса» («Societas Jesu»). И. подчиняются уставу, построенному на принципах строгого единоначалия и безусловной дисциплины. В дополнение к трем обычным монашеским обетам (целомудрие, бедность, послушание) И. дают особый обет — абс. повиновения папе. Им разрешается носить светскую одежду, налагать церк. наказания (эпитимью) или освобождать от них. И. могут самим себе давать освобождение от религ. предписаний и запрещений, они не подчиняются местным епископам. Во главе ордена стоит генерал, к-рого избирает пожизненно генеральная конгрегация ордена. Генерал подчинен папе, а фактически действует совершенно самостоятельно. Железная дисциплина в сочетании с обязат. взаимным шпионажем связывает все звенья ордена воедино, создавая прочную и гибкую организацию.

С момента возникновения ордена И. преследовали наиболее реакц. цели: боролись против Реформации, против развития передовой науки, демократии и прогресса. Для оправдания своих действий И. создали особую систему моральных предписаний, согласно к-рой для достижения своих целей они могут использовать любые средства. «Так как дозволена цель, дозволяются и средства», — писал один из гл. моралистов ордена Г. Бузенбаум (1600—88). Поэтому считались законными и даже рекомендуемыми ложь, насилие, обман, интриги, клевета, подлог, клятвопреступление, провокации, заговоры и даже убийство «для вящей славы божьей» («ad maiorem Dei gloriam»).

Обосновывая свое право на нарушение всяких нравств. норм, И. разработали особую систему «доказательства» — казуистику, получившую яркое выражение в трех осн. формах: а) пробабиллизме, б) мысленной оговорке и в) «условии руководящего намерения». Согласно теории пробабиллизма, развитой Бузенбаумом и Лигуори (1696—1787), нравственность поступка может считаться доказанной, если имеется хотя бы «возможное» (probabilis) оправдание ее каким-

либо «авторитетом» католич. церкви. Право «мысленной оговорки» позволяет И. совершать любое клятвопреступление и приносить ложную присягу, если при произнесении ее в уме было добавлено слово «не» («non»), якобы уничтожившее значение принесенной клятвы. Условие «руководящего намерения» заключается, согласно рассуждениям иезуитских моралистов, в том, что безнравств. поступок становится нравственным, если он продиктован нравственно оправданной целью. Помимо этих трех гл. положений, И. разработали и ряд др. предписаний, составивших целую систему иезуитской морали (трактаты Суареса, Эскобара и др.). Сами И. называют свою систему морали «приспособительной» («systema accommodativa»). Этот принцип характеризует всю деятельность И., т. к. они даже в своей миссионерской работе исходили не из догматич. принципов католич. церкви, а, наоборот, приспосабливали их к обычаям и правам той среды, в к-рой они действовали.

Филос. проблемы и вопрос об отношении религии к науке И. решают с позиций томизма — *неотомизма*. Сыграв роль ударной силы *католицизма* в борьбе с протестантизмом в период католич. реакции, И. выступили как ожесточенные враги идей Просвещения и новой науки в 17—18 вв. Под давлением передовой общественности орден И. был в 1773 распущен. Однако после поражения франц. бурж. революции он был в 1814 восстановлен папой Пием VII. И. приобрели особое значение как ведущий отряд воинств. клерикализма, как гл. «нерв католической церкви». После 2-й мировой войны осн. базой И. сделалась США, где сосредоточено ок. 1/3 всех членов ордена. И. проникали в Индию, Китай, Японию, Эфиопию, Лат. Америку, являясь одним из гл. проводников колонизаторской политики.

По данным 1961, И. насчитывалось св. 34 тыс. чел. В их руках 1320 газет и журналов, более 30 ун-тов, ок. 500 колледжей и до 8500 школ. И. направляют деятельность мн. массовых орг-ций, являясь одним из наиболее действенных орудий империалистич. реакции. Гл. своей задачей они считают борьбу против коммунизма. И. выступают против прогрессивных сил современности. Они проявляют себя непримиримыми врагами мира, прославляют «священную инквизицию», «благословенное пламя костров», заявляют, что атомная война вполне согласуется с христ. учением и не может считаться безнравственной, т. к. она является «искуплением первородного греха». И. ведут ожесточенную борьбу против марксизма, объявляя его «устарелым», «несостоятельным» (*Vemter*, Гундлах и др.) или же пытаясь «приспособить» марксизм к католицизму, извращают и выхолащивают его содержание (Кальвез, Биго, Брокмёллер и др.). И. выступают против рабочего движения, с нападками на страны социалистич. лагеря. Их реакц. деятельность вызывает протест даже среди членов ордена И., свидетельством чего является, напр., выход из ордена профессора папского (Грегорианского) ун-та в Риме А. Тонди, выступившего с разоблачением политики И.

Лит.: Самарин Ю. Ф., Иезуиты и их отношение к России, 3 изд., М., 1870; Бёмер Г., Иезуиты, пер. с нем., М., 1913; Михневич Д. В., Очерки из истории католической реакции (Иезуиты), 2 изд., М., 1955; Шейнан М. М., Папство, М., 1959; Леонидов А., О роли иезуитов в политике современного империализма, «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 2; Тонди А., Иезуиты, пер. с итал., М., 1955; его же, Die geheime Macht der Jesuiten, Lpz.—Jena, [1960]; Monumenta Historica Societatis Jesu, a patribus ejusdem Societatis edita, t. 1—72, Mad.—Roma, 1892—1925 (не окончено); Bibliothèque de la Compagnie de J. sus, nouv. éd., C. Sommervogel, t. 1—11, Brux.—P., 1890—1930; Hoensbroghech P. von, 14 Jahre Jesuit, Tl 1—2, 4 Aufl., Lpz., 1911; Веckeг H., Die Jesuiten. Gestalt und Geschichte des Ordens, Münch., 1951.

В. Рамм. Ленинград.
«ИЕРОГЛИФОВ ТЕОРИЯ» — термин, использованный В. И. Лениным в книге «Материализм и эм-

пириокритицизм» для обозначения гносеологич. концепции «физиологич. идеализма», утверждающей, что ощущения являются условными знаками (символами, иероглифами) вещей, но не отражением их объективных свойств. Истоки «И. т.» восходят к механистич. представлению о мире (см. *Механицизм*). Согласно этому представлению, предметы реального мира сами по себе лишены качеств. определенности. Последняя будто бы возникает лишь в результате воздействия этих предметов на органы чувств. Ощущение, порожаемое таким воздействием, только указывает на внешний источник, но ни в чем не копирует его (см. *Вторичные качества*).

Крупнейшим представителем «И. т.» в 19 в. был Г. Гельмгольц, утверждавший, что ощущения света и цвета являются только символами отношений действительности: они сходны с последней не больше и не меньше, чем имя человека с ним самим (см. «*Wissenschaftliche Abhandlungen*», Bd 2, Lpz., 1882, S. 608).

В своих методологич. воззрениях Гельмгольц был естеств.-историческим материалистом, но эта его позиция подрывалась воздействием кантианской и позитивистской философии (см. В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14, с. 222). Гельмгольцевская трактовка ощущений, с одной стороны, отражала влияние «физиологического идеализма» И. Мюллера, полагавшего, будто каждый орган чувств представляет замкнутую в себе систему, заряженную «специфической энергией». Исходя из этой концепции, Гельмгольц допускает существование исходных сенсорных элементов, скрытых в организме до его контакта с внешним миром. С другой стороны, новые биологич. представления о приспособленности организма к среде требовали объяснения того, каким образом можно связать ощущение с внешними условиями, если заранее принято, будто оно заложено в независящем от этих условий апатомич. устройстве органа. Этот вопрос Гельмгольц и пытался решить при помощи своей «И. т.». С т. зр. этой теории, ощущение относится к объективному миру как знак, в содержании к-рого нет ничего сходного с реальными свойствами предметов, но к-рый достаточен, чтобы обеспечить успех практич. действия. Гельмгольц, т. о., подменяет вопрос о познават. ценности ощущений проблемой их приспособит. смысла. Такой подход непосредственно смыкается с позитивистскими и прагматистскими (см. *Прагматизм*) взглядами на познават. деятельность. «И. т.» получила в психологии 19 в. широкую популярность, хотя мн. естествоиспытатели продолжали отстаивать определяющую роль внешнего объекта в формировании ощущений.

В свете идей дарвиновской теории кристаллизуется гипотеза о том, что специализированность нервной ткани не есть, как полагали Мюллер, Гельмгольц и мн. др., изначальное и непреходящее свойство, а возникает и изменяется в общем ходе биологич. эволюции. Вместе с тем признание специализированности нервной организации результатом эволюц. процесса, хотя и вело к укреплению материалистич. представлений об ощущении, все же оставляло открытым гносеологич. вопрос о подобии между чувствованием и предметом и потому к окончат. отклонению «И. т.» не привело. С одной стороны, «И. т.» материалистически признает зависимость ощущений от воздействия внешнего мира на органы чувств, с другой, — утверждает, что мир невозможно познать таким, каков он сам по себе, т. е. соскальзывает на т. зр. кантианского *агностицизма*. Поэтому «И. т.» становится объектом острой идеологич. борьбы между материалистами и идеалистами.

Ошибочную позицию по отношению к «И. т.» занял Плеханов, к-рый заявил, что «наши ощущения, это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения

то, что происходит в действительности» (см. примечания Плеханова к кн. Ф. Энгельса, Людвиг Фейербах..., 1931, с. 118). Это была серьезная уступка агностицизму, поскольку И. т. была отождествлена с диалектико-материалистич. т. зр. на ощущения. Рус. махисты использовали эту ошибку Плеханова и стали обвинять сторонников диалектич. материализма в том, что они якобы, подобно кантианцам, допускают существование принципиально непознаваемых качеств вещей. В дальнейшем Плеханов отказался от самого термина «иероглиф», однако свой ошибочный взгляд не преодолел, а, напротив, усугубил, утверждая, что ощущения в своей качеств. структуре не имеют никакого сходства со свойствами реальных вещей и что эта структура определяется исключительно строением органа, на к-рый действуют внешние предметы. Так, напр., «Вид», — с т. зр. Плеханова, — есть именно только результат действия на нас вещей самих по себе; помимо этого действия они никакого „вида“ не имеют» (Соч., т. 8, 1923, с. 388). Плеханов опирался здесь на нек-рые гносеологич. высказывания Сеченова, к-рый полагал, что в сфере т. н. в орчных качеств «отношения между предметом и его признаком, как условным знаком, то же самое, что между предметом и его именем» («Предметная мысль и действительность», в кн.: Избр. филос. и психологич. произв., 1947, с. 352—53). Однако основная и определяющая тенденция гносеологич. воззрений Сеченова была направлена против агностич. тезиса о принципиальной непознаваемости мира. Согласно Сеченову, ощущение целиком и полностью детерминировано предметной действительностью, во взаимодействии с к-рой вступает человек, благодаря чему оно является адекватным ей. Плеханов, оставаясь в плену «И. т.», не смог разглядеть прогрессивных тенденций и смысла новых достижений естествознания. Лишь Ленин, обобщив эти достижения (в т. ч. исследования по психофизиологии органов чувств), показал ошибочность «И. т.» и подлинный смысл борьбы филос. направлений вокруг нее. Ощущение есть образ движущейся материи. «Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же» (Соч., т. 14, с. 117). Образ необходимо предполагает как реальность того, что отображается, так и сходство между образом и отображением. Напротив, понятие «условный знак» (символ, иероглиф) не только отрицает сходство между знаком и обозначаемым, но и предполагает возможность применения знаков или символов «по отношению к мнимым предметам» (Ленин и В. И., там же, с. 222—23). Ощущение нельзя противопоставлять предмету. Этим вовсе не отрицаются различия между ощущением и ощущаемым. «Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравниться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, условный знак» (там же с. 223). В критич. анализе «И. т.» Ленин исходил из диалектич. теории развития, согласно к-рой качеств. природа ощущений формируется исторически в процессе отражения внеш. мира, причем роль ощущений в процессе общественно-практич. взаимодействия человека с окружающей средой определяется именно их адекватностью объективной природе внешних раздражителей. Естеств.-науч. обоснованием диалектико-материалистич. понимания ощущений как «снимков», «копий» объективного мира является рассмотрение ощущений как такого явления, к-рое возникает лишь в составе полного рефлекторного акта с его «двигательными последствиями» или внешне выраженными или заторможенными. Крупнейшим вкладом в развитие этой концепции, ведущей свое начало от Сеченова, было павловское учение о деятельности анализаторов

и об ориентировочных рефlekсах. В связи с успехами кибернетики возникла проблема моделирования сенсорных функций, что позволило наметить новые подходы к критике «И. т.». Возникла необходимость разграничить сигнал-код, для реализации к-рого достаточно изоморфность его сигнализируемому объекту, и изображение-образ как такое организованное множество сигналов, к-рое воспроизводит внешний объект по принципу подобия. См. *Ощущение, Символ.*

Лит.: Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, гл. 4, § 6; Основы марксистской философии, М., 1958, гл. 5, § 3; Сеченов И. М., О предметном мышлении с физиологической точки зрения, в кн.: Избр. филос. и психологич. произв., [М.] 1947; Гуртовое Г. К. и Спиркин А. Г., Вопросы психофизиологии и ленинская теория отражения, в кн.: Философские записки, т. 5, М.—Л., 1950; Ярошевский М. Г., Критика В. И. Лениным физиологического идеализма и ее значение для понимания истории психофизиологии, «Вопр. психологии», 1960, № 2; Леонтьев А. Н., О социальной природе психики человека, «Вопр. философии», 1961, № 1; Helmholtz H. von, Handbuch der physiologischen Optik, 3 Aufl., Hamb.—Lpz., 1909, § 26. М. Ярошевский. Душанбе.

ИЕРОНИМ, Евсевий Софроний Иероним (Eusebius Sophronius Hieronymus) [(р. ок. 340 — ум. 30 сент. 419 (или 420)], — церковный писатель, родом из Стридона (Далмация). Учился в Риме; вторую половину жизни провел на Востоке (Египет, Константинополь, Сирия и Палестина), что позволило ему овладеть греч. и евр. яз. Лат. перевод Иеронимом Библии, известный под названием «Вульгаты», был признан католич. церковью за единственно правильный. И. воздерживался от аллегорического толкования Библии и уделил много места пояснениям исторического характера. На основе «Церковной истории» Евсевия И. составил соч. «О знаменитых мужах...» («De viris illustribus...»), в к-ром наряду с церк. писателями упоминал также Сенеку, Филона и Иосифа Флавия. В лит. деятельности И. обнаруживается глубокий конфликт между классицистич. («языческими») и христ. тенденциями. Ярким выражением этого конфликта является рассказ И. о своем сновидении, когда он слышал упрекающий его голос: «ты цicerонианец, не христианин», в ответ на что И. отвечал (невыполненным им) обещанием отречься от чтения «светских» книг (Письма, 22,30). Хотя сам И. нередко высказывался о философии как об «источнике ересей», противопоставляя ей «христианскую простоту», в его соч. заметно значит. влияние философии Цицерона. Многочисл. письма И. являются яркими историч. документами, содержащими данные о быте и нравах в 4 в. п. э.

Соч.: Opera omnia, в: Patrologiae cursus compl., ser. latina, accur. J. P. Migne, t. 22—30, P., 1865—66.

Лит.: Диесперо А., Блаженный Иероним и его век, М., 1916; Grützmacher G. von, Hieronymus, Bd 1—3, Lpz.—B., 1901—08; Cavallera F., St. Jérôme, sa vie et son oeuvre, [v. 1—2], Louvain, 1922; Hagendahl H., Latin fathers and the classics. A study on the apologists, Jerome and other christian writers, Göteborg, 1958. В. Зубов. Москва.

ИЕРУЗАЛЕМ, Ерусалем (Jerusalem), Вильгельм (11 окт. 1854 — 15 июля 1923) — австр. бурж. философ-идеалист, представитель т. н. критического реализма. В 1891 — доцент, в 1920 — проф. Венского ун-та. Под влиянием Шпенсера и Джемса истолковывал человек. сознание и познание с т. зр. биологич. закономерностей. Целый ряд положений теории познания И. сближает его с Махом и Авенарисом. Стремление к познанию И. выводил из инстинкта самосохранения, превзошедшего в своем развитии требования непосредств. сохранения жизни. Согласно И., философия в своих началах идентична науке в том смысле, что, так же как и наука, является результатом «индивидуалистич. тенденции развития». Однако, утверждает И., последующее их развитие отнюдь не одинаково: философия обращена «во внутрь», ее предмет — человек и его «жизнь» (это понятие И. определял идеалистически). Философия, по И., в отличие от науки,

опирается не только на мышление, но и на чувство и «хотение»; задача ее — придать индивиду и гос-вам «волевые цели». И. пытался примирить науку с религией (см. «Критический идеализм и чистая логика» — «Der kritische Idealismus und die reine Logik», 1905). Подобные воззрения дали основание Ленину назвать И. «реакционнейшим кантианцем» (см. Соч., т. 14, с. 83).

Соч.: Der Krieg im Lichte der Gesellschaftslehre, Stuttg., 1915; Einführung in die Soziologie, W.—Lpz., [1926]; в рус. пер.: Введение в философию, [4 изд., М., 1914]; Учебник психологии, 3 изд., М., 1917.

Лит.: Eckstein W., W. Jerusalem, W. — Lpz., 1935.

А. Мысличенко. Москва.

ИЗЕЛИН (Iselin), Исаак (17 марта 1728—15 июня 1782) — швейц. философ, историк и педагог. И. рассматривал историю человечества как непрерывное и прямолинейное движение вперед, считая основными движущими ее факторами климат, состояние почвы, благосостояние людей и форму правления народов. Главный враг прогресса, по И., — война, а гл. цель — единение всех народов. Средством к достижению этой цели он считал воспитание. По своим педагогич. взглядам И. был близок к Песталоцци. Учение И. оказало влияние гл. обр. на нем. философов *Тетенса*, *Гердера* (вступившего в соч. «Еще одна философия истории» в полемику с И. по поводу понимания прогресса) и *Канта*. В 1776—81 И. редактировал периодич. издание «Ephemeriden der Menschheit...» (Bd 1—8).

Соч.: Träume eines Menschenfreundes, Tl 1—2, Basel, 1776; Über die Geschichte der Menschheit, 4 Aufl., Bd 1—2, Basel, 1779; Vermischte Schriften, Bd 1—2, Z., 1770; Pädagogische Schriften, Langensalza, 1882.

Лит.: Girgensohn H., Das Problem des geschichtlichen Fortschritts bei Iselin und Herder, Erlangen, 1913 (Diss.); Regli M., Isaaq Iselins «Geschichte der Menschheit», Münch., 1919 (Diss.); Stern A., Über I. Iselins Geschichte der Menschheit, «Z. für schweizerische Geschichte», 1930, № 2, S. 205—53; Böhi H., Die religiöse Grundlage der Aufklärung, Z., 1933; Im Hof U., Isaaq Iselin..., Bd 1—2, Basel, [1947].

ИЗМЕНЧИВОСТЬ — одно из центральных понятий биологии. В совр. биологии по вопросу о природе И. нет единства взглядов. Это объясняется тем, что И. во многом остается проблемой, недостаточно изученной. В частности, не раскрыты полностью ее физико-химич. основы, закономерности И. еще не всегда могут быть охарактеризованы достаточно точным образом. Различия в трактовке понятия И. непосредственным образом обуславливаются также неоднозначным пониманием природы *наследственности*.

Ниже приводится изложение двух наиболее распространенных точек зрения по проблеме И. *Ред.*

Согласно *первой* точке зрения, термин «И.» употребляется в трех значениях: 1) свойство или способность организмов образовывать в процессе жизнедеятельности более или менее отличные от родительской формы, 2) процесс возникновения видоизмененных органич. форм, 3) прямое следствие этого процесса, а именно разнообразие, неоднородность особей одного и того же пола и возраста в пределах вида, разновидности, сорта, породы и даже потомства одних родителей. Грани между всеми этими понятиями весьма подвижны. Чаще, однако, речь идет об И. как процессе.

Изменения организмов могут в большей или меньшей степени передаваться по наследству, что зависит от того, насколько вещества измененного участка живого тела вовлечены в общую цепь процесса подготовки и возникновения воспроизводящих клеток (К. А. Тимирязев, Т. Д. Лысенко). Говоря об И. как о факторе эволюции органич. мира, ее исходном моменте, следует обратить внимание прежде всего на два обстоятельства: чем вызывается И., каковы ее движущие силы, каков ее характер и направление.

Дарвин, так же как и *Ламарк*, считал, что все изменения организмов связаны с изменениями окружающей среды. Последние он рассматривал как источник,

причину И. «...Если бы было возможно поставить всех особей какого-нибудь вида во многих поколениях в абсолютно одинаковые условия существования, изменчивости не было бы» (*Дарвин Ч.*, Соч., М.—Л., 1951, т. 4, с. 643). К числу причин изменчивости Дарвин, наряду с изменением среды, относил также упражнение (или неупражнение) органов, корреляции между отдельными органами и частями организма, скрещивание между собой двух или нескольких органич. форм. Однако все эти причины в конечном итоге связаны также с изменениями среды, к-рые являются определяющей причиной И. Дарвин был противником признания И., вызываемой какими-то внутр. силами, независимо от внешней среды. Между тем подобные взгляды, именуемые *автогенезом*, высказывались нек-рыми авторами как до Дарвина, так и его современниками. Еще более широкое распространение получили они в последарвиновской биологии. В качестве примера можно назвать мутационную теорию. Ее основатель голл. ботаник Г. де Фриз, в противоположность Дарвину, подчеркивал, что мутации, т. е. наследств. изменения, совершаются независимо от условий жизни (см. «Мутации и мутационные периоды в связи с происхождением видов», в сб. статей «Успехи биологии», вып. 1, О., 1912, с. 99). Правда, он допускал, что в природе могут иметь место и мутации, связанные с изменениями среды.

И. В. Мичурин, Т. Д. Лысенко и др. не только подтвердили тезис материалистич. биологии об изменениях среды как источнике И. организмов, но и многое сделали для понимания того, как взаимодействие организма и среды ведет к образованию новых органич. форм. «...Для того, чтобы изменить данный габитус растения, нужно суметь заставить растение принять в свой строительный материал такие части, какие прежде растением не употреблялись» (Мичурин И. В., Соч., т. 3, 1948, с. 235). Пока организм получает из окружающей среды нужные ему, согласно его наследственности, условия жизни, его индивидуальное развитие точно воспроизводит особенности развития предков. Когда же изменение среды приводит к исчезновению этих условий, возникает противоречие между новыми условиями (элементами) среды и старой наследственностью. Само по себе это внешнее по отношению к организму противоречие еще не ведет к И. Но в результате разрешения этого внешнего противоречия организм либо погибает (если окружающие условия изменились слишком резко), либо начинает ассимилировать новые, ранее непривычные ему условия (если степень их изменения не оказалась чрезмерной). В последнем случае возникает новое, на этот раз уже внутреннее, противоречие — противоречие между новыми условиями жизни, ассимилируемыми организмом, и его старой наследственностью. Именно это противоречие и составляет тот источник, те движущие силы, к-рые лежат в основе И. Разрешение этого противоречия приводит к перестройке организма в соответствии с теми новыми условиями (элементами), к-рые он оказался вынужденным ассимилировать из окружающей среды.

С пониманием источника И. тесно связан вопрос о ее характере, ее направлении. Дарвин делил И. на два типа — определенную, при к-рой изменения у различных особей одного вида идут в одном, строго определенном направлении, и неопределенную, осуществляющуюся в самых разнообразных, неопределенных направлениях (см. Соч., т. 3, М.—Л., 1939, с. 275, 367; т. 4, с. 656—57). Если следовать логике такого разграничения, И. в одних случаях бывает строго закономерной, а в других — абсолютно

случайной. Однако, ошибочно разграничивая И. на определенную и неопределенную в своих прямых высказываниях по этому вопросу, Дарвин фактически не возводил между ними стены, приближаясь к пониманию того, что И. во всех случаях бывает одновременно и необходимой, и случайной. Эти стихийно-диалектич. тенденции в учении Дарвина были извращены многими бурж. учеными. Один из них (финалисты, сторонники т. н. ортогенеза) пошли по пути отрицания случайности в И., рассматривая ее как некий целенаправленный имманентный процесс. Другие ученые (неодарвинисты, сторонники хромосомной теории наследственности), напротив, абсолютизируют момент случайности, отбрасывая необходимость, закономерность в И. По их мнению, роль естеств. отбора в эволюции сводится к простому сохранению мутаций, случайно оказавшихся полезными. Такая абсолютизация случайности и отношение к естеств. отбору как к механич. ситу, сортирующему И., получила наименование «ультраселекционизма». Говоря о двух типах И., Дарвин был убежден, что оба они наследственны. Дарвин считал целесообразным рассматривать изменения, не передающиеся по наследству, поскольку они не проливают света на происхождение видов и не приносят пользы человеку (см. Соч., т. 4, с. 437). С др. стороны, учение Дарвина о т. н. дрящей изменчивости (см. там же, с. 266—67, 631—32 и др.), к-рая идет на протяжении мн. поколений в более или менее определенном направлении (при сохранении вызвавших ее условий), ясно указывает на признание Дарвином известной приспособит. направленности также и у неопределенной И.

Последующее развитие дарвинизма в материалистич. направлении пошло по линии более глубокого выяснения закономерного характера воздействия среды на И. Примерами адекватных приспособит. изменений организмов являются многочисл. опыты по вегетативной гибридизации различных видов животных и растений и по превращению яровых форм пшеницы в озимые при посеве их осенью. Не менее убедительны данные микробиологии, свидетельствующие о выработке у бактерий устойчивости к антибиотикам и другим ядам при условии выращивания их в среде, содержащей эти вещества. Ныне установлено, что некоторые штаммы бактерий не только повышают устойчивость к тем или иным ядовитым веществам, но и вырабатывают потребность к ним, т. е. живут и нормально развиваются лишь при наличии этих веществ в окружающей среде. Неверно считать, что все изменения организмов приспособительны к вызвавшим их факторам среды. По-видимому, было бы правильным говорить о наличии у организмов некой нормы наследственной реакции, за пределами к-рой они не могут отвечать на внешние воздействия приспособит. изменениями. Приспособит. И.— это закономерная наследств. реакция организма на изменения среды. Это не значит, что эволюция сводится к приспособит. изменениям организмов. Случайные отклонения от общей линии служат объективной основой для такого явления, как выживаемость, благодаря к-рому в процессе борьбы за существование сохраняются и дают потомство лишь особи, оказавшиеся наиболее приспособленными к окружающей среде. Т. о., эволюция организмов мира обеспечивается лишь совокупным действием всех элементов естеств. отбора, т. е. И., наследственности, борьбы за существование и выживаемости организмов. Естеств. отбор, а не только одна приспособит. И. обуславливает и такое свойство всех организмов, как целесообразность, т. е. общую приспособленность организма к колеблющимся условиям среды на всех стадиях его развития, а также внутр. слаженность всех органов и процессов внутри организма.

Г. Платонов. Москва.

Согласно второй точке зрения, развиваемой в совр. биологии, И. понимается как: 1) свойство всех организмов приобретать отклонения в своем строении и отправлениях под непосредств. влиянием внешней среды — ненаследственная (модификационная, фенотипическая) И.; 2) явление и процесс возникновения наследств. различий — наследственная (мутационная, генотипическая) И. Существ. признак живых организмов — постоянный обмен веществ с внешней средой. В этом обмене каждое существо в каждую минуту своей жизни, оставаясь самим собой, вместе с тем постоянно изменяется не только в силу постоянного взаимодействия с меняющимися условиями среды его обитания, но и в силу филогенетически сложившегося типа его развития. Следовательно, в течение всей индивидуальной жизни (онтогенеза) организма обязательно имеют место явления И., проявляющиеся на морфологич., физиологич. и любых иных признаках. При индивидуальном развитии нет и не может быть признака, в становлении к-рого не принимали бы участие наследственность и среда. Но из этого не следует, что эти две силы могут быть противопоставлены друг другу в противоречивом единстве. Науч. постановка вопроса о познании И., как при развитии индивидуального организма, так и в эволюц. плане, определяется марксистской теорией диалектики самодвижения. Изучая развитие организма или организ. мира, нужно искать единство противоположностей в них самих, а не вне их. Энгельс четко сформулировал положение о противоречивом единстве наследственности и приспособления к среде, борьба к-рых идет в течение всего процесса организ. развития. «...В органической жизни надо рассматривать образование клеточного ядра тоже как явление поляризации живого белка, а теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наиболее сложного растения, с одной стороны, и до человека — с другой, совершается через постоянную борьбу наследственности и приспособления» («Диалектика природы», 1955, с. 166). В противоречивом единстве наследственности и приспособления последнее можно рассматривать лишь как И., как возникновение отклонений в строении и функциях организма, появляющихся в порядке ответа на меняющиеся условия среды. Приспособление это может быть двух типов: И. наследственная и И. ненаследственная. И. ненаследственная в наиболее чистой форме видна на наследственно однородном материале. Примером могут служить клоны растений (животных), представляющие результат вегетативного размножения одной исходной особи. Несмотря на одинаковую наследственность, различные условия произрастания каждого из этих растений определяют И. его признаков. Подобный пример можно указать даже для человека: развитие двух зародышей из одного оплодотворенного яйца приводит к рождению двух т. н. однояйцевых близнецов. Они всегда одного пола и всегда поражаются своим сходством (двойники), и все же жизнь накладывает на каждого из них свои индивидуальные особенности, к-рые тем резче выражены, чем более различны условия их роста и воспитания. Все же во всех перечисленных случаях сходство сравниваемых особей остается чрезвычайно большим. Объясняется это тем, что определяемая внешними условиями И. не может выйти за границы, допускаемые одной и той же наследственной нормой реакции. Понятие наследственной нормы реакции крайне важно для уяснения вопросов И. Поясним его на примере организмов, различающихся по своим наследств. свойствам. Существуют две расы китайской примулы, цветущие при температуре выше 20°C белыми цветами. Но при понижении температуры у одной из рас цветки становятся крас-

ными, другая же всегда сохраняет цветки белыми. Разница между обеими расами генетическая, но наследственно различная норма реакции этих рас проявляется лишь в определенных температурных пределах среды. Т. о., в самой основе ненаследств. И. лежит наследственность. И все же, несмотря на то, что, строго говоря, ненаследств. И. пер, этот термин мы должны сохранить как наименование той И., к-рая возникает под прямым или опосредованным влиянием среды. Это те именно явления, к-рые Дарвин наз. И. определенной, в отличие от неожиданно возникающих случаев И. неопределенной, когда новые признаки возникают как более или менее выраженные резкие отклонения, с влиянием внешней среды как бы не связанные.

И. наследственная есть следствие возникновения новой нормы реакции. Это значит, что в результате появления нового наследств. изменения возникают новые реакции организма на старые, неизменившиеся воздействия внешней среды. На этой новой наследств. основе возникают новые наследств. признаки. Дарвин привел много случаев неожиданного возникновения новых признаков у растений и животных для обоснования теории происхождения видов. Он придавал первостепенное значение этим фактам, справедливо оценивая их как важнейший материал наследственной (по Дарвину — неопределенной) И. для действия естеств. и искусств. отбора. Рус. ученый С. И. Коржинский в своей книге «Гетерогенезис и эволюция» (1877) специально на многих примерах показал появление внезапных и резких изменений, к-рые он и назвал явлениями гетерогенезиса. Следом за ним Г. де Фриз создал (1904) уже на своем экспериментальном материале теорию мутаций. Факты, собранные Коржинским и де Фризом, авторы переоценили, противопоставив их теории эволюции Дарвина. Мутации ими были поняты как самый факт возникновения новых видов. Собрав превосходный материал для подтверждения дарвинизма, они выступили с ним как антидарвинисты. Их ошибка была в том, что они поставили знак равенства между И. и эволюцией. Они не поняли, что постепенный ход эволюции обеспечивается направленным накоплением в процессе отбора отдельных мутаций, каждая из к-рых действительно возникала как скачкообразное наследств. отклонение. Дарвину постоянно ставят в упрек выражение «*Natura non facit saltum*» («Природа не делает скачков»). Такой упрек возможен лишь при поверхностном чтении Дарвина, к-рый привел множество примеров скачкообразных изменений, возникавших на основе И. неопределенной (мутационной), и, кроме того, очень осторожно пользовался этим «допущением». «Это правило, — по его мнению, — если мы ограничимся только современными обитателями земли, не вполне верно...» (Соч., т. 3, М.—Л., 1939, с. 424). Энгельс отметил эту особенность постепенного хода эволюции, говоря, что «... в природе нет никаких скачков и менно по тому, что она слагается сплошь из скачков» («Диалектика природы», с. 217). В наст. время учение о наследств. И., т. е. учение о мутациях, разрослось в громадную главу совр. генетики. Необразимым количеством работ на бесчисленном ряде растительных и животных объектов показана скачкообразность спонтанного возникновения новых наследств. изменений. Более того, после работ советских (Г. А. Надсон и Г. С. Филлипов, 1925) и амер. исследователей [Г. Мёллер (H. Muller), 1927; Л. Стэдлер (L. Stadler), 1927], получивших мутации у грибов, мухи-дрозофилы, кукурузы и др. объектов под влиянием ионизирующей радиации (лучи Рентгена и радий), открылась новая эпоха экспериментального вызывания мутаций. Физич. действие проникающей радиации — не единственный путь к вызыванию мутаций: было открыто мутагенное действие и химич. факторов: вначале соединений иода (В. В. Сахаров,

1932), затем алкалоида колхицина [А. Блейкли (A. Blakelee), 1937]; наконец, благодаря работам сов. исследователя И. А. Рапопорта (1947) было открыто мощное мутагенное действие ряда органич. соединений (этиленими и др.). Эти химич. факторы, наряду с колхицином, становятся орудием получения новых мутаций для прямых селекц. целей. Биологич. основой мутаций, на к-рой возникают эти наследств. изменения, являются материальные носители наследственности, к-рые могут находиться только в клетке — этой «подлинной единице жизни». В ней они и были найдены. Совр. теория наследственности — хромосомная теория, возникшая в синтезе науки о наследственности и науки о клетке, показала, в частности, что и материальные основы подавляюще большого числа мутаций имеют место в хромосомах. Кроме ядерных (хромосомных) мутаций, встречаются плазмемные и пластидные мутации; последние могут быть только у автотрофных пластидных растений. Число известных случаев из этой группы мутаций несопоставимо мало в сравнении с бесчисленным количеством ядерных мутаций (см. *Наследственность*). Ни один новый наследств. признак не может возникнуть без изменения той материальной основы наследственности, к-рая находится в клетке. Мутации вызываются действием физич. и химич. факторов среды. Более того, теперь может считаться положительно разрешенным вопрос о специфичности действия различных мутагенных факторов, поставленный в сов. генетич. лит-ре (В. В. Сахаров, 1936—40). Теперь уже нельзя рассматривать роль внешних факторов лишь как ускорителей мутационного процесса, будто бы автотрофически predetermined. Мутагенные факторы не просто «ускоряют» процесс наследств. И., но «вызывают» мутации, характер к-рых зависит не только от организма (клетки), но и от специфики возможностей внешнего фактора. Оговоримся только, что понятие «внешнее» (среда) для той клетки, в к-рой произошло мутация, должно включать и физико-химич. условия, имеющее место вокруг этой клетки, а точнее говоря, для хромосом этой клетки. Известно, напр., что мутационный процесс повышен у стареющих организмов, что метаболич. особенности гибридного организма также его повышают и пр. Можно сказать, что любое внешнее воздействие, достигающее хромосом, доходит до них через процессы обмена веществ организма (клетки) в преломленном виде. Условия внешние видоизменяются организмом, превращаясь в его внутр. условия. Последние же являются той средой, с к-рой взаимодействует хромосомный аппарат ядра клетки.

Направление и характер наследств. И. любого вида растительных или животных организмов определяется всей предшествующей историей эволюции каждого данного вида. Каждый вид растений или животных известным образом ограничен в самих возможностях возникновения новых признаков, и чем ближе стоит друг к другу родств. группы организмов, тем более похожи будут мутации, возникающие в каждой из этих групп. Именно это положение позволило Н. И. Вавилову сформулировать закон гомологич. рядов, обобщающий явления параллельной И., наблюдающейся у родств. видов. В сложном процессе образования из клеточной мутации мутационного признака организма принимают участие все предшествующие наследств. изменения, направленно накопленные отбором в его творч. деятельности. Это значит, что из нечисленного количества мутаций, возникавших в истории эволюции любого вида, отбор сохранял лишь те изменения, к-рые оказались «полезными» для данного вида. По из этого никак не следует, что сами мутации становятся направленными. Напротив, мутационный процесс исключает возможности телеологич. объяснений, он неаправлен, нецелесообразен

и случаен. Направленность же, целесообразность и необходимость (неслучайность) появляются только там, где вступает в свои права отбор. В этом соотношении ненаправленности мутационного процесса и строгой направленности процесса отбора собственно и действует диалектика необходимости и случайности в живой природе (см. Ф. Энгельс, Диалектика природы, с. 172—75). Только при таком понимании движущего противоречия в саморазвитии живых организмов можно удержать научный, дарвиновский смысл теории органич. целесообразности, к-рая часто среди сов. биологов выражается понятием «единство организма и среды». Содержание этого понятия определяется теорией естественного отбора как основного творч. фактора видообразования, результатом действия к-рого является органич. целесообразность. Приспособление с этой т. зр. является следствием историч. процесса переживания тех ненаправленно уклоняющихся форм, к-рые оказались лучше приспособленными к среде. Практика искусств. получения мутаций для целей селекции показывает, что нужны сотни и тысячи мутаций, чтобы из них отобрать единичные уклонения, удовлетворяющие целям намеченного селекционером пути искусств. отбора. То же имеет место и при действии отбора естественного, отмечающего громадное большинство мутаций и сохраняющего лишь те, к-рые оказываются полезными для данного вида и для данной среды его обитания. Полезность же или вредность любого нового мутационного признака — понятия относительные. Мутация безглазости — преимущество для пещерных форм животных. Такие сложные и легко ранимые органы, как глаза, становятся не только бесполезными, но и вредными в условиях вечной темноты, и, используя случайные мутации, отбор их атрофирует или нацело устраняет. Т. о., приспособляемость организмов к среде возникает в противоречиях наследственности и И., борьба к-рых движет развитие. Среда же остается совокупностью условий, приспособляемость к к-рым делает организм все менее от них зависящим. Развитие остановится, если наследственность будет оставаться неизменной, но развитие оборвется и в том случае, если процесс И. пойдет слишком бурно. В этом отношении сама мутационная И. может рассматриваться как признак, ограниченный в обычных условиях определенной нормой реакции. Но, вводя в эксперименте факторы, природе чуждые (проникающая радиация, другие сильные физич. или химич. агенты), к к-рым организмы не могли выработать приспособлений сопротивляемости, можно резко повысить мутационную И. Подобное вмешательство человека в мутационный процесс стало в наши дни практикой получения множества мутаций для искусств. отбора тех, обычно весьма немногих, наследств. изменений, к-рые представляют селекционное значение.

В. Сахаров, Москва.

Лит.: Астауров Б., Изменчивость, БМЭ, 2 изд., т. 11, с. 63—77; Геккель Э., Трансформизм и дарвинизм, пер. с нем., СПб, 1900; его же, Естественная история миротворения, т. 1—2, СПб, 1914; Иогансен В., Элементы точного учения об изменчивости и наследственности с основами биологической вариационной статистики, пер. с нем., М.—Л., 1933; Вавилов Н. И., Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, 2 изд., М.—Л., 1935; Тимирязев К. А., Исторический метод в биологии, Соч., т. 6, [М.], 1939; Дарвин Ч., Соч., т. 3, 4, 5, М.—Л., 1939—53; Келлер В. А., Борьба за Дарвина, [Л.], 1941; Мечников И. В., О дарвинизме, М.—Л., 1943; Мичурин И. В., Соч., 2 изд., т. 1—4, М., 1948; Столетов В. Н., Мичуринское учение о направленном изменении природы растений, в сб.: Философские вопросы современной биологии, М., 1951; Лысенко Т. Д., Агробиология, [6 изд.], М., 1952; Вербанк Л. и Холл В., Жатва жизни, пер. с [англ.], 3 изд., М., 1955; Фейгинсон Н. И., Основные вопросы мичуринской генетики, М., 1955, ч. 2, гл. 5; Платонов Г. В., Об источнике и характере развития живой природы, в сб.: Некоторые философские вопросы естествознания, М., 1957; Вагнер Р. П., Митчелл Г. К., Генетика и обмен веществ, пер. с англ., М., 1958; Ниль Дж. и Шэлл У., Наследственность человека, пер. с англ., М., 1958; Фишер

Р. А., Статистические методы для исследователей, пер. с англ., М., 1958; Канаяев И. И., Влизицы, М.—Л., 1959; Наследственность и изменчивость растений, животных и микроорганизмов. Тр. конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (8—14 окт. 1957 г.), т. 1—2, М., 1959; Вилл и К., Биология, пер. с англ., М., 1959; Итоги науки. Биологические науки, [т.] 3 — Ионизирующие излучения и наследственность, М., 1960; Уильямс Р., Биохимическая индивидуальность, пер. с англ., М., 1960; Химические основы наследственности, пер. с англ., М., 1960; Проблема причинности в современной биологии. [Под ред. В. М. Каганова и Г. В. Платонова], М., 1961; Фролов И. Т., О причинности и целесообразности в живой природе, М., 1961; Chemische Mutagenese. Hrsg. von H. Stuble, B., 1960.

ИЗМЕРЕНИЕ — познават. процесс, в к-ром определяется отношение одной (измеряемой) величины к другой однородной величине (принимаемой за единицу, И.); число, выражающее такое отношение, наз. **численным значением** измеряемой величины; т. о., И. величины означает нахождение ее численного значения посредством единиц И.

И. применялось в человец. практике еще в древности. С развитием произ-ва И. приобретает все большее значение в экономич. жизни, технике и науке. Ведущую роль И. в физико-математич. науках видели уже основатели естествознания (*Галлей, Ньютон, Ломоносов* и др.), для к-рых «мера и вес» лежали в основе точного знания. Одна из характерных черт физики, особенно современной, состоит в том, что для нее *наблюдение* и *эксперимент* органически связываются с определением численных значений физич. величин. С др. стороны, И. в совр. науч. исследованиях осуществляется обычно путем эксперимента, имеющего часто сложный характер. Поэтому в совр. метрологии и учении о мерах и точном И., эксперимент имеет решающее значение и роль измерит. приборов исключительно велика. О возрастающем значении И. в жизни общества и науч. познания свидетельствует вся история естествознания и философии. *Аристотель, Леонардо да Винчи, Декарт, Ньютон, Лейбниц, Ломоносов, Кант, Гегель, К. Гаусс, Гельмгольц, Менделеев, Эйнштейн, Н. Бор* и др. мыслители подвергли глубокому анализу различные стороны проблемы меры и И. Гносеологич. основы теории И. с позиций диалектич. материализма освещены в соч. классиков марксизма-ленинизма. Впервые это было сделано Марксом на материале политич. экономии в «Капитале» и др. его произведениях. Как отметил Энгельс, общий ход идей Маркса относительно И. имеет непосредственное отношение к И. в естествознании.

Законченное И. предполагает обычно следующие составляющие элементы: 1) объект И., т. е. измеряемую величину; 2) измеряющую единицу, т. е. ту величину, с к-рой сравнивается измеряемая величина; 3) наблюдателя, т. е. субъекта, производящего И., а также измерит. приборы; 4) метод, посредством к-рого производится И.; 5) результат И. величины, представляющей собой именованное число. К-рые из этих элементов измерит. процесса, относительно четко выделяющиеся, когда мы имеем дело с отдельным законченным И., производимым человеком (наблюдателем), могут выпадать в случае, если измерит. процедура носит непрерывный характер, включена в общую систему работы автоматич. устройства; в этом случае наблюдатель непосредственного участия в И. может не принимать, т. к. информация, выдаваемая приборами, регистрирующими результаты И., перерабатывается непосредственно самим автоматом, использующим ее для выработки команд своим рабочим органам. Всякое точное И. величин предполагает применение законов, относящихся к измеряемым величинам, и опирается на определенные теоретич. предпосылки.

Элементарной формой и исходным пунктом И. является **прямо е И.**, т. е. такое, результат к-рого получается непосредственно из самого И. величины

(напр., определение длины стола путем накладывания разделенной линейки, определение силы тока амперметром и т. д.). Прямые И. могут применяться для определения численных значений положит. скалярных величин и скалярных величин более общего типа, включающих в себя также нуль и отрицат. величины. Если нек-рая положит. скалярная величина выбрана за единицу И. $[Q]$, то каждая другая величина того же рода Q выражается в виде: $Q = q[Q]$, где q — вещественное число, к-рое может быть положительным, отрицательным или равным нулю, а $q[Q]$ — результат И. Что касается И. векторных, а также тензорных и вообще многомерных величин, то оно приводится к И. скалярных величин. Высшей ступенью прямого И. является И. величины путем сравнения ее с единицей И., воплощенной в эталоне (э т а л о н н а я ф о р м а И.). Эталон определенного свойства прежде всего доставляет вещам, обладающим этим свойством, материал для его выражения; иначе говоря, эталон выступает в качестве всеобщей меры. Кроме того, эталон выполняет функцию масштаба, посредством к-рого определяется численное значение измеряемой величины. Чтобы выполнить функции всеобщей меры и масштаба, вещь, представляющая эталон, должна обладать максимальной неизменяемостью. Сравнение с эталоном практически проводится через систему мер. Эталонная форма И. развилась из более простых форм; исходной формой явилась случайная, или отдельная, форма И., отличающаяся тем, что И. величины определенного рода производится посредством к.-л. одной вещи, характеризующейся величиной того же рода. Уже в этой форме проявляются особенности И. как познания процесса. То, что вещь A обладает свойством, к-рое может быть измерено, качественно выражается в способности др. вещи B быть сравниваемой с первой в отношении этого свойства, а количественно в том, что лишь определенное число вещей B равно вещи A в отношении этого свойства. Свойство вещи с его количеств. определенностью не существует только в его выражении посредством др. вещи, а существует независимо от всякого своего выражения, т. е. не результат И. определяет величину, а величина определяет результат ее И. В истории общества отдельная форма И. встречается лишь на первых ступенях измерит. техники, когда относит. неразвитость произ-ва не давала простора для прогресса технич. и эксперимент. средств. Эталонная форма И. исторически утверждается в условиях относительно высокого развития произ-ва и науки. Введение метрич. системы мер в период франц. революции конца 18 в. сыграло важнейшую роль в развитии точного И.

Прямые И. недостаточны для определения меры многих величин, характеризующих явления объективного мира, особенно явления, к-рые непосредственно не воспринимаются органами чувств и познание к-рых требует экспериментальных устройств. Уже сравнение с эталонами, т. е. прямое И. высокой (метрологической) точности, практически не обходится без непосредственного, или косвенного, И. К непрямому И. относятся И. величины, численное значение к-рой получается на основании прямых измерений др. величин, связанных с измеряемой величиной определенной, математически выражаемой зависимостью. Напр., скорость v движущейся равномерно и прямолинейно частицы определяется по формуле $v = \frac{s}{t}$, где значения пути s и времени t определяются посредством прямых И., а вид функции устанавливается на основании определения понятия скорости равномерного и прямолинейного движения. Прогресс техники и точного естествознания выдвигал перед И. новые задачи, решение к-рых, в свою очередь, двигало вперед науку и

технику. Историч. предпосылкой непрямого И. является открытие закономерных связей и единства различных явлений в отдельных областях природы и во всей природе в целом. Первая половина 19 в. дала для этого необходимый экспериментальный материал. Открытие термоэлектричества, вращательного магнетизма, работы А. Ампера, открытие М. Фарадеем электромагнитной индукции, открытие закона сохранения и превращения энергии послужили той базой, на к-рой К. Гаусс и В. Вебер построили свою т. н. абс. систему единиц (1832—52) сначала для магнитных, а затем для электрич. величин, явившуюся первым выражением теории непрямого И. Теория непрямого И. охватила позже все физич. величины. Возникли понятия основных и производных единиц, системы единиц И., развилась теория размерностей, открывшая неизвестные прежде возможности предвидения физических явлений. Эти понятия и идеи покоятся в конечном итоге на использовании закономерных связей между различными физическими величинами. Развитие довой физики (теории относительности, квантовой теории) укрепило эту тенденцию и привело к мысли о применении законов физических явлений в качестве своеобразных идеальных эталонов; напр., в т. н. системе «естественных» абсолютных единиц М. Планка используются закон распространения света в пустоте, закон всемирного тяготения, принципы термодинамики, квантовый закон Планка с тем, чтобы получить систему единиц, независимых от особенностей тех конкретных веществ и явлений, к-рые образуют субстанцию обычных реальных эталонов. И. величин органически связано с познанием количеств. отношений материального мира. Это относится к количеств. соотношениям не только в том конкретном виде, в к-ром они рассматриваются в физич. науках, но также к количественным соотношениям, рассматриваемым в математике. Так, И. величин выдвигало в историч. развитии математики необходимость обобщения понятия числа: одним из таких обобщений явились иррациональные числа, к открытию к-рых привела задача И. отрезков. В совр. математике понятие меры множества представляет собой далеко идущее обобщение понятия длины отрезка, площади плоской фигуры и объема тела.

При экспериментальном осуществлении И. получаются искажения результата И., вызываемые различными причинами и свидетельствующие об ограниченности эксперимента. Эти искажения, называемые ошибками И., по тем или другим основаниям относятся к определенным классам. Одни из них, порождаемые недостатками данной измерит. аппаратуры, неправильной установкой измерит. прибора и т. п. (систематич. ошибки), исключаются экспериментальным путем. Др. искажения, порождаемые внешними акту И. обстоятельствами (случайные ошибки И.), экспериментально не могут быть исключены; их влияние на результат И. учитывается путем применения теории вероятностей и статистич. методов к множеству повторных И. Точность И. величины возрастает с развитием техники и науки. Однако эта точность обычно имеет пределы; напр., бессмысленно уточнять И. величин, характеризующих падение камня на землю, вне пределов нек-рых микромасштабов, т. к. за этими пределами величина приобретает др. физич. содержание. Но с учетом конкретного физич. содержания величины требование увеличения точности И. вполне правомерно; что же касается упомянутого выше учета физич. содержания величины, то он равнозначен применению нек-рой физич. теории к данным, доставляемым экспериментом, и предполагает, что физич. теория и эксперимент в своем развитии дают все более точное и полное отражение объективного

мира. Т. о., И. приводят к познанию законов природы; с др. стороны, познание последних дает возможности все точнее измерять физич. величины. Др. словами, неточности в И. относительно: они неизбежно возникают и необходимо «снимаются» в процессе познания. Переход классич. теорий физики в неклассические привел к уточнению старых и возникновению новых физических понятий и принципов, что нашло свое выражение в теории И. То обстоятельство, что при И. пространственных длин и временных промежутков необходимо, согласно теории относительности, учитывать движение системы отсчета, что при описании движения микрообъектов необходимо, согласно квантовой механике, учитывать, в нек-рой схематизированной форме, внутр. структуру приборов, означает в конечном итоге, что наука сделала новый шаг в познании движущейся материи.

Точное И. предъявляет большие требования к абстрактному мышлению. Чувственное созерцание играет значительную, а порой и господствующую роль в И., когда не требуется высокой точности: И. длин, площадей, объемов «на-глазок» и т. п.; в процессах точного И. созерцание не имеет самостоят. характера и подчиняется абстрактному мышлению. Но, конечно, в И., если оно не является автоматическим, всегда участвуют органы чувств (глазу в процессе И. принадлежит особо важная роль). Присоединение прибора к органу чувств означает создание той необходимой связи между прибором и наблюдателем, к-рая является предпосылкой для выведения суждений об исследуемых явлениях. Поэтому анализ результатов И., требующий всегда учета данных, относящихся к приборам, и использования законов физики, часто предполагает также и учет закономерностей физиологии органов чувств.

Вокруг проблемы И. в совр. науке идет непримиримая борьба материализма с идеалистич. и агностич. течениями. Идеалистич. позиция в филос. вопросах, относящихся к И., находит свое выражение в концепции, будто наблюдение и И. являются источником физич. законов, будто физич. величины и даже объекты не существуют независимо от эксперимента и И. Эта концепция получила гипертрофированное развитие у совр. позитивистов (см. *Позитивизм, Операционализм*), к-рые пытаются направить против материализма достижения теории относительности и квантовой физики. Так, соотношение неопределенностей (к-рое по своей действит. сути раскрывает содержание понятия квантового состояния, качественно отличающегося от аналогичного понятия в классич. механике) трактуется позитивистами в том духе, будто только И. микрообъекта позволяет «приписать реальность» его определ. свойству. Следует, однако, отметить, что у мн. физиков трактовка, приписывающая И. не свойственное ему содержание, связана не столько с созпательно принимаемой идеалистич. установкой, сколько с применением неправильно выбранной терминологии. В последние годы ряд выдающихся зарубежных ученых, разделявших раньше позитивистские взгляды, выступил против позитивизма и его понимания И. Так, Н. Бор считает, что в квантовой механике термин «И.» должен употребляться в своем прямом смысле количеств. сравнения (сравнения с эталоном), и высказывается против применения таких выражений, как «измерение создает физические атрибуты объектов». Ошибочная т. зр. на И., свойственная идеализму и агностицизму, опровергается всем развитием науки и практики.

Лит.: Маркс К., *Капитал*, т. 1, М., 1955; Энгельс Ф., *Диалектика природы*, М., 1955; его же, *Анти-Дюринг*, М., 1957; Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., 4 изд., т. 14; его же, *Философские тетради*, там же, т. 38; Гельмгольц Г., *Счет и измерение*, [пер. с нем.], Каз., 1893; Холдсвон О. Д., *Курс физики*, 7 изд., т. 1, Л.—М., 1933; Бриджман П. В., *Анализ размерностей*, пер. с англ., Л.—М., 1934; Маликов М. Ф., *Основы мет-*

рологии, ч. 1, М., 1949; Сена Л. А., *Единицы измерения физических величин*, 2 изд., Л.—М., 1948; Халмош П. Р., *Теория меры*, пер. с англ., М., 1953; Беклемидцев А. В., *Меры и единицы физических величин*, М., 1954; Фок В. А., *Об интерпретации квантовой механики*, в соб. *Философские проблемы современного естествознания*, М., 1959; Лебер А., *Об измерении величин*, пер. с франц., 2 изд., М., 1960; Бор Н., *Квантовая физика и философия*, в его кн.: *Атомная физика и человеческое познание*, пер. с англ., М., 1961; W a i l o t J., *Dimensionen, Einheiten, Maßsysteme*, в кн.: *Handbuch der Physik*, hrsg. von H. Geiger und K. Scheel, Bd 2, B., 1926; *Measurement. Definitions and theories*, ed. by C. W. Churchman and P. Ratoosh, N. Y.—L., [1959].

М. Омельяновский Москва.

ИЗОЛИРУЮЩАЯ АБСТРАКЦИЯ — мысленное выделение словесно обозначаемого отд. признака к.-л. предмета или предметов, соответствующего тому или иному их свойству или их отношению к др. предметам; при этом выделенный признак мыслится изолированным от др. признаков, охватывающих всю совокупность свойств и отношений данных предметов. В результате И. а. отдельно взятый признак становится особым предметом мысли. Понятия, в к-рых мыслятся такого рода предметы, наз. абстрактными понятиями (см. *Конкретные и абстрактные понятия*); таковы понятия «справедливость», «важность» и т. и. И. а. обычно противопоставляется генерализирующей, или обобщающей, абстракции, результатом к-рой являются понятия, в к-рых мыслятся предметы, поскольку они образуют классы (напр., «металлы») или агрегаты (напр., «человечество»), и к-рые обычно могут быть выражены как в единственном, так и во множестве числе. В этом отличие таких понятий, как, напр., «храбрец» («храбрцы»), «нация» («нации»), «сласти», от понятий «храбрость», «национальность» (в смысле свойства принадлежать к к.-л. нации), «сладость», в к-рых мыслятся изолированно взятые признаки, рассматриваемые как самостоят. предметы. В отличие от обычных (называющихся конкретными) понятий, к-рым всегда присущ нек-рый объем, понятия, возникающие в результате И. а., не имеют объема в обычном для логики смысле; подходя к вопросу шире, можно считать, что и они имеют объем, но он состоит из одного «абстрактного предмета», т. е. того признака, к-рый выделен данной И. а.

Мысленное выделение того или иного признака можно рассматривать и не как отвлечение данного признака от всех др. признаков, а как процесс, посредством к-рого опускаются (т. е. мысленно вычеркиваются) все признаки, за исключением данного. На это обстоятельство обратил внимание Кант, согласно к-рому «мы не должны говорить: абстрагировать нечто, но: абстрагироваться от чего-либо (von Etwas)» (K a n t, *Logik*, 1800, § 6). Об отношении И. а. к абстракции отождествления см. *Обобщающая абстракция*. См. также *Оператор абстракции*.

Лит.: Попов П. С., *История логики нового времени*, М., 1960, гл. 10; Горский Д. П., *Вопросы абстракции и образования понятий*, М., 1961; его же, *О видах научных абстракций и способах их обоснования*, «Вопр. философии», 1961, № 9. П. Попов. Москва.

ИЗОМОРФИЗМ (от греч. ἴσος — равный, одинаковый и μορφή — форма) — отношение между к.-л. объектами, выражающее в нек-ром (уточняемом ниже) смысле тождество их структуры (строения). Понятие И.—важнейшее общенауч. понятие. Оно имеет важное филос. значение и непосредственно связано с категориями различия, тождества, сходства, достоверности и др.; понятие И. используется при характеристике отношения теории к действительности, при описании переработки информации в процессе познания, при анализе условий достоверности выводов по аналогии и т. д.

Уточнение понятия тождества структуры может быть произведено на различных уровнях абстракции и логики, строгости, что приводит к различным уровням понятия И., — от строго формализованного понятия

И. в математике, до более широкого понятия И. в кибернетике, приложимого в значит. мере и к теории познания. Поскольку понятие структуры объекта предполагает его рассмотрение в виде совокупности составляющих его элементов (или, в нек-рых случаях, в виде объединения его частей-подмножеств), при рассмотрении И. обычно говорят об отношении между системами, множествами к.-л. элементов. Системы элементов, находящиеся в отношении И., наз. *и з о м о р ф н ы м и*.

П р и м е р ы И. 1) Пусть C — прямая линия, рассматриваемая как множество точек; D — множество (всех) действит. чисел. Выбрав произвольную точку прямой в качестве начала отсчета, произвольный отрезок в качестве единицы длины и одно из двух направлений на прямой в качестве направления возрастания, можно сопоставить выбранному началу отсчета число 0, а концу единичного отрезка, отложенного от начала отсчета, число 1. Определенная т. о. система координат на прямой выражает И. множеств C и D . 2) Отношение между местностью и картой этой местности; между изображаемым предметом и фотографич. негативом; между негативом и готовым фотоснимком; между станком и его действующей моделью; между радиопринимком и его схемой; между коллективом рабочих и служащих предприятия и их списком в бухгалтерии с указанием должностей и заработной платы; между животным и его чучелом. В каждом из этих примеров «модель» (карта, схема, список и т. н.) изоморфна моделируемому объекту в том смысле, что в ней сохраняются неизменными нек-рые соотношения между его частями (схема приемника воспроизводит расположение и соединение его деталей, карта передает рельеф местности и пр.), что позволяет изучать эти соотношения непосредственно по модели. Примеры показывают, что И. в каждом отд. случае связан лишь с вполне определенной группой свойств или отношений между частями или элементами рассматриваемых объектов (множеств), в остальном могущих быть совершенно различными (в т. ч. и по «строению»). В таких случаях говорят, что свойства, относительно к-рых две системы (множества) изоморфны, и *и в а р и а н т ы* при переходе от одной из этих систем к другой. 3) Сравним следующие три теории: *исчисление* высказываний (понимаемое именно как исчисление, т. е. как нек-рая формальная система), логику высказываний (понимаемую как содержательную теорию о высказываниях и формах высказываний) и теорию контактных электрич. схем. Известно (см. *Алгебра логики*), что выражения логики высказываний и контактные схемы можно поставить в такое *взаимно-однозначное соответствие*, что тождественно-истинным формулам будут соответствовать схемы, проводящие ток при любых распределениях состояний своих контактов, выполнимым формулам — схемы, проводящие ток при нек-рых наборах состояний контактов, а невыполнимым (т. е. тождественно-ложным) — схемы, не пропускающие тока ни при одном наборе состояний контактов. При этом образовании логич. выражений при помощи оператора *дизъюнкции* соответствует параллельное соединение контактов схемы, соответствующих дизъюнктивным членам, а при помощи *конъюнкции* — последовательное. В то же время совокупности выражений логики высказываний, с одной стороны, и контактных схем, с другой, можно рассматривать в качестве конкретных *интерпретаций* (представлений, моделей, реализаций) исчисления высказываний, в к-рых «бессодержательным» формулам исчисления высказываний приписывается определенный смысл: в одном случае — в терминах высказываний (предложений, суждений) и форм высказываний, в другом — в терминах электрич. схем.

Наконец, для каждой из трех рассматриваемых систем можно предложить арифметич. интерпретацию, в к-рой каждой формуле исчисления (выражению логики высказываний) ставится в соответствие нек-рая арифметич. функция, аргументы к-рой, так же как и она сама, принимают два значения, обозначаемые обычно как 0 и 1. Одно из этих значений, напр. 0, отождествляется с истинностным значением высказывания «истина», а другое — с истинностным значением «ложь». Доказуемой формуле исчисления высказываний (соответственно тождественно-истинной формуле логики высказываний) тогда будет соответствовать функция двух аргументов, тождественно-равная нулю, а опровержимой (соответственно тождественно-ложной) формуле — функция, тождественно-равная единице. Если A и B — нек-рые формулы (высказывания), а A' и B' — соответствующие им функции, то формулам (высказываниям) $\neg A$, $A \& B$, $A \vee B$ и $A \supset B$ соответствуют арифметич. функции $1 - A'$, $A'B'$, $A' + B'$ и $1 - A' - A'B'$, а (содержательной) эквивалентности высказываний A и B — равенство $A' = B'$. Т. о., мы имеем четыре различных, но «одинаково устроенных» системы объектов: элементами первой являющиеся формулы (т. е. формальные выражения, к-рые в и с ч и л е н и и высказываний рассматриваются не как высказывания, а как образованные по определенным правилам комбинации символов на бумаге), элементами второй — высказывания (и формы высказываний), третьей — контактные электрич. схемы, четвертой — арифметич. функции, принимающие, так же как и их аргументы, значения 0 и 1. Отношение между каждой парой из этих четырех систем является И. 4) Крутильные механич. колебания описываются обычно линейными дифференциальными уравнениями второго порядка; эти колебания могут изучаться также посредством построения электрич. колебательного контура с такими параметрами, что колебательный процесс в нем описывается тем же уравнением, что и изучаемый процесс механич. колебаний. И. механич. и электрич. колебательных систем и описывающего каждую из них дифференциального уравнения позволяет, в принципе, свести изучение любой из этих трех систем к рассмотрению любой из двух других, являющихся ее моделями. Т. о., экспериментальный и «теоретический» (расчетный) методы исследования, иногда противопоставляемые друг другу, основаны, по существу, на одной и той же идее *моделирования* при помощи изоморфных моделей.

Все упомянутые до сих пор случаи И. можно рассматривать как проявления более широкого отношения между различными частями (сторонами) окружающей нас объективной реальности и их описаниями в тех или иных терминах. При этом более внимательный анализ приводит к необходимости разделить это отношение на два различных отношения между двумя различными парами множеств предметов. Первое из них — это отношение соответствия между реальностью и более или менее полной и точной совокупностью образов этой реальности, возникающих в нашем сознании. Поскольку полнота и точность воспроизведения внешнего мира в человец. сознании всегда относительны, соответствие между предметами реального мира и их мысленными образами есть не И., а более общее отношение — *гомоморфизм* (см. ниже). Второе же соответствие — между совокупностью наших содержат. представлений о мире и ее систематич. описанием в точных терминах может быть и изоморфным. Более того, такой И. является целью каждой естеств.-науч. теории (см. *Интерпретация*).

Понятие И. относительно; эта относительность связана с наличием у рассматриваемых множеств предметов нек-рой структуры, не учитываемой в данном понятии И.; в зависимости от степени *идеализации*

исходя из k -рой мы выделяем в этих множествах интересующие нас свойства и отношения, получаются различные отношения I . Два множества могут быть изоморфными относительно одной группы свойств и отношений и неизоморфными относительно др. группы. Поскольку в примерах 1) — 4) эти группы свойств и отношений не были полностью выявлены, в них сохранился нек-рый элемент неопределенности. Чтобы устранить неопределенность, присущую на этом уровне понятию I ., надо каждый раз точно указывать те свойства и отношения, относительно к-рых рассматривается данное отношение I . Четкое понятие I ., необходимо в естествознании, где часто используются выводы, основанные на аналогии двух объектов. Эти выводы дают обычно только более или менее вероятные заключения; исследуя условия повышения их вероятности, обычно прибегают к таким приемам, как классификация признаков сравниваемых объектов по «существенности», требование по возможности большего числа совпадающих признаков, введение понятия *гомологии* и т. п. В ходе уточнения этих достаточно расплывчатых критериев мы и приходим к определяемому ниже точному понятию I ., позволяющему делать достоверные заключения, относящиеся к изоморфным множествам объектов. (Это понятие не следует смешивать с понятием I в химии, к-рое не только по своей этимологии, но и по существу, имеет тесную связь с рассматриваемым нами понятием I ., однако не является в строгом смысле слова его частным случаем).

Определение изоморфизма и связанных с ним понятий. Пусть A и A' — два (конечные или бесконечные) множества элементов, природа к-рых нами не рассматривается, и на этих множествах определены нек-рые множества предикатов (свойств и отношений) вида F_n^p и F_m^q (верхний индекс указывает число аргументных мест предиката, нижний — номер предиката в нек-рой фиксированной нумерации предикатов). Если между множествами A и A' , а также между множествами определенных на них предикатов можно установить такое взаимно-однозначное соответствие [т. е. каждому элементу $a_i \in A$ (эта запись читается: «элемент a из множества A ») можно поставить в соответствие один и только один вполне определенный элемент $a'_i \in A'$, и наоборот, каждому элементу $a'_j \in A'$ — один и только один элемент $a_j \in A$; соответствующие элементы из A и A' , так же как и предикаты вида F и F' , обозначаются одинаковыми индексами], что из $F_k^p(a_{i_1}, a_{i_2}, \dots, a_{i_p})$ следует $F'_k^p(a'_{i_1}, a'_{i_2}, \dots, a'_{i_p})$, а из $F_l^q(a'_j, a'_{j_2}, \dots, a'_{j_q})$ следует $F_l^q(a_j, a_j, \dots, a_j)$ для любых p, q, k, l , то такие множества A и A' наз. находящимися в отношении I . (и з о м о р ф н ы м и) по отношению к данным множествам предикатов вида F и F' . Каждое из множеств A и A' наз. в этом случае и з о м о р ф н ы м о б р а з о м другого (в математике, особенно в алгебре, I . часто наз. также само соответствие между A и A' , или *функцию*, осуществляющую отображение A на A' ; см., напр., ст. Изоморфизм в БСЭ, 2-е изд., т. 17). Если, в частности, A и A' совпадают, то такой I . наз. а в т о м о р ф и з м о м; если при этом каждый элемент переходит сам в себя — т о ж д е с т в е н н ы м автоморфизмом (к-рый имеет место, очевидно, для любого множества предикатов над любым множеством A). Если упомянутое в определении I . соответствие между элементами множеств A и A' однозначно лишь в одну сторону, от A и A' (что означает, что каждому элементу A соответствует единственный элемент A' , но один и тот же элемент A' может соответствовать и различным элементам множества A), то такое отношение между A и A' (или функция, отображающая A на A') наз. г о м о м о р ф и з м о м, а множество A' — г о м о м о р ф н ы м о б р а з о м множества A . Автоморфизм есть частный случай I ., а I . — частный случай гомоморфизма. В силу данных определений, I . (и, следовательно, автоморфизм) есть рефлексивное, симметричное и транзитивное отношение, т. е. может рассматриваться как разновидность понятия *тождества* (равенства, эквивалентности). Отношение гомоморфизма рефлексивно и транзитивно, но, вообще говоря, не симметрично.

Простым примером гомоморфизма является соответствие между к.-л. множеством векторов на плоскости и множеством их проекций на прямую, лежащую в этой плоскости (вообще, соответствие между множеством векторов произвольной размерности и его проекцией на пространство меньшего числа измерений), с определенными на обоих множествах операциями сложения векторов и умножения вектора на действит. число. При этом каждому вектору плоскости соответствует вполне

определенная проекция, но каждому вектору-проекции соответствует, вообще говоря, много различных векторов из проектируемого множества. Проекция суммы векторов равна сумме их проекций, а проекция произведения вектора на число равна произведению проекции этого вектора на то же число. Сдвиг или поворот плоскости вокруг нек-рой точки — примеры автоморфизма.

Приведенные определения I . и гомоморфизма имеют точный характер и свободны от упоминавшейся выше неопределенности, свойственной «общему» понятию I . Сравнивая приведенный выше пример гомоморфизма с упомянутым в примере 2) «изоморфизмом» между фотографируемым объектом и его фотографич. изображением, мы видим, что этот «относительный», приближенный, идеализированный I . есть, по существу, г о м о м о р ф и з м. Содержат. смысл гомоморфного отображения состоит в том, что различие между нек-рыми элементами множества игнорируется, сами эти элементы в рамках конкретного рассмотрения о т о ж д е с т в л я ю т с я. При этом «склеивание» отождествляемых элементов уменьшается, вообще говоря, число рассматриваемых отношений между ними: предикаты, определенные для первоначально не отождествленных элементов, выпадают из рассмотрения после отождествления последних. В известном смысле можно сказать, что понятие гомоморфизма отражает процесс *абстракции* (идеализации, схематизации), к-рый предшествует построению всякой научной теории (так же как понятие I . отражает наше стремление к правильному, не искаженному воспроизведению картины мира). В самом деле, если представить себе некую «полную» совокупность свойств реально существующего объекта, то нет оснований считать, что она может быть отражена в «полном» же их описании, хотя бы потому, что такое описание может оказаться бесконечным. Гипотетическое «полное» описание (в случае его правильности в к.-л. достаточно определенном смысле) было бы изоморфным данному объекту относительно «полной» совокупности его свойств. Всякое же ч а с т и ч н о е описание (а все осуществимые описания реальных предметов именно таковы) есть лишь г о м о м о р ф н ы й образ описываемого объекта. Об I . по отношению к «полной» совокупности свойств данных систем объектов можно говорить как об «абсолютном» I . Такой I . может иметь место лишь между абстрактными (математическими, логическими и подобными им) системами: в математике и логике указание совокупности предикатов, рассматриваемых в связи с постановкой вопроса об I . данных объектов, и является тем «полным» описанием, к-рое предполагается в понятии «абсолютного» I . Но и в пределах математики I . двух множеств может иметь или не иметь места, в зависимости от рассматриваемой совокупности предикатов, и I . являющийся «абсолютным» на одном уровне абстракции, не является таковым на другом уровне. Никакое же соответствие между системами р е а л ь н ы х предметов (если только системы эти не тождественны) не может быть «абсолютным» I . Каждое, пусть самое незначительное, различие в свойствах рассматриваемых систем (в отношениях между их элементами) свидетельствует о гомоморфном, а не изоморфном характере соответствия. Однако для естествознания вопрос о ч и р л и ж е н и и к «абсолютному» I . науч. теорий с реальной действительностью, — вопрос, не снимаемый никакой идеализацией, выраженной в точном перечне учитываемых при построении теорий свойств и отношений между предметами реального мира, — имеет огромное значение.

Исторически понятие I . возникло при рассмотрении абстрактных алгебраич. систем (групп, полей, колец и др.), описания к-рых всегда предполагаются «полными», в силу чего «заключения по аналогии» о свойствах к.-л. системы, сделанные на основании знания свойств изоморфной ей системы, можно рассматривать как т а в т о л о г и ч е с к и е суждения о тождественности свойств тождеств. объектов. [Это не значит, что такие «тавтологичные» суждения непременно тривиальны: ведь в преодолении связанных с ними трудностей и состоит, в значит. мере, развитие математики и логики; кроме того, в ряде случаев сама по себе проблема установления I . различным образом заданных систем может даже не иметь для своего решения единого общего метода (см. *Алгоритм*)]. Положение в этом смысле не изменилось и тогда, когда понятие I . оказалось весьма плодотворным и в других областях математики (в топологии, в к-рой основным является понятие гомеоморфизма — спец. случая I . по отношению к свойству «быть открытым множеством», в математич. анализе, в теории функций, в геометрии и др.). Но уже в физике проблема «абсолютности» I . ее теорий и реальной действительности, являющаяся конкретизацией осн. проблемы теории познания об адекватности наших представлений окружающему нас реальному миру, встает во весь рост. Еще большую остроту приобретает эта проблема в кибернетике, где анало-

гии (предполагающие, в том или ином смысле, И.) в строении и функционировании сравниваемых объектов носят часто далеко не очевидный характер (в определении И. мы не пользовались понятием «тождества функционирования», но с привлечением понятия *времени* вопрос о тождестве функционирования может быть сведен к вопросу о тождестве структуры). В кибернетике важное значение имеет также вопрос о сохранении И. (конечно, «относительного») при передаче информации, поскольку при слишком большом уровне помех принятое сообщение может оказаться настолько искаженным, что установить его И. с переданной совокупностью сигналов станет невозможным.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу об И. как критерии обоснованности заключений по аналогии, нужно при ответе на него учитывать следующие уровни этого понятия. И., вытекающий из определения рассматриваемых систем, являющийся, очевидно, «абсолютным», есть основа для достоверных заключений. Часто рассматриваемый в естествознании И., основанный на введении к.-л. абстрактных понятий (напр., на лежащем в основе большого числа физич. теорий понятии об элементарной частице элементарного заряда — электроны), также может служить достаточно надежной основой для выводов — в той мере, в какой оправдано введение указанных понятий (если, конечно, при этом неявно не используются другие, недостаточно обоснованные допущения). Наконец, весьма распространенный способ употребления понятия И., связанный с использованием различных допущений о рассматриваемых объектах и дополнительно введенных понятиях, может быть использован в науке в той же мере, в какой могут быть использованы эти допущения. Вероятность заключений, основанных на такого рода И., возрастает по мере обоснования использованных гипотез; *доказательством* (в том или ином точном смысле) такое заключение становится лишь после доказательства (в том же смысле) этих гипотез.

Лит.: В а н д е р-В а р д е н Б. Л., Современная алгебра, ч. 1, [2 изд.], пер. с нем., М.—Л., 1947, гл. 2, § 9—10; Г а р с и й А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 6, § 37, 39, гл. 10, § 65; Г и л ь б е р т Д., Основания геометрии, пер. с нем., М.—Л., 1948, вступит. статья П. К. Раевичского, с. 17—52, гл. 1, с. 56—91; Х и н ч и н А. Я., Простейший линейный континуум, «Ученые зап. Казан. ун-та», т. 4, вып. 2 (30), с. 180; К у р о ш А. Г., Теория групп, 2 изд., М., 1953, гл. 1, § 1—2; К л и н и С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 2, § 8; П о л е т а е в И. А., Сигнал, М., 1958, с. 28—33; Э ш б и Р. У., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959, гл. 6; Ч ё р ч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., [т. 1], М., 1960, гл. 5, § 55. Ю. Гаснев. Москва.

ИЗУЛЕ-ЛУБАТЬЕР (Izoulet-Loubatière), Жан Бернар Жоакен (2 авг. 1854—25 мая 1929) — франц. бурж. реакц. философ-идеалист и социолог. С 1897 — проф. социальной философии в Коллеж де Франс. В основу своей социологич. теории И.-Л. положил «биосоциальную гипотезу», согласно к-рой общество — это организм, основанный на разделении труда. По признанию И.-Л., осн. элементы его теории содержались в «Социологии» рус. ученого *Де-Роберти*. Исходя из своей гипотезы, он выводил необходимость существования в обществе элиты и иерархии, возникающих в процессе эволюции, и невозможность равенства людей. «Элита является мозгом социального организма, подобно тому как мозг является элитой животного организма» («La Cité moderne», P., 1896, p. XXVI; впоследствии названа И.-Л. «Святой град, или Антимарксизм» — «La sainte Cité, ou l'antimarxisme», P., 1930). Ссылаясь на биологич. законы, И.-Л. обосновывал также необходимость ассоциации, солидарности людей. Критикуя *индивидуализм*, И.-Л. настаивал на первостепенном значении общества в жизни человечества; только в обществе антропид

превращается в человека (указ. соч., p. 163, 588). С позиций солидаризма И.-Л. осуждал классовую борьбу и революц. действия нар. масс, гл. задачей считал установление социального мира и «справедливого равновесия между руководящей элитой и толпой в обществе» (там же, p. XI). Враждебно встретил Октябрьскую революцию 1917 и призывал к интервенции против СССР («Без России нет Франции» — «Sans Russie, pas de France!», 1920).

И.-Л. выступил с критикой материализма и идеализма, предлагая в качестве их синтеза мистическо-идеалистич. учение, названное им «пантеизмом» («метафизич. революция»); материя, по его мнению, проявление жизни духа; в основе механизма природы и общества скрыта целесообразность. Пантеизм, по И.-Л., должен обеспечить примирение враждующих сил в обществе, единение государя и народа, рабочего и хозяина, труда и капитала; к этому реакц. учению о классовой гармонии сводится его т. н. социализм («Пантеизм Запада...» — «Le panthéisme d'Occident...», 1928). Повторяя ницшеанские положения, И.-Л. выступал против пацифизма, с апологией войны, агрессивности и национализма.

В совр. Франции делаются попытки оживления идей И.-Л. (см. «Предисловие» к кн. «Двадцать заповедей» — «Les vingt commandements...», P., 1957).

Соч.: La rentrée de Dieu dans l'école et dans l'état; ou la philosophie de l'histoire de France, P., 1924; Paris, capitale des religions, ou la mission d'Israël, P., 1926; La métamorphose de l'Eglise, ou la sociologie fille du décalogue au collège de France, P., 1928.

Лит.: Б о б о р ь к и н П., Попытка социологической системы, «Русская мысль», 1897, № 5, с. 1—29.

В. Гузнецов. Москва.

ИЗЪЕМЛЮЩЕЕ СУЖДЕНИЕ — см. *Суждение*.
ИИСУС ХРИСТОС — мифич. основатель *христианства*. По христ. учению, И. Х. — «богочеловек», одно из лиц Троицы, бог-сын, воплотившийся в человец. образе и принесенный в жертву богом-отцом во искупление первородного греха Адама и Евы, «спаситель» человечества. Земная жизнь Иисуса-человека относится церк. традицией к 1-й трети 1 в. н. э.; мифы об И. Х., содержащиеся в священных книгах (см. *Библия*), рассказывают, что во исполнение пророчеств Ветхого завета о пришествии мессии-спасителя, евр. девушка Мария зачала непорочным путем от «Духа святого» младенца Иисуса; рождение его сопровождалось чудесами и «знамениями». Иисус в течение трех лет проповедовал свое учение, путешествуя в сопровождении учеников-апостолов по Палестине, творил чудеса, исцелял больных, ходил по водам, воскрешал мертвых и т. д. Его деятельность навлекла на него преследования со стороны иерусалимских «фарисеев и книжников», к-рые добились от рим. наместника Пилата казни И. Х.; на третий день после смерти он якобы воскрес, явился нек-рым из своих почитателей, на сороковой день вознесся на небо, где воссел «одежную» (по правую руку) бога-отца; в дальнейшем, по учению христ. церкви, следует ожидать его нового, «второго» пришествия на землю для окончат. осуществления божеств. плана мироустройства и прежде всего для «странного суда».

Мифические евангельских повествований о земной жизни И. Х. можно считать доказанной, хотя в зарубежной лит-ре в наст. время распространен взгляд на И. Х. как на историч. личность. Однако даже в среде бурж. ученых было высказано положение о неисторичности личности И. Х. «Неисторичность Иисуса», — писал А. Дрекс, — также твердо научно установлена, как неисторичность Инкурга, Ромула и Рема, семи римских царей, Горация Коклеса или Вильгельма Телля» (Дрекс А., Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем, М., 1930, с. 140). Приводимые доказательства историчности И. Х. несостоятель-

ны. Эволюция образа И. Х. шла не от человека к богу, как бывает в случае помертного обожествления историч. персонажей, а от бога к человеку. В самом раннем произведении христ. лит-ры — *Апокалипсисе* — нет еще и речи о земной биографии И. Х., там фигурируют только весьма неопределенные и общие упоминания о самом И. Х. и «агнцце». На следующем этапе формирования христианства, отражившемся в приписываемых Павлу ранних Посланиях, образ И. Х. конкретизируется, но история его земной жизни там тоже отсутствует. И только в евангелиях, через сто с лишним лет после того времени, к к-рому приурочивается жизнь и смерть И. Х., дается описание событий этой жизни. Миф о боге И. Х. лишь постепенно обрстал деталями, составившими биографию человека Иисуса, причем эти детали могли иметь своим источником только фантазию неск. поколений христиан. Не менее важный аргумент доказательства мифичности И. Х. заключается в том, что все без исключения историч. источники 1 в. н. э. не содержат никаких свидетельств, подтверждающих евангельские повествования о нем. Жившие и писавшие в 1 — нач. 2 вв. н. э. Плутарх, Сенека, Филоп, Тацит, Плиний Младший и др. ни одним словом не упоминают в своих сочинениях об И. Х. и событиях, описанных в евангелиях. В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия содержится отрывок, в общих чертах воспроизводящий евангельскую легенду, но он является позднейшей интерполяцией; это доказывается тем, что христ. писатели вилоты до нач. 4 в. не знали такого текста и не ссылались на него. Свидетельства об историч. существовании И. Х. имеются только в христ. лит-ре, притом в сравнительно поздних ее памятниках. Но эти свидетельства не заслуживают доверия, прежде всего потому, что их авторы преследовали не информационно-историч., а религ.-назидат. цели.

В основе образа И. Х. лежит ветхозаветное представление о «помазаннике»-мессии («Христос» — греч. перевод этого слова), происходящем из рода царя Давида и являющемся по поручению бога Яхве на землю для спасения людей. В отличие от ветхозаветного мессии, И. Х. — не победитель-полководец, а мученик, страдалец, искупительная жертва; его миссия заключается не в освобождении народа Израиля от его завоевателей, а в спасении всего человечества от последствий первородного греха. В образе И. Х. отразилось влияние мифологии и дохрист. религий, особенно тех, в к-рых играл большую роль культ умирающего и воскресающего божества (егип. мифы о Сераписе-Осирисе, фригийский — об Аттисе, сиропфункийский — об Адонисе, греко-фракийский — о Дионисе, мифол. цикл древних иранцев). Во многих из этих мифов нашло выражение фантастич. олицетворение сезонного «умирания» и «воскресания» растительности. Представители разных народов, примыкавшие к христианству, вносили в него свои прежние верования и представления, что не могло не вызывать эволюции и самого образа И. Х.

Христ. богословы стараются перенести центр тяжести вопроса об И. Х. в морально-этич. область, побразая последнего вневременным нравств. идеалом. Офиц. инстанции большинства христ. исповеданий считают, однако, недопустимой ликвидацию той мифол. основы христ. догматики, к-рая связана со сверхъестеств. чертами образа И. Х.

Религ.-догматич. сторона мифа об И. Х. внутренне противоречива. Бессмысленной выглядит жертва богом самого себя во искупление греха созданных им же двух человек. Необходимость второго пришествия И. Х. на землю определяется в сознании верующих явной безрезультатностью первого пришествия, что противоречит догмату о всеведущности и всемогущности бога. Миф об И. Х. во всей своей непоследо-

вательности и явной логич. несостоятельности сложился исторически в ходе оформления христ. вероучения (см. *Христианство*).

Лит.: Энгельс Ф., К истории раннего христианства, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 16, ч. 2, [М.], 1936; Немоевский А., Философия жизни Иисуса, М., 1923; Крыжвелев И., Книга обоблиг, М., 1958, с. 125—31, 188—90, 208—11; Раинович А. Б., О раннем христианстве, М., 1959; Тенцман Я., Происхождение христианства, М., 1960; Штраус Д., Жизнь Иисуса, кн. 1—2, пер. с нем., Лейпциг—СПб., 1907; Мутье-Руссе Э., Существовал ли Иисус Христос?, пер. с франц., М., 1929; Кушу П. Л., Загадка Иисуса, пер. с франц., М., 1930; Дреус А., Миф о Христе, пер. с нем., т. 1—2, М.—Л., 1924; Робертсон А., Происхождение христианства, пер. с англ., М., 1959; Bauer В., Christus und die Caesaren, 2. Aufl., В., 1879; Geiselman J. H., Jesus der Christus, Stuttgart, 1951.

И. **КРЬВЕЛЕВ**, Москва.
ИКАЛТОБЛИ, Арсен (12 в.) — груз. теолог и философ, защитник христ. догматики. Образование получил в Константинополе; был руководителем Икалтойской академии — центра правого крыла груз. теологич. и филос. мысли того времени, выступавшей против прогрессивной философии *Петрици*. В трактате «О первенце» и полемич. сборнике «Догматикон» (включавшем, в частности, работы *Иоанна Дамаскина* «Диалектика» и «Точное изложение православной веры...») И. защищал православное *христианство* и выступал против еретич. течений.

Лит.: Нудибидзе Ш., История грузинской философии, т. XXV, Тб., 1960. Ш. *Хидашели*. Тбилиси.

ИКБАЛ, Мухаммад (р. ок. 1873 — ум. 24 апр. 1938) — инд. мыслитель и поэт, крупный представитель мусульм. течения в идеологии Индии нового времени. Окончил колледж в г. Махоре (1899). С 1905 изучал философию в ун-тах Англии и Германии. С 1908 — проф. философии. Важнейшими произведениями И., содержащими филос. воззрения, являются филос. поэмы «Секреты Я» («Асрар-и-Кхуди», 1915), «Секреты самоотречения» («Рамуз-и-Бекхуди», 1917), «Книга вечности» («Джавид-нама», 1932), а также ряд стихотворных сборников: «Колокольчик каравана» («Банг-и Дара», 1924), «Послание Востока» («Пайям-и-Машрик», 1923) и др. Теоретич. анализу религ.-филос. проблем мусульманства посвящена его кн. «Восстановление религиозной мысли Ислама» («The reconstruction of religious thought in Islam»).

Мировоззрение И. сложилось под влиянием нац.-освободит. борьбы народов Индии против англ. колонизаторов. На его филос. воззрения значит. влияние оказали зап.-европ. системы философии (в частности, бергсонизм). В центре филос. системы И. — учение о личности. Все существующее он рассматривал как совокупность отд. самодетерминированных «его» («Я»). Природа «его» такова, что, несмотря на его способность взаимодействовать с другими «его», оно замкнуто в самом себе и обладает только ему присущей индивидуальностью (указ. соч., Lahore, [1954], р. 72). Высшим проявлением индивидуальности являются, по И., человек и бог. Личность обнаруживает свое бытие в том, что она постоянно проявляет свои желания, вечно бурлит в огне страстей. Желания и страсти вызываются еще более высоким чувством — любовью, возведенной И. в ранг осн. этич. категории. Вся полнота личности проявляется в сфере активной практич. деятельности. «Высшая деятельность есть не духовная деятельность, а деятельность практическая... Мир не является чем-то предназначенным лишь для созерцания и умозрительного познания, а представляет собой такую реальность, которая должна быть созидаема и преобразована в процессе непрерывной активности» (там же, р. 198).

Личность может проявить себя только в обществе. Личность, посвятившая себя служению обществу, как бы приобретает благодаря этому бессмертие общества. «Отдельный индивид не знает цели идеалов и не находит применения своим способностям...

Когда же он отождествляет себя с обществом, он подобен капле в океане, становящейся океаном» («Арар-о-Рагуз», Лахор, 1948, с. 98, 99).

И. выступал против всех форм угнетения человека, беспристрастно критиковал антигуманистич. природу бурж. общества. Антикапиталистич. настроения И. определили его сочувств. отношение к идеям социализма. И. одним из первых в Индии приветствовал Октябрьскую революцию в России (поэма «Хизр-и-Рах»). Однако мировоззрение И. не было свободно от бурж. ограниченности. И. считал, что материализм заботится лишь об удовлетворении материальных потребностей людей и игнорирует их высшие, духовные устремления (см. «The reconstruction of religious thought in Islam», p. 188). Исходя из этого, И. объявлял религию наиболее всеобъемлющей формой мировоззрения, а интуицию — высшей формой познания. Интуиция дает, по И., непосредств. знание конечной реальности, к-рая состоит из нерасчлененного единства субъекта и объекта и к-рую И. называет абс. «ego», богом, имманентным природе (см. там же, с. 59, 61, 107).

Философия И., несмотря на всю ее ограниченность, оказала большое прогрессивное влияние на развитие филос. мысли Индии в ее борьбе против ортодоксальных религ.-мистич. учений, проповедовавших пассивное, созерцат. отношение человека к жизни. Гуманизм и демократизм философии и поэзии И. оказал влияние на развитие прогрессивной инд. лит-ры. В Лахоре (Пакистан) с 1953 существует «Общество Икбала» («Ибаль-е-Икбал»).

Лит.: Перу Д., Открытие Индии, пер. с англ., М., 1955, с. 376—79; Аяйкеев И. И., Проблема личности в философии Икбала, «Вопр. философии», 1958, № 6, с. 65—76; его же, Выдающийся мыслитель и поэт Мухаммад Икбал, М., 1959; Хаким Х. А., Фикр-е-Икбал (Взгляды Икбала), Лахор, 1957; Anand M. R., The golden breath, L., [1933]; Valid S. A., Iqbal, his art and thought, [Lahore], 1944; Singh I., The ardent pilgrim. An introd. to the life and work of Mohammed Iqbal, Bombay [a. o.], [1951]. Iqbal as a thinker. [A collection of essays], Lahore, [1952].

И. Аяйкеев. Москва.

ИКОНОБОРЧЕСТВО — еретич. движение, отрицающее поклонение иконам. И. тесно связано с антиринитарскими спорам, с отрицанием «человеческой» природы Иисуса Христа. Выступления против культа икон известны в Армении уже в 4 в. Однако форму социального и идеологического движения оно приняло в Византии, где было узаконено указом императора Льва III в 726, запретившим почитание икон. Отмена культа икон на первом этапе сопровождалась конфискацией сокровищ и дала гос-ву и светской знати значит. средства. В дальнейшем под лозунгами И. все чаще выступают демократич. элементы. Иконоборч. требования выдвигало *навликианство*. Это заставило господств. класс отказаться от И.; в 843 иконопочитание было восстановлено. Сторонники иконопочитания, к к-рым принадлежали, в частности, Иоанн Дамаский, Феодор Студит и др., развивали восходящие к античности представления о том, что икона — символ божества; наоборот, последователи И. утверждали, что икона — подобие божества и, следовательно, культ икон есть идолопоклонство; поклоняясь иконе Христа, человек обращается не к божеств. природе бога-сына, а к его плотской форме. Отвергая культ икон, И. выступало против тезиса ср.-век. церкви о единстве чувств. и сверхчувств. мира, к-рое осуществляется как в двойственности природы Христа, так и в возможности оторваться от земного мира и достигнуть блаженства при помощи чувственных символов (храм, икона, богослужение). На И. оказали известное воздействие учения *иудаизма* и *ислама*, запрещавшие изображения божеств. В 16 в. И. иногда становится лозунгом *кальвинизма* в борьбе против католицизма, напр. в Нидерландах, Швей-

царши И. было одной из форм демократич. движения против богатства монастырей и католич. храмов. В России И. известно с 14 в. (напр., ересь Маркпана).

Лит.: Аяйкеев И., Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские, Сергиев Посад, 1907; Сюзюмов М. Я., Проблемы иконоборчества в Византии, «Уч. зап. Свердловск. гос. пед. ин-та», 1948, вып. 4; Липшиц Е. Э., Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века, М.—Л., 1961, с. 170—212; Bréhier L., La querelle des images, P., 1905; Ostrogorsky G., Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites, Breslau, 1929; Grabar A., L'icôneclasse byzantin, P., 1957; Alexander P. J., Patriarch Nicephorus of Constantinople..., Oxf., 1958. А. Касюк. Москва.

ИКОНОМОВ, Тодор Попиетров (29 авг. 1835—28 окт. 1892) — болгар. демократ, философ и публицист. Окончил Киевскую духовную академию (1865). Участвовал в редактировании журн. «Италия» («Италище», 1871—72). Мировоззрение И. сформировалось под влиянием передовой рус. мысли, идей франц. просветителей и материалистов-энциклопедистов. В области теории познания И. был материалистом-сенсуалистом, признававшим также и роль логики. мышления в познании действительности. И. пропагандировал в болгар. лит-ре осн. эстетич. принципы Белинского и Чернышевского. Прекрасное, по И., — в природе и человеке. Искусство должно отражать действительность, содействовать общественному прогрессу («Поэзията на природата и напите нужди», журн. «Италище», 1871). И. активно боролся с религ. предрассудками, однако сам колебался между *атеизмом* и *деизмом*. Обществ. явления он рассматривал идеалистически, движущие силы социального процесса видел в борьбе прогрессивных и реакц. идей.

См. о ч.: Силата на идеите, «Македония», 1869, год. 3, бр. 12, 15 февр.; По въпросът за поп Богомила, там же, 1870, год. 4, бр. 23, 14 февр.; Мъртвото и живото на земята, «Италище», 1871, год. 1, бр. 22—23, авг.—сент.

Лит.: Грозев Г., История на българската философия, ч. 1, Сб., 1951, с. 90—94; Вълчаров М. Д., Мирогледът на Тодор Икономов, «Философска мисъл», 1959, № 2, с. 83—93.

М. Вълчаров. НРБ.

ИЛЛАРИОН (гг. рожд. и смерти неизв.) — рус. мыслитель 11 в., оратор, гос. деятель, священник, с 1051 митрополит. Выступил как соратник Ярослава Мудрого в борьбе за объединение Руси, был поборником просвещения. Религиозно-филос. воззрения И. изложены в соч. «Слово о законе и благодати», в к-ром он выступил с доказательством превосходства «благодати» над «законом» — т. е. Ветхим заветом. В русле богословских споров развивал вопрос о природе истины, утверждая, что истина выше догмы. Догматизм — удел человека, находящегося в рабском состоянии, в то время как истина может быть познана только человеком физически и духовно свободным. И. высказывал мысль о «возрастании», изменении истины, поскольку, с его т. зр., человек от «закона», т. е. догмы, переходит к благодати, т. е. к истине. «Прежде тень (т. е. догма, закон), потом истина». И. подчеркивал прогрессивное значение принятия Русью христианства. Он писал о героич. традициях родной земли. Призыв к единству Руси выражен им в «Похвале кагану Владимиру». И. утверждал, что укрепление гос-ва является единств. средством для сохранения и умножения богатства, просвещения и независимости всей Руси.

Лит.: Горский А. В., Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I, М., 1844; Жданов И. Н., Слово о законе и благодати и похвала кагану Владимиру, Соч., т. 1, СПб., 1904; Никольский Н. К., Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XIV вв.), СПб., 1906, с. 75—122; Орлов А. С., Древняя русская литература XI—XVII вв., М.—Л., 1945, с. 55—59; Лихачев Д. С., Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947; Гудзий Н. К., История древней русской литературы, 6 изд., М., 1956, с. 81—89; Клибанов А. И., Реформационные движения в России, М., 1960, с. 339, 365; Будовиц И. У., Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.), М., 1960.

Н. Шохин. Москва.

ИЛЬИН, Иван Александрович (р. 1882) — бурж. философ, объективный идеалист с ярко выраженными чертами мистицизма. Приват-доцент (с 1912), проф. (с 1918) Моск. ун-та. Испытал большое влияние нем. идеалистич. философии, особенно Гегеля; в общепилос. воззрениях близок к В. Соловьёву и Лосскому.

Осн. задачу философии составляет, по И., познание т. н. духовно-предметного смысла явлений. Предметный смысл явлений и сущность души, в конечном счете, совпадают; поэтому «философствование» — это «душевно-духовное делание» («Религиозный смысл философии», Париж, 1925, с. 15). Познание, в трактовке к-рого И. близок к Гуссерлю, состоит, как он писал, из трех актов: опыт, т. е. переживание души исследуемого предмета; «внутреннее вглядывание в сущность внутренне данного содержания» — интуиция, составляющая центральный акт познания; наконец, стадия «аналитического описания и разумно-логического раскрытия испытанного и усмотренного содержания» (там же, с. 20, 21).

В гл. работе «Учение Гегеля о конкретности бога и человека» (т. 1—2, 1918) И. развил концепцию, согласно к-рой философия Гегеля — религ. практика, получившая форму спекулятивного познания божества. Не признавая диалектику гл. содержанием учения Гегеля, И. извращенно толковал ее суть: противоположные и существенно-различные определения понятия, обогатив друг друга «спекулятивными» содержаниями, переходят к «взаимному творческому приятию».

По политич. взглядам И. сначала примыкал к эсерам, затем перешел на позиции кадетской буржуазии; монархист, шовинист; вел активную борьбу с марксизмом. После Окт. революции 1917 мистицизм И. углубился: он призывал создать новую «философию религиозности и откровения». В 1922 И. за контрреволюционную деятельность был выслан за границу, где продолжал активно выступать против Советской России. Написанные в эмиграции мистико-религиозные сочинения И. не прибавляют ничего нового к его прежним взглядам («Путь духовного обновления» [1937]; «Аксиомы религиозного опыта», т. 1—2, 1953). Совр. экзистенциалистские истолкователи Гегеля (И. Флюгге и др.) в своей аргументации часто ссылаются на работы И.

Соч.: Понятие права и силы, М., 1910; Идея личности в учении Штирнера, «Вопр. филос. и психол.», 1911, кн. 106(1); Кризис идей субъекта в наукоучении Фихте Старшего, там же, 1912, кн. 111(1) и 112(2); Философия Фихте как религия совети, там же, 1914, кн. 122(2).

Лит.: Против современных фальсификаторов истории рус. философии, [Сб.], М., 1960. А. Поляков. Москва.

ИЛЬИЧЕВ, Леонид Федорович [р. 2(15) марта 1906] — общественный деятель, секретарь ЦК КПСС (с 1964), академик (с 1962). Член КПСС с 1924. Окончил Ин-т красной профессуры (1937). В 1930—53 вел преподавательскую работу, руководил кафедрами. Был ответственным секретарем и членом редколлегии журн. «Большевик». Гл. редактор газет «Известия» (1944—48), «Правда» (1951—52), зав. Отделом печати и член коллегии МИД СССР (1953—58). Зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам (с 1958). XXII съездом КПСС избран членом ЦК партии. Пред. Идеологич. комиссии при ЦК КПСС (с 1962). Автор работ по диалектич. и историч. материализму, внешней политике СССР и междунар. отношениям. Ленинская премия (1960) за участие в создании книги «Лидом к лицу с Америкой». Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США.

Соч.: Идеализм и материализм, «На подьеме», 1930, № 3; Материализм диалектический, МСЭ, 2 изд., т. 6, М., 1937 (соавтор); Материализм, БСЭ, т. 38, М., 1938 (соавтор); Ленин — вояжд нового типа, «Большевик», 1939, № 1 (соавтор); Корифей революционной науки, [М.], 1939 (соавтор); О книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», [М.], 1940; О роли личности в истории М., 1941; Гениальное произведение творческого

марксизма, в сб.: Великая сила идей ленинизма, [М.], 1950; О произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», [М.], 1953; Прогресс науки и техники и международные отношения, М., 1958; О некоторых вопросах идеологической работы в современных условиях, «В помощь политич. самообразованию», 1958, № 12 (без подписи); Проблемы мира и статус-кво, «Международная жизнь», 1958, № 1 (псевд. М. Батурич); Спутники и вопросы международных отношений, там же, № 3; Международные отношения и идеологическая борьба, там же, 1960, № 3 (псевд. Л. Федоров); XXI съезд КПСС и некоторые вопросы идеологич. работы, «Коммунист», 1959, № 2; Вопросы коммунистического воспитания трудящихся, там же, № 14; Мирное сосуществование и борьба двух идеологий, «Проблемы мира и социализма», 1959, № 11; Владимир Ильич Ленин. Биография, М., 1960 (член авторского коллектива); Научная основа политики Ленинской партии, «Правда», 1961, 21 апр., № 111; 28 апр., № 118; Речь на XXII съезде КПСС, там же, 1961, 26 окт., № 300; Мощный фантом строительства коммунизма, «Коммунист», 1962, № 1; Ленинским курсом в победе коммунизма, М., 1962; Основы политических знаний, учебное пособие, 4 изд., М., 1962 (руководитель авторского коллектива); Научная основа руководства развитием общества, М., 1962.

ИММАНЕНТНАЯ ФИЛОСОФИЯ — разновидность субъективного идеализма, развитая В. Шуппе, Р. Шуберт-Зольдерном, М. Кауфманом, А. Леклером, И. Ремке, О. Штоком, Мартинетти и др. Близка эмпириокритицизму.

Осн. идеи И. ф. были развиты Шуппе в «Теоретико-познавательной логике» (W. Schuppe, «Erkenntnistheoretische Logik», 1878), Шуберт-Зольдерном в «Основах теории познания» (R. Schuhert-Soldern, «Grundlagen einer Erkenntnistheorie», 1884), Кауфманом в «Имманентной философии» (M. Kauffman, «Immanente Philosophie», 1893). С 1895 по 1900 Кауфман, а затем Шуппе издавали «Zeitschrift für immanente Philosophie» (вышло в свет 4 т.). И. ф. отличалась более резко выраженными, чем у эмпириокритицизма, фидеистич. чертами в сочетании с солипсизмом, что в особенности проявилось у Шуберт-Зольдерна и Кауфмана.

В подлинной философии, по Шуппе, отождествляются теория познания, логика и онтология, но философия должна быть обособлена от психологии индивидуума. Исходя в своей теоретико-познават. логике из того действит. факта, что мышление только в абстракции может рассматриваться в обособлении от мыслимого содержания и что нельзя изолировать сознание от объективной действительности, Шуппе утверждает, что объект и субъект неразрывно связаны друг с другом, что объекты не существуют вне сознания, что бытие имманентно сознанию.

В этих рассуждениях представители И. ф. отождествили содержание сознания с предметом познания, знание объектов с самими объектами. Тем самым знание, сознание превращено представителями И. ф. в единств. реальность, а существование вещей сведено к факту познания (осознания) их. Концепция И. ф. искажает действит. соотношение субъекта и объекта в духе «принципиальной координации» Авенариуса. Представители И. ф. использовали также и учение Авенариуса об *интроспекции*.

Вышеуказанные тезисы И. ф. неизбежно вели к солипсизму, к-рый и был высказан Шуберт-Зольдерном, с той софистич. поправкой, что это солипсизм не метафизический, отрицающий реальное существование мира вне переживаний данного субъекта, а теоретико-познавательный, рассматривающий мир с т. зр. некоего родового субъекта. Шуппе, рассуждая подобным же образом, попытался, однако, отрицать, что его мировоззрению присущ солипсизм.

Отсюда вытекает специфическое для И. ф. понимание истины: истинно то, что включено, «входит» в «сознание вообще» как его содержание. В собственно же индивидуально-психич. части сознания людей могут быть не истинные знания о вещах, но лишь «мнения». Однако люди причастны знанию постольку, поскольку момент «всеобщего сознания» наличествует

в их сознании. Вещи, к-рые в настоящий момент не осознаются, существуют, по Шуппе (использовавшему здесь идею Дж. С. Милля), как возможность получения впечатлений. Что касается существования др. индивидуальных «Я», то об их существовании И. ф. умозаключает на основании восприятий чужих человек. тел (но совсем нелогично И. ф. отказывается умозаключать подобным образом о существовании внешнего мира).

Концепция «всеобщего сознания» привела представителей И. ф. к двум трудностям. Во-первых, непонятно, каким образом отд. вещи и процессы объединяются им в единый мир; во-вторых, сама природа «всеобщего сознания» загадочна. Из первой трудности И. ф. попыталась выйти посредством заимствованного от Риккерта кантовского мотива: «всеобщее сознание» конструирует мир с помощью априорных категорий тождества и сопринадлежности (*Zusammengehörigkeit*), т. е. причинной связи чувств. моментов друг с другом, а также с соответствующим родовым понятием. И. ф. пыталась отмежеваться от кантовского понимания категорий, ссылаясь на то, что категории присущи самой действительности (поскольку последняя есть содержание «всеобщего сознания»). Включение в И. ф. учения о категориальной деятельности «всеобщего сознания» привело Шуппе к мистич. представлению о данности всего возможного знания «всеобщему сознанию» (что лишает процесс истории, развития наук гносеологич. основы) и к пониманию истинности как согласованности данного суждения с совокупностью др. суждений, объединенной категориями в систему (что предвосхищало позицию неопозитивизма). Вундт в своей критике И. ф. вскрыл в ней, кроме того, наличие эклектич. заимствований из Платона и Фихте.

Вторая трудность привела И. ф. к противоречиям (выраженным Шуппе: между бытием и сознанием есть «разница» и непримиримая противоположность, — см. W. Schuppe, *Erkenntnistheoretische Logik*, Bonn, 1878, S. 26), а в конце концов — к смыканию с религ. представлениями.

Обскурантизм И. ф. наиболее проявился в фидеистич. интерпретации «всеобщего сознания». Нет ни одного имманента, «...который бы не подводил открыто своих наиболее теоретических работ по гносеологии к защите религии...» (Ленин и В. И., Соч., т. 14, с. 199). Шуберт-Зольдери в своих спекуляциях по поводу «всеобщего сознания» пришел к признанию существования бога, индивидуального бессмертия и даже существования человек. «Я» до бытия его тела. К подобным идеям, основываясь на тезисе о действительности всего того, что мыслимо, пришли и другие представители И. ф. Этика Шуппе начиналась с отождествления блага с источником наслаждения, а завершалась тезисом о том, что высшее наслаждение заключено во всеобщем сознании, на место к-рого Шуппе затем подставил трансцендентного бога.

Для социологич. воззрений И. ф. характерны: отрицание объективно необходимой, независимой от обществ. сознания, от желаний и мыслей людей связи событий обществ. бытия и трактовка всех обществ. явлений как сознательных в своей сущности. «Всякий материальный процесс производства есть всегда явление сознания... не внешний процесс производства есть prius, но субъект или субъекты» (Schubert-Soldern R., *Das menschliche Glück und die soziale Frage*, Tübingen, 1896, S. 295). Ложность подобных взглядов раскрыта Лениным (см. *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. 14, с. 308—15).

Пропагандистами И. ф. в России были реакц. философы Н. Лосский, Б. Яковенко и др.

Лит.: Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., 4 изд., т. 14, гл. 4, § 3; Борецкая Э., *Имманентная философия и трансцендентная метафизика*, «Научное обозрение», 1902, № 5, 7; Леклер А., *К монистической*

гносеологии, пер. с нем., СПб, 1904; Ланц Г., Вильгельм Шуппе и идея универсальной имманентности, «Вопр. филос. и психол.», 1909, кн. 5 (100); Лосский Н., Имманентная философия В. Шуппе, в кн.: *Новые идеи в философии*, сб. 3, СПб, 1913; Шуппе В., *Понятие психологии и ее границы*, там же, сб. 4, СПб, 1913; его же, *Солипсизм*, там же, сб. 6, СПб, 1913; Ремке И., *О достоверности внешнего мира для нас*, там же; Павлов Т., *Теория отражения*, М.—Л., 1936, с. 125—31; то же, М., 1949, с. 180—94; Бакрадзе К. С., *Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии*, Тб., 1960; Ремке И., *Die Welt als Wahrnehmung und Begriff*, В., 1880; Schuppe W., *Was sind Ideen?*, «Z. Philos. und philos. Kritik», 1883, Bd 82, S. 1—27, 161—80; его же, *Die immanente Philosophie und W. Wundt*, «Z. für immanente Philos.», 1897, Bd 2; Ettienger-Reichmann R., *Die Immanenzphilosophie*, Gött., 1916; Palumbo G., *Il problema dell'immanenza nell'idealismo attuale*, Agrigento, 1947. См. также лит. при ст. Шуппе, Шуберт-Зольдери, Ремке. И. Нарский. Москва.

ИММАНЕНТНОЕ (от лат. *immanens* — пребывающий в чем-либо, присущий, свойственный чему-либо) — понятие, означающее внутренне присущее к-л. предмету, явлению, процессу то или иное свойство, закономерность. Материалистич. диалектика, напр., считает, что всем предметам и явлениям внешнего мира и познанию внутренне присущи, т. е. имманентны, противоположности, диалектич. противоречия. Представители имманентной философии называют свою философию имманентной в том смысле, что у них объективный мир оказывается внутренним содержанием сознания. См. *Имманентная философия*.

ИМПЕРИАЛИЗМ (от лат. *imperium* — власть, господство) — высшая, монополистическая и последняя стадия в развитии капитализма; канун социалистической революции. Научная теория И. разработана В. И. Лениным и получила название ленинской теории И. Определяя И., Ленин писал: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» (Соч., т. 22, с. 253). Историч. место И. характеризуется тем, что империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) монополистический капитализм; (2) — паразитический или гнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм (там же, т. 23, с. 94). Развитие мирового капитализма и революц. борьбы рабочего класса, победа социализма в СССР, образование мировой социалистич. системы, крах колониальной системы полностью подтвердили правильность марксистско-ленинского анализа капитализма и его высшей стадии — И. Ленинская теория И. на совр. этапе истории конкретизирована и развита в Программе КПСС. Характеристику И. как стадии в развитии капиталистич. общественно-экономич. формаций см. в ст. *Капитализм*.

«ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА» — труд В. И. Ленина, являющийся продолжением и дальнейшим развитием «*Капитала*» К. Маркса. Написан в январе—июне 1916 в Цюрихе. Материалы к книге собирались Лениным задолго до ее написания. Вплотную за изучение лит-ры по империализму Ленин взялся, очевидно, с середины 1915. Подготовит. рукописи, опубликованные в двадцати «Тетрадах по империализму» (Соч., т. 39), составляют ок. 50 печатных листов. Они содержат выписки из 148 книг и 232 статей, множество отд. замечаний, историч. экскурсов, подсчетов, заметок.

Книга предполагалась к опубликованию в России изд-вом «Нарус» в качестве вводной работы к легальной серии «Европа до и во время войны». Это во многом предопределило стиль изложения материала. «Брошюра, — отмечал Ленин, — писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден

строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для „легального“ произведения» (Соч., т. 22, с. 175). Ряд политич. выводов Ленин сформулировал в общей форме, без «раздражающих» цензур терминов и определений. Ленинский труд — классич. образец творч. развития марксизма и вместе с тем блестящий пример использования легальных возможностей для пропаганды марксизма без малейшей уступки в принципиальных вопросах.

Меньшевистское руководство изд-ва тормозило выход книги в свет, удалило из нее резкую критику оппортунистич. теорий Каутского, рус. меньшевика Мартова, внесла правку, искажавшую мысли Ленина.

Под заглавием «Империализм, как новейший этап капитализма. (Популярный очерк)» книга вышла в свет в сер. 1917 под псевд. Н. Ленин (Вл. Ильин). Ленин написал к ней короткое предисловие, но восстановить первонач. текст книги он тогда не смог. В том виде, как она была написана, работа увидела свет лишь в издании Сочинений Ленина.

По данным на 1 июля 1961, в Сов. Союзе книга издавалась 203 раза на 49 языках общим тиражом 7092 тыс. экз. Она переведена на все европейские, кит., япон. и др. языки.

Работа «Империализм, как высшая стадия капитализма» была создана в период первой мировой войны. Историческая обстановка поставила перед рабочим движением вопросы о причинах войны, о пути выхода из нее, о способах разоблачения междунар. оппортунизма, поддержавшего войну. Острейшим образом чувствовалась потребность в работе, к-рая вскрыла бы осн. противоречия эпохи империализма, показала процесс и формы загнивания империализма, обосновала неизбежность его гибели.

Такой работой и явился труд Ленина об империализме. Обобщив громадный историч. материал, накопившийся за полвека, прошедшего со времени появления «Капитала» К. Маркса, Ленин пришел к выводу, что капитализм вступил в высшую и последнюю фазу развития — империализм, что он есть канун социалистич. революции. Произведение Ленина вооружило пролетариат и его партию ясной перспективой борьбы за социализм, нанесло сокрушит. удар междунар. оппортунизму.

Работу отличает четкая логич. структура. Она состоит из предисловия, предисловия к франц. и нем. изданиям и 10 глав. Первые 6 глав дают всестороннюю характеристику осн. экономич. признаков империализма [1) Концентрация производства и монополия. 2) Банки и их новая роль. 3) Финансовый капитал и финансовая олигархия. 4) Вывоз капитала. 5) Раздел мира между союзами капиталистов. 6) Раздел мира между великими державами], причем в первых трех главах рассматриваются новые явления в экономике ведущих капиталистич. держав, а следующие три анализируют процесс интернационализации капитала. Главы 7—10 посвящены обобщенной характеристике империализма, критике бурж.-апологетич. реформистских «теорий» империализма (Дж. Гобсона, К. Каутского, Р. Гильфердинга и мн. др.) и анализу историч. места империализма [7) Империализм, как особая стадия капитализма. 8) Паразитизм и загнивание капитализма. 9) Критика империализма. 10) Историческое место империализма].

В то время как бурж. экономисты и реформисты искали корни империализма в сфере политической и даже психологической, Ленин, в соответствии с тре-

бованиями марксистского метода, установил, что возникновение империализма есть результат действия объективных экономич. законов капитализма. За многообразными проявлениями империализма, за сложной взаимосвязью его явлений Ленин вскрыл его сущность, т.-р., по определению Ленина, является господство монополий. «...Порождение монополий концентрации производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма» (Соч., т. 22, с. 188). Монополия есть «...самая глубокая экономическая основа империализма...» (там же, с. 262). Рассматривая господство монополий при империализме, Ленин вскрыл диалектику конкуренции и монополии: «...монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов» (там же, с. 253).

Определив экономич. сущность империализма, Ленин последовательно проследил формы ее проявления в различных сферах экономики и политики, показав, что империализм есть загнивание капитализма в целом, есть рост реакции по всей линии, — рост милитаризма, паразитизма, коррупции, олигархии, есть подавление свободы, демократии, а в области идеологии — рост шовинизма, национализма, расизма, мистики с целью духовного порабощения и одурманивания масс.

Всесторонняя характеристика осн. признаков империализма дала Ленину возможность поставить и решить вопрос об историч. месте империализма. Капитализм стал империализмом лишь «... на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу» (там же, с. 252), т. е. к социализму. Таким образом, в работе Ленина империализм предстал в целом как необходимый результат развития общества и как ступень на историч. пути капитализма к его неизбежной гибели.

Произведя такое исследование, Ленин осуществил требование единства логич. и историч. анализа. В труде Ленина разработаны все необходимые теоретич. основы открытого им закона неравномерности экономич. и политич. развития капитализма в эпоху империализма, явившегося теоретич. базой для вывода о возможности победы социализма первоначально в немногих или в одной отдельно взятой стране.

Всесторонний анализ империализма был развернут Лениным и в др. работах: «Крах II Интернационала», «Социализм и война», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «О брошюре Юниуса», «О картине на марксизм и об „империалистическом экономизме“», «Военная программа пролетарской революции», «Империализм и раскол социализма» и др.

Ленинский труд «Империализм, как высшая стадия капитализма» является боевым оружием марксистов всех стран в борьбе против совр. защитников империализма.

Лит.: Хмельницкая Е., К 20-летию работы Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», 1937, № 6; Ефимов С. Ф., О логической структуре ленинской работы «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Вопр. философии», 1958, № 4; Петров Г. С., Книга В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» — продолжение и развитие «Капитала» Маркса, в сб.: Статьи, доклады и сообщения. Моск. технологич. ин-т пищевой пром-сти, М., 1960, вып. 3; Издание и распространение произведений В. И. Ленина. Сб. статей и материалов, М., 1960; Иоффе Н. Г., О некоторых вопросах диалектики в трудах В. И. Ленина по империализму, «Уч. Зап. Бирского гос. пед. ин-та», 1961, вып. 3; Руденко Г. Ф., О ленинской методологии исследования империализма, М., 1961; История философии, т. 5, М., 1961. С. Ефимов. Орел.

ИМПЛИКАЦИЯ (от лат. *implico* — тесно связываю) — логич. операция, к-рой в естеств. языке соответствует связка «если..., то...», образующая из двух высказываний (предложений) A и B условное высказывание «Если A , то B ». И. часто называют и само условное высказывание, а также его формализованные аналоги — формулы логич. исчисления, содержащие знак И. (напр., « $\supset$ », « $\rightarrow$ ») и имеющие вид $\mathfrak{A} \supset \mathfrak{B}$, где $\mathfrak{A}$ и $\mathfrak{B}$ — формулы исчисления.

Условное высказывание в содержит. мышлении отличается тем, что (I) предполагает связь по смыслу (содержанию) между antecedентом (посылкой, основанием условного высказывания) и консеквентом (его следствием, заключением) и (II) не может быть истинным, если при истинности antecedента консеквент является ложным. В логике условные высказывания можно рассматривать с разных сторон. Так, при логич. анализе условных высказываний науч. теорий (напр., математических) часто бывает целесообразно отвлекаться от смысловой связи между antecedентом и консеквентом, сосредоточивая все внимание на связи между ними с т. зр. истинности и ложности. В др. случаях приходится анализировать также (и прежде всего) смысловую сторону условных высказываний, учитывая, что последняя может быть различной (условно-согласит. связь, причинное отношение между содержаниями консеквента и antecedента и т. п.). Для формализации различных сторон и видов условных высказываний построен ряд логич. исчислений, содержащих разные операции И., к-рые, однако, все отличаются тем, что условное высказывание (или форма высказывания), построенное из составляющих высказываний (или форм высказываний) A и B с помощью данной операции И., удовлетворяет требованию (II) или нек-рой достаточно естественной его модификации. И., удовлетворяющая только этому требованию (при условии, что рассматриваются высказывания, к-рые либо истинны, либо ложны), наз. материальной И.; она является одной из осн. операций классич. математич. логики. Существуют др. виды И. (строгие И. логич. исчислений К. И. Льюиса и В. Аккермана, интенциональная импликация Э. Дж. Нельсона), разработанные с целью отражения в логике нек-рых сторон связи по смыслу между antecedентом и консеквентом. Для формализации причинной связи, выражаемой условным высказыванием, были предприняты попытки построения каузальной И. (А. Бёркс), а для формализации условно-согласит. предложений — контрфакт. И. (см. *Контрфактические предложения*) Г. Рейхенбаха. В логику, получающуюся при конструктивном истолковании высказываний математики, вводится конструктивная И. Имеются и др. виды И. (натуральная И., предложенная Майхиллом, вероятностная импликация Рейхенбаха и др.).

В нек-рых исчислениях И. выступает в роли отношения между высказываниями; это имеет место тогда, когда высказывание, образованное из двух других высказываний с помощью операции И., не просто формулируется, но и утверждается (как истинное). В случае, когда И. входит в высказывание более чем один раз [напр.: $((A \rightarrow B) \rightarrow A) \rightarrow A$], самая внутр. И. (обозначенная в приведенном примере « $\rightarrow$ ») наз. И. 1-й ступени, следующая И. (« $\rightarrow$ ») — И. 2-й ступени и т. д. Истолкованием И. различных ступеней занимался П. Лоренцин. Отличие И. как отношения (составляющего формулам исчисления истину или ложь) от И. как операции (строгаей из одних формул другие) хорошо видно при алгебраич. трактовке формальных систем, когда И. как отношение представляет собой отношение типа «меньше или равно» ($\leq$), транзитивное отношение типа отношения порядка); И. же как операция ($\supset$) определяется так: $a \supset b$ есть та-

кая формула (высказывание c), что $a \cdot c \leq b$ и, для любого d , если $a \cdot d \leq b$, то $d \leq c$ (роль умножения играет конъюнкция).

Материальная И. определяется таблицей:

A	B	$A \supset B$
и	и	и
и	л	л
л	и	и
л	л	и

(где « $\supset$ » — знак материальной И.), согласно к-рой формула $A \supset B$ принимает значение «ложно» (л), когда A принимает значение «истинно» (и), а B — значение «ложно»; в остальных случаях эта формула принимает значение «истинно». Это определение является семантическим, т. к. основано на (содержательных) понятиях истинности и ложности высказываний [см. *Семантика* (в логике)]. Из него следует, что при истинности A для истинности $A \supset B$ необходимо, чтобы было истинным и B [что вытекает из требования (II)]. С другой стороны, из него получается, что выражение материальной И. с помощью связки «если..., то...» придает этой связке несколько отличный от обычного смысл, согласно к-рому такое, напр., высказывание, как «Если $2 \cdot 2 = 4$, то Москва — столица СССР» следует считать истинным, т. к. в нем истинны и antecedент и консеквент, и это несмотря на то, что они не связаны по содержанию. Из данного определения непосредственно следуют т. н. парадоксы материальной И.: из ложного высказывания следует (в смысле материальной И.) любое высказывание, а истинное высказывание следует (в том же смысле) из любого высказывания; т. о., следующие высказывания: «Если $2 \cdot 2 = 5$, то Москва — столица Польши» (antecedent и консеквент ложны) и «Если $2 \cdot 2 = 5$, то Москва — столица СССР» (antecedent ложен, а консеквент истинен) в смысле материальной И. истинны. Отметим, что в содержит. мышлении вопрос об истинности такого рода высказываний вообще не возникает, т. к. в них antecedent и консеквент не связаны по смыслу. Но поскольку в материальной И. отражена связь между antecedентом и консеквентом с т. зр. истинности и ложности, аппарата классич. математич. логики, содержащего эту операцию, достаточно для представления доказательств дедуктивных наук в формализованном виде. В классич. логике операцию И. можно выразить через др. логич. операции; именно, $A \supset B$ эквивалентно $\neg(A \& \neg B)$ и $\neg A \vee B$, где $\neg$, $\&$ и $\vee$ — знаки (соответственно) отрицания, конъюнкции и дизъюнкции (см. также *Алгебра логики*); последняя формула, читаемая « A неверно или B верно», хорошо передает смысл материальной И.

При аксиоматич. построении классич. математич. логики парадоксы материальной И. получают из доказуемости (т. е. истинности в исчислении) формул (1) $A \supset (B \supset A)$ и (2) $\neg A \supset (A \supset B)$. Действительно, пусть формула A истинна в исчислении. Тогда из истинной (в исчислении) формулы (1) по правилу *modus ponens* следует истинность (в исчислении) формулы $B \supset A$; последнюю, в силу произвольности B , можно рассматривать как утверждение о том, что истинное высказывание (формула A) следует (в смысле материальной И.) из любого высказывания. Аналогично, используя формулу (2), мы получаем, что из ложного высказывания A (т. е. такого, отрицание к-рого, $\neg A$, истинно в исчислении) следует любое высказывание.

В естеств. языке мы говорим, что высказывание B логически следует из высказываний $A_1, A_2, \dots, A_n$, если, отпавляясь от этих высказываний, с помощью правильных логич. рассуждений, понятие о к-рых в содержит. мышлении обычно не уточняется, мы по-

лучим B . При уточнении понятия логич. следования естественно считать высказывание B следствием из высказываний $A_1, A_2, \dots, A_n$, если формула $A_1 \& A_2 \& \dots \& A_n \supset B$ доказуема в классич. логике для всевозможных значений переменных, входящих в $A_1, A_2, \dots, A_n$ и B . Известно, что др. уточнением содержат. понятия логич. следования является выводимость B из $A_1, A_2, \dots, A_n$ в нек-ром логич. исчислении [см. *Вывод* (в математической логике)]. Чтобы понятие вывода в исчислении могло быть приближением к понятию содержат. вывода, естественно требовать от первого, чтобы при содержат. истинности $A_1, A_2, \dots, A_n$ было содержатательно истинно и B . Это требование выполняется, если аксиомы исчисления содержатательно истинны, а правила вывода из содержитательно истинных формул всегда порождают содержитательно истинные формулы. Таким исчислением является, в частности, классич. исчисление предикатов, в к-ром связь между выводимостью и (материальной) I . дается *теоремой о дедукции*.

С материальной I . связана т. н. формальная I ., выражающаяся через материальную I . и квантор общности (см. *Кванторы*) формулой $\forall x(A(x) \supset B(x))$. Если толковать A и B как свойства, то истинность этой формулы означает, что всякий предмет, обладающий свойством A , обладает и свойством B . Такое толкование верно и для тех случаев ее истинности, когда либо ни один предмет не обладает свойством A , либо всякий предмет обладает свойством B . Понятие о формальной I . естественно появляется при рассмотрении общих суждений вида «Все акулы — рыбы», к-рое можно представить как «Если x — акула, то x — рыба» (неявно подразумевается всеобщность).

В конструктивной логике I . определяется через семантич. понятие выводимости следующим образом: формула $A \supset B$ выводима, если имеется алгоритм, к-рый по всякому конструктивному выводу формулы A позволяет построить конструктивный вывод формулы B . Формулы (1) и (2) верны и в конструктивной логике, поэтому для I . в этой логике имеют место аналоги «парадоксов материальной I .» (по отношению к выводимости). В конструктивной логике I . не может быть выражена через другие логич. операции: конъюнкцию, дизъюнкцию, отрицание. Подобно классич. логике, связь между конструктивной I . и выводом в конструктивной логике дается теоремой о дедукции.

I ., для к-рых полностью или частично устраняются «парадоксы материальной I .», получили название «строгих». Так, Льюис (совместно с Лангфордом) построил ряд исчислений, основанных на I ., определяемой так: $A \rightarrow B$ есть $\neg \diamond(A \& \neg B)$ (здесь $\rightarrow$ — знак импликации Льюиса, $\diamond \mathcal{A}$ означает « $\mathcal{A}$ возможно»); последняя формула эквивалентна формуле $\neg \diamond \neg(A \supset B)$ (знак $\supset$ означает материальную I .), к-рую можно прочесть как « $A \supset B$ необходимо». Импликация Льюиса является попыткой выразить связь по смыслу между антецедентом и консеквентом через модальное понятие возможности (или необходимости). Хотя в исчислениях Льюиса формулы $A \rightarrow (B \rightarrow A)$ и $\neg A \rightarrow (A \rightarrow B)$ не доказуемы, но зато доказуемы формулы $\neg \diamond \neg A \rightarrow (B \rightarrow A)$ и $\neg \diamond A \rightarrow (A \rightarrow B)$, из к-рых следует, что если A необходимо (т. е. $\neg \diamond \neg A$ доказуемо), то A следует (в смысле импликации Льюиса) из любого высказывания, и если A невозможно (т. е. $\neg \diamond A$ доказуемо), то из A следует любое высказывание. Т. о., хотя Льюису и удалось устранить «парадоксы материальной I .» для обычной истинности и ложности, для его I . сохраняются аналоги «парадоксов материальной I .» в случае «усиленной» истинности и ложности высказывания A — для его (логической) необходимости или невозможности.

В. Аккерман (1956) построил два исчисления, основанные на др. варианте строгой I . Как показал Д. Г. Лахути, в них справедливо положение, согласно к-рому формула $\mathcal{A} \rightarrow \mathcal{B}$ доказуема только тогда, когда $\mathcal{A}$ и $\mathcal{B}$ содержат по крайней мере одну общую переменную. Поскольку для любой формулы $\mathcal{A}$ всегда можно найти формулу $\mathcal{B}$, не содержащую ни одной переменной из $\mathcal{A}$, то из этого положения следует, что в исчислении Аккермана не существует формулы, к-рая следовала бы (в смысле импликации Аккермана) из любой формулы, а также формулы, из к-рой следовала бы (в том же смысле) любая формула. Т. о., в исчислении Аккермана полностью устраняются «парадоксы материальной I .», поэтому его I . можно рассматривать как нек-рое дальнейшее приближение к отражению в логике связи по смыслу между частями условного высказывания.

Подход к изучению различных видов I . имел место уже в Др. Греции, особенно у философов мегарской и стоич. школ. Диодор Крон выделял условные высказывания вида «Если Солнце зашло, то темно», к-рые естественно выразить с помощью формальной I . с квантором по времени. Филон из Мегары рассматривал условные высказывания в смысле таблично определенной материальной I . В работах стоиков анализировались высказывания, считавшиеся истинными, если антецедент был логически несомнимым с отрицанием консеквента (Льюис считает это антич. формой строгой I .). *Бозций* в книге «О гипотетическом силлогизме» различает случайное следование и следование по закону; это различие в известном смысле предвосхищало совр. работы по каузальной и контрфактич. I . Изучение различных видов и сторон условных высказываний было продолжено схоластич. логиками, к-рые рассматривали I . и как отношение (выводимости), и как операцию.

В 19 в. Фреге было построено исчисление предикатов, основанное на материальной I . и отрицании. У Рассела появляется термин «формальная I .». Начиная с 20-х гг. 20 в. предпринимаются попытки построить такие виды I ., к-рые отражали бы связь по смыслу между частями условного высказывания. В связи с *интуиционистской логикой* появилось понятие интуиционистской I . В работах сов. ученых, в частности Н. А. Шанина, I . была столкнута с конструктивной т. зр.

Лит.: Гильберт Д. и Аккерман В., Основы теоретической логики, пер. с нем., М., 1947, с. 19—22, 233—34; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, ч. 2, 4; Шанин Н. А., О конструктивном понимании математических суждений, «Тр. математического ин-та им. В. А. Стеклова», 1958, т. 52, с. 226—311; Чёрч А., Введение в математическую логику, [т. 1], пер. с англ. М., 1960; Lewis C. I. and Langford C. H., Symbolic logic, N. Y.—L., [1932]; Nelson E. J., Intensional relations, «Mind», 1939, v. 39, № 153, p. 440—53; McKinsey J. C. C. and Tarski A., Some theorems about the sentential calculi of Lewis and Heyting, «J. Symb. Logic», 1948, v. 13, № 1, p. 1—15; Ackermann W., Begründung einer strengen Implikation, там же, 1956, v. 21, № 2; Ferguson J., Über die Beziehung zwischen strikter und strenger Implikation, «Dialectica», 1958, v. 12, p. 213—22; Burks A. W., Logic of causal propositions, «Mind», 1951, v. 60, p. 363—82; Bennett J., Meaning and implication, там же, 1954, v. 63, № 252, p. 451—63; Mates B., Stoic logic, Berkeley—Los Ang., 1953; Reichenbach H., Nomological statements and admissible operations, Amst., 1954; Lorenzen P., Einführung in die operative Logik und Mathematik, B.—Gött.—Hdlb., 1955, Tl 2; Bochenski J. M., Formale Logik, Freiburg—Münch., 1956, § 20, 24, 30, 41, 43, 49.

ИМПЛИЦИТНО (от лат. *implicite*, букв. — запутанно, спутанно) — неявно. В логич. и методол. лит-ре термин I . чаще всего употребляется в словосочетаниях « I . содержащийся», « I . определенный», « I . введенный» и т. п., причем в зависимости от контекста он может иметь различный смысл. Так, относительно посылок, опущенных в нек-ром рассуждении, но подразумеваемых в нем, говорят, что они I . содержатся в данном рассуждении.

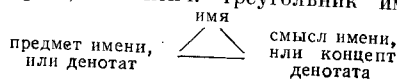
В несколько ином смысле термин И. употребляется тогда, когда говорят, что нек-рое суждение И. содержится в данных посылах, имея в виду, что это суждение есть логическое следствие из данных посылок. Словосочетание «И. определенный» употребляется в отношении терминов, смысл к-рых раскрывается не прямо, посредством предложения или совокупности предложений, непосредственно указывающих смысл определяемого термина, а косвенно, напр. через употребление термина в нек-рой системе рассуждений, в данной теории в целом и т. п. О первоначальных (неопределяемых) понятиях (терминах) аксиоматической теории говорят, что они И. определяются (или И. вводятся) системой аксиом данной теории и теми правилами логики, вывода, к-рые в ней используются; в этом случае выражение «имплицитное определение» имеет смысл неявного определения.

Лит.: Baldwin J. M. (ed.), Dictionary of philosophy and psychology, v. 1, Gloucester (Mass.), 1957, p. 525—26; Laalande A., Vocabulaire technique et critique de la philosophie, P., 1960, p. 481. Б. Бирюков, В. Садовский. Москва.

ИМЯ (в л о г и к е) — выражение языка, обозначающее предмет (существенное, или единичное, имя) или множество предметов (общее имя); при этом предмет понимается в самом широком смысле — как все, что мы можем назвать. Среди собственных И. различают И. отд. предметов («Пушкин», «автор «Тита Андроника»», «Сократ») и имена классов (напр., «человечество» как собств. имя класса всех людей); последние следует отличать от общих И. (напр., «человек»), т. к. они применимы к классу в целом как к одному предмету, но не к каждому отдельному его элементу, тогда как общие И. приложимы к каждому элементу соответств. класса, но не к классу в целом.

Отношение между И. и тем, что оно обозначает (о т н о ш е н и е и м е н о в а н и я, или о б о з н а ч е н и я), является в общем случае трехчленным (трехчленным) отношением — между данным языком, выражением этого языка и обозначаемым предметом (или множеством предметов); оно становится двучленным (бинарным), если язык фиксирован (см. *Семантика* в логике). В формализованных языках аналогом собств. И. является константа; собств. И. предметов соответствуют т. п. индивидуальные константы, собств. И. классов — классовые константы; аналогом общего имени является переменная, или ф о р м а. Собств. И. в формализованных языках подразделяются на исходные собств. И., к-рым приписываются определ. значения, и И., построенные из исходных (т. е. И., строение к-рых отражает тот способ, к-рым они обозначают предмет).

Использование имен — необходимая сторона процесса языкового общения людей и их познават. деятельности. И. служат цели выделения объектов познания и мысленного оперирования с ними; введение языковых выражений, обозначающих предметы и их множества, тесно связано с процессами абстрагирования, *обобщения* и *идеализации*, приводящих к образованию новых понятий. И. и связанные с ними отношения исследуются в семантике. В последней изучается т. н. семантический треугольник — отношения между тремя объектами: И., смыслом и обозначаемым (множеством обозначаемых). В зависимости от принимаемых допущений, характеризующих отношения между этими тремя объектами, различаются те или иные теории И. (Гоббс, Милль, Фреге — Чёрч, Рассел, Карнап, Льюис), при этом наибольшие трудности возникают при рассмотрении теории собств. И. В совр. логике пользуется особым распространением теория Фреге (в наиболее последоват. форме она изложена А. Чёрчем). Согласно теории Фреге, семантический треугольник имеет вид:

В этой схеме существенно то, что И. является именем для своего денотата, но не для своего смысла. Иначе говоря, отношение именования (обозначения) существует между И. и его денотатом: И. называет, или обозначает, свой денотат; отношение же между И. и его смыслом — другое: И. в ы р а ж а е т свой смысл. Необходимость различения денотата и смысла вытекает из того, что существуют И., обозначающие один и тот же предмет, но явно имеющие разное содержание (смысл). След. пример, принадлежащий Фреге, стал классическим: имена «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» обозначают один и тот же предмет, а именно, планету Венеру; но в смысл первого И., в отличие от второго, входит то, что это небесное тело видно на небосводе вечером, а в смысл второго имени, в отличие от первого, входит то, что его видно утром. Др. пример: выражение «разумное существо» как собств. И. имеет денотатом класс людей, а смыслом — свойство «обладать разумом»; выражение «бесшерое двуногое» имеет денотатом тот же класс, а смыслом — свойство «иметь две ноги и не иметь перьев (от природы)», к-рое естественно считать отличным от свойства «обладать разумом». Далее, в совр. логике предложения также обычно рассматриваются как И. По Фреге, денотатом предложения является его значение истинности (т. е. истина или ложь), а смыслом — выражаемое им суждение. С этой т. зр. предложения « $2 \cdot 2 = 4$ » и «Наполеон умер в 1821 году» имеют один и тот же денотат (истину), но различный смысл. С др. стороны, И., имеющие один и тот же смысл, считаются имеющими один и тот же денотат (т. е. денотат есть функция смысла). Наконец, в обычном (естественном) языке могут существовать И., имеющие смысл, но не имеющие денотата, напр. «король, правивший во Франции в 1905 году»; однако при построении формализованных языков можно так или иначе избегать введения подобных И.

Для того чтобы говорить о нек-ром предмете, надо использовать его И., к-рое всегда имеет свой смысл. Когда же возникает необходимость говорить об этом смысле как о самостоят. предмете, нужно ввести для него новое И., напр. «смысл имени «Вечерняя звезда»», к-рое также будет иметь свой смысл. Однако в нек-рых общепотребит. контекстах И. используются для того, чтобы говорить не об их денотатах, а об их смыслах. Так, в предложении «Нек-рые литературоведы сомневаются, был ли Шекспир автором «Тита Андроника»» сомнению подвергается, конечно, не тождество Шекспира с самим собой, а скорее вопрос о том, определяют ли смыслы имен «Шекспир» и «автор «Тита Андроника»» один и тот же денотат. Такие контексты, в отличие от обычных, или прямых, наз. к о с в е н н ы м и (см. *Взаимозаменимости отношение*). Если речь идет о естеств. языке, то приходится, как это делают Фреге и Чёрч, признать, что И. может иметь различные денотаты и, следовательно, различный смысл в разных контекстах; именно, в косвенном контексте денотатом И. является то, что в обычном контексте было его смыслом. В формализованном языке этого положения можно избежать, применяя особые И. для смыслов, выражаемых другими И.; при этом эти особые И. не должны иметь косвенных вхождений др. имен (отметим, что И. «смысл имени «Вечерняя звезда»» не удовлетворяет этому требованию, т. к. содержит косвенное вхождение имени «Вечерняя звезда»).

В совр. формальной логике существует т. зр., согласно к-рой это «умножение имен» является недостатком теории Фреге — Чёрча. В соответствии с таким взглядом были сформулированы др. концепции И. (Карнап). (О концепции Карнапа, а также о подходах Рассела и К. И. Льюиса и взглядах Дж. С. Милля на И. см. *Название*).

При формальном рассмотрении теории общих И. можно, считая исходным понятие выполнимости, определить с помощью отношения именованности (обозначения) осн. понятия этой теории. Рассмотрим отношение $Ds(N, x)$: « N обозначает x »; областью Ds является множество всех И. некоего языка L , противоположностью — множество денотатов. Введем следующие определения:

1. Имя N_1 охватывает имя N_2 : $Comp(N_1, N_2)$, если и только если N_1 обозначает каждый денотат, обозначаемый именем N_2 , т. е.

$$Comp(N_1, N_2) = Df \forall x (Ds(N_2, x) \supset Ds(N_1, x)).$$

2. Отношение, обратное $Comp$, наз. *субсумцией*:

$$Sub(N_1, N_2) = Df Comp(N_2, N_1) = Comp(N_1, N_2).$$

3. Имя N_1 коэкстенсивно (равнообъемно) имени N_2 , если и только если N_1 охватывает N_2 , и N_1 субсумирует N_2 :

$$Coext(N_1, N_2) = Df Comp(N_1, N_2) \& Sub(N_1, N_2).$$

Напр., «разумное животное» (как общее имя) коэкстенсивно с «человек».

4. Имя N наз. *общим*, если и только если оно обозначает по крайней мере два предмета:

$$Com(N) = Df \exists x \exists y ((x \neq y) \& Ds(N, x) \& Ds(N, y)).$$

5. Единичное имя есть имя, обозначающее один и только один предмет:

$$Sing(N) = Df \exists x (Ds(N, x) \& \forall y (Ds(N, y) \supset (x = y))).$$

Лит.: Миллз Д. С., Система логики силлогистической и индуктивной, пер. с англ., М., 1914; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. с англ., М., 1959 (особ. гл. 1—3); Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., [т. 1], М., 1960 (особ. § 01—04); Расселл Б., On denoting, «Mind», new ser., 1905, v. 14, N 56, p. 479—93; его же, An inquiry into meaning and truth, L., [1940]; Льюис С. И., An analysis of knowledge and valuation, La Salle (Ill.), [1947]; Куинс В. У. О., Notes on the theory of reference, в его кн.: From a logical point of view, Camb. (Mass.), 1953.

Д. Лахути, В. Филн. Москва.

ИНВЕРСИЯ (от лат. *inversio* — превращение, перестановка) — 1) В логике — преобразование условного суждения (или формулы логич. исчисления, являющейся формализацией условного суждения) в новое условное суждение (формулу), состоящее в замене основания (антецедента) и следствия (консеквента) исходного суждения их отрицаниями; суждение, получающееся в результате И., наз. *инверсным суждением*, или *инверсией* данного суждения. И. не является логич. операцией, т. к. посредством нее из истинного суждения можно получить ложное. В математике инверсным суждением является формулировка теоремы, противоположной данной (см. *Теорема*). Об отношении суждения, инверсного данному, к конверсному и контрапозитивному суждениям см. *Конверсия*, *Контрапозиции закон*.

Лит.: Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 2; Градштейн И. С., Прямая и обратная теоремы. Элементы алгебры логики, 3 изд., М., 1959. К. Суханов. Москва.

2) В науке о языке — перестановка слов в грамматич. предложении, нарушающая их обычный порядок, но сохраняющая осн. смысл предложения; грамматич. предложение (или грамматич. конструкция) с порядком слов, отличным от обычного.

3) В теории автоматов — операция *отрицания* суждения. Устройство, моделирующее И., наз. *инвертором*. См. *Логические схемы автоматов*.

Лит.: Газзале-Рапопорт М. Г., Автоматы и живые организмы, М., 1961, гл. 4.

ИНГАРДЕН (Ingarden), Роман (р. 5 февр. 1893) — польский философ, феноменолог, ученик Гуссерля. Д-р философии (с 1918), проф. (с 1933). В 1925—39 преподавал в Львовском, с 1945 — в Ягеллонском ун-тах. Действит. член Польской АН. Автор ок. 140 трудов на польском, нем., франц., англ. и чеш. языках. Особое значение имеют работы И. в области эстетики. Соч. И. «Исследование по эстетике» («*Studia z estetyki*», t. 1—2, 1957—58) посвящено анализу структуры художеств. произведения, способов и форм эстетич. восприятия. И. — автор ряда работ о направлениях в совр. бурж. философии: феноменологизме,

бергсонизме, неопозитивизме, а также по проблемам онтологии и логики.

Соч.: *Intuition und Intellekt bei Henri Bergson*, в кн.: *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*, Bd 5, Halle, 1922; *Essentielle Fragen*, там же, Bd 7, Halle, 1925; *Über die Stellung der Erkenntnistheorie im System der Philosophie*, Halle, 1925; *Das literarische Kunstwerk...*, Halle, 1931; *Vom formalen Aufbau des individuellen Gegenstandes*, «*Studia philosophica*», Leopoli, 1935; *O poznawaniu dzieła literackiego*, Lw., 1936; *Szkice z filozofii i literatury*, t. 1, Łódź, 1947; *Spór o istnienie świata*, t. 1—2, Kr., 1947—48.

Лит.: Тумиенек А. А. Т., *Essence et existence. Étude à propos de la philosophie de Roman Ingarden et Nicolai Hartmann*, P., 1957.

ИНДЕТЕРМИНИЗМ (от лат. *in* — частица отрицания и *determinis*) — отрицание *детерминизма*; учение, отрицающее объективную причинную (или вообще закономерную) обусловленность явлений природы, общества и мышления. И. в истории философии и естествознания выступал в различных формах; особенное распространение он получил в совр. бурж. философии.

Особенно ожесточенно нападают бурж. философы на материалистич. детерминизм в обществе наук, к-рый необходимо приводит к заключению о неизбежности революц. смены капитализма коммунизмом.

Широкое распространение в бурж. философии получила концепция *баденской школы* (Виндельбанд, Риккерт) и Дильтея о принципиальной неприменимости категории причинности к историч. процессу. Историч. материализм, исходящий из признания *закономерности общественной*, обосновывает причинную обусловленность обществ. явлений. Напр., сколь ни различны по особенностям протекания экономич. кризисы перепроизводства, марксистский анализ вскрывает, что в основе их всегда лежит общая причина — противоречие между обществ. характером произ-ва и частнокапиталистич. формой присвоения. Бурж. идеологи пытаются обнаружить «противоречие» между историч. детерминизмом, к-рый они неравномерно отождествляют с фатализмом, и марксистско-ленинским пониманием роли трудящихся масс (в т. ч. их авангарда — коммунистич. партий) в истории. Ленин решительно отвергал обвинение теории историч. материализма в фатализме: «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия» (Соч., т. 1, с. 400).

Неопозитивизм, *прагматизм*, *персонализм* пытаются лишить категорию причинности онтологич. значения и ограничить области ее действия лишь логич. сферой. Так, один из основоположников и руководителей *Венского кружка* неопозитивист Шлик пытается доказать, что представление о причине как нек-ром активном производящем начале несовместимо с совр. наукой, и отождествляет понятие причинности с «возможностью калькуляции» будущих или минувших событий на основе знания событий в настоящем. Из этого Шлик делает вывод, что причинность не отличается от телеологии: «...Кausalность и телеология не должны различаться вообще: нет никакой разницы сказать: «прошлое определяет будущее», или «будущее определяет прошлое» (Schlick M., *Causality in everyday life and in recent science*, Readings in philosophical analysis, N. Y., 1949, p. 527).

Позитивистские взгляды на причинность развивают Рассел, Ф. Франк, П. Феврие и др. Подобных взглядов придерживаются и прагматисты. Так, Дьюи считает, что категория причинности «логическая, а не онтологическая»; закон причинности — это «упорядоченная последовательность» событий, изменений, «отобранных и увязанных одно с другим» для целей исследования (см. J. Dewey, *Logic. The theory of inquiry*, N. Y., 1938, p. 442—62).

Наряду с господствующими среди ученых бурж. стран позитивистскими концепциями причинности

распространены также неокантианские взгляды, к-рых придерживался, в частности, известный франц. ученый А. Пуанкаре. «Наука детерминистична, — писал он, — она таковой является a priori; она постулирует детерминизм, так как без него она не могла бы существовать» («Последние мысли», П., 1923, с. 127). Однако, в отличие от Канта, Пуанкаре признает, что наука доказывает детерминизм a posteriori. Носителями объективно-идеалистических взглядов являются неотомисты, к-рые считают, что причинность есть выражение активности божеств. существа. Они полагают, что понятия действующей причины недостаточно для каузального объяснения явлений природы, и вводят понятие конечной причины (цели), к-рую они вслед за Аристотелем распространяют на всю природу. Иезуит Веттер говорит, что каузальность должна быть «дополнена» «финальностью» (целевой причиной) (см. G. Wetter, «Der Dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion», 1956, S. 422—43).

Совр. идеалистич. филос. системы пытаются приспособить для дискредитации материалистич. учения о причинности данные совр. науки, и прежде всего, квантовой физики. Еще в конце 20-х гг. 20 в., когда была создана квантовая механика, ряд ведущих зарубежных физиков, в т. ч. Н. Бор, Гейзенберг, М. Борн, Дирак и др., принявшие непосредств. участие в ее создании и развитии, истолковали осн. законы квантовой теории (соотношение неопределенностей и волновую функцию, являющуюся статистич. характеристикой поведения микрообъектов) в духе И. и агностицизма.

Эти выводы встретили резкую критику со стороны Планка, Эйнштейна, Ланжевена, Луи де Бройля и др., к-рые справедливо видели в индетерминистич. и агностич. истолковании квантовой механики тенденцию, противоречащую всему духу и содержанию науки. Большую работу по преодолению идеалистич. концепций в совр. физике провели сов. физики (С. И. Вавилов, В. А. Фок, Блохинцев, Я. П. Терлецкий и др.) и философы (Б. М. Кедров, И. В. Кузнецов, Омеляновский, С. Г. Суворов и др.). В их работах показано, что основание индетерминистич. взглядов зарубежных ученых лежит не в физике, а во влиянии на них идеалистич. философии. Так, Гейзенберг свои рассуждения о несовместимости квантовой механики с принципом причинности основывает на позитивистском отождествлении причинности с предсказуемостью: «Принцип причинности идентичен ожиданию того, что точное знание природы или ее определенного участка, по крайней мере, в принципе, достаточно для того, чтобы заранее определить будущее» (Heisenberg W., Atomforschung und Kausalgesetz, Universitas, 1954, II. 3, S. 226). В этом определении вопрос об объективном существовании причинных связей подменен вопросом о познании этих связей и возможности на основе этого абсолютно точного предсказания будущего, если известно настоящее. Невозможность однозначных нестатистич. предсказаний будущего микрочастицы на основе представлений и законов не только классической, но и квантовой физики истолковывается как отрицание причинности в микромире.

В своей сущности и соотношении неопределенности, выражающее границы одновременного применения механич. понятий координат и скоростей к микрообъектам, и статистич. характер законов квантовой механики, отражающих движение микрочастиц, не противоречат материалистич. учению о причинности. Из того, что к микрообъектам неприменимо или применено с известными ограничениями понятие координаты и скорости, вовсе не следует, что движение микрочастиц беспричинно. Также неправильно делать вывод о беспричинности микропроцессов на том осно-

вании, что квантовая физика отражает их в особой статистич. форме.

Аргументы «физических» индетерминистов используют сторонники индетерминистич. концепций в совр. биологии. «Органические» индетерминисты (Э. Синнотт, Л. Дени, П. Вандриес и другие) считают, что поведение генов описывается статистич. законами квантовой физики, а поэтому оно беспричинно. Генная мутация с их т. зр. — один из примеров «физического» И.

Самым решит. опровержением И., отрицающего причинную обусловленность процессов природы, общества и мышления, является, как это показано классиками марксизма-ленинизма, производственная, революционно-практич. деятельность людей.

В основе индетерминистич. концепции в совр. биологии, как и в основе «физического» И., лежит отождествление причинности с однозначной предсказуемостью. Поскольку совр. естествознание вскрыло необходимость введения статистич. методов для отражения причинных связей реальных процессов, на основе к-рых, вообще говоря, нельзя делать однозначные предсказания, сторонники И. делают свой вывод относительно банкротства принципа причинности вообще.

Вся совокупность совр. практич. и теоретич. деятельности, весь ход развития совр. естествознания опровергают И. и демонстрируют плодотворность диалектико-материалистич. теории причинности, признающей объективность, познаваемость, качеств. многообразие причинных связей и соответствующих форм их отражения в сознании людей.

В процессе дискуссии по вопросу о причинности в последние годы намечается тенденция отхода ряда зарубежных ученых, среди них Бора и Гейзенберга, от индетерминистич. концепции. Так, Гейзенберг подчеркивает, что «при попытке сформулировать такой закон природы физик должен исходить из таких общ. положений: его математическая интерпретация должна выразить существование материи во времени и пространстве, будущее состояние которой в большей или меньшей степени есть следствие нынешнего состояния; существование сил и их изменчивого действия, причем действие возникает позднее причины, вызвавшей его, и т. д.» («Вопр. филос.», 1959, № 12, с. 159). Н. Бор пишет: «... Всякое описание физических результатов основано, в конечном счете, на обычном языке, приспособленном к тому, чтобы разбираться в окружающем и проследивать связи между причинами и следствиями» («Квантовая физика и философия», в журн.: «УФН», т. 67, вып. 1, 1959, с. 37).

Растет число активных сторонников материалистич. мировоззрения среди молодого поколения зарубежных физиков (Д. Бом, Ж. Вижье, Ж. Лошак, Ж. Вассай и др.).

Развитие совр. естествознания демонстрирует огромную эвристич. роль материалистич. учения о причинности. Прогресс науки невозможен вне и независимо от принципов диалектич. материализма, принципа причинности в частности.

Лит.: Философские вопросы современной физики, М., 1952; Вопросы причинности в квантовой механике. Сб. пер., М., 1953; Философские вопросы современной физики, К., 1956; Омеляновский М. Э., Философские вопросы квантовой механики, М., 1956; Некоторые философские вопросы естествознания. [Сб. статей], М., 1957; Вопросы диалектич. материализма. [Сб. статей], М., 1960; Проблема причинности в современной физике, М., 1961; Категория причинности в физике, М., 1961; Проблема причинности в современной биологии, М., 1961; Фролов И. Т., О причинности и целесообразности в живой природе, М., 1961; Рассел Б., Человеческое познание, пер. [с англ.], М., 1957; Бом Д., Причинность и случайность в современной физике, пер. с англ., М., 1959; Франк Ф., Философия науки, inquiry, [Toronto], 1939; Reichenbach H., Philosophic foundations of quantum mechanics, Berkeley — Los Ang., 1946;

его же, The direction of time, Berkeley — Los Ang., 1956; Readings in philosophical analysis, N. Y., 1949; Readings in the philosophy of science, N. Y., [1953]; Février P., De la philosophie et indéterminisme, P., 1955; Weizel W., Das Problem der Kausalität in der Physik, Köln, 1955; Cassirer E., Determinism and indeterminism in modern physics. Historical and systematic studies of the problem of causality, New Haven, 1956; Heide J. E., Entwertung der Kausalität? Für und wider d. Positivismus, Stuttgart, 1957; Ullmer J., La pensée scientifique moderne, P., [1958]; Bunge M., Causality, Camb., 1959. *Р. Свечников. Москва.*

ИНДИВИД, и н д и в и д у м [лат. individuum — неделимое (от in — отрицание и divido — делю), калька с греч. άτομον, см. Атом], — единичный, отдельный, фиксированный, тем или иным способом выделенный, ограниченный предмет; отдельная, обособленная сущность или существо; особь, каждый самостоятелен существующий живой организм; отдельная человек. личность, в отличие от человек. коллективов (см. Личность). В наст. время, кроме обществ. наук, употребляется гл. обр. в биологии, в химии (в к-рой содержание понятия «химич. И.» является неустановившимся и дискуссионным). В логике И. — единичный объект, противопоставляемый виду (см. Видовое понятие), роду (термины традиц. логики), классу (в логике), множеству. См. также Предмет, Имя.

ИНДИВИДУАЛИЗМ — принцип поведения, социологич. и этич. учение, в основе к-рого лежит признание абсолютных прав личности, ее свободы и независимости от общества и гос-ва. Как социологич. концепция И. совпадает с субъективно-идеалистич. трактовкой историч. процесса. В различных конкретн. историч. условиях концепция И. в социально-политич. и этич. плане носила различный характер и играла разную роль.

В Древней Индии принцип И. был разработан школой чарваков. Антикастовая и антибрахманистская направленность И. чарваков, стремление поставить в центр теоретич. проблем человека с его разнообразными потребностями, учение о равенстве людей от природы — все это делало их И. исторически прогрессивным.

В др.-кит. философии этич. И. развивал философ Ян Чжу. Смысл жизни, по его учению, состоит в полном развитии природы человека в соответствии с его индивидуальными склонностями. Выдвигая принцип: «все для себя», Ян Чжу в то же время отвергал крайний эгоизм и распущенность личности. Свобода индивида состоит не только в следовании его своей природе, но и в освобождении личности от уз деспотич. гос-ва. Этич. индивидуализм Ян Чжу был реакцией на укрепление власти гос-ва, на идеологию конфуцианства. На позициях крайнего И. стоял современник и противник Ян Чжу — представитель даосизма Чжуан-цзы.

В др.-греч. философии И. составлял основу этич. концепции софистов и получил выражение в формуле Протагора «человек есть мера всех вещей». В гедонистич. этике киренаиков И. занимая первостеп. место (особенно у Аристиппа). Крайнюю форму И. принял в учении кишиков, а позже у стоиков. «Философия наслаждения всегда была лишь остроумной фразеологией известных общественных кругов, пользовавшихся привилегией наслаждения» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 418). Принцип И. проходил и через материалистич. систему эпикуреизма. Основой поведения личности Эпикур считал стремление к разумным чувств. и духовным удовольствиям; он отвергал роскошь, излишества и распутство, приводящие к пресыщению и даже страданию. Страстным проповедником этич. И. эпикурейства являлся Лукреций. Эпикурейский И. выражал в эпоху упадка греч. рабовладельч. общества стремление части рабовладельч. интеллигенции к уходу от трудностей жизни.

Особое развитие принцип И. получил в этике и морали Возрождения. В эпоху становления бурж.

отношений И. означал борьбу за раскрепощение личности от феод. пут, за утверждение естеств. равенства и *достоинства* людей. Этот И. получает свое выражение в требовании гармонич. развития человека, в культ человека, разума, в учении о ценности человек. личности, к-рое находит наиболее яркое проявление у Пико della Мирандола, Джанотцо Манетти. Обосновывая принцип И., этика Возрождения возрождает антич. теории морали, гл. обр. эпикуреизм, стоицизм, платонизм. Особое значение приобретает этика Эпикура. Эпикурейский принцип наслаждения, понимаемый как удовлетворение естеств. потребностей человека и достижение душевного спокойствия, развивают Козмо Раймонди, Лоренцо Валла, Помпоний Лет и др. В дальнейшем принципы эпикурейской этики возрождаются Бруно, Эразмом Роттердамским, Монтенем, Ванини. Бурж. И. получил религ. обоснование и в идеях протестантизма, к-рый, проповедуя освобождение личности от канонов католицизма, совмещал религ. фатализм и крайний ригоризм с идеями личной свободы (Ж. Кальвин, Дж. Эдуардс).

Принцип И., свойственный и этике бурж. мыслителей 17—18 вв. (Ф. Бэкон, Гоббс, Локк, Руссо), имел различную филос. основу при сходных социальных истоках. Последователями эпикурейского И. были Гассенди, Спиноза, к-рый хотя и не являлся индивидуалистом, однако вслед за Эпикуром в этич. учении исходил из интереса, пользы, стремления к самосохранению и удовольствия индивида. Развитием идей Эпикура о благоразумии, как пути к здоровым наслаждениям и счастью индивида, был принцип пользы и разумного эгоизма в этике франц. материалистов, к-рые использовали его для обоснования необходимости общества, преобразования.

И. всех этих мыслителей по социальной природе был буржуазным и его девиз: свободу частной инициативе, торговле, собственности, мысли и деятельности индивида, был исторически прогрессивным. Эти представители бурж. И. резко выступали против католич. церкви и иерархич. структуры феодализма; их идеалом была разносторонне развитая личность, а вовсе не буржуазно огранич. делец. Учение о «естественной природе» человека, теории «естественного права» и «общественного договора», установление связи моральных норм с материальными интересами индивидов — все это обосновывало бурж. И. и служило оружием в борьбе с феодализмом и католицизмом.

Однако очень скоро обнаружилось противоречие между идеалом разносторонне развитой личности и бурж. действительностью, к-рое отметили уже представители утопич. социализма, особенно Фурье. Сущность этого противоречия сформулировал Маркс: «В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 439). С тех пор как буржуазия стала господствующим классом, И. враждебен обществу. Бурж. И. становится этич. оправданием капиталистич. эксплуатации и препятствием для всякого обществ. движения, целью к-рого является освобождение трудящихся. И. является осн. устоем бурж. морали. Принципы И. воспроизводятся во всех сферах жизни бурж. общества и пронизывают всю бурж. идеологию.

Как принцип отношения человека к человеку И. стал антигуманистическим; как норма отношения индивида к обществу он — антисоциален; как способ отношения к гос-ву и законности он стал антидемократическим; как семейная традиция он глубоко аморален. Раньше всего это обнаруживается в бурж. политич. экономии. А. Смит рассматривает И. как естеств. порождение природы человека и как непереносимое условие нормального функционирования экономики.

В 19 в. И. развивался обратно пропорционально тем реальным возможностям, к-рые бурж. общество предоставляло для развития индивида. Утилитаризм И. Бентама превратил экономич. теорию полезности в прямую апологию неприкрытого эгоизма, стяжательства, бурж. эксплуатации («Введение в основания нравственности и законодательства» — «Introduction to the principles of morals and legislation», 1789, рус. пер. 1867). Дж. С. Милль с позиций позитивизма выразил принцип И. как методологич. основу социологич. и этич. исследований («Утилитарианизм» — «Utilitarianism», 1863, рус. пер. 1900; «О свободе» — «On Liberty», 1859, рус. пер. 1900). Начиная с Бентама и Милля происходит слияние этич. теории полезности с бурж. политич. экономией. В исторической (В. Рошер и др.), а затем в австр. (см. Менгер и Бём-Баверк) школах эта теория выступает под названием теории «предельной полезности»; она сохраняет свое значение и в совр. бурж. политич. экономии, напр., у Шумпетера (см. J. Schumpeter, *Capitalism, socialism and democracy*, N. Y., 1942, p. 126).

В младогегельянской школе И. принял филос. форму «самосознания», критикующего весь мир ради мысленного освобождения индивида от действит. социальных оков. В 1845 М. Штирнер опубликовал манифест бурж. И. — кн. «Единственный и его собственность» («Der Einzige und sein Eigentum», рус. пер. 1906), в к-рой «...на место деятельного буржуазного эгоизма он поставил хвастливый, согласный с собой эгоизм индивидуального «Я» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 411). У Штирнера культ «Я» становится идеологич. угрозой для организованных действий трудящихся. Обратной стороной этого И. было презрение к массе, к-рое особенно культивировалось братьями Бауэрами.

Начиная с сер. 40-х гг. 19 в. бурж. И. выполняет две социальные функции: во-первых, борьбы против революц. движения трудящихся масс и, во-вторых, идеологич. обоснования и морального оправдания бурж. господства в меняющихся обществ. условиях. Вся история анархизма представляет собой содействие осуществлению этих задач с мелкобурж. позиций. Теоретич. основой анархизма и его краеугольным камнем выступал всегда И. (см. В. И. Ленин, Соч., т. 5, с. 300).

Наиболее циничным и враждебным обществ. прогрессу становится бурж. И. в теории «сверхчеловека» у Ницше, к-рый превратил И. в эгоистич. культ грубой силы, проникнутой глубокой ненавистью к демократии и гуманизму. Эти идеи Ницше послужили одним из идеологич. источников герм. фашизма, в к-ром, несмотря на дух корпоративизма и крайний национализм, И. выступал в крайней форме.

В совр. эпоху реакц. И. представляет собой ядро бурж. идеологии и является осн. мотивом почти всех ее разновидности, служа гл. идейным оружием буржуазии в ее борьбе против коммунистич. и рабочего движения и мировой системы социализма. В эпоху сосуществования двух социальных систем И. в ходе идеологич. борьбы принял форму бурж. «философии свободы» и противопоставляется марксистско-ленинскому мировоззрению и коммунистич. этике. Осн. направления совр. бурж. философии используют И. как моральное «обоснование» антикоммунизма под видом защиты «свободы личности».

В экзистенциализме, напр., центр. роль играет проблема личности. Целью объявляется свободное самутверждение индивида. При этом свобода сводится к свободе выбора. И. пронизывает весь экзистенциализм. Изолированная от общества личность испытывает состояние непреодолимой покинутости, заброшенности, одиночества. В поисках утверждения своей свободы ей остается только ожидание смерти, «геро-

изм» бессмысленной жизни (А. Камю, см. A. Camus, *Le mythe de Sisyphe. Essai sur l'Absurde*, 1942) или традич. религ. иллюзии (Ясперс, Хейдеггер, Бубер, Марсель).

Для неопозитивизма личность служит основой филос. исследований в вопросах гносеологии, социологии и этики. Он сводит все социальное к индивидуальному, объявляет общество пустым, классы, нации, формации — абстракциями и провозглашает И. как цель человек. стремлений, а также использует И. в качестве существ. черты метода социологич. исследований. Личность живет и действует в социальных группах, к-рые разделяются позитивистскими социологами на первичные (семья, круг друзей) и вторичные (класс, нация, гос-во). Реальны лишь первичные группы, вторичные же рассматриваются как «псевдопонятия». Важнейшей реальностью является индивид. Его качества, отношения и связи определяют облик социальных групп. При этом обществ. отношения личностей толкуются субъективистски и с позиций И. как «отношение личности к...», как комплекс ее мнений, оценок, стремлений, взглядов, не обладающий объективным содержанием. Микросоциология, основываясь на этой методологии, пытается опровергнуть марксистское учение об объективной закономерности историч. процесса, искажает жизнь личности при социализме и «доказывает» реальность свободы личности при капитализме. Субъективистская релятивистская этика, пропагандируемая неопозитивистами (т. н. эмотивная теория), строго придерживается индивидуалистич. принципов. Прагматизм широко использует принцип И. в гносеологии, этике и теории воспитания. Субъективно-идеалистич. критерий истины прагматизма — успех, полезность или практика — трактуется глубоко индивидуалистически. В этич. теории, как и в прагматистской педагогике, получившей большое распространение в США, И. является целью всей системы. Все воспитат. мероприятия, по Дьюи, должны быть подчинены специфич. чертам и задаткам индивидуальности. Эта реакц. педагогич. теория всецело направлена на воспитание и укрепление И. у каждого обучающегося (Дж. Дьюи, см. J. Dewey, *Individualism old and new*, 1931, Школа и общество — *The school and society*, 1899, рус. пер. 1922).

Неотомизм, идя навстречу требованиям бурж. идеологии эпохи империализма, уделяет большое внимание проблеме личности. Все социальные проблемы сводятся к морально-религиозным. Общение личности с богом оттесняет социальные связи. Важным актом сознающей себя индивидуальности является утверждение частной собственности и подготовка к индивидуальному спасению. Антикоммунистич. выступления католич. философов во славу бога, церкви и папы проникнуты пропагандой бурж. И. и клеветой на марксизм и социализм.

Для совр. амер. персонализма, тесно связанного с протестантской теологией, И. служит лейтмотивом всей философии. Он раздувается, абсолютизируется, приобретает характер онтологич. концепции (исток к-рой восходят к монадологии Лейбница, теории микрокосмоса Р. Лютце и христ. теизму Г. Теихмюллера), согласно к-рой не только люди, но все сущее представляет собой совокупность личностей (см. Брайтмен, *Флоллалинг*). Во главе иерархии личностей находится бог. И. в этой философии используется для апологии теизма.

И. как совр. бурж. «философия свободы» используется в качестве оружия в идейной борьбе с коммунистич. идеологией и мировой социалистич. системой. Один из руководителей зап.-герм. нп-та по вост. проблемам К. Менерт в кн. «Советский человек» («Der Sowjetmensch», 1958) обвиняет социализм в ликвидации свободы личности и идеализирует положение

личности в капиталистич. мире. С позиций И. ополчается на социализм обосновавшийся в США антикоммунист Г. Маркузе. «Социализм, — по его словам, — проявление возмущения со стороны многих против тех немощных, к-рые обладают и наделены более высокими ценностями; социализм, таким образом, представляет собою часть общего бунта против выдающихся людей» («Reason and revolution...», N. Y., 1954, p. 266). В кн. «Советский марксизм» («Soviet marxism», 1958) он противопоставляет И. коллективизму и коммунистической морали. С клеветой на коммунизм с позиций И. систематически выступает американский прагматист С. Хук. Крайний И. служит опорой различных теорий «элитизма», широко используемых против идей социализма, демократии (К. Башвиц, С. Хадстон и мн. др.) (см. S. Hook, The Hero in history, N. Y., 1943, p. 18; K. Baschwitz, Du und die Masse, Leiden, 1951, S. 17; S. Huddleston, Popular diplomacy and war, p. 180). Социальная функция «философии свободы» — продлить агонию обреченного эксплуататорского строя.

Принципы реакц. И. служат основой совр. бурж. социальной психологии, в к-рой значит. место занимает неотрейдизм. Глубоко индивидуалистична психология, концепция неотрейдизма, построенная на высвобождении инстинктов от социальных ограничений. Ныне она все шире применяется в социальном плане, противопоставляя индивидуальные подосозн. влечения сознат. социальной организации и революц. борьбе.

Маркс и Энгельс поставили на науч. почву вопрос об отношении личности и общества и тем нанесли удар по теориям бурж. И. Они доказали, что абстрактной внеисторич. природы человека не существует; сущность человека — это совокупность всех обществ. отношений данной эпохи. Отношения в обществе частных собственников и обособленных товарладельцев не могут не порождать И., история к-рого определяется, в конечном итоге, развитием обществ. разделения труда, форм частной собственности и способов эксплуатации. Социальной предпосылкой И. является отсутствие в эксплуататорском обществе подлинной коллективности, к-рая начинается формироваться лишь в ходе классовой борьбы пролетариев. Поскольку последние являются носителями обществ. характера процесса произ-ва и их борьба с капиталом формирует солидарность, сплоченность и сознательность класса, у пролетариата развивается подлинная коллективность в действиях, взглядах и морали, к-рая противостоит бурж. И.

Социализм в корне меняет отношения общества и личности, ибо повыми становятся и общество и личность. Рождается подлинная коллективность общества, не знающего эксплуатации и политич. гнета, и создаются реальные предпосылки для гармонии личности и общества. Всестороннее развитие личности при коммунизме в корне чуждо И. Социализм обеспечивает сочетание обществ. и личных интересов, направленных к построению коммунизма, где свободное развитие каждого явится условием свободного развития всех. Развитие обществ. самоуправления в период развернутого строительства коммунизма есть яркое выражение действит. демократии и реальной свободы личности. В полную противоположность клевете бурж. «философии свободы» социалистич. коллектив является полем применения сил и талантов личности, стимулом их развития, источником морального удовлетворения, опорой в личной беде. Социализм не обедняет и не инвализирует личность, а поощряет разнообразие интересов и творч. стремлений, ставит своей целью всестороннее и свободное развитие личности. Лозунг Коммунистич. партии, сформулированный в Программе КПСС: «Все во имя человека, для блага человека», выражает стремление обеспечить форми-

вание яркой, самостоят., богатой духовно, чистой морально, гармонично и всесторонне развитой личности, свободной от пережитков И. Моральный кодекс строителя коммунизма, сформулированный в Программе КПСС, пронизан идеалами коллективизма и гуманизма, обеспечивающими свободу и расцвет личности и вместе с тем исключаящими всякий И. Бурж. И. есть его последняя историч. форма; он обречен историей на гибель вместе с капиталистич. формацией. Коммунизм знает подлинную индивидуальность, полностью и навсегда освобожденную от И. (см. также *Личность*).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, Соч., 2 изд., т. 2; и х же, Немецкая идеология, там же, т. 3; и х же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Маркс К., Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов), там же, т. 12; Энгельс Ф., [Письмо] П. Л. Лаврову, 12—17 ноября 1875 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; Ленин В. И., Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., 4 изд., т. 1; Программа КПСС, М., 1961; Ш и ш к и н А. Ф., Из истории этических учений, М., 1959; Л е й б и н ц Г. В., Монадология, 1714, Избр. филос. соч., М., 1908, с. 339; Л о т з е Н., Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit, Bd 1—3, Lpz., 1856—64, рус. пер. — ч. 1—3, М., 1866—67; W i n t e r F. J., Der Individualismus, Lpz., 1880; S o m m e r H., Individualismus oder Evolutionismus?, B., 1887; T e i c h m ü l l e r G., Neue Grundlegung der Philosophie und Logik, Breslau, 1889; Z i e g l e r T. H., Individualismus und Sozialismus im Geistesleben des 19. Jahrhunderts, Dresden, 1899; F o u r n i è r e E., Essai sur l'individualisme, P., 1901; F i s c h e r E. L., Über den Individualismus..., Charlottenburg, 1907; W o l f H., Geschichte des antiken Sozialismus und Individualismus, Güttersloh, 1909; F i t z W., Individualism, N. Y. [a. o.], 1911; P r i b r a m K., Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie, Lpz., 1912; A r c h a m b a u l t P., Essai sur l'individualisme, P., 1913; B u r c k h a r d t G. E., Was ist Individualismus?, Lpz., 1913; W e i s e n g r ü n P., Die Erlösung von Individualismus und Sozialismus, Münch., 1914; D i t t r i c h O., Individualismus, Universalismus, Personalismus, B., 1917; H o r n e f f e r E., Der moderne Individualismus, «Kant-Studien», 1918, Bd 23; S c h m a l e n b a c h H., Individualität und Individualismus, там же, 1920, Bd 24, H. 4; K e h l e r F., Wesen und Bedeutung des Individualismus, Münch.—B., 1922; B r e y s i g K., Vom geschichtlichen Werden, Bd 1, Stuttg.—B., 1925; K a l l e n H. M., Individualism; an American way of life, N. Y., [1933]; A d l e r M. J., The idea of freedom, N. Y., 1958. В. Гартман. Москва.

«ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ» — учение австр. психолога А. Адлера, к-рый первоначально был одним из ближайших последователей Фрейда, а затем противопоставил свою концепцию ортодоксальному фрейдизму. Тем не менее «И. п.» фактически представляет собой вариант фрейдизма. В основе «И. п.» Адлера лежит понятие компенсации, выдвинутое им в качестве психологич. аналога свойств, характеризующих биологич. приспособление живых существ. По Адлеру, человек — биологически самое неприспособленное существо; ребенок начинает свою духовную жизнь с осознания (благодаря столкновению с внешним миром) слабости своего организма, что ведет к развитию «чувства (комплекса) неполноценности», к-рое закрепляется затем под воздействием ближайшего окружения в семье, потом в школе и, наконец, в обществе. В течение всей жизни человек стремится преодолеть свою неполноценность. Это стремление и есть компенсация. Постоянное стремление к нарушению психич. равновесия, обусловленное компенсацией, влечет человека к нек-рой цели, ему ведомой; эта цель детерминирована в раннем детстве и составляет скрытый смысл жизни — т. н. бессознательное; в отличие от ортодокс. фрейдизма, для к-рого бессознательное — это подавленные или подавляемые влечения, в «И. п.» это — телеологич. выражение тенденций, латентно существующих в человеке. Адлер придает комплексу неполноценности не только биологическое, но и социальное и даже «космическое» значение: чувство неполноценности может частично преодолеться благодаря компенсаторной деятельности сознания, выражающейся в форме религии, философии и иск-ва.

«И. п.» получила в Зап. Европе большое распространение в 20-е гг. 20 в. на фоне духовной депрессии,

вызванной 1-й мировой войной. «И. п.» оказала сильное влияние на бурж. педагогику, психиатрию и социологию; были также отд. попытки представить «И. п.» как психологию, теорию, якобы «дополняющую» социологию, учение Маркса (O. Rühle, 1925). В действительности, «И. п.», отрицающая историч. закономерности развития психики человека, строящаяся на вульгарной биологизации природы человека и общества и провозглашающая классовый мир, не только не имеет ничего общего с марксизмом, но и глубоко враждебна ему. Успех «И. п.» в Зап. Европе и Америке объясняется не научным, а идеол. содержанием ее как «естественнонауч.» основы идеологии бурж. индивидуализма.

М. Роговин. Москва.

Лит.: Адлер А., Роль бессознательного в неврозе, М., [1913]; его же, Сны и их толкование, М., 1914; его же, Studie über Minderwertigkeit von Organen, Münch., 1927; Rühle O., Die Seele des proletarischen Kindes, Dresden, [1925]; Handbuch der Individualpsychologie, Bd 1—2, Münch., 1926; Dreikurs R., Fundamentals of adlerian psychology, N. Y., 1950; Hart D. L., Der tiefenpsychologische Begriff der Kompensation, Z., [1956]; The individual psychology of Alfred Adler. A systematic presentation from his writings, ed. by H. L. Ansbacher and R. Ansbacher, N. Y., [1956].

ИНДИЙСКАЯ ЛОГИКА — оригинальная форма логики, возникшая в Индии независимо от развития логики в Европе. Различают три периода И. л.: первый — приблизительно 6 в. до н. э. — 2—3 вв. н. э., когда в связи с оживленными дискуссиями между представителями различных направлений *индийской философии* возникает потребность уточнения правил рассуждения и на этой основе появляются первые элементы логики; второй — с 2—3 вв. до 10 в. н. э., когда возникает логика как наука и разрабатывается теория инд. силлогизма; этот период связан с работами философов школы ньяя и буддийской школы и носит назв. старая ньяя (Prasina-Nyaya) (термин «ньяя» означает умозаключение, силлогизм; он служит также названием определенной философской и логической школы; см. *Ньяя*); третий период — 12—17 вв. н. э. — период т. н. новой ньяя (Navya-Nyaya), отмеченный работами по теории отношений, теории следования и вопросам, связанным с теорией абстракции.

В филос. сочинениях, относящихся к периоду (напр., в буддийском трактате «Каттаваттху»), уже можно найти подход к выявлению нек-рых логич. правил.

Второй период начинается с *«Ньяя-сутры»* (ок. 200 н. э.) — осн. соч. филос. школы ньяя, в к-ром впервые содержится описание классич. инд. силлогизма. Этот силлогизм содержит пять членов: тезис, основание, пример, применение и заключение. Классич. образцом этого силлогизма, встречающимся во многих соч. инд. философов, является следующий: 1) Тезис: на горе есть огонь; 2) Пример: так как на горе есть дым; 3) Пример: в кухонном очаге есть дым и есть огонь; в пруду нет огня и нет дыма; 4) Применение: но на горе есть дым; 5) Заключение: поэтому на горе есть огонь. Инд. пятичленный силлогизм содержит три осн. термина: п а к ш а — субъект тезиса и заключения (в указанном примере — гора), х е т у — причинный признак (наличие дыма) и с а д х я — доказываемое свойство (наличие огня). Предметы, в к-рых присутствует доказываемое свойство, наз. однородными (с субъектом) предметами (сапакша), а предметы, в к-рых оно отсутствует, — неоднородными (с субъектом) предметами (винаякша). В рассматриваемом случае кухонный очаг — однородный (с горой) предмет, а пруд — неоднородный. Тезис и заключение инд. силлогизма соответствуют заключению силлогизма Аристотеля, а основание и применение — его меньшей посылке; что же касается большей посылки силлогизма Аристотеля, то ей в какой-то степени соответствует пример; однако это соответствие лишь приблизительное, ибо в инд. силлогизме нет общих сужде-

ний (вообще инд. философы не сразу подошли к введению в логику средств выражения всеобщности). Поэтому классич. инд. силлогизм является чем-то вроде умозаключения по аналогии; он носит на себе заметный отпечаток происхождения инд. логики из методологии дискуссии. Пятичленный силлогизм был характерен как для логики ньяя, так и для логики позднейших буддистов. Но уже в конце 2 — нач. 3 вв. н. э. буддист Нагарджуна критиковал «Ньяя-сутры», считая, что силлогизм состоит не из пяти суждений, а из трех, т. к. тезис может быть установлен через основание и пример (к-рый может быть либо утвердительным, либо отрицательным), а последние два суждения — применение и заключение — излишни.

Дальнейшее развитие инд. логики происходило в обстановке острой филос. дискуссии между буддистами и сторонниками ньяя, в ходе к-рой и те, и другие внесли существенный вклад в теорию умозаключений. Прежде всего было сформулировано трехчленное правило (траирупья), состоящее, по существу, в том, что, если наличие нек-рого признака *М* (хету) установлено у субъекта и у предметов, обладающих признаком *Р* (однородных с субъектом), и если признак *М* отсутствует у предметов, не обладающих признаком *Р* (неоднородных с субъектом), то признак *Р* (доказываемое свойство — садхья) присутствует у субъекта. Это правило, к-рое обнаруживается фактически уже у буддиста Васубандху (4—5 вв. н. э.), неявно вводит в инд. силлогизм отношение всеобщей связи между его терминами.

Большую роль в развитии логики сыграл буддист Дигнага (5—6 вв.), к-рый разделил силлогизмы на 2 вида: на умозаключения «для себя», состоящие каждое из трех членов, именно: из основания, примера и тезиса (взятых именно в этом порядке), и на умозаключения «для других», к-рые совпадают с пятичленным силлогизмом. Дигнага развил далее трехчленное правило (траирупья) и представил его в виде круговой таблицы, т. н. «колеса причинных признаков» (хету-чакра). Эта таблица основана на том, что хету может присутствовать во всех однородных (с субъектом) предметах, только в нек-рых из них или ни в одном из них. В каждом из этих трех случаев хету может присутствовать во всех неоднородных (с субъектом) предметах, в части их или ни в одном из них. Всего, т. о., возможно девять случаев (или модусов), из к-рых правильный вывод дают только те, в к-рых хету присутствует во всех однородных предметах или в их части и отсутствует во всех неоднородных предметах. «Колесо причинных признаков» было дополнено Уддьятакарой (7 в.) из школы ньяя, к-рый рассматривал случаи, когда не существует однородных предметов, или неоднородных предметов, или и тех и других вместе. Кроме того, он рассматривал также случаи составных хету и др. обстоятельства, и в итоге у него получилось 176 верных и неверных модусов. В «колесе причинных признаков» видна тенденция к трактовке логики с т. зр. отношений между классами, ибо однородные и неоднородные предметы мыслятся как классы, а у буддиста Дхармакирти (7 в.) даже субъект мыслится как класс; по эта тенденция не получила в И. л. достаточного развития. У Уддьятакары мы находим уже трехчленный силлогизм вида: «Где есть дым, там есть огонь; на горе есть дым; значит, на горе есть огонь», в к-ром мысль о всеобщей связи выражена уже в виде отдельной посылки. Вообще же в И. л. превращение примера в общую посылку достигалось введением в трехчленное правило слова ева, что мы видим, напр., у Дхармакирти; это слово указывает, по-видимому, на неразрывную связь субъекта и однородных (с ним) предметов (всех или части) с хету и на отсутствие хету во всех неоднородных предметах. Дхармакирти осуществил также

разделение умозаключений на: 1) умозаключения, в к-рых из наличия видового признака делается заключение о наличии родового признака, напр. «Это есть дерево, т. к. это есть пальма»; 2) умозаключения, в к-рых наличие следствия выводится из наличия основания, напр. «На этой горе есть огонь, т. к. на ней есть дым»; 3) т. н. отрицат. умозаключения, в к-рых из факта невосприятия предмета делается вывод о его несуществовании, напр. «Здесь есть все условия для восприятия дыма, но мы его не воспринимаем, следовательно, здесь нет дыма». Дхармакирти особенно подробно разработал теорию отрицат. умозаключений и выводов из отрицат. посылок. Он приводит 11 видов таких умозаключений. Такое внимание к отрицат. умозаключениям объясняется тем, что, согласно буддийскому учению, слово означает не то, что предмет есть нечто, а то, что предмет не есть нечто; так, суждение «Это — горшок» означает, напр., что это не есть платок. Этот взгляд буддистов был развит в учении об отрицании (апоха) в новой ньяе.

К 8 в. в И. л. разработка логич. средств выражения всеобщей связи между хету и садхья, а также между пакша (субъектом) и хету идет в двух направлениях. Философ школы джайнизма Патрасвамини (7 в.) считал, что в качестве хету подходит лишь такой признак, к-рый удовлетворяет условию «несуществования другого», т. е. к-рый не существует, если не существует доказываемый признак (садхья); основным выводом являются не примеры, а именно принцип «несуществования другого». Однако эта т. зр. в дальнейшем развитии И. л. не получила признания. Общепризнанной стала др. теория, связанная с понятием вьяпти. Вьяпти есть отношение, в какой-то мере соответствующее импликации в совр. логике; но в отличие от импликации (являющейся отношением между высказываниями), вьяпти — это отношение либо между классами, либо между классом и его элементом, либо, как у большинства логиков системы ньяя, — просто отношение между свойствами. Эта последняя трактовка вьяпти стала преобладающей, ибо отражала осн. тенденцию развития И. л.

Старая ньяя была резюмирована в соч. «Nyāyāvānībhāṣā» (976), принадлежащем философу Вачспати Мишра.

В третий период И. л. дальнейшее развитие в основном происходит в работах логиков школы новой ньяи (навья-ньяя), основателем к-рой является Гангеша Упадхьяя (12 в., по др. данным, 14 в.). Одной из осн. проблем, разрабатывавшихся этой школой, была проблема бескванторной формулировки общих суждений, возникшая в связи с трудностями их обоснования, особенно в случае, когда они содержат квантор по времени.

Для решения этой проблемы в новой ньяе была развита теория абстракций, основанная на том, что, по мнению логиков этой школы, вместе с восприятием отд. предметов мы воспринимаем и общие свойства, к-рые им принадлежат.

Логика новой ньяи использовала абстракции нескольких ступеней. От предмета (например, огня) абстрагировалось свойство, определяющее этот предмет (свойство огненности), а затем в результате следующего шага абстракции это свойство рассматривалось в качестве особого предмета (огненность как отд. сущность), могущего иметь нек-рые свойства или находиться в определ. отношениях к др. предметам (напр., в отношении постоянного отсутствия, см. ниже); процесс абстрагирования применялся не только к свойствам, но и к отношениям (напр., к отношению противоположности). Важную роль в логике новой ньяи играли понятия, связанные с отрицанием. Ряд таких понятий можно найти уже у Гангешы. Позднейшие логики различали 2 типа таких понятий: 1) т. н. взаимное (обобщенное) отсутствие; напр., «Огонь есть место отсутствия воды», имеющее смысл отрицания тождества: «Огонь отличен от воды» (т. е. не тождествен воде) и 2) т. н. отсутствие отношения, смысл к-рого состоял в отрицании нек-рого отношения, не являющегося отношением тождества, напр., «Прудх есть место отсутствия огня» (отрицается отношение соприкосновения пруда с огнем). Отсутствие отношения подразделялось на ряд видов, из к-рых особую роль играло т. н. постоянное отсутствие, существовавшее и использовавшееся в разработанном логиками новой ньяи способе представления

суждений, содержащих кванторные слова. В основе этого способа, к-рый, в отличие от объемного, или экстенционального, подхода к суждениям, можно назвать интенциональным, лежало понятие ограничения. Смысл этого понятия состоит в следующем: если предмет, определенный свойством А, обладает вместе с тем свойством В, то абстракция свойства В ограничивается абстракцией свойства А; напр., суждение «На горе есть огонь» понималось так: «Гора определена огненностью, ограниченной горностью». Для выражения общих и частных суждений в бескванторной форме использовались абстракции противоположности и постоянного отсутствия, связывавшиеся друг с другом тем, что постоянное отсутствие предмета А всегда таково, что его противоположность ограничена свойством, определяющим А. Поэтому, напр., «постоянное отсутствие огня» выражалось так: «постоянное отсутствие, противоположность к-рого ограничена огненностью». Общие суждения, напр. «Везде, где есть дым, есть огонь», в логике новой ньяи выражались следующим образом: сначала суждение заменялось эквивалентным ему отрицат. суждением: «Никакой случай дыма не встречается в месте, к-рое не есть место огня, к-рое преобразовывалось в вид: «Постоянное отсутствие дыма в месте постоянного отсутствия огня»; наконец, это суждение по образцу, приведенному выше, преобразовывалось в суждение: «Постоянное отсутствие, противоположность к-рого ограничена дымностью, в месте постоянного отсутствия, противоположность к-рого ограничена огненностью». Заметим, что такие выражения, звучащие по-русски крайне неуклюже, в санскрите составляли одно слово (иногда достаточно длинное). С такими словами философы новой ньяи оперировали до нек-рой степени подобно тому, как совр. логика оперирует с высказываниями.

Новая ньяя уделяла большое внимание изучению отношений, особенно отношения всеобщего сопутствования — вьяпти, в рассмотрении к-рого она продолжала работы логиков старой ньяи и джайнистов. Гангеша приводит ряд определенных вьяпти, к-рые до нек-рой степени соответствуют определению отношения материальной импликации, но не между высказываниями, а между свойствами. Отношением вьяпти занимался также Рагхунатха (ок. 1475—ок. 1550). Матхуранатха (ок. 1600—ок. 1675) рассматривает отношение парьяпти, примерно соответствующее отношению, существующему, напр., между числом 2 и классом, состоящим из двух предметов. Отношение парьяпти превосходит идею, положенную Фреге в основу определения (натурального) числа. Матхуранатха формулирует также закон двойного отрицания, по к-рому отсутствие постоянного отсутствия предмета, по существу, идентично с самим предметом. Кроме философов новой ньяи, работы в области логики проводились также в школах веданта (напр., Джаятиртва и Вьяшатиртва) и джайнизма. С нач. 18 в. И. л. приходит в упадок.

В отличие от современной ей европ. логики, к-рая была по преимуществу логикой классов, в И. л. ярко выражено стремление рассматривать отношения не между классами, а между свойствами. Эта тенденция ведет к таким своеобразным результатам, как бескванторная формулировка общих суждений и связанное с ней учение о многоступенчатых абстракциях. В И. л. почти полностью отсутствует логика высказываний, логика классов носит зачаточный характер, зато она содержит сравнительно развитую теорию логич. следования (вьяпти) и ряд идей логики отношений, к-рые на Западе встречаются лишь позднее, у Фреге и Рассела. И хотя ряд важных вопросов логики вообще выпал из поля зрения индийских мыслителей (напр., логич. антиномии), однако в ряде проблем они дошли до довольно высоких степеней логической строгости.

Соч. инд. логиков: Die Lehrsprüche der Vaiceshika-Philosophie von Kanāda, «Z. Dtsch. morgenland. Ges.», 1867—68, Bd 21—22 (Bd 21, S. 309—420; Bd 22, S. 383—442); Prāsaśta pāda, The Bhāṣya with the Nyāyakandali of Śrīdhara Miśra. Ed. by Vinīdhyaśvari Prasāda Dvivedina (Dube), Benares, 1895; [K u m ā r i l a B h a t t a], Sthokavārtika, fasc. 1—7, Calcutta, 1900—1908; [G a u t a m a], The Nyāya-Sūtras of Gautama with the Bhāṣya of Vātsyāyana and the Vārtika of Uddyotakara. [Engl. transl., v. 1—4], Allahabad, [1912—19]; Die Nyāyasūtra's, übers. v. W. Ruben. Lpz., 1928; Dig- n ā g a, The Nyāyamukha. The oldest Buddhist on logic. [Transl.] by G. Tucci, Hdb., 1930; A n n a m b h a t t a, Tarkasāgraha. [Übers. v. E. Hultsch], B., 1907; его же, Le compendium des topiques. (Tarka-Samgraha), P., 1949.

Лит.: Шербатской Ф. И., Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. 1—2, СПб., 1903—1909; его же, Buddhist logic, v. 1—2, Leningrad, 1930—32; Vidya bhāṣana S. Ch., A history of Indian logic. Calcutta, 1924; Keith A. B., Indian logic and atomism. An exposition of the Nyāya and Vaiśeṣika systems, Oxf., 1921; Tucci G., Buddhist logic before Dinnāga, «J. Royal Asiatic Soc. of Great Britain and Ireland», 1929, July, p. 451—88; Radle H. N., Indian logic in the early schools, L., 1930; S ch a-

у е г St., Z badań nad logiką indyjską (Studien zur indischen Logik), «Bull. internat. de l'Acad. polonaise des sci. et des lettres. Classe de philologie. Classe d'histoire et de philos.», 1932, № 4—6, p. 98—102; 1933, № 1—6, p. 90—96; K u n s t A., Probleme der buddhistischen Logik in der Darstellung der Tattvasangraha, Kr.—Warsz., 1939; R e g a m e y C., Buddhistische Philosophie, Bern, 1950 (Bibliogr. Einführungen in das Studium der Philos., 20/21); B o e n e n s k i I. M., Formale Logik, Freiburg—München, 1956]. В. Дошченко. Москва.

ИНДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Изучение И. ф. началось еще в ср.-век. Индии, когда инд. философы и ученые выступили с многочисл. комментариями на сочинения древних философов, начали систематизацию ее осн. школ и направлений. Возникновение историографии И. ф. в Европе относится к концу 18—нач. 19 вв. Ее основоположниками явились англ. индологи, напр. У. Джонс, Г. Уилсон и особенно Г. Т. Колбрук. Систематич. изучение И. ф. началось лишь с сер. 19 в., когда в Европе и Америке приступили к изданию текстов и переводов памятников филос. мысли Индии; наряду с англ. учеными видное место в исследовании И. ф. начинают занимать нем., франц. и рус. ученые. За 2-ю пол. 19—нач. 20 вв. было опубликовано большинство важнейших из дошедших до нас источников древней и ср.-век. И. ф. Значит. часть источников издавалась в сериях «Библиотека Индика» («Bibliotheca Indica», начата в 1847 в Калькутте) и «Священные книги Востока» («The sacred books of the East», организована М. Миллером в 1879 при Оксфордском ун-те). Среди появившихся в этот период теоретич. исследований И. ф. наибольшее признание получили работы М. Мюллера, П. Дёйсена, Д. Баллантайна, Ф. Э. Холла, Э. Б. Коуэлла, А. Э. Гау, Д. Дейвиса, Г. Бюлера, Д. Дальмана, Б. Сент-Илера, Р. Ольтрамора, Э. Г. Тибо, Г. Якоби, Р. Гарбе, В. Стивенсона, Г. Ольденберга и др. Европ. ученых особенно привлекала философия *буддизма*, изучение к-рой выделяется в особую отрасль индологии. Крупнейшими представителями европ. буддологии являются Г. Керн, Г. Уоррен, Т. У. Рис-Дейвидс, М. Уолсер, Г. Ольденберг и др. Эти ученые интересовались преим. ранним, или южным, буддизмом (*хияяна*), зафиксированном в т. н. палийском каноне; большая его часть была опубликована в изданиях «Общества палийских текстов», учрежденном Т. У. Рис-Дейвидсом в 1881 в Лондоне.

Огромную роль в изучении буддизма сыграли рус. ученые В. П. Васильев, И. П. Минаев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и его ученики — О. О. Розенберг, Е. Е. Обермиллер, А. И. Востриков, Б. В. Семичев; большой вклад в изучение лит-ры и истории буддизма внес Ю. Н. Рерих. Преимущ. внимание рус. буддологи уделяли изучению позднего, или северного, буддизма (*махаяна*), многие из источников к-рого были опубликованы ими в серии «Библиотека Буддизма».

Заметное усиление интереса в Европе и Америке к И. ф. наблюдается в последние три-четыре десятилетия. Среди общих работ по И. ф. выделяются работы А. Б. Кита, П. Массон-Урсея, Х. Глазенаца, Г. Циммера, Дж. Туччи, Ф. Шалле, Э. Фраувайлнера и др. Среди исследователей буддийской философии получают известность имена С. Левин, Л. В. Пуссена, Э. Конзе, японцев Нандзё, Д. Такакусу, Д. Судзуки, Х. Накамура и др. С 20-х гг. 20 в. ведущая роль в исследовании И. ф. переходит к инд. ученым, выдвинувшим из своей среды таких крупных исследователей, как С. Н. Дасгупта, С. Радхакришнан, М. Хирьяна, С. Ч. Чаттерджи, Д. М. Датта, Дж. Сипха, П. Т. Раджу, К. Ч. С. Мурти, Г. Н. Джха, Т. М. П. Махадеван, Т. Р. Мурти, Д. Р. Шастри, Б. Упадхьяя и др.

Более чем за полтора века бурж. ученые добились немалых успехов в разработке истории И. ф., в выяв-

лении, публикации и переводе ее источников, установлении хронологич. рамок ее развития, определении взаимоотношения между ее различными школами и т. п. Однако, исходя из идеалистич. мировоззрения, бурж. ученые оказались не в состоянии понять действит. характер развития И. ф. Как правило, в их исследованиях из истории И. ф. исключаются обществ.-политич. и социологич. мысль и игнорируется ее социально-экономич. обусловленность. В качестве побудит. причин развития филос. мысли Индии выдвигаются обычно географич. условия страны. Отрицание определяющего влияния социально-экономич. базиса на характер И. ф. приводит большинство бурж. ученых, в конечном счете, к тому, что они изображают И. ф. как самодетерминированный в своем существовании феномен, содержание к-рого они надеются понять преим. из текстологич. или лингвистич. анализа источников. В результате И. ф. объявляется продуктом т. н. «восточного», или «азнатского», духа, а ее определяющей чертой провозглашается религ.-идеалистич. и мистич. устремленность к спиритуальным проблемам «потустороннего бытия», *квештизм*, пассивно-созерцат. отношение к практич. запросам жизни. Как следствие этого считается, что, в отличие от зап. философии, И. ф. избегает обращения к данным естеств. наук и проявляет полное равнодушие к науч. методам исследования объективной реальности.

С этим пониманием связан осн. порок бурж. ученых в изображении И. ф.: отрицание ими борьбы материализма и идеализма как стержневой линии в истории И. ф. Как правило, И. ф. описывается в виде совокупности отд. школ, систем и учений, хотя и стоявших на различных позициях, но взаимно дополнявших друг друга «в постижении духовной реальности бытия»; вершиной этого постижения чаще всего признается объективный идеализм *веданты*. Материализм же в И. ф. бурж. ученые либо вовсе отрицают, либо сводят только к одной школе *чарвака* (локаята) и всячески стремятся принизить, исказить и извратить его. Все эти обстоятельства и обусловили то, что бурж. ученые, даже по признанию нек-рых из их представителей, не смогли воссоздать науч. истории И. ф.

В последнее время все больший авторитет начинает приобретать разработка истории И. ф. с марксистских позиций. Несмотря на то, что марксисты делают в этой области только первые шаги, они создали уже ряд серьезных трудов, среди к-рых особо выделяются работы В. Рубена (ГДР) и индийских ученых Ш. А. Данге, Д. П. Чаттопадхьяя, И. Баларамамурти, К. Дамодарана, Б. Сена, Д. Д. Косамби, Р. Сашкритьяяны и др. В СССР над изучением истории И. ф. и религии работают Б. Л. Смирнов, Г. Ф. Ильин, А. М. Пятигорский, Н. П. Анисеев и др.

Периодизация индийской философии. Для истории древней и средневековой И. ф. характерна хронологическая неопределенность, иногда называемая «хронологич. хаосом», отсутствие точной датировки большинства филос. источников древней и ср.-век. Индии. Это дает основание разным исследователям нередко располагать один и тот же памятник в диапазоне целого тысячелетия. Поэтому в индологии господствует обычно о более или менее общепринятой их последовательности, а не об их абс. датировке. Отсюда периодизация филос. мысли древней и ср.-век. Индии носит в значит. степени условный характер.

В истории И. ф. можно выделить 3 гл. периода, каждый из к-рых подразделяется на ряд этапов. Древнеиндийская философия (примерно с 3—2-го тысячелетия до н. э. по 3—4 вв. н. э.). Она, в свою очередь, делится на: 1) ведич. период

(примерно до 6—5 вв. до н. э.), 2) послеведич. период (примерно до 3—2 вв. до н. э.), 3) период филос. сутр (до 3—4 вв. н. э.). Средневековая философия (3—4 вв.—конец 18 в.), к-рая делится на 2 этапа: 1) философия раннего средневековья (до 10—11 вв.) и 2) философия позднего средневековья. Современная философия, к-рую разделяют на: 1) новую философию (до 1917) и 2) новейшую, или собственно современную, философию (с 1917 по наши дни). Это деление соответствует осн. этапам соц.-экономич. истории Индии, выделяемым в марксистской историч. лит-ре.

Древнеиндийская философия. В социально-экономич. отношении Древняя Индия характеризуется разложением первобытнообщинного строя и возникновением в его недрах классового общества, принявшего специфическую для Индии форму разделения на касты (варны) брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Классовые образования на территории Индии, характеризовавшиеся наличием в них гос. собственности на землю, базировались преим. на эксплуатации труда рабов, входивших в варну шудр; однако в силу целого ряда причин рабский труд в Древней Индии не получил такого распространения, к-рое он имел в рабовладельч. гос-вах бассейна Средиземного м. В экономике Древней Индии большую роль играли деревенские общины и эксплуатация труда свободных общинников (крестьян и ремесленников, входивших в касту вайшьев, и частично в касту шудр). В духовной жизни страны это обстоятельство определило сравнительно больший, чем в антич. мире, удельный вес религии, служившей важным идеол. средством для эксплуатации вайшьев и шудр. Поэтому в Древней Индии религия глубоко проникла во все сферы обществ. сознания, в т. ч. и в философию, и в большей или меньшей мере придала им свою окраску.

Большое влияние на идеологию Древней Индии оказала и та особенность ее социального строя, что здесь, наряду с более развитыми формами классового общества, в его недрах продолжали существовать первобытнообщинные отношения; их носителями были не только деревенские общины, но также и многочисл. родоплеменные образования и союзы. Благодаря этому процессу т. н. неполной деплементализации в духовной жизни Индии существовали верования, обряды, религ. и мифол. представления доклассового общества, что и обусловило в определ. степени *политеизм* инд. религий и длит. отсутствие единой господств. религии на территории Индии. Во многом влияние этих доклассовых форм сознания духовная жизнь Индии обязана возникновением таких специфич. явлений, как различного рода учения тантризма, практика йогизма, вера в переселение душ и воздаяние за прошлые дела (сансара и карма), к-рые являются пережитком и модификацией первобытно-анимистич. представлений о всеобщей одушевленности.

Эта специфика социальной, этнографич. и культурной жизни Древней Индии сохранялась в значит. степени и в период средневековья; она оказала существ. влияние на форму и содержание филос. мысли, определив во многом ее приверженность традициям и большую роль в ней религ. идеологии. Однако, несмотря на это своеобразие, на всех этапах развития И. ф. прослеживается осн. закономерность общепилос. развития: борьба материалистич. направления, тесно связанного с достижениями науч. знаний и отражающего, как правило, интересы прогрессивных слоев общества, с идеалистич., мистич. направлением, смыкавшимся с религией.

Ведический период. Самые ранние свидетельства филос. мысли Индии встречаются уже в ведич. гимнах, особенно в Ригведе. *Веды* отражают различные стадии мировоззрения первобытного об-

щества Индии, называемого ведизм, или *ведическая религия*. Это мировоззрение характеризуется наивным реализмом, т. к. оно тесно связано с элементарными повседневными запросами практич. жизни первобытного человека. Однако в поздних слоях Вед сквозит уже неудовлетворенность примитивно-мифол. объяснением действительности, их плюрализмом и политеизмом и намечается тенденция к мистич. объяснению мира, к выведению всего его многообразия и различия из единого источника.

Более высокую ступень филос. мысли представляют *Упанишады*, в к-рых филос. проблематика занимает большее место, чем в гимнах, — философия уже вычлняется из религии и мифологии и вступает в открытую оппозицию к ведич. ритуализму. Гл. внимание в филос. идеях Упанишад уделяется вопросу о субстанции бытия, в решении к-рого сразу же намечаются две тенденции — идеалистическая и материалистическая. Господств. место в Упанишадах занимает изложение идеалистич. взглядов о *брахмане* как абсолютной и единственно истинной духовной первооснове всего существующего, творящего объективный мир произвольно из самого себя и тождественного с душой человека (*атман*). Высший смысл мудрой жизни, согласно Упанишад, заключается в том, чтобы осознать, постичь брахмана как пребывающую во всем сущность, видеть неистинность, преходящий характер эмпирич. бытия, отрешиться от привязанности к нему и обрести вечное блаженство и подлинное бессмертие в познании своего тождества с брахманом, в слиянии с ним (*мокша*); в противном случае человек обречен на вечное пребывание в круговороте эмпирич. существования и постоянное возрождение в нем в соответствии с характером деяний в предыдущих рождениях.

Материалистич. взгляды отражены в Упанишадах гораздо слабее, хотя ожесточенные нападки на них сторонников идеализма свидетельствуют о том, что уже в тот период они получили широкое распространение. Так, в разных местах Упанишад упоминаются учения, к-рые первоосновой бытия полагают материальные элементы (огонь, вода, воздух, земля, пространство, время). Иногда эти субстанции отождествляются с брахманом, что создавало своеобразную концепцию *пантеизма* с гилозоистич. оттенком. Филос. идеи Упанишад завершают ранний период др.-инд. философии.

Послеведический период. Гораздо разнообразнее по тематике и глубже по содержанию филос. мысль Древней Индии представлена на следующем, послеведич. этапе ее развития, к-рый иногда наз. эпическим, т. к. большинство сведений о нем известно из др.-инд. эпич. произведений *Махабхараты* и *Рамаины*. Этот период характеризуется господством *брахманизма*, к-рый ассимилировал многие племенные верования и обычаи и сохранил значит. часть ведич. ритуализма. Большое влияние в этот период приобретают буддизм и *джайнизм*, к-рые, возникнув в виде протеста против кастового гнета, запутанности и громоздкой обрядности брахманизма, представляли собой на первых порах более понятное и приемлемое для простого народа мировоззрение по преимуществу нравств.-этич. порядка. Но будучи в значит. степени идеол. реакцией на засилье и паразитизм жречества, эти учения не выступили с отрицанием существующего строя и обществ. несправедливости, а ограничились проповедью ухода от жгучих проблем социальной действительности во внутр. мир человека, что сближало их с брахманизмом и обусловило в скором времени их превращение в самостоятел. религ. идеологии.

В И. ф. эпич. периода отсутствуют самостоятел. источники, в к-рых систематизировались бы филос. уче-

ния. Осн. сведения о философии этого периода содержатся в эпосе Рамаяна и Махабхарата, особенно в таких ее частях, как *Бхагавадгита* (VI книга), Мокшадхарма (XII книга), Санатсуджати (V книга), Аругита (XIV книга) и др., в памятниках раннего буддизма Дигханикая, *Дхаммапада* и др., а также в религ.-правовых и обществ.-политич. кодексах, наиболее значительными из к-рых являются *Законы Ману*, *Артхашастра*. По-видимому, в конце этого периода происходит возникновение гл. филос. систем Индии и составление их сутр.

В этих источниках называются различные филос. школы. Так, Артхашастра упоминает санхью, йогу и локайту; Махабхарата (XII, 349. 64) говорит о пяти филос. теориях: Веды, пашупата, панчаратра, йога, санхья. Главные из них — санхья и йога сохраняют религ.-идеалистич. трактовку мира, к-рая исходным принципом и первопричиной бытия провозглашает дух — брахмана, атмана, пурушу. Однако в нек-рых вариантах эпич. санхьи уже намечается учение о независимой от духа материи (праkritи), о пяти вестев. элементах, о психич. и познават. способностях человека. Йога, разделяющая теоретич. установки санхьи, преимуществ. внимание уделяет практич., психологич. стороне их общего учения, разрабатывая приемы и средства для «обуздания» мыслей и желаний, отвлечения их от эмпирич. бытия и сосредоточения на бож. Практика и техника йогизма берет свое начало в первобытной магии и эзотеризме с их верой в таинств. жизненную энергию (кундалини), к-рая будто бы, подобно свернутой змеи, дремлет в человеке в одном из нервных центров нижней части спинного хребта, но к-рая в выполнении опред. упражнений (асан) может быть разбужена; затем она поднимается по жизненным, дыхательным каналам (пранам) в верхние части тела и покидает его, вследствие чего человек приобретает сверхъестеств. оккультные силы. По ряду ее всей этой мистикой и шаманством йога, несомненно, вобрала в себя и известное количество рациональных нар. наблюдений в области медицины и психологии, напр. о роли самовнушения, о воздействии телесных и физиологич. факторов на духовные состояния.

Материалистич. мысль в источниках этого периода представлена гораздо богаче, чем в Упанишадах, хотя и не с такой полнотой, как идеалистическая. О многообразии материалистич. учений можно судить по одной из поздних, т. н. эпич. Упанишад, в к-рой упоминается более полдюжины учений, считающих первоосновой бытия то или иное объективное начало: время (кала), внутр. сущность предмета (свабхава), необходимость (нияти), случайность (ядричча), вестев. элементы (бхута) и др. (см. Шветашватара Упанишад, 1, 2). В Дигханикая (Саманпхала-сутта) говорится о целой группе материалистов — идейных противников Будды, учение к-рых отождествляется со школой *адживика*. В Махабхарате и Артхашастре называется также материалистич. школа чарвака, или локаята, содержание к-рой однако почти совсем не раскрывается.

Большое значение в этих школах получили проблемы логики и теории познания. Так, в Рамаяне (II. 108. 3—17) материалист Джабали опровергает бессмертие души, действительность жертвоприношений, религ. ритуалов и т. п. на том основании, что все это не находит подтверждения в наших восприятиях, а истинно только то, что основано на их показаниях. В Дигханикая приводятся взгляды Санджая Белатхишутта, к-рый разработал своеобразную логику скептицизма: о любом явлении можно высказать утвердит. суждения с таким же правом, как отрицательные и проблематические. Что касается идеалистич. учений, то они, считая истинной реальностью бога, дух, осн.

средством его познания и постижения провозглашали созерцание, религ. интуицию и мистич. экстаз.

Наиболее отчетливо влияние религ. идеологии обнаруживается в этич. воззрениях, большая часть к-рых смыкается с религиями брахманизма, буддизма и джайнизма. Они трактуют земную жизнь как сплошное море страданий, в к-рые человек вовлечен через непрерывный поток перевоплощений и избавиться от к-рых он может путем подавления в себе всех мирских желаний и страстей, в результате чего он якобы сливается с богом (в брахманизме), либо же достигает состояния *нирваны* (в буддизме и джайнизме). Причем освобождение от треволений эмпирич. бытия объявлялось высшей целью жизни. Напротив, материалистич. этика признавала земную, мирскую жизнь со всеми ее радостями и страданиями.

К этому же периоду относится зарождение осн. общественно-политич. и социологич. воззрений не только древней, но и ср.-век. Индии. В различных источниках (напр., Махабхарата XII. 58. 6—10; Дигханикая III. 84—96; Законы Ману; Артхашастра) излагается учение о гос.-ве, о возникновении обществ. неравенства, о наказаниях, обязанностях и т. д.

Период философских сутр. Первыми свидетельствами самостоятельного систематич. изложения И. ф. являются сутры (изречения, афоризмы) филос. школ. Нек-рые исследователи относят их зарождение к 7—6 вв. до н. э., большинство — к 3—2 вв. до н. э., а часть — даже к первым векам н. э. По самим сутрам, составленным в виде кратких изречений, предназначенных для заучивания наизусть с последующим их разъяснением в устных беседах, трудно понять их содержание, ибо оно допускает самое противоречивое толкование. Разъясняющие же сутры комментарии (бхашья, вартика, вякхья и т. п.) относятся, как правило, к периоду раннего средневековья, а многие из них составлялись вплоть до 18 в. Т. о., хотя значит. часть И. ф. формировалась в древности, однако она рассматривается обычно в раннем средневековье, к к-рому относятся почти все сведения о ней.

Средневековая индийская философия. Этот период отличается подъемом во всех сферах обществ. жизни Индии, наибольший расцвет к-рой приходится на раннее средневековье. Социально-экономич. строй раннего средневековья характеризуется развитием феод. отношений; однако это развитие ввиду устойчивости деревенских общин, гос. собственности на землю, наличия родоплеменных отношений и т. п. не сопровождалось коренной ломкой прежнего обществ. строя, что и определило преемственность в развитии как содержания, так и формы различных видов обществ. сознания, в т. ч. и философии. Как и в ср.-век. Европе, развитие И. ф. совершается в условиях господства религ. идеологии, доминирующую роль в к-рой начинает играть *индуизм*, трансформировавшийся из брахманизма и постепенно вытеснивший и ассимилировавший религию буддизма.

И. ф. раннего средневековья. Осн. содержание ср.-век. философии Индии развивается в рамках опред. числа школ и систем, каждая из к-рых на протяжении многовекового существования сохраняла без изменений специфическую только для нее логич. структуру категорий и понятий. Вследствие этого на первый план выступают сами филос. системы, а не их представители, поэтому до нас дошли крайне скудные сведения о большинстве крупнейших мыслителей Индии этого периода.

Относительно количества и состава филос. школ в ту эпоху не было единого мнения. В совр. лит-ре принята классификация филос. школ средневековья на шесть ортодоксальных брахманских систем

астика-ньяя, вайшешика, санкхья, йога, миманса, веданта), признающих авторитет священного писания (Вед и Упанишад), и три неортодоксальных (настика-чарвака или локаята, джайнизм и буддизм, состоящий из четырех школ — вайбхашика, саурантика, мадхьямика и школы йогачаров).

Каждая филос. школа в Индии характеризуется специфической проблематикой. Однако в решении коренных вопросов философии, и прежде всего осн. вопроса философии, все эти школы разделяются на два гл. лагера — идеалистический и материалистический. Первый представлен буддийскими школами мадхьямика и йогачара, йогой и ведантой; второй — школами чарвака-локаята, ньяя, вайшешика, миманса, буддийскими школами вайбхашика и саурантика; сильную материалистич. струю имеет также философия джайнизма. Правда, в трактовке ряда проблем этики и гносеологии материалистич. школы этого времени, за исключением чарваков, оказываются во многом непоследовательными и делают ряд уступок идеализму и религии.

Онтологич. Господств. положение в философии этого периода занимает идеалистич. направление, представленное буддийскими школами мадхьямика и йогачара, йогой и ведантой. Все эти школы сходятся на том, что единственно истинной реальностью они считают то или иное нематериальное начало — бога, дух (Ишвара, брахман), пустоту, ничто (шунья), сознание (виджняна). Материальный же мир в идеалистич. школах не только зависит от этого духовного начала, но вообще не обладает реальным существованием, являясь всего лишь видимостью, иллюзией (*майя*), игрой духа (в веданте) либо же потоками идей сознания (в буддизме). К 9 в. идеалистич. учения буддийских школ сливаются с идеализмом веданты, в основе к-рого лежит объективно-идеалистич. концепция Упанишад о тождестве брахмана и атмана. Идеалистич. школы теснее всего связаны с религией, и целью их учения является обоснование религ. доктрин о брэнности земного существования и избавления человека от привязанности к мирским благам. Позитивная разработка филос. и естеств.-науч. проблематики в этих школах не получила самостоят. развития, хотя мн. моменты их учения, напр. о текучем, изменчивом характере материального мира, о соотношении единичных явлений с их субстанциональной основой, о структуре процесса познания и указание на его противоречивый характер и т. д., представляют несомненный интерес и являются известным вкладом в развитие И. ф.

Позитивное развитие филос. проблематики произошло гл. обр. в русле материалистич. школ. Общим для всех них является признание объективности мира и отрицание его сотворения каким-либо духовным началом. Все наблюдаемое в мире многообразие они сводили к лежащим в его основе материальным первоначалам бытия: вещественным элементам (чарвака), атомам (ньяя, вайшешика, миманса, джайнизм), материи (санкхья), *дхармам* (вайбхашика и саурантика). Гл. внимание в онтологич. учениях этих школ уделяется классификации и описанию первооснов бытия, тогда как вопрос о характере их взаимодействия и образования из них конкретной действительности освещался довольно смутно. В понимании сознания эти школы существенно расходились между собой. Чарваки — локаятики выводили сознание непосредственно из комбинации вещественных элементов. Др. школы, пытаясь как-то преодолеть эту ограниченность чарваков, провозглашали сознание функцией особой духовной субстанции, либо существующей в ряду др. субстанций бытия, вроде пространства, времени, материи, атомов и т. д. (джайнизм, ньяя, вайшешика, миманса), либо же являющейся одним из этапов развития материи (санкхья). Только эти реально

существующие формы бытия являются носителями познават. деятельности человека, содержание к-рой составляет объективная действительность, воспринимаемая и отражаемая органами чувств.

Теория познания. Метафизический в своей основе характер материализма ср.-век. школ определил их неспособность дать последовательно-материалистич. решение осн. вопроса философии. Провозглашая сознание свойством особого рода субстанции, эти школы пытались объяснить качеств. специфику сознания за счет соотнесения ума, мыслит. способностей человека с имматериальной душой (атман, пуруша), к-рая сама сознанием не обладает, но как бы освещает и озаряет ум и делает тем самым возможным его функционирование в качестве органа мышления. Все материалистич. школы исходным пунктом познания признают восприятие; причем чарваки, подчеркивая решающую роль восприятия, признают его единств. источником познания. Остальные школы этого направления наряду с восприятием в качестве самостоят. источника познания выделяют рацион. ступень (логич. вывод), состав и структура к-рой в разных школах понимается по-разному. Нек-рые школы (ньяя, санкхья, миманса) к восприятию и логич. выводу в качестве особого источника познания действительности добавляют еще надежное свидетельство (шабда, аптавачанам), к-рое в лит-ре трактуется обычно как свидетельство священного писания (Вед и Упанишад), но к-рое, однако, играет крайне незначит. роль в гносеологии этих школ. Идеалистич. школы высшим и единственно достоверным средством познания духовной первопричины бытия считают мистич. интуицию и священное писание (веданта и йога), тогда как восприятие и деятельность разума признаются ими низшей ступенью постижения истины.

Этические учения. В противоположность богатству и разнообразию проблем онтологии и гносеологии, этич. взгляды ср.-век. школ И. ф. обнаруживают удивительное однообразие. Господств. мотив их этики сводится к тому, что бытие человека обременено страданиями, в нем не может быть утешения и успокоения, к-рые присущи только чистому, в самом себе пребывающему и для самого себя существующему духу (атман, пуруша) или же обретаются в нирване. Эти системы в той или иной степени признают практику йогизма в качестве средства для «обуздания» и подавления страстей. Единств. школой, к-рая избегала нивелирующего влияния религ. морали, была школа чарвака-локаята, придерживавшаяся жизнеутверждающей, гедонистич. этики.

Н. Анцикев. Москва.

Эстетические учения. Эстетич. проблемы разрабатывались гл. обр. не в чисто филос. трактатах, но авторами поэтик, к-рые при этом опирались на осн. идеи и учения И. ф. (в частности, Упанишад и веданты). Первым дошедшим до нас эстетич. трактатом является трактат о драматич. иск-ве «Натья-шаstra» (начало н. э.); ранняя школа инд. поэтики (7—9 вв.), представленная сочинениями «Кавьяланкара» Бхасмахи, «Кавьядорша» Дандина, «Кавьяланкара» Вяманы, «Кавьяланкарасанграхта» Удбхаты, «Кавьяланкара» Рудраты, была в основном нормативной и эстетич. вопросам уделяла мало внимания. Свою задачу она видела в классификации и анализе риторич. фигур, достоинств, недостатков и стилей поэзии — ритми. Однако уже начиная с 9 в. авторы поэт. Анандавардхана в «Дхваньялоке», Абхинавагупта в «Абхинавабхрате», Кунтана в «Вакроктидживите», Маммата в «Кавьяпракаше», Вишвенатха в «Сахитьядариане», Джаганнатха в «Расагандхаре» стали рассматривать вопрос внутр. содержания поэзии и сущности художеств. восприятия. Согласно этим авторам, художеств. восприятие свободно от пространственно-временных связей, гл. цель иск-ва — в возбуждении

эстетич. наслаждения — *расы*. Раса понималась как сознание и восприятие, слившиеся воедино. Необходимым условием возникновения эстетич. наслаждения является полное очищение субъекта от утилитарно-практич. желаний. Процессу восприятия соответствует процесс создания художеств. произведения, к-рый рассматривался как способность очистить объект изображения от преходящего и личного начала, как способность преобразовать индивидуальную страсть в расу. Эстетич. восприятие, согласно инд. поэтикам, зависит не от прямого значения слов или произведения иск-ва в целом, но от вложенного в них скрытого смысла — *дхвани*. Дхвани может быть связано с фактом, образом и чувством; при этом большинство инд. поэтик признают последний род дхвани основным в эстетич. восприятии. Авторы инд. поэтик считали, что осн. чувства, изображенные в художеств. произведении, соответствуют инстинктам и эмоциям, заложенным в человец. душе. Практич. ценность иск-ва они видели в том, что оно очищает и усовершенствует эти природные инстинкты и тем самым воздействует на эмоциональную культуру человека.

П. Гринцер. Москва.

И. ф. позднего средневековья. Этот период И. ф. характеризуется упадком филос. мысли и усилением религиозного мировоззрения в форме ортодоксального индуизма. Вместе с появившимся примерно с 13—14 вв. *исламом*, ставшим самой распространенной после индуизма религией Индии, обе эти религии окончательно вытесняют буддизм, что приводит также к исчезновению примыкающих к нему филос. школ. Мн. последователи некогда здорового этич. учения чарваков превращаются в замкнутую секту, проповедующую культ безудержных чувств. наслаждений. Остальные филос. школы продолжают существовать, и в их рамках создается обширная лит-ра. Однако подчинение этих школ религии привело к тому, что имевшиеся в них и раньше религ. моменты выдвигаются на первый план. Дж. Неру пишет, что в позднее средневековье «пылкость и дух дерзания уступают место формальной логике и бесцелостной диалектике. И брахманизм, и буддизм приходят в упадок, и возникают деградированные формы культа, особенно некоторые разновидности тантрического культа и извращения системы йоги» («Открытие Индии», М., 1955, с. 233). Господств. положение в философии приобретает веданта, к-рая, однако, отказывается от сложных спекулятивных построений Шанкары, особенно от его теории об иллюзорности бытия, и утверждает реальность созданного богом мира; гл. средством постижения бога провозглашается любовь и преданность (*бхакти*) к нему, к-рые доступны всем людям. Эта новая, более простая и понятная широким массам форма веданты содействовала ее превращению в одну из гл. теоретич. основ развернувшегося в тот период антифеод. еретич. движения бхакти, крупнейшим идеологом к-рого был поэт и мыслитель *Кабир*. Аналогичные во многом антифеод. движения, выступавшие под флагом религ. реформаторства и принимавшие форму религ. сектантства (махдисты, роушаниты, чиштите, накшбендие и др.), развивались и в исламе; как правило, их теоретич. обоснованием становились различные учения суфийского толка, смыкавшиеся зачастую с идеологией бхакти.

Кризис феод. отношений в Индии, к-рый привел к гибели гос-ва Великих Моголов, распавшегося под ударами крест. восстаний, нац. движений и агрессии европ. колонизаторов, ознаменовался в области обществ.-политич. и филос. мысли появлением рационалистич. учений, содержащих элементы просветит. идеологии. Крупным представителем этого течения был поэт Вемана; наиболее яркое воплощение

эта идеология нашла в мировоззрении *Валли Уллаха* Делийского. Однако к концу 18 в. эти рационалистич. прогрессивные учения не стали ведущими в духовной жизни страны, в к-рой безраздельно господствовало ортодоксальное мировоззрение индуизма и ислама.

Современная индийская философия. Начало этого периода (с конца 18 — нач. 19 вв.) характеризуется господством англ. колониализма. Но установление колониального господства не только не привело к ликвидации феод. отношений, а, наоборот, еще более усугубило их. Инд. народ не примирялся с колониальным гнетом. На протяжении почти двух веков он вел с ним борьбу за нац. независимость, к-рую со 2-й пол. 19 в. возглавляет молодая инд. буржуазия.

Новая индийская философия. Ведущим направлением в духовной жизни Индии становится идеология бурж. просветительства, зародившаяся в Индии в нач. 19 в. Осн. очагами этой идеологии были Бенгалия и Махараштра, ее крупнейшими представителями — *Раммохан Рай*, *Г. Дерозин*, *Д. Сарасвати*, *Рамакришна*, *Вивекананда* и др., а среди мусульман — Саид Ахмад-хан; ее наиболее влият. орг-циями являлись религ. реформаторские об-ва *Брахмо самадже*, «Молодая Бенгалия» во главе с Г. Дерозин, «Партхана Самадже», *Арья самадже*, «Миссия Рамакришны» (осн. Вивекананда в 1897), «Алигархское общество», созданное С. А. Ханом в 1886, и др.

Однако в отличие от западного, инд. просветительство выступает в религ. форме. Этот религ. характер светского по своему существу мировоззрения определялся во многом влиянием духовных традиций, носивших по преимуществу религ. окраску. В условиях колониального гнета духовное наследие прошлых веков провозглашается символом нац. достоинства и источником патриотизма. Однако подлинным содержанием идеологии бурж. просветительства были вопросы о путях дальнейшего развития Индии, о роли в нем духовного наследия страны, о его отношении к зап. культуре и т. д., решение к-рых приводило бурж. просветителей к столкновению с ортодоксальной религией. Теоретич. основой идеологии бурж. просветительства признается монистич. идеализм веданты, сливающийся с практикой йогизма, — в индуизме, суфийские учения — в исламе. Остальные школы И. ф. практически прекращают свое существование. Но в общем филос. мысль Индии 19 в. — первых полутора десятилетий 20 в., несмотря на ее довольно широкий диапазон, была замкнута в пределах религ. проблематики и ей подчинена. Несколько иной характер носит совр. И. ф.

Новейшая индийская философия. В этот период, начинающийся с 1917, Индия вступает в решающую стадию своей борьбы с англ. колониализмом, завершившуюся в 1947 получением политич. независимости и приходом к власти инд. нац. буржуазии. С достижением независимости на первый план обществ. жизни Индии выступили ее внутр. классовые противоречия, к-рые никак не могут быть сглажены общенац. задачами экономич. прогресса.

В совр. И. ф. четко намечаются три осн. течения: философия феод.-помещичьей реакции, бурж. философия и марксистская философия. Феод. философия отличается безоговорочным отрицанием всех форм материалистич. мировоззрения и прежде всего марксизма. Она открыто смыкается с религ. идеологией в ее ортодоксально-традиц. форме и стремится найти теоретич. обоснование для ее возрождения в качестве господств. мировоззрения страны. Большое значение представители этого течения придают пропаганде и широкому распространению йогизма и мистицизма. Теоретич. этой философии концентрируются, как правило,

вокруг общинных партий «Джан Санг», «Хинду Махасабха» и др., а в последнее время вокруг проимпериалистич. партий «Сватантра», а также в многочисл. монастырях и обителях (ашрамы, матхи). Теоретич. «изыскания» представителей феод. философии сводятся к попыткам «обоснования» самого махрового религ. шовинизма индуистского и, в меньшей степени, исламского толка.

Господствующее положение в совр. И. ф. занимает бурж. философия, в центре внимания к-рой находятся проблемы социально-этич. плана. Ее виднейшие представители — М. К. Ганди, Ауробиндо Гхош, Р. Тагор, М. Икбал, С. Н. Дасгупта, Б. Дас, С. Радхакришнан, К. Ч. Бхаттачарья, П. Т. Раджу, А. Р. Вадиа, Дж. Неру и др. Одним из гл. центров филос. деятельности Индии является «Индийский философский конгресс», созданный в 1925, а также Философский ин-т в г. Амалпуре и издаваемый им журнал «Philosophical Quarterly». Двойственная роль национальной буржуазии в социальном развитии страны обусловила крайне противоречивый и внутренне непоследовательный характер философии этого класса. С одной стороны, бурж. философия имеет религ.-идеалистич. в своей основе устремленность и смыкается по мн. вопросам с феод. философией, образуя вместе с ней идеалистич. направление в И. ф. С др. стороны, она существенно отличается от феод. философии своим более трезвым подходом к коренным социальным проблемам современности и их более реалистич. пониманием. Мн. бурж. философы Индии критикуют феод. идеологию за ее реакц. призывы к возрождению прошлого. Философия для них призвана воспитывать в человеке активное, творческое отношение к земной жизни и материальному миру, учить его идеалам гуманизма и дружбы между всеми людьми на земле. Большинство философов Индии осуждает, хотя и с позиций абстрактного гуманизма, капиталистич. цивилизацию Запада, критикует ее политику колониального грабежа, расовой и нац. розни. Перед лицом кризиса капиталистич. строя и всемирно-историч. успехов социализма мн. бурж. философы Индии с сочувствием обращают свои взоры к марксистской идеологии. Однако большинство бурж. мыслителей Индии в силу своей классовой ограниченности разделяет хотя бы в бурж. мире предрассудки относительно социализма, отрицает принципиальную противоположность между капитализмом и социализмом, приписывает марксизму «утилитаризм и прагматизм». Они пытаются доказать неприемлемость для Индии марксистского мировоззрения именно из-за его материалистич. основ, к-рые якобы противостоят многовековым духовным традициям страны. Стремлению обосновать это положение бурж. философы подчиняют и свои исследования истории И. ф., к-рые занимают, по крайней мере в количеств. отношении, ведущее место в филос. лит-ре страны; виднейшие историки И. ф. являются в то же время и ее крупнейшими философами-теоретиками (Ауробиндо Гхош, С. Радхакришнан, Б. Дас, Дасгупта и др.).

Высшим достижением в развитии духовной культуры страны, ее необходимым результатом и единственно законной преемницей бурж. философы провозглашают обычно идеологию гандизма, к-рая оказала огромное влияние на всю бурж. философию Индии. Хотя подавляющее большинство бурж. философов совр. Индии являются продолжателями монистич. идеализма веданты, однако они пытаются подкрепить его модными теориями совр. бурж. философии Запада, чаще всего неокантианством, неогегельянством, феноменологием Гуссерля, интуитивизмом Бергсона и т. п. Но в своем чистом виде филос. учения Запада, особенно различные течения неопозитивизма, не получили сколько-нибудь заметного распространения в

Индии. Наиболее существ. чертой совр. бурж. философии Индии является ее попытка совместить ряд прогрессивных моментов (демократизм, гуманизм, критику капиталистич. цивилизации Запада) с религ.-идеалистич. направленностью философии, с отрицанием материалистич. мировоззрения, в т. ч. и диалектич. материализма. Религ. идеалистич. устремленность бурж. И. ф. в значит. степени нейтрализует ее прогрессивные моменты и заводит ее в безвыходный тупик.

После победы социалистич. революции в России все более пристальное внимание инд. общественности привлекает марксистское мировоззрение. Гл. роль в распространении марксистского мировоззрения в Индии играет Коммунистическая партия Индии, возникшая в конце 20-х — нач. 30-х гг. и выдвинувшая из своей среды таких видных теоретиков и идеологов, как Аджой Кумар Гхош, Музаффар Ахмад, Намбудирипад, Ш. А. Данге, П. Ч. Джоши, Б. Т. Ранадив, А. К. Гопалян, Х. Мукерджи и др. В центре марксистской лит-ры находится анализ социально-экономич. положения совр. Индии, определение характера ее обществ. развития, обоснование руководящей роли рабочего класса в борьбе за подлинно демократич. преобразования в стране, за создание гос-ва нац. демократии, за построение социализма в Индии и сохранение мира во всем мире. Позитивная разработка теоретич. проблем обществ. развития Индии инд. марксистами непосредственно связана с их борьбой против религиозно-шовинистич. идеологии феодальной и проимпериалистич. реакции, а также против буржуазных и правосоциалистич. учений, в т. ч. против гандизма и его новейших модификаций. Анализ гандизма и его классовой сущности посвящен ряд серьезных работ инд. марксистов: «Ганди и гандизм» Намбудирипада (рус. пер. 1960), «Ганди» Х. Мукерджи (Н. Mukerjee, Gandhiji, 1958), работа Б. Т. Ранадива о движении Винобы Бхаве как совр. разновидности гандизма (В. Т. Ranadive, Sarvodaya and Communism, 1958) и др. В своих трудах инд. марксисты вскрывают несостоятельность религ.-идеалистич. основ бурж. и феод. идеологии, в т. ч. философии, показывают их классовую направленность.

В последнее время инд. марксисты начинают уделять все большее внимание освещению с марксистских позиций историч. прошлого Индии и ее духовного наследия. Значит. вкладом в разработку этих вопросов являются труды Ш. А. Данге, Б. Гупта, Б. Сена, К. Дамодарана, И. Баламамурти, Р. В. Шармы, Р. Санкритьяны, Д. Д. Косамби и др.; важным событием в марксистском исследовании др.-инд. философии явилась фундаментальная работа Д. П. Чаттопадхья «Локаята даршана» (1956, рус. пер. 1961), посвященная истории материалистич. учений в Индии. Осн. направленность марксистских исследований состоит в показе того, что социальное и духовное развитие Индии, несмотря на ряд его специфич. особенностей, подчиняется общим закономерностям историч. развития человечества, открытым классиками марксизма-ленинизма. Творчески применяя методологию диалектич. материализма, инд. марксисты убедительно доказывают, что И. ф. не является неким спонтанным плодом азиатского духа, а целиком и полностью обусловлена, в конечном счете, материальными условиями жизни инд. общества; что вся ее многовековая история ни в коей мере не сводится к религ.-идеалистич. и мистич. традиции — ей всегда противостояла богатая традиция материализма, рационализма и атеизма, в русле к-рой и совершалось развитие подлинно позитивного содержания И. ф., и что, наконец, материалистич. традиции в И. ф. далеко не ограничиваются одной школой чарвака — она находила свое проявление в той или иной степени в школах санкхья, ньяя, вайшешика, вайбхашика, саутрантика. Объективный анализ

духовного наследия Индии позволяет инд. марксистам сделать неопровержимый вывод о том, что совр. научно-материалистич. мировоззрение не только не противоречит духовным традициям Индии, как это утверждают реакц. философы, но, наоборот, находит в них солидное подтверждение.

Источники. Значит. часть источников И. ф. и их переводов издана и подается в ряде серий, наиболее важными из которых являются: «Bibliotheca buddhica», «Bibliotheca Indica», «The sacred books of the East», «Harvard oriental series», «Anandāśram sanskrit series», «Bombay sanskrit series», «Bhandarkar oriental series», «Calcutta oriental series», «Calcutta sanskrit series», «Chowkhamba sanskrit series», «Gaekwad's oriental series», «Government oriental series», «Kashmir series of texts and studies», «Issues of the Pali text society», «Journal of the Pali text society», «Report of the Pali text society», «Pali text society translation series», «Jain literature society series».

Антологии переводов источников индийской философии: Radhakrishnan S. and Moore C. S. [ed.], A source book in Indian philosophy, Princeton (N. Y.), 1957; Varu W. T. de [a. o.], Sources of Indian tradition, N. Y., 1958.

Источники на рус. яз.: Тулеи Дас, Рамаяна, или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы, пер. с [хинди], комм. и вступ. статьи А. П. Баранинова, М.—Л., 1948; Махабхарата, кн. 1, пер. с санскр. и комментарии В. И. Калянова, М.—Л., 1950; Махабхарата, т. 1—5, пер. с санскр., введение и примеч. Б. Л. Смирнова, Ашхабад, 1955—61; Арташастра, или Наука политики, пер. с санскр. Издание подготовил В. И. Калянов, М.—Л., 1959; Джамнапада, пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960.

Лит.: I. Общие обзоры индийской философии. История философии, т. 1—5, М., 1957—61; Мюллер М., Шесть систем индийской философии, М., 1901; Чаттерджи С. и Датта Д., Введение в индийскую философию, М., 1955; Радхакришнан С., Индийская философия, т. 1—2, пер. с англ., М., 1956—57; Рой М., История индийской философии, пер. с бенгал., М., 1958; Девараджаур Тивари Р., Бхарати даршан шастра ка титхас (История индийской философии), Аллахабад, 1950; Динкар Р., Санскрити ке чар адхьяй (Четыре главы по истории индийской культуры), Дели, 1956; Упадхьяя Б., Бхаратия даршан (Индийская философия), Бенарес, 1957; Garbe R., The philosophy of ancient India, Chi., 1897; Deussen P., Allgemeine Geschichte der Philosophie..., Bd 1, Abt. 1—3, 4. Aufl., Lpz., 1920; Masson-Oursel P., Esquisse d'une histoire de la philosophie indienne, P., 1923; Strauss O., Indische Philosophie, Münch., 1925; Grousset R., Les philosophies indiennes. Les systèmes, t. 1—2, P., [1931]; Hiriyanama M., Outlines of Indian philosophy, L., [1932]; Belvalkar S. K., Ranade R. D., History of Indian philosophy, v. 2, 7. Poona, [1927—33]; Schweitzer A., Indian thought and its development, N. Y.—L., 1936; Bernard Th., Hindu philosophy, N. Y., [1947]; Guénon R., Introduction générale à l'étude des doctrines hindoues, 4 éd., P., 1952; Radhakrishnan S. [a. o. ed.], History of philosophy Eastern and Western, v. 1—2, L., [1952—53]; Bhattacharya H. [ed.], The cultural heritage of India, [2 ed.], v. 3—The philosophies, Calcutta, [1953]; Ruben W., Geschichte der indischen Philosophie, B., 1954; Dasgupta S. N., A History of Indian Philosophy, v. 1—5, Camb., 1922—55; Fraustligner E., Geschichte der indischen Philosophie, Bd 1—2, Salzburg, [1953—56]; Sinha J., A History of Indian Philosophy, v. 1—2, Calcutta, [1956]; Zimmer H., Philosophies of India, N. Y., 1956; Challaue F., Les philosophes de l'Inde, P., 1957; Mishra M. U., History of Indian philosophy, v. 1, L., 1957; Tucci G., Storia della filosofia indiana, Bari, 1957; Glasenapp H. von, Die Philosophie der Inder, 2. Aufl., Stuttg., [1958]; Sharma C., A Critical Survey of Indian Philosophy, L., [1960].

II. Отдельные проблемы и отрасли индийской философии.

1. Общие проблемы: Sarma R. N., Reign of Realism in Indian philosophy, Madras, [1937]; Shayer S., Contributions to the problem of time in Indian philosophy, Kr., 1938; Rattray A. A., The fundamental unity of Indian thought, Chi., 1946; Maitra S. K., The spirit of Indian philosophy, [Benares], 1947; его же, Fundamental questions of Indian metaphysics and logic, Calcutta, [1956]; Rawlinson H. G., Indian philosophical poetry, N. Y., 1949; Raju P. T., Idealistic thought of India, L., [1953]; Madhavtirtha S., The concept of space in Indian philosophy, [Ahmedabad, s. a.]; Chennakesavan S., The concept of mind in Indian philosophy, Bombay, [1960].

2. Теория познания: Шербатской Ф. И., Логика в древней Индии, СПб., 1902; Vidya bhāṣana S. C., A history of Indian logic, Calcutta, 1921; Randle H. N., Indian logic in the early schools, L., 1930; Datta D. M., Six ways of knowing, L., 1932; Treya B. L., Elements of Indian logic, Bombay, [1949]; Bagchi S., Inductive reasoning. A study of tarka and its role in Indian logic, [Calcutta], 1953; Prasad J., History of Indian epistemology, [2 ed.], Delhi, [1958].

3. Психология: Sinha J., Indian psychology, Perception, v. 1, L., 1934; A begg E., Indische Psycho-

logic, Z., 1945; Akhilananda, Hindu psychology, L., 1948.

4. Этика: [Замошкин Ю. А.], Этика древнеиндийских и древнекитайских материалистов, в кн.: Шпикин А., Из истории этических учений, М., 1959; Chandavarkar G. A., A manual of Hindu ethics, Lahore, 1915; McKenzie J. S., Hindu ethics, L., 1922; Aiyer, Sivasastry P. S., Evolution of Hindu moral ideas, Calcutta, 1935; Maitra S. K., The ethics of the Hindus, 2 ed., Calcutta, 1956;

5. Социально-политич. мысль: Александров Г. Ф., Очерк истории социальных идей в древней Индии, Минск, 1959; Brown D. M., The white umbrella. Indian political thought from Manu to Gandhi, Berkeley-Los Ang., 1953; Varma V. P., Studies in Hindu political thought and its metaphysical foundations, Banaras, [1953].

6. Эстетика: Ларин Б. А., Об изучении и переводах древнеиндийской поэтики, в сб. статей в честь акад. В. Ф. Шимарева: Романо-германская филология, Л., 1957; Coomaraswamy A. K., Introduction to Indian art. Ed. by M. R. Anand, Adyar, 1956; Pandey K. C., Comparative aesthetics, v. 1—2, Banaras, 1956.

III. Периоды индийской философии. I. Древность и средневековье: Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Сб. памяти Ю. И. Периха, 1961, [№] 57; Schrader F. O., Über den Stand der indischen Philosophie zur Zeit Mahāvīras und Buddhas, Strass., 1902; Gough A. E., The philosophy of the Upanishads and ancient Indian metaphysics, 3 ed., L., 1903; Varua B., A history of pre-Buddhistic Indian philosophy, [Calcutta], 1921; Keith A. B., The religion and philosophy of the Veda and Upanishads, [Half 1—2], Camb. (Mass.), 1925; Sharma C., Dialectic in Buddhism and Vedānta, [Banaras], 1952.

2. Позднее средневековье: Orr W. G., A sixteenth-century Indian mystics, L., 1947; Dubois J. A., Hindu manners, customs and ceremonies, 3 ed., Oxf., [1953].

3. Современность: Farquhar J. N., Modern religious movements in India, N. Y., 1924; Underwood A. C., Contemporary thought of India, L., 1930; Ray B. G., Contemporary Indian philosophers, Allahabad, [1947]; Albiruni A. H., Makers of Pakistan and modern Muslim India, Lahore, 1952; Gandhi M. K., Tagore R. [a. o.], Contemporary Indian philosophy, [2 ed.], L., [1952]; Gupta A. [ed.], India and Lenin. A collection, New Delhi, 1960.

Н. Алтеев, Москва.

ИНДОНЕЗИЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. Индонезия — страна древней и самобытной культуры. Население ее, живущее на 3 тыс. островов и говорящее на 250 языках и диалектах, стоит на разных ступенях социально-экономич. и культурного развития. Мн. народы, осевшие на Малайском архипелаге, внесли свой вклад в сокровищницу индонез. культуры. В бурж. лит-ре, посвященной Индонезии, принято считать, что сама история этой страны началась лишь с приходом на острова архипелага в первых веках н. э. индийцев (см., напр., J. Crawford, History of the Indian archipelago..., Edinburgh, v. 1—3, 1820; F. G. Carpenter, Java and the East Indies..., N. Y., 1923). Однако находки памятников материальной культуры на терр. Индонезии свидетельствуют о том, что еще задолго до прихода индийцев население Явы и др. островов достигло относительно высокого уровня развития с. х-ва и ремесла. Осн. формой обществ. организации индонез. общества в этот период была самостоят. деревенская община — деса. В общине господствовал анимизм с его верой в духов и культом предков.

К началу нашей эры в Индонезии происходит процесс разложения первобытнообщинного строя, образования классового общества и создания рабовладельч. гос-в. Ускорению этого процесса способствовало проникновение в Индонезию индийцев, привезшее к образованию ряда индо-малайских гос-в. Выходящие из Индии, стоявшие на более высокой экономич., социальной и культурной ступени развития, оказали значит. влияние на последующее развитие индонез. общества. Проникновение индийцев в Индонезию сопровождалось распространением индуизма и буддизма.

Новый период в развитии индонез. цивилизации характерен образованием в Индонезии ряда крупных гос-в, подобных Шривиджайе и Малайе. По мере развития производит. сил рабовладельч. отношения в Индонезии сменяются феодальными. К 8 в. феодализм становится господств. строем на

Яве и в прибрежных районах Суматры. Этот период характеризуется постепенным ослаблением влияния выходцев из Индии на обществ. и культурную жизнь Индонезии. В конце 10 в. на Вост. Яве происходит кодификация яванского законодательства, развивается лит-ра на яванских языках. Первыми яванскими лит. памятниками были переводы отд. частей инд. эпоса Рамаяны (в 9 в.) и *Махабхараты* (в 11 в.). Однако постепенно яванские переводчики и поэты все менее строго придерживаются текстов оригиналов. В 12 в. при переводе одной из частей Махабхараты — «Бхаратаюдхи», получившей на Яве название «Брата-джуда», переводчик, заимствовав лишь сюжет инд. эпоса, фактически создал новое, оригинальное произведение, в к-ром действие происходит в Индонезии. В сер. 14 в. буддийский монах Пропапка составил оду «Нагаракертагара», прославляющую подвиги яванского короля Картапагара; в ней содержатся ценные сведения о социальных условиях Индонезии, о религии и идеологии страны. В 14 в. в Индонезии начинается распространяться ислам, занесенный сюда из Индии. Дальнейшему распространению ислама в Индонезии способствовало проникновение на архипелаг европейцев, совпавшее с распадом гос-ва Маджапахит в 16 в. Захват португальцами ряда опорных пунктов на Молуккских о-вах побудил многих индонез. феодалов перейти в ислам для организации совместного отпора экспансии европейцев. Процесс этот продолжался и после того, как на смену португальцам пришли голландцы, начавшие в конце 16 в. завоевание Индонезии. Тем не менее, вплоть до 19 в. влияние ислама на индонез. обществ. жизнь и идеологию было довольно поверхностным. В ислам было обращено в основном гор. население. Подавляющая масса крестьянства придерживалась старых индуистско-буддистских или еще более древних анимистич. верований. Поворот крестьянства к исламу произошел в 19 в., в результате чего к концу 19 в. подавляющее большинство населения страны (ок. 90%) стало мусульманским. Ислам оказал определенное социальное воздействие на индонез. обществ. Угнетенные массы индонез. народа, и в первую очередь крестьянство, находят в исламе, и особенно в вахабизме с его идеями социальной справедливости, идеол. основы своей борьбы не только против голландцев, но и против собственной аристократии, помещиков и племенных вождей. Ввиду того что ислам в Индонезии проповедовался на малайском языке, распространение его по всей стране усилило значение малайского языка как общиндонезийского. Отражением этого факта был расцвет классич. лит-ры на малайском языке в Индонезии, отмечавшийся в 17 в.

Окончат. закабаление Индонезии Голландией привело к превращению ее в конце 19 в. в рынок сбыта и сферу приложения капиталов метрополии. Это повлекло за собой дальнейшее усиление эксплуатации нар. масс, что вызвало стихийный подъем крест. борьбы, нередко принимавшей форму сектантских движений. Участники сектантских движений идеализировали прошлое и нередко надеялись на возвращение «золотого века» после прихода мессии (рату адил).

Усиление борьбы индонез. народа вынудило голл. пр-во превозгласить в 1901 г. н. этический курс. Помимо ряда экономич. мероприятий, «этический курс» предусматривал открытие школ для детей индонез. чиновников и аристократии. В результате в стране образовалась прослойка интеллигенции, к-рая знакомится с европ. лит-рой и обществ.-политич. мыслью. Изучаются произведения Руссо, Локка, социалистов-утопиков, Мадзини, Сореля и др. Из этой среды выходят первые обществ. деятели, выступавшие за ослабление колониального гнета, за преодоление культурного застоя. Гл. средством они считали распростра-

нение образования среди широких нар. масс. К числу этих деятелей относится Адженг Каргини (1879—1904), дочь яванского регента, к-рую называют предтечей нац.-освободит. движения в Индонезии.

В начале 20 в. возрастает активность молодой нац. буржуазии, стремившейся к созданию нац. орг-ций. В 1908 по инициативе врача Вахидина Судироусода была основана орг-ция «Буди Утомо» («Высокая цель»), носившая просветит. характер. На 1-м конгрессе «Буди Утомо», собравшемся в октябре 1908, было провозглашено, что целью об-ва является развитие западного и традиц. индонез. образования, возрождение индонез. культуры.

Распространение в Индонезии западных социально-экономич. и филос. учений и европ. системы образования привело к ослаблению влияния ислама среди части населения страны. Поэтому в среде индонезийского мусульм. духовенства и части интеллигенции назревает стремление к модернизации религии, к приспособлению ее к изменяющимся социально-экономич. условиям страны. Теоретич. базой модернизации были идеи егип. религ. реформатора М. Абдо. Организационно модернистское течение в Индонезии оформилось в 1912, когда была создана религ.-просветит. орг-ция «Мухаммадия».

В 1913 возникла политич. организация «Сарекат ислам» («Союз ислама»), выражавшая в основном интересы торгово-пром. буржуазии. Однако вскоре она превратилась в своеобразный блок всех антиимпериалистич. сил Индонезии. В 1914 по инициативе участников голл. социал-демократич. движения возникло Социал-демократич. объединение Индонезии, к-рое вначале занималось пропагандой идей марксизма среди интеллигенции и рабочих, но вскоре наладило связи с левым крылом «Сарекат ислама» и через него оказывало существ. влияние на политику всей партии.

Новый этап в развитии нац.-освободит. борьбы в Индонезии наступил под влиянием Октябрьской революции в России. Усилилось распространение идей марксизма-ленинизма в стране, следствием чего было образование в 1920 Коммунистич. партии Индонезии, выдвинувшей лозунг полной независимости страны и возглавившей борьбу рабочего класса за гегемонию в нац.-освободит. движении индонез. народа. Подъем нац.-освободит. движения и распространение марксизма-ленинизма оказали огромное влияние на идеол. жизнь страны, на развитие филос. и социол. мысли.

Пытаясь предотвратить дальнейшее распространение идей марксизма-ленинизма, модернисты стремились противопоставить им идеи социальной справедливости и демократии, будто бы заложенные в исламе. Эти идеи модернистов послужили идеол. основой для деятельности партии Машуми (осн. в 1943), выражавшей интересы феодалов и компрадоров, к-рая выдвинула доктрину о создании в Индонезии гос-ва, основанного на принципах ислама.

Отрицат. влияние колониального ига сказалось и на состоянии филос. и социол. мысли в Индонезии. До 1945 в стране не было систематич. изучения философии. Политика удупления нац. культуры, проводимая голландцами, привела к господству в Индонезии зап.-европ. филос. течений. Нек-рые из совр. индонез. философов, подобно богослову Хамке, получившему образование в Каире, являются представителями религ. исламистских школ, и их взгляды отражают учения егип. мусульм. философов. Др. часть философов-идеалистов (А. Негоро, А. Такдир и др.) обратилась к реакц. теориям зап. философии.

Однако реакционная бурж. зап. философия не могла удовлетворить нац. буржуазию, участвовавшую в нац.-освободит. движении. Идеологом нац. буржуазии и организатором Национальной партии явился

президент Республики Индонезии доктор Ахмед Сукарно. Филос. и социологич. взгляды Сукарно отражены в ряде его работ, напр. «Индонезия обвиняет» (рус. пер. 1956) и «Сарина» (рус. пер. 1958). Сукарно считает, что «... вполне очевидна правильность теории, что мораль, понятия о вежливости и невежливости, обычаи, этика, право и т. д. и т. п. не являются абстрактными явлениями, а зависят и определяются социальными и материальными отношениями» («Сарина», М., 1958, с. 84). Характеризуя антиимпериалистич. нац.-освободит. борьбу индонез. народа, Сукарно писал: «...Наша борьба есть часть великой борьбы во всем мире против империализма, борьба, которая ослабляет империализм, революционная борьба» (там же, с. 235). Вместе с тем на филос. взгляды Сукарно значит. влияние оказывает идеология ислама. Филос. и социологич. взгляды Сукарно легли в основу выработанных им пяти принципов («панча сила») Индонезийского гос-ва: национализм, гуманизм, демократизм, социальное благосостояние, вера в бога. «Панча сила» являются фундаментом офиц. идеологии Национальной партии — «мархаэнизма», на основе к-рой разработана программа бурж.-демократич. реформ. В условиях полуфеод. Индонезии эта программа имеет прогрессивный характер и поэтому ее поддерживают передовые слои общества и Коммунистич. партия Индонезии.

Индонезийская компартия выступает с широкой пропагандой идей марксизма-ленинизма. Еще в нач. 20-х гг. в коммунистич. газетах «Ньяла», «Пролетар», «Мово» публиковались статьи и выступления Ленина. После достижения Индонезией независимости началось массовое издание трудов классиков марксизма-ленинизма на индонез. языке. Среди них «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, работы В. И. Ленина «О диалектике», «О некоторых особенностях историч. развития марксизма», «Что делать?», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др. С пропагандой и разработкой проблем марксизма-ленинизма применительно к условиям Индонезии выступает *Айдит*. В своих работах «Краткая история Коммунистической партии Индонезии» (рус. пер. 1956), «Индонезийское общество и индонезийская революция» (рус. пер. 1958), а также в целом ряде статей он рассматривает актуальные вопросы теории и практики индонез. нац.-освободит. движения, истории Коммунистич. партии.

Большую роль в пропаганде философии марксизма-ленинизма, политич. экономики и истории междунар. рабочего движения играет сеть парт. просвещения, в к-рую входят: Академия обществ. наук, Центр. парт. школа при ЦК КПИ, Центр. школа по подготовке преподавателей парт. школ в провинциях, Центр. школа по подготовке журналистов, Центр. крестьянская школа, готовящая парт. кадры для работы среди крестьян. Большой популярностью в Индонезии пользуется двухгодичный Народный ун-т в Джакарте.

Лит.: Ленин В. И., Пробуждение Азии, Соч., 4 изд., т. 19, с. 65—66; Губер А. А., Индонезия, [М.], 1932; его же, К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии, в кн.: Вопросы новой и новейшей истории. [Сб. статей], М., 1958; Ньото, Октябрьская революция в России и Августовская революция в Индонезии, [пер. с индонезийск.], М., 1958; Айдит Д. Н., Уроки истории Коммунистической партии Индонезии, [пер. с индонезийск.], М., 1961; Van Naerssen F. H., Culture contacts and social conflicts in Indonesia, N. Y., 1947; Lukisan revolusi rakyat Indonesia. 1945—1949, [Jogjakarta, 1949]; Partai nasional Indonesia. Manifest van het Marhaenism, Djakarta, 1954; Subandrio H., Kartini. Wanita Indonesia, Djakarta, 1955; Koentjaringrat Drs., Sedjarah kebudayaan Indonesia..., Djakarta, 1956; Devi S., Wrihaspati-tattwa, [Nagpur], 1957; Kahin G. Me Tugunan, Nationalism and revolution in Indonesia, Ithaca, [1959].

А. Коробков. Москва.

ИНДУИЗМ — господствующая религ. система в совр. Индии, получившая распространение с раннего

средневековья. В сферу И. входит большинство инд. культовых и религ. систем, связанных с почитанием Вишну и Шивы. Влияние И. сказалось в большинстве филос. систем, лит-ре и быте.

Возникновение И. происходило в Индии в 6—4 вв. до н. э. и было связано с общим кризисом мировоззрения, в основе к-рого лежал процесс разложения первобытнообщинных отношений и развития классового общества. Сменивший *ведическую религию брахманизм* не мог в течение долгого времени соответствовать разноукладности инд. общества, в пределах к-рого существовало множество областей с неизжитым родоплеменным строем. Возникшие в 6 в. до н. э. *буддизм* и *джайнизм* не только нарушили этнич. исключительность арийцев и социальное господство брахманов, но и сильно расшатали господств. брахманскую идеологию. С 3—2 вв. до н. э. и до конца 1-го тысячелетия н. э. непрерывно совершался процесс поглощения ведических, брахманских и ряда менее значит. культов Древней Индии двумя осн. индуистскими культами: *вишнуизмом* и *шиваизмом*. Причем ведич. боги не исчезли в И. Они лишь меняли свою функцию. Этому процессу подверглись джайнизм и буддизм, к-рые в 8—9 вв. н. э. теряют сколько-нибудь значит. роль. Письм. источники И. включают в себя большую часть древней и ср.-век. религ.-филос. и правовой лит-ры на санскрите — осн. языке И.

Религия И. отличается крайней аморфностью и неустойчивостью как своих обрядов и культов, так и своего учения; она характеризуется отсутствием канонизации, организованной церкви и клироса. И. отличается *политеизмом*, большим удельным весом местных культов, идолопоклонством. Эти особенности И. обусловлены длительностью процесса его формирования и развития, этнич. и нац. пестротой Индии, живучестью мифологич. представлений и т. д. Однако, несмотря на это, религии И. свойственны и общие доктрины: идея о перерождении душ, кастовость, культ коровы. Для религ.-филос. представлений И. характерно учение об *атмане* и *брахмане*. Согласно объективно-идеалистич. концепции И., атман и брахман не связаны ни с временем и пространством, ни с причинно-следственными отношениями и противостоят природе (пракрити), развивающейся во времени и пространстве по законам причинно-следств. отношений. Согласно И., конечная цель всякого прогресса — освобождение атмана от природы и слияние его с брахманом. Связь индивидуальной души с природой регулируется законом кармы. Атман, став дживой — душой, воплощенной в теле живого существа, совершает действия, хорошие и дурные. Карма — влияние этих действий, обуславливающее постоянное переселение душ. Состояние (богатство, бедность, почет, унижение и т. д.), в к-ром произойдет это рождение, явится воздаянием или возмездием за поступки, совершенные в предыдущих рождениях. В системе индуистских мифологич. представлений важную роль играет представление об аватаре — воплощении бога в ином боге, человеке или животном. Возникнув, это воплощение продолжает существовать наряду с «исходным» божеством и др. его воплощениями. Представление об аватарах, будучи по преимуществу связано с вишнуизмом, обеспечило последнему широчайшее распространение: местные божества переосмысливались как аватары Вишну.

Первоначально И. связывался с системой варн (см. *Касты*). В «Пурушасукте» Ригведы написано, что варны брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр возникли, соответственно, из уст, рук, бедер и ног пуруши — вселенского первочеловека. С развитием кастовой системы, дополнившей варновую и чрезвычайно усложнившей социальную структуру ср.-век. инд. общества, все осн. категории и представления И. связываются с кастами. Принадлежность к определ. школе или секте, как правило, определялась принадлежностью к определ. касте. Каста связывается с теорией перерождения, а рождение в той

или иной касте — с воздаянием или возмездием за поступки, совершенные в прошлом рождении, служа показателем прошлых заслуг или провинностей. Так существование каст получает свое метафизич. обоснование взамен прежнего мифологического. И. не только освящал кастовый порядок, он постоянно укреплял, стабилизировал его за счет детальной регламентации поведения члена касты, связанного с двумя осн. этич. представлениями И. — пуней и апуней. Все, что было связано с общением между членами различных каст, считалось апуней, начиная с взгляда или совместного приема пищи и кончая браком. Существовала строгая система запретов, налагаемых на ряд мест и вещей (здесь сыграли роль пережитки табу); так, осквернение и лишение касты грозили человеку, покинувшему территорию Индии или одной из ее областей, так же, как и человеку, употребляющему в пищу мясо.

И. не только сохранял кастовую систему, но и воспроизводил ее; иногда в зависимости от различия культа происходило и разделение каст или групп каст. Таково, напр., разделение на касты «правой руки» и касты «левой руки», связанное с принадлежностью к одной из двух подсект шактов. Кастовые ограничения дополнялись в И. временными, относящимися к жизни данного человека. Эти ограничения выразились в системе четырех ашрамов — периодов жизни. С ашрамами связано понятие о пурушартах — цели и одновременно содержании деятельности человека. Этих пурушартх — четыре: кама — наслаждение (особенно связанное с любовью), арта — всякая обществ. деятельность, дхарма — добродетель, выполнение религ. долга, и мокша — отрешение от личной, общественной и религ. деятельности, непрерывное усилие, направленное на достижение конечного освобождения. В И. существует этич. концепция о трех путях познания: путь знания (джняна), путь действия (карма) и путь эмоциональной приверженности (бхакти).

В течение полутора тысячелетий И. освящал и усиливал обособление социальных подразделений инд. общества и обособление индустской общины, взятой в целом, от других религ. инд. общин, что в немалой степени поддерживало феодализм в Индии и способствовало ее порабощению иноземцами.

В позднем средневековье И. становится господств. мировоззрением немусульм. населения Индии. С нач. 19 в. он оказывает значит. влияние на идеологию нац.-освободит. движения (напр., *гандизм*); с ним связаны учения прогрессивных обществ *Брахмо самадж* и *Арья самадж*. Вместе с тем на базе И. возник ряд крайне правых реакц. течений, проповедующих шовинизм, религ. нетерпимость и т. д. Оставаясь до сих пор распространенной религией, И. породил ряд новых идеол. течений.

Лит.: Барт А., Религии Индии, пер. [с франц.], М., 1897; Радхакришнан С., Индийская философия, пер. с англ., т. 2, М., 1957; Краснодембский В. Е., Индуизм, в сб.: Ежегодник музея истории религии и атеизма, [т. 1], М.—Л., 1957; Ильин Г. Ф., Религии древней Индии, М., 1959; Махабхарата, т. 2 — Бхагавадгита, пер. В. Л. Смирнова, Ашхабад, 1960; F a r g u h a r J. N., A primer of hinduism, 2 ed., L., 1912; e g o ж е, An outline of the religious literature of India, L.—N. Y.—Oxf., 1920; D a s g u p t a S., Indian idealism, Camb., 1933; T h o m a s P., Hindu religion, customs and manners, Bombay, [1948]; The cultural heritage of India, v. 3, 2 ed., Calcutta, [1953]; D u b o i s J. A., Hindu manners, customs and ceremonies, 3 ed., Oxf., [1953].

А. Шатигоорский. Москва.

ИНДУКТИВНАЯ ЛОГИКА — см. *Логика индуктивная*.

ИНДУКТИВНЫЙ МЕТОД — см. *Индукция, Логика индуктивная*.

ИНДУКЦИЯ (от лат. *inductio*, букв. — наведение) — способ логич. рассуждения, применяя к-рый от знания об отд. фактах или от менее общего знания переходят к знанию, носящему более общий характер. Как форма движения мысли И. тесно связана с историей опытного познания и науч. исследования. Начало изучению И. было положено в науке древних: в индийской логике, в школе *Лао-цзы*, в *древнегреческой логике*. *Аристотель* выделил простейшую форму И., т. е. полную индукцию («Первая аналитика»

II 23, 68 а 32—68в 37; рус. пер., М., 1952), к-рую сопоставлял с 3-й фигурой *силлогизма*. Вместе с тем у *Аристотеля* в «Топике» имеется и более широкое понятие И., охватывающее также и *неполную индукцию*. Дальнейшее развитие теория И. получила лишь в новое время, когда бурный рост науки поставил вопрос об исследовании способов науч. обобщения, приемов открытия общих законов. Важное значение в этом отношении имели соч. *Ф. Бэкона*. После *Бэкона* теория И. была развита дальше в соч. англ. ученого *Дж. Гершеля*, *Дж. С. Милля* и др. В России теорию И. разрабатывали *Каринский* («Классификация выводов», 1880), *Рутковский* («Основные типы умозаключений», 1888) и др. (Подробнее об истории изучения И. см. *Логика индуктивная*).

Марксистская философия рассматривает И. как необходимую сторону процесса познания, обусловленную диалектикой отражения объективного мира: важнейшей задачей науки является изучение законов природы и общества. Поскольку всякий закон носит общий характер, т. е. распространяется на множество однородных явлений, то познание законов всегда предполагает выявление общего в явлениях. Но в объективном мире общее не существует помимо отдельного и *единичного*, т. е. в отрыве от конкретных предметов и явлений (см. также *Всеобщее*). Поэтому познание общего возможно лишь путем изучения единичного. Восхождение от частного к общему, от фактов к обобщениям является закономерностью познания; неотъемлемой логич. формой такого восхождения и является И.

И. играет большую роль в формировании общего научного знания — в открытии законов, в выдвижении гипотез, в формировании научных постулатов; велика роль И. в процессе введения в науку новых понятий. Процесс движения мысли от эмпирии к теории, от фактов к закону всегда предполагает индуктивные умозаключения, вывод о классе явлений в целом на основе изучения его отд. членов, т. е. науку интересуют прежде всего общие закономерности. Раскрытие логич. стороны этого процесса составляет задачу индуктивной логики.

Основанием для получения общих выводов с помощью И. служит закономерная повторяемость событий, благодаря к-рой имеется возможность по частн. фактов судить о всех однородных фактах и устанавливать тем самым общий закон, характеризующий весь (быть может бесконечный) класс явлений. И. обычно непосредственно опирается на *наблюдение* и *эксперимент*. Исходным материалом для нее служат факты, к-рые получают в процессе эмпирич. изучения действительности. Конечной основой и критерием правильности обобщающих выводов по И. является обществ. практика. Общий вывод неполной И. содержит всегда элемент неисследованного, неизвестного, т. е. делается лишь на основе рассмотрения части обобщаемых явлений. Как отмечает Ленин, «самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен» (Соч., т. 38, с. 174). Энгельс указывал, что «... индуктивное умозаключение по существу является проблематическим!» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 542). По этой причине выводы И. в процессе познания тесно переплетаются с дедукцией. Индуктивно полученные заключения логически выводятся из более общих положений, истинность к-рых уже доказана.

В домарксистской философии процесс познания истолковывался упрощенно и нередко сводился преимущественно или к И., или к дедукции. Так, в Англии с 17 в. по конец 19 в. господствовало т. н. эмпирическое, или «всеиндуктивистское», направление в логике (*Ф. Бэкон*, *У. Уэвелл*, *Дж. С. Милль*, *А. Бэн* и др.). В то же время в Германии господствующим было дедуктивное на-

правление (Хр. Вольф, Кант и др.), к-рое, преувеличивая значение дедукции, недооценивало И. и опытное познание в целом. Отверг И. от дедукции и их противопоставление друг другу были подвергнуты резкой критике Энгельсом, к-рый подчеркивал необходимую связь всех форм мышления. «Индукция и дедукция связаны между собою столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собою, их взаимное дополнение друг друга» (там же, с. 542—43).

Процесс индуктивного обобщения сводится к переносу знания, полученного путем исследования нек-рой совокупности предметов, на более широкий круг предметов. При таком переносе изменяется лишь степень общности знания, содержание же его остается в основном тем же самым. Эта особенность И. делает ее ограниченной. Науч. познание включает не только индуктивное обобщение и дедуктивное выведение, но и иные средства, такие как анализ, абстрагирование и обобщение, приводящее к введению в науку новых понятий, метод интерпретации дедуктивных теорий, и т. п.; «...логические формы умозаключения...», — говорит Энгельс, — «...нельзя втиснуть в рамки этих двух форм...» (там же, с. 541). И. не может претендовать на роль единственного метода получения нового знания. Для дедуктивных выводов необходимо, чтобы предпосылка, из к-рой делается вывод, была общим положением, к-рым является обычная аксиома, закон, правило, предположение, гипотеза и т. д. Пути установления их весьма сложны и не исчерпываются одной И. Но в получении этих положений И. обычно принимает участие. Дедукция дает возможность выводить частные, эмпирич. законы, полученные с применением И., из более общих известных или предположительных законов, объясняя тем самым менее общие законы более общими; это позволяет систематизировать научные знания. В науч. исследовании успех обеспечивается умелым сочетанием всех форм познания на основе методологии диалект. материализма.

В. Глазголев. Москва.

Лит.: Ленин В. И., *Философские тетради*, Соч., 4 изд., т. 38 (см. по указателю: «Всеобщее», «Общее», «Закон»); Лейбфельд П. Э., *Логическое учение об индукции...*, СПб., 1896; Минто В., *Дедуктивная и индуктивная логика*, 6 изд., М., 1909, кн. 2; Таванец П. В., *Классификация умозаключений*, в кн.: *Философские записки*, [т. 1], М., 1946; Асмус В. Ф., *Логика*, [М.], 1947, гл. 11 и 12; Герцен А. И., *Письма об изучении природы*, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1948, письмо 1; Строгович М. С., *Логика*, [М.], 1949, гл. 2; *Логика*, [Под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца], М., 1956, гл. 9; Каринский М. И., *Классификация выводов*, в сб.: *Избр. тр. русских логиков XIX века*, М., 1956, с. 3—177; Рутковский Л. В., *Критика методов индуктивного доказательства*, там же, с. 195—264; его же, *Основные типы умозаключений*, там же, с. 265—344; Горский Д. П., *Логика*, М., 1958; Андреев И. Д., *Основы теории познания*, М., 1959; *Основы марксистской философии*, М., 1960, гл. 10; *Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики*, [Сб. ст. Отв. ред. П. В. Таванец], М., 1960; Попов П. С., *История логики нового времени*, М., 1960; Розенталь М. М., *Принципы диалектической логики*, М., 1960; Фогараш Б., *Логика*, пер. с нем., М., 1959, с. 299—329; Клаус Г., *Введение в формальную логику*, пер. с нем., М., 1960, гл. 8.

ИНДУКЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ — см. *Математическая индукция*.

ИНДУКЦИЯ НАУЧНАЯ — см. *Научная индукция*.

ИНДУКЦИЯ ПОПУЛЯРНАЯ — см. *Популярная индукция*.

ИНДУКЦИЯ ТРАНСФОРМАНТАЯ — см. *Бескопечная индукция*.

ИНДУКЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРОСТОЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ — то же, что *популярная индукция*.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ — раздел совр. бурж. социологии, разрабатывающий концеп-

цию социальных, организац. и технико-производств. отношений, лежащих в основе совр. капиталистич. произ-ва. И. с. изучает производств. деятельность людей (напр., стимулы труда, условия повышения производительности труда, нормы эксплуатации и т. д.), формы отношений людей на капиталистич. предприятиях (напр., взаимоотношения предпринимателей, администрации и рабочих, организац. структуру предприятий и т. д.), индустриальное произ-во как целостный социальный механизм, место и роль профсоюзов (напр., их отношения с руководством предприятий, причины объединения рабочих в профсоюзы и т. д.).

И. с. зародилась в США в 20—30-х гг. 20 в. и особенно бурное развитие получила после кризиса 1929—33. Господствующие классы поставили перед И. с. задачи идеол. реабилитации и апологетики потерпевшей кризис капиталистич. системы произ-ва, выработки программы сглаживания обострившихся классовых противоречий, обоснования и разработки новых форм организации произ-ва и новых способов эксплуатации рабочего класса. В трудах основателей И. с. (Мейо, Рэтлсбергер, Мур и др.) проблема «мира в промышленности» была провозглашена ключом к решению экономич. и политич. трудностей, перед лицом к-рых оказался амер. капитализм. В наст. время И. с. является одним из гл. разделов бурж. социологии в США, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии и др. капиталистич. странах и разрослась в очень широкую по тематике исследоват. дисциплину: она переплетается с бурж. политич. экономией, психологией труда, экономикой труда, социологией профессий, теориями *социальной мобильности* и *социальной стратификации* и т. д.

В основе концепции И. с. лежит подмена анализа производств. отношений рассмотрением организационно-технич. («организационные теории») или психол. («психологическая школа» в И. с.) отношений между участниками произ-ва. В последние десятилетия наибольшим влиянием пользуется «психологическая школа», к-рая сводит существо отношений между капиталистами и рабочими к их мнениям и представлениям друг о друге и окружающей обстановке. В И. с. переносятся концепции идеалистич. бурж. *социальной психологии* (теория «малых групп», «групп-референтов», теория «ситуации» и т. д.).

Центр. место в работах представителей И. с. занимает доказательство того, что не отношения эксплуатации, а отношения сотрудничества якобы являются социальной основой капиталистич. произ-ва. Социологи индустрии изображают отношения предпринимателей (руководства) и рабочих в виде отношений равноправных членов общества, различающихся якобы лишь своим положением в системе произ-ва, но стремящихся к единой цели — благу общества. Социологи индустрии ищут о существовании «морального союза» капиталистов и рабочих, о «единстве их ценностей», извращают классовое существо конфликтов между рабочими и предпринимателями, изображая их в виде столкновений, происходящих либо исключительно на экономич. почве, либо из-за недостатка взаимопонимания («плохой коммуникации») между ними.

И. с. тесно связана с бурж. доктриной «неокапитализма». Представители И. с. развивают ненауч. идеи о превращении бурж. общества в бесклассовое общество, технократич. теории, теории «организованного капитализма» и т. д. И. с. выдвинула концепцию «нового этапа» в развитии капитализма — превращение отношений командования и подчинения в бурж. обществе и, в частности, в капиталистич. произ-ве, в «человеческие отношения», характеризующиеся якобы равенством, коллективизмом и «отмиранием» принципа погони за выгодой!

Методологич. основой многочисл. конкретных исследований, проводимых представителями И. с. по заказу монополий, является вульгарный эмпиризм. Они ограничиваются сбором и обработкой данных, необходимых для решения таких вопросов, как введение и углубление процессов автоматизации, срыв забастовок, снижение расовых и нац. конфликтов среди персонала, обработка сознания рабочих и т. д.

Одной из гл. задач И. с. является обоснование и разработка методов повышения продуктивности капиталистич. предприятия. В концепции «менеджеризма» (искусства руководить) индустриальные социологи обосновывают и разрабатывают бюрократич. способы руководства рабочими со стороны администрации. В программе «человеческих отношений», выступившей на смену тэйлоризму, обосновывается интенсификация труда путем использования духовных, творч. качеств рабочего. В последние десятилетия происходит известное слияние организационного и психологич. направлений И. с. Представители И. с. считают, что успех организации произ-ва зависит гл. обр. от воспитания рабочих в духе лояльности, доверия к начальству, преданности труду и материальной незаинтересованности. Мн. индустриальные социологи работают в качестве советников администрации на предприятиях. Разработкой проблем И. с. занимаются спец. науч. организации: в США — школа бизнеса при Гарвардском ун-те, Комитет по индустриальным отношениям при Чикагском ун-те, Ин-т по человек. отношениям при Йельском ун-те. В Англии исследования по И. с. проводятся при Ливерпульском и Бирмингемском ун-тах. Во Франции значит. работу в области И. с. ведет Центр социологич. исследований при Нац. центре науч. исследований, Ассоциация за развитие социологии труда, в ФРГ — Ин-т экономич. наук зап.-герм. профсоюзов в Кельме, Ин-т социальных исследований при Франкфуртском ун-те, Академия общей экономики в Гамбурге и др. Существует ряд спец. периодич. изданий по вопросам И. с.: журн. «Industrial and labor relations reviews», «Advanced management» (Нью-Йорк); «Industry and Labour» (Женева) и др. Гл. представители И. с.: в США — Э. Мейо, Ф. Ретцисбергер, У. Мур, Э. Хьюз, Д. Миллер, У. Форм, Д. Нокс, У. Уорнер, в Англии — Э. Хезер, У. Спротт, Дж. Ричардсон, Э. Райс, в ФРГ — А. Гек, Х. Шельский, Р. Дарендорф, во Франции — Ж. Фридман, А. Турен.

Лит.: Осипов Г. В., Техника и общественный прогресс, М., 1959; Матрков Э. Я., Апология империализма в индустриальной социологии, в сб.: Критика современной буржуазной философии и ревизионизма, М., 1959; Гвишиани Д. М., «Менеджеризм» — американская социология бизнеса, «Вопр. философии», 1961, № 5; Roethlisberger F. J., Management and morale, Camb., 1941; Mayo E., The human problems of an industrial civilization, 2 ed., N. Y., 1946; Friedmann G., OÙ va le travail humain?, 8 ed., [P.], 1950; егo же, Le travail en miettes, spécialisation et loisirs, 4 ed., [P.], 1956; Miller D. Ch., Form W. H., Industrial sociology, N. Y., [1951]; Arguris C., Executive leadership, N. Y., 1953; Richardson J. H., An introduction to the study of industrial relations, L., [1954]; Moede W., Betriebliche Arbeitswissenschaft, Essen, [1954]; Knox J. B., The sociology of industrial relations, N. Y., 1955; Soziologie, Hrsrg. v. A. Gehlen und H. Schelsky, [Düsseldorf—Köln, 1955]; Gilman G., Human relations in the industrial Southeast, [s. l.], 1956; Dahrendorf R., Industrie- und Betriebssoziologie, B., 1956; Popitz H. (u. a.), Technik und Industriearbeit. Soziologische Untersuchungen in der Hüttenindustrie, Tübingen, 1957; Hare A. E., First principles of industrial relations, L., 1958; Vincent M. J. and Mayers J., New foundations for industrial sociology, L., [1959]; Magoun F. A., Cooperation and conflict in industry, N. Y., 1960.

Н. Иосифов. Москва.

ИНЕРЦИЯ (от лат. inertia — бездействие) — в механике свойство тел при взаимной компенсации внешних воздействий сохранять состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. Свойство И. предугадывалось уже в атомистич. учении древних. Аристотель допускал мысль о движении по И. при

наличии пустого пространства. По будучи противником мнения атомистов о существовании абсолютно пустого пространства, Аристотель считал, что среда, заполняющая пустое пространство, должна оказывать сопротивление движению, в силу к-рого тела неизбежно останавливаются. Эту мысль Аристотеля догматизировали ср.-век. схоласты, полагавшие, что движение вообще может осуществляться только под действием внешней силы и прекращается, как только сила перестает действовать. Именно против этого утверждения схоластов-догматиков, а не против самого Аристотеля выступил Галилей, к-рый в «Диалогах» сформулировал принцип И. как первый принцип механики. Галилей формулировал принцип И. в непосредств. связи с принципом относительности механич. движения. Действие принципа относительности, согласно к-рому законы механики выполняются как в системе покоящейся, так и в системе, движущейся равномерно и прямолинейно, возможно только при условии действия принципа И. Принцип относительности и принцип И. являются как бы сторонами единого принципа — сохранения движения. Классич. принцип относительности выражает собой инвариантность законов механич. движения, принцип И. — сохранение покоя и равномерного прямолинейного движения. В механике Ньютона принцип И. является особым принципом в системе законов механич. движения, ибо он независим от др. законов механич. движения. И. — фундаментальное свойство всех материальных объектов. Значение этого свойства выходит далеко за пределы чисто механич. законов. Механика имеет дело лишь с частным проявлением инерционных свойств природы. В силу этого понятие И. в системе понятий механики требует своего обоснования вне этой системы. Вот почему в рамках позитивистских теоретико-познават. установок (Мах, Пуанкаре и др.) возникали попытки устранить принцип И. из механики, сведя его к простому следствию из др. законов механики. Тем самым снималась проблема обоснования понятия И., неизбежно ведущая в мир объективно-реальных связей природы. Неудача этих попыток подчеркивает фундаментальность свойства И. Вместе с тем в истории механики известна идея Маха, согласно к-рой И. следует рассматривать как результат влияния отдаленных небесных масс. Рациональное зерно этой идеи состоит в том, что И. как свойство материальных объектов определяется характером взаимодействия между этими объектами. С т. зр. совр. представлений именно полевые взаимодействия определяют инерционные свойства материи. В механике Ньютона инерция рассматривается как постоянное, неменяющееся свойство, изначально присущее атомам. И. трактуется как косность материи и противопоставляется движению. Ньютон вводит понятие массы как количество материи, пропорциональное плотности и объему тела. В силу связи ньютоновского понятия массы с атомизмом масса (количество материи), естественно, выступала как мера И. Причем И. оказалась пропорциональной гравитации, и этот факт, известный еще Ньютону, привел в дальнейшем к принципу эквивалентности поля тяготения и ускоренного движения, положенному Эйнштейном в основу общей теории относительности. В совр. физике сохранилось определение массы как меры И. тел, хотя понятия массы и И. существенно изменились. И. оказалась глубоко связанной с движением. Величина И. движущегося объекта зависит от скорости его движения. Чем больше скорость, тем больше И. тела. Этот факт находит свое выражение в известной зависимости инертной массы движущегося тела (m) от скорости его движения (v) ($m =$

$$= \frac{m_0}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$$

Зависимость И. тела от его движения пре-

дугадывалась еще в физике Декарта. Поскольку, согласно воззрению Декарта, пространство заполнено средой, И. тела должна зависеть от его связи со средой, и эта связь будет различной в зависимости от скорости движения тела. Совр. физика отвлекается от механизма инерционных свойств, вскрывая общую связь инертной массы с энергией ($E=mc^2$). И., будучи «...отрицательным выражением неуничтожимости движения» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 1), естественно обнаружила глубокую связь с энергией. Без И. немислимо движение. Наличие И. обеспечивает саму возможность движения, ибо без его противоположной стороны — И. — движение не могло бы существовать. В широком смысле И. следует рассматривать как свойство всех материальных объектов сохранять присутствие им движение и изменять это движение в конечный промежуток времени. В этом широком значении И. выступает как сохранение движения. В понятии И. отражается не только стремление материальных объектов сохранять свое состояние, но и свойство изменять это состояние не сразу, не мгновенно, а в течение опред. времени, величина к-рого конечна и определяется условиями изменения состояния данного объекта. И. глубоко связана с временным характером процессов природы. Принципиальная невозможность бесконечно больших скоростей, иначе говоря, невозможность мгновенных процессов природы, непосредственно вытекает из наличия в природе свойства И. и всеобщности этого свойства. Принцип предельной скорости переноса материальных взаимодействий (принцип постоянства скорости света c) в относительности теории представляет одну из форм проявления инерционных свойств природы.

Более широкое понимание И. как принципа сохранения движения приводит к мысли о различных формах проявления инерционных свойств. Уже в области физики масса, выступая в качестве меры И., может принимать качественно своеобразные формы — масса покоя (m_0), динамич. масса ($m = \frac{m_0}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$), масса фотонов

($\frac{h\nu}{c^2}$). В области химии и физич. химии инертные свойства отражаются, напр., в известном принципе Ле Шателье — Брауна: система, испытывающая внешнее воздействие, перестраивается таким образом, что при этом возникает противодействие производимому изменению; в силу этого перестройка системы под влиянием внешних воздействий протекает не мгновенно, а в конечный промежуток времени. Инерционные свойства действуют здесь как внутренние свойства системы. Специфич. параметры, характеризующие систему, определяют и специфич. характер действия ее инерционных свойств. Любая форма движения материи в природе имеет свою специфич. форму инертности и без нее немислимо. Наследственность в биологии, торможение в физиологии высшей нервной деятельности могут служить примерами специфич. форм проявления инерционных свойств природы в самом широком значении этого понятия.

Лит.: Мах Э., Механика, пер. с нем., СПб, 1909; Галлеи Г., Беседы..., пер. С. Н. Долгова, М.—Л., 1934; его же, Диалог о двух главнейших системах мира..., [пер. с англ.], М.—Л., 1948; Ньюто́н И., Математические начала натуральной философии, пер. с лат., в кн.: Крылов А. Н., Собрание трудов, т. 1, М.—Л., 1936; его же, Мысли и материалы о преподавании механики в высших технических учебных заведениях, М.—Л., 1943; Хайкин С. Э., Что такое силы инерции?, М.—Л., 1939; Декарт Р., Избр. произв., [М.], 1950; «Усп. физических наук», 1952, т. 48, вып. 2; Эйнштейн А., Сущность теории относительности, пер. с англ., М., 1955; Овчинников Н. Ф., Понятия массы и энергии в их историческом развитии и философском значении, М., 1957.

Н. Овчинников. Москва.

ИНКВИЗИЦИЯ (от лат. inquisitio — розыск, расследование) — учреждение, созданное в 13 в. католич. церковью для борьбы с ересью. И. осуществляла розыск, суд и расправу совместно со светской властью, прибегая к ее помощи для совершения казни осужденных. Вначале функции И. были возложены на епископов. Постановления 3-го Латеранского собора 1179 и папы Люция III (1184) обязали светские власти приводить в исполнение приговоры, вынесенные епископами, поскольку «церковь испытывает отвращение к крови», как лицемерно заявил Люций III. Папа Иннокентий III передал в 1209 руководство И. особым папским легатам из цистерцианских монахов. Папа Григорий IX в 1231—35 подчинил И. непосредственно своему руководству, передав ее функции на местах «нищенствующим монахам» — доминиканцам и частично францисканцам, в большом числе направленным им «для искоренения еретиков» во Францию, Германию и др. страны.

Инквизиторы действовали совершенно бесконтрольно, возведя в систему шпионаж и донос, обеспечивая при этом тайну имен доносчиков и их показаний, добиваясь у своих жертв признания с помощью уточненных пыток. Усердие инквизиторов и их агентов стимулировалось разделом между ними большей части имущества, конфискованного у осужденного. Фома Аквинский (см. «Summa Theologiae», II, 2, qu. XI, а. 3) и др. богословы теоретически обосновывали не только право, но и обязанность беспощадно расправляться с еретиками, предавая их смерти. Осуждая большей частью свои жертвы на сожжение, И. прикрывалась лживой, лицемерной формулой: казнь «без пролития крови». Сожжение как форма казни обосновывалось также ссылкой на католич. догмат о чистилище, земным прообразом к-рого якобы является костер И. Расширительно толкуя понятие ереси, И. подвергала столь же свирепым преследованиям «ведьм», прорицателей, астрологов, алхимиков.

Особенно усердствовала И. в преследовании ученых. Стоя на страже антинауч. утверждений христианской догмы, И. подвергала гонениям всякую идею, расходящуюся со Священным писанием или церк. авторитетами. Преследовались глшатаи новых научных идей, защитники материалистич. взглядов, атеисты и мн. др. В 1327 был сожжен Чекко д'Асколи, в 1600 — Дж. Бруно, в 1619 — Л. Ванини, в 1689 — К. Лыцинский. Жестоким преследованиям подвергся Г. Галилей.

Наиболее зловеший характер И. получила в Испании, где ее деятельность направляла «супрема», состоявшая из неск. духовных и светских лиц во главе с генеральным (великим) инквизитором. Число жертв испанской И. по неполным подсчетам составило св. 300 тыс. человек, из к-рых 30 тыс. было предано огню. Социально-политич. роль И. была охарактеризована Марксом, отметившим, что в Испании «... благодаря инквизиции церковь превратилась в самое несокрушимое орудие абсолютизма» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 10, с. 431). В 1542 папа Павел III заново реорганизовал И., придав ей характер всемирного высшего, возглавляемого папой, католич. судилища (Sanctum Officium), к-рому были подчинены местные инквизиц. трибуналы. Хотя деятельность И. с 18 в. значительно ослабла, католицизм сохраняет И. до сих пор.

Несмотря на резкую критику деятельности И., католические авторы и официальные издания (энциклопедии, папские обращения и т. п.) восхваляют ср.-век. И. Особенно усилились эти попытки реабилитации И. в связи с антикоммунистич. пропагандой католицизма. Заявление папы Пия XII: «Мы будем вести борьбу с коммунизмом с той же беспощадностью, с какой церковь боролась против ереси в средние века»,

декреты папской конгрегации И. против коммунистов 1 июля 1949 и против сотрудничающих с коммунистами 2 апр. 1959 убедительно свидетельствуют о том, что И. продолжает оставаться орудием, с помощью которого Ватикан пытается противодействовать силам демократии и прогресса.

Лит.: Маркс К., Революционная Испания, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 10, с. 425—33; его же, [Хронологические выписки], в кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. 7, [Л.], 1940; Ли Г. Ч., История инквизиции в средние века, пер. с франц., т. 1—2, СПб., 1911—12; Позинский С. Г., История инквизиции в Испании, СПб., 1914; Льюренге Х.-А., Критическая история испанской инквизиции, пер. с франц., т. 1—2, М., 1936; Molinier Ch., L'inquisition dans le midi de la France au XIIIe et au XIVe siècle, P., 1880; Vascandard E., L'inquisition. Etude historique et critique sur le pouvoir coercitif de l'Eglise, [P.], 1907; Lea H. C., The inquisition in the Spanish dependencies: Sicily, Naples, Sardinia, Milan, the Canaries, Mexico—Peru—New Grenada—N. Y., 1908; Turberville A. S., Mediaeval heresy and the inquisition, L., 1920; Kramer G., Die Greuel der Heiligen Inquisition, B., [s. a.]; Maisonneuve H., Etudes sur les origines de l'inquisition, P., 1942; Degmieu G., L'inquisition, P., 1955. Б. Рамм. Ленинград.

ИНОБЫТИЕ (нем. Anderssein — бытие в ином, бытие в другом, бытие в др. форме) — категория диалектики Гегеля, фиксирующая один из моментов перехода в противоположность, в новое качеств. состояние; употреблялась гл. обр. для истолкования природы как определ. этапа в развитии абсолютной идеи, связанного с овнешнением и отчуждением идеи в предметно-чувственном материале природы. Категория И. относится к статич. моменту процесса перехода в противоположность, характеризуя этот переход не со стороны процесса, а со стороны результата, хотя и временного, переходящего. В то же время в категории И. подчеркивается связь этого статического и результативного момента с предшеств. моментом, к-рый у Гегеля фиксируется категорией «наличного бытия»: «Инобытие есть... не некоторое безразличное наличному бытию, падающее вне его, а его собственный момент» (Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 158—59). Этот аспект категории И. выражается у Гегеля понятием «свое другое», к-рое следует отличать от «другого» вообще: «свое другое» — понятие, выражающее противоположность по отношению не к любому, но к строго определенному конкретному предмету, из к-рого это «свое другое» выросло как его отрицание. В диалектич. материализме этот аспект категории И. получает обычно свое выражение в понятии диалектического отрицания (Энгельс называл его конкретным, или определенным, отрицанием). Ввиду многозначности, к-рую термин «И.» получил в идеалистич. системе Гегеля, он, как правило, не употребляется в диалектич. материализме. Ибо, как видно из предшеств. изложения, он фактически заменен рядом других, более определенных понятий, характеризующих различные оттенки и аспекты категории И.: «противоположное», «качественно новое состояние», «диалектическое отрицание» и пр. Ленин, перечисляя элементы диалектики, пишет: «... не только единство противоположностей, но переходы к каждому определению, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое [в свою противоположность?]» (Соч., т. 38, с. 214).

ИНСАЙТ (англ. insight, букв. — проникательность; понимание) — термин совр. идеалистич. философии (*интуитивизма*), обозначающий акт непосредств. познания, минуя логич. анализ. Термин «И.» характеризуется предполагаемое психологич. содержание таких гносеологич. понятий идеализма, как ясные и отчетливые идеи Декарта, непосредств. постижение бога у Фомы Аквинского, априорные синтетич. формы рассудка у Канта, интуиция Бергсона и т. п.

Понятие И. было использовано гештальтпсихологией, где получило специфич. значение момента решения мыслительной задачи как внезапно «замыка-

ния поля» (В. Кёлер, Исследование интеллекта человекоподобных обезьян, М., 1930). Соответственно своей концепции структурной целостности эта школа в таком внезапном замыкании видит психологич. характеристику мысленного схватывания (понимания) целого, в отличие от восприятия деталей, его составляющих. Верно отметить нетождественность целого и суммы его частей в акте восприятия, гештальтисты приняли термин «И.» для обозначения такого понимания целостной структуры, к-рое представляется им не только как собственное свойство восприятия, но и как нек-рый спонтанный, не связанный с прошлым опытом акт. В критич. анализе гештальтпсихологии И. П. Павлов показал, что действит. схватывание целого (к-рое гештальтисты называют И.) есть процесс образования ассоциаций (временных нервных связей) в коре головного мозга. Наблюдавшееся Кёлером у его экспериментальных животных внезапное решение задачи после периода покоя, сменявшего начальный этап энергичных, но хаотич. попыток, Павлов объяснил как процесс замыкания кортикальных связей (ассоциаций) после торможения, вызванного утомлением от первоначальных усилий.

Лит.: Павловские среды, т. 2, М.—Л., 1949, с. 571—86; Koffka K., Mental development, в кн.: Psychologies of 1925, ed. by C. Murchison, 3 ed., L., 1928, p. 129—43; Logan B. J. F., Insight. A study of human understanding, L.—N. Y.—Toronto, [1957]. М. Рогович. Москва.

ИНСТИНКТ (от лат. instinctus — побуждение) — видовое приспособительное поведение, в основе к-рого лежат врожденные, безусловные рефлексы. Понятие И. ведет свое происхождение от *ὄρμη* (стремление, побуждение) стоиков. Хризипп впервые применил это понятие для характеристики инстинктивного поведения птиц и др. животных.

Науч. анализ проблемы И. начинается с 18 в. Франц. врач и философ Ламетри связывал проявление И. с телесной организацией животных и строением их нервной системы. Он подметил автоматичность инстинктивных действий. Далее намечаются попытки понять происхождение И. Его определяют то как редукцию ума (*Кондильяк*), то как зарождающийся ум (*Де Руа*). Франц. ученый Фредерик Кювье уловил нек-рые характерные признаки И. (врожденность и стереотипность). Ламарк в своей книге «Философия зоологии» (т. 1—2, 1809) выводит происхождение И. животных из унаследованных привычек, возникших в результате удовлетворения жизненно важных потребностей. Один из первых рус. эволюционистов Рубль доказывает происхождение И. как реакции, выработанной видом на протяжении его истории в ответ на определ. воздействия внешней среды.

Дарвин признает две возможности происхождения И.: из разумной деятельности в результате унаследования приобретенных свойств и благодаря *естественному отбору*, сохранявшему случайно возникшие, но полезные для вида вариации более простых инстинктов. И. определялся Дарвином как видовое приспособит. поведение. Но Дарвин не вскрыл причины изменчивости И. Дарвина затрудняло разграничение инстинктивных и «разумных» способностей животных, а в связи с этим и различие психики животных и сознания человека (см. *Психика, Сознание*).

В 20 в. в связи с успехами экспериментальной биологии понимание проблемы И. углубляется. Инстинктивное поведение определяется как прирожденная видовая целесообразная деятельность, возникающая в ответ на определ. внешние стимулы и под влиянием внутр. раздражителей, изменения состава крови (гуморальных факторов) и деятельности желез внутр. секреции (половых, гипофиза, щитовидной железы и др.).

Сеченов и Павлов вскрыли физиологич. механизмы, лежащие в основе поведения животных. И. опреде-

ляется Павловым как сложнейший безусловный рефлекс, посредством которого осуществляется постоянная связь организма со средой. Главнейшие И.: питания (пищевой), самосохранения (оборонительный), размножения (половой, родительский), ориентировочный, общения (стадный, стадный). Формирование инстинктивной деятельности связано с развитием анатомо-морфологич. структур, прежде всего нервной системы данного вида животного. Регулирование инстинктивной деятельности беспозвоночных животных осуществляется головными ганглиями, у позвоночных — подкорковыми частями головного мозга. Инстинктивные реакции животных обычно сопровождаются резко выраженными изменениями дыхания, кровообращения, секреторных функций. В чистом виде, т. е. как безусловнорефлекторная реакция, И. проявляется лишь в самом начале своего действия (нек-рые И. появляются по мере вырастания и созревания организма, напр. половой И.). По мере того как животное вступает в контакт с различными раздражителями внешней среды, на базе безусловных рефлексов образуются условнорефлекторные связи. В конкретном поведении животного имеется сложное взаимодействие видового (филогенетич.) и индивидуально приобретенного (онтогенетич.) опыта (А. Н. Промптов и Л. В. Крушинский).

У беспозвоночных животных инстинктивная деятельность преобладает по сравнению с индивидуально приобретенной и достигает большой сложности. Инстинктивное поведение в основном является стереотипным и целесообразным лишь при постоянстве внешних условий, а при резком изменении условий оно становится нецелесообразным (напр., при нарочитом продырявливании человеком ячеек в сотах пчелы продолжают наполнять ячейки медом). Однако уже у насекомых наблюдается на фоне постоянства инстинктивной деятельности ее пластичность, изменчивость в деталях. Это дает возможность перестройки инстинктивного поведения насекомых посредством постепенного изменения внешних условий и выработки желаемых для человека навыков путем образования условных рефлексов. Так, напр., используя И. медосбора пчел, их можно выдрессировать на посещение определенных видов цветов в целях повышения перекрестного опыления полезных с.-х. растений (напр., клевера). В своих специальных исследованиях рус. ученые В. А. Вагнер и С. И. Малышев доказали эволюц. изменение И. у насекомых и паукообразных. У позвоночных животных участие условнорефлекторных связей в поведении значительно больше, чем у беспозвоночных; оно возрастает в филогенезе и по мере развития особи и обогащения ее связей со средой. Для проявления И. необходимо наличие безусловных сигнальных стимулов, напр. половой И. птиц и млекопитающих пробуждается при появлении комплекса эколого-сексуальных факторов. Для птиц сигнальными раздражителями являются: длина светового дня, гнездовой микроландшафт и др. (Ю. А. Васильев), для млекопитающих (копытных) — резкий температурный скачок, внезапное появление зелени, особи другого пола и др. (А. А. Машковцев).

И. у человека играют подчиненную роль, т. к. его поведение определяется общественным бытием, социальными отношениями и складывается на базе специфич. форм *высшей нервной деятельности*, к-рые тормозят и держат под своим контролем И. Психика человека в результате его общественно-историч. развития качественно отличается от психики животных. Поведение человека носит сознательный характер. Теории определяющего влияния И. на поведение человека (*Фрейдизм* и др.) опровергаются наукой и реакционны по социальному содержанию. См. также *Поведение*.

Лит.: Дарвин Ч., Инстинкт, 2-е посм. изд., СПб, 1896; Морган Л., Привычки и инстинкт, пер. с англ., СПб, 1899; Циглер Г. Э., Инстинкт. Понятие инстинкта прежде и теперь, пер. с нем., П., 1914; Вагнер В. [А.], Биологические основания сравнительной психологии, т. 1—2, СПб—М., 1910—13; его же, Что такое инстинкт, СПб—М., [б. г.]; Боровский В. М., Психическая деятельность животных, М.—Л., 1936; Васильев Г. А., Физиологический анализ некоторых форм птенцового поведения, в сб.: Рефераты работ учреждений отделения биологических наук АН СССР за 1941—43, М.—Л., 1945; Губин А. Ф., Мелосные челы и опыление красного клевера, М., 1947; Промптов А. Н., Об условнорефлекторных компонентах в инстинктивной деятельности птиц, «Физиологический журнал СССР», 1946, т. 32, № 1; его же, Очерки по проблеме биологической адаптации поведения воробьиных птиц, М.—Л., 1956; Гих Н. А., Онтогенез поведения обезьян. Формирование рефлексов целения и хватания у обезьян, в сб.: Тр. Сухумской биологич. станции Акад. Медицинских наук СССР, т. 1, М., 1949; Машковцев А. А., Значение для биологии учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, «Усп. современной биологии», 1949, т. 28, вып. 4; Павлов И. П., Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных, Полн. собр. соч., 2 изд., т. 3, кн. 1—2, М.—Л., 1951; Фролов Ю. П., От инстинкта до разума, М., 1952; Слоним А. Д., Экологический принцип в физиологии и изучение инстинктивной деятельности животных, в сб.: Материалы совещания по психологии (1—6 июля 1955), М., 1957; Ладыгин Котс Н. Н., Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958; Малышев С. И., Перепончатокрылые, их происхождение и эволюция, М., 1959; Крушинский Л., Инстинкт, БМЭ, 2 изд., т. 11.

Н. Лавыгина-Котс. Москва.

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ — первое по времени основания и крупнейшее в СССР науч.-исследоват. учреждение в области психологии. Был создан на частные средства в 1912 при историко-филологич. фак-те Моск. ун-та по инициативе зав. кафедрой философии проф. *Челпанова*. Под его руководством И. п. стал одним из самых больших и лучших по оборудованию в мире центров экспериментальных психологич. исследований. Но теоретич. позиции И. п. были идеалистическими в соответствии с субъективистскими, антиматериалистич. взглядами самого Челпанова. В первые годы Сов. власти И. п. продолжал оставаться оплотом идеализма. Борьба против «челпановской» психологии развернулась в 1921—23. Выдающуюся роль в ней сыграл проф. *Корнилов*, призывавший к перестройке психологии на основах марксизма. Борьба закончилась разгромом старых позиций И. п. и его коренной реорганизацией; руководителем ин-та стал К. Н. Корнилов (1923—30). Психологич. концепция, развивавшаяся Корниловым в 20-х гг., заключала в себе, однако, ряд ошибочных положений и была подвергнута острой критике на т. н. реактологической дискуссии в И. п. в 1930—31. В это же и последующее время развернулись дискуссии и по др. кардинальным проблемам психологии. Особо важную роль в работе И. п. сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936), положившее начало новому этапу в развитии сов. психологии. С ликвидацией лженауч. педологии все большее место в деятельности И. п. занимает исследование по детской и педагогич. психологии, в к-рых находит осуществление принцип связи психологии с жизнью. Директорами И. п. в это время были В. Н. Колбановский (1932—37), К. Н. Корнилов (1938—41).

В годы Великой Отечеств. войны И. п. включился в работу по оборонной тематике. Предметом изучения становятся: повышение зрительной и слуховой чувствительности бойца, восстановление функций, утраченных в результате ранения, методы обучения разным воен. специальностям и т. п. В этот период И. п. возглавлял С. Л. Рубинштейн (1942—45).

С 1944 И. п. вошел в систему учреждений АПН РСФСР. Во главе его встал А. А. Смирнов, являющийся директором ин-та по наст. время. Исследования ин-та теперь развиваются по двум осн. руслам: общая психология, детская и педагогич. психология. В наст. время И. п. имеет три отдела: отдел общей психологии,

объединяющий лаборатории: а) психофизиологии, б) восприятия и памяти, в) мышления и речи, г) психологии труда и производств. обучения; отдел возрастной психологии в составе лабораторий: а) психологии детей дошкольного и дошкольного возраста, б) психологии школьника младшего возраста, в) психологии школьников среднего и старшего возраста; отдел педагогич. психологии с лабораториями: а) психологии общего и политехнич. образования, б) психологии трудового обучения в школе, в) психологии воспитания, г) психологии способностей. Ведется работа в области истории психологии. И. п. располагает также научно-технич. лабораторией и экспериментальными лабораториями в тех школах-базах, где проводятся психологич. исследования.

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ Академии наук СССР — центральное н.-и. учреждение Сов. Союза, ведущее исследование во всех отраслях филос. науки. Находится в Москве. Основан в 1936 на базе Ин-та философии Коммунистич. академии при ЦИК СССР.

Ин-т философии Коммунистич. академии создан в 1928 на основе существовавшей с 1927 в Комакадемии секции философии (до 1923 — Ин-т науч. методологии). В 1929 в И. ф. Комакадемии влился Ин-т науч. философии РАИОНА и в 1931 — Ин-т красной профессуры философии и естествознания (существовал с 1921). С 1930 в Ленинграде существовал И. ф. Ленинградского отделения Комакадемии, переданный в 1936, как и московский И. ф. Комакадемии, в систему АН СССР. Первый директор Ин-та философии Комакадемии — А. М. Деборин (до 1931), затем В. В. Адоратский (с 1931). В 1930 при директорате был создан Ученый совет. Структура И. ф. Комакадемии неоднократно изменялась в зависимости от задач, направлений и методов исследований. Осн. ячейками являлись секции (либо бригады).

И. ф. Комакадемии имел широкий фронт исследований, организовывал дискуссии, науч. конференции, выпустил в свет большое количество книг и статей, ряд учебников, публиковал труды классиков мировой философии. Ин-т вел большую пропагандистскую работу, особенно через входившее в его состав Общество воиствующих материалистов-диалектиков, имевшее центральное и местные отделения. В 1929—30 в ин-те велась работа по рабуров записей В. И. Ленина по философии и по изучению диалектики в «Капитале» К. Маркса. Секцией историч. материализма наряду с изучением домарксистских обществ. теорий готовились работы по науч. коммунизму и ленинизму, а также по бурж. и реформистской социологии периода империализма. Все секции ин-та готовили и издавали Философскую энциклопедию (в свет не вышла). С 1931 ин-т организовывал социологич. исследования, разрабатывал методологич. проблемы науки. В 1931 совм. с Госпланом разрабатывались темы: «Методологические проблемы технической реконструкции СССР», «Методологические проблемы социалистического планирования»; совм. с Колхозцентром и Наркомом — «Колхоз как социалистическая форма общественных отношений». Разрабатывались комплексные темы совм. и с др. ин-тами. С 1932 для внутр. пользования велись обзоры рус. и иностр. филос. лит-ры; часть из них публиковалась в журн. «Вестник Коммунистической Академии». Осн. статьи сотрудников ин-та публиковались как в этом органе, так и в журн. «Под знаменем марксизма». После 1931 в ин-те развернулась работа по освещению и популяризации ленинского этапа в развитии философии марксизма. В работах этого периода подчеркивалось значение ленинских оценок истории философии, роль в развитии марксизма труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Началось исследование актуальных проблем социалистического строительства.

Руководство И. ф. АН СССР. Первым директором И. ф. АН СССР был В. В. Адоратский (с 1936). Затем директорами были П. Ф. Юдин (с 1939), В. И. Светлов (с 1944), Г. С. Васецкий (с 1946), Г. Ф. Александров (в 1947—54), П. Н. Федосеев (в 1956—62). С 1962 директор И. ф. — Ф. В. Константинов.

С октября 1938 И. ф. входил в состав Отделения истории и философии АН СССР, с августа 1953 — в состав Отделения экономич., филос. и правовых наук; с июня 1962 входит в состав Отделения филос. и правовых наук.

Структура И. ф. неоднократно изменялась. Основными ячейками, в к-рых сосредоточена н.-и. работа, всегда оставались секторы; в случае необходимости в них организовывались творч. группы по отд. проблемам. В 1962 в составе И. ф. имеются 14 секторов: диалект. материализма, историч. материализма, филос.

вопросов естествознания, эстетики, этики, атеизма, исследования новых форм труда и быта, психологии, истории философии в СССР, философии и социологии стран Востока, подготовки всемирной «Истории философии», совр. бурж. философии и социологии стран Запада, социалистич. культуры, логики. В ряде секторов имеются творч. группы.

В И. ф. пять ученых советов: общенститутский, три проблемных (по проблемам диалект. материализма, по проблемам истории философии) и объединенный. На ученых советах рассматриваются и обсуждаются теоретич. проблемы философии, крупные научно-организац. вопросы, утверждаются планы науч. исследований, подготовленные к печати и вышедшие в свет труды сотрудников И. ф. и философов др. учреждений, защищаются докторские и кандидатские диссертации, заслушиваются доклады крупнейших ученых различных отраслей знания.

И. ф. ведет работу по подготовке науч. кадров. В 1939 на И. ф. была возложена филос. подготовка аспирантов всех научных учреждений АН СССР. При И. ф. для этого была организована специальная кафедра философии, впоследствии выделенная как самостоят. учреждение АН СССР. В 1939 И. ф. было предоставлено право присуждения ученых степеней кандидата и доктора филос. наук. Канды научных работников готовились и готовятся через докторантуру (с 1940; упразднена в 1956) и аспирантуру. В 1961 в И. ф. обучалось 100 аспирантов.

Выросли штаты И. ф.: в 1951—139 сотрудников, из них 79 научных; в 1961—244 сотрудника, из них 183 научных. В 1951 в штате И. ф.: академиков—1, членов-корр.—3, докторов—9, кандидатов—55; в 1961: академиков—1, членов-корр.—4, докторов—18, кандидатов—94.

И. ф. ведет научные исследования по разделам: диалект. материализм; историч. материализм; конкретные социальные исследования; история философии; история рус. философии и философии народов СССР; совр. бурж. философия и социология; философия естествознания; логика; психология; проблемы культуры, этики, эстетики; науч. атеизма.

В 1961—62 И. ф. ведет исследования по след. осн. направлениям: закономерности развития коммунист. общества и его культуры, новые формы труда и быта, коммунистич. воспитания нар. масс; вопросы этики, эстетики и атеизма; диалект. материализм и совр. естествознание; ленинский этап философии марксизма; борьба с бурж. идеологией, реформизмом и ревизионизмом.

Проводимые конкретные социологич. исследования показывают изменение социальной структуры СССР в период развернутого строительства коммунизма. Исследуются процессы стирания существенных различий между умств. и физич. трудом, между городом и деревней, роста культурно-технич. уровня рабочего класса и колхозного крестьянства, изменения быта в период развернутого строительства коммунизма.

Разработка закономерностей коммунистич. общества связана с изучением коренных вопросов совр. междунар. развития—таких, как мирное сосуществование и соревнование двух систем, установление прочного мира во всем мире.

Исследуются проблемы материалистич. диалектики, методологич. проблемы совр. науки, ведется широкое изучение ленинского этапа в философии марксизма, идеологич. проблем совр. коммунистич., рабочего, нац.-демократич. и национально-освободит. движения. Создаются труды по истории развития философской, социологич. и общественно-политич. мысли народов

СССР и др. стран мира, дается критика совр. бурж. философии и социологии, разоблачение реакц. идеологии антикоммунизма, различных реформистских и ревизионистских «теорий».

И. ф. осуществляет координацию науч. работы в области философии, поддерживая тесную творч. связь с др. филос. учреждениями СССР и в первую очередь с Академиями наук союзных республик, в составе к-рых есть ин-ты и сектора философии, с Академией обществ. наук при ЦК КПСС, с Высшей парт. школой при ЦК КПСС, с Моск. ун-том, с кафедрами вузов, с отраслевыми академиями, министерствами. В подготовке трудов И. ф. принимают участие ученые стран нар. демократии. Координация науч. исследований осуществляется спец. науч. советами, в состав к-рых входят крупнейшие ученые страны. Научные советы состоят при АН СССР. Таких советов два: по филос. вопросам естествознания (пред. — П. Н. Федосеев), по науч. атеизму (пред. — Ю. П. Францев). Координац. комиссию по проблемам эстетики возглавляет М. А. Дынский. В 1962 создана секция «Развитие коммунистич. обществ. отношений» (пред. — Ц. А. Степанян), входящая в Научный совет «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму» (пред. — Л. Ф. Ильичев) при АН СССР.

Издание исследований И. ф. из года в год увеличивается. В 1951 издано 9 книг общим объемом 207 п. л., в 1957 — 24 книги объемом 465 п. л., в 1961 — 36 книг объемом 700 п. л.

Сотрудники И. ф. участвовали в подготовке к печати ряда трудов классиков марксизма-ленинизма. Изданы избр. филос. произведения М. В. Ломоносова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Г. В. Плеханова и др. Под редакцией сотрудников И. ф. были подготовлены науч. издания произведений Аристотеля, Демокрита, Лукреция, Бэкона, Спинозы, Пристли, Руссо, Кондильяка, Гельвеция, Гольбаха, Робинсона, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фурье и мн. др.

Среди крупных трудов 1950—61 коллективные труды: «Исторический материализм» (1950, переведен на чешский 1952, кит. 1955, и др. яз.), «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» в 2 томах (1955—56, т. 1, переведены на кит. яз. 1959), 5 томов «Истории философии» [1957—61, в течение 1958—61 переведены на болг., польский, рум., кит., япон., исп. (Мексика), яем., вьетнамский и венг. яз.], «Основы марксистской философии» (1958, 2 изд. 1962).

Актуальным проблемам коммунистич. строительства посвящен коллективный труд «О закономерностях возникновения и развития социалистического общества» (1960). Вопросам усиления роли общественности в период развернутого строительства коммунизма посвящен коллективный труд «От социалистической государственности к коммунистическому общественному самоуправлению» (1961). Критика идеалистич. теорий обществ. развития дана в коллективном труде «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии» (1960). Созданы труды: «Великое произведение воинствующего материализма. О книге В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“» (1959), «Философские вопросы естествознания» (ч. 1—2, 1958—59), А. Ф. Шишкин «Из истории этических учений» (1959); «Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики» (1960), «Применение логики в науке и технике» (1960), «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» (1961), «Великая хартия коммунистических и рабочих партий» (1961), Е. М. Сахарова «Основы марксистско-ленинской эстетики» (1961); «Общественное и личное» (1961), «Основы научного атеизма» (1961), В. М. Кедров «О

повторяемости в процессе развития» (1961); «Философские вопросы современной формальной логики» (1962), «Новейшие приемы защиты старого мира» (1962).

Совместно с Гос. науч. изд-вом «Сов. Энциклопедия» издается фундаментальная «Философская энциклопедия» (в 1960 вышел 1-й том).

С 1946 И. ф. выпускал «Философские записки». С 1947 издается журнал «Вопросы философии».

И. ф. имеет науч. кабинет и библиотеку (организована как самостоятельная в 1936). При б-ке есть спец. фонд, в к-ром хранятся машинописные и отпечатанные на ротатипе переводы, обзоры, рефераты совр. иностр. филос. лит-ры. Библиотечный фонд на 1 янв. 1962 равен 54300 библиотечных единиц. Б-ка ведет книгообмен с б-ками Сов. Союза и зарубежными; обслуживает по межбиблиотечному абонементу науч. учреждения др. городов.

С 1953 значительно расширились связи И. ф. с зарубежными учеными. В И. ф. приезжают философы многих стран мира для ознакомления с работой И. ф., для чтения докладов и лекций. Сотрудники И. ф. участвуют в междунар. филос. и социологич. конгрессах, выезжают в науч. командировки за границу.

В 1958—61 И. ф. посетили свыше ста сорока зарубежных философов, за границу выезжало свыше ста сов. философов. Сотрудники И. ф. участвовали в работе: XII Междунар. филос. конгресса в Венеции (1958), IV Междунар. социологич. конгресса в Милане и Стресе (1959), Междунар. конгресса по вопросам логики, методологии и философии науки в США (1960), IV Междунар. конгресса по эстетике в Афинах (1960), присутствовали на нац. конгрессах VII сессии Пакистанского филос. конгресса (1960), Всеяпон. съезде работников рабочего просвещения в Токио (1960), VIII сессии Пакистанского филос. конгресса в Карачи (1961). В 1962 большая группа сов. философов приняла участие в работе V Междунар. социологич. конгресса в Вашингтоне.

В 1958 при И. ф. создана Сов. социологич. ассоциация (пред. — Ю. П. Францев), поддерживающая регулярную связь с Междунар. социологич. ассоциацией. И. ф. — член Междунар. филос. федерации (постоянные представители И. ф. в ней — М. Э. Омеляновский и А. Ф. Шишкин). И. ф. поддерживает связь с Междунар. ин-том философии (создан в 1937 в Париже на Декартовском конгрессе), для междунар. «Библиографии философии» к-рого высылает аннотации выходящих в СССР книг по философии. В течение 1958—60 И. ф. в порядке книгообмена послал филос. лит-ру: в капиталистич. страны — 335 названий; в страны нар. демократии — 277 названий.

Н. Панкратова. Москва.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ — одно из течений совр. бурж. политич. науки и конституц. права, сложившееся в 20—30-е гг. 20 в. во Франции (М. Орну, Ж. Ренар). Проблематика И. — политич. власть в обществе, прежде всего в совр. бурж. обществе. И. спекулирует на наличии в этом обществе значит. числа политич., экономич., религ. и др. организаций и объединений (партии, церковь, профсоюзы, предприятия, союзы, корпорации и т. п.), подводимых им под распыляемое и абстрактное понятие «институция» (франц. institution, от лат. institutum — устройство, установление). С т. зр. И. гос-во — это хотя и важная, но лишь одна из многих «институций», осуществляющих политич. власть, точно так же как право, создаваемое гос-вом, есть лишь одно из многих прав, существующих в обществе. При таком подходе затушевывается подлинная роль капиталистич. гос-ва как гл. орудия политич. власти буржуазии. В наличии многих «институций» в бурж. обществе И. видит доказательство его «демократизации»

и даже «социализации». В этой связи И. выступает как теоретич. основа модного бурж.-реформистского лозунга «плюралистической демократии» (Файнер, Стрейчи и др.), изображающей политич. организацию совр. бурж. общества в виде коллективного властвования различных (бурж., рабочих и иных) орг-ций, якобы уравнивающих друг друга.

Идеи И. нашли значит. отклик в клерикальной, особенно католич., лит-ре, в к-рой подчеркивается значение церкви и различного рода религ. орг-ций в жизни бурж. общества.

Лит.: История политических учений, 2 изд., М., 1960, с. 840—46; Левин И. Д., Современная буржуазная наука государственного права, М., 1960, гл. 4; Гулиев В. Е., Несостоятельность буржуазных идей «плюралистической демократии», «Советское государство и право», 1961, №8; Ориу М., Основы публичного права, пер. с франц., М., 1929; Renard R. P. G., L'institution, P., 1933; Романо С., Principi di diritto costituzionale generale, Mil., 1946; Burgdeau G., Traité de science politique, t. 2, P., 1949; Finer S. E., Anonymous empire, L., [1958]. В. Туманов. Москва.

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ — разновидность *прагматизма*, разработанная Дьюи. И. считает сознание (интеллект, по Дьюи) в виде логич., эthic. и эстетич. форм одним из средств приспособления к изменяющимся условиям среды.

Центральным понятием И. является понятие ситуации — ограниченной в пространстве и времени области, в к-рой различимы: организм, или центр, и среда. В качестве организма могут выступать животное, человек, общество, любая физиологич. или социальная структура. В зависимости от организма, от его деятельности, среда приобретает черты определенности, устойчивости, повторяемости. Воздействие организма на среду носит теоретико-практич. характер и направлено к решению проблемы. Деятельность исключает из среды элементы неопределенности. Средства, к-рые использует организм для достижения определенности, рассматриваются как инструменты упорядочения (приспособления), — отсюда и название филос. течения. Стремясь, как и прагматизм, уклониться от ответа на *основной вопрос философии*, И. вводит в систему инструментов упорядочения на равных правах идеи, науч. теории, язык, части тела, машины, средства связи и сообщения. Проблема отношения мышления к бытию подменяется проблемой отношения организма к среде. За первичное берется организм-субъект. Т. о., И. может рассматриваться в качестве одной из многочисл. разновидностей *субъективного идеализма*, поскольку, согласно этой концепции, все без исключения свойства среды производны от организма. (Объективная закономерность природы отрицается, и в этом пункте И. идет дальше прагматизма, к-рый признавал природу как нек-рый порядок, а ее законы как правила игры. И. искажает объективную картину действительности по двум направлениям: а) рассматривает мир как цепь ограниченных во времени и в пространстве ситуаций, к-рые соотношены с субъектом; б) отрицает объективную закономерность мира.)

В гносеологии И. рассматривает сознание исключительно в функциональном плане как один из инструментов решения проблемы. В акте познания различаются чувственное и рациональное; первое — описывает и ограничивает проблему, второе — вносит определенность, предлагает решения, организует деятельность. Истина как отражение материальной действительности отрицается, но признается истина функциональная («свойство деятельности, а не бытия»). Причем, в отличие от *Джемса*, под истиной понимается не эthic. или психологич., а практич. решение (решение проблемы в рамках ситуации, автоматизм поведения и т. д.). Отрицая закономерность объективного мира, зависимость сознания от материи, И., естественно, вынужден отрицать закономерный ха-

рактер самого сознания. Со стороны структуры, генезиса, функции сознание объявляется принципиально непознаваемым. Подчеркивается гипотетич. характер знания, отвергается внутр. связь в развитии науч. знания. Общие категории и теории истолковываются как случайные изобретения или стихийно сложившиеся привычки интелектуального поведения. Сознание и материя противостоят в И. друг другу как две непознаваемые области, связанные функциональной способностью. Сама функциональная способность предстает как чудо, а любая попытка научно анализировать основы функциональной способности заранее объявляется ненаучной.

Абсолютизируя функциональную сторону мыслит. деятельности и практич. ценность истин как автоматизмов поведения, И. отказывается рассматривать содержательную сторону процесса познания, находя саму постановку вопроса о содержании метафизической. Абсолютизация функции в И. — одна из форм защиты *агностицизма* и релятивизма, ибо, как отмечал Ленин, «считать истину инструментом познания — значит переходить уже по пути дела на сторону агностицизма, т. е. покидать материализм» (Соч., т. 34, с. 366). Агностицизм И. проявляется в анализе событий и явлений без учета их генезиса, содержания, причинной обусловленности, в ограничении исследования описанием процедуры.

Субъективизм и функциональная концепция истины, снимающая вопрос об объективном содержании наших знаний, открывают широкую дорогу *волюнтаризму* и служат в И. для рассмотрения политич., религ. и педагогич. идей как обществ. инструментов упорядочения. Все эти идеи оказываются производными от социальной структуры, имеют смысл лишь постольку, поскольку они «инструментальные», т. е. служат интересам определ. обществ. групп независимо от их объективной истинности, от их подлинного науч. значения. В волюнтаристском, ненаучном подходе к анализу политич., моральных и религ. идей наиболее явственно проступает реакц. содержание И., его прислужничество перед амер. империализмом. Дьюи прямо призывал стерилизовать и отточить т. н. интелектуальный инструментарий для решения политич. и моральных проблем в интересах «американской демократии». В совр. бурж. философии, в частности в *операционализме*, идеи И. пользуются широкой популярностью.

Лит.: Корнфорт М., В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма, пер. с англ., М., 1951; Мельвилль Ю. К., Американский прагматизм. Лекции, М., 1957; Курсанов Г. А., Гносеология современного прагматизма, М., 1958; Кроссер П. К., Нигилизм Дж. Дьюи, пер. с англ., М., 1958; Dewey J., Experience and nature, Chi.—L., 1926; его же, The quest for certainty, N. Y., 1929; его же, Logic. The theory of inquiry, N. Y., [1938]; его же, Reconstruction in philosophy, [2 ed.], Boston, [1949].

М. Петров. Ростов-на-Дону.

ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫЕ (от лат. *integer* — целый и франц. *dés...* — приставка, означающая отрицание, уничтожение) — понятия, к-рыми в бурж. социологии обозначаются процессы объединения социальных явлений в единое целое и распадение целого на элементы. Интеграция — гармонизация и объединение различных социальных групп (классовая интеграция), ассимиляция различных культурных элементов в единой гомогенной культуре (культурная интеграция), примирение и совпадение разных моральных норм (моральная интеграция) и т. д. Дезинтеграция — процессы разложения и распада общества на враждующие группы и группировки, группы — на индивидов, преследующих личные, а не обществ. цели, и т. д. Состояние интеграции и дезинтеграции и взаимопереходы этих состояний являются, согласно бурж. социологии, гл. моментами процесса обществ. развития.

Учения о социальной интеграции и дезинтеграции развивали *Конт, Спенсер, Дюркгейм, Зиммель, Гиддингс, Смолл, Росс, Знанецкий, Сорокин, Мак-Айвер, Богардус, Виаз, Парсонс* и др.

В этом учении ярко проявляется идеализм бурж. социологии: движущей силой социального единства людей и социальных конфликтов считаются факторы духовной жизни общества — моральное единство людей или разложение общей системы ценностей (см. P. Sorokin, *Society, culture and personality...*, 1947; H. E. L. Faris, *Social disorganization*, 1948; H. W. Odum, *American social problems...*, 1946; E. S. Bogardus, *Sociology*, 1941). На этой основе бурж. социологи извращают существо и истинные причины таких социальных явлений, как революция и борьба классов, сводя их к противоречиям и борьбе в идейной сфере (см. K. Mac Iver, *Society: its structure and changes*, 1931; C. Brinton, *The anatomy of revolution*, 1938; P. Sorokin, *Man and society in calamity*, 1943).

Методологич. основой теорий социальной интеграции и дезинтеграции являются механистич., антидиалектич. представления, исходящие из теории равновесия (см. *Равновесия теории*).

Антинауч. характер носят широко распространенные попытки бурж. социологов применить для объяснения процессов объединения и разъединения социальных групп и факторов законы и модели точных наук — физики, химии и т. д. (см. G. Lundberg, *Foundations of sociology*, 1939; S. C. Dodd, *Dimensions of society*, 1942; J. W. Bews, *Human ecology*, 1935). В качестве состояния социальной интеграции в совр. капиталистич. обществе бурж. социологи пропагандируют установление классового мира, классового сотрудничества (см. E. Mayo, *The social problems of an industrial civilization*, 1945; *Industry and society*, 1946).

Учения о И. и д. с. в совр. бурж. социологии имеют реакц. идеологич. смысл и направлены против марксистского понимания развития общества. Их целью является затупевывание классовых противоречий капиталистич. общества.

Лит.: Спенсер Г., *Основания социологии*, пер. с англ., т. 1—2, СПб., 1876—77; Дюркгейм Э., *О разделении общественного труда*, пер. с франц., О., 1900; Зиммель Г., *Социальная дифференциация*, пер. с нем., М., 1909; Парк Р. Е., Burgess E. W., *Introduction to the science of sociology*, Chi., 1921; Mumford L., *Technics and civilization*, N. Y., 1934; его же, *In the name of sanity*, N. Y., 1954; Росс Е. А., *Principles of sociology*, 3 ed., N. Y.—L., 1938; Elliot M. A. and Merrill F. E., *Social disorganization*, revised ed., N. Y.—L., 1941; Gillette J. M., Reinhardt J. M., *Problems of a changing social order*, N. Y.—L.—Toronto, 1942; Gillin J. L. [a. o.], *Social problems*, 4 ed., N. Y., 1952. *Н. Новиков*. Москва.

ИНТЕЛЛЕКТ (от лат. intellectus — разумение, познание). В истории философии понятие И. встречается в обр. в идеалистич. системах для обозначения «чистой», активной силы мышления, принципиально отличающейся своим творч. характером от пассивных чувственных форм познания. Эта сила, или способность, трактовалась как исключит. особенность, характеризующая разумное существо, человека. В идеалистич. системах психологии И. как особая разумная способность обычно противопоставлялся двум другим силам души — чувству и воле. В домарксистской философии проблема И. играла важную роль, поскольку с понятием И. связывались сущность и специфика человека. Диалектич. материализм выделяет И. как гносеологич. категорию, отличную от понятия *мышления*. Им было доказано, что мышление не является некоей изначальной способностью души, а есть функция мозга, к-рая возникла и развилась в результате формирующего воздействия на человека общественно-трудо-вой деятельности. В свете этой теории получили объяснение происхождение и развитие способности мышления. Тем самым мышление потеряло признак

исключительности, к-рым его наделила историко-философская и психологич. традиция и к-рый получил отражение в содержании понятия И. В ходе преодоления идеалистич. трактовки мышления диалектич. материализм фактически перестал пользоваться термином «И.» как особым понятием. Классики марксизма в филос. произведениях, посвященных вопросам теории и истории познания и мышления, термин «И.» не употребляют. Поскольку в марксистской лит-ре встречается это слово, оно употребляется как синоним понятия мышление.

В др.-греч. философии понятию И. ближе всего отвечает термин *νοῦς* (см. *Нус*), в идеалистич. интерпретации Платона и нек-рых последующих философов. Согласно Платону, нус — это то, что отличает человек. душу от животной. Платон различает в душе человека интеллектуальную способность, направленную на понятийное содержание вещей (к-рым они причастны к идеям), и чувственное восприятие. Нус (И.), по Платону, является творч. началом, надындивидуальным по природе, приобщающим человека к божеств. миру. Это воззрение в принципе разделяет и *Аристотель*, расходясь с Платоном в толковании источника и характера понятийного содержания вещей. Последнему в философии Аристотеля отвечают формы, к-рые воспринимаются «пассивным» И. (*νοῦς παθητικός*). Этот И.— преходящий, смертный. Но человек. душе свойствен также «активный» И. (*νοῦς ποιητικός*) — духовная сила осуществления форм, сила мышления, актуализирующая мысли «пассивного» И. (см. «О душе» III,5). Эти актуализирующие качества «активного» И. сближают его с *энтелехией* и поэтому являются в абсолютном выражении определением бога. «Активный» И.— непреходящее, бессмертное начало человек. души. В концепциях И. у Платона и Аристотеля обнаруживается понимание в идеалистич. превратном виде того факта, что идеальное как отражение всеобщего есть результат не созерцания, а специфически человек. деятельности. Поэтому для них И. есть сила, определяющая человека. Рассматривая силу знания как силу творения, Платон и Аристотель сформулировали основу идеалистич. понимания И., влияние к-рой ощутимо на всем протяжении развития идеализма. В *неоплатонизме* и *гностицизме* платоновская концепция И. была интерпретирована в мистич. духе учением об *эманации*, в к-ром И. рассматривался как первая ступень нисхождения (истечения) мира из единого, «неизреченного» начала. И. есть средоточие сверхчувств. идей — действующих сил «истинного бытия» (*Плотин, Василид*).

В ср.-век. философии понятие И. занимает одно из центр. мест. Это объясняется тем, что идеалистич. учение о творящей силе разума в церк. философии получает буквальное, теологич. истолкование. Концепция И. в философии средних веков проходит три этапа развития. У арабов (*Ибн Сина, Ибн Рошд*) и в ранней схоластике (*Иоанн Скот Эрригена, Ансельм Кентерберийский*) понятие И. строится под явным влиянием неоплатонич. учения об эманации божеств. И. в мир вещей. Для периода расцвета *схоластики* (12—13 вв.) характерны отказ от теории эманации и обращение к теологически истолкованному учению Аристотеля о форме как энтелехии. В этом обнаруживается стремление ограничить значение И. в познании и подчинить его вере, откровению. Так, уже представители мистич. течения в католицизме *Бернар Клервоский* и *Гуго Сен-Викторский* противопоставляли познание посредством И. познанию посредством откровения как низшие и высшие виды познания. Во взглядах Гильома из Оверни (ум. 1249), *Альберта фон Большедта* и *Фомы Аквинского* И. из общемирового начала превращается в способность

души человека, а именно — в образ бога в душе. Своеобразие ср.-век. реализма в интерпретации Фомы Аквинского состоит в том, что общее как таковое, как «истина в боге», хотя и признается первичным, первой реальностью, но И. познает его не непосредственно, а через посредство познания общего (видовых понятий, форм) в вещах. Благодаря этому И. может переходить к дискурсивному (рассудочному) познанию. Наконец, поздняя схоластика вообще пришла к отрицанию реальности общих понятий и потому стала рассматривать И. уже только как пассивное познават. свойство души (*Иоанн Дунс Скот*). Поэтому И. был совершенно исключен как орган познания бога, к-рое целиком осталось за верой.

В философии Возрождения и нового времени вопрос о природе И. был областью, в к-рой дольше всего держались представления, заимствованные из ср.-век. философии. *Николай Кузанский* рассматривал И. как наивысшую духовную силу, проникающую к сверхчувств. истинам и единству противоположностей, Дж. Бруно усматривал «первый И.» в идее «всего». Даже у родоначальника материализма нового времени Ф. Бэкона И. есть сила разумной души, к-рая, в отличие от чувственной души, не может быть предметом науч. познания, а относится к области теологии, хотя наука в полную меру пользуется И. как орудием науч. познания. Гассенди также проводит различие между чувств. и разумной душой и рассматривает И. как способность последней образовывать абстракции. Преодоление этих ср.-век. влияний связано с характерным для бурж. философии 17—18 вв. радикальным изменением методологич. центра: противопоставлением теоцентрич. методу схоластики антропоцентризма в теории познания. Она получила отчетливое выражение в господствовавшей в философии нового времени концепции И. как «естественного света» (*Lumen naturalis*), согласно к-рой И. есть природная способность человека к постижению сущности вещей, являющаяся врожденным орудием познания. Очень ясно эта концепция выражена в рационализме 17 в., в частности у Спинозы. Человека Спиноза повмывает как «мыслящую вещь», к-рая по своей природе производна по отношению к двум атрибутам природы (иначе — бога, субстанции) — протяжению (тело) и мышлению (душа, разум). Единство тела и души обусловлено единством природы. Поскольку, т. о., разум не есть ни психич. способность индивида, ни особый нематериальный дух, понятия разума и И. в философии Спинозы совпадают. И. обладает идеями от природы. Подобно тому, как люди с помощью природных способностей (являющихся, так сказать, естеств. орудиями) создают более совершенные орудия труда, «... так и разум природной своей силой создает себе умственные орудия..., от которых обретает другие силы для других умственных работ...» (Спиноза Б., Трактат об усовершенствовании разума..., др. перевод: «Трактат об очищении интеллекта», по-латыни: «Tractatus de intellectus emendatione», см. Избр. произв., т. 1, М., 1957, с. 329). Спиноза рассматривает также и чувства, волю, желания, любовь — вообще весь мир аффектов как производный по отношению к И. В истинном познании сливаются определения как И., так и чувств. влечений и моральных чувств. Это единство познания и морали выражено у Спинозы в понятии «интеллектуальной любви к богу» (*amor dei intellectualis*).

Хотя в вопросе о природе познания рационалисты распадались на идеалистов (*Декарт*, *Лейбниц*) и материалистов (*Спиноза*, *Де Рюа*), однако они были согласны в трактовке И. как врожденной природной способности человека. Эта идея была точкой схождения и в принципиальном теоретико-познават. споре между рационализмом и сенсуализмом в 17—18 вв.

Рационалисты признавали высшей формой познания т. н. интеллектуальную интуицию, в то время как сенсуалисты считали источником познания ощущения. Однако уже у *Гоббса* И. рассматривается как «естественный свет». Локк, к-рому принадлежит классич. формула сенсуализма «*nihil est in intellectu, quod non fuerit prius in sensu*» («нет вишего в уме, чего бы не было раньше в ощущениях»), усматривал в И. особую способность ассоциации идей, к-рая пассивна при восприятии простых идей и активна в качестве способности особого рода при их сопоставлении, соединении, отвлечении и сравнении, благодаря к-рым, по Локку, образуются сложные идеи. У Юма эта мысль получила последовательно-идеалистич. завершение: И. изолирован от чувств. опыта и направлен только на отношения идей. Именно вопрос о природе И. стал пунктом отклонения от материализма как у рационалиста Декарта, так и у сенсуалиста Локка. Последовательно-материалистич. сенсуализм свойствен лишь франц. материалистам 18 в. Поэтому они и не пользуются понятием И., обремененным идеалистич. грузом, но предпочитают говорить об уме, мышлении.

Кант принципиально отверг постановку вопроса как рационалистов, так и сенсуалистов об И. как способности познания. Поскольку, согласно Канту, рассудок не есть способность познания мира, а только форма логич. организации чувств. опыта, объективное знание о мире недоступно. Такое знание, с т. зр. Канта, обладало бы творч. силой. Кант называет его интеллектуальной интуицией, или *intellectus archetypus* (см. «Критика способности суждения», СПб., 1898, § 77, с. 301). Этот И. есть орган познания вещей в себе. Полагая, что объективное их познание, т. е. творение, возможно только для «всеведущего существа», а следовательно, что ему только присущ всеобщий И., Кант считает возможным для человека обладание частным И. в «нравственном сознании» — основании веры в бога и телеологии. понимания мира. Преодоление кантовской вещи в себе у философов классич. нем. идеализма шло по пути развития идеалистич. диалектики. В субъективно-идеалистич. философии Фихте само «Я» (активность мышления) порождает объект мысли, т. е. то, что Кант обозначал как вещь в себе. Этот акт, к-рый Фихте называет дело-действие (*Tathandlung*), есть интеллектуальное созерцание. Шеллинг под интеллектуальной интуицией понимал особый орган познания (свойственный только филос. или художеств. гению), к-рый есть непосредств. созерцание И. предмета как единства противоположностей. Развитая Шеллингом философия тождества субъекта и объекта привела его в конечном счете к иррационалистич. пониманию И. как мифологизирующей силы откровения. Для Гегеля И. (интеллигенция) есть момент развивающегося духа. В гегелевской теории духа и его составной части — И., преодолевается шеллингова иррационалистич. трактовка диалектич. идеи единства (тождества) субъекта и объекта. Гегелю удалось, рассматривая диалектику как движение самого предмета, открыть важные диалектич. характеристики теоретич. мышления, к-рое он под названием «интеллигенция» рассматривает в «Философии духа» как составную часть субъективного духа, а именно — как «теоретический дух». Поскольку для Гегеля дух есть действительность, он проводит различие между сознанием, для к-рого объект остается внешним, и интеллигенцией, к-рая постигает «разумную природу» объекта и «... преобразует таким путем одновременно и субъективность до формы объективной разумности» (Соч., т. 3, М., 1956, с. 242). В этом преобразовании знание из формального становится конкретным и тем самым — познанием истины. Т. о., Гегель

развил идеалистич. диалектику восхождения от абстрактного к конкретному. Это понимание диалектики познания привело его также к выводу, что интеллигенция ограничена субъективным, теоретич. духом, к-рый на пути к истине выходит в объективность, в практику; в формы социального бытия, к-рые суть формы объективного духа. Т. о., в идеалистически извращенном виде Гегель в своей теории духа представил диалектич. соотношение теоретич. познания (интеллигенции) и практики.

Последующее развитие бурж. концепций И. не только не продолжает гегелевской диалектики, но отмечено явными признаками деградации. В основном оно сводится к двум направлениям: иррационалистич. и волюнтаристскому (*Шопенгауэр, Бергсон, Э. Гартман, В. Вундт* и др.) и биологизаторскому, рассматривающему И. только как биологич. функцию (*Спенсер, прагматизм*). При всем внешнем различии этих концепций им обеим свойственно субъективистское толкование И., отрицающее за ним функцию отражения и рассматривающее его как некую частную способность приспособления.

Как проблема экспериментальной психологии И. был выдвинут только в конце 19 в. *Эббингаузом* (см. *Zeitschrift für Psychologie*, 1897, XIII, S. 401). В нач. 20 в. франц. психологи Бине и Симон предложили определять степень умств. одаренности посредством спец. тестов количеств. способом (определение т. п. IQ—Intelligence Quotient). Их работами было положено начало широко распространенной и до настоящего времени в буржуазной психологии прагматической трактовке И. как понятия о такой способности личности, к-рая зависит от культурного уровня индивида и способствует его жизненному успеху. Особенно большое сочувствие и распространение это направление в исследовании И. получило в США. Торндайк, напр., определил И. с позиций *бихевиоризма* как способность к хорошим реакциям с т. зр. истины. Спирмен предложил теорию «двух факторов», в к-рой характеризовал И., с одной стороны, как некую общую (general) энергию мозговой коры, а с др. стороны — как какую-то особую (special) форму выявления этой энергии, выражающуюся в виде к.-л. интеллектуальной одаренности. Разработанная на этой основе система статистич. обработки данных обследования при помощи тестов дала множество модификаций методик (Burt, T. Kelley, H. Hottelling, L. Thurstone, и др., см. J. P. Guilford, *The structure of intellect*, «Psychol. Bull.», 1956, v. 53, № 4), на к-рых выросли совр. теория и метод исследования И. в зап. психологии — факторный анализ.

Клапаред, Штерн и др. определяли И. как психич. способность приспособления (биологич. по природе) к новым условиям. Для Бюлера и Кёлера это определение слишком широко и не вскрывает специфич. особенности И. — структурирования ситуации. Они определяют И. как «неожиданное понимание» («ага»-переживание), внезапно вносящее логич. структуру в ситуацию, требующую от субъекта определ. решения (см. *Insight*). Пиаже, выдвинувший оригинальную теорию И., рассматривает И. в связи с проблемой приспособления. Но последнее он трактует как постоянно возобновляющийся процесс, вызываемый нарушением равновесия между организмом и окружающим миром. Природа И., по Пиаже, двойная — биологическая и логическая. Он есть высшая форма духовного приспособления к среде, поскольку в нем преобладают непосредств. и мгновенные приспособления путем организации стабильных пространств. и врем. логич. структур. По составу И. как деятельность структурирования есть система жизненных, активных операций. В этой концепции И., включающейся в разработанную си-

стему психологич., логич. и гносеологич. взглядов Пиаже, осн. недостатком является трактовка субъекта (человека) и его деятельности в общем в биологич. плане, в результате чего психика наделяется только имманентными характеристиками, а И., соответственно, оказывается понятием, детерминированным онтогенезом индивида.

В зоопсихологии под И. (или «ручным мышлением») высших животных понимаются такие доступные гл. обр. обезьянам реакции, к-рые характеризуются внезапностью решения задачи, легкостью воспроизведения раз найденного решения, переносом его на ситуацию, несколько отличную от исходной, и, наконец, способностью решения «двухфазных» задач (в т. ч. с применением «орудий»). Определение этих способностей животных понятием И. оправдывается тем, что в них действительно наличествуют признаки, отличающие черты преемственности в филогенезе между психикой животных и мышлением человека.

В сов. психологии понятие И. употребляется гл. обр. в теории индивидуально-типологич. особенностей развития личности (см. Б. М. Теплов, Ум полководца, в кн.: «Проблемы индивидуальных различий», 1961, с. 252—343).

Лит.: Мейман Э., *Интеллигентность и воля*, пер. с нем., М. I, 1917; П и о р к о в с к и й К., *Человеческий интеллект*, пер. с нем., Берлин, [1922]; Леонтьев А. Н., *Проблемы развития психики*, М., 1959, с. 184—93; В ö g e K., *Eine Untersuchung über praktische Intelligenz*, Lpz., 1926; S p e a r m a n C., *The nature of intelligence and the principles of cognition*, L., 1927; P i a g e t J., *La psychologie de l'intelligence*, P., 1947; K u m r i a R. R., *Intelligence, its nature and measurement*, 2 ed., Jullundur city, [1950]; H o f s t ä t t e r P. R., *Psychologie*, Fr., M., 1957. М. Туповский. Москва.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ (от лат. *intelligens* — умный, понимающий; знающий; знаток, специалист) — обществ. прослойка, в к-рую входят лица, профессионально занимающиеся умств. трудом. Первые термин «И.» был введен в обиход рус. писателем П. Боборыкиным (в 70-х гг. 19 в.). Вначале слово «И.» обозначало людей культурных, образованных, с передовыми взглядами. В дальнейшем его стали относить к лицам определ. характера труда, определ. профессий. Ленин включал в понятие И. «...всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» (Соч., т. 7, с. 298, прим.).

Предпосылкой появления И. в ее первичных формах было отделение умств. труда от физического, происшедшее на грани первобытнообщинного и рабовладельч. строя. Рядом с огромным большинством, занятым исключительно физич. работой, образовался класс, освобожденный от прямого производства труда и заведующий обществ. делами: руководством в работе, гос. управлением, правосудием, науками, искусством и т. д. (см. Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1957, с. 170). Монополию на умств. труд закрепили за собой эксплуататорские классы. Первой в истории человечества группой И. было жречество — часть класса рабовладельцев.

На практике монополия эксплуататоров на знания не может быть абсолютной. В среде эксплуатируемых классов уже в первые периоды развития классового общества встречаются лица умств. труда. И. господствующего класса была отделена от произв.-а. Технически наиболее одаренные рабы — а именно они являлись тогда авторами большинства производств. изобретений — становились иногда подлинными специалистами. С другой стороны, в рабовство во время войн попадали нек-рые представители привилегированных слоев завоеванных стран (напр., Спартак). Наконец, представители эксплуататорских классов, в своей массе вообще избегавшие всякого труда, готовили для удовлетворения своих потребностей врачей,

учителей, артистов и т. д. из числа рабов и крепостных (домашние учителя и врачи — рабы в антич. Греции и Рвме).

Духовенство, занявшее в эпоху средневековья место жречества как группы, к-рая сделала своей профессией определ. форму идеологич. деятельности, принадлежало к классу феодалов. Как и жречество, духовенство оберегало свое привилегированное положение обладателя знаний, держа массы в темноте и невежестве.

Живя за счет эксплуатации угнетенных классов, мыслители древности и средневековья обычно рассматривали свой умств. труд как форму досуга. Аристотель писал, что человек, к-рый должен работать, чтобы жить, не может быть гражданином (см. Rhet. 19, 1367a; Polit. II 1269 a). Платон издевался над Протагором и другими софистами, к-рые брали плату за обучение. Однако уже в период античности и гл. обр. в средние века появляется свободная служилая И., живущая за счет продажи своих услуг представителям правящей верхушки, — врачи, философы, химики (алхимики), деятели иск-ва — поэты, художники и т. д. Нередко они влачили жалкое существование как в материальном, так и в моральном отношении, оказываясь на положении челяди и слуг. Поскольку осн. часть И. относилась к господствующим классам или примыкала к ним, она помогала укреплению их власти, освещала своим авторитетом и деятельностью эксплуатацию рабов, крепостных крестьян. Во всех классовых конфликтах того времени И., как правило, принимала сторону господствующих групп. Но поскольку И. занималась накоплением, обобщением и развитием челоуеч. опыта и знаний, она содействовала обществ. прогрессу.

В недрах феодализма по мере развития городов вырастает новая, бюргерская И., к-рая выходит большей частью из низших сословий. Из семей ремесленников или купцов вышли Шекспир, Спиноза, Посошков, Рембрандт, Бенвенуто Челлини и др. Новая И. отражает интересы богатых горожан и, как правило, вступает в конфликт с феодалами, а следовательно, и с феодал.-церк. И. Бюргерская культура носит подчеркнуто светский характер, теснее связана с объективной действительностью, т. к. нарождавшаяся буржуазия нуждалась в науч. знаниях. Поэтому для знач. части бюргерской И. характерна революционность, нетерпимость к реакции. Она вносит серьезный вклад в развитие науки, лит-ры и иск-ва.

Одновременно и среди духовенства появляются люди, ощущающие противоречия действительности и выступающие с прогрессивными идеями (Коперник, Галилей, Бруно, Максим Грек и др.). Наиболее передовые представители И. фактически переходят на сторону эксплуатируемых, становясь их идеологами (Мор, Кампанелла, Мабли и др.). Т. о., еще на первых этапах своего развития И. обретает противоречивый, классово неоднородный характер.

Но только с наступлением капиталистич. эпохи начинается подлинная история И. В условиях капитализма, в связи с резким ускорением развития производит. сил, быстро растет число лиц умственного труда. Развитие товарно-денежных отношений сопровождается ростом числа экономич. и финансовых конфликтов; это определяет потребность капитала в юристах. Юриспруденция — первая профессия бурж. И. Юристы были относительно наиболее многочисленны и влиятельны среди лиц умств. труда еще до победы бурж. революций. Из «дворянства мантии» вышли многие выдающиеся деятели культуры эпохи Возрождения: детьми юристов были Рабле, Декарт, Корнель, Рубенс. Машинная индустрия порождает потребность в специалистах, конструирующих и обслуживающих машины (инженеры, механики, впо-

следствии техники). Представители И. становятся производит. работниками. Как отмечал Маркс, к числу производит. работников принадлежат все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего в собственном смысле слова и кончая инженером (в отличие от капиталиста) (см. «Теории прибавочной стоимости», ч. 1, 1955, с. 396—97). Капиталисты нуждаются также в бухгалтерях и др. конторских специалистах. Наконец, растущие личные потребности увеличивающегося слоя частных собственников способствуют развитию интеллигентных профессий сферы услуг (учителя, врачи, деятели иск-ва и т. д.), к-рые на начальных стадиях развития капитализма практически не обслуживают рабочих и др. трудящихся.

Среди И. эпохи домонополистич. капитализма значит. часть составляли самостоят. предприниматели (напр., в США — 37,9% в 1870). Отсюда пошло выражение «свободные профессии», к-рое ныне нередко применяется бурж. социологией и статистикой ко всей И. Эта часть И. (к ней относилось большинство юристов и врачей) принадлежала либо к средним слоям (мелкой буржуазии), либо к буржуазии. Остальные лица умств. труда жили за счет продажи своей рабочей силы капиталистам. Маркс характеризовал инженеров и других лиц, осуществляющих наблюдение за машинами, как «...высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера слой рабочих, стоящих вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему» («Капитал», т. 1, 1955, с. 426). Маркс отмечал также, что по своему положению инженеры и техники осуществляют функции надзора за рабочими. При этом он осудил «преднамеренный статистический обман» со стороны англ. фабричного законодательства, не признававшего инженеров и техников фабричными рабочими. Об учителях, работающих по найму, Маркс писал, что они «...могут быть в учебных заведениях простыми наемными рабочими для предпринимателя, владельца учебного заведения» («Теории прибавочной стоимости», ч. 1, 1955, с. 396). Он считал аналогичным положение деятелей лит-ры и иск-ва, работающих по найму (см. там же, с. 395—96). Т. о., Маркс показал, что в условиях капитализма на И. распространяется тенденция к пролетаризации. Ленин еще в ранних своих работах подчеркивал ту же перспективу, следующим образом характеризуя положение И.: «Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень» (Соч., т. 4, с. 183). Однако в период домонополистич. капитализма немалая часть представителей И., работавшей по найму, постепенно попадала в ряды буржуазии. Так, выходящая обычно из мелкобурж. кругов производств. И. — инженеры, механики, техники — ввиду того, что спрос на рабочую силу специалистов превышал ее крайние границы, предложение, имела возможность добиваться от капиталистов привилегированного положения, продажи своей рабочей силы выше стоимости, присвоения части прибавочной стоимости, произведенной массой пролетариата; части этой И. удавалось накапливать капитал и проникать в ряды буржуазии. Иными словами, тенденция к пролетаризации И. на начальных стадиях капитализма перекрывалась тенденцией к обуржуазиванию. Близость к предпринимателям, слабый контакт с рабочими, неорганизованность, распыленность и бурж. образ жизни И. способствовали тому, что ее мировоззрение было по преимуществу индивидуалистическим — буржуазным и мелкобуржу-

азным. Но в то же время передовые представители бурж. И. преодолевают идеологию своего класса, вырабатывают социалистич. сознание и вносят его в рабочее движение. Именно таким был путь Маркса и Энгельса.

На стадии империализма рост И. резко ускоряется. В крупнейших бурж. странах насчитываются десятки интеллигентных профессий, причем подавляющее большинство их возникло на совр. стадии капитализма. Слой И., бывший во время Маркса численно незначительным, составлял в США в 1960 (без учета управленч. персонала) 10,8% самодеят. населения. Эта доля ниже в странах, менее развитых в экономич. отношении. Внедрение науки в произ-во, развитие механизации и автоматизации требуют участия в производств. процессе все большего числа инженеров, техников, науч. работников.

Вследствие растущего паразитизма крупной буржуазии, а также в силу крайнего усложнения функций управления произ-вом, с к-рыми капиталисты не могут справиться, они привлекают наемных работников умств. труда в качестве менеджеров и их помощников.

Развитие нек-рых интеллигентных профессий — экономистов, математиков, плавовиков, художников-рекламистов — ускоряется ввиду обострения конкурентной борьбы: крупные монополистич. компании привлекают большое число различных специалистов.

Рост И. связан с усилением концентрации произ-ва и капитала, выражающимся, в частности, в развитии гос.-монополистич. тенденций — монополии имеют больше возможностей, чем мелкие предприниматели, строить производств. процесс по науч. принципам и обеспечивать его инженерно-технич. кадрами. Гос.-монополистич. капитализм связан с небывалым расширением адм. аппарата и аппарата управления пром. предприятиями, в к-ром высока доля лиц умств. труда. Капиталистич. гос-во, подчиняя себе все более широкие области человек. деятельности, ставит к руководству экономикой, политикой, идеологией наиболее видных представителей бурж. И.: с другой стороны, буржуа дают ныне своим детям широкое образование и продвигают их как «специалистов» на руководящие посты в гос. аппарате и в монополиях.

Рост И. определяется также и тем, что по мере обществ. прогресса расходы на медицинское обслуживание, образование и др. нужды и т. д. в ряде капиталистич. стран закрепляются в результате классовой борьбы пролетариата как элемент стоимости рабочей силы. Это приводит к увеличению таких групп И., как врачи, учителя и т. д. Они обслуживают уже не только буржуазию, но и трудящихся, хотя и в далеко недостаточной степени. Наконец, в известной мере развитие И. стимулируется стремлением буржуазии усилить, особенно в условиях обострения общего кризиса капитализма и борьбы двух систем, идеол. одурманивание масс с помощью таких средств массового влияния как печать, кино, радио, телевидение и т. д.

И. можно разделить по сферам хозяйства на производств. (технич.) И. и И. сферы услуг. На совр. этапе развития капитализма доля производств. И. возросла по сравнению с юристами, врачами, учителями, к-рые являлись в прошлом тремя осн. интеллигентными профессиями. В США, напр., доля этих профессий сократилась с 75% в 1870 до 40% в 1950. В наиболее развитых капиталистич. странах производств. И. составляет от трети до половины всей И. По темпам роста она обгоняет подавляющее большинство интеллигентных профессий сферы услуг. Повышается и ее удельный вес в производств. персонале пром. предприятий. Так, на заводе «Рено» (Франция) в 1905 соотношение инженерно-технич. работников (ИТР) и рабочих составляло 1 : 100, ныне оно составляет 1 : 5. Удельный вес ИТР особенно велик в отрас-

лях с высоким органич. составом капитала (приборостроение, электронная, химич., атомная, ракетная промышленность и т. д.).

Тем не менее темпы роста производств. И. не успевают за потребностями развития нар. х-ва капиталистич. стран. Это объясняется прежде всего беспланоностью в подготовке специалистов и материальными трудностями получения технич. образования, к-рое обходится тем дороже, чем дальше идет развитие производств. сил.

К совр. производств. И. следует отнести и многих науч. работников. Раньше капитал использовал, как правило, лишь конечные результаты науки, к-рая развивалась параллельно с произ-вом. Совр. наука внедряется в произ-во на всех его этапах — от проектирования или изобретения до серийного выпуска продукции, а труд ученых непосредственно овеществляется в товарах. Науч. открытия 20 в. дали толчок к созданию ряда новых отраслей пром-сти. При ми. крупных предприятиях созданы конструкторские и проектные бюро, лаборатории, научно-исследовательские ин-ты. В то же время многие науч. центры и ун-ты выполняют заказы пром-сти. Общее число науч. работников в мире с 1896 по 1954 возросло с 65 тыс. до 2 млн. чел.

Численность И. сферы услуг, если не считать учителей, увеличивается сравнительно медленно. Это определяется, во-первых, распространением механизации на сферу услуг, во-вторых, тем, что многие духовные услуги удовлетворяют потребности в первую очередь буржуазии, к-рая становится все более узким слоем. Так, за последние десятилетия в осн. капиталистич. странах относительно, а в ряде случаев и абсолютно сократилось число художников и артистов театров. С другой стороны, в силу роста классового сознания трудящихся развитых бурж. гос-в они все меньше поддаются влиянию, напр., церк. пропаганды. Поэтому для буржуазии уменьшается ценность профессии священнослужителя. В дополнение к ней возникают другие профессии, напр. специалисты по «человеческим отношениям» (в США их насчитывалось в 1950 св. 50 тыс.), к-рые используют более изощренные методы идеол. обработки трудящихся.

Среди всех интеллигентных профессий наиболее многочисл. отрядом являются учителя. В США они составляют ок. 1/3, в Англии — 1/4 часть И. Развитие нар. образования связано с растущей потребностью капиталистич. произ-ва в рабочих с достаточным культурным уровнем, а также с успешной борьбой рабочего класса за свои права и улучшение жизненных условий. Однако, понимая необходимость известного развития образования, буржуазия старается тратить на него возможно меньше, разумеется, если дело не касается ее собств. детей. Поэтому материальное положение учителей хуже, чем любой другой интеллигентной профессии. Эта профессия достигла особой степени феминизации (в США 80% учителей — женщины), что в бурж. мире является показателем низкого престижа.

Классовое положение И. в условиях совр. капитализма, как и прежде, неоднородно. Однако главная, все усиливающаяся тенденция заключается в ее пролетаризации. Она проявляется в переходе большей части И. к работе по найму. В США по найму работало 84,4% (1954), в Англии — 87,7% (1951), во Франции — 85,6% (1954) И. Подавляющая часть этих людей, продавая предпринимателям свою рабочую силу, подвергается капиталистич. эксплуатации. Если раньше наемной была в основном производственно-технич. И. (сейчас в развитых капиталистич. странах практически уже все инженерно-технич. и науч. работники относятся к числу лиц наемного труда),

то ныне собственность на свои предприятия (юридич. конторы, врачебные кабинеты и т. д.) теряет в растущей степени и И. сферы услуг. Около половины юристов и врачей работают по найму (учителя уже давно потеряли свою независимость). Но и те интеллигенты сферы услуг, к-рые остаются формально независимыми, оказываются во все большем подчинении крупным монополистич. предприятиям и объединениям (через банковский кредит, клиентуру, систему заказов и т. д.). Синоним этих групп И.— «свободные профессии», отражавший их преимущественно самостоятел. положение в эпоху домонополистич. капитализма, перестал соответствовать действительности. Часть И. нередко сочетает работу по найму с частной практикой. Это усиливает двойственность и противоречивость в ее положении.

Удельный вес предпринимателей среди И. невелик (ок. 3—4%). К буржуазии следует отнести также часть специалистов-управляющих, чьи непомерно высокие оклады, акции, тантёмы и т. д. включают не только цену их рабочей силы, но и часть совокупной прибавочной стоимости. Самостоят. работники, не использующие наемного труда и, следовательно, принадлежащие к мелкой буржуазии, составляют в Англии и во Франции 7—8% И.

Тенденция к потере самостоятельности И. действует и в менее развитых капиталистич. странах, причем степень ее проявления зависит от уровня развития производит. сил. Там, где этот уровень низок и И. малочисленна, она использует свое монопольное положение в области произ-ва, науки, культуры. Многие ее представители приобретают собственность на средства произ-ва, проникают в ряды буржуазии. В то же время в нек-рых развивающихся странах, напр. в Индии, доля «зависимых» интеллигентов очень высока. Это объясняется тем, что гос-во в таких странах, форсируя развитие производит. сил, берет под свой контроль наиболее квалифицированные кадры. Большинство гос. служащих из И. ведет образ жизни, приближающийся к пролетарскому.

Роль осн. массы И. в обществ. организации труда определяется подчинением ее буржуазии. Даже инженер, играющий на том или ином предприятии руководящую роль, является лишь технич. организатором произ-ва (в отличие от капиталиста, к-рый организует произ-во в целях получения прибавочной стоимости) и, в конечном счете,— всего лишь послушным исполнителем воли капиталиста. Тем не менее роль И. в обществ. организации труда не идентична роли рабочих. Нек-рая часть ее занята в адм. аппарате, способствуя осуществлению функций подавления и угнетения народа. Инженеров и техников, работающих в сфере материального произ-ва, буржуазия противопоставляет рабочим, нередко наделяя первых дисциплинарными функциями. Правда, по мере усиливающейся дробления функций ИТР, все чаще на монополистич. предприятиях за поддержанием дисциплины следят особые отделы заводоуправлений и специалисты по «человеческим отношениям». Большая часть И., обеспечивающей обществу духовными услугами, также является исполнителем воли класса капиталистов, занимаясь идеол. укреплением существующего строя. В ряде случаев инженеры и техники работают непосредственно у машин. Основная масса ранее независимых научных работников также практически выполняет функции рабочих высшей квалификации.

Для усиления подчиненной роли И. характерен также рост удельного веса специалистов среднего и низшего звена — техников, лаборантов, медсестер, фельдшеров и т. д. Напр., в 1900 в США на 1 медсестру приходилось 11 врачей, в 1940 на 1 врача приходилось 2 медсестры. В 1950 число лаборантов в США превысило число творч. науч. работников.

Уровень жизни И. в условиях совр. капитализма значительно понизился. Низшие слои И. нередко оплачиваются хуже, чем квалифицированные или даже полуквалифицированные рабочие. В силу специфич. структуры потребления (большая доля расходов на одежду, культурные пущды, «представительство»), И. тяжелее переносит понижение жизненного уровня, чем рабочие. Ряд интеллигентных профессий, преим. из сферы услуг, страдает от безработицы.

В уровне жизни И. наблюдается значит. разрыв между высшими и низшими ее слоями, а также между профессиями. Высшие слои И. ведут по существу бурж. образ жизни. Однако численность этой группы И. уменьшается.

Часть И. в наиболее развитых капиталистич. странах объективно по своему социальному положению не отличается от основной массы рабочего класса, что не снимает наличия нек-рых ее особенностей. Н. С. Хрущев охарактеризовал инженеров как «рабочий класс умственного труда» (см. «Правда», 1960, 6 июля). С другой стороны, нек-рая, все уменьшающаяся часть И. выбивается в ряды господствующего класса. Известные группы И. относятся к средним слоям.

Наряду с пролетаризацией И., при капитализме происходит и процесс создания рабочим классом собств. «рабочей интеллигенции» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 4, с. 258). К рабочей И. могут быть отнесены активисты коммунистич. партий в капиталистич. странах, прогрессивных профсоюзов, кооперативов и др. орг-ций трудящихся. В эпоху общего кризиса капитализма, особенно на совр. этапе, рабочая И. развивается особенно быстро вследствие роста образования, повышения культурного уровня пролетариата, повышения его политич. сознательности.

Мировоззрение И. в условиях капитализма в общем характеризуется индивидуализмом, что обусловлено условиями ее труда и жизни. Отсюда — ее известный антагонизм с фабрично-заводским пролетариатом и настроения и мышления. На сознание И. в том же направлении влияют и другие факторы: происхождение (в большинстве мелкобуржуазное или даже буржуазное), специфичность производств. функций и характера труда, большая, чем у рабочих, раздробленность зависимой И., трудовая конкуренция, мелкобурж. характер независимой И. Для интеллигента главным достоянием являются его личные способности. Поэтому полная свобода проявления его личности представляется ему условием его существования. В прошлом, не осознавая отчетливо своих коренных интересов, И. нередко относилась пренебрежительно к пролетариату. Классики марксизма-ленинизма отмечали, что И. с трудом поддается организации и дисциплине. На И. оказывали и оказывают определ. влияние те ее представители, к-рые являются частью класса буржуазии или сознательно отстаивают его интересы. Поскольку ряд интеллигентных профессий (прокуроры, судьи, специалисты по «человеческим отношениям» и т. д.) приобретает для буржуазии ценность лишь тогда, когда их представители придерживаются определ. взглядов, эта часть И., как правило, стоит на защите бурж. строя.

Хотя сознание И. отстает от ее социального положения, пролетаризация сказывается на ее мировоззрении. Этому способствует и постоянное увеличение в составе И. капиталистич. стран числа людей, вышедших из трудящихся классов. Представители производств. И. трудятся в больших коллективах, соприкасаясь с фабрично-заводскими рабочими. Непосредств. экономич. интересы толкают И. ко все более широкому участию в классовой борьбе трудящихся против буржуазии. Ввиду невозможности для представителей наемной И. решить, как это бывало раньше,

свои экономич. проблемы путем индивидуальных переговоров с предпринимателями, она все чаще прибегает к такому специфически пролет. орудию борьбы, как стачка. Пройдя этап создания своих орг-ций корпоративного характера (нач. 20 в.), автономных профсоюзов (сер. 20 в.), производств. И. постепенно начинает вливаться в проф. орг-ции фабрично-заводского пролетариата. Рядовые члены корпораций независимой И. (лиц свободных профессий) все чаще требуют проведения демократич. реформ, отстаиваемых пролетариатом и его партиями. «Союзниками рабочего класса становятся широкие слои служащих, а также значительная часть интеллигенции, низовые капитализм до положения пролетариев и осознающие необходимость перемены в общественной жизни» (Программа КПСС, 1961, с. 38).

Прогрессивным изменениям в сознании И. способствует подъем классовой борьбы пролетариата, а также расцвет экономики, науки и культуры в социалистич. странах. В связи с развитием общего кризиса капитализма нагляднее проявляются человеконенавистнич. черты бурж. строя, к-рый стремится шире использовать И. в милитаристских и др. антигуманистич. целях. Протест против капиталистич. строя приволил в прошлом многих представителей И. к крайнему индивидуализму и скептицизму, к замыканию в «башню из слоновой кости» (Флобер). В совр. условиях широкие круги деятелей науки и иск-на выступают против политики правящих кругов, примыкая к движению за мир и разоружение, хотя нередко эти выступления оказываются направленными лишь против нек-рых проявлений капитализма. Вместе с тем ряд представителей И. капиталистич. стран все более склоняется в сторону социализма, идей марксизма-ленинизма. Лучшие из этих людей связывали и связывают свою судьбу с коммунистич. партиями (А. Франс, М. Андерсен-Некссё, Т. Драйзер, Л. Арагон, П. Элюар, Тёни де Фрис, Д. Сикейрос, К. Янагида, П. Пикассо, Ф. и И. Жолио-Кюри и мн. др.).

Противоречивость, двойственность положения и сознания И. в условиях совр. капитализма чрезвычайно обостряется. Выбор И. пути определяется не только экономич. развитием общества, остротой классовой борьбы, но и субъективным фактором — политикой рабочего класса и его партии. Коммунисты считают с тем, что иногда рабочие относятся к инженерам или техникам враждебно, поскольку они исполняют функции надзора от имени предпринимателей. Коммунисты разъясняют рабочим действит. социальное положение осн. массы И. Коммунистич. партии выступают в защиту экономич. и др. интересов И., подчеркивая в то же время, что коренное улучшение ее положения может быть достигнуто лишь при условии ликвидации капитализма и построения социализма. Для практики коммунистов характерна работа в широких слоях И. «Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей» (Ленин и В. И., Соч., т. 6, с. 176). В совр. условиях, когда в капиталистич. странах коммунисты ведут борьбу за создание широкого анти-монополистич. фронта, возрастают возможности привлечения И. на сторону социализма.

И. в социалистическом обществе. Всеобщей закономерностью социалистич. революции и социалистич. строительства является создание новой И., активно участвующей в создании социалистич. общества. На различных историч. этапах в своей политике коммунистич. партии учитывают конкретные условия и задачи в той или иной стране, а также позицию И. по отношению к социалистич. преобразованиям. Так,

КПСС отграничивала бурж. И. от широких масс И.—рядовых учителей, врачей, артистов и т. д. Против первых партия вела решит. борьбу, стремясь в то же время привлечь на сторону революции трудящуюся И. Лучшие представители рус. И. перешли на сторону Сов. власти сразу же после Октябрьской революции. Уже в первые годы они сыграли огромную роль в распространении культуры в массах, в сохранении и развитии производит. сил страны.

Однако большая часть И., испугавшись революции, либо заняла нейтральную позицию, рассчитывая на гибель или перерождение Сов. власти, либо перешла в лагерь контрреволюции. Ряд видных представителей рус. И. оказался в эмиграции. Такая позиция И. определялась ее относительно высоким жизненным уровнем, особенно у производственно-технич. И., преимущественно бурж. и мелкобурж. происхождением и мировоззрением, слабой связью с народом. Значит. часть И., будучи настроенной против царизма, выступала за бурж.-демократич. путь развития, против диктатуры пролетариата.

После революции Коммунистич. партия взяла курс на перевоспитание широких слоев И. и привлечение ее к социалистич. строительству. Ленин подчеркивал, что «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен...» (там же, т. 27, с. 219). А. В. Луначарский, сыгравший важную роль в привлечении лучших сил рус. И. на сторону революции, считал безрассудным выдвигать в отношении И. лозунг «Кто не с нами, тот против нас» и предлагал другую формулу «Кто против буржуазии, тот с нами». Рус. коммунисты были первыми в истории марксистами, к-рые поставили и разрешили эту проблему. Они исходили из того, что поскольку революц. силы имеют в своем распоряжении сравнительно небольшое число специалистов, преданных делу революции, надо использовать И. нейтральную или даже враждебную революции. Партия внимательно относилась к кадрам специалистов. В первые годы революции Коммунистич. партии пришлось вести решит. борьбу против рецидивов «магавщины», выражавшихся в том, что все интеллигенты рассматривались как представители эксплуататорского класса. Партия дала также отпор «рабочей оппозиции», требовавшей запретить представителям И. занимать руководящие посты в партии и прекратить их прием в партию. Она разъяснила неправильность т. зр. отсталых групп рабочих о необходимости отказаться от услуг специалистов (т. н. «спецеество»). В то же время пресекались факты высокомерного отношения специалистов к рабочим и крестьянам. Сов. правительство решительно боролось против саботажа со стороны нек-рых представителей И.

Осн. масса рус. И. в конце концов осознала глубоко гуманные цели социалистич. строительства и отдала свои силы и знания освобожденному народу. Магнитом для И. ожаались грандиозные планы большевиков по развитию экономики и культуры Сов. России.

Одновременно с перевоспитанием старой И. партия вела курс на скорейшее создание новой И. из числа рабочих и крестьян. Была резко расширена система среднего и высшего образования, созданы рабочие факультеты для трудящейся молодежи. К 1933 молодежь, воспитанная в годы Сов. власти, составляла 64% инженерно-технич. специалистов в пром-сти. Создание новой И. было одним из важных условий, обеспечивших превращение Сов. России из отсталой страны в передовую, и одним из проявлений социалистич. культурной революции.

Бурж. и реформистско-ревизионистские идеологи (Д. Даллин, Ф. Левенталь, Г. Молле, М. Джилас и др.) извращают положение И. в социалистич. странах.

Они говорят о «технократизации» социалистич. общества, об обострении противоречий между И. и пародом социалистич. стран. Эти утверждения являются клеветой на социалистич. общество. Социалистич. И. резко отличается по своему характеру от И. дореволюционной. В ее числе нет эксплуататорских элементов. Она происходит в основном из среды рабочих и крестьян и частично — из самой трудовой И. Находясь в одинаковых со всеми трудящимися отношениях собственности к средствам произ-ва, И. по этому классовому признаку не отличается от осн. массы народа. Она активно участвует в общем созидат. труде, поддерживается социалистич. идеологии. Между И. и остальной частью народа не может быть антагонистич. противоречий и конфликтов. «Если в буржуазном мире интеллигенция, как правило, служит лицам или группам лиц господствующего класса, материально и духовно целиком зависима от них, то в социалистическом обществе каждый человек, какое бы положение он ни занимал и каким бы видом труда ни занимался, отдает свои силы и знания служению интересам всего общества и, следовательно, своим личным интересам, как член этого общества» (Х р у щ е в Н. С., К новым успехам литературы и искусства, см. «Коммунист», 1961, № 7, с. 10).

В странах нар. демократии процесс перехода старой И. на новые позиции проходил в более благоприятных историч. условиях, чем в СССР. Процесс пролетариатизации И. и ее идеологич. сближения с социалистич. силами занял в этих странах еще до 2-й мировой войны значительно дальше, чем в дореволюц. России. Антифашистский характер народно-демократич. революций способствовал дальнейшему сближению осн. массы И. с авангардом рабочего класса и изоляции интеллигентных прислужников буржуазии. Выдающиеся деятели старой И. принимают активное участие в социалистич. строительстве. В то же время в состав И. в странах нар. демократии широким потоком вливаются новые силы из числа рабочих и крестьян, что обеспечивается развитием образования и подъемом культуры. Рабоче-крестьянская молодежь составляет ныне преобладающее большинство учащихся.

Отрицательное влияние на развитие И. в социалистич. странах оказали извращения периода культа личности, к-рые, особенно в СССР, затронули многих видных представителей И. В нек-рых народно-демократических странах эти извращения толкнули неустойчивые группы И. в сторону буржуазной идеологии. Ликвидация последствий культа личности способствовала укреплению единства И. с рабочим классом и трудящимся крестьянством, творч. подъему в ее деятельности.

И. принимает активное участие в создании материально-технич. базы социализма и коммунизма, развитии науки и культуры, формировании нового человека.

Для социалистич. стран характерно значит. возрастание общей численности И. Так, если население СССР за 1926—59 увеличилось на 42%, то количество лиц, занятых умств. трудом, возросло в 8 раз — с 2,5 млн. до 20 млн. чел. Особенно быстрыми темпами происходит рост производств. И. За 1926—59 численность инженеров, техников, агрономов возросла в СССР в 18 раз, химиков — в 9 раз, науч. работников — в 23 раза. Быстрый рост И. характерен для Китая и др. социалистич. стран.

Используя преимущества социалистич. планирования, Сов. Союз и др. социалистич. страны приводят систему подготовки специалистов в соответствие с изменяющимися и растущими потребностями нар. х-ва. Этому служит перестройка системы образования в СССР (1958) и др. социалистич. странах. С 1951 СССР превосходит США по выпуску дипломированных

инженеров. В 1960 в нар. х-ве СССР было занято 1135 тыс. инженеров, в США — 525 тыс.

Растущие культурные и иные потребности трудящихся обуславливают быстрый рост И. сферы услуг. В СССР число учителей и др. культурно-просветит. работников увеличилось в 1926—59 в 7 раз, медицинских работников — в 8,5 раза. По мере преобразования социалистич. государственности в обществ. коммунистич. самоуправление сокращается удельный вес среди И. ряда профессий (напр., юристы). В связи с совершенствованием организац. форм управления относительно уменьшается и численность административно-управленч. групп И. В СССР численность административно-управленч. персонала сократилась в 1940—60 с 1825 тыс. чел. до 1295 тыс. чел., или с 5,8% до 1,2% самодеят. населения.

Качеств. изменения в составе социалистич. И. выражаются и в том, что растет численность лиц, имеющих специальное образование. Так, в 1928 в нар. х-ве СССР число специалистов с высшим и средним специальным образованием составляло 521 тыс.; в 1961 в числе советской И., занятой в нар. х-ве, было 9433 тыс. образованных специалистов.

Характерной чертой социализма является быстрый рост нар. И. ранее остальных народов. В Сов. Ср. Азии и Казахстане, где до революции почти все население было неграмотным, в 1926—59 численность учителей и других культурно-просветит. работников увеличилась в 19 раз, медицинских работников — в 21 раз, инженеров, техников и агрономов — в 38 раз, химиков — в 72 раза, науч. работников — в 74 раза. Из общего числа 9433 тыс. специалистов с высшим и средним спец. образованием, занятых в нар. х-ве СССР, в союзных республиках, кроме РСФСР, работало 3736 тыс. (1961).

Развитие И. в условиях перехода социалистич. стран к коммунизму будет определяться постоянно ускоряющимся прогрессом производств. сил, возрастающей ролью естеств. и обществ. наук, подъемом культурно-образоват. уровня трудящихся, ликвидацией существ. различий между умств. и физич. трудом и постепенным синтезом этих форм труда при росте его многообразия. В связи с механизацией и автоматизацией произ-ва коренным образом изменяется и характер труда рабочих и крестьян, растет их квалификация и культурный уровень в СССР и др. социалистич. странах. Все виды образования вплоть до высшего доступны для всех, а число студентов в высших и средних спец. учебных заведениях превосходит число студентов в капиталистических странах. Так, в СССР в 1961—62 численность студентов вузов составляла 2640 тыс., а в США соответственно численность студентов составляла 2033 тыс. Возрастает число рабочих со средним и высшим образованием. В СССР, напр., в 1959 среднее и высшее образование имели 69,6% модельщиков, 68,3% фрезеровщиков, 66% токарей, 60,2% машинистов и т. д. Эти группы рабочих по своему образоват. уровню приближаются к И. или сливаются с ней. В условиях развертывания социалистич. демократии, активного участия всех граждан в управлении гос-вом, руководстве хозяйства и культурным строительством в их труде усиливается творч. начало. Культурно-технич. уровень многих рабочих и крестьян поднимается до уровня И. Об этом свидетельствуют широкое движение рационализаторов и изобретателей, наличие значит. числа крестьян-селекционеров, вовлечение большого числа рабочих и колхозников в систему заочного и вечернего образования. К сер. 1962 в СССР в этой системе только в вузах обучалось 1436,4 тыс. студентов. С 1939 по 1959 доля лиц, имеющих высшее и среднее образование, среди рабочих выросла с 8,2 до 38,6%, среди колхозников — с 1,5 до 21,2%.

В процессе перехода к коммунизму значение И. будет постоянно возрастать. И, как особая социальная группа сохранится «...впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества...» (Дениц В. И., Соч., т. 33, с. 169). При коммунизме, когда труд каждого человека приобретет творческий характер, когда небывало поднимется научно-технич. и культурный уровень всех трудящихся, И. «перестанет быть особым социальным слоем...» (Программа КПСС, 1961, с. 63).

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; е го же, Теория прибавочной стоимости, ч. 1, М., 1955; Ленин В. И., Что делать?, Соч., 4 изд., т. 5; е го же, Шаг вперед, два шага назад, там же, т. 7; е го же, Ответ на открытое письмо специалиста, там же, т. 29; Грамши А., Интеллигенция и организация культурной деятельности, И: бр. произв., т. 3, М., 1959; Каллини М. И., О задачах советской интеллигенции, М., 1939; Лафарг П., Пролетариат финансового и умственного труда, Соч., т. 2, М.—Л., 1928; Луначарский А. В., Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем, М., 1924; е го же, Сб интеллигенции, М., 1923; е го же, Мещанство и индивидуализм, М., 1923; Хрущев Н. С., Речь в Академии наук Венгерской Народной Республики 9.IV 1958, в его кн.: К победе в мирном соревновании с капитализмом, М., 1959; е го же, Речь на металлургическом комбинате «Фёйт» 4.VII.1960, в его кн.: О внешней политике Советского Союза, 1960 г., т. 2, М., 1961; Вольфсон С. Я., Интеллигенция как социально-экономическая категория, М.—Л., 1926; Осипов Г. В., Техника и общественный прогресс, М., 1939; Константинов Ф. В., Советская интеллигенция, «Коммунист», 1959, № 15; Грант Э., Социализм и средняя классы, М., 1960; Федюкин С. А., Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР, М., 1960; Какие изменения происходят в структуре рабочего класса? (обмен мнениями), «Проблемы мира и социализма», 1960, № 5, 9, 12; 1961, № 4—6, 9; Изменения классовых структур общества в процессе строительства социализма и коммунизма, М., 1961; Mills Ch. W., White collar. The American middle classes, N. Y., 1951; Sozialismus und Intelligenz, В., 1960. Е. Амбарцумов, Москва.

ИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНЫЙ (от лат. *intelligibilis* — постигаемый) — у нек-рых идеалистов (Платон, Ямвлих, Каин) означает нечто сверхчувственное, постигаемое лишь разумом, *интелектом*. И. вещи противопоставляют сенсильным (т. е. воспринимаемым при помощи чувств).

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ (от лат. *intentiо*, букв. — стремление) — понятие идеалистич. философии, характеризующее направленность сознания на предмет, своеобразное полагание предмета в мысли; истолковывается как специфич. свойство сознания, выражающее его сущность.

Понятие И. встречается уже в др.-греч. философии: высшая духовная сила, разум (*τὸ ἰντελονικόν*), согласно учению стоиков, является носителем направленности, напряжения (*τὸ ἰσος*). У Сенеки понятие *intentiо* используется для обозначения способа «движения души» (*motus animi*). И. у Фомы Аквинского понимается как орудие познания, посредством к-рого интеллект с его потенциальными возможностями познания становится актуально познающим; благодаря И. происходит усвоение объекта сознанием в форме чувственного, интеллектуального и интеллектуально-губельного познания.

Учене об И. является ядром идеалистич. философии Ф. Brentano (1838—1917) и феноменологии Гуссерля. Brentano и Гуссерль видели цель теории И. в описании и анализе связи акта сознания и предмета мысли, в анализе сущности объекта. Вот почему у Гуссерля теория И. называется еще теорией предметности.

Согласно Brentano, «каждый психический феномен характеризуется тем, что средневековые схоласты называли интенциональной (а также идеальной, ментальной) наличностью предмета и что мы, хотя и с некоторой двусмысленностью, будем называть соотносительностью с каким-нибудь объектом (под которым здесь нельзя понимать реальность) или имманентной предметностью. Всякий феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и различным способом»

(«Psychologie von empirischen Standpunkte», Bd 1, Buch 2, I.p.z., 1874, S. 115). Соответственно тому, каков тип отношения индивид. сознания к предмету, Brentano различает три оси. класса психич. феноменов: представления (предмет как бы является сознанию); суждения (предмет утверждается, если он истинен, и отрицается, если он ложен); чувства, стремления (связаны с желанием или нежеланием, обязательно отнесенным к к.-л. предмету).

Если в своей ранней работе («Психология с эмпирической точки зрения») Brentano истолковывал интенцион. предметы как «имманентную предметность», как «существование объекта в духе», то в более поздних произведениях («Von der Klassifikation der psychischen Phänomene» и др.) он пришел к след. соображению: поскольку содержанием феномена (предметом) может быть не только реально существующая вещь, но и несуществующая (в суждениях, отрицающих существование вещи), постольку различие между объективными, материальными предметами и идеальными становится для гносеологии и психологии несущественным. Следуя избранному принципу, Brentano делает субъективно-идеалистич. вывод: мыслящий субъект есть единственная вещь, существование к-рой требуется психич. отношением.

По Гуссерлю, внешним образом и описательно И. проявляется как своеобразие большого числа психич. переживаний, заключающееся в определ. способе отношения сознания к предмету. Нек-рые переживания, напр. ощущения и комплексы ощущений (чувства удовольствия, боли и т. д.), свойством И. не обладают. Они получают свой смысл и включаются в психич. деятельность только через восприятия, к-рые всегда интенциональны. Поэтому ощущения, лишены направленности на предмет, могут быть затем истолкованы предметно в совокупной деятельности сознания. Гуссерль находит в теории И. у Brentano два недоразумения. Во-первых, по Гуссерлю, под «отношением» сознания и предмета нельзя понимать реальный процесс или реальное отношение, деятельность субъекта по отношению к предметам внешнего мира (см. «Logische Untersuchungen», Bd 2, Halle, 1901, S. 351). Во-вторых, Гуссерль полагает, что нек-рые формулировки Brentano (особенно в ранних произведениях) дают повод думать, что интенцион. отношение есть отношение между двумя вещами, к-рые «одинаковым образом могут быть найдены в сознании реально, — между актом и интенциональным объектом» (там же). Гуссерль отпугивает не столько очевидная бессмысленность положения о «реальной наличности» вещи в сознании, сколько остатки «реализма» в толковании самой предметности. Ибо для него не существует предмета независимо от сознания о нем. Предмет, следовательно, объявляется неотъемлемой стороной интенцион. переживания.

Пытаясь избавиться от ограничений и противоречий своей теории И., Гуссерль позже создает понятие функционирующей И., благодаря к-рому, как он полагает, И. «является динамическим, дянущимся перерастанием самого себя» (см. G. Brand, Welt, Ich und Zeit. Nach unveröffentlichten Manuskripten Ed. Husserls, Den Haag, 1955, S. 23). Это достигается, по Гуссерлю, тем, что данный акт сознания с его интенцион. предметом заключает в себе и представление о способе сознания и имеет, следовательно, само сознание в качестве «горизонта»; деятельность сознания есть «настоящее перерастание горизонтов» и всегда «уже имеет позади себя сознание». Эта «функционирующая» И. «есть не что иное, как миропознание» (там же). В соответствии с этим Гуссерль сосредоточивает внимание на описании проявления И. в формах «готового» знания, претендуя на создание универсальной теории «предметностей», учения об «отношении» сознания и

предмета. Поэтому все в подлинном смысле содержа- тельные гносеологич. проблемы, касающиеся «пред- метности» (о генезисе знания, о законах отражения в сознании объективного предметного мира, о связи всеобщего в мире с общими и всеобщими понятиями в мышлении и т. д.), подменяются в теории Гуссерля констатацией и детальным описанием того чисто формального обстоятельства, что мысль всегда «имеет в виду» нечто, направлена на предмет.

Гносеологич. истоком теории И. является тот факт, что отражение объекта в сознании индивида опосред- ствовано всем ходом общественно-историч. практики, вследствие чего идеальный образ предмета всегда включает в себя его общественно-практич. характе- ристики. В этом смысле объект как предмет познания всегда соотнесен с субъектом, а сознание определ. образом направлено на объект. Идеалисты истолко- вывают этот факт таким образом, что объект не суще- ствует без субъекта, в то время как отношение на самом деле обратное: человек становится субъектом познания только через предметно-практич. деятельность с объ- ектом и только она формирует направленность его сознания.

Понятие И. используют совр. неотомисты (Маритен и др.), к-рые пытаются соединить мысли об интенцио- нальности Фомы Аквинского с нек-рыми идеями Гуссерля.

Лит.: Новые идеи в философии. Сб. 16. Психология мышле- ния, СПб, 1914; Шп е т Г. Г., Явление и смысл, М., 1914; Н а у е н А., L'intentionnel selon st. Thomas, 2 ed., Bruges, 1954; L'é v i n a s E., Intentionnalité et métaphysique, «Rev. philos. de la France et de l'étranger», 1959, № 4, p. 471—79.

Н. Мотрошилова. Москва.

ИНТЕРЕС (в п с и х о л о г и и) — форма прояв- ления познават. потребности, удовлетворение к-рой обеспечивает направленность на осознание целей деятельности и тем самым способствует выполнению пробелов в знаниях человека, ориентировке, ознаком- лению с новыми фактами, вообще более полному и глу- бокому отражению действительности. Филос. и пси- хологич. понятие И. было широко использовано франц. сенсуалистами и материалистами 18 в. По *Кон- дильяку*, заинтересованность человека в переживании приятных чувств и избегании страданий превращает И. в причину, порождающую разум и волю. У *Гельве- ция* И., наряду с нуждой, — единств. универсальный двигатель человек. поступков. Такое понимание И. отвечает осн. идеям теории разумного эгоизма. *Гер- барт* делает И. центр. понятием своей педагогики. Однако это понятие неопределенно и носит метафизич. характер, что выражается в трактовке И. как «духовной самодеятельности» и соответствует общему смыслу идеалистич. психологии Гербарта, в особен- ности его учению об *апперцепции*. Теория Гербарта оказала значит. влияние на бурж. психологию. *Остерман*, *Штумпф*, *Кюльпе*, *Циген*, *Эббингауз* рас- сматривали И. как эмоциональный процесс: как чувст- во удовольствия, побуждающее апперцепировать свя- занное с ним содержание (Кюльпе), чувственный тон ощущений (Циген), чувственный фактор, опре- деляющий направление внимания (Эббингауз), и т. д. *Вальзема*н, *Наторп*, *Каутер*в и др. видели в И. особое состояние воли. *Мейман* понимал под И. умственную деятельность, вызываемую чувством и направляемую вниманием. *Джемс* связывал И. с инстинктами и видел в И. врожденные реакции на определенные стимулы. Мн. совр. зап. психологи вслед за *Джемсом*, *Дьюи*, *Торндайком* и *Фрейдом* биологизируют И. человека, отождествляя их с инстин- ктами животных, утверждая врожденность и фатальную предопределенность возникновения и разви- тия И.

Советская психология в трактовке И. исходит из марксистской теории общественной сущности че-

ловеческой личности, ее потребностей и И. Генети- чески И. связаны с *ориентировочной деятельностью* высших животных. Такая связь обнаруживается в свойстве И., характеризующем его как общую, не- дифференцированную реакцию на новизну, и состав- ляет генетич. преемственность между И. и ориенти- ровочным *рефлексом*. Однако на этой эволюц. базе целеполагающий характер человек. деятельности (труда) сформировал совершенно новое, качественно отличное от животных, предметное отношение к действительности, производными к-рого являются особенности человек. психики вообще, познават. потребности и ее форма — И., в частности. Т. к. труд исторически представляет собой обществ. произ- водство, а психика человека формируется совокуп- ностью обществ. отношений, то указанная предмет- ная направленность И. имеет обобщенный характер обществ.-личностного отношения людей к целям и результатам обществ. произ-ва. С этой т. зр. И. изу- чается историч. материализмом. Психология изучает И. в личностном плане, привлекая план обществен- ный в меру его определяющего воздействия на фор- мирование человек. психики, поскольку возникнове- ние и изменение И. определяют обществ.-историч. условия существования человека и зависят от обучения и воспитания. Субъективно И. обнаруживается в положит. эмоциональном тоне, к-рый при- обретает процесс познания, в желании узнать еще больше, глубже ознакомиться с объектом И. Роль И. в процессах человек. деятельности исключительно велика, т. к. в качестве одной из форм проявления целенаправл. деятельности И. выражает побудит. силу объектов как предметов деятельности, отвечаю- щей познават. потребности, и тем заставляет человека активно искать пути и способы удовлетворения воз- никшей у него «жажды знания». Удовлетворение И., если он не носит случайного характера, как пра- вильно, не ведет к его угасанию, а, внутренне перестраивая, обогащая и углубляя его, вызывает возникновение новых И., отвечающих более высокому уровню позна- ват. деятельности. Т. о., И. выступают в качестве постоянного побудит. механизма познания. Познават. потребность, выраженная в И. как деятельности, превращаясь в динамике своего развития в потреб- ность заняться конкретным видом деятельности, обра- зует т. н. склонности.

Наличие многообразных И. является необходимой стороной психологич. облика личности, существенным проявлением ее активности и направленности. И. на- правляет все психич. процессы по определенному рус- лу, что находит выражение прежде всего во внимании к объекту И. и физиологически объясняется возникно- вением в коре больших полушарий очага оптимальной возбудимости, или доминантного очага возбуждения. Связь И. с доминантным очагом дает объяснение тому факту, что все воспринимаемое человеком в состоя- нии И. усваивается им быстро и надежно. Изменение и перестройка И. сопровождаются перемещением очага оптимальной возбудимости по коре мозга и появлением новых доминантных очагов, возникновение к-рых обус- ловлено динамикой процесса удовлетворения потреб- ностей.

Различие И. по содержанию выявляет объекты И. и их относит. ценность для субъекта. Психологически и социально существова, к чему по преимуществу проявляет И. человек и какова обществ. значимость объекта его И. Говоря об И. к тому или иному объекту, различают непосредственный и опосредствованный И., понимая первый как И., вызываемый непосредств. эмо- циональной привлекательностью объекта, а второй — как И. к объекту как средству достижения цели дея- тельности. Не являясь абсолютно противоположны- ми, две эти разновидности И. допускают связи и взаи-

мопереходы: человек, понимающий смысл и значение дела, к-рым он занят, заинтересовывается им. У людей различно распределяются И. Концентрация И. в определенной области у одних людей противоположна разбросанности И. у других. Узость И. выступает как предпосылка и результат односторонности развития личности. Однако конечная оценка узости или широты И. определяется в конечном счете их содержанием. Устойчивость И. выражается в длительности сохранения относительно интенсивного И. Устойчивыми являются И., наиболее полно выявляющие основные потребности данного индивида и в силу этого становящиеся существ. чертами психологич. облика его личности. Совокупность И., характеризующая личность, находится всегда под прямым влиянием обществ. условий и отражает детерминированное отношение личности и общества. В социалистич. обществе И. людей характеризуются высоким идейно-политич. уровнем, обусловленным живой связью личных И. с общественными. О богатстве И. сов. людей свидетельствуют мн. факты: творч. характер труда рабочих, колхозников, интеллигенции, широчайшее развитие образования, массовое распространение таких форм коммунистич. воспитания, как народные университеты культуры, здоровья, широкий размах всех видов самодеятельности и т. д. Социалистич. общество всемерно стремится удовлетворить растущие И. людей и тем самым способствует их ускоренному росту и развитию.

В сов. психологии уделяется большое внимание вопросам формирования И. детей (учебных, обществ.-политич., читательских, профессиональных и др.) в условиях обучения и воспитания, возрастным изменениям И., индивидуально-психологич. различиям в их развитии (Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, М. Ф. Беляев, В. М. Мясидев и др.). См. также *Личность, Мотивы, Потребность, Чувства*. Об И. классовых, материальных, духовных и т. д. см. *Общественные и личные интересы*.

Лит.: Ананьев С. А., Интерес по учению современной психологии и педагогики, К., 1915; Гордон Л. А., Потребности и интересы, «Советская педагогика», 1939, № 8—9; Беляев М. Ф., Основные положения психологии интереса, «Уч. зап. Иркутского Гос. пед. ин-та», 1940, вып. 5; Добрынин Н. Ф., Интерес и внимание, «Уч. зап. Моск. Гос. пед. ин-та им. Либнехта. Сер. педагогическая», 1941, т. 8, вып. 2; Петков И. М., Интерес и динамика его развития у учащегося, «Уч. зап. Ярославского Гос. пед. ин-та», 1944, вып. 1; Божович Л. И., Познавательные интересы и пути их изучения, «Изв. АПН РСФСР», 1955, вып. 73; Иванов В. Г., Основные положения теории интереса в свете проблемы отношений человека, «Уч. зап. ЛГУ № 214. Сер. филос. наук», 1956, вып. 9; Ананьев В. Г., Познавательные потребности и интересы, там же, № 265, 1959, вып. 16; Lunk G., Das Interesse, Bd 1—2, Lpz., 1926—27; Фруег D., The measurement of interests in relation to human adjustment, N. Y., [1931]; Guilford J. P. [a. o.], A factor analysis study of human interests, [s. l.], 1954. А. Петровский. Москва.

ИНТЕРЕС (в социологии) — см. *Общественные и личные интересы*.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ пролетарский (от лат. inter — между и natio — народ) — междунар. единство рабочего класса в борьбе за свержение капитализма, построение социализма и коммунизма, за мир, нац. независимость всех народов и демократию; важнейший принцип марксизма-ленинизма, политики коммунистич. и рабочих марксистско-ленинских партий. Высшим этапом в развитии пролет. И. является социалистич. И., воплощенный в социальном, экономич. и политич. содружестве народов социалистич. стран.

Основы пролет. И. были разработаны Марксом и Энгельсом. В «Манифесте Коммунистической партии» они провозгласили лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!», ставший боевым девизом междунар. коммунистич. и рабочего движения. Дальнейшее творч. развитие идеи пролет. И. получили в произведениях

Ленина и его учеников, в документах и партийной лит-ре коммунистич. и рабочих партий. В совр. условиях важное значение для междунар. коммунистич. и рабочего движения имеют документы московских совещаний представителей коммунистич. и рабочих партий в 1957 и 1960, Программа КПСС, принятая XXII съездом КПСС (1961).

Экономич. основой, на к-рой возникает пролет. И., является обществ. характер произ-ва и междунар. характер производит. сил, развивающихся в недрах капитализма. Непосредств. ареной освободит. борьбы пролетариата является его собств. страна, непосредств. противником — «своя» нац. буржуазия. Однако в революц. преобразовании общества пролетариат должен преодолеть не только сопротивление эксплуататорских классов в той или иной стране. «Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их» (Ленин В. И., Соч., т. 30, с. 268).

Необходимость интернац. единства рабочего класса становится особенно настоятельной в эпоху империализма, когда монополии образуют реакц. междунар. союзы, связываются взаимными договорами, создают военные блоки и базы, направленные против социалистич. стран, против революц. рабочего и нац.-освободит. движения. Фронту мировой империалистич. реакции должен быть противопоставлен мировой революц. фронт, объединяющий все антиимпериалистич. силы. Необходимость развития и укрепления интернац. единства пролетариата обусловлена также закономерностями развития социалистич. революции. Обязат. условием победы социализма первоначально в немногих или в одной, отдельно взятой капиталистич. стране, Ленин считал активную поддержку социалистич. революции со стороны междунар. пролетариата и нац.-освободит. движения в колониях, с тем, чтобы сковать значит. силы мирового империализма, не дать ему возможности задушить пролет. революцию, победившую в одной или неск. странах. Интернац. единство рабочего класса в совр. эпоху является важнейшим условием прогрессивного развития человечества.

Теория пролет. И. исходит из учета историч. закономерностей развития наций и их взаимоотношений. Ленин открыл и исследовал две объективные тенденции, действующие в этой области: нац. развития и интернационализации обществ. жизни.

В бурж. обществе противоречие между нац. и интернац. моментами в обществ. развитии неразрывно связано с классовыми антагонизмами. Капитализм неизбежно порождает нац. угнетение, его сфера еще более расширяется при империализме, когда большая часть человечества оказалась в положении колониальных рабов. Естеств. результатом этого являются нац. антагонизмы, задерживающие развитие междунар. сотрудничества. Социализм ликвидирует экономич. причины социальных и нац. антагонизмов. Обществ. собственность и производств. отношения сотрудничества и взаимопомощи свободных производителей обуславливают сближение и объединение трудящихся разных стран и наций.

Интенсивный процесс сближения наций при социализме и коммунизме в конечном счете приведет к полному их расцвету и объединению. Объективную основу этого процесса составляет тенденция «...к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме» (там же, т. 31, с. 125). Интернац. единство трудящихся может быть создано только на

основе их свободного и равноправного союза. Создание такого единства непосредственно связано с задачей репит. борьбы против империализма и колониализма.

Метафизически противопоставляя интернац. и нац. интересы рабочего класса, теоретики реформизма и ревизионизма отрицают возможность интернац. единства пролетариата на том основании, что оно будто бы находится в перазрешимом противоречии с нац. интересами трудящихся, так как различия в экономич. развитии создают antagonизм между рабочими разных стран. Ревизионисты выступают с измышлениями о том, что интернац. единство якобы сковывает нац. возможности народов разных стран. Пропагандируется антимарксистская теория «нац. коммунизма». Однако история неопровержимо свидетельствует, что «успех национального дела рабочего класса немислим без интернациональной солидарности всех его отрядов» (Х р у ц е в Н. С., О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, 1959, с. 107).

Междунар. солидарность пролетариата усиливает позиции революции в каждой отд. стране. Междунар. пролетариат оказывает политич., моральную, материальную помощь всем формам освободит. борьбы нар. масс и затрудняет или делает невозможной интервенцию иностр. империалистов. Эта поддержка не есть «экспорт революции», ибо она представляет собой не навязывание революции извне, а братскую помощь народу, к-рый сам поднялся на революцию.

Интернац. революц. фронт складывается из революц. пролет. движений в отд. странах. Ленин подчеркивал, что действит. И. состоит не в словесном признании междунар. солидарности трудящихся (чем ограничиваются оппортунисты, на деле скатываясь к национализму), а в осуществлении ее в революц. практике. Интернац. долг обязывает все нац. отряды рабочего класса, все коммунистич. и рабочие партии вести самоотверженную борьбу за «... максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах а х» (Ленин В. И., Соч., т. 28, с. 269).

С сер. 19 в. до Окт. социалистич. революции 1917 интернац. сотрудничество пролетариата развивалось в основном по линии организации совместных выступлений пролетариата разных стран для поддержки народных революций, общедемократич. и нац.-освободит. движений. Огромную роль сыграл созданный Марксом и Энгельсом 1-й Интернационал (1864—76), к-рый объединил рабочие орг-ции ряда стран, руководил крупными революц. выступлениями пролетариата. В период деятельности 2-го Интернационала (1889—1914) значительно расширились масштабы междунар. рабочего движения. Однако, поскольку лидеры 2-го Интернационала встали на путь оппортунизма, в начале 1-й мировой войны он распался. Большинство входивших в него партий перешло на позиции социал-шовинизма.

Огромную работу по восстановлению междунар. связей пролетариата провела под руководством Ленина партия большевиков. Октябрьская революция вызвала мощный подъем революц. движения пролетариата и национально-освободительной борьбы народов колоний. В ряде стран были созданы коммунистич. партии, к-рые объединились в 3-й Коммунистич. Интернационал (1919—43). Коминтерн восстановил интернац. единство пролетариата на основе революц. марксизма, способствовал превращению коммунистич. партий в массовые рабочие партии.

Победа социализма в СССР явилась завоеванием не только сов. народа, но и всего мирового пролетариата, активная поддержка к-рого помогла успешному осуществлению социалистич. революции, разгрому объединенных сил контрреволюции и интервенции,

упрочению диктатуры пролетариата, проведению труднейшей работы социалистич. переустройства обществ. жизни. СССР впервые в истории показал блестящий образец разрешения нац. вопроса в духе пролет. И. На базе социализма было создано нерушимое сотрудничество наций, в к-ром гармонически сочетаются нац. и интернац. интересы больших и малых народов. За короткий срок некогда отсталые окраины России превратились в цветущие социалистич. республики, обогнав в экономич. и культурном отношении мн. развитые капиталистич. страны. Ликвидация последствий культ личности Сталина в нац. вопросе ускорила процесс дальнейшего сближения социалистич. наций. Вступление СССР в период развернутого строительства коммунизма открыло новый этап в развитии социалистич. наций. Возрастает экономич. и идейная общность наций, в процессе взаимообогащения и сближения нац. культур развивается общая интернац. культура.

Сложившаяся после 2-й мировой войны мировая социалистич. система представляет собой «... новый тип экономических и политических отношений между странами» (Программа КПСС, 1961, с. 20), дружество свободных и суверенных народов, объединенных единством общих интересов и целей и ведущих совместную борьбу за социализм и коммунизм. В условиях социализма пролет. И. превратился в социалистич. И. Сфера действия социалистич. И. распространяется не только на отношения с трудящимися капиталистич. и колониальных стран, но также на отношения между социалистич. нациями внутри многонац. социалистич. гос-в и между социалистич. странами, к-рые строятся на основе полного равноправия, гос. независимости и суверенитета. Взаимопомощь и братское сотрудничество народов социалистич. стран во всех областях обществ. жизни — наиболее существ. черта социалистич. И. Сущность характеристика социалистич. И. состоит в том, что он является гос. политикой социалистич. стран, идеологией всего народа.

В условиях социалистич. общества идеи И. становятся нормами коммунистич. нравственности и принципами коммунистич. воспитания трудящихся. Социалистич. И. неразрывно связан с социалистич. патриотизмом, к-рый воплощается в преданности и верности своей Родине, всему содружеству социалистич. стран и органически включает солидарность с трудящимися всего мира.

Социалистич. И. является одним из осн. законов развития мировой социалистич. системы. Социалистич. страны имеют однотипную экономич. основу — обществ. собственность на средства произ-ва; однотипный гос. строй — власть народа во главе с рабочим классом; единую идеологию — марксизм-ленинизм; общие интересы в защите революц. завоеваний и нац. независимости; единую великую цель — коммунизм. Эта социально-экономич. и политич. общность — объективная основа для развития и укрепления дружеств. отношений между народами социалистич. стран. Объединение социалистич. стран обеспечивает каждой из них независимость и суверенитет, открывает небывало большие возможности для быстрого развития экономики и культуры, повышения жизненного уровня народа. Единство социалистич. стран создает в рамках всей системы необходимые условия для полной победы социализма и более или менее одновременного, в пределах одной историч. эпохи, перехода к коммунизму. Нац. интересы всех социалистич. стран требуют всемерного развития и укрепления единства мировой социалистич. системы. Курс на обособление от социалистич. лагеря и на изолированное строительство социализма лишает обособившуюся страну возможности пользоваться преимуществами мировой со-

циалистич. системы, тормозит ее развитие, ставит в зависимость от капиталистич. мира, создает серьезную угрозу утраты социалистич. завоеваний. Национализм наносит большой ущерб всему содружеству социалистич. стран и, в первую очередь, народу той страны, в к-рой он проявляется. Национализм используется междунар. реакцией как осн. оружие против единства мирового социализма. Социалистич. И. возлагает на коммунистич. партии и народы социалистич. стран особую ответственность перед мировым пролетариатом, поскольку, строя социализм и коммунизм, они создают прообраз нового общества для всего человечества. Успехи мировой социалистич. системы революционизируют сознание трудящихся капиталистич. стран, сплечивают их под знаменем коммунизма, серьезно облегчают их освобождение. борьбу. Ускоряется процесс консолидации междунар. рабочего класса, расширяется фронт сил, борющихся под его руководством против империализма. В то же время первоочередная интернац. обязанность марксистско-ленинских партий и трудящихся капиталистич. стран состоит в активной защите и всемерной поддержке мировой социалистич. системы.

Поддержка, оказываемая социалистич. странами и междунар. пролетариатом народам Азии, Африки, Лат. Америки, имеет важнейшее значение в их борьбе за полную ликвидацию колониализма, за прогрессивные пути обществ. развития этих стран. Мировой лагерь социализма и междунар. пролетариат ведут активную борьбу за сохранение мира и предотвращение ракетно-ядерной войны, к-рую подготавливает мировая империалистич. реакция, оказывают поддержку всем миролюбивым силам.

Руководящей силой интернац. единства пролетариата является междунар. коммунистич. движение. Все марксистско-ленинские партии вырабатывают и осуществляют свою политику, исходя из конкретных условий своих стран, учитывая при этом общие интересы и цели всего междунар. освободит. движения трудящихся. Коммунистич. и рабочие партии творчески применяют гл. закономерности социалистич. революции и социалистич. строительства в конкретных условиях своих стран. Нарушение этих закономерностей — характерная черта ревизионизма, к-рый подменяет пролет. И. бурж. национализмом. Учет нац. особенностей каждой страны сближает коммунистич. партии с широкими народными массами, укрепляет силы социализма в каждой отд. стране и в масштабах всего социалистич. лагеря. Наоборот, догматич. игнорирование нац. особенностей, непонимание происходящих изменений в мировом обществ. развитии, новых условий и возможностей освобождения народных масс ведет к отрыву партии от жизни масс и наносит существ. ущерб делу социализма, междунар. рабочему и коммунистич. движению, борьбе за мир и мирное сосуществование стран с различным обществ. строем. Правильная интернационалистич. политика коммунистич. партий обеспечивается борьбой против всяких проявлений ревизионизма, догматизма и сектанства, против национализма.

Решит. борьба против бурж. национализма, шовинизма, расизма и космополитизма, интернац. воспитание трудящихся являются необходимым условием организации классового единства пролетариата как в нац., так и в междунар. масштабах. Ленин указывал, что интернац. воспитание должно вестись дифференцированно, с учетом различного положения трудящихся угнетающих и угнет. наций, империалистич. стран и колониальных и зависимых стран. «Марксистско-ленинцы проводят различие между национализмом угнетенных наций и национализмом угнетающих наций. В национализме угнетенной

нации есть общедемократическое содержание, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определенном этапе... В то же время в национализме угнетенной нации содержится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки» (Программа КПСС, 1961, с. 47).

Марксизм-ленинизм непримирим ни с какой формой идеологии бурж. национализма. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие д. в. е. политики (более того: два мироосозерцания) в национальном вопросе» (Ленин и В. И., Соч., т. 20, с. 10). Марксистско-ленинская партия рабочего класса выражает подлинные нац. интересы своего народа и является самой активной патриотич. силой нации. С другой стороны, только она способна вести последовательную интернационалистич. политику.

Творчески применяя марксистско-ленинскую теорию к анализу конкретной истории, обстановки, коммунистич. партии совместно вырабатывают единые взгляды на важнейшие явления современности. Сотрудничество марксистско-ленинских партий позволяет правильно оценить и обобщить совокупный опыт всех партий, выявить новые резервы и возможности борьбы за коммунизм.

Исключительно важное значение в совр. условиях имели XX съезд КПСС, положивший начало новому этапу в междунар. коммунистич. движении, Совещания представителей коммунистич. и рабочих партий в 1957 и 1960, XXI съезд КПСС, к-рые содействовали укреплению идеол. и политич. позиций коммунистич. и рабочих партий. Разоблачение культа личности, с к-рым были связаны значит. извращения принципов пролет. И., создало условия для дальнейшего сплочения всех сил междунар. коммунистич. движения. Борьба против культа личности остается важнейшей задачей коммунистич. партий.

Организац. формы своего сотрудничества марксистско-ленинские партии определяют в зависимости от конкретной обстановки. В совр. условиях целесообразными формами контактов между коммунистич. партиями являются двусторонние встречи и консультации, региональные совещания партий, работающих в сходных условиях, всемирные совещания представителей коммунистич. и рабочих партий.

Взаимоотношения между коммунистич. и рабочими партиями строятся на принципах пролет. И. Все партии независимы, равноправны, самостоятельны в своих действиях. Деятельность каждой партии прямо или косвенно оказывает влияние на борьбу нар. масс других стран и на междунар. коммунистич. движение в целом. Поэтому каждая коммунистич. и рабочая партия несет ответственность за свою политику и деятельность не только перед рабочим классом и трудящимися своей страны, но и перед всем междунар. коммунистич. движением.

Каждая коммунистич. партия считает своим интернац. долгом неуклонное соблюдение принципов взаимной помощи и поддержки, товарищеской критики, выполнение совместно выработанных и принятых решений. Это отнюдь не умаляет самостоятельности партий, не исключает их инициативы и активности.

Высоким образцом верности пролет. И. и выполнения интернац. долга является Коммунистич. партия Сов. Союза, к-рая, «... как и все коммунистические партии, считает своей интернациональной обязанностью строгое соблюдение совместно разработанных братскими партиями оценок и выводов, касающихся общих задач борьбы против империализма, за мир,

демократию и социализм, и принятых на международных Совещаниях коммунистических партий Декларации и Заявления» (Программа КПСС, 1961, с. 43—44). Она является общепризнанным авангардом мирового коммунистич. движения, его наиболее опытным и закаленным отрядом. КПСС «... рассматривает коммунистическое строительство в СССР как великую и интернациональную задачу советского народа, отвечающую интересам всей мировой социалистической системы, интересам международного пролетариата, всего человечества» (там же, с. 6).

Лит.: К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, О пролетарском интернационализме, М., 1957; В. И. Ленин, Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма. [Сб.], М., 1959; Под знаменем пролетарского интернационализма. Сб. материалов, М., 1957; Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы, М., 1960; Программа КПСС, М., 1961; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Основные принципы международного социалистического разделения труда, «Правда», 1962, 17 июня, № 168; Хрущев Н. С., Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, [М.], 1956; его же, Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1957; его же, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад и заключительное слово на Внеочередном XXI съезде КПСС 27 янв. и 5 февр. 1959 г., М., 1959; его же, За новые победы мирового коммунистического движения, М., 1961; его же, О программе КПСС, М., 1961; его же, Насущные вопросы развития мировой социалистической системы, М., 1962; Фостер У. Э., История трех Интернационалов, М., 1959; Proletarischer Internationalismus. Materialien einer Arbeitstagung über Rolle und Bedeutung des proletarischen Internationalismus, В., [1961]. Г. Ярышев. Москва.

ИНТЕРОРЕЦЕПЦИЯ (от лат. interior — внутренний и receptio — принятие) — процесс возникновения возбуждения в интерорецепторах (чувствительных нервных окончаниях внутр. органов, сосудов, мышц и т. д.) и передачи в центр. нервную систему сигналов об этом возбуждении. И. является чувствит. звеном мн. жизненно важных рефлексов. Она обеспечивает информацию центр. нервной системе о всех изменениях, происходящих в организме. Такая информация является необходимой предпосылкой для регулирования центр. нервной системой всех функций организма, поддержания постоянства его внутр. среды (гомеостаз). По сравнению с экстерорецепцией И. более опосредованно связана с высшими функциональными уровнями *головного мозга*, со второй сигнальной системой. По физиологич. механизмам И. связана с физиогенетически более древними уровнями центр. нервной системы. Поэтому ощущения из внутр. органов не так четко воспринимаются сознанием, плохо локализуются. Качеств. неопределенность субъективного восприятия интерорецептивных раздражений дала *Сеченову* основание называть их «темными чувствами». Возбуждение интерорецепторов возникает под влиянием изменений состояния внутр. органов или состава внутр. среды организма. И. обнаружена во всех внутр. органах, тканях и сосудах. По способности реагировать на тот или иной вид раздражителя различают *механорецепцию* — способность реагировать на различные механич. деформации тканей, изменения давления (барорецепция); *хеморецепцию* — восприятие химич. раздражителей, изменений в *объеме вещества*; *терморецепцию* — чувствительность к изменениям температуры; *осморепцепцию*, сигнализирующую об изменениях осмотич. давления. Механорецепторы синуса сонной артерии играют большую роль в поддержании постоянства кровяного давления. Хеморецепторы обеспечивают постоянство химич. состава внутр. среды.

Очень велика роль И. от скелетных мышц (проприорецепция). Без нее были бы невозможны поддержание мышечного тонуса, сохранение позы, выполнение активных движений, т. к. все это требует постоянного

информирования центр. нервной системы о положении и напряжении опорно-двигат. аппарата в каждый момент. Интерорецепторы не только посылают сигналы в центр. нервную систему, но и сами находятся под ее регулирующим влиянием. Сигналы, возникающие в интерорецепторах, поступают в различные отделы центр. нервной системы — от сегментов спинного мозга до коры больших полушарий головного мозга. Соответственно с этим они могут участвовать в рефлекторных актах различной сложности — как безусловных, так и условных. В коре головного мозга сигналы от интерорецепторов могут взаимодействовать с сигналами от внешних органов чувств, участвовать в образовании условных рефлексов. Это делает возможным участие И. в приспособлении организма к изменяющимся условиям.

Лит.: Черниговский В. Н., Аfferентные системы внутренних органов, Киров, 1943 (имеется библиогр.); Быков К. М., Кора головного мозга и внутренние органы, 2 изд., М.—Л., 1947, с. 161; Орбели Л. А., Вопросы высшей нервной деятельности, М.—Л., 1949; Павлов И. П., Полн. собр. соч., т. 2, кн. 2, М.—Л., 1951; Пшоник А. Т., Кора головного мозга и рецепторная функция организма, М., 1952; Сеченов И. М., Рефлексы головного мозга, М., 1952; Айрапетьянц Э. Ш., Высшая нервная деятельность и рецепторы внутренних органов, М.—Л., 1952 (имеется библиогр.); Курцин И. Т., Принципы кортико-висцеральной физиологии и патологии, Л., 1954 (имеется библиогр., с. 179—182); Гранит Р., Электрофизиологическое исследование рецепции, пер. с англ., М., 1957; Булыгин И. А., Исследование закономерностей и механизмов интероцептивных рефлексов, Минск, 1959; Sherrington C. S., The integrative action of the nervous system, Camb., 1947.

И. Фейгенберг. Москва.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ [от лат. interpretatio—(ис) толкование, объяснение] (в естественн. и математике, логике, теории познания) — совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом элементом (выражением, формулам, символам и т. д.) к.-л. теории (термин «И.» употребляется также по отношению к отд. таким значениям; в этом случае говорят об И. данного символа, выражения, формулы и т. д.). Понятие И. имеет важное гносеологич. значение; оно играет большую роль при сопоставлении научных теорий с отраженной в них реальностью, при описании разных способов построения теории и при характеристике изменения соотношения между ними в ходе развития познания.

В содержательных естественнонауч. и математич. теориях всегда подразумевается нек-рая И.: такие теории используют лишь осмысленные выражения, т. е. смысл каждого выражения предпологается с самого начала известным. Таковы, прежде всего, г. н. феноменологич. теории физики, к-рые не претендуют на к.-л. осмысление своих терминов, помимо тех содержательных («интуитивных», не вызывающих сомнений в своей осмысленности) представлений о них, раскрытие связи между к-рыми и составляет задачу такого рода теории. Примером может служить любой раздел математики, понимаемой (на нек-ром уровне) как наука о пространств. и количеств. закономерностях внешнего мира. Так, геометрия на первонач. стадии рассматривалась как «наука об измерении площадей», причем именно площадей «реальных» поверхностей. Следует, однако, иметь в виду, что такие «естественные» И. математич. понятий по своему своему характеру не могут претендовать на полное раскрытие смысла интерпретируемых терминов. Напр., одно из осн. понятий дифференц. исчисления — понятие производной к.-л. функции может быть интерпретировано как скорость процесса, описываемого этой функцией; но само понятие скорости процесса получает полную четкость лишь после введения понятия производной; более того, вполне правомерна т. зр., согласно к-рой понятие скорости интерпретируется, осмысли-

вается при помощи понятия производной. С др. стороны, понятия (и предложения) к.-л. естественнонауч. теории интерпретируются не самими по себе объектами реального мира, а их образами в человец. сознании. Такого рода И. может (и должна) быть изоморфна (см. *Изоморфизм*) интерпретируемой теории, чего нельзя сказать о соответствии, всегда приблизит. и неполном, между реальными объектами и их образами, хотя именно к этому соответствию мы в конце концов апеллируем, желая постигнуть и разъяснить смысл того или иного естественнонауч. термина. Кроме того, у одной и той же теории в принципе могут быть различные И., как изоморфные между собой (примеры см. в ст. *Изоморфизм, Алгебра логики*), так и неизоморфные. В таких случаях одна из этих И. обычно является той областью, для изучения к-рой возникла рассматриваемая теория. Эту И. принято называть естественной И. данной теории. Наконец, одна и та же совокупность образов предметов и явлений внешнего мира может на опред. ступени познания служить И. для существенно различных теорий; так, круг явлений, рассматриваемых геометрич. оптикой, получает удовлетворительное объяснение как в волновой, так и в корпускулярной теории света, и для выбора между этими точками зрения (а впоследствии для их согласования) потребовались дополнительные экспериментальные данные и теоретич. допущения.

По мере развития логич. средств науки и возрастания уровня ее абстракций интерпретируемость ее понятий при помощи представлений, почерпнутых непосредственно из созерцания внешнего мира, становится все менее очевидной. Так, понятия таких разделов совр. математики, как абстрактная алгебра или топология, интерпретируются, как правило, не непосредственно в терминах реальной действительности, а в терминах др. областей математики (напр., теории функций, геометрии). Геометрич. понятия, в свою очередь (прямо или посредством др. промежуточных И.), могут осмысливаться сопоставлением с образами внешнего мира. Отношение интерпретируемости «переводимости» на более понятный (в к.-л. отношении) для нас язык, транзитивно: интерпретация интерпретации к.-л. теории дает возможность указать и непосредственную И. этой теории. (Эту ситуацию можно пояснить на след. примере: перевод япон. текста на рус. язык может быть произведен не с япон. оригинала, а, скажем, с его англ. перевода, при этом рус. текст можно рассматривать в качестве перевода как промежуточного англ., так и первонач. япон. текста; на этом примере видна также относительность «разъясняющей» роли И.: для человека, владеющего, напр., лишь франц. языком, все три текста будут одинаково непонятны). Но математика может обходиться и без «перевода» своих теорий на «физический язык». Напр., независимо от какой бы то ни было физич. И., понятия геометрии Лобачевского — Бойяи могут быть «переведены» на язык геометрии Эвклида. Такой «перевод», выполненный Пуанкаре и нем. ученым Ф. Клейном, состоял в указании И. (или модели) понятий (и предложений) геометрии Лобачевского в терминах эвклидовой геометрии. Тем самым была показана непротиворечивость геометрии Лобачевского относительно геометрии Эвклида (см. *Метод аксиоматический*). Вообще И. играют различную роль в естественнонауч. и умозрительных (абстрактно-дедуктивных, аналитич.) теориях. Естественная И. служит проверкой правильности естественнонауч. теории; всякое применение теории непосредственно на практике связано с нек-рой И. этой теории. Ценность теорий второго рода может непосредственно не зависеть ни от какой И., и в таких случаях самое большее, что может

дать И., — это доказательство (логической) совместности осн. положений теории друг с другом, а также с к.-л. предложениями, не содержащимися в рассматриваемой теории. В математике имеется много примеров, основанных на И. доказательстве непротиворечивости тех или иных расширений теории; таково доказательство Гёделя относительной непротиворечивости присоединения аксиомы выбора и континуум-гипотезы к аксиомам теории множеств.

Особо важную роль И. играют в логике; именно благодаря той или иной И. рассматриваемые в ней исчисления приобретают связь с содержанием логикой и становятся *формализованными языками* (до указания И. выражения логич. исчислений ничего не «означают», т. е. в пределах неинтерпретированного исчисления рассматриваются лишь как образованные по определ. правилам комбинации материальных объектов, какими являются символы, написанные на бумаге; см. *Синтаксис логический*). Различным системам логики высказываний и логики предикатов соответствуют различные И. употребляемых в них логич. операторов (см. *Логика высказываний, Предикатов исчисления, Интуиционизм, Конструктивная логика, Кванторы*).

Т. о., термин «И.» употребляется в неск. различных, хотя и тесно связанных друг с другом, смыслах в логике, в «чистой» (т. е. рассматриваемой независимо от возможных приложений) математике и в естественнонауч. в целом. Во всех этих аспектах понятие И. тесно связано с понятием модели. Вне специальных логич. рассматриваний оба эти термина — «И.» и «модель» чаще всего употребляются как синонимы. В *семантике* же они различаются, причем более подробное и точное рассмотрение понятия И. существенно опирается на определение и анализ понятия модели. (Термин «И.», понимаемый в смысле «истолкования», употребляется и в др. областях, напр. в юриспруденции и музыковедении, где его значение определяется специфич. соответствующей области).

Лит.: Гильберт Д., Основания геометрии, пер. с нем., М.—Л., 1948, гл. 2, § 9; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 3, § 15; Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., [т. 1], М., 1960, Введение, § 07. См. также лит. при статьях *Модель* и *Семантика*. Ю. Гастев. Москва.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ (от лат. *inter* — между) — понятие, введенное в ряде совр. идеалистич. теорий познания и в особенности в *неопозитивизме* для обозначения «независимости» суждений науки от отд. индивидов. Введение понятия И. само по себе означало вынужденное отступление от субъективно-идеалистич. позиций и призвано было замаскировать тенденцию неопозитивизма к *солипсизму*. В истории философии понятию И. предшествовало специфич. понятие объективности, у *Канта* истолкованное на основе априоризма как «общеобязательность». В неопозитивизме И. терминологически отличается от понятия объективности и по замыслу призвана вытеснить его. И. совпадает с понятием «интерсубъективной проверки» (см. К. Popper, *Logik der Forschung*, W., 1935, S. 16), т. е. взаимного соответствия результатов верификации, — проверки истинности к.-л. предложения различными индивидами (см. *Верифицируемости принцип*) и взаимнообмена этими результатами. И. означает также возможность взаимоперевода т. н. протокольных предложений (т. е. предложений, фиксирующих данные опыта) и эмпирически проверяемых предложений научных теорий, высказанных различными субъектами. Первоначально утверждалась И. фактов: «... интерсубъективность есть именно существенное свойство „действительности“» (Саргар R., *Der logische Aufbau der Welt*, B., 1928, S. 90). Это превращало И. в интерсенсуализм, т. е. в тезис о том, что коллективный чувств. опыт есть «бессубъектная»

действительность, изучаемая науками. Вследствие несостоятельности этого понятия была сделана попытка обосновать И. уже как общезначимое предположений посредством *физикализма*, сначала в т. н. «содержательном», а затем в чисто формальном его понимании. И. при этом считалась присущей лишь языковой структуре протокольных предложений. Различные варианты И. вытекали из разного понимания языковой структуры (в разных вариантах формального физикализма) — то как совокуности лишенных смысла графич. знаков, то как логико-грамматич. отношений между словами, а также между предложениями. Все эти виды истолкования И. привели к выхолащиванию смысла из предложений, входящих в эмпирич. базис науки, и к выдвиганию нового понятия И. как конвенционального логич. единства структуры наук, к-рое, в свою очередь, оказалось бесплодным, т. к. явно разделяло все пороки *конвенционализма* как субъективистской концепции. Дальнейшая судьба понятия И. органически связана с эволюцией конвенционализма в неопозитивизме. По мере растворения конвенционализма в новом априоризме (у Б. Рассела и А. Папа) или в понятии удобства (у неопрагматистов П. Гудмена, У. Куайна и др.) И. все более связывается с объективно-идеалистич. пониманием ее как независимого от воли субъекта и необъяснимого свойства тех или иных предложений. Так, А. Айер, отказавшись от концепции чувств. данных, попытался заменить ее, с целью обрести И., успешнее о «фактах», носящих будто бы объективный характер, но на проверку оказывающихся конвенциональными и посредством языка оформленными «вырезками» из потока состояний субъекта.

С т. зр. диалектич. материализма, источник общезначимости знания заключается в его истинности, т. е. в адекватном отражении свойств и законов материи, и в факте независимости по своему содержанию объективной истины от человека. Факты, события, явления внешнего мира не интересобъективны, но объективны. Объективно и содержание человек. знаний, к-рое не зависит от человека и человечества. Гарантацией адекватности взаимодействия различных субъектов сведениями о внешнем мире является практика людей, носящая в принципе обществ. характер.

Лит.: Нарский И. С., Современный позитивизм. Критический очерк, М., 1961, гл. 3, § 5; Weinberg J. R., An examination of logical positivism, L., 1936; Hempel C. G., Problems and changes in the empiricist criterion of meaning, в сб.: Semantics and the philosophy of language, Urbana, 1952; Percu W., Symbol, consciousness and intersubjectivity, «J. Philos.», 1958, v. 55, № 15, July 17. См. также лит. при статьях *Неопозитивизм* и *Физикализм*.

И. Нарский. Москва.

ИНТРОЕКЦИЯ [от лат. intro—внутри и (in) iectio—вбрасывание] — введенное Авенариусом понятие о недопустимом, с его т. зр., «вкладывании» чего бы то ни было воспринимаемого в сознание индивида, а равно чего бы то ни было *идеального* в познающее мышление субъекта. Подставляя индивидуальное сознание на место познающего мышления (психологизм), Авенариус объявляет неправомерной И. вообще признание идеального за отражение объекта субъектом. Концепция И. есть такое истолкование метафизич. и антропологич. материализма и идеализма, к-рое делало удобным нападение на материализм (особенно естественнонаучный), как на будто бы всегда вступающий в И. При этом Авенариус думал, будто ему удалось опровергнуть всякий материализм. Выступая против И., Авенариус жалуется, что «путем интродекции естественное единство эмпирически данного мира распалось... на внешний мир и внутренний мир, на объект и субъект» («Человеческое понятие о мире», М., 1909, с. 27). С его т. зр., именно в И., прошедшей ряд историч. ступеней — от первобытного анимизма до совр. филос. идеализма, — всегда лежали истоки заблуждений. Изо-

бражая себя истолкователем и защитником «наивного реализма», Авенариус рекомендует принять такое понятие о мире, «которое имеет своим содержанием „общие признаки“ всего находимого данным...» (там же, с. 100), и отбросить естественнонаучное понятие о мире, как страдающее И. и дуализмом. Концепция И. обрекает, конечно, всякого разделяющего ее на поиски механизма обратного процесса — «проекции»; а поскольку совпадение источника И. и результата «проекции» оказывается недоказуемым, это ведет к безнадежному разрыву субъекта и объекта. Ухватившись за то, что нек-рые материалисты, гл. обр. натуралистические, действительно пытались решать проблему познавательного отношения субъекта к объекту, основываясь на предварит. решении психофизич. проблемы, Авенариус использует неадекватности, вытекающие из подстановки второй проблемы на место первой, чтобы устранить (что типично для позитивизма) самую возможность их постановки, устранить самый предмет гносеологии; он ищет обоснование принципиальной координации и вообще *эмпириокритицизма* на пути отрицания связи мысли с мозгом. Отказ от категорий субъекта и объекта, мышления и бытия и переход на идеалистич. т. зр. «нейтрального» опыта он выдает за путь избавления от И., причем за единственно возможный путь. Это антиматериалистич., субъективно-идеалистич. содержание своей концепции интродекции Авенариус преподносит под флагом борьбы против идеализма, против *солипсизма*, к к-рому, с его т. зр., ведет И. На деле к солипсизму ведет неприменение вообще категорий субъекта, объекта, идеального и т. д., якобы неотделимое от И., а лишь применение их с точки зрения изолированного натуралистич. индивида, к-рому Авенариус считает само собой разумеющейся, но к-рая действительно не позволяет выработать категории субъекта и объекта, не впадая в дуализм или солипсизм. Концепция И. свидетельствует о том, что бурж. философия оказалась неспособной преодолеть разрыв субъекта и объекта, совлечь с объекта ту форму отчуждения и трансцендентности, в к-рой он неизбежно ей представлялся, и потому стала искать пути отказа от этих категорий вообще. Последователи концепции И. — *Иерузалем*, Уорд, Стаут. Концепция И., ее скрытая антиматериалистич. направленность была подвергнута резкой критике Лениным в кн. *Материализм и эмпириокритицизм*. Показав, что А. Богданов и др. рус. эмпириокритики «попались на удочку» И., Ленин подчеркнул необходимость при анализе филос. теорий сугубо критически относиться к тому, как оценивают значение своих теорий сами их создатели.

В психологии, в концепции *психоанализа*, И. — такое отношение одного индивида к другим, при к-ром первый принимает их за включенных в себя в качестве своих собственных внутренних компонентов.

Лит.: Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Авенариус Р., О предмете психологии, М., 1911; Бакрадзе К. С., Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии, Тб., 1960. Г. Батццев. Москва.

ИНТРОСПЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (от лат. introspecto — гляжу внутрь, всматриваюсь) — в широком смысле всякая психологич. теория, считающая сознание совокуностью феноменов, познаваемых только посредством интроспекции, т. е. самонаблюдения. Истоки этого воззрения восходят к *Августину*; подробно обосновали его Декарт и Локк, к-рые, однако, пытались соединить концепцию И. п. с детерминистич. представлениями о поведении. Эти представления полностью были отвергнуты Беркли, Юмом и Т. Брауном, чья доктрина И. п. была субъективно-идеалистической. И. п. считает сознание противопоставленным внешней реальности как по своей сущно-

сти, так и по особой непосредств. познаваемости. Одним из вариантов И. п. является учение о «внутреннем опыте», согласно к-рому психич. явления познаются принципиально иным способом, чем материальные.

И. п. — господствующая доктрина бурж. философии и психологии. Попытки отдельных бурж. философов (напр., *Конта*) подвергнуть ее критике свелись к отрицанию ценности самонаблюдения, но не коснулись ее основы — идеалистич. представления о сознании. Несостоятельность И. п. вскрыл марксизм. Глубокая критика И. п. содержится в трудах *Сеченова*.

На рубеже 20 в. субъективизм И. п. обнажается до предела. Психологи-идеалисты различных школ всячески стремятся изобрести субъективный метод, доходя в этом стремлении до требования изучать психич. факты в их «чистой культуре», исключив из них какой бы то ни было намек на объекты внешнего мира (Титченер).

Лит. см. при ст. *Самонаблюдение*.

М. Яковлевский, Душанбе.

ИНТУИТИВИЗМ — реакц. идеалистич. филос. учение, весьма распространенное в совр. бурж. философии (а также эстетике, этике и, в известной мере, в философии математики) и являющееся разновидностью *иррационализма*. Гл. представители И. в 19 в. — Ф. Шеллинг и Э. Гартман, в 20 в. — А. Бергсон, Э. Гуссерль, Н. Лосский. С т. зр. И., *интуиция* представляет собой основу и источник всякого знания или, по меньшей мере, специфич. филос. форму наиболее достоверного постижения действительности. И. противопоставляет интуицию, с одной стороны, конкретному эмпирич. исследованию фактов (в т. ч. и непосредств. чувств. восприятию внешнего мира), а с другой — мышлению, логич. демонстрации и, в особенности, теоретич. анализу. При этом И. претендует на преодоление противоположности между материализмом и идеализмом, рациональным и иррациональным, сенсуализмом и рационализмом, априоризмом и эмпиризмом, разумом и верой и т. д. По словам Лосского, И. «...устраивает самую почву для возникновения спора, показывает, что он основывается на недопонимании...» («Обоснование интуитивизма», СПб, 1908, с. 338). В действительности И. пытается подчинить рациональное иррациональному, разум вере и обосновать тем самым новую утонченную форму идеализма.

И, как филос. течение необходимо отличать от тех учений о роли интеллектуальной интуиции в процессе познания, к-рые развивались прогрессивными бурж. философами 17 в., гл. обр. представителями рационализма, по частую также и теоретиками филос. эмпиризма и сенсуализма. С т. зр. Декарта, Спинозы и др., интеллектуальная интуиция представляет собой высший акт разумного познания, она, следовательно, не исключает дискурсивного, логич. мышления (так же как и чувств. отражения внешнего мира), а образует их необходимую предпосылку или же завершение. Эта концепция была вызвана к жизни, с одной стороны, необходимостью теоретически обосновать математич. аксиоматику, с другой — определить исходные посыпки теоретич. знания. Поскольку рационалисты (так же как и сенсуалисты и эмпирики) не понимали гносеологич. значения практики, они неизбежно должны были приходиться к представлению об интуитивной основе познания и интуитивно постигаемой ясности и отчетливости как критерии истины.

В отличие от рационализма, И. истолковывает интуицию, несмотря на всякого рода оговорки, как иррациональный акт познания, в к-ром якобы преодолевается противоположность между субъектом и объектом, знанием и бытием, связывает интуицию с инстинктом, подсознательным, религ. верой, с признанием

трансцендентного и возможности непосредств. общения с ним. Соответственно этому, одной из важнейших особенностей И. является критика разума и позитивного (единственно возможного) мышления вообще. Интуитивное видение мира рассматривается как отрицание научной картины мира, к-рая заменяется идеалистич. интерпретацией представлений обыденного сознания. Такое толкование интуиции весьма близко к мистич. представлениям о наитии, вдохновении свыше, откровении, озарении, слиянии с божеством и т. п.

Антинауч. интуитивистская концепция слияния субъекта с объектом преподносится обычно как отрицание гносеологич. индивидуализма, субъективизма, эгоцентризма, как т. зр. последоват. объективизма, благодаря к-рой якобы постигается, что знание не есть отражение действительности, а есть сама действительность, к-рая соответственно этому должна быть определена как знание-бытие (Н. Лосский). Было бы неправильно поэтому рассматривать И. как лишь гносеологич. теорию, противостоящую материалистич. теории отражения, но не претендующую на создание своего собств. интуитивистского учения о бытии. Интуитивистское устранение «расщепления» мира на субъект и объект прежде всего означает отрицание объективной реальности, независимой от познающего субъекта и обладающей чувственно воспринимаемыми и логически постижимыми свойствами и формами. Учение Гуссерля о феноменологической редукции, исключая реальный мир из рассмотрения, рассматривает как истинный мир логич. сущностей, значений, смыслов, постигаемый интуитивным видением. Подобно тому, «...как можно непосредственно слышать звук, можно созерцать „сущность“, сущность „звука“, сущность „вещного явления“, сущность „видимой вещи“, сущность „образного представления“, и т. д. и, созерцая, высказывать сущностные суждения» (Гуссерль Э., *Философия*, как строгая наука, см. «Логос», кн. 1, М., 1911, с. 31). Эта аналогия с обычным восприятием показывает, что одним из гносеологич. источников И. является мистификация реального, действительного непосредственного в своей основе восприятия человеком объективной действительности. Гуссерль противопоставляет феноменологич. видение психологизму, однако главным противником его интуитивистской концепции познания и действительности является не психологич. концепция, а материализм.

Интуитивизм А. Бергсона также неотделим от вполне определ. онтологич. предпосылок. Столь же связаны между собой интуитивистская гносеология и спиритуалистич. онтология в филос. учении Лосского, называющего свою философию «мистическим эмпиризмом». Ссылки на эмпиризм, апелляция к особым образом понимаемому опыту типичны для представителей И., к-рые характеризуют свою теорию как учение о непосредственном и в силу этого достоверном знании, в противоположность опосредств. знанию якобы неотделимому от предмета и представляющему собой как бы его внутр. содержание, душу, истинную действительность, в отличие от конструируемой рассудком геометрич., физической и вообще материальной формы, структуры, связи. Не случайно поэтому ученик Бергсона Ж. Мэр утверждает, что двумя гл. направлениями в философии являются эмпиризм и идеализм, причем наиболее последоват. формой эмпиризма объявляется бергсоновский И., к-рый противопоставляется, т. о., идеализму как рассудочному, интеллектуалистскому, умозрительному, игнорирующему живую, непосредственно данную жизнь со всеми ее красками (см. J. Maire, *Une régression mentale d'Henri Bergson à Jean-Paul Sartre*, P., 1959, p. 29—30).

Во взглядах интуитивистов в искаженной форме отразился кризис метафизич. способа мышления и не-

способность бурж. философии найти выход из этого кризиса. В гносеологич. отношении И. представляет собой критику метафизики справа; при этом метафизич. абсолютизации количеств, определенности явлений противопоставляется столь же метафизическая абсолютизация качеств, различий. С т. зр. Бергсона, ощущение — чистое качество, принципиально неизмеримое. Измерение интенсивности ощущений является, по учению Бергсона, подменой «качественных впечатлений» чисто рассудочным и поэтому неправомерным «количественным толкованием».

И. сводит разум, интеллект к метафизич. мышлению и, сознавая его недостаточность, объявляет недостаточным, несостоятельным мышление, противопоставляя ему сверхинтеллектуальное видение мира. Бергсон утверждает, что, будучи последовательным, нельзя не прийти к выводу, что совершенное существо, если таковое существует, «...познает все интуитивно, без посредства рассуждений, абстракций, обобщений» (Собр. соч., т. 4, СПб, [1914], с. 7). Человек же, в силу своего несовершенства, вынужден наряду с интуицией пользоваться рассуждениями, абстракциями, обобщениями. Но при этом обнаруживается, что, всячески принося логике, рассуждения, обобщения, И. с помощью именно этих средств (ибо иных не существует) пытается обосновать истинность своего собств. учения. Такого рода противоречие неизбежно для всякого иррационализма, к-рый пытается рационально обосновать иррациональное.

И. абсолютизирует и извращенно интерпретирует момент непосредственности, свойственный процессу познания: игнорируя непосредственность чувств, восприятия внешнего мира, отрывая непосредственное в восприятии от отражения внешней действительности, не понимая диалектич. связи непосредственного и опосредованного, И. проповедует алогизм и на этой теоретич. основе сближается с откровенным фидеизмом. Так, напр., Бергсон утверждает, в частности, что «религия является оборонительной реакцией природы против разлагающей силы разума» («Les deux sources de la morale et de la religion», P., 1932, p. 127).

И. свойствен ряду совр. филос. учений, к-рые в целом не могут быть рассматриваемы как интуитивистские. К ним в первую очередь следует отнести экзистенциализм. У Хайдеггера это особенно очевидно, поскольку он отрицает возможность логич. постижения «экзистенции» и доказывает, что смысл бытия и свойственные ему «экзистенциалы» обнаруживаются в сознании познающего субъекта лишь постольку, поскольку он погружается в феноменологию, самосозерцание. У Ясперса, выдвигающего на первый план не интуицию, а веру и связанное с ней «озарение» (Erhellung), самосознание, сознание собств. существования, рассматривается, тем не менее, как интуитивно постигающее себя. Экзистенциализм репительное сближает интуицию с внутр. переживанием, все более и более липкая ее познават. значения, вследствие чего И. у экзистенциалистов вполне сочетается с воинствующим агностицизмом. С И. связана и экзистенциалистская критика мышления — «упорная беспощадная борьба против духа абстракции», как выражается Г. Марсель («Les hommes contre l'humain», P., 1961, p. 7), к-рая на деле является борьбой против всякого теоретического, логически доказательного, последоват. мышления вообще.

Виднейшие представители И. в совр. бурж. этике — англ. философы Мур, Причард, Росс. Моральные характеристики они рассматривают как особые, присутствующие явления не чувственные, не естеств. свойства, постигаемые не посредством чувств, восприятий или рационального суждения, а путем непосредств. интуиции. Вследствие этого моральные свойства недоступны логич. определению и обоснованию. Этич. И.

направлен против рационального познания этич. явлений и науч. исследования социальной закономерности развития морали.

В бурж. эстетике И. (Кроче, Бергсон, Кэррит), признающий интуицию индивидуального существом искусства, является методом борьбы против реализма, используемым для оправдания и возведения в принцип произвола художника и исключаящим объективный анализ и логически мотивированную оценку художеств. явлений.

В философии истории (и, частично, в социологии) интуитивистские концепции характерны для «философии жизни» и таких реакц. мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби. И здесь, как и в филос. теориях, И. неразрывно связан с отрицанием объективных закономерностей историч. процесса. Социальный смысл такого рода И. сводится гл. обр. к отрицанию закономерности обществ. прогресса и возможности разумного преобразования обществ. жизни.

Марксистско-ленинская философия, вскрывая диалектич. единство непосредственного и опосредованного отражения внешнего мира, утверждая диалектич. логику и показывая роль практики в процессе познания мира, полностью опровергает иррационалистич. истолкование интуиции и тем самым и И. В теоретич. построениях И. марксистско-ленинская критика видит проявление глубокого кризиса бурж. идеологии и метафизич. способа мышления вообще.

Лит. см. при статьях: *Интуиция. Иррационализм. Феноменология. Бергсон. Гаман, Э. Гартман. Гуссерль, Лосский, Шелер, Шеллинг, Якоби.* Т. Ойзерман. Москва.

ИНТУИЦИОНИЗМ — филос. направление в математике и логике, отказывающееся от использования идеи актуальной бесконечности, отвергающее логику как науку, предшествующую математике, и рассматривающее интуитивную убедительность («интуицию») как последнее основание математики и логики.

И. возник на рубеже 19 и 20 вв. прежде всего как реакция на теорию множеств Кантора, в к-рой нашла наиболее полное выражение идея актуальной бесконечности — одна из осн. идей классич. математики и логики. Оформление И. произошло в обстановке кризиса оснований математики. Толчок к-рому дало обнаружение *парадоксов*. Интуционистская критика классич. математики углубила этот кризис и способствовала широкой постановке проблем обоснования математики и логики.

Критич. замечания по поводу использования идеи актуальной бесконечности имеются уже у нем. математика К. Гаусса. Кронекер ставил под сомнение методы классич. математики, резко выступал против взглядов Кантора. Более близким предшественником И. можно считать Пуанкаре. Основоположителем И. является голл. математик Л. Э. Я. Брауэр (р. 1881), выступивший в 1907 с критикой основ классич. математики. В дальнейшем интуционистская т. зр. на математику получила развитие в работах как самого Брауэра, так и его последователей — Г. Вейля, А. Гейтинга и др.

Взамен отвергаемого понятия актуальной бесконечности и наивного понимания существования в математике (при к-ром это понятие считается не нуждающимся в к.-л. анализе) И. кладет в основу своего подхода понятие потенциальной бесконечности и связанное с ним понимание существования математич. объектов как возможности (хотя бы в принципе) их построения. При этом он отвергает идею о том, что в основании математики должна лежать (ддуктивная) логика. Согласно Брауэру, математика тождественна с точной частью человек. мышления; с его т. зр. попытки обоснования математики средствами логики приводят к порочному кругу, т. е. логика, будучи составной частью точного мышления, является тем самым частью математики. Радикальная критика классич. логики привела И. к формулировке собств. логич. воззрений, получивших название интуционистской логики.

Характерной чертой филос. установок И. является понимание интуиции как последнего основания достоверности суждений. При этом под интуицией, т. е. интуитивной убедительностью и интуитивной ясностью, понималась непосредственная или наглядная очевидность, присущая элементарным шагам рассуждения, отд. суждениям или отд. понятиям; примером интуитивно убедительного, с т. зр. И., суждения может быть суждение «0=0» или суждение «Из А следует А» (для данного конкретного суждения А); одним из интуитивно ясных понятий интуционисты считали натуральный ряд чисел 1, 2, 3, ... Отличит. особенностью И. является отказ от попыток точного определения таких понятий, как «доказательство», «построение», а также самого поня-

тия «интуиция». Интуиционисты считают, с одной стороны, что математические (т. е. относящиеся к точной части нашего мышления) доказательства и построения должны обладать достаточной интуитивной ясностью (так, что если относительно к.-л. рассуждения возникает сомнение в том, является ли оно, напр., доказательством, его и не следует считать таковым); с др. стороны, они убеждены, что нет оснований признавать к.-л. попытку определения этих понятий вводящей (уточненной) понятие, адекватное первоначальному (неуточненному) понятию, т. к. с т. зр. И. представляется невозможным охватить одним определением все те способы рассуждения, к-рые могут когда-либо оказаться интуитивно убедительными. То же самое относится к понятию построения (к понятию функции, закона соответствия) с той лишь разницей, что вместо интуитивной убедительности речь должна идти об интуитивной ясности построения. Уже в этом подходе подчеркнута роль субъективного момента в познании. Ведущие представители И., и прежде всего Брауэр, идут, однако, гораздо дальше. Ссылаясь на то, что интуитивная убедительность связана с субъектом, истолковывающим те или иные математич. построения, они переходят на позиции откровенного субъективизма, утверждая, напр., что может быть столько математик, сколько есть математиков. У самого Брауэра субъективизм принял волюнтаристич. оттенок — Брауэр утверждает, что математика есть нек-рый вид человеческой деятельности, с помощью к-рой человек вносит порядок в окружающий его мир и подчиняет его, в т. ч. и др. людей, своей воле.

Классич. математика, т. е. математика, опирающаяся на теорию множеств Кантора, широко пользуется понятием актуальной бесконечности, позволяя считать существующими любые бесконечные множества и оперировать с ними как с законченными целыми; при этом она игнорирует вопрос о том, в каком смысле можно утверждать существование таких множеств. Для нее характерно представление об актуально бесконечном множестве как о чем-то законченном, существующем до и независимо от всякого процесса порождения, как о чем-то, что может лежать перед нами и быть доступным нашему обозрению; при этом считается само собой разумеющимся, что о бесконечных множествах можно рассуждать по законам классич. логики. С др. стороны, в математике имеется представление о неограниченно растущем (но конечном в каждый момент времени) множестве уже порожденных объектов, т. е. о потенциально бесконечной последовательности. При этом приходится отвлекаться, напр., от ограниченности наших возможностей в рассмотрении хотя и конечных, но чрезмерно больших множеств, от ограниченности нашей жизни и т. д. И. допускает использование в доказательствах лишь понятия потенциальной бесконечности, считая понятие актуальной бесконечности бессмысленным. В математике существование объекта понимается обычно как возможность (хотя бы в принципе) «предъявить» его и осмысленно оперировать с ним. С т. зр. теории множеств предъявление объекта считается в принципе возможным даже в том случае, если оно требует перебора всех элементов нек-рого бесконечного множества или даже всех его подмножеств. И. же, отказываясь от актуальной бесконечности, признает предъявление объекта возможным лишь тогда, когда указан метод его построения.

Критика актуальной бесконечности имеет два аспекта, соответствующих различным ступеням употребления этой идеи. Первый аспект встречается в классич. арифметике натуральных чисел и состоит в допущении свободного рассмотрения натурального ряда как законченной совокупности, об элементах к-рой можно рассуждать по законам классич. логики. Второй аспект обнаруживается при переходе к *теории множеств* или *теории*, когда вместе с бесконечным множеством считается данной совокупность всех его подмножеств; этот аспект данной идеи обнаруживается уже в классич. теории действит. чисел. С логич. т. зр. при переходе от первого аспекта ко второму возникает новый трудный момент — *непредикативные определения*. Концепция, состоящая в недопущении лишь второго аспекта идеи актуальной бесконечности, наз. предикативизмом; эту концепцию, на к-рой стоял, напр., Вейль (см. Н. Wehl, Das Kontinuum. Kritische Untersuchungen über die Grundlagen der Analyse, Lpz., 1918) до своего перехода к И., не следует смешивать с И., не допускающим актуальную бесконечность в любой форме.

Будучи крайне критичным по отношению к тому, что явно наз. бесконечностью, И. отвлекается от трудностей, связанных с понятием произвольного конечного объекта. И. принимает допущение о том, что натуральный ряд является однозначно определенной последовательностью, известной нам «наизусть» и продолжаемой нами по опред. закону. Принимая абстракцию потенциальной осуществимости, И. не замечает того, что для таких больших чисел, как 10^{10} никакое построение их в качестве элемента в ряду $0, 1, 2, 3, \dots$ не удается даже с помощью этой абстракции, ибо требует 10^{10} шагов, так что само существование этих чисел в натуральном ряду не удается доказать без порочного круга (т. к. построение потенциально осуществимого объекта следует считать возможным лишь при условии, что оно м. б. осуществлено в натуральное число шагов), что разрушает убедительность тех утверждений о такого рода числах, к-рые доказываются посредством математич. индукции.

Важную роль в И. играет критика логич. принципов, лежащих в основе классич. математики. Эта критика тесно свя-

зана с пониманием существования в математике. Напр., И. не может признавать доказательства существования, проведенных методом от противного, т. к. нет основания утверждать, что существует метод, позволяющий извлечь из рассуждений от противного способ построения нужного объекта. Допустив, что нужного объекта не существует и свел это предположение к противоречию, мы вначале получаем как следствие лишь отрицание того, что нужный объект не существует. Классич. математика и логика делают отсюда вывод о существовании искомого объекта, основываясь на законе снятия двойного отрицания. И. же отказался признать убедительным не только доказательство от противного в применении к утверждению о существовании, но и доказательства от противного в общем случае, а также закон снятия двойного отрицания и закон исключенного третьего, поскольку для этих законов не находилось интуитивного обоснования.

Интуиционистский подход к проблеме существования определяет и характерное для И. понимание дизъюнкции. Утверждение суждения $A \vee B$ означает, по существу, утверждение того, что в множестве из двух суждений A и B существует элемент, обладающий свойством «быть истинным». Классич. математика и логика считают такое утверждение доказанным, напр., в том случае, когда утверждение об односторонней ложности обоих суждений A и B опровергнуто приведением к противоречию. Но с т. зр. И. утверждение $A \vee B$ может считаться доказанным лишь тогда, когда указан метод, позволяющий выяснить, какое именно из двух суждений A и B истинно. Дизъюнкция существует именно участвует в формулировке принципа исключенного третьего: $A \vee \neg A$. Если мы попытаемся применить этот закон, напр., к «великой теореме» Ферма (утверждающей, что не найдется такой четверки

x, y, z, n целых положит. чисел, что $n \neq 2$ и $x^n + y^n = z^n$), то увидим, что из этого ничего не выйдет: до сих пор не только не удалось доказать или опровергнуть эту теорему, но, более того, не известен метод, следуя к-рому можно было бы в конце концов установить ее истинность или ложность. Чтобы спасти закон исключенного третьего от критики И., достаточно было бы изобрести метод, позволяющий доказать или опровергнуть теорему Ферма, нужно найти метод, годящийся для решения не только всех нерешенных математич. проблем, но и для любых проблем, к-рые появятся когда-либо в будущем. Сомнения в возможности существования такого метода (ср. *Алгоритм*) явились для И. убедит. аргументом для неприятия закона исключенного третьего.

Суждение всеобщности $\forall x A(x)$ И. всегда понимает как утверждение о наличии метода, к-рый, коль скоро указан нек-рый предмет x из предметной области M , дает интуитивно ясное доказательство того, что этот предмет обладает свойством A (в отличие от классич. математики и логики, в к-рых это суждение может пониматься как утверждение о фактич. положении вещей в нек-рой конечной или бесконечной области M). Методом доказательства суждений всеобщности, приемлемым с т. зр. И., является математич. индукция. Сходным образом понимается И. и условное суждение. В отличие от классич. понимания импликация, И. понимает суждение $A \supset B$ как утверждение о наличии интуитивно ясного метода перехода, к-рый по каждому интуиционистски приемлемому доказательству суждения A дает интуиционистски приемлемое доказательство суждения B . Суждение $\neg A$ с т. зр. И. может пониматься как утверждение о наличии метода, позволяющего интуитивно ясно вывести противоречие из предположения об истинности A .

На это понимание осн. логич. понятий распространяется, конечно, субъективизм взглядов интуиционистов. Но в применении к отд. математич. доказательствам субъективизм преодолевался благодаря характерной для И. тенденции понимать интуицию (в смысле интуитивной убедительности, интуиционистской приемлемости и т. п.) в самом узком смысле — так, чтобы практически для всех математиков исчезло бы сомнение в том, что рассматриваемое рассуждение или утверждение является интуитивно убедительным. В частности, Гейтингом была построена такая формальная система (см. *Логика высказываний и Предикатов исчисления*), что выраженные в ней содержат рассуждения приемлемы с т. зр. Брауэра. Следует отметить, что имеются разные варианты И., различие между к-рыми связано гл. обр. с принятием или неприятием отд. логич. принципов. Важным примером этого рода является недостаточная интуитивная убедительность логич. закона $A \& \neg A \supset B$. Неочевидность этого закона связана с невозможностью указать такую ситуацию, в к-рой имеет место $A \& \neg A$, чем серьезно затрудняется интуитивное обоснование этой импликации. Брауэр принимал этот закон, но нек-рые интуиционисты (Иогансон и др.) от него отказываются; логич. система, получающаяся из системы Гейтинга путем отказа от этого закона, называется минимальным исчислением.

Осуществляя перестройку математики на основе предложенных им принципов, И. создал теорию действит. континуума, теорию множеств и др. Своей математич. теорией (находясь с математич. анализа) интуиционисты строят, используя кажущееся им интуитивно ясным понятие *свободной* в своей теории действит. чисел И. стоял перед необходимостью говорить не только об отд. действит. числах (о них можно говорить, напр., как о процессах, порождающих отрезки с рационал. концами, такие, что каждый последующий отрезок

вложен в предыдущий, а длина последующего не превосходит половины длины предыдущего отрезка), но и обо всех действит. числах. Считая перечисление всех интуитивно ясных методов построения и определения невозможным и ненужным, И. не мог поэтому в этих случаях доказывать нечто о процессах, порождающих все нужные объекты, напр. говорить о всех методах, задающих действит. числа, т. к. задание этих процессов предполагает перечисление. Чтобы преодолеть эту трудность, И. и ввел понятие свободно становящейся последовательности. Каждую свободно становящуюся последовательность можно описать (в терминах, отличных от интуитивистских) следующим образом. Пусть имеется нек-рый запас конечных объектов и условие, для к-рого интуитивно ясно, что каков бы ни был объект из данного запаса, относительно этого объекта можно высказать, удовлетворяет ли он или нет этому условию. Далее последовательно производятся акты произвольного выбора объектов, пока не будет найден объект, удовлетворяющий условию. Этот объект объявляется следующим членом реализации данной свободно становящейся последовательности. Для доказательства теорем о континууме интуитивисты рассматривают, напр., такую свободно становящуюся последовательность: выбираемые объекты — отрезки прямой с рационал. концами, условие таково — последующий отрезок вложен в предыдущий и длина его не более половины длины предыдущего. Относительно свободно становящихся последовательностей имеет смысл высказывать лишь такие предложения, истинность значен. к-рых может быть установлено на основании исследования конечного числа первых членов реализации и к-рое не меняется, как бы далеко ни продолжалась эта реализация. Используя это понятие, И. смог перейти от сомнений в истинности нек-рых принципов классич. логики к их опровержению. Так, было установлено, что с т. зр. И. утверждение о том, что любые два действит. числа либо равны, либо не равны является неверным. Однако понятие свободно становящейся последовательности, казавшееся интуитивно ясным самим интуитивистам, оказалось неясным для др. математиков.

В отличие от И., конструктивные направления в математике и логике, в частности направления А. А. Маркова и Н. А. Шанина, развились на основе понятия алгоритма, вводимого различными определениями (рекурсивные функции, нормальные аллорифмы и т. д.). При этом интуитивистские логич. исчисления получили новое истолкование в духе конструктивного понимания математич. суждений (Н. А. Шанин) и оказались логич. исчислениями *конструктивной логики*. Значит, роль в разработке конструктивного понимания суждений сыграло предложенное Колмогоровым (1932) истолкование интуитивистского исчисления высказываний как исчисления задач, а также понятие реализуемой формулы, введенное Клини (1945).

Лит. см. при ст. *Конструктивная логика*.

ИНТУИЦИОНИСТСКАЯ ЛОГИКА — форма логики предикатов, отражающая взгляд *интуитивизма* на характер логич. законов, считающихся с его т. зр. допустимыми в применении к доказательствам суждений из тех частей дедуктивных наук (особенно математики), к-рые существенно связаны с понятием *математической бесконечности*.

В соответствии с концепцией интуитивизма, в И. л. нет принципа *исключенного третьего* и закона снятия двойного отрицания. В качестве И. л. обычно рассматривается формальная логич. система, построенная А. Гейтингом в 1930 (охватывает логику предикатов; еще ранее — на основании соображений, отличных от интуитивистских, — систему И. л. в применении к логике высказываний, составляющей часть логики предикатов, построил сов. ученый Глиевко). И. л. Гейтинга отличается тем, что выражимые в ней содержательные рассуждения являются приемлемыми с т. зр. основателя интуитивизма голл. математика Л. Э. Я. Брауэра. Иногда в качестве И. л. рассматривается др. логич. система — минимальное исчисление Иогансона.

И. л. как логич. система объективно не связана с субъективистской филос. интерпретацией математики и логики, проводимой ведущими представителями интуитивизма (Брауэр). Это нашло свое выражение в том, что с развитием конструктивных направлений в математике и логике И. л. нашла в них применение и поэтому стала часто называться *конструктивной логикой* (хотя в И. л. и нет нек-рых принципов, признаваемых многими представителями этих направлений, напр. принципа конструктивного подбора, выдвинутого отечественным конструктивным направлением, возглавляемым А. А. Марковым).

Лит. см. при статьях *Логика высказываний*, *Предикатов исчисление*.

ИНТУИЦИЯ (лат. *intuitio* — пристальное всматривание). В истории философии понятие И. включало чрезвычайно многообразное и разноречивое содержание.

1) И. как обыкновенный биологич. инстинкт, непосредственно указывающий живому существу то, что необходимо для продолжения жизни. На этом понимании Бергсон построил свою антиинтеллектуалистич.

интуитивистскую философию «творч. эволюции». И. у Бергсона противопоставляется рассудку, разуму и науке как форма проявления «жизненной силы», составляющей сущность бытия.

2) И. как чувств. форма познания — ощущения и восприятия, к-рые противопоставляются рассудку и мышлению, но к-рые, как это обнаруживает диалектич. метод, отнюдь не лишены элементов рассудка, ибо иначе они не были бы средствами познания. Несмотря на полную, казалось бы, очевидность и естественность чувств. И., никогда не было недостатка в ее критиках и отрицателях. Если в начале греч. философии имело место учение о чувственно воспринимаемых элементах (земля, вода, воздух, огонь) у ионийцев, то уже с элейцев (см. Парменид В 1,2; Зенон А 21; Мелис А 14) начинается никогда не прекращавшаяся в антич. философии критика чувств. восприятий, как настолько текучих, смутных, неопредел. и ложных, что они будто бы уже не давали никакого материала для человек. знания. Истинность чувств. И. отвергается не только идеалистом Платоном (*Theaet.*, 157a-189 v.) (а в новое время также Лейбницем, см. «Новые опыты о человек. разуме», М.—Л., 1936), но и нек-рыми материалистами. Напр., у Левкиппа (А 33), Демокрита [«ощущения ложны» (70 А 22), «исполнены тьмы» (88 В 165)] и Метродора (70 А 22).

В истории математики большую роль сыграло понятие рационал. И., в к-рой нет никакой грубой чувственности, но зато нет и никакого мистич. нагрузки. Таковы все, напр., геометрич. образы. Такая разумная И. является основанием вполне здравого, точного, очевидного и максимально науч. знания и мышления (см. *Интуитивизм*).

3) И. как учение рационалистов, находящих непосредств. знание в самих операциях рассудка или разума — т. н. интеллектуальная И. Декарт в «Правилах для руководства ума» пишет: «И о д и т у и ц и е й я разумею не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение бесприщочного воображения, но понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим, или, что одно и то же, прочное понятие ясного и внимательного ума, порождаемое лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция...» (Избр. произв., М., 1950, с. 86). Спиноза говорит об интуитивном знании: «Этот род познания ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов бога к адекватному познанию сущности вещей» (Избр. соч., М., 1957, т. 1, с. 439). Он поясняет это на примере нахождения четвертого числа пропорций по данным трем числам. То же и у Лейбница (см. «Новые опыты о человек. разуме», М.—Л., 1936, с. 318). В такой интеллектуальной И. совершенно нет ничего сверхъестественного или необычного. Просматривая таблицу умножения, без труда можно заметить, что она составлена на основе примитивного и вполне непосредств. присоединения одной единицы к другой. Точно так же во всяком умозаключении, напр. в силлогизме, мы были бы вполне беспомощны, если в этой, с виду только рассудочной операции, не опирались бы и на самую обыкновенную И., что особенно убедительно, когда послыки силлогизма изображаются в виде кругов. Это — вполне здоровый рационализм, противоположный кантовскому, поскольку Кант, отрицая у человека способность интеллектуальной И., должен был волей-неволей для спасения точности науки признать пространство и время априорными, т. е. идеально неподвижными и раз навсегда данными чувственными И. Интеллектуальная И. у Декарта, Спинозы, Лейбница, Х. Вольфа и Мальбранша противоположна также и

той интеллектуальной И., к-рую эти философы понимали просто как здравый смысл (включая, правда, религ. веру) вопреки будто бы пустому рассудку в учениях своего времени.

Интеллектуальной И. старых рационалистов родственна И. феноменологов нач. 20 в. Разница, однако, здесь огромная. Феноменологи типа Гуссерля или Мейнонга понимали философию как описание сущности всего того, что появляется в сознании, причем все эти сущности понимались безотносительно к тому, соответствует ли этим сущностям что-нибудь в реальном мире или не соответствует. Такая идеалистич. позиция делала всю эту феноменологию самой бессильной философией, доходящей иной раз до полного нигилизма. Интеллектуальная И. странным образом оказывалась здесь служанкой нигилизма, в к-ром отразилось разложение современной бурж. философии.

Родственна этому и система имманентного интуитивизма Шуппе и Лосского, к-рые, впрочем, не решаются полностью отказать от онтологии, хотя их безоговорочный интуитивный имманентизм едва ли давал им к.-н. право оставлять нетронутой субстанциальность познаваемого объекта. Интересно то, что одновременно с этими течениями нач. 20 в. термин «И.» применялся неокантианцами, и прежде всего Когеном и Наторпом, для обозначения того, что они называли «переживанием», противопоставляя это последнее всякому мышлению и лишая его всех познават. элементов. Это была какая-то вполне иррациональная, слепая И.

4) И. как скрытый, затаенный и бессознат. первопринцип творчества. Такие учения о подсознательной и организующей все творчество И. выдвинули Бергсон и Фрейд.

5) От всех этих положит. и отрицат. учений об И. нужно отличать спекулятивное учение об И., когда И. и рассудок трактовались как подчиненные моменты цельного знания, а само цельное знание на них не сводилось, но было в сравнении с ними чем-то новым. Здесь было множество разных теорий.

Гегель диалектически совмещал непосредственное и опосредствованное знание в своей системе, построенной именно на интеллектуальной И., понимаемой им в плане идеалистич. диалектики. Еще дальше шли антично-средневековые сторонники интеллигибельной И., т. е. Платон в своем учении о созерцании идей, Аристотель в своем учении о самозозерцании перво-двигателя (Met. XII, 7 и 10) и о превосходстве созерцат. жизни человека (Ethic., Nic. VI и Polit. VIII), неоплатоники, ср.-век. философы от Августина до Николая Кузанского. К этому же пониманию И. примыкали в новое время романтики (Новалис, Шеллинг) и Фихте. Самый термин «интеллигибельный» не значит ничего другого, как «умопостигаемый», но здесь имелось в виду не просто постижение умом, а еще особая мистич. действительность, к-рая и признавалась предметом чистого мышления. Вместе с тем история философии полна попыток рассматривать И. не отдельно от противоположных ей рассудочных операций, а вместе с ними, как единое целое. Элементы подобного рода диалектич. единства И. и рассудка встречаются у многих авторов античности, средневековья и нового времени, причем эту диалектику пытались строить как идеалисты, так и материалисты. Представителями этой диалектики в области идеализма были Николай Кузанский и Гегель.

Т. о., общим для различных толкований понятия И. является подчеркивание момента непосредственности в процессе познания, в отличие (или в противопоставление) от опосредствованного (дискурсивного) характера логич. мышления.

Материалистич. диалектика усматривает рациональное зерно понятия И. именно в этой характери-

стике элемента непосредственности в познании, к-рое есть единство чувственного (непосредственного) и рационального (опосредствованного). В то же время индее и никогда не существует И. в чистом и изолированном виде. Всякий интуитивно данный предмет требует определения, т. е. познается не только интуитивно и непосредственно, но анализируется рассудком. Однако в процессе познания дискурсивное осмысление данных не всегда выделяется как особая, ступень, а осуществляется в порядке своеобразного обобщения непосредственно от исходных данных к результату. При этом знание выступает здесь как опосредствующее звено в виде накопленного опыта. Такова науч. И., И. врачебная, И. художественная и т. д. Только диалектика дает точное и строгое учение о единстве противоположностей И. и рассудка, и потому только диалектика и может определить как подлинную сущность И., так и ее место в человец. познании, мышлении и практике.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955, с. 24; Dieckmann H., Elementum, Lpz., 1899; Lagercrantz O., Elementum, Uppsala (Lpz.), 1911; Aars K. B., Die intellektuelle Anschauung im System Platons, Z. Philos. und philos. Kritik, 1911, Bd 143, S. 190—99; Vichmann O., Platons Lehre von Instinkt und Genie, «Kant-Studien», 1917, Erg.—H. 40; Казанский А. П., Учение Аристотеля о значении опыта при познании, Одесса, 1891; Ланц Г., Момент спекулятивного трансцендентализма у Платона, «Ж. Мин-ва нар. просвещения», 1914, №1, с. 84—138; Arnou R., Le désir de Dieu dans la philosophie de Plotin, P., [1921]; Schlegel O., Das mystische Erlebnis in Plotins Weltanschauung, Lpz., 1923.

Бэкон Ф., Новый Органон, пер. с англ., Л.—М., 1938 (классич. теория научного использования чувственной И.); Локк Дж., Опыт о человеческом разуме, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960 (кн. 2 о значении чувственных И.); Пондвор в а Р. Н., К методологии изучения философии Спинозы, «Вопр. филос. и психол.», 1913, кн. 118 (III) (много важных мыслей об интуитивном характере рационализма нового времени); Кожеников В. А., Философия чувства и веры в ее отношении к литературе, ч. 1, М., 1897; Асмус В. Ф., Учение о непосредственном знании в истории философии нового времени, «Вопр. философии», 1959, № 11, стр. 128—140 (о Канте, Фихте и Гегеле); Гегель, Феноменология духа, Соц., т. 4, М., 1959; Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство..., Соч., 2 изд., т. 2; и х же, Немецкая идеология, там же, т. 3; Давыдов Ю. Н., Борьба вокруг гегелевской «Феноменологии духа» в философии XIX — первой половины XX в., М., 1960 (автореф. дисс.).

Бергсон А., Творческая эволюция, пер. с франц., М.—СПб, 1914 (особенно гл. 2); е г о ж е, Философия интуиции, в кн.: Новые идеи в философии, сб. 1, СПб., 1912, с. 1—28; Husserl E., Logische Untersuchungen, т. 2, Halle, 1901, 2 изд., 1921, тл. 6—8 (о чувственной и категориальной И.); Лосский Н., Обоснование интуитивизма, 2 изд., СПб., 1908; Джемс В., Многообразие религиозного опыта, М., 1910; Гольдбергер О., Наглядное представление и мышление геометрии, в кн.: Новые идеи в математике. Сб. 8, СПб., 1941, с. 53—116. А. Лосев. Москва.

ИНФОРМАЦИЯ (от лат. informatio — осведомление) — см. Теория информации.

ИНХЕНЬЕРОС (Ingenieros) (Хосе (24 апр. 1877—31 окт. 1925) — аргент. философ-материалист, психолог, психиатр и обществ. деятель. С 1895 И. — активный участник социалистич. движения, ред. социалистич. газет «La Vanguardia» («La Montaña»). В 1904 И. руководил кафедрой экспериментальной психологии в ун-те Буэнос-Айреса, в 1907 — директор Ин-та криминалистики, в 1909 — президент Медицинского об-ва. В 1911 в знак протеста против вмешательства властей в науч. жизнь И. уехал в Европу. Докторская диссертация «Симуляция сумасшествия...» («Simulación de la locura...», 1900) написана с материалистич. позиций, хотя в ней ощущается значит. влияние позитивизма. В опубликованных в Мадриде в 1913 работах «Средний человек» («El hombre mediocre»), «Аргентинская социология» («Sociología argentina»), «Основы биологической психологии» («Principios de psicología biológica») и в работе «Предположения по поводу будущего философии» («Proposiciones relativas al porvenir de filosofía», 1918) И. излагает основы своего филос. материализма.

Многообразие мира, по И., — результат различных состояний единой материальной субстанции, находящейся в непрерывном развитии и изменении. Мир и его законы познаются человеком из опыта, непосредств. результатом к-рого являются конкретные науки и философия, изучающие разные аспекты действительности. Философия, по И., обобщает данные конкретных наук в виде гипотез, к-рые после практич. подтверждения становятся предметом этих наук. Согласно И., философия должна исходить из 3 осн. предпосылок: «Единая действительность (монизм) непрерывно эволюционирует (эволюционизм), благодаря естественным причинам (детерминизм)». И. выступил против агностицизма и субъективного идеализма, называя теорию символов «троянским коном», при помощи к-рого делается попытка игнорировать объективное содержание мышления («Principios de Psicología», В. А., 1946, p. 33). В социол. воззрениях И. пытался сочетать биол. концепцию истории с экономич. теорией Маркса.

И. принадлежат работы по истории аргент. и исп. философии («Эволюция аргентинских идей» — «La evolución de las ideas argentinas», libro 1—2, 1918—20; «Философская культура в Испании» — «La cultura filosófica en España», 1910, и др.), в к-рых он показал, что развитие прогрессивной материалистич. мысли всегда связано с передовыми силами общества, и по этике («Моральные силы» — «Las fuerzas morales», 1925, и др.), в к-рых И. разоблачал лицемерие бурж. морали.

И. восторженно приветствовал победу Октябрьской революции в России («Новые времена» — «Los tiempos nuevos», [1921]). Он писал, что она представляет собой начало «новой исторической эры, результаты которой для человечества могут оказаться более значительными, чем Христианство, Возрождение и Французская революция».

Соч.: Obras completas, v. 1—24, В. Aires, 1930—40. Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 778—80; Bergam G., José Ingenieros, el civilizador-el filósofo-el moralista-lo que le debe nuestra generación, В. Aires, 1926; Agosti H. P., Ingenieros ciudadano de la juventud, 2 ed., В. Aires, 1950; Bagú Sergio, Vida ejemplar de José Ingenieros, В. Aires, [1953]; Ponce A., José Ingenieros, su vida y su obra..., [4 ed.], В. Aires [1954]. Р. Буржете. Москва.

ИНЬ И ЯН — осн. категорий кит. натурфилософии. Впервые филос. истолкование получили в др.-кит. классич. «Книге перемен» («Ицзин»), где они тракуются как полярные противоположности: отрицательное и положительное, темное и светлое, женское и мужское, пассивное и активное, слабое и сильное и т. п. И. и я. выступают в качестве двух сил, находящихся в неразрывном единстве, во взаимодействии и взаимоборстве. Борьба сил И. и я. рассматривалась как источник движения и изменения мира, что свидетельствует о наличии в мышлении древних китайцев элементов диалектики. Постоянная смена и чередование И. и я. составляет дао, т. е. закономерный процесс развития мира. Развивая дальше эти диалектич. идеи, т. н. школа натурфилософов связала учение об И. и я. с материалистич. учением о «пяти элементах» (усин), первое упоминание о к-рых встречается в «Великом плане» — в одной из глав древней классич. книги Китая «Книга исторических преданий» («Шу цзин»). Н. Секин. Москва.

«ИНЬЯНЦЗЯ» — школа в истории кит. философии, разрабатывающая проблемы натурфилософии. См. *Натурфилософия*.

ИОАНН ВОРОТНЕЦ (1315—86) — арм. философ, педагог и церк.-политич. деятель. Учился у пользовавшегося известностью преподавателя философии Есаи Ничеци в Гладзорской высшей школе (ныне — терр. Ехегнадзорского р-на Арм. ССР). В 1345 основал ун-т в Татеве (см. *Татевская школа*). Большое влияние на воззрения И. В. оказало учение *Аристотеля*,

прогрессивную сторону к-рого он отстаивал. Филос. наследие И. В. включает обширные толкования к трудам «Категорий» и «Об истолковании» Аристотеля, к «Введению» Порфирия и др. сочинения.

Философия И. В. стремилась подчинить богословию; однако его труды фактически способствовали секуляризации знания. В гносеологии и логике И. В. имелись сильные эмпирико-сенсуалистич., материалистич. тенденции. Решающую роль в процессе познания, по И. В., играет чувств. ступень. Ощущение вторично по отношению к чувственно воспринимаемому миру: «... если ты уничтожишь свое ощущение, тело твое все же останется, уничтожишь же ты свое тело, чувственный <мир> будет <продолжать> существовать» («Анализ „Категорий“ Аристотеля», Ер., 1956, с. 137). Номиналистически решал И. В. вопрос о природе *универсалий*: он считал, что индивид является «главнейшей, первичной и преимущественной сущностью» (там же, с. 39). При расположении категорий, трактуемых как наивысшие роды бытия, И. В. первой ставил категорию первичной сущности. Понятия рода и вида трактовались им как отвлечение от единичного. Общее возможно только там, где имеется единичность и его множество. Содержание знания не зависит от человека. «Сначала <имеется> познаваемое, а после познание ...» (там же, с. 133). «Мысль, не тающая в себе знания, ничего не содержит. Она чиста как чистое зеркало. И как чистое зеркало отражает в себе образ предмета (поставленного перед ним) и заполняет им свою чистоту, так и мысль, познающая какую-либо вещь, заполняет себя ею» (Краткий анализ книги Аристотеля «Об истолковании», Матенадаран, рук. № 4268, с. 1506). Категории пространства и времени И. В. рассматривал в единстве с материей, однако допускал отд. их существование, т. е. рассматривал пространство как вместительницу тела, а время — как мерило движения.

Учеником и последователем И. В. был Григор Татеваци.

Соч. на арм. яз.: Анализ «Категорий» Аристотеля, пер. с древнеарм. А. А. Адамяна и В. К. Чалояна, под ред. С. С. Аревшатяна, Ер., 1956; Краткий анализ многотрудных вопросов Порфирия, там же, с. 298—315; Сочинение, составленное из высказываний философов («Об элементах»), пер. с древнеарм. С. С. Аревшатяна, «Вестник Матенадарана», 1956, № 3; Краткий анализ книги Аристотеля «Об истолковании», Гос. Матенадаран Арм. ССР, рукопись № 4268; Собрание откровений из первой главы (книги) Филона Мудрого о провидении, там же, рукопись № 1701.

Лит.: Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 77—78; История философии, т. 1, М., 1957, с. 261—62; Чалоян В. К., Основные черты философии Иоанна Воротнеци, «Вопр. философии», 1956, № 5, его же, История армянской философии, Ер., 1959, с. 242—58; на арм. яз.: Аревшатян С. и Чалоян В. К., Трактац Иоанна Воротнеци «Об элементах», «Вестник Матенадарана», 1956, № 3. С. Аревшатян. Ереван.

ИОАНН ГРАММАТИК (Ἰωάννης ὁ Γραμματικός), или Иоанн Филопон (? Φιλόπονος, т. е. трудолюбивый) (ум. в конце 30-х гг. 6 в.), — греч. философ, богослов, комментатор Аристотеля. Жил в Александрии. Изучал произведение Платона, Аристотеля, неоплатоников. И. Г. был близок к *неоплатонизму* и вместе с тем критиковал отд. его положения. В неоплатонизме до нас сох. «Об изваяниях» И. Г. выступил против тезиса *Ямвлиха* о причастности изваяний богов к божеств. силе. В соч. «О вечности мира» (ок. 529) критиковал 18 доказательств вечности мира *Прокла*. В этой критике И. Г. почти не прибегал к ссылкам на Библию, а опирался на тексты платоновского «Тимея» и на законы формальной логики. В соч. «О творении мира» («De officio mundi libri VII», 1897) рассмотрел библейское повествование с телеологич. т. зр. совершенства мира. Примыкал к ереси тритеизма; толковал догмат троицыности в духе тритеизма (трибожв.), подкрепляя это толкование ссылками на аристотелевское учение о сущности. Ряд положений

И. Г. осужден церковью в 516 и 681. Комментарии к Аристотелю, в к-рых И. Г. следует Аммонию, пользовались популярностью у сирийских монофизитов, позднее стали известны в Зап. Европе. Медицинские соч., приписанные арабами И. Г., ему не принадлежат. И. Г. сформулировал теорию т. н. «приобретенной силы» (лат. *impetus*), игравшую большую роль в догалилеевской механике.

Соч.: *De aeternitate mundi contra Proclum*, Lpz., 1899; *Commentaria in Aristotelem graeca*, ed. Academiae litterarum Borussiae, v. 13—17, B., 1887—1909.

Лит.: Зубов В. И., У истоков механики, в кн.: Григорян А. Т., Зубов В. П., Очерки развития основных понятий механики, М., 1962; Wohlwill E., Ein Vorgänger Galileis im 6. Jahrhundert, «Phys. Z.», 1906, Jg. 7, S. 23—32; Meyerhof M., Joannes Grammaticos (Philoponos) von Alexandrien und die arabische Medizin, «Mitt. Dtsch. Inst. für ägypt. Altertumskunde in Kairo», 1931, Bd 2, H. 1, S. 1—21; егo же, La fin de l'école d'Alexandrie d'après quelques auteurs arabes, «Archeion», Roma, 1933, v. 15, p. 1—15; Corte M. de, Le commentaire de Jean Philopon sur le troisième livre du Traité de l'âme d'Aristote, Liège, 1934; Evrard E., Les convictions religieuses de Jean Philopon et la date de son Commentaire aux «Météorologiques», «Bull. de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques» (Acad. roy. [des sci., des lettres et des beaux-arts] de Belgique), 1953, t. 39, № 6, p. 299—357; Saffrey H. D., Le chrétien Jean Philopon et la survivance de l'école d'Alexandrie au VIe siècle, «Rev. études grecques», 1954, t. 67, № 316—18, p. 396—410. В. Зубов, Москва.

ИОАНН ДАМАСКИН (Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνός) (ок. 675—ок. 750) — визант. богослов, идеолог иконопочитателей — защитников крупного монастырского землевладения; прославился своей борьбой против иконоборчества.

И. Д. систематизировал христианское вероучение. Гл. его произв. — «Источник знания» («Πηγή γνῶσεως»). В первой части («Диалектика») дается очерк логики и онтологии (учения о бытии). Диалектика И. Д. имеет своим предметом устойчивые понятия и занимается гл. обр. их описанием, правда, в их взаимных связях. Понимая под философией «познание предметов, существующих так, как они есть» (а существуют они в результате «божеств. премудрости»), И. Д. считал самой гл. областью философии учение о доказательствах, к-рое, с его т. зр., и должно обосновать всю систему христианской теологии (3 гл.). Диалектика, к-рую И. Д. отождествлял с логикой, оперирует четырьмя методами: разделением родов на виды при помощи видовых различий; определением, возникающим в результате соединения рода с видовыми различиями; разделением сложного на простые элементы; доказательством, когда, напр., из вечного самодвижения души выводится ее бессмертие, т. е. когда два понятия объединяются при помощи среднего и общего между ними (67 гл.). «Диалектика» И. Д. на манер аристотелевских «Категорий» наполнена описанием (иной раз очень тонким) осн. логич. категорий и разъяснением ходячих в то время терминов философии и науки (род, вид, различие, сущность, существенное и случайное, собственный и несобственный признак, субстанция, качество, количество, отношение и т. д.). В 36-й гл. воспроизведены традиционные аристотелевские десять категорий. В «Диалектике» И. Д. высказывал положение, ставшее потом на Западе одним из гл. тезисов католич. церкви, о том, что наука является служанкой богословия.

А. Лосев, Москва.

Во второй части «Источника знания» («О ересях») излагается история ересей; третья часть — «Точное изложение православной веры» (рус. пер. 1834, слав. 1844) — посвящена изложению догматов церкви. Эта работа — образец схоластич. изложения и аргументации. Представляет интерес работа И. Д. «О страстях», посвященная вопросу о воле и свободе воли, в к-рой он пользуется психологич. и этич. теорией Аристотеля. И. Д. принадлежит трактаты против «еретических учений» (*манихейства*, несториан, моно-

физитов). Соч. И. Д. оказали влияние на рус. церк. писателя и философа *Зиновия Отенского*; старославянский перевод «Диалектики» И. Д. познакомил Древнюю Русь с логикой Аристотеля. Комментарии к «Источнику знаний» писал груз. философ Ефрем Мцире. Соч. И. Д. влияли и на зап. христианскую литературу, в частности на *Петра Ломбардского*, *Альберта фон Большетедта*, *Фому Аквинского*. И. Д. прославился также как автор церк. песнопений, за что получил название «златоструйного».

П. Галамза, Москва.

Соч.: *Opera omnia*, t. 1—3, P., 1860 (Migne J. P., *Patrologiae cursus completus, ser. graeca*, t. 94—96, P., 1860); в рус. пер. — Полное собр. творений, пер. с греч., т. 1, СПб., 1913. Des heiligen Johannes von Damaskus genaue Darlegung des orthodoxen Glaubens. Aus dem griech. übersetzt u. mit Einleitung und Erläuterungen versehen von D. Stiefenhofer, Kempen—Münch., 1923.

Лит.: [Лавров А. (Алексий, архиепископ Литовский)], Жизнь святого Иоанна Дамаскина, в кн.: Прибавление к творениям святых отцов, ч. 16, М., 1857; Ghellinck J. de, L'entrée de Jean de Damas dans le monde littéraire occidental, «Byzantinische Z.», 1912, Bd 21, S. 448; Ueberweg F., Grundriss der Geschichte der Philosophie, Tl 2, 11 Aufl., B., 1928; Stüder B., Die theologische Arbeitsweise des Johannes von Damaskus, Ettal, 1956; Beck H. G., Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, Münch., 1959 (имеется подробная библиогр.).

ИОАНН ДУНС СКОТ (Joannes Duns Scotus) (по поводу doctor Subtilis — «Тонкий доктор»; р. 23 дек. 1265 или 17 марта 1266 — ум. 8 ноября 1308) — философ-схоластик и теолог. Шотландец по рождению, учился в Оксфорде, был принят в орден францисканцев, преподавал в Оксфордском ун-те. Неоднократно выезжал в Париж, преподавал в Парижском ун-те в 1302—07. Умер в Кёльне. В традиц. формах схоластич. философии И. Д. С. развил оригинальное учение, в к-ром подверг критике *Фому Аквинского*, Р. *Бэкона*, сторонников *аверроизма* и других ср.-век. философов. Как и для других схоластиков, для И. Д. С. главным представлялся вопрос об отношении богословия к философии, веры к знанию. По И. Д. С., предмет богословия — бог, предмет философии (или «метафизики») — бытие. Поэтому философия может постигать бога не в качестве бога, а лишь в качестве бытия. Но и в этом качестве филос. познание бога ограничено. Так как человек ум постигает в бытии только то, что он может отвлечь от чувств. данных, то у человека не может быть никакого понятия о нематериальных субстанциях — таких, как бог или ангелы. Учение это было направлено против богословского рационализма, пытавшегося развить доказательное знание о боге.

В бытии наличное существование может принадлежать только индивидуальному (единичному) бытию. Номинализм И. Д. С. — учение сложное и противоречивое. Так как все остальные понятия содержатся, по И. Д. С., в категории бытия, то по отношению к ним бытие за пределами, а по содержанию своему — совершенно абстрактно и неопределенно. Оно — общее, но не в смысле особого вида физич. реальности и не в логич. смысле понятия. Вслед за *Ибн Синой* И. Д. С. учил, что любая «природа» ни всеобща, ни единична: так, «лошадность» есть только «лошадность» и ничего больше.

В телесных вещах материя характеризуется изначальной неопределенностью. Благодаря соединению с различными формами она способна принимать различные способы бытия, или модусы. Первые из модусов — конечное и бесконечное — первичнее десяти категорий Аристотеля, т. к. категории — виды

бытия, а бытие входит в модальность конечного и бесконечного. Доказать бытие бога — значит, согласно И. Д. С., доказать, что существует бесконечное бытие. Доказательство это не может быть априорным и исходить из определения понятия о боге. Оно может быть лишь апостериорным, т. е. вести ум от следствий к их причине. Существование первого бытия необходимо, и из необходимого бытия И. Д. С. выводил возможное бытие — посредством свободного действия или выбора бога. Свобода бога — абсолютная и он может сообщить материи способность мыслить. Современникам И. Д. С. утверждения эти казались граничащими с глумлением над христианской религией. «Уже... Дунс Скот, — писал Маркс, — спрашивал себя: „не способна ли материя мыслить?“ Чтобы сделать возможным такое чудо, он прибегал к всемогуществу божьему, т. е. он заставлял самой теологию проповедовать материализм» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 142). Только в боге форма и действительность — одно и то же, а сам бог — чистая форма. Все остальные вещи и существа состоят не только из формы, но и из материи. В этом смысле все вещи — материальны, даже души и ангелы. Учение это ограничивало идеализм, но все же не было материалистическим, так как И. Д. С. отличал материю от телесности: все существующее, кроме бога, материально, но не все телесно. В мире, как в целом, и в частях мира материя — одна и та же, меняются только способы ее оформления.

Материя — условие единства и общности, форма — условие обособления и определенности всех вещей. При этом в понятии формы И. Д. С. выделял ее различные виды (*formalitates* — формальные элементы). Каждое свойство, напр. человечность, предполагает и единичность — в области вещей, существующих вне нашего ума, и всеобщность — в области наших понятий. В качестве понятия ума человечность отождествляется и с родовыми признаками (жизнь, чувствительность) и с видовыми признаками (разумность). Всякая вещь заключает в себе формальные элементы, к-рые объединяются в ней причем из всех видов единства самое важное — единство индивидуального существа, в к-ром пребывают все эти элементы. При познании различаются сначала элементы, к-рые реально совершенно разнородны, напр. материя и форма. Это — реальное различие. Далее, различаются разнородные понятия об одной и той же реальной вещи. Это — различие разума. Третий вид различия — формальное различие или различие в самой вещи, относящееся к ее объективным (формальным) элементам. Свой окончательный характер вещь приобретает, получая последнее формальное определение, последнюю реальность существования. Это — основа индивидуальности вещи, ее «этовость» (*haecceitas*). В учении о форме, как основе индивидуальности, И. Д. С. резко выступал против Фомы Аквинского, у к-рого индивидуальная определенность вещи связана с количеством, к-рое является атрибутом тела, и т. о. основой индивидуальности оказывается материя. У И. Д. С., напротив, основой всякого обособления и индивидуальности объявляется форма. Однако сама форма понимается как существующая объективно.

В единстве каждой особенной вещи И. Д. С. различал два вида единства: по числу (нумерическое) и по природе. Согласно нумерич. единству, каждая отдельная вещь вполне обособлена, замкнута в себе самой. Напротив, согласно природному единству, каждая отдельная вещь одинакова с др. вещами. Нумерич. единство есть «этовость» вещи, *quidditas* вещи по природе — сущность, или «чтойность» (*quidditas*) вещи. На этих положениях И. Д. С. основывает свое решение волновавшего схоластику вопроса о природе общего (об *универсалиях*). В отличие от др. номина-

листов, И. Д. С. полагал, что общее — не только продукт ума, оно имеет основу в самих вещах: сущность одинаково безразлична как к общему, так и к индивидуальному — и то и другое содержится в ней в возможности. Все формы — родовые, видовые и единичные — изначально существуют в уме бога. При этом общее существует не только до вещей (в качестве идей бога), но также в самих вещах (в качестве их сущностей) и после вещей (в качестве понятий, к-рые наш ум отвлекает от этих сущностей).

Душа, как считал И. Д. С., едина и ее отдельные способности различны не сами по себе, а по различию предметов, на к-рые они направлены: способности, направленные на чувств. предметы, называются чувственными, на умозрительные предметы — мыслительными. Связь души с телом осуществляется посредством особой формы — формы телесности, к-рая отличается от самой души.

В учении о познании И. Д. С. подчеркнул активность познавательной деятельности. Знание не есть ни чистая восприимчивость, ни чистая активность: оно всегда складывается и из того, что идет от нас, и из того, что идет от познаваемого предмета. Особенно велика зависимость от предмета при познании бога, к-рое осуществляется в «откровении». В человеке над всеми видами его деятельности господствует, по утверждению И. Д. С., не ум, а воля. Человек делает только то, что желает. Знание — не причина желания, а только его условие, и воля следует вовсе не за тем, что ум признал в качестве достойной цели наших действий. Ум только указывает на возможность выбора, но выбирает одна лишь воля — свободная, ни от чего не зависящая и ничему не подчиняющаяся. В учении о воле И. Д. С. особенно тесно примыкал к ортодоксальному богословию, считая практич. целью жизни — наше спасение. Философия — не теоретич. основа богословия, а только пособие для лучшего его понимания. В деле спасения она бессильна. Утверждение, что философия не компетентна в доказательстве догматов религии, развивалось у И. Д. С. с позиций веры, а не философии, но в своих результатах вело к освобождению философии от задач богопознания, к-рые ставила перед ней ранняя схоластика.

Исследуя вопрос о бесконечном, И. Д. С. наметил различение понятий потенциальной и актуальной бесконечности. Аристотелизм знал только потенциально бесконечное, т. е. мысль о возможности беспредельного увеличения, напр. ряда натуральных чисел, посредством последовательного добавления к любому числу этого ряда, как бы велико оно ни было, новой единицы. Напротив, у И. Д. С. имеется уже понятие о числе, бесконечном действительно, а не только в возможности. У Климента Александрийского, у Дионисия Ареопагита, у Иоанна Дамаскина атрибут бесконечности, прилагаемый к богу, был только скрытым исповеданием *агностицизма*, одним из тезисов «отрицательного богословия». Для И. Д. С. идея бесконечности выводится из положительного понятия о необходимости действительной бесконечности — для того, чтобы объяснить потенциальную бесконечность, к-рая характеризует вещи в сотворенном мире.

Вокруг И. Д. С. возникла школа последователей-скотистов, к-рые вступили в борьбу против учеников Фомы Аквинского. Главные из них: Шан из Рединга, Гийом Алвивик, Антуан Андре, Жан Каноник, Франсуа из Мэрони, Александр из Александрии. Осн. филос. вопросами, по к-рым шел спор, были вопросы о природе общего, об основе индивидуальности, об отношении души к ее способностям и о свободе воли. Скотисты утверждали, что для каждой вещи имеется и родовая и видовая формы. Индивидуальные особенности каждой вещи обусловлены тем, что к родовой и видовой формам присоединяется еще и индивидуаль-

ная форма — реальная так же, как они. В вопросе об основе индивидуальности последователи И. Д. С. такой основой считали не материю (как полагали томисты), а «форму». В вопросе об отношении души к ее способностям скотисты утверждали, что душа не отличается от своих «способностей», а способности эти различны не по собств. природе, а только в зависимости от того, на какие предметы они направляются. В вопросе о свободе воли последователи И. Д. С., в разрез с учениками Фомы Аквинского, к-рые стремились согласовать признание свободы воли с признанием божеств. предопределения, отстаивали учение о безусловной свободе воли.

Соч.: Opera omnia..., [ed. by L. Wadding with the assistance of L. Cavallus and J. Tyrrell], t. 1—12, Lugduni, 1639 (перепечатано, t. 1—12, P., Vivés, 1891—95); Opera omnia, studio et cura commissionis scotisticae ad fidem codicum edita, praeside P. C. Balic, v. 1—4—, Civitas Vaticana, 1950—56.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1940 (см. Указатель имен); История философии, т. 1, М., 1957 (см. Указатель имен); Трахтенберг О., Очерки по истории западноевропейской средневековой философии, М., 1957 (см. Указатель имен); Smeets U., Lineamenta bibliogr. Scotisticae, Roma, 1942; Vettoni E., Vent'anni di studi scotisti (1920—1940), Mil., [1943]; Schäfer O., Bibliographia de vita, operibus et doctrina I. D. S., doctoris Subtilis ac Mariani, saec. XIX—XX, Romae, 1955; O'Huallachain C., On recent studies of the opening question in Scotus's «Ordinatio», «Franciscan Studies» (USA), 1955, v. 15, № 1, p. 1—29.

Словари: Fernández García M., Lexicon scholasticum philosophico-theologicum..., [fasc. 1—6], Ad Claras Aquas, 1906—10.

Общие труды: Longpré E., La philosophie de b. D. S., P., 1924; Haggis C. R. S., D. S., v. 1—2, L.—Oxf., 1927; Gilson E., J. D. S. Introduction à ses positions fondamentales, P., 1952; Béraud de St-Maurice, J. D. Scot, un docteur des temps nouveaux, 2 éd., P., 1953.

Специальные труды: а) логика и теория познания: Heidegger M., Die Kategorien- und Bedeutungslehre des D. Scotus, Tübingen, 1916; Artaud J. C., у Cargeras J., La doctrina de los universales en J. D. Scotus, «Arch. Ibero-Americano», 1931, v. 34, p. 5—29, 209—33; Messer R., Schauendes und begriffliches Erkennen nach D. Scotus mit kritischer Gegenüberstellung zur Erkenntnislehre von Kant und Aristoteles, Freiburg (im Breisgau), 1942.

б) Метафизика (онтология): Gilson E., Avicenne et le point de départ de D. S., «Arch. hist. doct. et litt. du Moyen Age», 1927, an. 2, p. 89—149; Shircel C. L., The univocity of the concept of being in the philosophy of J. D. S., Wash., 1942; Wolter A. B., The transcendentals and their function in the metaphysics of D. S., N. Y., 1946; Mühlén H., Sein und Person nach J. D. S., Werl in Westfalen, 1954.

в) Психология: Piana C., La controversia della distinzione fra anima e potenze..., в кн.: Miscellanea del Centro di studi medievali, ser. 1, Mil., 1956 (Pubblicazioni dell'Università cattolica del S. Cuore. Nuova ser., v. 58), p. 65—168.

г) Этика: Verweyen J., Das Problem der Willensfreiheit in der Scholastik, HdbI., 1909; Auer J., Die menschliche Willensfreiheit im Lehrsystem des Thomas von Aquin und J. D. Scotus, Münch., [1938]. В. Асмус. Москва.

ИОАНН ЕРЗЫНКАЦИ (по прозвищу — Плуж; 13 в.) — арм. ученый и поэт, обществ.-политич. деятель. В произведениях И. Е. (сохранилось более 65 прозаич. трудов, 22 стих. и др.) рассматриваются вопросы философии, естествознания и др. наук. На формирование взглядов И. Е. оказали влияние как античная, эллинистич. философия, так и предшествующая арм. филос. и естеств.-науч. мысль (Давид Анагт, Апаня Ширакаци, Иоанн Имасасер и др.). Приписывая сотворение мира богу, И. Е. вместе с тем пытался объяснить явления природы и из нее самой. Эти мысли противоречили религ. догмам. Согласно И. Е., «... все существующее возникло из материи» (Матенадаран, рукопись 6670, с. 106а), к-рая существует в четырех формах: «материя ремесла» (как дерево для плотника, железо для кузнеца и т. д.), «материя природы» (четыре элемента, из к-рых состоят животный и растит. миры и «все то, что находится под луной»), «... общая материя» (из к-рой состоят бесчисленные светила) и «первоматерия» (основа и начало всего сущего). Эта последняя форма материи, в отличие от остальных, не поддается чувств. восприятию. Качеств. разнообразие природы есть результат смешения

четырёх элементов, при к-ром каждый элемент в разных предметах приобретает различные качества. «Все предметы природы в движении сохраняют свое существование» (там же, рукопись 2173, с. 626). «Природа не остается вечно неподвижной и не является непрерывно текущей, а есть нечто среднее между этими противоположностями; она находится в движении и покое и только таким образом сохраняется характер существующего» (там же, с. 298б). Уничтожение означает лишь изменение вида материи, «...вещество, материя никогда не уничтожаются» (там же, рук. 6670, с. 96а). Органы чувств, по И. Е., являются как бы воротами города: если ворота закрыты, то царь — разум, сидящий в городе, не может рассуждать о внешнем мире. Место пребывания разума — головной мозг человека. Душа и тело находятся, по И. Е., в единстве; состояние тела влияет на состояние души и наоборот. И. Е. отрицал мистич. идею спасения души через умерщвление плоти.

Лит.: Чалоян В. К., История армянской философии, Ер., 1959, с. 274—80; Григорян Г. О., Гносеологические взгляды Ованнеса Ерзикаци, «Изв. АН Арм. ССР». Обществ. науки, 1961, [№] 4, с. 47—60; на арм. яз.: Срапян А., Ованнес Ерзикаци. Исследование и тексты, Ер., 1958; Аревшатян С., Неизвестное философское сочинение Иоаннеса Ерзикаци, «Вестник Матенадарана», 1958, № 4. Григорян. Ереван.

ИОАНН ЗЛАТОУСТ (Ἰωάννης Χρυσόστομος) (ок. 347—407) — один из видных деятелей, отцов восточной церкви; константинопольский архиепископ (398—404). Защитник христ. ортодоксального учения, сыграл большую роль в разработке этич. и социально-политич. теории официальной христ. церкви. Решительно выступал против язычества, арианства, иудаизма, манихейства и т. п. Отражая интересы средних провинциальных собственников, И. З. выступал с критикой богатства и роскоши правящей верхушки империи, что снижало ему популярность у нар. низов и явилось одной из причин его низложения и ссылки. Однако критика И. З. никогда не затрагивала основ существующего строя. Формально признавая общность имущества, И. З. разработал теорию о собственнике как уполномоченном бога, пропагандировал подчинение каждого своей части и своему положению в гос-ве.

И. З. был одним из крупных теоретиков христ. морали. В его сочинениях разрабатывались проблемы идеала христианина («О священстве»), его обязанностей перед богом и людьми, христ. нормы отношений между рабами и господами, богатыми и бедными, вопросы семьи и брака, воспитания и т. д. И. З. выступал за установление полной монополии церкви и в сфере нравственно-воспитат. деятельности, в к-рой он видел одно из гл. средств «оздоровления» общества, смягчения социальных противоречий.

Будучи учеником выдающегося языческого риторика Либания, И. З. явился одним из создателей христ. риторики. Его эмоциональные, насыщенные примерами из обыденной жизни речи (отсюда и прозвище «Златоуст») в течение всего средневековья оказывали влияние на развитие христ. идеологии. На Руси он получает распространение с 10—11 вв. (Сборник 1076) и особенно со времени укрепления Рус. гос-ва (Измарагд, Маргерит, Златоусты, Златострун). Авторитетом И. З. рус. православная церковь на протяжении мн. столетий оправдывала жестокие гонения своих идейных противников. Его идеи и понятия используются клерикальной реакцией и бурж., христианскими «социалистами» различных оттенков.

Соч.: Opera omnia, t. 1—13, P., 1858—60 (Patrologiae cursus compl., ser. graeca, assig. J. P. Migne, t. 47—64); в рус. пер.— Творения, т. 1—12, СПб., 1898—1906.

Лит.: Пелеханов Г. В., Соч., т. 1, М.—Л., 1923, с. 197—98; т. 21, М.—Л., 1925, с. 105; т. 22, М.—Л., 1925, с. 184, 247; Архангельский А. С., Творения отцов первич в древнерусской письменности, [вып.] 1—2, Казань, 1889; Волгин В. П., История социалистических идей.

ч. 1, М.—Л., 1928; Курбатов Г. Л., Классовая сущность учения Иоанна Златоуста, в кн.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. 12, М.—Л., 1958; Будовниц И. У., Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.), М., 1960; Пюш Э., Св. Иоанн Златоуст и нравы его времени, пер. с франц., СПб., 1897; Вауг С., Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit, Bd 1—2, Münch., 1929—30.

Г. Курбатов. Ленинград.

ИОАНН ИМАСТАСЕР, Иоанн Софист (р. ок. 1045—55—ум. в 1129), — арм. ученый, философ и богослов, реформатор арм. календаря. Согласно И. И., все предметы сотворенной богом природы являются сочетанием четырех элементов (воздуха, земли, воды, огня) и имеют свою качественную определенность. Вследствие соединения в предметах различных элементов «природа любого предмета бывает противоречивой» (Матенадаран, рукопись 2595, с. 255а). Когда «уравновешенность» элементов в предмете сильно нарушается, предмет разлагается. Все в мире изменяется, имеет начало и конец. Все явления природы причинно связаны друг с другом.

Познание, по И. И., невозможно без участия органов чувств, однако только разум может проникнуть в сущность явлений. Органы чувств открывают свои двери перед внешним миром тогда, когда это диктуется разумом. Знания по отношению к природе вторичны: «...не мысль подтверждает предмет, а предмет — мысль, и поэтому в предметах надо искать истину» (цит. по кн. А. Г. Абрамян, Труды Ованеса Имастасера, Ер., 1956, на арм. яз., с. 238). «По отношению к мысли сущность предметов первична, и мысль не может изменить первичное» (там же, с. 278). И. И. отвергал авторитет в установлении науч. истин. Большое место в познании он уделял опыту: «Без опыта мнение не может быть достоверным... без исследования и опыта не следует верить всякой мысли» (Матенадаран, рукопись 2595, с. 250а). С позиций номинализма И. И. утверждал, что «первичной и преимущественной сущностью являются индивиды» (там же, рук. 2751, с. 218а). И. И. считал, что иск-во есть подражание природе, что его источником является природа, а не божеств. откровение, как твердили отцы церкви.

Лит.: Чалоян В. К., История армянской философии, Ер., 1959, с. 221—31; на арм. яз.: Григорян Г. О., Филос. взгляды Иоанна Имастасера, «Историко-философ. журн.», 1958, № 3.

ИОАНН ИТАЛ (греч. Ἰωάννης ὁ Ἰταλός) — визант. философ 2-й пол. 11 в., сторонник рационализма, идеологии передовых кругов феодалов (см. Византийская философия). Получил прозвание по происхождению из Италии (Калабрии). Ученик Михаила Пселла, наследовавший его звание «консула философов». Читал курс философии в Константинопольском ун-те, начинал его изложением основ философии и переходил к ее истории, излагал учения Аристотеля, Платона и неоплатоников (особенно Порфирия, Ямвлиха и Прокла). В своей филос. концепции И. И. стремился синтезировать идеи Аристотеля, к соч. к-рого он написал комментарий, с философией Платона, неоплатонизма и визант. рационализма, — гл. обр. рационализма Михаила Пселла. В результате И. И. создал филос. концепцию, в к-рой наряду с идеализмом (платонизмом) и религ. моментами ясно обозначалась антицерк., антидогматич. струя. Развивая материалистич. и диалектич. идеи Аристотеля, И. И. учил, что качеств. изменения, происходящие во Вселенной, вызываются изменениями первопричины. Вместе с тем, вслед за Платоном, он учил, что материальный мир создан из материи на основе идей, существовавших до сотворения мира (Quaestiones Quodlibetales, Editio princeps von Perikles Ioannou, «Studia patristica et hysantina», Н. 4, 1956, р. 63—65). Учение И. И. об абстракции, хотя и связано с религ. концепцией озарения (illuminatio), было чуждо богословской ортодоксии и носило чисто филос. характер.

Быть философом — значит для И. И. господствовать над всеми знаниями, ибо философия — начало всех знаний (там же, р. 3. 24—25), «знание знаний» (там же, р. 2, 4; 3, 14—15). По целому ряду вопросов И. И. раскопался с христ. догматикой: он отрицал бессмертие души, загробную жизнь и чудеса, якобы совершенные Христом; подвергал сомнению возможность воплощения бога в тело человека и в тело Христа; требовал, чтобы догматика с ее таинствами была заменена точным знанием. Как и Михаил Пселл, он считал, что при обсуждении филос. идей нужно пользоваться доказательствами филос. методами, даже в тех случаях, когда они противоречат церк. догматам; предпочитал отцам церкви — философам и еретикам, осужденных 7-м Вселенским собором. И. И. критиковал Св. писание, вскрывая имеющиеся в нем противоречия (см. в кн.: Ioannou P., Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos, Studia patristica et bysantina, Н. 3, 1956, S. 23—29). На основе закона, ограничившего свободу филос. мышления авторитетом Св. писания и творений «отцов церкви», против И. И. был возбужден судебный процесс и в 1082 ему была запрещена преподават. деятельность, он был предан анафеме и заключен в монастырь до конца жизни. Большинство произв. И. И. до сих пор не издано (а многие, наиболее непримлемые для офиц. богословия, не дошли до нас, т. к. были уничтожены). И. И. оказал влияние на древнегруз. философа Иоанн Пеприци.

Соч.: Opuscula selecta, ed. Gr. Cereteli, fasc. 1—2, Tphilitis, 1924—26 (трактаты о диалектике, логике, риторике и др.).

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 237—38; Успенский Ф., Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1891; его же, Делопроизводство по обвинению Иоанна Италя в ереси, «Изв. Русск. Археологич. ин-та в Константинополе», 1897, т. 2; Трахтенберг О. В., Очерки по истории западно-европейской средневековой философии, М., 1957, с. 88—89; Wallies M., Die griechischen Ausleger der aristotelischen Topik, В., 1891, S. 23—27; Stéphaneou E., Jean Italos: L'immortalité de l'âme et la résurrection, «Echos d'Orient», 1933, t. 32, № 172, p. 413—428; его же, Jean Italos, philosophe et humaniste, Roma, 1949; Дуђев Л., L'umanesimo di Giovanni Italo, в кн.: Atti del V. Congresso internazionale di studi bizantini (Roma, 20—26 sett. 1936), I, Roma, 1939 (Studi bizantini e neocellenici 5); Tatakis B., Histoire de philosophie. La philosophie byzantine, P., 1949, p. 210—14; Грант С., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 2, Graz, 1955, S. 301 ff; Stéphaneou P., [реп. на кн.] Ioannes Italos. Quaestiones Quodlibetales, «Orientalia christiana periodica», 1957, v. 23, № 3—4, p. 431—36.

Б. Горюнов. Ленинград.

ИОАНН МАЙРАВАНЕЦ (7 в.) — арм. философ и социально-политич. мыслитель. О жизни и деятельности почти ничего неизвестно. В острой форме И. М. писал о социальном неравенстве и несправедливости в обществе: «Нужно думать и мыслить о страданиях бедных и обездоленных, нужно думать, что они — братья и нуждаются во всем необходимом так же, как и все остальные...». «Все люди сотворены равными, солнце светит для всех одинаково, у всех в жилах течет одна и та же кровь, но один поглощает долю других и создает неравенство между людьми». И. М. выступал против «рока, судьбы и предопределения», утверждая, что человек как разумное существо сам свободно определяет свои действия и поступки.

Лит.: Чалоян В. К., История армянской философии, Ер., 1959; на арм. яз.: «Шогакат», Армяноведческий сб., кн. 1, Вагаршапат, 1913, с. 84—113.

В. Чалоян. Ереван.

ИОАНН СКОТ ЭРИУГЕНА (Johannes Scotus Eriugena), или Эригена (Erigena) (р. ок. 810—ум. ок. 877), — ср.-век. философ, создатель первой в средние века цельной объективно-идеалистич. и пантеистич. филос. системы. По происхождению ирландец, однако его филос. деятельность протекала в Париже, куда И. С. Э. был приглашен франц. королем Карлом Лысым для перевода с древнегреч. на лат. яз. произведений Дионисия Ареопагита, а также Максима Исповедника и Григория Нисского. И. С. Э. — автор ряда комментариев к их произведениям, а также к произведениям

Августина и Боэция. Однако И. С. Э. вошел в историю ср.-век. философии не столько как переводчик, сколько как автор соч. «О разделении природы» («De divisione naturae», 867, впервые напечатано в Оксфорде, 1681; напечатано также вместе с нек-рыми др. соч. И. С. Э. в кн.: J. P. Migne, *Patrologiae cursus completus. ser. latina*, t. 122, P., 1865; нем. пер. Eintheilung der Natur, Abt. 1—2, 1870—74).

Филос. система И. С. Э. — неоплатонизм со значительными элементами рационализма. Решая проблему отношения веры (откровения) и знания (разума), И. С. Э. утверждал, что между истинной философией и религией не может быть никакого противоречия, причем «авторитет происходит из правдивого разума, правдивый же разум никогда не происходит из авторитета» («De divisione naturae», I, 69, 513 В). Формально придерживаясь христианско-католич. догматики и пытаясь сочетать неоплатонизм с христианством, И. С. Э. фактически разработал первую в истории ср.-век. западноевроп. философию пантеистич. систему, отождествляющую бога с природой и пришедшую на этой основе в непримиримое противоречие с католич. вероучением. В решении *основного вопроса философии* И. С. Э. — идеалист, считающий материальность чувств. вещей только видимостью (см. там же, I, 34, 479 В), а их сущностью — творческую силу божества. Стронник крайнего *реализма*, И. С. Э. утверждал, что общее и единое существует вне и до индивидуального и конкретного; чем более общим является понятие (универсалия), тем реальнее его существование в качестве особой сущности. Индивид существует лишь в силу своего приобщения к виду, а вид — к роду. В соответствии с этим под диалектикой И. С. Э. понимал учение о сущем, — «искусство», «которое делит роды на виды и сводит виды к родам»; она — не результат челоуеч. изобретения, «но установлена в природе всех вещей самим виновником всех искусств... и мудрецами открыта» (там же, I, 44, 486 В). Познающему уму бог открывается как четвероякая «природа». Христ. догмат о творении мира богом истолковывался И. С. Э. на основе неоплатоновского принципа эманации как последовательное порождение более абстрактной природой природы более конкретной, путем нисхождения (processio) от бога как высшей реальности, единства и общности — к множественности и единичности, к небытию, а также обратном восхождении (reversio, deificatio) через посредство обобщающих идей к богу. Этот процесс осуществляется по четырем ступеням: 1) природа творящая, но нетворимая — бог как высшее бытие, не познаваемое и не определяемое никакими категориями; «бог-отец» христ. вероучения; 2) природа творящая и творимая — совокупность идей в божестве. уме, *логос*; «сын божий» христ. вероучения; 3) природа не творящая и творимая — реальный мир единичных предметов, порожденных идеями; 4) природа не творящая и не творимая — бог как конечная цель всего мирового процесса, тождественная с его началом (см. там же, I, 1, 441 В). В этом процессе самопорождения бог выступает как «начало, середина и конец» (там же, I, 11, 451 Д). Он есть «все во всем» (там же, I, 62, 506 Д; III, 20, 683 В). Пантеистич. единство бога как самостоятельной мировой субстанции с порожденными им «богоявлениями» (см. там же, I, 7 ff; 445 ff) — природой и человеком — находилось в противоречии с христ. монотеистич. противопоставлением бога и природы.

Рационалистич. и пантеистич. элементы учения И. С. Э. еще в эпоху средневековья были неоднократно использованы передовыми мыслителями и поэтому не раз осуждались римско-католич. церковью. Так, учение И. С. Э. осудили поместный Париж. собор в 1210, папа Гогорий III, к-рый в 1225 в связи с осуждением

«ереси» *Амори Шартрского*, находившейся в зависимости от учения И. С. Э., предписал сжечь все экземпляры «Разделения природы», внесенного рим. церковью в индекс запрещенных книг (1685).

Соч.: *Opera quae supersunt omnia*, P., 1865 (*Patrologiae cursus completus, ser. latina*, t. 122. Accur. J.P. Migne).

Лит.: Татарский И., Сущность и происхождение философии Иоанна Скота Эригены, X., 1885; Бриллиантов А., Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены, СПб., 1898; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по Указателю); Трахтенберг О. В., Очерки по истории западно-европейской средневековой философии, М., 1957 (по Указателю); Christlieb T., Leben und Lehre des Johannes Scotus Erigena, Gotha, 1860; Schneider A., Die Erkenntnislehre des Johannes Erigena im Rahmen ihrer metaphysischen und anthropologischen Voraussetzungen, Tl. 1—2, B., 1921—23; Örgries H., Zur Geschichte der Mystik Erigena und der Neuplatonismus, Tübingen, 1925; Gramann M., Mittelalterliches Geistesleben. Abhandlungen zur Geschichte der Scholastik und Mystik, Münch., 1926; Kletler P., Johannes Erigena, Lpz., 1931; Samstag K., Die Dialektik des Johannes Skottus Erigena, Wertheim am Main, [1930] (Diss.); Carroun M., Jean Scot Erigène. Sa vie, son oeuvre, sa pensée, Louvain — P., 1933; Dal Pra M., Scoto Eriugena ed il neoplatonismo medievale, Milano, 1941. В. Соколов. Москва.

ИОАХИМ ФЛОРСКИЙ (Калабрийский) (Joachimus Florensis, Gioacchino da Fiore) (ок. 1132—1202) — итал. мыслитель, монах. Род. в Калабрии в семье крестьянина. Пытался проповедовать свое учение в народе. Был пострижен цистерцианцами в монахи, затем избран аббатом. В 1191, порвав с Цистерцианским орденом, основал монастырь San Giovanni in Fiore и новый орден — *ordo Florensis*, откуда его второе имя.

Католич. церковь неоднократно осуждала учение И. Ф. (на 4-м Латеранском соборе 1215, на поместном соборе в Арле, 1263), а с его последователями (иоахимитами) церковь беспощадно расправлялась.

В сов. науке существуют две точки зрения на учение И. Ф., расходящиеся гл. обр. по вопросу о наличии или отсутствии социально-утопич. идей во взглядах И. Ф., по оценке идеи развития, содержащейся в его сочинениях, а также по характеристике социально-политич. сущности его учения. Ниже приводятся две статьи, отражающие эти точки зрения.

1) И. Ф. — один из наиболее ранних и оригинальных хилиастич. (см. *Хилиазм*) мыслителей средневековья. В своих соч., оставаясь в рамках религ. представлений, И. Ф., в противоположность августиновскому учению о неизменности земной жизни и невозможности на земле справедливого миропорядка, выдвинул свое истолкование челоуеч. истории как процесса прогрессивного развития от рабства к свободе, проходящего, как через необходимые стадии, через три «состояния мира» (*status mundi*), соответствующие трем лицам христ. троицы, и ведущего к осуществлению идеальной «эры святого духа» — «царства мира и правды на земле». И. Ф. подчеркивал посюсторонний, земной характер своего хилиастич. идеала. Его осуществление мыслится И. Ф. как результат необходимо развивающегося божеств. откровения, но оно возможно только в результате некоего грандиозного вселенского переворота, к-рого И. Ф. ожидал ок. 1260 и в ходе к-рого «нечестивые будут стерты с лица земли», «будет уничтожена несправедливость и установлена вечная справедливость». Каждый новый, более совершенный статус мира зарождается в недрах старого (*initiatio*), затем наступает как бы критич. период борьбы (*tribulatio*), в итоге к-рой добрые торжествуют, а злые наказываются, и тогда утверждается новое состояние мира, период «плодоношения» (*fructificatio*). Соответственно стадия развития мира развивается и челоуеч. знание, достигающее в грядущем третьем статусе полного постижения истины. Представление о прогрессивном развитии человечества приводит И. Ф. к идее относительности, историч. ограниченности истины: поня-

тия добра, рабства, свободы соответствуют своему времени и «должны рассматриваться сообразно времени» (*pro tempore et ad tempus*). Несмотря на религ. ограниченность, применение принципа развития позволило И. Ф. обосновать жизненно важный для нар. масс феод. общества тезис об историч. ограниченности, преходящем характере существующего строя, к-рый церковь объявляла абсолютным и неизменным. Вероучение католич. церкви также утрачивало абсолютное значение, объявлялось им лишь «частичной истиной», уступающей в третьем статусе мира место полной истине, для понимания к-рой люди не будут нуждаться в посредстве каких бы то ни было «фигур», т. е. таинств, ибо будут видеть истину «лицом к лицу». С наступлением справедливого миропорядка церковь и ее вероучение должны утратить свою силу. И. Ф. обвинял церковь в алчности, корыстолюбии, стремлении «господствовать над простым народом». Он открыто выражал свои симпатии к угнетен. массам, к крепостному крестьянству. Учение И. Ф., в мистич. форме отразившее антифеод. протест юж.-итал. крестьянства, борového против закрепощения, стремление нар. масс к освобождению от феод. гнета, освящаемого католич. церковью, их мечты о справедливом миропорядке — было одним из наиболее ранних проявлений крестьянско-плебейской ереси.

Несмотря на черты созерцательности, хилиастич. учение И. Ф. на протяжении 13—15 вв. оказывало большое влияние на развитие нар.-еретич. движений. В нач. 14 в. иоахимит Дольчино поднял первое крупное восстание итал. крестьян против церкви и феодалов. В эпоху Реформации к учению И. Ф. проявлял значит. интерес идеолог нар. Реформации Мюнцер. Бурж. авторы католического (W. Preger, *Das Evangelium Aeternum und Joachim von Floris*, «Abhandlungen der Kaiser. Baier. Acad. d. Wissensch.», 1874, Bd 12, Abt. 3; Denifle, *Das Evangelium Aeternum und die Commission zu Anagni*, «Arch. für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters», 1885, Bd I, H. 1; La Piana, *Joachim of Floris*, «Speculum», 1932, v. 7, № 2; Huch J. Chr., *Joachim von Floris und die joachimsche Literatur*, 1938) и протестантского направлений (H. Reuter, *Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter*, 1877; A. Гаусрат, *Средневековые реформаторы*, пер. с нем., т. 2, 1900), как правило, отрицают социальный смысл и антифеод. направленность учения И. Ф. С. Стан. Саратов.

2) И. Ф. — родоначальник мистич. направления, известного под названием иоахимизма. Суть концепции иоахимизма заключается в учении о трех состояниях или эрах мирового развития, изображенных в его произв. «Согласование Нового и Ветхого заветов» («Concordia novi et veteris testamenti», 1519), «Комментарий к Апокалипсису» («Enchiridion in Apocalypsin», 1527) и др. Первое состояние мира — от Адама до Христа — И. Ф. определял как эру Ветхого завета, к-рую он характеризовал тем, что люди жили по плоти и покорялись богу только из чувства страха, как раб покоряется своему владельцу. Второе состояние — от Христа до 1260 — время Нового завета, характерное тем, что жизнь людей основана на принципе промежуточном, т. е. между плотью и духом. В этот период люди покоряются богу из чувства сыновней любви. Третье состояние мира, к-рое наступит после 1260 (т. е. приблизительно через 70 лет после того, как учение И. Ф. было им изложено) и будет продолжаться до конца мира, явится эрой святого духа и вечного Евангелия. Люди будут созерцать бога непосредственно, и их отношение к нему будет свободно от принципа авторитарности. Т. о., основной в этом представлении о мировом развитии является линия, ведущая от чувства рабства к сознанию свободы. Первое и второе состояния — это разные со-

стояния подчинения и покорности. Переход от первого ко второму — это переход от рабского подчинения внешней власти господина к сыновней покорности перед авторитетом отца. Третье же состояние — это состояние свободных отношений к богу, когда признанность основывается на непосредств. созерцании истины. С наступлением этой третьей эры мира отпадает необходимость в буквенной форме Евангелия. Евангелие третьей эры будет чисто духовным и «вечным». Не будет нужды ни в Ветхом, ни в Новом завете. В произв. И. Ф. не говорится об изменениях в материальной жизни людей, связанных со сменами трех стадий мира. В его схеме нет вообще упоминаний о каких-либо явлениях социальной жизни, за исключением осуждения богатств церкви и роскоши духовенства. Переход к третьему, наиболее совершенному состоянию совершится, согласно этой схеме, в рамках земного существования. Однако само это состояние в своем абсолютном духовном совершенстве теряет уже всякие земные черты и завершает существование земного мира.

Схема И. Ф., несмотря на свой чисто мистич. характер, занимает видное место в оппозиционной к официальной идеологии. И. Ф. говорит об исторически преходящем характере католич. «церкви Христа». Преходящим является, по концепции И. Ф., не только Ветхий, но и Новый заветы. Новым у И. Ф. было также еговольное толкование текстов Священного писания, дававшего возможность «обосновывать» отступления от церк. традиции. Хотя учение И. Ф. было канонизировано Францисканским орденом, у нек-рых радикальных его последователей — у т. н. иоахимитов — «спиритуалов» 13 и начала 14 вв. (Герардо Сегарелли, Дольчино и др.) оно получило не только антикатолич., но и социальную трактовку (см. С. Д. Сказкин, *Первое послание Дольчино*, в сб.: «Из истории социально-политических идей», 1955, с. 124). Произв. И. Ф. изучались и позже, в эпоху Реформации. Увердно изучал их и Мюнцер, о чем он сам писал, прибавив, однако, что его собств. учение идет «значительно дальше». Ограниченный характер оппозиц. концепции И. Ф. заключался прежде всего в том, что изменения, предусматриваемые ею, совершаются богом при пассивной роли людей и притом в точные, заранее предначертанные сроки, к-рые И. Ф. выявлял путем сравнения текстов Ветхого и Нового заветов. Прогресс в развитии сознания, лежащий в основе схемы И. Ф., ни в какой мере не является прогрессом человек. разума; это лишь прогресс в формах божеств. откровения и раскрытия истины. Само понятие развития в смысле внутр. развития историч. этапов отсутствует в концепции И. Ф. Смешивая стадии мира, — несмотря на то, что И. Ф. различал в каждой стадии периоды зарождения, созревания и перехода в следующую стадию, — представляется у него как результат раскрытия божеств. воли, заранее предначертанного во всех деталях божеств. плана.

В концепции И. Ф. нашли свое отражение настроения оппозиц. элементов рыцарства по отношению к засилью католич. церкви и их стремления к подрыву авторитета папства.

Соч.: *Psalterium decem chordarum*, Venetiis, 1527; *Tractatus super quattuor Evangelia*, Roma, 1930.

Лит.: Энгельс Ф., *Крестьянская война в Германии*, гл. 2, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Соч.*, 2 изд., т. 7, с. 361, 369; Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, М., 1957, отд. 2, гл. 4, с. 147; Котляревский С. А., *Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв.*, М., 1904; Добиаш-Рождественская О. А., *Некоторые проблемы иоахимизма и петербургская рукопись сочинений Иоахима Флорского*, «Ж. Мин-ва Народного просвещения», 1913, № 6, июнь; Смирин М. М., *Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война*, 2 изд., М., 1955, ч. 1, гл. 2 (пер. на польск. — 1951, нем. — 1956, венг. — 1958); Стан С. М., *Учение Иоахима Калабрийского*, в кн.: *Вопросы истории религии и атеизма*, Сб. ст. 7, М., 1958; H a h n C h r U l r., *Geschichte der Ketzler im Mittelalter*,

Bd 3, Stuttg., 1850; Fournier P., Joachim de Flore, ses doctrines, son influence, P., 1900; Grun d m a n n H., Studien über Joachim von Floris, Lpz., 1927; его же, Neue Forschungen über Joachim von Flore, Marburg, 1950; L'évangile éternel, traduc. franc... par F. Aegerter, lt. 11—2, P., 1928 (этот перевод не обладает научной точностью); В о л о д у т и Е., Die Gioacchino da Fiore, Roma, 1931; G a n d e v Ch. N., Joachimske myslenky v dile Matěje z Janova «Regulae veteris et novi testamenti», «Casopis Národního Musea», 1937, roč. 111, sv. 1; T o n d e l l i L., Da Gioacchino a Dante, Torino, 1944.

ИОВСКИЙ, Александр Алексеевич (29 авг. 1796—22 янв. 1857) — рус. естествоиспытатель-материалист. Окончил Моск. ун-т (1821), проф. Моск. ун-та (с 1835). Основатель и редактор журн. «Вестник естественных наук и медицины» (1828—29; 1831—32), сыгравшего важную роль в борьбе за материализм в рус. естествознании. Отстаивая единство материи и движения, И. писал: «Нет вещества без силы и нет силы без вещества в видимой нами природе» («Вестник естественных наук и медицины», № 1, 1831, с. 7). Исходя из факта «всегдашней деятельности природы», И. признавал взаимное превращение веществ. Большое внимание он уделял противоречиям в природе, называя «... разделение одного начала на два новые» законом, «который отражается во всей природе...» (там же, 1829, № 8—9, с. 482). «Таковое проявление двух противоположных начал по причине их всеобщего источника имеет место при всех явлениях природы. Соединение веществ, образование нового и разрушение прежнего состава печатлеется действием сих противоположностей» (там же, с. 302—03). Дialeктич. тенденция в естеств.-науч. воззрениях И. сочеталась с механистической, проявляющейся в отрицании скачков, в попытках свести качеств. своеобразие явлений к простейшим началам. Основной науч. познания И. считал наблюдения, опыт. «Познание... есть не что иное, как мысль, родившаяся в наблюдении, оплодотворяющаяся в исследованиях и опытах; а сме возможно только в быту общественном» («О важности химических исследований в кругу наук и искусств», М., 1827, с. 4). И. настаивал на тесной связи науки с жизнью, с «искусствами» (т. е. производств. деятельностью). Он подчеркивал, что опыт не сводится к эмпирич. навыку, а должен опираться на предшествующие знания и вести к новым обобщениям. Признавая ценность нек-рых элементов в трудах представителей шеллингианской натурфилософии (в частности, *Огена* и *Велланского*), И. критиковал их за умозрительность и мистич. увлечения. В 1828 И. выступил с критикой «*физиологического идеализма*» И. Мюллера.

Соч.: О важности химических исследований в кругу наук и искусств, М., 1827; Химические уравнения... М., 1827; Опыт руководства к познанию внутреннего строения и образования земного шара... М., 1828; Обзорение медицинских систем в начале 19-го столетия, «Вестн. естеств. наук и мед.», 1828, № 5; О животном магнетизме, там же, 1828, № 5[7], 1829, № 2, 3; О химических соединениях, там же, 1829, № 6—12; О химических пропорциях, М., 1835; Начертание общей фармакологии, М., 1835; Начертание фармации, М., 1838; см. также в кн.: Избр. произв. рус. естествоиспытателей первой половины XIX века, М., 1959.

Лит.: Ушакова Н. Н. и Соловьев Ю. И., Передовой профессор Московского университета А. А. Иовский, «Тр. Ин-та истории естествозн. и техн. АН СССР», М., 1954, т. 2; З а р х и И. В., Очерки из истории отечественной фармации XVIII и первой половины XIX века, М., 1956; К о г а н И. А., Философские взгляды А. А. Иовского, «Вопр. философии», 1958, № 1. *Л. Козан.* Москва.

ИОВЧУК, Михаил Трифонович [р. 6(19) ноября 1908] — сов. философ, профессор (с 1939), д-р филос. наук (с 1946), член-корр. АН СССР (с 1946). Член КПСС с 1926. Окончил филос. отделение Академии коммунистич. воспитания (1931) и филос. аспирантуру Коммунистич. ун-та преподавателей обществ. наук (1933). В 1933—36 и 1939—49 — на парт. работе. С 1936 руководил кафедрами философии ряда вузов; с 1953 — профессор Моск. ун-та (кафедра истории марксистско-ленинской философии). Зав. сектором Ин-та философии АН СССР (с 1958). Гл. редактор журн. «Философские науки» (с 1958). Член бюро Отделения

филос. и правовых наук АН СССР (с 1955). Ведет (с 1936) науч. работу по истории философии, истории марксистско-ленинизма, методологич. проблемам истории философии, истории материализму, проблемам теории культуры. Гл. направления науч. исследований И. — история рус. материализма 18—19 вв., особенно обоснование роли материалистич. философии рус. революц. демократии 19 в. как новой ступени в истории домарксистской филос. и обществ. мысли. Ведет социологич. исследования по проблемам культурного роста сов. общества. Под редакцией И. вышли избр. филос. сочинения Белинского, Добролюбова, Плеханова, укр. философов — революционных демократов, «Литературное наследие» Плеханова (автор вступит. статей к этим изданиям), избр. филос. сочинения Герцена, Огарева и др. изд. Один из авторов и редакторов 6-томной «Истории философии» (переведена на ряд иностр. языков) и «Философской энциклопедии».

Соч.: Белинский. Его философские и социально-политические взгляды, М., 1939; Великий демократ и патриот русского народа [К 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского], К., 1940 (совм. с В. Е. Ввграфовым); Развитие материалистической философии в России XVIII—XIX вв., М., 1941; Очерки по истории русского материализма XVIII—XIX вв., М., 1942 (совм. с Г. С. Васецким); Основные черты русской классической материалистической философии XIX века, 2 изд., Минск, 1949; статьи в сб.: Из истории русской философии, М., 1952, пер. на кит., 1957, и др. яз.; Борьба мнений и свобода критики — закон развития советской науки, в кн.: Критика и самокритика в советском обществе. Сб. статей, М., 1955; Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1—2, М., 1955—56 (редакция и ряд глав); Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России (глава о Белинском), М., 1957; Философские и социологические взгляды Н. П. Огарева, М., 1957; История философии, т. 1—5, М., 1957—61 (редакция и ряд глав); К вопросу об идейной общности и традициях прогрессивных философских учений народов Востока и Запада в XIX—XX вв., в кн.: Докл. и выступления представителей советской философской науки на XII Международном философском конгрессе (Венеция, 12—18 сент. 1958), М., 1958; Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы истории философии, в кн.: Великое произв. воинствующего материализма, М., 1959; Дialeктика Гегеля и русская домарксистская философия XIX века, в сб.: Русская прогрессивная философская мысль XIX века (30—60-е годы), М., 1959; Краткий очерк истории философии, М., 1960 (автор нескольких глав и редактор); О закономерностях развития общественного сознания при социализме, в кн.: Некоторые теоретические вопросы строительства коммунизма, М., 1960; Роль Г. В. Плеханова в истории марксистской философии, в кн.: Проблемы истории философской и социологической мысли XIX века, М., 1960; Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, М., 1960; История философии как наука, ее предмет, метод и значение, М., 1960; Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса, М., 1961 (ряд разделов и редакция); Развитие марксистско-ленинской философии в СССР на новом этапе международного коммунистического движения (1956—1960), в кн.: Из истории марксистско-ленинской философии после второй мировой войны, М., 1961; Творческое решение Коммунистической партии Советского Союза философских проблем научного коммунизма, в кн.: Закономерности перехода от социализма к коммунизму, М., 1961; Die fortschrittliche russische Philosophie des 18. und 19. Jahrhunderts und ihre historischen Verbindungen mit der westeuropäischen Philosophie, в кн.: Actes du deuxième congrès international de l'union internationale de philosophie des sciences. Zürich, 1954, IV — Philosophie et science, P., [1955]; Einige methodologische Fragen der Geschichte der Philosophie, «Dtsch. Z. Philos.», 1958, № 3; La philosophie en U. R. S. S. dans les années d'après-guerre, в кн.: La philosophie au milieu du vingtième siècle, IV — Histoire de la philosophie, Firenze, 1959.

ИОНЕСКУ (Ionescu) (псевд. — Р и о н), Райку (20 авг. 1872—20 апр. 1895) — рум. публицист и лит. критик. Окончил Ясский ун-т (1893). Критикуя органич. теорию общества, И. доказывал ложность утверждения *Спенсера* о возможности добровольного кооперирования рабочих и капиталистов («Sociologia burgheză față cu teoria luptei de clase», «Critica socială», 1892, № 6—7). Он разоблачал *социальный дарвинизм* (там же), боролся против итал. школы криминологии Ломброзо («Școala italiană în criminologie», «Munca», 1892, № 34—36). В работе «Религин, семья, собственность в эпоху французской революции»

(«Religia, familia, proprietatea in epoca Revoluției franceze», «Critica socială», 1893, № 10—11, апр.—май) И. показал, как буржуазия меняет свое отношение к этим институтам после прихода к власти. Отстаивая идею неизбежности пролетарской революции, И. доказывал необходимость пролетарской партии («Idealismul și materialismul economic», «Critica socială», 1892, № 3—4). Он разоблачал *анархизм* («Despre anarhiști», «Munca», 1892, an. 3, № 16—17), критиковал идеалистич. взгляды Лассалля на историю (см. «Sociologia burheză față ta cu teoria luptei de clase», «Critica socială», 1892, № 6—7). Вместе с тем И. не преодолел полностью влияния оппортунизма и допустил ряд ошибок (переоценка легального пути борьбы пролетариата за власть, включение крестьянства в класс пролетариев и др.).

В области эстетики И. настаивал на социальной обусловленности лит-ры и иск-ва, выступал против теории «искусства для искусства». Считая иск-во формой отражения действительности, И. подчеркивал его гносеологич. и этич. роль.

Соч.: Scrieri literare, Iași, 1895; Datoria artei. Articole și studii de critica literară, [Buc., 1959]; в рус. пер.: Религия! Семья! Собственность!, в кн.: Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв., М., 1961.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 323; Фаур Ф., Социально-политические и эстетические взгляды Райку Ионеску-Риона, М., 1956 (Автореф.); Neagoe F. I., Lupta unui socialist român împotriva idealismului în sociologie (Raicu Ionescu — Rion), «Cercetări filozofice», 1959, № 2, p. 83—104.

Ин-т философии Академии РНР.

ИОНИДИ, Перикл Петрович [р. 25 дек. 1909 (7 янв. 1910)] — сов. философ, профессор (с 1950), д-р филос. наук (с 1950), кандидат химич. наук (с 1939). Член КПСС с 1943. Окончил Моск. химико-технологич. ин-т им. Д. И. Менделеева (1935) и аспирантуру там же (1939). Преподавательскую работу по философии ведет с 1939. С 1959 — зав. кафедрой диалектич. и историч. материализма МВТУ им. Баумана. Занимается исследованием филос. проблем естествознания и техники.

Соч.: О менделеевском наследстве, «Советская наука», 1938, № 3; Борьба материализма с идеализмом в химии, «Тр. Моск. автомоб.-дор. ин-та», 1957, вып. 20; Философское значение периодического закона Д. И. Менделеева, М., 1958; Мирозрение Д. И. Менделеева, М., 1959; Значение идей В. И. Ленина о категориях и совпадении диалектики, логики и гносеологии для развития современного естествознания, в кн.: В. И. Ленин и некоторые вопросы современной философии, М., 1960 (Тр. МВТУ).

ИОНИЙСКАЯ ШКОЛА — материалистич. направление др.-греч. философии, возникшее и развившееся в ионийских колониях Греции в 6—4 вв. до н. э. Эта философия зародилась в богатом торг. городе Милете. Ее представителями являлись Фалес, Анаксимандр и Анаксимен (см. также Милетская школа), Гераклит Эфесский. И. ш. принято противопоставлять пифагорейской, элейской и аттич. школам. Уже в древности в т. н. лит-ре преемств, устанавливавшей преемств. связь филос. учений, И. ш. противопоставлялась италийской, осн. Пифагором. Хотя Пифагор был иониец, но по своим филос. взглядам он не принадлежал к И. ш. Ксенофан Колофонский, иониец по происхождению, вначале продолжал линию ионийской философии, но впоследствии отошел от нее и стал основателем элейской школы. И. ш. была передовым направлением филос. мысли в Др. Греции. Ее представители, стоя на позициях стихийного материализма и наивной диалектики, вели борьбу с зарождающимся идеализмом и с религ. мифологией. Осн. задачей ионийской философии было познание природы и в первую очередь объяснение астрономич. и метеорологич. явлений. Главное направление развития И. ш. — переход от отождествления материи с к.-л. конкретным материальным первоначалом (вода у Фалеса, воздух у Анаксимена, огонь у Гераклита) к более обобщенному истолкованию материи как веществ. субстрата (*анейрон* Анаксимандра), а также все большее расчлени-

ние философии и разработка ее составных частей, в т. ч. и гносеологии. Соч. представителей И. ш. написаны на ионич. диалекте, в отличие от аттич. диалекта произведений Платона и Аристотеля.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955, с. 147; История философии, т. 1, М., 1940, с. 25—80; то же, т. 1, М., 1957, с. 72—102; Целлер Э. Очерк истории греческой философии, М., 1913; Риттер Г., История философии древних времен, пер. с нем., ч. 1, СПб., 1853; его же, Geschichte der Ionischen Philosophie, В., 1821; Ueberweg H. E. n. z. e., Die Philosophie des Altertums, 12 Aufl., В., 1926 (имеется библиогр.). А. Маковельский. Баку.

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ (в миру — С а н и н И в а н) (1439—1515) — рус. богослов-схоласт, церк. писатель-публицист, глава контрреформации в России конца 15—нач. 16 вв. Осн. произведением И. В. является «Просветитель, или Окончание ереси жидовствующих» (4 изд., 1903), направленное на обличение новгородско-московских «еретиков»; им написано 24 послания к различным лицам, редакции монастырского «Устава» и ряд др. произведений по религ.-церк. вопросам. Реакц. учение И. В. знаменовало идейное перевооружение церковников в ходе борьбы с «еретиками»-вольнодумцами.

Соч.: Послания..., М.—Л., 1959.

Лит.: Лурье Я. С., Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель, в кн.: Послания Иосифа Волоцкого, М.—Л., 1959, с. 19—97.

ИОСИФЛЯНЕ (или о с и ф л я н е) — представители церк.-политич. течения в Русском гос-ве конца 15—сер. 16 вв., выступавшие против реформац. движения в России. Свое название И. получили по имени главы движения *Иосифа Волоцкого*. Вначале И. выражали интересы удельно-княжеской оппозиции и выступали против великокняжеской власти. На соборе 1503 И. добились отклонения проекта ликвидации монастырского землевладения, с к-рым выступили т. н. *нестяжатели*, поддержанные Иваном III. На соборе 1504 И. добились осуждения новгородско-московских «еретиков» и жестокой расправы над ними. С этого времени И. поддерживали теорию о божеств. происхождении царской власти, выдвинутую Иосифом Волоцким, после смерти Иосифа Волоцкого И. возглавил Даниил, бывший с 1522 по 1539 митрополитом «всех Руси». Во главе с Даниилом И. продолжали ожесточ. борьбу с «еретиками» и *нестяжателями*, добились суда над *Вассианом Косым* и *Максимом Греком*. Противеретич. полемика Даниила, направленная против выделявшегося в реформац. движении 1-й пол. 16 в. народного течения, носила обнаженно классовый, политич. характер. Выступая против еретич. движений, Даниил отождествлял критику православных догм со стороны «еретиков» с нападками на политич. строй. Представляя собой контрреформацию на рус. почве, И. приняли активное участие и в церк. соборах сер. 16 в., осудивших Матвея *Башкина* и *Феодосия Косого*. В борьбе с «еретиками» И. стремились перенять опыт исп. инквизиции. Взгляды И. восторжествовали в борьбе со взглядами *нестяжателей* и были до сер. 16 в. теорией господствующей церкви.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 271; Рыбаков Б. А., Воинствующие церковники XVI в., «Антирелигиозник», 1934, № 3; Будовниц И. У., Русская публицистика XVI века, М.—Л., 1947; Зимин А. А., О политической доктрине Иосифа Волоцкого, «Тр. Отд. др.-рус. лит-ры. [Ин-т рус. лит-ры]», 1953, т. 9; Лурье Я. С., Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлячества, там же, 1956, т. 12; Казаков Н. А. и Лурье Я. С., Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, М.—Л., 1955; Зимин А. А., И. С. Пересветов и его современники, М., 1958, ч. 1, гл. 2; Клябанов А. И., Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв., М., 1960, с. 210—11, 259—60; Лурье Я. С., Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—нач. XVI вв., М.—Л., 1960. В. Корещий. Москва.

ИПОЛИТ (Hypolyte), Жан (род. 8 янв. 1907) — совр. бурж. франц. философ-идеалист; принадлежит к направлению франц. *экзистенциализма*, возглавляе-

тому *Сартром*. Проф. философии в Сорбонне, директор Высшей нормальной школы. На формирование взглядов И. определяющее влияние оказало нем. *неогегельянство*. И. перевел на франц. язык «Феноменологию духа» Гегеля (1939) и выступил с рядом работ о гегелевской философии («Генезис и структура „Феноменологии духа“» — «Genese et structure de la phénoménologie de l'Esprit», 1947; «Введение в „Философию истории“ Гегеля» — «Introduction à la philosophie de l'histoire de Hegel», 1948; «Логика и существование» — «Logique et existence», 1952). Юношеские произв. *Гегеля* И. рассматривал как ключ к пониманию гегелевской философии вообще. Вслед за нем. неогегельянцем Глокнером он считал, что в основе гегелевского *панлогизма* лежит «трагическое» видение мира. Заявляя, что Гегель ближе к *Кьеркегору*, чем это представляется на первый взгляд, И. утверждает, что такие проблемы, как проблема существования небытия, абсолютной свободы, трагизма человек. бытия и др., нашли в учении Гегеля решение, близкое к экзистенциалистскому. Вместе с тем И. усматривает в учении Гегеля противоположные тенденции и ставит вопрос: «как примирить гегелевскую философию истории (которая есть собственно философия человеческой истории) и абсолютное знание логики» («Etudes sur Marx et Hegel», P., 1955, p. 203). Эти воззрения дают основание считать И. одним из представителей неогегельянской тенденции во франц. экзистенциализме.

В работах о «Капитале» Маркса И. пытается провести мысль о том, что марксистское учение о капиталистич. формации базируется не столько на экономич. анализе фактов, сколько на восходящих к Гегелю филос. предпосылках (важнейшие среди них — это трансформированные гегелевские концепции «отчуждения» и «господина и раба») и эthic. предпосылках (требование справедливости). Поскольку филос. и эthic. положения, в понимании И., не относятся к области объективного науч. знания, то наличие их в марксизме лишает якобы предвидение Маркса о путях развития общества характера науч. истины и превращает его в разновидность религ. пророчества. Марксистская диалектика изображается И. как «синтез идеализма и реализма» (там же, p. 153). Выявление и анализ филос., эthic. и прочих предпосылок марксистского учения является для И. путем к «преодолению марксизма, исходя из объективного исследования труда самого Маркса» (там же, p. 143).

Работы И. пользуются большой известностью среди бурж. философов. На отд. его положения опирались католич. критики марксизма во Франции (Биго, Кальвез, Шамбр). Взгляды И. были подвергнуты критике в таких работах франц. марксистов, как «Возврат к Гегелю — последнее слово университетского ревизионизма» (в сб. «Против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма», М., 1952), «Перспективы человека» Р. Гароди (R. Garaudy, Perspectives de l'homme, 2 éd., 1960), «Панорама современной французской философии» Л. Сева (L. Sève, Panorama de la philosophie française contemporaine, «Pensée», 1960, № 91—92).

Лит.: Дени А. [и др.], Марксисты отвечают своим католическим критикам, пер с франц., М., 1958; Эфиро в С. А., От Гегеля к... Дженнаро, М., 1960.

ИПСЕН (Ipsen), Гюнтер (р. 20 марта 1899) — нем. реакц. философ и социолог. Проф. Кёнигсбергского (1933—39) и Венского (1939—45) ун-тов, с 1951 — проф. Мюнстерского ун-та в Дортмунде. И. занимался проблемами психологии и философии языка с позиций *гештальтпсихологии* и *философии жизни* Дильтея и придерживался идеалистич. концепций о происхождении и сущности языка («Современная философия языка» — «Sprachphilosophie der Gegenwart», 1930). И. видит в языке, с одной стороны, продукт «логоса»,

«духа», и считает, что сознание, жизнь духа является примером той духовной активности, к-рая лежит в основе возникновения не только языка, но и всех вещей; с другой стороны, И. считает язык «эманацией народного духа», под к-рым понимает духовную культуру и традиции народа.

В нач. 30-х гг. под влиянием Х. Фрейера И. создал профашистскую социологич. теорию, в к-рой слились *расизм*, мистич. традиции нем. романтизма (особенно выраженные в концепциях В. Рилья) и *геополитика*. Основу этой теории составляет реакц. учение о народе и расе. Особенностью социологич. концепции И. является преувеличение роли сельской общины и вообще сельского общества и критика процесса урбанизации и индустриализации. В основу объяснения историч. событий И. кладет односторонний анализ изменений, происходящих в сельском х-ве, в социальном положении крестьян, в отношениях между городом и деревней.

Соч.: Zur Theorie des Erkennens, «Neue psychologische Studien», 1926, Bd 1; Schallanalytische Versuche. Einführung in die Schallanalyse, Hdlb., 1928 (совм. с F. Karg); Das Landvolk. Soziologischer Versuch, Hamb., 1933; Programm einer Soziologie des deutschen Volkstums, B., 1933; Bevölkerung. I. Bevölkerungslehre, в кн.: Handwörterbuch des Grenz- und Auslandsdeutschtums, Bd 1, Breslau, 1933, S. 425—63; Standort und... Wohnort. Ökologische Studien, Köln — Opladen, 1957 (совторг.); Die polnische Volkskraft und der Bevölkerungswechsel in Ostdeutschland, в кн.: Osteuropa-Handbuch, Köln, 1959, S. 268—313; Industrielle Grossstadt. Studien zur Soziologie und Ökologie industrieller Lebensformen, 1, Tübingen, 1959— (Hrsg.). И. Добротравов. Москва.

ИРА́НСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. В результате переплетения историч. судеб народов Ирана, Ср. Азии и Азербайджана И. о. м. развивалась до 15 в. в тесной связи с обществ. мыслью упомянутых стран. Поэтому многие мыслители и поэты и их лит. произведение, в т. ч. и философские, закономерно признаются общим культурным наследием Ирана, Ср. Азии и Азербайджана (подробно см. в статьях о филос. мысли народов союзных республик СССР). Ввиду большого влияния и распространения религии в феод. Иране вплоть до последних веков И. о. м. выступала большей частью в религ. оболочке. При этом в идеалистической по своей основе И. о. м. нередко обнаруживались материалистич. тенденции.

Формированию иран. филос. мысли предшествовала сложная борьба различных религ. верований. В период господства Сасанидов (3—4 вв.) офиц. религией в Иране стал *зороастризм*. Зороастрийская лит-ра обожествляла царя, освящала социальное неравенство. Против господствовавшей религии зороастризма в сасанидском гос-ве выступали различные еретич. течения, в пределах к-рых развивалась и филос. мысль. Так, в религ. течении *зерванизма*, считавшем, что две противоположные сущности, два божества (Ахурамазда и Ариман) происходят от более древней и первоначальной субстанции — бесконечного времени (зрвана акарана), появилось направление, отрицавшее сотворение мира, божеств. предопределение, а также ад и рай и признававшее изначальность мира. Именно учение об изначальности мира стало осн. тезисом, специфичным для последующей материалистич. тенденции в И. о. м. и философии др. стран мусульм. Востока. Преемниками зерванистов были дахриты (от араб. слова дахр — время), признававшие материальность мира. Слово дахри стало синонимом еретика, безбожника.

Большое распространение в Иране получило *манихейство*, в основе к-рого лежало дуалистич. учение о борьбе двух сил — света и тьмы. Оно испытало сильное влияние христианства, проникавшего в Иран, а также восприняло нек-рые элементы *буддизма*. Основателем манихейства был религ. реформатор Мани (215—277), к-рый утверждал, что власть света должна победить власть тьмы в результате воздер-

жания, аскетич. образа жизни. Его учение, направленное против гнета и имуществ. неравенства, против феод. кабалы, отражало чаяния крестьянства и гор. плебса. Сторонники раннего манихейства подверглись гонению и расправе со стороны зороастрийского жречества и офиц. власти, а Мани был схвачен и казнен.

Дальнейшим идеологич. развитием манихейства являлся *маздакизм* — уравнил. движение, возникшее в конце 5 — начале 6 вв. Руководителем и идеологом его был Маздак, выходец из Нипанура (Хорасан). Его учение также основывалось на признании противостоящих друг другу двух начал — добра и зла, света и тьмы. При этом, в отличие от манихейства, проповедовавшего *аскетизм* и *пессимизм*, маздакизм считал торжество света над тьмой закономерным и неизбежным. Согласно этому учению, водворение на земле справедливости может быть осуществлено немедленно. Исходя из этих принципов, маздакизм призывал к практич. действиям по уничтожению социального неравенства, по установлению общности владения всеми благами, добываемыми человеком. Это народное движение было направлено прежде всего против усилившегося феодального закабаления общинников; оно охватило самые широкие слои населения, распространилось на всю территорию Ирана и продолжалось около четверти века. Восставшие захватывали силой хлеб, землю, орудия произ-ва, делая все добытое достоянием общины. Феод. знать, жречество мобилизовали все силы для разгрома маздакидского движения, используя социальные противоречия различных слоев его сторонников. В 531 было учинено массовое истребление маздакидов, а их идеолог и вождь был предан жестокой казни. Однако маздакидская социальная утопия о справедливом царстве на земле, несмотря на трагич. конец восстания, оказала существ. влияние на последующие народно-еретич. движения в странах Востока, в частности на мощное движение «белорубапечников» под руководством Муканны в Средней Азии в 8 в.

Наряду с развитием ересей и нар. движений, И. о. м. получила новый толчок благодаря распространению в Иране начиная с 4 в. *неоплатонизма*, учений Аристотеля и Платона. Этот второй наплыв идей греч. философии в Иран (первый был связан с эллинизацией Востока, обусловленной завоеваниями Александра Македонского) был вызван переселением в Иран сирийских и визант. ученых, подвергавшихся преследованиям у себя на родине. В 4 в. началось переселение в Иран несторианцев (см. *Несторианство*) и тех передовых ученых, к-рых реакц. духовенство Византии (уничтожившее величайшую сокровищницу документов антич. науки — Александрийскую библиотеку) причисляло к несторианцам.

В конце 5 в. (489) в гос-во Сасанидов эмигрировали деятели др. крупнейшего науч.-филос. центра Византии — Академии г. Эдессы, глава к-рой Нарсай создал Академию в г. Нисибине. В г. Гундешапура перебрались преподаватели и слушатели *Академии Платоновской*, закрытой визант. имп. Юстинианом в 529.

В числе крупных деятелей философии, связанных с греч. мыслью и оказавших влияние на развитие И. о. м., следует упомянуть переводчика Аристотеля и Порфирия с греч. на сирийский яз. Ибаса (ум. 457); комментатора тех же философов Пробуса; автора ряда науч., в т. ч. филос., соч. Сергия Решайнского (ум. 536) — ученика *Иоанна Грамматика* (Филонона), находившегося под влиянием Аристотеля, Галена и Гиппократ; монофизита Ахуд-Эммаха; придворного Хосрова I Ануширвана — Павла из Дершахра. При содействии этих и др. ученых переводились произв. антич. философов на среднеперс. язык, создавались филос. школы. Кроме названных,

возникли науч. центры в Медаине, Ривардашире и др. городах.

Элементы рационализма встречаются в нек-рых произв. пехлевийской лит-ры (т. е. сочинениях или памятниках на среднеперс. яз. — пехлеви; большая часть их была создана в 3—9 вв.); напр. в сравнительно позднем (9 в.) трактате «Разъяснение, устраняющее сомнение» («Шиканд гуманик вичар»). Так, выступая в защиту зороастрийской религии и подвергая критике др. вероучения, в т. ч. ислам, автор книги Марданфаррох сын Ормоздада в главе XI пишет, что «создание зла не может согласоваться с абсолютными знаниями, с абсолютной силой, с благоделительными, всепрощением и справедливостью бога. Если он благодетель, то почему он терпит зло. Если он всепрощающий, то почему он наказует тех, кто делает зло. Если он мудр, почему он не удержал сотворенного им первого человека от неповиновения. Люди побуждаются к убийству пророков, побеждает же обманывающий, который утверждает свое положение. Такой бог, — говорится в книге, — не может быть иначе, как слабым, притеснителем, невеждой. Нет веры в его милосердие и всепрощение, так как он сам колеблется в отношении к добру и злу». Однако в своем преобладающем большинстве произв. пехлевийской лит-ры обосновывали религ.-идеалистич. философию. Образцом может служить, напр., трактат 9 в. «Дух разума» («Меноги храд»).

Широкое распространение в сасанидском Иране имела дидактич. лит-ра (многочисл. разделы в богословском трактате «Динкарт», в приписываемой «мудрому царю» Ануширвану Сасаниду книге «Андарзе Анушаграван» и др.), к-рая в форме андарза (назидания) проповедовала идеалистич. взгляды, призывала беспресловенно подчиняться религии и шаху («столовая дорога — религия, а награда — рай»), довольствоваться малым, резко осуждала уравнилельскую проповедь манихейства и маздакизма. Это религ.-моралистич. направление продолжало развиваться и в более позднее время (в новоперс. лит-ре), проникнув в этику (ахлак), светскую художественную лит-ру, и нашло свое выражение в особых «зерцалах» (особом виде худож. произв., содержащих назидания, поучения и т. п.).

Завоевание Ирана арабами, начавшееся в 636, сопровождалось усиленным внедрением ислама в культурную жизнь страны. В этих условиях на И. о. м. оказала большое влияние *арабская философия*, в рамках к-рой развивались иран. филос. направления, создавались иран. мыслителями новые филос. произведения. Всыхнувшие одно за другим антихалифатские восстания в Иране, Азербайджане и Ср. Азии (Абу Муслима, Бабек, Мазьяра, Муканны и др.) сопровождалась активизацией борьбы и в области идеологии. Как и раньше, против ортодоксальной религии стали выступать различные еретические течения, отражавшие часто патриотические настроения местного населения. На арену борьбы выступают хуррамиты, идеология к-рых была сходна с маздакизмом, появляются философские течения, направленные против догм мусульм. схоластики. Рационалистич. тенденции нашли свое отражение даже внутри богословия и религ. юриспруденции, в борьбе между сторонниками преданий (ахле хадис) и сторонниками мнений (ахле назар). Первые строго запрещали как бы то ни было толковать догмы ислама, требуя принять их на веру, вторые считали необходимым аргументировать свои взгляды, мнения и спорить. Возникшее мусульманское теологич. направление *мутакаллимов* пыталось в какой-то мере сочетать религию с рассудком, за что первое время подвергалось нападкам со стороны ортодоксальной мусульм. теологии. Однако впоследствии оно стало ортодок-

сальным, благонамеренным, официально признанным и целиком подчинило филос. мышление исламу. Опозиционным по отношению к исламскому догматизму было учение *мутазилитов* (отколовшихся). Мутазилизму предшествовали учения кадаритов, отвергавших фатализм джабаритов, к-рые хотя и придерживались фаталистич. воззрения, но отрицали ортодоксальное учение об атрибутах бога и о его роли творца мира, и сифатитов. В мутазилизме, одним из основателей к-рого был уроженец Ирана Васил ибн Ата (699—748), эта оппозиция к ортодоксальному исламу зашла еще дальше. Мутазилиды выступали против неизбежности Корана, против его учения об атрибутах бога, признавали превосходство разума в познании мира, свободу воли человека, отрицали фатализм. В трактовке нек-рых вопросов мутазилидами заметно влияние Аристотеля.

В условиях борьбы между догматизмом и рационализмом возникали различные течения араб. философии, имевшие непосредств. отношение к И. о. м. Таковы, напр., кружки «Чистые братья» (*Ихван ас-сафа*), пытавшиеся согласовать философию с религией, устранить вражду между духовенством и философами и призывавшие добиться «внутреннего очищения и совершенства» с помощью науки и религии. Большую роль в борьбе со ср.-век. схоластикой сыграл родоначальник перипатетизма на мусульм. Востоке араб. философ *Кинди*.

Выдающееся место в истории развития обществ. мысли Ирана занимает крупный врач, химик и философ *Рази* (865—926). Он воспринял прогрессивные идеи своих предшественников и углубился в изучение естеств. наук. Его филос. взгляды не были свободны от религ., идеалистич. представлений [из признаваемых им пяти вечных начал мира двумя являются: бог (халек) и общий дух (нафсе колли)], но в его принципах явственно выступала материалистич. тенденция (в качестве трех других начал он признавал: праматерию — хаюлайе ула, абсолютное пространство — макане мотлак и абсолютное время — замане мотлак).

К числу корифеев науч. мысли средневековья, оказавших большое влияние на развитие И. о. м., относятся *Фараби*, *Бируни* и особенно знаменитый врач, поэт и философ *Ибн Сина*. Его труды по медицине, естествознанию, математике, философии, психологии и логике, явившиеся результатом творческого и критич. освоения и дальнейшего развития идей антич. философов (гл. обр. Аристотеля) и рационалистич. подхода к изучению человека и природы, привели его к порогу материалистич. толкования и объяснения мн. явлений жизни.

Прогрессивная филос. мысль нашла свое отражение и в раннеклассич. поэзии. Нар. тенденция, выражавшаяся в восхвалении разума и гуманности (*Рудаки*), проявлявшаяся в антихалифатской направленности и в благожелательном отношении к нар. движениям (*Фирдоуси*), обосновалась довольно прочно в перс. лит-ре и имела большое воспитат. значение. Философия *Ибн Сины*, *Рази* и др. прогрессивных мыслителей 10—12 вв., значительно обогативших своими передовыми идеями И. о. м., вызвала ненависть со стороны мусульм. духовенства.

Против офиц. канонизированного ислама выступил исмаилизм (карматство — см. *Карматы*). Движение карматов первоначально выдвигало идею имущества, равенства, основанного на общинных принципах, однако допускало сохранение рабства. Руководство этим антифеод. движением оказалось в руках аристократич. верхушки и духовенства, поэтому идеология исмаилизма сравнительно быстро стала мистической, реакционной. Но внутри карматства существовала нар. струя, а философия его содержала элементы

рационализма, к-рые нашли свое отражение в творчестве многих ср.-век. поэтов Ирана. Наиболее крупным представителем исмаилитской философии был поэт и мыслитель *Насир Хосров*. Хотя он и находился в плену мистики и ср.-век. предрассудков, однако в своих трактатах он доказывал необходимость познания материального мира и искал ответа на вопрос о соотношении духа и материи. Наиболее прогрессивным элементом его обществ. взглядов является острая критика феод. произвола и прославление труда крестьян и ремесленников.

Стихи известного поэта *Омара Хайяма*, автора бессмертных четверостиший (робайят), в к-рых выражены антиклерикальные и свободолобивые идеи, направлены против мусульм. схоластики. Ему принадлежит также ряд филос. трактатов, в к-рых обнаруживаются рационалистич. элементы. Прогрессивное воздействие на И. о. м. оказали произв. выдающегося азерб. поэта и мыслителя *Низами*. Хотя взгляды поэта были идеалистическими, он выступал против идеи неизменности мира; идеальным ему представлялось общество, где нет царя, господствуют свобода, справедливость и труд («Искандер-наме»).

Противником светских наук, рационализма и материализма в философии был богослов и схоласт *Газали*, соединивший ортодоксальный ислам с *суфизмом*. В 9—10 вв. суфизм начал распространяться и в Иране. На раннем этапе своего развития суфизм выступал против офиц. религии, феод. своеволия и деспотии, отражая недовольство трудящихся порядками, установленными исламом. Тогда суфизм подвергался гонению со стороны мусульм. духовенства. Но с 11 в. феод. знать и офиц. религия начали подчинять суфизм своим интересам и с этого времени он постепенно превращался в благонамеренное мистико-аскетич. течение, проповедующее созерцание, смирение и покорность, отказ от борьбы. Суфизм из оппозиц. течения становится течением, в основном покровительствуемым офиц. исламом. Однако отдельные прогрессивные филос. идеи находят себе место в произведениях нек-рых авторов — сторонников суфизма, особенно у поэтов (*Саади*, *Хафиза*). К числу таких идей относятся, напр., идеи протеста против социального неравенства и несправедливости, требование «автономии личности» и др., в то время довольно популярное в гор. ремесл.-торг. среде. Этот бунт против феод. произвола и нашел, в частности, свое специфич. отражение в поэзии *Хафиза* в форме бунта личности, лирики протеста.

В 12 в. возникло филос. течение, получившее название «философии озарения (откровения)» (хекмате эшрак или *ишрак*). Его сторонники считали, что познание истины достигается не разумом, а откровением (*Сухраварди*). Большую роль в развитии И. о. м. 13 в. сыграл ученый *Насирэддин Туси*, много сделавший для развития точных наук и составивший комментарий к аристотеле-авиценновской логике («Основы логики» — «*Асас оль-эгтебас*»).

В 14 в. возникает секта хуррифитов (буквенников), основоположник к-рой *Фазоллах Наими* (1339—1396), казненный как еретик, развил нек-рые филос. положения, противостоявшие мусульм. ортодоксии. В целом же для И. о. м. 14—16 вв. характерно развитие суфийской философии.

Ярким представителем И. о. м. 17 в. был *Молла Садр Ширази*, в философии к-рого содержались нек-рые материалистич. и диалектич. элементы. Мирозрение *Садр Ширази*, направленное против застывших догм ислама, его передовые обществ.-политич. идеи оказали положит. влияние на дальнейшее развитие И. о. м. К 17—18 вв. относится и деятельность *Бедия*, писавшего на языке фарси и оказывавшего влияние на развитие филос. мысли и

лит-ры Ср. Азии, Индии и Ирана вплоть до 19—20 вв. В 18 и начале 19 вв. И. о. м. была представлена учениками и последователями Садр Ширази, наиболее видными из к-рых были Шейх Али Хазин, Хади Себзеvari и др.

Проникновение иностр. капитала в Иран в 19 в. и превращение страны в полуколонию вызвали волну обществ.-политич. движений и способствовали формированию новых идеол. направлений. В 1844 Сеид Али-Мохаммед Баб основал секту бабидов (см. *Бабизм*) и объявил себя двенадцатым пророком — махди, к-рый, согласно шиитскому учению, исчез в 887 и должен был явиться к скончанию мира, чтобы уничтожить скопившееся зло на земле и установить совершенный социальный строй. Баб проповедовал принципы равенства и призывал своих приверженцев к борьбе за установление справедливого царства. Бабизм получил широкое распространение в Иране. Под руководством последователей Баба во мн. провинциях страны произошли массовые восстания, к-рые были разгромлены шахскими войсками. *Беззаконие*, по имени Бехауллы (наст. имя — Мирза Хусейн Али, 1817—92) — одного из учеников Баба, — выступивший в Иране в середине 19 в. и распространенный до сих пор, являлся по своей идеологии и политич. принципам с самого начала компромиссным, а затем и реакц. религ.-сектантским течением, отражавшим интересы компрадоров и проповедовавшим отказ от нац. независимости Ирана.

В конце 19 в. в странах Бл. и Ср. Востока, в т. ч. в Иране, стал распространяться панисламизм, проповедовавший идею объединения всех народов, исповедующих ислам, в единую исламскую империю. Идеологом этого течения был Джемаль-ад-дин аль-Афгани (1838—97). Будучи по своей природе течением реакционным, панисламизм и превратился в 20 в., после подъема антиимпериалистич. и демократич. движения, в орудие империалистич. политики подавления нац.-освободит. борьбы народов Ирана.

Реакцией на идеологию прогнившего феод. режима, возникшей под влиянием освободит. идей (гл. обр. франц. и рус. литератур), явилось просветительство. Наиболее видными пропагандистами просветит. идей в иранской лит-ре были: выдающийся ученый и директор первого светского учебного заведения европ. типа Реза Кули-хан Хедаят (1800—71), а также писатели Абд-ор-Рахим Талиб-заде (1855—1910), Зейн-оль-Абедин Мерагеи (1837—1910) и др., испытывавшие возмущение атеиста, материалиста, писателя-реалиста и демократа Мирзы-Фатали *Азундова*.

Первая рус. революция и Великая Октябрьская социалистич. революция в России воодушевили народы Ирана на борьбу за свои демократич. права. Вместе с ростом нац.-освободит. и демократич. движения все большей популярностью в Иране начинают пользоваться марксистские идеи. В 1916 возникла первая в Иране рабочая партия «Адалят» («Справедливость»). В 1920 была создана Иранская коммунистич. партия, осн. ядро к-рой составили члены партии «Адалят». Со дня своего существования Иранская коммунистич. партия стояла в первых рядах нац.-освободит. движения иран. народа, вела большую агитационную пропагандистскую работу среди рабочих, крестьян и интеллигенции, пользовалась неизменным доверием широких масс.

В 1931 пр-во обрушилось жестокими репрессиями против Иранской коммунистич. партии, к-рая вынуждена была уйти в подполье. В 1937 реакция провела новые аресты, пытаясь пресечь деятельность марксистов, действовавших в подпольных условиях. В тюрьму была брошена большая группа прогрессивных деятелей во главе с талантливым ученым-марксистом, редактором теоретич. органа партии —

журн. «Донья», доктором Таги Эрани, умерщвленным в тюремных застенках полицейскими палачами. Дальнейшее распространение получает марксизм в Иране во время и после 2-й мировой войны. Марксистско-ленинская теория составляет основу деятельности Народной партии Ирана (НПИ), созданной в сентябре 1941. Она явилась наследницей и продолжательницей дела Иранской коммунистич. партии. НПИ находится на нелегальном положении, продолжая бороться за свободу и независимость своей родины.

Для борьбы с марксистскими идеями в Иране используются различные идеалистические и религиозные учения. В 30-х гг. 20 в. правящая верхушка Ирана стала усиленно насаждать панисламизм. Вопиющий повинизм сочетался с пропагандой фашистских идей и созданием фашистских организаций. В последнее время в Иране распространяются мистич. идеи суфизма как якобы наиболее приемлемая для иранцев философия, основной смысл к-рой заключается в призыве к воздержанию и самоусовершенствованию, к вере во всемогущую силу бога и подчинению власти. Консервативные круги охотно распространяют в разной форме идеи непротивления, а наряду с ними и различные западноевроп. и амер. идеалистические течения в философии, лит-ре и иске-ве (*прагматизм, экзистенциализм, Фрейдизм* и т. п.). Борьба против марксизма и рабочего движения ведется также путем насаждения *ревизионизма* и *реформизма*. Проповедь смирения, тесно связанная с пропагандой идеи отказа народа от борьбы за свои права, противопоставляется марксистской философии, к-рая становится все более популярной среди передовой иран. интеллигенции.

Лит.: История философии, т. 1, 4, 5, М., 1957—61, т. 1, гл. 3, т. 4, гл. 9, т. 5, гл. 25; Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, гл. 3, 4; Крымский А. Е., История Персии, ее литературы и дервишской теософии, т. 1—3, М., 1909—17; Восток. Сб. II. Литература Ирана X—XV вв., М.—Л., 1935; Пингудевская Н. В., Маздакитское движение, «Изв. АН СССР. Отд. ист. и филос.», 1944, № 4, с. 171—81; Брагинский И. С., Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956; Григорьян С. Н., Из истории философии Средней Азии и Ирана VII—XII вв., М., 1960; Ага хан А. М., Талантливый пропагандист марксистско-ленинской философии в Иране, «Тр. сектора философии АН Азерб. ССР», Баку, т. 2 (VI), 1960; его же, Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране. (До второй мировой войны), Баку, 1960; Радманеш Р., Единым фронтом в защиту свободы. К сорокалетию образования Иранской Коммунистической партии, «Правда», 22. VI. 1960; Сафа Забихолла, Тарихе олуме аяли дар тамаддонне эслами... (История рациональных наук в исламской культуре до второй половины XI в. н. э.), т. 1, Тегеран, 1950—53 (Тегеранск. ун-т, № 157); Гани Касем, Бах дар асар ве афкар ве ахвале Хафез (Исследование произведений идеологии и жизни Хафиза), т. 2, Тегеран, 1943; Тарихе тасаввоф дар эслам... (История суфизма в Исламе...), 2 изд., Тегеран, 1952; Nyberg H. S., Die Religionen des alten Iran, Lpz., 1938; Christensen A., L'Iran sous les Sassanides, Copenhagen, 1944. Д. Колмисаров. Москва.

ИРИБАДЖАКОВ, Николай Николов (р. 11 окт. 1920) — болгар. философ-марксист, член БКП (с 1940). Окончил Софийский ун-т (1949). Ответств. редактор теоретич. органа ЦК БКП «Новое время» (с 1959). Работает в области диалектики и историч. материализма, филос. проблем биологии, критики совр. бурж. идеологии и ревизионизма. Осн. работа И. «Современные критики марксизма» («Модерни» критики на марксизма, 1960) посвящена критике совр. анти-марксизма.

Соч.: Връзките на комунистическата партия с масите—източник на нейната сила и победи, С., 1954; Ролята на народните маси в историята, С., 1956; Гибелни илюзии, С., 1956; Страница от въоръжената борба против фашизма в Търновски окръг, С., 1957; в рус. пер.: Противоположность марксистского и буржуазного пониманий «современной эпохи», «Коммунист», 1962, № 10.

Лит.: Орлова К., Павлов А., Против современно-го антимарксизма, «Коммунист», 1961, № 9. С. Ангелов. БРБ.

ИРОНИЯ (греч. *εἰρωνεία*, букв. — притворство) — категория философии и эстетики, обозначающая высказывание или образ иск-ва, обладающие скрытым смыслом, обратным тому, к-рый непосредственно высказывается или выражается. В отличие от *сатиры*, к-рая не скрывает своего критич. отношения к объекту, И. является видом скрытой насмешки. В ней отрицание происходит в подчеркнуто-утвердит. форме. И. состоит в том, что кто-либо соглашается, доказывает, утверждает за явлением право на существование, но в этом утверждении и выражается отрицат. отношение к объекту. Обладая смыслом, обратным тому, к-рый непосредственно высказывается, И. предполагает творч. активность воспринимающего ее мышления, что было отмечено Фейербахом в кн. «Лекции о сущности религии». Эту мысль Фейербаха с одобрением выписывает Ленин: «...Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе, что она высказывает не все, что она предоставляет читателю самому себе сказать об отношениях, условиях и ограничениях, при которых данное положение только и имеет значение и может быть мыслимо» (Соч., т. 38, с. 71).

Впервые термин «И.» появляется в греч. лит-ре в 5 в. до н. э. В комедиях Аристофана И. употребляется в отрицат. смысле, обозначая «обман», «насмешку», «хитрость» и т. д. В «Осах» (174) Кленослав поступает «ловко» (*εἰρωνικός*), продавая осла, в «Облаках» (448) Стрепсиад называет ироником (*εἰρων*) лжеца. Более глубокий смысл И. получает у Платона. По Платону, И. означает не просто обман, но то, что, внешне напоминая обман, по сути дела является глубоким знанием. В диалогах Платона Сократ широко пользуется И. как средством полемики и доказательства истины. Используя И., Сократ принижает свое знание, делает вид, что не имеет никакого представления о предмете спора, поддаквывает противнику, а затем, задавая «наивные» вопросы, приводит собеседника к сознанию своего заблуждения. Платон характеризует сократовскую И. как самоунижение человека, к-рый знает, что он не достоин унижения. Ирония Платона — насмешка, скрывающая под видом самоунижения глубокое интеллектуальное и нравств. содержание. Дальнейшее развитие понятия И. содержится у Аристотеля, к-рый рассматривает И. как притворство, означающее прямую противоположность хвастовству. По Аристотелю, притворство в сторону большего есть хвастовство, в сторону меньшего — И., в середине между ними находится истина. Аристотель говорит, что иронист противоположен хвастуну в том отношении, что он приписывает себе меньше фактически наличного, что он свое знание не высказывает, но скрывает. Он высоко оценивает этич. значение И., считая ее одной из самых гл. добродетелей, «величием души», свидетельством бескорыстия и благородства человек. личности. Послеаристотелевское понимание И. утрачивает свою глубину. И. определяется то как нерешительность и скрытность (Теофраст, «Характеры»), то как хвастовство и высокомерие (Аристон, «Об ослаблении высокомерия»), то как аллегорич. прием ораторской речи (Квинтилиан, «Риторические пастиаления», IX, 2).

В иск-ве И. появляется в переходные историч. периоды. Ирония Лукана, являясь формой разложения, самокритики антич. мифологии, отражала падение антич. идеалов. Иск-во средневековья богато сатирич. мотивами, однако они носят поучит. характер и совершенно лишены И. Ср.-век. эстетика вообще выступила с критикой И., считая ее пустым, софистич. иск-вом, разрушающим веру в догматы и авторитеты. Так, Климент Александрийский считал, что цель ее — «возбудить удивление, довести слушателя до раскрытия рта и до онемения... Истина через нее нигде не преподается» («Строматы», I, 8).

В эпоху Возрождения вместе с ростом свободомыслия возникает плодотворная почва для расцвета художеств. практики и эстетич. теории И. Иск-во этого времени в бурлескной и буффонной форме пародирует антич. и ср.-век. идеалы (поэма «Орландино» Флоренго, «Энеида» Скаррона и др.). В трактатах этого времени («О речи» Дж. Понтано, «Придворный» Б. Кастильоне) И. рассматривается исключительно как риторич. прием, как оборот речи, помогающий избежать «личностей» и подвергнуть к.-л. осмеянию в форме скрытого намека. Эта традиция, рассматривающая И. как своеобразный прием речи, сохраняется вплоть до 18 в. Вико в «Новой науке» определяет И. как троп, образованный ложью, «которая силою рефлексии надевает на себя маску истины» («Основания новой науки...», Л., 1940, с. 149).

Особое значение И. получает в эстетике нем. романтиков, к-рые придавали И. универсальное значение, рассматривая ее не только как прием иск-ва, но и как принцип мышления, философии и бытия. Понятие «романтич. И.» получило развитие в теоретич. работах Ф. Шлегеля, под непосредств. влиянием философии Фихте. Подобно тому как в системе «наукоучения» Фихте развитие сознания состоит в бесконечном снятии и полагании «Я» и «не Я», романтич. И. заключается в отрицании духом своих собств., им самим поставленных, границ. Согласно принципу романтич. И., никакая художеств. форма не может быть адекватным выражением авторской фантазии, к-рая не выражает себя полностью, всегда оставаясь содержательнее всякого своего создания. И. означает, что творч. фантазия не теряется в материале, не скывается определ. формами, а свободно парит над собств. созданиями. И. — там, где выражено превосходство выражаемого перед самим выражением. Будучи свободной по отношению к своему материалу, И. синтезирует противоположности, осуществляя единство серьезного и смешного, *трагического* и *комического*, поэзии и прозы, гениальности и критики. «В иронии все должно быть шуткой, и все должно быть всерьез, все простоушино-откровенным и все глубоко-притворным» (см. Ф. Шлегель, в сб. «Литературная теория немецкого романтизма», Л., 1934, с. 176). По мнению Шлегеля, И. снимает ограниченность отд. профессий, эпох и национальностей, делает человека универсальным. настраивая его «то на философский лад, то на филологический, критический или поэтический, исторический или риторический, античный или же современный...» (там же, с. 175). Однако этот синтез, осуществляемый на субъективной основе фихтевского «Я», является иллюзорным, целиком зависящим от произвола субъективного сознания. Характеризуя романтич. И., Гегель назвал ее «концентрацией „я“ в себе, для которой распались все узлы и которая может жить лишь в блаженном состоянии наслаждения собою» (Соч., т. 12, М., 1938, с. 70). Теория романтич. И. получает завершение в эстетике *Зольгера*, к-рый, подчеркивая диалектич. момент, содержащийся в этой категории, отождествил ее с моментом «отрицания отрицания» («Vorlesung über Ästhetik», Lpz., 1829, S. 241—49).

Романтич. И., воплощенная в художеств. практике Л. Тика («Мир наизнанку», «Кот в сапогах»), означает абс. произвол автора по отношению к создаваемым образам: сюжет становится предметом игры авторской фантазии, серьезный тон повествования нарушается алогизмами, иллюзия сценич. действия разрушается появлением автора, реальность действия нарушается смещением планов реального и нереального и т. д. Особое значение И. имеет в поэзии Гейне, к-рый развил ту особенность романтич. И., когда высмеивается не только изображаемый объект, но и сам автор, его позиция по отношению к этому объ-

екту. Ирония Гейне явилась способом избавления от чрезмерного лиризма и напыщенной сентиментальности, формой разложения «романтич.» иллюзий автора и утверждения его критич. позиций по отношению к действительности. «У Гейне мечты бюргера намеренно были вознесены, чтобы затем так же намеренно низвергнуть их в действительность» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф. об искусстве, т. 2, 1957, с. 154). В дальнейшем теория романтич. И. развивалась в неоромантич. эстетике символистов, где она понималась как прием, разоблачающий ничтожество явления, раскрывающий его несоответствие с идеалом (см. А. Блок, Балаганчик, Ирония, в кн.: Соч., 1946, с. 303—08 и 423—24).

С резкой критикой романтич. И. выступил Гегель, к-рый указал на ее субъективизм и релятивизм (см. Соч., т. 12, с. 68—71). Говоря об «иронии истории», «хитрости мирового разума», он попытался вскрыть объективный характер И., содержащийся в развитии истории. В «Феноменологии духа», показывая диалектику развития познания от обыденных представлений к науч. понятиям, Гегель показал иронич. диалектику развития нравств. и науч. сознания.

В бурж. идеалистич. эстетич. теориях 2-й пол. 19 в. И. теряет нравств. и филос. значение, к-рое придавалось ей в классич. эстетике. Иррационалистич. трактовка И. содержится уже у Кьеркегора в его докторской дисс. «О понятии иронии» (S. Kierkegaard, *Der Begriff der Ironie*, 1841, изд. 1929). Ницше открыто выступает с критикой антич. И., оценивая ее как «лживую хитрость» (см. Собр. соч., т. 1, М., 1912, с. 24). Совр. И., согласно Ницше, выражает пессимистич. отношение к действительности, якобы граничащее с *цинизмом* (см. там же, т. 2, М., 1909, с. 156). У Фрейда И. сводится к технич. приему «изображения при помощи противоположности», к-рый позволяет «легко обходить трудности прямых выражений, как, напр., ругательств...» («Остроумие и его отношение к бессознательному», М., 1925, с. 234).

Большое значение категория И. имеет в марксистско-ленинской эстетике. Классики марксизма придавали этой категории широкий обществ. смысл, употребляя ее в применении к философии, художеств. творчеству и мировой истории. Молодой Маркс высоко оценивал сократовскую И., указывая на необходимость «понимать ее... в качестве „диалектической ловушки“, при посредстве которой обыденный здравый смысл оказывается вынужденным выйти из всяческого своего оокостенения и дойти... до имманентной ему самому истины...». В этом смысле И., по словам Маркса, является необходимой формой теоретич. мышления, философии. «...И Гераклит,... и даже Фалес, который учил, что всё состоит из воды,— между тем, как всякий грек знал, что он не может прожить одной водой... — словом, всякий философ, отстаивающий имманентность против эмпирической личности, прибегает к иронии» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, 1956, с. 199). Подчеркивая критич. момент, содержащийся в И., Энгельс связывал эту категорию с объективным и революц. характером процесса историч. развития. «Что значат крохи нашего остроумия по сравнению с гигантским юмором, который прокладывает себе путь в историческом развитии!» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 29, 1946, с. 88). «Ирония истории», действующая «в нашу пользу», является, по Энгельсу, формой разрушения иллюзий людей о самих себе и характеризует действительный, объективный смысл историч. движений. «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали,— что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией,

которой избежали не многие исторические деятели» (там же, т. 27, 1935, с. 462—63).

Совр. бурж. эстетика рассматривает И. как характерную особенность совр. иск-ва. Так, исп. философ *Ортега-и-Гасет* в соч. «Дегуманизация искусства» доказывает, что совр. иск-во обречено на И. и иначе как без И. не может существовать. Только благодаря И., этой самоубийственной насмешке иск-ва над самим собой, «искусство продолжает быть искусством, его самоотрицание чудотворным образом приносит ему сохранение и триумф» («The Dehumanization of Art», N. Y., 1956, p. 44). В иронич. и скептич. отношении к действительности видит характер совр. иск-ва и нем. экзистенциалист Аллеман («Ирония и поэзия» — *Ironie und Dichtung*, 1956). Напротив, современная прогрессивная эстетика дает гуманистическое истолкование И., связывая ее с проблемой правды. «Объективность,— пишет Т. Манн, характеризуя совр. т. н. эпическое иск-во,— это ирония, и дух эпического искусства — дух иронии» (Собр. соч., т. 10, М., 1961, с. 277).

Сов. эстетика рассматривает И. как важнейшее средство *эстетического воспитания*, как способ отказа от романтич. напыщенности, экзальтации и способ утверждения *реализма*. И. является важнейшей категорией, отражающей существ. явления в развитии совр. реалистич. иск-ва. В творчестве В. Маяковского, С. Прокофьева, Б. Брехта, Т. Манна, Г. Грина и др. И. является таким способом отражения действительности, в к-ром отрицание отживших иллюзий, идеалов и воззрений сочетается с удержанием положительного, с утверждением реалистич. позиции автора по отношению к действительности.

Лит.: Галлаев А., Ирония, «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», 1898, т. 3, № 7, с. 64—70; Берковский Н., Эстетические позиции немецкого романтизма. [Вступ. ст. к сб.], в сб.: Литературная теория немецкого романтизма, Л., 1934, е го же, Немецкий романтизм. [Вступ. ст. к сб.], в сб.: Немецкая романтическая повесть, М.—Л., 1935; Максимов Д., Об иронии и юморе у Маяковского. (К постановке вопроса), «Научн. бюлл. ЛГУ», 1947, № 18; Schasler M., Das Reich der Ironie in kulturgeschichtlicher und ästhetischer Beziehung, B., 1879; Brüggemann F., Die Ironie in Ticks William Lovell und seinen Vorläufern..., Lpz., [1909]; e го же, Die Ironie als entwicklungsgeschichtliches Moment, Jena, 1909; Pulver M., Romantische Ironie und romantische Komödie, [Freiburg], 1912; Ernst F., Die romantische Ironie, Z., 1915; Thomson J. A. K., Irony. An historical introduction, L., 1926; Heller J., Solgers Philosophie der ironischen Dialektik..., B., 1928; Lussky A. E., Tieck's romantic irony with special emphasis upon the influence of Cervantes, Sterne and Goethe, Chapel Hill, 1932; Reiff P., Die Ästhetik der deutschen Frühromantik, Urbana, Illinois, 1946, S. 230—38; Allemann B., Ironie und Dichtung, Pfullingen, [1956]. Bibliogr., S. 221—30.

В. Шестаков. Москва.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ (от лат. *irrationalis* — неразумный, бессознательный) — 1) В широком смысле — филос. учение, ограничивающее возможности рационального познания и противопоставляющее ему созерцание, интуицию, инстинкт, веру (понимаемую как некий особый вид нерационального познания), определяемому образом истолкованные «чувство», «понимание» и пр. И. рассматривает эти познават. способности в пределах основной проблематики теории познания и в этом смысле И. следует отличать от *фидеизма* — теол. учения о примате «истин», даруемых якобы в мистич. откровении, в религ. вере, перед истинами, открываемыми с помощью науч. мышления, и от *агностицизма* — утверждения о принципиальной невозможности адекватного познания вещей такими, каковы они суть независимо от познават. отношения к ним. 2) В узком смысле И. — общее название для ряда различных филос. концепций и школ, порожденных и порождаемых развитием бурж. идеологии с конца 18 в. вплоть до наст. времени; все они представляют собой реакцию на рационалистич. веру

в безграничной возможности человек, разума и характеризуются стремлением либо опровергнуть рационализм вообще, либо ограничить его «чрезмерные притязания».

Было бы неправильно рассматривать И. как филос. направление, возникающее вместе с появлением идеализма и развивающееся на всем протяжении истории философии. При таком рассмотрении упускаются из виду конкретные историч. условия развития филос. мысли, к-рые в определ. периоды исключали возможность оформления И. в самостоятельную идеол. тенденцию. Следует учесть то обстоятельство, что на одном историч. этапе борьба материализма и идеализма осложнялась общей направленностью становящегося филос. знания против традиционн-мифол. способа миропонимания, на другом — выступлениями, хотя и с разных позиций, как материалистич., так и идеалистич. форм рационализма против религ. мистицизма. В силу этого в борьбе против научно ориентированного мышления, к-рую вели: в античности — традиционализм мифологии, исключаяющий всякое критич. отношение, в эпоху Возрождения и в 17—18 вв. — мистич. религиозная традиция, агрессивная направленная против науч. знания, И. как филос. система не получил оформления. Конечно, и рационально не осмысленное «доверие» к мифол. традициям, и воюющий против «смертного» человек, разума религ. мистицизм можно было бы охарактеризовать как И. Однако это ведет к такому неопределенно широкому толкованию И., в к-ром угасают всякие различия и прежде всего различия между филос. проблематикой И. и религиозно-теол. проблематикой мистицизма. Между прочим, именно к такому пониманию И., по сути дела, приходят апологеты совр. И. в своем стремлении дать ему «историко-философское» обоснование, доказать наличие многовековой традиции в развитии И. (см., напр., лекции Карла Ясперса, прочитанные в 1935 в Голландии, — K. Jaspers, *Vernunft und Existenz*, Münch., 1960). Результатом смешения И. и мистицизма явилось зачисление рус. бурж. философом Э. Радловым в разряд мистиков и интуитивиста Бергсона, и алогиста Джемса, и действит. представителя мистицизма Вл. Соловьева (см. «Мистицизм в совр. философии», в сб. «Новые идеи в философии», № 5, СПб, 1913, с. 35—63). Наконец, неправильность расширительного толкования И. состоит еще и в том, что оно с логич. неизбежностью ведет к подмене борьбы материализма и идеализма в истории философии борьбой рационализма с И. В особенности такая подмена характерна для неокантианцев — Виндельбанда, к-рый зачислял в разряд представителей И. не только Якоби, Шеллинга, Шопенгауэра, но и материалиста Фейербаха (см. его кн. «История новой философии», т. 2, СПб, 1905, с. 272—302), В. Сеземана, стремившегося истолковать всю историю философии начиная с пифагорейцев, как историю борьбы «рационального» и «иррационального» (ст. «Рациональное и иррациональное...», см. журн.: «Логос», М., 1911, кн. 1, с. 93—122), Кронера — впоследствии неогегельянца, искавшего в истории философии «синтез» рационализма и И. и «нашедшего» его в диалектике Гегеля [см. его раннюю ст. «К критике философского мистицизма» в журн.: «Логос», М., 1913, кн. 3 и 4, с. 47—70, а также его двухтомную монографию «От Канта до Гегеля» (R. Kroner, *Von Kant bis Hegel*, Tübingen, Bd 1—2, 1921—24)].

Историч. подход к анализу И. позволяет установить, что последний мог оформиться и выступить против рационализма в качестве самостоят. направления только после того, как потерпели поражение в борьбе против научно-рационалистич. образования мира мифол. и религ. формы сознания. Возникно-

вание И. и постепенное выдвигание его в качестве осн. оппонента рационалистич. философии, отстаивающей права и возможности научно-теоретич. мышления, явилось, с одной стороны, свидетельством теоретич. несостоятельности прежних идеол. форм борьбы против разума и, с другой, — симптомом того, что прежняя борьба разворачивается теперь в иной плоскости. Если традиционн-мифол. сознание и религ. мистицизм выступали как «внешние» противники рационального мышления, то И. пытается выступить против него «внутри» самой сферы познания, апеллируя уже не к сверхъестественному, но к «иррациональным» силам, тающим якобы в самом человеке. В свое время научно ориентированное мышление одержало решительные победы над мифологией, суеверием и мистицизмом, подвергнув их рационалистич. критике. Теперь И. выступает с претензией доказать, что в «тайниках» человека, духа — под тонким слоем логич. мышления — дремлют иррац. силы, определяющие это мышление и превращающие его в нечто вроде «рационализированной» мифологии или «рациональной» мистики. Те силы, с к-рыми человек, разум боролся на протяжении многовековой истории своего поступательного развития, И. пытается «обнаружить» теперь в самом разуме, в его «мистич. глубинах».

Классовые и гносеол. ист. источники И. Представляя собой идеол. явление капиталистич. общества, совр. И. возникает на определ. этапе развития бурж. общественно-экономич. формации — в тех условиях, когда борьба поднимающейся буржуазии против феодализма и его идеологии перевалила через свою кульминац. точку. Еще не успела буржуазия насладиться победой над феодализмом во франц. революции, да и сама революция не успела еще завершиться, как стали обнаруживаться противоречия в самом бурж. обществе, в самом бурж. сознании. Ход и исход франц. бурж. революции резко обнажили социальную сущность просветительского рационализма и его исторически обусловленные границы. Эта революция подвергла тягчайшим испытаниям бурж. рассудок: каждый шаг революции грубо пошарил то, что предписывалось ей отвлеченными правилами просветительских морали и рассудка. Поскольку же этот последний выступал как господствующая форма рационализма, реакция против ограниченности этого рассудка с неизбежностью должна была породить возможность иррационалистич. выводов. Однако для того, чтобы эта возможность И. превратилась в постоянно воспроизводимую тенденцию бурж. сознания, необходимо, чтобы само бурж. общество производило определ. социальные условия, являющиеся питательной средой для произрастания иррационалистич. идеол. продуктов. Развитие капиталистич. общества с необходимостью производит иррационалистич. представления как отражение того обстоятельства, что капитализм вызвал к жизни обществ. силы, к-рые он не в состоянии рационально (планмерно) регулировать и к-рые поэтому проявляются в обществ. катаклизмах (кризисах, войнах и пр.) подобно слепому действующим силам природы. «Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, — эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и

поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 33). Подобно тому как зависимость от «внешней» природы порождала в древнем обществе различного рода мифологич. представления, зависимость людей от результатов их собственной деятельности, обнаруживающаяся все более и более по мере развития бурж. общества, порождает различные формы и разновидности иррационалистич. сознания.

Социологич. механизм возникновения иррационалистич. представлений в условиях бурж. общества впервые материалистически проанализировал Маркс в «Капитале» на примере представлений, относящихся к наиболее важной — экономической — сфере человеческой жизнедеятельности. Эти представления он вывел из явления товарного фетишизма — той специфич. формы, к-рую принимает отчуждение в условиях товарного производства и, в особенности, в условиях капитализма. Товарный фетишизм находит свое выражение в том, что обществ. отношения людей принимают форму свойств вещей (товаров) или самих вещей (денег) и, соответственно этому, сами материальные, чувственные вещи приобретают мистический, «чувственно-сверхчувственный» характер (см. «Капитал», т. 1, 1955, с. 77—90). Все это приводит к такой мистификации капиталистич. способа производства, овеществлению обществ. отношений и непосредств. сращиванию вещей. отношений производства с их исторически-обществ. определенностью, при к-рых бурж. общество выступает как «...завороженный, искаженный и на голову поставленный мир, в котором monsieur le Capital (господин капитал) и madame la Terre (госпожа земля) как социальные характеры и в то же время непосредственно как просто вещи справляют свой шабаш» (там же, т. 3, 1955, с. 843). Эта «вывернутая наизнанку» форма, к-рую принимают обществ. отношения людей на поверхности бурж. общества, и является социальной почвой, питающей иррац. представления о действительности.

В обыденной жизни агенты капиталистич. производства постоянно встречаются «сосуществующими» явления чувственного и «сверхчувственного», «чисто природного» и обществ. порядка, — такие, как, скажем, капитал и процент, земля и рента, труд и заработная плата и т. д. Их постоянное сосуществование и определ. последовательность приучают связывать эти явления друг с другом и даже «выводить» их одно из другого. Эти разнопорядковые явления как бы «обмениваются» характеристич. чертами: специфически обществ. явления истолковываются как «природные», «естественные», а природные предметы наделяются социальными характеристиками, «персонифицируются». Иррациональность формы, к-рую принимают в голове агентов капиталистич. производства их собственные обществ. отношения, является отражением того, что на поверхности бурж. общества различные элементы этих отношений выступают: во-первых, в своей крайней обособленности от обществ. целого и друг от друга; во-вторых, в виде таких формообразований, к-рые не несут на себе уже никаких следов своего действит. происхождения, полностью утратили те многочисл. превращения и опосредствования, к-рые обусловили их историч. генезис и развитие; в-третьих, каждый из них приобретает свой собственный, относительно самостоятельный «эпизод» развития, а все они вместе — в силу диалектич. «перевертывания» основания и следствия, характеризующего развитие целое в отличие от становящегося, — располагаются в порядке, обратном их реальному отношению (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, с. 406—07, 792—93, 840—43; Теории прибавочной стоимости, ч. 3, 1961, с. 429, 463, 466, 471, 490—91, 496—97, 501). Причем, — и это здесь самое важное, — как раз в той мере, в какой любой

элемент обществ. отношений обособляется от обществ. целого, отрывается от своего реального содержания, приобретает относительно самостоятельный путь движения, — осуществляется диаметрально противоположный процесс: на место действительно утрачиваемых и просто затушевываемых обществ. связей вступает видимость «естественной» («природной») связи, на место утрачиваемого и просто затушевываемого обществ. содержания — иллюзия «вещественного» («предметного») содержания, на место утрачиваемой и просто затушевываемой обществ. деятельности — фиктивная «жизнь» самой вещи: «Именно в этой совершенно отчужденной форме прибыли и в той мере, в какой форма прибыли прячет свое внутреннее ядро, капитал все больше и больше приобретает вещный облик, все больше из отношения превращается в вещь, но такую вещь, которая содержит в себе, проглотила в себя общественное отношение, — в вещь, обладающую фиктивной жизнью и самостоятельностью, вступающую в отношение с самой собой, в чувственно-сверхчувственное существо... И в этой именно форме он живет в сознании его носителей, капиталистов, отражается в их представлениях» (Маркс К., Теории прибавочной стоимости, ч. 3, с. 460).

В марксовом освещении сущности иррационального особенно важен акцент на его объективной стороне. Иррациональное отнюдь не есть «чистый фантом» человеческого сознания. Наоборот: оно только потому и воспроизводится сознанием, что до него и независимо от него это иррациональное выступило как характеристика определ. черт самой действительности — тех объективных форм, в к-рых — на поверхности бурж. общества — выступают (в своей обособленности) отд. элементы капиталистич. производственных отношений (см. «Капитал», т. 3, с. 406, 791, 843—44; «Теории прибавочной стоимости», ч. 3, с. 456, 497, 501). И здесь, при рассмотрении объективности иррационального, применим тот же самый подход, к-рый свойствен — Ленину при исследовании объективности видимости кажимости (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 112—14). Иррациональные формы, в виде к-рых обособленные и оторванные друг от друга элементы бурж. обществ. отношений выступают на поверхности капиталистич. общества, образуют ту жизненную среду, из к-рой исходят импульсы, побуждающие к деятельности агентов капиталистич. производства. Причем именно иррациональность этих форм делает их активным элементом механизма капиталистич. воспроизводства, необходимым посредствующим звеном в его функционировании (см. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. 3, с. 490—91).

«...До опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум пискливо не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречно, для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, отчужденных от внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они также чувствуют себя дома, как рыба в воде» (Маркс К., Капитал, т. 3, с. 792). В этой атмосфере и возникают представления, получающие прочность предрассудков, мыслительных стереотипов, к-рые, по сути дела, представляют собой мистификацию, извращение реальных отношений, хотя и «оправдываются» в практике обыденной жизни, позволяя более или менее удовлетворительно ориентироваться в ней, обеспечивают «успех». Возникает целый мир обыденных представлений, иррациональных по своему действит. содержанию, ибо они — мыслительный

оттиск иррациональных форм и моментов самой действительности: «Та извращенная форма, в которой выражается действительно существующее извращение, естественным образом воспроизводится в представленных агентах этого способа производства. Это — особого рода фикция без фантазии, религия вульгарного обывателя» (Маркс К., Теория прибавочной стоимости, ч. 3, с. 429).

В отношении природы этих иррационалистич. представлений можно поступить двояким образом. Либо эти представления подвергаются научному анализу: выясняется, отражением каких моментов самой капиталистич. действительности они являются и какое место занимают сами эти моменты в системе производств. отношений капитализма; затем эти представления заново «выводятся» из реальных условий капиталистич. обществ. формации и тем самым получают свое рациональное объяснение как иррационалистич. представления агентов капиталистич. производства, вследствие чего осуществляется разложение их иррационалистич. сути. Либо они просто-напросто берутся как нечто данное и не требующее анализа по содержанию и подвергаются чисто формальному «упорядочиванию»; в данном случае не может быть никакой речи об их внутренней связи: эта связь навязывается им «сверху», с помощью анелляции к формально-логич. принципу «запрета противоречия» как абсолютному постулату разума. На первый путь встала действительная наука — классич. политич. экономия, вторым пошла позитивистская пародия на нее — вульгарная политэкономия.

«Великая заслуга классической экономии, — пишет Маркс, — заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и заострение различных общественных элементов богатства один в отношении другого, эту персонафикацию вещей и овеществление отношений производства, эту религию повседневной жизни... Однако даже лучшие из её представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром видимости, который они критически разрушили, и потому все в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половичатость и неразрешимые противоречия» («Капитал», т. 3, с. 843—844). Осуществить в полной мере дело, начатое классич. политич. экономией, предстояло уже мыслителю, вставшему на точку зрения пролетариата, на почве тех обществ. сил, к-рые своей борьбой в действительности разрушили этот «мир видимости». Вот почему именно Маркс явился подлинным наследником Смита и Рикардо. Что же касается бурж. экономич. науки, то здесь место классич. политэкономии заступила вульгарная политэкономия, к-рая оказалась ненаучной именно потому, что она ограничивалась формальным «упорядочиванием» иррациональных по своему содержанию представлений там, где был необходим их содержательный анализ. «Позитивизм» вульгарной политэкономии, к-рая считает «метафизикой» науч. стремление проникнуть во внутр. связи капиталистич. производства, выйти за пределы «эмпирически данного», — т. е. за пределы «мира видимости», — оказывается на поверку лишь флером, прикрывающим с помощью формально-логич. ухищрений чисто иррац. содержание (см. там же).

В аналогичном положении находится и бурж. философия: здесь точно так же позитивизм (и позитивизм) в своем стремлении к «чисто формальному упорядочиванию» понятий и категорий при отказе от их содержания, анализа затушевывает их иррац. содержание, поскольку это содержание действительно проникло в понятия и категории, к-рыми оперирует ныне бурж. филос. сознание. Это последнее обстоятельство

приводит к своеобразному парадоксу: именно те бурж. философы, к-рые, следуя многовековой филос. традиции, делают предпосылкой своей теоретич. работы попытку содержания анализа тех понятий и категорий, какими им приходится оперировать, оказываются наиболее подверженными иррационалистич. влияниям. И это не случайно: подобно тому как анализ понятий вульгарной политэкономии, — осуществленный на почве бурж. общества и с его позиций, — может привести лишь к обнаружению иррац. содержания, в них выраженного, но не даст выхода к более высокой точке зрения, точно так же и анализ понятий совр. бурж. философии, — если проводить его с этих же позиций, — может привести лишь к иррационалистич. выводам: он обнаружит лишь, что их предметное содержание иррационально. Да и как же иначе? Ведь иррациональность — характерная черта, по словам Маркса, того «мира видимости», «извращенного мира», «мира панзпанку», «завороженного мира», на почве к-рой стоит и к-рую резюмирует совр. бурж. философия. По этой же причине совр. бурж. философы столь часто «вдруг обнаруживают» иррациональность и в традиционных филос. категориях; анализируя их, эти философы невольно подсовывают в их содержание, заимствованное из их собственного «завороженного мира».

Все это означает, что рационально проанализировать понятия совр. бурж. философии, выведя и развив их из реальных условий совр. бурж. общества, — а это будет одновременно разложением данных понятий, — можно лишь с позиций тех обществ. сил, к-рые борются против капитализма и являются носителями новой действительности — коммунистич. отношений между людьми.

Кроме общих социологич. причин, вызывающих к жизни иррационалистич. представления в условиях развитого бурж. общества, социальными источниками И. являются также специфич. условия духовного производства, и прежде всего науки, характерные для капитализма. Эти условия связаны с той крайне антагонистич. формой, в к-рую выливается разделение труда, в частности взаимоотношение между умственным и физич. трудом при капитализме (см. там же, т. 1, с. 369). Противоположность между духовным и материальным производством воспроизводится здесь в виде социального антагонизма между бурж. интеллигенцией, осуществляющей монополию своих хозяев — капиталистов — на науку, с одной стороны, и пролетариями, насильственно ввергнутыми в варварство и одиночество, оторванными от достижений науки и культуры, — с другой. В конечном счете такое положение приводит к тому, что по отношению к трудящемуся, — «подвергнувшемуся опустошению» и исчезающему «...как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой...» (там же, с. 429), — наука и научно ориентированный разум вообще выступают как непонятная, чуждая, даже враждебная «иррациональная» сила.

Что же касается самих активных агентов духовного производства — бурж. интеллигентов, то и на их отношении к науке и рациональному мышлению накладывает свою печать антагонистич. социальная форма разделения труда при капитализме, проявляющаяся в прогрессирующей специализации научного производства, в крайнем обособлении отд. областей науки друг от друга. Общеизвестно неоднократно приводимое Энгельсом замечание Вирхова о том, что «...каждый естествоиспытатель вне своей собственной специальности является... только полужнайкой, vulgo (попросту говоря) профаном» («Диалектика природы», 1955, с. 21). Роковые последствия этого обстоятельства состоят именно в том, что единый предмет естествознания — природа — предстает в сознании есте-

ствoisпытателей раздробленным на бесчисленное (и все возрастающее) множество аспектов, связь к-рых выпадает из поля зрения ученых, не улавливается ими и порой предстает даже рационально неосуществимой. Это обстоятельство не может не отразиться и на самом содержании обособившихся друг от друга отраслей науки: ее непрерывная дифференциация, выступающая на поверхности (и в сознании ученых) как содержательное углубление в предмет, сплошь и рядом оборачивается крайним формализмом научного знания и утратой истинного понимания его реального содержания. В физике или химии часто создается положение, когда уже после того как создан сложный и разветвленный формальный аппарат теории, приходится вести многолетнюю работу по ее содержательной интерпретации. А ведь эта работа есть не что иное, как поиски реального предмета, теория к-рого уже создана. И необходимость такой особой работы по интерпретации — очевидное свидетельство того, что на какой-то промежуток времени отрасль науки утратила реальную связь со своим предметом, выступила как «чисто формальная» теория, не знающая своего собств. содержания. Опыт развития совр. науки, к-рой приходится время от времени расплачиваться за утерю связи со своим реальным предметом, свидетельствует о том, что подобная формализация — не столько результат имманентной логики развития науч. знания, сколько результат такой формы разделения труда в науке, когда на долю одних ученых падает создание формального теоретич. аппарата науки, а на долю других — материальная, предметная интерпретация этой теории, осуществляемая в системе экспериментов.

Между тем именно такое обособление теоретич. деятельности в науке от содержательной, экспериментирующей приводит к выхолащиванию самого понятия научно-теоретич. мышления, к превращению его в способ формального конструирования, вид «мыслительной техники». Т. о., само развитие научно ориентированного мышления под влиянием антагонистич. характера разделения труда в науке приводит к ограниченному, формальному пониманию рационального мышления. При таком его понимании задача научно-теоретич. мышления — привести «... в правильную связь между собой отдельные области знания» (там же, с. 22) — представляется принципиально неразрешимой рациональным путем, без привлечения «иррациональных» способностей. И объективная потребность в диалектике зачастую выступает в специализированном сознании естествоиспытателей как потребность в «иррациональном».

Ограниченное понимание науч. мышления, воспроизводимое антагонистич. формой специализации в науке, смыкается с узким, абстрактным и формальным пониманием разума бурж. просветителями, к-рое отражало ограниченность бурж. понимания человека и отвлеченность бурж. идеалов свободы, равенства и братства. В этих условиях И. как реакция на бурж. рационализм обнаруживает предел. двойственность: с одной стороны, он выступает как констатация ограниченности бурж. понимания разума и бурж. рационализма (или как неосознанный симптом этой ограниченности), с другой — как сознательная или неосознанная спекуляция на этой ограниченности для обоснования совр. реакц. идеологии. С одной стороны, И. выступает как «поиск» более высокой, чем ограниченный бурж. «рассудок», формы научно-теоретич. мышления. С др. стороны, И. — это иногда неосознанная, но чаще всего совершенно сознательная борьба против диалектич. формы научно-теоретич. мышления, к-рая (после возникновения марксизма) все чаще выступает как борьба против материалистич. диалектики.

Классификация разновидностей И. Можно выделить три осн. группы иррационалистич. концепций и школ, среди к-рых: а) первая связана гл. обр. с констатацией ограниченности бурж.-просветительского «рассудка» и попытками вырваться за его пределы; б) вторая связана с реакцией на гегелевскую диалектику и — что является в данном случае производным моментом — с констатацией ограниченности идеалистич. способа обоснования рационализма вообще; в) третья связана в основном с реакцией на марксизм, истолковывающий материалистически преобразованную диалектику как единственно научную логику теоретич. мышления вообще.

Эта классификация фиксирует лишь основные тенденции рассматриваемого явления. Важно учесть, что для более поздних разновидностей И. специфична, как правило, свособразная «подмена тезиса», когда при аргументации против диалектич. мышления на место последнего в качестве осн. объекта критики подсовывается метафизич., «рассудочное» мышление. Когда же представители совр. И. пытаются критиковать наиболее совершенную форму диалектич. мышления — материалистич. диалектику, то, как правило, на ее место они подставляют идеалистич. конструкцию Гегеля и критику гегелевского панлогизма выдают за критику диалектико-материалистич. логики. Это обстоятельство уявляет подлинное содержание и действительную тенденцию двух последних групп в составе И., при рассмотрении к-рых традиционную аргументацию против ограниченности метафизич. способа мышления, равно как и против идеализма гегелевской диалектики, следует строго отличать от выводов, неправомерно экстраполируемых на рациональное мышление вообще и материалистич. диалектику как логику научно-теоретич. мышления.

Особые трудности для классификации представляет первая группа иррационалистич. школ и концепций. Эти трудности связаны с необходимостью отличать И. вообще как предел. учение, развиваемое в лоне философии и из собственно филос. предпосылок, от его предшественников, напр. таких, как Паскаль и Гамав. Хотя первый из них остро полемизировал против франц. просветительского рационализма еще в пору его становления, а второй выступал не только против зрелой формы рационализма у франц. и нем. просветителей, но и против рационализма в том виде, как он трансформировался у Канта, ни тот, ни другой не являются представителями И. в точном смысле этого слова. Во-первых, И. представлен в их теоретич. построениях не в виде учения, а в виде отд. элементов и мотивов; во-вторых, эти иррационалистич. элементы и мотивы представляют собой заимствования из религии, рудименты религ. сознания в составе филос. знания и не имеют еще специфич. филос. содержания; в-третьих, они еще не представляют собой решения собственно филос. проблем, оставаясь и внутри филос. построений решением заданной теологией проблемы отношения веры и знания (см., напр., сочинение Паскаля «Божественное происхождение христианской религии», в особенности гл. 3 — «Разум и вера», в кн.: Н. П-в, «Борьба с лгущей учёностью», СПб, 1871, с. 12—72).

Склонность к теологич. решению проблемы веры и знания и неспособность сформулировать ее в собственно филос. понятиях и категориях, не прибегая к религ. представлениям, сближают с Паскалем и Гамавом младшего современника последнего — Якоби. Однако, в отличие от Гамава, Якоби, во-первых, существенно расширяет проблематику отношения веры и знания, шире вводя в нее специфически филос. аспект, и, во-вторых, уже не столько использует философию для решения вопросов, заданных теологией, сколько, наоборот, пользуется религиозно-теологич. пред-

ставлениями в целях решения филос. проблем. Вот почему Якоби можно, — хотя и с большими оговорками и ограничениями, — причислить к филос. предшественникам И. В то же время следует учесть, что религиозно-теологич. ориентированность философов Якоби не позволяет рассматривать его как представителя первой группы И. Для первой группы иррационалистич. школ и концепций характерны, как было сказано, не только констатация ограниченности рационалистич. мышления, но и «поиск», «запрос» к диалектике. Что же касается Якоби, то он целиком посвящает свои рассуждения констатации принципиальной ограниченности всякого рационализма, будь то рационализм Спинозы или Лейбница, Лессинга или Канта, причем все это делается исключительно с целью доказать превосходство веры над разумом, хотя — и это также нельзя упускать из виду — понятия «веры» и «разума» в учении Якоби существенно переосмысливаются. Согласно учению Якоби, всякий последовательный рационализм с неизбежностью ведет к атеизму и фатализму. Т. к. высшее понятие рационального мышления — закон основания (*principium compositionis*), то постичь оно может только обоснованное и обусловленное. А это значит, что для рационального мышления нет ничего необоснованного и необусловленного, т. е. нет ни бога, ни абсолютной свободы. Вот почему тот, кто хочет сохранить для человечества бога и свободу, должен, по Якоби, бороться со всеми проявлениями рационализма, разоблачая несостоятельность логич. мышления, к-рое, согласно Якоби, не может обосновать, доказать даже простого факта существования внешнего мира, в т. ч. и нашего собств. тела. О том, что вне нас есть другие тела и другие мыслящие существа, как и о том, что мы имеем тело, нам говорит только вера — «чувственная вера», к-рая с необходимостью ведет к вере в откровение и даже обусловливается ею. Ведь «откровенное» бытие нашей «чувственной веры» предполагает «бытие открывающееся» — силу творческую, порождающую бытие; а таковой может быть только дух, как причина всякого бытия и всякого откровения — бог. Из этого, в свою очередь, следует, что «чувственная вера», ориентированная божеств. откровением, представляет собой гораздо более высокое знание, чем знание, получаемое с помощью рационального мышления, ибо она — и только она — дает знание истинной «необоснованной основы» бытия.

Оставаясь в пределах проблематики веры и знания, Якоби предвосхитил в самых общих контурах ту эволюцию И., к-рую Шеллинг — типичный представитель первой группы в И. — совершил уже вне религиозно-теологич. проблематики, в собственно филос. сфере. И хотя Шеллинг в своем филос. развитии отталкивался от воззрений теоретич. оппонентов Якоби — Канта и Фихте, иррационалистич. тенденция его филос. эволюции привела к тому, что альфой и омегой шеллинговского И. явились два главных момента философии Якоби: 1) усмотрение несостоятельности логич. мышления в том, что оно может постичь только обоснованное и обусловленное, и 2) выведение необходимости божеств. откровения из беспомощности логич. мышления дедуцировать эмпирически-чувственное бытие.

В отличие от своего учителя Фихте, у к-рого иррационалистич. посылки были своеобразным выражением примата этич. сознания над научно-теоретич. мышлением, молодой Шеллинг акцентирует на этих посылках, как на необходимом структурном моменте филос. построения. Еще не эманипировавшееся от этич. содержания фихтеанское понятие свободы принимает у Шеллинга специфически филос. смысл и значение: оно становится в один ряд с такими логич. категориями, как «система», «понятие», «демонстра-

ция», «доказательство» и пр. А вместе с этим иррациональный момент все чаще включается как равноправный в самый ход теоретич. рассуждения. Отожествив рационально резюмируемое в логич. понятиях с «обусловленным», «несвободным» и даже «овеществленным», Шеллинг противопоставляет всему этому «чистое Я», истолкованное в качестве рационально необъективируемой сферы — сферы подлинной свободы и необъективируемости, к-рая «...никогда не может быть вещью, доступной объективному определению» («Филос. письма о догматизме и критицизме», в сб.: «Новые идеи в философии», № 12, СПб, 1914, с. 100, прим.). Единств. способом постижения этой иррациональной сферы, способом проникновения в нее он считал иррациональное «интеллектуальное созерцание», понятое как «непосредственный опыт в самом узком смысле этого слова, опыт, «созданный нами самими и независимо ни от какой объективной причинности», «направленный на жизнь и существование» (там же, с. 98—99). Нельзя не увидеть поразительной близости между применяемой здесь терминологией молодого Шеллинга и терминологией экзистенциализма. Причем Шеллинг, подобно Кьеркегору и совр. экзистенциалистам, усматривает в «необъективируемости» интимного «опыта» субъекта о себе самую гарантию его свободы. Однако эта точка зрения была лишь одним из ранних моментов в филос. эволюции Шеллинга; логика идейного развития толкала его в направлении объективного идеализма. В период создания Шеллингом «философии тождества» природа и «Я» («интеллигенция»), «объективное» и «субъективное», «представляемое» и «представляющее», «бессознательное» и «сознательное» как бы уравниваются в составе человек. знания, и это их «равноправие» закрепляется в тезисе об «исконной тождественности сознательной и бессознательной деятельности» (см. «Система трансцендентального идеализма», Л., 1936, с. 5). «Мир человеческого знания» теряет теперь последние остатки субъективности, ибо сам «субъект» («чистое Я») превратился в универсальный: он «...вобрал в себя всё возможное позитивное содержание...» (Энгельс Ф., Шеллинг и откровение, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, 1956, с. 417).

Но коль скоро этот «объективный» (или «абсолютный») «субъект-объект» был выдвинут в качестве исходного пункта филос. построения, возникла проблема его логич. обоснования, его рационального доказательства. Т. к. у Шеллинга речь шла теперь о таком «субъекте», к-рый провозглашался одновременно всеобщей основой универсума — универсальным субъектом», философ лишал себя права ссылаться на чисто субъективное, интимно-личное и индивидуально-неповторимое «интеллектуальное созерцание». Само постулирование «абсолютного тождества» субъекта и объекта было, по сути дела, выдвижением чисто логич. задачи: задачи объективного выведения из этого тождества всего действительного многообразия мира. Это была задача логич. развертывания «абсолютного тождества», задача перехода на почву диалектич. мышления, ибо вся она концентрировалась в совершенно абсурдной с т. зр. формальной логики проблеме: как вывести из тождества различие. И перед лицом этой задачи Шеллинг отступил. Поскольку процесс возникновения различия из тождества, многообразия из единства был признан Шеллингом неосуществимым рационально, он вынужден был постулировать существование некоего иррационального «творческого акта». И единственным способом его постижения была признана опять-таки иррациональная «интеллектуальная интуиция», как такая деятельность постижения, к-рая «конгенитальна» этому творч. акту, ибо, как и он, представляет собой единство соз-

нательной и бессознательной деятельности. Т. о., рассудочное мышление потерпело крах, столкнувшись с проблемой гегелевизма в ее самом общем виде, а для Шеллинга это означало крушение рационального мышления вообще. Уразумев принципиальную ограниченность имевшейся в его распоряжении рассудочной логики, он стал искать пути преодоления этой ограниченности за пределами рационального мышления.

Делая сущностью «абсолютного» иррациональный «творческий акт», Шеллинг сначала не осознавал, что уже тем самым он дает определ. трактовку этого «абсолютного» по содержанию. Ведь роль скоро осн. акция «абсолютного» — порождение действит. многообразия мира — иррациональна и невыразима в аппарате логич. понятий, то, следовательно, в составе самого этого «абсолютного» отдастся предпочтение иррациональному перед рациональным, «бессознательному» перед «сознательным». А это значит, что достигнутое «равновесие» между первым и вторым существенно нарушается и «тождество» мышления и бытия, субъекта и объекта оказывается пустой фразой. Этот вывод, «имплицитно» содержащийся уже в «философии тождества», Шеллинг осознает в полной мере лишь неск. десятилетий спустя, — в тот период, когда он снова перерабатывает свою систему, стремясь противопоставить ее гегелевскому «панлогизму». В этот последний период шеллинговская конструкция, освободившись от старой формы «философии тождества», приобретает форму «философии откровения»: ее подлинным смыслом и содержанием становится отныне реакция на гегелевскую форму рационализма.

Но это последнее обстоятельство делает необходимым отнесение шеллинговской «философии откровения» ко второй группе в составе И.

В этой группе, в свою очередь, существенно различаются три разновидности И.: 1) объективно-идеалистическая, представленная поздним Шеллингом, Шопенгауэром и Э. Гартманом; 2) субъективно-идеалистическая, представленная Кьеркегором; 3) реалистическая, представленная Ницше и Дильтейем (т. н. философия жизни), Бергсоном и основоположниками прагматизма — Пирсом и Джемсом.

Особенность первой разновидности состоит в том, что в общем она не выходит — ни по содержанию, ни по форме — за пределы проблематики и понятий нем. идеалистич. философии. Способ аргументации также во многом остается традиционным. Здесь определяющим оказывается влияние иррационализма Шеллинга и его запоздалой полемики с Гегелем.

Свой осн. удар Шеллинг направляет теперь против выдвинутого им же самим — и разработанного далее Гегелем — принципа «тождества» субъекта и объекта. Шеллинг утверждает, что никогда не имел в виду доказывать «существование» «абсолютного тождества», ибо, оставаясь в сфере чистого мышления, нельзя говорить ни о каком бытии вне этой сферы. Потому самое большее, на что он всегда претендовал, это филос. рассмотрение «чистой потенции бытия», к-рая только и существует в мышлении; реального же бытия там нет.

Здесь стрела шеллинговской критики попадает прямо в «ахиллесову пятю» гегелевской философии, да и не только гегелевской. Это — удар по идеалистически трактуемому «тождеству» мышления и бытия, с т. зр. к-рого действительное материальное бытие считается имманентно присутствующим мышлению, идеальному как таковому.

Но критика эта была осуществлена не с позиций материализма, а с т. зр. бесконечно более мелкой, чем гегелевская, формы идеализма. В качестве «неимманентного» мышлению бытия, к-рое следует мыслить как первичное, как недоказуемую предпосылку всякого философствования, Шеллинг выдвигает своеоб-

разно толкуемое бытие бога. И потому, когда Шеллинг настаивает на том, что действительным доказательством бытия (существования) может быть только «опыт», он имеет в виду тот «мистич. опыт», с помощью к-рого постигается бытие божье — т. е. откровение.

В качестве недоказуемого и необосновываемого бытия бог существует первоначально как нечто «слепое сущее», как «темная, бессознательная воля», в к-рой нет никакого другого бытия, «кроме хотения» (см. В. Виндельбанд, История новой философии, т. 2, СПб, 1905, с. 283). Из этой «бессознательной», но уже божественной воли Шеллинг выводит затем и самого бога, и последующее построение принимает уже чисто теософич. форму.

Идеализм, даже на высшей точке своего развития, оказывается не в состоянии решить коренную проблему философии — проблему взаимоотношения мышления и бытия. И своеобразной «местью» за эту неспособность оказывается И.

Из всех известных форм и разновидностей И. шеллинговская оказалась наиболее содержательной. По сравнению с ней иррационализм Шопенгауэра был эпигонским, хотя он выступил против Гегеля со своим иррационалистич. построением гораздо раньше, чем окончательно откристаллизовался последний этап в эволюции Шеллинга.

Шопенгауэровская система была целиком сконструирована из материала понятий, разработанных Кантом, Фихте и Шеллингом. Отличие его воззрений сказывается лишь в акцентах и оттенках, к-рые он придает этим понятиям. Так, понятие воли — центральное понятие шопенгауэровского И. — получает некий биологич. оттенок и рассматривается как изначальный жизненный импульс. Обособив «волю» от всякой связи с этич. началом и отдав ее во власть «биологич.» стихий, Шопенгауэр положил начало биологизации этого понятия. В шопенгауэровском И. с особой силой и отчетливостью проявилось характерное для И. сочетание иррационалистич. посылок с деревянным формализмом рассудочного мышления. Однако допущение в иррац. построение даже столь ограниченного и выхолощенного элемента, каким является формально-логически истолкованное мышление, не может не приводить И. к противоречию с самим собой. Это противоречие раскалывает все теоретич. построение простым вопросом: как могло получиться, что мир — это явление иррациональной воли, к-рая «желает только себя», — оказался подчиненным закону «А = А», и как вообще возникло рациональное мышление?

Стремление построить такую иррационалистич. систему, к-рая позволила бы разрешить эту проблему, составляет пафос философствования Э. Гартмана. Эпигонский характер его системы выражается гл. обр. в том, что она подчинена не столько целям решения какой бы то ни было реальной проблемы, сколько совершенно формально поставленной задаче: «примирить» гегелевский «панлогизм» и шопенгауэровский «паналогизм», иррациональность шеллинговско-шопенгауэровской воли и рациональность гегелевского абсолюта, шопенгауэровский пессимизм и лейбницевски-вольфовский оптимизм. Причем это «примирение» получает в конструкции Э. Гартмана совершенно искусственный, а порой и чисто словесный характер.

Для философии Гартмана характерна дальнейшая биологизация понятия воли. «Воля к жизни» — осн. понятие гартмановской философии — получает черты, роднящие его с понятием «энтелехии», «жизненной силы» виталистов и пр. В истолковании этого понятия уже вполне определенно чувствуется реакция на дарвинизм, стремление дать иррационалистич. истолкование проблемам, к-рые поставило перед филос. мыслью учение Дарвина.

С другой стороны, в гартмановских рассуждениях особенно явственно ощущается постоянная полемика против материалистич. тенденций в совр. ему психологии. Именно благодаря «посредничеству» Гартмана в психологию проникло иррационалистически истолкованное понятие «бессознательного». В учении об «абсолютно бессознательной психической деятельности» создан целый арсенал иррационалистич. понятий и дефиниций, вошедших затем в иррационалистич., в особенности фрейдистскую (см. *Фрейдизм*), психологию (см. Э. Гартман, К понятию бессознательного, в сб.: «Новые идеи в философии», № 15, СПб, 1914, с. 1—23). Э. Гартман замыкает объективно-идеалистич. разновидность И., разившуюся в качестве реакции на гегелевский рационализм.

Другим результатом непосредств. полемики с нем. идеализмом, в особенности с Гегелем, явилась основанная Кьеркегором субъективно-идеалистич. разновидность И.

Сам Кьеркегор рассматривал свои воззрения как реакцию на гегелевскую философию. Он противопоставлял гегелевской диалектике, к-рую называл «количественной», свою «качественную», «экзистенциальную» диалектику. Особенностью этой диалектики он считал то, что она имеет дело с «необъективируемыми», интимно-личными переживаниями индивида, к-рые принципиально непостижимы с помощью объективного и рационального анализа.

С этой позиции Кьеркегор бросает открытый вызов гегелевскому рационализму. Он утверждает, что апелляция Гегеля к разуму не дала возможности освободиться от власти истории над отд. личностью. Более того, она способствовала чудовищному усилению этой власти, грозящей окончательно уничтожить свободу личности. По Кьеркегору, именно последовательно проведенная гегелевская «рефлексия» свидетельствует о том, что с ее помощью мы не сможем обрести внутренней свободы. После Гегеля уже недостаточно возвратиться к «критическому и научному разуму»; теперь человек должен «возвратиться в себя» — вплоть до последней границы, на к-рой становится «видимой» изначальная человеческая ситуация. Даже в своем религиозном сознании он далеко не всегда оказывается внутренне свободным. Поэтому Кьеркегор требует, чтобы человек снова научился проводить «религиозное различие» между религией как формой внутр. чувства и религией как объективным образованием и разоблачать «мнимую объективность» последнего, делать его «видимым» как принципиально необъективируемый «акт свободы» (см. W. Anz, Kierkegaard und der deutsche Idealismus, Tübingen, 1956).

Утверждение о принципиальной необъективируемости (и потому непостижимости рациональными средствами) «изначального акта» «человеческой свободы», рефреном проходящее через все построение Кьеркегора, немногим отличается от приведенных выше рассуждений юного Шеллинга. Но то, что Шеллинг пережил как свою «детскую болезнь», стало хронич. недугом Кьеркегора и отправляющихся от него совр. экзистенциалистов.

Кьеркегор не оказал сколько-нибудь заметного влияния на философию 19 в. И это не случайно: слишком уж памяты были тогда те филос. системы, из к-рых этот мыслитель заимствовал целый ряд своих принципиальных положений. По этой причине линия развития И. в 19 в. от Э. Гартмана ведет непосредственно к Ницше. Последний оказал влияние не столько содержанием своей философии, сколько ее формой: самой манерой философствования. Быть может, не столько теоретически, сколько интуитивно, Ницше почувствовал: если философ как к высшему и последнему авторитету вызывает к иррациональной стихии, а не к разуму, он не имеет права излагать свои идеи

в строго разработанной логич. форме. Если он верит в иррациональное начало мира и человека и хочет убедить в этом публику, то и формой изложения своих идей он должен взывать именно к этому началу. Это было фактич. признанием того, что в иррационалистич. построениях философия перестает быть наукой, возвращаясь к тем временам, когда она была просто «любовью к мудрости». Это была подлинная «эмансипация» И.: он получил свой собств. язык — язык страстей и эмоций, язык пророчеств и образов, язык иносказаний, символов и аллегорий. Вместе с разложением филос. формы в нищезанстве происходит дальнейшее разложение философии по содержанию. «Эмансипируясь» от определенности филос. понятий и категорий, И. вместе с тем утрачивает интерес к целому ряду логико-гносеологич. проблем, составляющих специфич. содержание философии. Нищезанская философия хочет быть «мудростью вообще», не связанной ни с какой филос. традицией, черпающей свои проблемы и свое содержание «непосредственно из жизни»; она желает быть «философией жизни». Однако общим итогом борьбы Ницше с филос. традицией была не столько эмансипация от традиционных филос. категорий, сколько релятивизация их. И если уж говорить о том специфическом, что характеризует форму И., созданную Ницше, так это именно сочетание И. с релятивизмом. Ницше был первым, кто открыл для И. страну неогранич. возможностей, таящуюся в филос. релятивизме.

Нищезанский релятивизм находит свое развитие у предшественней направления, к-рое получило название «философии жизни», — у Дильтея, Бергсона и их последователей. В дильтеевском изложении «философия жизни» получила более определен. форму, чем у Ницше, и смогла поэтому конституироваться в «школу», к-рая вышла за пределы собственно философии: к ней принадлежали и историки культуры (Трельч, Шпенглер), и социологи (Зиммель). В своем гл. русле она имела характер «историзирующей философии» и «философствующей истории». Однако от нее же берет начало и «биологизирующая» философия жизни (Клагес), правда, это ее ответвление сложилось уже не без влияния Бергсона. «Философия жизни» послужила также одним из истоков т. н. национал-социалистич. (фашистского) мировоззрения (Юнгер, Боймлер, Крик и Розенберг). Определ. влияние она оказала на иррац. тенденцию в рус. бурж. философии (Бердяев, Шестов, Степун).

Характеристика «философии жизни» как целого течения выявляет определен. трудности периодизации И., к-рые обнаруживаются также и при анализе экзистенциализма, бергсонизма и прагматизма. Дело в том, что эти течения имели в своем развитии два этапа: первый проходит под знаком полемики с гегелевской формой рационализма (прагматизму пришлось иметь с ним дело через «вторые руки»: в Англии и Америке гегельянство в нач. 20 в. выступало в форме «абсолютного идеализма» Брэдли, Ройса и др.), второй этап отмечен все возрастающей реакцией на диалектич. материализм. Поэтому, если, напр., один из основоположников прагматизма, Джемс, в качестве своих осн. оппонентов постоянно имел в виду англо-амер. гегельянцев, то прагматист Дьюи, осн. период филос. деятельности к-рого приходится уже на 20 в., вел борьбу гл. обр. с марксизмом (см., напр., Ю. К. Мельвил, Прагматизм — философия субъективного идеализма, в сб.: «Современный субъективный идеализм», 1957, с. 38—139). Подобным же образом отличаются идеи Кьеркегора от воззрений совр. экзистенциалистов — Хейдеггера и Ясперса, Сартра и Камю, Валя и Марселя; идеи Ницше и отчасти Дильтея — от восходящих к ним концепций Шпенглера, Шпрангера, Фрейера и др.; идеи Бергсона — от построений

позднейших бергсонянцев — Леруа, «католич. модерниста» Блонделя. Для всех этих течений (в силу неформальности и эклектизма их филос. предпосылок) характерно сильнейшее взаимовлияние. Напр., совр. экзистенциализм нельзя понять только из посылок Кьеркегора, не учитывая огромной роли, к-рую сыграла в его окончательном оформлении «философия жизни», а также известного влияния нек-рых идей Бергсона (в особенности — на франц. экзистенциалистов). Все это позволяет говорить о совр. экзистенциализме, совр. прагматизме, а также о «философии жизни» и бергсонизме, какими они выступили в 20 в., как о филос. образованиях, в известном смысле самостоятельных (по отношению к их историч. идейным истокам), и отнести их к третьей группе И.

К этой же группе относится и рус. И., к-рый, как видно на примере Бердяева, Шестова, Степуна, Лосского, с самого начала формировался как откровенная реакция на марксизм и пролетарское движение в России. И то обстоятельство, что почти все представители рус. И. оказались в белой эмиграции, вполне соответствовало социальной тенденции их философствования.

Вполне определенно прослеживается реакция на марксизм и в неогегельянстве. Здесь она, как правило, выступала в форме иррационалистич. «переосмысления» гегелевской диалектики, но эта видимость не могла скрыть того факта, что действительный объект этой иррационалистич. критики — материалистич. диалектика. К тому же время от времени сами бурж. философы-неогегельяны — такие, как Дженittle, Кронер, Глокнер, Ильин, высказывали это с такой же откровенностью, с какой постоянно говорили об этом известные неогегельянские ревизионисты марксизма — Марк и Маркузе (см., напр., R. Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, В., 1931; S. Marc, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Bd 1—2, Tübingen, 1929—31; H. Marcuse, Reason and revolution, Beacon, 1960).

Лит.: Энгельс Ф., Шеллинг о Гегеле, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956; его же, Шеллинг и откровение, там же; его же, Шеллинг — философ во Христе, там же; Квитко Л. Ю., Современная англо-американская философия, М.—Л., 1936 (разд. Прагматизм); Карапетян А., Против иррационализма в философии и искусствоведении, ч. 1, Ер., 1956; Сульженко Г. Д., Французский католический экзистенциализм — философия иррационализма и мистики, в кн.: Совр. субъективный идеализм. Критические очерки, М., 1957, с. 474—526; Ойзерман Т. И., К вопросу о главных течениях современной буржуазной философии, «Вестн. МГУ. Сер. экономика, филос. и права», 1958, № 2, с. 67—78; Кон И. С., Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, М., 1959, гл. 2; Боднар Я., О современной философии США, М., 1959; Кроссер П., Заметки об иррациональности в современной американской мысли, «Вопр. философии», 1960, № 8, с. 88—95; Асеев Ю. А. и Кон И. С., Основные направления буржуазной философии и социологии XX в., Л., 1961; Фишер К., История новой философии, т. 3, СПб., 1905, кн. 3, гл. 8; его же, История новой философии, т. 8, полугол. 2, СПб., 1903, кн. 2, гл. 53; Эбер М., Прагматизм..., СПб., 1911; Лукач Г., Материализация и пролетарское сознание, «Вестн. соц. акад.», 1923, № 4—6; его же, Die Zerstörung der Vernunft, В., 1955; его же, Schicksalswende, В., 1956; Löwith K., Von Hegel zu Nietzsche, Stuttgart, 1950; Lewis J., Marxism and the irrationalists, L., 1955. Ю. Давыдов. Москва.

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ — принципиально недоступное рациональному познанию, несовместимое с разумом и несоизмеримое с его возможностями. Как филос. категория специфична для идеализма и агностицизма. Объективной реальности, соответствующей этой категории, диалектич. материализм не признает. И. нельзя называть явления, к-рые остаются непознанными на данной ступени развития науки и практики или непознаваемы в данных, исторически достигнутых условиях жизнедеятельности людей. См. *Иррационализм*.

ИРРЕАЛЬНОЕ (позднелат. *irrealis* — невещественный, от *in* — частица отрицания и *res* — вещь) —

не существующее в действительности, не соответствующее действительности, идеальное в противоположность реальному. В идеалистич. философии И. — значит «потустороннее», мистическое.

ИСИДА БАЙГАН (Окинага) (1685—1744) — япон. философ-идеалист и экономист. С 1708 изучал буддийскую философию и идеалистич. неоконфуцианскую метафизику, стремясь использовать ее для «упорядочения сердца, семьи и пути горожан». В условиях зарождения япон. буржуазии И. Б. выдвинул теорию, получившую назв. «сингаку» — «учения, основанного на проникновении в свое сердце». Согласно этой теории, объективно направленной против самурайского засилья, все люди равны перед всемогущим владыкой — деньгами. И. Б. пытался этически обосновать предпринимат. деятельность, выдвигал положение о том, что товар и деньги составляют начало и конец всякого философствования. Эти положения И. Б. стремился обосновать на этич. принципе «сэйтэн рэсин» — «врожденной совести», ссылаясь на буддистов и конфуцианцев, а также на установившиеся нормы «морали повседневной практики». Осн. соч. И. Б. «Городам и весям вопросы и ответы» («Тохи мондо»), «Об упорядочении семьи» («Сайкарон»).

Лит.: Радуль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 358—62; Нацуйма Сигаки, Сингаку, дякуган, кокугану (Различные философские учения), «Юбуцурон кансю», 1936, № 7, с. 38—41; Иэнага Сабуро, Нихон дотокю сисоки (История японской этической мысли), 6 изд., Токио, 1958, с. 149. Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

ИСИХАСТЫ (от греч. ἡσυχία — покой) — реакц. филос. и обществ.-политич. группировка в Византии 14 в. Учение И. получило теоретич. обоснование в трудах Григория Синаита, затем вождя И.— Григория Паламы, а также у Николая Кавасилы и др. И. выступали под флагом воинствующего мракобесия, проповедовали уход из жизни, *аскетизм*, признавая единственно возможной формой познания религ.-мистич. созерцание, молитву. И. проповедовали также необходимость забвения личности, полного смирения человека и превращения его в послушное орудие бога. С этих позиций они вели ожесточенную борьбу против передовых течений *византийской философии*, в частности против *варлаамитов*. Идеологи господств. класса феодалов, И. резко выступали против революц.-демократич. движения зилотов, требуя гражданского мира на основе господства визант. феодализма. Победа И. в идеол. борьбе 14 в. затормозила развитие визант. культуры.

Лит.: Успенский Ф. И., Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1891; История философии, т. 1, М., 1957, с. 238; Трахтенберг О. В., Очерки по истории западно-европейской средневековой философии, М., 1957, с. 89; W e g n e r E., Volkstümliche Häretiker oder sozial-politische Reformer», «Wiss. Z. Karl-Marx-Universität Lpz.», 1958, 59, Jg. 8, Gesellschafts- und Sprachwiss. Reihe, H. 1, S. 45—83; сокр. рус. пер. в кн.: Византийский вестник, т. 17, М.—Л., 1960, с. 155—203. Подробную библиографию см. в кн.: Векс Н. Г., Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich, Münch., 1959. Б. Горянов. Ленинград.

ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ СУЖДЕНИЕ, и з ъ е м л ю щ е е с у ж д е н и е (в нематематической формальной логике), — суждение, в к-ром выраженное в нем утверждение или отрицание чего-либо относится ко всему объему логич. подлежащего, исключая нек-рую выделенную и указанную в суждении часть последнего; относительно выделенной части подразумевается справедливость обратного (противоречащего) тому, что высказывается об осн. части логич. подлежащего. И. с. имеет форму: «Все А, за исключением (кроме) В, суть (не суть) С» (напр., «Все рабочие этой бригады, кроме Иванова и Петрова, учатся»), понимаемую в смысле: «В (к-рые суть А) не суть (суть) С, а остальные А суть (не суть) С».

Лит.: Бакрадзе К., Логика, Тб., 1951, с. 208—09; Дроздов А. В., Вопросы классификации суждений, Л., 1956, гл. 3, § 1. Б. Вирюков. Москва.

ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО ЗАКОН — один из важнейших законов формальной логики, состоящий в том, что для всякого высказывания *A* истинно по крайней мере одно из двух: само *A* или его отрицание. Был известен уже Аристотелю. См. *Принцип исключенного третьего*.

ИСКУССТВЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ — классификация, в к-рой расположение понятий в классификац. схеме происходит на основе сходства или различия предметов понятий в несущественных, хотя и собственных, признаках. И. к. часто играет роль начального этапа по отношению к *естественной классификации* и на время заменяет ее, пока не удастся открыть существ. связей объектов. Примером И. к. является ботанич. систематика *Линнея*, основанная на таких признаках, как число и способ соединения тычинок в цветке растений. Термин «И. к.» часто употребляется наряду с термином «вспомогательная классификация», обозначающим такое построение классификац. схемы, при к-ром понятия располагаются по их чисто внешним, но зато легко обозримым признакам. Это облегчает поиск понятий в схеме и обнаружение соответств. предметов. Наиболее распространены вспомогат. классификации на основе алфавитного расположения имен понятий: алфавитные каталоги в библиотеках, расположение фамилий в различных списках и т. д. См. *Классификация* (в формальной логике) и лит. при этой статье.

Б. Якушин, Москва.

ИСКУССТВО (художественное творчество). Содержание:

- I. Определение, сущность и социальная роль искусства 327
- II. Основные категории и проблемы искусства . . . 328
- III. Классификация видов искусства . . . 329
- IV. Закономерности исторического развития искусства 329
- V. Проблемы народности и партийности искусства . . . 330

I. Определение, сущность и социальная роль искусства.

И. — одна из форм обществ. сознания, неотъемлемая составная часть духовной культуры человечества, специфич. род духовного освоения, познания действительности обществ. человеком. Появляясь на самых ранних стадиях развития общества, оно постепенно складывается в могуществ. орудие осознания мира и средство духовного развития людей. Свообразие И. определяется его предметом и содержанием, его социальной функцией, способом отражения действительности.

В ходе развития И. в тесной связи с прогрессом филос. мысли плло теоретич. осмысление его сущности. Уже в антич. обществе была осознана способность И. объективно отражать действительность. Антич. эстетика указала на характерные черты И.: воспроизведение им реального мира, с помощью к-рого осознается сущность вещей и явлений. Аристотелевская теория *мимезиса* — подражания уже вплотную подошла к пониманию И. как познания жизни в образах. Иной подход к пониманию формировался в эстетике средневековья. Ср.-век. теология рассматривала художеств. деятельность как способ приобщения человека к «бесконечному», «божественному», к-рая подражает не действительности, а божеств. «архетипу» (Иоанн Дамаскин). Однако и для ср.-век. эстетиков было очевидно, что любая общая идея в И. может воплотиться лишь через посредство посюсторонних, реальных, земных форм. Эстетич. мысль Возрождения решительно выдвинула объективно-познават. сущность искусства. *Леонардо да Винчи*, рассматривая И. как «зеркало», порой сближал науку и художеств. творчество. Тезис об И. как отражении действительности различным образом варьируется в классицистич. эстетике («подражание прекрасной природе» *Буало*). Материалисты 18 в. (*Дидро*) рассматри-

вали И. как форму познания истины в живых картинах реальной действительности. Нем. классич. эстетика, опираясь на идеалистич. предпосылки, искала источники художеств. творчества в «царстве духа» («целесообразная деятельность без цели» у *Канта*; «игра» у Шиллера; проявление абс. духа у *Гегеля*). Вместе с тем, она с большой глубиной раскрыла сущность И. как «свободной» человек. деятельности, воплощающей всестороннее богатство отношения личности к действительности. Гегель с особой глубиной и последовательностью раскрыл познават. сущность И., определив его как непосредств. созерцание истины. Достижения домарксистской мысли в понимании И. обобщили и подняли на новую ступень рус. революц. демократы, разработавшие на материалистич. основе стройную концепцию И. как отражения, познания жизни (*Чернышевский*).

Марксистско-ленинская эстетика рассматривает И. как одну из осн. форм духовного освоения действительности. Опираясь на познават. способности обществ. сознания, как *наука*, хотя оно и различается с ней по своему предмету, по форме отражения и духовному освоению действительности, по своей социальной функции. Общее и в научном, и в художеств. сознании — способность объективно отражать мир, познавать действительность в ее сущности. В этом И. противоположно *религии* (хотя они на определ. стадиях историч. развития были тесно связаны), поскольку религ. сознание отражает реальность превратно и неспособно проникнуть в объективную сущность вещей.

В отличие от науки, теоретически осваивающей мир, И. осваивает действительность эстетически, охватывая мир целостно, во всем богатстве живых проявлений сущности, во всей чувств. яркости единичного, неповторимого. Но, вместе с тем, оно в лучших своих произведениях есть познание, раскрытие истины, глубокое проникновение в сущность обществ. жизни. Эстетич. отношения человека к миру проявляются в обществе в самых разных формах и, в частности, во всякой предметной деятельности, в к-рой более или менее свободно выявляется творч. характер труда. Этим, в частности, объясняется наличие художеств. элемента в тех или иных продуктах материального произ-ва. Однако И. исторически формируется как особая, специфич. область духовного произ-ва, призванная осваивать действительность эстетически: в нем обобщаются, выявляются и развиваются эстетич. отношения общества к реальному миру.

Художеств. сознание не имеет целью давать какие бы то ни было специальные знания, его познават. функция не связана с какими-либо частными отраслями материально-производств. или обществ. практики и не имеет целью выделять в явлениях какую-то особую цель закономерностей, напр. физич., технологич. или, с др. стороны, специально экономич., психологич. и т. д. Предметом И. является «все, что есть интересного для человека в жизни» (*Чернышевский* и *Н. Г.*, Полн. собр. соч., т. 2, 1949, с. 91), оно осваивает мир во всем богатстве его проявлений, поскольку они оказываются объектом практически-конкретного интереса людей. Отсюда — целостный и всесторонний характер художеств. сознания, способствующий индивиду в осознании своей «родовой сущности» (Маркс), в развитии его социального самосознания как члена общества, определ. класса. И. призвано расширять и обогащать практически-духовный опыт человека, оно раздвигает границы «посредственного опыта» индивидов, являясь мощным орудием формирования человек. личности. Специфич. социальная функция И. состоит в том, что оно, явля-

ясь формой осознания действительности, конденсирует в себе бесконечное многообразие накопленного человечеством духовного опыта, взятого не в его всеобщих и конечных результатах, но в самом процессе живых взаимоотношений обществ. человека с миром. В произведении И. овеществлен не только итог познания, но и его путь, сложный и гибкий процесс осмысливания и эстетич. обработки предметного мира. В этом — важнейшая отличит. особенность «художественного... освоения...мира» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 728). Поскольку в И. мир предстает освоенным, осмысленным, эстетически обработанным, картина действительности в большом, подлинно классич. произведении И. обладает упорядоченностью, стройной логикой, красотой, даже если речь идет о воспроизведении низменных или уродливых явлений жизни. Эта красота не вносится в предметный мир произволом субъекта, но раскрывается художником в процессе духовного освоения действительности (человек творит «по законам красоты» — см. К. Маркс, Из ранних произв., 1956, с. 566). Воспринимаемое произведение И., человек как бы заново совершает творч. акт освоения предмета, делается сопричастным закрепленному в И. практически-духовному опыту, что вызывает особое чувство радости духовного обладания миром, эстетич. наслаждение, без к-рого немислимо ни создание, ни восприятие художеств. произведений.

Длительную историю имеет и осознание обществ. роли И. Понимание И. как средства социального воспитания намечается уже в античности (*Платон, Аристотель*) и в классич. эстетике Востока (напр., в Китае — *Конфуций*). Согласно мыслителям древности, И. обладает способностью настраивать определен. образом психику человека, делать его полноценным членом гражданского общества, полезным слугой гос-ва. Ср.-век. философия толковала эту роль в превратно-теологич. смысле; Ренессанс противопоставил ей идею о значении И. в свободном и всестороннем развитии личности (*Кампанелла*). Просветительская эстетика отчетливо вскрыла значение художеств. сознания в практич. социальной борьбе, подчеркнув нравственно-воспитательную (*Шефтсбери*) и общественно-мобилизующую функцию И. (Дидро). Важнейшую роль для понимания И. как активной обществ. силы в борьбе за освобождение человека сыграли представители нем. классич. эстетики (*Гете, Шиллер, Гегель*), к-рые понимали И. как «образ свободы». Однако эта проблема была поставлена ею идеалистически, что привело к противопоставлению «скованной жизни» свободному иск-ву (Кант). На противоречия нем. идеализма указали рус. революц. демократы, видевшие в И. «учебник жизни» и усматривавшие его функцию в «приговоре» ее явлениям (Чернышевский).

Марксизм-ленинизм поставил вопрос о воспитат. роли И. на историч. почве. Будучи орудием осознания действительности, И. является активной силой обществ. самосознания, в классовом обществе — классового. Познание мира в И. неразрывно связано с его эстетич. оценкой, к-рая, будучи по своей природе социальной, необходимо включает в себя всю систему воззрений обществ. человека; художеств. произведение способно органически выразить в своем эстетич. содержании филос., нравств., обществ. и политич. идеи. И. передовое, отвечающее поступат. развитию человечества, играет прогрессивную роль в духовном развитии людей, в их всестороннем идейном и эмоцион. росте. Мера свободы в осуществлении этой его воспитат. роли определяется конкретными социальными условиями. Эксплуатация человека человеком неизбежно приводит к одностороннему, а иногда и уродливому проявлению идейно-воспитат. функции И. Только социалистич. общество обеспечивает И. воз-

можность свободно формировать личность каждого члена общества во всем богатстве его жизненных отношений и субъективных способностей.

II. Основные категории и проблемы искусства.

Эстетич. оценка действительности в И. осуществляется с позиций определ. эстетич. идеала, вне зависимости от того, осознан ли этот идеал или не осознан. В основе всякого идеала лежит определ. понимание прекрасного. Поэтому, хотя прекрасное и не является необходимым и тем более единств. объектом иск-ва, художеств. сознание всегда имеет дело с прекрасным как исходным критерием в эстетич. оценке предмета. Теория эстетич. идеала в прошлом развивалась гл. обр. на идеалистич. основе и потому односторонне и зачастую превратно. Марксизм раскрыл в И. единство идеального и реального, субъективного и объективного, должного и сущего на базе практической, преобразующей деятельности людей. Тем самым была выбита почва из-под ног реакц. теории «искусства для искусства», противопоставляющей И. и жизнь, к-рая получила особое распространение в совр. бурж. художеств. культуре.

Предмет И. и его функция определяют и форму проявления художеств. сознания. Наиболее общей характеристикой ее является художеств. образ (см. *Образ художественный*), к-рый представляет собой не просто фиксацию непосредственно чувственно данного, а является результатом обобщения, итогом познания. Действительность выступает в нем уже духовно освоенной, осознанной, но так, что сущность раскрывается, «просвечивает» в индивидуальном, единичном, чувственно воспринимаемом явлении. Способ обобщения действительности в И. обычно называют типизацией, а результат этого обобщения — *типическим*. Раскрытие сущности действительности в конкретном, чувственно-единичном обуславливает особое значение, какое в И. приобретает диалектика *формы и содержания*. При ведущей роли содержания форма в И. играет огромную роль, поскольку художеств. образ всегда неповторимо своеобразен и существует реально лишь в веществ. материале, свойственном данному виду И. Отсюда особая активность художеств. формы, особая роль личности художника, выявляющая себя не только в том, что она делает, но и в том, как она это делает.

С конкретно-чувств. формой И. связано и своеобразие творч. характера художеств. труда. Художник, создавая произв. И., не просто облекает готовую мысль в живые, индивидуальные образы, но творит конкретный образ, осознавая действительность по законам самой этой действительности, им открытым (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произв., 1956, с. 566). Художеств. образ — результат творч. воссоздания жизни или (в нек-рых иск-вах, какова, напр., архитектура) преобразования предметного мира в соответствии с познанной художником сущностью вещей. Отсюда важная роль в И. воображения, *фантазии, интуиции*, к-рые в единстве с логикой, рационал. познанием, порой даже математич. или технич. расчетом, участвуют в процессе художеств. творчества. Художник как бы заново творит мир, но творит его на основе познания его объективных законов.

Важная роль эмоциональности в процессе творчества, а также восприятия И. не означает, однако, преобладания в художеств. деятельности чувства в ущерб разуму. Рассудок, воля, чувство находятся в И. в органич. единстве. Но произведение И. и в своем идейном содержании всегда раскрывается через эмоцию. Идея в И. не существует в форме логич. абстракции, она заключена в самой ткани художеств. образа, превращается в «пафос» (Гегель). Но там, где нет глубокой и объективно-содержат. идеи, нет

и подлинного духовного освоения действительности, и И. теряет свою воспитат. силу. *Идейность* И. составляет всегда живой нерв всякого прогрессивного художеств. явления.

Во всяком И. (в нек-рых его видах особенно наглядно) большую роль играет материал, в к-ром воплощается художеств. образ и в к-ром последний впервые приобретает реальное существование. Веществ. сторона И., техника обработки материала существенным образом влияют на характер произведения; творч. процесс художника включает в себя, помимо изучения и обобщения действительности, помимо создания в воображении замысла произведения, его практич. реализацию в соответствующем материале данного И. — слове, звуке, камне и т. д.

III. Классификация видов искусств.

И. существует в системе отд. видов и родов. В наст. время область И. отчетливо расчленяется на ряд отд. видов художеств. творчества: лит-ру, кино, театр, танец (хореографию), цирковое И., музыку, живопись, графику, скульптуру, архитектуру, декоративно-прикладное И. Границы между отд. видами И. не абсолютны, практически они нередко между собой различным образом переплетены или сочетаются (драматургия как основа кинофильма и театрального спектакля; муз. театр — опера, балет, театральная живопись; синтез пространственных искусств в архитектуре и т. д.). В основе классификации И., как правило, лежат три осн. критерия, характеризующих особенности художеств. образа в каждом из них. Согласно первому из этих критериев, основанному на объективных особенностях образа, И. делятся на «пространственные» и «временные». К пространственным И. относятся те И., в к-рых образ существует в пространстве и не изменяется во времени (живопись, скульптура, графика, вместе именуемые также изобразит. И., архитектура, декоративно-прикладное И.). Во временных И. (лит-ра, музыка), напротив, образ развивается во времени, не имея бытия в пространстве. Наконец, есть пространственно-временные И., в к-рых образ существует и в пространстве, и во времени (кино, театр, танец).

Другой критерий классификации основывается на механизме восприятия. С этой т. зр. И. делятся на зрительные (изобразительные И., архитектура и декоративно-прикладное И.), зрительно-слуховые (кино, театр, танец) и слуховые (музыка). Особое место занимает лит-ра, строго говоря, безразличная к слуховой или зрительной форме восприятия. В нек-рых случаях подчиненно-вспомогат. роль в восприятии И. играют и др. чувства — моторное (в архитектуре, танце) и моторно-осознательное (скульптура, декоративно-прикладное И.).

Третий критерий классификации И. исходит из характеристики роли языка как осн. средства общения, как непосредств. действительности мысли в образной структуре различных видов И. Лит-ра, материалом к-рой является только язык, не имеет чувственно воспринимаемой системы образов; образ в лит-ре возникает в представлении. Ряд И. широко пользуется языком (кино, театр, вокальная музыка), другие — не пользуются (изобразительные И., инструментальная музыка, танец, архитектура, декоративно-прикладное И.). Однако речевые элементы иногда проникают в нек-рых редких случаях и в эти последние (напр., в плакате, графике и т. д.). Существующая система И. не извечна и исторически меняется, как и общиe границы художественного творчества. В 20 в. возникло такое мощное И., как кино. В настоящее время формируются в самостоятельные области И. — фотография, телевидение, радио.

Границы И. и специфика отдельных его видов не являются формальными. Каждое И. обладает своими особыми возможностями в познании действительности, его предмет своеобразен и не совпадает механически с предметами др. И. Этим в большой мере объясняется неравномерность в развитии отд. видов и жанров художеств. творчества. Расцвет поэзии, эпоса, как указывал Маркс, имеет своей предпосылкой мифологич. сознание и приходит в упадок, когда наступает «...такое развитие общества, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое, стало быть, требует от художника независимой от мифологии фантазии» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 737). Последнее имеет место в эпоху капитализма, о чем свидетельствует расцвет прозаич. романа. Каждый историч. период выдвигает на первый план определ. виды И., способные наиболее глубоко и полно отразить основные противоречия времени.

Границы И. в целом широки и не всегда могут быть четко обозначены. С одной стороны, оно соприкасается с обширной сферой обществ. сознания: публицистикой, философией, наукой, на ранних стадиях также мифологией и религией. С другой — оно уходит в область материального произ-ва. Отсюда — ряд промежуточных форм, несущих на себе печать художественности (напр., очерк, политич. прокламация, ораторская речь, филос. диалог, научно-популярный фильм, ритуальный обряд, произведения художественного ремесла; предметы индустриального произ-ва, оформленные художником, и мн. др.). Соответственно исторически изменчивы и роль, и место И. в ряду форм обществ. сознания в целом.

IV. Закономерности исторического развития искусства.

На ранних стадиях историч. развития (первобытное, рабовладельческое и, отчасти, феод. общество) И., обладая уже присущими ему особенностями, не сложилось еще в законченную обособленную систему. Связи отд. его видов и жанров с различными областями обществ. сознания и ремесленного произ-ва многообразны и тесны; переходы от И. к нехудожеств. формам духовной и практич. деятельности гибки и временами неотчетливы. В теории это отражается в отсутствии целостных классификаций системы иск-в. Так, антич. мир не знал единого понятия «И.» в нашем смысле слова и не разрабатывал стройной теории видов художеств. творчества. В средние века в состав «свободных И.», помимо поэзии и музыки, входят астрономия, риторика, математика, философия и т. д. Такие И., как скульптура, живопись и архитектура, включаются в состав ремесел. Лишь на заре развития бурж. общества окочательно формируется система И., границы художеств. деятельности очерчиваются все резче и определеннее. Соответственно и в эстетике Возрождения складывается близкая к совр. пониманию система И. Последующие классификации отражают историч. неравномерность в развитии отд. родов художеств. деятельности. Если Леонардо да Винчи отдаст среди всех И. предпочтение живописи, то эстетика Просвещения (Лессинг) выдвигает на первый план лит-ру. Первые законченную систему классификации И., построенную по историч. принципу, дал Гегель, к-рый указал на историч. неравномерность в развитии отдельных И., хотя и не сумел дать реальное объяснение этой закономерности. Маркс и Энгельс вскрыли причины диспропорций в развитии как отд. родов художеств. деятельности, так и всего И. в целом. Вульгарно-просветительскому взгляду на прогресс И. они противопоставили диалектико-материалистич. объяснение неравномерности развития И., в к-ром отражаются противоречия самого общества.

развития. Они показали, что расцвет И. не стоит в прямом соответствии с уровнем материальной основы общества, вскрыли враждебность капиталистич. способа произ-ва И. («...Капиталистическое производство, — писал Маркс, — враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии» («Теории прибавочной стоимости», ч. 1, 1955, с. 264). Классики марксизма показали, что только грядущее коммунистич. общество обеспечивает безграничное и гармонич. развитие всех форм художеств. творчества. Марксизм-ленинизм вскрыл историч. пружины, движущие эволюцией художеств. сознания, показал зависимость И. от социально-экономич. устройства общества, активную роль художеств. сознания в социальной жизни. И. всегда играет важнейшую роль в развитии духовной культуры, в классовом обществе служит идеол. оружием в борьбе классов.

Хотя еще у древних философов и историков, у классич. мыслителей Китая и Индии мы находим глубокие догадки об общественной природе И., домарксистская социология была бессильна вскрыть истинные закономерности истории художеств. сознания. Бурж. социология (Прудон, Спенсер, Тэн), описывая эмпирич. факты истории И., не была в состоянии показать подлинную логику развития И. Не умея вскрыть диалектику объективного отражения действительности в И. и выражения в нем определ. социальных интересов, она путалась во множестве «факторов» и не смогла выяснить движущие силы истории И. Марксистско-ленинская эстетика указывает, что правдивое отражение действительности, свободное развитие объективных возможностей духовного освоения мира, заложены в самой природе И., возможно лишь на основе связи того или иного художеств. направления с передовыми прогрессивными силами общества. Наоборот, чем больше И. поработается реакц. социальными силами, тем более оно оказывается скованным в своем развитии, тем более оно клонится к упадку или даже вырождается, тем дальше оно от объективно-правдивого осознания реального мира.

В условиях классово-антагонистич. обществ И. развивается в сложных социальных противоречиях. Одна из гл. ошибок извращавшей марксизм вульгарной социологии (см. *Вульгарный социологизм*) заключалась в том, что она пыталась механически перенести на художеств. область отношения и понятия, складывающиеся непосредственно в общественно-политич. борьбе. Подлинное И. никогда не является просто выраженным своекорыстных интересов разных классов и социальных группировок. Говоря о Л. Толстом как «зеркале русской революции», В. И. Ленин указывал: «и если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях» (Соч., т. 15, с. 179). Будучи средством осознания действительности, И. так или иначе отражает жизнь, но отражает ее в такой мере объективно, в какой это отвечает интересам определенных социальных сил, выдвигающих данное художеств. направление. Именно это обуславливает теснейшую связь передового И. с революц. движениями, с прогрессивными обществ. силами. С др. стороны, И. революционизирует сознание общества, являясь мощным орудием самосознания живых творч. сил народа. Именно этим объясняется, что периоды прогрессивного развития есть вместе с тем периоды подъема И. и, наоборот, социальный застой обуславливает художеств. упадок, если только в обществе не зреют революц. силы, обретающие свое духовное оружие, в частности, и в И.

Прогрессивные классы заинтересованы в правдивом художеств. отражении жизни. Отсюда важнейшее

прогрессивное значение *реализма* в истории И., к-рый связан, т. о., с народными, демократич. силами. Глубокое, реалистич. познание действительности характеризует все великие эпохи развития художеств. культуры, представляющие собой важные вехи в поступат. движении эстетич. сознания человечества.

Историч. развитие И. не представляет собой механич. и прямолинейно выраженное противоборство осн. идейно-эстетич. и социальных тенденций. Логика истории прокладывает себе путь в эволюции художеств. сознания лишь в конечном счете, каждый раз в исторически неповторимых и своеобразных явлениях И., составляющих богатое и многообразное содержание процесса развития эстетич. сознания общества. Оно проходит ряд стадий: И. первобытного общества, И. Древнего Востока, антич. И., иск-во средневековья (во многих резко отличных друг от друга вариантах — европейском, азиатском и т. д.) и Возрождения, И. эпохи формирования бурж. общества (17—18 вв.), И. эпохи капитализма. Особый историч. этап развития И. составляет совр. эпоха — эпоха перехода от капитализма к коммунизму. В пределах каждой эпохи наблюдается, в соответствии с основными социальными особенностями и тенденциями ее развития, формирование различных *стилей*, художеств. методов и отд. школ и направлений. Своеобразно развивается И. у разных народов и в условиях разных нац. культур. Все это конкретное многообразие форм развития реальной истории И. не должно быть сводимо к общим социол. схемам; марксистско-ленинская социология дает ключ к правильному пониманию глубинных закономерностей историч. развития художеств. культуры во всех ее многогранных и неповторимых проявлениях.

Напротив, реакц. обществ. силы несут с собой отказ от художеств. правды, что наиболее резко выражается в совр. реакц.-бурж. И., к-рое провозглашает принципиальную независимость художеств. деятельности от действительности, развивает последовательный субъективизм. В художеств. практике это выражается в различных вариантах субъективизма и формализма, получающего свое теоретич. обоснование в ряде эстетич. теорий. Эти теории утверждают независимость И. от действительности, отрицают его познание, характер (*неокаантианство*, семантич. эстетика), видят источник И. в подсознательном (*фрейдизм*) или божественном (*неотомизм*) начале, провозглашают принципиальную враждебность широких масс «высокому» И. (*Ницше, Ортега-и-Гассет*).

V. Проблемы народности и партийности искусства.

Кардинальным пунктом марксистско-ленинской социологии И. является учение о *народности* И. Передовое И. всегда народно, но эта народность принимает различные формы в зависимости от историч. условий, от характера социальных противоречий данного общества. С т. зр. общесоциологической всякая духовная деятельность, в том числе и художественная, зиждется на успехах материальной практики, обеспечивается трудом нар. масс. На первоначальных стадиях развития общества, когда процесс отделения труда умственного от труда физического еще не достиг своих наиболее резких проявлений, когда материальное произ-во еще не лишилось своих «духовных потенциалов», народность И. обнаруживается в непосредств. связи с трудящимися массами. Оно в той или иной мере и форме оказывается прямым выражением идей и стремлений самих масс. Наиболее отчетливо эта форма народности обнаруживается в И. первобытного общества, традиции к-рого продолжают сохраняться в рабовладельч. и феод. обществах.

Однако с разделением общества на классы как следствие материальной экспроприации трудящихся совершается и мучительный, сложный процесс их духовной экспроприации. Развитие И., обогащение художеств. деятельности может отныне совершаться за счет более или менее всестороннего лишения масс возможности развивать свои духовные, в т. ч. и художественные, запросы и способности. Но это не значит, что И., материально присваиваемое в основном верхними слоями общества, лишается народности. Передовое И. всегда и во все эпохи оказывается отражением и выражением историч. потребностей и идей нар. масс. Воплощение нар. идеалов в И. возможно постольку, поскольку оно связано с такими обществ. силами, к-рые способны бороться за прогрессивное развитие всего общества. И хотя сами нар. массы, особенно при капитализме, лишены возможности беспрепятственно пользоваться благами И., а это последнее зачастую оторвано от народа, оно способно подчас более глубоко и полно осознавать жизнь трудящихся масс, их идеалы, художественно оформлять потребности социального прогресса, чем И., к-рым имеют возможность непосредственно пользоваться массы, задвленные нуждой и ограниченные в своем духовном развитии. Так, в эпоху капитализма возникает раздвоение художеств. сознания общества на И. «чужое» и т. н. «народное творчество».

Противоречия развития художеств. культуры, обусловленные социальными антагонизмами в эксплуататорских обществах, снимаются социалистич. революцией. Строительство социализма, а затем и его высшей стадии — коммунистич. общества, открывает перед И. небывалые возможности расцвета. Постепенно ликвидируется отрыв И. от народа и народа от И.

В период строительства социализма решается всемирно-историч. значения задача — добиться наиболее тесного слияния народа и И. Эта задача была предначертана Лениным в самом начале революции: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их» (цит. по кн.: Цеткин и К., Воспоминания о Ленине, М., 1959, с. 11). Вследствие культурной революции огромные массы приобщаются к И., широко и многогранно развивают свой эстетич. потребности, все более полно удовлетворяя к-рые призвано И. Расцвет профессии И. сопровождается расцветом И. самостоятельного, к-рое развивает духовные запросы масс, способствует всестороннему воспитанию человека будущего коммунистич. общества. Осуществление этих целей социалистич. И. возможно лишь на путях объективно-правдивого отражения действительности, выражения наиболее коренных и глубоких потребностей развития общества. Поэтому И. в условиях социализма закономерно развивается как И. социалистического реализма, возникающего в условиях борьбы за социализм, как художеств. осознание социалистич. революции.

В совр. эпоху противоборствуют противоположные художеств. тенденции: социалистического реализма и формализма. Социалистич. И. возглавляет широкое движение демократич. художеств. сил, консолидирующихся в борьбе против формалистич. субъективизма, представляющего собой эстетич. выражение глубочайшего духовного кризиса культуры. Совр. И. сложно, богато разнообразными и порой противоречивыми явлениями. Широкое движение масс за мир, демократию и социализм, освобождение от колониального ига рождает множество различных прогрессивных художеств. направлений, реалистических в своей основе.

Высшим выражением открытой связи И. с социалистич. революцией, с задачами борьбы за коммунизм является ленинский принцип *партийности*, как свободного выявления иск-вом своих наиболее передовых идейных устремлений. Партийность социалистич. И. заключается в последоват. отстаивании идеалов коммунизма, т. е. в выражении коренных интересов народа. В этом — источник глубокого единства партийности и народности в социалистич. И.

Характернейшей закономерностью развития социалистич. художеств. культуры является подлинное освобождение И. от власти своекорыстных интересов господств. классов. Глав. целью И. в наше время становится духовное развитие каждой человек. личности. В условиях строительства коммунистич. общества И., опирающееся на принципы партийности и народности, впервые в истории получает возможность свободного раскрытия всех своих потенций, всего богатства своего содержания и формы, своих возможностей в осознании действительности и формировании духовного облика свободной человек. личности. В период перехода от социализма к коммунизму И. приобретает особую историч. значимость, участвуя в коммунистич. воспитании миллионов. «Партия, — говорится в Программе КПСС, — будет неустанно заботиться о расцвете литературы, искусства, культуры, о создании всех условий для наиболее полного проявления личных способностей каждого человека, об эстетическом воспитании всех трудящихся, формировании в народе высоких художественных вкусов и культурных навыков. Художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и облагородит человека» (1961, с. 130). В будущем свободном обществе, где, по словам Энгельса, «борьба за существование» превратится для каждого в «борьбу за наслаждение», в «борьбу за средства развития», И. получит невиданные прежде условия для своего расцвета и сделается еще более насущной социальной потребностью человека.

Лит.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1—2, М., 1957; В. И. Ленин о литературе и искусстве, М., 1960; За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. Сб. документов, М., 1958; За коммунистическую идейность литературы и искусства. Сб. статей, М., 1957; О литературе. Сб. документов, М., 1960; Античные мыслители об искусстве. Сб. высказываний, 2 изд., [М.], 1938; Античная музыкальная эстетика, М., 1960; Леонардо да Винчи, Избр. произв., т. 1—2, М.—Л., 1935; его же, Избранное, М., 1952; Сессия, посвященная 500-летию со дня рождения Леонардо да Винчи, «Изв. АН СССР. Сер. истории и философия», 1952, т. 9, № 3; Дюрер А., Сьенца, дневники, трактаты, т. 1—2, Л.—М., 1957; Вольтер Ф. М. А., Избр. произв., М., 1947; Дидро Д., Собр. соч., т. 5 — Театр и драматургия, т. 6, — Искусство, М., 1936—46; Гачев Д., Эстетические взгляды Дидро, М., 1936; Руссо Ж.-Ж., Об искусстве, Л.—М., 1959; Кант И., Критика способности суждения, СПб, 1898; Гегель Г. В. Ф., Лекции по эстетике, кн. 1—3, Соч., т. 12—14, М., 1938—58; Гете И. В., Статьи и мысли об искусстве, Л.—М., 1936; Шиллер Ф., Статьи по эстетике, [М.—Л.], 1935; Вальзак О., Об искусстве, М.—Л., 1941; Эмиль Золя, [Сб. статей], Л., 1934; Рескин Дж., Сочинения, кн. 1, 2, 4, 8, 10, М., 1900—1903; Спенсер Г., Собр. соч., т. 1, СПб, 1866; Прудон П. Ж., Искусство, его основание и общественное назначение, СПб, 1895; Белинский В. Г., Эстетика и литературная критика, т. 1—2, М., 1959; Герцен А. И., Об искусстве, М., 1954; Огарев Н. П., Избр. произв., т. 1—2, М., 1956; Чернышевский Н. Г., Эстетика, М., 1958; Писарев Д. И., Соч., т. 1—4, М., 1955; Русские писатели о литературном труде, т. 1—4, Л., 1954—56; Толстой Л. Н., Об искусстве и литературе, т. 1—2, М., 1958; Горький об искусстве. Сб. статей и отрывков, М.—Л., 1940; его же, О литературе, М., 1955; Лафарг П., Литературно-критические статьи, М., 1936; Плеханов Г. В., Литература и эстетика, т. 1—2, М., 1958; Меринг Ф., Литературно-критические работы, т. 1—2, М.—Л., 1934; Воровский В. В., Литературно-критические статьи, М., 1956; Жуначарский А. В., Классики русской литературы, М., 1937; его же, Статьи об искусстве, М.—Л., 1941; его же, О театре и драматургии, т. 1—2, М., 1958; его же, В мире музыки, М., 1958; Шаумян С. Г., Литературно-критические статьи, 2 изд., М., 1955; Калинин М. И., Об искусстве и литературе, М., 1957; Цеткин К., О лите-

ратуре и искусстве, М., 1958; Вопросы эстетики, вып. 1—4, М., 1958—60; Вопросы марксистско-ленинской эстетики, М., 1956; Основы марксистско-ленинской эстетики, М., 1960; Очерки марксистско-ленинской эстетики, 2 изд., М., 1960; Против ревизионизма в эстетике, М., 1960; Асмус В. Ф., Проблема классификации искусства в эстетике Канта, «Научн. докл. высшей школы. Философские науки», 1959, № 2; Батраков А. С. П., О природе идеинности искусства, М., 1960; Боров Ю. Б., Категории эстетики, М., 1959; Буров А. И., Эстетическая сущность искусства, М., 1956; Ванслов В. В., Содержание и форма в искусстве, М., 1956; Виды изобразительного искусства, Л., 1959; Гольденрихт С. С., Об эстетическом освоении действительности, М., 1959; Гущин А. С., Происхождение искусства, Л.—М., 1937; Дмитриева Н. А., Вопросы эстетического воспитания, М., 1956; Егоров А. Г., Искусство и общественная жизнь, М., 1959; Кеменов В. С., Об объективном характере законов реалистического искусства, «Вопр. философии», 1953, № 4; Киреевко В. И., Психология способностей к изобразительной деятельности, М., 1959; Кожин В. В., Виды искусства, М., 1960; Кубланов Б. Г., Гносеологическая природа литературы и искусства, Львов, 1958; Лишиц М. А., Вопросы искусства и философии, М., 1935; Маркус С. А., История музыкальной эстетики, т. 1, М., 1959; Маца И. Л., Художественное наследие и эстетическое воспитание, М., 1959; Недошивин Г. А., Очерки теории искусства, М., 1953; Некоторые вопросы теории изобразительного искусства, М., 1957; Об эстетическом воспитании школьника, М., 1960; Павлов Т., Общая теория на искусствознании, т. 1, [ч. 1—2], С., 1938; его же, Основы проблемы на марксистско-ленинской эстетике, т. 1, С., 1958; Палевич М., Сущность понятия эстетического, «Изв. АН Латв. ССР», 1956, № 3; Поспелов Г. Н., О природе искусства, М., 1960; Разумный В. А., Воспитательная роль советского искусства, Л., 1957; его же, О природе художественного обобщения, М., 1960; Столович Л. Н., Эстетическое в действительности и в искусстве, М., 1959; Тасалов В. И., Эстетика техницизма, М., 1960; Товмасьян С., О первой попытке классификации искусств по видам в истории армянской эстетики, «Изв. АН Арм. ССР, Общественные науки», 1958, № 8; Шестаков В. П., Проблемы эстетического воспитания. Очерки истории, М., 1962; Białostocki J., Pięć wieków myśli o sztuce, Warsz., 1959; Starzyński J., Sztuka w świetle historii, studia z metodologii sztuki, [Warsz.] 1951; Вопросы теории и психологии творчества, т. [1]—8, X., 1907—23; Гроссе Э., Происхождение искусства, пер. с нем., М., 1899; Миронов А. М., История искусства в связи с эстетикой, М., 1904; Самсонов Н. В., История эстетических учений, ч. 1—3, [М., 1915]; Тэн И., Философия искусства, пер. [с франц.] Н. Соболевского, [М., 1933]; Dewey J., Art as experience, N.Y., [1958]; Fiedler K., Schriften über Kunst, Bd 1—2, München, 1913—14; Финкелстайн С., Реализм в искусстве, пер. с англ., М., 1956; его же, Художник и его мир, «Вопр. философии», 1958, № 7; его же, Art and society, N.Y., [1947]; Гилберт К., Кун Г., История эстетики, М., 1960; Collingwood R. G., The principles of art, N.Y., 1958; Gotschalk D. W., Art and the social order, Chi., 1951; Hauser A., The philosophy of art history, N.Y., 1959; Гирн И., Происхождение искусства, [X.], 1923; Вельфлин Г., Основные понятия истории искусств, М.—Л., 1930; Langer S. K., Problems of art, philosophical lectures, N.Y., [1957]; MacMahon A. P., Preface to an American philosophy of art, Chi., 1946; Mukerjee R., The social function of art, [2 ed.], Bombay, 1951; Munro T., The arts and their interrelations, N.Y., 1949; Passarge W., Die Philosophie der Kunstgeschichte in der Gegenwart, B., 1930; Read H., Art and society, new ed., L., [1945]; Uitz E., Geschichte der Ästetik, B., 1932; его же, Grundlegung der allgemeinen Kunstwissenschaft, Bd 1—2, Stuttg., 1914—20. Л. Азарх. Москва.

«ИСКУССТВО ДЛЯ ИСКУССТВА» — эстетич. концепция, отрицающая связь художеств. творчества с обществ. жизнью, с трудовой и обществ.-историч. практикой людей, противопоставляющая иск-во действительности как некую абсолютную, замкнутую в себе ценность, как самоцель. В истории иск-ва «склонность художников и людей, живо интересующихся художественным творчеством, к искусству для искусства возникает на почве безнадежного разлада их с окружающей их общественной средой» (Плеханов Г. В., Литература и эстетика, т. 1, 1958, с. 144). Поскольку разлад этот воспринимается как непреодолимый, это ведет к отказу иск-ва от всякой активной борьбы за преобразование действительности. Нек-рые тенденции к возникновению концепции «И. д. и.» существовали в различные историч. эпохи, как правило в эпохи упадка и разложения тех или иных обществ. систем и классов, напр. в эллинизме, в иск-ве Рим. империи и т. д. Однако сложившаяся концепция

«И. д. и.» характерна для зрелого бурж. общества, как одно из направлений в развитии бурж. иск-ва и эстетич. теории. «...Капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии» (Маркс К., Теории прибавочной стоимости, ч. 1, 1953, с. 261). Воспринимаемая весь строй бурж. действительности как последоват. отрицание красоты и эстетич. идеала, художники стремятся воссоздать мир красоты помимо и вопреки действительности, это и приводит их к идеям «И. д. и.».

Термин «И. д. и.» впервые появился в лит. кругах нем. романтиков (D. Melegari, Journal intime de Benjamin Constant...), затем был перенесен во Францию Б. Констаном и де Сталь (в кн. «De l'Allemagne», v. 1—3, 1810). Противоречия бурж. художеств. культуры получили свое теоретич. выражение у Канта, к-рый пытался найти в художеств. деятельности утверждение гармонии между природой и обществом, между обществом и отд. человеком, между свободой и необходимостью и т. д. Но т. к. бурж. действительность несовместима с такой гармонией, то иск-во в эстетике Канта оказывалось лишенным реальной почвы. Только при полной свободе от всякого теоретич. или практич. интереса иск-во, по Канту, способно выполнить свою высокую обществ. миссию, стать выше эгоизма отд. индивидов, слить человечество в едином духовном братстве. Иск-во, по определению Канта, хотя само по себе «... и не имеет цели, но все таки действует культуре душевных проявлений в обществ. и в обмене впечатлений с другими» («Критика способности суждения», СПб, 1898, с. 175). Будучи не в состоянии преодолеть узкие рамки бурж. кругозора, Кант невольно представил свойственную бурж. обществу тенденцию превращения эстетич. деятельности в «И. д. и.» как обнаружение истинной сущности эстетич. деятельности.

Общей чертой теорий «И. д. и.», распространившихся в 19 в., было то, что они, как правило, не принимали форму законченных эстетич. систем, а были выражением реакции художников на бурж. отношения, мораль, вкусы. В них еще многое шло от желания эпатировать буржуа парадоксами, стремления резко разойтись с общепринятыми взглядами. Это особенно характерно, напр., для Т. Готье и позднее для О. Уайльда. Особенно широкое распространение идеи «И. д. и.» получили во Франции в последние годы Реставрации и первые годы правления Луи Филиппа. В 1832 Т. Готье писал в предисловии к своим «Premieres Poesies»: «Какой цели служит эта книга? Она служит тому, чтобы быть прекрасной». Обществ. пользу, к-рую требуют от иск-ва, Готье истолковывал в узко утилитарном, «буржуазном» смысле и поэтому утверждал, что «из книг нельзя приготовить желатиновый суп, из романа — пару сапог без швов» (предисловие к роману «Мадмуазель де Мопэн»). Франц. романтикам и поэтам парнасской школы было свойственно презрение к «черни», к «толпе», к-рую они отождествляли с «буржуа». В Англии поворот к «И. д. и.» был ознаменован появлением в 60-х гг. «Поэм и баллад» Суинбёрна, к-рый провозгласил отделение иск-ва от морали и эстетики «среднего класса», восстал против новой индустриальной цивилизации и подчинения ей иск-ва. В последующие десятилетия это направление поддерживалось Патером, Уистлером, Уайльдом. «Всякое искусство совершенно бесполезно», — писал Уайльд в предисловии к «Портрету Дорiana Грея». В США тенденции к «И. д. и.», причем под прямым влиянием Канта, обнаруживались в эстетич. воззрениях Э. По («Поэтический принцип», в его кн.: Собр. соч., т. 2, пер. с англ., 1906). В России принципы эстетики «И. д. и.» развивались Майковым, А. Григорьевым, Дружининым. В нач. 20 в. теория «И. д. и.» получила

воплощение в художеств. практике и эстетике символизма. Несмотря на внешнюю оппозиционность бурж. обществу, она фактически лишь оправдывала и освящала кризисные явления бурж. художеств. культуры и знаменовала собой переход бурж. эстетич. мысли с классических на вульгарные позиции.

В конце 19 — нач. 20 вв. концепция «И. д. и.» лишается всякого критич. содержания. Делаются попытки «научно» обосновать идею «И. д. и.» как выражение сущности всякой художеств. деятельности. В эстетике Бергсона делается попытка осмыслить иск-во как гл. форму интуитивного познания, свободную от всякого обществ. интереса. Иск-во, согласно Бергсону, «... представляет собой разрыв с обществом и возвращение к безыскусственной природе» (Собр. соч., т. 5, СПб, 1914, с. 190). Кроме, наоборот, обосновывая идеи «И. д. и.», считал, что задача художника заключается в непронизывальном запечатлении внутр. психич. состояний своей собств. личности. «Невозможность выбора содержания завершает смысл теоремы о независимости искусства, а также представляет единственное законное значение выражения: искусство для искусства. Искусство также независимо от полезного и морали, как и от науки» («Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика», ч. 1, М., 1920, с. 59). Сторонники «И. д. и.» видят в художеств. творчестве способ отрешиться от проблем обществ. жизни, от задач преобразования ее, от участия в конфликтах и классовых битвах современности.

Характерным выражением этих тенденций в совр. бурж. эстетике может служить т. н. «теория дистанции», выдвинутая Э. Баллоу. Согласно его определению, «дистанция... возникает в результате отделения объекта и его воздействия от собственного „я“ путем вынесения его из сферы наших практических потребностей и целей. Только благодаря этому становится возможным „созерцание“ объекта» («Современная книга по эстетике». Антология, М., 1957, с. 424). Исходя из этого определения, Баллоу приходит к реакц. выводу, что иск-во тем более достигает цели, чем менее оно реалистично, чем больше оно удаляет зрителя от «обычного», житейского, практич. отношения к вещам. Периоды расцвета иск-ва Баллоу связывает не с эпохами обществ. подъема, а с периодами декадентства, так как «... этот распад обычно означал рост личной независимости и развитие индивидуальной культуры» (там же, с. 438—39). Распад социальных связей, рост индивидуализма — такова «позитивная» программа всех теорий «И. д. и.».

Теория «И. д. и.» в принципе не может служить здоровой основой для прогрессивного развития художеств. культуры. Периоды обострения классовой борьбы, широких социальных движений неизбежно предъявляли к иск-ву высокие гражданские требования. Именно на этой почве уже в условиях 19 в. развертывалась критика концепции «И. д. и.», получившая яркое отражение в эстетике рус. революц. демократов. Стремясь поставить иск-во на службу революц. борьбе против самодержавия и крепостничества, рус. революц. демократы активно боролись с попытками оградить иск-во от вмешательства в обществ. борьбу, замкнуть его в «башню из слоеной кости». «Наш век... решительно отрицает искусство для искусства, красоту для красоты», — утверждал Белинский (Полн. собр. соч., т. 6, 1955, с. 277; см. также т. 10, 1956, с. 311). Борясь против идеи самоценности иск-ва и красоты, Чернышевский подчеркивал определяющую роль идеи в иск-ве: «...художественная форма не спасет от презрения или сострадательной улыбки произведение искусства, если оно важностью своей идеи не в состоянии дать ответа на вопрос: „да стоило ли трудиться над подобными пустяками?“ Бесполезное не имеет право на уважение» («Эстетические отноше-

ния искусства к действительности», см. Полн. собр. соч., т. 2, 1949, с. 79).

Ограниченность революц.-демократич. критики «И. д. и.» сказалась, однако, в том, что, защищая идею гражданского служения художника, она вынуждена была снимать вопрос о специфике содержания иск-ва, отождествляя его с содержанием науки, педоценивая активной преобразующей роли иск-ва, возможностей непосредств. включения его в материально-практич. деятельность широких нар. масс. Революц.-демократич. эстетика не поставила вопроса об историч. предпосылках преодоления узкого профессионализма в иск-ве, на к-ром основывается концепция «И. д. и.».

Пытаясь разрешить противоречия, выдвинутые бурж. условиями перед иск-вом, передовые художники критич. реализма бескомпромиссно выбирали дорогу гражданского служения в иск-ве, сознательно подчас жертвуя профессионал. исканиями в области формы. «Я все же художник и дитя 60—70-х годов, — писал, напр., И. Репин. — Живопись, виртуозность отрицались тогда как самый негодный порок. Выше всего ставилась идея, смысл, жизнь, жизнь картины, типичность, правда, историчность» («Неизвестные письма И. Е. Репина», см. «Сов. Культура», 1960, 29 сент., с. 4). В этом проявилась принципиальная невозможность разрешения в рамках революц.-демократич. идеологии тех противоречий эстетич. сознания бурж. общества, к-рые на др. полюсе порождали идеи «И. д. и.». Не случайно, что эти противоречия на вершине развития критич. реализма привели к глубокому творч. кризису такого художника, как Л. Толстой, к-рый пришел к отрицанию величайших достижений профессиональной художеств. культуры.

Важную роль в критике «И. д. и.» в Зап. Европе сыграла эстетич. теория англ. социалиста 2-й пол. 19 в. У. Морриса. Моррис утверждал, что вызванное бурж. обществом обособление эстетич. способностей в иск-ве как особой профессии извращает самую суть художеств. культуры, ее общенар. характер, что «создание искусства и, как следствие, наслаждение трудом не связано с творчеством только лишь таких предметов, как картины, статуи и т. д., а были и должны быть частью всякого труда в той или иной его форме» («William Morris on art and socialism», L., 1947, p. 84). В условиях бурж. общества возникает «искусство, культивируемое меньшинством и для меньшинства, понимающего необходимость — обязанность, если бы они признавали обязанности — презирать общее стадо, держаться в стороне от всех..., заботливо охранять каждый подход к дворцу искусства» («The Collected works of William Morris», v. 22, L.—N. Y., [1914], p. 38—39). Путь преодоления «И. д. и.» Моррис видел во всенародном эстетич. воспитании, в пробуждении творч., художеств. способностей широких нар. масс.

Марксизм-ленинизм впервые раскрыл социально-экономич. предпосылки концепции «И. д. и.». «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 393). В основе разрыва иск-ва с действительностью — этой питательной среды концепции «И. д. и.» — лежит разрыв между трудом художника как «свободным творчеством по законам красоты», деятельностью по призванию и вдохновению, и материальным трудом, к-рый в бурж. условиях сводится к труду рабочего в качестве придатка машины, лишенному всякой радости и интереса, уродующему человека, калечащему его тело и дух. Иск-во оказывается несовместимым со всеми др. областями человеч. жизнедеятельности, выталкивается из их среды и противопоставляется им как нечто совершенно иное по своей природе. В

условиях капитализма необходимым образом рождается тенденция к резкому обособлению духовного производства от материального труда, так как в бурж. обществе «...духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов» (там же, с. 31). Сфера приложения способностей, развиваемых иск-вом, оказывается ограниченной узкими рамками самого иск-ва. Стихийным отражением этой тенденции и является концепция «И. д. и.». Преодоление этой концепции предполагает, в первую очередь, ликвидацию ее предпосылок экономич. и социального порядка, требует социалистич. революции и коренной ломки бурж. системы организации труда с ее классовыми антагонизмами и противоположностью умств. и физич. труда.

Иск-во развивает не какую-нибудь специфич. человек. способность, имеющую смысл лишь внутри самого иск-ва и неприменимую за его пределами, а всеобщую, универсальную духовную способность, к-рая, будучи развитой, может реализоваться в любой сфере человек. деятельности и познания, будь то материальный труд, политика, наука и т. д. Иск-во организует всю сферу непосредственно-эмоцион. отношений человека к действительности, формирует его «чувственность», культивирует фантазию, творч. воображение. Оно делает человека чутким к восприятию красоты не для того только, чтобы облегчить ему восприятие произведений иск-ва, а и для того, чтобы вооружить его способностью к творч. преобразованию мира. Вскрывая социальные корни концепции «И. д. и.», марксизм-ленинизм выдвигает в противовес этой концепции принцип партийности иск-ва. Реальный выход из кризиса, к к-рому приводит иск-во бурж. общества, возможен не на пути отстранения мимой независимости художника от общества, а через тесную связь иск-ва с жизнью. Ленин, критикуя лицемерие и фальшь бурж. анархич. лозунгов «свободы творчества», видел осн. задачу в том, чтобы противопоставить бурж. лит-ре «... действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» (Соч., т. 10, с. 30).

С победой социалистич. революции и строительством коммунистич. общества иск-во включается в общий процесс переустройства мира на коммунистич. началах, и в живом непосредств. контакте с действительностью, с трудом и борьбой миллионов трудящихся черпает силы для своего поступат. развития. «Искусство принадлежит народу, — говорил Ленин. — Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их» (цит. по кн.: Цеткин К., Воспоминания о Ленине, М., 1959, с. 11). В эпоху строительства коммунистич. общества, когда для каждого человека открываются возможности для разностороннего развития его способностей и дарований, концепция «И. д. и.» теряет всякую почву.

Лит.: Ленин В. И., Партийная организация и партийная литература, Соч., 4 изд., т. 10; его же, О «Вехах», там же, т. 16; Плеханов Г. В., Искусство и общественная жизнь, в его кн.: Литература и эстетика, т. 1, М., 1958; Асмус В. Ф., Шиллер как философ и эстетик. Послесловие, в кн.: Шиллер Ф., Собр. соч., т. 6, М., 1957; Williams K. Wimsatt, Jr., Cleanth Brooks, Literary criticism, Yale university, N.Y., 1957. См. также лит. к ст. Искусство.

ИСЛАМ (арабск., букв. — покорность), или исламизм, — одна из наиболее распространенных религий, возникшая в нач. 7 в. в Аравии. Исползуется в странах Ближнего и Ср. Востока, Сев. Африки и Юго-Вост. Азии; мусульмане составляют религ. меньшинство в Индии, КНР и балканских странах;

в СССР проживают гл. обр. в Ср. Азии, Казахстане, Азербайджане, Дагестане, Татарии и Башкирии. В наст. время последователей И. во всем мире насчитывается ок. 365 млн. чел.

И. возник в Аравии в период перехода арабов на стадию классового общества и образования Араб. гос-ва. В Коране, гл. памятнике начального И., безусловное единобожие является осн. догматом, что отражало объединение араб. племен под единой гос. властью; богопочитание выражается в молитве, посте, паломничестве. В ранних мекканских сурах (главах) Корана преобладают эсхатология и представление о загробном воздаянии, в мединских сурах особое внимание обращено на охрану частной собственности, на регламентацию и защиту интересов собственников. Космогонич. и биологич. представления Корана крайне примитивны.

В обширном феод. халифате И., ставший господств. идеологией, отражал развитие социальных противоречий и классовую борьбу. В дополнение к Корану создавалась сунна (мусульм. священные предание), состоявшая из массы хадисов, т. е. рассказов о поступках и суждениях, приписываемых пророку Мухаммеду. В сунне отразились противоречивые обществ. отношения и социальная борьба в халифате, а также влияние на И. др. религий и антично-эллинистич. филос. систем. Социальная и политич. борьба, выражавшаяся в различных сектантских движениях и учениях, враждебных ортодоксальному И., вызвала создание мусульм. богословия — *калама*. Вопросы о сущности аллаха и его атрибутах, об отнесении значении веры и дел, о предопределении и свободной воле, о происхождении Корана как слова божия стали темами ожесточ. дискуссий, иногда сопровождавшихся вооруж. столкновениями. Название «первые богословы» в И. утвердилось за *мутазилистами*, к-рые, будучи знакомы с нек-рыми произведениями антич. философии, применяли в борьбе с косными ортодоксами элементы др.-греч. диалектики. С конца 8 в. они развивали учение о благом и справедливом боге, о наличии свободной воли у человека и о соответствии Корана, к-рый ортодоксы считали предвечно существующим, несотворенным. Во 2-й пол. 9 в. восторжествовали представители ортодоксальной реакции в борьбе с верхушечным движением мутазилизов, не имевших успеха в угнетенных массах. Но в целях борьбы с оппозиц. сектантскими учениями ортодоксы должны были воспринять мутазилистские методы, благодаря чему оказалось возможным разработать ортодоксальное богословие — *калам*. Его основоположником был Ашарит, видный мутазилист, перешедший в лагерь ортодоксов. Предопределение и несотворенность Корана приобрели значение догматов в *каламе*, сохранились антропоморфич. представления об аллахе. Ортодоксальные мусульм. богословы — мутакаллимы породили весьма обширную схоластич. лит-ру. Разработка осн. положений ашаритского *калама* получила свое завершение в сочинениях Бакыллани (ум. 1013). Ашаритам приходилось вести продолжит. борьбу не только с мутазилистами и сектантскими идеологами, но и с крайними реакц. ортодоксами, не одобрявшими склонности ашаритов к компромиссу. Так, ашариты отрицали от мутазилизов атомистич. систему, являвшуюся искажением философии Демокрита и Эпикура. По представлению мутакаллимов, имеются не только атомы пространства, но и атомы времени. Нечислимое множество атомов служит основой всех явлений во Вселенной. Но атомы отнюдь не материальны, т. к. не имеют массы, не обладают протяженностью ни в пространстве, ни во времени; каждый атом отделен от др. атомов абсолютной пустотой. Движение атомов, их сочетания и изменения в них происходит только в результате воз-

действия на них активной воли аллаха. Аллах представляется не только в виде демиурга, творца Вселенной, создавшего ее из ничего словом «буди». Он находится в состоянии непрерывной творч. деятельности, создает одни атомы и уничтожает другие. Поэтому, напр., рост и развитие живых организмов, как и растений, объясняется тем, что бог все время создает новые атомы, а испарение и выветривание — тем, что он уничтожает отд. частицы воды и минералов.

Мутакаллимы не признавали наличия постоянных свойств и качеств, присущих вещам, отрицали связь между причиной и следствием, а следовательно, и всякую закономерность явлений. Они допускали только возможность обывания, или привычки, вложенной богом в природу. В силу этой привычки, регулярно происходят разливы Нила и др. рек, в определ. сезоны дуют муссоны. Но бог в любое время может нарушить такую привычку, совершив чудо. Не только закономерность, но и вечность мира отрицалась, т. к., по Корану, он был создан во времени и погибнет в результате светопреставления, после дня Страшного суда.

В каламе не допускаются ни рассуждения, ни суждения по аналогии. Осн. правило: не задавать вопросов и не делать сравнений. Предписывается слепо подчиняться признанным авторитетам. Из калама выделилась как его осн. отрасль таухид — учение о единстве божьем, схоластич. обоснование первого, важнейшего догмата И. Значит, развития достигла экзегетика — толкование Корана. Наиболее крупными и известными его толкователями были Табари (839—923), Замахшари (1074—1143) и Бейдави (ум. ок. 1282).

К 10 в. была завершена кодификация сунны: хадисы, к-рые ортодоксы признавали подлинными, были сведены в «шесть книг». Из них наиболее авторитетным сборником хадисов считается «Ас-Сахих», составленный Бухари (ум. 870). На основании интерпретации Корана и сунны, с применением кыяса (суждение по аналогии) и признанием иджма (согласное мнение религ. авторитетов) разрабатывалось мусульм. право — фикх и проводилась кодификация мусульм. права — шариата. Разум как одна из основ фикха применялся весьма ограниченно. После оформления четырех мазахабов, т. е. школ или направлений мусульм. права, считающихся одинаково правоверными, «двери иджитихада (т. е. самостоятельных изысканий) были закрыты». В шариате религ. обрядность разработана до мельчайших подробностей, предусмотрены все возможные обстоятельства. Напр., зафиксировано более 300 правил совершения молитвы. Шариат, в к-ром все нормы гос., уголовного, семейного и пр. права освящены религией, служил средством угнетения масс в феод. гос-ве.

Схоластич. каламу выдающиеся представители прогрессивной мысли в халифате противопоставляли свои научно-филос. труды, основанные на разуме и исследовании. Так, «философ арабов» аль-Кинди (800—879) показывал несостоятельность калама и допускал возможность критики отд. положений Корана. Поэт-мыслитель *Абу-ль-Ала аль-Маарри* (973—1057) подвергал сокрушающей критике догматы и обряды И. Идеологи массовых сектантских движений (особенно карматы) отвергали вероучение ортодокс. И., идеологии господств. класса феодалов, не соблюдали обряды и не признавали норм шариата. Борьбу против ортодоксального, правоверного направления И., именуемого обычно суннизмом, вели не только сектанты, но и приверженцы др. осн. направления — *шиизма*.

Шиизм возник во 2-й пол. 7 в. как оппозиция самодержавной власти халифов, представлявших интересы арабской родовой аристократии. Шииты, первоначально

выражавшие интересы арабской родовой демократии, выступали сторонниками семьи Али, к-рого они признавали основателем своей династии 12 имамов. Последний из них считается «скрытым имамом», обитающим в недоступном убежище. Вера в этого имама связывается с его будущим пришествием к верующим, среди к-рых он установит пресловутое царство равенства и справедливости. Это учение о грядущем спасителе — махди, мусульм. мессии, должно было побуждать шиитов к отказу от борьбы за переустройство общества и к пассивному ожиданию создания царства божия на земле. Такая социальная направленность махдизма побудила суннитское духовенство включить это учение в систему ортодоксального И. Шииты признают Коран словом божьим, но подвергают его произвольному иносказат. толкованию, вместо сунны имеют свое священное предание; они развили культ мучеников, выполняют свои обряды и отмечают свои праздники в честь мучеников.

Др. проявлением оппозиции к ортодокс. И. был начальный *суфизм* с его мистич. и аскетич. тенденциями. Суфии, появившиеся в 8 в., не отличались особенно тщательным и усердным выполнением обрядов и были склонны к аскетизму. Нек-рые из них, будучи чтецами Корана и проповедниками, осуждали произвол властей, чревоугодие и сластолюбие феодалов и духовенства. Этим они быстро приобрели популярность в угнетенных нар. массах. Усиление эксплуатации трудящихся, подвергавшихся закрепощению, в 9—10 вв. служило благоприятной почвой для развития мистицизма в суфизме. Его идеология восприняла элементы учения и практики вост. христианства, неоплатонизма и буддизма. Отвергая ортодокс. обрядность и не признавая авторитета ортодокс. духовенства, суфии, будучи пантеистами, стремились к непосредств. единению с божеством посредством различных приемов, доводивших их до невменяемости.

Различные мистич. учений и популярность суфиев в массах вызвали признание суфизма ортодокс. богословами. Один из столпов суннизма — *Гааали* (1059—1111), непримиримый враг философии, ввел суфизм в систему ортодокс. И. Он определил три последоват. стадии, переживаемых суфием: очищение, озарение и единение с божеством. С 11 в. суфизм утратил былой оппозиц. характер. Суфии-дервиши превратились в паразитич. прослойку. С 12 в. создавались крупные братства дервишей, мусульманские монашеские ордена со своими уставами. С суфизмом связано развитие культа святых в И. В крупных феодальных государствах Востока И. как идеология господств. класса играл важную политич. роль, оправдывая захватнические войны тур. султанов в 15—17 вв., иран. шахов (напр., Надира в 18 в.), инд. Великих Моголов в 16—17 вв.

Становение капиталистич. отношений в мусульм. странах вызвало существ. изменения в феод. идеологии И. Его приспособление к этим отношениям приняло форму мусульм. реформации в конце 19 и нач. 20 вв. Мусульм. реформаторы (напр., Мухаммед *Абдо* в Египте и Мухаммад *Икбал* в Индии) как идеологи вост. буржуазии освящали авторитетом Корана, подтверждаемого соответствующему толкованию, взаимодействие достижений европ. науки и техники. В интересах капиталистич. произ-ва они допускали отмену устаревших норм шариата, напр. затворничества женщин, многоженства, изнуряющего поста, запрещения изображения живых существ в живописи и скульптуре. Они опирались на соч. Спенсера, Конта и нек-рых др. бурж. философов и социологов.

Проникновение иностр. капитала на Восток явилось причиной антифеод. движений, как, напр., *бабизма*, выражавшего интересы иранской торговой буржуазии, а затем развившегося в идеологию борьбы

пар. масс против фео. строя. Под пуританскими лозунгами «очищения ислама» вели борьбу против колониального порабощения в 19 в. махдисты в Судане, ваххабиты в Аравии и сенуситы в Ливии. В период империализма мусульм. высшее духовенство, связанное с классом феодалов, и вост. командорская буржуазия служили опорой колониального господства. Служение командоров империалистам получило яркое выражение в *бехаизме* с характерным для него космополитизмом и пацифизмом, благодаря чему это учение стало распространяться не только на Востоке, но и в Зап. Европе и США.

Гораздо сложнее учение панисламизма, к-рый, по определению Ленина, пытался соединить освободит. движение против европейского и американского империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл и т. п. (см. Соч., т. 31, с. 127). Основоположник панисламизма Джемаль-ад-дин аль-Афгани (1839—97) ложно изображал колониальное закабаление Востока как наступление христ. Запада на мусульм. мир в целях его уничтожения. Поэтому он предлагал гос. объединение всех мусульм. народов под властью халифа. Тур. султан Абдул-Хамид II использовал панисламизм как оправдание классового и нац. угнетения.

После Октябрьской революции, в период развития нац.-освободит. движения, панисламисты оставались на стороне империалистов. В эпоху распада колониальной системы они выступали с проимпериалистич. концепцией об И. как «третьей силе», призванной бороться одновременно «как с коммунизмом, так и с империализмом». С этими представителями мусульм. реакции в лице шейхов ун-та аль-Азхар в Каире папа римский Пий XII предложил заключить наступат. союз против сил мира и демократии. Бурж. идеологи И. под влиянием борющихся масс принимают участие в антиимпериалистич. движении, освящают авторитетом религии такие события, как установление респ. строя в Египте, национализация Суэцкого канала, образование Объединенной Арабской Республики. Нац. буржуазия, господствующая в мусульм. странах, добившихся политич. независимости, использует И. как духовное орудие власти.

Мусульманские руководящие круги (напр., шейхи ун-та аль-Азхар в Каире, улемы в Пакистане) враждебно относятся к коммунизму и в своей печати изображают марксизм-ленинизм в извращенном виде. Они выступают защитниками частной собственности, частной инициативы и конкуренции. Но мелкобурж. идеологи нередко пытаются подкрасить И. под цвет коммунизма, изображая возникновение этой религии как величайшую социальную революцию, а пророка Мухаммеда как крупнейшего социального реформатора и даже революционера. Верование и право И., по их мнению, обеспечивает экономич. и обществ. равенство всех мусульман, что противоречит общеизвестным фактам. После 2-й мировой войны политич. значение И. сильно возросло: его используют в интересах своей политики как нац. буржуазия и феодалы стран Востока, так и империалисты, стремящиеся сохранить и усилить свое влияние в этих странах. Совр. идеологи и пропагандисты И. применяют все доступные средства (печать, радио, кино, представит. учреждения, миссионерские орг-ции) для упрочения и расширения влияния на пар. массы, особенно на молодежь.

Лит.: Маркс К., Объявление войны. — К истории возникновения восточного вопроса, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 10; его же, [Письмо] Ф. Энгельсу, 2 июня 1853, Маркс К. и Энгельс Ф., Избранные письма, [М.], 1953; Массэ А., Ислам. Очерк истории, пер. с франц., М., 1961; Мюллер А., История ислама с основания до новейших времен, пер. с нем., т. 1—4, СПб., 1895—96; Крымский А. Б., История мусульманства, ч. 1—2, 2 изд., М., 1904, ч. 3, М., 1912; Бартольд В. В., Ислам, П., 1918; его же, Культура мусульманства, П.,

1918; Климович Л. И., Ислам в царской России. Очерки, М., 1936; Смирнов Н. А., Современный ислам, 2 изд., М., 1930; его же, Мусульманское сектанство, М., 1930; его же, Очерки истории изучения ислама в СССР, М., 1954; Беляев Е. А., Происхождение ислама. Хрестоматия, ч. 1, М.—Л., 1931; его же, Мусульманское сектанство. (Исторические очерки), М., 1957; Гольдцигер И., Лекции об исламе, пер. [с нем.], СПб., 1912; его же, Muhammadanische Studien, Tl 1—2, Halle/Saale, 1889—90; Arnold T. W., The preaching of Islam, 2 ed., L., 1913; Becker C. H., Vom Werden und Wesen der islamischen Welt, [Islamstudien], Bd 1—2, Lpz., 1924—32; Adams C. C., Islam and modernism in Egypt, L., 1933; Lammen H., L'islam, 2 ed., Beyrouth, 1941; Unity and variety in Muslim civilization. Ed. by G. E. von Grunebaum, [Chi., 1955]; Classicisme et déclin culturel dans l'histoire de l'Islam. Actes du symposium international d'histoire de la civilisation musulmane (Bordeaux 25—29 Juin, 1956), P., 1957. Е. Беляев Москва.

ИСМАИЛИТЫ — приверженцы наиболее распространенной мусульм. шиитской секты, возникшей во 2-й пол. 8 в. в арабском халифате. Достоверные сведения о них имеются только с конца 9 в. Название секты происходит от имени Исмаила. Под влиянием наиболее активной группировки шиитов, требовавших репит. выступления против суннитского халифа, Исмаил был признан седьмым и последним имамом. Учение И. представляет собою религ.-филос. систему, в к-рой заметно влияние неоплатонизма и буддизма. Согласно этой системе, бог-аллах, не имеющий атрибутов и недоступный пониманию, породил мировой разум. Этот разум создал мировую душу, свойством к-рой является жизнь, движение. Благодаря этому свойству она произвела материю — видимый мир, доступный восприятию. Но материя инертна и способна принимать различные формы только как отражение идей, содержащихся в мировом разуме. Земными воплощениями этого разума являются пророки, возвещающие божеств. истину, откровение, а преемниками пророков были имамы. И. признают 7 пророков (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус Христос, Мухаммед, Исмаил), а их преемниками 7 имамов. Каждый пророк олицетворял историч. эпоху и соответствующую ей стадию божеств. откровения. Учение И. было официальной идеологией фатимидских халифов, захвативших власть в Тунисе в 909, а затем правивших в Египте в 972—1171. В конце 11 в. в исмаилизме произошел раскол: образовался неонисмализм, ставший идеологией секты ассасинов, к-рые обожествили своего имама. В последнее время наиболее влият. и распространенное направление исмаилизма возглавлялось «живым богом» Ага-ханом.

Лит.: Смирнов Н. А., Мусульманское сектанство, М., 1930; Беляев Е. А., Мусульманское сектанство (Исторические очерки), М., 1957; Бертельс А. Е., Насириты и исмаилизм, М., 1959. Е. Беляев Москва.

ИСПАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Историю философии в Испании можно разделить на следующие периоды: 1) рабовладельч. общества (1—5 вв.); 2) феодализма (6—15 вв.); 3) зарождения капитализма (конец 15—18 вв.); 4) капитализма, включая период империализма (19—20 вв.).

Развитие философии на территории Испании начинается еще в период рабовладельч. общества. Она была тесно связана с римской философией. Испания была одной из наиболее развитых провинций Рим. империи. Целый ряд видных политич. деятелей Рима, в т. ч. и нек-рые императоры, происходили из Испании. Исп. провинция Рима имела богатую для своего времени культуру. Видным оратором, философом этого периода был Марк Фабий Квинтилиан (42 или 45 — ок. 120). Идеалистич. философия в Древней Испании представлена именами сторонника пифагорейской философии Модерата из Кадиса (1 в.) и Луция Аннея Сенеки — главы рим. стоицизма, выходя из Кордовы. В 1 в. в Испании распространились религ.-мистические настроения.

В 3 в. появляется христ. лит-ра. Уже в это время начинается процесс слияния философии и *христианства*, как это происходило, напр., в творчестве Марка Аврелия Пруденция (р. 348 или 350 — г. смерти неизв.).

Усиление противоречий рабовладельч. общества и распад рабовладения, а также распространение христианства привели к усилению идеол. борьбы. Испания становится центром теол. дискуссий, острота к-рых обуславливалась тем, что в то время как господствующие классы приняли христианство, рабы и колонны придерживались язычества. Социальные противоречия принимали религ. окраску и проявлялись в борьбе различных направлений язычества, *гностицизма*, христианства, в т. ч. различных *ересей*, направленных против ортодокс. христ. трактовки сотворения мира, происхождения зла, веры в воскресение и т. д. Наиболее влиятельными из ересей было прискрианиство (по имени ее основателя *Прискаiana*, 5 в.) и *арианство* (центром к-рого в Испании в 5 в. был г. Толедо); получили развитие еретич. стороны учения раннехрист. богослова *Оригена*; выдвигалось учение о том, что все, в т. ч. ангелы и дьяволы, создано из одной субстанции, отрицалась правомерность вечного наказания и утверждалось, что мир вечен и что откровение должно согласоваться с разумом.

Революц. борьба рабов и вторжение варваров привели в 6—7 вв. к окончат. разложению рабовладения, к победе феод. строя, к возникновению на территории Испании ряда феод. гос-в (вестготское, свевское, вандалское королевства).

Уже в период становления феодализма религия и теология становятся господств. формами идеологии. Церк. соборы стали фактически верховными органами гражд. власти. Церковь и ее идеология защищали феод. порядки. Собор в Севилье (590) объявил систему колоната богоугодной и запретил духовенству освобождать колонов. Закрепощение крестьянства и преследование еретиков усиливало недовольство масс. Идеол. борьба осложнялась тем, что к этому времени различные группы местного населения исповедовали различные религии. В 587 или 589 на основании решения 3-го Толедского собора вестготы приняли христианство. В этих условиях наука и философия поглощались теологией и были заперты в церк. и монастырских школах. Первая такая школа была создана в Валенсии в конце 5 в. В числе деятелей теологии этого времени был епископ Пауло Оросио (5 в.), по просьбе к-рого *Августин* написал свой трактат против прискрианицев и сторонников Оригена. Самой знаменитой была школа в Севилье (6 в.). Попытку использовать для обоснования христ. догматики забытое к тому времени учение *Платона* предприняли Лициниан и Северо. Одним из создателей основ христ. догматики, полностью поглощавшей философию, являлся Исидор Севильский (р. около 570—ум. 636).

В Испании 8—12 вв. развитие философии как одной из сторон культурного подъема страны происходило на фоне общего обострения классовых противоречий, и борьбы против араб. завоевателей. Это развитие протекало по нек. руслу: *арабская философия*, евр. философия (причем в той и другой происходила борьба передовых, материалистич. по своей тенденции, идей против религ.-идеалистич. исламской и иудейской ортодоксии), собственно исп. философия, развитие к-рой осуществлялось в борьбе передовых ее направлений — ересей, зачатков естеств.-науч. мысли против христ. ортодоксии, с к-рой все более сливалась схоластика.

Религ. реакцию в араб. философии представляли в 8—9 вв. Аяя, в 11—12 вв. *Газали*, пытавшийся соединить догмы ислама с неоплатонизмом.

Передовые араб. философы этого времени опирались на опытное знание, на науки о природе. Они пользовались переводами соч. антич. ученых, особенно Аристотеля. Араб. аристотелизм находился в оппозиции к исламской ортодоксии. В 12 в. испано-араб. (кордовские) аристотелики — *Ибн Баджа* (Авеншаде), *Ибн Туфейль* (Абубацер), *Ибн Рошд* (Аверроэс) развивают материалистич. стороны учения греч. философа и противопоставляют рационализм религ.-идеалистич. мистицизму испанской ортодоксии. Араб.-исп. аристотелики оказали большое влияние на развитие идей материализма и рационализма в Испании. Замечание Энгельса о том, что «...у романских народов стало все более и более укореняться преемственное от арабов и питавшееся неоткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века» («Диалектика природы», 1955, с. 4), всецело относится и к исп. народу.

В 10 в. Испания становится также центром евр. философии. В 948 центр раввинизма из Академии в Соре (в Вавилонии) был переведен сначала в Кордову, а затем в Севилью, Лусену и, наконец, в Толедо. В еврейской, как и в араб. философии, сформировалось два направления. Ортодокс. линию евр. религ. философии представлял *Иегуда Галеви*. Хотя он и подверг критике мусульм. и христ. религии, однако делал он это не в целях борьбы с религ.-мистич. философией, а во имя евр. религ. ортодоксии. В противоположность этому направлению, в 11—12 вв. евр. неоплатоники (*Ибн Гебироль*, *Ибн Эзра* и др.) стремились освободить философию от мистицизма, в частности от мистич. учения *каббалы*. В 12 в. среди передовых евр. философов (*Ибн Дауд*, *Маймонид* и др.) растет авторитет Аристотеля. Они отвергли не только мистицизм Газали и Галеви, но и неоплатонизм Ибн Гебироль и в противовес религ. фанатикам, хотя и не выходя за рамки религии, доказывали, что человек. воля свободна, что философия не противоречит «священному писанию». По их мнению, можно верить лишь в то, что не противоречит разуму. Евр. философы, придерживавшиеся этих взглядов, подвергались ожесточ. травле. В борьбе против сторонников Маймониды евр. религ. фанатики прибегали к помощи инквизиции. В 13—14 вв. передовые традиции евр. аристотелизма продолжил астроном и философ *Герсонид*. Евр. философы и переводчики (в особенности из семьи Тиббонидов) познакомили Европу с араб. и антич. философией.

Местное население на завоеванных арабами землях продолжало исповедовать католич. религию. Поэтому подготовка и ранний период развития схоластики (8—12 вв.) протекали в Испании в острой борьбе против идей Корана, а также Талмуда и различных еретич. учений. Представителями христ. схоластики мысли Испании этого периода являются Эулохио (9 в.), Эсперайндео и аббат Самсон (ум. 890). В своих соч. они стремились защитить, систематизировать и обосновать спекулятивно-логич. путем положения религ. догматики. Философия играла вспомогат. роль по отношению к теологии.

Однако в пределах схоластики намечалось течение, оспаривавшее ортодокс. толкование теологич. проблем. Деятели этого направления подчас выступали против нек-рых положений ортодокс. христианства: епископ Гостехесис из Малаги (8 в.), Михесно (8 в.), епископ г. Толедо Элиаиндо (8 в.), примкнувший к осужденному церковью учению фелицианизма.

Передовая собственно И. ф. 12 в. связана с *аверроизмом*, стоявшим в оппозиции к ортодоксальному исламу и развивавшим материалистич. и атеистич. тенденции араб. философии. Одним из важнейших очагов аверроизма в Европе становится Толедо, где

была создана знаменитая школа переводчиков, знакомящая ученый мир с соч. Ибн Рошда, Ибн Сины, Ибн Гебироля и др. мыслителей. Вместе с тем переводчики из Толедо способствовали систематизации схоластики с помощью извращенного учения Аристотеля. Во главе этой школы стояли Хуан Севильский и Доминго Гундисальво, к-рый считал, что существует только одна субстанция и что душа человека и ангелов состоит из материи и формы. Гундисальво утверждал вечность материи и отрицал, что мир был сотворен. По его мнению, материя и формы совечны богу, и хотя бог является первопричиной, но весь природный мир — производное материи и форм. Появляются и первые робкие попытки отд. мыслителей заняться естеств.-науч. вопросами или привлечь к ним внимание. Так, в 13 в. выступил врач и естествоиспытатель Арнальдо из Валенсии (1240—1313), требовавший изучения природы, ее законов и практич. проверки полученных данных. Усиливаются религ. скептицизм и индифферентизм.

Однако в школьном образовании в 12—13 вв. господствовала схоластика. Борьба ортодокс. схоластов этого времени была направлена в первую очередь против аверроизма. Осн. центром схоластич. мысли становится ун-т г. Саламанка, созданный в 13 в. Представителем ортодокс. схоластики являлся последователь Августина Пруденций Галиндо (9 в.), выступивший против зарождавшегося номинализма с книгой «О предопределении свыше против Иоанна Скота» (Prudentius Galindo, De praedestinatione contra Johannem Scotum). Борьба с «инакомыслящими» требовала определенной систематизации и «рационализации» схоластики, тем более, что в Испании было сильно влияние передовой араб. и евр. философии, в различных слоях гор. населения возрастал интерес к науч. знаниям. Этой потребности отвечала деятельность схоластов — Раймунда Лулия (предвосхитившего применение комбинаторных методов в логике и в этом смысле являющегося предшественником математич. логики), Петра Испанского, Раймундо Марти (1230—86) и др. Создаются военно-рыцарские ордена: доминиканцев-проповедников для обращения «еретиков» и францисканцев, следивших за соблюдением догм христ. религии.

К 14—15 вв. схоластика все более ограничивается рассмотрением узкого круга традиц. проблем. В результате ослабления феод. аристократии, уничтожения крепостного права, появления первых ростков капиталистич. отношений, усиления экономич. и политич. мощи городов, служивших опорой абс. монархии и единого исп. гос-ва, начинается упадок схоластики. В разрез с догматами религ. мировоззрения складывалась естеств.-науч. основа идеологии, стоявшей в оппозиции к ортодокс. схолистике. Создаются новые ун-ты в Лериде (1300), Уэске (1334), Вальядолиде (1346), Валенсии (ок. 1440), Барселоне (ок. 1450). В 1473 в Сарагосе или в 1474 в Валенсии появилось книгопечатание.

В 14—15 вв. исп. мыслители, как и деятели культуры нек-рых др. стран эпохи Возрождения, обращаются к активному изучению антич. культуры. Появляются многочисл. издания сборников высказываний древних мыслителей и переводы их произведений. Идеологич. борьба выходит за рамки теологич. споров и начинает охватывать лит-ру и иск-во, а также и естествознание. В 14 в. оппозиция к церкви и к ее идеологии проходила под знаком т. н. соборного движения и номинализма как учения, оппозиционного к ортодокс. схолистике. Наиболее видным номиналистом был епископ Альваро Перес, к-рый более известен под именем Альваро Пелахио. Постоянная вражда между доминиканцами и францисканцами еще больше расшатывала схоластику.

В 15 в. критика церкви и схоластики усиливается, разложение феод. идеологии углубляется и начинает зарождаться новое гуманистич. мировоззрение. Эта тенденция коренилась, в частности, в успехах реконкиты, завершенной к концу этого века (1492). Гл. тяжесть борьбы с иноземными захватчиками несли гор. и крест. массы и вполне естественно, что они в ходе реконкиты выдвигали и антифеод. лозунги, как это имело место, напр., в крест. восстании в Каталонии под руководством Педро Хуана Сала (1484). На базе этих социальных движений проходила борьба против феод. идеологии, захватившая и нек-рых религ. идеологов. Таким противником религ. ортодоксии, вышедшим из числа ее служителей, был магистр ун-та Саламанки Педро, объявивший католич. обряды неразумными. Он усомнился в авторитете рим. пап и осудил продажу индульгенций. Антицерк. взгляды Педро были осуждены инквизицией. В 1445 был объявлен «антихристом» Фернандо из Кордовы (1425—86), подвергший резкой критике профессоров-схоластов Парижского ун-та. Сомнение в истинности католич. веры и церк. установленный высказал Ансельмо Турмеда. К числу еретич. учений было отнесено отрицание Алонсо Тостадо роли церкви и бога в спасении душ. Рамон Сабунде выступил в защиту единства чувств и разум. познания, призывая следовать не столько книгам богословов, сколько «книге природы». В 15 в. выступил Антонио де Небриха — один из важнейших деятелей исп. гуманизма.

Церковь пыталась укрепить свои позиции в области идеологии путем насилия, осн. орудием к-рого была инквизиция.

Новый этап в развитии И. ф. связан с зарождением капитализма в Испании. Во 2-й пол. 15 в. появляется мануфактурное произ-во, начинается процесс создания единого нац. рынка, преодоления разобщенности отд. провинций страны. Колонизация новых земель способствовала на первых порах экономич. развитию Испании. В Испании успешно развивается математика, астрономия, медицина, география, ботаника, зоология и др. науки. К концу 16 в. в Испании насчитывалось 30 ун-тов. Важнейшим центром науч. знаний о природе становится Севилья, через к-рую проходили в основном все связи с колониями. В 1503 в этом городе была создана т. н. Торговая палата (Casa de Contratacion), к-рая стала крупнейшим центром опытных знаний. При ней были учреждены кафедры математики, космографии, астрономии, картографии, гидрографии и артиллерии. Ученые Севильи внесли большой вклад в пересмотр ср.-век. представлений о природе. В 16 в. распространилось книгопечатание по всем городам Испании, и она стала одним из крупнейших центров книгопечатания в мире.

Зарождение капиталистич. отношений и развитие естествознания вызвали к жизни новую светскую идеологию, направленную против схоластики. Борьба со схоластикой была тесно связана с борьбой против церкви и проводилась на основе гуманизма, сенсуализма, материализма и атеизма. Идейные корни этого нового направления И. ф. восходят к номинализму, аверроизму и ересям предшеств. веков. Оно было тесно связано и с современными ему зап.-европ. вольнодумством и гуманизмом (*Эразм Роттердамский* и др.). Это направление И. ф. представляли Педро де Лерма, осужденный в 1537, Паскуаль Матео, Альфонсо Вальдес (ум. в 1532), автор «Диалога Лактанция и Архидиакона» (A. Valdes, Dialogo de Lactancio y un Arcediano, 1527), в к-ром он осмеивал продажу индульгенций и утверждал, что в странах, где властвует церковь, не может быть порядка. В «Диалоге Меркурия и Карона» («Dialogo de Mercurio y Caron») Вальдес подвергал острой критике королей и церковников. Его брату Хуану Вальдес (ум. 1541) принадлежит

«Диалог о языке» (J. Valdes, Dialogo de la lengua, 1533, изд. 1737), «Христианский алфавит» («Alfabeto cristiano», 1546) и др. соч., в к-рых он выступал как ярый противник светской власти пап и догм католич. церкви. Крупнейшим гуманистом и философом Испании 1-й пол. 16 в. был Вивес.

Стремления к объективному познанию природы привели к созданию т. н. естественной философии. К этому направлению И. Ф. принадлежали естествоиспытатели Сервет и Гомес Перейра. С новым истолкованием природы человека выступил в 1587 врач Сабуко. Врач Франсиско Вальес (1524—92), профессор ун-та Алькала, на основании принципов «естественной философии» отрицал творение мира «из ничего». Он считал, что 4 стихии — огонь, земля, вода и воздух существовали до появления света (luz) и что из них на основе борьбы противоположностей (vis repugnandi) возникли все вещи материального мира. В противовес схоластам, он утверждал, что чувства неотделимы от разума и что по этой причине животные также являются разумными существами. Помимо комментариев к физике Аристотеля (изданных в Алькала в 1562), его перу принадлежат «Медицинские и философские споры» (F. Valles Covarrubias, Controversiarum medicarum et philosophicarum..., 1556) и «О святой философии» («De sacra philosophia», 1587).

«Естественную философию» в Саламанке с 1542 начал преподавать Фернан Перес де Олива (1494—1531). В «Диалоге о достоинстве человека» (F. Perez de Oliva, Diálogo de la dignidad del hombre, 1546) он отстаивал идею неограниченности познания, возможности человек. разума. Попытку дать систематич. изложение «естественной философии» предпринял в книге «Основы естественной философии» (A. Fuentes, Summa de philosophiae naturalis..., 1545) Алонсо Фуэнтес (р. 1515 — г. смерти неизв.). В рамках этого же направления с критикой схоластики выступили Педро Хуан Пуьес (1552—1602) и Педро Симон Абриль. Развитие «естественной философии» привело исп. филос. мысль к материализму, одним из основоположников к-рого в Испании был Уарте.

С борьбой против схоластики и апологии феод. произвола связана выработка новых по своему существу бурж. взглядов на человека и человек. общество. Бартоломе де лас Касас и Бартоломе де Альборнос осуждали насильств. подчинение народов и захватнич. войны. В «Трактате о государстве» (A. del Castillo, Tratado de la república, 1524) против наследств. монархии выступил Алонсо дель Кастильо. Антонио де Гевара (р. 1480 или 1481 — ум. 1545) резко осуждал падение прав людей. Он считал счастливым не то общество, к-рое обладает большими богатствами, а то, в к-ром живут мирные и добродетельные люди. Гевара возлагал все свои надежды на просвещ. монархию. Против тирании, в защиту «естественного права» высказывался и Мариана. Он считал справедливым восстание против короля, пренебрегающего интересами общества. Его книга «Девальвация денег» (J. Mariana de, De monetae mutatione, 1609), в к-рой утверждалось, что золото Америки погубило Испанию, была причиной осуждения ее автора инквизицией.

С позиций скептицизма, направленного против схоластики, схоластики, слепого подчинения авторитетам и за создание новой науки, опирающейся на действит. знание вещей и явлений природы, боролся Санчес, автор соч. «О том, что познания нет» (F. Sanchez de las Brozas, Quod nihil scitar, 1581).

Противостоящая передовым направлениям исп. мысли ортодокс. схоластика переживала в 16 в. глубокий кризис. Слепо подчиняясь догматам церкви, она ограничивалась защитой религии и существующих порядков. Реакц. ортодокс. догматику защищал в борьбе с гуманизмом Диего Лопес де Суньига, автор «За-

меток против Эразма» (J. López de Sufñiga, Annotationes contra Erasmus..., 1520). Позиции схоластики придерживался Хуан Хинес де Сепульведа.

Вместе с падением экономич. мощи и политич. влияния городов, начавшемся во 2-й пол. 16 в., в стране усиливается идеологич. реакция и укрепляются позиции феодалов. В 1534 для борьбы против Реформации Игнатий Лойола создал орден иезуитов, к-рый был утвержден папой Павлом III в 1540. Три года спустя было издано распоряжение, запрещающее печатать, продавать или хранить какие-либо книги, не одобренные инквизицией. В 1558 Павел IV издал буллу, к-рая предписывала инквизиц. трибуналам привлекать к суду всех лиц, подозреваемых в ереси. В 1559 был обнародован первый индекс запрещенных книг. Благодаря инквизиции церковь «...превратилась в самое несокрушимое орудие абсолютизма» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 10, с. 431).

Однако, несмотря на гос. и клерик. поддержку, схоластика не могла устоять под ударами нового гуманистич. мировоззрения. Поэтому представители офиц. идеологии и, прежде всего, доминиканцы и иезуиты, предприняли попытку ее «обновления» с учетом требований новой эпохи. Профессор Саламанкского ун-та доминиканец Франсиско де Витория (1483—1546) сделал попытку освободить схоластику от дискредитированного ее формализма. Для Витории характерно, вместе с тем, оправдание применения насилия по отношению к народам колоний в интересах проповеди католич. веры. Дело Витории продолжил его ученик, доминиканец Доминго де Сото (1492—1560). В соч. «О диалектике Аристотеля» (Domingo de Soto, In dialecticam Aristotelis, 1548) Сото защищал индуктивный метод. Др. ученик Витории, проф. теологии ун-тов Алькалы и Саламанки, доминиканец Мельчор Кано (1509—60) считал, что в теодицее и в теории души Платон более соответствует религ. вероучению, чем Аристотель. В остальных вопросах он следовал схоластизированному Аристотелю.

Особенно активную деятельность по согласованию ортодокс. догматики с новыми веяниями развили иезуиты. Они были более свободны и независимы, чем доминиканцы, и более охотно обращались к учению Платона, хотя в целом и оставались верными последователями томистской обработки Аристотеля. «Обновление» схоластики иезуитами связано прежде всего с именем Суареса, начинания к-рого продолжили Габриель Васкес (1550—1604), Луис де Молина (1636—1700) и др. иезуиты.

Роль францисканцев в «обновлении» схоластики была менее значительной. Они были расколоты на сторонников Бонавентуры и Луллия. Францисканцы стремились, с одной стороны, соединить томистскую схоластику с неоплатонизмом, следуя здесь за Бонавентурой. С др. стороны, следуя Луллию, они пытались рационализировать схоластику. Философия Иоанна Дунса Скота казалась францисканцам слишком опасной. Лишь Антонио Андрес продолжил это направление в схоластике.

Промежуточное место в И. ф. этого периода занимал мистицизм неоплатонич. направления. Он не солидаризировался полностью с офиц. догматиками, но исходил не из данных наук о природе, а из идеалистич. учения Платона, оставаясь в пределах религии. Наиболее последоват. сторонником мистич. платонизма был Леон Еврей. К платонизму тяготел и Себастьян Фокс Морсильо (1526—60), стремившийся преодолеть противопоставление Аристотеля и Платона и согласовать их теории о формах и идеях. Среди мистиков проповедовались мысли о способности человека обойтись без церк. обрядов, книг и авторитетов, а поэтому они нередко подвергались преследованиям инквизиции. Наиболее деятельными преследованиями инквизиции

были монахи из ордена кармелитов (*Тереса* и *Хуан де Йепес-и-Альварес*, 1542—91). Аскетизм был представлен Луисом де Гранада (1504—88), а также Хуаном Эусебио Ньерембергом (1590—1658) и Мигелем де Маньяра (1626—79). В 17 в. Испания обнаружилась, по словам К. Маркса, «...все симптомы позорного и продолжительного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи...» (там же с. 431). Это разложение приводило к дальнейшему углублению реакции, к окостенению офиц. идеологии, в частности, философии. Однако, несмотря на всю свою воинственность, реакция не была способна пресечь развитие наук о природе, а следовательно, и передовой философии. В 1697 *Сапата* создал в Севилье «Королевское общество медицины и наук». В том же году в Валенсии Томас Висенте Тоска основал частную Академию математики, к-рая, впрочем, в 1705 была закрыта.

Разносторонняя деятельность гуманистов и естествоиспытателей Испании 17 в. в борьбе против схоластики и в области точных наук требовала более прочной основы, к-рую *Кеведо-и-Вильегас*, Фернандо Кардосо (1615—80), Хуан Карамуэль де Лоблокович (1608—82) и др. находили в философии Эпикура. Демократич. социально-политич. идеи развивали *Диего Сааведра Фазардо* (1584—1648) и Франсиско Мартинес де ла Мата (р. в конце 16 в.). Последний называл себя «слугой страждущих бедняков» и предлагал решить стоявшие перед Испанией экономич. проблемы с помощью аграрной реформы. На передовых мыслителей Испании 2-й пол. 17 в. благотворное влияние оказали идеи Декарта и Гассенди.

В распространении идей гуманизма в 1-й пол. 17 в. большую роль сыграло творчество Мигеля де Сервантеса (1547—1616) и Лопе де Вега (1562—1635).

Дух религ. нетерпимости и инквизиц. террора определил характер офиц. католич. философии в Испании этого времени. Ее крупнейшие представители (*Хуан де Санто Томас*, 1589—1644; *Родриго де Арриага*, 1592—1664) ограничивались бесплодным повторением учения Фомы Аквинского. Мистич. идеи развивал Мигель де *Молинос*. С позиции *концептуализма* выступил *Вальтасар Грасиан-и-Моралес*.

Центрами независимой науч. мысли в Испании 18 в. были Севилья и Валенсия с ее ун-том. В Севилье издавался «*Revista mensual de Filosofia, Literatura y Ciencias de Sevilla*». Новой философии покровительствовала Королевская академия языка, созданная в 1714. В основанной в 1734 Академии медицины, а четыре года спустя — в Академии истории пробивали себе дорогу новые веяния в науке и философии. Был открыт Реальный ин-т (*Instituto de estudios reales*) по изучению естеств. наук, математики, медицины, инженерного дела. В конце 18 в. в Испании был основан педагогич. ин-т, в к-ром большим влиянием пользовались идеи педагогов-просветителей, в т. ч. и Песталоцци. Создаются музеи естеств. наук, ботанич. сады и обсерватория св. Фернандо. В 1711 была основана Королевская биб-ка (*Real Librería*), из к-рой впоследствии выросла совр. Нац. биб-ка Испании. Были созданы т. н. Экономические об-ва, к-рые занимались не только изучением состояния экономики страны и возможных реформ, но и большой просветит. деятельностью.

Борьба против церк. идеологии и произвола абсолютизма сопровождалась попытками выработать конкретные планы обществ. реформ и преобразования нар. просвещения. Передовые мыслители Испании 18 в. обращали особое внимание на реформы с. х-ва. Широкое хождение получают идеи физиократов — «первой систематической концепции капиталистического производства» («Капитал», т. 2, 1955, с. 359). Исп. просве-

тител 18 в. отвергли схоластич. метафизику как безжизненный плод теологич. предрассудков и идеологически подготовили первую исп. бурж. революцию 1808—14. Сохраняя свою инац. самобытность, передовая И. ф. того времени развивалась в связи с учениями Декарта, Гассенди, Локка, Вольтера, Руссо, энциклопедистов и Кондильяка. Подчас имена этих философов упоминались исп. авторами для того, чтобы отвлечь от себя внимание цензуры. Крупнейшими представителями Просвещения 18 в. были Фейхоо и *Ховельянос*. Дом *Олавида* был центром собраний исп. энциклопедистов. Видным представителем Просвещения также был проф. права Валенсийского ун-та, библиотекарь двора Грегорио Маялс-я-Сискар.

Свидетель франц. революции, Андрес де Санта Крус выступил с утверждением о том, что католицизм изжил себя и что религия должна быть заменена «естественным законом». Философами-сенсуалистами, последователями Кондильяка были Антонио Эксимено-и-Пухадес (1729—1808) и Хуан Андрес (1740—1817). В своей книге «*Maignanus redivivus, sive de vera quidditate accidentium in Eucharistia manentium*» (1720) Хуан де Нахера отстаивал атомизм и подвергал резкой критике соч. схоластов, хотя позже в «Философских разочарованиях» (*J. de Nájera, Desengaños filosóficos*, 1737) он отрекся от атомистич. философии и перешел на позиции схоластики. Атомистич. философии Гассенди следовал и Александр Авенданьо, к-рый в 1716 издал в Мадриде «Философские диалоги в защиту атомизма в ответ на аристотелевские возражения Франсиско Паланко» (*Alejandro de Avendaño Diálogos filosóficos en defensa del atomismo y respuesta a las impugnaciones aristotélicas del R. P. M. Fr. Francisco Palanco*, с предисл. Сапаты). В 1735 Хуан Баутиста Берни, проф. философии Валенсийского ун-та, издал «Рациональную, естественную, метафизическую и нравственную философию» (*Juan Bautista Berni, Filosofia racional, natural, metafísica y moral*), в к-рой защищал принципы атомизма Гассенди и сенсуализма. Берни обосновывал правомерность отделения философии от теологии. Развитие наук о природе выдвинуло целую плеяду философов-естествоиспытателей, борющихся против схоластики: Томас Висенте Тоска, Диего Матео Сапата, Мартин *Мартинес*, Андрес *Пижер-и-Аруфат* и др.

Начиная со 2-й пол. 18 в. инквизиция почувствовала, что она не в состоянии подавить антисхоластич. идеологию одним насилием. Церковь противопоставляла ей полемич. писания дипломированных лакеев поповщины: доминиканцев-томистов, францисканцев-скуптистов и иезуитов-суаристов. Схоластика полностью исчерпала себя и не могла выдвинуть против «инакомыслящих» ни одной новой идеи, ограничиваясь повторением писаний теологов 16—17 вв. Она стремилась опорочить прежде всего сенсуалистич. и рационалистич. теории познания идеологов антисхоластич. направления, ссылаясь на «бессилие» познавать. способностей человека и, в первую очередь разума, и утверждала, что истина не существует вне бога. С этих позиций Ф. Альвардо (1756—1814), Фернандо де Себальос (1732—1802), Хуан Мартин Лессака (1681—1748), Франсиско Паланко (1657—1720) и др.

В 19 в. к а п и т а л и з м пробил себе дорогу в Испании, хотя она и оставалась по сравнению с передовыми в экономич. отношении странами Зап. Европы отсталой аграрной страной. Развитие капиталистич. отношений пошло в Испании по т. н. прусскому пути.

Быстро развивались наука, иск-во, культура. В 1837 открыл свои двери ун-т Мадрида, а в 1876 — «Свободный институт образования» («*Institución libre de enseñanza*»), к-рый стал важнейшим центром передо-

вой обществ.-политич. и филос. мысли Испании. Он издавал «Boletín de la Institución Libre de enseñanza». Появились периодич. издания «Pensamiento moderno» и «Revista contemporánea», в к-ром отражались новые течения филос. мысли. Была основана «Философская библиотека» («Biblioteca filosófica»), Федерико де Кастро и Мануэль Салес начали издавать «Научно-литературную библиотеку» («Biblioteca científico-literaria»). Несмотря на общий культурный подъем, положение ун-тов, все еще находившихся в руках церкви, было по-прежнему незавидным. «Разрабатывалась» и офиц. теология: в соответствии с энциклопедией «Aeterni Patris» Льва XIII в Мадриде и Севилье были созданы спец. академии по изучению доктрины Фомы Аквинского. В 19 в. обострение классовых противоречий достигло невиданного до тех пор уровня и породило пять бурж. революций. Подавление реакцией свободы нац. меньшинств Испании сопровождалось борьбой с нац.-освободит. движением в колониях. Во 2-й пол. века на арене политич. борьбы как самостоят. политич. сила появилась рабочий класс. Возникли политич. орг-ции и партии различных классов и социальных слоев исп. общества. С середины и во 2-й пол. 19 в. все большую популярность приобретают утопич. и мелкобурж. социалистич. учения (прудонизм, бланкизм и т. п.). Во 2-й половине века в Испанию проникает и марксизм.

С начала века передовую филос. и общественно-политич. мысль в Испании представляли бурж.-либеральные идеологи, эволюционировавшие с середины века в сторону реакции — идеализма, иррационализма, оправдания существующего политич. порядка, отказа от идей просвещения, прогресса и т. д.

Развитие идей бурж. просвещения и материализма в 1-й пол. 19 в. продолжило традиции, сложившиеся в предшествующие века, и было тесно связано с пронагадой естеств.-науч. представлений. Это направление И. ф. было представлено рядом значит. деятелей. К их числу относятся Хосе Мария Бласо-и-Креспо (1775—1841), участник борьбы за независимость Испании, проф. Оксфордского ун-та, отказавшийся от идей католицизма, Хуан Антонио Льюренте (1756—1823), еще в 1784 воспринявший идеологию энциклопедистов и питавший надежду на возрождение Испании с помощью Франции; Рамон де Салас (конец 18 — начало 19 вв.), проф. Саламанкского ун-та, депутат кортесов 1820, на к-рого в 1796 был составлен донос в инквизицию, в результате чего он был сослан. Салас выступал против феод.-монархич. произвола и ратовал за установление конституц. режима. Передовым публицистом-просветителем, активным борцом против абсолютизма, занимавшим левые позиции в либеральном движении, был Альберто Листа-и-Арагон (1775—1848). В 1840 он был назначен деканом фак-та философии и лит-ры ун-та Севильи. К этому же направлению принадлежал и Мигель Мартель (1-я пол. 19 в.), депутат кортесов 1820 и проф. философии морали ун-та Саламанки. В «Основах философии морали» («Elementos de filosofía moral», 1820) он высказал свое отрицат. отношение к схоластике и свою симпатию к идеям сенсуализма. С программой «общественного возрождения» Испании путем проведения аграрной реформы, к-рая бы положила конец «мертвым рукам», т. е. латифундистам, выступили видный социолог и историк Франсиско Мартинес Марина (1754—1833) и Альваро Флорес Эстрада (1766—1853), один из крупнейших социологов и экономистов 1-й пол. 19 в., борец против абсолютизма и за предоставление свободы народам исп. колоний. Просветителями, врагами абс. монархии и обскурантизма были Ларра и Марчена, являвшийся убежденным материалистом. К числу бурж. просветителей 2-й пол. 19 в. принадлежит и Педро Сала-и-Вильярет, к-рый выступил в 1877—

1886 с серией статей, критиковавших попытки обновления схоластики. Резкой критике схоластики посвящена его работа «Теология в Испании» (P. Sala y Villaret, La teología en España, 1886). Свои симпатии к материализму он высказал в книге «Лукреций. Античный материализм» («Lucresio. El materialismo antiguo»). В 1891 в Мадриде вышел его капитальный труд «Материя, форма, сила» («Materia, forma y fuerza; diseño de una filosofía»). Видным представителем просвещения, выработавшим программу бурж.-демократич. преобразования общества путем проведения аграрной реформы и демократизации всей политич. жизни Испании, был Хоакин Коста-и-Мартинес. Путь от схоластики к просвещению, а от него к идеям социализма, правда оппортунистического, проделал философ и писатель Анхель Ганишет.

Крупнейшим представителем революц.-демократич. мысли Испании был Франсиско Пи-и-Маргаль. Он использовал диалектику для обоснования необходимости революц. преобразования общества в интересах трудящихся. Энгельс писал, что «среди официальных республиканцев Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознавшим, что ресублике необходимо опираться на рабочих» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 461). Отд. представители наиболее передовой части исп. интеллигенции примыкали к марксизму. К их числу относится выдающийся естествоиспытатель Хайме Вера (1859—1918). Он являлся автором целого ряда естеств.-науч. и обществ.-политич. работ, в т. ч. и Доклада (1884), к-рый исп. социалисты представили в гос. комиссию по социальным реформам и в к-ром нарисована яркая картина разложения бурж. общества и обострения его классовых противоречий. Вера утверждал, что капитализм все в большей степени становится тормозом подлинного, всестороннего развития науки и что только пролетариат может развивать ее в интересах всего народа. Однако Вера не сумел до конца изжить иллюзии, типичные для бурж. просветителей.

В борьбе против схоластики большое значение имело распространение эволюц. теории, горячими пропагандистами к-рой были Антонио Мачадо-и-Нуьес, Рафаэль Гарсиа-и-Альварес, Аугусто Гонсалес де Линарес и др. В 1847 осуждению инквизиции подвергся френолог Мариано Куби-и-Солер (1801—75), автор «Френологии и ее успехов» (Mariano Cubí y Soler, La frenología y sus glorias, 1853—57). Выдающимся философом-материалистом, врачом, публицистом и политич. деятелем был Педро Мата-и-Фонтанет. Наиболее крупным естествоиспытателем-материалистом 2-й пол. 19 — нач. 20 вв. был Рамон-и-Кахаль.

В 19 в. в Испании начинают распространяться идеи утопич. социализма Фурье, Кабе и Прудона. В 1841 фурьерист Хоакин Абреу предпринял попытку устроить фаланстер вблизи Кадиса. В 1846 другой последователь Фурье, Фернандо Гарридо-и-Тортоса (1821—83), начал издавать в Мадриде журн. «La Atgassión». Он был автором мн. работ по вопросам социализма и рабочего движения. В них Гарридо выступал в защиту гор. бедноты и за создание федеративной республики.

В 1847 Альдон Террадас и Нарсисо Монтуриоль начали издавать в Барселоне социалистич. еженедельник «La Fraternidad», к-рый проповедовал идеи Кабе. Под влиянием этого журнала в каталонской столице была создана школа для рабочих, в к-рой изучалось «Путешествие в Икарню» Кабе.

В сер. 19 в. в Испании развивается прудонизм. Прудонистские товарищества рабочих начали особенно распространяться в провинциях Валенсия, Барселона, Мадрид.

В 1868 была создана в Мадриде первая орг-ция исп. секции Интернационала. В ее состав вошли Франсиско

Мора, Ансельмо Лоренсо, Мануэль Кано, Франсиско Олива и др. В 1870 в Барселоне был созван первый съезд сторонников Интернационала, на котором была учреждена Исп. региональная федерация Интернационала. Особую роль в пропаганде науч. социализма в Испании сыграли Лафарг и Энгельс, к-рый был секретарем-корреспондентом Интернационала по исп. делам. В 1871 в Испании были созданы в противовес исп. бакунистам социалистич. орг-ции во главе с Хосе Меса, Пабло Иглесиас, Франсиско Мора и др. В 1872 на II конгрессе исп. секции Интернационала социалисты выступили с критикой идеологии и политики анархистов. Социалисты вышли из исп. секции и создали «Новую мадридскую федерацию». В 1879 была создана «Социалистическая рабочая партия Испании». В силу особенностей соц.-политич. развития Испании 2-й пол. 19 в. в рабочем движении доминировал анархизм (см. *Анархизм и Анархо-синдикализм*).

Одним из зачинателей пропаганды марксизма в Испании был Хосе Меса (1840—1904). Ему принадлежат переводы «Манифеста Коммунистической партии», «Низеты философии», «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» и др. произведений основоположников марксизма. Он является автором биографии К. Маркса (1891). По словам Энгельса, Меса «... без сомнения, наиболее выдающийся из наших людей в Испании как по своему характеру, так и по таланту и, безусловно, один из лучших наших людей вообще» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 180). Под руководством Х. Меса исп. секция была одной из лучших организаций Интернационала (там же, с. 181), а ее орган «Эмансипация» («La Emancipación») — лучшей газетой Интернационала. Видным пропагандистом идей марксизма был и Франсиско Мора (1842—1924), автор «Истории испанского рабочего социализма» («Historia del socialismo obrero español», Md., 1902). Мора боролся против идеалистич. концепции истории, к-рая служила теоретич. основой анархистских идей. По его мнению, гос-во является необходимостью на определенной ступени обществ. развития, и только революция пролетариата откроет путь к обществу, в к-ром «управление людьми будет заменено управлением вещами и производственными процессами» (указ. соч., р. 14). Популяризации основ марксизма и разоблачению его фальсификаторов посвящена книга Вольера Конде-Пелайо (р. во 2-й пол. 19 в.) «Марксистские статьи. Жизнь и идеи Маркса» («Artículos marxistas. Vida y teorías de Marx», 1931). В ней дается высокая оценка значения метода диалектич. материализма Маркса для познания и преобразования общества. Примером применения марксизма к изучению истории обществ. развития Испании служит книга Хуан Хосе Морато (1864—1938) «Заметки по истории способов производства в Испании» (1896). Известную роль в пропаганде отд. положений марксистской теории сыграл Пабло Иглесиас (1850—1925), впоследствии перешедший на позиции оппортунизма и ревизионизма. Оценивая значение деятельности первых пропагандистов марксизма в Испании, Д. Ибаррури писала, что «наряду с их большими заслугами, эти люди недопонимали роль рабочего класса, его единства и задачи независимой партии пролетариата» («40 años del Partido Comunista de España, sus raíces, su base ideológica, sus actividades», [Praga], 1960, р. 2).

Во 2-й пол. 19 в. в бурж. кругах Испании начинает распространяться эклектика *Круэна*, представителем к-рой был Томас Гарсиа Луна (ум. в 1880), идею шотландской школы (Рамон Марти де Эйссала, 1808—57, и Франсиско Хавьер Льюренс-и-Барба, 1820—72). С 1857 проф. Центрального ун-та Мадрида Хулиан *Синс дель Рио* начал пропаганду идей нем. фи-

лософа *Круэне*. Сторонником философии крауэизма был и Франсиско Хинер де лос Риос (1839—1915), автор ряда трудов по философии, педагогике, социологии, эстетике. В ходе революции 1868—73 проявилась беспомощность крауэизма в решении социальных вопросов. Она явилась осн. причиной его кризиса. С 1874 руководящие позиции в Атенее Мадрида заняли неокантианцы и позитивисты; крауэисты сохраняли свое влияние лишь в Центральном ун-те. Начиная с 1875 крауэизм в Испании перестал существовать как единое течение.

В 60—70-х гг. 19 в. в кругах исп. интеллигенции появляется интерес к неокантианству. Его зачинателем в Испании был философ и математик Рей. К неокантианству перешел от крауэизма Ревилья, эволюционировавший в конце жизни к позитивизму. Др. видным представителем философии неокантианства были *Перохо-и-Фигерас*, Николас Сальмерон-и-Алонсо (1838—1908), видный политич. деятель и философ, автор «Концепций метафизики» (N. Salmeron-y-Alonso, *Concepto de la metafísica*, 1870) от крауэизма пришел к идеям, близким философии Шопенгауэра.

Приверженцем позитивизма был и Педро Эстасен-и-Кортада (1855—1913), прочитавший курс лекций о позитивизме и издавший в 1877 в Барселоне книгу «Позитивизм, или Система опытных наук» (Pedro Estasen y Cortada, *El positivismo, ó sistema de las ciencias experimentales*). От позитивизма Кортада к позитивизму Спенсера перешли Карлос Мария Кортесо (р. 1850) и Луис Симарро Лакабра (1851—1921). Эволюцию от крауэизма к позитивизму продолжал также проф. социологии Центрального ун-та Мануэль Салес-и-Ферре (1840—1910). Он был основателем Ин-та социологии и автором «Трактата по социологии» (Manuel Sales y Ferré, *Tratado de sociología, evolución social y política*, v. 1—2, 1889—1895). Философ и врач Матиас Нието Серрано (1813—1902) следовал философии *Ренуве* и пытался связать неокантианство и позитивизм.

Со 2-й пол. 19 в. в Испании начинает широко распространяться (особенно в Севилье) *неогегельянство*. Зачинателем этого филос. течения был проф. метафизики Севильского ун-та Хосе Контеро-и-Рамирес (1791—1857), не оставивший после себя печатных трудов. Его взгляды развили дальше его ученики — Антонио Бенитес де Луго (1841—97), автор «Философии права, или Основного исследования его с точки зрения доктрины Гегеля» (Antonio Benitez de Lugo, *Filosofía del derecho o estudio fundamental del mismo según la doctrina de Hegel...*, 1872). Первый перевод «Логики» Гегеля на исп. яз. принадлежит Антонио Фабье-и-Эскудеро, к-рый сочетал философию Гегеля с религиозной верой. Видный политич. деятель, республиканец, философ и историк Эмилио Кастелар-и-Риполь (1832—99) пытался использовать диалектику Гегеля для обоснования идеи прогресса, но он не шел дальше признания ограниченных бурж. свобод.

Как ответ на развитие революц. движения и передовых филос. идей в реакционных слоях исп. общества усиливаются религ.-мистич. настроения: спиритизм, сохранивший свое влияние до начала 20 в., теософия (в 1889 была создана исп. группа Теософич. об-ва).

В сер. 19 в. в Испании распространилась идеология традиционализма, выражавшая интересы наиболее реакц. слоев исп. общества. Ее провозвестниками были *Доносо Кортес* и в известной мере, *Бальмес Урния*. Вместе с традиционалистами единым фронтом выступали ортодокс. схоласты. Своим усердием в борьбе против рационализма и материализма, а также против новых веяний в бурж. философии выделялись сторонники схоластики Хуан Мануэль Орти-и-Лара

(1826—64) и Алехандро Пидаль-и-Мон (1846—1913). В 1851 между Римом и исп. пр-вом был подписан конкордат, по к-рому католич. религия объявлялась государственной, нар. образование должно было полностью опираться на принципы и доктрины церкви, а гос-во обязывалось оказывать церкви всяческую поддержку, в частности в запрещении «опасных» изданий.

В отличие от традиционалистов и ортодокс. схоластов и в противовес им, во 2-й пол. 19 в. в Испании получают распространение идеи либерального, а также «рационального» и «естественного» католицизма, глашатаем к-рых был Фернандо де Кастро. Марселино Менендес-и-Пелайо пришел к утверждению принципов терпимости к «инакомыслящим» и свободы мышления. Он считал необходимым отказаться от насилия в решении религ. споров и утверждал целесообразность эволюции церкви и гармонии с «духом времени».

В 1876 возник т. н. спор об исп. науке. Формально речь шла о том, существует или нет самобытная исп. наука и если да, то каков ее характер. Этот спор затронул животрепещущие вопросы идеологич. борьбы того времени. Идеологи крайней реакции, возглавляемые Пидаль-и-Моном, считали, что исп. наука и философия тождественны учению ортодокс. схоластики. В борьбе с этой т. зр. Ревилья, Аскарате и Перохо начисто отрицали существование чего-либо положительного в истории исп. науки и философии. Для дальнейшего развития философии они предлагали обратиться к ученым и мыслителям передовых стран Зап. Европы, прежде всего Германии. Менендес-и-Пелайо занял в этом споре компромиссную позицию. С его т. зр., подлинно исп. наука гармонически сочетает принципы религии и мировоззрения нового времени. По Менендесу-и-Пелайо, примером такого сочетания является, напр., учение Вивеса. Спор об исп. науке постепенно вылился в спор о «проблеме Испании», о причинах ее падения, «исключительном» характере и путях ее историч. развития. Эта проблема продолжает оставаться одной из осн. тем филос. споров и в наши дни.

Поражения бурж. революций 19 в., рост рабочего движения и распространение идей социализма углубили кризис идеологии исп. буржуазии. Значит. часть теоретиков исп. буржуазии пыталась решить «проблему Испании» с позиций субъективного идеализма, иррационализма и интуитивизма, объясняя особенности развития страны, в т. ч. идеологии, особенностями психологич. склада исп. народа. В бурж. историографии поколение бурж. идеологов, выступавших в конце 19 в., известно под названием «поколения 1898 года». Оно явилось начинателем филос. мысли Испании эпохи империализма, характеризующейся быстрым развитием монополистич. капитала, сохранением феод. пережитков, подчинением страны империалистич. державам.

Решающими событиями, определившими ход и особенности идеологич. борьбы в Испании этого периода, являются, с одной стороны, подъем рабочего движения в 1917—23, создание Коммунистич. партии Испании — КПИ (1920), бурж.-демократич. революция 1931, нац.-революц. война 1936—39, антиимпериалистич. и антифеод. борьба исп. народа; с другой — установление воен. диктатуры Примо-де-Ривера (1923—29), а впоследствии — фашистской диктатуры Франко.

Идеология наиболее реакц. сил исп. общества разрабатывалась в 20 в., как и прежде, представителями офиц. церкви. В 1931 церковь в результате преобразований, проведенных бурж.-демократич. революцией, была отделена от гос-ва. Однако пр-во Франко вступило в союз с церковью. В ответ на поддержку церкви франкизм расширил ее права и привилегии. Договор пр-ва Франко с Ватиканом, подписанный в 1941, восстановил осн. положения конкордата 1851.

Новый конкордат 1953 еще более укрепил позиции церкви. Она занимает господств. положение во всей системе нар. образования, в издательском деле и пр. формах идеологич. жизни.

По мере углубления кризиса господств. классов Испании церковь обращает все большее внимание на идеологич. вопросы. В 1948 в Малаге и Севилье были созданы духовные школы обществ. наук. В 1951 был учрежден Ин-т обществ. наук им. Льва XIII. При Высшем совете науч. исследований был создан томистский Ин-т им. Л. Вивеса, издающий «Revista de filosofia». В 1949 были установлены т. н. недели общественных наук, целью к-рых является пропаганда «социального идеала» церкви. С аналогичной целью регулярно проводятся «недели философии». Одним из вдохновителей политич. и идеологич. активности церкви является епископ г. Малаги Анхель Эррера.

Совр. схоластика в Испании представлена: 1. Суаристами-иезуитами, издающими с 1945 журнал «Requisitorio». Этот журнал является теоретич. органом филос. фак-тов иезуитов. 2. Томистами-доминиканцами, филос. рупором к-рых является журнал «La ciencia tomista». Среди них наибольшим влиянием пользуются Саптьяго Рамирес (р. 1891) и Мануэль Барбадо (1884—1945). 3. Сторонниками августицизма, публикующими журнал «La ciudad de Dios». 4. Скотистами-францисканцами, выступающими на страницах журналов «Verdad y vida» и «Estudios franciscanos». Что касается идеологич. реакции во франкистской Испании, то она выступает под лозунгом: «Назад, к Фоме». Вот почему изучению и пропаганде даже таких исп. схоластов, как Суарес, отводится второстепенное значение.

Совр. традиционализм представлен Рамиро Маэсту и Рафаэлем Кальво Серер. Он состоит на вооружении «Священнического общества св. креста» и «Opus dei», являющегося секретной гражд. орг-цией церкви, поддерживающей на деле франкистский режим. Орден доминиканцев и «Opus dei» занимают господств. позиции в системе нар. образования Испании.

Идеология исп. фашизма, известная под названием национал-синдикализма, представляет собой эклектич. смесь клерикализма и идей итал. и нем. фашизма. Вместе с углубляющимся кризисом франкизма влияние национал-синдикализма почти полностью исчезло.

Философия совр. буржуазии Испании носит эклектич. характер. Она, как правило, следует за модными течениями филос. мысли др. стран Зап. Европы. Выступая за преодоление «ограниченности» материализма и идеализма, а также против абстрактного подхода к действительности, идеологи буржуазии оказываются в плену субъективного идеализма и солипсизма, метафизики и иррационализма. Они все больше переходят на позиции богоискательства и религ. веры. Позволяя себе подчас отд. выступления против крайней реакции, они направляют острее своей борьбы против нар. масс.

Идеология буржуазии представлена неотомизмом [Анхель Амор Руибала (1869—1930), Хуан Сарагуэла], «философией жизни», экзистенциализмом и неокантианством. Виднейший идеолог буржуазии Испании Ортега-и-Гассет проделал путь от неокантианства к «философии жизни», а от нее — к идеям, близко стоящим к экзистенциализму. Он явился родоначальником большой и влиятельной школы. Его наиболее последоват. ученик — Хулиан Марнас. Педро Лайн Энтральго и Грегорио Мараньон-и-Пасадилья придерживаются взглядов, близких к философии Ортега. Философия экзистенциализма представлена Мигелем де Унамуню и Ксавьером Субири, неокантианство — Мануэлем Гарсия Моренте. Центрами бурж. филос. мысли являются Ин-т гуманитарных наук

(Instituto de humanidades), журнал и изд-во «Revista de Occidente».

Субъективно-идеалистич. теорию иск-ва обосновывал Эухенио д'Орс. Традиции реалистич. эстетики и иск-ва отстаивал Антонио Мачадо-и-Руис. По его пути следуют такие выдающиеся деятели исп. культуры, как Хуан Гойтисоло, Блас де Отеро, Габриель Селайя и др.

Исп. с.-д-тия придерживается в наст. время антикоммунистич. идеологии, т. н. демократического социализма. Она открыто отказалась от идей марксизма и пользуется влиянием преимущественно в среде мелкобурж. интеллигенции. Из совр. теоретиков исп. с.-д-тии следует отметить идеолога ее правого крыла Луиса Аракистана. Он придерживался взглядов, близких к философии Ортеги-и-Гасета. Др. лидером правой с.-д-тии был неокантианец Хулиан Бестейро. Идеология исп. анархизма переживает период глубокого разложения. В наст. время анархизм не оказывает сколько-нибудь существ. влияния ни на рабочий класс, ни на исп. интеллигенцию.

Растущим влиянием пользуется марксистско-ленинская философия. Ее носителем является Коммунистич. партия Испании (КПИ). Она активно пропагандирует работы Маркса, Энгельса, Ленина. В переводе историка-марксиста проф. Венеслао Росес были изданы «Капитал» Маркса (пер. изд., т. 1, 1886, т. 1—3, 1931) и Избр. соч. Маркса и Энгельса (т. 1—2, 1951—1952). На исп. язык переведены «Анти-Дюринг» Энгельса (1913), «Материализм и эмпириокритицизм» (1948), «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920), «Что делать?» (1939), «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1919—1920), «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1919—20) и мн. др. соч. Ленина. Переводятся на исп. язык и осн. работы сов. философов («История философии», «Исторический материализм», «Основы марксистско-ленинской философии» и др.), и работы деятелей международного рабочего движения.

Большое теоретич. значение имеют офиц. документы КПИ, статьи и работы ее руководителей — Антонио Гарсиа Кехидо, Хосе Диаса, Долорес Ибаррури, Сантьяго Каррильо. Важнейшими органами КПИ были: «El Comunista» (1921), «La Antorcha» (1921—1930); с 1930—«Mundo obrero».

Со времени своего создания КПИ ведет неустанную борьбу против влияния оппортунизма и анархизма в рабочем движении. Партия исп. коммунистов выросла в борьбе за чистоту марксизма.

В разработке совр. проблем идеол. борьбы особое значение имеют материалы V (1954) и VI (1960) съездов КПИ и принятых на них программ партии. Большое теоретич. значение имеет декларация КПИ «За национальное согласие, за демократическое и мирное решение испанского вопроса» («Declaración de P. C. E. Por la reconciliación nacional, por una solución democrática y pacífica del problema español», 1956), представляющая собой образец творч. применения марксизма-ленинизма к решению проблем развития исп. общества. На принципах этой декларации основана политич. линия КПИ на данном этапе.

В распространении идей марксизма серьезное значение имела работа Антонио Гарсиа Кехидо (1856—1927) «Общественно-экономические этюды» (A. García Quejido, Ensayos de economía social, 1928). Значит. вкладом в разработку теории преобразования с. х-ва Испании на демократич. началах является работа Хуана Гомеса «Аграрная проблема во франкистской Испании» (1957, рус. пер. 1959). Важное значение в совр. идеологии. борьбе сыграли доклад Ф. Клаудина на III пленуме КПИ (1957) «40 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» (F. Claudin, El 40 aniversario de la Gran Revolu-

ción Socialista de Octubre, 1957), а также «Итоги 20 лет фашистской диктатуры, непосредственные задачи оппозиции и будущее испанской демократии» («El balance de 20 años de dictadura fascista, las tareas inmediatas de la oposición y el porvenir de la democracia española», 1959). Важнейшей теоретич. работой является «История Коммунистической партии Испании» («Historia del Partido comunista de España», 1960), написанная коллективом авторов под руководством Долорес Ибаррури. Осн. теоретич. орган КПИ — «Наше знамя» («Nuestra bandera»).

КПИ уделяет все больше внимания критике бурж. философии и социологии, теории литературы и искусства. В этом решающее значение имели статьи Долорес Ибаррури «К трудящимся-анархистам» (D. Ibarruiri, A los trabajadores anarquistas, 1953) и «Обращение КПИ к патриотической интеллигенции» («Mensaje del P. C. E. a los intelectuales patriotas», 1954). Осн. трибуной КПИ в вопросах идеол. борьбы в области философии, науки и культуры является журнал «Наши идеи» («Nuestras ideas»). Прогрессивные деятели науки и иск-ва совр. Испании проявляют огромный интерес к марксизму-ленинизму, к достижениям сов. ученых и к СССР. В условиях фашистского террора они изучают произведения классиков марксизма-ленинизма и политику КПИ. Многие художники и искусствоведы вступают на путь социалистич. реализма.

В наши дни философия Маркса—Энгельса—Ленина оказывает такое влияние в Испании, какого она прежде никогда не оказывала.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Испанская революция, Соч., т. 10, М., 1933; Маркс К., Революция в Испании, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12; Энгельс Ф., Испанскому федеральному совету международного товарищества рабочих, там же, т. 17; его же, Вакунисты за работой, там же, т. 18; его же, Испанским рабочим 1 мая 1894 г., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 16, ч. 2, [М.], 1936; его же, [Письма] В. Либкнехту, 2 янв. 1872 г., 18 янв. 1872 г., там же, т. 26, М., 1935; его же, [Письмо] И. Вейдемейеру 24 ноября 1864 г., Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; его же, [Письмо] Х. Меса, 24 марта 1891 г., там же; История философии, т. 1, М., 1940, с. 445—57, 468—69, т. 2, М., 1941, с. 35—36; т. 1, М., 1957, с. 308—11; т. 3, М., 1959, с. 552—70; т. 5, М., 1961, с. 676—90; ВСО, 2 изд., т. 18, с. 567—569; Проблемы испанской революции, пути ее развития и условия ее победы. (Сб. статей авторского коллектива под рук. ЦК КПИ), пер. с исп., М., 1933; Диас Х., Под знаменем народного фронта. Речи и статьи 1935—1937. [Пер. с исп., М.], 1937; его же, За свободную и независимую Испанию, М., 1937; его же, Теснее сплотить ряды Народного фронта, разгромить мятежников и интервентов, М., 1938; Диас Х. и Урабе А., К совр. положению в Испании, [М.], 1938; Диас Х. и Ибаррури Д., В объединении народа—залог победы, [М.], 1938; Диас Х., За организацию борьбы и победы исп. народа, «Большевик», 1937, № 9; его же, Об уроках войны исп. народа (1936—1939), там же, 1940, № 4; его же, Tres años de lucha, P.—Méx.—N.Y., 1939; Ибаррури Д., Фашисты не пройдут!, [М.], 1936; его же, За единую партию пролетариата Испании, [М.], 1937; его же, Речи и статьи. 1936—1938, [М.], 1938; его же, Героическая борьба испанского народа, «Большевик», 1938, № 13; его же, Испанский народ, режим Франко и международная реакция, М., 1946; его же, Испанские пособники гитлеровского разбоя, М., 1944; его же, Октябрьская социалистическая революция и испанский рабочий класс, М., 1960; его же, La política del Frente popular es la política de la victoria!, [Barcelona], 1938; его же, La España franquista satellite de Hitler, Moscú, 1944; Испанская компания борется за победу. Сб. материалов, М., 1938; Александров Г., Из истории испанской философии, «Под знаменем марксизма», 1939, № 2; Тикнор Д., История испанской революции, пер. с англ., т. 1—3, М., 1883—91; Гюббар Г., История современной литературы в Испании, М., 1892; Льюоренте Х.-А., Критическая история испанской инвизации, пер. с франц., т. 1—2, М., 1936; Каррильо С., О VI съезде коммунистической партии Испании, «Коммунист», 1960, № 5; Historia general de las literaturas hispánicas, t. 1—5, Barcelona, 1949—58; Obras escogidas de filósofos, Madrid, 1873 (Bibna, 1949—58); Obras escogidas de filósofos, Madrid, 1873 (Bibna, 1949—58); Historia de la lengua y literatura castellana, F. A. J., Historia de la lengua y literatura castellana, t. 1—14, Madrid, 1915—22; Solana M., Los grandes escólasticos españoles de los siglos XVI y XVII: sus doctrinas y su significación en la historia de la filosofía, Madrid, 1928; Mé e u-

dez Bejarano M., Historia de la filosofía en España hasta el siglo XX, Madrid, [1928]; Lafuente y Zamalloa M., Historia general de España..., t. 1—28, Barcelona, 1930—33; Menéndez y Pelayo M., Historia de las ideas estéticas en España, t. 1—2, 4 ed., Madrid, 1928—29; eго же, Historia de los heterodoxos españoles, 2 ed., t. 1—7, Madrid, 1911—32; eго же, La ciencia española, t. 1—3, B. Aires, [1947]; eго же, La filosofía española, Madrid, 1955; Urales F., La evolución de la filosofía en España, v. 1—2, 2 ed., Barcelona, 1934; Ohanian A., Un analisis marxista de la literatura española, Méx., 1937; Wulf M. de, Histoire de la philosophie médiévale, t. 1—3, 6 éd., P., 1934—47; Gao J., Antología del pensamiento de la lengua española en la edad contemporánea, Méx., 1945; Marias J., La filosofía española actual, 2 ed., B. Aires—Méx., [1948]; Quiroz-Martínez O. V., La introducción de la filosofía moderna en España, Méx., [1949]; Veneyto Pérez J., Los orígenes de la ciencia política en España, Madrid, 1949; Estudios de historia social de España, t. 1—3, Madrid, 1949—1955; Muñoz Alonso A., Expresión filosófica y literaria de España, Barcelona, 1956; Guay A., Les philosophes espagnols d'hier et d'aujourd'hui, lv. 1—2, Toulouse, 1956; Esperabe de Arteaga E., Diccionario enciclopédico ilustrado y crítico de los hombres de España, Madrid, [1956]; Saínz F., Historia de la cultura española, B. Aires, 1957; Gómez Arboleaya E., Historia de la estructura y del pensamiento social, t. 1, Madrid, 1957—; Cruz Hernández M., Historia de la filosofía española, t. 1—2, Madrid, 1957; Sanchez F., Marxismo y lucha ideológica, «Nuestras ideas», 1960, № 9. Д. Претель. Москва.

ИСТИНА — адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспроизводящее познаваемый предмет так, как он существует вне и независимо от сознания; объективное содержание человек. ощущений, представлений, понятий, суждений, умозаключений, теорий, проверенных обществ. практикой. И. есть бесконечная связная последовательность, преемственность результатов познания, все более всесторонне, глубоко отражающего взаимодействующие, изменяющиеся, противоречивые объекты. Это историч. понимание И. является основой диалектико-материалистич. разграничения И. относительно и И. абсолютной; с этим же связано марксистское понимание познания как диалектич. движения от относит. И. к И. абсолютной. Вопрос об И. — одна из главнейших проблем диалектич. логики. И. не должна отождествляться с истинностью как с гносеологич. характеристикой адекватного отношения между объективным содержанием знания и объективной реальностью и как понятием формальных условий выражения И. (см. *Логическая истинность*).

Понимание И. в домарксистской и совр. бурж. философии. Понимание И. как соответствия знаний вещам было свойственно в античности Демокриту, Эпикуру, Лукрецию. Материалистич. понимание И. в значит. мере было свойственно и Аристотелю, к-рый, как подчеркивает Ленин, связывал понятие И. с отражением человеком объективно существующего предмета. Согласно Аристотелю, «...прав тот, кто считает разделенное (в действительности. — *Ред.*) — разделенным и соединенное — соединенным...» (Met. IX, 10, 1051 в 9; рус. пер., М.—Л., 1934). Наряду с этим Аристотель развивал идеалистич. положение, согласно к-рому высшие И. представляют собой согласие мышления с идеальными формами.

Материалистич. традиция в понимании И. была продолжена англ. и франц. материалистами нового времени, а затем Фейербахом. Гельвеций и Фейербах безоговорочно отождествляли И. с содержанием человек. ощущений. «Истинность есть то же самое, что ... чувственность» (Фейербах Л., Избр. филос. произв., М., 1955, с. 182—83). Как соответствие предложений в уме вещам, о к-рых идет речь, понимал И. идеалист Лейбниц (см. «Новые опыты», М.—Л., 1936, кн. 4, гл. 5, § 11).

Понимание критерия И., т. е. способа проверки истинности знаний, домарксистскими материалистами было различно. От Эпикура и Лукреция, а отчасти от гедонистич. концепций Древней Индии и Древней Греции идет традиция, признающая ощущение и

чувств. опыт вообще за критерий И. Такого взгляда придерживались Ф. Бэкон, Гельвеций, Фейербах, а отчасти Локк (он, а также Спиноза и Лейбниц признавали наличие трех критериев И. — рации. интуиции, соответствия И. логич. законам и чувств. критерия, — но в разных соотношениях). Нек-рые материалисты (Теофраст, а в новое время — Спиноза) склонялись к рационализму, считая И. самоочевидной в смысле рационалистич. интуиции. Гоббс, при всех колебаниях между сенсуализмом и рационализмом, становился в вопросе о критерии И. в конечном счете на сторону материалистич. сенсуализма.

Поскольку для домарксовского материализма в большинстве случаев было характерно понимание И. как законченного, раз навсегда данного знания, к-рое абсолютно противопоставлялось заблуждению и незнанию, постольку метафизич. материалисты пытались отыскать абс. критерий И.; одни из них видели его в якобы абс. очевидности ощущений, другие усматривали такой критерий в разуме, поскольку его идеи адекватны вещам. Последнюю т. зр. впервые пытался систематически развить дуалист Декарт, оказавший в этом вопросе влияние, с одной стороны, на материалиста Локка, а с другой, — на идеалиста Лейбница. Франц. материалисты, связывавшие чувств. критерий И. с «интересами» людей, и Фейербах приближались к понятию практики как критерия И. Ломоносов поощрял практику как научный и производств. эксперимент. Наиболее приблизились к правильному решению этого вопроса рус. революц.-демократич. мыслители 40—60-х гг. 19 в. Н. Г. Чернышевский признавал критерием И. практику, включая в последнюю и политич. деятельность.

В идеалистич. философии домарксовского периода И. понималась как свойство субъекта, состоящее в согласии мышления с самим собой, с его априорными формами (Кант), или же как вечное, вневременное, неизменное и безусловное свойство идеальных объектов (Платон, Августин). В послекартезианский период истории идеализма получили развитие взгляды на И. как на: 1) свойство самих идеальных объектов, т. е. как на нечто такое, что существует безотносительно к человек. познанию; 2) как особый вид духовных «ценностей» или же как 3) формальный атрибут суждений (предложений), что вело к отождествлению И. и истинности. Наиболее разработанной идеалистич. теорией И. в антич. философии была теория Платона, согласно к-рой И. есть некая сверхэмпирич. вечная идея («идея И.»), одновременно — вневрем. свойство прочих «идей», а через «причастность» человек. душ миру идей — и некое идеальное качество в человек. душе. В ср.-век. философии влиянием (с 13 в.) пользовалась, в частности, концепция истины Фомы Аквинского, идеалистич. толковавшего учение Аристотеля. Августин, опиравшийся на взгляды Платона, проповедовал учение о врожденности истинных понятий и суждений. В новое время эта концепция развивалась Декартом, картезианцами и кембриджскими платониками. Нем. классич. идеализм, начиная с Фихте, внес в понимание И. важные диалектич. идеи. По Гегелю, «идея есть истина в себе и для себя...» (Соч., т. 1, ч. 1, М.—Л., 1929, с. 320), разрывающаяся в процессе диалектич. развития. Гегель впервые понял И. как процесс развития знания.

В бурж. философии конца 19 — сер. 20 вв. все более усиливается иррационалистич. подход к анализу понятия И., связанный с приуменьшением роли этого понятия в философии. Так или иначе деформируют понятие И. бурж. философы, причисляющие себя к сенсуалистам и рационалистам. Нафос И., характерный для великих философов прошлого, отвергнут совр. бурж. философами. Этот страх перед И. наглядно характеризует кризис совр. бурж. философии. Так,

экзистенциалисты вслед за Кьеркегором рассматривают ныне И. как форму психич. состояния личности, представители т. н. философии жизни видят в ней выражение определ. иррациональных потребностей и эмоций. Отсюда проистекает крайний релятивизм в понимании И. Экзистенциалисты, в частности, противопоставляют понятию объективной И. (видя в объективности лишь общепринятость, не более) представление о личной И., якобы интуитивно постигающей бытие. Т. зр. сторонников субъективно-идеалистич. эмпиризма состоит в понимании истинности как соответствия мышления ощущениям субъекта (Рассел вслед за Юмом) либо как соответствия идей и поступков стремлениям личности (Джемс: истинно то, что «ведет вперед»; Файхингер: И. есть удобная для субъекта фикция), либо, наконец, как наиболее простой, «экономичной» взаимосогласованности ощущений (Авенариус, Мах). Шлик и Нейрат рассматривали истинность как согласованность предложений науки с чувств. опытом индивидуального субъекта, а в конечном счете — как взаимосогласованность предложений друг с другом в их системе. Конвенционалисты (Пуанкаре, Карнап) утверждали, что дефиниция И. и ее содержание носят условно-договорной характер. Нек-рые субъективно-идеалистич. концепции И. изображают процесс познания как заранее обреченную на неудачу «погою» за вечно ускользающей И. и отрицают диалектич. переход от относит. И. к абсолютной. Неокантианцы баденской школы, используя в измененном виде платоновское представление об «идее И.», объявляют И. абсолютной духовной ценностью, возвышающейся над изменчивым и субъективным бытием. Но как ценность И., согласно учению баденцев, не существует, она лишь «имеет значение» (gilt). Нек-рую связь с этой концепцией имеет объективно-идеалистич. понятия абс. И. в неотомистской философии, в к-рой И. есть одновременно особый род бытия. Эта связь идет через учение «критического реалиста» Сантаяны.

Согласно объективно-идеалистич. концепциям в совр. бурж. философии, И. оказывается особым идеальным объектом (Маритен, Н. Гартман, Уайтхед, Флюэллинг). Подобные концепции, мистифицирующие И., неразрывно связаны с мистификацией самого бытия как трансцендентного, сверхчувственного, с отрицанием принципа отражения объективной реальности в сознании людей. Эти концепции приводят к пониманию И. как чего-то вечного и неизменного (Ф. Брендано, К. Твардовский, отчасти Э. Гуссерль). Нек-рые идеалисты вообще отрицали существование критерия И., поскольку отрицали саму И. (в античности скептик Пиррон) или же считали все истинным (в новейшее время имманент Шуберт-Зольдери).

Идеалисты-рационалисты считали критерием И. само мышление, поскольку оно ясно и отчетливо мыслит объект. Этот взгляд, характерный для Декарта, Лейбница и нек-рых др. мыслителей 18 в., неразрывно связан с представлением о самоочевидности первоначальных истин, постигаемых с помощью интуиции интеллектуальной. Рационалистич. концепция И. и ее критерия, в своеобразной форме отразившая и абсолютизированная достижения математики 17 в., сыграла исторически прогрессивную роль в борьбе против схоластики и теологии. Однако неудовлетворительность этой концепции заключается в ее субъективизме; если критерием И. является ясность и отчетливость, то в таком случае возникает вопрос о критерии ясности и отчетливости. Кант принимал в строгом смысле слова только формально-логич. критерий И.: согласие познания со всеобщими формальными законами рассудка и разума. В то же время он признавал недостаточность такого критерия И. для содержат. знания. Несостоятельны утверждения абс. идеалистов (Брэдли)

и неокантианцев (Кассирер) конца 19 в., согласно к-рым критерием И. является внутр. непротиворечивость самого мышления. Наиболее крайнее выражение субъективистского перенесения критерия И. в мышление получило у конвенционалистов (Пуанкаре, Леруа в конце 19 в., Айдукевич и Карнап в 30-х гг. 20 в.), к-рые сводили критерий И. к формально-логич. согласованности суждений науки с исходными или позднее введенными условными соглашениями. Айдукевич и Карнап придали принципу конвенционализма «лингвистический» характер, объявив (1935, 1938) конвенциональным смысл исходных понятий наук, приписываемый им согласно принятым дефинициям (на основе семантич. правил смысла).

Субъективные идеалисты сенсуалистич. направления усматривают обычно критерий И. в непосредств. очевидности ощущений (Аристипп, а в новое время — отчасти Беркли), в согласованности понятий или суждений с чувств. данными (Юм). Развитием этого взгляда явились идеи Конта и Спенсера, а затем неопозитивистский *верифицируемости принцип* (Шлик, Карнап, Нейрат, Гемпель). Рассел и Пап в понимании И. восприняли (через неореализм) элементы платонизма: истинность предложений, в отличие от их проверяемости, они сами рассматривают как некое идеальное свойство выражаемых ими суждений. Карнап и Райхенбах, стремясь смягчить субъективно-идеалистич. характер принципа верификации, заменили чувствительную верификацию «знанием условий истинности» (confirmability), степени к-рого исчисляются вероятностно. Предложение «мир будет существовать после моей смерти», по мнению Карнапа, недостоверно, но вероятно, т. к. мы примерно знаем, при каких принципиальных условиях оно было бы истинно (если бы др. люди воспринимали мир после смерти данного субъекта). От confirmability Карнап отличает testability, т. е. знание конкретных способов проверки предложения (описание соответств. экспериментов и т. д.).

В сер. 30-х гг. 20 в. понимание критерия И. у ряда представителей логич. позитивизма эволюционировало от признания верификации критерием истинности суждений об элементарных чувств. фактах и от признания взаимосогласованности положений логики и математики и их согласованности с исходными, конвенционально принятыми аксиомами в качестве критерия логич. И. к принятию в качестве единств. критерия И. принципа взаимосогласованности предложений в системе друг с другом и с принятыми законами логики (Нейрат, Гемпель; в 1934—35 Карнап: базисом науки являются не факты, но предложения). Этот критерий И. представлял собой позитивистскую абсолютизацию понятия аналитичности. Понятие И. как взаимосогласованности предложений друг с другом в их системе привело в философии к формалистич. варианту прагматистского истолкования И.: каждый субъект может иметь свою систему И. при условии согласованности и непротиворечивости их друг другу. Следовательно, любая псевдонауч. система суждений может быть объявлена истинной, если только она отвечает вышеуказ. формалистич. критерию. На семантич. этапе эволюции неопозитивизма (с конца 30-х гг.) проблема соотношения предложения и чувств. действительности была подмечена проблемой соотношения данного предложения и предложения, утверждающего его истинность; отношение же предложения к чувств. фактам было исключено из теоретико-познават. рассмотрения. Тем самым логич. позитивисты ошибочно абсолютизировали осуществленную А. Тарским в 1931 (опубл. 1935) формализацию чувств. критерия И. (посредством включения его в т. н. семантич. понятие И.). Тарский в работе «Понятие истины в формализованных языках» (1935) показал, что понятие И. является метаязыковым понятием (см. *Метаязык*). Пе-

ренесение проблемы И. из предметного языка в мета-язык означало утверждение логич. эквивалентности истинности предложения и факта его написания (в смысле факта его утверждения, т. е. принятия в рамках данной семантич. системы): $p \equiv \langle p \rangle$ истинно, где $\equiv$ — есть знак логич. эквивалентности. Эта формула (т. н. условие материальной адекватности семантич. дефиниции) и соответств. ей утверждение эквивалентности ложности предложения и его отрицания вполне логически оправданы внутри нек-рых дедуктивных исчислений. Логические же позитивисты с целью уйти от проблемы соотношения суждений и объективной реальности философски неправомерно использовали эту формулу; они ее абсолютизировали, утверждая (Айер), что истинность есть «исевопредикат».

Ряд концепций критерия И. в бурж. философии представляет собой эклектич. соединение субъективно-рационалистич. и субъективно-сенсуалистич. точек зрения. Таким был махистский принцип «экономии мышления», восходивший к идее Энесидема и Беркли об «общем согласии» людей. Ленин доказал, что принцип «экономии» в его махистском применении ведет к абсурду. Наиболее «экономным» по содержанию можно считать только то мышление, к-рое объективно правильно отражает внешний мир.

В отличие от субъективных идеалистов, представители объективного идеализма пытались найти критерий И. в самих идеалистически понимаемых объектах. Так, по Гегелю, критерий И. состоит в «соответствии понятию», к чему сводился и допускаемый им критерий практики. Однако Гегель, в рамках идеалистич. понимания И. и ее критерия, смог угадать значение практики человека для решения проблемы. И. как совпадение (тождество) человек. понятий с идеальной структурой мироздания достигается, согласно Гегелю, тем путем, что человек создает предмет, соответствующий понятию, чем и доказывает соответствие понятия его предмету, т. е. абс. духу, ибо повторяет акт божеств. творения мира абс. духом, идеей, мировым разумом. Ошибочность этой т. зр. заключается в том, что понятие у Гегеля нервно, субстанционально. Неотомисты допускают низший и высший критерий И. (соответствующие различению «истин разума» и сверхразумных «истин веры») — «соответствие интеллекта вещи» и «божественное откровение», причем бог есть сам высшая «истина бытия».

Критика Энгельсом Дюринга и ленинская критика в труде «Материализм и эмпириокритицизм» различных разновидностей субъективно-идеалистич. концепций И. позволяет полностью раскрыть несостоятельность всех «новейших» идеалистич. теорий И., истинности и критерия И.

Основы марксистского понимания И. Материализм вообще и диалектич. материализм в особенности понимает И. как объективную И. При этом диалектич. материализм утверждает, что И. как познават. «образ» субъективна по форме и объективна по содержанию при определяющей роли последнего. Содержание истинных теорий объективно в том смысле, что оно не зависит от человека и человечества.

И. относительная и абсолютная. Диалектич. материализм, в отличие от метафизич. материализма, понимает И. как исторически обусловленный процесс отражения действительности. И. относительна, поскольку на каждом этапе историч. развития она отражает объект лишь в известных пределах, условиях, отношениях, к-рые изменяются. В этом смысле И. неполна, не исчерпывает всего содержания объекта, приближительна. Диалектич. материализм «...признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний в этой истине» (Л е н и н В. И., Соч.,

т. 14, с. 124). Абсолютизация относит. И., увековечение И. порождает заблуждение. Реакц. классы, не заинтересованные в полном познании, стремились к более или менее значительному искажению И., к тенденциозному подбору и освещению фактов.

По мере прогресса познания человечество все более преодолевает относительность И., хотя и не в состоянии устранить ее нацело. В каждой относит. И., поскольку она объективна, частично содержится абсолютная. Поэтому теория познания диалектич. материализма — враг релятивизма и отвергает истолкование относительности И. в смысле фатальной неустрашимости заблуждений, якобы корящихся в биопсихич. несовершенстве человека или в его антропологич. природе. Абс. И. представляет собой такого рода знание, к-рое тождественно своему предмету и потому не может быть опровергнуто при дальнейшем развитии познания. Она есть: результат познания односторон изучаемых объектов (констатации фактов, что не тождественно абс. знанию всего содержания данных фактов); окончат. знание определ. аспектов всей действительности (напр., определение материи Лениным); то содержание относит. И., к-рое сохраняется в процессе дальнейшего познания; полное (актуально никогда целиком не достижимое) знание о мире. Человечество в своем развитии движется по пути овладения абс. И., к-рая в этом смысле складывается из суммы относит. И. Пределы истинности знания не могут быть установлены заранее, они изменяются с изменением условий и объектов.

И. конкретна, абстрактной И. нет. Это значит, что И. связана определ. условиями, в к-рых находится объект, отражает строго определ. стороны объекта и т. д. Высшая ступень конкретности И. состоит во всестороннем познании объекта с учетом всех существ. моментов данной стадии противоречивого развития объекта, в отличие от эклектич. смешения всех сторон и признаков явления (см. *Конкретное, Эклектика*). Классич. образцами конкретной И. являются ленинская теория о возможности победы социализма в одной стране и решение в документах КПСС проблемы мирного сосуществования социалистич. и капиталистич. мировых систем. Догматизм и ревизионизм в рабочем движении связаны с определ. искажениями в понимании относительности и конкретности И.: первый враждебен творч. характеру марксистско-ленинской теории, второй изменяет самому существу марксизма.

Поскольку И. выражается в логических формах: высказываниях, суждениях, умозаключениях и т. д., правомерно говорить о конкретности высказывания, суждения, умозаключения.

Т. н. «окончательные», или «вечные», И. оказываются таковыми лишь в относит. границах как в смысле их применения к огранич. области, границы к-рой в нек-рых случаях в дальнейшем могут раздвигаться или сужаться, так и в других случаях в смысле своей точности. Дальнейшее развитие И. такого вида происходит через включение в выражающие их суждения все более полных указаний на необходимые условия их истинности.

Учение диалектич. материализма о единстве относительной и абс. И., об объективности и конкретности И. полностью подтверждается всей историей науки. История науки есть история «...живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания» (там же, т. 38, с. 361), равно отвергающего как абсолютизацию достигнутых науч. И., так и субъективистское, скептическое их отрицание. С др. стороны, сами ошибки на пути познания, вырастая из односторонности относит. И., сигнализируют о недостаточности последних, и осознание этого способствует движению к более высокому этапу познания.

Практика — критерий И. Согласно диалектико-материалистич. учению, критерий И. не может быть найден ни в сознании субъекта как таковом, ни в познаваемом объекте. Поскольку И. предполагает определ. познават. отношение субъекта к объекту и в этом смысле «истина относится не только к субъекту, а также к объекту» (П л е х а н о в Г. В., Избр. филос. критерий И., т. 3, 1957, с. 501), произвольку критерий И. должен представлять собой определ. отношение, отличное от процесса познания, но вместе с тем органически связанное с ним. Таким отношением, материальным процессом является обществ. практика, к-рая и образует критерий И. По мере развития теоретич. содержания науки проверка все в большей мере приобретает опосредованный характер, ибо теоретич. положения формируются на базе абстракций все более высоких степеней и потому не поддаются непосредств. проверке (напр., теоретич. положения субатомной физики, закон стоимости в политич. экономии и т. д.). Та или иная науч. теория истинна, если на основе полученных из нее выводов люди в состоянии реализовать поставленные ими цели, приведя в этом смысле, как выражался Плеханов, объекты в соответствие с нашими понятиями о возможностях изменения этих объектов, а не ограничиваясь относительно пассивным приведением понятий в соответствие с объектами. Марксистское понимание практики как критерия И. не имеет ничего общего с субъективистским тезисом прагматистов: истинно то, что полезно. Полезность знаний — следствие, но не причина их истинности. Временные успехи реакц. сил не свидетельствуют об истинности взглядов и теорий, к-рыми они руководствуются, так же как временные поражения прогрессивных сил не опровергают истинности идей последних. Способы практич. проверки И. многочисленны. Активный эксперимент, воспроизводящий исследуемый процесс в относительно чистом виде, применим не везде. Напр., космогонич. гипотезы не могут быть проверены экспериментально.

Многие астрономич., медицинские и др. гипотезы проверяются через активное наблюдение. Возможности экспериментирования в астрономич. вопросах появились только в последнее время на базе новейших достижений науки и техники (запуски в СССР искусств. спутников Земли и т. д.). Техника экспериментирования зависит от уровня познания и производств. возможностей. Проверка итогов историч. исследований осуществляется путем сопоставления с новыми фактич. данными в веществ. форме (археологич. находки, обнаружение архивных документов эпохи и т. д.). Проверка истинности обществ. теории происходит через подтверждение жизнью науч. предвидений, реализуемых производств.-экономич. и политич. деятельностью масс, классов. Это гл. вид практики как критерия И. в марксистском ее понимании. Истинность марксизма-ленинизма подтверждается всем опытом социалистич. и коммунистич. строительства и процессами, происходящими в совр. капитализме, что получило науч. обобщение в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии (1961). Проверка истинности филос. учений осуществляется всей совокупностью обществ. историч. практики и познания.

Проверка через сопоставление следствий из теории с фактами имеет место не только в обществ. науках. Важными видами практич. проверки науч. теорий являются конструирование (приборов, машин и т. д.) и т. н. моделирование, основанное на структурных аналогиях между процессами в различных областях действительности. Инженерная кибернетика осуществляет своего рода «овеществление» формально-логич. связей и отношений, позволяет практически проверять результаты логико-математич. исследований высоких уровней абстракции. Многие математич.

положения, напр., проверяются через практич. применение вытекающих из них следствий в технике, эксперимент. практике др. наук (напр., физики, баллистики и т. д.).

В качестве критерия истинности аксиоматически-дедуктивных науч. теорий нередко указывают на т. н. формально-логич. критерий, т. е. на соблюдение требований внутр. непротиворечивости, полноты и взаимонезависимости аксиом (из них первое — основное). Этот критерий обеспечивает проверку формально-логич. правильности теорий, но не свидетельствует в пользу их истинности (в смысле соответствия связям и отношениям в объективной реальности) и, самое важное, не является самостоятельным. Для выявления истинности аксиоматически-дедуктивных исчислений используется т. н. выполнимость, т. е. наличие по крайней мере одной совокупности математич. (напр., геометрич.) или веществ. объектов, на к-рой моделируются результаты данного исчисления, что и выясняется средствами практики и, в частности, путем практич. построения. Т. о., выполнимость реализуется именно на практике; логич. же правильность (непротиворечивость) производна от выполнимости. Следовательно, и в логико-математич. дисциплинах практика является окончательным и в этом смысле единств. критерием И.

Нельзя отождествлять способ доказательства И. с проверкой, поскольку способ доказательства в значит. мере входит в процесс формирования И., а проверка И. носит, в конечном счете, всегда практич. характер. С др. стороны, сами логич. средства доказательства, как и т. н. «формально-логич. критерий», имеют своей общей исходной основой многообразную практич. деятельность человечества и отражаемые в ней связи и отношения объектов. Поэтому ошибочны попытки использования субъективистски истолкованного принципа логич. непротиворечивости теории (Гемпель) или же принципа логич. выводимости следствий, обеспечивающих предвидение ощущений субъекта в будущем (Рейхенбах) в качестве самостояст. или же даже главного или единств. критерия И.

Когда следствия из теории, сопоставляемой с фактами, выступают во временной последовательности, более или менее удаленной от наст. времени, имеет место проверка путем собственно предвидения объективных событий и явлений будущего, что используется в различных науках. Таковы предсказания точного местоположения планеты или кометы в астрономии (напр., предсказание в 1844 существования спутника Сириуса и характера его орбиты), предвосхищение Менделеевым открытия новых химич. элементов и их свойств, гениальные предвидения Марксом, Энгельсом и Лениным социалистич. революции, диктатуры рабочего класса, победы социализма и построения коммунизма. Проверка путем оправдавшегося предвидения может в определ. смысле относиться и к прошлому времени, когда, напр., удается предсказать свойства нек-рых древних языков, к-рые лишь впоследствии (и притом отчасти именно на основании этих гипотетично установленных свойств) могут быть изучены (расшифровка письменности и изучение языков шумерийского и майя).

Величайшая гносеологич. оценка практики диалектич. материализмом свободна от ее абсолютизации. Всякая данная конкретно-историч. форма практики снимается новой, более совершенной практикой.

Классово-ограниченная практич. деятельность реакц. классов в ряде случаев мешает, в силу искажающей факты идеологич. интерпретации, обнаружению И. Так, марксистская политич. экономия находится в резком противоречии не только с вульгарной политич. экономией, но и с поверхностным бурж. практицизмом, на почве к-рого возникла вульгарная

политич. экономия. Критерием И. экономич. учения марксизма-ленинизма является ход обществ.-историч. развития и опыт освободит. борьбы рабочего класса. В связи с этим проверка И. практикой есть не только автоматически-стихийный, но и сознат. процесс, к-рый тем более успешно проходит, чем более люди теоретически исследуют саму практич. деятельность. Так возникает гносеологич. взаимодействие теории и практики. Следует иметь в виду, что «...критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько „неопределен“, чтобы не позволить знаниям человека превратиться в „абсолют“, и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 130). Поэтому для успеха практич. проверки теорий необходимо привлечение возможно большего числа разнообразных фактов. Процесс развития практики и как основы познания, и как критерия И. представляет собой не единовременный акт, но многообразный историч. процесс, в к-ром относительное и абсолютное диалектически связаны друг с другом (см. также *Критерий истины, Практика*).

КПСС — принципиальная противница релятивизма и догматизма в понимании И., решит. враг всякого искажения И., борется против извращений историч. правды и справедливости, связанных с периодом культа личности. Партия воспитывает своих членов в духе глубокого осознания высокой морально-политич. значимости объективной И., свидетельствующей о неизбежном историч. торжестве коммунизма. См. также *Доказательство, Достоверность, Заблуждение*. И. Нарский, Т. Ойерман. Москва.

И. и принцип совпадения диалектики, логики и теории познания. Глубокое отличие диалектико-материалистич. понятия И. как от всех идеалистич., так и от метафизически-материалистич. понятий И. резюмируется марксистским принципом совпадения диалектики, логики и теории познания: «...не надо 3-х слов: это одно и то же...» (там же, т. 38, с. 315).

Ограниченность франц. материалистов 18 в., а также вульгарных материалистов всех разновидностей сказывается в том, что согласованность мышления с его предметом они рассматривают «...только со стороны... содержания» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 581). Еще Спиноза преодолел такой подход к проблеме в результате критики дуализма Декарта. Последовательное проведение тезиса о субъективности формы мышления как имманентной характеристики активности субъекта было осуществлено Кантом и особенно марбургской школой неокантианства. Этот тезис роковым образом приводит к непреодолимому разрыву субъекта и объекта. Всякая уступка этому тезису в виде признания формы мышления, хотя бы отчасти не тождественной формам объекта, т. е. признание ее дополняющей объективные формы «специфическими» для сознания «приемами», в конечном счете делает невозможным строгое решение проблемы И. Учение о познании оказывается тогда вынужденным иметь дело лишь со «специфическими» чертами психологически истолкованного процесса индивидуального сознания; оно в лучшем случае фиксирует такие условия достижения И., к-рые не входят в ее понятие. Учение о категориях, поскольку оно тогда лишь чисто внешним образом соприкасается с учением о познании и страдает формализмом, оказывается столь же неспособным дать понятие И. Наконец, понятие И. не может тогда быть выработано также и учением о всеобщих законах бытия, поскольку сохраняется старое разделение гносеологии и онтологии и это учение обречено остаться лишь он-

тологией. Само разделение гносеологии и онтологии как имеющих два разных, лишь внешне соотносимых предмета исследования отводит почву для постановки проблемы И. только на границе между ними, т. е. вне каждого из них. Итак, до тех пор, пока учение об объективной диалектике, учение о категориях (логика) и учение о познании остаются одно рядом с другим, ни одно из них не в состоянии развернуть подлинное понятие И. Если же все-таки настаивать на тезисе о субъективности формы мышления, то остается еще лишь сосредоточить внимание на одних только «приемах» мышления в их отвлечении и от онтологии, и от гносеологии, и от филос. категорий. Но тогда предметом исследования на деле оказывается вообще уже не мышление как познающая деятельность, а только его языковая материя, в к-рой оно определяется и к-рая существует самостоятельно, наряду с объектом знания. Здесь вопрос об И. принципиально не может быть даже поставлен. Тем не менее неопозитивизм пытается ставить его по существу именно как языковой, семантич. вопрос. Это происходит потому, что неопозитивизм принимает в качестве «естественного» тот порождаемый социальным разделением труда (см. *Отчуждение*) факт, что законы познават. деятельности выступают превращенно — через законы языка, знаковой деятельности и что именно фетишизацией языка увенчивается «...превращение субъекта в объект и наоборот» (см. Архив Маркса и Энгельса, т. 2(7), 1933, с. 35). И. подменяется «значением истинности» элементов языкового выражения мышления — «высказываний», к-рым она якобы присуща.

В действительности И. не может быть присуща не только отд. высказыванию и точно так же отд. суждению, но даже и системе суждений, если только эта система «готового знания» выступает как противоположность процессу его становления. И. неотделима от процесса деятельности субъекта, материально воспроизводящего свой предмет. Только этот процесс превращает его в предмет знания и развертывает последний как систему. В изолированном фрагменте знания И. умерщвлена. «Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже кажутся самостоятельными и отдельными... Лишь в их совокупности... и в их отношении... реализуется истина» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 187). Реализация синтеза этих отд. моментов и такое соотношение их друг с другом, чтобы они выражали И., происходит именно в деятельности: «истина есть процесс» (там же, с. 192). «...Истинное исследование — это развернутая истина...» (Маркс К., Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции, см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 7). При этом идеальное расчленение предмета мышлением осуществляется всегда лишь в единстве с материальным расчленением и воспроизведением предмета в деятельности. И. не рождается *post factum* в результате акта «отнесения» «готового» знания к его объекту, — всякая такая попытка «придать» истинность знанию или извлечь ее из знания вне обратного превращения последнего в содержание деятельности может только убить И. Ибо отд. фрагменты знания выступают как компоненты истинного знания только тогда, когда живут его жизнью как целого, когда теряют свою кажущуюся самостоятельность и независимость от процесса деятельности. И. характеризует процесс рационал. переработки материала «живого» созерцания в понятия по законам обществ. познания; она никоим образом не заложена в самом этом материале созерцания, тем более если его брать как достояние антропологически трактуемого индивида (И., следовательно, отнюдь не является чем-то таким, что присуще ощущениям, восприятиям и т. п., как полагают натуралисты и психологи).

Идеальное воспроизведение предмета предполагает тождество формы мышления как формы деятельности разума с формой объекта, с формой бытия (об отношении действительного и постигнутого в понятиях мира см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 12, с. 727). Говоря о совпадении мышления и бытия как о предпосылке теоретич. мышления, Энгельс ставил в заслугу классич. немецкой философии и особенно Гегелю исследование этой предпосылки «...также и со стороны ф о р м ы» (там же, т. 20, с. 581), хотя этой проблеме и было дано идеалистич. истолкование. Понятие И. есть итог теории познания, исследующей соств. законы И. как процесса, а ее коренная проблема — проблема объективности форм мышления. «На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия» (там же, т. 21, с. 283). Т. о., это не проблема взаимодействия мышления и бытия как двух субстанций, а проблема законов (форм), тождественных для того и другого — всеобщих диалектич. законов. Вот почему «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма... (это... суть дела)...» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 360). Остается еще проблема гарантии всеобщности и отыскания способа исследования всеобщих форм как таковых. Универсальная всеобщность диалектич. законов может быть доказана только путем исследования к.-л. особой формы их действия. Однако это должна быть такая «особая» форма, вся особенность к-рой как раз и состоит в активном обнаружении универсальности этих законов. Такую форму образуют категории человек. мышления с их универсальными методологич. функциями. Поскольку выполнением этих своих функций категории всецело обязаны своему совпадению со всеобщими законами бытия, материальной действительности, постольку через изучение функционирования филос. категорий в науч. познании открывается путь изучения всеобщих законов бытия: «...логика и теория познания должна быть выведена из „развития всей жизни природы и духа“... Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод и ст о р и и познания мира» (там же, с. 76, 80—81). Поэтому объективная и субъективная диалектика, диалектика и теория познания совпадают не только друг с другом, но также с учением о категориях, образующих единую собственно филос. науку — диалектич. логику. Только в диалектич. логике мы, наконец, имеем дело с самой проблемой И., а не просто подходим к ней, описываем ее признаки, условия и т. п. «Не психология, не феноменология духа, а логика = вопрос об истине» (там же, с. 165). Итак, раскрытие понятия И. — это не частный филос. вопрос, ибо оно охватывает собой всю проблематику диалектич. логики.

Подробнее см. *Идеальное, Мышление, Объект, Субъект*. Г. Батищев. Москва.

Лит.: Маркс К., К критике политической экономии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957 (отд. 1, гл. 9); его же, Диалектика природы, М., 1955, с. 175—93; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14, гл. 2; его же, Философские тетради, там же, т. 38, с. 125, 171, 185—89, 190—93, 209—21; его же, Еще раз о профсоюзках, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина, там же, т. 32; Плеханов Г. В., Трусливый идеализм. Скеницизм в философии, Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957; Мао Цзэдун, Относительно практики, Избр. произв., пер. с кит., т. 1, М., 1952; Павлов Т., Теория отражения, пер. с болг., М., 1949, кн. 5; Хасячи Ф. И., О познаваемости мира, 2 изд., М., 1950, гл. 2; Руткевич М. Н., Практика — основа познания и критерий истины, М., 1952, гл. 3; Шаффа А., Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины, пер. с польск., М., 1953; Асмус В. Ф., Учение логики о доказательстве и опровержении, [М.], 1954; Гарод Р., Вопросы марксистско-ленинской теории познания, пер. с франц., М., 1955, гл. 4; Тугаринов В. П., Законы объективного мира,

их познание и использование, Л., 1955, гл. 2; Строгович М. С., Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955; Розенталь М. М., Что такое марксистская теория познания, М., 1956, гл. 3, 4, 5; Ойзерман Т. И., Проблема истины и ее критерий, «Вестн. МГУ. Сер. экономика, философия и права», 1956, № 1; Корнфорт М., Наука против идеализма, пер. с англ., М., 1957, гл. 11, 12; Курсанов Г. А., Гносеология современного прагматизма, М., 1958, гл. 4; Нарский П. С., Критика учения неопозитивизма о критерии истины (проблема верификации), «Вопр. философии», 1959, 1960, № 9; Горский Д. И., Истина и ее критерий, «Вопр. философии», 1962, № 2; Платон, Тетет, пер. с греч., М.—Л., 1936; Аристотель, Метафизика, М.—Л., 1934, кн. 13; Декарт Р., Рассуждение о методе..., [Л.], 1953, гл. 2; Мальбранш П., Разыскания истины, пер. с франц., СПб., 1903—06; Спиноза Б., Этика..., Избр. произв., т. 1, М., 1957, с. 588—618; Локк Дж., Опыт о человеческом разуме, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, кн. 4; Лейбниц Г., Новые опыты о человеческом разуме, М.—Л., 1936, кн. 4; Гоббс Т., Левиафан..., [М.], 1936, ч. 1, гл. 1—5; Гольбах П. А., Система природы..., М., 1940, ч. 1, гл. 8, 9, 10; Кант И., Критика чистого разума, 2 изд., П., 1915 (см. Трансцендентальная аналитика); Гегель Г., Наука логики, т. 2 — Субъективная логика или учение о понятии, Соч., т. 6, М., 1939; Фейербах Л., Основы философии будущего, 2 изд., М., 1937; Герцен А. И., Письма об изучении природы, Собр. соч., т. 3, М., 1954 (см. Эмпиризм и идеализм); Чернышевский Н. Г., Характер человеческого знания, Избр. филос. произв., т. 3, М., 1951; Риккерт Г., Границы естественно-научного образования понятий, пер. с нем., СПб., 1903; Гуссерль Э., Философия как строгая наука, «Логос», 1911, кн. 1; Гильберт Д. и Анкерман В., Основы теоретической логики, пер. с нем., М., 1947, гл. 1; Рассел Б., Человеческое познание. Его сфера и границы, пер. с англ., М., 1957, ч. 2, 3; Bosanquet B., Knowledge and reality, L., 1892; Aquinas Thomas, Summa theologiae, pt 1, Roma, 1894, quaestio 16; Twardowski K., Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen, W., 1894; Joachim H. N., The nature of truth, Oxf., 1906; Royce J., The problem of truth in the light of recent research, [Hdb.], 1908; James W., The meaning of truth, L., la. o. J., 1911; Bradley F. H., Essays on truth and reality, Oxf., 1914; Volkelt J., Gewissheit und Wahrheit, Münch., 1818; Geysler J., Über Wahrheit und Evidenz, B., 1918; Poincaré H., Calcul des probabilités, 2 ed., P., 1923; Schneider W., Die Quaestiones disputatae de veritate de Thomas von Aquino, Münster, 1930; Wilpert P., Das Problem der Wahrheitsicherung bei Thomas von Aquino, Münster, 1931; Kremer R., La synthèse thomiste de la vérité, «Rev. neoscholastique philos.», 1933, № 39, an. 35, p. 116—38; Peirce C. S., How to make our ideas clear, in: Collected papers, v. 5, Camb., 1934; Tarski A., Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen, «Studia philosophica», 1935, v. 1; его же, On undecidable statements in enlarged systems of logic and the concept of truth, «J. symb. logic», 1939, v. 4, № 3, p. 105—12; Hübner V., Wahrheit und Evidenz bei F. Brentano, Stuttg., 1936 (Diss.); Hempel C. G., Le problème de la vérité, «Theoria», 1937, t. [3]; Russell B., An inquiry into meaning and truth, L., 1940; Whitehead A. N., Adventures of ideas, N. Y., [1942], § 16, 18; Jaspers K., Von der Wahrheit, Münch., [1947]; Heidegger M., Vom Wesen der Wahrheit, 2 Aufl., Fr. M., 1949; Heistermann W. E., Erkenntnis und Sein. Untersuchungen zur Einführung in das Wahrheitsproblem..., Detmold, 1951; Ricoeur P., Histoire et vérité, P., [1955]; Ayer A. J., Language, truth and logic, 2 ed., L., 1958. П. Нарский, Т. Ойзерман. Москва.

ИСТИННОСТЬ (в математической логике) — см. *Логическая истинность*.

«ИСТИННЫЙ СОЦИАЛИЗМ» — одна из форм мелкобурж. социализма 40-х гг. 19 в., получившая распространение гл. обр. в Германии. Идеям предшественником «И. с.» был возникший в 1842 г. н. философский коммунизм (Гесс, Люнинг, Бернай и Грюн), соединивший слабые стороны феербахманской и гегелевской философии с отд. положениями утопич. социализма, но признававший необходимость политич. деятельности и борьбы за демократию. После силезского восстания (1844) «философский коммунизм» превратился в «И. с.», гл. представителями к-рого были Гесс, Грюн, Г. Земмиг, Крüge. «И. с.», унаследовав эклектизм «философского коммунизма», выводил учение о социализме из предписаний морали, игнорировал экономич. и политич. основу социализма, требовал примирения всех классов и превращения рабочих в мелких производителей, был противником революц. средств борьбы, проповедовал крайний национализм. Учение «истинных социалистов» вследствие своей мелкобурж. сущности по мере обострения в Германии политич. борьбы приобретало все более реакц. харак-

тер. Маркс и Энгельс, показав еще в «Немецкой идеологии» (1845—46) ненаучность и идейно-политич. убежденность «И. с.», оценивали его в «Манифесте Коммунистической партии» (1847—48) как выражение «...реакционных интересов, интересов немецкого мещанства» (Соч., 2 изд., т. 4, с. 453). Энгельс считал его представителями «...реакционными элементами немецкой литературы» и указывал, что «Истинный социализм» насквозь реакционен (там же, с. 42, 44). Ленин видел сущность «И. с.» «в непонимании классовой борьбы и значения политической свободы, ...в неумении различить значение того или иного слоя буржуазии в современной политической борьбе» (Соч., т. 10, с. 430). Бурж. и правосоциалистич. лит-ра об «И. с.», фальсифицируя историю, отождествляет «И. с.» с «философским коммунизмом», пытается доказать, что Маркс и Энгельс сами были истинными социалистами (G. Adler, Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland, Breslau, 1885; E. Hammacher, Zur Würdigung des «wahren Sozialismus», «Arch. Geschichte des Sozialismus und der deutschen Arbeiterbewegung», 1911, Jg. 1), Д. Койген, хотя и отличал «философский коммунизм» от «И. с.», но, выступая апологетом последнего, пытался сблизить взгляды Маркса и Энгельса с «И. с.» (D. Koygen, Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland, 1901). Отождествляя «философский коммунизм» с «И. с.» легальный марксист П. Струве и меньшевик П. А. Берлин (P. Struve, Studien und Bemerkungen zur Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus, «Die Neue Zeit», XV Jahrgang, 1896—97, Bd 1, S. 68, Bd 2, S. 228, 269). Нем. правые социал-демократы З. Ландсхут и И. Майер с целью оправдания идеи классового сотрудничества пытались возродить легенду о т. н. «этическом социализме» Маркса и Энгельса (предисловие к кн.: K. Marx, Der historische Materialismus. Die Frühschriften, Bd 1—2, 1-рз., [1932]). Совр. критики марксизма (Ландсхут, Э. Блох, Лэффер, Риттих), также фальсифицируя историю формирования марксизма и ссылаясь на ранние произведения его основоположников, утверждают, будто Маркс и Энгельс выводили коммунизм из этич. и антропологич. положений (З. Ландсхут, Современность в свете учений Маркса — S. Landshut, Die Gegenwart im Lichte der Marx'schen Lehre, в сб.: Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik, Jg. 1, 1956; Turley H., Professor Landshut entdeckt den «echten Marx», «Sonntag», 1957, Jg. 12, S. 2—4; G. Rittig, Die Sozialisten heute, 1954). В действительности же уже в ранних произведениях («Святое семейство», «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Манифест Коммунистической партии» и др.) Маркс и Энгельс дали обоснование неизбежности перехода человечества к коммунизму, исходя из материалистич. понимания истории. Марксистская критика «И. с.» имела и имеет актуальное значение для борьбы со всеми разновидностями мелкобурж. социализма, со всеми фальсификаторами марксизма.

Органы «И. с.»: «Gesellschaftsspiegel», Bd 1—2, Elberfeld, 1845—46; «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform», Darmstadt, 1845—Belle-Vue bei Constanz, 1846; «Deutsches Bürgerbuch für 1845», Darmstadt, 1845; то же, für 1846», Mannheim, 1846; «Das Westphälische Dampfboot», 1—2, Bielefeld, 1845—46; то же, Paderborn, 1847—48; «Neue Anekdoten», Darmstadt, 1845; «Dieses Buch gehört dem Volke», Jg. 1—2, Bielefeld, 1845; Jg. 3, Paderborn, 1847.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Циркуляр против Крисе, Соч., 2 изд., т. 3; Энгельс Ф., Истинные социалисты, там же; его же, Немецкий социализм в стихах и прозе, там же, т. 4; его же, Конституционный вопрос в Германии, там же; Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 8, с. 294—300; Серебряков М. В., Немецкий социализм и борьба с ним Маркса и Энгельса, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филос. наук, 1948, вып. 2; его же, Фридрих Энгельс в молодости, [Л.], 1958; Кандель Е. П., Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов, [М.],

1953; его же, Из истории борьбы Маркса и Энгельса с немецким «истинным социализмом», в сб.: Из истории формирования и развития марксизма, М., 1959; Степанова Е. А., Фридрих Энгельс, 2 изд., М., 1956; Корню О., Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность (Вступ. ст. Т. Ойзермана), пер. с нем., т. 1, М., 1959; Мит Э., «Истинный социализм» — разновидность немецкой мелкобуржуазной идеологии, М., 1959 (Автореф.); Mehlh F., Nachmals Marx und der «wahre Sozialismus», «Die Neue Zeit», Jg. 14, 1895—96, Bd 2, № 23 (1896); Singer H., Die Theorie des wahren Sozialismus, Quakenbrück, 1930 (Diss.); Согни А., Le socialisme utopique allemand: le socialisme «vrai», «La Pensée», 1955, № 62, p. 71—82. А. Панфилова. Москва.

ИСТМЕН (Eastman), Макс (р. 1883) — реакц. амер. философ и писатель. В 1913—17 — редактор социалистич. журн. «Masses». В сер. 20-х гг. выступил с клеветнич. заявлениями о междунар. коммунистич. движении и был изгнан из компартии США. И. открыто отказался от марксизма и выдвинул требование выработать новое филос. обоснование «социализма». Выпустил ряд антимарксистских книг, где рассматривал марксизм-ленинизм лишь как «экспериментальное» и «гипотетическое» учение, один из вариантов эффективной «стратегии» политич. борьбы. В гносеологии и эстетике занимал позиции, близкие к прагматизму. И. выступает против социализма, считая его неосуществимым в силу природной «испорченности» человека, и выдвигает требования возрождения «свободного предпринимательства», бурж. демократии, открыто защищает капитализм, к-рый якобы несет для рабочих «золотые яйца». С этих позиций И. критикует также различные концепции «демократич.» и «гуманистич.» «социализма». Эволюция взглядов И. — типичный пример идейной деградации, к к-рой ведет отказ от теории науч. социализма.

Соч.: Since Lenin died, L., 1925; Marx and Lenin. The science of revolution, N.Y., 1927; The last stand of dialectic materialism, N.Y., 1934; Art and the life of action, L., 1935; Marxism, is it science?, L., 1941; Heroes I have known, N.Y., [1942]; Enjoyment of living, N.Y.—L., [1948]; Reflections on the failure of socialism, N.Y., 1955.

Лит.: Фостер У., Закат мирового капитализма, пер. с англ., М., 1951, с. 139. А. Титаренко. Москва.

ИСТОРИЗМ — принцип подхода к объективной действительности в процессе ее науч. исследования и практич. преобразования как к изменяющейся во времени, развивающейся. Принцип И. является филос. отражением объективной диалектики, закономерного развития природы, общества и мышления. Этот принцип — важнейшая сторона (момент) диалектико-материалистич. мировоззрения. Принцип И. получил распространение первоначально до марксизма — в филос. системах Вико, Вольтера, Гердера, Руссо, Дидро, Фихте, Гегеля, Сен-Симона, рус. революц. демократов и др. философов. В 18 и 1-й пол. 19 вв. его развитие шло в форме философии истории, к-рая возникла в борьбе с бес-содержат. эмпиризмом историч. науки средневековья и провиденциализмом теологии. Философия истории просветителей 18 в. рассматривала человек. общество как часть природы; занимствуя из естествознания понятие причинности, она выдвинула идею «естественных законов» истории, единства историч. процесса (Гердер), разработала теорию прогресса как движения от низшего к высшему (франц. материалисты) и т. д. Ограниченность этих концепций И. состояла в механицизме, а также в том, что в них место действит. связей, присущих объекту, занимали связи, измышленные самими философами и посящие спекулятивный характер. Взгляд на историю общества как на внутренне закономерный, необходимый процесс развивали представители нем. классич. идеализма. Однако и они привносили эту необходимость в историю извне, из области философии. Высшим этапом развития принцип И. до Маркса была философия Гегеля. Хотя форма его философии, отмечал Энгельс, была «...крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории... Он первый пытался показать развитие и

внутреннюю связь истории ...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 1, 1955, с. 331). Вместе с тем историзм Гегеля находился в непримиримом противоречии с идеалистич. сущностью его общей концепции; с позиции этого И. конкретно-историч. анализ явлений действительности оказывался невозможным. Огромную роль в утверждении принципа И. играли успехи конкретных наук — науки об обществе (напр., Барнав, франц. историки периода Реставрации) и естествознания (напр., Кант, Лайель, Дарвин, Тимирязев).

Последовательно принцип И. применен при разработке всесторонней теории развития объективного мира и его познания, к-рую создали Маркс, Энгельс и Ленин. Выражая сущность марксистского историзма, Ленин писал: «... Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Соч., т. 29, с. 436).

Отличит. черта марксистского И. в том, что он распространяется на все сферы существования объективной действительности, требует рассматривать с т. зр. историч. развития природу, общество и мышление. «Мы знаем только одну единственную науку, — писали Маркс и Энгельс, — науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, её можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» (Соч., 2 изд., т. 3, с. 16, прим.). В качестве всеобщего принципа подхода к действительности И. находит свое всестороннее подтверждение в ходе развития науки. За последнее столетие И. утвердился как необходимый науч. способ рассмотрения применительно к самым различным объектам, в т. ч. к тем, к-рые представлялись неподвижными, лишёнными истории. Историч. науками являются не только политич. экономия, история общества, история науки, но и геотектоника, антропология, языковедение, космогония, геоморфология, генетика, эволюц. биология и мн. др.

Марксистский И. исходит не просто из движения объективного мира, не просто из его изменчивости во времени, но из его развития. «Домарксовская „социология“ и историография, — писал Ленин, — в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций...» (Соч., т. 21, с. 40). Т. о., главное в марксистском И. — это подход к объекту с т. зр. закономерного процесса его развития. Такой подход означает, что объект должен рассматриваться с т. зр. его внутр. структуры, причем не как механич. множество отд. элементов, связей, зависимостей, а как органич. совокупность этих структурных составляющих, как внутренне связанное и функционирующее целое, как система; с т. зр. процесса, т. е. во всей совокупности историч. зависимостей его внутр. составляющих, следующих друг за другом во времени; с т. зр. процесса именно развития, т. е. с учетом качеств. изменений в его структуре в целом; наконец, с т. зр. процесса развития закономерного, т. е. характеризующегося определ. законами перехода от одного историч. состояния объекта, с одной структурой, к другому его историч. состоянию, с другой структурой; при этом отличит. чертой марксистского И. является признание единства и борьбы противоположностей, противоречий как ядра и внутр. механизма процесса развития.

В соответствии с принципом И. процессы развития объективного мира должны рассматриваться в том их виде, в к-ром они протекали в действительности. Любое явление, любой предмет могут быть поняты и правильно оценены только при условии рассмотрения их в конкретных историч. условиях, в историч. связях с др. явлениями и предметами. «Весь дух марксизма, — говорит В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другим; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (Соч., т. 35, с. 200). С позиций марксистского И. грубо ошибочными являются случаи архаизации или модернизации, когда объект характеризуется с помощью понятий и категорий, свойственных не данной ступени историч. развития, а ступеням, исторически предшествующим или позднейшим по сравнению с рассматриваемой. Маркс и Ленин в своих работах по изучению самых различных сторон человек. общества блестяще разработали и применили конкретную логику историч. рассмотрения объекта. За всем разнообразием приемов и способов исследования, имеющим место в конкретных историч. науках, марксизм различает два метода воспроизведения историч. процессов развития объекта: логический метод, с помощью к-рого развитие объекта воспроизводится в форме теории системы, и исторический метод, с помощью к-рого развитие объекта воспроизводится в форме истории системы.

Марксистский И. качественно отличается от аналогичных по терминологии представлений домарксистской и совр. бурж. философии. Ненауч. характер принципа И., выдвигавшегося до Маркса, заключался в том, что ни один из философов не мог подняться до понимания подлинной диалектики развития объективного мира и его познания: под развитием понималось или изменение внешней формы объекта, или его механич. движение. Неспособность этих философов раскрыть и понять роль внутр. противоречий в процессе развития объекта приводила к плоско-эволюц. пониманию принципа И.

Явно антинаучным, реакц. характером отличается И., проповедуемый бурж. философией эпохи империализма. Осн. смысл всех философско-историч. концепций неокантианства, крочеанства (см. Кроче), неопозитивизма, неогегельянства, прагматизма, философии жизни, экзистенциализма, а также теорий последователей этих концепций в сфере конкретно-науч. деятельности — т. н. исторической школы в политич. экономии, «исторической школы» права, «позитивной школы» в истории (Ранке, Шмоллер) и др., состоит как раз в отрицании возможности подхода к объективной действительности с т. зр. раскрытия закономерного процесса ее развития, т. е. в отрицании принципа И., в подмене его абс. релятивизмом. Противопоставляя, подобно неокантианцам Риккерт и Виндельбанду, общее и единичное, естествознание и науку об обществе, новые и новейшие зап. философы истории и социологи — Дильтей, Коллингвуд, Гинсберг, Ясперс, Хейдеггер и др. скатываются к прямому иррационализму. Они отрицают не только возможность познания законов историч. развития, но и самое существование этих законов. История для них есть нечто абсурдное, бессмысленное, поэтому они сводят смысл историч. подхода к действительности к простой регистрации субъективных «переживаний» или единичных и неповторимых фактов, к описанию отдельных, не связанных друг с другом и не поддающихся науч. анализу историч. «ситуаций», исключающих понимание внутр. связи историч. процесса. Для этих философов характерно, по словам Ленина, «отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких „законов“ исторического развития,

загородить лес — деревьями...» (Соч., т. 20, с. 179).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; их же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Маркс К., Капитал, т. 1—3, М., 1955; его же, Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; его же, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, там же, т. 8; его же, Критике политической экономии, там же, т. 13; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; его же, Диалектика природы, М., 1955; его же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; его же, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, там же, т. 1; его же, Карл Маркс, там же, т. 21; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956; его же, О материалистическом понимании истории, там же, т. 2, М., 1956; Проблемы развития в природе и обществе [Сб. статей. Отв. ред. Б. А. Чагин], М.—Л., 1958; Асмус В. Ф., Маркс и буржуазный историзм, М.—Л., 1933; Розенталь М. М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; его же, Принципы диалектической логики, М., 1960; Кон И. С., Философия идеализма и кризис буржуазной исторической мысли, М., 1953; Шафр А., Объективный характер законов истории, пер. с польск., М., 1959; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; Грушин Б. А., Очерки логики исторического исследования, М., 1961; его же, Маркс и современные методы исторического исследования, «Вопр. философии», 1958, № 3; Гросс В., Teoria e storia della storiografia, 6 ed., Bari, 1948; Jaspers K., Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, Münch., 1949; Renier G. J., History, its purpose and method, L., 1950; Ginsberg M., Idea of progress: a reevaluation, L., 1953; Collingwood R. G., The idea of history, N. Y., 1956; Popper K. R., Misère de l'historicisme, P., 1956; Dilthey W., Gesammelte Schriften, Bd 1—12, Stuttgart, 1957—60. В. Грушин, Москва

«ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ УЧЕНИЯ КАРЛА МАРКСА» — одна из статей В. И. Ленина, написанная к 30-летию со дня смерти К. Маркса (см. также «Три источника и три составных части марксизма»). «Когда после ленинских событий рабочее движение вновь быстро пошло на подъем, Ильич использует легальную прессу, чтобы привлечь внимание партийного актива к необходимости связывать свою работу с теорией марксизма. В марте 1913 г. он пишет для „Правды“ статью „Исторические судьбы учения Карла Маркса...» (Крусская Н. К., О Ленине, 1960, с. 321). Место написания — Краков. Опубликована в газ. «Правда» 1(14) марта 1913, подпись — «В. И.».

Оси. тема статьи — отношение марксистской теории к практике революц. борьбы пролетариата. Обращаясь в легальном большевистском органе к рабочему классу России, Ленин проводил в статье две главные мысли: ход мировых событий подтвердил учение марксизма о «всемирноисторической роли пролетариата, как создателя социалистического общества» (Соч., т. 18, с. 544); началась эпоха революц. переворотов. Правильность обоих положений Ленин доказывал путем обращения к истории классовой борьбы. Ленин делит всемирную историю в соответствии с этапами развития революц. движения: с революции 1848 до Парижской Коммуны 1871; от Парижской Коммуны до рус. революции 1905; от рус. революции. В этой периодизации видна непосредств. связь учения о классовой борьбе с диалектико-материалистич. воззрением: возникновение и развитие теории рассматриваются в соответствии с породившей ее материальной основой — борьбой классов. К делению всемирной истории на этапы развития в соответствии с революц. движением пролетариата как к методологии, основе изучения марксизма Ленин не раз возвращался в последующих работах («Август Бебель», «Государство и революция» и др.).

Согласно Ленину, практика классовой борьбы в каждый из указанных периодов подтверждала марксизм и опровергала бурж. теории. В первый период пролетариат Европы в боях с буржуазией оформлялся в класс политически. Всякий раз, когда пролетариат

выступал самостоятельно со своими требованиями, а его выступления подавлялись буржуазией, раскрывалась несостоятельность теории о неклассовом социализме и неклассовой политике. К концу периода марксизм (Ленин считает годом его возникновения 1844) одержал победу над всеми многочисл. течением социализма, господствовавшим до него.

Во второй период — период «мирной» подготовки к грядущим битвам — множатся формы организации пролетариата (партии, профсоюзы, просветит. учреждения, пресса); марксизмом овладевают массы. «...Теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переседать в марксистами» (там же, с. 546). Борьба с оппортунизмом является преддверием новых, решающих битв.

Третий период начался с революций в России и странах Азии. Мирный период развития кончился, начался период бурь и революций — в этом состояло междунар. значение революций 1905—07 в России, революций в Турции и Китае и обратного влияния этих революций на страны Европы. Ленин подчеркивает «...исключительное значение самостоятельности демократических масс» (там же). Необходимость проведения пролетариатом своей самостоят. политики, опирающейся на марксистский анализ классовой борьбы, по Ленину, не вызывает никаких сомнений; историч. миссия рабочего класса подтверждена.

Диалектико-материалистич. метод подхода к опыту междунар. рабочего движения дал Ленину возможность предвидеть развитие событий, выявить закономерный поступат. ход истории. «После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха» (там же, с. 547).

Эти слова Ленина были полностью подтверждены дальнейшим ходом истории: победа Великой Октябрьской социалистич. революции, построение социализма в СССР, образование мировой социалистич. системы, начало построения коммунизма в Сов. Союзе — таково последующие вехи и итоги претворения в жизнь марксизма.

Лит.: Кандель Е. П., Роль В. И. Ленина в разработке истории марксизма, в сб. статей: Ленинские идеи живут и побеждают, М., 1961. В. Гаричев, Свердловск.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ. Содержание:

I. Социально-экономические предпосылки возникновения исторического материализма	354
II. Идейно-теоретические предпосылки возникновения исторического материализма	354
III. Диалектический материализм и исторический материализм. Свообразие законов общественной жизни	356
IV. Общественно-экономическая формация	357
V. Народ — творец истории	358
VI. Историческая закономерность и сознательная деятельность людей. Необходимость и свобода	359
VII. Ленинский этап в развитии исторического материализма	361
VIII. Партийность исторического материализма. Исторический материализм и современная буржуазная социология	363
И. м. — наука о наиболее общих законах и движущих силах развития человеческого общества. И. м. возник в сер. 19 в. Его творцами являются вожди и идеологи рабочего класса — Маркс и Энгельс. Создавая новое философ. мировоззрение — диалектический материализм, Маркс и Энгельс распростирали его на познание общества, истории общества, обществ. жизни.	

И. м. называют и материалистич. пониманием истории. Предметом изучения И. м., или материалистич. понимания истории, является не только история общества, история развития и смены обществ. форм (общественно-экономич. формаций), но и совр. обществ. жизнь капиталистич. и социалистич. стран, законо-

мерности обществ. жизни человечества в целом. В отличие от таких обществ. наук, как политич. экономия, юриспруденция, этика, эстетика, изучающих те или иные стороны или процессы обществ. жизни, И. м. изучает общество, обществ. жизнь как целостный процесс, во взаимодействии и связи всех его сторон. И. м. — это философская, методологич. наука. Будучи наукой о законах обществ. развития, И. м. является единственно науч. социологией. Будучи методом изучения закономерностей обществ. развития, совр. явлений, процессов, тенденций обществ. жизни, И. м. дает возможность предвидеть события и направление обществ. развития, предвосхищать будущее.

И. м. для марксистских партий является надежным методом разработки научно обоснованной политики, стратегии и тактики классовой борьбы, революц. действий, планов строительства социализма и коммунизма.

I. Социально-экономические предпосылки возникновения исторического материализма.

И. м. возник как закономерное явление в развитии как самого общества, так и философской, социологич. и историч. мысли.

И. м., как и марксизм в целом, частью к-рого (вместе с диалектич. материализмом) он является, не мог возникнуть, напр., в средние века или даже в 18 в. — тогда не было социальной обстановки для его возникновения, обществ. класса, идеологи к-рого могли бы создать И. м. Такой класс должен смотреть не в прошлое, а в будущее, бесстрашно, смело подвергнуть революц. критике все существующее. Смелое, ни перед чем не останавливающееся исследование объективных законов развития общества, законов обществ. жизни — вот что требовалось для творцов подлинной, материалистич. науки о законах развития общества. Обществ. класс, не заинтересованный в увековечении обществ. строя, основанного на эксплуатации человека человеком, класс, заинтересованный в уничтожении такого строя и в создании бесклассового коммунистич. общества, — рабочий класс — только возникал и формировался в передовых капиталистич. странах в 17—18 вв. и лишь к сер. 19 в. достиг определенной политич. зрелости, вышел на историч. арену как новая самостоятель. обществ. сила.

Возникновение марксизма, в том числе и И. м., знаменовало собой идейную, политич. зрелость передовых отрядов всемирного рабочего класса и указывало на его историч. роль революц. борца против капитализма, против всех видов экономического, социального, политического и духовного гнета, творца будущего бесклассового коммунистич. общества.

Наличие революционного рабочего класса явилось важнейшей, но не единственной социальной предпосылкой возникновения И. м. Надо было, чтобы само общество пришло в такое движение, к-рое бы отличалось от эпохи феодализма с его крайне медленным, едва заметным развитием. Бурная эпоха экономич., технич., социальных, политич. революц. преобразований, переворота в области идей политических, философских, исторических, экономических наступила в конце 18 — нач. 19 вв. Этот период сначала ознаменовался пром. революцией в Англии, а затем французской революцией конца 18 в. В 30-е гг. 19 в. началось чертисское рабочее движение в Англии, а в 1848 — революции во Франции, Германии, где и имело место уже самостоятель. выступление пролетариата. Все эти события показали, что обществ. жизнь находится в революц. развитии. И если раньше связь между политич. событиями и процессами в области экономической была скрыта и ее было трудно обнаружить, то после пром. переворота в Англии и политич. революций в Европе эта связь могла быть установлена.

Революц. события конца 18 — 1-й пол. 19 вв. свидетельствовали, что важнейшей движущей силой всего историч. развития является борьба классов. В прежние эпохи классы и их борьба были скрыты за сословными и разными идеологич. покровами. Борьба крестьян и горожан против феодально-крепостнич. гнета велась под религ. флагом (Реформация, крест. войны). С конца 18 и в 19 вв. классовая борьба носила открыто политич. характер. Энгельс — один из создателей И. м. — так характеризует социально-экономич. обстановку возникновения марксизма, в том числе и И. м.: «...если во все предшествующие периоды исследование этих движущих причин истории было почти невозможно из-за того, что связи этих причин с их следствиями были запутаны и скрыты, то в наше время связи эти до такой степени упростились, что решение загадки стало, наконец, возможным. Со времени введения крупной промышленности, то есть по крайней мере со времени еврпейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвращением Бурбонов. Историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Мише и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признал был третьим борцом за господство. Отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории, по крайней мере в указанных двух самых передовых странах» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 308).

II. Идеино-теоретические предпосылки возникновения исторического материализма.

И. м. возник не в стороне от столбовой дороги развития науч. мысли. Бурж. критики стремятся представить марксизм-ленинизм, во-первых, как явление не западное, а восточное и, во-вторых, как такое идейное течение, к-рое будто бы является «незаконнорожденным», «случайным» произведением двух мыслителей, ученых-одиночек. В статье «Карл Маркс» Ленин, рассматривая эту сторону дела, писал: «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века...: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» (Соч., т. 21, с. 34). И в работе «Три источника и три составных части марксизма» Ленин, выражая эту мысль об историч. преемственности, связи в развитии социальной науч. мысли, писал: «История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на „сектантство“ в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» (там же, т. 19, с. 3). В этой характеристике Ленина прежде всего бросается в глаза большое уважение к предшественникам марксизма как величайшим мыслителям. Стоять на плечах пигмеев и превзойти

их — это дело не так уж значительно. А вот опираться на великих предшественников-гигантов философской, экономической и социалистич. мысли и превзойти их во всех отношениях, сохраняя все рациональное, создать новое мировоззрение — это величайший подвиг. Предшествующая мысль поставила многие важные вопросы социологии. Во-первых, Гегель сделал грандиозную попытку применить созданную им диалектику к пониманию хода всемирной истории, попытку, выразившуюся в стремлении представить историч. движение как необходимый, закономерный, поступат. процесс, идущий от низших форм к высшим. Этот процесс им был мистифицирован, представлен как самодвижение, саморазвитие мирового духа, носителями к-рого последовательно выступают то один, то другой народ, подвигающийся на первом плане историч. арены. Но, несмотря на мистификацию и националистич. извращения, привнесенные Гегелем, он тем не менее нанес удар вульгарному, наивному представлению о всемирной истории как продукте произвольной деятельности т. н. великих людей. Вот как Энгельс характеризует попытку Гегеля объяснить историч. процесс: «Он первый пытался показать развитие, внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже и в настоящее время еще поразительна, особенно если сравнить с ним его предшественников или тех, кто после него отваживался пускаться в общие размышления об истории. В „Феноменологии“, в „Эстетике“, в „Истории философии“ — повсюду красной нитью проходит это великодушное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной, хотя и абстрактно извращенной, связи с историей. Это составившее эпоху понимание истории было прямой теоретической предпосылкой нового материалистического воззрения, и уже благодаря этому была дана исходная точка также для логического метода» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 496), т. е. для диалектико-материалистического метода Маркса. Второй теоретич. предпосылкой в деле создания И. м. служила попытка историков периода Реставрации (Тьерри, Гизо, Минье), а также англ. историков этого времени рассматривать такие историч. события, как англ. революция 17 в. и французская революция конца 18 в., с т. зр. борьбы классов, борьбы буржуазии (или шире — третьего сословия во Франции) против землевладельцев-помещиков, феодалов. Эти историки не могли научно объяснить природу этих классов, но они открыли борьбу этих классов в обществе.

Англ. экономисты — У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, сделали попытку дать экономич. анатомию классов бурж. общества. Эта попытка была еще не глубокой, они еще не смогли вскрыть коренные экономич. причины существования классов. Они дали характеристику классов лишь с т. зр. распределения источников дохода (рента — землевладельцы, прибыль — капиталисты, зарплата — рабочие). Но все же для своего времени это была первая науч. постановка вопроса, поиски решений с т. зр. экономической. Это также имело важное значение в подготовке нек-рых теоретич. предпосылок революц. переворота в науке об обществе, совершенного Марксом и Энгельсом. К этим предпосылкам можно отнести и попытки классиков англ. политич. экономии объяснить стоимость трудом, попытки определить, что такое производительный труд и т. д. Изучая предпосылки возникновения общественной науки, Ленин писал: «Так как к эту науку строили, во-первых экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы, — так как эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители

XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной, — так как к эту науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни, — то марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед, именно по этому пути, есть в с ш е р а з в и т и е всей исторической и экономической и философской науки Европы» (Соч., т. 20, с. 184).

Устанавливая связь, преемственность марксистской обществ. науки с предшествовавшими передовыми течениями обществ. теоретич. мысли, следует указать, что до Маркса и Энгельса в понимании истории человечества, обществ. жизни, как и в области философии, господствовала идеализм, и, как ни велико значение указанных выше гениальных попыток науч. объяснения отдельных сторон или отдельных явлений обществ. жизни, все же это были лишь поиски, новая постановка вопросов, но это еще не было и не могло быть решением вопросов. Подлинной целостной науки о законах обществ. развития до Маркса не было. Ее нужно было создать.

Чтобы понять значение совершенного Марксом и Энгельсом переворота в понимании законов обществ. жизни, необходимо учесть коренные пороки существовавшего до Маркса социологич. воззрения. Во-первых, идеалисты-социологи рассматривали историч. события прежде всего или даже исключительно лишь с т. зр. идейных побудит. мотивов деятельности людей, не изучая и не ставя себе задачей изучение коренных причин, определяющих эти мотивы. Следовательно, они останавливались на поверхности явлений. А наука начинается лишь тогда, когда удастся проникнуть за часто обманчивую видимость и поверхность событий в их сущность, открыть их определяющие причины.

Второй коренной порок идеалистич. социологич. взглядов состоял в том, что они вырывали пропасть между окружающей природой и обществом, не видя и не понимая того, что человек и в известном смысле человек. общество, хотя и специфич. часть, но все же часть единого материального мира. И закономерности, законы обществ. жизни, будучи особыми, специфичными, все же являются столь же объективными, как и законы природы. Идеалист-социолог считает, что в природе все события, явления обусловлены законами, там господствуют причинные связи, а вот в обществе, утверждают они, господствуют и определяют события и явления цели, духовные ценности, идеальные мотивы, намерения, воля и страсти людей.

Третий коренной порок идеалистич. социологии состоит в игнорировании решающей роли нар. масс в истории, сведение истории к истории деятельности т. н. великих людей. Идеалисты — социологи и историки, рассматривали и рассматривают нар. массы лишь как объект, а не как субъект истории, как пассивную, инертную массу или в лучшем случае как орудие истории, а не как творца истории.

И, наконец, четвертый порок идеалистич. воззрения на общество — это антиисторизм, метафизичность. Капитализм всеми бурж. историками, социологами и экономистами до Маркса, как и в наст. время, рассматривался как вечная, естественная, непреходящая форма. В этой области даже выдающиеся англ. экономисты-классики не представляли исключения. И у Гегеля историч. процесс находит свое завершение в сословной прусской монархии.

Только преодолев и устранив указанные пороки в бурж. социологии, можно было создать подлинную науку о законах развития общества. Это была революция в науке, историч. подвиг Маркса и Энгельса. Говоря о значении этого подвига, Ленин писал: «Как

Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные“ и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменчивость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» (Соч., т. 1, с. 124—25).

III. Диалектический материализм и исторический материализм. Своеобразие законов общественной жизни.

С позиций философского идеализма нельзя было объяснить и познать действит. ход мировой истории и обществ. жизни. С другой стороны, и старый, домарксовский филос. материализм не смог подняться до науч. объяснения истории общества. Он был непоследовательным, односторонним, метафизическим. Материалистически объясняя природу, домарксовский материализм французов 18 в. и Фейербаха оставался на позициях идеализма, если речь заходила об обществе. Такие мыслители, как Гельвеций, Гольбах, Дидро, Фейербах, хотя делали отдельные гениальные догадки о зависимости сознания людей от обществ. среды, все же всецело склонялись к осн. идее, что мнения правят миром; будучи детерминистами в объяснении явлений природы, они считали, что в обществе историч. судьбы народов могут зависеть от случайностей, от воли того или иного политического деятеля.

Великая историч. заслуга Маркса и Энгельса состояла в том, что они, создав высшую форму материализма — диалектич. материализм, сумели последовательно распространить этот диалектико-материалистич. взгляд и на познание общества. «Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости „согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию“. Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия» (Ленин В. И., Соч., т. 21, с. 38—39).

Распространение филос. материализма на познание и объяснение явлений обществ. жизни — это трудное и сложное дело. Общество — это самый сложный предмет научного исследования. Не случайно, что филос. материализм возник уже в древности и насчитывает более чем двухтысячелетнюю традицию. И. м. насчитывает лишь столетие с небольшим.

В природе явления, процессы происходят слепо, без участия сознания, без какой-либо воли и цели. История делается людьми. Люди ставят перед собой те или иные цели, задачи и борются за их осуществление.

И. м. объясняет цели людей, идеи, к-рыми руководствуются партии, классы, разные обществ. силы в борьбе, в обществ. жизни, условиями материальной жизни людей, обществ. классов. За лозунгами, программами партий И. м. требует вскрывать интересы определ. социальных групп, обществ. классов. А эти интересы, в свою очередь, определяются положением данного класса в системе обществ. произ-ва. «Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей,

осознано ли это или, как бывает часто, не осознано, — и образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам. Исследовать движущие причины, которые ясно или неявно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются, в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей, — это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 307—08).

Раньше, до Маркса, да и теперь бурж. социологи исходным пунктом при анализе причин обществ. явлений, историч. событий берут отдельную личност. Тем самым они закрывают для себя путь к раскрытию законов обществ. жизни. Заслуга Маркса состояла в том, что он свел индивидуальное к социальному, т. е. к обществ. отношениям, а в сложной сети обществ. отношений, составляющих в совокупности общество, находящееся на определенной историч. ступени развития, он выделил материальные, производств. отношения как определяющие всю структуру данного общества. Произ-во материальных благ составляет основу всякого общества. Люди, прежде чем заниматься наукой, философией, искусством, политикой, должны пить, есть и одеваться, иметь жилища. А для этого они должны заниматься произ-вом. Без повседневного удовлетворения материальных потребностей люди не могут жить, они погибли бы или деградировали до положения животных. Развитие общества выражается прежде всего в прогрессе произ-ва, орудий труда, производит. сил в целом. От примитивных каменных орудий — к бронзовым, а затем железным, до первых паровых машин и механич. станков, и от них до совр. системы машин, автоматизированных заводов, гигантских электростанций — таков путь, пройденный человечеством в течение многих тысячелетий. Именно в орудиях труда выражается степень достигнутой людьми власти над силами природы. Эти же орудия являются показателем тех общественных отношений, при к-рых совершается труд. Великое открытие Марксом и Энгельсом законов существования и развития общества превратило социологию в науку.

Марксом в Предисловии к книге «К критике политической экономии» дана классическая формулировка И. м. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юри-

дическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается преддстория человеческого общества» (там же, т. I, с. 6—8).

IV. Общественно-экономическая формация.

Важнейшим и основным понятием И. м. является понятие общественно-экономич. формации как совокупности исторически определенных производств. отношений. Маркс и Энгельс в сложной сети обществ. отношений выделили материальные производств. отношения как первичные и определяющие все другие обществ. отношения. Бурж. социология оперирует понятием общества вообще как совокупности индивидов. Но такое общество — это пустая абстракция. Реально существующие общества — это последовательно сменяющие друг друга общественно-экономич. формации.

История человечества знает следующие общественно-экономич. формации: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую. Пыле возник и развивается в целом ряде стран Европы и Азии новый, социалистич. строй как первая или низшая фаза новой, коммунистич. общественно-экономич. формации. Социалистич. страны насчитывают св. 1 млрд. жителей. Структура каждой общественно-экономич. формации определяется соответствующим способом произ-ва. Какой способ произ-ва господствует на данной ступени историч. развития, таков и характер данного общества, его структура,

наличие или отсутствие в нем деления на классы, природа этих классов, их взаимоотношения, характер, природа политич. строя и господствующие в нем идеи, обществ. теории, взгляды, идеология. Совокупность исторически определенных производств. отношений, господствующих в данном обществе, образует экономич. базис этого общества, к-рый определяет, обуславливает собой соответствующую политическую, правовую и идеологич. надстройку, определ. формы семьи и брака, моральные нормы и т. п. С изменением базиса изменяется и возвышающаяся над ним политич. и идеологич. надстройка. Причем сам экономич. базис изменяется в результате развития общественных производств. сил. Последние представляют собой коренную, самую глубокую причину обществ. развития.

Общество на каждой ступени его развития представляет собой не просто сумму или совокупность людей, вещей, тех или иных учреждений и идей. Общественно-экономич. формация с т. зр. И. м. — это целостный социальный организм, подчиненный свойственным данному обществу историч. законам возникновения, развития и смены другим обществ. организмом, другой обществ. формацией.

Пока социологи и историки останавливали свое внимание при изучении обществ. жизни и историч. событий на тех или иных идеях, взглядах, теориях, на тех или иных деятелях, они не смогли установить правильность и повторяемость в ходе развития обществ. жизни, в историч. процессе. Установление науч. понятия общественно-экономич. формации, выделение среди обществ. отношений экономических, производственных, как первичных и определяющих, дали возможность установить правильность и повторяемость явлений в обществ. жизни народов различных стран, установить определ. закономерность. История показывает, что как только в той или иной стране зарождался и упрочивался, напр., капиталистич. способ произ-ва, вместе с ним появлялись буржуазия и пролетариат, антагонизм и борьба между ними, приобретала влияние социалистич. идеология. Эту закономерность Маркс выразил и в положении, что страны передового способа произ-ва показывают завтрашний день странам экономически отсталым. Совр. бурж. социологи, критикуя И. м., подвергают особым нападкам учение об общественно-экономич. формации. Учение об общественно-экономич. формациях отвергает учение бурж. социологов о вечности, надисторичности капитализма. Экономич. и социальные законы, действующие при капитализме, так же не вечны, как и сам капиталистич. строй. И, наконец, если капитализм есть исторически переходящая форма, ему на смену закономерно должна прийти с силой историч. необходимости, другая, высшая прогрессивная обществ. формация, т. е. социализм и коммунизм. Ход историч. развития, возникновение мировой системы социализма подтвердили эту закономерность. Против марксистско-ленинского учения об общественно-экономич. формациях выдвигается бурж. социологами теория т. н. индустриального общества. Не капитализм и не социализм, а «единое индустриальное общество» — вот что является, мол, настоящим и будущим как для стран Запада, так и для социалистич. стран. Чтобы противостоять учению И. м. об общественно-экономич. формациях и «опровергнуть» ненавистное буржуазии учение об исторически неизбежной смене капитализма социализмом, амер. экономист и социолог У. Ростоу выдвинул подхваченное бурж. политиками и идеологами учение о пяти стадиях историч. развития. Эта «теория стадий», как и ее разновидность — теория «единого индустриального общества», игнорирует способ произ-ва, экономич. отношения, формы собственности на средства произ-ва, как главное и определяющее при характеристике

всякого общества. Для «теории стадий» характерен вульгарно-технич. и чисто распределенческий подход к анализу явлений обществ. жизни. «Теория стадий роста» не может не учитывать обществ. прогресса, но она пытается втиснуть первобытное, рабовладельч. и феод. общества в одну стадию — т. н. «традиционного общества». Она также стремится затушевать коренную противоположность природы и законов двух мировых систем: умирающего капитализма и восходящей системы социализма. «Теория стадий» — это идеологич. конструкция, приспособленная ко вкусам и потребностям совр. буржуазии в ее борьбе против социализма и коммунизма.

Каждый исторически определенный способ произ-ва имеет свои специфич. законы возникновения и развития, и каждая общественно-экономич. формация соответственно имеет свои специфич. законы существования, развития и перехода в другую обществ. формацию. Так, напр., капиталистич. способ произ-ва возник и мог возникнуть стихийно в логе феод. общества. В ходе бурж. политич. революций низвергались лишь политич. господство дворянства и устанавливалось политич. господство буржуазии, а также уничтожались остатки феод. отношений в экономике (прим. феод. землевладение). Но в основном капиталистич. способ произ-ва и его носитель — буржуазия возникают и даже достигают господствующего положения в экономике в недрах феод. строя и под сенью феод. абсолютизма. Это могло происходить так потому, что и феодальный и капиталистич. способы произ-ва покоятся на основе частной собственности на средства произ-ва, эксплуатации трудящихся, на антагонизме классов, на основе господства эксплуататорского меньшинства над трудящимся большинством.

Иначе обстоит дело с переходом от капитализма к социализму. Социалистич. способ произ-ва не может стихийно возникнуть в недрах капитализма. Для возникновения социалистич. способа произ-ва и социалистич. общества в целом необходимы социалистич. революция пролетариата, установление политич. господства рабочего класса, его диктатуры. Буржуазные, реформистские и ревизионистские теории о возможности трансформации капитализма в некий иной, высший обществ. строй (по мнению ревизионистов — и реформистов — в социалистич. строй) без социальной революции — одна из современных утопий, сочиняемых частью идеологов буржуазии, а вслед за ними реформистами и ревизионистами, для усыпления сознания рабочего класса.

К числу специфич. законов капиталистич. общества относятся: анархия произ-ва, отделение непосредств. производителей от средств произ-ва, закон прибавочной стоимости, противоречие между обществ. характером произ-ва и частной капиталистич. формой присвоения, кризисы перепроиз-ва, углубление пропасти между пролетариатом и буржуазией, специфич. формы социальных антагонизмов и т. д.

Специфич. законами социалистич. общества являются: планомерный и пропорциональный характер развития экономики, отсутствие кризисов произ-ва, отношения сотрудничества и взаимопомощи между людьми, отсутствие антагонизма классов, равенство, братское сотрудничество и взаимопомощь разных наций, идейно-политич. единство всего общества, движение к бесклассовому обществу, к полному социальному равенству, к всестороннему развитию личности и др. законы.

Но наряду со специфич. законами, свойственными каждой общественно-экономич. формации, существуют также и т. н. общесоциологич. законы, действующие во всех общественно-экономич. формациях. К таким законам относятся: определяющая роль производит. сил по отношению к производств. отношениям; опре-

деляющая роль способа произ-ва по отношению к социальной структуре общества; определяющая роль общества. бытия по отношению к обществ. сознанию; внутр. необходимая связь между экономич. базисом и обществ. надстройкой; определяющая роль базиса по отношению к надстройке; социальные революции как результат конфликта производит. сил с отживающими производств. отношениями; поступат. характер историч. развития общества, являющийся социологич. закономерностью; народ является подлинным творцом истории.

Кроме этих общесоциологич. законов, существуют законы, свойственные не всем, а только антагонистич. обществ. формациям. Таков закон классовой борьбы как движущей силы истории. Говоря о значении и роли классовой борьбы в истории общества и соответственно теории классовой борьбы в И. м., Ленин писал: «Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, зстоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех к л а с с о в, на которые каждое общество распадается. „История всех до сих пор существовавших обществ — пишет Маркс в „Коммунистическом Манифесте“ (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс) — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов...“ (Соч., т. 21, с. 41).

Буржуазия и бурж. социологи в наше время рассматривают классовую борьбу пролетариата против буржуазии, крестьян против помещиков, бедных против богатых, угнетенных против угнетателей как аномалию, как болезнь. Это означает, что буржуазная социологич., общественно-политич. мысль ныне пошла не вперед, а назад, даже по сравнению с теми бурж. теоретиками, историками, к-рые первые открыли борьбу классов. Ничего нельзя понять в мире ни в области политической, ни в области культуры, ни в идеологич. сфере, если игнорировать борьбу классов, борьбу сил прогресса и реакции, сил социализма и капитализма. Классы, их противоположность, их непримиримые интересы в капиталистич. обществе — это реальность. И борьба классов — это один из важнейших законов обществ. развития, как и закон социальных революций.

V. Народ — творец истории.

Выше было сказано, что одним из коренных недостатков идеалистич. понимания истории, в борьбе с к-рым возник и развивается И. м., является игнорирование роли нар. масс в истории, объяснение историч. событий деятельностью т. н. великих людей, полководцев, королей и т. п. И. м., напротив, исходит из того, что народ является главным творцом истории. Это положение вытекает из того факта, что произ-во

материальных благ составляет основу существования и развития общества. Люди, трудящиеся, нар. массы — творцы материальных (а также и духовных) ценностей. Производит. силы в конечном счете определяют развитие всего общества. А важнейшей производит. силой являются трудящиеся.

Классовая борьба есть движущая сила истории. Но это — борьба рабов против рабовладельцев, крестьян против помещиков, рабочих против капиталистов. Во всех больших социальных и политич. революциях главную движущую силу, во всяком случае ударную, наиболее решительную и смелую силу этих революций, составляли трудящиеся массы.

Роль нар. масс в истории не одинакова. Она зависит от степени сознательности и организованности нар. масс, от того, какой именно класс возглавляет нар. массы, какая партия ими руководит. Были периоды в истории, когда нар. массы были вне политики и, по выражению Ленина, спали историч. сном. Но в переломные эпохи всемирной истории, когда накапливались глубокие противоречия и их надо было разрешить насильств. путем, тогда на историч. арену выходили нар. массы и своей беззаветной борьбой двигали историю вперед, сметая с пути все отжившее, гнилое, реакционное. Роль нар. масс особенно велика в эпоху перехода от капитализма к социализму и коммунизму, в эпоху национально-освободит. движений против колониализма, империализма.

Роль нар. масс в совр. эпоху возросла, т. к. во главе их стоит рабочий класс. Там, где рабочий класс возглавляется марксистскими партиями, вооруженными марксистско-ленинской теорией, роль, значение, сила и мощь рабочего класса, его влияние на массы и весь ход истории во много раз возрастают.

Эпоха социалистич. революций, строительства социализма и коммунизма представляет собой новую замечат. главу в историч. деятельности нар. масс, творящих новый обществ. строй — социализм и коммунизм. В прошлом массы, задавленные экономическим, политическим, социальным и духовным гнетом, естественно не могли проявить тающиеся в них способности и дарования. Буржуазия, как и крепостники-помещики, душила, подавляла и подавляет нар. таланты. Социализм раскрепостил массы, открыл простор для расцвета и применения нар. талантов, для широчайшей историч. творческой инициативы масс. Именно этим прежде всего и обуславливаются гигантские темпы технич., экономич., политич., научного и культурного развития стран социализма. Великий историч. скачок от экономической и культурной отсталости к вершинам всестороннего прогресса народов СССР и др. социалистич. стран есть результат творч. энергии нар. масс, руководимых коммунистич. партиями. Историч. практика стран социализма подтвердила истинность, правоту И. м., его учения о решающей роли нар. масс в истории. И. м. в то же время вовсе не игнорирует роли великих людей в истории, в развитии общества, в ходе и исходе историч. событий. И. м. признает роль личности в истории. Роль личности зависит, конечно, от способности, таланта или гениальности той или иной личности; большая или меньшая роль личности, ее отрицат. реакционная или, наоборот, революц. роль зависит прежде всего от того, какой класс, какую партию возглавляет эта личность. Роль личности зависит и от того, как глубоко понимает эта личность назревшие историч. задачи и законы развития общества, направление этого развития и как эта личность, с какой энергией она действует, руководя борьбой своего класса. И, наконец, роль личности в истории зависит и от того, насколько благоприятствуют объективные условия ее деятельности. Если эти условия еще не созрели или не вполне созрели, то никакая великая личность не может вызвать,

напр., революцию, поднять на восстание нар. массы. Но роль историч. личности, вождей в том и заключается прежде всего, чтобы правильно, трезво оценить обстановку, условия деятельности революц. класса. Ленин в предоктябрьские дни в письме ЦК партии большевиков писал о назревших условиях для победоносного восстания рабочего класса и солдатских масс. Вчера было рано выступать, писал Ленин. Завтра будет поздно, можно упустить момент. Выступать надо сегодня. Промедление с восстанием смерти подобно. Отсюда можно заключить, как может быть велика роль вождя. На примере всей деятельности Маркса, Энгельса, Ленина можно видеть, какую великую роль может играть историч. личность, связанная с революц. классом, выражающая его волю, интересы, цели.

Другой пример. Накануне вероломного вторжения в СССР фашистских полчищ гитлеровской Германии нападения. Сталина об этом предупреждали. Но он игнорировал эти сигналы. За эти ошибки Сталина сов. страна поплатилась огромными жертвами. Такова может быть отрицат. роль личности, если она оторвется от масс, перестанет прислушиваться к голосу коллектива, возомнит себя всевидящей и всемогущей силой. Культ личности Сталина, принявшего роль партии, народа, коллективности руководителя, имел крайне отрицат. последствия и был осужден КПСС и сов. народом, как в корне противоречащий марксизму и социалистич. строю.

Ленин в статье «Против бойкота» писал: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нацупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической „надстройки“, которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений. И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не уклонения от „нормального“ пути, не проявления „социальной болезни“, не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ» (Соч., т. 13, с. 21—22).

VI. Историческая закономерность и сознательная деятельность людей. Необходимость и свобода.

В природе явления происходят слепо, без участия сознания. В обществе ничто не совершается без заранее поставленной цели, намерений, к-рые руководят поступками людей.

Но действия и цели людей часто взаимно сталкиваются, перекрещиваются и в итоге часто получается обществ. результат, к-рого никто не желал и не ожидал. А если вначале и кажется, что непосредств. результат как будто совпадает с целью участников событий, то конечные результаты бывают часто противоположными. Напр., франц. бурж. революция 1789 происходила под прекрасными лозунгами свободы, равенства и братства. В итоге этой революции были

уничтожены феод. строй, сословные привилегии и сословное неравенство. Но «свобода» воплотилась в свободе купли и продажи, в свободе эксплуатации рабочих капиталистами, а вместо неравенства феод. общества утвердилось капиталистич. рабство. Или, напр., развязывая 2-ю мировую войну, гитлеровская Германия стремилась установить свое мировое господство. И вначале казалось, что гитлеровцы как будто были близки к цели и уже поработили Зап. Европу, затем совершили нападение на СССР, дошли до Москвы, Ленинграда и Волги. Но так получилось только на первом этапе войны. Когда же пришли в движение целые народы, когда сов. народ мобилизовал все свои материальные, экономич. и моральные силы, он разгромил фашистские полчища и освободил народы Европы от порабощения. В итоге войны не оправдались также намерения и цели капиталистич. участников антигитлеровской коалиции. Германия как конкурент на мировом рынке, как претендент на мировое господство была разгромлена. Но главная цель, ради к-рой в 20—30-е гг. вооружалась империалистич. Германия, взращивался фашизм — уничтожить страну социализма — СССР, ослабить, отбросить назад рабочее движение, укрепить мировую систему капитализма — не была достигнута. Наоборот, кризис капитализма усилился еще больше. Возникла мировая социалистич. система. Это, конечно, не входило и не могло входить в намерения правящих классов США, Англии, Франции и Германии. Но такова неумолимая логика истории.

Во время 2-й мировой войны потерпели поражение реакц. цели, но одержали победу цели справедливые, прогрессивные. И эти цели, идеи следует обязательно учитывать при рассмотрении обществ. явлений. Но И. м. ставит задачу установить коренные причины событий, исследовать, почему люди ставят эту, а не другую цель. Почему в разные эпохи классы преследуют в борьбе различные цели, классы, социальные силы выдвигают и борются за противоположные цели и их воля имеет не только различное, а прямо противоположное направление?

И. м. объясняет цели и намерения людей, к-рым руководствуются партии, классы, разные обществ. силы в борьбе, условиями материальной жизни людей, обществ. классов. За лозунгами, идеями, целями, программами партий И. м. требует вскрывать интересы определ. социальных групп, обществ. классов, к-рые, в свою очередь, определяются положением данного класса в системе обществ. произ-ва.

Пока социологи при рассмотрении обществ. явлений останавливаются на мнениях, идеях и целях участников историч. процесса, они остаются еще в царстве случайности. И история тогда выступает как хаос событий, заблуждений, ошибок людей. Объяснение самих целей, идей, сознания людей условиями материальной жизни людей, обществ. классов раскрывает действит. сущность обществ. явлений, их коренные причины и объективные законы деятельности больших масс людей, обществ. классов. Тогда и история общества в целом выступает как строго закономерный процесс. Незнание или непонимание законов обществ. развития обрекает данный класс и его партию на то, что они вынуждены действовать наугад, идти ощупью или, в лучшем случае, пользуясь эмпирическими, теоретически несмысленными данными, действовать от случая к случаю.

Для бурж. социолога-метафизика историч. закономерность и сознат. деятельность людей в обществ. жизни, необходимость и свобода взаимно исключают друг друга. Бурж. социологи обвиняют марксизм, И. м. в фатализме, в игнорировании или принижении роли сознания, воли людей, роли субъективного фактора. Но так как коммунисты — эта самая активная,

самая деятельная обществ. сила современности — приносит во имя достижения великих идеалов социализма, мира и демократии неисчислимые жертвы в борьбе, то противники И. м. из среды бурж. социологов и политиков выдвигают тезис о внутр. противоречивости или непоследовательности сторонников И. м., о мнимом конфликте между их теорией и практикой. Но эта критика и упреки бьют мимо цели. Великая заслуга И. м. состоит в том, что он впервые научно, диалектико-материалистически объяснил соотношение материального и идеального, необходимости и свободы, объективного и субъективного в обществ. жизни.

Наличие историч. закономерности, объективных законов развития общества отнюдь не является препятствием для сознательной, свободной деятельности людей, обществ. классов, нар. масс, если свободу деятельности понимать научно: не как независимость от объективных закономерностей, а как деятельность на основе знания законов и сознательного их использования.

Незнание законов природы делает людей рабами необходимости, зависимыми от ее слепых, стихийных сил. Но когда люди познали законы природы, сущность происходящих процессов, они могут подчинить их своей воле, господствовать над ними.

Так же обстоит дело и с законами истории, с историч. необходимостью. Последняя действует слепо, стихийно, пока она не познана и пока люди, общество не считаются с природой этих законов. Но если они познали эти законы и действуют в соответствии с ними, им обеспечен успех, они становятся господами своих обществ. отношений и законов ими управляющих, они в состоянии преобразовать общество в соответствии с условиями и законами самой действительности.

«Гегель первый, — писал Энгельс, — правильно пред- ставил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости. „С л е п а н е о б х о д и м о с т ь , л и ш ь н е с к о л ь к у о н а н е п о н я т а “ . Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает ... не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем с в о б о д н е е суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей н е о б х о д и м о с т ь ю будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основном на познании необходимостей природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 116).

Защита приведенные выше положения Энгельса от нападок идеалистов, развивая дальше материалистич. учение о свободе и необходимости, Ленин писал: «У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая о б ъ е к т и в н ы й критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами „слепой необходимости“. Раз мы узнали этот закон, действующий

(как тысячи раз повторял Маркс) и з а в и с и м о от нашей воли и от нашего сознания, — мы господя природы» (Соч., т. 14, с. 177). Это относится и к обществ. законам, и к историч. деятельности людей. Но здесь есть и своеобразие, своя сложность, к-рую и пытаются использовать противники И. м. для защиты своих идеалистич. индетерминистских позиций.

Познание законов обществ. развития, историч. необходимости смены капитализма социализмом не только не освобождает, а, наоборот, побуждает передовые обществ. силы, рабочий класс, марксистские партии к сознат. деятельности, к борьбе за социализм против капитализма. Только теряющие почву под ногами классы, партии, деятельность к-рых направлена против историч. законов, против хода обществ. развития, вступают в конфликт с историч. закономерностью, с действием объективных законов. И, наоборот, передовые обществ. силы находят в объективных законах прочную опору для своей сознат. историч. деятельности. Чем глубже и правильнее эти силы понимают историч. закономерности, чем больше они с ними считаются и лучше используют объективные законы, тем больший успех обеспечивают этим силам. Старое и давно опровергнутое возражение нем. правоведа Штаммлера, автора книги «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896), против И. м., против учения об историч. необходимости и неизбежной победе социализма вновь воскрешается и в наши дни. Штаммлер упрекал марксистов в непоследовательности. С одной стороны, писал он, марксисты утверждают, что победа социализма закономерна, неизбежна, и вместе с тем они организуют партии социальной революции. С его т. зр. это все равно, что организовывать партию по содействию лунному затмению.

Так, напр., зап.-герм. философ Г. Фальк в кн. «Идеологические основы коммунизма» («Ideologische Grundlagen des Kommunismus», Münch., 1961) вслед за Штаммлером пытается «изобличить» И. м. во внутр. противоречивости, в непоследовательности, в фатализме и волюнтаризме. Он пишет: «Логика подсказывает, что марксизм не может избежать фатализма. Но коммунисты отнюдь не хотят признать этого, ибо в противном случае любая агитация, любой призыв к классовой борьбе и революции оказались бы не только излишними, но и бессмысленными. Если бы коммунизм наступил с такой же неотвратимостью как очередное лунное затмение, людям нужно было бы лишь ожидать прихода этого коммунизма, не создавая никаких организаций для того, чтобы вызвать его к жизни».

Подобные теоретики метафизически противопоставляют свободу и необходимость. И. м. дает единственно науч. понимание соотношения необходимости и свободной, активной историч. деятельности людей, к-рая сама входит как необходимое звено в цепь закономерного историч. развития.

Солнечные и лунные затмения происходили и происходят независимо от воли и деятельности людей. Они происходили и тогда, когда людей не было на Земле. Иначе обстоит дело с историч. событиями, с развитием общества. История делается людьми. Стихийный ход обществ. развития привел к тому, что капитализм исторически изжил себя, превратился из прогрессивной системы в реакционную, антинародную. При жизни одного поколения капитализм обрушил на человечество две мировые войны. В этих войнах были убиты десятки миллионов людей, разрушены, уничтожены величайшие исторические ценности, тысячи сел и городов. В наст. время создано атомное и ядерное оружие, оружие массового истребления людей. Империализм взвалил на плечи народов невыносимое бремя милитаризма, гонки вооружений. Все это вытекает не только и не столько из злой воли отд. пред-

ставителей империалистич. буржуазии, сколько из природы и законов империализма. Народы мира начинают все больше и больше сознавать это. Невыносимый гнет, глубокие противоречия империализма, понимание народами природы империализма, причин нар. бедствий толкают их на борьбу против этого реакц. строя. Марксистские партии, опирающиеся на И. м., на знание законов обществ. развития, яснее, глубже понимают сущность империализма и поэтому они представляют собой самую активную, самую передовую силу современности, выражая в своей деятельности историч. необходимость и волю нар. масс.

Знание законов обществ. развития не только не обрекает трудящихся на пассивность, а, наоборот, зовет их к беззаветной борьбе за социализм, вселяет в них уверенность в торжество их идеала.

Жизненное значение в совр. условиях приобрел вопрос о войне. Империалистич. войны — явление не случайное, а закономерное в условиях империализма. Войны вытекают из сущности, природы империализма. И если бы страны социалистич. лагеря и миролюбивые народы всего мира не боролись против агрессивных сил, если бы Советский Союз и др. социалистич. страны ослабили свою оборонную мощь, то империалисты могли бы развязать новую мировую войну. Только сознательная, самоотверженная борьба народов против агрессивных сил способна предотвратить новую мировую войну. В совр. условиях нет фатальной неизбежности войн. Соотношение сил в мире изменилось в пользу сил мира и социализма. Опираясь на миролюбивую систему социализма, народы могут обуздать агрессоров и предотвратить войну.

Учение И. м. об объективности законов истории, о свободе и необходимости вооружает передовые обществ. силы современности знанием условий и средств борьбы для достижения великих целей и идеалов — прочного мира, подлинной демократии и социализма, коммунизма.

VII. Ленинский этап в развитии исторического материализма.

Практика вообще, в т. ч. и историч. практика, является критерием истины, правильности, научности той или иной теории. Практика классовой борьбы, победа социалистич. революции в целом ряде стран Европы и Азии, победа социализма в СССР, осуществляемый переход сов. народа к коммунизму, успешное строительство социализма в странах нар. демократии, победы национально-освободит. движения, успехи борьбы рабочего класса капиталистич. стран, рост влияния идей марксизма-ленинизма, влияния компартий, углубляющийся кризис капитализма, обострение его противоречий — все это вместе взятое полностью подтверждает истинность и правоту И. м. Бурж. социологи пытаются доказать, что победа социалистич. революции и социализма в СССР, социалистич. революций в странах нар. демократии произошла не по законам марксизма, И. м. Наивна претензия противников И. м. выступить в роли экспертов и судей в толковании И. м. и правильности его понимания Лениным и марксистскими партиями. Бурж. социологи стремятся доказать, что Маркс был объективист, он ждал естеств. хода и исхода развития капитализма, а Ленин, мол, был волюнтарист, он полагался на активную деятельность партии, меньшинства. В то же время бурж. социологи упрекают Маркса в том, что он был революционер, что Марксу-ученому вредил Маркс-революционер. Но сила Маркса и Ленина и всей их теории состоит в единстве теории и практики.

Ленин был величайшим и самым последовательным марксистом. Он развил все стороны марксизма, в т. ч. и И. м., поднял его на высшую ступень. Враги И. м. пытаются утверждать, что И. м. устарел, что он якобы

догматичен. В действительности И. м. — враг всякого догматизма. Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин говорил, что марксизм не догма, а руководство для действия, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Ленин и созданная им Коммунистич. партия Сов. Союза были и остаются врагами догматизма и доктринерства. Не может быть догматизма там, где теория видит свою задачу правильно отобразить развивающуюся действительность, видит критерий истинности в полном соответствии этой развивающейся действительности.

Ленин считал, что Маркс и Энгельс заложили краеугольный камень науч. теории и обязанность марксистов всех стран состоит в том, чтобы развивать, двигать дальше эту теорию. Душу марксистской теории, в т. ч. и теории И. м., Ленин видел в методе. Применение метода материалистич. диалектики, метода И. м. к новой действительности, к эпохе империализма привело к открытию Лениным новых закономерностей развития империализма, созданию учения о возможности победы социализма в одной стране. Ленинская теория социалистич. революции, опирающаяся на теорию социалистич. революции Маркса, на его учение о конфликте производит. сил с капиталистич. производств. отношениями как гл. причине революции, на учение о рабочем классе как творце революции, на его идею союза рабочего класса и крестьянства и т. д., эта ленинская теория явилась одним из величайших открытий, оказавших могущественное влияние на весь ход совр. мировой истории. Ленин открыл новые закономерности и движущие силы новой, коммунистической формации, у колыбели к-рой он стоял, реальный процесс становления к-рой он анализировал, как вождь Коммунистич. партии и глава Советского пр-ва руководя делом строительства социализма.

Подчеркивая всегда действие объективных законов социалистич. революции, сов. общества, Ленин особое внимание обратил на разработку проблем союза рабочих и крестьян, соотношения нар. масс, рабочего класса, партии, руководителей. Вслед за Марксом, Ленин развил учение И. м. о великой роли социалистич. сознания, социалистич. идеологии, о необходимости внесения его в стихийное рабочее движение; в условиях строительства социализма Ленин учил борьбе против пережитков старого общества в области сознания, против силы привычек, традиций старого строя, унаследованных людьми, строившими новое общество.

Живой социализм — дело творчества нар. масс, учил Ленин. Он внимательно следил за этим творчеством, подмечая ростки нового, социалистического, коммунистического. Статьи и речи Ленина о коммунистич. субботниках, о «великом почине» являются классич. образцом раскрытия нового, коммунистич. отношения к труду. То же следует сказать и о сущности и значении социалистич. соревнования в противоположность капиталистич. конкуренции. Разрабатывая план строительства социализма, Ленин в полном соответствии с духом И. м. выдвигал на первое место индустриализацию и электрификацию страны как основу социализма и базу социалистич. преобразования с. х-ва. Ленинский план строительства социализма — это мастерское применение и развитие И. м. Победа социализма в СССР явилась торжеством И. м., марксизма-ленинизма в целом. Ленинский этап в развитии И. м. включает в себя все то новое, что в этой области вносится КПСС, марксистскими партиями всех стран, творчески применяющими И. м. к конкретным условиям своих стран.

Особое место заняла в творч. развитии И. м., как и марксизма-ленинизма в целом, Программа КПСС, принятая на XXII съезде и справедливо названная братскими партиями «Коммунистическим Манифестом

нашей эпохи». Эта Программа опирается на учение Маркса — Энгельса — Ленина о коммунизме.

Создание научно обоснованного конкретного плана построения бесклассового коммунистич. общества — это науч. подвиг КПСС.

Глубокий анализ в Программе КПСС кризиса соврем. капитализма, анализ законов развития мировой социалистич. системы, мирового рабочего и нац.-освободит. движения — замечат. пример применения и развития диалектики и материализма. Строгая научность, широта охвата явлений, глубина анализа и раскрытие величайших перспектив, открывающихся перед человечеством при переходе от капитализма к социализму и коммунизму, — это характеризует новую Программу. Особенно велико значение раздела о строительстве коммунизма, закономерностях перехода от социализма к коммунизму.

Могучее развитие производит. сил строящегося коммунистич. общества — это его основа основ, главная материальная движущая сила. На этой основе происходит формирование и развитие новых, коммунистич. обществ. отношений. Новым в развитии И. м. являются в Программе и докладе Н. С. Хрущева о Программе КПСС на XXII съезде партии положения о превращении гос-ва диктатуры пролетариата во всенародное социалистич. гос-во, а КПСС — в авангард всего сов. народа, положения о развитии органов коммунистич. самоуправления.

Проблема всестороннего развития личности коммунистич. общества также рассматривается строго научно, материалистически. Личность всегда по своей внутр. сущности является результатом соответствующих обществ. отношений. Лишь при коммунизме личность будет всесторонне развита: физически, умственно, эстетически, нравственно. Всестороннее развитие личности вместе с тем есть одно из условий победы коммунизма. Это противоречие разрешается в ходе коммунистич. строительства. Строя новое, коммунистич. общество, сов. люди, люди социалистич. общества окончательно освобождаются от пережитков старого общества, подымаются шаг за шагом на высшую ступень, приобретая многостороннее, а затем и всестороннее развитие.

Значение Программы КПСС состоит в том, что она дала научно обоснованные ответы на великие вопросы современности, вопросы, поставленные всем ходом обществ. развития. Программа освещает главный вопрос о путях развития человечества.

На этот вопрос бурж. социологи и политики. вожди буржуазии отвечают, что человечество должно всегда оставаться в условиях капитализма, капитализм вечен, пезыблем, что народы стран, вновь освободившихся от колониального ига, тоже придут к капитализму. Бурж. идеологи надеются даже на то, что и социалистич. страны повернут к капитализму. Другая часть бурж. социологов (напр., франц. социолог Арон и др.), сторонников теории т. н. «индустриального общества», считает, что и капитализм эволюционирует к какой-то новой, высшей стадии развития, усваивая нек-рые черты социализма (плановость), а социалистич. страны якобы также развиваются в направлении к этой стадии. В итоге они считают, что все народы придут ни к капитализму, ни к коммунизму, а к некоему третьему, т. н. индустриальному обществу. По сути дела и эта т. зр. есть стремление увековечить капитализм и мечта буржуа о перерождении социализма.

Программа КПСС на основе анализа законов поступат. развития общества, на основе анализа итогов развития капитализма и социализма за последние десятилетия, на основе изучения процессов и тенденций, происходящих в совр. мире, показала, что путь, ведущий к коммунизму, — это путь всего человечества.

Социализм доказал свое преимущество перед капитализмом: СССР за 45 лет совершил величайший скачок вперед по пути технического, экономического, социального, культурного и науч. прогресса. От телеги до космич. кораблей, от ветряных и водяных мельниц до гигантских электростанций, от малограмотной России ко всеобщей грамотности, к широкому развитию среднего и высшего образования. СССР стал первой пром. державой в Европе и второй в мире. Через несколько лет СССР оставит позади себя по уровню развития, объему пром. произ-ва и США. По выпуску инженеров СССР опередил все капиталистич. страны и вышел на первое место в мире. Развитие других социалистич. стран также подтверждает историч. закономерность поступат. развития общества и то, что новая, социалистич. форма общества открыла больший простор для развития производит. сил, для развития науки и техники, для развития самого человека.

Огромное революционизирующее влияние на весь мир оказывают и чем дальше, тем все больше и больше будут оказывать успехи строительства коммунизма в СССР, успехи строительства социализма в странах народной демократии. На основе обобщения творчества нар. масс И. м. обогащается новыми данными, новыми положениями, приобретая тем самым еще большую, действительную, преобразующую роль в борьбе за коммунизм. Самое значит. событие мировой истории и современности — это победа социализма в СССР, возникновение мировой социалистич. системы, развернутое строительство коммунизма в СССР. Это величайший результат развития марксистской обществ. науки, И. м.

VIII. Партийность исторического материализма. Исторический материализм и современная буржуазная социология.

П а р т и й н о с т ь И. м. Марксизм-ленинизм последовательно отстаивает принцип партийности И. м., как и обществ. наук вообще. Каждый класс придерживается своих экономич., филос., социологич. взглядов и убеждений, к-рые выражают положение и интересы этого класса. Правда, выразители этих взглядов сами могут и не осознавать этого. Они могут считать себя беспристрастными, стоящими «вне» и «выше» парт. подхода к оценке социальных явлений. Но это иллюзия. При этом следует иметь в виду, что идеолог того или иного класса не обязательно должен быть выходцем из того класса, чье мировоззрение он отстаивает. Чтобы отстаивать бурж. мировоззрение, не обязательно самому быть капиталистом, для этого можно быть, напр., просто бурж. журналистом или даже выходцем из рабочих, попавшим под влияние бурж. идеологии и пропагандирующим ее. Бывает и наоборот. Дальновидные и честные представители бурж. интеллигенции, покоренные великой правдой освободит. борьбы народа и прогрессивной идеологией, могут стать на сторону народа. Это и понятно: классы и обществ. группы не отгорожены друг от друга непродоходимой стеной. Они влияют друг на друга и экономически, и духовно. Но общий принцип таков, что буржуазия и ее политич. и идеологич. представители всегда выражают бурж. идеологию. И в обществ. теории, в области социологии они стоят на позиции защиты капиталистич. строя, его устоев, его духовных и политич. ценностей. Бурж. социология, как правило, скрывает свою партийность, старается выдать ее за общечеловеческое. Это выражается в трактовке вопросов гос-ва и права, демократии и диктатуры, в отношении к странам социализма и нац.-освободит. движению, в отношении к марксизму-ленинизму и, в частности, к И. м. Если сегодня бурж. теоретики, в т. ч. и социологи, выступают под фальшивым флагом беспартийности, объективизма, то в пору своей молодости буржуазия,

ее философы открыто защищали парт. позиции. Они критиковали тех, кто не имел мужества открыто заявить о своей партийности.

Основоположники марксизма-ленинизма открыто провозгласили принцип партийности И. м. Этот принцип характеризует неразрывную связь И. м. с политикой, с интересами трудящихся масс.

И. м. выступает открыто как самая объективная и вместе с тем как классовая парт. наука, выражающая интересы трудящихся классов общества, прежде всего рабочего класса, к-рому принадлежит будущее во всем мире. Поскольку буржуазия является умирающим классом, она не способна понять и принять объективные законы обществ. развития, ведущие ее к гибели, а трудящихся — к социализму и коммунизму. Вот почему буржуазия и ее идеологи, как правило, отрицают вообще объективный характер обществ. закономерностей. Следовательно, партийная по существу бурж. социология не способна к объективному познанию социальной действительности. Она сознательно или бессознательно искажает ее. Напротив, рабочий класс является восходящей социальной силой. Поэтому рабочий класс и его идеологи заинтересованы в наиболее всестороннем и глубоком понимании законов истории, ведущих к коммунизму. Вот почему в И. м. принцип партийности находится в органич. единстве с объективностью, научностью подхода к обществ. явлениям.

Последоват. материализм в науке, к-рый только и способен дать истинное, самое точное и глубокое познание как природы, так и обществ. жизни, не отрицает, а включает в себя партийность. Противопоставляя бурж. объективизму марксистский материализм, Ленин писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Соч., т. 1, с. 380—81).

В совр. условиях пролетарская, коммунистич. партийность и интересы подлинной науки требуют, чтобы тот, кто изучает обществ. явления, рассматривал их с т. зр. борьбы трудящихся за мир, за демократию, за коммунизм. Ленин и ленинизм учат непримиримости в классовой борьбе с буржуазией и ее идеологией. «Н и е д и н о м у из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии.

Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделайте, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» (Ленин В. И., там же, т. 14, с. 327—28).

Идеалистический и реакц. характер буржуазной социологии. И. м. — последовательно научная, цельная теория развития общества, показывающая закономерный процесс прогрессивного развития человечества к социализму и коммунизму. Поэтому теория И. м. вызывает страх и злобу у реакц. буржуазии и ее идеологов. Охваченные страхом перед неумолимыми законами истории, реакц. классы совр. капиталистич. общества стремятся всячески затормозить ход истории. Для достижения этой цели пускаются в ход все средства — экономические, политические и идеологические. В арсенале этих средств существ. место занимает социология. В условиях глубокого кризиса бурж. идеологии теоретики буржуазии упражняются в разработке всевозможных рецептов спасения капитализма.

В разные историч. периоды идеологи буржуазии пытались противопоставить марксистской социологии — И. м. — различные социол. теории: позитивизм Копта и Спенсера, социальный дарвинизм, неомальтузианские и др. натуралистич. теории, стирающие принципиальную грань между естеств., биол. и социальными закономерностями. География, направления, в т. ч. реакц. геополитич. теории, также пытались искать коренные причины развития общества за его пределами, во внешней географич. среде. Все эти натуралистич. школы возникали и исчезали под влиянием хода событий, самой жизни.

Другое, внешне противоположное натурализму, направление бурж. социологии — субъективно-идеалистич. теории. Их характерная черта — принципиальное противопоставление природы и общества, разделение их некоей пропастью. В природе, как утверждают эти социологи, действуют причинные связи и закономерности, а в обществе — телеологич. закономерности, целевые, ценностные факторы. Но сознание, цели людей, борьба за идеалы, роль духовных, моральных ценностей в обществ. жизни отнюдь не снимают вопроса о причинной обусловленности и объективной закономерности социальных явлений. Субъективно-идеалистич. направление, волюнтаризм в социологии служили и служат идеологич. обоснованием авантюристич. реакц. империалистич. политики.

Широкое растущее влияние марксизма, И. м. ставляет и бурж. социологов «перестраиваться». Т. н. «теория стадий роста», индустриальная социология, различные направления эмпирич. социологии: социология труда, человек. отношений и т. п. пытаются эклектически соединить разные факторы обществ. жизни, создать видимость всестороннего учета причин, влияющих на ход обществ. жизни, не исключая и экономики, произ-ва, техники. Но этот внешний реализм в подходе к объяснению истории и современности лишь прикрывает субъективизм и волюнтаризм и этих социологич. школок.

Отрицание определяющей роли условий материальной жизни, способа произ-ва в обществ. жизни, в развитии общества, отрицание объективных законов развития общества, эклектизм, неспособность понять

диалектич. связь экономики и политики, объективного и субъективного, материального и идеального, анти-историзм, отрицание поступат. развития общества или «признание» такого социального прогресса, к-рый видит в капитализме вершину развития общества, — таковы характерные черты совр. бурж. социологии.

Для бурж. социологии нашего времени, зараженной недугом антимарксизма, антикоммунизма, характерен уход от больших социальных и политич. проблем. Когда бурж. социологи бывают вынуждены логикой самой жизни затрагивать эти проблемы, они проявляют полную неспособность объяснить причины и смысл великих событий современности (рабочее и нац.-освободит. движение, социальные революции, борьба за мир, за разоружение и т. д.). Это вынуждены признавать и наиболее крупные бурж. социологи. На V Социологич. конгрессе в Вашингтоне (1962) видный амер. социолог Мертоу с горечью заявил: «Война, эксплуатация, нищета, дискриминация, психологическая неуверенность в безопасности и т. д. являются бичом людей в нашем обществе. Социальные ученые не могут дать научного решения ни одной из этих проблем, так как не имеют научной социологической теории... Социологии еще предстоит родовые муки, в результате которых она может быть через 40 или 50 лет будет иметь своего Ньютона или Дарвина».

Бурж. эмпирич. социология накопила большой фактич. материал при исследовании частных, мелких вопросов жизни города и деревни (проблем, строго говоря, не относящихся к собственно социологии в марксистском понимании ее предмета), но она не может дать науч. теоретич. обобщения этого материала. Только И. м. дает возможность ориентироваться в сложной сети событий, понять смысл великих событий современности, направление историч. развития народов.

Историч. процесс, по мнению ряда бурж. социологов, — это хаотич. нагромождение нелепых случайностей и трагич. ошибок, к-рые невозможно ни предвидеть, ни предотвратить; история — это тяжелая дорога, по к-рой уныло бредет беспомощное человечество неведомо откуда и неведомо куда. Для И. м. характерен оптимизм, уверенность в победе сил прогресса, сил коммунизма. Для бурж. социологии характерен пессимизм, неуверенность, чувство страха перед грядущим.

Характерным для реакц. идеологов современности является третирование нар. масс, к-рым приписывается неспособность к разумному мышлению и действию. Народу приписываются всевозможные разрушит. эмоции и т. д. Все это сопровождается культом «выдающихся личностей». Бурж. социологи стремятся «доказать» примирение классовых противоречий, выравнивание социального положения людей в условиях капитализма, развитие планирующего пачала в бурж. экономике. Но растущая классовая борьба опровергает эти домыслы бурж. социологии.

Бурж. социологи не видят коренной причины всех социальных конфликтов и революций — частной собственности, глубоких экономич., социальных и политич. противоречий, вызывающих классовую борьбу, социальные революции, нац.-освободит. движения.

Как бы ни изощрялись защитники империализма, история делает свое дело. С огромной силой и убедительностью она демонстрирует великую правоту марксизма-ленинизма.

Ф. Константинов. Москва.

Произведения классиков марксизма-ленинизма, их соратников и учеников.

Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1933; и х ж с, Святое семейство, или критика критической критики, Соч., 2 изд., т. 2; и х ж с, Немецкая идеология, там же, т. 3; и х ж с, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Маркс К., Нищета философии, там же; его же, Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г., там же, т. 7; его

его же, Соотношение категорий исторического материализма, [Л.], 1958; его же, О ценностях жизни и культуры, Л., 1960; Украинцев В. С., Активная роль формы в общественном развитии, «Вопр. философии», 1956, № 6; Чагин Б. А. и Харчев А. Г., О категориях «производительные силы» и «производственные отношения», там же, 1958, № 2; Шария К. С., К вопросу о соотношении общих и специфических законов общественного развития, Тб., 1960; Шаффа А., Объективный характер законов истории, пер. спольск., М., 1959; Янагида Кэндзюро, Философия свободы, (Пер. япон. Я. М., 1958; Яхот О. О., Законы природы и общества, М., 1960; G a r a u d y R., La liberté, P., 1955; Мендес G., Freiheit und Verantwortung, B., 1958; Viljar P., Développement historique et progrès social, «Pensée», 1961, juillet-août, № 98.

Учение об общественно-экономических формациях.

Варга Е., Капитализм двадцатого века, М., 1961; Дмитриев А. А., Общественно-экономические формации, М., 1960; Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. Сб. к 50-летию со дня смерти Карла Маркса, М.—Л., 1934; Пригожин А. Г., Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций, М.—Л., 1934; Трахтенберг О. В. и Гукновский А. И., Фазы общественного развития, 4 изд., [вып. 1], М., 1928; Федорова А. Т., Общественно-экономические формации, М., 1959; Федосеев П. Н., Основные особенности производства, М., 1954; его же, Условия материальной жизни общества, М., 1954.

Способ производства. Производительные силы и производственные отношения.

Глезерман Г. Е., Способ производства и его роль в развитии общества, М., 1957; Горюхов Ф. А., К вопросу о производительных силах и диалектике их развития, «Вестн. Коммунист. Акад.», 1928, кн. 27 [3]; Гурвич И. И., Роль природных богатств в развитии производительных сил, М., 1961; Ковалзон М. Я., Закономерности развития производительных сил и производственных отношений, М., 1957; Константинов Ф. В., Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, [М.], 1953; Процько М. А., Диалектика производительных сил и производственных отношений, «Уч. зап. Акад. обществ. наук», 1957, вып. 27; Федосеев П. Н., Производительные силы и производственные отношения социалистического общества, М., 1955; его же, Развитие производственных отношений при переходе от социализма к коммунизму, «Коммунист», 1958, № 9; Чесноков Д. И., Диалектика производительных сил и производственных отношений в период развернутого строительства коммунизма в СССР, М., 1959.

Классы и классовая борьба.

Амвросов А. А., Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы, М., 1957; Глезерман Г. Е., Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР, М., 1949; Грант Э., Социализм и средние классы, [пер. с англ.], М., 1960; Дмитриев А. А., Классы и классовая борьба, М., 1960; Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма, М., 1961; Фролов К. М., Классовая борьба в СССР в переходный период от капитализма к социализму, М., 1957; Черемных И. С., Как возникли классы и почему произошел классовая борьба, М., 1954; Classe ouvrière et classes moyennes, «Cahiers du communisme», 1960, an. 36, № 7—8, p. 1075—1188 [под этим общим заглавием помещено 8 статей]; O e l s s e r F., Die Bauernfrage im Marxismus-Leninismus, Lpz.—Jena, 1955.

Базис и надстройка.

Глезерман Г. Е., Базис и надстройка в советском обществе, М., 1954; Каммарини М., Некоторые вопросы теории базиса и надстройки, «Коммунист», 1956, № 10; его же, Что такое базис и надстройка общества, М., 1957; Новожилова Л. И., Некоторые особенности возникновения социалистического базиса, «Уч. зап. ЛГУ», № 264, «Сер. филос. наук», 1958, вып. 15; О характере надстройки антагонистического общества, «Вопр. философии», 1956, № 6.

Марксистско-ленинская теория государства, революции и диктатуры пролетариата.

Голосов В. Ф., Возникновение и развитие ленинской теории социалистической революции — классической образец теории и практики, «Уч. зап. Красноярск. гос. пед. ин-та», 1960, т. 18, Кафедра философии и истории; Голушкин И. и Кара К., Характер народно-демократической революции, пер. с чеш., М., 1958; XXI съезд КПСС и вопросы развития советского государства. Сб. статей, М., 1960; Зародок К. П., О формах перехода различных стран от капитализма к социализму, М., 1959; Каутский К., Движущие силы и перспективы русской революции, под ред. и с предисл. В. И. Ленина, М.—Л., 1926; его же, Путь к власти, М., 1959; Ланшан А. Г., Формы социалистического государства, М., 1960; Лукьянов А. И. и Жазарев Б. М., Советское государство и общественные организации, М., 1960; Николас В. В., Ленин о Советском государстве, [М.], 1960; О народном демократизме в странах Европы. Сб. статей. [Под общ. ред. Ф. Т. Константинова], М., 1956; От социалистической

государственности к коммунистическому общественному самоуправлению, М., 1961; Петрухин А. А., Марксистско-ленинская теория социалистической революции и дальнейшее ее развитие XX съездом КПСС, М., 1958; Процько М. А., Марксистско-ленинская теория государства, революции и диктатуры пролетариата, М., 1958; Селзев М. А., Государство, революция, диктатура пролетариата, М., 1960; Скобачин М. А., Новая демократия, пер. с итал., М., 1959; Соболев А. И., Марксистско-ленинизм о формах перехода от капитализма к социализму, М., 1958; Цонков Г., Общото и специфичното в развитието на социалистическата революция, С., 1959; Чесноков Д. И., Что такое государство?, М., 1955; его же, От государственности к общественному самоуправлению, М., 1960; Pola K., Zur Dialektik in der Staatslehre, B., 1959.

Исторический материализм и национальный вопрос.

Аржапов М., Учение Маркса о пролетарском интернационализме, М.—Л., 1933; Батыров Ш. В., Формирование и развитие социалистических наций в СССР, М., 1962; Губанов Н. И., Отечество и патриотизм, М., 1960; Дунаева Е. А., Сотрудничество социалистических наций в строительстве коммунизма, М., 1960; Калмырин П. И., Социалистические нации — нации нового типа, М., 1957; Кардашова И. С., Что такое пролетарский интернационализм и в чем его сила, М., 1958; Козлов В. К., Что такое нация буржуазные и нации социалистические, М., 1954; его же, О формировании и развитии социалистических наций в СССР, М., 1954; Павлов Т., Нация и культура, С., 1940; Сатыбалов А. А., Исторические типы общности людей, Л., 1959; Свердлов И. М. и Рогачев П. М., Патриотизм и интернационализм, [Волгоград], 1959; Социалистические нации СССР, [Общ. ред. М. А. Каммарини и др.], М., 1955; Цамерян И. П., Марксистско-ленинская теория национально-колониального вопроса, М., 1954; его же, Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития, М., 1958; Шитов П. Ф., Октябрьская революция и пролетарский интернационализм, М., 1957.

Общественное сознание и его формы.

XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы, М., 1962; Бернал Д. Д., Наука и общество, пер. с англ., М., 1953; его же, Наука в истории общества, пер. с англ., М., 1956; Габриэлян Г. Г., Наука и ее роль в обществе, Ер., 1950; Габриэлян Г. Г., Учение об общественном сознании в свете теории познания, М., 1960; Глезерман Г. Е., Общественное бытие и общественное сознание, М., 1958; Горюхов Ф. А., Общественное бытие и общественное сознание, «Под знаменем марксизма», 1938, № 11; Зыбковец В. Ф., Дореволюционная эпоха. К истории формирования обществ. сознания, М., 1959; Карпов М. М., Наука и развитие общества, М., 1961; Келле В. Ж. и Ковалзон М. Я., Формы общественного сознания, М., 1959; Киселинчев А., За капиталистические отживелости в сознании и бытии на трудящиеся ее и преодолеваете им. С., 1956; Константинов Ф. В., Формы общественного сознания, М., 1951; его же, Роль передовых идей в развитии общества, М., 1953; Кузьмин Е. С., Общее и особенное в развитии индивидуального сознания, «Вестн. ЛГУ», 1956, № 5; Неестеренко Г. Я., Общественное сознание и его формы, М., 1959; Спиркин А. Г., Происхождение сознания, М., 1960; Степанян Э. Х., Об относительной самостоятельности идеологии, М., 1961; Тугаринов В. П., О сознании и об общественном сознании, «Вестн. ЛГУ», 1955, № 9; Флоренцов Л. И., Политические и правовые взгляды, Ростов-на-Дону, 1958; Фомина В. А., Общественное сознание и закономерности его развития, М., 1960; Формы общественного сознания, [М.], 1960.

Народные массы — решающая сила общественного развития; роль личности в истории.

О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС. [30.VI. 1956 г.], М., 1956; Арбатова Ю. А., О роли народных масс в международных отношениях, М., 1956; Бернадьер В. М., О коренном изменении деятельности народных масс в условиях социалистического общества, «Тр. Воронежск. ун-та», 1956, т. 41; Бутенко А. П., Народ как социологическая категория, «Вопр. философии», 1957, № 1; Глезерман Г. Е., Творческая роль народных масс в развитии социалистического общества, «Коммунист», 1955, № 3; До конца преодолеть последствия культа личности, там же, 1956, № 10; Каммарини М., Роль народных масс в развитии духовной жизни общества, там же, № 1; Нечкина М., Народ — решающая сила историч. развития, там же, 1954, № 16; К вопросу о преодолении культа личности и его последствий. Редакционные статьи «Правды», М., 1956; Горюхов Ф. А., Роль личности в истории, «Под знаменем марксизма», 1938, № 9; Ирибаджакоев Н., Рольта на народные массы в историч. С., 1956; Константинов Ф. В., Роль народных масс в истории, М., 1953; Малишев И. В., О роли народных масс в советском социалистическом обществе, М., 1960; Момджян Х. Н., Социалистическое общество и творческая активность народных масс, Ер., 1954; Норманев Б. Ф., Возрастные роли народных масс в истории, «Вопр. философии», 1954, № 4; Роль народных масс и личности в истории, М., 1957; Федоренко Е. Г., Про роль

народных масс и особи в истории, К., 1957; Федосеев П. Н., Роль народных масс и личности в истории, М., 1957; Халинов Н. А., В. И. Ленин о решающей роли народных масс в истории, Минск, 1957; Gaugaudy R., Le marxisme et la personnalisme, P., 1949.

Социализм и коммунизм; проблемы коммунистического воспитания.

Белых А. Н., Соотношение экономики и политики в социалистическом обществе, [Л.], 1959; Владимир Ильич Ленин о строительстве социализма и коммунизма. [Сб. статей], Саратов 1960; Вопросы развития социалистического общества. Сб. статей, М., 1958; Вопросы строительства коммунизма в СССР. Материалы Научн. сессии отд-ний обществ. наук АН СССР, М., 1959; Вопросы теории социалистического общества. [Сб. статей], М., 1960; Глезерман Г. Е., Две фазы коммунистического общества и закономерности перерастания социализма в коммунизм, М., 1959; XXI съезд КПСС о теоретических вопросах строительства коммунизма. Сб. статей, М., 1959; Диалектика развития социалистического общества. [Сб. статей], М., 1961; Ковалев С. М., Коммунистическое воспитание трудящихся, М., 1960; Ковалдин Н. В. и Камшечко А. Т., Закономерности перехода от социализма к коммунизму, М., 1960; Константинов Ф. В., О движущих силах развития социалистического общества, М., 1951; Леонтьев Л. А., От социализма к коммунизму, М., 1959; Молодцов В. С., Закономерности перехода к коммунизму, М., 1959; Некоторые теоретические вопросы строительства коммунизма. [Сб. статей], М., 1960; О закономерностях возникновения и развития социалистического общества, М., 1960; Общие закономерности перехода к коммунизму и особенности их проявления в разных странах. [Сб. статей], М., 1960; Основы коммунистического воспитания, М., 1961; Первухин С. П., Некоторые проблемы перехода от социализма к коммунизму, М., 1960; Струминин С. Г., На путях построения коммунизма в СССР, М., 1961; Федосеев П. Н. и Помелов И. П., О развитии мировой социалистической системы к коммунизму, М., 1959; Юдин И., От социализма к коммунизму, М., 1962.

Критика основных течений буржуазной социологии и ревизионизма.

Аксельрод (Ортодокс) Л., Философские очерки, М.—П., 1923; Альтер И. М., Демократия против революции, М., 1930 (имеется большая библиогр. работ Каутского); Асеев Ю. А. и Кош И. С., Основы и направления буржуазной философии и социологии XX века, [Л.], 1961; Асмус В. Ф., Маркс и буржуазный историзм, М.—Л., 1933; Бельсон Я. М., Современные буржуазные учения о государстве, Алма-Ата, 1961; Бутенко А. П., Основные черты современного ревизионизма, М., 1959; Деборин А. М., Г. Лукач и его критика марксизма, М., 1924; Зарубежные марксисты в борьбе против реформизма и ревизионизма. Сб. переводов под общей ред. и предисл. А. Ф. Окулова, М., 1960; Захаров В. И., Критика теоретических и методологических основ современного ревизионизма, М., 1960; Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. [Сб. статей], М., 1960; Каутский К., Бернштейн и социал-демократическая программа, пер. с нем., СПб, 1906; ег о же, К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»), М.—П., 1923; Кош И. С., Страх перед законами истории, М., 1958; ег о же, Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, М., 1959; ег о же, Свобода в «свободном обществе», М., 1961; Критика правосоциалистической идеологии. [Сб. статей], М., 1960; Критика современной буржуазной философии и ревизионизма. [Сб. статей], М., 1959; Критика современной буржуазной философии и социологии. [Сб. статей], М., 1961; Кшемь Л., Против идеологического разложения партии, пер. с польск., М., 1959; Лифшиц М., Странный социализм. «Новое время», 1958, № 9, 10, 13; Лонго Л., Ревизионизм новый и старый, пер. с итал., М., 1958; Мессин Ф., Новая ревизия материалистического понимания истории, М., 1929; Общественные деятели Англии в борьбе за передовую идеологию. Сб. сокр. переводов с англ., М., 1954; Ойзерман Т. И. и Окулов А. Ф., Чему учит и кому служит современная буржуазная социология, М., 1960; Осилов Г. В., Техника и общественный прогресс, М., 1959; Песков Е. Б. и Шабаб Б. А., Кому это выгодно, М., 1958; Понков В. Д., Критика буржуазно-реформистской теории «государства благоденствия», М., 1959; Правые социалисты — против социализма, М., 1960; Пронин С. В., Что такое современный «кооперативный реформизм», М., 1961; Против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма. Сб. сокр. пер., М., 1952; Против современного ревизионизма. Сб. пер., М., 1958; Против современного ревизионизма в философии и социологии, М., 1960; Против современной буржуазной идеологии. Сб. ст. немецких марксистов, М., 1960; Против современной буржуазной философии и социологии. Сб. ст., М., 1949; Против фальсификации истории, М., 1959; Против фашистского мракобесия и демагогии. Сб. статей, М., 1936; Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма, М., 1951; Ревизионизм — главная опасность. [Сб. статей], М., 1958; Сикорский В. М., Социалистическое государство и современный ревизионизм, Минск, 1961; Соселен Г. К., Ревизионизм

и марксистское учение о диктатуре пролетариата, М., 1960; Суворов Л. Н., Борьба марксистско-ленинской философии в СССР против буржуазной идеологии и ревизионизма в переходный период от капитализма к социализму, М., 1961; III международный конгресс социологов, М., 1957; Фабунке Г., «Народный капитализм» в теории и на практике, пер. с нем., М., 1959; Францев Ю. П., Деградация современной буржуазной социологии, «Вопр. философии», 1953, № 6; Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию. Сб. сокр. пер. с франц., М., 1953; Чагин В. А., Из истории борьбы против философского ревизионизма в германской социал-демократии, 1895—1914, М.—Л., 1961; IV Международный социологический конгресс, М., 1960; Чихвадзе В. М. и Зивс С. Л., Против современного реформизма и ревизионизма в вопросе о государстве, М., 1959; Шпатов Н. Ф., Пролетарский интернационализм и современный ревизионизм, М., 1959; Щеглов А. В., Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма, М., 1937.

Ревизионизм и реформизм.

Абрамовский Э., Психологические основы социологии и исторический материализм, пер. с франц., М., 1900; Адлер М., Маркс как мыслитель, М.—Л., 1924; ег о же, Энгельс как мыслитель, М.—Л., 1924; ег о же, Марксизм как пролетарское учение о жизни, П., 1928; Бауэр О., Национальный вопрос и социал-демократия, пер. с нем., СПб, 1909; Бернштейн Э., Исторический материализм, СПб, 1901; ег о же, Социальные проблемы, М., 1901; ег о же, Условия возможности социализма и задачи социал-демократии, пер. с нем., СПб, 1906; Богданов А., Из психологии общества, 2 изд., СПб, 1906; ег о же, Наука об общественном сознании, 2 изд., М., 1918; ег о же, О протарейской культуре, 1904—24, Л.—М., 1924; ег о же, Всеобщая организационная наука (тектология), 3 изд., ч. 1—3, Л.—М., 1925—1929; Гильфердинг Р., Финансовый капитал, пер. с нем., М., 1959; Каутский К., Материалистическое понимание истории, т. 2, М., 1931; Коул Д. Д. Г., Капитализм в современном мире, пер. с англ., М., 1958; Кунов Г., Марксова теория исторического процесса, общества и государства, пер. с нем., т. 2, М., 1930; Струве П., Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. 1, СПб, 1894. Н. В. Стариков. Москва.

ИСТОРИЯ применительно к обществу обозначает:

1) реальный процесс развития общества в целом, а также отд. стран, народов или сторон обществ. жизни; 2) науку, изучающую этот процесс во всей его конкретности и многообразии. Понятия эти не тождественны и предполагают постановку разных филос. вопросов. Для понимания И. как процесса необходимо прежде всего определить сущность истории, развития, его закономерности, соотношение различных сторон и элементов обществ. жизни, диалектику общего, особенного и единичного. Изучение же И. как науки предполагает постановку ряда гносеологич. и методологич. вопросов о специфике историч. познания, методологич. особенностях И. и ее взаимоотношениях с др. обществ. науками. Однако эти две группы проблем тесно связаны друг с другом. История наука является одним из элементов самосознания человеч. общества, частью обществ. сознания. Методологич. установки историков и логика историч. исследования определяются пониманием сущности историч. процесса. Поэтому развитие взглядов на И. как процесс и И. как науку — это две стороны одной и той же эволюции.

И. и философия И. до Маркса. И. является одной из древнейших обществ. наук. Она возникла первоначально как простое, нерасчлененное описание действительности, включая не только общество, но и природу (Геродот). Однако уже с Фукидида внимание историков сосредоточивается преим. на событиях политич. жизни общества, войнам, гос. переворотам и т. п. Не довольствуясь простым рассказом о происшедшем, уже антич. авторы обнаруживают критич. подход к историч. источникам (Фукидид), пытаются создать цельную картину всемирной И. (Полибий), осмыслить не только внешние, но и более глубокие, в т. ч. экономич. причины событий (Аппиан). Однако гл. предметом историч. исследования и в античности, и в средние века были отд. события человеч. истории, рассматриваемые в их хронологич. последовательности, а господствующей формой изложения материала — повествование, рассказ о событиях, поступках людей

и их мотивах. Фиксируя внимание на особенном и единичном, нарративная (повествовательная) И. была чужда идее объективной историч. закономерности и самому принципу развития. В большинстве случаев она не поднималась выше описания деятельности отд. «героев» и была лишь собранием фактов, отрывочно набранных фактов. Когда ср.-век. мыслители пытались охватить целостную картину всемирной И., они в большинстве случаев апеллировали к внешн. божеств. провидению, к-рое якобы проявляется в И. и направляет ее (Августин, Боссюэ).

Просветители 17—18 вв. подвергли резкой критике как примитивную описательность ср.-век. хроник, так и богословский провиденциализм. Рассматривая И. общества как продолжение И. природы, они стремились открыть «естественные законы» И., освободив ее от теологич. «чудес» и «откровений». На этой основе просветители 18 в. разработали теорию прогресса, рассматривавшую историч. развитие как неуклонный подъем от низшего к высшему (Кондорсе); выдвинули идею единства историч. процесса (Гердер); заложили основы И. культуры, противопоставляемой чисто политич. И. (Вольтер); обосновали мысль о влиянии на человека географич. и социальной среды (Монтескье, Руссо) и сделали первые шаги в применении сравнительно-историч. метода.

Однако просветительская философия И. не выходила за рамки филос. идеализма и оставалась абстрактной и умозрительной. Для франц. материалистов характерен прагматич. взгляд на И. — стремление вывести из прошлого непосредств. политич. или моральные «уроки» для настоящего. Но подобные попытки неизменно кончались неудачей, подкрепляя скептич. утверждение, что И. учит только тому, что ничему не научает. Как писал Энгельс, старый материализм «...судил обо всем по мотивам действий, делил историч. деятелей на честных и бесчестных и находил, что честные, как правило, оказывались в дураках, а бесчестные торжествовали. Из этого обстоятельства для него вытекал тот вывод, что изучение истории дает очень мало назидательного, а для нас вытекает тот вывод, что в исторической области старый материализм изменяет самому себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того, чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 307).

Философия И. нем. классич. идеализма рассматривала обществ. развитие как внутренне необходимый, закономерный процесс. Но эту необходимость она выводила не из самой И., а привносила ее извне, из филос. мышления. Место действит. связи, к-рую следовало обнаруживать в событиях, занимала связь, измышленная философами. На И. смотрели как на постепенное осуществление каких-то отвлеченных идей, заменивших отвергнутое божественное «провидение». Эта философия И. была оторвана от эмпирич. И. и нередко (напр., у Фихте) даже подчеркивала свое к ней пренебрежение.

В качестве реакции на антиисторизм просветителей романтич. историография, особенно нем. историч. школа, выдвинула принцип спонтанности историч. развития и индивидуальности его этапов, утверждая, что каждое историч. явление нужно рассматривать как нечто специфическое и неповторимое. Но за этим «историзмом» стоял филос. иррационализм, отрицание закономерности историч. развития и стремление свести историч. познание к интуиции, а в политич. плане историч. школа ретроспективно оправдывала прогнившие феод. порядки.

Высшим этапом развития домарксовской философии И. была философия истории Гегеля, к-рый «...первый

пытался показать развитие, внутреннюю связь истории...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 496), хотя и в рамках филос. идеализма. Гегель высоко ценил историографию, подчеркивая, что без нее историч. процесс представляется «...лишь слепой и повторяющейся игрой произвола в различных формах. История фиксирует эту случайность, вносит в нее постоянство, придает ей форму всеобщности, и именно благодаря этому устанавливает правило для нее и против нее» (Соч., т. 8, М.—Л., 1935, с. 154). Он резко выступал против априоризма в И., доказывая, что «...лишь из рассмотрения всемирной истории должно выясниться, что ее ход был разумен...» (там же, с. 11). Гегель высказал целый ряд гениальных мыслей о диалектике историч. процесса, соотношения в нем необходимости и случайности, роли природных условий в развитии общества и др. Недаром Ленин усматривал в гегелевской философии И., в целом ряде положений, высказанных Гегелем, «...зачатки исторического материализма» (Соч., т. 38, с. 307). Однако идеалистич. система Гегеля была несовместима с конкретным историзмом. «Гегелевское понимание истории предполагает существование абстрактного, или абсолютного, духа, который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь массу, являющуюся бессознательной или сознательной носителем этого духа. Внутри эмпирической, экзотерической истории Гегель заставляет историю разыгрываться с некультивной, экзотерическую историю. История человечества превращается в историю абстрактного и потому для действительного человека потустороннего духа человечества» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 93). Свою философию истории Гегель рассматривал одновременно как теодицею, оправдание бога в И.

Материалистическое понимание И. Подлинный переворот во взглядах на И. общества произвело созданное Марксом и Энгельсом материалистич. понимание И. — *исторический материализм*. «История, — писал Энгельс, — это для нас всё, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции» (там же, т. 1, с. 592). Устранив из философии И. всякий априоризм, марксизм считает, что люди сами творят свою И., будучи одновременно и актерами и авторами своей всемирно-историч. драмы, и «за» историч. процессом не стоят никакие трансцендентные силы в виде «божественного провидения», «всеобщего разума» и т. п. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс К. и Энгельс Ф., там же, т. 2, с. 102). Поэтому законы обществ. развития могут быть выведены только на основе конкретного и тщательного изучения всей всемирной И.

В отличие от И. Земли, продолжением к-рой она является, И. человек. общества не может отвлечься от сознат. деятельности людей, составляющей субъективную сторону историч. процесса. Но обществ. сознание каждого данного общества, его обществ. идеи и учреждения представляют собой отражение его обществ. бытия и прежде всего господствующего в этом обществе способа произ-ва. Каждое новое поколение людей, вступая в жизнь, застает определен. объективную систему обществ.-экономич. отношений, обусловленную ранее достигнутым уровнем производит. сил. Эти унаследованные отношения детерминируют характер и общие условия деятельности нового поколения.

Поэтому общество ставит перед собой только такие задачи, к-рые оно может разрешить. С другой стороны, новые обществ. идеи, политич. учреждения и т. п., раз возникнув, приобретают относит. самостоятельность от породивших их материальных отношений и, стимулируя людей действовать в определ. направлении, тем самым оказывают активное воздействие на объективные условия. Раскрыв зависимость обществ. сознания от материальных, экономич. отношений, Маркс тем самым впервые указал путь к всеобъемлющему пониманию историч. процесса, позволив свести сознат. мотивы и побуждения историч. деятелей и политич. партий к выраженным в них классовым интересам, а эти последние — к породившим их экономич. условиям.

В то время как домарксовская философия И. рассуждала об отвлеченном «обществе вообще», игнорируя качеств. своеобразие этапов историч. развития, Маркс выдвинул на первый план категорию общественно-экономич. формации, т. е. «...общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером» (там же, т. 6, с. 442). Будучи качественно определ. звеном в цепи историч. развития, каждая формация представляет собой диалектич. единство специфичного для нее способа произ-ва и порождаемых им многообразных надстроечных явлений. Каждая формация имеет свои специфич. законы развития и в то же время является закономерным этапом общеисторич. процесса. Последоват. смена главных общественно-экономич. формаций — первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистич. и коммунистич. — представляет объективную закономерность и лежит в основе марксистской периодизации всемирной И.

Однако теоретич. понятие формации не исчерпывает всего многообразия историч. процесса. Маркс писал, что «...экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своём проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» («Капитал», т. 3, 1955, с. 804). Нельзя, напр., отождествлять антич. рабство и патриархальное рабство, существовавшее на Востоке. Гос. капитализм в совр. слабоназвитых странах качественно отличается от гос.-монополистич. капитализма в США. Разные историч. условия накладывают свой отпечаток на особенности строительства социализма и коммунизма в различных странах. Еще больше градаций и вариаций в развитии политич. жизни и культуры разных народов. Кроме того, понятие формации, выражающее сущность определ. этапа историч. процесса, не совпадает полностью с понятием историч. эпохи, охватывающей время преобладания данной формации. Развитие разных стран и народов всегда было неравномерным, поэтому новые, прогрессивные формации, утвердившись в одних странах, всегда какое-то время сосуществовали с другими формациями или экономич. укладами. Рабовладелец. общество в И. кит. народа сложилось в конце 2-го тысячелетия до н. э. (Чжоуское царство); по-видимому, к этому же времени относится возникновение рабовладельч. гос-в и у народов Индии. У греков (гомеровская Греция), иранцев (ахеменидская Персия) и у латинян (Рим) рабовладелец. общество складывалось позже, к 1-й пол. 1-го тысячелетия до н. э., а у многих др. народов — еще позже. Переход к феодализму произошел: в Китае — во 2—4 вв., в Греции (Византия) — в 3—5 вв., в Италии (т. н. варварские королевства) —

в 4—6 вв., в Индии — в 4—6 вв., в Иране — в 5—7 вв.

Капиталистич. отношения раньше всего начали складываться у народов Китая и Италии, по затем в силу целого ряда конкретных историч. (и отчасти географич.) условий их быстро обогнали народы, у к-рых не было в прошлом развитой рабовладельч. и столь же длит. феод. формации: голландцы, англичане, французы, американцы. При этом господство капитализма в развитых странах совмещалось с сохранением феод., рабовладельч. и даже первобытнообщинных отношений в отсталых странах.

Октябрьская революция в России положила начало становлению новой, коммунистич. формации, ныне распространившейся уже на треть человечества. Однако капитализм еще продолжает существовать. «Современная эпоха, — говорится в Программе КПСС, — основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе» (1961, с. 5).

Последоват. смена пяти общественно-экономич. формаций выражает общее направление всемирно-историч. процесса. Но не каждый народ проходит все эти стадии. Во-первых, различные народности и этнич. группы возникали одновременно; одни народности, существовавшие в эпоху рабовладения, затем исчезли, другие, напротив, возникли сравнительно недавно. Было бы поэтому неумным педантизмом выискивать в И. каждого отд. народа черты всех известных формаций. Во-вторых, отд. народ может, при наличии определ. условий, миновать ту или иную формацию, хотя для всемирно-историч. процесса в целом она является необходимой. Так, слав. народы в целом не проходили рабовладельч. стадии, первобытнообщинный строй перерос у них непосредственно в феодализм. В истории США не было феод. формации. В совр. условиях, опираясь на могучую поддержку со стороны социалистических стран, народы бывших колоний могут избежать капиталистич. стадии развития, став непосредственно на путь социализма (примером может служить Монголия, к-рая пришла к социализму непосредственно от феодализма).

Одной из важнейших теоретич. проблем И. является проблема единства и множественности всемирно-историч. процесса. Она выступает, с одной стороны, как проблема всеобщности осн. законов обществ. развития, обуславливающих повторяемость определ. черт социально-экономич. строя и культуры различных обществ, стоящих на одной и той же ступени историч. развития; с другой стороны, как проблема взаимозависимости и взаимосвязи различных социальных организмов и культур. Рассматриваемый в первом плане всемирно-историч. процесс всегда был внутренне единым. Единство происхождения человечества и объективная закономерность развития производит. сил обуславливают повторяемость определ. стадий в развитии материальной и духовной культуры, форм собственности, брака и семьи, религ. представлений и т. п. В одинаковые историч. эпохи у разных народов, часто совершенно независимо друг от друга, возникают весьма сходные формы религ. верований, иск-ва, философии. Сравнительно-историч. исследование этих явлений позволяет сделать весьма интересные выводы о внутр. закономерностях развития культуры, иск-ва и др. сфер человек. деятельности и об их связи с социальной структурой общества в целом.

Значительно сложнее обстоит дело с проблемой единства И. в пространственно-географич. отношении. Маркс писал, что «всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 736). Хотя уже между древнейшими человек. обществ. существовали определ. связи и взаимовлияния, ставшие в ходе историч. развития все более тесными и устойчивыми, в целом всемирная И. на протяжении первобытнообщинной, рабовладельч. и феод. формаций развивалась скорее как ряд параллельных, локальных процессов, с несколькими различными центрами (китайский, индийский, египетский, греко-римский, американский и т. д.). Связи между этими центрами (миграции населения, обмен, культурные влияния) при всем своем значении (напр., т. н. великое переселение народов является фактом и азиатской, и европ. И.; буддизм существует как для индийской, так и для кит. И.) носили все же эпизодич. характер и не были внутренне неизбежными. Эти связи часто разрушались под влиянием разных внешних причин, и сами древние общества были настолько изолированы от остального мира, что нередко, погибая, они уносили и секреты своей высокой культуры (культура майя, циклопич. постройки о-вов Океании и др.).

Только капитализм, создавший единый мировой рынок, создал вместе с тем и единую мировую И., сделав общение между народами из случайного и эпизодического необходимым и постоянным. В этом расширении междунар. связей и ликвидации нац. и региональной замкнутости и ограниченности — один из показателей историч. прогресса.

Вопреки скептицизму и пессимизму многих бурж. ученых, усматривающих в историч. процессе только простое изменение или чередование одних и тех же циклов, историч. материализм рассматривает И. как прогрессивный, поступат. процесс, а общественно-экономич. формации — как закономерные стадии этого процесса. Главным объективным критерием историч. прогресса является рост производительности труда, означающий расширение власти человека над природой и влекущий за собой совершенствование производств. отношений, социальной структуры общества и его идеологич. надстройки. Однако на протяжении всей И. классового общества прогресс осуществлялся крайне противоречиво, в антагонистич. форме. Обществ. развитие было исключительно неравномерным. Прогресс в одной области жизни часто сопровождался регрессом в других. Завоевания научно-технич. прогресса достигались за счет безжалостной эксплуатации трудящихся. Сам процесс формирования всемирной И. осуществлялся путем колониальной экспансии и порабощения громадного большинства человечества кучкой развитых бурж. наций. Стихийность обществ. развития мешала людям овладеть ими же созданными социальными силами. Эта антагонистичность историч. развития достигла своей кульминации при капитализме, к-рый создал громадные производит. силы, но запутался в собств. противоречиях. «Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов», — писал Маркс, — «лишь тогда человеческий прогресс перестанет угодничать тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» (там же, т. 9, с. 230).

Переломным пунктом всемирной И. является социалистическая революция. Ликвидировав частную собственность и классовый антагонизм, впервые преодолев стихийность обществ. развития, коммунизм ознаменовал переход от предьстории человечества к

его подлинной И. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок из царства необходимости в царство свободы» (Энгельс Ф., там же, т. 20, с. 295). Построение коммунизма, ныне являющееся практич. задачей сов. народа, будет величайшей победой человечества за всю его многовековую И.

И. и другие общественные науки. Давая ключ к анализу историч. процесса, материалистич. понимание И. вместе с тем позволяет определить специфику И. как науки. Вопреки утверждениям бурж. критиков, марксизм отнюдь не растворяет И. в абстрактной социологии и не отрицает ее логич. и методологич. специфики. Марксизм ведет борьбу на два фронта: против абстрактного социологизма, недооценивающего специфику И. как науки и пытающегося растворить ее в социологии, и против примитивного идеографизма, отрывающего И. от теории и ограничивающего И. простым описанием единичных фактов. В отличие от историч. материализма, формулирующего законы обществ. развития в теоретич. форме, задачей И. является воспроизведение и раскрытие конкретного процесса историч. развития в разных странах и у разных народов, в разные историч. эпохи в их взаимной связи и преемственности. Такое исследование, являющееся необходимой предпосылкой социологич. обобщения, предполагает изучение не только необходимых, но и случайных связей, не только общего, но и единичного. В силу этого описание и повествование занимают в И. весьма значит. место, а в деятельности отд. ученых, вследствие существующего разделения труда, могут даже преобладать (напр., в источниковедении).

Однако науч. И. отнюдь не сводится к воспроизведению внешней хронологич. последовательности явлений. Чтобы научно воспроизвести любой процесс развития, историк должен прежде всего определить, что развивается и во что развивается. Он должен выяснить, какие элементы участвуют в этом процессе и какова роль каждого из них, детально изучить структуру объекта и ее видоизменения на разных стадиях процесса. Наконец, чтобы представить развитие именно как процесс, а не просто как ряд последоват. состояний объекта, историк должен раскрыть сами законы перехода от одного историч. состояния к другому. И., т. о., включает в себя теорию, она невозможна без теории.

Прежде всего, она заимствует целый ряд понятий и категорий у теоретич. наук. Историч. материализм вооружает историков категориями общественно-экономич. формации, способа произ-ва, базиса, надстройки, класса, нации, семьи и т. д., раскрывает общие структурные закономерности жизни, помогает разобраться в сложном переплетении объективных и субъективных моментов обществ. развития. Из политич. экономии И. заимствует теоретич. положение об экономич. законах, свойственных разным способам произ-ва. Психология помогает научно раскрыть механизм социального поведения людей в разные историч. эпохи, особенности коллективной и индивидуальной психологии, выявить необходимые для исследований по истории культуры особенности творч. процесса и т. п. Эстетика дает теоретич. критерии для оценки художеств. ценностей. Юридич. науки помогают понять механизм развития гос.-правовых

институтов и т. д. Чем выше уровень развития И., тем теснее становится ее связь с теоретич. обществ. науками, а также с естествознанием (напр., применение меченых атомов для датировки археологич. находок).

И. не только заимствует теоретич. понятия из смежных дисциплин, но и сама в процессе синтеза историч. данных формирует сложные науч. абстракции. Таковы, напр., характеристики конкретных историч. эпох и периодов («эпоха Возрождения») и понятия, обозначающие определ. историч. явления («смерды», «варварские государства»), процессы («второе закрепощение», «Реформация») и события («французская революция 18 в.», «крестьянская реформа 1861»).

Совр. историч. наука представляет собой сложную и дифференцированную систему спец. дисциплин. Прежде всего, И. подразделяется по хронологич. принципу. Трехчленное деление всемирной И. на древнюю, среднюю и новую И. было предложено еще в 15 в. Тогда за этой схемой стояло представление о средних веках как о каком-то мрачном «перерыве» в ходе И., разделяющем античность и Возрождение. Совр. науке чуждо подобное представление. Гуманистич. периодизацию И. марксизм наполняет новым содержанием. Понятию «предыстории» соответствует господство первобытнообщинной формации, древней И. — рабовладельческой, средней И. — феодальной, новой И. — капиталистической. Новейшая И., начинающаяся с 1917, представляет собой эпоху всемирно-историч. поворота человечества от капитализма к социализму, начатого Октябрьской революцией. Хронологич. деление И., ее периодизация покоится, т. о., на определ. теоретич. предпосылках, обобщающих наиболее характерные черты соответствующих периодов.

Кроме хронологического, в И. применяется пространственно-географич. принцип деления. Поскольку в течение длит. времени всемирно-историч. процесс складывался из суммы относительно самостоят. процессов развития отд. стран, народов и гос-в, естеств. путем сложилась специализация ученых по истории СССР, Англии, США и др. стран. Изучение И. отд. народов позволяет глубже понять их специфику, особенности, традиции и культуру. Однако И. одних народов настолько тесно перемешивается с И. других народов, что рамки вост. И. часто оказываются слишком узкими. Тогда вместо И. отд. народа на первый план выступает более широкая региональная И., охватывающая целый район, образующий определ. историч. единство. Такой региональный подход особенно плодотворен при изучении И. рабовладельч. и феод. обществ, в к-рых границы между разными народностями и этнич. группами были еще весьма неопределенными, а гос. образования носили эфемерный характер. В качестве объекта исследования здесь выступает не отдельный народ, а целостный историко-географический (история Ср. Азии) или историко-культурный комплекс (напр., И. араб. лит-ры охватывает всю лит-ру, написанную на араб. языке, к-рым пользовались в середине века не только арабы, но и представители многих др. народов). Наконец, всемирная, или всеобщая, И. охватывает весь всемирно-историч. процесс, куда И. отд. стран и народов входят лишь как частные случаи. Всемирно-историч. т. зр. позволяет преодолеть нац. и региональную ограниченность и более отчетливо увидеть мировое значение рассматриваемых событий и явлений. Эта т. зр. является определяющей у историков-марксистов, принципиально отвергающих европоцентризм и всякие иные концепции, теоретически закрепляющие неравенство в положении и уровне развития различных народов.

Помимо гражд. И., охватывающей все стороны обществ. развития, существуют еще спец. отрасли исто-

рич. науки, прослеживающие эволюцию отд. сфер и сторон обществ. жизни: И. х-ва, политич. И., И. гос-ва и права, И. культуры, науки, философии, иск-ва, языка и т. п. Все эти спец. И. являются как бы отд. элементами общей гражд. И., к-рую они конкретизируют. Каждая такая отрасль И. тесно связана с соответствующей ей теоретич. дисциплиной: И. х-ва — с политич. экономией, И. права — с юриспруденцией и т. д. Самостоят. историч. дисциплиной, имеющей собств. предмет и методы исследования, является археология. Кроме того, существует целый ряд подсобных историч. дисциплин: источниковедение, палеогеография, нумизматика и др.

Любое историч. исследование воспроизводит определ. процесс развития. Но уровень теоретич. обобщения историч. материала может быть разным, и зависит это не только от широты кругозора историка, но и от самого предмета исследования. Наибольшая степень теоретич. обобщения материала достигается, как правило, в области экономич. И. Исследователь истории х-ва и экономич. отношений имеет дело не с отд. событиями, а с определ. совокупностью обществ. отношений и массовых процессов. Здесь, как и в теоретич. исследовании, «...дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов». С этой т. зр. отд. лицо нельзя «...считать ответственным за те условия, продукт которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» (М а р к с К., Капитал, т. 1, с. 8). Гораздо сложнее обстоит дело в сфере политич. И. или И. культуры. Энгельс писал: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Избр. письма, 1953, с. 471). Это накладывает свой отпечаток и на логику историч. науки. Разумеется, и в политич. истории внимание ученого сосредоточено на ведущих тенденциях, на движении больших масс и классов, а отд. единичные события рассматриваются лишь как проявления этих тенденций. Но обойти специфику, черты этих событий, не раскрыть особенности людей, возглавляющих движение на данном этапе, значило бы схематизировать И. Еще выше роль повествования в истории культуры. Конечно, И. лит-ры не просто излагает творчество одного писателя за другим, а стремится раскрыть закономерность литературного процесса каждой данной эпохи, выявить связь лит-ры с другими сферами обществ. жизни, отражение в ней определ. социальных тенденций и т. д. Но если при этом не будет показано индивидуальное лицо именно данного писателя и его героев, то получится лишь вульгарно-социологич. схема, а не И. лит-ры.

Рассматривая проблему абстракции в историч. науке и то, в какой степени историч. наука способна делать теоретич. обобщения, нельзя забывать и о масштабах исследования. Одно дело — книга, охватывающая всемирную И. или И. целой формации, другое дело — исследование одного какого-то события, биографии и т. п. Работа по всеобщей И. не может не давать обобщений общесоциологич. порядка (о закономерностях историч. процесса в целом, о специфике отд. формаций и т. д.), к-рых нельзя ждать от спец. исследования, посвященного частной проблеме.

Сказанным определяется и ответ на вопрос, в чем состоит социальная функция историч. науки. Бурж.

авторы по-разному отвечают на этот вопрос. Сторонники повествоват. И. выдвигают на первый план эстетич. ценность И., увлекательность историч. повествования, уводящего читателя в знакомый мир давно исчезнувшего прошлого. Поклонники умозрит. философии И. видят в И. прежде всего неисчерпаемый запас примеров и иллюстраций для подтверждения своих теоретич. конструкций. Последоват. «презентисты» (см. *Презентизм*) рассматривают историч. науку как подсобное средство пропаганды и т. д.

Историч. материализм не отрицает ни многообразия форм историографии, ни многогранности ее значения. В частности, высокой оценки заслуживает и такой старый вид И., как историч. повествование, при условии, что героями его должны быть не только короли и завоеватели, но и подлинные труженики, создающие орудия труда, развивающие технику и культуру. Никакая социология не заменит правдивую и взволновавшую повесть об ученых, изобретателях, мыслителях, революционерах, борцах за нар. свободу, к-рым человечество во многом обязано своими достижениями. В таком повествовании заложены большие возможности для коммунистич. воспитания подрастающего поколения.

Но гл. ценность И. для современности заключается в том, что она помогает представить развитие человечества как единый закономерный процесс. Только обобщенный опыт всемирной И. позволяет отделить необходимое от случайного, всеобщее от единичного. А это является необходимым условием для развития тех отраслей обществ. знаний (напр., политич. экономии, теории права и т. д.), к-рые исследуют проблемы современности и выводы к-рых непосредственно влияют на сознат. целенаправленную деятельность людей и политич. партий. Только на основе историч. материала возможно вообще формулирование каких бы то ни было законов развития.

Рассматривая прошлое сквозь призму современности, историч. мышление неизбежно носит на себе отпечаток определ. эпохи. Проблемы, к-рые ставят перед собой историки, и перспектива, в к-рой эти проблемы рассматриваются, не остаются неизменными. Но это не означает абс. релятивизма. Объективная преемственность в историч. процессе, обусловленная его закономерностью, порождает и преемственность в развитии историч. познания, причем высшая степень развития позволяет глубже понять предшествующую. В свете победы Великой Октябрьской социалистич. революции ярче вырисовываются осн. силы и тенденции рус. освободит. движения. Образование мировой социалистич. системы и ее растущее влияние на все процессы совр. эпохи в свою очередь позволяют глубже понять историч. значение Октябрьской революции.

Развитие историч. науки тесно связано с классовой борьбой, поскольку интересы борющихся классов отражаются в историч. концепциях. Ленин подчеркивал, что «...беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, настроенном на классовую борьбу» (Соч., т. 19, с. 3), что «... ни один живой человек не может не становиться на стороне того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачам, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением остальных воззрений и т. д. и т. д.» (там же, т. 2, с. 498—99). Но влияние классовой идеологии на И. неоднозначно. Реакционный, отживающий класс, интересы к-рого противоречат ведущей тенденции историч. развития, не заинтересован в объективном историч. познании. Его идеология поэтому порождает искажение и фальсификацию И. Только революц.

класс, отстаивающий в настоящем интересы будущего, способен правильно понять закономерность и общее направление историч. процесса, поскольку именно он является наследником историч. прошлого и реализует те задачи, к-рые оно поставило. Таким классом и является рабочий класс.

Если настоящее, т. е. высшая ступень обществ. развития, бросает свет на прошлое, то верно и обратное: только глубокое знание прошлого дает возможность понять совр. действительность в ее революц. развитии. Как геологу необходима историч. геология, чтобы не блуждать вслепую в поисках нужных ему руд, как биологу для преобразования живой природы нужна И. происхождения видов, так и для построения нового, коммунистич. общества необходимо глубокое знание всей предшествующей И. человечества.

Руководствуясь положениями историч. материализма, сов. и зарубежные историки-марксисты создали немало ценных исследований, по-новому раскрывающих важнейшие этапы технико-экономич. развития, И. классовой борьбы и культуры человечества. Успехи сов. историч. науки были бы еще больше, если бы в 1930—50-х гг. на нее не оказал пагубное влияние культ личности Сталина. Под влиянием культа личности многие важные историч. события, особенно из И. партии и сов. общества, освещались предвзято и неверно, роль Сталина необоснованно преувеличивалась, а многих других деятелей замалчивалась или охавалась. Зачастую в историч. работах отсутствовал критич. подход к источникам. Догматизм, сковавший теоретич. мысль историков, отрицательно сказывался и на освещении других разделов И., порождая конъюнктурщину и модернизацию прошлого.

XX и XXII съезды КПСС, решительно осудившие культ личности, открыли широчайшие перспективы для развития историч. науки, к-рой партия придает большое значение.

Важнейшие задачи историч. науки сформулированы в Программе КПСС: «Исследование проблем всемирной истории и современного мирового развития должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму, изменение соотношения сил в пользу социализма, обострение общего кризиса капитализма, крушение колониальной системы империализма и его последствия, подъем национально-освободительного движения народов».

Важное значение имеет изучение победоносного, проверенного жизнью исторического опыта Коммунистической партии и советского народа, закономерностей развития мировой системы социализма, мирового коммунистического и рабочего движения» (1961, с. 128).

Идеалистические концепции И. Марксистско-ленинская историч. наука развивается в упорной борьбе с идеалистич. концепциями, господствующими в бурж. историографии. Во 2-й пол. 19 и 1-й пол. 20 вв. в бурж. историографии произошли серьезные сдвиги в содержании и методах. Возникшая под прямым влиянием марксизма социально-экономич. И. постепенно оттеснила на второй план более традиционные виды историографии, превратив И. из повествования об отд. событиях в И. сложных социально-экономич. процессов и отношений. Достижения археологии и расшифровка древних систем письменности значительно расширили хронологич. рамки И. Пробуждение Азии и Африки и связанное с ним изучение И. народов этих континентов нанесло удар европоцентризму и представлению о «западной цивилизации» как единственном центре историч. прогресса. Развитие науч. источниковедения и применение в И. достижений др. наук (лингвистики, этнографии, антропологии и др.) способствовали значит. прогрессу в технике историч. исследования. Однако в бурж. историографии эти

достижения сочетались с усилением реакц. политич. и филос. тенденций.

Своеобразной вехой, отмечающей период нисходящего развития, идейного оскудения бурж. общественности, в т. ч. И., была революция 1848, к-рая испугала идеологов буржуазии, заставив их отказаться даже от нек-рых своих собств. прежних прогрессивных положений. Энгельс писал, что после 1848 из историч. наук «...совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 316—17). Хотя в спец. областях И. бурж. историки продолжают подчас давать ценные науч. результаты, их общий взгляд на И. становится все более ложным и для обоснования его они все чаще прибегают к фальсификации фактов.

В бурж. историч. мышлении 2-й пол. 19 в. соперничали два осн. течения: позитивизм и продолжавшая традиции нем. романтич. И. школа Ранке. Позитивизм, представлявший собой в И. одно из проявлений бурж. либерализма и связанный с развивавшейся в те годы социально-экономич. И., резко выступал против спекулятивных схем философии И. и против описат. и повествоват. историографии. Историки-позитивисты конца 19 — нач. 20 вв. создали ряд ценных и прогрессивных для своего времени работ. Однако позитивизм был глубоко чужд историзму. По мнению Контэ, Спенсера, Милля и др., И. — только подсобная дисциплина социологии, простой склад сырого материала, на основе к-рого социолог должен формулировать неизменные законы социальной жизни. Произвольно конструируемые позитивистами «всеобщие законы» насильственно копировали историч. факты, приводили к схематизации и упрощению И. Что же касается школы Ранке, то она выступала с открыто идеалистич. позиций, вообще отрицала возможность формулирования законов И., считая историч. процесс спонтанным и иррациональным, а задачей И. — описание особенного и индивидуального.

Иррационализм и субъективизм в бурж. историч. мысли особенно усилились в эпоху империализма. Кризис бурж. историч. мысли, начавшийся на рубеже 20 в., выступает прежде всего как момент общего кризиса бурж. идеологии. Вместе с тем он является следствием противоречия между колоссально расширившимися горизонтами и изменившимся предметом историч. науки, с одной стороны, и устаревшей идеалистич. и метафизич. методологией бурж. историков, — с другой. Заметное влияние на И. оказало также идеалистич. истолкование революции в естествознании.

Для совр. бурж. историографии, как и для других отраслей бурж. обществоведения, характерно отрицание объективной закономерности историч. процесса, отрицание историч. прогресса и попытки заменить самое понятие историч. развития бессодержат. понятием «социального изменения» или идеей цикличности, отрицание объективности историч. познания.

Этот воинствующий субъективизм нашел свое теоретич. воплощение в новейшей бурж. философии И., к-рая поставила целый ряд действительно важных проблем, касающихся специфики историч. познания и его методологии, но решает их с неверных, реакц. позиций.

Под флагом борьбы против позитивистского натурализма, недооценивавшего специфику И., философы-идеалисты уже в последней трети 19 в. развернули настоящий поход против материалистич. понимания

И. как естественно-историч. процесса и против идей объективного историч. познания. С одной стороны, это приняло форму возрождения открытого антиисторизма (Шопенгауэр, Ницше), третирующего И. как неполноценное знание, недостойное серьезного ума. С другой стороны, И. превозносится как единств. подлинное познание, но одновременно обособляется от естественно-науч. познания и противопоставляется ему. Уже Дильтей, начавший в конце 19 в. «критику исторического разума», резко противопоставил И. как «науку о духе» материалистич. естествознанию. И., по его мнению, основывается не на причинном объяснении событий, а на интуитивном «понижении» историч. опыта и формулирование каких бы то ни было законов И. он объявил принципиально невозможным. Баденская школа неокантианства (Виндельбанд, Риккерт) своим учением об *идеографическом методе* придала противопоставлению И. естествознанию методологич. характер, рассматривая И. как науку о единичном. «Философия жизни» (Зиммель, Шпенглер, Т. Лессинг) и совр. экзистенциализм вообще отказывают И. в звании науки и рассматривают ее гл. обр. как форму индивидуального самопознания, истоки к-рого коренятся в непосредств. переживании субъекта и к-рое невозможно выразить в системе понятий. Зависимость историч. концепций от мировоззрения историка и особенностей его эпохи они трактуют в духе иррационализма и крайнего релятивизма, приходя к выводу о невозможности общезначимой объективной историч. истины. Неогегельянцы (Кроче, Коллингвуд и др.) призывают рассматривать всю действительность как И., но, отождествив действительность с духом, они фактически сводят всю И. к И. мысли и отвергают объективные методы исследования. Америк. прагматисты (Дж. Дьюи, историки К. Беккер, Ч. Бирд и др.), абсолютизовав связь историч. познания с потребностями совр. общества, утверждают, что И. вообще не отражает прошлого, а является только проекцией совр. чаяний и стремлений людей и должна поэтому переписываться заново с каждым новым поколением (презентизм).

Все эти концепции, отражающие кризис бурж. историч. мысли, фактически отрицают возможность объективного историч. познания, теоретически обосновывая модернизацию и фальсификацию прошлого. Они усиливают методологич. путаницу в сознании профессиональных бурж. историков, к-рые придерживаются самых различных взглядов о природе и задачах своей науки. Одни философы и историки считают И. иск-вом (ранний Кроче, Б. Рассел, Дж. Тревельян), другие — сочетанием науки и иск-ва (Л. Нэмир, А. Роус), третьи — наукой, четвертые — особой формой познания, к-рая не похожа ни на что другое. В этой обстановке теоретич. неразберихи выделяются две осн. тенденции. С одной стороны, рост клерикализма, возрождение религ. философии И. как единств. выхода из того хаоса, в к-рый заводит историч. мышление филос. релятивизм. Ограничивая функции науч. И. изучением отд. единичных фактов, религ. философы и историки (Ж. Маритен, А. Демпф, Р. Нибур, М. д'Арси, Й. Пипер, К. Левит, Г. Баттерфилд и др.) восстанавливают в правах «откровение», с помощью к-рого можно якобы постичь «метафизич. смысл» И. История оказывается при этом служанкой богословия и теологизированной философией.

С другой стороны, философы, близкие к неопозитивизму (К. Поппер, К. Гемпель, П. Гардинер и др.), пытаются свести филос. проблемы И. к логич. анализу языка и структуры историч. объяснения. Они уверяют, что при этом преодолевается старая противоположность материалистич. и идеалистич. понимания И. и создается вполне объективная логика историч. на-

уки, к-рая не предписывает нормы историч. объяснения, а лишь анализирует объяснит. приемы, действительно применяемые историками. Но эти уверения не соответствуют действительности. «Аналитический» подход к истории не учитывает того, что язык И. и ее логич. формы сами являются историческими, их нельзя понять помимо тех задач, к-рые ставят перед собой историки разных периодов и разных классов. А изменение задач и методов историч. науки само обусловлено сдвигами в историч. процессе. Прежде чем анализировать логику и язык историч. объяснения, надо определить, что именно подлежит объяснению. Историк, к-рого интересует единичный факт сам по себе, естественно, объясняет его иначе, чем тот, кого интересует закономерность историч. процесса. Поэтому споры о логике историч. объяснения лишь воспроизводят в новой форме старые филос. дискуссии о природе историч. знания. При этом характерной тенденцией «аналитической философии И.» является ее постепенное сближение с явно идеалистич. концепциями. Практика бурж. историографии возводится при этом в степень теоретич. принципа, а филос. идеализм, не меняя своей природы, облекается в форму «беспристрастного» логич. анализа.

Однако примитивный идиографизм не удовлетворяет ни идеологич. потребностей бурж. общества, стремящегося противопоставить марксизму-ленинизму какую-го цельную теорию, ни потребностей самой историч. науки. Отсюда — характерная для совр. бурж. историографии «тоска по теории», стремление к «историч. синтезу». Бурж. историки оживленно обсуждают вопрос об отношении И. к др. обществ. наукам, в частности к социологии. Особенно сильна эта «синтетическая» тенденция во франц. историографии, где ее теоретически много лет направлял философ-позитивист А. Берр, а центром, вокруг к-рого группируются историки, является школа «Анналов», основанная М. Блюком и Л. Февром (ныне ее возглавляет Ф. Бродель). В Америке историч. ассоциации создан спец. Комитет по изучению единообразия в истории. С 1960 в США начал выходить междунар. журн. «History and Theory», призванный освещать теоретич. проблемы И. и ее взаимоотношения с др. науками. Однако эти попытки «синтетического» подхода к И. в большинстве случаев довольно беспомощны. С одной стороны, говоря о роли обобщения в историч. исследовании, бурж. ученые, как правило, имеют в виду не такое обобщение, до к-рого теоретич. мышление поднимается в результате раскрытия закономерности изучаемого процесса, а лишь элементарное эмпирич. обобщение, осуществляемое путем сравнения различных предметов и явлений и выделения их сходных и различных признаков. Но такое эмпирич. обобщение, будучи необходимым, явно недостаточно для целей науч. исследования. Уяснение общего в явлениях путем сравнения еще не говорит нам, насколько существенно это общее. Это общее может быть и совокупностью внешних признаков. Задача же науки состоит именно в выделении существенного, необходимого, в раскрытии внутр. структуры процесса. Останавливаясь на стадии простого эмпирич. обобщения, не проникая в сущность явлений, ученый не может пойти дальше более или менее формальной классификации явлений, а это, в свою очередь, подкрепляет ходячие представления о «малой содержательности» историч. абстракций, на к-рых играют защитники «идиографизма». Одностороннее, узкое понимание характера науч. обобщения приводит, т. о., к тому самому ползучему эмпиризму, против к-рого оно субъективно направлено.

С другой стороны, заимствование теоретич. понятий из бурж. социологии еще больше осложняет работу историка, поскольку эти понятия в большинстве

случаев совершенно произвольны, да и сама бурж. социология глубоко антиисторична. Сознание этого, а также внутр. потребности развития самой И. побуждают лучших историков Запада все чаще обращаться за помощью к марксизму. Его влияние на практику бурж. историографии значительно больше, чем на ее обобщающие теории. Правда, бурж. ученые усваивают положения историч. материализма лишь частично, в односторонней и часто искаженной форме (напр., в форме «экономич. материализма»). Однако это влияние нельзя недооценивать. Весьма близок к марксизму был, напр., выдающийся франц. историк Ж. Лефевр. Влияние марксизма заметно в работах историков школы «Анналов» и др. Участие историков-марксистов в междунар. историч. конгрессах, междунар. связи сов. историков способствуют разоблачению наиболее реакц. идейных течений, помогают честным ученым капиталистич. мира находить пути к правильной методологии.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3; и х же, *Избр. письма*, М., 1953; Маркс К., *Критике политической экономии*, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13; е го же, *Капитал*, т. 1—3, М., 1955; Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, М., 1957; е го же, *Диалектика природы*, М., 1955; Ленин В. И., *Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?*, Соч., 4 изд., т. 1; е го же, *Материализм и эмпириокритицизм*, там же, т. 14; е го же, *О политической линии*, там же, т. 18; е го же, *Философские тетради*, там же, т. 38; Хрущев Н. С., *О Программе КПСС*, М., 1961; *Программа КПСС*, М., 1961; *Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм*, М., 1961; Плеханов Г. В., *Материалистическое понимание истории*, Избр. философские произведения, т. 2, М., 1956; е го же, *О книге Г. Ринкорта*, там же, т. 3, М., 1957; *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. 1—2, М., 1955—60; *Против фальсификации истории*. [Сб. статей], М., 1959; *Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии*. [Сб. статей], М., 1960; Гегель, *Философия истории*, Соч., т. 8, М.—Л., 1935; Асмус В. Ф., *Маркс и буржуазный историзм*, М.—Л., 1933; Тюменев А. И., *Марксизм и буржуазная историческая наука*, в кн.: *Памяти Карла Маркса*. Сб. статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883—1933, Л., 1933; Вайтштейн О. Л., *Историография средних веков...*, М.—Л., 1940; *Исторический материализм — теоретическая основа исторической науки*, «Вопр. истории», 1952, № 7; Коно И. С., *Буржуазная философия истории в тупике*, там же, 1960, № 12; е го же, *Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли*, М., 1959; Маркьяри Е. С., *О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании*, «Вестн. истории мировой культуры», 1957, № 4; Данилов А. И., *Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в.*, [М., 1958]; е го же, *Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ*, в сб.: *Средние века*, вып. 15, М., 1959; Иванов Г. М., *К вопросу об образовании социально-экономических понятий*, «Уч. зап. Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева», 1959, [вып.] 31; Коган Л. Н., *О специфике применения критерия практики в исторической науке*, в сб.: *Практика — критерий истины в науке*, М., 1960; Глезерман Г. Е., *О законе общественного развития*, М., 1960; Грушин Б. А., *Очерки логики исторического исследования*, М., 1961; Конрад Н. И., *Заметки о смысле истории*, «Вестн. истории мировой культуры», 1961, № 2; Шаффа А., *Объективный характер законов истории*, пер. с польск., М., 1959; Шульц Р., *О смысле исторического бытия*, в кн.: *Против современной буржуазной идеологии*, пер. с нем., М., 1960; Стефанов Н., *По вопросу за содержание и формата на теоретического и на исторического познание*, «Философска мисъл», 1960, № 4; Зиммель Г., *Проблемы философии истории*, [пер. с нем.], М., 1898; Ланглюа Ш. В. и Сенюбос Ш., *Введение в изучение истории*, пер. с франц., СПб, 1899; Ницше Ф., *О пользе и вреде истории для жизни*, Собр. соч., т. 9, М., [1901]; Стасюлевич М. М., *Философия истории в главнейших ее системах*, 2 изд., СПб, 1902; Ринкерт Г., *Границы естественно-научного образования понятий*, пер. с нем., СПб, 1903; е го же, *Науки о природе и науки о культуре*, пер. с нем., СПб, 1911; Виндельбаннд В., *История и естествознание*, в его кн.: *Прелюдии*. Философские статьи и речи, пер. с нем., СПб, 1904; Лаппо-Данилевский И. А. С., *Методология истории*, вып. 1—3, П., 1910—23; Хвостов В. М., *Теория исторического процесса*, 2 изд., М., 1914; Герье В., *Философия истории от Августина до Гегеля*, М., 1915; Шпет Г., *История как проблема логики*, ч. 1, М., 1916; Шпенглер О., *Закат Европы*, т. 1, пер. [с нем.], М.—И., 1923; Петрушевский И. Д. М., *О некоторых логических проблемах современной исторической науки*, в его кн.: *Очерки из экономической истории средневековой Европы*, М.—Л., 1928; Lessing Th., *Geschichte als Sinnegebung*

des Sinnlosen, 2 Aufl., Münch., 1921; W e b e r M., Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, Tübingen, 1922; D i l t h e y W., Einleitung in die Geisteswissenschaften, в его кн.: Gesammelte Schriften, Bd 1, Lpz., [1922]; M e i n e c k e F., Die Entstehung des Historismus, Bd 1—2, Münch.—B., 1936; e r o ж e, Vom geschichtlichen Sinn und vom Sinn der Geschichte, Lpz., [1939]; B a r n e s H. E., A history of historical writing, Norman, 1937; M a n d e l b a u m M. H., The problem of historical knowledge; an answer to relativism, N. Y., [1938]; A r o n R., Introduction à la philosophie de l'histoire; essai sur les limites de l'objectivité historique, P., [1938]; e r o ж e, La philosophie critique de l'histoire..., 2 ed., P., 1950; C r o c e B., La storia come pensiero e come azione, 4 ed., Bari, 1943; e r o ж e, Teoria e storia della storiografia, 6 ed., Bari, 1948; C o l l i n g w o o d R. G., The idea of history, Oxf., 1946; Theory and practice in historical study..., N. Y., 1946 (Social science research council, bull. 54); L i t t l e, Wege und Irrwege geschichtlichen Denkens, Münch., [1948]; R o t h a c k e r E., Logik und Systematik der Geisteswissenschaften, [Neue Ausg.], Bonn, 1948; B l o c h M. L. B., Apologie pour l'histoire; ou Méthier d'historien, P., 1949; J a s p e r s K., Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, [2 Aufl.], Münch., [1950]; S r b i k H. R. von, Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart, Bd 1—2, Münch.—Salzburg, [1950—51]; B u t t e r f i e l d H., History and human relations, L., 1951; G a r d i n e r P., The nature of historical explanation, L., 1952; B e r r H., La synthèse en histoire..., P., 1953; F e b v r e L., Combats pour l'histoire, P., 1953; G a l l e t t i A., Natura e finalità della storia nel moderno pensiero europeo. Della storia filologica allo storicismo idealistico, Mil., 1953; The social sciences in historical study. A report of the committee on historiography, N. Y., 1954 (Social science research council, bull. 64); B a r r a c l o u g h G., History in a changing world, Oxf., 1955; B o c k K. E., The acceptance of histories..., Berkeley, 1956; D e m p f A., Kritik der historischen Vernunft, Münch., 1957; M a r i t a i n J., On the philosophy of history, N. Y., 1957; P e t r u z z e l l i s N., L'idealismo e la storia, 3 ed., Brescia, 1957; P o p p e r K. R., The poverty of historicism, N. Y., 1957; R a n d a l l J. H., Nature and historical experience..., Oxf., 1958; S t r o u t C., The pragmatic revolt in American history: Carl Becker and Charles Beard, New Haven, 1958; D' A r c y M. C., The meaning and matter of history; a christian view, N. Y., 1959; G a r d i n e r P. ed. I., Theories of history..., Chi., 1959; M a r g o u H. I., De la connaissance historique, [3 ed.], P., 1959; R o s s i P., Storia e storicismo nella filosofia contemporanea, Mil., [1960]; T o u n b e e A. J., A study of history, [2 ed.], v. 1—12, L. [a. o.], 1955—61.

И. Кош. Ленинград.

«ИСТОРИЯ НАРОДА В РОССИИ ОБИТАЮЩЕГО» — рукописный сборник конца 18 в., состоящий из оригинал. рус. и переводных произв., в т. ч. из антирелигиозных. Хранится в рукописном отделе Биб-ки им. В. И. Ленина (фонд 178, е. х. 4178). Открывается работой «Историческое описание о обитателях государства» (1785—92, лл. 1—56), освещающей положение различных слоев рус. общества. В «Известии о начале, учреждении и состоянии регулярного войска в России...» (1794, лл. 57—93) анонимный автор, отмечая двойную роль армии [защита от внешних врагов и укрощение «врагов внутренних, возстающих на разрушение спокойствия и безопасности граждан» (л. 57)], критикует систему рекрутчины, предлагает отменить телесные наказания, освободить солдат-ветеранов от крепостной зависимости.

В сборник включены антицерк. памфлеты *Вольтера* «Письмо к учителям церкви или богословам» (с приложением 17 вопросов с критикой христ. религии и морали), «Послание к Урании», «Беседа честного человека с монахом», приписываемое Вольтеру соч. «Вопросы Цанаты» (лл. 111—132), к-рое содержит резкую критику чуждостей христ. религии, осуждает религ. нетерпимость (перевод сделан в ноябре 1789). Помещен также ряд народных на церк. проповеди. Находящиеся в сб. «Представление Его Паискому Святейшеству Пию VI» содержит идеи, характерные для Просвещения 18 в.: требование просвещенной монархии, веротерпимости, критику суеверий и «пустосвятства», отрицание различных церк. обрядов, служащих «золотой жилой» для церковников. В примечаниях рус. переводчика говорится о связи развития науч. знаний в зап.-европ. странах с результатами реформации (л. 153 об.).

Заключается сборник анонимным политич. памфлетом «Подарок на Новой 1782 год от Китайского Императора», автор к-рого призывает Екатерину II: «Истре-

би торжественно рабство, царствующее еще в Твоих провинциях, и да не будет слышно имен Бояр и Крестьян» (л. 174 об.); он советует царице насаждать просвещение среди простого народа, избегать войн и насилий. К «Подарку» прилагает анонимный «Проклет о изгнании гурков из Европы» (1793—94), являющийся как бы оценкой франц. революции 1789 рус. просветителем. Признавая положит. роль Вольтера как борца с предрассудками и суевериями, автор в то же время отрицательно относится к политич. последствиям просветительства; «к кровавые события» франц. революции претят ему. К тому же ему уже ясно и лицемерность бурж. равенства: «Праздный, ножирая плоды трудящегося, называет поступок свой равенству приличия» (л. 178 об.). Ожидая от наступающего 19-го столетия больших политич. и социальных перемен, автор ищет о приближении революций в др. странах.

«История народа...» не являлась еще предметом всестороннего анализа в сов. лит-ре. Но бесспорно, что, как и мн. др. памятники рукописной лит-ры («Библиотека здравого рассудка», сборник, содержащий «Зерцало безбожия или невежества», «Сборник всячины»), она играла большую роль в распространении передовых филос. и общественно-политич. идей в России конца 18 — начала 19 вв.

Лит.: Г о л о д к о А. И., Из истории рус. общественной мысли XVII века, «Тр. МИГХТ им. М. В. Ломоносова», вып. 3, 1962. А. Голодко. Москва.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ как наука. В ходе истории филос. мысли человечества возникли и совершенствовались знания об историч. процессе развития философии. Уже в ранние периоды истории философии развивались историко-филос. знания, складывались и изменялись понятия о возникновении и развитии философии, о развитии и борьбе противоположных филос. направлений, о преемственности филос. идей и т. д. И. ф. как наука в подлинном смысле этого слова возникла в сер. 19 в. с появлением марксизма, диалектич. и историч. материализма, к-рый дал науч. объяснение происхождения и развития всех форм обществ. сознания, в т. ч. и философии.

Диалектич. материализм считает предметом И. ф. как науки возникновение и развитие филос. мысли человечества на различных этапах его истории, историю учений об общих законах бытия и мышления и прежде всего историю формирования, развития и взаимной борьбы осн. филос. направлений — *материализма* и *идеализма* и тесно связанную с ней историю становления, развития и взаимной борьбы *диалектики* и *метафизики*.

1. Возникновение историко-философского знания и его развитие в домарксистский период.

Попытки собрать сведения о знаниях, накопленных за предшествующую историю, в т. ч. и по вопросам мировоззрения, были осуществлены еще народами Древнего Востока и Египта. Более специализированно по отношению к философии это было сделано в Древней Греции Аристотелем (Met. I, 1—9; XII, 4—5 и др.), *Теофрастом*, *Диогеном Лаэртским*, *Секстом Эмпириком*, *Стобеем*, а в период эллинизма — «отцами церкви», Евсевием Кесарийским (ок. 265—339), *Августин* и др.

Утвердившееся в Европе господство христ. церкви привело к забвению прогрессивных традиций антич. философии, и в течение ряда столетий ее история не разрабатывалась.

Интерес к историко-филос. проблемам возник у араб. ученых, к-рые стали переводить соч. Платона, Аристотеля. Первым крупным араб. историком философии был Шахрастани (12 в.); в книге «Религиозные секты и философские школы» (первый полный перевод — на

нем. яз.— «Religionsparteien und Philosophenschulen», 1850—51) Шахрастани сделал попытку написать всемирную И. ф. Он изложил филос. учения различных народов—греков, персов, евреев, арабов и др.—с наблюдением хронологии и одновременно произвел разделение филос. учений на материалистич. и теистич., пытаясь проследить полемику между ними. Труд Шахрастани был известен в мусульм. мире и среди ученых Европы, к-рые черпали из него сведения по философии Востока.

Первым собственно историко-филос. трудом ср.-век. Европы явилось соч. Уолтера Бёрли (1275—1357) «Книга о жизни и смерти древних философов и поэтов» («Liber de vita et moribus philosophorum...», 1886), написанная под влиянием соч. Диогена Лаэртского. Изложение филос. учений древности давалось под углом зрения защиты христианства. Книга Бёрли, содержащая большой фактич. материал, в течение долгого времени была единств. трудом по истории антич. философии в Зап. Европе.

В дальнейшем интерес к истории культуры и философии, в особенности античных, проявился в эпоху Возрождения и в 17 в., когда в развитии И. ф. большую роль сыграли материалисты. Бэкон, Спиноза и другие прогрессивные философы, поставив под сомнение все основные принципы господствовавшей тогда схоластич. философии, рассматривали с новых позиций филос. мысль прошлого.

В сер. 17 в. появились спец. соч. по И. ф. Г. Фосса «О философии и школах философов» («De philosophia et philosophorum sectis...», 1658), Т. Стэйли «История философии» («The history of philosophy», v. 1—3, 1655—61). Наиболее полное представление о методологии И. ф. в сер. 17 в. дает книга нем. ученого Г. Хорна «История философии в семи книгах» («Historiae philosophicae libri septem», 1655). И. ф. у Хорна начиналась от сотворения мира и изображалась как всемирный процесс; важнейшей линией всемирной И. ф. оказывались филос. учения, приведшие к формированию христ. религ. догматики и теологии; христ. религия рассматривалась как вершина и итог развития всей философии и человеч. мысли; вместе с тем в И. ф. вводился светский элемент, изложение приняло систематич. характер, впервые рассматривалась философия христ. эры; схоластика и новая философия.

Эти же черты характеризуют «Критическую историю философии от сотворения мира до нашего времени» («Historia critica philosophiae, a mundi incunabulis ad nostram usque aetatem deducta», t. 1—5, 1742—1744, 2 ed., 1767) Я. Бруккера. Изложение философии давалось по восходящей линии: последовательно излагались др.-греч. философия, философия эллинизма, периода формирования христианства, ранняя и поздняя схоластика, философия периода Возрождения и нового времени. Бруккер — идеалист, подчинивший рассмотрение И. ф. идее установления христ. догматики; изложение его неисторично, в нем отсутствует внутр. связь и господствует некритич. отношение к рассматриваемым учениям и используемым источникам.

В сер. 18 в. в историко-филос. лит-ре появляются новые веяния. Франц. историк философии Деланд в «Критической истории философии» («Histoire critique de la philosophie...», v. 1—3, 1737) отмечал, что в то время как у древних философия охватывала теологию, религию, начала их истории, часто юриспруденцию и мораль, в новое время философия касается точных и естеств. наук. Согласно этому пониманию философии, Деланд и рассматривал историю наук как историю человек. сознания, к-рое проявляется наиболее зрело в философии. Задача историка философии состоит в том, чтобы показать источники и бесконечное разнообразие человеч. мысли; необходимо рассмат-

ривать, каким образом рождаются мысли одна после другой, а зачастую — одна из другой. Стремясь реализовать эти методологич. установки, Деланд в своем соч. начинал философию не с библейского периода (как было принято), а с ее развития у историч. народов и пытался подойти к накопленному материалу критически. Он считал, что философия возникла одновременно у всех народов и что первые философы были не отшельниками, а полезными для общества людьми—математиками, геометрами, врачами, астрономами, политич. деятелями, законодателями, а философствованию было для них лишь «побочным», «умозрительным» занятием. В этих положениях скрывалась мысль о том, что предмет философии возник в лоне конкретных наук, в науч. практике. Анализируя историч. факты и источники, Деланд показывал, что греки, высокомерно третировавшие «варваров», многое переняли у народов Древнего Востока. В то же время и в 18 в. сильны еще были метафизич. и скептич. тенденции рассмотрения И. ф. Именно в сер. 18 в. в Англии и Франции оформилось течение, к-рое черпало из И. ф. доказательства ничтожности филос. науки. Во Франции его ярким представителем был Кондильяк («Cours d'étude...», 1775, и «Трактат о системах...» — «Traité des systèmes...», 1749). Однако, несмотря на эти метафизич. и скептич. тенденции, в изучение философии и И. ф. привносится элемент историзма. Этот процесс сопровождался постепенным избавлением историко-филос. знания от опеки религии и христ. догматики. Выдвигается также мысль о связи философа с историей и наукой, а также с социальным устройством общества. Все эти стороны, однако, выступают как отд. элементы, внутренне друг с другом не связанные.

Во 2-й пол. 18 в. тенденция историзма в рассмотрении И. ф. получила дальнейшее развитие. Это видно уже во «Всеобщей истории философии» И. А. Эберхарда («Allgemeine Geschichte der Philosophie zum Gebrauch akademischer Vorlesungen», 1788). По его мнению, всеобщая И. ф. должна быть историей закономерного развития познания человечеством всеобщих свойств вещей (см. указ. соч., с. 2—3).

Методологию Эберхарда разработал Буле в своей И. ф. («Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Literatur derselben...», Tl 1—8, 1796—1804). Соч. Буле пропозано идеей развития. Он связывал понимание метода И. ф. с предметом философии как науки о природе человеч. души и ее отношений к предметам внешнего мира. История же философии, по его мнению, — прагматич. изложение важнейших попыток, предпринятых выдающимися мыслителями древности и нового времени для реализации этой науки. Цель И. ф. — устанавливать результаты философствующего разума вообще, характеризовать проблемы, выдвинутые философией для удовлетворения теоретич. и практич. потребностей, и методы, избранные ею для их разрешения. Идеи Буле выражены также У. Теннеманом в книге «История философии» («Geschichte der Philosophie», Bd 1—11, 1798—1819). Теннеман особенно подчеркнул мысль о том, что И. ф. есть история становления философии как науки.

Эти мысли были развиты также Ф. Астом (1778—1841) в его «Очерке истории философии» («Grundriß einer Geschichte der Philosophie», 1807, 2 Aufl., 1825), Т. Рикснером в его «Руководстве по истории философии» («Handbuch der Geschichte der Philosophie», Bd 1—3, 1822—23, 2 Aufl., 1829). Таким образом, все прочнее утверждалась идея историзма, к-рая в это время разрабатывалась и за пределами И. ф. как науки рядом мыслителей — Вико, Монтеस्कьё, Вольтером, Гердером и в особенности Кантом, Фихте и Шеллингом. Двое последних прямо применяют эту идею к И. ф. Все филос. направления Фихте делил на

«догматизм» и «идеализм» (см. «Первое введение в наукоучение», в кн.: Избр. соч., т. 1, М., 1916, с. 416—417). Под догматизмом философ подразумевал материализм. Основание различия между догматиком и идеалистом Фихте видел в «различии их интересов» (см. там же, с. 423). Положение о связи филос. воззрений с интересами людей не получило у Фихте надлежащего развития. Субъективно-идеалистич. т. зр. помешала ему стать на почву познания конкретных историч. фактов.

У Шеллинга принцип историзма применительно к И. ф. получил разработку в лекциях по И. ф. (эти лекции были прочитаны Шеллингом в 1827 под названием «К истории новой философии» — «Zur Geschichte der neueren Philosophie», опубл. 1902). И. ф. в ее гл. формах рассматривалась Шеллингом как история развития системы необходимости; следовательно, он считал историко-филос. процесс закономерным. Но в то же время он утверждал, что его собств. система есть высшая и окончат. истина, а вся И. ф. — лишь подготовка его системы. Поскольку же Шеллинг к моменту чтения лекций по И. ф. стал на путь *иррационализма* и открытой мистики, получивших свое воплощение в его «Философии откровения», то он соответственно обрабатывал, т. е. извращал, идеи великих философов.

Наиболее обстоят. разработку в домарксистский период И. ф. получает у Гегеля. В «Феноменологии духа», в «Энциклопедии философских наук», в особенности в «Лекциях по истории философии» Гегель сформулировал осн. принцип своего подхода к И. ф. Он дал критич. анализ историко-филос. трудов своих предшественников и старших современников: Стэнли, Бруккера, Тидемана, Буле, Теннемана, Аста, Риккера, молчаливо принимая нек-рые их методологич. принципы.

Для объективного идеалиста Гегеля абс. идея «...есть единственный предмет и содержание философии» (Соч., т. 6, М., 1939, с. 296). Поскольку абс. идея существует в различных природных и духовных формах и составляет их основу, то задача философии заключается в том, чтобы познать абс. идею в ее различных формациях (см. там же). Рассматривая вопрос о понятии И. ф., Гегель отмечал наличие в этом понятии противоречия: философия стремится познать истину, т. е. нечто неизменное, а история дает нам изображение ряда минувших образов познания. В целях разрешения этого противоречия Гегель вводил понятие развития и понятие конкретного. Развитие есть движение от потенциального состояния к актуальному; конкретное — «единство различенного» (см. там же, т. 9, Л., 1932, с. 29, 30), «единство различных определений» (там же, с. 30). Из рассмотрения понятий «развитие» и «конкретное» Гегель делал следующие выводы относительно И. ф.:

1) «...История философии есть по своему существу внутренне необходимое, последовательно поступательное движение...» (там же, с. 40). И. ф. есть, следовательно, закономерный процесс развития, а не простой перечень различных мнений. Все филос. системы необходимо внутренне связаны.

2) «...Последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи» (там же, с. 34). Следовательно, историческое и логическое представляют собой единство. В этом единстве примат, с т. зр. Гегеля, принадлежит логическому.

3) Каждая филос. система необходимо существовала и продолжает и теперь необходимо существовать; ни одна из них, следовательно, не исчезла, а все они сохранились в философии как моменты единого целого. Опровергается не принцип данной философии, а лишь предположение, что данный принцип есть окон-

чательное и абс. определение. И. ф. хотя и есть история, но она имеет дело не с тем, что уже миновало, а с тем, что вечно и непреходяще, т. е. с истиной. Каждая филос. система содержит в себе момент абсолютного. И. ф. поэтому есть прогрессирующее развитие истины.

4. Каждая филос. система есть лишь особенное определение абсолютного и поэтому не содержит полной истины. Следовательно, каждая система принадлежит своему времени.

5. Философия, будучи «мыслью своей эпохи», органически связана с политич. историей, гос. устройством, религией, иск-вом данного народа. Она есть одна из сторон нар. духа. Поскольку все историч. стороны нар. духа претерпевают изменения, то и к И. ф. необходимо подходить исторически.

Указанные выводы Гегеля базируются на идеалистич. истолковании всего историч. процесса. Поэтому реальные причины развития И. ф., ее связь с эпохой, проблема исторического и логического, закономерная связь между системами философии представлены Гегелем в искаженной форме.

В историко-филос. концепции Гегеля ярко проявляется противоречие между его диалектич. методом и метафизич. системой. Свою филос. систему Гегель считал истиной в последней инстанции. Поэтому оказывается, что философия развивалась лишь в прошлом, теперь этот процесс прекратился в связи с достижением абс. истины. Принцип развития, т. о., Гегель применял лишь к прошлому.

При конкретном подходе к филос. системам Гегель старался проследить историю диалектики (понимаемой, конечно, идеалистически). И. ф. для него — это прежде всего история идеалистич. диалектики. В то же время Гегель замалчивал или искажал материалистич. учения. «Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени), — писал Ленин, — превозносит и жует мистику — идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм» (Соч., т. 38, с. 277). В силу националистич. предрассудков он приписывал философию народов Востока. Стремясь подогнать системы философии под категорию своей идеалистич. логики, Гегель часто нарушал хронологию. Однако в идеалистически извращенной форме философ впервые правильно ставил вопрос об И. ф. как закономерном процессе, к-рый представлялся ему в виде поступат. развития по кругам. Эту идею Гегеля неоднократно отмечал Ленин (см. там же, с. 243, 360). Маркс писал, что Гегель «...впервые охватил историю философии в целом...» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Избр. письма, 1953, с. 97—98), а Энгельс называл гегелевские лекции по истории философии «...одним из гениальнейших произведений» (там же, с. 442).

Для подготовки материалистич. взгляда на И. ф. много сделал Фейербах, хотя его труды по И. ф. («История новой философии от Бэкона до Спинозы», «Лейбниц», «П. Бэйль») были им написаны тогда, когда он находился еще под сильным влиянием Гегеля и стоял на идеалистич. позициях. Рассматривая филос. взгляды Бэкона, Гоббса, Декарта и Спинозы, Фейербах показывал, как философия постепенно эмансипировалась от теологии. Именно этот угол зрения сообщал его труду цельность и дал философу возможность рассмотреть историко-филос. процесс как закономерное движение. Лейбница Фейербах подвергал резкой критике именно за то, что благодаря ему философия «попала опять под башмак теологии». Велики заслуги Фейербаха в анализе истории развития нем. идеализма. Начиная с работы «К критике гегелевской философии» (где он выступал уже как материалист) Фейербах проследживает эволюцию нем. философии (Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель). Он вскрывал гносеологич. корни нем. идеализма, указывал на тесную связь между идеа-

лизмом и теологией. Гегелевскую философию Фейербах называл «рациональной теологией». Критика Фейербахом нем. идеализма, несмотря на то, что он не видел в нем, идеализме рационального зерна — диалектики, имела важное значение для победы материализма в философии.

Ц. Арзаканьян, М. Овсянников. Москва.

В России первоначально историко-филос. работы создавались на основе переводов и обработки соч. зап.-европ. авторов. В 1785 в Москве была издана «Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен» (сокр. пер. с франц. характеризованной выше «Истории философии» Бруккера, сделан С. В. Колокольниковым).

В «Истории философских систем, по иностранным руководствам составленной...» (кн. 1—2, 1818—19) Галича, в его «Опыте философского словаря» (1845) и «Лексиконе философских предметов» (1845) содержался более систематизированный взгляд на историко-филос. процесс. Хотя Галич при составлении «Истории философских систем» опирался на работы Сохера и Аста, однако он не следовал им слепо. Он, в частности, отбрасывал «тусклое зеркало кантианства», через к-рое смотрел на И. ф. Сохер. Галич дал изложение новейших филос. систем и критически отнесся к источникам. Он считал, что при изложении И. ф. руководить исследователем должна «чистая любовь к истине». В объяснении возникновения и развития филос. систем для Галича характерна в общем т. зр. объективного идеализма. Он выступал против материализма, считая, что филос. системы возникают из внутренние необходимых условий познават. силы, а также из случайных образований души и сердца. Рассматривая факторы историч. развития философии, Галич придавал значение влиянию духа времени, традиц. представлений, господствующих наклонностей языка, веры и гражд. устройства; он отмечал влияние на философию естеств. факторов — климата, образа жизни народа.

В опубликованном в 1837 «Очерке истории философии по Рейнгольду», сделанном Ф. Надеждиным, составитель в основном следовал трехтомной И. ф. К. Л. Рейнгольда. Составитель стремился показать образование философии и необходимое следование одной системы после другой, их направление. При этом Надеждин сделал только намеки на недостатки важнейших новых систем.

С позиций христ. религии написана «История философии» (ч. 1—6, 1837—40, 2 изд., 1839—40) архимандрита *Гавриила* (Воскресенского). Гавриил ставил своей целью доказать, что изучение филос. систем не может привести к атеистич. выводам, что скорее, наоборот, оно должно углублять и укреплять религ. верования.

С прямо противоположных позиций проблемы И. ф. рассматривались рус. революционерами-демократами. В работе Герцена «Письма об изучении природы» и др. его произведениях дано изложение И. ф., к-рое, по мысли автора, должно было раскрыть процесс формирования филос. мировоззрения, неразрывно связанного с наукой и жизнью. Анализируя борьбу рационализма и эмпиризма, классицизма и романтизма, Герцен рассматривал историко-филос. процесс как проникнутый борьбой определ. направлений, в ходе к-рой в конечном счете должна родиться истина. И. ф. выступала для Герцена как живая история поисков истинного мировоззрения. Самая история филос. мысли должна включаться в логику нового мирозерпания. Герцен возражал против взгляда на изучение И. ф. как на приобретение пустого многознания. Он видел в изучении философии средство решения важнейших проблем философии и естествознания, науки и практики.

Важные историко-филос. проблемы были поставлены в произведениях Чернышевского, особенно в «Очерках гоголевского периода русской литературы» и «Антропологическом принципе в философии». Анализируя историю русской эстетич. мысли, Чернышевский обосновывал мысль о необходимости связи лит-ры и философии с жизнью народа, с решением важнейших социальных проблем. Чернышевский вплотную подошел к пониманию партийности философии. В работе «Антропологический принцип в философии» содержится указания на связь филос. идей с борьбой социальных групп. «Политические теории», — писал Чернышевский, — да и всякие вообще философские учения, создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, которому принадлежал философ» (Полн. собр. соч., т. 7, 1950, с. 223).

Однако все эти верные положения революционеров-демократов относительно сущности историко-филос. процесса не образовывали еще И. ф., так как не вытекали из материалистич. понимания истории.

Л. Скворцов. Москва.

II. Марксистско-ленинская история философии.

С возникновением марксизма изучение И. ф. было поставлено на науч. почву. Марксистская диалектика и материалистич. понимание истории оказались тем ключом, с помощью к-рого, наконец, можно было научно объяснить процесс развития философии, смены одних филос. направлений другими. Осн. принципы науч. исследования И. ф. были сформулированы Марксом и Энгельсом в их трудах «Немецкая идеология», «Святое семейство», в тезисах Маркса о Фейербахе и в его произведениях «Нищета философии» и «К критике политической экономии», в работах Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», в письмах об историч. материализме и др. Марксистские науч. принципы И. ф. были разработаны и развиты Лениным в работах «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Материализм и эмпириокритицизм», «Три источника и три составных части марксизма», «Философские тетради», «О значении воинствующего материализма» и мн. др. Большую роль в марксистской разработке проблем И. ф. сыграли труды Плеханова («Очерки по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.).

И. ф. как наука изучает развитие филос. мысли на различных этапах развития общества, прежде всего историю зарождения, формирования, развития осн. филос. направлений — материализма и идеализма, их взаимной борьбы. Вместе с тем предмет И. ф. включает в себя историю зарождения, формирования и развития двух противоположных методов познания действительности — диалектики и метафизики.

Марксизм-ленинизм доказывает, что процесс развития философии не может быть понят только как самодвижение духа, проходящего фазы своего определения, ибо развитие философии не является процессом, изолированным от обществ. движения в целом. Философия представляет собой одну из форм обществ. сознания, в силу чего для установления законов ее развития необходимо определить отношение философии к др. формам обществ. сознания, к др. сторонам жизни общества и прежде всего к его экономич. базису. Маркс, Энгельс, Ленин доказывали, что философия является одной из идеол. форм. В силу этого к философии имеют прямое отношение закономерности развития надстройки. Философия, как и

др. элементы надстройки, претерпевает существ. изменения в зависимости от смены обществ.-экономич. формаций. Возникновение нового способа произ-ва, появление новых классов, своеобразие их обществ. положения и их борьба между собой неизбежно сопровождалась изменением образа мысли, психологии людей. Образ мысли господств. класса становился господствующим в обществе и закреплялся в форме филос. концепций. В конечном счете развитие философии определяется развитием экономики общества, обусловленной развитием его производит. сил. Критикуя идеалистич. подход к анализу развития философии, Энгельс писал, что «...философов толкала вперед отнюдь не одна только сила чистого мышления, как они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 285). Исходя из принципов диалектич. и историч. материализма, марксистская И. ф. выделяет следующие осн. периоды в развитии философии, определяемые в конечном счете сменой способов производства: 1) философия в рабовладельч. обществе, 2) философия в феод. обществе, 3) философия в эпоху перехода от феодализма к капитализму, 4) философия в эпоху утверждения капитализма до возникновения пролет. революц. движений, 5) философия в эпоху домонополистич. капитализма, 6) философия в эпоху империализма до Великой Октябрьской социалистической революции, 7) философия в эпоху революц. перехода от капитализма к социализму, борьбы двух противоположных обществ. систем, социалистич. и нац.-освободит. революций, крушения империализма, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

Установление связи развития философии с развитием общества позволило выделить в многочисл. филос. направлениях и системах главные, определяющие потоки филос. движения. Энгельс отмечал, что осн. лагерями в области философии являются материализм и идеализм. Теоретич. критерием разделения философов на два лагеря является решение ими *основного вопроса философии*. Но решение этого вопроса обусловлено не только гносеологич., но и социально-политич. мотивами, определяющими зависимость мировоззрения философов от интересов и идеологии тех или иных классов и обществ. групп. Философы — идеологи передовых классов, заинтересованные в преобразовании обществ. отношений, в развитии производит. сил, культуры, науч. знания и стремящиеся поэтому к объективному исследованию действительности, как правило, выступают против различных форм религ. идеологии и связанной с ней идеалистич. философии, скрывающих науч. мышление и революц. борьбу.

Выделение осн. водораздела филос. борьбы между материализмом и идеализмом, обусловленное в конечном счете борьбой обществ. классов, не означает, что из интересов классов можно вывести все особенности и оттенки филос. концепций. Ленин подверг острой и глубокой критике *вульгарный социологизм* Богданова и Шулятикова, усматривающих в каждой филос. категории скрытый своекорыстный интерес того или иного класса; против вульгаризаторских концепций Богданова и Шулятикова выступал также Плеханов. Марксизм-ленинизм считает, что экономич. развитие и борьба классов определяют общее направление борьбы партий в философии. Конкретное же содержание той или иной филос. системы нередко зависит от уровня развития естествознания, политич., правовых, религ., эстетич. взглядов общества. Кроме того, философия опирается на свою собств. историю. В письме к К. Шмидту Энгельс писал: «...Как особая область разделения труда, философия каждой эпохи распо-

лагает в качестве предисылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, с. 430). Все эти факторы, вместе взятые, определяют относит. самостоятельность развития философии. Изменения, происходящие в области экономики и классовой борьбы, не всегда получают прямое, непосредств. отображение в философии. Они опосредуются рядом факторов, в т.ч. и развитием философии за предшествующий период, что иногда может породить иллюзию о полной самостоятельности философии. В действительности такой полной самостоятельности не существует. Хотя философы отправляются от учений своих предшественников, характер отношения к ним определяется социальными условиями: одни филос. концепции подвергаются отрицанию и критике, другие, напротив, ассимилируются и перерабатываются, модернизируются и т.п. Взятый в целом, процесс развития философии представляет собой взаимосвязанный единый историч. процесс. Анализ взаимосвязей, преемственности между филос. системами выявляет специфич. закономерности развития философии.

Ленин подчеркивал, что И. ф. является выражением истории человек. познания вообще. Отмечая гегелевское сравнение И. ф. с кругом, Ленин писал: «Очень глубокое верное сравнение!! Каждый оттенок мысли = круг на великом круге (спирали) развития человеческого мысли вообще» (Соч., т. 38, с. 243). В смене филос. систем, в выделении новых категорий Ленин видел процесс все более глубокого отображения человеком объективного мира. В силу этого Ленин подчеркивал всю сложность оценки роли и значения той или иной филос. системы в И. ф. Критикуя и отвергая идеализм как дорогу к поповщине, подчеркивая плодотворность и научность материализма, Ленин вместе с тем отмечал, что идеалистич. филос. системы, отображая, хотя и в ненауч. форме, те или иные стороны объективной реальности, могут заключать в себе «рациональнее зерно». Поэтому, оценивая социальную роль той или иной филос. концепции, наука вместе с тем должна определить ее познават. значение, ее место в движении человек. познания. Так, напр., в филос. системах Аристотеля и Гегеля, в целом идеалистических, немало ценных догадок и открытий, особенно в области логики. Этим и объясняются те высокие оценки, к-рые классики марксизма-ленинизма давали филос. учениям Аристотеля и Гегеля. Энгельс и Ленин отмечали, что Аристотелю принадлежат большая заслуга в разработке проблем методологии и логики. Особое значение классики марксизма придавали диалектич. методу Гегеля, к-рый создал предпосылки для разрушения метафизики в философии и приготовления марксовской диалектики. На этой почве и возникает известная преемственность между материализмом и рационал. моментами нек-рых идеалистич. филос. учений, получающая свое выражение в борьбе между диалектикой и метафизикой.

Процесс преемственности филос. идей в целом определяется двумя осн. моментами: местом, к-рое занимают те или иные филос. концепции в социально-политич. и идеологич. борьбе, во-первых, и их познават. ценностью — во-вторых. В реальном историч. филос. процессе оба эти момента сливаются; даже консервативные идеалистич. филос. учения в ряде случаев могли быть и становились филос. мировоззрением революц. мыслителей, учения к-рых могли содержать и подчас содержали в себе идеалистич. или даже религ. элементы. Бывали в И. ф. факты, когда представители филос. материализма выступали в обществ.-политич. области как сторонники консервативных взглядов. В конечном же счете доминирующим, преобладающим в И. ф. является совпадение

важнейших выводов и положений материализма с интересами передовых революц. классов и социальных групп, а многих положений и выводов идеализма, смыкающихся с религией, — с интересами консервативных или даже реакц. классов и социальных групп, что является выражением зависимости философии от социально-историч. условий борьбы классов и политич. жизни общества. В И. ф. всегда шла борьба двух линий: материалистической и идеалистической. Ленин отмечал, что уже в др.-греч. философии выделились две основные линии в философии — линия Демокрита и линия Платона. Они продолжают играть определяющую роль вплоть до наст. времени.

В противоположность идеалистич. И. ф., третирующей материализм и превозносящей идеализм и религию, марксистско-ленинская И. ф. дает объективное изображение историко-филос. процесса, подчеркивая в соответствии с историч. правдой огромное положительное значение материалистич. традиции в философии, способствовавшей прогрессивному развитию общества и наук.

И. ф. выражает собой поступат. характер развития человек. мысли, несмотря на то, что в определ. периоды реакц. классы пытаются возродить традиции антинауч., религ. философии, требуют возврата к принципам уже преодоленной ходом истории и познания философии. Особенно модными лозунги возврата к старым филос. концепциям стали в эпоху империализма, к-рый означает, по выражению Ленина, реакцию по всем линиям. В этот период идеологи господств. классов стали тяготеть к худшим сторонам философии Канта и Гегеля, более того активно возрождать реакционнейшие течения ср.-век. идеалистич. философии (*неотомизм* и др.). Однако такого рода понятие движение в философии не отрицает общей линии ее поступат. движения, к-рое определяется в конечном счете развитием производит. сил и конкретных наук, хотя между их развитием и развитием философии нет автоматич. соответствия, исключающего некие отклонения, обусловленные наличием консервативн. и реакц. классов в жизни общества, относит. самостоятельностью развития философии. Ленин, анализируя спиралевидный характер развития философии, считал, что философия в конечном счете «возвращается» к материализму, но на новой основе, преодолевая слабости прежнего материализма, антинаучность идеализма, перерабатывая все его рационал. моменты, и т. п. В итоге в высшей точке развития философии на данном историч. этапе диалектич. материализм выступает как более развитое, материалистич. учение, но отношению к к-рому предшествующие системы выступают как односторонние и более бедные по содержанию. Материалистич. философия в своем развитии прошла ряд историч. этапов, характеризующих распространением следующих осн. видов материализма: 1) первоначальный, наивный материализм древних мыслителей, отличавшийся стихийно-диалектич. подходом к явлениям мира, 2) метафизический в основном материализм мыслителей 16—18 вв. и 1-й пол. 19 в. (осн. струя этого материализма шла в механистич. направлении, другая же была связана с т. н. «органическим» направлением), 3) материализм революц. демократии 19 в., вплотную подходивший к диалектич. материализму, 4) диалектич. материализм — новая, высшая и науч. форма материализма, принципиально отличающаяся от всех его предшествующих видов.

Диалектич. метод прошел в своем развитии следующие осн. этапы: 1) наивная диалектика древних мыслителей, 2) идеалистич. диалектика нем. классич. философии, 3) диалектика революционеро-демократов 19 в., 4) марксистско-ленинская, материалистич. диалектика — новая, коренным образом отличающаяся от предшеств. форм диалектики.

Каждый из этих этапов истории материализма и диалектики был шагом вперед по сравнению с предшествующими этапами. Диалектич. материализм — не только более богатое по сравнению с предшествующими видами материализма филос. учение, т. к. он дает материалистич. объяснение обществ.-историч. процесса; возникновение диалектич. материализма знаменует собой коренной перелом, революцию в философии, превращение философии в подлинную науку, предметом к-рой являются наиболее общие законы развития природы, общества и мышления, науку, постоянно развивающуюся на основе обобщения новых явлений в жизни общества и новейших открытий естествознания.

Ленин, подходя к различным совр. филос. направлениям, всегда требовал оценивать их с т. зр. диалектич. материализма — наиболее развитого и науч. филос. учения. В своем труде «Материализм и эмпириокритицизм», особенно в заключении к книге, Ленин обосновал важнейшие принципы, с т. зр. к-рых марксист должен подходить к эмпириокритицизму или к.-л. другому течению совр. бурж. философии. Эти принципы требуют: 1) сравнения теоретич. осн. совр. бурж. философии с диалектич. материализмом, 2) определения места данной филос. школы среди других совр. филос. школ, 3) анализа связи данной филос. школы со школами новейшего естествознания, 4) прослеживания по всей линии гносеологич. вопросов борьбы партий в философии, выражающей в последнем счете тенденции и идеологию враждебных классов совр. общества (см. Соч., т. 14, с. 342—43). Подход к совр. течениям филос. мысли с т. зр. этих историко-филос. принципов марксизма-ленинизма дает возможность определить то место, к-рое занимает то или иное филос. учение в развитии философии.

Маркс и Энгельс выработали, а Ленин и Ленинцы развили принцип партийности в И. ф. Принцип партийности философии предполагает, что борьба филос. идей рассматривается как отражение борьбы классов. Марксистская И. ф. открыто и последовательно выступает с критикой идеалистич. философии, защищая материалистич. традиции. Ленин, критикуя различные формы идеалистич. философии, пропагандируемой офици. представителями бурж. «науки», писал, что «...профессора философии — ученые приказчики теологов» (там же, с. 328). Он призывал последовательно проводить в жизнь принцип партийности в философии, отмечая как ненауч. вздор попытки встать «выше» борьбы партий в философии, «преодолеть» их «крайности» и т. д. «Реалисты» и т. п., — писал Ленин, — а в том числе и «позитивисты», махисты и т. д., все это — жалкая каша, презренная партия середины в философии, путающая на каждом отдельном вопросе материалистическое и идеалистическое направление» (там же, с. 325). Принцип партийности означает, т. о., науч. анализ всей предшеств. философии, критическую ее переработку при удержании всего ценного (диалектич. отрицание). Партийность философии предполагает, что развитие философии является выражением поступат. движения человек. познания в силу того, что оно связано с развитием естествознания и обществ. наук, а также и внутр. логикой процесса познания. Поэтому, выделяя осн. периоды развития философии, марксистско-ленинская историко-филос. наука внутри этих периодов выясняет зависимость развития философии от открытий в области естеств. наук, обществ. наук и предшествующих достижений самой философии.

Так, характеризуя теоретич. и естеств.-науч. предпосылки возникновения марксизма, Ленин отмечал три теоретич. источника марксизма — англ. политич. экономию, франц. утопич. социализм и нем. классич. философию. Энгельс устанавливал прямую связь

между возникновением диалектич. материализма и естеств.-науч. достижениями — открытием закона сохранения и превращения энергии, клеточного строения живых существ, теорией Дарвина.

Марксистско-ленинская историко-филос. наука не ограничивается рассмотрением этих общих предпосылок развития философии. Она исследует также процесс преломления этих общих закономерностей развития философии через призму нац. традиций и индивидуальности философа, создателя той или иной филос. системы. Каждый философ развивается на определенной нац. почве, имеет индивидуальные особенности в своем филос. творчестве, к-рые нельзя игнорировать, — он может близко стоять к политике, борьбе своего времени и не иметь непосредств. связи с развитием естествознания (как, напр., *Макиавелли*) или, наоборот, акцентировать внимание на естеств.-науч. открытиях (напр., *Галилей*).

Все это означает, что историко-филос. процесс является очень сложным по своей структуре: в конечном счете он отражает развитие произ-ва и борьбы классов; выражает прогресс в развитии человек. познания; тесно связан с развитием науки и др. форм обществ. сознания, испытывает на себе влияние нац. традиций в развитии филос. мысли и достижений филос. мысли в др. странах, взаимных связей между филос. учениями различных стран; в известной мере несет на себе отпечаток индивидуальности философов, их места в жизни общества, их участия в социально-политич. борьбе, в развитии науки, иск-ва и т. д. В реальном историко-филос. процессе эти мысленно выделенные «слои» оказываются слитыми воедино, «сплавленными» т. о., что науч. исследование И. ф. возможно лишь с методологич. позиций материалистич. диалектики, чуждой какого-либо шаблона, схематизма и в то же время способной выявить общие закономерности развития философии, проглядывающие свой путь через индивидуальные особенности творчества отдельных философов. Диалектич. и историч. материализм дает возможность, исходя из понимания законов развития общества, понять и законы развития философии, сложность и противоречивость ее движения, схватить историко-филос. процесс во всех его связях и опосредованиях, выделить в нем гл. линии, определить тенденции развития филос. мысли человечества.

Марксистско-ленинская науч. концепция И. ф. послужила теоретич. основой науч. исследований в различных областях историко-филос. науки, в особенности после победы Октябрьской революции, когда диалектич. и историч. материализм стал господствующим мировоззрением в СССР и завоевал прочные идейные позиции в междунар. коммунистич. движении.

Сов. философы-марксисты в разработке проблем И. ф. исходят из сформулированных Лениным в работе «О значении воинствующего материализма» задач филос. науки. Сов. историки философии вели борьбу с игилистич. отношением к И. ф. со стороны Богданова, пролеткультовцев, механистов и др., с ошибками, шедшими по линии меньшевистского идеализма (в частности, отрыв теории от практики, недооценка ленинского этапа в марксистской философии, недостаточное подчеркивание революц. переворота в философии, сближение марксизма с гегелевской идеалистич. диалектикой и фейербаховским материализмом и т. д.). Сов. марксисты обратили особое внимание на исследование материалистич. и диалектич. традиций филос. мысли. Была проделана большая работа по подготовке к изданию собр. соч. Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова. После Октябрьской революции впервые увидели свет «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса, «Диалектика природы» Энгельса, «Экономическо-философские рукописи»

Маркса и др. В «Ленинских сборниках» были опубликованы «Философские тетради» Ленина, а в журнале «Под знаменем марксизма» — его замечания на книгу Шулятикова и др. его ранее не публиковавшиеся работы. Издание этих работ, имеющих огромное методологич. значение для исследования историко-филос. процесса, дало толчок для углубленной разработки марксистской И. ф.

В центре внимания сов. историко-филос. науки стояли изучение и правильное освещение истории марксистско-ленинской философии. Во 2-й пол. 20-х и в 30-х гг. они были непосредственно связаны с борьбой против троцкистских и правооппортунистич. взглядов, фальсифицировавших марксистское учение и принижавших роль ленинизма. Коммунистич. партия Советского Союза, ее ЦК отстаивали ленинизм и раскрыли великое значение ленинского этапа в развитии марксизма, в т. ч. в философии. Сов. философы-марксисты (см. сборник «За поворот на философском фронте», 1931, работы Адоратского, Ярославского, Митина, Юдина, Федосеева, Константинова, Камари, Горохова, Познера, Чагина и др.) показали, что труды Ленина составляют новый, высший этап в развитии марксистской философии, к-рый отражает коренные изменения, происшедшие в обществ. жизни и развитии естеств. наук в конце 19 — нач. 20 вв.

В 40—50-х и нач. 60-х гг. вышел ряд книг, посвященных исследованию филос. наследия Маркса и Энгельса (книги Ильичева, Ойзермана, Пажитнова, Серебрякова, Розенталя, К. М. Фролова и др.). Проведены исследования и опубликованы книги о филос. наследии Ленина (Васецкого, Окулова, Омельяновского, Скворцова, Суворова, Чагина, Шахновича, М. Г. Шестакова и др.), коллективные работы о ленинских трудах «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и т. д. Изданы «Избранные философские произведения» Плеханова (т. 1—5, 1956—1958) и выпускается его «Литературное наследие» (сб. 1—8, 1934—40); появились исследования филос. взглядов Плеханова (книги Фоминой, Митина, Иовчука, М. Сидорова и др.). Исследуются филос. труды соратников Маркса, Энгельса и Ленина (работы Гагарина о Меринге, Момджяна о Лафарге, Волковой о Диггене, книги Агаджянина и Калтахчяна о С. Шаумяне и др.).

Сов. ученые, придавая огромное значение исследованию истории мировой культуры, в т. ч. и И. ф., перевели на рус. яз. и дали марксистскую оценку филос. соч. Демокрита, Эпикура, Аристотеля, Бэкона, Гоббса, Декарта, Гассенди, Спинозы, Лейбница, Вольтера, Монтескье, Кондорсе, Дидро, Гольбаха, Гельвеция, Робинса, Кондильяка, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха и др. философов. В серии «Предшественники научного социализма» (1947—61) под ред. Волгина были переведены на рус. яз. произведения социалистов-утопистов: Мора, Кампанеллы, Мелье, Морелли, Сен-Симона, Оуэна, Фурье, Дезамы и др.

Были созданы марксистские исследования, посвященные истории антич. философии и ср.-век. философии Запада (книги Александрова, Ахманова, Дыникова, Маковельского, Сережинкова, Трахтенберга, Чернышева и др.), И. ф. нового времени (книги Асмуса, Бакрадзе, Быховского, Деборина, Луннола, Момджяна, Овсянникова, Ситковского и др.), истории социологич. учений и утонич. социализма (работы Александрова, Волгина, Деборина, Сливкера и др.).

В тот период, когда бурж. историко-филос. мысль все более отходила от идей прогресса и оптимизма, пытаясь интерпретировать филос. мысль прошлого с позиций поверхностного психологизма или религ. философии, сов. историки философии раскрывали огромное социальное значение для своего времени

основных филос. концепций прошлого, отстаивая позиции *историзма* и вместе с тем раскрывая роль филос. традиций в совр. борьбе идей.

Со 2-й пол. 30-х — нач. 40-х гг. развернулась работа по марксистскому исследованию И. ф. рус. народа и др. народов СССР. В серии «Классики русской философии» (с 1938) были изданы и оценены с позиций марксистской философии избр. филос. соч. Ломоносова, Радищева, рус. просветителей 18 в., Герцена, Огарева, Белинского, Чернышевского, Писарева, Алтновича, Сеченова и др. Были проведены исследования и опубликованы работы, раскрывающие солидную материалистич. традицию в рус. философии и науке (книги Вавилова, Иончука и Васецкого, Кружкова, М. Григорьяна, Каганова, Маслина, Платонова, Розенталя, Смирновой, Стенанова, Щипанова, Чеснокова, Яковлева и др.). Создаются коллективные работы, прослеживающие историю философии в России в 18—19 вв., — «О классической русской философии» (1945), «Из истории русской философии XVII—XIX вв.» (1952) и др.

Сов. ученые наряду с освещением истории рус. философии провели работу по исследованию истории философии и популяризации лучших традиций филос. мысли др. народов СССР. Созданы работы о мировоззрении укр. мыслителей (книги Брагинца, Я. Дмитерко, Головахи, Назаренко, Новикова, Остринина и др.), белорус. мыслителей (книги Луцицкого, Алексютовича, Смирнова и др.), о филос. взглядах азерб. мыслителей (книги Гусейнова, Закуева, Касумова, Мамедова и др.), по истории арм. философии (книги Габриэляна, Чалояна и др.), груз. философии (книги Нуцубидзе, Хидашели, Авалиани, Кукава и др.), мыслителей Казахстана (работы Джандильдина, Бейсембиева и др.), Узбекистана (книги Муминова и др.), Таджикистана (работы Богоутдинова, Морочника и др.), Киргизии (работы Алтмышбаева), Туркмении (работы Кулиева, Чарыева и др.), Молдавии (работы Ермуратского, Ковчегова и др.), Латвии (работы Валескална, Самсона, Штернберга и др.), Эстонии (работы Наана и др.), Литвы (работы Жюгжда и др.) и др. республик.

На основе проведенной исследовательской работы по истории отечеств. философии в 1955—56 создан обобщающий труд «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (т. 1—2). Исследования по истории филос. мысли народов СССР позволили раскрыть историч. значение материалистич. традиции в России, освободить ее от бурж. фальсификаций, подвергнуть критике попытки представить религ. мировоззрение в качестве адекватного выражения так называемой «русской души» и т. д.

Серьезное внимание сов. историки философии уделяют изучению развития филос. мысли в странах Востока — Китае, Индии, Японии, Иране и др. (работы Александра, Копрادا, Маковельского, Францева, С. Григорьяна, Петрова, Радоль-Затуловского, Сенина, Ян Хин-Шуна и др.). Сов. историками философии были подвергнуты критике европоцентристская концепция И. ф., концепция об извечной «противоположности» т. н. «западного» и т. н. «восточного» мышления.

Сов. философы выступили с критикой осп. направлений бурж. философии и социологии (книги Бакрадзе, Быховского, Баскина, Бругяна, Гагарина, Ю. Семенова, Нарского, Копа, Курсанова, Ю. Мельвила, Ойзермана, С. Попова, Модрижской, коллективный труд под ред. Францева «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии», 1960, и др.), были подвергнуты критике также совр. бурж. фальсификации истории русской и марксистско-ленинской философии.

В результате исследовательской работы философов-марксистов СССР и зарубежных стран были созданы предпосылки для марксистского освещения всемирной И. ф. Первая серьезная попытка создания истории всемирной философии была предпринята в начале 40-х гг., когда вышли 1-й и 2-й тома «Истории философии», подготовленные Ин-том философии АН СССР. 3-й том этой книги вышел в свет в 1943 и подвергся в 1944 критике за одностороннюю характеристику нем. идеалистич. философии конца 18 — нач. 20 вв., за отсутствие глубокой критики ее консервативных сторон и сближение пролетарского мировоззрения — марксистской диалектики — с бурж. мировоззрением (философия Гегеля).

В 1945 вышла работа Г. Александрова «История западно-европейской философии» (2 изд., 1946). В июле 1947 по инициативе ЦК КПСС была проведена филос. дискуссия по этой книге. В ходе этой дискуссии было показано, что в сов. историко-филос. науке не преодолены до конца элементы объективизма, проявившиеся в этой работе, допускалась недооценка того революц. переворота, к-рый был совершен в философии созданием диалектич. и историч. материализма; в историко-филос. науке имелись непреодоленные элементы европоцентризма и недооценки того вклада, к-рый был внесен в мировую филос. мысль рус. народом, др. народами СССР, народами Востока и стран Вост. и Ю.-В. Европы. Однако коренного изменения в состоянии филос. науки, включая и И. ф., филос. дискуссия 1947 в условиях культа личности Сталина произвести не могла. Культ личности Сталина, оказавший отрицат. влияние на филос. науку СССР в 30—40-х и нач. 50-х гг., проявился в И. ф. в том, что возлечение популярных и нередко содержавших ошибки работ Сталина, к-рые изображались как «вершина марксистской философской мысли, вело к принижению значения работ Маркса, Энгельса, Ленина. Сталин неверно оценил ряд правильных положений работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», недооценивал значение ленинского труда «Философские тетради», внес путаницу в оценку филос. наследия, в частности наследия нем. классич. философии, неправильно определил ее как аристократич. реакцию на франц. материализм, и т. д. Культ личности затруднял творч. науч. работу в области И. ф., порождал элементы догматизма. Решения XX и XXII съездов партии, преодоление КПСС культа личности и его последствий дали простор для науч. исследований во всех областях философской, в т. ч. и историко-филос., науки.

С 1957 выходит новый коллективный труд «История философии» (в 6 тт.), подготовленный Ин-том философии АН СССР при участии философов всех союзных республик СССР, ряда социалистич. и нек-рых капиталистич. стран. Опираясь на марксистско-ленинские методологич. принципы, авторы дают науч. анализ всемирной И. ф., раскрывают развитие филос. мысли человечества от древности до наших дней в тесной связи со сменой способов произ-ва, борьбой классов в обществе, развитием наук и др. форм обществ. сознания. В 1960 вышел «Краткий очерк истории философии». Опубликован ряд новых монографий по истории марксистско-ленинской философии, истории русской и всемирной философии.

Марксистско-ленинская методология положена в основу науч. исследований И. ф. марксистами зарубежных стран. После второй мировой войны историко-филос. исследования, исходящие из марксистско-ленинских методологических принципов, ведутся в Болгарии (работы Т. Павлова, Гановского, Грозева, М. Димитрова, Караколова и др.), в ГДР (книги Гроппа, Клауса, Лея, Менде, Шлейфштейна и др.), в Китае Го Мо-жо, Хоу Вай-лу и др.),

в Румынии (работы Жюжа, Гуляна, Бану и др.), в Чехословакии (работы Боднара, Кольмана, Косика, Понеловой-Отагаловой и др.) и других социалистич. странах, в Италии (работы Тольятти, Синиелла, Луцорини и др.), во Франции (работы Гароди, Дезанги, Корню и др.), в Англии (работы Бернала, Корифорта и др.), в США (работы Уэллса, Селзама и др.) и др. капиталистич. странах.

Историки философии — марксисты зарубежных стран разрабатывают проблемы И. ф., разоблачают фальсификации марксистской философии Веттером, Гальвезом, Шамбром и др. В период после второй мировой войны ведется активная борьба за утверждение прогрессивной филос. традиции итал. Возрождения, франц. Просвещения и т. д., против попыток возродить схоластич. философию, иррационализм и мистик. Философы-марксисты выступили против попыток Блоха в ГДР, Лукача в Венгрии, Лефевра во Франции ревизовать историко-филос. концепцию марксизма, «переформулировать» осн. вопрос философии, отбросить принцип партийности, признать значение материалистич. традиций.

III. Буржуазные историко-философские концепции 2-й пол. 19—20 вв.

Бурж. философия в 19—20 вв. не утратила интереса к историко-филос. проблематике, однако в бурж. историко-филос. концепциях этого периода ярко проявились тенденции к антинауч. интерпретации историко-филос. процесса. Уже в 1-й пол. 19 в. появляются исследования, к-рые характеризуются синкретизмом, попытками эклектически соединить в одной филос. системе отд. стороны воззрений предшественников (*Кузен*). С др. стороны, подвергается критике гегелевская историко-филос. концепция, особенно идея единства И. ф. и философии как науки (*Целлер* — Ed. Zeller, *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*, Tl 2, 5 Aufl., S. 9—11; в рус. пер. имеется «Очерк истории греч. философии», М., 1913; А. Швеплер, *История философии*, М., 1864, с. 1—5).

Особый интерес к И. ф. возник во 2-й пол. 19 — нач. 20 вв. Это объяснялось рядом причин. Значит. усиление влияния материалистич. философии в сер. 19 в. породило идеалистич. реакцию на материализм, стремление, свойственное, напр., Ф. Ланге («*Geschichte des Materialismus...*», 1866, в рус. пер.: «История материализма...», т. 1—2, [1899]—1900), с помощью И. ф. доказать «несостоятельность» материализма как филос. теории. Бурж. философы все чаще обращаются к И. ф. Историко-филос. исследования выходят за традиц. рамки И. ф. в Зап. Европе. Делаются попытки создания общей И. ф., включающей в себя филос. учения Древнего Востока. Проводятся работы по переводу и критич. исследованию текстов др.-греч. философов (работы *Дильса*), издаются работы Лукреция (К. Лахман, 1871), организуется издание работ классиков философии (Кирхманн, «*Philosophische Bibliothek...*», П. 1—319, 1868—86). С 1896 выходит серия монографий о выдающихся мыслителях — Гоббсе, Руссо, Канте, Аристотеле, Платоне, Гёте, Фейербахе, Декарте, Лессинге и др. философах. Сосредоточение внимания на эмпирич. материале используется порой для освобождения И. ф. от теории, от науч. объяснения историко-филос. процесса. В лучшем широком распространении и дополнявшемся несколько раз «Очерке истории философии» *Ибервега* («*Grundriss der Geschichte der Philosophie...*», Tl 1—3, 1862—66; в рус. пер.: «История новой философии в сжатом очерке», вып. 1—2, 2 изд., 1898—1899) выражена эта эмпирич. крайность, приводящая к поверхностной фиксации фактов И. ф., превращение И. ф. в «хронику». Вместе с тем во 2-й пол. 19—

нач. 20 вв. зарождаются и оформляются под влиянием различных направлений совр. бурж. философии новые историко-филос. концепции, и И. ф. рассматривается как дополнит. средство решения тех или иных проблем философии. К этому побуждает, в частности, начавшаяся революция в области естествознания. Возникают работы, посвященные изучению истории таких филос. понятий, как причинность, бесконечность, пространство, время; космологич. представлений — работы Э. Кёнига («*Die Entwicklung des Causalproblems von Cartesius bis Kant*», 1888—90), И. Блоха («*Die Entwicklung des Unendlichkeitsbegriffs von Kant bis Cohen*», 1907), П. Дюрема («*Le système du monde; histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic*», v. 1—5, 1913—17), Ф. Энрике («*Causalité et déterminisme dans la philosophie et l'histoire des sciences*», 1941) и др.; изучаются проблемы истории теории познания — работы Кассирера («*Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit*», Bd 1—2, 1906—07, и др.), логики — работы К. Праптя («*Geschichte der Logik im Abendlande*», Bd 1—4, 1855—70, и др.), этики — работы Ф. Йодля («*Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie*», Bd 1—2, 1882—89, в рус. пер.: «История этики в новой философии», т. 1—2, 1896—98, и др.), политики — работы Э. Баркера («*Political thought of Plato and Aristotle*», 1906) и т. д. Различные филос. школы каждая по-своему начинают обрабатывать И. ф.

Но И. ф. используется не только как средство для решения проблем философии, но и как средство обоснования тех или иных филос. систем и концепций, к-рые, в свою очередь, становятся теорией для рассмотрения И. ф. С распространением *иррационализма* связано усиление внимания к религ. учениям Востока — работы П. Дёйсена («*Das System des Vedānta...*», 1883), Ольденберга («*Buddha*», 1881; «*Die Religion des Veda*», 1894) и др.

Серьезное влияние на бурж. историко-филос. мысль оказали *позитивизм*, особенно сформулированный Коинтом «закон трех состояний», и представление Спенсера о мысли как приспособлении внутр. отношений (между элементами мозга) к внешним. Под влиянием позитивизма написаны такие работы, как «Прошедшее философии» Е. В. де Роберти (1886), «История мысли» Л. Оболенского (1901), «История философии...» Дж. Льюиса («*A biographical history of philosophy*», v. 1—4, 1845—46, рус. пер. 1865—67), в к-рой была сделана попытка доказать, что философия полностью исчерпала себя и не способна к дальнейшему развитию. Ход развития философии в конце 19 — нач. 20 вв. доказал полную несостоятельность историко-филос. пессимизма, однако нигилизм к предшествующей филос. мысли продолжает жить в бурж. И. ф. до сих пор. Наиболее полно он проявился у сторонников *неопозитивизма*. Так, Франк писал, «что современная наука несовместима с традиционными системами философии» («*Modern Science and its Philosophy*», L., 1949, p. 41). С открытым отвержением философии выступил *Вунгенштейн*, объявивший филос. проблематику не имеющей смысла и сводивший функции философии к прояснению языка науки. Среди сторонников метода лингвистич. анализа науки получила распространение та точка зрения, что традиц. проблемы философии выросли из попыток решить «философские парадоксы», структура к-рых якобы аналогична логич. парадоксам (таким, как известный парадокс «лжец» и др.), в силу чего неопозитивисты утверждают, что центр. место в И. ф. должно занять различие между имеющим смысл и бессмысленным. Это сведение филос. проблем к логич. парадоксам привело к обеднению задач историко-филос. исследования. Подход неопозитивистов к истории философии характеризуется неисторичностью, непониманием условий, породивших те или иные фор-

мы философии. На этой почве рождается представление о философии как цепи ошибок и заблуждений. «История спекулятивной философии», писал *Рейхенбах*, — это история ошибок людей, которые задавали вопросы, не имея возможности на них ответить» («The Rise of Scientific Philosophy», Berk. and Los Ang., 1954, p. 117). С несколькими иными теоретич. позиций эту т. зр. пропагандировал также основоположник феноменологич. философии *Гуссерль*. Гуссерль отвергал всю предшествующую филос. мысль как ненаучную по своему содержанию, исключая отд. попытки подойти к созданию философии как строгой науки (см. «Логос», кн. 1, М., 1911, с. 2). Так вновь оказалась возрожденной точка зрения, преодоленная еще Гегелем, согласно к-рой И. ф. является историей пустых мнений, своеобразным «кладбищем систем».

Большое количество историко-филос. работ во 2-й пол. 19 и в 20 вв. было создано под непосредственным влиянием *неокантианства*, исходящего из признания принципиальной противоположности природы и истории. Для неокантианцев характерно рассмотрение И. ф. через призму кантианства. Так, *Наморн* изложение платоновского учения об идеях сделал средством апологетики неокантианства. Аналогичным образом *Виндельбанд* всю историю философии нового времени рассматривал относительно системы Канта («Die Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange...», Bd 1—2, 1878—80; в рус. пер.: «История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками», т. 1—2, 1902—05). В 90-е гг. Виндельбанд создал новый вариант истории философии, к-рая написана по проблемам («Geschichte der Philosophie», 1890, в рус. пер.: «История философии», 1898). В этой работе по существу нет монистич. теории развития философии. Виндельбанд пошел по пути эклектич. комбинирования телеологич., прагматич., культурно-историч. методов и применения к предшествующим филос. концепциям метода имманентной критики. Методологич. эклектицизм вырастает неизбежно из отрицания закономерного характера развития философии. Под влиянием Виндельбанда находился ряд бурж. историков философии (см. G. Voas, *Dominant themes of modern philosophy...*, [1957]; E. Frank, *Wissen, Wollen, Glauben...*, [1955]). Однако концепция неокантианства вызвала возражения даже со стороны нек-рых бурж. историков философии (см., напр., E. Einhorn, *Begründung der Geschichte der Philosophie als Wissenschaft*, W. und Lpz., 1919, S. 49).

В ходе критики гегелевской историко-филос. концепции стало оформляться направление, к-рое пыталось понять все движущие импульсы развития философии из личности самого философа. Это «освобождение» гегелевской концепции от сверхперсонального подтекста намечилось в известных работах считавшего себя гегельянцем К. *Фишера*, посвященных исследованию И. ф. в новое время. Фишер методологически исходил из гегелевского «Введения в историю философии», однако интерпретировал его односторонне, рассматривая И. ф. лишь как историю самопознания (см. «Введение в историю новой философии», вып. 1, М., 1900, с. 19). Эта методологич. установка Фишера толкала историков философии к акцентировке внимания на отдельных филос. системах, в лучшем случае к установлению логики филос. идей.

Под влиянием *философии жизни* окончательно сложились различные варианты субъективистской трактовки И. ф. Так, Дильтей в работах «Введение в науки о духе» («Einleitung in die Geisteswissenschaften», 1883), «Сущность философии» («Das Wesen der Philosophie», 1907 см. «Gesammelte Schriften», Bd 5, 2 Aufl., [1957]), утверждал, что И. ф. можно понять, лишь исходя из анализа психологич. структур послед-

него субъекта истории — человек. личности. Именно из особенностей психологич. структур Дильтей и выводил осн. типы филос. мировоззрений — материалистическое (натуралистическое), объективно-идеалистическое и т. н. мировоззрение идеализма свободы. Аналогичная т. зр. с позиций спиритуалистич. философии Тейхмюллера отстаивается Шилкарским (см. В. С. Шилкарский, *Типологический метод в истории философии*, т. 1, 1916). Др. сторонник этого направления — А. Демпф — выделяет семь типов мировоззрения (см. «Selbstkritik der Philosophie...», 1947). Коренной порок всей т. н. «философской антропологии» заключается в том, что она разрушает историю, представляя дело т. о., что типы мировоззрения являются следствием лишь психологич. структуры личности, и отрицает возможность постижения объективной истины в философии, представляя все мировоззрения одинаково равноправными, субъективными точками зрения.

Др. направление несет на себе еще большую печать субъективизма. Его представители: Р. Эйкен (см. «Die Lehenschauungen der grossen Denker», 1890), Р. Фалькенберг («Geschichte der neueren Philosophie...», 1886, в рус. пер. — «История новой философии...», 1894), А. Фулье («Histoire de la Philosophie», 1875, в рус. пер.: «История философии», 1901) — выдвигают мысль о том, что для историка философии важно схватить сущность индивидуальности философа. Опираясь на идеи, высказанные Эйкеном, Д. Эйхорн сделал попытку дать систематизированную разработку нового историко-филос. метода (см. «Begründung der Geschichte der Philosophie als Wissenschaft», 1919). Эйкен и Эйхорн вводят понятие т. н. «философской действительности», существующей как бы помимо философа, к-рый стремится проиллюстрировать эту филос. действительность и, выражаясь совр. языком, дать о ней «дополнительную информацию». Соответственно историк философии должен стоять на сверхиндивидуальной т. зр., анализирующей и корректирующей с помощью метода имманентной практики индивидуальности существовавших в истории философов. Эйхорн считает, что этот метод освобождает от субъективизма и служит основой для создания И. ф. как науки. Однако ясно, что этот метод не объясняет главного: он рассматривает философию как самодовлеющее, замкнутое в себе, стоящее над философами «тело» и не объясняет его происхождения. Оно как бы вечно предсуществует, и это есть отрицание И. ф. Наряду с этим И. ф. выступает как сумма индивидуальных мнений философов о «философской субстанции». Более последовательны в данном случае точки зрения Фулье и Фалькенберга, к-рые считают, что необходимо более акцентировать внимание не на идеях философов, т. е. не на сверхперсональном содержании их взглядов, а скорее на «ритмах» их мышления. Эта точка зрения доведена до крайнего выражения в работе Томлина «Великие философы Запада» (см. «Great philosophers of the West», 1959). Он считает, что «великими философами являются те, для которых импульс исследования природы вещей превратился в страсть» (указ. соч., р. 12). Томлин рассматривает великие системы философии как своего рода осн. части единого музыкального произведения, перемежающиеся интерлюдиями произведений мелких мыслителей. Это признание полного отказа от И. ф. как науки, возможности установления законов ее развития.

Свое синтетич. выражение историко-филос. субъективизм получил в работе Ясперса «Великие философы» («Die großen Philosophen», Bd 1, 1957). Ясперс утверждает, что И. ф. не может быть представлена в виде изложения единого и целого процесса. Ясперс может интересоваться в И. ф. совокупность индивидуальных способов вторжения философов в реальность, вне

зависимости от историч. обстановки, в к-рой они сформировались, и в его концепции И. ф. теряет свою логику, свои внутр. связи, обусловленные социальными связями. Т. о., в конечном счете идеалистический, субъективистский подход к философии привел к разрушению ее истории. Печать субъективизма лежит и на др. историко-филос. работах, написанных под влиянием экзистенциализма, — П. Аббаньяно («Storia della filosofia», v. 1—2, 1949—50), У. Кауфманна («The owl and the nightingale. From Shakespeare to existentialism», 1959), К. Шилинга («Geschichte der Philosophie», Bd 1—6, 2 Aufl., 1951—54) и др. В этих работах история полагается зависимой от того, чем является «сам историк», от аффектов и чувств того, кто создает И. ф.

Ряд методологич. принципов исследования И. ф. был сформулирован Хейдеггером, к-рый рассматривает историю философии под углом зрения «деструкции» онтологии (см. «Sein und Zeit», Н. 1, Halle, 1941, S. 19—27). Особое значение он придает изучению философии досократиков, трактовке понятия «бытие» древними греками. Интерес ряда бурж. историков философии к др.-греч. философии и культам древних греков был порожден работами Ницше, к-рый пытался «объяснить» развитие духовной жизни в Европе борьбой «царства Диониса» и «царства Аполлона».

Существуют попытки объяснить развитие философии, исходя из свойств рационально понятой «природы» человека (см. В. А. G. Fuller, A history of philosophy, v. 1—2, 3 ed., [1955]; J. B. Burgess, Introduction to the history of philosophy, N. Y.—L., 1939, p. 6; Ph. Wheelwright, The way of philosophy, New York, 1960, pp. 11—13) или же из внеперсонального духа в той или иной форме. Так, Э. Харрис («Nature, mind and modern science», [1954]) утверждает, что в основе И. ф. лежит абсолютный и неизменный разум. Исходя из этого, Харрис приходит к отрицанию прогресса в области философии, полагая, что она решает одни и те же вечные проблемы (отношения между богом и миром, духом и телом, добром и красотой и т. д.). Авторы «Истории восточной и западной философии» под ред. С. Радхакришнана (см. «History of philosophy Eastern and Western», v. 1—2, [1952—53]) утверждают, что филос. дух является творцом своей собств. истории и находит свои независимые проявления в различных странах и среди различных народов. Аналогичная т. зр. отстаивается в работах Г. Глокнера («Philosophische Einleitung in die Geschichte der Philosophie», 1949), И. Фишля («Geschichte der Philosophie», [Bd] 1—5, 1948—54), Р. Хейса («Der Gang des Geistes. Eine Geschichte des neuzeitlichen Denkens», 1948) и др. представителей объективного идеализма.

Попытка увидеть основу И. ф. в вечном абс. духе опирается в конечном счете на ненауч. религ. представления. Она приводит к отрицанию зависимости философии от материальных основ, историч. условий, к-рые породили ту или иную форму философии, сознат. игнорированию этой зависимости, а стало быть и искажению историко-филос. процесса.

В этом отношении наиболее характерными являются работы, созданные под непосредственным влиянием неоматериализма (см. Fr. Copleston, A history of philosophy..., v. 1—6, 1946—60; J. Collins, A history of modern European philosophy, [1954]; I. Bocheński, Contemporary European philosophy, 1956, на нем. яз. опубли. в 1947; D. E. Roberts, Existentialism and religious belief, 1957, и др.). В этих работах доказывается, что томизм является средоточием вечных истин, к-рые могут лишь обогащаться ходом развития философии, но не отвергаться.

Ряд буржуазных философов вообще стремится не связывать философские идеи с каким-либо определен-

ным субъектом, их носителем. Они рассматривают филос. идеи как таковые, считая, что понимание И. ф. возможно не с т. зр. анализа отд. систем, созданных теми или иными философами, а с т. зр. осн. идеи, к-рые господствовали в обществе на том или ином этапе его развития. С такого рода подходом связаны попытки проследить историю понятий «душа» (W. Ellis, The idea of the soul..., 1940), «история» (R. G. Collingwood, The idea of history, 1946), выделить осн. идеи эпохи Просвещения (E. Cassirer, The philosophy of the enlightenment, 1951, на нем. яз. опубли. в 1932) и т. д.

Свое понимание методологич. принципов исследования истории идей сформулировал А. Лавджой («Essays in the history of ideas», 1948, 2 изд., 1955), к-рый определяет специфику эпохи, исходя из господствующих в ней нек-рых осн. идей. Простые идеи рассматриваются Лавджоем как «атомарные», самодовлеющие факты, из к-рых могут возникать сложные идеи. При таком подходе к И. ф. сам процесс возникновения осн. идей эпохи оказывается необъясненным, а И. ф. предстает как история спонтанно рождающихся идей, не обусловленных к.-л. объективной закономерностью.

Попытка объяснения процесса смены осн. идей философии была сделана Расселом в его «Истории западной философии» ([1946], рус. пер. 1959). Он исходит из концепции, к-рая напоминает схему, предложенную еще в начале 20 в. неореалистом Р. Перри (см. «Present philosophical tendencies...», 1912). Перри утверждал, что движение филос. идей определяется взаимоотношением, существующим между теорией и верой. Рассел, в свою очередь, считает, что философия является своеобразной «ничейной землей», находящейся между религией и наукой. Перри и Рассел пытаются объяснить ход И. ф., исходя из колебаний философии между религией и наукой. Однако на этом пути можно создать лишь видимость объяснения, т. к. остается непонятным, в силу каких причин осуществлялись эти колебания. Рассел прибегает к попыткам вывести филос. идеи из обществ. настроений, доминирующих на данном этапе. Но и здесь не намечается выхода, т. к. сами обществ. настроения Рассел выводит из филос. идей, попадая тем самым в характерный для идеализма порочный круг.

Бурж. историки философии дают одностороннюю, искаженную интерпретацию совр. философии, пытаются представить дело таким образом, что требованиям жизни и науки якобы наиболее «отвечают» неоматериализм (Бохенский), неопозитивизм (Ф. Франк, Уайт) и т. д., и всячески принижают значение диалектич. материализма. Бурж. историки философии создали ряд работ, в к-рых собран ценный материал, дан критич. анализ источников, поставлен ряд важных методологич. проблем И. ф. Однако историко-филос. концепции, выдвинутые совр. бурж. философами, вырастая из реакц. философии, не дают науч. понимания закономерностей развития филос. мысли. Бурж. историки философии, оставаясь на позициях идеализма, впадают в крайний субъективизм, противоречия, нередко выдвигая реакц. идеи, характерные для бурж. идеологии эпохи империализма.

Научное, объективное исследование И. ф. возможно лишь с позиций историч. и диалектич. материализма.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немечкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3, М., 1955; Маркс К., Тезисы о Фейербахе, там же; Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955; е го же, Письма, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, 1952, с. 465—86; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; е го же, О значении воинствующего материализма, там же, т. 33; е го же, Философские тетради, там же, т. 38; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Избр. философские произв., т. 1, М., 1956; е го же, Очерки по истории материализма, там же, т. 2, М., 1956; е го же, Гром не из тучи, там же; е го же, Основные вопросы марксизма, там же, т. 3, М.,

1957; Жданов А. А., Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., [М.], 1947; История философии, т. 1—5, М., 1957—61; Ойзерман Т. И., Основные этапы развития домарксистской философии, М., 1957; Иовичук М. Т., История философии как наука, ее предмет, метод и значение, [М.], 1960; е го же, Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, М., 1960; G o r r R. O., Zu Fragen der Geschichte der Philosophie und des dialektischen Materialismus, 2 Aufl., В., 1959.

М. Иовичук, Л. Скворцов. Москва.

ИСТРАТИ (Istrati), Константин (5 сент. 1850—9 янв. 1918) — рум. ученый-химик, пытавшийся с позиций материализма объяснить совр. ему науч. открытия. Д-р медицины (1877), проф. Бухарестского ун-та (с 1887). Основатель «Рум. об-ва наук» и «Рум. ассоциации по развитию и распространению наук» (1902). В 1896 в сообщении «Единство материи» («Unitatea materiei», в Buletinul Societății de Științe Fizice», Buc., 1896, № 5—6) И. выступил против *физического идеализма*, выразив уверенность, что познание человека разрешит все трудные вопросы совр. физики. В работе «Страница современной истории Румынии...» («O pagină din istoria contemporană a României din punctul de vedere medical, economic și național», 1880), написанной под влиянием социалистич. движения, И. показал тяжелое положение трудящихся масс на своей родине. Позже И. приспособился к бурж.-помещичьему режиму, выступал с проповедью национализма, к-рого он не был чужд, однако, и в начале своей деятельности.

Соч. см. в кн.: Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв., М., 1961, с. 651—70. *Инт-т философии Академии РНР.*

ИСХАК, Адиб (1856—85) — араб. публицист. Род. в Дамаске (Сирия). Много лет прожил в Египте. Идеалист по филос. убеждениям. Основал газеты «Миср» («Египет», 1877) и «Ат-Тиджара» («Торговля», 1878). В своих произведениях (собраны в сб. «Ад-Дуар» [«Перлы», 1886]) выступал против невежества, застоя и косности, боролся против унижения человек. личности, против религ. сепаратизма, выступал как решительный антиколониалист, за духовное единство всех мусульман в борьбе против колонизаторов. И. понимал свободу как следствие естеств. равенства людей, призывал арабов к объединению, к активной борьбе за свободу, требовал конституции и равенства людей перед законом. И. — один из тех немногих араб. деятелей, кто в 19 в. признавал нар. восстание высшей формой социально-политич. борьбы и утверждал, что народ готов участвовать в управлении страной. Склонялся к конституц. монархии и панисламизму.

Лит.: В г о с к е l m a n n C., Geschichte der arabischen Litteratur, Suppl.— Bd 2, Leiden, 1938, S. 759.

З. Левин. Москва.

ИСЧИСЛЕНИЕ — обладающий определенными свойствами аппарат правил оперирования со знаками, используемый при эффективном решении задач (получении искомого результата) или при доказательстве (соответственно—опровержении) предложений, выраженных с помощью этих знаков (на «языке» данного И.).

Уже с самого начала своего развития (напр., у древних египтян и вавилонян в 4—2 тысячелетиях до н. э.) математика строилась прежде всего как И. В совр. школе также начинают изучение математики с нумерации и четырех действий арифметики, т. е. с правил, относящихся к оперированию со *знаками* (цифрами). Лишь в Древней Греции математика впервые была построена в виде аксиоматич. теории («Начала» *Эвклида*). Наряду с этой теорией продолжала, однако, существовать и арифметика, строящаяся как И. Такая арифметика называлась логистикой.

Нек-рые общие черты математических И., обуславливающие их точность и строгость и основанные на том, что математические знаки суть достаточно жесткие, легко опознаваемые (различаемые и отождествляемые) конструктивные объекты и что правила оперирования с ними также носят конструктивный (проверяемый) характер, подметил еще *Лейбниц*, к-рый и хотел поэтому построить логику в виде И.,

оперирующего, как он сам говорил, со «словами» нек-рого искусств. «языка» или, для начала, использующего «другой, менее красивый путь», к-рый «состоит в том, что, по примеру математиков, пользуются буквами, удобными для того, чтобы фиксировать наш дух, и в том, что присовокулияют доказательство в числах», т. е. пользуются арифметизированной, как говорят теперь, формой логич. И. «Я заметил, что причина того, почему мы, за пределами математики, так легко ошибаемся, между тем как геометры столь счастливы в их выводах, состоит лишь в том, что в геометрии и других частях абстрактной математики можно осуществлять поиски доказательств или проводить последовательные доказательства, сводя все к числам,— и притом не только для заключительного предложения, но и в каждый момент и на каждом шагу, который делают, исходя из посылок» (цит. по кн.: Leibniz G. W., Fragmente zur Logik, В., 1960, S. 16—17). В физике же, продолжает Лейбниц, опыт может опровергнуть заключит. результат длинной цепочки рассуждений, но не укажет, где именно в этой цепочке была ошибка. Однако идея Лейбница, полагавшего, что «единственное средство улучшить наши умозаключения состоит в том, чтобы сделать их столь же наглядными, как умозаключения математиков, так, чтобы можно было глазами пайти свою ошибку и, когда возникают споры между людьми, достаточно было сказать: „Посчитаем!“...», чтобы [стало ясно, как] увидеть, кто прав» (там же, S. 16), оказалась осуществимой полностью лишь в малоинтересных случаях И., для к-рых разрешима *разрешения проблема*. В этой связи интересна заметка Энгельса из подготовит. работ к «Анти-Дюрингу» (1876), в к-рой он противопоставляет (обычным) неточным логич. умозаключениям («сколь многие из них оказываются ошибочными!») математич. действия, «допускающие материальное доказательство, проверку,— так как они основаны на непосредственном материальном созерцании, хотя и абстрактном», почему им и «свойственна положительная достоверность» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 631). Уже Лейбниц подчеркивал также преимущества построения логики в виде И., обусловленные индуктивным характером последнего,— тем обстоятельством, что из небольшого числа исходных мыслей получается по порядку бесконечное множество др. мыслей. «Так из немногих чисел, взятых от единицы до десяти, могут быть выведены по порядку все остальные числа» («Fragmente zur Logik», В., 1960, S. 24).

Однако до последнего времени термин «И.» употреблялся в математике и логике без строгого общего определения. Математики создали дифференциальное и интегральное И., исчисление конечных разностей, вариационное, операционное и мн. др. И. В математич. логике были построены различные И. высказываний, И. классов, предикатов, задач, естеств. вывода, секвенций, строгой импликаци, модальностей и мн. др. Потребность в общей теории И. возникла, однако, совсем недавно. В 1943 амер. ученый Э. Пост построил свою теорию «продукций», или «канонических исчислений». В 1955 в кн. «Введение в оперативную логику и математику» нем. математик и логик Лоренцен построил общую теорию И. как «оперативную логику». Развитию предложенного Лоренценом общего определения И. посвящена работа амер. логика *Kerpp* «Исчисления и формальные системы» (1958). Широкое общее определение дедуктивного И. в терминах алгоритмов или частично рекурсивных функций принадлежит В. А. Успенскому (1953).

Определение И. (модификация определения Лоренцена, см. P. Lorenzen, Einführung in die operative Logik und Mathematik, В.—Götlb., 1955, T. 1 — Logik):

Исчисление I задается: а) алфавитом $\mathcal{A}$ его знаков, из k -рых будут составляться строчки, или «слова в алфавите $\mathcal{A}$ »; б) начальными словами I .; в) правилами, позволяющими выводить слова из уже полученных (выведенных) слов (напр., из начальных, полученного из начальных на след. шаге, и т. д.). Алфавит здесь предполагается конечным. Начальные слова I . могут задаваться как непосредственно (списком), так и с помощью «формулы», т. е. слов или строчек, в k -рых, помимо букв из алфавита $\mathcal{A}$, могут встречаться содержательные переменные, на место k -рых можно подставлять слова в алфавите $\mathcal{A}$. Такой список или «формула» наз. «начальным правилом» и обозначается Π_{0i} , ($1 \leq i \leq n$, где n — число начальных правил). Правила вывода также формулируются с помощью «формулы», т. е. слов в алфавите $\mathcal{A} \cup \mathcal{X}$, представляющем собой объединение алфавита $\mathcal{A}$ с алфавитом $\mathcal{X}$ содержательных переменных (содержательных, т. е. рассматриваемых как принадлежащие к обычному языку, на k -ром мы и разговариваем об исчислении I). Эти правила имеют вид:

$$\Pi_k: A_1^{(k)}, A_2^{(k)}, \dots, A_n^{(k)} \rightarrow A^{(k)}, \quad (n \geq 1),$$

где Π_k — имя правила (k — его номер); $A_1^{(k)}, \dots, A_n^{(k)}, A^{(k)}$ — слова (непустые) в алфавите $\mathcal{A} \cup \mathcal{X}$; стрелка читается содержательно: как союз «если... то» или как глагол «влечет» («влекут»). Если в результате подстановки к.-л. слов (в т. ч. и пустых) на место содержательных переменных в «формулы» $A_1^{(k)}, \dots, A_n^{(k)}$ получаются уже выведенные (ранее) слова, то слово, полученное при этой же подстановке из «формулы» $A^{(k)}$, также считается выведенным, и притом по правилу Π_k . Цепочка слов, в k -рой каждое слово есть либо начальное слово, либо слово, выведенное из к.-л. предыдущих по одному из правил Π_k , наз. выводом в исчислении I .

Пример II. Рассмотрим исчисление I_1 , определяемое след. образом: Алфавит $\mathcal{A}$ состоит из букв: $+$, 0 (запятая здесь не является знаком алфавита). В качестве содержательной переменной для слов в этом алфавите употребляется буква X . Исчисление I_1 задается правилами: $\Pi_{01}: 0$; $\Pi_1: X \rightarrow X0$; $\Pi_2: X \rightarrow +X+$. Покажем, что в I_1 выводимо слово $++00++0$, для чего построим его вывод. [Для облегчения проверки вывода мы будем сопровождать его анализом (см. *Вывод в математич. логике*); на самом деле анализ здесь будет избыточной информацией: он может быть полностью восстановлен по цепочке слов вывода. Цепочка слов вывода будет при этом записываться в виде колонок, строчки k -рой последовательно занумерованы. Стрелкой указывается, из каких строчек получена данная строчка. Справа от получаемого слова помещаются имя правила, по k -рому это слово получено, и (в скобках) слова, подставляемые при этом на место содержательных переменных].

1. 0	Π_{01}
1 $\rightarrow$ 2. 00	$\Pi_1(0)$
2 $\rightarrow$ 3. $++00++$	$\Pi_2(00)$
3 $\rightarrow$ 4. $++00++$	$\Pi_2(++00++)$
4 $\rightarrow$ 5. $++00++0$	$\Pi_1(++00++)$

Тут строчка 4, напр., содержит след. информацию о полученном в ней слове $++00++$: оно получено по правилу $\Pi_2: X \rightarrow +X+$, при замене X на $++00++$, что дает $++00++ \rightarrow ++00++$. Т. к. слово $++00++$ уже выведено в строке 3, то выведено и слово $++00++$.

Основные черты I . Ясно, что для доказательств предложений, формулирующих общие свойства «слов», выводимых в I ., достаточно проверить наличие этого свойства у всех начальных слов и затем убедиться в том, что правила вывода «сохраняют» это

свойство, т. е., что, если слова, полученные из «формулы» $A_1^{(k)}, \dots, A_n^{(k)}$ к.-л. (разрешенной) подстановкой на место содержательных переменных, обладают данным свойством, то и слово $A^{(k)}$ тоже обладает им («индуктивный» характер I .). Так, чтобы доказать, что все слова, выводимые в I ., содержат четное число вхождений буквы «+», достаточно заметить, что: 1) в слове «0» буква «+» вообще не содержится, т. е. число ее вхождений — четное (нуль); 2) присоединение буквы «0» справа к слову не изменяет числа вхождений буквы «+», почему, если слово X содержит четное число вхождений буквы «+», то и слово, полученное из X по правилу Π_1 , также содержит четное число вхождений буквы «+»; 3) правило Π_2 также сохраняет это свойство слова X , поскольку его применение увеличивает число вхождений буквы «+» на 2, т. е. на четное число.

На вышепривед. примере можно пояснить еще одно очень существенное для всякого I . понятие допустимого правила I . Правило наз. допустимым в I ., если, добавив его к правилам I ., мы не увеличим запаса слов, выводимых в I ., т. е., если всякий вывод, в k -ром применялось это правило, можно заменить выводом (того же слова), не содержащим применений этого правила. В нашем исчислении I_1 таким правилом может быть, напр., следующее: $\Pi_3: X \rightarrow ++X+0+$. В том, что этим правилом можно пользоваться именно потому, что без него можно обойтись, нетрудно убедиться так. Рассмотрим к.-л. вывод, где это правило применяется. В таком случае оно применяется где-то в первый раз. Пусть это будет на l -том шаге вывода, k -рый при этом будет выглядеть так:

$$j \rightarrow l \quad ++C+0+ \quad \Pi_3(C),$$

где C — слово в алфавите $\{+, 0\}$, выведенное (в нашем примере) на j -ом шаге. Выбросим теперь из нашего вывода l -ую строчку и заменим ее группой строк:

$$\begin{array}{l} j \rightarrow l. \quad ++C+ \quad \Pi_3(C) \\ l \rightarrow l+1. \quad ++C+0 \quad \Pi_1(++C+) \\ l+1 \rightarrow l+2. \quad ++C+0+ \quad \Pi_2(++C+0). \end{array}$$

Теперь слово $++C+0+$ выведено без применения правила Π_3 , хотя, правда, вывод при этом удлинился: вместо одного применения правила Π_3 нам пришлось применить последовательно правила Π_2, Π_1, Π_2 . Если в измененном т. о. выводе еще применяется где-нибудь правило Π_3 , то опять есть строчка, где оно применяется в первый раз и где мы снова можем его применение исключить. Так мы будем поступать до тех пор, пока не исключим все применения правила Π_3 из нашего вывода. В более интересных случаях допустимость правила может доказываться не столь просто (напр., может потребоваться индуктивный вывод). Из особенно важных теорем о допустимости нужно упомянуть прежде всего т. н. *теорему о дедукции*.

Во мн. случаях бывает существенной, однако, возможность действительного расширения не только запаса средств I ., но и запаса слов, выводимых в нем. Если «словами», выводимыми в I ., (их наз. иногда «теоремами» I .), являются истинные предложения к.-л. науч. теории, то наиболее «безопасным», — в смысле невозможности сделать выводимым к.-л. ложное предложение, — является расширение I . с помощью определений, состоящих во введении новых знаков в алфавит I . и сопряженных с этими знаками правил их введения и исключения, таких, что добавление их к исчислению I не делает выводимым в расширенном исчислении I' ни одного слова в алфавите исчисления I , k -рое было невыводимым в I . (Такое расширение I ., k -рое не изменяет запаса теорем, не содержащих вхождений новых знаков, наз. иногда консервативным; см., напр., P. C. Rosen-

Bloom, The elements of mathematical logic, N. Y., 1950, p. 164). Практически алфавит I . чаще всего бывает бесконечным. Требование конечности алфавита не налагает, однако, к.-л. существенных ограничений на определение I ., поскольку в последнее всегда можно ввести правила, позволяющие и алфавит определять индуктивно, начиная с к.-л. исходных знаков; напр., так: исходный алфавит — знаки: a); «букву» определим индуктивно так (на место содержательной переменной X можно подставлять слова в исходном алфавите): $\Pi_{01} : (a)$; $\Pi_1 : (X) \rightarrow (Xa)$; тогда «буквами» будут слова: (a) , (aa) , (aaa) и т. д.; алфавит из этих букв будет уже бесконечным (о буквах, словах, алфавитах см. А. А. Марков, Теория алгоритмов, «Тр. матем. инст. им. В. А. Стеклова», [т.] 42, М.—Л., 1954, гл. 1).

Учитывая потребности дедуктивных I ., в к-рых сначала индуктивно определяются «правильно построенные» (осмысленные) формулы I ., а затем задаются правила, позволяющие выделять (также индуктивно) из осмысленных формул те, к-рые являются истинными (доказанными), Х. Кёрри (см. Н. Curry, Calculus and formal systems, «Dialectica», 1958, v. 12, № 3/4) предлагает строить I . начиная с некоего исходного исчисления K_0 , определяющего объекты (слова), с к-рыми будет оперировать след. исчисление K_1 . Слова, выведенные в исчислении K_1 , в свою очередь, могут быть объектами, с к-рыми оперирует исчисление K_2 и т. д. Так, напр., I . высказываний (классической) может быть построено след. образом: сначала строим исчисление K_0 , алфавит к-рого состоит из знаков p, q ( ). Содержательная переменная X употребляется для слов в этом алфавите. Правила исчисления K_0 : $\Pi_{01}^{(k_0)} : (p)$; $\Pi_1^{(k_0)} : (X) \rightarrow (Xp)$. Теперь строим исчисление K_1 , алфавит к-рого состоит из знаков f ($\supset$) и всех слов, выводимых в K_0 . Содержательная переменная Z употребляется для слов, выводимых в K_0 , содержательные переменные X, Y — для слов в алфавите исчисления K_1 . Правила исчисления K_1 : $\Pi_{01}^{(k_1)} : Z$; $\Pi_1^{(k_1)} : X, Y \rightarrow (X \supset Y)$. | Этим I . определяются «правильно построенные» формулы исчисления высказываний. Здесь f — знак «ложь», $\supset$ — знак импликации («если..., то»), $(X \supset f)$ соответствует отрицанию формулы X . Примерами слов, выводимых в этом I ., могут служить: (p) , (pp) , $((p) \supset (pp))$, $((p) \supset f)$, $(f \supset (p))$, $((p) \supset (p))$. | Исчисление K_2 (определяющее «истинные» формулы I . высказываний) строится так. Его алфавит тот же, что у K_1 . Содержательные переменные X, Y, Z употребляются для слов, выводимых в K_1 . Правила исчисления K_2 :

$$\begin{aligned} \Pi_{01}^{(k_2)} &: (X \supset (Y \supset X)) \\ \Pi_{02}^{(k_2)} &: ((X \supset (Y \supset Z)) \supset ((X \supset Y) \supset (X \supset Z))) \\ \Pi_{03}^{(k_2)} &: (((X \supset f) \supset f) \supset X) \\ \Pi_1^{(k_2)} &: X, (X \supset Y) \rightarrow Y. \end{aligned}$$

[Начальные правила этого I . наз. схемами аксиом. Единств. правило вывода служит modus ponens. Нетрудно показать (см., напр., А. Чёрч, Введение в математическую логику, пер. с англ., М., 1960), что из приведенных выше примеров правильно построенных формул две последние (и только эти) являются выводимыми «словами» в K_2]. Такого рода сложные системы, состоящие из расположенных как бы по ступеням (или по рангам) I ., — так, что переменные более высокого (по рангу) I . могут употребляться для слов, выводимых в I . более низкого ранга, — наз. градуированными I . Нетрудно показать, что, вводя в алфавит в качестве характеристики ступеней I . новые буквы, можно свести всякое градуированное I . к I . первой ступени.

Из определения I . ясно, что всякий вывод в I . действительно обладает той «положительной достоверностью», о к-рой шла речь в приведенной заметке Энгельса. Если отвлечься от того, что вывод может оказаться очень длинным и проверка его, по меньшей мере, утомительной, т. е. если стоять на т. зр. допустимости абстракции потенциальной осуществимости, то можно будет сказать, что всякий (заключенный) вывод в I . может быть полностью проверен и для всякого слова в алфавите этого I . можно однозначно ответить на вопрос: выводится оно в данном выводе или нет. Естественно возникающим в применении ко всякому исчислению I является и вопрос о том, как по слову C в алфавите этого I . распознать, является ли оно выводимым в этом I . или нет. Этот вопрос наз. проблемой разрешения для исчисления I . Но с ним ситуация уже другая. Трактующая как задача отыскания общего метода (алгоритма), применимого к любому слову C в алфавите исчисления I и перерабатывающего его в один из ответов «да» или «нет», в зависимости от того, выводимо C в I или нет, — проблема разрешения в общем случае неразрешима. Более того, те случаи, в к-рых она разрешима, принадлежат к числу самых простых и мало интересных. В применении к логич. I . вопрос этот заведомо разрешим обычно для той ступени I ., на к-рой определяются (индуктивно) правильно построенные формулы I . (некая общая теорема, относящаяся к условиям его разрешимости, доказана в упомянутой статье Х. Кёрри). Но уже для функциональных I . (I . предикатов) первого порядка он неразрешим на той ступени, где определяются «истинные» формулы I . (в этом и состоит содержание известной теоремы А. Чёрча; см. Алгоритмы). Заметим, что проблема разрешения для исчисления I разрешима в том и только в том случае, когда можно построить такое консервативное расширение исчисления I ., в к-ром, в случае выводимости слова C в I ., выводимо слово $\mathcal{U}C$, а в случае невыводимости C — слово $\mathcal{L}C$, где $\mathcal{U}$ (от «истина») и $\mathcal{L}$ (от «ложь») — буквы, не содержащиеся в алфавите исчисления I (см. Р. С. Rosenbloom, указ. соч., p. 164, 165).

В определении I . по Лоренцену всякое правило вывода устроено так, что любой ряд слов в алфавите $\mathcal{U}$ исчисления I ., подставляемых на место переменных, входящих в «формулы» $A_1^{(h)}, \dots, A_n^{(h)}$, оно перерабатывает в слово в алфавите $\mathcal{U}$., получаемое (той же подстановкой) из «формулы» $A^{(h)}$, т. е. его можно трактовать как «всегда применимый» алгоритм. В определении I . по В. А. Успенскому («Теорема Гёделя и теория алгоритмов», «Докл. АН СССР», 1953, т. 91, № 4, с. 737—40) правила вывода трактуются как алгоритмы, к-рые, будучи примененными к некому ряду слов, могут и не давать ничего (не заканчиваться). Наоборот, в определении канонических исчислений по Посту (см. «Formal reductions of the general combinatorial decision problem», в журн. Amer. Journ. of math., v. 65, № 2, 1943, p. 197—215), на «формулы» $A_1^{(h)}, \dots, A_n^{(h)}, A^{(h)}$ накладываются некоторые дополнительные ограничения, так что на первый взгляд определение представляется более узким, чем определение Лоренцена. Тем не менее тезис, отстаиваемый Постом, состоит в том, что каждый точный язык, содержащий эффективно применимые правила вывода (т. е. без правил типа бесконечной индукции), к-рый когда бы то ни было был построен, может быть сформулирован как каноническое I . Пост ввел еще более специальное понятие нормального I ., в к-ром есть лишь одно начальное правило (аксиома), а все правила вывода («продукции») имеют вид $C_1 X \rightarrow X C_2$ (где C_1 и C_2 — слова в алфавите исчисления; X — содержательная переменная), и доказал, что всякое канонич. I . имеет

консервативное нормальное расширение (теорема Поста). В свете тезиса Поста интересно также, что Лоренцену удалось построить общую теорию I в виде I . («оперативной логики»), выводимыми словами k -рого являются все общедопустимые (допустимые в любых x I ., их мета-исчислениях, мета-мета-исчислениях и т. д.) правила вывода, и что этим I оказалась конструктивная, или интуиционистская, логика (исчисление Гейтинга). (Не-общезначимость закона исключенного третьего в применении к понятию «выводимости в I », где I — произвольное I ., является из того, что «не-выводимость C в I » фактически трактуется Лоренцем как выводимость слова AC в нек-ром консервативном расширении I' исчисления I , что сводит вопрос о применимости закона исключенного третьего к вопросу о разрешимости проблемы разрешения).

Близким к понятию I ., по в нек-ром смысле более общим, является понятие формальной системы (см., напр., С. К. Клини, Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 4 и ряд соч. Кёрри, напр., H. Curry and R. Feys, Combinatory logic, v. 1, Amst., 1958, где имеется большая библиография). Соотношению между формальными системами и I . посвящена упомянутая работа Кёрри «Исчисления и формальные системы».

ИСЧИСЛЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ — раздел символич. логики, в к-ром изучаются логич. связи между высказываниями, рассматриваемыми в отвлечении от их субъектно-предикатного строения; необходимая часть исчисления предикатов. См. *Логика высказываний*.

ИСЧИСЛЕНИЕ ЗАДАЧ — интуиционистское исчисление высказываний, понимаемое в свете интерпретации, к-рую предложил в 1932 сов. ученый А. Н. Колмогоров. Эта интерпретация была свободна от гносеологич. установок *интуиционизма* и вскрывала содержательный материалистич. смысл указ. исчисления. При интерпретации Колмогорова значениями переменных в формулах являются любые задачи. Если p и q задачи, то формулы $p \& q$, $p \vee q$, $p \supset q$ и $\neg p$ толкуются, соответственно, как задачи: «Решить задачу p и задачу q », «Решить задачу p или задачу q », «Свести решение задачи q к решению задачи p » и «Предполагая задачу p решенной, прийти к противоречию». Эта интерпретация положила начало разработке принципов конструктивного понимания логич. связей и конструктивного истолкования суждений логики и математики.

При интерпретации Колмогорова каждой доказуемой формуле $\mathcal{A}(p_1, p_2, \dots, p_n)$ интуиционистского исчисления высказываний (см. *Интуиционистская логика*) соответствует класс задач, имеющих общий метод решения (не зависящий от конкретного содержания задач $p_1, p_2, \dots, p_n$). Формуле же $p \vee \neg p$, не доказуемой в указ. логич. исчислении (она выражает принцип исключенного третьего), соответствует класс задач вида «Решить задачу p или, предполагая задачу p решенной, прийти к противоречию», существование общего метода решения к-рых как раз не очевидно.

В интерпретации Колмогорова оставалось не выясненным, что надо понимать под общим методом решения задач нек-рого класса и под сведением решения одной задачи к решению другой. Это было уточнено (и притом различными способами) после того, как в 30-х гг. были разработаны точные понятия алгоритма и вычислимой (рекурсивной) функции (см. *Рекурсивные функции и предикаты*), что позволило строго доказать несуществование общего метода (алгоритма) решения задач из класса, соответствующего формуле $p \vee \neg p$. Действительно, существование такого алгоритма означало бы, в частности, существование алго-

ритма решения задач вида «Доказать выводимость формулы $\mathcal{A}$ в исчислении S или, предполагая формулу $\mathcal{A}$ доказуемой в нем, прийти к противоречию» (в качестве p взята задача «Доказать выводимость $\mathcal{A}$ в исчислении S »). Алгоритм решения задач этого вида при нек-ром конкретном S является решением *разрешения проблемы* для исчисления S . Но, как показал Чёрч (1936), эта проблема неразрешима, напр., для узкого исчисления предикатов.

Идеи Колмогорова получили развитие в работах Клини (1945) (см. *Реализуемость*), Медведева (1955), Шапина (1958). См. *Конструктивная логика*.

Лит.: Пильчак Б. Ю., Об исчислении задач, «Укр. мат. ж.», 1952, т. 4, № 2, с. 174—94; е е же, О проблеме разрешимости для исчисления задач, «Докл. АН СССР», 1950, т. 75, № 6, с. 773—76; М е л в е д е в Ю. Т., Степени трудности массовых проблем, там же, 1955, т. 104, № 4, с. 501—504; Шап и н Н. А., О конструктивном понимании математических суждений, «Тр. мат. ин-та им. В. А. Стеклова», 1958, т. 52, с. 226—311; е г о же, Об алгоритме конструктивной расшифровки математических суждений, «Z. Math. Logic und Grundlagen der Math.», 1958, Bd 4, H. 3, S. 293—303; К л и н и С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 82; К о л м о г о р о в А., Zur Deutung der intuitionistischen Logik, «Math. Z.», 1932, Bd 35, S. 58—65; Ч у р ч А., A note on the Entscheidungsproblem, «J. Symb. Logic», 1936, v. 1, № 1, p. 40—41; К л е е н е S. C., On the interpretation of intuitionistic number theory, там же, 1945, v. 10, № 4, p. 109—24. Б. Пильчак. Москва.

ИСЧИСЛЕНИЕ КЛАССОВ — раздел совр. логики, по содержанию соответствующий силлогистике Аристотеля и исторически предшествующий исчислению высказываний, с к-рого теперь обычно начинают рассмотрение *математической логики*. Первые развитые I . к. были построены (сначала скорее в виде алгебры, а не исчисления в совр. смысле) Булем, Девенсонсом, Э. Шрёдером, Пирсом, Порецким. См. *Логика классов*. С. Яновская. Москва.

ИСЧИСЛЕНИЕ ПРЕДИКАТОВ — раздел символич. логики, в к-ром изучаются логич. операторы всеобщности и существования в связи с рассмотрением субъектно-предикатной структуры суждений; составляет гл. содержание совр. формальной логики. См. *Предикатов исчисление*.

ИТАЙ (от искаженного произношения англ. ether — эфир) — понятие единой материальной субстанции мира, вошедшее в историю кит. философии нового времени. Это понятие заменило традиц. конфуцианские категории цзи, тайзи и др. Впервые кит. философ трактовал понятие I . получило в соч. кит. философа *Тань Сы-туна*. Концепцию I . как бесформенной, всезаполняющей первоматерии использовал также *Сун Ян-сен* для объяснения происхождения и развития мира. В наст. время термин « I .» употребляется в Китае лишь естественными учеными для обозначения физич. понятия «эфир».

Лит.: С е н и н Н. Г., Сунь Ян-сен — великий китайский революционер-демократ, М., 1956; е г о же, Прогрессивные мыслители Китая конца XIX в., М., 1958; С у н Я н - с е н, Сунь Чжун-шань сюань цзи (Учение Сунь Во-я, Избр. произв., ч. 1), Пекин, 1956; Т а н ь С ы - т у н, Жизнь сую (Учение о гуманности), Пекин, 1958. Н. Сеппин. Москва.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. В развитии филос. идей в Италии различаются следующие гл. периоды: рабовладельческий (античный), феодальный (средневековый), период перехода от феодализма к капитализму (гл. обр. эпоха *Возрождения*), капиталистический (включая и период империализма вплоть до современности).

В рабовладельческом (античном) периоде развития философии на территории совр. Италии, продолжавшемся примерно с конца 6 в. до н. э. до 5—6 вв. н. э., можно выделить ее др.-греч. и др.-рим. этапы. С конца 6 — нач. 5 вв. до н. э. в Юж. Италии и в Сицилии развернулась деятельность *Пифагора* и его школы, а затем *элейской школы*, *Эмпедокла* и нек-рых др. представителей *древнегреческой философии*. Однако для развития философии в Древней Италии

более важную роль сыграли представители *римской философии*, — с одной стороны, материалист *Лукреций*, с другой, — представители различных идеалистич. и эклектич. школ — *Цицерон*, *Сенека* и др. мыслители, писавшие на лат. яз. В дальнейшем с Италией частично была связана деятельность *Августина*, произведения к-рого, написанные на лат. яз., сыграли значит. роль в процессе перехода философии антич. рабовладельч. общества в философию ср.-век. феод. общества как в Италии, так и вообще в Зап. Европе. В меньшей степени то же самое следует сказать о философии *Бозция*, также писавшего на лат. яз.

В феодальный (средневековый) период развития философии на территории совр. Италии (прибл. 6—14 вв.) осн. ее направлениями явились: схоластика (ранняя и поздняя), обслуживавшая господствующую рим.-католич. церковь; мистика, также находившаяся на службе этой церкви; мистика, выражавшая интересы угнетенных крестьянско-плебейских масс; падуанский аверроизм, связанный в своем развитии с зарождавшейся бюргерской оппозицией феодализму. Одним из представителей схоластики был Петр Дамиани (1007—72), выступавший за полное подчинение «диалектики» (т. е. философии) богословию и выдвинувший формулу о философии как «служанке теологии» (*ancilla theologiae*). Другой схоластик, *Ланфранк*, тоже итальянец по происхождению, деятельность к-рого, однако, протекала гл. обр. в Нормандии и Англии, считался одним из наиболее искусных «диалектиков» своего времени. Его учеником стал знаменитый *Ансельм Кентерберийский*, происходивший из Лосты (в Пьемонте), самый видный представитель ранней схоластики в Зап. Европе («отец схоластики», как наз. его мн. историки философии). К числу последующих представителей схоластики, происходивших из Италии, относится *Петр Ломбардский*. Уроженцем Тосканы был один из наиболее видных представителей ортодоксального августинского мистицизма 13 в. *Иоани Фиданца*, прозванный *Бонавентурой*. Его младший современник и друг *Фома Аквинский* пошел, однако, по др. филос. пути и стал центр. фигурой зап.-европ. схоластики. Уроженец Аквино (исдалеко от Неаполя), Фома свою лит.-преподават. деятельность развивал гл. обр. в Париже и Кёльне, однако присяжал и в Италию, в частности в Неаполь (1272—74).

Ср.-век. Италия дала неск. видных представителей крест. оппозиции церк.-феод. иерархии, облакавшейся в форму мистицизма; к ним относятся, напр., *Арнольд Брешианский* и особенно *Иоаким Флорский*.

Несмотря на столь значительное число представителей ортодоксальной схоластики и на деятельность папской курии в Риме, историч. особенности развития Италии (в частности, более раннее, по сравнению с др. странами Западной Европы, развитие здесь интенсивной городской жизни) сделали ее страной, где уже в конце 13 — нач. 14 вв. возникла серьезная оппозиция господствовавшей тогда в Европе схоластической философии. Она проявлялась не только в номиналистических тенденциях в самой схоластике (см. *Номинализм*), но была связана прежде всего с деятельностью итал. последователей *Ибн Рошда* (Аверроэса) — аверроистов, группировавшихся преимущественно в Падуанском ул.-те. Падуанские аверроисты, посвятившие себя гл. обр. изучению медицины, широко использовали учение *Ибн Рошда* о бессмертии коллективного человека. интеллекта и смертности индивидуальной человек. души. Первым представителем падуанского аверроизма считается *Пьетро д'Абано*. Аверроизм падуанцев был одним из важных теоретич. источников свободомыслия и материализма в Италии эпохи Возрождения. Большое значение для Италии 14—16 вв. имела

аверроистская концепция *двойственной истины* как в силу того, что она способствовала отделению философии и зарождавшейся науки от теологии, так и в силу своего влияния на секуляризацию политики. С обоснованием этой политич. концепции выступил в 14 в. *Марсилий Падуанский* в своем произв. «Защитник мира» («*Defensor pacis*»). Высказываясь против подчинения политике каким бы то ни было религ. и моральным идеалам, перенося центр тяжести политич. проблематики с вопроса о целях политики на вопрос о ее средствах, отвергая первенство «божественного права» по отношению к гражд. жизни, автор «Защитника мира» выступил как предшественник *Макиавелли*, *Гроция*, *Гоббса* и *Спинозы*. Под влиянием аверроизма находился и великий итал. поэт Данте (1265—1321), давший в своей «Божественной комедии» яркую художеств. иллюстрацию ср.-век. теологич. мировоззрения и борьбы разных обществ. сил. В этом соч. прослеживается значит. влияние арабо-неоплатоновской метафизики света. Значит. влияние аверроизма проявляется также в политич. произв. Данте «О монархии» (*Dante Alighieri, De monarchia*, год напис. неизв.), в к-ром доказывалась естеств. необходимость монархич. власти и развивалась мысль о том, что светская власть должна быть независима от духовной. Выводя общество и гос-во из человек. природы и не обращая при этом к авторитету божеств. провидения, высказываясь также за установление единой и сильной монархич. власти, Данте выступил в своем политич. трактате с идеями, аналогичными идеям *Марсилия Падуанского*. В целом, однако, итал. аверроизм 13—14 вв., отражая интересы богатого бюргерства и отчасти дворянства, заинтересованных в развитии произ-ва, торговли и науч. познания природы, а также в защите сильной и независимой от церкви монархич. власти, не был антирелигиозным и не стремился к отказу от учения об откровении. В дальнейшем школа падуанских аверроистов насчитывала множество приверженцев. Виднейшими из них были Павел Венецианский (ум. в 1429), августинский монах, пришедший к выводам крайнего аверроизма; менее смелый Гаэтано Тиенский (1387—1465), пытавшийся совместить аверроизм с католич. вероучением; *Николетто Верни*, преподававший в Падуе с 1471 по 1499 (умер в том же году). В 16 в. аверроизм продолжал развиваться (см. ниже). Для подготовки философии эпохи Возрождения определенное значение имел своеобразный итал. *эпикуреизм* 13—14 вв.; известно, напр., что Данте именно за эпикурейское вольномыслие поместил в ад своего приятеля Гвидо Кавальканти.

В период перехода от феодализма к капитализму Италия одно время (14—15 вв.) возглавляла капиталистич. развитие Зап. Европы и занимала ведущее место в зап.-европ. философии. И. ф. эпохи Возрождения развивалась в связи с широкими нар. движениями, с успехами техники и естествознания, а также во взаимодействии с Реформацией, подрывавшей вековые устои католицизма. Для И. ф. этой эпохи характерно обилие направлений, острота борьбы материализма против идеализма, развитие новых идей. Большинство произв. науч. и филос. мысли по-прежнему писалось на лат. яз., однако мн. из них были созданы и на итал. яз., к-рый, т. о., стал одним из первых нац. филос. языков в Зап. Европе. Гл. направлениями И. ф. в эту эпоху являлись: 1) офиц. схоластич. философия, всемерно поддерживавшаяся рим.-католич. церковью и преподававшаяся в подавляющем большинстве ун-тов; 2) различные как материалистич., так и идеалистич. направления филос. мысли, связанные с деятельностью гуманистов, возродивших в эту эпоху мн. идеи антич.

философии, пребывавшие в забвении в эпоху средневековья; 3) натурфилософское направление; 4) естественно-науч. направление; 5) направления социологич. мысли, неоднородные по своим классовым устремлениям.

Схоластика философия оставалась в течение всей эпохи Возрождения гл. врагом передовых филос. направлений в Италии. Она опиралась на мощную организац. поддержку рим.-католич. церкви, нередко прибегавшей к физич. расправе над прогрессивными мыслителями. Эта реакц. роль рим.-католич. церкви и обслуживавшей ее схоластика философии особенно усилилась со 2-й пол. 16 в., когда вместе с наступлением феод. реакции началась эпоха католич. контрреформации. Тридентский собор (1545—63), сыгравший решающую роль в конституировании католич. контрреформации, подтвердил значение философии Фомы Аквинского в качестве незыблемой истины, а папа Пий V в 1567 провозгласил Фому одним из учителей католич. церкви. Из числа сторонников философии Фомы Аквинского выделялся Фома де Вико из Гаэты (1469—1534), кардинал и генерал доминиканского ордена, написавший обширный комментарий к его «Своду богословий» («Summa theologiae», 1507—22). Попытку юридич. и социологич. обоснования «права» папства на духовное руководство обществом предпринял кардинал Роберто Беллармино (1542—1621), один из виднейших идеологов инквизиции.

Хотя в Италии все еще господствовали католическая религия и схоластическая философия, все же им были нанесены могучие удары как итал. атеистами и материалистами, так и представителями передовой философии др. стран Зап. Европы. Эти удары были нанесены прежде всего гуманистами, много потрудившимися над возрождением антич. культурного, лит. и филос. наследия. Уже великий итал. поэт *Петрарка*, считавшийся родоначальником *гуманизма*, уделял филос. вопросам значит. внимание. Интересуясь преим. вопросами морали, Петрарка одним из первых обратился к произв. рим. философов — к Цицерону и Сенеке. Из последующих гуманистов, сыгравших заметную роль в развитии И. ф. в рассматриваемую эпоху, следует назвать Леонардо Бруни (1369—1444), к-рый сделал переводы нек-рых произв. Платона и Аристотеля с греч. на лат. яз., что способствовало адекватному пониманию воззрений двух великих представителей антич. филос. мысли. Известный гуманист *Валла* вошел в историю итал. и европ. философии как один из продолжателей морального учения эпикуреизма, к-рое под его пером становилось средством обоснования зарождавшегося бурж. индивидуализма. Под влиянием Валлы находилась Римская академия, объединявшая ученых, поэтов и философов-гуманистов, не признававших существования потустороннего мира, бессмертия души, пренебрежительно относившихся к католич. церкви и папской курии. В 1468 эта академия была закрыта по распоряжению папы Павла II, обвинившего ее членов в организации респ. заговора с целью ликвидации папства.

Дальнейшему ознакомлению с антич. филос. наследием, сыгравшим огромную роль в развитии не только итал., но и европ. философии вообще, много способствовала деятельность ряда визант. ученых, стекавшихся в Италию, особенно в связи с завоеванием Византии турками (см. *Византийская философия*). Так, для ознакомления с философией подлинного Аристотеля много сделали как своими переводами произв. философа с греч. языка на лат., так и комментариями к ним ученые греки: Георгий Трапезунтский (1396—ок. 1484), *Феодор Газа*, Иоанн Аргиропулос (ум. 1486), Эрмолао Барбаро (1454—1493). Деятельность визант. платоника *Плифона* и его

друга кардинала *Виссариона* также способствовала большому оживлению интереса к философии Платона и неоплатоников и к возникновению платоновской академии во Флоренции (1459). Гл. представители этой академии — Марсилио *Фичино* и *Пико дела Мирандола*. Деятельность платоновской академии во Флоренции — сложное и противоречивое явление культуры и философии эпохи Возрождения. С одной стороны, очевидно антисхоластич. направленность ее трудов, способствовавшая подрыву господств. религий, особенно католической. В произв. ее представителей содержится, напр., идея, согласно к-рой единая религ. «истина» не созрела и существующие вероисповедания — лишь этапы на пути к ее полному познанию, что вносило элементы *историзма* и *рационализма* в понимание религии и элементы *скептицизма* по отношению к господств. религиям. С другой стороны, общая направленность трудов флорентийских платоников, связанных с аристократич. кругами, носила религ.-мистич. характер, выражавшийся в стремлении к обновлению христианской религии на основе философии Платона. Этим объясняется и враждебная позиция, занятая флорентийскими платониками по отношению к падуанским аристотеликам-аверроистам, материалистические устремления к-рых достигают наибольшей силы в конце 15 — нач. 16 вв.

Самым ярким представителем материалистич. аристотелизма был Пьетро *Помпонацци*, опровергавший в своем произв. «О бессмертии души» (Р. Pomponazzi. De immortalitate animae) и в полемике с двумя представителями падуанского аверроизма — Агостино *Нифо* (1473—1546) и Алессандро Акиллини (1463—1518) мнение Иби Рощда об объективном, космич. существовании коллективного человека, разума и защищавший тезис о материальности, а тем самым и смертности индивидуальной человек. души. Эта материалистич. позиция Помпонацци, опиравшегося на т. зр. древнего комментатора Аристотеля *Александра Афродизийского*, получила широкое признание в Сев. Италии. Вопрос этот, органически связанный с системой моральных воззрений эпохи, принадлежал тогда к числу наиболее актуальных филос. проблем. Помпонацци был также виднейшим представителем теории двойственной истины, пропаганда к-рой была запрещена постановлением Латеранского собора (1512). Материалистич. тенденции аристотелизма были усилены Помпонацци, подчеркивающим сенсуалистич. происхождение наших знаний и развивавшим свойственный Аристотелю взгляд на отношения бога и природы, согласно к-рому бог не вмешивается в процессы природы, к-рые должны быть объяснены естеств. причинами, исключаящими чудеса. Тем самым открывались широкие возможности перед эмпирич. естествознанием, развивавшимся под покровом концепции двойственной истины. Видным натуралистом рассматриваемой эпохи, примыкавшим к линии материалистич. аристотелизма, был Андреа *Чезальпино*. Другой представитель падуанской школы философ Якобо *Дзабарелла* (1532—89) прославился своими логич. соч. Его преемник по кафедре в Падуе Чезаре *Кремонини* (1550—1631) — последний представитель школы.

Во 2-й пол. 16 — в нач. 17 вв. аристотелизм не представлял уже самого влият. направления И. ф. Для этого периода более характерны натурфилос. концепции, свободные от аристотелевских рамок и опиравшиеся на др. античные филос. источники, а также на первые успехи революц. естествознания, прежде всего — на идеи *Коперника*. Эти концепции отражали страстные стремления передовых людей эпохи к пониманию природы и к подчинению ее сил контролю человека. Натурфилос. концепции этой

эпохи в Италии были связаны с именами *Фракасторо*, *Кардано*, *Телезио*, *Патрици*, *Кампанеллы*, *Бруно*, *Вашини*. Наиболее характерными особенностями воззрений этих мыслителей являются: 1) натуралистич. пантеизм, основывающийся как на неоплатонизме, так и на стоицизме (Телезио) и переходящий у Телезио, Бруно и Вашини в материализм; 2) органистическо-гиллозонетич. взгляд на мир, выражавшийся в понимании природы как огромного (у Бруно даже бесконечного) живого и изменяющегося организма; 3) понимание человека (микрокосмоса) в качестве неотъемлемой части природы (макркосмоса); 4) элементы диалектики, проявляющиеся в подчеркивании всеобщей связности и движения вещей и процессов природы, а также в убеждении, согласно к-рому сущность изменений, происходящих в действительности, вытекает из борьбы противоположных начал (по-разному определявшихся различными натурфилософами); 5) понимание человека как части природы при довольно слабом еще познании ее подлинных элементов и законов и рассмотрении природы по аналогии с человеком, что обычно приводило натурфилософов к антропоморфно-телеологич. истолкованию природы; 6) отсюда значит. количество фантастич. элементов в воззрениях натурфилософов, выражавшихся в астрологич. суевериях, широко распространенных в эту эпоху, в увлечении магией, алхимией, каббалистич. и пифагорейской мистикой чисел и т. п.

В деятельности итал. натурфилософов важны, однако, не эти фантастич. суеверия, являвшиеся в значит. мере результатом недостаточности развития естествознания в переходную от феодализма к капитализму эпоху, сколько новый взгляд на природу и те новые науч. результаты, к к-рым они приходили вопреки своим иногда весьма фантастич. концепциям и к-рые в конечном итоге способствовали разрушению фантастики этих концепций.

Принципы материалистич. истолкования природы более четко и определенно выражены в естественнонауч. направлении И. ф. рассматриваемой эпохи. Его гл. представителями были *Леонардо да Винчи* и *Галилей*, к-рые были теснее, чем натурфилософы, связаны с практич. производств. запросами своей эпохи, более свободны от антич. источников в своем теоретизировании и не строили, в отличие от натурфилософов, широких умозрит. фантастич. концепций. Леонардо и особенно Галилей сформулировали глубокие методологич. идеи и стали первыми теоретиками экспериментально-математич. естествознания, зародившегося в рассматриваемую эпоху в связи с успехами капиталистич. способа произ-ва и вызвавшего могучий подъем технич. творчества. Леонардо, величайший универсальный гений к-рого простирался на изучение многих областей науки, вошел, кроме того, в историю итал. и европ. философии как крупный теоретик реалистич. иск-ва. Галилей же четко сформулировал принципы механистич. истолкования природы, ставшие одним из важнейших исходных пунктов в развитии механистич. и метафизич. материализма в европ. философии 17 и 18 вв.

В эпоху Возрождения Италия сделала значит. вклад и в развитие социологич. мысли, что связано в первую очередь с трудами *Макиавелли*, а также *Гвиччардини*. Макиавелли, один из самых влият. политич. мыслителей 16 в., обосновал необходимость секуляризации политики и освобождения ее не только от религии, но и от морали, став одним из первых представителей бурж. юридич. мировоззрения. Он выступил также одним из первых в новое время теоретиков общества, сущность к-рого усматривалась в неизменной «человеческой природе». Макиавелли вошел также в историю политич. мысли своей эпохи как теоретик сильного, независимого от церк. автори-

тета централизов. гос-ва. Если Макиавелли выступил идеологом итал. буржуазии и др. эксплуататорских слоев, заинтересованных в объединении Италии, то чаяния плебейских масс были выражены Кампанеллой, к-рый парисовал в своем произв. «Город Солнца» утопич. идеал коммунистич. общества, в к-ром все граждане трудятся, а распределение осуществляется по потребности. Регулированием обществ. жизни занимаются лица, выбранные гражданами соответственно знаниям и добродетели.

Гл. обр. к итал. Возрождению относятся известные слова Энгельса: «Духовная диктатура церкви была сломлена... Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до этого времени человечеством, эпоха, которая пуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многогранности и учености» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 346).

Наступление феод. реакции и сопровождавшая его католич. контрреформация постепенно низвели Италию в число отсталых стран Европы, что сказалось во 2-й пол. 17 в. также и на философии. В это время здесь не существовало ни филос. школ, ни сколько-нибудь влият. филос. направлений; в лучшем случае были талаптливые одиночки. К ним относятся крупный социолог и философ *Вико*, автор «Оснований новой науки об общей природе наций», содержащих ряд гениальных, хотя и идеалистически выраженных идей относительно закономерностей обществ. развития, к-рое он трактовал как бесконечно повторяющийся круговорот. Для филос. взглядов Вико характерен своеобразный историзм, благодаря к-рому он предвосхитил нек-рые идеи *Гердера* и *Гегеля*. Крупный юрист и публицист *Беккариа* в своей работе «О преступлениях и наказаниях» выдвинул ряд бурж.-демократич. принципов, характерных для эпохи Просвещения и отразивших борьбу против феод. ограничений и притеснений.

В. Соколов, Москва.

К нач. 19 в. И. ф. в сравнении с философией др. крупных европ. стран имела отсталый, в значит. мере эллипсич. характер. Не осталось и следа от блестящего расцвета философии в эпоху Возрождения. Упадок филос. мысли в Италии во многом обусловливался экономич. и политич. отсталостью страны и засильем католич. церкви. В И. ф. нач. 19 в. можно заметить известное влияние идей франц. просветителей. Среди итал. сенсуалистов этого периода наиболее известен *Романозо*. Однако господствующее положение в филос. мысли первых десятилетий 19 в. занимали различные направления католич. философии, среди к-рых наибольшую известность получили учения *Галлупи* (1770—1846), испытавшего значит. влияние Канта, а также *Розмини* и *Джоберти*, к-рые возглавляли первоначально т. н. либерально-католич. движение в Италии. В политич. позициях и деятельности этих мыслителей (особенно Джоберти) были определенные прогрессивные для итал. действительности того времени моменты (антифеод. и нац.-объединит. тенденции, борьба против незуитов и пр.). Что касается их филос. воззрений, то они были реакционными. Розмини и Джоберти стремились к возрождению ср.-век. религ. философии, в известной мере приспособляя ее к требованиям времени. Значит. влияние на их взгляды оказали Платон, Августин, а на Розмини также Кант. Кроме борьбы с материализмом и атеизмом, для филос. систем Розмини и Джоберти характерна резкая критика диалектики Гегеля. В противовес ей Джоберти выдвинул собственную концепцию «диалектики», ведущую происхождение от Платона и ср.-век. христ. философии. «Диалектика» Джоберти основывается на идее творца как первой и единств. причины движения и развития, на идее примирения в бож. существующих в мире противоположностей.

В 30—60-х гг. 19 в. итал. филос. и общественно-политич. мысль развивалась под влиянием усиливающейся борьбы за нац. освобождение и объединение страны, начавшейся еще в период наполеоновских войн. Заметную роль в развитии обществ. сознания итал. общества сыграли руководители этой борьбы Дж. Мадзини (1805—72) и Дж. Гарибальди (1807—82). Идеи Мадзини имели в целом положит. значение в развитии передовой итал. мысли, несмотря на их умеренность и противоречивость. Он выступил как идеолог мелкой и средней буржуазии, борющейся против монархизма и клерикализма, за нац. освобождение. Однако Мадзини проповедовал сотрудничество трудящихся и эксплуататоров, испытывал чувство страха перед народом. Мадзини, по словам Маркса, «...забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к этой веками угнетаемой части Италии...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 50). Филос. взгляды Мадзини, идеалистические по своему характеру, имели религ.-мистич. окраску. Гарибальди стоял на гораздо более революц. позициях, чем Мадзини. Хотя Гарибальди и не был теоретиком и его воззрения не отличались достаточной четкостью и систематичностью, воздействие их на передовые силы итал. общества было огромным. Гарибальди понимал, что общество расколото на две враждебные части — трудящихся и эксплуататоров. Он призывал к борьбе против эксплуататоров. Для воззрений Гарибальди характерен интернационализм. Не имея ясного представления о целях и задачах 1-го Интернационала, он, тем не менее, относился к нему с большой симпатией.

В этот период в Италии выдвинулся целый ряд прогрессивных мыслителей. Среди них — мыслитель-революционер Пизакане, представители раннего итал. позитивизма Каттанео и Феррари. Эти мыслители, принадлежавшие к республиканско-демократич. крылу освободит. движения, выдвинули ряд передовых для Италии того времени идей (концепция необходимости социальной революции, нек-рые идеи, близкие историч. материализму, и др.). Для их взглядов характерна ярко выраженная антирелиг. направленность.

В развитии И. ф. 2-й пол. 19 в. выделяются два периода. В первый (50—70-е гг.) наиболее значит. направлением в И. ф. была школа неаполитанских гегельянцев. Второй период (70—90-е гг.) характеризуется почти безраздельным господством позитивизма.

Неаполитанское гегельянство не было однородным направлением, в нем сосуществовали различные, иногда противоположные, тенденции. Наиболее известной фигурой среди правых неаполитанских гегельянцев был Вера — типичный эпигон Гегеля. Он всецело находился во власти спекулятивных догм, слепо преклонялся перед поверхностно понятой гегелевской философией.

К левому крылу неаполитанских гегельянцев принадлежали Б. Спаветта, Де Санктис, С. Спаветта и др. Левое неаполитанское гегельянство — сложное и противоречивое идейное течение. Развиваясь в эпоху борьбы за освобождение и объединение Италии, становления единого итал. гос-ва, оно, несмотря на свою политич. умеренность, было одной из форм выражения прогрессивных устремлений итал. интеллигенции. Для левых неаполитанских гегельянцев характерно стремление к преодолению догматич. гегельянства, стремление в известной мере связать свои теоретич. построения с жизнью. Отправляясь от учения Гегеля, они искали новых путей в философии. В процессе эволюции филос. взглядов Б. Спаветта и Де Санктиса в них все более обнаруживались материалистич. тенденции, к-рые, однако, не были систематизированы и не превратились у них в четкую концепцию. Левому итал.

гегельянству свойственна просветительская, гуманистич., антиклерикальная направленность.

В силу своей противоречивости неаполитанское гегельянство послужило идейным источником двух противоположных линий развития филос. мысли в Италии. Итал. марксисты (А. Лабриола и др.) стали преемниками его прогрессивных тенденций. Итал. неогегельянцы 20 в. (Кроче, Джентиле), наоборот, отсекали эти тенденции, пошли вправо, в направлении последовательного идеализма и политич. реакции.

Диалектика и материалистич. тенденции левых неаполитанских гегельянцев сыграли существенную роль в подготовке почвы для развития марксизма в Италии. А. Лабриола, первый итал. пропагандист и теоретик марксизма, был учеником Б. и С. Спаветта. Теоретич. воззрения А. Лабриолы 90-х гг., когда он после длительной идейной эволюции пришел к марксизму, представляют собой высшую точку в развитии итал. социально-политич. и филос. мысли 19 в. Свои многочисленные теоретич. работы Лабриола посвятил по преимуществу проблемам историч. материализма («Об историческом материализме», 1896, рус. пер. 1925, и др.). Лабриола боролся с оппортунизмом и ревизионизмом, хотя его собств. взгляды и не были свободны от нек-рых ошибок (колебания в сторону агностицизма, оправдание итал. внешнеполитич. экспансионизма и пр.).

После образования единого независимого итал. гос-ва, а отчасти еще в период борьбы за освобождение и воссоединение страны, в среде итал. интеллигенции широкое распространение получил позитивизм. В последние десятилетия 19 в. позитивизм почти безраздельно господствовал в итал. бурж. идеологии и культуре.

Прогрессивные моменты, содержащиеся в воззрениях представителей раннего итал. позитивизма, почти совершенно исчезли у позитивистов более позднего периода. Итал. позитивизм 2-й пол. 19 в. — крайне неоднородное, нестрое и в общем неорганичное явление. К нему примыкали люди, вышедшие из самых различных школ: ученые-естествоиспытатели, иногда близкие к вульгарному материализму, представители гуманитарных наук и т. д. На позитивистских позициях стояло большинство социалистич. теоретиков в первые десятилетия развития итал. рабочего движения. Наиболее известной фигурой среди поздних итал. позитивистов был Ардиго.

В первые годы 20 в. итал. бурж. идеологи стали отходить от позитивизма. Правящие классы искали новые формы идеологии, к-рые, с одной стороны, отвечали бы условиям начавшейся эпохи империализма и требованиям борьбы с развивавшимся рабочим движением, с другой — идеологически скрепляли бы политич. компромисс между старыми феодал. группировками и буржуазией, на основе к-рого произошло объединение страны. Идеологич. объединение различных групп правящих классов Италии не могло быть достигнуто на базе позитивистского мировоззрения, к-рое, несмотря на всю свою ограниченность, было непринемлемо для реакц. аграриев, связанных с церковью и ее идеологией. Бурж. интеллигенция искала систему, приемлемую для различных правящих группировок.

Антипозитивистская кампания в И. ф. начала 20 в. была всеобщей: против позитивизма выступали все существовавшие или возникшие в то время идеалистич. и религ. направления: неокантианцы, неогегельянцы, томисты, модернисты, мистики и даже сравнительно близкие к позитивизму прагматисты. Прагматизм (Вайлатти, Кальдерони, Папини, Преццоллини) оказался кратковрем. явлением в И. ф., в сущности, в значит. мере привнесенным извне и чуждым ей по характеру. Влияние неокантианства (К. Кан-

тони, Маши, Мареска, Баратоно, Ренада и др.) в И. ф. более устойчиво, но никогда не было преобладающим. Хотя религ. философия заняла господств. позиции в бурж. мысли Италии только к середине века, уже в этот период довольно значительным было влияние католич. (томистских и др.) и близких к ним систем (объективно-идеалистич. системы Вариско, Мартинетти и др.).

После непродолжительной конкурентной борьбы между указанными и др. направлениями господств. место в итал. бурж. философии на нек. десятилетний заняло неогегельянство и объективно-идеалистич. (Кроче) и субъективно-идеалистич. (Джентиле) формах.

Неогегельянский идеализм оказался системой, приемлемой для различных групп правящих классов Италии, давал им тщательно разработанную систему филос. и социально-политич. воззрений, объединил различные направления консервативной идеологии, светскую бурж. культуру с ее традиционным (и ставшим в неогегельянстве в значит. мере внешним) антиклерикализмом, с замаскированной защитой уточненных религ. воззрений. Итал. неогегельянцы восприняли и развили наиболее консервативные стороны неаполитанского гегельянства. Они критиковали справа философию Гегеля, считая его идеализм недостаточно последовательным. Свою задачу они видели в освобождении учения Гегеля от «ошибочной идеи природы» и превращении гегельянства в «чистую философию духа». Для бескомпромиссного идеализма итал. неогегельянства характерно отрицание какого бы то ни было познания, значения математич. и естеств. наук, за к-рыми признавалась лишь чисто утилитарная, практич. ценность. Итал. неогегельянами была предпринята «реформа» гегелевской диалектики, лишавшая ее, по существу, всякого рационального и тем более революц. содержания.

Несмотря на критику офиц. религии, итал. неогегельянцы неоднократно подчеркивали близость своих систем к религ. философии и общность их задач. Отстаивавшаяся неогегельянами «имманентистская» концепция божества, так же как и связанный с нею отказ от наивной религ. мифологии, представляли собой попытку сделать религ. концепцию более уточненной и приемлемой в совр. условиях. Сближение итал. неогегельянства с религией с годами возрастало. Как отмечают итал. исследователи-марксисты, философия Кроче и Джентиле до сих пор является одним из крупнейших препятствий для развития прогрессивной культуры, в частности в силу союза, к-рый они исторически установили в Италии с католич. спиритуализмом. Для социально-политич. концепций итал. неогегельянства характерны: защита частной собственности и системы эксплуатации, стремление доказать «вечность» капитализма и «утоничность» коммунизма, апология силы, войны, политич. макиавеллизма, крайний антидемократизм.

Итал. неогегельянство развивалось в непрерывной и ожесточенной борьбе с марксизмом. Кроче претендовал на роль «могильщика» марксизма в Италии. Однако нападки неогегельянцев, как впоследствии и политич. репрессии, не смогли предотвратить блестящего расцвета марксистской мысли в Италии. После более чем десятилетнего перерыва в конце 40-х гг. она вновь стала распространяться. Теоретич. наследие замечат. мыслителя-марксиста Грамши (Орег, v. 1—9, Torino, 1952—58; в рус. пер.— Избр. произв., т. 1—3, М., 1957—59), а впоследствии работы коммунистов, его продолжателей, философов, социологов, публицистов, доказали жизненность и непобедимость традиций марксистской мысли в Италии.

Офиц. гос. идеологией в Италии с сер. 20-х гг. до краха режима Муссолини был фашизм, типичное порождение эпохи империализма, монополистич. капитализма. Идеинные корни фашистской идеологии — в иррационалистич. и националистич. течениях европейской, в частности итал., культуры. Впоследствии эта идеология находит более или менее откровенную поддержку со стороны представителей почти всех течений итал. бурж. философии. Редким исключением в их среде были те, кто отвергали всякий компромисс с идеологией фашизма. Среди идейных вдохновителей фашистской идеологии на итал. почве следует упомянуть писателей-декадентов Мартинетти (1876—1944) и Д'Аннунцио (1863—1938). Большое влияние на формирование человеко-ненавистнич. фашистской теории оказали концепции известного итал. социолога Парето. Послужили подготовкой итал. фашизма и вопли затем в его идейный арсенал и мн. идеи итал. неогегельянцев. Дж. Джентиле, бывший первоначально, как и Б. Кроче, лидером итал. бурж. либерализма, впоследствии примкнул к фашистскому режиму и даже стал его полуофиц. идеологом. Б. Кроче, в отличие от Джентиле, после непродолжительного периода симпатии к фашизму занял по отношению к нему отрицат. позицию. Однако его оппозиция фашистскому режиму была далекой от парода, враждебной по отношению к антифашистской оппозиции демократич. сил; по своему характеру она была пассивной, основывалась на выжидат. тактике и носила поэтому двусмысленный, противоречивый характер, удерживая значит. часть итал. интеллигенции от активной борьбы с фашизмом.

Итал. неогегельянство стало сходить со сцены в 40-х гг. 20 в. Кроче не оставил филос. школы, если не считать отд. последователей (К. Антони и нек-рые др.). Влияние Джентиле продолжало оставаться весьма значительным, но его последователи существовали в виде измененного его учения. Они разделились на т. н. «левых» и «правых» джентилианцев. К «левому» джентилианству относятся своеобразные релятивистские учения Уго Спирито (р. в 1896) (т. н. «проблематизм») и Г. Калоджеро (р. в 1904). Согласно учению «левых» джентилианцев, любое окончат. науч. и филос. решение какой бы то ни было проблемы иллюзорно. Исследователю ничего не остается, как вечно переходить от проблемы к проблеме, никогда их не решая. Любая филос. система есть догматич. миф. Из всех мифов нужно избрать наименее догматический, каковым и является, по мнению Спирито, «проблематизм». Осн. задача, к к-рой, по его мнению, должен стремиться «проблематизм» и к-рая фактически недостижима, — преодолеть самого себя, прийти к собств. отрицанию, к абсолютному.

Более многочисленна и влиятельна группа т. н. правых джентилианцев. К ней относятся представители т. н. католич., или христианского, спиритуализма (М. Ф. Шакка, А. Карлини, А. Гуццо, Ф. Батталья), религ. учения, соединяющего элементы системы Джентиле с учениями Платона, Августина и Розмини. То, что большинство последователей Джентиле пришло от его философии к религии, к реабилитации католицизма — очень характерный факт, обнаруживающий одну из знаменательных тенденций итал. неогегельянства, показывающий, куда оно росло.

В центре внимания «христианских спиритуалистов», в отличие от *томизма*, офиц. философии католич. церкви, — индивидуальное сознание, «внутренний» показ пути «самосознания» к богу. «Христианский спиритуализм» отбрасывает томистскую псевдонауч. маскировку и, подобно итал. неогегельянству, откровенно выступает против науки.

Несмотря на эти и нек-рые другие различия, между двумя осн. направлениями итал. католич. философии нет принципиальной разницы. Их осн. задача — доказательство бытия бога (занимающее большое место в их работах, в частности в работах Шаппа, Ф. Батталья и др.), обоснование религ. догматов и идеологии, защита капитализма. Представители обоих осн. направлений итал. религ. философии объединяются в т. н. Галларатском движении, основанном в 1945. Ежегодно происходят съезды участников этого движения.

Итальянский, как и всякий, томизм стремится теоретически обосновать католич. религию и пытается доказать, что в совр. естествознании произошла переориентация в направлении учений Аристотеля и Фомы Аквинского. Человеч. мысль в целом, согласно томистской концепции, идет к томизму. Осн. тенденция развития человек. мысли — возрождение классич. религ. метафизики. Вопреки очевидности, итал. томисты пытаются доказать, что офиц. философия католич. церкви является живой, актуальной и отвечает всем требованиям и запросам совр. науч. и филос. мысли.

Представители томизма в Италии весьма многочисленны: Ф. Ольджати (р. 1886), К. Джакон (р. 1900), У. Падовани (р. 1894), Г. Бонтадини (р. 1903) и мн. др.

К числу направленной религ. мысли в И. ф. 20 в. относятся также и христ. *экзистенциализм*, гл. представителем к-рого является Кастелли. Итал. католич. экзистенциализм неоригинален. Более интересна итал. разновидность «атеистического» экзистенциализма, к-рая претендует на преодоление пессимизма др. экзистенциалистич. концепций. Создатель т. н. позитивного экзистенциализма *Аббаньяно* считает, что, в отличие от классич. негативного экзистенциализма, его концепция открывает перед людьми возможности выбора пути, к-рый ведет к устойчивому и счастливому существованию. Фактически Аббаньяно не удается преодолеть пессимизма экзистенциалистич. философии. Его критерий выбора формален и бессодержателен. Осн. принципы системы Аббаньяно представляют собой филос. выражение формализма бурж. демократии.

Несмотря на наличие атеистич. (часто формально-атеистических) направлений, в совр. И. ф. преобладающее положение занимает религ. мысль и близкие к ней направления.

Т. о., итал. бурж. философия со времени воссоединения страны пределала путь от антиклерикализма и борьбы с офиц. католич. идеологией (период Рисорджименто и первые десятилетия после него) к поискам компромисса с этой идеологией в универсальных системах Кроче и Джентиле, господствовавших в бурж. культуре первых десятилетий 20 в., и, наконец, к капитуляции и в значит. мере, слиянию с католич. идеологией в наши дни. Неогегельянский идеализм сыграл в этом процессе роль промежуточной ступени для перехода итал. бурж. филос. мысли на откровенные религиозно-клерикальные позиции.

Реакц. философии противостоит и весьма энергично с ней борется совр. итал. марксистская мысль. Опираясь на учение Маркса, Энгельса, Ленина, а также на богатые традиции прогрессивной итал. мысли, итал. марксисты — *Тольятти*, *Лонго*, М. Скоччмарро, *Серени*, М. Спинелла, *Банфи*, В. Джератана, Л. Ломбардо-Радиче, Ч. Лупорини, Г. Делла Вольпе и мн. др. успешно защищают, распространяют и развивают идеи марксистской теории. Центром марксистской мысли в Италии является «Институт Грамши», созданный в 1949. В стране издаются марксистские теоретич. журналы («*Rinascita*», «*Società*», «*Contemporaneo*» и др.), в к-рых регулярно публи-

куются статьи по вопросам диалектич. и историч. материализма, по философии естествознания, эстетике, критике совр. бурж. философии и т. д. В центре внимания итал. марксистов находятся проблемы теории науч. социализма и историч. материализма. Среди этих проблем выделяются такие, как вопрос о пути Италии к социализму в его общих и специфич. чертах, о закономерностях развития капитализма в совр. условиях и др. Итал. коммунисты постоянно ведут борьбу с ревизионизмом в идеологии и политике, а также борьбу с догматизмом (см. доклады Тольятти на VIII и IX съездах ИКП, его статьи в журн. «*Rinascita*», 1958, № 2, 1956, № 7, рус. пер. в журн. «*Коммунист*», 1956, № 12, брошюре Лонго «*Ревизионизм новый и старый*», 1957, рус. пер. 1958, и др.).

Большое место в работах марксистов нашего времени занимают пропаганда и разработка филос. наследия К. Маркса и В. И. Ленина. Итал. марксисты ведут упорную борьбу с реакц. философией за правильную оценку прогрессивных традиций итал. и всемирной филос. мысли. Из работ на эту тему можно отметить ряд интересных исследований о передовых франц. мыслителях 18 в., о русской философии 19 в. и особенно об итал. филос. мысли эпохи Возрождения, Рисорджименто и 20 в. Вышли работы по истории итал. марксизма — серия статей Тольятти о Лабриоле (P. Togliatti, *Per una giusta comprensione del pensiero di Antonio Labriola*, 1954; частичный пер. под назв. «*Развитие и кризис итальянской мысли в XIX веке*», «*Вопр. философии*», 1955, № 5) и «*От Гегеля к марксизму*» (там же, 1955, № 4); работа Дж. Берти «*Б. Спавента, А. Лабриола и неаполитанское гегельянство*» (G. Berti, *Bertrando Spaventa, Antonio Labriola e l'hegelismo napoletano*, «*Società*», 1954, v. 10), показывающие значение Лабриолы в истории передовой итал. мысли, его идейное формирование, в частности влияние, оказанное на него прогрессивными идеями левого неаполит. гегельянства; ряд работ, посвященных анализу различных сторон теоретич. наследия Грамши и др.

Значит. внимание итал. марксисты уделяют борьбе за совр. передовую культуру против обскурантизма католических и др. форм идеалистич. философии. В частности, подвергаются критике неогегельянские традиции и связанная с ними недооценка познавательного значения естеств. наук. В этой связи нужно упомянуть книгу Э. Серени: «*Марксизм, наука, культура*» (1949, рус. пер. 1952) и др. Вопросы диалектич. материализма, теории познания, логики, философии естествознания занимают большое место в трудах А. Банфи, Г. Делла Вольпе, Л. Ломбардо-Радиче. Среди них можно отметить во многом спорный, но представляющий несомненный интерес, капитальный труд Г. Делла Вольпе «*Логика как позитивная наука*» (G. Della Volpe, *Logica come scienza positiva*). Одна из осн. идей Делла Вольпе — идея коренного, качеств. различия и несовместимости марксистского и гегелевского диалектич. метода. Серьезную исследовательскую работу ведут итал. марксисты в области эстетики. Проблемы художеств. творчества, его метода, критика реакц. эстетич. идей, в частности неогегельянской эстетики (Кроче и др.), изучение прогрессивной эстетич. мысли прошлого — мыслителей, писателей и художников эпохи Возрождения, прогрессивных эстетич. идей Де Санктиса и др. вопросы привлекают значит. внимание совр. итал. марксистской мысли.

В своей борьбе против реакц. философии итал. марксисты находят немало союзников среди передовых представителей филос. и науч. интеллигенции. Положит. роль в анализе и оценке филос. идей нашего века, а также филос. мысли прошлого сыграли работы известного прогрессивного итал. историка

философии Э. Гарина (род. 1909), а также работы М. Аббате, напр., переведенная на рус. яз. книга «Философия Б. Кроче и кризис итальянского общества» (1959). Показательна эволюция к более прогрессивным философским воззрениям видного итал. ученого и философа *Джеймоната*, бывшего одно время признанным лидером неопозитивизма в Италии.

В целом борьба прогрессивной итал. мысли против филос. реакции ведется весьма активно и плодотворно.

С. Эфиров. Москва.
Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 62—88, 310—96, т. 2, [М.], 1941, с. 20—86, 273—78; то же, т. 1, М., 1957, с. 140—64, 277—94, 297—340, 354—61; т. 3, М., 1959, с. 528—52; т. 5, М., 1961, с. 649—76; Мелешенко З. Н., Развитие марксистской философской мысли в Италии после второй мировой войны, в кн. «Из истории марксистско-ленинской философии после второй мировой войны» [Сб. статей], М., 1961, с. 172—93; Соколов В. В., Очерки философии эпохи Возрождения, М., 1962; W e g n e r K., Die italienische Philosophie des 19. Jahrhunderts, Bd 1—5, W., 1884—86; Gentile G., Le origini della filosofia contemporanea in Italia, v. 1—4, Messina, 1917—23; Mehlis G., Italianische Philosophie der Gegenwart, B., 1932; Ruggiero G., Storia della filosofia, pt 1—4, Bari, 1920—48; его же, La filosofia contemporanea, B. Aires, 1946; Alliney G., I pensatori della seconda metà del secolo 19, Mil., 1942; Sciascia M. F., Il secolo XX, v. 1—2, Mil., 1947; его же, La filosofia oggi, v. 1—2, 2 ed., Roma—Mil., 1953—54; его же, La philosophie italienne contemporaine, P., [1953]; Sa it t a G., Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento, v. 1—3, Bologna, 1949—1951; Garin E., L'umanesimo italiano, Bari, 1952; его же, Cronache di filosofia italiana 1900—1943, Bari, 1955; Bibliografia filosofica italiana dal 1900 al 1950, v. 1—4, Roma, 1950—56; N a r d i B., Saggi sull'aristotelismo padovano dal secolo XIV al XVI, Firenze, 1958; L o m b a r d i F., La filosofia italiana negli ultimi cento anni, Roma, 1958.

ИТО ДЗИНСАЙ (Гэнсукаэ) (1627—1705) — япон. философ-материалист и литературовед. Изучал кит. философию, особенно сочинения Чжу Си. И. Д. является крупнейшим комментатором Конфуция. С 1662 порвал с чжусанским *неоконфуцианством* и создал в г. Киото Школу древних принципов («Кюгидо»), выступившую с критикой неоконфуцианского идеализма, субъективного идеализма *Ван Янмина*, буддийской и даосской мистики. В своих работах И. Д. дал материалистич. трактовку конфуцианской терминологии, отстаивая теорию о вечной и никем не созданной «итигэнки» — «единой материи» или первичной «единой материальной субстанции». Согласно И. Д., дух («ри») является «ветвью» («эда»), т. е. производным, вторичным. Он утверждал, что мир, не имеющий начала и конца, находится в непрерывном движении. И. Д. противопоставил неоконфуцианской этике также и свои этич. воззрения, согласно к-рым нравств. природа людей не является сверхъестеств. или врожденной («первоприродой»), а представляет собой естеств. результат взаимоотношений людей. В условиях токугавского абсолютистского режима И. Д. выступил с пропагандой принципов *гуманизма*.

Лит.: Х а р а Н э н с а й, Сэнтэцу содан (Разные заметки о прежних философах), в кн.: Нихон тэцугану сисо дзэнси (Полное собрание соч. по японской философской мысли), т. 4, под ред. Хасэгава Нёдзэкан, Сайгуса Хирото, Смиидзу Ёитаро, Токио, 1957, с. 61—64; Р а д у л ь - 3 а т у л о в с к и й Я. Б., Материалистическая философия Ито Дзинсай, «Советское востоковедение», 1941, № 11, с. 53—80.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

ИУДАИЗМ (от др.-евр. Йегуда, согласно библейскому мифу, основоположник племени иудеев) — термин, принятый для обозначения религ. верования, распространенных гл. обр. среди евреев. История И. условно делится на 4 периода: библейский, талмудический, раввинистический и реформированный. В библейский период И. существовали примитивные верования племен древних евреев, выражавшиеся в почитании гор, луны, растений и животных. Широко были распространены обряды (обрезание, священные пляски и т. п.). В сер. 2-го тысячелетия

до н. э. еврей-кочевники вторглись в Палестину и позаимствовали у ханаанеев нек-рые религ. обряды. В условиях разложения родового строя и возникновения классов (конец 2-го тысячелетия до н. э.) благоговение перед силами природы переносится на ваалов, т. е. идолов — покровителей полей, олинковых рощ, а также на власть вождей и старейшин. В 11 в. до н. э. складывается рабовладельч. гос-во; происходит процесс выделения из множества богов одного гл. бога Яхве (Иегова). После религ. реформ, проведенных царем Иосией в 622 до н. э., жрецы и пророки, проповедуя мопотеизм, обосновали догматику И., зафиксированную в Ветхом завете. Когда иудейское гос-во было покорено (сначала Вавилонией в 6 в. до н. э., а затем Римом в 1 в. н. э.), идеологи И. стали приспосабливать библейский И. к новым условиям. Т. о., создается обширная лит-ра, собранная и отредактированная в 5 в. под назв. *Талмуд*.

В эпоху феодализма тяжелое положение евр. народных масс, загланных в гетто, отразилось в мистич. учении *Каббала*, в к-ром элементы И. переняются с воззрениями сект *христианства* и *ислама*, с греко-араб. философией и перс. религ. представлениями. Оплотом И. в ср. века стал раввинат, к-рый в обширной лит-ре толковал религ. обряды и предписания, приумножив 613 заповедей, изложенных в Ветхом Завете, законоположениями — своеобразной системой ограждений, призванных держать народ в положении касты, в невежестве и смиреннии. В 18 в. в Польше и на Украине возникло религиозное движение хасидизма, возглавляемое И. Бештом. Основой учения Бешта является каббалистический принцип абс. всеобщия и непрерывности миротворения. Согласно Бешту, природа — одно из проявлений бога, материальные вещи — божеств. искры. Хасидизм обнаружил социальные противоречия внутри религ. общины (кагала), но назначение человека видел в служении богу, в познании божеств. тайн, в стремлении слиться с божеством путем восторженной молитвы. Преемники Бешта включили в учение хасидизма идею о цадики (праведнике), одаренном якобы сверхъестеств. силой и располагающем всей природой по своему произволу.

В эпоху капитализма И., приспосабливаясь, реформирует раввинизм. В 1842 в Германии возник «Союз друзей реформы», к-рый выступил против авторитета Талмуда и идеи о небесном избавителе (мессии), долженствующем, по учению раввинизма, вернуть иудеям «землю обетованную». Реформированный раввинизм санкционировал реакц. сионизм, возникший в конце 19 в. После 1-й мировой войны центр И. из Европы переместился в США, где насчитывается ок. 4 тыс. синагог. Все амер. учреждения И. объединены в Совет синагог Америки, в ведении к-рого находятся не только синагоги, но и религ. школы, семинары и ин-ты (Еврейский ин-т религии и Евр. теологич. семинарий рабби Элхонона в Нью-Йорке, Евр. религиозный колледж в Чикаго, ок. 3 тыс. «субботних школ» и др.). Идеологи иудаизма США пытаются связать иудейское верование с неопозитивизмом, прагматизмом и др. совр. реакц. филос. системами, чтобы превратить И. в «универсальную, чисто этическую религию...», которую рекомендовали бы сейчас всем сынам человеческим в качестве нормы и критерия религиозной истины» («Jivo-Bleter», N. Y., 1944, v. 24, № 1, p. 10—11).

В Израиле И. является официальным культом. Совр. израильские жрецы И. (С. Городецкий, М. Бубер) проповедуют неохасидизм с его тезисом, будто в Израиле «впервые открылся и постоянно пребывает дух бога Яхве», с концепцией сионизма о том, что «вокруг Сиона» должны быть собраны все

евреи. Израильская синагога защищает шовинистич. идею об избранности евр. народа, выступает против смешанных браков, дружбы арабского и евр. населения.

В СССР с ликвидацией эксплуататорских классов социальные корни И., как всякой др. религии, подорваны. Верующим евреям наравне с приверженцами др. религий предоставлена свобода отправления культа.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 14, М.—Л., 1931, с. 322—23; и х ж е, там же, т. 21, М.—Л., 1929, с. 484; Критика иудейской религии. Сб. статей, М., 1962. Б е л е н ь к и й М. С., О современном иудаизме в США и Израиле, в кн.: Вопросы истории религии и атеизма, Сб. статей, 7, М., 1959; Ша х н о в и ч М. И., Реакционная сущность иудаизма, М.—Л., 1960; W e b e r M., Das antike Judentum, Tübingen, 1921; S t e r n H., Judaism in the war of ideas, N.Y., 1937. М. Б е л е н ь к и й. Москва.

ИХВАН АС-САФА («Братья чистоты», или «Чистые братья») — группа философов 10 в. В эту группу входили мыслители Ирака (гл. обр. из г. Басра), Ирана, Азербайджана, стран Ср. Азии, Сирии. «Братья чистоты», тяготея к *мутазилитам*, *исмаилитам* и *карматам*, представляли идеологию антифеод. демократич. движения. Ставили своей задачей распространение филос. и науч. знаний среди народа. С этой целью они составили ок. 50 филос. трактатов (посланий), к-рые в совокупности представляли собой своеобразную популярную филос. энциклопедию, известную в лит-ре под назв. «Расайль ихван ас-сафа» («Послания „чистых братьев“», т. 1—4, Каир, 1928), или «Тухфат ихван ас-сафа» («Подарок „чистых братьев“», Бомбей, 1882; в рус. пер. фрагменты в кн.: Избр. произв. мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв., М., 1961; нем. пер. в кн.: Dieterici F., Die Philosophie der Araber... В.—Prz., 1858—72). Послания делятся на четыре отдела: математич. науки, естеств. науки, психологич. науки, богословские и религ.-законодательные науки. Эти послания тайно распространялись во всех странах тогдашнего мусульм. мира.

Авторы посланий держали свои имена строго в тайне, из них стали известными лишь только Зейд ибн Рифаа, Абу Сулейман Мухаммед ибн Машар аль-Бисти, Абу-ль-Хасан Али ибн Харун аз-Занджани, Абу Ахмед аль-Махараджани и аль-Авфи, принадлежавшие к различным народам. Филос. взгляды И. ас-с. были эклектичными, В вопросах логики они находились под влиянием *Аристотеля*. Их метафизика основывалась на воззрениях неопифагорейцев и учении птолономов об эманации, по к-рому все исходит из бога и в него возвращается. Человека они считали частью мирового тела, а душу человека — эманацией мировой души. В вопросах мироздания они следовали *Птолемею*, в антропологии и медицине — *Галену*. «Братья чистоты» полагали, что совершенство может быть достигнуто соединением философии с шариатом, очищенным от невежеств. искажений. Не будучи ортодокс. теологами, они допускали возможность критики Корана и проповедовали религ. терпимость. Мусульм. духовенство считало их еретиками. С конца 16 в. «Братья чистоты» перестали существовать как самостоят. направление.

Лит.: Г р и г о р ь я н С. Н., Из истории философии Средней Азии и Ирана VII—XII вв., М., 1960, с. 51—54; З а к у е в А. К., Философия «Братьев чистоты», Баку, 1961; аль-К и ф т и, Д ж а м а л ь а д-Д и н аль-Х а с а н, А х б а р аль-хукама (История мудрецов), Каир, 1909; аль-Ф а х у р и Х. и аль-Д м а р р Х., Т а р и х аль-фальсафа аль-арабийя (История арабской философии), т. 1, Каир, 1953; S t e i n e r H., Die Mu'taziliten oder die Freidenker im Islam, Ipr., 1865. А. З а к у е в. Баку.

«И ЦЗИНЬ» («Книга перемен») — один из наиболее древних памятников кит. культуры. Кит. традиц. историография причисляет «И ц.», наряду с «Ши цзином», «Шу цзином» и др. древними текстами к конфуцианским классич. книгам. По своей композиции «И ц.» состоит из 64 графич. фигур, носящих назв.

гексаграмм, с афористич. суждениями к ним гадательного характера, а также различных толкований к гексаграммам и суждениям, получивших назв. «десяти крыльев». Текст «И ц.» в том виде, в к-ром он дошел до нас, неоднороден, что свидетельствует о разновременности его создания. К самой древней части книги относятся гексаграммы и афоризмы, возникшие не позже 7 в. до н. э. Толкования являются более поздними наслоениями и относятся примерно к 4—3 вв. до н. э.; это свидетельствует, что авторство «И ц.» принадлежит не одному лицу. Первоначально «И ц.» представляла собой гадательную книгу, затем, постепенно обрастая комментариями, превратилась в филос. трактат. Наиболее важным в филос. отношении, более поздним по времени создания является «Си цы чжу ань» — Комментарий к основе текста книги. Этот раздел кит. традиция приписывает *Конфуцию*, хотя исследования совр. кит. ученых это не подтвердили. Го Мо-жо, напр., считает, что значит. часть комментариев к «И ц.» была создана в конце 3 в. до н. э. последователями *Сюнь-цзы* (см. Го Мо-жо, «Бронзовый век», 1945, рус. пер. 1959).

Гл. идея, пронизывающая «И ц.», — изменчивость всего существующего. Это выражено и в самом назв. книги — «Книга перемен». Идея движения и изменения мира, включая жизнь людей и отношения между ними, переход одного явления в другое и связь этих явлений наиболее четко выражены в комментариях «Си цы чжу ань», причем процесс изменчивости показан как следствие взаимодействия двух космич. сил — *инь* и *ян*. В «Си цы чжу ань» впервые выдвигается категория «тайцзи» — (великий предел), даётся натурфилос. значение категории *дао* и т. д. В «И ц.» нашла отражение классовая дифференциация кит. общества того времени. В комментариях к гексаграммам говорится о категории правящих людей, в число к-рых входит государь и все его помощники, и управляемых, т. е. народа, извечным уделом к-рого якобы является подчинение вышестоящим. Если грань между этими категориями будет соблюдена и каждый будет оставаться на своем месте, то мир и порядок в Поднебесной будут вечными. Филос. идеи «И ц.» оказали огромное влияние на последующие поколения кит. мыслителей различных направлений. Вокруг «И ц.» создана огромная лит-ра — до 140 комментариев, сыгравших значит. роль в развитии кит. философии.

Первый исревод «И ц.» на лат. яз., сделанный миссионером П. Регисом, появился в Европе в 1834. Из др. полных переводов «И ц.» на европ. языки лучшими считаются англ. перевод Дж. Легга, вышедший в свет в конце 19 в., и нем. перевод Р. Вильгельма, опубликованный в 1924. Эти переводы, несмотря на обстоятельность филологич. анализа, грешат общим пороком: они сделаны с позиций бурж. идеалистич. методологии. На рус. яз. в переводе Ю. Шуцкого «И ц.» опубликован в 1960.

Лит.: П е т р о в А. А., Очерк философии Китая, в кн.: Китай, М.—Л., 1940; Р а д у л ь-З а т у л о в с к и й Я. В., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947; Ш у ц к и й Ю. К., Китайская классическая «Книга перемен», М., 1960 (имеется библиогр. на кит. и япон. яз.); Y.-King, antiquissimus sinarum liber quem ex latina interpretatione P. Regis..., ed. J. Mohl, v. 1—2, Stuttgart—Tübingen, 1834—39; L e g g e J., The texts of confucianism, pt 2 — The Yi King, Oxf., 1882; W i l h e l m R., I Ging. Das Buch der Wandlungen, aus dem chinesischen verdeutsch und erläutert..., Jena, 1924; M ü l l e r R., I Ging. Das Buch der Wandlungen, aus dem chinesischen verdeutsch und erläutert, Jena, 1937; В а у н е с F., The I Ching or Book of Changes, transl. from the German version of R. Wilhelm, v. 1—2, N.Y., 1950; Ф и н Ю-л а н ь, И-чжуань-ди чжэсюэ сысян (Философские идеи в «Комментариях к И цзинь»), «Чжэсюэ яньцяо», 1960, № 7—8. Н. С е т в и. Москва.

ИШРАК (или Э ш р а к) (араб., букв. — сияние, блеск) — мусульм. философия откровения, возникшая в 12 в. Идейные истоки И. восходят к доислам-

ской религ. мысли народов Востока. Основоположником И. является *Сухраварди*. Осн. место в И. занимают зороастрийская идея двух противоположных начал — света и тьмы, и платоновское учение о двух мирах — мире идей и мире теней. Ишракисты (араб.— ишракиюн) разделяли науку на теософию и философию. Теософию они называли «эльм аль-илахи» («божественной наукой») или же «хикмат аль-кашфия» («философией откровения»), изучающей высший мир, мир света. С ее помощью можно познать абс. истину — «нур аль-анвар» («свет всех светов») путем внутр. освещения души через интуицию. Тут нет места ни чувственному, ни рациональному познанию. Этот процесс интуитивного познания, по И., проходит через определенные ступени: «сейр» («прохождение»), «сулук» («обхождение»), «кашф» («откровение»), «шухуд» («узрение») и завершается единением и слиянием познающего с познаваемым, в чем и выражается пантеизм учения И. Т. о., разум здесь бессилён, и в этом смысле теория познания И. носит агностич. характер.

Философия — это, по И., «хикмат аль-бахсия» («наука диалектики»), изучает низший мир, мир тьмы. Она утверждает роль рационального и чувств. моментов в процессе постижения окружающего мира, изучает материю, ее атрибуты, движение, пространство, время и т. д. По учению И., у человека наряду с пятью внешними чувствами имеется и пять внутр. чувств. Эти же внутр. чувства, в особенности «хисс аль-муштарак» («общее чувство»), служат посредствующим звеном между мирами света и тьмы. В идеалистической философии И. имеются элементы диалектики.

Litt.: V a u x C. de. La philosophie illuminative (Hikmet el-ichraq), d'après Suhrawardi Meqtoul, «J. Asiatique», 1902, sér. 9, t. 19; Horten M., Die Philosophie der Erleuchtung nach Suhrawardi, Halle, 1912 (Abhandlungen zur Philosophie und ihrer Geschichte, Bd 38); Schirazi, Das philosophische System, Übersetzt und erläutert von M. Horten, Stras., 1913; Махмуд ибн Масуд аль-Шерази, Шарх хикмат аль-ишрак (Комментарии о Хикмат оль-ишрак), [Тегеран, 1896—98]; Сохраварди Шахабеддин, Мосаннафате шейхе-е-эшраг... (Сочинения Шехабеддина Сохраварди), т. 1 — Кетобе Хикмат оль-ишрак (Философия ишрака), Тегеран, 1952. А. Амин-Заде. Баку.

И

ЙЕРГЕНСЕН (Jørgensen), Йенс Йёрген Фредерик Теодор (р. 1 апр. 1894) — дат. философ и обществ. деятель. Проф. философии Копенгагенского ун-та (с 1926), с 1950 — пред. Об-ва сотрудничества между Данией и Сов. Союзом. Й. — крупный представитель логич. эмпиризма в Скандинавии. Участвовал в *Венском кружке* и в создании «International encyclopedia of unified sciences». Теоретико-познават. концепция Й., названная им самим «эпистемологическим нейтрализмом», в целом являлась субъективно-идеалистической («Психология на биологической основе» — «Psykologi paa biologisk grundlag», Н. 1—5, 1941). Однако в последнее время Й. признает существование независимого от субъекта объективного мира, а сформулированные наукой законы природы трактует как «непосредственные копии объективных отношений между объектами» (см. указ. соч., 1955, s. 168, 169). Й. — противник диалектич. метода, однако стремится объективно разобраться в основах диалектич. материализма (см. «Land og Folk», 1955, Jan. 4, 6 и 8). Известен работами по истории и теории логики (в т. ч. и математической). Критиковал религию (см. «Et Gud en Virkelighed», 1935). В работе «Демократическое общество» («Det demokratiske samfund...», 1946) Й. различает «узкую» и «широкую» демократию. «Узкая демократия сходна с народным управлением, осуществляемым посредством равного и всеобщего права избирать правительство, в то время как широкая демократия сходна с народным общественным порядком без классовых или сословных различий» (указ. соч., s. 4). Й. активно участвует в движении сторонников мира; по многим общественно-политич. вопросам занимает прогрессивные позиции, к-рые нередко совпадают с позицией дат. коммунистов.

Соч.: Paul Natop som repraesentant for den kritiske idealisme, Kbn, 1918; Filosofiens og opdragelsens grundproblemer, Kbn, 1928; Filosofiens udvikling i den nyere tid, Kbn, 1931; A treatise of formal Logic, [bd] 1—3, Kbn, 1931; Aktuelle stridsspørgsmaal, Kbn, 1931; Taenkt og talt, Kbn, 1934; Filosofiske forelaesninger som indledning til videnskabelige studier, [bd] 1—2, Kbn, 1935—39 ([bd] 1, 2 udg.); Traek af deduktions-teoriens udvikling in den nyere tid, Kbn, 1937; Indledning til logikken og metodelaeren, Kbn, 1942; Den logiske empirismes udvikling, Kbn, 1948; Sandhed — virkelighed og fysikkens metode, Munksgaard, 1956.

Лит.: Whitt-Hansen J., Some remarks on philosophy in Denmark, «Philos. and Phenomenol. Res.», 1951—52, v. 12, p. 377—91. А. Мысливченко. Москва.

ЙОГА (санскр. — связь, единение и связывание) — система др.-инд. философии. Обычно Й. считается одвой из шести ортодоксальных систем др.-инд. философии. Однако по существу она есть практич. применение системы *санкхья* для достижения психич. и физич. самоподчинения. Традиционно под Й. понимают систему философа Патанджали (ок. 1 в. до или после н. э.), изложенную в «Йогасутрах» (рус. пер. 1911). Патанджали скорее систематизатор, чем творец Й., т. к. и до него существовали йогич. сочинения.

Необходимо различать филос. систему Й. от пути методов Й., являющихся частью многих других религ.-филос. систем. Цель Й. как филос. системы —

освобождение духа из потока миропроявления (самсары) и пут кармы, вынуждающих *атмана* (дух, абс. субъект) без конца перевоплощаться. Цель и смысл освобождения разными течениями понимаются различно: начиная от абс. покоя с полным угасанием самосознания и сознания вообще (нирвана ранних буддистов) до приобщения индивидуального духа (дживы) к абсолюту. В этом смысле Й. есть связь, единение. Патанджали понимал освобождение как полное обособление индивидуума от мира, разобщение субъектов и объектов, замкнутость в себе. Из множества различных частных Й. принято выделять четыре осн. течения: джняна, раджа, бхакти и карма-Й. Джняна осн. методом освобождения признает познание сущности миропроявления как иллюзорного (*веданта*) или реального (санкхья) причинно-следственного потока, с к-рым атман мнит себя связанным вследствие незнания (*авидья*). Как только незнание разрушено, атман осознает себя свободным.

Раджа (царственная) Й., опираясь на теорию джняны, разрабатывает систему психич. и физич. овладения собой с целью оторваться от внешнего мира. Эту систему разработал Патанджали в своей восьмиступенной Й., к-рую он определяет как «удержание материи мысли от завихрений». На первых двух ступенях (яма, нияма) упражняются в сдержанном поведении (безгневность, невреждение, правдивость и пр.), в соблюдении обетов. Следующие три ступени (асана, пранаяма, пратьяхара) касаются психофизич. упражнений: на ступени «асана» (осанка, положение) занимаются статич. гимнастикой в напругенных положениях, способствующей сознат. владению определ. участками тела, укреплению функций органов и пр.; вырабатываются осн. медитационные позы («лотос» и пр.), без четкой отработки к-рых нельзя приступить к упражнениям в дыхании (пранаяма), овладение к-рыми является одним из непрременных требований йоги. Й. считает необходимым уметь направлять «прану» в те или иные области тела. Пранаяма требует овладения ритмом дыхания с правильным чередованием длительности выдоха (с к-рого начинают пранаяму), вдоха и одной или двух задержек между этими фазами; они комбинируются различно по чередованию и длительности в зависимости от частных целей. Наиболее простой и безопасный вид пранаямы — уджджайя: чередование равно длящихся вдохов и выдохов, к-рые производятся возможно плавной и полной, но без насилия, что требует знания техники и понимания физиологии дыхания, без чего пранаяма вместо пользы может принести большой вред. Пратьяхара состоит в отвлечении чувств от их предметов, без чего не может быть сосредоточия. Психофизич. упражнения, весьма сложные и разнообразные, иногда выделяются в низшую школу Й. под названием хатха-Й.

Три высшие ступени Й. — психические, наз. самъямой (собранность), это: дхарана (удержание),

дхьяна (размышление) и самадхи (самоуглубление). Они различаются по степени и длительности самоуглубления: самадхи требует полноты самопогруженности с утратой всех внешних восприятий. Различается ряд ступеней самадхи с повышающимся отрывом от всего внешнего, что и знаменует достижение освобождения. «Великое самоуглубление» (маха-самадхи) кончается физич. смертью. Бхакти-Й. путем освобождения считает безраздельную преданность «высшему», пониманию к-рого постепенно расширяется вплоть до полного растворения в нем самосознания. Бхакти-Й. тесно связана с карма-Й., учащей бескорыстной деятельности в обществе и полному отказу от пользования плодами этой деятельности. Наиболее ярко бхакти-Й. и карма-Й. изложены в «Бхагавадгите» (рус. пер. 1956, изд. 2, 1960). Практика Й., имеющая многовековой опыт, широко распространена в Индии и по сей день. Однако рациональные психофизиологич. моменты Й. были извращены религ.-мистич. учениями. В этих учениях психо-физич. дисциплина Й. рассматривается как средство достижения внутр. состояния, при к-ром душа освобождается от своих телесных оков и возвращается в свое божеств. лоно. Совр. бурж. идеалистич. философия использует религ.-идеалистич. направленность филос. основ Й. для обоснования мистич. систем, проповедующих слияние с абсолютным, и т. д.

Источники: [Йогические тексты Махабхараты, в кн.: Махабхарата, пер. с санскрит., введение и примеч. В. Л. Смирнова, т. 1—2, 4, Ашхабад, 1955—58.

Лит.: Вивекананда С., Философия Йога. Лекции о Раджа-Йоге и Афоризмы Патанджали, пер. с англ., Соеница, 1914; его же, Бхакти-Йога, Лекции, пер. с англ., СПб, 1914; его же, Карма-Йога, 2 изд., П., 1916; Радхакришнан С., Индийская философия, пер. с англ., т. 2, М., 1957, с. 296—330; Deussen P., Allgemeine Geschichte der Philosophie, Bd 1, Abt. 2—3, Lpz., 1920; D a s g u p t a S., Yoga as philosophy and religion, L., 1924; его же, Yoga philosophy in relation to other systems of Indian thought, [Calcutta], 1930; Sh a s t r i H. P., Yoga, L., 1957; Ha u e r J. W., Der Yoga. Ein indischer Weg zum Selbst, Stuttg., 1958; B e h a n a n K. T., Yoga. A scientific evaluation, N. Y., [1959].

ЙОГАЧАРЫ (в и д ж н я н а в а д а) — последователи религ.-филос. школы в св. буддизме (махаяне). Осн. идеи школы появляются впервые в сер. 2 в. в трактате «Саундхириччакрасутра». Филос. система школы Й. была разработана мыслителем Асангой (4—5 вв. н. э.) в трактатах «Йогачарьябхуми», «Махаянасамнириграха» и «Абхидхармасамуччая». Брат Асанги, философ Васубандху, систематизировал положение школы в своих соч. «Вьякхьяюкти», «Вимшика» и «Тримшика». Из среды Й. вышли виджнянавадины — последователи логики, система к-рых отличалась от «философского» направления Асанги и Васубандху и была разработана основателем буддийской логики Дигнагой (5 в. н. э.) и Дхармакирти (конец 6 в. п. э.). Буддийская логика, разработанная Дхармакирти, получила широкое распространение и породила многочисл. науч. лит-ру на тибетском и монгольском языках. В Китае философия Й. стала известной благодаря переводам Парамартхи (546 н. э.) и Сюань-чжуана (ок. 650 н. э.).

Й. утверждали примат сознания и отрицали реальность внешнего мира. Дхармы, элементы бытия, не имеют самостоят. реальности; они реальны как проявления сознания. Й. «философского» направления выдвинули учение о «сокровищнице сознания», т. е. потоке состояний сознания, своего рода субстрате сознания, на к-ром отпечатываются прошлые впечатления, весь прежний опыт индивида. Согласно учению Й., существуют три вида реальности: воображаемый, зависимый (в к-ром явления наблюдаются в их причинной связи) и истинно-сущее, абсолют — чистое сознание, имманентное проявленному миру. Как и

в др. буддийских школах, средством познания абсолюта признавалось йогич. знание (см. *Йога*).

Лит.: В а с и л ь е в В., Буддизм, его догматы, истории и литература, ч. 1, СПб, 1857; Щ е р б а т с к о й Ф. И., Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. 1—2, СПб, 1903—1909; Р о з е н б е р г О. О., Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам, ч. 2, П., 1918; S t c h e r b a t s k y T. h., Buddhist logic, v. 1—2, Leningrad, 1930—32; W o l f f E., Zur Lehre vom Bewußtsein (Vijñānavāda) bei den späteren Buddhisten, Hdb. 1930 (Diss.); T a k u k a s u J., The Essentials of Buddhist Philosophy, Honolulu, 1947.

[Ю. Перух.] Москва.

ЙОДЛЬ (Jodl), Фридрих (23 авг. 1849—26 янв. 1914) — австр. философ, последователь Фейербаховского антропологизма (см. *Фейербах*), к-рому он дает позитивистское истолкование. Проф. в Праге (1885), в Вене (1896). Й. критикует идеализм (особенно платонизм, кантианство и махизм) и противопоставляет ему «реализм», критически истолкованный и ориентированный «на действительность физического» (см. «Критика идеализма» — «Kritik des Idealismus», изд. посмертно 1920). Мышление, по Й., «не создает мир, а „находит“ его и копирует. Но, признавая независимое от мышления существование объективного мира, Й. считает, что в основе его заложен разум, хотя лишь как возможность, а не как действительность. Природа, по Й., — не бог, мир — не творение бога, но бог вырастает из глубочайшей основы природы, он — в человеке, сердцах, в человеч. духе, там, где есть любовь. Отсюда Й. выводил «новую религию»: божественное не в природе или над ней, в небе, а в идеальном мире человечества. В этике Й. склонялся к «религии человечества», считал, что нет никаких всеобщих, неизменных или врожденных моральных норм, утверждал, что не следует искать основу морали в офиц. религии («Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie», Bd 1—2, 1882—89, в рус. пер. «История этики в новой философии», т. 1—2, 1896—98). Принимал участие в нек-рых движениях за бурж. реформы и в антирелиг. движениях, подвергался критике со стороны клерикалов. Совместно с Болином издал соч. Фейербаха.

Соч.: Leben und Philosophie, Halle, 1872; Wissenschaft und Religion, Fr./M., 1909; Der Monismus und die Kulturprobleme der Gegenwart, Lpz., 1911; Allgemeine Ethik, Stuttg., 1918; Lehrbuch der Psychologie, Bd 1—2, 6 Aufl., Stuttg., 1924; в рус. пер.: Этика и политическая экономика, 2 изд., СПб, 1898; Давид Юм, его жизнь и философия, М., 1904; J. Фейербах, СПб, 1905.

Лит.: В ö r n e r W., Friedrich Jodl. Gedankenblätter, Fr./M., 1914. А. Мысливченко. Москва.

ЙОНСТОН (Jonston), Ян (3 сент. 1603—8 июня 1675) — польский философ и врач. Род. в Шамотулах в семье англ. эмигранта. Образование получил в Коллегии в Торунь и в ун-те Сент-Андрус в Англии (1622—1625). Й. сотрудничал с чешским педагогом Я. А. Коменским, принимал вместе с ним участие в социальнорелиг. движении *Моравских братьев*. На развитие филос. взглядов Й. сильное влияние оказали Ф. Бэкон и Я. А. Коменский. Й. был сторонником эмпирич. философии; он считал, что наука является результатом обработки разумом данных, добытых опытом. В основном своем соч. «Постоянство природы» («Naturae Constantia», 1632) выдвинул понятие прогресса как характерную особенность развития наук и иск-ва; выступил против ортодоксальной религ. концепции хиризма о том, что мир неизбежно ухудшается. Й. указывал на необходимость в науке опыта и умозаключения. Естеств.-науч. работы Й. пантеистически трактуют природу: все мироздание надлежено жизнью, а человек — это малый космос, в к-ром отражается устройство всего мира.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 319; M y s l i c k i L., Jonston et de Spinoza, в кн.: Chronicon Spinozanum, t. 1, Hague, 1924; его же, Jonston i de Spinoza, Warsz., 1922; B i l i k i e w i c z T., Jan Jonston (1603—1675). Zywot i dzialalnosc lekarska, Warsz., 1931; Z e m s k i S., Wstep, в кн.: Jonston J., O statosci natury, [Warsz.], 1960.

К

«К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ» — фрагмент, написанный В. И. Лениным приблизительно в конце 1915 в Берне (Швейцария). Входит в «Философские тетради». В рукописи занимает место между конспектами книг «Философия Гераклита...» Лассалы и «Метафизика» Аристотеля. Впервые опубликован в журн. «Большевик» (1925, № 5—6), затем перепечатан в «Ленинском сборнике» XII (1930).

Являясь результатом изучения Лениным истории мировой филос. мысли, в особенности «Науки логики» и «Лекций по истории философии» Гегеля, фрагмент обобщает важнейшие идеи «Философских тетрадей» и является ключом к ленинскому пониманию диалектики. Плоскому, вульгарному эволюционизму, лежащему в основе оппортунизма и ревизионизма (к-рые господствовали в то время во 2-м Интернационале), Ленин противопоставил диалектическую, по существу своему революционную, теорию развития как основу понимания всех вопросов современности.

Фрагмент начинается важнейшим тезисом — «раздвоение единого и познание противоречивых частей его» составляют суть диалектики (Соч., т. 38, с. 357). Исходя из всего учения марксизма, Ленин подчеркнул центр. место закона *единства и борьбы противоположностей* в материалистич. диалектике. Этот закон выполняет роль ядра диалектики потому, что «условие познания всех процессов мира в их „самодвижении и и“, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей» (там же, с. 358). Противопоставляя метафизич. концепцию развития диалектической, Ленин показывает, что «только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, „перерывам постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового» (там же). Закон единства и борьбы противоположностей есть всеобщий закон, имеющий место «во всех явлениях и процессах природы» (там же) и действующий на всем протяжении процесса развития. Тождество противоположностей, по Ленину, не сводится к «сумме примеров», оно должно быть понято как «закон познания» (и закон объективного мира) (там же, с. 357). Во фрагменте раскрываются соотношение осн. моментов этого закона, абс. характер борьбы противоположностей и относительный характер их единства, а также противоположность диалектики субъективизму (скептицизму и софистике).

Ленин характеризует существенные черты логики «Капитала»: выделение «клеточки» конкретного целого, составляющей его простейший элемент (обмен товаров в капиталистич. обществе), анализ развития противоречий. Диалектика «Капитала» рассматривается Лениным как частный случай диалектики вообще, являющийся образцом ее изложения и изучения. На примере анализа самого простого предложения («листья дерева зелены...» и т. п.) Ленин раскрывает диалектику отдельного и общего, их тождество, связь

и показывает, что уже в анализе предложения (как и у Маркса при анализе товарного обмена) можно вскрыть зачатки всех элементов диалектики. «...Всему познанию человека вообще свойственна диалектика» (там же, с. 359), к-рая является не чем иным, как отражением «объективной природы», «превращения отдельного в общее, случайного в необходимое, переходов, переливов, взаимной связи противоположностей» (там же, с. 360). Подытоживая особенности диалектики как филос. науки, Ленин делает вывод, что в марксизме нет особой, отличной от материалистич. диалектики, теории познания. «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма...» (там же).

Раскрывая затем рациональный смысл гегелевского положения о развитии познания в виде «ряда кругов» (см. там же, с. 361), Ленин на вопрос: «обязательна ли хронология насчет л и ц» в логическом обобщении историко-философского процесса, отвечает отрицательно (см. там же, с. 360). Остановившись на недостатках метафизического материализма, «основная беда когто есть неумение применить диалектики к *Vil-dertheorie* (теории отражения. — *Ред.*), к процессу и развитию познания» (там же), Ленин отмечает различие между вульгарно-материалистич. критикой идеализма, усматривающей в нем только «чепуху», «пустоцвет» и «поповщину», и диалектико-материалистич. критикой, показывающей, как из абсолютизации отдельных моментов процесса познания вырастает идеализм. Ленин дает обобщенную формулировку осн. положений марксистского учения о классовых и гносеологич. корнях идеализма. «...Философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный» (там же, с. 360—361). Одностороннее преувеличение, абсолютизирование, отрыв от действительности отд. граней, сторон познания ведет к поповщине, выгодной господствующим классам, а потому и закрепляемой их классовыми интересами.

Осн. идеи фрагмента получили отражение и развитие в работах Ленина «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“», «Еще раз о профсоюзах...», «О значении воинствующего материализма» и др.; блестящим образом их конкретного применения явился труд «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Совр. эпоха, характеризующаяся революц. преобразованиями в экономике, быте, духовной культуре народов, борьбой двух противоположных обществ. систем, ярко свидетельствует о правильности марксистско-ленинской концепции развития.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, гл. 3, § 3; 3 в о н о в Л. Ю., Философские тетради В. И. Ленина, Л., 1949; С и д о р о в М. И., О «Философских тетрадях» В. И. Ленина, М., 1954; Р о з е н т а л ь М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; К а с ы м ж а н о в А. Х., Идеи

совпадения диалектики, логики и теории познания в «Философских тетрадах» В. И. Ленина, «Изв. АН Каз. ССР. Сер. философии, философии и права», 1959, вып. 1 (10); О «Философских тетрадах» В. И. Ленина, М., 1959; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, [М.], 1960; Суворов Л. Н., Вопросы диалектики в «Философских тетрадах» В. И. Ленина, М., 1960; Чагин И. А., Из истории борьбы за развитие марксистской философии, М., 1960.

«К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ» — филос. работа

Г. В. Плеханова, направленная против субъективного идеализма народничества и посвященная вопросам материалистич. понимания истории. Сыграла большую роль в распространении марксизма в России. Была задумана Плехановым как вторая часть его сочинения «Наши разногласия» и должна была быть издана нелегально. В конце 1892 у Плеханова уже имелся первонач. текст той главы книги, к-рая затем стала заключительной. Глава предназначалась для легального журн. «Северный вестник», но помещена там не была (впервые эти редакции последней главы под назв. «Странное недоразумение» и «Маленькое недоразумение» увидели свет в 1937 в IV сб. «Интературного наследия Г. В. Плеханова»). Плеханов окончил работу над книгой в Лондоне в 1894. Неожиданно возникла возможность издать книгу легально в России. Под псевд. Белтов книга вышла в январе 1895. «...Большой успех уже то, что Вам удалось добиться ее издания в самой стране», — писал Ф. Энгельс в письме Плеханову от 8 февр. 1895 («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951, с. 338).

Произведение было написано в период, когда центр тяжести идейной борьбы между рус. марксистами и народниками переместился в область философии и социологии. Несостоятельность народнич. идеалистич. концепции особого, некапиталистич. пути развития России была уже не только доказана теоретически, но и опровергнута самой жизнью. Идеологи либерального народничества пытались подкрепить свои позиции экскурсами в историю философии.

Проанализировав с марксистских позиций историю мировой обществ. мысли 18—19 вв. (франц. материализм 18 в., учения франц. историков времён Реставрации, теории социалистов-утопистов, нем. идеалистич. философию), Плеханов показал преемств. связь марксизма с предшествующим духовным развитием человечества; он объяснил возникновение марксистской философии как закономерный и необходимый результат развития человек. общества. Только появление марксизма сделало возможным отказаться от несостоят. идеалистич. концепции в понимании общества, а также преодолеть ограниченность метафизич. материализма и научно объяснить все стороны обществ. жизни.

Плеханов дал отпор тем рус. и зап.-европ. противникам историч. материализма, к-рые, не будучи в силах опровергнуть марксизм, пытались подменить его либо вульгарным «экономическим» материализмом, либо даже расизмом или мальтузианством.

Книга написана в полемич. форме и непосредственно направлена против *Михайловского*, *Кареева* и др. народников. Но значение ее выходит за рамки разоблачения несостоятельности народнич. субъективного идеализма, что уже само по себе в условиях России было очень важно. Плеханов показал духовное родство рус. народников 80-х гг. с нем. идеалистами-левогегелянцами 40-х гг., наголову разбитыми Марксом и Энгельсом (см. Избр. филос. произведения, т. 1, 1956, с. 607).

Плеханов охарактеризовал то принципиально новое, что дает марксистская философия. Он оценил как огромное достижение человек. мысли выделение Марксом экономич. структуры общества как объек-

тивной материальной основы обществ. жизни. Вместе с тем Плеханов вслед за Энгельсом указал на обратное воздействие надстроечных явлений на экономику, раскрыл относит. самостоятельность развития идеологии, роль идей и теорий в жизни общества.

Большое значение сыграла книга в разгроме народнич. теории «героев» и «толпы» и в обосновании марксистского решения вопроса о роли масс и личности в истории. Разоблачая представление о народе как чуждой всякого творч. элемента массе, получающей благотворное значение только в том случае, когда во главе ее становится «герой», добрая «критически мыслящая» единица, Плеханов писал: «Пока существуют „герои“, воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, — царство разума останется красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама „толпа“ станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой „толпе“, разовьется соответствующее этому самосознание» (там же, с. 693). Отсюда и задача выдающейся личности — быть неразрывно связанной с массой, выражать ее интересы и стремления, пробуждать в массах героич. самосознание, ускорять движение общества. Плеханов решительно выступил против тех, кто обвинял марксистский материализм в фатализме и хвостизме. «...Диалектический материализм не только не стремится, как это приписывают ему противники, убедить человека, что нелепо восставать против экономического необходимости, но он впервые указывает, как справиться с ней. Так устраняется не избезжней фаталистический характер, свойственный материализму метафизическому» (там же, с. 691).

Плеханов боролся с попытками врагов марксизма расчленить это единое и цельное учение и подчеркивал, что историч. материализм неразрывно связан с диалектич. материализмом, материалистич. понимание истории предполагает диалектико-материалистич. понимание природы. Плеханов раскрыл органич. единство филос., социологич. и экономич. теорий Маркса и охарактеризовал марксизм как целостное революц. мировоззрение пролетариата.

Прозв. «К вопросу о развитии...» было опытом систематич. изложения осн. положений диалектич. и историч. материализма и марксистской оценки осн. этапов истории философии. В истории философии Плеханов стремился раскрыть историю материализма в его борьбе с идеализмом как закономерный и поступательный процесс движения филос. мысли человечества.

Энгельс в письме к В. Засулич от 30 января 1895 писал: «Книга Георгия появилась очень кстати... Тем лучше, если Георгий произвел фурор» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951, с. 336—37). По свидетельству современников, после выхода книги революц. молодежь сплошными рядами покидала народнич. позиции и становилась под знамя марксизма (см. Лядов, История РСДРП, ч. 1, 1906). Один из противников марксистской философии — М. Антонов — выпустил даже в 1907 кн. «Евангелие русской социал-демократии», специально посвященную «критике» работы Плеханова.

Ленин высоко ценил эту работу Плеханова, отмечая, что на ней «...воспиталось целое поколение русских марксистов...» (Соч., т. 16, с. 243, прим.).

«К вопросу о развитии...» многократно переиздавалась. За годы Советской власти только отд. изданиями книга вышла на 12 языках общим тиражом св. 580 тыс. экз.

Лит.: Энгельс Ф., Письма [В. И. Засулич 30 янв. 1895 г., в кн.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими

политическими деятелями, 2 изд., [Л.], 1951; его же, [Письмо] Г. В. Плеханову 8 февр. 1895 г., там же; И ов ч у к М. Т., О произведении Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», М., 1940; его же, Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, М., 1960; Ф о м и н а В. А., Философские взгляды Г. В. Плеханова, М., 1955; е е же, Г. В. Плеханов и его роль в защите и обосновании философии марксизма, в кн.: П л е х а н о в Г. В., Набр. филос. произв., т. 1, М., 1956. Н. Каримская. Москва.

«К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» — произведение В. И. Ленина, анализирующее экономич. учения Сисмонди и представителей рус. либерального народничества 90-х гг. Написано весной 1897, напечатано в журн. «Новое слово» (кн. 7—10, апрель — июль, 1897); подпись: К. Т.-н.

Рассматривая спец. проблемы политич. экономии, Ленин вместе с тем много внимания уделяет методологии теоретич. исследования, развивая и конкретизируя нек-рые положения марксистской теории познания.

На материале конкретных экономич. вопросов Ленин разрабатывает проблему *противоречия*. Характерной чертой методологии Сисмонди и романтиков вообще является, по Ленину, «...непоследовательный анализ...» (Соч., т. 2, с. 117), связанная с неумением понять даже уже фиксированные в науке противоречия (см. там же, с. 117, 119). «...Констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий и к которому применима мораль расчетливого крестьянина!» (там же, с. 159). История, по Ленину, показывает «...самые разнородные приемы и способы критиковать противоречия капитализма» (там же, с. 165). Существует реакц. форма критики капитализма, состоящая в заключении «...от противоречий капитализма к отрицанию в нем высшей формы общественного» (там же, с. 192). Ленин же вслед за Марксом рассматривает обществ. противоречия как особый род связи, единства людей (см. там же, с. 198). Говоря о прогрессивном характере капитализма, выражающемся, в частности, в том, что «...все большие и большие массы населения втягиваются «в водоворот общественной жизни» (там же, с. 193), Ленин отмечает, что этот прогресс есть «...прогресс» противоречий, т. е. обострение и расширение их» (там же, с. 167).

Ленин продолжает разработку марксовской теории *абстракции*, развитую им далее в ст. «Еще к вопросу о теории реализации» (1899) и в ряде др. произведений. Ленин подчеркивает мысль Маркса о способности абстрагирования как необходимом условии теоретич. исследования. Боязнь абстракций, отмечает Ленин, приводит Сисмонди и его последователей к отказу от анализа вообще, к отступлению от науч. выводов, достигнутых уже классиками бурж. политэкономии (см. там же, с. 156). С др. стороны, Ленин указывает на неправомерность «искусственного абстрагирования», заключающегося в том, что при рассмотрении к.-л. явления отвлекаются от тех противоречий, к-рые это явление как раз и образуют (пример — определение Сисмонди понятия «нация», см. там же, с. 205).

Ленин критикует попытки объяснять явления при помощи фактов, к-рые сами требуют объяснения из какого-то более общего основания (напр., объяснять кризисы при капитализме недопотреблением). Он исходит из того, что в каждой системе явлений существует всегда осн. противоречие (в данном случае — между обществ. характером произ-ва и частно-капиталистической формой присвоения), к-рым только и можно в конечном счете объяснить все явления системы. Это противоречие и обуславливает *необходимость* явлений, в то время как все остальные объяснения не идут дальше указания на их возможность. Глав-

ное в научном наследовании — не констатация факта, а понимание его места, «необходимой связи» с развитием всей системы, в к-рую он включен (см. там же, с. 205). А «понимание необходимости явления вызывает... умение оценить его различные стороны» (там же, с. 207). Именно отсутствие понимания и е о б х о д и м о с т и явлений капитализма в России характерно для рус. народничества (см. там же, с. 208).

Ленин делает также ряд замечаний о постановке вопроса как моменте движения науч. знания (см. там же, с. 165, 170), об отсутствии истории в бурж. филос. и экономич. учениях 18 в. и мелкобурж. теориях 19 в. (см. там же, с. 176—77). В статье содержится важнейшее указание Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» (там же, с. 166).

В конце работы Ленин делает вывод: «...экономическое учение пародников есть лишь русская разновидность общеевропейского романтизма» (там же, с. 228); романтизм же понимается Лениным как указание противоречий и отворачивание от них; вместо науч. анализа противоречий капитализма, сведения их к различным интересам классов, мелкобурж. романтизм занимается моральным осуждением капитализма, идеализацией мелкого произ-ва. «...Романтик поворачивает от конкретных вопросов действительного развития к мечтаньям, реалист же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса» (там же, с. 240).

Работа вошла в сб. статей Ленина «Экономические этюды и статьи» (1898, на титуле 1899) и — с нек-рыми исправлениями и сокращениями — в сб. «Аграрный вопрос» (1908).

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 44; З а л к и н д А., Ленинская критика экономического романтизма, «Книга и пролетарская революция», 1940, № 10—11.

А. Володин. Москва.

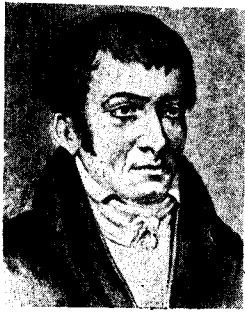
КАБАЛЬЕРО (Caballero), Хосе Агустин (1771—6 апр. 1835) — кубинский философ-просветитель, преподаватель философии в семинарии св. Карла и св. Амбросия в Гаване. Осн. филос. работа К. — «Избранная философия» («Philosophia electiva», 1797, изд. 1944) — подвергла критике схоластич. философию, господствовавшую в 18 в. на Кубе. В этой работе пропагандировались нек-рые положения Декарта и англ. материалистов. К. приписываются «Речь о физике» («Discurso sobre la fisica», 1791) и «Философская речь» («Discurso filosófico», 1798), анонимно опубликованные в кубинской газ. «Papel periódico», в к-рых остро критикуются философы-схоласты, «оставившие в стороне природу и не видевшие того, что находилось под их ногами, исследуя то, что в небесах» («Philosophia electiva», La Habana, 1944, p. XLIX). К. осуждал рабство, выступал против жестокости рабовладельцев. В своем проекте реформы системы преподавания К. требовал усилить преподавание естеств. наук, физики, химии, анатомии, математики, к-рые, по его мнению, должны были заменить бесплодные схоластич. диспуты.

Соч.: Obras, v. 1—2, La Habana, 1944—56.

Р. Бургете. Москва.

КАБАНИС (Cabanis), Пьер Жан Жорж (5 июня 1757 — 5 мая 1808) — франц. философ-материалист и врач. Примыкал к жирондистам и вместе с ними участвовал в контрреволюц. перевороте 18 брюмера. Принадлежал к школе франц. философ-материалистов, отирававшихся от физики Декарта и завершивших «картезианский материализм» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 2, с. 140). Материалистически решая вопрос о соотношении материи и психики человека, К. вместе с тем допускал механистич. упрощение в решении этой проблемы и считал

мышление физиологич. продуктом материи, утверждая, что мышление является таким же продуктом мозга, как секреции — поджелудочной железы, печени или околоушных желез. Аналогия эта давала основания считать К. одним из предшественников *вульгарного материализма* (см. Г. Таганский, Вульгарный материализм третьей четверти XIX века..., в сб.: «Из истории философии XIX века», 1933, с. 97—104; БСЭ, 2 изд., т. 19, с. 205; История философии, т. 1, 1957, с. 592). Др. авторы (см. И. Лупшол, П. Ж. Кабанис, в кн.: А. Деборин, Книга для чтения по истории философии, т. 2, с. 644—46; М. Х. Рабинович, Кабанис, Пьер Жан Жорж, в журнале: «Вестн. Акад. мед. наук СССР», 1958, №8), основываясь на том, что в конце

18 в. наука не давала еще возможности диалектически решить вопрос о единстве физического и психического, считают, что нельзя видеть в К. предшественника вульгарного материализма.

В соч. «Rapports du physique et du moral de l'homme» (1802) К. рассматривал движение как неотъемлемое свойство материи (см. «Отношение между физической и нравственной природою человека», т. 1, СПб, 1865, с. 219). Ему не была чужда идея эволюции небесных тел и животного мира; он высказывал мнение о «бесчисленных видоизменениях» и «весьма важных преобразованиях», к-рые претерпел человек (см. там же, т. 2, СПб, 1866, с. 245).

Материализм и атеизм К. не был столь последовательным и воинствующим, как у старшего поколения франц. материалистов 18 в. Отд. отступления К. от материализма (признание некоей внутр. чувствительности, агностич. идеи) впоследствии послужили поводом к неправомерному отрицанию бурж. историей философии материализма и атеизма К. (см., напр., «La Grande Encyclopedie», t. 8, P., [б. г.], p. 573—75). Вместе с *Дестютом де Траси* был основателем направления «идеологов» (см. *Идеология*). Деятельность К. оказала значит. влияние на развитие медицины и физиологии. Под его влиянием находились, в частности, амер. врачи-материалисты 18 в. (*Купер*, *Реш*, *Блюкенен*).

Соч.: Oeuvres complètes, t. 1—5, P., 1823—25; Oeuvres philosophiques, pt 1—2, P., 1956 (с предисл. J. Cazeauve).

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941 (см. Указатель имен); Карлик Л., Пьер Жан Жорж Кабанис, «Под знаменем марксизма», 1934, № 6; З а б л о д о в с к и й П. Е., Кабанис — врач-материалист XVIII в., «Клиническая медицина», 1939, т. 17, вып. 5; D u b o i s E. F., Examen des doctrines de Cabanis, Gall et Broussais, v. 1—2, P., 1842; G u i l l o i s A., Le salon de Madame Helvétius; Cabanis et les idéologues, P., 1894. М. Рабинович. Москва.

КАББАЛА (др.-евр., букв. — предание) — фантастич. тайное учение евреев, являющееся своеобразным сочетанием вост. мифологии с идеями эллинистич. науки. К. возникла во 2 в. и представляла собой смесь идей *гностицизма*, *пифагореизма* и *неоплатонизма*. Гл. соч. К. — «Сияние» («Zohar», Bd 1—3, 1558—60), написанное на арамейском яз., приписывается Симону бар Йохаю, выпущено в свет исл. евреем Моисеем де Леоном в конце 13 в.; «Книга творения» («Sefer Yezirah»), написанная на евр. яз. в 6—7 вв.

В кн. «Сияние» под видом аллегорич. толкования Библии излагается мистич. пантеистич. учение, где понятие творения заменяется понятием *эманации*. Краеугольным камнем К. является учение об «Эпсофе» (бесконечном). Согласно К., «Эпсоф» не имеет никаких положит. определений, т. к. всякое определение имеет ограничивающее значение; ему не присуци ни

слово, ни действие, ни ум, ни воля. «Эпсоф» не отделен от мира: он — субстанция, имманентная причина, одновременно — активное и пассивное начало мира. Он есть все, и отд. предметы представляют собой только выражение его единого бытия. К. окказала значит. влияние как на еврейских, так и на ряд христ. мыслителей. В 15 в. нек-рые ее идеи развивали *Нико Белла*, *Мирандола*, *Рейхлин* и др. В позднейший период своего развития К. превращается в магию, колдовство, символич. толкование «священных текстов», где каждому слову и числу придавалось особое мистич. значение. Поэтому термин «каббалистика» иногда означает вид *окультизма* и *спиритизма*.

Лит.: Трубиц Э., Очерки каббалы, СПб, 1886; Франск А., La Kabbale ou la philosophie religieuse des hébreux, nouv. éd., P., 1889; В i s c h o f f E., Die Elemente der Kabbalah, 2 Aufl., Tl 1—2, B., 1920; S c h o l e m G., Bibliographia kabbalistica, Lpz., 1927. [А. Рубин.] Москва.

КАБЕ (Cabet), Этьенн (1 янв. 1788—8 нояб. 1856) — франц. утопич. коммунист. Сын ремесленника, адвокат по политич. делам; участник движения карбонариев и революции 1830; историк революции и издатель радикально-демократич. журн. «Le Populaire» (с 1833); из-за репрессий эмигрировал в Бельгию, затем в Англию.

В 1840 К. изложил свои утопич. взгляды в романе «Путешествие в Икарию» («Voyage... en Icarie», v. 1—2) и вскоре приступил к изданию «Икарийского альманаха...» («Almanach icarien, astronomique, scientifique, industriel et social», 1843—48; 1852). Пропаганда «икарийского коммунизма» вызвала решит. противодействие со стороны реакц. сил. Вместе с тем она встретила критику и со стороны революц. коммунистов, считавших вредным план эмиграции с целью создания коммунистич. колоний. В среде франц. ремесленников и рабочих эта пропаганда имела значит. успех. При содействии *Оуэна* К. удалось получить бесплатно в Техасе участок земли для организации колонии, и с этой целью он отправился в Америку (1849). В 1851 К. вернулся во Францию, где возобновил политич. деятельность, но гос. переворот 2 дек. вынудил его эмигрировать в Лондон. В августе 1852 К. снова прибыл в Америку, чтобы наладить деятельность колонии икарийцев, однако среди последних вскоре начались раздоры, приведшие к глубокому кризису, в результате к-рого К. был исключен из колонии. Вместе со своими сторонниками он основал в 1856 другую общину, но в том же году умер.

Изучая историю Франции и Англии, познакомившись с коммунистич. утопиями, К. развил идеи коммунизма, к-рые он считал осуществимыми посредством убеждения и мирных реформ, для чего потребуются длительный переходный период. К. утверждал, что коммунизм перестал быть утопией, поскольку пром. прогресс, обеспечивая благополучие для всех, делает его осуществимым. К. мыслил коммунизм, как ассоциацию, построенную на основе равенства, братства и единства, а также на основе уничтожения аристократии, ликвидации социального неравенства и установления демократии. Такое построение общества соответствует, по К., принципам разума и требованиям природы. В рационалистич. теории К. отсутствовало правильное понимание законов историч. развития и роли пролетариата в совр. обществе. Проникнутая идеями *пантеизма*, она придавала коммунизму религ. налет. По сравнению с учениями крунейших

социалистич. мыслителей 1-й пол. 19 в. она означала шаг назад. Тем не менее, вследствие классовой незрелости пролетариата, К. на нек-рое время стал, по словам Энгельса, «признанным представителем огромной массы французских пролетариев» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 43). Маркс характеризовал К. как «самого популярного, хотя и самого поверхностного представителя коммунизма» (там же, т. 2, с. 146). После уроков революции 1848 и появления теории науч. коммунизма «икарийский коммунизм» К. вскоре сошел с историч. сцены.

Соч.: «Путешествие в Икарию» — самое популярное соч. К., впервые появилось в 1840 в Париже без указания действительного автора под заглавием: «Путешествие и приключения лорда Уильяма Керисдолла в Икарии, пер. Т. Дюфурю с английского сочинения Френсиса Адамса» («Voyage et Aventures de lord William Carrisdall en Icarie, traduits de l'anglais de Francis Adams par Th. Dufour»). Со 2-го издания (Париж, 1842) книга стала выходить как соч. Э. Кабе под названием: «Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман» («Voyage en Icarie, roman philosophique et social»); в таком виде она переиздавалась в Париже трижды — в 1845, 1846 и 1848. Книга состоит из трех частей: описание путешествия в воображаемую страну; рассказа о переходе Икарии от старого общества порядка к строю общности — коммунизму; изложения основ учения об общности. Со 2-го издания книге предпосылалось предисловие, обосновывающее цели, замысел и построение произведения.

Переводы «Путешествия в Икарию» на др. языки (нем., англ. и исп.) появились в 19 и 20 вв. (нем., Р., 1847, исп., Barcelona, 1848, 1929). На рус. яз. книга переведена в 1914 М. Эйблером под ред. В. В. Святловского (не была издана), сокращ. перевод М. П. Богословской, [М.], 1924; полный перевод издан в 1935 под ред. Э. Л. Гуревича; последний изд. 1948, ч. 1—3, [т. 1—2], с коммент. Э. Л. Гуревича и Ф. [В.] Шуваевой и вступ. ст. В. П. Волгина.

Révolution de 1830 et situation présente, P., 1832; Histoire populaire de la Revolution française de 1789 à 1830, t. 1—4, P., 1839—40; Douze lettres d'un communiste à un réformiste sur la communauté, P., 1841; Tout la vérité au peuple..., P., 1842; Propagande communiste, P., 1842; Comment je suis communiste et Mon credo communiste, 5 éd., P., 1847; Le vrai christianisme suivant Jésus-Christ, 3 éd., P., 1848; Insurrection du 23 Juin, ses causes, son caractère et ses suites..., P., 1848; Colonie ou République icarienne dans les États-Unis d'Amérique..., 2 éd., P., 1854.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1—7, М., 1955—56 (по Указат. имен); Люкс Г., Этьен Кабе и икарийский коммунизм, пер. с нем., СПб., [1906]; Гейнер А., Икарийский в Сев. Америке, пер. с нем., СПб., 1906; Волгин В. П., Французский утопический коммунизм, М., 1960, с. 207—38; Carle H. et Beluze J.-P., Biographie de Etienne Cabet, fondateur de l'école icarienne, Hivraisons 1—4, P., 1861—62; Shaw A., Icaria, a chapter in the history of communism, N.Y.—L., 1884; Воннау д. Ф., Etienne Cabet et son oeuvre, P., 1900; Рудном сау Л. J., Icarie et son fondateur, Etienne Cabet..., P., 1907; Ауган д. Р., Etienne Cabet et la république de 1848, P., 1948. И. Зильберфарб. Москва.

КАБЕШ (Kabeš), Ярослав (р. 18 июня 1896) — чеш. философ-марксист. Член Коммунистич. партии Чехословакии со дня ее основания (1921). В 20-х гг. опубликовал очерк о филос. развитии молодого Маркса (исевд. J. Tábor, Filosofický vývoj mladého K. Marxe, журн. «Komunistická revue», 1925—26), к-рый отражал процесс «возврата к Марксу», протекавший в идеологии чешского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда же К. подверг критике филос. взгляды Масарика («Socialismus a Masaryk», там же). Уже в 1926 К. писал о необходимости различать бурж. демократию и фашистскую диктатуру в целях успешной борьбы рабочего класса («Kolem fašismu», там же, 1926). В 30-х гг. К. издавал и комментировал филос. сочинения Климмы («Ladislava Klímy filosofie českých», 1945, написано в 1939), истолковывал творчество скульптора Ф. Билека («Bílek myslitel», 1942) и поэта О. Бржезины. К. перевел на чешский язык нек-рые сочинения Маркса (К. Marx, O kapitálu a jeho krí-sích, 1935; пер. под исевд. J. Lírba), Гегеля («Введение к истории философии»; рукопись), Лао-цзы («Moudrost a tajemství, Setkání s Lao-tsem», sv. 1—2, 1944—1945), издал неск. сборников своих стихотворений. Соч.: Filosof v ústí a jeho myslitelské dílo, в сб.: Stavitel chrámu, Praha, 1941 (изд. в память поэта О. Бржезины).

Лит.: Dubský I.—Stroh S., Marxistická filosofie českých zemích, в сб.: Filosofie v dějinách českého národa, [Praha], 1958. С. Штрос. ЧССР.

КАБИР — инд. поэт и мыслитель 2-й пол. 15 в. Ткач по профессии. Слушал проповеди северинд. философа Рамананда. Свои взгляды К. излагал в стихах, к-рые до сих пор пользуются большой популярностью в Сев. Индии. К. выступал против обрядов ортодоксального индуизма и ислама, утверждая, что бог находится везде и в каждом человеке, а поэтому особые места поклонения и обряды не нужны. Он не признавал также священных книг, отрицал касты и кастовые обычаи, выступал против практики аскетизма. За свои проповеди К. был выслан из Бенареса и умер в изгнании. Последователи К. образовали секту, именуемую «Кабир коптха» («последователи Кабира»). Взгляды К. оказали влияние на основателя религии сикхов гуру Нанака.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 195—96. Л. Дьяков. Москва.

КАБРАЛ (Cabrál), Домингус Гедис (1852—83) — браз. врач-материалист. В книге «Функция мозга» («As funções do Cérebro», 1876) К. выступал против религ. догмы о сотворении человека богом и защищал учение о происхождении человека от человекообразных обезьян. К. боролся за философию, основанную на естествознании, проповедовал необходимость науч. психологии и физиологии, объявлял материализм единств. мировоззрением, способным дать ответ на все вопросы, волнующие человечество. Любая теория, чуждая материализму, утверждал он, является заблуждением, метафизик. мистификацией, обманом. Материализм К. был механистически ограниченным.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 424—25; Франса Л., Noções de história da filosofia, 14 ed., Rio de Janeiro, 1955; Costa J. C., Contribuição à história das idéias no Brasil, Rio de Janeiro, 1956. Ж. Баларан. Москва.

КАБУЛОВ, Ильяс Юсунович (18 окт. 1904—5 июня 1939) — сов. философ и лит. критик. Член КПСС с 1926. Окончил Коммунистич. ун-т трудящихся Востока (1925) и филос. отделение Ин-та красной профессуры (1933). В 1933—37 — зав. отделом пропаганды и агитации Казкрайкома ВКП(б); с 5 июня 1937 по 1938 — член бюро и зав. отд. пропаганды и агитации ЦК КН Казахстана. Преподавал философию в вузах Москвы, Ср. Азии и Казахстана с 1925. К. принадлежат работы о развитии обществ. мысли в дореволюц. Казахстане, о закономерностях победы Октябрьской революции и социалистич. строительства в Казахстане, а также по вопросам эстетики и литературоведения.

Соч.: Маркс—Ленин любят сыпаны, сабақты мәселелері, «Әдебиет майданы» 1934, № 7—8. М. Байталаева, А. Шманов. Алма-Ата.

КАВАКАМИ ХАДЗИМЭ (1879—1946) — японский революционер, философ-марксист и экономист. В 1898 поступил на отделение политич. наук юридич. фак-та Токийского ун-та. В молодости, пытаясь разрешить вопрос о причинах нужды и бедности, К. Х. обратился к нравств. принципам христианства, толстовству, идеям кит. философа Мэн-цзы. Изучал бурж. политич. экономию. Позднее познакомился с трудами Маркса, Энгельса и Ленина, что определило характер воззрений К. Х. После Октябрьской революции в России он встал на позиции марксизма. В 1919 в издаваемом им журн. «Изучение социальных проблем» («Сякай мондай кэнкю») был напечатан полный перевод работы Маркса «Наемный труд и капитал»; в том же году опубликовал перевод труда Маркса «Заработная плата, цена и прибыль». К. Х. — автор соч. «Изучение материалистического взгляда на историю» («Юбуцудуцикан кэнкю», 1919), «Структура общества и социальная революция» (1922), «Краткое толкование материалистического взгляда на историю» (1922). Несмотря на усиление полицейского террора,

К. Х. продолжал заниматься революц. деятельностью. Находясь в подполье, он в 1932 вступил в ряды КИЯ. В 1933 был арестован и в течение 4 лет находился в тюрьме. Труды К. Х., особенно его соч. «Введение в „Капитал“» («Сихонрон номон»), «Ленинская диалектика» («Рэини-но бэйсэхо») и др., оказали большое влияние на распространение марксизма в Японии и спискали К. Х. известность как одного из пропагандистов марксизма-ленинизма.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 841; Кодаи и Нуши Мицуми, Каваками Хадзими, в сб.: Современные японские мыслители, Вступ. ст. Я. Б. Радудль-Затуловского, М., 1958, с. 190—204; Нарамото Тацуи, Нихон-но сисока (Японские мыслители), Токио, 1954, с. 355—368; Сайгуся Хирото, Нихон-но юбукурое (Японские материалисты), Токио, 1956, с. 285—319.

Я. Радуль-Затуловский, Ленинград.

КАВАКИБИ, аль-Кавакибби, Абдаррахман (1849—1902) — араб. просветитель и гуманист. Род. в Халебе (Сирия). Первый журналист-профессионал в родном городе. Подвергался гонениям со стороны тур. властей. В 1898 бежал в Египет. Перу К. принадлежат книги «Мекка» («Умм аль-кура», 1903) и «Природа деспотизма и борьба с порабощением» («Табан аль-истибад ва масари аль-истибад», впервые напечатано по частям в виде статей в газ. «аль-Муайяд», 1900—1901). Хотя К. как мусульм. реформатор пытался сочетать острую критику феод. застоя, политич. деспотизма и религ. фанатизма с исламом, он был одним из самых радикальных для своего времени обществ.-политич. мыслителей среди арабов. Не ограничиваясь требованием равенства людей перед законом, К. провозглашал принцип сокращения имуществ. неравенства в мелкобурж. духе. Склоняясь к ограниченной монархии, К. выдвигал на первый план идею народоправства. Горячий патриот, К. в числе первых провозгласил возможность независимого существования и самостоят. развития арабов, заложив основы идеи араб. единства. Подвергал острой критике колониализм.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 520—21; Воксельманн С., Geschichte der arabischen Litteratur, Suppl.-Bd 3, Leiden, 1942, S. 380. *З. Лесин*, Москва.

КАВЕЛИН, Константин Дмитриевич (4 ноября 1818—3 мая 1885) — рус. бурж.-либеральный публицист, историк и философ-позитивист. Род. в дворянской семье. Учился в Моск. ун-те (1835—39), слушал лекции Редкина и Н. И. Крылова. Адъюнкт Московского (1844—48) и проф. Петербургского (1857—1861) ун-тов.

В 40-х гг. — участник моск. кружка *Грановского*; был близок знаком с Белинским, Герценом, выступал как историк-идеалист, сводивший прогресс к нравств. эволюции личности. В 60-е гг. К. переходит на позиции *позитивизма*, агностицизма, резко критикует материализм. Проблематику философии К. сводит в это время к психологии и этике. В психологии К. пытается установить существенные различия между физическим и психическим, доказать непознаваемость первого и самостоятельность второго, наличие свободы воли; он отстаивает *индетерминизм* психич. деятельности («Задача психологии», 1872). В этике К. провозгласил христ. мораль завершением нравств. развития человечества, а христ. любовь к ближнему — высшим нравств. законом («Задачи этики», 1885). Идеалистич. домыслы К.-психолога были подвергнуты критике Сеченовым (И. М. Сеченов, Кому и как разрабатывать психологию? и др., в его кн.: Избр. филос. и психологич. произв., М., 1947). С др. стороны, К. подвергся нападкам славянофила *Самарина*, критиковавшим его «справу» (Ю. Ф. Самарин, Разбор сочинения К. Д. Кавелина «Задачи психологии», Соч., т. 6, М., 1887).

Один из основателей т. н. историко-юридич. гос. школы. К. придерживался идеалистич. схемы в по-

нимании рус. историч. процесса, рассматривая его, подобно *Чичерину*, как мирную эволюцию от родовых или семейных отношений к вотчинным, а затем и к государственным («Взгляд на юридический быт древней России», 1847; «Мысли и заметки о русской истории», 1866). Нар. массы третировались К. как неразвившиеся слои человеч. общества, неспособные к самостоят. историч. творчеству, как сила, враждебная обществ. прогрессу. Законы обществ. развития, по К., аналогичны законам природы и поэтому носят характер неизбежности. Классовое неравенство обосновывалось К. ссылками на физич. природное неравенство людей. К. открыто враждебен марксизму, теорию к-рого он извращал.

По политич. взглядам К. — виднейший деятель рус. либерализма 50—60-х гг. 19 в. В период подготовки крест. реформы 1861 К. предлагал освобождение крестьян с землей на основах выкупа с правительств. субсидией помещикам. К. осуждал идеи народнич. «крест. социализма», полагая, что социалистич. устройство вообще невозможно, а обществ. неравенство составляет естеств. закон. Обосновывая концепцию мирного, постепенного, строго легального развития, отрицая неизбежность революц. переворотов, К. считал революц. деятельность Герцена за границу опасной и вредной, оправдывал арест Чернышевского, с одобрением относился к борьбе царизма с революционным движением. Ленин характеризовал К. как одного «... из отвратительнейших типов либерального хамства» (Соч., т. 18, с. 13).

Соч.: Собр. соч., т. 1—4, СПб, 1897—1900; Из литературной переписки Кавелина (1847—1884 гг.), «Русская мысль», 1892, кн. 1, 3, 5, 10, 1895, кн. 2; Записки... о психизме, «Историч. архив», 1950, [изд.] 5 (комментарий Н. А. Зайончковского).

Лит.: Денин В. П., Соч., 4 изд., т. 5, с. 28, 29—30, 35; т. 18, с. 286—87; Г. Кавелин, как психолог. [Без подписи], «Отеч. Записки», 1872, № 8, 10, 11; Конон А. Ф., Памяти К. Д. Кавелина, СПб, 1885; Троицкий М. М., К. Д. Кавелин (Страницы из истории философии в России), «Русская мысль», 1885, кн. 11; Гольдцев В., Нравственные идеи К. Д. Кавелина, там же, 1892, кн. 6; Пшеска К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, Женева, 1892; В. К., Позитивизм в русской литературе, «Рус. богатство», 1889, кн. 3—4; Корсаков Д., К. Д. Кавелин. Очерк жизни и деятельности, СПб, 1896; Царолов Н. А., Экономические взгляды К. Д. Кавелина, «Уч. зап. МГУ. Тр. по истории нар. хоз-ва и экономич. учений», 1949, вып. 130; Тальников Д. Л., Концепция Кавелина и историческое значение Белинского, «Вопр. истории», 1956, № 9; Розенталь В. Н., Петербургский кружок К. Д. Кавелина в конце 40-х—начале 50-х годов XIX века, «Уч. зап. Рязан. Гос. пед. ин-та», 1957, т. 16; *с. г. о. ж. е.* Первое открытое выступление русских либералов в 1855—1856 гг., «История СССР», 1958, № 2; Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2, М., 1960 (см. Именной указатель); История философии, т. 4, М., 1959, с. 75—76. *И. Балакина*, Москва.

КАДАР (Kádár), Янош (р. 26 мая 1912) — деятель венг. и междунар. коммунистич. движения, первый секретарь ЦК Венг. социалистич. рабочей партии (ВСРП, с 1957), председатель Совета Министров Венг. Нар. Республики (с 1961).

Родился в семье рабочих; с раннего возраста работал по найму. С 17 лет — в революц. движении. С 1931 — член венг. комсомола, в том же году стал членом компартии Венгрии. В 1942 избран членом ЦК партии, в 1943 — секретарем ЦК. За революционную деятельность подвергался арестам и заключению в тюрьму. Один из руководителей борьбы венгерского пролетариата с фашистами.

После освобождения Венгрии от фашистов К. активно участвует в строительстве демократич. Венгрии,

в борьбе за социализм. В 1945—51, а затем с июля 1956 является членом Политбюро ЦК партии. Не считая периода апрель 1951 — июль 1954, когда по ложному необоснованному обвинению К. был несправедливо арестован и осужден, он всегда в гуще политич. событий, происходящих в стране. Осн. внимание в выступлениях К. уделяется насущным проблемам нар. Венгрии: формам диктатуры пролетариата, сочетанию национального и интернационального в строительстве социализма, роли партии в народно-демократич. гос-ве, единству рабочего класса и др. Анализируя эти вопросы с позиций марксистско-ленинской методологии, К. умело применяет общие положения теории науч. коммунизма к условиям Венгрии.

К. подверг обстой. рассмотрению период 1945—50 в истории Венгрии. Сплотив силы народа, партия венг. коммунистов добилась в эти годы, как указывает К., создания рабоче-крест. гос-ва, установления диктатуры пролетариата. Она руководила борьбой за осуществление земельной реформы, национализацию пром-сти, развитие крупной индустрии, социализм. преобразование города и деревни. Однако *культ личности* М. Ракоши приводит к нездоровым явлениям во взаимоотношениях руководства партии с народом. Из-за отклонений политич. линии партии от марксизма-ленинизма, имевших место в 1949—56, — указывает К., — широкие нар. массы потеряли доверие к руководству. Ошибки Ракоши и его группы «в основном состояли в игнорировании специфики и национальных особенностей Венгрии, в результате чего Ракоши и его окружение оказались через некоторое время неспособными правильно применять в условиях нашей страны основные закономерности строительства социализма, имеющие международное значение. Эти ошибки выразились, далее, в нарушении партийной демократии и социалистической законности, а также в искривлениях в экономической политике. Серьезность и злостный характер этих ошибок, а также неспособность исправить уже вскрытые и осознанные ошибки ослабили диктатуру пролетариата, вызвали глубокий кризис в партийной жизни и серьезный кризис в управлении страной. Все это, вместе взятое, создало благоприятную почву для классового врага, для развязывания контрреволюции» (Избр. статьи и речи, М., 1960, с. 502—03). «Ревизионисты, реакционная буржуазия, международный империализм использовали грубые ошибки, вызванные культом личности и сектантской политикой и в 1956 году развязали контрреволюционный мятеж...» (Выступление на XXII съезде КПСС, см. «Правда», 1961, 21 окт., с. 8).

Указание Ленина о том, что империализм всегда и везде будет поддерживать контрреволюц. силы в их борьбе против стремления рабочего класса установить свою власть и построить социализм, нашло в условиях Венгрии, — указывает К., — полное подтверждение.

К. указал на два идеологич. явления, оказавшихся действительным оружием в руках контрреволюции: национализм и бурж. извращение демократии. Борьбу против народолюбия руководители контрреволюц. мятежа 1956 прикрывали лозунгом «национальной независимости», а бурж. существо этого лозунга они маскировали рассуждениями о демократии вообще, о бесклассовой демократии. Поэтому Венг. революц. рабоче-крест. пр-во сразу же после своего образования выступило с разоблачением этой абстрактно-националистич. демагогии реакционеров. «... Мы осуждаем подмену социалистической демократии рассуждениями о „демократии вообще“...», — говорил К. — В государстве буржуазной диктатуры требование „демократии вообще“, даже без какого-либо более подробного определения, носит прогрессивный характер, ибо имеет ввиду предоставление

прав угнетенному классу — пролетариату. В государстве пролетарской диктатуры требование „демократии вообще“ без его конкретизации может быть только реакционным требованием, ибо хоть оно и имеет ввиду расширение прав подавляемого класса, но на сей раз таким классом является буржуазия» (Избр. статьи и речи, М., 1960, с. 14; см. также с. 282, 442—43).

В борьбе с контрреволюцией в 1956 были образованы ЦК Венг. социалистической рабочей партии и Венг. революц. рабоче-крестьянское правительство во главе с К.

Учитывая события 1956, К. подчеркивает важность улучшения качеств. состава партии, необходимость борьбы против ревизионизма и догматизма. «Общей чертой, присущей и ревизионизму и догматизму, — говорит К., — является отрицание марксистской теории познания, субъективное мировоззрение. Субъективизм — это такой метод, который оставляет без внимания факты и законы объективной действительности. Марксистская теория познания требует постоянного изучения объективных фактов действительности» (там же, с. 545). Важнейшей отличит. чертой марксизма является метод диалектич. мышления. «Марксизм учит, — говорит К., — что все зарождается и отмирает, что противостоящие силы вступают в борьбу друг с другом, что вещи требуют все нового и нового анализа. Взгляд по какому-нибудь политическому или практическому вопросу, сформулированный в свое время марксизмом, позже, при совершенно других обстоятельствах, в изменившихся условиях, не может оставаться неизменным на все сто процентов. ...Суммирование, обобщение и анализ практического опыта приводят к созданию теории, но теория, в свою очередь, оказывает влияние на практику. ...Теория существует для практики, другого назначения она не имеет» (там же, с. 279—280).

В выступлениях К. показывается несовместимость концепции культа личности с марксизмом-ленинизмом. В ст. «Идеи Ленина побеждают» («Правда», 1961, 26 дек., с. 3) К. пишет: «Наделяя одного человека сверхъестественными способностями, культ личности является в рядах революционного рабочего движения отражением идеалистического мировоззрения. Сначала был „господь бог“, который по религиозному верованию все видел, все знал и мудро правил судьбой мира. В период культа личности из Сталина, Ракоши и им подобных создавали каких-то всевидящих и всезнающих и всем мудро правящих сверхчеловеческих существ. Такой взгляд чужд нашему научному мировоззрению, марксизму-ленинизму и ничего общего не имеет с диалектическим материализмом. Само собой разумеется, что он в такой же степени чужд социалистическому общественному строю, созданному рабочим классом Советского Союза и других социалистических стран».

К. указывает, что «... привлечь массы на свою сторону невозможно без пропаганды идей марксизма-ленинизма, без ясных марксистско-ленинских ответов на постоянно возникающие новые вопросы общественной жизни, классовой борьбы» (Избр. статьи и речи, М., 1960, с. 11). Под руководством К. Венг. социалистич. рабочая партия развернула большую идеологич. работу среди масс, ведет активную борьбу с бурж. идеологией.

К. играет активную роль в борьбе за мир (см., в частности, его выступление на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Решить жизненно важные для судеб человечества проблемы», «Правда», 1960, 5 окт., с. 2—3). Вместе с тем К. указывает, что мирное существование, за к-рое борются все прогрессивные силы, не означает мира в области идей.

К. принимал участие в Советских собраниях представителей коммунистич. и рабочих партий в Москве (1957 и 1960).

Соч.: Szilárd népi hatalom: független Magyarország, [Börst], 1959; Социалистическое преобразование сельского хозяйства Венгрии, «Проблемы мира и социализма», 1961, № 6.

КАЗАНДЖИЕВ, Спиридон Спасов (23 дек. 1882—13 мая 1951) — болгар. психолог и философ-идеалист. Профессор (1924—48), академик (с 1941). Последователь Вундта. В психологии стоял на позициях психофизич. параллелизма. Утверждал, что «без веры нет объективного знания».

Соч.: Критически опыт върху метафизиката на Вилхелм Вундт, С., 1919; Знание и вера в научното познание, С., 1922; Истина и очевидност. Wahrheit und Evidenz, S., 1936; Психология на възприятието, 2 изд., С., 1940; Обща психология, 3 изд., С., 1946. С. Донецки. НРБ.

КАЗАХСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. До Октябрьской революции 1917 казахский народ находился в состоянии культурной отсталости. В этих условиях вплоть до появления письма, лит-ры думы и чаяния трудящегося народа, его мечты о свободе, стремление познать тайны окружающего мира находили выражение в устном творчестве. Господствующей в патриархально-феодалном Казахстане была религ. идеология, представлявшая собой соединение *ислама* и шаманства. Шаманство у казахов «...смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской...» (Валиханов Ч., Избр. произв., Алма-Ата, 1958, с. 145).

Присоединение Казахстана к России (началось со 2-й четверти 18 в., завершилось в сер. 19 в.) ликвидировало вековую замкнутость натурального х-ва казахов, способствовало экономич. и культурному развитию края, подъему антифеодалного просветительского движения. Со 2-й пол. 19 в. начинается новый период в развитии филос. и обществ. мысли Казахстана. Просветители — *Валиханов*, *Алтынсарин*, *Абай Кунанбаев* — выступают против бесправия и угнетения масс, разоблачают эксплуататоров народа. Ратуя за ликвидацию отсталости Казахстана, призывая к развитию дружбы между народами, они критикуют колониальную политику царизма. Свои взгляды они стремятся обосновать, опираясь не на миф и веру, а на человек. разум и науч. данные; познание рассматривается ими как отражение объективного мира. «... Ум и знания — это уже плоды труда, — писал Абай Кунанбаев. — Видя глазами, слушая ушами, держа руками, пробуя на язык, нюхая носом, человек познает мир» (Собр. соч., М., 1954, с. 398).

Революция 1905—07 в России дала сильный толчок росту освободит. движения. Обострение социальных противоречий обусловило формирование различных идейных течений в казахской филос. и обществ. мысли.

Развитие капитализма способствовало усилению мистич. настроений казахских феодалов, идеологию к-рых выражало религ.-мистич. течение. Представителями этого течения, продолжавшего традиции нек-рых поэтов 2-й пол. 19 в. (Канаев Ш., Дулат Бабатаев), были Шакарим, Ж. Копеев и др. Хотя нек-рые из них (Копеев, Аубакир) указывали на полезность светского образования, в целом они отрицательно относились ко всему прогрессивному в экономике и культуре, пропагандировали ислам, распространяли религ.-мистич. поэмы («Зархум», «Сейфульмулик», «Сал-Сал», «Сейт-Баттал» и др.).

Интересы тех феодалов, к-рые приспособивали свое хозяйство к потребностям рынка и постепенно превращались в капиталистов-скотовладельцев, находили выражение в консервативно-бурж. течении. Это течение было представлено газ. «Казак» (1913—18), вокруг к-рой объединялись А. Байтурсунов, М. Дулатов, А. Букейханов и др., составившие впослед-

ствии руководящее ядро контрреволюц. бурж.-националистич. партии «Алаш». Сторонники этого течения стояли за постепенную эволюцию края к капитализму при сохранении кочевого и патриархальных обычаев и традиций. В отличие от религ. мистиков, они выдвигали на первый план вопросы социально-политич., хозяйственного, культурного развития; в то же время выступали в защиту религии.

С развитием капиталистич. уклада в Казахстане парождалась нац. буржуазия, наживавшая состояние на торговле и эксплуатации наемного труда. Интересы этого слоя отражало прогрессивное бурж. направление, представленное журн. «Айкан» (1911—15), газ. «Казахстан» (1911—13), «Алаш» (1916—17) и др. Представители этого направления (М. Сералин, Б. Каратаев, О. Карашев, Е. Бюирин, К. Тогусов и др., впоследствии перешедшие на сторону революции и на службу Сов. власти) в общесоциологич. и религ. вопросах принципиально не расходились с деятелями консервативно-бурж. течения; однако они критиковали консервативные воззрения газ. «Казак» по вопросу о перспективе развития Казахстана, призывали казахов перейти к оседлости, порвать с кочевым образом жизни.

Интересы и чаяния трудящихся масс были выражены в демократич. течении, представленном поэтом-мыслителем *Торайгыровым*, сатириком С. Донентаевым, писателем и педагогом С. Кубеевым и др. Продолжая традиции просветителей, эти деятели выступали против бесправия масс и произвола властей. Они резко осуждали деятельность мусульм. духовенства, показывали вред, наносимый народу религ. суевериями. Торайгыров считал служителей религ. культа «духовными угнетателями» народа; религию он рассматривал как «результат векового невежества» людей, мечеть называл «бессмысленным» учреждением. Материальный мир для Торайгырова вечен и бесконечен, находится в процессе непрерывного изменения, подчиняется объективной закономерности.

В нач. 20 в. распространяется марксистская лит-ра. В край проникают большевистские газеты «Искра», «Звезда», «Правда», на страницах к-рых помещались корреспонденции о жизни рабочих Казахстана, об их борьбе против эксплуататоров. В г. Верном (ныне Алма-Ата) и др. местах были созданы нелегальные биб-ки, включавшие произведения классиков марксизма-ленинизма («Наемный труд и капитал» Э. Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, ряд работ В. И. Ленина). Местные группы и орг-ции РСДРП издавали и распространяли революц. прокламации.

Победа Октябрьской революции обеспечила торжество марксизма в Казахстане. Осн. вопросом, вокруг к-рого шла идейная борьба в первые годы Сов. власти, был вопрос о строительстве социализма. Буржуазные националисты (А. Байтурсунов, А. Букейханов и др.), ранее (1917—18) писавшие о невозможности «построения социализма в течение ближайших столетий», выдвигали теперь идею об автоматич. переходе Казахстана к коммунизму, поскольку у казахов, как писал Байтурсунов, «нет ни капитализма, ни классовой дифференциации, даже собственности у них не так резко разграничена, как у других народов», а «многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием». Цель, подобных «теоретических» ухищрений состояла в том, чтобы воспрепятствовать ликвидации казахского байства как класса, власти скот и имущество феодалов от конфискации. Большевики Казахстана, руководствуясь ленинским положением о переходе отсталых стран «... к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капита-

листическую стадию развития» (Ленин В. И., Соч., т. 31, с. 219), разоблачали эти националистич. «теории», вели воспитат. работу среди трудящихся, подготавливая их к коренным социальным преобразованиям, к ликвидации эксплуататорских классов и коллективизации с. х-ва. Значит. роль в идейно-теоретич. борьбе против реакц. и отживающего мировоззрения сыграли решения компартии по идеологии, вопросам, а также парт. и сов. печать.

Совершившаяся под руководством Коммунистич. партии культурная революция вызвала огромный интерес трудящихся к изучению марксизма-ленинизма. Большое значение имело создание таких учебных заведений, как Коммунистический вуз (1930), Казахский ин-т марксизма-ленинизма (1931—40), в к-рых готовились партийно-сов. работники, пропагандистские и теоретич. кадры.

В 1931 был создан Казахский н.-и. ин-т марксизма-ленинизма (КНИИМЛ), впоследствии преобразованный (1940) в Казахский филиал ИМЛ при ЦК КПСС и Ин-т истории компартии Казахстана. Сотрудники этих ин-тов, выпускники Ин-та красной профессуры, И. Ю. Кабулов, Э. А. Порядин, А. Лекеров, М. Туленов выступали с теоретич. статьями, в к-рых с марксистских позиций освещали вопросы развития Казахстана к социализму, проблемы нац. культуры. С 1931 в вузах Казахстана преподается курс марксистской философии на казахском языке. В числе первых читал этот курс У. Балхашев. В изучении марксистской философии сыграл важную роль перевод на казахский язык осн. произведений В. И. Ленина (Избр. произв. в 6 томах, 1938—41, «Материализм и эмпириокритицизм», 1941).

Значит. работа в области философии проделана в послевоен. период. На казахский яз. переведено 4-е изд. Соч. В. И. Ленина, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, труды Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах...», «Проложение семьи, частной собственности и государства», переводится «Капитал» Маркса. Философами республики издав ряд монографий и научно-популярных работ по диалектик. и историч. материализму, истории филос. и обществ.-политич. мысли Казахстана (Х. Айдарова, Чокан Валиханов, 1945; К. Бейсембиев, Мировоззрение Абая Кунанбаева, 1956; Н. Джандильдин, Некоторые вопросы интернационального воспитания, «Коммунист», 1959, № 13; его же, Вопросы интернационального воспитания трудящихся в современных условиях, «Вопр. философии», 1961, № 6; О. А. Сегизбаев, Социологические взгляды Ч. Ч. Валиханова, там же, 1959, № 3; А. С. Ситдыков, Педагогические идеи и просветительская деятельность И. Алтынсарина, 1949; коллективный труд «О закономерностях перехода ранее отсталых стран к социализму», 1961; С. Б. Башнев, Победа социализма в Казахстане, 1961; работы Ж. Туленова, Н. Мусабоевой, Н. В. Преснякова, К. Х. Рахматулина, Г. Югая, Ж. Абдильдина, Н. Сарсенбаева, Д. Кшибекова, М. Сужикова и др.).

При АН Казах. ССР создан (январь 1958) Ин-т философии и права, издавший 4 тома «Трудов» своих сотрудников; в шести вузах республики имеются кафедры философии. На октябрь 1961 в Казахстане имелось 31 кандидат филос. наук (около половины к-рых составляли казахи) и один доктор филос. наук.

Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 420—22; т. 4, М., 1959, с. 259—63; Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 784—801; Бейсембиев К., Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века, Алма-Ата, 1957; его же, Идеино-политические течения в Казахстане конца XIX—начала XX века, А.-А., 1961. К. Бейсембиев, Алма-Ата.

КАЙРИС (Καίριος), Теофило́с (1784—1853) — греч. философ, обществ. и религ. деятель. Род. на

о. Андрос, учился в Пизе, затем в Париже. С 1810 преподавал философию в Смирне и Кидоние. К. — член тайного освободит. общества «Филики Гетерия», принимал активное участие в нац.-освободит. войне 1821—30. В 1839 по требованию Синода выслан из Греции. В 1844, после принятия закона о свободе вероисповедания, вернулся на родину, но в связи с ростом популярности его учения в кругах либеральной молодежи в 1852 был арестован и приговорен к двухлетнему заключению. К. пытался обосновать особую религию «благочестия» (θεοσεβεία). В теол. форме К. проповедал необходимость науч. знаний, веру в силу разума, критиковал догмы православия и взгляд на познание как откровение, что имело прогрессивное значение в условиях господства визант. схоластики. Однако эти идеи К. развивал на идеалистич. основе, пытаясь совместить христианством с франц. рационализмом и кантианством.

Соч.: Καίριος Θεοσεβείας, Ἐπιλογαὶ φιλοσοφίας ἢ τῶν περὶ τὰ θεοσεβείας θεωρητικῶν θεωρητικῶν τὰ στοιχειώδη, Ἀθήνα, 1851; Γνωστικὴ ἢ τῶν πρὸς ἀνθρώπου γνώσεων οὐκ ἔχουσιν, Ἀθήνα, 1849; Φιλοσοφία καὶ ποιητικὴ, Πάρις, 1875; Θεολογία, Λονδίνο, 1852.

М. Петров, Ростов-на-Дону.

КАЙБАРА ЭКИЭН (Э к к эн) (1630—1714) — японский философ, врач по профессии, один из виднейших представителей философии просвещения в Японии. Находился вначале под влиянием буддийской философии, однако, познакомившись с конфуцианской лит-рой, отошел от *буддизма*. Эволюция воззрений К. Э. отражала процесс усадки и разложения идеалистич. чжусианской философии, являвшейся офици. идеологией. Среди соч. К. Э. выделяется трактат «Великие сомнения» («Дайгироку»), в к-ром К. Э. высказывал сомнения в состоятельности чжусианской философии, утверждавшей, что ри (ли) — дух является первичным, а ки (ци) — материя вторичной. К. Э. считал, что истина только та наука, к-рая проверена практикой и служит «потребностям народа». Филос. и просветит. деятельность К. Э. оказала большое влияние на развитие материалистич. мысли в Японии.

Лит.: Сайгуса Хирото, Нихон-но юбуцурончи (Японские материалисты), Токио, 1956, с. 41—52; Радль Я. В., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 314—19; Нихон ринри икэн (Собр. соч. по японской этике), т. 8, Токио, 1901—03.

Н. Радль-Затуловский. Ленинград.

КАЙЛА (Kaila), Эйно (9 авг. 1890 — 31 июля 1958) — фин. бурж. психолог, философ и логик, представитель логич. позитивизма. Проф. философии в ун-тах Турку и Хельсинки. Член Финской и Шведской АН. Сыграл большую роль в развитии логики и психологии в Скандинавии: основал исследоват. ин-ты по психологии в Швеции и Финляндии; в 30—40-е гг. вел преподавание и изучение математич. логики. В ранних работах по теоретич. психологии К. испытал влияние *психоанализа*, *биогеноризма* и особенно *гештальтпсихологии* («Структура разума» — «Sielunelämän rakenne», 1923, и «Личность» — «Personallisuus», 1934). В 30-е гг. участвовал в работе *Венского кружка* и развивал его проблематику: принцип верификации, проблема единого языка науки, физикализм, проблема чувственных данных («Человеческое познание. Чем оно является и чем не является» — «Inhimillinen tieto. Mitä se on ja mitä se ei ole», [1939]; «О системе понятий действительности» — «Über das System der Wirklichkeitsbegriffe» [1936]; «О физикалистском понятии действительности» — «Über den physikalischen Realitätsbegriff», 1941). В логике К. работал над проблемами дедуктивного вывода, индукции, вероятности и диспозициональных высказываний.

В последние годы жизни К. занимался филос. вопросами естествознания, пытаясь на основе холистского принципа целостности «унифицировать» физику,

биологию и психологию. В 4-й части планируемой 3-томной работы «Terminalkausalität als Grundlage eines unitarischen Naturbegriffs» (Т I 4, 1956) он успел рассмотреть лишь филос. аспекты атомной физики. В этой работе К. предложил свою теорию причинности, к-рая, в противоположность строгой (наподобие лапласовской), включает в себя нек-рые элементы вероятности. В примерах с монетой и стационарным состоянием атомов эта причинность схожа с нек-рого рода статистич. закономерностями, в к-рых остается неопределенным ряд ненулевых вероятностей.

Социально-политич. взгляды К. носили реакционный, антимарксистский характер. К. считал, что объяснение всех обществ. явлений может дать только психология, изучение психики отд. личностей.

Соч.: Sielunelämä biologisena ilmiönä. Helsingi, 1920; Der Satz vom Ausgleich des Zufalls und das Kausalprinzip, Turku [Åbo], 1924; Die Prinzipien der Wahrscheinlichkeitslogik, Turku [Åbo], 1926; Nykyinen maailmankäsitys, Helsingi, 1929; Der logistische Neopositivismus, Turku, 1930; Syvähenkinen elämä, Helsingi, 1943.

Лит.: Kraft V., Der Wiener Kreis, W., 1950; Wright G. H. von, E. Kaila, «Theoria», 1958, v. 24, pt 3, p. 137—38; Lehtovaara A., Eino Sakari Kaila, «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1959», Helsingi, 1960.

П. Добролюбов. Москва.

КАЛАМ (араб., букв.— слово, речь)— мусульм. схоластич. богословие, спекулятивная догматика. Возник во 2-й пол. 8 в. в среде *мутакаллимов*. Однако основоположником К. считается Ашари, живший в конце 9 — нач. 10 вв. Представители К.— мусульм. богословы мутакаллимы — разрабатывали в своих соч. нек-рые вопросы онтологии, исходя из осн. догмата *ислама* — единства бога-аллаха. Предметами умозрит. рассуждений и схоластич. хитросплетений мутакаллимов являлись также догматы атрибутов аллаха, об отошении аллаха к миру и человеку, о предопределении, о несовершенном *Коране*, якобы содержащем божеств. откровение, о сотворении мира и о конце мира, о страшном суде, о посланничестве пророка Мухаммеда и т. п. Развитие К. завершилось в соч. мутакаллима Бахыллани (ум. 1013). От мутакаллимов К. воспринял своеобразную атомистич. систему, имевшую только нек-рое внешнее сходство с филос. системой Демокрита. См. лит. к ст. *Ислам*. Е. Беллев. Москва.

КАЛАНДАРШВИЛИ, Григорий Матвеевич [р. 7(20) марта 1904] — сов. филос. наук (с 1962). Член КПСС с 1957. Окончил Тбилисский ун-т (1931) и аспирантуру моск. ИФЛИ (1935). Преподавательскую работу по философии вел в 1940—1960. Зав. отделом логики Ин-та философии АН Груз. ССР (с 1960). Разрабатывает проблемы диалектич. логики, истории логики нового времени.

Соч.: Очерки по истории логики в Грузии Тб., 1952, 2 изд., 1953; О соотношении диалектической логики и логики формальной, «Труды Дальневост. Политехнич. ин-та», 1959, т. 53, вып. 3; В. И. Ленин о «Науке Логике» Гегеля, совм. с И. К. Тавадзе, Тб., 1959; Диалектическая логика об отражении в мышлении объективных противоречий, Тб., 1961 (автореферат докт. дисс.).

КАЛИНИН, Михаил Иванович [7 (19) ноября 1875—3 июня 1946] — деятель Коммунистич. партии и Сов. гос-ва, пропагандист марксистско-ленинской теории. Род. в крест. семье в дер. Верхняя Троица Тверской губ. (ныне Калининская обл.). С 1896 работал на Путиловском з-де в Петербурге, где организовал рабочий революц. кружок. Большое влияние на формирование марксистских взглядов К. оказала работа Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». В кружке К. изучали также произведения Маркса, Энгельса, Плеханова и др. Предметом бесед были и книги по философии.

В 1898 К. стал членом РСДРП. За революц. деятельность К. неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылкам. Во время революции 1905—07 К. возглавлял большевистскую организацию на

Путиловском з-де. В годы реакции он много внимания уделял занятиям по философии [см. «Четыре поколения (Парвская застава)», Л., 1933, с. 107, «История Путиловского завода», 1939, с. 262]. В 1912 К. был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП(б) и членом Рус. бюро ЦК, а осенью 1913

кооптирован в члены ЦК. В 1912—16 К. работал в Петроградском комитете партии. После Февральской революции 1917 при участии К. выходит первые номера «Правды». В напечатанных здесь статьях «О земле» и «Революция и деревня» К. писал, что революция не имеет целью разрушение культуры, она призвана приумножить духовные и материальные ценности. «Восставший народ творит, создает, он должен создавать, если хочет довести революцию до конца» («Правда», 1917, 19 марта). К. принимал активное участие в Октябрьской революции 1917. В 1919 К. по предложению Ленина был избран пред. ВЦИК РСФСР; в 1922 он становится пред. ЦИК СССР, а в 1938 — пред. Президиума Верховного Совета СССР.

Ленин высоко ценил К. как революционера, сочетавшего в себе глубокие теоретические знания и большое практич. знакомство с жизнью рабочих и крестьян, как одного из лучших пропагандистов политики партии (см. Соч., т. 29, с. 209—12).

Пропагандируя марксистское учение, К. указывал, что «коммунистическое мировоззрение является тем же самым для борцов пролетарской революции, чем... для астронома является огромнейший телескоп, а для лабораторного исследователя — микроскоп» («О воспитании и обучении», 1957, с. 50). Марксистско-ленинизм есть синтез, обобщение истории, метод науч. подхода к обществ. явлениям; его знание необходимо всем работникам нар. х-ва и деятелям культуры. На ярких примерах К. показывал, что умение применять диалектич. метод связано с глубокими знаниями в области своей профессии. К. резко выступал против отрыва науки, от потребности жизни общества. «Всякая новая мысль ценна лишь постольку, поскольку она может быть сохранена для потомства, и поскольку ее восприняли и использовали в своих интересах массы» («Правда», 1925, 8 сент.).

Освещая в своих выступлениях место и роль религии как антипода науки, К. показывал причины возникновения религ. верований, реакц. сущность религии. В дооктябрьский период он помогал большевикам-депутатам IV Думы разоблачать духовенство как слугу царского пр-ва, помогающего закабалить народ (см. «Историк-марксист», 1940, № 12, с. 23). Выступая на Всесоюзном съезде безбожников в 1929, К. разъяснял, что в условиях социалистич. строя в сознании части людей религ. представления продолжают существовать как пережитки старого общества. Они тормозят движение общества вперед. Однако К. категорически возражал против борьбы с религией административными средствами, подчеркивая, что «... надо бороться логикой, умом, доказательствами..., книгами, естественной наукой..., насильственным путем бороться невыгодно, нецелесообразно, бесполезно...» («За эти годы», кн. 3, 1929, с. 41). Гл. фактором, способствующим изживанию религ. дурмана, является улучшение жизни народа, повышение материального и культурного уровня масс. Осн. путь уничтожения религ. пережитков — вовлечение масс в коммунистич. строи-

тельство. «Никакая вера, никакая религия, никакое иное увлечение и порыв не могут дать человеку столько энергии, сколько даст сознание того, что твои работа полезна не только для тебя, а и для всего народа» («О вопросах социалистической культуры», 1938, с. 13). Занимаясь вопросами сов. строительства, К. развивал ленинское положение о том, что повышение политич. активности масс, привлечение их к управлению гос-вом обеспечивает укрепление социалистич. демократии.

Руководствуясь указаниями ленинского доклада «Задачи союзов молодежи», К. разрабатывал некоторые вопросы коммунистич. воспитания, проблемы нравственности. В работах «Могущество Советского государства» (1944), «О моральном облике нашего народа» (1945), «О коммунистическом воспитании» (1940) и др. К. показал, что мораль существует с начала образования человеч. общества; с разделением общества на классы она стала идеологич. оружием в руках господствующего класса. Мн. идеологи эксплуататорских классов, философы-метафизики (К. имеет в виду идеалистов) трудились над тем, чтобы оправдать существующее положение вещей в классовом обществе правств. законами. «Это не значит, что многовековая работа метафизиков и схоластиков не имела положительных результатов для развития человеческого знания и логики мышления. Но в общем все они, — писал К., — стремились к одной цели — заставить мораль служить интересам господствующих классов, оправдать угнетение меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, признать нравственным именно такое положение» («О воспитании и обучении», с. 104). Наряду с моралью господствующих классов в капиталистич. обществе возникает и развивается мораль угнетенных слоев. Отд. элементы коммунистич. нравственности зародились еще в недрах капитализма. «Пролетарская мораль формировалась в самом рабочем обиходе — на заводах, фабриках, в мастерских. Марксистская пропаганда лишь расширяла горизонт понимания пролетарской этики» (там же, с. 107). Комментируя положение Маркса о том, что для массового порождения коммунистич. сознания необходимо массовое изменение людей, возможное только в процессе революции, К. говорил, что это не значит, будто уничтожение всех пережитков старого совершается на следующий день после революции, переворота. Требуется трудная работа по внедрению социалистич. сознания в массы. Подчеркивая, что коммунистич. воспитание в марксистском понимании «всегда мыслится конкретно» (там же, с. 78), К. писал, что гл. нравств. качество нового человека заключается в его высокой идейности, проявляющейся в борьбе «... за интересы всего человечества, за создание лучшего общественного строя, который мы называем коммунизмом» (там же, с. 100). Говоря о героизме как элементе коммунистич. нравственности, К. рассматривал две его формы: героизм, проявленный в трудных условиях, при стечении обстоятельств, к-рые требуют мобилизации всех духовных и физич. сил и немедленного действия, выпадающий только на долю отд. лиц; и героизм как точное выполнение своих обществ. обязанностей, находящийся, в частности, выражение в самоотверженном будничном труде сов. людей (см. «О коммунистическом воспитании», 1958, с. 444—45). К. неоднократно напоминал, что воспитание в труде является главным во всей работе по коммунистич. воспитанию. «От успешности внедрения коллективных навыков в производстве, общественной жизни и быту зависит в значительной степени и успешность коммунистического строительства» («О воспитании и обучении», с. 90).

В эстетич. воспитании К. большую роль отводил иск-ву; вместе с тем он разъяснял, что совершенствова-

ние художеств. вкуса, развитие чувства красоты совершенствуются и в ежедневном обиходе при созерцании и употреблении красивых вещей (см. «Выборы и Советская демократия», 1958, с. 147). Указывая, что сущность творч. метода социалистич. реализма состоит в правдивом отражении жизни в ее революц. развитии, К. заявлял: «... Задача каждого работника советского искусства, если он хочет быть с народом, если он хочет быть в передовых рядах борцов за социализм, если он хочет вложить частицу своего „я“ в строительство нового мира, — толкать людей своим произведением вперед, к достижению самой возвышенной и благородной цели — к построению коммунистического общества...» («Об искусстве и литературе», 1957, с. 62).

Соч.: Избр. произв. в 4-х томах, т. 1—3, М., 1960—62.
Лит.: Ленин В. И., Соч., 2 изд., т. 30, с. 122—23; Болдырев Н. И., М. И. Калинин о воспитании коммунистической морали, М., 1951; Кон И., Разработка марксистской этики в трудах М. И. Калинина, «Звезда», 1953, № 3; Ключников Г. А., М. И. Калинин о нравственном воспитании молодежи, Л., 1954 (Автореф.); Ратникова Р. П., М. И. Калинин о развитии духовной культуры в советском обществе, Л., 1954 (Автореф.); Хабаров И. А., Проблема союза рабочего класса и крестьянства в трудах М. И. Калинина, М., 1954 (Автореф.); Медведева М., М. И. Калинин о советском искусстве, М., 1956 (Автореф.); Ольская К. А., Вопросы коммунистического воспитания в трудах М. И. Калинина, М., 1956 (Автореф.); Землянский И., М. И. Калинин как пропагандист и агитатор, М., 1960; Горичев И., М. И. Калинин, [Калининград], 1961.

Е. Шубейкова. Москва.

КАЛИНОВСКИЙ, Константин Семенович (Викентий, Кастусь) (21 янв. 1838 — 10 марта 1864) — белорус. революционер-демократ и мыслитель. Род. в семье мелкопоместного дворянина Гродненской губ. Учился в Московском (с 1855) и Петербургском (с 1856) ун-тах на юридич. фак-те (окопчил в 1860). В нач. 1861 возвратился в Белоруссию, где соавт. с В. Врублевским создал революционную организацию, издавал (в Белостоке) нелегальную революц.-демократич. газ. «Мужыцкая праўда» (1862—63). Один из руководителей восстания крестьян в Белоруссии и Литве 1863. Выданный предателем, был повешен в Вильно.

Последователь рус. революционных демократов, К. выступал за свержение самодержавия, уничтожение крепостничества и установление нового строя, где вся земля будет принадлежать крестьянам, не станет сословного и имуществ. неравенства, а все обществ. дела будет решать сам трудовой народ через «сходки людей выборных». К. считал, что только народная революция может избавить трудящихся от порабощения. Подчеркивая роль крестьянского движения в освободительной борьбе, он идеализировал результаты ожидаемой победы. К. пропагандировал идею дружбы народов, признавал их право на самостоятельное существование, разделяя идею Герцена о создании федерации свободных слав. народов.

Во взглядах К. имелись атеистич. элементы. Так, идя на смертную казнь, К. отказался принять наустствие в «потусторонний» мир. В «Мужыцкой праўде» К. писал: «Если бог создал всех людей вольными и всем дал одинаковую душу, так откуда же это взялось, что один излишествует и над людьми издевается, а другой — бедный, служит панцину или оброк в казну платит» (1862, № 2).

Классовая и историч. ограниченность К. проявилась в идеализации им прошлого феод. Польши, в пере-

оценке демократич. тенденций восстания 1863 и ряде др. вопросов.

Лит.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 656—61; История философии, т. 2, М., 1957, с. 404—406; Лушчыцкі І., Нарысы на гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку, Мінск, 1958, гл. 3, с. 171—255; е го же, Соцыяльна-палітычныя погляды Кастуся Каліноўскага, «Польмя», 1949, № 8; Смирнов А. Ф., Калининский — борец и мыслитель, «Вопр. философии», 1951, № 2; е го же, Кастусь Калиновский, М., 1959; е го же, Кастусь Калиноўскі ў паўстанні 1863 года, Мінск, 1959. *И. Лушчыцкі. Минск.*

КАЛКИНС (Calkins), Мэри Уитон (30 марта 1863—1930) — амер. философ, представитель *персонализма*. Проф. философии и психологии (с 1897) Уэлсли-колледжа, с к-рым она связана с 1889. Свою философию К. называет «абсолютным персонализмом». Гл. тезис ее кредо: «Вселенная является всевключающим Я, подлинными и идентичными частями или членами которого являются все меньшие Я». Следуя за *Ройсом*, К. рассматривает существование с т. зр. целесообразности, утверждая, что все существующее есть реализация к.-н. идеи, и об этом знаем либо мы, либо сознание, включающее наше собственное сознание. Быть — значит быть в чем-либо сознании. Философия К. — пример связи идеализма с религией.

Соч.: An essay analytic and experimental, N. Y., 4 ed., 1917; An introduction to psychology, N. Y., 1901; The good man and the good, N. Y., 1918; The persistent problems of philosophy, 5 ed., N. Y., 1929.

Лит.: К о н М. Р., Американская мысль, М., 1958, с. 306. *И. Зыков. Москва.*

КАЛЛИКЛ (Καλλικλῆς) — др.-греч. философ конца 5 в. до н. э., один из позднейших софистов, ученик *Горгия*, изображенный в диалоге Платона «Горгий» и проповедовавший крайние и самые радикальные выводы из учения софистов. Никаких соч. К. до нас не дошло. Если уже *Гиппий* противопоставлял «природу» и человеческое «установление», то К. считал, что но природе право принадлежит сильному, к-рый и устанавливал это право только для собств. пользы. Законы существуют, т. о., только для слабых, а сильные руководствуются эгоизмом. Кроме того, сила и разум этих от природы сильных людей заключается еще и в полной свободе собств. желаний и страстей. Т. о., согласно Платону, К. принадлежит своеобразная антич. теория сверхчеловека, развитая с позиций софистики. В указанном диалоге Платон устами Сократа критикует это софистич. учение с т. зр. абс. добра и справедливости (см. Plat. Gorg. 481 C—492 D, 513 D—527 E). В лит-ре (см. E. Zelle, Die Philosophie der Griechen, Tl 1, H. 2, Lpz., 1920, S. 1329—330; Ueberweg-Prechter, Die Philosophie des Altertums, B., 1926, S. 127) высказывалась мысль о вымышленности образа К. у Платона. Вопрос этот в науке еще не решен.

Лит.: Целлер Э., Очерк истории греч. философии, [пер. с нем.], М., 1912; К r i e g b a u m S., Der Ursprung der von Kallikles in Platons Gorgias vertretenen Anschauungen, Paderborn, 1913; М e n z e l A., Kallikles, W., 1922. *А. Лосев. Москва.*

КАЛЛИМАХ [наст. имя — Филиппо Буонаккорси (Filippo Buonaccorsi)] (2 мая 1437 или 11 мая 1438 — 1 ноября 1496) — итал. гуманист, сыгравший значит. роль в развитии культуры польского Возрождения. Род. в Сан-Джиминьяно около Флоренции. Талантливый поэт, виднейшая фигура неоплатонической Римской академии. Обвиненный в организации заговора против папы, вынужден был в 1468 бежать из Рима. После двухлетних скитаний прибыл в Польшу, где получил приют у польского гуманиста *Гжегожа* из Санока. К. находился при дворе польского короля Казимежа Ягеллона в качестве воспитателя, а затем дипломата. Как дипломат К. боролся за независимость польской политики от папского престола, за высылку крестоносцев из Пруссии; был сторонником централизованной власти («Советы Каллимаха королю Яну Ольбрахту» — «Consilium Callimachi ...»).

Согласно К., к изучению мира необходимо подходить «не теологически, а с точки зрения натуралиста». В одном из писем к М. *Фичино* К. критиковал неоплатонизм с материалистич. позиций. Рассматривая делаемое неоплатониками различие между бытием нематериальным (incorporea) и бытием телесным (corporea), К. говорил, что невозможно понять, каким образом две субстанции, имеющие различную природу и различные свойства, могут занимать одно и то же место и указывал на противоречие между утверждением, что душа находится в теле и, следовательно в пространстве, и утверждением, что душа есть бытие нематериальное, не занимающее места в пространстве. В предисловии к «Соннику» Леона из Тосканы К. выдвигал мысль о том, что мышление является функцией тела наравне со способностью видеть и слышать. К. сочувственно относился к учению *Эпикура*. Деятельность К. оказала значит. влияние на формирование польского гуманизма.

Соч.: Attila, Tarvisii, 1489; O Królu Władystawie czyli o klesce Warnęnskiej, Warsz., 1854; Vita et mores Gregorii Sanoci Archiepiscopi Leopoldensis, Cracovia, 1900; в рус. пер.: Жизнь и нравы Гжегожа из Санока..., в сб.: Польские мыслители эпохи Возрождения, М., 1960.

Лит.: История Польши, т. 1, М., 1954, с. 133, 136, 187; Г у к о в с к и й М. А., Итальянский вольнодумец XV в. Филиппо Буонаккорси (Каллимах), в кн.: Ежегодник музея истории религии и атеизма, [т.] 3, М.—Л., 1959, с. 62—67; К i e s z k o w s k i B., Kallimach w filozofji Renesansu, «Sprawozdania Polskiej Akad. Umiejęt.», 1936, t. 41, № 2; S k o c z e k J., Legenda Kallimacha w Polsce, Lw., 1939; K u m a n i e c k i K., Twórczość poetycka Filipa Kallimacha, Warsz., 1953; S o b o c i Ń s k i W., Problematyka polityczno-prawna w twórczości Kallimacha, в кн.: Studia i materiały z dziejów nauki polskiej, Warsz., 1954; N o w i c k i A., Grzegorz z Sanoka i Filip Kallimach, в кн.: Z dziejów polskiej myśli filozoficznej i społecznej, t. 1, Warsz., 1956. *А. Новицкий. ПНР.*

КАЛОДЖЕРО (Calogero), Гвидо (р. 1904) — итал. философ-идеалист, представитель т. н. «левых» джентиланцев. Проф. Римского ун-та. Будучи учеником *Джентиле*, К. весьма критически относится к своему учителю, однако субъективистские тенденции в значит. мере сохраняются в его своеобразной скептич.-релятивистской концепции. Философия, по мнению К., должна заниматься только частными, конкретными проблемами. «Чистая» и вообще теоретич. философия невозможна. Возможна лишь философия действия, практики, не в прагматистском смысле, а как «абсолютный морализм». К. отрицает классич. логику с ее абстрактным формализмом. Каждое высказывание, по К., содержит в себе собств. логику, являющуюся логикой практики, к к-рой приносится логика мысль.

К. отвергает гносеологию. Если в 18 в., говорит он, умерла метафизика, в 20 в. умирает гносеология («La conclusione della filosofia del conoscenza», 1938, p. 215). Согласно К., существует единственная окончат. истина — утверждение о невозможности какой бы то ни было окончат. истины; поэтому необходим постоянный «диалог» между различными направлениями мысли; стремясь убедить других, нужно отчетливо сознавать, что высказываемые мысли имеют частный и относит. характер.

Соч.: Etica, giuridica, politica, Torino, 1946; Lezioni di filosofia, v. 3, [Torino], 1947; Logica, gnosologia, ontologia, Torino, 1948; Logo e dialogo, Mil., 1950; La scuola dell'uomo, Firenze, nuova ed., 1956.

Лит.: Croce B., Conversazioni critiche, ser. V, Bari, 1935; Sciacca M. F., Il secolo XX, Mil., 1947; Visalberghi A., La filosofia della presenza di G. Calogero, «Riv. filos.», 1948, luglio-sept.; Scolori D., Moralisti italiani del nostro tempo, Reggio di Calabria, 1950; Garin E., Cronache di filosofia italiana, 1900—1943, Bari, 1955. *С. Эфиров. Москва.*

КАЛОКАГАТИЯ (греч. καλοκαγαθία, от καλός — прекрасный и αγαθός — хороший, нравственно совершенный) — непереводимый термин антич. эстетики, обозначающий гармонию внешнего и внутреннего, которая является условием красоты индивиду. Термин этот понимался по-разному в связи с различными периодами социально-историч. развития

антич. общества и типами мышления. Первое упоминание о К. содержится в материалах, относящихся к т. п. семи мудрецам. Солон рекомендует хранишь К. «явным вернее клятвы» (Diels⁹ 73a, 2, 4); Биант же понимает под К. внешний вид человека в зеркале, к-рый должен указывать ему на его моральные качества (73a, 6, 2). Пифагорейцы понимали К. как внешнее поведение человека, определяемое его внутр. качествами (58, 15). В дальнейшем в связи с социальной дифференциацией в антич. обществе это общее значение термина «К.» уточняется и получает разный смысл. Старинно-аристократич. понимание К. содержится у Геродота (II 143) в связи с жреческими традициями, у Платона (Theaet., 142 b), к-рый связывает ее с воинскими доблестями, «природными» качествами (Prot., 315 d) или с родовыми особенностями (Charm., 157 c — 158 a) и др. В условиях развития индивидуального хозяйства термин «К.» стали применять для обозначения хороших, практичных и расчетливых хозяев (Xenoph., Oecon., VI 12—17; VII 1—3), а в связи с политич. развитием этот термин в виде существительного прилагается к умеренным демократам (Xenoph., Hell. II 3, 12, 15, 38, 53; III 3, 19, ср. Aristot., Polit., IV 8).

В конце 5 в. до н. э. в связи с появлением *софистики* термин «К.» употреблялся для обозначения учености и образованности (Plat., Prot., 328b; Lach. 186c; Aristot., Nub., 100 sq, сл.). В этом смысле К. применялся не только к софистам, а вообще к людям высокой культуры (Plat., Alcib., I 124 c — 125 a; Theag., 127 a). Ксенофонт, Платон и Аристотель понимали К. философски. Она выступала у них как некоего рода гармония внутреннего и внешнего, причем под внутренним у них понималась мудрость, осуществление к-рой в жизни и приводило человека к К. У Ксенофонта таким идеалом гармонич. благородства являлся Сократ (Memor., I, 1, 16; III 9, 4), причем эту К. он отличал от просто добрых поступков, от добродетели и красоты (там же, III 9, 5; I, 3, 11; I, 2, 29), так что К. являлась у них чем-то единым и нераздельным, в к-ром уже нельзя различать внутреннее и внешнее (там же, III 8, 5). Платон трактовал К. как особого рода соразмерность, а именно как гармонию души и тела (Tim., 87 c—89 d). Другие тексты Платона (R., P., III 401 d e; Parm., 127 a b; Euthyd., 271 b; Gorg., 470 c; R., P., IV 425 d; Lach., 192 c) связывали К. со *счастьем*, разумностью, свободной убежденностью, к-рая не нуждается во внешних законах и заключаемая в естестве, умении правильно пользоваться жизненными благами.

Аристотель при выявлении К. исходил из чувственных и естеств. благ (богатство, здоровье и др.), трактуя их безболезненное употребление как К. (Magn. mor., II 9). Здесь прекрасным оказывается не внешнее, а именно то внутреннее, к-рое одухотворяет чувственные блага. С нек-рыми деталями та же самая мысль проводится Аристотелем и в др. текстах (Ethic., Eud., VII 15). К. есть цельность личност. и величие души (Ethic., Nic., IV 7) она свойственна всем людям, но только в разной степени). Дальнейшее развитие индивидуализма и психологизма, происходящее в эпоху эллинизма, привело к тому, что К. стала трактоваться не как нечто природное и естественное, но как результат моральных упражнений и тренировки. Это приводило к моралистич. пониманию К., чуждому классич. К. (см. трактат, приписываемый Исократу: «Увещание к Демонику»). К. является одним из центр. понятий антич. эстетики на всех главнейших социально-историч. ступенях ее развития.

Лит.: Лосев А. Ф., Классическая калократия и ее типы, в сб.: Вопр. эстетики, 1960, вып. 3; Walter J., Die Geschichte der Ästhetik im Altertum..., Lpz., 1893, S. 121—47; U t t i z E., Geschichte der Ästhetik, B., 1932, S. 11—14; e r o

z e, Bemerkungen zur altgriechischen Kunsttheorie, B., 1959, S. 14—19; В e r l a g e J., De vi et usu vocum Καλός Καλότης καλότης, «Мнемосине», N. Ser., 1932/33, v. 60, p. 20—40; J ü t l i n e r J., Kalokagathia, в кн.: Charakteria A. Rzach, Reichenberg, 1930, S. 99—119. А. Лосев, Москва.

КАЛЬВИН (Calvin), Жан (10 июля 1509 — 27 мая 1564) — основатель *кальвинизма*, один из наиболее крупных деятелей Реформации. Род. в г. Нуайон (Франция). С 1523 учился на юридич. фак-те в Орлеане и Париже. В 1531 К. написал свой первый труд, в к-ром получили отражение идеи, почерпнутые им в общении с гуманистами, сказалось сильное влияние *Эразма Роттердамского* и *Лютера*.

Осенью 1533 К. отрекся от католич. церкви и создал первую общину последователей своих реформаторских идей. Однако вскоре он подвергся преследованию и в 1534 покинул родину. В 1536 в Базеле К. опубликовал гл. свое соч. «Наставления в христианской вере», в к-ром дал систематич. изложение нового вероучения, основанного на признании абс. предопределения, к-рое Энгельс характеризовал как религ. выражение интересов «самой смелой части тогдашней буржуазии» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, 1955, с. 94).

Понав в 1536 в Женеву, К. стал во главе реформационного движения и вскоре начал энергично проводить в жизнь свои идеи, требуя строгого соблюдения религ.-гражд. установлений, к-рым он придал характер гос. закона. К. упразднил пышный католич. культ, ввел строгую регламентацию обществ. и личной жизни — развлечения, одежды, пищи и т. д., требовал обязатель. посещения церк. службы. Им были разработаны «Церковные установления», ставшие основой кальвинистской церкви. К. ожесточенно преследовал инакомыслящих — гуманистов (Кастеллио), прежних своих единомышленников, несогласных с его режимом (Пьер Амо, Ами Перрен и др.). С особой беспощадностью, не уступая в жестокости самой инквизиции, он обрушился на вольномыслящих (назв. Ж. Грюэ в 1547, сожжение М. Сервета в 1553).

Соч.: Opera selecta, Bd 1—5, Münch., 1926—36; Unterricht in der christlichen Religion, Neukirchen, 1955.

Лит.: Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке. Введение к английскому изданию, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1955; его же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, там же; В и л л е р Р. Ю., Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма, М., 1894; W e n d e l F., Calvin. Sources et évolution de sa pensée religieuse, [Stras], 1950; M c N e i l l J. T., The history and character of calvinism, N. Y., 1954. Б. Рамм, Ленинград.

КАЛЬВИНИЗМ — протестантское вероучение, основателем к-рого был *Кальвин*, возникшее в 16 в. в результате Реформации. К. отвечал требованиям нарождающейся буржуазии и явился религ. выражением ее интересов. Основу богословия Кальвина составляло учение об «абсолютном предопределении», согласно к-рому бог еще до «сотворения мира» предопределил одних людей к «спасению», других к «погибели», и этот приговор бога абсолютно неизменен. Однако учение об «абсолютном предопределении» не имело фаталистич. характера. Согласно К., каждая профессия — «божье предначертание», и предизбранность отд. человека к спасению выражается в успешном осуществлении этого призвания. В К., т. о., получили религ. оправдание бурж. накопление и бурж. деятельность вообще. К., как идеология буржуазии, оправдывал ростовщич. проценты и считал, что рабство вполне допустимо с религиозной точки зрения. Учение Кальвина обосновывало принципы т. н. мирского *аскетизма*, к-рый выражался в простоте жизни и скупидомстве, в уничтожении многочисленных католических праздников, и «... весь секрет которого состоит в буржуазной бережливости» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 378).

К. явился религ. оболочкой для выступления буржуазии в двух ранних бурж. революциях — нидерландской 16 в. и английской 17 в. «В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии» (Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, 1953, с. 17).

К. являлся орудием борьбы не только с католич. церковью, осваивавшей феод. отношения, но и с нар. движениями. В отличие от народных «еретических» учений, отрицавших «необходимость» церкви, К. проповедовал, что «спасение» возможно исключительно через церковь, но не католическую, а кальвинистскую; всем верующим вменялось в строжайшую обязанность исполнение всех ее предписаний. К. требовал жесточайшего истребления «еретиков», ни сколько не уступая в этом католицизму. Как догматика, так и церк. организация К. с самого начала были враждебны нар. массам. К. имеет широкое распространение в совр. Англии и США. Гл. идеи К. являются основой догматики многочисл. протестантских сект США.

Лит.: Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; его же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, там же, т. 21; Виппер Р. Ю., Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма, М., 1894; Кандлюш Ф. Д., Религия раннего капитализма, М., 1931.

КАЛЬВО СЕРЕР (Calvo Serer), Рафаэль (р. 1916) — исп. философ, представитель реакц. идеологии традиционизма, ярый враг социализма и демократии. К. С. — последователь взглядов Д. Кортеса, Р. де Мазету. Он отстаивает идею об определяющей роли католич. мировоззрения в развитии Испании. Формой исп. нац. самосознания является, по К. С., религия. Считая, что Испания призвана сыграть решающую роль в спасении христ. цивилизации, К. С. утверждает, что она является для «зап. мира» образцом приверженности к католич. идеологии, служит стимулом прогресса. К. С. — идеолог крайне реакц. католич. орг-ции «Opus dei». Он выступает против атеизма, либерализма и коммунизма. Призывая в демагогич. целях противоречия франкизма, К. С. ратует за установление «социальной, народной, представительной монархии», к-рая должна по существу замаскировать диктатуру реакции. К. С. пронагагандирует идеи «народного капитализма», «неоколониализма».

Соч.: España sin problema, 3 ed., Madrid, 1957; Teoría de la restauración, Madrid, 1952; Política de integración, Madrid, 1955.

КАЛЬМАР (Kalmár), Ласло (р. 27 марта 1905) — венг. логик и математик. Проф. ун-та в Сегеде, чл. АН Венг. Народной Республики (с 1961). Работает в области математич. логики, а также теории функций, функционального анализа и в др. областях математики. Работы К. в области логики посвящены в основном исследованию проблемы разрешения для исчисления предикатов первой степени. Еще в 1936 К. свел проблему разрешения для любых формул исчисления предикатов первой степени к проблеме выполнимости для формул, содержащих только одну двуместную предикатную переменную. В 1948 К. доказал, что теореме Чёрча о неразрешимости проблемы разрешения для исчисления предикатов можно рассматривать как частный случай теоремы Гёделя о неполноте формальной арифметики, а в 1955 дал прямое доказательство обще-рекурсивной неразрешимости проблемы разрешения (доказательство Чёрча было косвенным: оно сводило нек-рую неразрешимую массовую проблему арифметики к проблеме разрешения для исчисления предикатов). Оговорка относительно «обще-рекурсивности» имеет гносеологич. значение, т. к. К. считает, что теоремой Чёрча доказы-

вается не существование абсолютно неразрешимых проблем, а лишь существование проблем, неразрешимых посредством обще-рекурсивных функций.

Соч.: Zurückführung des Entscheidungsproblems auf den Fall von Formeln mit einer einzigen binären Funktionsvariablen, в кн.: Compositio Mathematica, 1936, v. 4, p. 137—44; On the reduction of the decision problem, J. Symb. Logic, 1939, v. 4, №1, p. 1—9, 1947, v. 12, №3, p. 65—73, 1950, v. 15, №3, p. 161—73; Contributions to the reduction theory of the decision problem, Acta math. Acad. Sci. Hungaricae, 1950, t. 1, p. 64—73, 1951, t. 2, p. 19—38, 125—42; Another proof of Markov-Post theorem, там же, 1952, t. 3, p. 1—27; On unsolvable mathematical problems, в кн.: Proceedings of the Tenth International Congress of Philosophy (Amsterdam, August 11—18, 1948), Amst., 1949, p. 756—58; Eine einfache Konstruktion unentscheidbarer Sätze in formalen Systemen, «Methodos», 1950, v. 2, №6—7, S. 220—26; Közvetlen bizonyítás az eldöntésszámítás általános rekurzív algoritmussal való megoldhatatlanságára, в кн.: A Magyar Tudományos Akadémia III. Osztályának közleményei, [Bpst], [v.], 1956, p. 1—25.

Лит.: Surányi J., Reduktionstheorie des Entscheidungsproblems im Prädikatenkalkül der ersten Stufe, Bpst, 1959.

КАЛЬСИН, Федор Фомич [р. 1 (14) июня 1905] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1958), проф. (с 1960). Член КНСС с 1943. Окончил экономич. фак-т Ленинградского политехнич. ин-та (1930) и аспирантуру Моск. ин-та истории, философии и лит-ры (1941). Преподаст философию с 1941. С 1947 работает на кафедре философии Горьковского нед. ин-та, с 1950 — зав. кафедрой. Исследует вопросы теории познания. Преподаст философию с 1941. С 1947 работает на кафедре философии Горьковского нед. ин-та, с 1950 — зав. кафедрой. Исследует вопросы теории познания.

Соч.: Основные вопросы теории познания, Горький, 1957; О возникновении и развитии сознания, Горький, 1960.

КАМАДА РЮО (Рюкю, Отори) (1754—1821) — японский философ-материалист. В молодости изучал конфуцианство, а также учение буддийской секты Дзэн. К. Р. был знаком с европ. наукой. В его соч. содержится попытка дать материалистич. решение вопросов гносеологии и онтологии. В трактате «Секрет философии» («Ригаку хикэцу») К. Р. утверждал, что ощущение представляет источник знания людей об объективно существующем мире, являющемся единым ки (по-китайски ци), т. е. «единой материей». Ощущение, сознание, логич. построения рождаются благодаря практике (привычке). Выступал с опровержением идеализма и мистики.

Лит.: Нихон тэнгугаку дзэнго (Сборник соч. по японской философии), под ред. Сайгуса Хироо, т. 9, Токио, 1936, с. 319—49; На р а м о т о Т а д у я, Нихон-но сисока (Японские мыслители), Токио, 1954, с. 186—98; Р а д у л ь з а т у л о в с к и й Я. В., Япония, в кн.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 612—14.

КАМА-СУТРА — др.-инд. сборник наставлений, относящихся к «искусству» любви, памятник гедонистич. и материалистич. мысли. К.-с. — древнейшее произведение распространённого в Индии жанра т. н. эротич. лит-ры, цель к-рой заключалась в том, чтобы определить место любви в жизни и преподать практич. советы, направленные на достижение объекта любовных желаний. Составление К.-с. приписывается врачу Ватсьяяне Маллинате, жившему в 1-й пол. 1-го тысячелетия н. э., по-видимому в зап. Индии. К.-с. содержит около 1250 поучений, написанных стихотворным размером «шлока». Они составляют 7 частей, разделённых на 36 глав. В соответствии с принятыми во времена Ватсьяяны взглядами, в начале К.-с. излагается учение о трех гл. целях человеч. жизни: *дхарме* — моральном и религ. долге, *артхе* — материальных благах, выгоде и каме — любви, чувственном наслаждении. Их сочетание образовывало триединство (триварга), определявшее цели и идеалы каждого человека. В отличие от др. представительной этич. философии гедонизма, Ватсьяяна не преувеличивал значения третьего элемента триварги — камы — и признавал первостепенную важность *дхармы*, ибо «всегда важнее предшествующее: *артха* важнее, чем *кама*, поскольку последняя становится возможной с помощью *артхи*; а еще важнее *дхарма*, так как лишь она делает возможной *артху*». С другой стороны, примитивный и грубый гедонизм

лек-рых направлений др.-инд. философии смягчается у Ватсьяяны подчеркиванием необходимости руководствоваться требованиями морального долга, самоконтроля и дисциплины, а также советами воспитывать чувства, упражняя их в 64 видах изящных иск-в. Гедонизм же в чистом виде может оказаться губительным, что подтверждается рядом примеров, содержащихся в К.-с. Среди ряда др. тем в К.-с. рассматриваются история учения о каме, восходящего к легендарному Праджанати (свой труд Ватсьяяна рассматривает лишь как краткое изложение одного из трактатов по эротике, принадлежащего ученому Вабхравья); необходимость изучения науки о любви и способы ее изучения (в связи с этим излагаются сведения о жизни горожан); классификация женщин и мужчин с т. зр. возможности их участия в любовных наслаждениях; правила ухаживания и соблазнения. Следует отметить, что в К.-с. использованы достижения медицины, физиологии, анатомии, правоведения, астрологии, магии; в ней содержится целый ряд наблюдений и полезных советов. Все это делает К.-с. произведением энциклопедич. характера. Учение о каме в той или иной степени отразилось и в целом ряде др. сочинений др.-инд. литературы (как в трактатах, так и в художественных произведениях). Обычно К.-с. используется для характеристики материалистической школы *чарваков*.

Известны три комментария к К.-с.; среди них наиболее знаменито соч. Яшодхары «Джаймангала» (12 в.).

И з д а н и я: Das Kāmasūtram des Vātsyāyana. Die indische Ars Amatoria. Nebst dem vollständigen Commentare (Jayamangala) des Yaśodhara. Aus dem Sanskrit übers. und hrsg. von R. Schmidt, Lpz., 1894; The Kama Sutra of Vatsyayana. Love precepts of the brahmins, [Delhi, 1948]; Le Kama Soutra. Règles de l'amour de Vatsyayana (Morale des brahmanes), trad. par E. Lamairesse, P., 1891.

Лит.: Чаттерджи С., Датта Д., Древняя индийская философия, пер. с англ., М., 1954; Schmidt R., Beiträge zur indischen Erotik. Das Liebesleben des Sanskrit Volkes, Lpz., 1902; его же, Liebe und Ehe im alten und modernen Indien, В., 1904; Renou L. et Fillioz J., L'Inde classique. Manuel des études indiennes, t. 2, P., 1953.

В. Топоров. Москва.

КАМЕНЬСКИЙ (Kamiński), Хенрик (псевд. Ф. Правдовский; ок. 1813—9 янв. 1865) — польский демократич. деятель, философ и экономист. Род. в семье генерала. Участник восстания 1830—31.

В произведениях 1-й пол. 40-х гг. («О жизненных истинах польской нации» — «O prawdach żywotnych narodu polskiego», 1844; «Демократический катехизис или повествование народного слова» — «Katechizm demokratyczny czyli opowiadania słowa ludowego», 1845) К. провозглашал неразрывность борьбы за нац. освобождение с антифеод. преобразованиями; указывал на необходимость массового революц. действия. Гл. движущую силу будущей революц. видел в т. н. среднем сословии — обвинявшей шляхте и гл. обр. шляхетской интеллигенции. Полагая, что шляхта как класс, возможно, будет противиться проектируемым преобразованиям, К. говорил о необходимости создания революц. политич. организаций и применения революц. террора во время восстания. К. пытался теоретически обосновать идею единения всех классов для выполнения общенац. задач, ошибочно полагая, что у польской шляхты патриотизм возьмет верх над ее эгоистич. классовыми интересами.

После ареста (1845) К. был сослан в Вятку, где прожил пять лет, общался с *Салтыковым-Щедриным*.

В 1851 эмигрировал в Швейцарию. В эмиграции К. написал ряд работ («Россия и Европа. Польша» — «Rossija i Europa. Polska», 1857; «Народная война» — «Wojna ludowa», 1863, изд. 1866, и др.), свидетельствовавших об усилении бурж.-либеральных тенденций в его творчестве.

Филос. воззрения К. формировались под влиянием идей, выдвинутых, с одной стороны, классич. нем. философией, особенно гегелевской, а с другой — франц. утолич. социалистами, особенно сен-симонистами. Одной из центр. проблем философии К. считал филос. анализ современной ему политич. экономики; этому вопросу он посвятил свой гл. труд «Философия материальной экономики человеческого общества» («Filozofia ekonomii materialnej ludzkiego społeczeństwa», cz 1—2, 1843—45) и ряд статей («Несколько слов о философии истории», 1844, «Несколько слов о практической философии...», 1845, рус. пер. — см. в кн.: «Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей», т. 2, М., 1956). В центре рассмотрения К. — процесс труда, материальное произ-во, понимаемое как подчинение природы обществу и создание специфически обществ. жизни человека, причем для К. эта жизнь имеет духовную природу. Процесс эмансипации человека от природы (в терминологии К. — «творчество») находит выражение в таких обществ. установлениях как собственность, и, в равной мере, в непрерывном прогрессе общества в целом. Усматривая в понятии прогресса центр. проблему социальной философии, К. требовал динамич. рассмотрения истории. Говоря о непрерывности и рациональном характере историч. процесса, К., в отличие от Гегеля, исключал из него элементы отрицания и отчуждения и оттенял его гармоничность. Своим взглядам К. придал форму метафизич. (онтологической) системы, в к-рой в качестве «абсолюта» выступает человек, понимаемый как рациональное духовное существо, утверждающее свое творчество в обществ. продуктах, действиях. В этом признании человека абсолютом отчетливо проявляется антропоеистич. характер философии К. (на это обращал внимание петрашевец *Спешнев* — см. «Письма к К. Э. Хоецкому», в кн.: «Филос. и обществ.-политич. произв. петрашевцев», [М.], 1953). Подчеркивая только положит. сторону процесса труда как основы существования общества, К. фетишизировал капиталистич. форму обобществления труда. Однако К. не обходил и противоречий капитализма. Под влиянием сен-симонистов он мечтал об обществе будущего, в к-ром осуществится принцип «труд в соответствии с человеческими силами, богатство же по потребностям».

Соч.: Filozofia ekonomii materialnej... [Warsz.], 1959 (вступит. ст. В а с з к о В., Н. Kamińskiego system filozofii społecznej. Próba interpretacji).

Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 438—39; Кулава W., Henryk Kamiński, в кн.: Wiosna ludów, t. 4, Warsz., 1951; Poniałowski Z., O poglądach społeczno-filozoficznych Henryka Kamińskiego, Warsz., 1955. Б. Ванко. ПНР.

КАММАРИ, Михаил Давидович [р. 17 февр. (1 марта) 1898] — сов. философ, профессор (с 1935), д-р филос. наук (с 1950), чл.-корр. АН СССР (с 1953). Член КПСС с 1949. Окончил Ин-т красной профессуры философии и естествознания (1934). Преподаст диалектики и историч. материализм в вузах с 1929. Гл. редактор (1954—59) и член редколлегии (с 1959) журн. «Вопр. философии»; ст. науч. сотрудник (с 1945) Ин-та философии АН СССР. Ведет науч. работу гл. обр. по проблемам: роль нар. масс и личности в истории; развитие нац. отношений в период развернутого строительства коммунизма; развитие Лениным теории историч. материализма и др. Автор ряда исследований по различным вопросам историч. материализма. Один из авторов коллективных трудов: «О советском социалистическом обществе» (1948),

«Исторический материализм» (1950, 1954), «Роль народных масс и личности в истории» (1957), «Основы марксистской философии» (1959), «История философии» (т. 5, 1961).

С о ч.: Социалистические нации СССР в условиях перехода от социализма к коммунизму, «Коммунист», 1953, № 15; О материалистической диалектике как философской науке, там же, 1954, № 15; Народ — творец истории, Рига, 1954; В. И. Ленин о роли субъективного фактора в истории, «Вопросы философии», 1955, № 2; О роли народных масс в революции 1905 года, там же, № 5; В. И. Ленин о перевороте в базисе и надстройке общества в период социалистической революции, там же, 1957, № 5; Ревизионистский миф об «освобождении» науки от идеологии, там же, 1958, № 7; В. И. Ленин о единстве диалектического и исторического материализма, там же, 1959, № 5; В. И. Ленин об основных закономерностях развития нации, там же, 1960, № 4; Что такое базис и надстройка общества, М., 1957; Строительство коммунизма и дальнейшее освобождение наций в СССР, «Вопр. философии», 1961, № 9.

КАМПАНЕЛЛА (Campanella), Джованни Доменико (в монашестве — Томмазо) (5 сент. 1568—21 мая 1639) — итал. философ, утопич. коммунист. 15 лет ушел в монастырь ордена доминиканцев, где

изучал соч. антич. мыслителей, особенно *Аристотеля*, ср.-век. теологов (*Фома Аквинского* и др.), натурфилософов эпохи *Возрождения*, в частности *Телезио*, а также астрологов и представитель *каббалы*. Первые выступления К., в частности его защита натурфилософии *Телезио* («Философия, доказанная при помощи чувств» — «Philosophia sensibus demonstrata», 1591), и др. проявления свободомыслия навлекли на него преследования

инквизиции. В дальнейшем К. замыслил свержение исп. гнета в Неаполитанском королевстве и учреждение теократич. республики. К концу 1599 заговор был раскрыт. Присужденный в 1602 к пожизненному заключению, К. провел 27 лет в неаполитанских тюрьмах, где написал ряд соч. («Защита Галилея» — «Apologia pro Galileo», 1622, «Город Солнца» — «La città del Sole», 1602, и др.). Освобожденный в 1629, К. бежал во Францию и поселился в парижском монастыре доминиканцев, где до конца жизни занимался филос., социально-политич. и астрологич. проблемами. Агенты инквизиции и там вели за К. тайное наблюдение и преследовали его своими просками.

Философские воззрения К. изложены в ряде произведений, важнейшие из к-рых «Об ощущении вещей и магии» («De sensu rerum et magia», libri 1—4, 1620), «Побежденный атеизм» («Atheismus triumphatus», 1631), «Три части универсальной философии или учения о метафизических вещах» («Universalis philosophiae, seu metaphysicarum rerum juxta propria dogmata, partes tres», 1638). К. выступал здесь как последний крупный представитель итал. натурфилософии эпохи Возрождения. Он боролся против схоластики, защищал Галилея от церковников и обскурантов, отвергал авторитет Аристотеля, призывал к опытному познанию природы, усматривая задачу философии и науки в увеличении могущества человека, усовершенствовании самой его природы и выдвигал интересные технич. проекты и изобретения. Вместе с тем он разделял многие ср.-век. заблуждения и фантастич. представления (особенно представления астрологии и магии). Вместо изучения фактов сам К. часто ограничивался материалом, почерпнутым из схоластич. лит-ры; он не смог оценить по достоинству гелиоцентрич. теорию *Коперника*, труды *Гильберта* по магнетизму. В своих филос.

взглядах К. примыкал к материализму, принявшему у него форму *пантеизма*. Под влиянием *Патрици* он учил, что каждая ступень реальности одновременно причастна как к бытию, так и к небытию (эти воззрения К. восходят к *неоплатонизму*). Осн. качествами действительности («прималитетами»), восходящими к бытию, должны быть признаны, по К., определяющие свойства человека — мощь, обнаруживающаяся в силе, мудрость, сказывающаяся в способности представления, и любовь, проявляющаяся как желание. Противоположные им свойства, восходящие к небытию, — немощь, незнание и ненависть. Как бытие, так и небытие устроены, по К., богом, всемогущим и всеведущим. Натурфилос. воззрениям К. свойственны элементы диалектики, к-рые состояли в утверждении, что отрицают свойства действительности составляют необходимые условия возможности проявления положительных. В разработке вопросов гносеологии и методологии К. проявлял себя как один из наиболее последовательных для своего времени сенсуалистов. В самом понимании ощущения К. — материалист, без колебаний признающий независимость объектов ощущения от ощущающего субъекта. В третьем из названных выше соч. К. выступил против скептиков. Как крайний сенсуалист, К. недооценивал познание, возможности математич. знания и не понял прогрессивной сущности аналитич. метода исследования.

В. Соколов. Москва.

Коммунистическая утопия К. отражала смутные чаяния угнетенных и обездоленных плебейских масс в период глубокого упадка Италии в 16—17 вв. В идеальном городе-государстве К., где осуществлен разумный и совершенный обществ. порядок, нет тунеядцев: все граждане, в т. ч. и женщины, занимаются производит. трудом, чем обеспечивается изобилие и возможность распределения продуктов по потребностям. Здесь нет ни частной собственности, ни семьи, а произ-во, потребление, регулирование деторождения, воспитание подрастающего поколения осуществляются обществом. Воспитание граждан, особенно подрастающего поколения, основано на соединении обучения с производит. трудом. Гл. правитель, избираемый пожизненно, должен владеть всей совокупностью знаний своего времени, а также иметь общее знакомство со всеми видами практич. деятельности. Различными отраслями обществ. жизни ведают его помощники — трое, также избираемых, первейших ученых: Мощь (в компетенции к-рой находятся вопросы войны и мира), Мудрость (ведающая иск-вами, ремеслами и науками) и Любовь (наблюдающая за деторождением и воспитанием). Непосредств. руководство жизнью и деятельностью граждан доверяется должностным лицам, избранным из числа людей, по своим знаниям и добродетелям наиболее пригодным для того, чтобы ведали обществ. делами.

Утопия К. была проявлением раннего, еще примитивного, грубого коммунизма с его мелочной регламентацией быта. Историч. ограниченность утопии К. сказалась также в том, что он сохранял религию, правителей-священников, предлагал использовать магию и т. п. Вместе с тем утопич. коммунизм К. был важным этапом в развитии социалистич. мысли.

«Город Солнца» («La città del Sole») — соч. К., в к-ром изложена его утопия. Написанное в 1602 в форме рассказа генуэзского флотоводца о вновь открытой стране, на итал. языке, это соч. было опубликовано лишь в 1904 в Модене, а критич. его издание в 1920 в Неаполе («Scritti scelti», Torino, 1949. Первой публикацией является издание в 1623 лат. пер., сделанного в 1613 самим автором (в его кн.: «Realis Philosophiae epilogisticae partes IV. Hoc est: de rerum natura, hominum moribus, politica (cui Civitas Solis functa est) et Oeconomica», Francofurti). За ним последовали переиздания в 1637 (в Париже, при жизни автора, с дополнениями) и в 1643 (в Утрехте, посмертное, перепечатанное с парижского). Это соч. К. переводилось на англ., нем., франц., итал., исп.,

польский и др. яз. Рус. переводы были сделаны А. Г. Гензелем (СПб, 1906 и [П.], 1918) и Ф. А. Петровским (М.—Л., 1934 и 1947, 1954; вступит. статьи во всем изд. В. П. Волгина).

Соч.: *Opere...*, v. 1—2, Torino, 1854; *Tutte le opere*, v. 1, Mil.—Verona, 1954; *Opuscoli inediti*, Firenze, 1951; *Lettere*, Bari, 1927; *Philosophiae rationalis partes quinque*, P., 1638; *Poesie filosofiche*, Lugano, 1834; в рус. пер.: Об ощущениях вещей, в Книге для чтения по истории философии, под ред. А. Деборина, т. 1, М., 1924, с. 163—72 (отрывок из книги «Об ощущениях вещей и магии»).

Лит.: К в а ч а л а И. И., Фома Кампанелла, «Ж. Мин-ва народного просвещения», Нов. сер., 1906, № 10; 1907, № 1, 5, 8, 12; И а ф а р г П., Томас Кампанелла. Страница из истории социализма, М.—Л., 1926; В о л г и н В. П., Очерки по истории социализма, 4 изд., М., 1935, гл. Кампанелла-утопист; А с м у с В. Ф., Томмазо Кампанелла, «Под знаменем марксизма», 1939, № 7; К р у ж к о в В. С., Томмазо Кампанелла, «Советская наука», 1939, № 6, июль; История философии, т. 2, М., 1941 (см. Именной указатель); т. 1, М., 1957 (см. Именной указатель); Ш т е к л и А. Э., Кампанелла, М., 1960; A n a b i l l e L., Fra Tommaso Campanella..., v. 1—3, Napoli, 1882; W u t t g e H., Erkenntnislehre und Ethik bei Campanella, Halle, 1897; M e i n e s k e F., Die Idee der Staatsraison in der neueren Geschichte, 3 Aufl., Münch.—B., 1929; D o r e n A., Campanella als Chiliasist und Utopist, в кн.: Festschrift für W. Goetz, [s. l.], 1927; M a t t e i R. de, Studi campanelliani..., Firenze, [1934]; A m e r i n R., T. Campanella, Brescia, 1947; N a p o l i G. di, T. Campanella filosofo della restaurazione cattolica, Padova, 1947; F i r r o L., Bibliografia degli scritti di Tommaso Campanella, Torino, 1949; е го же, Ricerche campanelliane, Firenze, 1947; е го же, Appunti campanelliani, «Giornale critico della filosofia italiana», 1951, [№ 30]; J a c o b e l l i S o l d i A. M., T. Campanella..., Mil., 1953; B o n a n s e a V., The theory of knowledge of T. Campanella, Wash., 1954.

КАМЮ (Camus), Альбер (1913—4 янв.

1960) — франц. бурж. писатель, публицист и философ, представитель т. н. атеистич. *экзистенциализма*. К. рассматривает жизнь как иррациональный хаотич. поток, лишенный смысла и закономерности. В этом потоке торжествует случай, и выбор человека колеблется между «глупым счастьем камней» и «постелью мертвецов». Согласно К., «из столкновения человеческого разума и безрассудного молчания мира рождается абсурд» («Миф о Сизифе» — *Mythe de Sisyphes. Essai sur l'absurde*, P., 1942, p. 45). Идея абсурда — исходный принцип концепции К., он утверждает, что абсурден весь мир, что человек обречен на абсурдное существование, и предлагает два способа бегства от абсурда — самоубийство и мятеж («Мятежник» — *L'homme révolté*, 1951). Мятеж выступает здесь как метафизич. протест абстрактной личности против иррационального и бессмысленного мира. К. противопоставляет мятеж революции, к-рая, с его т. зр., есть «извращение мятежа». Он утверждает, что, направляясь на вещи, революция якобы абстрагируется от человека и превращает его самого в вещь. Реакц. политич. выводы К. вызвали возмущение прогрессивной франц. печати и породили крупные разногласия среди экзистенциалистов (см. J e a n s o n F., Albert Camus, ou l'âme révoltée, «Les temps modernes», 1952, mai, ann. 7; août, ann. 8; D a i x P., Albert Camus, Prix Nobel, «Les lettres françaises», 1957, № 693, 24—30 oct.; U b e r s f e l d A., Albert Camus ou la métaphysique de la contre-révolution, «La nouvelle critique», 1958, № 92).

В лит-ре К. примыкал к модернистскому направлению т. н. «героического пессимизма». Его произв. пронизаны чувством трагич. одиночества, безысходности, тоски («Чужой» — *L'étranger*, 1942; «Лето» — *L'été*, 1954; «Чума» — *La peste*, 1947, и др.).

В творчестве К. отчетливо выражены крайний индивидуализм и иррационализм, особенно характерные для бурж. идеологии эпохи империализма.

Соч.: *Le malentendu. Pièce en 3 actes suivi de: Caligula*, P., [1944]; *Lettres à un ami allemand*, [P., 1945]; *L'état de siège*, [P., 1948]; *Les Justes*, P., 48 éd.; [1957]; *L'exil et le royaume*, 61 éd., P., [1957]; *L'envers et l'endroit*, P., 1958; *Actuelles, III. Chronique algérienne. 1939—1958*, P., 1958; *L'intelligence et l'Échafaud*, [Liège], 1960.

Лит.: Ч а к о в с к и й А., Восемьдесят тысяч километров вокруг самого себя (по поводу выступлений Альбера Камю),

«Иностранная литература», 1958, № 12, с. 206—11; Б о р е в Ю., Спор идет о смысле жизни, там же, 1960, № 5, с. 186—95; Е в н и н а Е., Судьбы экзистенциалистского романа, «Вопр. литературы», 1959, № 4, с. 122—33; С у л ь ж е н к о Г. Д., «Материализм и эмпириокритицизм» — теоретическая основа марксистской критики феноменологии и экзистенциализма, в кн.: Великое произв. воинствующего материализма, М., 1959, с. 388—91; П о с о в и ч М. В., Поход против розума, К., 1960; B o l l i n g e r R., Albert Camus. Eine Bibliographie der Literatur über ihn und sein Werk, Köln, 1957; T h o d y P., Albert Camus. A study of his work, L., [1957]; B o n n i e r H., Albert Camus ou la force d'être, Lyon—P., [1959]; B l a n c h e t A., La littérature et le spirituel, 1 — La mêlée littéraire, P., [1959]; B r i s v i l l e J. C., Camus, P., 1959; *Hommage à Albert Camus. 1913—1960*, «La Nouvelle Rev. Française», 1960, № 87; A l b e r t e s R. M., Albert Camus dans son siècle: témoin et étranger, «La Table Ronde», 1960, № 146, p. 9—15; B o i s d e f f r e P. de, Albert Camus, «La Rev. des deux mondes», 1960, № 3, p. 398—414. Т. Сахарова. Москва.

КАНАБРАВА (Cannabrava), Эуриалу (р. 1904) — браз. философ-идеалист. Вначале сторонник философии А. Бергсона, П. Гартмана, М. Шелера и М. Хейдеггера. После поражения фашизма ориентируется на сов.-амер. философию, пропагандируя т. н. «критический объективизм» — сочетание инструментализма, логич. позитивизма и семантики.

В соч. «Элементы философской методологии» («Elementos de metodologia filosófica», 1956) К. сводит философию к методу, к-рый он отождествляет с языком (см. указ. соч., p. 34). К. утверждает, что расхождение между идеализмом и материализмом и недоразумения между людьми являются следствием неадекватного языка. Его метод «рассудочного синтеза» (эклетики сочетаний формально-логич. анализ с генетически-функциональным синтезом) дает, по К., истину без исследования материальной сущности явлений и якобы способен устранить противоречия между людьми. В сб. ст. «Философские очерки» («Esaíes filosóficos», 1957) К. критикует интуитивизм, неомизм, экзистенциализм и выступает против марксизма.

Соч.: *Introdução à filosofia científica*, São Paulo, 1956. К. Бальвин. Москва.

КАНОН (от греч. κανών — правило, предписание) — в широком смысле слова означает твердо установленное, традиционное, общепринятое. Термин «К.» получил широкое распространение в логике, этике, эстетике и теории познания, в религии. В эстетике К. — совокупность законов и правил, к-рые являются нормой и образцом для всех художеств. произв. данного рода. В истории эстетики К. понимался гл. обр. количественно, как взаимоотношение частей изображаемой человек. фигуры. Сохранилось неск. египетских К., устанавливающих рост человека в размере 6 или, позднее, 7 ступней ноги с дальнейшим подразделением каждой из этих частей еще на 3 более мелкие части. В Древней Греции славился канон Поликлета, связанный с пифагорейскими источниками, причем Поликлет и создал образцовую статую и написал трактат о пропорциях, назвавши то и другое «Канон» (Α 3 Diels³). У Поликлета, а затем и у скульптора Лисиппа (Plin. Hist. nat. XXXIV, 65) К. создавался не механически, но путем сопоставления отд. частей тела с телом, взятым как целое. В результате этого К. оказывается состоящим из самых разнообразных и сложных дробей.

В визант. К., известном по анонимной книге «Толкование для живописцев», человек. тело измеряется размерами головы. В готич. К. 13 в. человек. фигуры даются даже при помощи разного рода схем, заимствованных из геометрии. фигур. К. эпохи Возрождения частично возвращаются к антич. космологич. пифагорейству и платонизму; Альберти, *Леонардо да Винчи*, *Дюрер* погружаются в эмпирич. антропометрию, оперирующую уже целыми сотнями измерит. единиц. В связи с ростом и углублением проблем личности К. в дальнейшем отходит на задний план, представляя место изображению внутри. жизни че-

ловека, уже не охватываемой никакими арифметич. схемами. К области эстетических К. может быть отнесен и т. п. закон золотого сечения, сущность к-рого содержится в формуле: целое так относится к большему, как большее к меньшему. Закон этот имеет пифагорейско-платонич. происхождение и был распространен в эпоху Возрождения.

Термин «К.» имел большое значение и в логике. Эпикур, называя логику *каноникой*, понимал под нею правила познания и истины. В логич. смысле К. употреблялся Лейбницем, Дж. С. Миллем, У. Кантом. Чистого разума понимается совокупность всех априорных основоположений, правильно функционирующих в познании. Соответственно Кант говорит и о К. рассудка и о К. морального суждения (см. «Критика чистого разума», П., 1915, с. 437—53).

В области религии под К. понимается совокупность «священных» книг, признанных «неогрешимыми» и введенных в практику богослужения.

Лит.: Брунов Н. [П.], Пропорции античной архитектуры, [М., 1936]; Недович Д., Подлисет, М.—Л., 1939; Тиммердинг Г. Е., Золотое сечение, пер. с нем., П., 1924; Рика М., Эстетика пропорций в природе и искусстве, пер. с франц., М., 1936; Мессель Э., Пропорции в античности и в средние века, пер. с нем., М., 1936; Хэмблдж Д., Динамическая симметрия в архитектуре, пер. с англ., М., 1936; Рапофскы Е., Die Entwicklung der Proportionslehre als Abbild der Stilentwicklung, «Monatsh. Kunstwiss.», 1921, Jg 15, November, S. 188—219. А. Лосев. Москва.

КАНОНИКА (κανωνική) — термин, к-рым в школе Демокрита и Эпикура обозначалось логич. учение. Основы К. заложены Демокритом в подшедедем до нас соч. «Канон» (в трех книгах). Затем К. представлена в соч. «Трехкниж» демокритовца Навсифана и, наконец, в работах Эпикура и его последователей, особенно Филодема. К. тесно связана с физикой Демокрита — Эпикура. Трасилл в перечне соч. Демокрита включал «Канон» в цикл его физич. сочинений. Эпикур, как и Демокрит, не выделял К. в особую филос. дисциплину, считая ее составной частью физики, и излагал К. в неразрывной связи с физикой («Письмо к Геродоту», написано ок. 292—291 до н. э., рус. пер. 1925).

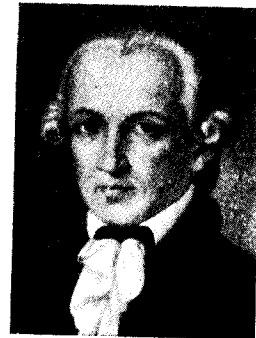
Осн. проблема К. — вопрос о критериях истины. По Демокриту, их три: разум, ощущение и практика. Эпикур и его школа принимали эти 3 критерия, но основными считали ощущение, тогда как Демокрит — разум. Поскольку и у Демокрита, и в школе Эпикура осн. предметом науч. изучения являлось эмпирич. естествознание и исследование причин явлений природы, в К. на первое место выступала проблема индукции, к-рая глубоко разработана эпикурейцами в до н. э. (особенно в неаполитанской школе Филодема). Термин «К.» употреблял Гассенди в своей работе «Система философии Эпикура» (P. Gassendi, Syntagma philosophiae Epicuri, 1659).

Лит.: Боричевский И., Древняя и современная философия науки в ее предельных понятиях, ч. 1... (Научные письма Эпикура), М.—Л., 1925; Макогонский А. О., Древнегреческие атомисты, Баку, 1946 (о «Каноне» Демокрита и «Трехкниж» Навсифана); Материалисты древней Греции. Собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура, М., 1955, с. 181—236 (Письма и фрагменты Эпикура, пер. С. П. Соболевского); Philodemus: On methods of inference, ed. by Ph. H. de Lacy and E. A. de Lacy, Phil., 1941. А. Макагонский. Баку.

КАНТ (Kant), Иммануил (22 апр. 1724 — 12 февр. 1804) — нем. философ, родоначальник нем. классич. идеализма. Род. в г. Кёнигсберге (ныне Калининград). Окончив Кёнигсбергский ун-т (1745), стал домашним учителем; с 1755 — приват-доцент и с 1770 — проф. Кёнигсбергского ун-та. Филос. развитие К. делится на два периода — докритический (до начала 70-х гг. 18 в.) и критический, когда К. приступил к критике разума, изложенной в «Критике чистого разума» («Kritik der reinen Vernunft», 1781), «Критике практического разума» («Kritik der praktischen Vernunft», 1788) и «Критике способности суждения» («Kritik der Urtheilskraft», 1790).

Докритический период.

В работах этого периода важное место занимали произведения, посвященные вопросам естествознания и философии природы. Значение этих работ состояло в том, что в них был поставлен вопрос о развитии в природе. Опираясь на механистич. философию природы Ньютона, К. сделал попытку применить принципы современного ему естествознания к объяснению не только совр. строения солнечной системы, но и к объяснению ее возникновения и развития. В работе «Всеобщая естественная история и теория неба» («Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels», 1755) К. развил гипотезу, согласно к-рой солнечная система возникла из огромного облака

разреженных в пространстве частиц материи и развилась до своего нынешнего устройства, повинаясь законам, открытым Ньютоном. Ф. Энгельс считал этот труд гениальным, поскольку «вопрос о первом толчке был здесь устранен; земля и вся солнечная система представляли как нечто ставшее (т. е. развившееся. — В. А.) во времени» («Диалектика природы», 1955, с. 8, см. также с. 25). К. доказал также, что в результате действия приливной воли, дважды в сутки обходящей океаны Земли под влиянием притяжения Луны, скорость суточного вращения Земли неуклонно замедляется. В физике К., развивая идеи Декарта и Галилея, обосновал новое учение об относительности движения и покоя. В биологии К. наметил идею генеалогич. классификации животного мира, т. е. распределение различных классов животных по порядку их возможного происхождения. В исследованиях по антропологии К. выдвинул идею естеств. истории человек. рас.

Выдвижение на первый план идеи развития в органич. и органич. природе было крупнейшей науч. заслугой К., подготовившего почву для учений Гердера и Шеллинга, для проникновения идеи развития в специальные отделы естествознания. Согласно оценке Энгельса, «кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся туманных масс была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление, что природа не имеет никакой истории во времени... В этом представлении, вполне соответствовавшем метафизическому способу мышления, Кант пробил первую брешь и притом сделал это столь научным образом, что большинство приведенных им аргументов сохраняет свою силу и поныне» («Анти-Дюринг», 1957, с. 54).

К. не извлек из своего космогонич. учения последовательных материалистич. и атеистич. выводов. Он сделал ряд уступок религии и господствовавшей в школах того времени телеологии, т. е. учению о целесообразности в природе. Так, в противоречие с признанием бесконечности процесса развития мира, К. полагал, будто этот процесс имел начало. Ни наличие материи, ни причина, в силу к-рой природа получила способность самостоятельно развиваться из хаоса в совершенное создание, не могут быть, по К., достигнуты из одних механич. причин. Механич. законы обнаруживаются в материи, но не вытекают из нее, и причина мира есть, по К., все же не материя, а бог. Что существует бог, полагал К., это очевидно из того, что природа, даже в первоначальном хаосе, не может действовать иначе, как планомерно, следуя определенному порядку.

В философских работах докритического периода К. вначале находился под влиянием рационалистич. философии Лейбница, Х. Вольфа и их последователей. Тем не менее в работах «О ложных точностях четырех фигур силлогизма» («Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren», 1762) и в «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» («Versuch den Begriff der negativen Größen in die Weltweisheit einzuführen», 1763) он подверг рационализм и его логику ограничению. Под влиянием Юма К. отошел от рационалистич. взгляда, по к-рому реальная связь двух фактов выводится из логич. связи двух понятий, и этот пересмотр прежнего учения стал исходным для перехода от работ докритич. периода к работам критического.

Критический период.

Из философского учения предшествующего рационализма К. сохранил убеждение в том, что в науках, дающих достоверное знание (в математике и в естествознании), источником их всеобщности и необходимости не может быть опыт, как это утверждают эмпирики. Но таким источником не может быть, по К., и разум, как это считают рационалисты. А между тем достоверное знание существует; откуда же в таком случае оно возникает? К. признал, что источником такого знания являются независимые от опыта и предшествующие опыту (априорные) формы чувственности и рассудка. Под критикой К. с этого времени понимал исследование границ, до к-рых простирается способность разума, а также исследование др. способностей и форм познания. Эти формы обуславливают возможность достоверной науки — математики и естествознания, а в философии — возможность метафизики, этики, эстетики и религии. В этот период учение К. о познании окончательно становится учением агностицизма: К. пытался строго отделить явления, доступные человеку, познанию в опыте, от «вещей в себе», т. е. от сущности вещей, к-рая будто бы не может быть дана в опыте. К. пытался доказать, будто знанию доступны только явления, но не вещи, как они существуют независимо от нашего чувств. восприятия и от форм рассудочного мышления. Понимая, что это его учение стремится ограничить разум, К. полагал, будто то, что при этом теряет познание, выигрывает вера. Т. к. бог не может быть воспринят ни в каком опыте, не принадлежит к миру явлений, то, по К., невозможно не только никакое доказательство, но также и никакое опровержение его существования. Религия становится предметом веры, а не науки. Верить в бога, по К., не только возможно, но и необходимо, т. к. без веры невозможно примирить требование нравств. сознания с фактами зла, царящего в человек. жизни. Однако мотивы, по к-рым К. предпринял свою критику разума, состояли не только в том, чтобы подчинить разум вере, но и в том, чтобы выяснить: источники различных видов знания — научного и философского; основания достоверности знания в математике и в естествознании; формы и категории науч. мышления.

Осн. черта критич. философии Канта — совмещение в ней материализма с идеалистич. учением о непознаваемости «вещей в себе». «Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе,— то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней,— Кант выступает как идеалист» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 184—85). Эта двойственность философии К. отражала двойственность нем. буржуазии, ее политич. дряблость, зависимость от феодалов, в силу чего она осмеливалась выдвигать свои требования лишь в сфере отвлеченной теории и к тому же в весьма ту-

манной и завуалированной форме, сочетая эти требования с приверженностью к ряду пережитков феодализма (религиозности, монархизму и т. п.).

Учение о «вещи в себе». Это учение составляет основу всех трех «Критик...». Познание начинается, по К., с того, что «вещи в себе» воздействуют на органы наших внешних чувств и вызывают в нас ощущения. Это вызывание «вещами в себе» наших ощущений К. называет «аффицированием». В этой предпосылке своего учения К. — материалист. Однако как только К. переходит к исследованию вопроса о формах и границах познания, он развивает идеалистич. учение. Идеализм этот состоит в утверждении, будто ни ощущения нашей чувственности, ни понятия и суждения нашего рассудка, ни идеи нашего разума не дают нам и не могут дать никакого теоретич. знания о «вещах в себе». «Вещи в себе» непознаваемы. Однако эта непознаваемость не исключает того, что, по К., объем наших эмпирич. знаний о вещах непрерывно возрастает и неограниченно будет возрастать и становиться все более глубоким. Но никакой прогресс эмпирич. знания не приближает нас ни на йоту к познанию «вещей в себе». Учение К. о непознаваемости «вещей в себе» является идеалистическим, т. к. основывается на мысли о существовании таких форм сознания, к-рые будто бы предшествуют опыту и не выводимы из опыта (априорны).

Теоретико-познавательные (гносеологические) воззрения К. самым тесным образом связаны с его воззрениями л о г и ч е с к и м и.

Логическое учение. К. излагал свои логич. воззрения не только в лекциях по логике. Гл. соч. К. — «Критика чистого разума» — есть не только гносеологический, но и своеобразный логич. трактат. Особенность логич. учения К. — в различении двух типов логики — обычной (общей) и философской (трансцендентальной). Обычная, или общая, логика (allgemeine Logik) исследует формы понятия, суждения и умозаключения, полностью отвлекаясь от вопроса о предметном содержании того, что в этих формах мыслится. Трансцендентальная логика исследует в формах мышления то, что сообщает знанию априорный характер и обуславливает возможность всеобщих и необходимых истин. В отличие от обычной логики, трансцендентальная логика по-разному оценивает формы мышления и их компетенцию — в зависимости от того, на какой предмет эти формы направлены. Так, логич. мышление, направленное на явления опыта, дает (во всяком случае, может дать) достоверное и объективное (т. е., по К., всеобщее и необходимое) знание. Напротив, логич. мышление, направленное на запредельные опыту «вещи в себе», будто бы не может дать достоверного теоретич. знания и — при попытке добыть такое знание — необходимо впадает в противоречия. Основными отношениями понятий, рассматриваемых в обычной логике, он считает отношения между ними по объему. В учениях трансцендентальной логики К. признавал недостаточность взгляда на формы мышления, развиваемого формальной логикой, и соотносил действительность форм мысли с особенностями предметов, к-рые посредством них мыслятся. При этом, исследуя связь между тремя категориями каждого из категориальных классов (количества, качества, отношения и модальности), К. высказал догадку, что внутри каждого класса третья категория есть синтез противоположностей двух предшествующих ей категорий того же самого класса. Напр., внутри класса качества категория ограничения есть синтез противоположностей категорий реальности и отрицания и т. д. Однако мысль эта, плодотворная для последующего развития диалектики, самим К. разработана не была, и ее развили впоследствии, преодолевая

метафизику К., его продолжатели — классики нем. диалектич. идеализма. Формалистич. характер обычной логики К. стал впоследствии теоретич. основой для логич. формализма, характеризующего многие учения логики 19—20 вв.

В трансцендентальной логике К. развил свое учение о знании. Знание, по К., всегда выражается в форме суждения, т. е. в форме связи понятий. К. различал аналитические суждения, к-рые, не давая нового знания, раскрывают в предикате знание, уже заключенное в его субъекте (напр., «все тела протяженны»), и синтетические, в к-рых знание, заключенное в предикате, синтезируется со знанием, заключенным в субъекте (напр., «некоторые тела тяжелы»). В свою очередь, синтетич. суждения К. делил на апостериорные, в к-рых связь предиката с субъектом основывается на опыте (напр., «некоторые лебеди черны»), и априорные, в к-рых связь субъекта и предиката мыслится как предшествующая опыту и независящая от опыта (напр., «все, что случается, имеет причину»).

К. строил свою систему на исследовании априорных синтетич. суждений, т. к. только в них, по К., связь понятий может быть безусловно всеобщей и безусловно необходимой. Ввиду значения, какое К. приписывал априорным синтетич. суждениям, основной для К. вопрос об источниках и границах знания формулируется именно как вопрос о возможности априорных синтетич. суждений в каждом из видов знания. А т. к. К. интересовали гл. обр. три вида знания — математика, теоретическое естествознание и метафизика (умозрительное познание истинно сущего), то вопрос об априорных синтетич. суждениях ставится у К. в тройкой форме: 1) как возможны такие суждения в математике; 2) как возможны они в теоретическом естествознании и 3) возможны ли они в метафизике. Решение этих трех осн. вопросов «Критики чистого разума» К. приурочивает к исследованию трех осн. способностей познания — чувственности (способности ощущений), рассудка (способности понятий и суждений) и разума (способности умозаключений, доходящие до идей, т. е. до понятий о безусловной целостности всех обусловленных явлений). Эти три способности познания К. рассматривал в «Учении об элементах»: учение о формах чувственности в «Трансцендентальной эстетике», учение о рассудке и разуме в «Трансцендентальной логике» (рассудок в разделе «Трансцендентальная аналитика», разум — в «Трансцендентальной диалектике»). Слово «трансцендентальная» указывает на то, что в этих разделах труда К. исследуются именно априорные формы опытного познания. В отличие от термина «трансцендентальный», К. вводил термин «трансцендентный», к-рым он обозначал все то, что лежит по ту сторону всякого возможного для нас опыта, иначе — за пределами для опыта. Напр., бог, по К., — трансцендентный предмет, т. к. бог мыслится не в пределах опыта, а за его пределами. Напротив, философия самого К. — трансцендентальная, т. к. она исследует априорные формы познания.

1) Суждения математики, по К., — априорные синтетич. суждения. В них синтез субъекта с предикатом основывается либо на чувств. созерцании пространства (в геометрии), либо на чувств. созерцании времени (в арифметике, где последовательность счета предполагает последовательность моментов времени). Пространство и время, на к-рых основываются чувств. созерцания геометрии и арифметики, — не то пространство и не то время, к-рые известны нам из опыта. Т. к. положения математики мыслятся нами как безусловно общие и безусловно необходимые, а опыт способен обосновать только относительную общность

и только относительную необходимость, то, по К., пространство и время, на к-рые опираются чувств. созерцания математики, должны быть априорными, от опыта независящими и опыту предшествующими. Пространство — априорная форма внешнего чувств. созерцания, время — априорная форма внутр. чувств. созерцания. Именно априорность и сообщает, по К., созерцаниям пространства и времени их безусловную всеобщность и безусловную необходимость. Учение К. о пространстве и времени является идеалистическим, поскольку эти формы трактуются как априорные формы чувственности и перестают быть формами существования самих вещей. К. не отрицал того, что все вещи, известные из опыта, находятся в пространстве и что все события протекают во времени. Но эмпирические пространство и время, думал он, не могут объяснить безусловно всеобщего и необходимого характера истин математики. Для такого объяснения необходимо, чтобы в основе наших наглядных представлений лежали «чистые», т. е. будто бы ни от какого опыта независящие априорные формы пространства и времени. Поэтому, хотя математика дает истины безусловно всеобщие и необходимые, но их всеобщность и необходимость относятся не к самим вещам. Она имеет значимость только для ума в силу свойственных ему априорных форм чувств. созерцания.

2) Условием возможности априорных синтетич. суждений в теоретич. естествознании являются 12 категорий, независимых от доставляемого опытом содержания понятий рассудка, под к-рые рассудок подводит всякое содержание, получаемое им из наших чувств. созерцаний. Эти 12 категорий разделяются на 4 разряда — количество, качество, отношение и модальность. Количество включает в себя категории: единство, множество и цельность; качество — реальность, отрицание, ограниченное; отношение включает в себя отношения между субстанцией и свойством, причиной и действием и категорию «взаимодействия»; модальность содержит в себе категории возможности, действительности и необходимости.

Каждая из этих двенадцати категорий — особая и независимая от остальных, но в то же время между категориями внутри каждого разряда имеется важное соотношение. Вторая категория каждого разряда по отношению к первой есть ее противоположность. Третья же категория каждого разряда есть синтез, или единство, противоположностей. Учение К. о категориях рассудка так же идеалистично, как и его учение о формах чувственности, поскольку они только формальные («чистые») точки зрения, под к-рые рассудок подводит доставляемый чувственностью материал. Будучи такими «чистыми» понятиями, категории априорны.

Несмотря на идеализм, учение К. о категориях ценно тем, что К. поставил задачу — систематически исследовать все наиболее общие и широкие понятия, к-рыми руководствуется мышление, когда оно образует суждение о предметах науч. знания, а также мыслью, согласно к-рой в каждой группе категорий необходимо мыслятся не только противоположности, но и единство противоположностей. Развивая это учение, К. вплотную подходил к диалектике, разработанной Фихте, Шеллингом и в особенности Гегелем. Ни чувств. созерцания, ни понятия рассудка, взятые в отдельности, не дают, по К., знания, ибо ощущения без понятий слепы, а понятия без ощущений — пусты. Чтобы возникло подлинное знание, необходимо, чтобы произошло соединение (синтез) чувств. созерцания с категориями рассудка. По К., высшим условием синтеза многообразия чувств. содержания и рассудочных форм, к-рыми охватывается это содержание, является единство нашего сознания, к-рое

К. называл «единством трансцендентальной апперцепции». Будучи высшим предварительным условием возможности всякого синтеза чувств. созерцаний с формами рассудка, единство сознания, по К., априорно. Так как под него подводится всякое многообразие, то единство это — формально, не зависит от содержания самого многообразия. Другим посредствующим звеном между чувств. созерцанием и рассудком является «продуктивная сила воображения». На этом основан ответ, к-рый К. дал на вопрос о том, как возможно теоретич. естествознание. Вместе с тем К. отвечает и на более общий вопрос: как возможно науч. познание, имеющее объективность («объективное» в смысле К.) значение, т. е. обладающее логич. признаками всеобщности и необходимости.

В основе всех суждений естеств. наук лежат, по К., некие совершенно общие и необходимые законы. Как бы ни отличались между собой предметы и явления, изучаемые естеств. науками, но научное познание их может осуществиться только при условии, если рассудок мыслит предметы и явления природы как подчиненные трем законам (высшим основоположениям знания): закону сохранения субстанции; закону причинности и закону взаимодействия субстанций. Будучи всеобщими и необходимыми, законы эти, однако, по К., принадлежат не самой природе, как она существует независимо от нас, а только нашему рассудку. Для рассудка они — высшие априорные законы связи всего того, что рассудок может мыслить. Т. о., по К., в естествознании наше сознание само строит предмет — не в том смысле, что оно реально порождает его, дает ему бытие, а в том, что оно сообщает познаваемому, неизвестному в своей сущности, предмету ту форму, под которой он только и может познаваться — форму всеобщего и необходимого знания. Поэтому не формы нашего ума соотнобразуются с вещами природы, а, напротив, вещи природы — с формами ума. Наш ум находит и может найти в природе только то, что он сам вложил в нее до опыта и независимо от опыта. Он вложил в нее содержание опыта (которое может быть дано только действием «вещей в себе» на наши чувства), а всеобщие и необходимые формы опыта, согласно к-рым рассудок только и может мыслить какие бы то ни было предметы знания. Отсюда К. и делал вывод, будто вещи, как они существуют сами по себе, непознаваемы. Ни формы чувственности — пространство и время, ни категории рассудка, ни даже высшие основоположения знания не составляют определений самих «вещей в себе». Природа как предмет всеобщего и необходимого знания строится — со стороны формы знания — самим сознанием. Таков результат критики форм чувственности и рассудка и основывающихся на них наук — математики и естествознания, к-рому пришел К. Поскольку он пришел к выводу, будто сознание само строит предмет науки (со стороны логической формы знания), этот результат есть субъективный идеализм. Поскольку К. пришел к выводу, что познание вещей, как они существуют сами по себе, невозможно, результат этот есть агностицизм.

Работам критического периода у К. предшествовали работы по вопросам естественных наук (физики, космогонии, геофизики, антропологии). В критический период естествознание остается в поле внимания К., но вопросы изучения природы принимают новую форму, соответствующую критич. теории познания. В 1786 К. написал «Метафизические начальные основания естествознания» («*Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*»). В этом труде прозрачно выступает связь филос. мировоззрения К. с его философией математики и философией естеств. наук. Над всей системой критицизма

господствует мысль, что, кроме математики и опыта, нет никакого другого науч. познания: наше познание вещей ограничено естествознанием, принципы к-рого даны или посредством опыта, или априорно. В первом случае они — эмпирические, во втором — трансцендентальные. Трансцендентальные принципы — «чистые» или рациональные положения естествознания. Если ограничить ими область естествознания, то, по К., во всяком отдельном учении о природе собственно науки содержится лишь столько, сколько содержится в ней математики. Но «чистое» естествознание — не только математика. В то время как математика опирается на априорные формы чувств. созерцания, в явлениях природы есть нечто, что должно быть познано не созерцанием, а понятиями. Единственным объектом «чистого» естествознания может быть, по К., только телесный мир. Однако материя познаваема только в форме явлений. Т. к. все материальные изменения пространственны, то предметом метафизич. учения о телах может быть только движение. В соответствии с осн. идеей критицизма К. ставит вопрос так: что можно познать о движении априорно, посредством «чистых» понятий? В этом исследовании К. рассматривает осн. определения материального движения под категориями количества движения, его качества, его относительности и модальности. Соответственно в «Метафизических начальных основаниях естествознания» К. развивает очерк 4 наук. Это «фороника» — учение о пространстве, изменении, «динамика» — учение о движущих силах, «механика» — учение о законах взаимодействия движущихся тел и «феноменология» — учение о возможности, действительности и необходимости движения в зависимости от различных в нашем способе представления. В «динамике» К. противопоставил механистич. физике и математическо-механистич. воззрению свое математико-динамич. понимание свойств и различий материи. В «механике» он сформулировал три закона, соответствующие категориям отношения: закон самостоятельности субстанции, закон инерции и закон противодействия. В «феноменологии» К. провел свойственное ему субъективистское понимание категорий модальности, применив их к рассмотрению природы.

3) Рассмотрение вопроса о возможности априорных синтетич. суждений в метафизике, т. е. в теоретической философии, К. приурочивает к исследованию третьей способности познания — способности разума, к-рый К. рассматривал как способность умозаключения, приводящую к возникновению идей. Т. к. идеи — понятия о безусловном, то предметы идей никогда не могут быть восприняты чувствами в опыте. Стремясь найти безусловную целостность, или единство обусловленных явлений, разум, по К., необходимо образует три идеи: идею о душе как о безусловной целостности всех обусловленных психич. явлений, идею о мире как о безусловной целостности бесконечного ряда причинно обусловленных явлений и идею о боге как безусловной причине всех обусловленных явлений. Анализируя эти идеи, К. пришел к выводу, что все три науки традиц. философии, рассматривавшей эти идеи — рациональная психология, рациональная космология и рациональная теология, — науки мнимые. Опровергая существовавшие доказательства бытия бога, К., однако, пытался утвердить веру в качестве постулата нравственности. Притязания рациональной космологии ведут к возникновению в разуме *антиномий* — противоречащих друг другу и в то же время одинаково доказуемых ответов на исследуемые ею вопросы: 1) мир имел начало во времени и ограничен в пространстве; он не имел начала во времени и не имел границ в пространстве; будучи бесконечным; 2) всякая сложная вещь в мире состоит из безусловно простых, неделимых

частей; ни одна сложная вещь в мире не состоит из таких простых и неделимых частей; 3) все в мире совершается только согласно необходимым законам природы, а познается только на основе закона причинности; кроме причинности, согласно законам природы, для объяснения явлений необходимо допустить возможность свободной причинности; 4) в мире существует в качестве его составной части или его причины безусловно необходимое существо; никакого безусловно необходимого существа в мире нет. К. считал, что подлинная причина появления этих антиномий в разуме в том, что утверждения рациональной космологии покоятся на ложном, по мнению К., допущении, будто мир как безусловное целое может быть предметом разумного теоретич. познания. Будучи агностиком, К. считал это допущение ошибочным. Мы не можем познать мир как безусловное целое, как «вещь в себе», т. е. «вещи в себе», по К., неизнаваемы. Несмотря на то, что, согласно мысли К., диалектика, обнаруживающаяся в антиномиях,— мнимая, не отражающая реальных противоречий и разрешающаяся без нарушения логич. закона непротиворечивости, учение К. об антиномиях чистого разума сыграло большую роль в подготовке диалектики, созданной классиками нем. идеализма. Мысль К. о необходимости, с какой антиномии возникают в разуме, повела в дальнейшем к признанию, что они выражают не только субъективную (как это было у самого К.), но и объективную диалектику, и притом не только мышления, но и бытия.

Этическое учение. Метафизику — теоретич. филос. науку о душе, о мире и о боге К. отвергал как невозможную. Но вместе с тем этика, а также постулат о бытии бога провозглашаются безусловно доступными для обоснования при помощи практического разума, рассмотрению к-рого посвящается группа этич. соч. К., а также его труд «Религия в пределах только разума» («Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft», 1793).

Гл. этич. произведение К. — «Критика практического разума». Исходной предпосылкой этики К. является сложившееся у него под влиянием *Руссо* убеждение в том, что всякая личность — самоцель и ни в коем случае не должна рассматриваться как средство для осуществления каких бы то ни было задач, хотя бы это были задачи всеобщего блага. Это учение К. об абсолютном достоинстве и ценности каждой личности соответствует декларациям идеологов франц. бурж. революции о всеобщих и неотъемлемых правах человека и гражданина.

В основе этики К. лежит утверждение, будто моральный закон может быть только формальным. Если бы в формулировку нравств. закона входило указание на содержание моральных действий, то, по К., закон этот никогда не мог бы получить безусловно всеобщего и безусловно необходимого значения: предписание такого закона было бы всего лишь условным, гипотетическим, в то время как он должен дать безусловное предписание — «категорический императив». Этот закон требует, чтобы каждый индивид — независимо от содержания его действий — поступал так, чтобы правило его личного поведения могло стать правилом поведения для всех. При этом К. стремился строго отделить сознание нравств. долга от чувств., эмпирич. склонности к выполнению нравств. закона: если к поступкам, совпадающим с волеизъявлением нравств. закона, человека влечет естеств. склонность, то такое поведение может быть, по К., названо только легальным, но еще не моральным. Поступок будет моральным только в случае, если он совершается единственно из уважения к нравств. закону. Это различие между легальным и моральным

поведением выступает, по К., особенно резко там, где возникает конфликт между действием, к к-рому человека влечет чувств. склонность, и действием, совершаемым из уважения к нравств. закону. В таких случаях К. требует безусловного подчинения нравств. долгу.

В высоком уважении к нравств. долгу и в отрыве от эмпирии также следует видеть своеобразное выражение нем. теории франц. бурж. революции.

В разрез с господствовавшими учениями протестантских и католич. богословов об отношении религии к нравственности К., развивая идеи *Бейля* и *Юма*, утверждал, что не нравственность основывается на религии, а религия должна основываться на нравственности. Опыт показывает, что между моральным (или, напротив, аморальным) поведением человека и его счастьем (или несчастьем) в эмпирич. жизни не существует соответствия. Хотя этика не должна строиться на принципе эвдемонии (блаженства), т. е. в расчете на эмпирич. счастье, тем не менее противоречие между моральным поведением человека и результатами этого поведения в эмпирич. жизни не мирится с голосом нравств. сознания. Последнее требует справедливого соответствия. Не находя его в мире явлений, нравств. сознание вынуждено утверждать, будто соответствие это осуществляется в мире надэмпирическом, умопостигаемом. Допущением умопостигаемого мира объясняется, по К., как возможны свобода, бессмертие и бог. Существование их не есть истина, доказуемая теоретически, но есть необходимый постулат, или требование практического разума.

На этике К. лежит резкая печать субъективного идеализма и метафизич. абсолютизации нравств. закона. Предпосылка этики К. — метафизич. постулат безусловного нравств. достоинства и ценности каждой отдельной личности. Противоречия нравств. поведения и сознания, отражающие реальные противоречия в обществе, отношениях, переносятся К. в область субъективного нравств. сознания и только в этой области получают свое призрачное разрешение. Безусловный характер нравств. закона (*категорический императив*) подчеркивает неустранимость разрыва между сущим и должным, между субъективным стремлением и объективным состоянием общества. К. в качестве немецкого теоретика франц. бурж. революции отделил в своей этике теоретические мысли и идеи буржуазии от ее материальных интересов, «...отделил это теоретическое выражение от выраженных в нём интересов, превратил материально мотивированные определения воли французской буржуазии в чистые самоопределения „свободной воли“... и сделал из неё таким образом чисто идеологические определения понятий и моральные постулаты» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 184).

Этическое учение и учение об организмах природы. Противоречия своей системы — «вещей в себе» и явлений, природы и свободы, разума теоретического и разума практического — К. пытался разрешить в завершающем соч. критич. периода — «Критике способности суждения». По мысли К., дуализм природы и свободы, раскрывшийся в двух предшествующих «Критиках», имеет не безусловный характер. Правда, посредством одного лишь теоретич. познания невозможен никакой переход из области чувственно постигаемого мира природы в область умопостигаемого мира свободы. Однако в нашем разуме существует, по К., необходимая потребность мыслить природу так, как если бы в ней было возможно осуществление целей по законам свободы. Мы мыслим необходимость осуществления в чувств. эмпирич. мире целей, имеющих основу в мире сверхчувств.

венном, умопостигаемом. Такая необходимость не есть необходимость теоретич. познания. Это лишь необходимость особой — рефлектирующей, по терминологии К., — способности суждения.

Рефлектирующая способность суждения рассматривает все разнообразие частных законов природы, как подчиненное целесообразному единству. Но источник этого единства — не человек, рассудок. Мы мыслим это единство так, как если бы источник его был в нек-ром высшем рассудке. Мыслимая таким способом целесообразность не есть, по К., понятие теоретич. разума и не принадлежит к составу понятий науки о природе. Это только необходимая точка зрения нашей рефлектирующей способности суждения. Предметами приложения этой способности являются, по К., во-первых, произв. иск-ва, во-вторых, целесообразные черты строения естеств. организмов.

Своеобразие эстетич. оценки произведений искусства состоит, по К., в том, что суждение эстетич. вкуса основывается не на понятии, а лишь на особом удовольствии, доставляемом созерцанием формы эстетич. предмета. В этом смысле эстетич. суждение субъективно и его оценка не может быть доказана. При этом, однако, эстетич. суждение высказывается нами так, как если бы выражаемая в нем оценка имела общее для всех и необходимое значение. Т. о., эстетич. суждение возвышается над простым заявлением субъективного вкуса. В эстетич. суждении произведение иск-ва (художеств. творчества) рассматривается как целесообразное, но его целесообразность не предписана художнику извне. Это — целесообразность без цели. Прекрасное правится нам независимо от практич. интереса.

Эстетика К. противоречива и ошибочна в своих принципах. Основа ее — субъективный идеализм, сводящий эстетическое к особой точке зрения или установке сознания. В теории иск-ва К. основа эта ведет к формалистич. пониманию произведений иск-ва и художеств. деятельности. Незаинтересованность художника в вопросе о реальном существовании того, что изображается им в произведении иск-ва, вела к оправданию взгляда, будто высшим видом искусства должно быть совершенно бесцельное и беспредметное иск-во (в роде арабески). Взгляд этот подчеркивал в произведении иск-ва значение формы и умалнял значение содержания. Неудивительно поэтому, что впоследствии, во 2-й пол. 19 в. и в 20 в., бурж. эстетики и искусствоведы формалистич. направления подчеркивали в эстетике К. несомненную и сильную формалистическую тенденцию. Однако в разрез с этой явной и господствующей тенденцией К. все же высшим видом иск-ва признал иск-во поэзии, возвышающееся до способности изображать идеал.

Субъектом художеств. творчества, по К., является гений; гениальность в иск-ве есть способность создавать образцовые для других произведения иск-ва, не руководствуясь при этом никакими готовыми образцами, усвоенными посредством обучения.

Второй областью предметов, к к-рым прилагается рефлектирующая способность суждения, являются, по К., организмы природы. Их своеобразие в том, что в качестве явлений чувств. мира и в качестве предметов научно-рассудочного познания они должны быть подводимы только под понятие механич. закономерности природы. Но в качестве предметов разума они должны быть подводимы под понятие целесообразности. Соединение этих способов рассмотрения, не доступное человек. рассудку, допустимо для некоего высшего интеллекта, к-рый может мыслить единство механизма природы и целесообразности.

Социально-политическое учение. Это учение изложено К. в «Идеях всеобщей истории» («Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Ab-

sicht», 1784). «О вечном мире» («Zum ewigen Frieden», 1795), оно складывалось под сильным влиянием идей франц. и англ. Просвещения, в особенности под влиянием Руссо. Вслед за Руссо К. развил идею о верховной власти народа (о народном суверенитете). Однако, будучи теоретиком нем. бюргерства, К. в полном противоречии с этой идеей утверждал, будто суверенитет нар. власти на деле неосуществим и будто державная в принципе нар. воля должна оставаться в полном подчинении существующей власти. Демократич. идеалу народовластия Руссо К. противопоставил идеал Гоббса — принцип неограниченных полномочий существующей верховной власти. Не только революцию, но даже рассуждения о способе происхождения верховной власти К. признал недопустимыми для народа и угрожающими гос-ву опасностью разрушения.

К. не отрицал возможности известного прогресса в обществ.-политич. и правовых учреждениях, а также в этич. отношениях между людьми. Но в то же время он ошибочно полагал, будто этот прогресс возможен лишь в очень тесных границах. К. утверждал, будто человек, род по своим исконным качествам зол и будто эти его качества врождены ему и не могут быть ни изменены, ни исправлены ни при какой смене обществ. отношений, ни при каком преобразовании политич. учреждений. Однако, сильно ограничив возможности прогресса в обществ.-политич. строе, К. вовсе не думал, будто существующее положение вещей не требует улучшения и будто оно никоим образом не может быть изменено. К. отвергал, напр., утверждение нем. крепостников, будто народ «не созрел для свободы». К. разъяснял, что при такой предпосылке свобода вообще никогда не может наступить: для нее нельзя «созреть», если предварительно не ввести людей в условия свободы.

Учение К. о праве и гос-ве основывалось на формальном понимании права, но вместе с тем выходило за границы формализма. Бурж. понимание личной собственности господствует в правовых воззрениях К. Реальную основу правовых взглядов К. и их прогрессивную историч. тенденцию образует проводимое К. противопоставление бурж. «правопорядка», обусловленного правом собственности, феод. бесправию и произволу. При этом право собственности данного лица обосновывалось не только тем, что это лицо раньше всякого другого овладело известной вещью, но и тем, что оно признало равное право всех других на то, чем они раньше овладели. В учении о гос-ве понятие о совокупном владении, положенное в основу частного права, расширяется до понятия о державной соединенной воле всех лиц, образующих народ, организованный в гос-во. В правовом гос-ве каждое лицо обладает правом голоса, т. е. правом участия в общем решении, и в то же время само повинуетя этому решению. Гражданская свобода, как ее понимал К., есть право лица повиноваться только тем законам, на к-рые само это лицо изъявило согласие. Понятая в этом смысле свобода должна быть неотчуждаемой принадлежностью всякого гражданина гос-ва. Столь же неотчуждаемой принадлежностью гражданина является для К. равенство всех перед законом.

Идеальным состоянием общества К. признавал мир между отдельными лицами и между гос-вами. Но этот мир есть, по К., чрезвычайно далекая цель. Реальность историч. жизни — не мир, а борьба, антагонизмы между людьми. При этом К. далек от понимания социальной — классовой — обусловленности этих антагонизмов. Он видит в них необходимость, обусловленную не исторически и не социально, не борьбу классов общества, а проявление изначальной природы человека.

Наблюдения К. над мучительным, полным противоречий и крайне замедленным ходом движения нем. общества от феодализма к капитализму привели его к мысли, что противоречивость историч. процесса — необходимое условие совершенствования человек. рода. Чтобы убедиться в этом, необходимо, по К., рассматривать историю не в узких нац. рамках, а со всемирно-историч. точки зрения. В истории действует антагонизм. Сущность его в том, что люди одновременно и склонны вступать в общество и склонны, в силу свойственного им недоброжелательства, оказывать друг другу противодействие, угрожающее обществу распадом. По К., без этого антагонизма и без связанных с ним страданий и бедствий не был бы возможен никакой прогресс, никакое развитие. Только через действие сил, к-рые кажутся источником одной лишь борьбы и вражды, возможно, по К., достижение величайшей задачи человек. рода — всеобщего правового гражданского состояния.

Параллельно с движением к достижению правового строя идет, по К., движение к изживанию войны и к наступлению мира между народами. Подобно тому как основанные на антагонизме и на корысти поступки отдельных лиц ведут в конечном счете к установлению правового общежития, так войны и антагонизмы между отдельными гос-вами и группами гос-в должны, по К., смениться в будущем состоянием вечного мира и правового порядка, гармонически регулирующего отношения между всеми гос-вами мира. Если бы в вопросе о вечном мире речь шла о моральном исправлении людей, то разрешение этого вопроса было бы, по К., чрезвычайно трудным. Но речь здесь идет не о моральном улучшении, а только о том, как следует направить поведение людей, возникающее из эгоистич. побуждений к тому, чтобы люди заставили друг друга вступить в состояние мира. Это — интерес к экономич. выгоде от междунар. торговли. Преследуя свои экономич. выгоды, гос-ва могут почувствовать себя вынужденными, независимо от моральных побуждений, содействовать миру и предотвращать войну.

Однако и в вопросе об установлении правового гос-ва и в вопросе о вечном мире К. отодвигал наступление предвидимого идеального состояния общества в будущее, практически беспредельно отдаленное от нынешнего состояния общества. Вопреки убеждениям К., это практически вело к оправданию и обоснованию пассивности, к примирению с действительностью совр. К. нем. общества. Этот недостаток социально-историч. мышления К. был широко использован бурж. политик. и филос. мыслью конца 19 и начала 20 вв., а также ревизионизмом.

Значение Канта в истории философии.

В силу своей двойственности философия К. оказывала как плодотворное влияние, указывая нем. мысли пути будущего развития, так и влияние, направлявшее философию на пути идеалистич. и метафизич. заблуждений. Положительными и плодотворными чертами учения К. были: связь философии К. с совр. ему наукой, стремление сделать логику и теорию познания средствами осознания форм и методов мышления, расширяющего науч. знание; попытка создать в учении о природе материалистическую в основе гипотезу развития солнечной системы, предвещающую диалектику; опыт исследования вопроса об источниках и формах познания, а также исследования системы категорий; возобновление мысли философов античности и Возрождения о диалектич. противоречиях разума; высокая оценка нравств. долга; взгляд на эстетику как на часть философии, снимающую противоречие между теоретич. и практич. разумом; взгляд на роль антагонизмов в историч. развитии общества; требование неустанной работы

человечества над изживанием войны как средства разрешения конфликтов, возникающих между гос-вами. Но все эти положительные черты и тенденции не снимают и не ослабляют огромных принципиальных пороков и заблуждений К. Таковы: исполненное неверия в познавательную мощь разума противоположение «вещей в себе» — явлениям; догма о непреходимой черте, якобы отделяющей опытное познание явлений от непостижимых «вещей в себе»; ограничение знания религ. верой; субъективно-идеалистич. взгляд на познание как на процесс наложения априорных форм чувственности и рассудка на материал, доставляемый познанию опытом; субъективно-идеалистич. трактовка пространства и времени, математики и теоретич. естествознания; двусмысленность диалектики, к-рая превращается у К. из учения о реальных противоположностях и о движении познания через противоречия в учение о видимости диалектич. противоречий и о способе их снятия посредством агностики, критики познания; абстрактной метафизич. и формальн. характер этики, в к-рой противоречия нравств. сознания отрываются от порождающих их реальных противоречий обществ. жизни; абсолютизация тезиса о ценности каждой отдельной личности; формализм эстетики и теории искусства; формализм правового учения, соответствующий иллюзиям бурж. понимания гос-ва и права, и т. д. Все эти недостатки философии К. стали во 2-й пол. 19 и в 1-й пол. 20 вв. чрезвычайно притягательными для бурж. философов, напуганных успехами материализма в 50—60-х гг. 19 в. Возникшее около середины 60-х гг. *неокантианство* пыталось разработать систему идеализма, не только отрицая на отрицат. доктрины К., но отбрасывая в философии К. ее материалистич. и прогрессивные тенденции и идеи. Обилие и глубина противоречий, содержащихся в философии К., побуждало к критике этой философии мыслителей различных направлений, к-рые более последовательно, чем К., придерживались той или другой позиции, между к-рыми колебалась мысль К. По выражению Ленина, одни стали критиковать Канта «слева», другие — «справа». «Слева» К. критиковали материалисты (см. Соч., т. 14, с. 185, 187—192), «справа» — скептики и идеалисты (Якоби, Шульце, Маймон и др.; см. там же, с. 184).

Последовательно-науч. критику всякого агностицизма и априоризма, всякого дуализма, в т. ч. и специально кантовского, дали Маркс, Энгельс, Ленин. О дальнейшей судьбе философии К. см. в ст. *Неокантианство*.

В. Асмус. Москва.

Соч.: «Всеобщая естественная история и теория неба» — 1-е издание вышло анонимно в 1755 (Königsberg—Lpz.). Затем отрывок из книги помещен Г. М. Зоммером в изданном им труде В. Гершеля (W. Herschel, Über den Bau des Himmels, Königsberg, 1791). Далее последовали издания: Frankfurt—Lpz., 1797 (с исправлениями К.), Zeitz, 1798, и т. д. вплоть до В., 1955. Напечатано также в Sämtliche Werke, Bd 1, 1867, в Gesammelte Schriften, Bd 1, 1910, Werke, Bd 1, 1912, в книге Kant—Laplace'sche Theorie, Lpz., 1925, S. 22—190 и др. сборниках. В 1806 в Копенгагене появился дат. пер. с издания 1797 (переводчик — С. С. Pflug). Имеются переводы на франц. (С. Wolf, P., 1886), исп. (Vuelos-Aires, 1946), итал. (Roma, 1956) языки. На рус. яз. переведены осн. отрывки (см. Классические космогонические гипотезы, М.—П., 1923, с. 35—56).

«Критика чистого разума» — гл. соч. критич. периода творчества К. Работа состоит из введения и двух отделов: I. Трансцендентальное учение об элементах, II. Трансцендентальное учение о методе. По своему распространению (количество изданий на нем. и др. яз.) книга занимает первое место среди произведений К. За первым изданием (Riga, 1781) последовали: Riga, 1787 (переработанное). Переработка эта была обусловлена появлением в нем. филос. лит-ре ряда отзывов на первое издание «Критики чистого разума», в к-рых учение К. толковалось лишь как новый вариант субъективного идеализма типа Беркли. К. выбросил во 2-м издании ряд мест и ввел новые разъяснения, снабдив соответствующий раздел подзаголовком «Опровержение идеализма». Однако в действительности в разделе этом опровергается не идеализм, как таковой, а противопоставляется «трансцендентальный», или «критический», идеализм самого К. «догматическому» идеализму его

«Critique of pure reason», 2 ed., L., 1958; D ö r r i n g h a u s W., Der Begriff der Gesellschaft bei Kant, [Köln, 1959].
Комментарии и словарь к соч. К.: Вауч В., I. Kant, 2 Aufl., В.—Лпз., 1921; Вахингер Н., Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, 2 Aufl., Bd 1—2, Stuttg., 1922; Рейнгер Р., Kant. Seine Anhänger und seine Gegner, Münch., 1923; Солье Н., Kommentar zu I. Kants Kritik der reinen Vernunft, 4 Aufl., Lpz., 1925; Ратке Н., Systematisches Handlexikon zu Kants Kritik der reinen Vernunft, Lpz., 1929; Эйслер Р., Kant-Lexikon, В., 1930; Ник С., Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, Fr. M., 1930; Книттермейер Н., I. Kant, Bremen, 1939.
В. Асмус. Москва.

КАНТЕМИР, Антиох Дмитриевич [10 (21) сент. 1708—31 марта (11 апр.) 1744] — рус. писатель-сатирик, распространитель филос. знаний в России; дипломат. Род. в Константинополе, сын Д. Кантемира. Получил разностороннее образование. Принадлежал к т. н. «ученой дружине», объединившей сторонников петровских реформ. Посол в Англии (с 1732), Франции (1738—44). За границей установил связи с *Монтескье*, *Вольтером* и др. В 9 сатирах («Сатира 1. На хулящих ученые. К уму своему», 1729) К. защищал науку, обличал невежество и консерватизм духовенства и дворянской аристократии. Видя в крепостнич. строе «естественное» распределение обществ. сил, К., однако, осуждал его крайние формы. Политич. и социологич. взгляды К., выражавшие идеологию служилого дворянства, своеобразно связаны с теорией *естественного права* и принципом «общей пользы». В 1730 К. перевел «Разговоры о множестве миров» *Фонтенеля* (опубл. 1740). В комментарии к переводу К. разъяснил ряд науч. и филос. понятий, заложив основы рус. филос. терминологии. «Естество» (натура), «вещество» (материя), «понятие» (идея) и др. термины были истолкованы К. в духе метафизич. материализма и sensualизма. В комментарии приведены нек-рые историко-филос. сведения.

Мировоззрение К. неоследовательно. Он делил мир на области естественного и сверхъестественного, придерживался *деизма*, теории *двойственной истины*, допускал рефлексию как «способ разумения». В филос. трактате «Письма о природе и человеке» (1742) К. рассматривал мир как создание божества. Наука, изучающая природу и человека, подтверждает, по К., премудрость творца. Близкий к картезианскому *рационализму*, К. не мог объяснить происхождение абстрактных понятий, особенно не имеющих непосредственно чувств. основы, и ссылался на их сверхприродный источник. К. переводил также «Персидские письма» *Монтескье* (перевод до нас не дошел), произведения Анакреонта, Горация и др. Как поэт К. был зачинателем рус. *классицизма*.

Соч.: Сочинения, письма и избранные переводы, под ред. П. А. Фремова, т. 1—2, СПб, 1867—68; Собрание стихотворений, Л., 1956, вступит. статья Ф. Я. Прийма.

Лит.: Плеханов Г. В., История русской общественной мысли, кн. 2, ч. 3, гл. 2, § 9—А. Д. Кантемир, Соч., т. 21, М.—Л., 1925; Беллинский В. Р., Портретная галерея русских писателей, I. Кантемир, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1955; Семеновский П. П., А. Д. Кантемир, СПб, 1893; Майков Л. П., Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира, СПб, 1903; Покровский В. [П.] (сост.), Антиох Дмитриевич Кантемир. Его жизнь и сочинения. Об. историко-лит. стат., 2 изд., М., 1919; Благой Д. Д., История русской литературы XVIII в., 2 изд., М., 1951; Алексеев М. П., Монтескье и Кантемир, «Вестн. ЛГУ», 1955, № 6, Сер. обществ. наук; Галактионов А. А., О месте А. Д. Кантемира в истории русской философии, «Вестн. ЛГУ», 1956, № 11 (Сер. экономич. философии и права, вып. 2); Петров Л. А., Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира, «Тр. Иркутск. гос. ун-та им. А. А. Жданова. Сер. филос.», 1957, т. 20, вып. 1, с. 6; Социологические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира, там же, 1958, т. 20, вып. 2, с. 6; Общественно-политические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира, там же, 1959, т. 20, вып. 3; Рядовский М. И., Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук, М.—Л., 1959; Проблемы рус. просвещения в литературе XVIII в., М.—Л., 1961 (имеется библиогр. за 1917—59) А. Галактионов. Ленинград.

КАНТЕМИР, Дмитрий (26 окт. 1673—21 авг. 1723) — представитель передовой культуры 18 в. румынского и молдавского народов; писатель, историк, философ, гос. деятель. Будучи господарем Молдавии (1710—14), К. направлял политику страны на союз с Россией. В 1711 он эмигрировал в Россию, где стал советником Петра I. В России К. продолжил свою науч. деятельность. В 1714 он был избран членом Берлинской академии. Нек-рые из трудов К. («История возвышения и упадка Оттоманской империи» — «Istoria imperiului Otomanu, creșterea și scăderea lui», 1714—16, и др.) имели широкое распространение в Европе.

К. был сторонником централиз. гос-ва, боролся против тенденций феод. раздробленности. В своих трудах он раскрывал отрицат. влияние тур. ига на экономич., политич. и культурное развитие родного народа.

Общее направление филос. взглядов К. до 1700—теологич. идеализм. В работе «Диван, или Спор мудреца с миром» («Divanulu sau galceaviu intiepleptului cu lumca», 1698) К. излагал этич. концепцию, в к-рой заметно сильное влияние стоицизма и христ. теологии. В сочинении «Неописуемый образ священной науки» («Sacro-sanctae scientiae indepingibilis imago», 1700, впервые изд. под назв. «Метафизика» («Metafizica») на рум. яз., Бухарест, 1928] прежнее абсолютное влияние теологии уменьшается; здесь содержится критика аристотелевской теории о соотношении времени и движения, а также полемика с платоновским отрывком идеи, образа от содержания. Работа К. «Всесообщая сокращенная логика» («Compendiolu universale logices institutiones», см. Соч., Бух., т. VI, 1883), написанная в духе схоластич. логики, содержала и элементы материализма.

В последующих сочинениях К. растут элементы рационализма. Стремясь к теоретич. обобщениям, К. утверждал, что история — это бесконечное чередование прогресса и регресса. Гос-ва (у К. — монархии), как и все историч. явления, «должны появляться и исчезать, изменяться и возрождаться, рождаться и умирать, иметь какой-то конец» («Interpretarea naturală a monarhiilor», в кн. «Texte privind dezvoltarea gândirii social-politice din România», р. 71). «Как нас учит разум и опыт, — писал К., — из распада, из смерти одного предмета зарождается другой» (там же). К. настаивал на существовании объективных законов и на способности наук их открыть. Утверждая, что смысл действий неумолимых законов определен божеством, К., однако, признавал и возможность свободных действий человека. У К. содержится также важная мысль о значении чувств. опыта: «Все знания извлекаются из того, чему нас научают чувства» (Соч., т. VI, на рум. яз., р. 34).

Соч.: Istoria Ieroglifică, Buc., 1883; Monarchiarum physica examination, 1714, «Studii», 1951, № 1; Descriptio Moldaviae, «A. F. Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie», Hamb., 1769—70; в рус. пер. — Описание Молдавии, М., 1789; Ironicul vechimii a româno-moldo-vlahilor, т. 1—2, Jasi, 1835—36; на рус. яз.: Книга, система или состояние мухамеданской религии, Петербург, 1722.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 663—66; Ермауратский В., Общественно-политические взгляды Дм. Кантемира, Кишинев, 1956; его же, Некоторые философские категории в трудах Д. Кантемира, «Изв. Молд. филиала АН СССР», Кишинев, 1958, № 3; Берков П. Н. и Степанов В. П., Материалы для биографии изданий А. Д. и Д. К. Кантемиров и литературы о них (1917—1959), в кн.: Проблемы рус. просвещения в литературе XVIII в., М.—Л., 1961; Pascu G., Viața și operele lui D. Cantemir, Buc., 1924; Ciobanu Șt. D., Cantemir în Rusia, Analele Academiei Române, Buc., 1925; Minea I., Despre Cantemir (omul — scriitorul — domnitorul), Jasi, 1926; Guliian S. I., Dimitrie Cantemir — mare patriot și învățat, «Lupta de clasă», Buc., 1953, № 9; Panaite scu P. P., D. Cantemir — viața și opera, Buc., 1955.

Лит-философии Академии РНР; Сектор философии МФАН СССР.

КАНТОНИ (Cantoni), Ремо (р. 14 окт. 1914) — итал. философ, сторонник т. н. исторического, или критического, гуманизма, историк философии, очеркист; пишет по социологич., эстетич. и общекультурным вопросам. Теоретич. концепции К. эклектичны; в основном они сложились под влиянием *экзистенциализма* с его трагич. мироощущением. Др. источником воззрений К. послужил итальянский историцизм, а также в нек-рой степени преим. англосакс. направление философии науки. В центре исследований К. — кризис совр. человека, проблемы истории и развития мысли. Проповедует практицизм, активность, динамизм, К. отвергает рационалистич. «системосозидательство». Вместе с тем пытается избежать крайностей *иррационализма*. Большое внимание уделяет анализу идей *Кьеркегора* и *Достоевского*.

Соч.: *Il pensiero dei primitivi*, Mil., 1941; *Crisi dell'uomo*. (Il pensiero di Dostojevsky), Mil., 1948; *La coscienza inquieta*. Sören Kierkegaard, Mil., 1949; *Mito e storia*, [Verona, 1953]; *Filosofia e vita quotidiana*, в сб.: *Acti* (Associazione culturale italiana), Quaderni, [f.] 16—17, Torino, 1955.

КАНТОР (Cantor), Георг (3 марта 1845—6 янв. 1918) — математик и мыслитель, создатель *множества теории*, имеющей своим осн. объектом бесконечные множества. Род. в Петербурге. С 1872 — проф. ун-та в Галле. Умер в Галле в психиатрич. клинике. К созданию теории множеств (1870) его привлек исследование тригонометрич. рядов. Творческий период в жизни К., продолжавшийся до 1897 (прерван душевным кризисом 1885), отмечен соч. «О бесконечных линейных точечных многообразиях» («Über unendliche, lineare Punktmannigfaltigkeiten», 1879—84), «К обоснованию теории о трансфинитных множествах» («Beiträge zur Begründung der transfiniten Mengenlehre», 1895—97) и др. К. заложил основы как абстрактной теории множеств [изучающей множества лишь с т. зр. их «численности» (мощности множества) и отношений порядка между их элементами (порядковых типов множеств)], так и теории точечных множеств (т. е. множеств, состоящих из точек числовой прямой и вообще числового *n*-мерного пространства). Одним из первых К. построил теорию действительных чисел, к-рая до сих пор (наравне с теориями немецких ученых Р. Дедекинда и К. Вейерштрасса) кладется обычно в основание построения математич. анализа. Теория множеств Кантора означала важный шаг вперед в изучении понятия бесконечности; ее создание явилось революцией во всем математич. знании. В нач. 20 в. вся математика была перестроена на основе теории множеств; ее развитие и проникновение в различные области математики привели к возникновению новых науч. дисциплин, напр. топологии, абстрактной алгебры и др. В дальнейшем в теории множеств были обнаружены парадоксы, что дало новый толчок исследованиям логич. оснований математики и привело к появлению новых течений в ее филос. истолковании (напр., *интуиционизма*). Один из первых парадоксов этого рода (связанный с понятием мощности множества всех множеств) был открыт самим К. в 1899. Математика, основанная на безоговорочном применении теории множеств К., в наст. время часто называется классической. См. *Математика*, *Множества теории*, *Математическая бесконечность*.

Филос. аспект идей К. состоял в признании полной законности понятия актуально бесконечного. К. различал два вида математич. бесконечности: несобственно бесконечное (потенциальное, или синкатегорематическое, бесконечное) и собственно бесконечное (актуально бесконечное), понимавшееся К. как нечто законченное, как строго ограниченное целое. В связи с вопросом о реальности математич. понятий К. различал: их интрасубъективную, или имманентную, реальность (их внутреннюю логич. непротиворечивость) и их трансубъективную, или транзитивную,

реальность, под к-рой он понимал соответствие между математич. понятиями и процессами реального мира. В противовес *Кронекеру*, отвергавшему те способы доказательств существования математич. объектов, к-рые не связаны с их построением или вычислением, К. выдвинул тезис: «сущность математики — в ее свободе», осн. смысл к-рого сводился к допущению построения любых логически непротиворечивых абстрактных математич. систем, вопрос о «транзитивной реальности» к-рых решается сравнением их с процессами действительности. Плодотворность этой мысли К. была подтверждена развитием математики и 20 в., принесшим много примеров приложения вновь возникших абстрактных математич. и логич. теорий в физике, технике, лингвистике и др. областях.

По своим филос. взглядам К. был объективным идеалистом. Актуально бесконечное в математике он считал лишь одной из форм существования актуально бесконечного вообще; последнее приобретает «высочайшую завершенность» в полностью не зависящем ни от чего, внемировом бытии — в боге; бог — это абсолютно бесконечное, или абсолют; кроме того, актуально бесконечное, по К., объективно существует во внешнем мире. К. критиковал Гегеля, отвергая его диалектику на том основании, что ее ядром является противоречие. Значит, внимание, особенно в последний период своей жизни, К. уделял вопросам теологии. Его религиозно-филос. взгляды оформились под влиянием Аристотеля, Платона и схоластов.

Соч.: *Gesammelte Abhandlungen...* В., 1932.

Лит.: *F r a e n k e l A., Georg Cantor, Lpz., 1930.*

А. Иноотлякин. Москва.

КАНУКОВ, Инал Дударович (1851—99) — осетинский поэт, публицист и обществ. деятель. Окончил Ставропольскую гимназию, служил офицером рус. армии, был разжалован и послан в Сибирь (1880), откуда вернулся в 1897. В стихотворениях и статьях, опублик. в газетах «Окраина» и «Владивосток» в 1895—1897, К. критиковал социальные пороки эксплуататорского общества. Гуманист по своим взглядам, К. называл человека венцом природы, могучим властелином земли, чей ум «стремится познать причину всех причин» (Архив Северо-Осетинского н.-и. ин-та. Фонд И. Канукова, д. 3). Однако это могучее и умное существо, покорившее природу, до сих пор является «невольником страдания» и не может освободить себя от цепей рабства. К. выступал против *Жозефа де Местра* и др. реакц. идеологов, считавших войну мировым законом. Утверждение «война — зло, но зло необходимо» писатель называл диким силлогизмом. «Но разве зло может быть необходимым? — спрашивал К. — Разве оно в такой дикой и кровавой форме как война может быть необходимостью человеческого существования?!» (там же).

Лит.: *История философии*, т. 5, М., 1961, с. 407—408; *Тотоев М. С.*, Очерки истории культуры и общественной мысли в Сев. Осетии в пореформенный период, Орджоникидзе, 1957; *Ардасенов Х. Н.*, Очерк развития осетинской литературы, Орджоникидзе, 1959; *Габаряев С. Ш.*, Инал Кануков. (Очерк творчества), Цхинвали, 1960.

С. Габаряев. Цхинвали.

КАН Ю-ВЭЙ (1858—1927) — кит. политич. деятель и реформатор. Получил хорошее домашнее образование по кит. классич. философии, знакомился с естественными науками Запада по переводным книгам. В конце 19 в. выступил с требованиями социальных реформ бурж.-демократич. характера. В условиях подъема патриотич. движения в Китае К. Ю-в. стал лидером сторонников реформ. Он неоднократно посылал доклады императору Гуан Сюю с предложениями отмены рутинной экзаменац. системы, поощрения науч. открытий, осуществления свободы слова и созыва парламента для осуществления конституц. правления. Император поддержал требования К. Ю-в. и последний получил возможность руково-

дять их практич. осуществлением. Период, когда К. Ю-в. пытался осуществить свои реформы, называют периодом «ста дней реформ». Ожесточенное сопротивление консерваторов привело к поражению реформаторов, а сам К. Ю-в. был вынужден бежать в Гонконг. Несмотря на поражение, движение за реформы сыграло в истории Китая прогрессивную роль, т. к. оно соответствовало интересам нарождающихся бурж. отношений.

В основе общественно-политич. воззрений К. Ю-в. лежала философия, представлявшая собой соединение традиц. положений др.-кит. философии, гл. обр. *конфуцианства*, с данными естеств. наук нового времени. Восприняв традиции древней кит. материалистич. философии, К. Ю-в. признавал объективное существование внешнего мира. Вместе с тем, он часто допускал соединение представлений совр. науки и идей, заимствованных из др.-кит. философии, напр. буддизма. Так, по его мнению, сознание — это электричество, понятие ци — это химич. элемент (юаньсу). Тем не менее для того времени мировоззрение К. Ю-в. было прогрессивным, т. к. в основе его взглядов на развитие природы лежало признание эволюции. Будучи материалистом в отношении к природе, К. Ю-в. не смог порвать с идеализмом в отношении к человеку. Отождествляя сознание с электричеством, он приходил к выводу о том, что сознание может существовать самостоятельно так же, как и электричество. К. Ю-в. верил в то, что только сознание может освободить тело от страданий. Проповедуя всеобщую любовь и братство, он в то же время отрицал революц. борьбу, считая, что прогресса можно достичь путем постепенных реформ.

К. Ю-в. написал много произведений, важнейшими из к-рых являются «Исследования поддельных классических книг Синьской школы» («Синь сюэ вэй цзин као»), «Исследование учения Конфуция о реформе государственного строя» («Кун-цзы гай чжи као») и «Кинга о великом соединении» («Да тун шу»). В произв. «Синь сюэ вэй цзин као» К. Ю-в. доказывает истинность учения Конфуция и резко критикует более поздние произведения: «Чжоу-ли», «И ли», «Цзо чжуань» и др., называя их подделками под Конфуция. В работе «Кун цзы гай чжи као» доказывается необходимость проведения реформ с указанием на то, что это путь, завещанный Конфуцием. Гл. произведение К. Ю-в. — «Да тун шу».

Оно представляет собой важную веху в развитии в Китае идей утопич. социализма. К. Ю-в. описывает общество «Великого единения» (датун), в основе к-рого лежат осн. политич., экономич. и моральные принципы: всеобщая любовь и всеобщее братство, никаких классовых и имуществ. различий, обществ. управление гос-вом, пром-стью и с. х-вом, все принадлежит всем.

Пропагандируя социальные реформы, К. Ю-в. использовал древнее учение о трех стадиях обществ. развития, согласно к-рому общество в своем развитии неизбежно проходит три эры: хаоса, становления мира и всеобщего спокойствия. В интерпретации К. Ю-в., это — переход от смут и междоусобиц к абс. монархии, от абс. монархии к конституционной и далее к обществу «датун». Задача реформаторов, по К. Ю-в., заключалась в установлении конституц. монархии, т. е. в том, чтобы добиться перехода Китая в стадию становления мира. Считая обязательным прохождением стадий развития в строгой последовательности, признавая только реформы, К. Ю-в. стал противником демократич. революц. движения за создание республики, лидером к-рого был Сун Ят-сен, выступил в защиту императора, а после его свержения возглавил движение за реставрацию императорской власти.

Соч.: Чан син сюэ цзи (Зап. ученого), Шанхай, 1898; У-суй цзоу чао (Доклады 1898 г.), Пекин, 1911; Ли-Юнь-чжу (Комментарий к «Ли-юнь»), Шанхай, 1912.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 456—83; Тихвинский С. Л., Китайский утопист Кан Ю-вэй. «Вопр. философии», 1953, № 6; его же, Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй, М., 1959; Сеппи и Н. Г., Прогрессивные мыслители Китая конца 19 века, М., 1958; Избр. произв. прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840—98). [Сост. и общ. ред. Н. Г. Сеппи и Ян Хин шуна], пер. с кит., М., 1961; У Цзэ Кан Ю-вэй юй Лин Ци-чао (Кан Ю-вэй и Лин Ци-чао), Шанхай, 1949; Ли Цзэ-хоу, Кан Ю-вэй Тянь Сы-тун сыан яньцзю (Взгляды Кан Ю-вэй и Тянь Сы-туна), Шанхай, 1958; Tsur M., Kang Ju-wei. The great reformer, «Natural rev.», 1915; Сапегон М., The reform movement in China 1898—1912, L., 1931; Franke O., Die staatspolitischen Reformversuche Kang Ju-wei's und seiner Schule, Hamb., 1935; Brand J. O. P. and Backhouse E., China under the Empress Dowager, Peking, 1939; Thompson L. (transl.), Ta Tung Shu. The one world philosophy of Kang Ju-wei, L., 1958. *Ши Цзюнь. КНР.*

КАПЕСИУС, Иосиф (1853—1918) — критик кантуанской философии в Румынии; по национальности трансильванский сас. Защищая положение об опыте как источнике знаний, К. колебался между «монизмом Геккеля и позитивизмом. На педагогич. взгляды К. определенное воздействие оказала система Гербарта.

Соч.: Die Methaphysik Herbart's in ihrer Entwicklungsgeschichte und nach ihrer historischen Stellung, Lpz., 1878; Abriss der Psychologie, Hermannstadt, 1910.

Лит.: Gliner C., Contribuție la istoria gândirii filozofice a sașilor transilvăneni din secolul al XIX-lea, «Cercetări filozofice», 1957, [№] 4, an. 4.

Инт-т философии Академии РНР.
«КАПИТАЛ» — главный труд Маркса, к-рый раскрывает экономич. законы движения капитализма и доказывает неизбежность его гибели и победы социалистич. революции. Ленин говорил о «К.» как о «... величайшем политико-экономическом произведении нашего века...» (Соч., т. 2, с. 11). В то же время «К.» является выдающимся философским и историческим исследованием. «С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, — писал Энгельс, — не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 240).

История создания «Капитала». Созданию своего экономич. учения Маркс посвятил 40 лет жизни — с 1843 по 1883. Эту работу Маркс рассматривал как важнейший партийный долг перед рабочим классом и его коммунистич. авангардом. В письме Иосифу Вейдемейеру Маркс писал: «Я надеюсь добиться для нашей партии научной победы» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 25, 1934, с. 239). Уже в работах 40-х гг. 19 в. «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Нищета философии» (1847), «Наемный труд и капитал» (1849), «Речь о свободе торговли» (1848), «Манифест коммунистической партии» (1848) Маркс и Энгельс положили начало теоретич. анализу анатомии бурж. общества, свойственных ему классовых антагонизмов, раскрыли неизбежность периодич. кризисов, являющихся выражением непримиримых противоречий капитализма. В этих работах подвергнуты рассмотрению весьма важные стороны капиталистич. произв. в.

Основа своей теории прибавочной стоимости Маркс заложил в 50-е гг. 19 в., когда он переехал в Лондон после поражения революции 1848—49. В 1857—58 Маркс создал обширную экономическую рукопись, оублякованную Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1939—41 на языке оригинала под названием «Основные черты критики политической экономии (черновой набросок)». В ней Маркс впервые исследовал двойственный характер труда, рабочую силу как товар, постоянный и переменный капитал, дал науч. объяснение происхождения прибавочной стоимости. Экономич. рукопись 1857—58 представляет собой первоначальный вариант «К.». В 1859 Маркс издал книгу «К критике политической эконо-

миш» в качестве первого выпуска своего основного труда.

Продолжая работу над след. выпусками «К критике политической экономии», Маркс создал рукопись 1861—63. Разработав в этой рукописи ряд проблем, относящихся к содержанию трех томов «К.», Маркс в остальной части рукописи подверг подробному критич. анализу историю теории прибавочной стоимости. Т. о., экономич. рукопись 1861—63 явилась первым систематически разработанным наброском всех четырех томов «К.». Идея о разделении всего труда на четыре тома с общим заголовком «К.» постепенно оформилась у Маркса в процессе работы над этой рукописью.

В течение 1863—65 Маркс заново написал текст 1-го т. и значит. часть текста двух последних томов «К.». В 1866 он приступил к непосредств. подготовке к печати 1-го т., к-рый вышел в свет в сентябре 1867. В последующие годы Маркс продолжал работать над остальными томами «К.». Он подготовил к печати 2-е нем. издание 1-го т. (1872) и отредактировал перевод 1-го т. на франц. язык (франц. перевод выходил отдельными выпусками в 1872—75). Подготовить к печати 2-й и 3-й тт. «К.» Маркс не успел. После смерти Маркса Энгельс выполнил огромную работу по подготовке к печати 2-го и 3-го тт. «К.», к-рые были им изданы соответственно в 1885 и 1894. Кроме того, Энгельс выпустил в свет 3-е и 4-е нем. издания 1-го т. (1883 и 1890) и отредактировал перевод 1-го т. на англ. язык (англ. издание появилось в 1886); Энгельс выпустил также 2-е нем. изд. 2-го тома «К.» (1893). Ленин писал о 2-м и 3-м тт. «К.»: «... Эти два тома „Капитала“ — труд двоих: Маркса и Энгельса... Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя» (Соч., т. 2, с. 11). В письмах 1883—95 Энгельс неоднократно упоминал о своем намерении выпустить «Теории прибавочной стоимости» в виде заключит. тома «К.». Однако смерть помешала Энгельсу сделать это. «Теории прибавочной стоимости» были впервые опубликованы в 1905—10 Каутским, к-рый допустил произвольные перестановки и значит. сокращения текста. Полное науч. издание «Теорий» в качестве 4-го тома «К.» было осуществлено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1955—61.

Г. Багатуряц, В. Виноградишвили, Москва.

Экономическое содержание «Капитала». В «К.» Маркс дает «...образец научного анализа одной — и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный» (Ленин и В. И., Соч., т. 1, с. 125). В 1-м томе исследуется непосредственный процесс капиталистич. произ-ва. Маркс начинает свое исследование с анализа товара как экономич. клеточки бурж. общества. Обмен товаров является исходным фактом, к-рый позволяет проникнуть в структуру товарного произ-ва и открыть его законы. Анализ движения товаров показал, что товар является единством потребительной стоимости и стоимости. Открыв, что двойственная природа товара определяется двойственным характером труда, Маркс исследовал формы стоимости. Это дало Марксу возможность объяснить, почему омертвленный в товаре труд принимает форму стоимости. Он показал, что стоимость и товарная форма продукта труда «... это — лишь определенное общественное отношение самих людей...» («Капитал», т. 1, 1955, с. 79), характерное только для товарного произ-ва. Маркс раскрыл это отношение, проанализировав процесс труда в целом. При товарном произ-ве труд имеет одновременно частный и обществ. характер. С одной стороны, каждый товаропроизводитель осуществляет свой процесс труда

обособленно от труда других товаропроизводителей. С другой стороны, процесс труда отдельного товаропроизводителя составляет звено в системе обществ. разделения труда. В целом же обществ. процесс труда в товарном произ-ве складывается из частных процессов труда, взаимосвязанных в системе обществ. разделения труда. Такая форма обществ. процесса труда и обусловила отношения стоимости.

Историч. предпосылками возникновения капитала были «... товарное производство и развитое товарное обращение, торговли» (там же, с. 153). Поэтому исследование товарного произ-ва является необходимым условием изучения движения капитала. Анализ всеобщей формулы капитала (Д—Т—Д) показывает, что капитал есть самовозрастающая стоимость. Процесс самовозрастания стоимости включает в себе противоречие: стоимость не может возникнуть в обращении, хотя она возникает через обращение. Это свидетельствует о том, что в обращении капитала участвует особый товар, обладающий такой потребительной стоимостью, к-рая способна производить стоимость и притом большую, чем его собственная. Таким товаром является рабочая сила. Потребление товара «рабочая сила», связанное с самовозрастанием стоимости, и есть процесс капиталистич. произ-ва.

Маркс показал, что капиталистич. произ-во есть, с одной стороны, процесс труда, создающий потребительную стоимость товара, а с другой — процесс возрастания стоимости. Благодаря раскрытию двойств. характера труда Маркс выявил различную роль двух частей капитала: одной части, обращенной на покупку рабочей силы, — в процессе самовозрастания капитала.

Средства произ-ва — необходимое условие создания продукта, стоимость их переносится на товар конкретным трудом рабочего. Эта часть капитала не изменяет своей величины и наз. постоянным капиталом. Другая часть капитала, израсходованная на покупку рабочей силы, изменяется в процессе капиталистич. произ-ва и потому наз. переменным капиталом. Рабочий производит стоимость, равную стоимости рабочей силы, и нек-рый излишек сверх величины авансированного капитала — прибавочную стоимость. Из деления капитала на постоянный и переменный следовало, что условия произ-ва, деньги и товар, как таковые, не являются капиталом. Капитал есть специфич. производств. отношение эксплуатации, принимающее вещную форму производительного, товарного и денежного капитала. Следовательно, процесс возрастания стоимости есть экономич. отношение между капиталистом и наемными рабочими в непосредств. процессе произ-ва. Капиталист не совершает труда, его функцией является применение постоянного капитала и потребление наемной рабочей силы для произ-ва прибавочной стоимости. Капиталист функционирует как носитель процесса возрастания стоимости, т. е. является субъектом капиталистич. произ-ва. Функцией же рабочего является создание стоимости и прибавочной стоимости. Т. о., Маркс показал, что различие между рабочим классом и классом капиталистов состоит прежде всего в осуществлении ими этих взаимно-противоположных функций в непосредственном процессе произ-ва.

Раскрыв капитал как отношение эксплуатации, к-рое выражается в форме стоимости, порождающей прибавочную стоимость, Маркс превратил политич. экономию капитализма в науку. Ленин охарактеризовал учение о прибавочной стоимости как «... краеугольный камень экономической теории Маркса» (Соч., т. 19, с. 6). Установление сущности процесса самовозрастания стоимости дало возможность Марксу проанализировать процесс эксплуатации не только в его качеств., но и в его количеств. определенности.

Маркс доказал, что развитие капиталистич. произ-ва, связанное с ростом производительности труда, приводит к повышению степени эксплуатации наемных рабочих. Исторически капиталистич. произ-во проходит три стадии в своем развитии. Это — простая кооперация, мануфактура и машинная пром-сть.

Анализируя стадии развития капиталистич. произ-ва, Маркс показал качеств. отличие производит. сил капитализма от производит. сил предшеств. эпох. Он раскрыл специфич. характер процесса труда, рабочей силы и средств труда в капиталистич. произ-ве. Процесс труда при капитализме имеет общественно-комбинированную форму, т. е. представляет собой совместную деятельность многих лиц в связанных между собой процессах труда. В общественно-комбинированном процессе труда производителем является не отдельный, а совокупный, комбинированный рабочий. Это — совокупность многих частичных рабочих, к-рые выполняют разнородные, но взаимно дополняющие операции. Между ними существует характерное для капитализма разделение труда, особым видом к-рого является разделение между умственным и физич. трудом. Специфич. характер при капитализме имеют и средства труда. Система машин образует объективный производств. механизм, к-рый приводится в движение совместными действиями многих лиц. При этом машины обуславливают не только общественно-комбинированный процесс труда в пределах индивидуального капитала, но и предопределяют исторически конкретный тип разделения труда в масштабах всего общества. Совершенное Марксом открытие, что капитал как совокупность специфич. обществ. отношений определяется особой историч. формой процесса труда, явилось конкретным теоретич. выражением основной закономерности развития общества — зависимости производств. отношений от характера производит. сил.

Исследовав все составные объективные и субъективные факторы производит. капитала, Маркс подверг анализу процесс капиталистич. воспроизводства. Маркс установил, что простое и расширенное воспроизводство капитала есть воспроизводство не только веществ. факторов произ-ва, но и капиталистич. производств. отношений. Анализ простого воспроизводства показал, что собственность капиталиста на условия произ-ва как по своему веществ. содержанию, так и по экономич. форме в конечном счете является продуктом процесса произ-ва; отношения между капиталистом и рабочим в непосредств. производстве определяют распределение условий произ-ва; отсутствие средств произ-ва у рабочего и наличие их в собственности капиталиста. Т. о., характерный для простого товарного произ-ва закон собственности, основанный на личном труде товаропроизводителя, превращается в закон капиталистич. присвоения, основанного на применении и эксплуатации наемного труда.

Воспроизводство отношений между капиталистом и наемным рабочим отделяет рабочего не только от средств произ-ва, но и от всего произведенного им продукта. При этом заработная плата является превращенной формой таких отношений между капиталистами и наемными рабочими, к-рые позволяют эксплуатировать рабочих с помощью произведенного ими продукта.

Капитал не может осуществлять своего движения без накопления, т. е. без превращения части прибавочной стоимости в дополнит. капитал. Накопление воспроизводит капиталистич. производств. отношения в расширенном масштабе. Процесс накопления с неизбежностью ведет к образованию резервной армии безработных, к-рая давит на занятую часть рабочих, снижая заработную плату до стоимости рабочей

силы и даже ниже этой стоимости. «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия... Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный науцеризм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» (Маркс К., Капитал, т. 1, с. 650). Этот закон ведет к постоянному усилению эксплуатации, к относительному и абсолютному обеднению пролетариата.

Подвергнув анализу т. н. «первоначальное накопление» — предысторию капитализма, содержанием к-рой является создание историч. предпосылок капиталистич. способа произ-ва, Маркс дает свою знаменитую характеристику исторической тенденции капиталистич. накопления: «Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприация подлекает уже не рабочий..., а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов... Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют» (там же, с. 765—66).

В 1-м т. Маркс исследует непосредств. процесс капиталистич. произ-ва. Он берет производит. капитал как одну из стадий движения индивидуального капитала, а индивидуальный капитал — как составную часть всего обществ. капитала в его самодвижении.

Во 2-м т. исследуется гл. обр. процесс обращения капитала, а непосредств. процесс произ-ва берется как момент движения капитала. Маркс устанавливает связь обществ. производств. отношений с движением материальных факторов произ-ва в полном обороте капитальной стоимости. Он показывает, как данная связь находит свое выражение в годовой норме прибавочной стоимости, и раскрывает законы обращения прибавочной стоимости в индивидуальном капитале. Анализ обращения индивидуальных капиталов служит предпосылкой исследованию законов обращения обществ. капитала. Маркс всесторонне исследовал процесс воспроизводства всего обществ. капитала. Маркс установил, что обществ. произ-во делится на произ-во средств производства (I подразделение) и произ-во предметов потребления (II подразделение). Он открыл законы обращения составных частей капитала (с, m, v) внутри подразделений и между ними. Воспроизводство и обращение обществ. капитала осуществляются стихийно. Это вызывает непродуцируемые затраты труда, уничтожение материальных ценностей и замедляет темпы развития обществ. произ-ва. Диспропорции в развитии произ-ва являются одной из важнейших предпосылок возникновения кризисов в капиталистич. обществе. Вторым томом «К.» заканчивается изучение двух относительно самостоятел. моментов движения обществ. капитала: произ-ва и обращения.

В 3-м т. («Процесс капиталистического производства, взятый в целом») обществ. капитал исследуется во всей совокупности связей, определяющих его самодвижение. Здесь подвергаются анализу конкретные формы проявления капиталистич. отношений на поверхности бурж. общества. Прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли, а норма прибавочной стоимости — в превращенной форме нормы прибыли. Получение прибыли — побудит. мотив всей деятельности капиталиста. В результате перераспределения присвоенной прибавочной стоимости между капиталистами в соответствии с величиной их капиталов прибыль превращается в среднюю прибыль, а стоимость — в цену произ-ва. Здесь Маркс устанавливает, что капиталисты по отношению к рабочему классу экономически выступают как единый класс. Именно поэтому одна только экономич. борьба рабочего класса не может освободить его от эксплуатации.

Развитие производит. силы обществ. труда, с помощью к-рого капиталисту удается увеличить произ-во прибавочной стоимости, приводит в противоречие с отношениями эксплуатации. Основой периодич. кризисов перепроизводства является антагонистич. противоречие между обществ. характером произ-ва и частнокапиталистич. формой присвоения. Это — основное противоречие капитализма. Исследованием законов движения капитала в с. х-ве заканчивается изучение капиталистич. произ-ва в его относительно самостоятельных составных частях и в их взаимосвязанном совокупном движении. Далее Маркс намеревался сформулировать наиболее существенные определения экономич. отношений произ-ва, распределения, обмена и потребления. Это дало бы возможность для строго науч. определения классов, а также раскрытия общей природы политич. надстроек и прежде всего гос-ва. Однако Маркс не успел завершить этот анализ.

Первые три тома «К.» содержат анализ законов капиталистич. способа произ-ва. В 4-м т. («Теории прибавочной стоимости») дается критич. анализ бурж. политич. экономии. Науч. теория капитализма создала необходимые условия для рассмотрения всех предшеств. «К.» представлений о капиталистич. произ-ве. Оценка предшеств. теорий была возможна только на основе новой теории, раскрывающей сущность исследуемого предмета. «К.», как логич. модель самодвижущегося процесса, впервые позволил создать науч. теорию развития представлений о капиталистич. произ-ве. В 4-м т. «К.» Маркс, показав, каким образом представления агентов бурж. произ-ва с необходимостью приобретают классовый характер, доказал, что история развития экономич. теорий есть история развития и борьбы представлений о определ. классов.

Экономич. учение Маркса, с наибольшей полнотой разработанное в «К.», представляет собой экономич. обоснование историч. неизбежности социалистич. революции и диктатуры пролетариата. Ленин указывает, что «...неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества» (Соч., т. 21, с. 54). Поэтому «К.» с момента своего появления и до наших дней вызывает яростные атаки защитников капитализма и его мелкобуржуазных «критиков». «К.» в течение почти столетия стоит в центре идеологической борьбы между пролетариатом и буржуазией. Все попытки «опровержения» «К.» неизбежно терпят крах. В условиях последней стадии капитализма — империализма, идеи «К.» получили дальнейшее развитие в трудах Ленина. Как указывается в Программе КПСС, «развитие мирового капитализма и революционной борьбы рабочего класса полностью подтвердило правильность марксистско-ленинского ана-

лиза капитализма и его высшей стадии — империализма...» (1961, с. 7—8).

Теория исторического материализма в «Капитале». Материалистич. понимание истории стало возможным лишь на определ. ступени развития общества. Капиталистич. произ-во создало необходимые условия для познания процесса развития общества именно в силу своей особой социально-экономич. природы. Капитализм устраняет натуральный характер произ-ва. Индивидуальные капиталы, взаимообуславливающие друг друга своими кругооборотами, образуют единый обществ. капитал. Движение обществ. капитала выступает по отношению к каждому члену общества как внешняя принудит. сила, определяющая его действия. Поэтому становилось все более очевидным, что развитие общества не определяется сознанием людей, а есть объективный процесс. При капитализме особую функцию приобретает такой объективный фактор обществ. произ-ва, как товар. Он становится всеобщей формой продукта труда. Анализ движения товара показывает, что законы взаимодействия людей не определяются их сознанием. Маркс, взяв товар в качестве исходного момента своего исследования, смог воспроизвести в идеальной форме те реальные связи, в к-рые вступают люди в капиталистич. обществе. Сознание при этом выступает как форма идеального воспроизведения реального процесса.

Анализируя движение товаров, Маркс открыл особую обществ. форму труда. Это позволило определить конкретно-историч. форму процесса труда и сущность производств. отношений. Маркс сделал важный для историч. материализма вывод, что всякий процесс производства «... есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений...» («Капитал», 1955, т. 3, с. 831—832). Процесс же произ-ва материальных благ есть не что иное, как процесс труда. Процесс труда служит основой жизни и развития человека. Только в нем человек регулирует обмен веществ между собой и природой. Воздействуя ... на внешнюю природу и изменяя её, он в то же время изменяет свою собственную природу» (там же, т. 1, с. 184). При этом процесс труда предполагает идеальное воспроизведение тех связей, в к-рые человек с необходимостью вступает с орудиями и предметами труда. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеальное» (там же, с. 185). Иными словами, сознание в процессе труда есть не что иное, как идеальное воспроизведение материальных моментов процесса труда и их взаимодействий. Это и придает целесообразный характер труду. Тем самым Маркс показал природу сознания и его роль в деятельности человека. Он доказал, что сознание людей определяется их материальной деятельностью. Человек может совершать свою трудовую деятельность только в обществе. Труд отдельного человека есть лишь составная часть обществ. процесса труда. Маркс раскрыл обществ. природу процесса труда, к-рая обуславливает распределение, обмен и потребление произведенных в обществе продуктов. Обществ. произ-во, как показал Маркс, всегда состоит из непосредств. процесса произ-ва, распределения, обмена и потребления. Воззрения домарксовских социологов и экономистов были основаны «... на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать... искусственно изолированный человек...» (там же, т. 3, с. 897). Непонимание обществ. природы процесса труда не давало им возмож-

ности раскрыть отношения людей в непосредств. процессе произ-ва. Они признавали лишь отношения потребления, обмена и распределения. Распределение условий произ-ва бралось ими в качестве главного историч. фактора экономики. Но само оно при этом не могло быть объяснено ничем иным, как историч. случайностью, насиллием и т. п. Все это не давало возможности познать объективные законы развития произ-ва, его решающей роли в истории. Маркс, опираясь на анализ обществ. процесса труда, впервые выделил экономич. отношения людей в непосредств. произ-ве и показал отличие их от отношений распределения, обмена и потребления. Экономич. отношения были поняты как такие взаимные функции людей в непосредственном произ-ве, к-рые отличны от их трудовых функций. Они и определяют отношения распределения, обмена и потребления. Т. о., была установлена структура обществ. отношений, присущая всякому способу произ-ва. «К.» является основной работой Маркса, в к-рой конкретно исследуется развитие процесса труда и экономич. отношений в их взаимной обусловленности. Изменение производит. сил, развитие процесса труда в конечном счете и определяют возникновение нового способа произ-ва. Исследование взаимосвязи производит. сил и производств. отношений показало, что производит. силы приобретают новые качества и развиваются лишь при наличии соответствующих производств. отношений. В «К.» было всесторонне исследовано, каким образом производств. отношения активно влияют на изменение характера процесса труда.

Огромное значение для теории историч. материализма имеет конкретное раскрытие в «К.» того факта, что производит. силы данного способа произ-ва качественно отличаются от производит. сил других эпох. Так, совокупный рабочий и машины характеризуют производств. силы капиталистич. способа произ-ва, в отличие от всех предшествующих. При этом было объяснено, каким образом особое качество орудий труда определяет характер рабочей силы и общественно-комбинированную форму всего процесса труда. В «К.» было доказано ранее высказанное Марксом положение о зависимости производств. отношений от характера и уровня производств. сил.

Маркс объяснил, что на основе комбинированного машинного процесса труда с отделением умств. труда от физического образовались собственно капиталистич. производств. отношения, характеризующиеся реальным подчинением труда капиталу. Изменение формы процесса труда от простой кооперации через мануфактуру к машинному труду определяло эволюцию экономич. отношений капитализма. В простой кооперации и даже в мануфактуре капиталу еще не удалось добиться реального подчинения рабочего — подчинить себе все его рабочее время. Причина этого заключалась в том, что рост производительности труда в кооперации и мануфактуре имел своей основой рабочую силу как таковую. В этот период капиталисты вынуждены были прибегать к внеэкономич. средствам принуждения, к помощи гос-ва. Лишь с появлением машин отношение между капиталистом и рабочим приняло характер полного подчинения труда капиталу. Объяснялось это тем, что система машин представляет собой объективную структуру средств труда, существующую помимо отдельного рабочего и независимо от него, превращающую его «... в одарённый сознанием придаток частичной машины...» (там же, т. 1, с. 489). Тем самым Маркс доказал, что переворот в обществ. способе произ-ва представлял собой необходимый продукт преобразования средств производства.

Далее Маркс показал, что каждый способ произ-ва имеет свою систему законов, определяющую движение

произ-ва в целом. Эта система законов есть конкретная форма выражения взаимодействий производит. сил и производств. отношений на определ. ступени развития общества. Производит. силы в этом динамич. единстве двух сторон способа произ-ва постоянно играют революционизирующую роль. «...Капиталистический способ производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил...» (там же, т. 3, с. 268). Вследствие этого капиталистич. способ производства «...вступает в конфликт со своим дальнейшим развитием» (там же, с. 252). Это антагонистич. противоречие приводит капитализм к гибели и замене его новым способом произ-ва.

Доказанный в «К.» тезис, что развитие материального произ-ва, а следовательно, и всего общества определяется объективными законами, независимыми от воли и сознания людей, имел решающее значение для превращения историч. материализма из гипотезы в науку.

«...Со времени появления „Капитала“, — писал Ленин, — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» (Соч., т. 1, с. 125).

Познание процесса развития общества позволило Марксу установить действит. место и роль человека в историч. процессе. Система взаимодействия субъективных и объективных факторов выступает по отношению к каждому человеку как историч. необходимость. Она определяет не только все действия людей, но и их представления, идеи и т. д. Маркс впервые показал, что творческий характер деятельности людей состоит не в том, что они изменяют мир по своему произволу, а в том, что люди являются творцами в той степени, в какой благодаря их деятельности осуществляется закономерный процесс обществ. развития. Основу преобразующей деятельности человека составляет процесс труда, предполагающий человек. деятельность в качестве необходимого условия своего осуществления. Именно эта особенность человек. деятельности и есть объективное содержание ее преобразующего или творческого характера. Это открытие позволило рассмотреть сознание как момент творческой деятельности человека. Активность сознания состоит не в том, что оно является причиной изменений, совершаемых человеком в процессе труда. Сознание, как и сама деятельность человека, обусловлено обществ. необходимостью. Однако последняя, прежде чем реализоваться в процессе труда, должна быть отражена сознанием.

Преобразующая деятельность человека является необходимым моментом движения не только процесса труда. Люди осуществляют социально-экономич. процесс, ставя перед собой определ. цели. Не только моменты процесса труда, но экономич. отношения воспроизводятся так или иначе в сознании и принимают форму идеального мотива. Так, объективное содержание процесса возрастания стоимости принимает форму субъективной цели капиталиста — присвоения прибыли. Целью производств. деятельности рабочего является получение заработной платы. И цель капиталиста, и цель рабочего суть превращенные идеальные формы тех отношений, в к-рых они находятся. При этом и процесс труда, и обществ. производств. отношения воспроизводятся и развиваются только через данные формы целевой деятельности. Обществ. производство антагонистич. формаций делает превращенное представление неизбежным содержанием цели всякой человек. деятельности. Данная фетишизация, как и «религиозное отражение действительного мира, может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в

прозрачных и разумных связях их между собою и с природой» («Капитал», т. 1, с. 86).

Анализ человек. деятельности и факторов, ее определяющих, позволил Марксу решить проблему свободы и необходимости в обществ. развитии. При капитализме «... отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, независимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности» (там же, с. 100). Они выступают по отношению к каждому отдельному агенту произ-ва как внешняя принудит. сила. Такая форма проявления обществ. необходимости делает каждую личность несвободной в своих действиях. Однако обществ. условия не одинаково господствуют над представителями различных классов. Капиталист — это «... олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал» (там же, с. 159). Все те отношения, к-рые проявляются в движении индивидуального капитала, принимают форму целевой деятельности капиталиста. Капиталист в этом процессе свободен, т. к. его деятельность есть реализация личной цели. Напротив, целесообразная деятельность рабочего класса подчинена цели и деятельности господствующего класса и совершается пролетариатом под экономич. и внешнеэкономич. принуждением.

Маркс проследил, каким путем имманентные законы капиталистич. произ-ва проявляются в движении капиталов, как они в виде движущих мотивов достигают сознания отдельных агентов произ-ва и через их деятельность осуществляются. Это дало ему возможность установить структуру общества, постоянно воспроизводимую в конкретно-историч. форме. Маркс доказал, что «совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 6—7). В «К.», следовательно, Маркс впервые показал, как способ произ-ва, обуславливая качества, особенности всей обществ. структуры, придает обществу определенность конкретно-экономич. формации. Т. о., Маркс, проанализировав в «К.» закономерность самодвижения конкретно-исторической формы обществ. развития, разработал теорию историч. материализма. До Маркса человечество пыталось объяснить мир, Маркс показал, как можно и необходимо изменить его.

Исследование производств. отношений капитализма раскрыло объективное положение различных классов в системе капиталистич. произ-ва, неизбежность непримиримого антагонизма классовых интересов буржуазии и пролетариата, движущие силы классовой борьбы в бурж. обществе. Ленин указывал, что весь «К.» посвящен выяснению той истины, что основными силами капиталистич. общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат: буржуазия — как строитель этого общества, как его руководитель, как его двигатель; пролетариат — как его могильщик, как единственная сила, способная сменить его. Выяснение историч. миссии рабочего класса положило конец утонич. представлениям о «внеклассовом» социализме, распространенным до возникновения марксизма. Это обстоятельство имеет огромное актуальное значение в совр. условиях, когда в экономически слабо развитых странах, завоевавших независимость, вновь создаются различные варианты «внеклассового» социализма, отвергающие идею о гегемонии пролетариата в борьбе за социалистич. преоб-

разование общества. Существование классов было известно историкам и экономистам, выступавшим до Маркса. Но только Маркс создал подлинно науч. теорию классов и классовой борьбы, раскрыв, что существование классов связано с определенными историч. фазами развития произ-ва и классы различаются своим положением в данной системе обществ. произ-ва, что классовая борьба в капиталистич. обществе неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, к-рая, в свою очередь, составляет переход к уничтожению всяких классов, к бесклассовому коммунистич. обществу.

Проблемы научного коммунизма в «Капитале». Открыв законы движения капиталистич. способа произ-ва, Маркс установил, что они с необходимостью ведут к превращению капитализма в новую общественно-экономич. формацию — коммунизм. С одной стороны, в капиталистич. воспроизводстве постоянно осуществляются специфич. изменения процесса труда. Они выражаются в непрерывно возрастающей концентрации общественно-комбинированного процесса труда, в постепенном превращении различных форм человек. трудовой деятельности в общественно-комбинированный процесс труда, подчиненный капиталу; в постоянном росте связей между всеми процессами труда в движении обществ. капитала. Предвидение Марксом возникновения общественно-комбинированного процесса труда в масштабах общества явилось одним из важнейших открытий, позволивших научно определить общую природу коммунизма. С другой стороны, как показал Маркс, развитие капиталистич. произ-ва воспроизводит и расширяющееся масштабе капиталистич. производств. отношения и присущие им противоречия.

Поскольку же капиталистич. производств. отношения определяются обществ. формой процесса труда, историч. тенденцией к-рого является превращение в общественно-комбинированный процесс труда в масштабах общества, постольку в капиталистич. воспроизводстве возникают два взаимосвязанных процесса. Во-первых, все возрастающая концентрация капитала приводит к усилению господства капитала над трудом, к росту степени эксплуатации. «Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производств. всё более развивается в кричащее противоречие...» («Капитал», т. 3, с. 275). Вместе с тем концентрация произ-ва объединяет рабочих во все большие массы, а рост эксплуатации ведет к усилению их борьбы. Эта борьба рабочего класса направлена против таких обществ. отношений, при к-рых непосредств. производитель как субъект все более обобществляемого труда не является субъектом произ-ва. Во-вторых, расширенное воспроизводство обществ. капитала воспроизводит в расширяющемся масштабе и противоречия между производств. отношениями и производит. силами. Усиление эксплуатации наемных рабочих достигается развитием обществ. производит. сил, что, в свою очередь, вызывает рост обобществления процесса труда и обострение противоречий между рабочим классом и классом капиталистов. На определ. ступени развития капитал вступает в неразрешимое противоречие со средствами своего самовозрастания. Наступает эпоха пролетарских революций.

Развитие противоречий между ростом обществ. характера процесса труда и капиталистич. производств. отношениями определяет единственный способ их разрешения — образование общественно-комбинированного процесса труда в масштабах общества и революц. превращение рабочего класса в коллективного субъекта обществ. произ-ва. Условия произ-ва превращаются «... во всеобщие, коллективные, обществ.

венные условия производства» (там же). Это кладет конец всем формам эксплуатации. Т. о., пролетариат, как доказал Маркс, является борцом против классовых антагонистич. производств. отношений вообще. Исследование развития противоречий капитализма и истории. тенденции их разрешения делает «К.» теоретич. оружием в борьбе с совр. ревизионизмом. «К.» дает науч. основу для разоблачения попыток ревизионизма доказать смягчение классовых противоречий в совр. капиталистич. обществе. «...Развитие современного капитализма подтверждает правильность марксистско-ленинского учения о нарастании противоречий и антагонизмов капиталистического общества, об обострении в нем классовой борьбы» (Программа КПСС, 1961, с. 52). Теория науч. коммунизма показывает полную несостоятельность ревизионистских утверждений о вращении капитализма в социализм без революц. ломки бурж. производств. отношений. Разрешение присущих капитализму противоречий означает установление общественно-комбинированного процесса труда в масштабах общества и возникновение обществ. субъекта произ-ва. Этот вывод Маркса разоблачает и совр. дюрингианские и анархосиндикалистские представления о социализме как конгломерате самостоят. кооперативных предприятий.

Рабочий класс, уничтожая капиталистические производств. отношения, перестает быть носителем этих отношений. Став коллективным субъектом произ-ва, он ликвидирует стоимостные отношения, поскольку они отделяют непосредств. производителя от средств произ-ва и превращают его рабочую силу в товар. Маркс предвидел необходимость на первой фазе коммунизма распределения продуктов между производителями в соответствии с качеством и количеством труда. Однако Маркс доказал, что в обществе, где собственником средств произ-ва является народ, с необходимостью исчезают такие отношения, при к-рых продукты труда являются средством привлечения непосредств. производителя к производству другим классом, классом эксплуататоров. Из коммунистич. общества исключаются отношения найма рабочей силы, заработной платы и т. п. как отношения между двумя различными экономич. субъектами. А закон роста производительности труда превращается в абсолютный закон коммунистич. произ-ва.

Маркс показал, что противоположность между городом и деревней, между умств. и физич. трудом есть выражение классово-антагонистич. отношений. Поэтому в «К.» делается вывод, что в коммунистич. обществе, где субъектом произ-ва является коллектив ассоциированных производителей, будут ликвидированы не только противоположность, но и существ. различия между городом и деревней, между трудом умств. и физич. При коммунизме отмирает также порабощающее человека обществ. разделение труда, свойственное капитализму. Обществ. процесс труда при коммунизме будет представлять собой совместную планомерную деятельность всех членов общества в связанных между собой процессах труда. Это «... союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу» («Капитал», т. 1, с. 84—85). Средства производства «... перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом» (там же, т. 3, с. 452). Произойдет «...превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств

производства путём употребления их как средств производства комбинированного общественного труда...» (там же, т. 1, с. 766). Средства труда в масштабах общества будут определять и процесс труда в этих масштабах.

Маркс доказал, что коммунизм несет изменение не только произ-ва как такового, но и распределения и потребления, а обмен продуктами при коммунизме уступает место обмену деятельности в масштабах общества. Поскольку обществ. процесс труда предполагает строго определенные качеств. и количеств. отношения между субъективными и объективными факторами в произ-ве, распределении, обмене и потреблении, то регулирование данных отношений становится моментом сознат. трудовой деятельности, частью совокушой производств. деятельности всех производителей. Обществ. процесс труда сосредоточивает в ассоциированном обществ. производителе не только трудовые, но и экономич. функции. Непосредств. производитель превращается в коллективного субъекта обществ. произ-ва. Процесс же произ-ва принимает форму сознательной планомерной деятельности ассоциации свободных производителей. Превращение производителей в коллективного субъекта непосредств. процесса коммунистич. произ-ва обуславливает качественно новые отношения распределения. Всякая потребность личности при коммунизме может быть удовлетворена только как обществ. потребность и только на основе развития обществ. произ-ва. Такой характер отношений потребления позволит удовлетворять всех по потребностям. Коммунизм, делая производителей коллективным субъектом произ-ва, исключает проявления отношений людей через отношения вещей. Экономич. отношения выступают как отношения между членами единого коллектива в произ-ве, распределении, обмене и потреблении. Поэтому они не принимают превращенных форм в сознании и осознаются как таковые. Поскольку же носителем трудовых и экономич. функций является коллективный производитель, то его производств. деятельность превращается в самодеятельность. Цели и задачи, к-рые ставит себе человек, являются целями и задачами общества. Это побуждает к творческому участию в произ-ве и в обществ. жизни всех производителей. Именно здесь, как указывал Маркс, коммунизм открывает безграничный источник роста производительности труда и темпов развития обществ. произ-ва. Все те ограничения, к-рые классово-антагонистич. общество накладывало на личность, при коммунизме отпадают. Личность освобождается от них потому, что коммунистич. общество предполагает такие отношения людей, к-рые могут осуществляться только посредством самодеятельности членов коммунистич. общества. Поэтому, подчеркивал Маркс, только самодеятельность людей в обществ. коллективе создает реальные предпосылки для всестороннего развития личности.

XXII съезд КПСС, опираясь на анализ Маркса и обобщая опыт коммунистич. строительства, дал развернутое науч. определение коммунизма: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства пользуются полным потоком и осуществится великий принцип „от каждого — по способностям, каждому — по потребностям“. Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных труженников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потреб-

ностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (Программа КПСС, с. 62).

В. Быков, Ю. Трубицын. Москва.

Логика «Капитала» — диалектико-материалистич. понимание форм и закономерностей развития мышления, сознательно примененное Марксом при разработке теоретич. содержания политич. экономии. «Если Марх не оставил „Логикки“ (с большой буквы), то он оставил логику „Капитала“, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 315). В понимании предмета логики, объема и характера ее специальных проблем и способов их разрешения Маркс сознательно исходил из тех достижений в области этой науки, к-рые были основным историч. завоеванием нем. классич. философии, особенно философии Гегеля. Логика, предполагаемая «Капиталом» и применяемая при его создании, была исторически и по существу результатом критич. преодоления (пересмысления) гегелевской логики с позиций материализма. «В „Капитале“ применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма [не надо 3-х слов: это одно и то же], взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» (там же).

Логика Маркса принципиально противоположна гегелевской логике по своим исходным философским предпосылкам. Ее основой является материалистич. решение вопроса об отношении мышления (его форм и закономерностей) к действительности, в то время как Гегель в постановке и решении логич. проблем исходил из превратного (идеалистического) решения этого вопроса, изображая мышление в качестве demiурга мироздания, в качестве той активной силы, к-рая конструирует и оформляет внешний мир. Однако Маркс примыкает к той традиции в понимании логики, ее предмета и задач, к-рая составляла рациональное зерно нем. классич. философии, и особенно философии Гегеля, — к традиции, согласно к-рой основным содержанием логики становятся не столько «внешние формы мышления», коими только и занималась старая формальная логика, сколько, и прежде всего, всеобщие (универсальные) формы и закономерности развития «всех материальных, природных и духовных вещей», выражаемые в категориях диалектики. С этим и связано то положение, что логика «К.» и есть диалектика как самое полное и глубокое учение о развитии, а диалектика и есть логика, т. е. учение, к-рое единственно и решает вопрос о том, что такое мышление, каковы его формы и каковы закономерности, управляющие его развитием. Поэтому изложить существо логики «К.» — значит изложить материалистич. диалектику во всем объеме ее развитого содержания, развернуть систематич. изображение категорий диалектики не только со стороны их объективного содержания (т. е. содержания, независимого не только от мышления, но и от человека вообще), но и со стороны той активной роли, к-рую эти категории играют в процессе теоретич. познания, со стороны их логич. функции.

Основным принципом логики, применяемой в «К.», является принцип соответствия мышления с действительностью. Это обязывает рассматривать мышление не «само по себе», т. е. в отрыве, в абстракции от действительности, а как процесс превращения действительности в мысль. Действительность поэтому является важнейшей и притом специфической для логики категорией, т. к. мышление специфически отличается от всех других форм отражения окружающего мира в голове человека именно тем, что в мышлении человек сознательно, целенаправленно и систематически приводит свои представления к согласию с дей-

ствительностью. Все другие формы отражения складываются более или менее стихийно и являются предметом исследования в психологии, физиологии, общей лингвистике и т. д. В мышлении человек отдает самому себе строгий отчет в способе и характере своих познаний, действий, держит процесс отражения под контролем категорий, логич. форм, выражающих универсальные формы всего существующего, формы действительности, как внутренне расчлененного «единства во многообразии» (т. е. «конкретности»). Именно поэтому без категорий, выражающих универсальные формы и закономерности действительности, нельзя вообще ни понять, ни выразить «специфики мышления», а логика, замыкающаяся в рассмотрении т. н. «специфики мышления», т. е. рассматривающая мышление «само по себе», вне его отношения к действительности, в итоге не схватывает как раз искомой «специфики», подменяя логич. аспект исследования психологич., феноменологич., описательно-историч. или лингвистич. рассмотрением.

Логика «К.» предполагает в то же время, что соответствие сознания с действительностью достигается через сложный диалектически противоречивый процесс развития понятий, категорий и выражается через форму восхождения от абстрактного к конкретному. Способ (метод) восхождения от абстрактного к конкретному — это прежде всего сознат. выражение такого закона, к-рому всегда и везде подчинялось и подчиняется развитие теоретич. познания действительности как единого, связанного во всех своих проявлениях целого, как объективного «единства во многообразии», находящегося в процессе возникновения, становления и развития. Будучи открыт философией в качестве «естественного закона» развития теории, путь восхождения от абстрактного к конкретному был использован Марксом при разработке политич. экономии как важнейший методологич. принцип развития определений. Основные черты этого метода (или логики развития определений), примененного в «К.», обрисованы Энгельсом в следующих словах: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношений друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 497—98).

Главное достоинство логики «К.» заключается в том, что процесс выведения категорий совершается в ходе анализа последовательного ряда фактов, в ходе движения мысли от факта к факту по пути систематич. углубления понимания их универсальной взаимосвязи. Последовательность перехода от анализа одного фактич. отношения к анализу другого фактич. данного отношения при этом не произвольна (каковой она неизбежно становится при односторонне-индуктивном способе обобщения) и в то же время не формальна (каковой она становится при односторон-

не-дедуктивным выведении определений из априорно выставленных всеобщих аксиоматич. определений).

Логика «К.» отличает непосредственное соединение (совпадение) индукции и дедукции, т. е. анализа фактов с анализом понятий. В общем и целом последовательность движения мысли от факта к факту (соответственно от определения к определению) обуславливается здесь историей становления и развития того конкретного целого, к-рое в данном случае выступает как предмет исследования. Характеризуя способ логич. «выведения» определений, примененных Марксом к разработке политич. экономии, Энгельс указывал, что «... этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...» (там же, с. 497).

Вместе с тем Маркс категорически предупреждал, что неправильно было бы развивать категории в той последовательности, «в которой они исторически играли решающую роль» и к-рая представляется естественной последовательностью историч. развития. Дело в том, что в науке воспроизводится не история «вообще», а только история той конкретно-историч. сферы действительности, к-рая непосредственно сделана объектом анализа, в данном случае — история одной, а именно капиталистич., обществ. формации. Поэтому «речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных следующих одна за другой общественных формах», (Маркс К., там же, т. 12, с. 734), а только о том месте, к-рое они занимают в становлении одной, исследуемой обществ. формы произ-ва. Это место и роль отд. категорий диктуются не «логическими» соображениями, а самим характером историч. процесса, его собственной диалектикой. Дело в том, что возникновение и развитие новой обществ. формы начинается не на пустом месте, а всегда на почве, созданной предшеств. развитием. Новое общество всегда имеет своей историч. предпосылкой «... производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имело лишь в виде намека и т. д.» (там же, с. 731).

Каждая новая форма произ-ва (как и каждое новое историч. образование в природе, в обществе, в мышлении) всегда имеет свое конкретно-историч. «начало», к-рое возникает во времени позже, чем его историч. предпосылки, а затем превращает эти предпосылки в зависимые от себя формы, меняя их место и роль в соответствии со своими требованиями. Поэтому роль и место таких категорий, как «торговый капитал» или «рента», могут быть поняты лишь после того, как понята «прибавочная стоимость», и ни в коем случае не наоборот, хотя во времени прибавочная стоимость возникла позже них. В категории капиталистич. способа произ-ва эти и подобные им категории превратились лишь тогда, когда процесс произ-ва прибавочной стоимости вовлек их в свою орбиту и превратил в подчиненные себе формы, т. е. в производные категории.

Т. о., «исправление» историч. последовательности развития определ. категорий совершается в «К.» вовсе не в угоду «логическим» соображениям, а в соответствии с теми законами, к-рые дает сам действительный историч. процесс возникновения и вызревания исследуемой

конкретно-историч. формы произ-ва. Данное положение имеет всеобщий, т. е. логич. смысл, и относится не только к исследованию капиталистич. формы произ-ва и даже не только к исследованию общественно-историч. явлений. Оно разрешает, на материале частного случая, всеобщую проблему логики как науки — проблему «начала» логич. исследования и последовательности его дальнейшего движения.

Если в «К.» анализ начинается с товарной формы, то это отражает в логич. плане особенность исследуемого «целого», — тот факт, что только капиталистич. формация превращает товар во всеобщую экономич. определенность продукта. Сама по себе взятая, товарная форма продукта труда не связана непременно с капиталистич. организацией обществ. произ-ва. В качестве частной экономич. формы она свойственна и другим общественно-экономич. формациям. Однако ни в какой другой системе отношений произ-ва эта форма не становится всеобщим условием (и столь же всеобщим следствием) всех других форм произ-ва, обмена и потребления — «клеточкой» целого. В данном же случае товар составляет то «простейшее непосредственное бытие», к-рое лежит в основании всех остальных элементов системы. Конкретные теоретич. определения этой формы поэтому оказываются абстрактно-всеобщими определениями любой другой формы, развивающейся на ее основе, — самым «простым» и «абстрактным» определением исследуемого целого, всего развитого организма экономики капитализма.

С т. зр. логики важно, что абстрактно-всеобщее определение любой из особенных форм экономики образуется не путем формальной абстракции (отвлечения одинакового) от особенностей всех элементов системы, а через конкретный анализ одной особенной формы, через отражение особенности товара. «Если приходится анализировать „товар“ — эту простейшую экономическую конкретность, — то надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа», — указывает Маркс, имея в виду прибавочную стоимость, заработную плату, прибыль и пр. категории (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 384).

Товар, будучи «началом» всего процесса капиталистич. воспроизводства, одновременно оказывается той элементарной формой, к к-рой постоянно возвращается движение всех элементов движения системы. Ни капитал, ни рабочая сила не могут функционировать в качестве элементов системы, не превращаясь постоянно, в каждом цикле, снова в товар. Поэтому товар и кажется не только «началом», но и «целевой причиной» всего циклич. обмена веществ капиталистически организованного произ-ва. Всеобщее теоретич. определение системы в целом поэтому и отражает как «начало», так и «конечную цель» ее движения, а не просто абстрактно-общий признак всех элементов, всех особенных форм бытия данного целого.

В данном пункте явно вырисовывается принципиальное отличие логики «К.» от традиционной формальной логики в той части, к-рая касается отношения всеобщего к особенному и единичному. Всеобщее понимается здесь не как абстрактно-общее, а как конкретное теоретич. отражение закона (см. *Всеобщее*). Всеобщее в логике «К.» отражает не абстрактное тождество всех явлений друг другу, а конкретное тождество (единство) этих явлений в составе конкретного целого, системы явлений, развившейся на одной и той же основе.

Конкретно-всеобщее единство явлений в составе системы включает в себя не только различия, но и противоположность этих явлений друг другу. Это — диалектически противоречивое тождество, осуществляю-

щееся через переход, через превращение противоположностей друг в друга. Конкретно-всеобщее, в противоположность абстрактно-всеобщему, содержит в себе взаимноисключающие и одновременно взаимопредполагающие определения, т. е. диалектич. противоречие, постоянно возникающее в движении и этим же движением постоянно разрешаемое.

Так, существо товарной формы произ-ва заключается в том, что каждый из продуктов этого произ-ва, каждый отдельный товар может принимать на себя одну из двух взаимоисключающих форм выражения стоимости — либо относительную, либо эквивалентную. Два товара, столкнувшиеся в обмене, должны по необходимости играть противоположные роли: «... Один товар, — тот, стоимость которого выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в котором стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости» («Капитал», т. 1, с. 68). Каждый из них не в состоянии играть обе роли сразу, одновременно, ибо эти роли исключают друг друга. Тем не менее реальный обмен предполагает, что каждый из них и измеряет свою стоимость в другом, и служит материалом для ее измерения, то есть играет обе роли сразу. В этом диалектич. соединении противоположных экономич. форм внешне выражается не что иное, как скрытая в каждом из них внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости. В отношении товара к товару проявляется диалектически противоречивое отношение товара к самому себе, т. е. имманентное противоречие формы стоимости. Это противоречие простой формы стоимости и служит «логическим основанием» перехода от анализа товара к анализу денежной формы стоимости, что выражается теоретически в развитии понятия стоимости. «...Процесс обмена товаров заключает в себе противоречия и исключают друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создаёт форму для их движения» (там же, с. 110). Новая форма развития и движения противоречий — деньги. «Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, напр., в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» (там же, с. 110—11).

Маркс подчеркивает тем самым универсальный (логический) характер описанного хода мысли, хода развития теоретич. определений в согласии с развитием противоречий действительного движения. Противоречие здесь выступает уже не как свидетельство «неправильности», «ошибки» (как его толковала старая, недиалектич. логика), а как важнейший логич. принцип и форма развития определений, как принцип логич. перехода от факта к факту. Этот принцип только и обеспечивает объективность переходов от категорий к категории, то есть согласие развития определений с развитием действительности.

Так, анализ товарного обращения приводит к антиномии, к противоречию, к-рое не может быть устранено формальными средствами — за счет «уточнения понятий» — именно потому, что оно отражает действительно неразрешимое противоречие данной сферы капиталистич. произ-ва. Действительность «разрешает» это противоречие путем порождения новой формы экономич. отношений, создавая новую форму для движения выявленного противоречия. Теоретич. мышление, воспроизводящее действительность, должно, по Марксу, двигаться согласно той же логике. Определения, полученные в анализе товарного обращения, сталкиваются в противоречии, как только

через них выражается факт произ-ва прибавочной стоимости. «Как ни вертись, факт остаётся фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются не-эквиваленты, то же не возникает никакой прибавочной стоимости», — формулирует Маркс итог анализа стоимости (там же, с. 170). Это значит: объективное исследование законов товарного обращения показало, что это обращение не заключает в себе условий, при к-рых возможен очевидный, бесспорный и всеобщий факт — возрастание стоимости капитала. Этим мысль направляется на поиск того недостающего условия, при к-ром обращение товаров превращается в фазу производства прибавочной стоимости. Это искомое условие, этот реальный факт должен, с одной стороны, соответствовать всем тем условиям, к-рые выявлены ранее, т. е. должен подчиняться всем законам обращения товаров. С другой стороны, он превращает обращение товаров в его собственную противоположность, в фазу произ-ва новой стоимости.

Маркс так формулирует задачу: прибавочная стоимость возможна без нарушения закона стоимости (как всеобщего закона всей системы) лишь при условии, если в действительности удастся найти новый факт, если «... посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, фактическое потребление которого было бы процессом овещствления труда, а следовательно, процессом создания стоимости» (там же, с. 173). Иными словами, в этом решающем пункте «дедукции» Маркс обращается вновь к эмпирии. На языке старой логики это значит, что дедуктивный ход мышления вдруг прерывается «индуктивным», а индуктивное рассмотрение рождает недостающее для дедукции звено, заполняет пробел в «логическом» движении мысли, не заполняемый формально.

Единственный товар, к-рый одновременно и «подводится» под закон стоимости и — без какого бы то ни было его «нарушения» — делает возможным и необходимым прямо противоречащий ему факт (прибавочную стоимость), — это рабочая сила. Потребление этого своеобразного товара есть одновременно произ-во товара вообще, т. е. стоимости. Снова обнаруживается совпадение противоположных определений в понятии факта как важнейшая логич. характеристика понятия. Здесь, как и везде при диалектич. развитии определений, теоретическое («логическое») противоречие, парадокс оказывается формой постановки вопроса, проблемы, подлежащей конкретному разрешению путем дальнейшего исследования эмпирич. материала. Движение мысли по фактам здесь становится целенаправленным, строго последовательным, «дедуктивным», а переход от одной категории к другой — не произвольным, а объективно обусловленным. Такая «дедукция» становится возможной только потому, что в качестве ее основания лежит не «абстрактно-общее» определение, а понятие, заключающее в себе конкретное единство противоположных определений, т. е. конкретно-общее понятие.

В свете этого положения становится очевидной еще одна особенность «дедукции» категорий в «К.». Каждая последующая конкретная категория предстает как форма разрешения тех противоречий, к-рые были выявлены анализом в составе предшествующих ей категорий, и выступает как процесс усложнения той цепи опосредствующих звеньев, тех «метаморфоз», через к-рые должны проходить два первоначально выявленных полюса стоимости в процессе их взаимного превращения. Становление системы отношений (и выражающих их категорий) и предстает как про-

цесс нарастания «напряжения» между двумя полюсами исходной категории. Путь взаимного превращения противоположностей товарной формы (т. е. потребительной стоимости и меновой стоимости) становится все давнее и сложнее, все запутаннее. Взаимно тяготеющие друг к другу полюсные формы выражения стоимости все время остаются, однако, крайними точками, между которыми возникают все новые и новые формы отношений.

Т. о., все особенные отношения и выражающие их категории предстают в ходе анализа как различия, возникающие внутри одной и той же конкретно-всеобщей субстанции, — капиталистически организованного труда, как конкретные формы этой организации, как ее «модификации». Тем самым и сама категория субстанции (в данном случае ею оказывается труд, притом не просто труд, а исторически определенная его форма) предстает как внутренне-противоречивая категория, заключающая внутри себя необходимость порождения все новых «модусов», особых форм своего развития и проявления. Любое понятие, как исходное, так и каждое последующее, характеризуется поэтому как конкретное единство противоположных определений, а не как слепое абстрактно-общее, не как простое отражение «одинаковости» ряда явлений. Всеобщее, т. е. закон, осуществляется в действительности (а потому и в логике понятий, эту действительность отражающей) через конкретное единство, т. е. через переход, через превращение противоположностей друг в друга. В силу этого всеобщее раскрывается через диалектически противоречивое единство (тождество) необходимости и случайности (напр., в анализе отношения стоимости и цен), сущности и явления (прибавочная стоимость и прибыль), качеств. и количеств. характеристик (конкретный и абстрактный труд) и т. д.

Иными словами, логику «К.» составляет вся система категорий логики, т. е. универсальных определений природы, общества и самого мышления, понимаемых в их диалектически противоречивом единстве, в их переходах; диалектика, как наиболее развитое и полное учение о развитии через противоречия, — это и есть логика «К.». Поэтому систематич. изложение логики «К.» и совпадает без остатка с систематич. изложением материалистич. диалектики. Э. Пильнеков. Москва.

Проблемы эстетики в «Капитале». В «К.» Маркс по-новому поставил ряд кардинальных проблем эстетики. Уже в ранних своих работах 40-х гг. Маркс в качестве исходной предпосылки построения всей своей филос. системы выдвинул новое материалистич. понимание человек. труда. Маркс доказал, что в своем всеобщем содержании труд есть способ самопорождения и саморазвития обществ. человека в процессе предметно-практич. преобразования природы. На основе этой идеи впервые открылись возможности для теоретич. разрешения противоречия художеств. деятельности и материального труда. Уже в ранних своих работах Маркс выдвигает мысль о совпадении, диалектич. тождестве обществ. практики в ее универсальном развитии с творчеством «по законам красоты» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, 1956, с. 566). Преобразуя предметы и явления внешнего мира по их собственным законам, по их собственной «мере», человек. труд оказывается осуществлением не произвола, а самой естеств. закономерности. Преобразование внешних обстоятельств жизни совпадает с формированием человека как обществ. существа. Все эти определения человек. труда в его отношении к природе и ее закономерностям, данные Марксом, имеют большое значение для эстетики, к-рая, начиная с Руссо и Канта, исходила в своих рассуждениях о красоте и других эстетич. феноменах из отношения к природе, строящегося на чистом чувств. созер-

цании, исходила из голого противопоставления человека и природы.

Имея в виду, что сущность, объективная природа человек. труда предполагает такое положение, когда «... рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» («Капитал», т. 1, с. 185), Маркс в то же время подчеркивает необходимость «целесообразной воли, выражающейся во внимании» в той мере, в какой труд утрачивает это свое органич. свойство. Поскольку смысл и интерес труда переносится с наслаждения самим его процессом на экономич. цель — заработок, постольку труд утрачивает свой свободный, эстетич. характер, отделяется от внутренних запросов личности.

С позиций нового понимания сущности труда Марксу удалось за специфич., особенной формой эстетич. деятельности — искусством — разглядеть ее всеобщую форму — творч. труд человека. Он показал, что именно внутри искусства — деятельности, преобразующей мир «по законам красоты» силой воображения — выражается всеобщее содержание труда как пути развития человек. свободы, к-рое внутри самой предметной практики реализуется лишь как ведущая тенденция, осуществляющаяся в истории через тысячи отклонений и превратных форм. В «К.» Маркс подвергает детальному науч. рассмотрению одну из таких превратных историч. форм обществ. развития — бурж. форму. Всесторонне исследуя экономич. структуру капиталистич. произ-ва, Маркс одновременно выясняет, в какое отношение к миру, созданному его собственным трудом, ставит человека данные историч. условия. Он выдвигает в «К.» совокупность проблем, связанных с положением художеств. производств. в системе бурж. отношений. Причем художеств. деятельность выступает как своеобразный «эталон» общественно развитого отношения человека к предмету, в принципе несовместимый с отношениями, вырастающими на почве бурж. способа произ-ва.

«... Капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии» («Теории прибавочной стоимости», ч. 1, 1955, с. 261). Эта мысль составляет один из существ. моментов марксистской критики бурж. строя. Уже во введении к «К критике политической экономии» Маркс указывал на то, что определ. периоды расцвета иск-ва «...не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 736).

Капиталистич. способ произ-ва, к-рый в целом знаменует собой колоссальный шаг человечества вперед по пути прогресса, как раз в области эстетич. культуры утрачивает ценнейшие возможности для развития творч. сил человек. личности, присущие рабовладельческому, феодальному и даже первобытнообщинному строю.

Докапиталистич. обществ. формации, для к-рых были характерны узко местные, патриархальные связи между людьми, создавали предпосылки для более целостного взгляда на мир, чем бурж. общество. В эти эпохи «... отдельный индивидуум не порвал ещё пуповины, связывающей его с родом или общиной, и спаян с ним столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем» («Капитал», т. 1, с. 341). Мелкое ремесленное произ-во создавало хотя бы ограниченные условия для выявления творч. потенциалов труда, «... для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника» (там же, с. 764). В рамках же капиталистич. способа произ-ва впервые достигнутая универсальность обществ. связей человека с действительностью вступает в нераз-

шимое противоречие с ограниченной, лишенной творческой активности личностью, искаленной бурж. разделением труда. Не случайно Маркс уподоблял человек. прогресс в условиях классового общества тому «... отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 9, с. 230).

Экономич. форма, в к-рой существует труд при капитализме, а также соответствующая ему форма потребления предмета, сводящаяся к частнособственническому обладанию им, в принципе не могут быть распространены на искусств. деятельность без того, чтобы не подорвать ее фундамента. Наемный труд предполагает прежде всего отделение всех материальных условий труда от непосредств. производителя. А это, в свою очередь, связано с буржуазно-антагонистич. формой разделения труда, с отделением от труда его духовных потенций, с опустошением живого труда, с господством мертвого овеществленного труда над живым, с подчинением обществ. сознания товарному фетишизму. Иск-во как раз противостоит всей системе этих отношений, т. е. отделение от художника предметных условий его деятельности является такой же бессмыслицей, как «экономическое отделение» от певца его голосовых связок. В этом и состоит по существу враждебность капитализма иск-ву.

Произведения иск-ва оказываются несводимыми к абстрактному труду, отвлекающемуся от своеобразия индивидуальных родов деятельности. Их потребительские стоимости не могут замещать друг друга, поскольку в их уникальности и неповторимости заключена вся их обществ. ценность. Поэтому в условиях бурж. экономики труд художника с необходимостью оказывается непроизводительным: не обладая стоимостью, он не может служить источником прибавочной стоимости. А произ-во этой последней является единств. критерием производительности труда в бурж. обществе. «Мастер по роялям воспроизводит капитал, инанист же обменивает свою работу только на вознаграждение», и с этой т. зр. труд его является «столь же мало производительным, как и труд обманщика, производящего небылицы» (Маркс К., Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, М., 1939, S. 212, прим.).

Враждебность капитализма искусств. творчеству с не меньшей остротой проявляется и в сфере потребления. Тот способ отношения к предмету, к-рый предполагает мир искусств. ценностей, оказывается несовместимым с господством принципа частной собственности, согласно к-рому овладение предметом тождественно акту юридического обладания им. Само существование искусств. ценностей предполагает разностороннее развитие человек. индивидуальности, оно адресуется к развитому эстетич. чувству. Поэтому потребление произведения иск-ва оказывается неотделимым от развития специфич. способности человек к активному освоению предмета, способности вести через предмет своеобразный диалог с его творцом на собств. языке иск-ва.

Произведения иск-ва всегда являются объектами обществ. интереса, и это качество заложено в самой их природе. Именно поэтому сама форма частного владения — единственно признанная в бурж. обществе — не может не выступать как форма, прямо противоположная природе иск-ва. Всей совокупностью отношений между творцом и потребителем искусств. продукта иск-во фактически разоблачает фетишизм бурж. понимания богатства, ибо «... если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов... Чем иным

является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития...» (Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, 1940, с. 20).

Последоват. анализ противоречий развития искусств. деятельности в рамках бурж. способа произ-ва приводит Маркса к выводу о том, что и в этой сфере капитализм, доводя противоречия до крайней степени остроты, одновременно создает реальные предпосылки для их преодоления в коммунистич. обществе. Само материальное произ-во при капитализме все в большей степени превращает формирование всесторонне развитого творч. работника в насущную жизненную потребность. «... Крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства... Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу:... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» («Капитал», т. 1, с. 493). Эта задача может быть осуществлена только путем ликвидации капиталистич. частной собственности и преодоления антагонистич. формы разделения труда. Решение этой историч. задачи снимет все препятствия, связанные с превратностями социальной жизни, мешающие свободному развитию искусств. таланта. Коммунистич. обществу «... соответствует художественное, научное и т. д. образование индивидов в свободное для них время и средствами, сделавшими доступными для всех» («Grundrisse...», S. 593). Л. Пажитнов. Москва.

При жизни Маркса и Энгельса (с 1867 по 1895) «К.» был издан на 9 языках. Первым переводом трех томов «К.» на иностранный язык был перевод на русский (соответственно 1872, 1885, 1896). В настоящее время (по данным на 1 янв. 1962) «К.» издан на 40 языках. В СССР «К.» опубликован на 16 языках общим тиражом 5 млн. 819 тыс. экз. «К.» выходил в 80 городах мира.

Лит.: Розенталь М. М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, [М.], 1960; Розенберг Д. И., Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса, М., 1961; его же, Комментарии ко второму и третьему томам «Капитала» К. Маркса, М., 1961; Реуэль А. Л., Предметный и именной указатель к первому тому «Капитала» К. Маркса, М., 1959; Лифшиц М., Карл Маркс и вопросы искусства, в его сб.: Вопросы искусства и философии, М., 1935; Мейнинг Ф., Литературный образ у К. Маркса, в его кн.: Литературно-критические статьи, т. 2, М.—Л., 1934, с. 533—37.

КАПИТАЛИЗМ — последняя в истории человечества антагонистич. общественно-экономич. формация, основанная на эксплуатации человек человеком, сменяющая феодализм и предшествующая коммунизму. «Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром» (Ленин В. И., Соч., т. 22, с. 228).

Возникновение капитализма.

К. возник в недрах феодализма. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Развитие последнего освободило элементы первого» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 720).

Капиталистич. отношения прежде всего стали складываться в ср.-век. городах, возникших в результате развития торговли и ремесла. Между выросшими на принадлежащей феодалу земле городами и деревней, сохранявшей феод. характер произ-ва,

возникло антагонистич. противоречие, развившееся впоследствии в присущую К. противоположность между городом и деревней. Формировался класс гор. буржуазии, выросший из купцов, ростовщиков и наиболее богатых мастеров. «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» (там же).

В союзе с королевской властью буржуазия и обуржуазившиеся элементы феодализма ускорили развитие К. В насилие, лишении мелкого производителя (прежде всего крестьянина) средств произ-ва и образования крупной капиталистич. собственности состояла суть первонач. накопления капитала (16—18 вв.). К. рождался, источая «кровь и грязь из всех своих пор...» (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, с. 764). Гл. средствами накопления буржуазией богатств были захват и грабеж колоний, работоторговля, гос. займы, система откупов, подрядов, гос. протекционизма.

На первых порах буржуазия, превратившаяся в социально важнейший класс, оставалась политически бесправной. Капиталистич. произ-во оказалось втиснутым в феод. политич. формы средневековья, к-рые оно уже переросло. По мере роста своей экономич. силы буржуазия стремилась к захвату политич. власти, вступая во все более острое противоречие с абсолютизмом.

К 16 в. капиталистич. произ-во достигло значит. развития в ряде стран Зап. Европы. Простая капиталистич. кооперация сменилась мануфактурой, основанной на разделении труда. Мануфактурная стадия развития К. охватывает период 16—18 вв. Однако, поскольку мануфактура основывалась на ручном труде, она не создавала еще условий реального подчинения труда капиталу.

Конец мануфактурной стадии развития К. был периодом бурж. революций, к-рые установили политич. господство буржуазии и дали простор дальнейшему развитию К. Первая бурж. революция произошла в конце 16 в. в Нидерландах, в 1642—49 произошла английская, в 1789—94 — франц. бурж. революции. В ряде европ. стран бурж. революции происходили в сер. 19—нач. 20 вв. Бурж. революция по существу ни в одной стране не была доведена до конца. Победившая буржуазия в страхе перед народом шла на сделку с силами старого общества.

Домонополистический капитализм.

На своем историч. пути К. проходит две стадии развития: домонополистическую и монополистическую. Для домонополистич. стадии характерна свободная конкуренция, для монополистич. стадии — смена свободной конкуренции господством монополий. Бурж. революции, осуществив переворот в политич. надстройке, открыли простор развитию капиталистич. способа произ-ва. Произошел переход к крупному машинному произ-ву, представляющему адекватную базу бурж. способа произ-ва. Этот переход составил содержание пром. переворота, к-рый начался в сер. 18 в. в Англии и затем распространился на другие страны. Пром. переворот коренным образом изменил как технич. основу произ-ва, так и социально-экономич. отношения. Место формального подчинения труда капиталу заняло реальное подчинение. Произошло полное отделение пром-сти от с. х-ва. Решит. удар был нанесен докапиталистич. формам произ-ва. Возникли капиталистич. города — пром. центры. Изменился характер буржуазии — главную роль стал играть фабрикант-промышленник. Фабричное произ-во вызвало резкое усиление массовой нищеты. Замена рабочих-мужчин женщинами и

детьми, снижение реальной заработной платы, резкое усиление степени эксплуатации, появление массовой безработицы были неизбежными следствиями пром. переворота. Пром. переворот резко обострил противоречия К. Его важнейшим результатом было создание совр. пролетариата, к-рый призван выполнить историч. миссию могильщика буржуазии, творца нового, социалистич. общества.

Сер. 19 в. ознаменовалась превращением пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя», созданием революц. партии рабочего класса («Союз Коммунистов», 1847), возглавляемой Марксом и Энгельсом, и разработкой науч. идеологии пролетариата — марксизма (см. *Марксизм-ленинизм*). В *Манифесте Коммунистической партии* (1848) был дан науч. анализ капиталистич. общества, показана его сущность, обоснована неизбежность его крушения и определены пути построения нового общества. К. до невиданных ранее пределов развил производит. силы, в огромной степени расширил власть человека над природой по сравнению с предшествующими общественно-экономич. формациями. Но развитие производит. сил при К. происходит в антагонистич. форме. Оно совершается за счет непосредств. производителей — рабочего класса и всех др. слоев трудящихся.

К. разрушил феод. и патриархальные отношения, разорвал связи между людьми, основывавшиеся на отношениях личной зависимости, и заменил их денежными отношениями. Феод. эксплуатацию, прикрытую религ. и политич. иллюзиями, К. заменил открытой эксплуатацией труда капиталом. К. полностью подчинил деревню господству города, создал крупные города, резко увеличил гор. население за счет сельского, вырвал «значительную часть населения из idiotизма деревенской жизни» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 428). К. распространился по всему земному шару, вовлекая и народы, находившиеся на более ранних ступенях развития, в водоворот мирового рынка. К. уничтожил феод. раздробленность и осуществил политич. центрацию, возникли бурж. нации и централизованные над. гос-ва.

Всесторонний анализ К. дан основоположниками марксизма в ряде произведений — прежде всего в *Капитале*. Маркс раскрыл экономич. закон движения капиталистич. общества. Применив материалистич. диалектику к политич. экономии, Маркс произвел коренной революц. переворот в этой науке — он создал пролетарскую, подлинно научную политич. экономию. Всесторонне разработав и обосновав трудовую теорию стоимости, начало к-рой положили представители бурж. классич. политич. экономии Смит и Рикардо, Маркс раскрыл тайну капиталистич. эксплуатации. Учение о прибавочной стоимости составляет краеугольный камень марксистской политич. экономии капитализма. Маркс показал, что капитал есть стоимость, производящая посредством присвоения неоплаченного чужого труда прибавочную стоимость. Присвоение прибавочной стоимости капиталистами происходит вследствие того, что средства произ-ва и средства существования составляют монопольную собственность немногочисл. класса капиталистов, между тем как масса непосредств. производителей лишена условий произ-ва и, т. о., ее рабочая сила может найти себе применение в процессе произ-ва лишь тогда, когда она продана капиталистам. Рабочий, выступающий продавцом своего единств. товара — рабочей силы, получает заработную плату, к-рая, как правило, ниже стоимости рабочей силы. Стоимость рабочей силы и стоимость, вновь созданная рабочим в процессе произ-ва, — две разные величины. После вычета стоимости, выплаченной

рабочему в виде заработной платы, у капиталиста остается прибавочная стоимость, созданная руками рабочего.

Всеобщая форма капитала — денежная форма — означает, что собственник денег при К. есть потенциальный собственник любых условий произ-ва, стоимость к-рых равна сумме этих денег. *Фетишизм* капитала, являющийся дальнейшим развитием товарного и денежного фетишизма, маскирует сущность капиталистич. эксплуатации. Бурж. идеология проповедует вечность и неизменность частной собственности. Все историч. виды собственности бурж. идеологи подводят под категорию капиталистич. частной собственности, объявляя каменный топор в руках первобытного человека первой формой существования капитала. На страже собственности стоит вся сила бурж. гос-ва. Идеологи К. отрицают тот факт, что частная собственность — это основа эксплуатации человека человеком. Наиболее типичные бурж. теории пытаются объяснить происхождение капиталистич. прибыли не эксплуатацией рабочих, а особыми свойствами капитала.

Разоблачив бурж.-апологетич. теории, Маркс вскрыл природу капиталистич. эксплуатации. Прибавочная стоимость есть источник всех нетрудовых доходов буржуазии и ее прихлебателей. Погоня за прибавочной стоимостью определяет все движение капиталистич. способа произ-ва, в т. ч. и расширение произ-ва, развитие техники, усиление эксплуатации рабочих, анархию обществ. произ-ва, обострение конкуренции между капиталистами, углубление капиталистич. противоречий, огромную растрату обществ. богатства. «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства» («Капитал», т. 1, с. 624).

Эксплуататорский характер капиталистич. произ-ва и его законы обуславливают непрерывный рост и обострение свойственных ему противоречий. С развитием К. крупное произ-во побеждает мелкое, миллионы мелких товаропроизводителей разоряются и превращаются в наемных рабочих. Широким массам крестьянства К. несет разорение и унижение. На одном полюсе общества происходит накопление богатств, на другом полюсе — накопление нищеты. Огромные массы людей обречены на зверскую эксплуатацию, всякого рода лишения, на растущую неопишечность существования. Неизменным спутником К. является безработица, катастрофически возрастающая во время кризисов.

С развитием К. произ-во приобретает все более обществ. характер. Капитал собирает сотни и тысячи людей для совместного труда на крупных предприятиях; вместе с ростом обществ. разделения труда растут производств. связи между множеством предприятий и бесчисленные раздробленные по отд. отраслям, предприятиям, специальностям процессы произ-ва все больше и больше сливаются в единый обществ. процесс произ-ва. Но, обладая обществ. характером, капиталистич. произ-во остается под контролем частных собственников средств и условий произ-ва, к-рые присваивают его результаты. В этом состоит осн. противоречие К. Оно проявляется в ряде других противоречий: между трудом и капиталом; в противоречии между относит. организацией произ-ва на отд. предприятиях и растущей анархией произ-ва во всем обществе; между присущей К. тенденцией к безграничному расширению произ-ва и ограниченностью платежеспособного спроса. Осн. противоречие К. проявляется в периодически повторяющихся экономич. кризисах перепроизводства. Являясь результатом и формой насилия, преодоления капиталистич. противоречий, кризисы ведут к их дальнейшему углублению. Они свидетельствуют о

том, что К. больше не в состоянии справиться с вызванными им к жизни производит. силами. Кризисы явственно показывают неизбежность гибели К., ставшего преградой для дальнейшего развития общества.

Господствующим классом капиталистич. общества является буржуазия, к-рая выступает как единый класс эксплуататоров, выжимающих из рабочих прибавочную стоимость и делящих ее между собой. Буржуазии в качестве эксплуататорского класса противостоит рабочий класс, лишенный собственности на средства произ-ва. Рабочий класс сильнее всего страдает от противоречий капиталистич. произ-ва — кризисов, безработицы, нищеты. Сила, численность и организованность рабочего класса растут по мере развития К. Кроме буржуазии и рабочего класса — двух осн. классов бурж. общества, при К. сохраняются классы, унаследованные от феодализма. «Чистый капитализм» представляет собой абстракцию, в действительности господство К. сочетается с сохранением многочисл. остатков докапиталистич. отношений. Из феод. общества в капиталистическое переходит *крестьянство*, к-рое, за исключением богатой прослойки сельской буржуазии (кулаков), представляет собой класс эксплуатируемых трудящихся. Крестьянство, работающее на своей земле и не использующее наемный труд, образует многочисл. слой сельской мелкой буржуазии. Ремесленники, мелкие торговцы, кулаки образуют мелкую буржуазию города. Неотъемлемым спутником К. является наличие более или менее многочисл. слоя деклассированных элементов — люмпен-пролетариата. Во многих капиталистич. странах сохраняются оставшиеся от феодализма помещики-землевладельцы — земельная аристократия. По мере развития К. она обуржуазивается: частично превращается в рантье, капитализируя свою земельную собственность, частично — в капиталистов-предпринимателей как в с. х-ве, так и в пром-сти.

Гл. тенденция развития классовой структуры капиталистич. общества состоит в поляризации общества на два осн. класса, размывании промежуточных слоев, превращении всякого труда в наемный труд. Гл. классовым противоречием К. является непримиримое противоречие между рабочим классом и буржуазией, выражающееся в ожесточ. *классовой борьбе*, к-рая служит гл. движущей силой развития капиталистич. общества. В борьбе против буржуазии пролетариат заключает союз с крестьянством, со всеми трудящимися, выступая как их признанный руководитель.

По мере развития пром-сти, науки, техники и культуры в капиталистич. обществе растет широкий слой *интеллигенции* — лиц умств. труда. Она неоднородна, ее передовая часть в ходе классовой борьбы становится на сторону революц. рабочего класса, ее высшие слои примыкают к буржуазии.

Класс буржуазии раздирается многочисл. внутр. противоречиями, вытекающими из различных интересов отд. групп и слоев имущего класса. Но против рабочего класса буржуазия выступает как единая сила. Она мобилизует всех своих союзников, старается расколоть рабочий класс, обуржуазить его верхушку, использует против него всю мощь гос. власти.

Капиталистич. государство в эпоху монополистич. К. «... это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 426). Выступая в различной форме, бурж. гос-во всегда остается орудием классового господства буржуазии, средством подавления трудящихся масс. Демократич. права, завоеванные нар. массами, действуют лишь в тех границах, к-рые не задевают основ капиталистич. строя. Т. о., бурж. демократия неизбежно носит

формальный и огранич. характер. Она служит прикрытием наемного рабства и диктатуры буржуазии. Несмотря на это, рабочий класс при К. борется за демократич. формы политич. жизни, т. к. они представляют определ. возможности для создания и деятельности рабочих организаций, для организации сил пролетариата в целях революц. свержения К. Бурж. право, основанное на принципе неприкосновенности частной собственности, своим острием направлено против рабочего класса, в защиту бурж. порядков. Защита отживших капиталистич. отношений служит бурж. идеология во всех ее направлениях.

Монополистический капитализм.

В последней трети 19 в. совершился переход от домонополистич. К. к монополистич. К.—империализму. Марксистский анализ империализма дан Лениным. Ленинская теория империализма и развитая им теория социалистич. революции — важнейшая составная часть ленинизма, как марксизма новой историч. эпохи — эпохи гибели К. и революц. перехода к новой, высшей коммунистич. формации.

Переход к империализму был подготовлен действием экономич. законов К., всем ходом развития производит. сил и производств. отношений бурж. общества, процессом распространения К. по всему земному шару. Под действием свободной конкуренции совершалась концентрация произ-ва и капитала. Концентрация охватила и банковое дело. В промышленности и банковом деле возникали мощные монополии. В поисках выгодного применения капитал в огромных размерах устремляется за границу. Гигантские монополии делят между собой мировой рынок. Колониальные захваты привели к территориальному разделу мира. Самая глубокая экономич. основа империализма есть монополия. По своей экономич. сущности империализм есть монополистич. К. Краткое определение империализма гласит: империализм есть монополистич. стадия капитализма.

Ленин на основе глубокого науч. анализа показал те изменения, к-рые произошли в экономике К., и вскрыл порожденные ими изменения в политич., правовой и др. частях надстройки. Ленин показал, что господство монополий означает качеств. скачок в развитии К., пронизывает все стороны обществ. жизни, знаменует переход в новую, монополистич. стадию. Ленин построил теорию империализма на анализе К., данном Марксом, к-рый доказал, что свободная конкуренция порождает концентрацию произ-ва, к-рая на известной ступени своего развития ведет к монополии. Ленин раскрыл связь и взаимоотношение осн. экономич. особенностей империализма. «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» (Л е н и н В. И., Соч., т. 22, с. 253). Проанализировав эти пять осн. экономич. признаков империализма, Ленин показал его историч. место. Он пришел к выводу, что империализм есть особая стадия К., причем особенность эта тройкая: империализм есть К.: 1) монополистический, 2) паразитический, или загнивающий, и 3) умирающий. Империализм представляет собой канун социалистической революции. Империализм крайне обостряет осн. противоречие К. и все базирующиеся на нем противоречия бурж. строя, к-рые могут быть разрешены только социалистич. революцией. Ленин дал глубокий анализ закона неравномерности экономич. и политич. развития К. при империализме и пришел к выводу о возможности победы социалистич. революции первоначаль-

но в одной, отдельно взятой капиталистич. стране. Империализм есть эпоха фин. капитала. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия» (там же, с. 214). Вывоз капитала, эксплуатация колоний междунар. монополиями, раздел мира между империалистич. державами, чрезвычайно усиливая развитие экономич. связей между различными районами земли, имеют своим следствием образование капиталистич. системы мирового хозяйства, к-рая представляет собой объединение мира на капиталистич. основе. Капиталистич. система мирового х-ва характеризуется стихийно сложившимся разделением труда, наличием мирового капиталистич. рынка, господством капиталистич. производств. отношений в масштабе всей системы, монопольным господствующим положением развитых капиталистич. гос-в. Объединение в капиталистич. мировую систему осуществляется на уродливой антагонистич. основе в форме эксплуатации подавляющей массы населения земного шара горсткой капиталистич. хищников.

На монополистич. стадии К. эксплуатация труда капиталом дополняется эксплуатацией подавляющего большинства человечества — народов колониальных и полуколониальных стран — фин. капиталом метрополий. Отсюда следует, что крушение К. происходит в результате двух процессов: 1) революц. борьбы рабочего класса за социализм и 2) нац.-освободит. борьбы поработанных империализмом народов против колониализма, за нац. независимость. «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще» (там же, с. 252). Но, раз возникнув и завоевав господствующее положение, монополия самим своим существованием подрывает и ограничивает свободную конкуренцию, отрицает ее, выступает как ее противоположность. Переход развитого К. в империализм есть переход количества в новое качество (см. там же, с. 254), есть новая ступень в развитии К., когда «... по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу» (там же, с. 252). Монополия становится движущей силой дальнейших изменений в обществ. отношениях людей. Переход к империализму не отменяет законов, присущих К. как общественно-экономич. формации. Империализм — это надстройка над старым К. Но вместе с тем в условиях империализма возникают черты и свойства, специфически присущие этой стадии и не существовавшие или проявлявшиеся в зародыше на домонополистич. стадии. При империализме акционерная форма, к-рая дает возможность сосредоточить в одних руках массу индивидуальных капиталов и свободных денежных средств, становится преобладающей формой крупных капиталистич. предприятий. «Из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист» (там же, с. 202).

Акционерное дело дает гигантский толчок развитию монополий. В этой форме собственности заложено глубочайшее противоречие. Это есть «...упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства...» (Маркс К., Капитал, т. 3, 1955, с. 451). Акционерная форма гигантски расширяет сферу эксплуатации народных масс капиталом. Вместе с тем она наглядно показывает ненужность капиталистич. частной собственности, ее паразитич. характер, объективную необходимость замены ее обществ. собственностью. Акционерная форма в огромной степени усиливает власть капитала, т. к. контроль-

ный пакет акций позволяет распоряжаться огромной массой чужих средств, вложенных в акции. В нач. 20 в. для контроля над акционерным обществом необходимо было иметь не менее 40% акций, в 50—60-е гг. достаточно 10% и даже 5%. Распоряжение чужими капиталами приносит монополиям гигантские прибыли. Так, личные сбережения в банках дают 2—5% дохода в год, акции — 4—12% дивиденда, а крупные капиталовложения, обеспечивающие контроль над компаниями, — 25—30%. Распространение акционерной формы вызвало к жизни бурж. апологетич. теорию «демократизации капитала» и ее новейший вариант — теорию «народного капитализма». Разоблачая эту теорию, Ленин писал: «„Демократизация“ владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические „тоже-социал-демократы“ ожидают (или уверяют, что ожидают) „демократизации капитала“, усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии» (Соч., т. 22, с. 216).

С переходом к империализму происходят определенные сдвиги в классовой структуре общества. Господство фин. капитала персонализируется в финансовой олигархии — крупной монополии буржуазии, к-рая подчиняет своему контролю подавляющую часть нац. богатства капиталистич. стран и присваивает себе в форме монополии высокой прибыли и всякого рода спекулятивных доходов львиную долю совокупной прибавочной стоимости. Темпы накопления богатств в руках фин. олигархии чрезвычайно ускоряются. С 1935 по 1955 активы восьми крупнейших финансово-монополистич. групп США выросли с 61 до 218,5 млрд. долл. Фин. олигархия становится все более узким слоем класса капиталистов. В США 0,1% населения сосредоточивает в своих руках 35% всего акционерного капитала, в Англии 0,2% — четверть нац. богатства. Господствующая в экономике США верхушка буржуазии составляет 15—20 тыс. чел. В Зап. Германии в состав финансовой олигархии входит ок. 30 тыс. чел., а верхушка ее немногим превышает 5 тыс. чел.

Свойственное К. отделение капитала-собственности от капитала-функции при империализме достигает громадных размеров. Финансово-пром. короли передают главные функции по управлению производством в руки доверенных лиц, сохраняя за собой лишь верховный контроль. В этом явлении наглядно выступает паразитизм фин. олигархии. По своему месту в системе произ-ва, отношению к капиталистич. собственности и способам получения доходов высший слой управляющих входит в класс капиталистов, а его верхушка примыкает к финансовой олигархии. Процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции нашел апологетич. истолкование в бурж. теории «революции управляющих» («менеджеров»), представляющих собой якобы новый прогрессивный революц. класс, к-рому принадлежит будущее.

Монополизация власти фин. олигархией ведет к уменьшению экономич. и политич. веса немонополистич. и средней буржуазии. Посредством монопольных цен и перераспределения нац. дохода в свою пользу фин. олигархия присваивает часть прибыли немонополистич. и средней буржуазии, вызывая растущее недовольство с ее стороны гнетом монополий. Сущность, изменения происходят в численности и составе рабочего класса. На рубеже 20 в. в развитых капиталистич. странах насчитывалось св. 30 млн., а в нач. 50-х гг. св. 160 млн. наемных рабочих. Численность наемных работников во всех несоциалистич. странах составила ок. 300 млн. чел. Уменьшилась доля неквалифицированных и выросла доля обученных

рабочих. Удельный вес неквалифицированных рабочих в США сократился с 34,9% в 1900 до 15,3% в 1957, а обученных вырос за этот период с 35,8% до 50,6%. Появился слой рабочих — техников, управляющих сложными машинами, слой конторских и торговых работников. С ростом технич. прогресса, расширением сферы обслуживания и ростом бюрократич. гос. аппарата в огромной степени увеличилась численность и удельный вес служащих. В 1891 на каждую тысячу занятых в США приходилось 60 служащих, а в 1960—350. Как и рабочие, занятые физич. трудом, большинство служащих-пролетариев нефизич. труда лишены средств произ-ва, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталистам, почти не отличающихся от рабочих по уровню доходов и в такой же степени подвержены угрозе безработицы.

Рост удельного веса работников умств. труда в составе самодет. населения буржуазно-реформистская апологетика пытается выдать за появление «нового среднего класса» (см. *Нового среднего класса теория*), к-рый якобы непрерывно растет, вытесняет и поглощает буржуазию и пролетариат и составляет социальную базу «нового бесклассового общества». За счет монопольных сверхприбылей и эксплуатации колоний фин. олигархия подкупает известный слой рабочего класса — рабочую аристократию и бюрократию, на к-рые она опирается в проведении буржуазно-реформистской политики.

Крупные изменения происходят и в средних слоях населения. Численность крестьян-фермеров в развитых капиталистич. странах сокращается абсолютно. Слой городских мелких производителей размывается и разоряется, не выдерживая конкуренции с крупным капиталом. Мелкие торговцы все более попадают в зависимость от монополий оптовой и розничной торговли. В сфере услуг мелкие хозяйчики опутываются банковским кредитом. В целом численность и экономич. роль мелкой буржуазии непрерывно падают. Этот процесс в известной мере скрадывается за счет массового обновления (разорения и появления) мелких хозяйств. Растущую часть средних слоев составляют лица свободных профессий и чиновники гос. аппарата.

Изменения в классовой структуре эпохи империализма наглядно подтверждают тезис Маркса о прогрессирующей поляризации капиталистич. общества на два осн. класса — буржуазию и пролетариат, причем относит. численность буржуазии падает, а рабочего класса увеличивается. В 1870 доля «самостоятельных» (включая мелкую буржуазию) составляла в США 30% самодет. населения, а в 1954—13%, напротив, удельный вес лиц наемного труда вырос в США до 82%, в Англии — до 93%. При этом доля буржуазии не превышает 1,5—2%.

Марксистско-ленинский вывод об усилении паразитизма и загнивания К. в эпоху империализма подтверждается всем ходом историч. развития. К. сковывает развитие совр. производит. сил. Монополия сверхприбыль в значит. степени лишает капиталиста побуждений к технич. прогрессу. Возникает тенденция к застою, к торможению развития производит. сил. Но развитие производит. сил не прекращается. В конкурентной борьбе монополии, располагающие огромными средствами, имеют более благоприятные возможности для проведения дорогостоящих науч. исследований и внедрения их в произ-во, чем немонополизированные и средние капиталисты. «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций» (Ленин и В. И., там же, с. 286).

Империализм означает переход от бурж. демократии к реакции и насилию по всем линиям, как во внутренней, так и во внешней политике. Фин. капитал стремится не к свободе, а к господству. Монополии стремятся уничтожить или до предела урезать демократич. права трудящихся масс, завоеванные десятилетиями ожесточ. классово-борьбы. Крайней формой политич. реакции является *фашизм* — открытая террористич. диктатура наиболее реакц., шовинистич. и авантюристич. элементов фин. олигархии. Усиление реакции проявляется и в милитаризации, к-рая пронизывает все стороны экономич. и политич. жизни империалистич. государств. Политич. реакция есть следствие обострения всех противоречий К., стремления монополий любыми средствами сохранить свою власть. В свою очередь, она еще больше обостряет эти противоречия, вызывает сплочение и сопротивление трудящихся масс. «Капитализм вообще и империализм в особенности превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами» (Ленин В. И., Соч., т. 23, с. 13).

Самым чудовищным порождением монополистич. стадии К. являются империалистич. войны, вызываемые борьбой за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала — борьбой за передел поделенного мира. Природа империализма обуславливает неизбежность борьбы за мировое владычество, к-рая выливается в форму империалистич. войн. Эти войны были неизбежны, пока империализм безраздельно господствовал во всем мире.

В домонополистич. эпоху К. развивался по восходящей линии. В эпоху империализма К. развивается по нисходящей линии. «Понятно, почему империализм есть у м и р а ю щ и й капитализм, п е р е х о д н ы й к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало его перехода в социализм» (там же, с. 96). Гигантски обобществляя произ-во, монополистич. К. создает материальные предпосылки социализма. К. гибнет под ударами социалистич. революции, к-рая сначала победила в одной стране. В дальнейшем всемирно-историч. процесс смены К. социализмом протекает в виде отпадения все новых стран от капиталистич. системы. Гибель К. заполняет целую историч. полосу, представляющую собой общий кризис К., к-рый охватывает экономику, политику, идеологию, культуру К.

Ленинская теория империализма и основанная на ней новая теория социалистич. революции выдержали величайшую историч. проверку. Победа Великой Октябрьской социалистич. революции в России положила начало новой эпохе, осн. содержанием к-рой является революц. переход от К. к социализму. Начался процесс «краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества» (Соч., т. 27, с. 106). К. перестал быть единой и всеохватывающей системой хозяйства. Рост сил социализма ведет к обострению и углублению внутр. антагонизмов капиталистич. общества и оказывает все более глубокое воздействие на ход его развития. Борьба двух систем стала главным содержанием истории человечества.

В процессе своего развития монополистич. К. перерастает в гос.-монополистич. К. (ГМК). Объективной основой, на к-рой происходит это перерастание, является концентрация произ-ва и централизация капитала в руках монополий, ведущая к всестороннему росту обобществления произ-ва. Гигантское обобществление произ-ва создает возможность для широкого осуществления контроля монополистич. капитала

над экономикой путем вмешательства бурж. государства в экономич. жизнь. «Мировые войны и экономические кризисы, милитаризм и политические потрясения ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический» (Программа КПСС, 1961, с. 26). Сущность ГМК заключается в том, что, усиливая власть монополий над жизнью нации, гос.-монополистич. К. соединяет силу монополий с силой гос-ва в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и нац.-освободит. борьбы, спасения капиталистич. строя, развязывания агрессивных войн. В условиях ГМК бурж. гос-во активно вмешивается в процесс воспроизводства в интересах господствующих монополий, беря в свои руки, в зависимости от конкретных историч. условий, отд. предприятия и целые отрасли, осуществляя всякого рода мероприятия по регулированию важных сфер хоз. жизни. Регулирующие мероприятия бурж. гос-ва, огосударствление отд. отраслей экономики осуществляются в интересах фин. олигархии, нередко в ущерб другим группам буржуазии. В этом состоит экономич. содержание ГМК. Наиболее совершенной формой ГМК, выражающей последнюю степень обобществления, возможную при К., является огосударствление — бурж. национализация предприятий. Важной формой проявления ГМК являются гос. финансы и в первую очередь гос. бюджет, огромный рост к-рого находится в прямой связи с войнами и милитаризацией, разбуханием гос.-бюрократич. аппарата, усилением предпринимательской и кредитной деятельности гос-ва. В области взаимоотношений между трудом и капиталом гос. регулирование служит орудием усиления эксплуатации и ограбления трудящихся, орудием разрешения конфликтов в пользу монополий. Монопольная прибыль приобретает определ. видоизменения. Она присваивается теперь не только посредством эксплуатации потребителей через монопольные цены, но и путем перераспределения нац. дохода через гос. бюджет.

Бурж. гос-во, представляя интересы господствующих групп фин. капитала, опирается в своей деятельности на их совокупную мощь. Происходит все большее переплетение, сращивание и слияние аппарата крупнейших монополий с аппаратом гос-ва, одной из важнейших форм к-рого является личная уния. Магнаты капитала и гос. чиновники постепенно сливаются в единый слой, связанный общими экономич. и политич. интересами фин. капитала. ГМК достигает особенного развития в обстановке войны и милитаризации экономики. Осн. массу гос. заказов получают крупнейшие монополии, к-рым гос-во предоставляет крупные субсидии и налоговые льготы. Часть произ-ва ориентируется на гос. рынок. «Когда капиталисты работают на оборону, т. е. на казну, это уже — ясное дело — не „чистый“ капитализм, а особый вид народного хозяйства. Чистый капитализм есть товарное производство. Товарное производство есть работа на неизвестный и свободный рынок. А „работающий“ на оборону капиталист „работает“ вовсе не на рынок, а п о з а к а з у казны, сплошь и рядом даже на деньги, полученные им в ссуду от казны» (Ленин В. И., Соч., т. 25, с. 51).

Бурж., реформистские и ревизионистские экономисты и социологи пытаются замазать реакционную и эксплуататорскую природу и характер ГМК, стремясь доказать, что гос-во якобы в качестве надклассового органа становится арбитром между трудом и капиталом, что ГМК означает мирное вращение К. в социализм. Совр. буржуазные экономисты выдают ГМК за некий «народный капитализм», к-рый якобы не содержит присущих К. противоречий и является

шагом на пути к обществу, осуществляющему социальную справедливость. Реформисты и ревизионисты выдвигают идею о том, что гос. вмешательство, якобы сужая базу экономики, мощи фин. капитала, открывает эволюц. путь преобразования К. в социализм.

Теоретики «регулируемого капитализма» (Кейнс и его последователи), признавая пороки стихийного рыночного механизма капиталистич. регулирования, изображают гос. вмешательство в экономику как средство, к-рое якобы может избавить К. от кризисов и безработицы, обеспечить полную занятость. Апологетич. теория «смешанной экономики» утверждает, что в условиях возрастающей роли гос-ва в экономике переплетаются капиталистич. и социалистич. формы, причем последние якобы берут верх. Реформистская теория «государства всеобщего благоденствия» утверждает, будто бы рост расходов гос-ва на некие социальные нужды преобразовывает капиталистич. характер экономики, обеспечивая всем трудящимся растущее благосостояние.

Жизнь разоблачает все эти измышления. ГМК не меняет природы империализма, не изменяет положения осн. классов в системе обществ. произ-ва, не ведет к перестройке экономики К. Еще более обостряется конкурентная борьба между монополиями, в частности за гос. заказы, субсидии и налоговые льготы. Оказывая воздействие на процесс воспроизводства, ГМК не устраняет анархии произ-ва и кризисов. Гос. регулирование не может обеспечить планомерного развития х-ва в масштабах общества, ибо основой производства остается капиталистич. собственность на средства произ-ва.

«...Самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический и государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван „государственным социализмом“ и тому подобное» (Ленин В. И., там же, с. 414). ГМК ведет к дальнейшему обобществлению произ-ва и собственности, максимально возможному в условиях К. Тем самым до крайности обостряется и углубляется осн. противоречие К. Создавая объективную возможность управления произ-вом из единого центра, ГМК делает все более очевидной неизбежность смены К. социализмом. ГМК расширяет и подрывает священный для буржуазии принцип частной собственности, наглядно демонстрируя ненужность капиталистов для функционирования нар. х-ва. «...Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (там же, с. 333).

20 век ознаменовался началом новой научно-технич. революции. Буржуазно-реформистские социологи пытаются представить дело так, будто научно-технич. революция повлекла за собой революцию социальную, т. е. «вторую промышленную революцию». Они говорят об «эре изобилия», об устранении противоречий К. Однако производств. отношения К. слишком узки для научно-технич. революции. Новый этап в развитии науки и техники еще более обостряет все противоречия К. В известные промежутки времени обновление осн. капитала, углубление специализации произ-ва и прогресс в разделении труда на базе новой техники могут увеличивать спрос и вести к некому расширению рынка. Однако К. бессилён решить проблему рынка, ибо его закономерностью является отставание платежеспособного спроса трудящихся от роста произ-ва, а это в свою очередь ведет к замедлению темпов развития произ-ва. «Монополистический капитал в

конечном счете обрек буржуазное общество на низкие темпы развития производства, едва опережающие в ряде стран рост населения. Значительная часть производственных мощностей остается незагруженной, в то время как за воротами предприятий — миллионы безработных» (Программа КПСС, 1961, с. 28). Закон неравномерности экономич. и политич. развития К. обуславливает изменения в соотношении сил между империалистич. гос-вами, обостряет противоречия и борьбу между ними за увеличение своей доли в общей массе прибавочной стоимости.

В обстановке общего кризиса К. экономический, а вслед за тем политический и воен. центр империализма переместился из Европы в США. Возродились старые и возникли новые узлы межимпериалистич. противоречий. Осн. противоречие совр. мира — между социализмом и К. — не снимает соперничества между враждебными капиталистич. группировками, к-рое проявляется в раздроблении на замкнутые зоны типа «Общего рынка» и «зоны свободной торговли», в создании таможенных перегородок, острой конкурентной борьбе за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала. 20 век ознаменовался двумя мировыми войнами, к-рые втянули в свою орбиту почти все население земного шара. 60 млн. человек. жизнью, колоссальные разрушения — вот цена, к-рую заплатило человечество за то, чтобы буржуазия могла сохранить свое господство и накапливать богатства.

Вопрос о войне и мире является осн. вопросом современности. Агрессивная природа империализма не изменилась. Империалистич. лагерь готовит страшное преступление против человечества — мировую термоядерную войну. Но в совр. эпоху произошло коренное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу лагеря социализма, вокруг него создалась зона мира, в к-рую входит большое число несоциалистич. гос-в. В совр. эпоху нет уже фатальной неизбежности войны. Объединенными усилиями мирового социалистич. лагеря, междунар. рабочего класса, нац.-освободит. движения, всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил мировую войну можно предотвратить. Гл. отличит. чертой совр. эпохи является превращение социалистич. системы в решающий фактор развития человек. общества.

В развитии общего кризиса капитализма наступил новый этап. Свообразие этого этапа состоит в том, что он возник не в связи с мировой войной, а в обстановке соревнования и борьбы двух систем (см. Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, 1960, с. 14).

Для нового, третьего этапа общего кризиса капитализма характерна победа нац.-освободит. революций, в результате к-рых за 15 послевоенных лет на месте бывших колоний империалистич. держав возникло св. 40 новых суверенных гос-в. Нар. массы все более убеждаются, что наилучший путь ликвидации вековой отсталости этих стран — путь некапиталистического, социалистич. развития. Но приходящая к власти нац. буржуазия для сохранения К. склонна к соглашательству с империализмом и феодализмом. Совр. К. в слаборазвитых странах характеризуется сохранением сильной экономич. зависимости от иностр. капитала и остатками феод. отношений. Особенностью развития этих стран является большая роль гос-ва во всех областях экономики. жизни. Поскольку гос. К. в этих странах имеет антиимпериалистич. направленность, он играет прогрессивную роль и отличается от реакц. гос.-монополистич. К. Обществен. задачи в этих странах становится укрепление политич. самостоятельности, проведение аграрных преобразований в интересах крестьянства, ликвидация остатков и пережит-

ков феодализма, выкорчевывание экономич. корней господства империализма, создание и развитие нац. пром-сти, повышение жизненного уровня населения, демократизация обществ. жизни, осуществление независимой миролюбивой внешней политики, развитие экономич. и культурного сотрудничества с социалистич. и др. дружествен. странами. Во многих странах, освободившихся от колониальной зависимости, имеются благоприятные условия для образования независимого гос-ва нац. демократии (см. *Национальной демократии государство*).

Социализм по всем направлениям доказал свои преимущества перед К. Идея социализма завоевывают массы в капиталистич. странах. Вместе с тем враги социализма усиливают антикоммунистич. клевету и пропаганду. В этих условиях огромное значение приобретает коллективный опыт политич. и идеологич. борьбы междунар. коммунистич. движения.

Важным событием в истории междунар. рабочего движения явилось Совещание коммунистич. и рабочих партий в 1960 (см. *Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий*, 1960).

Выдающееся значение имел XXII съезд КПСС (1961), положивший начало новой главе в истории человек. общества — непосредств. построению коммунизма. Программа КПСС, явившаяся результатом коллективного творчества партии, — важнейший вклад в марксистско-ленинскую теорию. В решениях съезда вскрыты гл. тенденции и закономерности развития общества в совр. эпоху — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. Программа КПСС подчеркивает, что К. — последний эксплуататорский строй, превратившийся в величайшую преграду на пути обществ. прогресса. В ней дается глубокий анализ кризиса мирового К., роли междунар. рабочего движения, значения нац.-освободит. борьбы.

В совр. условиях борьба рабочего класса во главе с коммунистич. партиями за полную ликвидацию К., за социализм поднимается на новую ступень. Против империалистич. гнета и эксплуатации объединяются все силы социального прогресса, к-рым принадлежит будущее. Народы, строящие социализм и коммунизм, революц. движение рабочего класса в капиталистич. странах, нац.-освободит. борьба угнет. народов, общедемократич. движения — все эти великие силы современности сливаются в один общий поток, подмывающий и разрушающий мировую империалистич. систему. В центре совр. эпохи стоит междунар. рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма. Они являются залогом победы в борьбе за мир, демократию, нац. освобождение, социализм и прогресс человечества.

Г. Ардаев, М. Волков. Москва.

Капитализм и буржуазная культура.

Противоречия буржуазной культуры. Каждая обществ. формация имеет свой историч. закон духовного развития. Есть атмосфера, к-рой дышит обществ. организм, особый климат, в к-ром растут материальные отношения определ. типа, печать своеобразия, присущего в данных условиях всей политич. жизни, нравств. понятиям, предметам искусств. среды. Подчиняясь известному закону, формы обществ. сознания воспроизводят устройство самого общества и в свою очередь являются для него идеальной питат. средой.

Этот «дух эпохи» (по терминологии старой философии истории) может носить застойный характер, или, наоборот, — более динамический и революционный. Общество патриархальное, основанием к-рого служат тысячи неподвижных, застывших в традиц. рамках сел. общин, создает привычку к одним и тем

же формам духовной жизни, к-рые представляются вечными. Такова идеология восточного строя, азиатского строя, по выражению Ленина (см. Соч., т. 17, с. 31), основа нравств. метафизики, постоянно повторяющей с нек-рыми изменениями свои мотивы и на Востоке, и на Западе.

Напротив, духовная жизнь эпохи К. развивается по другому закону. «Беспреданные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 427).

Хотя падение старых иллюзий в процессе развития К. было достигнуто самыми жестокими и грязными средствами, классики марксизма считали историч. роль буржуазии в высшей степени революционной. Эта революционность носит объективный характер, независимый от сознания самой буржуазии. Гл. заслугой К. в прошлом было разрушение феодально-патриархальной ограниченности. К. освободил значит. часть населения от убожества деревенской жизни. Открытие новых материков, изобретение книгопечатания и телескопа, впервые наглядно столкнувшего человека с увлекательной для фантазии проблемой бесконечности мира, — все это дело бурж. эпохи. Техника при К. прошла сказочный путь от ремесленного молотка до пара и электричества. «Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы» (там же).

В рамках частной собственности К. развивает материальные условия для будущего коммунистич. мира. Но дело не только в развитии производит. сил, мировых сношений, науки и техники. Главное состоит в том, что бурж. способ произ-ва вызвал к жизни рабочий класс, способный овладеть этим обществ. богатством, построить новое, коммунистич. общество. Без великого коммунистич. переворота все гигантские силы, созданные при К., обращаются против самого общества. Так, материальное произ-во всегда находится под угрозой катастрофы вследствие периодич. кризисов и разрушит. войн; духовный прогресс совершается неравномерно, сопровождается ростом невежества и морального одичания. Все эти черты унадка, вытекающие из сохранения частной собственности на средства произ-ва, уже в сер. 19 в., по словам Маркса, превзошли ужасы последних времен Римской империи (см. там же, т. 12, с. 3). Тем более это справедливо в наст. время, когда К. стал величайшей преградой для обществ. прогресса (см. Программа КПСС, 1961, ч. 1, § 1).

Упадок бурж. культуры не совершается равномерно. Особенно в области естественных наук и техники еще возможны большие достижения (в основном там, где наука связана с военным произ-вом), но в целом, по свидетельству таких наблюдателей, как Т. Манн, Голсуорси, Хемингуэй, Г. Грин и др. честных зап. писателей, кривая духовной жизни в бурж. мире 20 в. неизменно стремится вниз.

Формы сознания, соответствующие капиталистическому способу производства. Формы бурж. сознания содержат в себе известную слепоту, систему иллюзий, вытекающих из экономич. отношений бурж. способа произ-ва. К. с его принципом частного интереса, развитием науки и рациональной организации производств. процесса в рамках отд. предприятия изгоняет наивные понятия более ранних обществ. форм, детские суеверия подавленного трудом крестьянина. Но вместе с тем К. снова, и притом в громадной степени, запутывает все человеч. отношения, окружая их туманом ложных представлений, коренящихся в фетишизме товарного мира. Экономич. силы, не подвластные обществ. контролю, находятся как бы за пределами разума; неведомым путем приводят они человека к богатству либо опускают его в бездну нищеты. Возможности обогащения, конечно, весьма ничтожны для большинства людей и почти исключены для «маленького человека» в эпоху конкуренции между гигантскими монополиями. Но тем более раздуваются эти возможности бессовестной рекламой и бульварной печатью. Сознат. обман, спекуляция на обществ. наивности приносят прибыль издателю или продюсеру, делающему фильмы с обязательным «счастливым концом»; они способствуют укреплению такого обществ. порядка, к-рый выгоден классу капиталистич. собственников.

При анализе частной собственности у Маркса мы встречаем слово «отчуждение». В философии Гегеля это понятие имеет чисто умозрит. смысл с налетом мистификации, несмотря на гениальность осн. догадки. В марксизме понятие отчуждения носит совершенно иной — науч. характер. Растущая угроза чуждых человеку сил — не козни дьявола, не отчуждение «мирового разума», а реальный экономич. процесс. Обществ. связи между людьми в товарном обществе реализуются стихийно и принимают характер вещей. отношений. Поэтому отношения людей друг к другу представляются им чуждыми силами, враждебными человеку, причудливыми и коварными. Недаром чёрту случается перехитрить самого бога и недаром в фольклоре именно чёрт — царь золота. «... Чудеса и привидения» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 82) характерны для всех жизненных сфер бурж. общества, где предьявляет свои права частная собственность и действует ничем не скованная власть денег. Деньги являются наиболее общей и поражающей человек. воображение силой мира частной собственности. Они обладают удивит. особенностью. Деньги дают возможность их владельцу присоединить к своей личности те качества, к-рыми она по природе не обладает. За деньги покупаются слава, любовь, красота окружающей обстановки и все преимущества, создающие монополию личного развития. Все это имеет громадные последствия для обществ. морали. Великие писатели бурж. эпохи — Стендаль и Диккенс, Достоевский и Толстой, посвятили критике бурж. отношений замечат. страницы. В сильных, ужасных, часто уродливых образах рисует «Человеческая комедия» Бальзака, как богатство дает возможность глупцу прослыть разумным, а негодю — почтенным человеком, как люди вынуждены продавать за деньги свою красоту, талант, личное достоинство, ибо и тело, и душа человека вовлекаются в адский котел всеобщей «купли-продажи». Даже в уме владельца капитала, свободного от ужасов нищеты, его собств. деньги — чуждая сила, требующая постоянного служения. Богатство делает человека «независимым» только в материальном смысле, духовно оно порабощает его, ставит на нем свое клеймо, делает его мучеником накопления или превращает в тупого потребителя.

Прозрачные, разумные отношения между людьми чужды бурж. строю, основанному на анархии произ-ва и обмена. Если туманное облако вокруг отношений товарного мира кажется мещанскому сознанию истинной поззией, то на деле эстетич. жизнь общества в этом мире находится под угрозой вырождения. Так как деньги — это всеобщая стоимость всех вещей, то они, по словам Маркса, лишают весь человеческий мир, как и природу, их своеобразной стоимости (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произв., 1956, с. 620). Это стирание всех различий не допускает никакого своеобразия. Оно признает только чисто количеств. меру стоимости, заставляя качество изделий человек. труда отступить на задний план вместе с другими пережитками ср.-век. ремесла. Любое произведение иск-ва, любое науч. открытие можно купить. Поэтому так часты в капиталистич. обществе неразрешимые коллизии между «истинной и деньгами», «красотой творчества и ядом корыстолюбия», выражаемые бурж. сознанием в бессильных либерально-мещанских фразах. Совр. К., основанный на господстве монополий, поднимает эту силу «отчуждения» до такого уровня, что само развитие атомной физики становится для ученых кошмаром, уничтожающим их в моральном отношении, если они не в силах стать на путь борьбы против империалистич. политики большого бизнеса. Одним из типичных приемов реакц. социологии является попытка возложить ответственность за духовную нищету и внутр. кризис совр. бурж. цивилизации на чрезмерное развитие науки, техники и организации. В действительности избыток их развития является относит., а не абсолютным, т. е. приводит к печальным последствиям только в рамках капиталистич. частной собственности и в сфере ее влияния.

Капиталистич. общество с его атмосферой деловитости и уважения к факту, казалось, навсегда покончило с устаревшими, далекими от науки методами мышления. Однако религия не умирает при капитализме. Наоборот, она черпает новые силы в стихийной жизни бурж. общества, в ужасных потрясениях, создаваемых экономич. кризисами, в непопулярности тех причин, к-рые угнетают трудящихся и отравляют духовную жизнь всех классов общества. Товарный фетишизм является источником самых фантастич. представлений. Поэтому бурж. эпоха лишь реформирует традиц. религию, превращая ее в абстрактный деизм — отражение безличных сил рынка. Но даже эта реформа религ. сознания относится к более ранним и более прогрессивным ступеням развития буржуазии. Вместе с превращением бурж. способа произ-ва в препятствие для дальнейшего прогресса господствующая идеология снова обращается к самым диким суевериям. Мистич. секты и течения, вроде теософии, распространяются, как повальная болезнь. Правда, в этих течениях мало искренней веры прежних времен и гораздо больше совр. лицемерия. По мере роста реакционности буржуазии уже во 2-й пол. 19 в. начинается субъективное «мифотворчество» — соревнование бурж. идеологов в различных попытках навязать человек. сознанию мистич. конструкций, выражающие реальные проблемы этого класса в виде ложных символов и филос. абстракций.

Эпоха подъема буржуазной культуры. Развиваясь в недрах феод. строя, бурж. отношения означали большой шаг вперед на пути к освобождению человечества. В те времена конкуренция частных лиц была «... единственным возможным способом открыть перед индивидами новое попроче более свободного развития» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 411). Но это исторически ограниченное содержание пуждалось в дополнении, взятом из мира фантазии. И действительно, в сознании пророков бурж. строя конкуренция пред-

ставляется началом естеств. справедливости и равенства. Бурж. право кажется правом естественным. Развитие теории общества начиная с эпохи средних веков есть преимущественно развитие т. н. *естественного права*, в к-ром отд. индивид становится идеальной фикцией, исходным пунктом для построения всей системы обществ. отношений. Подобно Робинзону Дефо, этот индивид свободен от историч. пут. Не будучи жителем необитаемого острова, он должен вступить в договорные отношения с др. частными лицами как на почве обмена продуктов своего труда, так и для того, чтобы создать гос-во, в к-ром формально никто не мог бы посягать на право другого. Принцип частного контракта лежит в основе всей политич. теории и этики Гоббса. Т. о., частная сделка становится обществ. договором, из к-рого выводится, посредством чистой дедукции, любая форма гос. устройства до абс. монархии включительно.

При всех иллюзиях, заключенных в такой постановке вопроса, и при всех возможностях реакц. истолкования теории естеств. права эта форма бурж. сознания отвечала историч. потребностям обществ. произ-ва. Она до нек-рой степени отвечала также интересам демократич. масс, особенно крестьян, стремившихся к освобождению мелкой частной собственности от феод. связей и сервитуттов. Правда, в известных нам демократич. редакциях теории естеств. права, напр. времен англ. революции, содержатся нек-рые посягательства на право частной собственности, но лишь в форме критики крупного землевладения, что не противоречит бурж. кругозору в целом. Это была эпоха, когда интересы буржуазии еще не отделились от интересов народа, хотя многие трещины, а иногда и целые периоды глубоких классовых расхождений в недрах «третьего сословия» бывали и в это время.

Передовые представители бурж. мировоззрения, стоявшие большей частью по образованию, а иногда и по образу жизни и происхождению выше буржуазии в собств. смысле слова, отражали в своей деятельности более широкое и прогрессивное историч. содержание, чем интересы имущих собственников. Мировоззрение их было буржуазным лишь в том смысле, что вытекающие из этих филос. и обществ. теорий, в объективном смысле совпадали с потребностями развивающегося бурж. общества и не могли идти дальше историч. границ, в к-рых движется этот способ произ-ва. Подъем более свободного мировоззрения совершался шаг за шагом, в жестокой борьбе с политич. властью дворян и чиновников, духовным игмом церкви и др. пережитками средних веков. Эта борьба требовала жертв, и немало смелых умов, начиная с Дж. Бруно, заплатило жизнью за свои независимые взгляды.

Особенной остроты идейная борьба передового слоя против ср.-век. идей и порядков достигла в 18 в., создавшем т. н. просветит. движение. Свое классич. развитие эпоха Просвещения получила во Франции, в период между смертью Людовика XIV (1715) и франц. революцией 1789. Такие блестящие мыслители и пламенные борцы, как Вольтер и Дидро, такие смелые материалисты, как Ламетри, Гольбах, Гельвеций, такие яркие личности, как Руссо, с разных сторон и в различных отношениях к обществ. классам их времени защищали широкие демократич. требования, расчищая почву для активного вмешательства в ход истории самих масс. Как пророки царства разума и справедливости на земле эти люди, конечно, заблуждались. Они не могли предвидеть новой, еще более глубокой несправедливости, к-рую принесло с собой развитие бурж. отношений, освобожденных франц. революцией от феод. оков. Но это заблуждение было добросовестным, оно не имело ничего общего с корыстным, тенденциозным оправданием К. у. вульгарных

апологетов этого строя в те времена, когда интересы труда и капитала уже далеко разошлись между собой. «Нельзя забывать, — говорит Ленин, — что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, в с е общественных вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своеобразия поэтому тогда в идеолах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» (Соч., т. 2, с. 473). Тремя отличит. чертами всякого Просвещения, не только во Франции, но и повсюду, где бурж. демократия вступает в противоречие с мировоззрением феод. классов, являются: 1) борьба с крепостничеством, 2) защита прогрессивных форм жизни, 3) отстаивание интересов народа (гл. обр. крестьянства). Это наследство в высшей степени ценно для рабочего класса и всей социалистич. культуры.

То, чего не хватало просветителям, а именно — понимания формального характера бурж. демократии, скрывающей в своих общих фразах противоречие между трудом и капиталом, было внесено в развитие передовой обществ. мысли романтич. движениями 1-й пол. 19 в. и рус. народничеством. Сильной стороной романтизма, как в политич. экономии, так и в др. областях, является разрушение иллюзий просветительской эпохи — другими словами, критика бурж. формы прогресса, неспособной избавить людей от гнетущих последствий обществ. разделения труда, дисгармонии духа и тела, безграничной власти мещанского рассудка, отравляющего непосредств. чувство и все челоуеч. отношения ядом эгоизма. Вместе с этими завоеваниями романтизм принес в развитие обществ. мысли и много темных черт. Его критика бурж. цивилизации, столь же разнообразная в своих политич. и классовых оттенках, как и защита ее писателями эпохи Просвещения, имеет один общий недостаток. Эта критика либо прямо выражает разочарование в бурж. революции и обращается к патриархальному миру средних веков в качестве идеального образца для устройства совр. отношений, либо, по крайней мере (даже там, где она переходит в социалистич. утопии), мерит будущее меркой прошлого.

Наиболее свободно от недостатков просветительской эпохи и романтизма третье движение обществ. мысли, лучшее из того, что создало человечество в 19 в. Эту ступень можно назвать классической. К ней принадлежат в области теории три великих явления, «три источника марксизма», по известному выражению Ленина. Это — немецкая философия от Канта до Гегеля, развилшая, хотя и в идеалистич. форме, метод диалектики как вывод из огромного опыта науки и обществ. борьбы, англ. политич. экономия от Смита до Рикардо, стоящего уже на грани открытия тайны прибавочной стоимости, и, наконец, утопич. социализм Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех великих предшественников социализма научного. При всех ограниченных сторонах, зависящих от условий времени, когда рабочий класс еще не выступил на историч. сцену в качестве самостоят. силы, эти высшие достижения прежней культуры заключают в себе черту глубокой важности. Они беспощадны в раскрытии противоречий обществ. развития и в то же время устремлены в будущее, отличаются широким историч. оптимизмом. «Золотой век не позади, а впереди нас» — таков лозунг школы Сен-Симона во Франции.

Маркс и Ленин указывают на глубокую науч. добросовестность, отличающую, напр., Рикардо от таких бесчестных защитников К., как Мальтус. Рикардо считает возможным жертвовать интересами рабочих, если дело касается прогрессивного развития производства, но он обращается против своего соотч. класса везде, где владелец капитала выступает в качестве силы, препятствующей обществ. прогрессу. Произ-во ради произ-ва — гл. идея Рикардо; ему чужды патриархальные идеалы романтиков-экономистов, как Сисмонди. В этом гиперболич. выражении пром. революции конца 18 — нач. 19 вв. классики марксизма видели не жестокость ума, чуждого всякой симпатии к трудящимся классам, а несовершенную форму более высокого идеала. Им является «развитие производительных сил человечества, т. е. развитие богатства человеческой природы как самоцель» (Маркс К., Теория прибавочной стоимости, ч. 2, 1957, с. 110—11; см. также В. И. Ленин, Соч., т. 2, с. 186—87). То же самое, с нек-рыми изменениями, относится и к диалектике Гегеля, к-рую Герцен назвал «алгеброй революции», и к рациональному зерну социалистич. учений Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Недостатком этих утопий было стремление избежать классовой борьбы и социальной революции. Но после того как революция совершилась, значение планов старых социалистов меняется. Теперь положит. сторона их наследия приобретает большое практич. значение (см. В. И. Ленин, Соч., т. 33, с. 427).

Национальная культура, либерализм и демократия. Необходимой формой развития обществ. отношений в эпоху К. является нация. Основу каждой национальности образуют трудящиеся классы, но политич. и духовная гегемония в нац. движении долгое время принадлежала дворянству и буржуазии. Сплочение нации происходит сначала под эгидой королевской власти, к-рая в известной мере опиралась на буржуазию, не теряя своего дворянского характера. Однако широкий подъем бурж. наций относится к эпохе революц. уничтожения феод. привилегий и последних пережитков внутр. раздробленности. Революц. движение бурж. демократии часто соединяется с борьбой за нац. независимость. Наиболее яркие историч. примеры — нидерландская революция, в к-рой все прогрессивные силы возникающей нации объединились против исп. господства, восстание амер. колоний против Англии и освободит. войны франц. революции. Во всех этих случаях самая последоват. демократич. партия была вместе с тем и наиболее яркой, самоотверженной патриотич. силой. Напротив, аристократия и связанная с ней либеральная буржуазия повсюду в решающий момент изменяют нац. интересам, вступая в союз с чужеземной реакцией против своего народа. Этому способствует то обстоятельство, что буржуазия, особенно торговая и финансовая, в последнем счете стоит на позиции не патриотической, а космополитической, руководствуясь римским правилом *ubi bene ibi patria*, т. е. родина капитала там, где он получает более высокий процент. Носителем патриотизма является народ — с оговоркой, что угнетение и нищета создают эмиграцию и немало других, еще более сложных историч. положений. Отсюда, напр., симпатии немцев Эльзас-Лотарингии к Франции, т. к. ни расовое происхождение, ни общность языка не могут подавить желание жить при более свободных порядках. Отсюда переход нем. якобинцев на сторону франц. войск, трагич. судьба Г. Форстера и его соратников.

В рамках бурж. общества, насыщенного глубокими противоречиями, формирование нации и ее культуры также несет на себе отпечаток этих внутр. и междунар. конфликтов. Подъем нац. движения не всегда совер-

шается в прогрессивной политич. форме. Так, напр., в период нидерландской революции патриотически настроенная мелкобурж. масса фанатиков-кальвинистов поддерживала диктатуру Оранского дома, а патристическая богатая буржуазия была представлена такими далекими от религ. фанатизма прогрессивными политич. мыслителями, как Г. Гроций, бежавший из Голландии. Во Франции бонапартистские идеи эпохи Наполеона I были, по словам Маркса, голосом молодой крестьянской парцеллы. Еще более ярко это противоречие выступает в освободит. нац. борьбе исп. народа против Наполеона. У испанцев нар. движение совершалось под ср.-век. монархич. и религ. знаменем, оно несло в себе много темных и реакц. черт. Та же двойственность наблюдается в нем. нац.-освободит. войне 1813. И все же необходимо признать эти движения великими страницами в жизни народов Европы.

Отсюда вывод, весьма существенный для марксистского анализа истории культуры в эпоху К. Было бы неправильно судить о прогрессивности различных идейных течений этой эпохи только на основании их общих формул и программ. Эти последние часто имеют более развитый в логич. смысле, более научный и даже более демократич. в формальном отношении характер, если сравнивать их с психологией широких нар. масс. Однако с т. зр. действит. содержания такие формулы могут выражать более узкие классовые интересы. И, наоборот, в ложной или даже реакц. форме может скрываться глубоко демократич. и революц. содержание. В Испании сторонники просветит. идей, «офранцуженные», как называл их народ, отступали вместе с войсками Наполеона. Напротив, в народно-освободит. движении были, по словам Маркса, смешаны «возрождение и реакция». В России между 1861 и 1905 широкие массы патриархального крестьянства оставались в плену толстовских или народнич. утопий. Даже во 2-й и 3-й Гос. думах крест. депутаты выражали идею национализации земель в наивной формуле «земля ничья — земля божия». Гениальной особенностью ленинского анализа таких движений рус. обществ. мысли и культуры, как народничество, было умение видеть не только внешнюю форму доктрины, но и действит. содержание ее, столь противоречащее этой форме, — революционную крестьянскую демократию. Ложное в формально-экономич. смысле может быть истинной во всемирно-историч. отношении (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 184). Развивая эту мысль Энгельса, Ленин отбросил догматич. схему меньшевиков, к-рые ставили прогрессивные фразы либеральных помещиков выше стихийного демократизма рус. мужика, способного выразить свою революционность только в форме полусредневековой утопии. С этим связано главное содержание ленинских статей о Толстом и Герцене.

С т. зр. подлинного марксизма недостаточно общей противоположности между прогрессивной бурж. культурой и отсталым миром ср. веков. В рамках этой противоположности необходимо видеть важную грань между двумя враждебными тенденциями: революционно-демократической и либеральной. Во всякой нац. культуре, — писал Ленин, — есть два начала, две историч. струи и, можно даже сказать, две культуры. Рус. культура, представленная Герценом и Чернышевским, героями «Народной воли» и Плехановым — это и есть, собственно, подлинная культурная традиция великорусской нации. В казенном патриотизме крепостников и погромщиков типа Пуришкевича, в напыщенной и елейной внешности либеральной культуры кадетов и «веховцев» перед нами другая классовая линия, сломанная в Октябре 1917. Действит. выражением самых глубоких нар. потребностей является социалистич. культура, начало к-рой положено ре-

волюц. рабочим движением и в особенности Великой Октябрьской социалистической революцией.

Противоречие между бурж. прогрессом и ср.-век. отсталостью доступно и либеральной историч. схеме. Чтобы перейти от нее к марксизму, нужно понять различие двух направлений в истории культуры, выражающее классовую противоположность верхов и низов. Это различие с разных сторон отражается в зеркале бурж. идеологии. Оно не исключает участия в развитии культуры, буржуазной по своему историч. содержанию, многих поколений, принадлежащих к разным классам и фракциям этих классов: дворян, чиновников, патрицианской буржуазии, разnochинцев и т. д. Но при всем многообразии этой картины водораздел между культурой демократической и культурой «господ ташкентцев» Щедрина более или менее ясно проходит через все развитие национальностей. Одно дело, напр., революц. Просвещение в духе Дидро и Гельвеция и совсем другое «просвещенный деспотизм» Фридриха II и множества более мелких нем. властителей, терзавших свои народы посредством самых усовершенствованных, рациональных методов бюрократич. управления. В нем. Просвещении, носившем часто умеренный, мещанский и полудемократич. характер, Маркс выделяет фигуру Лессинга как представителя плебейской, революц. линии. Вообще без выделения демократич. и социалистич. элементов в каждой нац. культуре познание ее и действительно глубокая оценка невозможны. Что касается формы, в к-рой выступают эти нар. элементы, то она может быть различной, иногда до крайности противоречивой.

Нельзя закрывать глаза и на то обстоятельство, что реакц. черты, если они, в силу тех или других причин, появляются в передовых движениях данной эпохи (таковы, напр., идеи «разрушителей машин» или религ. искания Сен-Симона), не проходят бесследно. В условиях совр. обществ. борьбы бурж. историография уже не может довольствоваться старой либеральной схемой. Она вынуждена искать другие пути и, по крайней мере, касаться самых острых вопросов жизни, чтобы придать им особый поворот, совместимый с защитой старого мира. Вот почему в совр. бурж. лит-ре есть много попыток воспользоваться противоречиями самых глубоких идейных движений прошлого, чтобы поставить их огранич. черты в центре мировой культуры. Так, напр., нек-рые иллюзии сен-симонизма послужили материалом для идеи «корпоративного общества» итал. фашистов. Не только философия Канта и Гегеля, но и само франц. Просвещение нередко бывает истолковано самым реакц. образом. Такая подделка облегчается наличием в этих идеологич. системах ограниченных или реакц. черт, а равно и тем, что определ. формы духовной жизни, переживая самих себя, принимают мертвый, враждебный демократич. движению характер. Нек-рые трагически-двойственные ступени в истории бурж. культуры могут служить основой высоких созданий мысли и художеств. гения. Но как только исчезли своеобразные обстоятельства их возникновения, всякая попытка возобновить эти формы в других условиях приводит только к жалкому маскараду. Так, напр., франц. классицизм, связанный с именами Корнеля, Расина, Мольера и других великих писателей 17 в., служит фальшивой вывеской для реакц. идейных течений от Брюнеттера до совр. защитников личной диктатуры во Франции. Не менее существенно и другое обстоятельство — пережившие себя идеологич. формы могут по временам снова наполниться прогрессивным содержанием. Так, патриотич. идеи трехцветного знамени и «Марсельезы» превратились в лицемерную ложь во Франции времен Третьей республики, но снова ожили в период борьбы франц.

народа за свою независимость против нем. оккупации.

При всем разнообразии форм и при всех переходах из одной противоположности в другую, при всем богатстве оттенков и отношений этих форм к нар. содержанию историч. роль бурж. культуры остается прогрессивной в Зап. Европе примерно до сер. 19 в. Подъем бурж. демократии и связанной с ней нац. жизни обнимает весь период от позднего средневековья до революции 1848, а в нек-рых отношениях — до франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Вступая в различные сочетания с конкретными историч. условиями каждой страны, этот процесс проходит последоват. ряд эпох, имеющих своеобразные черты. Таковы эпохи Возрождения, классицизма и механистич. естествознания 17 в., Просвещения и романтизма. Общей чертой этого обширного периода является постоянный, хотя и неравномерный, насыщенный противоречиями подъем всей человец. культуры в ее разнообразных формах и направлениях. За это время наука совершила громадные завоевания — от алгебры Виета до Гаусса и Лобачевского, от первых микробиологич. исследований Мальпиги, Сваммердама и Левенгука до открытия клетки. В области художеств. лит-ры этот период связан с классич. развитием трех великих жанров, известных древности, но получивших теперь более разнообразное и богатое значение.

На исходе эпохи Ренессанса и в период классицизма 17 в. трагедия значительно изменила свои формы по сравнению с наследством Греции и Рима. Гораздо шире, чем это было возможно в древнем обществе, она открыла для сценич. изображения мир борющейся и страдающей личности, ответственной за свои поступки перед историч. необходимостью и нар. сознанием. В эпоху Просвещения передовая лит-ра еще более приблизилась к действит. содержанию человец. жизни, создав т. н. бурж. драму, к-рая при всех своих недостатках была значит. шагом вперед в художеств. развитии человечества. Еще более важные достижения бурж. эпохи связаны с развитием лит. прозы. Уже в эпоху Прево и Филдинга история романа оставила далеко позади зачатки этого жанра в эллинистическо-римскую эпоху, не говоря о рыцарском романе средних веков. Роман, по выражению Гегеля, это эпопея бурж. общества. Подобно теории естеств. права и политич. экономии, он принимает в качестве исходного пункта отд. личность в ее частной жизни. Робинзон Дефо это — образное изложение трудовой теории собственности Локка. Но в своем дальнейшем развитии уже у зап. реалистов — Вальтера Скотта, Стендаля, Бальзака и Диккенса, а затем у великих рус. писателей 2-й пол. 19 в. роман включает в себя великие историч. силы и все больше становится социальным романом, ломающим рамки отвлеченного представления о частной жизни.

Наряду с художеств. лит-рой музыка также пережила сложное развитие. Такой великой судьбы она не могла иметь в антич. мире, где жизнь личности была ограничена традиц. рамками сел. и гор. общины. Если зачатки новой музыкальной культуры уходят глубоко в средние века, то громадный толчок и в практич., и в теоретич. отношении она получила в новое время, начиная с эпохи Возрождения. Религ. жизнь, с к-рой тл. обр. связана история музыки в первые столетия бурж. эры, испытала под влиянием Реформации большие перемены. От более внешнего католич. культ. сознание верующего уходит в глубь одинокой души, затерянной среди жестокого мира. Как язык внутр. чувства, музыка не могла получить самостоят. развития, пока человец. общество не прошло через эпоху углубления личности. И все же это лишь своеобразная форма, в к-рой выражается более широкое и объективное начало. Светское, гуманистич. содержание музыки

и ее связь с нар. жизнью достаточно ясно выступают уже на исходе средних веков в ars nova и особенно в полифонии нидерландско-франц. школы (Обрехт, Жоскен Дебре). Но особенно в 18 в., классич. веке музыки, это иск-во достигло неисчерпаемой глубины, соприкасаясь с лит-рой и театром и поднимаясь на вершины человеч. развития в гениальных созданиях Баха, Моцарта и Бетховена. Как более поздно развившееся иск-во, способное вместить в себя переживания, уже недоступные пластич. чувству, музыка создает свои шедевры и в те времена, когда общий процесс упадка художеств. культуры достаточно определен. Большое значение в этом смысле имеет неравномерность развития разных стран. Рус. музыкальная школа 2-й пол. 19 в. обязана своим успехом своеобразной обстановке обществ. движения 1861—1905.

Иначе сложилась судьба пластич. иск-в. Более связанные с жизнью общества в ее открытых, публичных формах, более зависимые от руки мастера, они пережили свой высочайший расцвет на грани нового времени. В эпоху Возрождения духовный подъем художника еще совершается в тесной связи с традиц. культурой гор. ремесла. Все огранич. черты бурж. культуры, вытекающие из обособления личности от обществ. целого, все отрицац. последствия обществ. разделения труда больше всего сказались именно в развитии пластич. иск-в. Поэтому жалобы на упадок творч. силы звучат в этой области сильнее, чем в какой-нибудь другой. Образцы, созданные эпохой Возрождения, пользовались безусловным авторитетом почти до конца 19 в.

Но, разумеется, в мире пластич. иск-в бурж. эпоха также знает великие достижения. Эти достижения связаны с развитием реализма, прошедшего в известном направлении громадный путь от Джотто и ван Эйков до Курбе и рус. художников 2-й пол. 19 в. Несомненно, однако, что реализм в живописи сталкивает художника с громадным препятствием — растущей серостью обыденного бурж. общества. Иск-во, по выражению Герцена, останавливается перед «мещанином во фраке». В сознании этого конфликта между красотой пластич. форм и растущей прозой бурж. общества живопись открыла на своем пути немало удивит. средств для борьбы с этим внутр. врагом. К подобным средствам относятся, напр., драматизм света и тени в произведениях Караваджо, Рибейры и, наконец, самого Рембрандта, теплый юмор и воздушная атмосфера, придающая элемент поэзии самым обыденным сценам в искусстве «малых голландцев», условный классицизм Пуссона или художников эпохи франц. революции и т. д. Все эти средства, достигнув своей вершины, оставили непреходящий след в истории иск-ва. Но они сравнительно быстро притуляются и вслед за тем наступает период неизбежного вырождения каждого стиля в энигонство. Движущей пружиной этого процесса является именно неподкупная честность художеств. мысли. Она не может долго мириться с принятой формой условности, как отступлением от правды. Это тем более неизбежно, что реальный процесс жизни бурж. общества с постоянно растущей силой изгоняет поэзию прошлого, оставляя человека лицом к лицу с обнаженной и грубой действительностью. Сам по себе процесс упадка сентиментальных иллюзий в высшей степени прогрессивен, однако в рамках бурж. строя он означает не переход к более высокому уровню поэзии, а величайшее опустошение внутр. мира личности и торжество уродливых, пошлых форм в окружающем человеч. глаз мире вещей. Поэтому вместе с реализмом в иск-ве бурж. эпохи прогрессирует и другой элемент, к-рый одним из учеников Гегеля был назван «эстетикой безобразного». Это привело к внутр. кри-

зису живописи и других пластич. иск-в уже во 2-й пол. 19 в. повсюду в Европе, за исключением России, где широкое нар. движение этого времени сделало возможными не только классич. лит-ру, но и такие значит. явления в иск-ве, как школа «передвижников».

Были, разумеется, и на Западе значит. явления, вопреки общей тенденции бурж. культуры к упадку. Были найдены различные способы изображения «мещанина во фраке». Сизеран однажды заметил, что импрессионисты изображают окружающий мир туманно, без ясных контуров, чтобы заставить глаз принять те формы жизни, к-рые он не мог бы принять при более точном восприятии. Действительно, отказавшись от выбора исключит. мотивов и особой аранжировки виденного, обращаясь к случайным кадрам обыденной жизни, художник уже не мог применить к этому материалу прежние формы изображения. Возникла психологич. опасность «фотографирования». Но само изобретение фотографии здесь ни при чем. Эта опасность не существовала для ван Эйков, изображения людей и окружающего мира у них точнее всякой фотографии. Дело в том, что общий поток депоэтизации жизни оставил для художника, упавшего в свою специальную область, единств. способ борьбы против варварства бурж. цивилизации — поиски оригинального взгляда на мир, изменение той «призмы», к-рая, по словам Золя, окрашивает его мироощущение в особый цвет. Начался период чисто формального протеста против пошлости, ряд экспериментов, выражающих идею насилия над принудительно данной формой видимого мира. Психологически, как мечь большого иск-ва и мнимая компенсация за утрату обществ. содержания, непосредственно слитого с реальной жизнью, эти поиски не удивительны. Совершенно естественно также, что в начале этого пути т. н. модернизм еще не оторвался от реалистич. традиции, что на своем пути он захватил крупные индивидуальности, такие, как Ван-Гог. Но, рассматривая это движение в целом, нужно признать, что оно ведет в тупик. Все безумства абстрактного иск-ва уже неотвратимо заложены в повороте художника от реализма к сознат. деформации видимого мира.

История живописи более резко воспроизводит общее противоречие бурж. культуры. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс писал: «Так, капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии» (ч. 1, 1955, с. 261). Этот закон указывает на осн. тенденцию капиталистич. строя, но его вовсе не следует понимать в смысле исключения всякого художеств. развития. Капитал извращает демократию, делает ее лицемерной формой своего господства. Отсюда вовсе не следует, что борьба за демократию в бурж. обществе невозможна, что она бесцельна, что история этого общества не знает замечат. примеров демократизма. Другой пример: тенденция абс. обнищания пролетариата вовсе не означает, что капиталистич. способ произ-ва делает невозможной борьбу за улучшение жизни рабочих.

Позиция марксизма по отношению к бурж. культуре основана на глубокой диалектике. Маркс отвергает абстрактную идею прогресса, рассматривая историю общества как движение противоречий. Если история ведет к упадку прежних форм духовной культуры во всей их классич. полноте, то она указывает и лекарство от этой болезни, заключенное в ней самой. Бурж. период мировой истории — это время быстрой, напряженной, богатой идейным содержанием и новыми великими перспективами обществ. борьбы. Сама духовная нищета капиталистич. общества — не мертвое прозябание, а острое бедствие, рождающее

горячий протест и предчувствие близкого возрождения всех человец. сил на самой широкой основе. Только в борьбе с враждебной иск-ву стихией бурж. общества были возможны успехи оригинального творчества в эту эпоху. Глубоким страданием и верой в лучшее будущее человечества отмечен каждый шаг художеств. развития. Великие люди иск-ва — не холодные мастера своего дела, а настоящие подвижники, иногда создающие себе призрачную независимость, как Гёте, но гораздо чаще раздавленные невыносимым бременем, как Гельдерлин, или умирающие в бою с реакц. силами своего времени, как рус. поэты Пушкин, Лермонтов, Михайлов.

Поворот к реакции. Рано или поздно эпоха подъема культуры, связанная с участием разных классов общества в освободит. движении бурж. демократии, приходит к концу. На Западе эта эпоха была в основном исчерпана ок. 1870, хотя, как показывает дальнейшая история, возрождение прогрессивных нац. сил в старых бурж. странах Европы возможно и позднее, в эпоху империализма. На огромных континентах Азии, Африки, Лат. Америки нац.-освободит. движение достигает наиболее широкого размаха только в наше время. Но это движение происходит уже при других классовых условиях, когда в центре всей мировой культуры стоит социалистич. революция.

Период с 1871 по 1914 Ленин назвал «... эпохой полного господства и упадка буржуазии...» (Соч., т. 21, с. 126). Хотя возможности капиталистич. произ-ва еще не исчерпаны, буржуазия Европы и Америки в политич. отношении уже повернула в сторону реакции. Отсюда — печать загнивания в культурной жизни старого общества еще накануне 1-й мировой войны 1914—18 (что имеет и более глубокие экономич. причины). Возбуждая до последней степени экономич. возможности классового общества, К. умножает также присущую всем предшествующим формациям консервативную силу. Он приводит к наиболее простому виду грубый факт захвата источников обществ. богатства господствующим меньшинством, не прикрытый более ни военной службой рыцаря, ни патриархальной религией. Развитие К. чисто экономич. путем ведет к победе монополии над свободой. Одной из главных черт этой системы является господство немногих паразитич. наций над остальными народами мира.

Бурж. общество становится последним оплотом всей историч. реакции. Завершилось известное уже в более ранние времена превращение нац. идей в шовинистические и расистские, освободит. войн в грабительские походы. Это не исключает, а, наоборот, предполагает подъем теснимых империалистич. реакцией демократич. и нац.-освободит. сил и притом не только в угнетенных странах, но при известных условиях и в старой Европе. Такую возможность предсказывал Ленин (см. «О брошюре Юниуса», 1916, в кн.: Соч., т. 22, с. 294—305).

Вместе с господством монополий растет вмешательство во все области жизни принуждения и прямого внеэкономич. насилия. Грубое отрицание демократии, бюрократич. зараза, нечистые формы завуалированной игры, оставляющей большинство людей в полном неведении насчет того, что будет с ними завтра, — все это особенно страшно в мире, не знающем медленного приспособления к новой обстановке, в обществе, обладающем громадными производит. силами, способными легко превращаться в силы разрушительные. Отсюда прилив энергии к традиц. церкви, волна легковерия и мистики в условиях совр. науч. образования. В страхе перед социальной революцией сытая буржуазия поворачивает вспять, возрождает ср.-век. панство, вливает новую жизнь в усохшие призраки цезаризма, личной диктатуры.

Уроки великих переворотов, совершенных капиталом в области материального и духовного произ-ва, гораздо шире любой демократич. бурж. идеологии. Они приводят к выводу о необходимости покончить с наиболее глубокой причиной нар. бедствий и войн, упадка иск-ва и ложного направления науч. исследований, связанных с милитаризмом. Этой причиной является само бурж. общество, его природа. Такие выводы из уроков развития капитализма делают только коммунистич. теория, отвечающая интересам рабочего класса и широких нар. масс.

Критич. элементы, заложенные в этих формах бурж. демократии, не касаются наиболее глубокой основы К. — эксплуатации наемной рабочей силы частным или ассоциированным капиталом. Бурж. демократия совместима с национализацией земли, по временам она способна принять далеко идущие ограничения имущества, неравенства, но отсюда еще не вытекает устранение капиталистич. порядка. Осуждаются лишь злоупотребления его, особенно яркие примеры спекуляции, засилья банков и монополий. Сама по себе частная собственность остается священной основой общества. В этом смысле демократич. бурж. мысль консервативна. Она возрождает старые иллюзии и принимает обществ. отношения между людьми за отношения вещей, вытекающие из законов самой природы.

Поэтому бурж. демократия носит промежуточный характер. Нужно перешагнуть заветную грань или повернуть в сторону реакции. Для наиболее передовых представителей демократич. мысли такой переход к пролет. социализму был возможен уже в 19 в. Громадные историч. перемены, совершившиеся в нашу революц. эпоху, сделали эту возможность более доступной. Для бурж. идеологии в собств. смысле слова исторически неизбежно другое развитие — от Вольтера к незуитам.

Такое движение бурж. мысли началось еще в 19 в. Отделяясь от демократии, либеральная тенденция именуемой буржуазии становится контрреволюционной. Ярким примером отказа бурж. интеллигенции от наследства просветителей и якобинцев является поворот к реакц. критике демократии у таких франц. писателей, как Ренан, на другой день после революции 1848. Начало 2-й пол. 19 в. было периодом распространения бурж. позитивизма, к-рый стремится смягчить все острые углы, ослабить выводы материалистич. науки. Крикливый вульгарный материализм 50—60-х гг. 19 в. оставляет достаточно места для сомнений в познаваемости мира и др. идеалистич. тенденций. В 1865 впервые раздался призыв: «Назад к Канту!» (см. *Неокантианство*). Успехи естеств. наук служат либеральному буржуа удобной почвой для перехода от обществ. исканий предшествующего периода к вечной истине природы. У Спенсера социология принимает ярко выраженный биологич. характер. Т. н. *социальный дарвинизм* освящает именем закона природы бурж. конкуренцию, перенесенную сначала из общества в мир животных и растений.

Но уже дает себя знать и другой тип идейной реакции, украшенный ореолом презрения к окружающей действительности. Современник Гегеля Шопенгауэр, с его пессимистич. философией, дождался своего часа в период политич. реакции после 1848. Влияние его философии вышло далеко за пределы университетов. Это один из первых примеров модного направления, способного захватить умы образованных мещан с быстротой и силой настоящей эпидемии. Учение Шопенгауэра — чистейшая мифологич. конструкция. Но сознанию реакц. обывателя она представлялась более радикальным отрицанием существующего мира, чем любой социализм. Еще заметнее эта новая тенденция «революции справа» выступает у Ницше, к-рый, подобно Шопенгауэру, обладал скорее литературным

талантом, чем головой мыслителя в том смысле, как это понимала классич. нем. философия от Канта до Гегеля и Фейербаха. Примером критики окружающего мира с т. зр. религиозно окрашенного мелкобурж. радикализма, несущего в себе много реакц. черт, является учение датчанина Кьеркегора, открытого в наше время и почитаемого в качестве предтечи совр. экзистенциалистов (см. *Экзистенциализм*). Все эти течения, как и «философия бессознательного» Э. Гармана, создали известный поворот к бурж. мировоззрению нового типа, в котором умеренность и аккуратность либерального мировоззрения сменяются более резкой интонацией, колеблющейся между анархич. декадентством и открытым исповеданием культа силы.

Минуя множество промежуточных явлений подобного «социал-аристократизма» в обществ. мысли Зап. Европы и Америки конца 19 — нач. 20 вв., можно сказать, что кризис 1-й мировой войны и победа социалистич. революции в России создали для бурж. мышления новую атмосферу. «Старая буржуазная и империалистическая Европа, которая привыкла считать себя дупом земли,— писал Ленин в 1922,— загнила и лопнула в первой империалистической войне, как воюющий парыв. Как бы ни хихикали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане, по этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистическим грабежом и угнетением большинства населения земли» (Соч., т. 33, с. 313).

С этого времени бурж. мышление развивается под знаком упадка и открытого отрицания всех принципов «либерального 19-го столетия». Главный урок, извлеченный этим мышлением из крушения прежней уверенности в том, что бурж. порядок является прочной и единственно возможной основой культурного общежития, состоит в реакц. идее, согласно которой не историч. рамки К. изжили себя, а сама культура достигла чрезмерного развития или испортилась, сделавшись достоянием широких масс. Критика цивилизации, разума, отрицание прогресса, демократии, легальности, гуманизма становятся главным направлением бурж. идеологии (совмещаясь, конечно, с различными либеральными фразами и колебаниями). Это реакц. направление достигло своего апогея в итал. фашизме и нем. гитлеризме. Для всех подобных явлений характерна не только социальная, но и духовная демагогия — попытки создать на реакц. почве фальшивый идейный синтез, род «цельного мировоззрения» по образцу средних веков или других подобных эпох.

После военного и морально-политич. поражения фашизма эта тенденция бурж. фабрики идей не выступает в таком крикливо-обнаженном виде. Она обшита теперь более благообразными формами «западной» лжедемократии. Однако общий тон полемики против разума, технич. прогресса и «демократии большинства» — в том или другом выражении, с различными оттенками, иногда более тонкими, почти «социалистическими» — сохранился и после 2-й мировой войны, а популярность «Заката Европы» немца Шпенглера сменилась популярностью «Изучения истории» англичанки Тойнби.

«Идейное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорочение общественной собственности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды и ненависти между народами — таковы идеи, которыми проникнуты политические и экономические теории, философия и социология, этика и эстетика современной буржуазии» (Программа КПСС, 1961, с. 53—54).

Охранит. роль совр. бурж. строя его защитники торжественно выражают в виде программы реакц.

синтеза всех заветов прошлого, способных служить препятствием для подъема революц. сознания масс. Широким распространением пользуется фраза о защите греко-иудео-христ. традиции Запада. Другая программа этого типа выдвигает идею *philosophia perennis* — «непреходящей философии», скрепленной густым раствором моральных плоскостей и мистич. формул прежних эпох. Еще одна подобная теория требует «встречи Востока и Запада», точнее — обращения зап. философии к идеям покорности и непротivления, к-рые новый Восток стремится похоронить вместе с колониальным рабством. Это не значит, что К. утратил свою беспокойную природу, что бурж. общество, согласно предсказанию Дж. С. Милли, действительно превратилось в старый Китай, патриархальный и недвижимый. На деле историч. роль буржуазии и в этой консервативной тоге является все более и более разрушительной. Среди различных составных элементов совр. идейного синкретизма, выражающих программу «зап. цивилизации», больше всего бросается в глаза открытое предпочтение всему иррациональному, демоническому, различные попытки выделить и развить всю нескладку прежних времен, все варварское или, наоборот, перезревшее, дисгармоничное в иск-ве прошлого. Портрет мировой культуры, рисуемый душеприказчиками классового общества в этот роковой для него час, выходит искаженный, перекошенный, способный скорее вдохновить на темный бунт против элементарных основ общственности, чем способствовать ее сохранению и развитию. Уже не менее столетия такое направление бурж. обществ. мысли в философии, правств. жизни, иск-ве является преобладающим. Можно даже сказать, что рядом с классич. миром великих созданий мысли и чувства возникла странная система обратных ценностей, вошедших в оборот и получивших почти офиц. значение.

Эта трагикомедия совр. бурж. культуры может быть понята как результат всеобщего кризиса К. и психич. травмы, задевшей целые поколения. Но в качестве сознат. программы она свидетельствует лишь о неспособности старого мира овладеть совр. развитием духовных сил. Реакц. суррогат действит. обновления мировой культуры — вот все, что может дать в этой области обществ. строй, обращенный в прошлое.

Так обстоит дело, если рассматривать судьбы бурж. мышления в 20 в. с т. зр. теории. Практически этот вопрос более сложен. Если и в своих результатах современная буржуазная идеология вполне совпадает с интересами реакц. класса капиталистов, то нельзя забывать, что под властью этой идеологии живут в наст. время еще сотни миллионов людей. Сознание этих людей является буржуазным, вопреки их обществ. интересам и лишь потому, что вся обстановка жизни навязывает им подобные представления. Несомненно также, что со своей стороны они могут вносить в эти представления другое, именно — демократич. содержание. Так, напр., хотя совр. католицизм является одним из самых опасных орудий бурж. реакции, нельзя считать каждого католика и даже каждого писателя католич. направления реакционером. Среди верующих есть активные, искренние, способные на обществ. борьбу защитники мира и демократии. Было бы пустым догматизмом думать, что широкие массы людей могут подняться к революц. сознательности только по прямой линии коммунистич. просвещения. Каким путем тот или другой писатель или художник приходит к участию в демократич. борьбе, мы не знаем заранее и знать не можем. Отсюда вовсе не следует, что примирение с реакц. философией и эстетикой допустимо хотя бы в самых незначит. оттенках. Отсюда следует только, что наряду с неприимиримой критикой бурж. идеологии и всяких попыток

ревизионизма, т. е. отказа от принципов коммунистич. теории, марксистская мысль обязана соблюдать величайшую гибкость, поддерживать всякий рост прогрессивных идей, всякое честное исследование истины даже там, где оно совершается в общих рамках бурж. мышления. Враги марксизма не могут утверждать, что это требование — лишь тактика. прием. Напротив, оно вытекает из революц. диалектики, к-рая не признает формального экзамена идей без конкретного анализа их действит. обществ. содержания.

Это особенно важно по отношению к совр. науке. Положение ее в рамках бурж. культуры своеобразно. Даже в наиболее реакц. периоды, начиная с религ. контрреволюции 16—17 вв., прогресс точных наук не прекращался. Естествознание и техника тесно связаны с произ-вом, их успехи открывают большие возможности для возрастания общественного богатства, а, следовательно, в определ. условиях — для обогащения капиталистов, чтобы своекорыстный интерес правящего класса ставил ей такие препятствия, какие он, напр., ставит развитию теории общества и материалистич. философии. В этом отношении реакц. идеи буржуазии бессильны что-нибудь изменить. Развитие естеств. наук в своей осн. тенденции враждебно религии и всем мистич. формам обществ. представлений. Оно безгранично по своей природе и потому создает для каждого специалиста тысячи возможностей убедиться в том, что бурж. аппарат произ-ва является препятствием для кооперации ученых, что интересы капиталистич. фирм мешают широкой постановке исследований и т. п. Недаром гос. поддержка и плановая организация этих исследований в Сов. Союзе волнуют людей капиталистич. стран. С другой стороны, естествознание, оторванное от передовой филос. мысли, приходит к внутр. кризису, особенно в такие эпохи, когда большие науч. открытия и применение новых методов исследования, требующие громадной силы абстракции, сами по себе создают затруднит. проблемы и могут, как это ни кажется парадоксальным, служить своеобразным поводом для возникновения ложных идей. Эта сложная обстановка создает благоприятные условия для распространения т. н. физич. идеализма, для противостеств. союза науки с религией, к-рый поощряется господствующим классом. Правильность ленинского анализа революции в естествознании и связанных с ней «издержек производства» подтверждается на каждом шагу. Тем более велика необходимость теоретич. и моральной помощи совр. научной мысли во всех областях ее разнообразного творчества со стороны марксистской лит-ры.

Любая область обществ. мысли, иск-ва, науки может служить ареной борьбы за души людей — борьбы двух идеологий. Бурж. идеология является в наст. время реакц. силой, еще обладающей многими средствами воздействия, не только техническими, но и моральными. Она направлена прежде всего против коммунизма и несет в своем мутном потоке немало вредных идей, враждебных гуманистич. содержанию мировой культуры, опасных для нравств. здоровья совр. человечества. Таковы, напр., идеи расового неравенства, проповедь войны и т. п. Победа над этой язвой цивилизации 20 в. зависит теперь от успехов коммунизма. Его духовным союзником является богатое классич. наследство прежних культур в соединении с быстрым развитием совр. науки.

Мих. Лифшиц. Москва.

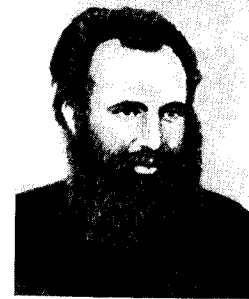
Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Неманская идеология, Соч., 2 изд., т. 3; и х же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Маркс К., Наемный труд и капитал, там же, т. 6; е го же, К критике политической экономии, там же, т. 13; е го же, Капитал, т. 1—3, М., 1955; е го же, Теория прибавочной стоимости (4-й т. «Капитала»), ч. 1—3, М., 1955—61; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957; Деллин В. И., По поводу так называемого вопроса о рынках,

Соч., 4 изд., т. 1; е го же, К характеристике экономического романтизма, там же, т. 2; е го же, Империализм, как высшая стадия капитализма, там же, т. 22; е го же, Империализм и раскол социализма, там же, т. 23; е го же, Грозная катастрофа и как с ней бороться, там же, т. 25; е го же, Государство и революция, там же; Программа КПСС, М., 1961; Хрущев Н. С., О Программе КПСС, М., 1961; е го же, Отчет ЦК КПСС XII съезду партии, М., 1961; е го же, За новые победы мирового коммунистического движения, М., 1961; Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года, М., 1960; Арваньян А. А., Новый этап общего кризиса капитализма, М., 1961; Бём-Баверк Э., Капитал и прибыль, пер. с нем., СПб., 1909; Блюмкин П. Г., О современной буржуазной политэкономии, М., 1958; Варга Е. С., Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны), 2 изд., М., 1957; е го же, Капитализм двадцатого века, М., 1961; Гильфердинг Р., Финансовый капитал, пер. с нем., М., 1959; Далин С. А., Военно-государственный монополистический капитализм в США, М., 1961; Драгилев М. С. и Руденко Г. Ф., Монополистический капитализм, М., 1961; Итон Д., Маркс против Кейнса, пер. с англ., М., 1958; Капиталистический способ производства, ч. 1—3, М., 1959—61; Ландберг Ф., 60 семейств Америки, пер. с англ., М., 1948; Леонтьев Л. А., К изучению «Капитала» К. Маркса, М., 1961; Люксембург Р., Накопление капитала, пер. с нем., М.—Л., 1931; Монополистический капитал США после второй мировой войны, М., 1958; Мотылев В. Е., Финансовый капитал и его организационные формы, М., 1959; Основы марксизма-ленинизма, М., 1959; Перлов В., Империя финансовых магнатов, пер. с англ., М., 1958; Политическая экономия, 3 изд., М., 1960; Проблемы современного капитализма. Сб. статей, М., 1959; Фостер У. Э., Закат мирового капитализма, пер. с англ., М., 1951; Чемберлин Э. Г., Теория монополистической конкуренции, пер. с англ., М., 1959; Denis H., Valeur et capitalisme, P., [1957]; Goodbar J. E. and Bergeron L. U., Creative capitalism, Boston, 1948; Lehmann G., Marktformenlehre und Monopolpolitik, B., [1956]; Robinson J., The accumulation of capital, L., 1956; Strachey J., Contemporary capitalism, L., 1957.

КАПСУКАС — парт. псевдоним литов. революц. марксиста В. Мицкявичюса-Капсукаса.

КАРАВЕЛОВ, Любен (2 мая 1834— 21 янв. 1879) — деятель и теоретик болг. освободит. движения; писатель, публицист, лит. критик; философ-материалист. Род. в г. Копривштица в семье откупщика. В 1857—66 жил в России (Москва), где испытал влияние рус. революц.-демократич. лит-ры. Учился на историко-филологич. фак-те Моск. ун-та (1857—59). В 1867—69 находился в Белграде, сотрудничая с прогрессивной организацией серб. молодежи «Омладина». В 1869 уехал в Бухарест, где вместе с В. Левским создал (1870) Болгарский революц. центр. комитет (БРЦК), возглавлявший широко разветвленную революц. организацию; К. стал редактором органов БРЦК — газет «Свобода» (1869—72) и «Независимость» (1873—74). После провала ряда революц. к-тов К. перешел в 1875 на позиции просветительства, отраженного в издаваемом им журн. «Знание».

По своим филос. воззрениям К. был материалистом. Он признавал вечность материи, Вселенной, был глубоко убежден в познаваемости мира. Воюя с религ. воззрениями (правда, в творчестве К. встречаются деистич. положения), защищая науку, он отвергал путь сверхчувств. истины. Однако антропологич. характер материализма К. обусловил целый ряд ограниченностей его филос. взглядов и прежде всего их метафизич. характер (хотя подчас К. использовал положения диалектики для доказательства необходимости революц. действия). Антропологизм сказался и во взглядах К. на общество — в попытках объяснить социальные явления закономерностями природы, в преувеличении роли географич. среды в жизни общества. К. писал, что история должна быть естественной, что «ни историк, ни моралист, ни фило-

соф не достигнут своей цели, если их исследования не будут основаны на изучении природных явлений, на данных естественных наук» (Избр. произведения болг. революц. демократов, М., 1959, с. 170).

Главное в социальных идеях К. составляет его концепция народа как субъекта всех изменений в обществе, как силы, способной ликвидировать нац. и феод. гнет. «При составлении истории,— писал К.,— мы должны больше всего стараться найти те факты, которые показывают стремления массы всего народа» (цит. по кн.: «История философии», т. 2, 1957, с. 516). Народ — подлинный самодержец будущего «свободного государства», к-рое должно быть построено на основах полной справедливости, трудового принципа и уравнения в имуществ. положении.

Усматривая источник обществ. движения в науке, разуме, К. пытался при помощи этого идеалистич. принципа обосновать необходимость активной деятельности человека по преобразованию социального строя: «Человек,— по К.,— существо, способное к прогрессу и цивилизации, он должен развивать свой ум (разум), во всем стремиться к справедливости и добру, и, если человек убежден, что понимает недостатки общественной жизни, он должен приложить все усилия к их исправлению, не ожидая, когда они исправятся сами по себе» (Избр. произв. ..., с. 88).

К. писал: «исключительным предметом искусства» должна быть действит. жизнь (см. там же, с. 138). В повестях и рассказах, написанных на болг., сербском и рус. языках (сб. «Страсти из книги страданий болгарского племени», 1868; «Винувата ли судьба?», 1868—69, на серб. яз., болг. изд. 1947, и др.), К. выступил одним из основоположников реализма в болг. лит-ре.

Соч.: Сочинения, т. 1—8, Руссе, 1886—88; Български глас (Брошура), Женева, 1870; Книжковост, «Свобода», 1871, 17 янв., гл. 2, бр. 3; 1871, 23 янв., бр. 4; Що е живот? Бух., 1874; Знаеш ли ти кои сме?, С., 1947 (совм. с Христо Ботевым); Избрани произведения, т. 1—3, С., 1954—56; Публицистика, ... до излизането на вестник «Свобода» (1860—1869). Статии, дописки, писма, С., 1958; в рус. пер. — Болгары старого времени, М., 1950; Повести и рассказы, М., 1954; см. также в кн.: Избр. произведения болг. революц. демократов, М., 1959, с. 63—252 (вступит. статья Л. Воробьева).

Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 512—19; В обобщении Л. В., К вопросу о философских воззрениях Любена Каравелова, «Наука» докл. высшей школы. Философские науки, 1959, № 1; его же, Философские и социологические воззрения Любена Каравелова, М., 1962; Пенев Б., Любен Каравелов. Живот — личность — творения, С., 1936; Христу В., Любен Каравелов за федералната, С., 1948; Любен Каравелов. Библиография. 1837—1947, С., 1948; Константинов Г., Любен Каравелов. Живот—идеи—литературно наследство, С., 1949; Грозев Г., История на българската философия, ч. 1, С., 1957 (гл. пета); Димитров М., Идеологията на Любен Каравелов, С., 1957; Димитров М., Любен Каравелов. Биография, С., 1959; Павлов Т., Избрани произв., т. 3, С., 1960; Любен Каравелов (1879—1959). Библиографски и методични материали, Плевен, 1959.

КАРАКОЛОВ, Райчо Кирчев (р. 24 сент. 1898) — болг. философ-марксист, зам. директора Ин-та философии Болг. АН (с 1960). Член БКП с 1922. Окончил Ин-т красной профессуры в Ленинграде. С 1945 по 1950—проф. Центр. парт. школы при ЦК БКП, в 1954—61—зав. кафедрой диалектич. и историч. материализма в Софийском ун-те. Разрабатывает вопросы диалектич. материализма, истории марксистской философии, исследует теоретич. наследие Благоева.

Соч.: Философските възгледи на Димитър Благоев, «Философска мисъл», 1949, № 2; Димитър Благоев за държавата, революцията и диктатурата на пролетариата, в сб.: Выриси на марксистската теория в трудовете на Димитър Благоев, С., 1955; Выриси на исторический материализм в трудовете на Димитър Благоев, «Изв. на икономическия ин-т», 1956, т. 11, кн. 1—2.

КАРАМИЙЯ, Николай Михайлович [1 (12) дек. 1766—22 мая (3 июня) 1826] — рус. писатель и историк, в философии — идеалист. Сын симбирского помещика. Учился в частных пансионах. В 1785 пошел в «Дружеское учное общество» Новикова.

Путешествуя по Европе (1789—90), посетил Канта, Бонне, Гёте, Гердера, Лафатера и др. («Письма русского путешественника», отд. полное изд., кн. 1—4, 1799—1801). Издавал ряд журналов и альманахов, автор мн. лит.-художеств. произв. сентименталистского направления («Бедная Лиза», 1792, и др.), «Истории Государства Российского» (т. 1—12, 1816—29).

Большое влияние на формирование взглядов К. оказало рус. масонство (в 1785—89 К. — член масонской ложи), а также нек-рые зап.-европ. философы, в особенности Бонне (К. перевел в отрывках его «Созерцания природы», 1789). Отстаивая идеи божеств. творения и непосредств. вмешательства бога в судьбы людей, К. воспевал «...величие творца, его премудрость, благость...» («Поэзия», 1787, в кн.: Н. Карамзин, И. Дмитриев, Избр. стихотворения, Л., 1953, с. 59). В то же время К. связывал прогресс общества с развитием наук и просвещения («Нечто о науках, искусствах и просвещении», 1793). Оправдывая общество, неравенство, К. осуждал даже умеренно-либеральные реформы Сперанского («Записка о древней и новой России»). Он утверждал, что революции, «... всякие насильственные потрясения гибельны, что «царство счастья» «может исполниться ... посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания добрых нравов» (Соч., т. 4, СПб, 1834, с. 112), что будто бы рус. народ «... всегда чувствовал необходимость повиновения...» (Соч., т. 8, СПб, 1835, с. 200). К. рассматривал историю России как историю рус. самодержавия. Выступая против социальной направленности иск-ва, К. считал гл. его достоинствами изящество и занимательность (ст. «Что нужно автору?», 1791, изд. в 1793).

Соч.: Сочинения, т. 1—9, 4 изд., СПб, 1834—35; Переводы, т. 1—9, 3 изд., СПб, 1835; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб, 1866.

Лит.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, М., 1955, с. 277—87; Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1, Л., 1950, гл. 5; В е л и с к и й В. Г., Сочинения Александра Пушкина, ст. 2, Полное собр. соч., т. 7, М., 1955; П о г о д и н М. П., Н. М. Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. 1—2, М., 1866; П у к о в с к и й Г. А., Карамзин, в кн.: История русской литературы, т. 5, М.—Л., 1941, с. 55—105; Декабристы-критики «Истории Государства Российского» И. М. Карамзина, в кн.: «Литературное наследство», т. 59, М., 1954; Л о т м а н Ю., Эволюция мировоззрения Карамзина, «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1957, вып. 51, Тр. истор.-филологич. ф-та; М о р д о в ч е н к о Н. И., Русская критика первой четверти XIX в., М.—Л., 1959, с. 17—56; Ш т о р м Г. П., Новое о Пушкине и Карамзине, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка», 1960, т. 19, вып. 2; П р е д ч е н с к и й А. В., Общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина в 1790-х годах, в кн.: Проблемы рус. просвещения в литературе XVIII в., М.—Л., 1961; М а к о г о н е н к о Г., Литературная позиция Карамзина в XIX веке, «Рус. литература», 1962, № 1, с. 68—106; W e d e l E., Radščev und Karamzin, «Die Welt der Slaven», 1959, H. 1; R o t h e H., Karamzin-studien, «Z. slavische Philologie», 1960, Bd 29, H. 1; W i s s e m a n n H., Wandlungen des Naturgefühls in der neuen russischen Literatur, там же, Bd 28, H. 2. Т. Ермакова. Москва.

КАРАМИЙЯ — религ.-филос. течение, распространявшееся в 10—11 вв. в Ср. Азии; получило свое название от имени Мохаммеда бен Карам (ум. в 868). К. испытало влияние манихейства и христианства. Филос. учение К. основывалось на признании пяти первоначал: творца, духа, пространства, времени и атмосферы. Согласно К., существует только то, что занимает место и время; творцу приписывалась вещественность. Последователи К. игнорировали премудрость творца-аллаха, брали под сомнение учение пророка, отрицали мн. догматы и обряды ислама. В учении К., не свободном от противоречий, заметны элементы наивно-материалистич. концепции. Еретич. характер К. вызвал осуждение мусульм. духовенства.

Лит.: Мортаза ибн Даи Хосни Рази, Кеттабе Табарат оль-авам фи марефат магалат оль-анам (История разных сект и их вероучение), Тегеран, 1934 (1313 с. г. х.); Сафа Забихолла, Тарихе алабийат дар Иран (История литературы в Иране) т. 1, Тегеран, 1954, (1332 с. г. х.). А. Агахи. Баку.

КАРАШЕТЯН, Арамис Аршакович [р. 10 (23) авг. 1910] — сов. философ, д-р филос. наук (1955), профессор (1955). Член КПСС с 1939. Окончил филос. факт Ленинградского ун-та (1937). Преподает философию с 1937. Зав. кафедрой Ереванского политехнич. ин-та (с 1960). Работает над проблемами истории философии, эстетики и истории материализма.

Соч. на арм. яз.: Анализ «Поэтики» Аристотеля, Ер., 1955; Некоторые вопросы исторического материализма, Ер., 1955; М. Налбандян как критик гегелевской философии «Совестан Гранкунтун», 1956, № 9; Против иррационализма в философии и искусствоведении, Ер., 1956; Развитие философской школы Гегеля и Фейербаха, Ер., 1958; Очерк истории борьбы эмпиризма и рационализма, Ер., 1959; Прелюдии. Философские и литературоведческие исследования, Ер., 1960; на рус. яз.: Критический анализ истоков кантовской «Метафизики нравов», в кн.: Сб. научн. тр. Арм. гос. заоч. пед. ин-та, т. 1, Ер., 1954; Иррационализм в философии и искусствоведении, Ер., [1955]; Критический анализ философии Канта, Ер., 1958.

КАРАШЕВ, Гумар (1876—12 апр. 1921) — казахский поэт, публицист, мыслитель. Духовный деятель по образованию и обществ. положению, К. уже в нач. 20 в. подвергал критике некие догмы ислама, ратовал за реформу школы, призывал к сближению с рус. народом. Филос. основой его творчества становится стихийный материализм (см. трактат «Ойга кегден ширлерим» — «Мои размышления», 1910, Уфа; «Нет духа без материи», газ. «Казахстан», 2 янв. 1912, № 4, Уральск). Однако в целом взглядам К. была свойственна большая противоречивость: в сб. стихов «Ага тулар» (1914) он восхвалял ханов и биев. После Февральской революции 1917 К. примкнул к националистич. партии «Алаш-Орда», но вскоре понял антинар. характер ее планов. С 1918 К. активно участвовал в борьбе за установление Сов. власти в Зап. Казахстане, в 1919 стал членом Коммунистич. партии. В работе «Педагогика» (журн. «Мугаллим», 1919, № 2—7, Урда) К. знакомил читателей с педагогич. идеями Аристотеля, Сократа, Руссо, Л. Толстого. 12 апр. 1921 К. был убит контрреволюционерами.

З. Зиланов, М. Исмагулов. Алма-Ата.

КАРДАНО (Cardano), Джероламо (24 сент. 1501—21 сент. 1576) — итал. философ, математик, врач, астролог. В своих филос. соч. («О тонкости вещей» — «De subtilitate libri XXI», 1550; «Об изменчивости вещей» — «De rerum varietate libri XVII», 1557; «Тайны вечности» — «De arcanis aeternitatis», поэм.) К., как один из гл. представителей *натурфилософии* эпохи Возрождения, занимался преимущественно космологич. вопросами. Его мировоззрение в целом — пантеизм и гилозоизм с материалистич. тенденцией и элементами диалектики, но вместе с тем и с элементами мистики.

Божеств. Вселенная — связанное единое целое. В основе всех вещей лежит

единая первома́терия, никогда не возникающая и не погибающая. Она заполняет Вселенную и не оставляет места для пустоты. К. признавал существование трех элементов — земли, воды и воздуха. Огонь же, по К., не составляет особого элемента, а есть трансформация активного и всепроникающего небесного тела, отождествляемого со светом (отзвуки неоплатонизма). Все земное по своей природе холодно и влажно. Возникновение и уничтожение вещей он объяснял наличием и действием в них мировой души. Жизнь, порожденная небесным теплом в растениях и тем более в животных,

проявляется как любовь и ненависть. Вершину животного мира, происшедшего из простейших (червей), и тем самым вершину всей природы составляет человек, способный к целесообразной деятельности и обладающий неизменной и бессмертной разумной душой или умом. Ум — один и тот же у всех людей, но различается по своей степени и по особенностям чувственных познаний, способностей, служащих для него орудиями. Как божеств. начало, ум способен сливаться с богом, что и происходит в экстазе как высшем проявлении веры. Здесь сказываются у К. элементы мистики неоплатонизма. Подлинная мудрость достигается, по К., помимо мистич. углубления в бога, посредством математич. познания.

Соч.: Opera omnia, t. 1—10, Lugdini, 1663; в рус. пер. — О моей жизни, М., 1938.

Лит.: Цейтлин Г. Г., История математики в XVI и XVII веках, 2 изд., М.—Л., 1938; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 47, 65; Rivari E., La mente di G. Cardano, Bologna, 1906; Vidari G., G. Cardano, «Boll. soc. à parve di Storia patria», 1904, № 4; Saitta G., Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel rinascimento, v. 2, Bologna, 1950, cap. 3; Bellini A., G. Cardano e il suo tempo, Mil., 1947.

В. Соколов. Москва.

КАРДОЗУ (Cardoso), Висенти Лисинью (1890—1931) — браз. бурж. философ, представитель т. н. диссидентского позитивизма. В своем гл. произв. «Философия искусства» («Filosofia da arte», 1918) К. излагал т. н. позитивную философию иск-ва. Критикуя взгляды Конта, К. претендовал на открытие общего закона эволюции иск-ва (включающего законы эволюции каждого вида иск-ва), согласно которому все иск-ва эволюционируют от воображаемого к реальному, от символического к позитивному, от эмоционального к рациональному. Взглядам К. присущи метафизичность и агностицизм, понимание детерминизма как фатализма. К. — один из идеологов бурж. национализма.

Соч.: Pensamentos brasileiros, R. de J., 1924; Vultos e ideias, R. de J., 1924; A margem da história do Brasil, São Paulo, 1933; Pensamentos americanos, R. de J., 1937.

Лит.: Cardoso L. L., Licínio Cardoso, seu pensamento, sua obra, sua vida, R. de J., 1944; Cruz Costa J., Contribuição à história das ideias no Brasil, R. de J., 1956.

Ж. Базарян. Москва.

КАРЕЕВ, Николай Иванович [24 нояб. (6 дек.) 1850—18 февр. 1931] — рус. историк либерально-народнич. направления, представитель субъективной школы в социологии. До Октябрьской революции 1917 — активный деятель партии кадетов. Окончил историко-филологич. факт Моск. ун-та (1873). Проф. Варшавского (1879—84) и Петербургского (1886—99 и с 1906) ун-тов, член-корр. Российской АН (1910), почетный академик АН СССР (1929).

К. принадлежат мн. историч. труды, сохранившие значение до наст. времени («Историки французской революции», т. 1—3, 1924—25, и др.). Работу К. «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» (1879) Маркс назвал превосходной (см. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951, с. 232—33; К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1953, с. 407).

По филос. взглядам К. был позитивистом, испытывавшим влияние неокантианства, в частности Риккерта. В социологии К. развивал взгляды, близкие к теории Лаврова. Признавая значение как экономического, так и духовного факторов в обществ. процессе, К. отстаивал теорию взаимодействия среды и критически-мыслящей личности, но в конечном счете двигателем истории считал именно личность («Основные вопросы философии истории», т. 1—3, 1883—90, т. 3 — «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», 2 изд., 1914; «Мои критикам», 1884; «Историко-философские и социологические этюды», 1895; «Введение в изучение социологии», 1897). В истории социологии К. прослеживал гл. обр. вы-

работку идеи историч. прогресса («История и философское значение идеи прогресса», «Северный вестн.», 1891, № 11—12; «Общие основы социологии», 1919). Ряд статей К. посвящен отд. социологам («Н. К. Михайловский как социолог», «Русские ведомости», 1900, № 318; «Теория личности» П. Л. Лаврова», «Историческое обозрение», 1901, т. 12; «Огюст Конт как основатель социологии», в сб.: «Памяти В. Г. Белинского», 1899).

В 80-х и особенно 90-х гг. К. резко выступал против марксистского учения о классовости идеологии; историч. материализм изображался им в духе вульгарного экононизма и фатализма («Старые и новые этюды об экономическом материализме», 1896; «Экономический материализм и закономерность социальных явлений», «Вопр. философии и психологии», 1897, кн. 36).

Идеалистич. взгляды К. были подвергнуты глубокой критике в работах Ленина, Плеханова и др. рус. марксистов.

Соч.: Историка. (Теория исторического знания), 2 изд., П., 1916 (местея библиогр. соч. К.).
Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 1, с. 126; т. 5, с. 365; т. 8, с. 112; т. 18, с. 342; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Избр. филос. произв., М., 1956; История философии, т. 5, М., 1961, с. 352—53; Очерки истории исторической науки в СССР, [т.] 2, М., 1960, с. 461—83; Бузескул В., Всеобщая история и ее представления в России в XIX и начале XX века, ч. 1, Л., 1929; Фролова И. П., Значение исследований Н. И. Кареева для разработки истории французского крестьянства в эпоху феодализма, в сб.: Средние века, вып. 7, М., 1955; Вебер Б. Г., Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в., в сб.: Из истории социально-политических идей, М., 1955. Г. Арефьева. Москва.

КАРЖАВИН, Федор Васильевич (20 янв. 1745—1812) — рус. писатель-просветитель. Род. в Петербурге в купеч. семье. В сер. 1750-х гг. учился в Сорбонском ун-те. Был преподавателем духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры (1767—69). С 1773 продолжал образование за границей. В 1776 — переводчик на о-ве Мартиника, в 1777 уехал в Сев. Америку. В 1782—84 — на Кубе. В 1788 вернулся в Россию.

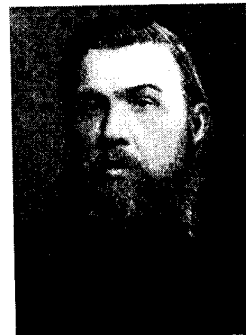
Лит. деятельность К. начал в 1770-х гг., сотрудничая в журн. «Живописец» Н. Новикова. Из Америки К. присылал статьи об этой стране (напечатаны в 1784 в «Прибавлениях к „Московским ведомостям“»). По возвращении на родину К. изложил свои свободомысливые взгляды во многих предисловиях и кратких примечаниях, к-рыми снабжал предпринимавшиеся им издания. Гневно осуждая невольничество, он возмущался амер. «градомудрием», к-рым установлено, чтобы «... всегда черные покорялись и были подвластны господствующим белым» («Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии», СПб, 1790, с. 134). К. бичевал колонизаторов, к-рые «с мечом в одной руке и с крестом в другой, сопровождаемые исами, изрубили, растерзали, сожгли двадцать миллионов душ...» в Америке. И все это совершено «... для мнимого прославления бога, и для приведения прочих американцев к познанию некролитных веры Христовой...» (там же, с. 146—47). К. критиковал расовые предрассудки, служившие основой колониализма и безудержной эксплуатации цветных народов; он писал, что во время странствий нигде не видел «диких» людей, а всюду только «человека».

К. было присуще определенное свободомыслие и в вопросах религии. Он проицировал над религ. ханжами, к-рые «... везде видят чудеса; и ни в чем не доискиваясь естественных или жизненнымудренных причин, питаются обманом...» (там же, с. 2—3), подвергал сомнению мн. библейские легенды и церк. обряды.

Лит.: Дуров Н. П., Ф. В. Каржавин: его жизнь и похождения в Старом и Новом свете. 1745—1812, «Русская старина», 1875, т. 12, февраль. Л. Светлов. Москва.

КАРИНСКИЙ, Михаил Иванович [4 (16) ноября 1840—20 июля (2 авг.) 1917] — рус. логик и философ-материалист. Род. в семье священника. Окончил Моск. духовную академию (1862). В 1869—94 преподавал философию в С.-Петербургской духовной академии и др. учебных заведениях.

Науч. деятельность К. начал с истории философии («Критический обзор последнего периода германской философии», СПб, 1873, в к-ром подверг критике эпигонов идеализма — Э. Гартмана и др.). Постепенно К. пришел к выводу о необходимости пересмотра идеалистической (особенно кантианской) трактовки теории познания и логики, в понимании к-рых он все более становился на т. зр. материализма (соч. «Явление и действительность», в журн. «Православное обозрение», 1878, № 4; «Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных», 1893—1914, в «Журн. Мип-ва нар. просвещения», 1893, 1901—1908, 1910, 1914; отд. изд. 1914, и др.). Осн. вопрос философии К. решал материалистически: «Существующим мы называем всё то, что, будучи само по себе независимо от данного в нас образа его, от нашего представления о нём, только отражается в этом представлении» («Логика», литогр. изд., СПб, 1884—85, с. 4). Законы и формы мышления, по К., — это образы материальных вещей и законов природы; все знание черпается людьми «... единственно из области... чувственных восприятий» (там же, с. 2), являющихся непосредственным отображением внешних предметов. Задачу науки К. видел в познании законов связей и отношений объективного мира и происходящих в нем изменений. К. подверг критике учение Канта о самоочевидных истинах; опровергая агностицизм Канта, К. писал: «Если достоверно участие вещей самих в себе в образовании наших восприятий, то они не могут уже быть признаны безусловно непознаваемыми: мы познаем в таком случае действие их на душу, их участие в образовании восприятий, и затем, конечно, все то, что можно логическим путем вывести из этих данных» («Критический обзор последнего периода германской философии», СПб, 1873, с. 12—13); ошибка Канта в том, что он не мог подняться над верой и «... логично-критически отнестись к ней, как и его великие предшественники...» [«По поводу статьи проф. А. И. Введенского», в журн.: «Вопр. филос. и психол.», М., янв. 1895, кн. 26(1), с. 39]. К. критиковал не только философию Канта и неокантианства (в т. ч. русского, представленного взглядами А. И. Введенского), но также субъективный идеализм берклянского толка. Положит. стороной философии Гегеля К. считал диалектику; порок же этой философии он видел в том, что, согласно Гегелю, диалектич. процесс развития берет свое начало в априорном верховном разуме и сводится к самодвижению понятия, между тем как понятие всего лишь «продукт мышления». К. выступал против свойственного позитивизму отрыва сущности от явлений; ошибкой Дж. С. Милля К. считал то, что он смотрит на предмет суждения как на явление в нас, на самом же деле это проявление действительного бытия, существующего вне нас. Предикат приписывается не знаку, а подразумеваемому под ним реальному предмету. Будучи материалистом, положительно относился к философии Фейербаха. К., однако, не сумел в философии стать вровень с революционерами демократами, т. к. не был связан с демократич. средой и не принимал участия в обществ.-политич. деятельности.

К. внес существенный вклад в логику. Он предложил оригинальную классификацию умозаключений («Классификация выводов», 1880; «Логика», 1884—1885; см. также «Избр. труды рус. логиков XIX в.», М., 1956). Не соглашаясь с традиц. делением выводов на силлогистич. и индуктивные, К. в своей логич. теории стремился охватить все существующие выводы. Выдвигаемый К. осн. принцип умозаключения близок к *принципу замещения* С. Джевоиса и состоит в следующем: из посылок «А находится в отношении R к B» и «B тождественно C», следует, что «А находится в отношении R к C». Одна посылка констатирует атрибутивное или иное отношение между некоторыми понятиями (отношение R, играющее роль «связки» между A и B), а другая фиксирует отношение тождества между понятиями (B и C). К. называет: в первой посылке A «субъектом», B — «предикатом»; во второй посылке — B «субъектом», C «предикатом». Процесс умозаключения состоит в «переносе» предиката C второй посылки на место предиката B первой посылки на базе обосновывающего суждения «B тождественно C».

Все умозаключения К. делил на две большие группы: (1) выводы, основанные на «сличении субъектов», и (2) выводы, основанные на «сличении предикатов». Выводы (1) опираются на отношение тождества между предметами суждений, к-рое может иметь различные виды. Проследить виды тождества, от к-рых зависят условия перенесения предиката, — значит пойти модификации умозаключений. Первая большая разновидность выводов группы (1) — это выводы от отд. предметов к отд. предметам. Но предметы только в исключит. случаях составляют нечто неделимое. По большей части они обнимают собой более или менее значит. группу реально отдельных друг от друга предметов. В одну группу можно соединить предметы либо на основании сходства, либо на основании к.-л. реальной связи между ними. В первом случае каждый предмет характеризуется особо, по тем же самым признакам, каким и другие. Во втором случае предметы выступают в качестве частей одного и того же агрегата, к-рые характеризуются уже не каждая особо, а лишь в своей совокупности, так что характеризующий признак принадлежит не каждой в отдельности, а только всем им в их соединении. Группу предметов первого рода К. называет логич. группой предметов, а самые предметы, к-рые ее составляют, — ее членами; группу второго рода он называет агрегатом, а предметы, составляющие ее, — частями агрегата. Различные логич. группы и агрегата играют большую роль в объяснении К. тех выводов, к-рые он называет выводами от отд. предметов к группе предметов и от группы предметов к отд. предмету; эти выводы составляют две другие большие разновидности группы выводов (1). В число выводов от отд. предметов к группе предметов К. включает, в частности, индуктивные умозаключения. К. дал глубокий анализ логич. сущности этих умозаключений. Он подверг критике теорию индукции Дж. С. Милля, к-рая, по мнению К., в конечном счете исходит из простого черчечисления. К. ввел понятие о новом виде индукции — о полной индукции с составным разделит. предикатом и выяснил правила, по к-рым совершается ход умозаключающей деятельности в процессе этого вывода. В разделе выводов от отд. предметов к группе предметов К. рассматривает также вывод по третьей фигуре категорич. силлогизма.

По-новому К. подошел и к *неполной индукции*. Согласно К., основанием вывода в ней является не обнаружение ряда случаев, подтверждающих общее положение (пусть даже подкрепленное ссылкой на принцип единообразия природы), и не отсутствие

случаев, противоречащих заключению, а учитываемый в процессе вывода логич. строй группы предметов.

Группа выводов (2) основывается на отрицании тождества предикатов двух суждений. Такой характер выводов, основанных на «сличении предикатов», определяется тем, что, поскольку один и тот же предикат может быть предикатом различных предметов, одно убеждение в тождестве предикатов не может вести к прямому утвердит. заключению; иначе говоря, у нас нет в этом случае права перенести субъект из одного суждения в другое. Выводы, основанные на сличении предикатов, — это выводы отрицательные, состоящие в том, что на основании различия предикатов суждений делается заключение о невозможности перенесения субъекта из одного суждения в другое. Отрицание тождества предметов получается в заключении вывода тогда, когда суждения о предметах находятся в строго логич. противоположности друг к другу, т. е. когда одно из них прямо отрицает в предмете то, что утверждается др. суждением. К. приводит такой пример: вам подменили к.-л. вещь; в подмененной вещи вы находите нек-рое свойство, какого не имела вещь, действительно вам принадлежащая, или не находите в ней свойства, фактически принадлежащего вашей вещи, и вы убеждаетесь в нетождестве ее с последней.

В учении К. об умозаключениях плодотворной является мысль о том, что умозаключающая деятельность является многосторонней, что она не укладывается в рамки только известных сегодня логике форм вывода, что мышление не стоит на месте, а развивается, в связи с чем появляются новые формы выводов. К. внес также оригинальный вклад в разработку классификации суждений. Он оказал большое влияние на Рутковского, Д. В. Миртова и нек-рых др. современных ему логиков.

К. принадлежат оригинальные работы в области истории антич. философии (Темное свидетельство Ипполита о философе Анаксимене, «Христианское чтение», 1881, № 9—10; Связь философских взглядов с физико-астрономическими в древнейший период греческой философии, там же, 1883, № 5—6; Лекции по истории древней философии, 1885; Лекции по истории новой философии, [1884]; Бесконечное Анаксимандра, 1890).

Соч.: К вопросу о позитивизме, [М.], 1875; Явление и действительность, «Православное обозрение», 1878, т. 1; Апполоний Тианский, «Ж. Мин-ва Нар. Просвещения», 1876, ч. 188, ноябрь; Учебники логики М. М. Троицкого, там же, 1889, ч. 263, июнь; [Рец. на кн.:] Ф. Козловский, Учебник логики, ч. 1—2, Киев, 1894, там же, 1897, ч. 311, июнь, отд. 2; По поводу полемки проф. Введенского против моей книги «Об истинах самоочевидных», там же, 1896, ч. 303, янв., отд. 2; По поводу статьи проф. А. И. Введенского «О Канте действительном и воображаемом», «Вопросы филос. и психол.», 1895, № 26—28; [Рец. на кн.:] Идеализм и реализм. Историко-критическое обозрение Петра Липницкого, Харьков, 1888, «Христ. чтение», 1892, № 11—12; Об истинах самоочевидных, вып. 1, СПб., 1893.

Лит.: Радлов Э. Л., Ученая деятельность проф. М. И. Каринского, вып. [1]—2, СПб., 1895; Поварнин С., Логика отношений. Ее сущность и значение, П., 1917; Миртов Д., М. И. Каринский и его философские воззрения, в сб.: Мысль и слово, т. 2, М., 1918—21; Таванец П. В., Классификация умозаключений, в сб.: Философские зап. [1], М.—Л., 1946; Попов П. С., О курсе логики М. И. Каринского, «Вопр. философии», 1947, № 2, с. 386—87; Степин А. О., Учение М. И. Каринского о логических основах индукции, М., 1949 (Автореф.); Москаленко Ф. Я., Учение об индуктивных выводах в истории русской логики, К., 1955; Кольдаков Н. И., Выдающийся произв. русской логической науки XIX в., в кн.: Избр. труды рус. логиков XIX в., М., 1956; е го же, Из истории формальной логики в России в 50—80-х гг. XIX в., в сб.: Вопр. теории познания и логики, М., 1960; Бьянков А., История на логика, 2 изд., С., 1957. Н. Кондаков, А. В. Силаков, Н. Стажкин. Москва.

А. Плотицкий. Ленинград.

«КАРЛ МАРКС (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» — произведение В. И. Ленина, представляющее собой биографию Маркса и очерк составных

частей марксизма; к статье была приложена библиография, содержащая оценки произведений Маркса и Энгельса и лит-ры о марксизме. Написана в 1914 для Энциклопедич. словаря Гранат. Впервые напечатана в 1915 в 28-м т. 7-го издания словаря. По цензурным условиям редакция опустила главы «Социализм» и «Тактика классовой борьбы пролетариата» и внесла ряд изменений в текст. Без приложения библиографии статья была напечатана брошюрой в 1918 с предисловием автора. Полный текст по рукописи впервые опубликован в 1925 в сб. «Маркс, Энгельс, марксизм».

Работа начинается биографией Маркса, в которой обрисована связь теоретич. воззрений Маркса с его обществ. деятельностью и развитием революц. борьбы пролетариата. Ленин показывает, как воззрения Маркса формировались и развивались под влиянием выступлений рабочего класса. Марксизм, как теория и программа рабочего коммунистич. движения всех стран, был создан Марксом совместно с его ближайшим другом Энгельсом, о работах которого Ленин пишет: «Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса» (Соч., т. 21, с. 74). Ленин прослеживает этапы филос. развития Маркса: в период 1841—45 он переходит от гегельянского идеализма к диалектич. материализму, от революц. демократизма к коммунизму; в последующий период разрабатывает диалектико-материалистическую теорию в ряде историч. и экономич. трудов.

Вслед за биографией Маркса излагаются философия марксизма, теория классовой борьбы, экономич. учение Маркса, учение о социализме и вопросы тактики рабочего класса. Структура статьи отражает внутр. связь составных частей марксизма.

Освещению вопросов марксистской философии посвящены разделы: «Философский материализм», «Диалектика», «Материалистическое понимание истории». Кроме того, в др. разделах Ленин неоднократно обращается к филос. вопросам, показывая, как политич. экономия, теория классовой борьбы, учение о социализме и философия связаны в марксизме в единое материалистич. мировоззрение. Как и в ранее написанных работах («Материализм и эмпириокритицизм», «Три источника и три составных части марксизма», «Еще одно уничтожение социализма» и др.), подчеркивая цельность взглядов Маркса, Ленин раскрывает их преемств. связь с передовой обществ. мыслью 19 в., а в каждом из разделов выделяет то специфическое и существенное, что в корне отличает марксистское учение от его идейных источников.

При написании статьи Ленин использовал опубликованную в 1913 переписку Маркса и Энгельса (см. «Конспект „Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.“»), многократно отсылая к ней читателя. Центр. пункт, к которому сходится вся совокупность высказываемых и обсуждаемых в переписке идей, Ленин видел в диалектике (см. Соч., т. 19, с. 503). Особое внимание материалистич. диалектике уделяет Ленин и в ст. «Карл Маркс». Ей посвящен спец. раздел, где диалектика определяется как «... самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии...» (там же, т. 21, с. 37), к-рое «... включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией...» (там же, с. 38). Здесь же сформулированы осн. идеи марксистской теории развития: развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени на более высокой основе, развитие по спирали, скачкообразное, революционное, с перерывами постепенности, с превращением количества в качество, с внутр. импульсами к движению, даваемыми противоречиями и столкновениями различных сил и тенденций, развитие,

базирующееся на взаимозависимости всех сторон явлений и образующее единый, закономерный процесс движения. Не словесное признание, а применение материалистич. диалектики в практике революц. борьбы — вот в чем живое содержание этого учения. В разделе «Тактика классовой борьбы» Ленин раскрывает осн. моменты применения диалектики к анализу борьбы классов: объективный учет взаимоотношений всех классов общества, рассмотрение классов в диалектич. движении с т. зр. прошлого, настоящего и будущего и т. д.

В период работы над статьей и непосредственно после ее отсылки в редакцию Гранат Ленин глубоко изучал и конспектировал работы Гегеля, Фейербаха и др. философов. Как видно из его письма в редакцию Гранат от 4 янв. 1915, он намеревался внести поправки в раздел о диалектике, т. к. «...этим вопросом занимался последние полтора месяца и думаю, что мог бы добавить кое-что, если бы было время» (Соч., т. 36, с. 278). Поэтому конспекты Ленина по философии, сделанные в конце 1914 и начале 1915 (см. «Философские тетради»), можно рассматривать как непосредств. развитие идей этой статьи. Это касается прежде всего определения диалектики, характеристики ее законов, категорий.

В разделе «Материалистическое понимание истории» Ленин показывает, как историч. материализм дает возможность исследовать деятельность масс населения, всесторонне изучить процесс развития общественно-экономич. формаций и свести совокупность противоречивых тенденций в обществе к борьбе классов, на к-рые распадается общество в соответствии с условиями жизни и произ-ва. Теория классовой борьбы (раздел «Классовая борьба») поэтому стоит в неразрывной связи с материалистич. пониманием истории и требует от политич. деятеля последовать. проведения материализма в вопросах тактики классовой борьбы; «... без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным» (Соч., т. 21, с. 58).

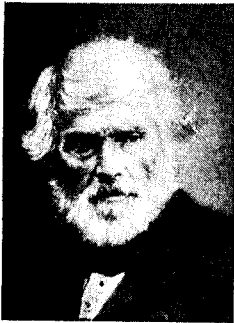
Свое подтверждение и развитие материалистич. теория Маркса получила в его экономич. учении. В разделе «Экономическое учение Маркса» Ленин излагает это учение, следуя логике «Капитала» Маркса, подчеркивая и выделяя все важное и новое, что дал Маркс в политич. экономии. Он обращает внимание читателя на метод, применяемый при анализе экономич. движения: «Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции...» (там же, с. 49). Учение о неизбежности превращения капиталистич. общества в социалистическое, вытекающее «... всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества» (там же, с. 54), Ленин излагает в разделе «Социализм», где указывает на предпосылки и пути революц. преобразования общества. Закачивается статья разделом «Тактика классовой борьбы пролетариата», в к-ром анализируются высказывания Маркса и Энгельса по поводу политич. борьбы рабочего класса в связи с различными историч. событиями. Через всю статью проходит идея связи марксизма с практикой революционной борьбы рабочего класса за свое освобождение.

Наличие в статье значит. числа цитат из произведений Маркса и Энгельса объясняется тем, что Ленин, как об этом он писал в редакцию Гранат, хотел дать читателям словаря «все важнейшие заявления Маркса» по спорным вопросам, в первую очередь по философии.

Работа Ленина, являющаяся замечат. образцом творч. разработки истории марксизма, переведена на мн. иностр. языки и языки народов СССР.

Лит.: Ленин В. И., [Шисьяма] В редакцию изданий Гранат. 21. VII. 1914, 28 июля 1914, Соч., 4 изд., т. 35; его же, [Шисьяма] Секретарию редакции изданий Гранат. 17. XI. 1914, там же; то же, 4. I. 1915, там же, т. 36; его же, Шисьяма к родным. 14. XI. 1914; 22. XII. 1914; 9. II. 1915; 22. X. 1916, там же, т. 37; История философии, т. 5, М., 1961, с. 157—60, 189—90, 248—49; Брушлинский В. К., Работа Ленина над философскими вопросами в 1914—1915 гг. (Сообщение), «Вопр. философии», 1947, № 2; Дробинский А. И., К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и энциклопедическая литература, М., 1958; Чжан Юнь-хоу, Распространение философских произведений В. И. Ленина в Китае, «Вопр. философии», 1960, № 4; Издание и распространение произведений В. И. Ленина, М., 1960; Кандель Е. П., Роль В. И. Ленина в разработке истории марксизма, в сб. статей: Ленинские идеи живут и побеждают, М., 1961. В. Карначев. Свердловск.

КАРЛЕЙЛЬ (Carlyle), Томас (2 апр. 1795—5 февр. 1881) — англ. реакц. историк, публицист, философ, представитель т. н. феодального социализма. Род. в Шотландии. Учился в Эдинбургском ун-те.

В 1834 переехал в Лондон, где занимался пропагандой нем. лит-ры и издал написанный в духе нем. классич. идеализма филос. роман «Сартор Резартус» («Sartor Resartus», 1833—34, рус. пер. 1902, букв. «Защитопанный портной»). Под влиянием идей утопического социализма и чартизма К. обратился к социальным вопросам современности, к-рым посвящены памфлеты «Чартизм» («Chartism», 1839) и др. В 1841 К. выступил с чтением лекций, изданных впоследствии

отдельной книгой «Герои, культ героев и героическое в истории» («On heroes, hero-worship and the heroic in history», 1840, рус. пер. 1891).

К. «принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в то время, когда ее представления, вкусы и идеи полностью подчинили себе всю официальную английскую литературу». Однако, хотя «выступления его носили иногда даже революционный характер», критика современности у К. была «тесно связана с на редкость антиисторическим апофеозом средневековья». Он восторгался прошлым, но «современность приводит его в отчаяние, а будущее страшит» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 268 и 269). Подвергая критике бурж. общество, К. видел единств. выход в создании класса «новой аристократии» из просвещенных и нравственных пром. магнатов, к-рые могли бы создать новую организацию труда с опекой сверху и добровольным подчинением снизу (см. «Прошлое и настоящее» — «Past and Present», 1843; рус. пер. 1906). Революция 1848, по словам Энгельса, «сделала из Карлейля законченного реакционера» (там же, т. 2, с. 513, прим.), что нашло отражение, в частности, в его последнем крупном труде «История Фридриха II» («History of Friedrich II of Prussia», V. 1—13, 1858—65).

На мировоззрение К. большое влияние оказали нем. философия (Фихте, Шеллинг) и нем. реакц. романтизм. Философия К. носила религ.-идеалистич. характер; но он был противником ходячих религ. представлений и офиц. церкви: «Весь его образ мыслей пантеистический, и притом немецко-пантеистический» (Энгельс Ф., там же, т. 1, с. 589). К. утверждал, что Вселенная — это «град божий» и что величайший на вид материальный мир в сущности есть видимое и осязаемое проявление божеств. силы. Согласно сформулированной им «философии одежды» (см. «Сартор Резартус»), весь мир, вся история представляются в виде

ряда внешних, преходящих одеяний, эмблем, за к-рыми пребывает вечная божеств. сущность — единств. реальность. Объективно-идеалистич. установки переплетаются в воззрениях К. с идеями, близкими кантианству. Пространство и время К. рассматривал как «формы мысли», «глубочайшие из всех прозрачных видимостей». Чтобы проникнуть в истинную сущность мира, нужен, по К., не разум, а «воображение» — надо уметь смотреть так, чтобы сделать одежду «прозрачной». Филос. идеализм и мистика сочетались у К. с субъективизмом и волюнтаризмом в социологии. Применяя положения о творч. божестве. начале к истории, К. создал свой культ героев, «...как единственное спасение от чреватого безнадежностью настоящего, как новую религию» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 269). В героях К. видел творцов истории, т. к. они — представители и носители идеи «божественного», тогда как масса «убога во всех отношениях» и предоставленная самой себе должна пассивно повиноваться вождям. Никакого равенства, согласно К., не существует. Движение истории вперед всецело зависит от отд. личностей, одаренных необыкновенным талантом и посылаемых в мир провидением. Между массой и героем существует связь в виде культа, поклонения. Первоначально люди обожествляли героя, затем видели в нем пророка, в последующие эпохи — поэта, пастыря, писателя и, наконец, политич. вождя. Современная К. эпоха, по его мнению, — эпоха упадка, т. к. в ней нет героя и поэтому нет атмосферы, к-рая бы заряжала творческой духовной энергией.

Под флагом культа героев К. оправдывал в конечном счете угнетение и порабощение нар. масс и стремился теоретически защитить эксплуататорское общество от революции. Восхваляя «героев», К. старался выделить в их поступках элементы террора, деспотизма, жестокости. Напр., в деятельности Кромвеля он особо подчеркивал жестокое подавление им ирл. освободит. движения; в статьях 50—60-х гг. он восхвалял реакц. политику англ. пр-ва, его колониальную агрессию, расистский шовинизм. Его пропаганда «новых» методов силы позволяет совр. бурж. идеологам сближать К. с Ницше и ссылаться на него при оправдании культа «сверхчеловека».

Теория «героев и толпы» подверглась решит. критике марксизмом, исходящим из принципа, согласно к-рому главной, решающей силой обществ. развития являются трудящиеся массы, народ, что не герои творят историю, а история выдвигает героев.

Соч.: Works..., v. 1—30, L., 1896—1901; Letters. 1826—1836, v. 1—2, L.—N. Y., 1888; в рус. пер. — Французская революция, СПб, 1907; Исторические и критические опыты, М., 1878; Этика жизни, СПб, 1906.

Лит.: Энгельс Ф., Положение Англии. Томас Карлейль, «Прошлое и настоящее», Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; Маркс К. и Энгельс Ф., Томас Карлейль. «Современные памфлеты. № 1. Современная эпоха. № 2. Образцовые тюрьмы», там же, т. 7; История философии, т. 3, М., 1943; История философии, т. 2—3, М., 1957—59 (см. Именной указатель); Трахтенберг О. В., Очерки по истории философии и социологии Англии XIX века. [М.], 1959; Яковенко В. И., Т. Карлейль, его жизнь и литературная деятельность, СПб, 1891; Гензель П., Т. Карлейль, пер. с нем., СПб, 1903; Дауге А. Г., Томас Карлейль, М., 1916; Каресв Н., Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи, П., 1923; Ga n n e t t R., Life of Thomas Carlyle, L., 1895; Fro u d e J. A., Thomas Carlyle, v. 1—2, L., 1897; V a s c h V., Carlyle, l'homme et l'oeuvre, 8 éd., P., [1938]; Young L. M., Th. Carlyle and the art of history, Phil.—L., 1939; Ballmer A., Carlyle's Stellung zu Theorie und Praxis des modernen Kapitalismus, Basel, 1940 (Diss.); Lea F. A., Carlyle, L., 1943. E. Вейцман. Москва.

КАРЛИНИ (Carlini), Армандо (р. 1878) — основатель и старейший представитель т. н. христианского спиритуализма в Италии. Центр. проблема философии К. (как и всего направления в целом) — проблема перехода «Я», «внутреннего» к трансцендентному,

т. е. к богу. На своем пути к богу «самосознание», согласно К., проходит три фазы: светскую, эстетическую и теологическую. В последней оно возвращается к самому себе, вступая на путь философии и религии и открывая в боге свое истинное начало и источник своей внутр. ценности. В отличие от нек-рых др. представителей христ. спиритуализма, напр. от Шаффа, К. полагает, что рациональный путь доказательства бытия бога недостаточен и потому необходим акт веры. Философия, следовательно, должна стать составной частью религии. Обскурантизм филос. взглядов К. органически сочетается с крайне реакционными социально-политич. воззрениями. По его мнению, примирение между церковью и гос-вом в Италии «имеет гораздо большее историческое значение, чем французская революция» («Жизнь духа» — «La vita dello spirito», 1924).

К. активно поддерживал фашистский режим, пропагандировал и восхвалял идеи фашизма.

Соч.: Neo-scholastica, idealismo e spiritualismo, Mil., 1933 (совм. с F. Olgiati); La religiosita dell'arte e della filosofia, Firenze, 1934; Filosofia e religione nel pensiero di Mussolini, Roma, 1934; Il mito del realismo, Firenze, 1936; Lineamenti di una concezione realistica dello spirito umano, Roma, 1942; Perché credo, 2 ed., [Brescia], 1952; Alla ricerca di me stesso, Firenze, 1951; Cattolicesimo e pensiero moderno, Brescia, 1953.

Лит.: С к а н с а М. Ф., II secolo XX, v. 2, Mil., 1947; У о л р е Г. д е л л а, Lo spiritualismo italiano contemporaneo, [pt 1] — La filosofia di A. Carlini, Messina, [1949]; G a l l i G., Sul pensiero di A. Carlini, Torino, 1950; G a r l i n e E., Cronache di filosofia italiana (1900—1943), Bari, 1955.

С. Офиоров. Москва.

КАРМА (санскр. — деяние) — понятие др.-инд. философии и религии, в особенности индуизма. См. *Индуизм*.

КАРМАТЫ — последователи мусульм. секты, возникшей в конце 9 в. в Юж. Месопотамии на почве антифеод. движения крестьян. Учение К. распространилось в Сирии, Хорасане и Йемене. В идеол. отношении учение К. было одним из течений *исмаилитов*. К. не признавали религ. авторитета халифа, не выполняли обрядовых предписаний ислама, не считали обязательными нормы шариата, не почитали объектов мусульм. культа (в т. ч. храма Каабы и ее «черного камня») и т. д. После подавления движения К. войсками халифа в Месопотамии (906) К. создали особое гос-во в Эль-Ахсе (Вост. Аравия), куда они проникли еще в конце 9 в. Это гос-во существовало до конца 11 в. Местные крестьяне не платили податей и в случае нужды получали пособие от гос-ва; ростовщичество было запрещено. Гос-во К. существовало за счет эксплуатации. Секта К. распалась в конце 11 — нач. 12 вв.

Лит.: Насир-и Хусрау. Сафар-нама. Книга путешествия, пер. и вступ. ст. Е. Э. Бертельса, М.—Л., 1953; Б е л я е в Е. А., Мусульманское сектанство, М., 1957; G o e j e M. J. de, Mémoire sur les Carnathes du Bahraïn ..., Leiden, 1886.

Е. Беляев. Москва.

КАРНАП (Carnap), Рудольф (р. 18 мая 1891) — совр. амер. философ и логик, наиболее видный, наряду с М. Шликом, деятель Венского кружка неопозитивистов, затем один из лидеров направления т. н. «философии науки». Преподаватель философии в Венском ун-те (1926—31), проф. философии Германского ун-та в Праге (1931—35). В 1936 был приглашен для чтения лекций в США, где и остался после захвата Австрии и Чехословакии гитлеровской Германией. Проф. Чикагского (1936—52) и Калифорнийского (с 1954) ун-тов. Член Амер. АН, чл.-корр. Британской академии, член Ассоциации символической логики, Амер. ассоциации философии науки и др.

Л о г и ч е с к и е в з г л я д ы. К. считает предметом «философии науки» анализ языка естеств.-науч. теорий с целью уточнения (экспликация, по К.) таких понятий, как истина, смысл, следование, аксиоматизируемость (все применительно к естеств.-науч. теориям), закон науки, науч. объяснение и предсказание,

причинность, вероятность, подтверждение и опровержение гипотез и т. д., и на этой основе — исследование науч. рассуждения и структуры науч. знания. К. в духе лейбнищевской традиции различает логич. истину (уточнением к-рой служит понятие истины в формализованных языках) и фактич. истину (уточнением к-рой служит понятие степени подтверждения в индуктивной логике). Критерием первой является выводимость по законам логики или непосредств. проверка с помощью семантич. правил, устанавливающих смысл применяемых терминов. При этом «законы логики» понимались К. первоначально в духе выдвинутого им т. н. «принципа термимости», согласно к-рому в основу естеств.-науч. теории может быть положена любая логич. система, если только ее правила сформулированы содержательно и точно. (Впоследствии К. по существу отошел от этого принципа, признавая, что предпочтение одной логич. системе перед другой может быть отдано на основе оценки результатов их практич. применения). Критерием второй является сооставление с фактами, сводящееся так или иначе к непосредств. наблюдению. Соответственно, смысл любого высказывания определяется его условием истинности, т. е. возможностью проверки (исчерпывающей либо частичной) его истинности. На этом пути К. считает принципиально возможным построить (на основе языка математики и физики) единый формализованный язык, на к-рый можно было бы перевести любую науч. теорию, выявляя тем самым ее структуру и отношение к др. теориям. Программа построения этого «унифицированного языка науки» и нек-рые результаты работы в этом направлении изложены в «Энциклопедии унифицированной науки» («International enc. of unified science», изд. 1938—40), одним из редакторов и авторов к-рой был К.

В логич. эволюции К. выделяются три этапа. Первый этап (до нач. 30-х гг.) характеризуется активным участием в Венском кружке и в разработке идей логич. эмпиризма. Его взгляды в этот период, сформировавшиеся под сильным влиянием Витгенштейна, представляют собой своеобразное сочетание рассматриваемой филос. проблем в духе традиц. эмпиризма с методами, присущими т. н. рационализму, причем используемому все достижения в развитии логики. Наиболее ярким примером вышеуказанного является его книга «Логическая конструкция мира» («Der logische Aufbau der Welt», 1928), где, используя новые методы логики (логику отношений), К. пытался раскрыть логич. структуру («конституционную систему») процесса создания картины мира у отд. познающей личности, исходящей от своих «непосредственных данных», т. е. восприятий. В ряде работ этого периода (особенно в «Очерке логики» — «Abriss der Logistik», 1929) К. начинает применять аппарат математич. логики к анализу понятий и аксиоматизации отд. теорий в конкретных науках (арифметика, геометрия, физика и лингвистика). Начиная с 1934 К. уделяет осн. внимание разработке специально логич. вопросов. Второй период развития его идей можно назвать «синтаксическим» (до 1936). В 1934 в работе «Логический синтаксис языка» («Logische Syntax der Sprache», англ. авториз. изд. 1937) К. обстоятельно рассматривает новейшие результаты в области логики, полученные после выхода труда «Principia of mathematic» (v. 1—3, 1910—1913) Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда. К. излагает теорему о неполноте К. Геделя, развивает теорию логич. синтаксиса, являющуюся частью «металогик»; строит логич. язык («язык II»), представляющий собой язык расширенного исчисления предикатов с равенством и с правилом бесконечной индукции. «Язык II», помимо логич. символов, содержит также постоянные предикаты и функторы, и, по мнению К.,

в нем могут быть сформулированы не только все предложения классич. математики, но и все предложения теоретич. физики. Т. о., К. строит свой «язык П» как аппарат для логич. анализа языка науки. К. выдвигает тезис о том, что логика науки есть синтаксис языка науки. К. сводит на этом этапе развития своих филос. взглядов филос. анализ науки к анализу чисто синтаксич. связей между предложениями, понятиями и теориями, отрицая возможность науч. обоснования вопросов, касающихся природы реальных объектов и их отношения к предложениям языка науки. К. также отстаивает тезис экстенциональности, согласно к-рому язык науки является экстенциональным, а всякое интенциональное предложение может быть в него переведено.

В 1936—38 К. разрабатывает проблемы, связанные с построением унифицированного языка науки [в работе «Проверяемость и значение» («Testability and meaning», 1936—37) он дает первый логич. анализ понятия диспозиции (см. *Диспозиционный предикат*) и рассматривает вездех за Понпером понятие степени подтверждения]. В связи с этими исследованиями, а также под влиянием работ А. Тарского и Ч. Морриса К. приходит к выводу о недостаточности чисто синтаксич. подхода и о необходимости учитывать при анализе языка науки семантику, т. е. отношение между языком и описываемой им областью предметов («Логическое основание единства науки» — «Logical foundations of the unity of science», 1938). Этим начинается третий, «семантический» период в творчестве К. Центр. пунктом исследований К. в области логич. семантики, изложенных в его «Исследованиях по семантике» («Studies in semantics», 1942—47), является уточнение понятия значения (смысла) и связанных с ним понятий (синонимии, аналитичности и др.). При этом в качестве осн. метода К. использует построение искусств. интерпретированных языков (семант. систем), в большей или меньшей степени приближающихся к естеств. языку, для к-рых и вводятся строгие определения семант. понятий. В семантике К. (как и в его индуктивной логике) важнейшую роль играет понятие описания состояния, на основе к-рого вводится два возможных уточнения понятия значения: экстенционал (аналогичное «объему понятия» или «значению истинности высказывания») и интенционал (аналогичное «содержанию понятия» или «смыслу высказывания»). На этом этапе он считает принципиально возможным уже не только перевод любого интенционального выражения на экстенциональный язык, но и обратно — перевод экстенционального языка на интенциональный. Хотя конкретные решения логико-семант. проблем, предложенные К. в упомянутых работах, подвергались (часто обоснованной) критике (Чёрч, Кемени, Куайн и др.), его осн. идеи оказали большое влияние на дальнейшее развитие логич. семантики. На основе своей семант. теории он в 1945—50 строит индуктивную логику как логику вероятностную (см. *Вероятностная логика*), причем рассматривает индуктивную вероятность как чисто логич. понятие, т. е. как отношение между предложением-гипотезой и предложением о данных наблюдения. Индуктивная вероятность, по К., является степенью подтверждения гипотезы. Средствами индуктивной логики К. развивает формализованную теорию индуктивных выводов (и, в частности, выводов по аналогии). Дальнейшее развитие индуктивной логики получила в работах Дж. Кемени. В 1953 К. совместно с П. Бар-Хиллелом разрабатывает теорию семант. информации на базе индуктивной логики. К. принадлежит также работы по семант. интерпретации и квантификации модельной логики. В своих последних работах К. выдвигает идею формализации прагматики как отдела семантики.

Ряд результатов, полученных К., был использован в исследованиях по кибернетике (работы Мак-Каллока — Питса и Уорена). И. Добронравов, Д. Лахути, В. Финн. Москва.

Философские взгляды. Как философ К. прошел сложную эволюцию от неопозитивизма Венского кружка к т. н. «либеральному эмпиризму», представляющему собой противоречивое соединение прежнего позитивистского отрицания осмысленности учений об объективной реальности с материалистич. тенденцией. Последняя выразилась в признании независимости вещей и их свойств от логич. систем и зависимости семант. свойств систем от отношений между вещами.

В период Венского кружка К. отстаивал и развивал главнейшие его принципы, а именно: сведение филос. проблем к вопросам синтаксиса языка (особенно в ст. «Преодоление метафизики посредством логического анализа языка» — «Die Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache», 1931); истолкование эмпирич. проверки (верификации) как сопоставления предложений с фрагментами «потока переживаний» (см. «Der logische Aufbau der Welt», В., 1928, S. 86), состоящих из ощущений, представлений и эмоций субъекта; конвенционализм как субъективистское истолкование «принципа термичности» (см., напр., «Erkenntnis», Bd 3, 1932, S. 180) и физикализм в его лингвистич. интерпретации (полемика с О. Нейратом на страницах «Erkenntnis» в 1931—32).

«Конституционная система» картины мира у отд. субъекта, к-рую К. попытался построить в кн. «Логическая конструкция мира», привела К., вследствие непонимания им критерия практики, к субъективно-идеалистич. выводу, что «все физические предметы сводимы к психическим» («Der logische Aufbau der Welt», S. 78) и что в методологич. отношении вполне приемлем «безличный» солицизм: «Из cogito не следует sum; из „Я переживаю“ не следует, что Я есть, но что есть переживание... „Я“ есть класс первоначальных переживаний» (там же, S. 226). Недостижимость интерсубъективности в рамках «конституционной системы» толкнула К. к решению заменить феноменалистский язык языком о вещах: в пятой (философской) части книги «Логический синтаксис языка» (1934) на смену «методич. солицизму» пришел т. н. «методич. материализм». «... Нашу точку зрения называли часто „позитивистской“; если угодно, ее можно назвать также „материалистической“» («Erkenntnis», Bd 2, 1931, S. 461—62). Последняя представляла собой на деле не более как лингвистич. учение о физикалистском языке как универсальном языке науки, позитивистский характер к-рого вновь подчеркивался тезисом о желательности замены содержательного («материального») варианта физикалистского модуса речи формальным модусом, то есть совокупностью предложений, говорящих лишь о логико-синтаксич. отношениях между терминами. В этой связи критерием осмысленности филос. предложений К. считал их «переводимость в формальный модус» (см. «Logische Syntax der Sprache», W., 1934, S. 241).

Главное значение понятия «анализ языка», к-рым К. оперировал в этот период, заключалось в редукции предложений высших уровней к предложениям низшего (эмпирического) уровня. Гносеологич. аспект проблемы редукции предполагал ответы на вопросы о соотношении предложений низшего уровня («протокольных предложений») и фактов, о характере исходного базиса науки и об интерпретации физикализма. Все эти вопросы были разрешены К. сперва в плане лингвистич. конвенционализма, причем в неясной форме его концепция восприняла все метафизич. слабости логич. атомизма. В то же время исследования самого К. существенно помогли прояснению факта

несостоятельности метафизич. претензий редукционизма и перенесению центра тяжести на гипотетико-дедуктивные модели строения науки, хотя инициаторами последних был не он, а Гемпель и Поппер. Вместе с тем они способствовали замене первоначальных принципов верификации, конвенционализма и физикализма «ослабленными» их интерпретациями, что в плане эволюции взглядов самого К. до нек-рой степени означало поворот к действит. материализму.

Последнее выразилось в отказе от отождествления истинности и проверяемости (а значит, в признании независимости главных гносеологич. предикатов от операций субъекта), в ограничении поля действия когерентной концепции истинности, то есть в отказе от трактовки истинности исключительно как взаимосогласованности предложений, а также в сомнении насчет осуществимости догматич. программы физикализма применительно не только к социальным, но и к естеств. наукам (это открыло путь полезным исследованиям проблемы диспозиц. предикатов). Однако шаг в сторону материализма оказался не свободен от двусмысленности, чем в значит. мере была затуманена объективная науч. значимость построений, а в особенности самих исканий К. как различных вариантов и этапов все более полного фиксирования средствами символич. логики особенностей структуры совр. теоретич. знания. Так, новая трактовка К. конвенционализма оказалась близкой к логич. прагматизму, а замена «позитивизма» «либеральным эмпиризмом» (см. «Testability and Meaning», 1936—37) означала, с т. зр. самого К., лишь замещение крайнего редукционизма «ослабленным» физикализмом: «Как сторонники эмпиризма мы требуем... чтобы описательные предикаты и, следовательно, синтетические предложения не принимались, пока не будет установлена их связь (но не более того! — *Ред.*) с возможными наблюдениями» (цит. по кн.: «Readings in the Philosophy of Science», p. 84).

Позитивистское недоверие К. к материализму, как филос. теории, получило подтверждение в его статье «Эмпиризм, семантика и онтология» («Empiricism, semantics and ontology», 1950, рус. пер. 1959), хотя в работе «Методологический характер научных понятий» («The methodological character of theoretical concepts», 1956), где он отбросил многие характерные для Венского кружка, упрощения в толковании критерия осмысленности (в применении уже к теоретич. терминам, а не к высказываниям), К. опять высказался в пользу существования «ненаблюдаемых сущностей». Непонимание диалектики процесса познания по сей день мешает К. выйти из противоречий эклектич. соединения позитивизма с тенденцией естеств.-науч. материализма, свойственных филос. мышлению К. на протяжении почти трех последних десятилетий.

Соч.: Der Raum, В., 1922; Physikalische Begriffsbildung, Karlsruhe, 1926; Scheinprobleme in der Philosophie. Das Fremdpsychische und der Realismusstreit, В.—Schlachtensee, 1928; Von Gott und Seele. Scheinfragen der Metaphysik und Theologie, W., 1929; Wissenschaftliche Weltanschauung. Der Wiener Kreis, W., 1929 (совм. с О. Neurath и Н. Hahn); Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft, «Erkenntnis», 1931, Bd 2; Psychologie in physikalischer Sprache, там же, 1932, Bd 3; Die Aufgabe der Wissenschaftslogik, Wien, 1934 (имеется библи.); Philosophy and logical syntax, L., 1935; Foundations of logic and mathematics, в кн.: International encyclopedia of unified science, Chi., [1939], v. 1, № 1; Studies in semantics, v. 1—Introduction to semantic, Camb., 1942, v. 2—Formalization of logic, Camb., 1943; Logical foundations of probability, [Chi., 1950]; Continuum of inductive methods, Chi., 1952; Semantic information, «Brit. J. Philos. Sci.», 1953, v. 4, № 14 (совм. с J. Bar-Hillel); Beobachtungssprache und theoretische Sprache, «Dialectica», 1958, v. 12, № 3—4; Introduction to symbolic logic and its applications, N. Y., 1958; Theoretische Begriffe der Wissenschaft. Eine logische und methodologische Untersuchung, «Z. Philos. Forschung», 1960, Bd 14, H. 4; в рус. пер.: Значение и необходимость, М., 1959.

Лит.: Парский И. С., Современный позитивизм, М., 1961, гл. 1, [§ 2], гл. 3, [§ 5—6]. И. Нарский, Москва.

КАРНЕАД (Καρνεάδης) из Кирены (214—129 до н. э.)— др.-греч. философ, глава Академии Платоновской и основатель т. н. Новой (3-й) академии. К. сам ничего не писал; лекции его, записанные его учениками, тоже до нас не дошли, нек-рое представление о нем можно составить лишь по соч. Цицерона и Секста Эмпирика, а также Диогена Лазертского (IV, 62—66). По ним можно судить, что К. занимался проблемами теории познания и этики. Рассуждая о критерии истины, К. развил учение Средней академии, направленное против догматиков, относительно невозможности отличать истинное от ложного и относительно постоянного наличия моментов, противоречащих тому, что человек готов был бы признать за истину. Здесь не помогают ни чувств. представления ввиду их текучести, ни разумные доказательства, ввиду того что они основываются сами на себе и потому возможны только в результате порочного логич. круга. В учении о вероятности (к-рую в академии только и признавали за предмет познания) К. различал три ступени: 1) просто вероятное, 2) вероятное и непротиворечивое и 3) вероятное, непротиворечивое и проверенное. Но даже и эта третья ступень вероятности, согласно учению К., не имела ничего общего с абс. утверждениями догматиков. Известна даже критика телеологич. доказательства бытия божия у К. путем указания на несовершенство мира и жизни. И, наконец, плохо известная нам этика К., вероятно, проповедовала обычный для скептиков взгляд о необходимости естеств. блага, создаваемого самой природой, и о том, что ввиду непознаваемости природы вещей следует ограничиваться в своем поведении только удовлетворением насущных потребностей. Т. о., от старого платонизма здесь остались только склонность к диалектич. рассуждениям и до нек-рой степени учение о блаженстве, к-рое сводилось, впрочем, к сообразности с природой.

Насколько сильно впечатление производил К. своим скептицизмом, можно судить по рассказу об его участии в посольстве философов в Рим (156/155 до н. э.): когда он говорил в защиту справедливости, Публика была на его стороне, когда он на другой день говорил против справедливости, то речь его была настолько красноречива, что слушатели были и на этот раз согласны с ним. К. нужно отличать от Карнеада Младшего, его родственника, бывшего главой академии в 137—131 (подробности о нем неизвестны).

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940 (см. Указатель имен); Рихтер Р., Скептицизм в философии, т. 1, СПб, 1910, с. 80—83; C r e d a r o L., Lo scetticismo degli academi, v. 1—2, Mil., 1889—93; H a r t m a n n H., Gewissheit und Wahrheit. Der Streit zwischen Stoa und akademischer Skepsis, Halle, 1927; C h e r n i s s H., The riddle of the early Academy, Berkeley—Los Angeles, 1945; D a l P r a M., Lo scetticismo greco, Mil., 1950. А. Лосев, Москва.

КАРПОВ, Василий Николаевич (2 апр. 1798—8 дек. 1867)— рус. философ-идеалист. Окончил Киевскую духовную академию (1825), в к-рой с 1831 преподавал философию. Проф. филос. наук Петербургской духовной академии (с 1835). Переводчик соч. Платона (1-е изд.— ч. 1—2, СПб, 1841—42; 2-е— ч. 1—6, 1863—79). Исходя из ложного идеалистич. положения о конечности природы и бесконечности духа, К. пытался доказать зависимость развития человек. разума от того, насколько он просветляется верой.

Соч.: Введение в философию, СПб, 1840; Систематическое изложение логики, СПб, 1856; Взгляд на движение философии в мире христианском..., «Ж. М-ва народного просвещения», 1856, ч. 92; О самопознании, «Странник», 1860, кн. 1; О бессмертии души — против натурализма, там же, 1861, кн. 5; Философский рационализм новейшего времени, «Христианское чтение», 1860, кн. 3—6, 12; О нравственных началах, там же, 1867, кн. 9; Вступительная лекция в психологию, там же, 1868, кн. 2.

Лит.: Колубовский Я., Материалы для истории философии в России, «Вопр. филос. и психол.», 1890, кн. 4; Памяти В. Н. Карпова. [Сб. ст.], СПб, 1868 (имеется библиография).

КАРПОВ, Федор Иванович (г. рожд. неизв. — ум. между 1539—45) — рус. мыслитель-публицист и дипломат. В письм. источниках К. впервые упоминается в 1495. Находясь на дипломатич. службе, К. с 1517 на протяжении 20—30 лет руководил восточной (крымской, турецкой, казанской) политикой Русского гос-ва и деятельно участвовал в дипломатич. сношениях России с Польшей, Литвой, Ватиканом, Пруссией и т. д. Из лит.-публицистич. наследия К. до нас дошли четыре послания: митрополиту Даниилу, монаху Филофею и два — *Максиму Греку*. Важным источником для изучения мировоззрения К. служат семь посланий к нему Максима Грека. Деятельность К. относится к периоду острой идеол. борьбы в Московском гос-ве, связанной с подъемом реформационного движения. По-видимому, К. был знаком с одним из руководителей ереси «жидовствующих» — Федором *Курицыным*. Для мировоззрения К. характерно начинающееся высвобождение от традиций ортодоксально-схоластики мышления. В противоположность господствовавшему представлению о философии как служанке богословия, К. интересовало «философское писание» само по себе. Он выступал в защиту «словесных учений, украшающих человека». На фоне совр. К. публицистики его сочинения отличались светской направленностью. В них цитируются «Метаморфозы» Овидия, «Этика» Аристотеля, упоминается имя Гомера и вообще используются «хитрословия ладкедемская».

Для К. характерны тенденция к рационалистич. осмыслению вопросов веры, стремление разрешить противоречия, встречаемые в Священном писании, посредством логики и разума. К. пытался решить эти вопросы с помощью «многочытного помысла», стремящегося понять то, «над чем он не властен». Мировоззрению К. свойственно папистич. восхищение гармонией природы, «красотой небесной» и «благочинным движением звезд». Он стремился к познанию ее естеств. закономерностей и обращался в этих целях к астрономии (связанной тогда с астрологией), а также к медицине. Именно эти взгляды Максим Грек рассматривал как покушение на учение о божеств. промысле и упрекал К. и его единомышленников за то, что разуму они присваивали «высшестественную силу» и «постыжительно достоинство». К. резко выступал против распространения на политич. жизнь общества христ. доктрины терпения, к-рая разрушает «дело народное», «общества добро». «Терпению» он противопоставлял порядки, основанные на сочетании «правды», «закона» и «милости». Правители, согласно К., должны руководствоваться не буквой, а духом закона-правды, быть беспристрастными и иметь в виду воспитательное, а не только карательное значение закона. Введение «правды», по мысли К., приведет общество к гармонич. единству. В обоснование этих взглядов К. ссылался на «Никомахову этику» Аристотеля.

Существенной чертой политич. идеала К. являлось требование вознаграждения личных достоинств человека. Протест против «сильных и злых», борьба с привилегиями княжеско-боярской аристократии, широта знаний и умств. интересов в духе складывавшейся на Руси гуманистич. мысли делают К. предшественником прогрессивной публицистики сер. 16 в.

Соч.: [Послание Максиму Греку] о Левифане, в кн.: Максим Грек, Соч., ч. 3, Каз., [1862], с. 274—80; [Послание митрополиту Даниилу], в кн.: Летопись занятий Имп. археографической комиссии за 1908 год, вып. 21, СПб., 1909, с. 106—13; Неизданные послания преп. Максима Грека и Ф. П. Карпова ..., «Христианское чтение», 1909, авг. — сент. Лит.: Максим Грек, Послание против папского посла Николая Шомберга..., Соч., т. 1, Каз., 1859, с. 235—322; Р ж и г а в. Ф., Воин-западник XVI века (Ф. П. Карпов), «Уч. зап. ин-та истории» (РАН ИОН), 1929, т. 4; В уд о в н и ц И. У., Рус. публицистика XVI века, М.—Л., 1947, с. 182—87; З и м и н А. А., Общественно-политические взгля-

ды Федора Карпова, «Тр. Отд. др.-рус. лит-ры Ин-та рус. лит-ры», 1956, т. 12.

КАРПОВИЦ, Эрст [р. 21 сент. (3 окт.) 1892] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1955), проф. (с 1955). Член КПСС с 1909. Окончил Ин-т красной профессуры (Москва) по отделу естествознания (1931). Преподавательскую работу по философии начал в 1928. Проф. кафедры философии Латв. гос. ун-та им. П. Стучки (с 1945). Работает над проблемами диалектики в естеств. науках, исследует также историю материалистич. идей в Латвии.

Соч.: Mendelcjuvs periodisches System und der dialektische Materialismus, «Unter dem Banner des Marxismus», М., 1934, № 5—6; D. Mendelcjuvs un kimisko elementu periodiskais likums, Riga, 1957; Cina pret religiju par zinatniski-materialistisku pasaules uzskatu Latvija 20. gs. sākumā (Izdz pirmam pasaules karam), «Latv. P. Stucikas v. nos. valsts univers. zinatniskie raksti», 1960, sēj. 33; Философские взгляды Менделеева, «Уч. хим.», 1934, т. 3, вып. 3; Значение философских взглядов Менделеева для открытия периодического закона химических элементов, «Изв. АН ЛССР», 1955, № 1; Некоторые вопросы теории познания в трудах Д. И. Менделеева, там же, 1956, № 11; Диалектика периодического закона химических элементов (закон единства и борьбы противоположностей и закон перехода количества в качество и наоборот), «Тр. Рижского Педагогич. ин-та», 1958, № 7; Vai pasaule ir materiala, Riga, 1959; Materija un kustiba, Riga, 1960; Kas ir telpa un laiks, Riga, 1960.

КАРСАВИН, Лев Платонович (1882—1952) — рус. философ-мистик и историк-медиевист. Проф. (с 1912) Петербургского ун-та; с 1922 — белоэмигрант; участвовал в религиозно-филос. академии *Бердяева* в Берлине, занимал кафедру истории в ун-те в Ковно (Каунас). Цель философии К. — доказать и оправдать неизбежность православно-христ. мировоззрения. Мир, по К., — результат самоограничения бога; все, что в нем обнаруживается, есть проявление божественного. Бог у К., так же как и у В. Соловьева, выступает в форме абсолютного совершенного всеединства. Поэтому свою философию он называет «философией всеединства». Знание, по К., основывается на вере. Безрелиг. философия и безрелиг. знания быть не может. Утверждение К.: «абсолютность выше нашего разумения» («Философия истории», Берлин, 1923, с. 72) — показывает связь его мистич. онтологии с иррационализмом в гносеологии. Историч. процесс К. теологизирует, по существу сводя всемирную историю к истории христ. церкви. Гос-во, стремясь к осуществлению христ. идеалов, должно, по К., в конечном счете слиться с царевью. Так обнажается связь религ.-филос. теории К. с реакционной концепцией обществ. развития.

Соч.: Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков, СПб., 1912; Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках преимущественно в Италии, П., 1915; Sallia или весьма краткое и душеполезное размышление о боге, мире, человеке..., П., 1919; Noctes petropolitanae, П., 1922; Восток, Запад и рус. идея, П., 1922; Диалог, Берлин, 1923; Джигордано Бруно, Берлин, 1923; О началах, Берлин, 1925; О личности, Ковно, 1929.

Лит.: Бу з е с к у л В., Всеобщая история и ее предшественники в России в XIX и начале XX в., ч. 2, Л., 1931.

А. Поляков. Москва.

КАРТЕЗИАНСТВО — учение *Декарта* и направление в философии и естествознании 17—18 вв., развивавшее его идеи. Получило название от латинизир. имени Декарта — Cartesius (Картезий). Наличие в философии Декарта материалистич. и идеалистич. идей породило различные направления в К. и борьбу между ними. Идеалистич. тенденция К. была развита в особенности *окказионализмом*, а также *Паскалем*, примыкавшим к *ясенизму*. Рационалистич. логика Декарта была обстоятельно разработана *Арно* и *Николем* (1625—95) в соч. «Логика, или Искусство мыслить» (т. н. «Логика Пор-Рояля» — А. Arnauld et P. Nicole, «La logique, ou l'Art de penser...», 1662). Философич. физики, физиологии и отчасти психологии Декарта, развили материалистич. сторону К. Таковы франц. философы Ж. Рого (1620—72) и его уче-

ник П. Режи (1632—1707), к-рый в полемике против *Мальбранша* разрабатывал учение об идеях как отражениях реальных вещей. Отступая от идеалистич. метафизики Декарта, Режи считал тело не менее достоверным объектом познания, чем душу. В отличие от Арно, подчеркивавшего антисенсуалистич. элементы гносеологии Декарта, Режи внес в нее сенсуалистич. струю. Продолжателем Рого и Режи во Франции выступил *Фонтенель*, оказавший значит. влияние на формирование идеологии франц. Просвещения и материализма 18 в. «Материализм выступил против Декарта в лице Гассенди» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 140). Крупным философ-картезианцем, преодолевшим дуализм своего учителя, был один из основателей материалистич. традиции К.—голландец *Де Руа* (Леруа), материалистич. идеи к-рого развил один из основоположников франц. материализма 18 в. *Ламетри*. В физиологии картезианская школа удерживала свое влияние вплоть до конца 18 в. (*Кабанис*). Картезианская школа механистич. физики, развивавшая идеи Декарта о близкодействии и о вихрях, выступала в 17 и отчасти 18 вв. гл. соперником гравитаци. физики Ньютона. Наиболее видным представителем картезианской физики был голландец Х. Гюйгенс и его школа. Идеи вихревой теории Декарта, развитые К., были возрождены во 2-й пол. 19 в. Максвеллом и др. учеными при объяснении явлений магнетизма и электричества. Враждебность материалистич. и рационалистич. элементов К. церк. догматике вызвала долготелюю борьбу церкви против него. В совр. бурж. философии идеалистич. идеи К. используются *феноменологией*, *экзистенциализмом* и нек-рыми течениями идеалистич. рационализма.

Лит.: Быховский Б. Э., Философия Декарта, М.—Л., 1940; История философии, т. 2, М., 1941, с. 122—151; Асмус В. Ф., Декарт, М., 1956, гл. 14; История философии, т. 1, М., 1957, с. 382—408; Введенский А. И., Декарт и окказионализм, Берлин—П.—М., 1922; Saisset E., Descartes, ses précurseurs et ses disciples, P., 1865; Vouillier F., Histoire de la philosophie cartésienne, v. 1—2, P., 1868; Grosckdorff C., Descartes und die Fortbildung der kartesianischen Lehre, Münch., 1923; Mouy P., Le développement de la physique cartésienne (1646—1712), P., 1934; Dibo P., Sur l'histoire de la philosophie cartésienne, Groningue, 1955; Descartes et le cartésianisme hollandais, études et documents, Amst., 1951; Thijssen-Schoutte C. L., Nederlands cartésianisme, Amst., 1954; Callot E., Problèmes du cartésianisme, Annecy, 1956. В. Соколов. Москва.

КАРУС (Carus), Пол (18 июля 1852—1919) — амер. философ-махист, немец по национальности. Получил филос. образование в Страсбурге и степень д-ра философии в ун-те г. Тюбингена. Основатель филос.-религ. журн. «The Open Court»; долгое время являлся издателем и редактором филос. периодич. издания «The Monist» в Чикаго. Защиту махизма К. сочетал с проповедью т. н. теонмии, или «новой», «научной» теологии, отрицавшей неизбежность нек-рых религ. догм, но настаивавшей на том, что «вся истина божественна, и бог открывает себя в естествознании так же, как в истории». Существо филос. воззрений К. изложено в его статье «Теология как наука» (в журн. «The Monist», т. 13). Критику реакц. сущности махистской философии К. дал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» (Соч., т. 14, с. 211—13, 218, 260).

Соч.: Monism and meliorism, N. Y., 1885; Fundamental problems: the method of philosophy as a systematic arrangement of knowledge, L., 1889; God: an inquiry into the nature of man's highest ideal..., Chi., 1908; Philosophy as a science..., Chi., 1909.

КАСО (Caso), Антонио (1883—7 марта 1946) — мекс. философ, субъективный идеалист и иррационалист. К. эклектически сочетал учение Буэру, интуитивизм Бергсона, прагматизм Джемса и впоследствии христ. экзистенциализм. Филос. взгляды К. наиболее полно изложены в работе «Существование как экономия, как незаинтересованность и как милосердие», 1919, 1943 («La existencia como economía, como desinterés y como caridad», 1919, [2 ed.], 1943). Со-

гласно К., в природе, обществе и науке все стремится к подчинению закону наименьшей траты сил. Все в природе носит фатальный характер, в обществе же, благодаря свободе личности, наивысшим проявлением к-рой является иск-во, появляется возможность преодолеть фатальность. На этой основе К. разработал идеалистич. эстетич. теорию, согласно к-рой иск-во оторвано от социальной действительности и выражает лишь духовные интуиции индивидов. По К., истина постигается путем сочетания интуитивного метода мистиков с интеллектуализмом Спинозы, Канта и Гегеля. К. выступал против марксизма и социализма.

Соч.: La filosofía de la intuición, Méx., 1914; Filósofos y doctrinas morales, Méx., 1915; Problemas filosóficos, Méx., 1915; Ensayo crítico y polémico, Méx., 1922; Discursos a la nación, Méx., 1922; El concepto de la historia universal, Méx., 1923; Doctrinas e ideas, Méx., 1925; Historia y antología del pensamiento filosófico, Méx., 1926; El concepto de la historia y la filosofía de los valores, Méx., 1933; El acto ideatorio, Méx., 1934; La filosofía de Husserl, Méx., 1934; Nuevos discursos a la nación mexicana, Méx., 1934; La filosofía de la cultura y el materialismo histórico, Méx., 1936; Meyserson y la física moderna, Méx., 1940; Positivismismo, neopositivismismo y fenomenología, Méx., 1941; La persona humana y el estado totalitario, Méx., 1941; El peligro del hombre, Méx., 1942; Filósofos y moralistas franceses, Méx., 1943; Sociología, Méx., 1954.

Лит.: Важенков А. К., Критика филос. и социологич. воззрений А. Касо, М., 1961 (дисс.); Villegas A., La filosofía de lo mexicano, Méx., 1960; Krauze de Kolteniuk Rosa, La filosofía de Antonio Caso, Méx., 1961. Р. Бургема. Москва.

КАССИРЕР (Cassirer), Эрнст (28 июля 1874—13 апр. 1945) — нем. философ-идеалист, веокантианец. В 1906—приват-доцент в Берлине, в 1919—33—проф. в Гамбурге. С 1933 К. был в эмиграции; сначала был проф. в Оксфорде, затем — в ун-тах Упсалы и Гётеборга, с 1941 по 1945 преподавал в Иельском и Колумбийском ун-тах в США.

К. вслед за Когеном и Наторпом не только полностью устраняет «вещь в себе», но и отрицает чувственность как предшествующий мышлению источник познания (см. «Philosophie der symbolischen Formen», В., 1925, Т1 2, S. 40). Рассудок, по К., в процессе познания творчески порождает из себя мир, к-рый толкуется как творение не индивидуального сознания, а «сознания вообще». Тем самым субъективно-идеалистич. теория превращается в объективный идеализм.

Исследуя образование понятий в математике и естествознании, К. пытался доказать, что категорией, определяющей движение совр. теоретич. мысли, является категория «отношения», а не «вещи», «субстанция». В основе же всех отношений, по К., лежат идеальные отношения «чистой мысли», с к-рыми имеет дело математика. Факт — не «данное», но лишь проблема, «заданное». Сохраняя идеалистич. сторону кантовского метода, К. превращает первоначальную концепцию, односторонне ориентированную на математику и естествознание, в «философию символических форм» («Philosophie der symbolischen Formen», Т1 1—3, В., 1923—29). К. исходит из того, что категории предметного сознания должны иметь силу везде, где вообще из хаоса впечатлений формируется космос, «картина мира» (см. указ соч., Т1 2, 1925, S. 34). Формы такого «понимания мира» К. видел в языке, мифе и религии, иск-ве и истории. рассмотрении. Эти формы не являются отражением существующего, а представляют собой автономные творения духа, в к-рых человек впервые создает свой мир. К. характеризует этот мир как «символический» (см. там же, Т1 4, 1923, S. 9). Язык, по К., есть простейшая ступень систематизации, опредмечивания. Мифологию и религию К. рассматривал как бессознательную, но регулируемую правилами объективацию чувств. Религию в ее более высоких формах К. определяет как символ. «выражение наших высших нравственных идеалов» («Was ist der Mensch?», В., 1960, S. 120). Искусство, по К., в отличие от науки, есть «оформление» бытия посредством чувств. форм. Искусство опре-

деляется «как изначальное проявление нашей внутренней жизни» (там же, S. 215). Но при этом оно не есть просто выражение внутренней жизни художника, а открывает нам «сверхиндивидуальное бытие». С помощью этой теории К. хотел дать охватывающее «теоретико-критическое обоснование» всей культуры. В результате задачей философии оказалась рефлексия творч. духа относительно своей собств. деятельности.

В философии истории стремление открыть закономерности историч. процесса отвергается К. как «натуралистическое» и фаталистическое. Согласно К., все историч. явления, все продукты культурного творчества обязаны своим существованием исключительно «актам концентрации и объективации идей и представлений» (там же, S. 234). Эта «объективация» осажается и принимает прочную и постоянную форму в памятниках, документах и т. д., в том, что мы называем традицией. Она имеет для нас, по мнению К., лишь «символическое бытие».

Итог философии символич. форм К. подвел в своем предпоследнем произведении «Опыт о человеке» («An essay on man», 1945). В этой книге К. рассматривает свое учение как филос. антропологию. Человек — это не «социальное животное» и не «разумное животное», а «животное символическое», существо, строящее себе мир в символич. формах.

По своим социально-политич. воззрениям К. остался сторонником либеральной буржуазии. К. защищал бурж. демократию («Die Idee der republikanischen Verfassung» — «Идея республиканской конституции», 1929) и осуждал фашизм. Его последнее произведение «Миф государства» («Vom Mythos des Staates», 1949, на англ. яз. 1946) можно рассматривать даже как попытку полемики с фашизмом, к-рая, однако, не вскрывала его сущности.

Соч.: Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen, Marburg, 1902; Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit, Bd 1—4, B., 1906—57; Freiheit und Form. Studien zur deutschen Geistesgeschichte, B., 1916; Zur Einstein'schen Relativitätstheorie, B., 1921; Kants Leben und Lehre, B., 1921; Idee und Gestalt. Goethe, Schiller, Hölderlin, Kleist, [2. Aufl.], B., 1924; Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance, Lpz.—B., 1927; Die Philosophie der Aufklärung, Tübingen, 1932; Determinismus und Indeterminismus in der modernen Physik, Göteborg, 1937; E. Descartes, Stockh., 1939; Naturalistische und humanistische Begründung der Kulturphilosophie, Göteborg, 1939; Die Philosophie im XVII. und XVIII. Jahrhundert, P., 1939; An essay on man. An introduction to a philosophy of human culture, New Haven—L., [1945]; в рус. пер.: Теория относительности Эйнштейна, П., 1922.

Лит.: The philosophy of Ernst Cassirer, Evanston (Ill.), 1949 (The library of living philosophers, v. 6, ed. by P. A. Schlipp); Leander F., Estetik och kunskaпsteori, Göteborg, 1950; Hamburg C. H., Symbol and reality, Hague, 1956.

Г. Петерле. ГДР. В. Лекторский. Москва.

КАСТИЛЬОН, Кастийон (Castillon), Фридрих (1747—1814) — проф. философии Берлинской военной академии. Занимался логикой и психологией. Действит. чл. Берлинской АН (с 1786), директор ее филос. отделения (1801—12). Сын известного математика Ж. Кастильона. В соч. «Об одном новом логическом алгоритме» («Mémoire sur un nouvel algorithme logique», 1803) К. предложил алгебраизованную трактовку суждений и силлогизмов, представляя каждое понятие буквой и обозначая соединение неск. атрибутов в одном субъекте знаком «плюс», а отсутствие предиката у субъекта — знаком «минус». Идея К. предвосхищала последующее развитие алгебры логики в 19 в.

Соч. опубли. в издании: Mémoires de l'Académie royale des sciences et belles-lettres, an. 1787—1804, B., 1792—1807; Réflexions sur les sens en général, et particulièrement sur les organes du sens intime, там же, an. 1798, B., 1801; Mémoire touchant l'influence des signes sur la formation des idées, там же, an. 1799—1800, B., 1803; Mémoire sur la question de l'origine des connaissances humaines, там же, an. 1801, B., 1804; Réflexions sur la logique, там же, an. 1802, B., 1804.

Лит.: Bartholmess C. H., Histoire philosophique de l'Académie de Prusse, t. 2, P., 1851, p. 402—403; Shear-

man A. T., The development of symbolic logic, L., 1906; Lewis C. I., A survey of symbolic logic, Berkeley, 1918.

КАСТРО, Кастру (Castro), Жозуе ди (р. 5 сент. 1908) — браз. ученый и прогрессивный обществ. деятель. Директор Браз. ин-та питания, организатор и президент Всемирной ассоциации по борьбе с голодом (с 1957). В 1951—55 — пред. Исполкома Орг-ции по вопросам продовольствия и с. х-ва (ФАО) при ООН; покинул свой пост в знак протеста против политики США. Лауреат Междунар. премии Мира (1955).

К. — автор многочисл. работ, посвященных вопросам питания и борьбе с голодом и нищетой нар. масс в капиталистич. странах. Опираясь на анализ обширного статистич. материала, К. убедительно доказывает, что голод является результатом империалистич. эксплуатации человека и земли и что без ликвидации колониальной системы невозможно радикальное разрешение проблемы голода на земном шаре (см. «География голода», М., 1954, с. 216, 374). К. выступает против расизма: «...Так называемые „лишние“ расы, — пишет К., — оказываются просто-напросто голодающими расами» (там же, с. 100), против неомальтузианства, географич. детерминизма и др. реакц. теорий: «Причина голода и нищеты на земле не в излишнем количестве людей, а скорее в том, что работают немногие, а кормить надо многих» (там же, с. 384).

В работе «Черная книга голода» (см. «Вопр. философии», 1957, № 5) К. обличает капиталистич. строй. «...Так называемые слаборазвитые народы, — пишет К., — уже разглядели, какое глубокое противоречие существует между моральными заповедями равенства, братства и гуманизма, которые проповедают теоретики западной цивилизации, и циничной, звериной борьбой из-за прибыли, которую ведут торгашеские объединения, господствующие в индустриальных странах» (указ. журн., с. 133). Он выражает протест против «цивилизации, основанной на бесчеловечной эксплуатации богатств колоний посредством разрушительной экономической системы» (там же).

В нек-рых случаях К. пытается перенести биологич. закономерности на жизнь общества. Вид его положений и выводов приближается к марксистским.

Соч.: Condições de vida das classes operárias em Recife, 2 ed., R. de J., 1934; Alimentação e raça, R. de J., 1936; Science et technique, [R. de J., 1937]; Alimentação brasileira a luz da geografia humana, Porto Alegre, 1937; Fisiologia dos tabus, [s. l.], 1938; Geografia humana, Porto Alegre, 1939; Geopolítica da fome, 4 ed., v. 1—2, São Paulo, 1957; в рус. пер.: География голода. Голод в Бразилии, М., 1950; Физиология табу, «Вопр. философии», 1956, № 3; Китай и «западный мир», там же, 1958, № 10.

Ж. Баарин. Москва

КАСТРО РУС (Castro Ruz), Фидель (р. 13 авг. 1927) — организатор и руководитель революц. борьбы кубинского народа, премьер-министр революц. пр-ва (с 1959), ген. секретарь нац. руководства ОРО (Объединенных революц. орг-ций). Лауреат Междунар. Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1961). Родился в местечке Маяри (провинция Орьенте) в семье помещика. Закончил юридич. фак-т Гаваиского университета, д-р права. С юношеских лет — активный участник революционного движения на Кубе. За попытку революц. свержения диктатуры Батисты и руководство вооруж. нападения на казарму Монкада (Сантьяго-де-Куба, 26 июля 1953) был приговорен к 15 годам тюремного заключения. В речи на суде, известной под названием «История меня оправдает», подвиг уничтожающей критике кровавую диктатуру Батисты и изложил программу нац.-освободит. борьбы и революционных преобразований

(см. Речи и выступления, М., 1960, с. 45). Программа предполагала проведение аграрной реформы, национализации ряда отраслей промышленности, всеобщей реформы образования. Освобожденный в 1954 по амнистии, К. Р. эмигрировал в США, а затем в Мекенку. 2 дек. 1956 на яхте «Грама» во главе отряда в 82 чел. К. Р. высадился на Кубе. В горах Сьерра-Маэстра была создана революц. орг-ция «Движение 26 июля», к-рая при поддержке широких нар. масс начала борьбу против диктатуры. Под руководством К. Р. была создана революц. армия. После 2-летней борьбы диктатура была разгромлена (1959) и в стране победила антиимпериалистич., антифеодалная, демократич. революция, переросшая в социалистич. революцию. Под руководством К. Р. кубинский народ окончил с господством иностр. империалистов, ликвидировал власть амер. монополий, осуществил ряд глубоких социальных преобразований: аграрную реформу, национализацию пром-сти, банков, ликвидацию неграмотности и приступил к строительству социализма. Под его руководством кубинский народ разгромил амер. интервенцию в апреле 1961.

Воззрения К. Р. формировались в значит. степени под влиянием революц.-демократич. идей Х. Марти, к-рый был «... идейным вдохновителем 26 июля...» (там же, с. 24). Еще в студенческие годы К. Р. знакомится с нек-рыми марксистскими работами. Становление марксистского мировоззрения К. Р. происходило в процессе революц. борьбы. «Революция — это не простое событие в истории народа. Революция очень трудна и сложна. Помимо всего прочего, она великий учитель. В ходе своего развития революция учит нас, укрепляет сознание народа, и мы с каждым днем все больше понимаем, что такое революция. А для этого требовалось время» (там же, с. 347). Подчеркивая, что его революционно-демократич. идеи развивались, конкретизировались, превращались в четкую марксистскую программу революц. преобразований, К. Р. говорил: «Чем более мы сталкиваемся с революционной действительностью и классовой борьбой..., тем более мы убеждаемся в правильности написанных Марксом и Энгельсом истин и в подлинно гениальной интерпретации научного социализма, данной Лениным» («Noticias de hoy», 1961, 2 de diciembre, p. 7). К. Р. является не только непосредственным руководителем борьбы кубинского народа и молодого революц. гос-ва, но и одним из идейных вдохновителей борьбы кубинского народа за социализм. Социально-политич. взгляды К. Р. отчетливо изложены в ряде его выступлений, среди к-рых наибольшим интерес представляют: речь на открытии 10-го конгресса конфедерации трудящихся Кубы (18 нояб. 1959), выступление на Ген. нац. ассамблее народа Кубы (2 сент. 1960), выступление на Ген. Ассамблее ООН (сент. 1960), выступление 1 мая 1961, речь на закрытии заседания Исполкома Всемирной федерации студентов (8 июля 1961), речь на митинге трудящихся Кубы 26 июля 1961, выступление при принятии 2-й Гаванской декларации 4 февр. 1962 (см. изложение этого выступления в «Правде» 7 февр. 1962), ряд выступлений при создании ОРО и др. В них дается глубокое теоретич. обоснование проблем нац.-освободит. борьбы в Лат. Америке, конкретизируется ряд важных положений марксизма-ленинизма в условиях Кубы и других лат.-амер. стран. К. Р. уделяет значит. внимание разработке теоретич. вопросов революции. Он сумел донести до кубинцев понимание глубокого социального характера революции, необходимости коренных экономич. преобразований. Раскрывая социальные корни кубинской революции, К. Р. показывает, что по этому пути должны пойти все другие страны, угнетенные империализмом, ибо «кубинская

революция доказывает, что империализм несет в себе зародыши своего собственного разрушения» («Noticias de hoy», 1961, 9 de junio, p. 5). К. Р. отметил, что движущими силами кубинской революции являются рабочий класс и крестьянство, и подчеркнул, что решающая роль в революции принадлежит рабочему классу: «Мы превратили рабочий класс в решающую силу и сделали его правящим классом в политической жизни страны» («Речи и выступления», с. 200—01).

Историч. заслуга К. Р. состоит также в том, что он сумел показать, что вооруж. массовая борьба является необходимым условием развития революции на Кубе (см. Блас Рока, Куба — свободная территория Америки, М., 1961, с. 53). Победа кубинской революции разведала миф о «географическом фатализме», отрицающей возможность победы нар. революции в странах, расположенных рядом с США. К. Р. обосновал важное положение о том, что без ликвидации господства иностр. монополий невозможно осуществление революц. преобразований. Решая с марксистских позиций вопросы о движущих силах революции, К. Р. ведет неустанную борьбу за единство революц. сил, за укрепление союза рабочего класса и крестьянства. К. Р. решительно выступил против догматизма и сектанства, имевших место среди определенных групп революц. сил Кубы, что мешало правильному решению проблем социалистического строительства в стране.

Призывая творчески подходить к марксизму, К. Р. говорил, что марксизм не собрание предписаний и рецептов на каждый случай жизни. «Марксизм — это совокупность принципов и норм, которые учат нас правильно интерпретировать и анализировать события» («Noticias de hoy», 1961, 11 de noviembre).

Большое внимание уделяет К. Р. проблеме нар. образования, просвещения и культуры. Отмечая, что первые победы революции на Кубе открыли доступ народу к знаниям, К. Р. говорил: «... наше время стало для нас как бы рассветом, как бы пробуждением сознания, в процессе которого народ начинает ясно различать факты и понимать истину» («Речи и выступления», с. 245). Вся деятельность революц. пр-ва Кубы направлена на то, чтобы сделать реальными слова его руководителя о том, что «будущее нашей родины должно быть будущим людей науки, должно быть будущим людей мысли...» (там же, с. 253).

К. Р. — выдающийся борец за мир между народами. Подчеркивая, что «войны с самого начала существования человечества возникали в основном по одной причине — стремления одних овладеть богатствами других» («Obra Revolucionaria», 1960, № 26, p. 30) и что сегодня угроза новой военной катастрофы исходит из грабительской сущности монополий, К. Р. говорит, что «когда исчезнет философия грабежа, тогда исчезнет и философия войны» (там же).

С о ч.: Pensamiento político, económico y social de Fidel Castro, [3 ed.], La Habana, 1959; Informe económico sobre Cuba, [Habana, 1959]; Una sola bandera, un sol ideal: Cuba!, [Habana], 1959; ¡Patria o muerte! [Habana, 1960]; Y la luz se hizo. Declaraciones del comandante F. Castro Ruz..., [Habana, 1960]; в рус. пер.: Речь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 1960 года, М., 1960.

Р. Бургете. Москва.

КАСТЫ (португ. casta — род, происхождение, от лат. castus — чистый) — замкнутые, эндогамные группы людей, связанных единством наследств. профессии. Давая характеристику каст, Маркс писал: «...одна каста отделена от другой; между ними не допускается смешения путем браков; касты совершенно различны по своему значению; у каждой касты своя исключительная, неизменная профессия» («Формы, предшествующие капиталистическому производству», 1940, с. 12—13). Появление К. было связано с возникновением обществ. разделения труда. «...Примитивная форма, в которой осуществляется разделение труда у индусов и египтян,

порождает кастовый строй в государстве и в религии этих народов...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 38).

К. существовали в ряде древних и ср.-век. гос-в, однако нигде они не приобрели столь строгой формы и не сохранились так долго, как в Индии, что объясняется крайне медленным (в прошлом) процессом социально-экономич. развития страны. В Древней Индии в период господства рабовладельч. отношений все население делилось на четыре сословные варны — брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр, к-рые уже обладали рядом осн. признаков К. В пределах варн, особенно вайшьев и шудр, постепенно возникают джати в значении каста. В ср.-век. Индии К. стали осн. иерархич. структуры феод. общества, заменив прежнее деление общества на варны. В зависимости от места К. на ступенях феод. иерархич. лестницы определялись ее обществ. права. Высшие К. брахманов и кшатриев (раджпутов) вели свое происхождение от одноименных варн, ниже находились торгово-ростовщич. К. и еще ниже — огромное количество земледельч. и ремесленных К. Наиболее угнетенные слои полубрабов-полукрепостных, как правило, относились к многочисл. К. «неприкасаемых». В число «неприкасаемых» включались иногда целые племена в процессе их подчинения более крупным и развитым в социально-экономич. отношении народностям. Большое количество «неприкасаемых» племен сохранилось до сер. 20 в. на юге Индии. Согласно индуизму, принадлежность человека к той или иной К. определяется степенью «греховности» его души в «прошлых существованиях»; эта «греховность» сохраняется якобы и в новой телесной оболочке и способна «осквернять» людей, стоящих выше в социальном отношении. Поведение членов каждой К. регламентировалось всевозможными правилами, особенно строгими в отношении браков и совместной еды с членами других К. В ремесленных К. регламентация распространялась также и на процесс труда. За соблюдением кастовых правил следили кастовые советы, к-рые накладывали на нарушителей взыскания вплоть до исключения из К. В период феодализма изгнание из К. ставило человека вне общества и было сильным орудием принуждения в руках феодалов и гос. аппарата. Протест нар. масс против кастовых ограничений выражался, с одной стороны, в форме сектантских движений, критиковавших существующие порядки, с другой — в переходе членов низших К. в ислам, формально признающий равенство людей перед богом.

Экономич. и политич. раздробленность феод. Индии, неравномерность социально-экономич. развития различных частей страны привели к тому, что в различных областях Индии и у разных народов возникла своя более или менее специфич. кастовая структура, появились многочисл. К. и подкасты. По нек-рым данным, в Индии существует (сер. 20 в.) до 3 500 К. и подкаст; лишь немногие из них, напр. сословные К. брахманов и раджпутов, являются общими для всей Индии, но и внутри них имеются подразделения.

Кастовый строй еще в период позднего средневековья встал в противоречие с социально-экономич. развитием страны. С ростом капиталистич. отношений К. как форма организации ремесла начинают утрачивать свое значение. В совр. Индии лет ни одной К., члены к-рой занимались бы исключительно своей кастовой профессией. Однако как пережиток феод. общества К. продолжают существовать. Кастовый строй, изолирующий людей друг от друга, мешающий объединению угнетенных классов в борьбе против эксплуататоров, всегда поддерживался господствующими классами Индии. Кастовый строй использовался англ. колонизаторами для осуществления в Индии политики «разделяй и властвуй». По конституции

Индии (1950) признано равноправие К., но фактически система кастовых различий сохраняется.

Лит.: Маркс К., Ницета философии, Соч., 2 изд., т. 4, с. 148, 150, 153—54; его же, Введение (Из экономических рукописей 1857—58 годов), там же, т. 12, с. 722; его же, Капитал, т. 1, там же, т. 23, с. 351—52, 522; Маркс К. и Энгельс Ф., Немедкая идеология, там же, т. 3, с. 38; Всемирная история, т. 1, М., 1955, с. 600—601; то же, т. 2, М., 1956, с. 567—63; Ильин Г. Ф., Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов, «Вестн. древней истории», 1950, № 2, с. 94—107; Dutt N. K., Origin and growth of caste in India, L., 1931; Gharage G. S., Caste and class in India, Bombay, 1957; Sharma R. S., Śūdras in Ancient India, Delhi, 1958.

А. Осипов, Москва.

КАСЪМОВ, Мехбали Мамедович [р. 5(18) мая 1906] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1957), проф. (с 1957). Член КНСС с 1930. Окончил Моск. историко-филос. ин-т (1937). Преподает философию с 1937. Зав. кафедрой философии Азерб. ун-та им. С. М. Кирова (с 1953). Разрабатывает историю филос. мысли Азербайджана, является автором разделов по этой теме в 6-томной «Истории философии».

Соч.: Материализм Омара Хайяма по его рубаиятам. «Изв. АН Аз. ССР», 1947, т. 1; Борьба М. Ф. Ахундова против религии ислама, «Гр. ин-та истории и философии АН Аз. ССР», 1953, т. 3; Мировоззрение М. Ф. Ахундова, там же, 1955, т. 8; Г. Зардаби — выдающийся азербайджанский просветитель второй половины XIX века, там же; М. Ф. Ахундов и рус. революционно-демократическая эстетика XIX века, Баку, 1954; К. в просю о влиянии передовых идей России XIX в. на развитие обществ. мысли в Азербайджане, «Гр. Азерб. ун-та. Серия филос.», 1954, вып. 2; Очерки по истории передовой философской и общественно-политической мысли азербайджанского народа в XIX веке, Баку, 1959; Социализм чамбий-этими йукеалан хэт уза инкишафыны ба'эл хусусийятлари гаггында, в сб. ст.: Социализм чамбий-этими инкишафыны ба'эзи масалалари, Баку, 1958; Мухталиф эшкарлари социализма кегмеэи формалари гаггында, там же.

КАТАРСИС (греч. καθάρσις, букв. — очищение) — термин др.-греч. философии и эстетики для обозначения сущности эстетич. переживания. Восходит он еще к древнему пифагорейству, в к-ром рекомендовалась гимнастика для телесного развития и музыка для очищения души (58D 1 Diels⁹). Эмпедокл тоже говорил о возникновении безумия из душевной «нечистоты» (31 A 98). Гераклит, по свидетельству стоиков, учил об очищении огнем. В противоположность этому материалистич. учению о катарсисе Платон выдвинул свое понимание очищения души как освобождения от тела, от страстей или от наслаждений (Phaed. 67 A—69 C). Правда, Платон употреблял термин «К.» и в широком смысле слова, как очищение тела (Soph. 230 C—E; Tim. 89 A). Аристотель разрабатывал свое учение, указывая на воспитат., очистит. и развлекат. значение музыки (Polit. VIII 7, 1341 b 36—1342 a 8), благодаря музыке люди получают облегчение и очищаются от своих аффектов, переживая при этом «безвредную радость». Знаменитое определение Аристотелем трагедии как очищения от аффектов (см. «Поэтика», гл. VI), ввиду полного отсутствия всяких разъяснений со стороны Аристотеля, вызвало появление лит-ры о том, как понимать здесь катарсис. Лессинг понимал аристотелевский К. морально, Э. Мюллер — гедонистически, Я. Бернайс — по образцу медицинского очищения (т. е. облегчения), Э. Целлер — чисто эстетически, К. Целль — религиозно и мистериально. Для окончат. решения вопроса о сущности аристотелевского К. в науке нет еще никаких твердых данных, т. к. неясно, понимается ли у Аристотеля очищение как удаление всех аффектов целиком или же как нек-рая гармонизация аффектов. Для решения этого вопроса необходимо привлечение не только одной «Поэтики», но и всех теоретич. сочинений Аристотеля.

В учении Фрейда термин «К.» употреблялся для обозначения одного из методов психоанализа.

Лит.: Аристотель, Поэтика, пер. [с греч.], Л., 1927 (см. Введение Н. И. Новосадского); Лосев А. Ф., Очерки античного символизма и мифологии, т. 1, М., 1930, с. 728—34 (с обзором лит.); Грушка А. А., Максим Горький как толкователь Аристотеля, «Изв. АН СССР», 7 сер.,

1930, № 2, с. 113; Ахманова А. С., Петровский Ф. А. [Вступит. статья], в кн.: Аристотель. Об искусстве поэзии, М., 1957; Egger J., Katharsis-Studien, W., 1883; Walter J., Die Geschichte der Aesthetik im Altertum..., Lpz., 1893, S. 617—26; Haupt St., Die Lösung der Katharsisfrage, Znam, 1911; Pfister F., Katharsis, в кн.: Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Suppl. Bd 6, Stuttg., 1935, S. 146—62; Trench W. R., Katharsis in Aristotle's aesthetics, «Hermathena», Dublin, 1938, № 51, p. 110—34; Donni P., La catarsi aristotelica, Napoli, 1938.

КАТАРЫ (от греч. καθαρός — чистый) — еретич. секта, распространенная в Зап. Европе под различными названиями: альбигойцы, гацары, булгары, славяне, публикане (от павликиане), тексеране (ткачи) и т. д. Термин «К.» появился ок. 1163, но еретики, придерживавшиеся характерных для К. дуалистич. взглядов, имелись еще в 1-й пол. 11 в. в Италии, ставшей впоследствии важнейшим центром К. Сложившееся под влиянием *богомилства* дуалистич. учение К. о наличии двух извечных начал — доброго (бога — творца духовного) и злого (дьявола — творца материального), служило теоретич. основой оппозиц. отношения к католич. церкви. К. отрицали догматы католич. церкви: не признавали Христа равным «богу-отцу», большая часть их не верила в легенду о смерти и воскресении Христа, в связи с чем не почитала крест. К. считали излишними церк. здания, иконы и статуи, объявляли 7 таинств католич. церкви дьявольским обманом, практиковали публичную исповедь. Для учения К. характерны черты *аскетизма* (заиречение животной пищи, требование безбрачия и т. д.), что было своеобразным протестом против раслуценности и «обмирщения» католич. духовенства. Большая часть К. отвергала Ветхий завет, выступала против феод. суда, существование к-рого объявлялось неправомерным, т. к., согласно учению К., всякие наказания установлены злым богом. К. также отвергали законы, объявив излишним существование светских властей, выступали противниками ведения войн.

К. делились на общины (в 1250 их было 16), членами к-рых считались лица, принявшие обряд рукоположения, остальные последователи учения К. назывались «верующими». К. созывали свои съезды, куда иногда прибывали их сторонники из Болгарии. Учение К. отражало гл. обр. интересы бюргерства, что, в частности, сказалось в их взгляде о допустимости ростовщичества. Социальная неоднородность секты К. (они состояли, вероятно, из купцов, ремесленников, частично крестьян и рабочего люда городов) привела к расколу на ряд группировок, из к-рых крупнейшими были альбаненсы, конкоренцо и байоленсы (от названия городов Альби, Конкоренцо и Баньоло). Преследования церковью привели в конце 15 в. к упадку и исчезновению секты К.

Лит.: Марк К., Хронологические выписки, в кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. 5—6, М., 1938—39; Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, в кн.: Марк К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; Осокин Н. А., История альбигойцев в их времени, т. 1, Каз., 1869; Арсеньев И., От Карла Великого до реформации, 2 изд., М., 1913, гл. 7; Ein Katharisches Rituale. Hrsg. v. Ed. Cunitz, Jena, 1852; Thompson J. W., Catharist social ideas in medieval French romance, «Romantic Rev.», 1936, v. 27, № 2; Roche D., Le catharisme, nouv. éd., Toulouse, 1947; Söderberg H., La religion des Cathares, Uppsala, 1949; Borst A., Die Katharer, Stuttg., 1953. Н. Бортник. Свердловск.

КАТАСТРОФИЗМ (от греч. καταστροφή — переворот, гибель) — антиэволюционное учение, утверждающее, что вся история Земли состоит из длит. эпох относит. покоя, прерываемых катастрофич. событиями планетарного масштаба (катаклизмами). Идея о всемирных катастрофах зародилась в глубокой древности. В 17—18 вв. она все чаще стала привлекаться для истолкования данных геологии, свидетельствующих о больших переменах, происходивших на протяжении истории Земли. Особая трудность интерпретации фактов, зафиксированных в геологич. летописи, была

вызвана общепринятым тогда представлением о кратковременности истории Земли (по догмам священного писания, с момента сотворения мира прошло лишь несколько более 6 тыс. лет). В связи с этим необходимо было установить причины, вызывающие быстрое преобразование рельефа Земли, а также объяснить факты, свидетельствующие о заметном различии между ископаемыми и совр. животными и растениями. С этой целью и была выдвинута гипотеза о катастрофах, к-рые якобы почти мгновенно уничтожали старый органич. мир и радикально преобразовывали внешний вид земной поверхности. Подобное представление нашло яркое отображение в теоретич. воззрениях франц. естествоиспытателя Кювье. Занимаясь геолого-палеонтологич. исследованиями в окрестностях Парижа, он установил, что в геологич. разрезе этого района отмечается неоднократная смена морских и наземных условий, сопровождаемая появлением и исчезновением различных фаун. Опираясь на эти данные, Кювье сформулировал свою гипотезу о «переворотах», катастрофах (G. Cuvier, Discours sur les révolutions de la surface du globe, 1812). Он сделал вывод, что история Земли состоит из периодов покоя, нарушаемых революц. взрывами, во время к-рых происходит существенная перестройка лика Земли, погибает органический мир и т. п. В периоды покоя органический мир сохраняется неизменным: после катастроф на обновленной земной поверхности появляются новые виды и роды животных и растений, не имеющие связи с вымершими формами. Революц. катаклизмы, по представлениям Кювье, вызываются неизвестными нам силами. Гипотеза катастроф стремилась разрешить противоречия между распространенным в то время представлением о неизменяемости видов (введенным в науку Линнеем) и установленным фактом смены фаун и флор во времени.

В 1-й пол. 19 в. К. получил большое распространение. Франц. палеонтолог А. Д'Орбigny, ученик и последователь Кювье, проделавший огромную работу по изучению вымерших организмов, развил эти идеи до крайнего предела. Он утверждал, что в истории Земли было 27 катаклизмов, потрясавших всю планету, во время к-рых происходила почти мгновенная смена материков и океанов, вызывавшая гибель всех живых существ. Затем очередным «актом творения» создавался новый органич. мир (D'Orbigny A. M., Cours élémentaire de paléontologie et de géologie stratigraphiques, v. 1—3, [1849—52]). Франц. геолог Л. Эли де Бомон, полагавший, что каждый перерыв в осадконакоплении является свидетельством катастрофы, насчитал в истории Земли 32 таких переворота (Élie de Beaumont, Notice sur les systèmes de montagnes, v. 1—4, 1852). Нем. геолог Л. Бух, автор гипотезы кратеров поднятия, объяснявшей явления горообразования внедрением в поверхностную зону расплавленной магмы, утверждал, что подобные внедрение и воздымание гор происходят с катастрофич. быстротой. В истории геологич. науки К. принадлежит двойная роль. С одной стороны, это учение, трактованное о наличии четко обособленных границ распространения ископаемых организмов, дало основание для введения понятия о руководящих окаменелостях, что способствовало оформлению и прогрессу биостратиграфии. С другой стороны, К., отрицавший эволюц. развитие органич. мира и исходивший из представлений о многочисл. творч. актах, созидавших новые формы, стал тормозом на пути развития эволюц. учения как в геологии, так и в биологии. Мн. передовые ученые отчетливо сознавали ошибочные стороны К. и боролись с ним. Богословы активно поддерживали теорию катаклизмов, говорившую о неизменяемости организмов, а также о сверхъестеств. силах разрушения и созидания

ния, что вполне согласовывалось с догмами Священного писания. Логич. выводом из К. было признание повторных актов творения, и потому «теория Кювье о претерпеваемых землей революциях была революционна на словах и реакционна на деле» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1955, с. 9). Наибольшее значение в сокрушении идей К. имел труд англ. геолога Ч. Лайеля «Основы геологии» («Principles of Geology», v. 1—3, 1830—33), показавшего, что ныне действующих на поверхности Земли факторов вполне достаточно для создания всех существующих форм рельефа и для образования всех разнообразных горных пород, слагающих геологич. разрез. Хотя концепция Лайеля о непрерывном развитии Земли и исходила из ошибочных принципов униформизма о неизменности в количествах и качествах отношении сил, действующих на нашей планете, она сыграла важную роль в распространении и дальнейшем развитии эволюционистских идей в естествознании. Окончат. удар К. был нанесен выходом в свет труда Дарвина «Происхождение видов» (1859), в к-ром было показано, что преобразования в органич. мире совершаются эволюц. путем. Некоторые элементы К. возродились вновь в 20 в., когда нем. геолог Г. Штилле (H. Stille, Grundfragen der vergleichenden Tektonik, 1924), опираясь на факт периодич. повторяемости геологич. событий, стал развивать идеи о фазах складкообразования, разделяющих эпохи длит. покоя и проявляющихся одновременно по всему земному шару («неокатастрофизм»). Детальные исследования геосинклинальных областей, выполненные гл. обр. сов. геологами, показали, что складчатость земной коры происходила неодновременно в различных зонах, т. е. имеет не планетарный, а региональный характер, причем образование складчатых структур представляет собой длит. процесс, продолжающийся для нек-рых типов складок млн. миллионы лет. Эти факты послужили основанием для критики неокатастрофистских идей, еще появившихся в геологии. В наст. время подавляющее большинство советских и прогрессивных зарубежных геологов рассматривает ход геологич. развития как непрерывно-прерывистый процесс, в к-ром постепенно преобразование прерывается скачкообразным переходом к новому качеству (смена погружения поднятием, метаморфизация горных пород, возникновение новых видов в органич. мире и т. д.). Подобные скачки растягиваются нередко на млн. миллионы лет, никогда не распространяются одновременно на весь земной шар и поэтому не имеют ничего общего с катастрофами. В биологии же победа дарвинизма похорошила К. в понимании Ж. Кювье и А. Д'Орбиньи, но до сих пор отдельные зап. палеонтологи, стоящие на идеалистич. позициях (О. Шиндewolf и др.), периодически высказывают мысли, созвучные давно отброшенным представлениям об актах творения.

Лит.: Борисяк А. А., Ж. Кювье и его научное значение, в кн.: Кювье Ж., Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара, пер. с франц., М.—Л., 1937; Павлова М. В., Причины вымирания животных в прошедшие геологические эпохи, в сб.: Современные проблемы естествознания, вып. 17, М.—Л., [1924]; Павлова А. П., О некоторых мало изученных факторах вымирания, там же; Лункевич В. В., От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии, т. 1—3, М.—Л., 1936—43; Шатский Н. С., О неокатастрофизме, «Проблемы советской геологии», 1937, № 7; Давиташвили Л. Ш., История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней, М.—Л., 1948; Meunier S., L'évolution des théories géologiques, P., 1911.
В. Тихомиров. Москва.

КАТАЯМА, Сэн (3 дек. 1859—5 ноября 1933) — деятель япон. и междунар. рабочего движения, вождь Коммунистич. партии Японии. Выходец из крестьян, в юношеские годы работал в Токио наборщиком, затем уехал в США, где окончил Иельский ун-т (1895). С 1896 начал активно участвовать в рабочем движении. В 1897 участвовал в создании «Общества содей-

ствия организации профсоюзов» и первого рабочего журнала «Рабочий мир» («Родо сэкай»), а в 1898 — «Общества по изучению социализма». В 1900 был избран членом бюро Исполкома 2-го Интернационала. К. — один из организаторов Социал-демократической партии Японии (1901). Участвовал в Амстердамском конгрессе 2-го Интернационала (1904), на к-ром выступил против русско-японской войны. В феврале 1906 участвовал в создании Социалистич. партии Японии. За организацию забастовки токийских трамвайщиков (в 1911) был подвергнут тюремному заключению. В 1914 из-за полицейских репрессий уехал в США, где примкнул к амер. социалистич. движению. Вел борьбу против первой империалистич. войны, создал первую коммунистич. группу из япон. рабочих в США (1918), был одним из основателей компартии Японии (1922). В 1920 перевел на япон. язык работу Ленина «Государство и революция». Скрываясь от полицейских преследований, уехал в 1921 в Мексику, а оттуда в Сов. Россию. С 1922 бессменно представлял Коммунистич. партию Японии в Исполкоме Коминтерна, активно участвовал в подготовке документов Коминтерна по Японии, положению на Дальнем Востоке, нац.-освободит. движению и борьбе против подготовки к новой мировой войне. Принимал участие в антиимпериалистич. конгрессах в Брюсселе (1927) и во Франкфурте-на-Майне (1929), а также в антивоен. конгрессе в Амстердаме (1932). Похоронен в Москве в Кремлевской стене на Красной площади.

К. — выдающийся пропагандист марксизма-ленинизма в Японии, творчески применявший положения марксизма к конкретным условиям страны. Им написано большое количество произведений по теории марксизма-ленинизма, японского и междунар. рабочего и коммунистич. движения, истории компартии Японии и вопросам нац.-освободит. движения. Определяя цель своей жизни, К. писал: «Посвятить себя делу революции и коммунизма — вот в чем смысл моей жизни... Коммунизм — это моя жизнь» («Статьи и мемуары», М., 1959, с. 70—71).

В произведениях К. «К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии» («Коммунистический интернационал», 1933, № 7—8), «Октябрьская революция и трудящиеся Японии» («Дзюгацу-но какумэй то нихон-но кинрося», 1934), «К 15-летию рисовых бунтов 1918 г. в Японии» («Коммунистический интернационал», 1933, № 26—27), «Япония и грядущая социальная революция» («Нихон то сэарицуцуару сэякай какумэй», 1920) и др. дается подробный анализ рабочего и коммунистич. движения в Японии в 1870—1933 и определяются задачи компартии Японии на различных этапах борьбы. В статьях и выступлениях — «Брюссельский антиимпериалистический конгресс» («Брюссэру-ни окурэ хантэй домэй тайкай», 1927), «Речь на международном антивоенном конгрессе в Амстердаме в 1932 году» («1932 нэн Амстердаму-ни окурэ хансэн сэкай дайкай-ни окурэ эндзэцу»), «Японский империализм и война» («Нихон тайкокусюги то сэнсэ», 1933), «Письмо Анри Барбюсу и Ромен Роллану» («Анри Барбюсу оэби Роман Роран-э-но кокайдзэ», 1933) и др. — К. выступал как непримиримый борец против империалистич. войны и фашизма, против опасности новой мировой войны, за мир во всем мире. Подводя итоги своей борьбы за мир, К. говорил в 1932 на Амстердамском антивоенном

конгрессе: «... Мне удалось выполнить ту торжественную клятву, которую я дал здесь, в Амстердаме, 28 лет тому назад. Я поклялся бороться за международную солидарность пролетариата... Теперь я даю новую клятву бороться против японского империализма, в защиту Советского Союза — отчества мирового пролетариата. С трибуны этого конгресса я призываю пролетариат всего мира действовать так же» (там же, с. 78).

В работах «С товарищем Лениным», «Две встречи с Лениным» («Рэнин то-но футацу-но кайкэн», 1926), «Ленин и Восток» («Рэнин то Тоё», 1927), «Три встречи с Ильичем» («Ириппи то но мидзу но кайкэн», 1928), «О Ленине» («Рэнин-ни цуйтэ», 1928) и др. К. рассказывал о своих встречах с Лениным и о необходимости внимательного изучения ленинизма и жизни В. И. Ленина. В соч. К. «Пройденный путь» («Сугиси мити»), «Моя жизнь» и др. наряду с автобиографич. сведениями дается яркая картина обществ. жизни Японии конца 19 — нач. 20 вв.

Соч.: Катанма сон тэсаку (Соч...), т. 1—3, Токио, 1959—1960; в рус. пер.: С товарищем Лениным, в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1 2, М., 1957; Статьи и мемуары (К столетию со дня рождения), М., 1959; К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии, М., 1960.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 839—42, 883. А. Романов. Москва.

КАТЕГОРИИ (от греч. κατηγορία, букв. — высказывание) — основные и наиболее общие понятия наук, особенно логики. Греч. слово означает «осуждение», «решение», «показание», «объяснение», «высказывание». Уже этот большой диапазон значений слова К. свидетельствует о том, что греч. философы имели здесь в виду не просто высказывание о предмете, но и какое-то важное о нем решение, как бы привлечение его к ответственности, высказывание о нем чего-то весьма важного, внутреннего и существенного.

В ранней греч. философии, когда бытие и мышление еще различались слабо, в виде К. выступали просто осн. элементы материи в ее непосредств. данности (земля, вода, воздух, огонь, эфир). С возникновением интереса к проблемам сознания и познания, к проблемам разума и науки К. приобретают логич. вид и формулируются как обобщенные, отвлеченные понятия. Платон признавал пять таких осн. К. — сущее, движение, покой, тождество и различие; и поскольку они трактовались у него как вытекающие друг из друга, а не как отражение бытия, постольку их диалектика являлась идеалистической. Но этим К. нельзя отказать в существенности, т. к. без них, действительно, немислимо ни бытие, ни само мышление.

Аристотель свою материалистич. тенденцию наряду с идеализмом проводил и в учении о К., в специальном трактате «Категории», часто трактуя их как отражение и наивысшее обобщение объективной реальности. Чаще всего с именем Аристотеля связывают десять К. — сущность (субстанция), количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание, хотя у Аристотеля это далеко не единственная таблица К. Учение это, несомненно, обобщает огромный опыт анализа общих понятий и содержит много тонких различий. Тем не менее, с т. зр. совр. науки оно во многих отношениях не выдерживает критики. Неясен самый состав этих К., поскольку в нем отсутствуют все К. модальности. Кроме того, многие К. часто перекрывают друг друга. Такая важная К., как свойство, рассматривается и в разделе качества и в разделе обладания, а отдельно не формулируется. Место и время выступают здесь только как подвиды положения. Последние шесть К. в таблице являются тоже только подвидами отношения. А все К., кроме сущности, уже сам Аристотель во «Второй Аналитике» (I, 22) считает только признаками субстанции. Поэтому Аристотель поступил правиль-

нее, когда в «Метафизике» (XIV, 2) признал только три осн. К.: сущность, состояние и отношение. Самая последовательность К. у Аристотеля никак не мотивируется; неизвестна их диалектич. взаимосвязь. О ней можно догадываться только на основании всех прочих сочинений Аристотеля. Общая позиция материализма выдерживается у философа отнюдь не везде, потому что, напр., математич. отношения или время ставятся иногда в зависимость не от объекта, а от порождающего их субъекта («души»). Чересчур близкая у Аристотеля связь логики и грамматики, наконец, проявляется и здесь, поскольку К. объявляются не только общими родами высказывания, но и простыми частями речи. Поэтому становится понятным, что уже ближайшие философы после Аристотеля подвергали эти категории Аристотеля критике и старались их упростить, делая учение Аристотеля менее описательным, менее эклектическим и стараясь понимать его менее статически и более диалектически.

Стоики значительно упростили аристотелевскую таблицу, оставив в ней только четыре К. — субстрат (субстанция), качество, образ существования («как?») и отношение («в отношении чего как имеется»). Плотин в первых трех трактатах 6-й Энеады дает критику аристотелевского и стоич. учения о К., доказывает необходимость разделения К. на умопостигаемые и чувственные, признавая первые образцом для вторых, и формулирует первые (как у Платона) в виде сущего, движения, покоя, тождества и различия, а чувственные категории — как субстанцию, отношение, количество, качество, движение. То, что Платон и Плотин называют умопостигаемыми К., мы сейчас назвали бы простую логич. К.

Ученик Платона Порфирий написал «Введение в категории Аристотеля», имевшее широкое распространение в течение всего средневековья вместе с «Категориями» Аристотеля. Здесь выставляется пять К.: род, вид, видовое различие, собственный признак и приходящий признак. Но каково их отношение к категориям Аристотеля, об этом у Порфирия ничего не говорится. Пять категорий Порфирия даны в плане описат. анализа и многочисленных различий. И во всем трактате не чувствуется ни малейшего веяния той диалектики, к-рой не выполнены сочинения всех других неоплатоников; вместо этого находим здесь аристотелевскую и перипатетич. позицию бесконечных описаний и distinctions.

В новое время каждая филос. система выставляла свои собственные К., трактуя их то материалистически, то идеалистически, в зависимости от осн. тенденции данной филос. системы. Кант объявил все К. порождением рассудка. В кантовской таблице К. делится на следующие разряды: качество (реальность, отрицание, ограничение), количество (единство, множество, цельность), отношение (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие), модальность (возможность и невозможность, действительность и недействительность, необходимость и случайность).

Эта кантовская таблица К. закрепилась весьма надолго и часто еще до наст. времени остается в своем первоначальном виде потому, что она действительно охватывает наиболее явные и ходовые К. человек. мышления. Их трактовка у Канта должна быть отвергнута как идеалистическая. Не говоря уже о том, что все эти К. совершенно статичны и метафизически дискретны, что они получены как функции субъективного рассудка, что они накладываются на чувств. данные явления как бы извне, в порядке метафизич. дуализма, уже самый их состав и метод их дедукции вызывает глубочайшие сомнения. Если взять категории качества и количества, то уже общечеловеч. чувство языка подсказывает, что всякое ка-

чество есть качество чего-нибудь, и всякое количество есть количество чего-нибудь, т. е., что это нечто (или бытие) должно предшествовать и качеству, и количеству. Но бытие не входит в таблицу категорий у Канта. Очевидно, что Кант абсолютизирует качество и количество. Если же это так, то создается большой разрыв между качеством и количеством, с одной стороны, и прочими категориями — с другой. Ведь «отношение» у Канта вовсе не есть простое и непосредств. отношение, ибо последнее имеется уже и в качестве (ограничение, напр., и есть не что иное, как известного рода отношение между ограничивающим и ограниченным) и в количестве, ибо количественный счет есть не что иное, как установление отношений между считающимися единицами. Отношение, о к-ром говорит Кант и подвидами к-рого считает субстанцию и причину, представляет собой нечто гораздо более сложное: ведь отношение уже предполагает те вещи, между к-рыми устанавливается отношение, а К. вещи опять-таки отсутствуют в таблице Канта. Но если бы она и присутствовала, то она не имела бы у него достаточной мотивировки, потому что вещь не есть просто бытие, но — бытие определ. образом организованное. Другими словами, для мотивированного внесения К. вещи в таблицу нужно было бы предварительно уже иметь К. сущности и явления, а они тоже отсутствуют в таблице Канта.

И вообще отношение — термин весьма неудачный в кантовской лит-ре, поскольку он только в очень отвлеченной форме выражает те сложно-рефлектированные К. (субстанция, причина), к-рые под ним обычно понимаются. Наконец, статичное понимание К. помешало Канту внести в свою таблицу те К., к-рые являются осн. пружинами возникновения всех К., а именно: тождество, различие, противоречие и противоположность. И потому, несмотря на видную железную архитектуру таблицы К. у Канта, самый ее состав и метод ее конструирования вполне случаен, эклектичен и слабо мотивирован.

После Фихте, отбросившего даже и «вещи в себе» и превратившего все бытие в порождение абсолютного «Я» как эволюции духа, возникла логика Гегеля как классич. система объективного идеализма, по к-рому все бытие существует лишь в виде К. абс. духа. Поэтому вся филос. система Гегеля есть не что иное, как диалектика К. — в мышлении, в природе, в духе, в истории. Чисто логич. категории Гегеля таковы: бытие (качество, количество, мера), сущность (основание, явление, действительность, причем в эту последнюю входят субстанция, причина и взаимодействие), понятие (субъект, объект, абс. идея). Эта диалектически подвижная система К. у Гегеля уже ввиду одного своего монизма представляет собой огромный прогресс в сравнении с дуализмом и эклектизмом Канта. Качество и количество рассматриваются здесь как подвиды бытия, причем их противоположность снимается в той новой К., к-рую Гегель назвал мерой. А в области сущности Гегель начинает с тождества, различия и противоречия, переходя далее к сущности как основанию и к диалектике сущности и явления.

Однако, поскольку все К. у Гегеля суть порожденные мышлящего мирового духа, постольку самая конкретная часть логики, где синтезируются бытие и сущность, носит у Гегеля название понятия. Это и понятие: все существующее, по Гегелю, есть мышление, а мышление конкретно проявляет себя в понятиях. Ясно поэтому, что К. субъекта и объекта, к-рые отнесены в эту область понятия, носят у Гегеля исключительно логич. характер, хотя для нас субъект и объект суть, прежде всего, стороны самой действительности, а не только мышления. Кроме того, если субъект и объект суть противоположности и мы за-

хотели бы найти единство этих противоположностей, то, очевидно, нам пришлось бы в первую очередь заговорить о таких категориях, как личность или общество, поскольку то и другое, во-первых, есть субъект или состоит из субъектов, а во-вторых, вовсе не есть только субъект, но есть объективная действительность. У Гегеля же здесь стоит мистич. термин *абсолютная идея*, к-рый сам по себе говорит довольно мало и допускает много разных интерпретаций.

К. у Гегеля самостоятельно порождают друг друга и являются только моментами общей творч. идеи. И это как раз и привело к специфич. конкретизации всех К. как моментов понятия и к завершению всех моментов понятия в абс. идее.

С падением гегельянства возникает опять множество метафизич. систем с различной трактовкой К. Так, рационалист-метафизик Тренделенбург трактует К. как функции рассудка, к-рым соответствует и определенная объективная реальность. Спиритуалист Лотце пытается понять К. как нечто среднее между объективным и субъективным мирами и сводит их к следующему: вещь, качество, деятельность, отношение. Э. Гартман, в связи со своим учением о бессознательном, трактует К. как возникающие из бессознательного, где они даны в нерасчлененном виде; Шуппе, в соответствии с учением об имманентности, учит о К. как о формах бытия, непосредственно данного в сознании; Милль, в связи со своей эмпирич. логикой, трактует К. как возникающие из опыта и оформленные законами ассоциации идей, и т. д.

В 20 в. неокантианцы Коген и Натторп, выводя К. как функции рассудка, пытались бороться с кантовским дуализмом «вещей в себе» и явлений и пытались обрисовать К. в их познавательной и притом динамич. значимости. Для Маха не имеет значения, какого происхождения К. — субъективного или объективного, а имеет значение только релятивистское и чисто практическое их функционирование в науке, так что вместо прежнего априоризма в понимании К. у него выступают принципы экономии мышления в его практич. применении. В совр. бурж. логике особенную роль играет т. н. *логический позитивизм*, целиком отрицающий всякие абстрактные обобщения, в т. ч. и К., и сводящий все к анализу языка, трактуемого тоже в виде единичных высказываний, без всякого обобщения. Бурж. субъективизм и релятивизм доходят здесь до полного абсурда и самоотрицания.

Марксистско-ленинское учение о К., используя все достижения мировой филос. мысли в этой области, является диалектич. скачком и приобретает совершенно новое филос. качество. С т. зр. марксизма-ленинизма, К. являются 1) отражением объективной действительности. Они не суть ни просто формы самой объективной действительности, и ни просто только изолированные от нее абстракции. Первая и исходная К. материалистич. диалектики — *материя*, филос. К. для обозначения объективной реальности, данной нам в ощущении (вместе с качеством, количеством и их взаимоотношениями). Все остальные К. являются только отражением материи, но каждый раз вполне специфическим. К. являются 2) существенным обобщением предметов и явлений действительности и всех царящих в ней отношений. Поскольку, однако, «различие бытия от сущности, понятия от объективности относительно» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 189) и поскольку «не только явления переходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными границами, но и сущности вещей также» (там же, с. 249), постольку 3) К. обязательно берутся в их становлении. К. становления (с необходимыми для нее категориями тождества, различия, противоречия, противоположности и единства противоположностей) —

первейшая категория во всей марксистско-ленинской теории и пронизывает она не только все чувственное, но и все логическое. 4) К. взаимно связаны между собой так, что одна немислима без другой, вытекает одна из другой и одна другую обуславливает. Эта тесная взаимосвязь К. есть обобщение взаимосвязи явлений объективной действительности. 5) К., далее, будучи обобщением тех или других сторон действительности [а всеобщее, по Ленину, «воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного...» (там же, с. 87)], по необходимости являются также и законами действительности: «родовое понятие есть „сущность природы“, есть закон» (там же, с. 263). 6) Отсюда огромное познават. значение К., к-рые являются «ступеньками выделения, т. е. познания мира» (там же, с. 81). 7) Огромно и практическое их значение, поскольку «все... моменты... познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине...» (там же, с. 345). Такие К., как: «субъект», «объект» и разные типы их взаимоотношения (труд, общение людей, язык, личность, общество и т. д.) — необходимые К. диалектич. логики. 8) Кроме того, все логич. К. для марксизма-ленинизма являются в то же время К. историческими, так что не существует и не может существовать к.-н. одной и неподвижной системы К., данной раз навсегда. В связи с развитием мышления и науки выступают то те, то другие К., а старые К. наполняются новым содержанием. 9) Диалектич. логика рассматривает все К. в их историч. и логич. развитии. Особенно разработанными являются в наст. время К. качества и количества, сущности и явления, формы и содержания, причины и действия, необходимости и случайности, всеобщности, особенности и единичности, абстрактного и конкретного, логического и исторического. Что же касается сводки всех категорий в одну строгую систему для настоящего момента в развитии науки, то она еще не выработана и окончат. форме и требует дальнейшей разработки.

А. Лосев. Москва.

О методологическом значении К. диалектич. материализма и их системе. Объективное содержание К. диалектич. материализма определяет их методологич. значение в познании и практике. Эту функцию в познании и практике К. могут выполнить потому, что они не просто пособие человека, «...а выражение закономерности и природы и человека...» (там же, с. 79). К. философии служат методом познания всех явлений, в то время как фундаментальными понятиями других наук руководствуются в познании строго определенных объектов. К. философии не включают в себя содержания всех осн. понятий др. наук. Поэтому одних К. диалектики недостаточно для познания явлений. К. носят историч. характер. Они возникают и развиваются на основе обобщения опыта познания и практики. Напр., К. материи в марксистской философии существенно в своем содержании отличается от этой же К., как она выступала в философии раньше. К. материи уже не связывается с признанием определ. вида или формы вещества. Произошли существенные изменения в содержании всех др. К. Нек-рые К. исчезли, были заменены другими, более совершенными.

В К. раскрывается предмет диалектич. материализма, все его черты, принципы, законы. Неверно противопоставление законов диалектики К., рассмотрение К. независимо от законов. К. выступают логич. форм. принцип, законов, методологич. положений. Пока не сформировались К., наука не достигла и знания законов, а законы составляют объективное содержание К. Поэтому без законов нет К., а без К. нет знания законов.

Диалектич. материализм как наука является системой К. Определить содержание к.-л. К. — значит

найти ее место в этой системе, установить отношение данной К. к другим, вскрыть закон, к-рый отражается в отношениях между К. Система К. отражает целостность и единство явлений материального мира, их внутр. взаимосвязь. К. выступают в философии в виде системы потому, что сам объективный мир является своего рода системой, закономерной связью явлений: «Вся доступная нам природа, — писал Ф. Энгельс. — образует некую систему, некую совокупную связь тел...» («Диалектика природы», 1955, с. 45). Объективно существующая связь явлений служит исходным пунктом в построении системы К.

Важнейшим принципом в построении системы К. является идея Ленина о совпадении диалектики, логики и теории познания. Нельзя строить такую систему К., к-рая бы принимала во внимание только к.-л. одну сторону в них. В марксизме не может быть никакой онтологич. или гносеологич. системы К., точно так же как сами К. диалектич. материализма не делятся на онтологические (отражающие бытие) и гносеологические, выражающие закономерности процесса познания, ибо все К. имеют объективное содержание и выполняют определ. функцию в процессе познания, выражают закономерности перехода от незнания к знанию.

Система К. должна быть также воплощением единства исторического и логического. Развертывание, последовательность К. отражают в сокращенном виде всю историю их формирования и развития; следуя законам движения мышления, необходимо в системе исходить из таких К., к-рые фиксируют самое простое, непосредств. бытие вещей, и восходить к К. более содержательным и развитым. Так, Ленин писал: «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется нечто, — потом развертываются понятия качества в... (определения вещи или явления) и количества. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus явления, — причинности etc» (Соч., т. 38, с. 314—15). Нарисованная Лениным картина изображает не процесс возникновения в самом мире качества, количества сущности и т. п., а развитие познания человека, становление К., последовательность их формирования. Когда логич. последовательность в системе К. превращается, как у Гегеля, в реальный генезис самих вещей, мышление становится демиургом действительности. Система К. не должна превращаться в мировую схематику, ее задача — выразить процесс постижения мышлением в К. наиболее общих законов всякого движения.

П. Кошкин. Киев.

Лит.: Первая система категорий — у Платона в «Софисте» 254E—260A. Рус. переводы этого диалога Платона — Карпова (см. Платон, Соч., ч. 5, [2 изд.], пер. с греч., СПб., 1879, или Ананьин С. А., Софист. Диалог Платона, пер. с греч., К., 1907). Еще более подробная система категорий выводится в другом диалоге Платона, в «Пармениде» начиная с 137C (см. Творения Платона, т. 4, пер. [с греч.] Н. Томасова, Л., 1929).

Изложение и анализ платоновских категорий дает Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии, т. 1, М., 1930, с. 490—94, 508—32; Аристотель, Категории, пер. [с греч.] А. В. Кубицкого, ред. вступ. ст. и прим. Г. Ф. Александрова, М., 1939.

Анализ учения о категориях Аристотеля — у Ахманова А. С., Логическое учение Аристотеля, «Уч. зап. [Моск. обл. пед. ин-та], 1954, т. 24; и отдельно — М., 1960. Некоторые важные разъясняющие замечания по поводу стоических категорий — T r e n d e l e n b u r g A., Historische Beiträge zur Philosophie, Bd 1, В., 1846, с. 221—31 и Prantl C., Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 1, Lpz., 1855, с. 426—37, Darmstadt, 1955.

Учение Платона о категориях — первые три трактата VI Энеиды (рус. пер. не существует). Первое знакомство с ним можно получить по Блонскому у П. П., Философия Платона, М., 1918, с. 227—37. Трактат Порфирия «Введение... к „Категориям“ Аристотеля» имеется в рус. пер. А. В. Кубицкого в приложениях к упомянутому выше переводу «Категорий» Аристотеля. Критическое изложение этого трактата дал С. Prantl (указанное соч., с. 626—31).

Важные замечания по этому поводу делает Zeller E. d., Die Philosophie der Griechen..., Tl 3, Abtl 2, H. 2, 5 Aufl., Lpz., 1923, S. 698, прим. 4.

Классическим образцом учения о категориях в европейском рационализме может служить «Этика» Спинозы (с такими категориями, как субстанция, атрибут, модус и др.) — Спиноза Б., Избр. произв., пер. с лат., т. 1, М., 1957. Учение о категориях с точки зрения эмпиризма — у Дюка Д. ж., Опыт о человеческом разуме, пер. с англ., М., 1898, особенно гл. 16, 23—27. Нов. изд., М., 1960.

Формально-логическое учение о категориях у Канта И., в его Логике, пер. [с нем.], П., 1915, с. 93 (§ 20). Трансцендентальное учение о категориях — в «Критике чистого разума», пер. [с нем.], 2 изд., П., 1915 (отд. Трансцендент. логика, § 10—12). Критику дуализма Канта о категориях дает Фихте с точки зрения своей концепции абсолютного «Я», а также дедукцию всех категорий уже на монистической основе абсолютного «Я» во многих трактатах и, прежде всего, в Основе общего наукоучения — Фихте И. Г., Избр. соч., пер. [с нем.], т. 1, [М.], 1916.

Гегель дает свою систему логических категорий: 1) Наука логики, пер. [с нем.], т. 1 [1]—2, М., 1937—39; 2) Энциклопедия философских наук, ч. 1 — Логика, пер. [с нем.], М.—Л., 1930; 3) В философской пропедевтике, названной по-русски «Введение в философию», пер. [с нем.], М., 1927. Анализ последовательного развития логических категорий у Гегеля можно найти у Чернышева Б., О логике Гегеля, (Тр. Моск. Гос. ин-та истор., филос. и лит. им. Н. Г. Чернышевского, 1941, т. 9, с. 30—96).

Учение о категориях после Гегеля излагается в каждом более или менее пространном курсе логики. В виде наиболее популярных руководств можно назвать: Ueberweg F., System der Logik und Geschichte der logischen Lehre, 5 Aufl., Bonn, 1882, § 47 (с ценным историческим очерком); Эгдварт Х., Логика, пер. с нем., т. 1, СПб., 1908, § 6; Егдварта В., Logische Elementarlehre, Bd 1, 2 Aufl., Halle a. S., 1907, почти вся 1-я книга. Особенно подробно учение о категориях разработали Weisse C. H., Grundzüge der Metaphysik, Hamb., 1835; Trendelenburg A., Logische Untersuchungen, Bd 1—2, 2 Aufl., Lpz., 1862 (есть рус. пер. — Логические исследования, пер. [с нем.], М., 1868); Renouvier Ch. et Prat L., La nouvelle métadologie, P., 1899. Особенно детально разработана система категорий у Нартнаппа E. d., von, Kategorienlehre, Lpz., 1896. Классическая для 19—20 вв. теория категорий с точки зрения эмпиризма у Милля Д. С., Система логики..., пер. с англ., 2 изд., М., 1914, кн. 1, гл. 3; Попов П. С., О реальности категорий, в сб.: Пути реализма, М., 1926, с. 99—132; Из неокантианцев наиболее четко излагал учение о категориях Натан Р., Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften, 2 Aufl., Lpz.—В., 1921. Ср. также Риккерт Г., Границы естественно-научного образования понятий, пер. с нем., СПб., 1903; Кассирер Э., Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции, пер. [с нем.], СПб., 1912.

Представление о разложении современной буржуазной логики (откуда становится ясным и понимание категорий в соответствующих философских системах) можно получить из работ Асмуса В. Ф., Критика буржуазных идеалистических учений логики эпохи империализма, в кн.: Вопр. логики, М., 1955, и Попов П. С., Алогизм — коренная предпосылка современной буржуазной логики, «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1956, т. 42 (Тр. каф. филос., вып. 3); его же, История логики нового времени, М., 1960.

Попытки изложения марксистско-ленинского учения о категориях: Ситковский Е. П., Категории марксистской диалектики, М., 1941; его же, то же, Л., 1956; Категории материалистической диалектики, под ред. М. М. Розенталя и Г. М. Штракса, М., 1956; Тугаринов В. П., Соотношение категорий диалектического материализма, [Л.], 1956; его же, Соотношение категорий исторического материализма, Л., 1958; Бернштейн А. Ф., О категориях марксистской диалектики в 1-ом томе «Капитала» К. Маркса, «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1956, т. 42 (Тр. каф. филос., вып. 3); Розенталь М., Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; Кузьмин Е. С., Система онтологических категорий, Иркутск, 1958; Виблер В. С., О системе категорий диалектической логики, [Душанбе], 1958; Основы марксистской философии, М., 1958. Важны для марксистского учения о категориях: Андреев И. Д., Основные категории и законы материалистической диалектики, М., 1959; Руткевич М. Н., Диалектический материализм, М., 1960, гл. 9; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960; Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики. [Сб. ст. Отв. ред. И. В. Таванен], М., 1960; Георгиев Ф. И., Категории материалистической диалектики, М., 1960; Мальцев В. И., Место и роль категорий в диалектическом материализме, М., 1960; Розенталь М. М., Принципы диалектической логики, М., 1960 (особенно гл. 5); Архипцев Ф. Т., Материя как философская категория, М., 1961; Анонимное толкование «Категорий» Аристотеля, Ереван, 1961. А. Лосев, Москва.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ (от лат. imperativus — повелительный) — термин, введенный Кантом и обозначающий основное понятие его эти-

ки. Понимая под императивами предписания воли, Кант разделял их на два вида — гипотетические и категорические. Гипотетич. императивы относятся к волевым действиям, сопровождающим процесс труда или повседневные житейские дела. Руководствуясь ими, человек не ставит перед собой вопроса о нравств. цели своих действий, а лишь решает вопрос о выборе средств соответственно уже заданной цели. Врач и отравитель могут быть одинаково искусны, хотя первый преследует нравств., а второй безнравств. цель.

В отличие от гипотетич. императива, К. и. — осн. закон, определяющий нравств. сторону действий человека. К. и. имеет две формулировки. В «Критике практического разума» Кант формулирует К. и. следующим образом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства» (Кант И., Критика практического разума, СПб., 1897, с. 38). Другую формулировку Кант дает в «Основоположении к метафизике нравов» (М., 1912): «Действуй так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но и всегда в то же время и как к цели» (указ. соч., с. 55). Согласно Канту, К. и. является всеобщим общеобязательным законом, содержащимся в практич. разуме. Им должны руководствоваться все люди независимо от их происхождения, богатства и т. д. Нравств. человек обязан ему следовать, не взвзя на обстоятельность, видя в этом свой высший долг. Всеобщность К. и., независимость его велений от религии, провозглашение равенства всех перед моральным законом резко отличали нравств. закон Канта от основоположений феод. христ. морали, господствовавшей в ту эпоху в Германии.

Рассматривая человека не как средство, а как цель, объявляя равенство всех перед моральным законом, К. и. Канта заключал в себе антифеод. тенденцию. Но с другой стороны, К. и. был противопоставлен этнич. идеям Руссо и франц. материалистов. В то время как идеологи революц. буржуазии 18 в. видели высшую цель в достижении всеобщего счастья и призывали к борьбе за достижение этой цели, Кант считал счастье недостижимым. Стремление к счастью, сделанное всеобщим принципом, породило бы, по его мнению, не гармонию обществ. интересов, а раздор и противоречия. Поэтому К. и. не требует от личности активной борьбы против произвола и несправедливости. Целью, по Канту, является лишь создание соответствующего К. и. устроения. Это определяет формализм и бессодержательность осн. закона кантовской этики. Кант отвлекался от различий между моралью различных эпох и классов, обосновывая общее моральное сознание, присущее в одинаковой степени всем людям, классам и народам. Указывая на влияние франц. революций на кантовскую философию и этику, Маркс и Энгельс вместе с тем отметили, что Кант превратил «...материально мотивированные определения воли французской буржуазии в чистые е самоопределения „свободной воли“, воли в себе и для себя, человеческой воли, и сделал из неё таким образом чисто идеологические определения понятий и моральные постулаты» (Соч., 2 изд., т. 3, с. 184).

Представители послекантовской бурж. этики неоднократно использовали понятие о К. и. для обоснования своих теорий нравственности. Критикуя учение Канта с позиций субъективизма, Фихте дал новую формулировку К. и. «Выполний всякий раз твое назначение» (Sämtliche Werke, Bd 4, В., 1845, S. 151). В соответствии с этим К. и. каждый человек определен к выполнению только ему предназначенной задачи, существуя для исполнения определ. конечной цели. Абстрактный, нормативный характер кантовской морали

был подвергнут критике Гегелем, к-рый называл К. и. «пустым формализмом», «долгом ради долга», «вечным долженствованием» и т. д. (см. Соч., т. 7, М.—Л., 1934, с. 153—55; т. 11, М.—Л., 1935, с. 444—48). Фейербах, воюя против формализма кантовского К. и., заявлял, что единств. К. и. является стремление к счастью и удовлетворению насущных потребностей (см. Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 465—73). В то время как представители нем. классич. философии критиковали К. и. за формализм, абстрактность, ригоризм, эти черты кантовского основоположения расценивались положительно и получали особое развитие в этич. учениях *неокантианства*. Ригоризм и неукоснительность морали Канта были использованы для оправдания нравств. и политич. империализма. Неокантианцы пытались опереться на учение о К. и. в борьбе против марксистско-ленинской теории, к-рая учит, что в обществе, основанном на классовом антагонизме, не может быть всеобщей, пригодной для всех классов нравственности. Требования К. и. рассматриваются неокантианцами как общечеловеческие, а этика, основанная на этом принципе, как всеобщая теория нравственности. Неокантианцы-ревизионисты М. Адлер, Э. Бернштейн, Л. Вольфман и др. использовали учение о К. и. для обоснования теории «этического социализма». Противопоставляя свои взгляды на общество марксистско-ленинскому учению, этич. социалисты рассматривали социализм как К. и. человек. рода. Они отвергали необходимость пролетарской революции и доказывали, что к социализму можно прийти только путем нравств. самоусовершенствования, в результате к-рого все люди, как эксплуататоры, так и эксплуатируемые, будут руководствоваться К. и. Некоторые совр. бурж. философы, напр. представители т. н. натуралистич. этики, используют К. и., истолковывая его в духе своих учений.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 184; Ленин В. И., Задачи Союзов молодежи, Соч., 4 изд., т. 31; Марксизм и этика, 2 изд., [К.] 1925; Кант И., Критика практического разума, пер. с нем. Л. М., 1912; его же, Основоположение к метафизике нравов, пер. с нем. Л. М., 1912; Фейербах Л., О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955; Асмус В. Ф., Философия Иммануила Канта, М., 1957; Fichte I. G., Das System der Sittenlehre nach den Principien der Wissenschaftslehre, in: er o. n. n. Sämtliche Werke, Bd 4, B., 1845; Volkelt J., Kant's kategorischer Imperativ und die Gegenwart, W., 1875; Dussen P., Der kategorische Imperativ, 2 Aufl., Kiel, 1903; Messer A., Kants Ethik, Lpz., 1904; Buchenau A., Kants Lehre vom kategorischen Imperativ, Lpz., 1913 (Wissen und Forschen, Bd 1); Marcus E., Der kategorische Imperativ, 2 Aufl., Münch., 1921; Cohen H., System der Philosophie, T1 2—Ethik des reinen Willens, 3 Aufl., B., 1921; Cassirer E., Kants Leben und Lehre, B., 1921. А. Хайкин. Тамбов.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ СИЛЛОГИЗМ — см. *Силлогизм*.

КАТЕГОРИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ (греч. *κατηγορησικὸς* — утверждающий) — безусловное суждение. В традиционной формальной логике К. с. — суждение субъектно-предикатного строения, в к-ром отношение между субъектом и предикатом не ставится в зависимость от к.-л. условия, выраженного в самом суждении; пример: «Металлы проводят электричество». К. с. противопоставляются суждениям условным и разделительным и вместе с ними образуют одно из делений суждений в традиц. логике, наз. делением по отношению между субъектом и предикатом. См. *Суждение*.

Лит.: Челпанов Г. И., Учебник логики, [М.] 1946, гл. 8; Ziehen Th., Lehrbuch der Logik, Bonn, 1920, S. 697—701.

КАТЕГОРИЧНОСТЬ СИСТЕМЫ АКСИОМ — свойство, выражающее содержание, полноту системы аксиом. Система аксиом наз. категоричной, если она однозначно определяет только одну систему предметов с точностью до изоморфизма, т. е. если все интерпретации, или модели, этой системы изоморфны друг другу. Поскольку понятие *изоморфизма* интер-

претаций допускает разные, не эквивалентные друг другу определения, постольку возможны и разные виды категоричности. В случае существования неизоморфных интерпретаций система аксиом наз. некатегоричной, или содержательно неполной.

Понятие категоричности — одно из основных понятий *метода аксиоматического*. Оно имеет исключительн. семантич. смысл, т. е. характеризует интерпретации (модели) той или иной аксиоматич. системы. Первоначально возникло в геометрии при решении задачи ее обоснования. Фундаментальным здесь явился результат Дж. Гильберта, впервые сформулировавшего содержательно полную аксиоматику евклидовой геометрии. В содержательно строящейся (неформальной) математике известен ряд категоричных систем аксиом, определяющих с точностью до некого изоморфизма системы: натуральных чисел (аксиоматика Дедекнда — Пеано), действит. чисел, (напр., гильбертова аксиоматика числа) и др.

В определении категоричности слово «все» относится к произвольным моделям данной системы аксиом. Поскольку, однако, в большинстве случаев нельзя обозреть «все» произвольные модели, определение категоричности оказывается неконструктивным. При рассмотрении формальных систем аксиом возникает трудность, связанная с определением понятия К. с. а. Из теоремы Гёделя о неполноте вытекает, что обычный формальная арифметика является неполной, т. е. допускает т. н. нестандартные модели, содержащие, помимо обычных натуральных чисел, еще какие-то дополнит. объекты. Естественно возникает вопрос о том, нельзя ли так уточнить понятие К. с. а., чтобы нестандартные модели были исключены. Одно из таких уточнений принадлежит англ. логик Крейселу, к-рый ввел понятие «рекурсивной модели» и показал, что примитивно-рекурсивная арифметика категорична относительно рекурсивных моделей, т. е., что не существует рекурсивных нестандартных моделей. Другое уточнение понятия категоричности принадлежит польскому логик Лосю, к-рый ввел понятие категоричности в данной мощности.

Лит.: Гильберт Д., Основания геометрии, пер. с нем., М.—Л., 1948; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957; Ladrière J., Les limitations internes des formalismes, Louvain — P., 1957; Kreisel G., Mathematical significance of consistency proofs, «J. Symbolic logic», 1958, v. 23, № 2; Los J., On the categoricity in power of elementary deductive systems and some related problems, «Colloquium math.», 1954, v. 3, fasc. 1 (реферат этой статьи см. в реферативном ж. «Математика», 1955, № 4, Грф. 1607). А. Субботин. Москва.

КАТЕДЕР-СОЦИАЛИЗМ (от нем. *Kathedern* — кафедра) — разновидность бурж. социализма, близкая к реформизму, возникшая в качестве реакции представителей офиц. нем. бурж. науки (гл. обр. политич. экономии) на рост социалистич. сознательности рабочего класса. Представители К.-с. объединились в 1872 в «Союз социальной политики» с целью борьбы против марксизма и проповеди с университетских кафедр необходимости вмешательства бурж. гос-ва в экономич. отношения, якобы для введения «социализма» сверху. К.-с. был «естественным и неизбежным выражением теоретической трусости и политической растерянности тамошней (нем.— *Ред.*) буржуазии» (Ленин В. И., Соч., т. 2, с. 434). Кадетер-социалисты (Г. Шмоллер, Л. Брентано, В. Гильдебранд, А. Вагнер и др.) выступили апологетами гос. капитализма, насаждавшегося в Германии, изображали прусско-юнкерское гос-во «народным государством», способным обеспечить «гармонию классов», «справедливое распределение капитала», доказывали возможность решения рабочего вопроса без классовой борьбы, путем полицейской регламентации труда, возрождения обычаев ср.-век. цехов и пр. К.-с. был подвергнут уничтожающей критике Марксом, Энгельсом и Лениным, вскрывшим связь К.-с., «легального марксизма» в России и междунар. ревизионизма. Стронники К.-с. в опреде. степени были идеологич. предшественниками фашизма. Идеи К.-с. восприняты совр. антикоммунизмом. В 1948 в ФРГ воссоздан «Союз социальной политики» (с 1956 — «Общество по экономическим и социальным наукам»).

Лит.: Маркс К., Замечания на книгу Адольфа Вагнера, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 15, М., 1933; Энгельс Ф., Брентано contra Маркс, там же, т. 16, ч. 2, М., 1936; Ленин В. И., Аграрный вопрос и «критики Маркса», Соч., 4 изд., т. 5; его же, Против бойкота, там же, т. 13; его же, Анкета об организациях крупного капитала, там же, т. 18; Volkelt J., Der deutsche Katheder-Sozialismus, B., 1959. Е. Панфилов. Москва.

«КАТЕХИЗИС ПРОМЫШЛЕННИКОВ» (1823—24) — сочинение *Сен-Симона*, в к-ром в форме ответов на вопросы он критически освещал экономич. и политическое состояние современной ему Франции, излагал план перехода к новому обществу и его организации.

КАТКОВ, Михаил Никифорович (1 янв. 1818—20 июля 1887) — рус. публицист, отразивший в своем идейном и политич. развитии первый из историч. этапов поворота рус. либеральной буржуазии от демократии к защите реакции (см. В. И. Ленин, Соч., т. 18, с. 250—51); в философии — идеалист. Учился в Моск. ун-те (1834—38). Был близок к кружку *Станкевича*. Сотрудник «Московского наблюдателя» (1838—1839) и «Отечественных записок» (1839—40). Адъюнкт Моск. ун-та по кафедре философии (1845—50), редактор «Московских ведомостей» (1850—55, 1863—87) и «Русского вестника» (1856—87). Ранние работы К. — попытка приложить философию Гегеля к рус. истории и лит-ре (см. «Отечественные записки», 1839, т. 4, № 6—7; т. 6, № 11; т. 9, кн. 3; т. 12, кн. 9—10).

В 1842—43 К. предпринял путешествие за границу; в Германии он слушал лекции «позднего» Шеллинга. Шеллинговская философия откровения пропитывала лекции по логике и истории философии, к-рые К. читал в Моск. ун-те в 40-х гг. На этих же началах, соединенных с принципом «разумности всего существующего», было построено и осн. филос. сочинение К. — «Очерки древнейшего периода греческой философии» (в сб. ст. «Прониклен», кн. 1, 1851, кн. 3, 1853, отд. изд. 1853; отзыв Чернышевского см. Избр. филос. соч., т. 1, 1950, с. 377—78). Растущая враждебность идеям революц. демократии, приведшая уже в 40-х гг. к разрыву с Белинским (1843), перерастает в сер. 50-х — нач. 60-х гг. в прямое нападение К. на Чернышевского и Герцена. В ст. К. «Старые боги и новые боги» (ж. «Рус. вестн.», 1861, № 1—2), направленной против материализма и посвященной гл. обр. нападкам на статью *Антоновича* «Современная физиология и философия», содержится издевательская оценка работ Чернышевского и угрозы по его адресу с фактич. доносом о его революц. деятельности (см. оценку этой статьи *Писаревым* — Соч., т. 1, 1955, с. 283—85). К. печатал в «Русском вестнике» (1861, апр., май) извлечения из статьи *П. Юркевича*, посвященной опровержению филос. идей Чернышевского. От помещичье-бурж. либерализма К. повернул во время первого революц. подъема в России (конец 50-х — нач. 60-х гг.) «...к национализму, повизицизму и бешеному черностенству» (Ленин В. И., Соч., т. 18, с. 250). Резко враждебно встретил К. польское восстание 1863, он требовал расправы над революц. народниками, приветствовал реакц. манифест 1881 в области просвещения и т. д. Нападая на демократич. интеллигенцию, К. усматривал в ней оторванную от народа и враждебную ему группу и представлял самодержавие охранителем интересов нар. масс (см. там же, т. 19, с. 154). Оплывая рус. революц. традиции, К., говоря словами Огарева, «изволил швырнуть собственную грязью в людей 25-го года» — декабристов (Избр. социально-политич. и филос. произв., т. 2, 1956, с. 500). «Верный сторожевой пес самодержавия», как К. себя называл, он одним из первых свидетельствовал о появлении в России «рабочего вопроса» (1885; см. В. И. Ленин, Соч., т. 5, с. 264; т. 8, с. 118; т. 19, с. 485).

Соч.: Собрание передовых статей Московских ведомостей с 1863 по 1887 г., [т. 1—25], М., 1897—98.

Лит.: История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1958, с. 28, 29; Белинский В. Г., Избр. письма, т. 1—2, М., 1955 (см. Указатель); Нефеденский С., Катков и его время, СПб., 1888; Сементковский Р. И., М. Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность, СПб., 1892; Воспоминания В. И. Чичерина. Москва сороковых годов, [М.], 1929, с. 59, 60, 174—77.

КАТО ХИРОЮКИ (1836—1916) — япон. философ и писатель. В молодости написал книгу «Соседние ростки» («Топаигуса»), в к-рой доказывал необходимость для Японии парламентского правления. В дальнейшем К. Х. отказался от этих идей. После незавершенной революции 1867 был призван на службу новой властью бурж.-помещичьего монархич. блока. Был назначен лектором при императоре по предметам европейской науки, в 1877 — ректором Токийского ун-та, членом палаты пэров. Являясь офиц. гос. философом, К. Х. с позиций социального дарвинизма отстаивал идеи об охране подданных, права и частной собственности, о свободе борьбы за существование в обществе. Вместе с тем в соч. К. Х. содержатся элементы стихийного материализма. В статье «Разрушение разрушения материализма» («Хаха юбуцуро») он выступил с резкой критикой книги Иноуэ Эирэ «Разрушение материализма» («Хаха юбуцуро»). К. Х. опровергал буддизм, синтоизм, противопоставляя им *конфуцианство*, к-рое, по его мнению, является рациональной религией интеллигенции. Материалистич. идеи, содержащиеся в соч. К. Х., оказали влияние на развитие япон. философии 80—90-х гг. 19 в.

Лит.: История философии, т. 4, с. 544—546; Окубо Тосиаки, Като Хироюки, в сб.: Современные японские мыслители, вступ. ст. Я. Б. Радуль-Затуловского, М., 1958, с. 48—71; Ториги Хакуро, Майдзи сисоэн. (История идей периода Майдзи), Токио, 1936, с. 110—11, 135—44; Исидата Такэси, Майдзи сайдзи сисо эн кэнкю (Изучение истории политических идей периода Майдзи), 4 изд., Токио, 1957, с. 73—75, 79—80, 318—20, 374—75; Оитада Си, Нихон киндай сисо-но роппи (Логика современной японской мысли), Токио, 1958, с. 23—44.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

КАТОЛИЦИЗМ (от греч. *καθολικός* — всеобщий, главный, вселенский) — одно из трех гл. направлений в *христианстве* наряду с православием и протестантизмом. К. возник и развивался в условиях формирования феодализма в Зап. Европе в противоположность православию, к-рое развивалось восточной, византийской церковью. Разделение христианства на западное (католицизм) и восточное (православие) направления завершилось разделением церквей в 1054. К. свойственна религ. нетерпимость, претензия рассматривать всех не-католиков как еретиков, заблудших или схизматиков, а католич. церковь как единственно истинную. Социально-догматич. основой К. является идея иерократии (власть духовенства), прикрываемая учением о теократии (букв. — боговластие), противоречиво сочетающемся с идеей христ. *аскетизма*. Особое значение идеи теократии отражает тот факт, что главным в деятельности К. на протяжении всей его истории неизменно оставались политич. задачи, какие бы конкретные формы в различных историч. условиях они ни принимали. Они всегда определяли собой отношение к религ. стороне католич. вероучения, его догме и культуре. Среди этих задач К. первенствующей всегда являлась и остается поныне отстаивание особой роли папской власти и привилегированности духовенства.

Как лит.-теоретич. основу К. использует концепцию Августина о «Граде божьем» и превращении церкви воинствующей в церковь торжествующую. Идея аскетизма, обращенная к массам верующих и внушающая им пренебрежение ко всему мирскому, играет на протяжении веков реакц. роль и является действенным орудием духовного порабощения масс. Из двух осн. видов источников христ. вероучения — Священного писания и Священного предания — К. фактически уделяет первое место преданию. При этом первостепенное значение К. придает решениям и суждениям пап. Социально-политич. смысл приоритета «предания» состоит в том, что благодаря ему К. получила возможность истолкования догм раннего христианства в соответствии с интересами господств. класса, ме-

вить их толкование в зависимости от изменяющихся социально-историч. условий.

Особенность К. проявляется также в требовании беспрекословного соблюдения церк. дисциплины, к-рое обосновывается учением о единоспасающей силе церкви, заключающемся в том, что, поскольку все человечество «греховно по своей природе», спасение души может обеспечить только церковь, вне которой нет спасения. В этой же связи К. развил учение о роли божественного предопределения и свободе воли, согласно к-рому человек может найти путь к спасению только благодаря церкви и с ее помощью. Социальный смысл этого учения К. — в стремлении усилить прямую зависимость судьбы мирян от духовенства, укрепить представление об особой благодати, к-рой якобы наделяно духовенство, благодаря чему оно должно пользоваться особыми социальными привилегиями. В связи с этим К. ожесточенно борется с исповедуемой нек-рыми христ. направлениями (см. *Ереси, Кальвинизм*) идеей об абс. предопределении к спасению или гибели, выводимой из понятия божества, всеведения и тем самым спажающей роль духовенства, создавая представления о прямой связи между верующим и божеств. силами. Придавая исключит. значение утверждению об единоспасающей роли церкви, К. объявляет ересью даже идею о возможной на земле окончат. победе добра, т. к. в этом случае исчез бы смысл дальнейшего существования церкви.

Осн. социально-догматич. положения К. были разработаны господствующим направлением ср.-век. философии, пытавшейся сделать догматику К. исходным моментом и основой всякого мышления и привести содержание всех наук «... в соответствие с учением церкви» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 495). В борьбе с передовыми рационалистич. и материалистич. идеями религ.-схоластич. философия К. фальсифицировала учение Аристотеля, стремясь приспособить его к защите К. и феод. строя. Особую роль в выполнении этой задачи сыграл *Фома Аквинский*, пытавшийся в своих сочинениях создать всеобъемлющую систему католич. философии, охватывающую также проблемы гос-ва, экономики, права и морали. Именно это учение (*томаизм*, см.) было объявлено папой Львом XIII единственной истинной философией К.

К. изображает всю историю человечества как борьбу за победу церкви, что практически означает борьбу за торжество папской политики, поскольку К. отождествляет церковь и папство, изображая папу преемником и наместником апостола Петра. Помимо признанных общехристианских догматов веры, К. устанавливает и новые, объявляемые им столь же обязательными для всякого верующего. Главный среди них: догмат о чистилище, связанный с учением об индульгенциях, о непогрешимости папы и т. д. К. придает особое значение внешней, обрядовой стороне культа: молитве, посещению мессы, исповеди и т. п. Все богослужение ведется на непонятном массам верующих лат. языке. Таинства и обряды объявляются действующими автоматически в силу самого соблюдения установленных форм, безотносительно к духовным устремлениям того, по отношению к кому данная культовая церемония совершается.

Важной особенностью К. является свойственное ему понимание духовенства как особо привилегирован. обществ. группы, важной опоры господств. класса. Эта особая привилегированность духовенства, признававшегося в средние века первым сословием, была закреплена учением церкви о благодати, даруемой духовенству таинством посвящения. На протяжении веков духовенство играло роль сословия, монополизировавшего контроль и руководство духовной жизнью феод. общества. Особую роль К. придает

и папской власти. В ходе борьбы папства за преобладание оно выступало с претензиями на мировое господство, как светское так и духовное (при Григории VII, Иннокентии III, Бонифации VIII), но в связи с возникновением централизованных гос-в оно потерпело поражение, временно превратившись в орудие королевской власти во Франции (1309—77), а затем пришло к глубочайшему кризису 15 в. и краху своего исключит. положения с эпохи *Реформации*. Тем не менее борьбу за свою первенствующую роль папство продолжало и в новых условиях роста капитализма. Для борьбы с Реформацией и нар. движениями К. создает в 1540 орден *иезуитов*. В ходе обострения классовой борьбы и поляризации обществ. классов папство и К. становились все более необходимой опорой для реакц. сил буржуазии и с конца 19 в. делаются важным идеол. орудием воинств. империализма. Эта новая роль К. получила яркое выражение в 1870, когда был провозглашен догмат о папской непогрешимости. Политика папы Пия IX, открыто провозглашавшего борьбу против прогресса и демократии, Льва XIII, продолжавшего эту борьбу, маскируя ее лозунгами рабочей политики, получила развитие в деятельности Ватикана и пап 20 в. вплоть до Иоанна XXIII. К. создал широкую, весьма разветвленную действительную систему. Гл. центром этой системы совр. К. является Ватикан с его многочисл. ведомствами (конгрегациями), дипломатич. и миссионерской службой, монашескими орденами, сетью учебных заведений, науч. учреждений, издательских предприятий, радио-, теле- и киностудий и т. п.

В совр. мире К. открыто вторгается в политич. жизнь, пытается оказать влияние на междунар. отношения и политику гос-в, стремится к контролю над умств. жизнью и культурой нар. масс во мн. странах. Католич. пропаганда, искусно приспособляющаяся к конкретным условиям, осуществляется с помощью католич. партий, профсоюзов, культурно-просветит., спортивных обществ и др. объединений. Создаются нац. и междунар. объединения этих организаций — «Католическое действие», «Мирской апостолат» и мн. др., призванные осуществлять политику К., направленную на отвлечение масс от классовой борьбы.

Упорное отстаивание совр. К. позиций реакц. империалистич. сил объясняется не только историч. традициями, в силу к-рых католич. церковь всегда выступала как орудие реакции, но прежде всего прочными экономич., политич. и личными связями деятелей этой церкви с хозяевами совр. империалистич. мира, особенно амер. фин. капиталом. Источником обогащения католич. церкви остается до сих пор и спекуляция на религ. чувствах верующих: святые и юбилейные годы, места паломничества, индульгенции. Большие доходы получает церковь и от гос. субсидий, выплачиваемых ей в силу заключенных с рядом гос. конкордатов (Зап. Германия, Италия, Испания, Португалия, латино-амер. страны и др.).

Реакционность совр. К. усугубляется его ролью и на различных участках идеол. борьбы. За последние годы наблюдается растущая активность К., стремящегося оказывать свое идейное воздействие в области естеств. и обществ. наук, в художеств. лит-ре и в иск-ве. Можно констатировать изменение тактики К. в борьбе с наукой, примером чего явились выступления папы Пия XII по различным вопросам за последние 10 лет. На основе *неотомизма*, ставшего еще с конца 19 в. официальной философией К., церковь ищет возможности сделать совр. науку, под предлогом сотрудничества с ней, служанкой теологии, требует от науки служить укреплению веры и т. п. Те же требования выдвигаются К. перед иск-вом и лит-рой. В этой связи наблюдается возросшая активность К. в попытках фальсифицировать науку.

Наряду с философией неотомизма в К. за последние десятилетия значит. распространение получили и субъективно-идеалистич. направления. Уже в начале 20 в. М. Блондель, А. Луаззи и др. развивали «новое учение», т. н. католический модернизм. Несмотря на резкую критику со стороны неотомистов и Ватикана, обвинявших модернистов в понимании бога только как феномена субъективного сознания и отказе от рационал. познания бога, в соответствии с учением Фомы Аквинского, воззрения модернистов получили дальнейшее развитие. В сер. 20 в. сформировался католич. экзистенциализм, выступающий в духе открытого иррационализма и мистики. Глава этого филос. направления Г. Марсель претендует на создание истинной религ. философии и открыто защищает религ. идеи и особенно католич. учение о смерти и бессмертии.

Вся деятельность совр. К. определяется ненавистью к марксизму, освободит. рабочему движению, нац.-освободит. движению народов против империализма. Для осуществления своей антикоммунистич. деятельности, распространения этих идей в массах Ватикан создает множество нац. и междунар. организаций, как, напр., отряды папери Леппиха в Зап. Германии, «марианские» союзы, руководимые иезуитами («Легион Марии», «Синяя армия Марии» и др.). Чрезвычайно возросла политич. активность К. за последнее время в странах Азии и Африки, где он поддерживает все стремления империалистов сохранить развивающийся колониальный режим и всемерно препятствует разветвляющейся борьбе народов за свое освобождение от остатков колониального рабства, пытаясь безуспешно использовать в этой политике методы католич. экспансии (миссионерство, создание кадров местного духовенства и т. п.).

Огромные успехи мирового коммунистич. движения и тесные связи совр. К. с империалистич. реакцией вызвали глубокий кризис в католич. лагере. Этот кризис развивается на базе все более общего кризиса религ. идеологии, к-рая вынуждена отступать и сдавать свои позиции одерживающей все новые победы передовой науке и науч. мировоззрению, проникающему в массы.

Кризис в католич. лагере ознаменовывается отходом от политики Ватикана десятков миллионов католиков, в т. ч. духовенства и руководителей католич. организаций, прежде всего в странах нар. демократии (Венгрия, Польша, Чехословакия, ГДР) и в Сов. Союзе; трениями и конфликтами в руководстве церкви и крупных католич. организаций («Католическое действие», орден иезуитов, Христианско-демократич. партия в Италии и т. п.); борьбой группировок в самом Ватикане. К. всей своей историей доказывает глубокую несправедливость того осн. положения марксизма-ленинизма, к-рое рассматривает всякую религию как непримиримую и абс. противоположность науке, а «... все и всяческие религиозные организации... как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса» (Ленин В. И., Соч., т. 15, с. 371—72).

Лит.: Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, М., 1952; его же, Развитие социализма от утопии к науке. Введение к английскому изданию, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. произв., т. 2, М., 1949; его же, Юридический социализм, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 16, ч. 1, М., 1937; его же, Франкский период, там же; Коровин В. А., Католицизм, как фактор современной мировой политики, М., 1931; Мэнхэттен А., Ватикан. Католическая церковь — оплот мировой реакции, пер. с англ., М., 1948; Шейнман М. М., Ватикан между двумя мировыми войнами, М.—Л., 1948; его же, Идеология и политика Ватикана на службе империализма, [М.], 1950; его же, Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в., М., 1958; его же, Папство, М., 1961; Kiefl F. X., Katholische Weltanschauung und modernes Denken, 3 Aufl., Regensburg, 1922; Die Religion in Geschichte und Gegenwart, Hrsg. von K. Galling, 2 Aufl., Bd. 3, Tübingen, 1959; Algermissen K.,

Konfessionskunde..., 4 Aufl., Hannover, 1930; Steck K. G., Politischer Katholizismus als theologisches Problem, Münch., 1951; Loewenich W., Der moderne Katholizismus. Erscheinung und Probleme, Witten, 1956; Adam K., Das Wesen des Katholizismus, 12 Aufl., Düsseldorf, 1957; Mollnau K. A., Aus dem Schuldbuch des politischen Katholizismus, B., 1958. Б. Рамм. Ленинград.

КАТТАНЕО (Cattaneo), Карло (15 июня 1804—6 февр. 1869) — итал. экономист, историк, политич. деятель демократич. направления, философ — родоначальник итал. позитивизма, хотя он и не был знаком с франц. и англ. позитивизмом. Философию К. рассматривал как дополнение экспериментальных и позитивных наук, основанное на заимствованном из них самих эксперимент. методе. К. считал, что философия не может решить вопрос о том, что первично — материя или дух. На развитие он смотрел метафизически, отрицая существование качеств скачков. Его филос. концепция в обстановке господства в Италии католицизма имела прогрессивное значение. В его произведениях подверглись критике взгляды Розмини и Джоберти. К. враждебно относился к концепциям тогдашних социалистов-утопистов. Его политич. идеалом была бурж.-демократич. федеративная республика (североамер. или швейц. типа) в масштабах Италии, а в дальнейшем и всей Европы. Гос-во, по его мнению, — надклассовый орган, умеряющий противоречивость интересов членов общества.

К. высказал мысль, что политич. развитие определяется экономич. состоянием общества. Первопричиной экономич. развития он считал распространение технич. и науч. знаний. Согласно этому принципу он посвятил себя гл. обр. науч. публицистике и преподаванию, хотя во время Миланского восстания против австрийского ига в марте 1848 принял непосредств. участие в освободит. движении. Крупных работ К. не оставил. Его многочисл. статьи и др. произведения собраны в сборниках «Философские сочинения» («Scritti filosofici», v. 1—2, 1926); «Экономические сочинения» («Scritti economici», v. 1—3, 1956); «Сочинения по литературной критике» («Scritti letterari», v. 1—2, 1948).

Соч.: Opere edite ed inedite, raccolte da Ag. Bertani, v. 1—7, Firenze, 1881—92; Scritti filosofici, letterari e vari, Firenze, [1957].

Лит.: Cantoni G., Il sistema filosofico di Carlo Cattaneo: conferenza, Mil., 1887; Zannoni E., Carlo Cattaneo nella vita e nelle opere, Roma, 1898; Noll G., La filosofia di Carlo Cattaneo, Crema, 1901; Saffioti U., Carlo Cattaneo, Roma, 1922; Levi A., Il positivismo politico di Carlo Cattaneo, Bari, 1928; Borsa M., Carlo Cattaneo, Garzanti, 1945. А. Сандрему. Рим.

КАУЗАЛЬНАЯ ИМПЛИКАЦИЯ (лат. causalis, от causa — причина) — вид импликации, введенный для отражения каузальной (причинной) связи, выражаемой в условных высказываниях. При рассмотрении условного высказывания часто приходится принимать во внимание связь по смыслу между его антецедентом и консеквентом (см. *Консеквент и антецедент*), к-рая во мн. случаях выражает причинную зависимость. Поэтому формализация каузальной связи, подразумеваемой в условном высказывании, является в какой-то мере и формализацией связи по смыслу. Один из способов формализации каузальной связи (предложенный Бёрксом) состоит в присоединении к предикатов исчислению аксиом, определяющих новую логич. операцию — К. и. В получающемся т. о. исчислении каузальной импликации справедлива формула $(A \perp B) \supset (A \supset B)$, но не справедлива формула $(A \supset B) \supset (A \perp B)$ (знак $\perp$ означает К. и., а знак $\supset$ — материальную импликацию); это значит, что из истинности нек-рого условного высказывания, в к-ром союз «если ..., то» понимается в смысле К. и., следует истинность высказывания, в к-ром этот союз понимается в смысле материальной импликации, обратное же не имеет места: из истинности высказывания с материальной импли-

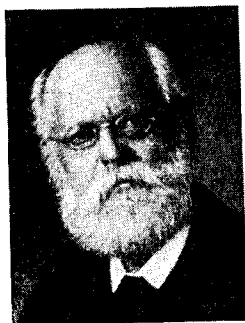
кацией не следует истинность высказывания, в котором материальная импликация заменена каузальной. Кроме того, в исчислении К. и. справедлива формула $(A \rightarrow B) \supset (A \perp B)$, но не справедлива формула $(A \perp B) \supset (A \rightarrow B)$ (знак $\rightarrow$ означает строгую импликацию К. И. Льюиса), т. е. из высказывания со строгой импликацией Льюиса следует высказывание с К. и., но из высказывания, содержащего К. и., не следует высказывание, в котором К. и. заменена строгой импликацией Льюиса. В исчислении К. и. можно выразить каузальные модальности (каузальные возможность, невозможность, необходимость), аналогичные соответств. логич. модальностям. В нем имеют место т. н. парадоксы К. и.: из каузально невозможного высказывания каузально следует любое высказывание, а каузально необходимое высказывание каузально следует из любого высказывания. Парадоксы К. и., аналогичные парадоксам материальной импликации и парадоксам строгой импликации Льюиса, показывают, что понятие К. и. не полностью отражает причинную связь, выражаемую в условных предложениях естеств. языка. Другим направлением в формализации каузальной связи является теория высказываний, выражающих законы (см. *Полемические высказывания*). Анализ причинных связей в логике осуществляется также в связи с рассмотрением *контрфактически предложений*.

Лит.: Швырев В. С., К вопросу о каузальной импликации, в сб. ст.: Логические исследования, М., 1959, с. 139—158; Ляхут и Д. Г., Ф и н н В. К., Реферат статьи В. С. Швырева. К вопросу о каузальной импликации, «Математика», 1959, № 11, с. 24—25, реф. № 10768; Burgess A., The logic of causal propositions, «Mind», 1951, v. 60, p. 363—82; Goodman N., Fact, fiction and forecast, L., 1954; Reichenbach H., Elements of symbolic logic, N. Y., 1956, ch. 8.

В. Дзиченко. Москва.

КАУЗАЛЬНОСТЬ — см. Причинность.

КАУТСКИЙ (Kautsky), Карл (16 окт. 1854—17 окт. 1938) — один из теоретиков герм. с.-д-тии и 2-го Интернационала, идеолог центризма, ренегат рабочего революц. движения. Для идейного развития К. характерна эволюция от домарксистских взглядов к марксизму и от него к центризму, оппортунизму и ренегатству.

В 1874 в Вене К. примкнул к с.-д-тии, разделяя лассальянские и анархич. взгляды. В этот период он был сторонником *позитивизма*. В 1880 под влиянием теории Мальтуса, опубликовал работу «Влияние роста населения на прогресс общества» («Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft»). В 1881 К. познакомился с Марксом и Энгельсом и под их влиянием начал переходить к марксизму. Однако К. допускал колебания в сторону оппортунизма и, несмотря на критику и помощь со стороны Маркса и Энгельса, до конца последоват. марксистом не стал, хотя, в отличие от Бернштейна, принадлежал к т. н. «ортодоксам». Неоднократно критикуя К. за эклектизм и софистику, Энгельс писал в 1881, что К. «... педагог и схоласт, который, вместо того, чтобы разпутывать сложные вопросы, запутывает простые» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 27, 1935, с. 150). В 1883 К. основал теоретич. орган герм. с.-д-тии «Die neue Zeit». Энгельс резко критиковал К. как редактора за допущенные им извращения марксизма.

В 80—90-х гг. К. написал ряд работ, к-рые сыграли положит. роль в пропаганде идей марксизма: «Экономическое учение Карла Маркса» (1887, рус.

пер. 1956), в к-рой дано популярное изложение «Капитала» Маркса (гл. обр. 1-го т.), «Аграрный вопрос» (1899, рус. пер. 1900) и нек-рые др.

В комментариях к теоретич. части «Эрфуртской программы» (1892, рус. пер. 1959) К. популярно изложил важнейшие теоретич. положения марксизма. К. отмежевался от сторонников государственного социализма, подчеркивая неизбежность замены капиталистич. произ-ва социалистическим, однако отступал от марксизма в определении путей завоевания власти пролетариатом. Он утверждал, будто «политическая борьба есть лишь особая... наиболее решительная форма экономической борьбы» (указ соч., с. 202). Основное средство социальной революции К. видел в парламентской борьбе. Энгельс подверг резкой критике оппортунистические ошибки, допущенные К. при составлении «Эрфуртской программы» (см. «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.», в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 16, ч. 2, 1936, с. 101—16). Отсутствие в программе пункта о диктатуре пролетариата и требования республики для Германии не было случайным: в работе «Парламентаризм, народное законодательство и социальная демократия» («Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie», 1893; рус. пер. 1905) К. выступил в защиту парламентаризма. В этот период, а также позже, К. написал ряд историч. работ: «Томас Мор и его Утопия» (1887, рус. пер. 1905), «Предшественники новейшего социализма» (Vd 1—2, [1895], рус. пер., т. 1—2, [1924]—1925) и др. «Мы знаем из многих работ Каутского, — писал Ленин, — что он умел быть марксистским историком, что такие работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднеейшее ренегатство» (Соч., т. 28, с. 246). В 1905—10 К. издал рукопись Маркса «Теории прибавочной стоимости» (4 т. «Капитала»). (Это издание сыграло положит. роль, но было во многих отношениях неудовлетворительным). К. принял участие в борьбе против нем. оппортунизма. Однако, критикуя ревизиониста Бернштейна, он проявлял колебания и непоследовательность [«К критике теории и практики марксизма» („Антибернштейн“), 1899, рус. пер. 1905]. К. обошел коренной вопрос марксизма, учение о диктатуре пролетариата. Это была «не полемика против и в Бернштейна, а в сущности уступка ему, сдача позиций оппортунизму...» (Ленин В. И., Соч., т. 25, с. 450). Уклон к оппортунизму, выражавшийся в систематич. замалчивании, заглушевании марксистского учения о диктатуре пролетариата, в дальнейшем преобладал в деятельности К. и привел его в годы 1-й мировой войны к открытой измене марксизму.

В нач. 900-х гг. К. поддерживал меньшевиков в их борьбе против большевиков, замалчивал ленинскую критику махизма. Однако накануне рус. революции 1905—07 и во время ее он несколько полегел и выступил с рядом положений в духе революц. с.-д-тии. Так, в статье «Славяне и революция», опубликованной в 1902 в революц. «Искре», К. предвидел переживание революц. центра в Россию. Высоко оценивая эту работу К., Ленин в 1921 писал: «... в давно-давно прошедшие времена, когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он, подходя к вопросу, как историк, предвидел возможность наступления такой ситуации, при которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы» (там же, т. 31, с. 6—7). Брошюра К. «Движущие силы и перспективы русской революции» (1906—07, рус. пер. 1907) расходилась с меньшевистской оценкой характера и движущих сил революции. В то же время он выступал против большевистской тактики вооруженного восстания. В книге «Этика и материалистическое понимание истории» (1906, рус. пер. 1922) К. популяризировал положения исторического материа-

лизма, показывал материальную обусловленность морали, но допускал отступления от историч. материализма в сторону социал-дарвинизма. Историч. материализм нередко подменялся у К. идеалистич. теорией факторов, а марксистское учение о классовой борьбе превращалось в разновидность дарвинизма. В 1909 в брошюре «Путь к власти» (рус. пер. 1959) К. изложил ряд вопросов науч. социализма. Указывая на приближение мировой войны, он призывал объединить выступления пролетариата в единые действия для завоевания власти. Вопреки утверждению Бернштейна, писал К., происходит не реформистское мирное вращение капитализма в социализм, а обострение классовой борьбы. Путь к власти, писал К., это путь классовой борьбы и пролетарской революции. Но в противоречии с этим и всей исторической обстановкой К. выдвигал на первый план мирные формы классовой борьбы, полностью обходя вопрос о вооруженном восстании пролетариата, а также о сломе буржуазной государственной машины. Он отступал от марксизма и в вопросе о союзниках пролетариата, утверждая, что поддержка пролетариата мелкой буржуазией, в частности мелким крестьянством, хотя абстрактно возможна, но мало вероятна. В нац.-колониальном вопросе К. сбивался на бурж. понимание вопроса о нац. самоопределении, не связывая нац. вопрос с вопросом об освобождении колоний. «Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и полу-чилось неизбежно... полный переход к оппортунизму...» (Ленин В. И., Соч., т. 25, с. 453). В результате разрыв между словом и делом, центристские тенденции (примиренческое отношение к бернштейнскому ревизионизму, меньшевикам и др.) привели К. к созданию группы «центра» (1910). Будучи гл. идеологом центра, К. на словах выступал за марксизм, а на деле изменял ему, приспосабливаясь к открытым оппортунистам и выступал против левых с. д-тов в Германии.

В годы 1-й мировой войны К. открыто порвал с марксизмом и перешел, по существу, на позиции социал-шовинизма. Он выдвинул антимарксистскую теорию ультраимпериализма. Под империализмом К. понимал лишь особый вид политики высококапиталистического промышленного капитала, стремившегося к подчинению аграрных областей. Путем слияния международных картелей и трестов в один сверхтрест можно, по К., примирить интересы капиталистов различных стран и устранить тем самым анархию произ-ва и войны. К. отрывал экономику от политики и игнорировал закон неравномерности развития капиталистич. стран в эпоху империализма. Реакц. сущность теории ультраимпериализма Ленин разоблачил в работах «Крах II Интернационала» (1915), «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916, изд. 1917) и др.

После Октябрьской социалистич. революции К. выступил с клеветой против нее и диктатуры пролетариата, защищал «чистую», т. е. бурж. демократию и парламентаризм («Диктатура пролетариата» — «Die Diktatur des Proletariats», 1918). Взгляды К. были подвергнуты резкой критике Лениным («Пролетарская революция и ренегат Каутский»).

Антимарксистские взгляды К. наиболее ярко проявились в работе «Материалистическое понимание истории» («Die materialistische Geschichtsauffassung», Bd 1—2, 1927—29; рус. пер., 2 т., 1931). В этой энциклопедии оппортунизма К. специфически социальное растение в биологическом. Биологизируя обществ. процесс, он подводит филос. основу для ревизии марксизма вообще, учения о классах и гос-ве в частности. Гос-во, по К., возникает не в результате появления антагонистич. классов, а внешнего насилия, покорения воинств. кочевниками мирных земледельцев. К. различает, с одной стороны, гос-во в узком смысле слова,

как отношение классового господства и, с другой — гос-во в широком смысле — гос. аппарат, гос. машину. Классовым и историческим он признает лишь первое, второе же считает присущим всем формациям, всякому человеку. Общежитию. Возникновение гос-ва, по К., не есть создание нового, особого аппарата принуждения, т. к. он, как и право, существовал еще задолго до возникновения классового господства, был присущ человек. обществу с самого его зарождения. И лишь в руках народа-победителя этот спец. аппарат власти приобретает характер гос-ва в узком смысле. Право и органы власти, по К., не созданы господствующим классом, поэтому они сами по себе не носят классового характера. Господствующий класс, овладевая аппаратом власти, лишь использует его для своих классовых целей. Исходя из этого, К. считал, что и в будущем гос-во по существу останется, ибо отомрут лишь его классовые функции. Эта теория использовалась К. для доказательства надклассового характера гос. аппарата и борьбы с марксистско-ленинским учением о сломе бурж. гос. машины.

Филос. взгляды позднего К. характеризуются попыткой подорвать единство составных частей марксизма, доказать, что теория социализма может быть соединена не только с диалектич. материализмом, но и с мн. др. филос. учениями. «Признание материалистического понимания истории, — писал К., — не должно быть неким предварительным условием для принадлежности к социал-демократической партии» («Die materialistische Geschichtsauffassung», Bd 1, В., 1927, S. XV). Объявляя себя сторонником диалектич. материализма и признавая на словах несоместность историч. материализма с идеалистич. философией, К. пытался, однако, доказать, будто позитивизм, эмпириокритицизм и цек-рые др. бурж. течения не являются идеалистич. и поэтому совместимы с марксизмом. По его мнению, «материалистическое понимание истории не связано с материалистической философией. Оно соединимо с любым мировоззрением, которое обслуживается методом диалектического материализма или по крайней мере не стоит с ним в непримиримом противоречии. Не имеет значения, называется ли это мировоззрение материалистическим или борется с механистическим материализмом, предпочитает имя реализм или монизм, позитивизм или сенсуализм, эмпиризм или эмпириокритицизм» (там же, S. 28).

В 30-х гг. К. открыто призывал к антисов. интервенции. В годы, предшествовавшие установлению фашизма, К. выступал против единого пар. фронта, обосновывал политику меньшего зла, расчленившую фашистам путь к власти. Даже после установления в Германии, вопреки прогнозу К., фашистской диктатуры, К. считал бурж. демократию единств. путем к социализму. Т. о., начав с отступлений от нек-рых важнейших положений диалектики и игнорируя ее творч. применение, К. скатился к оппортунизму и ренегатству. Такова неумолимая логика классовой борьбы. Реформистские теории К. и ныне используются правыми социалистами и ревизионистами. Многие из правых социал-демократов в своем ренегатстве пошли еще дальше, совсем отказавшись от марксизма.

Соч.: Briefwechsel mit F. Engels, 2 Aufl., W., [1955]; Собр. соч., т. 1—4, 10, 12, М.—П., 1923—30; Очерк политической экономики по учениям новейших экономистов, СПб, 1897; Итоги XIX века, СПб, 1898; Колониальная политика в прошлом и настоящем, СПб, 1900; Пределы капитализма в сельском хозяйстве, СПб, 1900; Социальная революция, Женева, 1903; Из истории культуры. Платоновский и древнехристианский коммунизм, СПб, 1905; Наемные рабочие в средние века и в эпоху реформации, СПб, 1905; Американский и русский рабочий, СПб, 1906; Бернштейн и социал-демократическая программа, СПб, 1906; Законодательная охрана труда и 8-й часовой рабочий день, [Одесса, 1906]; Очерки и этюды, 4 изд., СПб, 1907; Из истории общественных течений, 3 изд., т. 1—2, СПб, 1907—1908; Античный мир,

иудейство и христианство, СПб., 1909; Национализм и интернационализм, II., 1918; Очередные проблемы международного социализма, М.—И., 1918; Золото, деньги и пороковина, П.—М., [1918]; Общественные реформы, К., 1919; Освобождение наций, [X.], 1919; Социализация сельского хозяйства, П., 1922; Возникновение брака и семьи, 3 изд., П., 1923; Изложение 2 тома «Капитала» Карла Маркса, [X.], 1923; Классовые противоречия в эпоху французской революции, [X.], 1923; Теория кризисов, [M.], 1923.

Лит.: Ленин В. И., «Программе мира», Соч., 4 изд., т. 22; его же, Империализм и раскол социализма, там же, т. 23; его же, Государство и революция, там же, т. 25, гл. 6; его же, О задачах III Интернационала, там же, т. 29, гл. 5, 6; История философии, т. 3, М., 1959, с. 391—92; то же, т. 5, М., 1961, с. 512—14; Адамьян Г. П., Каутский в борьбе с материалистическим пониманием истории, М.—Л., 1934; Оселен Г. К., Ревизионизм и марксистское учение о диктатуре пролетариата, М., 1960; Чагин Б. А., Из истории борьбы против философского ревизионизма в германской социал-демократии, 1895—1914, М.—Л., 1961; Louis P., Cent cinquante ans de pensée socialiste, t. 3, P., 1953; Rosell H., O kautskistowskiej koncepcji chrześcijaństwa pierwotnego, «Myśl filozof.», 1954, [№] 4, s. 34—77; Bra da b Z., Z dějím boje revolučníhoděnickéhohnutí, proti revizionistickému učení Karla Kautského, в кн.: Proti revizionismu. Sb. statí, [Praha], 1959, s. 68—115. А. Мысльгизгизто. Москва.

КАУФМАН, Илларион Игнатьевич (1848—1916)—рус. экономист, проф. Петерб. ун-та (с 1893). Автор рецензии на вышедший в 1872 в рус. переводе 1-й т. «Капитала» Маркса («Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса», в журн.: «Вестник Европы», 1872, № 5, с. 427—36), в к-рой К. дал обзор осн. идей «Капитала» и, используя работу «К критике политич. экономии», охарактеризовал метод исследования Маркса. Отзыв К. о диалектич. методе «...Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о „Капитале“ и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна» (Ленин В. И., Соч., т. 1, с. 150). Значит, выдержки из рецензии К. были включены Марксом в послесловие ко 2-му изданию 1-го тома «Капитала». Указывая на реалистич. характер метода Маркса, К. писал: «Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, ещё важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни...» (цит. по кн.: «Капитал», т. 1, 1955, с. 17). К. отмечал также, что исходными пунктами и опорой исследования Маркса являются точные факты, что их анализ дает Марксу возможность рассматривать «... общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не падающие в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами ещё определяющие его волю, сознание и намерения...» (там же, с. 18). Маркса интересуют не какие-то «общие законы» экономич. жизни, а законы, управляющие экономич. жизнью на данном отрезке истории, именно законы развития капитализма. Характеристика, данная К. методу Маркса, была признана верной самим автором «Капитала». Маркс писал, что К., «...очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приёмам этого метода, тем самым очертил не что иное, как диалектический метод» (там же, с. 19).

Рецензия К. способствовала росту интереса к трудам Маркса в России. В. И. Ленин использовал положения этой рецензии в полемике с народниками в работе «Что такое „друзья народа“...» (см. Соч., т. 1, с. 148—50).

Будучи бурж. ученым-экономистом, К. не мог правильно воспринять теорию прибавочной стоимости

Маркса. Марксистское понимание общества он трактовал как *экономический материализм*.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 21, с. 73; Реузов А. Л., Рус. экономическая мысль 60—70-х гг. XIX в. и марксизм, М., 1956, с. 245—49.

КАФКА (Kafka), Франц (3 июля 1883—3 июня 1924)—австр. писатель-экспрессионист, оказавший значит. влияние на бурж. философию 20 в., гл. обр. на *экзистенциализм*. Мировоззрение К. формируется в кружке экспрессионистов — Ф. Верфеля и М. Брода. Согласно эстетич. концепции экспрессионизма, цель художника не в том, чтобы показать, как он видит мир, а в том, чтобы дать через себя заговорить самому миру. Художник, заявляя экспрессионист, должен передать тот крик, к-рый испускали бы вещи, если бы они не были немыми. Однако это требование парадоксально превращается в экспрессионизме в свою противоположность — крайний субъективизм: мир становится средством выражения настроения художника. Эти принципы получают отражение в творчестве К. Мир, изображаемый К., не имеет ни ясных очертаний, ни устойчивых границ, ни определ. логики развития. Это мир — сон, мир — кошмар, мир — иллюзия. Фантастич., ирреальный мир кафковских героев противопоставит им в качестве враждебной действительности, к-рая всегда таит в себе неизвестную угрозу. Характерен в этом отношении роман К. «Процесс» («Der Prozess», 1925), где человек преследуется неизвестным судом за неизвестное ему самое преступление; и в конце концов он оказывается жертвой неизвестного ему палача. Смысл этого романа К. — показать, что жизнь человека — это непрерывный процесс, суд над ним, в к-ром все неопределенно: он не знает ни тех, кто его судит, ни того, за что его судят, но в конце концов начинает чувствовать себя виноватым. Эта беспредметная вина порождает у него страх перед миром и чувство бессомнотности. Т. о., у К. звучат уже все мотивы, к-рые позднее развиваются в философии экзистенциализма: человек «заброшен» в мир, в к-ром он одинок и беспомощен и перед к-рым постоянно испытывает неопределенный страх.

Если в ранних рассказах К. нашло отражение предчувствие близкой катастрофы, разразившейся в 1914, то в произведениях зрелого К. на первый план выдвигается тема затерянности человек. личности в автоматизированно-бюрократич. механизме совр. капиталистич. действительности. Аллегорич. изображение кабинетно-канцелярского лабиринта, где невозможно добраться до последнего звена и поэтому невозможно установить смысл всей системы, — осн. тема романов К. «Процесс» и «Замок» («Das Schloss», 1926).

Творчество К. выражает беспомощность личности в «отчужденном» мире капиталистич. отношений. Как форма выражения этого «отчуждения» творчество К. несет на себе яркий отпечаток *иррационализма*. Совр. бурж. писатели используют творчество К. для обоснования реакц. филос. концепций. Так, напр., А. Камю утверждает, что в своих произведениях К. стремился показать бессмысленность, абсурдность человеческого существования («L'espoir et l'absurde dans l'oeuvre de Franz Kafka», в кн.: Sam u s A., Le mythe de Sisyphes, P., 1954). С этих позиций К. сближается с *Кьеркегором* и *Хейдеггером*. Попытку представить К. религ. мыслителем принимают М. Бубер, М. Брод — биограф К., издатель его сочинений (см. Bro d M., Verzweiffung und Erlösung im Werk Franz Kafkas, Fr./M., 1959).

Соч.: Gesammelte Schriften, Bd 1—6, [B., 1935—37]; Beschreibung eines Kampfes. Novellen, Skizzen, Aphorismen aus dem Nachlass, [Fr./M.]—N. Y., [1946]; Erzählungen, [Fr./M.]—N. Y., 1946; Tagebücher, 1910—1923, [Fr./M.]—N. Y., [1951]; Hochzeitsvorbereitung auf dem Lande und andere Prosa aus dem Nachlass, [Fr./M.]—N. Y., [1953].

Лит.: Затопский Д., Смерть и рождение Франца Кафки, «Иностранная литература», 1959, № 2; Brod M., F. Kafkas Glauben und Lehre..., Münch., [1948]; его же, F. Kafkas als wegweisende Gestalt, St. Gallen, [1951]; Anders G., Kafka, Pro und contra, Münch., [1951]; Janouch G., Gespräche mit Kafka..., [Fr./M.], 1951; Benise M., Die Theorie Kafkas, Köln, [1952]; Grenzmair W., F. Kafkas Werk und geistige Welt, «Universitas», 1953, [Bd] 8, [N.] 8; Heller E., Ent-erter Geist, [B. — Zehendorf], 1954; Reiss H. S., F. Kafka, eine Betrachtung seines Werkes, Hdb., 1956; Goth M., F. Kafka et les lettres françaises, P., [1957]; Eriich W., Die Weltkritik F. Kafkas, Mainz, [1958]; Jägr H., Die Kafka-Literatur. Eine Bibliographie, Malmö — Lund, [1961].

П. Райденко. Москва.

КАФЬЕРО (Cafiero), Карло (1 сентября 1846—17 июля 1892) — деятель итал. рабочего движения. Окончил юридич. факультет Неаполитанского ун-та. В 1861 в Париже сблизился с революц. клубами. В Лондоне встретился с Марксом и Энгельсом, к-рые в дальнейшем поручили ему реорганизацию Неаполитанской секции Интернационала. В 1871 К. слова в Неаполе, откуда поддерживал связь с Энгельсом, к-рый в то время был секретарем по Италии в Международном товариществе рабочих. С 1871 К. все более тяготел к анархизму, установил связь с *Вакуинным*. В 1877 подвергся, и не впервые, аресту как один из организаторов восстания в Белевенто. В тюрьме написал краткое изложение 1-го т. «Капитала» («Il Capitale di Carlo Marx...», 1879) — первую итал. работу об этом произведении Маркса. По выходе из тюрьмы К. уехал за границу. Возвратившись в Италию, подвергся преследованиям полиции и новым арестам. Тяжелая болезнь вывела К. из активной борьбы. К. пользовался большой популярностью в среде трудящихся, особенно в 70-х годах.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 24, М.—Л., 1931, с. 596; и там же, там же, т. 27, [М.—Л.], 1935, с. 40—41; Новые письма Ф. Энгельса, «Вопр. истории КПСС», 1959, № 6, с. 126—39; Cassandro M., Carlo Cafiero nel primo centenario della nascita, Barletta, 1946; Lucarelli A., Carlo Cafiero, Trani, 1947; Masini P. C., Bosisio G., Bibliografia generale di Carlo Cafiero, «Movimento operaio», 1951, № 17—18; Masini P. C., Due incerti di Carlo Cafiero, «Il Libertario», 1951, 11 aprile, № 276. А. Сандретти. Рим.

КАЧЕСТВО — фиксируемая созерцанием определенность того или иного предмета, не отделяемая от самого факта его существования как данного предмета; наиболее простая и абстрактная (т. е. бедная определениями) ступень логич. воспроизведения чувственно данной конкретности. К., проанализированное со стороны его пространственно-временных границ и структуры (т. е. количественно), есть уже не К. как таковое, а качественно-определенное количество, т. е. *мера*.

Познание на ступени К. характеризуется тем, что все качеств. характеристики предметов непосредственно оправдываются и подтверждаются чувств. опытом людей, отражаясь в нем до и независимо от какой бы то ни было теоретич. рефлексии и прежде всего до специально количеств. анализа. «Сначала мелкая и тусклая впечатления, затем выделяется нечто, — потом развиваются понятия качества... (определенная вещь или явления) и количества... Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и качество...» (Ленин и В. И., Соч., т. 38, с. 314—15).

К. непосредственно выступает в созерцании как бесконечное многообразие свойств рассматриваемой вещи. Т. о., свойство выступает как отражение К. вещи в К. другой вещи (всех других вещей). Поэтому попытка определить К. как полную совокупность свойств вводит в бесконечность. В силу этого чисто качеств. характеристика вещи еще не вскрывает ни сущности, ни причины, ни внутр. противоположностей в составе вещи. Здесь фиксируются и выражаются в определениях лишь чувственно данные границы, различия, сходства и другие непосредственно данные характеристики. С этим связана и абстрактность,

недостаточность К. как ступени логич. отражения окружающего мира, как логич. категории.

Первые категории К. была подвергнута специальному анализу Аристотелем, к-рый определял его как «...видовое отличие...», т. е. как «тот пребывающий видовой признак, который отличает данную сущность в ее видовом своеобразии от другой сущности, принадлежащей к тому же роду» (Met. V 14 1020 a 33—1020 в 1; рус. пер., М., 1934). Аристотель полагал, что «отличительным признаком качества может считаться то обстоятельство, что о сходном и несходном говорится лишь в применении к нему» («Категории», с. 32). Аристотель подчеркивает текучесть К. как состояний вещей, их способность превращаться в противоположное (напр., здоровье превращается в болезнь, холодное в теплое, черное в белое и т. д.). Разбирая софизмы («куча», «лысый»), Аристотель намечает проблему связи К. с количеством. Ср.-век. схоластика, догматизировавшая его учение, устранив все элементы диалектич. подхода к проблеме К., оформила представление о т. н. скрытых К., толковавшихся как вечные и неизменные «формы». Каждое чувственно воспринимаемое свойство объявлялось особым К.

По-иному встала проблема К. на почве сложившегося к 16—17 вв. односторонне-количественного, механистич. мировоззрения. Философия этой эпохи почти единодушно разделила все известные до этого К. на т. н. первичные и вторичные. Первичными стали считаться лишь те чувственно воспринимаемые К., к-рые представляют собой пространственно-геометрич. свойства вещей, связанные с протяженностью. Все остальные К. стали рассматриваться как субъективно окрашенные иллюзии, как продукты деятельности органов чувств человека. Острее всего это различение было проведено в филос. системах Декарта, Локка и Гоббса. Этот взгляд, по существу ликвидировавший категорию К. путем сведения ее к чисто количеств. характеристикам вещей в пространстве и времени, составил один из методологич. устоев механистич. мировоззрения. Представляя собой решительный шаг вперед по сравнению со ср.-век. схолистич. пониманием К., этот взгляд ориентировал науку на количественно-математич. анализ. Однако исторически неизбежная ограниченность механистич. понимания К. состояла в том, что количественно-математич. интерпретация К. принималась за единственную и истерпящую задачу научной, логически-теоретич. переработки чувственно данных фактов.

Диалектич. понимание К. стало впервые после Аристотеля развиваться в нем. классич. философии конца 18 — нач. 19 вв. Кант, связывая К. со специфичкой эмпирич. сознания, считал т. н. первичные качества априорными, а вторичные — апостериорными. «Качество ощущения всегда имеет чисто эмпирический характер и никоим образом не может быть представлено а priori (напр., цвета, вкуса и т. н.)» («Критика чистого разума», П., 1915, с. 137).

Преодолевая кантовский дуализм, Гегель определил К. как логич. категорию, составляющую первую, очень бедную и абстрактную фазу мыслящего познания и становления мира силой мышления, как характеристику непосредств. бытия явлений. «Качество есть вообще тождественная с бытием, непосредственная определенность... Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» (Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 157). В ходе рассмотрения проблемы качества Гегель раскрыл в нем диалектику тождества и различия, определенности и ее отрицания, дискретности и непрерывности качеств. различий и сходств и т. д., а также намечал пути перехода от К. к количественно-математич. интерпретации К., т. е. к категории количества, как следующей и потому

более конкретной, чем К., категории логики. Различные и бесконечно многообразные по своему чувственно созерцаемому облику вещи и явления постоянно изменяются, возникают и исчезают в поле зрения мыслящего духа. Т. о., непосредственно фиксируемые чувственностью различия (границы) между вещами оказываются неистинными, не совпадающими с бытием характеристиками. Лед становится водой, вода — паром, но они от этого не перестают быть вообще. То, что остается за вычетом всех бесконечно варьирующихся чувственных образов, различий между вещами в их наличном бытии, — т. е. их различий по К., — есть К. вообще, как абстракция от любого определенного, частного К. Но что же остается в таком случае в составе определения К. вообще, как логич. категории? Только чистое абстрактное представление о бесконечном многообразии, каждый из элементов которого есть, с одной стороны, то же самое, что и другой, но, с другой стороны, не то же самое. Возникает представление о бытии «многих одних», где «...каждое из многих есть то же самое, что и другие многие, каждое есть одно или же одно из многих...» (там же, с. 167). Больше ничего в определении К. вообще (как логич. категории) мыслить нельзя, не путая общее определение К. с частной характеристикой к.-л. одного из бесконечно многообразных качеств, или, точнее, одной из чувственно воспринимаемых вещей. Т. о., когда из представления о К. испарились все чувственно воспринимаемые различия и сохранилась лишь абстрактно-логич. характеристика К. вообще, то оказалось, что в этой характеристике любая из чувственно воспринимаемых вещей абсолютно тождественна любой другой, есть то же самое, что и другая, и, тем не менее, эти вещи мыслятся как различные, а не сливаются в сплошное и не различенное внутри себя тестообразное нечто. Каждая из них мыслится существующей в себе и для себя и имеет вне себя другие такие же абсолютно тождественные себе вещи, фиксируется как одно из многих одних, без дальнейших различий и определений.

Иными словами, К. вообще (в отличие от определенного К., от качественно определенной вещи) при ближайшем рассмотрении оказывается тем же самым, что и количество вообще (в отличие от определенного количества, от величины): «качественная определенность, которая достигла в одном своем в-себе и для себя-определенного бытия, перешла, таким образом, в определенность как снятую, т. е. в бытие как количество» (там же). Т. о., последняя, результирующая характеристика К. есть в то же время первая, исходная характеристика или дефиниция количества.

Марксистско-ленинская философия, развивая на материалистич. основе диалектич. понимание К., угаданное Гегелем, считает К. прежде всего объективно-предметной, универсальной категорией, охватывающей как явления внешнего мира, так и сознания человека. Поскольку чувственность человека, отражающая К., принадлежит тому же самому чувственно-предметному миру, что и внешние вещи, постольку К. есть не только субъективная, но и объективная реальность, данная в ощущении именно как субъективный образ объективного К., объективной непосредственно данной определенности внешнего мира. Марксистско-ленинская философия тем самым сняла механистич. различие между первичными и вторичными К. Все чувств. образы внешнего мира, выступающие в сознании как различия внутри К., имеют свою предметную основу, безразлично, идет ли речь о пространстве или о цвете, вкусе и запахе. Физич. (пространственное оптич., акустич. или физико-химич.) подобие всегда всегда входит в

состав субъективного образа объективно существующего К., и К. никогда полностью не разрешается в чисто количеств. его изображение, хотя количеств. (пространственно-временная) структура К. и есть необходимая ступень к более глубокому пониманию К.

Качеств. многообразие универсума бесконечно и неисчерпаемо, что и фиксируется непосредственным созерцанием, живым созерцанием внешнего мира. Поэтому К., выступая во всем богатстве со стороны чувственно конкретного материала, является в то же время самым бедным определением предмета с т. зр. его теоретич. характеристик. Маркс, рассматривая товар, характеризует его следующим образом. «Каждую полезную вещь, как, напр. железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами» («Капитал», т. 1, 1955, с. 41).

Вещь, рассматриваемая как совокупность многих непосредственному созерцанию и опыту людей открытых свойств, и есть вещь в аспекте ее К. В политич. экономии К. вещи непосредственно фиксируются как ее полезность, как способность удовлетворять ту или иную общественно-человеческую потребность. Однако политич. экономии интересуют, строго говоря, не это К. вещей, а исключительно то их К., что все они суть продукты общественно-человеч. труда. Выступая в этом К., товары и фиксируются как специальный предмет политич. экономии, подлежащий далее чисто количеств. анализу. Качеств. тождество предметов и явлений является здесь, как и везде, необходимой предпосылкой их анализа в аспекте количества.

Марксистско-ленинское понимание проблемы К. развивалось в борьбе против механистич. и идеалистич. концепций (Дюринг, Мах и др.), по существу ликвидировавших категорию К. как объективную категорию и сводивших ее к субъективной иллюзии органов чувств, к-рая будто бы должна быть рассеяна точным количеств. анализом. Это субъективистское толкование К. предполагает, что материя есть нечто абсолютное бескачественное, однородное и внутри себя нерасчлененное, что все границы и различия между явлениями сводятся исключительно к границам во времени и пространстве, а движение — к чисто механич. перемещению.

Энгельс и Ленин показали, что попытка раз и навсегда свести все качества различия к чисто количественным методологически несостоятельна и приводит к неразрешимым парадоксам даже внутри математики. Напр., то обстоятельство, что кривая и прямая сохраняют качеств. различие между собой, выражается в количеств. аспекте как невозможность закончить числовой ряд, выражающий число «пи». Дурная бесконечность дроби является в данном случае прямым показателем того факта, что кривая и прямая до конца, без остатка, друг к другу несводимы.

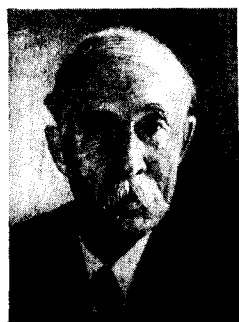
Материалистич. диалектика считает К. сравнительно бедной категорией. На ступени этой категории явления постигаются далеко не полностью. Углубление познания требует исследования количественных, причинно-следств. отношений, внутр. противоречий и т. д. Вместе с тем анализ этих отношений приводит к более глубокому пониманию и приросту К.

Лит.: Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; его же, Анти-Дюринг, М., 1957; Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38; Аристотель, Категории, пер. [с греч.], М., 1939; Гегель В., Логика, Соч., т. 1, М.—Л., 1929; его же, Наука логики, там же, т. 5, М., 1937; Келер В. М., О количественных и качественных изменениях в природе, [М.], 1946.

А. Насымжанов. Алма-Ата. Н. Ицкович. Вильнюс.

КАЧЕСТВО СУЖДЕНИЯ — свойство категорич. суждений субъектно-предикатного строения быть либо утвердительными, либо отрицательными. См. *Суждение*.

КАШЕН (Cachin), Марсель (20 сент. 1869—12 февр. 1958) — деятель франц. и междунар. рабочего и коммунистич. движения. Изучал философию в ун-те Бордо, после окончания к-рого в течение нескольких лет преподавал философию.

Еще студентом К. познакомился с «Манифестом коммунистической партии» Маркса и Энгельса и стал убежденным сторонником науч. социализма. Пропаганда социализма и практич. борьбе за его осуществление К. посвятил всю свою жизнь. В 1891 К. вступил во франц. Рабочую партию, руководимую Ж. Гедом и П. Лафаргом, и вел в ней активную работу; участвовал в ряде конгрессов 2-го Интернационала.

С 1912 К. — один из редакторов, а с 1918 — директор газ. «L'Humanité». Направленный в Москву для установления контактов с 3-м Интернационалом, присутствовал на его 2-м конгрессе (1920) и встречался с Лениным. В дек. 1920 на съезде в Туре большинство социалистич. партии по предложению К. решило образовать Франц. коммунистич. партию и присоединиться к 3-му Интернационалу. Член ЦК и Политбюро ФКП с момента ее создания, К. вел большую работу в междунар. рабочем движении; был членом президиума ИККИ. В 1914 впервые избран в парламент и оставался его депутатом до конца жизни; в 1935 был первым коммунистом, избранным в сенат. К. смело выступал против интервенции империалистич. держав, в т. ч. франц. военщины, в Сов. России (см. Замыслы французских империалистов против СССР, 1928; Франция — организатор интервенции, 1931). Доказывая превосходство социализма, К. пропагандировал успехи СССР во всех областях жизни («Двадцать лет Советской власти» — «Vingt ans de pouvoir soviétique», 1937). Один из руководителей движения за создание Народного фронта, он выступал за единство трудящихся против монополий, фашизма и войны. К. сыграл выдающуюся роль в организации и руководстве Движением сопротивления. После разгрома гитлеровской Германии был в первых рядах борцов за мир, демократию и социализм, боролся против подчинения Франции амер. империализму, наступления реакции внутри страны, против колониальных войн во Вьетнаме и Алжире.

Неумолимый пропагандист марксизма, К. направил свои усилия на то, чтобы ускорить развитие классового самосознания пролетариата. В работе «Рабочий класс и социализм» («La classe ouvrière et le socialisme», 1905) разоблачал эксплуататорскую сущность капитализма, рассматривал марксистское учение о классовой борьбе как единственно верный путь освобождения рабочего класса. «Капитализм», — писал К., — обкрадывает трудящихся; он порождает зверские военные убийства, он настоящий враг... Для пролетариев он является препятствием на пути к благосостоянию и свободе... Цель всех сознательных трудящихся заключается в поисках средств его уничтожения» («Marcel Cachin vous parle», P., [1959], p. 54).

В страстной полемике с защитниками идеализма К. пропагандировал диалектич. и историч. материализм, подвергал острой критике религию («Наука и религия», М., 1958). Отвечая критикам материализма, указывал, что материалисты не только не отрицают

правственности, но дают ей прочное науч. обоснование и своей борьбой за истину и справедливость показывают образцы нравств. поведения. Отмечая великое историч. значение материалистич. учений прошлого, К. подчеркивал, что совр. материализм — диалектич. историч. понимание истории представляет собой величайшее науч. открытие. «Коммунизм», — писал К., — это не только требование прогресса человеческой цивилизации. Это также требование разума, обогащенного и обновленного достижениями современной науки» (указ. соч., с. 59).

Соч.: La préparation méthodique de la guerre contre l'Union Soviétique. Le rôle de l'impérialisme français. Les faits. Les preuves, P., [1938]; Ce qu'est le «Manifeste du parti communiste» de Marx et Engels, P., [1938] (совм. с Adoratski V.); в рус. пер. — Против клеветы на Советский Союз, М.—Л., 1930; Компартия Франции высоко держит боевое знамя коммунизма, М., 1935.

Лит.: Торез М., Сын народа. Автобиография, пер. с франц., М., 1960; Du Clos J., Des français en qui la France peut avoir confiance, P., 1945; La vie et les combats de Marcel Cachin. Un démi-siècle de labeur au service de la cause du communisme et de la paix, P., 1949; Thorez M., Marcel Cachin, La leçon d'une vie, [P.], 1958; A la mémoire de Marcel Cachin, «La Pensée», 1958, № 78. В. Кузнецов. Москва.

КВАНТИФИКАЦИЯ (от лат. quantum — сколько и facio — делаю) — выявление объемов субъекта и предиката суждения (в смысле традиц. логики) с помощью введения в него слов «все» («каждый», «любой») и «некоторые»; в математич. логике К. — операция связывания выражений *предикатов исчисления* кванторами. См. *Квантификация предиката*, *Квантор*.

КВАНТИФИКАЦИЯ ПРЕДИКАТА — операция уточнения объема предиката суждения (в смысле классич. аристотелевой логики) с помощью слов «все» и «некоторые», основанная на истолковании связки «есть» как выражающей отношение тождества между рассматриваемыми в суждении объемами субъекта и предиката. Проводится лишь для утвердительных суждений. Идея К. и. была выражена уже в логике Пор-Рояля, у Лейбница в его Fundamenta Calculi Rationatoris и у нем. логика 18 в. Илукке. Как исходный пункт логич. анализа К. и. была применена Ламбертом, а вслед за ним и независимо от него англ. ботаником Дж. Бентамом и Гамильтоном в целях обобщения аристотелевой силлогистики, в к-рой квантифицировался лишь субъект суждения. В результате К. и. общеутвердительные суждения разделяются на две формы: (1) «Все X суть все Y» и (2) «Все X суть некоторые Y»; частноутвердительные суждения также разделяются на две формы: (1) «Некоторые X суть все Y» и (2) «Некоторые X суть некоторые Y». Соответственно этому возрастает и число правильных модусов категорич. силлогизма. В частности, модус Barbara представляется уже в четырех формах:

(1) Все X суть все Y	(2) Все X суть некоторые Y
Все Z суть все X	Все Z суть некоторые X
Все Z суть все Y	Все Z суть некоторые Y
(3) Все X суть все Y	(4) Все X суть некоторые Y
Все Z суть некоторые X	Все Z суть все X
Все Z суть некоторые Y	Все Z суть некоторые Y

В применении к квантифицированным формам суждений правила аристотелевой силлогистики, напр. правила *обращения* суждений, существенно упрощаются: все квантифицированные суждения допускают, напр., обращение без ограничения. Идея, к-рой руководствовались ученые, введшие К. и., состояла в том, чтобы истолковать суждения как нечто аналогичное равенствам и тем самым сделать возможными операции с ними по правилам, напоминающим приемы элементарной алгебры.

Лит.: Филиппов А., О сущности суждений, «Уч. зап. н.-и. кафедры истории европ. культуры», 1929, вып. 3, с. 188—89; Джевоис С., Основы науки, пер. с англ., СПб., 1881, с. 1—XVII; Бакрадзе К. С., Логика, Тб., 1951, с. 191—96; Lambert J. H., Logische und philosophische Abhandlungen, Bd 1—2, Dessau, 1782—87; Venn J., Symbolic logic, 2 ed., L.—N. Y., 1894. Н. Стяжкин. Москва.

КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА — см. *Механика квантовая*.

КВАНТОР (от лат. quantum — сколько) — логич. оператор, применяемый к логич. выражениям и дающий количеств. характеристику области предметов (а иногда и области предикатов), к к-рой относятся получаемое в результате применения К. выражение. В то время как логич. средств логики высказываний недостаточно для выражения форм всеобщих, частных и единичных суждений, в логике предикатов, получаемой посредством расширения логики высказываний за счет введения К., такие суждения выразимы. Так, напр., четыре осн. формы суждений традиц. логики «Все A суть B », «Ни одно A не есть B », «Нек-рые A суть B » и «Нек-рые A не суть B » могут быть записаны (если отвлечься от предполагаемого аристотелевой логикой требования непустоты A в общих суждениях) при помощи поясняемой ниже символики следующим образом: $\forall (x) (A(x) \supset B(x))$, $\forall (x) (A(x) \supset \neg B(x))$, $\exists (x) (A(x) \& B(x))$ и $\exists (x) (A(x) \& \neg B(x))$. Введение К. дает возможность записывать на формализованном логич. языке выражения естеств. языка, содержащие количеств. характеристики к.-л. предметных или предикатных областей. В естеств. языках носителями таких характеристик являются т. н. кванторные слова, к числу к-рых относятся, в частности, количеств. числительные, местоимения «все», «каждый», «нек-рый», глагол «существует», прилагательные «любой», «всякий», «единственный», наречия «бесконечно много» и т. п. Оказывается, что для выражения всех упомянутых кванторных слов в формализ. языках и логич. исчислениях достаточно двух наиболее употребит. К.: К. общности (или всеобщности), обозначаемого обычно символом $\forall$ (перевернутая буква Λ — начальная буква англ. слова «all», нем. «alle» и др.), и К. существования, обозначаемого обычно символом $\exists$ (перевернутая буква E — начальная буква англ. слова «exist», нем. «existieren» и др.); за знаками $\forall$ и $\exists$ в обозначении К. следует буква нек-рого алфавита, называемая кванторной переменной, к-рую рассматривают обычно как часть обозначения К.: $\forall x$, $\forall y$, $\forall F$, $\exists x$, $\exists a$ и т. п. Для К. общности употребляют также обозначения: $(\forall x)$, (x) , (Ax) , Π , Λ , Π ;

для К. существования: $(\exists x)$, $(\exists x)$, $\cup$, $\vee$, Σ . Знак К.

ставится перед выражением, к к-рому применяется К. (операцию применения К. часто называют квантификацией); это выражение заключается в скобки (к-рые часто опускают, если это не приводит к двусмысленности). Содержащее К. общности выражение $\forall x(A(x))$ читается как «Для всех x верно, что $A(x)$ », или «Для каждого x верно $A(x)$ »; содержащее К. существования выражение $\exists x(A(x))$ читается как «Существует x такой, что $A(x)$ », или «Для нек-рого x верно $A(x)$ ». В обоих этих случаях не предполагается, вообще говоря, что выражение $A(x)$ в действительности зависит от переменной x (оно может и вообще не содержать никаких переменных, т. е. может обозначать нек-рое высказывание; в этом случае квантификация не меняет смысла этого высказывания). Однако осн. назначение К. — образование высказываний из выражения, зависящего от кванторной переменной, или хотя бы уменьшение числа переменных, от к-рых это выражение, будучи незамкнутой (открытой) формулой (см. *Замкнутая формула*), зависит. Напр., выражение $(y > 0 \& z > 0 \& x = y - z)$ содержит три переменные (x , y и z) и становится высказыванием (истинным или ложным) при к.-л. опред. замещении этих переменных именами нек-рых предметов из области их значений. Выражение $\exists x(y > 0 \& z > 0 \& x = y - z)$ зависит уже лишь от двух переменных (x и y), а $\exists y \exists z (y > 0 \& z > 0 \&$

$x = y - z)$ — от одной x . Последняя формула выражает, т. о., нек-рое свойство (одноместный предикат). Наконец, формула $\exists x \exists y \exists z (y > 0 \& z > 0 \& x = y - z)$ выражает вполне опред. высказывание.

Др. примеры формул, содержащих К.: 1) $\forall x (x > 0)$; 2) $\exists x (x > 0)$; 3) $\forall x (2 + 2 = 5)$; 4) $\exists x (2 + 2 = 4)$; 5) $\forall x (x = x) \& (x + 2 = y)$; 6) $\forall x \exists y (\forall z (x = z \supset x \neq 0) \& (x < 5 \supset x < 6))$. Формула 6) не содержит переменной y , формулы 3) и 4) вообще не содержат переменных. Часть формулы, на к-рую распространяется действие к.-л. К., наз. областью действия этого К. Так, в формуле 6) областями действия К. $\forall x$ и $\exists y$ являются стоящие справа от них части формулы, а область действия К. $\forall z$ — формула $(x = z \supset x \neq 0)$. Вхождение к.-л. переменной в знак К. или в область действия К., содержащего эту переменную, наз. связанным вхождением переменной в формулу. В остальных случаях вхождение переменной наз. свободным. Одна и та же переменная может входить в к.-л. формулу в одном месте в связанном виде, а в др. месте — в свободном. Такова, напр., формула 5): первые три (считая слева) вхождения в нее переменной x — связанные, последнее же — свободное. Иногда говорят, что переменная связана в данной формуле, если все ее вхождения в эту формулу — связанные. В математике и логике всякое выражение, содержащее свободную переменную, может рассматриваться (при неформальном подходе) как ее функция в том обычном смысле этого слова, что оно (выражение) зависит от различных значений этой переменной; придавая этой переменной различные значения (т. е. замещая все ее свободные вхождения именем к.-л. предмета, принадлежащего к области значений этой переменной), мы получаем различные (вообще говоря) значения данного выражения, зависящие от значения переменной, т. е. от подставленной вместо нее константы. Что же касается связанных переменных, то заключающие их выражения в действительности от них не зависят. Напр., выражение $\exists x(x = 2y)$, зависящее от y (входящего в него свободно), эквивалентно выражениям $\exists z(z = 2y)$, $\exists u(u = 2y)$ и т. п. Эта независимость логич. выражений от входящих в них связанных переменных находит отражение в т. н. правиле переименования связанных переменных, постулируемом или выводимом в разл. логич. исчислениях (см. *Переменная, Предикатов исчисление*).

Изложенное выше истолкование смысла К. относится к содержательным логич. теориям. Что же касается исчислений в собств. смысле (т. н. формальных систем), то в них вообще не имеет смысла говорить о «значении» того или иного К., являющегося здесь просто нек-рым символом исчисления. Вопрос о значении (смысле) К. относится целиком к области интерпретации исчисления. В применении к К. можно говорить по крайней мере о трех интерпретациях: классической, интуиционистской и конструктивной, соответствующих различным концепциям существования и общности в логике и математике (см. *Интуиционизм, Конструктивная логика*). Как в классич., так и в интуиционистском (конструктивном) исчислении предикатов способы вывода в случаях, когда исходные или доказываемые формулы содержат К., описываются одними и теми же т. н. постулатами квантификации, напр. постулатами Бернайса.

К. общности и существования не исчерпываются употребительные в логике виды К. Обширный класс К. представляют собой т. н. ограниченные К. вида $\forall x_{P(x)} A(x)$ или $\exists x_{Q(x)} A(x)$, в к-рых область изменения кванторной переменной x «ограничена» нек-рым спец. предикатом $P(x)$ (или $Q(x)$). Ограниченные К. сводятся к К. общности и существования при помощи след. эквивалентностей: $\forall x_{P(x)} A(x) \sim \forall x (P(x) \supset A(x))$ и $\exists x_{Q(x)} A(x) \sim \exists x (Q(x) \& A(x))$. Часто употребляемый К. единственности $\exists! x A(x)$ («существует единственное x такое, что $A(x)$ ») также выражается через К. общности и существования, напр. так: $\exists! x A(x) \sim \exists x A(x) \& \forall y \forall z (A(y) \& A(z) \supset y = z)$.

Употребительны и др. виды К., не покрываемые понятием ограниченного К. Таковы «числовые» К. вида $\exists x_n A(x)$ («существует в точности n различных x таких, что $A(x)$ »), употребляемый в интуиционистской логике К. «квантисуществования» $\exists x A(x)$, или $\neg \neg x A(x)$ («верно, что не существует такого x ,

что $A(x)$); с т. зр. классич. логики К. «квазисуществование» ничем не отличается от К. существования, в интуиционистской же логике предложение $\exists x A(x)$, ничего не говорящее о существовании алгоритма для нахождения такого x , что $A(x)$, действительно утверждает лишь «квази»существование такого x и К. бесконечности $\exists x A(x)$ («существует бесконечно много таких x , что $A(x)$ »). Выражения, содержащие К. бесконечности и числовые К., также могут быть записаны при помощи К. общности и существования. В расширенном исчислении предикатов К. берутся не только по предметным, но и по предикатным переменным, т. е. рассматриваются формулы вида $\exists F \forall x F(x)$, $\forall \Phi \exists y (\Phi(y))$ и т. п.

Лит.: Гильберт Д. и Аккерман В., Основы теоретической логики, пер. с англ., М., 1947, с. 81—108; Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, с. 36—42, 100—102, 120—23; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, с. 72—80, 130—38; Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., т. 1, с. 42—48; Кузнецов А. В., Логические контуры алгоритма перевода со стандартизованного русского языка на информационно-логический, в сб.: Тезисы докладов на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста, М., 1961; Mostowski A., On a generalization of quantifiers, «Fundam. math.», 1957, t. 44, № 1, p. 12—36; Hailperin T., A theory of restricted quantification, I—III, «J. Symb. Logic», 1957, v. 22, № 1, p. 19—35, № 2, p. 113—29. *Ю. Гамова.* Москва.

КВЕЛЧ (Quelch), Гарри (30 янв. 1858—17 сент. 1913)— деятель англ. и междунар. рабочего движения, руководитель левого крыла англ. социал-демократии, сын кузнеца, К. десяти лет вынужден был прервать обучение в школе и начал трудовую жизнь пролетария, усилению занимаясь самообразованием. С 1884 К.— один из руководителей с.-д. федерации, в 1909—11 — с.-д. партии, с 1911 — Брит. социалистич. партии. В 1886—1913 К. — редактор с.-д. газ. «Justice». В 1901—03 К. оказывал содействие изданию в Лондоне ленинской «Искры». Несмотря на отд. реформистские ошибки, К., по словам Ленина, «был в первых рядах тех, кто боролся стойко и убежденно против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении» (Соч., т. 19, с. 332—33). В многочисл. статьях К., проявив яркое публицистич. дарование, выступал против политики лейбористских лидеров,шедших на поводу у либералов, популяризировал марксистские взгляды по вопросам о профсоюзах, парламентской деятельности, об анархизме, разоблачал империалистич. политику англ. буржуазии. Систематич. пронагаданду и агитацию в марксистском духе Ленин считал исторической заслугой Квелча и его товарищей (там же, с. 333).

Соч.: Literary remains, L., 1914 (там же, биографич. очерк).

Лит.: Ленин В. И., Конгресс английской социал-демократической партии, Соч., 4 изд., т. 17; е го же, Гарри Квелч, там же, т. 19. *А. Завалов.* Москва.

КВИДИНГ (Quiding), Нильс Херман (30 авг. 1808—26 дек. 1886) — шведский социалист-утопист. В 1838—42 — редактор либеральной газ. «Malmö Tidning», в 1862—63 — представитель третьего сословия г. Мальмё в риксдаге, член гор. суда. В провозведении «Окончательный расчет с законом шведского государства» («Slutliqvid med Sveriges rikes lag», del 1, 1865 [2 uppl. 1873], del 2—4, 1871—76), опублик. под псевдонимом «Нильс Нильсон, рабочий парень», К. разоблачал классовые противоречия в капиталистич. обществе и указывал, что частная собственность и присвоение продуктов труда «верхним классом» является причиной нищеты «нижнего класса», а также войн, преступности и порабощения женщины. Теория гос-ва К. исходила из того, что грубая сила создала закон, а закон укрепил положение господств. класса. Подвергнув критике политич. учреждения, К. выдвинул утопич. проект будущего коммунистич. общества, многие черты к-рого заимствованы им у Фурье. Называя города паразитич. наростами на теле общества, он предлагал систему децентрализации: в каждой коммуне должны жить не более 5000 человек.

Идеи К. оказали известное влияние на швед. писателя А. Стриндберга.

Соч.: Samhälleliga tidsfrågor, [s. 1.], 1871—81; Positivismen, [s. 1.], 1879.

Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 576, 581, 596; Holmberg G. H., En svensk utopist» Nils Herman Quiding, [Stockh.], 1909. *А. Мысливченко.* Москва.

КВИЕТИЗМ (от лат. quies — покой) — религ.-этич. учение, проповедующее мистически-созерцат. отношение к миру, пассивность, спокойствие души, полное подчинение «божеств. воле». Возникнув в конце 17 в. внутри католицизма, К. выразил рост оппозиц. настроений против папства и враждебное отношение к иезуитам. Идеи К. были развиты исп. священником М. Молиносом (1628—96), издавшим в Риме в 1675 книгу «Духовный руководитель» («Guida spirituale»). Согласно учению квиетистов, душа, освободившись от всех забот, примирившаяся со всеми страданиями, отрешившаяся от материального мира, перестает себя проявлять, полностью погружаясь в «божественную любовь», достигая слияния с божеством. В связи с этим К. учил, что душа должна пропикнуться полным безразличием к добру и злу, к раю и аду, полным равнодушием к вопросу о собств. «спасении».

Католич. церковь и особенно иезуиты резко выступили против К. В 1685 Молинос был заключен в тюрьму, а 68 положений К. было осуждено как ересь. Идеи Молиноса были развиты его последовательницей во Франции — Ж. М. Гюйон (1648—1717), к-рая проповедовала пассивное отношение к добру и злу, как одинаковым проявлениям божеств. воли. Идеи К., внушавшие под прикрытием проповеди о «любви к богу» моральный нигилизм, подверглись резким нападкам богословов. В защиту Гюйон выступил епископ Фенелон. Однако особая церк. комиссия, возглавляемая Боссюэ, осудила К. как безнравств. еретич. учение и добилась заключения Гюйон в Бастилию. Идеи К. проникли и в Россию. В нач. 19 в. оберпрокурор Синода кн. Голицын распространял переведенные на рус. язык соч. квиетистов. В 40-х гг. они были изъяты. Элементы К. обнаруживаются и в лютеранском pietisme 18 в. Социальное содержание К. было противоречивым. К. выражал недовольство католицизмом с его формально-фетишистским культом, учением о «добрых делах» и привилегированности духовенства. Вместе с тем в К. получил отражение страх перед нар. массами и стремление отвлечь их от классовой борьбы проповедью пассивной созерцательности и бездейственности. Поэтому К. не мог получить широкого распространения и захватил лишь узкий круг последователей.

В конце 19 в. идеи, сходные с К., высказывал Шопенгауэр, проповедовавший безразличие к страданиям.

Лит.: Scharling C. E., Michael de Molinos. Ein Bild aus der Kirchengeschichte des siebzehnten Jahrhunderts, Gotha, 1855; Герпе Н., Geschichte der quietistischen Mystik in der katholischen Kirche, В., 1875. *В. Рамм.* Ленинград.

КВИТКО, Давид Юрьевич [20 февр. (4 марта) 1889—5 февр. 1942] — сов. философ, проф. (с 1934), д-р филос. наук (с 1936). Член ВКП(б) с 1928. С 1904 — в революц. движении. В 1913, спасаясь от ареста, эмигрировал в США, работал в Нью-Йорке на швейных фабриках. С 1914 — член Социалистич. партии США; с 1919 — коммунист. Обучался в Нью-Йоркском (1915—20, заочно), Гарвардском (1920—21), Колумбийском (1921—27) ун-тах. С 1923 — магистр искусств, с 1927 — д-р философии. В 1925—26 К. читал лекции по материалистич. философии в Рабочем ун-те в Нью-Йорке. В печатных органах компартии США К. опубликовал в 1925—27 циклы статей по марксистской философии и социальным проблемам; был первым переводчиком книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» на англ. яз. (Нью-Йорк, 1927, Collected works, v. 13). С 1927 К. — в СССР,

старший науч. сотрудник Коммунистич. академии, с 1933 читал лекции по истории философии в МИФЛИ. Специализировался на изучении совр. англо-амер. философии.

С о ч.: Психология революции, «Новый мир» (газ., выход. в Нью-Йорке на рус. яз.), 1925, 16 мая, № 704; 26 мая, № 802, 30 мая, № 806, 6 июня, № 812, 13 июня, № 818, 20 июня, № 824, 27 июня, № 830; Грозит ли нашей цивилизации узгодок, там же, 25 июля, № 854, 15 авг., № 872, 22 авг., № 878; К вопросу о равноправии негров, там же, 27 авг., № 882; Свободное воспитание при коммунизме, там же, 19 сент., № 902; Существует ли расовое превосходство, там же, 17 окт., № 926; Революция и русская душа, там же, 9 ноября, № 944; Демократический осел, или Республиканский слон, там же, 1926, 23 окт., № 26; Американский университет и его представители, там же, 1927, 15 янв., № 38; Ленин как теоретик, там же, 22 янв., № 39; Социалистическая партия накануне разложения, там же, 5 февр., № 41; 12 февр., № 42, 19 февр., № 43, 12 марта, № 46, 2 апр., № 49; Толстовство как мировоззрение, «Под знаменем марксизма», 1928, № 9—10; Философия инструментализма Джона Дьюи, там же, 1930, № 9; Эстетические взгляды Чернышевского, там же, 1940, № 2; Проблемы пространства, времени и материи у неореалиста Александера, «Вестн. Комнадемии», 1929, кн. 34 (4); Философия Толстого, 2 изд., М., 1930; Очерки современной англо-американской философии, М.—Л., 1936.

КВОН ГЫН, Янчхон (1352—1409), — кор. философ-неоконфуцианец. Наставник конфуцианского колледжа Корё. Способствовал признанию в Корее идей кит. философа-конфуцианца Чжу Си и превращению чжусианства в офици. идеологию феод. режима. Выступал с критикой политич. и идеологич. основ буддизма. Автор соч. «Введение в учение» («Иххак тосоль»), в к-ром дано систематич. изложение основ чжусианства, а также комментарии к книге прогрессивного кор. философа Чон До Чона «Предположения о разуме, материальном начале и идеальном начале» («Симгирипхён»).

Лит.: Сборник статей по философии (Чхорхак нонмунди), Пхеньян, 1959, с. 38—43; История корейской литературы (Чосон мунхак тхонса), Пхеньян, 1959, с. 184; Jang K. P. and Henderson G., An Outline history of Korean Confucianism, «J. of Asian Studies», 1958—59, v. 18, pt. 1, nov., pt. 2, feb.

КЕВЕДО-И-ВИЛЬЕГАС (Quevedo у Villegas), Франсиско де (26 сент. 1580—8 сент. 1645) — прогрессивный исп. мыслитель, писатель и филолог. Происходил из аристократич. семьи. Подвергался преследованиям со стороны церковников и феодалов, был заключен в монастырь (1643).

Встав на защиту материалистич. философии Эпикура («В защиту Эпикура» — «Defensa de Epicuro»), К.-и-В. не мирился с догмами ср.-век. схоластики и отстаивал право разума на познание мира. Идеалист и гуманист в воззрениях на общество, К. считал, что в основе обществ. отношений должен лежать принцип справедливости и высокой нравственности и что обличением пороков и перевоспитанием людей можно устранить обществ. несправедливость. В сатирич. произведении «Видения» («Sueños»), над к-рым он работал с 1606 и к-рое было впервые, хотя и неполностью, издано в 1627, в романе «История жизни пройдохи по имени дон Паблос, пример бродяг и зерцало мошенников» («Historia de la vida del Buscón llamado don Pablos...»), 1626; рус. пер. 1950 со вступ. статьей К. Н. Державина, в трактате «Политика господ, христово правление и тирания сатаны» («Política de Dios, Gobierno de Cristo, Tirania de Satanás», 1626) и сборнике сатирич. новелл «Час воздаяния, или Разумная фортуна» («La Hora de todos у la fortuna con seso»), 1636) К.-и-В. подверг суровой критике современный ему обществ. строй Испании, дворян, духовенство и купцов, а также сформулировал свои политич. идеалы. В полемике с *Макиавелли* К.-и-В. выдвигал утопию нар. монархии, где народ не подвергался бы жестокой эксплуатации и пользовался всеми благами. К.-и-В. сочувственно излагал «Утопию Мора». Творчество К.-и-В. отражало интересы и настроения прогрессивных кругов исп. общества, выступавших против феод. гнета и засилия церкви. Оно содейство-

вало освобождению умов от духовного гнета католицизма и расчищало путь развитию науки и просвещения.

С о ч.: Obras completas, v. 1—3, Madrid, 1941—52.

Лит.: Морозов П. О., Испанский Вольтер, «Вестник Европы», 1833, кн. 12; Astrana Marin L., Ideario de don Francisco de Quevedo, Madrid, 1940; Fernández S. E., Ideas sociales у politicas en el «Infierno» de Dante у en los «Sueños» de Quevedo, México, 1950.

Р. Мартинес. Москва.

КЕДВОРТ (Cudworth), Ралф (1617—26 июля 1688) — англ. философ-идеалист, гл. представитель реакц. группы *кембриджских платоников*; боролся против материализма и сенсуализма «демокритовых атеистов», как он называл Гоббса и др. прогрессивных философов 17 в. К. защищал теорию сверхчувств. знания и «духовидения», к-рое, по его мнению, является основой веры в бога — первопричины мира. Признавая существование материи, К. понимал ее как пассивное вещество, к-рому дух сообщает движение. Без воли и разума, по его мнению, все было бы мертвым. Материалистич. теории причинности он противопоставлял *телеологию*, учение о реализации в мире божеств. предназначений; мир — это восходящая лестница совершенства от косной материи до бога. К. выступал против этич. теории Гоббса, говоря, что нравственность имеет абсолютный и неизменный характер, что она изначально заложена в человечес. разуме, имеет божеств. происхождение и не может зависеть от человек. соглашения или воли законодателя. В области политики К. обосновывал с теологич. позиций необходимость господства аристократии над народом.

С о ч.: A treatise concerning eternal and immutable morality, L., 1731; The true intellectual system of the Universe, v. 1—4, new ed., L., 1820; A treatise of freewill, L., 1838.

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 212—13; Смирнов А., История английской этики, т. 1, Каз., 1880; Tulloch J., Rational theology and christian philosophy in England in the 17. century, v. 2, 2 ed., Edin.—L., 1874; Lowrey Ch. E., The philosophy of Ralph Cudworth, N. Y., 1884; Schmitz K. J., Cudworth and der Platonismus, Bonn, 1919 (Diss.); Cassirer E., Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge, Lpz.—B., 1932; Beyer J., Richard Cudworth, Bonn, 1935; Aspelin G., Ralph Cudworth's interpretation of Greek philosophy, Göteborg, 1943; Passmore J. A., Ralph Cudworth. An interpretation, Camb., 1951. Е. Вейцман. Москва.

КЕДРОВ, Бонифатий Михайлович (р. 1903) — сов. философ, химик, историк науки; член-корр. АН СССР (с 1960). Член КПСС с 1948.

С о ч.: а) по термодинамике и физич. статистике (статьи 1929—35 гг.); б) по материалистич. диалектике и философии вопроса естествознания: О количественных и качественных изменениях в природе, [М.], 1946; О путях развития естествознания, М.—Л., 1948; Диалектический материализм о современных открытиях в области строения материи, М., 1954; Отрицание отрицания, М., 1957; О повторяемости в процессе развития, М., 1961; в) по разработке и пропаганде философ. наследия классиков марксизма: Энгельс и естествознание, [М.], 1947; О произведении Ф. Энгельса «Диалектика природы», М., 2 изд., 1954; Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современное естествознание, М., 1959; Применение В. И. Лениным марксистской диалектики к анализу современной науки, в сб.: Великое произведение воиствующего материализма, М., 1959; Ленинский анализ революции и кризиса современного естествознания, в сб.: Ленин и наука, М., 1960; Как изучать книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», М., 1961; Классификация наук, [Иж.], 1. М., 1961; г) по диалектич. логике и ее приложению к химии: Развитие понятия элемента от Менделеева до наших дней, М.—Л., 1948; Эволюция понятия элемента в химии, М., 1956; д) по истории открытия и философ. обобщению периодич. закона: Химические понятия в свете менделеевского наследия, в сб.: Периодический закон Д. И. Менделеева и его философское значение, [М.], 1947; Понятие «химический элемент» с точки зрения периодического закона Менделеева, там же; Браунер — сподвижник Менделеева, М., 1955 (совм. с Т. Чендовой); День одного великого открытия, М., 1958; Философский анализ первых трудов Д. И. Менделеева о периодическом законе, М., 1959; е) по дешифровке и комментированию рукописного архива Менделеева: К истории открытия периодического закона Д. И. Менделеева, в кн.: Д. И. Менделеев. Новые материалы по истории открытия периодического закона, М.—Л., 1959; Менделеев и его философия, т. 1, 1953 (ред. К.); его же, Периодический закон (ред., ст. и примеч. К.), М., 1958; его же, то же, Доп. материалы (ред.

и комментарий К.), М., 1960; ж) по истории философии и естествознания: Джон Дальтон — отец современной химии, в кн.: Дж. Дальтон, Избр. работы по атомистике, Л., 1940, 2 изд.: Атомистика Дальтона, М.—Л., 1949; Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1—2, 1955—56 (соавтор); История философии, т. 1—5, 1957—61 (соавтор); Spektralanalyse. Zur wissenschaftshistorischen Bedeutung einer großen Entdeckung, В., 1961.

КЕЙЗЕРЛИНГ (Keyserling), Герман (20 июля 1880—26 апр. 1946)— реакц. нем. философ-иррационалист (см. *Иррационализм*), пытающийся сочетать субъективный идеализм с объективным идеализмом. Исходным пунктом учения К. является иррационалистич. концепция души. Интеллект, чувств. восприятие внешнего мира и т. д. являются, с т. зр. К., внешними проявлениями этой иррац. сущности человека. Эти внешние проявления этой иррац. сущности человека направлены, соответственно, на внешний мир. Чувственно воспринимаемая и рационально познаваемая действительность, окружающая человека, также представляет собой внешнее проявление внутренней иррац. сущности, недоступной науке и познанию вообще, поскольку последнее является, согласно К., лишь интеллектуальным, т. е. односторонним, ограниченным отношением к действительности. Метафизически противопоставляя внутреннее и внешнее, К. тем не менее объявляет задачей своей философии создание «нового синтеза духа и души», установление единства между мышлением и созерцанием, теорией и практикой. Однако на деле задача К. сводится к тому, чтобы подчинить сознательное подсознательному, разум *интуиции*. Такого рода концепция является по существу одной из разновидностей фидеизма. Антиинтеллектуализм К. проявляется далее в резком противопоставлении философии положит. наукам, в нигилистич. оценке науч. познания, к-рому противопоставляется интуитивистское (см. *Интуитивизм*) понимание существующего, характеризующееся как особая душевная деятельность, аналогичная художеств. творчеству. Иначе говоря, К. отрицает филос. значение познания, поскольку последнее является отражением внешнего мира. Философия рассматривается К. как особая способность воображения, благодаря к-рой философ соприкасается с объективно существующим иррациональным, сознает его присутствие, общается с ним. Подвергая критике *рационализм*, *эмпиризм*, теоретич. мышление, К. высоко оценивает др.-вост. *мистицизм* и утверждает, что философия должна возвратиться к этому первоисточнику мудрости, от к-рого она отклонилась в новое время. Призывая к попятному движению, к возрождению мистич. идеализма древности, К. называет себя «реформатором духа», указывающим человечеству путь к мудрости. Философия тем и отличается от др. наук, что она является не просто знанием, а мудростью; последняя же есть особый род внутреннего, духовного бытия, к-рым живут избранные натуры, мудрецы. Учение К. носит резко выраженный антидемократич., аристократич. характер. На филос. воззрения К. оказали большое влияние А. Шопенгауэр, А. Бергсон и др. бурж. философы-иррационалисты. Сам К., впрочем, отрицал эти влияния. К. является одним из ближайших непосредственных предшественников фашистской идеологии в Германии.

Соч.: Prolegomena zur Naturphilosophie, Münch., [1910]; Die metaphysische Wirklichkeit, в кн.: Atij del IV Congresso internazionale di filosofia, [Bologna]—Gen., [1911]; Das Reichsbuch eines Philosophen, 4 Aufl., Bd 1—2, Darmstadt, 1920; Philosophie als Kunst, 2 Aufl., Darmstadt, 1922; Politik, Wirtschaft, Weisheit,—Darmstadt, 1922; Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen, Bd 4, Lpz., 1923.

Лит.: Feldkeller P., Graf Keyserlings Erkenntnisweg zum Übersinnlichen, Darmstadt, 1922; Vollrath W., Graf Keyserling und seine Schule, Lpz., 1923; Röhrer R., Graf Keyserlings magische Geschichtsphilosophie, Lpz., 1939.

Г. Ойзерман. Москва.

КЕЙНС (Keynes), Джон Мейнард (5 июня 1883—21 апр. 1946) — англ. бурж. экономист, глава совр. вульгарной политич. экономии. Служил в министерстве по делам Индии, представлял Англию на междунар. конференциях, был директором Англ. банка, в 1945 возглавлял делегацию, к-рая вела переговоры с США о предоставлении Англии крупного займа. К. впервые приобрел известность в качестве критика версальской системы. Считая, что она может вызвать глубокие социальные потрясения в Европе, К. призывал аннулировать воен. долги и контрибуции, а также стабилизировать валюты, без чего невозможно было наладить мировую торговлю. К. осудил экономич. блокаду Сов. России: «Мы блокируем не столько Россию, сколько самих себя» («Экономические последствия Версальского мирного договора», М., 1922, с. 162). Он обосновывал необходимость новой политики в отношении Германии со стороны держав-победителей, к-рая нашла свое воплощение в «плане Дауэса».

Ленин оценил критику К. Версальского мира как показатель глубоких противоречий в лагере правящих классов. К. «пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, бесплощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свиреном, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие» (Ленин В. И., Соч., т. 31, с. 195).

К. предвидел неизбежность полевения масс и призывал капиталистов учитывать его опасные последствия. К. «показал, что происходит и произойдет в сознании тысяч и сотен тысяч людей, когда они поймут, что все эти речи о „войне за свободу“ и т. п. были сплошным обманом, что в результате обогатилось только незначительное число, а остальные разорились и попали в кабалу» (там же, с. 200).

В 20-х гг. критика капитализма и мнимый радикализм К. не были должным образом оценены правящими кругами бурж. гос-ва. Однако в 30-х гг. в связи с кризисом 1929—33 К. удалось утвердить свою позицию пророка и реформатора бурж. политич. экономии. Теория К. наиболее полно изложена в его кн.: «Общая теория занятости, процента и денег» («The general theory of employment, interest and money», 1936, рус. пер. 1948). К. утверждал, что положение классич. политич. экономии о капитализме как саморегулирующей системе устарело и предложил «универсальный метод» лечения пороков капитализма. К. потребовал, чтобы бурж. гос-во взяло на себя ответственность за обеспечение занятости и способствовало росту произ-ва — при помощи регулирования кредита и денежного обращения, а также организации обществ. работ за счет бюджетного финансирования. Безработицу, по К., можно устранить, если сократить зарплату занятых рабочих. Ввиду опасности для буржуазии прямого сокращения зарплаты К. рекомендовал это делать путем «регулируемой инфляции». Считая, что психологич. факторы воздействуют на процесс инвестирования капитала, К. доказывал, что при активном вмешательстве гос-ва и в условиях капитализма возможно регулирование экономики, способное предотвратить периодич. кризисы перепроизводства. Экономич. законы К. выводит из неизменных свойств человек. психики. Он изобрел «осн. психологич. закон», по к-рому люди склонны увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той мере, в какой растет доход. Возможности реализации произведенной продукции, по К., зависят не от

состоянии платежеспособного спроса, а от таких факторов, как «психологич. склонности» к потреблению и сбережению. Существование рантьеерской буржуазии, живущей доходами от ценных бумаг, объясняется им не концентрацией произ-ва и развитием финансового капитала, а психологич. законом «предпочтения ликвидности». Смена фаз цикла объясняется, по К., сменой настроений предпринимателя, неустойчивостью человек. характера. Кризисы перепроизводства, по его мнению, могут быть предотвращены, если гос-во будет уметь воздействовать на психологич. склонность к потреблению, а также поддерживать определ. норму процента, стимулировать, в зависимости от надобности, то склонность к сбережению, то стремление к производств. инвестированию.

Пытаясь опровергнуть марксистскую теорию воспроизводства, К. создал т. н. «экономич. модель», в к-рой определены все факторы, влияющие на ход воспроизводства и методы воздействия на них со стороны гос-ва. Однако реальный цикл капиталистич. воспроизводства развивается не по «модели» К., а по схемам Маркса. Под влиянием успехов социализма в экономич. соревновании двух систем совр. кейнсианцы внесли нек-рые поправки в «модель» К. Они выдвигают на первый план «теории экономич. динамики», чтобы обосновать возможность высоких темпов роста произ-ва в условиях капитализма.

Теория К. не отличается большой оригинальностью и включает ряд старых догм вульгарной политич. экономии. К. ввел в свое учение осн. элементы теории предельной полезности и предельной производительности, в частности категории «предельной склонности к потреблению» и «предельной эффективности капитала».

Суть предложенных К. реформ сводилась к всемерному поощрению развития гос.-монополистич. капитализма и милитаризма. Учение К. давало «теоретич.» обоснование для гонки вооружений, налогового грабежа, усиления эксплуатации трудящихся, субсидирования частных фирм из гос. бюджета. Практич. сторону кейнсианских «открытий» всемерно использовали монополии, имеющие наиболее близкий доступ к гос. казне. Кейнсианство как новейшую разновидность социальной демагогии усовершенствовали реформисты и ревизионисты всякого толка (Дж. Стрейчи и др.), к-рые стараются изобразить К. противником капитализма. Его стремление укрепить капитализм путем гос.-монополистич. мероприятий они толкуют как тенденцию заменить капитализм социализмом, к-рую К. будто бы проявлял, сам того не сознавая. Из «психологич. закона» К. делается вывод, что его теория якобы обосновывает необходимость уравнил. распределения доходов.

Совр. реформистский социализм представляет собой всего лишь трансформированное кейнсианство. Учение К. оказало значит. влияние на совр. бурж. социологию.

Среди кейнсианцев имеются сторонники прогрессивных реформ, требующие ограничить прибыли монополий (Дж. Робинсон и др.).

См. ч. The end of laissez-faire, [2 ed.], L., 1926; Essays in persuasion, N. Y., [1932]; The treatise on money, v. 1—2, N. Y., 1935; Essays in biography, new ed., N. Y., 1951; A treatise on probability, L., 1952.

Лит.: И т о н Д., Маркс против Кейнса, пер. с англ., М., 1958; Б л о м и н И. Г., Кризис современной буржуазной политической экономии, М., 1959. А. Милейковский, Москва.

КЕЛДЫШ, Мстислав Всеволодович (р. 10 февр. 1914) — сов. ученый, специалист в области механики и математики, организатор науки и общественный деятель; академик (с 1946), президент АН СССР (с 1961). Член КНСС с 1949.

Труды К. посвящены вопросам механики и математики, теории колебаний, аэродинамики, аэродинамики, исследованию приближенного интегри-

рования дифференциальных уравнений, теории собственных функций и собственных значений параметров для несамосопряженных дифференциальных уравнений, теории приближения функций комплексного переменного рядами полиномов и др. Под влиянием теоретич. трудов и организационной деятельности К. возник ряд новых направлений и школ в механико-математических науках и их практич. приложениях в области техники. К. проводит большую работу по организации и планированию развития сов. науки и ее связи с производством, по подготовке науч. кадров.

В своих общетеоретич. и методологич. работах о роли сов. науки в строительстве коммунизма К. подчеркивает важное значение в этом не только естествознания, но и обществ. наук. «Важнейшей задачей всех общественных наук, и в частности философии, является творческая разработка проблем, связанных с построением коммунизма, с воспитанием человека коммунистического общества, с расцветом национальных культур и сближением наций, а также разработка вопросов этики, развития и пропаганды коммунистического мировоззрения и борьба с буржуазной идеологией, реформизмом и ревизионизмом» («Советская наука и строительство коммунизма», см. «Правда», 1961, 13 июня, с. 4). В то же время К. обращает внимание на необходимость органич. контакта обществ. наук и естествознания. «Общественные науки должны развиваться в тесном взаимодействии с естественно-техническими науками... Большое значение имеет расширение сотрудничества между учеными — философами и естествоиспытателями в разработке философских проблем современного естествознания» (там же). Как общественный деятель К. активно участвует в борьбе за мир. К. — лауреат Государственной премии (1942, 1946) и Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, награжден 5 орденами Ленина, 3 орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

См. ч.: О разрешимости и устойчивости задачи Дирихле, «Успехи матем. наук», 1940, вып. 8; О представлении функций комплексного переменного рядами полиномов в замкнутых областях, «Матем. сб. Новая сер.», 1945, т. 16, вып. 3; Вибрации в воздушном потоке крыла с полкосами, М., 1938 («Тр. Центр. аэрогидродинамич. ин-та», вып. 357); Речь на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир, «Правда», 1962, 10 июля.

КЕЛЕР (Köhler), Вольфганг (р. 21 янв. 1887) — нем. психолог, один из представителей гештальт-психологии, заложивший вместе с М. Вертхеймером и Кофрой основы этого направления. Был проф. психологии и философии в Гёттингенском и Берлинском ун-тах, до 1935 — директор Ин-та психологии в Берлине. Один из редакторов журнала «Psychologische Forschung». В 1935 переехал в США. Широко известность получили работы К. на зоологич. станции на о. Теперифе по исследованию интеллекта человекообразных обезьян. К. пришел к выводам: 1) у шимпанзе имеется разумное поведение того же самого рода, что и у человека; разница — лишь в степени сложности формы, или структуры поведения; 2) последняя представляет собой нек-рую целостную структуру действий (Gestalt), возникающую в связи со зрительным восприятием ситуации; 3) природа этого восприятия есть целостное, не сводимое к отд. элементам симультанное «схватывание» отношений (*инсайт*). Заслугой К. является установление непосредств. обусловленности познават. процессов восприятием. Однако в целом предложенное К. гештальт-

тистское истолкование поведения обезьян, в т. ч. и отрицание принципиальной разницы между интеллектом человека и антропоидов, оказалось несостоятельным. В отношении физиологич. механизмов поведения (высшей нервной деятельности) обезьян это было доказано П. П. Павловым и его школой [см. Э. Г. Вацуро, Исследования высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе), М., 1948]. Характерным для теоретич. взглядов К. является стремление усановить структурную общность физич. и психич. явлений («Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationären Zustand», 1920). Последние двадцать лет К. стремится доказать принцип изоморфизма физико-физиологич. структуры мозга и психич. процессов, в частности вывести гештальтистски воспринимаемые закономерности психики непосредственно из анализа электрич. активности мозга. Полное отвлечение от обществ. природы человек. сознания, отождествление физического и психического, акцентирование внимания лишь на структурности психич. образований определяет позицию К. в психологии как механистическую.

Соч.: Gestaltprobleme und Anfänge einer Gestalttheorie, «Jahresber. über die gesamte Physiologie», 1922—24; Komplextheorie und Gestalttheorie, «Psychol. Forschung», 1925, Bd 6, S. 358—416; Intelligence in apes, в кн.: Psychologies of 1925. Ed. by C. Murchison, Worcester—L., 1926, p. 145—61; Some tasks of Gestalt psychology, в кн.: Psychologies of 1930. Ed. by C. Murchison, Worcester—L., 1930, p. 143—60; Psychologische Probleme, В., 1933; The place of value in a world of facts, N. Y., 1938; Dynamics in psychology, N. Y., 1940; Figural after-effects, «Proc. Amer. Philos. Soc.», 1944, v. 88, p. 269—357 (совм. с Н. Wallach); Currents of the auditory cortex in the cat, «J. of cellular and comparative physiology», 1955, v. 45, suppl. 1, p. 1—24 (with W. D. Neff and J. Wegener); Currents of the human auditory cortex, там же, p. 25—54 (with J. Wegener); Dynamische Zusammenhänge in der Psychologie, Bern-Stuttg., 1958; Psychologie und Naturwissenschaft, «Acta Psychol.», 1959, v. 15, s. 37—50; в рус. пер.— Исследование интеллекта человекоподобных обезьян, М., 1930.

М. Роговин, В. Садовский, Москва.

КЕЛЛЕС-КРАУЗ (Kelles-Krauz) (псевдоним — Михал Люсьбия; Luśnia), Казимеж (2 марта 1872 — 24 июня 1905) — польский социолог, теоретик Польской социалистич. партии (ППС).

Учился в Сорбонне. Одновременно с 1897 преподавал в парижском Коллеже обществ. наук и затем в Новом ун-те в Брюсселе. С 1893 был членом руководства Заграничного союза польских социалистов, а затем Заграничного комитета ППС, а также ред. Заграничного бюллетеня ППС, активно сотрудничал в польских, франц. и нем. газетах и журналах. Для взглядов К.-К. характерны реформизм и национализм. Его работы посвящены в основном вопросам историч. материализма. В 1895 на 2-м конгрессе Междунар. социологич. ин-та в Париже К.-К. выступил с ревизионистским докладом об историч. материализме.

В концепциях К.-К. эклектически сочетались вулгарно-материалистич. «моноэкономическая» интерпретация марксизма (согласно к-рой все явления, даже индивидуальные мотивы действий и чувства индивида, непосредственно обусловлены экономич. фактором) и идеалистич. т. п. закон ретроспективности в социальных переворотах, гласящий: «идеалы, которыми всякое движение за реформы стремится заменить существующие общественные нормы, всегда сходны с нормами, существовавшими в более или менее отдаленном прошлом...». Так, по К.-К., «источником пролетарских идеалов является первобытный коммунизм» («Materializm ekonomiczny», Кр., 1908, s. 37). Закон ретроспективности действует якобы фатально, так что мертвые идеи господствуют над живыми. Этот закон оказывается по существу препятствием действит. прогресса идеологии, в т. ч. и социалистич. мысли.

Концепция К.-К. т. п. «открытого» (для иных идеологич. включений) марксизма по существу послужила теоретич. обоснованием ревизионизма в рядах ППС.

К.-К. в своих работах поставил такие важные вопросы, как необходимость разработки социальной психологии как науки, проблему соотношения ортодоксального и творческого в марксизме и вообще в науке, традиции и новаторства в идеологич. пап-стройке и др., но не смог дать их верного разрешения.

Соч.: Klasowość naszego programu, P., 1894; Socjologiczne prawo retrospekcji, Warsz., 1898; Niepodległość Polski a materialistyczne pojmowanie dziejów, «Krytyka», 1905, zesz. 1; Demokracja w nowoczesnym ustroju państwowym, Warsz., 1906; Portrety zmarłych socjologów, Warsz., 1906; Wybór pism politycznych, Кр., 1907; Rzut oka na rozwój socjologii w XIX w., Warsz., 1901; в рус. пер.— Социология в начале XX века, пер. с нем. [СПБ, 1904]; Марксизм и позитивизм; Что такое экономический материализм, в сб.: Исторический материализм, СПБ, 1908.

Лит.: Шаффа А., Критика польского ревизионизма конца XIX — начала XX вв., в сб.: Против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма. Сб. сокращ. пер., М., 1952, с. 64—82; K r z y w i c k i L., Wstęp, в кн.: K r a u z K., Materializm ekonomiczny, Кр., [1908]; В а с з к о В., Prawo retrospekcji przewartościowej Kelles-Krauza, «Myśl współczesna», 1949, № 8—9; S c h a f f A., Kazimierz Kelles-Krauz, «Nowe drogi», 1949, № 1; Z a r n o w s k a A., Kazimierz Kelles-Krauz. (1872—1905), «Z pola walki», 1958, rocz. 1, № 1; Bibliografia prac Kazimierza Kelles-Krauz, там же.

КЕЛЬЗЕН (Kelsen), Ханс (р. 11 окт. 1881) — австр. бурж. правовед, глава т. н. нормативистской (венской) школы права. Проф. права в Вене, Кельне, Жене. В 1940 эмигрировал в США; с 1942 — проф. политич. наук, с 1952 — засл. проф. Калифорнийского ун-та. Учение К. о праве в наиболее обобщенном виде изложено в работе «Общая теория права и государства» — «General theory of law and state», (1945) является развитием положений юридич. позитивизма, сводившего задачи науки лишь к описанию и логич. систематизации действующего права и объявившего ненужным его социально-экономич. объяснение. Эти методологич. позиции К. связал с капитанским разрывом «сущего» и «должного». Право как система правил должного поведения, по К., независимо от обществ. бытия: оно не есть воля гос-ва, наоборот, гос-во есть понятие, производное от права — «персонафикация правового порядка». Будучи независимо даже от морального долженствования, право, по К., определяется только правом; некий мыслит. презюмированный первоисточник — «основная норма» — определяет осн. начала междунар. права, к-рые, в свою очередь, определяют конституц. законы, обуславливающие обыкновенные законы и т. д. К. требует, чтобы наука, изучая право, отказалась от его экономич. интерпретации, политич., идеологич., нравств. и историч. оценки, игнорировала цели права и изучала его «в чистом виде», что фактически сводится к описанию логич. форм правовых норм. В этой связи К. критикует теорию *естественного права* и социологич. юриспруденцию. «Чистая теория права» была выдвинута К. еще в 1911, но получила широкое распространение в бурж. науке в период между двумя мировыми войнами, отражая стремление уйти от обостряющихся противоречий бурж. действительности, находивших свое выражение и в праве. В своих социологич. работах (напр., «Общество и природа» — «Society and Nature», 1943) К. отрицает действие закона причинности в обществ. жизни, утверждая, что и применительно к естеств. миру причинность это лишь способ мышления, приносимый разумом в природу. В области междунар. права К. развивает концепцию примата междунар. права над правом внутригосударственным, выступая в этой связи в качестве противника принципа суверенитета (см., напр., «Право Объединенных наций» — «The law of the United Nations», pt. 1—2, 1951). К. — один из ярых глашатаев антикоммунизма. В кн. «Коммунистическая теория права» («The Communist theory of law», 1955), фальсифицируя высказывания классиков марксизма-ленинизма,

К. пытается доказать, что применение диалектич. метода в области права оказалось якобы безуспешным.

Соч.: *Sozialismus und Staat*, Lpz., 1920; *Hauptprobleme der Staatsrechtslehre*, 2 Aufl., Lpz., 1923; *Allgemeine Staatslehre*, В., 1925; *Die philosophischen Grundlagen der Natur- und Rechtslehre*, Charlottenburg, 1928; *Staatsform und Weltanschauung*, Tübingen, 1933; *Reine Rechtslehre*, Lpz., 1934; *Law and peace in international relation*, Camb., 1942; *Peace through law*, Chapel Hill, 1944; *Principles of international law*, N. Y., [1952]; *Théorie pure du droit*, Neuchâtel, 1953; *What is justice?* Berkeley—Los-Ang., 1957.

Лит.: История политических учений, 2 изд., М., 1960, с. 831—35; Туманов В. А., О некоторых чертах современного буржуазного нормативизма, «Сов. государство и право», 1957, № 10; Богданов О. В., Туманов В. А., Фальсификация марксистской теории права (о книге Г. Кельзена «Коммунистическая теория права»), там же, 1957, № 3; Сайдлер Г. Л., Юридические доктрины империализма, пер. с польск., М., 1959, с. 75—103; Wróblewski J., Krytyka normatywistycznej teorii prawa i państwa Hansa Kelsena, Warsz., 1955; Szabó I., Hans Kelsen és a marxista jogelmélet, «Az Allam-és jogtudományi Intézet Értésítője», 1957, köt. 1, S. 5—36. В. Туманов. Москва.

КЕМБЕРЛЕНД, Камберленд (Cumberland), Ричард (15 июля 1631—9 окт. 1718) — англ. епископ, философ-идеалист, примыкавший к школе кембриджских платоников. Один из наиболее реакц. англ. философов своего времени. К. был противником материализма и теории естественного права Гоббса, к-рого он обвинял в безнравственности и атеизме. В своем трактате «О естественных законах» («De legibus naturae disquisitio philosophica...», 1672) К. утверждал, что естеств. законы суть божеств. предначертания, как и моральные истины, к-рые установлены богом до всякого человек. соглашения. К. выступал против гоббсового понимания естеств. состояния, как войны всех против всех и утверждал, что первоначальный характер человек. природы не эгоистичен, а доброжелателен. Этот тезис соответствовал учению о патриархальных отношениях между монархом и подданными. В политике защищал монархич. власть феод. типа.

Лит.: Смирнов А., История английской этики, т. 1, Каз., 1880; Spradling F. E., Richard Cumberland als Begründer der englischen Ethik, Lpz., 1894; Albee E., The ethical system of Richard Cumberland, I—II, «Philos. Rev.», 1895, v. 4, № 3, p. 264—91, № 4, p. 371—93; Sharp F. C., The ethical system of Richard Cumberland..., «Mind», 1912, v. 20 (New Series, № 83). Е. Вейцман. Москва.

КЕМБРИДЖСКИЕ ПЛАТОНИКИ — группа англ. философов-богословов 2-й пол. 17 в., идеологов Реставрации, борющихся против материализма и атеизма. К их числу принадлежали профессоры Кембриджского ун-та: Кедворт, Гленвилл, Г. Мор, епископ Кемберленд и др. Материализм Гоббса, Гассенди, отчасти учение Декарта они считали возобновлением атомистики и религ. свободомыслия Демокрита и противопоставляли ему теорию идей Платона, преим. в форме неоплатонизма, более близкого христ. теологии. Гл. задачей философии К. п. считали нахождение разумного оправдания истин религ. веры, а поэтому философию — только учением, опирающимся на теизм и спиритуализм, признающим наличие бога в мире и бессмертной души в человеке. Кто отрицает духовное начало в человеке, неизбежно отрицает и бога, т. е. приходит к «нагубному» атеизму. В основе учения К. п. лежит представление о божеств. творце, как о существе, удаленном от мира и не имеющем с ним внутр. связи. В отличие от антич. неоплатонизма они принимали не «эманацию», но, согласно учению христианства, «творение» мира богом. Но между богом и миром имеется посредник — мировой бессознат. разум («пластическая натура»), исполняющий волю творца. В вопросе о происхождении знания они противопоставляли сенсуализму Гоббса идеалистич. теорию, согласно к-рой орган знания — ум, свободный от всякой примеси материи, обнаруживает свою познават. деятельность без всякой помощи органов чувств и мозга. Объект знания — идеи, существующие от века в божеств. уме как неизменные сущности, как прототипы всех единичных вещей. Процесс познания

есть процесс обнаружения того, что заключалось в душе в потенциальном состоянии, ибо душа человека, как особое начало психич. жизни, происходит от мирового разума. Материалистич. детерминизму К. п. противопоставляли индетерминизм, абс. свободу воли. Основой морали они считали вечные и неизменные принципы, имеющие божеств. происхождение. Для К. п. характерно увлечение мистикой, они сыграли реакц. роль в истории англ. философии.

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 212—13; Смирнов А., История английской этики, т. 1, Каз., 1880; Tulloch J., Rational theology and christian philosophy in England in the 17. century, 2 ed., v. 2, L., 1874; Cambragnac E. T., Cambridge platonists, Oxf., 1901; Cassirer E., Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge, Lpz.—В., 1932. Е. Вейцман. Москва.

КЕМЕНИ (Kemeny), Джон Джордж (р. 31 мая 1926) — амер. логик, философ и математик. Род. в Будапеште. Проф. (с 1953) ун-та в Хановере (Хэмшир). Филос. взгляды К. носят неопозитивистский характер. В кн. «Взгляд философа на науку» («A philosopher looks at science», 1959), рассматривая взаимоотношение философии и науки, К. приходит к отрицанию познават. значения философии, сводя ее роль к логич. анализу знания и к оперированию т. н. «большими словами». Осн. логич. работы К. относятся к логич. семантике. В соч. «Новый подход к семантике» («A new approach to semantics», «J. symb. logic», 1956, v. 21, № 1—2, pt. 1, p. 1—27, pt. 2, p. 149—61) К. строит систему семантики, основанную на понятиях модели логич. системы и интерпретации. По сравнению с др. исследованиями по семантике (напр., Карнапа) анализ К. проводится для более богатых языков. К. является также автором книг «Введение в конечную математику» («Introduction to finite mathematics», 1957; совм. с Д. Снэллом и Д. Томпсоном) и «Конечные математические структуры» («Finite mathematical structures», 1959; совм. с Д. Снэллом, Д. Томпсоном и Х. Миркиллом), посвященных изложению математики, не использующей понятия предельного перехода. Такая математика приобретает важное значение в связи с развитием вычислит. техники и кибернетики. К. работает также в области логики индуктивной, теории игр, теории вероятностей (см. Вероятность) и др.

Соч.: Models of logical systems, «J. symb. logic», 1948, v. 13, № 1; Extension of the methods of inductive logic, «Philos. studies», 1952, v. 3, № 3; Man viewed as a machine, «Sci. Amer.», 1955, v. 192, № 4; Undecidable problems of elementary number theory, «Math. Ann.», 1958, Bd 135, H. 2.

Лит.: Сивоконь П., [Рецензия на книгу] Кемени Дж. «Взгляд философа на науку», «Новые кн. за рубежом», 1960, № 6. В. Доиченко. Москва.

КЕМЕНОВ, Владимир Семенович [р. 20 мая (2 июня) 1908] — сов. философ, действит. член Академии художеств СССР (с 1955), д-р искусствоведения (с 1958). Член КПСС с 1939. Окончил фак-т лит-ры и иск-ва Моск. ун-та (1930) и аспирантуру Гос. Академии искусствознания (1933). Преподавал философию с 1931, эстетику — с 1938. Зав. сектором совр. зарубежного искусства Ин-та истории искусств Мин-ва культуры СССР (с 1960). Работает над проблемами: борьба течений совр. иск-ва и эстетики в капиталистич. странах; рус. изобразит. иск-во и эстетика 19 в.; проблемы классич. наследия.

Соч.: Пролетарский гуманизм, «Под знаменем марксизма», 1935, № 4; О трагическом у Шекспира, в кн.: Шекспировский сборник, М., 1947; Философско-исторические основы творчества Сурикова, «Искусство», 1948, № 2; В. Стасов и рус. искусство, «Большевик», 1951, № 17; Художественное наследие Леонардо да Винчи, «Вопр. философии», 1952, № 3; Об объективном характере законов реалистического искусства, там же, 1953, № 4; Статьи об искусстве, М., 1956; Ленинская критика махизма и кризис современного буржуазного искусства, там же, 1959, № 5; Эстетика абстракционизма и теория относительности, там же, № 6; Реальность и миф в картине «Трихия» Веласкеса, там же, 1960, № 8; Некоторые вопросы связи искусства с жизнью, там же, 1961, № 8; Реализм — подлинное искусство современности, «Художник», 1961, № 8.

КЕМОМ УНДОН — бурж.-просветительское движение в Корее в конце 19 — нач. 20 вв. Организационно просветит. движение оформилось в целый ряд просветит. обществ, к-рые развернули бурную издательскую и педагогич. деятельность. Истоками филос. и социологич. идей просветителей (Пак Ын Сик, Син Чхэ Хо) являлись материалистич. традиции школы сирхак, реформаторские идеи группы Ким Ок Кюна, учение франц. просветителей и идеи англ. *политивизма*. В борьбе против феод. идеологии просветители стояли на атеистич. позициях, отстаивали материалистич. положения. Идеи свободы и демократии, с пропагандой к-рых выступили кор. просветители, выражали интересы нарождавшейся буржуазии, имели антиколониальную направленность. Представители К. У. выступали в защиту нац. письменности, за освобождение кор. языка от иероглифики. Однако слабыми сторонами К. У. было отсутствие революц. программы, связей с революц. борьбой кор. народа, тенденция ограничиться чисто культурнич. деятельностью.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 844—50; Пак Кён Су, Чосон кемонь сасанэ тохан ёнгу, «Ёкса квахак» (Исследование идей корейских просветителей), «Историческая наука», 1956, № 6; Чон Чин Сок, Чосон кемонь сигы чхорхак сасанэ (Философские идеи корейских просветителей), там же, 1959, № 4; Чосонессы пурьча минчок хёнсонэ квахан тхоронди (Сб. материалов по дискуссии о формировании бурж. нации в Корее), Пхеньян, 1957, с. 207—25; Ли и На Ён, Чосон минчок хябанэ тхудьянса (История нац.-освободительной борьбы в Корее), Пхеньян, 1958, с. 205—11. А. Уликов. Москва.

КЁНИГ (König), Рене (р. 1906) — нем. бурж. социолог, проф. ун-та в Кёльне, президент Междунар. социологич. ассоциации (с 1962); издатель журн. «Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie» (с 1955); руководит многочисл. эмпирич. исследованиями. Отправляет от трудов Дюркгейма и особенно совр. амер. бурж. социологов, К. разрабатывает вопросы о связи теории и эмпирич. исследования, его методологии и техники. С т. зр. К., осн. задача социологии состоит в разработке техники применения в социальном исследовании методов наблюдения и эксперимента. Выступая против крайнего эмпиризма, К. не преодолевает его, ибо он борется против «всеобщих» теорий общества, гл. обр. против марксизма, и сводит социологич. теорию к полумпирич. обобщениям, защищая принцип т. н. теорий «среднего уровня» (middle range theory) амер. социолога Мертона. По К., наблюдения и эксперимент должны основываться на этих теориях и продуманном плане исследований и быть контролируемы. Например, изучение обществ. мнения по к.-л. вопросу должно основываться на теоретич. исследовании того, что такое «мнение», его связи с «действием» и т. д. Но вопрос о том, как формируется теория, предвещающая исследование, по К., безразличен для социологии. Он объявляет гл. формой эмпирич. исследования прямое наблюдение в форме интервью и безуспешно пытается дать рецепты преодоления субъективизма в его проведении, к-рые сводятся к советам о необходимости «самоконтроля», к рекомендациям выбирать для интервьюирования индивида или группы индивидов, к-рые служили бы «моделью» для более широких обобщений (см. ст. «Sample», в кн.: «Wörterbuch der Soziologie», Stuttg., 1955, S. 428—32). К. разрабатывает также вопрос о социальных «общностях» (Gemeinde, community), к-рые он рассматривает вне зависимости от конкретн. экономич., демографич. признаков, от системы управления и сознательно отрицает необходимость классового анализа.

Соч.: Die naturalistische Ästhetik in Frankreich und ihre Auflösung, Lpz., 1931; Vom Wesen der deutschen Universität, B., 1935; Materialien zur Soziologie der Familie, В.—Z., 1946; Soziologie heute, Z., 1949; Report on some experiences in social research techniques in Switzerland and Germany, в кн.: Transactions of the second World Congress of Sociology, 24—31

August 1953, v. 1, [L.], 1954, p. 58—73; Die Gemeindestudie des deutschen UNESCO-Institutes, в кн.: Soziologie der Gemeinde, Köln—Opladen, [1956], S. 172—83 (Kölner Z. Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 1); Soziologie, Fr. M., 1958 (Hrsg. von K.); Grundformen der Gesellschaft, Hamb., 1958; К.—ред. ряда работ по эмпирич. социологии, к-рым им написаны программные вступ. статьи (см. напр.: Beobachtung und Experiment in der Sozialforschung, [Köln, 1956] (Praktische Sozialforschung, 2); Das Interview. Formen. Technik. Auswertung, 2 Aufl., [Köln, 1957] (Praktische Sozialforschung, 1); Probleme der Medizin-Soziologie, Köln—Opladen, 1958 (Kölner Z. Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 3).

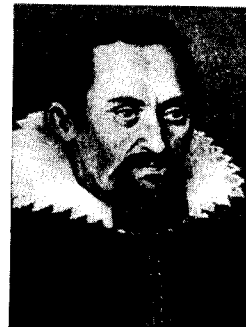
Лит.: Федосеев П., Францев Ю., Буржуазная социология в тушике, «Коммунист», 1959, № 17.

КЕНТАЛ (Quental), Антеру Таркину ди (18 апр. 1842—11 нояб. 1891) — португ. обществ. деятель, социалист, поэт и критик. Получил юридич. образование в Коимбре (1858—64). Левогегельянец по филос. взглядам, К. был одним из организаторов социалистич. движения в Португалии, в частности секций Международного товарищества рабочих, в к-ром принадлежал к прудонистскому крылу. Свои обществ. взгляды пропагандировал в 1865—66 в публицистич. статьях и «Лекциях о демократии» («Conferências democráticas», 1871), с к-рыми выступал перед рабочими. В брошюре «Португалия перед лицом революции в Испании...» («Portugal perante a revolução de Hespanha...», 1868) выдвигал требование образования федеративной республики Пиренейского п-ова, поддержанное в Испании мелкобурж. социалистами. В 1873—74 пережил глубокий духовный кризис, отошел от обществ. деятельности, пришел к пессимизму и мистицизму, формулируя в серии статей «Общие тенденции философии во второй половине XIX века» («Tendências gerais da filosofia na segunda metade do século XIX», 1889) эклектич. филос. систему, нек-рыми чертами близкую к буддизму. Статья К. «Здравый смысл и хороший вкус» («Bom senso e bom gosto», 1865) стала манифестом реалистич. школы литераторов Португалии. Передовые обществ. взгляды первого периода деятельности получили яркое воплощение в «Современных одах» («Odes modernas», 1865).

Соч.: Prosas, v. 1—3, Coimbra, 1923—31; Os sonetos completos, 2 ed., Porto, 1890; Cartas, Coimbra, 1915.

Лит.: Figueiredo F., Antero de Quental, в его кн.: Os melhores sonetos, Lisboa, 1907; Craveiro da Silva e L., Evolução do pensamento filosófico de Antero de Quental, «Brotéria», 1937, v. 24, fasc. 1, 4; Brasil R., Antero, vate da humanidade, Santarém, 1956. З. Плавский. Ленинград.

КЕПЛЕР (Kepler), Иоганн (27 дек. 1571 — 15 нояб. 1630) — нем. астроном, математик, физик и философ. Род. в Вейль-дер-Штадте (близ Штутгарта) в бедной семье. С 1589 учился в Тюбингенском ун-те, к-рый и окончил (1593), но не был допущен к богословской деятельности, как вольнодумец. В 1594—1600 — проф. математики в Граце, затем до 1612 — ассистент дат. астронома Тихо Браге в Праге. Вынужденный переезжать с места на место, гл. обр. ввиду преследований со стороны католич. церкви, К. в дальнейшем вел науч. работу в разных городах. Жил и умер в нищете. Для Маркса К. был одним из двух «любимых героев» (другой — Спартак) (см. К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 2, 1957, с. 577). В своем первом астрономич. соч. «Предвестник космографических сочинений, содержащий космографическую тайну об удивительном соотношении пропорциональности небесных кругов...» («Prodromus dissertationum cosmographicarum...», 1596) К. принял гелиоцентрич. теорию Коперника, однако пытался обосновать ее с помощью платоновско-пифагорейских идей, усмат-

ривая в неизменности числа планет и их расстояний от Солнца скрытую гармонию, а движение планет вокруг Солнца объяснял действием своеобразных интеллектуальных сил, или душ. В дальнейшем, вступив в переписку с Галилеем, К. испытал его влияние. Для прогресса материалистич. мировоззрения и углубления теории познания большое значение имело открытие К. (использовавшего наблюдения Тихо Браге) трех законов движения планет вокруг Солнца, известных с тех пор под назв. «законов К.»: 1) каждая планета движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце; 2) каждая планета движется в плоскости, проходящей через центр Солнца, причем площадь сектора орбиты, описанная радиусом — вектором планеты, изменяется пропорционально времени; 3) квадраты времен обращения планет вокруг Солнца относятся как кубы их средних расстояний от Солнца. Первые два закона были сформулированы в «Новой астрономии» («Astronomia nova...», 1609), а последний — в соч. «Гармония мира» («Harmonices mundi...», 1619). Филос. значение открытий К. законов движения планет вокруг Солнца определяется прежде всего тем, что важнейшая филос. категории естеств. закономерности получала теперь строго науч. конкретизацию, выраженную посредством математич. формул. Открытие К. способствовало освобождению понятия естеств. закономерности от антропоморфизма и субъективизма. Подчеркивая объективный характер открытых им законов, К. решительно выступал (в частности, в соч. «Аналогия Тихо...» — «Arologia Tychohis...») против субъективно-идеалистич. представления об астрономич. теориях (в частности о теории Коперника) как лишь гипотетических. К. сознательно противопоставлял метод тщательного наблюдения явлений природы и их строго научного, рационального осмысления, метод, открывавший реальные причины явлений, методам алхимиков и астрологов. Показательна в этом отношении полемика К. с Флуддом. В своем соч. «Новая стереометрия винных бочек» («Nova Stereometria doliorum vinariorum», 1615, рус. пер. 1935) К. решал задачи, рассмотрение которых подводило к открытию интегрального исчисления. В ряде соч. рассмотрел проблемы оптики, в т. ч. и физиологической, развил по существу материалистич. представления в области теории зрения.

Соч.: Opera omnia, v. 1—8, ed. Chr. Frisch, Fr./M., 1858—1871; Gesammelte Werke, Bd 1—4, 6, 13—17, Hrsg. von v. van Dusch und M. Caspar, Münch., 1937—55; в рус. пер.: Новая стереометрия винных бочек, вступит. ст. М. Я. Выгодского, М.—Л., 1935.

Лит.: Предтеченский Е. А., И. Кеплер. Его жизнь и научная деятельность, СПб., 1891; Базилевская Е. В., Рукописное наследие Иоганна Кеплера, в кн.: Архив АН СССР. Обзорные архивные материалы, т. 2, М.—Л., 1946, с. 297—312; Баев К. Л., Создатели новой астрономии, М., 1948; Коперник. Бруно. Кеплер. Галилей, М., 1955; Надор Д., Мировоззрение Кеплера и его роль в развитии понимания законов природы, в кн.: Историко-астрономические исследования, вып. 1, М., 1955, с. 119—32; P r a n t l C., Galilei und Kepler, als Logiker, в сб.: Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse [Bd] 2, Münch., 1875; S c h m i d t J., Keplers Erkenntnis- und Methodenlehre, Jena, 1903; G ü n t h e r L., Kepler und die Theologie, Giessen, 1905; K a s s i e r e E., Kepler, в кн.: Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit, 2 Aufl., Bd 1, v. 1911; R o b n a g e l P., J. Keplers Weltbild und Erdenwandel, Lpz., [1930]; J. Kepler der Kaiserliche Mathematiker, Kepler-Festschrift, Tl 1, Regensburg, 1930; S t r u i k D. J., Kepler as a mathematician, в сб.: History of science and society. Johann Kepler. 1571—1630, Balt., 1931; Z a i s e r H., Kepler als Philosoph, Basel, 1932; H i l d e b r a n d t K., Copernikus und Kepler, in der deutschen Geistesgeschichte, Halle, 1944; G a s p a r M., J. Kepler, 2 Aufl., Stuttg., [1950]; его же, Bibliographia Kepleriana, Münch., 1936. В. Соколов. Москва.

КЕРД, Кэрд (Caird), Эдуард (22 марта 1835—1 нояб. 1908) — английский философ-неогегельянец. Известен главным образом работами по истории философии. Его написанная с идеалистических пози-

ций книга «Критическая философия Канта» («The critical philosophy of I. Kant», 2 vol. 1889) до сих пор считается одной из самых значительных в англ. литературе о Канте. По К., философия Гегеля — это «критический идеализм» Канта, избавленный от противоречий и непоследовательности. Основыполагающим принципом диалектики Гегеля К. считал «тождество в различии». Из этого принципа он выводил существование абсолюта как «самостоятельного и интеллигбельного целого». В отличие от большинства эпигонов Гегеля, К. поддерживал идею эволюции. Процесс развития он определял как единство дифференциации и интеграции. Идею эволюции К. пытался применить к изучению истории религии («The evolution of religion», 1893). В христианстве он видел «абсолютную религию» — высший продукт истории. развития религии, а философию Гегеля считал «теоретической формой» христианства.

Соч.: The social philosophy and religion of Comte, 1., 2 ed., 1893; Essays on literature and philosophy, v. 1—2, Glasgow, 1892; The evolution of theology in the Greek philosophers, v. 1—2, Glasgow, 1904; в рус. пер. — Гегель, М., 1898.

Лит.: Jones H. and Muirhead J. H., The life and philosophy of Edward Caird, Glasgow, 1924.

КЭРРИ (Curry), Хаскелл Бруке (р. 12 сент. 1900) — амер. логик, математик и философ, проф. Пенсильванского ун-та с 1941. Большинство соч. К. посвящено логике комбинаторной и связанным с ней вопросам общей теории формальных систем и исчислений. Осн. положения комбинаторной логики изложены К. в кн. «Комбинаторная логика» («Combinatory logic», 1958, соав. с Р. Фейсом). К. занимался также разработкой теорий дедуктивного вывода и вопросах алгебраич. трактовки логики (в т. ч. ряда неклассич. систем математич. логики), к-рым посвящена его книга «Лекции по алгебре логики» («Lessons de logique algébrique», 1952). В методологии математики К. является представителем созданного им направления неформализма, рассматривающего математику как содержащую теорию любых формальных систем и исчислений. При этом К. отказывается от ряда требований формализма Д. Гильберта, неправомочность к-рых была доказана в ходе развития науки. Прежде всего он ослабляет требование непротиворечивости формальной системы. В стремлении Гильберта к обязательной непротиворечивости К. видит влияние нем. идеалистич. философии, желание оправдать классич. математику, построив ее на абсолютно определенном априорном базисе (см. «Combinatory logic», p. 275—76). Математика, согласно К., развивается через обнаружение противоречий и их преодоление.

Соч.: An analysis of logical substitution, «Amer. J. Math», 1929, v. 51, p. 363—84; Grundlagen der kombinatorischen Logik, там же, 1930, v. 52, p. 509—36, 789—834; Some aspects of the mathematical rigor, «Bull. Amer. Math. Soc.», 1941, v. 47, p. 221—41; A theory of formal deducibility, Notre Dame, 1950; Outlines of a formalist philosophy of mathematics, Amst., 1953; Calculuses and formal systems, «Dialectica», 1958, v. 12, № 3—4, p. 249—73; Подробная библиография соч. К. содержится в кн.: Combinatory logic. В. Доменко. Москва.

КЕТЛЕ (Quételet), Ламбер Адольф (22 февр. 1796—17 февр. 1874) — бельг. бурж. статистик, математик, астроном и социолог. Был директором Брюссельской обсерватории, проф. математики в Генуе и астрономии в Брюсселе. По филос. взглядам К. — эклектик, пытавшийся сочетать принципы механистич. материализма с субъективным идеализмом и религией (см. «Социальная система и законы ею управляющие», 1848; рус. пер., СПб., 1866, с. 71). В социологии К. придерживался теории *общественного договора*. Первой ячейкой общества он считал семью, из к-рой возникают все осн. социальные институты. Большое влияние на воззрения К. оказала теория круговорота Вико. Познание обществ. явлений К. сводил к исследованию свойств и способностей человека, к-рые

считал неизменными и постоянными. Заслугой К. было доказательство того, что нек-рые массовые обществ. явления (рождаемость, смертность, преступность и т. д.) подчиняются опред. закономерности. В кн. «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики» («Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale», v. 1—2, 1835; рус. пер. т. 1, 1865, т. 1—2, 1911—13), к-рую Маркс считал «превосходным научным трудом» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 8, с. 531—32), К. «доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости и периодических средних цифр обладают внутренней необходимостью. Но объяснение этой необходимости ему никогда не удавалось» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 26, 1935, с. 7).

К. выдвинул ненауч. понятие «среднего человека» как носителя всех «средних качеств», находящих выражение в средних величинах статистич. данных. Согласно К., «средний человек» — наиболее совершенный, неизменный, «истинный тип», а отд. индивиды — лишь его искаженные выражения. К. ставил задачу открыть законы сохранения «среднего человека и общества в целом», т. е. сохранения бурж. общества. К. один из первых широко применил математику в статистике; он организовал в Бельгии ряд статистич. учреждений, опыт к-рых был использован и в др. странах.

Соч.: *Lettres... sur la théorie des probabilités...*, Brux., 1846.

Лит.: Карапетян Б. А., К критике А. Кетле и его школы как представителей формально-математического направления буржуазной статистики, Тб., 1957; Maillu E., *Essai sur la vie et les ouvrages de Quetelet...*, Brux., 1875; Lottin J., *Quetelet statisticien et sociologue*, Louvain — P., 1912.

М. Баскин, А. Завадье. Москва.

КЕЦХОВЕЛИ, Владимир Захарьевич [Ладю; 2(14) янв. 1876—17(30) авг. 1903] — груз. марксист, один из основателей ленинско-искровских организаций РСДРП в Закавказье. Род. в с. Тливи Горийского уезда Тифлисской губ. Деятельность К. протекала в Тбилиси, Киеве, Баку и Батуми. Член группы «Месаме-Даси» (с 1897). Убит в тюрьме.

К. воспитывался на произведениях русских революционных демократов, а затем — на марксистской литературе. Участь в семинари, К. выпустил в 1892 нелегальный рукописный журн. «Гагпнади» («Рассвет»), в котором критиковался семинарский режим воспитания. В корреспонденции «Село

Тквиави» (газ. «Иверия», 1894, № 51, 146) К. разоблачал самодержавие и описывал тяжелое положение трудового крестьянства. В ст. «По поводу столетнего юбилея» («Брдзола», 1901, № 1), указывая на положит. значение присоединения Грузии к России, К. обличал царскую политику в нац. вопросе; он писал о неизбежности гибели капиталистич. строя, о революционной преобразующей роли пролетариата. В статьях, напечатанных в «Брдзоле» (1901, № 2, 3, «Рабочее движение на Кавказе в 1899—1901 гг.»), в листовках и прокламациях К. защищал и пропагандировал ленинские идеи о роли революц. теории. Рост рабочего революц. движения, писал он, порожден положением рабочего класса и трудового крестьянства. Передовая интеллигенция создает пролетарскую революц. теорию, к-рая оказывает организующее и направляющее влияние на революционное движение народных масс.

Лит.: Махарашили Г. Н., Жизнь и революционная деятельность Ладю Кецховели (1876—1903), Л., 1952; Гулиев А., Мужественный борец за коммунизм Ладю Кецховели, Баку, 1953; Гегешидзе З., Ладю Кецховели, М., 1959.

М. Килаберия. Тбилиси.

КИБАЛЬЧИЧ, Николай Иванович (19 окт. 1853—3 апр. 1881) — рус. революционер-пародник и ученый. Род. в семье священника в местечке Короп б. Черниговской губ. В 1871 поступил в петербургский Ин-т инженеров путей сообщения, в 1873 — в Медико-хирургич. академию. В 1875 арестован за пропаганду революц. лит-ры, в 1878 освобожден. Активный деятель «Народной воли» (см. *Народничество*). Казнен за участие в убийстве Александра II. Обладая большими теоретич. познаниями в области математики, физики и химии, К. за неск. дней до смерти, в тюремной камере, разработал первый в мире проект реактивного летательного аппарата тяжелее воздуха. Проект был похоронен в секретных архивах царской полиции и опубликован только после Октябрьской революции.

Подобно другим пародникам, К. не понимал авангардной роли пролетариата, пытался обосновать тактику индивидуального террора. Однако на его взглядах сказалось также и влияние марксизма. Статья К. «Политическая революция и экономический вопрос» (1881) расценивалась нек-рыми из пародовольцев как «максимум уступок в сторону если не марксизма, то Маркса» («Былое», П., 1907, № 9, с. 61). Подчеркивая тесную связь и взаимодействие политич. и экономич. факторов, К. считал, что «ни экономический переворот не может осуществиться без известных политических изменений, ни, наоборот, свободные политические учреждения не могут установиться без известной исторической подготовки в экономической сфере» («Народническая экономическая литература», 1958, с. 390). Это положение К. доказывал, ссылаясь на Маркса и рассматривая историю франц. революций. Великая франц. революция, отмечал К., не отменила частной собственности в силу своей историч. ограниченности, революция 1848 — из-за отсутствия у парижского пролетариата прочной организации с четкой программой; образец решения экономич. вопроса политич. путем — Парижская Коммуна. Политич. революция вполне может использовать гос. организацию как орудие совершення экономич. переворота, к-рый должен быть исторически подготовлен.

В отличие от *Ткачева*, К. считал, что существующий строй будет ниспровергнут не посредством заговора, а в результате нар. восстания. Для успеха необходимо одновременно выступление в городах и в деревнях, а также переход на сторону народа хотя бы части армии. «Революция, — писал К., — вызывается целым рядом исторических причин общей совокупности хода исторических событий, между которыми сознательная деятельность революционной партии является лишь одним из факторов...». Организация революционеров не может по своему желанию вызвать революцию, но она может «внести большую сознательность и организованность в народное движение» («Былое», П., 1917, № 3 (25), с. 36).

Лит.: Черняк А. Я., Николай Кибальчич — революционер и ученый, М., 1960; Venturi F., *Il populismo russo*, v. 2, Torino, 1952, p. 1098—1101. А. Черняк. Москва.

КИБЕРНЕТИКА [от греч. κυβερνητική (τέχνη) — искусство управления, от κυβερνάω — правлю рулем, управляю] — наука о процессах управления в сложных динамич. системах, основывающаяся на теоретич. фундаменте математики и логики, а также на применении средств автоматизации, особенно электронных вычислит., управляющих и информационно-логич. машин.

Возникновение К. Элементарными методами, имеющимися в наше время кибернетическими, человеческое эмпирически пользовалось издавна — во всех

тех случаях, когда необходимо было управлять к-л. сложным развивающимся процессом для достижения предел. цели в заданное время. По мере усложнения производственно-технич. процессов, роста взаимодействия множества людей, участвующих в хозяйственной, политич. и воен. деятельности, вовлечения в нее большого количества материальных средств и энергетич. ресурсов все чаще стало даваться себя знать противоречие между потребностями улучшения управления, к-рое должно было становиться все более оперативным, основанным на достаточной и своевременно поступающей информации, и реальными возможностями такого улучшения. С наибольшей остротой вопрос о повышении качества управления встал начиная с 40-х гг. 20 в. Это и привело к возникновению К., к-рая открыла дорогу применению точного научного анализа к решению проблемы целесообразного использования соврем. технич. средств для повышения качества управления.

К. базируется на достижениях ряда отраслей соврем. науки и техники и, в свою очередь, благотворно влияет на их развитие. Ее возникновение тесно связано, с одной стороны, с работами по созданию сложных автоматич. устройств, а с др. — с развитием наук, изучающих процессы управления и обработки информации в конкретных областях действительности. В подготовке и развитии К. сыграли роль многие области знания: теория автоматич. регулирования и следящих систем; термодинамика; статистич. теория передачи сообщений; теория игр и оптимальных решений; математич. логика; математич. экономика и др., а также комплекс биологич. наук, изучающих процессы управления в живой природе (теория рефлексов, генетика и др.). Решающую роль в становлении К. имело развитие электронной автоматики и появление быстродействующих электронных вычислит. машин, открывших новые возможности в обработке информации и в моделировании различных систем управления.

Осн. идеи К., как особой дисциплины, являющейся синтезом целого ряда направлений научной и технич. мысли, были сформулированы в 1948 Н. Винером в кн. «Cybernetics or control and communication in the animal and the machine», N. Y. (рус. пер. «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине», М., 1958). Выдающееся значение для создания К. имели труды К. Шеннона и Дж. Неймана. Еще раньше важную роль в генезисе идей К. сыграли амер. ученый Дж. У. Гиббс и И. П. Павлов. Следует отметить заслуги рус. и сов. школ математиков и инженеров (И. А. Вышнеградской, А. М. Ляпунов, А. А. Андронов, Б. В. Булгаков, А. Н. Колмогоров и др.), к-рые способствовали становлению и развитию К.

Предмет К. Предметом изучения К. являются сложные устойчивые динамич. системы управления. Под динамической понимается такая система, состояние к-рой меняется и к-рая содержит в себе множество более простых, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом систем и элементов. Состояние сложной динамич. системы в целом, так же как и отдельных ее элементов, определяется значениями, к-рые принимают параметры, характеризующие систему и меняющиеся по различным закономерностям. Сложная динамич. система, рассматриваемая с т. зр. процессов и операций управления, т. е. процессов и операций, переводящих ее из одного состояния в другое и обеспечивающих ее устойчивость, наз. с и с т е м о й у п р а в л е н и я.

Всякая система управления (система управления артиллерийским огнем; система управления нар. х-вом, отраслью пром-сти, предприятием, транспортным х-вом и т. д.; система управления кровообраще-

нием, пищеварением и т. п. живого организма) состоит из двух систем: у п р а в л я ю щ е й и у п р а в л я е м о й. Управляющая система воздействует на параметры управляемой системы с целью перевода ее в новое состояние в соответствии с имеющейся задачей управления. Следует различать три осн. области управления: управление системами машин, производств. процессами и вообще процессами, имеющими место при целенаправл. воздействии человека на предметы труда и процессы природы; управление организмов. деятельностью человек. коллективов, решающих ту или иную задачу (напр., организаций, осуществляющих военные, финансовые, кредитные, страховые, торговые, транспортные и др. операции); управление процессами, происходящими в живых организмах (сюда относятся высокоцелесообразные физиологич., биохимич. и биофизич. процессы, связанные с жизнедеятельностью организма и направленные на его сохранение в изменяющихся условиях существования). Во всех указанных областях имеются устойчивые динамические системы, в которых самопроизвольно или же принудительно осуществляются процессы управления; при этом часто имеют место сложные взаимодействия управляющих и управляемых систем. Примером могут служить живые организмы, в к-рых функции управляющих и управляемых систем непрерывно и многократно переплетаются. То общее, что имеется в процессах управления в самых различных областях, независимо от их физич. природы, и составляет предмет К.; сами же эти области выступают как сферы применения К. Правомерность существования К. как науки обусловлена универсальностью процессов управления, создание единой теории к-рых является ее главной задачей.

Хотя К. занимается изучением сложных развивающихся процессов различной природы, она исследует их только с т. зр. механизма управления. Ее не интересуют проявляющиеся при этом энергетич. соотношения, экономич., эстетич., общественная сторона явлений. Взаимосвязи управляющих и управляемых систем в К. изучаются лишь в той мере, в какой они допускают выражение средствами математики и логики. При этом в К. ставится задача выработать рекомендации по наилучшим приемам и методам управления для быстрого достижения поставленной цели. К. изучает процессы управления прежде всего с целью повышения эффективности человек. деятельности.

К. можно подразделить на теоретич. К. (математич. и логич. основы, а также филос. вопросы К.), технич. К. (конструирование и эксплуатация технич. средств, применяемых в управляющих и вычислит. устройствах) и прикладную К. (приложения теоретич. и технич. К. к решению задач, относящихся к конкретным системам управления в различных областях человек. деятельности, — в пром-сти, в энергоснабжении, на транспорте, в службе связи и т. п.). Т. о., К. — это наука об общих принципах управления, о средствах управления и об использовании их в технич. в человек. об-ве и в живых организмах.

Основные понятия и разделы теоретической К. Для любых процессов управления характерно наличие: системы, состоящей из управляемой и управляющей частей; цели управления; алгоритма управления; взаимодействия данной системы управления с внешней средой, являющейся источником случайных или систематич. помех, а также осуществление управления на основе приема и передачи информации. Системы, в к-рых процессы управления обеспечивают их устойчивость в меняющихся условиях внешней среды, наз. устойчивыми динамич. системами управления, или организованными системами.

Наличие цели — характерная черта любого процесса управления; управление — это организация целенаправленного (целесообразного) воздействия. Задача (цель) либо ставится в самом начале управления, либо вырабатывается в процессе управления. В общем случае целью управления является приспособление данной динамич. системы к внешним условиям, необходимое для ее существования или для выполнения свойственных ей функций.

Управление всегда осуществляется на основе приема, сохранения, передачи и переработки информации в условиях взаимодействия данной динамич. системы с внешней средой. Процесс функционирования системы управления (процесс управления) в общем случае осуществляется по след. схеме. Управление начинается со сбора информации о ходе процесса, подлежащего управлению (об управляемой системе); эта информация преобразуется в удобный для передачи по каналам связи вид и поступает в управляющую систему (напр., человек. мозг или управляющую машину). Используя определ. правила или возможности, управляющая система перерабатывает получаемую информацию в соответствии со стоящими перед ней задачами, в результате чего вырабатываются команды управления; последние передаются в исполнит. механизмы или органы и, воздействуя на параметры управляемой системы, изменяют ее состояние. Весьма важным, характерным для всех сложных случаев управления, является использование обратных связей. Сущность обратной связи состоит в том, что от исполнит. органов (органов управляемой системы) к управляющим органам по особым каналам связи (наз. каналами обратной связи) передается информация о фактич. положении этих органов и о наличии внешних воздействий; эта информация используется управляющими органами для выработки команд управления. Обратные связи в передаче информации позволяют учитывать управляющей системой фактич. состояние органов управляемой системы, а также воздействия на нее внешней среды. Понятие информации является одним из основных в К., а теория информации занимает существенное место в комплексе дисциплин, составляющих теоретич. фундамент К. Больше того, К. часто вообще характеризуют как науку о способах восприятия, передачи, хранения, переработки и использования информации в машинах, живых организмах и их объединениях.

Передача информации осуществляется при помощи сигналов — физич. процессов, у к-рых определ. параметры находятся в определенном (обычно однозначном) соответствии с передаваемой информацией. Установление такого соответствия наз. *кодированием*. Хотя на передачу сигналов расходуется энергия, количество ее в общем случае не связано с количеством, а тем более с содержанием передаваемой информации. В этом состоит одна из принципиальных особенностей процессов управления: управление большими потоками энергии может осуществляться при помощи сигналов, требующих для своей передачи незначит. количества энергии. Получившая в наст. время широкое развитие т. н. статистич. теория информации возникла из потребностей техники связи и указывает пути повышения пропускной способности и помехоустойчивости каналов передачи информации. Главной задачей этой теории является определение меры количества информации в сообщениях в зависимости от вероятности их появления. Редким сообщениям приписывается большее количество информации, а частым — меньшее; количество информации в сообщении измеряется изменением в степени неопределенности ожидания нек-рого события до и после получения сообщения о нем. Статистич. теория

информации имеет фундаментальное науч. значение, далеко выходящее за пределы теории связи. Установлена глубокая аналогия и связь между понятием *энтропии* в статистич. физике и статистич. мерой количества информации. Энтропия любой физич. системы может рассматриваться как мера недостатка информации в данной системе. С увеличением энтропии системы количество информации уменьшается, и наоборот. В связи с этим представляется возможным подойти с количеств. стороны к оценке информации, содержащейся в физич. законах, к информации, получаемой при физич. экспериментах, и т. д. Статистич. теория информации позволяет также получить общее определение понятия *о р г а н и з а ц и и* и количеств. меру для оценки степени организации любой системы. Именно, степень организации измеряется тем количеством информации, к-рое нужно ввести в систему, чтобы перевести ее из начального беспорядочного состояния в заданное организованное состояние. Однако в статистич. теории информации не учитывается смысл и ценность передаваемых сообщений, а также возможность дальнейшего использования полученной информации. Эти вопросы составляют предмет др. науч. направления — семантич. теории информации, к-рая находится в стадии становления. Семантич. теория информации занимается изучением сущности процессов выработки информации живыми организмами, исследованием возможностей и методов автоматич. опознавания образов, классификацией информации, изучением процессов выработки понятий и т. п. Вопросы, относящиеся к области этой теории, приобретают значение в связи с работами по моделированию процессов накопления «опыта» и опознавания образов, свойственных живым организмам, с помощью как электронных программно-управляемых машин универс. назначения, так и спец. устройств.

К числу дисциплин, составляющих теоретич. основу К., помимо теории информации, относятся: теория программирования, теория алгоритмов, теория управляющих систем, теория автоматов и нек-рые др. Теория программирования в широком смысле может рассматриваться как теория методов управления. Она исследует способы использования информации с целью определения линии поведения (программы) управляющих систем в зависимости от конкретной обстановки. Способность в той или иной степени оценивать обстановку и вырабатывать нек-рую программу поведения — вырабатывать решения, приводящие к достижению нек-рой цели, — присуща любым системам управления, как естественным (системы живой природы), так и искусственным (технич. устройства). По своему характеру процессы выработки решений весьма многообразны. Они могут осуществляться, напр., в виде случайного выбора решения, в виде выбора по аналогии, путем логич. анализа и т. д. В К. для анализа систем управления широко используются математич. методы выработки оптимальных (т. е. наилучших в к.-л. отношении) решений, таких, как линейное и динамич. программирование, статистич. методы нахождения оптимальных решений и методы теории игр. После того как определена общая линия поведения системы, необходимо выяснить, какие конкретные шаги и в какой последовательности нужно осуществить, для того чтобы достигнуть поставленной цели. При решении этой задачи используются средства теории *алгоритмов*. Следующий круг вопросов, относящихся к методике управления, связан с исследованием возможностей реализации выработанных решений и алгоритмов в системах, обладающих определ. свойствами; он составляет сферу общей теории программирования. Теория программирования в узком смысле этого слова занимается разработкой

методов автоматизации процессов переработки информации и способов представления различных алгоритмов в форме, необходимой для их реализации на электронных программно-управляемых машинах.

Одна из осн. задач К. — сравнит. анализ и выявление общих закономерностей процессов переработки информации и управления, происходящих в естеств. и искусств. системах. К. выделяет следующие осн. классы таких процессов: мышление; рефлекторная деятельность живых организмов; изменение наследств. информации в процессе биологич. эволюции; переработка информации в различных автоматич., экономич. и административных системах, а также в науке.

Общее описание управляющих систем, их взаимодействия с управляемыми системами, а также разработка методов построения управляющих систем составляют задачу теории управляющих систем. Примерами управляющих систем, на основе изучения к-рых строится эта теория, могут служить: нервная система животного, программно-управляемые вычислит. машины, системы управления технологич. процессами и др. Большую роль в теории управляющих систем играет рассмотрение абстрактных систем управления, представляющих собой математич. схемы (модели), сохраняющие информац. свойства соответств. реальных систем. В рамках К. возникла спец. логико-математич. дисциплина — теория автоматов, изучающая важный класс абстрактных автоматов, т. н. дискретные автоматы, т. е. системы, в к-рых перерабатываемая информация выражается квантованными сигналами, множество к-рых конечно. Значит. место в теории автоматов занимает логико-математич. анализ т. н. нервных (или нейронных) сетей, моделирующих функциональные элементы мозга.

Важным свойством сложных систем управления является иерархичность управления, к-рая состоит в том, что для реализации нек-рой функции управления строится ряд механизмов (или алгоритмов) с последовательно возрастающими уровнями управления. Непосредств. управление исполнит. органами осуществляет гл. обр. механизм управления низшего уровня. Работу этого механизма контролирует механизм 2-го уровня, к-рый сам контролируется механизмом 3-го уровня и т. д. Сочетание принципа иерархичности управления с принципом обратной связи придает системам управления свойство устойчивости, состоящее в том, что система автоматически находит оптимальные состояния при довольно широком круге изменений внешней обстановки. Эти принципы обеспечивают приспособляемость систем управления к изменяющимся условиям и лежат в основе биологич. эволюции, процессов обучения и приобретения опыта живыми организмами в течение их жизни; постепенная выработка условных рефлексов и их насаивание являются не чем иным, как повышением уровней управления в нервной системе животного. Принципы иерархичности управления и обратной связи используются также при построении сложных управляющих систем в технике.

При изучении систем управления возникают два рода вопросов: один из них относится к анализу структуры системы управления и определению алгоритма, реализуемого ее управляющими органами; другой — к синтезу (из данных элементов) системы, обеспечивающей выполнение заданного алгоритма. Общими требованиями, к-рыми руководствуются при этом, являются обеспечение заданного быстродействия системы, точности работы, минимального количества элементов и надежности функционирования системы. Весьма плодотворным при исследовании структуры систем управления, в т. ч. экономич. систем, воен-

ных или административных организаций, является метод их математич. моделирования. Он состоит в представлении исследуемого процесса в виде системы уравнений и логич. условий. Общий алгоритм (система уравнений) моделирования любого процесса включает в себя, как правило, две осн. части: одна часть описывает работу исследуемой системы управления (или управляющего алгоритма, если изучается к.-л. новый управляющий алгоритм), а вторая часть описывает (моделирует) внешнюю обстановку. Повторяя многократно процесс решения системы уравнений при ее различных характеристиках, можно изучить закономерности моделируемого процесса, оценить влияние отд. параметров на его протекание и выбрать их оптимальные значения. Кроме математич. моделирования, в К. применяются и др. виды моделирования, сущность к-рых сводится к замене изучаемой системы изоморфной ей системой (см. *Изоморфизм*), к-рую удобнее воспроизвести и изучить в лабораторных условиях.

Особый интерес с т. зр. К. представляют самоорганизующиеся системы управления, обладающие свойством самостоятельно переходить из произвольных начальных состояний в определ. устойчивые состояния. Состояние таких систем изменяется под влиянием внешних воздействий случайным образом, но благодаря спец. регулирующим механизмам высших уровней эти системы отбирают наиболее устойчивые состояния, соответствующие характеру внешних воздействий. Свойство самоорганизации может проявляться только у систем, обладающих определ. степенью сложности, в частности избыточностью структурных элементов, а также случайными, меняющимися в результате взаимодействия с внешней средой, связями между нек-рыми из них. К таким системам относятся, напр., сети нейронов мозга, нек-рые типы колоний живых организмов, искусств. самоорганизующиеся электронные системы, а также нек-рые типы сложных экономич. и адм. объединений.

По своим теоретич. методам К. является математич. наукой, широко использующей аналогии и моделирование. А. Н. Колмогоровым выдвинута более широкая трактовка теоретич. К., охватывающая не только математич. теорию процессов управления, но и систематич. изучение различных физич. принципов работы систем управления с т. зр. их способности нести и перерабатывать информацию. При этом в К. включается рассмотрение таких, напр., вопросов, как зависимость предельного быстродействия систем управления от их размеров, обусловленная конечностью скорости распространения света, ограничения возможностей систем малых размеров в однозначной переработке информации, связанные с проявлением законов квантовой физики, и т. п. Такой подход открывает широкие возможности дальнейшего развития К.

Значение К. для науки и техники. Значение К. для научно-технич. прогресса определяется возросшими в наст. время требованиями к точности и быстродействию систем управления, а также усложнением самих процессов управления и связано прежде всего с созданием и внедрением электронных вычислит. машин. Эти машины работают по заранее составленным программам, способны выполнять сотни тысяч и миллионы арифметич. и логич. операций в секунду и обладают запоминающими устройствами для хранения многих миллионов чисел. Можно выделить две осн. области применения К. в технике: 1) для управления машинами и комплексами машин в промышленности, на транспорте, в военном деле и т. д.; 2) применение средств К., особенно вычислит. машин, для выполнения трудоемких расчетов и моделирования различных динамич. процессов. Наиболее яркий пример — применение электронных машин для

расчетов траекторий движения искусств. спутников земли, межконтинентальных и космич. ракет и др. Применение электронных машин в области науч. и технич. исследований и разработок позволяет во мн. случаях сократить эксперимент. исследования и натурные испытания, что приводит к значит. экономии материальных средств и времени при решении науч. проблем и создании новой техники. Большие перспективы для повышения производительности науч. работы имеет проблема непосредств. взаимодействия человека и информац. машины в процессе творч. мышления при решении науч. задач. Науч. творчество включает в себя значит. работу по подбору информации, ее обобщению и представлению в форме, удобной для анализа и выводов. Такая работа вполне может выполняться машиной в соответствии с запросами и указаниями человека. Вычислит. машины уже находят практич. применение в области автоматизации научно-информационной работы и перевода иностр. текстов. Эти машины имеют особенное значение в связи с ростом объема науч. и др. литературы.

В силу характера К., как науки о закономерностях процессов, протекающих в системах управления самой различной природы, она развивается в тесной связи с целым рядом др. областей знания. Применение результатов и методов К., использование электронных вычислит. машин уже показали свою плодотворность в биологич. науках (в физиологии, генетике и др.), в химии, психологии и т. д.

Идеи и средства К. и математич. логики, будучи примененными к изучению языка, породили новое науч. направление — *лингвистику математическую*, являющуюся основой для работ в области автоматизации перевода с одного языка на другой и играющую важную роль в разработке информационно-логич. машин для различных областей знания. С др. стороны, фактич. материал наук, имеющих дело с реальными системами управления и переработки информации, а также возникшие в этих науках проблемы являются источником дальнейшего развития К. как в ее теоретическом, так и в связанном с техникой аспектах. Так, за последние годы возникла новая область технической К. — *б и о н и к а*, занимающаяся изучением систем управления и чувствит. органов живых организмов с целью использования их принципов для создания технич. устройств. Разработка подобных систем, в свою очередь, позволяет более глубоко подойти к пониманию процессов, происходящих в системах управления живой природы. В качестве примера можно указать на изучение структуры мозга, обладающего исключит. надежностью. Выход из строя довольно значит. участков мозга в результате операций иногда не приводит к потере к.-л. функций за счет своеобразной их компенсации др. участками. Это свойство представляет большой интерес для техники.

С филос. т. зр. большое значение имеет то, что К., особенно такие ее разделы, как теория самоорганизующихся систем, теория автоматов, теория алгоритмов и др., а также развившиеся в рамках К. методы моделирования способны более глубоко изучению систем управления живых организмов, раскрытию закономерностей функционирования нервной системы животных и человека, познанию характера взаимодействия между организмом и внешней средой, изучению механизмов мышления; особенно большое научное и практич. значение имеет исследование в кибернетич. т. зр. деятельности головного мозга человека, к-рый обеспечивает возможность восприятия и переработки огромного количества информации в органах малого объема с ничтожной затратой энергии. Этот комплекс проблем является источником важных идей К., в частности идей, относящихся к

путям создания новых автоматич. устройств и вычислит. машин.

Методика применения К. в нейрофизиологии в общих чертах такова. На основе эксперимент. исследования, данных физиологии и результатов К. строится рабочая гипотеза о нек-рых механизмах работы головного мозга. Правильность и полнота этой гипотезы проверяются при помощи моделирования; в универсальную вычислит. машину (или спец. автоматич. устройство) вводится программа, выражающая эту гипотезу; анализ работы машины показывает, насколько полным и точным было содержавшееся в гипотезе представление об изучаемых механизмах мозга. Если эти механизмы изучены неполно и гипотеза несовершенна, то машина не будет обнаруживать (т. е. моделировать) тех процессов, к-рые пытаются в ней воспроизвести. В этом случае анализ работы кибернетич. модели может привести к выявлению дефектов гипотезы и к постановке новой серии экспериментов; на основе последних выдвигается новая гипотеза и строится более совершенная модель и т. д., пока не удастся построить автомат, достаточно хорошо моделирующий изучаемые нервно-физиологич. процессы; осуществление такого автомата подтверждает справедливость представлений, составляющих гипотезу. Такой способ исследования, с одной стороны, приводит к созданию новых, более сложных автоматов (программ), а с другой — к более полному выявлению механизмов работы головного мозга. В частности, применение его показало, что возможно дать анализ сложных форм функционирования головного мозга на основе относительно простых принципов. На этом пути удалось, напр., найти подход к анализу способности головного мозга решать сложные проблемы (и создать специальные автоматы, моделирующие решение этих проблем); достигнуть успехов в изучении проблем обучения и самообучения и т. д. Для изучения проблемы обучения и создания самообучающихся систем большое значение приобретает использование принципов выработки условных рефлексов и вообще методов изучения головного мозга, разработанных И. П. Павловым. Эти методы помогают в решении проблемы отбора из всей поступающей в управляющую систему информации той ее части, к-рая имеет достоверный и полезный для данной системы характер, а также в решении проблемы сокращения числа пробных взаимодействий с внешней средой и в др. вопросах. С проблемами этого рода тесно связаны работы по изучению принципов оптимальной организации поисковых действий в неизвестной среде и исследования по выявлению методов оптимального управления сложными системами.

Для более глубокого анализа нек-рых сложных форм работы мозга большое значение имеют исследования по созданию машин, способных опознавать образы, и особенно машин, способных обучаться такому опознаванию; эти исследования непосредственно связаны с работами по конструированию автоматов, могущих воспринимать человек. речь и «читать» печатный текст. Следует отметить также кибернетич. модели «черепаха», «мышей» и т. д., действиям к-рых придается внешнее сходство с поведением животных; эти модели приобретают научную ценность в том случае, если преследуют цель проверки к.-л. научных гипотез.

Большое значение для исследования принципов управления и переработки информации в головном мозге имеет разработка теории нервных сетей, в создании к-рой большую роль сыграли У. Мак-Каллок и В. Питс. В основе деятельности мозга лежит функционирование сложных систем особым образом соединенных между собой нейронов; в этих

системах проявляются закономерности, отсутствующие в работе отд. нейронов или относительно простых их групп. Изучение таких систем связано с большими трудностями, для преодоления к-рых приходится сочетать эксперимент. исследования с использованием метода моделирования и абстрактно-математич. способа рассмотрения, в частности аппарата совр. логики. Значение теории нервных сетей состоит в том, что эта теория служит источником рабочих гипотез, к-рые проверяются на экспериментальном нейрофизиологич. материале. В случае, если анализу подлежат сложные формы деятельности мозга (обучение, узнавание образов и т. п.), средств одной лишь теории нервных сетей оказывается недостаточно; поэтому приходится начинать с изучения системы правил переработки информации, лежащих в основе изучаемых форм деятельности мозга, и лишь потом создавать гипотезы о структуре реализующей их нервной сети и строить ее логико-математич. модели. Большой интерес для нейрофизиологии представляет разработка моделей, включающих случайным образом соединенные между собой элементы и способных в процессе работы самоорганизовываться и приобретать целесообразное поведение, а также изучение различных форм кодирования информации в центральной нервной системе и перекодирования ее в нервных центрах. Использование теории вероятностей и теории информации открывает путь точному анализу закономерностей переработки информации в нервной системе.

Большой интерес с т. зр. К. представляет изучение естеств. способов кодирования наследств. информации, обеспечивающих сохранение огромных количеств информации в ничтожных объемах наследств. вещества, содержащего уже в зародышевой клетке осн. признаки взрослого организма.

Результатом взаимодействия К. с др. областями знания является углубление связи К. с практикой. Так, осуществляемый средствами К. анализ работы самоорганизующихся систем управления, функционирующих в организме человека и животных, все более приобретает непосредственно практич. значение. Напр., К. уже оказывает существ. помощь в борьбе за здоровье людей. Причины многих заболеваний (грудная жаба, гипертония и др.) тесно связаны с нарушением процессов управления деятельностью внутр. органов, осуществляемого головным мозгом; большую роль в развитии заболеваний играет возникновение патологич. форм управления, вызывающих стойкое изменение в функционировании отд. органов и систем организма; кибернетич. подход к изучению такого рода болезней указывает новые пути мед. воздействия на больной организм. Использование К. в невропатологии и психиатрии привело в наст. время к созданию представлений о нейрофизиологич. механизмах возникновения треморов, нарушений координации движений, психозов навязчивости и др.; на этой основе разрабатываются новые методы нейрохирургич. лечебного вмешательства. Использование К. позволило создать ряд аппаратов, возмещающих утраченные или временно выключенные функции организма (таковы, напр., автомат «Сердце-легкие», позволяющий полностью отключить сердце и малый круг кровообращения, заменяя то и другое на время хирургич. вмешательства; активные моторизованные протезы конечностей, управляемые биоэлектрич. потенциалами мышц культы; автоматы для искусств. дыхания и др.). Проводятся эксперименты по созданию приборов для чтения для слепых. Во все возрастающей степени К. используется для целей мед. диагностики. С ее помощью реализован ряд синтез-анализаторных аппаратов для автоматич. получения картины движения электрич. диполя серд-

ца (по электрокардиограммам), для анализа биоэлектрич. потенциалов мозга, для синтезирования целостной картины электрич. поля мозговой коры и для вариационно-статистич., аутокорреляционной и т. д. обработки кривых патофизиологич. процессов. В отд. клинич. отраслях ведутся работы по программированию сводных диагностич. таблиц, основываемых на массовом материале и обещающих в будущем возможность использовать консультацию электронных машин и постановку диагнозов в сложных случаях и на ранней стадии тяжелых заболеваний.

К. в социалистическом обществе. В обществе имеются области управления, к к-рым применима К.; таковы машины и системы машин, технологич. процессы, транспортные операции, деятельность коллективов людей, решающих определ. задачи в области экономики, воен. дела и т. д. По мере прогресса обществ. произ-ва, науки и техники, с одной стороны, растут трудности в организации управления, а с другой — повышаются требования к его качеству, т. е. управление должно становиться все более и более точным и оперативным. Особенно большие требования предъявляются к процессам управления в социалистич. об-ве, т. к. в нем осуществляется п л а н о в о е развитие экономики и культуры. Ленин неоднократно указывал на значение науч. организации управленч. труда. В статье «Лучше меньше, да лучше», советуя привлекать к работе в советском госаппарате безупречных коммунистов и рабочих, он обратил внимание на то, что они «... должны выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления...» (Соч., т. 33, с. 449). Ленин требовал науч. разработки вопросов организации труда и специально труда управленческого. Следуя указаниям Ленина, КПСС всегда уделяла большое внимание совершенствованию процессов управления в сов. об-ве. Для разработки методов управления, для повышения эффективности управленч. труда в социалистич. об-ве применение К. имеет исключительно важное, общегосударств. значение. К. вырабатывает такие методы, создает такие науч. и технич. средства, к-рые позволяют осуществлять н о п т и м а л ь н о м режиме процессы управления в нар. х-ве и адм. деятельности, в н.-и. работе, т. е. достигать поставл. целей с наименьшими затратами времени, труда, материальных средств и энергии. Планомерное, осуществляемое под руководством Коммунистич. партии и социалистич. гос-ва применение средств К. имеет важнейшее значение для оптимального управления централизованным, высокоэффективным и хорошо организованным трудом строителей коммунизма. Поэтому КПСС требует полностью использовать и поставить на службу строительству коммунизма науч. и технич. возможности К. В ходе развернутого строительства коммунизма в СССР, как говорится в Программе КПСС, получат широкое применение «... кибернетика, электронные счетно-решающие и управляющие устройства в производственных процессах промышленности, строительной индустрии и транспорта, в научных исследованиях, в плановых и проектно-конструкторских расчетах, в сфере учета и управления» (1961, с. 71).

К. составляет теоретич. фундамент комплексной автоматизации производств. процессов. Совр. уровень развития производит. сил социалистич. об-ва требует все более широкого применения и управления учреждениями, предприятиями, цехами, производств. участками и т. д. автоматизированных систем, основанных на использовании методов К. и электронной вычислит. техники. Успешное осуществление автоматизации создает возможности для резкого повышения производительности труда,

увеличения выпуска продукции, достижения ее оптимальной себестоимости и улучшения качества. Важнейшее значение имеет применение К. в управлении экономикой и в экономич. исследованиях, а также в сфере учета, статистики, адм. деятельности, коммуникаций и т. д. Говоря о применении К. в экономике, следует различать применение электронных машин для автоматизации процессов сбора и переработки информации и применение математич. средств К. (аппарата *теории игр*, линейного и динамич. программирования, теории массового обслуживания, методов исследования операций и др.) для исследования экономич. проблем и нахождения оптимальных экономичных решений. Внедрение автоматизации обеспечивает быстроту, точность и полноту сбора и обработки информации, улучшение качества управления при значит. сокращении штатов обслуживающего персонала. Математич. методы решения экономич. проблем позволяют вырабатывать оптимальные варианты планирования, распределения имеющихся сил и средств и в конечном счете получать максимальный экономич. эффект при данных затратах. Наибольший эффект от применения методов К. в экономике будет достигнут при создании единой гос. информационно-вычислит. службы в виде территориальной сети мощных вычислит. центров, связанных между собой и с учреждениями обслуживаемых районов линиями автоматич. связи. Такую систему можно рассматривать как кибернетич. макросистему, в отличие от отд. кибернетич. устройств, к-рые по сравнению с такой системой будут являться микро-системами. Идея построения единой информационно-вычислит. службы социалистич. государства не имеет ничего общего с рассуждениями нек-рых зап. философов и социологов о будущем подчинении людей машинам, об «обществе машин» и упадке человечества. Наоборот, роль человека в такой системе возрастает, т. к. он будет выполнять действительно творч. функции, будет иметь все необходимые данные для решений и широкие возможности для науч. экспериментирования.

Автоматизация произ-ва и управления экономикой, как процесс, протекающий в масштабе нар. х-ва и его отд. областей, влечет за собой важные последствия экономич., политич. и культурного характера. Эти последствия в корне различны при капитализме и при социализме. Внедрение кибернетич. техники при капитализме приводит к массовой безработице, к переходу работников на менее квалифицированную и хуже оплачиваемую работу; оно усиливает экономич. депрессию и кризисы, резко обостряя противоречия бурж. об-ва. Внедрение автоматизации капиталистами преследует цель получения сверхприбылей и происходит крайне неравномерно. Наоборот, социализм открывает широчайшие возможности развития кибернетич. техники. Программа КПСС рассматривает все более полную автоматизацию производств. процессов как необходимую составную часть создания материально-технич. базы коммунизма. Плановое и продуманное внедрение кибернетич. техники в различные области жизни общества ведет при социализме к улучшению условий труда, к стиранию грани между умств. и физич. трудом, к подъему материального, культурного и технич. уровня трудящихся. Создавая возможности резкого сокращения рабочего дня, К. открывает перед людьми коммунистич. об-ва широкие возможности приложения своих сил в науке, искусстве, спорте и т. п.

В социалистич. об-ве имеются широкие возможности использования К. в науках, изучающих об-во. К. уже показала свою применимость в социологич. исследованиях, в моделировании нек-рых социальных процессов и т. д. Перспективным яв-

ляется применение К. к ряду вопросов юридич. науки и практики (накопление и обработка юридич. информации на информационно-логич. машинах, подготовка материалов для кодификации права и т. д.). Большое значение имеет применение идей и средств К. в теории и практике обучения (разработка оптимальных алгоритмов обучения, применение в обучении кибернетич. устройств и т. д.). Развитие К. выдвинуло задачу исследования надежности работы технич. устройств и человека, имеющую важнейшее научно-технич. и социальное значение.

Философские вопросы К. Филос. значение К. вытекает из того, что она положила начало глубокому, основанному на точных методах изучению новой группы законов объективного мира — законов, относящихся к управлению и к переработке информации в качественно различных областях действительности. Незнученность законов этого рода, — сама идея о существовании к-рых выдвигалась до К. лишь спорадически и не получила развития, — издавна использовалась теологией и идеализмом в их попытках оправдания религиозно-идеалистич. картины мира. Поэтому, осуществляя естеств.-науч. изучение закономерностей, связанных с системами управления в природе, технике и обществе, внося свой вклад в раскрытие сущности жизни и сознания, К. наносит решит. удар по религиозно-идеалистич. догмам о нематериальной «душе», о непознаваемости психич. жизни человека, по агностицизму, витализму, идеализму и теологии. Возникновение и развитие К. явилось новым триумфом материалистич. мировоззрения.

К. выступает в качестве важнейшего элемента современного естеств.-науч. обоснования диалектич. материализма. Содержание и методы К. дают богатейший материал для филос. обобщений, для обогащения, углубления и конкретизации фундаментальных положений и категорий материалистич. диалектики. Это прежде всего относится к принципу материального единства мира, к закону причинности и к идее развития. Теория информации, теория автоматов и др. дисциплины, входящие в теоретич. К., имеют актуальное значение для разработки теории отражения — для уяснения сущности отражения как свойства всей материи, для анализа форм и уровней отражения в живой природе и т. д. К. углубляет понимание соотношения таких понятий, как подобие, *модель*, *сигнал*, *образ* и *условный знак*; помогает раскрыть диалектич. отношение категорий простого и сложного, части и целого, *качества* и *количества*, дискретного и непрерывного, целесообразности и приспособляемости, возможного и действительного и др., подводя под них базу математич. теорий и методов. Кибернетич. моделирование познават. деятельности человека — от процессов восприятия до мыслит. процессов — позволяет сделать новый большой шаг в раскрытии конкретных закономерностей познания.

С др. стороны, К. нуждается в гносеологич. и логич. анализе, в филос. обосновании. Предмет К., ее место в системе науч. знания, условия и границы применимости кибернетич. методов и понятий, социальные последствия развития кибернетич. техники и роль К. в обществ. прогрессе, будущее К. — эти и мн. др. вопросы требуют для своего анализа применения методологии диалектич. материализма. Материалистич. диалектика является для К. мировоззренческой и методологич. основой, определяющей генеральные линии развития этой науки. К числу филос. вопросов К. относится гносеологич. и логико-генетич. исследование осн. положений и исходных понятий К., таких как «информация» (и ее связь с понятием «энтропия»), «модель» и «интерпретация»,

«сигнал» и «управление», «цель» и «целесообразность», «формализация», а также «самоорганизация», «само-совершенствование», «самообучение», «сложная система» и др.

К мировоззренч. вопросам К. относится также борьба против искажений места и роли К. в системе знаний, против неверной оценки социальных последствий ее применения. В бурж. странах, напр., получили распространение положения такого рода, как тезис о том, что К. заменит философию, необоснованные пессимистич. выводы (неизбежность наступления «эры роботов», к-рые подчинят себе людей), рекламные спекуляции на К. и т. п.; зачастую они служат лишь средством пропаганды идеалистич. философии и реакционных социально-политич. идей. Поводом для спекуляций на К. и искажений ее идей со стороны бурж. идеологов служила недостаточная последовательность материалистич. позиций основоположников К. (в частности, Винера), понятная для представителей естеств.-науч. материализма, а также те трудности, с к-рыми было связано зарождение К.

Одним из методологич. принципов, на к-ром базируется К. (в свою очередь его конкретизируя), является материальное единство мира. Последнее выражается, прежде всего, в наличии законов (разной степени общности), присущих качественно различным вещам и явлениям. На «одинаковости», т. е. совпадении математич. выражений, описывающих качественно различные процессы, обладающие общими закономерностями, базируется понятие о подобных (аналогичных) явлениях в природе, лежащее в основе теории подобия. Последняя служит основой метода аналогий и эксперимент. метода моделирования, широко применяемых в К. Др. проявление материального единства мира состоит в способности тел и процессов к взаимодействиям, следствием чего является превращение видов и форм движения материи друг в друга в процессе развития. На универсальности процессов взаимодействия в природе основано присущее всей материи свойство отражения, существование к-рого предполагал В. И. Ленин (см. Соч., т. 14, с. 34, 80—81). Создание искусственных, построенных из небологич. элементов кибернетич. систем, характеризующихся сравнительно развитыми формами свойства отражения (в т. ч. и такими, к-рые аналогичны нек-рым сторонам психич. отражения), свидетельствует о том, что свойство отражения в его общем виде не связано обязательно с биологич. формой движения материи, а является, как это и предвидел Ленин, свойством, лежащим «в фундаменте самого здания материи». Развитие К. приводит к выводу, что это свойство заключается в том, что изменяния, «отпечатки», «отображения», возникающие в одном объекте в результате его взаимодействия с др. объектом, имеют структуры, изоморфные в том или ином отношении (см. *Изоморфизм*) определ. стороне последнего; эти «отпечатки», или естеств. модели, чрезвычайно разнообразны; они носят универсальный характер, т. к. могут служить для выражения самых различных сторон отображаемого (моделируемого) объекта. В технике общее свойство отражения реализуется в системах управления и связи, принимая форму организованных в пространстве и во времени материальных (вещественных и энергетических) процессов, пазываемых сигналами в широком смысле слова; системы сигналов — это модели различных объектов, свойств, отношений, процессов действительности. Сигналы являются выразителями информации. Понятие информации в К. можно рассматривать как математическое уточнение понятия отражения. Это понятие имеет ряд аспектов. Один из них — структура сообщения, воплощенная в состояниях сигналов. Рассмотрение сигналов вместе с теми объектами, к к-рым они

соотнесены, порождает понятие о семантич. стороне информации. Когда же возникает вопрос об информации как основе определ. практич. действий, то выступает еще один аспект информации — ее прагматическая сторона (см. *Семiotика*). В наст. время математически разработан первый аспект: создана (работами Р. Хартли, К. Шеннона, А. Я. Хинчина, А. Н. Колмогорова и др.) статистич. теория информации; но уже ведутся исследования прагматич. аспекта информации (см., напр., А. А. Харкевич, О ценности информации, «Проблемы кибернетики», М., 1960, вып. 4) и ее семантич. содержания (работы И. Вилля, а также Р. Карнапа и В. Бар-Хиллела; изложение идей этих работ см. в кн.: Л. Бриллюена, Наука и теория информации, М., 1960, гл. 20). Все эти направления исследования дают богатый материал для теории отражения, в частности для анализа содержания и формы отражения, для рассмотрения структуры отражат. процессов. Для выяснения условий наиболее эффективной переработки воспринятой информации в отражат. аппарате человека, ее хранения и передачи имеют первостепенное значение основные теоремы теории информации и основанные на них методы оптимального кодирования (см. А. Н. Колмогоров, Теория передачи информации, изд. АН СССР, 1956; А. Я. Хинчин, Об основных теоремах теории информации, УМН, т. 11, вып. 1, янв. 1956; сб-к пер. «Теория информации и ее приложения», М., 1959, и др.).

Результаты К. имеют существ. значение для исследований природы психич. отражения и анализа гносеологич. понятия *образа*. Чувственные восприятия — это сложные системы сигналов, используемые живыми существами для ориентировки в окружающей среде. Сигналы, как в технике, так и в живых системах, имеют две стороны: содержание, т. е. несомую сигналами информацию, и форму, состоящую в способе существования последней (физич. природа сигналов, их энергетич. параметры, применяемые к ним способы кодирования и т. п.). Для животных и человека содержание сигналов непосредственно выступает в виде образов объектов. В неживой природе изоморфные отпечатки, полученные той или иной вещью в результате воздействия на нее др. вещей, остаются пассивными, «мертвыми», в том смысле, что не используются этой вещью для сохранения своей организации. В живой природе продукты воздействия внешних объектов используются организмами для сохранения их целостности, для самоорганизации, для накопления опыта и развития. Следы, «отпечатки», переработанные в отражат. аппарате животных и человека, применяются в качестве особых представителей, заместителей или моделей вещей. У человека над непосредств. сигналами вещей надстраиваются сигналы этих первых сигналов, образующие речевую сигнальную систему действительности, являющуюся продуктом обществ. развития. Субъекту поведения непосредственно даны не состояния его рецепторов, нервов и мозга, а свойства и отношения воздействующих на него вещей. Это означает, что для высокоорганизованных живых систем содержание сигналов, т. е. информация, выступает в качестве идеального образа. В образе вещи нет ни грана вещества; образ — это не субстанциональное свойство материальных систем, а функциональное свойство; он возникает в результате замещения воздействующего объекта его материальным отпечатком в отражат. аппарате, т. е. как изоморфный (или гомоморфный) представитель, или иначе — модель объекта. Т. о., свойство «быть идеальным», «быть образом» лишено всякой мистики: оно есть определ. отношение между материальными факторами, а психич.

отражение в целом — сложный по своей структуре сигнал, реализуемый в высокоорганизов. системе.

Из всего изложенного становится понятным сформулированное Виннером положение о том, что информация, хотя и неразрывно связана с материей, не есть ни материя, ни энергия (см. «Кибернетика», 1958, с. 166). Неразрывная связь информации и материи выражается, в частности, в структурном сходстве нек-рых энергетич. и информац. законов. Понятие энтропии в теории вероятностей имеет приложение как в области теории связи (как мера недостатка информации в сведениях об объекте), так и в области статистич. термодинамики (как мера рассеяния энергии). Глубокую общность этих понятий можно видеть в том, что неэнтропия (т. е. отрицат. энтропия) является количеств. мерой организованности движущей материи, а во втором случае — ее свойства, свойства отражения. В этой структурной общности энергетич. и информационн. свойств материи также проявляется материальное единство мира.

Последнее служит основанием и для моделирования существ. сторон абстрактного мышления на вычислит. и информационно-логич. машинах. Особый интерес при этом имеет создание обучающихся автоматов и устройств, способных к распознаванию образов и к обобщению, напр. к выработке аналогов абстрактных понятий (Д. М. Маккей, Ф. Розенблат, О. Т. Селфридж; см., напр., Д. М. Маккей, Проблема образования понятий автоматами, в сб.: «Автоматы», М., 1956, с. 306—25); создание автоматов, осуществляющих логич. выведение следствий из посылок и доказательство теорем, а также автоматов, способных в результате «исследования» обстановки создавать «внутреннюю модель внешнего мира», в к-рой фиксируются обобщения по таким параметрам, к-рые человек не всегда осознанно выделяет (своего рода модель познавательной интуиции человека).

Метод моделей в К. находится в определ. связи с нек-рыми вопросами логики. Совр. формальная логика имеет важнейшее значение для К., широко использующей аппарат алгебры логики и др. разделов этой науки; тесно связаны с К. и исследования в области логич. семантики и семиотики. В наст. время показано, что логич. системы совр. формальной логики моделируются посредством статич. состояний систем управления, когда фактор времени не играет существ. роли; формально-логич. системам, свободным от логич. парадоксов, соответствуют устойчивые управляющие цепи и системы; аналогами противоречивых логич. систем (т. е. систем, в к-рых обнаруживаются парадоксы) являются автоматич. системы, в к-рых имеют место либо статич. состояния неустойчивости, либо автогенерация.

К. дает также материал для дальнейшей разработки принципа детерминизма, категорий случайности и необходимости. Так, понятие обратной связи явилось плодотворным в анализе причинных связей в сложных системах управления, начиная от организмов живой природы и вплоть до нек-рых явлений в человеке. об-ве. Понятие причинности нашло свою конкретизацию во многих результатах К. (напр., в теории нейронных сетей У. Мак-Каллока и В. Питса). А. А. Марков предложил определение К. как общей теории причинных сетей; причинная сеть, по Маркову, — это конечная система материальных объектов (т. н. узлов), каждый из к-рых может находиться в конечном числе состояний, отличающаяся тем, что определ. состояния одних узлов вызывают (с необходимостью или лишь с той или иной вероятностью) определ. состояния др. узлов; допускается причинно-обусловленное исчезновение одних узлов и возникновение др. узлов, а понятие причинной зависимости уточняется посредством введения понятия о совокуп-

ности законов природы, по отношению к к-рой выделяется данная причинная связь; согласно Маркову, событие A — есть причина события B относительно совокупности законов природы M , если на основании этой совокупности законов из того, что наступило событие A , можно (с достоверностью или нек-рой вероятностью) вывести наступление события B ; при этом B наступает после A , а в выводе допускается упоминание только о событиях в интервале времени от A до B . Причинная сеть предполагается функционирующей во времени, разделенном на такты (дискретное время), а изучаемые в К. (наряду с дискретными) непрерывные системы (т. е. системы с непрерывным временем и непрерывным пространством) трактуются как предельный случай. Трактовка К. как науки о причинных сетях обнаруживает тесное родство понятия причинности с понятием информации, т. к. последняя в этом случае может пониматься следующим образом: «событие A содержит информацию о событии B относительно совокупности законов природы M , если на основании этой совокупности законов из того, что имеет место событие A , можно заключить о наличии события B » (оговорка о предшествовании одного события другому отсутствует). Т. зр. Маркова означает, что К. применима к любой области, изучение к-рой предполагает рассмотрение причинных зависимостей; применение средств К. имеет смысл в случае, если изучаются или конструируются сложные причинные сети; поскольку системы управления как раз и являются такого рода сетями, определение Маркова не противоречит обычному пониманию К. как науки о процессах управления и переработки информации. С др. стороны, кибернетич. подход предполагает отвлечение от качеств. определенности узлов причинной сети и от специфич. характера законов того множества законов природы M , в связи с к-рым рассматривается данная причинная зависимость; это придает (теоретической) К. характер математич. науки и отличает ее от таких наук, как, напр., биология, в к-рых учитываются как раз качеств. характеристики изучаемых в ней процессов и объектов.

Развитие К. показало большую важность изучения стохастических (вероятностных) процессов и машин, в к-рых случайные процессы играют существенно-важную роль. Оказывается, что ограниченные возможности детерминированного поиска оптимальных значений параметров системы возможно расширить за счет случайного поиска и его сочетания с детерминированным, за счет отбора результатов случайного поиска в соответствии с нек-рыми критериями и введения т. н. усилителя отбора. При этом случайный поиск позволяет машине отыскивать схемы, не предусмотренные конструктором, хотя и по заданному им критерию отбора. В результате еще более глубокий смысл приобретает высказывание Ф. Энгельса о том, что случайность является не только формой проявления необходимости, но и ее дополнением (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1953, с. 470).

Категория случайности и понятие случайного поиска с последующим отбором состояний, понятия обратной связи и иерархичности систем управления имеют важное значение для понимания механизма эволюции в живой природе. Кибернетич. подход к живым существам, применение метода аналогий и метода моделирования, а также сравнит. анализа организмов, находящихся на различных ступенях развития, дает возможность более точно исследовать закономерности и механизмы развития в органич. мире. Представление о живых существах как об относительно устойчивых динамич. системах управления и переработки информации, основанное, конечно, на ряде отвлечений и огрубляющих предполо-

жений, открывает возможность матем. описания механизмов приспособления к внешней среде и позволяет приступить к уточнению понятий целесообразности и цели. Понятиям цели и степени ее достижения в К. чуждо телеологич. понимание, характерное для религии и идеализма. Эти понятия, применяющиеся в К. безотносительно к природе систем управления, служат своего рода критерием оценки качества процесса управления, определяющим выбор соответствующих действий; в конечном счете понятие цели включает в себя такое свойство, присущее управляющим системам живой природы, как сохранение устойчивости своей организации (гомеостазис) и тесно связано с понятием оптимизации процесса управления. Изучение в рамках К. общей структуры механизмов целенаправленного поведения систем ставит перед наукой и философией важную проблему изучения происхождения и ступеней развития свойства целесообразности, начиная от простейших приспособит. реакций живого вплоть до сознат. целенаправленного и предвидения, свойственного человеку. Разработка этой проблемы открывает путь более глубокому анализу важного вопроса о сходстве и различии между живой и неживой природой. К. подводит к идее общего структурного подхода к объектам внешнего мира, к рассмотрению их как систем, различных по уровню организации, устойчивости, по характеру их функционирования (т. е. по способам взаимодействия составляющих систему компонентов и подсистем, а также целостной системы со средой), что имеет большое значение для обогащения категории качества. Результаты К., как науки о процессах управления в сложных динамических (т. е. изменяющих свое состояние) системах, вносят свой вклад и в категорию *развития*. Вместе с тем К., при всей широте применения своих методов, остается спец. наукой и ни в коей мере не подменяет материалистич. диалектики.

В кибернетич. и филос. литературе оживленно обсуждаются вопросы о сходстве и различии между машиной-автоматом и живым организмом, между машиной и человеком, мозгом и кибернетич. устройством; о том, как далеко простираются аналогии между ними, каковы возможности и перспективы моделирования психич. функций с помощью технич. устройств; о том, можно ли в принципе создать автоматы, эквивалентные по своим функциональным возможностям живым системам. Ответы на эти вопросы тесно связаны с выяснением диалектики простого и сложного, с понятиями сложной системы и уровня сложности. В основе встречающегося в зарубежной литературе механистич. отождествления живого и неживого лежит односторонний количеств. подход, при котором не учитываются структурные особенности сравниваемых систем, а ударение делается на бросающемся в глаза различии между относит. небольшим количеством элементов в совр. машинах и огромным числом клеток мозга (примерно 14—15 миллиардов) (см., напр., Дж. Т. Калбертсон, Некоторые неэкономичные работы, в сб.: «Автоматы», М., 1956, с. 142—43, 160). Однако данные нейрофизиологии и самой К. свидетельствуют о том, что различие между живым и неживым, между машиной и мозгом состоит не столько в количестве элементов, сколько в их характере и способах их организации. Живые системы характеризуются не только огромным числом исходных элементов, но и сложной структурой их соединения и взаимодействия. Структурная сторона различия систем и привела к понятию «сложности» системы. В настоящее время имеются только подходы к определению понятий «сложности», «сложной системы», а также понятия о качественных уровнях или «порядках сложности». В попытках определить понятие

сложной системы функционально особо подчеркивается наличие большого числа параметров и нелинейный характер зависимостей (т. е. отсутствие пропорциональности) между ними; это объясняется глубокой взаимной обусловленностью элементов и подсистем, образующих целостную систему (см., напр., У. Р. Эшби, Введение в кибернетику, М., 1959, с. 18—20, а также его статью «Применение кибернетики в биологии и социологии», в журн.: «Вопросы философии», 1958, № 12). В качестве важного критерия сложности системы выдвигается способность к воспроизведению себе подобных и к совершенствованию (см. Дж. Нейман, Общая и логическая теория автоматов, в кн.: А. Тьюринг, Может ли машина мыслить?, М., 1960, с. 92—101). Др. подход связывает понятие сложности с иерархичностью систем управления. Во всяком случае, естественно считать, что с каждой системой управления, обладающей данными функциями, связан некий порядок сложности. Для живых организмов этот порядок весьма высок. Поскольку же исходные элементы, используемые в совр. кибернетич. устройствах (ламповые, полупроводниковые, ферромагнитные и др. элементы), по ряду параметров обладают, в сравнении с нейронами мозга, гораздо меньшими функциональными возможностями, для воспроизведения на моделях даже неких существующих функций мозга требуется такое громоздкое устройство, что создание подобной модели практически вряд ли осуществимо.

С т. зр. материалистич. диалектики все это означает, что системы более высокого качества, или «порядка сложности», несводимы полностью к системам качественно более простым; сложные системы подчиняются не только законам, общим для них с более простыми системами, но и неким специфич. закономерностям. Наиболее яркое и наглядное различие между человеком и автоматом обычно находят в способности человека к творч. деятельности, к созданию нового, а также в способности к эмоциональным переживаниям. Сущность этих способностей с кибернетич. точки зрения состоит в следующем. Все поведение животных и человека можно рассматривать как «решение задач», начиная от простейших у животных и до сложнейших теоретич. задач у человека. Ситуация задачи (проблемная ситуация, или ситуация вопроса) возникает в условиях неуравновешенности организма со средой, т. е. тогда, когда налично несоответствие между необходимыми условиями существования организма и наличными условиями, а в прошлом опыте непосредственно нет информации (или эта информация неполна) о тех способах действия, к-рые надо совершить для ликвидации этой неуравновешенности; ситуация задачи приводит систему в особое рода неустойчивое состояние, к-рое в психологии наз. состоянием ориентировочной активности (потребности). Это состояние и является источником поисковых реакций по нахождению недостающего звена для «решения задачи», т. е. для достижения цели — удовлетворения органич. или социальной потребности. В целом структура решения поведенческой задачи включает: 1) Постановку задачи, т. е. определение «цели» и общего критерия, задающего направление поисков и характер выбора (оценки) действий (этот этап соответствует возникновению «ситуации вопроса»). 2) Решение задачи, состоящее из: а) применения «готовых» способов действия, содержащихся в прошлом опыте, б) нахождения недостающих звеньев посредством поисков трех видов — детерминированного (локального), к-рым однозначно определяется последовательностью внешних воздействий и внутренним состоянием системы, включая прошлый опыт, случайного (слепого), когда эта связь неоднозначна, и поиска смешанного вида,

сочетающего два предыдущих. В К. дано математич. описание методов детерминированного поиска (метод поочередного изменения параметров, метод наискорейшего спуска, градиентный метод и др.), методов случайного поиска (напр., схема гомеостата У. Р. Эшби) и методов смешанного типа [к к-рым относится т. н. метод оврагов И. М. Гельфанда и М. Л. Цетлина; изложение видов поиска см. в ст. И. М. Гельфанда и М. Л. Цетлина «О некоторых способах управления сложными системами», УМН, т. XVII, вып. 1 (103), 1962]. 3) Интерпретацию решения, определяющую возможные применения структуры решения, выход в сферу предметных действий. Машины совр. типа способны к реализации многих процессов, указанных в пункте 2 (они могут менять программу своей работы и находить новые алгоритмы, позволяющие лучше решать задачи нек-рого класса, переходить от одной системы формализации к другой и т. д.). Однако цель и критерии выбора путей для ее достижения совр. машинам «задает» человек в форме общей конструкции машины или в виде общей программы-стратегии, к-рая может варьироваться машиной в зависимости от условий; человек же истолковывает решения, использует их для тех или иных целей. Первый и третий пункты процесса «решения задач» у живых существ определяются побудит. состояниями ориентировочного, органического и (у человека) социального порядка, отсутствующими у машин совр. типа. А это и означает, что данные машины не обладают способностью к творчеству, т. к. постановка задачи и интерпретация решения не отделены от творч. деятельности. Эмоциональные переживания у животных и у человека также зависят от наличия соответствующих потребностей биологич. или социального порядка. Раскрытие природы побудит. состояний живых организмов в конечном счете связано с изучением сущности жизни, с раскрытием закономерностей живых (и подобных живым) систем, обладающих «...самостоятельной силой реагирования» (Энгельс Ф., Дialeктика природы, 1955, с. 238), т. е. свойством самосохранения посредством самоорганизации, самосовершенствования, в частности способностью самостоятельно вырабатывать все более высокие критерии поиска и отбора, от к-рых зависит самообучение и творчество. В совр. кибернетич. концепциях понятия «самоорганизация», «самосовершенствование», «самообучение» и т. п. имеют довольно условный смысл, поскольку предполагают взаимодействия машины и человека, без к-рого любые совр. машины лишены самостоятельности. С помощью кибернетич. устройств совр. типа можно моделировать, воспроизводить определ. стороны психич. функций животных и человека в той мере, в какой удастся отвлечься от побудительных состояний живых систем. Сложные автоматы совр. типа могут выполнять операции, не предусмотренные конструктором, могут находить оптимальный закон поведения системы в результате поисков и обследования обстановки. Однако в машину необходимо заложить общий критерий, оценивающий результаты ее работы и направляющий ее. Совр. системы управления представляют собой системы типа «человек-автомат», в к-рых решающая роль в конечном счете принадлежит человеку, автоматы же являются продолжением функций человека, усиливают и совершенствуют их.

Что касается вопроса о возможности создания автоматов нового типа, к-рые обладали бы самостоятельностью вплоть до способности к воспроизведению себе подобных, приспособлению к окружающей среде, к самосовершенствованию и творчеству, т. е. отошли бы к роду живых существ, то он в настоящее время является открытым. Дискуссионный характер этой проблемы обусловлен рядом трудностей

и несвязанных моментов. Те определения жизни, психики, сознания, к-рые имеются в совр. биологии и психологии, имеют недостаточно точный характер, содержат часто описат. элементы и нераскрытые пункты; они еще далеки от того, чтобы быть выражены с помощью тех логико-математич. средств, к-рые используются в совр. определениях понятий автомата и вычислит. машины. Одной из задач, к-рые выдвигает К. перед указ. науками, как раз и является выработка более строгих определений этих понятий. С др. стороны, существующие определения понятий системы управления, вычислит. машины, автомата и т. п. [напр., в виде машины Тьюринга (см. С. К. Клиш, Введение в метаматематику, М., 1957, гл. 13; Б. А. Трахтенброт, Алгоритмы и машинное решение задач, М., 1960) или конечного автомата (см. Н. Е. Кобринский и Б. А. Трахтенброт, Введение в теорию конечных автоматов, М., 1962)], хотя они и носят математически-точный характер, также непосредственно не могут служить основой анализа сравнительных возможностей автомата и мышления, т. к. базируются на весьма сильных абстракциях и не пригодны для выражения всех существенно важных свойств разнообразных кибернетич. устройств. Этот характер осн. понятий, используемых при попытках сравнит. анализа интеллектуальных возможностей машины и человека, отражает совр. уровень знаний о явлениях жизни и психики, а также состоянии кибернетич. техники, находящейся лишь в самом начале своего развития. Несмотря на дискуссионный характер вопроса о будущем искусств. кибернетич. устройств, бесспорно, что с методологич. т. зр. неправомерно какое бы то ни было противопоставление автоматов разуму общественного человека, приобретенного способность к мышлению в результате развития трудовой деятельности, т. к. в понятие коллективного человек. интеллекта включается и все, что человек создает для расширения возможностей своего мышления. Какие бы формы ни приняло в будущем развитие кибернетич. техники, в социальном отношении она всегда будет средством, используемым человеком. обществом для решения производств., познавательных и др. задач.

Лит.: Энгельс Ф., Дialeктика природы, М., 1955; Денис В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Резолюция XII съезда РКП(б), в кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, 7 изд., М., 1954, с. 720—22; Программа КПСС, М., 1961, с. 66, 71, 74, 126—29; Котельников В. А., О пропускной способности «эфира» и проводники в электросвязи, в кн.: Материалы к I Всесоюзному съезду по вопросам технич. реконструкции дела связи и развития слаботочной пром-сти. По радиосвязи, [М.], 1933; Гаврилов В. А., Теория релейно-контактных схем, М.—Л., 1950; Кирпичев М. В., Теория подобия, М., 1953; Теория соседних систем, 2 изд., М., 1953; Хинчин А. Я., Понятие энтропии в теории вероятностей, «Успехи матем. наук», 1953, т. 8, вып. 3 [55]; Марков А. А., Теория алгоритмов, «Тр. матем. ин-та им. В. А. Стеклова», 1954, т. 42; е го ж е, Математическая логика и вычислительная математика, «Вестн. АН СССР», 1957, № 8; Синтез электронных вычислительных и управляющих схем, пер. с англ., М., 1954; Анохин П. К., Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и его значение для психологии, «Вопр. психологии», 1955, № 6; е го ж е, Физиология и кибернетика, «Вопр. философии», 1957, № 4; Кольман Э., Что такое кибернетика?, там же, 1955, № 4; Соболев С. Л., Китов А. И. и Липунов А. А., Основные черты кибернетики, там же; Рогинский В. Н., Харкевич А. Д., Релейные схемы в телефонии, М., 1955; Харкевич А. А., Очерки общей теории связей, М., 1955; Автоматы, сб., пер. с англ., М., 1956; Морз Ф. М. и Кимбелл Дж. Е., Методы исследования операций, пер. с англ., М., 1956 (им. библиогр.); Цинь Сюэ-энь, Техническая кибернетика, пер. с англ., М., 1956; Балзеску П. Н., Кибернетика и некоторые вопросы физиологии и психологии, «Вопр. философии», 1957, № 3; Голдман С., Теория информации, пер. с англ., М., 1957; Кобринский А. Е., Брейдо М. Г., Гурфинкель В. С., Сысин А. Я., Цетлин М. Л., Якобсон Е. С., Биоэлектрическая система управления, «Докл. АН СССР», 1957, т. 117, № 1; Липунов А. А., Шестопал Г. А., Об алгоритмическом описании процессов управления, «Матем. просвещение», 1957, вып. 2; Машинный перевод, пер.

с англ., М., 1957 (им. библиогр.); Сессия АН СССР по научным проблемам автоматизации производства 15—20 окт. 1956 г., т. 1—2, М., 1957; Фельдбаум А. А., Вычислительные устройства в автоматич. системах, М., 1960; Араб-Оглы Э. А., Социология и кибернетика, «Вопр. философии», 1958, № 5; Соболев С. Л. и Ляпунов А. А., Кибернетика и естествознание, там же; Архангельский Н. А., Зайцев В. И., Автоматич. цифровые машины, М., 1958; Блеквелл Д., Гиршик М. А., Теория игр и статистических решений, пер. с англ., М., 1958; Винер Н., Наука и общество, «Вопр. философии», 1961, № 7; Брайнес С. Н., Напалков А. В., Свечинский В. В., Проблемы нейрокибернетики, М., 1959; Бут Э. и Бут К., Автоматические цифровые машины, пер. с англ., М., 1959 (им. библиогр.); Венсан К. и Гроссен В., Курс из автоматизации, пер. с франц., М., 1959; Владуц Г. Э., Налимов В. В., Стяжкин Н. И., Научная и технич. информация как одна из задач кибернетики, «Успехи физ. наук», 1959, т. 69, вып. 1; Китов А. И. и Крипидкий Н. А., Электронные цифровые машины и программирование, М., 1959; Линейные неравенства и смежные вопросы. Сб., пер. с англ., М., 1959 (им. библиогр.); Логические исследования. Сб., М., 1959; Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 1—7, 1959—62; Ногид Л. М., Теория подобия и размерностей, М., 1959; Применение математики в экономич. исследованиях, М., 1959; Соколовский Ю. И., Кибернетика настоящего и будущего, Х., 1959 (им. библиогр.); Хартли Р. В. Л., Передача информации, в кн.: Теория информации и ее приложения. [Сб. пер.] М., 1959; Эшби У. Р., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959 (им. библиогр.); Айзерман М. А., Кибернетика и автоматизация производства, М., 1960; Берга А. И., Электроника и кибернетика, «Изв. высш. учебн. заведений. Радиотехника», 1960, т. 3, № 1; е го же, О некоторых проблемах кибернетики, «Вопр. философии», 1960, № 9; Норберт Винер в редакции нашего журнала, там же; Кибернетический сборник, вып. 1—3, 1960—61; Мак-Кинси Дж., Введение в теорию игр, М., 1960 (им. библиогр.); Моисеев В. Д., Вопросы кибернетики в биологии и медицине, М., 1960 (им. библиогр.); Пекеллис В. Д., Человек, кибернетика и бог, «Наука и религия», 1960, № 2; Применение логики в науке и технике, М., 1960; Ровенский З., Уемов А., Уемова Е., Машина и мысль, М., 1960; Трахтенброт Б. А., Алгоритмы и машинное решение задач, 2 изд., М., 1960; Теория информации в биологии, М., 1960; Яглом А. М., Яглом И. М., Вероятность и информация, 2 изд., М., 1960 (им. библиогр.); Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М., О точных методах исследования языка, М., 1961; Беркли Э., Символическая логика и разумные машины, пер. с англ., М., 1961 (им. библиогр.); Бернштейн Н. А., Пути и задачи физиологии активности, «Вопр. философии», 1961, № 6; Ляпунов А. А. и Китов А. И., Кибернетика в технике и экономике, там же, № 9; Парин В. В., Кибернетика в физиологии и медицине, там же, № 10; Бирюков В. В., Коноплянкин А. А., Развитие логико-математических идей как элемент исторической подготовки кибернетики, «Вестн. истории мировой культуры», 1961, № 6; Громов Е., Технический прогресс, проблемы личности и идеал, там же; Гаазе-Рапопорт М. Г., Автоматы и живые организмы, М., 1961 (им. библиогр.); Гассе С., Лишнее программирование, пер. с англ., М., 1961 (им. библиогр.); Гельфанд И. М., Цетлин М. Л., Принципы неклассического поиска в системах автоматической оптимизации, «Докл. АН СССР», 1961, т. 137, № 2; Глушков В. М., Абстрактная теория автоматов, «Успехи матем. наук», 1961, т. 16, вып. 5 (101); Гнеденко В. В., Корольков В. С., Ющенко Е. Л., Элементы программирования, М., 1961; Кибернетику — на службу коммунизму. Сб. ст. под ред. А. И. Берга, т. 1, М.—Л., 1961; Кобринский А. Е., Числа управляют станками, М., 1961; Льюис Р. Д., Райфа Х., Игры и решения, пер. с англ., М., 1961 (им. библиогр.); Реймон Ф. А., Автоматика переработки информации, пер. с франц., М., 1961; Философские вопросы кибернетики, М., 1961 (им. библиогр.); Цетлин М. Л., О поведении конечных автоматов в случайных средах, «Автоматика и телемеханика», 1961, т. 22, № 10; Эндриу А. М., Система регулирования с самооптимизацией параметров и некоторые принципы более совершенных обучающихся машин, в кн.: Тр. I Международного конгресса Международной Федерации по автоматическому управлению, М., 1961; Буш Р. Р. и Мостеллер Ф., Стохастические модели обучаемости, пер. с англ., М., 1962 (им. библиогр.); Ительсон Л. Б., Кибернетика и вопросы психологии труда, «Вопр. философии», 1962, № 4; Кобринский Н. Е. и Трахтенброт Б. А., Введение в теорию конечных автоматов, М., 1962 (им. библиогр.); Глушков В. М., Синтез цифровых автоматов, М., 1962; Rosenbueh A. and others, Behaviour, purpose and teleology, «Philos. Sci.», 1943, v. 10, [№1—2]; Neuman J. von and Morgenstern O., Theory of games and economic behaviour, [2 ed.], Princeton, 1947; Shannon C. E., A mathematical theory of communication, «The Bell System Technical J.», 1948, v. 27, № 3—4; Brillouin L., Life, thermodynamics and cybernetics, «Amer. Scientist», 1949, v. 37, № 4 (October); е го же, Maxwell's demon cannot operate: Information and entropy. I, «J. Applied Physics», 1951, v. 22, № 3; MacKay D. M., The Electronic

brain and its philosophical implications, «The Christian Graduate», 1949, September; е го же, Mentality in machines, «Proc. Aristotelian Soc. Suppl.», 1952; McCulloch W. S., The brain as a computing machine, «Electr. Engineering», 1949, v. 68, № 6; Struven D. J., Brain as a computing machine, там же, № 7; Shannon C. E. and Weaver W., The mathematical theory of communication, Urbana (Ill.), 1949 (част. пер. в кн.: Теория передачи электрич. сигналов при наличии помех, М., 1953, с. 7—87); Rashevsky U., Some bio-sociological aspects of the mathematical theory of communication, «Bull. Mathematical Biophysics», 1950, v. 12, № 4; Couffignal L., Les machines à penser, P., 1952; Burks A. W. and Wright J. B., Theory of logical nets, «Proc. of IRE», 1953, v. 41, № 10; Ashby W. R., Design for a brain, [2 ed.], N. Y., 1954; Gruenberg E. L., Thinking machines and human personality, «Computers and Automation», 1954, v. 3, № 2; Kemeny J. G., Man viewed as a machine, «Sci. Amer.», 1955, v. 192, № 4; Burks A. W., Wang H., The logic of automata, Univ. of Michigan, Engineering Research Inst., Ann Arbor-Michigan, 1956; Burks A. W. and Coppi B. M., The logical design of an idealized generalpurpose computer, pt 1—2, «J. Franklin. Inst.», 1956, v. 261, № 3—4; Information theory in psychology, Gience, [1956]; Wiener N., I am a mathematician ..., L., 1956; Neuman J. von, The computer and the brain, [2 ed.], New Haven, 1958; Newell A., Shaw J. C., Simon H. A., Elements of a theory of human problem solving, «Psychol. Rev.», 1958, v. 65, № 3; Andrew A. M., Learning machines, в сб.: Mechanisation of thought processes, v. 1, L., 1959; Chomsky N., On certain formal properties of grammars, «Inform. and Control», 1959, v. 2, № 1—2; Church A., Application or recursive arithmetic in the theory of computers and automata, Univ. Michigan, pt 1—68, 1959; Newman E. B., Man and information: a psychologist's view, «Nuovo Cimento», suppl. at v. 13, ser. 10, 1959, № 2; Steinbuch K., Lernende Automaten, «Elektronische Rechenanlagen», 1959, H. 3—4; е го же, Die Lernmatrix, «Kybernetik», 1961, Bd 1, H. 1; Braines S. N., Napalkov A. V. and Shreider Yu. A., Analysis of the working principles of some self-adjusting systems in engineering and biology, в кн.: Information processing. UNESCO, P.—Münch.—L., 1960; Kilburn J., Grimdale R. L., Sumner F. H., Experiments in learning and thinking, там же; Frank H., Über das Intelligenzproblem und der Informationspsychologie Grundlagen-Studien aus Kybernetik und Geisteswissenschaft, 1960; Pask C., The cybernetics of evolutionary processes and of selforganizing systems, 3rd Congress of the International Association of Cybernetics, Namur (Belgium) in September, 1961; Report A., The perfect learner, «Bull. Mathematical Biophysics», 1961, v. 23, № 4; Feigenbaum E. A. and Simon H. A., Generalization of an elementary perceiving and memorizing machine, Congress IFIPS, II, Münch., August, 1962. А. Берг, Н. Бернштейн, Б. Бирюков, А. Китов, А. Напалков, А. Спиркин, В. Тухтин. Москва.

КИДД (Kidd), Бенджамин (9 сент. 1858—2 окт. 1916) — англ. социолог, социал-дарвинист и расист. В гл. соч. «Социальная эволюция» («Social evolution», 1894, два рус. пер., СПб, 1897) К. рассматривал социальные законы как частный случай законов биологии. К. оправдывал борьбу рас и народов, объявляя ее движущей силой обществ. развития.

Социальные группы, по К., раздираются борьбой между индивидами за достижение высшего положения в обществе. Интересы же коллектива, по его мнению, требуют объединения усилий людей в борьбе за существование. К. пришел к ложному и реакц. выводу о вечной непримиримости интересов индивида и коллектива. Согласно К., разум якобы всегда подсказывает личности, что для нее важны только собств. интересы. Гл. средством, обеспечивающим успех коллектива в борьбе за существование и историч. прогресс, К. считал религию, к-рая будто бы способна подчинить интересы индивида интересам коллектива. Пытаясь оправдать воинствующий шовинизм англ. колонизаторов, К. утверждал, что в борьбе за существование выживают только высшие, сильные белые расы. Черные расы якобы не способны быть носителями цивилизации и обречены на вымирание. К. пропагандировал реакц. идею о необходимости установления мирового господства англо-саксов. В кн. «Наука могущества» («The science of power», 7 ed., [1919]) он рассматривал могущество как единств. основание законности.

Соч.: The control of the tropics, N.Y., 1898; Principles of western civilization, L., 1902; The two principal laws of sociology, Bologna, 1907; Individualism and after, Oxf., 1908. И. Зыков. Москва.

КИДОНИС, Димитрий (Δημήτριος Κυδωνής) (р. ок. 1315—1320 — ум. 1400) — визант. философ и ученый из Фессалоник. К. принадлежал к *варлаамитам*, испытал влияние учения *Михаила Пселла*. Источниками его мировоззрения служили идеи *Платона*, неоплатоников, особенно *Прокла*, и комментариев аристотелевской философии в интерпретации философов *александрийской школы*. В филос. этюде, цитируемом под лат. названием «De contemnenda morte» («О презрении к смерти»), К. призывал изучать философию, к-рая, как он писал, одна может сделать человека способным постичь человек. природу во всей ее глубине. В духе учения Платона он указывал, что смерть, отделяющая душу от тела, не лишает человека высшего наслаждения, исходящего лишь от истины, постигаемой разумом, а лишь усиливает его. В этом произведении К. излагается и сократовское учение о контроле человека над самим собой. Труды К. пронизаны любовью к антич. миру, в т. ч. к др.-греч. религии. В то же время К. придавал большое значение опыту и включал в свои исследовательские методы приемы, заимствованные из методологии естеств. наук. К. был первым визант. философом, ознаменовавшим византийцев с классич. произведениями зап.-европ. ср.-век. философии (в т. ч. и схоластической, к-рую он использовал в борьбе с мистицизмом *Паламы*) путем переводов произведений зап. философов с латинского на греческий. Творчество К. служило одним из источников обществ.-политич. и филос. мысли раннего Возрождения и гуманизма Зап. Европы.

Соч. в кн.: *Patrologiae cursus completus, ser. graeca...*, accur. J. P. Migne, t. 109, 148, 151, 154, P. — 1, p. 1, 1863—66; Перепиена в кн.: *Gammelli G., Démétrius Cydonès. Correspondance, P., 1930; Loeneritz R. J. (ed.), Demetrius Cydonius. Les recueils de lettres, Città del Vaticano, 1947 (Studi e testi, № 131).*

Лит.: Kurtz E. d., *Zu Demetrius Kydones*, «Byzantinisch-neugriechische Jahrb.», 1922, Bd 3; Mercati G., *Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Calcea e Teodoro Meliteniota...*, Città del Vaticano, 1931 (Studi e testi, № 56); Zakuthenos D. A., *Démétrius Cydonès et l'entente balkanique au XIVe siècle. La Grèce et les Balkans, Athènes, 1947; Век Н.-Г., Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich, Münch., 1959, S. 733—38* (имеется подробная библиогр.).

КИКОДЗЕ, Гавриил Максимович (28 нояб. 1825—28 марта 1896) — груз. педагог, психолог и обществ. деятель. Проф. физико-математич. наук (с 1851). Род в с. Бахви Озургетского уезда. Окончил Петербургскую духовную академию (1849). В кн. «Основания опытной психологии» (СПб., 1858) К. критиковал «бесплодные умозрения» старой теологии (в частности, О. Новицкого), призывая «при исследованиях и объяснениях свойств души пользоваться данными «опытных наук». Вместе с тем К. отстаивал положение о субстанциональности сознания («души») и с помощью «фактов» химии и физиологии пытался доказать, что «организм не способен к ощущению». Эта попытка критики материализма встретила отпор со стороны *Добролюбова* (см. Избр. филос. произв., 1948, т. 1, с. 491—92; т. 2, с. 161).

Лит.: Очерки по истории философии в России, М., 1960, с. 60—61; на груз. яз.: Чавчавадзе И., Речь, произнесенная в день похорон г. епископа..., Поли. собр. соч., т. 4, Тб., 1956; Кутелия А., Н. А. Добролюбов «Об основаниях опытной психологии» Архимандрита Гавриила, «Минотоби», 1943, № 7; Бочоришвили А., «Основания опытной психологии» Гавриила Кикодзе, в сб.: Психология, т. 7, Тб., 1950.

КИМ БУСЫК (1075—1151) — кор. политич. деятель, историк-конфуцианец. Выступая за создание централизован. гос-ва, участвовал в подавлении сепаратистского восстания феодалов во главе с Мёчхоном. В 1136 К. Б. было присвоено звание главного историографа. Он занимался составлением «Исторических записей трех государств» («Самкук саги», 1145, изд. ч. 1—2, 1958—59, рус. пер. и комментарии М. Н. Пака, т. 1, 1959), написанных в духе классич. конфуци-

анской историографии и содержащих богатый историч. материал о социально-экономич. жизни трех кор. гос-в — Когурё, Пэкче и Силла. Соч. К. Б. являются источником изучения кор. истории и развития филос., историч. и социально-экономич. мысли в Корее.

Лит.: Корейская Народно-Демократическая Республика. Сб., Пхеньян, 1958, с. 304, 341; Чосон тхонса (Общая история Кореи), т. 1, Пхеньян, 1956, с. 299—300; Hulbert H. B., *The history of Korea*, [v. 1], Seoul, 1905, p. 177; Key P., Yang G. Henderson, *An outline history of Korean confucianism*, pt 1, «J. of Asian Studies», 1958, v. 18, № 1, p. 83—85.

КИМ ИР СЕН (р. 15 апр. 1912) — деятель корейского и международного рабочего и коммунистич. движения, председатель ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК). Вырос в семье революционера. В 1925 семья К. И. С., преследуемая япон. колониальными властями, эмигрировала в Китай. В 1929 К. И. С. за революц. деятельность был арестован кит. реакц. военщиной и заключен в тюрьму; освобожден в 1930. С 1931 — член Коммунистич. партии. В 1932 — один из руководителей партизанской борьбы, с 1934 — возглавлял корейскую пар.-революц. армию, борющуюся совместно с кит. пар.-революц. силами против япон. захватчиков. В 1936 под руководством К. И. С. была создана организация широкого единого антияпон. фронта — «Общество возрождения отечества». После освобождения Кореи от япон. империалистов Сов. Армией, в период 1945—46 — ответств. секретарь сев.-корейского Оргбюро компартии. С 1948 — председатель Кабинета министров КНДР. С 1949 — председатель ЦК Трудовой партии Кореи, член Президиума ЦК Единого демократич. отечеств. фронта Кореи.

Революц. практич. деятельность К. И. С. сочеталась с решением теоретич. проблем классовой борьбы, социалистич. революции, строительства социализма, с борьбой против бурж. идеологии. Характеризуя корейскую революцию, К. И. С. определил ее как демократич., антифеодальную и антиимпериалистическую, руководимую рабочим классом. Указывая на агрессивный характер амер. оккупации Юж. Кореи, К. И. С. сделал вывод, что революцию невозможно осуществить сразу во всей стране, и указал на необходимость создания прочной революц. демократич. базы в сев. части страны, выступил за сохранение мира между севером и югом и за мирное объединение родины на демократич. основе. Он охарактеризовал новую власть, образовавшуюся в результате ликвидации япон. господства, как народно-демократич. власть, основывающуюся на широком едином фронте, руководимом рабочим классом, и выполняющую функцию диктатуры пролетариата. В 1946 под руководством К. И. С. были разработаны и опубликованы 20 пунктов развернутой программы антиимпериалистич., антифеод., демократич. революции, на основе к-рых была достигнута историч. победа кор. народа, завершены все демократич. реформы, в т. ч. земельная, и была проведена национализация осн. отраслей пром.-сти. Под руководством К. И. С. ТПК разработала и приняла курс на преимущественное развитие тяжелой пром.-сти при одновременном быстром росте легкой пром.-сти и с. х-ва, утвердила главным в хозяйственной политике принцип планомерно-пропорционального развития экономики, широко внедрила принцип материальной заинтересованности.

К. И. С. указывал на необходимость строительства социалистич. культуры, на связь технической и культурной революции. В докладе на торжеств. собрании по случаю 10-й годовщины создания КНДР (сентябрь 1958) и в работе «О победе социалистического кооперирования и дальнейшем развитии сельского хозяйства в нашей стране» (январь 1959) К. И. С. подвел итог исторических побед в деле социалистических преобразований, разъяснил, что в условиях, когда социалистич. преобразования производств. отношений предшествуют технич. преобразованиям нар. х-ва, путь дальнейшего ускорения социалистич. строительства состоит в одноврем. осуществлении технич. и науч. революции.

В этот период К. И. С. были выдвинуты задачи по идеологич. работе. В ст. «О дальнейшем усилении работы по классовому воспитанию членов партии» (1955) К. И. С. подчеркнул необходимость укрепления работы среди трудящихся масс. Он призывал к творч. применению марксизма-ленинизма, к борьбе против оппортунизма и чуждичества. Большое значение имеют высказывания К. И. С. о коммунистическом воспитании. Воспитание трудящихся должно быть основано на принципах коллективизма и взаимопомощи. «Давать отпор индивидуализму и корыстолюбию, унаследованному от старого общества, и воспитывать трудящихся в духе коллективизма, чтобы они бережно хранили интересы государства и общества, взаимно сотрудничали, оказывая помощь друг другу, — это один из важнейших вопросов коммунистического воспитания» (Избр. статьи и речи, М., 1962, с. 819). Он подчеркивал, что самое важное в коммунистич. воспитании заключается в том, чтобы возбудить и развернуть энтузиазм народных масс, сделать их сознательными творцами нового общества. «...Социализм и коммунизм могут быть построены только сознательным и творческим трудом миллионов трудящихся. Поэтому самое важное в строительстве социализма заключается в том, чтобы в полной мере мобилизовать созидательную силу народных масс, всесторонне поощрять и развивать их активность, творческую инициативу и способности» (там же, с. 733).

В статье «Учение Ленина — наша путеводная звезда» он отметил громадное значение ленинского учения для нац.-освободит. движения в странах Азии, для строительства социалистич. общества в Корее. В своих работах и выступлениях К. И. С. развивал принцип пролетарского интернационализма. Он показал, что только путем правильного осуществления своих нац. задач кор. народ может внести вклад в общее дело междунар. рабочего класса. «Наряду с этим, — говорил К. И. С., — нам следует вести работу по воспитанию в духе интернационализма всегда в тесном сочетании с воспитанием в духе патриотизма, последовательно разъясняя трудящимся, что наша революция представляет неотъемлемую часть мировой революции...» (там же, с. 819—20). Борец за интернационализм, он подчеркивал, что социалистич. лагерь — это не простое содружество, а великое содружество, сходящееся за победу в соревновании с лагерем капитализма». Выступая за развитие революц. теории, за преодоление догматизма и ревизионизма, К. И. С. подчеркивал величайшую роль марксистско-ленинской теории для международного коммунистич. движения. «Так же как и ревизионизм, догматизм не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом и является помехой делу революции» (там же, с. 358). «Марксизм-ленинизм, — говорил он, — является мировоззрением рабочего класса и угнетенных трудящихся масс, оружием их освобождения. Жизнь пролетарских партий заключается в воплощении в себе этих идей. Обладая этим оружием, они побеждают в борьбе» (там же, с. 353).

Под руководством Трудовой партии Кореи, возглавляемой К. И. С., кор. народ превратил страну в развитое социалистич. индустриально-аграрное гос-во и идет вперед к окончат. построению социализма и мирному объединению родины.

Соч.: ...Сондхи (Собр. соч.), т. 4—6, Пхеньян, 1960; в рус. пер. — Избранные статьи и речи, М., 1.62; Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость, Пхеньян, 1951; Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа, «За прочный мир, за народную демократию!», 1952, 25 апреля, № 17; Доклад на торжественном митинге в честь 10-й годовщины основания КНДР 8 сент. 1958 года, Пхеньян, 1958; О коммунистическом воспитании, «Информационный бюллетень ЦК ТПК», 1959, № 1 (14); Доклад на Торжественном заседании, посвященном национальному празднику корейского народа — 15-й годовщине освобождения, 15 авг., Пхеньян, 1960.

Лит.: Вождь корейского народа Ким Ир Сен. Краткая биография, пер. с кор., Пхеньян, 1950; М о с к о в с к и й В., В едином строю социалистических стран, «Коммунист», 1962, № 4.

КИМ СИ СЫН (М э в о л ь д а н) (1435—93) — кор. философ-материалист и поэт. Мировоззрение К. С. эволюционировало от буддистского идеализма к богатому элементам материализма филос. учению. К. С. С. признавал существование независимых от человека вещей и явлений мира, первоосновой и источником к-рых считал материальное начало — ки. Рождение и смерть, появление, исчезновение и превращение вещей он связывал с концентрацией и распылением ки, к-рое не исчезает с исчезновением вещей, а возвращается к своему источнику и вместилищу тхэгык (Великий предел). К. С. С. был предшественником материализма Со Кён Дока. В своих взглядах на общество К. С. С. выступил с утопич. системой «государства гуманного правления», к-рая являлась по существу идеализацией существовавших феод. отношений. Вместе с тем он признавал прогрессивный характер развития человек. общества. Из его филос. работ наиболее известны «Синквисоль» («Учение о душе») и «Чхонхён» («Форма неба»).

Лит.: Корейская Народно-Демократическая Республика, Пхеньян, 1958, с. 341; Корейская литература, М., 1959, с. 17—18; Чосон мунхак тхонса (История корейской литературы), ч. 1, Пхеньян, 1959, с. 194—201; Ли ю Ч х а н С о н, Ким Си Сыпый сипаный кибон сасанъ (Основные идеи стихов Ким Си Сыпа), «Мунхак синмун» («Лит. газет»), 1960, 9 дек. А. Ушков. Москва.

КІНДИ (а л ь - К и н д и, латинизированное Alchindus), Абу Юсуф ибн Исхак (800—879) — араб. философ, врач, математик и астроном. Жил в Басре и Багдаде. К. выступал за свободное развитие науки и философии. Он первым среди арабов выступил как сторонник аристотелизма (к-рый воспринял через *александрийскую школу*), как комментатор Аристотеля. На место десяти категорий Аристотеля К. поставил пять «прасубстанций» — материя, форму, движение, пространство и время. В противовес *мутакалимам*, отрицавшим возможность познания бытия с помощью науки, он считал разум человека единств. источником и критерием в познании реальной действительности. К. предложил схему трех ступеней науч. познания: от первой ступени — логики и математики, через второй этап — естество. науки, познание на третьей ступени восходит к проблемам метафизическим. К. определял философию как познание вещей в их реальности. За свои прогрессивные идеи К. подвергался преследованиям со стороны исламских схоластов, соч. его были уничтожены [сохранившиеся отрывки см. V. G. Flügel, Al-Kindi, genannt der Philosoph der Arabern, в кн.: Abhandlungen für Kunde des Morgenlandes, Bd 1, Lpz., 1857; A. Nagy, Die philosophischen Abhandlungen des Ja'q'ub ben Ishāq al-Kindi, Münster, 1897 (Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters, Bd 2, H. 6)]. Вновь обнаруженные тексты опубликованы в кн. М. А. Abu-Rida, Rasail al-Kindi al-falsafiyya, t. 1—2, Каир, 1950—53, частично переведены в кн. «Изб-

ранние произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв.», М., 1961.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 228—29; Трахтенберг О. В., Очерки по истории западно-восточной средневековой философии, М., 1957, с. 56, 58—59; Григорян С. Н., Великие мыслители Арабского Востока, М., 1960; Воер Т. J., The history of philosophy in Islam, L., 1933; Ritter H. e. Walzer R., Studi su al-Kindi..., «Accademia nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di scienze morali», ser. 6, 1938, v. 8, fasc. 1, p. 1—64; Guidi M. e Walzer R., Studi su Al-Kindi..., там же, 1940, v. 6, fasc. 5, p. 375—419; Ortobarria A., Las obras y las doctrinas del filosofo Alkindi..., «Estudios filosoficos», 1951—52, v. 1, p. 191—209.

С. Григорян. Москва.

КИНИКИ (греч. κινικοί, лат. cynici — циники) — одна из т. н. сократических филос. школ Древней Греции. Кинизм выражал идеологию бедных слоев свободных греков в эпоху кризиса антич. полиса.

К. разрабатывали в основном этику, соединяя положение Сократа: «Познай самого себя» с рассуждением софистов: «Что же касается полезных вещей, то те из них, которые установлены законами, суть okay для человеческой природы, те же, которые определены природой, приносят человеку свободу» (Охугунч. пар. XI, ed. Hunt, L., 1959, p. XI, № 1364, fig. A, 4, 1—8). Призная вместе с Сократом, что счастье человека совпадает с добродетелью, К., однако, отвергали внешний человеку божеств. этич. критерий, видели счастье человека в автономии нравств. личности от окружающего социального мира. К. призывали «учиться у природы», «жить как животные», отвергать религию, мораль, право. «Богатства же твои... бросишь в море. Ты не будешь заботиться ни о браке, ни о детях, ни об отечестве... котомка твоя пусть будет полна бобов и свертков, испитых с обеих сторон. Ведя такой образ жизни, ты назовешь себя более счастливым, чем великий царь» (Лукиан, Продажа жизни, 9; рус. пер., Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1935).

В теории познания К. продолжали сенсуалистич. линию софистов, отвергали родовое и общее ради индивидуального. Им разработана теория определения, относящаяся не к общему и не к индивидуальному, а к совокупности индивидуальных предметов. С позиций сенсуализма и примата единичности К. (Антисфен, Диоген Синопский) критиковали «мир идей» Платона.

Школа К. основана Антисфеном, учеником Горгия и Сократа. Им заложены этич. и гносеологич. основы учения К. Последователем Антисфена был Диоген Синопский, к-рый резко противопоставлял социальное природному, развивал мысли Антисфена об идеальном обществ. строе (λόγος ἀγαθός). Пропагандируя личным примером крайне опрощенческую форму кинизма, Диоген дал основание считать кинизм скорее образом жизни, чем философией (см. Diog. L. VI 103), что дошло до нашего времени в специфич. значении слова «циник». Ученик Диогена Кратес стал воспитателем Зенона из Китиона (основателя стоицизма). В дальнейшем история кинизма тесно переплетена со стоицизмом. Мн. идеи стоиков (учение о мировом гос-ве, всеобщее равенство, смертнич. логос, сенсуализм и гипостазирование понятия о единичном) непосредственно заимствованы у К. или производны от их идей. С др. стороны, через стоицизм учение К. обогащалось идеями аристотелизма и др. школ, что обнаруживается у поздних К., в частности в уточненной сверхкультурной гипертрофии кинизма у Лукиана.

Фрагм.: Fragmenta philosophorum graecorum, Colligit F. W. A. Mullach, v. 2, P., 1881.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 146—50; История философии, т. 1, М., 1957, с. 111—12; Дынин М. А., Очерк истории философии классической Греции, М., 1936; Дурье С. Я., Очерки по истории античной науки, М.—Л., 1947; Lütmiler F., Antisthenes, Halis, 1882; Bernays J., Diction und die Kyniker, B., 1879; Schafstaedt H., De Diogenis epistulis, Gött., 1892; Capelle W., De Cyni-

corum epistolis, Gött., 1896 (Diss.); Gomperz Th., Die Kyniker, «Cosmopolis», 1897, Bd 7, Sept., S. 858—7; Jöel K., Die Auffassung der kynischen Sokratik, «Arch. Gesch. Philos.», 1907, Bd 20, H. 1—2; Geffcken J., Kynika und Verwandtes, Hdtb., 1909; Dudley D., A history of cynicism, L., 1937; Höistad R., Cynic hero and cynic king, Uppsala, 1948; Reither W. P., The origins of the cyrenaic and cynic movements, «Perspectives in Philosophy», 1953, p. 79—90.

М. Петров. Ростов-на-Дону.

КИРГИЗСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. До Великой Октябрьской социалистич. революции киргизы не имели письменной лит-ры. Духовная культура народа, развивавшегося в течение веков в условиях кочевого быта, при патриархально-родовых и патриархально-феод. отношениях, находила выражение в устном поэтич. творчестве. После присоединения к России (60—70-е гг. 19 в.), имевшего большое значение для развития Киргизии, ярко выявилась социальная природа различных направлений кирг. обществ. мысли.

Направление, выступавшее под названием «зар-заман» (эпоха скорби), выражало идеологию сходящего с историч. арены феод. класса — бай-манапства. Зар-заманцы стремились усилить влияние *ислама* на нар. массы с целью еще большего их закабаления. Одним из ранних представителей течения зар-заман был Калыгул, выступавший против присоединения Киргизии к России и в пессимистич. и мистич. «назидательных» песнях «предсказывавший» приближение конца мира. Другой зар-заманист Арстанбек (р. ок. 1824 — ум. ок. 1874), так же как и Калыгул, идеализируя патриархально-родовой быт, пытался доказать, будто в кирг. обществе до присоединения к России господствовало райское благополучие. Молдо Кылыч Шамырканов (1866—1917), выступивший в период, когда местная знать уже успела найти общий язык с царизмом, объявлял классовое деление общества божественным по происхождению. Нищету и страдания трудового народа он объяснял тем, что народ нарушает предписания корана. Гл. место в рассуждениях Молдо Кылыча занимали теологич. идеи предопределения.

Интересы трудящихся масс представляли в Киргизии 19 в. акыны-демократы. В противоположность зар-заманистам, отрицавшим социальное неравенство в патриархальных родах, Токтогул Сатылганов создавал противоположность стремлений эксплуатированных и их притеснителей. Акын поднялся до критики всего царского гос. строя как угнетательского и крайне несправедливого. Вместе с тем он высоко ценил рус. народ и его культуру: необходимость дружбы угнетаемых масс различных национальностей была ясна Токтогулу. Токтогул был наивным материалистом, полагавшим, что материальным первоначалом является какое-то особое конкретное вещество — «текущая вода». Он доказывал бессмысленность росказней о загробном мире.

Другим видным представителем прогрессивного направления кирг. обществ. мысли конца 19—нач. 20 вв. был нар. певец Тоголок Молдо (Баймбет) Абдрахманов. Поэтизируя труд земледельца, он призывал к созданию новых форм хозяйства, не связанных с кочевым образом жизни. Акын понимал глубокий вред, наносимый крестьянству проповедью служителей культа о братстве всех мусульман. Разоблачая мулл, ходжей и шапов как лакеев бай-манапства, Тоголок наивно полагал, что причиной широкого распространения ислама является обман народа духовенством. В творчестве акына встречаются стихийно-материалистич. мотивы: происхождение мира он объяснял взаимопереходом четырех элементов — дождя, воды, ветра, огня («Земля и ее дети» — «Жер жана анын балдары», опубл. 1939); он отрицал религ. учение о бессилии человека познать что-либо.

Против эксплуататоров народа были направлены и дореволюц. обличит. песни акына-импровизатора Барпы Алыкулова (1884—9 нояб. 1949), твердо верившего, что «пройдет адская жизнь, наступит справедливое время». Произведения Барпы «Что нужно тебе здесь» («Эмине бар бул жерде»), «Хаджи Мадалы» («Мадалы ажыга»), «Мулла-обжора» («Сук молдо»), «Ишан-лжец» («Алдамы эшен»), «Сбежавший ишан» («Качкан эшен») и др. способствовали развитию критич. отношения кирг. крестьян к исламским верованиям. В песнях «Мир» («Дунуй»), «Ак-Дильвар» («Ак-Дилвар») Барпы призывал к активной, деятельной жизни, вступая тем самым в противоречие с утверждением ислама о самоотречении от «преходящего мира». В прозв. «Смерть» («Ажал»), отвергая религ. положение о воле бога как первопринципе всего сущего, Барпы отстаивал принцип естеств. причинности. Первоосновой всех явлений природы он, подобно Токтогулу, считал «текущую воду». Но в отличие от Токтогула, Барпы был стихийным сторонником гелиоцентризма. «Солнце — центр всего сущего... Обновление всех видов Вселенной происходит действием Солнца», — утверждал он. В то время как др. состояния Вселенной меняются, Солнце существует вечно. В знании поэт видел результат «кропотливого изучения природы» и сильное орудие в борьбе с влиянием духовенства на народ. Токтогул Сатылганов, Тоголок Молдо и Барпы Алыкулов восторженно приветствовали Октябрьскую революцию 1917.

После установления Сов. власти Коммунистич. партия, борясь за претворение в жизнь идей марксизма-ленинизма, широко популяризирует среди местного населения теорию науч. коммунизма. Большую роль в распространении марксистского учения в Киргизии в послереволюц. годы сыграли выступления видных деятелей Коммунистич. партии и Сов. пр-ва, в частности М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева. Огромное значение имело издание в переводе на кирг. язык произведений Маркса, Энгельса, Ленина и их учеников.

Благодаря осуществлению культурной революции в Киргизии сформировались и выросли кадры нац. интеллигенции. В н.-и. ин-тах и вузах республики работают (январь 1961) 2 доктора и ок. 20 кандидатов филос. наук. В аспирантуре при кафедре Кирг. ун-та (с 1940) и Секторе философии и права АН Кирг. ССР (с 1959) готовят науч. кадры по диалектич. и историч. материализму, истории философии, атеизму и эстетике.

В условиях развернутого строительства коммунизма кирг. народ ведет успешную борьбу против пережитков прошлого. Философы республики разрабатывают проблемы закономерностей перехода ранее отсталых народов к социализму, создают труды по эстетике (А. Салиев, К. Молдобаев), истории обществ. мысли в Киргизии (Б. Аманалиев), исследуют вопрос о путях преодоления пережитков прошлого, а также проблемы ленинской теории отражения (А. Брудный, Т. Абдылдаев). Опубликованы след. работы: А. А. Алтымышбаев, А. Ф. Давлеткельдиев, М. С. Джунусов, «Общественно-политическая и философская мысль в Киргизии», в кн.: «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 2, 1956; М. С. Джунусов. «К вопросу о формировании киргизской социалистической нации», 1952; его же, «Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах», 1958; А. Алтымышбаев, «Некоторые пережитки прошлого в сознании людей в Средней Азии и роль социалистической культуры в борьбе с ними», 1958; его же, «О некоторых особенностях формы перехода народов Средней Азии к социализму», 1959; его же, «К истории борьбы КПСС за распространение идей марк-

сизма-ленинизма в Киргизии», 1960; Чукубаев А. А., «Токтогул. Эпоха, жизнь и творчество», 1958; сб. «Формирование и развитие киргизской социалистической нации», 1957; сб. ст. «Категории исторического материализма», 1—2, 1959—60; «Известия АН Кирг. ССР. Философия», 1961, и др. Б. Аманалиев. Фрунзе.

КИРЕЕВСКИЙ, Иван Васильевич (22 марта 1806—11 июня 1856) — рус. философ-идеалист, один из основоположников славянофильства (см. *Славянофильство*). Род. в дворянской семье. С 1822 слушал лекций в Моск. ун-те, с 1824 служил в Архиве иностр. коллегии в Москве, входил в кружок *любомудров*. Уехав за границу (1830), посещал лекции *Шеллинга* и *Гегеля*. По возвращении в Россию издавал журн. «Европеец» (1832), запрещенный на втором номере; в 1845 редактировал журн. «Москвитини». В своих ранних работах («Обозрение русской словесности за 1829 г.» и «XIX век») К., не отрицая единства в развитии всех стран, уже по-славянофильски рассматривал зап.-европ. цивилизацию как зашедшую в тупик. В статьях конца 30—50-х гг. К. развил филос. и социологич. систему, явившуюся теоретич. основой славянофильства. Согласно К., существуют две формы познания — отвлеченно-рациональная (свойственная зап.-европ. миру) и полная, «живая», включающая в себя, кроме рационального, также этический, эстетический и пр. моменты. Совокупность моментов этого «живого знания» подчинена высшему познават. акту — религ. вере (см. Соч., т. 1, М., 1911, ст. «В ответ А. С. Хомякову», 1838, с. 111; «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», 1852, там же, с. 201; «Отрывки», там же, с. 274). Эта форма познания в истинном и чистом виде свойственна православно-слав. миру (см. там же, с. 161; 248—52). Жизнь человека, нации, группы наций (Зап. Европа, слав. страны и др.) основана на религии, к-рая определяет тип образованности и весь характер общества. Гибель зап. цивилизации, пораженной язвой рационализма, неизбежна; ее может спасти только восприятие православно-слав. цивилизации (Соч., т. 1, с. 120; 161—62; 220—22; 264 и др.), наиболее полно раскрывающейся в духе рус. народа. Этот народ характеризуется, по К., тем, что не противится злу и угнетению, что в его истории отсутствовало завоевание и классовое расслоение, что его жизнь была основана на общинном быте (там же, 119, 206, 207). Поскольку со времени Петра I эти принципы стали извращаться под влиянием проникновения в Россию зап.-европ. начал образованности и государственности (там же, с. 154—55; 109—10), отмена крепостного права в России возможна лишь в отдаленном будущем, когда народ вернется к своим исконным принципам, т. е. вновь проникнется духом полной покорности (там же, т. 2, с. 116; 252—53).

Хотя в произведениях К. высказаны нек-рые правильные мысли — о пороках метафизич. мышления (см. там же, с. 194—95), об отрицат. сторонах бурж. общества — «механике корыстолюбивого беспокойства» (см. там же, с. 154—55; 176, 184; при этом К. ссылался на Сен-Симона, см. там же, с. 125) и др., — в целом его система являлась регрессивной критикой совр. ему передовой обществ. мысли, в частности философии, с позиций религ. мистики; в области социологической и социально-политической взгляды К. являлись реакц. утопией.

Оценка К. в дореволюц. и совр. бурж. лит-ре (работы *Гершензона*, *Зеньковского*, *Лосского* и др.) как одного из основоположников «самобытной» рус. философии извращает ход развития и содержание истории философии в России.

Лит.: Плеханов Г. В., И. В. Киреевский, в кн.: Соч., т. 23, М.—Л., 1926; Чернышевский Н. Г., Очерки гоголевского периода рус. литературы, в кн.: Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 77—87; Писарев Д. И., Рус.

Дон-Кихот, в кн.: Соч., т. 1, М., 1955, с. 320—37; Виноградов П. Г., И. В. Киреевский и начало московского славянофильства, «Вопросы философии и психологии», 1892, кн. 11; Лясковский В. [Н.], Братья Киреевские, жизнь и труды их, СПб., 1899; Гершензон М. [Ю.], Учение о личности (И. В. Киреевский), в его кн.: Исторические записки, М., 1910; Лушников А. Г., И. В. Киреевский, Каз., 1918; Дорн Н., Киреевский. Опыт характеристики учения и личности, Париж, [1938]. История философии, т. 2, М., 1957, с. 252—53; Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 380—83; Галактионов А. А., Никандров П. Ф., История рус. философии, М., 1961, с. 228—37. См. также лит. при ст. *Славянофилы*.

КИРЕНСКАЯ ШКОЛА (греч. Κιρηνάκωι, от Κιρηνή — г. Кирена, родина Аристиппа), киренаики, — философская (т. н. сократическая) школа, развивавшая этич. сторону учения *Сократа* и подготовившая почву для эпикуреизма. Признавая существование внешнего мира вне сознания человека, К. ш. отрицала возможность его полного познания. В вопросах этики К. ш. проповедовала *гедонизм*, объявляющий целью жизни наслаждение. Основана учеником *Протагора* и *Сократа Аристиппом*, к-рый учил о достижении наслаждения (ἡδονή) через практич. деятельность и господство над своими желаниями. Последователи Аристиппа, выступая против антич. материализма и естествознания, утверждали, что с достоверностью можно говорить лишь о субъективных ощущениях. *Федор Атеист*, напр., учил, что мы знаем наши ощущения, но не их причины, поэтому следует отказаться от попытки познать природу и ее законы. Ленин отметил идейное родство *махизма* с учением К. ш. и указал, что киренаики «смешивают ощущение как принцип теории познания и как принцип этики» (Соч., т. 38, с. 274). Взгляды киренаиков Федора Атеиста и *Эвгемера* сочетали субъективизм и скептицизм К. ш. с критикой религии и социальных институтов антич. рабовладельч. общества. По Эвгемеру, боги — результат обожествления земных героев. Пессимизм К. ш. достиг кульминации у Гегесия, к-рый сомневался в возможности достичь счастья и проповедовал стойкость духа в несчастьях. Через Анникерида К. ш. сливается с эпикуреизмом. Развитая сторонниками К. ш. гедонистич. этика была использована франц. материалистами 18 в. для борьбы против феод.-религ. аскетич. морали.

Фрагм.: Fragmenta philosophorum graecorum. Collegit F. W. A. Mullach, v. 2, P., 1881.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 150—51; История философии, т. 1, М., 1957, с. 112; Дынин М. А., Очерк истории философии классической Греции, М., 1936; Лурье С. Я., Очерки по истории античной науки, М.—Л., 1947; Wendt A., De philosophia cyrenaica, Göttingae, 1842; Stein H. de, De philosophia cyrenaica, Göttingae, 1855 (Diss.); Zuccante G., I cirenaici, Mil., 1916; Reithers W. H., The origins of the cyrenaic and cynic movements, «Perspectives in Philosophy», Colombo, 1953.

М. Петров. Ростов-на-Дону.

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ — рус. мыслитель 12 в., проповедник, знаток греч. богословской лит-ры. Сначала монах, затем епископ г. Турова (Киевская Русь); сторонник князя Андрея Боголюбского. В своей политич. деятельности и проповедях выступал против междоусобиц, за объединение Руси, за единство рус. церкви. Автор многочисл. «Слов» и «Посланий», в которых рассматривается ряд важнейших философских и эстетич. проблем. К. Т. выступал против *арианства*, критиковал «недостойных пастырей», расшатывающих церк. организацию, стремился рационально обосновать христ. догматику. В то же время в соч. К. Т. имеются натурфилос. элементы: утверждение духовного единства всех явлений природы, стремление природы к самоутверждению и т. д. В соч. К. Т. содержатся рационалистич. моменты. Согласно К. Т., разумное начало должно определять духовную деятельность человека. К. Т. учил, что к познанию мира необходимо «идти умом». Только разумное, «мысленное» начало позволяет видеть подлин-

ную глубину мира, его сущность. В произведениях К. Т. содержатся и элементы эстетич. воззрений. Соч. К. Т. оказали большое влияние на развитие рус. лит-ры и были широко популярны на Руси в 12—16 вв.

Лит.: [Сухомлинов М. И.], О сочинениях Кирилла Туровского, в кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. 2, СПб., 1858, с. I—XXII; Гудай Н. К., История древней рус. литературы, 6 изд., М., 1956, с. 81—93; Еремин И. П., Литературное наследие Кирилла Туровского, в кн.: Тр. отдела древнерус. литературы, т. 11—13, М.—Л., 1955—58; Клибанов А. И., Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв., М., 1960, с. 28, 95—97.

К. Шохин. Москва.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО — тайная политич. организация, возникшая на рубеже 1845—46 в Киеве. Идеалами общества были: ликвидация крепостничества, отмена сословных привилегий, уничтожение нац. гнета, создание общеслав. федеративной демократич. республики со столицей в Киеве. Инициаторы создания общества — *Гулак*, проф. Киевского ун-та Н. И. Костомаров и бывший студент ун-та В. М. Белозерский. Число членов общества достигало неск. десятков человек. В апр. 1846 в общество вступил *Шевченко*.

К.-М. о. не было вполне сложившейся организацией, находилось на уровне кружка; его члены не отличались полным единством взглядов. В определении методов социального и нац. освобождения Украины и др. слав. народов среди членов общества существовали разногласия, характерные для обществ. движений России 40-х гг. и соответствующие двум его тенденциям: революционной и либеральной. На революц.-демократич. позициях стоял Шевченко — сторонник применения оружия против крепостничества; под его воздействием к революц. методам борьбы склонялись Гулак и студент Киевского ун-та А. М. Навроцкий. Устав общества, его программа, правила, воззвание к рус. и польскому народам, воззвание к укр. народу, «Книга бытия украинского народа» выражали воззрения Костомарова, Белозерского, П. Кулиша и нек-рых др. участников кружка, к-рые стремились осуществить политич. программу об-ва мирным путем, сообразовывая свои действия «... с евангельскими правилами любви, кротости и терпения...» («Былое», № 2, П., 1906, с. 74).

В области философии многие члены общества были идеалистами: бог рассматривался ими как demiurg истории, христ. религия — как ее движущая сила. Прошлое Украины представлялось в идеализованном виде — как форма своеобразной «республики равных», не знавшей царей и господ.

К.-М. о. просуществовало до апр. 1847, когда вследствие предательства почти все его члены были арестованы и подвергнуты наказанию.

Лит.: Семейский В. И., Кирилло-Мефодиевское общество 1846—47 гг., [М., 1918]; Бортников А. И., Кирилло-Мефодиевское общество, «Тр. исторического ф-та Киевского гос. ун-та», 1940, т. 1; Зайончковский П. А., Кирилло-Мефодиевское общество (1846—47), М., 1959; Назаренко И. Д., Общественно-политические, философские и атеистические взгляды Т. Г. Шевченко, М., 1961; Новиков М. И., Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко, М., 1961. М. Денисенко. Киев.

КИРКОВ, Георги (15 авг. 1867—25 авг. 1919) — деятель болг. революц. рабочего движения, пропагандист марксизма. Род. в Плевне в семье учителя. В 1879—86 учился в г. Николаеве (Россия), в 1892—1895 — в Вене, где познакомился с социалистич. движением. Возвратившись в Болгарию, К. стал членом БРСДП (1895); член ЦК партии (с 1898). С 1897 — редактор центр. органа партии «Работнически вестник». В 1905—19 — секретарь ЦК партии тесняков, переименованной в 1919 в Коммунистич. партию.

Как и *Благов*, К. подчеркивал в своих статьях значение марксизма для рабочего движения. Он умело применял марксистскую теорию и метод для объяс-

нения экономич. и обществ.-политич. развития Болгарии, страстно боролся за чистоту марксизма, за разгром мелкобурж. идеологии и ревизионизма в Болгарии. Талантливый писатель-сатирик, К. в своих фельетонах и рассказах разоблачал болг. буржуазию, шовинизм и войну. Написал ряд революц. стихотворений и песен.

Соч.: Избранные произведения, т. 1—2, С., 1950—51. Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 351; Боршук в Г., Георги Киров, С., 1949; Грозев Г., История на българската философия, ч. 2, С., 1959, гл. 3; Библиография в кн.: История Болгарии до 9 сент. 1944 г., Указатель литературы, М., 1962, с. 252—54. Гр. Грозев. НРБ.

КИРОВ (наст. фамилия — Костриков), Сергей Миронович [15(27) марта 1886 — 1 дек. 1934] — деятель Коммунистической партии и Советского государства, пропагандист марксистской теории. Род.

в г. Уржуме Вятской губ. (ныне — Кировская обл.). Окончил Казанское механико-технич. училище (1904). С юности — в революц. движении. В 1904 вступил в большевистскую группу Томской с.-д. орг-ции. Участник трех рус. революций. Неоднократно подвергался аресту и тюремному заключению.

После Октябрьской революции партия направляла К. на самые ответств. участки борьбы за социализм. В 1917—18 К. создавал Советы на Сев. Кавказе, в 1919 он организовывал оборону Астрахани, в нач. 1920-х гг. возглавлял борьбу большевиков за упрочение Сов. власти в Закавказье. В 1926 К. встал у руководства ленинградской парт. организации. В 1930 К. был избран членом Политбюро ЦК ВКП(б), в 1934 — секретарем ЦК ВКП(б). Злодейски убит в Ленинграде.

В период деятельности в Сибири (1904—08) К. в революц. прокламациях призывал рабочих к борьбе, выражал ясную веру, что рабочий класс несет обновление всему миру. Активную пропаганду марксизма К. развернул во Владикавказе (1909—17). В статьях, опубл. в газ. «Терек», К., отстаивая ленинские позиции по ведущим вопросам революц. борьбы, выступал против бурж. индивидуализма («В единении сила», 1914), раскрывал смысл и значение сектантских движений («Плоды безвременья», 1913), показывал связь помещичьей власти и церк. идеологии в России («Эпоха реформ», 1911), боролся с творческим влиянием декадентства. В статье «Великий искатель» (1911) К. охарактеризовал идейный путь *Белинского*, его поиски верной обществ. теории, процесс переработки рус. мыслителем философии Гегеля и Фейербаха и обращения к идеям социализма. Значение идейного творчества Белинского К. увидел в том, что он вывел рус. обществ. мысль «...из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорожку реализма» («Красная Новь», 1939, № 10—11, с. 147), выступив таким образом «предтечей современного научного мировоззрения» (там же, с. 146). В др. выступлениях К. полемизировал с кадетом Ф. Родичевым, превратившим Герцена в бурж. либерала. Ряд статей К. был посвящен Л. Толстому и Горькому.

Осн. место в послереволюц. выступлениях К. занимали проблемы строительства социализма. В борьбе за воплощение в жизнь ленинской идеи о возможности построения социализма в одной стране К. разработал ряд положений теории науч. коммунизма.

Ведущая идея речей и статей К. — народ как подлинный творец новых обществ. форм. В одном из выступ-

лений 1917 К. говорил: «Нам нужно запомнить, что, как бы ни развивалась революция, ее становой хребет — в революционных рабочих и крестьянских массах» (Избр. статьи и речи, 1957, с. 11). Критерий успехов Коммунистич. партии К. видел в том, насколько ей удастся внедрить основы своей политики в умы и сердца самых широких слоев населения. Гарантию успехов партии по коммунистич. воспитанию масс К. видел в полной откровенности партии перед народом (см. там же, с. 109, 113, 140), а осн. средство этого воспитания — в поднятии широких слоев народа «к участию в государственной работе» (там же, с. 114). «Возможность развернуть широкие творческие силы рабочих и крестьян нашей страны мы имеем полную», — говорил К. в 1921 (там же, с. 125).

В сер. 20-х гг., когда вопрос о строительстве социализма в одной стране «из области теоретической перешел в практическую...» (там же, с. 169, см. также с. 220), К. в ряде выступлений развернул марксистский тезис о единстве теории и практики. Еще в выступлении 1924 «Ленин и рабочий класс» К. подчеркивал, что только «сочетание глубочайшего теоретика с не менее глубоким практиком» сделало из В. И. Ленина «огромного, необычайного революционера, какого еще не видел мир» (там же, с. 154). В условиях, когда страна приступила к социалистич. строительству, К. напоминал ленинские указания, что построение нового общества невозможно осуществить, не руководствуясь правильной теорией этого построения. Этим объясняется острота выступлений К. против приращения роли теории в деятельности партии. «...Мы строим такое общество, которое можно будет построить только при том условии, если наша партия сумеет целиком и полностью использовать весь опыт современной человеческой науки... Если мы не будем вооружены до зубов марксистско-ленинской наукой, если мы будем стоять в сторонке от общих знаний человечества... мы будем очень долго путаться и преодолевать малейшие затруднения с громадными осложнениями» (там же, с. 369).

Остроту теоретич. споров о возможности победы социализма в одной стране К. объяснял тем, что «строительство социализма в одной стране принимает реальную форму» (там же, с. 192). Поэтому необходимо, по К., является логически-последоват. развитие тех или иных теоретич. концепций, с тем чтобы выяснить, куда бы привела та или иная теория при ее возможном осуществлении (там же, с. 481, 540, 695). К. призывал к тщательному анализу политически ошибочных позиций: «Ведь политическая ошибка — это не прыщик, который раздавил, смазал иодом — и прошло; тут нужно все изучить, чтобы впредь эта ошибка не повторялась» (там же, с. 178). Своевременное вскрытие и анализ ошибок служит необходимым основанием единства партии в решении принципиальных вопросов социалистич. строительства, а «нет более серьезной опасности для революции, для диктатуры пролетариата, чем нетвердость наших собственных рядов» (там же, с. 232—33).

Однако, подчеркивал К., выработка правильной теории, правильной политики, линии — только половина дела. «Хорошо отечканное теоретическое положение, лозунг нужно претворить в практику, внедрить в сознание и умы широких слоев рабочего класса, сделать миллионы людей активными проводниками этого лозунга, иначе самый хороший лозунг повиснет в воздухе» (там же, с. 513—14).

К. внимательно анализировал обществ. процессы, происходившие в молодом Сов. гос-ве. Исследование процессов, совершающихся в различных слоях общества, во взаимоотношении классов он считал совершенно необходимым делом коммунистов (см. там же, с.

160, 170, 173, 196, 221, 243 и др.). Развивая ленинскую мысль о том, что социализм — как осуществление тех идеалов, «которые написаны лучшими умами человечества и подлинными защитниками угнетенных...» (там же, с. 125), — «... не построишь только руками коммунистов и комсомольцев, — социализм можно построить только руками всех трудящихся» (там же, с. 305), К., в частности, усматривал в новом отношении рабочих к своему труду «...проблемски того, чем должен быть труд в коммунистическом обществе» (там же, с. 594). К. постоянно подчеркивал творч. функции диктатуры пролетариата: «...Когда пролетарская диктатура переходит к своей творческой, положительной работе, она не знает границ своему молодому, возвышенному творчеству...» (там же, с. 462). В социализме К. видел такое общество, «...где действительно будет настоящее царство свободного труда, где будет действительно полное, настоящее равенство, где уничтожится без остатка все то, что называется неравенством между людьми» (там же, с. 463).

Исходя из этого, К. и определял задачу теоретич. исследований. Он подчеркивал, что в науч. работе необходимо делать упор на совр. тематику. «Это не значит, — говорил К., — что запретно читать Канта и проч. — это все нужно. Но надо читать то, что действительно сегодня помогло бы нашему социалистическому строительству, чтобы это было прожектором, который освещал бы пути нашего соцстроительства» (там же, с. 596). «Только один путь к будущему, — говорил К., — изучение ленинизма» (там же, с. 157).

Соч.: Статьи, речи, документы, т. 1—3, 1935—36; забытые статьи С. М. Кирова о Толстом (публ. М. Минокина), в кн.: Яснополянский сб. Статьи и материалы 1940—60, Тула, 1960; Мы идем вперед, мы несем священный огонь пролетарской борьбы в своих руках, М., 1960; Черт возьми! Хорошо всё-таки жить на свете! Письма Сергея Мироновича Кирова из царской тюрьмы, «Неделя», 1961, 12—18 ноября, № 46, с. 6—7.

Лит.: Памяти С. М. Кирова. 1886—1934. [Сб., М.], 1934; Дрейден С., Киров и искусство, «Звезда», 1939, № 12; Бутырина П., Киров и дружба народов, «Борьба пролетариата», 1940, № 1; Шахнович М., Разоблачение поповщины С. М. Кирова в газете «Терек», «Антирелигиозник», 1940, № 12; Авакумов С., Сергей Миронович Киров. 1886—1934, Л., 1944; Кондрашев И., Трибуны партии, «Агитатор», 1958, № 24; Смирнов П. Г., Публицистическая и литературно-критическая деятельность С. М. Кирова в дооктябрьский период, «Уч. зап. Калининградского гос. пед. ин-та», 1959, вып. 6; Пущкарев Г. М., В борьбе за рабочее дело. С. М. Киров в Сибири, Новосибир., 1959; Синяев В. С., О революционной деятельности С. М. Кирова в Томске, в кн.: Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке, вып. 1, [Томск], 1960; Мужественный борец за коммунизм, «Правда», 1961, 27 марта, № 86; Завриев Д. С., С. М. Киров на посту сов. полпреда в мещевинской Грузии, «История СССР», 1961, № 2.

Библиография: С. М. Киров в ленинградской печати. 1926—34. Библиографический указатель, М. — Л., 1936; [Захарьина Р. Г.], С. М. Киров. (1886—1934). (Указатель литературы), М., 1940; С. М. Киров. Краткий указатель литературы. [Л.], 1947. А. Холодин. Москва.

КИРХМАН (Kirchmann), Юлиус Герман фон (5 нояб. 1802—20 окт. 1884) — нем. юрист и философ-идеалист. За чтение в «Союзе по пополнению образования рабочих» лекции «Коммунизм в природе» («Über den Communismus der Natur», 1866) был в 1867 уволен прус. правительством с занимаемой им должности вице-президента апелляционного суда. После этого он полностью посвятил себя вопросам философии и основал «Философскую библиотеку» («Philosophische Bibliothek», Bd 1—91, 1868—83), в к-рой опубликовал и прокомментировал соч. Аристотеля, Бэкона, Гроция, Лейбница, Спинозы, Канта. К. называл свои собств. философ. взгляды «реалистическими», противопоставляя их как материализму, так и идеализму. В то же время сам К., по сути дела, являлся идеалистом, признавая существование нематериальной, хотя и независимой от субъекта, реальности.

Соч.: Die Philosophie des Wissens, Bd 1— Die Lehre vom Vorstellen, В., 1864; über die Unsterblichkeit, В., 1865; Aest-

hetik auf realistischer Grundlage, Bd 1—2, В., 1868; Die Grundbegriffe des Rechts und der Moral..., 2 Aufl., Lpz., 1873; Katechismus der Philosophie, Lpz., 1877; Über das Prinzip des Realismus, Lpz., 1875; Die Lehre vom Wissen als Einleitung in das Studium philosophischer Werke, 4 Aufl., В., 1886.

Лит.: Hartmann E. von, J. H. von Kirchmann's erkenntnistheoretischer Realismus, В., 1875; Lasson (A.) und Meinek, J. H. von Kirchmann als Philosoph, Halle, 1885; Sternberg Th., J. H. von Kirchmann und seine Kritik der Rechtswissenschaft, В., 1908; Berger H., Wege zum Realismus und der Philosophie der Gegenwart, Bonn, 1959.

КИСЕЛИНЧЕВ, Асен Христов (13 сент. 1905 — 3 февр. 1960) — болгар. философ-марксист, психолог. Действит. член Болг. АН (с 1959), др филос. наук (с 1954). Член БКП (с 1927). Профессор Софийского ун-та (с 1951), директор Ин-та философии Болг. АН (с 1952). К. разоблачал расистские теории Розенберга, выступал против идеалистич. концепции *Казанджиева*, работал над проблемами философии, психологии и педагогики, филос. вопросами биологии. Осн. произведение К. — «Марксистско-ленинская теория отражения и павловское учение о высшей нервной деятельности» (1954, рус. пер. 1956).

Соч.: Прогрессивни и реакционни идеи в педагогиката, С., 1947; Прагматичната философия и съвременната реакция, С., 1948; Марксистско-ленинското учение за познанието, С., 1948; Миргледът на Христо Ботев, С., 1949; Марксистският диалектически метод, [С., 1952]. К. Дарковски. НРБ.

КИСТЯКОВСКИЙ, Богдан (Федор) Александрович (1868—1920) — рус. юрист и социолог-идеалист, кадет. Проф. Киевского ун-та (с 1917). Один из авторов сб. «Проблемы идеализма» (1902, ст. «Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем») и «Вехи» (1909, ст. «В защиту права»), отразивших эволюцию рус. бурж. интеллигенции в сторону реакции (см. *Веховство*). По филос. взглядам К. принадлежал к неокантианству *баденской школы*. Эту разновидность идеализма он называл «научной философией» или «научно-философским идеализмом» и противопоставлял ее религ.-мистич. направлению рус. философии (*Бердяев, Булгаков* и др.).

Гл. работы К. посвящены методологич. вопросам социологии. Разрешение след. проблем должно, по мнению К., привести к созданию действит. науки об обществе: 1) как путем выделения наиболее простых признаков социальных явлений и комбинирования их образуются социально-науч. понятия; 2) применимо ли причинное объяснение к социальным явлениям; 3) каково значение норм в обществ. жизни и как они воздействуют на определенные социальные группировки. Согласно К., сфера познания делится на область действительного (где господствует естественность с его принципом причинной необходимости, т. е. закона) и на область должного (где решающее значение имеют социальные науки); в последнем случае гл. роль играют не категории необходимости и причинности, а априорные нормы теоретич. мышления, практич. деятельности и художеств. творчества. Эти общезащ. нормы и составляют основание для оценки и систематизации социальных фактов. Т. о., К. не вышел за пределы неокантианского дуалистич. противопоставления природы и общества; его попытка обосновать социологию как науку, дающую достоверные знания, явно несостоятельна. Выступая против историч. материализма, К. полагал, что классовая концепция несовместима с объективным учением об обществе. Он не мог также понять материалистич. монизма марксистской теории.

В правоведении К. примыкал к теориям бурж. нем. государственоведа Еллинека, придававшего большое значение формально-юридич. методу в науке о праве.

Соч.: Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Untersuchung, В., 1889; на рус. яз.: Идея равенства с социологической точки зрения, «Мир божий», 1900, № 4; Категория необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений, «Жизнь», 1900, т. 5—6; В защиту научно-философского идеализма, «Вопр. филос. и психол.», 1907, кн. 1 (86),

января — февраль; Проблема и задача социально-научного познания, там же, 1912, кн. 2(112); Право как социальное явление, «Вопр. права», 1914, кн. 8(4); Сущность государственной власти, Ярославль, 1913; Социальные науки и право, М., 1916. Лит.: Лейн и В. И., О «Вехах», Соч., 4 изд., т. 16; История политических учений, 2 изд., М., 1960, с. 691—92; Фатеев А. Н., Русский методолог теории права, Х., 1917.

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Историография. Начало изучения истории К. ф. в России относится к 18 в. Большой вклад в науку внесли работы А. Леонтьева, в к-рых содержатся первые переводы филос. трактатов («Чжун-Юн» — «Учение о середине и постоянстве», «Да сюэ» — «Великая наука»). В конце 18 в. появилась работа «Опыт древних китайцев философии о правоучении и правлении», в к-рой излагались принципы *конфуцианства*. Более широкое изучение истории К. ф. начинается с 19 в. Появляется целый ряд оригинальных исследований рус. китаеведов, посвященных различным проблемам истории духовной жизни Китая (напр., сочинения О. Ковалевского, Н. Зоммера). Зоммер дал подробное изложение философии эпохи Сун, осуществил анализ гл. принципов *неоконфуцианства*, подверг резкой критике соч. зап. синологов — Куплета, Ноэля, Дюгальда, Амюта. В 1832 рус. китаевед И. Вичурин опубликовал переводы двух трактатов основоположника неоконфуцианства Чжоу Дунь-и «Гуншу» и «Тай цзи ту шо». Его перевод конфуцианского «Четверокнижия», к сожалению, не был опубликован и сохранился в рукописи. Изучением истории буддизма и религии в Китае занимался В. П. Васильев. Истории религии в Китае посвящены также работы С. Георгиевского: «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892) и «Принципы жизни Китая» (1888). Изучение философии буддизма было продолжено в трудах О. О. Розенберга и Ф. И. Щербатского. В истории изучения К. ф. видное место принадлежит переводам П. С. Попова филос. трактатов «Мэн-цзы» (1904) и «Лунь юй» (1910).

В сов. время проблемами К. ф. посвящены труды акад. В. М. Алексеева «Учение Конфуция в китайском синтезе» (журн. «Восток», 1923, № 3), «Утопический монизм и „китайские церемонии“ в трактатах Су Сюня (XI в.)» (1945), Ю. К. Щуцкого «Исследование о даосском трактате „Ле-цзы“» (1928). Щуцкому принадлежат исследование и перевод одного из труднейших памятников филос. мысли Китая — «Книги перемен» («И цзин», рус. пер. 1960). Крупнейший специалист по истории К. ф. А. А. Петров занимался изучением отд. проблем (исследование о взглядах Ван Би, Ван Чуна, Ян Чжу), а также написал краткий очерк развития филос. мысли в Китае. В его работах используется большой фактич. материал. Сов. ученые, продолжая лучшие традиции рус. китаеведения, внесли новый вклад в науку, положив в основу изучения К. ф. метод диалектич. материализма. В сов. науке большое внимание уделяется публикации памятников филос. наследия Китая. К ним принадлежат переводы и исследования акад. Н. И. Конрада о трактатах «Сунь-цзы» и «У-цзы», о кит. ср.-век. мыслителе Хань Юе. Среди отд. монографич. исследований по К. ф. большое значение имеет работа Ян Хин-шуна о мировоззрении Лао-цзы и книга Я. Б. Радуль-Затуловского «Конфуцианство и его распространение в Японии» (1947). Сов. работы по истории К. ф. сыграли большую роль в изучении богатого культурного наследия Китая.

На Западе история изучения К. ф. открывается исследованиями и переводами миссионеров. В 17—18 вв. сведения миссионеров были единств. источником для знакомства с историей развития филос. мысли в Китае. Для работ и переводов миссионеров в большинстве случаев характерна ярко выраженная тенденциозность, что, естественно, приводило к искажению оригиналов произведений и извращению учений кит. мыслителей.

В филос. трактатах Китая миссионеры пытались выискать христ. идеи, не останавливаясь порой и перед прямой фальсификацией памятников. В 18 в. появилось неск. обобщающих работ по истории К. ф.: исследование П. Ноэля (2 тт., Прага, 1711, на лат. языке), работы Бюлингера (Франкфурт, 1724) и Гине (Париж, 1777). Зап. исследователи много внимания уделяли вопросам истории религии в Китае. Этой теме посвящены многочисл. фундаментальные исследования 19 в. (Плат, Эдкинс, Арлез, Легг, Штраус, Грот и др.). Большой заслугой зап. синологии является широко проводимая работа по переводу первоисточников и памятников К. ф. В этой области большая роль принадлежит Леггу, к-рый перевел осн. произведения классич. конфуцианства, а также ряд памятников даосской мысли. Переводами даосских памятников занимались также Жюльен, Штраус, Уэйли, Вильгельм. Переводы отд. памятников по истории К. ф. выполнены А. Форке (трактат «Мо-цзы», 1922, трактат Ван Чуна «Критические рассуждения»), Дабсом («Сюньцзы», 1928), Вильгельмом («Люйши чуньцю», 1928), Морганом («Хуай Наньцзы», 1934), Дайвендаком («Шан-цзюнь шу», 1928) и т. д.

Обобщающие работы по К. ф., как правило, страдают рядом существ. недостатков. На англ. языке до сих пор не опубликовано общей истории К. ф., за исключением перевода с кит. языка Д. Бодде двухтомной работы Фын Ю-ляна. Работа же Хьюза, посвященная классич. периоду К. ф., является всего лишь хрестоматией к отд. разделам. На нем. языке имеются общие работы Краузе, Хакмана, Вильгельма, Ценкера, Форке. Ценкер в своем исследовании подходит к К. ф. с позиций неокантианства. В трехтомном труде А. Форке, содержащем большой фактич. материал, эклектически смешиваются осн. направления в истории К. ф. Много внимания филос. мысли Китая уделяется в работах Гране, Масперо, Виже, Крила, Нидема, Грэхема и др.

Периодизация истории китайской философии. Вопрос о периодизации истории К. ф. тесно связан с вопросом о периодизации гражданской истории. Большинство кит. исследователей подразделяет весь процесс развития филос. мысли в Китае на четыре больших этапа: 1) древний период (до эпохи Цинь), 2) средневековый период (от эпохи Хань до сер. 19 в.), 3) новый период (от сер. 19 в. до «движения 4 мая» 1919), 4) новейший период (с 1919 по наст. время). Однако в науч. разработке проблемы периодизации К. ф. еще не существует единого мнения.

Китай — страна древней цивилизации и богатого филос. наследия. История филос. мысли Древнего Китая восходит к началу 1-го тысячелетия до н. э. Естественно, что многие из древнейших представлений о мире были неразрывно связаны с религ. воззрениями. Однако длит. процесс становления и развития первых естеств.-науч. взглядов проходил в ожесточ. борьбе за освобождение от религ.-мистич. наслоений. Накопление первых естеств.-науч. знаний и опыта привело к возникновению наивно-материалистич. представлений. Уже в глубокой древности, в период Чуньцю (8—5 вв. до н. э.), были высказаны отд. положения учения о пяти первоэлементах природы. В древнейших памятниках «Го юй» и «Цзо чжуань» пять первооснов — вода, огонь, металл, дерево, земля — объявлялись источником всех вещей. Одновременно складывалось учение о двух противоположных силах (*инь* и *ян*), воздвигаемым к-рых объяснялись движение и изменчивость в природе. Полярные силы инь и ян символизировали взаимодействие света и тьмы, мужского и женского начал в природе. Большим достижением др.-кит. философии следует считать постановку и раз-

работку проблемы об «изменениях и переменах» в природе. Для истории др.-кит. философии характерным является создание широких филос. схем, в к-рых наибольшее значение придавалось объяснению нравств., этич. природы человека. Меньшее внимание было обращено на натурфилос. концепции, к-рые характеризуются слабым привлечением эмпирич. материала и недостаточным анализом отд. частных проблем.

Оформление разнообразных течений и школ К. ф. относится к эпохе Чжапью (5—3 вв. до н. э.), при к-рой происходят глубокие изменения в кит. обществе. Резкое обострение классовых противоречий нашло выражение и в идеологич. борьбе мн. школ и направлений др.-кит. общества. Онтология даосизма, разработка гносеологич. проблем последователями учения Мо-цзы, решение вопроса о соотношении понятия и реальности школой логиков (минцзя), широкое распространение учения о полярных силах инь и ян и пяти первоэлементов природы, этико-политич. положения раннего конфуцианства, развитие школой *законников* (фацзя) учения о гос-ве и праве — все это нашло свое выражение в филос. трактатах этого периода. В вопросах натурфилософии ожесточ. борьба развернулась вокруг представлений о *дао* — путь, дэ — проявление дао, как сущности вещей, ци — перво-материя, о первоэлементах природы. Широкое распространение получило учение об относительности различных явлений и вещей, проблема тождества (*Хуэй Ши*, Тянь Пянь, *Чжуан-цзы*). В области этики и морали внимание уделялось учению о сущности человека. По этим проблемам шла острая борьба между представителями материалистич. и идеалистич. направлений.

В эпоху Хань было широко распространено учение о пяти первоэлементах и полярных силах инь и ян. Оно было основой многочисл. натурфилос. и космогонич. построений. Характерным для данного периода является развитие мистич. учений. В 1—2 вв. н. э. мистифицируется даосизм, к-рый в дальнейшем оформился в религ. систему. Приобретало окраску религ. верования также и конфуцианство. В это время в борьбе между материализмом и идеализмом первоочередное значение приобретает вопрос о сущности «неба» и «земли». Во 2-й пол. периода Хань центр. вопросом борьбы материализма и идеализма становится проблема соотношения бытия и небытия. В этот период в процессе взаимовлияния и синтеза даосских и конфуцианских концепций получают развитие представления об изначальном (юань), перво-материи (ци или юань-ци), сокровенном (сюань), дао (путь) и других первоосновах бытия.

Под мощным натиском крупных крест. восстаний пала династия Хань. За этим последовал долг. период раздробленности и междоусобной борьбы. К тому времени относится начало распространения буддизма в Китае. Ведущими течениями кит. мысли становятся конфуцианство, *даосизм* и *буддизм*. Идеалистич. направление в конфуцианстве в этот период было представлено учениями Хэ Аня и Ван Ги. Последний находился под сильным влиянием даосизма, особенно учения *Лао-цзы*. 5—6 века были периодом господства буддийской мистики. Развернулась активная работа по переводу обширной буддийской лит-ры. Распространение буддизма в Китае сопровождалось широким использованием даоской и конфуцианской терминологии. Буддизм активно приспосабливался к кит. действительности. Борьба развернулась вокруг буддийской теории о перереальности, несуществовании, вокруг проблем соотношения сущности и явления, бытия и небытия, тела и души. Так мистич. учение буддизма проповедовало идею бессмертия души, а материалисты — Хэ Чэнь-тянь (370—447), *Фань Чжэнь* (450—515) и др. развивали учение об уничтожимости духа.

При династии Тан (7—10 вв.) наиболее распространенным учением был буддизм. Происходит оформление многочисл. буддийских религ. сект. Борьба против буддийского идеализма шла в основном под флагом конфуцианства и даосизма. Особенно характерным для этого периода является широкое взаимовлияние и взаимодействие осн. положений трех основных направлений филос. мысли Китая — конфуцианства, даосизма, буддизма. Эпоха Сун (10—13 вв.) была периодом блестящего расцвета филос. мысли Китая. Подъем филос. мысли был связан с большими политич. и экономич. сдвигами в жизни Китая. Заимствуя идеи буддизма и даосизма дальнейшее развитие получило конфуцианское учение. Под этико-политич. учение древнего конфуцианства была подведена метафизич. основа. Много внимания уделялось проблемам космогонии. Спекулятивные построения сунской школы получили у европ. сиологов название неоконфуцианства. Конфуцианство окончательно превращается в чисто схоластич. учение. Оформлению конфуцианской догматики во многом способствовала комментаторская деятельность Кун Ин-да. В борьбе с буддизмом сложилось учение Хань Юя (768—824) и его ученика Ли Ао, выступавших в защиту конфуцианства против схоластики.

Центр. проблемой борьбы различных филос. школ и направлений являлся вопрос о соотношении идеального начала ли (закон) и материального начала ци (первоматерия). В онтологии и натурфилософии мыслителей эпохи Сун получали разработку также представления о синь (разум), тайцзи (Великий предел), тайхэ (Великая гармония), взаимодействии космических, полярных сил инь и ян и пяти первоэлементов природы.

Ранние представители неоконфуцианства (*Чжоу Дунь-и*, Шао Юн, *Чжан Цзай*) пек-рые филос. вопросы решали с позиций материализма. Идеалистич. направление в неоконфуцианстве представлено братьями *Чэн Хао* и *Чэн И*. В своем учении они подчеркивали примат идеального начала ли (закон) — вечного и неуничтожаемого принципа Вселенной. В развитии и обобщении неоконфуцианских построений видное место принадлежит *Чжу Си*. Отвечая на вопрос о взаимоотношении ли и ци, Чжу Си в конечном счете признал ли первичным началом, а ци — вторичным. Линия субъективного идеализма в неоконфуцианстве представлена именами *Лу Цзю-юаня* (Лу Сян-шаня) с его тезисом: «мир есть мой разум, а мой разум есть мир» и Ван Шоу-жэня (Ван Ян-мина) с его учением о врожденном знании и тезисе о том, что «вне разума нет ли» и «вне разума нет вещей». В опровержениях неоконфуцианского идеализма оформлялись и развивались материалистич. учения Чэн Ляна, Е Ши, Ло Цинь-шуня, Ван Гин-сяна.

Большую роль в борьбе с ортодоксальной школой неоконфуцианства сыграло учение прогрессивного мыслителя Ли Чжи (1527—1602).

При династии Цинь (1644—1911) на первый план выдвигается конфуцианское учение в трактовке Чжу Си. Его интерпретация сущности конфуцианства признавалась основой официальной системы образования. Получает свое дальнейшее развитие проблема соотношения ли и ци. Эта проблема находит материалистич. решение у *Ван Фу-чжи* (1619—92) и *Дай Чжэня* (1723—77).

Опиумная война 1840 явилась началом иностранного проникновения в Китай. Китай вступил в период новой истории. На гнет феодалов и иностран. агрессию кит. народ ответил мощным крест. восстанием — тайпинским движением. В ходе движения возникли и сыграли большую роль утопич. идеи социального переустройства общества. В дальнейшем, когда Китай превратился в полуколониальную страну, лучшие

традиции и материалистич. идеи в К. ф. использовались рядом прогрессивных мыслителей (Тань Сы-тун, Сун Ят-сен и др.) для решения задач освобождения родины. С начала «движения 4 мая» начался повейший период в развитии обществ.-политич. и филос. мысли Китая, когда ведущим идейным оружием в борьбе за нац. независимость становится марксизм-ленинизм, к которому обратились кит. революционеры под влиянием победы Великой Окт. социалистич. революции. После образования Китайской Народной Республики философия марксизма-ленинизма заняла господств. положение в стране и превратилась в могучую силу в борьбе за социалистич. преобразования Китая.

Основные проблемы в истории развития китайской философии до 19 в. Онтология и натурфилософия. Одной из особенностей онтологич. и натурфилос. систем в К. ф. является почти полное отсутствие мифологич. окраски. Весьма характерна для онтологич. построений мн. кит. мыслителей идея изменчивости мира, к-рый рассматривался в процессе постоянного становления и развития. Эта идея последовательно проводится уже в ранних высказываниях и комментариях одного из древнейших памятников кит. филос. мысли — «Книге перемен» («И цзин»). В поисках объяснения этой изменчивости сложились две линии, два осн. подхода в кит. натурфилософии. Один из них нашел свое выражение в своеобразном детерминизме учения о «небесной судьбе» (начиная с Конфуция) и «небесной воле» (особенно у *Мо-цзы* и ранних моистов), другой, более распространенный, связан с натуралистич. подходом к объяснению причин изменчивости, при к-ром эти причины выводились из самой природы (наиболее ярким представителем является Ван Чун). По вопросу о бесконечности мира в К. ф. существовали разнообразные концепции, напр. утверждения раннего даосизма о начале и конце мира, с одной стороны, и высказывания Ван Фу-чжи о бесконечности реальной действительности — с другой.

Кит. мыслители проявляли глубокий интерес к проблеме единства мира. Они стремились найти и дать объяснение основам сущности окружающей человека действительности. Это получило отражение в осн. понятиях онтологич. и натурфилос. учений. Одной из гл. онтологич. категорий является понятие тьянь (небо). Первоначально это понятие было связано идеей шанди (верховного владыки) и выражало, т. о., представление о персонифицированной, божеств. силе. К периоду Чуньцю и Чжаньго складывается учение о тьянь как безличной, высшей, сознательно действующей силе. Такое понимание тьянь особенно характерно для конфуцианского учения. Особенностью первых филос. систем (напр., учения *Конфуция* и *Мо-цзы*) являлась их связь с религ. представлениями. Они широко использовали идею о наказующей и вознаграждающей «воле неба». В своем учении Конфуций и *Мо-цзы* исходили из признания существования высшей, небесной силы. Под более сильным влиянием религ. мировоззрения находилось учение *Мо-цзы*, в к-ром особая роль отводилась «воле неба». Существовало и противоположное объяснение понятия тьянь. Оно употреблялось для выражения определения всей совокупности естеств. явлений и вещей, т. е. природы. В таком значении понятие тьянь характерно для материалистич. учений Сюнь-цзы, Ван Чуна и др. Многие представители конфуцианской школы исходили из двойной характеристики понятия тьянь, с одной стороны, как высшей целенаправляющей силы, и с другой — как неотъемлемой части природы. Именно поэтому конфуцианству очень часто присуща сильная окраска натурализма (напр., учение *Дун Чжун-шу*). Представления о тьянь получают более абстрактное содержание в онтологич. схемах мыслителей

эпохи Сун. Они отождествляли тьянь с идеей ли (закон), тайской (Великая пустота). На протяжении всей истории К. ф. вокруг учения о тьянь шла ожесточ. борьба представителей материалистич. и идеалистич. подхода к объяснению мира.

Неменьшую роль в К. ф. сыграло учение о дао (путь) и дэ (проявление). Это учение разрабатывали не только представители даосизма, но и мыслители др. школ и направлений. Однако к проблемам объяснения природы большой интерес проявляли прежде всего последователи даосской школы. В трактате «Даодаэцзин» (4—3 вв. до н. э.), автором к-рого по традиции называют Лао-цзы, изложены осн. положения учения о дао. Однако лаконичность, неостаточная ясность и нек-рая противоречивость отд. положений в трактате «Даодаэцзин» явились причиной того, что в истории К. ф. учение Лао-цзы о дао использовалось представителями как материалистич., так и идеалистич. направлений. У первых понятие дао трактуется как естеств. закон природы, независимый от воли верховного божества, а последние рассматривают дао как надмировой абсолют, к-рый лишь в сфере дэ, или проявлений, выступает как естеств. закономерность процесса возникновения и развития всего сущего.

В учении Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы) дается диалект. трактовка понятия дао, к-рое определяется как абс. единство противоречий. Для Чжуан-цзы дао — источник возникновения всех явлений и вещей. «[Обладающее] формой без дао не рождается, а родившись без дэ, не проявляется». Чжуан Чжоу также четко определяет понятие дэ — как другой важнейший термин даоских построений. Он говорит: «То, что вещи получают с рождения, названо дэ». В трактате «Хуай Нань-цзы» в учении о дао развиваются осн. положения Лао-цзы и Чжуан-цзы. Согласно трактату, все вещи и явления в мире развиваются по законам, свойственным самой природе, однако материалистич. представления трактата не свободны от элементов мистики. Конфуцианская трактовка дао наиболее ярко представлена в мировоззрении ханьского мыслителя Дун Чжун-шу (2 в. до н. э.). В его теологич. учении сильны элементы натурализма. Представления о понятии небо (тянь) как высшей целенаправляющей силе, о дао и взаимодействии инь-ян и пяти первоэлементов природы Дун Чжун-шу соединил с этико-политич. положениями конфуцианства. В эпоху Хань учение о дао было связано с представлениями о ци (или юаньци — первоатерия). Идея связи дао и ци высказывалась еще мыслителями эпохи Чжаньго, однако свое более последовательное воплощение она нашла в трактате «Хуай Нань-цзы» и особенно в трактате Ван Фу «Цзянь-фу-лунь». Ван Фу (85—162) рассматривал дао как основу ци, а последнее в своем самодвижении и самоизменении, начиная с первооснов хаоса, обзает все вещи и явления. Мыслители эпохи Сун использовали понятие дао в трех осн. значениях: как определение естеств. закономерности природы, связывая дао с учением о Великом пределе (тайцзи); как выражение абс. закона, приравнявая дао к ли (закон, принцип), и, наконец, как воплощение синь — разума. Последняя трактовка, несомненно, обнаруживает влияние буддийских концепций. Первое значение наиболее характерно для ранних представителей сунского неоконфуцианства, второе — представлено в учениях Чэн И и Чэн Хао, особенно Чжу Си, третье значение развивали субъективные идеалисты Лу Цзю-юань и Ван Шоу-жэнь (Ван Ян-мин).

В целом можно выделить две линии в подходе к учению о дао. С одной стороны, существуют конфуцианские представления о дао как этич. пути человека, как воплощение этич. закона, с другой стороны —

даосские концепции о дао как естеств. законе и как о надмировом абсолюте, к-рый находит свое выражение в мире вещей и явленный через посредство да (проявление).

Одним из осн. понятий онтологич. и натурфилос. схем является тайцзи (Великий предел). Впервые оно встречается в комментарии «Си-цы-чжуань», входящем в состав «Книги перемен» («И цзин»). В нем сказано, что в переменах существует Великий предел. Последний выступает как начальный этап и причина возникновения и развития всех явлений и вещей. Постоянный процесс возникновения основан на взаимодействии полярных сил инь и ян, что определяется как дао — путь. Очень близок к тайцзи по своему значению термин тайи — Великое единство. Объяснение тайи приводится в сочинении «Люй-ши Чуньцю»: «Великое единство образует небо и землю, действует посредством сил инь и ян, а изменения создает в процессе смены четырех времен года». Понятие тайцзи занимает ведущее место в построениях сунской школы философии. Так, напр., Чжоу Дунь-и (1017—73) в своем произведении «Тай цзи ту шо» («Объяснение плана Великого предела») показывает процесс развития мира. Первоначально мир находился в состоянии хаоса, или беспредельного Великого предела. Самодвижение Великого предела через связи инь-ян и пяти первоэлементов приводит к возникновению и развитию всего многообразия действительности. Идеалистич. трактовка тайцзи дана в учении Чжу Си (1130—1200). Он отождествлял тайцзи с абс. законом — ли. Истории К. ф. известна и своеобразная попытка синтеза представлений о тайцзи и дао. Она нашла свое выражение в учении Ян Сюна (53 до н. э.—18 н. э.) о Великом сокровенном. Ян Сюн объединил построения «Книги перемен» с принципами учения даосизма.

В период Чжаньго (5—3 вв. до н. э.) сложилась школа т. н. натурфилософов (иньянцзя). Согласно представлениям этой школы, мир образуется из материального начала ци, или юаньци (первоматерия), легкая и чистая часть к-рой поднимается вверх и образует небо, а тяжелая и мутная часть опускается и создает землю. Первая называется ян-ци, вторая — инь-ци. Кроме того, существует также пять ци, или пять первоэлементов (т. н. пять стихий) — вода, огонь, дерево, металл, земля. Расцвет и гибель инь-ян и пяти первоэлементов проходят в смене четырех времен года. Эта натурфилос. теория, в к-рой инь-ян и пять первоэлементов выступают одновременно как полуживич. и полуметафизич. категории, оказала исключительное воздействие на развитие К. ф. мысли. Она широко использовалась даосизмом, конфуцианством и частично буддизмом. Учение об инь-ян и пяти стихиях нашло разнообразное применение в разработке теоретич. основ кит. медицины, химии, музыки и т. д.

Несколько иная характеристика понятий инь-ян дана в «Книге перемен» («И цзин»), где их выражением объявляются твердое и мягкое, светлое и темное. В более ранний период (8—5 вв. до н. э.) были распространены взгляды о силах инь-ян как символах взаимодействия мужского и женского начал в природе. В процессе развития К. ф. понятия ян и инь все более становились выражением крайних противоположностей: света и тьмы, дня и ночи, солнца и луны, неба и земли, жары и холода, положительного и отрицательного и т. д. Исключительно абстрактное значение инь-ян получили в спекулятивных схемах неоконфуцианства. В нем указанные представления об инь-ян и пяти стихиях были оформлены в учении о ли (абс. закон). Осн. вопросом учения о ли явился вопрос о соотношении ли и ци, о характере их связи. Представители идеалистич. направления на первый план выдвигали ли (Чэн И, Чэн Хао, Чжу Си), сторонники материалистич. объяснения мира основой

считали ци (Чэн Лян, Е Ши, Фан И-чжи, Ван Тин-сян, Ван Фу-чжи, Дай Чжэнь). Представители субъективного идеализма, напр. Лу Цзю-юань (1139—92) и Ван Ян-мин (1472—1528), гл. понятием своего учения объявляли синь (разум), что несомненно явилось результатом влияния учения буддийской секты Чань о роли мистич. созерцания.

Одним из узловых вопросов истории К. ф. является проблема соотношения бытия и небытия. Первая постановка этой проблемы принадлежит Лао-цзы, к-рый говорил, что «в мире все вещи рождаются в бытие, а бытие рождается в небытие». Др. представитель даосизма — Чжуан-цзы, утверждал, что бытие можно называть небытием, и наоборот. Особую остроту данная проблема приобрела в период 2—4 вв. Хэ Ань (193—249) и Ван Би (226—249) основой мира считали небытие. Противоположного мнения придерживался Го Сян (252—312). Активное участие в споре о бытии и небытии приняли буддийские мыслители. Так, напр., буддийская школа мадхьямика (2 в.) утверждала, что мир вещей выступает как проявление сознания, и провозглашала идентичность «Я» (атман) с ничто, с небытием. Другая буддийская секта Аватамсака (Хуаянь цзун) (6—7 вв.) развивала учение о двух мирах — мире явлений и вещей и мире высшего бытия и принципов. Причем самостоятельность и реальность первого отвергалась и ставилась в зависимость от второго. Мыслители эпохи Сун также интересовались проблемой соотношения бытия и небытия. Наиболее характерной является точка зрения Чэн Хао, к-рый утверждал: «Если говорить, что существует небытие, то излишне слово существует, а если говорить, что не существует небытие, то излишне слово не существует. Бытие и небытие тождественно движению и покою».

При всем многообразии систем объяснения окружающего человека мира история К. ф. остается историей борьбы двух осн. направлений — материализма и идеализма. С течением времени, в зависимости от изменений классовых и социальных целей, менялись формы решения осн. вопроса философии, видоизменялась борьба материализма и идеализма, но она никогда не прекращалась. В периоды Чжаньго и Хань осн. вопрос философии решался вокруг проблемы о дао (путь) и тянь (небо). В период Троецарствия и далее вплоть до 10 в. гл. значение приобретают вопросы о соотношении тела и души, сущности и явления, бытия и небытия. В период с 10 по 19 вв. на первый план выдвигалась проблема соотношения и связи идеального начала ли и материального ци. В решении этих вопросов К. ф. имеет длительную богатую, непрерывно развивающуюся материалистич. традицию. В этом также заключается одна из особенностей истории К. ф.

Гносеология. Вопросам теории познания кит. мыслители уделяли меньшее внимание, чем проблемам натурфилософии. Гносеологич. вопросы, как правило, решались вместе и в связи с этико-политич. проблемами. Свидетельством является уже тот факт, что в истории К. ф. отсутствует термин, соответствующий познанию. Понятие чжи одновременно означало и познание и знание. В др.-кит. философии за рационал. познание выступали Лао-цзы и Мэн-цзы, к-рые отрицательно высказывались о роли чувств в процессе познания. Чжуан-цзы выразил сомнение в возможности познания, подчеркивал огранич. характер познават. способностей людей. Больше внимания гносеологич. проблемам уделяли последователи Мо-цзы. Они говорили, что возможность познания мира осуществляется тремя путями: чувствами, разумом и посредством личного опыта. В материалистич. учении Сюнь-цзы также подчеркивалась роль чувств. восприятий в процессе познания. Одноре-

менно Сюнь-цзы указывал, что обработка чувств. восприятий разумом приводит к достижению достоверного знания. О значении опыта в познании говорится в материалистич. и атеистич. учении Ван Чуна. В эпоху Сун основой мн. гносеологич. высказываний являлось положение о достижении знания из трактата «Да сюэ» («Великая наука»), к-рое связывалось с принципом чэнь (истина) — идеальной сущностью явлений и вещей. Гносеология неоконфуцианства получила яркое выражение в системе эмпирич. рационализма Чжу Си. Видное место в решении гносеологич. проблем принадлежит учению об интуитивном, врожденном знании у Лу Цзю-юаня и особенно у Ван Шоу-жэня. Против последнего учения выступил Ван Фу-чжи, к-рый материалистически подошел к вопросу познания объективного мира. Он отрицал утверждения об ограниченности человек. познания.

Л о г и к а. В др.-кит. философии разработкой проблем логики в основном занимались представители школы минцзя (логиков, или школы имен), последователи учения Мо-цзы и отчасти школы законников (фацзя). В логич. изысканиях древних китайцев на первый план выдвигалась проблема соотношения имени (понятия) и действительности. Разработкой проблем логики занимались представители конфуцианства (Конфуций, Сюнь-цзы), мн. мыслители эпохи средневековья и нового времени. Учение Сюнь-цзы о связи имени и действительности основано на положении, что имена являются отражением объективных явлений и вещей. Много внимания вопросам логики уделяли позднейшие моисты. Они утверждали, что действительность изображается именами, и признавали наличие трех категорий имен: общее, родовое и частное имя. Позднейшие моисты внесли большой вклад в развитие логики своей теорией о семи логич. приемах: вероятность (хо), предположение (цзи), вывод из общего (сяо), сопоставление вещей (би), сопоставление понятий (моу), познание на основании примера (юань), познание неизвестного через известное (туй). Нек-рые из этих приемов очень близки к методам индукции и дедукции.

Крупнейший представитель минцзя (логиков) *Гунсунь Лун* утверждал, что субъективные восприятия не зависят от объективного мира, поскольку качества и свойства (чжи — т. е. указатели) существуют отдельно от вещей. Гунсунь Лун объявлял абстракцию и понятие основой реального мира. В этом он сближается с отд. аспектами даоского учения. Нек-рые софизмы Гунсунь Луна аналогичны апориям *Зенона*. Однако в Др. Китае не было создано последовательной развитой системы логики, какими, напр., были школы *ньяя* и *вайшешика* в Индии, школа Аристотеля в Древней Греции.

Э т и к а. Для истории К. ф. характерен глубокий интерес к изучению социально-этич. проблем. Основу учения Конфуция составляли вопросы этики, морали и управления гос-вом. Осн. принципы этого учения изложены в трактате «Лунь юй». Особое внимание Конфуций уделял нравств. самоусовершенствованию личности. В трактате «Лунь юй» изложены осн. принципы и понятия этико-политич. учений Конфуция. Понятия *жэнь* (гуманность), и (долг, справедливость), ли (нормы поведения) стали стержнем последующих этич. концепций конфуцианства. Ведущее место в др.-кит. философии принадлежит учению Конфуция о природе человека, к-рое имеет много общего с учением Сократа. Как и Сократ, Конфуций основное внимание уделял этич. проблемам, самопознанию человек. личности. Учение Конфуция оказало влияние на формирование концепции *Мэн-цзы* о врожденной доброте человек. природы и учения Сюнь-цзы о врожденном зле природы человека. В эпоху Хань происходит синтез названных положений. В период Сун

преимущество отдается учению Мэн-цзы, в то время как точка зрения Сюнь-цзы считалась еретической. Эгоизм Ян Чжу, альтруизм теории Мо-цзы о всеобщей любви, высказывания крупнейшего представителя школы законников *Хань Фэя* о зависимости этич. положений от материальных условий жизни, этич. требований трактатов «Да сюэ» и «Чжун юн» о нравств. гармонии человека — все это свидетельствует о богатстве и многообразии этич. концепций в истории К. ф. Большое значение в истории кит. этики имел даоский принцип у-вэй (недеяние), с его требованиями необходимости соблюдения естественного пути (дао) жизни, превратившийся впоследствии в проповедь пассивности и смирения. Во многих своих чертах даоское положение о недеянии очень близко к буддийскому учению о *нирване* как состоянии полного и безмятежного спокойствия.

Ф и л о с о ф и я и с т о р и и. В истории К. ф. большое место занимают учения об истории и законах ее развития. Многие из этих учений представляли развитие общества как регрессивное. По мнению древних китайцев, общество все более удаляется от первонач. «золотого века» древности. Об этом свидетельствуют широко распространенные идеи с прivityвом о возврате к древности. В К. ф. получили распространение и идеи о цикличности развития в истории. Процесс изменений в обществе представлялся в форме круговорота. Первым и, очевидно, наиболее ярким представителем подобного учения следует считать Цзоу Янь, к-рый перенес систему взаимопорождения пяти первоэлементов природы на объяснение историч. процесса. Цзоу Янь утверждал, что каждый период истории проходит под знаком чередования пяти первоэлементов. Теории циклич. развития придерживались Сыма Цянь, Ван Чун и др. На основе теории первоэлементов построена и историч. концепция Дун Чжун-шу о смене трех периодов господства, к-рые Лу Синь трактовал как периоды господства неба, земли и человека. Большое влияние на развитие философии истории оказало учение о трех эрах, изложенное в трактате «Ли цзи», в главе «Ли юнь». Согласно этому учению, развитие общества идет от эры неустойчивости и беспорядков к достижению эры Великого благоденствия. Эти идеи нашли яркое воплощение в утопич. планах социального переустройства в период Тайпинского движения. Тайпины выступали с идеей равенства людей, требовали ликвидации деления на бедных и богатых. Однако утопич. идеи тайпинов имели ярко выраженную религ. окраску.

Идея о Великом единении (датун) послужила основой создания оригинальной утопической социальной теории кит. реформатора *Кан Ю-вэй* (1858—1927). В своих сочинениях он рисовал картину «прекрасного мира в эпоху великого равенства, когда Поднебесная будет принадлежать всем, не будет классов и все будет равно». В построении утопич. общества Великого единения Кан Ю-вэй видел единств. возможность спасения человечества от социальных бед. Ф. *Быков*. Москва.

Философская и социологическая мысль Китая 2-й пол. 19 и 20 вв. Со времени Опийной войны (1840—1842) Китай начал превращаться в полуколониальную страну. Реакц. силы феодализма, подавляя патриотич. выступления нар. масс, шли на союз с колонизаторами. Духовным оружием у них по-прежнему была традиц. конфуцианская идеология, требующая рабской покорности феод. знати. Напротив, прогрессивная филос. и социологич. мысль этого периода стремилась найти пути обновления страны и избавления ее от колониального порабощения. Идеологи Тайпинского восстания выступали с идеей создания на кит. земле гос-ва Великого равенства путем вооруж. свержения Маньчжурской династии. Проповедуя

и своеобразно истолковывая христ. учение, они осуществили на территории тайпинов ряд реформ, подрывавших основы феодализма. Конфуцианской идеологии был нанесен серьезный удар.

Вслед за движением тайпинов развернулось реформаторское движение, осн. целью к-рого было восстановление мощи кит. гос-ва путем нек-рых преобразований «сверху» при сохранении феод.-монархич. строя. Реформаторы (Кан Ю-вэй и др.) пропагандировали идеи прогресса под знаком восстановления истинного учения Конфуция, взгляды к-рого, по их мнению, были фальсифицированы со времени Позднего Хань (25—220 н. э.). Учениям нек-рых реформаторов, напр. Тань Сы-туна, свойственны материалистич. тенденции, что нашло яркое выражение в его кн. «Жэньсюэ» («Учение о гуманности»). На смену реформаторам выступили революц. демократы во главе с *Сун Ят-сеном*, к-рые боролись за свержение Маньчжурской династии и демократич. преобразование кит. общества. Социальное учение Сун Ят-сена не было свободно от традиций прошлого и народнич., идеалистич. взглядов. Однако в целом учение Сун Ят-сена было прогрессивным и носило антиимпериалистич. и антифеод. характер. В его основе лежали материалистич. тенденции. Учение Сун Ят-сена обогащалось в ходе революц. борьбы, освобождаясь от своих консервативных элементов и ошибочных положений. После Великой Октябрьской революции Сун Ят-сен пришел к выводу, что нац. освобождение Китая возможно лишь при вовлечении в революц. борьбу широких нар. масс, стал на путь сотрудничества с коммунистами и союза с Сов. государством.

Со времени Тайпинского восстания кит. революционеры внесли серьезный вклад в освободит. борьбу своего народа. Однако они не находили правильного пути к победе. Великая Октябрьская социалистич. революция, всколыхнувшая весь мир, заставила кит. революционеров пересмотреть свои позиции. «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла передовым людям всего мира, в том числе и Китая, пересмотреть свои проблемы, применяя пролетарское мировоззрение для определения судеб своих стран» (Мао Цзэ-дун, О новой демократии, М., 1960, с. 96). Под непосредств. влиянием Окт. социалистич. революции началось в 1919 антиимпериалистич. и антифеод. движение 4 мая, к-рое подорвало в самой основе традиц. идеологию китайского феодализма — конфуцианство. На историческую арену выступил рабочий класс. В этот период на кит. яз. впервые был переведен ряд работ Маркса, Энгельса и Ленина. Активизировалась деятельность передовых представителей кит. интеллигенции. В гуще рабочих масс (в Шанхае, Пекине, Ухани) возникли марксистские кружки, превратившиеся в центры пропаганды научного социализма. Осн. вопросами идеологич. борьбы стали вопросы борьбы с феодализмом и колониализмом, о движущих силах и перспективах развития совр. истории Китая, о путях нац.-освободит. борьбы кит. народа. Борьба вокруг этих вопросов по существу была борьбой за материалистич. или идеалистич. понимание истории совр. Китая. Соединение идей марксизма с революц. движением кит. рабочего класса привело к созданию на базе марксистских кружков Коммунистич. партии Китая (КПК, 1921), к-рая явилась организатором и руководителем победоносного движения кит. революции. Творчески применяя общие положения марксизма-ленинизма к конкретной практике кит. революции, КПК помогла пролетариату завоевать симпатии крестьянства и поднять роль пролетариата до гегемона революции, что предопределило превращение демократич. революции в социалистическую.

Распространение марксизма в Китае происходило в ожесточенной борьбе с реакционной идеологией. Образовалось два лагеря на идеологическом фронте, выражающих две политические линии, к-рые существовали в то время в стране. В одном лагере находились марксисты и поддерживающие их прогрессивные мыслители, а в другом лагере — идеологи феодально-компрадорской реакции. Китайские марксисты широко развернули пропаганду марксистско-ленинских идей на страницах журналов «Синь циньпьянь» («Новая молодежь»), «Сяньдао» («Путеводитель») и других, пытаясь применить эти идеи к анализу китайской действительности. Их идейные противники, опираясь на ведущих идеологов империалистической реакции (Бергсон, Дьон и др.), с различных позиций атаковали марксизм-ленинизм в Китае.

Прагматист Ху Ши, выступая против марксизма, отрицал объективную истину и возможность познания закономерностей обществ. развития. Им была выдвинута т. н. теория постепенной эволюции, исключаящую любую форму революц. борьбы народа за свою нац. и социальное освобождение. Вслед за ним выступают неокантианцы (Чжан Дун-сунь, Лян Ци-чао и др.) с тезисом о том, что Китаю сначала нужно всестороннее развитие капитализма и лишь после этого можно говорить о социализме. Причем социальные преобразования они понимали в плане эthic. совершенствования в духе кантовского учения о категорич. императиве. В 1923 между махистами (Дин Вэнь-цзян и др.) и бергсопцианцами (Чжан Цзюньмай и др.) развернулась дискуссия по вопросам науки и метафизики. В 1925 правый гоминьдановец Дай Ци-тао выпустил книги «Национальная революция и гоминьдан» и «Философские основы суэйтсеизма», в к-рых он требовал уничтожения марксизма, пропагандировал реакц. идеи о пассивности нар. масс и решающей роли выдающихся личностей в истории. Попытка возрождения и модернизации буддизма содержится в соч. Тай Сюя (1889—1947) «Обозрение истории свободы». В 30—40-х гг. один из ведущих в то время философов Фын Ю-лань выступил со своей «системой нового неоконфуцианства», в к-рой развивал идею синтеза неоконфуцианского идеализма с прагматизмом и неореализмом. Синтезом традиц. идеологии кит. феодализма и реакц. бурж. философии Запада занимались и мн. др. идеологи феод.-компрадорской клики, в том числе Лян Шу-мин, к-рый еще в начале 20-х гг. написал книгу «Культура и философия Востока и Запада» («Дун-си вэньхуа цзи ци чжэсюэ»). Идея синтеза реакционных идей Запада и Востока находит наиболее яркое выражение в «Философии жизни» («Вэйшэн-лунь») Чэнь Ли-фу, где дается филос. обоснование диктатуры гоминьдановской реакции.

Разоблачая различного рода реакц. бурж. идеи и борясь против правого и левого оппортунизма в своих рядах, кит. коммунисты творчески применяли и развивали марксизм-ленинизм, анализируя политич. обстановку и соотношение классовых сил в стране, определяя политич. линию партии в едином нац. фронте, разрабатывая стратегию и тактику революц. войны и идеологич. борьбы в Китае. Важный вклад в развитие филос. мысли марксизма представляют собой работы Мао Цзэ-дуна «Относительно практики» и «Относительно противоречия», сыгравшие большую роль в идейном воспитании кит. коммунистов. В первой работе рассматриваются вопросы о соотношении теории и практики, о роли практики в процессе познания. Во второй — закон борьбы противоположностей, вопросы о всеобщности и специфичности противоречия, о главном противоречии и о главной стороне противоречия, о месте антаго-

низма в ряду противоречий, о противоположности как источнике движения. Творч. применение и развитие КПК марксизма-ленинизма явилось одним из решающих условий, приведших к победе народной революции в 1949.

После образования Китайской Народной Республики (КНР) марксизм-ленинизм, в т. ч. диалектич. и историч. материализм, стал руководящей теоретич. основой в борьбе за социализм и получил широкое распространение в стране, став господств. мировоззрением, противостоящим всем унаследованным от прошлого враждебным взглядам. В духе марксистско-ленинской идеологии стала проводиться огромная воспитат. работа среди населения. Еще в первые годы после образования КНР широко развернулось движение за идеологич. перевоспитание интеллигенции. В 1954—55 проводились кампании по разоблачению реакц. взглядов Ху Фына, Ху Ши и Лян Шу-мина. В 1957 по всей стране происходила борьба против реакц. взглядов правобурж. элементов и их сторонников из числа ревизионистов. В борьбе против бурж. идеологии большую роль сыграла работа Мао Цзэ-дуна «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957).

Народ Китая под руководством КПК быстро и успешно осуществил социалистич. преобразования в промышленности, сельском хозяйстве и торговле. Была достигнута победа на политич. и идеологич. фронтах; на смену старым производств. отношениям пришли новые. Победа, одержанная кит. народом в народно-демократич. революции, а затем и в социалистич. революции, означает победу идей марксизма-ленинизма над мелкобуржуазной и буржуазной идеологией.

В процессе идеологич. борьбы воспитываются и растут филос. кадры нар. Китая. Создаются и расширяются филос. учреждения, объединяющим центром к-рых является Ин-т философии АН. Изучение и разработка проблем философии ведется также на кафедрах в Народном, Пекинском, Шаньдунском, Шанхайском, Уханьском, Гуанчжоуском и др. ун-тах. За годы нар. власти кит. философы-марксисты создали ряд трудов по вопросам диалектич. и историч. материализма, логики и критике совр. бурж. философии. К их числу относятся работы Ай Сы-ци «Философия масс» («Дачжун чжэсюэ», 1949), «Лекции об историческом материализме и истории развития общества» («Лиши вэйлуань, тэхуй фажань ши цзяньши», 1953), «Лекции по диалектическому материализму» (1957, рус. пер. 1959); Фын Дина «Простая истина» («Пинфаньди чжэньли», 1955), «Коммунистическое мировоззрение» («Гунчаньчжун жэньшэингуань», 1956); Юй Гуан-юаня «Лекции по основам общественных наук» («Шэхуй кэсюэ цзибэй чжэши цзянцзю», 1953, совм. с Ху Шэн и Ван Хуй-дэ), «К вопросу о преобразовании природы» («Таньжань чайцзю цзыжаньди вэньти», в журн. «Чжэсюэ яньцзю», 1958, № 4); Цзюнь Юэ-линя «Критика интуитивизма Лян Шу-мина» («Пипань Лян Шу», в журн. «Чжэсюэ яньцзю», 1956, № 2); «Об единстве действительного и истинного мышления» (там же, 1959, № 3).

Большое внимание уделяется изучению истории философии. За последние годы в Китае изданы такие труды, как пятитомная «История китайских идеологий» («Чжунго сьсян тунши», т. 1—5, 1957—60) Хоу Вай-лу и др.; «История древне-китайской идеологии» (рус. пер. 1957) Ян Юн-го и др. Теоретич. органом кит. филос. мысли является журн. «Чжэсюэ яньцзю». Статьи на филос. темы систематически печатаются также в журн. «Хун ци» и газ. «Жэньминь жибао» — органах ЦК КПК, в журн. «Синь цзяньшэ» и газете «Гуавинь жибао». Широко обсуждаются проблемы философии на дискуссиях: по проблемам истории кит. философии,

по вопросам эстетики, логики, соотношения мышления и бытия и др. В нар. Китае переводятся и издаются важнейшие труды сов. философов, в т. ч. шеститомная «История философии», «Основы марксистской философии», монографии и учебные пособия по диалектич. и историч. материализму. Кит. ученые проводят большую работу по изданию классиков марксистской философии. За последние годы переизданы на китайском языке «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Ф. Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» В. И. Ленина. Завершено издание полного собр. соч. В. И. Ленина. Издается полное собр. соч. Маркса и Энгельса. Труды классиков марксизма-ленинизма служат могучим оружием в борьбе кит. народа за социализм. Успехи социализма в Китае — новое подтверждение истинности и всепобеждающей силы марксистско-ленинских идей. Ян Хун-цинь Москва.

Хронологическая таблица

Название эпохи	Историческая периодизация	Основные события в развитии истории китайской философии
Эпоха Инь-Шан	16—11 вв. до н. э.	Первые естеств.-науч. представления. Развитие астрономии, земледелия.
Эпоха Чжоу	11—3 вв. до н. э.	Ранние положения учения о пяти первоэлементах природы и полярных силах инь и ян. Учения Лао-цзы, Конфуция.
а) Период Чуньцю	8—5 вв. до н. э.	
б) Период Чжаньго	5—3 вв. до н. э.	Формирование осн. школ и направлений др.-кит. философии. Школа Мо-цзы.
Династия Цинь	221—207 гг. до н. э.	Создание первого централизованного гос-ва. Торжество школы законников.
Династия Хань	206 г до н. э. — 220 г. н. э.	Становление конфуцианства как официальной идеологии. Даосизм мистика. Две школы толкования конфуцианских текстов. Материалистич. учение Ван Чуна. Начальный период проникновения буддизма в Китай.
Эпоха Троецарствия	220—264 гг. н. э.	Распространение буддизма. Синтез конфуцианства и даосизма.
Династия Цзинь	265—588	Атеистическое учение Фань Чжэня.
Период Сев. и Юж. династий		
Династия Суй	589—617	Расцвет буддийских сект. Даосизм. Борьба конфуцианства против буддизма.
Династия Тан	618—907	
Период Пяти династий	907—960	Становление школы ли-сюэ, или неоконфуцианства.
Династия Сун	960—1279	
Династия Юань	1280—1367	Развитие положений неоконфуцианства. Взгляды просветителей. Революц. демократизм Сун Ят-сена.
Династия Мин	1368—1644	
Династия Цин	1644—1911	
Период Республики	1912—49	Кризис конфуцианской идеологии. Пропанганда зап. бурж. философии и социологии в Китае. Распространение марксистско-ленинской идеологии в борьбе с идеологией империалистич. и феод. реакции.
Китайская Народная Республика	с 1949	Торжество марксистско-ленинской идеологии. Строительство социалистич. Китая.

Издания: Геань, то-есть умные речи, пер. с кит. А. Л. [А. Леонтьев], СПб, 1779; Сы шу геь, т. е. четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Кун Дзы, пер. с кит., СПб, 1780; Джун-юн, т. е. закон непреложный, пер. с кит. А. Леонтьева, СПб, 1784; Хань Вэй дуншу (Собр. произведений эпохи Хань и Вэй), кн. 1—55, 16. м.], 1791; Изречения Конфуция, учеников его других лиц, пер. с кит. П. С. Попова, СПб, 1910; Китайский философ Мэн-цзы, пер. с кит. П. С. Попова, СПб, 1904; И в а н о в А., Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы, СПб, 1912; Син ли цзин и (Полн. собр. произведений эпохи Сун), в собрании: Сы бу бэй яо, Шанхай, 1936; Чжунцзы цзинчэн (Собр. произведений древних мыслителей), т. 1—8, Пекин, 1957.

Лит.: Скачков П. Е., Библиография Китая, М., 1960, с. 42—50; Опыт древней китайцев философии о их правоучении и правлении, СПб, 1794; Ковалевский О., Буддийская космология, Каз., 1837; Зоммер Н., Об основаниях новой китайской философии, «Уч. зап. Казанского ун-та за 1851 г.», 1852, № 1, с. 109—67; Васильев В. П., Буддизм, его догматы, истории и литература, ч. 1, СПб, 1857; е г о ж е, Религия Востока: конфуцианство, буддизм и джайнизм, СПб, 1873; Георгиевский С., Принципы жизни Китая, СПб, 1888; Мифические воззрения и мифы китайцев, СПб, 1892; Щербатской Ф. И., Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. 1—2, СПб, 1903—1909; Розенберг О. О., Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам, ч. 2 — Проблемы буддийской философии, П., 1918; Петров А. А., Очерк философии Китая, в сб.: Китай, М.—Л., 1940; Китай, в кн.: БСЭ, 2 изд., т. 21, раздел Китайская философия; История философии, т. 1, М., 1957, гл. 3, § 1; там же, т. 2, М., 1957, гл. 10, § 2; там же, т. 4, М., 1959, гл. 7; Шидкий Ю. К., Китайская классическая Книга перем., М., 1960; Фын Ю-лань, Чжунго чжэсюэ ши (История китайской философии), т. 1—2, Шанхай, 1931—34; Ху Цяо-ю, Тридцать лет Коммунистической партии Китая, пер. с кит., М., 1952; Ма о Ц з о д у н, Избр. произв., т. 1—4, М., 1952—1953; Лю й Ч ж э н б ю й, Чжунго чжанчжи сысян ши (История политической мысли в Китае), Пекин, 1956, с. 602; Я н Х и н ш у н, Из истории борьбы за победу марксизма-ленинизма в Китае, М., 1957; Фан Дин, Торжество великих идей Октября в Китае, «Вопр. философии», 1957, № 6; Хоу Вай-лу, Социальные утопии древнего и средневекового Китая, там же, 1959, № 9; Го Мо-ж о, Философия древнего Китая, пер. с кит., М., 1961; Forke A., The world-conception of the Chinese, L., 1925; е г о ж е, Geschichte der alten chinesischen Philosophie, Hamb., 1927; е г о ж е, Geschichte der mittelalterlichen chinesischen Philosophie, Hamb., 1934; е г о ж е, Geschichte der neueren chinesischen Philosophie, Hamb., 1938; Краусе Е. Е., Ju-Tao-Fo. Die religiösen und philosophischen Systeme Ostasiens, Münch., 1924; Wiegeler L., A history of the religious beliefs and philosophical opinions in China, Hsien-hsien, 1927; Н а с к м а н н Н., Chinesische Philosophie, Münch., 1927; Zенкер E. V., Geschichte der chinesischen Philosophie, Bd 1—2, Reichenberg, 1929; Hughes E. R., (ed.), Chinese philosophy in classical times, L., 1942; С ге е л Н. G., Chinese thought from Confucius to Mao Tse-tung, Chi., 1953.

Ф. Бьюков. Москва.

КЛАГЕС (Klages), Людвиг (10 дек. 1870—1956) — нем. бурж. идеолог профанистского толка. Философия К. представляет собой один из наиболее реакционных вариантов т. н. философии жизни. Согласно осн. тезису К., существует космич. жизнь, к-рая открывает себя в поступках людей, в действиях животных, а также в жизни растений. В то же время он считает, что в предшеств. истории космич. жизнь никогда не была в состоянии развиваться правильным образом, т. к. из-за несчастного космического случая со времен Анаксагора дух всегда выступал в качестве мешающего фактора. Поэтому возникает задача — отсечь дух и дать душе развиваться. По мнению К., Ницше первый показал, чем в сущности является душа или же жизнь: это бессознательная жизнь, дионисийская, оргиастическая. В этой связи К. пытается доказать, что путь науч. прогресса оказался для человека роковым, т. к. дух, разум (под к-рым он понимал всякое науч. исследование, стремление к познанию вообще) все более отселяли подлинную сущность человека — душу. Т. о., К. изображает науч. исследование как святотатство (как «гнусность»), к-рому должен быть положен предел. Что такое душа или космич. жизнь, этого, по К., нельзя выразить в логич. форме, но можно приблизительно описать как противостоящий духу ритм жизни. Соответственно этому он утверждает, будто в философии не играет большой роли размышление о том, что представляет со-

бой душа, ибо задача философии заключается не в познании, но в распространении знания о таинствах. Поскольку же философия следует запиматься таинствами и мифами, постольку предпочтение следует отдавать не мышлению, но фантазии или созерцанию. Время нужно постигать как «поток, направленный из будущего в прошлое». Эти реакц. черты учения К. сделали его непосредств. предтечей нем. фашизма, идеологи к-рого неоднократно признавали это.

В ФРГ филос. мифология К. все еще пользуется признанием. Это находит свое выражение, напр., в том, что за последние годы его книги вновь издавались.

Соч.: Die psychologischen Errungenschaften Nietzsches, 2 Aufl., Lpz., 1930; Vom Wesen des Rhythmus, 2 Aufl., Z.—Lpz., 1944; Der Mensch und das Leben, Jena, 1944; Vom kosmogonischen Eros, 5 Aufl., Stuttg., 1951; Die Grundlagen der Charakterkunde, 11 Aufl., Bonn, 1954; Der Geist als Widersacher der Seele, Bd 1—3, 3 Aufl., Münch.—Bonn, 1954; Mensch und Erde, 6 Aufl., Stuttg., 1956. М. Бур. ГДР.

КЛАПАРЕД (Claparède), Эдуар (24 марта 1873—16 ноября 1940) — швейцарский психолог, проф. Женевского ун-та, один из основателей Педагогич. ин-та им. Ж. Ж. Руссо в Женеве (1912). К. разрабатывал вопросы общей, генетической, сравнительной и прикладной психологии. К. противопоставлял свою концепцию, с одной стороны, смыкающемуся с неврологией и физиологией механицизму, а с другой — умозрительной философии психологии. К. рассматривал психологию как биологич. науку о месте психики в процессе осуществления жизни функций, как стремление организма преодолеть расхождение между его потребностями и возможностями их удовлетворения («L'education fonctionnelle», 1931). Центральным для теоретич. концепции К. является понятие интереса, к-рый «обозначает полное соотношение и взаимное соответствие между субъектом и объектом. Сам по себе объект никогда не интересен, он становится интересным только благодаря психическому состоянию того, кто его рассматривает» («Психология ребенка и экспериментальная педагогика», СПб, 1911, с. 86). Лишь возбуждения, соответствующие «интересу данного момента» (см., напр., «Archives de psychologie, Gen., 1905, v. 4, p. 307, 343»), способны вызвать действия, тогда как все остальное остается без ответа. На низших уровнях эти ответы организма могут совершаться рефлекторно — по типу автомата. Осознание же появляется там, где на пути осуществления этих рефлекторных актов имеется к. н. препятствие (см. «La conscience de la ressemblance et de la difference chez l'enfant», в журн.: «Arch. de psychol.», 1918, v. 17, № 65, p. 67—77; «La psychologie de l'intelligence», в журн.: «Scientia», 1917, v. 11, p. 353—67). К. выдвинул идею о качественно различных уровнях в онтогенезе процесса обобщения, к-рая оказалась значит. влияние на генетич. психологию, в частности на Пиаже. Известность получила также теория игры, к-рая, по К., служит развитию личности и является подготовит. упражнением к к. н. полезной функции или деятельности и в то же время служит удовлетворительно опред. потребностей организма. В решении осн. филос. вопроса К. стоял на позициях психофизиологического параллелизма.

Соч.: L'association des idées, P., 1903; La question de la «mémoire» affective, «Arch. psychol.», 1911, t. 10, p. 361—77; La psychologie de l'intelligence, «Scientia», 1917, [fasc.] 11; Feelings and emotions, в кн.: Feelings and emotions. The Wittenberg symposium. Ed. by M. L. Reymert, Worcester (Mass.), 1928, p. 124—39; La genèse de l'hypothèse. Étude expérimentale, «Arch. psychol.», 1934, v. 24, [№ 93—94]; La psychologie fonctionnelle, «Acta psychol.», 1936, v. 1, № 1; Профессиональная ориентация, ее проблемы и методы, М., 1925; Как определять умственные способности школьников, Л., 1927; Сборник, посвященный Владимиру Михайловичу Бехтереву. К 40-летию профессорской деятельности. (1885—1925), Л., 1926, с. 81—86.

Лит.: Edouard Claparède, Gen., 1941; L e r n e r E., Edouard Claparède: 1873—1940, «Amer. J. Psychol.», 1941, v. 54, № 2. М. Роговин. Москва.

КЛАРК (Clarke), Самюэл (11 окт. 1675—17 мая 1729) — англ. пастор, религ. философ, активно борющийся против материализма, атеизма и деизма. Особенность защиты религии К. заключалась в религ.-идеалистич. истолковании им выводов физики Ньютона. Это был своеобразный ньютоновский «физический идеализм», приводивший к оправданию христианских догматов. В острой полемике против учений Гоббса, Спинозы, Локка, Лейбница, Толанда, Коллинза, Г. Додуэлла Старшего К. защищал теизм, учение о духовной субстанции, свободу воли, бессмертие души. Исходя из учения Ньютона об абсолютном пространстве, К. отрицал, что протяженность есть атрибут материи, рассматривая пространство как «божественное чувствилище». Выступая против сенсуалистич. этич. теорий, К. отстаивал объективно-идеалистич. этику, основанную на вечном, неизбывном, теологич. миропорядке. Моральные обязанности каждого существа определяются, по К., его местом в установленной богом мировой гармонии. Пытаться изменить существующий порядок вещей — значит действовать вопреки законам разума и природы.

С позиций деизма против К. выступали Додуэлл Старший, Ковард, Коллинз. Острая критика взглядов К. была дана Гольбахом («Система природы», ч. 2, гл. 4, «Разбор доказательств бытия божия, данных Кларком»; см. также с. 67, 291, 326).

Соч.: A discourse concerning the unchangeable obligations of natural religion..., L., 1706; Remarks upon a book entitled «A philosophical enquiry concerning human liberty», L., 1717; A demonstration of the being and attributes of God, 8 ed., L., 1732; The works, v. 1—4, L., 1738; The Leibnitz — Clarke correspondence, ed. by H. G. Alexander, [Manch., 1956], франц. изд., P., 1957; в рус. пер.: Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания. (1715—16 гг.), Л., 1960.

Лит.: Zimmern R., Samuel Clarke's Leben und Lehre, W., 1870; Le Rossignol J. E., The ethical philosophy of Samuel Clarke, Lpz., 1892 (Diss.); Albee E., Clarke's ethical philosophy, «Philos. Rev.», 1928, v. 37, № 4—5. В. Быховский. Москва.

КЛАСС (от лат. classis — группа) — совокупность предметов (называемых элементами класса), удовлетворяющих к-л. условию или признаку. Примером К. может быть совокупность всех предметов, удовлетворяющих условию «быть положительным числом»; соответствующий этому условию К. состоит из всех объектов, каждый из к-рых имеет признак, указанный в этом условии (из всех положительных чисел). К. можно рассматривать как совокупность тех предметов, на к-рые распространяется нек-рое понятие (т. е. как объем понятия). Можно также понимать К. в том смысле, что всякая функция-высказывание, заданная нек-рой формулой $P(x)$ логики предикатов, содержащей лишь одну свободную переменную x (значениями к-рой являются объекты нек-рой предметной области), определяет нек-рый К.; этот К. состоит из предметов, каждый из к-рых удовлетворяет данной функции-высказыванию, т. е. отличается тем, что при замене переменной x в выражении $P(x)$ обозначением этого предмета выражение $P(x)$ обращается в истинное предложение. Вхождение в К. его элементов записывается обычно формулой $a \in A$ (где A есть нек-рый К., а a — любой его элемент). Два К. считаются тождественными (совпадающими), если они имеют одни и те же элементы. С т. зр. «численности» своих элементов К. бывают конечными и бесконечными. Примером конечного класса, т. е. К., состоящего из конечного числа элементов, может быть К. жителей г. Москвы в определ. момент времени. Примером бесконечного К. может быть упомянутый выше К. всех положительных чисел. Иногда численность элементов в К. является неопределенной; таков, напр., К. всех травоядных животных; этот К. содержит неопределенно большое число элементов, т. к. травоядные животные не

только существовали в прошлом и существуют в наст. время, но и будут существовать в будущем. К., состоящий только из одного элемента, называется единичным, или сингулярным, К. В логике и математике рассматривается также т. н. пустой, или нулевой, К., т. е. К., не содержащий ни одного элемента. Пустой К. соответствует таким функциям, к-рые не удовлетворяются ни одним предметом данной области. Сингулярный К. и нулевой К. Аристотель не вводил при построении своей силлогистич. системы.

Над К. можно производить различ. операции: сложения (объединения) К., пересечения К. и др. Два К. наз. и с к л ю ч а ю щ и м и друг друга, если они не имеют общих элементов; понятия, объемами к-рых являются исключающие друг друга К., наз. в н е п о л о ж и м ы м и. Отношению логического подчинения К. к К., отношению логического отношения включения К. в К.; если класс A включен в класс B , то, значит, понятие, объемом к-рого является класс A , логически подчинено понятию, объемом к-рого является класс B .

Любые два класса A и B могут находиться между собой в одном из следующих отношений: (1) либо быть тождественными, (2) либо A будет частью (подклассом) класса B , причем в B будут также элементы, к-рых нет в A , (3) либо, наоборот, B будет подклассом A , причем в A окажутся элементы, к-рых нет в B , (4) либо A и B будут частично совпадать, т. е. у них будет нек-рая общая часть, но при этом в классе A будут элементы, к-рых нет в B , и в классе B будут элементы, к-рых нет в A , (5) либо, наконец, A и B будут исключать друг друга. Франц. ученый Ж. Д. Жергонн (1771—1859) построил аристотелеву силлогистику на основе этих отношений (т. н. пяти отношений Жергонна). Позднее (1955) Фэрис, выразив систему Жергонна в современной форме, показал, что она не совпадает с силлогистич. системой Аристотеля в интерпретации Лукасевича. Подробнее о теории К. и ее логич. значении см. *Логика классов*.

С понятием К. (множества) связаны трудности, о к-рых см. *Множества. Множества теории, Парадокс, Титов, теория*.

Лит.: Горский Д. П., Некоторые вопросы объема понятия, в кн.: Вopr. логики. [Сб.], М., 1955, с. 285—326; Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 4; Черч А., Введение в математическую логику, [т.] 1, пер. с англ., М., 1960, § 04; Пловарнин С. И., Логика, Иг., 1916, с. 29—36, 41; Гергонне Ж.-Д., Essai de dialectique rationnelle, «Ann. de math. pures et appliquees», 1816—17, t. 7, p. 189—228; Ферис С. А., The Gerzonne relations, «J. symb. logic», 1955, v. 20, № 3. П. Попов. Москва.

КЛАСС «В СЕБЕ» И КЛАСС «ДЛЯ СЕБЯ» — понятия историч. материализма. Класс «в себе» — такая ступень развития класса, когда он в силу неразвитости еще не осознал своих особых, объективно обусловленных коренных интересов, различия и противоположности их интересам др. классов. Такой класс не выдвигает своей собственной программы, характеризуется отсутствием развитого классового сознания. Так, пролетариат на первой ступени своего развития не противопоставлял своих интересов интересам своего антипода — буржуазии. «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя» (Маркс К., 'см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 183).

Понятия класс «в себе» и класс «для себя» выражают объективные и субъективные предпосылки формирования классов. Выделение этих понятий имеет глубокий теоретич. и политич. смысл, т. к. объективное и субъективное формирование классов происходит неравномерно в разных странах. Класс существует объективно как класс «в себе» уже с момента формирования определ. отношения группы людей к средствам произ-ва. Субъективное же его формирование зависит от наличия целого ряда обстоятельств и условий. Так, при формировании пролетариата в обществ. класс важнейшую роль играет наличие марксистско-ленинских партий; степень распространения среди рабочих пролетарского мировоззрения; размах всех форм классовой борьбы, прежде всего

борьбы политической; характер внутривнутриполитич. обстановки, отсутствие реакции, фашизма, преследования демократов; наличие организац. сплоченности членов класса; отсутствие продажного реформистского и ревизионистского руководства в экономич. и политич. орг-циях; отсутствие сильного влияния на рабочих бурж. и мелкобурж. идеологии. В зависимости от сочетания этих условий формирование пролетариата в класс «для себя» происходит неравномерно, в одни периоды ускоряясь, а в другие — затормаживаясь, растягиваясь в результате на довольно длительный срок. При этом неравномерно совершается формирование классового сознания у отдельных отрядов рабочего класса. Обычно наиболее быстро формируется сознание у фабрично-заводских рабочих, составляющих ядро пролетариата (см. *Классы, Классовая борьба*).

Лит.: Маркс К., Ницше философия, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 83—84; Маркс К., Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, там же, с. 431—34, 437—38, 446—47. В. Семенов. Москва.

КЛАССИФИКАЦИЯ. 1) В материалистич. диалектике — раскрытие внутренней необходимой связи между группами (классами, родами и т. д.), по к-рым распределены классифицируемые предметы. К., исходящая из формальных принципов, основана на таких способах распределения предметов по группам, к-рые базируются на сходстве предметов в пределах каждой группы, определяющемся наличием у них нек-рых общих свойств; при этом сходство противопоставляется несходству, тождество — различию. С т. зр. формальной К. наиболее важным является достижение по возможности наиболее четкого и резкого обособления членов одной группы от членов всех др. групп; в формальной логике этому соответствует правило деления, требующее, чтобы члены деления исключали друг друга. В результате формальной К. может вместе с тем устанавливаться нек-рый порядок в расположении самих групп; однако, как правило, этот порядок носит внешний, нередко искусственный и произвольный характер.

Содержат. К. (напр., в естествознании) опираются не на формальные, а на диалектич. принципы и носят подлинно науч. характер. В качестве необходимой предпосылки они, как правило, имеют те или иные группировки предметов в соответствии с принципами формальной К.; в этом обнаруживается познават. функция формальных К., их пропедевтический, предварительный характер. Но содержательные К. переносят центр внимания на раскрытие внутренних, закономерных связей между группами классифицируемых предметов. При этом между предметами обнаруживаются такие отношения (напр., переходы, общие признаки), к-рые исчезали из поля зрения при первоначальном формальном подходе. Основой для установления таких отношений всегда служит нек-рый объективный закон, охватывающий данный круг предметов или явлений. Такой охват отдельного (классифицируемых объектов) общим (нек-рым общим законом) как раз и осуществляется в содержат. К.; поэтому такая К. является на деле лишь выражением и следствием лежащего в ее основе закона; она отражает именно те связи и отношения между классифицируемыми предметами, к-рые обусловлены данным законом.

Важнейшей задачей К., опирающейся на диалектич. логику, является преодоление ограниченности формальной К. Это выражается в следующем: 1) Содержат. К. учитывает не только сходство между предметами, составляющими каждую отд. группу, но любые отношения между всеми предметами, подвергаемыми данной К. и входящими в разные группы, — следовательно, и теми, к-рые несходны между собой и даже обладают взаимоисключающими признаками. Т. о., если в основе формальной К. лежит

односторонний учет сходства (или тождества), противопоставленный несходству (или различию) и обособленный от него, то в содержат. К. отражаются оба момента в их единстве — сходство и несходство, тождество и различие. 2) Содержат. К. выражает момент развития, изменения классифицируемых предметов. Наиболее известными К. такого рода являются те, которые отражают последовательный порядок усложнения предметов от низшего к высшему, определяемый процессом их развития. Таковы К. живых существ, осн. на теории развития органич. природы, К. видов вещества, осн. на теориях их усложнения и превращения, и т. д. Момент развития несовместим с принципами формальных К., к-рые вынуждены от него отвлекаться. 3) Принцип развития ведет к признанию наличия переходов между классифицируемыми предметами. В содержат. К. главным становится не проведение максимально четких разграничит. линий между различными группами, а раскрытие переходов между ними, обнаружение связующих областей, в к-рых предметы обнаруживают не один к-л. отличит. признак, присущий опред. группе, а по меньшей мере два признака, присущие двум или более различным группам. Так, открытие физико-химич. процессов сделало невозможным прежнее резкое разделение всех явлений на физические и химические, ибо им оказались присущи признаки обоого рода явлений. 4) В силу того, что содержат. К. являются логич. выражением объективных связей и отношений между классифицируемыми предметами, они обладают максимальной объективной гибкостью и исключают искусственность, произвольность, субъективизм.

Примером содержат. К. служит созданная Д. И. Менделеевым периодическая система элементов, основанная на открытом им же периодич. законе. Менделеев подчеркивал, что его К. исходит из учета не только сходства химич. элементов между собой (напр., щелочных металлов, обособленных от галогенов, и др.), но чем строилась прежняя формальная К. элементов с разбивкой их на т. п. «естественные группы», но, главное, на учете их несходства, т. е. отношений между несходными группами. Менделеев показал, что никаких резких граней между группами или классами (металлы и неметаллы) элементов, проводившихся ранее, не существует: металлич. свойства постепенно переходят в неметаллические; у одного и того же элемента в разных условиях обнаруживаются и те и другие (неметаллы могут иметь физич. вид металлов и т. п.). В наст. время установлено, что система Менделеева отражает последоват. развитие химич. элементов от простейшего (водорода) до сложнейших из ныне известных. Аналогичным примером может быть К. наук, созданная Энгельсом.

Различие формальных и содержат. К. до известной степени отвечает различию между искусств. и естеств. К. Первые строятся на основе произвольного выделения одного или нескольких свойств или признаков у классифицируемых предметов, вторые — на учете всей совокупности их признаков, взятых в их взаимной связи и обусловленности одних из них (производных) другими (основными, определяющими); различие между теми и другими К. состоит в том, что одни являются односторонними (искусственными), другие — всесторонними (естественными). Б. Кедров. Москва.

2) В формальной логике — система (схема) соподчиненных понятий (имен классов), каждое из к-рых занимает в ней строго определенное место. К. имеют большое значение в науке и практич. деятельности людей и рассчитаны на долговрем. пользование без существ. изменений в схеме. Осн. задача К. — систематизировать данную область знания или деятельности для облегчения ориентировки в ней. К. непосредственно связана с двумя

логич. операциями: с делением объема понятия и с классифицированием, т. е. упорядочением объектов по классам, и может строиться дедуктивно и индуктивно. При дедуктивном построении используется операция деления объема наиболее общего понятия; при дедуктивном подходе оперируют с *понятиями* и на основе сходства или различия их признаков устанавливают между ними родо-видовые отношения; логич. единство и стабильность схемы К. обеспечивается самим способом построения К., исходным пунктом к-рого являются малоподвижные общие понятия. Примером может служить биологич. систематика растений и животных, основанная на эволюц. теории. При индуктивном построении классификац. схемы анализу подвергаются отд. объекты, объединяемые в классы на основе сходства или различия в признаках. Индуктивное построение основано на нек-рых специфич. правилах: 1) из различных возможных группировок сходных объектов предпочтение надо отдать той, к-рая основана на наибольшем числе сходных признаков («золотое правило» англ. логика Бэна); 2) из числа сходных признаков следует выделить такой, к-рый объяснял бы все остальные или служил их показателем; 3) чтобы выделить специфич. признак класса (*differentia*), нужно сравнить два крайних его представителя и взять такой признак (признаки), к-рого не будет у двух крайних представителей классов, соподчиненных данному. Выделенные т. о. признаки определяют класс и фиксируются его именем в схеме К. При индуктивном способе обеспечивается единство и фиксированность К., т. к. при ее построении не всегда возможно охватить все объекты изучаемой области и часто возникает необходимость перераспределения низших классов, что в той или иной степени отражается на структуре всей системы. Обычно К. строятся с применением как дедуктивного, так и индуктивного способов: высшие классы, как правило, образуются дедуктивно, низшие — индуктивно. Дедукции отдают предпочтение в систематизации областей знания, индукции — при обработке фактич. материала и оформлении его в виде схем и таблиц. В случае, если классификационная схема является сложным комплексом соподчиненных понятий, образованным, напр., последовательным делением, ее можно представить в виде иерархич. дерева, корнем к-рого является самое общее понятие, вершиной — самые частные, а в узлах размещаются остальные имена классов (такое дерево образуют, напр., рубрики в библиотечной универсальной десятичной К., в к-рой вся область человек. знаний делится на 10 классов, каждый из них на 10 подклассов и т. д.). Ближайшие подклассы класса образуют горизонтальный ряд К., к-рый создается одной ступенью деления. Ряды, одинаково отстоящие по количеству узлов от корня дерева, находятся на одном уровне (ярусе). Последовательность понятий, связанных родо-видовым отношением, называется вертикальным рядом (ветви дерева). Горизонтальному ряду соответствует ряд пересекающихся классов объектов, а вертикальному — последовательность классов, находящихся между собой в отношении включения правильной части множества в множество.

Правила образования К. основаны на правилах деления, к-рые на практике, однако, несколько модифицируются: 1) Деление на одной ступени должно проводиться по одному основанию. Это, однако, не исключает возможности многократного деления (по нескольким основаниям) одного и того же класса на подклассы и образования каждый раз различных рядов. Если такие ряды удастся упорядочить между собой, система К. только выигрывает от этого: в ней оказывается зафиксированным больше свойств и отношений объектов. Примером такого упорядочения рядов может служить таблица Менделеева, в к-рой

деление элементов по атомному весу (ряды) и по валентности (группы) образует своего рода решетку. 2) Следует различать основание деления и принцип упорядочения членов горизонтального ряда. Если основанием деления является нек-рый, иногда специфический, признак делимого понятия, то принципом упорядочения членов ряда может быть лишь такой признак объектов или понятий, к-рый может быть распространен на всю К. Члены ряда можно упорядочивать по их логич. свойствам (сходство содержания, степень абстрактности его, напр., от конкретного к абстрактному), по общефизическим, генетическим, пространственным (от близкого к далекому), хронологич. свойствам, по признакам имен классов (алфавитный порядок). 3) При построении К. желательно выбрать такой признак, к-рый можно было бы использовать в качестве основания деления на всех ступенях, т. е. признак, к-рый мог бы служить в качестве принципа упорядочения горизонтального ряда. Однако в К. с большим числом уровней это практически недостижимо. Поэтому стремятся к тому, чтобы основания деления на каждой ступени были бы по возможности близкими по содержанию и объединялись хотя бы в общие категории (предмет, процесс, атрибут и т. д.), как это делается в библиотечных К. Единый характер оснований деления не только обеспечивает систематичность К., но и облегчает операцию классифицирования, поскольку он выступает как точка зрения при выявлении признаков объектов и сопоставлении их с признаками понятий. 4) Деление должно быть соразмерным. Это правило имеет относительную силу. Оно применяется в момент составления К.: все известные в это время подклассы должны быть учтены. Однако, оберегая К. от ломки, следует предусмотреть способы включения в нее новых понятий. Для этого используются такие приемы, как оставление пустых узлов в классификац. дереве, специальная нумерация классов и др. 5) Члены деления одного ряда должны исключать друг друга. Последоват. осуществление этого правила возможно лишь в схемах с малым числом уровней. Чем больше разветвлений в классификац. дереве, тем труднее соблюдать это правило. Случай, когда один и тот же объект попадает в несколько классов, фиксируется путем дублирования или методом перекрестных ссылок. В нек-рых К. (напр., библиотечная классификация Ранганатана) такие случаи рассматриваются как норма. В связи с этим система строится из различных по основанию деления классификац. таблиц, что и дает возможность фиксировать принадлежность объекта различным классам. 6) Образование вертикального ряда схемы должно быть непрерывным, без скачков.

Правильное построение К. облегчает пользование ею, т. е. применение в операции классифицирования. Однако это не значит, что классифицирование проводится только после создания схемы. Эта операция имеет двойное применение: в процессе образования классификац. схемы, где она состоит в упорядочении предметов по классам на основе сходства или различия в их признаках, и в процессе использования схемы, в к-ром она выступает как операция определения принадлежности объекта классу путем сравнения его признаков с признаками понятий в схеме.

Формально-логич. правила классифицирования разработаны слабо. Однако в различных К. имеются отд. приемы этой операции. Так, в биологич. систематике применяется т. н. метод типа. Для каждого вида, рода и др. высших категорий устанавливаются типовой экземпляр, типовой вид, типовой род, вообще, типовой образец ближайшей низшей категории. При установлении места особи в систематике ее признаки сравниваются с признаками типовых экземпляров различных видов и делается вывод о принадлежности ее к тому или иному виду. Аналогично, при включении нового вида в род его признаки сопоставляются с типовыми видами нескольких родов. Классифицирование проводится в целях: 1) систематизации объектов нек-рой области и фиксирования их свойств и отно-

шений, 2) поиска упорядоченных объектов; оно может решать одновременно обе задачи или же одну из них. Если имеется в виду первая цель, то при построении схемы за основания деления берутся наиболее существ. признаки, из к-рых вытекает максимум производных. Основание деления должно приводить к важным различиям между членами деления. Такая К. служит источником знания об объектах; по месту понятия в схеме можно судить о его содержании и, следовательно, о свойствах предметов, входящих в его объем. Так, по месту элемента в таблице Менделеева можно судить о его атомном весе, заряде ядра атома, валентности, о химических свойствах. К., построенная на существенных признаках, называется естественной. Если К. (имеется в виду достаточно сложная схема К.) используется для поиска объектов, то порядок расположения членов вертикального и горизонтального рядов должен быть формализован, т. е. принцип построения рядов должен быть таков, что, имея об искомом объекте нек-рые данные формального характера (напр., знание начальной буквы имени), можно было бы легко найти в схеме нужное понятие и соответствующий ему класс объектов. Примером такой К. могут быть именные каталоги в б-ках. К., служащая для поиска объектов и построенная только на формальных признаках, наз. вспомогательной (или искусственной). Часто сложные К. совмещают в себе свойства естеств. и искусств. построений. В таких случаях ряды упорядочиваются и содержательно и формально: каждое понятие приобретает порядковый номер, благодаря к-рому оно переводится на искусство. язык: индексов, имеющий свой алфавит (цифровой или буквенный), правила образования, а иногда и элементы синтаксиса.

В зависимости от широты области, к к-рой принадлежит классифицируемые объекты, К. могут быть энциклопедическими (универсальными), специальными (отраслевыми) и К. узкого круга однородных явлений (таблицы). Энциклопедич. К. охватывают всю область человеч. знания. К. ним относятся, напр., К. наук и универсальные библиотечные К. В каждой отрасли науки и техники создаются специальные К.: биологич. К. растений и животных, химич. К. элементов и их соединений, К. звезд, минералов и т. д., технического, военного и др. оборудования. Часто в науке возникает необходимость упорядочить нек-рый круг важных для нее объектов. Чаще всего это делается или с целью обнаружения к.-л. существ. отношения между близкими по природе объектами, или для демонстрации уже открытого закона. Примерами могут служить К. субатомных частиц, полей, атомных ядер в физике, К. предложений, аффиксов, фонем в языкознании и т. д. В связи с возникшими возможностями автоматизировать многие интеллектуальные процессы, в частности обработку и поиск науч. информации, появилась необходимость в математич. обработке, а также в изучении логич. структуры К. Традиционная К., построенная на иерархии, не может быть приемлемой для полного упорядочения к.-л. области объектов. Если в ручном классифицировании можно допустить условное и произвольное включение объекта в тот или иной класс, то для машинного классифицирования каждое включение должно быть формализовано и подчинено опред. правилам. В связи с этим в логику К. были внесены изменения. В наст. время различаются строгая и слабая иерархии. В первой каждому узлу классификац. дерева непосредственно предшествует один и только один узел. При второй — узлам дерева может непосредственно предшествовать одновременно несколько узлов, в силу чего образуется сеть (строго иерархическое дерево тоже является частным случаем сети). И строгая и слабая иерархии рассматриваются как частично упорядоченные системы, формальные свойства к-рых описываются логико-математич. теорией *структур*.

Лит.: Горский Д. П., Логика, М., 1958; Шамурин Е. И., Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации, т. 1—2, М., 1955—59; Букановский В. М., Принципы и основные черты классификации современного естествознания, Пермь, 1960; Минто В., Дедуктивная и индуктивная логика, 6 изд., М., 1909; Майр Э., Линсли Э. и Ювингер Р., Методы и принципы зоологической систематики, пер. с англ., М., 1956; Грегг Г. Р., The language of taxonomy, N.Y., 1954; Saunders W., An introduction to library classification, 9 ed., 1954; Ranganathan S. R., Colon classification, 5 ed., v. 1, Madras — L., 1957; Виксбург В. С., Classification and indexing in science, L., 1958. Б. Якушин, Москва.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК — см. Наука.

КЛАССИЦИЗМ (от лат. classicus, букв. — принадлежащий к первому классу римских граждан; в переносном смысле — образцовый) — художеств. направление и соответствующая ему эстетич. теория, возникновение к-рых относится к 16 в., расцвет — к 17 в., упадок — к началу 19 в. К. — первое в истории нового времени направление в иск-ве, в к-ром эстетич. теория предшествовала художеств. практике и диктовала ей свои законы. Эстетика К. нормативна и сводится к след. положениям: 1) основу художеств. творчества составляет разум, требованиям к-рого должны быть подчинены все компоненты иск-ва; 2) цель творчества — познание истины и раскрытие ее в художественно-наглядной форме; между красотой и истиной не может быть расхождения; 3) иск-во должно следовать природе, «подражать» ей; то, что безобразно в природе, в иск-ве должно становиться эстетически приемлемым; 4) иск-во морально по самой своей природе и всем строем художеств. произведения утверждает моральный *идеал* общества; 5) познавательные, эстетич. и этич. качества иск-ва диктуют определ. систему художеств. приемов, к-рые наилучшим образом содействуют практич. осуществлению принципов К.; правила хорошего вкуса определяют особенности, нормы и пределы каждого из видов иск-ва и каждого жанра в пределах данного вида иск-ва; 6) художеств. идеал, по мнению теоретиков К., воплощен в антич. иск-ве. Поэтому наилучший способ достигнуть художеств. совершенства — подражать образцам классич. иск-ва древности.

Название «К.» происходит от принятого этим направлением принципа подражания антич. классике. К. отчасти свойствен и античной эстетике: теоретики императорского Рима выступали с требованиями подражать греч. образцам, руководствоваться в иск-ве принципами разума и т. д. Культ античности заново возникает в эпоху *Возрождения*, когда обостряется интерес к антич. культуре, частично уничтоженной, частично забытой в средние века. Гуманисты изучали памятники античности, стремясь найти в языческом мировоззрении древности опору в борьбе против спиритуализма и схоластики ср.-век. феод. идеологии. «В спасенных при падении Византии рукописях, в вырванных из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 345—46). Важнейшее значение для формирования эстетич. теории гуманизма эпохи Возрождения имело изучение трактатов по поэтике *Аристотеля* и *Горация*, к-рые были приняты в качестве свода непререкаемых законов иск-ва. В особенности большое развитие получает уже в 16 в. теория драмы, в первую очередь трагедии, и теория эпич. поэмы, к-рым уделено преимущественное внимание в сохранившемся тексте «Поэтики» Аристотеля. Минтурно, Кастельветро, Скалигер и др. комментаторы Аристотеля закладывают основы поэтики К. и устанавливают типичные для этого художеств. направления правила композиции драмы и эпоса, а также др. лит. жанров. В изобразит. иск-вах и архитектуре происходит поворот от готики средневековья к стилю антич. образцов, что получает отражение и в теоретич. работах об иск-ве, в частности Леона Баттиста Альберти. В эпоху Возрождения, однако, эстетич. теория К. переживала лишь начальный период своего формирования. Она не была признана общеобязательной, и художеств. практика во многом отклонялась от нее. Как в лит-ре, драме, так и в изобразит. иск-вах и архитектуре, художеств. достижения античности использовались в той мере, в какой они соответствовали идейным и эстетич. стремлениям деятелей иск-ва гуманизма.

В 17 в. происходит превращение К. в непререкаемую доктрину, следование к-рой становится обязательным. Если начальный этап формирования К. происходит в Италии, то оформление К. в законченную эстетич. доктрину совершилось во Франции в 17 в. Социально-политич. основу этого процесса составляла регламентация всех сфер жизнедеятельности, осуществлявшаяся абсолютистским гос-вом. Кардинал Ришельё создал во Франции Академию (1634), к-рой было поручено наблюдение за чистотой франц. языка и лит-ры. Первым документом, официально утверждавшим доктрину К., было «Мнение французской Академии о трагикомедии (П. Корнеля) „Сид“» («Les sentiments de l'Académie française sur la tragi-comédie du Cid», 1638), где были прокламированы правила трех единств в драме (единство места, времени и действия). Одновременно с утверждением К. в лит-ре и театре происходило и завоевание им сферы архитектуры, живописи и скульптуры. Во Франции создается Академия живописи и скульптуры, на заседаниях к-рой формулируются правила К. и в пластич. иск-вах. Во Франции 17 в. К. обретает свою классич. форму не только в силу гос. поддержки, но и благодаря общему характеру развития духовной культуры того времени. Определяющим моментом содержания иск-ва К. была идея утверждения государственности. Она возникла как противовес феод. сепаратизму и в этом отношении представляла собой прогрессивный принцип. Однако прогрессивность этой идеи была ограничена, т. к. она сводилась к апологии монархии. самодержавия. Носителем принципа государственности был абсолютный монарх и в его персоне воплощался человек. идеал. Печать этой концепции лежит на всем иск-ве К., к-рый даже именовался впоследствии иногда «придворным К.». Хотя двор короля действительно был центром, откуда исходили идеологич. директивы иск-ву, К. в целом отнюдь не был только дворянско-аристократич. иск-вом.

Эстетика К. находится под значит. влиянием философии рационализма. Гл. представитель франц. рационализма 17 в. Р. Декарт оказал определяющее влияние на формирование эстетич. доктрины К. Этич. идеалы К. были аристократичными лишь по внешности. Сущность их составляла гуманистич. этика, признавшая необходимость компромисса с абсолютистским гос-вом. Однако в пределах доступного им сторонники К. боролись против пороков дворянско-монархич. общества и воспитывали сознание нравств. ответственности каждого перед обществом, включая и короля, к-рый также изображался в качестве человека, откачавшегося от личных интересов во имя интересов гос-ва. Такова была первая форма гражданского идеала, доступная на той стадии обществ. развития, когда поднимающаяся буржуазия была еще недостаточно сильна, чтобы выступить против абсолютистского гос-ва. Наоборот, используя его внутр. противоречия, в первую очередь борьбу монархии против дворянского своеволия и фронды, передовые деятели бурж.-демократич. культуры поддерживали монархию как централизующее гос. начало, способное умерить феод. гнет или, по крайней мере, ввести его в какие-то рамки. Если в нек-рых видах и жанрах иск-н и лит-ры преобладали внешняя помпезность, приподнятость формы, то в других допускалась свобода. Соответственно природе сословного гос-ва в иск-ве также существовала иерархия жанров, к-рые делились на высшие и низшие. К числу низших относились в лит-ре комедия, сатира, басня. Однако именно в них получили яркое развитие наиболее демократич. тенденции эпохи (комедии Мольера, сатиры Буало, басни Лафонтена). Но и в высоких жанрах лит-ры (трагедия) сказались как противоречия, так и передовые нравств. идеалы эпохи (ранний Корнель, творчество Расина). В прин-

ципе К. претендовал на то, что он создал эстетич. теорию, проникнутую всеобъемлющим единством, на практике же художеств. культура эпохи характеризуется бросающимися в глаза противоречиями. Важнейшим из них было постоянное несоответствие между совр. содержанием и антич. формой, в к-рую оно втискивалось. Герои классицистских трагедий, несмотря на антич. имена, были французами 17 в. по складу мышления, правам и психологии. Если изредка подобный маскарад был выгоден для прикрытия выпадов против властей, то вместе с тем это препятствовало непосредственному отражению совр. действительности в «высоких жанрах» классицистич. иск-ва. Поэтому наибольший реализм свойствен низшим жанрам, к-рым не возбранялось изображение «безобразного» и «изменного». По сравнению с многосторонним реализмом Возрождения К. представлял собой сужение жизненной сферы, охватываемой художеств. культурой. Однако эстетич. теория К. принадлежит заслуга выявления всей важности типического в иск-ве. Правда, принцип типизации понимался ограниченно, ибо осуществление его достигалось ценой утраты индивидуального начала. Зато сущность жизненных явлений и человек. характеров получает в К. такое воплощение, к-рое делает действительно возможной как познавательную, так и воспитат. функцию произведений. Их идейное содержание становится ясным и четким, доходчивость идей придает произведениям иск-ва непосредственный идеологич. характер. Иск-во превращается в трибуну моральных, филос., религ. и политич. идей.

Кризис феод. монархии рождает новую форму антифеод. идеологии — просветительство. Возникает новая вариация этого художеств. направления — т. н. просветительский К., к-рый характеризуется сохранением всех эстетич. принципов К. 17 в. Поэтика просветительского К., как она была окончательно сформулирована Буало (стихотворный трактат «Поэтическое искусство» — «L'art poétique», 1674), остается кодексом нерушимых правил и для просветителей — классицистов, во главе к-рых стоял Вольтер. Новой в К. 18 в. является в первую очередь его социальнo-политич. ориентация. Возникает гражданский идеальный герой, заботящийся не о благе гос-ва, а о благе общества. Не служение королю, а забота о народе становится центром морально-политич. стремлений. Трагедии Вольтера, «Катон» Аддисона, трагедии Альфьери, в какой-то мере и рус. классицисты 18 в. (А. Сумароков) утверждают жизненные понятия и идеалы, вступающие в противоречие с принципами феод. государственности и абс. монархии. Эта гражданская струя в К. трансформируется во Франции накануне и во время первой бурж. революции в К. республиканский. Причины, приведшие к обновлению К. в период Франц. бурж. революции, были глубоко вскрыты Марксом, к-рый писал: «В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 8, с. 120). За республиканским К. периода первой бурж. революции последовал К. наполеоновской империи, создавший стиль «ампир». Все это было историческим маскарадом, прикрывавшим бурж. содержание происходившего тогда социального переворота.

К. 18 в. освобождается от нек-рых черт догматизма, присущего поэтике 17 в. Именно в эпоху Просвещения в связи с более глубоким изучением иск-ва классич. древности культ античности в пластич. иск-вах приоб-

ретаёт особенно большое развитие. В Германии Винкельман, а затем Лессинг устанавливают, что эстетич. предельность памятников античности связана с политич. строем греч. полиса: только демократия и психология свободного гражданина могут породить такое прекрасное иск-во. С этого времени в нем. теоретич. мысли утверждается идея связи между эстетич. идеалом и политич. свободой, получившая наиболее ясное выражение в «Письмах об эстетическом воспитании» Ф. Шиллера («Über die ästhetische Erziehung der Menschen, in einer Reihe von Briefen», 1795). Однако у него эта идея предстает в идеалистически извращенной форме: гражданская свобода достигается путем эстетич. воспитания. Такая постановка вопроса была связана с отсталостью Германии и отсутствием в ней предпосылок для бурж. переворота. Однако и в этой своей форме поздний нем. классицизм, т. н. веймарский классицизм Гёте и Шиллера, представлял собой прогрессивное, хотя и ограниченное идейно-художеств. явление.

В целом К. был важным этапом в развитии художественной практики и теоретич. мысли. В антич. оболочку облекалась передовая бурж.-демократич. идеология эпохи подъяема бурж. общества. Сковывающий характер доктринерских учений классицистов был ясен уже в конце 17 в., когда против этого восстал Сент-Эврмон. В 18 в. Лессинг нанес сокрушительные удары именно по догматич. элементам К., защищая, однако, «душу» К., его прекрасный идеал свободного, гармонически развитого человека. Именно это составляло сердцевину веймарского классицизма Гёте и Шиллера. Но в первой трети 19 в., после победы и утверждения бурж. строя в Зап. Европе, К. теряет свое значение. Крах просветительских иллюзий о наступлении царства разума после победы бурж. революции делает ясным иллюзорность классич. идеала в царстве бурж. прозы. Историч. роль неспровержения К. выполнила эстетика романтизма, к-рая выступила против догм К. Наибольшей остроты борьба против К. достигла во Франции в конце 1820 — нач. 1830, когда романтики одержали окончат. победу над К. как художеств. направлением и эстетич. теорией. Это, однако, не означало полного исчезновения идей К. в иск-ве. В конце 19 в., а также в 20 вв. эстетич. движениях Зап. Европы возникают рецидивы отд. идей, корни к-рых восходят к К. Они носят антиреалистич. и эстетский характер («неоклассические» тенденции во франц. поэзии 2-й пол. 19 в.) или служат маской для идеологич. реакции, напр. в теориях декадента Т. С. Элюота после 1-й мировой войны. Наиболее устойчивыми оказались эстетич. идеалы К. в архитектуре. Классич. стиль зодчества неоднократно воспроизводился в архитектурном строительстве в 1930—40-х гг., напр. в развитии архитектуры в СССР.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Об искусстве, т. 1—2, М., 1957; Плеханов Г. В., Искусство и литература, [Сб.], М., 1948, с. 165—87; Гранц [Э.], Опыт философии литературы. Декарт и французский классицизм, пер. [с франц.], СПб., 1902; Лессинг Г. Э., Гамбургская драматургия, М.—Л., 1936; Поселов Г. Н., Сумароков и проблема рус. классицизма, «Уч. зап. МГУ», 1948, вып. 128, кн. 3; Кун и ренессанс Е. Н., К вопросу о классицизме, в кн.: XVIII век, сб. 4, М.—Л., 1959; Ernst F., Der Klassizismus in Italien, Frankreich und Deutschland, Z., 1924; Peyre H., Qu'est-ce que le classicisme?, P., 1942; Kristeller P. O., The classics and Renaissance thought, Camb., (Mass.), 1955. А. Анжист. Москва.

КЛАССИЧЕСКАЯ НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ — период в развитии нем. философии конца 18 — начала 19 вв., в течение к-рого в ней последовательно появились: нем. классич. идеализм (осн. представители — Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) и материализм Фейербаха. С К. н. ф. была тесно связана и классич. нем. литература (Гердер, Гёте, Шиллер и др.). Термин «К. н. ф.» употребляется Энгельсом в его работах «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой

философии». К. н. ф. является одним из филос. источников марксизма (подробнее о содержании К. н. ф. и об отношении к ней марксизма см. в ст. *Немецкая философия*).

КЛАССОВАЯ БОРЬБА — борьба между классами, интересы к-рых несовместимы или противоречат друг другу. К. б. представляет собой осн. содержание и движущую силу истории всех антагонистич. классовых обществ, начиная со времени разложения первобытнообщинного строя и вплоть до полной ликвидации эксплуататорских классов и победы социализма. В К. б. находит свое выражение осн. противоречие каждого антагонистич. способа произ-ва. Если источником всякого развития является возникновение, развитие и разрешение противоречий, то в классово-антагонистич. обществах осн. противоречия проявляются и разрешаются прежде всего в форме и через борьбу классов. Познавание К. б. открыло путь к пониманию закономерности развития классового общества. «Чтo стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а, кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общезвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы» (Ленин В. И., Соч., т. 21, с. 41). Создание теории К. б. дало возможность историч. науке обобщить бесконечно разнообразные и, казалось бы, не поддающиеся систематизации действия отд. лиц и свести их к действиям больших групп людей, различающихся по своему положению в системе обществ. произ-ва, — классов. Тем самым был дан объективный критерий обнаружения повторяемости в истории, для «...сведения индивидуального к социальному...» (там же, т. 1, с. 390), а, стало быть, и для понимания закономерности историч. процесса. Выработка Марксом и Энгельсом теории К. б. имела решающее значение для научного обоснования необходимости социализма и путей перехода к нему. Марксизм показал, что единственно реальный путь к социализму лежит через К. б. пролетариата и руководимых им масс трудящихся против капитализма, через установление им своей революц. диктатуры. Теория К. б. обосновывает тактику пролетариата, к-рая должна строиться, по словам Ленина, на основе объективного учета всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а также взаимоотношений между ним и другими обществами, на основе изучения всех классов и стран «... не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса)» [там же, т. 21, с. 58].

Историческое развитие понятия К. б. Люди практически участвовали в К. б., выступавшей в форме экономич., политич., религ. и вообще идеологич. борьбы, задолго до того, как было выработано понятие К. б. Фактич. ход К. б. в городских республиках ярко описывали антич. историки и итал. историки эпохи Возрождения. Макиавелли рассматривал как движущую силу истории «материальный интерес» и писал, что «...люди скорее забудут смерть отца, чем лишение имущества» (Соч., т. 1, М.—Л., 1934, с. 77). В столкновении материальных интересов видел он и причину борьбы между бедными и богатыми, основу политич. событий. «...В каждой республике существуют два различных устремления...: одно — народное, другое — высших классов... и все законы, благоприятные свободе, порождены их борьбой... как нетрудно видеть на примере Рима» (там же, с. 79). Дальнейшее развитие идеи

К. б. связано с обобщением опыта англ. (17 в.) и особенно франц. (18 в.) бурж. революций, а также последующих историч. событий нач. 19 в. Характеризуя историч. условия, сделавшие возможным познание классовой борьбы, Энгельс писал: «Со времени введения крупной промышленности, то есть по крайней мере со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии ..., с одной стороны, и буржуазии ... — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвращением Бурбонов. Историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Отношения так упростились, что только люди, умшенно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 308).

Франц. историки, особенно Тьерри, развили положения, выдвинутые ранее Сен-Симоном, рассматривавшим европ. историю 15—18 вв. как проявление борьбы классов — промышленников против феодалов. От истории героев, королей и завоевателей Тьерри призывает обратиться к изучению истории народов. Если бы кто-нибудь написал историю народных масс, стремившихся к свободе и благосостоянию, — говорил он, — то французы узнали бы, что их города могут гордиться «не только тем, что в них жили те или другие аристократы или что через них проходил тот или другой король. Они узнали бы также, что политическая жизнь народа не ограничивалась уплатой податей и поставкой рекрут». Ключ к пониманию политич. истории Тьерри искал в гражд. быте людей, т. е. в условиях существования различных классов, в их «положительных, житейских интересах». Он призывает «глубже проникнуть в социальное бытие, изменения которого обуславливают собой различные стадии законодательства» (Избр. соч., М., 1937, с. 263). Тот же взгляд проводили Гизо и Минье. Гизо отмечал, что история Франции «полна борьбой сословий или, вернее, с дел а н а е ю ... Борьба классов — не теория и не гипотеза, это — самый простой факт»; поэтому «не только нет никакой заслуги за теми, которые его видят, но почти смешно отрицать его» (цит. по кн.: Плеханов Г. В., Соч., т. 11, 1928, с. 294—95). Однако франц. историки эпохи реставрации не сумели вскрыть действит. основу классового расчленения общества: для объяснения происхождения классов они ссылались на насилие, завоевание одних рас другими. К тому же, когда на арену самостоят. К. б. выступил пролетариат, они уже отрицали ее правомерность, в чем ярко проявилась классовая ограниченность идеологов буржуазии.

Обобщить отд. проявления К. б. в закон, к-рому подчиняется вся история классового общества, научно объяснить источники К. б., связав их с развитием способов произ-ва, смогли только Маркс и Энгельс. Им принадлежит открытие великого закона историч. движения классовых обществ, согласно к-рому «всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и спосо-

бом производства и определяемого им обмена» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 259). Этот закон, по словам Энгельса, имеет такую же важность для историч. науки, изучающей развитие классового общества, как закон превращения энергии для естествознания (см. там же). Руководствуясь им, историк имеет возможность вскрыть источники противоречивых идей и стремлений, выступающих в истории человечества. Теория К. б. имеет громадное методологич. значение для всех отраслей общественных наук, т. к. помогает понять реальное классовое содержание идеологической борьбы во всех ее многообразных формах. Понимание классового смысла нравств., религ., политич. и др. требований и деклараций имеет решающее значение для революц. просвещения масс, для выработки у них умения ориентироваться в политич. жизни. Как подчеркивал Ленин, люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся разыскивать за любыми социальными фразами, заявлениями, обещаниями интересы тех или иных классов.

Марксизм-ленинизм развил все теоретич. и практич. выводы, вытекающие из признания К. б., показал, что К. б. пролетариата с необходимостью ведет к завоеванию им политич. власти, к установлению диктатуры пролетариата. Ленин неоднократно отмечал, что признанием одной К. б. нельзя ограничиться. «Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, при е м л е м о. Кто призывает только к борьбе классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики ... Марксист лишь тот, кто р а с п р о с т р а н я е т признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата» (Соч., т. 25, с. 383—84).

К. б. как движущая сила исторического развития антагонистического общества. Источником К. б. является противоречие интересов классов. В зависимости от характера этого противоречия различают классы антагонистические и неантагонистические. Антагонистическими являются прежде всего взаимоотношения между осн. классами всех формаций, основанных на эксплуатации человека человеком. Антагонистическими могут быть и взаимоотношения между классами сменяющих друг друга формаций (напр., между феодалами и буржуазией), если их коренные интересы несовместимы и столкновение между ними ведет к социальной революции, однако, поскольку и тот и другой класс являются эксплуататорскими, это создает возможность в иных условиях объединения их действий, особенно тогда, когда перед ними оказывается общий противник — пролетариат. Неантагонистическими являются отношения между классами, коренные интересы к-рых совпадают. Это совпадение создает возможность для их совместных действий или союза между ними. Подобное совпадение интересов может быть длительным (напр., у рабочего класса и трудящегося крестьянства) или временным, характерным лишь для тех или иных этапов историч. развития. При этом совпадение интересов различных по своей социальной природе классов не исключает совершенно борьбы между ними (напр., внутри нац.-освободит. движения против империализма, в к-ром участвуют различные классы).

Классовые интересы марксизм рассматривает как объективные, вытекающие из положения классов в обществе, из всей их жизненной обстановки. К. б. между антагонистич. классами имеет место и в тех случаях, когда угнетенный класс не сознает свои коренные интересы, но она носит тогда стихийный характер, не всегда выступает открыто. С осознанием угнетенным

классом своих коренных интересов она становится сознательной, выливается в открытые столкновения между классами. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов», — так характеризовали Маркс и Энгельс осн. фазы К. б. до возникновения капитализма (Соч., 2 изд., т. 4, с. 424).

В каждой общественно-экономич. формации К. б. отличается своими особенностями, вытекающими из характера способа произ-ва, из своеобразия классовой структуры общества. Так, напр., в антич. рабовладельч. обществе К. б. проявлялась непосредственно гл. обр. в борьбе между различными слоями свободного населения. «...В Древнем Риме, — заметил Маркс, — классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным выделом для этих борцов» (там же, т. 16, с. 375). Конечно, это не означает, будто рабы вообще не участвовали в К. б.: они оказывали сопротивление рабовладельцам, поднимались на восстания против рабства. Многочисленные восстания рабов, самым крупным из к-рых было восстание Спартака в Древнем Риме, нанесли смертельный удар рабовладельч. строю. Вместе с рабами в ряде случаев выступали и беднейшие слои свободного населения. К. б. рабов имела прогрессивное историч. значение, ибо разрушала отживший строй. Но рабы, представлявшие собой разноплеменную и слабоорганизованную массу, не были способны одержать победу. Их К. б. носила в основном стихийный характер и преследовала только цель разрушения рабовладельч. строя и освобождения от рабства.

К. б. в условиях феод. строя подвиглась на более высокую ступень. В отличие от рабов, угнетенные крестьяне представляли собой более однородную массу, объединенную в рамках общины. Крепостные крестьяне стояли выше рабов и по степени понимания своих классовых интересов, хотя их борьба также носила в значит. мере стихийный характер. Высшим проявлением К. б. крестьян были крест. войны, к-рые охватывали значит. районы, иногда даже целые страны (Крест. война 16 в. в Германии, Жагерия во Франции, восстания Пугачева и Разина в России и т. д.). Большинство из этих войн терпели поражения, а когда в отд. случаях крестьянам удавалось одержать победу (напр., в 1644, в Китае), они не могли упрочить ее. Историч. опыт показывает, что крест. восстания могут быть успешными только тогда, когда крестьяне идут за более развитым и организованным революц. классом города. Таким классом выступала в ряде бурж. революций на Западе буржуазия, а после того, как буржуазия стала терять свою революционность, выступил пролетариат. Русская революция 1905—07 была первой бурж.-демократич. революцией, в к-рой крестьянство боролось за свое освобождение от остатков крепостнич. гнета под руководством пролетариата.

Капитализм упростил и обнажил классовые противоречия, противопоставив друг другу два больших класса — буржуазию и пролетариат. По сравнению с предшествовавшими угнетенными классами, пролетариат отличается гораздо более высокой организованностью, способностью к объединению. Пролетариат — первый из угнетенных классов, К. б. к-рого принимает действительно интернац. характер и всемирный размах. Преимущество пролетариата состоит также в

том, что он способен стать носителем нового социалистич. способа произ-ва, к-рый приходит на смену капиталистическому. Пролетариат не может добиться своего освобождения иначе, как уничтожив всякую эксплуатацию. В отличие от предшествовавших угнетенных классов, пролетариат ведет К. б. под руководством своей политич. партии, к-рая вооружает его правильными науч. пониманием коренных классовых интересов и путей их осуществления. Классовые интересы пролетариата совпадают с интересами всех трудящихся, заинтересованных в освобождении от капиталистич. гнета. Это определяет возможность создания прочного союза пролетариата, осуществляющего свою гегемонию в революц. борьбе, с широкими трудящимися и эксплуатируемыми массами.

Значение К. б. в истории классового общества состоит в том, что она выступает важнейшим двигателем обществ. прогресса. К. б. оказывает серьезное влияние на развитие производит. сил. Так, напр., одним из стимулов введения машины было стремление капиталистов сломить сопротивление рабочих, заставить их подчиниться принудит. ритму машинного произ-ва. Маркс отмечал, что в Англии, «начиная с 1825 года, изобретение и применение машины было только результатом войны между предпринимателями и рабочими» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 26). Сопротивление рабочих удлинению рабочего дня мешало капиталистам умножать свои прибыли путем увеличения абс. прибавочной стоимости и заставляло их переносить центр тяжести на увеличение относит. прибавочной стоимости (т. е. сокращение необходимого рабочего времени путем повышения производительности труда, применения более совершенной техники).

Однако положение марксизма о том, что К. б. есть движущая сила развития антагонистич. обществ не означает будто она является первопричиной развития производит. сил. Классовая структура общества и вытекающая из нее К. б. сами определяют развитием производит. сил и производств. отношений. К. б. выступает как двигатель историч. развития прежде всего потому, что через нее осуществляется переход от отжившего свой век обществ. строя к новому, более высокому строю. В антагонизме классов находит свое проявление конфликт между новыми производит. силами и устаревшими производств. отношениями. Этот конфликт разрешается социальной революцией, представляющей высшее проявление К. б.

К. б. выступает двигателем историч. событий не только в эпохи социальных революций, но и в т. н. мирные эпохи. Восхваляемые реформистами мелкие улучшения, реформы являются на деле побочным продуктом революционной борьбы. Степень демократизма, достигнутого в той или иной стране, в решающей степени зависит от размаха К. б. передовых классов. Противостоявшая социалистич. теории К. б., как единственно реального двигателя истории, бурж. теории солидарного обществ. прогресса, Ленин писал: «По учению социализма, т. е. марксизма... действительным двигателем истории является революционная борьба классов... По учению буржуазных философов, двигатель прогресса — солидарность всех элементов общества, сознавших „несовершенство“ того или иного учреждения. Первое учение — материалистично, второе — идеалистично. Первое — революционное. Второе — реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе — тактику буржуазии» (Соч., т. 11, с. 54).

Формы К. б. пролетариата. К. б. развертывается во всех областях обществ. жизни — экономической, политической, идеологической. Ее широта и размах зависят прежде всего от степени развития

данного класса. В этом отношении К. б. пролетариата достигает значительно более высокой ступени, чем К. б. других угнетенных классов.

Исторически первой формой К. б. пролетариата является **экономич. борьба**, т. е. борьба за проф. интересы рабочих (повышение зарплат, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и т. д.). Эта борьба противопоставляет наступлению предпринимателей на жизненные условия рабочих, подготавливает рабочих к борьбе за более широкие цели, способствует их революц. воспитанию и организации. Однако экономич. борьба, взятая сама по себе, не может принести пролетариату освобождения. Это борьба только за улучшение условий продажи рабочими своей рабочей силы капиталисту, а не за ликвидацию тех экономич. условий, к-рые вынуждают их нажиматься к предпринимателям. Последнее может быть достигнуто только политич. борьбой. Марксисты борются как против реформистов, пытающихся свести К. б. пролетариата к экономич. борьбе, объявить ее гл. формой К. б., так и против сектантской недооценки экономич. борьбы. Для марксистов экономич. борьба не самоцель, но «если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 154).

Политич. борьба является высшей формой К. б. пролетариата. Особенность этой формы К. б. состоит, во-первых, в том, что она означает борьбу за коренные интересы пролетариата. «...Самые существенные, „дрещающие“ интересы классов могут быть удовлетворены только коренными политическими преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата» (Ленин В. И., Соч., т. 5, с. 362, прим.). Во-вторых, политич. борьба — это общеклассовая борьба; она означает уже не борьбу рабочих отд. предприятия против своего хозяина, а всего класса пролетариев против класса капиталистов. Маркс, исследуя процесс капиталистического производства, показал, что рабочий отд. предприятия эксплуатируется не только его хозяином, но и всем классом капиталистов. Величина средней нормы прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда всеми капиталистами. «Итак, — писал Маркс, — мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время истинные масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» («Капитал», т. 3, 1955, с. 206). Экономич. отношения капитализма противопоставляют весь класс капиталистов классу рабочих. Еще более резко эта противоположность выступает в области политики, когда рабочие, борясь за улучшение своего положения, сталкиваются с «коллективным капитализмом» — бурж. гос-вом. По определению Маркса и Энгельса, всякая К. б. есть борьба политическая. Это не означает будто любое столкновение рабочих с предпринимателем может рассматриваться как политич. борьба. Но такое столкновение еще не есть и К. б. в собств. смысле слова. Поскольку же в борьбу втягивается весь класс, она с необходимостью превращается в политич. борьбу (см. письмо Маркса к Ф. Больте от 23 ноября 1871 в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, с. 271). В экономич. борьбе вырастают первые формы классовой организации пролетариата — профсоюзы, в политич. борьбе складывается партия, представляющая собой высшую форму классовой организации пролетариата. Самое главное в политич. борьбе пролетариата — борьба за ус-

тановление и упрочение им своей власти. Таковую борьбу можно успешно вести лишь при наличии опытной и закаленной революционной марксистской партии.

Партия является также носителем **идеологич. борьбы** пролетариата. Задача этой формы К. б. состоит прежде всего в том, чтобы высвободить пролетариат из-под влияния бурж. идеологии, к-рая навязывается ему в капиталистич. обществе не только господствующими организациями и учреждениями, но и всеми условиями его повседневной жизни. Идеологич. борьба призвана внести в массы пролетариата социалистич. идеологию, помочь ему осознать свои коренные интересы. Осуществление этой задачи представляет собой условие превращения стихийной К. б. в борьбу сознательную. Идеологич. борьба партии пролетариата, направленная против всех форм бурж. и реформистской идеологии, против философии, политики, морали капиталистич. мира, приобретает в совр. эпоху особенно широкий размах. «Эта борьба — отражение в духовной жизни человечества историч. процесса перехода от капитализма к социализму» (Программа КПСС, 1961, с. 54). Чем глубже становится кризис мирового капитализма, чем сильнее обостряются классовые противоречия в капиталистич. странах, тем больше возрастает значение идеологич. борьбы как составной части К. б. пролетариата.

Понятие «формы К. б.» употребляется не только при рассмотрении соотношения экономич., политич., идеологич. борьбы. Им пользуются и в ином, более узком смысле слова, совпадающем с понятием средств, методов К. б. В этом смысле, напр., говорят о таких формах К. б., как стачки, демонстрации, бойкот выборов, парламентская борьба, вооруж. восстание и т. д. Эти формы весьма многообразны и их применение зависит от конкретных условий. Они могут быть схематически разделены на мирные и немирные, насильственные и ненасильственные. Марксизм-ленинизм отвергает абсолютизацию тех или иных форм К. б. (напр., мирных у реформистов, считающих парламентскую борьбу ренансирующим средством К. б., или насильственных у анархистов, различного рода сектантских течений). Подчеркивая необходимость применения диалектики к тактике К. б. пролетариата, Ленин учил, что партия пролетариата должна уметь владеть всеми формами К. б., применять те или иные формы в зависимости от историч. обстановки, быстро менять их, когда происходит коренной перелом в ходе событий. «Успех борьбы рабочего класса за победу революции будет зависеть от того, насколько он и его партия овладеют всеми формами борьбы — мирными и немирными, парламентскими и непарламентскими — и будут готовы к самой быстрой и неожиданной смене одной формы борьбы другой» (там же, с. 41).

К. б. в эпоху диктатуры пролетариата. Установление диктатуры пролетариата означает не прекращение К. б., а ее продолжение в новых формах и новыми средствами. К. б. в эпоху перехода от капитализма к социализму неизбежна, т. к. классы еще остаются, т. к. силы старого мира не исчезают сразу с установлением диктатуры пролетариата, а продолжают существовать и оказывают ей сопротивление. Но с установлением диктатуры пролетариата условия его К. б. коренным образом изменяются. Пролетариат превращается в господствующий класс и приобретает такое оружие К. б., как повая гос. власть. В связи с этим отпадает ряд форм К. б., к-рыми пользовался пролетариат, будучи угнетенным классом (стачки, бойкот, восстание и т. д.) и появляются новые формы К. б., к-рые можно назвать государственными. В набросках брошюры «О диктатуре пролетариата» (конспект 1919 — нач. 1920) Ленин определил след. новые формы К. б. пролетариата: 1) подавление сопротивления

эксплуататоров; 2) гражданская война; 3) нейтрализация мелкой буржуазии; 4) «использование» буржуазии и бурж. специалистов; 5) воспитание новой дисциплины. Первая и вторая из этих форм характеризуют отношение победившего пролетариата к свергнутому эксплуататорским классам и поддерживающей их междунар. буржуазии. Пролетариат, взяв власть в свои руки, вынужден подавлять сопротивление свергнутых классов, к-рые усиливают свою борьбу и нередко с умноженной энергией борются за то, чтобы реставрировать капиталистич. порядки. Если свергнутые эксплуататорские классы имеют возможность, то они развязывают и гражд. войну против новой власти. Она может сочетаться, как это было в СССР в 1918—20, с иностр. воен. интервенцией. Опыт СССР и ряда др. стран показывает, что инициаторами гражд. войны против победившего или побеждающего пролетариата всегда выступают свергнутые эксплуататорские классы при поддержке империалистич. сил. Пролетариат отнюдь не заинтересован в развязывании гражд. войны, но он может быть вынужден к ней вооруж. действиями врагов революции. Первая из перечисленных форм К. б. является всеобщей, обязательной для всех стран, к-рые переживают переходный период от капитализма к социализму, поскольку истребленные эксплуататорские классы не сходят с историч. сцены без сопротивления. Вторая — не обязательна для всех стран. Как показывает опыт европ. стран нар. демократии, при благоприятных для рабочего класса условиях (помощь социалистич. стран и ослабление мирового капитализма) есть возможность избежать гражд. войны, а в ряде случаев и иностр. военной интервенции.

Отношение победившего рабочего класса к свергнутым классам не исчерпывается подавлением их сопротивления. Ленин учил соединять приемы беспощадного подавления тех слоев буржуазии, к-рые упорно сопротивляются новой власти, с приемами компромисса по отношению к тем слоям буржуазии, к-рые идут на соглашение с новой властью и знания, опыт к-рых можно использовать для организации социалистич. произ-ва (см. Соч., т. 27, с. 344). На это Ленин обращал внимание и при характеристике четвертой новой формы К. б. («использование» буржуазии). В Сов. России, к-рая была первой и долгое время единств. социалистич. страной, ожесточ. сопротивление буржуазии сужало возможности такого рода «использования»; вследствие этого здесь не получили широкого развития в ходе преобразования экономики и формы гос. капитализма. В странах нар. демократии благодаря более благоприятным историч. условиям «использования» буржуазии осуществлялось значительно шире, с чем было связано и появление таких своеобразных форм К. б. пролетариата, как мирное социалистич. преобразование капиталистич. пром-сти и торговли, находившейся в руках нац. буржуазии, а также перевоспитание нац. буржуазии (Китай, ГДР и др.).

Наряду с К. б., ведущейся непосредственно против свергнутых эксплуататорских классов, пролетариат борется и против их идейного влияния на трудящиеся массы. Одним из осн. направлений К. б. при диктатуре пролетариата Ленин считал «...систематическое руководящее в о з д е й с т в и е (тоже — борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на в с е х трудящихся кроме пролетариев» («Ленинский сборник», 3, 1925, с. 494).

Диктатура пролетариата обязательно предполагает установление союза пролетариата, как руководящего класса, с широкими непролетарскими массами трудящихся (прежде всего, крестьянством). В зависимости от историч. условий рамки этого классового союза могут быть менее или более широкими, но он

всегда остается условием установления и упрочения диктатуры пролетариата. Это союз между неодинаковыми экономически, социально, духовно классами. Поскольку буржуазия пытается воспользоваться этими различиями, чтобы повлиять на трудящихся, отколоть по крайней мере часть из них от союза с рабочим классом, неизбежна борьба. Вот почему ленинская характеристика охватывает и такие новые формы К. б. пролетариата, к-рые выражают его руководящее воздействие на непролетарские слои трудящихся — крестьянство, бурж. интеллигенцию и даже на отсталые слои самого рабочего класса, зараженные пережитками капитализма и еще не воспринявшие новой обществ. дисциплины. Конкретное выражение этих форм К. б. может быть различным. Политика нейтрализации середняка в одних условиях (напр., в первый период пролетарской революции в Сов. России) может сменяться политикой прочного союза со средним крестьянством [принятой VIII съездом партии (1919) в Сов. России]. В странах нар. демократии почти везде не было надобности проводить политику нейтрализации среднего крестьянства, а оказалось возможным сразу установить с ним отношения союза. Но и здесь гос. руководство крестьянством со стороны рабочего класса представляло своеобразную форму К. б. В этих странах нашла применение, с учетом конкретных условий, и такие формы К. б., как использование и перевоспитание рабочим классом старой интеллигенции, воспитание новой обществ. (и в особенности трудовой) дисциплины.

Осн. вопросом К. б. в переходный период является вопрос «кто-кого», кто победит — социализм или капитализм. Этот вопрос решается сначала в области политики (т. е. вопрос о власти — осн. вопрос всякой революции), а затем в различных областях экономики и в области культуры. С решением этого вопроса связано и неизбежное на нек-рых этапах переходного периода обострение К. б. Марксизм-ленинизм отвергает как правооппортунистич. теорию затухания К. б., к-рая отрицает антагонистич. противоречия между пролетариатом и буржуазией, так и левацкую теорию разжигания К. б. Рабочий класс, стоящий у власти, разумеется, не заинтересован в искусственном разжигании К. б. Обострение К. б. может быть вызвано двоякими причинами: 1) наступлением враждебных эксплуататорских классов, к-рые, пользуясь поддержкой со стороны капиталистического мира, могут предпринимать различного рода вылазки против власти трудящихся; 2) наступлением социалистич. элементов на капиталистические, вызывающим усиление сопротивления последних. В Сов. Союзе наибольшее обострение К. б. падает на годы гражд. войны, когда решался вопрос «кто-кого» в области политики, и на годы реконструкции нар. х-ва, когда окончательно ликвидировались позиции капитализма в экономике. В странах нар. демократии К. б., как правило, имела менее острые формы, чем в Сов. Союзе, что определяется прежде всего изменением соотношения классовых сил в пользу социализма. Как показывает историч. опыт, «...укрепление диктатуры пролетариата и успехи социалистического строительства неуклонно ведут к изменению в соотношении классовых сил в пользу социализма, к ослаблению силы сопротивления остатков враждебных классов. Такова общая тенденция развития классовой борьбы внутри стран, вставших на путь социалистического развития» (Х р у щ е в Н. С., Мир без оружия — мир без войн, т. 2, 1960, с. 398). Однако развитие не идет по прямой линии, К. б. в эпоху строительства социализма может в связи с теми или иными изменениями внутренней и внешней обстановки в отд. периоды усиливаться и принимать самые острые формы, вплоть до вооруж. выступления врагов социализма против власти рабо-

чего класса (напр., в Венгрии в 1956). «Поэтому требуется постоянная бдительность, чтобы вовремя пресекать проделки как внутренних, так и внешних враждебных сил, не оставляющих попыток подорвать народный строй и внести разлад в братскую семью социалистических стран» (Программа КПСС, 1961, с. 24).

Как показал опыт СССР, с победой социализма и ликвидацией классового антагонизма внутри страны исчезает всякая почва для классовых столкновений. Отношения между всеми социальными группами социалистич. общества (рабочими, кооперированными крестьянами, интеллигенцией) есть отношения дружеств. сотрудничества, а не взаимной борьбы. Их коренные интересы едины. В процессе постепенного перехода от социализма к коммунизму партия обеспечивает дальнейшее укрепление нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства, что имеет решающее политич. и социально-экономич. значение для строительства коммунизма в СССР. Крепнет также сотрудничество между этими классами и социалистич. интеллигенцией. В этих условиях движущей силой развития общества уже не является К. б. Острые К. б. оказываются повернутым вовне, против враждебных сил капиталистич. мира, к-рые не прекращают своих вылазок против социализма. Внутри страны остается необходимость борьбы против проникновения в нее агентов империализма. Остается также необходимость преодоления духовного влияния капиталистич. мира, к-рому подвержены нек-рые неустойчивые люди. В условиях морального и политич. единства народа борьбу против пережитков капитализма в сознании трудящихся уже нельзя отождествлять с борьбой классов; но она имеет известное классовое содержание, поскольку ведется против традиций старого, эксплуататорского общества. В нашем обществе еще имеются антиобществ. и преступные элементы — расхитители обществ. достояния, спекулянты, взяточники, хулиганы и т. д. Борьба против посетителей вредных и опасных для общества нравов требует применения наряду с воспитат. мерами решит. мер принуждения. Вместе с гос. органами ее ведет общественность — передовые люди всех социальных групп общества — рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции.

Т. о., при социализме коренным образом изменяются условия развития общества по сравнению с переходным периодом. Это изменение игнорировалось в известной формуле Сталина, утверждавшего, что К. б. неизбежно должна обостряться по мере роста сил социализма. Даже в условиях переходного периода от капитализма к социализму вовсе не обязательно сплошное и непрерывное обострение К. б. Тем более неприменима формула Сталина для социалистич. общества, где уже нет враждебных классов, нет экономич. условий, порождающих К. б. Ошибочная формула Сталина служила в обстановке культа его личности своего рода теоретич. обоснованием серьезных нарушений законности, массовых репрессий против честных и преданных народу кадров. Эти репрессии нанесли серьезный практич. вред партии и социалистич. гос-ву. Формула Сталина была подвергнута глубокой критике партией, решительно осудившей культ личности и принявшей меры к ликвидации его последствий (см. Материалы XX и XXII съездов КПСС и Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»).

При решении вопроса о К. б. и ее роли в развитии общества марксизм-ленинизм требует всегда учитывать конкретно-историч. обстановку; он отнюдь не увековечивает К. б., как и само существование классов. К. б. как движущая сила истории сходит со сцены с уничтожением антагонизма классов. Но это вовсе не означает ни исчезновения всяких противоре-

чий, ни приостановки развития. Вместе с классовым обществом кончается лишь предистория человечества и начинается подлинно человеч. история, когда развитие общества, свободного от классовых противоречий, неизмеримо ускоряется. Социально-политическое и идейное единство общества, достигнутое в СССР и складывающееся во всей мировой системе социализма, воплощает собой новое качеств. состояние общества, внутри к-рого уже нет классовых столкновений.

Что же касается внешних отношений, то пока рядом с миром социализма существует мир капитализма, между ними неизбежна К. б. Классовая борьба в зависимости от историч. условий может иметь различные формы как мирные, так и немирные. Империалистич. мир уже дважды (в 1918—20 и в 1941—45) пытался предпринимать воен. нашествия против мира социализма; это были наиболее острые проявления К. б. капитализма против социализма. Сов. Союз вынужден был дать должный отпор этим нашествиям, но он всегда стоял и стоит за мирное сосуществование гос-в с различными социальными системами. В совр. историч. условиях, когда социализм превратился в могучую силу, оказывающую все большее воздействие на развитие человечества, есть реальная возможность предотвратить мировую войну. Мирное сосуществование означает не отрицание К. б. с капитализмом, а своеобразную форму К. б., в к-рой социализм путем экономич. соревнования доказывает свое превосходство над капитализмом. «Последовательно проводя линию на мирное сосуществование, социалистические страны добиваются неуклонного укрепления позиций мировой социалистич. системы в ее соревновании с капитализмом» (Программа КПСС, с. 59). Понимание мирного сосуществования как специфич. формы К. б. диаметрально противоположно ревизионистской трактовке этого понятия, рассматривающей мирное сосуществование как примирение противоречий, отрицание К. б. между социализмом и капитализмом. Догматики также утверждают, будто мирное сосуществование несовместимо с К. б., и на этом основании отвергают ленинский принцип мирного сосуществования гос-в с различным социальным строем. В противоположность этому, марксизм-ленинизм подчеркивает, что мирное сосуществование создает более благоприятные условия как для соревнования между социализмом и капитализмом в международн. масштабе, так и для развертывания К. б. рабочего класса внутри капиталистич. стран.

Превращение социализма в мировую систему заставляет капиталистич. мир применять против него наряду с прежними и новые формы К. б. Одним из важнейших средств К. б. капитализма являются попытки разобщить социалистич. страны, посорить их друг с другом. Коммунистические и рабочие партии ведут решительную борьбу против национализма, к-рый представляет собою наиболее опасное политич. и идеол. оружие, используемое междунар. реакцией против единства социалистич. стран. «Национализм наносит ущерб общим интересам социалистического содружества и прежде всего вредит народу страны, в которой он проявляется, поскольку обособление от социалистического лагеря тормозит ее развитие, лишает возможности пользоваться преимуществами мировой социалистической системы, поощряет попытки империалистических держав использовать националистические тенденции в своих целях» (Программа КПСС, с. 24). Укрепление единства мировой социалистической системы на основе пролетарского интернационализма представляет собой необходимое условие дальнейших успехов всех входящих в эту систему гос-в.

Обострение К. б. в странах капитализма. Обострение общего кризиса капитализма неразрывно связано

с нарастанием борьбы между трудом и капиталом. Развитие К. б. в различных капиталистич. странах происходит неравномерно. К. б. обостряется не только во Франции, Италии, Японии, но и в США, где за 15 послевоенных лет (1945—60) среднее ежегодное количество забастовок составило 4139, а число стачечников 2413 тыс. (в довоенные годы соответствующие цифры составляли 2862 и 1130 тыс., т. е. примерно вдвое меньше). Грандиозные стачечные бои, сопровождавшиеся уличными столкновениями, к-рые развернулись в Бельгии в конце 1960 — нач. 1961, показали, что распад колониальной системы империализма неизбежно обостряет социальные противоречия в метрополиях.

В совр. эпоху произошло существ. изменение соотношения классовых сил на междунар. арене в пользу трудящихся. Это связано прежде всего с образованием мировой социалистич. системы, к-рая является гл. завоеванием междунар. рабочего класса. Мировая система социализма оказывает все большее воздействие на ход развития человечества, превращается в решающий фактор развития общества. Это открывает невиданные ранее возможности для решения коренных вопросов обществ. развития в пользу мира, демократии и социализма. Более благоприятными стали в ряде стран и внутр. условия для перехода к социализму. Общее ослабление капитализма, рост рабочего класса и усиление его влияния в обществе, расширение числа союзников рабочего класса, заинтересованных в борьбе с империализмом, укрепление коммунистич. партии — все это позволяет применить более многообразные формы борьбы за социализм.

Важнейшая особенность К. б. пролетариата на нынешнем этапе истории состоит в органич. сочетании борьбы за демократию с борьбой за социализм. Перерастание монополистич. капитализма в гос.-монополистич. капитализм сопровождается наступлением крупных монополий на интересы рабочего класса и широких масс народа по всем линиям. Усиливаются эксплуатация рабочего класса, процесс разорения широких масс крестьянства и мелких собственников города. В то же время растут трудности, испытываемые мелкой и средней городской буржуазией. Гнет крупных монополий становится все более тяжелым для всех слоев нации. Т. о., вместе с обострением основного классового противоречия буржуазного общества — между трудом и капиталом — углубляется противоречие между большинством наций и монополиями. Эта новая расстановка классовых сил создает возможность установления союза рабочего класса с широчайшими слоями народа в борьбе за ликвидацию господства монополий. Борьба за мир, предотвращение новой мировой войны, за демократию, нац. суверенитет — это борьба за общедемократич. задачи. Вокруг решения этих задач пролетариат может объединить самые широкие слои народа, что облегчает ему и борьбу за социализм.

В ряде стран рабочий класс, объединив вокруг себя широкие нар. массы, имеет возможность еще до свержения буржуазии навязать ей осуществление таких мер, к-рые выходят за рамки обычных реформ и облегчают дальнейшую борьбу за победу революции. Он может, напр., объединив демократические и миролюбивые силы, заставить правящие круги прекратить подготовку войны, использовать экономикку в мирных целях. Вместе с широкими массами народа рабочий класс в состоянии отбить наступление фашистской реакции, добиться осуществления общенац. программы мира, нац. независимости, демократич. прав и известного улучшения условий жизни народа (см. там же, с. 37).

Экономич. борьба пролетариата в совр. условиях отличается не только особым уюорством (напр.,

нек-рые стачки продолжались по два и более года), но и тем, что она теснее, чем когда-либо раньше, связывается с политич. борьбой — борьбой за мир, против гонки вооружений, против фашистских вылазок и т. д. Важным оружием пролетариата стали политич. стачки. В 1958 в политич. стачках участвовало ок. 10 млн. чел. — приблизительно 43% всех стачечников, в 1959 — ок. 23 млн. чел., или 56% стачечников, в 1960—41 млн. чел., или ок. 73% стачечников.

Важнейшее значение для успеха К. б. пролетариата капиталистич. стран на совр. этапе имеет, во-первых, создание единого фронта всех демократич. сил, заинтересованных в свержении господства монополий, во-вторых, обеспечение единства самого рабочего класса. Решение первой из этих задач связано прежде всего с завоеванием на сторону рабочего класса многочисленных средних слоев, особенно крестьянства, к-рое должно стать его гл. союзником. Вторая задача предполагает преодоление в рядах рабочего класса раскола, к-рый продолжает оставаться гл. препятствием на пути к достижению рабочим классом своих целей. Виновниками этого раскола в нац. и междунар. масштабе являются прежде всего правые лидеры социал-демократии и реакц. лидеры профсоюзов. Этот раскол крайне выгоден империалистам, т. к. он подрывает позиции рабочего класса. Совещание представителей коммунистич. и рабочих партий (1960) подчеркнуло, что рабочий класс многих капиталистич. стран, добившись единства действий всех своих отрядов, мог бы нанести тяжелый удар политике правящих кругов, заставить их прекратить подготовку новой войны, мог бы отбить наступление монополистич. капитала, обеспечить удовлетворение своих насущных требований.

В слабо развитых странах К. б. сочетается с борьбой за нац. освобождение. В нац.-освободит. борьбе против империализма, к-рая по своему социальному содержанию является демократической, различные классы могут выступать единым фронтом. Однако наиболее последовательным борцом за доведение до конца задач нац.-освободит., антиимпериалистич., демократич. революции является рабочий класс. Его союзником выступает крестьянство, кровно заинтересованное в осуществлении аграрных преобразований и ликвидации остатков феодализма, и др. демократич. силы. Нац. буржуазия колониальных и зависимых стран также может быть участницей нац.-демократич. фронта. В ряде стран буржуазия возглавила нац.-освободит. движение и после освобождения страны оказалась у власти. В совр. условиях нац. буржуазия в колониальных, бывших колониальных и зависимых странах, не связанная с империалистич. кругами, сохраняет способность вести борьбу против империализма и феодализма и в этом смысле играет прогрессивную роль. Но нац. буржуазия отличается двойственным характером и склонна к соглашательству с империализмом и феодализмом. Развитие национально-освободительного движения в решающей степени зависит от того, какой класс возглавляет его. Общая тенденция развития К. б. в странах, борющихся или завоевавших нац. независимость, состоит в том, что после разрешения в основном общенац. задач особенно остро встают социальные задачи, а в решении этих задач выступают различия классовых интересов. На этой почве неизбежна К. б. По мере обострения К. б. внутри страны нац. буржуазия проявляет все большую склонность к соглашательству с внутр. реакцией и империализмом. В зависимости от соотношения классовых сил и хода К. б. развитие освободившихся от колониальной зависимости стран может пойти либо по пути капитализма, либо по некапиталистич. пути. Последний отвечает интересам абсолютного большинства нации и при нынешнем соотношении сил на мировой

арене может быть обеспечен борьбой рабочего класса и широких нар. масс.

Буржуазные и реформистские теории «сотрудничества классов» отрицают непримиримость К. б. Идеологи современного капитализма и реформисты стремятся сгладить классовые противоречия, доказать их случайность, неправомочность. В целях опровержения марксистской теории К. б. бурж. социологи часто используют теорию социальной мобильности, к-рую они определяют как «... передвижение индивидов или групп людей из одного общественного положения в другое во всей совокупности социальных групп и слоев» (S o r o k i n P., Society, culture and personality, N. Y., 1947, p. 405). «Закрываете общества», утверждают бурж. социологи, затрудняют такое перемещение, создают барьеры между классами, в результате чего способные люди не имеют возможности для продвижения вверх; в связи с этим становится необходимой К. б. «Открытые общества», к к-рым бурж. социологи относят совр. капитализм, устраняют-де подобные препятствия, обеспечивают социальную мобильность и тем самым лишают почвы К. б. В капиталистич. обществе, по утверждению его идеологов, существует якобы такая система социальных институтов, к-рые «дают возможность индивидам двигаться вверх и вниз по социальной лестнице. Эти институты действуют как каналы или пути — даже как социальные лестницы или лифты — вертикальной циркуляции» (H e r t z l e r J. O., Society in action, N. Y., [1954], p. 238). Подобная концепция призвана придать «научообразный» вид измышлениям бурж. пропаганды. Однако жизнь показывает, что в капиталистич. обществе выбиваются «наверх» лишь единицы, а для широких масс мобильность, если она имеет место, означает передвижку «вниз» (разорение мелких производителей, переход в ряды резервной армии безработных и т. д.). Такие передвижки обостряют, а не смягчают классовые противоположности. Коренной методологич. порок теории социальной мобильности состоит в том, что она подменяет взаимоотношения классов отношениями между отд. индивидами. При этом игнорируется тот факт, что в классовом обществе (в т. ч. и при капитализме) не классы и их взаимоотношения определяются положением индивидов, а, наоборот, положение индивида определяется в решающей степени его классовой принадлежностью (напр., от этого зависят возможности получения образования и т. и.).

Широкое распространение в бурж. странах получила теория расприности интересов классов. Она ставит своей целью, вопреки фактам, доказать, будто интересы буржуа и пролетариев совпадают, т. к. и те и другие якобы заинтересованы в повышении производительности труда, рационализации произ-ва, процветании экономики и т. д. Капиталист и рабочий, в изображении ряда бурж. социологов, — не классовые враги, а социальные партнеры. На практике теория социального партнерства находит свое воплощение в доктрине человеческих отношений, к-рые якобы могут быть установлены на капиталистич. предприятиях. Эта доктрина предлагает заинтересовать рабочих в успехах предприятия путем их участия в прибылях, социального обслуживания и пр. Таким путем маскируется эксплуатация рабочих капиталистами, к-рая несоместима с действительно человеческими отношениями.

Усердными проводниками подобных теорий выступают правые социалисты, реакц. лидеры профсоюзов. Характерной чертой реформизма всегда были подмена марксистского понятия К. б. либеральным, стремление урезать К. б. пролетариата, свести ее к борьбе за улучшение экономич. положения рабочих, чтобы отвлечь их от борьбы за диктатуру пролетариата. Ныне реформисты пошли еще дальше, они нередко

срывают даже экономич. борьбу рабочего класса. Нек-рые правосоциалистич. партии (напр., Социалистич. партия Австрии, СДПГ и др.) вообще исключили из своих программ понятие К. б., объявили ее анахронизмом. Франц. правый социалист Боннель заявил: «С тех пор, как мы отмечаем, что общество (речь идет о совр. капитализме. — Ред.) не разделяется больше на антагонистические классы..., не имеется, собственно говоря, и классовой борьбы» («La Revue Socialiste», 1959, № 123, p. 203). К. б. как путь к социализму подменяется у реформистов «моральным самосовершенствованием» отд. индивидов, «культурной сублимацией» общества и т. д. Правые социалисты целиком становятся на позиции теории «социального партнерства», пропаганде к-рой, напр., англ. лейборист Д. Коул посвятил спец. кн. «Доводы в пользу промышленного партнерства» (G. D. H. Cole, The case for industrial partnership, 1957). По заявлению нем. реформиста Штампфера, «участие рабочих в управлении предприятиями означает, что на смену классовой борьбе между непримиримыми противниками приходит сотрудничество равноправных партнеров и мобилизация духовных ресурсов широких масс на борьбу за дальнейшее развитие производства» («Gewerkschaftliche Monatshefte», 1952, II, 8, S. 49). Подобная проповедь классового мира сочетается у реформистов и ревизионистов с буржуазным национализмом. Не видя противоречий между классами внутри нации, они раздувают противоречия между нациями, противопоставляют свою нацию остальным. Марксистская теория К. б. исключает какую бы то ни было нац. ограниченность. Историч. опыт строительства социализма в СССР и в др. странах подтвердил на практике марксистско-ленинское положение о том, что вместе с антагонизмом классов падает и антагонизм наций.

Лит.: Маркс К., Наемный труд и капитал, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 6; его же, Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г., там же, т. 7; его же, Заработная плата, цена и прибыль, там же, т. 16; его же, Гражданская война во Франции, там же, т. 17; его же, Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия», там же, т. 18; его же, Критика Готской программы, там же, т. 19; его же, [Письмо] Ф. Больте 23 ноября 1871, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; Маркс К. и Энгельс Ф., «Циркулярное письмо» — А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Брауну и др. 17—18 сент. 1879, там же; Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2; его же, Похороны Карла Маркса. Речь на могиле Маркса, там же, т. 19, с. 350—52; его же, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 16, ч. 2, М., 1936; К критике проекта социал-демократической программы 1891 г., там же; Ленини В. И., Что делать?, Соч., 4 изд., т. 5; его же, Две тактики социал-демократии в демократической революции, там же, т. 9; его же, Еще о думском министерстве, там же, т. 11; его же, Три источника и три составных части марксизма, там же, т. 19; его же, О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы, там же; его же, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же, т. 28; его же, Привет венгерским рабочим, там же, т. 29; его же, О диктатуре пролетариата, там же, т. 30; Лабриолла А., Очерки материалистического понимания истории, М., 1960; Плеханов Г. В., Первые фазы учения о классовой борьбе, Соч., т. 11, М.—Л., 1928; Хрушев Н. С., Речь на VII съезде Венгерской социалистической рабочей партии 1 дек. 1959 г., М., 1959; его же, О мирном сосуществовании, М., 1959; его же, За новые победы мирового коммунистического движения, М., 1961; его же, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии 17 окт. 1961 года, М., 1961; его же, О Программе КПСС, М., 1961; О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС, М., 1956; Программа КПСС, М., 1961; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы, [Сб.], М., 1960; Седьмой съезд Болгарской коммунистической партии. Доклады, решения, речи, [Сб.], 1958]; V съезд Социалистической единой партии Германии, [Материалы, пер. с нем.], М., 1959; Димитров Г. М., Избр. произв., т. 1—2, пер. с болг., М., 1957; Кадар Я., О политическом положении и задачах партии, М., 1960; его же, Из опыта классовой борьбы в Венгрии, в его кн.: Избр. статьи и речи, М., 1960; Новотный Я., За победу мира и социализма, М., 1960; Ульбрихт В.,

Основные вопросы политики СЕПГ, М., 1960; Ф о с т е р У., Исторический прогресс мирового социализма, М., 1961; Рабочее движение в капиталистических странах (1959—1961 гг.), М., 1961; Кризисы и трудящиеся. Обмен мнениями, «Проблемы мира и социализма», 1961, № 7—9; 1962, № 3, 5; К а л л а Д., Некоторые вопросы мирного сосуществования и классовой борьбы, там же, № 10; Современное национально-освободительное движение и национальная буржуазия. Сб. статей по материалам обмена мнениями, проведенного журн. «Проблемы мира и социализма». [Под общ. ред. А. М. Рузичева], Прага, 1961; К р а с и н Ю., Мирное существование — форма классовой борьбы, М., 1961; Marxistische Philosophie und sozialistische Politik, В., 1954. См. также литературу при статье *Классы*. Г. Глезерман. Москва.

КЛАССЫ (общественные) (от лат. classis — группа, разряд). Наиболее полное и всестороннее определение сущности классового деления и К. антагонистич. общества дал Ленин: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Л е н и н В. И., Соч., т. 29, с. 388). Исходным пунктом этого определения К. является признание зависимости классового деления общества от исторически определенных способов произ-ва (так, напр., рабы и рабовладельцы являются К. рабовладельческого, пролетарии и буржуа — капиталистич. общества). С изменением способа произ-ва меняется и классовое деление общества. О с н о в н ы м и всегда являются такие К., существование к-рых вытекает из господствующего в данном обществе способа произ-ва. Н е о с н о в н ы е К. связаны с существованием более или менее значит. остатков предшествующего или зародышей последующего способа произ-ва, представленных особыми укладами х-ва. П е р е х о д н ы м и называют такие К., к-рые, будучи порождены одним способом произ-ва, сохраняются при другом, сменившем его способе произ-ва. При этом их место и роль в обществе меняются: неосновной К. может стать основным (напр., крестьянство со сменой рабовладельч. общества феодальным; трудящиеся крестьянство после испровержения капитализма), основной К. — неосновным (напр., буржуазия в переходный период от капитализма к социализму), угнетенный К. — господствующим (напр., пролетариат в тот же период).

К. не вечны, они возникли на определ. этапе развития общества и с той же неизбежностью должны исчезнуть. Для полного уничтожения К. «...надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда» (там же). К. сохраняются и на первой фазе коммунизма — при социализме, поскольку еще не устранены эти различия, по сущности К. при этом коренным образом меняется. Это уже не К. в собственном смысле слова, не такие обществ. группы, из к-рых одна может жить трудом другой; частная собственность на средства произ-ва ликвидирована, а стало быть, устранен классовый антагонизм, сделано главное, решающее в деле уничтожения К.

Производств. отношения в обществе, разделенном на К., суть прежде всего отношения между К., занимающими различное место в обществ. произ-ве. Осн. сторонам производств. отношений соответствуют и признаки К.: отношение к средствам произ-ва, роль в обществ. организации труда, способы получения

и размеры той доли обществ. богатства, к-рой они располагают. Определяющим признаком является отношение к средствам произ-ва. Форма собственности на средства произ-ва определяет как взаимоотношения между людьми в процессе произ-ва, так и форму распределения между ними произведенных продуктов. Марксизм-ленинизм отвергает попытки выдвинуть на первое место такие признаки К., рассматриваемые в отрыве от целого, как их роль в организации обществ. произ-ва [т. п. организац. теория (А. Богданов)] или способы получения и размеры их доходов (т. п. распределит. теория К., к-рой придерживались, напр., К. Каутский, Туган-Барановский). Маркс отмечал при характеристике буржуазии: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности» («Капитал», т. 1, 1955, с. 339). Во «Введении» и в последних главах 3-го т. «Капитала» Маркс подчеркивал, что не способ распределения, а способ произ-ва определяет классовую структуру общества. «Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства» (Л е н и н В. И., Соч., т. 6, с. 235).

Марксизм-ленинизм выступает также против смешения деления общества на К. с разделением людей по профессиям. Последнее обуславливается в области материального произ-ва непосредственно техникой и технологией, тогда как разделение на К. определяется характером экономич. отношений, прежде всего отношений собственности на средства произ-ва. Смешение этих категорий нек-рыми бурж. социологами и ревизионистами выражает «...практическую тенденцию стереть самое понятие „класса“, устранить самую идею классовой борьбы» (там же, т. 5, с. 175). Марксизм-ленинизм рассматривает К. не только как экономическую, но и как более широкую социальную категорию.

Складываясь на почве экономич. отношений, классовое деление общества пронизывает также сферу политики и идеологии, отражается в обществ. сознании, в духовной жизни общества. Различия между классами охватывают также область быта, отражаются в их образе жизни, в их семейных отношениях, в их психологии, морали и т. д.

Формирование К. — объективный процесс, определяемый развитием экономич. отношений. Условиями жизни каждого К. определяются его интересы, их отношение к интересам других К. На почве общности коренных классовых интересов и противопоставления их в ходе классовой борьбы интересам других, противоположных К. происходит консолидация членов данного К. Как учит марксизм-ленинизм, К. «...складывается в борьбе и развитии» (там же, т. 30, с. 477). В процессе конституирования К. огромную роль играет и субъективный фактор — осознание К. своих коренных интересов и создание им своих классовых организаций. К., к-рый объективно уже сложился, но еще не осознал своих коренных интересов, Маркс называл К. «в себе». Осознав свои коренные интересы и организовавшись, он превращается в К. «для себя» (см. *Класс «в себе» и класс «для себя»*). Решающее значение в этом процессе имеет объединение наиболее сознат. элементов К. в те или иные классовые организации, среди к-рых наиболее важные политич. партии.

Историческое развитие понятия К. Представление о том, что общество делится на К., появилось задолго до возникновения марксизма, но научной теорией К.

предшествующая историческому материализму социологии создать не смогла. В докапиталистич. формациях классовое деление общества было прикрыто религ.-классовыми или сословными оболочками. Это затрудняло понимание классовой структуры и ее связи с экономич. строем общества. Большим препятствием для науч. анализа К. было стремление идеологов господствующих К. доказать естественность, неизбежность, вечность существующих порядков. Люди издавна видели, что общество делится на богатых и бедных, знатных и незнатных, свободных и несвободных, но не могли объяснить причины этого неравенства. Вначале преобладало стремление объяснить социальные градации велениями бога или природы. В антич. мире рабство рассматривалось как естеств. явление. Так же расценивалось и деление свободных граждан на различные сословия. Платон усматривал слабость совр. ему гос-в в том, что в каждом городе «сколь бы мал он ни был, — в нем всегда есть два взаимно враждебных города: один город бедных, другой — богатых...» («Государство» IV 422E—423A; рус. пер., СПб, 1863). Однако он стремился не упразднить сословия, а упорядочить взаимоотношения между ними. В «идеальном государстве» Платона остается разделение на 3 сословия: философов, или правителей, стражей (воинов), земледельцев и ремесленников; разделение труда между ними опирается, по Платону, на естеств. основу. «... Каждый из нас рождается... отличным по своей природе, и назначается для совершения известной работы» (там же, II 370B), одни от рождения «способны начальствовать», другие быть «земледельцами и прочими мастерскими» (там же, III 415A). Аристотель также признавал естественность рабства: «одни люди, по своей природе — свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо» («Политика» I 2, 1254b24—1255a 19; рус. пер., СПб, 1911). Подвергая критике «идеальное государство» Платона, Аристотель отдал предпочтение средним слоям рабовладельцев. «В каждом государстве мы встречаем три класса граждан: очень зажиточные, крайне немущие и третьи, стоящие в середине между теми и другими». Люди первой категории, по мнению Аристотеля, по преимуществу становятся пагубными и крупными мерзавцами; люди второй категории — подлецами и мелкими мерзавцами. «Средний досток — из всех благ всего лучше, он рождает в людях умеренность» (там же, IV 9, 1295a23—b18). Возникновение демократич. или олигархич. строя Аристотель объяснял борьбой между простым народом и зажиточным классом: «... кому из них удастся одолеть противника, тот и вводит не общий и равный для обоюдных интересов государственный строй», а перетягивает гос. порядок на свою сторону (там же, IV 9, 1296a 16 — b19).

В эпоху феодализма существовавшая классовословная структура общества объявлялась божественным установлением. Только в эпоху ломки феод. строя и становления капитализма, упростившего классовую структуру общества, возникли предпосылки для выработки самого понятия К.

Накануне и во время франц. бурж. революции 18 в. философы и публицисты выступали с резким осуждением феод. строя. Ж. Мелье относил к К. богатых — феод. знать, духовенство, банкиров, откупщиков и др., а к другому К. — крестьянство. «Как будто две расы людей живут в одном обществе, — говорит Мелье: одна ничего не делает, наслаждается и повелевает, другая трудится, страдает и повинуется» (цит. по кн.: Во л г и В. И., Французский утопический коммунизм, 1960, с. 28). Нек-рые мыслители (напр., Г. Мабли) уже ищут основы разделения на К. в собственности. «...Собственность разделяет нас на два класса — богатых и бедных» (М а б л и Г., Избр. про-

изв., М.—Л., 1950, с. 109—110). Глубокое понимание противоположности между богатыми и бедными пропизывает труды Ж. П. Марата, к-рый рассматривал революцию как проявление борьбы К.

В трудах бурж. экономистов конца 18—нач. 19 вв. (отчасти Ф. Кенэ и гл. обр. А. Смит и Д. Рикардо) сделан важный шаг к познанию экономич. анатомии К. Вместо обычного в эпоху франц. бурж. революции деления общества на два К. — богатых и бедных — они делят его на три К. У Кенэ это деление еще не отличается ясностью: он видит в обществе: 1) К. собственников (землевладельцы, духовенство), к-рый не вкладывает труда в произ-во обществе, продукт, но в силу права собственности присваивает себе весь чистый доход и выполняет функции управления; 2) К. производителей, гл. обр. капиталистич. фермеров; 3) К. бесплодный или непроизводительный (торговцы, промышленники, рабочие, ремесленники и т. д.). А. Смит дает гораздо более четкую характеристику К. бурж. общества. Он различает К. землевладельцев, капиталистов и рабочих. Обществ. продукт, по мнению Смита, распадается на три части и «... составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль с капитала. Это три главных, основных и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе...» («Исследование о природе и причинах богатства народов», т. 1. М.—Л., 1935, с. 220—21). Рассматривая труд как общий источник доходов, Смит подходит к пониманию противоречивости интересов К. капиталистов и рабочих: «Рабочие хотят получить возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше» (там же, с. 62). Однако Смит не проводит последовательно этого взгляда, т. к. иногда утверждает, будто доходы являются источником стоимости. Эта неоследовательность была устранена Рикардо, рассматривавшим труд как единств. источник стоимости и установившим противоположность заработной платы и прибыли. Рикардо считал, что заработная плата всегда повышается за счет прибыли, а, когда она падает, прибыль всегда поднимается (см. Соч., т. 1, М., 1955, с. 98—111). Обосновав противоречивость интересов осн. К. капиталистич. общества, Рикардо открыто отстаивал необходимость высоких прибылей, как условия быстрого развития произ-ва. По мнению Рикардо, интересы землевладельцев стоят в противоречии с интересами всех других К. и мешают развитию общества. Англ. экономисты продвинулись вперед в понимании классового строения капиталистич. общества, однако они связывали классовое деление общества лишь с отношениями распределения, а не произ-ва и рассматривали его не исторически, а как естественное и вечное. По словам Маркса, для Рикардо капиталистич. способ произ-ва с его классовыми противоположностями был «... естественной формой общественного производства» («Капитал». т. 1, 1955, с. 519).

В противоположность идеологам буржуазии, утопич. социалисты пытались доказать неразумность и историч. обреченность общества, построенного на эксплуатации человека человеком. Уже ранние представители утопич. социализма, а особенно идеологи революционного плебейства (напр., Т. Мюнцер в 16 в., Г. Бабёф в 18 в.), выдвигали требования уничтожения частной собственности и классовых различий. В дальнейшем нек-рые из утопич. социалистов (напр., Сен-Симон) близко подошли к пониманию исторического процесса как борьбы общественных К. Однако Сен-Симон не выделял рабочий К. из общего К. промышленников, куда включалась и буржуазия. Кроме того, осуществление социализма мыслилось Сен-Симоном и Фурье как результат «сближения» К., установления гармонии между ними.

Эту ограниченность взглядов пытались преодолеть нек-рые утопич. социалисты. Важную роль в развитии теории К. сыграли рус. революц. демократы и утопич. социалисты, особенно Добролюбов и Чернышевский, от произведений к-рого, по выражению Ленина, «...веет духом классовой борьбы» (Соч., т. 20, с. 224). За противоборствующими силами в истории человечества они видели различные сословия, К. с их противоречивыми материальными интересами. «По выгодам, все европейское общество,— писал Чернышевский,— разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая своим собственным; первая благоденствует, вторая терпит нужду... Это разделение общества, основанное на материальных интересах, отражается и в политической деятельности» (Полн. собр. соч., т. 6, 1949, с. 337). Однако Чернышевский еще не мог дать строго науч. определения К. Он, напр., говорил о земледельческом классе и простолудниках, как одном целом, не выделяя рабочий К. из общей массы эксплуатируемых и не видел его особой историч. роли.

Только основоположники марксизма, выступившие как идеологи самого революционного К.— пролетариата, оказались в силах создать подлинно научную теорию К. Характеризуя отличия своей теории К. от всех предшествующих, Маркс писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 63).

Возникновение К. К. возникли в период разложения первобытнообщинного строя, совершившегося у различных народов в разное время. Классовое общество сложилось в конце 4-го — начале 3-го тысячелетий до н. э. в долинах рек Нил, Евфрат и Тигр, в 3—2-м тысячелетиях до н. э. в Индии, Китае и других странах, в 1-м тысячелетии до н. э. в Греции, а затем в Риме. Возникновение К.— длит. процесс. Его наиболее общей предпосылкой было развитие производит. сил, приведшее к появлению прибавочного продукта, разделению труда, обмену и возникновению частной собственности на средства произ-ва. Появление прибавочного продукта создало экономич. возможность существования одних людей за счет труда других. Возникновение частной собственности превратило эту возможность в действительность. Когда в общинах в результате развития производит. сил зародилась частная собственность на средства произ-ва, когда место прежнего, коллективного произ-ва заняло произ-во индивидуальное, силами отд. семей, стало неизбежным и экономич. неравенство между людьми. Этим были созданы предпосылки классового расслоения общества. Образование К., как показал Энгельс в «Анти-Дюринге», происходило двумя путями: 1) путем выделения внутри общины эксплуататорской верхушки, состоявшей первоначально из родовой знати; 2) путем обращения в рабство военнопленных, а затем и обнищавших соплеменников, попадавших в долговую кабалу. Это две стороны единого процесса, к-рый при-

водит к тому, что на развалинах родового строя, как правило, возникает общество, разделенное на три К.: 1) рабовладельцев, представлявших сначала господствующую верхушку родовой знати, а затем более широкий слой богатых людей; 2) свободных общинников — земледельцев, скотоводов, ремесленников, обычно попадавших в зависимость от первых; 3) рабов. Образование К. основоположники марксизма связывали с развитием обществ. разделения труда. Как отмечал Энгельс, «...в основе деления на классы лежит закон разделения труда» («Анти-Дюринг», 1957, с. 265). Первое крупное обществ. разделение труда связано с выделением из общей массы племен скотоводч. племен; оно приводит к появлению обмена между скотоводами и земледельцами, к росту обществ. богатства и более широкому применению труда рабов. Второе крупное обществ. разделение труда связано с отделением ремесла от земледелия; оно способствует проникновению обмена внутри общины и усилению экономич. неравенства, появлению наряду с разделением на свободных и рабов различия между богатыми и бедными. Дальнейшее развитие обществ. разделения труда приводит к отделению умств. труда от физического, к превращению умств. труда в монополию небольшого меньшинства — господствующих К., сосредоточивших в своих руках управление произ-вом, заведывание обществ. делами и т. д., тогда как огромное большинство общества оказывается обреченным нести на себе все бремя тяжелого физич. труда.

Т. о., причины возникновения К. марксизм видит не в обмане и насилии, как это делают, напр., сторонники теории насилия, хотя несомненно, что насилие играло в этом процессе свою, и притом немалую, роль. Возникновение К.— результат закономерного экономич. развития общества; насилие лишь содействовало этому процессу и закрепляло созданные экономич. развитием классовые различия. Политич. насилие само есть продукт экономич. развития.

Основные типы классового деления общества. При всех различных классовой структуры антагонистич. обществ их общая черта — присвоение господствующими К. труда непосредств. производителей. «Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства,— указывал Маркс,— рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником афинский... (аристократ), этрусский теократ... (римский гражданин), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист» («Капитал», т. 1, с. 240). В классовом обществе осн. средства произ-ва принадлежат всегда господствующему классу. Однако какие именно средства произ-ва становятся объектом классовой монополизации (земля, орудия труда или сам работник, рассматриваемый как средство произ-ва), это зависит от конкретных историч. условий, от особенностей данного способа произ-ва. Вместе с изменением распределения средств произ-ва изменяются и способы эксплуатации. «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества..., вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура» (там же, т. 3, 1955, с. 804).

«Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; — пишет Энгельс, — за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 175).

Все эти формы эксплуатации встречались уже в древности. В эпоху разложения первобытнообщинного строя наряду с рабством возникали и отношения наемного труда (напр., поденщики-феты в гомеровской Греции) и первые зародыши крепостнич. отношений (см. Ф. Энгельс, там же, т. 24, 1931, с. 605—06). Однако эти отношения не стали тогда господствующими. Рабство, крепостничество, наемный труд отличаются друг от друга не только степенью эксплуатации, но и различным положением непосредств. производителя. При рабстве и крепостничестве производитель является лично зависимым. Это одна из причин, вследствие к-рых классовое деление общества выступает здесь в форме деления на *сословия*. Положение каждого класса в обществе закрепляется юридически при помощи гос. власти.

В рабовладельч. обществе раб представлял собственность рабовладельца, к-рая в Древней Греции и Риме не отличалась от собственности на вещи, орудие произ-ва. Рим. писатель Варрон (I в. до н. э.) в трактате о с. х-ве делит орудия, к-рыми возделываются поля, на три части: «... орудия говорящие, орудия, издающие нечленораздельные звуки, и орудия немые; к говорящим относятся рабы, к издающим нечленораздельные звуки — волы, к немым — телети» (цит. по кн.: «Античный способ производства в источниках», Л., 1933, с. 20). Раб не считался человеком: в большинстве случаев закон разрешал рабовладельцу не только продавать, но и убивать его. Раб не мог, по крайней мере в принципе, владеть собственностью, не имел семьи. В Греции у раба не было даже имени, а только кличка.

Способ эксплуатации труда рабов и источники их пополнения — война, морской разбой и т. д. — обуславливали необходимость внеэкономич. принуждения как характерную черту рабовладельч. строя. При сравнительно медленном развитии производит. сил, при грубых и примитивных орудиях произ-ва, при отсутствии у раба заинтересованности в результатах своего труда нельзя было добиться регулярного произ-ва прибавочного продукта иначе, как средствами прямого физич. принуждения. С этим в свою очередь связаны крайне грубые и жестокие формы эксплуатации. Продолжительность жизни раба сама по себе не имела значения для рабовладельца, к-рый стремился извлечь из раба возможно большую массу труда в возможно более короткий срок. Поэтому смертность рабов была очень велика. При таком способе эксплуатации рабского труда не происходило регулярного воспроизводства рабочей силы внутри страны; потребность в рабах покрывалась гл. обр. при помощи ввоза извне. Вообще считалось более выгодным купить взрослого раба, чем выращивать потомство рабов в своем хозяйстве (см. А. Валлон, История рабства в античном мире. Греция, т. 1, М., 1936, с. 56). Наиболее жестокий характер эксплуатации приобрела там, где выступал на сцену торговый капитал, где произ-во имело целью обмен.

Наряду с осн. К. — рабовладельцами и рабами — в древнем мире существовали и мелкие крестьяне, ремесленники. Многие из них вытеснялись рабским трудом и разорялись, образуя, напр., в Риме массу люмпен-пролетариата. В последние века существования рабовладельч. общества в Риме в его недрах стали зарождаться новые отношения, подготавливающие переход к крепостничеству. Крупные рабовладельч.

латифундии раздроблялись и обрабатывались колоннами, к-рые считались рабами земли; их можно было передавать другому владельцу только вместе с землей.

С изменением способа произ-ва рабовладельч. форма эксплуатации сменилась феодальной. При феод. системе х-ва собственником земли считался феодал, помещик, к-рый наделял крестьянина участком земли, а иногда и др. средствами произ-ва и заставлял его работать на себя. Характеризуя крепостнич. систему х-ва, Ленин указывал, что «во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство... Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудие эксплуатации является прикреплению работника к земле, наделение его землей... Для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлопачный, бесхозяйственный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации... В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть лично зависим от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как по договору. Система хозяйства порождает здесь „внеэкономическое принуждение“, крепостничество, зависимость юридическую, ценностно-правовую и т. д.» (Соч., т. 15, с. 66). Феод. система х-ва также предполагала личную зависимость производителя, к-рая в зависимости от конкретных условий принимала различные формы: от наиболее жестокого крепостничества, мало чем отличавшегося от рабства, до сравнительно легкого оброчного обязательства. Но, в отличие от антич. раба, крепостной, во-первых, не считался полной собственностью феодала; последний мог продать, купить, но, по закону, не мог убить его; во-вторых, крепостной крестьянин имел свое хозяйство, владел нек-рой собственностью и пользовался участком земли; в-третьих, крепостной крестьянин был членом сел. общины и пользовался ее поддержкой. Этими особенностями феод. системы х-ва обуславливался и свойственный ей способ эксплуатации: присвоение прибавочного продукта в виде феод. ренты. Маркс указывал на 3 осн. формы феод. ренты: отработочную ренту, ренту продуктами и денежную ренту, к-рые обычно сочетались друг с другом. В различные периоды истории феод. строя преобладала какая-либо одна форма, сменявшая другую в определ. историч. последовательности: за отработочной рентой следовала рента продуктами, за последней — денежная рента. По сравнению с рабством феод. система представляла собой исторически прогрессивное явление. Феод. способ произ-ва предполагал более высокое развитие производит. сил и создавал нек-рую заинтересованность производителя в результатах своего труда. Кроме того, возникли большие возможности для классовой борьбы угнетенных масс. Место разноплеменной массы рабов заняли крепостные крестьяне, объединенные в общину. Большое прогрессивное значение имело и возникновение городов, в к-рых росли новые обществ. слои: ремесленники, организовавшие в цехи и корпорации, торговцы и др. В городах позднего средневековья из числа цеховых мастеров вырастал новый эксплуататорский слой. Капиталистич. элементы выделялись также из верхушки крестьянства.

Капиталистический способ произ-ва заменил феод. форму эксплуатации новой, капиталистической. Основными К. капиталистического общества являются буржуазия и пролетариат (см. *Рабочий класс*). Рабочий считается юридически свободным, но находится в экономич. зависимости от капиталистов. Будучи лишен всех средств произ-ва и владея лишь своей рабочей силой, он вынужден продавать ее капиталистам — владельцам средств произ-ва. Капитали-

стич. способ эксплуатации характеризуется присвоением капиталистами прибавочной стоимости, созданной трудом наемных рабочих-пролетариев. С упразднением личной зависимости непосредств. производителей и заменой ее экономич. зависимостью исчезает необходимость в разделении общества на сословия. Поэтому, в отличие от рабовладельч. и феод. обществ, К. капиталистич. общества уже не выступают как сословия. Однако пережитки сословного деления еще оказывают влияние на обществ. жизнь ряда капиталистич. стран.

Капитализм ни в одной стране не существует в «чистом» виде. Рядом с капиталистич. отношениями везде существуют более или менее значит. остатки отношений, унаследованных от предшествующих формаций. Поэтому наряду с осн. К. в капиталистич. странах существуют и неосновные. К ним принадлежат, напр., в ряде стран К. помещиков. При переходе от феодализма к капитализму в нек-рых странах помещичье землевладение было ликвидировано. В др. странах (Германия и др.) помещичье х-во постепенно превращалось в капиталистическое, а К. помещиков — в слой аграрной буржуазии. Наконец, в менее развитых странах, где сохранялись значит. пережитки феодализма (Россия до Октябрьской революции и др.), помещики продолжали существовать как особый К. В наст. время К. помещиков представляет значит. силу в отсталых, зависимых странах, где империализм поддерживает их как свою опору.

К числу осн. К. капиталистич. общества относятся и *мелкая буржуазия*, особенно крестьянство, к-рое во всех странах, за исключением Англии, представляет собой значит. массу, а в нек-рых менее развитых странах даже большинство населения. Крестьянство, ремесленники и др. мелкобурж. слои по мере развития капитализма размываются, расслаиваются, выделяя из своей среды немногочисл. капиталистич. верхушку и массу бедняков-пролетариев и полупролетариев. В развитых капиталистич. странах крестьянство все в большей мере подвергается эксплуатации со стороны монополий, банков, оуптывающих его сетями кабальной зависимости. Не будучи основным К. капиталистич. общества, крестьянство тем не менее вследствие своей роли в с.-х. произ-ве, значит. численности (даже в капиталистич. Европе ок. трети населения) и связи с рабочим классом способно стать большой силой в классовой борьбе против капитализма. Осн. силами, от к-рых зависит ход классовой борьбы в капиталистич. странах, выступают буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат (см. В. И. Ленин, Соч., т. 30, с. 88).

Классовая структура современного капиталистического общества. Вопреки утверждениям реформистов, в классовой структуре капиталистич. общества за последние сто лет не произошло таких коренных изменений, к-рые могли бы сгладить противоположность классов. Вывод Маркса о том, что накопление богатств на одном полюсе общества сопровождается ростом пролетаризации на другом, остается в полной силе. Удельный вес буржуазии в населении капиталистич. стран за последние десятилетия уменьшился (напр., в США с 3% в 1870 до 1,6% в 1950; в Англии с 8,1% в 1851 до 2,04% в 1951), а вместе с тем выросли ее богатства и власть. Выделилась монополистич. верхушка буржуазии, к-рая соединила в своих руках как экономич., так и политич. власть. Бурж. гос-во превратилось в комитет по управлению делами монополистич. буржуазии, в орудие ее обогащения. Кучка миллиардеров и миллионеров возвышается не только над обществом, но и над всеми остальными слоями класса капиталистов. Господство монополий усиливает процесс поглощения мелких и средних ферм крупными. Т. о., интересы монополий оказы-

ваются в противоречии с интересами не только трудящихся, но и мелких и даже части средних предпринимателей.

В условиях совр. капитализма ускоряется процесс разорения крестьянства, ремесленников, кустарей, мелких лавочников и т. д. Удельный вес в населении этих старых «средних слоев» падает. Так, напр., в США с 1910 по 1954 доля в населении т. н. «самостоятельных» уменьшилась с 27,1% до 13,3%; в Зап. Германии число самостоят. хозяев сократилось с 33,8% в 1907 (данные по всей Германии) до 24,5% в 1956. Наряду с вытеснением из произ-ва «средних слоев» целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители также неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата» (Ленин и В. И., Соч., т. 15, с. 24—25). Такие процессы происходят не только в сфере произ-ва, но и еще больше в сфере торговли и обслуживания.

В результате сокращения численности самостоятельных мелких производителей растет удельный вес в населении лиц, работающих по найму. По данным Междунар. организации труда, доля людей наемного труда возросла: в Зап. Германии в 1882—1956 с 64,7% до 75,4% самодоят. населения, во Франции в 1851—1954 с 54,6% до 64,9%, в США в 1940—50 с 78,3% до 82,2%, в Австралии в 1911—54 с 74,3% до 81,3%. В составе лиц наемного труда растет численность служащих и интеллигенции, особенно ниже-перно-технической. Увеличение удельного веса этих слоев, к-рые нередко называют новыми «средними слоями», расценивается бурж. социологами, а также правыми социалистами как показатель «депролетаризации» населения. В действительности классовый состав служащих и интеллигенции неоднороден: только часть из них можно отнести к «средним слоям»; верхушка служащих и интеллигенции (крупное чиновничество, управляющие и т. д.) срастается с буржуазией, а большинство сливается по своему положению с рабочим классом или непосредственно примыкает к нему. В совр. капиталистич. обществе, особенно в наиболее развитых странах, преобладающая масса служащих утратила свое прежнее привилегированное положение и превратилась или превращается в «пролетариат в белых воротничках». Что касается инженерно-технич. интеллигенции, то в связи с автоматизацией произ-ва значит. часть инженеров и техников по характеру своего труда сближается с основной массой рабочих, утрачивая вместе с тем функцию управления и надзора за рабочими. В развитых капиталистич. странах, как, напр., США, все большее число инженеров и техников оказывается рядовыми участниками производств. процесса, занятыми при рабочих машинах. Т. о., происходит не «депролетаризация» населения, а, наоборот, пролетаризация тех слоев, к-рые раньше занимали более или менее привилегированное положение в обществе. Осн. массу пролетариата составляют по-прежнему работники физич. труда. Но социально-экономич. границы пролетариата в совр. капиталистич. обществе расширились и в его ряды вошел и значит. слой наемных работников, занятых умств. трудом (см. «Обмен мнениями. Какие изменения происходят в структуре рабочего класса?», в журн.: «Проблемы мира и социализма», 1960, № 5, 9, 12; 1961, № 4, 5, 6, 9).

Рост рабочего класса происходит не только в нац., но и в междунар. масштабе. К сер. 20 в. в развитых капиталистич. странах было сосредоточено более половины общего числа рабочих и служащих всех несоциалистич. стран (св. 160 млн.) и $\frac{2}{3}$ пром. проле-

тариата (ок. 85 млн.). В экономически слабо развитых странах за последние десятилетия также сложился многочисл. рабочий класс. В странах Азии, Лат. Америки и Африки насчитывается ныне св. 100 млн. рабочих и служащих — св. 30% общего числа людей наемного труда в социалистич. мире.

В условиях совр. капитализма продолжает расти удельный вес пром. рабочих и сокращается доля и численность с.-х. пролетариата. Усиливается тенденция к ухудшению положения рабочего К., выражающаяся, в частности, в отставании заработной платы от стоимости рабочей силы, в массовой безработице и т. д. Развитие автоматизации вытесняет из произ-ва часть рабочих, на ряде участков произ-ва ведет к замене квалифицированных рабочих малоквалифицированными, прошедшими кратковременное обучение. Изменение соотношения между квалифицированными и обученными рабочими, сближение уровней их оплаты порождают в ряде капиталистич. стран тенденцию к сужению слоя рабочей аристократии. Этому же содействует распад колониальной системы империализма, сокращающий источники, за счет к-рых монополистич. буржуазия в странах империализма подкупает верхушку рабочего К. Однако этот процесс протекает противоречно; в нек-рых странах (США и др.) рабочая аристократия сохраняет свое привилегированное положение и даже растет. Гос. монополистич. капитализм «... не только не изменяет положения основных классов в системе общественного производства, но и углубляет пропасть между трудом и капиталом, между большинством нации и монополиями» (Программа КПСС, 1964, с. 27).

Уничтожение классов. Обосновав исторически проходящий характер классового деления общества, марксизм-ленинизм впервые доказал историч. необходимость и определил условия уничтожения К. Существующие К. являлись неизбежным до тех пор, пока развитие производ. сил было недостаточным для того, чтобы обеспечить условия всестороннего развития всех членов общества, пока оно требовало разделения труда между громадным большинством, занятым лишь подневольным физич. трудом, и привилегированным меньшинством, освобожденным от прямого производ. труда и занятого управлением. Однако в эпоху капитализма производ. силы достигли такой высокой ступени развития, что стало возможным и необходимым устранение этого деления. Классовое деление превратилось в препятствие для дальнейшего экономич., политич. и умств. развития общества.

Общественной силой, способной осуществить историческую задачу уничтожения К., является пролетариат — К., лишенный собственности на средства производства и потому наиболее революционный, К., к-рый связан с наиболее передовой формой х-ва — крупным произ-вом, и способен стать носителем нового, более высокого, чем капиталистический, способа произ-ва, К., к-рый сплачивается и организуется самим своим положением в системе произ-ва. По своему объективному положению пролетариат представляет собой единств. К., способный стать во главе всех трудящихся и эксплуатируемых, чтобы низвергнуть капитализм и создать коммунизм. К этой цели могут привести лишь непримиримая классовая борьба пролетариата и установление им своей революц. политич. власти — *диктатуры пролетариата*. Критикуя бакунистов, провозглашавших уравнение К. путем установления «гармонии капитала и труда», Маркс писал: «не уравнение классов — бессмыслица, на деле неосуществимая — а, наоборот, уничтожение классов — вот подлинная тайна пролетарского движения...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 364). В отличие от всех предшествующих господствующих К., проле-

тариат берет в свои руки политич. власть не для того, чтобы навсегда закрепить свое классовое господство, а для того, чтобы уничтожить всякое классовое господство и осуществить переход к социализму. Политич. власть пролетариата служит орудием его классовой борьбы против всех сил старого мира, орудием коренного социалистич. преобразования экономики, устранения всякую почву для существования эксплуататорских К. и эксплуатации человека человеком. С осуществлением этой задачи, как показывает опыт СССР, гос-во диктатуры пролетариата перерастает в общенар. социалистич. гос-во, к-рое сохранится до полной победы коммунизма. При этом рабочий К. остается руководящей силой общества вплоть до построения коммунизма и исчезновения К. Важнейшими условиями уничтожения К. являются ликвидация частной и установление обществ., всенар. собственности на средства произ-ва. «Уничтожить классы, — учил Ленин, — это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества, это значит — все граждане имеют одинаковый доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее» (Соч., т. 20, с. 128). Уничтожение К. требует целой истории эпохи. Первый и важнейший этап в решении этой задачи охватывает переходный период от капитализма к социализму. Две коренные задачи решаются в этот период: 1) ликвидация частнокапиталистич. собственности и на этой основе — К. капиталистов; 2) преобразование мелкой частной собственности крестьян и ремесленников путем социалистич. кооперирования их хозяйств и на этой основе уничтожение гл. классовых различий между рабочими и крестьянами.

В Сов. России была в первую очередь осуществлена ликвидация К. помещиков путем конфискации помещичьих земель и ликвидация крупной и средней буржуазии города путем национализации пром-сти, транспорта, банков, торговых предприятий и т. д. Сильный удар был нанесен в первые годы революции и сел. буржуазии (кулачеству), численность к-рой значительно сократилась. В результате этого частнокапиталистич. элементы города и деревни были оттеснены на положение второстепенного носителя класса. Трудящееся крестьянство, наоборот, стало наряду с рабочим классом одним из осн. классов переходного периода. В 1921 Ленин отмечал, что в Сов. стране в первый раз во всемирной истории существуют в течение ряда лет два осн. класса: рабочий класс и мелкое крестьянство, составлявшие большинство населения.

В первые годы эпохи имел место нек-рый рост капиталистич. элементов в городе и деревне. Социалистич. гос-во осуществляло политику ограничения их эксплуататорских тенденций и вытеснения их гл. обр. путем развития социалистич. форм х-ва в торговле, пром-сти и с. х-ве. В результате этой политики гор. буржуазия была к концу 20-х — нач. 30-х гг. полностью вытеснена из торговли и мелкой пром-сти. В с. х-ве капиталистич. элементы вначале также ограничивались и частично вытеснялись, а в конце 1929 была начата ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации крест. х-в. После того, как осн. масса крестьян при товарищеской помощи и под руководством рабочего К. повернула на путь социализма, оказалось возможным закончить с последним и наиболее многочисл. эксплуататорским К. — кулачеством, а вместе с тем закрыть и все источники, порождающие капиталистич. элементы.

В зависимости от историч. условий и классового состава населения в различных странах ликвидация эксплуататорских К. может иметь свои особенности.

Так, в нек-рых странах (напр., в Болгарии) не пришлось ликвидировать К. помещиков, так как его уже не было ко времени народно-демократич. революции. В Китае же стояла задача ликвидации не только крупной командорской буржуазии и помещиков, но и освобождения нек-рых народностей от эксплуатации со стороны феодалов и рабовладельцев. Творчески используя опыт Сов. Союза, коммунистические и рабочие партии стран народной демократии внесли много своеобразия в методы ликвидации эксплуататорских К. Изменение соотношения классовых сил в мировом масштабе в пользу социализма, наличие мировой системы социализма, помощь Сов. Союза открыли возможности для применения в ряде случаев мирных форм преобразования капиталистич. пром-сти и торговли. Как отмечено в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960), в странах нар. демократии уже нет К. помещиков и капиталистов, уничтожена или успешно уничтожается эксплуатация человека человеком. В большинстве социалистич. стран перестало существовать также кулачество, с к-рым было покончено в ходе его ограничения и вытеснения.

С победой социализма оказывается осуществленной в основном и решающей задача уничтожения К., ибо все эксплуататорские К. ликвидированы. Однако это не означает исчезновения всех классовых различий. Как показал опыт СССР и др. социалистич. стран, и после победы социализма остаются два дружественных класса — рабочий класс и кооперированное крестьянство, а также продолжает существовать как особый социальный слой интеллигенция.

Рабочий К. и крестьянство в прошлом, в переходный период от капитализма к социализму были связаны с различными способами произ-ва — социалистическим и мелкотоварным, с различными формами собственности на средства произ-ва — социалистической, общественной и мелкой, частной. В условиях социализма это различие исчезло, они объединены на почве единого социалистич. способа произ-ва, поэтому различия между рабочими и крестьянами уже не являются коренными. Но своеобразие путей этих К. к социализму оставило свой отпечаток в виде различия двух форм социалистич. собственности — всеобщей, государственной и колхозно-кооперативной. С этим связаны и различия между рабочим К. и крестьянством по их отношению к средствам произ-ва, по их роли в обществ. организации труда, по формам получения дохода. Существование классовых различий между рабочими и крестьянами, а также различий между этими К. и интеллигенцией обусловлено в конечном счете остатками старых форм обществ. разделения труда. Социализм устраняет антагонизм между городом и деревней, между умств. и физич. трудом. Однако этим еще не устраняются сразу существ. различия между городом и деревней, между умств. и физич. трудом, представляющие наследие классового общества. В процессе преодоления этих различий постепенно стираются грани между рабочими, крестьянами и интеллигенцией.

Процесс стирания классовых граней, завершающий уничтожение К., начатое победой социалистич. революции и утверждением социалистич. способа произ-ва, имеет существ. особенности. Во-первых, это процесс постепенный, к-рый не требует революц. переворота. Во-вторых, он совершается не в результате борьбы между К., а в результате их дружеств. сотрудничества.

Период развернутого строительства коммунизма представляет собой новый этап в развитии классовых взаимоотношений, к-рый характеризуется ускорением процесса стирания различий между К. и социальными группами, ростом и укреплением коммуни-

стич. начал во взаимоотношениях между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. «Различия между рабочим классом и крестьянством в решающем, главном преодолены; процесс окончательного стирания классовых граней будет протекать теперь все быстрее и быстрее» (Х р у щ е в Н. С., Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии, 1961, с. 101).

Изменение классового состава населения в условиях социализма показывают следующие данные: в 1939 52,5% населения СССР составляли (вместе с семьями) рабочие и служащие, 44,9% — колхозное крестьянство, 2,6% — крестьяне-единоличники и кооперированные кустари; в 1959 удельный вес рабочих и служащих возрос до 68,3%, колхозного крестьянства уменьшился до 31,4%, а крестьяне-единоличники и кооперированные кустари почти исчезли, их доля в населении составляла только 0,3%. В 1961 рабочие и служащие составили свыше 72% населения, а колхозное крестьянство — около 28%. Быстрый рост рабочего класса — это результат бурного развития пром-сти, механизации с. х-ва, создания значит. числа совхозов, особенно в районах освоения целинных земель. Он показывает вместе с тем, что все возрастающая часть населения СССР связана непосредственно с общенар. собственностью. «Общепародная собственность составляет основу жизни всего населения, в том числе и колхозного крестьянства» (Х р у щ е в Н. С., О Программе КПСС, 1961, с. 79).

Важнейшим условием окончат. стирания граней между рабочим классом и колхозным крестьянством является создание материально-технической базы коммунизма. В процессе создания этой базы с.-х. труд будет все больше превращаться в разновидность индустриального; по характеру своего труда и по своему культурно-технич. уровню крестьяне будут сближаться с рабочими. На основе развития производит. сил совершенствуются и развиваются как государственная, так и колхозная форма с.-х. Рост осн. производств. фондов колхозов, совершенствование внутриколхозных отношений, развитие межколхозных производств. связей, а также связей колхозов с совхозами и местными пром. предприятиями способствуют сближению, а в дальнейшем и слиянию колхозной собственности с общепародной. Программа КПСС ставит задачу построения в основном коммунистич. общества в СССР в течение двух десятилетий. В связи с решением этой задачи, с созданием материально-технич. базы коммунизма во втором десятилетии произойдет постепенный переход к единой общенар. собственности, будут в основном ликвидированы существ. различия между городом и деревней, а также будет происходить ликвидация существующих еще остатков различий между К.

Создание материально-технич. базы коммунизма является также основой преодоления в последующем существ. различий между физич. и умств. трудом. На основе комплексной механизации уже в первом десятилетии исчезнет тяжелый физич. труд в пром-сти, с.-х-ве, строительстве, на транспорте, в коммунальном х-ве. В течение двадцатилетия осуществится в массовом масштабе комплексная автоматизация произ-ва. Технич. прогресс будет все больше изменять характер труда непосредств. производителей, способствуя органич. соединению в их деятельности умств. и физич. труда. В то же время будет расти культурно-технический уровень работников физич. труда, сближающий их с работниками умств. труда. На этой основе будут преодолеваются различия между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и интеллигенцией — с другой стороны. Важную роль в преодолении этих различий призвана сыграть система нар. образования. Сокращение рабочего дня также будет способствовать

росту культурного уровня и формированию всеобщего развитых членов коммунистич. общества.

Стирание границ между рабочим К., крестьянством и интеллигенцией полностью завершается их превращением в труженников бесклассового коммунистич. общества, к-рое уже не будет знать никаких социальных различий. «... Коммунизм покончит с делением общества на классы и социальные слои, в то время как вся история человечества, за исключением первобытных времен, была историей классового общества. Деление на противоположные классы вело к эксплуатации человека человеком, классовой борьбе и антагонизму между нациями и государствами. При коммунизме все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активно участвовать в управлении общественными делами» (Программа КПСС, 1961, с. 63).

Современные буржуазные и правосоциалистические теории К. В отличие от идеологов прогрессивной буржуазии, к-рые пытались, но не могли познать сущность классового деления общества, идеологи реакц. буржуазии стремятся прикритиковать, затуманить его. Некоторые из них вообще отрицают существование К. Другие пытаются доказать вечность, неустранимость классового деления. Во 2-й пол. 19 в. получили широкое распространение биологич. теории общества. Сторонники органич. теории объясняли классовое деление по аналогии с разделением функций между высшими и низшими органами в организме животного (Спенсер). Проводники социал-дарвинизма связывали возникновение К. с борьбой за существование между индивидами, народами или расами (см., напр., О. Ammon, *Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen*, 1895). Теории, выводящие деление на К. из биологич. законов, проповедуются некоторыми совр. бурж. социологами и биологами, к-рые пытаются использовать новейшие данные генетики (Дж. Хаксли, С. Дарлингтон и др.) для того, чтобы увековечить К. и классовое господство буржуазии. Однако более широко распространены в совр. условиях психологич. теории К., выводящие классовые различия из различий в идеях и психологии, в уровне нравственного и интеллектуального развития людей. Для ряда сторонников этих теорий К. по существу сводятся к классовому самознанию. «Классы, — пишет амер. социолог Р. Селтерс, — суть психосоциальные группировки, нечто совершенно субъективное по своему характеру, опирающееся на классовое сознание, т. е. чувство группового членства» («The psychology of social classes», Princeton, 1949, p. 27). Буржуазно-аналогич. смысл подобных определений очевиден, их социальное назначение состоит в том, чтобы скрыть действительную материальную основу деления общества на К., его связь с экономич. строем. Субъективистский подход к определению К. проявляется и в чрезвычайно распространенных в бурж. социологии попытках определить социальную структуру общества на основе опроса людей, их ответов на вопрос о том, к какому К. они себя причисляют. Т. о., К. как объективная категория подменяются субъективными представлениями людей об их классовой принадлежности, хотя эти представления нередко не совпадают с их действит. положением в обществе. Понятие К. часто заменяется в бурж. социологии широкими и неопредел. понятиями «обществ. группа», «слой» (страта), «реда» и т. д. Так, по мнению амер. социолога Э. Росса, общество состоит из совокупности социальных групп. К такого рода группам относят, напр., семью, религ. организации, культурные и политич. объединения и т. п. Франц. католич. социолог Р. Бертран-Серре утверждает, что общество делится не на К., а на различные среды: буржуазную, рабочую и т. д.,

различающиеся по образу жизни (см. R. Bertrand-Serret, *Le mythe marxiste des «classes»*, 1955). В качестве критерия разграничения социальных групп различные авторы выдвигают также род занятий, условия жизни, в т. ч. тип жилища, образование, доход и т. д. При этом следствия классового деления, напр. различия в бытовых условиях, в уровне образования и пр., выдаются за его причины. Более низкий уровень образования рабочего по сравнению с буржуа, плохие жилищные условия, в к-рых он находится, рассматриваются не как следствие, а как причина его пролетарского положения и таким путем действит. отношения полностью извращаются. Ряд бурж. социологов предлагает объединить все критерии различения в общее понятие «ранга» или «статуса». Так, напр., амер. социолог Л. Уорнер считает, что статус определяется занятием, источником дохода, типом жилища и районом проживания. Следуя этому принципу, он разделил население изучаемого им города на пять К.: высший, высший средний, низший средний, высший низший, низший низший (W. L. Warner, M. Meeker and K. Felts, *Social class in America, a manual of procedure for the measurement of social status*, 1949). Т. о., деление капиталистического общества на два враждебных друг другу К. подменяется неопределенным делением на «ранги», чтобы скрыть, замазать коренной классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Некоторые бурж. социологи пытаются, по примеру нем. социолога М. Вебера, расщепить классовую структуру общества на несвязанные друг с другом группировки людей в сфере экономики, социальной жизни и политики. Бурж. социолог Дж. Каль видит заслугу М. Вебера в том, что он расщепил марксово понятие К. на три части и якобы доказал, что деление людей на политич. партии, а также их группировка в социальной жизни не определяются «экономическими классами» (J. A. Kahl, *The American class structure*, [1957]). Такие взгляды имеют своей целью затуманить органич. связь между господством К. капиталистов в экономике и его политич. господством. При всем многообразии группировок людей в различных сферах жизни общества остается несомненным, что именно тот К., к-рый владеет важнейшими средствами произ-ва, держит, как правило, в своих руках политич. власть и господствует во всей социальной жизни.

Значит, часть совр. бурж. социологов пытается доказать, будто классовые различия при капитализме постепенно исчезают, стираются. Так, напр., амер. бурж. социолог Дж. Бернард выступила на 3-м Международ. социологич. конгрессе (1956) с утверждением, будто в США уже нет буржуазии и пролетариата, ибо они сливаются в едином «среднем К.». «Бесклассовое общество, — заявила она, — возникает не благодаря переходной диктатуре пролетариата, а в результате огромного расширения среднего класса, который имеет тенденцию поглощать классы, находящиеся „ниже его“» («Transactions of the third World Congress of Sociology», v 3, Amst., 1956, p. 26—27). Однако единого среднего К., о к-ром говорят бурж. социологи, в капиталистич. обществе не существует. Имеются различные средние слои (мелкая буржуазия города и деревни, часть служащих и интеллигенция и т. д.), занимающие промежуточное положение между рабочим К. и классом капиталистов и постоянно подвергающиеся изменениям по составу и численности, что отнюдь не устраняет противоположности между буржуазией и пролетариатом (см. С. Ларонович, *Британский монополистический капитал*, пер. с англ., 1956; Э. Грант, *Социализм и средние классы*, пер. с англ., 1960). Не устраняет этой противоположности и «революция в доходах», к-рая якобы сблизила низшие доходы с высшими. На деле никакой «революции

в доходах» не произошло. Для монополистич. капитализма характерно углубление пропасти между доходами верхушки монополистич. капитала и большинства трудящихся.

Вслед за бурж. социологами миф об исчезновении классовых различий в совр. капиталистич. странах усердно проповедают правые социалисты, реформисты, а также ревизионисты. Они утверждают, будто в совр. обществе вопрос о форме собственности все больше теряет значение. Так, напр., англ. лейборист Кросленд находит, что форма собственности уже не является критерием, определяющим характер обществ. строя, а франц. правый социалист А. Филип доказывает, что «собственность играет все меньшую роль в классовых различиях» (см. A. Philip, *Le socialisme trahit*, pt. 1—2, [P., 1957], p. 21). Акционерная форма капиталистич. собственности выдается правыми социалистами за обществ. собственность, а отсюда делается вывод о том, что капиталист якобы уже исчез. Т. о., лидеры правых социалистов стараются выушить рабочему К., будто ему уже не с кем вести борьбу, стараются отвлечь его от атаки на капиталистич. собственность. Вместо отношения к средствам произ-ва многие правые социалисты выдвигают на первый план отношения распределения, становясь, т. о., на позиции распределит. теории К. Эта теория служит обоснованием реформистской политики, сводящейся к борьбе за мелкие улучшения положения рабочих и отрицающей необходимость ликвидации капитализма. Среди правых социалистов пользуется распространением также организац. теория, сводящая различия между К. к различиям между организаторами и исполнителями. Эта теория тесно сливается с теориями менеджизма (от слова «менеджер» — управляющий). В предисловии к книге амер. бурж. социолога *Бёрнхейма* «Дра организаторов» лидер франц. правых социалистов Л. Блюм утверждал, что «переход капитализма к режиму организаторов» является «революцией организаторов», к-рая заменит собой и сделает ненужной социалистич. революцию. На деле «революция организаторов» — такой же миф, как и «революция в доходах». Значит. часть капиталистов, все более паразитируя, действительно передает непосредств. управление произ-вом своим служащим. «Монополистическая буржуазия является бесполезным паразитом на общественном организме, излишней для процесса производства» (Программа КПСС, 1961, с. 29). Но это не означает будто капиталисты утрачивают власть над пром-стью и «исчезают». Это лишь новое свидетельство растущего паразитизма буржуазии, подтверждающее необходимость ликвидации этого К., к-рая может быть осуществлена только социалистич. революцией. Историч. опыт показал, что только марксистская теория К. указывает человечеству путь из классового общества в бесклассовое.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; Маркс К., Введение (Из экономических рукописей 1857—58 годов), там же, т. 12; е го же, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, там же, т. 8; е го же, [Письмо] И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; е го же, Капитал, т. 1—3, М., 1953; е го же, Теория прибавочной стоимости (IV т. «Капитала»), ч. 1—3, М., 1955—61; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957, отд. 2, гл. 3, 4, отд. 3, гл. 1—2; е го же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955, гл. 4; е го же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953; е го же, Общественные классы — необходимые и излишние, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19; Лени н В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., 4 изд., т. 1; е го же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, там же, т. 1; е го же, Вульгарный социализм и народничество, воскресаемые социалистами-революционерами, там же, т. 6; е го же, Еще одно уничтожение социализма, там же, т. 20; е го же, Карл Маркс, там же, т. 21; е го же, Государство и революция, там же, т. 25; е го же, Великий почин, там же, т. 29; е го же, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, там же, т. 30; е го же,

Детская болезнь «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; Программа КПСС, М., 1961; Х р у щ е в Н. С., О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, М., 1959; е го же, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии 17 окт. 1961 года, М., 1961; е го же, О Программе КПСС, М., 1961; Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 г., М., 1960; Ф о е т е р У. З., Закат мирового капитализма, пер. с англ., М., 1951; Т о р е з М., Новые данные об обнищании трудящихся Франции, М., 1959; U b r i c h t W., Die Staatslehre des Marxismus-Leninismus und ihre Anwendung in Deutschland, В., 1958; Основы марксизма-ленинизма, [2 изд.], М., 1962, гл. 5, 10, 11, 22, 24, 26; Основы марксистской философии, [2 изд.], М., 1962, гл. 15, 19; Социал-демокр. общественные классы, 2 изд., П., 1923; У д а л ь ц о в А., История классов у Маркса и Энгельса, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Архив, кн. 1, М., 1924; К у п о в Г., Марксова теория исторического процесса, общества и государства, пер. с нем., т. 2, М.—Л., 1930; Каутский К., Материалистическое понимание истории, пер. с нем., т. 2, М.—Л., 1931; Г л е з е р м а н Г. Е., Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР, [М.], 1949; Ч е р н о в Ф. Ф., Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы, 2 изд., [М.], 1952; III Международный конгресс социологов. Стенограмма доклада [Ш. П. Федосеева] и выступлений [В. С. Немчинова, С. Ф. Кочельяна, А. М. Румянцева, М. Д. Камарна], М., 1957; Н е м ч и н о в В. С., Великая Октябрьская социалистическая революция и изменение классовой структуры сов. общества, в сб.: Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1957; С е м е н о в В. С., Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии, М., 1959; Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии [Сб. статей. Под общ. ред. Ю. П. Францева], М., 1960; Зарубежные марксисты в борьбе против реформизма и ревизионизма. Сб. переводов. Под общ. ред. А. Ф. Окулова, М., 1960; Б о л ь ш о в Д. Г., М и д д л е в В. В., Я к о в л е в а Л. А., Кризис реформистских иллюзий «демократического социализма», М., 1961; В а р г а Е. С., Капитализм двадцатого века, М., 1961; Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма. [Гл. ред. Г. Е. Глезерман], М., 1961; Ш н е й е р с о н А. П., Городские средние слои при капитализме, М., 1961; А н д р е е в а Г. М. и У г р и н о в и ч Л. М., Классы и классовая борьба, М., 1961; А н д р е е в а Г. М., На пути к бесклассовому коммунистическому обществу, М., 1961; Рабочее движение в капиталистических странах (1959—61 гг.), М., 1961; Марков М., Към въпроса за класовите изменения в НРБ, С., 1960; R ă d u l e s c u I., Dulea M., Structura economică și de clasă a RP Române, Buc., [1960].

Г. Глезерман. Москва.
КЛАУБЕРГ (Clauberg), Погани (24 февр. 1622—31 янв. 1665) — нем. философ-картезианец (см. *Картезианство*). Проф. философии и теологии в Лейдене и Херборне (1650—52), с 1652 — в Дуйсбурге. Одним из первых стал пропагандировать философию Декарта в Германии. В его сочинениях дано систематич. изложение дуалистич. системы Декарта, в переработке к-рой он предвосхищал *Гейлишкиса* (см. также *Окказионализм*). К. учил, что взаимодействие между двумя субстанциями — духом и телом — не может протекать из их совств. природы. Причиной того, что возможны взаимодействия одной субстанции с другой, является бог. Отдельный волевой акт или отдельное телесное движение является лишь «causa procatartica» (внешней причиной, нуждающейся в побуждении), бог же является «causa libera et universalis» (свободной и всеобщей причиной). В своем произв. «Metaphysica de ente, quae rectius Ontosophia» (1656) К. выступил как предшественник логич. и психологич. учения Х. Вольфа, к-рый заимствовал у К. термин «онтология» или «онтософия», введенный К. вместо понятия «метафизика».

Соч.: Opera omnia philosophica, TI 1—3, Anst., 1691; Differentia inter Cartesianam et in scholis vulgo usitatum philosophiam, [s. l.], 1651.

Лит.: История философии, т. 2, М., 1941, с. 138; М ü l l e r P. H., J. Clauberg und seine Stellung in Cartesianismus mit besonderer Berücksichtigung seines Verhältnisses zu der occasionalistischen Theorie, Jena, 1891 (Diss.); B r o s c h P., Die Ontologie des J. Clauberg, Greifswald, 1926; B a l z A., Clauberg and the development of occasionalism, «Philos. Rev.», 1933—34, v. 42, 43, p. 42—43. *О. Фангер.* ГДР.

КЛАУС (Klaus), Георг (р. 1912) — нем. философ-марксист, действит. член Герм. Академии наук (с 1961). Участник подпольной борьбы с фашизмом. В книге «Иезуиты, бог, материя» («Jesuiten, Gott, Materie»,

1957) К. подверг критике фальсификацию диалектич. материализма, содержащуюся в сочинениях неомиста Г. Вентера. Большое внимание К. уделяет разработке филос. вопросов совр. формальной логики и кибернетики.

С о ч.: Philosophie und Einzelwissenschaft, В., 1958; в рус. пер.: Введение в формальную логику, М., 1960.

Лит.: Гулыга А., Достойный оппор неомистской фальсификации диалектического материализма, «Коммунист», 1958, № 12.

КЛАЦЕЛЬ (Klácel), Франтишек Матоуш (7 апр. 1808 — 17 марта 1882) — чеш. политич. деятель и философ-левоегегельянец. Получил богословское образование. С 1835 — проф. философии. В 1844 был уволен со службы за панславизм и гегельянство. В период с 1844 по 1852 К. выступал со статьями в моравских прогрессивных журналах «Týdenník», «Moravské povíky». К. — автор первой чеш. книги о социализме «Послания друга подруге о происхождении социализма и коммунизма» («Listy přítelkyni o původu socialismu a komunismu», 1849; последнее издание в 1948 с предисловием Л. Свободы). К. был знаком с основами франц. социализма, придерживаясь идей утопич. социализма. В 1869 К. уехал в США, где продолжал свою просветит. деятельность в качестве журналиста, основал в 1872 филантропич. об-во «Объединение свободомыслящих», выступавшее против суеверия и религ. предрассудков. В работах, посвященных вопросам этики, напр. «Наука о добре» («Dobrověda», 1847), К. проповедовал космополитизм («всемирность»), противопоставляя его «патриотизму», под к-рым К. подразумевал националистич. эгоизм.

Лит.: Кабелік Ж., Ф. М. Klácel, Praha, 1908; Трап М., Pedagog Klácel, в сб.: Tyl. Němcová. Klácel. Výchovný vznam třech díla, Praha, 1955.

КЛЕАНФ (Κλεανθής) из Асса в Троаде (р. ок. 330 — ум. ок. 232 до н. э.) — др.-греч. философ, один из основателей (вместе с Зеноном из Китиона и Христом Киликийским) стоицизма. Учение К. можно только с большим трудом выделить из общестойч. учения, поскольку источники большей частью имеют в виду их всех троих вместе. Как и все стоики, К. разделял философию на логику, физику и этику. Логика К. понимал как учение о слове, разделяя ее на учение об обозначающем (акт смыслового полагания) и обозначаемом (предмет смыслового полагания) (SVF I frg. 483—90, Anm.). Вместе с прочими стоиками К. проповедовал в физике единую материю, к-рая разрезается в тончайший огонь и спускается в воду и землю (там же, frg. 495), являясь, однако, в то же время мировым логосом или осмысленным словом (там же, frg. 493). Впрочем, у К. была также и тенденция трактовать логос как формирующий принцип (там же, frg. 496), что до нек-рой степени уже напоминает Платона и Аристотеля. Им же признавалось периодич. воспламенение Вселенной (там же, frg. 497). Телесной сущностью обладает, по К., и человек: душа, представляющая собой итечение божеств. первоогня (там же, frg. 518—26). Боги и демоны тоже являются силами природы на разных ступенях их развития (там же, frg. 528—47). Однако материалистич. тенденция, роднящая древних стоиков, в т. ч. К., с раннегреч. натурфилософией, в частности с Гераклитом, сталкивалась в учении К. с трактовкой логоса как общемировой цели и как всеобщего провидения (там же, frg. 548—51). Общестойч. концепция чувственного познания (к-рая вполне совмещалась с рационализмом учения о логосе) у К. выступала как учение об отпечатывании вещей на воске души (там же, frg. 484). В области этики К. выставлял обычные для раннего стоицизма учения — о жизни сообразно с природой или, что то же, с разумом, логосом (там же, frg. 552); об искоренении страстей и об отсутствии всяких переходов между мудрецом и глупым или между добродетельным и порочным (там же, frg. 570, 574); весьма ригористич. учение о добродетелях (там же, frg. 563—69) и т. д. Для взглядов К. характерно толкование удовольствия как противостеств. аффекта, добавление к этике политики, отсутствие учения о космосе как о мировом гос-ве, пажобность (заставлявшая его выступать против учения Аристарха Самосского о движении Земли и писать торжественные гимны Зевсу), помещение верховного божества на Солнце и др. Синкретизм мировоззрения К. отражал особенности эпохи эллинизма, когда, с одной стороны, развивалась гос. централизация, осн. на крупном рабовладении, а с другой — индивидуализм, достигший небывалой до того времени распространенности. Первая из этих тенденций эпохи эллинизма отражалась в мировоззрении К. в виде фатализма, космополитизма, приверженности идеям Гераклита об огненном логосе как всеобщем законе и о необходимости; вторая находила выражение в симпатиях К. к индетерминизму, теории свободы воли и квинизму.

С о ч.: Fragments of Zeno and Cleanthes, ed. A. C. Pearson, Camb., 1891; Stoicorum veterum fragmenta, coll. I. Arnim, v. 1, Lpz., 1921, S. 103—39.

Лит.: Poppelreuter H., Die Erkenntnislehre Zenons und Kleanthes, Koblenz, 1891; Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Halbbd 21, Stuttg., 1921, S. 558—74; Pohlenz M., Die Stoa, Bd [1—2], Gött., 1948—49. См. также лит. при ст. Стоицизм. А. Лосев. Москва.

КЛЕЙНПЕТЕР (Kleinpeter), Ханс (р. 1869) — австр. философ, крайний представитель махизма, дошедший до выводов в пользу солипсизма. Активный популяризатор махизма; по его мнению, «исходный пункт Беркли и Маха неопровержим» («Kant-Studien», Bd 8, В., 1903, S. 274). Вслед за Махом К. считал, что тела — мысленные символы для комплекса ощущений (см. «Archiv für systematische Philosophie», В., 1899, Bd 5, S. 162—64). Согласно К., «субъективное убеждение, а не объективная истина, есть единственная достижимая цель всякой науки» («Die Erkenntnistheorie der Naturforschung der Gegenwart», Lpz., 1905, S. 9). К. подчеркивал «волевой характер нашего мышления», считая, что в нем выражается несвязанность нашей воли «внешними обстоятельствами» (там же, S. 50). С идеалистич. позиций К. критиковал филос. взгляды Гельмгольца за «непонимание» того, что масса, сила и т. д. это «только понятия, продукты нашей фантазии, а вовсе не реальности, существующие вне мышления» («Archiv...», S. 164). Пытался доказать совместимость субъективно-идеалистич. теории Маха с требованиями новейшего естествознания, за что был высмеян Лениным (см. Соч., т. 14, с. 83).

С о ч.: Die Erkenntnistheorie der Naturforschung der Gegenwart, Lpz., 1905; Der Phänomenalismus, Lpz., 1913.

КЛЕМАН (Clemens), Пене (р. 14 апр. 1911) — бельг. социолог, представитель эмпирич. социологии. Проф. Льежского ун-та; директор социологич. ин-та в Льеже, руководитель издания «Travaux de l'Institut de sociologie de la faculté de droit de Liège». Осн. интерес исследований К. составляет индустриальная социология. К. и его сотрудники исходят из принципов, разработанных в духе бурж. теорий социальной мобильности и социальной стратификации. К. пытается объяснить классовые конфликты совр. капиталистич. общества взаимным непониманием (напр., между рабочими и администрацией предприятия), возникающим в результате несовершенства средств общения. Устранение классовых конфликтов, по К., возможно будто бы с помощью ряда «организационных форм» в рамках капиталистич. общества. Главным К. считает создание эффективной «человеческих отношений теории». Занимается также вопросами социологии права и экономики.

С о ч.: Personnalité morale et personnalité juridique, P., 1935; L'assimilation culturelle des immigrants en Belgique, Italiens et Polonais dans la région liégeoise, Liège, 1953 (совм.

с G. Vosse-Smal et P. Minon); Les relations humaines au cours du travail, P., 1955 (совм. с А. Massart); Les relations humaines dans l'industrie, Liège, [1958].
Лит.: Contemporary sociology. Ed. by I. S. Roussek, L., 1959, p. 752, 756, 759, 762.
И. Добролюбов. Москва.

КЛИМА (Klíma), Ладислав (22 авг. 1878 — 19 апр. 1928) — чешский философ-идеалист, близкий по взглядам к Ницше. К. резко критиковал политический, называемый им меланксимом реализм «торгашей и весов», отрицал офиц. университетскую философию. Волюнтаристски толковал историю чешского народа, К. высоко оценивал гуманизм и выражал уверенность в том, что чешский народ и в будущем способен на революционные действия. Философия К., иногда называемая им экзистентизмом, некоторыми своими чертами, в частности трактовкой абсурдности, предвосхитила совр. экзистенциализм. Филос. идеи К., получившие выражение также в его романах и драматич. произведениях, представляли собой своего рода анархич. бунт против бурж. философии нач. 20 в., за границы к-рой они тем не менее не выходили.

Соч.: Svět jako vědomí a nic, Praha, 1904; Traktáty a diktaťaty, Praha, 1922; Matěj Poctivý. Fantastická lidová veselohra o 3 děj, Praha, 1922 (совм. с А. Dvořák); Věřina a věcnost, Praha, 1927; Utrpení knizec Sternenhoch, [Praha, 1928]; Vlastní životopis filosofa Ladislava Klímy, Praha, 1938.
Лит.: Saída F. X., Filosof — básník [L. Klíma], «Tribuna», 1922, 16. 4, с. 90; Kabeš J., Ladislava Klímy filosofie česťiví, Praha, 1945; его же, Ladislav Klíma filosof-básník, 1878—1928, Praha, [1948].
С. Штрос. СССР.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (Clemens Alexandrinus) (до обращения в христианство — Тит Флавий) (р. ок. 150 — ум. ок. 215) — христ. богослов, один из «отцов церкви», руководитель церк. школы в Александрии. В своих соч. («Увещание к эллинам», рус. пер. 1888; «Педагог», рус. пер. 1890, и др.) К. А. пытался обосновать христианство, используя стовч. платонизм. Поднимая на цит идеалистич. философию Платона, К. А. выступал против материализма Эпикура, что отметил К. Маркс (см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, 1956, с. 30). Историю философии К. А. рассматривал как подготовку христианства. Будучи большим знатоком древн. философии, К. А. неоднократно цитировал работы древних авторов, в т. ч. Гераклита Эфесского, Демокрита и др., что делает сочинения К. А. (особенно 8-томный сборник изречений древних философов и поэтов «Строматы», рус. пер. 1892) ценным историко-филос. источником.

Соч.: Opera quae extant omnia, t. 1—2, P., 1857 (Migne J. P., Patrologiae cursus completus. Series graeca, t. 8—9); The writings. Transl. by W. Wilson, v. [1]—2, Edin., 1867—69; [Werke. Griechisches Original], Bd 1—4, Lpz., 1909—39 (Bd 1—2, 2 Aufl., 1936—38; Bd 3—4, 1909—36); Ausgewählte Schriften, aus d. griech. übersetzt von O. Stählin, Bd 1—5, Münch., 1934—38 (Bibliothek d. Kirchenväter, 7, 8, 17, 19, 20); в рус. пер. Н. Корсуноко: Кто из богатых спасется, Я., 1888.

Лит.: Скворцов К., Философия отцов и учителей церкви, К., 1868; Миртов И., Нравственное учение Климента Александрийского, СПб., 1900; История философии, т. 1, М., 1940, с. 389—90 и др. (см. Указатель); Faуе E. de, Clément d'Alexandrie, 2 éd., P., 1906; Daskalakis M. J., Die eklektischen Anschauungen des Clemens von Alexandria und seine Abhängigkeit von der griechischen Philosophie, Lpz., 1908; ToUington R. B., Clément d'Alexandrie, v. 1—2, L., 1914; Meifort J., Der Platonismus bei Clemens Alexandria und sein hellenistisches Christentum, Gött., 1943; Mondesert C., Clément d'Alexandrie, P., 1944; Volkert W., Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandria, B.—Lpz., 1952; Soborne E. F., The philosophy of Clemens of Alexandria, Camb., 1957.

КЛЕИНИ (Kleene), Стивен Коул (р. 5 янв. 1909) — амер. логик и математик. проф. Висконсинского ун-та (Madison) с 1948. Работы К. в области математич. логики посвящены в основном разработке теории общерекурсивных функций, в к-рой им доказан ряд осн. теорем. К. изучал также понятие λ -определенности функций, являющееся одним из уточнений понятия алгоритма. К. показал, что класс λ -определенных

функций совпадает с классом общерекурсивных функций. К. принадлежит также разработка теории рекурсивной реализуемости формул. Эта теория является одной из попыток интуиционистского истолкования математич. суждений. Автор кн. «Введение в метаматематику» (1952, рус. пер. 1957) — одного из ведущих в мировой лит-ре сочинений по логике и основаниям математики.

Соч.: A theory of positive integers in formal logic, «Amer. J. Math.», 1935, v. 57, p. 153—73, 219—44; General recursive functions of natural numbers, «Math. Ann.», 1936, Bd 112, p. 727—42; λ -definability and recursiveness, «Duke Math. J.», 1936, v. 2, p. 340—53; Recursive predicates and quantifiers, «Transactions Amer. Math. Soc.», 1943, v. 53, p. 41—73; On the forms of the predicates in the theory of constructive ordinals, «Amer. J. Math.», 1944, v. 66; On the interpretation of intuitionistic number theory, «J. Symbolic Logic», 1945, v. 10, p. 109—24.
В. Доленко. Москва.

КНЕБЕЛЬ (Knebel), Карл Людвиг фон (30 нояб. 1744—23 февр. 1834) — нем. философ-материалист и писатель, друг Гёте и Гердера. Утверждая, что «природа и сущность человека, как и всех других существ, одного и того же порядка; и то, что мы называем духом и приписываем только человеку, есть не что иное, как более высокая сила, основанная на свойствах природы» («Blicke auf unser Dasein», 1818, цит. по кн.: «Literarischer Nachlass und Briefwechsel», Bd 3, Lpz., 1840, S. 410), К. отстаивал материалистические позиции в философии. К. — сторонник естеств. происхождения жизни и человека. Он выступал против механистич. отрицания качеств. многообразия действительности. Каждая сфера действительности обладает своей спецификой: жизнь, напр., нельзя объяснить ни механич. перемещением мертвых частиц, ни даже химич. закономерностями. К. — поклонник Лукреция и переводчик его поэмы «О природе вещей» на нем. яз. Однако он не принимал атомистич. взглядов Лукреция, видя в них лишь их механистич. слабости. Творчество К. пропитано атеистич. идеями. Он отрицал бессмертие души, считая христ. религию препятствием на пути развития науки.

Соч.: Briefwechsel mit Goethe, Lpz., 1851.
Лит.: Knebel I-D öberitz H., Karl Ludwig v. Knebel. Ein Lebensbild, Weimar, 1890; Maltzahn H., Karl Ludwig v. Knebel. Goethes Freund, Jena, 1929; Reimann P., Hauptströmungen der deutschen Literatur, B., 1956, S. 185—99.
А. Гулыга. Москва.

КНЕЖЕВИЧ (Кнежевич), Божидар (7 марта 1862—18 февр. 1905) — югосл. философ-идеалист. Окончил Великую школу в Белграде. С 1889 — профессор. Утверждая, что «Бог есть сила, создавшая время», К. рассматривал весь мир, «пространство со всеми вещами и мирами» как «отложение времени» («Мисли», Белград, 1931, с. 9). Мышление — это «процесс, в котором все другие процессы в природе и жизни являются только фазами и элементами, следовательно, мышление — это процесс процессов» (там же, с. 55). Чувство и идея бога возникли у человека стихийно, а из религии произошли науки, искусство и философия. «Главная задача философии — примирить науку и религию» (там же, с. 27).

Осн. произведение К. — «Причины истории» («Причины историје», кн. 1—2, 1898—1901), отражающее влияние на К. Шпенсера, состоит из двух книг: «Порядок в истории» («Ред у историји») и «Пропорция в истории» («Пропорција у историји»). Соответственно этому К. выдвигал два осн. космич. закона: закон иерархия и закон пропорции. Человек — часть космич. жизни. Взаимная связь вещей ведет в конечном счете к общему примирению, к-рое, однако, является непродолжительным, ибо все существующее подвержено гибели. Прогресс и цивилизация создают голодные, а используют сытые. Но народы в итоге стирются с себя «высшие классы».

Соч.: Историски календар, [6. м.], 1904; Закон реда у историји, Белград, 1921; Историски догађај и [6. м.], 1924; Мисли, Белград, 1931.
И. Элев. Москва.

КНОБЛАУХ (Knoblauch), Карл фон (3 нояб. 1756—6 сент. 1794) — нем. философ-материалист. Изучал в Херборне, Гисене и Гёттингене математику, юриспруденцию и философию. Сторонник франц. бурж. революции, К. мечтал о подобном перевороте также и в Германии. За свои откровенно антимонархистские и атеистич. убеждения подвергался постоянным преследованиям. К. — автор политич. статей и книг антифеод. содержания, а также работ на религ. и филос. темы. Большую часть своих работ он вынужден был выпускать анонимно. К. разработал материалистич. и атеистич. представление о мире, основанное на учении Спинозы, франц. механистич. материализме и нем. материалистич. психологии. Излагал он его не академически, а как публицист, в связи с борьбой против феод. абсолютизма и религ. суеверий, в особенности христ. веры в чудеса.

Соч.: *Antithaumaturgie, oder die Bezweiflung der Wunder, Loreto*, 1790; *Die Nachtwachen des Einsiedlers zu Athos, Nürnberg*, 1790; *Euclides Anti-thaumaturgicos*, [Lpz.], 1791; *Politische und philosophische Gespräche*, Bd 1, В., 1791; *Grundsätze der Vernunft und Erfahrung in ihren Anwendungen auf das Wunderbare, Weissensfels*, 1791.

Лит.: *F i n g e r O.*, Karl von Knoblauch — ein deutscher Atheist des 18. Jahrhunderts, «*Dtsch. Z. Philos.*», 1958, № 6; *е г о ж е*, Der Kampf Karl von Knoblauchs gegen den religiösen Aberglauben, в кн.: *Beiträge zur Geschichte des vor-marxistischen Materialismus*, В., 1961, S. 255—97. *О. Фингер*. ГДР.

КНУТЦЕН (Knutzen), Мартин (14 дек. 1713—29 янв. 1751) — нем. философ-идеалист, учитель *Канта*. В двадцать один год стал профессором логики и метафизики в Кёнигсберге. Последователь рационализма *Х. Вольфа* и естеств.-науч. идей *Ньютона*. Подверг критике учение о *предустановленной гармонии*.

Соч.: *Philosophischer Beweis der Wahrheit der christlichen Religion, Königsberg*, 1740; *Systema causarum efficientium*, Lpz., 1745; *Elementa philosophiae rationalis...*, Königsberg, 1747.

Лит.: *E r d m a n n B.*, Martin Knutzen und seine Zeit, Lpz., 1876; *V i e n a M. v a n*, Martin Knutzen, la critique de l'harmonie préétablie, P., 1908. *А. Гулыга*. Москва.

КНУТЦЕН (Knutzen, Knutsen), Маттиас (р. 1646 — г. смерти неизв.) — нем. революционно настроенный просветитель, воинств. атеист. Изучал теологию и философию в Кёнигсберском и Копенгагенском ун-тах. В 1674 распространял нелегально в Иене и др. городах листовки антирелиг. и антиправительств. содержания (текст их воспроизведен в кн.: *J. Musaeus, Ableinung der ausgesprengten abscheulichen Verleumdung...*, [2 Aufl.], Jena, 1675) и в анонимно изданной работе *И. Эдельмана* «*Moses mit Aufgedecktem Angesichte...*», Bd 2, Fr./M., 1740, S. 46—55, 69—76). Листовки написаны в форме диалогов, в одной из них содержится следующее заявление: «Я не верю в бога, ни в грош не ставлю Библию, я заявляю вам, что надо прогнать попов и начальство, так как без них можно прекрасно прожить» (указ. соч., S. 49—50). К. утверждал, что создал организацию «совестливых» — людей, живущих согласно велениям разума и совести, к-рых в одной только Иене насчитывалось ок. 700.

Лит.: *Г р о п п Р. О.*, Прогрессивное философское наследие Германии последней трети XVII — конца XVIII вв., «*Философские науки*» (Научн. докл. высш. школы), 1961, № 1, с. 89—90; *Гулыга А. В.*, Из истории немецкого воинствующего атеизма, «*Вестник истории мировой культуры*», 1961, № 8, с. 91—102; *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste...*, hrsg. von J. S. Ersch und J. G. Gruber, I Section, Bd 66, Lpz., 1857, S. 55—66; *V ä c k L.*, Spinozas erste Einwirkungen auf Deutschland, В., 1895; *G r u n w a l d M.*, Spinoza in Deutschland, В., 1897; *M a u t n e r F.*, Atheismus und Seine Geschichte im Abendlande, Bd 3, Stuttg., 1922; *Н е i s e W.*, Mathias Knutzen, в кн.: *Beiträge zur Geschichte des vor-marxistischen Materialismus*, В., 1961, S. 28—43. *В. Пфо*, ГДР. *А. Гулыга*. Москва.

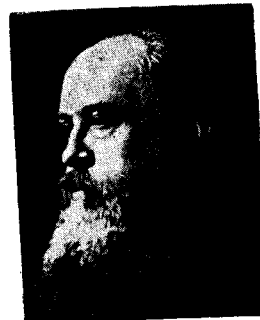
КОВАЛЕВСКИЙ, Максим Максимович (27 авг. 1851—23 марта 1916) — рус. социолог, историк, правовед и политич. деятель бурж.-либерального направления. Окончил юридич. фак-т Харьковского ун-та (1872). Продолжал образование в Берлине, Париже и Лондоне, где познакомился с Марксом и

Энгельсом. Возвратившись в Россию (1877) и получив степени магистра (1877) и доктора («Общественный строй Англии в конце средних веков», 1880), преподавал право в Моск. ун-те. Совм. с В. Ф. Миллером редактировал журн. «Критическое обозрение» (1879—1880). Один из основателей Моск. психологич. общества (1884). Уволенный из ун-та (1887), уехал за границу. Участник многих междунар. конгрессов социологов и историков. В Россию возвратился в 1905, преподавал в Петербургском ун-те, Психоневрологич. и Политехнич. ин-тах. Издатель журн. «Вестник Европы» (1909—16), один из редакторов Энциклопедич. словаря Гранат (1910—1916). С 1899 — член-корр., с 1914 — действит. чл. АН. Активно участвовал в политич. жизни: основатель партии «демократич. реформ», депутат 1-й Гос. думы, с 1907 — член Гос. совета.

Филос. взгляды К. сложились в основном под влиянием позитивизма *Конта* и *Спенсера*. Приверженность к позитивизму К. сохранил в течение всей жизни, критически относясь к *неокантианству* и *неогегельянству*. Несмотря на знакомство К. с Марксом и Энгельсом и их учением, нашедшее известное отражение в его трудах (интерес к истории землевладения, к экономич. проблемам), он остался противником марксизма; в нем К. усматривал одностороннее объяснение истории, к-рое будто бы преодолевается позитивизмом. Значит. влияние оказали на К. теоретич. и биологизирующие социальный процесс (*социальный дарвинизм* и др. — см. *Биологическое направление* в социологии).

Центральное место в трудах К. занимают проблемы социологии. Спец. работы К. по социологии посвящены гл. обр. разбору социологич. учений («Современные социологи», 1905; «Социология», т. 1—2, 1910). Свою задачу К. видел в сближении различных учений об обществе, в преодолении односторонности психологич., биологич., экономич., географич. и др. школ социологии на почве «теории социального прогресса». Сущность прогресса, согласно К., состоит в развитии солидарности и единства между группами, классами и народами, т. е. в социальной гармонии. Социология, по К., призвана «...объяснить прошлое и настоящее разнообразнейших форм человеческой солидарности и самую природу последней...» («Современные социологи», СПб, 1905, с. 286). Установление обществ. солидарности возникает из влияния множества причин, среди к-рых нельзя выделить какой-либо отд. фактор как основной и определяющий (см. там же, с. XIV). Историк должен ограничиваться констатацией взаимодействия и соотносительности в развитии обществ. явлений. В то же время К. указывал на рост населения как на «главный двигатель экономической эволюции» («Развитие народного хозяйства в Западной Европе», СПб, 1899, с. 2), оказывающий опосредств. влияние и на др. стороны обществ. эволюции. Опираясь на свою «теорию социального прогресса» и под влиянием бурж. экономизма и «*катедер-социализма*», К. проповедовал отрицание революц. методов изменения общества, гармонию классовых интересов. В гос-ве К. видел выражение солидарности классов, в революции — патологич. явление и искусство состояние.

В своих работах К. разрабатывал и применял историко-сравнит. метод, характерную особенность к-рого, по К., составляет «параллельное изучение

общественной эволюции различных народов, древних и современных, которое должно, в конечном счете, дать общую формулу поступательного движения общественной жизни» («Очерк происхождения и развития семьи и собственности», 1939, с. 19). Давая историко-сравнит. характеристику этнографич. и историко-легендарному материалу, К. показал, что коллективные формы пользования землей не связаны с нар. психологией славян или германцев, а общи всем народам. К. опровергал объяснение истории «национальным духом», «народным характером» и т. п. началами. В работе «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (т. 1—3, 1906) К. (в отличие от господствовавших в то время в России учений, в к-рых история политич. учений выводилась из нравств. и метафизич. начал) пытался показать историю политич. идей как продукт политич. практики. Однако отсутствие у К. объективного критерия для определения принадлежности сравниваемых явлений к одной и той же стадии развития, отказ от выделения определяющих обществ. явлений делали его концепцию философски эклектичной.

В период бурж.-демократич. и социалистич. революций 20 в. идеи К. стали играть реакц. роль в политич. жизни России. Вступая в область политики, К. стремился теоретически обосновать бурж. либерализм, примирение демократии с монархией.

Соч.: Исчерпывающего списка трудов К. нет. Неполные данные см. в книгах: Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Акад. наук, ч. 2, П., 1917; М. М. Ковалевский, П., 1917. Осн. работы: Общинное землевладение, ч. 1, М., 1879; Современный быт и древний закон, т. 1—2, М., 1886; Первоытное право, вып. 1—2, М., 1886; Закон и быт на Кавказе, т. 1—2, М., 1890; Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. 1—3, М., 1898—1903; Происхождение современной демократии, т. 1—4, М., 1895—99; Мое научное и литературное скитальчество, «Рус. мысль», 1895, кн. 1; Две жизни, «Вестн. Европы», 1909, № 6; Очерк происхождения и развития семьи и собственности, пер. с франц., М., 1939.

Лит.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политическими деятелями, 2 изд., М., 1951 (см. Указатель имен); [Маркс К.], Конспект книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение...», «Советское востоковедение», 1958, № 3, 4, 5; Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1954; Ленин В. И., Соч., 4 изд. (см. Указатель имен); Г. Б. [Плеханов Г. В.], Земельная община и ее вероятное будущее, «Рус. богатство», 1880, № 1—2; Тимирязев К. А., Памяти друга, Соч., т. 8, [М.], 1939; Сафронов Б. Г., М. М. Ковалевский как социолог, [М.], 1960 (имеется обширная библиография); Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2, М., 1960; История философии, т. 5, М., 1961, с. 349—52.

В. Карпачев, Свердловск.

КОВАРД (Coward), Уильям (1656—1725) — англ. врач и философ-деист. Обучался медицине в Оксфорде (1674—77). Магистр (с 1685) и доктор (с 1687) медицины. В своей книге «Мысли о человеческой душе...» («Second thoughts concerning human soul...», 1702) доказывал с т. зр. деистич. «истинного христианства» и используя аргументы, заимствованные из Священного писания, что не существует самостоят. духовной субстанции, что душа есть материальный огонь, угасающий при смерти организма. К. утверждал, что материя внутренне присуще движение, к-рое является также основой психики животных и человека. Это произв., как и др. соч. К. «Большой очерк или Защита разума и религии от философских обманщиков» («The grand essay, or a vindication of reason and religion against impostures of philosophy», 1704), было осуждено (1704) комитетом, специально учрежденным палатой общин для его рассмотрения. Палата постановила сжечь работы К., считая, что они содержат вредные идеи. Однако К. сумел не только переиздать «Мысли...», но и напечатать в развитие этой работы соч. «Истинное исследование, или Серьезное рассмотрение современных представлений о душе» («The just scrutiny, or a serious enquiry into

the modern notions of the soul», 1700). В соч. «Офтальмиатрия» («Ophthalmiatry», 1706) К. высмеял представления картезианцев о нематериальной душе, находящейся в шишковидной железе. К. выступал также против активного защитника религии и идеализма *Кларка*. К. является автором ряда мед., художеств. и лит.-критич. соч. Маркс относил К. к числу англ. философов-деистов, уничтоживших «... последние теологические границы локковского сенсуализма» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 144).

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 245; Stephen L., Coward William, в кн.: The Dictionary of national Biography, v. 4, L., 1949—50, p. 1298—99.

КОГАКУХА (дословно — «школа древней науки») — офиц. название япон. «Школы классического конфуцианства», выступавшей в 17—18 вв. против офиц. идеологии токугавского режима — *чжусианского неоконфуцианства*. Этико-политич. учение К. различно истолковывалось в течение мн. столетий в кит. и япон. философии. Используя конфуцианские этич. категории и терминологию, мн. философы вкладывали в них свое содержание, доказывая гл. обр. идею универсальности *жэнь* — человек. гуманности. Гл. деятели К. — Огу (Буцу) Сорай, Ямага Соко и др. — придерживались первоначального понимания конфуцианских этич. норм и выступали против стремления неоконфуцианцев истолковывать их в духе буддийской и даосской мистики. В совр. япон. историко-филос. лит-ре говорится даже о «когакуха ундо» — «движении школы древней науки», представляющем пример «японского ренессанса».

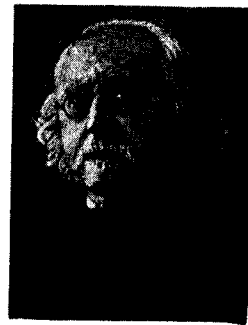
Лит.: Радуль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 344—57; Агнстронг Е. С., The light from the East, Toronto, 1914; Сайгуса Хирото, Нихон-но юбучуроня (Японские материалисты), Токио, 1956, с. 57—58.

Я. Радуль-Затуловский, Ленинград.

КОГЕН (Cohen), Герман (4 июля 1842—4 апр. 1918) — нем. философ-идеалист, глава *марбургской школы*. С 1873 — доцент, а с 1876 — проф. в Марбурге, в 1912 переехал в Берлин.

К. в качестве исходного пункта своих исследований взял «трансцендентальный метод» Канта. Отвергая материалистические элементы кантовской философии, он последовательно выводил из чистой мысли не только априорные формы чувственности и рассудка, но и сам предмет познания. «Вещь в себе» у К. превращается лишь в формальный принцип, в некую задачу познания. Он один из первых среди неокантианцев пытался создать на основе трансцендентализма и априоризма кантовского учения чисто гносеологич. философию. Под последней он понимал такое филос. учение, которое не признает никаких независимых от познания предпосылок («System der Philosophie», Tl 1 — «Logik der reinen Erkenntnis», 1902). Предметом его философии является, с одной стороны, т. н. культурное сознание, объединяющее в себе всевозможные области познания, гл. обр. две большие сферы — науки о природе и науки о духе, и, с др. стороны, «чистая мысль», или «принцип первоначала», — осн. принцип идеализма К.

«Культурное сознание», по К., представляет собой единую науч. картину мира в целом, к-рая воссоздается только на основе всех науч. знаний. «Культурное сознание» якобы является единственным предметом познания. Этот предмет познания особый (трансцендентальный), независимый от окружающей

человека материальной действительности. Он, согласно К., не имеет аналога в действительности, т. е. не выражает собой ощущаемого и воспринимаемого мира. Для познания, говорит К., важно не то, существует ли единственный атом в действительности или нет, а то, насколько достаточна гипотеза (идея) атома для решения новых науч. проблем.

«Принцип первоначала» в когеновской философии является собой то идеальное первоначало, или начало в чистой мысли, к-рое, по К., может служить не только действит. основой единства всей системы науч. знания — «культурного сознания», но и единств. источником, порождающим этот трансцендентальный предмет познания. Идеалистич. толкование данных физико-математич. науки привело К. к ошибочному выводу о том, что действит. содержание знания дается не извне, а создается самой мыслью. Последние достижения физико-математич. науки якобы доказывают идеальный характер основного содержания науки. Тот факт, что ощущения обуславливаются движением чувственно невосприимчивых бесконечно малых величин — атомов, электронов и т. д., приводится К. в качестве доказательства его мысли, что в основе мира лежит нечто нечувственное, идея, гипотеза — математич. понятие бесконечно малого. «Таким образом, — пишет К., — понятие бесконечно малого, как единство, представляющее в себе и созидющее из себя все реальное, устраняет материалистическую атомистику» («Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte», В., 1883, S. 135—36).

Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» раскрыл действит. связь между естеств. науками и нек-рыми течениями филос. идеализма, в т. ч. и неокантианства. Он показал, что идеалистич. выводы об исчезновении материи являются результатом неверного истолкования новейших достижений естеств. науки конца 19 — нач. 20 вв. Крутая ломка старых принципов физики, до тех пор считавшихся неизменными и незыблемыми, выявила их относительность и недолговечность и породила тем самым среди ряда ученых мнение, что вообще не может быть никакой объективной истины. Нек-рые математики при исследовании мира бесконечно малых величин абстрагировались от них как от реальности, старались представить их число логически. Чистые понятия, концепты заменяли им реальные элементы, действит. отношения. К. стремился подвести филос. фундамент под эту идеалистич. тенденцию.

В своей философии К. пытался доказать, что методологич. основоположения естественных и общественных наук содержатся в «чистой мысли» и «чистой воле», не зависящих от всяких объектов и субъектов. Если в системе естеств. наук центр. место у К. принадлежит чистой мысли — логич. строению сознания, то для обществ. наук роль логики играет этика. Подобно тому, как логика устанавливает категории для наук о природе через математику, так и этика определяет регулятивные идеи для наук о культуре через юриспруденцию («System der Philosophie», Т1 2 — «Ethik des reinen Willens», 1904). Кант говорил, что в естествознании столько науки, сколько там математики, К. добавляет, что в обществ. дисциплинах столько науки, сколько там юриспруденции. Выступая против марксизма, К. выдвинул свое учение «этического социализма», в к-ром ратовал за осуществление т. н. идеального гос. устройства «правового государства», отвечающего абс. идее гос-ва.

Существующие в действительности классовые гос-ва — «государства насилия», по К., будут совершенствоваться под влиянием культурного и нравств. прогресса и постоянно приближаться к своему идеалу. Однако абс. идеалы чужды действительности, а потому и действительность не может обещать их осуществ-

ление. Этич. идеалы, по утверждению К., могут рассматриваться в качестве возможной действительности лишь в том случае, если существует бог.

Соч.: Kants Begründung der Ethik, В., 1877; Kants Theorie der Erfahrung, 2 Aufl., В., 1885; Kants Begründung der Ästhetik, В., 1889; Religion und Sittlichkeit, В., 1907; Der Begriff der Religion im System der Philosophie, [Giessen], 1915; System der Philosophie, Т1 3, Bd 1—2 — Ästhetik des reinen Gefühls, 2 Aufl., В., 1923; Jüdische Schriften, Bd 1—3, В., 1924.

Лит.: Селитренников А. М., Новая система панлогизма М., 1910; Яковенко Б., О теоретической философии Германа Когена, «Логос», кн. 1, 1910; Трубецкой Е. Н., Мегафизические предположения познания, М., 1917; Каган М. И., Герман Коген, в сб.: Научные известия. т. 2, М., 1922; Ситковский А., Неокантианство, в кн.: Из истории философии XIX века, [М.], 1933; Natorp P., Hermann Cohen als Mensch, Lehrer und Forscher, Marburg, 1918; Kinkel W., Hermann Cohen. Einführung in sein Werk, Stuttgart., 1924. В. Григорьев. Москва.

КОДИРОВАНИЕ, (от франц. code — свод законов, правил) — отображение (преобразование) нек-рых объектов (событий, состояний) в систему конструктивных объектов (называемых кодовыми образами), совершаемое по определ. правилам, совокупности к-рых наз. шифром К., или кодом; каждый *конструктивный объект* (а также каждый набор таких объектов и вся система конструктивных объектов и их наборов в целом), сопоставляемый при К. к.-л. исходному объекту (объектам, системе объектов), также при этом обычно наз. кодом этого объекта (объектов). Совокупность конструктивных объектов — т. н. «букв», из к-рых состоят наборы, кодирующие исходные объекты К. (кодovые прообразы), наз. алфавитом К.; само К. при этом можно определить как фиксацию («запись») событий (из нек-рого класса событий) в определ. алфавите; при этом под «буквой» понимается не обязательно к.-л. графич. образ или звук (фонема), — алфавит может состоять из любых четко фиксируемых состояний к.-л. физич. системы. Исходя из вышеуказанного, К. можно кратко охарактеризовать как «языковое» *моделирование*.

Термин «К.», применявшийся первоначально в криптографии (теории засекречивания сообщений), перешел из нее в *теорию информации*, составной частью к-рой является теория К. В процессе познания и практич. деятельности людей, в технике и обществ. отношениях каждое сообщение обычно проходит через цепь посредствующих звеньев передачи, называемых каналами связи. Поэтому в теории информации К. и характеризуют обычно как преобразование сообщения для передачи его по нек-рому каналу связи. Однако содержание понятия К. не укладывается полностью в рамки совр. теории информации. Понятие К. носит общенауч. характер и имеет широкий филос. аспект. К. — необходимая составная часть процессов управления, процессов преобразования и передачи информации в любых областях действительности; оно в той или иной форме всегда присутствует в процессах познания. Примерами К. могут быть: пользование (естественным) языком (исходными объектами являются представления, мысли и переживания, возникающие в мозгу говорящего; алфавитом К. — алфавит данного языка); телеграфное К. (исходные объекты — выражения языка, использованные для записи текста; алфавит — напр., азбука Морзе); военное и др. К., преследующее цель засекречивания сообщений (алфавит и правила К. и декодирования, т. е. восстановления закодированных образов по их кодам — определяются принятым шифром); преобразование конечных последовательностей цифр, слов, электрич. импульсов, дырочек на перфорированных картах и т. п. в др. последовательности цифр, в др. слова, последовательности импульсов, в элементы к.-л. др. систем и т. д., применяемое в технич. кибернетике (в автоматич. системах управления, при работе на вычислит. машинах и т. н.); употребление

символич. обозначений в науке; перевод с одного (естественного или искусственного) языка на др. язык, осуществляемый человеком или машиной; декодирование документов или отд. терминов при составлении различных каталогов (справочников, описаний) в библиотечной, архивной и др. информац. службе; пользование любой системой сокращ. обозначений; использование нотных знаков для записи музыкальных фраз (наборов акустич. колебаний определ. частоты; декодирование происходит при исполнении музыкальных произведений или при чтении партитуры «про себя»); запись (в т. ч. с помощью автоматич. регистрирующих приборов) данных физич. и др. экспериментов (декодирование состоит в обработке этих данных, а на более высоком уровне — в истолковании эксперимент. результатов и в открытии законов природы). Понятие К. не связано с обязат. наличием лица, осуществляющего К. Кодирование наследств. информации в живой клетке происходит, напр., независимо от деятельности к.-л. «кодирующего». Антропоморфная окраска, присущая распространенной характеристике К. как акта преобразования сообщения, восходит ко времени, когда термин «К.» связывался непременно с зашифровкой секретных сведений. Эта окраска сохраняется и поныне в тех разделах *кибернетики*, где К. производится человеком (напр., при программировании на вычислит. машинах). Но теория информации как таковая, а тем более материалистич. философия не нуждаются в связывании понятия К. с деятельностью «творца» кода или «дирижера» К.

Совокупность кодируемых объектов можно рассматривать в качестве *интерпретации* полученной в результате К. системы кодовых образов. Последняя может иметь и др. интерпретации (так, восприятия музыканта, читающего партитуру симфонии, отличны от переживаний слушателя, находящегося в концертном зале). О К. говорят, что оно, преобразуя форму сообщения, должно сохранять его содержание; это требование можно уточнить след. образом: К. сохраняет содержание, если различные интерпретации системы кодовых образов изоморфны (в к.-л. смысле, см. *Изоморфизм*) друг другу; этот изоморфизм достигается, прежде всего, удачным выбором правил К. Проблемы, относящиеся к содержанию (смыслу) сообщений, находятся вне пределов совр. статистич. теории информации. Их рассмотрение проводится на основе понятия о *семантической информации*. Существенно, что К. может осуществляться независимо от знания или понимания содержания сообщения (так, машинный перевод с одного языка на другой не предполагает, что машина «понимает» переводимый текст). Поэтому к вопросу о сохранении содержания, об инвариантах К. можно подойти, не предполагая к.-л. истолкования кодовых образов и образов, а лишь оперируя понятиями однозначности и неоднозначности К. и декодирования. Применяемые обычно (в технике связи, кибернетике и т. д.) правила К. определяют однозначное отображение исходных объектов в кодовые образы, обуславливая тем самым отношение *гомоморфизма* между системой прообразов и системой образов К. Однозначное декодирование (не требуя однозначности К.) предполагает однозначность обратного перехода от образов к прообразам (т. е. отношение гомоморфизма между системой кодовых образов и системой кодируемых объектов). Как видно из определения К., результат последоват. выполнения нек. операций К. может быть получен при помощи однократного К. (называемого производением, или суперпозицией, промежуточных К.). В случае взаимной однозначности всех промежуточных К. декодирование может быть в принципе также осуществлено в один этап. Однако на практике

такое декодирование всегда осложняется накоплением случайных ошибок, возникающих на промежуточных стадиях К. Однозначность К. и декодирования достигается не во всех кодовых преобразованиях. Она может быть полностью осуществлена (и обычно осуществляется) в технич. К., но является лишь идеальным случаем при переводах с одного естеств. языка на др. естеств. язык. Отображение, осуществляемое при таком переводе, не является даже гомоморфным (не говоря уже об изоморфизме). С др. стороны, естественные и особенно формализованные языки обладают свойством, в общем случае не присущим коду, — свойством «внутренней организации», к-рое обеспечивается синтаксич. правилами языка.

При всей неоднозначности перевода с одного языка на другой естеств. языки позволяют людям с большой точностью выражать свои мысли и общаться друг с другом. Это открывает перед технич. К. принципиальную возможность отказа (в нек-рых случаях) от требования однозначности. На этом пути за последнее время разрабатываются статистич. методы К., учитывающие различную частоту появления кодируемых событий. Важнейшей задачей теории К., решение к-рой весьма важно для техники, является оптимизация К., состоящая в нахождении наилучших (наиболее экономичных в к.-л. смысле) кодов. Критерием экономичности может быть количество информации, к-рое может быть передано в единицу времени, число букв алфавита К. и др. факторы. Установлено, напр., что любое сообщение может быть закодировано в двубуквенном алфавите (двоичный код — самый распространенный в прикладной кибернетике). Др. важным требованием, предъявляемым к К., является надежность. Надежность К. достигается в технике применением т. н. самокорректирующихся кодов, позволяющих восстанавливать сообщение, искаженное в процессе К. и передачи по каналу связи из-за наличия помех. Для этого на употребляемые при К. комбинации кодовых знаков накладываются дополнительные ограничения (поэтому такой код, неизбежно неся т. н. избыточную информацию, не может быть оптимальным в указанном выше смысле). Надежность — отличительная черта механизмов К., существующих в живой природе. Изучение способов К., естественно возникших в ходе развития органич. мира, является важной задачей науки. Новейшим фундаментальным результатом в этой области являются успехи в раскрытии механизма К. наследственной информации, см. *Наследственность*.

Лит.: Полетаев И. А., *Сигнал*, М., 1958; Эшб и У. Р., *Введение в кибернетику*, пер. с англ., М., 1959; Брилюэн Л., *Наука и теория информации*, пер. с англ., М., 1960; Яглом А. М. и Яглом И. М., *Вероятность и информация*, 2 изд., М., 1960; Гнеденко Б. В., *Корольков В. С., Ющенко Е. Л., Элементы программирования*, М., 1961; Реймон Ф., *Автоматика переработки информации*, пер. с франц., М., 1961; Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М., *О точных методах исследования языка*, М., 1961, гл. 6; Дворкин Г. А., *Кодирование наследственной информации в нуклеиновых кислотах*, «Журнал общей биологии», 1962, т. 23, № 3, с. 216—26; Энгельгардт В. А., *Расшифровка кода рибонуклеиновой кислоты...*, «Наука и жизнь», 1962, № 4, с. 19—20; Bar-Hillel Y., *Semantic information*, «Brit. J. Philos. Sci.», 1953, v. 4, № 14; Crick F. H. C., Barnett L., Brenner S., Watts-Tobin R. J., *General nature of the genetic code for proteins*, «Nature», 1961, v. 192, № 4809, p. 1227—32.

КОДОВИЛЬЯ (Codovilla), Викторно (р. 8 февр. 1894) — деятель аргент. и междунар. рабочего движения, выдающийся пропагандист марксизма-ленинизма в Аргентине, секретарь ЦК Компартии Аргентины (с 1941). Род. в Италии в семье мелкого торговца. С ранних лет участвует в революц. борьбе. В 1912 эмигрировал в Аргентину. К. — один из основателей и руководителей Коммунистич. партии Аргентины (осн. в 1918, до 1920 называлась Интернациональной социалистич. партией).

В работах «Наш путь ведет к победе» («Nuestro camino desemboca en la victoria», 1954, рус. пер. под назв. «Статьи и речи», 1957), «Куда идет мир» («Nacia dónde marcha el mundo», 1948), «Будет ли Аргентина сопротивляться империализму США?» («Resistirá la Argentina al imperialismo yanqui?», 1948) К. ставит вопрос о путях развития Аргентины и др. латиноамериканских стран, выступает против империализма и фашизма, за нац. независимость народов, демократию и мир.

Значит, теоретич. интерес представляют работы К., посвященные исследованию вопросов бурж.-демократич. революции в условиях Аргентины. С самого начала своей деятельности К. ведет неустанную борьбу за правильное понимание роли и значения пролетариата в революции. В 1929 в докладе «Латинская Америка в системе империализма» К. подчеркивал, что «почти во всех странах Латинской Америки наблюдается сейчас период великого пробуждения народных масс, период крупных движений, развитие которых по революционному пути будет зависеть от того, кто их возглавит» («Статьи и речи», М., 1957, с. 45). Отмечая, что революция в Лат. Америке должна носить бурж.-демократич. характер, К. писал, что «завоевания этой революции могут быть осуществлены лишь в том случае, если рабочие и крестьяне при гегемонии пролетариата будут движущей силой этой революции» (там же, с. 53).

К. принял активное участие в разработке принятых VIII (1928) и одобренных X (1941) съездами Коммунистич. партии Аргентины тезисов о характере революции в стране, к-рая была определена как «буржуазно-демократическая, аграрная и антиимпериалистическая». Эти идеи К. разрабатывает и углубляет в ряде своих работ. Большое прогрессивное значение имеют работы К., разоблачающие фашистскую сущность социальной демагогии перонизма о классово-вой гармонии, особом пути развития Аргентины и т. д. К. раскрыл классовые корни перонизма, разоблачил иллюзии, порожденные среди нек-рых слоев трудящихся демагогич. лозунгами о справедливости и равенстве. Отмечая, что «до тех пор, пока олигархия, крупный капитал и империалистические монополии занимают господствующие позиции в экономике страны, разговоры об уничтожении эксплуатации человека человеком будут лишь пустой болтовней» (там же, с. 208), К. показал, что «хустисализм» Перона является не чем иным, как попыткой обуздать борьбу рабочего класса и народа за серьезное улучшение условий жизни и труда и за победу аграрной и антиимпериалистической революции, которая стоит в порядке дня как в нашей стране, так и в других странах Латинской Америки» (там же, с. 213). В своих работах К. разоблачает империалистич. политику США в Аргентине.

Большое теоретич. значение имеют работы и выступления К., относящиеся к периоду после XX съезда КПСС. Особый интерес представляет доклад К. на пленуме ЦК КП Аргентины в июне 1956 «Новая расстановка сил на международной арене и внутри страны и путь Аргентины к демократии, национальной независимости и социализму», в к-ром К. критикует проявления ревизионизма в аргент. коммунистич. и рабочем движении. В выступлении на XXII съезде КПСС (1961) К. отметил, что «победа героической кубинской революции открыла в Латинской Америке эру

демократических и национальных аграрных и антиимпериалистических революций» («Правда», 1961, 25 окт., с. 9). К. подчеркнул, что КПА, «исходя из положений Заявления Совещания 81 коммунистической и рабочей партии и проекта вашей Программы, считает, что мирный путь наиболее соответствует интересам рабочего класса Аргентины в его борьбе за свою свободу, национальную независимость страны и социализм. Но одновременно она предупреждает трудящиеся массы, разъясняет им, что империалисты и их прислужники внутри страны намереваются закрыть им этот путь, используя все, вплоть до государственных переворотов. В этом случае у трудящихся масс остается только немирный путь борьбы» (там же). К. подчеркивает, что в совр. условиях борьба за единство рабочего класса, установление союза между ним и крестьянством и сплочение вокруг этого союза передовых демократич. сил Аргентины является необходимым условием победы революции, перехода к социализму и обеспечения мира. Р. Бургете. Москва.

КОЖЕВ (Кожеве, русская фамилия — Кожевников), Александр (р. 1902) — франц. бурж. философ, один из лидеров т. н. экзистенциалистского неогегельянства. Учился в Германии у Ясперса. Большое влияние на К. оказал Хейдеггер. В 30-х гг. читал лекции о гегелевской «Феноменологии духа», к-рые впоследствии были изданы. Осп. недостатком гегелевской философии К. считал *монизм*, он обвинял Гегеля в распространении диалектики на «естественное бытие».

Выдвигая в противовес Гегелю дуалистич. концепцию, К. проводит резкую грань между «естественным бытием», т. е. природой, и человек. существованием. «Нужно, — писал К., — различать, с одной стороны, естественную реальность, тождественную себе и не являющуюся, таким образом, диалектической в себе, не отрицающую диалектически самое себя и, с другой стороны, человеческую реальность..., которая диалектически отрицает как самое себя, так и естественную реальность» («Introduction à la lecture de Hegel», P., [1947], p. 472). Искажая диалектич. метод Гегеля, К. выдает его за «феноменологический» метод. Концепция диалектики К., как диалектики исключительно «человеческого существования» [«Я не допускаю, — писал он, — диалектики естественного бытия» (там же)], оказала значит. влияние на ряд совр. субъективистских теорий диалектики.

Соч.: Hegel, Marx et le christianisme, «Critique», P., 1946, I, № 3—4.

Лит.: Возврат к Гегелю — последнее слово университетского ревизионизма, в сб.: Против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма, М., 1952; Г а р д и Р., Марксистский гуманизм, пер. с франц., М., 1959; е г о ж е, Perspectives de l'homme, P., 1959. С. Эфиров. Москва.

КОЗЕЛЬСКИЙ, Яков Павлович (р.ок. 1728 — ум. после 1793) — рус. философ-материалист. Род. в местечке Келеберди на Украине, получил образование в Петербурге. Преподавал в Арт. и Инженерной школах, затем служил в Сенате и Малороссийской коллегии. Автор филос. работ «Философические предложения» (1768), «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (1788) и др. Перевел и издал «Статьи о философии и частях ее из энциклопедии» (ч. 1, 1770), «Статьи о нравоучительной философии и частях ее из энциклопедии» (1770), взятые из «Энциклопедии Дидро», и ряд историч. произведений (Гольберга, Мозера и др.).

К. высоко ценил идеи франц. просветителей 18 в., особенно Руссо, Монтескье, Гельвеция, известное влияние к-рых испытал. Вместе с тем К. говорил, что он писал свои сочинения, «...основываясь на опытах, и не ласкал никому из других авторов, каковы бы он велик ни был...» (Избр. произв. рус. мыслителей второй половины XVIII в., т. 1, 1952, с. 425).

Философия, по К., есть «наука испытания причин истинам» (там же, с. 427), содержащая «генеральные познания о вещах и делах человеческого» (там же, с. 428). «Все познание человеческого начинается от чувств...» (там же, с. 446) и делится на «нижнее» (чувственное) и «вышнее» (логическое). К. верил в «силу умствования», т. е. в возможность познания истины. Полемицируя с Гельвецием, К. указывал на недопустимость стирания качеств. границ между чувств. познанием и мышлением (см. там же, с. 436). Он утверждал, что «...натура ведет нас к познанию своих истин восходительным, или постепенным, порядком...» (там же, с. 572). Подрезая истины на естеств. (или натуральные), нравочит. и логические, К. материалистически определял логич. истину, как «...сходство мыслей наших с самою вещью» (там же, с. 441).

Хотя филос. взгляды К. не были свободны от элементов *деизма*, его воззрения на природу носили в основном материалистич. характер. Он исходил из того, что натура (природа) предшествует науке о ней, т. е. сознанию. Природа, или натура, по К., — «общая наша мать» (там же, с. 573). Вещи существуют объективно во времени и пространстве. Их бытие способно к «действию» (т. е. имеет в себе причину изменения) и «страданию» (когда причина изменений находится во вне). Вещи обладают свойствами; «...свойства вещи от существа ее отделиться не могут, ...они суть необходимые, вечные, непременимые и неизменяемые...» (там же, с. 448). Мир, состоящий из четырех стихий — земли, воды, воздуха, огня, — находится в непрерывном движении, к-рое трактовалось К. как механическое. Хотя К. пользовался вольфианской терминологией и воспроизводил нек-рые положения вольфианской логики, в целом он отрицательно относился к религ.-идеалистич. учению о предустановл. гармонии, о совершенстве мира, о духовных монадах и т. п. Он отказывался включить в философию т. н. «естественное богословие».

Большое место в трудах К. занимали вопросы «философии правоучительной», к-рая призвана, по К., показывать людям путь к добродетели. Она складывается из «юриспруденции» и «политики». Юриспруденция трактует вопросы о правах, законах и основываемых на них добродетелях, об обязанностях человека по отношению к себе и другим. «Политика есть наука производить праведные намерения самыми способнейшими и притом праведными средствами в действо» (там же, с. 503).

Воззрения К. носили гуманистич., в основе своей антифеод., характер. Обществ. благо, облегчение тяжелой участи народа выдвигались им на первое место как самое важное условие обществ. преобразований и просвещения народа. К. осуждал паразитич. образ жизни, кичливость аристократов, жестокость правителей. Он решительно не соглашался с христианской проповедью «непротивления», считая, что народ, доведенный до отчаяния угнетателями, может восстать. Однако сам К. не дошел до революц. выводов; он лишь предупреждал угнетателей о каре, к-рая их может ожидать, если они не облагоразумятся (см. там же, с. 512). К. был противником захватнич. и рабит. войн.

См. о ч. см. в кн.: Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1, [М.], 1952 (вступ. статья И. И. Шипанова); Арифметические предложения..., СПб, 1764; Механические предложения..., СПб, 1764.

Лит.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, гл. 9; История философии, т. 1, М., 1957, с. 630—38; Б а к И., Я. П. Козельский, «Вопр. истории», 1947, № 1; К о р о б к и н а О., К биографии Якова Козельского, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филологич. наук», 1955, вып. 25; Д м и т р и ч е н к о В. С., Общественно-политич. и философские взгляды Я. П. Козельского, Киев, 1955 (Автореф.); К о г а н Ю. Я., Просветитель XVIII века Я. П. Козельский, М., 1958; Д е м и ч е в В. А., О месте

Я. П. Козельского в истории философии второй пол. XVIII века, «Вестн. ЛГУ», 1958, № 5; е г о ж е, Я. П. Козельский о предмете философии и классификации наук, «Вопр. философии», 1958, № 4; Л о т м а н Ю. М., К биографии Я. П. Козельского, там же, 1959, № 8.

КОЗЛОВ, Алексей Александрович (8 февр. 1831—27 февр. 1901) — рус. реакц. философ-идеалист, один из первых сторонников *персонализма* в России. Окончил Моск. ун-т (1854). К изучению философии обратился после 1870. Большую роль в формировании филос. взглядов К. сыграл *Тейхмюллер*. Приват-доцент (с 1876), проф. (с 1884) Киевского ун-та. Издавал филос. журналы «Философский трехмесячник» (Киев, 1885—87, № 1—4) и «Свое слово» (СПБ, 1888—98, № 1—5).

К. боролся против материализма и позитивизма; отрицательно оценивал философию Гегеля, особенно его диалектику; враждебно относился к работам Плеханова и др. марксистов конца 19 в.

Утверждая, что все сущее имеет в своей основе психич. начало, К. отрицал какую бы то ни было возможность существования бессознат. бытия. Отсюда и название системы К. — панпсихизм. Мир, по К., — бесконечное множество самостоят. духовных субстанций, непосредственно связанных с центр. субстанцией — богом. В области морали взгляды К. близки к нищенству.

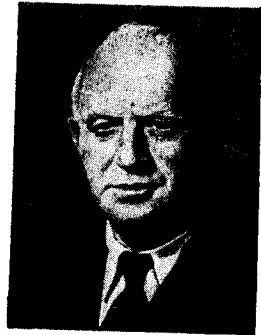
Последователем К. в философии был С. Аскольдов (см. его кн. «А. А. Козлов», 1912). Взгляды К. оказали влияние также на *Бердяева*, *Л. Лопатина*, *Лосского* («А. А. Козлов и его панпсихизм», «Вопр. филос. и психол.», 1901, кн. 58).

См. о ч.: Сущность мирового процесса, или философия бессознательного Э. фон Гартмана, вып. 1—2, М., 1873—75; Г. Вл. Соловьев как философ, «Знание», 1875, № 1—2; Философские этюды, ч. 1—2, СПб—К., 1876—80; Философия как наука, К., 1877; Философия действительности, К., 1878; Генезис теории пространства и времени Канта, К., 1884; Религия графа Л. Н. Толстого, его учение о жизни и любви, СПб, 1895.

КОЛАРОВ, Васил Петров (16 июля 1877—23 янв. 1950) — деятель болгар. и междунар. рабочего и коммунистич. движения, один из основателей и руководителей БКП и позднее — болгар. народно-демократич. гос-ва; публицист и ученый,

д-р экономич. наук (с 1936), действит. член Болг. АН (с 1946). Родился в г. Шумен (ныне Коларовград) в семье ремесленника. С 1897 — член БРСДП. Изучал юриспруденцию в ун-те в г. Экс (Франция) (с 1897), затем — в Женевском ун-те. Летом 1899 К. слушал лекции по философии в Бернском ун-те. Во время пребывания в Швейцарии К. получил серьезную марксистскую подготовку, был близок к группе «Освобождение труда». С 1905 — член ЦК БРСДП (теперь социалисты); в 1918—23 К. — секретарь ЦК партии, переименованной в 1919 в компартию. В 1922—1943 — член Президиума ИККИ. В 1926—29 К. — гл. редактор журн. «Коммунистическое знамя». В 1923 К. вместе с Г. Димитровым руководил сентябрьским нар. восстанием. Во время 2-й мировой войны К. отдавал все свои силы созданию единого антифашистского фронта демократич. сил Болгарии. В 1945—47 К. — пред. Нар. собрания; с 1949 — пред. Совета министров НРБ.

К. был одним из видных теоретиков БКП. В 1914 в ст. «Капитализмът, всеобщата война и социалната демокрация» К. проанализировал социально-экономич. изменения в капиталистич. обществе, вызванные концентрацией капитала и производства. Работа К. «Боль-

шевистская Россия» («Большевишка Русия», 1919) была одной из первых за границей попыток науч. осмысления революц. перемен в России и оценки авангардной роли рус. пролетариата. В ней был дан анализ предпосылок Великой Октябрьской социалистич. революции, показано ее интернац. значение, рассмотрены Советы как органы гос. власти нового, подлинно демократич. типа, отношение большевиков к войне и миру и др. вопросы. Вместе с Г. Димитровым К. разрабатывал теорию, стратегию и тактику единого фронта против капитализма и фашизма, а также др. вопросы социалистич. революции в Болгарии. К. вел активную борьбу против троцкизма и др. мелкобурж. уклонов в ВКП. В работах «Болгария и мировой экономический кризис» («България и световният икономически кризис», 1930), «Против протаскивания kautскианства в вопросе о гос. капитализме» (1931, опубл. 1932) и др. К. дал глубокий марксистско-ленинский анализ рассматриваемых вопросов.

Оси. место в н.-и. деятельности К. занимал аграрный вопрос, изучение положения крестьянства и путей создания революц. союза рабочего класса и крестьянства в капиталистич. странах. В выступлениях на VII конгрессе Коминтерна К. развил тезис о необходимости вовлечения крестьянства в единый антифашистский нар. фронт. Он показал, что «фашизм является орудием злейших эксплуататоров и грабителей крестьянского труда» (Избр. произв., т. 2, С., 1955, с. 364), и вскрыл полную беспочвенность стремлений выдать фашизм за идеологию крест. масс. Неотложной задачей компартий на пути создания рабоче-крест. союза, подчеркнул К., является преодоление сектантских колебаний в оценке борьбы крестьян за свои нужды. Пролетариат завоеует на свою сторону крестьянство лишь в том случае, если окажет ему действительную помощь, а для этого необходимо отстаивать частичные крест. требования, направленные по существу против монополистич. капитала (см. там же, с. 372).

После победы антифашистского восстания 1944 К. разрабатывал вопрос о нар.-демократич. форме диктатуры пролетариата. К. принадлежат также исследования в области истории славянских народов, где его внимание привлекали гл. обр. периоды нар. движений. Так, напр., он дал анализ социального содержания апрельского восстания 1876, оцененного им как вершина нар.-демократич. революц. движения в Болгарии. К. уделял большое внимание литературной критике и теории лит-ры, разоблачал формализм, эстетизм и аполитичность, страстно боролся за большевистскую партийность в искусстве и науке.

Соч.: Избр. произв., т. 1—3, С., 1954—55. Лит.: История философии, т. 5, М., 1961; Павлов Т., Васил Коларов, «Българо-съветска дружба», 1947, кн. 7—8; Васил Коларов. Био-библиография по случаю 70-го юбилея к 16 юли 1947, С., 1947; Натан Ж., Васил Коларов за икономическото и социално развитие на България, С., 1954; В памет на Васил Коларов, [Сб.], [С., 1951].

Библиография в кн.: История Болгарии до 9 сент. 1944 г. Указатель литературы, М., 1962, с. 255—57. Г. Братоев. ИРБ.

КОЛИЧЕСТВО — объективная определенность качества однородных явлений, или качество в его пространственно-временном аспекте, со стороны его бытия в пространстве и времени. Поскольку все явления в природе и человек, истории существуют в пространстве и изменяются во времени, постольку они и могут рассматриваться как качественно различные, т. е. со стороны лишь количеств. различий, а категория К. является универсальной, т. е. логич. категорией, необходимой ступенькой познания действительности.

Универсально логич. характер категории К. доказывается всей историей познания и практики человека. Познание внешнего мира на стадии его количеств. анализа связано с методами и языком *математики*.

Количеством. характеристика явлений необходима в процессе целенаправл. изменения природы человеком. Предмет, не отраженный в аспекте К., не может считаться конкретно познанным. Однако ошибочно видеть только в чисто количеств. описании явлений их полное, тем более исчерпывающее, познание. Односторонне-количественный взгляд на действительность есть такой, с т. зр. к-рого единственно объективными формами существования внешнего мира являются лишь пространственно-геометрич. контуры тел и их изменения во времени, т. е. механич. перемещение частей материи, а все остальные чувственно воспринимаемые качества и свойства тел объявляются субъективными иллюзиями человека, его органов чувств. Поэтому односторонне-количеств. понимание внешнего мира и выступает исторически как механистич. материализм.

Идеалистич. вариант односторонне-количеств. взгляда на мир и его познание всегда связан с идеалистическим же пониманием пространства и времени, с толкованием их как субъективно-психологич. (Юм) или трансцендентальных (Кант) категорий. В своем крайнем выражении этот взгляд приводит к чисто формальному представлению о К. как о чисто субъективном феномене.

Материализм, отстаивая предметный смысл категории К., а также ее универсальный характер, всегда усматривал предметную основу количественно-математич. характеристик в реальной пространственно-временной форме бытия материи. К. всегда находится в диалектически противоречивой связи с качеством, выступающей, в частности, как закон перехода количества в качественные и обратно (см. *Мера, Переход количественных изменений в качественные*).

Первой попыткой специально проанализировать проблему К. можно считать исследования пифагорейцев. Несмотря на предметом их анализа явилось число как абстрактнейшая форма выражения К., сложившаяся в стихийно-практич. сознании людей на основе их предметно-практич. деятельности. Число сразу же обнаруживает свойства, кажущиеся таинственными. Натуральный ряд чисел содержит в себе ярко выраженные правильности, гармонически-периодич. соотношения. Но ведь люди, создавшие числа и расположившие их в естеств. (натуральную) последовательность, вовсе не заботились о том, чтобы вложить в нее эти правильные соотношения. Откуда же они там взялись? Религиозно-мистич. традиции подсказывала готовый ответ, объявляя загадочные свойства чисел и числовых рядов божеств. природой числа. Пифагорейская мистика чисел и есть не что иное, как отсутствие объяснения, принятое за объяснение, или постановка действит. проблемы, выданная за ее решение. В наблюдениях пифагорейцев был зафиксирован также и тот загадочный факт, что «правила», обнаруженные в числовых рядах, затем открываются и в явлениях внешнего (чувственно созерцаемого) мира, напр. в соотношениях длин звучащих частей струн и т. п. Этот факт также был отнесен к числу божественных. Отсюда прямо вытекало и пифагорейское понимание задачи рационал. познания. Оно сводилось к тому, чтобы обнаруживать в чувственно воспринимаемых явлениях те самые соотношения и закономерности, к-рые были до этого обнаружены в числах как таковых. Однако обожествление числа очень скоро привело пифагорейскую школу к ряду противоречий. Оказалось, напр., что невозможно найти путем подбора такие целые числа, к-рые выражали бы сформулированное самим Пифагором правильное соотношение между квадратом гипотенузы и квадратами катетов, когда катеты равны (т. е. когда гипотенузой служит диагональ квадрата). Это «атенстическое» свойство квадрата настолько обескуражило священнослужителей пифагорейского союза, что его решили держать в строжайшей тайне. Ни к чему не привели и старания выразить через целое число соотношение радиуса и окружности. Пифагорейцы в итоге оказывались перед альтернативой — либо отказаться от священных основоположений, либо закрыть дорогу свободному математич. исследованию. Тайны и мистич. обряды, к-рыми пифагорейцы окружали число, превратились очень скоро в тормоз развития антич. математики.

Еще острее выявились трудности, связанные с числом, в исследованиях элейской школы. Здесь число было поставлено на очную ставку с чувственно воспринимаемым фактом движения тел, перемещения тела в пространстве. Между выражением этого факта через число как отчетливо выраженную дискретную величину и столь же отчетливо выраженной непрерывностью движения тела в пространстве и времени был зафиксирован неразрешимый конфликт, апория. У числа появилось новый грозный враг — бесконечность. Оказывалось, что любая конечная величина (тела, пройденного им пути или от-

резка времени, в течение которого этот путь проходит), будущи выражает число, выглядит как бесконечная величина, как нечто нечислимое. До исследований элейцев К. выступало в сознании только в виде числа, выражающего предел, величину, т. е. как нечто всецело дискретное, многое. Апории Зенона остро зафиксировали, что число и величина суть формы выражения чего-то иного, притом такие формы, к-рые бесцельны выразить это иное. То, что выражается в числе как многое, как прерывное, на самом деле есть «одно», «единое», «непрерывное». Объективно только здесь и мог встать вопрос о том, что такое К, независимо от его выражения в числе, т. е. как особое понятие, отличное от понятий числа и величины. Рассуждения элейцев разрушали представление о божестве, природе числа. Но существу они доказывали, что число, связанное с представлением о дискретности бытия, есть лишь субъективно произвольная форма, извне налагаемая на бытие, к-рое на самом деле непрерывно и едино, и что поэтому число и числовые соотношения выражают не подлинное бытие, а лишь видимое, неестественное марево чувственно воспринимаемых фактов. Тем самым математика попадала, по классификации элейцев, в сферу «мнения». По этой причине элейская школа не могла противопоставить пифагорейской мистике чисел своего принципа математич. мышления.

Единственно плодотворным для конкретного исследования бытия, аспекта действительности принципом оказалась в этих условиях атомистика Левкиппа — Демокрита. Более того, сам атомистич. принцип возник, по-видимому, именно как единственно возможный выход из трудностей, до предела обостренных столкновением пифагорейской и элейской школ. Представление об атоме как о мельчайшей, физически неделимой частице позволяло сохранить в составе представления о реальном мире оба взаимно исключающих друг друга момента количеств. (пространственно-временного) аспекта действительности — и прерывность и непрерывность, и делимость и неделимость, и единое и многое, и бесконечное и конечное (т. е. величину). Атомистика позволила истинковать число, выражающее форму и порядок тел в пространстве и времени, как чисто объективную характеристику материального мира, не зависящую от произвола людей или богов. Согласно учению Левкиппа—Демокрита, любое чувственно воспринимаемое тело состоит из очень большого (отнюдь не бесконечного) числа атомов, «неделимых». Поэтому величина есть функция от числа неделимых. Неделимое выступает, т. о., как естеств. единица, как реальное основание измерения и счета. Осн. понятия математики (арифметики и геометрии) выстраивались, т. о., в строго систему, построенную к тому же на чисто материальном фундаменте. И прерывность и непрерывность, и делимость и неделимость, и единство и множество, и бесконечность и конечность определились здесь как одинаково объективные свойства и характеристики «тела», ибо понятие тела формально объемлет как «атом», так и чувственно воспринимаемое тело. Реальность К. тем самым оказывалась телесностью, а не некие «бестелесные» сущности вроде единицы, точки, линии или поверхности. Эта установка атомистики отнюдь не была только философско-гносеологич. принципом. Она являлась также могучим эвристик. принципом развития собственно математики, построений. Идея Демокрита позволила перескочить мост между бытием и его образами в чувств. созерцании, в частности между числами и геометрич. фигурами. Толкуя, напр., окружность как многоугольник с очень большим числом сторон, равным числу «неделимых», Демокрит теоретически разрешил проблему числа «пи». При этом толковании бесконечность частичной дроби выступала как показатель того факта, что масштаб (мера) измерения взят неточно, приближенно, округленно. В том случае, когда единицей измерения оказывается «неделимое», число «пи» должно выразиться в целом конечном числе. Рассматривая атом как естественный объективно допустимый предел деления тел, как естеств. единицу измерения, Демокрит ставил математику на прочный фундамент физич. реальности. Именно в атомистич. строении тел обнаруживалась та однородность и одноименность, к-рая вообще позволяет рассматривать тела любой формы и вида как математически соизмеримые, как различающиеся между собой только количеством. По существу только здесь было обосновано право математики рационально соотносить и сравнивать между собой линию с точкой, линию — с поверхностью, поверхность — с объемом, кривую — с прямой, число — с фигурой и т. д. К. только здесь переставало быть просто собират. названием для совершенно разрозненных понятий и выступало как тот обобщ. див. всех математич. понятий предмет, без к-рого они, строго рассуждая, должны рассмыслиться.

Атомистика, направленная своим острием против спиритуализмич. концепций внешнего мира, будто внешний (телесный) мир так или иначе состоит из бестелесных, непротязкных точек, из линий, лишенных толщины, и поверхностей, лишенных глубины, и оформляется бестелесными же числами, попадала в естеств. конфликт с официальной греч. математикой (Ер. Аристотель: «Постулируя неделимые тела, они (Демокрит и Левкипп) вынуждены впасть в противоречие с математикой»). Греч. геометров смущало, что при допущении мельчайшей, даже мысленно неделимой частицы оказывается невозможным разделить точно пополам отрезок, состоящий из нечетного чис. на неделимых. Две половины такого отрезка никогда не могут быть «равными», «конгруэнтными», а будут только казаться таковыми в силу грубости наших чувств, «слабой разрешающей силы глаза. Но тем самым «равенство», «конгруэнтность» и им подобные понятия, на к-рых геометрия основывала свои дока-

зательства, оказывались, строго рассуждая, лишь приближительными, лишь огрубленными образами. Отстоять свою «абсолютность» геометрия в этих условиях могла, только провозгласив суверенность геометрич. образов и построений от внешнего мира, причем не только от чувственно воспринимаемого многообразия эмпирии, но и от бытия в филос. смысле, от физич. реальности в смысле Демокрита. Интересы геометров в этом пункте прямо смыкались с интересами филос. ученых, враждебных атомистике. Офиц. математика поэтому шла в общем и целом в фарватере идеалистич. филос. систем и получила от них ярлык точнейшей из наук и квалификацию своих аксиом как вечных и неизменных.

Школа Платона попыталась усвоить идеи атомистики, отвергая в то же время материализм, представление о телесно-физич. природе неделимых. Вместо неделимого тела она приняла неделимую, минимальную поверхность и далее неделимый бестелесный контур — треугольник, к-рый, подобно идеям, оформляет бесформенную материю. Тем самым прерывность, оформленность, ограниченность чувственно воспринимаемых тел принципально действительно бестелесных математич. идей, а чистая геометрия получала полную независимость от материи, от физич. (качеств.) характеристик. Материя, представленная в этой концепции как нечто киселеобразное, как «апейрон», внутри себя абсолютно однородна и не может быть представлена как предел. К., как величина, число или фигура. Это — чистая возможность количеств. различий, полагаемых в нее извне, со стороны царства «идей»; непосредственно же звеном между идеями и материей выступают как раз «математич. предметы», непосредственно воплощающиеся в виде чувственно воспринимаемых контуров, очертаний и фигур, предел. величины и числа, короче говоря — в виде многообразных тел в пространстве. Тем же путем была лишена предметного смысла и «единица», основа счета и измерения. Числовые пропорции и отношения вновь, как у пифагорейцев, начинают представляться абсолютно самостоят. сущностями, т. е. особого рода вещами, к-рые существуют несмотря на то, что у них нет тел.

Аристотель попытался впервые зафиксировать и рассмотреть К. как особую категорию, не совпадающую с числом, величиной, фигурой и другими специально математич. понятиями. «К о л и ч е с т в о» — называется то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным наличию. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, это — величина, если его можно измерить (Met. V, 13, 1026a 7—14; рус. пер., М., 1934). «Между количествами одни раздельны, другие — непрерывны, и одни состоят из находящихся в них частей, имеющих определенное положение друг к другу, а другие из частей, не имеющих такого положения. Раздельными являются, например, число и речь, непрерывными — линия, поверхность, тело, а кроме того еще время и пространство» (Cat., VI, 4 b. рус. пер., М., 1939). Уже формальная (словесная) дефиниция весьма характерна, она обнимает не только «разнородные», но и прямо взаимоисключающие, противоположные друг другу предметы рассмотрения; К. выступает как высший род, содержащий внутри себя противоположности, как единство этих противоположностей. Рассмотрение этих диалектич. трудностей и попытки найти им решение осуществляются Аристотелем не в общей форме, а в его обычной манере двигаться «от частного к частному». Сила аристотелевского гения вообще обнаруживается не в дефинициях и итоговых выводах, а именно в способе рассмотрения трудностей, в поиске, в постоянных поворотах мысли, точки зрения, постановки вопроса и т. д. В качестве примеров непрерывных К. фигурируют линия, поверхность, тело, «а кроме того еще время и пространство». Все эти примеры просто ставятся рядом, как равноценные. Но анализ показывает, что линия и поверхность ни в коем случае не суть самостоятельно существующие вещи, а только предел. характеристики тела. Кроме того, Аристотель категорически отвергает и самостоят. существование пространства, т. е. представление о нем в виде пустоты, и толкует пространство также в качестве предел. характеристики того же «тела». Т. о., все непрерывные К. по существу сползают к одному образу — к образу пространственно определенного тела. Время тоже рассматривается им как «число движения», т. е. тоже как определение тела, поскольку то движется, перемещается в пространстве. Непрерывное К. тем самым толкуется уже не как у элейцев, т. е. не как неразличимая сплошность, в к-рой отсутствуют какие бы то ни было границы. Это непрерывное К. само внутри себя различно, разграничено, т. е. состоит из частей. Но части непрерывного К. соприкасаются друг с другом, т. е. имеют общую (одну на двоих) границу и между ними нет промежутка, за исключением инокоридным телом или инокоридной «сущностью». Раздельные же (прерывные) К. характеризуются тем, что их части не имеют общей границы. В качестве примеров раздельных К. фигурируют число и речь, единицы и слоги. Иными словами, пока речь идет о реальной, вне человека сущей, действительности, Аристотель допускает в ней только непрерывные К., т. е. такие К., составные части к-рых всегда имеют общую границу. В итоге вопрос об отношении прерывных и непрерывных К. у Аристотеля фактически сводится к вопросу об отношении числа и речи к реальному чувственно воспринимаемому миру или знакам к вещам, этими знаками обозначаемым. Число, как постоянно повторяет Аристотель в ходе своей полемики с пифагорейско-платоновскими идеализмом, ни в коем случае нельзя рассматривать как особую вещь, имеющую отдельное, обособленное от чувств.

(телесных) вещей существование (см. Met. XIV, 6 1093 b 24—29).

Комментируя рассуждения Аристотеля, Ленин особо выделяет эту мысль «Метафизики»: «Наивное выражение „трудностей“ насчет „философии математики“ (говоря по современному): книга 13, глава 2, § 23:

«...Далее, тело есть субстанция, ибо оно обладает известной законченностью. Но как могли бы быть субстанциями линии? Они не могли бы таковыми быть ни в смысле формы и образа, подобно, например, душе, ни в смысле материи, подобно телу: ибо очевидно, что ничто не может состоять из линий, или из плоскостей, или из точек...»

Книга 13, глава 3 разрешает эти трудности превосходно, отчетливо, ясно, материалистически (математика и другие науки абстрагируют одну из сторон тела, явления, жизни). Но автор не выдерживает последовательно этой точки зрения («Философские тетради», в кн.: Соч., т. 38, с. 371).

«Количеством в собственном смысле называется только то, что указано выше; все же остальное называется так лишь приходящим образом: в самом деле, имея в виду те «величины», которые были указаны, мы называем количествами и остальные предметы; так, например, белое называется большим, потому что велика поверхность, и дело — продолжительным, потому что оно совершается (происходит) долгое время, и точно также движение — значительным: все это называется количеством не само по себе. В самом деле, если человек указывает, сколько продолжительно данное деяние, он определяет это посредством времени, называя такое деяние односторонним или как-нибудь подобным образом; также указывая, что белое есть некоторое количество, он определяет его чрез посредство поверхности: как велика поверхность, такую величину припишешь ты и белому. Поэтому только указанное выше называется количеством в собственном смысле и само по себе, а если и называется, то — приходящим образом» (Cat., VI, 5 b). К. здесь весьма явственно толкуется как пространственная, временная, или пространственно-временная определенность того предмета, о к-ром идет речь. Но для Аристотеля совершенно ясно, что эта (количеств.) характеристика никогда не исчерпывает полной действительности предмета. Напр., исследователь чисел рассматривает человека не поскольку он человек, а поскольку он — единое и неделимое. С др. стороны, геометр не рассматривает его ни поскольку он человек, ни поскольку он неделим, а поскольку это — тело (см. Met. XIII, 3). Но человек является «единым и неделимым» именно поскольку, поскольку он — человек. По той же причине он есть вполне определенное геометрически тело, а не просто тело. Иными словами, Аристотель отмечает здесь, что человек в его «полной действительности» есть всегда нечто большее, чем его изображение в арифметике (в числе) и в геометрии (в виде пространственно-определенной фигуры). Здесь же ясно видна и принципиальная разница между Аристотелем и атомистикой. Аристотель в качестве примера «единого и неделимого» приводит здесь человека, точнее — индивидуума, понимаемого в том смысле, что индивидуум есть предел деления рода «человек». При делении человека пополам получаются не две половинки «человека», а две половинки трупа. Это значит, что каждый род действительности имеет свою «меру», т. е. свою «естественную» единицу. «И мера всегда должна быть дана как что-то одно для всех предметов «данной группы», например, если дело идет о лошадях, то мера — лошадь, и если о людях, то мера — человек. А если мы имеем человека, лошадь и бога, то «мера» здесь, пожалуй — живое существо, и «то или другое» их число будет числом живых существ. Если же мы имеем человека, белое и идущее, здесь всего менее можно говорить об их числе, потому что все эти определения принадлежат тому же самому предмету и одному по числу, но все же число таких определений будет числом родов, или здесь надо взять какое-нибудь другое подобное обозначение» (Met. XIV, 1 1087 b 33—1088 a 14). Число тут явно понимается как мера, повторенная много раз, т. е. как математика. Выражение качества предмета, Аристотель, как отмечает Ленин, не выдерживает последовательно материалистич. т. зр. на математич. предметы. Это связано с тем, что, кроме тела, в его философии важнейшую роль играет активная форма как самость, сущность, и с тем, что он постоянно путается в диалектич. трудностях, касающихся отношений общего и единичного, чувственно воспринимаемого и умопостижаемого. Но сама эта путаница не плод недомыслия, а выражение того факта, что проблема К. на самом деле ведет к др. общепилос. проблемам и решается, в конце концов, только в общепилос. контексте, и ни в коем случае не внутри математики.

Схоластика, почему для к-рой подготовили уже стоики своей предельно формалистич. логикой, в общем не дала почти ничего для постановки и решения проблемы К. Это было связано, в частности, и с тем, что на протяжении средних веков почти не двинулись вперед исследования в области математики. Логика стоиков и схоластов не могла послужить сколько-нибудь плодотворным средством развития математики или способом объяснения существа ее методов и результатов. Ни стоики, ни схоласты не выделили из своей среды ни одного крупного математика, а их разработки носили по большей части характер формальных спекуляций по поводу готовых результатов математики. Исследования или философствования по поводу «основ математики».

Дальнейшее продвижение вперед стало возможно только вместе с подъемом математич. естествознания в 16 в. и было

связано с именами Кавальери, Декарта, Ньютона, Спинозы. Проблема К. естественно выступала на первый план по той причине, что естествознание 16—18 вв. было преимущественно математическим или, если охарактеризовать его методологич. и мировоззренч. характер, механистическим. Особый интерес в этом плане представляет фигура Декарта, соединившего в себе, впервые после Демокрита, математику и философию. Его открытия в области математики в значит. мере обусловлены его философией, и в частности — его анализом проблемы К. как филос. категории. Математич. естествознание 16—17 вв. стихийно склонялось к др.-греч. атомистике, возрожденной почти без корректив; однако Декарт в своей реконструкции атомистич. принципа сделал важнейший шаг вперед по сравнению с Демокритом. В его представлениях о К. скажется сильнейшее влияние филос. диалектики, идей Аристотеля. Декарт отвергает представление о пространстве как о бестелесной пустоте и также представление об абс. пределе деления тел. Но это как раз те два пункта, к-рые разделили Аристотеля и Демокрита. В этих пунктах Декарт решительно стал на сторону Аристотеля и тем самым против традиции, к-рая связана с именами Ньютона и Гоббса, против некритич. репродукции древней атомистики. В качестве единственно объективных форм действительности здесь признаются только пространственно-геометрич. формы чувственно воспринимаемых тел и отношения тел в пространстве и времени, выражаемые числами. Поэтому категория К. становится здесь центр. категорией мировоззрения и метода.

Декарт ставит проблему К. в «Правилах для руководства ума». Прежде всего он обращает внимание на отношение математич. форм выражения К. к реальному предмету математики. Исследования. Солидаризируясь с Демокритом и Аристотелем, Декарт возражает против представления, будто число и величина и далее — точка, линия и поверхность, представляют собой нечто действительно существующее отдельно от тел. Он выступает здесь против иллюзии, к-рая характерна для профессионально-одностороннего математич. мышления, принимающего субъективный образ предмета за сам предмет. Эта иллюзия замыкает мышление в кругу уже ранее идеализированных свойств подлинного предмета математич. исследования и делает мышление неспособным к действит. приращению математич. знания. Задача теоретически-математич. исследования на почве этой иллюзии неизбежно ограничивается чисто формальными преобразованиями уже ранее полученного знания. В итоге получается, как выражается Декарт, не математич. исследующий реальный предмет, а «счетчик», бессмысленно оперирующий с готовыми знаниями. Декарт подчеркивает, что предметом математич. исследования являются не «числа», «линии», «поверхности» и «объемы», т. е. не та или иная уже известная форма или вид К., а «самое реальное К.», к-рое и расширяется как реальная пространственная и временная определенность тел. Поэтому К. только выражается через число, меру, величину и т. д., но ни в коем случае нельзя сказать, что К. это и есть число, мера, величина и пр. Это значило бы принять математич. средства выражения К. как предмета математики за самый предмет и превратиться из математика в «счетчика». «Счетчик» просто заучивает словесно-знаковые формулы математики, не умея соотносить их с тем реальным предметом, в исследовании к-рого они возникли и зафиксированы. Поэтому реальный предмет загорожен от счетчика непроницаемой для его умств. взора стеной слов, знаков, с к-рыми он и манипулирует, постоянно принимая слова за предметы, считать и разделяя их по правилам, заданным ему др. людьми как штампы, как догмы, проверить и понять к-рые он не в состоянии.

Различение, к-рое проводится между «протяжением» и «телом», счетчик принимает за реальное различие между двумя вещами. «...Большинство придерживается ложного мнения, что протяжение содержит в себе нечто отличное от того, что обладает протяжением...» — т. е. от протяженного тела (Декарт Р., Избр. произв., М., 1950, с. 148). Для ума счетчика характерно, что он, встречая три слова, выражающих одну и ту же вещь, строит в своем воображении три разные вещи и никак не понимает, как и почему эти три вещи связаны между собой. Поэтому-то «очень важно различать выражения, в которых слова протяжение, форма, число, поверхность, линия, точка, единица и др. имеют столь строгое значение, что иногда исключают из себя даже то, от чего они реально не отличаются, напр., когда говорят, что протяжение или фигура не есть тело, число не есть сочтенная вещь, поверхность есть предел тела, линия есть предел поверхности, точка есть предел линии, единица не есть количество и т. д. Все такие положения и другие, подобные им, должны быть совершенно удалены из воображения, как бы они ни были истинны» (там же, с. 148—49). Поэтому как протяжение, так и К. не следует представлять себе в виде нек-рой «вещи», существующей реально отдельно от протяженных тел, находящихся в тех или иных отношениях друг к другу. «Нужно обратить особое внимание на то, что во всех других положениях, где эти названия хотя и удерживают то же самое значение и таким же образом абстрагируются от предметов, но не исключают, однако, или не отрицают ничего в той вещи, от которой они реально не отличаются, мы можем и должны прибегать к помощи воображения, ибо если интеллект имеет дело только с тем, что обозначается словом, то воображение должно представлять себе действительную идею вещи, для того чтобы ин-

Теллект мог по мере надобности обращаться и к другим свойствам, которые не выражены в названии, и опрощенно не считал бы их исключёнными. Так, например, если речь идёт о числе, мы представляем себе какой-нибудь предмет, измеримый многими единицами, но хотя наш интеллект мыслит здесь только о множественности этого предмета, мы, тем не менее, должны остерегаться, чтобы он не сделал вывода, будто измеряемая вещь считается исключённой из нашего представления, как это делают те, кто приписывает числам чудесные свойства, — чистейший вздор, к которому они не могли бы такого доверия, если бы не считали число отличным от исчисляемой вещи» (там же, с. 149). Данное рассуждение Декарт продолжает далее и по отношению к «фигуре», «величине» и т. д. Здесь, как и везде, Декарт предполагает понимание материи (телесной субстанции), как тождественной с протяженностью. Поэтому и К. есть в общем и целом одно и то же, что и материя, только рассматриваемая под аспектом ее численной измеримости: иными словами, К. есть численно измеримое протяжение. Оспаривая схоластику, определение материи, Декарт говорит, что все трудности, испытываемые философами в вопросе о материи, происходят «...только оттого, что они хотят отличать материю от её собственного количества и её внешней протяженности, то-есть от её свойства занимать пространство» (там же, с. 196). Собственное понимание Декарт формулирует так: «...Количество описанной мною материи не отличается от численно измеримой субстанции, «истинной формой и сущностью» к-рой является протяженность и ее свойство занимать пространство (см. там же). Спиноза, цитируя философию Декарта, также формулирует в числе ее аксиоматич. определений ту мысль, что протяжение не есть что-либо отличное от К. (Quantitas) (см. «Принципы философии Декарта», ч. 2, определение 1). С этой идеей как раз и связана у Декарта идея «всеобщей математики», лишь частями к-рой должны являться арифметика и геометрия, исследующие только частные виды К., т. е. телесной субстанции, понимаемой как безграничная протяженность. Именно этот взгляд позволил Декарту разорвать узкие рамки предшествующей и современной ему математики и вывести математику в принципиально новые области исследования, заложить основы аналитич. геометрии, дифференциального и интегрального исчисления и т. д.

Принципиально тот же, глубоко верный в филос. отношении, но парадоксальный для узко-формально мыслящих математиков взгляд на природу К. развивал и Спиноза. «Количество представляется нами двойным образом: абстрактно или поверхностно, а именно, как мы его воображаем, или же как субстанция, что может быть сделано только интеллектом. Таким образом, если мы рассматриваем количество, как оно существует в воображении, что бывает часто и гораздо легче, то мы находим его конечным, делимым и составным и з ч а с т е й; если же мы рассматриваем его, как оно существует в интеллекте, и представляем его как субстанцию, что очень трудно, то мы находим его бесконечным, делимым и неделимым. Это будет достаточно ясно для каждого, кто умеет различать между воображением и интеллектом». — «Этика», ч. 1, теорема 15-я, схолия...» (цит. по кн.: Г е л л ь, Наука логики, в кн.: Соч., т. 5, М., 1937, с. 202; см. также Б. Спиноза, Избр. произв., т. 1, М., 1957, с. 376). Данное положение Спинозы на первый взгляд просто воспроизводит позицию злейшей школы. Однако Спиноза вовсе не отрицает фактик. разделенности природы в целом (субстанции) на отд. тела. Отд. тела и границы между ними существуют, по Спинозе, отнюдь не только в воображении, а лишь познаются с помощью воображения. Отрицает Спиноза совсем другое, — то представление, будто эта фактик. ограниченность (конечность) отд. тел свидетельствует об их принципиальной, субстанциальной разнородности. Смысл этого рассуждения в том, что реальные границы между телами, служащие, в частности, основанием для математики, выражения (для измерения и счета), суть границы между принципиально однородными частями или границы внутри одной и той же субстанции — внутри естественно-природной материи, а не между материей и чем-то ей противоположным, именно пустотой.

Лейбниц, возражавший Декарту и Спинозе по ряду других принципиально важных пунктов, в вопросе об отношении материи и К. выразился хотя и более осторожно, но достаточно определенно: «Не совсем неверно, что материя и количество суть в действительности одно и то же» (цит. по кн.: Г е л л ь, Наука логики, в кн.: Соч., т. 5, с. 203). Лейбниц соглашается с тем, что величина и фигура суть пространств. определения тела (см. Избр. филос. соч., М., 1908, с. 4). Однако дело сразу же оборачивается по-иному, как только вопрос встает не о пространстве и К. вообще, а об определенном К., об определенной величине и фигуре: «...Из природы тел их о п р е д е л е н а я величина или фигура объяснена быть не может» (там же, с. 5). Точно также остается без объяснения и движение. Лейбниц делает следующий вывод: «...тела могут иметь определенную фигуру и величину, а также движение, только при предположении невещественного Существа... Но почему это невещественное Существо избрало именно такую, а не иную, величину, фигуру и движение — это можно объяснить лишь в том случае, если Оно разумно, мудро, — в виду красоты вещей, а всемогуще — в виду повиновения их его мановению» (там же, с. 9). Здесь и заключается секрет отношения Лейбница к общей линии механистич. материализма — Гассенди, Декарта, Гоббса и др.: «Я принимаю общее всем этим реставраторам правило, что в телах все должно объяснять только посредством величины, фигуры и движения» (там же, с. 15).

Однако количеств. определенность сама требует объяснения и его приходится искать вне тел, вне материи, вне вещества. Тело при этом представляется как нечто само в себе абсолютно неопределенное, неограниченное, сплошное и бесследное, к тому же лишенное движения. Поэтому в теле самом по себе нельзя найти основания для счета, для измерения, и математика лишается своего вещества. фундамента. Все различия и границы в телесную субстанцию вносит, посредством движения, разум. В итоге получается такая картина: «Итак, материя есть бытие в пространстве или бытие, сопряженное с пространством. Д в и ж е н и е есть перемена пространства. Фигура же, величина, положение, число и т. д. суть не бытия, реально отличные от пространства, материи и движения, но лишь отношения между пространством, материей и движением и их частями, созданные привошедшим разумом. Ф и г у р у я определяю как границу протяженного, в е л и ч и н у — как число частей в протяженном. Ч и с л о я определяю как единица+единица+единица и т. д., т. е. как совокупность единиц. П о л о ж е н и е сводится к фигуре, так как оно есть конфигурация нескольких вещей. В р е м я есть не что иное, как величина движения. А так как всякая величина есть число частей, то нет ничего удивительного, что Аристотель определил время как число движения» (там же, с. 32). Итак, все количества (пространственные и временные) различия и соотношения между телами — это различия, привнесенные в материю деятельной силой разума. Протяженная, но неопределенная, неразличная в себе «материя» играет здесь роль экрана, на к-рый проецируются различия, границы и соотношения, заключенные в нематериальном начале, определяющемся в конце концов как монада, как «энтелехия» — субъект «действующей силы». Монада есть подлинная «единица», «единое и неделимое», и тем не менее, заключающая внутри себя все многообразие мира, все его прошлое, настоящее и будущее. Арифметическая же единица делима (дробь). Следовательно, все те количества (геометрич. и арифметич.) определения, в к-рых исчерпывается понимание внешнего, телесного мира, суть только внешние способы выражения внутри определенности монады, имманентной ей «живой силы». Все богатство необходимых математич. истин, т. е. вся количеств. определенность мироздания, заключается, согласно концепции Лейбница, внутри монады, и тем самым в «душе» математика, сопряженной, в силу предустановленной гармонии, к универсальному мироупорядку. «И хотя все частные явления природы могут быть объяснены математически и механически тем, кто их понимает, тем не менее, общие начала телесной природы и самой механики носят скорее метафизический, чем геометрический характер, и коренятся скорее в известных неделимых формах и натурах, как причинах явлений, чем в телесной или протяженной массе» (там же, с. 79). Это в общем очень похоже на Платона, на к-рого Лейбниц не устаёт ссылаться в своей полемике с Декартом, Спинозой и представителями механистич. естествознания.

Следующим принципиально важным этапом филос. анализа проблемы К. является нем. классич. философия конца 18 — нач. 19 вв. Кант, в значит. мере опираясь на Лейбница, связывает проблему К. с пониманием пространства и времени как априорно-трансцендентальных форм чувств. созерцания, т. е. как имманентно присущих субъекту форм его деятельности, с помощью к-рых субъект конструирует в своем представлении внешний мир. Формы созерцания тел в пространстве и времени (в т. ч. «величина», «фигура», «число», «положение», «последовательность» и т. д.) суть, по Канту, именно условия, и ни в коем случае не следствия опыта относительно тел. Этот тезис Кант обосновывает тем соображением, что иначе чистая математика протяженности (т. е. геометрия) не могла бы претендовать на всеобщее и необходимое значение своих аксиом и конструкций и все ее положения имели бы характер лишь эмпирич. истин типа «все лебеди белы», т. е. находились бы под постоянной угрозой опровержения со стороны фактов чувств. опыта. Но даже сам чувств. опыт свидетельствует о том, что между телами, абсолютно тождественными друг другу по величине и взаимному расположению частей, существует принципиально пространство. различие: левая и правая рука различаются друг от друга, — они «инконгруэнтны», хотя никакого различия между ними ни по величине, ни по взаимному положению их частей нет. Это различие между ними существует лишь по отношению к «абсолютному пространству». Следовательно, пространство подлежит исследованию совершенно независимо от исследования наполняющих его тел, от свойств материи вообще. Это исследование и есть геометрия. В «Критике чистой математики, исходя из своего понимания пространства и времени. Так, величина (quanta) определяется Кантом след. образом: «Все явления содержат, что касается формы, наглядное представление в пространстве и времени, лежащее в основе их всех а priori. Поэтому они могут быть аппрецированы, т. е. восприняты в эмпирическое сознание не иначе, как посредством синтеза многообразия, который создает представление определенного пространства или времени, т. е. посредством сложения однородного и сознания синтетического единства этого многообразного (однородного). Но сознание многообразного однородного в наглядном представлении вообще, поскольку посредством него впервые становится возможным представление объекта, есть понятие величины» («Критика чистого разума», П., 1915, с. 130). «Величина» представляется здесь как понятие, характеризующее не вещь вне сознания, обладающую пространственно-временными границами, а ре-

зультат действия силы воображения, выделяющей из хаоса чувств. впечатлений некую его часть и превращающей эту часть в объект внимания, очерченный пространственно-временными границами. Здесь речь ни в коем случае не идет ни об «измерении», ни о «счете», ни о каких бы то ни было специфически математич. действиях и их результатах. Здесь рассматриваются исключительно трансцендентальные (общепсихологич.) предпосылки действий математика, ни от каких специально математич. представлений не зависящие, или условия онтологич. отношения к явлениям вообще: «так как чистое наглядное представление во всех явлениях есть или пространство или время, то всякое явление, как наглядное представление, есть эстетическая величина, так как оно может быть познано только посредством последовательного синтеза (от части к части) в апперцепции. Уже поэтому все явления наглядно представляются как агрегаты (множество заранее данных частей)...» (там же, с. 131). Но пространство и время в конструкции Канта играют не одинаковую роль. Если пространство есть априорная форма внешнего чувства или форма созерцания внешних явлений, то время есть априорная форма единства (синтеза) всех чувств вообще, форма созерцания явлений вообще, как внешних, так и внутренних. Поэтому именно время выступает как более общий и чистый образ величины вообще, включая сюда не только эстетические, но и интенсивные величины. «Чистый образ всех величин (quantitum) пред внешним чувством есть пространство, а чистый образ всех предметов чувств вообще есть время. Чистая же схема в е л ч и н и ы (quantitatis) (собственно К. *Prö.*) как понятия рассудка, есть ч и с л о, т. е. представление, объединяющее в себе последовательно присоединение единиц к единице (однородного). Следовательно, число есть нечто иное, как единство синтеза многообразия однородного наглядного представления вообще...» (там же, с. 121). В качестве чистого понятия рассудка, т. е. категории, К. и выступает как род единства явлений в пространстве и времени или как принцип действий рассудка, позволяющий объединять различные представления как однородные, т. е. связывать их в составе суждения, на том основании, что все они — величины. К. в этом плане выступает как класс, состоящий из трех категорий — единства, множества и всеобщности (в смысле неопределенности, совокупности), а в проекции общей логики как группа видов суждений — общих, частных и единичных, т. е. различающихся между собой по объему. К., как и любая др. категория, выступает у Канта как чистая форма субъективной деятельности, содержание к-рой задается только эмпирич. опытом, только ощущением. Т. о., между К. вообще и определ. К. (величиной) остается зиять та же самая пропасть, к-рая вообще разделяет у Канта умопостижимое от чувственно-эмпирического. Тем не менее проблема К. у Канта уже достаточно определена была поставлена как проблема единства многообразных явлений в пространстве и времени или пространственно-временного аспекта единства многообразного (т. е. конкретного). Тем самым количеств. аспект любого предмета науч. исследования был истолкован как необходимый, по отношению не единственно исчерпывающий аспект (категория) науч. мышления. Под этим углом зрения проблема К. рассматривается и в диалектике Гегеля.

Гегель рассматривает К. как логич. категорию, т. е. как фазу или ступень, через к-рую необходимо проходит мышление, создающее и воспроизводящее внешний мир. К. представляется здесь как снятое качество, т. е. как более глубоко и строго понятие качества — «тождественная с бытием непосредственная определенность». «К о л и ч е с т в о (Quantität) есть чистое бытие, в котором определенность положена уже больше не как тождественная с самим бытием, а как с н я т а я или б е з р а з л и ч н а я» (Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 170). Иными словами, это — та же самая определенность, к-рая выступала ранее как качество; но если на ступени качества мышления не различало бытие от его определенности, непосредственно отождествляя одно с другим, то в результате анализа оказалось, что бытие вообще безразлично к какой бы то ни было чувственно воспринимаемой определенности, т. е. к любой из бесконечно многих конечных, ограниченных друг от друга вещей. Но в таком случае от определенности вообще остается лишь внешняя ограниченность одного от другого, от многих других таких же одних, без указания на то, что же именно заключено внутри этих границ. К. последнему определенности бытия как К. совершенно безразлична, внешняя. В представлении К. поэтому выступает как величина, как определ. К., и поэтому «прежде всего надлежит отличать ч и с т о е к о л и ч е с т в о от него же, как о п р е д е л е н н о г о количества, от Quantum» (там же, с. 197). В качестве примеров чистого количества Гегель приводит материю вообще, а также пространство и время.

Между «материей» и «К.» Гегель ставит знак равенства: «...Эти понятия отличаются друг от друга лишь тем, что количество есть чистое определение мысли, а материя есть это же определение мысли во внешнем существовании» (там же, с. 203). Но при таком обороте мысли одним и тем же оказываются также одно-сторонние количества. мироощущание и материализм, квалифицируемый Гегелем как т. зр., сводящая все различия между предметами к различиям в протяженности, фигуре, положении и к изменениям этих различий во времени, к механич. движению. «...Упомянутая здесь исключительно математическая точка зрения, с которой количество, эта определенная ступень логической идеи, отождествляется с самой идеей, ... есть не что иное, как точка зрения м а т е р и а л и з м а, и это в самом деле находит себе полное подтверждение в истории научного познания, в особенности во Франции, начиная с середины прошлого века» (там же, с. 172). Пространство и время Гегель толкует как два взаимно дополняющих образа «чистого К.». «Пространство есть непосредственное, налично существующее количество, в котором все остается существующим, и даже граница носит характер некоего существования» (там же, т. 2, М.—Л., 1934, с. 48), а время выступает как «отрицание» наличных пространств. границ, не выходящее, однако, за пределы пространства вообще и лишь заменяющее одни пространств. границы другими, пространственными же, границами. В силу этого К. выступает не просто в образе пространства как такового или же времени как такового, а только в образе пространственно-временного континуума, единства времени и пространства, т. е. «материи», к-рой свойственны многообразные формы движения, изменения пространств. границ во времени. Одно-сторонне-количеств., «исключительно математич.» аспект осмысления внешнего мира поэтому и состоит в том, что любой предмет во Вселенной рассматривается как абсолютно тождественный всякому другому в качестве «части» пространственно-временного континуума, только как «часть» пространства — времени (т. е. материи). Иными словами, чистое количество. взгляд на мир вовсе не упреждает категории качества — она и тут остается молчаливо принимаемой предпосылкой, гласящей, что во Вселенной существует на самом деле лишь одно единств. качество, а не бесконечно много качеств, и что все предметы по существу однородны, одноименны в качестве частей одного и того же пространственно-временного континуума. Принципиальный недостаток одно-сторонне-количеств. взгляда на мир и на его познание Гегель поэтому усматривает в том, что этот взгляд, стремясь уйти от бесконечно многих чувственно воспринимаемых качеств. различий, в к-рых он теряется, выбирает одно из них и объявляет его единственно реальным, а все остальные объявляет лишь иллюзиями восприятия. Поэтому, говорит Гегель, Пифагора и его единомышленников следует упрекать не в том, что они де «заходят слишком далеко», а как раз в противоположном — в том, что они не идут достаточно далеко по пути превращения чувственно воспринимаемой действительности в понятие, а ограничиваются тем, что выдают одно из бесконечно многих качественных (т. е. чувственно воспринимаемых) определений внешнего мира за его единств. определение или необходимую ступень развития мышления — за весь путь мышления. «Согласно всему здесь сказанному, следует признать отыскивание, как это часто случается, всех различий и всех определенностей только в количественном одном из предсудков, наиболее мешающих как раз развитию точного и основательного познания» (там же, с. 173). Полная, конкретная определенность предмета познания не исчерпывается одним лишь «количествен-

ным»; она все время, несмотря на то что ее объявили лишь субъективной иллюзией восприятия, стоит за спиной математика и выступает в представлении, в созерцании в виде тех бесконечно многих «качеств», к-рые к одному единственному никак не сводятся, несмотря на все старания. Внутри же односторонне-математич. изображения идеи эта ситуация обнаруживается в виде неожиданно возникающих и принципиально неразрешимых чисто математич. средств противоречий, антиномий. Сюда относятся, напр., анории Зенона и антиномии Канта. Поскольку К. есть снятое качество, постольку, хотя бы того или не хотя математика, в определениях К. всегда будут «высовываться» все те всеобщие определения, к-рые мышление с необходимостью выработало анализом качества, т. е. до и независимо от специально количеств. анализа. Таковы непрерывность и прерывность, единство и множество, бесконечное и конечное, безграничное и ограниченное и т. д. К. одинаково обладает, напр., моментом прерывности и непрерывности. И когда хотят во что бы то ни стало свести К. к одной дискретности (напр., к числу), то в числовом выражении тот момент, к-рый хотели бы видеть несуществующим, обнаруживает себя в бесконечности числового ряда. Примерами могут служить число «пи», отношение стороны квадрата к его диагонали и т. п. В дурной бесконечности числа «пи» выражается, в частности, тот факт, что прямая и кривая отличаются друг от друга качественно. Эта качеств. несводимость одной к другой предстает в количеств. проекции именно как невозможность закончить числовой ряд, что и уводит в дурную бесконечность пространства и времени, в «чистое К.», вообще — в неопредел. К. Анализируя математич. операции и трудности, вытекающие из непонимания этого факта, Гегель доказывает, что определ. К. (величина как предмет математики) есть всегда, видят это или не видят, признают это или нет, выражение определенного же качества, и что поэтому в количеств. выражении всегда более или менее ясно и осознанно прорывается вся та диалектика, к-рую логика обнаружила ранее в качестве. Вывод, к к-рому Гегель стремится привести через свой анализ всех этих фактов, гласит, что «истинной определенностью К.», или образа К. в математике является мера — качественно определ. К., а не просто К.

Диалектич. моменты гегелевского анализа проблемы К. послужили исходным пунктом для диалектико-материалистич. решения этой проблемы у Маркса и Энгельса. В «Капитале», в анализе стоимости предполагается, хотя и не излагается систематически, в общей форме, совершенно строгое понимание природы К. и границ применимости категории К. к анализу действительности. В противоположность Гегелю, к-рый понимал К. как необходимый, но не единственный аспект, или фазу раскрытия «конкретной идеи», Маркс толкует К. как определ. абстрактный момент действительности, соответственно — как ступень ее логич. воспроизведения. Маркс четко различает К. и величину, это различие играет важнейшую методологич. роль в «Капитале», в ходе анализа экономич. категорий. Под величиной здесь также понимается овределенный, тем или иным способом огранич. К.; К. есть то, что находит свое выражение в величинах, — то непрерывное и неразличенное «одно и то же», внутри к-рого возможны любые перерывы и границы, величины и их взаимные отношения, пропорции. К. выступает здесь отнюдь не как абстрактно-собирает. название для разнообразных величин, хотя формально эту категорию можно при желании истолковать и так. Это то реальное общее в действительности, к-рое позволяет рассматривать как одно и то же не только разные, но и взаимоисключающие

виды величин, позволяет, напр., приравнять экстенсивную величину к интенсивной, хотя известно, что это — противоположные и взаимно исключающие друг друга выражения одного и того же К. Величина необходимо бывает либо прерывной, либо непрерывной; либо интенсивной, либо экстенсивной, но эти различия не касаются К. Величина поэтому выступает всегда как абстрактный образ К., к-рое остается всегда чем-то более богатым и содержательным, чем его собств. выражение в тех или иных величинах и их соотношениях. С этим различием связано одно из фундаментальных положений политич. экономии Маркса: «... величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления» («Капитал», т. 1, 1955, с. 46). В данном выражении недосто и неправильно было бы говорить о «величине труда» или о «величине рабочего времени» уже потому, что рабочее время одной и той же величины (т. е. продолжительности) может заключать в своих границах труд самой различной интенсивности (производительности), а тем самым и разные К. труда. С др. стороны, труд одной и той же интенсивности может совершаться в течение разных отрезков времени, и его К. вследствие этого опять-таки окажется не одинаковым. Одно и то же К. труда может выражаться (определяться) в зависимости от бесконечно многообразных и постоянно меняющихся условий, в самых различных К. продуктов и величинах меновых стоимостей, в них представленных. К. выступает здесь как то инвариантное, что определяет собой величины и их взаимные отношения, и ни в коем случае не наоборот, не величины определяют К., хотя люди определяют — в смысле измеряют — К. именно величинами и их пропорциями. О величине труда или рабочего времени, общественно необходимого для изготовления определ. товарной стоимости, говорить невозможно по той причине, что эта величина остается сама по себе неопределенной и определяет себя только через бесконечный ряд величин. Напр., простая форма стоимости («20 аршин холста = 1 сюртуку») говорит лишь о том, что в двух обмениваемых товарах содержится одно и то же К. овеществленного труда. Но какое именно, какова его собственная величина — этого в эквивалентной форме стоимости прочитать нельзя: «в действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости» (там же, с. 63). Поэтому количество определенности самой стоимости обнаруживается только через неопределенно большой, никогда и нигде не завершающийся ряд пропорций, уравнений, отношений между величинами меновых стоимостей, но как таковая, как особая величина, на поверхность не выступает нигде. Поэтому бурж. экономисты, мышление к-рых с самого начала ориентировано узким прагматизмом, обращают внимание исключительно на количеств. определенность менового отношения, на те пропорции, в к-рых выступают величины меновых стоимостей, и приходят в итоге к выводу, что говорить о каком-то «количестве труда» или о «количестве рабочего времени» значит вообще заниматься «несуществующими вещами». «Поверхностное понимание этого факта, — что в стоимостном уравнении эквивалент имеет всегда только форму простого количества известной вещи, известной потребительной стоимости, — ввело в заблуждение Бэйли и заставило его, как и многих из его предшественников и последователей, видеть в выражении стоимости только количественное отношение» (там же, с. 62—63). Эта односторонне-количеств. трактовка, продиктованная прагматич. взглядом на вещи, естественно согласовалась с позициями англ. эмпиризма в логике и

теории познания; последний также истолковывал К. просто как абстрактно-собирает. название, как «термин», обозначающий величины и их отношения.

Плоско-эмпирич., абстрактно-математич. взгляду на стоимость Маркс противопоставляет требование выяснить прежде всего реальные предпосылки чисто количеств. рассмотрения экономич. явлений, величин стоимости и их пропорций. «Чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости одного товара содержится в стоимостном отношении двух товаров, необходимо прежде всего рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обычно же поступают как раз наоборот и видят в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определённые количества различных сортов товара. При этом забывают, что различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к известному единству. Только как выражения известного единства они являются одноимёнными, а следовательно, соизмеримыми величинами» (там же, с. 56). «Что предполагает чисто количественное различие вещей? Одинаковость их качеств» (Архив Маркса и Энгельса, 4, 1935, с. 119). Иными словами, количеств. анализ явлений предполагает вовсе не слепоту к качеству, не абстракцию от всех и всяких качеств. различий, а как раз наоборот, четкое усмотрение тех качеств. границ, внутри к-рых этот анализ производится, или выделение того одного качества, количеств. выражение к-рого должно быть в данном случае найдено. Когда бурж. политич. экономия видит в действительности экономич. отношений лишь количеств. отношения и остается слепой к качеств. структуре произ-ва, она заходит в итоге в тупик и в самом количеств. анализе. Ибо одно дело сознательно отвлекаться (абстрагироваться) от качеств. различий там, где это диктуется специфич. природой дела, а совсем другое — просто закрывать глаза на все и всякие качеств. различия; это самый верный способ запутаться в неразрешимых антиномиях и парадоксах, с необходимостью возникающих в результате неправомерных, неоправданных математич. экстраполяций. Общетеодологич. корень всех иллюзий бурж. политич. экономии в отношении стоимости Маркс видит в недостаточности анализа величины стоимости: «... ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно человеческому труду» («Капитал», т. 1, с. 86, прим.). Вся трудность проблемы стоимости заключается в том, что здесь все качественно различные виды труда выступают просто как формы выражения одного и того же труда, труда одного и того же качества, и что труд этого совершенно определ. качества становится здесь формой выражения своей собств. противоположности, — труда, лишённого каких бы то ни было качеств, — абстрактно всеобщего, однородного, «бескачественного» труда, а потому определяется лишь количественно. Одно-сторонне-количеств. понимание экономич. явлений предполагает, т. о., не игнорирование всех и всяческих качеств. определений, а молчаливо допущенное сведение всех качественно различных видов труда к одному единственному. Что это за труд, каково его «качество», об этом бурж. наука предпочитала не распространяться. На самом же деле это вполне определённый историч. образ труда — труд «простой» необученный, неквалифицированный, труд просто как затрата определ. образом дрессированной природной силы человека, — «... простой труд, которому может быть обучен каждый средний индивидуум и который он, в той или другой форме, должен выполнять» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф.,

Соч., 2 изд., т. 13, с. 17). Любой труд, вид труда приравнивается к простому труду и меряется его мерой. Но поскольку реальные качеств. различия между разными видами труда при этом из действительности не исчезают, постольку такое приравнивание совершается «за спиной» людей и неизвестными для них способами. Но если такое сведение всех качественно различных видов труда к труду одного качества предположено, то различные виды труда могут отличаться друг от друга лишь как разные К., лишь в количеств. проекции. «Как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть рабочее время. Различие в продолжительности самого труда является единственным различием, свойственным ему, предполагаемая данным его качество... Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилom этого бытия» (там же, с. 16). Соответственно меновые стоимости товаров выступают здесь просто как порции, величины, определ. К. «застывшего рабочего времени»; только как порции этого времени товары и могут рассматриваться с чисто количеств. т. зр., как меновые стоимости. Рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, выступает как единственный чисто количеств. аспект «субстанции» стоимости, или субстанция как К., могущее делиться на бесконечно многообразные порции одного и того же качества, на однородные и поэтому одноименные величины. Другое дело, что бурж. общество не имеет возможности измерять К. общественно-необходимого труда прямо и непосредственно рабочим временем, т. е. его имманентной мерой, а вынуждено прибегать к окольному его измерению через весовые единицы золота, через «внешнюю меру». Но весовые величины благородных металлов имеют здесь значение своеобразных проекций величин рабочего времени, значение «пространств. эквивалента» величин времени. Поэтому всеобщее рабочее время в свою очередь представляется как особая вещь, как товар, существующий наряду со всеми другими товарами и вне их всех. Тот специфич. товар, к-рый начинает представлять собой всеобщее рабочее время и играть роль его специфич. воплощения, «... должен обладать способностью выражать чисто количественные различия, что предполагает тождественность, качественную однородность» (там же, с. 135). Поскольку все товары в своих ценах суть лишь мысленно. представляемые количества золота разной величины, постольку «... возникает техническая необходимость относить их к определенному количеству золота как к единице измерения; последняя развивается далее в масштаб, благодаря тому, что она делится на равные части, которые, в свою очередь, опять-таки делятся на равные части» (там же, с. 55). В свете своего понимания количества Маркс разбивает характерную для бурж. науки иллюзию, будто единица измерения, через к-рую выражаются пропорции величин меновых стоимостей, представляет собой чисто произвольное установление и потому могла бы существовать даже в том случае, если бы на свете не существовало никакой субстанции стоимости. Обосновывая это понимание денег, бурж. экономист Дж. Стюарт ссылался на практику геометрич. измерений и задавал риторич. вопрос — какова нормальная величина градуса, секунды, метра. Действительно, если речь идет только о сравнении величин стоимостей, о чисто количеств. стороне дела, то здесь совершенно безразлично как собств. содержание денежной единицы, так и ее название. Фиксируя этот поверхностный аспект практики измерения, Стюарт отрицает вообще к.-л. р. связь между

единицей измерения и качеств. свойством меры: «так как товары благодаря превращению своих меновых стоимостей в цены выступают как одноименные величины, то он отрицает качественную особенность меры, которая и делает их одноименными; так как в этом сравнении различных количеств золота величина того количества золота, которое служит единицей измерения, условна, то он отрицает, что эта величина вообще должна быть установлена. Вместо того, чтобы $\frac{1}{360}$ часть круга называть градусом, он может назвать градусом $\frac{1}{180}$ часть; тогда прямой угол равен был бы 45 градусам вместо 90, и соответственно изменилось бы измерение острых и тупых углов. Тем не менее мерой угла по-прежнему осталась бы, во-первых, качественно определенная математическая фигура — круг и, во-вторых, количественно определенный отрезок круга» (там же, с. 64—65).

Выявить то полное понимание категории К., к-рое предполагается анализом стоимости в «Капитале», остается первоочередной задачей при конкретной разработке диалектики как логики и теории познания марксизма. Эта важнейшая задача в филос. литературе еще не разрешена с той степенью конкретности, к-рой она заслуживает.

Общие контуры решения проблемы К. в связи с развитием естествознания были освещены Энгельсом в ряде сочинений, прежде всего в «Диалектике природы» и «Анти-Дюринге». Универсальное значение количеств. определений действительности, соответственно количественно-математич. обработки опытных данных, универсальную применимость математики и ее методов Энгельс обосновывает тем, что любая из возможных в природе форм движения «...заключает в себе механическое движение, перемещение больших или мельчайших частей материи» («Анти-Дюринг», 1957, с. 356), т. е. тем, что пространство и время суть всеобщие формы бытия движущейся материи. Как движение в общем смысле слова представляет собой способ существования материи, внутренне присущий ей атрибут, так и механич. движение — эта самая абстрактно-всеобщая из всех форм движения — представляет собой способ существования материи в пространстве и времени. Поэтому любая из форм движения материи, кончая высшими — жизнью и мышлением, всегда связана с механич. движением, выражается через него и потому всегда может быть проанализирована и описана с т. зр. ее пространственно-временных параметров, т. е. чисто количественно. Энгельс вместе с тем остро полемически выступает против известных иллюзий естествоиспытателей, связанных с непониманием диалектич. отношения механич. движения (т. е. пространств. изменения частей материи во времени) к другим, более сложным и конкретным формам движения, с представлением, будто бы лишь механич. движение и его продукты, фиксированные в пространстве, суть единственно объективные (т. е. вне и независимо от воли и сознания человека существующие) определения естественно-природных явлений, а все остальные непосредственно наблюдаемые факты — лишь субъективные иллюзии, создаваемые органами чувств человека. Односторонне-механич. (односторонне-количеств.) взгляд на природу неизбежно связан с превращением качества в чисто субъективную категорию, с отрицанием возможности применять ее к чему-либо, кроме мира чисто субъективных переживаний и самоощущений человек. индивида, причем сам этот субъективный мир оказывается при таком предположении совершенно несоизмеримым с объективными характеристиками и невыразимым через них. Отмечая, что все виды и формы движения в природе заключают в своем составе механич. движение, т. е. пространств. изменение, совершающееся во времени, Энгельс продолжает: «познать

эти механические движения является первой задачей науки, однако лишь первой ее задачей». «Можно охотно согласиться с тем, что современное течение в науке движется в этом направлении, но это не доказывает, что оно является исключительно правильным и что, следуя этому течению, мы до конца и с черпаем физику и химию» (там же).

Поэтому при всей справедливости истины, к-рая была высказана уже Кантом, а на материалистич. основе переосмыслена Марксом, что наука вообще достигает совершенства лишь там и в той мере, в какой ей удастся взять на вооружение математику, это вовсе не означает, что чисто математич. описание явлений есть предел, цель и идеал совершенства теоретич. знания. Не выявив количеств. определенности явлений, наука остается при неполном и одностороннем их понимании. Но верно и обратное: если явления проанализированы только в плане К., их понимание не менее ущербно и абстрактно. Односторонне количеств. описание явлений природы исчерпывало бы задачу науки лишь в одном случае, если бы материя действительно представляла собой абсолютно тождественную, неразличную внутри себя массу, а все различия и изменения внутри этой массы сводились бы к чисто пространств. перемещениям, протекающим во времени. В этом случае все науч. знание действительно свелось бы к ряду математич. уравнений, пропорций неименованных величин, чистых чисел, и пифагорейская философия могла бы претендовать на титул единственно науч. философии. Конечно, все это никак не снимает важности нахождения механич. эквивалентов всех многообразных форм движения; с этой задачей и связана неустранимая потребность и тенденция разрешить все многообразные физич. величины (массы, энергии и т. д.) в чистые пространственно-временные величины, к-рые можно затем рассматривать как неименованные величины, как чистые числа в составе уравнений, абстрактно-математич. пропорций. Это, однако, не значит, что они объективно к ней «сводятся» без остатка. «Остаток» получается весьма солидный, ибо этот «остаток» — качество, качественно-количеств. определенность с ее специфич. мерами. Несводимость качеств. различий к количественным Энгельс демонстрирует и на примерах из самой математики: «говоря о бесконечно большом и бесконечно малом, математика вводит такое качественное различие, которое имеет даже характер непреодолимой качественной противоположности: мы имеем здесь количества, столь колоссально отличные друг от друга, что между ними прекращается всякое рациональное отношение, всякое сравнение, и что они становятся количественно несоизмеримыми. Обычная несоизмеримость, например несоизмеримость круга и прямой линии, тоже представляет собою диалектическое качественное различие; но здесь именно количественная разность однородных величин заостряет качественное различие до несоизмеримости» («Диалектика природы», 1955, с. 206—07). Именно поэтому теоретики, в к-рых бурж. общество воспитало подозрит. недоверие к диалектике, к логике противоречия, всегда испытывают враждебное чувство к понятию бесконечности, в виде к-рой в математич. выражении всегда выступает неразрешенное качеств. различие между объектами, измеряемыми одной и той же мерой. Анализируя взгляды Е. Дюринга, Энгельс показывает, что стремление уйти раз и навсегда от диалектич. противоречий в понятие бесконечности, в математич. описаниях времени, пространства и движения, всегда рано или поздно приводит к противоречиям нелепым, формальным, к-рые отнюдь не исчезают от того, что их маскируют искусств. способами выражения, разрешают чисто словесно.

Дальнейшую разработку и конкретизацию т. зр. диалектич. материализма на проблему К. получила в работах Ленина, в связи с «новой революцией в естествознании» и с критикой философско-гносеологич. спекуляций на трудностях развития физики, открывшей на рубеже 19—20 вв. дверь в мир субатомных структур. Проблема К. встала в этих условиях существенно по-новому в связи с тем, что углубляющаяся математизация физики сочеталась здесь с кризисом традиц. механистич. представлений и понятий. «Новая физика, найдя новые виды материи и новые формы ее движения, поставила по случаю ломки старых физических понятий старые философские вопросы» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 266) и, в частности, вопрос об отношении пространства, времени и движения к материи, к «субстанции». Механистич. представления о материи не позволяли уже сколько-нибудь удовлетворительно объяснить свойства и поведение частиц, пространств, размеры, скорости, массы и энергии к-рых оказывались несоизмеримыми с величинами классич. физики, а попытки выразить одно через другое стали то и дело приводить к парадоксам. Именно с этим и был прежде всего связан т. н. «кризис в физике» и попытки найти из него выход на пути физич. идеализма. В качестве первой причины физич. идеализма Ленин назвал математизацию физики: «Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. „Материя исчезает“, остаются одни уравнения» (там же, с. 294). В основу односторонне-количеств. идеала познания Мах положил свою субъективно-идеалистич. концепцию пространства и времени: «пространство и время суть упорядоченные (или гармонизированные...) системы рядов ощущений» (цит. по кн.: Ленин В. И., там же, с. 165); количественно-математич. анализ явлений этим был сведен к субъективной операции, к упорядочивающему описанию рядов ощущений, а математика — к «языку» этого описания. Не случайно и то, что неопозитивизм — прямое продолжение махизма в философии — сделал субъективно-идеалистич. «обоснование математики» осн. руслом своей работы и фундаментом всех своих построений, а идеалистически истолкованную математику — осн. оружием против материализма вообще, против материалистич. решения проблемы К. в частности. Следуя по этому пути, неопозитивизм по существу расширелся в полной капитуляции перед трудностью проблемы, заявив устами Б. Рассела, что математика — это доктрина, в к-рой мы не знаем ни того, о чем мы говорим, ни правильно ли то, что мы говорим. Проблема К. (или количеств. определенности реальной действительности) как реального основания количественно-математич. описания явлений природы, т. е., в неопозитивистской философии оказалась фактически снятой с повестки дня и подменена совсем другой, подчиненной ей, проблемой формальной структуры языка математики, способов знаково-символич. изображения К. в математике. Опровергая субъективно-идеалистич. спекуляции на математизации естествознания, Ленин доказывает ту истину, что количественно-математич. описание физич. явлений всегда было, есть и остается формой отражения материальных, т. е. в пространстве и времени существующих, тел. Отвечая Богданову, к-рый вслед за Махом утверждал, что «понятие материи сводится к выступающему в уравнениях механики коэффициенту массы, а этот последний при точном анализе оказывается обратной величиной ускорения при взаимодействии двух физических комплексов — тел», Ленин формулирует: «Понятно, что если какое-ни-

будь тело взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно выразить простым отношением ускорения. Но ведь „тела“ (т. е. материя) от этого вовсе еще не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их, — если бы формы движения были так же просты, как в механике» (Соч., т. 14, с. 275).

В пользу диалектико-материалистич. взгляда на количественно-математич. аспект анализа (отражения) естественно-природных явлений Ленин приводит также многочисл. высказывания тех физиков, к-рые сохранили стихийно-материалистич. взгляд на вещи. В плане анализа количеств. стороны дела в физике Ленин цитирует свидетельство Больцмана: «Если не делать себе иллюзий насчет значения дифференциальных уравнений, то не может быть сомнения в том, что картина мира (посредством дифференциальных уравнений) все-таки необходимо будет атомистическая, картина того, как по известным правилам будут изменяться во времени громадные количества вещей, расположенных в пространстве с тремя измерениями» (там же). Иными словами, объективным прообразом дифференциальных уравнений оказывается и т. зр. Больцмана именно пространственно-временная определенность материальных тел, дискретных частей единой материи. Этот взгляд Больцмана Ленин приводит сочувственно, как совпадающий в главном с т. зр. диалектич. материализма.

Огромную роль придавал Ленин и количественно-математич. анализу в социальных науках, называя статистику «...одним из самых могущественных орудий социального познания...» (Соч., т. 16, с. 400). В то же время Ленин показывал на фактах, насколько важна при статистич. анализе качеств. сторона дела, качеств. критерии систематизации цифрового материала. Без тщательнейшего внимания к этим критериям статистика «...превращается... в уродство, в статистику ради статистики, в игру» (там же), под к-рой чаще всего кроется отнюдь не бескорыстно-математич. цель.

Разработка проблемы К. с позиций диалектич. материализма остается актуальнейшей задачей марксистской философии как в связи с продолжающимся расширением роли количественно-математич. методов анализа во всех областях науки, так и в связи с тем, что гл. направление атак неопозитивизма на диалектико-материалистич. логику и теорию познания находится как раз на линии математики и ее роли в науке. Полное и конкретное решение проблемы К. как важнейшей категории диалектич. логики, связанной с диалектико-материалистич. пониманием «оснований математики», является поэтому одной из актуальнейших задач диалектики как логики и теории познания марксизма. Э. Ильенков, Москва.

Количество (в математике) — филос. категория, причисленная впервые к числу категорий Аристотелем и являющаяся прежде всего соотносительной с категорией качества. Будучи категорией, т. е. одним из осн. понятий, К. не определяется формально через другие, более широкие, понятия: выясняется только его отношение к др. категориям или понятиям, таким как *качество*, *мера*, *число*, *величина*, *множество*, *вещь* («одно»), *дискретность*, *непрерывность*, *возможность* и др.

Так, у Аристотеля читаем: «К о л и ч е с т в о — называется то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным падно. То или другое количество есть множество, если его

можно считать, это — величина, если его можно измерить. Множеством при этом называется то, что в возможности (потенциально) делится на части не непрерывные, величиною — то, что «делится» на части непрерывные» (Мет. V, 13, 1020 а 7—14).

Хотя на первый взгляд в этом пояснении термина «К.» нет, в действительности, однако, эта категория скрыта уже за «чем-то одним, данным лицом». Пусть, напр., тем «что может быть разделено на составные части, каждая из которых... является чем-то одним, данным лицом», является семья, состоящая из отца, матери, бабушки, дочери и сына. Ясно, что для того, чтобы трактовать каждого из членов этой семьи как нечто «одно, данное лицом», нужно отвлечься от всех качеств. особенностей каждого из этих лиц; нужно видеть в каждом из них только одного из членов семьи, однородного (в этом смысле) со всеми остальными, но в то же время отличимого от них настолько, чтобы никаких сомнений в числе различных членов семьи не могло быть. Наилучшим выражением такой «семьи» как К. будет поэтому, напр., «слово» ПИИ, состоящее из «букв» «I», по качеству совершенно однородных, но в то же время полностью отличимых друг от друга.

Выражением К. в этом его смысле будет, очевидно (натуральное) число, 1, 2, 3, 4, 5, ... (об обобщении понятия числа на пустое слово нуль см. *Число*). Выражением К. в смысле величины также служит число (действительное); отношение же к качеству опять оказывается скрытым за требованием возможности деления на однородные (по качеству) части. Т. о., в пояснении К., данного Аристотелем, действительно содержится определ. информация о ситуациях, в к-рых применение категории К. имеет смысл.

Гораздо более трудно понять, что именно хотел сказать автор, — даже если им является Кант, — в «определениях» вроде следующего: «... сознание многообразного однородного в наглядном представлении вообще, поскольку посредством него впервые становится возможным представление объекта, есть понятие величины (Quantität)» («Критика чистого разума», 1915, с. 130).

По Гегелю («Наука логики»), К. отличается от качества тем, что в то время как последнее однозначно характеризует (специфицирует) вещь, так, что при изменении качества вещи (индивидуума) она становится другой вещью (другим индивидуумом — вещью другого рода), — количественное изменение вещи может и не делать ее другой вещью; лишь при накоплении количественных изменений наступает критический момент, когда К. переходит в качество.

В соч. классиков марксизма-ленинизма категория К. рассматривается прежде всего в связи с установлением количеств. (математич.) закономерностей, связанных с качеств. изменениями объектов; закон «перехода количества в качество и обратно», — писал Энгельс, — содержит в себе тот смысл, что «... невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела. В этой форме таинственное гегелевское положение оказывается... не только вполне рациональным, но даже довольно-таки очевидным» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 385). (См. *Переход количественных изменений в качественные*). Как замечает Энгельс, наличие этих закономерностей может быть прослежено во всех областях науки, в т. ч. и в биологии, и в истории человека, общества, где закон перехода К. в качество «...подтверждается на каждом шагу...» (там же, с. 389). А т. к. количеств. отношения действит. мира изучаются математикой,

то из этого непосредственно следует применимость математики ко всем наукам. По мнению Энгельса, только недостаточным развитием техники точного измерения может быть объяснено отсутствие строгих количеств. закономерностей в тех или иных областях науки. Так, в применении к биологии Энгельс пишет (по поводу закона перехода К. в качество и обратно): «этот же самый закон имеет силу и для живых тел, но в живых телах он проявляется в весьма запутанных условиях, и количественное измерение здесь для нас в настоящее время часто еще невозможно» (там же, с. 386). С тех пор, как были написаны эти слова (1879), наука и техника сделали такой шаг вперед, что это замечание Энгельса звучит теперь как полностью оправдавшееся предвидение применимости математич. методов в биологии. Конечно, из этого не следует, будто качеств. различия поддаются объяснению лишь постольку, поскольку они могут быть сведены к количеств. различиям (т. зр. механистич. материализма).

В связи с вопросом о единстве К. и качества нужно отметить исторически возникающую необходимость расширения смысла категории К. (и понятия «количеств. соотношение»), связанную с пониманием математики как науки о количеств. соотношениях действит. мира. Дело в том, что совр. математика не есть уже только наука о числах и величинах. В то же время для всей математики, в т. ч. и современной, особое значение имеет понятие К. в применении к множествам объектов. Если мы имеем дело с множеством жестких (т. е. подчиняющихся закону « $A=A$ », т. е. не изменяющихся) объектов, «безразличных», как говорил Гегель, друг к другу (т. е. не меняющихся, когда они вступают в отношения друг с другом), то количеств. характеристика этого множества объектов настолько не специфицирует последнее, что остается неизменной при замене каждого из них на любой другой жесткий объект, «безразличный» к остальным. Одно и то же число 5 является количеств. характеристикой любого множества из пяти жестких предметов: будут ли это пальцы рук, или стороны выпуклого пятиугольника, или лепестки цветка, или какие угодно др. предметы, образующие множество из пяти элементов.

Выражением К. элементов к.-л. множества является число этих элементов. Два разных множества имеют одно и то же число элементов, если эти множества можно привести во взаимно-однозначное соответствие, сопоставив каждому элементу одного из них один, и только один, элемент другого. Такие два множества наз. равномошными (их можно было бы называть также равночисленными или равноколичественными). Так, множества букв (знаков) в словах «отец» и «мать» равноценны. Их можно привести во взаимно-однозначное соответствие, сопоставив, напр., следующим образом их элементы: м ↔ о, а ↔ т, т ↔ е, ь ↔ ц (слева от знака соответствия ↔ стоят буквы слова «мать», справа — соответств. буквы слова «отец»).

Поскольку К. элементов множества не определяет их качеств. особенностей (существенно только, чтобы их можно было отождествлять и различать), — с чем связано и то обстоятельство, что при определении числа (количества) элементов к.-л. (конечного) множества их можно заменять любыми достаточно жесткими предметами, — люди еще со времен антич. древности научились пользоваться счетными приборами и инструментами, в к-рых операции производились над камушками (лат. слово *calculus* — «камушек» — означает на мн. совр. языках исчисление), косточками (см. рус. выражение «скостить со счета»), буквами (цифры тоже можно рассматривать как буквы в нек-ром алфавите) и т. п. жесткими

объектами, с помощью к-рых и создавались математич. исчисления.

Роль букв особенно существенна. Достаточно напомнить роль буквенных обозначений в математике. Суть дела в том, что уже простая замена вещей буквами, — рассматриваемыми при этом не как знаки для фонем (т. е. не в фонетич. смысле), а только как нек-рые объекты, к-рые мы умеем различать и отождествлять, — помогает нам отвлечься от качеств. особенностей вещей, выявить (и выразить) их количеств. соотношения. Простейшими из последних являются, напр., уже упомянутое выше соотношение равномоности двух множеств; соотношения порядка (больше, меньше); соотношения, определяемые оперированием с множествами (их объединением, пересечением, доплением и др.). Но можно пойти и дальше. Все, что относится к области соотношений, верных для неспецифицированных ближе объектов (к-рые мы тем не менее умеем различать и отождествлять), и что поэтому может быть выражено с помощью букв, — при условии, что с последними мы умеем оперировать по точным правилам, характерным для математич. исчислений, — можно считать примером К. или количеств. соотношений. Это является тем более обоснованным, что всякое буквенное исчисление допускает т. н. арифметизацию, с помощью к-рой его операции превращаются в нек-рые вычислимые функции (см. *Алгоритмы*).

Поскольку формальная логика также не специфицирует объектов тех предметных областей, к рассуждениям о к-рых должны быть применимы ее правила [не случайно еще Аристотель, выражал общие правила логики (см. «Аналитики...», I 4, 25 b 37—26 a 20; рус. пер., М., 1952) с помощью букв], не приходится удивляться тому, что и к ней оказываются применимыми математич. методы, с помощью к-рых и строится математич. логика. Именно этой применимостью математики и логики к любым объектам, рассматриваемым в отвлечении от их качеств. особенностей (в пределах нек-рой предметной области), и объясняется исключит. общность этих наук и плодотворность их применения в др. науках. Достаточно напомнить в этой связи, что нет такой мысли, к-рая не могла бы быть выражена (закодирована) с помощью букв к.-л. алфавита (и притом так, что операциями с этими буквами и образованными из них словами выражаются соотношения между закодированными в них объектами). С др. стороны, ясно, что всякий код имеет смысл лишь постольку, поскольку мы умеем расшифровывать, т. е. понимать его. Покутай умеет повторить слова, но он не умеет пользоваться ими для выражения и сообщения мысли, в к-рой отражаются предметы и явления окружающего нас мира (в т. ч. и наши собств. переживания). Всякое практич. применение нек-рого кода связано с к.-л. интерпретацией его «слов», в к-рой последние не являются уже только комбинациями из неспецифицированных объектов («букв»), но становятся обозначениями качественно определяемых предметов (в т. ч. и процессов) или же их конкретных свойств или соотношений. Во всяком таком применении мы имеем уже дело поэтому с нек-рым единством К. и качества, в к-ром количеств. закономерности могут характеризовать, в частности, узловые точки, где происходит изменение качества предмета.

О единстве К. и качества приходится говорить и в применении к самим количеств. соотношениям. Дело в том, что абстрагирование от качеств. особенностей рассматриваемых предметов не означает в действительности полного исключения всего связанного вообще с качеств. характеристиками. Бесконечные множества, рассматриваемые даже только как становящиеся, т. е. потенциально (см. *Мно-*

жеств теория), могут быть заданы лишь с помощью указания общих свойств («качеств») их элементов (в т. ч. и способа их построения). А ведь уже натуральный ряд чисел 1, 2, 3, 4..., с изучения к-рого начинается вся математика, есть бесконечное множество (каждый элемент к-рого есть, к тому же, качественно определ. индивидуум). Различные количеств. соотношения, хотя они и являются соотношениями между неспецифицированными (индивидуально!) предметами, сами отличаются уже друг от друга качественно, т. е. представляют собой индивидуальные — хотя и абстрактные — предметы. (Свойства и отношения в этой связи также могут рассматриваться как предметы, напр. как предметы исследования). Уже в этом т. о., проявляется диалектич. единство К. и качества. Поэтому не приходится удивляться тому, что в математике существуют даже такие названия дисциплин, как «качественная теория дифференциальных уравнений», или что в топологии числа играют лишь вспомогат. роль, величин же вообще нет.

Еще Аристотель связывал категорию К. с измерением величин и рассматривал в этой связи вопросы соотношения непрерывного и дискретного. В совр. науке эта проблематика рассматривается в связи с измерением величин или общими понятиями числа (особенно действительного) и меры (в т. ч. и меры множества). См. *Мера*. С. *Ильинская*. Москва.

КОЛИЧЕСТВО СУЖДЕНИЯ — свойство категорич. суждений субъектно-предикатного строения быть общими или частными. См. *Суждение*.

КОЛЛАР (Kollár), Ян (29 июля 1793—24 янв. 1852) — поэт-просветитель Чехии и Словакии; борец против феодализма и нац. гнета, за дружбу слав. народов. Род. в Мошовце (Словакия). Учился в Банска-Бистрице и в Братиславе, окончил Йенский ун-т (Германия). Пастор словацкой евангелич. церкви в Будапеште (1819—49), проф. кафедры слав. древностей в Венском ун-те (с 1849).

В нач. 20-х гг. 19 в. К. разработал свою нац.-просветит. программу, воплощенную влит.-художеств. произв. и науч. трудах («О литературной взаимности...», 1837, 2 изд., 1844, рус. пер. «Отеч. Зап.», 1840. т. 8, № 1—2), а также в проповедях и речах. Историю народов К. представлял себе как постепенное развитие разума и закономерное движение человечества к всестороннему прогрессу и свободе. Вера в прогресс человечества была источником историч. оптимизма К.: он был убежден, что период социальных и нац. переворотов в Европе принесет освобождение угнетенным слав. народам. Путь к этому К. видел в создании активного единства всех славян, осуществление к-рого, по К., будет содействовать выполнению их историч. миссии, приписываемой этим народам *Гердером*: после греков, римлян, германцев и романских народов славяне должны взять на себя роль руководителей и осуществить идею свободы и человечности. Для этого они должны объединиться на основе широкого взаимного обмена в области культуры и просвещения. Идея К. о слав. взаимности оказала влияние на последующее национально-просветит. движение словаков (*Л. Штур*, *Гурбан*), чехов и других народов.

Соч.: Spisy, dl 1—4, Praha, 1862—63; Vybrané spisy, sv. 1—2, Praha, 1952—56; Pamäti z mladších rokov života, Bratislava, 1950; в рус. пер. — Из поэмы «Дочь славы», в сб.: Поэзия славян, СПб., 1871.

Лит.: История философии, т. 2, М., 1957, с. 488—89; Э к к А., Ян Коллар, «Варшавские университетские изв.», 1900, № 1—5, 9; Н е с е д л ы З., Идеолог и певец славянской взаимности, «Славяне», 1943, № 8; Ф а д е е в А., Он любил Россию и был любим ею, там же; О г ш і s J. V., Bibliografia Jana Kollara, Brat., 1954. Д. Варшова. СССР.

КОЛЛЕКТИВИЗМ (первоисточник: лат. colligo — соединяю, объединяю) — особенность, характерная черта социалистич. и коммунистич. обществ. отношений и принципов коммунистич. морали, выражающий товарищество, солидарность, единство и общность интересов людей, их преданность общенародному делу. К. в корне противоположен *индивидуализму* и эгоизму. К. — важнейший принцип классовой борьбы пролетариата. При социализме и коммунизме К. является всеобщим принципом нравств. поведения человека, соответствующим господствующим социальным отношениям.

В примитивной форме коллективистские отношения существовали в первобытном обществе. Их материальной основой была общинная собственность на средства произ-ва. Коллективистские отношения воплощались в узах родства, общих потребностях, взаимомощи в труде, в уравнит. распределении продуктов.

С разложением первобытнообщинного строя и возникновением классов К. перестал быть принципом обществ. отношений. «Самые низменные побуждения, — писал Энгельс, — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждению, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достоинства — являются воспрепятствиями нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 99). В обществе, основанном на частной собственности и эксплуатации человека человеком, возникли отчужденность и вражда между людьми. Эволюция коллективистского сознания в классово-антагонистич. обществе связана с революц. борьбой угнет. масс; в этич. воззрениях идеологов масс разрабатывались представления об общности интересов угнетенных, о любви к людям, требования счастливой жизни для всех людей и т. д. Идея верности общему делу, взаимомощи, товарищества составляли положит. содержание морали передовых классов.

В период формирования капиталистич. отношений, ранних бурж. революций и утверждения бурж. строя в развитии коллективистских идей наметились различные тенденции. Идея К. содержалась в учениях нек-рых прогрессивных бурж. мыслителей 17—1-й пол. 19 вв. Напр., Гельвеций, выступая против реакц. религ. морали, противопоставлял ей «земную» нравственность, основу к-рой, наряду с «чувственными впечатлениями, себялюбием, наслаждением...», составляет также доктрина «...правильно понятого личного интереса...» как главного мотива челоуеч. поступков (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 2, с. 144). Он видел осн. задачу морали в определении условий, при к-рых возможно согласование «правильно понятого личного интереса» с т. н. общим интересом. «...Добродетельный человек не тот, кто жертвует своими привычками и самыми сильными страстями ради общего интереса, — такой человек невозможен, — а тот, чья сильная страсть до такой степени согласуется с общественным интересом, что он почти всегда принужден быть добродетельным» (Г е л ь в е ц и й К. А., Об уме, М., 1938, с. 213).

У Фейербаха коллективистские идеи нашли выражение в учении о морали, осн. принципами к-рой были якобы свойственное людям от природы сердечное влечение друг к другу и стремление к счастью. Истинная мораль, по Фейербаху, «...не знает никакого собственного счастья без счастья чужого, не

знает и не хочет никакого изолированного счастья, обособленного и независимого от счастья других людей... Она знает только товарищеское, общее счастье» (Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 624). Бурж. мыслители не смогли научно обосновать гармонию личных и обществ. интересов, т. к. не выходили за рамки бурж. общества, не выступали против его материальных основ — частной собственности и эксплуатации.

Важную роль в развитии коллективистских идей сыграли учения представителей утопич. социализма (Мор, Кампанелла, Морелли, Мабли и др.). При своеобразии взглядов каждого утописта, что связано с конкретными историч. условиями их деятельности, в целом для них характерно отрицание частной собственности и выдвигание проектов организации обществ. произ-ва, объединяющего людей в единый коллектив.

Принцип К. включен в систему Бабёфа, к-рый выступил от лица пробуждавшегося пролетариата с планами установления во Франции коммунистич. строя, «общества равных». Отношения между членами коммунистич. хоз. общин должны складываться на основе коллективистских принципов равенства, всеобщего братства и общего благосостояния. Ликвидировать противоположность интересов можно, по мнению Бабёфа, путем установления коммунистич. порядка, «...при котором никто не должен ничем владеть частным образом, в котором все должны пользоваться всем сообща» (цит. по кн.: Волгин В. П., Французский утопический коммунизм, 1960, с. 61).

В 19 в. коллективистские идеи получили дальнейшее развитие в соч. Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Сен-Симон разработал проект мероприятий с целью «...поставить человека в такое положение, чтоб его личные интересы и интересы общественных постоянно находились в согласии» (Избр. соч., т. 1, М.—Л., 1948, с. 115, прим.). Фурье в учении о челоуеч. страстях и «социетарном строе» пытался обосновать необходимость возникновения такого строя, к-рый способствовал бы удовлетворению присущих челоуеку страстей, согласованное действие к-рых «порождает страсть коллективную, и привел бы к полному расцвету задавленные при строе эксплуатации «сценляющую», «разнообразящую», «упорядочивающую» страсти и страсть «гармонизма». Комбинированная гармония страстей должна стать принципом организации труда (см. Избр. соч., т. 1, М.—Л., 1951, с. 195—96).

Коллективистские идеи выдвигались в соч. Кабе, Дезамы, Вейтлинга и др. Вейтлинг считал, что челоуечество создаст социализм в виде гармонического общества и «...установит общность имуществ и соединится в одну большую дружную семью...», но в то же время отрицал значение организованного пролет. движения (см. «Челоуечество, каково оно есть и каким оно должно быть», П., 1918, с. 9). Однако планы переустройства общества Сен-Симона, Фурье, Оуэна, др. утопистов и их последователей были оторваны от реальной жизни и отрицали революц. методы обществ. преобразований.

В России проблемы К. разрабатывались революц. демократами (Герцен, Белинский, Чернышевский) и революц. народниками. Чернышевский рассматривал общинный строй как коллективистскую основу для перехода к социализму, нравств. обновления людей. Принцип «разумного эгоизма» в этике Чернышевского выражал сознат. подчинение всего личного общему делу борьбы за свободу и счастье народа, сознание обществ. долга, К. «...Общечелоуеческий интерес, — по Чернышевскому, — стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного» (Поли.

собр. соч., т. 7, 1950, с. 286). Однако он не смог дать последовательно-научного обоснования К.

Развитие пролет. движения обусловило рождение новой, пролет. морали, противопоставившей бурж. индивидуализму принцип коллективизма. Маркс и Энгельс показали, что К. с неизбежностью порождается условиями труда и жизни рабочего класса, связанного с крупным произ-вом. «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия... ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации» (Соч., 2 изд., т. 4, с. 435—36). Капиталистич. эксплуатация и развитие противоречий капитализма подводят пролетариев к необходимости классовой борьбы против капитала, защиты общеклассовых интересов. На первой ступени эта борьба носит еще стихийный характер, и коллективистское сознание возникает в среде рабочего класса первоначально как отражение опыта его экономич. борьбы. Однако в процессе борьбы против буржуазии в пролет. среде развивается понимание необходимости товарищества, солидарности и преданности общему делу. Коллективистский принцип «все за одного, один за всех» становится долгом, обязанностью рабочего — борца против капиталистич. рабства. Маркс говорил, что «человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их зарубельных от труда лиц на нас сияет человеческое благородство» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, 1956, с. 607).

Научный социализм дает теоретическое обоснование пролетарскому К., способствует его распространению среди рабочих. Маркс и Энгельс доказали противоположность пролетарского К. «мнимой коллективности» эксплуататоров. «В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развивавшихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса... В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством её... Общественные отношения, в которые вступали индивиды какого-нибудь класса и которые обуславливались их общими интересами против какого-либо другого класса, составляли всегда такую коллективность, к которой индивиды принадлежали лишь как средние индивиды, лишь постольку, поскольку они жили в условиях существования своего класса; они находились в этих общественных отношениях не как индивиды, а как члены класса. Совершенно обратное имеет место при коллективности революционных пролетариев, ставящих под свой контроль как условия своего существования, так и условия существования всех членов общества: в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 75—76). Достижение подлинной коллективности Маркс и Энгельс связывали с революц. уничтожением частной собственности и эксплуатации.

К. рабочего класса включает в себя междувар. солидарность рабочих и всех трудящихся, к-рую марксизм противопоставляет как «...национальному эгоизму, так и лицемерному частноэгоистическому космополитизму...» (Энгельс Ф., там же, т. 2, с. 587). Требование К. — ставить интересы общего дела рабочего класса выше частных интересов, классовые интересы выше групповых — нашло выражение в провозглашенном основоположниками марксизма лозунге «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Подлинный расцвет пролет. К. связан с неизбежностью победы коммунизма, «...в котором общность интересов возведена в основной принцип, в котором общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица!» (там же, с. 538).

Маркс и Энгельс показали, что «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» (там же, т. 3, с. 75). «На место старого бурж. общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (там же, т. 4, с. 447).

Творчески развивая марксизм и марксистскую этику, Ленин внес существ. вклад в разработку вопросов коллективизма. Ленин показал, что К., как важнейший принцип классовой борьбы пролетариата, лежит в основе содержания пролет. морали, без овладения к-рым невозможен рост социалистич. сознательности пролетариата. Задача социал-демократов, писал Ленин, «...развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата» (Соч., т. 2, с. 305). Без воспитания пролетариата в духе К., дисциплинированности, преданности общему делу невозможно успешная политич. борьба и полная победа пролетариата над буржуазией.

Воспитание пролетариата в духе коллективизма Ленин связывал с необходимостью сочетания интересов рабочего класса нашей страны с интересами мирового пролетариата. Ленин призывал бороться «...против мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего» (там же, т. 22, с. 332).

Победа социалистич. революции, установление обществ. собственности, уничтожение эксплуатации и утверждение социалистич. обществ. отношений создают реальные возможности для объединения всех трудящихся, воспитания их в духе пролет. К. В условиях социализма гл. средством такого воспитания является социалистич. труд, основанный на товарищеской взаимопомощи и сотрудничестве, т. к. «...собственность разъединяет, а труд соединяет» (там же, т. 31, с. 300). Ленин говорил, что в строительстве социализма «мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: „каждый за себя, один бог за всех“... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: „все за одного и один за всех“...» (там же, с. 103).

В процессе строительства социализма и коммунизма на основе общности коренных интересов рабочих, крестьян, интеллигенции, в результате всесторонней идейно-воспитат. деятельности коммунистич. партии и социалистич. гос-ва происходит широкое внедрение К. во все сферы жизни трудящихся.

Главными чертами всего социалистич. общества и каждого социалистич. коллектива являются: объединение людей не только в общей цели и в общем труде, но и в общей организации этого труда; органич. связь со всеми другими коллективами; наличие органов управления и координирования, уполномоченных в первую очередь представлять интересы коллектива и общества; принципиальное признание единства трудового человечества... (см. А. С. Макаренко, Соч., т. 5, 1958, с. 353—56).

Существ. чертой социалистич. К. является осознание места и роли каждого человека и коллектива в обществе, в системе социалистич. обществ. отношений, понимание значения и задач своей деятельности, развитие на этой основе произв. и обществ. активности и инициативы каждого труженика. Связь с производств. коллективом служит раскрытию и применению способностей, приложению труда и знаний человека, его коммунистич. воспитанию. Важную роль в укреплении коллектива, связей индивида и коллек-

тива играет правильное сочетание материальных и моральных стимулов к труду. Значение и сфера деятельности производств. коллектива в социалистическом обществе расширяется и охватывает труд, организацию свободного времени, включающего отдых и дальнейшее научное, художеств., физич. развитие человека, а также во все возрастающей степени и его быт. Наиболее ярко эти особенности проявляются в движении за коммунистический труд.

В условиях социализма в сознании и поведении нек-рых людей еще сохраняются пережитки капитализма, к-рые проявляются, напр., в форме мелко-собственнич. психологии, эгоизма, национализма, суеверий и предрассудков и т. д. Эти пережитки преодолеваются в процессе коммунистич. строительства, усиления обществ. воздействия на членов общества, являющихся носителями пережитков. К. в условиях социализма проявляется в морально-политич. единстве общества, социалистич. интернационализме, дружбе и братском сотрудничестве народов.

В период развернутого строительства коммунизма в СССР идеологич. работа партии, гос-ва и др. обществ. организаций направлена на дальнейшее развитие и укрепление К. и его материальных основ, на полное преодоление отсталых взглядов и нравов, на дальнейшее идейно-политич. сплочение всех трудящихся.

Программа КПСС ставит целью утверждение коллективистских начал во всех сферах жизни строителей коммунистич. общества, моральный кодекс к-рых включает «коллективизм и товарищескую взаимопомощь: каждый за всех, все за одного». «Совместный, планомерно организованный труд членов общества, их повседневное участие в управлении государственным и общественными делами, развитие коммунистических отношений товарищеского сотрудничества и взаимной поддержки ведут к преобразованию сознания людей в духе коллективизма, трудолюбия и гуманизма» (Программа КПСС, 1961, с. 117).

Представители различных направлений совр. бурж. философии, социологии и этики стремятся всячески опорочить обществ. собственность и К. Напр., неомомисты объявляют обществ. собственность источником подавления личности, живо утверждают, будто «коммунизм жертвует человеком во имя коллектива». Прагматисты (Дьюи и др.) стремятся противопоставить марксистскому К. «новый» или «этический» индивидуализм, являющийся «величайшим достижением американской жизни», так как он «...означает инициативу, изобретательность, ответственность в выборе веры и поведения» (Dewey J., Reconstruction in philosophy, L., 1921, p. 194).

Бурж. моралисты провозглашают абсолютную свободу личности «...брать все, что только возможно, даже за счет коллектива...» (Девис Д., Капитализм и его культура, М., 1949, с. 289), пытаются примирить бурж. индивидуализм и К., убеждают искать «средний путь» — путь, который уничтожает дихотомию на крайний индивидуализм и коллективизм (см. de Huszar L. B., Practical applications of democracy, N. Y., 1945, p. 115).

Социалистич. действительность, обеспечивая подлинную свободу и расцвет личности, реальные возможности для гармоничного сочетания личных интересов с общественными, полностью опровергает утверждения бурж. идеологов о невозможности сочетать личные и обществ. интересы. Социалистич. К. не ведет к растворению личности в коллективе, а, наоборот, является условием раскрытия и проявления ее способностей и дарований.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немедная идеология, Соч., 2 изд., т. 3, разд. 1; их же, Манифест Коммунистической партии, там же, т. 4; Ленин В. И., О национальной гордости великороссов, Соч., 4 изд., т. 21; его же, Ве-

ликий почин, там же, т. 29; его же, От разрушения векового уклада к творчеству нового, там же, т. 30; его же, От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге до всероссийскому субботнику-маске, там же, т. 31, с. 102—104; его же, Задачи союзов молодежи, там же; Белья А. В., Будущее общество, М., 1959; Калинин М. И., О коммунистическом воспитании. [Сб.], М., 1959; Хрущев Н. С., Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества, М., 1958; его же, Созидательным трудом крепить дело мира, обеспечить победу в экономическом соревновании с капитализмом. Выступление на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда 28 мая 1960 г., М., 1960; его же, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии, М., 1961, ч. 2, § 6; его же, О Программе КПСС, М., 1961, ч. 4, § 4; Программа КПСС, М., 1961, ч. 2, разд. 5, § 1; Луначарский А. В., Мещанство и индивидуализм. Сб. статей, М.—П., 1923; Плеханов Г. В., Анархизм и социализм, Соч., т. 4, М., [1925]; его же, Учение о нравственности, там же, т. 5, М., [1925]; Гак Г. М., Социалистическое общество и личность, М., 1945; Горький А. М., Разрушение личности, Соч., т. 24, М., 1953; Круцкая И. К., О коммунистическом воспитании, [М.], 1956; Макаренко А. С., О коммунистическом воспитании, М., 1956; Смирнов Г., Социалистические отношения между людьми в непосредственном процессе производства, «Коммунист», 1958, № 17; Фелдберг Е. Г., Коммунистическая нравственность, [К.], 1958; Шишкин А. Ф., Основы коммунистической морали, М., 1955; его же, Из истории этических учений, М., 1959; Саменов Р. М., Формирование и укрепление коллективизма и преодоление пережитков индивидуализма, в сб.: Проблемы коммунистического воспитания, М., 1960; Вопросы марксистско-ленинской этики, М., 1960; Проблемы коммунистического воспитания. Сб. статей, М., 1960; Энгельс Ф., Некоторые проблемы научной этики, пер. с чеш., М., 1960; Францев Ю. П., Социалистический коллективизм и формирование личности, «Вопр. философии», 1961, № 5; Шахназаров Г., Развитие коллективистского сознания, «Политическое самобразование», 1961, № 7; Новиков П. В., Современный американский капитализм и буржуазная пропаганда «коллективизма и сотрудничества», в сб.: Новые приемы защиты старого мира, М., 1962; Lehman G., Das Kollektivbewusstsein, B., 1928; Kasser R., Der Einzelne und der Kollektivmensch, Bern, [1931]; Dewey J., Individualism, old and new, N. Y., 1930; его же, Problems of men, N. Y., 1946; Rörke W., Die Krise des Kollektivismus, Erlench—Z., [1948]; Bondel Ch., Introduction à la psychologie collective, 5 éd., P., 1952; Ertel Ch., Der Kollektivmensch, [Limburg a. d. Lahn, 1950]; Heinemann Fr., Existenzphilosophie lebendig oder tot?, Stuttgart, 1954; Kollektive oder freie Ordnung, Düsseldorf, 1956. Л. Сентебов. Москва.

КОЛЛИЗИЯ (от лат. collisio — столкновение) — категория этики и эстетики, означающая столкновение, противоречие и борьбу характеров в иск-ве, интересах, чувствах и долге в нравств. поведении. См. *Конфликт*.

КОЛЛИНГВУД (Collingwood), Робин Джордж (1889—1943) — англ. философ, представитель неогегельянства, историк, специалист по древней истории Британии. Проф. философии в Оксфорде (с 1935). Согласно К., философия, в отличие от частных наук, опирающихся на чувств. опыт, есть изучение «опыта мышления», «мышления второго порядка». К. считает, что понятия философа не подчиняются правилам формальной логики, к-рые сохраняют силу применительно к понятиям науки; в сфере философии приобретает значение диалектич. логика, «чьи объектом служит не абстрактная, а конкретная мысль истории и философии» («Speculum mentis or the Map of knowledge», Oxf., 1924, p. 195). Противопоставляя формальную логику, как единственную «логику науки», диалектич. логике, как логике филос. знания, К. вместе с тем противопоставляет естествознание философии, а также изымает диалектику из мира природы, рассматривая ее как исключит. принадлежность мышления. Метод философии, по К., — классификация материала опыта путем установления отношений субординации между различными его видами, «шкала форм»; такую «шкалу форм» образуют иск-во, религия, наука, естествознание, история и философия. Эта восходящая иерархия «форм духовной активности» основывается, соответственно, на воображении, символизации и абстракции. В философии, к-рая, по К., есть высшая форма духовного самосознания, ибо делает своим предметом историю, субъект приходит к аб-

солютному знанию, обнаруживая, что внешний мир есть «проекция духа». В последний период жизни К. под влиянием Б. Кроче все более склонялся к абсолютному историзму, растворяющему философию в истории (причем история рассматривается как история мысли историка, — см. *The idea of history*, Oxf., 1946, p. 215). В этот период философия для К. — не наука о реальности (хотя бы и духовной), а выяснение при помощи метода историч. релятивизма (т. н. логики вопроса и ответа) «абсолютных логич. предпосылок знания», принимаемых в данную эпоху. Эти предпосылки совпадают с «символом веры». В связи с этим в основе знания лежат «постулаты веры». Так философия К. смыкается с теологией. Однако К. имеет опред. заслуги в критике *иррационализма и позитивизма*.

С о ч.: *Religion and philosophy*, L., 1916; *Speculum mentis*, Oxf., [1924]; *Faith and reason*, L., 1928; *An essay on philosophical method*, Oxf., [1933]; *Human nature and human history...*, L., [1936]; *An essay on metaphysics*, Oxf., 1940; *The new Leviathan*, Oxf., [1942]; *An autobiography*, N. Y., [1944]; *The principles of art*, Oxf., [1947]; *The idea of nature*, Oxf., 1948; *The idea of history*, Oxf., 1956.

Лит.: Киссель М. А., Р. Коллингвуд и борьба объективного идеализма с позитивизмом, «Филос. науки», (Научн. доклады высшей школы), 1960, № 2; Tomlin E. W. F., R. G. Collingwood, L., 1953. М. Гиссель. Ленинград.

КОЛЛИНЗ (Collins), Джон Антони (1676—1729) — англ. философ-деист, просветитель. Ученик и друг Локка, он был одним из тех мыслителей, к-рые, по словам Маркса, «уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 144). Деизм К. заключал в себе явную материалистич. тенденцию. В «Письме к Додуэллу» он защищал материалистич. понимание души и отрицал ее бессмертие. В полемике с Кларком он отстаивал *детерминизм* над идеалистич. учения о свободе воли. К. причислял себя к «секте свободомыслящих». Сохраняя веру в бога, К. все усилия своей мысли направил на ограждение науч. познания от фидеизма и христианской мифологии. Все его работы проникнуты глубоким уважением к разуму и стремлением к мышлению, независимому от церк. догматики. Религ. верования должны соотноситься с требованиями естеств. разума. К. выступал против фидеистич. различения сверхразумного и противоразумного. Разоблачая несоответствие библейских мифов естеств. разуму, К. пытался дать им аллегорич. истолкование. Все работы К. публиковались анонимно и вызывали десятки резких контрвыступлений со стороны клерикалов и теологов. Деистич. взгляды К. и его единомышленников послужили также объектом одной из сатир Дж. Свифта («T-1-nd's invitation to Dismal to dine with the Calves-Head Club», 1712).

С о ч.: *An essay concerning the use of reason in propositions, the evidence whereof depends upon human testimony*, 2 ed., L., 1709; *A discourse of free-thinking, occasion'd by the rise and growth of a sect called free-thinkers*, L., 1713; *A discourse of the grounds and reasons of the Christian religion*, new ed., L., 1741; *A philosophical inquiry concerning human liberty*, new ed., Birmingham, 1790.

Лит.: Т h o r s e h i m i d U. G., *Critische Lebensgeschichte Anton Collins, des ersten Freidenkers in England*, Dresden—Lpz., 1753. Б. Выховский. Москва.

КОЛЛОНТАЙ, Александра Михайловна [19 марта (1 апр.) 1872—9 марта 1952] — деятельница российского и международного революц. рабочего движения, публицист и дипломат. Род. в Истербурге в семье генерала Домонтовича. Изучала экономич. науки в Цюрихском ун-те. В революц. движении с 90-х гг. С 1906 примыкала к меньшевикам. В 1915 вступила в партию большевиков. В 1908—17 в эмиграции. Вернувшись в Россию весной 1917, активно участвовала в Октябрьской революции, вошла в состав первого сов. пр-ва в качестве наркома социального обеспечения. В 1920 заведовала женотделом ЦК партии, в 1921—22 — зам. пред. Междунар. женского секре-

тариата при Исполкоме Коминтерна. С 1922 — на дипломатич. работе.

Выступая в дореволюц. России со статьями по вопросам педагогики, философии, политэкономии, К. в борьбе с реакц. идеологией отстаивала марксистское мировоззрение. В работе «Основы воспитания по взглядам Добролюбова» (см. «Образование», 1898, №№ 9—11) К. раскрыла педагогич. и этические воззрения рус. революц. демократа. Статьи К. «Проблема нравственности с позитивистской точки зрения» (там же, 1905, № 9, 10), «Этика и социал-демократия» (там же, 1906, № 2) и др. были направлены против идеалистич. трактовки этики как внеисторич. и внеклассовой категории, будто бы присущей «природе» субъекта. Вскрывая классовое содержание философии Ницше, К. доказывала, что ницшеизм содержит «...все те нравственные черточки, какими буржуазно-капиталистическое общество всего более дорожит» (там же, 1905, № 10, с. 105). В совр. условиях «...именно в классе буржуазного молга и должна была зародиться та проповедь безграничного индивидуализма, которая в лице Макса Штирнера, Ницше и Гюйо получила свое наиболее яркое выражение» (там же, с. 100). Если для буржуазии гуманные этич. нормы — излишнее бремя и она их отбрасывает прочь, то для пролетариата, выдвигающего на первый план принцип солидарности, объединения, самоотвержения, интересы класса выше индивидуального блага. К. подчеркивала гуманность классовой морали пролетариата, содержащей в себе важнейшие элементы будущей общечеловеч. нравственности (см. там же, 1906, № 2, с. 27—28).

В 1916 была издана отредактированная Лениным брошюра К. «Кому нужна война?» (поправки Ленина к этой брошюре см. в кн.: Ленинский сборник, XVII, с. 324—30); в ней был дан анализ социально-экономич. причин первой мировой войны.

Значит. вклад К. внесла в разработку женского вопроса и в развитие женского рабочего движения. В кн. «Социальные основы женского вопроса» (1909), «Общество и материнство» (1916), «Труд женщины в эволюции хозяйства» (1920) и др. К. показывала, что положение женщин в обществе определяется господствующими производств. отношениями, что полное раскрепощение женщины требует разносторонних социальных мероприятий: освобождения ее от хозяйств. забот, передачи обществу многих функций по воспитанию детей, создания широкой сети яслей и детских садов, обществ. столовых, школ-интернатов. Создание подобных условий в рамках эксплуататорских обществ невозможно. С победой социалистич. революции возникают необходимые предпосылки не только для равного с мужчиной участия женщины в процессе обществ. произ-ва, но и для обеспечения женщине равноправного положения в семье. Обобщая опыт первых лет диктатуры пролетариата, К. утверждала, что прежняя семья с зависимым положением в ней жены и матери уходит в прошлое. Новые условия порождают новые взаимоотношения в семье. При этом К. подметила ростки новых взаимоотношений в социалистич. семье, но вместе с тем возводила в абсолют ряд временных ненормальных явлений, порожденных эпохой военного коммунизма («Новая мораль и рабочий класс», М., 1918, «Семья и коммунистическое государство», М.—П., 1918; «Любовь пчел трудовых», П., 1923, и др.). Впо-

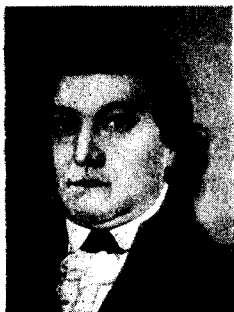
следствии К. сама высмеивала свои прежние предствления о «свободной любви».

К. участвовала в дискуссии о профсоюзах (1921), выступая на стороне т. н. рабочей оппозиции, но после речи Ленина на X съезде партии поняла ошибочность платформы оппозиции, признала правильными решения съезда и последовательно их выполняла.

С о ч.: Жизнь финляндских рабочих, СПБ, 1903; Основные аграрные тенденции, журн. «Правда», 1904, кн. 11; К вопросу о классовой борьбе, [СПБ, 1905]; Финляндия и социализм. Сб. статей, СПБ, [1906]; Судьба человечества в вопросе о народонаселении, «Жизнь», 1910, № 2; Кто такие социал-демократы и чего они хотят?, 2 изд., П., 1917; Карл Либкнехт и Роза Люксембург, «Рабочий мир», 1919, № 2—3; Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений, «Коммунистка», 1921, № 12—13; Брак и быт, «Рабочий Суд», 1926, № 5; По «божеским» делам у монахов, «Смена», 1927, № 20; Из воспоминаний, «Октябрь», 1945, № 9; Воспоминания об Ильиче, М., 1959; Американские дневники. 1915—1916, «Историч. архив», 1962, № 1, с. 128—59.

Лит.: У т к е с Д., А. М. Коллонтай, в кн.: Славные большевики, М., 1958; Р е л е н а Л. д е, А. Kollontaj, ambassadress from Russia, N. Y., 1947. В. Бильшиц. Москва.

КОЛЛОНТАЙ (Kołłataj), Гуго (1 апр. 1750—28 февр. 1812) — польский обществ. деятель и мыслитель-материалист. Род. в мелкошляхетской семье. Окончил Краковский ун-т, получив звание д-ра философии (1768); в Риме в 1770 защитил диссертацию на звание д-ра права и богословия. Обществ. деятельность начал (1776) в Комиссии нар. образования. На

Четырехлетнем сейме К. был идеологом т. н. Патриотич. партии, ставившей целью умеренно-прогрессивную реформу гос-ва и социально-экономич. отношений. Способствовал созданию и принятию Конституции 3 мая 1791. После того как одержала верх контрреволюц.

Тарговицкая конфедерация, К. эмигрировал. В восстании 1794 под руководством Костюшки возглавлял республиканцев. После поражения восстания был осужден как «опасный революционер» на 8 лет (1794—1802) тюремного заключения. В последние годы жизни занимался гл. обр. науч. работой в области истории, этики, философии, геологии, а также вопросам школьного дела. Осн. работы К.: «Письма анонима» («Anonyma listów kilka», cz. 1—3, 1788—89), «Последнее предостережение Польше» («Ostatnia przestroga dla Polski», 1790), «Критический разбор основ истории начала человеческого рода» («Rozbiór krytyczny zasad historyi o początkach rodu ludzkiego», t. 1—3, 1842), «Физическо-моральный порядок» («Porządek fizyczno-moralny...», 1810, последнее изд. 1955).

Центр. пункт филос. идей К. — борьба за освобождение человек. разума от пут религии и схоластики. К. положил начало науч. изучению религии в Польше. По К., религия — создание самих людей. Идея бога — религ. видоизменение филос. гипотезы о первопричине; однако осн. факторы, создающие религ. установления, — обман и частные интересы деспотов и правящих групп. В их руках религия является орудием политич. господства. В борьбе с феод.-католич. моралью К. отстаивал принципы светской этики; отбрасывая надприродные правила поведения, К. видел источник этич. норм в «физико-моральных» законах.

Материализм К. выступал в деистич. оболочке. Деизм был для К. гипотезой, необходимой для ответа на вопрос о первопричине мира. Действие миром, понимаемым как внутри себя связанное материальное

бытие, управляют внутр. закономерности, исследование к-рых, по К., составляет задачу науки. Есть три рода закономерностей: 1) действие одних охватывает все предметы и процессы материального мира; 2) действие других охватывает только мир живых существ; 3) действие третьих касается лишь человека и человек. общества.

Человек и общество, являющиеся частью материального мира, подчиняются определенным, вечным и неизменным закономерностям. С этих позиций К. критиковал «дурные» общества и политич. образования, противоречащие «закону природы». Последнее понятие отождествлялось К. с понятием «требование разума». Пытаясь преодолеть абстрактную схему «закона природы», К. стремился сформулировать принцип историзма; он полагал, что обществ. взаимоотношения, мораль, обычаи и взгляды людей различных эпох надо рассматривать конкретно, вникая в условия их жизни, традиции и т. д. Ученый не даст ценных исследований, если свои суждения о людях прошлого «...захочет вывести... из своей собственной учености, из теперешнего состояния общества, из законов и обычаев, под властью которых он живет и к которым он привык» (Избр. прозв. прогрессивных польских мыслителей, т. 1, М., 1956, с. 426). Предпосылкой этого методологич. правила К. был тезис: «образ жизни каждого человека зависит от способа удовлетворения его потребностей. В зависимости от степени их удовлетворения создается его моральный характер; а удовлетворение этих потребностей зависит от владения и пользования теми вещами, которые его окружают...» (там же, с. 434). Поэтому, чтобы познать человека, нужно познать природную и социальную среду, сформировавшую его.

В теории познания К. был сторонником материалистич. сенсуализма, последователем *Кондильяка* и *Гельвеция*. Однако К. пытался преодолеть односторонность сенсуализма; он указывал на качества своеобразия логич. познания, рассматривал познание как процесс, тесно связанный с потребностями, интересами и деятельностью народа.

С о ч.: Uwagi nad terażniejszym położeniem tej części ziemi polskiej, która od pokoju tyłczyckiego zaczęto zwać Księstwem Warszawskim, (2 wyd.), Lipsk, 1810; Korespondencja listowna z Tadeuszem Czackim, przedsięwzięta w celu urządzenia instytutów naukowych..., t. 1—4, Kr., 1844; Wybór pism politycznych, Wr., [1952]; Wybór pism naukowych, Warsz., 1953; Listy Anonima i Prawo polityczne narodu polskiego, t. 1—2, [Warsz., 1954]; в рус. пер. в кн.: Избр. прозв. прогрессивных польских мыслителей, т. 1, М., 1956, с. 291—458.

Лит.: История философии, т. 1, М., 1957, с. 657—60; К а с я н о в а Е. В., Гуго Ко́ллонтай — выдающийся польский философ-материалист конца XVII—начала XIX века, «Вопр. философии», 1955, № 2; Н а р с к и й И. С., Из истории общественно-политической и философской мысли в Польше XVIII—XIX веков, М., 1956; е г о ж е, Философия польского просвещения. Лекции, М., 1958; О с и н о в а Е. В., Философия польского просвещения, М., 1961; К р з у в и к И. Л., Ко́ллатай Н., в кн.: Wielka Encyklopedia Powszechna ilustrowana, ser. 1, t. 37—38, Warsz., 1905; Т о к а р з В., Ostatnie lata Hugona Kołłataja (1794—1812), t. 1—2, Kr., 1905; D a s z y Ń s k a - G o l i Ń s k a Z., Kołłataj jako filozof społeczny, [Warsz., 1912]; J a n i k M., Hugo Kołłataj, Lw., [1913]; G i e r g i e l e w i c z E., Pogląd filozoficzno-prawne H. Kołłataja, Warsz., 1930; S n i a d e c k i J., Żywot literacki Hugona Kołłataja, Wr., 1951; Materiały sesji Kołłatajowskiej, «Przegląd historyczny», 1951, t. 42; О р а т е к К., Hugona Kołłataja poglądy na państwo i prawo, Warsz., 1952; B o b i Ń s k a C., Szkice o ideologach polskiego oświecenia, Wr., 1952; L e s n o d o r s k i B., Hugo Kołłataj, в кн.: Z dzieł polskiej myśli filozoficznej i społecznej, t. 2, Warsz., 1956; Н и н з Н., Rozważania Kołłataja o religii, «Studia filozoficzne», 1958, № 1 (4); е г о ж е, Kołłatajowska rozprawa o metodzie, там же, 1959, № 6 (15).

КОЛМОГОРОВ, Андрей Николаевич [р. 12(25) апр. 1903] — сов. математик, акад. (с 1939), проф. Моск. ун-та (с 1931). Лауреат Гос. премии СССР (1941). Член ряда иностр. науч. учреждений. Исследования К. оказали значит. влияние на развитие *множества теорий*, теории функций, логики, топологии, теории вероятностей. Для К. характерны как поиски поста-

повок и решений проблем в возможно более общем виде и интерес к логич. основам науч. теорий (работы по общей теории операций над множествами, общей теории интегрирования, обоснованию проективной геометрии, теории алгоритмов и автоматов, теории информации; создание ставшей классической аксиоматики теории вероятностей), так и внимание к запросам естествознания и техники (работы по гидромеханике, броуновскому движению, математич. биологии, статистич. методам контроля массовой продукции). К. принадлежит ряд работ по диалектико-материалистич. методологии математики, по филос. проблемам кибернетики, по вопросам истории и преподавания науки. В ст. «Математика» (БСЭ, 2 изд., т. 26, 1954, с. 464—83) К. дал новую периодизацию истории математики, основанную на энгельсовском определении этой науки.

Исследования К. по логике относятся к т. н. конструктивной логике и теории алгоритмов. В ст. «О принципе tertium non datur» («Матем. сб.», 1925, т. 32, № 4, с. 646—67) К. на основе открытого им т. н. погружения классич. логики в конструктивную показал, что присоединение к последней принципа *исключения третьего* не ведет к противоречию (если непротиворечива сама конструктивная логика); этот результат явился первым в серии аналогичных результатов, полученных затем Гильбертом, Гёделем и др. В статье «Zur Deutung der intuitionistischen Logik» (см. «Mathematische Zeitschrift», В., 1932, Bd 35, H. 1, S. 58—65) К. истолковал интуиционистскую (конструктивную) логику как логику задач (см. *Исчисление задач*). Тем самым было впервые показано, что созданные интуиционистами логич. исчисления имеют содержание, независимое от филос. установок интуиционизма. В 1952 К. предложил весьма общее определение алгоритма, покрывающее ранее известные определения.

Соч.: Современные споры о природе математики, «Научное слово», 1929, № 6; Теория и практика в математике, «Фронт науки и техники», 1936, № 5; Современная математика, в кн.: Сб. статей по философии математики, М., 1936; Лобачевский и математическое мышление девятнадцатого века, в кн.: Николай Иванович Лобачевский. 1793—1843, М.—Л., 1943; Ньютон и современное математическое мышление, в кн.: Московский университет — памяти Исаака Ньютона. 1643—1943, М., 1946; Роль русской науки в развитии теории вероятностей, «Уч. зап. МГУ», 1947, вып. 91, т. 1, кн. 1, М.; Аксиома, БСЭ, 2 изд., т. 1; Алгебра в средней школе, там же, т. 2; Алгоритм, там же; Бесконечность (в математике), там же, т. 5; Величина, там же, т. 7; Вероятность, там же; Знаки математические, там же; т. 17 (совм. с И. Г. Башмаковым, А. П. Юшкевичем); Множеств теория, там же, т. 28 (совм. с П. С. Александровым); Кибернетика, там же, т. 51; Предисловие к кн.: Петер Р., Рекурсивные функции, пер. с нем., М., 1954; К определению алгоритма, там же, 1958, т. 13, вып. 4 (совм. с В. А. Успенским); Предисловие к рус. изд., кн. Энциклопедия У. Р. О. С. С., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959; О профессии математика, [3 изд.], М., 1960; Кибернетика, МСЭ, 3 изд., т. 4; Автоматы и жизнь, в сб.: «Манишинский перевод и прикладная лингвистика», вып. 6, 1961.

Лит.: Математика в СССР за тридцать лет. 19: 7—47, М.—Л., 1948; Александров П. С. и Хинчин А. Я., Андрей Николаевич Колмогоров. (К пятидесятилетию со дня рождения), «Усп. мат. наук», 1953, т. 8, вып. 3; Математика в СССР за сорок лет. 1917—1957, т. 1—2, М., 1959 (в томе 2 имеется библиография).

Колодяжный, Василий Ильич (р. 29 дек. 1909)—сов. философ, д-р филос. наук (с 1954), профессор (с 1954). Чл. КПСС с 1940. Окончил Моск. ин-т истории, философии и лит-ры (1932) и филос. аспирантуру при нем (1935). Преподал философию в вузах с 1934. Зав. кафедрой философии Укр. академии с.-х. наук (Киев, с 1958). Осн. проблематика науч. работы — филос. вопросы естествознания (гл. обр. биологии).

Соч.: Философские вопросы теории видообразования и вида, «Вестн. ЛГУ», 1954, № 10; Борьба К. А. Тимирязева против «социального дарвинизма», «Уч. зап. ЛГУ», 1955, № 168; Из истории борьбы за дарвинизм в России (XIX в.), там же, 1956, № 196; Вопросы теории познания в трудах К. А. Тимирязева, Л., 1955; До методологич. питань сучасного

природознавства, «Наук. праці Укр. Акад. сільськогоспод. наук», 1959, т. 19; Философське значення біологічної теорії Чарльза Дарвіна, К., 1960; Дарвінізм и філософія, К., 1960 (соавтор); [Методологіч. вопросы совр. биологии], в кн.: Филос. вопросы совр. биологии, К., 1962, с. 475—81.

КОЛОНИАЛИЗМ (идеология) — политич., экономич., идеологич. и культурное порабощение одних стран, как правило экономически менее развитых, эксплуататорскими классами др. стран. В определенных конкретно-историч. формах К. присущ всем эксплуататорским формациям — рабовладельч. строю, феодализму и капитализму и является перенесением на междунар. арену антагонистич. классовых отношений.

Каждая общественно-экономич. формация и даже различные стадии одной и той же формации определяют как конкретные формы К. (см. В. И. Ленин, т. 22, с. 247), так и особенности идеологии К.

Колониями в эпоху рабовладельч. строя называли организованные массовые поселения граждан к.-л. гос-ва за его пределами или в малонаселенных окраинах. Наряду с ними существовали колонии иного типа, захваченные с целью прямого насилия, грабежа, обложения податями и обращения в рабство населения этих территорий. Рим. империя была основана на беспощадной эксплуатации завоеванных земель. Идеологи рабовладельцев восхваляли эту захватнич. политику (Полибий, Плиний Младший).

В эпоху феодализма колониальные завоеватели действовали вместе с торгово-купеч. элементами. Колонизация осуществлялась в форме грабительских экспедиций крупного масштаба. На амер. материке были основаны колон. владения феодально-абсолютистской Испании и Португалии. Рим. папа и идеологи католицизма санкционировали и обосновывали «право» на захват колонизируемых земель феод. гос-вами.

В эпоху капитализма К. расширился до невиданных ранее масштабов и приобрел качественно новый характер, будучи составной частью процесса первоначального капиталистич. накопления. К. порождался погоней за рынками сбыта, источниками сырья, а впоследствии — и за прибыльными сферами приложения капитала. «... Искоренение, порабощение и погребение живо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 754). Возникшая колониальная система основывалась на грубейшем насилии.

В условиях империализма весь мир оказался политически и экономически поделенным между горсткой империалистич. держав. «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли» (Ленин В. И., Соч., т. 22, с. 179). Колониальные и зависимые страны стали аграрно-сырьевыми придатками метрополий с типичной колониальной структурой нац. х-ва (однобокая, монокультурная направленность, ориентация на экспорт двух-трех видов сырья и продовольствия, зависимость от мирового капиталистич. рынка). Важнейшие отрасли х-ва колониальных и зависимых стран оказались в руках пностр. монополий, получающих колоссальные сверхприбыли.

Реакц. бурж. идеологи всегда «обосновывали» и поддерживали колониальную экспансию. Аполлогеты расизма (Гобно, Лауаж) открыто проповедовали антинауч. тезис о биологич. превосходстве белого человека и неполноценности цветных народов. Варварские колониальные экспедиции, истребление целых

народов, систематич. грабеж и насилие неизменно прикрывались ссылками на «цивилизаторскую роль белого человека».

Расизм взяли на вооружение франц., англ., нем. и амер. империалисты и их идеологи. Англ. реакц. философ Х. С. Чемберлен и писатель Дж. Р. Киплинг воспевали «бремя белого человека» и порабощение колониальных народов. В США в 19 в. расисты Дж. Фиске, Ч. Стронг, Дж. Бёрджесс и др. приписывали североамериканцам особые черты, дающие им будто бы право на господство над др. народами. Теория т. н. «ксенорасизма» исходила из того, что у народов, живущих в различной географич. среде, будто бы неизбежно образуются различия в развитии интеллекта и в психич. качествах.

Антинауч. взгляды географич. детерминизма поставили на службу К. представители *геополитики* [К. Риттер, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер (Германия), Бокль (Англия), Челлен (Швеция), Мэхэн (США) и др.].

Важную роль в идеологич. обосновании К. играла церковь, выдвинувшая еще в 15 в. теорию, согласно к-рой христ. миссионеры имеют право на бесприютств. проповедь христианства в «языческих» странах. Провозглашенный церковью принцип «провиденциального назначения благ мира сего», означавший, что богатства земли и ее недра должны принадлежать тем, кто умеет извлекать из них наибольшую пользу, т. е. европейцам, служил оправданием колониальных захватов. Эти принципы не претерпели существ. изменений на протяжении веков и содержатся в работах совр. христ. идеологов К. (см. об этом в кн. I. Arnault, *Procès du colonialisme*, P., 1958). Одной из распространенных является также теория «ассимиляции», исходящая из антинауч. тезиса о превосходстве «зап. культуры» (R. Monier, *Sociologie coloniale*, v. 1, P., 1932). Откровенные идеологи К. полностью отвергали идею нац. суверенитета народов Азии и Африки.

История развития человечества в 20 в. нанесла сокрушит. удары по идеологии колонизаторов. Великая Октябрьская социалистич. революция разбудила Восток, вовлекла колониальные народы в общий поток освободит. антиимпериалистич. борьбы. Возникновение социализма знаменует наступление эры освобождения угнетенных народов. Образование мировой системы социализма и обострение общего кризиса капитализма создали благоприятные условия для успешного развития нац. освободит. движения, ликвидации вековой отсталости и нищеты, достижения политич. и экономич. самостоятельности колониальных и зависимых народов. В результате широкого нац.-освободит. движения на месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают молодые суверенные гос-ва, народы к-рых стали активными участниками междунар. политики. Крах колониальной системы — второй по своему историч. значению после образования социалистич. системы итог мирового развития. К концу 1962 возникло св. 50 новых суверенных гос-в. В прямой колониальной зависимости осталось 1,5% населения земли.

Однако народы подавляющего большинства стран, освободившихся от политич. гнета империализма, продолжают эксплуатироваться капиталистич. монополиями. Большинство этих гос-в еще не вырвалось из мирового капиталистич. х-ва, хотя и занимает там особое место.

Империалистич. гос-ва, и в первую очередь США, прилагают немалые усилия к тому, чтобы удержать свои позиции в экономически слабых странах. «Новыми методами и в новых формах империалисты стремятся сохранить колониальную эксплуатацию народов» (Программа КПСС, 1961, с. 46). Империа-

листы вмешиваются во внутр. дела этих стран, поддерживают контрреволюц. группировки, марionеточные пр-ва и военнодеспотич. режимы, организуют заговоры, террор, подрывную деятельность, втягивают отд. страны в воен. блоки и развязывают кровавые колониальные войны. Игрой на нац. и племенной розни, колонизаторы стараются внести раскол в ряды нац.-освободит. движения. «...Колониализм не уходит со сцены после достижения угнетенными народами государственной самостоятельности, — он цепляется за любые возможности, за старые связи, экономические, финансовые, военные и другие рычаги и часто использует разложившиеся и подкупленные им реакционные элементы этих стран для того, чтобы в новом виде, в новых формах продолжать колониальную эксплуатацию. Это обычно и называют неоколониализмом» (Мпкоян А. И., «Правда», 1962, 15 марта, с. 3).

Совр. К. проявляется в постоянных попытках империалистов использовать экономич. трудности слабых развивающихся стран для навязывания им кабальных экономич. и политич. требований.

Одна из коренных проблем экономически слабых развивающихся стран — это проблема пути их дальнейшего развития. Капитализм — это путь нар. страданий. Некапиталистический же путь обеспечивает быстрый подъем экономики и культуры и отвечает интересам абс. большинства нации. В условиях распада колониальной системы при нынешнем соотношении сил на мировой арене и реальной возможности всесторонней поддержки со стороны мировой социалистич. системы широкие перспективы для народов экономически слабых развивающихся стран открываются на путях образования и развития гос-в нац. демократии.

В совр. условиях империалисты стремятся расширить идеологич. обоснование своей деятельности, приспособить ее к новой обстановке. Идеология К. отражает необходимость для империализма маневрировать и отступать перед лицом нац.-освободит. движения. В условиях, когда нац. государственность завоевала большинство стран Азии и Африки и идея равенства этих стран с др. гос-вами, но крайней мере в юридич. смысле, приобрела междунар. признание, многие прежние теории (расизма и т. п.) могут лишь еще более подорвать позиции империализма в этих странах и поэтому подобные теории в их наиболее откровенной, неприкрытой форме являются все реже. В довоенный период идеология К. разрабатывалась гл. образом в зап.-европ. странах — метрополиях (Англия, Франция, Голландия), в наст. время идеологич. центром К. являются США. Амер. империализм стремится нажить политич. капитал на ненависти народов Азии, Африки и Лат. Америки к своим прежним работодателям и выступает преим. под флагом «антиколониализма», распространяя лживую легенду, будто США никогда не были колониальной державой. Осн. внимание амер. идеологи К. уделяют социально-экономич. вопросам. Для англ. и франц. идеологов К. в первые послевоен. годы были характерны стремление обосновать политич. господство колониальных держав, разработка вопросов о целесообразных, с т. зр. империализма, путях сохранения политич. позиций колонизаторов в освобождающихся странах (теории многостадийной передачи власти и т. п.). В последнее время англ. и франц. идеологи К. также активно занимаются разработкой социально-экономич. проблем. В целом совр. идеология К. не представляет собой единой концепции, а состоит из ряда разрозненных, часто противоречащих друг другу теорий, положений и линий пропаганды. В выработке этой идеологии активно участвуют не только различные бурж. социологи (начиная с откровенных проповедников ра-

сизма и насилие. подчинения народов и кончая представителями «либеральных», реформистских течений), но и правые социалисты.

Возрастающее значение в совр. идеологии К. приобретают теории, призванные замаскировать и приукрасить взаимоотношения империализма с экономически отсталыми странами и представляющие империалистов в роли защитников равенства, демократии, «свободы, прогресса». Предпринимаются попытки приукрасить историч. процесс К. (а попутно и мн. черты совр. взаимоотношений империалистич. гос-в с экономически отсталыми странами), представить К. как необходимый этап обществ. развития и в то же время как явление, ускорившее развитие экономически отсталых стран. Обоснованием подобной апологии К. являются различные варианты теории культурной, экономич., политич., религ. и иной «взаимозависимости» и «взаимодействия» [Тойнби, Франкель, Хинден (Великобритания), Нортроп (США)].

Бурж. проповедники этих теорий сознательно смешивают исторически неизбежный процесс экономич. и хозяйств. сближения народов с его насилие. колониалистскими формами в условиях империализма. Они пытаются представить нац.-освободит. движение как явление, противоречащее ходу истории, а политич. суверенитет — как историч. анахронизм. В то же время, умалчивая о насилие. подавлении колонизаторами любого волеизъявления колониальных народов, идеологи К. выдвигают тезис о том, что господство иностранцев способствовало распространению в колониях «идеалов демократии и независимости». Наряду с этим мн. идеологи К. утверждают, что колонизаторы обеспечивают «мир и порядок» в подвластных им территориях. Ссылаясь на якобы неподготовленность народов колоний к самоуправлению, апологеты К. выдвигают т. н. теорию вакуума, согласно к-рой преждевременный уход колонизаторов порождает якобы вакуум власти, что будто бы приводит к политич. хаосу и впоследствии к новому порабощению народа (Бёрнс, Кинг, Хинден). Подобные теории служат не только идеол. прикрытием и оправданием совр. колониальных войн, но и обоснованием постоянных попыток империалистов подчинить освободившиеся страны своему политич. влиянию.

Бурж. экономисты также широко проповедуют различные формы экономич. взаимозависимости. Опираясь на теорию сравнит. издержек произ-ва, они стремятся преподнести одностороннее развитие нар. х-ва слаборазвитых стран как неотъемлемую черту любого прогрессивного междунар. разделения труда. Согласно этим теориям, нынешняя структура нар. х-ва и внешнеэкономич. отношений якобы обеспечивает отсталым странам Азии, Африки и Лат. Америки наибольшие выгоды и благоприятно влияет на их экономич. развитие.

Стремясь обелить К., его защитники дают извращенную трактовку причин экономич. отсталости стран Азии, Африки и Лат. Америки. Замалчивая пагубное воздействие господства колонизаторов, идеологи К. обосновывают положение слаборазвитых стран различными геополитич. и неомальтузианскими рассуждениями, а также апологетич. теорией «порочных кругов бедности», согласно к-рой эти страны бедны потому, что они мало производят, а мало производят потому, что они бедны и не могут увеличивать капиталовложений. В действительности, империалистич. грабеж колоний и зависимых стран американскими и др. монополиями является одним из гл. препятствий для их быстрого экономического развития.

Одной из форм апологии К. является утверждение, будто империализм ныне переродился, и К. (к-рый

трактуются как чисто политич. явление) якобы больше не существует. Представляя завоеванную в результате нац.-освободит. борьбы политич. независимость как добровольный «дар» империализма, бурж. и правосоциалистич. апологеты К. говорят о наступлении новой эры во взаимоотношениях между империалистич. державами и слаборазвитыми странами [Эллиот, Стейли, Лайнбергер, Хазард (США), Стрейчи, Хинден (Великобритания)]. Ныне якобы существует широкое совпадение интересов империалистов и народов экономически отсталых стран, их совместная заинтересованность в экономич. развитии стран Азии, Африки и Лат. Америки.

Одно из центр. мест в идеологии совр. К. занимает антикоммунизм, к-рый призван расколоть и ослабить единый нац. фронт освободит. движения. «В нем смыкаются империалистическая идеология с идеологией феодальных, проимпериалистических элементов и реакционных групп буржуазии стран, освободившихся от колониального ига» (Программа КПСС, с. 54). Ссылкой на борьбу против «коммунистич. опасности» империалисты оправдывают наступление против широких нар. масс, против всех прогрессивных сил и ведущих борцов за независимость в слаборазвитых странах. Идеологи К. выступают против прогрессивных сторон национализма и поддерживают его реакц. тенденции, стремятся склонить нац. буржуазию к компромиссу с империализмом. Антикоммунистич. выступления, переплетающиеся с постоянными выпадами против стран социалистич. лагеря, служат идеол. прикрытием политики сколачивания агрессивных воен. блоков и нередко оправданьем насилие. захвата отд. важных стратегич. районов. Осн. знаменосцем антикоммунизма является американский империализм, выступающий в роли руководящей силы современного К.

Возрастающее значение в идеологии К. занимает вопрос о дальнейших социально-экономич. путях развития слаборазвитых стран. Осн. работы бурж. социологов, историков и экономистов направляются на проповедь рецептов развития этих стран по капиталистич. пути. Бурж. социологи пытаются доказать, что предпосылкой быстрого экономич. развития является создание благоприятных условий для частного предпринимательства [Ростоу, Райт, Стейли (США) и др.]. Под этим углом зрения подробно разбираются вопросы права, религии, экономики, политики и т. п. Признавая неизбежность участия гос-ва в экономич. жизни освободившихся стран, идеологи К. усиленно проповедуют необходимость всемерного ограничения его роли и передачи важнейших отраслей экономики в руки частного капитала. Бурж. идеологи отвергают в принципе политику национализации важнейших отраслей и выступают за максимальную свободу деятельности частного и иностр. капитала. Особое внимание уделяется проблеме индустриализации экономически отсталых стран. Империалисты, пытаясь сохранить зависимость слаборазвитых стран от поставок осн. средств произ-ва из империалистич. гос-в, стремятся помешать подлинной индустриализации этих стран, направить их развитие на создание второстепенных отраслей легкой, а не тяжелой промышленности и машиностроения. В этой связи проводится клеветнич. кампания и против опыта индустриализации в социалистич. странах.

Ряд идеологов К. проповедует необходимость оказания экономич. помощи слаборазвитым странам [Боулс, Стассен, Ростоу (США)] с целью удержания этих стран в зависимости от империалистич. держав. Эта помощь преподносится как конкретный носитель «нового» отношения империалистов к экономически

отсталым странам, как средство, способное облегчить социально-экономич. трудности развития этих стран по капиталистич. пути. В действительности же империалистич. «помощь» — это средство эксплуатации и орудие закабаления экономически отсталых стран. Рост сил социализма и демократии, небывалый подъем и размах нац.-освободит. движения обуславливают в совр. условиях неодолимость процесса крушения К., к-рый мечется в попытках отсрочить свою гибель. В одних случаях предпочтение отдается идеологии и политике частичных уступок, маневров и реформ, в других — верх берут идеология и политика воен. авантюр, неограниченного насилия. В целом совр. К. выступает как сочетание и перенетение обеих этих тенденций. В совр. идеологии К. в большей мере, чем в реальной политике империализма, предпочтение отдается «либеральным» реформистским течениям. Реальная политика, проводимая империалистич. державами в отношении экономически отсталых стран (непрерывающиеся колониальные войны, вмешательство во внутр. дела, систематич. грабеж и т. п.), показывает, что «... империализм остается главным врагом и главным препятствием на пути решения общенациональных задач, стоящих перед молодыми суверенными государствами и всеми зависимыми странами» (там же, с. 46).

Совр. идеология К. отражает глубокий кризис, переживаемый империализмом в период, когда социалистич. система показывает свое преимущество над капитализмом, а народы Азии, Африки и Лат. Америки усиливают борьбу за полную ликвидацию К.

Лит.: К. Маркс и Ф. Энгельс о колониальной системе капитализма. [Сб.], М., 1959; В. И. Ленин о национальном и национально-колониальном вопросе, М., 1956; Хрущев Н. С., Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, [М.], 1956; его же, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—65 годы, М., 1959; его же, Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения!, М., 1960; его же, Защитные победы мирового коммунистического движения, М., 1961; его же, Отчет ЦК КПСС XXI съезду партии, М., 1961; его же, О Программе КПСС, М., 1961; Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года, М., 1957; Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года, М., 1960; Программа КПСС, М., 1961; Варга Е. С., Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны), 2 изд., М., 1957; Васильева В. Я., Распад колониальной системы империализма, М., 1958; Гречев М. А., Колониальная политика США после второй мировой войны, М., 1958; Последние колонии в Азии. [Сб. статей], М., 1958; Лемин И. М., Экономическая сущность современного колониализма. «Проблемы востоковедения», 1959, № 4; его же, Политическое содержание современного колониализма, там же, 1960, № 1; Коллоид В., Правые социалисты и колониализм, в кн.: Правые социалисты — против социализма, М., 1960; Проблемы индустриализации суверенных слаборазвитых стран Азии, М., 1960; Разбуженный Восток. Записки сов. журналистов о визите Н. С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан, кн. 1—2, [М.], 1960; Аграрно-крестьянский вопрос в суверенных слаборазвитых странах Азии, М., 1961; Аграрные реформы в странах Востока. [Сб. статей], М., 1961; Брутенц К. Н., Против идеологии современного колониализма, М., 1961; Модрижская Е. Д., Идеология современного колониализма, М., 1961; Национально-освободительное движение в Латинской Америке на современном этапе, М., 1961; Рабочее движение в капиталистических странах (1959—61 гг.), М., 1961; Фитунги Л. А. и Шестини В. Д., Проблемы помощи экономически слаборазвитым странам, М., 1961; Шаббад В. А., Идеологические основы современного колониализма, М., 1961; Черняк Е. В., Неполная рациональная историография колониализма, «Новая и новейшая история», 1961, № 5; Айдит Д. Н., Уроки истории Коммунистической партии Индонезии, [пер. с индонез.], М., 1961; Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость, [пер. с франц.], М., 1961; Кастро Ф., Речь и выступления, пер. с исп., М., 1960; Рокэблаз, Куба — свободная территория Америки, пер. с исп., М., 1961; Неру Д., Автобиография, пер. с англ., М., 1955; Пкрума К., Автобиография, пер. с англ., М., 1961; Сукарно, Индонезия обвиняет. Сб. статей и речей, пер. с индонез. и англ., М., 1956; Севу Турор, Независимая Гвинея, пер. с франц., М., 1960; Гуддизма Канзэбуро, Современный колониализм, пер. с япон., М., 1960; Баран П., К экономической теории общественного развития, пер. с англ., М., 1960.

Оси. труды совр. идеологич. защитников К.—Maunier R., *Sociologie coloniale*, v. 1—2, P., 1932—36; Folliet J., *Le droit de colonisation*, P., 1933; Labouret H., *Colonisation, colonialisme, décolonisation*, P., 1952; Northrop F. S. C., *The taming of the nations*, N. Y., 1952; *Asian nationalism and the West*, ed. by W. L. Holland, N. Y., 1953; Frankel S. H., *The economic impact of under-developed societies*, Oxf., 1953; Staley E., *The future of underdeveloped countries*, N. Y., 1954; Richmond A. H., *The colour problem*, Harmondsworth, [1955]; Kohn H., *Nationalism, its meaning and history*, Princeton—N. Y., 1955; Adam T. H. R., *Modern colonialism: institutions and policies*, N. Y., 1955; *Race relations in world perspective*, Honolulu (Hawaii), 1955; *The political economy of American foreign policy*, N. Y., [1955]; *Nationalism and progress in free Asia*, ed. by Ph. W. Thayer, Balt., 1956; Coggole B. J., Byrnes J. P. K., *Christian social ethics*, L., [1956]; Burns A. C., *In defence of colonies*, L., [1957]; *Idea of colonialism*, ed. by R. Strausz-Hupé, H. W. Hazard, 1958; Kindleberger P. Ch., *Economic development*, N. Y., 1958; Schonfield A., *Attack on world poverty*, [N. Y.], 1960; Nurkse R., *Problems of capital formation in underdeveloped countries*, N. Y., 1960; Hosieltz B. F., *Sociological aspects of economic growth*, N. Y., 1960; его же, *Theories of economic growth*, [N. Y.], 1961.

В. Коллонтай, Е. Модрижская. Москва.

КОЛРИДЖ (Coleridge), Самюэл Тейлор (20 окт. 1772—25 июля 1834) — англ. поэт-романтик, философ-идеалист и эстетик. В молодости восхищался идеями франц. революции. В 1798—99 изучал в Германии философию нем. классич. идеалистов, к-рую пропагандировал в издаваемом им журнале «Друг» (1809—10). К. не создал самостоятельного, цельного учения и был неустойчив в своих филос. воззрениях, тяготел к объективному идеализму пантеистич. типа и мистицизму. Решающее влияние на его филос. взгляды оказали натурфилософия и эстетика Шеллинга, а также пантеистически истолкованный спинозизм. В истории англ. философии К. был ранним предшественником неогеггелянства (Керд, Грин и др.). К. принимал активное участие в политич. жизни, борясь против торийской политики Питта с либеральной позиции вигов. Нек-рые представители совр. бурж. литературоведения рассматривают К. как одного из предшественников совр. модернистских эстетич. теорий и направлений в литературе (см., напр., Salinger L. G., *Coleridge: poet and philosopher*, в кн.: *From Blake to Byron. Pelican guide to English literature*, v. 5, L., 1957, p. 194; Read H., *Coleridge as critic*, L., 1949, p. 22, 30).

Соч.: *Aids to reflection in the formation of a manly character*, L., 1825; *Essays on his own times*, v. 1—3, L., 1850; *Works*, [t. 1—6], L., 1835—94; *Treatise on method*, L., 1934; *The philosophical lectures (1818—19)*, L., 1949; *Collected letters*, v. 1—2, Oxf., 1956; *Confessions of an inquiring spirit*, L., [1956].

Лит.: Елистратова А. А., Наследие английского романтизма и современность, М., 1960, гл. третья (с. 197—242); Schanck N., *Die sozialpolitischen Anschauungen Coleridges*, Bonn, 1924; Мурхед J. H., *Coleridge as philosopher*, L., 1930; Winkelmann E., *Coleridge und die Kantische Philosophie*, Lpz., 1933; Wünsche W., *Die Staatsauffassung Samuel Taylor Coleridges*, Lpz., 1934; Роберт К., *Inquiring spirit. A new presentation of Coleridge*, L., 1951; Руделле J., *L'idéalisme en Angleterre de Coleridge à Bradley*, Nchat., 1955.

Б. Быховский. Москва.

КОЛУБОВСКИЙ, Яков Николаевич (р. 1863—г. смерти неизв.) — рус. философ-идеалист. Работал в редакции журн. «Вопросы философии и психологии» (1890—91), преподавал на Петербургских педагогич. курсах (с 1892). Известен материалами по библиографии истории рус. философии. К своему переводу «Истории новой философии...» Ибервега — Гейнца (1890) приложил очерк «Философия у русских».

Соч.: Психологическая лаборатория В. Вундта, «Рус. богатство», 1890, № 2, 3; Философский ежегодник, кн. 1—2, М., 1894—96; Материалы для истории философии в России, «Вопр. филос. и психол.», 1890—98, кн. 4—8, 44; Кюльпе О., Введение в философию, пер. с нем., с библиограф. дополнениями Я. Н. Колубовского, СПб., 1901.

КОЛХИДСКАЯ ШКОЛА философского и исторического образования (от греч. Колхидс — Колхида, историч. область, соответствующая приблизительно Зап. Грузии) — центр антич. филос. мысли в Грузии. Находилась в районе

свр. г. Поти. Была основана в 3 в., существовала примерно до 6 в. Господствующей философией в К. ш. был аристотелизм. К. ш. сыграла большую роль в развитии груз. обществ. и филос. мысли в период становления феодализма в стране. Засвидетельствованная визант. историками высокая риторич. культура в Грузии 6 в. была в значит. степени результатом деятельности К. ш. В К. ш. получали образование, помимо местной знати, также и юноши Вост.-Римской Империи. Воспитанниками К. ш. были, в частности, *Фемистий* и его отец — философ Евгений (Евгенос).

Лит.: П а н ц х а в а И. Д., Колхидская риторическая школа и ее значение... «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. 28, Тр. кафедры истории древнего мира, 1953, вып. 2; *Themistii orationes ex codice Mediolanensi emendatae a Guil. elmo Dindorfio*, Lpz., 1832, p. 401—402; на груз. яз.: Х и д а ш е л и Ш., Из истории груз. общественной и философской мысли, Тб., 1954; Н у ц у б и д з е Ш., История груз. философии, т. 1, Тб., 1956. Ш. *Хидашели*, Тбилиси.

КОЛЫЧЕВ, Василий Петрович (1736—94) — рус. писатель, пропагандист науч. знаний. Происходил из старинного дворянского рода, жил в дер. Чоголково Тульской губ. В стих. «Письмо к В. С. Шереметеву о пользе учения» прославлял науки, указывая, что они уничтожают суеверия, приносят людям счастье и благосостояние, делают возможным познание материи («вещественности»). Невежеством же всегда пользовались, по К., коварные священнослужители, к-рые грозные явления природы объясняли результатом божьего гнева и этим «народы к трепету и буйству побуждали, и часто жертвенник их кровью обгаряли, чтоб ярость всю небес смягчить и отвратить» («Труды уединения», М., 1781, с. 12). К. превозносил физику, особенно оптику, к-рая «взор наш к небесам дальнейшим донесла» (там же, с. 13); указывал на заслуги *Ломоносова* в изучении строения Земли. К. осуждал завоеват. войны, изобличал жестокость европ. колонизаторов (поэма «Письмо Американца к Европейцу»), полагая непрерываемым право народов восстать против поработителей и захватчиков.

Соч.: *Театр*, М., 1781.

Лит.: С в е т л о в Л. Б., Писатель-вольнодумец XVIII века В. П. Колычев, в кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей, 3, М., 1956. Л. *Светлов*, Москва.

КОЛЪЕР (Collier), Артур (12 окт. 1680—1732) — англ. философ, субъективный идеалист. Очень сходный с берклианством, феноменализм К. сложился независимо от Беркли под влиянием идеализма *Маллбранша*. Программа философии К. сформулирована в самом заглавии его осн. произведения (вышедшего в 1713, через три года после «Принципов Беркли): «Универсальный ключ, или новое исследование истины, доказывающее несуществование или невозможность внешнего мира» («Clavis universalis, or a new inquiry after truth, being a demonstration of the non-existence or impossibility of an external world»). Направленная против материалистич. теории отражения, философия К. отрицает существ. различие между восприятием и воображением. Как и Беркли, К. замещал материю, как источник ощущений, богом. К. предвосхитил учение Канта об *антиномиях*: согласно К., признание объективной реальности неизбежно ведет к неразрешимым противоречиям конечного — бесконечного, делимого — неделимого, движущегося — неподвижного, чем «доказывается» недопустимость признания объективной реальности.

Лит.: L y o n G., L'idéalisme en Angleterre au XVIII siècle, P., 1888; K o w a l e w s k i A. C. F., Kritische Analyse von A. Collier's Clavis universalis, Greifswald, 1897, (Diss.); J o h n s t o n G. A., The relation between Collier and Berkeley, «Arch. Geschichte Philos.», 1920, Bd 32, S. 161—175.

Б. *Быковский*, Москва.

КОЛЪМАН, Арношт (Эрнст) (р. 6 дек. 1892, Прага) — философ-марксист. До 1959 работал в СССР, (в 1945—48 — в Чехословакии), с 1959 — в ЧССР. Д-р филос. наук (с 1934), проф. математики (с 1939), проф. философии (с 1946), академик Чехословацкой

АН (с 1960). Директор Ин-та философии АН ЧССР. Исследует вопросы диалектич. материализма и истории философии, филос. вопросы математики и физики, истории математики и естеств. наук, нек-рые спец. проблемы математики (топология), логики и кибернетики.

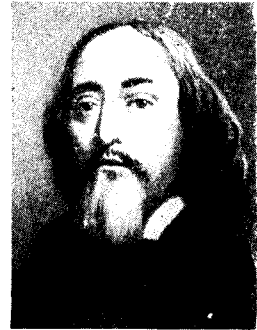
Соч.: Предмет и метод современной математики, М., 1936; Энгельс и естествознание, [М.], 1941; Новейшие открытия современной атомной физики в свете диалектического материализма, [М.], 1943; Бернард Больцано, М., 1955, чеш. пер., [Прага], 1958; Великий рус. мыслитель Н. И. Лобачевский, 2 изд., М., 1956; Кибернетика, М., 1956, чеш. пер., Прага, 1957; Философские проблемы современной физики, М., 1957; Есть ли бог?, [М.], 1958; Православие о вере и знании, М., 1959; Ленин и новейшая физика, М., 1959; Wissenschaft, Religion und Marxismus, 2 Aufl., M., 1936; The development of physics since Lenin's Materialism and empiriocriticism, N. Y., 1940; Ideologie německého fašismu, Praha, [1946]; Atomová energie a Sovětský svaz, [Praha], 1946; Co je smyslem života?, Praha, 1947; Logika, Praha, 1947; O tak zvané tepelné smrti vesmíru, Praha, 1948; Kritický výklad symbolické metody moderní logiky, Praha, 1948; O více v boha, Praha, 1961.

Н. *Дубска*, ЧССР.

КОМБИНАТОРНАЯ ЛОГИКА — см. *Логика комбинаторная*.

КОМЕНСКИЙ (Komenský), Ян Амос (28 марта 1592—15 ноября 1670) — чешский педагог, философ и писатель. Окончив Херборнскую академию и Гейдельбергский ун-т, К. стал священником, а затем епископом общины *Моравских братьев*. После разгрома восстановления чешских сословий (1618—20) К. покинул родину и жил в эмиграции в г. Лешно (Польша), в Англии, в Пруссии, затем в Трансильвании и Голландии. К. вел широкую педагогич. работу, занимался организацией школьного обучения. Он является основателем демократич. педагогич. системы, в к-рой выступил с критикой схоластич. формализма, подчеркивал значение наглядности и опыта в обучении, связь языкового обучения с предметным, требовал совместного обучения детей всех сословий, указывал на необходимость учета индивидуальной психологии, нац. речи и культуры воспитуемого.

Педагогика К. тесно связана с его филос. воззрениями. В области гносеологии К. стоял на позициях материалистич. эмпиризма. В 1613, за семь лет до появления «Нового органа» Ф. Бэкона, в работе «Все ли познание берет свое начало от ощущения?» К. выдвинул тезис: «Нет ничего в уме, чего раньше не было в ощущении». Находясь под влиянием Ф. Бэкона, К. придавал большое значение изучению природы и чувственного опыта. Однако К. не был последоват. материалистом. Он признавал три источника познания: чувства, разум и Священное писание. Согласно К., знания, приобретаемые посредством чувства, разума или Священного писания, являются взаимно дополняющими. На этом К. строит синкретический, т. е. сравнительный метод, но к-рому можно неполные познания в одной области дополнить аналогичными из др. области. Соч. К. «Пансофия» («Pansophia») представляет попытку охватить в одной системе все человек. знания таким образом, чтобы они составили одно логич. целое, в к-ром одно вытекает из другого, и знание было бы прочным, убедительным и всем доступным. Одинаковые знания всех обо всем должны стать средством всеобщего улучшения человечества, средством устранения ссор и войн и осуществления международного сотрудничества. С целью содействия распространению такого образования во всем мире К. пытался в своем труде «Панлогия» предложить универсальный язык и во всех

своих пансофич. и дидактич. произведениях рекомендовал систему всеобщего обучения и воспитания для всех людей без различия положения, имуществ. состояния, национальности и расы. К. полагал, что для улучшения мира следует создать всемирный конгресс, на к-ром должен быть рассмотрен вопрос улучшения обществ. жизни, религии, философии и политики. Религ. распри могут быть устранены при условии терпимости, улучшение философии может быть достигнуто путем устранения бесплодных размышлений и посредством изучения природы, организованного в международ. масштабе, а улучшение междунар. отношений — путем выравнивания экономич. и культурного уровня всех народов. Проект К. со следами хилиастич. идей вошел в 7-томное произв. «Всеобщий совет об улучшении дел человеческих» (*De rerum humanarum emendatione consultatio catholica ad genus humanum*). Это соч. выдвигает К. в ряды выдающихся мыслителей своей эпохи, являясь переходом от социальных утопий Возрождения к обществ. теориям эпохи Просвещения.

Соч.: *Opera didactica omnia*, Amst., 1657; t. 1—3, Pragaе, 1957; *Sylloge quaestionum controversarum*, в кн.: *Korrespondence J. A. Komenského*, Praha, 1902; *Gentis felicitas*, там же; *Conatum Comenianorum praeludia*, Oxoniae, 1637; *Janua rerum reserata*, Leyden, 1681; *Via lucis*... Amst., 1668; *Sapientiae primae usus trientium catholicum appellandus*, Leyden, 1681; Praha, 1920; *Panegesia*, Amst., 1663; *Panaugia*, Amst., [s. a.]; *Methaphysica*, Lesnae, 1649; *Všenáprava* (*Panorthotic*), Praha, 1950; *Vševšohova* (*Pampaedia*), Praha, 1948; *Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis*, Lipsae, 1633; в рус. пер.— Избр. педагогич. соч., т. 1—3, М., 1939—41; Великая дидактика, М., 1896; Лабиринт света и рай сердца. СПб., 1904. *Lut.*: История Чехословакии, т. 1, М., 1956, с. 261, 311—14; Крoфта К., Коменский, как завершитель гуситской традиции, Прага, 1946; Лoрд и пaнiдaвe Д. O., Дидактика Яна Амоса Коменского, 2 изд., М., 1949; Крoвaнoвский А. А., Ян Амос Коменский, М., 1953; Пoлeвoлaв Oтaгaлoвa И., Философия и общественные взгляды Я. А. Коменского (1592—1670), «Философские науки», (Науч. доклады высшей школы), М., 1959, № 3, с. 149—160; e e ж e, J. A. Komenského cesta k všenápravě, Praha, 1958; Patočka J., Filozofické základy Komenského pedagogiky, «Pedagogika», 1957, № 2. *И. Понцова, ЦССР.*

КОМИЧЕСКОЕ (от греч. *κομικός* — смешной) — эстетич. категория, отражающая несоответствие между несовершенным, отжившим, неполноценным содержанием явления или предмета и его формой, претендующей на полноценность и значимость, между важным действием и его несовершенным результатом, высокой целью и негодным средством. Обнаружение и раскрытие этого несоответствия порождает чувство комического. К. всегда смешно — в этом состоит особенность его восприятия. Вместе с тем, в отличие от смешного, К. имеет широкий социальный и обществ. смысл, связано с утверждением положит. эстетич. идеала.

К. возникает уже на ранних ступенях развития общества. В иск-ве К. встречается уже у Гомера, где оно оказывается связанным прежде всего с сознанием радости бытия (напр., «смех богов» в «Илиаде» и т. д.). В античности категория К. получает также и теоретич. осмысление. Платон говорит о К. как о воспроизведении «...действий людей безобразных телом и образом мыслей...» (Legg. VII, 19, 816D). Обобщающее определение К. дает Аристотель в «Поэтике». Комично, по Аристотелю, «некоторое безобразие и ошибка». Обращаясь к различию между трагедией и комедией, он указывает, что трагедия стремится изображать людей лучших, чем существующие, а комедия — худших. Определение Аристотеля содержит важные моменты: связь К. с обществ. противоречиями, элементы диалектики, к-рые проявляются в сопоставлении им комедии и трагедии. Вместе с тем трактовка Аристотелем К., как никому не причиняющего страдания, ограничивает социальное значение К., т. к., по существу, исключает из него сатирич. начало. Эта односторонность становится очевидной

уже в последующий период истории антич. общества, дающий целую плеяду крупнейших сатириков — Аристофана, Марциала, Ювенала, *Лукиана*, творчество к-рых явилось отражением глубоких социальных противоречий. Ювенал, напр., прямо говорит о том, что сатирику стихи «диктует негодование». К. составляет предмет изучения и в эстетич. учениях Древнего Востока. Напр., в инд. эстетич. трактате «Натьяшастра» исследуется предмет К. и его формы, указывается, что К. порождается «...нелепой одеждой и украшениями, бахвальством, взбалмошностью, бессмысленным бесповованием, зрелищем уродств, объявлением недостатков и т. д.» («Натьяшастра», VI, 48), приводится классификация смеха на шесть видов: улыбка, усмешка, пошенивание, смех, хохот, бешеный хохот (см. там же, VI, 52).

Значительно меньше внимания К. уделяется в эстетич. мысли средних веков, в значит. мере проникнутой христ. идеологией с ее пафосом смирения, аскетизма и страдания. Отцы церкви объявляют смех «искусством дьявола», предосудит. слабостью, «единственной, которую никогда не испытывал Христос» (см. W. Clarke, *The ascetic works of St. Basil, L., 1925*, p. 180). Комедия, юмор объявляются обманом с целью развращения (св. Августин). Типичным документом эпохи является сочинение нем. монахини Гротсвиты Гандерсхеймской (10 в.) «Анти-Теренций», направленное против известного рим. комедиографа и проповедывающее подчинение чувств христ. долгу.

Однако К. широко используется в иск-ве этого времени, особенно в русле нар. творчества — в иск-ве вагантов, буфонов, гистрионов, к-рое не получает, однако, отражения в господствующих эстетич. учениях. Наиболее демократич. жанром эпохи является фарс, элементы к-рого проникают даже в религ. жанры, напр. в мистерию.

Эпоха Возрождения знаменует собой новую страницу в истории К. Освобождение от оков феодализма и религии, к-рое приносит с собой веру в безграничные творч. возможности личности, ощущение богатства, многогранности и красоты реальной жизни — факторы, определяющие принципы реалистич. иск-ва эпохи — формируют и новый взгляд на К. В противоположность средневековью, К. оказывается одной из центр. категорий. Теоретики раннего Возрождения в Италии (Дантелло, Чинцио, Скалигер) следуют еще за вновь открытым Аристотелем, истолковывая его на свой лад — различие между К. и трагическим они связывают с социальной принадлежностью изображаемых героев; отстаивают чистоту жанров и в этом выступают как предшественники *классицизма*. Однако в целом эпохе Возрождения свойствен глубоко реалистич. взгляд на К. и материалистич. понимание его природы. К. считается неотъемлемым качеством самой объективной действительности. Оно связывается равно и с критическим, и с жизнеутверждающим, проникнутым гедонистич. мотивами, отношением к жизни. Для Рабле К. — «глубокая и несокрушимая жизнерадостность, пред которой все преходящее бессильно» (пролог к 4-й кн. «Гаргантюа и Пантагрюэль»). Другая особенность эстетики Возрождения заключается в установлении органич. взаимосвязи К. с драматическим и *трагическим*. «...Природа тем для нас прекрасна, что крайности являет ежечасно», — утверждал Лопе де Вега в «Новом руководстве к сочинению комедий» (цит. по кн.: Хрестоматия по истории западно-европейского театра, т. 1, 1953, с. 323). Эта «стихийная диалектика», к-рая необычайно ярко проявляется в трагедиях Шекспира, в «Дон Кихоте» Сервантеса, в пьесах Лопе де Вега, отражает глубину проникновения художников Возрождения в противоречия действительности и становится важнейшим завоеванием реализма вообще.

В 17 в. возникает классицистская система взглядов на К. Провозглашая своим осн. принципом следование античности, классицисты берут из нее прежде всего то, что соответствует их собств. идеалам. Положение Аристотеля о различии К. и трагического переводится ими в социальный план и канонизируется; диалектика категорий сменяется установлением их строгой иерархии. Самый яркий представитель эстетики классицизма Буало гл. жанром иск-ва считал трагедию, предметом к-рой являются судьбы «великих людей», тогда как сфера К. — низшие сословия и народ. Смещение этих элементов, по Буало, недопустимо — «Уныния и слез смешное вечный враг. С ним тон трагический несовместим никак...» («Поэтическое искусство», М., 1957, с. 94). Границы между жанрами оказываются столь же неизбежными, как и сословные перегородки внутри абсолютистской монархии. Др. теоретик классицизма Бамме утверждает: «...Комедия есть представление мешающего действия, заставляющее нас смеяться» («Начальные правила словесности», т. 3, М., 1807, с. 177).

Пафос трактовок К. просветителями (Дидро, Лессинг, Шефтсберри, Хетчесон) состоит в преодолении ограниченности и нормативности классицистских взглядов. Историч. значение их эстетики состоит в расширении сферы К., в утверждении его обществ. значения. Комедия должна «просвещать на счет обязанностей и воспитывать вкус» (Дидро), «исправлять то, что не входит в компетенцию закона» (Лессинг).

Дидро, разрабатывая новую систему жанров («Беседы о „Побочном сыне“», «О драматической поэзии»), выступил против метафизич. разделения комедии и трагедии, указывая на существование многочисл. градаций и оттенков, лежащих между этими крайними формами. В противовес классицистам, у просветителей идея равенства пронизывает все аспекты понимания ими К. Все сословия одинаковы в их отношении к К. и трагическому; художник обращается ко всему народу, и зритель должен видеть в произведении иск-ва самого себя (Дидро), смешно как раз стремление чем-либо выделиться среди других (Лессинг). Здесь ясно выявлен революц. смысл эстетики просветителей, получающий свое практич. воплощение в произведениях самого Дидро, Бомарше и др.

Несколько иной характер приобретает К. в эстетике Канта и Шиллера в свете характерного для них противопоставления мира эстетического миру действительности. Рассматривая К., Кант видит причину смеха во «внезапном разрешении противоречия в ничто» (см. «Критика способности суждения», СПб., 1898, с. 210), подчеркивая, что это разрешение не есть превращение в «...какую-либо положительную противоположность того предмета, которого мы ждали, — ибо это всегда нечто и часто может даже печалить — но именно в ничто» (там же, с. 211), он считает, что К. связано со снятием противоречия, возвышением над ним. Вместе с тем Кант признает силу обществ. воздействия смеха. Шиллер указывает на важное нравств. назначение комедии, к-рая призвана служить моральному совершенствованию человека. Противоречие между действительностью и идеалом — источник сатиры (см. Собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 413—14). В то же время в самом понимании Шиллером сущности воздействия комического по своему сказывается свойственное ему противопоставление областей эстетического и практического: восприятие комедии связано, по Шиллеру, с созерцательным, беззаботным состоянием, в к-ром «...мы не чувствуем себя ни активными, ни пассивными...», где нас «не касается никакая судьба, не связывает никакой закон» (там же, с. 68).

Романтизм с его обостренным интересом к личности обращает особое внимание на субъективную сто-

рону К., иногда абсолютизируя ее. Близкий романтикам Жан Поль (Рихтер) писал, что К. «...никогда не заключается в объекте, а всегда в субъекте» (цит. по кн.: Ф у л ь е А., Отрывки из сочинений великих философов, М., 1895, с. 417). Шеллинг определяет К. как противоречие между «бесконечной необходимостью» и «бесконечной свободой». Иенские романтики разрабатывают теорию *иронии*, к-рая становится гл. творч. принципом их иск-ва.

Целый ряд важнейших идей о природе К. содержится в эстетике Гегеля. Это относится прежде всего к его определению К. как противоречия между формой и содержанием, сущностью и ее индивидуальным проявлением (см. Соч., т. 14, М., 1958, с. 368, 385). Гегель обосновывал необходимость обществ.-историч. подхода к К., выдвигая положение о трагич. и комич. фазах историч. процесса. Однако учение Гегеля о К. оказывается связанным с его идеалистич. системой: противоречие формы и содержания выступает как противоречие материального и духовного (в К. материальное, в противоположность возвышенному, получает перевес над духовным); смены трагич. и комич. «состояния мира» объясняются развитием абс. духа. Идея «примирения с действительностью» сказывается в трактовке Гегелем юмора, к-рый, по его мнению, выражает «радостность в покорности судьбе...» (см. Соч., т. 12, М., 1938, с. 162), и во взгляде на сатиру: признавая ее правомерность в прошлом, Гегель пессимистически оценивает ее возможности в современности, там, где «всеобщая разумность» получает свое воплощение в действительности.

Значит. вклад в эстетику К. вносят рус. революц. демократы. Чернышевский определял К. как «...внутреннюю пустоту и ничтожность, прикрывающуюся внешностью, имеющей притязание на содержание и реальное значение...» (Полн. собр. соч., т. 2, 1949, с. 31), его истинная область — «человек, человеческое общество, человеческая жизнь...» (там же, с. 186). Указывая на узость точки зрения Гегеля, он противопоставляет К. не возвышенное, а более широкую категорию — прекрасное. Выражая критич. отношение к своему объекту, К. «...пробуждает в нас чувство собственного достоинства...» (там же, с. 191) и служит важным средством формирования обществ. самосознания. Белинский называл комедию «...цветом цивилизации, плодом развившейся общечеловечности» (Полн. собр. соч., т. 8, 1955, с. 90), смех — «посредником в деле отличия истины от лжи». «Комедия, — говорил он, — требует глубокого, острого взгляда в основы общественной морали, и притом надо, чтоб наблюдающий их юмористически своим разумением стоял выше их» (там же, с. 68). Герцен видел в смехе «...одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится, бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых» («А. И. Герцен об искусстве», 1954, с. 223).

Характерное для революц. демократов особое внимание к критич. функции К. объясняется тесной связью их эстетич. взглядов, вырастающих из опыта иск-ва критич. реализма, с социальными условиями времени, с кризисом обществ. отношений в России 19 в. и задачами освободит. движения. Соотношение К. с др. эстетич. категориями, и прежде всего драматическим и трагическим, рассматривалось революц. демократами диалектически. Однако, остановившись перед историч. материализмом, они не могли до конца раскрыть обществ. сущность противоречий, порождающих К., и осмыслить историч. диалектику их развития. Так, напр., у Чернышевского это сказывается в элементах антропологизма в понимании им «безобразного» как основы К.

Совр. бурж. эстетич. мысль о К., несмотря на внешнюю теоретич. пестроту, развивается, в конеч-

ном счете, в русле неск. осн. тенденций. Одна из них имеет отправным пунктом формальное определение комического Кантом. У позитивистов, напр. Спенсера, это приобретает характер попытки свести К. к физиологич. основе, рассматривая его как «род мышечных действий, способствующих ослаблению нервного возбуждения» («Смех, слезы, грациозность», СПб, 1898, с. 5). Преимущественно в психологич. аспекте рассматривает комическое Т. Липс («Комизм и юмор» — «Komik und Humor», 1898), к-рый связывает его со способностью человека противостоять жизненным противоречиям. Др. тенденция восходит к консервативному романтизму, продолжая линию субъективистского понимания К. Откровенным субъективизмом проникнута теория комического Бергсона, к-рая органически связана с его учением об интуиции и отрицанием рационального познания. Продолжая идею Канта о незаинтересованности эстетич. чувства, Бергсон утверждает, что для восприятия К. необходимо «отойти в сторону» и быть «равнодушным зрителем» (см. Собр. соч., т. 5, СПб, 1914, с. 98). К., по Бергсону, «...обращается к чистому разуму» (там же). Вместе с тем художеств. познание осуществимо только при помощи некоей несущей мистич. характер ситуации — лишь она способна «...поставить нас с самой действительностью лицом к лицу» (там же, с. 182). Теория Бергсона проникнута отрицанием всякого познават. значения К. В субъективистском плане положения Канта о К. развивают Э. Штейгер, Н. Гартман и др. В индивидуальном сознании видит источник К. и Фрейд, для к-рого оно является одним из способов компенсации постоянной неудовлетворенности человека жизнью. Общими для осн. направлений совр. бурж. эстетики являются тенденции к отказу от объективного критерия К.

Подлинно науч. методологич. подхода к К. дает марксистско-ленинская эстетика, к-рая, опираясь на диалектико-материалистич. понимание истории, вскрывает его глубокую обществ. природу и связывает К. с революц. ходом истории. К. порождается движением историч. процесса, противоречиями его развития. Если гибель нового, исторически перенективного — предмет трагического, то обществ. явление, к-рое теряет свое историч. оправдание, но претендует на него, стремится быть, казаться не тем, что оно есть в действительности, становится объектом К. «История, — пишет Маркс, — действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть её комедия... Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 418). Логика истории определяет и логику перехода категорий трагического, драматического в К., перехода, к-рый Энгельс называл «иронией истории». Т. о., критерий К. всегда носит конкретно-историч. и классовый характер. Помогая расстаться с прошлым, вызывая критическое, осуждающее отношение к тому, что осмеивается, К. вместе с тем всегда несет в себе чувство историч. оптимизма, жизнеутверждающее начало. Оно не сводится к простому отрицанию, а проникнуто положит. эстетич. идеалом, выражающим то историч. превосходство, с позиций к-рого художник судит явления жизни, хотя способы его воплощения в зависимости от жанра меняются; в сатире, напр., идеал может вовсе не получать своего непосредствен-

ного воплощения. Соотношение критического и утверждающего начал в различных формах К. различно. Сами эти формы чрезвычайно многообразны. Крайние точки этого очень широкого и богатого переходами диапазона К. находят свое выражение в сатире и юморе. В сатире проявляет себя с особой остротой социальная и обществ. сила смеха; в ней концентрируется критич., обличающее начало. Об этом свидетельствует творчество ее классиков (Рабле, Свифт, Вольтер, Гоголь, Салтыков-Щедрин) и сатирические произведения сов. иск-ва (В. Маяковский, И. Ильф и Е. Петров, Кукрыниксы и др.).

Художеств. принципы сатирич. изображения нередко оказываются связаны с приемами заострения, гротеска или эксцентрики, в к-рой, по словам Ленина, проявляется «сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного» («Ленин о культуре и искусстве», 1956, с. 516). На другом полюсе К. находится юмор, к-рому, в отличие от сатиры, свойствен пафос утверждения. Энгельс связывает чувство юмора с уверенностью в себе, движением вперед, оптимистич. взглядом в будущее (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, 1935, с. 434). Отсюда то непосредственное выражение жизнерадостности, чувства симпатии и сочувствия, к-рым проникают юмор. В практике иск-ва сатирич. и юмористич. мотивы очень часто взаимопроникают и выступают не в «чистом виде», а в различного рода сочетаниях друг с другом и с иными оттенками К., что отражает сложность и многогранность самой изображаемой действительности.

В социалистич. обществе особую роль приобретает сатира как воспитат. фактор в борьбе со старым, а также и комедийное иск-во, цель к-рого, по словам Горького, заключается в том, чтобы утверждать радость этого движения вперед, — не только отрицать, но и создавать.

Лит.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1—2, М., 1957 (см. Предметный указ.); Чернышевский Н. Г., Возвышенное и комическое, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1949; Луначарский А. В., О смехе, «Литературный критик», 1935, кн. 4; Сретенский П. Н., Историческое введение в поэтику комического, ч. 1, Ростов Дон, 1926; Литературная теория немецкого романтизма. Документы под ред. Н. Я. Берковского, [Л., 1934]; Белецкий А., Ювенал [вступит. ст.], в кн.: Ювенал, [М.—Л.], 1937; Боров Ю. Б., О комическом, М., 1957; Эльсберг Я., Вопросы теории сатиры, М., 1957; Чернышевский М. Н., Теория смешного в трактате Цицерона «Об ораторе», в сб.: Цицерон, [М.], 1959; Иосев А. Ф., Гомер, М., 1960, с. 311—31; Пинский Л., Реализм эпохи Возрождения, М., 1961; Спенсер Г., Смех, слезы и грациозность, СПб, 1898; Бергсон А., Смех, в его кн.: Собр. соч., т. 5, СПб, 1914; Саккетти Л., Эстетика в общедоступном изложении, т. 2, П., 1917, гл. 12, 13; Верли М., Общее литературоведение, пер. с нем., М., 1957; Hutcheson F., Reflections upon laughter and remarks upon the fable of the bees, [2 ed.], Glasgow, 1758; Zeising A., Ästhetische Forschungen, Fr. M., 1855; Müller J., Das Wesen des Humors, Münch., 1895; Ueberhorst K., Das Komische, Bd 1—2, Lpz., 1896—1900; Lützel H., Philosophie des Humors, «Z. dtsh. Geisteswiss.», 1939, [Bd] 2; Janetzky Ch., Über Tragik, Komik und Humor, в сб.: Jahrbuch des Freien deutschen Hochstifts. 1936—40, Fr. M., 1940; Ritter J., Über das Lachen, «Blätter dtsh. Philos.», 1940, [Bd] 14; Rommel O., Die wissenschaftlichen Bemühungen um die Analyse des Komischen, «Dtsh. Vierteljahresschrift für Literaturwiss. und Geistesgeschichte», 1943, Jg. 21; Radermacher L., Weinen und Lachen, W., 1947; Jungfer F., Über das Komische, Z., [1948]; Aubouin E., Les genres du risible, Marseille, 1948; Krause K., Humor der Antike, Bonn, [1948]; Plessner H., Lachen und Weinen, [2 Aufl.], Bern, [1950]; Hirsch W., Das Wesen des Komischen, Amst.—Stuttg., [1959]. А. Карягин. Москва.

Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф. В. Константинов. М.,
«Советская энциклопедия», 1962.
(Науч. совет изд-ва «Советская энциклопедия».)
Ин-т философии АН СССР. Энциклопедии, словари, справочники).
Т. 2. Дизайнция — Комическое. 1962. 576 с. с илл.

Технический редактор Ч. А. Зенцельская.

Бумага для текста изготовлена на фабрике им. Ю. Яковлева. Печать текста с матриц, изготовленных в Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова.

Сдано в набор 19/1 1962 г. Том подписан к печати 11/X 1962 г.

Государственное научное издательство «Советская Энциклопедия»: Москва, Ж-28, Покровский бульвар, д. 8.
Т09668. Тираж 69500 экз. Формат 82×108¹/₁₆. 18 бум. л., 36 физ. л. 59,04 усл. п. л., 104,90 уч.-изд. л. Цена 1 экз. книги
3 руб. 50 коп.

Московская типография № 2 Мосгорсовнархоза. Москва, Проспект Мира, 105. Заказ № 2255.